

Уральский федеральный университет

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

**Институт социальных
и политических наук**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Уральский федеральный
университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина» (УрФУ)

Институт социальных и политических наук
620000 г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ауд. 240
тел.: (343) 350-77-88
e-mail: ispn@ustu.ru, maxim.khomyakov@usu.ru

XIX Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 17-18 марта 2016 г., Екатеринбург, С. 3424

Екатеринбург, 2016

ББК 410

УДК 008

К906

Материалы XIX Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования / редакционная коллегия: Грунт Е.В, Меренков А.В., Рыбцова Л.Л., Старшинова А.В. - Екатеринбург, УрФУ, 2016

В сборнике представлена преемственность трех поколений исследователей - социологов, политологов, начиная с 60-х годов XX столетия и заканчивая сегодняшним днем.

Сборник предназначен для социологов, политологов, философов и всех, кто интересуется данными проблемами.

Департамент политологии и социологии,
Институт социальных и политических наук,
Уральский Федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина

ISBN 978-5-91416-007-1

К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаемый сборник статей посвящен Л.Н. Когану, доктору философских наук, профессору, основателю Уральской социологической школы и факультета политологии и социологии Уральского Государственного университета (ныне УРФУ).

Казалось бы, биография Льва Наумовича Когана типична для советского ученого. Основные ее вехи сводятся к нескольким датам и событиям: родился, окончил университет, защитил диссертацию... Однако нетипичность заключается в том, что в отличие от своих коллег, уехавших в другие города, покинувших страну, он, несмотря на многочисленные приглашения, до последних дней своей жизни оставался верен себе, своему городу, вузу, факультету, созданной им научной школе.

55 лет жизни ученого, педагога связано с родным университетом. За эти годы пройден немалый путь: от студента, ассистента – до профессора, академика. Сегодня можно говорить о некоторых гранях, ипостасях Л.Н. Когана. Но какую бы грань мы не взяли, прежде всего, надо говорить о Когане-Человеке. Быть Личностью - это первая и самая важная его ипостась.

Вторая ипостась Л.Н. Когана – Учитель, Педагог. Он был прекрасным талантливым педагогом. Входя в аудиторию, он, словно искра, зажигал ее, а его магический голос завораживал слушателей. Все ждали чуда, и чудо рождалось. Но он учил не только студентов. За 50 лет его творческой деятельности им была создана социологическая и философско-культурологическая школа. Под его руководством было защищено 182 кандидатских и 22 докторских диссертации.

Третья ипостась – Ученый. Об ученом лучше всего говорят его книги. Это – «Зло», «Вечность», «В четвертом измерении», «Цель и смысл жизни человека», «Теория культуры», «Социология культуры» и десятки других. Всего Л.Н. Коганом было опубликовано 466 научных трудов, в том числе 19 монографий и 26 брошюр, некоторые из них изданы за рубежом. Через все творчество ученого проходит тема человека, судьбы, культуры.

У молодого поколения исследователей, знакомых со Львом Наумовичем по его трудам может сложиться впечатление о нем как о «кабинетном ученом». Однако сразу же хочется предостеречь от такого мнения. Л.Н. Коган был прекрасным Организатором науки. Почти 20 лет Лев Наумович возглавлял Уральское отделение советской социологической ассоциации, с 1984 по 1992 гг. являлся Председателем Проблемного Совета по вопросам культуры при Министерстве образования СССР.

А какие рецензии на театральные спектакли были написаны им! Театральный критик – еще одна ипостась Л.Н.Когана. Редкая премьера в свердловских театрах или гастрольный спектакль оставались вне его поля зрения. Он являлся членом Союза театральных деятелей СССР и дружил с такими замечательными актерами и режиссерами, как Е. Капелян, С. Юрский и др.

Пятая ипостась Л.Н. Когана – Поэт. Однако сам он себя к поэтам не относил и не обольщался «поэтическими качествами своих стихов».

Можно продолжать разговор об ипостасях Льва Наумовича. Но, чтобы мы не говорили, прежде всего, он был для нас Учителем, абсолютным авторитетом. Без его непосредственного участия вряд ли в Уральском государственном университете появился бы факультет политологии и социологии. И сегодня не хочется говорить о нем в прошедшем времени: «был», «жил», «творил», «писал»..., так как живы его мысли, ученики, жива наука, которой он отдал всю свою жизнь.

Дорогие коллеги! Мы благодарим Вас за внимание к нашей конференции, надеемся на наше дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Доктор философских наук,
профессор кафедры прикладной социологии
Е.В.Грунт

**СОЦИОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В
МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

УДК 316.35.023.6

ББК 60.5

**ГЕРОНТОГРУППА КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ОБЪЕКТ
СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В
РОССИИ**

Албегова, И.Ф.

**GERONTOGRUPPA AS INNOVATIVE OBJECT OF MODERN
SOCIOLOGICAL RESEARCHES IN RUSSIA**

Albegova, I.

АННОТАЦИЯ

Исследуются возможности выделения пожилых людей в отдельную социальную группу. Предлагаются критерии выделения геронтогруппы и обосновывается актуальность ее исследования как инновационного объекта социологии.

ABSTRACT

Possibilities of allocation of elderly people in separate social group are investigated. Criteria of allocation of a gerontograppa are offered and relevance of its research as innovative object of sociology locates.

Ключевые слова: социальная структура, группы, критерии, пожилые люди, количество, качество, динамика, геронтогруппа, объект

Keywords: social structure, groups, criteria, elderly people, quantity, quality, dynamics, gerontograppa, object

Социальная структура современного российского общества отличается процессами все углубляющейся дифференциации, появлением новых и

внутренним изменением традиционных групп [3]. Основными критериями выделения социально-демографических групп всегда были пол; возраст; состояние здоровья; характер, содержание и условия труда; уровни материальной обеспеченности и социально-политической активности, отношение к власти и т.д. Эти критерии позволяют обозначить и исследовать такие группы российского населения, как дети, взрослые и пожилые люди, инвалиды, учащиеся и т.д.

Анализ возникновения и изучение динамики развития каждой из названных групп дают возможность научно обосновать стратегию разработки и тактику реализации социальной политики, определить перспективы развития социальной структуры российского общества, создать адекватную его внутренней структуре систему управления.

В связи с этим целью данной работы является исследование геронтогруппы, а ее задачи заключаются в определении критериев выделения и описания характеристик пожилых людей, осуществляющих свою жизнедеятельность в условиях российского общества.

Увеличение количества пожилых людей, их доли и процента в структуре населения, постоянная внутренняя дифференциация являются общемировыми тенденциями, особенно ярко проявляющимися в последнее десятилетие в Российской Федерации: за этот период численность населения старше трудоспособного возраста выросла на 3 миллиона человек. Только в 2012 году она поднялась с 32,4 миллиона до 33,1 миллиона человек [5].

Демографическое постарение населения как объективный процесс предъявляет российскому государству и обществу весьма высокие требования к решению проблем геронтогруппы. Они, прежде всего, вынуждены активизировать поддержку, защиту и социальное обеспечение пожилых и старых людей. С учетом специфики исторического и социально-экономического развития отдельных регионов и областей важно разработать и реализовать геронтополитику и геронтообразование, создать комфортные условия жизнедеятельности с социальным признанием пожилых людей как

полноправной группы, имеющей свои определенные роль и статус. В противном случае пожилым людям придется еще долго и самостоятельно разрабатывать методы и способы социальной адаптации к условиям жизнедеятельности в современном российском обществе [1, с. 31].

В настоящее время понятие «геронтогруппа» и определение лиц пожилого возраста до конца не сформулированы, существуют различные подходы к возрастной периодизации пожилых людей, мало внимания уделяется критериям их выделения и описанию современных характеристик. В современных научной литературе и нормативно-правовых документах используются различные термины и словосочетания: «пожилой», «начинающий стареть», «старый», «пожилые люди», «престарелые», «люди старших возрастов», «лица старше трудоспособного возраста», «лица пенсионного возраста», «люди преклонного возраста», «люди третьего возраста», «люди четвертого возраста», «люди серебряного возраста», «стареющие люди», «люди старческого возраста», «долгожители».

В основе генезиса геронтогруппы лежат объективные процессы постарения населения, связанные с увеличением продолжительности жизни людей, достижениями здравоохранения, неуклонным продолжением их трудовой деятельности и даже продлением возрастных периодов отцовства и материнства как следствий развития теории и практики всех направлений медицины, фармации, широкого распространения и освоения представителями указанной группы современных био-, психо- и социальных технологий.

Использование в данном исследовании понятия «геронтогруппа», по мнению автора, приемлемо, корректно и вполне оправдано с точки зрения рассмотрения современной социально-демографической структуры российского общества. Оно позволяет раскрыть основные социально-психологические характеристики пожилых людей, выявить специфику и динамику их внутренней дифференциации, определить статусно-ролевые позиции и функции, особенности и факторы социальной адаптации.

Пожилые люди в современном российском обществе – это сложная и глубоко дифференцированная группа по возрасту, полу, месту жительства, уровню доходов, степени трудоспособности, состоянию физического, психического и социального здоровья, всех видов социальной адаптации и активности в целом.

Геронтогруппа в российском обществе традиционно состоит из людей старше 55 – 60 лет, которых на начало 2007 года было 29,7 млн. человек и составило 20,81 % российского населения, в 2010 – 31,7 млн. (22,1 %), а в 2013 их число уже насчитывалось 33,1 млн. человек (23,09 %) [6]. Можно сказать, что почти каждый пятый (четвертый) российский гражданин входит в эту группу.

Тенденция постарения населения характерна и для отдельных регионов Российской Федерации. Например, если в 2005 году в Ярославской области доля населения в возрасте старше трудоспособного составила 24%, то есть практически каждый пятый житель относился к названной группе [4, с. 30], то в 2013 году она увеличилась до 28,8 % [2, с. 15]. Более того, в настоящее время каждый десятый из геронтогруппы является лицом с ограниченными возможностями.

Выделение геронтогруппы включает в себя не только биологические, социально-психологические и социально-демографические характеристики. Необходимым является определение признаков объединения людей в геронтогруппу. Можно сказать, что границы пожилого возраста подвижны: они зависят от социально-экономического развития общества, достигнутого уровня благосостояния и культуры народа, условий жизни людей, их менталитета и традиций. Развитие человечества и увеличение общей продолжительности жизни вносит свои коррективы в возрастные границы геронтогруппы, однако точное их установление остается проблематичным в связи с несогласованностью сроков биологического, социального и психического развития человека. При этом необходимо учитывать то, что каждая возрастная группа имеет свои внутренние характеристики,

стереотипы, свойства и возможности. Понятие «возрастная группа» включает в себя не только общность условного возраста ее членов, но и возрастную субкультуру, то есть набор признаков и ценностей, по которым представители данного возраста осознают себя в качестве «мы», отличного от других возрастных общностей.

С точки зрения исследования геронтогруппы, по мнению автора, более удобным считать началом пожилого возраста возраст выхода на пенсию по старости, определенный российским законодательством, то есть для женщин – 55, а для мужчин – 60 лет. Именно этот формальный переход из категории трудоспособного населения в группу пенсионеров становится одной из основных причин усиления социальных проблем пожилых людей. Более того, данная социально-демографическая группа становится сегодня доминирующей не только в России, где наблюдается общее «старение», но и во всем мире. По данным ООН, в 1950 г. в мире было 214 млн. людей старше 60 лет, в 2000 г. - 590 млн. людей, а, по прогнозу, в 2025 г. их будет 1 100 млн. Численность лиц пенсионного возраста возрастет в 5 раз, тогда как население планеты увеличится лишь в 3 раза [4, с. 56].

Демографической особенностью и характеристикой российской геронтогруппы является превалирование доли женщин. При этом, чем старше возраст, тем больше численность женщин в возрасте старше 80-ти лет. В этой возрастной группе численность женщин превышает мужчин в 4 раза [2].

Специфической особенностью и характеристикой геронтогруппы является наличие у конкретного пожилого человека 2-3 заболеваний, чаще сосудистого характера. Такая полиморбидность соматической патологии отмечалась специалистами ВОЗ еще с 80-х годов XX века и эта тенденция сохраняется по настоящее время. Так, наиболее распространенными в геронтогруппе является сердечно-сосудистая патология, второе место принадлежит болезням органов дыхания, третья позиция у заболеваний опорно-двигательного аппарата, на четвертом месте - сахарный диабет и его

осложнения. При этом отмечается сочетание сердечно-сосудистой патологии с заболеваниями органов дыхания и заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Наличие в этой возрастной группе сахарного диабета второго типа и его осложнений существенно ускоряет возникновение и развитие сердечно-сосудистой патологии.

Таким образом, в условиях современного российского общества наблюдается тенденция постарения населения. Выделение и описание геронтогруппы имеет теоретическое и практическое значение. Развитие геронтогруппы и ее внутренняя дифференциация обусловлены объективными процессами социально-экономических и политических трансформаций. Геронтогруппа имеет внутреннюю структуру и тенденцию к доминированию в современном российском обществе. Она приобрела определенный социальный статус и ролевые функции, что обусловило превращение геронтогруппы в инновационный объект современных социологических исследований в современном российском обществе.

Список литературы

1. Албегова И.Ф. Геронтогруппа: критерии выделения и характеристики в условиях современного российского общества // Социальные и гуманитарные знания. 2015. Т.1. № 1(1). С. 30-34.
2. Албегова И.Ф., Попова А.В. Влияние здоровья пожилых людей на процессы их адаптации к условиям проживания в домах-интернатах // Социология медицины. 2010. № 2. С. 36-39.
3. Росенко С. И. Социальная дифференциация российского постсоветского общества. // Общество. Среда. Развитие (Terra humana). 2012. № 2. С. 83-86.
4. Россия в цифрах, 2006: крат. стат. сб. / Федер. Служба гос. статистики (Росстат); ред. кол.: В. Л. Соколин (пред.) [и др.]. Москва, 2006. 462 с.

5. <http://ria.ru/society/20130925/965712660.html> (дата обращения 01.02.2016 г.).

6. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения 01.02.2016 г.).

УДК 330.341

**ДИАГНОСТИКА СОДЕРЖАНИЯ И АЛГОРИТМ РАЗРАБОТКИ
КОРПОРАТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПАКЕТА**

Александрова Н.А.

*доцент кафедры управления персоналом и социологии
Уральского государственного университета путей сообщения,*

кандидат философских наук

г. Екатеринбург

ana1856@mail.ru

Князева А.В.

*студентка Уральского государственного университета путей
сообщения, г. Екатеринбург*

**DIAGNOSTICS OF MAINTENANCE AND ALGORITHM
OF DEVELOPMENT OF CORPORATE SOCIAL PACKAGE**

Alexandrova N.A.

Associate Professor, Department of Personnel Management and Sociology

Ural State University of Railway Transport,

Ph.D.

Yekaterinburg

Knyazeva A.V.

Student Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ

Развитые и перспективные организации должны быть способны обеспечить достаточный уровень социальной поддержки своего персонала. Это позволяет предприятию развиваться, улучшать свой имидж как работодателя, снижать уровень текучести в компании.

В настоящей работе проведен анализ содержания, наполнения и стоимости социального пакета работников одной из компаний, работающей в

Тюменской области в сфере оказания услуг по техническому обслуживанию и текущему ремонту электрических сетей и электросетевого оборудования. Исследование системы социальной поддержки персонала компании проводилось методами анализа документов и социологического опроса работников. В результате исследования авторами сформулированы рекомендации по изменению наполнения социального пакета и его стоимости, а также разработана технология формирования социального пакета в виде пошаговой процедуры.

ABSTRACT

The developed and perspective organizations must be able to provide the sufficient level of social support of the personnel. It allows an enterprise to develop, improve the image as employer, reduce the level of fluidity in a company.

The analysis of maintenance, filling and cost of social package of workers of one of companies is conducted in the real work, working in the Tyumenskoy area in the field of providing of services in technical service and permanent repair of electric networks and electro-network equipment. Research of the system of social support of personnel of company was conducted the methods of analysis of documents and sociological questioning of workers. As a result of research authors formulated recommendation on the change of filling of social package and his cost, and also technology of social packet assembly is developed as incremental procedure.

Ключевые слова: социальная политика компании; корпоративный социальный пакет, элементы социального пакета, стоимость социального пакета, технология разработки социального пакета.

Keywords: social policy of company; corporate social package, elements of social package, cost of social package, technology of development of social package.

Современные организации стремятся повысить эффективность своей деятельности за счет привлечения и удержания высококвалифицированного, мотивированного и лояльного персонала. Одним из важнейших факторов

повышения степени лояльности работников является наличие сбалансированного и «весомого» социального пакета. [1, с.85 - 91; 2, с.39 - 42] По результатам нашего исследования, наличие такого пакета входит в число четырех наиболее значимых факторов, оцениваемых кандидатами на вакантные должности при выборе места работы.

В рамках поиска оптимального объема и наполнения социального пакета нами было проведено исследование социальной политики одной из компаний, работающей в Тюменской области в сфере оказания услуг по техническому обслуживанию и текущему ремонту электрических сетей и электросетевого оборудования. В качестве методов исследования состояния системы социальной поддержки персонала компании использовались анализ документов и социологический опрос работников. Это позволило провести диагностику удовлетворенности трудом работников предприятия и выявить факторы, которые способствуют повышению эффективности труда путем изменения различных элементов социального пакета. Результатом исследования явились рекомендации руководству компании о дальнейших шагах по развитию социальной поддержки персонала и разработка алгоритма формирования социального пакета.

Под корпоративным социальным пакетом в настоящем исследовании понимается набор социальных и материальных благ, которые предоставляет компания своему персоналу вне зависимости от его личного вклада в успех предприятия. [3, с.298-299; 4, с.122] Чаще всего решающим принципом его наполнения является должность работника и стаж работы в компании.

В ходе исследования было выявлено, социальные гарантии, которые имеются на предприятии, в целом удовлетворяют уже работающий персонал, а также являются привлекательными для потенциальных сотрудников. В таблице 1 приведены данные о наполнении социального пакета и объеме затрат предприятия за 2014г.

Таблица 1

Общая сумма затрат на реализацию услуг социального пакета
компании за 2014 год

Услуги, входящие в социальный пакет	Количество сотрудников, воспользовавшихся услугой	Сумма, потраченная на предоставление услуги, т.р.	Общая сумма, т.р.
Выплата материальной помощи юбилярам 50, 55, 60 лет	4	10	40
Организация торжественных проводов при выходе работника на пенсию с вручением ценного подарка	1	5	5
Единовременная выплата сверх норм, установленных законодательством Российской Федерации, в случае смерти работника от общего заболевания или несчастного случая в быту	1	7,5	7,5
Материальная помощь работникам (одному из супругов), впервые вступившим в брак в возрасте до 30 лет	6	7	42
Средства на приобретение детских новогодних подарков детям до 16 лет	415	1,5	6225
Средства на поощрение неработающих пенсионеров, проживающих на территории района работы компании на «День пожилых людей»	30	2	60

Средства на поощрение неработающих пенсионеров, проживающих на территории Березовского района на «День энергетика»	30	3	9 0
Средства на проезд к месту проведения санаторно-курортного отпуска в пределах территории Российской Федерации и обратно любым видом транспорта один раз в два года	97	25	2 425
Всего			3 292

В ходе опроса было выявлено, что более трети работников (39%) частично недовольны содержанием социального пакета вследствие его малого наполнения, т.к. объем выделяемых средств на социальные программы явно недостаточен; 11% опрошенных полностью недовольны деятельностью администрации в данном направлении; четверть респондентов (25%) полностью довольны набором элементов социального пакета. Однако наличие социального пакета и охват работников, которые им пользуются, свидетельствуют о том, что руководство организации старается предоставить такие услуги, которые востребованы работниками.

Чаще всего работники пользуются служебным автомобилем; это связано с тем, что в организации имеется дежурная машина, которая развозит сотрудников на обед и с него и по делам организации. Также ежегодно на Новый год выдаются новогодние подарки детям до 16 лет. Один раз в два года сотрудникам предоставляется оплата льготного отпуска.

Социологический опрос показал достаточно высокий уровень удовлетворенности сотрудников различными сторонами деятельности

предприятия и элементами социальной поддержки. В целом по его результатам можно сделать вывод о том, сотрудники предприятия в полной мере удовлетворены:

- социально - психологическим климатом, который сложился в коллективе;
- организацией досуга, который предоставляет организация своим сотрудникам;
- уровнем заработной платы, который существует в организации;
- системой премирования, действующей на предприятии;
- наличием путевок в детские лагеря, которые предоставляются детям сотрудников предприятия.

Однако в ходе исследования были выявлены проблемы, которые требуют решения ввиду неудовлетворенности работников наполнением социального пакета:

- далеко не в полной мере удовлетворяется потребность работников в путевках на санаторно-курортное лечение;
- охват работников спортивно-оздоровительными мероприятиями, которые проводятся в организации, явно недостаточен. Кроме того, работники считают, что руководству организации следует интенсифицировать социальную деятельность путем увеличения объема средств, выделяемых на наполнение социального пакета.

Как показал опрос, востребованными в ближайшие годы окажутся 60 путевок на санаторно-курортное лечение ежегодно. Таким образом, затраты на предоставление путевок составят 3 млн руб. в год. Стоимость реализации программы спортивно-оздоровительных мероприятий будет выше – более 6 млн руб. на 2016 год. Так как в организации нет специально оборудованного помещения для занятий спортом, предполагается заключить договор со спортивно-оздоровительным центром на покупку 400 абонементов стоимостью 1100 руб. каждый на 12 занятий в течение месяца.

Таким образом, стоимость социального пакета должна увеличиться почти в 3 раза. Руководство компании считает средства на реализацию данных программ инвестициями в здоровье персонала и готово нести соответствующие затраты, т.к. оздоровление работника означает сокращение потерь рабочего времени и предотвращает уменьшение дохода от недопроизведенной продукции. Социальный эффект от мероприятий состоит в поддержании и улучшении здоровья работников, пропаганде здорового образа жизни, укреплении командного духа за счет достижений единой цели. В дальнейшем возникшие межличностные связи переносятся в организацию, что позволяет улучшить социально-психологический климат. Также благодаря этим мероприятиям улучшается имидж предприятия как социально-ориентированной компании.

В процессе данного исследования нами была разработана технология формирования социального пакета, которая схематически представлена в виде пошаговой процедуры в таблице 2.

Таблица 2

Технология разработки социального пакета

Этапы разработки социального пакета	Инструменты	Мероприятия
Этап 1. Диагностика содержимого социального пакета, анализ востребованности различных элементов социального пакета	1. Анкетирование 2. Анализ документов 3. Экспертное интервью	Проводится диагностика содержимого имеющегося социального пакета, выявляются наиболее востребованные элементы и те элементы, которые не пользуются популярностью у персонала
Этап 2. Определение	1. Анкетирование	Опрос сотрудников для определения

<p>потребностей персонала в составляющих социального пакета (в разрезе должностей, социально-демографических категорий персонала и пр.)</p>	<p>2. Экспертное интервью 3. Анализ документов</p>	<p>потребностей персонала в составляющих социального пакета</p>
<p>Этап 3. Определение критериев формирования коллективного и индивидуального социального пакета</p>	<p>1. Анкетирование 2. Разработка Положения о денежном стимулировании работников; доработка Коллективного договора</p>	<p>Рассматриваются полученная информация о потребностях персонала, определяются те достижения, за которые возможно нематериальное вознаграждение</p>
<p>Этап 4. Экономическое обоснование изменений социального пакета</p>	<p>Методика ROI</p>	<p>Составление таблицы доходов и расходов, расчет располагаемой суммы на обеспечение социального пакета.</p>
<p>Этап 5. Утверждение социального пакета руководителем организации и ознакомление с ним</p>	<p>1. Принятие нового Коллективного договора 2. Корпоративный сайт</p>	<p>Публикации социального пакета на внутреннем сайте, вывеска информации на стендах предприятия, проведение информационного</p>

персонала	компании	3. Информационные стенды	совещания с начальниками подразделений, где будет представлена информация о том как распределялись бонусы для разных категорий персонала и как формировался социальный пакет
Этап Мониторинг обновление социального пакета	6. и	1. Анкетирование	Повторный опрос сотрудников для оценки уровня удовлетворенности социального пакета после его изменения.

Таким образом, при проектировании социального пакета важно понимать механизм действия льгот и компенсаций на производственное поведение сотрудников, его возможности и ограничения; помимо этого нужно знать потребности своих сотрудников – тогда система стимулирования будет сбалансированной и действенной для предприятия. В результате реализации предложенных мероприятий повысится уровень лояльности персонала по отношению к организации, улучшится психологический климат и повысится работоспособность сотрудников.

Список литературы

1. Васильцова Л.И., Александрова Н.А. Корпоративные программы в системе социальной поддержки работников //Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2013. № 3
2. Васильцова Л.И., Александрова Н.А. Векторы трансформации социальной защиты работников в рыночной экономике: Социально-

экономические реформы в контексте интеграционного выбора Украины
сб.науч. трудов IX Международной науч.-практ.конф.Т1.: Днепропетровск:
Белая К.О., 2013

3. Актуальные проблемы управления, экономики, культуры:
монография. Екатеринбург: УрГАУ, 2015

4. Управление персоналом в инновационной среде: монография
/под ред. Н.И.Шаталовой. Екатеринбург: УрГУПС, 2014

УДК 316.3

ББК 60.542.1

СТРАТЕГИИ «ПРЕОДОЛЕНИЯ ВОЗРАСТА»¹

Амбарова, П.А.

THE STRATEGIES OF «OVERCOMING THE AGE»

Ambarova, P.A.

АННОТАЦИЯ

Ставится проблема преодоления дисхроноза биологического, психологического и социального времени возрастными общностями. Использование технологий антивозрастной медицины и обращение к самосохранительным практикам рассматриваются как различные типы стратегий синхронизации биологического, психологического и социального возраста. Анализируются потребности и поведенческая активность старших возрастных общностей по преодолению дисхроноза.

ABSTRACT

In this paper the authors examine the problem of overcoming biological, psychological and social time contradictions by age groups. Use of technologies anti-aging medicine and self-preservation practices is regarded as a strategies of synchronization of biological, psychological and social age. Analyzed needs and behavioral activity of older age groups in the use of anti-aging methods.

Ключевые слова: биологическое, психологическое и социальное время, дисхроноз, возрастные общности, антивозрастная медицина

Key words: biological, psychological and social time, temporal contradictions, age groups, anti-aging medicine

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00014 «Время социальной общности: методология и методы исследования стратегий разрешения темпоральных противоречий».

Одной из тенденций развития современной социологии является усиление ее междисциплинарных связей с различными науками, в том числе с естествознанием, антропологией, психологией и социальной психологией. Актуальной проблемой, объединяющей интересы представителей названных наук, выступают взаимосвязь и противоречия биологического, психологического и социального времени личности и социальной общности. Обращение к этой проблеме не означает актуализацию давнего спора о приоритете биологического или социального начал в становлении и развитии человека и общества. Постановка данной проблемы осуществляется в контексте переоткрытия природы и физического мира, которые превращаются в органическую часть социума [1].

Время в его основных разновидностях – биологической, психологической и социальной – представляет собой форму и способ существования социальной общности. Находясь в единстве и, вместе с тем, существенно отличаясь друг от друга, эти три вида времени определяют особенности жизнедеятельности и развития социальной общности. Противоречия, базирующиеся на разности потенциалов и динамики каждого из названных видов времени, ярко проявляются в возрастной общности. Поледняя представляет собой разновидность темпоральных общностей, к которым также относятся поколенческие и когортные общности [2, с. 110]. Само по себе выделение социальной общности на основе такого критерия, как возраст, расширяет возможности анализа дисхроноза – рассогласования времени, временных характеристик и процессов, протекающих на общностном уровне.

По нашему мнению, практически любая возрастная общность характеризуется своим набором темпоральных противоречий и стратегий их преодоления. Если ранее социологи и психологи больше обращали внимание на стратегии взросления или инфантилизм в молодежной общности, то сегодня фокус внимания перемещается на старшие возрастные общности и

исследование вырабатываемых ими способов снятия «давления» времени – как биологического, так и психологического и социального.

Время социальной общности объективируется во множестве форм – продолжительности ее существования, восприятии времени и отношении к нему, темпоральных ориентациях на модус времени, бюджете времени и др. Для рассмотрения дисхроноза возрастной общности наиболее верным методологическим подходом будет обращение к такой темпоральной категории, как возраст.

Биологический возраст, выраженный в сложном наборе функциональных характеристик человека, определяющих его внешний вид, состояние здоровья, физические способности к определенным видам поведения и деятельности, служит источником «темпорального напряжения» социальной общности: подросткам всегда не хватает биологических признаков взрослости, напротив, старшее поколение стремится избавиться от биологических (а вслед за этим и социальных) признаков старения. В настоящей статье мы остановимся на старших возрастных общностях, поведенческие стратегии которых попадают в фокус внимания в силу гуманизации межпоколенческих отношений и преодоления возрастной дискриминации, а также необходимости использования человеческого капитала возрастных общностей для решения многих социальных проблем.

Поскольку мы говорим о биологическом возрасте как важнейшем источнике «темпорального напряжения», то необходимо назвать основные его характеристики, присущие старшим возрастным общностям в современном обществе. Прежде всего, речь идет об *увеличении продолжительности жизни*. Биологическое время человека увеличивается, соответственно, на более поздний период жизни отодвигаются и процессы старения.

Биологи и медики утверждают, что современный человек обладает большим жизненным временем, чем представители предыдущих поколений, и умирает не от старости, а от сопутствующих заболеваний. Известный

американский исследователь проблемы старения С. Ольшанский пишет, что оптимизм в отношении продления жизни (а может быть и достижения бессмертия) человека подкрепляется осознанием того, что некоторые люди сохраняют свое физическое и психическое долголетие в течение более чем столетия. Значит, заключает он, гены, связанные с продлением здоровой жизни, уже существуют в геноме человека [3]. По прогнозам этого ученого продолжительность жизни человека к 2050 г. увеличится на 7,9 лет [4].

Другая характеристика биологического времени старших возрастных общностей – это *отягощение его различными заболеваниями* и тенденция к снижению «возраста» некоторых из них. Связана эта тенденция с повреждением генетических структур химическими веществами, накоплением отрицательной генетической информации в клетках людей, постоянно проживающих в регионах с неблагоприятной экологической обстановкой, в сложных климатических условиях, постоянно испытывающих невротические стрессы. Таким образом, на фоне формирования способности к долгожительству наблюдается тенденция ускоренного старения у определенных групп населения (например, у жителей северных регионов, учителей, ветеранов войн и др.) [5].

Некоторые другие характеристики биологического возраста старших возрастных общностей (сохранение способности к репродукции, интеллектуального здоровья и активности и др.) определяются как природными (эволюционными), так и социальными факторами (повышением качества жизни, уровня медицины). Возможно, наблюдение описанных тенденций изменения биологического времени наряду с культом молодости, присущим современному обществу, вселило в человечество надежду на «преодоление возраста» и стимулировало поиск различных способов достижения этой цели.

Стратегии «преодоления возраста» условно можно разделить на две группы: 1) основанные на использовании медицинских технологий (так

называемая антиэйджинговая, или антивозрастная, медицина) и 2) основанные на самосохранительных практиках.

Современные маркетинговые исследования рынка антивозрастной медицины в России и за рубежом отчетливо показывают возрастание год от года потребительской активности пациентов специализированных медицинских учреждений, реализующих антиэйджинговые программы. По данным исследований ИНБИОМ, ежегодно число посетителей выставок и конференций по этой тематике увеличивается в России на 30 % [6]. При этом маркетинговые исследования показывают высокую степень дифференциации потребителей антиэйджинговых услуг. Ими являются люди разных возрастов – и молодые, и зрелые, и пожилые, с различными заболеваниями и здоровые [7, с. 951]. Потребители услуг антивозрастных клиник обладают доходами как минимум выше среднего уровня, так как стоимость антивозрастных процедур (даже если это просто БАДы или относительно недорогие косметодологические процедуры) высока.

Современная антивозрастная медицина предлагает клеточные технологии омоложения (с использованием стволовых клеток), нано- и биотехнологии, технологии модификации образа жизни, эстетическую хирургию. В то же время исследователи отмечают, что в современной системе российского здравоохранения отсутствует целостная система персонифицированной помощи, цель которой прогнозирование, профилактика и превентивное решение комплексных проблем, связанных с возрастом [8]. Это означает, что российское здравоохранение и система управления им пока не идентифицируют проблемы старших возрастных общностей как объект систематической, комплексной медицинской помощи и не ставят своей задачей создание и развитие такого ее направления. Следовательно, стратегия «преодоления возраста» с помощью антивозрастной медицины складывается стихийно, путем проб и ошибок, сопряжена с большими рисками для здоровья и жизни и размытостью критериев оценки эффективности антиэйджинговых методов.

Вторая стратегия «преодоления возраста» предполагает обращение к самосохранительным практикам без использования медицинских технологий. Основой таких практик становятся здоровый образ жизни, соответствующий возрасту (включающий малокалорийную диету, физические нагрузки, полноценную сексуальную жизнь и др.), и позитивное восприятие своего биологического возраста. Названная стратегия нацелена на адаптацию к возрасту и гармоничное согласование биологических возможностей организма и психологической и социальной возрастных идентичностей. Слова: «Возраст – это то, что мы можем себе позволить» – девиз носителей описываемой стратегии поведения.

Отражением реализации названной стратегии в Европе и США является распространение «моды на возраст» в модельном бизнесе. В нем особое место занимают фотомодели, которым «слегка за 80» и которые никогда не обращались к пластическим хирургам и при этом проповедуют «стильную» и «элегантную» старость [9, 10]. Некоторые модельные агентства объявили о «смерти возраста» в современном западном обществе и выделили среди своих моделей группу «без возраста» (youth mode). Появление «возрастного» модельного бизнеса можно рассматривать как своеобразную реакцию на потребность старших возрастных общностей в образцах поведения по преодолению дисхроноза.

Для российского общества такое проявление стратегии «преодоления возраста», не характерно: практически отсутствуют возрастные модели, не развита индустрия моды для «третьего возраста». Тем не менее представители старших возрастных общностей среди россиян формируют собственные поведенческие паттерны, характерные для описываемой темпоральной стратегии. Среди них: обращение к различным видам физической культуры (фитнес «после 60», йога для пожилых, гимнастика цигун и тайцзицюань и др.); общение на сайтах знакомств и специальных соцсетях для пожилых людей; волонтерство «серебряного возраста» [11]; различные образовательные и досуговые практики.

Формы реализации различных типов стратегий «преодоления возраста» детерминированы целым комплексом факторов, среди которых не последнюю роль играют стереотипы восприятия возрастных общностей и «социальные часы», отражающие представления о взаимосвязи биологического и социального возраста человека. Не менее значима роль представлений о праве человека на возраст, т.е. его возможностях управлять своим биологическим, психологическим и социальным временем, праве на выбор разных способов сглаживания дисхроноза. Исследование содержания, специфики, факторов формирования стратегий преодоления дисхроноза различными возрастными общностями, отношения к этим поведенческим темпоральным стратегиям со стороны общества в целом и конкретных возрастных групп представляется важным направлением современной отечественной социологии.

Библиографический список

1. *Кравченко С.А.* Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота: монография. М.: МГИМО-Университет, 2015. 342 с.
2. *Зборовский Г.Е.* Возрастная общность: понятие и методология ее темпорального исследования // Вестник СурГПУ. 2015. № 6. С. 109–115.
3. *Olshansky S., Perry D., Miller R., Butler R.* Pursuing the Longevity Dividend. Scientific Goals for an Aging World // Ann. N.Y. Acad. Sci. 2007. N 1114. Pp. 11–13. doi: 10.1196/annals.1396.050
4. *Olshansky S., Goldman D., Zheng Y., Rowe J., Milbank Q.* Aging in America in the twenty-first century: demographic forecasts from the on an Aging Society // The milbank quarterly a multidisciplinary Journal of population health and health policy. 2009. N 87 (4). Pp. 842–862.
5. *Плакуев А.Н., Юрьева М.Ю., Юрьев Ю.Ю.* Современные концепции старения и оценка биологического возраста человека // Экология человека. 2011. № 4. С. 17–25.

6. ИНБИОМ – Проводник Anti-Aging технологий в Россию. [Электронный ресурс]. URL: <http://agarpak.ru/docs/specialists.html> (дата обращения 26.12.2015).

7. *Жабоева С.Л., Полев А.В., Прощаев К.И., Ильницкий А.Н.* Подходы к введению новых услуг в области антивозрастной медицины // Фундаментальные исследования. 2014. № 7.

8. *Фефилова И.Б.* Антивозрастная медицина. Современная энциклопедия. М.: Эксмо, 2015.

9. Адаптация к возрасту зрелости. Как появилась мода на возраст: самые красивые женщины старше 60-ти. [Электронный ресурс]. URL: http://solarisan.ucoz.ru/publ/adaptacija_k_vozrastu_zrelosti_kak_pojavilas_moda_na_vozrast_samye_krasivye_zhenshhiny_starshe_60_ti/1-1-0-1294 (дата обращения 04.02.2016).

10. Личная страница Бадди Винкл в Инстаграм. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.instagram.com/baddiewinkle/> (дата обращения 01.02.2016).

11. О волонтерах «серебряного возраста». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.volunteersochi.ru/volontery-serebryanyu-vozrast.html> (дата обращения 23.04.2013).

ОСОБЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОМЕТРИЧЕСКОГО ОПРОСА

В ИССЛЕДОВАНИИ МАЛЫХ ГРУПП

Боярова, Т. С.

FEATURES AND CAPABILITIES SOCIOMETRIC SURVEY IN THE STUDY OF SMALL GROUPS

Boyarova, T

АННОТАЦИЯ

В данной статье раскрываются процедура и особенности проведения социометрического метода на примере такой малой группы как класс в школе. Раскрываются возможности социометрического опроса в ученическом коллективе.

ABSRTACT

The article considers the procedure and peculiarities of conducting sociometric method on the example of this small group as a class in the school. Reveal the possibilities of sociometric survey on the student team.

Ключевые слова: социометрия, социальная группа, малая группа, социоматрица, социограмма.

Keywords: sociometry, social group, small group, sociomatrix, sociogram.

В различных сферах общества функционируют малые группы. Социальная микросреда, в качестве которой выступает малая группа, оказывает непосредственное влияние на формирование и развитие личности. Таким образом, особенности групповой деятельности в конкретных социальных условиях влияют на формирование и развитие малых групп.

Перед социологией часто ставятся задачи, связанные с изучением процессов, которые происходят в малых группах. Социология малых групп традиционно изучает события и явления, которые характерны для жизнедеятельности постоянных и временных коллективов, таких как

школьный класс, студенческая группа, рабочий коллектив и т. д. Изучая малые группы, можно использовать различные социологические методы, в частности, эффективны в этом случае методы социометрии. Изучение малых групп социометрическим методом может способствовать налаживанию социально-психологического климата в коллективе, а это, в свою очередь, способствует улучшению продуктивности деятельности.

Исследовать различные аспекты группового функционирования малых групп позволяют многие эмпирические методы, такие как наблюдение, эксперимент, анализ документов, опрос, тесты. Но именно благодаря социометрическому опросу мы можем выявить структуру отношений внутри группы, тогда как с помощью обычного опроса мы можем лишь произвести распределение мнений респондента по отношению к изучаемому признаку [2, С. 46].

Метод оценки в социометрическом опросе позволяет нам выявить мнение опрашиваемого по поводу выбранного человека, т. е. узнать, за какое качество опрашиваемый выбрал его, что он о нем думает.

Процедура социометрического опроса осуществляется в несколько фаз.

Подготовительная фаза. Исследователю нужно определить проблему, выбрать объект исследования, ознакомиться с величиной и различными социально-демографическими характеристиками коллектива.

Проводя социометрическое исследование с учащимися, нужно учитывать их возраст. Например, в детском саду и в начальных классах следует проводить социометрию в форме игры. В старших классах уместно применять социометрический опрос, на основе которого в дальнейшем можно провести психодраму или социодраму. Социометрический опрос учащихся позволяет определить пары антагонистов, явных и скрытых лидеров и аутсайдеров в классе; выявить группировки класса и их лидеров, а также понять причины, формирующие эти подгруппы. Причем группа, в которой применяется социометрический опрос, должна иметь четко

обозначенные границы. Необходимо знать, с какой целью проводится исследование и что именно хочет получить заказчик (если таковой имеется).

Первая фаза. В этой фазе исследователю нужно войти в прямой контакт с коллективом и внушить к себе доверие. Налаживать контакт со студенческой группой, школьным классом или же группой в детском саду намного легче, чем с другими малыми группами. Данные группы часто находятся в определенном месте (классе, аудитории), намного охотнее соглашаются принять участие в опросе. Также на этой фазе исследователь должен установить содержание и количество социометрических критериев.

Критерий можно выбрать и на подготовительной фазе, но, войдя в контакт с участниками опроса, можно выявить какие-то новые аспекты, которые повлияют на выбор критерия и на исследование в целом. Социометрический критерий – это «конкретная содержательная ситуация, характеризующаяся контактом и представленная в качестве основы выбора или отстранения» [4, С. 296]. Ситуацией могут быть как совместная работа, так и поход в кино, как дежурство, так и день рождения. Это зависит от цели исследования. Если нужно изучить межличностные отношения на уровне структуры производственной деятельности, то используются производственные критерии, которые формулируются в виде вопроса, где нужно выбрать лица для совместного выполнения рабочих заданий, например: «С кем из членов бригады Вы хотели бы работать в один наряд?». Если нужно выяснить межличностные взаимоотношения в коллективе, то используются непроизводственные критерии. Таким критерием может стать ситуация, которая не связана с производственной деятельностью, например: «С кем из своих коллег Вы бы пошли в поход?».

Вторая фаза – это собственно опрос. Нужно определиться с местом, где будет проводиться опрос. В образовательных учреждениях с этим не возникает проблем. Помещение должно быть оснащено столами и стульями, чтобы опрашиваемым было удобно заполнять карточки. Нужно учесть, что организации бывают разные по характеру труда и наличию помещений. В

данном случае обычно подойдет конференц-зал. Также важно разместить респондентов таким образом, чтобы они не смогли подсмотреть ответы друг друга, т. к. могут возникнуть трудности, связанные с искренностью. Опрашиваемые могут попытаться скрыть неприязнь к определенным людям из-за страха раскрытия их ответов. Поэтому очень важно гарантировать конфиденциальность. Но кроме этого трудности могут возникнуть из-за отсутствия свободного времени у опрашиваемых. Например, у работников в цехе не бывает свободного времени, если хотя бы ненадолго оставить рабочее место, могут быть серьезные простои в производстве. Поэтому следует договариваться о встрече во внерабочее время или же попросить ответить на карточки дома.

Также проблема с искренностью зависит от возраста. В младших классах детям отвечать правдиво не составляет никакого труда, то в старших классах ученики боятся кого-нибудь обидеть и долго думают о том, кого выбрать. Стоит отметить, что у детей в детских садах и начальных классах могут возникнуть затруднения с заполнением карточки, поэтому заполнять карточку следует самому исследователю, индивидуально беседуя с каждым ребенком. Опрос целесообразно проводить в ноябре-декабре, когда в классах уже определились устойчивые отношения между учениками или студентами, чтобы во втором полугодии можно было на основании результатов провести работу по улучшению психологического климата в классе.

Фаза обработки полученных данных. Исследователю нужно обработать информацию, представить ее в свернутом виде, проверить надежность полученных данных и интерпретировать результаты на основе различных способов анализа данных. Наиболее распространены табличный (социометрическая матрица), графический (социограмма) и индексологический (социометрические индексы) способы количественной обработки данных.

Социоматрица – это матрица, с помощью которой анализируются взаимоотношения в коллективе. На основании социоматрицы строится схема,

отражающая взаимоотношение в группе – социограмма [3, С. 86]. Взаимные выборы, используемые в социометрической технике для установления сплоченности коллектива, является ненадежным показателем – наибольшее число взаимных выборов может отражать большое число замкнутых в себе группировок, между которыми нет коллективистских отношений.

Завершающая фаза. Получение выводов и рекомендаций (второе – по необходимости). Мы интерпретируем полученные данные на основе социоматрицы, социограммы и социометрических индексов. Разработка рекомендаций более важна для руководителей рабочего коллектива, нежели, например, для классных руководителей в школе. Начальник не всегда работает с социально-психологическим климатом в коллективе, но ему очень важно, чтобы его подчиненные приносили результат. А наилучший результат возможно получить лишь в коллективе, где не существует разрозненности, враждебности и конфликтов.

На первый взгляд кажется, что социометрия – очень простая процедура, но простой является скорее сама техника опроса, а не процедура. Сложность состоит в том, что не существует какой-то единой техники, которую исследователь сможет использовать везде. Нужно самостоятельно определять критерии, количество этих критериев. Нужно решить проблему, связанную с ограничением выборов, а также разработать технику проведения. Отсюда ясно, что социометрический метод – сложный метод, который требует от исследователя хорошей подготовки, особых знаний и глубинного понимания осуществляемых процедур.

Для проведения социометрического исследования мы выбрали 6 класс МБОУ «Калининская СОШ», который состоит из 18 детей: 11 мальчиков и 7 девочек.

На *подготовительной фазе* исследования мы попросили классного руководителя сразу ознакомить нас с проблемой, которая существовала в данном классе: конфликт. Была поставлена цель – выявить основания конфликта и причины разделения класса на группировки для последующей

гармонизации структуры группы. Основная гипотеза исследования – конфликты в классе основываются на гендерном принципе. Мы договорились провести опрос на классном часу, чтобы не мешать учебному процессу учителей и класса.

На *первом этапе* нашего исследования трудностей не возникло. Поставив целью, изучить межличностные отношения на уровне структуры учебной деятельности, мы выбрали социометрический критерий, выраженный в вопросе: «Кого из нынешних одноклассников ты бы взял с собой в новый класс?». Этот критерий позволит определить, с кем из одноклассников дети хотят взаимодействовать ежедневно на протяжении нескольких лет. Мы приготовили карточку, которая содержала в себе три вопроса. У детей спрашивалось, в случае необходимости перехода в новый класс, кого из своих одноклассников они бы взяли с собой (1 вопрос) и не хотели бы брать (2 вопрос). Также был один вопрос, в котором предлагалось написать тех одноклассников, чьи ответы они хотели бы посмотреть при предоставлении им такой возможности (3 вопрос). Количество выборов в каждом вопросе ограничивалось тремя людьми. Также нужно было обосновать свой выбор, написав личные качества выбранного человека. Мы не стали встречаться с учащимися заранее, чтобы предупредить о предстоящем опросе, т. к. это могло привести к обсуждению внутри класса и к каким-либо заговорам.

На *втором этапе* перед началом опроса с учащимися был проведен инструктаж, в ходе которого были объяснены правила заполнения карточки, а также важность результатов опроса для класса. Была подчеркнута необходимость внимательно и искренне отвечать на вопросы. Мы гарантировали конфиденциальность, а также были созданы все условия для того, чтобы опрашиваемые не общались между собой. Все ученики были на месте. В ходе опроса у учащихся возникали некоторые вопросы: «А можно выбрать меньше одноклассников?», «Можно ли не писать качества?» и т. п.

На *фазе обработки полученных данных* мы столкнулись с некоторыми проблемами. Много усилий приходится приложить на составление социоматрицы и социограммы. Эта кропотливая работа требует особого внимания. Но тот факт, что количество выборов ограничивалось лишь тремя людьми существенно облегчило нам процедуру обработки данных, нежели ученики делали бы неограниченное количество выборов.

Социограмма показала нам наличие в классе двух неформальных противостоящих группировок, образованных по гендерному принципу. Социоматрица показывает, что в классе имеется один изолированный ученик. Он получил 8 отрицательных выборов и сделал 1 положительный выбор к лидеру класса.

И на *завершающей фазе* исследования мы составили обзорный отчет классному руководителю 6 класса МБОУ «Калининская СОШ». Мы постарались понятно изложить информацию об основаниях конфликта и причинах деления класса на группировки в текстовой, табличной и графической формах.

Данное социометрическое исследование позволило выявить основания конфликта и причины деления класса на группировки. Гипотеза исследования полностью подтвердилась: класс разобщен на группы по гендерному принципу. Приняв эти данные во внимание, классный руководитель и психолог смогут провести более качественную работу с классом, чтобы улучшить социально-психологический климат в коллективе.

Таким образом, социометрия является незаменимым методом в изучении малых социальных групп, который способствует налаживанию социально-психологического климата в коллективе, а это, в свою очередь, способствует улучшению продуктивности деятельности.

Список литературы

1. Золотовицкий Р. А. Социометрия Я. Л. Морено: Усвоение через забвение // Социологический журнал. – 2004. – № 2. – С. 92-99.

2. Коломинский Я. Л. Социометрический эксперимент. Психология детского коллектива. – Мн., 1984. – С. 41-48.
3. Морено Я. Л. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе / Я. Л. Морено. – М.: Академический Проект, 2001.
4. Рабочая книга социолога. Социометрические методы изучения структуры межличностных отношений / Под ред. Осипова Г. В. – М.: Либроком, 2009. – 3-е изд. – С. 296-310.

УДК 616-006-08+614.1- 084
ББК 51.1(2)2

СУИЦИД ТЯЖЕЛОБОЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Волкова, Т.И.

*Доцент, кандидат социологических наук,
Южно-Уральский государственный медицинский университет, кафедра
социально-гуманитарных наук
Челябинск*

VolkovaT-soc@mail.ru

SUICIDE IS SERIOUSLY ILL PEOPLE AS A SOCIAL PHENOMENON

Volkova, T.

*Associate Professor, PhD in Sociology,
South Ural State Medical University, Department of Social and Human
Sciences
Chelyabinsk*

VolkovaT-soc@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается отношение к суициду (самоубийству) в разные эпохи с позиции философии и социологии. Основной акцент в работе делается на исследовании причин суицида в современном обществе и поиске решений данной проблемы. Особое внимание уделяется самоубийству тяжелобольных, прежде всего, онкологических пациентов и определению антисуицидальных факторов, способствующих снижению роста числа суицидов в современном обществе.

ABSTRACT

The article deals with the attitude to suicide (commit suicide) at different times from the perspective of philosophy and sociology. The main focus of the work is done on the study of the causes of suicide in modern society and the search

for solutions to this problem. Particular attention is given to seriously ill patients commit suicide, especially, cancer patients and definition antisuicide factors that can help reduce the increasing number of suicides in modern society.

Ключевые слова: суицид, смерть, жизнь, рак, онкология, боль, наркотические анальгетики, антисуицидальные факторы.

Keywords: suicide, death, life, cancer, oncology, pain, narcotic analgesics, antisuicide factors.

В жизни человека есть такие проблемы, которые всегда привлекали и поныне привлекают к себе пристальное внимание: как ученых, так и простых людей. К ним относятся, прежде всего, те, которые затрагивают действительные права человека на его достойное умирание и смерть. Тема смерти обладает какой-то странной притягательностью и привлекательностью. Понимая естественную неизбежность смерти, люди, тем не менее, стремятся вновь и вновь философски осмыслить ее таинственный сакральный феномен с биологической, социальной и медицинской позиции.

«Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы его прожить, значит, ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями второстепенно» [1, с. 24]. Это знаменитое высказывание французского философа А. Камю известно многим, но если задуматься над ним, то возникает вопрос: почему он возводит проблему суицида на уровень основного вопроса философии (в формулировке Ф. Энгельса)? Возможно потому, что ценнее жизни и ее сохранения ничего быть не может, а самоубийство как бы бросает этой жизни вызов и выдвигает на первый план совсем другие ценности. Поэтому вопрос об отношении мышления к бытию теряет свою значимость и попадает в «тень» проблемы самоубийства.

Проблема суицида (от лат. *sui caedere* – убивать себя) возникла не сегодня и свое летоисчисление она начинает в глубокой древности. А отношение к умышленному ускорению наступления смерти неизлечимо больного, даже с целью прекращения его страданий никогда не было однозначным. Во многих архаических культурах существовал обычай умерщвления дряхлых стариков, причем не как принуждение, а как поощрение добровольного ухода из жизни. То же самое касалось неполноценных детей и калек. Даже в философских текстах древних греков, например, у Платона, можно найти положение о моральности убийства неизлечимо больного, желающего достойно умереть и отношение врача к такому больному: «Кто в положенный человеку срок не способен жить, того, считал Асклепий, не нужно и лечить, потому что такой человек бесполезен и для себя, и для общества» [2, с. 193]. При этом приветствовалось не только убийство больных по их, конечно же, просьбе, но поощрялось и самоубийство как наиболее простой и доступный способ решения многих человеческих проблем. Нет человека – нет и проблем.

Во времена античности уровень развития медицины был крайне невысок, а хорошие врачи были редкостью, причём и лечили они, в основном, людей состоятельных. Поэтому проблема облегчения страданий тяжелобольных людей, часто решалась не врачами, а самими больными. В Древнем Риме самоубийство «по благородным мотивам» признавалось похвальным, и было даже введено стоицизмом в ранг добродетели. «Ведь все дело в том, что продлевать – жизнь или смерть. Но если тело не годится для своей службы, то почему бы не вывести на волю измученную душу?... Лишь немногих долгая старость привела к смерти, не доставив страданий, но многим их бездеятельная жизнь как бы даже и не пригодилась» [3, с. 101], – в этих словах Сенеки впервые сформулирована проблема, вокруг которой сегодня в медицинских кругах разворачиваются яростные ожесточенные споры.

Римский стоики: М. Аврелий и Эпиктет также прославляли самоубийство как более храброе, чем недостойная жизнь в боли. «Смерти не презирай, так как природе это нужное, и необходимое дело, оную люби», – писал М. Аврелий в своих «Нравоучительных рассуждениях» [4, с. 180-181]. Человек должен заботиться, прежде всего, не о своем теле, а – о душе. По этому поводу Эпиктет говорил: «Врачую душу, а не тело: лучше смерть, чем позорная жизнь» [5, с. 261]. Римские стоики выдвинули аргумент «за открытую дверь»: Когда комната дымна, если только умеренно, я останусь; если будет слишком много дыма, я уйду. Помните это, держите твердую руку на ней, дверь всегда открыта» [5, с. 195]. Аргумент «за открытую дверь» был возрожден в двадцатом столетии французским философом-экзистенциалистом Ж.-П. Сартром, который говорил, что выбор – даже пребывания живым каждый день – неизбежен. «Тревога перед лицом смерти, наша решимость или бегство в неподлинность не могут рассматриваться как фундаментальные проекты нашего бытия. Они, напротив, могут быть поняты только на основании... выбора нашего бытия» [6, с. 834]. В античности суицид «служил» одной цели – спасению: от боли, позора, потери чести, социальных потрясений.

Согласно Новому завету, Иисус запрещал убийство и проповедовал пацифизм, но Библия не содержит никакого ясного запрещения самоубийства (фактически, она, кажется, освобождает от ответственности самоубийц Саула и Иуду). В отношении морали, некоторые ключевые идеи христианства, были фактически сформулированы не Иисусом, а более поздними мыслителями, прежде всего, Августином Блаженным (354-430), осудившим самоубийство как «отвратительную и омерзительную греховность» [7, с.101], который основывал свое осуждение на шестой заповеди (Исход 20: 13): «Ты не должен убивать».

Августин проводит различие между частным убийством и убийством, которое вытекает из приказаний «Всевышнего». Частное убийство никогда не является правильным, даже убийство в целях самообороны. Бог может

приказать убийство и тогда от человека требуется полное подчинение этому приказу. В таком случае человек является лишь инструментом, мечом в руке Бога, и, таким образом, морально не ответственен. Августин, к сожалению, не дает никакого объяснения тому, почему одни формы убийства предписаны Богом, а другие – запрещены.

Традиционные христианские убеждения относительно всех форм самоубийства были хорошо документированы Ф. Аквинским (1225-1274), который полагал, что самоубийство является греховным по нескольким причинам; фактически, он считал его наиболее опасным из грехов, потому что оно не оставляет времени для покаяния. Он осуждал любое самоубийство (с участием ли или без него), потому, что: во-первых, жизнь – дар от Бога и только Бог может взять жизнь назад; во-вторых, самоубийство наносит ущерб общине, лишая её талантливых людей, и что оно греховно, потому что лишает детей их родителей (оно вредит другим людям); в-третьих, самоубийство является противоестественным, противореча инстинкту самосохранения (оно нарушает естественное желание жить) [8, с. 164].

Так как в средние века убийство и самоубийство считались тяжкими грехами, а болезни и страдания люди получают за свои прегрешения, которые они должны искупить трудом и молитвой. У Данте в «Божественной комедии» самоубийцы терпят муки на седьмом уровне ада. Их души – деревья и кусты, внутри которых течёт кровь, а хищные птицы гарпии их клюют, причиняя нестерпимую боль. Стон и плач раздаётся в этом жутком лесу: «Когда я руку протянул невольно к терновнику и обломил сучок; и ствол воскликнул: “Не ломай, мне больно!” В надломе кровью потемнел росток...» [9, с. 74]. Нарушение христианских принципов означало для человека невозможность обрести освобождение от боли ни при жизни и не после смерти.

В эпоху Возрождения ситуация меняется. Провозглашается принцип гуманизма и свободы личности. Тремя мыслителями, которые, несомненно, оправдывали самоубийство, были М. Монтень, Б. Спиноза и Д. Донн.

М. Монтень (1533-1592) был первым инакомыслящим среди европейских авторов. Он написал 5 эссе, которые коснулись темы самоубийства, доказывая, что самоубийство должно считаться вопросом персонального выбора, и что оно является рациональным выбором при некоторых обстоятельствах. Он считал, что самая добровольная смерть наиболее прекрасна. Жизнь зависит от чужой воли, смерть же – только от нашей. Поддаваться страданиям значит выказывать слабость, но давать им пищу – безумие. Но он при этом говорит, что далеко не все в этом вопросе единодушны. Многие полагают, что мы не должны покидать крепость этого мира таким способом, без явного веления того, кто поместил нас в ней (бога, разумеется). Но Монтень уверен в своей позиции: «невыносимые боли и опасения худшей смерти являются вполне оправданными побуждениями к самоубийству» [10, с. 36].

Б. Спиноза (1632-1677) в своей знаменитой «Этике» рассуждает о приоритетах разума и свободы в решении жизненных проблем человека. Это, конечно, касается и вопросов смерти и умирания: «человек свободный ни о чём так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни» [11, с. 548]. То есть, человек, который живет согласно одному велению разума, не руководствуется страхом смерти.

Д. Донн (1572-1631) иронизировал по поводу медицины своего времени, говоря, что если человеку удастся избежать смертельной болезни, то [Бог] пошлет второе и худшее бедствие, невежественных и мучающих врачей. Положение больного, в любом случае, незавидное. Каждый человек, сам по себе – ничто и его жизнь ничего не стоит, он силён только в единстве с другими. Известная фраза «С каждой смертью меня становится всё меньше и меньше, ибо я один с человечеством, а потом никогда не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе» [12, с. 384] является яркой иллюстрацией отношения поэта к жизни и смерти.

В XVIII в. шотландский философ Д. Юм (1711-1776) доказывал, что если самоубийство преступно, то оно должно быть нарушением нашего долга

или по отношению к Богу, или по отношению к нашим близким, или по отношению к нам самим. Он делает вывод, что самоубийство «не есть нарушение нашего долга по отношению к Богу» [13, с. 169] и сделал до некоторой степени принижающее замечание, что «жизнь человека не имеет большого значения во вселенной, чем жизнь устрицы» [13, с. 170]. В своем знаменитом эссе «О самоубийстве» он не согласился с Августином и Ф. Аквинским, которые оба считали, что самоубийство нарушает волю Бога, особенно для умирающих пациентов. Юм был убежден, что добровольная смерть – не грех: «дом, который падает под его собственным весом, не приводится к гибели провидением [Бога]» [13, с. 171]. Юм верил, что если Бог сотворил мир посредством законов причинности – законов физики, медицины и т.д., – тогда болезнь просто выражала естественную работу таких законов.

Человек, который уходит из жизни, не делает никакого вреда обществу; он только прекращает делать добро, которое, если он [человек] является поврежденным, будет самого плохого сорта. Юм считает, что человек не обязан делать малое добро обществу за счет большого вреда для себя: «почему же в таком случае следует мне продолжать жалкое существование из-за какой-то пустячной выгоды, которую, быть может, общество извлечет из меня?» [13, с. 178-179] .

Немецкий философ И. Кант (1724-1804) решительно выступал против самоубийства. Он обосновывал свою позицию на нескольких аргументах. Во-первых, для Канта поступок является правильным, если он предусматривается или основан на «максиме» (правиле), которое может быть «унифицировано», то есть на таком правиле, согласно которому мы бы хотели, чтобы все действовали. Кант доказывал, что самоубийство нельзя сделать универсальным, потому, что его мотивом является личный интерес (например, избавление от боли). Для Канта личный интерес никогда не может оправдывать поступок. Так как мы не можем сделать универсальной максимой, что люди могут совершать самоубийство, самоубийство аморально.

Во-вторых, Кант доказывал, что самоубийство аморально, потому что люди должны всегда рассматриваться как «цели сами по себе», и никогда как «простые средства». Его аргументация здесь состоит в том, что полагание себя в качестве «цели» влечет за собой признание своей собственной доброй воли в качестве безусловной ценности, но уничтожение себя, совершением самоубийства, означает уничтожение этой свободы воли.

В-третьих, Кант утверждал, что человек «который не уважает свою жизнь даже в принципе, не может удержаться от наиболее ужасных пороков». Другими словами, если я не уважаю мою собственную жизнь, я не могу действительно уважать кого-нибудь вообще.

Наконец, как отмечалось выше, Кант считал, что мы имеем моральную обязанность жить, потому что наши жизни, на самом деле, не находятся в нашем собственном владении: «Люди – стражи (часовые) на земле и не могут оставлять свои посты. Пока их не освобождает другая благотворная рука. Бог – наш собственник; мы – Его собственность» [14, с. 228-229].

Бурное развитие капитализма в XIX в., приведшее к смене ценностей, моральных устоев и нравов привели к росту добровольных смертей. Проблема самоубийства становится актуальной как никогда. И здесь заслуживают внимание результаты исследования французского социолога Э. Дюркгейма (1858-1917), который изучил данный феномен с различных позиций. Дюркгейм отверг объяснение в терминах индивидуально-психологических мотивов и впервые выдвинул радикально иные – сугубо социальные причины. По его мнению «социальные условия, влияющие на число самоубийств, являются единственными, в силу которых оно может изменяться» [15, с. 391]. Он установил, что число самоубийств обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид.

Русская религиозно-философская мысль не могла обойти стороной эту проблему. Вопрос о самоубийстве – один из самых беспокойных и мучительных в русской эмиграции, т. к. много русских кончали жизнь

самоубийством. Работа Н.А. Бердяева «О самоубийстве» проливает свет на причину самоубийства, раскрывает её сущность. Бердяев считает, что самоубийство есть психологическое явление и, чтобы понять его, нужно понять душевное состояние человека, который решил покончить с собой. Он констатирует, что «самоубийство совершается в особую исключительную минуту жизни, когда чёрные волны заливают душу и теряется всякий луч надежды... Психология самоубийства есть, прежде всего, психология безнадёжности» [16, с. 7]. Самоубийство отрицает религиозный смысл жизни, и только вера в Бога, борьба за образ и подобие Божие в человеке являются оружием против него. Бердяев подчёркивает, что «от общества можно уйти в смерть, в небытие, от Бога же и через смерть уйти нельзя и некуда, нельзя избежать Божьего суда и Божьего определения человеческих судеб» [16, с. 23]

Исследуя отношение к самоубийству в различные времена, можно сделать вывод о том, что это отношение всегда было детерминировано социальными факторами, будь то – религиозные заповеди, морально-правовые отношения, мировоззренческие принципы, культурные нормы, политическое и финансово-экономическое положение, государственные решения и др.

В настоящее время самоубийство относят к 10 основным причинам смерти на Западе – 4 млн. чел. в мире каждый год сводят счеты с жизнью самоубийством. Согласно данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) 1,2% случаев самоубийства – это боль от физической болезни, в целом, немного. При этом только за март 2014 г. в Москве 8 онкологических (от греч. «онко» – опухоль, относящийся к опухолям) больных покончили собой, устав бороться с невыносимой болью и смертельной болезнью. Из всех случаев федеральные СМИ акцентировали внимание лишь на самоубийстве генерала Саплина и контр-адмирала Апанасенко. В основе всех этих суицидов – недополучение медицинской помощи (обезболивающих наркотических анальгетиков). Оказалось, что в нашей стране существует

множество препон в получении для онкологических пациентов необходимых препаратов, что является предельно антигуманным и бесчеловечным деянием, приводящим к вопиющим трагедиям [17].

По другим источникам, например, исследованиям профессора П.Б. Зотова, реальные цифры самоубийств онкологических больных значительно выше, чем данные указываемые в официальных документах. Так, в республике Башкортостан за период 2001-2006 годы совершили самоубийство 225 онкобольных, но лишь в единичных случаях это отражалось в учетных картах. Это связано с просьбами родственников не разглашать причины гибели больного, исходя из негативной оценки окружающими самоубийства. Самоубийство совершалось так называемым «мягким» способом (обычно отравление лекарственными средствами) [18, с. 35].

Исследуя данную проблему, стало интересно узнать, а как к суициду вообще и суициду смертельно больных относятся будущие врачи, студенты медицинского университета? В результате социологического исследования, проведенного в 2014 г. на базе Южно-Уральского государственного медицинского университета (выборка случайная составила 180 человек) было выявлено отношение студентов 1-6-х курсов к проблеме суицида. Большинство опрошенных студентов младших курсов (1-3) – 73,3% одобряют акт суицида, если у человека возникли сложные жизненные обстоятельства. Подавляющее число студентов старших курсов (4-6) – 84,4% выступают против самоубийства. Основными причинами совершения самоубийства являются: проблемы в личной жизни (несчастливая любовь, смерть кого-то из родных или друзей, непонимание окружающими, одиночество, проблемы на работе, финансовые проблемы, тяжелая болезнь, тяжелая депрессия) – так считают 53,3% (из них на долю тяжелой болезни приходится 15,5%); потеря интереса к жизни – 32,2%; доведение до самоубийства (целенаправленная травля, клевета, угрозы, унижения, физические издевательства, изнасилования, побои) – 14,4%.

Является ли самоубийство «эффективным способом» решить жизненно важную проблему? Здесь мнения расходятся: 26,7% (66,6% из них – студенты (1-3) курсов, 33,4% – студенты (4-6) курсов) считают, что суицид – выход из сложной ситуации, 73,3% не считают самоубийство, как способ решить проблемы. Наиболее важными антисуицидальными (защитными) факторами личности являются: наличие творческих планов (43,3%), прочные семейные и социальные связи (22,2%), наличие детей или беременность (21,2%), религиозные убеждения (13,3%).

Исследование выявило, что неприятие суицида как способа решения проблем, в т.ч. и связанных с тяжелой болезнью характерно для большинства опрошенных студентов и процент таких увеличивается с каждым последующим курсом. Это радует. Но треть опрошенных «принимают» самоубийство, что серьезно настораживает, т.к., это говорит о том, что этих студентов потенциально можно включить в группу риска. Оказалось, что даже в дореволюционной России учащиеся были подвержены этому «злу». По данным М.В. Егоровой в архивных документах указываются те же причины суицида, которые выделяют и современные студенты: неразделенная любовь, ревность, депрессия, одиночество, серьезная болезнь [19, с. 488].

Живя в эпоху научно-технического прогресса, когда медицина поднялась на небывалую высоту и многие болезни, уносившие ранее миллионы людей либо канули в небытие (например, оспа), либо эффективно излечиваются (например, чума, холера, тиф, пневмония и др.), мы наблюдаем ситуацию, когда больные люди готовы расстаться с жизнью только по той причине, что не могут получить от государства необходимые обезболивающие препараты, а потому вынуждены терпеть мучительные боли. В гуманном, цивилизованном обществе такая ситуация недопустима. Все тяжелобольные (онкология, СПИД) должны в должном объеме получать медицинские препараты, купирующие боль (в т.ч. и наркотические). Нельзя сбрасывать все в одну кучу: вести борьбу с наркоманами и с теми, кто

принимает наркотики как единственное средство, чтобы просто жить без боли.

Суицид, таким образом, не может быть средством спасения ни от каких «бед», это – бегство от себя, от решения проблем, это – показатель слабости духа человека. Но суицид – не только проблема отдельного человека, это – проблема всего общества и каждый из нас может внести свой вклад в ее решение – любить своих близких, дорожить ими и не оставлять одних наедине с любой смертельной болезнью.

Список литературы:

1. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева: Перевод. – М.: Политиздат, 1990.
2. Платон. Сочинения. В 3-х томах. Пер. с древнегреч. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Т. 3. Ч. 1. – М.: Мысль, 1971.
3. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Репринтное издание подготовил С.А. Ошеров. – М.: Наука, 1993.
4. Житие и дела Марка Аврелия Цесаря Римского. – СПб.: Академия Наук, 1740.
5. Эпиктет. В чем наше благо? Избранные мысли римского мудреца // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. – М.: Республика, 1995. – С. 206-270.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
7. Августин Блаженный. О граде Божьем. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.
8. Фома Аквинский. Сумма теологии I-II. // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 163-178.
9. Данте Алигьери. Божественная комедия. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Изд-во АСТ», 2002.
10. Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х т. Т. 2. Пер. с фр. – М.: Голос, 1992.

11. Спиноза Б. Избранные труды. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
12. Донн. Д. По ком звонит колокол / Пер. с англ. – М.: Энигма, 2004.
13. Юм Д. О самоубийстве // Диалоги о естественной религии. Пер. с англ. / Предисл. С.М. Роговина. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 166-181.
14. Кант И. Метафизика нравов // Немецкая классическая философия. В 2-х т. Т. 1. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 12-302.
15. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. с фр. / Изд. подг. В.А. Луков. – СПб.: Союз, 1998.
16. Бердяев Н.А. О самоубийстве. Психологический этюд. – М.: Изд-во Московского университета, 1992.
17. Электронный ресурс:
www.gazeta.ru/social/2014/03/26/5964873.shtml
18. Зотов Б.П., Липатов О.Н., Терентьева З.М. Система выявления и учета суицидальных действий онкологических больных: результаты многоцентрового исследования // Паллиативная медицина и реабилитация. – 2007. – №2. – С. 34-36.
19. Егорова М.В. Развитие системы среднего образования на Урале (1808-февраль 1917 г.). Дисс. на соиск. уч. ст. доктора истор. наук / ГОУ ВПО «Московский государственный педагогический университет». – М., 2009.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СЕМЬИ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД**

Галиева, Г.И.

METHODOLOGICAL BASES OF RESEARCH OF TRANSFORMATION OF VALUES TO ETHNIC FAMILIES: SOCIO- CULTURAL APPROACH

Galieva, G.

АННОТАЦИЯ

В данной статье приводится авторская методика применения социокультурного подхода к исследованию этнической семьи. Благодаря синтезу аксиологического подхода и теории культурного ядра можно изучить трансформацию ценностей этнической семьи.

ABSTRACT

In this article carried out the method of application of socio-cultural approach to the study of ethnic families. Thanks to the synthesis of axiological approach and cultural core of the theory can examine the transformation of values ethnic family.

Ключевые слова СЕМЬЯ, ЦЕННОСТИ, КУЛЬТУРНОЕ ЯДРО, ЗАЩИТНЫЙ ПОЯС, ЭТНИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ

Keywords FAMILY, VALUES, CULTURAL CORE, PROTECTIVE BELT, ETHNIC FAMILY

Наследие и потенциал теоретического социологического знания огромные, и вместе с тем немногие теоретические положения современной социологии получили отражение в процедуре научного анализа семьи в России. Лишь небольшое число ключевых теорий и моделей получили закрепление, нашли свое активное применение в исследовательской практике российских социологов-фамилистов. Объяснение этому обстоятельству мы находим у А.И. Антонова: «В этом следует видеть ...влияние личной семейной жизни ученых, представляющих, как правило, средние классы общества. Бытующие в этой среде трактовки обыденных семейных действий с необычной легкостью становятся постулатами теорий, приобретающих попутно концептуально-технологическое оперение» [1, 45]. Поэтому важно преодолеть в изучении семьи серьезный дефицит концептуального

осмысления ее проблем, преодолеть преобладающий личный взгляд исследователей на проблемы семьи сквозь призму собственного опыта семейной жизни.

Необходимо обеспечить теоретико-методологическую базу для изучения трансформации ценностей этнической семьи. На наш взгляд, ее основания не могут быть обеспечены классическими, позитивистскими в своей основе семейными теориями. Социология семьи не может быть редуцирована к функционалистским, конфликтным и другим теориям, лежащим в основе количественного подхода. Равным образом она не редуцируется к качественному подходу, представленному в различных версиях феноменологической социологии. На наш взгляд, уместно изучить этническую семью как образ жизни с помощью социокультурного подхода, в рамках которого можно осмыслить мир семьи в его сугубо человеческом бытии, в соотнесении с конкретными ценностями, мотивами поведения. Такой подход позволяет глубже исследовать символический и предметный мир этнической семьи (традиции, обычаи и пр.), понять, как осуществляется преемственность и смена ценностей.

Базу **социокультурного подхода** заложили различные версии субъективистских концепций (от понимающей социологии до различных версий феноменологической социологии, социологии массовой коммуникации и т.д.), в основе которых понимание человека как активного существа, действующего и принимающего решения. Общество трактуется, во-первых, как вторичное по отношению к человеку образование, созданное в процессе его деятельности и коммуникаций, во-вторых, как образование, конструируемое и переконструируемое в сознании людей. Определяющей идеей социокультурного анализа является постулат о сознательной и мотивированной деятельности людей. Деятельность человека всегда субъективно переживаемая, уникальная, значимая для него. Ее интерпретация определяется целями, предшествующим опытом индивида, обусловлена набором значений и смыслов, ценностями, принятыми в

культуре. Поскольку идея об определяющей роли ценностей в поведении человека является основополагающей в социокультурном подходе, необходимо обратиться к различным трактовкам ценностей и ценностных ориентаций. Ценности – это материальные или идеальные предметы, которые являются значимыми для всего общества для удовлетворения его потребностей и интересов. В роли их составляющих выступают ценностные ориентации, т.е. установки личности на ценности материальной и духовной культуры [5, 473].

В науке существуют различные типологии и классификации ценностей. Поскольку предметом нашего исследования является этническая семья, важно выявить систему этнических ценностей, раскрыть взаимосвязь между организацией семейной жизни, которая функционирует как образ жизни, и этнической составляющей ее культуры. К сожалению, в настоящее время мало уделяется внимания интерпретации этнических ценностей. Авторы либо ограничиваются простым их перечислением, либо редуцируют их к элементам самоорганизации этноса, этнозащиты и национального возрождения. Так, казанский исследователь Ю.Р. Хайруллина дает классификацию этнических ценностей по критерию типа потребностей субъекта, выделив язык; культуру, обычаи, обряды; родную землю; черты характера, психологию; религию; историческую судьбу, прошлое; государственность; внешний облик [8, 310-357].

А.А. Налчаджян делает акцент на механизмах этнозащиты. По его мнению, они реализуются на двух уровнях: *глобальный* уровень осуществляется с помощью крупных элементов блоков культуры и других средств; *специфический* уровень осуществляется благодаря специальным защитным механизмам и их комплексам [2, 76]. Специфические защитные механизмы направлены на преодоление конкретной угрозы извне, которая маркирована и вписана в иерархию бытия.

В качестве главных средств этнозащиты А.А. Налчаджян рассматривает сохранение и актуализацию различных элементов

культурного фонда, а также создание или внесение в культуру новых элементов; этноязык. По его мнению, границы этнической культуры защищаются также с помощью традиций, веры, национальных традиций в семейной жизни, устойчивого национального быта, запретом смешанных браков и другими средствами [2, 78].

Т.Г. Исламшина попыталась сформулировать системный взгляд на этнические ценности, дав им трактовку как «значимых для данного народа установок, ориентаций, направленных на создание и поддержание определенных условий, при которых обеспечивается сохранение равновесия в этнической экологии, саморазвитие этноса» [9, 132-133]. Она предложила иной подход к проблеме этнозащиты, выявив группу установок, в которых выражается стремление индивидов к защите своего этноса. Это установки на: употребление этноязыка с первых лет и до конца жизни человека как средства внутриэтнического общения и этнической консолидации; раннюю этнизацию личности (на этнической почве, усвоения этноязыка, этнокультуры, искусства); потребление этнической культуры; народное творчество (утверждение в общественной жизни этнорелигиозных обычаев, обрядов, праздников); воспроизводство этноспецифической материально-бытовой культуры (закрепление этнической культуры в орудиях труда, интерьере жилья, одежде, структуре питания и др.); этнические символы (это символы, которые использовались или используются определенным этносом); идентификацию со «своим» народом, «присвоение» этнического самосознания «своего» народа; эндогамию (однородные, гомогенные браки), которая рассматривается как необходимое условие устойчивого существования этноса [9, 133]; государственную или территориальную организацию этноса для его стабильного существования и саморазвития; политические традиции общественной жизни этноса; этнопатриотизм [9, 132-133].

Комплекс этнических ценностей в концепции Т.Г. Исламшиной выведен суммарно, в таком полном объеме он встречается сравнительно

редко. Мы попытаемся с опорой на концепцию Т.Г. Исламшиной выявить этнический ландшафт семьи, который отражает этническую реальность локального мира семьи, этническую ее экологию. Это поможет нам сформировать свой подход к анализу этнических ценностей в этнической семье.

На наш взгляд, можно углубить представление о структуре ценностей этнической семьи, воспользовавшись наработками в исследовании так называемого ядра культуры. Как отмечает Ж.Т. Тощенко, в социологической и философской литературе в качестве ядра культуры предлагается рассмотрение идеалов (В.Е. Давидович, В.П. Вранский), символов (Ю.М. Лотман, Э. Кассирер, Б.А. Успенский), картины мира (В.С. Степин), мифов (А.Ф. Лосев) [5, 472]. На наш взгляд, в этот состав уместно добавить и ценности (Н.И. Лапин, Р.Х. Шакуров).

Многообещающим в изучении системы ценностей этнической семьи является, на наш взгляд, аналитический подход А.И. Ракитова, отраженный им в концепции культурного ядра [3, 14-34]. Эвристическая привлекательность данной концепции состоит в ее ориентации на рассмотрение любой культуры как двухкомпонентной структуры, состоящей из ядра культуры и защитного пояса. *Ядро культуры* предстает как совокупность норм, эталонов, система ценностей, выработанных в процессе исторического развития определенного этноса. А.И. Ракитов акцентирует связь этих специфических стандартов, правил и т.д. с судьбой этнического сообщества, его победами и поражениями, реальными условиями, в которых оно формировалось, спецификой окружающей природной среды, национальными привычками, адаптационными процессами и теми цивилизационными условиями, в которых изначально формировалось это ядро. Социально-культурным контекстом ядра культуры являются, прежде всего, фольклор, мифология, предрассудки, национальные и социальные обычаи, привычки, правила бытового поведения, исторические традиции, обряды, и, разумеется, основные языковые структуры.

При этом функцией ядра является сохранение самоидентичности общности, группы, что возможно лишь при минимальной изменчивости и устойчивости культурного ядра. А.И. Ракитов сравнивает ядро культуры с ДНК, которая хранит информацию об истории, этапах формирования, условиях жизнедеятельности этноса. Эта информация, аккумулируемая в ядре, передается от поколения к поколению в процессе социализации.

Культурный защитный пояс служит сохранению культурного ядра. Это фильтр, пропускающий директивную, важную информацию, исходящую из ядра во все структурные подразделения социального механизма, и активно поглощающий информацию, поступающую в общность, группу от других культур.

А.И. Ракитов обращает внимание на то, что ядро культуры при всей своей стабильности не может оставаться неизменным в абсолютном смысле. Просто ядро культуры как информационное образование изменяется и трансформируется с гораздо меньшей скоростью, чем защитный пояс, что позволяет не принимать во внимание эти изменения на довольно больших исторических интервалах.

Важно указание А.И. Ракитова на опасность сохранения консервативности ядра при глубинных трансформациях жизни социума, поскольку это может помешать адаптации последнего к новым условиям жизнедеятельности и привести его к саморазрушению.

Можно увидеть определенное сходство концепции культурного ядра А.И. Ракитова с концепцией социального характера Э. Фромма, в основе которой также концепт «ядра». Хотя в отличие от концепции А.И. Ракитова подход Э. Фромма имплицитно содержит дихотомию: социальному характеру противостоит индивидуальный характер. Социальным характером ученый называет «ядро структуры характера, свойственное большинству представителей данной культуры, в противовес индивидуальному характеру, благодаря которому люди, принадлежащие одной и той же культуре, отличаются друг от друга» [7, 516]. Социальный характер понимается Э.

Фроммом только в связи с его функцией, которая заключается в формировании и направлении человеческой энергии внутри данного общества ради продолжения функционирования этого общества» [7, 517].

Общим в интерпретации ядра культуры у обоих мыслителей является не сводимость его к простой сумме определенных признаков, черт характера, которые можно найти у большинства представителей данной культуры. И Э. Фромм, и А.И. Ракитов фокусируются на функции обеспечения защиты данного общества (общности), консервации его специфических свойств. Нетрудно заметить, что, несмотря на различный уровень обобщения, который охватывается понятием «социальный характер» Э. Фромма (применяется для характеристики всего общества в целом) и «культурное ядро» А. Ракитова (локализовано лишь характеристикой отдельной этнической общности, этноса), эти категории можно рассматривать как совпадающие по смыслу и выполняемой функции.

Для понимания сущности культурного ядра этнической семьи важно обратиться и к выводам исследования М. Мид и К. Клекхон, заслугой которых стало выделение следующих универсальных компонентов культуры: язык (этноязык, родной язык); ценностная система; символы, понятия и смыслы, которые придаются действиям; типичные связи и взаимодействия (родственные связи, ценностные, функциональные, ритуальные и т.п.); образцы и эталоны поведения; нравственность; традиции (набор представлений, обычаев, привычек и навыков практической деятельности, передаваемых из поколения в поколение, выступающих регуляторами общественных отношений).

Итак, интегрируя положения концепций А.И. Ракитова, М. Мид, К. Клекхон, Т.Г. Исламшиной, Н.И. Лапина, попытаемся определить структуру ценностей, составляющих ядро культуры этнической семьи, а также ее защитного пояса.

При определении сущности **культурного ядра этнической семьи** можно применить характеристики *традиционного образа жизни*, дополнив их установками на *этнозащиту*.

На наш взгляд, поддержание самоидентичности этнической общности обеспечивается, прежде всего, сохранением *этноязыка*, усвоение которого осуществляется благодаря семье. По результатам исследований некоторых авторов (Ф.М. Березин, Т.Г. Исламшина, О.А. Морозова, В.П. Нерознак, Л.В. Сагитова, С.К. Шайхитдинова) выявлено, что вытеснение этноязыков из общественной жизни людей (незнание, не употребление родного языка), приводит к утрате традиций, обычаев своего этноса, а в последующих поколениях и к ослаблению этнической идентификации и размыванию этнического самосознания.

Итак, этноязык — первейшая характеристика ядра культуры, так как представляет собой устойчивую форму сохранения этничности. Важно учитывать, что данная устойчивость зависит от взаимодействия с другими этническими общностями, проникновением их культурных образцов. Заимствование этноязыком отдельных слов из иных языков, присвоение их в процессе взаимодействия контактирующих культур, на наш взгляд, является свидетельством не столько ослабления языка, сколько характеристикой его способности к адаптации. Без этого качества этноязык не просуществовал бы такое длительное время.

Ядро культуры представлено также *этническими ценностями*, прежде всего — традиционными. Это — коллективно-групповые ценности, воспринимаемые и выполняемые всей этнической общностью. Передающиеся из поколения в поколение традиционные ценности в татарской семье укоренены в определенных установках, ментальных образцах, мифах, стереотипах, символах. Среди данных установок, на наш взгляд, важнейшей является установка на раннюю этнизацию личности, на эндогамию, которая рассматривается как необходимое условие устойчивого

существования этноса [9]. Отметим установку на этнопатриотизм [9], подпитываемый мифами и легендами этноса, укорененный в его символах.

Традиционные этнические ценности скрыты в стереотипах brutality и феминности, уходящих в глубокое прошлое. Среди *традиционных нравственных ценностей*, например, татар, имеющих отношение к институту семьи, отметим запрет на регулирование детности в семье, т.е. жесткое табу на предупреждение и прерывание беременности, что объясняется религиозными нормами. Этической нормой выступает также осуждение добрачного сожительства среди молодежи.

В качестве следующего элемента этнокультуры татар, входящего в состав ее ядра, выделим *воспроизводство этноспецифической материально-бытовой и духовной культуры*. Оно проявляет себя в закреплении этнической культуры в фольклоре, орудиях труда, интерьере жилья, одежде, структуре питания (употреблении халяльной пищи), утверждении в семейной жизни этнорелигиозных обычаев, обрядов, праздников (сабантуй, никах, свадьба).

Также немаловажным элементом является *религия*. Чем выше степень религиозности членов семьи, тем устойчивее ядро культуры, благодаря которому происходит сохранение и передача, наряду с религиозными и этническими традиций.

Ядро этнокультуры включает и такой элемент, которые ряд социологов определяют как *типичные связи и взаимодействия*. Они в этнической семье выражаются благодаря так называемой «межсемейной сети» [6, 91-93], которая проявляется во взаимодействии семейств, добровольно обменивающихся между собой материальными благами и услугами в течение достаточно продолжительного времени, в том числе и на экономически значимом уровне. В межсемейную сеть втягиваются семьи родителей и детей, близких и дальних родственников, между которыми практикуется взаимопомощь в хозяйственных делах, при проведении торжеств, значимых ритуалов, совершаемых по различным поводам (по случаю рождения детей, свадьбы, похороны и т.п.).

В защитный пояс культуры любого этноса входят: общечеловеческие ценности (выполняют интегративные функции); универсальные ценности (являются характерными для любой цивилизации и культуры, которые также в некоторой степени выполняют роль защитного фильтра); современные ценности (играют немаловажную роль в функционировании защитного пояса этнической семьи).

На наш взгляд, необходимо обновление этнической культуры, которое является одним из условий обеспечения сохранения этноса в новых условиях. То есть параллельно с традиционными ценностями должны существовать и современные ценности, образующиеся в современном обществе. В том числе и традиции, обычаи, обряды, приспосабливаясь к современным тенденциям социума должны трансформироваться в некотором виде. Так, например, религиозный обычай мусульман «пост в месяц Рамадан», в некоторой форме приспосабливаясь к современным тенденциям, трансформировался – это проявилось в том, что религиозные деятели объявили, что пост можно держать не целый месяц, а несколько дней в начале, середине и конце месяца. Таким же образом некоторые этнические праздники упразднились, в частности, сабантуй (праздник плуга), в рамках которого традиционно выполнялись определенные обряды, в настоящее время же лишь несколько из них выполняются, а остальные утрачены ввиду их неактуальности в современных условиях.

То есть все вышеперечисленные ценности защитного пояса можно вместить в одно понятие, сформулированное Р.И. Зинуровой, «этнокультурная компетентность». Итак, в качестве **защитного пояса культуры этнической семьи** выступает этнокультурная компетентность, включающая в себя положительное, толерантное отношение к другим этносам, уважительное отношение к традициям других этнических семей. В полиэтническом обществе происходит взаимодействие культур, что не может не отразиться на их содержании, усвоении традиций, образцов культуры «другого» этноса.

Таким образом, мы рассмотрели в рамках социокультурного подхода аксиологическую концепцию и теорию культурного ядра этнической семьи. Социокультурный подход поможет нам изучить трансформацию семейных ценностей современной татарской семьи, выявить их влияние на образ жизни.

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 368 с.
2. Налчаджян А.А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Учебное пособие для вузов. – Ереван: Изд-во "Огебан", 2000. – 408 с.
3. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии, 1999. - №4. – С. 14-34.
4. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
5. Тощенко Ж.Т. Социология: учебник для студентов, вузов. / Ж.Т. Тощенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ – ДАНА, 2007 – 640 с.
6. Тюгашев Е.А. Экономика семьи и домашнего хозяйства: Учебное пособие. – Новосибирск: СибУПК, 2002. – 249 с.
7. Фромм Э. Душа человека. – М.: ООО Изд-во АСТ-ЛТД, 1998. – 664 с.
8. Хайруллина Ю.Р. Социализация личности в условиях трансформации российского общества. – Казань: ИСПЭН АНТ, 1998. – 370 с.
9. Этнические ценности полиэтничного общества: социологический очерк / Т.Г. Исламшина. – Казань: Изд-во Казан. гос. технич. ун-та, 1996. – 248 с.
10. Znaniecki F. Social Organization and Institutions. - In: «Twentieth Century Sociology». Ed. by G. Gurvitch a. W. Moore. N.Y., 1945.

УДК 316.776.3/ББК 60.52

МЕДИАЦИЯ КАК САМООРГАНИЗУЮЩИЙСЯ ПРОЦЕСС ИНТЕРАКЦИИ

Гафнер К.Е.

MEDIATION AS THE SELF-ORGANIZING PROCESS OF INTERACTION

Gafner K.

АННОТАЦИЯ

В современных условиях все явления и процессы происходят в качественно иной социальной ситуации, нежели в прежние времена. Специфику нового исторического этапа в развитии человечества связывают с той ролью, какую играют в мировых процессах коммуникация и информация. Именно поэтому исследователи называют современную эпоху информационным обществом, приписывая ей черты неопределенности, размытости ценностных оснований, фрагментарности социального и личного опыта. В этом контексте конфликты приобретают характер коммуникативных феноменов, элементов единой коммуникативной системы. А медиация, на наш взгляд, может рассматриваться как продолжение конфликтной коммуникации при наличии у участников осознаваемых несовместимых версий проблемы, что может привести к поиску взаимоприемлемого решения. Таким образом, объяснительной классической модели понимания медиации, как процесса обмена информацией, становится недостаточно, что дает основание обратиться к возможностям более сложной неклассической модели понимания медиации как самоорганизующегося процесса интеракции.

ABSTRACT

Today all processes occur in qualitatively other social situation than in former times. Specifics of a new historical stage in development of humanity are defined by the role what is played in world processes by communication and information. That is why the researchers call a modern period as information

society, attributing it with the features of uncertainty, blurring of the valuable bases, fragmentariness of social and personal experience. In this context the conflicts give character communicative phenomena and elements of uniform communicative system. According to the author's opinion, mediation can be considered as continuation of conflict communication in the presence of the realized incompatible versions of a problem at participants which can make action for search of the mutually acceptable decision. Thus, explanatory classical model of understanding of mediation as process of exchange of information becomes insufficient; it gives an opportunity to address a more difficult non-classical model of understanding of mediation as the self-organizing process of interaction.

Ключевые слова: социальные конфликты, социальные технологии, коммуникация, коммуникативные технологии, медиация, социокоммуникативные технологии, аутопоэзис, самоорганизация, переговорный процесс.

Key words: social conflict, social technologies, communication, mediation, communicative technologies, mediation, socio-communicative technologies, autopoiesis, self-organization, negotiation process.

В современных условиях все явления и процессы происходят в качественно иной социальной ситуации, нежели в прежние времена. Специфику нового исторического этапа в развитии человечества связывают с той ролью, какую играют в мировых процессах коммуникация и информация. Именно поэтому исследователи называют современную эпоху информационным обществом, приписывая ей черты неопределенности, размытости ценностных оснований, фрагментарности социального и личного опыта и др. [10]

В этом контексте конфликты приобретают характер коммуникативных феноменов, элементов единой коммуникативной системы. А медиация, на наш взгляд, может рассматриваться как продолжение конфликтной коммуникации при наличии осознаваемых несовместимых версий проблемы

у участников, которое может произвести действие по поиску взаимоприемлемого решения. В данном определении мы опираемся на точку зрения Лумана Н., который рассматривает коммуникацию как условие действия, а не наоборот: «Лишь в такой сети коммуникации производится то, что мы называем под “действием”» [8]. Ключевыми механизмами координации деятельности участников в медиации выступают коммуникативные связи, которые сосредоточены на определенной “конфликтной” теме.

Такие тематические структуры по Луману – результат активной коммуникации, которая самовоспроизводится и описывает себя. Как отмечает немецкий социолог, “социальные системы образуются вообще исключительно благодаря коммуникации” [5]. Коммуникация по Луману – это генерирование неопределенности и выход из этой неопределенности. Он задается вопросом, насколько возможна ситуация, когда Ego (“Я” – лат.) пытается построить свое поведение в соответствии с предполагаемым поведением Alter (“Другой” – лат.), а последний в свою очередь делает то же самое по отношению к Ego. Исследователь считает, что невозможно в данной ситуации угадать ожидания другого. Единственным совпадающим ожиданием у них будет “ожидание неожиданного” [9].

Как утверждает исследователь, коммуникация невероятна, хотя мы каждый день переживаем и культивируем ее. Чтобы коммуникация могла осуществиться, необходимо решить ряд проблем:

1. Невероятно то, что один индивид вообще понимает то, что подразумевает другой, так как имеет место автономия и индивидуализация их сознания. Понимание смысла возможно только лишь в связи с контекстом, но в качестве такового поначалу выступает лишь содержание собственной памяти [6]. Социокультурная эволюция выработала достаточно средств для преодоления вышеописанной невероятности: например, язык, который обеспечивает понимание коммуникации на надындивидуальном уровне.

2. Вторая невероятность коммуникации связана с достижением получателей. Коммуникация достигает большего числа людей, чем относящихся к конкретной ситуации. Данная проблема лежит в пространственном и временном измерении. Система взаимодействия участников отдельной ситуации всегда гарантирует их практически полное внимание к коммуникации, но она разрушается, если предметом коммуникации становится нежелание ее продолжать. За рамками системы взаимодействия действующие в ней правила могут не выполняться. Даже если имеются постоянные и мобильные во времени участники коммуникации, все же невероятно, что она всегда сможет обеспечивать их внимание. В разных ситуациях люди вынуждены совершать разные действия [6]. Эта проблема решена развитием средств доставки сообщений, которыми пользуются масс-медиа. Например, реклама, доставляя свои послания нужным целевым группам. В медиации такими средствами могут выступать: почтовая рассылка, телефонные переговоры, информационные передачи, встречи и др.

3. Даже если коммуникация будет понята, это не означает, что она будет принята. Коммуникационным “успехом” мы называем восприятие получателем селективного содержания коммуникации (информации) как предпосылки своего поведения и присоединение к этому селективному содержанию последующих, что лишь усиливает его селективность. Принятие коммуникации в качестве предпосылки своего поведения можно считать действием в соответствии с указаниями или переживаниями, мыслями и другими когнитивными явлениями, основанными на допущении о том, что определенная информация соответствует действительности [6]. Принятие коммуникации в качестве предпосылки своего поведения можно считать критерием успеха в отношении латентного содержания коммуникативного послания. В процедуре медиации оно закрепляется итоговым соглашением, которое предварительно проверяется медиатором на реалистичность.

Коммуникация может рассматриваться ее участниками как способ обозначить разногласия и разногласия эти – столь же необходимый компонент коммуникации, как и согласие [8]. Коммуникации порождают альтернативу, поэтому, все они по сути своей рискованны, а значит, конфликтны. Медиация в данном контексте может рассматриваться в широком смысле как социальный институт, обеспечивающий продолжительность коммуникации в случае реализации невероятных сценариев ее осуществления. При таком ракурсе рассмотрения возникает вопрос о структурировании такой коммуникативной системы, который у Лумана Н. приобретает следующую формулировку: “Как могла бы строиться система, которая превращает невозможное в возможное, невероятное в вероятное?” [6].

Внутреннее устройство коммуникативной системы описывается у Н. Лумана посредством понятия структурного соединения, заимствованного им у Матураны. Коммуникативная система может определить себя только через собственные структуры – через структуры, которые можно построить и изменить посредством собственных операций. Такими операциями являются “включение” и “исключение” определенных “источников возбуждения”, вокруг которых выстраивается коммуникация [7]. На наш взгляд, в медиации такими “источниками возбуждения” могут выступать: произошедшая конфликтная ситуация, которой придается второстепенное значение (т.е. она “исключается”), и будущие взаимодействия, на которых заостряется основное внимание (т.е. они “включаются”). Другими словами, такой переговорный процесс выстраивается на совместном взаимодействии сторон против одной общей проблемы – конфликта.

Еще одним важным понятием, отражающим структурирование и упорядочение коммуникативных систем, является понятие символически генерализированных посредников. По нашему мнению, это то, что удерживает конфликтующие стороны за столом переговоров – это, например, деньги, ценностные ориентации, время, взаимозависимость участников в

конфликте, под которой подразумевается неспособность решить проблему в одиночку. Через них реализуется цель коммуникации, они обеспечивают понимание коммуникаций на надиндивидуальном уровне [6]. Как отмечает Василькова В.В., символически генерализированные посредники фокусируют, организуют вокруг себя коммуникации и определяют саму суть коммуникации (от лат. “делать общим”), т.е. создают постоянную или ситуативную социальную общность [3].

Луман Н. предлагает рассматривать коммуникативные системы в качестве оперативно закрытых (не в том смысле, что они не взаимодействуют с окружающей средой, а в том смысле, что они сами определяют свои собственные границы в окружающей среде), состоящих исключительно из собственных операций, производящих коммуникации из коммуникаций: “Когда мы исключаем из общества людей в качестве живых и сознательных систем и страны с их географическими и демографическими особенностями, они не утрачиваются для теории. Они лишь находятся не там, где их предполагали с фатальными следствиями для развития теории. Они находятся не в обществе, а в его окружающей среде” [7]. Только коммуникация может влиять на коммуникацию: только коммуникация может выделить элементы коммуникации и только коммуникация может контролировать и исправлять коммуникацию [8].

Конструирующим аспектом медиации выступает социальный конфликт, который возникает в результате потери стабильности коммуникативной системы перед выбором “собственной судьбы”, именуемый точками бифуркации [3]. Коммуникация создает две версии: “Да”-формулировку и “Нет”-формулировку, и вынуждает этим к селекции. Обострение альтернативы “прием или отклонение” является, следовательно, ничем иным, как самим аутопоэзисом коммуникативной системы [8], т.е. созидающей и описывающей самое себя, являющейся хозяйкой своего положения [3]. По нашему мнению, ситуация аутопоэзиса в медиации возникает тогда, как только один человек обращается к другому.

Самореферентность и аутопоэзис коммуникативных систем Лумана являются теми механизмами, которые обеспечивают необратимость развития этих систем. В коммуникации принципиально невозможна устойчивая равновесность, выраженная в утопических поисках так называемого консенсуса. Описывая коммуникацию, Н. Луман использует синергетические термины, наиболее адекватные в данном контексте. Так, например, он говорит о том, что коммуникация “провоцирует сама себя”, создавая на каждом шагу бифуркацию восприятия и отклонения: “Каждое коммуникативное событие закрывает и открывает систему. И только вследствие этой бифуркации может иметь место история, ход которой зависит от того, какое направление будет избрано” [7]. Как отмечает В.С. Степин, при простом увеличении внешнего силового давления в такой ситуации коммуникативная система может не породить нового, а воспроизводить один и тот же набор структур. Но в состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие-укол в определенном пространственно-временном локусе способно породить новые структуры и уровни организации [13]. Таким образом, одна из задач медиатора – фиксировать состояния неустойчивости в ходе переговорного процесса и оперативно реагировать на ситуацию без навязывания определенного сценария развития, поскольку в точках бифуркации коммуникативная система становится особо чувствительной к внешним воздействиям, которые актуализируют определенный сценарий развития. Причем возможны не всякие сценарии, их выбор в точках бифуркации определен генетическими особенностями такой системы [13].

Сама зона бифуркации ассоциируется с катастрофическими изменениями и конфликтами, так как в решающий момент перехода система должна совершить критический выбор через динамику флуктуаций. Просканировав флуктуационный фон, система совершает несколько попыток (поначалу, может быть, безуспешных) и, наконец, какая-то флуктуация побеждает [11]. Согласно Луману Н., конфликт, ровно, как и консенсус,

рассматриваются в качестве продолжения коммуникации, а не коммуникационных сбоев, склоняясь к идее о том, что в любой состоявшейся социологической теории должны учитываться реальность и неизбежность того, что всегда имеют место: и конфликт, и консенсус, и соперничество, и сотрудничество. Немецкий социолог рассматривает конфликт как систему: “Конфликты – это системы, потому что если я нацеливаюсь на кого-то, как противника, и веду себя соответствующе агрессивно или занимаю оборонительную позицию, я создаю ситуацию, которая помещает другого в ограниченный диапазон вариаций: он уже не может вести себя как угодно. Конечно, он может пожать плечами и уйти, сказав, что его это не интересует, но в типичных социальных ситуациях, в которых нельзя взять и удалиться, представление о том, что имеет место конфликт или просто упорное “нет” в ответ на предлагаемые смыслы, служит системообразующим мотивом, т.е. мотивом, который организует способности к присоединению, который ведет, например, к тому, что участники образуют коалиции, выискивают ресурсы, приходят к идее, что все, что наносит вред другому, выгодно мне, а все, что выгодно мне, наносит вред другому” [4].

По Луману [14] конкретный медиационный случай можно представить как *систему взаимодействия*, когда присутствующие стороны конфликта и медиатор находятся за одним столом переговоров. Личное присутствие является принципом отбора и принципом формирования границ этих систем. При описании конфликтной ситуации сторонами в рамках данной системы взаимодействия посредством языка становится возможным иметь дело и с отсутствующими, т.е. отображать и тематизировать аспекты среды в системе, заменяя реальное присутствие знаками, репрезентирующими отсутствующих.

Как мы отмечали выше, в процессе медиации развитие социо-коммуникативной системы смешано с непредсказуемыми элементами: например, в ходе взаимодействия стороны могут менять стиль поведения и тактику, могут начать оскорблять друг друга, могут не соглашаться с

итоговым соглашением, а могут и вовсе покинуть место проведения медиации. Поведение человеческих индивидов, как отмечает Няпинен Л., зависит от специфических характеристик этих индивидов, которые недоступны наблюдению и контролю со стороны наблюдателя [12]. По степени неопределенности самыми простыми в медиации, на наш взгляд, являются *этапы вступительного слова, подготовки проекта соглашения и выхода из медиации*, где осуществляется коммуникация “по существу”. Наиболее непредсказуемой для медиатора может оказаться стадия *дискуссии* вследствие ее высокой эмоциональной окрашенности, когда после запуска коммуникативного взаимодействия за столом переговоров стороны впервые сталкиваются лицом к лицу, выплескивают накопившиеся обиды, противоречия, выдвигают позиции, которые кажутся им антагонистическими. Непредсказуемой с точки зрения полученной информации может оказаться стадия *кокуса*, когда происходят индивидуальные обсуждения медиатора со стороной с глазу на глаз. В такой беседе сторона может сообщить уникальные сведения, осознавая, что другая сторона исключена из коммуникации и раскрытию конфиденциальной информации ничего не угрожает.

На каждом этапе коммуникативного взаимодействия медиатор реагирует на непредсказуемый процесс медиации и сопрягает свои действия с логикой системы, соотнося их с ее требованиями, следуя за ней, поскольку “самоорганизующаяся система не может быть сконструирована, так как ее организацию и поведение невозможно предсказать и создать с помощью внешнего источника, она возникает автономно при определенных условиях” [2]. Данной системе нельзя “навязать” определенный путь развития. Скорее, необходимо понять, как способствовать ее собственной тенденции развития, как вывести эту систему на данный путь – в этом и заключается, на наш взгляд, основная задача медиатора [9]. Самоорганизующаяся коммуникативная система не подчиняется тотальному контролю со стороны человека [1]. Чтобы иметь возможность приспособливаться к ней, люди

должны править не другими людьми, а только сами собой, своим поведением и своей активностью [12].

Итак, медиация – это самовоспроизводящаяся система, которая, в первую очередь, самовоспроизводит саму себя как систему, во-вторых – самовоспроизводит коммуникации и смыслы. Являясь оперативно замкнутой, данная система создает процессы воспроизводства собственного единства посредством языка, описания сущности медиации, ее особенностей, правил и этапов. Границы такой системы взаимодействия от внешней среды, как мы отмечали выше, определяются личным присутствием участников за столом переговоров, а также обязательными этапами процедуры конфликто разрешения, которые описываются и реализуются посредством коммуникаций (системная дифференциация). Процесс развития данной системы, редуцирование беспорядка – внутренний процесс, внутрь которого вовлечен медиатор и одновременно он наблюдает за логикой развития системы со стороны. Что именно понимает каждая сторона в результате такого взаимодействия – это вопрос принципиально открытый. Как мы отмечали выше, единственное, что можно ожидать – это “ожидание неожиданного”. Порядок возникает из неожиданного. К этому медиатор должен быть готов. Медиатор, включенный в процедуру, связан взаимодействием с данной коммуникативной системой. Его знания о конкретном переговорном процессе – результат обратных связей между ним и участниками конфликтного взаимодействия. Эти знания могут отличаться от объективных, поскольку медиатор не существует отдельно от переговорного процесса, хотя ему кажется обратное. Это представление является результатом аутопоэзиса или свойства живых систем отличать себя от других систем и действовать автономно. Такое представление медиации коррелирует с идеями кибернетики второго порядка. Самореференция, под которой мы понимаем процесс постоянного соотнесения, самосогласовывания частей системы в элементарных операциях [5], является ключевым понятием данного подхода и заключается в курсивном действии

механизма позитивной обратной связи. Накопление информации о собственном состоянии корректирует само это состояние, что отражается на новом витке самореференции и ведет к новой корректировке, и т.д. Посредством специализированных и обыденных коммуникативных дискурсов медиация как социо-коммуникативная система рефлектирует себя и, как предполагается, существенно корректирует собственные параметры.

Литература

1. Napinen L. The Self-Organisation Thinking, the Need to Obtain It in Estonian Society // Science Studies Today. IX. Rein Vihalemm, ed. Tallinn: Estonian Association of the History and Philosophy of Science, Department of Philosophy of the University of Tartu, 1994. P. 158-180.
2. Vihalemm R. Chemistry as an Interesting Subject for the Philosophy of Science // Estonian Studies in the History and Philosophy of Science. Dordrecht-Boston-London: Kluwer Academic Publishers, 2001. P. 195.
3. Василькова В.В. “Космос” коммуникаций: новые понятия и традиционные образы // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: “Прогресс-Традиция”, 2004. С. 462.
4. Луман Н. Введение в системную теорию (под ред. Д. Беккера). Пер. с нем. / К. Тимофеева. М., 2007. С. 351.
5. Луман Н. Медиа коммуникации – М., 2005. С. 9.
6. Луман Н. Невероятность коммуникации. Перевод с немецкого А. М. Ложеницина под редакцией Н. А. Головина // Проблемы теоретической социологии. Вып 3. Отв. ред. А. О. Бороноев. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2000. // [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 2009.03.05. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2972>.
7. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. – СПб., 1994.

8. Луман Н. Что такое коммуникация? – URL: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_3.shtml.

9. Луман Н. Общество как коммуникативная система – URL: <http://www.psyoffice.ru/6-466-n-luman-obschestvo-kak-komunikativnaja-sistema.html>.

10. Наумов С.А. Игра как способ представления реальности публичных коммуникации □ // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 30.

11. Николас Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М., 1990. С. 89.

12. Няпинен Л. Программа Ильи Пригожина перестройки традиционной физики и вытекающие из нее заключения для понимания социальных проблем // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: “Прогресс-Традиция”, 2004. С.41.

13. Степин В.С. Синергетика и системный анализ. // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: “Прогресс-Традиция”, 2004. С.76.

14. Феофанов К.А. Николас Луман и функционалистская идея ценностно-нормативной интеграции: конец вековой дискуссии. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/856/870/1231/005.FEOFANOV.pdf>.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ МОБИЛЬНОСТЕЙ В РАБОТАХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЧИКАГСКОЙ ШКОЛЫ**

Данилова А.В.

аспирантка Уральского федерального университет имени первого

Президента России Б.Н. Ельцина,

департамент политологии и социологии

Екатеринбург

anutadaniлова@ya.ru

**THE THEORETICAL FOUNDATION OF SOCIOLOGICAL
RESEARCH MOBILITY IN THE WORKS OF THE CHICAGO SCHOOL**

Daniлова A.V.

graduate student of the Ural Federal University named after the first

Russian President Boris Yeltsin,

Political Science and Sociology Department

Ekaterinburg

anutadaniлова@ya.ru

АННОТАЦИЯ

В докладе анализируются работы представителей Чикагской социологической школы (Р.Э. Парка, Э. Берджеса, Х. У. Зорбо). Делается вывод о том, что хотя перемещения и мобильности не были центральным предметом изучения для американских социологов, ими были сформулированы теоретические основания, значимые для определения мобильностей в качестве предмета социологического исследования.

ABSTRACT

The author analyzes works of the Chicago school sociologists from the new paradigm of mobility point of view. Although mobility was not a subject of American sociologists' research, the author demonstrates that they have formulated important theoretical statements for sociological researches of mobility.

Ключевые слова: Мобильности, рутинные перемещения, Чикагская социологическая школа, социальные связи, социальные взаимодействия

Keywords: Mobilities, routine movement, Chicago sociological school, social links, social interaction

Хотя мобильности не включались в ядро предметной области социологии на классическом этапе ее развития, уже в этот период были заложены основания для исследования перемещений. Значительный вклад в исследования мобильностей внесли работы представителей Чикагской социологической школы.

В работах Роберта Эрза Парка в рамках подхода «социальной экологии» внимательное изучение пространственной проблематики оказывается непосредственно связано с феноменом перемещений.

Перемещения социальных агентов в пространстве, по мнению Парка, имеют особое значение для социального: «В перемещении же возникает и специфический тип организации, который мы называем «социальным». Характерной чертой социального организма ... является тот факт, что он состоит из индивидов, способных к независимому перемещению»[3]. Следует подчеркнуть, что перемещение это не один из тех феноменов, на который исследователь «вынужденно» обращает внимание вследствие телесности человека. Перемещению придается значение различения, определяющего специфику социальной организации: это «свойственное человеку стремление» отличает человека от растения, а тот факт, что перемещения человека целенаправленны (т.е. имеют цель и направление) отличает человека от животного.

Характеризуя феномен мобильности, Р.Э. Парк утверждает, что: «Мобильность важна как социологическое понятие лишь постольку, поскольку она обеспечивает *новый* социальный контакт» [5]. Таким образом, уже в работах Чикагской школы, появляется идея того, что мобильность, т.е. перемещения агентов в физическом пространстве связана с установлением

социального контакта, который, в свою очередь, является основой для социального взаимодействия и отношения.

Другой известный представитель Чикагской школы Э. Берджес обращает внимание на то, что «Есть переезд с одного места жительства на другое, изменение рода занятий, текучесть рабочей силы, движение на работу и с работы, движение ради отдыха и приключений»[1, с. 65], тем самым подчеркивая:

1. наличие внутреннего [внутригородского] движения населения;
2. разнообразие видов движения населения, характерных для городской жизни.

Э. Берджеса выделяет два основных вида перемещений:

- первые связаны с рутинными перемещениями («движение может быть фиксированным и неизменным порядком перемещения, призванным контролировать постоянную ситуацию, например, в случае рутинного движения» [1, с. 66]);

- вторые – с изменениями в повседневной жизни человека-персоны («Движение, значимое для общества, предполагает изменение движений в ответ на новый стимул или ситуацию. Изменение движения этого рода называется мобильностью» [1, с. 66]).

Следует подчеркнуть роль рутинных перемещений, обозначенную исследователем: рутинные перемещения «контролируют постоянную ситуацию», другими словами они обеспечивают неизменность сложившегося социального порядка.

Однако, по мнению американского исследователя, предметом изучения может стать только второй тип перемещений, чтобы подчеркнуть это он вводит понятие «мобильность»: движение населения необходимо изучать с точки зрения изменений в городской жизни. В состав мобильности входит изменение числа и типов контактов агента. Увеличение числа и типов контактов приводит к разрушению тесных связей внутри сообщества и снижению социального контроля, вследствие чего как утверждает Берджес

«ареалы мобильности являются теми самыми районами, где процветают юношеская делинквентность, подростковые банды, преступность, нищета, уходы из семьи, разводы, детская беспризорность, порок» [1, с. 66].

Этот подход впоследствии развивался и другими учеными Чикагской социологической школы. Так, Х. У. Зорбо элементами мобильности называет «радиус и частоту физических перемещений человека и количество контактов и стимуляций, которые человек переживает» [2, с. 114]. Мобильность продолжает рассматриваться как негативное социальное явление, поскольку ведет к «разрушению общественного мнения и разложению социальной солидарности», разрушению локальных сообществ, вследствие чего соседи становятся чужаками.

Представляется, что идея Р.Э. Парка о перемещении как свойственном человеку стремлении и ключевом понятии для формирования социальной организации не развивается в то время в полной мере.

Представители Чикагской школы стремились объяснить изменения, происходящие в городской среде и решить возникающие социальные проблемы. В связи с этим, исследователи используют оценочные суждения применительно к социальным явлениям. В результате, мобильность рассматривается как негативное явление, поскольку нарушает сложившийся социальный порядок. Когда социальные агенты «прикреплены к месту», физические расстояния и социальные дистанции оказываются более стабильными, и таким образом, обеспечивается стабильность социального порядка, снижается неопределенность в отношениях между агентами. Мобильность разрушает социальные связи и всю стабильную систему отношений в целом, вследствие чего неопределенность повышается.

Еще одной задачей, стоящей перед исследователями было описание городской структуры. В рамках существовавшего на тот момент представления, городская структура должна представлять собой «ареалы обитания», территории, замкнутые пространства («контейнерное мышление»). Такая структура не предполагает динамических элементов.

В результате доминирующим в теоретико-методологическом подходе Чикагской школы становится другое «неистребимое и иррациональное стремление» [3] человека: территориальная принадлежность, прикрепление к месту. Таким образом, хотя в работах представителей Чикагской социологической школы и заложены некоторые базовые идеи, позволяющие включить перемещения в ядро предметного поля социологии, фактически этого «включения» не происходит.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в работах представителей Чикагской социологической школы были сформированы следующие предпосылки для исследования перемещений индивидов и социальных групп:

- стремление к перемещению является свойством индивидов;
- перемещения индивидов являются целенаправленными;
- способность индивидов и социальных групп к перемещению определяет возможность возникновения специфического типа связей (социальных связей), объединяющих их в общество;
- рутинные перемещения обеспечивают неизменность сложившегося социального порядка (поддерживают существующие социальные отношения и связи);
- изменения в движении (мобильность) способствуют установлению нового социального контакта;
- «личные и социальные отношения во многом определяются физическими расстояниями» »[4];
- перемещения характеризуются такими параметрами как цель, направление, радиус, частота, количество контактов и стимуляций.

Список литературы

1. Берджес Э. Рост города. Введение в исследовательский проект // История социологии XX века: университетский курс. М., 2007. С.61 – 69.

2. Зорбо Х.У. Золотой Берег и трущобы. // История социологии XX века: университетский курс. М., 2007. С. 70 – 119.
3. Парк Р. Э. Сознание бродяги: рассуждения по поводу соотношения сознания и перемещения // Социологическое обозрение. Т.3. №1. 2003. С.35 – 37.
4. Парк Р. Э. Физика и общество // Социологическое обозрение Т.6. №1. 2007. С. 4 – 16.
5. Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. Т.5. №1. 2006. С. 11 – 18.

СТРАТЕГИЯ КАК РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ильдарханова, Ч. И.

*кандидат социологических наук, главный научный сотрудник Центра
семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан*

chulpanildusovna@gmail.com

STRATEGY AS A RESOURCE OF MODERNIZATION OF PUBLIC RELATIONS

Идарханова, Ч.

*Candidate of Social Sciences, chief researcher of the Center of family and
demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan*

chulpanildusovna@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены исходные понятия и научно-прикладные аспекты применения современных концепций и теорий стратегического управления к жизненному пространству.

ABSTRACT

The article reveals basic concepts and scientific-applied aspects of use of contemporary conceptions and theories of strategic management towards living space.

Ключевые слова: стратегия, конкурентоспособность, управление, организация, ресурсы, компетенции, креативность, инновации

Key words: strategy, competitiveness, management, organization, resources, competences, creativity, innovations

Научному понятию «стратегия» предшествовало его понимание как правил ведения военных действий, искусства ведения войны (stratos – войско, ogein – вести, древнегреч.). Война предполагает необходимость координации и взаимодействия воинских формирований, оперативного реагирования на изменение ситуаций, возникающих при соприкосновении с противниками.

Политические стратегии связывают с именами Н. Макиавелли. Конкурентные стратегии в первом приближении трактовались А. Смитом в его работе «Богатство народов» (1776 г.), а также А. Курно, Дж. Бертрином, Ф. Эджуорта. В начале XX века в рамках теорий организаций тоже обосновывались подходы к принятию долгосрочных решений. Важным моментом для возникновения понятийно-терминологического сочетания «стратегическое управление» явилось признание ограниченности рассмотрения перспектив управления как в рамках экономического, так и организационного подходов. Оба подхода ограничивались анализом и поиском механизмов устойчивости и успеха фирм в основном за счет внутренних резервов. Влияние внешней среды недооценивалось. В 1938 г. Ч. Барнард сделал попытку соединить эти два пространства, доказав их взаимосвязь. За рамки ортодоксальных экономических теорий вышел и Г. Саймон, который объединил такие области знания, как финансы, маркетинг, исследование операций. Э. Мейсон и Дж. Бейк представили еще более полный набор переменных внешней среды и описали барьеры вхождения организации (фирмы) в отрасль. Благодаря этим авторам и ученым в области теории систем (Л. фон Берталанфи, С. Бир, К. Боулдинг и др.) стало укореняться представление о том, что фирму нельзя ассоциировать с машиной, действующей без сбоев и остановок, и что далеко не все ответы находятся в руках менеджмента. С одной стороны, это были вызовы внешней среды, с другой – самостоятельное проектирование своей роли каждым членом производственного персонала, регулирование поведения которого не всегда поддавалось тривиальным моделям (например, «кнута и пряника»). Ф. Хайек связывал ключевые проблемы развития с быстротой адаптации организаций и индивидов к изменениям в конкретных обстоятельствах места и времени [2]. Одновременно с разработками данной темы за рубежом велось обоснование перспектив развития хозяйства страны и предприятий советскими учеными. Представляет интерес и опыт разработки планов социального развития в СССР, который в случае их реализации помогал

комплексно решать текущие и перспективные вопросы жизни коллективов предприятий, поселков и городов [3].

Д. Шендел и К. Хаттен акцентировали внимание на интеграции функциональных областей фирмы [4]. Теория стратегического управления всегда есть «наука об изменениях» [5]. Важен и такой момент: несмотря на то, что теории стратегического управления развивались в лоне экономической науки, в них увеличивалась человеческая составляющая знаний, чему способствовали и условия деятельности бизнеса. Ведь для успешного функционирования потребовалась более широкая панорама предсказуемых событий и процессов. Это связано с эволюцией структурных изменений в организациях, которые явились ответом на усложнение условий социально-экономических отношений в мировой практике. Если в 50е годы и ранее ключевая роль придавалась финансовому менеджменту, то в 60е годы наблюдается рост отделов корпоративного планирования и среднесрочного формального планирования. Если бизнесу первой половины 70х годов присущи диверсификация, создание многодивизионных структур, то конец 70х и начало 80х годов внимание стратегов бизнеса привлекает большая избирательность отраслей и рынков, реструктуризация отраслей, управление активами. Концу 80х – началу 90х годов присуща корпоративная реструктуризация, активизируется поиск конкурентных преимуществ внутри фирмы. Наконец, в современный период, т.е. конец 90х – начало 2000х по настоящее время идет поиск конкурентных преимуществ за счет стратегических инноваций, в том числе на основе знаний, включение организаций в сетевую экономику; возникают виртуальные организации, альянсы и сети [6].

Если в 60е - 70е годы приоритет был отдан некоей сбалансированности, «состыковки» внешней среды и возможностей фирмы, то в 80е годы приобрела популярность школа позиционирования, связывающая конкурентные преимущества с удачным выбором отрасли и положение в ней относительно других контрагентов.

Неодинаковые успехи организаций – актуальная тема дискурсов на уровне кадров фирм, отраслей и органов территориального управления. Выдающиеся успехи на каком-то одном направлении нередко берутся в качестве решающего фактора, обеспечивающего жестко результаты всех остальных направлений функционирования той или иной структуры. Диапазон выбора «решающего фактора», как об этом свидетельствуют практики в агросфере, очень велик: от «кадры решают все» до перевода всех сельскохозяйственных организаций на однотипные технологии производства или внутрипроизводственных отношений. Однако научный плюрализм, предполагающий строгое следование концепциям, в которых акценты смещены либо на экономические и организационные факторы, либо на переопределение роли нематериальных предпосылок, не обладает достаточным потенциалом, чтобы понять всю глубину связей, ведущих к неодинаковым практическим результатам экономической и социальной деятельности. Признание правильности данного положения в контексте подхода к обоснованию стратегий означало отход от парадигмы «железных законов» науки в духе позитивизма, эволюцию в сторону непредписывающих концепций, которые включают диалог различных, но взаимодополняющих трактовок. Тем не менее, для успешного развития и применения концепций, которые, не обладая предписывающим характером, должны включать четкие понятия, прежде всего в соотношении ресурсов, способностей, компетенций. Р. М. Грант выделил такие типы ресурсов, как финансовые, физические, человеческие, технологические, организационные и репутационные [7].

Новым является понятие «ресурсы широкого применения» (*fungible resources*) или такие ноу-хау, которые способны найти применение в диверсифицированной форме. Так, в сельском хозяйстве некоторые растения, традиционно служащие кормом для скота, могут заинтересовать и энергетические компании как источник изготовления заменителя минерального топлива для двигателей внутреннего сгорания.

Процесс извлечения позитивного эффекта из рыночной неравновесности, структурных асимметрий в рамках отраслей обозначается понятием кластеры.

В понятие «механизмы изоляции» вкладываются как бы скрытые, неявные ключевые организационные способности фирмы удерживать конкурентные преимущества: репутация компании, бренды, организационная культура и т. д. Хотя их вес в обеспечении успеха трудно поддается измерению, но он имеет порой решающее значение. Еще одно следствие стратегии, давшее хорошие результаты, обозначено терминами «неявное знание» и «неопределенная возможность имитации». Оба термина отражают до конца непонятые причинно-следственные связи обеспечения успеха (в том числе и акторами внутри такой успешной фирмы). Отсюда возникают сложности при попытке тиражирования «успешной модели».

До начала 80х годов XX столетия многие ученые и практики не учитывали нематериальные ресурсы, хотя именно они в начале XXI века стали более действенным источником успеха, чем ресурсы материальные (репутация, узнаваемость бренда, добрая воля). Сюда-то следует отнести и знания, которыми наделены сотрудники организаций и целых отраслей, представляющие не только узкий «нормативный» профессионализм, но обладание стратегическими компетенциями, сопряженными с межфункциональной координацией, между пулами специализированных знаний.

Введение в научный оборот понятия нематериальных ресурсов актуализирует необходимость разграничения «ресурсов» и «способностей». Дж. Барни применял термин «ресурсы» для описания всех проявлений организации, позволяющих создавать и реализовывать стратегии экономической эффективности и хорошей управляемости [8]. Позднее конкретно к материальным ресурсам стали относить недвижимость, производственные сооружения, сырье и т. д., а к нематериальным –

репутацию, бренды, патенты, технические ноу-хау, а также организационные способности, встроенные в ее повседневность, в процессы и культуру [9].

Если роль материальных ресурсов в стратегиях достаточно полно изучена экономистами, то понимание способностей как ресурсов требует уточнения. Во-первых, они являются специфически встроенными в организацию, что позволяет по сравнению с соперниками создавать продукты и услуги при более низких издержках и с высоким качеством. Особенно важны встроенные в организацию управленческие компетенции. Р. Санчес и А. Хин полагают, что способности – это повторяющиеся паттерны действий по использованию активов, а компетенция – определенный алгоритм деятельности организации по использованию ресурсов и способностей [10]. Успешное продвижение на основе компетенций в сильной степени зависит от багажа знаний, их пополнения и использования. Именно они являются тем ресурсом, который придает динамизм организации (фирме).

Другими словами, особую значимость приобретает креативность, соединение знаний с предпринимательской активностью, которые помогают удержать устойчивость конкурентных преимуществ организации, причем не только из-за наличия выгодного местоположения, бренда, фаворитизма и т.п., но лишь в том случае, если есть высокая способность управлять своими активами.

В то же время разная степень признания разработчиками стратегий роли предпринимательских факторов («собираения ресурсов» или «создания способностей» по Р. Макадоку) является своеобразным барьером между подходами. Р. Макадок это различие обозначил в следующем: если механизм создания успеха через «собираение ресурсов» опирается на когнитивные и информационные факторы, то «механизм создания способностей» делает акцент на надлежащее проектирование организационных способностей [11].

Быстроменяющийся глобальный контекст существований организаций, который не может игнорировать ни одна из них, привел к пониманию того,

что конструирование компетенций и способностей путем внутренних процессов становится ключевым в реализации успешных стратегий.

Что же произошло в мире, что усиливает необходимость обращаться к нематериальным активам организации? Ученые выделили не менее 10 основных сил, с неизбежностью преобразовавших источники конкурентных преимуществ отдельных фирм и отраслей: дерегулирование экономики; отраслевые структурные изменения в плане фрагментации (наиболее яркое свидетельство этому – компьютерная отрасль); слияния и поглощения, что особенно проявляется в реструктуризации телекоммуникаций, сектора финансовых услуг и энергетики; нарастание конфликта между индустриализацией и требованиями защиты окружающей среды; сокращение протекционизма в международной торговле; изменение поведения потребителей «власть берут клиенты», рост торговли на почте, консолидация розничной торговли; повсеместное усиление влияния технологических изменений (в бытовой технике, технологии образования и развлечений, широкий доступ к базе данных и др.); глобальная конкуренция, охватившая все отрасли, размывание границ между региональными и глобальными бизнесами [12].

По мнению Б. З. Мильнера, известного российского ученого, будущее принадлежит наиболее новаторским организациям, опирающимся на их интеллектуальный капитал [13]. Это во многом обусловлено внешней средой, поскольку именно знания стали ключевыми активами «эры инноваций» как называют начало XXI века.

Трансформация идет по следующим направлениям. Во-первых, определяющим типом конкуренции стало состязание на основе инноваций в той области деятельности, которую осуществляет организация; устойчивых успехов в решающем деле добиваются те, кто делая ставку на перманентность инноваций, стремится действовать не только по правилам, но и вопреки им [14]. Во-вторых, расширение виртуального пространства, в котором приходится действовать фирме и отрасли, что ведет к стиранию

территориальных границ Интернетом и незащищенности от конкурентов, находящихся на большом удалении [15]. В-третьих, сместились акценты экономических ориентиров конкуренции, прежняя значимость модели минимизации издержек уступила место приросту рыночной ценности компании; к нематериальным активам стала относиться, например, сегментация рынка по социальным группам потребителей. Социологические маркетинговые исследования в данной ситуации приобретают особое значение как ресурс познания потребностей целевых групп потребителей. В-четвертых, соотношение конкуренции и кооперации модифицировалось: конкуренция стала проходить через кооперацию, в которой объединяются сети, альянсы бизнес-единиц. В-пятых, управление внутри организаций (фирм) стоит перед назревшей необходимостью пересмотра принципов мотивации и компенсаторских схем в отношении своих работников. Серьезным вызовом для менеджмента становится «перемена смыслов»: в новой экономике, главным средством успеха является интеллект, а работники нового типа в меньшей степени нуждаются в принадлежности к организации, чем организация в них [16].

Концентрация указанных выше проблем-вызовов, необходимость опережающего распознавания и освоения новых возможностей бизнеса на рубеже XX и XXI веков дали импульс развитию концепции динамических способностей. В ней особое значение придается накоплению и использованию знаний. Эта концепция (на основе синтеза концепций организационного обучения, лидерства, предпринимательства и экономических теорий фирмы) признает, что успехи в организационном обучении являются залогом успехов во всех сферах современного бизнеса.

Динамические способности организации это: рутинизированные процессы управления инновациями и изменениями; бизнес-интуиция и видение, необходимые для создания новых бизнес-моделей; механизмы принятия верных решений по рискованным инвестициям в новые технологии; компетенции управления транзакциями [17].

Перспектива использования именно этой концепции для стратегического управления ресурсным потенциалом связана с тем, что в ней уделяется большое место поведению человека, его знаниям, которые встроены во все действия фирмы, их нужно пополнять и обновлять. Также в ней по-новому понимается и специфика внешней среды: фирме нужно полнее учитывать не только поведение других организаций, но и подвижки в мотивах и предпочтениях потребителей.

Менеджмент организаций, который, проектируя будущее по схеме: «кто?», «почему?», «как?», «когда?», должен наращивать конкурентные преимущества за счет роста конкурентоспособности выпускаемого продукта. Конкурентоспособность, на наш взгляд, выступает в трех качествах. Во-первых, как рубежный результат ресурсного потенциала (если он используется в полной мере, это обеспечивает высокий результат). Во-вторых, как качество отдельных элементов (составляющих ресурсного потенциала), благодаря которым обеспечена конкурентоспособность компании, отрасли, региона. В-третьих, само измерение конкурентоспособности не может ограничиваться фиксацией некоторой части «выгодных» (с точки зрения амбиций менеджмента) показателей, а должно включать интегральные свидетельства способности компаний, отраслей, регионов создавать сравнительно высокий уровень доходов и заработной платы, оставаясь открытыми для внутринациональной и международной конкуренции.

Список литературы

1. Дракер П. Ф. Они – не наемные работники, они – люди. Российский журнал менеджмента. 2004, №2. - с. 155-156.
2. Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. Пер. с англ. М.: Изограф, 2001. - 256 с.
3. Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М.: Наука, 1999 . – 448 с.; Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А. Социальное прогнозирование. –

М., 1982; Тощенко Ж. Т. Социальное планирование в СССР. – М., 1981. - 320 с.; Полозов В. Р. Социальное планирование и проблема его эффективности [Текст]: монография / В. Р. Полозов [и др.]; ред. В. Р. Полозова; Академия наук СССР (СПб.), Институт социально-экономических проблем. - Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1978. - 190 с.; [Руднева, Е. В.](#) Целевые комплексные программы: организационно-экономический механизм/ Е. В. Руднева ; Отв. ред. Н. П. Федоренко; АН СССР, Центр. экон.-мат. ин-т. М., 1989. - 214 с.

4. Hofer C. W., Schendel D. Strategy Formulation: Analytical Concepts. West Publishing: St. Paul MN 1978.

5. Минцберг Г., Альстренд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий: стратегическое сафари: Экскурсия по дебрям стратегий менеджмента. – Пер. с англ. СПб.: Питер, 2000. – с. 250.

6. Grant R. M. Contemporary Strategy Analysis Text Only, 8th Edition. - 480 pp.

7. Грант Р. М. Ресурсная теория конкурентных преимуществ: практические выводы для формирования стратегии. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Менеджмент», 2003, №3. - с. 47-75.

8. Barney J. B. Firm resources and sustained competitive advantage. Journal of management. 1991, 17(1). - Pp.99-120.

9. Коллинз Д. Дж., Мантгомери С. А. Конкуренция на основе ресурсов: стратегия в 1990е гг. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Менеджмент. 2003, №4. – с. 186-206.

10. Sanchez R. Knowledge Management and Organizational Competence. Oxford University Press: Oxford, 2001.

11. Makadok R. Toward a Synthesis of the resource-based and dynamic-capability view of rent creation. Strategic Management Journal, 2001, 22 (5). - pp. 387-401.

12. Prahalad C. K., Hamel G. Strategy as a field of study: why search for a new paradigm? *Strategic Management Journal* (Summer special issue). 1994. - pp. 6-15.

13. Мильнер Б. З. Управление знаниями. М.: Инфра-М, 2003. - 178 с.

14. Виханский О. С., Наумов А. И. «Другой» менеджмент: время перемен // *Российский журнал менеджмента*. 2004, №2(3). - с. 105-126.

Каширина, М.В.

Теоретико-методологические основания изучения фальсеоинтеракций:
классические теории социального взаимодействия

Kashirina, MV

Theoretical and methodological bases of the study falseointeraction:
classical theory of social interaction

Исследование проблем, механизмов и форм социального взаимодействия всегда находилось в центре внимания ведущих социологов мира. «Социальное взаимодействие» является одним из основополагающих и самых разработанных понятий социологической теории. В данной статье на основе традиций классиков социологии, базовых положений их интеракционистских теорий представлен анализ фальсеоинтеракции как особой формы социального взаимодействия, основанной на лжи.

Study of the problems, mechanisms and forms of social interaction has always been in the spotlight of the world's leading sociologists. "Social interaction" is one of the most fundamental and the most developed concepts of sociological theory. In this article the author presents an analysis of falseointeraction as a special form of social interaction based on the traditions of the classics of sociology.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ || ИНТЕРАКЦИЯ ||
ФАЛЬСЕОИНТЕРАКЦИЯ

SOCIAL INTERACTION || INTERACTION || FALSEOINTERACTION

Предметом нашего исследования являются фальсеоинтеракции, которые представляют собой особую форму социального взаимодействия, в

основании которого лежит осознанность лжи и одновременное принятие (или имитация принятия) этой лжи за истину обеими сторонами коммуникации. Основные положения об особенностях, специфике возникновения и механизме функционирования фальсеоинтеракций уже были нами опубликованы ранее [См., например: 4,5]

Данная форма взаимодействия практически не описана в работах современных социологов. Поэтому для построения концепта фальсеоинтеракций нам необходимо обратиться к работам классиков социологической теории и начать анализ фальсеологических взаимодействий с анализа социального взаимодействия как одного из центральных понятий социологии.

Понятие «социального действия» как простейшей единицы социальной деятельности в научный оборот ввел М.Вебер. Это понятие обозначало, действие индивида направленное на решение проблем и противоречий, но так же ориентировано на поведение других людей.

М. Вебер [3] разъясняет и начинает классифицировать концепцию социального действия, которая является логической частью любого социологического анализа. Как и события, социальные действия являются отдельным классом, социологической категорией.

Природа отношений/взаимодействий между агентами и их действиями достаточно сложная. Мы можем говорить о сознательных и бессознательных актах; актах, включающих ответственность и актах, которые не содержат её. Применительно к нашей тематике фальсеоинтеракций в качестве акта мы рассматриваем ложь. И, если следовать М.Веберу и понимать действие как решение индивидом проблем и противоречий, то ложь зачастую становится средством, облегчающим решение определённых задач и достижение целей.

Важно отметить, что понятие «фальсеоинтеракция» достаточно близко (но не тождественно) по смыслу с понятием «имитация».

Но просто имитация действия других не рассматривается Вебером как особый, специфичный случай социального действия, если эта «имитация»

носит чисто реактивный характер. Однако Вебер отмечает, что граница столь неопределенна, что часто едва ли можно различить реактивные действия от имитационных.

Определяющим критерием социального взаимодействия Вебер называет взаимную ориентацию действия каждого актора. Его содержание (содержание социального взаимодействия) может быть самой различной природы: конфликты, враждебность, сексуальное влечение, дружба, верность или экономический обмен. В фальсеевзаимодействии таким взаимным ориентиром выступает ложь и ожидание взаимного согласия на ложь.

Идея рационального действия представлена также в работах К. Маркса. Центральная концепция Маркса о социальном поведении человека заимствована у Дж. Локка и классических экономистов. Главная идея К. Маркса заключается в том, что индивиды преследуют свои собственные интересы в системе разделения труда через процессы социального обмена. Эту, больше экономическую, нежели социологическую теорию Маркс построил, основываясь на теорию известного экономиста Д. Рикардо.

Действующий субъект в работах Маркса представлен как «человек экономический», который совершает те или иные действия исключительно с пользой, выгодой для себя. Таким образом, действующий субъект предельно рационален. И если в определённых социальных условиях ложь способна приносить экономическую выгоду, то в таких условиях возможно возникновение фальсееинтеракций.

Социальное взаимодействие на макроуровне – уровне социальных институтов и систем рассматривает представитель структурного функционализма Т. Парсонс. Процесс взаимодействия и взаимообмена происходит с помощью «зон взаимопроникновения». Он пишет: «Именно благодаря зонам взаимопроникновения может осуществляться процесс взаимообмена между системами... социальные системы предстают как ... находящие в состоянии постоянного взаимообмена на входах и выходах в окружающую среду». Социальные системы предстают как «открытые»,

находящиеся в состоянии постоянного взаимообмена [1]. А потому в таких взаимодействиях больше потенциальных возможностей для возникновения фальсеоинтеракций.

Эффект отчуждения социальных подсистем грозит перевести вектор нашего исследования в конфликтологическую парадигму. Однако в этом вопросе у теории структурно-функциональной солидарности Т. Парсонса имеется важный аргумент: конфронтация подсистем социального организма должна иметь настолько высокий порог, чтобы не повредить общей эффективности работы этого социального организма. Применительно к нашей теме это означает следующее: организации, органы, корпорации и другие элементы социальной системы, конечно, могут вступать в фальсеологические или имитационные взаимодействия в качестве информационного обмена.

Более развернутый анализ социального взаимодействия дает П. Сорокин [2]. По его мнению, общество – это не просто совокупность индивидов, но и предполагает их постоянное взаимодействие между собой, взаимообмен и взаимовлияние. Сорокин уверен, что общество можно описывать только через призму социального взаимодействия. На социетальном уровне социальное взаимодействие можно представить в виде социокультурного процесса, в ходе которого коллективный опыт передается от поколения к поколению.

Теория Сорокина позволяет не только рассмотреть фальсеоинтеракцию как статичную категорию, вид социального взаимодействия, но и проанализировать механизм распространения и передачи этого опыта от поколения к поколению. Ведь сам процесс трансляции опыта, например, списывания на экзаменах, есть ничто иное, как научение обману и участию в фальсеологическом взаимодействии. Передача этого знания от поколения к поколению символизирует не только закрепление, но и депроблематизацию и институционализацию фальсеоинтеракций.

Таким образом, анализ работ классиков социологической теории позволил выделить ряд положений, являющихся важными при разработке понятия «фальсеоинтеракция» как частного случая социальных взаимодействий.

Список литературы:

1. Parsons, T. An Outline of the Social System // Theories of society. Foundations of Modern Sociological Theory. – Two volumes in one. – The Free Press. – New York. – pp. 30-85.

2. Sorokin, P. The Principle of Immanent Change // Theories of society. Foundations of Modern Sociological Theory. – Two volumes in one. – The Free Press. – New York. – pp. 1311-1321.

3. Weber, M. Social Action and Its Types // Theories of society. Foundations of Modern Sociological Theory. – Two volumes in one. – The Free Press. – New York. – pp. 173-183.

4. Каширина, М.В. Фальсеоинтеракция как особая форма социального взаимодействия // Социум и власть. – 2013. – №6(44). – С. 11-16.

5. Каширина, М.В. Фальсеоинтеракция: к определению понятия // Перспективы науки. – 2014. – №1(52). – С. 19-21.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА ИНЖЕНЕРОВ В 21 ВЕКЕ:
СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ВОСПРИЯТИЕ ПРОФЕССИИ ИЗВНЕ**

Коротин, Р.И.

аспирант второго года обучения;

Институт Социологии Российской Академии Наук;

Москва (Россия);

coriunder@gmail.com

**THE PROFESSIONAL GROUP OF ENGINEERS IN THE 21-ST
CENTURY: THE SOCIAL STATUS AND PERCEPTION OF THE
PROFESSION FROM OUTSIDE**

Korotin, R.

graduate student of the second year;

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Moscow, Russia);

coriunder@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В этой работе мы решили проанализировать информацию о социальном статусе инженеров как в России, так и за рубежом, чтобы определить, действительно ли социальное положение этой профессиональной группы подверглось изменению (во всех или отдельных странах). Будучи слабо осведомленной о том, чем профессиональная группа инженеров полезна, большая часть российского общества остается слепа к наличию или отсутствию у нее проблем. Знаний абитуриентов о профессии зачастую слишком мало, чтобы сделать осознанный выбор в ее пользу. Тем не менее, специалисты этой области часто преданы своей профессии, а молодые специалисты нередко более преданы делу, чем их сверстники из других профессиональных групп. В англоязычной литературе из Австралии, Америки, Европы очень часто поднимается вопрос реформирования инженерного образования. В России на данный момент не сформировалось понимание того, где именно и в каком именно количестве необходимы

квалифицированные кадры инженерных специальностей. На данный момент с большой вероятностью главным каналом, поставляющим молодых специалистов является сама профессиональная группа инженеров и трудовые династии, в частности.

ANNOTATION

In this project, we have made a decision to analyze the information about engineers' social status in Russia and in the other countries to draw a conclusion if the social position of this professional group do changed in some or in all of the countries. Being slightly aware of the reasons, why this professional group is useful and helpful to society at all, and the majority of people is absolutely blind to the problems of engineers. Prospective student often know too little to choose the profession of engineer consciously. Nevertheless, we can often find, that professionals themselves are very loyal to this professional sphere, and newcomers are even more loyal, then their coevals from the other professional spheres. Often we can find the question of engineer's education reforming in the literature of United States and European countries. There is no comprehension now of where exactly and in which amounts there is need of qualified engineers. For now, it is possible that the main source of newcomers is the professional group of engineers itself represented by professional dynasties.

Ключевые слова: Профориентация; профессиональная группа, социализация, профессиональная династия.

Keywords: Professional orientation, professional group, socialization, professional dynasty.

В конце 20 – начале 21 века положение множества профессиональных групп подверглось если не кардинальной «встряске», то, во всяком случае, существенному изменению. Речь, разумеется, не идет о таких классически уважаемых профессиях как преподаватель и врач, но о множестве других, в том числе и об инженерах.

Подчеркнутая общественная значимость инженеров в советском союзе сейчас сменилась определенным затишьем в информационном поле на тему этой профессиональной группы. Это проявляется, например, в игнорировании профессии в информационном поле обычных людей. Врачи и преподаватели регулярно упоминаются в СМИ, кинематографе и других сферах, тогда как какую-либо информацию об инженерах как из государственных источников, так и из негосударственных услышать достаточно сложно.

В этой работе мы решили проанализировать информацию о социальном статусе инженеров как в России, так и за рубежом, чтобы определить, действительно ли социальное положение этой профессиональной группы подверглось изменению (во всех или отдельных странах). Социальный статус профессии, во-первых, влияет на стартовое положение всех ее представителей, и, во-вторых, косвенно оказывает воздействие на представления о ее востребованности в глазах молодежи. Чем выше статус профессиональной группы (не обязательно реальный, это может быть интересубъективным представлением о группе извне), тем с большей вероятностью профессия будет избираться в качестве «кредо» подрастающего поколения. У этого феномена есть и негативные последствия – «перепроизводство» специалистов, с которым ранее уже столкнулись, например, выпускники юридических специальностей (в 2015 году каждый десятый российский студент – будущий юрист [Моисеева; 2015]), порождает высокий уровень конкуренции среди соискателей и невысокую зарплату в условиях увеличенного предложения.

Инженер – достаточно обширная профессиональная группа, включающая в себя как рядовых специалистов-эмпириков, так и управленцев среднего звена. Можно увидеть достаточно большое сходство в структуре профессионального сообщества врачей и инженеров. Если рассмотреть строение поликлиники, то у врачей есть специалисты в своей области (например, пульмонологи), заведующие отделением – управленцы среднего

звена, которые, впрочем, все еще исполняют врачебные обязанности, и высшее руководство – главный врач. Схожая структура присутствует в областях, где задействованы инженеры, с той, может быть, разницей, что высшее руководство не обязательно должно иметь образование, связанное с инженерной специальностью.

По причине широкой вариативности не только социального, но и профессионального статусов каждого члена группы инженеров, достаточно сложно становится четко определить, кого же можно называть инженером и хочется ли в качестве инженера жить и работать.

В плане социализации в любой профессиональной группе немалую роль, роль «столпов» профессии, играют профессиональные династии, которые не только часто являют собой пример профессиональной успешности, компетентности, но и являются своего рода «поставщиками» новых членов профессиональной группы: советский психолог Е.А. Климов ставит мнение старших членов семьи на первое место среди факторов, влияющих на профориентацию [Климов; 2005;].

Возникает вопрос, насколько же люди, ставшие полноценными представителями инженерной профессиональной группы хотят, чтобы их дети или внуки продолжали их дело? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Портал Superjob, являющийся агрегатором вакансий и резюме в 2012 году проводил исследование, посвященное тому, посоветуют ли люди, работающие в той или иной профессии идти своим детям по своим стопам. По итогам опроса инженеры занимают среднюю позицию: 32% опрошенных желали бы для своих детей пути в рамках профессии «инженер», а 37% - не желали. Для сравнения, у врачей соотношение желания к нежеланию передавать свою профессию детям составляет 30% и 44%, у учителей – 13% и 67%. Опрошенных также попросили прокомментировать выбор варианта ответа. Специалисты, не желающие передавать профессию объяснили свою точку зрения следующим образом: *«Нищета и позор – это синонимы к слову «инженер»! Раньше труд инженера не был в почёте, а сейчас тем более.*

Только надо знать больше и уметь ещё больше, ничего не требуя взамен»; «...профессия инженера малоперспективна». Впрочем, были и положительные мнения относительно выбора профессии: «Мне нравится эта работа. Благодаря такой работе я и в свои 79 лет сохранила работоспособность и востребованность»; «Профессия инженера достаточно разнообразна и многогранна. ... всегда что-то новое появляется, интересное» [Superjob; 2012].

Можно выдвинуть гипотезу, что, поскольку инженерных специальностей достаточно много, как и условных ступеней на карьерной лестнице инженера, каждый высказывал точку зрения, руководствуясь тем, чего смог достичь лично он и, вероятно, его ближайшее окружение. Вкупе с разницей в 5% между желанием и нежеланием порекомендовать свою профессию подрастающему поколению можно сделать вывод, что степень успешности специалистов на инженерном поприще крайне вариативна, чего нельзя, исходя из получившихся результатов опроса, сказать о, например, учителях и преподавателях.

Стоит отметить, что такая тенденция наблюдается не только в России, по исследованию американского общества ASQ (American Society for Quality), 85% учеников не предполагают, что могли бы связать жизнь с профессией инженера, 44% признались, что вообще мало что знают о профессии инженера [Dubie; 2009], а 33% - что считают работу инженера скучной. Также за последнее время значительно (в 2,5 раза) снизилась доля иностранных студентов, выбирающих инженерные специальности [Центр соц. Иссл.; 2010; 36-37]. Это может свидетельствовать как о падении престижа инженерной профессии за рубежом, так и о падении уровня инженерного образования в российских ВУЗах.

Учитывая тот факт, что почти половина учащихся в США знает о профессиональной деятельности инженеров немного, можно выдвинуть гипотезу о том, что, возможно, само сообщество инженеров является в

большой степени закрытым или же их обязанности – слишком широкими, чтобы составить цельное мнение о профессиональной группе.

Немаловажным фактором в оценке перспективности выбора той или иной профессии являются представления о заработной плате. Стоит упомянуть, что в 2015 году средняя зарплата по Москве составила 59 тыс. руб [Мереминская; 2015]. По России средняя зарплата за 2014 год по данным федеральной службы государственной статистики составила 32 600 руб. [Кадровые агентства России; 2015]. Учитывая многообразие специализаций инженера, затруднительной задачей является обобщение средних показателей по каждой из них, поэтому для сравнения мы приведем данные о средней зарплате инженера-механика: в Москве она составляет 53 тыс. руб., что немногим меньше средней зарплаты по мегаполису. В регионах она колеблется от 28 тыс. руб. в Омске и Волгограде до 36 тыс. руб. в Екатеринбурге. В целом можно сказать, что средняя зарплата инженера-механика практически совпадает со средней зарплатой по конкретным регионам.

Впрочем, если это и может косвенно повлиять на людей, которые только выбирают свою будущую профессию, то на мнение самих инженеров о своей профессии – нет. Согласно данным исследования Тимоти Джаджа и его коллег, размер зарплаты практически не коррелирует как с удовлетворенностью зарплатой, так и с удовлетворенностью работой: по результатам исследования люди, зарабатывающие \$20 тыс. и \$140 тыс. в год удовлетворены работой и зарплатой практически одинаково [Judge; 2010; 157-167].

Ранее мы приводили цитату инженера, явно неудовлетворенного своей зарплатой, однако по данным исследования выше мы можем сделать вывод, что удовлетворенность (или неудовлетворенность) оплатой за труд – это состояние, присущее всем социальным и профессиональным группам. Вероятно, большую роль в этом вопросе играет также и зарплатные ожидания, которым работодатель может соответствовать или нет.

Говоря о социальном статусе и привлекательности инженерной профессии нельзя не коснуться также вопроса гендерного равенства. Стоит отметить, что Россия в этом вопросе стоит несколько обособленно от Европы и Америки. По данным ASQ лишь 10% девушек-учениц слышали от своих родителей о возможности стать инженером, старшее поколение в большей степени побуждало их к карьере врача (33%), учителя (31%), юриста (25%), ветеринара (23%), медсестры/няни (20%) или занятию бизнесом (17%) [Dubie; 2009]. В России к концу советского периода треть учащихся на инженерных специальностях были женщинами [Хасбулатова; 2004; 397-407]. Разумеется, во многом это обусловлено непростым прошлым России, а именно войнами, которые привели к сокращению численности дееспособного мужского населения. В свою очередь это создало дефицит в типично «мужских» профессиях (в том числе и инженера) на рынке труда. О важности войн в гендерном выравнивании инженерного сообщества также косвенно может свидетельствовать статистика по количеству обучающихся на инженерных специальностях в 1913\14 годах. Согласно ей всего 40 женщин обучалось в технических вузах [стат. Еж. России; 1915; 354].

Разумеется, речи о полном гендерном равенстве все еще не идет, все-таки еще силен стереотип о том, что технические профессии – в первую очередь мужские. В современной России ситуация со студентами-инженерами отличается от советской. На примере Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова мы можем увидеть, что соотношение юношей к девушкам, поступающих на специальность «инженер-строитель» приблизительно равняется 4 к 1. Впрочем, что интересно, практически все поступившие девушки доучиваются до окончания ВУЗа, тогда как число юношей в среднем сокращается на 45%. Это можно списать как на небрежную манеру обучения, так и на недостаточно продуманный выбор университета или специальности для обучения [Высоцкая; 2012].

Однако вернемся к тому, какие из профессий считаются наиболее уважаемыми. Мы уже говорили ранее, что традиционно самыми уважаемыми профессиями в России являются врач и учитель, что подтверждается исследованием, проведенным порталом Superjob: к врачам наибольшее уважение испытывают 29% респондентов, к учителям – 13%. Это можно связать с тем, что абсолютное большинство населения достаточно часто контактирует или контактировало с представителями этих профессиональных групп, поэтому неплохо осведомлена об их обязанностях и трудностях, в то же время и врач, и учитель – профессии безусловной социальной важности.

Профессию инженера считают самой уважаемой лишь 2% опрошенных. Ранее профессия инженера оказывалась в центре внимания не только общества как такового, но и социологии [Ядов, 1977] по причине прямой вовлеченности этих специалистов в процесс производства, в промышленность в целом. На данный момент экспорт сырья составляет от 17% [Зотин; 2014] до 40% [Решетникова; 2011] от ВВП по различным оценкам. Доля же, например, машиностроения – упала. Следуя логике, можно сделать вывод, что на данный момент популяризация хорошего имиджа, престижности инженерного дела просто не нужна, потому что и специалисты не особенно нужны, по причине не очень большого количества рабочих мест. Косвенно это можно подтвердить и обратив внимание на среднюю зарплату – она практически совпадает со средней зарплатой по России, что нетипично для дефицитной профессии. Это говорит о том, что рынок на данный момент (можно ли обвинить в этом структуру российской экономики или что-либо другое) рынок вакансий просто не готов предоставить инженерам как лучшие условия труда, так и более высокую зарплату, а отсутствие каких-либо глобальных проектов не делает профессию привлекательной в плане перспектив профессионального развития. В 2008 году Национальный Научный Фонд США объявил 14 великих вызовов [Cooney; 2008] 21го века для инженеров, среди которых увеличение доли

солнечной энергии, совершенствование городской инфраструктуры, противодействие глобальному потеплению, но перед российскими инженерами никакие вызовы как будто не ставятся, или же о них никто публично не говорит. Мы, таким образом, снова возвращаемся к тому, что ситуацию, которая сложилась с профессиональной группой инженеров в первую очередь просто не интересна, не актуальна как для государства, так и, возможно, для общества в целом.

Будучи слабо осведомленной о том, чем эта профессиональная группа вообще полезна, большая часть общества остается слепа к наличию или отсутствию у нее проблем. Отсутствие подробных социологических исследований профессиональной группы инженеров также о многом говорит.

В англоязычной литературе из Австралии, Америки, Европы очень часто поднимается вопрос реформирования инженерного образования. Объявляется тезис о том, что в 21 веке идет крайнее сближение классического машиностроения с автоматическим; инженерии – с программированием. Это интереснейший вопрос, требующий, по всей видимости, не самого стандартного решения, ведь двум этим профессиональным областям, являющимися на данный момент крайне прикладными, необходимо максимально эффективно взаимодействовать друг с другом, так как от этого зависит не только эффективность того же машиностроения, производств, промышленности в целом, но и успехов на поприще науки.

Однако в России и программирование оказывается вне главной канвы развития. IT-корпорация Google, например, не так давно перенесла свой центр разработок из России [ТАСС; 2015].

В связи с проанализированной информацией можно сделать вывод, что помимо рекомендаций старшего поколения на данный момент веских причин выбрать профессию инженера не так много. Зарплата не является весомым фактором в выборе профессии, в удовлетворенности от труда, перспективы развития в рамках специальности на данный момент не совсем ясны, а

некоторая кросс-дисциплинарность в образовании пока даже не обсуждается, что объяснимо, учитывая отсутствие интереса к профессии как таковой.

Знаний абитуриентов о профессии зачастую слишком мало, чтобы сделать осознанный выбор в ее пользу. Нередко все, что абитуриенты могут сказать об инженерах, это то, что их деятельность лежит в техническом поле, а для поступления необходимо хорошее знание математики и физики, как, впрочем, и для практически любой технической специальности.

Тем не менее, вынести определенную оценку будущему комплексу инженерных специальностей непросто. Специалисты этой области часто преданы своей профессии, а молодые специалисты нередко более преданы делу, чем их сверстники из других профессиональных групп [Соболевская; 2015]. Также мы выяснили, что женщины также все чаще становятся представителями этой профессиональной группы.

В России на данный момент не сформировалось понимание того, где именно и в каком именно количестве необходимы квалифицированные кадры инженерных специальностей, а без этого понимания любое развитие невозможно. Как только возникнет надобность в специалистах определенного рода, сначала это приведет к увеличению трудовой миграции из стран зарубежья, а затем и к пониманию необходимости изменения программ подготовки специалистов. А пока, возможно, главным каналом, поставляющим молодых специалистов является сама профессиональная группа инженеров и трудовые династии, в частности.

Список литературы:

Высоцкая М.А. Русина С.Ю. Исследование гендерного различия обучающихся в ВУЗе на примере инженеров-дорожников //Журнал Инновации в науке // 2012, №13-2.

Зотин А. Нефть со всеми вытекающими //Журнал "Коммерсантъ Деньги" // 2014. №42

Е.А. Климов Профессии научных работников: Учеб. Пособие для профильной и профессиональной ориентации и профильного обучения школьников // М., 2005.-256с.

Е. Мереминская Лучший город для работы /Газета.ру. 2015, URL: <http://www.gazeta.ru/business/2015/01/23/6385401.shtml> (дата обращения 01.10.2015)

Мусеева Е., Тимаев К. Каждый десятый – юрист. // Ведомости, 01.07.2015, [электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/07/02/598926-kazhdii-desyatii-yurist> (дата обращения 8.10.2015)

Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации // Статистический сборник. // М., 2010. № 7. С. 36-37 URL: <https://person-agency.ru/salary.html> (дата обращения 8.10.2015)

Передать свою профессию детям готовы архитекторы, программисты и проектировщики // Исследовательский центр портала Superjob.ru. // 19.04.2012. – [электронный ресурс], URL: http://www.superjob.ru/community/pervyj_poisk_raboty_vybor_professii/65335/ (дата обращения 14.10.2015)

Решетникова Е. Стратегия вместо политики // Российская Бизнес-газета - Промышленное обозрение №822 (40)

Самые уважаемые профессии в России – врач и учитель // исследовательский центр портала Superjob.ru // 03.05.2012. - [электронный ресурс] URL: <http://www.superjob.ru/community/life/61730/> (дата обращения 10.10.2015)

Соболевская О. Молодые инженеры верны профессии // Экспертный сайт Высшей школы экономики // 16.04.15, [электронный ресурс] URL : <http://www.opec.ru/1815975.html> (дата обращения 15.10.2015)

Статистический ежегодник России. // 1915. 354 с.

D. Dubie Mommas don't let their babies grow up to be engineers. – IT world, 9.02.2009, [электронный ресурс] – режим доступа на 8.10.2015:

<http://www.itworld.com/article/2770058/careers/mommas-don-t-let-their-babies-grow-up-to-be-engineers.html>

Хасбулатова О. А. Обзор опыта советской государственной политики в отношении женщин // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 397 – 407

Judge, T. A., Piccolo, R. F., Podsakoff, N. P., Shaw, J. C., & Rich, B. L. (2010). The relationship between pay and job satisfaction: A meta-analysis of the literature. *Journal of Vocational Behavior*, 77(2), 157–167.

Cooney M. What are the 14 greatest engineering challenges for the 21st century? [электронный ресурс] URL: <http://www.networkworld.com/article/2350910/security/what-are-the-14-greatest-engineering-challenges-for-the-21st-century-.html> (дата обращения 8.10.2015)

Google ушел из Петербурга, закрыв центр разработок // ТАСС – Информационное агентство России. 15.10.2015, [электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/ekonomika/2349343> – (дата обращения 15.10.2015)

**ИНЖЕНЕРЫ ПО ОХРАНЕ ТРУДА: ОСОБЕННОСТИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ В РОССИИ¹**

Ермолаева Ю. В.

**HEALTH AND SAFETY ENGINEER: THE FEATURES OF
PROFESSIONAL ORIENTATION IN RUSSIA**

Ermolaeva Y. V.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности формирования профессиональной группы инженеров по охране труда, основные опорные точки профессионализации, связанные с ее историей возникновения трудовых рисков и охраны труда.

ABSTRACT

The article discusses the features of the formation such professional group as the engineers on a labor safety, the professionalization process of the main reference points associated with the history of labor and safety risks, and the risks of this professional group.

Ключевые слова: социология профессий и профессиональных групп, охрана труда, история профессии, инженеры по охране труда.

Keywords: sociology of professions and professional groups, labor, history of the profession, occupational safety engineers, health and safety engineer.

На данный момент в России под охраной труда понимают систему сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающую в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия (ст. 209 ТК РФ [1]). На данный момент могут представлять интерес и следующие направления:

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 15-03-00666 «Инженерные династии России».

- специальности 280102.65 «Безопасность технологических процессов и производств» с присвоением квалификации «инженер»;
- специальности 080502.65 «Менеджмент организации», специализация «Трудоохранный менеджмент» с присвоением квалификации «менеджер по охране труда»;
- дополнительное профессиональное образование по программе «Менеджмент охраны труда» с присвоением дополнительной квалификации «менеджер по охране труда»
- дополнительное профессиональное образование по программе «Охрана труда» с предоставлением права на ведение профессиональной деятельности в сфере охраны труда.[2, с. 26]

В международном аспекте законодательство об охране труда основывается на Всеобщей декларации прав человека, принятой на третьей сессии Генеральной ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года, Конвенциях и рекомендациях Международной организации труда (МОТ), Европейских директивах и стандартах Европейского Союза.

Если проводить параллели с знакомой нам теорией риска в социологии, то предмет внимания инженера и социологов риска и катастроф схож: их интересует структура социального и индивидуального действия, способная потенциально вести к риску, однако охрана труда касается в первую очередь, здоровья, подвергающегося опасности на период рабочего процесса. История государственного управления охраной труда началась с 1734 года в период правления Петра I, когда был утвержден надзор за условиями труда на фабриках, что было первой предпосылкой, заложившей основы профессии. Правительство интересовал высокий уровень травматизма рабочих и сопровождающие риск условия, таким образом калькуляция рисков, травм, и формирование безопасной среды для трудящихся становится главной областью профессионализации. Вторым этапом послужило столкновение рабочих и промышленников в конце 19 и начале XX столетия между рабочими и промышленниками, и здесь важное

значение имело уже не государственное регулирование, а формирование рабочего движения как класса общества, появляется «рабочее право», ограничивающее труд малолетних, социально незащищенных категорий граждан и особых условий для женщин, где необходимость профессиональной группы по охране труда была инициирована населением. Третий этап – начиная с 1917 года по 1941, испытывает влияние всеобщей стандартизации отрасли безопасности, с одной стороны, и с другой – модернизации производства, где первостепенной задачей становилась эффективность производственного процесса, где безопасность условий как качество, непосредственно на нее влияющая, регулировалась жесткими нормами и сроками. Охрана норм труда была важна для развития пролетариата как основы сообщества с точки зрения защиты социальных прав. Здесь принципиальная стандартизация нормированного времени входит в резонанс идеологии и общественного идеала того времени о повышении трудоспособности. «Кодекс законов о труде (КЗоТ) РСФСР», регулирующий работу в то время, был необыкновенно лаконичен с точки зрения ограничений для несовершеннолетних, женщин, находящихся в декрете и выходов на пенсию. Нормы на спецодежду появились только в 1926 году в связи с повышающимся уровнем травматизма на стройках. Четвертый этап во время прохождения Великой отечественной войны все разработки нормативов в области охраны труда заморозились. В пятом, послевоенном и до-перестроечном периоде, было введено множество изменений и льгот для совмещения учебы и работы студентам. Постперестроечный, шестой период, был посвящен реформированию данной области в законодательных актах. (1991, 1993, 1999 годы). Тенденция направлений изменения шла от общегосударственного регулирования к корпоративному, обязав иметь собственную отрасль по охране труда или комитет на каждом конкретном предприятии[2, с. 45]. Данная тенденция сохраняется и по настоящее время, характеризуясь критическим состоянием отрасли, обусловленная и социо-экономическими причинами.

Основная задача инженера по охране труда и технике безопасности – ежедневное изучение условий труда на рабочих местах, подготовка и внесение предложений о разработке и внедрении более совершенных конструкций оградительной техники, предохранительных и блокировочных устройств. Базовым является техническое высшее образование, а охрана труда в какой либо области носит прикладную узкую спецификацию в каждом конкретном случае и требует дополнительного обучения, и здесь крайне важен междисциплинарный характер формирования профессиональной группы, а также третий элемент, входящий в обязанности инженера: разъяснительная работа с персоналом работающим на конкретном предприятии, требующая педагогических навыков. И, если основой является техническое образование, узкая специализация – набором необходимых курсов по изучению предметной отрасли и оборудования, то третья составляющая обычно не предполагает дополнительного обучения и сертификации, в этом состоит сложность профессиональной ниши, о которой упоминают сами инженеры. К другим сложностям формирования профессии в условиях российских реалий относятся проблемы профессиональной подготовки, нормативные и обще-социальные проблемы.

К проблемам *профессиональной подготовки* можно отнести:

- 1) Недостаток систематизации навыков, учитывая междисциплинарный характер работы
- 2) Множество узких отраслей подготовки, в сумме требующих время для переобучения
- 3) Связанные с данной профессиональной группой специалисты, работающие в смежных проблематиках (Трудовая инспекция, Роскомтехнадзор, полиция, медицинские работники и др.) говорят о необходимости «новой парадигмы» в сфере охраны труда, которые должны двигаться к корпоративным началам, а не ответственности отдельных лиц в разной степени. Корпоративные начала означает внедрение имиджевых компонентов.

4) Справка: технические регламенты устанавливают с учетом степени риска причинения вреда минимально необходимые требования, обеспечивающие безопасность излучений; биологическую безопасность; взрывобезопасность; механическую безопасность; пожарную безопасность; промышленную безопасность; термическую безопасность; химическую безопасность; электрическую безопасность; ядерную и радиационную безопасность; электромагнитную совместимость в части обеспечения безопасности работы приборов и оборудования; единство измерений – и для каждой области данные правила меняются.

К *нормативным* проблемам можно отнести:

1) Несовершенство законодательных и нормативных актов, прописанных для системы охраны труда и ответственности, которую данная должность предполагает. Нормативы и свод правил для трансляции работникам инженерами меняется часто, вследствие этого, работники не успевают приспособиться.

2) Размытый диапазон ответственности инженера по охране труда с негативными санкциями. Например, вследствие порчи оборудования работниками или неаккуратного обращения с ним, обследование предполагает первичную вину для инженера, который должен был перепроверить оборудование. Не ясна степень, где личная ответственность и знания работников расходятся с контролирующими инстанциями.

3) Предполагается, что любой сотрудник предприятия должен быть знаком с правилами и нормами охраны труда и степенью ответственности, однако обязательства могут быть опущены по различным обстоятельствам.

4) Российское законодательство должно быть сопоставлено с международным правом и регулированием по охране труда.

5) Отсутствие системы при разработке законов, - Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» за неполных шесть лет его действия 16 раз дополнялся, изменялся, где и на

данный момент не решены принципиальные вопросы по организации социальной и профессиональной реабилитации пострадавших на производстве [4].

Общесоциальные проблемы:

1) Идеология и нормы права в области охраны труда зависят от идеологии и конечной цели. С 1930 – х годов в системе охраны труда учёт профзаболеваний, несчастных случаев и даже несчастных случаев со смертельным исходом было принято решение о уменьшении числа несчастных случаев и профзаболеваний до нуля, что вело к сильному искажению статистики, так как данные стали секретными, и число сокращения заболеваний и несчастных случаев «снижалось» на 25 % и более процентов, травматизм – на 40 – 45 %. Сокрытые случаи травматизма работодателями случаются и сейчас нередко, что подвергает риску и ответственность инженеров. По данным Роструда, которые наиболее в 2008 г. было выявлено 2074 сокрытых несчастных случаев на производстве.

2) Регистрируется ухудшение условий труда. По данным Росстата коэффициент частоты производственного травматизма в последние несколько лет со смертельным исходом в расчете на 1000 работающих в 2-2,5 раза превышает соответствующие показатели в США и странах Евросоюза. Преобладающие отрасли: строительство, обрабатывающее производство и сельское хозяйство.

3) Одной из основных причин демографического кризиса в России является высокая смертность трудоспособного населения, обусловленная в значительной мере именно производственными факторами. Состояние охраны труда, не соответствует необходимым критериям и не способствует сохранению здоровья и жизни населения, отчасти из-за неготовности населения соблюдать данные правила или низкой степени ответственности персонала; отчасти – ввиду технологического кризиса (несовершенства оборудования)[3].

4) Важен трудовой характер договора (временный, постоянный), того, кто выполняет договор (временно приезжий, коренной), уровень квалификации. Инженерами по охране труда в интервью было отмечено, что большое количество мигрантов и нарушение временными работниками определённых правил безопасности встречается во много раз чаще, обусловлено это также тем, что их сложнее отследить.

5) Рабочие места с вредными и опасными условиями труда отрицательно влияют на состояние рынка труда, снижают имидж профессии и ведет к деградации тех или иных профессиональных групп.

6) Особую категорию составляет малый бизнес. Коэффициент частоты несчастных случаев на производстве (в расчете на 1000 работающих) в среднем по стране составлял 3,1, а в малом бизнесе 4,2[4].

7) Ослабление роли государства в сфере обеспечения безопасности и охраны труда (Минтруда); данный госсектор не финансируется; вследствие чего происходит снижение численности инспекторов труда при росте хозяйствующих структур.

Существует и ряд вопросов, которые связаны со становлением профессиональной группы инженеров по охране труда не прямо, но определяют концепцию их работы полностью. К примеру, общая проблема риска, а именно – математическая схема его расчета, пороговая и беспороговая его направленности, уровень приемлемости для населения в значительной степени определяет нормативы по регулированию охраны труда в различных условиях. Остаточный риск всегда предполагает 1) его минимизацию и разработку схем по минимизации 2) обучение персонала.

Специалисты различных областей отмечают необходимой разработку общей федеральной программы, точной статистики, ясных мер от государственных правил до принятия конкретных мер для персонала, однако список рассмотренных обще-социальных проблем дает понять, что комплекс перечисленных мер не даст той продуктивности, как первостепенное внимание социо-экономической ситуации. Стремление «снизить показатели

смертности и травматизма» упираются в культурные основания восприятия человеком риска, его технической обеспеченности, знания своих прав и правил безопасности, а также адекватный уровень медицинской помощи и социальный пакет необходимых мер для поддержания его здоровья. Необходимо развернуть нормативные акты таким образом, чтобы знание правил по охране труда было обеспечено для руководящего звена, а повышение квалификации и инициатива модернизации в данной области – выгодна.

Библиографический список

1. *Збышко Б.Г.*, Особенности правового регулирования охраны труда на современном этапе// Актуальные вопросы совершенствования законодательства об охране труда. 2007. № 5 (322)

2. *Карауш, С.А.* История охраны труда в России [Текст] :учебное пособие / С.А. Карауш, О.О. Герасимова. – Издан.2-е, перераб. и доп. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит.ун-та. 2013.

3. *Малаян К.Р.* Проблемы охраны труда на фоне демографической ситуации // Безопасность жизнедеятельности. - ООО "Новые технологии". 2013.

4. *Пашин Н.П.* Приоритетные направления реформирования системы государственного управления охраной труда в Российской Федерации //Актуальные вопросы совершенствования законодательства об охране труда. 2007. № 5 (322).

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КОНФЕССИЙ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Левченко, И. Е.

SOCIAL SERVICE OF THE TRADITIONAL CONFESSIONS OF RUSSIA: CONCEPTUAL FOUNDATIONS

Levchenko, I. E.

АННОТАЦИЯ

На основе анализа религиозных документов, автор, с социологических позиций, рассматривает концептуальные основы социальных доктрин традиционных конфессий России. Опыт священнослужителей может быть полезен сотрудникам социальных учреждений страны.

ABSTRACT

Based on the analysis of religious documents, author, from a sociological positions, consider the conceptual foundations of the social doctrine of the traditional confessions of Russia. The experience of clergy can be useful for employees of the social institutions of the country.

Ключевые слова: Социальное служение, религия, традиционная конфессия, социальная концепция, социология религии.

Keywords: Social service, religion, traditional confession, social concept, sociology of religion.

Многовековая поддержка слабых и неимущих со стороны религиозных организаций нацеливает на социологическое изучение их опыта организации социальной помощи [5].

М. Вебер указывал, что положительное, с религиозной точки зрения, поведение может рассматриваться: 1) «как дар Божий, проявляющийся в общей направленности на требуемое религией единое методически ориентированное жизненное поведение»; 2) как достигнутое посредством «упражнения» в добродетели. В результате, добрые дела в религии,

получившие социальную ориентацию, являются средством самоусовершенствования [2, С. 195].

При этом понятие «служение» исключает корыстное, формальное и бездумное отношение к делу, но предполагает преданность, самоотверженность, профессионализм при его исполнении. Его смысловое содержание включает жертвенность, готовность помочь страждущим и обездоленным. С позиций богословского и социологического подходов, служение и его составные элементы (любовь, сострадание, милосердие, благо) можно рассматривать как отношение личности к Богу (вертикальный вектор) и отношения между людьми (горизонтальный вектор).

Обратимся к анализу социальных учений авраамических религий – традиционных для России конфессий. Например, важнейшее теологическое положение иудаизма гласит: «Без милосердия мир не мог бы устоять». Следовательно, в доктринальном плане приоритет отдается идее гармонии общества и индивида.

Слово «цедак» (справедливость, милосердие) является ключевым для Торы. В ней выделяются различные формы благотворительности ("гемилут хасадим", что буквально означает - "оказание милости", т. е. любое проявление сочувствия ближнему посредством материальной, нравственной и т. п. поддержки): 1) гостеприимство и прокормление голодных; 2) снабжение бедных одеждой и обувью; 3) посещение больных и уход за ними; 4) погребение умерших, присутствие на похоронах; 5) утешение скорбящих по умершим родственникам; 6) выкуп пленных; 7) выдача замуж девушек из бедных семей [3].

Закономерно, что в принятых в 2003 году Конгрессом еврейских религиозных организаций и объединений в России «Основах социальной концепции иудаизма в России» включено следующее положение: «Синагога признает социальную значимость своей деятельности в сфере благотворительности и социального обслуживания, где они способны оказывать эффективную поддержку гражданам, оказавшимся в трудной

жизненной ситуации (инвалидность, болезнь, сиротство, безнадзорность, безработица, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, отсутствие определенного места жительства), участвовать в решении проблем укрепления института семьи, профилактики детской и подростковой преступности, наркомании, алкоголизма, социальной реабилитации лиц, содержащихся в местах лишения свободы и отбывших наказание» [13].

Известно, что модель социальной работы, реализуемая в России, преимущественно опирается на христианскую традицию, в соответствии с которой служение Богу - одна из форм общения с живым Богом. Целью христианского социального учения – в его социально-этическом, социально-педагогическом и общественно-политическом, аспектах – является социальный строй, при котором человек может выполнять волю Бога и вести христианский образ жизни.

В Новом Завете образец истинного служения являет собой Иисус Христос: «Я посреди вас, как служащий» (Лк. 22:27), «Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10:45).

Основу социального служения составляет добролюбие, понимаемое как проявление христианской любви, когда человек оказывает благодеяние и поддержку нуждающемуся в этом, независимо от того, является ли эта нужда духовной или материальной. Важно то, что добролюбие обращено не только к единоверцам, а к любому нуждающемуся человеку.

По мнению иерея Д. Задорина, при анализе социального служения необходимо учитывать специфику целевой направленности различных видов деятельности людей [4]: 1) целью работы является личное прокормление, удовлетворение потребностей индивида; 2) социальные действия обусловлены разнообразными мотивами (потребность в общении, реализация внутренней доброты и др.) и призваны удовлетворить потребности другого человека и общества в целом; 3) цель служения - актуализация Царствия

Небесного. Так или иначе, в жизни человека присутствуют все три вида деятельности. При правильном понимании целей, противоречия между ними возникать не должно, наоборот, они должны гармонично сочетаться.

В современный период Русской Православной Церковью (далее – РПЦ) принят ряд фундаментальных и организационных документов, посвященных социальному служению. Наиболее полно православное осмысление этого феномена представлено в «Основах социальной концепции РПЦ» (2000 г.): «Исполняя миссию спасения рода человеческого, Церковь делает это не только через прямую проповедь, но и через благие дела, направленные на улучшение духовно-нравственного и материального состояния окружающего мира. Для сего она вступает во взаимодействие с государством, даже если оно не носит христианского характера, а также с различными общественными ассоциациями и отдельными людьми, даже если они не идентифицируют себя с христианской верой. Не ставя прямой задачи обращения всех в Православие в качестве условия сотрудничества, Церковь уповает, что совместное благотворение приведет ее соратников и окружающих людей к познанию Истины, поможет им сохранить или восстановить верность богоданным нравственным нормам, подвигнет их к миру, согласию и благоденствию, в условиях которых Церковь может наилучшим образом исполнять свое спасительное делание» [16, С. 33].

Согласно «Основам...» областями сотрудничества Церкви и государства в нынешний исторический период являются: а) миротворчество на международном, межэтническом и гражданском уровнях, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами и государствами; б) забота о сохранении нравственности в обществе; в) духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; г) дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ; д) охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, включая заботу об охране памятников истории и культуры; е) диалог с органами государственной власти любых ветвей и

уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов, подзаконных актов, распоряжений и решений; ж) попечение о воинах и сотрудниках правоохранительных учреждений, их духовно-нравственное воспитание; з) труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; и) наука, включая гуманитарные исследования; к) здравоохранение; л) культура и творческая деятельность; м) работа церковных и светских средств массовой информации; н) деятельность по сохранению окружающей среды; о) экономическая деятельность на пользу Церкви, государства и общества; п) поддержка института семьи, материнства и детства; р) противодействие деятельности псевдорелигиозных структур, представляющих опасность для личности и общества [16, С. 58-59].

В документе Архиерейского собора 2011 года «О принципах организации социальной работы в РПЦ» социальное служение Церкви трактуется как инициированная, организованная, координируемая и финансируемая Церковью или с помощью Церкви деятельность, имеющая своей целью оказание помощи нуждающимся [11].

Выделяются три вида социального служения: 1) благотворительность; 2) социальная деятельность: поддержка, укрепление и защита семьи, помощь старикам, инвалидам, людям, страдающим тяжелыми заболеваниями, бездомным, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, заключенным или освобождающимся из заключения, ВИЧ-инфицированным, малоимущим, погорельцам, мигрантам, семьям, потерявшим кормильца, людям, попавшим в иные трудные обстоятельства, лицам, страдающим наркотической или алкогольной зависимостью, а также другим людям, нуждающимся в помощи. Особо указывается, что церковная социальная деятельность не может порождать иждивенчество. Нуждающемуся необходимо не только выделять материальные средства, но и помогать в поиске правильного жизненного пути, в преодолении греховных пристрастий, а также в налаживании связей с профильными

государственными службами; 3) диакония — это деятельное и практическое выражение христианского милосердия и любви, заповеданной Спасителем.

«Церковный образовательный стандарт по подготовке социальных работников», принятый Высшим Церковным Советом и одобренный на заседании Священного Синода (2013 г.), дополнил перечень социальной деятельности, включив в нее: социальную работу в воинских частях и с молодежью, организацию добровольческой деятельности, участие в миссионерских поездках и встречах [20].

По данным Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ, реализация социальной концепции позволила достичь весомых результатов: на территории России действуют более 3500 церковных социальных учреждений, проектов и инициатив; около 300 сестричеств милосердия; более 400 групп милосердия; 27 кризисных центров с приютами для беременных женщин и матерей с детьми; около 40 богаделен; в 50 храмах и общинах ведется работа с глухими и слабослышащими людьми, в 9 приходах окормляют слепоглухих людей; 70 реабилитационных центров для наркозависимых; 232 православные организации, в том числе более 50 реабилитационных центров и приходов, помогают алкозависимым и их родственникам. Всего в Церкви действуют более 100 обществ, братств и групп трезвения; 72 православных приюта для бездомных общей численностью 1990 мест, 110 крупных благотворительных столовых, 56 пунктов выдачи вещей и 11 автобусов милосердия; более 60 разнообразных кружков, секций, досуговых центров работают для детей прихожан из многодетных, малоимущих и неблагополучных семей; 65 детских приютов, где проживают около 1,3 тысячи детей; более чем в 25 епархиях ведется преабортное консультирование женщин в женских консультациях; более чем в 10 епархиях проводятся регулярные молебны для беременных [15].

Отдавая должное социальному служению РПЦ, согласимся с замечанием К. Манхейма о том, что «католицизм очень рано разработал —

через томистскую традицию — своего рода социологию, рассматривающую социальные институты с точки зрения их функций: не так, как они представляли перед личным опытом и частной жизнью индивида, а как объективные функции, выполняемые ими в жизни общества в целом» [10, С. 509]. Это в полной мере относится к концепции социального служения католицизма. Особую роль в ее становлении и развитии сыграли папские энциклики и решения Второго Ватиканского собора, в которых поднимались острые вопросы социальной жизни верующих [9].

В утвержденном Папой Иоанном Павлом II «Катехизисе Католической Церкви» (1992 г.) провозглашается: «Дела милосердия - это движимые любовью действия, которыми мы приходим на помощь нашему ближнему в его телесных и духовных нуждах. Учить, советовать, утешать, поддерживать - значит совершать дела духовного милосердия, так же, как прощать и проявлять терпение. Дела телесного милосердия состоят, в частности, в том, чтобы накормить голодных, приютить бездомных, одеть оборванных, посетить больных и заключенных, похоронить мертвых. Среди этих дел милостыня, подаваемая бедным, является одним из основных свидетельств братской любви: она также есть праведное, богоугодное дело» [7].

«Компендиум социального учения Церкви» (2004 г.) зафиксировал четыре незыблемых принципа: достоинство человеческой личности, общее благо (всеобщее предназначение духовных и материальных благ), солидарность (в частности, преимущественное внимание к бедным), subsidiarность (участие граждан в общественной жизни).

В энциклике папы Франциска «Laudato si'» («О заботе об общем доме») (2015 г.) подчеркивается: «Нам надо вновь ощутить, что мы нужны друг другу, что у нас есть ответственность за других и за весь мир, что нам стоит быть добрыми и честными. Уже слишком долго мы пребываем в состоянии моральной деградации, издеваясь над этикой, добротой, верой и честностью, и настало время признать, что эта легкомысленная поверхностность не много принесла нам пользы» [20]. Понтифик

справедливо указывает на роль деятельного начала в преобразовании современного социума, призывая мирян к духовному самосовершенствованию и социальной активности во имя справедливости.

Протестантская (как и православная) доктрина отвергает католическое учение о спасении, связанное с утверждением о том, что церковь обладает сокровищницей «сверхдолжных» дел – «запасом» добрых дел, сотворенных Иисусом Христом, Богородицей, святыми и благочестивыми христианами.

Реформаторы полагают, что человек спасается, в первую очередь, верой в Бога, таким образом, протестантизм перенес центр внимания с внешних форм проявления милосердия и благотворительности на внутреннее содержание.

Ж. Кальвин, раскрывая суть социального служения церкви, подчеркивал, что забота о пользе ближнего предполагает собственное очищение – ни один человек не способен действовать сам по себе и достичь блага для собственных нужд [6]. Основным мотивом социального служения является то, что у каждого верующего есть заложенные в нем Богом «дары» (таланты) и индивид обязан использовать их на благо людей.

Уместно напомнить об опыте Армии Спасения [14] и том, что религиозный фактор сыграл существенную роль в формировании личности американской исследовательницы М. Ричмонд. В начале XX века Христианский общественный союз оказал весомую поддержку деятельности основательницы теории и практики социальной работы.

В 2014 году отечественные приверженцы протестантизма, пересмотрев принятый ранее (2003 год) документ «Социальная позиция протестантских церквей России», оставили неизменными его основополагающие положения: «Мы верим, что человек, сотворенный по образу и подобию Божьему (Быт. 9:6), наделенный Им свободной волей, правом выбора, способностью творить, предназначен быть носителем божественных качеств любви, доброты, сострадания и справедливости. Христиане-протестанты, члены

церквей, веруя в Господа Иисуса Христа, несут ответственность за ближних и сотворенный Богом мир» [17].

По их мнению, христианин должен заботиться не только о собственном благополучии, но непременно и об улучшении качества жизни других людей. «Чаще всего социальные проблемы и физические страдания людей берут начало в проблемах духовного характера. В своем социальном служении церкви помогают преодолевать не только последствия греха (такие как рост количества разводов, детская преступность, демографический кризис, всякого рода зависимости), но и трудятся над устранением их причин, предлагая обществу программы духовно-нравственного оздоровления» [17].

Таким образом, фундаментом триады «добролюбие – милосердие – социальное служение» в христианских конфессиях служит принцип любви к ближнему.

Подходы к социальному служению у христиан и мусульман во многом совпадают. Одним из пяти столпов ислама является закят - материальное пожертвование как разновидность поклонения Аллаху посредством расходования имущества. Мусульманин обязан (малоимущие освобождены от выплаты) ежегодно отдавать часть средств в помощь обездоленным и беднякам, сиротам, а также на некоторые социальные программы.

В суре 76 «Человек» Корана сказано о том, что праведники «кормят едой, несмотря на любовь к ней, бедняка, сироту и пленника: "Мы ведь кормим вас ради лика божия; не желаем от вас ни воздаяния, ни благодарности! Мы ведь боимся от нашего Господа дня мрачного, грозного". И Аллах избавил их от зла этого дня и дал встретить им блеск и радость».

Об отношении Мухаммеда к помощи неимущим свидетельствуют и хадисы: «благотворительная подать (милостыня) должна стать неотъемлемой частью каждого мусульманина», «каждая частичка человеческого существа должна творить милостыню каждый день с восхода солнца», «тот, кто (постоянно) находится среди людей и делит с ними их невзгоды, получит

лучшую награду (у Аллаха) нежели тот, кто сторонится людей, не желая разделить их беды» [19].

Подготовленные под руководством председателя Совета муфтиев России муфтия Рауиля Гайнутдина «Основные положения социальной программы российских мусульман» (2001 г.) стали базисной программой взаимоотношений мусульман с обществом и светским государством.

Документ провозглашает: «Особенность Ислама заключается [...] в том, что он не разделяет "духовное" и "мирское", а соединяет их в единую реальность, где цель и средства находятся в гармонии. Ислам предлагает человечеству эталон цельной и здоровой личности с чувством собственного достоинства и осознанием своих неотъемлемых прав и свобод. [...] Для Ислама характерны социальная направленность учения, пристальное внимание к проблемам земной, повседневной жизни человека. Российские мусульмане стремятся неукоснительно следовать заповедям Всевышнего Творца, Который в Своём Откровении — Священном Коране — и в Сунне Пророка (САС) дал основу правильного решения всех стоящих перед человечеством социальных проблем» [12].

Принципиально важным является положение о том, что «социальные пороки и личные жизненные трудности не могут быть преодолены, если сам человек не готов изменить свое положение». Следовательно, мусульманская концепция социального служения акцентирует внимание не только на помощи, но и на ответственности индивида за его выход из трудной жизненной ситуации.

Вместе с тем в постиндустриальную эпоху социальные отношения претерпевают серьёзные изменения. Н. Луман предлагает отказаться от понимания помощи как чего-то даримого, неожиданного, добровольного [8]. В структуре социального взаимодействия он видит только ожидаемые действия, способствующие уравниванию потребностей в контексте времени и определённых общественных устоев. Помощь реализуется в конкретных обстоятельствах, типологические характеристики которых понятны

взаимодействующим сторонам. Н. Луман подчеркивает, что организация стала доминирующей формой уравнивания потребностей и «программирование социальной помощи вытесняет на задний план незапрограммированную помощь». Плохо это или хорошо – другой вопрос, но ныне дела обстоят именно так.

Секуляризация общества приводит порой к искажению понимания сущности социального служения. Например, О. И. Антонова утверждает: «С точки зрения содержания социальное служение для светского общества и государства – деятельность нерелигиозная, некультовая, но для самих религиозных общностей имеющая культовое значение, так как направлена на достижение не только земных, но и неземных целей» [1, С. 10].

С такой трактовкой трудно согласиться. Во-первых, социальное служение является одухотворенной деятельностью людей во славу Божию; во-вторых, его неотъемлемой частью является миссионерство; в-третьих, например, в советский период социальное служение существенно ограничивалось, следовательно, КПСС и советское государство рассматривали социальное служение в качестве религиозной деятельности, что, безусловно, правильно.

Итак, концептуальными основами социального служения авраамических религий являются Священные Писания, труды выдающихся богословов, доктринальные документы конфессий. Несмотря на вероучительные особенности, в социальных концепциях традиционных для России религий имеется существенное сходство в определении содержания, объектов, субъектов и направлений социального служения.

Различия концепций обусловлены не только догматикой культов, но и спецификой их социально-исторического пути, влиянием государства на организацию и реализацию социального служения, степенью активности институтов гражданского общества в решении социальных проблем.

Список литературы

1. Антонова О. И. Социальное служение религиозных общностей в современной России: опыт социологического исследования. Автореф. дис. канд. соц. наук. – Екатеринбург: Урал. академия гос. службы, 2009. – 20 с.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. - М.: Юрист, 1994. – 702 с.
3. Грубарг М. Д. К истокам социального учения иудаизма [Электронный ресурс]. URL: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext> (дата обращения: 14.02.2016).
4. Задорин Д. Служение как христианская деятельность // Социальное служение: Сб. науч. трудов. Вып. 4 / Отв. ред. И. Е. Левченко, А. В. Старшинова. – Екатеринбург: Уральский ин-т соц. образования, 2007. - С. 16-22.
5. Зубанова С. Г. Социальное служение: Учеб. пособие для студентов. - М.: Лика, 2012. - 237 с.
6. Кальвин Ж. Наставление в Христианской вере. Т. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://bookre.org/reader?file=26738> (дата обращения: 14.02.2016).
7. Катехизис Католической церкви [Электронный ресурс]. URL: http://www.truechristianity.info/library/katehizis_katolicheskoy_cerkvi/katehizis_katolicheskoy_cerkvi_0322.php (дата обращения: 14.02.2016).
8. Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. 2000. № 1/2. - С. 16-35.
9. Майка Ю. Социальное учение Католической Церкви / Пер. с польск. - Рим-Люблин: Издательство Святого Креста, 1994. - 480 с.
10. Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. - М.: Юрист, 1994. – 700 с.
11. О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви (Документ Архиерейского Собора 2011 года)

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html> (дата обращения: 14.02.2016).

12. Основные положения социальной программы российских мусульман [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/conception/islam/> (дата обращения: 14.02.2016).

13. Основы социальной концепции иудаизма в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/conception/judaism/> (дата обращения: 14.02.2016).

14. Остапенко Г., Чернышёва О. Армия спасения в прошлом и настоящем // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1993. С. 101-108.

15. Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diaconia.ru/statistic> (дата обращения: 14.02.2016).

16. Социальная концепция Русской Православной Церкви. – М.: Даниловский благовестник, 2001. - 189 с.

17. Социальная позиция протестантских церквей России (2014 год) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xmkk.org/2014/02/479> (дата обращения: 14.02.2016).

18. Франциск, Папа Римский. Энциклика «Laudato si'» («О заботе об общем доме») [Электронный ресурс]. URL: http://sib-catholic.ru/wp-content/uploads/2015/10/Laudato_si.pdf (дата обращения: 14.02.2016).

19. Хадисы Пророка. Милостыня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imam.ru/hadis/milostiny.html> (дата обращения: 14.02.2016).

20. Церковный образовательный стандарт по подготовке социальных работников [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3608630.html> (дата обращения: 14.02.2016).

**ГЛОБАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ОСНОВНЫЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СОЦИОЛОГИИ КОНЦА XX –
НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Мартыненко, Т.С.

*Аспирант Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра истории и теории
социологии*

Москва

ts.martynenko@gmail.com

**GLOBAL SOCIAL INEQUALITIES: BASIC METHODOLOGICAL
APPROACHES IN SOCIOLOGY OF THE LATE XX – EARLY XXI
CENTURY**

Martynenko, T.S.

*Graduate of Moscow State University. MV University, School of Sociology,
Department of History and Sociology Theory*

Moscow

ts.martynenko@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Проблема социального неравенства является одной из важнейших в социологии. В эпоху глобализации исследователи неравенства говорят о появлении нового предмета исследований – «глобального социального неравенства». Его новизна не только в увеличившемся масштабе, но также в появлении новых форм неравенства и наложении «старых» и «новых» форм, что в свою очередь требует модификации исследовательской методологии. Глобальное социальное неравенства не сводимо к простой сумме различных форм неравенства между государствами и внутри них, но предполагает единство человечества. В современной социологии концептуализация глобального социального неравенства происходит при помощи таких терминов, как «социальная эксклюзия», «риск», «бедность», «доступ», «сеть», «мобильность» и др.

ABSTRACT

The problem of social inequality is one of main issues of sociology. Researchers of inequality obtain a new subject in the age of globalization – “global social inequality”. Its novelty is not only increase of scale, but also the emergence of new forms of inequalities and the overlapping of “old” and “new” forms, requiring modification of research methodology. Global social inequality couldn't reduce to a simple sum of different forms of inequality between and within states, but suggests the unity of humanity. Contemporary sociology conceptualizes global social inequality in terms of “social inclusion”, “risk”, “poverty”, “access”, “network”, “mobility”, etc.

Ключевые слова: современная социология|| теория неравенства|| глобальное неравенство|| методология социологии|| м. буравой|| г. терборн

Keywords: contemporary sociology|| theory of inequality|| global inequality|| methodology of sociology|| m. burawoy|| g. therborn

Общество начала XXI в. претерпевает значительные изменения, характер которых противоречив. С одной стороны, год от года растет взаимозависимость мира, на повестку дня политиков, ученых и общественности выходят вопросы глобального общественного устройства. С другой стороны, обнажившаяся поляризация и разногласия между регионами и внутри отдельных стран, которые все чаще выражаются в протестах, восстаниях, открытых военных конфликтах, уносящих жизни сотен тысяч людей. В то время, как часть населения планеты живет в обществе информационных технологий и Интернет сетей, другая никогда не имела доступа к сетям электрическим. Неравенства в доступе к образованию, медицинским услугам, жизненным шансам и здоровой окружающей среде все чаще заявляют о себе как в рамках конкретных государств, так и на международном и глобальном уровне. В связи с тем, что проблема неравенства приобретает все более острый характер, растет интерес исследователей к данной проблематике. Социологи не являются

исключением, и сегодня социология неравенства представляет собой совокупность многочисленных теорий и подходов к интерпретации социального неравенства.

Неравенство представляет собой сложный и многогранный феномен. Как объект исследования неравенство обладает своей спецификой, которая связана с тем, что, во-первых, изучение неравенства всегда включает не только теоретический, но и практический аспект. Эти аспекты имеют различную историю. Проблема неравенства, так или иначе, сопровождает человечество на протяжении всей его истории и затрагивает жизни большинства людей. В свою очередь теоретическое осмысление неравенства, которое складывалось первоначально в рамках философии, в настоящее время является предметом изучения многих наук, каждая из которых формирует свое представление о неравенстве, его роли, факторах, критериях и субъектах. Во-вторых, необходимо отметить противоречивость интерпретации неравенства: в разное время в научном и в общественном сознании неравенство рассматривалось и как двигатель социального прогресса, и как препятствие на его пути. Кроме того, за время изучения, несмотря на ряд подходов, которые противоречат данной позиции, социальное неравенство все чаще рассматривается как проблема неразрешимая. Как подчеркивает М.К. Горшков, «имея статус проблемы не только научной, но и социальной, неравенства отличаются естественно-историческим измерением. Обусловленные природой и самой сущностью мира людей, различиями в способностях и возможностях индивидов, особенностями социальной среды их обитания, неравенства имманентны всем фазам исторического развития социума: они существовали, существуют и будут существовать до тех пор, пока существует человеческое общество» [1]. Тем не менее, все чаще ученые, принадлежащие различным областям знания, подчеркивают дисфункциональный характер высокого уровня неравенства в современном обществе. Из этого следует, что решение проблемы социального неравенства для современной науки означает поиск

такого уровня неравенства, который, признавая различия и многообразие индивидов и обществ, может считаться оптимальным для наиболее благоприятного развития каждого индивида и общества в целом.

В связи с беспрецедентными попытками социологов описать, объяснить и в определенной степени повлиять на проблему глобального социального неравенства (так, например, Международный социологический конгресс 2014 г., а также Конференция европейской социологической ассоциации 2015 г. были полностью посвящены проблемам социального неравенства в глобальном мире), возникает необходимость подчеркнуть некоторые особенности социологического взгляда на данную проблематику в противоположность распространенным экономическому и политическим взглядам, где неравенство сводится к экономическому неравенству внутри государств между классами и экономическому неравенству между государствами. Поэтому цель данной работы – подчеркнуть специфику и выявить основные методологические установки, лежащие в основе социологической интерпретации проблемы социального неравенства в контексте глобализации. Предпринята попытка составить общее представление о глобальном социальном неравенстве в современном обществе, сформировавшееся в зарубежной и отечественной социологии начала XXI в..

В качестве особенностей современных социологических теорий социального неравенства можно, по мнению автора, выделить как минимум следующий ряд положений. Во-первых, современная теория характеризуется отходом от универсализма классической социологии, который заключается в измерении неравенства любого уровня на основе единых, чаще всего экономических, критериев. Проблема глобального социального неравенства не решается простым объединением экономических, политических и иных критериев. Речь идет о пересмотре самих оснований теорий социальной стратификации и социального неравенства в связи с глобализацией: кто является субъектом этих отношений, каковы контекстуальные различия

критериев сравнения, как соотносятся макро и микро неравенства, каковы последствия этих неравенств для устойчивости социальных систем. В связи с этим исследования все чаще носят междисциплинарный характер.

Современные теории подчеркивают разнородность форм, степени неравенств, а также динамики неравенств. Под влиянием двух основных характеристик современности – глобализации и беспрецедентного распространения информационных технологий – в социологической теории существует необходимость рассматривать глобальное общество как многоуровневое комплексное образование, которое, тем не менее, обладает высокой степенью взаимозависимости и взаимовлияния. Появляются концепции, в которых наряду с традиционным географическим пространством в качестве важного элемента окружающей действительности рассматривается виртуальное или киберпространство, фиксируется пространственно-временная трансформация.

Во-вторых, социологи все чаще обращаются к попытке объяснить, что представляет собою «неравенство» как таковое. Например, Г. Терборн исходит из того, что любому исследованию социального неравенства должен предшествовать ответ на вопросы о том, что такое «неравенство», чем оно отличается от «различия», и кто является основными субъектами отношений социального неравенства. Само установление неравенства ведет к разрыву этой общности и фиксирует, по мнению Г. Терборна, нарушение нормы равенства [см. 9]. В современной социологии широко обсуждается проблема соотнесения неравенства и различия. Особый вклад в соотнесение этих понятий внесла социологическая теория феминизма [5; 7].

Кроме того, необходимо отметить попытки социологов преодолеть взгляд на глобальное неравенство как на неравенство между странами. Как подчеркивает Г. Терборн, поляризация *внутри* стран взамен обнажившейся после Второй мировой войны поляризации *между* странами не только набирает обороты, но и определяет методологические установки исследователей и заставляет выходить за пределы государства двояким

образом: во-первых, учитывая неравенство в глобальном масштабе, а, во-вторых, обращаясь к обновленному понятию «класс» [9] или выходя и за его пределы [4]. Тем не менее, роль государства в сокращении неравенств остается высокой, что также отмечают социологи. Исследование социальных неравенств в эпоху глобализации также тесно увязано с теориями глобальной справедливости, прежде всего, Дж. Ролса, А. Сена и М. Нуссбаум.

Наконец еще одной особенностью выступают поиски социологией альтернативы неравному миру, мер снижения, сокращения неравенств в мире. Существует как минимум две перспективы, с точки зрения которых социологи стремятся разработать меры по снижению социального неравенства. Эти перспективы можно обозначить как «критический» и «трансформистский». Представители критического подхода базируются на существующих обстоятельствах, выбирая, преимущественно, политические и экономические меры. Примером такого подхода являются позиция Т. Пикетти, согласно которому необходимым условием снижения неравенства является введение прогрессивной шкалы налогообложения. Основой для выделения представителей трансформистской перспективы служит классификация исследователей по отношению к глобализации Д. Хелда, который выделяет гиперглобалистов, скептиков и трансформистов [2]. Д. Хелд относит к последним не только себя, но и Э. Гидденса, Р. Мунка. Общим является взгляд на глобализацию как на основную движущую силу современности, как на неопределенный и во многом случайный процесс, который создает новые иерархии в мире взамен разделения на глобальный Север и Юг, проникает внутрь стран и континентов. К примеру, Э. Гидденс подчеркивает необходимость пересмотра существующей в Европе социальной модели, направленной на помощь «пассивному гражданину» [6]. Взамен британский социолог предлагает разработать новую социальную модель, основной характеристикой которой станет не помощь человеку, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации, а формирование активного гражданина, способного ориентироваться в жизненном пространстве и

отстаивать свои права. По мнению Э. Гидденса, именно развитие гражданского общества, а не социального государства будет способствовать снижению социального неравенства и становлению более справедливого общества. Важнейшим элементом этого процесса должна стать трансформация системы воспитания и образования.

Важным элементом современных социологических теорий социального неравенства является обращение к изучению глобального социального неравенства и неравенству в глобальном масштабе. Социологическая категория «глобальное неравенство» была введена в научный оборот социологии во второй половине XX в. и является для социологической теории относительно новым понятием. Специфика рассматриваемой категории базируется на особенностях социологической теории конца XX – начала XXI в. Анализ содержания категории «глобальное социальное неравенство» необходимо предварить указанием на тот факт, что, с одной стороны, первенство в исследовании этого неравенства (особенно неравенств в глобальном масштабе) не принадлежит социологии, и, с другой стороны, что современные исследования часто носят междисциплинарный или даже трансдисциплинарный характер, что является залогом их продуктивности и адекватности. Тем не менее, в этой деятельности по изучению глобального неравенства каждая наука выполняет свою функцию, раскрывающую специфику каждой дисциплины. В социологии двумя важнейшими подходами к изучению неравенств, выходящих за рамки национальных государств, становится изучение неравенств в глобальном масштабе и собственно глобального социального неравенства.

Усложнение системы международных отношений, усиление экономического, политического взаимодействия посредством современных информационных технологий и роста транспортных сетей, увеличение числа потоков капиталов, товаров, миграционных процессов и другие проявления глобализации заставили ученых взглянуть на мир иначе, чем структурируя его через совокупность национальных государств. Указанные процессы

продемонстрировали проницаемость границ отдельных стран и необходимость изменения методологических установок.

Существует несколько способов структурирования пространства международных отношений. Со времен установления Вестфальской системы международных отношений и оформления современного государства вычленение суверенных национальных государств являлось основным способом структурирования мира. Субъектами этих отношений являлись государства, а неравенство изучалось преимущественно внутри конкретных наций. Значительные изменения в устоявшемся порядке произошли во второй половине XX в.. Послевоенный период ознаменовался появлением ряда не только международных, но и наднациональных неправительственных организаций, ориентированных на решение конкретных проблем всего населения Земли. В это же время возникает ряд классификаций, предполагающих объединение отдельных стран в группы или регионы на основе разнообразных критериев. Предшествовало появлению этих классификаций широко распространенное деление на Запад и Восток, основной целью которого было подчеркнуть различие культур, ценностей, норм и уклада жизни. Одним из первых послевоенных подходов, возникших в период холодной войны, была классификация, предложенная Альфредом Сови в 1952 г.. Французский социолог и демограф разделил планету на три «мира»: Первый, Второй и Третий. Формальным основанием для классификации стало различие в идеологических программах, а результатом – отнесение стран, либо к советскому блоку («Второй мир»), либо к американскому («Первый мир»). На основе своего подхода А. Сови изучал различие в демографических процессах, происходящих в странах, которые входят в отдельные регионы. Способствовало закреплению подобного членения создание Североатлантического альянса (1949 г.), а также подписание Варшавского договора (1955 г.). Термином «Третий мир» А. Сови обозначал страны, сохраняющие нейтралитет в противостоянии между СССР и США.

Классификация А. Соби получила значительное распространение в середине XX в., тем не менее, уже в 70-е гг. формируется новое представление о структуре мира. Наибольшее распространение получает подход, предложенный Мао Цзэдуном. Согласно позиции китайского политического лидера того времени, основным критерием для классификации стран становится степень развития этих стран, а не идеология. Это позволяет Мао Цзэдуну отказаться от представления системы международных отношений как биполярной и рассматривать ее как полицентричную. Исходя из указанной классификации, такие сверхдержавы как США и СССР относились к Первому миру, ко Второму миру относились их союзники. Наконец, Третий мир формировали страны, относящиеся к движению неприсоединения. Широко популяризированный М. Кастельсом термин «четвертый мир» в отличие от предыдущих не фиксирует пространственное измерение, но служит для обозначения части населения внутри отдельного государства.

Другой классификацией, стремящейся адекватно описать мировое устройство, выступил подход, где на основе выделения «развитых» и «развивающихся» стран выделяются глобальный Север и глобальный Юг, выступающие в данном варианте основными субъектами социального неравенства в глобальном масштабе. Этот подход не только сменил деление на Запад и Восток и биполярную модель, но и выступил основным после распада Восточного блока и коллапса СССР. Границей между глобальным Севером и глобальным Югом обычно считают так называемую «линию Брандта», которая делит мир на богатый и развитый Север и бедный и развивающийся Юг. Одним из показателей для подобного членения служил индекс человеческого развития (Human Development Index), наиболее подробно разработанный А. Сенем.

Рассмотренные выше подходы к членению мира при всем их разнообразии остаются сходны в одном: базовой единицей выступают конкретные государства, объединенные в группы, а основными показателями

высокого положения (за исключением подхода глобальный Север и глобальный Юг) выступают не комплексные и чаще всего экономические критерии. Другой характеристикой этих классификаций является возможность географической фиксации субъектов глобального неравенства: каждое отдельное государство выступает целостным элементом, включенным в группу государств.

Еще одним широко применяемым подходом к изучению неравенства в глобальном масштабе является вычленение отдельных неравенств, которые, так или иначе, затрагивают все население Земли. На смену универсальным экономическим критериям приходит признание многообразия мира и людей в нем. Учитываются различия не столько в статусах, сколько в идентичностях. В рамках этой перспективы возможно выделение нескольких групп неравенств: неравенства в доступе к ресурсам (например, неравенства доходов), социальные неравенства, основанные на различиях (например, расовое, половозрастное), неравенства в доступе к технологиям (например, цифровое или информационное), неравенства идентичностей (например, неравенства гендера, сексуальной ориентации), неравенства жизненных шансов (например, гражданство конкретной страны или его отсутствие, принадлежность к семье, неравенство в доступе к образованию). Обособленно среди указанных видов неравенств находится инвайронментальная тематика. По мнению М. Буравого, экологическое неравенство является первой осознанной и собственно глобальной проблемой. Вычленение представленной классификации является аналитическим приемом, который способствует упорядочиванию всего многообразия социологических теорий социального неравенства.

Начиная с 70-х гг. XX в. оформляются теории глобального социального неравенства. Их особенностью по отношению к теориям, рассматривающим неравенство в глобальном масштабе, становится представление о мире как о едином социальном пространстве, в т. ч. пространстве социального неравенства. Одним из первых подходов, заложивших глобальную

перспективу является мир-системная теория И. Валлерстайн, которая, с одной стороны, делит мир на 3 части (периферия, полупериферия и ядро), а с другой стороны – фиксирует их тесную взаимосвязь и зависимость.

В современной социологии среди всего многообразия подходов к изучению неравенства можно выделить два основных методологических подхода к изучению глобальных неравенств: классовый и сетевой. Первый, являясь наследником марксистской традиции, представлен в трудах таких ученых, как Г. Терборн, Л. Скляр, У. Робинсон, Дж. Харрис и др.. Сетевой подход является относительно новым теоретическим построением и ведет свою историю от теории общества Э. Гидденса, предложившей замен «контейнерной» теории общества «барельефную». Основными представителями этого подхода являются М. Кастельс, Р. Хассан, Т. ван Дейк. Дж. Урри, представители акторно-сетевой теории и др. Несмотря на наличие подходов, которые не входят в предложенную типологию, указанные два, выступая аналитическим приемом, позволяют охватить большую часть существующих в настоящее время теорий глобального социального неравенства.

Тем самым, социология глобальных неравенств начала XXI в. является динамично развивающимся разделом социологической теории и предстает активной действующей силой, направленной на пересмотр собственного положения в мире и наиболее полного изучения неравенств, а также предполагающей поиск альтернатив неравному миру.

Список литературы

1. Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 20-31.
2. Хелд Д. Глобальные трансформации. М.: Праксис, 2004.
3. Bauman Z. Collateral Damage: Social Inequalities in a Global Age. Cambridge, Malden: Polity Press, 2011.

4. Beck U. Beyond Class and Nation: Reframing Social Inequalities in a Globalizing World // British Journal of Sociology. 2007. Vol. 58 (4). PP. 679-705.
5. Butler J. Gender Trouble. New York: Routledge, 1990.
6. Giddens A. Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe? Cambridge: Polity Press, 2014.
7. Mitchell J. Women – the Longest Revolution // New Left Review. 1966. № 40. C. 11-37.
8. Rifkin J. The Age of Access. N.Y.: J.P. Tarcher/Putnam, 2000.
9. Therborn G. Inequalities and Latin America: From the Enlightenment to the 21st Century // Working Paper Series. 2011. № 1. P. 1-31.

ХАЙДЕГГЕРИАНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Моисеенко Я.Ю.

HEIDEGGERIANISM IN CONTEMPORARY POLITICAL PHILOSOPHY

Moisseenko Y.Y.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается оппозиционная постмодернистским трендам современности хайдеггерианская традиция в политической философии. На примере Четвёртой Политической Теории предлагается неконформистское видение субъекта политики и природы политической власти, отличающие её от политической философии Модерна (либерализм, марксизм, национализм).

ABSTRACT

The article is concerned with heideggerianism in political philosophy which is the opposition to contemporary postmodern trends. The Forth Political Theory is cited here as an example of nonconformist approach to the subject of politics and the essence of political power, that distinguish it among the political philosophy of Modernity (Liberalism, Marxism, Nationalism).

Ключевые слова: Политическая философия, хайдеггерианство, модерн, политический субъект, политическая власть

Key words : Political philosophy, heideggerianism, modernity, subject of politics, political power

На современном этапе философия переживает очередную стадию переосмысления, где сомнению подвергаются многие принципы, казавшиеся в прежних мировоззренческих системах незыблемыми. В этом отношении показательным является процесс размывания парадигмальных оснований, на которых строилась европейская политическая философия Нового времени, в частности, с её классическими представлениями о власти, субъекте и объекте политики, пространстве, времени. Наступающие постмодернистские тренды,

если и не отвергают полностью, то подвергают фундаментальной ревизии структурные составляющие политической онтологии, и стремятся сместить акцент внимания в область биополитики, трансгуманизма, «мобильностей», «пространства потоков», раздвинуть тем пределы философской программы Модерна, открыв для неё новые, уже «постфилософские» перспективы.

Подобные метаморфозы с областью Политического стали возможны после того как идеологическое противостояние трёх главных политических теорий Модерна – либерализма, марксизма (коммунизма) и национализма (во всех формах) завершилось интеллектуальным поражением вначале третьей, а затем и второй идеологии. В 90-е гг. вышедший единоличным «победителем» либерализм провозгласил перспективу «Конца истории» и сосредоточился на реализации заложенной программы «Экономика – это судьба». Результаты форматирования дискурса политической философии в подобном ключе стали явственно выражаться в философской повестке XXI века, в центре внимания которой остались преимущественно либеральные концепты: «индивидуум», «права человека», «глобализм», «мировой рынок», «гражданское общество» и другие.

Нерефлексируемое повсеместное распространение, утверждение этих постулатов в качестве универсальных повлекло за собой становление безапелляционной гегемонии либерализма, индивидуализма и капитализма как мировоззренческих оснований большинства современных социальных, экономических, политических систем. Однако, вопреки тому, что результаты этой доминации на практике оказываются плачевными, так как способствуют стиранию цивилизационных особенностей разных обществ, форматированию разнообразия и диссипации социальных связей между людьми, современная политическая философия по-прежнему остаётся под влиянием «либеральной цензуры». Гегемония «фильтрует» интеллектуальную активность контр-элит и, в конечном итоге, абсорбирует разрозненные «псевдо-левые» и «псевдо-правые» течения, оставшиеся как бы «не у дел» после неудач глобальных коммунистических и националистических экспериментов XX века.

Тем не менее, подавить все вызовы посредством включения их в собственный «леволиберальный» и «праволиберальный» спектр гегемония не может, поскольку существуют как отдельные идеи, так и целые направления мысли, не заигрывающие с ней, а открыто оппонирующие «статус-кво». В своём стремлении «обезопасить» себя от любого содержательного диалога, она стремится вытеснить такие идеи на периферию философской мысли, маргинализировать их. В дело вступают технологии дискредитации, гегемония оперирует ими с помощью различных экспертных сообществ, включённых в либеральный дискурс, через пропаганду в СМИ и сети Интернет, используя институты «гражданского общества», образовательные программы и гранты.

Несомненной актуальностью обладает исследование политических теорий, оппозиционных этому дискурсу и способных предложить некую осмысленную альтернативу либеральному проекту, при этом, не являющихся попыткой реанимировать марксистскую/националистическую версию уже заканчивающегося на наших глазах Модерна, равно как синтезировать их. Одним из таких нонконформистских вызовов, брошенных современности, является Четвёртая Политическая Теория (далее – 4ПТ), позиционируемая её авторами (А. Г. Дугин, А. де Бенуа) как политическое измерение философии Мартина Хайдеггера [6, 1]. Стремясь внести посильный вклад в разработку политико-онтологических оснований 4ПТ, в данном исследовании будет проведён краткий анализ её представлений о *субъекте политики и природе политической власти*. Но прежде чем приступить к рассмотрению ракурса 4ПТ на ключевые вопросы политической онтологии, необходимо принять во внимание те методологические особенности, которые может привнести в политологию традиция хайдеггерианства.

Стоит отметить, что объектом критики 4ПТ среди методологических подходов является *позитивизм*. Эксплицитно эта установка выражается в неприятии его претензий на универсализм, замкнутости на бихевиоризме, технологической рациональности и сведении всей полноты гуманитарного знания к одним лишь статистическим выкладкам. Ставшие продуктами этого

сциентического подхода теории «рационального выбора», «case study» и либеральный институционализм, с точки зрения 4ПТ, являются примерами не только подмены внимания к Политическому озабоченностью частными интересами отдельных индивидуумов, но и вырождением философии как таковой.

При этом в методологический арсенал 4ПТ органично вписываются другие подходы: такие как *аксиологический* и *деонтологический*, согласно которым философия должна заниматься вопросами об «общем благе», проблематикой «хорошего»/ «дурного» правления, поиску политической «мудрости» и т.п. [13; с. 4]. 4ПТ широко работает с *концептологическим* подходом, так как в её фундамент авторы закладывают терминологический тезаурус философии Мартина Хайдеггера [17, 19]. Активно используется *мультипарадигмальный* подход, что находит своё выражение в апелляции к философии традиционализма, неклассической «социологии глубин» Дюрана и постмодернистской или критической теории в международных отношениях Р. Кокса, Ст. Джилла, Дж. Хобсона и др. [4].

Принципиально новаторским является пополнение политологического методологического арсенала таким философским методом как *Differenz*, который был провозглашён М. Хайдеггером в качестве фундаментального [17; p. 14]. В программном произведении «Четвёртый Путь», А. Г. Дугин рассуждает о том, что существует необходимость корректного введения хайдеггерианского *ontologische Differenz* как метода «корневого различения бытия и сущего» в методологию политических наук [6; с. 214]. Также он пишет, что с помощью *politologische Differenz* станет возможным «отделить всё то, что составляет совокупность политики..., как от политологии, обобщающей всё это в агломератную модель..., так и от номинализма, предлагающего рассматривать элементы политики отдельно, изолируя их от каких бы то ни было политических обобщений» [6; с. 219]. Результатом этой вивисекции предметной области политики посредством *Differenz* становится

выявление чистого момента *Политического* (по К. Шмитта), сосредоточиться на *корневом* внимании к чему и призывают адепты 4ПТ.

Метод *politologische Differenz* представляет собой высокую ценность, поскольку сфера его применимости чрезвычайно обширна – с его помощью исследователь получает возможность работать как с политическими «пре-концептами», так и с оформленными политическими идеологиями и целыми программами. При этом «радикальность» метода и его интеллектуального арсенала позволяет открывать за постулатами, ставшими как бы «обыденным знанием» («conventional wisdom»), новые смыслы и глубинные измерения. Одним из примеров его применимости к политической проблематике стало введение в область политологии пре-концепта *Dasein*, транспозиция которого в политологический словарь была также осуществлена из философского тезауруса М. Хайдеггера [17]. Более того, метод *Differenz* позволил авторам 4ПТ сфокусировать внимание на *Dasein* не просто как на одном из объектов исследования в череде других, но выстроить вокруг него политическую философию целиком, поместить *Dasein* в Центр, по аналогии с «недвижимым двигателем» Аристотеля. В первую очередь, данная задача была реализована посредством вскрытия или «взрыва», т.е. имплозии аналогичного «Центра» философии Нового времени – *субъекта*, версии и интерпретации которого были заложены в фундамент трёх основных её политических теорий.

Для философской традиции Модерна характерным было выявление в качестве субъекта *индивидуума*, но максимальное политическое значения он приобрёл в первой политической теории, т.е. в либерализме, в то время как вторая и третья теории, на первый взгляд, оперируют с другими категориями субъектности. В марксизме ею обладает *класс*, а в национализме (взятом «по модулю») – *буржуазная нация*. Таким образом, нам может показаться, что, артикулируя в качестве своего «главного врага» именно либерализм, 4ПТ вступает в некий условный «союз» со второй и третьей политическими идеологиями и с согласованных с ними позиций критикует либеральный взгляд на антропологию, общество, политику, экономику и прочее [1; с. 11].

Однако при должном внимании к радикальной, *корневой* оппозиции дискурса 4ПТ модернистскому дискурсу в любом его проявлении, становится очевидным: либерализм выделяется из ряда других политических идеологий только потому, что представил наиболее убедительные аргументы в борьбе за право считаться квинтэссенцией Нового времени. Более того, именно либерализм в наиболее чистом виде содержит в себе его философское «ядро» – *индивидуума* как политического субъекта, тогда как вторая политическая теория апеллирует к *классовой* коллективной идентичности, которая при вскрытии методом *politologische Differenz* тоже оказывается завуалированной «индивидуальностью», но только уже не «субъектной», а «объектной». Своего рода «коллективным индивидуумом» как не-делимой искусственной инстанцией является и *нация* (тем более, *раса*), юридически представляющая «народ» в политическом поле, но являющаяся опять не более чем условной конвенцией, лишённой истинной онтологической нагрузки.

Таким образом, хайдеггерианская традиция в политической философии может использовать и использует отдельные элементы левых или правых идеологий XX века, обращая внимание на их позитивный опыт развенчания либеральных концептов. Но она всецело отвергает их обе как оформленные политические философии, поскольку элиминировать фигуру *индивидуума* из структуры Политического невозможно с опорой на хитро завуалированные под видом холистических общностей альтернативные формы тех же самых субъектных «индивидуальностей». Постулируя в качестве субъекта политики *Dasein*, 4ПТ предлагает радикально иной ракурс на саму «субъектность», поскольку привносит в этот концепт «онтическое» измерение и, тем самым, представляет фундаменталь-онтологическое основание Политического. В фундаментальном труде «*Sein und Zeit*» М. Хайдеггер описывает *Dasein* как своего рода «мыслящее присутствие», некий феномен, который невозможно уловить «только мысленно» или «только телесно», который не является ни субъектом, ни объектом, а экзистировать между ними («*inzwischen sein*») [17; p. 55]. При этом важно учитывать, что *Dasein* находится «между» субъектом и

объектом в тот момент, когда те ещё не были разделены, дифференцированы посредством мышления, то есть на уровне пре-концептов.

Подтверждением этого тезиса может стать морфологический анализ самого термина, на значимость которого намекали и переводчики Хайдеггера на английский язык Дж. Маквайер и Э. Робинсон [17]. Они подчёркивали семантический вес приставки «da» написанием слова через «дефис» как «Da-sein». Если «Sein» указывает на «бытие», что в результате трансформации одного из экзистенциалов («заброшенности») превратилась в отчуждённую от бытия категорию «субъекта», то как раз происхождение указательного местоимения «da» прослеживается в понимании окружающего мира как «объекта». Так 4ПТ предлагает переосмыслить субъектность «индивидуума» в экзистенциальном ключе, развенчать его нулевой онтологический статус, который тот безуспешно и, с философской точки зрения, несостоятельно пытается подтвердить в обладании «объектом» (частной собственностью). Считается, что интеллектуальный демонтаж индивидуума в конкретности бытия Dasein, с одной стороны, совершит его имплозию на концептуальном уровне, а с другой – преодолет отчуждение человека от бытия. Последнее может стать залогом создания политической системы, которая впервые будет построена не на дуализме «субъекта» и «объекта», противопоставляемых друг другу в горизонтали, а на целостном, гармоничном бытии человека в конкретном политическом пространстве.

Обращаясь ко второму, но не менее важному элементу политической онтологии – *власти*, следует заметить, что существует несколько трактовок сущности, происхождения, источника и ресурсов её феномена. А. Кожев в своей книге «Понятие власти» описывает классические интерпретации её происхождения, где выделяется преимущественно одна главенствующая черта, один универсальный источник её бытия. В политической философии платонизма таким принципом является «Благое», теократическая теория утверждает, что абсолютная власть принадлежит только Богу, тогда как остальные власти являются относительными и производятся из неё [8]. Что

касается философии Гегеля, где сущность властных отношений сводится к диалектике Господина / Раба как фигур «Победителя» и «побеждённого», то её Кожев считает совершенной по фундаментальной разработанности: «как на уровне феноменологической дескрипции, так и на уровне онтологического анализа» [8; с. 7].

Аргументированность его оценки подтверждает аффектированность метафорикой Гегеля многих последующих концепций политической власти: неклассических трактовок (К. Маркс, Ф. Ницше) и даже постнеклассических (М. Фуко, Дж. Батлер). Разница заключается в том, что в формате марксизма и ницшеанства напряжённость взаимоотношений фигур «Господина» и «Раба» доводится до предела (идея антагонизма классов, идея антагонизма Сверхчеловека и «среднего человека»), тогда как постмодернисты стремятся преодолеть их диалектику, представив власть комбинаторной или случайной производной от столкновений «силовых полей».

Что касается онтологических оснований, сущности, источника власти в хайдеггерианстве, то оригинальность подхода 4ПТ станет наглядней, если рассматривать его в оппозиции модернистским воззрениям на этот вопрос. Важно учитывать, что каждая из политических философий Нового времени интерпретирует «власть» по-своему, но неклассическое понимание Ф. Ницше позволяет выявить у них «общий знаменатель», который определял вектор развития интеллектуальной мысли в XX веке. Речь, в первую очередь, идёт о сдерживании или освобождении «воли к власти» как движущей силы политической жизни. К примеру, первостепенной задачей политических обществ, построенных на ценностных основаниях либерализма, является диссипация власти, её распыление, что осуществляется посредством реформ «разделения властей», парламентаризма и установления системы «сдержек и противовесов». С точки зрения Ницше, подобная организация власти в либеральных демократиях служит идеалам «посредственных людей», апеллирует к конформизму и является залогом успешности «стадного животного поставить себя на место Господина» [10; с. 410].

Не лучшим было его отношение к пониманию проблематики «власти» и во второй политической теории, марксизме (социализме, в частности), который, с его точки зрения, подменял «бурную стихию настоящей жизни» наивными грёзами о добре, основанном на перераспределении материи, равных правах и тому подобном. Однако Ницше допускал, что некоторые адепты этой идеологии были больше открыты «воле к власти», нежели либералы, обладали революционным потенциалом, но в силу «ущербности» обратить они его были способны только во имя «тирании ничтожнейших и глупейших» [10; с. 91].

Несмотря на то, что Ницше подвергал достаточно жёсткой критике и «буржуазный национализм», указывая на договорную, контрактную природу государства-Левиафана, тем не менее, политическая философия третьего пути больше отвечала его представлениям об «идеале» организации власти. Его Ницше видел в Государстве военизированного, национального протекционизма, что было воплощено на практике немецким национал-социализмом и итальянским фашизмом. Безусловно, оба этих режима стали манифестацией политики, которая руководствовалась идеей о «Сверхчеловеке» и «волей к власти» в предельно свободной стихии, но с точки зрения *politologische Differenz* принципиально важным здесь является не ограничивать внимание к ницшеанской интерпретации власти *только* политической философией Третьего пути.

Как показала практика развёртывания марксистской и либеральной мысли в XX веке, вторая политическая теория также была впоследствии аффектирована ницшеанством (иррационализм Ж. Батая, постмарксизм Ж. Делёза). И даже либерализм, что всячески уклонялся от прямых контактов с её проблематикой за буржуазным парламентаризмом и «правами человека», в одном из направлений, (а именно, в политической философии айнрэндизма), однозначно была проникнута идеей «воли к власти», выразителем которой стал «Сверхчеловек», но уже либерального толка – «Олигарх» [14]. Таким образом, можно утверждать: весь спектр политической философии Нового

времени разворачивался вокруг единой оси – «воли к власти», за разницей того, что одни теории стремились реализовать заложенный в них властный потенциал, другие, напротив, «бежали» от него на периферию, пытаясь преодолеть напряжённость диалектики «Господина и Раба» приданием их отношениям институционального, регламентируемого характера.

Принципиальным отличием хайдеггерианского прочтения сущности политической власти от других трактовок является преодоление в нём технологической проблематики, эксплицитным выражением которой и стала ницшеанская идея «воли к власти», движущая сила политических идеологий Модерна. Во всех них *власть* представлялась как нечто, что необходимо «производить», и как нечто, что «производится» в результате столкновения различных сил. И первое, и второе, является торжеством функциональных подходов к её сущности, которые М. Хайдеггер суммировал под понятием «Machenschaft», что можно расшифровать как некий «способ существования бытия, когда нечто создаёт себя из самого себя» [18; s. 126]. Производство «власти» посредством активной реализации «воли к ней» является одной из иллюстраций такой автореферентности, нигилистическая сущность которой была интерпретирована авторами 4ПТ как обречённость «воли к власти» («die Wille zur Macht») в конечном итоге превратиться в «волю к Ничто» («die Wille zur Nichts»). Последнее нашло выражение в выхолащивании истинной сущности Политического разными политическими технологиями, PR-ом, шоу-политикой и другими атрибутами постмодернистской повестки.

Экзистенциальное понимание «воли к власти» трактует её, в первую очередь, как отсутствие власти в данный конкретный момент, её недостатку. Стремление же получить власть посредством напряжения «воли к ней», чревато лишь её дальнейшим умалением, измельчанием, так как «воля» устремлена к тому, чего *ещё нет*. В качестве альтернативы этой «погони за Ничто» 4ПТ предлагает особенную, экзистенциальную концепцию власти, согласно которой «власть» («Macht», Могущество) *уже есть в настоящий момент*, ибо дана в опыте переживания бытия (Sein) в конкретный момент и

в конкретном месте (da). Такая власть – это, прежде всего, *власть над пространством*: «только тот властен, кто правит территорией». Правителем, в данном случае, выступает сам Dasein как форма «мыслящего присутствия» подлинно (аутентично) экзистирующего «вот» Хозяина места, в подчинении которого находится всё то, что на этой территории находится. Единственно легитимной фигурой такого Хозяина можно считать Царя-Философа, так как «идея царствующего философа – это идея царствующего Dasein, который позволяет бытию бить сквозь него, не мешая подлинному Господину занять то место, которое ему по праву и принадлежит, так как он им в последнем счёте и является» [6; с. 393].

Так можно утверждать, что философское наследие Мартина Хайдеггера является релевантным для преодоления конформизма современного мира и способно возродить интерес к политической философии, вдохнуть в неё новые идеи, способные переключить внимание с рыночной конъюнктуры и защиты частных интересов отдельных людей на необходимость постановки собственно политических проблем. В частности, 4ПТ ставит перед собой такие задачи и стремится прорваться к Политическому, как бы «переводя стрелку» на путях развёртывания философской мысли, отказывая тем самым противостоянию прогрессистских и консервативных идей в каком-либо смысле. Её методология *politologische Differenz*, представления о субъекте политики, сущности политической власти, а также целый ряд концептов, позволяет судить, что хайдеггерианство способно существенно обогатить современную политическую науку, вернуть её к онтологическим корням. Несмотря на то, что на настоящем этапе нельзя утверждать, что этот замысел получил некое окончательное оформление, нонконформистский порыв 4ПТ, «приглашение к размышлению», дискуссии, знаменует собой, что «Другое начало» политической философии положено.

Литература

1. Бенуа А. де. Против либерализма. К Четвертой Политической Теории. СПб.: Амфора, 2009. 476 с.
2. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. М.: Весь Мир, 2002. 368 с.
3. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: Философия Другого Начала. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2010. 389 с.
4. Дугин А.Г. Теория Многополярного Мира, М.: Евразийское движение, 2012.
5. Дугин А.Г. Философия политики. М.: Евразийское движение, 2004. 389 с.
6. Дугин А.Г. Четвёртый Путь. Введение в Четвёртую Политическую Теорию. М.: Академический проект, 2014. 683 с.
7. Карпец В.И. Социал-монархизм. М.: Евразийское движение, 2014.
8. Кожев А. Понятие Власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
9. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс, 2002.
10. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005.
11. Павленко А.Н. Возможность техники: взгляд из Лавры и голос из Марбуга // Историко-философский ежегодник, 2002. М.: ИФ РАН. С. 386 – 408.
12. Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века / Т.А. Алексеева, И. К. Пантин, Е. А. Самарская, М. М. Фёдорова. М.: Идея-Пресс, 2009. – 224 с.
13. Русакова О. Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. 400 с.
14. Рэнд А. Апология капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

15. Шмитт К. Понятие Политического // Вопросы социологии, 1992. №1. С. 35 – 67.
16. Четвертая Политическая Теория: Материалы семинаров и конференций по политологии и политике в современном мире, Выпуск 4 / А. Г. Дугин Н. Сперанская. М.: Евразийское движение, 2012. 330 с.
17. Heidegger M. Being and Time / translated by John Macquarrie & Edward Robinson, Blackwell Publishers Ltd, 1962. 589 p.
18. Heidegger, M.: Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) / Herausgegeben von Friedrich-Wilhelm v. Herrmann, XVIII, 2003. 522 s.
19. Heidegger M. Introduction to Metaphysics / translated by Gregory Fried. Yale University Press; New edition, 2000. 294 p.
20. Hobson J. The Eurocentric Concept of World Politics. Western International Theory, 1760 – 2010. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД В СОВРЕМЕННОЙ ЭЛИТОЛОГИИ

Наронская А.Г.

NEW INSTITUTIONAL METHOD IN THE MODERN ELITOLOGY

Naronskaya A.G.

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена методологическим проблемам современной элитологии. По мнению автора, всестороннее исследование политической элиты возможно при помощи неоинституционального метода, т.к. он дает возможность изучать как сущностные характеристики элиты, так и тенденции ее институционального развития.

ABSTRACT

This article is devoted to the methodological problems of modern elitology. In the author's opinion, new institutional method helps in the full research of political elite because it gives a possibility to explore the essential features of political elite and the trends of elite's institutional development.

Ключевые слова: политическая элита, политические институты, неоинституциональный метод, политический процесс.

Key words: the political elite, political institutions, the new institutional method, political process.

Неоинституциональный метод был разработан Д. Нортон, Р. Коузом, Дж. Бьюкененом и другими исследователями. В рамках неоинституционализма, под «институтом» понимаются «правила игры», или «созданные человеком ограничительные рамки, которые устанавливают устойчивые структуры взаимодействий между субъектами политической элиты, уменьшают неопределенность в межличностных взаимодействиях» [6, 17]. Существуют формальные и неформальные институты. Формальные

институты – это правовые нормы, которые регулируют формирование и деятельность политической элиты. Они универсальны, а их соблюдение гарантируется государством. Неформальные институты – это обычаи, традиции или взаимные соглашения элиты, которые контролируются исключительно заинтересованными акторами. Другими словами, неформальные институты выступают продуктом спонтанной эволюции и определяют отношение индивидов к различным вариантам «формальных институтов», предлагаемых государством [4, 54]. Если изменение формальных институтов может происходить достаточно быстро, через введение новых правил игры, то неформальные институты весьма устойчивы, меняются постепенно и медленно. Преобладание формальных характеристик функционирования политической элиты, на языке неоинституционального подхода – «верховенство права», означает готовность основных групп политической элиты следовать универсальным нормам и правилам. В свою очередь, отсутствие верховенства права означает доминирование неформальных институтов, основанных на партикуляристских нормах и правилах (таких, как клиентелизм и коррупция) [6, 21].

В результате, «институционализация» - это процесс превращения определенных видов деятельности политической элиты в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который становится привычным образцом поведения субъектов власти [3, 207-209]. Неформальная институционализация – это вытеснение формальных институтов неформальными правилами [5, 20], «когда при сохранении своей формальной оболочки механизмы, призванные обеспечить демократию и верховенство права, либо разрушаются изнутри, либо превращаются в собственную противоположность» [2, 10]. В этом случае формальные институты становятся фасадом неформальных или не имеют никакого значения. Однако формальные и неформальные характеристики не только находятся во взаимном противостоянии, но и дополняют друг друга. Когда происходит опережающее разложение старых механизмов формирования и

функционирования элиты по сравнению с созданием новых либо новые правила не работают, регулирование данных механизмов происходит через неформальные нормы [1, 16-29].

Таким образом, неоинституциональный метод позволяет исследователям современных элит не только анализировать тенденции развития формальных и неформальных институтов функционирования, но и определить качество институционального развития элиты. В рамках неоинституционализма эффективным является такое развитие политической элиты, в результате которого происходит конвергенция (сближение) новых формальных институтов и неформальных практик. Если конвергенции не происходит, то формальные и неформальные нормы противоречат друг другу. В этом случае институциональное развитие заходит в тупик, новые механизмы, принципы формирования и функционирования политической элиты могут отторгаться. Это означает, что развитие политической элиты неэффективно [7, 59-60].

Широкие возможности неинституционального метода в современной элитологии проявляются при исследовании социально-группового состава политической элиты. Известно, что в состав политической элиты входят группы, обладающие политическими, административными, экономическими и социокультурными ресурсами. Важной характеристикой композиции и состава политической элиты является степень разделения данных групп. При этом установление демократических институтов (например, каналов рекрутирования элиты) не обязательно приводит к разделению между группами политической элиты. Вместо критериев компетентности, при формальном существовании демократических механизмов и каналов отбора политической элиты, могут использоваться принципы персональной и групповой лояльности. В таком случае процедура выборов становится механизмом перегруппировки сил внутри правящей элиты, ставящей на место нормативных требований права критерии обладания материальными, информационными и другими ресурсами.

Синтез различных групп политической элиты свидетельствует о формальном характере системы разделения властей. Синкретизм политических, административных и экономических групп элиты – достаточно опасное явление. В этом случае профессиональные чиновники неизбежно сами становятся «политическими деятелями» и могут фактически менять смысл любого закона в зависимости от собственных конъюнктурных интересов. Вероятным следствием данных процессов является пространство для злоупотреблений и коррупции, т.е. для всевозможных теневых отношений. Вокруг того или иного государственного чиновника формируются «команды», включающие в свой состав как сотрудников административного аппарата, так и представителей финансово-экономических групп и даже криминальных структур. В подобной ситуации субъектами политической элиты становятся специфические неформальные социальные образования: «кланы», «команды», «клики», которые связаны отношениями личной зависимости и преданности. Данные социальные образования не только могут влиять на принятие политических решений, но и определять институциональную среду власти. С помощью многочисленных неформальных связей между этими группами, теневого согласования позиций происходит перераспределение властных ресурсов, распределение должностей и избрание представительных органов власти. Таким образом, они становятся главными политическими субъектами, которые в переходных условиях могут играть стабилизирующую роль, но одновременно с этим неизбежно ведут к коррупции правовых механизмов принятия решений [8, 123-133].

Таким образом, неоинституциональный метод крайне важен в изучении системы мобильности, типов деятельности, а также особенностей трансформации политических элит различных стран. Стоит отметить, что теоретические проблемы, обозначенные в статье, представляют не только академический интерес, но являются основанием разработки практических исследований в рамках современной элитологии.

1. Гельман В. Я. Постсоветские политические трансформации. // Полис. 2001. №1.
2. Гельман В.Я. «Подрывные институты» и неформальное управление в современной России. // Полития. 2010. №2 (57).
3. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2002.
4. Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (Влияние неформальных институтов). // Общественные науки и современность. 2006. №6
5. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях. // Полис. 2002. № 1.
6. Норт Д. Институты институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
7. Панов П.В. Трансформации политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ. // Полис. 2002. №6. С.59-60.
8. Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социс. 1999. №11.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ГИБРИДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Подлесный Д. В.

THE PROBLEM OF HYBRID POLITICAL REGIMES CLASSIFICATION

Podlesniy D. V.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу основных подходов к классификации гибридных политических режимов, которые предлагаются в трудах отечественных и зарубежных ученых. Автор приходит к выводу, что в политической науке выделяется несколько подходов к типологии гибридных режимов, которые отличаются друг от друга как критериями классификации, так и неодинаковым пониманием сути псевдодемократии современными учеными.

ABSTRACT

The Article deals with the analysis of the main approaches to the hybrid political regimes classification which are offered in the works of post-Soviet and Western scientists. The author draws a conclusion that contemporary political science offers a number of approaches to the hybrid regimes typology, that differ as both in their the classification criteria and different understanding of the essence of pseudo-democracy by modern scientists.

Ключевые слова: гибридный режим, демократия, политическая конкуренция, типология.

Key words: hybrid regime, democracy, political competition, typology.

Проблематика гибридных (смешанных) режимов приобретает все большую популярность в современной политической науке. И это вполне закономерно, поскольку именно категория гибридного режима является ключом к анализу сложных и противоречивых политико-системных трансформаций в государствах, которые во 2-й половине XX – начале XXI в.

задекларировали построение демократии, но оказались объективно не готовы к успешному завершению демократического транзита. При этом уже с 1990-х гг. концепция гибридного режима начала применяется по отношению к постсоветским государствам.

Изучением вопросов функционирования и эволюции гибридных режимов занимались такие известные западные ученые, как Ф. Шмиттер [1], Г. О'Доннел [2], Л. Даймонд [3], Т. Карозерс [4] и др. С 2000-х гг. концепция гибридного режима начала активно разрабатываться в трудах украинских и российских политологов [5; 6; 7; 8]. В то же время, анализ научной литературы позволяет утверждать, что вопрос функционирования и трансформаций гибридных режимов остается одним из наиболее дискуссионных в современной политологии. В частности, научным сообществом не выработано сколько-нибудь единого подхода к классификации гибридных режимов, которые могут серьезно варьироваться в зависимости от сочетания признаков демократии и авторитаризма. Последствием этого стала, в том числе, определенная терминологическая путаница. Так, политический режим, который в 2000-х гг. сформировался в Украине, классифицировали как «режим с синдромом слабого плюрализма», «нелиберальную демократию», «полудемократию», «соревновательный авторитаризм», вкладывая в эти понятия приблизительно одинаковый набор признаков (электоральная конкуренция олигархических группировок правящей элиты, слабая представленность интересов граждан в политических решениях, декларативность политических прав и свобод). Поэтому сегодня назрела объективная необходимость в изучении основных подходов к типологии гибридных режимов.

Одна из наиболее популярных классификаций гибридных режимов была предложена Ф. Шмиттером, который использует возникшие в публицистике испано-язычные неологизмы «демокрадура» и «диктобланда» (в современной литературе также используются тождественные им термины диктократия и демократура). В основу данной типологии положены критерии

либерализации (свободы политической деятельности) и демократизации (закрепления демократических институтов и, прежде всего, института выборов). Демокрадура, по мнению Ф. Шмиттера, является разновидностью гибридного режима, который возникает вследствие проведения демократизации политической системы без ее либерализации (то есть регулярное проведение выборов происходит в условиях отсутствия политической конкуренции или лишения выбранных граждан возможности реального управления). Соответственно, диктобланда является следствием проведения либерализации без демократизации и характеризуется, с одной стороны, наличием многопартийной системы и системы политических прав и свобод, с другой – не подконтрольностью власти гражданам вследствие нерегулярного проведения выборов или их фальсификации [6].

Достаточно интересной является типология Т. Карозерса, который выделяет режимы с синдромом слабого плюрализма и с синдромом доминирующей партии. Ведущими признаками режимов с синдромом слабого плюрализма, к которым Т. Карозерс относит целый ряд стран Латинской Америки, Азии, Африки и Восточной Европы, являются: регулярное проведение выборов; высокий уровень политической конкуренции между группировками политической элиты; слабое политическое участие граждан, которое ограничивается выборами; коррумпированность политических элит, которые преследуют эгоистические интересы; слабость государства и неэффективная социально-экономическая политика. Что касается режима с синдромом доминирующей партии, то его главным признаком является слабость оппозиции и размывание границ между государством и правящей партией [4]. В условиях наличия основных институтов демократии определенная партия, клан или политический лидер доминируют таким образом, что исключают всякую возможность смены власти в обозримом будущем. Последнее, прежде всего, обеспечивается опорой правящей партии на все ресурсы государства.

Типология Т. Карозерса имеет много общего с классификацией,

которую предлагает Л. Даймонд. По мнению последнего, ведущими типами гибридных режимов (псевдodemократий) являются полудемократия, которая схожа с электоральной демократией по уровню плюрализма, конкурентности и гражданских прав, и система с гегемонистской партией, в рамках которой правящая партия использует все средства для того, чтобы свести оппозиционные партии к положению заведомо второстепенных [3, с. 14].

В свою очередь, немецкие ученые В. Меркель и А. Круассан различают три подтипа «дефектной демократии»: 1) Исключающая демократия (характеризуется отказом одному или нескольким сегментам населения в избирательном праве по признаку расы, этнического происхождения, пола, собственности, образования или политических взглядов); 2) Нелиберальная демократия (исполнительная и законодательная власти несущественно ограниченные судебной, конституционные нормы в малой мере «связывают» действия правительства, а индивидуальные гражданские права частично условны или вообще еще не установлены); 3) Анклавная демократия (группы вето – военные, милитаризованные движения, международные концерны – лишают демократически избранных представителей народа доступа к определенным политическим сферам) [9, с. 7].

Американские политологи Т. Гарр и К. Джаггерз, которые называют режимы, сочетающие признаки демократии и авторитаризма, «несвязанными политиями», предлагают разделять их на «несвязанные демократии» и «несвязанные автократии». К первой категории они относят политические системы, где при наличии важнейших институтов демократии налагаются серьезные ограничения на политическое участие, соревнование и/или гражданские свободы, а ко второй — системы, которые, несмотря на авторитарный характер основных структур, предоставляют определенные возможности для политического участия и соревнования и/или обеспечивают защиту гражданских прав [5, с. 106].

Схожей точки зрения придерживается российский политолог Э. В. Шакирова, которая предлагает выделять два основных типа гибридных

режимов, среди которых дефектная демократия и конкурентный авторитаризм. Дефектная демократия, по ее мнению, отличается от либеральной отсутствием конституционализма, равного характера публичной конкуренции, низкой степенью институционализации оппозиции. В свою очередь, конкурентный авторитаризм имеет еще больше отличий от либеральной демократии, что сближает его с типом закрытого авторитаризма. Он характеризуется такими специфическими характеристиками, как высокие и отчасти исключаящие барьеры входа на политический рынок для контрэлит, только частично свободный характер публичной конкуренции, в целом низкая степень репрессивности, наличие как конвенциональных, так и неконвенциональных стратегий контрэлит [6, с. 208-209]. Таким образом, дефектная демократия ближе к либеральной демократии, тогда как конкурентный авторитаризм – к авторитарному режиму. К мнению Э. В. Шакировой достаточно близки выводы украинского исследователя Г. Шипунова, который считает, что употребление понятий соревновательный авторитаризм и нелиберальная демократия оправдано в том случае, если они показывают место гибридного режима на условном континууме «авторитаризм-демократия» [7, с. 94].

Наконец, В. А. Рябушкина считает основными типами «квазидемократий» электоральные демократии (которые, в свою очередь, разделяются на близкие к либеральным «свободные» квазидемократии и режимы «бесформенного плюрализма») и «несвободные государства», которые характеризуются синдромом доминирующей политической силы [5, с. 112].

Анализ вышеназванных подходов позволяет сделать вывод, что существующие в научном сообществе расхождения относительно типологии гибридных политических режимов, в частности, связаны с разным пониманием основных характеристик данного режима. Так, среди современных авторов нет единства по поводу того, можно ли относить к гибридным режимам электоральную демократию. В. Меркель и А. Круассан

прямо заявляют, что в условиях «дефектной демократии» доступ к власти обеспечивается при помощи выборов, но при этом отсутствуют другие гарантии политических прав и свобод [9, с. 8]. Схожей позиции придерживаются Т. Карозерс и В. Рябушкина, которая относит электоральную демократию к числу дефектных [5, с. 112]. В свою очередь, Л. Даймонд считает, что псевдодемократии не дотягивают даже до минималистских (электоральных) характеристик демократического режима [3]. Аналогичный подход использовал и Ф. Шмиттер, вследствие чего охарактеризованные им демократура и диктобланда представляют собой крайние типы гибридных режимов, которые граничат с авторитаризмом. Именно поэтому в классификации Ф. Шмиттера нет места для достаточно распространенного типа режимов, для которых присущ высокий уровень электоральной конкуренции на фоне слабого политического участия граждан (Р. Даль называет такой тип режима соревновательной олигархией, а Т. Карозерс – режимом с синдромом слабого плюрализма).

Одновременно, некоторые модели гибридных режимов, описанные в научной литературе, могут быть отнесены к авторитаризму. Так, не совсем понятно, чем режим «исключающей демократии», который В. Меркель и А. Круассан относят к дефектным демократиям, отличается от описанной Х. Линцем расовой демократии, являющейся разновидностью авторитарного режима. В свою очередь, выделяемый Т. Гарром и К. Джаггерзом режим «несвязанной автократии», на наш взгляд, пересекается с моделью корпоративного авторитаризма.

Также следует отметить, что в основу классификаций гибридных режимов положены различные критерии. Так, Ф. Шмиттер, как уже отмечалось выше, использует критерии либерализации и демократизации [1]. В свою очередь, В. Меркель и А. Круассан выделяют пять компонентов демократии, при нарушении которых она становится дефектной (выборы, политические свободы, гражданские права, горизонтальная ответственность и эффективное право управлять) [9]. Соответственно, четыре вида дефектных

демократий они выделяют в зависимости от компонента, который отсутствует. Достаточно широк перечень критериев, которые предлагает Э. В. Шакирова (конституционализм, степень институционализации оппозиции, барьеры к допуску контрэлит на политический рынок, характер публичной конкуренции, степень репрессивности, стратегия контрэлит) [6, с. 208].

Естественно, все вышеназванные подходы имеют право на жизнь. Однако, представляется, что любой гибридный режим, занимающий место между либеральной демократией (или полиархией) и авторитаризмом, имеет ряд специфических признаков, среди которых, с одной стороны, наличие, по крайней мере, части демократических институтов (в том числе, института выборов), с другой – ограниченность политического участия граждан, низкая представленность их интересов в политических решениях, неразвитость институтов гражданского общества, определенная степень декларативности политических прав и свобод. В таких условиях ведущим критерием, который позволяет разграничивать гибридные режимы, является уровень политической и, прежде всего, электоральной конкуренции. Если она является высокой, мы имеем дело с гибридным режимом, который разные ученые называют электоральной демократией, соревновательной олигархией, режимом с синдромом слабого плюрализма. И, наоборот, в условиях низкой политической конкуренции речь идет о режиме с синдромом доминирующей (гегемонистской) партии. Именно такой подход находит отражение в типологиях гибридных режимов, которые предлагаются Т. Карозерсом и Л. Даймондом.

Таким образом, в современной политической науке предлагается сразу несколько подходов к классификации гибридных режимов, в рамках которых учеными выделяются десятки типов «псевдodemократий». Часто эти типы дублируют друг друга, а некоторые из них, вообще, могут лишь с высокой долей условности отнесены к числу гибридных, а не авторитарных, режимов. В основу различных типологий положены разные критерии, среди которых уровень институционализации демократических институтов, соблюдения

политических прав и свобод, политического участия, политической конкуренции и др. При этом, по нашему мнению, именно последний критерий отображает основные различия между гибридными режимами, которые сегодня функционируют в странах Латинской Америки, Азии, Африки и Восточной Европы.

Список использованной литературы

1. Шмиттер Ф. Угрозы и дилеммы демократии [Электронный ресурс] / Ф. Шмиттер // Русский журнал. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm>.

2. О’Доннел Г. Делегативная демократия [Электронный ресурс] / Гильермо О’Доннел // Библиотека Гумер. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/donn_del.php.

3. Даймонд Л. Прошла ли “третья волна” демократизации? / Л. Даймонд // Полис. – 1999. – №1. – С. 10–25.

4. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита / Т. Карозерс // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 42–65.

5. Рябушкина В. А. Современные квазидемократии / В. А. Рябушкина // Полития. – 2008. – № 4. – С. 105–121.

6. Шакирова Э. В. Концепт гибридного политического режима в современной политологии как аналитическая рамка анализа российской политики / Э. В. Шакирова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 6. – Ч. 2. – С. 203–210.

7. Шипунов Г. Теоретико-методологіні основи аналізу гібридних режимів: український контекст / Геннадій Шипунов // Наукові записки. Серія “Політичні науки”. – Острог : Вид-во Національного університету “Острозька академія”. – Вип. 3. – 2008. – С. 89–102.

8. Ремізов А. Гібридний політичний режим: деякі проблеми концептуалізації [Електронний ресурс] / Артем Ремізов // Social-science : український науковий журнал. – Режим доступу: <http://www.social->

science.com.ua/article/848.

9. Меркель В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) / В. Меркель, А. Круассан // Полис. – 2002. – № 1. – С. 7–15.

ПОТЕНЦИАЛ ПОНЯТИЯ «ИМИДЖ» ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ

Ракевич Е.В.

*аспирант кафедры теории и истории социологии,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России*

Б.Н. Ельцина.

Екатеринбург

Rakely13@yandex.ru

THE POTENTIAL OF CONCEPT OF «IMAGE» FOR SOCIOLOGY

Rakevich E.

the post-graduated student of theory and history of sociology department

The Ural Federal University named the first President of Russia B.N.

Yeltsin.

Rakely13@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема определения понятия «имидж», разведения его со смежными понятиями, а так же исследуется социальная природа имиджа как потенциал для использования данного понятия в социологии.

ABSTRACT

The relevance of this article is to consider the problem of definition and segregation of concept of «image», also a careful account is given to the social nature of «image» and it's potential for sociology.

Ключевые слова: имидж || образ || репутация || стереотип || бренд

Keywords: image || reputation || stereotype || brand

Понятие имидж в русскоязычной науке появилось относительно недавно, но уже вызвало немало интереса среди ученых разных специальностей. В зарубежной литературе данное понятие исследуется

примерно с 60-х годов XX века. Дословно «image» переводится как «образ». Д.М. Мажоров пишет: «в ходе осмысления зарубежного опыта отечественными учеными появилось понятие имидж – простая фонетическая калька с английского» [6, С.302]. Но если в англоязычной науке есть только понятие «image», то в отечественной науке развернулась целая полемика, посвященная разграничению понятий «имидж» и «образ», а так же ряда других феноменов, через которые исследователи пытаются постигнуть сущность имиджа.

Во-первых, понятие имиджа часто сводят к понятию образа. В.Я. и В.В. Белобрагины, проведя контент-анализ трудов 45 авторов выявили, что: «Исследователи практически во всех случаях используют в формулировках семантическую основу - понятие образ»[1], который в философском словаре определяется как «форма отражения и освоения человеком объектов мира»[9]. То есть образ более психологическое понятие, отражающее процесс восприятия человеком действительности. Условно говоря, мы видим предмет, а у нас в сознании формируется его образ. Это естественный психический процесс, в то время как имидж формируется в процессе социального взаимодействия[11, С.12]. Соответственно, оперирование понятием образа в таком значении в большем относится к предметному полю психологической науки.

Помимо психологического образа, можно еще говорить о художественном образе. В данном случае Д.М. Мажоров считает, что различия понятий образа и имиджа функциональны. Образ – это литературное, понятие мира искусства лишённое прикладного для жизни значения, а вот имидж конструируется, используется, транслируется и тем самым определенным образом воздействует на реальность, на поведение людей целенаправленно или нет.

В качестве дифференцирующего признака имиджа авторы в большинстве своем отмечают следующие основания: « позитивность имиджа, целенаправленность, программность его формирования в отличие от

образа и принципиальная зависимость от восприятия группами общественности»[6, С.302].

Следующее понятие, которое близко по своему значению имиджу – это репутация. Репутация – это «создавшееся общее мнение о достоинствах и недостатках кого-либо, чего-либо»[12]. Обобщив позиции разных исследователей можно выделить два основных подхода. Первый рассматривает репутацию как окончательное, сжатое, впечатление, производимое имиджем. А второй подход включает репутацию в состав структуры имиджа[6, С. 302].

Еще одно достаточно новое для отечественной науки понятие, которое также близко по значению имиджу - «бренд». Определений бренда так же много, как и определений имиджа, что Е.А. Комаров связывает с существованием разных подходов. Первый подход при определении бренда за основу берет отношения между потребителем и брендом. Второй подход при определении данного понятия имеет ввиду денежное измерение, некую финансовую стоимость, которую имеет бренд. При этом среди авторов существуют разногласия относительно того, какое понятие шире. Так зарубежные авторы,[4] как правило, имидж включают в состав бренда. Мы же будем придерживаться второго подхода и наиболее распространенного определения бренда, как «набора ассоциаций, возникающих в сознании у потребителей, которые добавляют воспринимаемую ценность товару или услуге».[5, С.20] В таком случае о существовании бренда можно говорить только в том случае, если есть некая добавочная стоимость за него, а, следовательно, объект может обладать положительным имиджем, но вовсе не быть брендом, но вот быть брендом и не иметь ярко выраженного имиджа не может. По этому по нашему мнению данные понятия взаимосвязаны: имидж объекта может включать в себя какой-либо бренд, а бренд в свою очередь формируется на основе определенного имиджа. Учитывая такой подход к соотношению понятий, бренд относится в большей степени к полю экономической науки и маркетингу.

Имидж часто определяют и сравнивают с понятием стереотип или стереотипный образ. Но мы согласны с Г.С. Мельником, который различает эти два понятия по их функциям. Если отличительной функцией стереотипа является генерализующая, которая редуцирует какое-либо явление сводя его к упрощенным представлениям, то имидж наоборот ориентирован на уникальные отличительные качества объекта[8, С.150]. Стереотип сводит к минимуму черты объекта, а имидж наделяет и зачастую «добавляет» объекту выгодные характеристики.

Подводя итог, отметим, что, во-первых, понятие «имиджа» имеет право быть и не сводиться к вышерассмотренным терминам. А, во-вторых, именно оно благодаря своей социальной природе представляется плодотворным для концептуализации в рамках социологической науки.

Но следует отметить, что понятие имиджа все же исследуется такими науками как психология, политология, паблик рилейшенз, а так же специальной наукой, которая непосредственно занимается изучением имиджа – имиджелогией, ставшей методологической базой для других наук, разрабатывающих проблемы имиджа. Вследствие этого мы рассмотрим общенаучные положения, характеризующие феномен имиджа в целом, чтобы, отталкиваясь от них, перейти к анализу непосредственно имиджа города.

Наука имиджелогия появилась не так давно, но за столь незначительное время стала очень востребованной. Нет четко сформированного и общепризнанного определения этой научной отрасли знания, но, обобщая то, что можно встретить, получается, что имиджелогия – это наука о формировании имиджа. Соответственно, объектом исследования данной научной отрасли как раз и является феномен имиджа. Итак, рассмотрим, как определяется понятие имидж в имиджелогии.

Общим для данной отрасли знания является то, что имидж понимается как мнение, сложившееся о каком-либо объекте. Определение, размещенное на электронном ресурсе Википедия, отражает основные моменты, которые

рассматриваются в имиджелогии: «Имидж объекта — это мнение рационального или эмоционального характера об объекте (человеке, предмете, системе), возникшее в психике группы людей на основе образа, сформированного в их психике в результате восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта»[2].

А.Ю. Панасюк, автор многих книг, посвященных формированию имиджа, говорит о том, что «это всегда такой образ объекта или явления, о котором сложилось мнение, или: имидж – это всегда мнение об объекте, явлении, сложившееся на основе образа»[10]. То есть имидж определяется через два основных понятия: образ и мнение. Автор предлагает различать две стороны имиджа: «имидж чей»? И «имидж у кого?». Таким образом, важно отметить, что имидж какого-либо объекта не может существовать сам по себе, он возникает у какой-то группы людей, причем у разных групп может быть в представлении разный имидж одного и того же объекта.

А.Ю. Панасюк выделяет истоки формирования имиджа и говорит о том, что «имидж является следствием:

- либо прямого восприятия тех или иных внешних или внутренних характеристик данного объекта или явления,

- либо косвенного – через восприятие образа, мнения об этом образе, возникшего в психике других людей об этом объекте, явлении»[10].

Подводя итог, А.Ю. Панасюк формулирует следующее определение имиджа: «имидж объекта – это мнение об этом объекте у группы людей в результате сформированного в их психике образа этого объекта, возникшего вследствие прямого их контакта с этим объектом или вследствие полученной об этом объекте информации от других людей; по сути имидж объекта – это как он выглядит в глазах других людей, или – что одно и то же – каково о нем мнение других людей»[10].

Данное определение достаточно полно отражает основную суть феномена имиджа, но исходя из прикладных целей нашего исследования нам представляется важным отметить, что в реальности мнение об объекте

имиджа на основе сложившегося образа предстает как набор определенных характеристик этого объекта. Так А.В. Мозолин отмечает, что: «имидж – виртуальный набор оценочных характеристик, существующий в сознании людей относительно определенного объекта»[7, С.6]. По нашему мнению, такой подход слишком редуцирует феномен имиджа, и в действительности набор оценочных характеристик выступает в качестве выражения мнения, сформировано на основе сложившегося образа объекта.

Отталкиваясь от общей методологии, предложенной имиджелогией, необходимо прояснить специфику социологического анализа имиджа.

В социологической науке понятие «имидж» только начинает активно использоваться и предаваться осмыслению, поэтому достаточно трудно выявить специфику социологического подхода к изучению данного феномена. Например, «Социологический энциклопедический словарь» приводит такие определения: 1) Имидж – это «внешний образ, создаваемый субъектом, с целью вызвать определенное впечатление, мнение, отношение у других»; 2) Имидж – это «совокупность свойств, приписываемых рекламой, пропагандой, модой, предрассудками, традицией и т.д. объекту с целью вызвать определенные реакции по отношению к нему»[3, С.90]. В данных определениях подчеркивается целенаправленность имиджа, а также его ориентация на других людей. Соответственно, социальная природа имиджа, его ориентация на определенные группы людей, может быть одним из аспектов социологического анализа имиджа.

Вследствие того, что в социологической науке еще нет четкого методологического представления о феномене имиджа, мы попытались самостоятельно определить специфику социологического подхода. На наш взгляд, для социологии при изучении данного феномена важными является выявить социальную природу имиджа. Во-первых, имидж, как отмечалось ранее, создается в процессе социального взаимодействия. Во-вторых, имидж формируется для определенной социальной группы с целью определенным образом воздействовать на нее. И в-третьих, имидж существует не только в

индивидуальном, но и в массовом сознании. Исходя из этого, мы будем придерживаться следующего определения имиджа: это мнение, выражающееся в наборе оценочных характеристик объекта, сформированное на основе образа, сложившегося в индивидуальном или групповом сознании в результате социального взаимодействия между ними.

Подводя итог, еще раз отметим, что именно понятие «имидж» благодаря своей социальной природе является продуктивным для социологии во многих областях исследования.

Список литературы

1. Белобрагин В.Я. Некоторые вопросы формирования имиджелогии как науки. Доклад на открытом заседании президиума Академии имиджелогии. 26 марта 2004г /В.Я. Белобрагин, В.В. Белобрагин. URL: http://academim.narod.ru/art/bel_1.html (Дата обращения 23.05.2014).

2. Имидж // Свободная энциклопедия «Википедия» [Электронный ресурс] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%EC%E8%E4%E6> (дата обращения 15.10.12).

3. Имидж // Социологический энциклопедический словарь. Под ред. Г.В. Осипов. - М.: 2000. - 488 с.

4. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в С-Петербурге, 2005. - 376с.

5. Комаров Е.А. Формирование имиджа, бренда и репутации региона в контексте развития внешне экономических связей // Вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2011. - №3. – С. 19-23.

6. Мажоров Д.М. Формирование имиджа в СМИ: имеджеобразующие тексты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: филология, востоковедение, журналистика. – 2007. - №2-2. – С . 302-309.

7. Мазолин А.В. Методика анализа имиджа и его положение в информационном пространстве.- Екатеринбург, 2004. - 44 с.
8. Мельник Г.С. Mass Media: психологические процессы и эффекты. Спб. – 1996. – 160 с.
9. Образ // Философский словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://www.insai.ru/slovar/14687> (Дата обращения 20.10.2015).
10. Панасюк А.Ю. Имидж: определение центрального понятия имиджелогии. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ref.by/refs/72/50286/1.html> (дата обращения 12.10.12).
11. Перельгина Е.Б. Психология имиджа.- М., 2002. - 223 с.
12. Репутация // Толковый словарь русского языка. Под ред. Дмитриева. Д. В., Дмитриев. - 2003. [Электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/4641/%D1%80%D0%B5%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (Дата обращения 20.10.2015).

**ОСНОВНЫЕ СЛОЖНОСТИ АНАЛИЗА ВИРТУАЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ**

Руденкин Д.В.

*Кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры
социологии и политологии факультета социологии*

Уральский Государственный педагогический университет,

г. Екатеринбург

d-rudenkin@yandex.ru

Руденкина А.И.

*Аспирантка кафедры государственного управления и политических
технологий*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Уральский институт управления,*

г. Екатеринбург

Электронная почта: alenarudenkina@gmail.com

**BASIC DIFFICULTIES OF ANALYSIS OF VIRTUAL SOCIAL
NETWORKS IN CONTEMPORARY SOCIAL SCIENCE**

Rudinkin D.

*The candidate of sociological sciences, senior lecturer in sociology and
political science at the Faculty of Sociology*

Ural State Pedagogical University,

Yekaterinburg

d-rudenkin@yandex.ru

Rudenkina A.

*Postgraduate Department of Public Administration and Political
Technologies*

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the
President of Russia, Ural Institute of Management,*

Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В работе проводится ревизия основных исследовательских наработок к осмыслению виртуальных социальных сетей, сложившихся в современной социально-гуманитарной науке. Анализируя подходы, характерные современным европейским, американским, российским ученым, авторы работы приходят к выводу, что тема виртуальных социальных сетей видится всем ученым важной, но подробных выводов о сущности этого феномена немного. Авторы полагают, что основными методологическими проблемами становятся неясность термина "виртуальная социальная сеть" и сложность его соотнесения с классическими определениями социальных сетей. В результате своей теоретико-методологической работы, авторы приходят к серии вопросов, ответы на которые, по их мнению, будут способствовать более глубокому пониманию учеными сущности виртуальных социальных сетей.

ABSTRACT

This paper deals with the problem of analysis of virtual social networks in modern social science. Analyzing the approaches of modern European, American, Russian scientists, authors conclude, that theme of virtual social networks seems really important to all scientists, but detailed conclusions about the nature of this phenomenon are very rare. Authors suppose that the main methodological problems in this area are lack of clarity of the term "virtual social network" and the complexity of correlation between this term and classical definitions of social networks. In the end of the paper authors formulate a series of questions, the answers to which, in their opinion, can help to find better understanding of the essence of virtual social networks.

Ключевые слова: виртуальная социальная сеть, социальная сеть, социально-гуманитарная наука, общественное мнение, коммуникация

Key words: virtual social network, social network, social science, public opinion, communication

Прошедшие несколько лет сопровождались в России вполне отчетливым изменением в модальности отношения государства к функционированию и Интернета в целом, и виртуальных социальных сетей как его части. Длительное время российские органы государственной власти воздерживались от какой бы то ни было регламентации этого коммуникативного пространства, придерживаясь порой даже более либеральных подходов к тиражированию информации, чем сложились во многих странах Европы и в США. Вместе с тем, на определенном этапе современного развития России оправданность такого либерального подхода явно оказалась поставлена властями под сомнение, что прослеживается и по риторике некоторых высокопоставленных государственных чиновников, и по целой серии законодательных актов, тем или иным образом регламентирующих функционирование коммуникативных процессов в виртуальных социальных сетях, и по новой стратегии национальной безопасности РФ [9], в тексте которой манипулятивное распространение информации через Интернет названо в качестве одной из главных угроз национальной безопасности страны. При этом причины столь резкой смены в настроениях российских политических элит, скорее всего, прозрачны. С одной стороны, эта смена настроений - своего рода защитная реакция на акции политического протеста 2011-2012 гг., организаторы которых не скрывали того, что рекрутируют своих сторонников в основном через виртуальные сообщества в Интернете. С другой стороны, тут наверняка сказывается и наличие целого ряда примеров дестабилизации общественно-политической обстановки в других странах, достигнутой во многом с помощью манипулятивного воздействия на настроения граждан через виртуальные социальные сети.

Тем не менее, несмотря на очевидный и принципиальный отход от бесконтрольного развития коммуникации людей в виртуальных социальных сетях, российские руководители на данный момент явно не пришли к однозначному пониманию тех принципов, на которых может строиться

государственный менеджмент данной сферы. По всей видимости, именно в силу неясности таких принципов появляется определенная непоследовательность и осторожность политики российского руководства по отношению к Интернету и виртуальным социальным сетям. Внедрение запретительных законодательных актов, прямо или косвенно регламентирующих функционирование виртуальных социальных сетей, сочетается в их действиях с попытками использовать такие сети как один из механизмов коммуникации с населением (примером чему может служить вполне успешная практика гражданской экспертизы проекта закона о полиции и обилие "блогеров" среди государственных служащих высокого ранга). Так же непоследовательно пока выглядит и политика государства по закрытию отдельных сетевых ресурсов - сайтов, закрытых по решению суда, в России на данный момент немного, и поводы для претензий к ним чаще всего крайне разнообразны, что мешает выявить какой-то системный вектор в применении к ним дисциплинарных мер. Соответственно, мы становимся свидетелями примечательного противоречия: российские власти явно исходят из представления о том, что бесконтрольное распространение в обществе виртуальных социальных сетей способно приводить к нагнетанию политического протеста и дестабилизации политической системы, и ориентированы на относительно подробную регламентацию функционирования таких сетей, однако вектор и сущность подобной регламентации в более или менее ясном виде пока никем не определены.

Наша гипотеза заключается в том, что это противоречие закономерно, и возникает оно отнюдь не из-за отсутствия здравого смысла или предметной компетентности у российских политических элит. Сам по себе феномен виртуальных социальных сетей - сложный, многогранный и новый не только для управленческой практики, но и для социально-гуманитарной науки. В настоящий момент научные традиции анализа роли виртуальных социальных сетей в динамике политических процессов все еще продолжают формироваться. И несмотря на вполне отчетливое интуитивное понимание

большинством современных социологов той важной роли, которую играют в развитии тех же протестных политических процессов виртуальные социальные сети, и относительно большое число работ по профильной проблематике, изданных за последние 5-7 лет, многие научные труды, опубликованные по этой теме, пока остаются чисто умозрительными или публицистическими и не претендуют на концептуальные аналитические обобщения. Возможно, в силу сложности и высокой динамики развития самого объекта анализа, ученые в настоящий момент еще ищут подходы к его наиболее адекватному осмыслению. Даже первичная теоретико-методологическая ревизия подходов, сложившихся в социально-гуманитарной науке применительно к виртуальным социальным сетям, показывает, что пока у ученых отсутствует некое устоявшееся и целостное представление об этом феномене.

Европейская наука подошла к соответствующим вопросам в русле изучения традиционных для себя тематик и сосредоточилась на вопросе о том, как появление виртуальных социальных сетей может скорректировать уже известные представления о социальной реальности. Так, наработки А. Барда и Я. Зодерквиста [3] сводятся к тому, что широкомасштабное внедрение сетевых связей в социальную реальность приводит к трансформации традиционных систем господства, так как дает возможность включения в политический процесс тем акторам, которые ранее были ее лишены. Исследования М. Кастельса [5] сводятся к рассмотрению виртуальных социальных сетей как инструмента работы и импульса развития для разнообразных социальных движений, ранее не участвовавших активно в социально-политических процессах, но теперь получающих возможность играть в них все более заметную роль. Акторно-сетевая теория Б. Латура [6] строится на допущении о фактическом слиянии традиционных социальных связей с виртуальными социальными сетями. Таким образом, в целом европейское направление анализа в настоящий момент опирается на классический инструментарий социально-гуманитарной науки и

фокусируется главным образом на вопросе о новациях, которые способны появиться в традиционных социальных связях при опоре на неизвестный ранее инструмент - виртуальные социальные сети. Итогом изысканий европейской науки в этом направлении стали как новые теоретические разработки, адекватно связанные с классической социальной теорией, так и построение новых концептуальных моделей социального поведения индивидов. Однако европейские исследования, несмотря на ряд вполне очевидных успешных наработок, пока остаются в основном умозрительными и нуждаются в последовательной эмпирической локализации.

Американским аналитикам оказался наиболее свойственен интерес к характерным чертам, которые отличают коммуникацию в виртуальных социальных сетях от иных типов социального взаимодействия. В работах американских ученых часто прослеживается имплицитная гипотеза, согласно которой виртуальная социальная сеть создает особый тип взаимодействия индивидов, не являющийся прямым продолжением традиционных связей и представляющий собой именно уникальную по своим характеристикам социальную реальность. Например, Л. Спроулл и С. Кайзлер [2] сфокусировали свое внимание на экспериментальном сравнении коммуникации индивидов в виртуальных социальных сетях и за их пределами. М. Зук [1], опираясь на междисциплинарный социолого-географический подход, выявляет особенности конструирования и презентации пространства коммуникации на базе виртуальных социальных сетей. Г. Рейнгольд [7] писал о переходе к информационно-коммуникативным технологиям, обозначая фундаментальные изменения в коммуникационном процессе: новые технологии позволят людям общаться по-новому и делать что-то новое вместе. Фактически американская наука, изначально имея скорее прагматические методологические установки и не опираясь систематически на классические социологические теории, сосредоточилась в основном на частном вопросе об особенностях коммуникации индивидов в виртуальных социальных сетях. Текущим

результатом разработок американских ученых стали и различные версии того, как могут проявляться подобные особенности, и апробация широкого спектра методик сбора релевантных данных. Вместе с тем, хотя американская наука и констатировала существенные различия между коммуникацией индивидов в виртуальных социальных сетях и за их пределами, пока остались за рамками внимания вопросы о соотношении этих типов коммуникации между собой и об их способности перетекать друг в друга.

В российской науке соответствующие вопросы начали рассматриваться позднее и на данный момент находятся в разработке относительно небольшого числа исследовательских коллективов. По всей видимости, это связано как с общим "догоняющим" характером российских общественных наук по отношению к иностранным научным школам, так и с тем, что Интернет в целом и виртуальные социальные сети в частности появились в стране позднее и пока получили меньшее распространение, чем в тех же США и Европе. Тем не менее, несмотря на пока относительно небольшой охват темы виртуальных социальных сетей российскими учеными, отечественная наука имеет ряд примечательных разработок в соответствующей области. Так, ряд исследований (А.С. Дужникова [4], И.Е. Штейнберг [11]) были посвящены анализу морфологии и внутренней динамики коммуникации в виртуальных социальных сетях российского общества. Ряд исследований (С.Г. Ушкин [10], К.В. Родин [8]) проводились и в области разработки математического аппарата, позволяющего автоматически выявлять и прогнозировать то или иное поведение индивидов в виртуальных социальных сетях. Кроме того, после протестных митингов 2011-2012 гг. российскими социологическими центрами был собран обширный эмпирический материал о характере влияния виртуальных социальных сетей на подготовку акций протеста в российских городах. Учитывая все это, безусловной наработкой отечественной социально-гуманитарной науки стали сбор и обобщение многообразной информации о

степени и динамике распространения таких сетей в российском обществе и практик их использования в ходе подготовке акций политического протеста в 2010-2015 гг., а также разработка ряда перспективных аналитических методик. Одновременно с этим проявились относительная редкость полноценных обобщений эмпирических данных (которые зачастую собираются для сугубо описательных сообщений и гораздо реже становятся фундаментом теоретических выводов), а также некоторая эклектичность интереса российских ученых к соответствующим вопросам.

В целом современная социально-гуманитарная наука находится в состоянии интенсивной дискуссии относительно виртуальных социальных сетей: сталкиваясь с все более широким распространением таких сетей, ученые в то же самое время не могут однозначно сформулировать понимание их сути и характера влияния на иные сферы социальной реальности. Интуитивно и гипотетически многие социологи признают, что коммуникация индивидов в виртуальных социальных сетях обладает особым характером и создает условия для более скоротечных социальных процессов. Тем не менее, целостного и устоявшегося понимания природы такой коммуникации и ее взаимосвязи проследить не удастся. Соответственно, необходимо констатировать, что современная социально-гуманитарная едва ли обладает полноценными наработками, способными лечь в основу менеджмента виртуальных социальных сетей со стороны государства. Самое большее, что мы можем себе позволить - это констатировать наличие у многих ученых интереса к соответствующим вопросам и интуитивного понимания ими того факта, что виртуальные социальные сети как инструмент коммуникации обладают неким явным своеобразием.

Избегая неоправданно смелых обобщений и намерено воздерживаясь от попыток сформулировать универсальную программу анализа виртуальных социальных сетей, мы, тем не менее, хотели бы привлечь внимание научного сообщества к пока неразрешенным методологическим вопросам, существование которых, на наш взгляд, и затрудняет адекватный анализ

соответствующей предметной области. Мы предполагаем, что генезис текущих затруднений в концептуализации виртуальных социальных сетей связан с тем, что исходный термин, применяющийся для описания соответствующей предметной области, был введен в научный оборот довольно давно, причем в условиях, радикально отличающихся от нынешней социальной реальности. Термин "социальная сеть" был введен в научный аппарат науки еще в 1950-е гг., когда в мире не было коммуникации, опосредованной Интернетом и мобильных телефонов. Вместе с тем, технологическое развитие человечества за прошедшие с тех пор десятилетия породило множество новых форм осуществления коммуникации, помогающих людям выстраивать вокруг себя уже не только личные, но и виртуальные структуры социальных контактов. При этом остался не ясным вопрос о том, как соотносятся между собой социальные сети, построенные на виртуальных контактах, с социальной реальностью, существующей за пределами виртуальной среды. Запутанность этого соотношения порождает в современной социально-гуманитарной науке целый ряд принципиальных дискуссий, без адекватного разрешения которых едва ли возможно однозначно сказать, какова природа виртуальных социальных сетей.

Во-первых, пока отсутствует четкое понимание того, что вообще корректно называть виртуальными социальными сетями: парадокс между множественностью различных по функционалу коммуникативных сайтов в Интернете и их отчетливой технической интегрированностью как друг с другом (например, в виде возможности одновременной "сквозной" публикации одного и того же сообщения на разных ресурсах), так и с иными электронными платформами (в частности, с новостными лентами, файлообменниками и мессенджерами) актуализирует вопрос о границах самого понятия виртуальных социальных сетей и корректности его применения к сообществам пользователей, возникающим на базе тех или иных информационных ресурсов в Интернете.

Во-вторых, не ясно, каково влияние виртуальных социальных сетей на социальную реальность в целом: активно стимулируемое массовой культурой использование виртуальных социальных сетей в сочетании с повышением их технической доступности приводят и к увеличению времени, которое многие люди (особенно среди городской молодежи) проводят в таких сетях, и к повышению разнообразия их коммуникативных практик на базе подобных ресурсов, а это, в свою очередь, актуализирует вопрос о том, являются ли виртуальные социальные сети всего лишь техническим инструментом, который помогает индивидам поддерживать уже существующие связи друг с другом, или же на их фундаменте возникают такие формы социальности, которые не смогли бы появиться на какой-то другой основе.

В-третьих, существует вопрос о потенциальной способности виртуальных социальных сетей выступать технической площадкой для трансформации настроений людей в их коллективные социальные действия: базовый инструментальный подобный ресурс ориентирован на внутреннюю коммуникацию в рамках Интернета, но при этом простота и отсутствие директивности в информационных потоках делают их удобной площадкой для координации совместных действий индивидов.

В целом, на наш взгляд, проблематика виртуальных социальных сетей и их влияния на социальную реальность нуждается в систематическом и последовательном научном осмыслении. Несмотря на то, что многие ученые уже обратились к соответствующим вопросам и регулярно подчеркивают в своих рассуждениях некую "особость" коммуникации в виртуальных социальных сетях, сама суть этого феномена нуждается в более подробном осмыслении. Основная проблема понимания современной виртуальных социальных сетей, на наш взгляд, связана с тем, что до конца не ясны степень и сущность их взаимосвязи с традиционными разновидностями социальности - например, с теми же социальными сетями, возникающими на базе непосредственной коммуникации индивидов за пределами сети Интернет.

Тем не менее, несмотря на сложность и остроту поднимаемых вопросов, они явно далеки от разрешения и нуждаются в скрупулезном и тщательном анализе. Поэтому в данной работе мы бы хотели воздержаться от окончательных выводов и в большей степени хотим обозначить проблемное поле своей дальнейшей работы и пригласить коллег к дискуссии.

Список литературы:

1. Dodge M., Zook M. Internet measurement // International encyclopedia of human geography / Ed. by R. Kitchin, N. Thrift. – Oxford: Elsevier, 2009. – P. 569–579.
2. Sproull L., Kiesler S. Connections : new ways of working in the networked organization. 7-th print. MIT Press, 2001.
3. Бард А., Зодеркист Я. Netokratia. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Санкт-Петербург. Издательство Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге. 2004. 252 с.
4. Дужникова А.С. Социальные сети: современные тенденции использования // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99) С. 238-251.
5. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория. 2004. 328 с.
6. Латур Б. Сети, общества, сферы: Размышления одного из создателей актрно-сетевой теории // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. С. научн. тр. М. 2013. С. 70-75.
7. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М. : ГРАНД : Фаир пресс, 2006. 416 с.
8. Родин К.С. Опыт прогнозирования результатов выборов на основе анализа социальных сетей // Тезисы доклада на IV Всероссийской социологической конференции "Продолжая Грушина" (27-28 марта 2014 г., Москва). - [электронный ресурс] - Режим доступа:

<http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2014/s1/Rodin.pdf> (дата обращения: 18.02.2016)

9. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683 - [электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 18.02.2016)

10. Ушкин С.Г. Протестные сообщества в социальных сетях: три года наблюдений // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 6 (124). С. 112-118.

11. Штейнберг И.Е. "Живые" и виртуальные сети социальной поддержки: анализ сходств и различий // Социологический журнал. 2009. № 4. С. 85-103.

УДК 316.774 + 373.5

ББК Ч 420.0 + Ч 420.2

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИИ ВОСПИТАНИЯ

Рыбцова, Л.Л.

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN EDUCATION SOCIOLOGY

Rubcova, L.L.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается специфика социологии воспитания в современных условиях, ее взаимосвязи с различными науками, ее обогащающими и дополняющими. Проведенный в статье анализ форм взаимодействия социологии воспитания с другими науками по проблеме развития личности, ее приобщения к культуре в результате целенаправленных воздействий на сознание и поведение дал возможность выделить основные функции этой отрасли социологического знания.

ABSTRACT

The article deals with the specifics of the sociology of education in modern conditions, its relationship with the various sciences, it enriches and complements. The above article analyzes forms of interaction between education sociology with other sciences on the issue of development of the personality, its acculturation as a result of deliberate action on the consciousness and behavior made it possible to highlight the main features of this branch of sociological knowledge.

Ключевые слова: социология, воспитание, личность, общество, социализация, междисциплинарность.

Keywords: sociology, education, personality, society, socialization, interdisciplinarity.

Социология воспитания сформировалась в XX веке. Её предметом выступают закономерности социальной детерминированности и социальных функций воспитания в определенных конкретно-исторических условиях. Она изучает требования общества к личности и перевод их в конкретные задачи воспитания; взаимосвязь природного и социокультурного в развитии и воспитании человека с раннего детства в течение всей жизни; создание определенной модели личности, способной успешно адаптироваться к динамично меняющемуся миру; влияние различных субъектов на воспитание и самовоспитание современного человека.

Таким образом, социология воспитания изучает вопросы последовательного прохождения человеком этапов социализации, включения его в систему общественных отношений в разные периоды жизни. Этому во многом способствуют междисциплинарный подход, междисциплинарные связи социологии воспитания с другими науками. Рассмотрим их.

Социология воспитания прежде всего связана с такими научными направлениями, как социология детства, экология человеческого развития, социология молодежи, ювенология, социология семьи, педагогическая социология, социальная педагогика.

Социология детства

Эта отрасль науки стала формироваться недавно в связи с переосмыслением детства как особого социокультурного явления. Поворотным пунктом к созданию новой парадигмы детства стал Международный проект «Детство как социальный феномен» Европейского центра социальной политики под руководством датского социолога Енса Квортрупа. Вместо привычной «психологизации» мира детства в центре этого проекта оказались: социально-экономические, демографические и политические проблемы анализа этого явления:

- дети как особая социально-демографическая группа, ее место в социальной структуре общества;

- положение детства в системе взаимоотношений между поколениями;
- социография детства (данные демографической статистики о динамике детского населения);
- положение детей в семье;
- формы деятельности детей – их трудовая занятость, школьные занятия, досуг как «запланированная спонтанность» и т. д.
- дистрибутивная справедливость – насколько велика и справедлива доля получаемого детьми общественного продукта, как он делится с учетом их потребностей;
- экономика детства – что дети получают от общества и каков их собственный вклад в экономическое развитие социума;
- правовой статус детей;
- регулирование отношений между государством, родителями и детьми;
- эффективные способы защиты детей и автономии детства.

Например, запрещение детского труда может быть как способом защиты детей, так и способом их дискриминации, отрицания их права на труд.

Новые исследовательские вопросы вызвали к жизни и новую теоретическую рефлексию о детстве. В отличие от традиционных психолого-педагогических исследований, все еще методологически привязанных к биологической парадигме онтогенеза, социология детства рассматривает его не как природную данность, а как социальный конструкт, а детей – как соучастников (хоть и не всегда полноправных) социального процесса, имеющих свой собственный взгляд на мир, подчеркивая, что детский взгляд (точнее – взгляды) требует к себе серьезного внимания со стороны взрослых. Существует несколько специфически социологических парадигм изучения детства.

Первая парадигма – *рассмотрение детства как особого «племени» (tribal group)*, со своей особой культурой, языком, игровыми традициями и т. д., уходит своими идейными истоками в антропологию. Слово «племя» подчеркивает, что детская культура может быть бесписьменной и содержит в себе много архаических элементов, которые непонятны взрослым и, тем не менее, весьма существенны.

Вторая парадигма – *рассмотрение детей как социальное меньшинство*, аналогичное гендерным, расовым, социально-экономическим и этническим меньшинствам. Эта парадигма делает исследователей детства особенно чувствительными к проблемам социального неравенства, отношения к детям представителей старших поколений.

Третья парадигма *выдвигает на первый план проблемы маркирования социального пространства детства* как признанного компонента всех социальных структур – где, как и в каком именно статусе дети участвуют в общественной жизни, как это сказывается на различных этапах их жизненного пути и т. д.

Разумеется, ни одна из этих парадигм не является самодовлеющей, это разные подходы к пониманию детства как особого этапа в жизни человека и общества в целом. Современная *социологическая теория детства* изучает ребенка в системе этих разнообразных отношений с малыми и большими общностями в процессе приобщения к культуре, обретения самостоятельности в ее воспроизводстве и развитии. Ребенок не пассивен при его обучении и воспитании. Он является активным субъектом своего саморазвития, самообразования, самовоспитания.

Это выдвигает на первый план наиболее острые социальные проблемы, такие, как детская бедность, беспризорность, преступность, наркомания, проституция и т. д., причем обсуждение причин этих явлений неразрывно связано с поиском конкретных и эффективных методов организации воспитательного процесса в семье, школе, обществе в целом.

Социология детства в настоящее время активно развивается и в России. Разрабатываются различные программы оказания помощи детям, попавшим в сложную жизненную ситуацию, содействия выявлению и развитию одаренных детей. Большую работу с детьми ведут и многочисленные неправительственные организации. К сожалению, как государственная, так и негосударственная статистика не всегда надежна.

Однако в целом российские исследования по социологии детства остаются разрозненными и в большой степени описательными.

Экология человеческого развития

В последнее время актуальной проблема стала «экология человеческого развития». Она направлена на выяснение проблем, противоречий взаимодействия между активным, растущим человеческим существом и изменяющимися условиями его жизнедеятельности. Развитие ребенка осуществляется не путем одностороннего воздействия среды на личность или наоборот, а в результате их постоянного взаимодействия. Соответственно расширяется содержание понятия «экологическая среда», в которой происходит развитие, воспитание детей, подростков.

В экологии человеческого развития существенное место занимают права человека. **Патерналистский взгляд на ребенка практически отрицает его право на автономию. Современное международное право, в частности, принятая в 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН Конвенция о правах ребенка, к которой присоединилась и Россия, пытается исправить это положение, рассматривая ребенка не только как объект правовой защиты, но и как субъект права:**

«Государства-участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка» (статья 12).

«1. Ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или незаконного посягательства на его честь и репутацию.

2. Ребенок имеет право на защиту закона от такого вмешательства или посягательства» (статья 16).

Социология воспитания активно включает в свой контекст основные подходы направления, связанного с экологией человеческого развития.

Социология молодежи

В социологии воспитания в первую очередь исследуются процессы, характеризующие развитие личности с раннего детства до достижения социальной зрелости. Этот период включает в себя раннее детство, отрочество и юношеский возраст. Ребенок вырастая, переходит в группу молодежи, которая изучается социологией молодежи. В этой отраслевой социологии изучается молодежь **как общность**, определенная социально-демографическая, возрастная группа.

Также в центре внимания исследователей находятся проблемы воспитания ориентаций молодежи на проявления социальной активности в формальных и неформальных общественных объединениях.

Социологи изучают специфику образа жизни, системы ценностей молодежи, ее установок, норм поведения, стиля жизни, мироощущения, мировоззрения (субкультуры). При этом чаще всего в поле внимания оказываются лишь отдельные, наиболее яркие (или шокирующие, эпатажирующие) проявления молодежной субкультуры.

Важным направлением, раскрывающим роль воспитания в развитии молодежи, является выявление тех ресурсов, которые имеются у этой социально-демографической группы. Решая актуальные, сегодняшние проблемы молодежи, общество, тем самым, закладывает фундамент своего последующего развития – ведь

сегодняшняя молодежь, проходящая первичную социализацию, уже завтра будет активным субъектом социальной жизни, основной производительной и творческой силой общества.

Кроме связи социологии воспитания с социологией молодежи, следует отметить и ее соотношение с другими науками, изучающими молодежь. Для обозначения всего комплекса этих наук утвердилось понятие «ювенология» («ювенис» в переводе с латыни – «молодой»). Общий знаменатель ювенологических наук – исследование разнообразных проблем молодежи. Различия между ними идут от характера рассматриваемых проблем и своеобразного – социологического, психологического, историко-этнографического, культурологического, педагогического, демографического, медико-физиологического и т. д. – угла зрения.

Ювенология – наука о молодежи – сама ещё молода. Отдельные ее отрасли достигли разной степени зрелости. Одни из них (социология молодежи, психология юношества как раздел возрастной психологии) уже сложились как самостоятельные научные дисциплины. Другие – развиваются в рамках конкретных наук (демографии, этнографии, культурологии и т. д.). Соответственно и целостность ювенологии еще достаточно относительна. Пока преимущественно понятие «ювенолог» применим к специалистам разных наук, объектом изучения которых выступает молодежь.

Социология семьи.

Социология воспитания также тесно связана с *социологией семьи*, изучающая формирование, развитие и функционирование брачно-семейных отношений в конкретных культурных и социально-экономических условиях. В рамках социологических исследований семья рассматривается как социальный феномен, имеющий существенные черты социального института, малой группы и являющийся сферой личной жизнедеятельности человека.

Проблемы исследования семьи направлены на изучение эффективности ее функционирования, а одними из важнейших функций семьи являются

репродуктивная и воспитательная. Воспитательная функция предполагает социализацию молодого поколения, поддержание культурной преемственности общества. Социализация – это процесс приобщения к принятым в обществе и его подсистемах ценностям и нормам. В широком смысле слова социализация длится всю жизнь; в узком смысле – ограничивается периодом взросления личности до совершеннолетия. Семейная социализация – это двуединый процесс: с одной стороны – воспитание детей, с другой – влияние семьи на формирование социально компетентной зрелой личности.

Социальная педагогика.

Проблема социализации стоит во главе угла и в социальной педагогике. А. В. Мудрик в своем учебнике «Социальная педагогика» отмечает, что воспитание можно рассматривать как относительно социально контролируемый процесс развития человека в ходе его социализации. Социальная педагогика изучает социальное (семейное, конфессиональное, общественное, контрсоциальное) воспитание в контексте социализации, т. е. она рассматривает, какие социальные обстоятельства прямо или косвенно влияют на воспитание человека в масштабах планеты, страны и места его проживания, а также какую роль играют в его воспитании средства массовой коммуникации, семья, общение с окружающими людьми и другие факторы.

Социальная педагогика исследует педагогические аспекты социального становления и развития индивида, приобретения им социального статуса, социального функционирования, а также поддержание достигнутых и восстановление утраченных социальных характеристик.

Педагогическая социология.

Рассматривая междисциплинарные связи социологии воспитания, нельзя не остановиться на *педагогической социологии*. В компетенции педагогической социологии находится выявление взаимодействия влияния микросреды и воспитания на развитие личности. Объект педагогической социологии – ребенок как член микросоциума в единстве его

индивидуальных и социальных характеристик. Предмет – исследование взаимодействия влияний окружающей микросреды и воспитания на развитие личности ребенка. Значимость педагогической социологии во взаимодействии с социологией воспитания определяется тем, что воздействие макро- и мезофакторов социализации и воспитания проецируется на отдельного ребенка, группу детей через действие микрофакторов.

Проведенный нами анализ форм взаимодействия социологии воспитания с другими науками развития личности, ее приобщения к культуре в результате целенаправленных воздействий на сознание и поведение дает возможность выделить основные функции этой отрасли социологического знания.

Функции социологии воспитания

По аналогии с общей социологией можно выделить в социологии воспитания 3 уровня анализа:

- общетеоретический
- специально-теоретический
- эмпирический

Социологии воспитания присущи определенные функции:

Эти функции реализуются при исследовании как закономерностей самого целенаправленного развития и саморазвития личности под

влиянием различных социальных субъектов, так и в практике организации самого воспитательного процесса, разрешения тех противоречий, которые возникают при освоении человеком требований культуры. Использование междисциплинарного подхода в анализе сущности социологии воспитания, ее проблемного поля показывает необходимость изучения специфики социологии воспитания в современных условиях.

Чойропов, Ц.Ц.

Парадоксы «социальной демократии»

(политизированная ситуация).

Choiropov, Ts.

The paradox of "social democracy"

(politicized situation)

Аннотация: Статья посвящена анализу разнопрофильных толкований концепта «социальная демократия» и попыток внедрения ее в жизнь в начальный период социально-политических преобразований в России. Сделан вывод о том, что в итоге феномен «социальная демократия» оказался пустой абстракцией, пригодной для идеологического манипулирования и искажения действительных процессов социализации и демократизации общества.

Ключевые слова: социальная демократия, социал-демократия, социализация общества, политизация реальных ситуаций.

Abstract: The article analyzes various interpretations of the concept "social democracy" and attempts to introduce it into practice in the initial period of socio-political transformation in Russia. It is concluded that in the end the phenomenon of "social democracy" was an empty abstraction, suitable for ideological manipulation and distortion of the actual processes of socialization and democratization of society.

Key words: social democracy, socialization of the society, the politicization of the real situations.

Стоит обратить внимание на одну позицию, культивировавшуюся на начальном этапе российских реформ в официальной публицистике, - о «социал-демократии». Это – давно известная партийная идеология. Однако тогдашние публицисты разводили и категорически противопоставляли два смысла первой составляющей упомянутого словосочетания – «социал»- : а) «социалистическая», б) «социальная».

О том, как авторы толковали «социальную демократию» и как желали внедрить ее в нашу жизнь, можно получить дополнительные сведения. Вот –

некоторые из постулатов: «Социал-демократию я понимаю как баланс между свободой и социальной защитой... Ведь социальная защита не может быть беспредельной, иначе она задушит свободу и даст новый рост бюрократии» (С. Алексеев); «Я полностью согласен с вашей теоретической (?! – Ц.Ч.) оценкой социал-демократии... При этом важно, что социальная демократия – это прежде всего демократия, а уж потом социальная защита» (Ф. Бурлацкий); «Без экономической свободы никакой другой свободы вообще не будет. Ведь вот, к примеру, у шведов появились основательные сомнения: а не переборщили ли они со своей социальной справедливостью (или защищенностью, что, по сути, то же самое), коль эффективность хозяйства падает...» (С. Шаталин) и т.п.

Уже из приведенных постулатов видно, чего так опасались наши «социальные демократы». А опасения их таковы. Ученый-юрист С. Алексеев будто боялся, как бы «социальная защита» трудящихся не навредила столь почитаемой автором концепции «правового гражданского общества» (термин-то каков!) и не «задушила свободу» предпринимательства... Ученый-экономист С. Шаталин признавал лишь свободу экономическую и боялся «переборщить» с социальной защищенностью и справедливостью... Ученый-политолог Ф. Бурлацкий превыше всего возносил так любимую им парламентскую демократию западного образца, опасаясь как бы «социальная защита» трудящихся не ограничила самоупоенные прения парламентариев...

Однако все эти разнопрофильные мужья науки и в тоже время номенклатурные деятели объединялись общей тревогой. Не «переборщить» бы «демократам-реформаторам» с выполнением громко-лукавых обещаний социальных гарантий и свобод, защищенности и справедливости.

Еще бы: ведь сами «демократы-реформаторы» типа Бурлацкого, Алексеева, Шаталина и подобных им уже обеспечили для себя все социальные привилегии и гарантии (ловко преобразовав прежние «застойные» в нынешние «реформаторские»). И наращивали их посредством политизированной демагогии и демагогического политиканства. Так что

проблема «социальной защищенности» и «социальной справедливости» для них («демократов») уже не актуальна: им требовалось побольше «свободы» в механизме перераспределения создаваемых народом ценностей. Им нужна была «прежде всего демократия». Причем такая «демократия», которой бы они владели, пользовались и распоряжались (все три «кита» знаменитой триады древнеримских юристов) как персональной или групповой частной собственностью. К примеру, приватизировали в свое время «Литературную газету» посредством такой «демократии», стало быть надо приватизировать и самую «демократию», т.е. превратить ее в средство владения, пользования и распоряжения этой газетой в своих персональных и групповых интересах.

А теперь наши «реформаторы-приватизаторы» пожелали, как видим, приватизировать и самое создаваемое ими «движение» (и партию) в целом – под именем «социальная демократия». Получается приватизация как бы удвоенная – «приватизация приватизации». Весьма прочный и надежный механизм. А вся эта конструкция «смазывается» социал-демократической демагогией и запускается под знаменем «социальной демократии»...

Так смонтированный и запущенный механизм-колосс в своем круговращении способен своими жесткими жерновами перемолоть и превратить в пыль ввергаемую в него социальную демократию. То есть способен разрушить и выхолостить ее социальную и демократическую душу. То есть – десоциализировать (политизировать) и бюрократизировать (институционализировать) ее, да и приватизировать в таком состоянии. В итоге феномен «социальная демократия» оказался тощей (пустой) абстракцией, пригодной для идеологического манипулирования, тенью – для затемнения (затенения) и искажения действительных процессов социализации и демократизации общества. А по сути оказался политизированным и приватизированным средством торможения и разрушения этих процессов.

Ведь действие названного механизма ввергает социальную демократию в состояние отчуждения и самоотчуждения. В самом деле. Демократия как

народовластие (буквальная этимология слова), как способ положительной жизни и самоуправления народа произвольно отторгается от своего подлинного социального источника и субъекта – от народа. И делается достоянием (приватизируется) институционально-политической группировки. Не «отчуждение» ли это? Более того: будучи институционализированной (приватизированной), такая «демократия» превращается в политизированное средство произвольного переделывания (перестройки) социального способа ее институционального функционирования; стало быть, от демократии отторгается ее социальная сущность (социальный способ жизни и самоуправления народа). Да не только отторгается, но и противопоставляется, превращается в чуждую ей силу. – Не «самоотчуждение» ли это? Практически же это означает господство институциональной «демократии» над демократией как социальным способом жизни народа, а значит и над самим народом. Но это уже не демократия, а ее видимость и тень, псевдодемократия, принаряженная в одежды выхолощенной фразы «социальная демократия»...

Инициаторы же очередной «Альтернативы» явно «переборщили» с наименованием своей институционалистской идеологии и партии, замахнувшись на непосильную для них претензию – социальную демократию. Они могли бы выразить свое кредо в более точных и соответствующих сути их позиции терминах. Например: «политическая (или даже юридическая) демократия», «парламентская (или институциональная) демократия», «предпринимательская (или даже приватизаторская) демократия» и т.п. Наконец – просто «идеологизированная демократия». Но никак не социальная: это совсем не соответствует их настроениям и претензиям.

Инициаторам «нового движения», разумеется, виднее. Тем не менее и для них не лишне бы уразуметь простую истину: действительная демократия не нуждается в прилагательном «социальная»; она социальна по своей природе и сути; вопрос лишь в том, какова глубина и мера ее социальности, а

значит, и демократичности. (Словосочетание же «социальная демократия» равнозначно курьезному – «демократическая демократия»). Однако они (инициаторы) побаиваются втайне именно социальности, а стало быть, и подлинной демократичности, выходящей за узкие пределы партий, институтов...

Наши новоявленные «социал-демократы» именно по социальным критериям явно далеки («не доросли») от классических социал-демократов как западноевропейского варианта, так и российского (предреволюционного). Ведь у «наших» проблема социальной защищенности трудящихся и пенсионеров (разумеется, не титулованных), матерей и детей, еще не вылупившись из скорлупы конъюнктурных публикаций, речей и законопроектов, но уже (!) априори глушится и отодвигается на задний план, на «потом». При этом наши «социальные демократы» опять же ссылаются на западный опыт, до которого они еще не дотянулись даже идеологически.

Они могли бы, кстати, кое-чему поучиться и у тех российских социал-революционеров (получивших ругательный ярлык «эсэры»), которые по своей положительной программе были именно социальными революционерами и тем самым оказались конструктивнее и «меньшевиков» и «большевиков». Стоит сравнить хотя бы их платформы: «Социализация земли» (социал-революционеры), «Национализация» (большевики) и «Муниципализация» (меньшевики). Как бы то ни было, но российское крестьянство отозвалось на программу социализации. И даже большевики приняли ее как наиболее конструктивную и реальную. Хотя после захвата власти постепенно полностью выхолостили из этой программы социальную суть и превратили ее в декреты и репрессивную практику конфискации. И этот исторически-драматический для народа урок надо бы усвоить нашим нынешним «социальным демократам». (Которые, кстати, крестьянству вообще уделяют ноль внимания – не говоря уже о его социальных проблемах).

Увы, наши «социал-демократы» даже «доктринально» (своими речами

и печатными текстами) не приблизились ни к революционным, ни к реформаторским, ни к демократическим, ни, тем паче, к социальным платформам тех партий и движений, «преемниками» которых они себя нарекают. Они застряли в круговороте механизма «политизация-приватизация». В групповом противоборстве из-за передела и перераспределения плюрализованной власти и собственности, из-за овладения политическими институтами, прибыльными «делами» и иными привилегиями...

Неладность и нелепость заключены отнюдь не в самом процессе формирования многопартийной системы: он необходим и закономерен, поскольку развязывает затянутый узел тоталитаризма одной-единственной партии (точнее – партаппарата). Тем самым этот процесс направлен на сбалансирование политической и социальной структуры общества. Огрехи таятся в самих механизмах возникновения, функционирования и целеустремления новых партий, фронтов, движений, ассоциаций, блоков... Ведь по логике самой сути процесса они (эти политические «структуры»), казалось бы, должны зарождаться в глубинных пластах именно социальной структуры общества и появляться, выходить на политическую арену именно из социальных потребностей вполне определенных социальных же слоев населения, граждан. То есть - на основе и в интересах этих слоев, для политического выражения и обеспечения (если угодно – обслуживания) их опять же социальных потребностей. Иначе говоря, процесс появления, целеполагания и деятельности политических партий, движений и т.п. должен бы быть социально обусловленным и наполненным, социализированным.

Однако фактически этот процесс чаще всего оказывается низведенным к политизированному механизму преднамеренной организации сугубо политических «структур» институционального (аппаратного) типа. И во благо самих же «структур». Вследствие этого сформированные партии, движения и т.п. оказываются чрезмерно политизированными и мало (или вовсе не) социализированными. То есть как бы вне- и надсоциальными.

Отсюда такой же характер получают их цели, деятельность и результаты. Отсюда – и чрезмерно политизированная конфронтация между ними.

Будучи в состоянии политизированного противоборства, эти «структуры» все больше и больше уходят от актуальных и перспективных проблем общества, от социальных потребностей народа и трудовых коллективов. Тогда народ превращается для них (партий и т.п.) в население, т.е. в средство поддержки их институциональных целей, а трудовые коллективы – в спонсоров. Деятельность таких партий по внешней видимости (декларациям, уставам, а то и помпезным клятвам) будто бы ориентируется на всякого рода людские, человеческие (вплоть до общечеловеческих) интересы, а на самом деле оказывается институциональным функционированием, обеспечением узко групповых интересов. Короче говоря, таким способом возникшие партии, движения и т.п., провозгласив себя массовой организацией какого-то социального слоя трудящихся или граждан, на деле функционируют как аппаратные структуры – со всеми вытекающими из этого факта последствиями...

Аппаратно функциональные «структуры», будучи чрезмерно политизированными и мало социализированными, могут существовать (и существуют) сами по себе и для себя. Вживившись, однако, в жизнеспособные и жизнетворящие (социальные) организмы – трудовые и региональные коллективы, те или иные социальные слои, национально-этнические образования, наконец – в народ, общество. В таком своем функционировании они (те «структуры») если и обладают «социальностью» и «демократичностью», то непременно иждивенческой: они попросту паразитируют. То есть на самом деле «обладают» (владеют, пользуются) социальными и демократическими ценностями, но не «своими», а «чужими». И «потребляют» их, высасывая жизнетворящие силы (социальный и демократический потенциал) из тех организмов, в какие вжились. Они (те самые «структуры») – собственники, распорядители и потребители социальных и демократических ресурсов людей, трудовых коллективов,

народа, общества.

Наряду с таким (сущностным) способом иждивенчества и паразитирования, функционально-аппаратные «структуры», само собой, пользуются и иными ресурсами – материальными, конкретнее – имущественно-финансовыми. И опять же – не «своими» (поскольку они их не создают и не могут создавать), а «чужими». Можно сказать и – «ничейными», т.е. отчужденными. Отчужденными от самих производителей, которым те же «структуры» вменили в «благотворительную» обязанность еще один вид «ренты» - спонсорство (!). Вот и крути-верти, подсчитывай трудовой люд: сколько останется за вычетом многообразных «рент»? Ясно одно: чем больше политизированных «структур» и чем более они многолики, тем меньше будет остаток. Ведь нашим нынешним политикам, судя по их столь цивилизованным потребностям и замашкам, «не мало надо» (!) – не меньше, чем былым королям...

Правда, наши политизированные «структуры» ныне все чаще и активнее обращаются за помощью к «своим западным друзьям». За «помощью» всякого рода – «политологической», «демократической», «социальной»... и материальной. Это, конечно, «недурственно» - помощь-то получать. Мы все в ней нуждаемся. Только ведь и «помощь», оказывается, надо чем-то оплачивать. Или... оправдывать. Однако чем, как и кто должен и будет оплачивать? – вопрос не из простых. Не поклонами же низжайшими в сторону «Запада» со стороны наших тех самых «структур»...

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ, ИДЕНТИЧНОСТИ И МИГРАЦИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

УДК 316.346.32-053.81(06)

ББК 60.542.15я73

**САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ:
ЦЕННОСТНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ**

Абрамова С.Б.

к.соц.н, доцент кафедры теории и истории социологии

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

sofia_abramova@mail.ru

**SELF-IDENTIFICATION OF CHILDREN AND ADOLESCENTS:
THE VALUES AND CULTURAL FOUNDATIONS**

Abramova S.

PhD in Sociology, assistant professor of theory and history of sociology

Ural Federal University, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ

Определены возрастные периоды и кризисы самоидентификации. Рассматривается проблема социализации и формирования системы ценностей детей и подростков. Дается характеристика противоречий процесса самоидентификации в настоящем и будущем. Раскрыта противоречивость представлений о «своих» и «чужих» в сознании подростков. Дается описание образов сверстников, образа себя, образа своего будущего в представлении молодежи.

ABSTRACT

Determination of age periods and crises of identity is considered. The problem of socialization and formation of the system of values of children and adolescents is given. The characteristic of the contradictions of self-identification process in the present and the future is shown. Contradictory notions of "us" and "them" in the minds of teenagers are disclosed. Identified a description of the peer images, self-image, the image of their future in the representation of young people.

Ключевые слова: самоидентификация, подростки, образ будущего, социализация

Keywords: identity, teenagers, vision of the future, socialization

В социологии и социальной психологии идентификация – это один из важнейших механизмов социализации личности, проявляющийся в отождествлении индивидом себя с определенной группой или общностью (номинальной или реальной, большой или малой). Идентификация способствует активному освоению образцов и стереотипов поведения, присущих членам этой группы, принятию в качестве собственных групповых норм, целей, социальных ролей, установок, идеалов. Самоидентификация означает соотнесенность, отождествление моего «Я» с чем-либо: с объектом, «идеей», принципом, другой личностью, социальным явлением или человеческим объединением; либо обособление того «фрагмента реальности», который есть нечто уникальное и составляет мое «Я», для выяснения смысла его «качественности» [1]. Многие исследователи высказываются весьма критично в отношении государственной политики в отношении детства и её взаимоотношений с исследователями в этой области. Исследования и рекомендации (по направлениям дети и информация, дети и Интернет и т.п.), мало учитываются в государственной политике. Хотя в последние годы государство «повернулось лицом» к детям, вопросы культуры детства решаются неудовлетворительно [2].

Возраст используется как демографический критерий, согласно которому молодёжь подразделяется на отдельные неформальные популяции. Однако принципы градации в антропологии, психологии, социологии, педагогике могут быть самые различные.

Традиционно социологи выделяют несколько этапов социализации. Отдельные периоды социализации строятся с учетом трёх критериев: время физического и социального созревания; характер доминирующих видов деятельности; основные социальные институты, или агенты социализации.

Психологи выделяют три ключевых кризиса в развитии личности: 7-ми, 13-ти и 17-ти лет [3].

Кризис 7-ми лет – это кризис саморегуляции. Ребёнок начинает регулировать свое поведение правилами. Раньше покладистый, он вдруг начинает предъявлять претензии на внимание к себе, поведение становится вычурным. С одной стороны, у него в поведении появляется демонстративная наивность, которая раздражает, так как интуитивно воспринимается окружающими как неискренность. С другой, кажется излишне взрослым. Для ребёнка распадается единство аффекта и интеллекта, и этот период характеризуется утрированными формами поведения. Ребёнок не владеет своими чувствами (не может сдерживать, но и не умеет управлять ими): утратив одни формы поведения, он не приобрел ещё другие. Базальная потребность – уважение («Я открыт для понимания, если уверен, что меня уважают»).

Кризис 13-ти лет – это кризис социального развития, напоминающий кризис 3 лет («Я сам»), только теперь это «Я сам» в социальном смысле. Характеризуется падением успеваемости, снижением работоспособности, дисгармоничностью во внутреннем строении личности. Человеческое Я и мир разделены более, чем в иные периоды. Наблюдается снижение продуктивности и способности к учебной деятельности даже в той области, в которой ребёнок одарен. Вторым симптом кризиса – негативизм (фаза второго негативизма). Базальная потребность возраста – понимание.

Кризис 17 лет, кризис юношеского возраста, напоминает кризисы 1 года (речевая регуляция поведения) и 7 лет (нормативная регуляция). В 17 лет происходит ценностно-смысловая саморегуляция поведения. Если человек научится объяснять, а следовательно, регулировать свои действия, то потребность объяснить свое поведение приводит к подчинению этих действий новым законодательным схемам. У молодого человека наблюдается неустойчивость сознания, он оказывается подверженным сомнениям, раздумьям. Иногда состояние переходит в ценностный релятивизм.

Психология детского возраста и практика развития ценностных ориентаций и установок [4] определяют нижний возрастной период 7 лет, когда складываются первые, начальные ценностные представления, однако, они не имеют отрефлексированного, осознанного характера, ребёнок развивается по модели «ведомого». Возраст 13 лет – активное складывание собственного мировоззрения (но только начало данного процесса), а также готовности и некоторой способности высказывать, обосновывать и обсуждать свое мнение (в т.ч. в групповых формах). Для изучения ценностных ориентаций детей 7-12 лет (между первым и вторым кризисом) было проведено исследование на основе качественной стратегии. Дизайн инструментария был адаптирован к возрасту участников [5] и включал следующие методики:

- образ желаемого и нежелаемого будущего;
- методика диагностики ценностей Ш. Шварца;
- метод неоконченных предложений – методика дополнения (аддитивная проективная методика): 14 неоконченных предложений, которые подталкивали испытуемых к описанию образа себя и различных его компонентов. Все предложения условно разделены на 6 групп, характеризующих в той или иной степени представления о социальных нормах, ценностях, собственных стремлениях, свободах и ограничениях.

- рисуночные методики – модификация психологического теста «Рисунок семьи» – «Кораблик» (значимые фигуры, которых возьмет в путешествие). При анализе имеет значение, прежде всего, состав и очередность набора команды корабля.

По результатам исследования важным аспектом самоидентификации этой возрастной группы является их отношение к миру взрослых. На вопрос: «Хотели бы вы стать взрослым?» не удалось получить однозначного ответа. Информанты, скорее, стараются сохранить статус ребенка («Хочется хоть как-нибудь, да оставаться ребенком»). Это соответствует тенденции общей инфантилизации, отмеченной во многих современных исследованиях,

которая заключается в том, что в обществе становится всё больше «взрослых-детей», неспособных и нежелающих брать на себя какую-либо ответственность.

Мир взрослых теряет для детей свою былую привлекательность, они находят в нем все больше недостатков для себя, нежели преимуществ:

1. необходимость трудовой деятельности (*«Работа – это хуже чем школа»*);
2. высокая занятость (*«На работе все время засиживаешься часов до девяти»*);
3. однообразие будней (*«Приезжаешь домой, поужинал, спать»*);
4. однообразие трудовой деятельности (*«Печатаешь все время на компьютере», «Там просто делаешь свое дело»*);
5. отсутствие эмоциональной насыщенности жизни (*«Взрослые не так подвижны, меньше играют, им не так весело»*);
6. сокращение свободного времени (*«Они не освобождаются на половине дня как мы»*).

В целом, информанты изобразили взрослого как некоего робота, автоматически выполняющего определенный набор операций, сводимый к профессиональным обязанностям и удовлетворению физических потребностей.

Мотивы, которые все-таки побуждают утвердительно говорить о желании быть взрослым, следующие: *«В школу не надо ходить», «Домашку не заставляют делать», «В школу рано не просыпаться», «Друзей новых обретешь»*. Это преимущественно отрицательные мотивы избегания деятельности с частицей «не», за исключением одного, связанного с неизбежной сменой круга общения, а, следовательно, с возможностью завязывания новых отношений.

Таким образом, дети стремятся, скорее, к сохранению имеющегося у них статуса: *«То есть более или менее удобней ребенком быть»*.

В целях уточнения представлений у детей 7 лет о «своих» и «чужих» была использована модификация рисуночного теста исследования внутрисемейных отношений. Участнику выдавалось изображение корабля с пустыми окошками кают, в которых нужно было «разместить» пассажиров, выбранных ребёнком для совместного увлекательного путешествия.

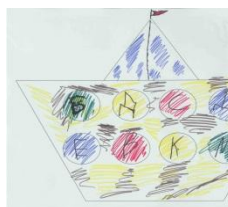

Рис. 1. Ж, 7

Рис. 2. М, 7

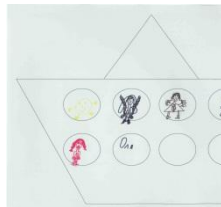

Рис. 3. Ж, 7

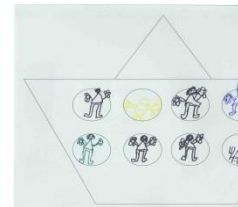

Рис. 4. М, 7

Общие тенденции в формировании «команды корабля» и размещения ее членов по каютам таковы:

- корабли, изображаемые детьми, посещающими детский сад, отличаются своей яркостью и непосредственностью (рис. 1,2) по сравнению с кораблями первоклассников, которые отличаются четким следованием инструкции (не изобразившим ничего «лишнего») У первоклассников уже актуализирована ценность следования нормам и правилам во всем (рис. 3,4);

- дошкольники не изобразили самих себя на кораблях. С одной стороны, это может объясняться как трудностями самовыражения, поиска своего места в сети существующих контактов, так и эгоцентризмом, присущим мышлению детей. С другой стороны, изображение, например, только персонажей любимой компьютерной игры, может говорить о безразличии, отсутствии вовлеченности в предложенную ситуацию, или о слишком высоком уровне влияния указанной компьютерной игры на сознание ребенка (уход от реальности, растворение собственного «Я», слияние с одним из героев).

Категории выбранных «пассажиров» следующие: родители, другие родственники, друзья, герои и персонажи мультфильмов, компьютерных игр. Именно они являются наиболее близкими, «своими» для младших информантов. Если говорить об их количественном соотношении, то

наибольшую значимость для детей представляют именно любимые герои и персонажи, друзья и семья находятся на втором месте.

Критерии выбора «своих» можно определить так:

1. позитивный образ, вызывающий положительные эмоции (*«Он смешной»*);
2. интеллектуальные способности (*«Потому что она очень умный вампир. Она с первого раза поняла»*);
3. надежность, связанная с длительным знакомством с субъектом (*«Я их знаю»*);
4. позитивное отношение к информанту и поддержка (*«Им интересно посмотреть на мои новые изобретения»*).

Таким образом, граница «свой-чужой» выстраивается у 7-летних детей на основе эмоционального восприятия определенного субъекта и личного опыта взаимодействия с ним (как следствие конкретности мышления).

«Чужими» в понимании участников исследования в возрасте 10-12 лет являются так же:

- представители субкультурных молодежных направлений (эмо, готы, панки. *«Они как люди с другой земли, с другой планеты, не такие, как мы»*). Заметим, что скорее они все-таки «другие (не-свой)», чем «чужие», отношение к ним спокойное;
- представители преступного мира (*«Бандиты. То есть они грубят, убивают, воруют»*).

«Своими» младшие школьники могут назвать в первую очередь родственников и друзей. Главным показателем того, является ли человек «своим», становится его позитивное отношение к самому информанту и способность оказывать поддержку: *«кто ко мне хорошо относится»*, *«Яна [лучшая подруга] постоянно меня поддерживает, а остальные много не поддерживают»*.

Следовательно, ключевыми факторами, способствующими эффективности социализации, являются творческая деятельность, принятие

ценностей конкретной группы (семьи), активная адаптация личности, благоприятный климат. Факторами, мешающими социализации, становятся крайний конформизм, «давление» на личность и негативное влияние антисоциальных групп.

Анализ результатов методики неоконченных предложений показал, что образ будущего у 7-12-летних информантов связан, прежде всего, с ценностью семьи и стремлением к профессиональной (трудовой) деятельности. Среди жизненных стремлений можно выделить следующие подкатегории:

1. семейно-ориентированные стремления («*большая семья*», «*ребёнок*», «*собака*»);
2. профессионально-ориентированные стремления («*модельером, пойду по маминной специальности*», «*стану компьютерщиком*», «*работать*»);
3. стремления достижения целей («*получить золотую медаль*», «*сделать большой прыжок. Прыжок с моста*», «*достать до потолка*», «*уехать в Турцию*»);
4. стремления обладания качествами («*стать сильным*»);
5. материальные стремления («*машина*», «*квартира, хоть какая*»).

Для девочек свойственна сосредоточенность на семейно и профессионально-ориентированных стремлениях, тогда как стремления мальчиков более разнообразны, но и расплывлены.

10-12-летние участники исследования представили рисунки образов желаемого будущего. Для рассматриваемого возраста в графических презентациях характерно представление о себе в будущем с точки зрения индивидуализации собственного «Я». Только с возрастом (в картине мира подростков и молодёжи) образ будущего становится всё более расширенным, начинает включать в себя различные сферы личного и общественного бытия.

У 10-12-летних мальчиков акцент при изображении желаемого будущего сделан на профессиональной самореализации. В эту же категорию попадает и рисунок воспитанницы детского дома Лены:

Рис. 5. М, 11

«Это футболист. Он хорошо учился. Богатый»

Рис. 6. М, 12

«Чтобы в кабинете сидеть, директором быть фирмы какой-нибудь»

Рис. 7. Ж, 12

«Хочу быть веселой, радостной, и хочу быть поваром»

Этот упор на профессиональную принадлежность или занимаемую должность свидетельствует о том, что в представлениях подростков именно она определяет всё остальное: *"Если ещё будешь каким-нибудь (не директором - С.А.) в этой фирме работать, то зарплата там ещё маленькая будет, то есть можно не это ... не выкормить просто детей"*.

Привлекательность профессии вытекает:

- либо из логичной трансформации настоящих увлечений информанта (люблю готовить – хочу стать поваром, занимаюсь футболом – хочу стать футболистом, пою в хоре – хочу стать певицей);

- либо из предполагаемых выгод (как правило, высокая зарплата);

- либо из возможности реализовывать какие-то индивидуальные способности и личностные потребности (*«Хочу делать разные блюда, открывать новые блюда, помогать людям, чтобы они не голодали, и работать в дорогом ресторане»*).

Было бы ошибочным предположить, что в 10-12 лет сформирован четкий профессиональный выбор. Скорее, наоборот – наблюдается смешение представлений о будущей сфере трудовой деятельности, о её содержании, о

путях профессионального становления: *«Ну, как бы, не знаю, мне хочется и то, и то, но может поменяться все. Может, я что-то другое вообще захочу делать».*

В противовес девочки 10 лет выстраивают желаемые образы себя, опираясь на внешние качества (внешнюю привлекательность) (рис. 8):

Рис.8. Ж, 10

«Я хочу, чтобы у меня были длинные черные густые волосы, и чтоб они вились. Хочу, чтобы у меня были голубые глаза»

Рис. 9. Ж, 10

«Я не хочу быть девочкой в очках, с короткой стрижкой и строгой одеждой. Не люблю вещи такие в клеточку, это не красиво»

Отличается даже художественный язык этих рисунков – в них больше ярких тонов. Длина и прорисовывание волос у девочек является одним из показателей важности половой идентификации.

Протяженность временного интервала, в котором дети представляют себя в будущем, весьма дифференцирована. В целом у мальчиков возрастной интервал, в котором информанты видят себя в будущем, шире (*«ему 30 лет»*, *«23, нет, 22 года»*), чем у девочек (*«красиво, как старшеклассница»*).

Нежелаемый образ будущего представлен следующими символами: безработица (*«Ничем не занимается. Ходит, бродит»*), нелюбимая работа (*«Я не хочу быть учителем! Не нравится эта профессия»*); отсутствие места жительства (*«Не быть бомжем»*); однообразие жизни (*«Не хочу целыми днями перед телевизором сидеть»*), социальная изоляция (*«Один, злой, нету друзей у него»*). Очень любопытно изображение нежелаемого образа «Я» 10-летней информанткой (рис. 9).

Часто нежелательный образ транслируется через карикатурное изображение внешнего «уродства» как признака жизненного неблагополучия (рис. 10, 11). Длинные волосы заменены на короткие (нет чёткости в половой идентификации), глаза закрыты очками (нежелание видеть – искаженные представления о мире), а так же выбор цвета говорит сам за себя – «синий чулок» (оторванность от социальной жизни). Интересна одинаковая асимметрия глаз на обоих рисунках – это может свидетельствовать об искаженном образе мира и повышенном чувстве страха, тревожности (если я становлюсь таким, то мир меняется, я буду видеть вокруг себя другой мир – страх потерять тот мир, который есть сейчас).

Рис. 10. М, 11

Рис. 11. Ж, 10

Совокупный нежелательный образ «Я» в будущем строится вокруг страхов не иметь места жительства, профессии, быть изолированным от общества или значимого круга общения.

Список литературы

1. Красиков В. И. Человек на пути встречи с самим собой : Проблема метафизической самоиндексации человека / В. И. Красиков. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 1994.. С. 3.
2. Дети и общество : социальная реальность и новации // Социологические исследования. 2015. №7. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2015_7/Platonova.pdf (дата обращения 04.02.2016).
3. Детская психология. Методические указания. Автор-составитель Р. П. Ефимкина. - Новосибирск: Научно-учебный центр психологии НГУ,

1995. [Электронный ресурс]. URL:
http://krotov.info/lib_sec/shso/77_efim.html#57 (дата обращения 17.09.2014).

4. Обухова Л.Ф. Детская (возрастная) психология. Учебник. – М., Российское педагогическое агентство. 1996. – 374 с.

5. Майорова-Щеглова С.Н. Анкетирование детей: ошибки текстов и смыслов. Выступление на V социологической Грушинской конференции «Большая социология: расширение пространства данных»/ Москва, 12-13 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. URL:
http://childsoc.ru/doc/anket_deti_mis.pdf (дата обращения 15.12.2015).

УДК 008

ББК 6/8

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДИАСПОРЫ

Арутюнян, Л.В.

*Кандидат философских наук, доцент кафедры общеобразовательных
дисциплин*

*Заместитель директора по воспитательной работе и связям с
общественностью Севастопольского филиала Российского экономического
университета имени Г.В. Плеханова.*

г. Севастополь, Россия

annaarutyunyan@rambler.ru

PROBLEMS OF PRESERVATION OF THE NATIONAL IDENTITY OF DIASPORA

Harutyunyan, L.V.

PhD, assistant professor of general studies

*Deputy director on educational work and public relations of Sevastopol
branch of the Russian Economic University named after GV Plekhanov.*

Sevastopol, Russia

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена философскому осмыслению проблемы сохранения национальной идентичности этноса, проживающего вне пределов своего национального государства, на примере армянской диаспоры Крыма. Обоснована актуальность данной темы. Дан краткий обзор некоторых концепций национальной идентичности, указаны отдельные системообразующие признаки понятия диаспора. Автор в статье кратко отразил историю крымской армянской диаспоры с момента ее формирования

до настоящего времени. Сделан анализ основополагающих факторов (история, религия, язык и др.) позволивших крымской армянской диаспоре сохранить свою национальную идентичность на протяжении столетий. Показана особая роль Армянской Церкви в данном вопросе. Отражены проблемы этнической трансформации и ассимиляции в условиях иноэтничного окружения. В статье дан анализ причин, способствующих ассимиляции армянской диаспоры Крыма.

ABSTRACT

The article is devoted to philosophical reflection on the problems of preservation of national identity of ethnic groups living outside their own national state, the example of the Armenian Diaspora of Crimea. The urgency of this topic. A brief overview of some of the concepts of national identity, given some signs of systemically important concepts diaspora. The author in the article briefly reflected the history of the Crimean Armenian community since its formation to the present. The analysis of underlying factors (history, religion, language, etc.) Allowed the Crimean Armenian diaspora to preserve their national identity for centuries. The special role of the Armenian Church in this matter. The problems of ethnic assimilation and transformation under inoetnichnogo environment. The article analyzes the causes that contribute to assimilation. Armenian community of the Crimea.

Ключевые слова: национальная идентичность, церковь, армянство, диаспора Крыма, ассимиляция

Keywords: national identity, the church, Armenians, diaspora, grimea, assimilation

В свете глобализации мирового сообщества, которая получила свое развитие в конце XX – начале XXI века, вопрос сохранения национальной идентичности стал актуальным. Это было обусловлено тем, что процесс глобализации, способствуя массовой миграции народов, резко обостряет проблему национальной идентичности. Наблюдающийся в настоящее время массовый поток мигрантов из стран Азии и Африки в Европу, также

значительно усугубляет ситуацию. В таких условиях кризис национальной идентичности может приобрести такие масштабы, что для многих этносов актуальным станет вопрос национального выживания. Сохранить свою идентичность способны лишь те народы и культуры, которые, адаптируясь в современном мире и воспринимая достижения мировой цивилизации, не потеряют своей самобытности. Особенно остро вопрос сохранения национальной идентичности стоит перед малочисленными нациями и народами.

Разными учеными выдвигалось много различных концепций «национальной идеи» ставивших своей целью создание национальных государств, основанных на праве титульной нации осуществлять политическую власть. Иную концепцию национальной идентичности предложил французский социолог Г. Лебон, автор знаменитого исследования «Психология толпы». По его мнению, самоопределение нации не исчерпывается поиском общего языка, фольклора или кровного родства. Лебон выдвигает качественно новую форму «деполитизированного» и «биологического» национализма, к которому корректнее применить не термин «национальная идея», акцентирующий политический аспект, а понятие «национальная идентичность», поскольку речь идет о принципах бессознательной связи личности с этнической группой. Он подчеркивает, что основой классификации народов не могут служить ни язык, ни среда, ни «политические группировки». Основополагающей может быть только психология. Только она показывает, что «позади учреждений искусств, верований, политических переворотов каждого народа находятся известные моральные и интеллектуальные особенности, из которых вытекает его эволюция» [6, с.123]. Примером «психологической идентичности» по Г. Лебону является американская национальная идентичность, которой посвящена книга С. Хантингтона «Кто мы?» «Плавающий тигель народов», как принято называть США, предусматривает приоритет национальной идентичности (самосознания нации в целом) над прочими лояльностями.

Наряду с национальной идентичностью титульной нации, не менее актуальной является проблема идентичности национальных диаспор. В условиях диаспоры идентификация этноса является важнейшим условием ее существования в стране проживания.

Ряд исследователей полагает, что понятие диаспора идентично понятию субэтноса и включают в себя «территориальные части народности или нации, отличающиеся локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта (особое наречие или говор, особенности материальной или духовной культуры, религиозные различия и др., имеющие иногда самоназвание и как бы двойственное самосознание).

Перечисленные толкования тождественны понятию так называемой этнической группы, в то время как понятие диаспора определяется как часть народа, проживающая вне страны его происхождения, имеющая общие этнические корни и духовные ценности.

Системообразующие признаки понятия диаспоры содержат в себе элементы национальной идентификации:

- 1) этническая идентичность;
- 2) общность культурных ценностей;
- 3) социокультурная антитеза, выражающаяся в стремлении сохранить этническую и культурную самобытность;
- 4) представление о наличии общего исторического происхождения.

Для успешного существования и развития диаспоры важно не только характерное для диаспор осознание себя частью народа, проживающего в ином государстве, но и наличие собственной стратегии взаимоотношений с государством проживания и с исторической Родиной, формирование организаций, деятельность которых направлена на сохранение этнической идентичности. Диаспора, в отличие от этнической группы, всегда институцирована и несет в себе не только этнокультурное, но и этнополитическое содержание этнических групп, проживающих за пределами «титульного» государства. Главным понятием, лежащим в основе

формирования диаспор, является этническая идентичность, вытесняющая на второй план такие системообразующие факторы, как общий язык и религия.

Названное положение дел полностью соответствует армянскому этносу, большая часть которого проживает за пределами своего государства. Вопросы сохранения национальной идентичности этноса и связанные с ней проблемы мы рассмотрим на примере армянской диаспоры Крыма.

Крым является одной из самых древних территорий армянской колонизации. Армянская диаспора (колония) в Крыму начала формироваться в XI в., поэтому можно утверждать, что армяне являются одним из древних народов, проживающих на территории Крыма. Крымское армянство еще в раннем средневековье играло значительную роль в развитии взаимоотношений Армении с славянским миром. Во времена генуэзцев, Крымского ханства и турецкого господства армяне оставались достаточно многочисленной и влиятельной в экономическом и культурном планах этнической группой. Тесно связанные с Западом и Востоком, они играли в Крыму роль посредников в цивилизационных межэтнических контактах. Эта роль осталась за армянской общиной Крыма и после присоединения полуострова к Российской империи.

Известный специалист по истории армянских колоний в Крыму В. Микаелян писал: «Среди народов мира мало кому удавалось проявить в условиях массового переселения в целях самосохранения, такое умение проникать в жизнь далеких стран, проводить там широкую экономическую и культурную деятельность и при этом, сохранять и развивать в новых условиях свою национальную самобытность и оригинальную культуру» [5, с.123].

В армянской диаспоре Крыма того периода отмечается сохранение национальной, культурной чистоты и религиозности. По мнению диаспорологов, объективной причиной этого являлось культурное давление иноэтнического окружения, включающее защитные механизмы самоизоляции.

Исследователь по истории восточного христианства, писатель, историк Джованни Гуайта, в своей книге «1700 лет верности» указывал: «Гигантскими жестокими взрывами армяне были разбросаны по всей земле. И сохранили себя как народ, говорят на своем языке, пишут с помощью созданного ими оригинального алфавита, сберегли свою богатейшую культуру, свой национальный облик и характер» [2, с.8].

Ряд исследователей связывает это с консолидирующей ролью церкви. Церковь на протяжении веков составляла неразрывное целое со своим народом, сыграв главную роль в национальной самоидентичности и единении в ареалах компактного проживания. Принадлежность к Армянской Апостольской Церкви автоматически предопределяла этническую принадлежность армян. Для них характерно практическое слияние этнической и религиозной самоидентификации. На протяжении долгих столетий Армянская Апостольская церковь сохраняла свою полную обособленность от других восточно-христианских церквей и, в значительной мере, препятствовала и культурному взаимодействию армян с соседними народами, и ассимиляции. Возможно, эта церковная самоизоляция и привела к тому, что в те времена, когда для других народов этническая самоидентификация была мало значимой по сравнению с культурной, государственной, армяне выделяли себя именно как народ. Религиозная самоидентификация совпала с этнической и обусловила ее. Постоянное и отчетливое противопоставление «армяне не армяне» стало фактом их обыденной жизни.

Еще одним важным компонентом армянской идентичности является язык. Известный писатель, демократ, педагог, этнограф Хачатур Абовян вопрошал: «Смени язык, отрекись от веры, чем же можешь тогда доказать, что ты армянин?!» [1, с.51].

Именно язык и религия по-настоящему «идентифицируют» армянина, где бы он ни был. Армянский алфавит появился в один из самых трудных

моментов истории армянского народа. И помогал ему сохранять свою национальную идентичность на протяжении веков.

Есть и другие компоненты армянской идентичности – это и представление об общности происхождения и исторических судеб всех армян, и национальная символика и еще многое другое.

Так, по мнению специалиста по вопросам геополитики и этнопсихологии, публициста, доктора культурологи Светланы Лурье, «Память о прошлом величии, о древней государственности, о золотом веке армян имела явно эсхатологическую, почти религиозную окраску. Идеи, связанные с этой мечтой не включали в себя установку на осуществление их «здесь» и «теперь», а только надежду на «когда-нибудь» [4, с.261].

Дж. Гуайта в своей книге пишет: «Армянский народ, находясь в постоянном враждебном окружении; не только не потерял своего языка и религии он сделал нечто большее: превратил свои трудности в свою силу, создав совершенно оригинальную христианскую цивилизацию» [2, с. 377].

Таким образом, опыт миллионов армян, живущих за географическими пределами своей Родины, дает ответ на вопрос: возможно ли сочетание универсальности со своеобразием? Крымские армяне уже много веков доказывают, что можно сохранять самобытность и органически, дружественно как часть в целое входить в общество самых различных стран.

Одна из черт, свойственных армянам как народу, на первый взгляд противоречива. Верные своей культуре и религии, армяне всегда проявляли гибкость и удивительное умение приспособливаться к самым различным обстоятельствам: и к господству иноземных завоевателей в прошлом, и к жизни в различных современных государствах, при этом сохраняя от посягательств национальные традиции, веру, язык и культуру.

На вопрос – как армяне, рассеянные по всему миру, сохраняют самоидентичность, Католикос Всех Армян Гарегин I, давая интервью Дж. Гуайта, ответил: «...на протяжении всей истории армяне смогли сохранить самоидентичность, не будучи чужими тем людям, среди которых они жили.

Армянская диаспора, на мой взгляд, обладает опытом жизни национального меньшинства. Мы можем свободно изучать наш язык, нашу историю, исповедовать христианскую веру и, в то же время, быть вовлеченными в общественную жизнь страны, в которой живем» [3, с.39].

Такой опыт мирного сосуществования очень актуален для нынешней Европы, в которой феномен миграций достиг столь больших пропорций, что старый континент должен учитывать существование внутри себя иного культурного мира, носителей других культурных традиций. Равновесие между этими двумя с виду противоположными чертами (осознанием собственной неповторимости и способностью входить как часть в целое) опирается именно на наличие их обеих. Неотъемлемым условием диалога является самопознание, также как открытость порождается верностью своей самобытности. В том же интервью Католикос отмечал: «Я считаю, что осознание своей национальности, своей неповторимости означает признание и принятие национальности других. С другой стороны, принимая другую культуру, можно и нужно оставаться верным своей идентичности» [3, с.8].

Католикос Всех Армян Гарегин I на вопрос об идентичности указывал: «Я думаю, что идентичность и инакость два способа существования, которые не противоречат друг другу. Моя идентичность как христианина и армянина настолько укоренена в моем бытии, что я могу мыслить только изнутри этой категории. Но моя идентичность сама включена в контекст более широкой идентичности - той, которую я называю Христовой идентичностью, которая допускает признание различий, потому что они составляют часть Божественного творения» [3, с.365].

Однако, в сегодняшнем глобализирующемся мире армянство сталкивается с новыми серьезными вызовами. Армянская диаспора, включающая уже более двух третей нации, продолжает расти. В условиях иноэтничного окружения она неизбежно вовлекается в процессы этнической трансформации, в языковую и культурную ассимиляцию, постепенно утрачивая национальное самосознание. Вследствие ускорения

ассимиляционных процессов ежегодно теряет, по меньшей мере, десятки тысяч этнических армян. Перед армянской общиной Крыма эта проблема стоит особенно остро. Данному процессу способствует целый ряд факторов. Критерии, по которым устанавливается степень ассимиляции отдельного человека, общины или целого поколения в конкретном обществе, включают в себя общий язык, осознание идентичности уровень образования, профессиональную деятельность, уровень доходов, гражданство, количество смешанных браков. Главнейший критерий ассимиляции степень, с которой иммигранты идентифицируют себя со страной проживания, разделяют ее «кредо», принимают ее культуру и, соответственно, отвергают прежние лояльности и привязанности к стране, традициям и культуре которой они принадлежали. Значимость составных элементов национальной идентичности переменчива.

Для людей всего мира национальная идентичность зачастую связана с определенной территорией, обладающей исторической и культурной значимостью. Люди говорят об «отчизне», «фатерлянде», «родимой земле», утрата которой признается катастрофой, влекущей за собой утрату национальной идентичности. Люди чувствуют неразрывную связь с местами, где они родились и прожили свою жизнь, что, в соответствии с теорией «крохотного уголка», усиливает самоидентификацию со страной в целом. Кроме того, в каждой стране найдутся места особого исторического, культурного и символического значения. «Если формулировать в общем, люди идентифицируют себя с географическими и физическими характеристиками определенной местности, на которой они проживают», - отмечает С. Хантингтон [7, с.249]. Среди армян диаспоры все эти проявления территориальной идентичности значительно ослаблены, если не отсутствуют вовсе.

Отождествление себя со своей исторической Родиной не является основным аспектом. Представление о национальной идентичности воспринимается весьма отстраненно. В сознание армян настойчиво

вторгались такие концепции, как глобализация, космополитизм, иммиграция, антинационализм. На передний план выступают иные идентичности. Ощущение национальной идентичности, порожденное многовековой историей армянского народа, его борьбой за существование стремительно утрачивает почву под ногами все больше армян идентифицируют себя со страной своего рождения, а не с исторической Родиной. Трагические обстоятельства (международный конфликт с Азербайджаном, землетрясение в Спитаке и др.) дали новый всплеск национальной идентичности. Однако последующие экономические проблемы вновь сгладили это чувство. До тех пор, пока их стране и нации угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма высокой. Если же чувство опасности притупляется, прочие идентичности вновь преобладают над идентичностью национальной. Воспоминания о совместно перенесенных лишениях, служат источником современного патриотизма.

Компактное проживание мигрантов позволяет сохранять язык, обычаи, традиции. И, наоборот, дисперсия есть основа ассимиляции. В Крыму, в результате массовой депортации 1944 г., армяне утратили свои места компактного проживания, обычаи, традиции, связь с церковью, значительно сократилась их численность. Они рассеяны по городам, где численность их не превышает одного процента от общей численности населения. Такая дисперсность является основой для проявления всех составляющих процесса ассимиляции.

Следующая составляющая ассимиляционного процесса увеличение процента смешанных браков. Частота подобных браков определяется размерами общины и ее дисперсией. Члены малых и сильно рассредоточенных общин часто вынуждены вступать в смешанные браки, поскольку у них нет иного выбора. Членам же крупных и географически концентрированных общин гораздо проще найти спутника жизни в пределах своей общины.

Лингвистическая ассимиляция, как правило, протекает по одной и той же схеме. Первое поколение мигрантов владеет родным языком, второе поколение еще помнит родной язык и, наконец, третье поколение уже не знает языка.

Дисперсность армянского населения Крыма, её разобщенность также является фактором потери духовных и культурных ценностей нации, проводником которых во все времена являлась Армянская Церковь. Атеистическая политика, проводимая в советское время, закрытие и уничтожение церквей привели к тому, что армяне утратили религиозность как таковую, становятся светскими людьми, атеистами, материалистами, равнодушными к своему религиозному наследию. Для крымских армян национальное самосознание в некоторой степени приравнивается к религиозной принадлежности. Религия позволяет крымским армянам не потеряться в современном мире, помогает им оставаться самими собой в общении с представителями других традиций, конфессий, культур.

Таким образом, своеобразие современной эпохи характеризуется интенсивными контактами различных народов и их включением в процессы глобализации. Этот неизбежный и в целом прогрессивный процесс порождает, тем не менее, множество проблем, конфликтов, воспринимается многими национальными сообществами как угроза их политическому суверенитету, экономической безопасности и культурной самобытности. Кризисная или несформировавшаяся национальная идентичность затрудняет интеграцию в глобальное сообщество и отбрасывает народы к неэффективным практикам реагирования на вызовы современности.

На основании всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что губительному процессу ассимиляции может противодействовать только этническая консолидация – способность этнической группы объединяться в рамках единой общины, сохранять национальный облик, быт, традиции и нравы, родной язык, веру, историю и культуру. Это происходит только там, где диаспора пассионарна, подчинена общенациональной идее. Гарантом

сохранения нации в условиях иноэтничного окружения может быть наличие жизнеспособной национальной общины.

Список литературы

1. Абовян Х. А. Раны Армении. Исторический роман. М., 2005. 288 с.
2. Гуайта Дж. 1700 лет верности. История Армении и ее церкви. М.: FAM, 2002. 399 с.
3. Гуайта Дж. Жизнь человека: встреча неба и земли (беседы с Католикосом Всех Армян Гарегином Первым). М., 1999. 157 с.
4. Лурье С. В. Историческая этнология.- М., 2004. –624 с.
5. Микаелян В.А. История крымских армян. - К., 2004. 224 с.
6. Фененко А. Национальная идея и национальная идентичность в произведениях Гюстава Лебона//Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. Сб. научных трудов. – Воронеж, 2002. 276 с..
7. Хантингтон С. Вызовы американской национальной идентичности / Сэмюэль Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. М.: «Транзит» 2004. 635 с.

УДК 316.35

**ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПОЛИЦЕЙСКИХ: ПРОБЛЕМА
ВОСПРОИЗВОДСТВА И ПОДДЕРЖАНИЯ**

Архипова С.В.

*старший преподаватель кафедры общей психологии, гуманитарных и
социальных дисциплин ФГКОУ ВО «Уральский юридический институт МВД
России», кандидат социологических наук, г. Екатеринбург*

sarkhipova@mail.ru

**THE PROFESSIONALISM ON THE POLICE: THE PROBLEM ON
THE REPRODUCTION AND MAINTENCE**

Arkhipova, S.

*Senior Lecturer, Department of General Psychology, humanities and social
sciences "Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", PhD in*

Sociology

sarkhipova@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Аннотация: в данной статье раскрываются вопросы профессионализма социальной группы полицейских. Описываются механизмы производства, воспроизводства и поддержания профессионализма полицейских.

ABSTRACT

This article presents issues of professionalism of the social group of policemen. It describes the production mechanisms of reproduction and maintenance of the professionalism of the police.

Ключевые слова: полиция, полицейские, профессионализм, компетентность, доверие.

Keywords: police, professionalism, competence, confidence.

К концу XX века на смену концепции «человека иерархического» и «человека экономического» приходит концепция «профессионального человека», которому присуще желание вносить свой вклад не только в дело своей организации, но и стремление приносить пользу обществу. «Профессиональный человек», согласно авторам монографии «Профессиональные группы: сообщества, деятельность и карьера» [1, с. 135], стремится к повышению уровня компетенции и личностному росту, для него важны осмысленная, продуктивная и интересная работа и признание его достижений. Он развивает в себе способность к систематическому обучению, одновременно чувствует себя и профессионалом, и студентом.

В современных условиях особенно важен интерес к теоретическим и прикладным аспектам проблем профессионализма. Как отмечает А.А. Бодалев, «...понятно, что постижение сущности профессионализма, видение и постижение путей, ведущих к нему, имеет не только сугубо теоретическое, но и большое практическое значение. В стране огромное число людей, которые продвигаются в политике, экономике, в сфере управления, в науке, во многих других областях деятельности и не являются при этом профессионалами во всем значении этого слова» [2, с. 8].

Профессионализм «профессионального человека» складывается из трёх взаимосвязанных элементов: знаний, квалификации и компетенции. Из указанных составляющих именно компетенция приобретает ведущее значение.

Компетентность индивида в современном обществе, как считает Джон Равен, должна сочетать и элементы профессиональной деятельности, и умение влиять на общество в целом. Компетентное поведение обусловлено мировоззрением человека, его пониманием необходимости совершения определенных действий для жизни сегодня. «Компетентное поведение, среди прочего, зависит ... от готовности включаться в субъективно значимые

действия, например, стремиться повлиять на происходящее в своей организации или на направление движения общества ... адекватного понимания того, как функционируют организация и общество, где человек живет и работает, и адекватного восприятия собственной роли и роли других людей в организации и в обществе в целом ... адекватного представления о роли понятий, связанных с управлением организациями» [3, с. 150].

С точки зрения американского социолога Т. Парсонса, профессионалов отличает следующее:

1. Требования формальной подготовки, которая сопровождается институционализированными моделями контроля адекватности образования и компетенции обученных индивидов.

2. Наличием навыков реализации полученных профессиональных знаний.

3. Наличие у профессионалов уверенности в том, что их компетенции используются в интересах всей социальной системы.

Таким образом, базовыми чертами профессионализма являются:

1. Формальная подготовка, получаемая в рамках образовательных институтов, которые обладают правом сертифицировать качество и компетентность выпускников (например, право выдавать дипломы государственного образца о высшем профессиональном образовании с присвоением квалификации).

2. Демонстрация умений, полученных в ходе формальной подготовки, в практическом и прагматическом применении.

3. Институциональные механизмы, гарантирующие, что полученные компетенции, будут использованы социально значимым способом.

Исходя из вышеуказанных характеристик профессионалов и профессионализма, социальная группа полицейских, несомненно, относится к группе профессионалов.

Проблема заключается в том, как поддерживается и воспроизводится профессионализм полицейских, т.к. наряду с формальным

сертифицированным образованием важным становится наличие особого группового этоса – включенность в группу профессионалов, где осуществляется «доводка» молодых специалистов, поддерживается и воспроизводится профессионализм.

Это связано, прежде всего, с тем, что сегодня человек живет в разнообразном и многогранном мире, базовой характеристикой которого является быстрая изменчивость или, как пишет З. Бауман, современность перестала быть четко структурированной, стабильной и приобрела свойство текучести[4, с. 7-22]. Убеждения человека, его установки, представления, ценности перестали быть достаточно устойчивыми, они постоянно подвергаются сомнению, пересмотру и проверке на прочность под влиянием различных жизненных обстоятельств, которые зачастую носят рискованный и неопределенный характер.

В этих условиях особое значение приобретают потребности в эффективном обеспечении личной безопасности, поддержании законности и правопорядка. Удовлетворить обозначенные потребности призвано государство, в частности, с помощью полиции, которая реализует монополию государства на аппарат принуждения и насилия. Во многом о «качестве» государства судят именно по работе института полиции – как и насколько эффективно он функционирует, насколько адекватно он отвечает потребностям общества и личности, как к нему относятся люди. Ведь из всех представителей государственных институтов полицейские оказываются наиболее близкими к простому обычному человеку. Согласно В. Е. Гимпельсон и Г. А. Монусовой, неэффективная и неуважаемая гражданами полиция создает многочисленные проблемы: снижает доверие к государству и его основным институтам, формирует в обществе атмосферу страха и ощущение незащищенности, подавляет экономическую активность граждан и т.п. Наоборот, полиция, пользующаяся уважением и доверием граждан, является непременным условием эффективного государства и социального благополучия [5, с. 4].

К сожалению, средства массовой информации наполнены историями и видеосюжетами с пьяными сотрудниками органов внутренних дел, полицейскими-нарушителями на дорогах, полицейскими-взяточниками и т.п. Все это создает негативный образ полиции и настраивает граждан против нее. Однако в этом направлении фиксируются некоторые положительные тенденции. Крупнейшие исследовательские центры «Левада-Центр» и «Общественный вердикт», осуществляющие с 2004 года замеры индекса доверия к сотрудникам МВД (с 2011 года к сотрудникам полиции), фиксируют, что за десять лет обследований доля граждан, считающих произвол правоохранительных органов актуальной проблемой, сократилась с 81% опрошенных в 2004 году до 59% в 2015, в 2010 году полиции доверяли всего 33% респондентов, в 2015 таких уже стало 47% [6, с. 132-133].

Несмотря на положительные сдвиги в этом вопросе, по-прежнему остается достаточно большая доля граждан, не доверяющих полиции и относящихся к ней негативно: 43% граждан полагает, что может пострадать от произвола полиции; 47% считает, что слабо защищены от ее произвола; 17% испытывают к полиции антипатию, 12% - опасение и страх, 7% - возмущение и негодование [6, с. 133]. Во многом отрицательное отношение к полиции связано с низкими оценками уровня ее профессионализма. На вопрос «Способна ли полиция Вашего города/района защитить Вас/Вашу семью от преступников?» 42% респондентов ответили отрицательно [6, с. 134], т.е. почти половина жителей страны фактически отказывает полиции в основном ее предназначении – защищать жизнь, здоровья, права и свободы граждан и человека.

В связи с этим, актуальным является вопрос о производстве, воспроизводстве и поддержании профессионализма сотрудников органов внутренних дел.

Представляется, что в практике органов внутренних дел существует два типа профессиональной коррекции (под коррекцией в данном случае будет

понимать механизмы «доводки», воспроизводства и поддержания профессионализма): горизонтальный и вертикальный.

Горизонтальный тип основан на неформальных практиках и осуществляется самими сотрудниками. Горизонтальный тип является важнейшим неформальным институтом формирования профессионализма и профессионального роста. Одним из определяющих мотивов горизонтальной коррекции является сверка своих собственных представлений о работе в полиции с позицией коллег. Это важно и с позиций снижения уровня риска, и для упреждения ошибок в профессиональной деятельности. Можно сказать, что это своеобразная «внутренняя» лаборатория по доводке молодых профессионалов и дальнейшего роста уже состоявшихся. Процесс профессиональной коррекции может осуществляться как более опытными коллегами, так и молодыми сотрудниками между собой.

Институт неформальной коррекции не всегда может быть результативным, его необходимо обязательно дополнять административным контролем или контролем со стороны формальных институтов, которые в системе органов внутренних дел могут являться наиболее эффективными. Данный тип производства и воспроизводства предполагает участие в них официально назначаемых лиц и вышестоящих структур. Представляется, что одним из таких институтов является институт наставничества, через который в обязательном порядке проходят все вновь принятые на службу и лица, назначаемые на вышестоящие должности. Деятельность института строго регламентирована нормативно-правовыми актами, в соответствии с которыми разрабатываются специальные программы наставничества для сотрудников.

Таким образом, горизонтальное и вертикальное производство и воспроизводство профессионализма являются действенными институциональными механизмами

Список литературы:

1. Профессиональные группы: сообщества, деятельность и карьера: Коллективная монография / Отв. ред. В.А.Мансуров. – М.: ИС РАН; РОС, 2014.
2. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. - М.: Флинта: Наука, 1998.
3. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. - М.: «Когито-Центр». 2002.
4. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.
5. Гимпельсон, В. Е. Доверие полиции: межстрановой анализ: препринт WP3/2012/05 [Текст] / В. Е. Гимпельсон, Г. А. Монусова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
6. Общественное мнение – 2015. - М.: Левада-Центр, 2016.

МАРКЕРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Багрецова Д.А.

магистрант 2 курса, направление «Геобрендинг»

УрФУ им. Ельцина

Екатеринбург, Россия

flowwwer3@mail.ru

MARKERS OF THE PLACE IDENTITY IN LITERATURE

Bagretsova D.

2nd year student of Masters course "Branding"

The Ural Federal University. Yeltsin

Yekaterinburg, Russia

flowwwer3@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье выделяются маркеры, с помощью которых можно выявить территориальную идентичность в литературном произведении. Для этого были рассмотрены и синтезированы научные работы нескольких авторов, изучавших отражение идентичности места в произведении одного или нескольких писателей.

ABSTRACT

The article highlighted markers that can be used to identify place identity in a literary work. To do this, author has been reviewed and synthesized scientific work of several authors who have studied the reflection of the identity of a place in the work of one or more writers.

Ключевые слова: территориальная идентичность, брендинг территории, идентичность территории в литературе, маркер

Keywords: place identity, place branding, place identity in literature, marker

В популярном сегодня направлении территориального брендинга одно из центральных мест занимает определение идентичности. Однако, изучив исследования, посвященные данной теме, мы обнаружили, что единого значения данного термина не существует. Так, например, Д. Визгалов понимает идентичность как нечто присущее территории: она формировалась в момент ее освоения, называния, и теперь она может быть лишь незначительно скорректирована. Для К. Динни идентичность территории воплощается только в ее жителях, без них нет самоопределения и места [6]. В исследовании Э. Казитовой рассматриваемый нами термин трактуется как представление о территории, которое сложилось у внешней аудитории [9].

Не смотря на то, что многие исследователи территориальной идентичности по-разному ее формулируют, все же они едины в определении ее значения в бренде территории. Идентичность места должна лежать в основе бренда места. Если это будет не так, то бренд не получит поддержку местного населения, которое является основным его потребителем. «Городская идентичность – идеологический базис для бренда города» [4].

Исходя из вышесказанного, заметим, что прежде чем начать работу по созданию бренда территории необходимо найти ее идентичность. Она «зашифрована» во многих вещах: в названии места, в характере жителей, в культурных традициях и т.д. Идентичность существует в сознании человека, но выражение она находит в каких-либо материальных объектах. На наш взгляд, одним из таких достоверных источников хранения и трансляции идентичности является литература. «В контексте повышенного внимания к проблемам территориальной идентичности закономерно увеличился интерес к региональной литературной традиции как источнику территориального самосознания»[1].

Мы поставили для себя цель – определить маркеры, с помощью которых можно выявить территориальную идентичность в литературном произведении. Для этого мы отобрали научные статьи, в которых

исследователи анализируют, как отражается идентичность места в творчестве определенных авторов.

Территории, о которых шла речь в анализируемых исследователями материалах – Урал: Екатеринбург, Пермь, Челябинск (6 – количество материалов), Поволжье: Удмуртия (1), Северо-запад: Архангельск (1), Сибирь (1), Руссильон - регион Франции (1). Мы выводим данную классификацию по регионам, т.к. не во всех анализируемых нами материалах авторы говорят о городах. В некоторых случаях они говорят больше о регионе, используя город как частный пример.

Материалов анализирующих идентичность страны через призму литературы мы и вовсе не обнаружили. По нашему мнению, это говорит о том, что идентичность городов в пределах одного региона довольно схожа. Однако данная гипотеза представляет интерес для дальнейшего изучения.

Время создания литературных произведений, на которые ссылались авторы изучаемых нами материалов, имеет широкий исторический обхват. Самое позднее произведение относится к 16 веку, самое позднее – к современности (2011 г.). В большем количестве материалов анализируется литература 19 века — 4 работы, 20 век представлен в двух исследованиях, двухтысячные года в двух, и 16-17 век мы обнаружили только в одном материале. На наш взгляд это говорит о том, что корень идентичности многие авторы пытаются найти в истории. Конечно, идентичность может претерпевать изменения, но основа ее закладывается в прошлом, в то время, когда формируется действующий уклад жизни. Именно поэтому, чтобы отыскать и сформулировать современную идентичность, нужно разобраться в ее истоках.

Исследователи литературных произведений ставят перед собой различные цели: количественный и качественный анализ динамики употреблений номинаций уральских городов как маркеров территориальной идентичности; анализ региональной идентичности в работе уральских женских писателей 19 - начала 20 вв.; рассмотрение роли литературы как

генератора геопоэтических образов, влияющих на процессы территориальной идентичности и т.д.

Однако общая суть всех исканий сводится к тому, что исследователи показывают, какая идентичность формируется у той или иной территории посредством изображения ее в литературных произведениях.

В анализируемых нами материалах исследуются и проза, и поэзия. Авторы произведений могут быть как известными всей стране личностями (А. Иванов), так и малознакомыми региональными писателями (Е. Словцова).

Все анализируемые нами материалы можно разделить на две группы. Первая – анализ произведений конкретных авторов, в которых идентичность места формируется с точки зрения определенного человека, вторая – выявление тенденций в поиске идентичности определенной территории. При количественном подсчете в группы попало равное количество материалов.

Проанализировав материалы, мы обнаружили, что исследователи выделяют в произведениях различные маркеры, по которым в дальнейшем они и судят о сложившейся идентичности места.

Так, например, М. Абашева анализирует «Антологию уральской поэзии» с точки зрения частоты употребления названий таких городов как Екатеринбург, Челябинск и Пермь. Также в перечень исследуемых мест вошел Нижний Тагил, так как обладал значительным числом упоминаний. Автор показывает динамику изменений от 1 до 3 тома антологии. Вывод исследователя: «интерпретируя результаты контент-анализа в целом, на количественном уровне мы можем отметить динамический рост обращения к уральскому топосу от первого к третьему тому антологии» [2]. Это говорит нам о возросшем уровне самоидентификации за счет места жительства. В этой же статье мы находим примеры синонимов. Так, Челябинск уральские поэты называют «город Че» [2]. В данном случае мы можем наблюдать использование номинального маркера, выраженного в частоте употребления названий населенных пунктов и в использовании синонимов имени места.

В исследовании другого автора мы находим еще несколько маркеров. М. Литовская рассматривает особенности творчества уральских писательниц первой половины прошлого века, обращая внимание на то, как описывается ими родной край. Так в романе Е. Словцой «место действия выполняет функции фона (эмоциональное состояние главной героини соотносится с описаниями природы)» [11]. Во время этих описаний мы как раз и находим отношение писательницы к территории. Например, часто в таких описаниях Е. Словцова повторяет эпитет «суровый» в отношении к Уралу. В произведениях другой писательницы, произведения которой также рассматриваются в статье, А. Кирпищикова, делает акцент на других описаниях. Она «изображает характерный для Урала многонациональный мир» [11]. Описывает в общих чертах особенности быта, культуры, традиций и речи. Говорит об этом и поэтесса Е. Гадмер. Однако ее поиски не ограничиваются стандартными клише «суровый Урал». Она старается охватить этот край как можно шире: «Урал – это и величественная природа, и суровость, и промышленность, и многонациональное население, и ссыльные» [11]. Закончив анализ материалов, М. Литовская формулирует вывод, что «в итоге формируется образ «никому не родного» сурового Урала».

В статье В. Абашева анализируются доминанты в определении и описании Урала. «С Уралом в русскую культуру вошла новая модель геопространства, доминирующим началом которой стала не равнинная бескрайность, а темная и неистощимая подземная глубина» [1]. Главным вектором территориального самосознания становится темная глубина земли, которая хранит в себе сокровища. Темная, неизведанная она становится предметом территориальных мифов, которые создают особый образ места. Эту особенность исследователь показывает в историческом контексте от А. Бажова до А. Иванова. Автор статьи говорит об исторических отсылках, которые использует А. Иванов в своих произведениях, чтобы объяснить существующий порядок вещей, которые имеют мистическое значение. Именно фантастикой пропитываются описания Урала.

В рецензии к одной из глав «Истории литературы Урала» Е. Шер анализирует как авторы этой главы, анализируя произведения уральской агиографической литературы XVI-XVII веков, приходит к выводу о том, что православная семантика формирует идентичность Урала, «способствуя сохранению культурной памяти, утверждая миф о божественной предопределенности освоения новых земель, усиливая привязку человека к своему региону» [13]. Мы можем сделать вывод о том, что в формировании территориальной идентичности особое место занимает религия. На наш взгляд, это одна из главных составляющих идентичности, которая чаще всего находит выражение в художественных текстах.

В статье И. Кадочниковой анализируется лирика М. Зиминной с точки зрения проблемы территориальной идентичности. Развитие темы показывается в творческом развитии автора, начиная с ранних произведений и, заканчивая современными работами. М. Зимина описывает Удмуртию, прибегая к стереотипам о провинции – любованию природой и затхлость общественной жизни в целом. Мы можем наблюдать четкое противопоставление «провинция - столица». «Этническая культура оказывается чуждой лирической героине» [8]. Мы обнаруживаем неприятие многонационального состава и противопоставление себя другим. Чаще всего лирические герои – жители родного поэтессе края являются носителями таких характерных черт, как скромность и робость.

В анализе Ю. Даниленко мы можем выделить маркеры идентичности места, но, не смотря на это, идентичность территории так выявить и не получиться. Пермские авторы в своем творчестве используют описания города, территории вокруг. «Доминантой современного пермского текста является замкнутое кольцом дорог пустое пространство, внутри которого лирический герой ощущает себя тотально несвободным и одиноким» [5]. По сути, мы не можем выделить каких-то уникальных черт территории, не беря во внимание всеобщее ощущение несвободы и одиночества.

В статье В. Лимеровой анализируются сочинения М.Ф. Истомина об Архангельске. «Идентичность Архангельска в рассмотренных текстах достигается путем переноса на его образ главных мифологем петербургского канала»[10]. Автор статьи показывает, что М.Ф. Истомин с помощью отсылок в историю, сравнений и мифов, формулирует и выделяет идентичность города.

Рассмотрим также анализ произведений иностранного автора в работе Ю.Есиной., выделяющей показатели региональной идентичности в творчестве руссильонского писателя Л. Массе. В своих произведениях данный автор использует региональный язык и диалекты. Это нужно для того, чтобы литературный герой был представлен таким, каков он есть в действительности. Он подробно описывает быт и культуру: «в рассказе описан красочный карнавал, различные персонажи-маски...» [7]. Также автор пишет о религиозности местного населения, использует мифы. «Рассказ Л. Массе подтверждает то, что легенды до сих пор живут в сознании местных жителей» [7]. Произведения Л. Массе полно освещают всю картину жизни определенной территории. Тем самым он отражает идентичность места наиболее полно, так как задействует всевозможные маркеры.

Таким образом, соединив воедино характеристики территориальной идентичности в литературных произведениях, представленные в проанализированных нами материалах, мы можем выявить перечень следующих параметров территориальной идентичности:

1. Сюжетные элементы:

- исторические отсылки;
- место, как значимая часть для происхождения действий;
- использование местных мифов и легенд;
- отношение к другим территориям.

2. Описательные элементы:

- природа;
- быт;

- традиции;
- религия;
- географическо-климатические условия;
- характер героев.

3.Лексика:

- речь героев (диалекты, региональный язык);
- речь автора.

4.Номинации:

- частота употреблений названий определенных мест территории;
- синонимы, эпитеты, трансформация названий.

Конечно, это далеко не полный перечень маркеров, которыми можно воспользоваться при выявлении территориальной идентичности, «зашифрованной» в литературе. Однако, на наш взгляд, мы перечислили основные показатели, которые использовали исследователи при анализе произведений. Так мы видим, что маркеры зашифрованы во всех «составляющих» литературного произведения – от сюжета до лексики. Следовательно, литературное произведение является хорошим источником информации при поиске идентичности.

Список литературы

1. Абашев В. В. Литература и география: Урал в геопозитике России / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Вестник Пермского университета. Серия: История. — 2012. — №2 (19). — С. 143-151.

2.Абашева М. П. Точки входа: города Урала в «Антологии уральской поэзии»/ М. П. Абашева, А. И. Серина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 23. — С. 115-120.

3.Васильев И.Е. Пути и способы формирования региональной идентичности в творчестве П.П. Бажова и А.П. Бондина / И.Е. Васильев //

Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2014. — №2(127). — С. 18-26.

4. Визгалов Д. Брендинг города / Д. Визгалов. — М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. — 160 с.

5. Даниленко Ю.Ю. Диалог с городом в поэзии молодых пермских авторов / Ю. Ю. Даниленко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2014. — Выпуск 92. — С.140-147.

6. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / К. Динни. — Изд-во: Манн, Иванов и Фербер. — 2013. — 380 с.

7. Есина Ю. Показатели региональной идентичности в произведениях руссильонских писателей (на примере творчества Л. Массе) // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — № 11. — С. 26-27.

8. Кадочникова И. С. Проблема территориальной идентичности в лирике М. Зиминной / И. С. Кадочникова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. — 2013. — №2. — С.168-181.

9. Казитова Э.И. Бренд как инструмент повышения инвестиционной привлекательности компании, территории [Электронный ресурс] / Э. И. Казитова // Вестник Алтайской академии экономики и права. — URL: <http://journal-aael.intelbi.ru/main/wp-content/uploads/2011/04/Э.И.-Казитова.pdf> (дата обращения: 23.11.2015).

10. Лимерова В. А. Архангельск в сочинениях М. Ф. Истомина / В. А. Лимерова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — №4. — С.97-103.

11. Литовская М. А. «Никому не родная родина»: тема региональной идентичности в творчестве уральских писательниц XIX – начала XX века / М. А. Литовская // Уральский исторический вестник. — 2009. — № 1 (22). — С. 60-66.

12.Тишевская Н. С. «Сибирские рассказы и очерки» В. Г. Короленко: контрапункт национальной и региональной идентичности / Н. С. Тишевская // Филология и человек. — Барнаул: АлтГУ — 2013. — №3. — С.53-60.

13.Шер Е. Ю. В поисках региональной идентичности: особенности и тенденции развития уральской агиографической литературы XVI-XVII веков / Е. Ю. Шер // Филологический класс. — 2014. — № 2 (36). — С. 98-99.

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА
ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА В СИСТЕМЕ ГМУ**

Баннх, Г.А.

*Кандидат социологических наук, доцент
Институт государственного управления и предпринимательства*

УрФУ имени Б.Н.Ельцина

Россия, г. Екатеринбург

g.a.bannykh@urfu.ru, galunique2000@yandex.ru

Баннх, А. В.

*Студент Институт государственного управления и
предпринимательства УрФУ имени Б.Н.Ельцина*

bannyh1992@gmail.com

**FEATURES OF THE IMAGE FORNATION OF THE OFFICIAL OF
THE STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT SYSTEM**

Bannykh G.

*Candidate of Sociology, Associate Professor
State Institute of Management and Entrepreneurship UrFU Boris Yeltsin*

Russia, Ekaterinburg

g.a.bannykh@urfu.ru, galunique2000@yandex.ru

Bannykh A.

Student Institute of Public Administration and Enterprise Boris Yeltsin Ural

Federal University

bannyh1992@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается понятие имиджа, условия формирования положительного имиджа должностных лиц в системе государственного и муниципального управления, раскрывается роль СМИ в

формировании имиджа, представляются результаты исследования по изучению имиджа губернатора Свердловской области как должностного лица в системе государственного и муниципального управления.

ABSTRACT

This article discusses the concept of image, the conditions of formation of a positive image of officials, reveals the role of the media in shaping the image and summed up the results of the study conducted on the topic of image of the Governor of Sverdlovsk region as an official.

Ключевые слова: имидж, система ГМУ, формирование имиджа, должностное лицо, коммуникативные технологии, губернатор Свердловской области, контент – анализ

Keywords: image, the system of state and municipal management, image formation, officer, communication technology, governor of Sverdlovsk region, content-analysis

В современном мире имидж играет огромное значение в формировании мнения людей по отношению как к эстрадным артистам, государственным служащим, должностным лицам, так и обычным людям. Имидж - немаловажная составляющая, которая влияет на отношение окружающих к индивиду, что прямо сказывается на его жизнедеятельности, как личной, так и трудовой.

Многие исследователи и практики уделяют пристальное внимание проблеме формирования имиджа в современных условиях. Так можно отметить так учёных, философов как Шепель В.М с его работой «Имеджелогия», Почепцов Г.Г. в работе с аналогичным названием, Чумиков А.Н., Лидо Э.Я. и многие другие. Все они так или иначе внесли свой вклад в теорию имиджелогии.

На современном этапе развития науки и общества для обозначения феномена имиджа существует множество понятий. Чтобы более подробно разобраться в поставленной теме, необходимо рассмотреть основную массу

этих определений и выделить из них наиболее целесообразное, на наш взгляд, подходящее к нашей теме.

Так в книге Г.Г. Почепцова «Имиджелогия» определяется, что имидж представляет собой публичное «Я» человека [1]. По его мнению, отобранная в имидж характеристика должна реализоваться как бы в утрированной форме, что связано с тем, что во всех подобных случаях мы работаем с массовым сознанием. То есть исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что Г.Г. Почепцов определяет имидж как публично выраженное «Я» человека в утрированной форме, для работы с социумом, для последующего формирования мнения, которое необходимо субъекту.

Так же хотелось бы обратиться понятию имиджа, представленным А.Н. Чумиковым. Он определяет имидж как заявленную идеальную позицию, намеренно созданную, продвигаемую в целевые группы [2]. Так же автор отмечает, что сухой остаток имиджа, то есть то, что даёт в итоге имидж – это репутация. А.Н. Чумиков считает имидж намеренно создаваемым аспектом, для продвижения в определённые круги, для формирования необходимого мнения. Данное понятие наиболее точно раскрывает суть имиджа и его функционирования, так как имидж человека является способом продвижения той или иной личности в массы.

Естественно, имидж имеет первостепенное значение для тех профессий, в которых основными характеристиками выступает публичность, клиенториентированность, профессии стандарта «человек-человек», к которым относится и государственная и муниципальная служба, и публичная политика, и управление отдельными сферами, отраслями, территориями.

Роль имиджа государственного служащего, должностного лица будет состоять в формировании его персональных характеристик в глазах и сознании как граждан, так и коллег, а также акцентировании внимания на его компетентности. К персональным характеристикам, следует отнести физические, психологические особенности, характер, тип личности, индивидуальный стиль принятия решений государственного служащего. При

этом эффективность персональных характеристик, на наш взгляд, определяется степенью выделения лидирующих политических позиций.

Опираясь на вышеперечисленные понятия необходимо отметить понятие публичной политики. Публичная политика есть симбиоз политического действия, научной рефлексии и акта масс-медийной коммуникации [3]. По большому счету, она осуществляется в порядке вмешательства в сферу политики экспертов, аналитиков, специалистов в области социальных наук, «интеллектуалов», публицистов и журналистов. То есть публичная политика является совокупностью факторов, которыми можно и даже необходимо влиять на сферы жизнедеятельности общества.

Важным условием для формирования позитивного имиджа человека или организации является наличие знания о его деятельности у заинтересованных лиц. В случае с органами власти - это необходимость позитивного восприятия самого органа или лица, его представляющего, в глазах населения, необходимость осознания населением предмета деятельности органа власти наряду с уверенностью в эффективности реализации полномочий. С помощью знания о носителях имиджа государственной структуры можно сформировать представление о ее деятельности. Такое знание основывается прежде всего на восприятии основных характеристик этих носителей, которые, в свою очередь, можно подразделить на следующие объекты:

1. Имидж руководителя;
2. Имидж персонала;
3. Информационные материалы для СМИ, подготавливаемые самой организацией (PR-тексты, видеоматериалы, аудиоматериалы, фотоматериалы и другое);
4. Имидж предлагаемой услуги, включающий представление о качестве, функциональной ценности, и уникальности.
5. Внутренний имидж: деловая культура и социально-психологический климат;

6. Внешний имидж или восприятие организации общественностью (визуальное восприятие через символику, интерьер офиса и пр.)

7. Социальный имидж – представление о целях и роли организации в общественной жизни [4].

В данной статье остановимся более подробно на имидже руководителя или должностного лица органа государственной власти.

Восприятие руководителя по открытым для наблюдения характеристикам, таким как внешность, социально-демографическая принадлежность, вербальное и невербальное поведение, а также контекст, в котором он действует, позволяет определить и сам имидж руководителя, который состоит из мотивов, намерений, установок и ценностных ориентаций.

Взаимодействие со средствами массовой информации – это один из самых эффективных способов повышения имиджа организации, особенно это верно в отношении государственной структуры. К основным технологиям взаимодействия с общественностью через СМИ, в первую очередь, можно отнести издание информационных материалов для СМИ, которые могут быть в виде текста (доклады, статьи, брошюры, пресс-релизы, годовые отчёты и пр.) или фото- и видеоматериалов.

В массовом сознании сложился определенный стереотип восприятия должностного лица, связанный с образом «чиновника-бюрократа». Распространено мнение, что те, кто работает в органах власти, - некомпетентны, коррумпированы, оторваны от народа, обладают низкой исполнительной дисциплиной. В этих условиях особое значение приобретает завоевание доверия, авторитета, формирование в глазах народа положительного имиджа государственной службы и ее руководителей.

Должностное лицо, такое как губернатор, для более эффективной и продуктивной работы должно обладать имиджем компетентного и грамотного человека.

В современном обществе в коммуникативной среде доминирует личностный фактор, проблема выбора политического лидера решается большинством электората под воздействием впечатления от их образа в СМИ [5]. Образ политической фигуры должностного лица в СМИ включает в себя комплексное сочетание качеств и характеристик, сформировавшихся на основе стереотипов массового сознания, а также под непосредственным воздействием информационных, аналитических теле- и радиопрограмм, печатных статей и политической рекламы. Таким образом, субъекты СМИ принимают активное участие в формировании образа имиджа и репутации должностного лица высшего уровня.

СМИ считаются одним из самых распространенных имиджеформирующих средств, которым склонно доверять общество из-за трудности доступа к более авторитетным информационным каналам. При этом качество, надежность и правдивость тиражируемой информации различно, но даже современный образованный человек не всегда способен распознать эти различия.

Имидж должностного лица конкретно и чётко создаётся в сознании населения, то есть основная часть его представляет определённый набор желаемых характеристик, удовлетворяющих требованиям большинства, поэтому при создании имиджа необходимо добиться доверия, признания компетентности лидера.

Созданием условий презентации имиджа в системе коммуникативного пространства занимаются имиджмейкеры, которые способны избежать наиболее часто встречающихся ошибок в формировании образа политика. В. В. Смолякова в своей статье «Имидж политического лидера» выделила:

1. Эффект пессимизма. Устранение этой преграды особенно важно, поскольку пессимист винит в своих проблемах других, а оптимист пытается сам найти пути выхода из критической ситуации;

2. Эффект «бумеранга», когда высказанные обвинения возвращаются к тому, кто их произнёс. В этом случае стоит опираться на

конструктивную критику, которая помогает продемонстрировать уровень своей компетентности;

3. Эффект «расслабления» аудитории, апелляция наиболее «острым» событиям, экспромт речи, эмпатичность - вот, что позволит держать аудиторию под контролем, завоевать доверие [6].

В формировании имиджа губернатора Свердловской области основную роль играет Департамент информационной политики. Его основными задачами являются:

1. Информационное обеспечение деятельности Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области;

2. Обеспечение реализации единой информационной политики исполнительных органов государственной власти Свердловской области;

3. Формирование положительного имиджа Губернатора Свердловской области и Правительства Свердловской области.

Для рассмотрения имиджа губернатора Свердловской области, презентуемого в СМИ, был проведён контент-анализ. Проблема, поставленная в исследовании, заключалась в том, что имидж губернатора, транслируемый СМИ, сформирован не полностью или отрицательно. Всё это влияет на то, что население Свердловской области может неадекватно оценивать деятельность Е.В. Куйвашева, что, в свою очередь, ведёт к росту недовольств и при негативном исходе ранний уход с поста. Чтобы не допустить данного исхода необходимо обратить внимание на те недочёты, из-за которых имидж не сформирован, и как следствие, изменять саму технологию формирования имиджа.

За основу брались 6 источников, разделённых по 3 блокам: Официальный (Вечерний Екатеринбург, Аргументы и факты), Оппозиционный (Ura.ru, Znak), Интернет СМИ (E1.ru, 66.ru). По каждому из них был проведён анализ информации за полгода в период с 01.01.2015 по 01.07.2015.

Согласно контент анализу, мы можем сделать следующие выводы:

1. Согласно анализируемой информации, СМИ области и города Екатеринбург негативно оценивают деятельность, которую осуществляет губернатор, считают, что он отдалён от народа, не компетентен в своих полномочиях и поручениях, поставленных ему Президентом.

2. Если материал в СМИ о губернаторе содержит негатив, то стиль публикации чаще всего свободный, неофициальный. Материал же, носящий позитивную направленность, обладает четкой структурой, стилем, выдержанностью. Это свидетельствует о том, что данного рода материал готовится специально и целенаправленно, профессионально. Поэтому можно рекомендовать для формирования позитивного имиджа губернатора Департаменту более тесно работать со СМИ для формирования «тёплых» отношений, а также усилить контроль по наличию и распространению негативных материалов.

По итогам исследования имиджа должностного лица в системе ГМУ можно сделать следующие выводы:

Во - первых, необходимо целенаправленно формировать имидж Главы Свердловской области более активно, так - как судя по результатам исследования образ Губернатора в глазах населения окончательно не сформирован. В исследовании можно заметить тенденцию к спаду его популярности и как следствие рост недовольств по отношению к Куйвашеву Е.В. То есть департаменту, занимающемуся связями с общественностью сто обратить внимание на негатив и регулировать, или даже упразднить, нарастающее недовольство посредством более тесного взаимодействия со СМИ, так как они играют превалирующую роль в формировании имиджа должностного лица.

Во - вторых, вернёмся к вопросу о СМИ, необходимо и очень важно сотрудничать с прессой, как с каналом формирования имиджа, так - как, уже было сказано ранее, именно они являются “голосом” населения, и являются своего рода связующим звеном между гражданами и властью. Так же необходимо отметить, что Главе стоит обратить внимание на прямые

контакты с населением, так как граждане ценят внимание и следовательно это только положительно скажется на образе Куйвашева Е. В. М

Список литературы:

1. Почепцов Г.Г. - Профессия имиджмейкер. Санкт – Петербург: издательство «Алатея», 2001. - 256 с.
2. Чумиков А.Н., Бочаров М.П. - Связи с общественностью.- Издательство «Дело», 2006. – 552 с.
3. Шматко Н. - Феномен публичной политики . – М., 200. - 7 с.
4. Бодуан, Ж.П. - Управление имиджем компании. Паблик рилейшнз: предмет и мастерство. – издательство «ИНФРА», 2009. - 260 с.
5. Андрианов М.С. - Эмоциональная оставляющая политической культуры на примере анализа световосприятия школьниками образов политических деятелей). – издательство «Полис», 1997. – 106с.
6. Загайнов А.В. – Понятие имиджа политического лидера: Сущность и подходы к определению [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-imidzha-politicheskogo-lidera-suschnost-i-podhody-k-opredeleniyu.pdf>

**ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ РОССИЙСКИХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ**

Банных, Г.А.

Кандидат социологических наук, доцент

Институт государственного управления и предпринимательства

УрФУ имени Б.Н.Ельцина

Россия, г. Екатеринбург

g.a.bannykh@urfu.ru, galunique2000@yandex.ru

Доронина, В.Р.

*Студент IV курса Института государственного управления и
предпринимательства, Уральский Федеральный университет имени первого*

Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

Россия, г. Екатеринбург

vika.doronina.95@mail.ru

**BASIC FEATURES OF MANAGEMENT OF ORGANIZATIONAL
CULTURE OF RUSSIAN CIVIL SERVANTS**

Bannykh G.

Candidate of Sociology, Associate Professor

State Institute of Management and Entrepreneurship UrFU Boris Yeltsin

Russia, Ekaterinburg

g.a.bannykh@urfu.ru, galunique2000@yandex.ru

Doronina V.

*IV year student of the Institute of Public Administration and Business, Ural
Federal University named after the first President of the Russian Federation BN*

Yeltsin

Russia, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме управления организационной культурой российских государственных гражданских служащих. Автором проанализированы основные проблемы управления организационной культурой российских государственных гражданских служащих. Выявлено, что в современных условиях функционирования государственной гражданской службы, организационная культура является основополагающей.

ABSTRACT

The article is devoted to a problem of management of organizational culture of the Russian public civil servants. The author analysed the main problems of management of organizational culture of the Russian public civil servants. It is revealed that in modern operating conditions of the public civil service, the organizational culture is fundamental.

Ключевые слова: управление, организационная культура, нормативно-правовые основы, государственная гражданская служба

Keywords: management, organization culture, laws basics, public civil service

Тема управления организационной культурой российских государственных гражданских служащих является весьма актуальной. Буквально несколько лет назад, о роли организационной культуры в органах государственной власти никто не задумывался, но на сегодняшний день, исследования в этой сфере приобретают иной смысл, так как от эффективной деятельности государственной гражданской службы зависит направленность и результат.

Организационная культура государственных гражданских служащих является одним из наиболее интересных и недостаточно изученных феноменов, которые привлекают внимание специалистов в области

управления. Ценности в культуре государственной службы характеризуют, в первую очередь, качество деятельности государственных гражданских служащих.

Под организационной культурой государственных гражданских служащих принято понимать совокупность основных правил поведения и разделяемых ценностей, сформированных в организации, которые оказались достаточно эффективными, чтобы считаться ценными, а поэтому передаются каждому члену из уст в уста в качестве жизненного опыта.[1]

Изучение и учет особенностей управления организационной культурой российских государственных гражданских служащих – это необходимая часть при совершенствовании системы государственного управления в стране.

Особенности, специфика и проблемы государственного управления освещались в трудах отечественных и зарубежных ученых-юристов XIX - начала XX веков. Наиболее значимыми исследованиями в области обеспечения эффективности государственного управления являются работы Г.В. Атаманчука, В. Игнатова, Д.Н. Бахраха, Ю.М. Козлова, А.П. Коренева, Д.М. Овсянко, Ю.Н.

Ю.М. Козлов пишет, что государственное управление по своему назначению представляет собой не что иное, как вид государственной деятельности, в рамках которой практически реализуется исполнительная власть.[2]

Ю.Н. Старилов говорил о возможности рассматривать государственное управление в узком и широком смысле. В узком смысле это административная деятельность, т.е. деятельность исполнительных и исполнительно-распорядительных органов государства по осуществлению исполнительной власти на уровне, как Российской Федерации, так и ее субъектов. В широком смысле государственное управление это регулирующая деятельность государства в целом, т.е. деятельность представительных органов, судов, прокуратуры.[3]

Ключевой проблемой государственного управления в современной России является явное несоответствие качества и уровня управленческой деятельности социальным вызовам XXI века. Так как существующая система управления уже не только не способна адекватно и результативно регулировать на глобальные изменения и направлять их развитие в русло желательных для общества социальных, экономических преобразований, но и своевременно понять происходящие процессы и правильно оценить перспективы развития.[4]

Из-за того, что силы направляются, на решении внутренних проблем управления и это не влияет должным образом на повышение эффективности управленческого воздействия на основные сферы жизнедеятельности общества и реализацию поставленных целей.

В настоящий момент принципы и технологии системы управления по результатам находят свое отражение в совершенствовании системы государственного управления Российской Федерации в рамках реализации административной и бюджетной реформ, а также реформе государственной службы.

Особую популярность приобрели идеи нового государственного менеджмента, основные принципы которого можно сформулировать следующим образом:

- использование в государственных учреждениях типа менеджмента, присущего частным фирмам, переход от бюрократического стиля руководства к большей гибкости и применению новых, в том числе электронных, технологий;

- введение в государственный сектор конкуренции, понимание состязательности как ключевого фактора снижения издержек предоставления услуг и повышения их качества;

- активное использование тендерных процедур и повышение эффективности за счет использования контрактных отношений как внутри государственного сектора, так и с частными организациями;

- создание на базе государственных ведомств подразделений, в которых разделены интересы производства услуг и их предоставления гражданам и организациям.[5]

Все концепции государственного управления непосредственно влияют на формирование и управление организационной культурой государственных гражданских служащих. При таком механизме как государственное управление по результатам, управлять организационной культурой было бы значительно проще, так как данный механизм направлен на повышение эффективности деятельности, как отдельного работника, так и организации в целом, а также на более эффективное осуществление контроля за исполнением решений.

Применяя концепцию государственного менеджизма, роль организационной культуры будет сведена к минимуму. Этому факту есть объяснение. Во-первых, нельзя рассматривать граждан как клиентов. Государственные гражданские служащие не имеют своих клиентов, они призваны защищать различные общественные интересы всех граждан. Во-вторых, нельзя заменить законодательную норму на рыночное поведение. Для демократического управления необходимо, чтобы право, а не конкуренция, управляло государственной бюрократией. Таким образом, менеджериальный подход в государственном управлении имеет достаточно серьезные ограничения, вытекающие из отличий менеджмента в ходе деятельности государственной службы и коммерческих организаций.

Управление организационной культурой государственных гражданских служащих имеет некоторые особенности. Во всех нормативно-правовых актах достаточно четко определяется, каким должен быть государственный служащий и каковы его основные должностные обязанности. В соответствии с ними государственный служащий уполномочен исполнять свои функции, в соответствии с должностной инструкцией. Но в большинстве случаев в должностных инструкциях государственных служащих и уставах государственных органов не прописаны нормы, касающиеся

организационной культуры. Более того, законодательством Российской Федерации не установлены нормы в отношении организационной культуры государственных служащих. Поэтому можно утверждать, что нерегламентированность организационной культуры является одной из основных проблем в управлении ею.

Во-вторых, особенностью управления организационной культурой является противоречивость организационных и общественных интересов государственного гражданского служащего. Признанные обществом ценности, а так же декларируемые ценности противоречат практическим служебным ценностям обычного чиновника. Декларируемые ценности заключаются в уважении окружающих, служению обществу, инициативности в профессиональной деятельности. А реально приоритетные ценности - это лояльность руководству, а не делу, преданность и дисциплинированность органу власти, работодателю, а не народу.[6]

В-третьих, особенностью выступает и отсутствие отделов в органах власти по управлению организационной культурой государственных гражданских служащих. Конечно, в развитии организационной культуры главная роль принадлежит руководству, но без специальных отделов, или даже просто сотрудников и специалистов снижается эффективность этого процесса. Задачами данного отдела должны стать: разработка норм этики, обучение этическому поведению, диагностика культуры, разработка профилактических мер для того, чтобы работники не отклонялись от должного поведения.[7]

Для определения состояния и особенностей организационной культуры государственных гражданских служащих было проведено социологическое исследование методом анкетирования. В опросе приняли участие 110 государственных гражданских служащих Правительства Свердловской области.

В анкете были заданы вопросы, на сколько процентов государственные гражданские служащие оценивают: уровень регламентации работы, уровень

системы стимулирования и поощрения, степень разделяемых ценностей, уровень ответственности работников перед руководством, уровень системы чётко написанных правил поведения.

По результатам анкетирования, мнения на данные вопросы распределились по-разному. Государственные гражданские служащие считают, что уровень регламентации работы в Правительстве Свердловской области высокий, как и их ответственность перед руководством. Что же касается вопроса разделяемые ценности между государственными гражданскими служащими то тут можно сказать, очевидно, что уровень разделяемых ценностей низкий. А уровень степени чётко написанных правил поведения средний, что и даёт нам понять о слабости организационной культуры государственных гражданских служащих в Правительстве Свердловской области.

Анализ результатов эмпирического исследования управления организационной культурой государственных гражданских служащих даёт основания охарактеризовать организационную культуру Правительства Свердловской области как противоречивую и слабую. Слабая культура содержит нормы и ценности, противоречащие друг другу, отсутствует глубинный уровень культуры, нормы и правила чётко не закреплены.

Таким образом, регламентация организационной культуры государственных гражданских служащих будет способствовать повышению эффективности деятельности государственных гражданских служащих. А так же решится проблема противоречивости ценностей общества ценностям государственной службы.

Список литературы:

1. Андреева И.В, Бетина О. Б. Организационная культура. – Санкт-Петербург, 2016. – С.293. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/77864703>
2. Козлов Ю.М. Административное право. – М., 2002.

3. Старилов Ю.Н. Административное право. – Воронеж, 2001.
4. Потехин В.А. Модернизация управленческой деятельности в современном российском обществе: направления и перспективы. – Монография. – М.: РУДН, 2010. – С.272.
5. Концепция государственного менеджмента и административная реформа в России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://static2.ozone.ru/multimedia/book_file/1009044137.pdf
6. Монография основы управления организационной культурой [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rae.ru/monographs/219-6861>
7. Грошев И.В., Емельянов П.В., Юрьев В.М. Организационная культура. – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С.288. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/pages/okk/ook.php>

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

Баскакова И.В.

EVALUATION OF SOCIAL CAPITAL IN VARIOUS COUNTRIES

Baskakova I.V.

АННОТАЦИЯ

Социальный капитал понятие весьма многомерное и трудноизмеримое. Вследствие различных трактовок данного термина, не существует единой системы оценивания, которая позволила бы учесть все его составляющие. В статье социальный капитал рассматривается с точки зрения характеристики общества в целом, его социальной сплоченности и взаимодействия. Основное внимание, в соответствии с этим, уделено двум компонентам социального капитала: уровню доверия и социальной сплоченности.

ABSTRACT

The concept of Social capital is very multidimensional and hard-to-measure. Due to various interpretations of this term, there is no single system of evaluation, which would take into account all its components. In the article, social capital is considered on the point of view that society is a whole. The focus is on two components of social capital: trust and social cohesion.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, сплоченность.

Keywords: social capital, trust, cohesion.

Под социальным капиталом нами понимается некоторая совокупность нематериальных ресурсов, возникающая между людьми в обществе, которая опирается на доверие, разделяемые ценности и позволяет им совершать совместные действия. В связи с этим к основным функциям социального капитала относятся облегчение доступа к информации и благам, снижение

транзакционных издержек, повышение доверия к институтам на макроуровне и способствование росту социальной стабильности в обществе.

Исследования социального капитала на мировом уровне проводятся институтом Legatum, публикующим специальный индекс, который оценивает ряд факторов: уровень пожертвований, развитие добровольчества, доверие, помощь окружающим людям и др. Индекс, составляемый данной организацией, соответствует нашей трактовке социального капитала, поэтому при оценке мировой ситуации его использование представляется наиболее целесообразным. Согласно проведенным подсчетам ситуация в различных странах выглядит следующим образом.

Таблица 1.

Динамика развития социального капитала в странах мира

Страны	Год			Изменение
	2011	2012	2013	
Страны с самым высоким уровнем социального капитала (выше 4 баллов)				
Норвегия	4.47	4.47	4.47	0.00
Дания	4.16	4.32	4.31	0.15
Новая Зеландия	4.03	4.23	4.10	0.07
Страны с высоким уровнем социального капитала (от 2 до 4 баллов)				
Австралия	3.73	3.89	4.12	0.39
Канада	3.28	3.34	3.18	-0.10
Великобритания	3.04	3.08	2.70	-0.34
США	2.76	3.22	2.88	0.12
Австрия	2.45	2.01	1.92	-0.54
Страны со средним уровнем социального капитала (от 0 до 2 баллов)				
Германия	1.97	2.04	1.87	-0.10
Израиль	1.78	1.11	1.11	-0.67
Польша	1.01	1.21	0.30	-0.71
Китай	0.85	0.96	0.82	-0.03
Япония	0.68	1.04	1.18	0.50
Франция	0.14	0.56	0.57	0.43

Эстония	0.13	0.13	0.81	0.68
Страны с низким уровнем социального капитала (до 0 баллов)				
Россия	-0.1	0.12	0.33	-0.23
Бразилия	-0.18	0.12	0.12	0.06
Венгрия	-0.18	0.76	0.70	-0.52
Португалия	-0.38	0.14	0.26	0.12
Чили	-0.4	0.27	0.27	0.13
Индия	-2.3	2.49	3.67	-1.37
Пакистан	-4.98	2.01	3.56	1.42

Составлено автором по данным The Legatum Institute.-www.prosperity.com.

Очевидно, что наиболее высокие позиции занимают страны с развитой экономикой. Наилучший показатель социального капитала отмечен в Норвегии (4,47), впрочем, все Скандинавские страны отличаются высоким уровнем социального капитала. Наихудший результат продемонстрировали Индия (-3,67) и Пакистан (-3,56). В то же время по темпам изменения наибольший прирост наблюдался в Греции (+0,53), Украине (+0,56), Пакистане (+1,42), Франции (+0,43) и Эстонии (+0,68), хотя общий уровень социального капитала в этих странах невысокий.

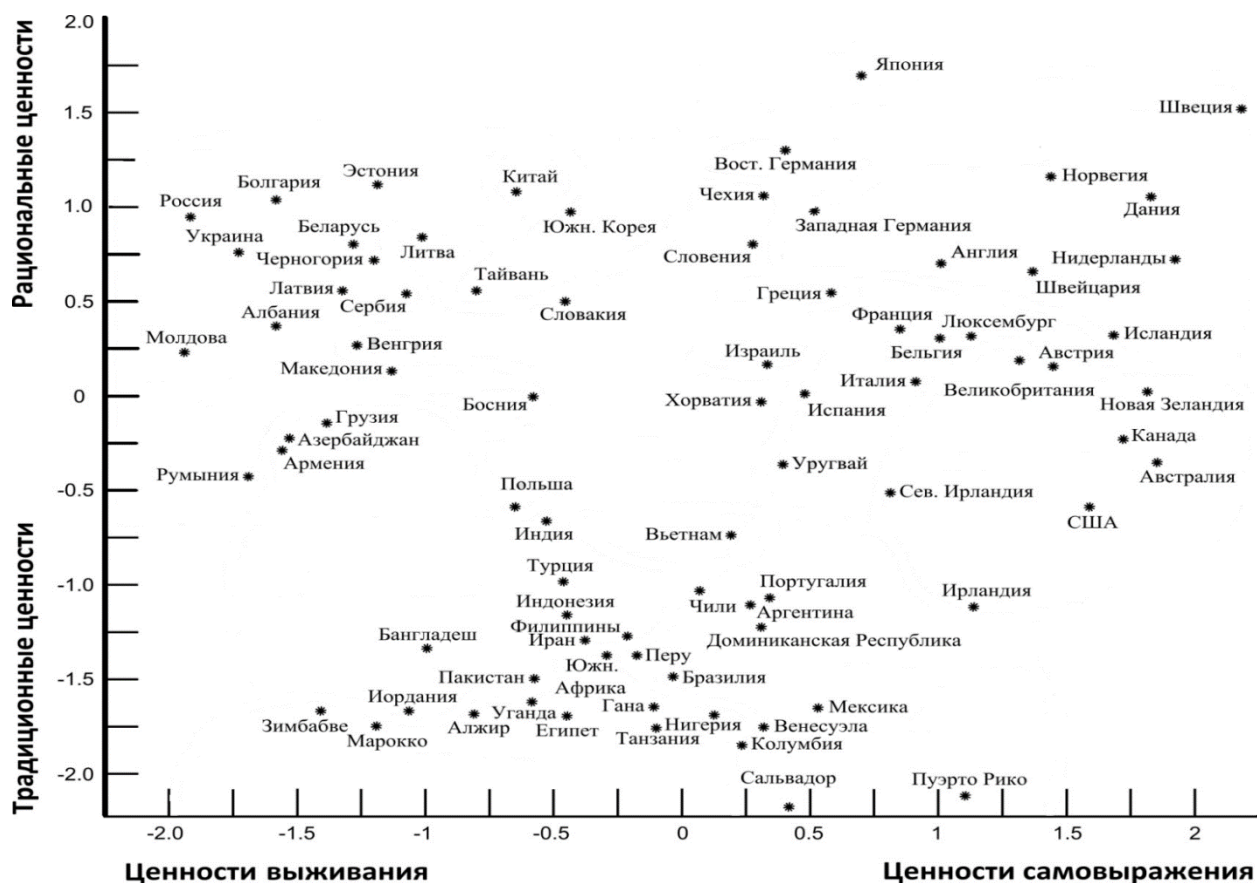
В целом, страны, которые имеют значение социального капитала выше среднего, демонстрируют в большинстве своем и наибольшее отрицательное изменение. Страны же с низким уровнем показывают динамику наибольшего роста, но недостаточного, чтобы изменить свои позиции. Трудно однозначно объяснить, чем обусловлены изменения индекса, что и в какой степени влияет на занимаемые в рейтинге места стран. Вот почему далее проанализируем отдельные составляющие социального капитала.

Начать имеет смысл с анализа ценностей, чтобы определить приоритеты стран с высоким уровнем развития социального капитала (см. Рис. 1).

График составлен по данным всемирного обзора ценностей (World Values Survey). Традиционные ценности характеризуются приоритетом семейных связей, важностью религии, уважением к власти, национальной гордостью. Люди, относящиеся к этой группе, выступают против разводов, аборт, самоубийств. Рациональные ценности, напротив, направлены на достижение личного успеха, меньше уделяют внимания религии, в то время как аборт, разводы, эвтаназия и самоубийства считаются относительно приемлемыми.

По оси абсцисс расположены ценности выживания и самовыражения. Ценности выживания сосредоточиваются на экономической и физической безопасности, низкой оценке прав и свобод человека. Ценности самовыражения, наоборот, большое значение уделяют личности, правам человека, гендерному равенству, росту спроса на участие в процессе принятия политических и экономических решений [1]

Рисунок 1. Межстрановое сопоставление ценностей (2010-2012г.)

Составлено автором по данным Длугопольский А.В. Роль социального капитала в совершенствовании развития социально-экономических систем // Journal of institutional studies. - 2013.- № 3.- С.86.

У стран, которые показали наивысший уровень социального капитала, в обществе доминируют ценности рационализма и самовыражения. Это, прежде всего, Швеция, Норвегия, Дания, Нидерланды, Швейцария. У стран с низким уровнем социального капитала преобладают традиционные ценности и выживания (Пакистан, Индия). В России ценности выживания располагаются рядом с рациональными ценностями. Следовательно, одну из основ развития социального капитала Скандинавских стран составляет идеология индивидуализма, свободы прав человека, самовыражения и личных свобод. В этих странах государство сосредоточено на социальной инфраструктуре, которая максимально помогает реализовать потенциал общества, реализовать их возможности, не ограничивая при этом их свободу личности.

Одним из главных компонентов социального капитала является доверие. Для оценки межличностного доверия респондентам задавался вопрос: «Как вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?» В таблице ниже приведен процент положительных ответов.

Таблица 2.

Оценка межличностного доверия, 2012г.

Страна	%				%		
	010	011	012		010	011	012
Норвегия	4.2	4.2	4.2	Германия	1.6	1.6	1.6
Дания	4	2	2	Украина	0.7	0.7	0.7
Китай	7.4	9.6	9.6	Австрия	0	0.1	0.1
Финляндия	8.9	8.5	8.5	Португалия	0.4	7.9	7.9
Швеция	6	6.1	6.1	Россия	4.7	4.7	4.7
Новая Зеландия	1.2	1.2	1.2	Пакистан	8.2	2.4	2.4
Нидерланды	5	6.9	6.9	Испания	2.4	2.4	2.4
Австралия	6.1	6.1	6.1	Италия	0.7	0.7	0.7
Швейцария	5	5.3	5.3	Индия	0.8	0.6	0.6
Канада	1.9	1.9	1.9	Франция	9.9	9.9	9.9
США	7.1	7.1	7.1	Греция	6.5	6.5	6.5
Великобритания	3	3	3	Венгрия	1	1	1

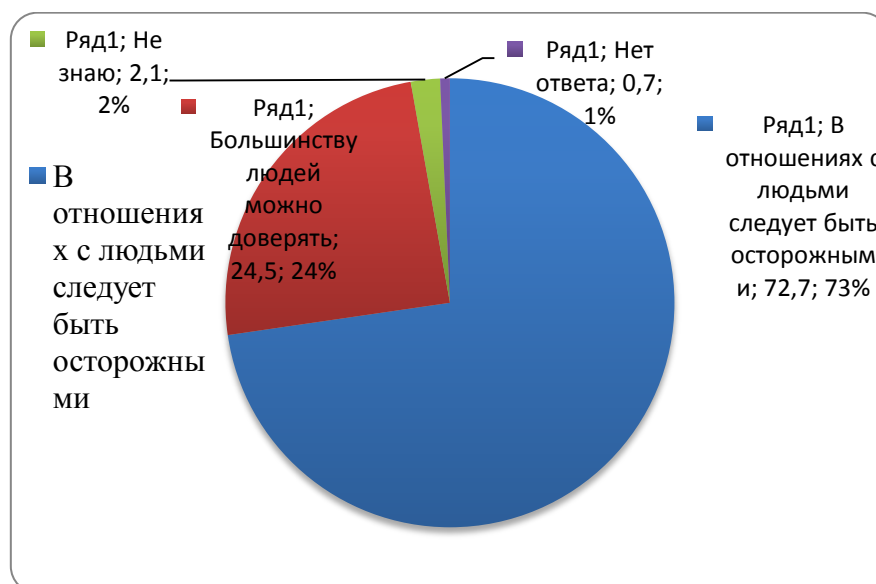
ания	5.8	5.8	5.8		1.8	3.3	3.3
Япония	3.9	3.9	3.9				

Составлено автором по данным World Value Survey.-www.worldvaluessurvey.org.

На первых позициях по данному показателю оказываются страны, которые показали высокий уровень социального капитала. Существенный отрыв наблюдается у Норвегии, где процент доверия достигает значения более 74%. Наиболее низкий уровень межличностного доверия отмечен в Греции (16,5%) и Венгрии (13,3%), разница с Норвегией больше, чем в 5 раз. В целом мировая ситуация характеризуется значительной осторожностью в отношении людей друг к другу, только 24,5% считают, что большинству людей следует доверять (см. Рис. 2).

Интерес представляет сравнение межличностного доверия с готовностью людей помогать друг другу. Для оценки респондентам были заданы вопросы: «Помогали ли вы кому-нибудь кроме членов семьи за последний месяц? Состоите ли вы в волонтерской организации?» (см. Табл. 2).

Рисунок 2. Мировая совокупная оценка доверия, 2012г.

Составлено автором по данным World Value Survey.-www.worldvaluessurvey.org.

Как видно из таблицы, общий уровень взаимопомощи является достаточно низким, самый высокий показатель не превышает 43%. В целом сильной положительной зависимости между доверием и взаимопомощью не наблюдается, страны с высоким и средним показателем доверия демонстрируют также и средний уровень взаимопомощи. Выделяются Швеция и Китай, которые по уровню межличностного доверия занимают высокие места, но по уровню взаимопомощи, наоборот, только 12,8% и 3,9%, соответственно.

Представляется, что низкий уровень взаимопомощи нельзя оценивать только отрицательно. В развитых странах его можно объяснить тем, что у общества имеется четкое представление и понимание того, что должно делать государство, и если оно эффективно справляется со своими задачами и оказывает помощь людям, то дополнительного участия членов общества не требуется. Например, в Швеции высокие налоги, но общество знает, за что их платит, а низкий уровень взаимопомощи объясняется подотчетностью и эффективностью работы государства.

Таблица 2.

Оценка уровня взаимопомощи, 2012г.

Страна	%				%		
	2010	2011	2012		2010	2011	2012
США	9.1	3	2.1	Япония	2.8	7.7	1.3
Канада	5	4.3	2.3	Дания	9.7	4.3	2.6
Новая Зеландия	1.5	8.7	8.3	Индия	2.9	8.4	0
Нидерланды	8.8	7	4.3	Эстония	4.8	4.8	1.5
Норвегия	7.9	7.9	7.9	Россия	9.7	3.1	7.4

Австралия	7.9	6.2	6.6	Испания	2.8	8.1	2.6
Великобритания	8.9	8.4	5.9	Португалия	0.8	0.1	0
Украина	4.2	9.7	9.8	Пакистан	.1	8	1.8
Австрия	0.3	6.8	3.9	Чехия	8.2	8	3.6
Германия	8.4	6.2	4.2	Швеция	2.4	1.5	1.4
Финляндия	7.9	9.8	7	Венгрия	.9	.3	.6
Франция	2.4	6.7	9.3	Китай	.8	.5	.6
Италия	6	4.4	8	Греция	.6	.3	.1

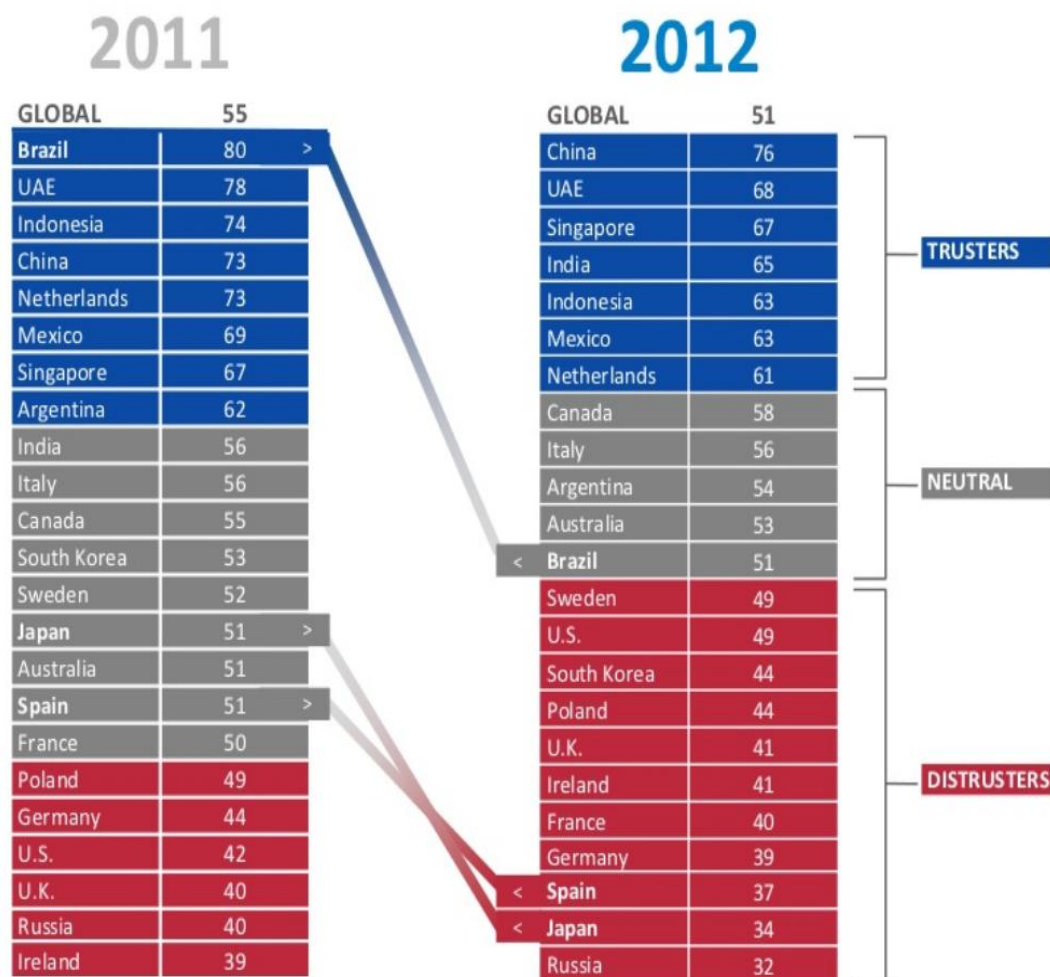
Составлено автором по данным World Value Survey.-www.worldvaluessurvey.org.

Тем не менее, подобное объяснение подходит не для всех стран, а низкий уровень помощи людей друг другу может объясняться и их ценностными ориентациями, а также отсутствием (малой распространенностью) добровольческих организаций или недоверием к ним. Отношение граждан страны к институтам играет весьма существенную роль в становлении социального капитала, поэтому целесообразно проанализировать показатель доверия, который включает в себя уровень доверия к государственной власти, бизнесу, средствам массовой информации и общественным организациям. Для начала оценим общую ситуацию (см. Рис. 3).

Очевидно, что в большинстве стран наблюдается тенденция роста недоверия в обществе. Количественные индексы имеют более низкие значения по сравнению с предыдущим периодом, уменьшается число стран со средним уровнем доверия и повышается с низким: в 2012 году количество

стран с низким уровнем доверия стало почти в два раза больше, чем в прошлом. Наблюдается довольно резкий спад доверия у таких стран, как Бразилия, Япония и Испания, их общий индекс претерпел значительное снижение. Снижение уровня доверия продемонстрировано в России.

Рисунок 3. Уровень доверия в различных странах (2011-2012 г.)

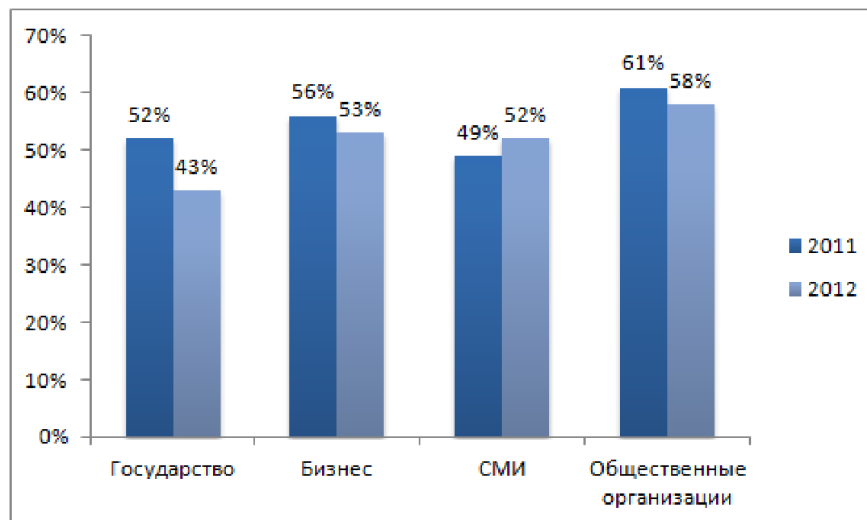
Trust Barometer Global Results.-<http://trust.edelman.com>.

Детализируем компоненты доверия, чтобы понять, в каком именно тенденция к снижению доверия наблюдается наиболее сильно, но сначала представим общую оценку уровня доверия к различным институтам в различных странах мира (см. Рис. 4).

Очевидно, что в трех из четырех институтов произошло снижение доверия, и только уровень доверия к СМИ незначительно повысился. Результаты свидетельствуют о снижении доверия населения к различным институтам, но спрос на их вмешательство не уменьшается, поэтому в

будущем целесообразным будет налаживать взаимовыгодный диалог и соотносить личные выгоды с интересами общества.

Рисунок 4. Общая оценка уровня доверия к различным институтам в 25 крупнейших странах. (2011-2012г.)

Составлено автором по данным Trust Barometer Global Results.-

<http://trust.edelman.com>.

Остановимся подробнее на анализе каждого в отдельности компонентов доверия. Начнем с уровня доверия к государственной власти (см. Рис. 5).

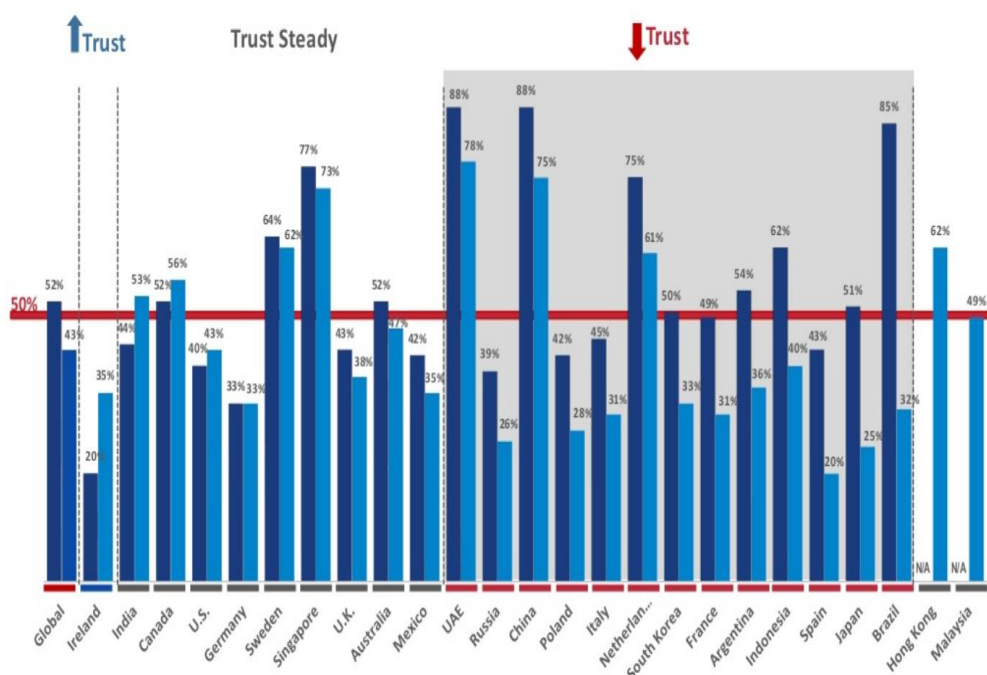
Данные диаграммы демонстрируют значительное падение доверия общества к своим правительствам. В мире данный показатель снизился с 52% до 43%, то есть на 9%. В 17 из 25 стран население демонстрирует уровень доверия к государству менее 50%. Избежать снижения показателей в 2012 году смогли лишь Ирландия, Индия, Канада, США и Германия.

Лидером среди стран с наибольшим снижением уровня доверия к власти стала Бразилия, её рейтинг упал за год с 85 до 32%, также значительное снижение коснулось Японии, Испании и Индонезии. В России уровень доверия к государству снизился на 13% и составил 26%, что является почти самым низким показателем среди остальных стран (см. Рис. 5).

Главными причинами снижения уровня доверия к правительству являются неоправданные надежды людей, высокий уровень коррупции и мошенничества, ошибочные стимулы для развития политики, плохая работа

и некомпетентность государственных работников, проблемы прозрачности государственных действий, отсутствие должного регулирования и контроля.

Рисунок 5. Уровень доверия к государству (2012-2013г.)

Trust Barometer Global Results. -<http://trust.edelman.com>.

Снизилась вера людей в бизнес, с 56% до 53%. Наиболее значительное снижение произошло в Испании, Бразилии, Франции, Южной Корее и Германии. Только Китай оказался единственной страной, которая продемонстрировала высокий рост доверия к бизнесу, составивший 10%. В России данный показатель остался на прежнем уровне и составил 41%.

Согласно данным исследования наиболее важными факторами для поддержки хорошей репутации компаний являются качество предоставляемых ими услуг, прозрачность, цена, честное ведение бизнеса и отношение к своим сотрудникам.

Важным показателем для рассмотрения является уровень доверия к общественным организациям, где также наблюдается тенденция к снижению, с 62% до 58%. Значительный спад произошел в таких странах как Бразилия, Япония и Нидерланды. Согласно опросам, больше всего респонденты доверяют общественным организациям, работающим в области спорта и культуры, меньше всего - организациям, работающим в сфере

демократического развития и профсоюзам. Одной из основных причин недоверия является то, что обществу представляется достаточно сложным оценить, насколько организация является профессиональной и честной.

В СМИ является единственным институтом, доверие к которому выросло по всему миру, с 49% до 52%.

Наиболее сильный рост доверия был зафиксирован по отношению к сервисам социальных сетей — уровень доверия к ним вырос почти в два раза. Однако, роль традиционных СМИ также остается достаточно высокой. Если же рассматривать конкретные личности выступающих, то на первом месте оказываются эксперты и ученые, им доверяет 68% опрошенных, за ними следуют технические эксперты компаний – 66%, на третьем месте обычные люди, «такие как все» - 65%. Прежде всего, это связывается с тем, что население сейчас больше доверяет друг другу, чем официальным институтам.

Список литературы

1. Официальный сайт World Values Survey.- www.worldvaluessurvey.org.
2. Длугопольский А.В. Роль социального капитала в совершенствовании развития социально-экономических систем // Journal of institutional studies. - 2013.- № 3.- С.86.
3. The Legatum Institute.-www.prosperity.com.
4. Trust Barometer Global Results.-<http://trust.edelman.com>.

УДК 316.422

ББК 60.8

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО
ПРИГРАНИЧЬЯ**

Блохин В.Н.

*Магистр исторических наук, старший преподаватель кафедры
истории и педагогики*

*Организация УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная
академия»*

г. Горки, Могилевской обл., Беларусь

vik-1987@bk.ru

**THE SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION OF THE RURAL
AREAS OF RUSSIAN-BELARUSIAN BORDERLAND**

Blakhin V.

Master of historical sciences, senior lecturer in history and pedagogy

*Organization of the educational establishment "Belarusian State
Agricultural Academy"*

Gorki, Mogilev region., Belarus

vik-1987@bk.ru

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает актуальные проблемы развития сельских территорий российско-белорусского приграничья. Обращается внимание на особенности трансформации российского и белорусского села в постсоветский период. Оцениваются возможности дальнейшего реформирования и улучшения динамики сельских территорий. Общей целью преобразований российских и белорусских сельских территорий должен стать переход к устойчивому развитию.

ABSTRACT

The article examines the current problems of rural areas of the Russian-Belarusian border area. It draws attention to the features of transformation of the Russian and Belarusian countryside in the post-Soviet period. The article evaluates the possibility of further reforming and improving dynamics of rural areas. The general purpose of Russian and Belarusian rural areas transformations is the transition to sustainable development.

Ключевые слова: сельские территории, российско-белорусское приграничье, трансформация, реформы, проблемы, устойчивое развитие.

Keywords: rural areas, russian-belarussian border area, transformation, reforms, problems, sustainable development.

Во многих странах за развитием села ведется постоянное наблюдение с целью определения социальных и экономических изменений в сельской местности. Очевидно, что системный анализ происходящих в селе процессов позволяет правильно реагировать на них, оптимизируя меры государственного регулирования, способствующие достижению сбалансированного развития села и приближению уровня жизни в сельской местности к городскому.

В условиях рыночной экономики значительно меняется спектр проблем развития села, структура сельской территории, ярче обозначаются трудности, с которыми сталкиваются жители села. В настоящее время меняется и трактовка понятия «политика развития села». Преобладают подходы, когда село рассматривают как территориальную, а не секторальную единицу. В этих условиях становится очевидным, что для идентификации и формирования политики развития села недостаточно показателей, которые использовались для характеристики сельского хозяйства [2].

Эффективность аграрной политики является одной из важнейших проблем для российского и белорусского общества. В настоящее время в обеих странах проводится политика реформирования и развития села. Однако подходы, методы осуществления этой политики порой существенно различаются [9]. Задачей исследования является изучение социально-

экономического положения сельских территорий российско-белорусского приграничья и выработка рекомендаций по улучшению положения.

Современное состояние сельских территорий России и Беларуси во многом определяется совокупностью неоднозначных событий прошлого, большинство из которых вошло в историю в статусе социально-политического или экономического катаклизма.

На протяжении XX в. в России и Беларуси не было ни одного десятилетия, в котором не происходили бы крупные политические или экономические события, имеющие долговременные негативные последствия для благополучия рядовой семьи, в связи с чем, основной задачей большей части населения было выживание, а не развитие. В XX в. ни одно поколение не выросло, не испытав продовольственной проблемы – если не массовый голод и военная разруха, то карточная система или дефицит.

Общая социально-экономическая нестабильность развития, как России, так и Беларуси, особенно сильно отразилась на крестьянстве и сельском хозяйстве, ключевая роль которых в достижении национальной безопасности страны часто существенно принижалась [10].

8 декабря 1999 г. был подписан Договор о создании Союзного государства России и Беларуси. В рамках заключенного соглашения продолжились интеграционные процессы между странами, начали реализовываться все больше совместных проектов и программ [1].

В России реализуется приоритетный национальный проект «Развитие АПК», в Беларуси действует «Программа устойчивого развития села». Эти инициативы актуализируют необходимость научного осмысления источников возрождения села.

Агросфера России является важнейшим ресурсным резервом планеты – это 10% мировой пашни и 55% мирового чернозема. По вполне адекватным оценкам, российский аграрный потенциал в состоянии качественно прокормить 2 – 2,5 млрд. человек. Вопрос в том, получится ли этот потенциал не только сохранить, но и реализовать.

За годы реформ негативные явления в российском селе усугубились и приобрели застойный характер. Возникли и прогрессируют такие проблемы, как безработица, резкое расслоение сельского социума на бедных и богатых, физический распад социальной сферы, угрожающее нарастание депопуляционных процессов, деградация нравственных отношений [3].

За первые двадцать лет преобразований произошло заметное снижение экономической и социальной роли российских регионов пограничных с Беларусью. При этом доля приграничных с Беларусью регионов России в общей численности населения страны стремительно уменьшается. Российско-белорусское приграничье в последнее время активно теряло население, как за счет естественного движения, так и миграции. В 1991–2011 годах районы российского приграничья потеряли более 15% своего населения, районы белорусского приграничья понесли несколько меньшие потери – около 12%. Если в 1992 году на Брянскую, Смоленскую и Псковскую области приходилось 2,6% населения страны, то в 2011 году только 2,05%. Причем наибольшее сокращение численности населения имело место в административных районах, непосредственно прилегающих к белорусско-российской границе. Именно для этих административных образований распад СССР стал наиболее болезненным. Данные территории быстро познали все негативные эффекты нового приграничного положения, трудности развития в новых условиях. До распада СССР приграничные с Беларусью районы Брянской, Псковской и Смоленской областей по большинству параметров социально-экономического развития превосходили средние показатели своих областей. В постсоветский период в приграничной зоне произошли глубокие социально-экономические изменения, которые отразились, как на демографической ситуации так и на состоянии системы расселения, масштабах и структуре хозяйственной деятельности.

Существенно снизилась роль приграничных областей России по валовому региональному продукту, сельскохозяйственному производству, инвестициям в основной капитал, экспорту. В 2010 году на эти три области

России приходилось лишь 2,02% сельскохозяйственного производства, 1,12% инвестиций в основной капитал, 0,27% российского экспорта, всего 1,19% основных фондов страны, что значительно меньше, чем двадцать лет назад.

Тогда как, именно приграничные области России и Беларуси должны были первыми ощутить позитивные эффекты от российско-белорусской интеграции, выиграть от заключения различных договоров и соглашений в экономической и социальной сферах.

На различных политических и экономических уровнях государственного и регионального управления неоднократно отмечались успехи в интеграции двух стран, включая их приграничные районы. Однако, судя по результатам, граница между двумя государствами пока не стала зоной активного контакта и взаимодействия, а кооперация не переросла в активную приграничную интеграцию [8].

В начале XXI в. значительно увеличилась государственная поддержка сельского хозяйства в Беларуси. Только с 2004 по 2009 г. она увеличилась почти в три раза. Аграрии, с одной стороны, должны быть довольны этим, воспринимая все возрастающую поддержку государства как безусловное признание большой общественной значимости своего труда, а с другой – не могут не ощущать свою ущербность, понимая, что сами они не в состоянии справляться со своими прямыми обязанностями. Так, с 2003 г. централизованная государственная поддержка сельского хозяйства Беларуси неизменно превышала создаваемый в отрасли валовой доход.

Такое положение, конечно же, нельзя признать нормальным. Особенно с учетом того, что сельское хозяйство является базовой отраслью национальной экономики Беларуси. Таковым его сделала макроэкономическая политика, дискриминационная по отношению к аграрной сфере, и прежде всего «ножницы цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары, с помощью которых из аграрной отрасли откачиваются огромные средства, в итоге без помощи государства не удается

обеспечить даже простое сельскохозяйственное воспроизводство, не говоря уже о расширенном.

Подобная аграрная политика проводится в Беларуси скорее в порядке копирования соответствующей политики советских времен, нежели исходя из осознания ее целесообразности. Как известно, на протяжении всей истории Советского Союза село неизменно выступало донором для промышленности и других сфер народного хозяйства, которые были признаны более приоритетными.

Однако как бы жители села не привыкли к нынешней аграрной политике, это не может служить основанием считать ее единственно правильной, не нуждающейся в совершенствовании. Тем более что ее применение на протяжении многих лет так и не принесло желаемых результатов.

По данным сводных годовых отчетов Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, уровень рентабельности реализованной продукции с 1990 по 1995 г. снизился аж на 28,7% (с 46,4 до 17,7%), а в 2000 и 2001 гг. вообще сменил знак «плюс» на «минус». И только благодаря более резкому повышению закупочных цен на сельскохозяйственные товары, осуществленному в 2002 г., с 2004 г. удалось вновь выйти на положительное значение показателя рентабельности. Однако ее средний уровень до настоящего времени остается недопустимо низким [6].

Сельские территории развиваются менее быстрыми темпами, чем города, имеют специфические проблемы экологических, социальных и экономических элементов территориального развития. Эта особенность характерна для многих стран и является глобальной проблемой, которую призвана решить система управления устойчивым развитием [7].

Устойчивое развитие – гармоничное (равномерное, сбалансированное) развитие – это процесс изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направления инвестиций, ориентация научно-технического развития, развития личности и институциональные изменения согласованы

друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений.

Устойчивое развитие предполагает интеграцию экономических, экологических и социальных вопросов и призвано решать задачи в четырех направлениях одновременно: обеспечение роста экономики; социальное развитие; повышение эффективности охраны окружающей среды; рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов.

Среди принципов устойчивого развития приемлемых для сельских территорий российско-белорусского приграничья можно отметить:

- инвестирование средств и выделение ресурсов на конкретные результаты проработанных планов;

- усиление стратегической координации на национальном, региональном и глобальном уровнях в целях совершенствования регулирования, достижения более эффективного распределения ресурсов;

- развитие системы неуклонного повышения эффективности сельскохозяйственных организаций различных форм собственности, расширение возможностей реагирования на чрезвычайные ситуации;

- инвестирование в сельские территории с ориентацией на многолетние планы и программы развития [4].

В сельских территориях России и Беларуси в настоящее время доминируют трансформационные отношения в различных сферах жизнедеятельности, поэтому устойчивое развитие сельских территорий – процесс разнонаправленный. Содержательно он может значительно видоизменяться, различаться по ряду причин, в зависимости от конкретных природно-климатических, ресурсных, экономических, социальных, исторических и других особенностей. Следует отметить, что стратегия устойчивого развития сельских территорий может быть успешной в случае гармоничного сочетания всех составляющих [5].

Таким образом, важнейшим направлением стратегии устойчивого развития сельских территорий России и Беларуси должен быть

экономический рост, движущей силой – конкуренция, побуждающая обеспечивать инновациями воспроизводство всех элементов системы, а регулирующая функция должна принадлежать государству.

Список литературы

1. Базанов А.В., Криштапович Л.Е. Союзное государство как императив развития Беларуси и России в современном мире – Минск: ИАЦ, 2011. – 31 с.
2. Григоренко А.В., Запольский М.И. Интеграция субъектов сельских территорий: некоторые подходы по оценке их деятельности // Вестник НАН Беларуси. – 2008. – № 1. – С.18-23.
3. Ильин И.Е. Аграрная реформа в России на рубеже XX-XXI вв.: дис... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2007. – 120 с.
4. Ильина З.М., Миренкова Г.В. Стратегия устойчивого развития локальных сельских территорий: методологические аспекты // Вестник НАН Беларуси. – 2014. – № 1. – С.21-30.
5. Корбут Л.В. Организационно-экономические и социально-психологические факторы развития фермерских хозяйств // Вестник НАН Беларуси. – 2011. – № 2. – С.39-45.
6. Лыч Г.М. Государственная поддержка сельского хозяйства: нужны радикальные коррективы // Вестник НАН Беларуси. – 2011. – № 3. – С.71-79.
7. Миренкова Г.В. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика – Горки: БГСХА, 2011. – 200 с.
8. Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен / Смол. гуманитарный ун-т; под ред. А.П. Катровского и Ю.П. Ковалева. – Смоленск: Универсум, 2012. – 288 с.
9. Михайлушкин П.В. Эффективность аграрной политики и государственного регулирования аграрно-промышленного комплекса // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 93 (09). – URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/09/pdf/06.pdf> (дата обращения: 20.04.2015).
10. Леметти Ю.А. Базовые проблемы перехода сельского хозяйства

России на путь устойчивого развития – URL:
<http://ecsocman.hse.ru/data/2011/07/14/1267421123/1.pdf> (дата обращения:
20.04.2015).

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Бурова, Е.В.

*декан факультета экономики и управления Уральского гуманитарного
института, город Екатеринбург*

89068095950@mail.ru

Новокрещенов, С.А.

*кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и управления
на металлургических предприятиях Уральского Федерального университета,
город Екатеринбург (Россия),*

novokreschenov@e1.ru

Ивлева, А.В.

*студент кафедры бухгалтерский учета, анализа и аудита Уральского
гуманитарного института,
город Екатеринбург (Россия),*

e-mail: Ivleva010794@gmail.com

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE HUMAN CAPITAL

Burova, E.

*Dean of the Faculty of Economics and Management of the Ural Institute for
the Humanities, Yekaterinburg*

89068095950@mail.ru

Novokreschenov, S.

*Ph.D., Associate Professor, Department of Economics and Management at
the metallurgical enterprises of the Ural Federal University, Yekaterinburg*

novokreschenov@e1.ru

Ivleva, A.

*student of the department of accounting, analysis and audit of the Ural
Institute for the Humanities,
Yekaterinburg*

Ivleva010794@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье с позиции профессиональной подготовки человека рассмотрен актуальный на сегодняшний день вопрос об инвестициях в человеческий капитал. Отмечена тенденция к развитию и стимулированию человеческого капитала, включая и национальный человеческий капитал. В рамках приоритетных направлений развития человеческого капитала показана роль образования и здравоохранения.

ABSTRACT

In article from a position of vocational training of the person the actual question today of investments into the human capital is considered. It is noted a tendency to development and stimulation of the human capital, including also the national human capital. Within the priority directions of development of the economic capital the role of education and health care is shown.

Ключевые слова: инновации, человеческий капитал, инвестиции, управление, здравоохранение, образование, повышение квалификации

Keywords: innovations, humancapital, invest-ments, management, health care, education, professional development

Умения и способности человека всегда играли важную роль в общественном производстве. Достижения человека, и увеличение интеллектуальной составляющей любого производства на современном этапе привели к новому витку развития человеческого общества, создали более благоприятные условия для реализации возможностей человека во всех сферах жизни: социальной, политической, экономической и культурной.

На сегодняшний день особую актуальность приобретает вопрос о профессиональной подготовке человека, т.к. в условиях рыночной экономики формируется новый тип специалиста конкурентоспособного, который наиболее востребован на рынке. Профессионалом можно назвать человека, который стал специалистом в определённой области, имеет знания, умения и

навыки, а также квалификацию, соответствующую его виду деятельности. Профессионализм как атрибутивная категория значимо коррелирует с человеческим капиталом.

Человеческий капитал (ЧК) — совокупность знаний, умений, навыков, используемых для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом. Человеческий капитал в широком смысле — это интенсивный производительный фактор экономического развития, развития общества и семьи, включающий образованную часть трудовых ресурсов, знания, инструментарий интеллектуального и управленческого труда, среду обитания и трудовой деятельности, обеспечивающие эффективное и рациональное функционирование ЧК как производительного фактора развития.

Под инвестициями в человеческий капитал понимаются все виды вложений в человека, которые могут быть оценены в денежной или иной форме, и способствуют росту производительности труда и содействуют повышению доходов работника.

Возникновение и развитие теории человеческого капитала доказало, что человек – единственный элемент экономических отношений, который обладает способностью создавать стоимость. Всё остальное – деньги, сырьё, заводы, оборудование и энергия самостоятельно ничего не прибавляют, пока человек не заставит их работать. Таким образом, можно считать, что человеческий капитал – это главная движущая сила производства, поэтому предприятие должно обращать внимание на его формирование. Это, в свою очередь, невозможно без вложения средств. Например, в рамках реализации «Стратегии металлургической промышленности России на период до 2020 года»[1] определяются пути решения проблем отрасли через модернизацию и инновационное развитие по всем направлениям, в том числе создание привлекательных условий для привлечения в металлургическую отрасль молодых высококвалифицированных специалистов, а также условий для

подготовки и переподготовки специалистов инженерного и научного состава, профессиональных рабочих и управленческих кадров.

Инвестирование в человеческие активы отличается от инвестирования в физические активы тем, что человек начинает применять свои способности задолго до окончания их формирования. Соответственно цикл инвестирования средств растягивается на весь период активной жизни человека (обмен знаниями и информацией, совершенствование своих способностей). Кроме того, сам процесс применения человеком своих способностей одновременно является и процессом их совершенствования. Этого нельзя сказать про физический капитал – он лишь морально и физически изнашивается в процессе его использования.

Як Фиценс (Jac Fitz-Enz) – один из основателей концепции измерения рабочей силы и бенчмаркинга человеческого капитала – процесса нахождения и изучения наилучших методов управления рабочим коллективом работая вице-президентом по Human Resources в Wells Fargo Bank, Imperial Bank, Motorola Computer Systems, в 1977 г. основал Workforce Intelligence Institute (Саратога, Калифорния), который занимается исследованием производительности труда и с 1985 г. публикует одну из самых больших баз данных параметров измерения человеческого капитала — «Human Capital Benchmarking Report». В настоящее время является руководителем компании Human Capital Source и главным редактором журнала «Human Capital». Признан Обществом управления персоналом США одним из тех 50 человек, которые за последние полвека значительно изменили методы, используемые организациями для управления людьми. Его широко известная книга «The ROI of Human Capital: Measuring the Economic Value of Employee Performance» (Рентабельность инвестиций в человеческий капитал: измерение экономической ценности персонала) в 2006 г. была издана в России. Именно он исследует проблемы, затрагивающие развитие человеческого капитала и управления им в условиях современной организации.

Як Фиценс даёт следующее определения человеческого капитала — это люди компании, а не её отдел по работе с персоналом. Человеческий капитал представляет собой определенный тип богатства организации. Он противопоставлен физическому капиталу и это наиболее важный актив, потому что именно человеческий капитал — это самый активный актив компании. Физический капитал пассивен. По его мнению, человеческий капитал состоит из навыков людей, их способностей, мировоззрения, поведения, отношения к компании.

Человеческому капиталу принадлежит самая важная роль: ничто не произойдет, пока человек не предпримет что-либо, чтобы что-то случилось. У компании могут быть здания, оборудование, но они ничего собой не представляют, пока человек не начнет использовать их в своей деятельности. В основном, компания делает четыре вещи с человеческим капиталом: приобретает его, нанимая персонал; изменяет его с помощью поощрений (компенсации и бонусы); развивает его, обучая и воспитывая (тренинги); и удерживает, предоставляя хорошие условия работы, поддерживая определенную корпоративную культуру. Например, осваивая новое оборудование, персонал совершенствует свои способности, навыки работы. Это и есть развитие человеческого капитала. В этом процессе соединяются структурный и человеческий капитал для того, чтобы сделать что-то более значительное, привнести новую ценность, стоимость.

Цель управления человеческим капиталом — максимизация отдачи от инвестиций в человеческий капитал. Система управления человеческим капиталом состоит из шести взаимосвязанных элементов, которые обеспечивают финансовые, маркетинговые и операционные потребности организации. В сущности, эти потребности — то, чего мы пытаемся достичь. А вот что мы делаем, чтобы управлять человеческим капиталом: подбор персонала, развитие лидерства, планирование персонала, управление выполнением работы, обучение и удержание. Существуют различные мнения о том, кто занимается управлением человеческого капитала. Одни считают,

что этим занимается отдел управления персоналом, другие — что это дело менеджеров.

Сам же Я. Фиценс считает, что управление человеческим капиталом это ответственность менеджеров, а отдел управления персоналом просто обеспечивает их определенными навыками и технологиями, чтобы помочь менеджерам выполнять свою работу. Есть люди, которые обеспечивают работу ресурсных отделов, таких, как HR (Human Resources), финансовый или информационный отдел. Они обеспечивают ресурсами и помогают менеджерам выполнять свое дело, а менеджеры несут ответственность в целом за результаты компании. Также предполагается, что сами работники могут управлять человеческим капиталом организации [2].

Существуют основные направления инвестиций в человека:

- инвестиции в здравоохранение;
- обучение на производстве, включающее в себя обучение, организованное фирмой;
- официальное образование (начальное, среднее, высшее);
- миграция людей для изменения условий трудоспособности;
- поиск экономически важной информации.

Здравоохранение наряду с чисто социальными задачами решает и экономические, связанные с повышением качества жизни человека, темпов роста экономики, способствует формированию трудового потенциала общества. Поэтому финансирование здравоохранения, т.е. инвестиции в капитал здоровья, следует рассматривать как необходимый элемент воспроизводственного процесса, как специфическую форму капитальных вложений. Анализ практики организации финансирования здравоохранения показывает, что в формировании инвестиций в капитал здоровья, как правило, участвуют следующие источники:

- личные расходы граждан, которые заинтересованы в своем здоровье как необходимом условии их благосостояния: покупка

лекарственных средств; расходы на диагностику и обследование; лечебные расходы; потерянные доходы по болезни.

- предприятия (фирмы), которые заинтересованы в здоровом персонале как ведущем факторе производства: расходы на технику безопасности; санитарно-экологические меры (душевые, очистка воздуха); медико-санитарная часть (лечение профессиональные болезни); финансирование оздоровительных мероприятий (дополнительные отпуска, путевки).

Мировой опыт доказывает, что инвестиции в человеческий капитал являются не только объективной необходимостью, но и имеют высокую степень доходности, а также оказывают влияние на экономический рост. Американскими учеными подсчитано, что смерть человека в возрасте до 16 лет представляет собой чистый ущерб для общества; человек, доживший до 40 лет, приносит обществу прибыль, а доживший до 65 лет - двойную прибыль.

Страхование является одним из основных способов, к которым прибегают люди и различные предприятия для снижения потерь от рискованных ситуаций. Основная цель медицинского страхования - гарантировать гражданам при возникновении страхового случая получение медицинской помощи за счет накопленных средств и финансировать профилактические мероприятия.

Фондом обязательного медицинского страхования (ФОМС) выплачивается 11% всех расходов на поддержание капитала здоровья и работоспособности. На каждом предприятии, фирме из заработной платы каждого работника вычитается 3% в ФОМС.

Государство также заинтересовано в укреплении здоровья граждан как важном условии развития общества. В системе здравоохранения Российской Федерации за счет бюджетного финансирования покрывается около 45% затрат, из них 40% отчисляется в федеральный бюджет и более 60% - в бюджеты субъектов Российской Федерации и органов местного

самоуправления; часть расходов здравоохранения финансируется за счет средств, получаемых от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, минимальная величина средств, направляемых на здравоохранение, в современных условиях должна составлять не менее 6% валового внутреннего продукта. На развитие отечественного здравоохранения в последние годы направлялось 2-3% валового внутреннего продукта, то есть значительно меньше. Потребность учреждений здравоохранения в современных видах медицинской техники покрывается на 50-55%, а по ряду наименований медицинского оборудования и инструментов - только на 20-22%.

До 2020 года Россия планирует потратить на финансирование программы "Развитие здравоохранения" 27 триллионов рублей. В числе приоритетов государственной программы "Развитие здравоохранения" значится профилактика заболеваний, формирование здорового образа жизни и санаторно-курортное лечение граждан; охрана здоровья матери и ребенка, развитие медицинской реабилитации, внедрение инновационных методов диагностики и лечения, совершенствование оказания специализированной и высокотехнологичной помощи, а также решение проблемы дефицита кадров в здравоохранении. Реализация программы должна состояться в два этапа - с 2013 по 2015 и с 2016 по 2020 годы [3].

Инвестиции в человеческий капитал производятся фирмами, предприятиями, организациями. Повышением образовательного уровня сотрудников заинтересованы многие работодатели, именно они осуществляют выбор учебного заведения, определяют программу обучения и финансируют учебу.

С позиций Трудового кодекса обучение работников по инициативе организации можно разделить на три вида: профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации (ст. 197 ТК РФ). При этом под подготовкой понимается первоначальное профессиональное обучение сотрудников, ранее вообще не имевших профессии. Примером такого вида

обучения может быть направление в финансовый вуз помощника бухгалтера, который из документов об образовании имеет лишь школьный аттестат.

Переподготовка (переобучение) проводится для работников, уже имеющих какую-либо профессию, и которые в результате обучения получают новую. В качестве примера можно привести обучение бухгалтера в юридическом вузе.

Наконец, повышение квалификации — это дальнейшее обучение работника по той же профессии в целях совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков. Например, всевозможные курсы повышения квалификации [4].

Образование играет важную роль в формировании человеческого капитала. Общее образование является обязательным. Родители (законные представители) несовершеннолетних обязаны обеспечить получение детьми общего образования.

Общее образование включает в себя четыре уровня:

- дошкольное образование;
- начальное общее образование;
- основное общее образование;
- среднее общее образование.

Начальное общее образование, основное общее образование, среднее общее образование являются обязательными уровнями образования. Обучающиеся, не освоившие основной образовательной программы начального общего и (или) основного общего образования, не допускаются к обучению на следующих уровнях общего образования. Требование обязательности среднего общего образования применительно к конкретному обучающемуся сохраняет силу до достижения им возраста 18 лет, если соответствующее образование не было получено обучающимся ранее.

Образовательная организация высшего образования (высшее учебное заведение (вуз) - это образовательная организация, осуществляющая в качестве основной цели ее деятельности образовательную деятельность по

образовательным программам высшего образования и научную деятельность. Вузы также вправе осуществлять образовательную деятельность по следующим образовательным программам, реализация которых не является основной целью их деятельности:

- основные общеобразовательные программы;
- образовательные программы среднего профессионального образования;
- программы профессионального обучения;
- дополнительные общеобразовательные программы;
- дополнительные профессиональные программы.

Гражданам Российской Федерации гарантируется получение на конкурсной основе бесплатного высшего образования в государственных, муниципальных высших учебных заведениях в пределах государственных образовательных стандартов, если образование данного уровня гражданин получает впервые.

Работодатели, заинтересованные социальной поддержкой своих рабочих, обеспечивают их жильем. Жильё сотруднику может предоставляться как на возмездной, так и на безвозмездной основе.

Что касается возмездного предоставления жилплощади, тут особых сложностей в оформлении и налогообложении не возникает. Как правило, заключается типовый договор аренды с сотрудником, он вносит арендную плату (или она удерживается из заработной платы). У организации, соответственно, возникает налогооблагаемый доход от реализации услуг по аренде.

Ситуация с безвозмездным предоставлением жилья влечёт чаще всего негативные налоговые последствия. В Налоговом кодексе РФ прописаны правила получения жилой площади [5].

Источниками инвестиций в человеческий капитал также могут быть: государство (правительство), негосударственные общественные фонды и организации, регионы, отдельные фирмы, домохозяйства (индивиды),

международные фонды и организации, образовательные учреждения. Однако для успешной работы любой отрасли промышленности нашей страны недостаточно просто приспосабливаться к реалиям современного мира. Необходимо планомерное обеспечение эффективной инновационной работы. Это разработка новых проектов, поиск и реализация технических решений, изучение спроса потребителя, анализ деятельности самого предприятия, привлечение инвестиций, сохранение окружающей среды[6].

Таким образом, наблюдается тенденция к развитию и стимулированию человеческого капитала, включая и национальный человеческий капитал. Многие предприятия заинтересованы в главном ресурсе производства экономических благ – работнике, который представляет собой специалиста, требующего инвестиции в свой человеческий капитал. Также со стороны государства осуществляется поддержка в развитии человеческого капитала, как главного ресурса экономического, политического, социального и духовного благосостояния страны.

Список литературы

1. План мероприятий по реализации стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г., утверждён Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике при Правительстве РФ Протокол № 1 от 15.02.2007
2. Человеческий капитал — самый важный актив компании. Журнал «Персонал-Микс». № 3–4 (037–038), 2006. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 27.09.2006. <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/3264>.
3. <http://www.justeconomic.ru/> - Инвестиции в здравоохранении.
4. Гедич Т.Г., Уразова Н.Г. Подход к оценке эффективности бюджетных инвестиций при поддержке инновационной деятельности // Инновации, № 5. 2008
5. Письмо УМНС по г. Москве от 02.03.2006 № 20-12/16112с.

6. Ощенко В. Модель управления компанией на основе оценки нематериальных активов // Проблемы теории и практики управления, № 11. 2007

ЯПОНСКАЯ КУХНЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕЁ ПОТРЕБИТЕЛИ

Быкова Ксения Владиславна

бакалавр социологии, магистрант

Уральского Федерального университета г. Екатеринбург

E-mail: woodenforest@inbox.ru

JAPANESE CUISINE IN CONTEMPORARY RUSSIA AND ITS CONSUMERS

Bukova Kseniia Vladislavna

bachelor of Sociology, master's student of

Ural Federal University, Yekaterinburg

E-mail: woodenforest@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

На фоне общего интереса современных россиян к японской культуре особо заметна популярность такого её продукта, как японская кухня. Рестораны и кафе японской кухни являются иллюстрацией того, как продукт другой культуры преобразуется и адаптируется в соответствии с потребностями и предпочтениями отечественного потребителя.

ABSTRACT

Against the background of modern Russian's general interest in the Japanese culture, especially noticeable is the popularity of such Japanese culture's product as Japanese cuisine. Restaurants and Cafes offering Japanese cuisine are an illustration of how the product of a different culture is transformed and adapted according to the needs and preferences of domestic consumers.

Ключевые слова: национальная кухня, японская кухня, продукты питания, потребительское поведение.

Keywords: Nation cuisine, Japanese cuisine, food, consumer behavior.

В последние десятилетия у россиян, в особенности, жителей крупных городов, появилось существенно больше возможностей получать информацию о зарубежных странах и их культурах, как непосредственно в процессе путешествий, так и опосредованно. При этом, для достаточно большого числа людей иностранные культуры выступают привлекательными в различных планах. В связи с этим у определённой аудитории появляется желание воссоздать атмосферу понравившейся культуры в своей повседневной жизни. Формируется рыночная ниша, которую способны занять успешные предприниматели, понимающие специфику и особенности конкретной культуры.

С другой стороны, в современном мире, пронизанном процессами глобализации, представляется сомнительным, что какое-либо общество, даже самое развитое, сможет удовлетворить культурно-эстетические потребности людей, его составляющих, без обращения к мировому культурному наследию, продуктам культур других стран и народов.

В этом контексте особый интерес представляет японская кухня, снижавшая в российском обществе огромную популярность. И хотя мода на неё уже не распространяется такими темпами, как несколько лет назад, японская кухня как продукт по-прежнему удерживает свои позиции на рынке.

Интерес россиян к японской кухне неизбежно вытекает из растущего интереса к японской культуре в целом. Набор черт японской культуры, обуславливающих её популярность как в России, так и в других странах, достаточно обширен. Таковыми можно считать прогрессивность в сочетании с традиционностью, созерцательность, гармоничность, неоспоримое качество японских культурных продуктов. Россияне в своей повседневной

жизни могут ощущать потребность в вышеперечисленном и, при этом, испытывать сложности с её удовлетворением посредством того, что предлагает российская или западная культура. «Этой гармонии и не хватает нам в представлениях об... Америке, к культуре которой россияне традиционно относятся скептически, а самое главное, именно этой гармонии не хватает самой России».[3]

Японская кухня появилась в России сравнительно недавно – первый ресторан японской кухни открылся в 1996 году в Москве, [4] а по-настоящему доступной для широкого круга потребителей японская кухня стала только в последнее десятилетие. При этом в настоящее время она является одним из самых известных и популярных среди россиян продуктом японской культуры.

Феномен популярности японской кухни в различных источниках нередко упоминается в контексте моды и привыкания: «если человек не ограничится одним посещением японского ресторана, то уже через некоторое время происходит процесс «распробования» и «новообращенный» превращается в настоящего ценителя. У многих даже возникает эффект привыкания – жизнь без японских ресторанов становится уже не мила». [9]

Отметим, что под японской кухней мы понимаем национальную кухню Японии. В свою очередь, понятие национальной кухни трактуется как под «система коллективных представлений о пищевых привычках нации, включающая в себя блюда, которые считаются репрезентативными для данной культуры, и так называемые специалитеты, то есть продукты, специфические для конкретной местности»[5]. Другими словами, под японской кухней данным контексте мы подразумеваем не только, собственно, кухню японцев, но и представления о ней производителями и потребителями.

Можно сформулировать следующие ключевые особенности японской кухни:

- Специфический набор продуктов (рис, большое количество морепродуктов, бобовые, овощи, грибы и т.д.)

- Определённый набор блюд (суши, сашими, онигири, якитори, супы, салаты и т.д.)
- Специфические принципы оформления блюд и стола с упором на эстетику внешнего вида;
- стремление сохранить первозданный внешний вид и вкус продуктов;
- использование для еды палочек, иногда ложек; некоторые блюда едят руками;
- сезонность питания;
- специфический застольный этикет, достаточно сложный и предполагающий ряд правил, запретов и условных знаков.

Поскольку японская кухня пришла в Россию не в исконном, а в адаптированном (в большей степени, для западного общества) виде, и позднее была вторично адаптирована для российского потребителя; она имеет ряд отличий от собственно японской кухни.

Эти отличия касаются ассортимента блюд – во многих кафе и ресторанах он существенно ограничен и нередко представлен только различными разновидностями суши и роллов. Также отличаются сами блюда: они могут быть приготовлены из ингредиентов, не используемых в оригинальных рецептах (например, крабовые палочки или майонез); либо приготовлены по изменённым рецептам и технологиям (например, замороженная рыба вместо свежей, термически обработанная вместо сырой).

Можно предположить, что покупатели, приобретая продукт – японскую кухню (будь то готовые блюда или продукты для их самостоятельного приготовления), приобретают не столько сам товар, сколько его образ («японскую кухню как бренд»).

В сознании россиян существует образ японской кухни, в качестве составляющих которого можно назвать несколько наиболее распространённых блюд и напитков (суши, зелёный чай, саке), палочки для еды, экзотические названия блюд, японский стиль в оформлении заведений и

т.д.. Именно эти составляющие зачастую становятся стимулом, вызывающим реакцию (покупка или отказ от покупки в зависимости от существующей установки касательно японской кухни).

Мы можем выделить ряд составляющих имиджа японской кухни, другими словами, свойств, которые потребители приписывают блюдам японской кухни и которые являются причиной их популярности.

Ряд исследователей видит одной из важнейших составляющих имиджа японской кухни в восприятии Японии как страны со здоровым и долгоживущим населением. Для многих потребителей авторитетным оказывается мнение врачей «Этому феномену (интересу к японской кухне) способствовали утверждения врачей о её пользе для нашего здоровья в отличие от грубой американской пищи ... дары моря, основной компонент в пище японцев, больше всего соответствуют новейшим представлениям специалистов о «правильном питании». Япония относится к странам с высоким уровнем продолжительности жизни. Считается, что японцы соблюдают правильный баланс потребления жиров, белков и углеводов».[3]

Другие важные черты японской кухни - это доступность, эксклюзивность и интерактивность (имеется в виду то, что нередко у потребителя есть возможность наблюдать за процессом приготовления еды или даже участвовать в нём). Блюда японской кухни доступны не только в кафе и ресторанах, но и на домашней кухне. Причём, в ряде заведений, предлагающих блюда разных национальных кухонь, роллы и суши являются одними из наименее дорогих блюд в меню.

Итак, для повышения воспринимаемой ценности японской кухни ей придаются имиджевые характеристики, ценные для российских потребителей: полезность и «правильность», низкокалорийность, необычность, эстетика, а также возможность приобщиться к другой культуре.

Отметим также, что потребители японской кухни, приходя в ресторан или кафе, удовлетворяют не только потребности, связанные

непосредственно с утолением голода, но и ряд других, например, потребность в развлечениях, отдыхе, общении и т.д. Можем закономерно предполагать, что в условиях большого и достаточно конкурентного рынка японской кухни наиболее успешными становятся те производители (кафе, рестораны и суши-бары), которые предоставляют потребителям уникальные услуги, не связанные напрямую с основной функцией товара (удовлетворением голода). Так одни рестораны и суши-бары стараются создать атмосферу, максимально погружающую посетителя в атмосферу Японии (мебель и декор зала, официанты в кимоно, приветствующие посетителей на японском языке и т.д.); другие подчёркивают правильность и аутентичность своих блюд, используя продукты непосредственно из Японии и нанимая поваров, прошедших обучение в Японии, третьи акцентируют внимание потребителей на скорости приготовления и доставки на дом.

В итоге, наряду с ресторанами, предлагающие «высокую японскую кухню», в последние годы популярность набирают более «демократичные» предприятия общественного питания. Также распространяется тенденция сочетание японской кухни с другими (корейская, тайская и т.д.) как непосредственно в меню, так и в общей концепции ресторанов и кафе.

Список литературы:

1. Волкова А. Перспективы японской кухни в России. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.to-ural.ru/рестораностроение/516> (дата обращения - 24. 04. 2015)
2. Железняк О.М. Россия и Япония: некоторые аспекты культурного обмена в эпоху глобализации // Актуальные проблемы современной Японии. ИДВ РАН, 2003. - С.128-137.
3. Жиренко Е.С. Причины популярности японской культуры в России. [Электронный ресурс]// URL: <http://www.pglu.ru/lib/publications/>

University_Reading/2009/XII/uch_2009_XII_00018.pdf (дата обращения - 23. 04. 2015).

4. История суши в России [Электронный ресурс] // URL: <http://tabloid40.ru/food/culinary-trends/523-istorija-sushi-v-rossii.html> (дата обращения - 20. 04. 2015)

5. Капкан М.В. Национальная кухня как элемент национальной культуры России: динамика исторических изменений в XIX-XX вв. [Электронный ресурс] // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-kuhnya-kak-element-natsionalnoy-kultury-rossii-dinamika-istoricheskikh-izmeneniy-v-xix-xx-vv> (дата обращения - 25. 04. 2015)

6. Катасонова Е.Л. Япония: поп-дипломатия и поп-культура // Мировая экономика и международные отношения. - 2009. - № 2. - С. 56-63

7. Овчинников В.В. Цветы сливы: кулинария Китая и Японии как часть их национальной культуры. – Российская газета, 2002. – 124 с.

8. Хворостухина С.А. Секреты японской кухни. – М.: Вече, 2004. - 240 с

9. Японские рестораны в России. [Электронный ресурс] // URL: <http://allcafe.ru/readingroom/kitchen/japan/japrest/1004> (дата обращения - 20. 04. 2015)

**СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПАЛОМНИЧЕСТВА В
СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Ваторопин, А.С.

доктор социологических наук, доцент

Заведующий кафедрой теории и социологии управления Уральского

института РАНХиС

Екатеринбург

alexandr.vatoropin@uapa.ru

Потеряева, Е.Е.

Аспирант направления «Социальная структура, социальные

институты и процессы» кафедра теории и социологии управления

Уральского института РАНХиС

Екатеринбург

elenacmi@mail.ru

SOCIAL PRACTICE OF PILGRIMAGE IN MODERN SOCIETY

Vatoropin, A.

Doctor of Social Sciences, Associate Professor

Head of the Department of Management Theory and Sociology Institute of

the Ural RANHiS

Yekaterinburg,

[*alexandr.vatoropin@uapa.ru*](mailto:alexandr.vatoropin@uapa.ru)

Poteryaeva, E.

Postgraduate direction "Social structure, social institutes and processes"

Chair of theory and sociology of management RANHiS Ural Institute

Yekaterinburg

elenacmi@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Социальная практика паломничества, трансформируясь во времени и пространстве, не всегда является странствием верующих к «святым местам». Кроме религиозного паломничества, существует светское и политическое паломничества, а также путешествия в около паломнической и псевдопаломнической формах. Для личности результаты и процесс целедостижения паломничества – одна из практик личностного роста, для общества – социальная практика, и, прежде всего, практика группообразования, социализации и социального контроля. Перспектива социологических исследований феномена паломничества представлена в обнаружении позитивного потенциала паломничества как социальной практики, в попытке отделить конструктивное от деструктивного.

ABSTRACT

Being transformed in time and space, social practice of pilgrimage is not necessarily a trip of believers to the "holy sites". Aside from religious one, there are secular and political pilgrimage as well as peregrination in pseudo-forms, not veritable. Both results and process of achievement of the pilgrimage's goal is one of the personal growth practices. But for the society it is firstly practice focused for grouping, socialization and social control. The perspective of sociological research of the pilgrimage phenomenon is presented in detection of the positive potential the pilgrimage as a social practice, trying to separate constructive from destructive.

Ключевые слова: паломничество, социальная практика, группообразование, социальный контроль, механизм социального регулирования, превентивный социальный контроль, псевдопаломничество

Keywords: pilgrimage , bsocialpractice, grouping, social control mechanism, pseudo-pilgrimage, preventiv social control

Паломничество имеет многовековые традиции и является социальной практикой, уходящей своими корнями в традиционное общество. В современном обществе социальная практика паломничества существенно трансформировалась. Появились новые виды паломничества, такие как

духовный туризм, идеологические и коммерческие культы и широко распространенный сегодня туризм под маской псевдорелигиозного паломничества.

От истоков паломничества и до наших дней паломничество являлось социально санкционируемой практикой, поскольку оно связано с запуском механизмов социальной психики, является пространством и практикой группообразования. В связи с тем, что паломничество – это коммуникативное пространство, оно может быть рассмотрено, как пространство социализации и как практика инкультурации.

В современных исследованиях присутствуют следующие контексты исследования феномена паломничества: философские исследования паломничества как экзистенциального параметра человеческого существования, культурологические исследования истории паломничества и специфики современного паломничества по сравнению с его традиционными формами, социологические исследования паломничества как тенденции социальной реальности, социально-психологические исследования структуры и групповой динамики паломнических общностей. Нас паломничество интересует, как социологический феномен.

Паломничество не всегда является странствием верующих к «святым местам». Кроме религиозного паломничества, существует светское и политическое паломничества, а также путешествия в около паломнической и псевдопаломнической формах. Здесь же уместно отметить событийный туризм, преподносящий святыни религии, как культурный объект, то есть, нагружая действие познавательной и развлекательной функцией.

Религиозное паломничество существенно отличается от культурно-религиозных, познавательных, развлекательных или культурно-исторических путешествий. Цель религиозного паломничества – посещение святого для религии места с расчетом на получение для себя духовного опыта. Цель духовного опыта может варьироваться. В первом случае имеет место

предписанная цель, во втором – цель индивидуальная, однако одобряемая с позиций морали как механизма социального регулирования.

Религиозное паломничество как вид особой деятельности регулируется, прежде всего, религиозными нормами, поскольку по существу духовного содержания является религиозным обрядом [3]. Вместе с тем паломничество – это путешествие, связанное с перемещением как внутри родной страны, так и с пересечением государственных границ. Поэтому и паломники, и паломнические службы в своей деятельности также руководствуются правовыми нормами.

Религиозное паломничество отличается морально ориентированным поведением религиозных паломников. Оно учитывает не только национальные особенности правового пространства, но и отношение общественных устоев и настроений конкретного государства к конкретной конфессии. Важно отметить, что специальные паломнические службы, курирующиеся религиозными центрами, специализируются на организации паломничества к святым местам определенной конфессии, разделяя группы паломников и не паломников. С другой стороны, организуя социальную площадку для общения, обмена опытом под «присмотром» представителей определенной конфессии, религиозные организации создают особое коммуникативное пространство, пространство социальной интеграции. В этом смысле уместно говорить о паломничестве, как практике группообразования.

Паломничество может быть рассмотрено как деятельность и может быть охарактеризовано через свою структуру. Как всякая деятельность, паломничество имеет внешние, социальные, и внутренние – индивидуальные характеристики. Субъект паломничества всегда социальный субъект, независимо от того, преследует ли он индивидуальные или групповые цели. Цель паломничества может иметь процессуальный, или ориентировочный характер, она может быть пошаговой, или иметь объектный характер. Результаты и процесс целедостижения приводят паломника, или группу

паломников, к преобразованиям в индивидуальной и социальной сферах. Для личности паломничество – одна из практик личностного роста, для общества – социальная практика, и, прежде всего, практика группообразования, социализации и социального контроля.

Деятельность может быть рассмотрена как преобразование ресурсов в материальные, социальные и духовные блага, в соответствии с характером ресурсов, инвестируемых в паломнические практики. Однако формула пространство+время+деньги недостаточна для описания процесса и в целом феномена паломничества. Если к вышеобозначенной формуле мы присовокупим цель, сознательный импульс по направлению к неизведанной реальности, у нас получится путешествие, а не паломничество.

Если мы к формуле присоединим конкретную задачу человека, обозначив ее приобщением к божественному, запредельному с целью изменения себя, посредством преодоления пространственных расстояний, мы окажемся ближе к истине, природе паломничества, однако, под заданный критерий попадают и отшельники, и странники.

Можно отметить две противоречивые тенденции. С одной стороны, паломничество имеет интегрирующий потенциал, а с другой стороны, может стать местом столкновения групповых интересов, приводящее к росту социальной напряженности в обществе. Парадокс заключается в том, что паломничество, снижая внутреннее напряжения и конфликтность отдельного паломника, как члена общества, может превратиться в пространство межгруппового, а иногда и межэтнического конфликта, когда речь идет о национальных религиях. Именно поэтому социальная практика паломничества, являясь гражданской, то есть негосударственной практикой, должна быть объектом внимания и регуляции со стороны государства.

Паломничество является не только групповой практикой, это институционализируемая и одобренная обществом социальная практика. Паломничество не предполагает прохождение пути в одиночку и переживания финиша пути в одиночку, именно поэтому паломничество – это

групповая практика. Однако есть и другая причина. Образуя любой тип группы, находящейся на любой стадии групповой динамики, паломники всегда связаны ценностно-ориентационным единством, единым хронотопом и общим вектором пути. Именно это и составляет специфику паломнических групп.

Специфика паломничества как социальной практики состоит в добровольности принятия на себя ответственности со стороны паломника в глубинном личностном смысле групповых ценностей и целей [4, с.56]. Социальный контроль в группах паломников связан также с механизмами внушения и самовнушения и другими механизмами социальной психики, единым хронотопом коммуникации, воспринимаемой подлинной, в противовес неподлинной коммуникации в мире, существующем за пределами пути.

Внешний контроль групп паломников со стороны общества во многом определяется характером социального статуса группы. Так, в случае религиозного паломничества, инстанцию правового контроля берет на себя государство, как социальный институт обладающий монополией на принуждение и имеющий специальные дисциплинарные институты. Однако, в связи с тем, что в демократических государствах церковь в большинстве своем отделена от государства, последнее делегирует церкви полномочия морального нормативного контроля и санкционирования. Религиозные организации имеют в демократическом обществе статус общественных, имеют кредит доверия государства и могут выступать с гражданскими инициативами, принимая на себя делегированные государством полномочия и связанную с ними ответственность.

Паломничество можно рассматривать как один из способов предписывающего, превентивного социального контроля. Процесс паломничества, нередко понимаемый самими паломниками, как путь из профанного, неподлинного в сакральное, подлинное, как выход в иные пространства, как временное освобождение от ролевого, статусного и иного

контроля со стороны общества, в реальности представляет собой добровольную смену инстанций социального контроля и санкционирования.

В отличие от паломничества туризм, связанный с посещением святых мест, является лишь сублимирующим аналогом классического, мифического путешествия. Туризм воспроизводит форму и частично структуру путешествия, не обращаясь к сакральной составляющей. Несмотря на отсутствие сакрального измерения, туризм, кроме социально-культурного, имеет еще и психологическое, экзистенциальное измерение. Туризм предлагает решения ряда антропологических проблем человека. Можно обозначить несколько уровней реализации метафизических задач на географических и духовных пространствах туризма.

Туризм делает ставку на историко-культурную ценность определенных мест, святость которых скорее является маркетинговым бонусом, теряя свое сакральное значение. В смысле духовного роста, туризм дает передышку, тогда как паломничество предполагает усилие духа, обязывает к невероятному вложению, гарантирует необратимые изменения.

Субъект паломничества – всегда социальный субъект, независимо от того, преследует ли он индивидуальные, или групповые цели. Для личности паломничество – одна из практик личностного роста, для общества – социальная практика, и, прежде всего, практика группообразования, социализации, и социального контроля.

Феномен паломничества исследуется современными авторами с позиций междисциплинарных подходов, каждый из которых по-своему позволяет раскрыть содержательные стороны паломнических практик, их истоки, историческую специфику, культурные знаки и значения. Однако именно социологические исследования паломничества позволяют обнаружить позитивный потенциал паломничества как социальной практики, позволят отделить конструктивное от деструктивного. Результаты исследования могут быть истолкованы с позиций социального менеджмента, и иных практико-ориентированных наук.

Список литературы:

1. Биржаков М.Б. Введение в туризм. – СПб: Невский фонд, 2004.
2. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
3. Гараджа В.И. Социология религии. - М.: ИНФРА-М, 2005.
4. Житенёв С.Ю. Мир русского паломника //Журнал «Православный паломник», 2010, № 1.
5. Сборник материалов научно-методической конференции «Сотериологический смысл паломничества», Материалы конференции 12 февраля 2007 г. - М, 2007.
6. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии, 2010, №3.

УДК 316.44

**ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ
СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ**

Вершинина, И. А.

*Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры
современной социологии социологического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.*

globalization2007@yandex.ru

Панич, Н. А.

*Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры
современной социологии социологического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.*

Natalia.panich@mail.ru

**THE IMPACT OF MIGRATION ON THE SOCIAL STRUCTURE OF
MODERN CITIES**

Vershinina, I.

*Candidate of sociological sciences, associate professor, assistant professor
of modern sociology of sociological faculty of the Moscow State University named
after MV Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

globalization2007@yandex.ru

Panich, N.

*Candidate of historical sciences, senior lecturer in contemporary sociology
of sociological faculty of the Moscow State University named after MV Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia.*

Natalia.panich@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье выделяются различные причины углубления социального неравенства, анализируется влияние миграции на социальную структуру современных городов. Рассматривается новая городская маргинальность, которая связывается с проблемами интеграции мигрантов и беженцев, процессами изменения их идентичности.

ABSTRACT

The article is devoted to various causes of the deepening social inequality; the impact of migration on the social structure of modern cities is analyzed. The new urban marginality is considered as associated with the problems of migrants and refugees integration, changes of their identity.

Ключевые слова: город || социальная структура || миграция || маргинальность || мобильность || рынок труда || безработица || идентичность

Keywords: city || social structure || migration || marginality || mobility || labor market || unemployment identity

Социальная структура современных городов претерпевает значительные трансформации, связанные с ростом социального неравенства. Социальное неравенство – одна из главных тем социологической науки, которая традиционно находится в центре внимания ученых. Сильная поляризация может привести к серьезным социальным конфликтам и потрясениям, поэтому рост неравенства между разными социальными группами в обществе и между странами традиционно вызывает беспокойство. Тем не менее, необходимо отметить углубление социального неравенства в современном мире как внутри стран, так и между ними, что угрожает социальной стабильности. Можно констатировать факт формирования глобальной элиты, которая малочисленна, но обладает большей частью мирового богатства. Доклад компании *Oxfam*, представленный перед началом Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2016 года, указывает на то, что пропасть между бедными и богатыми достигла новых рекордов. Эксперты компании подсчитали, что

2015 году 62 богатейших человека мира владели таким же состоянием, что и 3,6 млрд беднейших жителей планеты, причем состояние богачей за последние пять лет выросло на 44%, а бедняки потеряли 41%, то есть пропасть между ними растет [13; 2]. 1% самых богатых людей мира владеет большим состоянием, чем все остальные вместе взятые, им принадлежит 50,1% мирового благосостояния; 10% богатых людей мира владеют уже 87,65% материальных ценностей [15; 99, 110]. Неравномерность распределения богатства усиливается, а масштабы бедности растут. Это ведет к росту относительной депривации и, как следствие, девиантного поведения.

Социальное неравенство ярче всего проявляется в городах, где в непосредственной близости друг от друга могут располагаться элитные кварталы и районы трущоб. Бедность становится преимущественно городским явлением, так как число жителей трущоб растет быстрее, чем население планеты в целом. Мигранты, которые ищут в городе «лучшей жизни», зачастую пополняют ряды бедняков и способствуют обострению социальных проблем. Семьи с низким уровнем доходов значительно чаще страдают от неудовлетворительного состояния здоровья, и эта несправедливость в отношении здоровья проистекает из расхождений в социальных и бытовых условиях жизни. Причем, эта проблема существует почти во всех странах.

Можно выделить несколько причин усиления неравенства. Главной из них следует назвать трансформацию рынка труда вследствие становления посттрудового общества. Информационная революция привела к сокращению числа рабочих мест и распространению гибкой занятости, лишаящей работника множества социальных льгот и гарантий. По данным социологических исследований, проблема безработицы – одна из наиболее значимых для российской молодежи [6; 445-446], что свидетельствует о том, что последствия трансформации рынка труда хорошо осознаются и тревожат тех, кто только начинает свою профессиональную карьеру. Г. Стэндинг

говорит о том, что в новой мировой классовой структуре стремительно растет прекариат, ставший, в первую очередь, следствием расширения гибкой занятости. Прекариат – это «новый опасный класс», который лишен гарантий занятости и ряда социальных льгот; прекариатизироваться – значит переходить к нестабильному существованию, когда человек живет сиюминутным, не имеет четкой самоидентификации или ощущения, что он может добиться большего [11; 36]. Реакцией на расширение прекариата стало распространение идеи безусловного дохода, которая широко обсуждается в Финляндии и вынесена на референдум в Швейцарии. Однако далеко не все страны могут предложить своим гражданам подобные гарантии. Наоборот, в ряде стран неравенство растет, а социальные программы сокращаются. На постсоветском пространстве данные тенденции стали следствием трансформации политической системы, которая также может быть причиной усиления социальной поляризации. Еще одним фактором изменения социальной структуры в современных обществах часто становятся интенсивные миграционные процессы. Количество мигрантов растет, однако, ресурсы, выделенные на социальные программы, как правило, ограничены. Проблемы, возникающие при адаптации многочисленных мигрантов к принимающему обществу, приводят не только к увеличению числа бедных, но и к фрагментации социума.

Таким образом, в современных городах активно формируются параллельные пространства, жители каждого из которых характеризуются своим собственным жизненным миром. Структурные позиции в системе производства и потребления, связанные с определенным образом жизни, предполагают кардинальные отличия в финансовых средствах и социокультурных навыках. Это ведет к формированию дуального города, в котором активно идет процесс пространственной сегментации.

Те, кто принадлежит к привилегированному слою, обладают широкими возможностями и правом выбора. Их свобода самостоятельно решать свою судьбу, в частности, выбирать место проживания, ослабляет связи с городом,

лишает их привязанности к нему. Как констатирует З. Бауман, «люди “высшего слоя” явно не принадлежат месту, в котором они проживают. Мысленно они находятся (или, скорее, плавают) в другом месте. Можно предположить, что, помимо того, что их никто не трогает, что они вольны сами распоряжаться своим временем и что они гарантированно получают услуги, необходимые для определенного жизненного комфорта, у них нет никаких иных интересов в городе, где находится их место жительства» [1; 35]. Таким образом, высшие слои общества постепенно «отрываются» от городов, в которых они живут, чтобы стать частью глобального пространства. Имеющиеся возможности для пространственных перемещений способствуют утрате чувства принадлежности определенному городу и способствуют развитию космополитизма. Данная тенденция будет углубляться, благодаря появлению новых информационных технологий, открывающих для представителей высших слоев не только дополнительные возможности по включению в глобальный рынок труда, но и создающих иллюзию, что обладание ими способно предоставить «свободу и время понять самого себя, выделить самое важное в жизни, избавиться от стереотипов, навязанных современным обществом потребления» [7; 126].

Те, кто не смог стать частью глобальной космополитичной элиты, в полной мере испытывают на себе все негативные последствия глобализации. Гибкий капитализм оказался гораздо жестче традиционного: если в традиционном веберовском треугольнике бюрократии вознаграждение предоставляется за работу, которую работник выполняет лучше всего, то в гибкой корпорации оно предоставляется командам, которым удастся обыграть другие команды, то есть победитель получает все, а усилия проигравших участников больше не вознаграждаются [9; 100]. Таким образом, неравенство в доходах стремительно растет. Одновременно с этим тает уверенность в завтрашнем дне, так как в условиях участвующих экономических кризисов многие компании действуют вполне рационально и

легко сокращают «лишних» сотрудников, перекладывая заботу о них на социальные службы.

Особенно тревожная ситуация сложилась на постсоветском пространстве, где наблюдается довольно высокий уровень бедности. Эксперты Программы развития ООН отмечают, что увеличение уровня неравенства и бедности в странах Европы и Центральной Азии привело к тому, что в странах региона появились так называемые «новые бедные», в числе которых работающие малоимущие (включая работников сферы образования, здравоохранения, науки и искусства). Относительно равное распределение доходов, имевшее место в советское время и даже в начале постсоциалистического периода, предоставляло возможности относительно широкого доступа населения к системе социального обеспечения. Однако сегодня эти преимущества во многом утрачены, а проблемы неравенства приобретают такой же характер, что и в развивающихся странах в других регионах. Бедность давно стала серьезной проблемой в Грузии, Таджикистане, Кыргызстане и Армении, что заставило жителей этих стран пополнить ряды трудовых мигрантов.

Именно мигранты являются социальной группой с минимальным уровнем защиты. У большинства иностранных рабочих (которых в мире уже более 240 млн [2]) нет никакой медицинской страховки, многие лишены доступа к медицинской помощи. Зачастую они не имеют возможности для защиты своих прав, находясь в полной или частичной языковой изоляции, боясь обратиться за помощью или не зная законы страны пребывания. Мигранты, оказавшись в мегаполисе в поисках лучшей жизни, как правило, сталкиваются с трансформацией своей идентичности, связанной с процессом адаптации к новой для себя социокультурной среде.

В 1950-1970-е годы интенсивная внешняя миграция не рассматривалась как серьезная проблема, более того, многие европейские страны приглашали к себе мигрантов для выполнения неквалифицированной непрестижной работы, которая не была востребована среди местного населения. Например,

Германия активно приглашала «гостевых рабочих» (gastarbeiter), которые должны были покинуть страну после выполнения работы, предусмотренной их контрактом. Сначала соблюдался принцип ротации, предполагавший постоянную смену рабочих, возвращение домой тех, чей срок контракта истек. Однако после отмены принципа ротации, неудобного для работодателей, трудовые мигранты смогли получать вид на жительство и перевозить в принимающие их страны свои семьи, аргументируя это тем, что остаются работать на длительный срок.

Однако в начале XXI столетия миграционные процессы приводят к серьезным трансформациям социальной структуры и городского пространства. Л. Вакан говорит о появлении нового режима городской маргинальности вследствие завершения фордистской эпохи: город, по его словам, становится местом зарождения новой бедности, которая становится все более длительной, если не постоянной [3; 265-266]. Новая городская маргинальность оказалась связана, в том числе, и с проблемами интеграции мигрантов и беженцев, количество которых в Европе катастрофически растет. Даже странам с сильным социальным государством и более или менее сегрегированными городами лишь частично удалось победить феномен маргинальности, но не уничтожить его полностью. Кроме того, наблюдается постоянное углубление пропасти между неблагополучными районами и теми, где живут более успешные социальные группы.

Однако, освоившись, мигранты могут начать диктовать свои правила коренным жителям, и иногда ситуация кардинально меняется столь стремительно, что вынуждает «местных» покидать родные места, освобождая их для внезапно ставших большинством мигрантов. В качестве одного из примеров можно привести ситуацию в небольшом итальянском городе Прато, недалеко от Флоренции, основная часть жителей которого была занята в текстильной и швейной промышленности. В конце 80-х гг. прошлого столетия в этот город, являвшийся воплощением социальной солидарности и умеренности, приехала небольшая группа китайских

мигрантов численностью 38 человек; по прошествии 20 лет в Прато находилось около 4200 китайских предприятий и 45 тысяч рабочих из Китая, что составляло пятую часть населения города. Тем самым, были подорваны устои традиционной культуры, социальной структуры и городского пространства [11; 15-16].

Городское сообщество, несмотря на свою гетерогенность, раньше обладало широкими возможностями для социального контроля. Горожане довольно четко проводят границу между «своими» и «чужими», заставляли мигрантов искать пути интенсивной адаптации для включения в ряды «своих». Однако поведение мигрантов, ориентированное на сохранение верности социокультурному ядру прежней общности, не позволяет сформировать у горожан единую социокультурную идентичность, дестабилизируя различные сферы городской жизни. Тем самым снижается качество жизни коренного населения.

Каждая страна, принимающая мигрантов, сталкивается со своими собственными проблемами. С одной стороны, однородный состав мигрантов облегчает задачу принимающего государства, поскольку в ряде случаев принимаются типические решения по отработанному шаблону. Однако большое число мигрантов из одних и тех же стран может быстро привести к формированию мощной диаспоры, которая, отстаивая свои интересы, начинает вступать в различного рода конфликты с коренным населением страны, тем самым способствуя росту популярности правых партий.

Создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов является одним из приоритетных направлений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Однако различные города и регионы имеют свою специфику. Главная особенность Москвы – гетерогенность миграционных потоков. Как справедливо замечает О.И. Вендина, «"Безграничная агломерация", которой по сути является Москва, – это сложный объект управления, обладающий высокой степенью неопределенности» [4; 24]. Поэтому Москва особенно

остро нуждается в разработке собственной стратегии адаптации многочисленных мигрантов, формировании у них той идентичности, которая будет способствовать поддержанию нормального функционирования города.

Одна из проблем Москвы заключается в том, что мигранты ни одной из социальных групп не признаются «своими», а поэтому просто вынуждены создавать свои параллельные социальные институты и уходить в теневую сферу [5; 293]. Эксперты отмечают в Москве наличие проблемы претензии культурного большинства на доминирование и нежелания вступать в культурный диалог. Недовольство и постоянные жалобы местных жителей на девиантное, зачастую преступное поведение мигрантов в районах расположения миграционных служб повлияли на принятие решение УФМС РФ по городу Москве об открытии единого Многофункционального миграционного центра на территории Новой Москвы. Миграционный центр начал свою деятельность 12 января 2015 года на территории Троицкого округа, вблизи деревни Сахарово. Мигранту предлагается весь комплекс услуг по легализации его пребывания на территории РФ, включая медицинскую справку, сдачу необходимых экзаменов для получения патентов и многое другое. Данный центр принимает заявления на получение патента от иностранных граждан, проводит тестирование иностранных граждан на предмет владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации, позволяет провести медицинское освидетельствование иностранных граждан, которые могут получить документы об отсутствии у них наркотической зависимости и инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих [8]. Создание центра решило сразу же множество задач как для москвичей (относительное спокойствие в жилых кварталах, где ранее располагались соответствующие службы), так и для мигрантов, которые получили возможность оформить все необходимые документы в одном месте, экономя время и силы.

Мигранты в современном мире вынуждены мириться с низкими зарплатами, краткосрочными контрактами и отсутствием льгот. Они не являются социальными изгоями, но, как правило, не могут стать полноценными членами принимающего их общества. Зачастую, мигранты – «гости, которых с трудом терпят» [11; 203]. Современный гибкий капитализм признает только взаимовыгодное сотрудничество, то есть использование окружающих для достижения собственных целей. Мир вокруг нас проникается все большим безразличием. Индифферентность характерна не только для сферы трудовых отношений, она довольно быстро проникает в область межличностных взаимодействий и даже затрагивает институт семьи. Диалектика гибкости и безразличия, по мнению Р. Сеннета, проявляется в городском пространстве в трех формах: во-первых, в утрате физической связи с городом, во-вторых, в стандартизации городской среды и, в-третьих, в рационализации семейных и межличностных отношений [9; 101].

Высокая мобильность размывает социальную структуру современных городов, меняет систему ценностей, отношение к собственности, общественным пространствам и исторической памяти. Мы наблюдаем серьезную трансформацию идентичности, спровоцированную гибкостью и подвижностью социального пространства. Социальные отношения, пронизанные рациональностью, а, следовательно, безразличием, с одной стороны, способствуют расширению сети контактов и росту интенсивности мобильности; но, с другой стороны, мы наблюдаем, что «личность размазывается, или делается мобильной, как цепочка следов» [12; 145].

Количество беженцев, ищущих спасения от войн и голода в Европе, увеличилось почти в два раза за 2014 год, продолжило расти с еще большей скоростью в 2015 году, и в начале 2016 года нет никаких оснований говорить о сокращении миграционных потоков. По данным Евростата, опубликованным в июне 2015 года, годом ранее в странах ЕС уже насчитывалось более 120 тысяч мигрантов из Сирии и более 40 тысяч из Афганистана [14; 3]. Однако миграционная катастрофа, масштабы которой

стремительно растут, возникла не в этом году и даже не пять лет назад. Еще в июне 2008 года на итальянском острове Лампедуза появился памятник, посвященный тысячам мигрантов, погибших в море, пытаюсь попасть на территорию Европы. То есть уже тогда для многих было очевидно, что тысячи жертв свидетельствуют о десятках тысячах нелегальных мигрантов. Этот мемориал назвали «Ворота в Европу». Ворота, которые для многих людей оказались недостижимыми. Но что они обозначают для самой Европы? Ее жителей уже не спрашивают о том, готовы ли они принять гостей. Ворота берут штурмом. Поэтому возникает вопрос: не лишаются ли европейцы своего дома?

Список литературы:

1. *Бауман З.* Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3.
2. В 2015 году число мигрантов достигло 244 миллионов // Официальный сайт Организации Объединенных Наций URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.Vp3ZOk_oRVc (дата обращения 11.02.2016).
3. *Вакан Л.* Городская маргинальность грядущего тысячелетия // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70).
4. *Вендина О.И.* Социальный атлас Москвы. Приложение к журналу «Проект Россия» (№ 66, 4/2012).
5. *Вершинина И.А., Гавриленко О.В.* Драйверы развития мегаполиса: по итогам IV Московского урбанистического форума // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2.
6. *Волкова Л.В.* Изучение проблем и настроений молодежи как основа управления развитием человеческого потенциала // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19-20 ноября 2015 г.). Уфа, 2015.

7. *Маркеева А. В.* Лайфлоггинг (lifelogging): направления использования и социальные последствия развития цифровых архивов персональных данных // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 7 (52).
8. Официальный сайт Федеральной миграционной службы [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fmsmoscow.ru/pr/news/268.html> (дата обращения 10.10.2015).
9. *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66).
10. *Сталкер П.* Международная миграция. М.: Книжный клуб Книговек, 2015.
11. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.
12. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
13. An Economy for the 1%. 210 Oxfam Briefing Paper. 18 January 2016 // URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf (дата обращения 11.02.2016).
14. European Migration Network Annual Report on Immigration and Asylum 2014. Statistic Annex // http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/networks/european_migration_network/reports/docs/annual-policy/2014/00.emn_annual_report_on_immigration_and_asylum_statistics_annex.pdf (дата обращения 11.02.2016).
15. Global Wealth Databook 2015 // Credit Suisse. Research Institute. October 2015. URL: <http://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/index.cfm?fileid=C26E3824-E868-56E0-ССА04D4BB9B9ADD5> (дата обращения 11.02.2016).

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР В ФОРМЕ ВИРТУАЛЬНЫХ
СООБЩЕСТВ**

Вискунов Л.И.

студент 4 курса факультета социологии УрГПУ, г. Екатеринбург

leonidviskunov@gmail.com

**MODERN METHODOLOGICAL APPROACHES TO RESEARCH
OF SUBCULTURES IN THE TYPE OF VIRTUAL COMMUNITIES**

Viskunov L.

4th year student of the Faculty of Sociology USPU, Ekaterinburg

leonidviskunov@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются современные методологические подходы к изучению субкультур в интернет-пространстве. Субкультуры пересматриваются в виде новой формы социальной организации – солидарностей.

ABSTRACT

This article analyses the modern methodological approaches to research of subcultures in the Internet space. Subcultures are reconsidered with a new form of the social organization – as the solidarities.

Ключевые слова: Субкультуры; Солидарность; Акторно-сетевая теория; Интернет-география; Нетнография.

Keywords: Subcultures; Solidarity; ANT; Geography of the Internet; Netnography.

Субкультурные молодежные движения 21 века – явление, вызывающее интерес не только самих участников или их будущих представителей, но и

внимание широкого спектра профессионалов: психологов, социологов, политологов, культурологов, этнографов, маркетологов и даже криминологов. В рассмотрении молодежных движений можно оставаться в теоретических рамках изучаемой науки, а можно придерживаться междисциплинарного подхода, что, например, фиксируется в описании субкультурной сцены со стороны журналистов. Так или иначе, научная заинтересованность новыми сообществами в молодежной среде будет оставаться всегда: молодежь – индикатор состояния общества.

Классические субкультуры начали появляться во второй половине 20 века - поствоенное поколение ищущих себя и свое место в постоянно изменяющихся культурных, социальных, политических и экономических условиях. Современные субкультуры обретают новые формы, преобразовываясь из классических в постклассические, в абсолютно инновационные и пр. Их многообразие и плюралистичность демонстрируют, как писал З.Бауман, «текущую современность», когда система уже не столь давит на индивида, а он, в свою очередь, оказывается перед выбором. Этот выбор в эпоху постмодерна все же ограничен некоторыми факторами, например, социальным статусом индивида, территорией проживания, социальным капиталом.

Все меняет Интернет. Субкультурные вариации представлены не только в реальной жизни, но и в экстратерриториальном киберпространстве. В настоящее время существуют такие методологические подходы, потенциал которых пока не используется для изучения субкультур в форме виртуальных сообществ, кратко рассмотрим ключевые из них. «Информационное общество» Мануэля Кастельса через Интернет-среду предоставляет относительно новые возможности, например, создавать новые социальные связи, поддерживать постоянную коммуникацию с другими членами сообщества, предоставлять больше актуальной информации. Так, межличностные сети «переезжают» в сферу Интернета и, как утверждает сам М.Кастельс, «наша жизнь, наше общество – это не просто общество

физическое, а гибрид виртуального и физического в их взаимодействии» [1]. Более того, в этом пространстве возникают сетевые субкультуры, например, хакеры или крэкеры, чье взаимодействие может не выходить за виртуальные рамки. При появлении научного интереса к тем или иным сообществам появляются и методологические, методические вопросы: какими путями, способами можно изучать сетевые (и не только) субкультуры, на какую теоретическую базу можно опираться, чтобы сделать анализ релевантным объекту и предмету изучения?

Интернет-технологии и сетевые коммуникации порождают новые формы общественных отношений, возникают новые формы виртуальных коммуникаций, изменяя как самих участников взаимодействия – индивидов, так и группы, общности и социальные институты.

При изучении современных виртуальных сообществ, активно представленных в Интернете, заслуживает внимания направление интернет-география (кибергеография) Мэттью Зук, где география интернет-места показана с учетом влияния факторов реальной жизни: территории, истории, социокультурных аспектов. М. Зук утверждает: «... даже самое маленькое сообщество (виртуальное или нет) имеет свои безошибочные пространственные границы, которые переносятся (хоть полностью и не совпадают) в технические, социо-экономические и визуализированные географии Интернета» [2]. Предлагается применять методы картирования для создания моделей виртуальных сообществ, таким образом исследователь может топологизировать воображаемые структуры, визуализировать географию Интернета. Где расположен сайт? На каком языке общаются представители определенной субкультуры? А откуда администратор, члены сообщества? Ответы на эти вопросы помогут более точно представить структуру конкретной субкультуры в Интернет-месте, выяснить, действительно ли влияет географическое расположение на особенности поведения в виртуальном пространстве; также это поможет отследить маршруты социальной мобильности.

Акторно-сетевая теория (Бруно Латур, Мишель Каллон) отсекает идею общества, заменяя его социотехнической сетью, где актанты – силы, опосредующие действия – запускают коллективное действие. Актор, открыв ноутбук – взаимодействие человека и не-человека - примет решение написать комментарий под чьей-либо записью в социальной интернет-сети, а это запустит цепочку будущих (и в настоящий момент) действий, событий: этот комментарий послужит рычагом для функционирования сети – проблема начнет активно обсуждаться, администратор начнет контролировать содержимое комментариев, а в этот момент кто-то решит «отписаться» (т.е. отключиться) / включиться из / в состав членов сетевой субкультуры – так функционирует и сама интернет-площадка. Здесь обращаем внимание на ноутбук как на вещь, артефакт материально-технической базы, породивший дальнейшие действия. Модель циркулирующей референции Бруно Латура подсказывает искать смысл действия не в самом действии, а в референциальной цепи, которая отражает человеческое и не-человеческое одновременно. Сеть гибридна, и если развернуть эту цепь, то получим смысл события в целом [3]. Таким образом, при описании субкультур исследователь может учитывать не только людей как акторов, но и артефакты, создающих и влияющих на конкретные ситуации.

Б.Латур отдает технологиям, научным разработкам важную роль в формировании социального (на примере экспериментов лабораторного ученого, меняющего общество) [4]. Интернет-технологии также меняют формы социальной организации: встает вопрос о переосмыслении категории «субкультура». Можно ли считать какое-либо движение субкультурой, если сегодня индивид легко может войти/выйти из нее, навязать свои мировоззренческие позиции членам сообщества, совершать действия, не отвечающие ожиданиям, а ценности, установки, символика и другие атрибуты движения находятся в непостоянном, временном состоянии? Классические субкультуры с незыблемыми нормами остались в прошлом; современные движения имеют дифференцированные, плюралистичные,

эkleктичные основы. Так, классических панков сейчас сложно заметить, панк-музыка разделяет своих слушателей по соответствующим жанрам: поп-панк, панк-рок, пост-панк, хардкор-панк и т.п. Каждое такое движение имеет неустойчивую форму, лабильные сети взаимодействия, при этом протестная философская природа классического панка может вообще не осознаваться новыми панк-движениями. Они способны как ассимилироваться друг с другом, так и проходить обратный процесс (особенно в онлайн-среде).

В рамках постсубкультурного подхода применим термин «солидарность», используемый Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ г. Санкт-Петербурга. Е. Омельченко переопределяет (относительно классического понимания солидарности Э.Дюркгейма) этот термин: «солидарность – это особая современная форма молодежной социальности, ядром которой является разделяемая и практикуемая (прямо или опосредованно) жизненно-стилевая стратегия, преодолевающая разграничение занятости и досуга, выходящая за рамки территорий, предписанных им временем (дом, работа, улица)» [5]. Особенность этого подхода в том, что он позволяет сосредоточиться на усложняющихся взаимоотношениях и коммуникациях представителей культурного большинства и меньшинства, внутри отдельных групп или между ними. Такие формирования могут быть онлайн и оффлайн, на глобальном и на локальном уровнях, событийными и постоянными, смешанными. Солидарности основаны на ценностных противоречиях молодежи. «Солидарный подход» позволяет разделить субкультуру и солидарность и смотреть на них уже как на разные категории.

Выбирая методы сбора и анализа данных, необходимо ориентироваться на степень вовлеченности субкультуры в онлайн/оффлайн-пространства. Особенно если это закрытая группа, где важнее будет опросить представителей оффлайн. Нетнография (или виртуальная этнография) – качественный метод сбора и анализа данных в Интернет-среде. Автор метода – Роберт Козинец – так определяет предмет исследования: «изучение новых

онлайн-культур и сообществ; понимание того, что люди «на самом деле» делали/думали в прошлом/о прошлом; детальное изучение структуры отношений в изучаемом сообществе; получение представления о явлении с точки зрения других людей; демонстрация полного, детального изучения феномена, культуры/сообщества и др.» [6]. Этот подход предоставляет исследователю не только возможности изучения виртуальных сообществ, но и ограничения: предполагается анализ только Интернет-площадки, тогда как рациональнее совместить онлайн и оффлайн-анализы (за исключением солидарных формирований, имеющих только виртуальную форму). Это может быть и онлайн-наблюдение с ежедневной фиксацией данных (т.к. информация «текуча», ее может корректировать администратор), и проведение онлайн/оффлайн интервью. Правильнее считать нетнографию не методом, а стратегией исследования, т.к. онлайн-наблюдение носит лонгитюдный характер.

Таким образом, можно указать на высокий эвристический потенциал и новизну представленных методологических подходов (интернет-география М.Зука, акторно-сетевая теория Б.Латура и М.Каллона, солидарный подход Е.Омельченко, нетнография Р.Козинца) для изучения субкультур (солидарностей) в форме виртуальных сообществ.

Список литературы

1. Кастельс М., Алексеева А. Кастельс: Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства: Из интервью М. Кастельса корреспонденту РИА Новости А. Алексеевой 22.06.2012.
2. Zook M. The geographies of the Internet // Annual rev. of information science a. technology (ARIST). – Medford (NJ), 2006. – Vol. 40, N 1. – P. 53–78
3. Latour B. Pandora's hope: essays on the reality of science studies, Cambridge, MA, London, UK: Harvard University Press, 1999.
4. Латур, Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / пер. с англ. П. Куслий // Логос. — 2002. — № 5-6 (35) — С. 211—242

5. Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст / СоцИс, №10, 2013 г., с. 52-61

6. Kozinetz V. R. Netnography: Doing Ethnographic Research Online. L.: Sage, 2010. P. 211.

**РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ.**

Волегова, А.В.

*аспирант факультета социальных и политических наук, направление
«политология»,*

*Уральский Федеральный Университет имени первого президента
России Б.Н. Ельцина, кафедра политических наук*

Екатеринбург

volegova_nastya@mail.ru

**DEVELOPMENT OF INFORMATION ACTIVITIES:
OPPORTUNITIES AND CHALLENGES.**

Volegova, A.

*graduate student of the Faculty of Social and Political Sciences, direction of
"political science"*

*Ural Federal University named after the first President of Russia BN
Yeltsin, Department of Political Science*

Ekaterinburg

volegova_nastya@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье говорится о становлении и перспективах развития информационных технологий на современном этапе и влияние данного развития на общественно-политическую жизнь. Сделана аналитика типологии форм политического участия в интернете. Рассмотрены основные возможности и угрозы развития информационной открытости.

ABSTRACT

The article deals with the formation and prospects of development of information technologies. Analyzed the typology of forms of political participation on the Internet. The main opportunities and threats of information transparency.

Ключевые слова: информационная открытость, политическая активность, блогосфера, виртуальная власть.

Keywords: information transparency, political activity, the blogosphere, the virtual power.

На сегодняшний день интернет становится не только полем взаимодействия людей на межличностном уровне, но и полем, где происходят активные политические действия. Стремительное развитие информационных технологий дает совершенно новое развитие общественным наукам и поведению индивидов в целом. Информационные технологии изменяют коммуникативную структуру людей, его социальные связи. Происходит синтез «виртуального» и «реального», который создает новую картину окружающей реальности. Важно отметить, что в условиях развития глобальной сети понятия онлайн и офлайн начали взаимодополнять друг друга. Политическое участие выходит на совершенно новый уровень. Интернет несет собой огромные информационные и технологические возможности. Данные возможности при верном использовании могут привести к реальной политической активности.

Исследованиями развития современных информационных технологий в политическом пространстве стали заниматься не так давно. Одни из первых начали изучать влияние интернета на гражданское общество зарубежные ученые. Это связано с тем, что развитие кибернетического пространства на западе началось гораздо раньше, чем в России. В работах А. Тоффлера, Г. Рейнгольда говорится о том, что интернет является новым способом развития прямой демократии среди населения. Р. Фримен, А. Лэсли писали, что интернет становится принципиально новым пространством для проведения политических дебатов.

Важно отметить, что интересные работы в данной сфере есть и у отечественных политологов, они принадлежат Ю.А. Кудряшовой, Т.Р. Амбаряну. В своих статьях они утверждают, что развитие информационной коммуникации в обществе прямо пропорционально влияет на политические коммуникации, изменяя политическую активность населения, расширяя доступ к информации, ведут к становлению новых форм политического участия. При помощи интернет - технологий стало проще проводить масштабное информационное воздействие и влиять на политическую активность граждан.

Интернет создает для населения новейшие возможности для реализации своих политических прав. С развитием виртуальной сети стало возможным:

- Быстрый поиск и получение интересующей информации;
- Возможность высказывания собственного мнения, участие в решении национальных вопросов;
- Возможность интеграции в политических вопросах без привязки к местоположению индивида;
- Также нельзя не упомянуть, что на данный момент времени стало возможно через интернет поддерживать связь с органами управления, не выходя из дома отправлять предложения, задавать вопросы по интересующим проектам в государственные органы.

Стало возможным вести интернет-наблюдение за ходом голосования, что было применено на выборах президента России в 2012 году и нашло поддержку у населения. В Великобритании, к примеру, сформирована система «e-voting», с помощью которой можно проводить интерактивные выборы через глобальную сеть. Исследования показывают, что с развитием интернет - технологий апатично настроенного населения становится меньше. И это выводит развитие политического участия и политическую грамотность граждан на новый уровень.

Интернет-коммуникации начинают формировать из себя новый дискурс – дискурс политической блогосферы. В центре внимания исследователей он оказался сравнительно недавно, но тем не менее с развитием интернет-технологий данный дискурс набирает все большую популярность. Политологи утверждают, что интернет пространство изменяет поведение политически не активных индивидов. Блогосфера направлена на анализ и распространение политической информации, для достижения поставленных целей. Как правило основная цель это борьба за власть, конкретно в блогосфере – борьба за символическую власть, привлечение наибольшего числа индивидов к обсуждению значимых вопросов [4, с. 70].

Но, нельзя не отметить, что рост и популяризация сети интернет несет определенные угрозы:

- Появления и распространение кибер-атак;

Кибер - атаки – это деятельность индивида или группы индивидов, с целью нарушения работы определенных сайтов, блогов, информационная война, тиражирование заведомо неверной информации.

- Привлечение к массовым акциям;

Для примера, на Филиппинах при помощи мобильных оповещений были организованы массовые политические акции, вылившиеся в протесты, которые привели к свержению режима Дж. Эстрады.

Другой пример организации акций протеста посредством интернета - «Арабская весна», захватившая арабский мир в 2010 – 2011 годах. В ходе организации, которой были использованы sms-рассылка, блоги, социальные сети для широкого привлечения на улицы протестующих. Участниками данных протестов выступило молодое поколение, студенческая молодежь, которая была недовольна существующим режимом. У которой не было уверенности в завтрашнем дне, которую не брали на работу.

Демонстрации, забастовки, протесты, охватившие Ближний Восток и Северную Африку привели к определенным результатам, были свержены главы четырех государств в Тунисе, Египте, Ливии, Йемена, ряд президентов

объявили, что хотят уйти в отставку, и не будут участвовать на следующих выборах. Данные протесты привлекли внимание всей мировой общественности, и еще раз показали насколько сильным оружием в наше дни становятся современные технологии.

Еще одним примером может служить студенческий митинг на Майдане в Киеве, где собралось более 1000 студентов, выступающих за улучшение социальных условий и евроинтеграцию. Это еще раз доказывает, что студенческая молодежь является активным участником в политической жизни, а иногда и реальной политической силой.

- Возможность коллективного web-протеста, выражающегося в разрушении правительственных сайтов, информационной войны и др.

- Возможность манипулирования личностью и др.

Политическое участие в сети интернет создает огромный потенциал развития политической активности населения, он не идет ни в какое сравнение с традиционными СМИ. Исследователями была предложена новая типология форм политического участия через интернет на основе существующей типологии реального политического участия.

Таблица 2

Типология форм политического участия в интернете

Тип участия	Категория граждан	Формы политического участия
		Создание политических блогов, сайтов, интернет-журналов, газет

Конвенциональные формы политического участия	Местные активисты, специалисты по контактам	Привлечение внимания к политической информации
		Организация сбора денежных средств в поддержку политических движений и др.
Неконвенциональные формы политического участия	Выступающие против существующего порядка	Участие в форумах по обсуждению политических вопросов, выработке политических предложений
		Кибер-атаки на сайты государственных органов власти, партии и др.
		Организация массовых протестных выступлений и привлечение населения
		Различные политические провокации, через

		предоставление ложной информации, формирования сайтов-клонов
Пассивная поддержка	Избиратели и патриоты	Возможность голосования на интернет-выборах, референдумах, социологических опросах

Итак, можно сделать вывод, что с трансформацией технологических процессов и развитием глобальной сети формируется новый дискурс политической активности в виртуальных сетях.

Развитие информационной открытости в общественно-политической жизни вовлекает государство на качественно новую ступень развития и формирует ситуации для создания инновационной информационно-политической системы. Основы знаний о функционировании интернет-сообщества должны найти свое отражение в рамках образовательных стандартов общегуманитарных дисциплин. И наконец, характер политического участия в конкретном государстве дает оценку самой политической ситуации в данной стране, ее политическому режиму. Показывает насколько внешняя среда, препятствует или наоборот способствует политической активности граждан. В одних политических режимах индивиды могут реагировать на стратегию в государстве и на затрагивающие их решения властей, а в других странах какие-либо попытки индивидов участвовать в политической жизни наталкиваются на жестокое сопротивление политических структур.

Литература:

- 1) Алексеев И.В., Русаков А.И. Готовы ли мы к Интернет нового поколения? // Вестник РФФИ. 2000 № 1(19). С. 5-11.
- 2) Бухарин С.Н. Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М. 2007.
- 3) Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Тайдекс Ко, 2002. - 183 с.
- 4) Русакова, О.Ф., Квятковский К.О. Основные методологические подходы к исследованию политической блогосферы Социум и власть. – 2011. – № 3 (31). – С.70-74.

УДК 316.75

**КУЛЬТУРНЫЙ ПОРЯДОК И ПРАКТИКИ
УПРАВЛЕНИЯ: НОРМЫ КАК РЕГУЛЯТОР ПОВЕДЕНИЯ (НА
ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНЫХ ДЕЛОВЫХ КУЛЬТУР)**

Гавриленко О.В.

*кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных
технологий*

*Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
социологический факультет
г. Москва (Россия)*

o-s@proc.ru

**THE CULTURAL ORDER AND MANAGERIAL PRACTICES:
NORMS AS REGULATOR OF BEHAVIOR (THE CASE OF EAST
BUSINESS CULTURES)**

Gavrilenko O.V.

*PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Social Technologies
Moscow State University named after MV Lomonosov Moscow State*

University, Faculty of Sociology

Moscow (Russia)

o-s@proc.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблемам формирования восточной деловой культуры, влиянию национальной культуры на специфику

функционирования современных восточных организаций, организационное поведение и модель управления.

ABSTRACT

This article is dedicated to the problems of formation of East business culture and the influence, which exert the national culture on functioning of modern east organizations, organization behavior and business model.

Ключевые слова: кросс-культурные исследования; глобализация; восточное и западное общество; практики управления; национальная культура; деловая культура; восточная деловая культура; организационная культура; ценности и нормы; кросс-культурные взаимодействия.

Keywords: cross-cultural studies; globalization; east and west society; managerial practices; national culture, business culture, east business culture, organizational culture, values and norms, cross-cultural interactions.

Современные концепции менеджмента исходят из того, что национальная культура во многом определяет поведение работников компании и оказывает серьезное влияние на организационную (корпоративную) культуру, а также на модель управления. Концепция организационной культуры не только способствует пониманию субкультурных феноменов внутри организации, она используется для анализа проблем межнационального и межэтнического взаимодействия. Восточная (японская, китайская) деловая культура представляет особый интерес для западного человека в силу «непохожести», оригинальности модели управления и организационного поведения.

Японское (как и китайское, корейское) общество – это «общество-паутина», где все его члены опутаны сложными связями взаимных обязательств. В Японии всегда имела огромное значение категория «стыда» как специфический способ регуляции поведения и форма социального

контроля. Человек должен твердо знать свое место в обществе, соблюдая предписанные правила поведения. Если вы не соблюдаете правила – вы можете «не сохранить лицо», опозориться. Позор, «опозоренное имя» ложится пятном на репутацию семьи и того коллектива, которому вы принадлежите. В японском обществе человек встроен в систему родственных отношений, фактически он не обладает автономией. Так, согласно японской традиции, тело (согласно многим современным антропологическим теориям, отношение к телу является одной из фундаментальных характеристик любого возможного социального и культурного порядка) человека ему не принадлежит, он может им только грамотно распоряжаться, причем, прежде всего, в интересах других людей (родителей, правителя). Как писал японский ученый, философ Кайбара Экикен (17-18в): «Человек рождается благодаря Небу и Земле, отцу и матери, а потому и возвращаемое им тело не является его собственностью. Тело, дарованное Небом и Землей, тело, полученное от отца и матери, следует возвращать с почтением и тщанием, не принося ему вреда. Жизнь должна быть долгой. В этом и заключен сыновний долг перед Небом и Землей, отцом и матерью. Если потеряешь тело, то и служить будет нечем. Поскольку внутренности, кожа и тело, волосы достаются нам от родителей, то содержать их в беспорядке и уродовать – сыновняя непочтительность» [3, с.55]. Следовательно, необходимо заботиться о своем теле, т.к. забота о теле – это и форма социального обязательства служения родителям. Возможно, именно здесь можно искать культурные корни долгожительства японцев. Старость для японца – это новый этап жизни, с новыми возможностями (известно, что в японских университетах достаточно много студентов «пенсионного» возраста). В Японии фактически существует культ старости, особого уважения к возрасту (то же можно сказать и о Китае, где согласно конфуцианской этике всегда должно существовать неравенство между старшим и младшим, причем возраст и старшинство имеют не только привилегии, но и обязанности, ответственность старшего за младшего).

Соблюдение правил и церемоний, многие из которых имеют очень древнее происхождение, уважение к возрасту, статусу человека находят свое отражение и в современной восточной деловой культуре. Так, ее можно отнести к культурам с достаточно высокой дистанцией власти и к аскриптивным культурам (основанным на предписанном статусе). Высокая иерархичность японского общества проявляется в строгой соподчиненности, сохранении дистанции (социальная дистанция подкрепляется физической), принципиальном отсутствии равенства. В японской организации начальник «не может быть некомпетентен», мнение начальника всегда значимо, начальник «знает ответы на все вопросы». В Японии принята медленная карьера, сложно встретить молодого начальника, поэтому японцы с недоверием относятся к присутствию на переговорах молодых людей (в силу возраста они вряд ли могут отличаться опытом и компетентностью). В Китае дистанция власти выражена еще больше, чем в Японии. Тысячелетия централизованного правления привели к культивированию покорности и почтительности как традиции. Всегда следует повиноваться родителям, учителям и начальству. Почтительность в Китае включает в себя смирение и самоуничижение, китайцы часто умаляют свои достоинства. В Китае не принято выступать против начальства, это показатель смирения [1, с.57]. Иерархия упорядочивает положение индивида во взаимоотношении с другими и образует семейные и клановые связи (*гуанси*) снизу доверху, связывая людей круговой порукой сообразно с занимаемым в иерархии местом. Достаточно высокая дистанция власти в Индии отражает высокую степень неравенства в распределении власти и богатства в обществе. Такое положение принимается населением как культурная норма, обычный порядок вещей, т.к. традиционно жизнь и судьба индийца определяется принадлежностью к касте. В аскриптивной культуре большое значение имеют объективированные формы символического капитала – титулы и звания, выражающие статус. Различия статусов сотрудников организации строго соответствуют различиям в «стилях жизни». Статусы сотрудников

организации взаимосвязаны, человек более высокого статуса должен демонстрировать более высокий уровень жизни: наличие более дорогого автомобиля, часов, более дорогой ручки и т.д. Имущественное неравенство – это символическая норма восточной культуры. Не случайно одним из базовых требований ведения бизнеса в Японии является наличие визиток. Визитка для японца – это часть его личности, это способ идентификации и поддержания социальных отношений. Не получив визитку от партнера, японец не может правильно выстроить отношения, т.к. не понимает статус собеседника, не может занять правильную дистанцию.

Восточные деловые культуры по типологии Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тёрнера [4] относятся к партикуляристским культурам, западным же деловым культурам свойственен универсализм. Параметр «универсализм – партикуляризм» характеризует ориентацию либо на универсальность для всех людей одних и тех же «правил игры», законов, либо на избирательность в применении правил. Универсализм подразумевает, что закон один для всех, правила надо соблюдать, условия контракта необходимо выполнять, в бизнесе важнее решаемая задача, чем человеческие отношения. Универсализм чаще распространен в протестантских странах. Партикуляризм характеризуется особым вниманием к связям, отношениям. Даже если человек что-то нарушил, но он мой друг, брат, сын и т.д., его надо поддерживать и защищать независимо от правил или законов. Человек не может быть не прав вообще, все зависит от обстоятельств. В партикуляристских восточных культурах существуют различные правила для своих и чужих, обстоятельства и ситуация диктуют правила, в бизнесе важнее поддерживать личностные отношения, при необходимости контракты можно корректировать. В Японии и Китае контракт – это документ, который необходим для избегания лишних споров. Он может быть изменен, дополнен и даже разорван в зависимости от обстоятельств. Партикулярист будет стремиться придать контракту расплывчатую форму, избегая четких формулировок. Законы могут по-разному трактоваться, принимая во

внимание жизненные обстоятельства и сложную мозаику личных связей. «Многие уголовные и гражданские дела в Китае решаются в соответствии не с буквой закона, а с личным пониманием сути закона чиновником, облеченным властными полномочиями» [1, с. 61]. Партикуляризм поощряет гибкий подход к конкретным ситуациям и учет человеческих отношений.

Восточная культура относится к выраженным коллективистским культурам. В японской культуре каждый должен знать свое место и выполнять вытекающие из этого обязанности. Ребенка с детства приучают к субординации: младший кланяется старшему, мать отцу, ребенок родителям и т.д. Почитание родителей, покорность воле старших – это одна из базовых добродетелей, артикулирующей себя в многочисленных (порой строго кодифицированных) телесных практиках. Знай свое место, веди себя как подобает, делай, что тебе положено – правила, регулирующие жизнь и поведение японцев. Японец воспитывается «в духе групповой солидарности», где общие интересы всегда стоят выше личных. Важно сдерживать свой индивидуализм, свои амбиции, необходимо принадлежать какой-то группе (семье, общине, организации...). Коллективизм проявляется в ведении переговоров, принятии решений, мотивации подчиненных. Сложно представить ситуацию, когда японец или китаец проводят переговоры в одиночку. Японские, китайские, корейские делегации многочисленны, члены делегации подобраны по статусу, всегда выражают согласие с позицией друг друга, выступая как единое целое. Принятие решений в коллективистской культуре занимает много времени, часто проводятся консультации для согласования позиции. Японский процесс ринги, когда согласуемое решение пускают по кругу и каждый участник должен поставить на нем свою визу, является ярким примером коллективистской традиции [4, с. 128]. Японцы воспринимают переговоры как способ донести свое решение до противоположной стороны, решение, которое никто не собирается менять, т.к. оно согласовано и устраивает японскую сторону. Коллективизм предполагает длительную связь со своей группой, приверженность ей,

поэтому японским организациям свойственен длительный (а иногда и пожизненный) наем персонала. Главным фактором, определяющим статус человека в организации, является стаж работы, сотрудники ориентированы на медленную внутриорганизационную карьеру, переход в другую организацию не приветствуется. Компания для японца – это святое. После того как сотрудник принят на работу, он демонстрирует абсолютную преданность своей компании, часто забывая о других сторонах жизни. Японцы практически не уходят в отпуск, ведь тогда другие сотрудники вынуждены будут выполнять лишнюю работу, а это невежливо. Многие японцы считают, что право на отпуск и нормированный день (японцы часто работают по 10-12 часов) – это формальность. Отпуск разрушает рабочий настрой, уйти с работы раньше босса – это крайнее неуважение к нему и организации. Вообще, трудолюбие является императивной доминантой японской (как и китайской, корейской) культуры.

Деловую культуру Индии сложно однозначно отнести к коллективистской культуре, скорее, это сочетание коллективизма и индивидуализма. Индийской культуре свойственны коллективистские черты – принадлежность семье, социальной группе, развитые социальные связи, ожидание защиты и помощи от организации, продвижение по службе с учетом старшинства и т.д. Но вместе с тем индийцы хорошо умеют торговаться от своего имени и отстаивать свои интересы, на переговорах могут вести себя достаточно агрессивно, выступая самостоятельно, индийцы плохо работают в команде, ответственность скорее индивидуальна и в полном объеме лежит только на руководителе группы. Для индийца важен «jugaad», это определенное мироощущение, стиль жизни, который предполагает использование всех имеющихся у тебя средств и ресурсов для достижения цели. «Jugaad» может означать «находчивость», «изворотливость», это способность импровизировать, не придерживаясь четких правил. Внешняя среда изменчива, непредсказуема, нет ничего постоянного, поэтому важно всегда искать нестандартные решения, ведь

случиться может все, что угодно, но с помощью находчивости, личных связей можно найти выход из сложной ситуации.

Восточная деловая культура предполагает опору на особые отношения с сотрудниками, на формирование приверженности персонала организации. Одна из наиболее ярких особенностей японской корпоративной культуры – это система пожизненного найма. Она существует в Японии с довоенных времен, но при этом не прописана в законах, в контрактах работников (часто просто используется контракт с открытой датой). Система пожизненного найма – это скорее отражение отношений между работником и работодателем, суть японского менталитета. Увольнение сотрудника – достаточно редкий случай, в какой-то мере это позор для работодателя, который подрывает свою деловую репутацию. Японцы настроены на построение долговременных отношений как с сотрудниками, так и с клиентами, партнерами, поставщиками, посредниками. Кроме того, пожизненный найм подразумевает ротацию деятельности, что способствует большему осознанию сотрудником себя не столько профессиональным исполнителем какой-либо функции, сколько представителем фирмы-"семьи" в целом. Передвигаясь в рамках своей фирмы, служащий не только знакомится с производством, но и узнает людей, постепенно вплетаясь в сеть личных отношений. Для китайских организаций также традиционно наличие длительного найма персонала, исторически это связано с тем, что бизнес в Китае был связан с семьей (а из семьи не «увольняют»). Семейный бизнес – интересное явление в Китае, это скорее даже «бизнес-семья» (причем акцент надо делать на слове «семья»). Интересы семьи в Китае всегда важнее интересов бизнеса. Семья – прототип любой организации. Несмотря на влияние процессов глобализации, внедрения западных принципов управления, китайский бизнес сохраняет свою самобытность. Многие и сегодня пользуются пословицей: «Мнение некомпетентного родственника важнее мнения компетентного чужака».

Восточная культура (прежде всего, японская) отличается особой сдержанностью («нейтральностью»), скупостью выражения эмоций. Японцы с детства приучаются к правилу скрывания своих чувств и эмоций, т.к. это тоже входит в понятие «сохранение лица». Японцы имеют крайне невыразительную мимику и жестикуляцию. При переговорах с японцами у европейцев возникают проблемы, связанные с интерпретацией поведения японских партнеров – совершенно непонятно, как они относятся к деловому предложению и словам европейца, мимика не выдает никакого отношения. Японская деловая культура по типологии Р. Льюиса [2] относится к ярко выраженным реактивным, слушающим культурам. Реактивная культура особое значение придает вежливости, уважению, умению слушать и слышать партнера. Японская мораль предписывает избегать прямой конфронтации, не допускать положения, когда одна сторона всецело побеждает другую. Нельзя, чтобы побежденный «потерял лицо» (поэтому в случае агрессивного поведения иностранного партнера японская делегация предпринимает попытку выйти из сложной ситуации, не допустив позора – делегация встает, делает поклон и молча уходит с переговоров, «сохранив лицо»). Японцы стремятся уклоняться от прямого соперничества, где выбор в пользу одной из сторон означал бы «потерю лица» другой. Это рождает потребность в использовании третьего лица, т.е. посредника. Японец не любит противопоставлять себя другим. Любые дискуссии и переговоры отличаются особой длительностью, поиском консенсуса и гармонии. Выдержка, вежливость и терпение – добродетели для японцев. Китайцы знамениты своим терпением, выдержкой, церемониальностью поведения.

На фоне нейтральных японской, китайской, корейской культур явно выделяется индийская деловая культура. Индийская культура в равной мере сочетает в себе черты как реактивной, так и полиактивной культур. Как представители реактивных культур, индийцы избегают конфронтации, всегда внимательно слушают партнера, боятся «потерять» лицо, но при этом они крайне эмоциональны, экстравертивны, выполняют несколько дел

одновременно, меняют планы, непунктуальны (есть даже понятие «стандартное индийское время» (Indian Standard Time, IST), т.е. поздно), подгоняют факты под свои цели. Индийская деловая культура вообще амбивалентна, сочетаются реактивность с полиактивностью, коллективизм с индивидуализмом, маскулинность с феминностью.

Японская деловая культура относится к наиболее ярко выраженным мужественным культурам (по модели Г. Хофштеде). Мужественность означает и традиционное гендерное разделение ролей (мужчина должен зарабатывать, женщина – заниматься семьей), и доминирование маскулинных ценностей в обществе (жить ради работы, работать сверхурочно, добиваться успеха, быть активным и т.д.). Необходимость соблюдения дистанции распространяется на гендерные (в том числе, супружеские) отношения. В японском обществе женщина занимает подчиненное положение, что находит отражение как в организации, так и в семье. Японские семьи патриархальны: женщина должна подчиняться мужчине, дети родителям, младшие старшим, хотя в Японии сильно развит культ матери. Традиционные взгляды предполагают брак не по любви, а по договоренности между семьями (то же можно сказать и о браке в Корее: традиционное корейское общество почти не знало браков по любви, вопросы заключения брака решались родителями. Корейцы прагматичны в выборе супругов, главное – стабильность материального положения, все остальное вторично. Сегодня в Корее достаточно сложно встретить неженатых мужчин и незамужних женщин старше 30 лет. Если человек не создал семью в таком возрасте, такая ситуация воспринимается окружающими как ненормальная и к ее решению подключаются родственники, начальство..). В отношениях между супругами не принято проявление чувств и эмоций. Японцев с детства приучают не выражать своих чувств без необходимости, громкий смех или плач воспринимаются как проявление невоспитанности, «потеря лица». В японской компании женщине намного сложнее продвигаться по карьерной лестнице, а совмещение семьи и работы часто оказывается невозможным (в

большинстве организаций сотрудницу увольняют в случае беременности). Китайская культура не относится к выраженным маскулинным, можно наблюдать сочетание мужественности и женственности. Традиционно женщина в Китае занимала подчиненное положение (согласно конфуцианской этике должно сохраняться неравенство между мужем и женой, мужчина должен доминировать в социальном плане, женщине необходимо реализоваться в семье). Структурообразующими в традиционной семье были отношения не мужа и жены, а отца и сына (если жена не рожала сыновей, с ней можно было расторгнуть брак). Сегодня все чаще на первый план выходят отношения между супругами как равноправными партнерами. В Китае в бизнесе работает много женщин, некоторые занимают руководящие посты (многие бизнесмены считают, что китайские женщины самые уверенные и жесткие бизнес-леди в Азии). Кроме того, реализация в Китае политики ограничения рождаемости «освобождает» женщине больше времени для профессиональной самореализации.

Восточные деловые культуры относятся к высококонтекстным (по типологии Э. Холла) культурам. Культуры отличаются друг от друга по значимости высказываемого прямо и подразумеваемого («кем сказано», «в какой ситуации» и т.д.). Восприятие события зависит от контекста, т.е. известной человеку информации, тесно связанной с событием, но не содержащейся в сообщении. В низкоконтекстной культуре (немецкой, американской) ответственность за успех коммуникации несет тот, кто передает информацию. Он должен все точно описать, назвать своими именами, нет необходимости что-то «домысливать». В культурах высокого контекста (японской, китайской, арабской, индийской) важно умение «читать между строк», понимание интонаций говорящего. Само сообщение может быть бедным, неопределенным, но оно воспринимается как часть общего контекста. Для понимания смысла сказанного необходимо знать историю страны, традиции. В Японии существуют десятки форм обращения к человеку, выражения благодарности, принесения извинений. Культуры

высокого контекста отличаются высокой плотностью информационных сетей, что предполагает тесные контакты между членами семьи, группы, организации. Высококонтекстные культуры являются более сложными, чем низкоконтекстные, поэтому представителям культур низкого контекста очень сложно адаптироваться и понять специфику более сложных культур.

Конечно, на восточные страны, свое воздействие оказала глобализация. Традиционная модель управления, модель корпоративной культуры изменяется под влиянием «западных» ценностей. Все в меньшей степени в организациях используется система «пожизненного найма», увольнение сотрудников не рассматривается как «позорная» стратегия работодателя. Понятно, что степень лояльности, например, японского служащего по отношению к своей организации остается гораздо более высокой по сравнению с сотрудником западной фирмы, но никто не требует самопожертвования во имя организации, полного отказа от других радостей жизни. Восточные страны сегодня также «заражены духом потребительства», наблюдается отказ от ценностей аскетизма, жертвенности, служения в пользу гедонизма, развлечений, удовольствий.

Список литературы:

1. Ачлей А. Китайская грамота: что у китайцев не так, как у других, и как это знание применить с пользой для дела. – М.: ООО «Издательство Волант», 2011.
2. Льюис Р. Столкновение культур: Путеводитель для всех, кто делает бизнес за границей / Пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
3. Мещеряков А.Н. Стать японцем. – М.: Эксмо, 2012.
4. Тромпеннарс Ф., Хэмпден-Тернер Ч. 4 типа корпоративной культуры/ пер. с англ. – Минск, Попурри, 2012.

**КУЛЬТУРА УЧАСТИЯ И КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
ГРАЖДАН ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА: ПОТЕНЦИАЛ И
ПЕРСПЕКТИВЫ.**

Гильманова Е.М.

**PARTICIPATORY CULTURE AND COLLECTIVE BEHAVIOR OF
THE CITIZENS OF THE CITY OF YEKATERINBURG: POTENTIAL
AND PROSPECTS.**

Gilmanova E. M.

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена потенциалу культуры участия в г. Екатеринбурге, который рассмотрен через призму участия политического, как одного из движущих факторов в постоянно изменяющемся мире. Особое внимание уделено вопросу чувственного восприятия настоящей ситуации в стране и его возможности отразится на характере коллективного поведения, формирующего политическое участие. Определены перспективы исследования для более глубокого анализа выявленного противоречия относительно положительной оценки коллективного действия и неготовности отстаивать свои права.

ABSTRACT

The work is devoted to the potential of participatory culture in Yekaterinburg, which is examined through the prism of political participation, as one of the driving factors in a constantly changing world. Special attention is paid to the question of sensory perception of the present situation in the country and its possible impact on the character of collective behavior that shape political participation. The prospects of research for deeper analysis revealed contradictions

concerning the positive evaluation of collective action and the unwillingness to defend their rights.

Ключевые слова: культура участия, политическое участие, коллективное поведение.

Keywords: participatory culture, political participation, collective behavior.

Государственные институты не всегда могут быстро и адекватно отреагировать на зреющие запросы, тогда как общество с развитой культурой участия может помочь агентам власти в получение важной информации на "входе" и "выходе". Отличительной особенностью культуры участия, введенной Г.Алмандом и С.Вербой, считается понимание гражданами их права влиять на власть, и связанная с этим активность.

В работе планируется рассмотреть насколько развита культура политического участия в г.Екатеринбурге. Под *политическим участием* понимается непрофессиональная политическая деятельность, не связанная с функционированием государственного аппарата, но стремящаяся повлиять на его работу. **Объект исследования** - жители г. Екатеринбурга, представляющие различные социально-демографические группы. **Предмет исследования** – потенциал политического участия. **Цель исследования:** определить потенциал политического участия и его возможный характер. Для анализа были использованы методы анкетного опроса (опрос был проведен в декабре 2015 года, в ходе которого было опрошено 232 человека). Тип выборки стихийная.

Для изучения потенциала политического участие важно было обратиться к механизму проявления коллективного поведению. Мы использовали термин *коллективное поведение* так как именно оно определяет наличие политического участия и его характер, поскольку может исходить как от негативных эмоций (при недовольстве ситуацией) или человек желает улучшить положение (настоящая ситуация его устраивает, но он хочет большего). Ван Зомерен выделяет три фактора коллективной активности: 1.

гнев в отношении людей, которые стали источником несправедливости; 2. *вера в коллективную эффективность*; 3. *социальная идентичность* — осознание своей принадлежности к обиженной социальной групп. [1]

Основные вопросы анкеты, необходимые для оценки потенциала коллективного поведения, были разделены на пять основных групп, связанным с механизмами возникновения коллективного поведения:

1. Чувственное восприятие: *Каковы чувства респондента, осознанные взгляды и суждения о настоящей ситуации в стране?*; **2. Политические ценности.;** **3. Оценка эффективности коллективного действия:** *Какова субъективная оценка респондентом эффективности участия в общественно-политической деятельности? Какие практики участия использует респондент?* (Оценка политики абстрактна, для такой оценки индивид как правило прибегает к личному опыту, поэтому необходимо выяснить каким опытом политического участия обладает индивид.); **4. Адаптивность:** *Как респондент оценивает свои адаптивные способности?* Не способность к адаптации ведет к росту социального напряжения, увеличивая потенциал иррационального коллективного поведения; **5. Основания для консенсуса, способные сформировать групповую идентичность.**

Исследование показало, что коллективная активность более присуща молодому поколению, что может объясняться как особенностью возраста, так и тем фактом, что данная возрастная группа не имеет исторических травм, связанных с проявлением коллективной активности. Средний процент по всем проявлениям активности составляет максимум у учащихся почти 20%, что не является высоким показателем. Общий же средний процент - 16,6% (см. Табл.1). Мотивации участия в общественно-политической жизни выше у учащихся и студентов (См. Табл. 2), которые не только видят больше перспектив данной деятельности, но и консолидируются во взглядах на общественно-политическую деятельность как на способ самоопределения и самовыражения. У учащихся самой большой популярностью пользуется

ответ - "Возможность общения с единомышленниками", т.е. речь идет не только об индивидуальном самоопределении, но и о нахождении групповой идентичности. Однако, стоит отметить, что привлекательность участия все равно не очень высокая, с другой стороны пессимистичные оценки перспектив участия в общественно-политических движениях ("ничего не могут дать") весьма низкие.

Таблица 1. Общественно-политическая активность за последние 12 месяцев.				
Действия за последние 12 месяцев	Учащиеся	Студенты	Работающая молодежь	Взрослые
подавали милостыню	33,3%	31,8%	40,0%	40,0%
жертвовали одежду, вещи, игрушки нуждающимся (бедным, детям и т.д.)	33,3%	22,5%	26,9%	46,7%
участвовали в собрании ТСЖ, дачного кооператива, родительского комитета	0,0%	6,0%	20,0%	30,0%
участвовали в субботнике, обустройстве территории, подъезда, двора, детской площадки	26,7%	17,9%	15,4%	26,7%
жертвовали деньги в благотворительный фонд	20,0%	15,2%	15,4%	13,3%
подписывали коллективное обращение, письмо, петицию	20,0%	32,5%	23,1%	13,3%
добровольно сдавали кровь	0,0%	7,9%	7,7%	3,3%
участвовали в митинге, шествии, пикете и т.п.	13,3%	11,3%	3,8%	0,0%
участвовали в жизни церковной, религиозной общины, прихода, воскресной школы	6,7%	5,3%	0,0%	10,0%
работали как волонтер/доброволец в некоммерческой организации, инициативной группе	40,0%	19,9%	3,8%	3,3%
принимали участие в работе студенческой организации/профсоюза	33,3%	23,8%	7,7%	3,3%
принимали участие в жизни политической партии, объединения	13,3%	9,3%	0,0%	0,0%
ничего из перечисленного	6,7%	19,2%	26,9%	30,0%

Таблица 2. Оценка эффективности участия в общественно-политической деятельности.				
Возможности, который могут дать участие в общественно-политической деятельности	Учащиеся	Студенты	Работающая молодежь	Взрослые
Общественное признание	40,0%	28,5%	19,2%	16,7%
Возможность личностного самоопределения	33,3%	37,7%	16,0%	23,3%
Возможность общения с единомышленниками	53,3%	23,8%	11,5%	13,3%
Профессиональное ориентирование	6,7%	20,5%	11,5%	10,0%

Приобретение навыков общения	40,0%	21,2%	7,7%	23,3%
Приобретение опыта лидерства, управления людьми	33,3%	39,1%	19,2%	20,0%
Возможность принести пользу обществу	33,3%	44,4%	46,2%	46,7%
Овладение навыками практической деятельности	13,3%	11,9%	3,8%	3,3%
Возможность выразить свою гражданскую позицию	40,0%	52,0%	38,5%	44,8%
Выполнение общественного долга	6,7%	21,9%	3,8%	23,3%
Возможность организовать свободное время	6,7%	5,3%	15,4%	6,7%
Ничего не может дать	13,3%	7,3%	11,5%	13,3%

Консолидирована представлена оценка эффективности политических институтов: для всех политических и гражданских институтов - "2" ("не эффективно"). Такая оценка подтверждает недовольство сложившейся ситуацией и демонстрирует мнение респонденты разных возрастов о невозможности отстаивать свои права путем использования правовых практик, через сложившиеся общественные институты. Здесь заметно главное противоречие: учащиеся и студенты в целом положительно оценивают коллективные действия и участие в политико-общественной деятельности, однако объединение с другими людьми они не рассматривают как возможный путь защиты своих прав. Здесь есть несколько возможных причин такой оценки: власть не услышит людей ("мы все равно ничего не изменим"); с другими людьми тяжело договорится (проблема общественного недоверия). Скорее всего, данное противоречие демонстрирует глубокую системную проблему неэффективности институтов, неспособность их работать для консолидации людей. Готовность молодых людей к позитивному объединению для самоопределения и самореализации наталкивается на неготовность общественных институтов дать такие возможности.

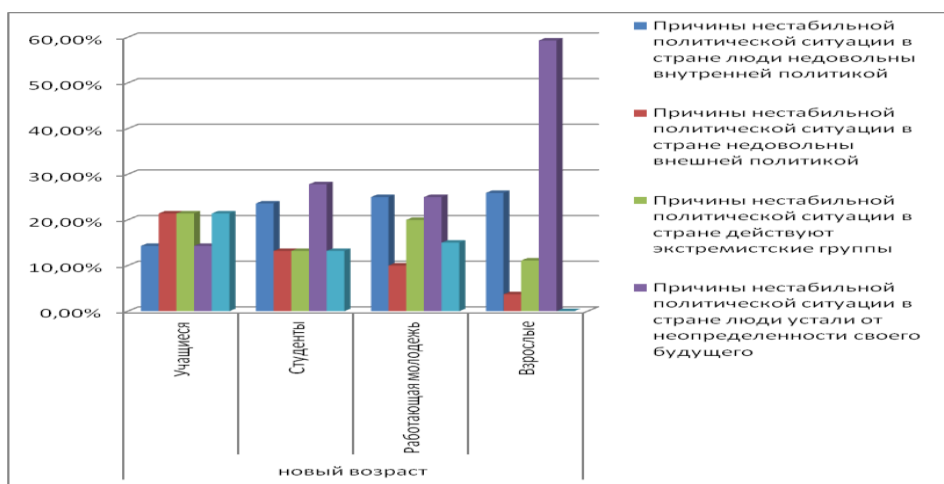
Основной характеристикой настоящей ситуации является нестабильность (см. График 1). Способность приспособиться респонденты (особенно молодые) оценивают оптимистично, однако главной характеристикой замеченной в ходе исследования является ярко выражение

ощущение нестабильности и усталость от неопределенности, которую отмечает большинство респондентов, считающих, что положение в стране ухудшилось, что ярко выражено у старшего поколения, где усталость от неопределенности будущего составляет 60% (См. График 3).

График 1. Оценка ситуации в стране.

График 3. Причины нестабильности политической ситуации.

Неопределенность и неуверенность - основные оценки настоящей ситуации. Если обратиться к другому опросу, проведенному в тот же самый период студентами четвертого курса политологии с целью оценки эмоционально-чувствительного восприятия, можно увидеть причины неуверенности, вызванной ситуацией во внутренней (здравоохранение и экономика) и во внешней политике (возможность военных действий), а также общей обеспокоенность по поводу неопределенности будущего страны. Тем не менее, эмоции связанные с политикой - неуверенность, недовольство, страх, а такие эмоции как злость и раздражение в основном вызваны не политическими вопросами (См. Табл. 3).

Таблица 3.	недо вольство	с страх	неуверенно сть в будущем	раз дражение	з лость
------------	------------------	------------	-----------------------------	-----------------	------------

Постоянного роста цен на продукты и протомовары	48,9	2	18,8%	21,	8
Ухудшения своего материального положения	25,7	1	28,3%	21,	7
Состояния своего здоровья	27,8	3	14,5%	14,	3
Перегрузок на работе	36,3	3	7,4%	42,	1
Работы непосредственного начальства на производстве	50,9	8	10,6%	24,	5
Качества работы органов местной власти	39,9	5	26,1%	15,	1
Угрозы террористических актов	12,6	4	18,7%	5,7	1
Изменений в системе здравоохранения	39,5	8	32,0%	13,	6
Нынешней внешней политики страны	29,7	1	40,3%	9,7	6
Военных действий в Сирии	27,3	2	22,4%	13,	9
Отношений с Украиной	33,7	1	21,4%	23,	1
Нынешней экономической ситуацией в стране	30,0	6	38,1%	16,	8
Перспектив ближайшего будущего страны	22,2	1	55,6%	7,4	4

Неуверенность - основное чувство в оценке будущего страны (см. Табл. 4). Однако, важно отметить главную противоречивость: "неуверенность" соседствует с "надеждой", а "оптимизм" расположен между "пессимизмом" и "печалью", за которыми следует "уверенность в завтрашнем дне". Таким образом, можно наблюдать смену оттенка чувств от позитивного к негативного с разницей 1-2 %. Таким образом, нестабильность и неопределенность присутствует в определении состояния настоящего и будущего страны, но не присутствует чувства гнева и злости.

Таблица 4. Чувственное восприятие ближайшего будущего страны	Неуверенности	4
	Надежды	4
	Внутренней силы	2
	Печали	2
	Оптимизма	2
	Пессимизма	2
	Уверенности в завтрашнем	1

	дне	5,4%
	Безнадежности	3,6%
	Бессилия	3,6%
	Радости	,9%

Таким образом, политическое участие имеет низкий потенциал, было выявлено отсутствие веры в коллективную эффективность, связанное с негативной оценкой существующими в настоящее время институтами и практиками. Основной характеристикой чувственного восприятия настоящего является неопределенность, что демонстрирует отсутствие готовности проявлять коллективное поведение, вызванное злостью, но нестабильность оценки может легко измениться. Однако, можно говорить лишь о частичном подтверждении теории, поскольку требуется дальнейшее исследование:

1. Замечено противоречие: молодое поколение оценивают коллективные действия намного положительнее, тогда как их эффективность в вопросе защиты своих прав отрицают. Необходимо подробнее рассмотреть возможные истоки такого противоречия, выяснить идет ли речь о системной проблеме неэффективности институтов. Здесь также необходимо определить что знают респонденты о своих правах, возможностях, обязанностях и о возможности влияния на систему. Проблема отсутствия веры может быть следствием как субъективного недоверия, так и простой неосведомленности. Более того, желательно разъяснение того, что респондент подразумевает под политическими ценностями.

2. Несмотря на то, что в оценках наблюдается определенная доля консолидации, результаты, связанные с нестабильностью поднимают вопрос об изучении доверия более углубленно. Именно доверие, и связанное с ним взаимопомощь составляют социальный капитал, необходимый для качественного развития общества.

Таким образом, проделанное исследование открывает несколько направлений дальнейшей работы, связанной с выявлением потенциала

культуры участия, вопросами социального капитала и такими важными характеристиками общества как согласие и доверие.

Список литературы:

1. Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 593—600; Алмонд ГА., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. 1992. № 4.
2. Е.Р. Агадуллина, Коллективные действия: предикторы и модели. Социальная психология и общество. № 3/2013. С. 42.

ПРАВО КАК КУЛЬТУРНЫЙ БАРЬЕР

Глазырин, В.А.

*Доктор социологических наук, профессор
Уральский государственный юридический университет,
г. Екатеринбург (Россия)*

glazur@olympus.ru

LAW AS A CULTURAL BARRIER

Glazyrin, V.

*Doctor of Social Sciences ,
Professor Ural State University of Law ,
Ekaterinburg (Russia)*

glazur@olympus.ru

АННОТАЦИЯ

В современной России не удаётся преодолеть исторически застарелую проблему страны – обустроить общественную жизнь на началах права. Культурные барьеры являются частью преград, препятствующих развитию правового порядка в стране, они в первую очередь связаны с особенностями ментальности значительного числа россиян, не в полной мере сознающих самоценности права.

В статье из всего многообразия имеющихся культурных проблем правового развития рассматриваются только три из них. Делается вывод, что гражданам России ещё предстоит заключить надлежащий общественный договор о праве и правах и обеспечить его исполнение.

ABSTRACT

It is impossible to eliminate a deep-rooted problem in Russia, i.e. to establish social life on the basis of law. Cultural barriers are a part of different obstacles that hamper development of legal order in the country. They are mainly related to

mentality of a large number of Russian people who do not realize the intrinsic value of law.

Three cultural problems of legal development are chosen and considered in the article. The author draws a conclusion that Russian citizens will have to make an adequate social contract about law and rights and enforce this contract.

Ключевые слова: конституция, право, право де-юре, право де-факто, культура, социальный стереотип, общественный договор.

Key words: constitution, law, de jure law, de facto law, culture, social stereotype, social contract.

В современной России не удаётся преодолеть исторически застарелую проблему страны – обустроить общественную жизнь на началах права. Культурные барьеры являются частью преград развития правового порядка в стране, демонстрируют особенность ментальности значительного числа россиян, не осознающих в полной мере самоценности права [1]. Важно отметить, что юридико-правовые предпосылки необходимые для преодоления неправа в жизни российского социума имеются. В первую очередь они закреплены Конституцией РФ. Тем не менее, разлад между де-юре правовыми конституционными установлениями и де-факто неофициальным правом устойчиво воспроизводится.

В чём сегодня состоят истоки культурного барьера воспрепятствующего развитию российского государства и общества на правовой основе? Из всего многообразия имеющихся культурных проблем правового развития в стране остановимся только на трёх из них.

1. Прежде всего, следует отметить существующее у немалой части российских граждан стремление найти ответы на вызовы времени в историческом прошлом, традиционализме, содержащим, по их мнению, органичную для жизнеустройства России систему ценностей и норм. Что едва ли неминуемо приводит к подмене понятия права представлениями о

справедливости, сложившимися в массовом сознании россиян и уводит вопросы правопорядка и правосудия на второй план их интересов.

История человеческой цивилизации убедительно показывает, что правовая система – фундамент обществ современности и постсовременности. По К.Попперу [2, с. 174-175], эти общества являются открытыми и абстрактными. Абстрактное общество – это общество безличных (формальных) отношений, с правовой системой формального типа, принципиально заточенной на признание прав человека, формального равенства, формальной свободы и формальные судебные процедуры. Разумной альтернативы «формальной» правовой системе для преумножения богатства, обеспечения прав человека и правосудия не существует. В частности, роль права в современном обществе демонстрирует Итальянская Республика. Несмотря на то, что Италия является развитой западной страной и единым государством на протяжении более полутора сотен лет, социо-правовые культуры Севера и Юга страны имеют значительные различия. На Юге продолжают воспроизводиться социальные отношения с опорой на досовременные и традиционные для этой части Италии социо-правовые культурные стандарты. Неудивительно, что до сих пор индустрия, университеты, инновации, а также развитый социальный и человеческий капитал это Север, а не Юг Италии.

2. Преградой для преумножения правовых основ в развитии российского общества является культурный стереотип, что правовая трансформация, построенная на ценностных и институциональных началах западного права, приведёт к потере национально-культурной идентичности. Такое объяснение последствий становления современной системы права является заблуждением. Прямой связи между имплементацией страной-реципиентом правовых принципов и институтов иностранного и международного права и утратой ею национальной идентичности не существует, что, например, подтверждает опыт правовой модернизации Японии, Сингапура, Республики Корея. Так, кто-нибудь может утверждать,

что в Южной Корее национальная культура деградирует, а её граждане потеряли национальную идентичность под влиянием Запада в сравнении с не западной Северной Кореей? Конституционно-правовое устройство общества и государства это совсем не то же самое, что сообщество людей как совокупность этнических, религиозных, национально-культурных групп. Этнокультурная и юридико-правовая идентичность не тождественны. Право влияет на формирование политико-правовых, политико-гражданских сообществ людей, которым могут быть присущи различные культурные особенности. Ясно, что странам, посчитавшим в организации жизни социума следовать «принципу улитки», включая юридико-правовую изоляцию от другого мира, не удастся в исторической перспективе избежать цивилизационного и культурного тупика.

3. В статье 2 Конституции РФ зафиксированы ключевые моменты общественного договора, на котором должно зиждется современное российское общество: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Приходится констатировать, что общественный договор как обязательство государства обеспечивать права и свободы человека и гражданина в сегодняшней России подменяется неписанными соглашениями иного рода. Чаще всего это социальные контракты о лояльности граждан власти в обмен на стабильность и их благополучие, обеспечиваемых государством. Очевидно, что предмет подобных общественных договоров не связан с правом, свободами и правами человека, поэтому они не могут способствовать развитию правового базиса российского государства и социума. Иллюзорность таких контрактов состоит в том, что граждане одновременно практически лишают себя как правовых, политико-правовых инструментов отстаивания своих конституционных прав, так и возможности воздействия на государство с целью контроля исполнения им обязательств перед ними.

Вызов современности/постсовременности востребует инкорпорацию права в структуру отношений социума. Для достойного ответа на него российскому обществу ещё многое нужно сделать, чтобы не повторить ошибок совершённых в прошлом, когда дореволюционный общественный строй России М.Вебер и юристы партии конституционных демократов называли мнимым конституционализмом [3], а советский конституционализм рассматривался номинальным [4, с. 47-50]. «Мнимый конституционализм» выражал фактическую нереализованность основных конституционных установлений, «номинальный конституционализм» означал, что конституционные нормы реально не действовали в связи с приоритетом идеологии над правом. Проблема утверждения правового порядка в государстве и обществе не может быть сведена к вопросу совершенствования законодательства, российским гражданам предстоит предпринять значительные усилия, чтобы решить культурную проблему – на деле проявить желание и готовность поддерживать конституционный общественный договор о праве, свободах и правах [5, с. 5-17].

Список литературы

1. Социолог «Левада-центра» Наталья Зоркая: «Общества в России нет». 03.03.2016. URL: // <https://openrussia.org/post/view/13244/> (дата обращения 09.03.2016).
2. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.1:Чары Платона; Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Киев: Ника-Центр, 2005.
3. Медушевский А. Политический плюрализм как конституционный принцип и социальная реальность. 17.12.2013. URL: // <http://www.Liberal.ru/articles/6353> (дата обращения: 10.08.2015).
4. Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме. М.: РОССПЭН, 2007.

5. Глазырин В.А. Недостающее звено // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т.13. вып. 4. Екатеринбург, 2013.

**КИТАЙ КАК ПРИМЕР УСПЕШНОЙ БОРЬБЫ С ПРОБЛЕМОЙ
НИЩЕТЫ И БЕДНОСТИ
В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Говоркова Александра Евгеньевна,
*Студентка магистратуры
Кафедры мировой политики
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург,
e-mail: govorkova93@list.ru*

**CHINA AS THE EXAMPLE OF SUCCESSFUL ERADICATION OF
POVERTY
IN THE EAST ASIA REGION**

Govorkova A.,
*Student of the Magistracy
Department of World Politics
St. Petersburg State University,
St. Petersburg,
e-mail: govorkova93@list.ru*

АННОТАЦИЯ

В 2000 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных наций приняла Декларацию тысячелетия ООН, в которой члены организации приняли восемь целей, связанных с самыми актуальными проблемами мира. Одной из таких целей, стоящей первой в списке, является искоренение нищеты. За 15 лет успешнее всех с этой проблемой справился Китай, которому удалось сократить вдвое количество людей, живущих меньше чем на 1 доллар в день. Политика Китая в области социального развития является примером успешного взаимодействия государства и бизнес – сообщества. И Китай не собирается останавливаться на достигнутом. По словам председателя КНР Си Цзиньпина, к 2020 году за чертой бедности не должно остаться никого.

ABSTRACT

The United Nation Organization's General Assembly has passed the Millennium Declaration of the UNO in 2000, which consist of eight targets

connected with the most important global problems. One of these targets is eradication of poverty. China is the only one state, which has halved the number of population whose daily income is less than 1 dollar. China's policy in the field of social development is the example of successful cooperation of government and business. China is not satisfied with what has already been achieved. According to the announcement of China's chairman Xi Jinping, no one will leave below the poverty line by 2020.

Ключевые слова: ООН, Китай, Цели развития тысячелетия, нищета, безработица, реформы, цели устойчивого развития, социальная политика

Key words: UNO, China, Millennium Development Goals, poverty, unemployment, Sustainable Development Goals, social policy

Введение

21 век является веком модернизации, индустриализации и глобализации. Развитие новых технологий способствует качественному улучшению жизни населения, увеличению доходов и благосостояния в целом. В истории человечества еще никогда не было столь богатого века и в то же время такого бедного. Несмотря на увеличение доходов отдельных групп населения, почти 2 млрд. человек живут в условиях крайней нищеты и голода. Половина населения стран развивающегося мира живет на менее чем 1,25 доллара США в день.

Проблема нищеты – это не просто нехватка доходов. Она проявляется в голоде и недоедании, в ограничении доступа к образованию, безработице и социальной изоляции. Проблема нищеты имеет более широкий спектр последствий, куда входят распространение болезней, ухудшение окружающей среды, обострение проблемы неравенства и как следствие возникновение конфликтов как на национальном уровне, так и в глобальном масштабе.

В 2000 году проблема нищеты была поставлена во главу восьми целей Декларации тысячелетия [1]. За 15 лет действительно удалось выполнить задачи, стоявшие перед мировым сообществом. Согласно данным доклада

ООН за 2015 год [7], за период 1990-2015 сократилось вдвое население, живущее менее чем на 1,25 долларов США в день. Если в 1990-м году в условиях крайней нищеты проживало 1,9 млрд. человек, то к 2015 году их число сократилось до 836 млн. человек. Увеличилось количество людей, принадлежащих к работающему среднему классу, живущих на более чем 4 доллара США в день. Не маловажным достижением стало сокращение почти вдвое людей, страдающих от недоедания – с 23,3% в 1990 году до 12,9 % в 2015 году.

Несмотря на общие показатели, успешнее всего с этой проблемой справился Китай. Именно Китаю удалось сократить количество живущих в бедности наполовину, что и являлось одной из задач Декларации тысячелетия. Вот почему социальная политика КНР по борьбе с нищетой представляет интерес для исследователей и практиков.

Опыт КНР в борьбе с бедностью

КНР показала самый максимальный результат за период 1990-2015 гг. Доля населения с доходом менее 1,25 долларов США в день сократилась с 61% до 4%, т.е. 700 млн. человек, что составляет 70% от общемирового показателя за этот период.

В чем же состоит успех Китая? И каким образом ему удалось обеспечить соответствующие системы и меры социальной защиты для уязвимых слоев населения?

Во-первых, основная часть населения Китая, которая находится за чертой бедности, проживает в сельских районах страны. Поэтому именно на эту часть населения было направлено все внимание властей в начале 21 века. Бедность и нищета в сельских районах – это не только нехватка денежных ресурсов, а целый комплекс проблем от развития инфраструктуры до создания новых рабочих мест. Если к этому времени, приморские провинции были благоустроены, то до районов внутри страны, было даже не добраться. Принятая в 2001 году программа преодоления бедности на 2001-2010 годы как раз сочетала в себе комплекс задач по улучшению положения

сельского населения [3]. С помощью правительства в уездах были созданы животноводческие фермы и более 1000 поселково-волостных предприятий, с целью, чтобы каждая семья могла вести свое хозяйство, а также заниматься каким-либо промыслом. Дополнительной мерой в борьбе с бедностью со стороны государства, стала отмена сельскохозяйственного налога, который крестьяне выплачивали более двух тысяч лет. За время осуществления данной программы были построены 6 новых железных дорог в Синьцзян-Уйгурском автономном районе – стратегическом для Китая регионе, дорожной сетью охвачены все отдаленные регионы, что позволяет сельским жителям выезжать на заработки в более развитые регионы страны.

Во-вторых, самыми беднейшими регионами Китая считаются центральные и западные провинции, где сосредоточено около 70% всех бедных уездов. В то время как восточные приморские провинции процветали за счет своей ориентации на внешние рынки, доходов от экспорта и иностранных инвестиций, центральные и восточные регионы страны выживали. Поэтому одним из пунктов программы по борьбе с бедностью стало сотрудничество богатых приморских провинций и бедных районов Северного, Западного и Юго-Западного Китая.

В-третьих, одной из главных проблем нищеты в сельской местности является отсутствие доступа к образованию. Из 170 миллионов неграмотных 150 миллионов приходится на сельских жителей. В связи с этим в рамках программы борьбы с бедностью был принят проект «Надежда» [3]. Проект представлял собой благотворительную помощь горожан, трудовых коллективов или частных предпринимателей в финансировании начального образования детей в селах. Благодаря проекту за двадцать лет удалось построить и отремонтировать более 16 тыс. школ и посадить за парты почти 4 миллиона сельских детей. Успех данного проекта зависел в большей мере от четкой адресности проекта, поскольку каждый спонсор точно знал, кому поступали его деньги, а каждый получатель мог лично поблагодарить конкретного человека за помощь.

Сегодня Китайский опыт борьбы с бедностью и нищетой доказывает эффективность взаимодействия правительства и частного сектора. Китайское правительство ежегодно включает вопрос по борьбе с нищетой в свои планы по экономическому и социальному развитию. В 2011 году была принята новая программа по борьбе с бедностью в сельской местности на период 2011-2020 гг. Правительство КНР уделяет большое внимание политике социальной поддержки, которая включает в себя 8 основных мер: 1) обеспечение прожиточного минимума; 2) финансовая поддержка беднейших слоев населения; 3) поддержка пострадавших в катастрофе людей; 4) медицинская поддержка; 5) содействие в получении образования; 6) обеспечение жильем; 7) помощь в трудоустройстве; 8) временное пособие [8]. Стоит отметить, что расходы КНР на социальную политику увеличились в период 2000-2015 гг. с 2,7 млрд. долларов до 73,7 млрд. долларов.

В-четвертых, помощь в преодолении бедности оказывает нацеленность китайской экономики на внешние рынки и привлечение инвестиций. Немаловажным фактом является то, что государственная политика КНР направлена на производство конечного товара внутри страны, что способствует созданию дополнительных рабочих мест. Только благодаря бизнесу в Китае создается около 75% новых рабочих мест. Государство активно стимулирует предпринимательскую активность граждан. Современный Китай заточен на непрерывное обучение граждан предпринимательству. Совместно с Международной организацией труда была разработана и введена в действие программа «Знай о бизнесе», которая включает в себя учебные модули и дисциплины по основам предпринимательской деятельности [2]. Особое внимание уделяется поддержке женского предпринимательства: субсидирование образования, предоставление льготных кредитов и льготных ставок налогов по некоторым видам деятельности. Поддержка женского предпринимательства крайне

важна, поскольку именно женщины составляют большинство в процентном соотношении от количества населения, живущего в условиях нищеты.

За последний год Китай добился больших успехов в борьбе с нищетой. По итогам 2015 года уровень занятости в китайских городах вырос: безработица составила всего 4%, несмотря на замедление экономики. В 2015 году было создано 13 млн. новых рабочих мест. Последние годы развития китайской экономики можно охарактеризовать как всплеск предпринимательства. Государственная политика продвигает идеи массовых инноваций, что в свою очередь стимулирует выпускников открывать свое дело. Подобные стартапы создают около 20% рабочих мест.

Международное сотрудничество КНР в борьбе с бедностью

Китай борется с бедностью не только внутри своей страны, но и стремится обеспечить достойную жизнь для населения всего мира. Китай довольно активно помогает своим соседям в Восточной Азии, а также взаимодействует со странами африканского континента и Латинской Америки. Среди механизмов такого взаимодействия особо стоит отметить сотрудничество по линии «Юг-Юг», в рамках которого осуществляется продуктовая, материально-техническая и гуманитарная поддержка нуждающимся странам. За последние шестьдесят лет Китай предоставил помощь 166 странам на общую сумму 400 млрд. долларов. Сегодня одной из задач КНР является поддержка и помощь развивающимся странам в достижении новых целей в области устойчивого развития, принятых 25 сентября 2015 года на Генеральной Ассамблеи ООН. Примером успешного взаимодействия может служить открывшийся в декабре 2015 года подфорум «Ликвидация нищеты и развитие» в рамках Форума по китайско-африканскому сотрудничеству. Его целью является обмен опытом с области ликвидации нищеты, обсуждение вызовов и поиск эффективных путей достижения целей после 2015 года. По словам председателя КНР Си Цзиньпина, Китай намерен создать фонд помощи по линии «Юг-Юг» с начальным взносом 2 млрд. долларов, а также продолжить инвестирование в

наименее развитые страны, увеличив общую сумму до 12 млрд. долларов к 2030 году [4].

Проблемы на пути преодоления нищеты

Несмотря на видимые успехи китайского правительства, 70 млн. населения страны все еще находятся за чертой бедности. Кроме того, новый курс страны, ориентированный на инновационные технологии в экономике и промышленности создает острую проблему с сокращением рабочих мест, например в таких секторах, как добыча угля и стали. Борьба правительства с перепроизводством также является причиной массовых увольнений, в связи с чем Китаю предстоит задача переподготовки и трудоустройства по меньшей мере 2 млн. человек.

Перспективы социально-экономического развития Китая

26-29 октября 2015 г. в Пекине прошел 5-й Пленум ЦК КПК, на котором были приняты решения по дальнейшим перспективам социально-экономического развития Китая. На период 13-ой пятилетки (2016-2020) Китай поставил следующие цели: 1) увеличение вдвое объема валового внутреннего продукта (ВВП) и показателей ВВП на душу населения; 2) к 2020 г. построить в Китае «общество малого благоденствия» или «общество средней зажиточности» («well-off society») [6]; 3) к 2020 году полностью искоренить бедность в сельских районах, что означает качественное улучшение жизни населения в 592 сельских уездах.

В ходе пленума председатель Си Цзиньпин назвал пути решения проблемы бедности, среди которых совершенствование финансовой политики и предоставление услуг для бедных сельских жителей, нуждающихся в льготных кредитах для развития бизнеса. Среди мер по ликвидации нищеты в китайской деревне были названы повышение уровня образования сельских жителей с помощью развития сети бесплатного профессионального технического образования [5].

Заключение

В период 2000-2015 гг. Китай смог успешно интегрировать цели тысячелетия в свою национальную программу развития, что позволило ему достичь невероятных успехов и совершить большой скачок в развитии социально-экономической сферы. В сентябре 2015 года на Генеральной Ассамблее ООН были приняты новые цели в области устойчивого развития, которые совмещают в себе три аспекта устойчивого развития – социальный, экономический и природоохранный. Новые 17 целей – это новые вызовы и возможности для государств. Китай, несомненно, будет играть ключевую роль в достижении новых глобальных целей и помощи остальным развивающимся странам. Международное сотрудничество Китая по линии «Юг-Юг» будет приоритетным для Китая, что поможет ему оставаться лидером развивающихся стран, выстраивать свою внешнюю политику независимо от западных государств. Успех Китая показывает, что умелое государственное регулирование вкупе с рыночной экономикой и частным предпринимательством дают высокие результаты. Остается надеяться, что экономические проблемы не помешают достижению высоких целей.

Список литературы:

1. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения - 21.02.2016)
2. Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/10/27/krugliy-stol.html> (дата обращения - 21.02.2016)
3. Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2004/03/02/kitai.html> (дата обращения - 21.02.2016)
4. Официальный сайт Форума сотрудничества Китай-Африка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.focac.org/eng> (дата обращения - 22.02.2016)

5. Официальный сайт журнала «Китай» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2016-02/05/content_712816.htm (дата обращения - 22.02.2016)
6. Тавровский Ю. Китайская мечта Си Цзиньпина // Новые ведомости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nvdaily.ru/info/39165.html> (дата обращения - 21.02.2016)
7. Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год / Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк – 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf>
8. Report on China's Implementation of the Millennium Development Goals (2000-2015) / MDG Progress Reports – Asia and the Pacific // United Nations Development Programme [Электронный ресурс]. URL: http://www.undp.org/content/dam/china/docs/Publications/UNDP-CH-SSC-MDG2015_English.pdf?download

УДК 378.18 + 356.15

ББК Ч 448.252 + С 941

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СРЕДИ СТУДЕНТОВ-
ВОЛОНТЕРОВ**

Горбушова С. М.

*аспирант, Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия*

e-mail svetlana.gorbushova@ya.ru

**PROBLEMS OF REALIZATION OF THE TECHNOLOGY
PEDAGOGICAL INTERACTION AMONG STUDENTS-VOLUNTEERS**

Gorbushova S. M.

*graduate student, Ural Federal University. First President of Russia BN
Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

e-mail svetlana.gorbushova@ya.ru

АННОТАЦИЯ

К проблемам реализации технологии педагогического взаимодействия среди студентов, участвующих в волонтерской деятельности, автор относит особенности личной и функционально-ролевой стороны. Выбор ценностей, связанных с волонтерской деятельностью, рассматривается как способ самоактуализации студентов. Практическая значимость состоит в подборе диагностического инструментария для исследования особенностей реализации технологии педагогического взаимодействия среди современных студентов-волонтеров.

ABSTRACT

For the problems of realization of the technology pedagogical interaction among students participating in volunteer activities, the author considers the peculiarities of personal and functional role of the parties. The choice of values associated with volunteer activity, is seen as a way of self-actualization of students. The practical importance consists in the selection of diagnostic tools to study the characteristics of the implementation technology of the pedagogical interaction among the student-volunteers.

Ключевые слова: технология педагогического взаимодействия, студенты-волонтеры, ценности

Key words: technology of pedagogical interaction, student volunteers, values

В государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 годы (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 295) [4] обновление содержания и технологий выделено с целью существенного увеличения вклада профессионального образования в социально-экономическую и культурную модернизацию Российской Федерации, а также обеспечения востребованности экономикой и обществом каждого обучающегося. Такой подход определяет в условиях рыночных отношений и нарастающей тенденции гуманизации в обществе появление новых приоритетов в ценностном мире личности. При этом использование технологии педагогического взаимодействия способствует выявлению развития личности студента в осмыслении себя и ценностей волонтерской деятельности как способа самоактуализации.

Для определения проблем реализации технологии педагогического взаимодействия среди студентов-волонтеров необходимо определиться с ее пониманием. Необходимо отметить, что овладеть ею можно поэтапно на специальных занятиях, тренингах и, конечно, в процессе волонтерской работы. Отсюда появляются вопросы значимости рассматриваемого понятия для личности студента-волонтера, смысл и назначение деятельности, в

которую он вовлекается по доброй воле. Это личностная сторона технологии педагогического взаимодействия. Она связана с действием по оказанию помощи, и тогда открывается индивидуальность «я и другой» (М. М. Бахтин). Данная сторона взаимодействия в наибольшей степени затрагивает ценностно–мотивационную сферу и волонтера, и тех, с кем он связан деятельностью.

Другая сторона технологии педагогического взаимодействия – функционально-ролевая. Она обусловлена объективно – волонтер выполняет определенную роль: организует и направляет деятельность тех, кому помогает, отслеживает результаты. В таком случае те, кому оказывается помощь, воспринимают волонтера менее всего как личность, а как того, кто помогает, возможно, к нему предъявляют требования (он волонтер, поэтому «должен»). Эта сторона педагогического взаимодействия направлена на преобразование когнитивной и эмоциональной сфер тех, кому помогают.

В процессе волонтерской работы происходит совместная деятельность тех, кто помогает тем, кто нуждается в помощи, поэтому взаимодействие включает в себя влияние на других, и оно не идентично понятиям «педагогическое воздействие», «педагогическое влияние», «педагогическое отношение». Его основными параметрами являются взаимоотношение, взаимоприятие, поддержка, доверие и др., главным является понимание, взаимопонимание, принятие. Для этого студенту-волонтеру, тем более потенциальному волонтеру, нужна профессиональная помощь преподавателей.

Для более глубоко раскрытия понятия технологии педагогического взаимодействия остановимся на этапах ее реализации.

На первом этапе реализации технологии педагогического взаимодействия необходимо выявить мотивационную сферу личности студента. Для этого нами было проведено исследование экзистенциально-философских (Н. А. Бердяев, В. Франкл), культурологических (М. М. Бахтин), социологических (М. Вебер, Л. Л. Рыбцова), педагогических (В. А.

Сластенин, Г. И. Чижаква) оснований, что позволило определить существенное и неоднозначно понимаемое понятие «ценности». Приобщение к ценностям происходит уже в раннем возрасте в жизненном опыте, связанном с развитием логико-рационального сознания и переживаниями как эмоционально-волевой составляющей личности. Поэтому личность студента в ходе его общения и взаимодействия с общественными коллективами (семья, учебные, воспитательные, производственные, уличные сообщества и т. д.) складывается (воспитывается) как субъект социальных отношений и сознательной деятельности, определяемой включенностью в социальные связи, как системное качество индивида, формирующееся в совместной деятельности и общении [3, с. 195]. Этот процесс протекает по свойственным ему законам, то есть в нем проявляются устойчивые, неизбежные связи между отдельными частями, определенные изменения влекут за собой соответствующие результаты. Так, появляется проблема о значимости волонтерской деятельности для студента.

Мы полагаем, что одним из сообществ, участников педагогического взаимодействия, имеющих значительный потенциал для развития, является студенчество. Одна из форм организации студентов в вузе – студенческое самоуправление, одна из составляющих которого – волонтерская деятельность. При этом понимание волонтерской деятельности неоднозначно. Так, ФЗ РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» определяет благотворительную деятельность, которую мы понимаем как волонтерскую, следующим образом: «добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [6]. При всем том проведенный нами в истории педагогики и образования анализ генезиса идеи волонтерства в России позволил нам сформулировать следующее понятие – добровольная помощь,

(от лат. voluntarius — добровольно) деятельность, осуществляемая на благо незащищенных слоев населения без расчета на вознаграждение, реализующая ценностно-смысловые основы самоактуализации личности. При этом важными для реализации технологии педагогического взаимодействия в волонтерской деятельности являются ценностные ориентации современных студентов.

Так, например, в пилотном эмпирическом исследовании ценностных ориентаций 50 студентов-волонтеров УрФУ, проведенном нами, были выделены следующие приоритетные ценности: на первом месте оказалось получение сопутствующих благ – 31 %; на втором – узнать что-то новое, полезное для жизни (22 %); на третьем – хочется быть полезным (16 %); на четвертом – потребность в общении (14 %). Полученные нами первые результаты позволили выявить мотивационную сферу личности студента на первом этапе реализации технологии педагогического взаимодействия. Соответственно, полученные результаты показали значимость и необходимость своевременной воспитательной работы в вузе, которая будет ориентировать в ценностных представлениях студентов как способе достойной для личности и общества самоактуализации. При этом самоактуализация личности студентов-волонтеров является способом реализации потенциала в гуманизирующемся и демократизирующемся российском обществе.

Реализация технологии педагогического взаимодействия направлена также на потенциальные возможности личности студента, участвующего в волонтерской деятельности, и находящегося в образовательной среде. При этом под личностью студента понимается «личность молодого человека, готовящегося к высококвалифицированному выполнению функций специалиста в той или иной области трудовой деятельности» [5, с. 187]. Обучаясь по специальности или направлению подготовки, студент-волонтер может оказывать помощь, связанную с будущей профессиональной деятельностью (например, знание иностранных языков). Это ориентирует

волонтерскую деятельность на формирование базовых компетенций. К ним относятся (Э. Ф. Зеер, В. И. Шарипов, А. Г. Бермус, В. А. Болотов, И. А. Зимняя, В. В. Лаптев А. К. Маркова, Б. Д. Эльконин): когнитивные, деятельностные, рефлексивные, а также компетентности в ценностно-смысловых ориентациях и в сфере гражданско-общественной деятельности. Каждая из названных компетенций реализуется в технологии педагогического взаимодействия. Специфичным же для студенчества является то, что данный период может проходить в определенных группах вуза на протяжении нескольких лет в ситуациях постоянного взаимодействия и развития. При этом полагаем, что студенчество – это и важнейший возрастной период самоактуализации, преодоления возрастного кризиса, рефлексии сущности и содержания мотивов.

В своем анализе следуем возрастной периодизации психолога Э. Эриксона, которую пронизывает новообразование личности, связанное с идентификацией. Как отмечает Э. Эриксон: «Ведь мы имеем дело с процессом, "локализованным" в ядре индивидуальной, но также и общественной культуры, с процессом, который в действительности устанавливает идентичность этих двух идентичностей» [7, с. 31], в результате которого происходит достижение определенного уровня психологической зрелости и социальных требований. Студенты преодолевают в зависимости от возраста (17–19; 20–25 лет) соответствующий кризис идентичности в психосоциальном развитии, если же не преодолевают, то оказываются в состоянии «психического моратория». Э. Эриксон отмечает, что появляются как позитивные, так и негативные последствия: «При удачном протекании кризиса подросткового возраста у юношей и девушек формируется чувство идентичности, при неблагоприятном – спутанная идентичность, сопряженная с мучительными сомнениями относительно себя, своего места в группе, в обществе, с неясностью жизненной перспективы» [7, с. 15].

Так, возрастные особенности связаны с когнитивными, эмотивными, поведенческими и рефлексивными компонентами.

Вторым этапом реализации технологии педагогического взаимодействия является знакомство с особенностями педагогического взаимодействия волонтеров в виде проектирования или проигрывания коммуникативных ситуаций.

Социально-педагогические проекты имеют прикладной характер. Поскольку в них решаются проблемы, которые связаны с поиском наиболее эффективных путей решения проблем, существующих в социальной сфере, в том числе в системе образования. По срокам выполнения они могут быть: краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные. Так, информационный проект, имея цель ознакомить студентов с нормативно-правовой базой и ценностями, преобладающими в тот или иной период развития волонтерской деятельности, способствует развитию когнитивного компонента.

При проигрывании коммуникативной ситуации нужно учитывать, что «никогда речевое общение не может быть понято и объяснено вне связи с конкретной ситуацией» [2, с. 74]. В соответствии с этим выделяется «коммуникативная ситуация» [1, с. 50], параметрами, которой являются: предметная среда, и участники общения, и их личностные и социально-статусные характеристики, и предмет речи, и текст как средство и результат коммуникации» [1, с. 52]. Технология педагогического взаимодействия позволяет посредством характеристики тактик, проигрывая коммуникативную ситуацию, выявить в ней недопонимания или непонимания участников диалога, неадекватного ролевого поведения одного из них, нарушения социальных, культурных и групповых норм.

На этом этапе реализуется основной обучающий компонент, когда целесообразно получение новых знаний и опыта.

Описывая формы взаимодействия, преподаватели проводят первичную диагностику компетентности волонтера, когда студенты участвуют в добровольческой акции. В нашем исследовании это и неоднозначное понимание студентами сущности и содержания волонтерской деятельности как способа самоактуализации, и выявление реального уровня

ориентированности в ценностях волонтерской деятельности, и коммуникативных неудач.

Результатом реализации технологии педагогического взаимодействия является ответственное поведение студентов, участвующих в волонтерской деятельности, кураторское наблюдение и помощь, а также информированность на протяжении всего периода обучения и приобретения практического опыта в целевых аудиториях. Студент, прошедший обучение, становится более организован, у него появляется желание профессионально совершенствоваться.

Таким образом, заканчивая анализ проблем реализации технологии педагогического взаимодействия среди студентов-волонтеров, мы определяем ее возможности относительно воспитания, в том числе и развития личности студента в осмыслении себя и ценностей волонтерской деятельности как способа самоактуализации во все более гуманизирующемся и демократизирующемся обществе. Это возможность повысить мотивацию студентов и в процессе обучения, расширить потенциальные возможности обучающихся, применить на практике учебный материал при решении социальных задач.

Список литературы

1. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика [текст] / И. Н. Борисова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 408 с.
2. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка [текст] / В. Н. Волошинов. – Москва : Лабиринт, 1993. – 188 с.
3. Психологический словарь [текст] / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Политиздат. – 494 с.
4. Гарант : справочно-правовая система. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru> (20.03.2015).

5. Словарь-справочник по педагогике [текст] / авт.-сост. В. А. Мижериков ; под общ. ред. И. А. Пидкасистого. – Москва : Сфера, 2004. – 448 с.
6. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. N 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (с изменениями и дополнениями). – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/104232/> (21.02.2015).
7. Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис., пер. с англ. [текст] / Э. Эриксон. – Москва : Прогресс, 1996. – 344 с.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО МЕГАПОЛИСА К ПРОТЕСТАНТИЗМУ

Грунт Е.В.

*Доктор философских наук, профессор кафедры прикладной социологии
Уральский Федеральный университет им. Первого президента России*

Б.Н. Ельцина

Екатеринбург

Helengrunt2002@yandex.ru

Худякова К. С.

FACTORS OF FORMATION OF URAL'S METROPOLIS PUBLIC ATTITUDES TO PROTESTANTISM

Grunt E.

*Doctor of Philosophy , Professor, Department of Applied Sociology Ural Federal
University . First President of Russia BN Yeltsin Ekaterinburg*

Helengrunt2002@yandex.ru

Khudyakova K.

АННОТАЦИЯ

В статье дается анализ влияния объективных и субъективных факторов на формирование отношения населения уральского мегаполиса к протестантизму. Исследование показало, что у большинства жителей уральского мегаполиса отношение к протестантизму отрицательное, хотя большинство из них имеет знакомых или друзей среди адептов этой религии. Причинами этого являются как сама церковь (упрощенность обрядов, библии, убранство церкви), так и личностные качества прихожан (отказ от общественной работы, благотворительности, отсутствие гражданской позиции). Отношение жителей уральского мегаполиса к православию является в некоторой степени формализованным. Это скорее, - часть

государственной идеологии или часть истории, но не образ жизни или личная позиция. Авторами статьи делается вывод о том, что ведущими объективными факторами, влияющими на отношение респондентов к протестантизму, являются ценности протестантизма, деятельность протестантов, ведущим субъективным фактором – личный опыт взаимодействия с протестантами.

ABSTRACT

This article considers the influence of objective and subjective factors on the Ural's metropolis citizens' attitudes to Protestantism. The research shows that the majority of respondents have negative attitude to Protestantism in spite of the fact that most of them has friends among protestants. There are some reasons of it. They are: simplification of the rites, the Bible, the decoration of the church, some personal characteristics of believers. The attitude of residents of the Ural metropolis to Orthodoxy is somewhat formalized. It is rather a part of the state ideology or a part of the story, but not a way of life or a personal position. The authors concludes that the major objective factors influencing the respondents' attitude towards Protestantism, are the values of Protestantism, the activities of protestants, leading subjective factors are the personal experience of interaction with the Protestants.

Ключевые слова: протестантизм, жители уральского мегаполиса, отношение, фактор, ценности протестантизма, деятельность протестантов, личный опыт взаимодействия с протестантами.

Key words: Protestantism, Ural's metropolis citizens, attitude, factor, values of Protestantism, protestant's activity, personal experience of interaction with protestants

Спектр социологических проблем религиозной жизни общества и личности разнообразен и широк. Эти проблемы представляют интерес для верующих и неверующих, для светских ученых-гуманитариев и теологов. Они образуют междисциплинарное проблемное пространство, внутри

которого существуют и соприкасаются между собой не только социологические, но и социально-богословские вопросы.

В отдельные исторические моменты религия выступает как важный фактор, как мощная социальная сила, инициирующая существенные социальные сдвиги и перемены в российском обществе. Так возникает пространство, где религиозность трансформируется в социальность, воплощается в ее массовые и индивидуальные формы. Это пространство и составляет один из тех проблемных ареалов, который может исследовать социология. П. Бурдьё, исследовавший проблему религиозных воззрений самих социологов, утверждает, что религия представляет собой универсум веры. При этом для социологии сама вера выступает как проблема, требующая осмысления [1]. Одной из важных и малоизученных тем в российской социологии является проблема протестантизма и отношение к нему россиян в «православной стране», а также факторы, влияющие на формирование этого отношения. Отношение к тем или иным религиозным учениям, складывается под воздействием различных факторов. Под факторами мы понимаем условия, которые воздействуют на тот или иной процесс и определяют характер анализируемого явления в целом и его отдельные черты.

Зачастую, важнейшим фактором оказывающим влияние, становится среда, в которой живет индивид. Он перенимает те стереотипы и традиции, которые получили широкое представление в обществе и, опираясь на них, выстраивает свое собственное религиозное или не религиозное видение мира. Россия помнит разные этапы, когда религиозная сторона общественной жизни претерпевала множество изменений. Религия в условиях социализма находилась в состоянии глубокого кризиса. Во времена СССР авторитет верующих священнослужителей был подорван, произошел отказ от многовековых традиций, которые основывались на религиозном видении мира. Кризис религии проявляется не только в утрате ею былого места и функций в обществе. Под влиянием социального и научно-технического

прогресса произошло постепенное усвоение верующими научных взглядов на природу, общество и человека. После распада СССР наступил период возрождения религиозных традиций. Наряду с возрождением ортодоксального православия, пришла волна новых религиозных течений, некоторые из которых, ранее не имели широкого распространения в России [2, с.4]. Изучая протестантизм и отношение к нему, мы хотели понять, какие именно факторы оказывают влияние на ту или иную точку зрения людей в адрес протестантских церквей. Бытует мнение, что Россия исконно православная страна и религиозные конфессии, основанные на западных ценностях и приоритетах, никогда не приживутся в обществе. Отчасти, это мнение подтверждается на официальном уровне. Доминирующей и привилегированной церковью в России остается церковь православная.

В исследовании нами выделены две группы факторов - субъективные и объективные, которые влияют на отношение горожан к протестантизму. Объективные факторы - ценности протестантизма, СМИ, семья, религия (принадлежность \ отсутствие принадлежности к какой-либо религиозной конфессии), отношение к православию. К субъективным факторам относится личный опыт взаимодействия с протестантами.

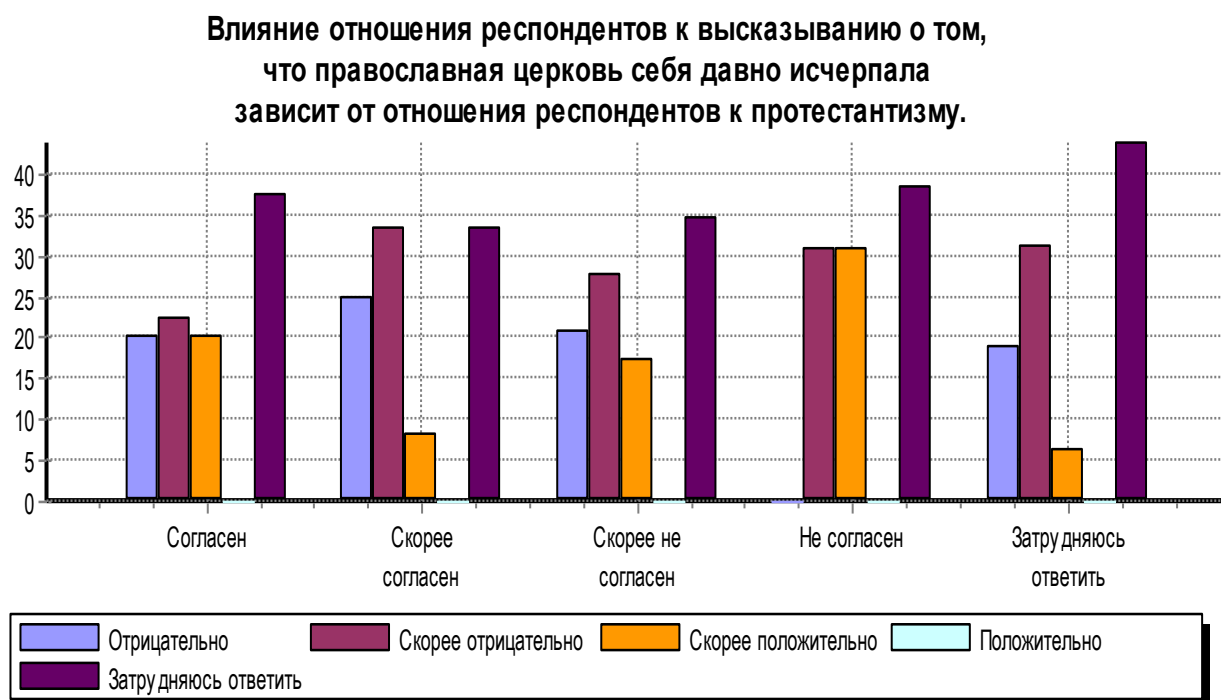
Исследование проведено авторами в 2014 году в г. Екатеринбурге. Екатеринбург - типичный российский мегаполис, является российским культурным, промышленным, научным центром, расположенным на Среднем Урале, между Европой и Азией, и имеет все типичные для России протестантские общины (42) [3]. Таким образом, выборка является репрезентативной практически для всей России.

Рассмотрим каждый из этих факторов.

Что касается такого фактора, как отношение к православию, то, прежде всего, для русского человека ближе и понятнее Православие. Как мы уже отмечали ранее, в сознании нашего народа во все века существования страны имелась самая тесная связь между Православием и национальной идентичностью. Православие идентифицируется с национальным образом

жизни, выступает символом национального своеобразия, тем стержнем, который связывает воедино сегодняшнюю Россию с ее тысячелетней историей. Первый свой опыт взаимодействия с православием человек получает зачастую в бессознательном возрасте. Это связано с традицией крестить детей в младенчестве. Давно уже привычным фактом стало сотрудничество Церкви и государственных структур. Их взаимодействие оказывается востребованным при решении многих социальных проблем, в частности, в вопросах нравственного и патриотического воспитания, благотворительности и др. Из этого следует, что любое мнение в отношении других конфессий, в первую очередь, формируется через призму отношения к православию. Мы склонны полагать, что удовлетворение православной идеологией способно сказаться на негативном отношении к протестантизму в равной степени, как и разочарование в православии способно привести человека к поиску новой альтернативы, которая имеется у протестантизма. Обратимся к графику 1, и рассмотрим полученные данные.

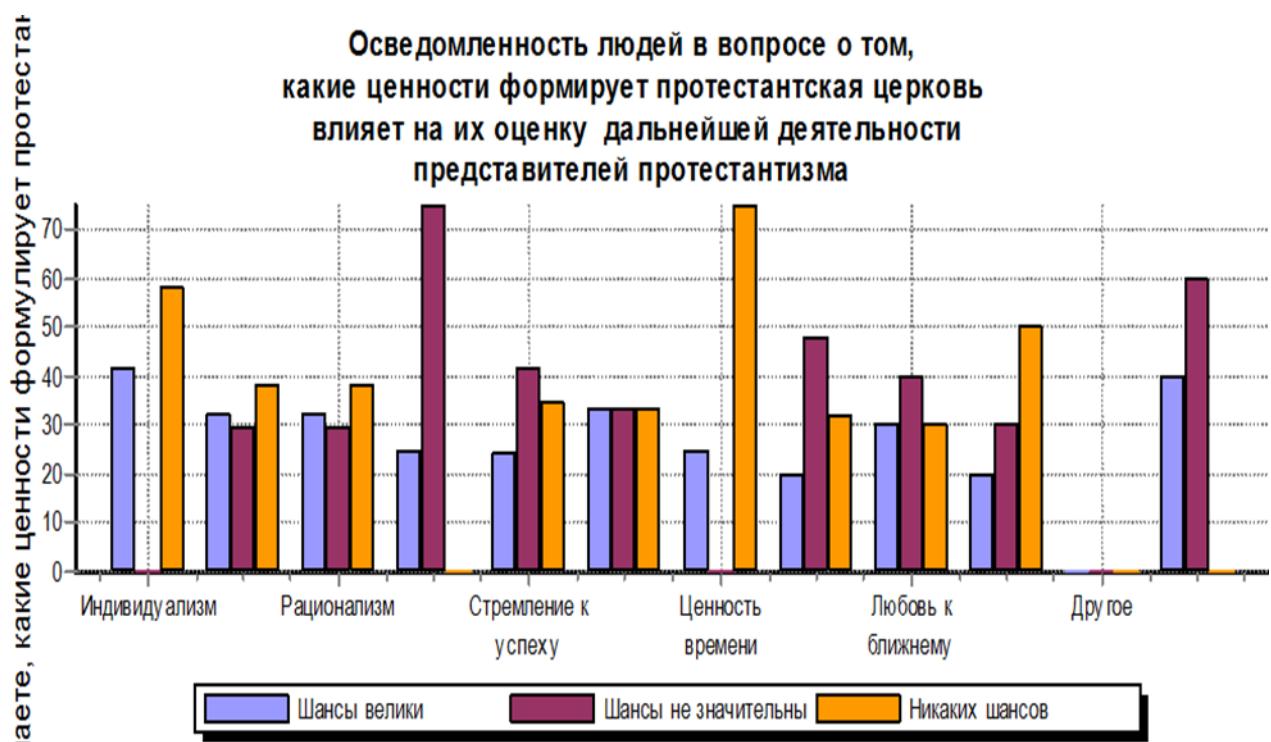
График 1. Влияние отношения респондентов к высказыванию о православной церкви на их отношение к протестантизму.

Данные исследования показывают, что мнение респондентов в отношении православной церкви, не влияет на положительное отношение к протестантизму. В группах с любым мнением в адрес православия, большая часть респондентов относится к протестантизму с недоверием или негативом. Самый большой процент скорее положительно настроенных горожан нашелся в группе «не согласен» - 30,8 %. Однако, стоит обратить внимание и на группу тех респондентов, кто затруднился дать ответ в обоих случаях. Исследование показало, что те респонденты, кто затрудняется охарактеризовать свое отношение к протестантам, так же не смогли дать оценку и православию. Вероятно, в данном случае, люди и вовсе равнодушны к любым религиозным конфессиям, а потому не могут иметь четкой позиции. Можно сделать вывод и о том, что разочарование в православии в некоторой степени повлияло на общее представление о христианстве. Так же, люди негативно относятся к протестантизму в силу сложившихся стереотипов. Те респонденты, которые настроены более или менее положительно, так же признают влияние православия. Это может означать, что эти люди признают любые проявления христианства в целом и поддерживают право выбора каждого человека религиозного вероисповедания. Таким образом, можно сделать вывод о том, что отношение к православию неоднозначно влияет на формирование отношения горожан к протестантизму, скорее оно не оказывает существенного влияния.

Важным фактором, влияющим на отношение жителей мегаполиса к протестантизму, являются ценности протестантизма (См. График 2).

График 2. Влияние ценностей протестантизма на отношение к нему жителей мегаполиса

Исследование показало, что самый большой процент среди тех респондентов, кто считает, что у протестантской деятельности большие шансы добиться авторитета в обществе, встречается в группе тех, кто считает, что протестантизм формирует такие ценности, как индивидуализм - 41,7% и трудолюбие, - 33,3%. Вероятно, это связано с тем, что в современном обществе культивируется образ успешного человека и того, который стремится сделать карьеру. Людям импонирует то обстоятельство, что религиозность верующих протестантов не препятствует их карьере. Карьера тоже рассматривается как важная ценность. Горожане, которые сочли, что шансы не значительные чаще всего встречаются в группах, где ценятся «иррационализм» и «стремление к независимости» (75,0% и 48%, соответственно). Среди тех, кто не совсем положительно относится к протестантизму, самый большой процент встречается в группах респондентов, отрицающих ценности «индивидуализм» и «ценность времени». Возможно потому, что эти ценности показались респондентам поверхностными, препятствующими глубинному изучению религии. Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство респондентов не

принимает ценности протестантизма, что негативно сказывается на отношении к нему.

Что касается фактора семьи, то он, тоже негативно влияет на отношение респондентов к протестантизму. Это связано с тем, что большинство семей являются не религиозными (до 90,0 % респондентов живут в нерелигиозных семьях, либо воспитывались в них).

Если говорить о влиянии СМИ на формирование отношения респондентов к протестантизму, то фактически он не оказывает никакого влияния. Вместе с тем, исследование показало, что 34,0% опрошенных узнало о существовании протестантизма из СМИ. Российские СМИ уделяют огромное внимание православию как официальной религии в стране. Передач, посвященных протестантизму, мы не видим ни на российском телевидении, ни в прессе, ни на радио.

Фактор образования также не влияет на формирование отношения респондентов к протестантизму. Исследование показало, что уровень образования респондентов никаким образом не отражается на формировании их отношения к данной конфессии. На наш взгляд, это связано с тем, что ни в средней школе, ни в колледже, ни в вузе (если человек не обучается на гуманитарном факультете) нет предмета истории религии или религоведения, где бы изучалась бы религия в целом, и протестантизм, в частности. Были попытки в отечественном школьном образовании ввести предмет, посвященный изучению православной религии. Однако мы полагаем, что в многоконфессиональной стране это было бы не справедливо, ибо это ущемляло бы права адептов других религий, например, ислама, протестантизма и пр.

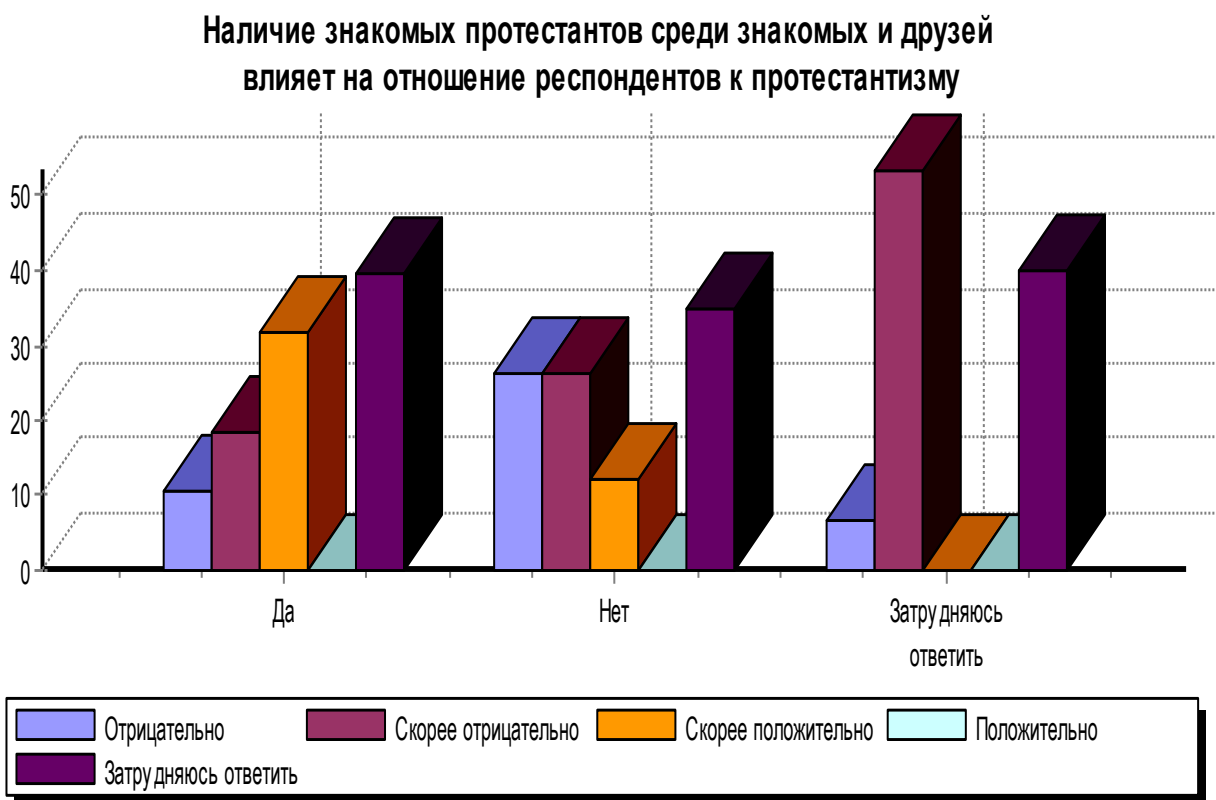
Проанализировав влияние объективных факторов, перейдем к рассмотрению субъективных. Как мы отмечали выше, важным субъективным фактором является личный опыт взаимодействия с протестантами.

Как известно, каждый человек погружен в систему взаимоотношений с другими индивидами, поэтому круг общения каждого

человека способен стать существенным фактором в формировании его собственных религиозных убеждений и отношения к другим религиозным течениям. Наличие положительного опыта общения с представителями других вероисповеданий, может послужить формированию устойчивого стереотипа о тех или иных религиозных течениях.

Мы предположили, что наличие среди горожан знакомых протестантов, может оказаться негативным или положительным аргументом в пользу одобрительного отношения к протестантизму в целом (См. график 3).

График 3. Влияние наличия знакомых протестантов на отношение жителей мегаполиса к протестантизму в целом.

Исследование зафиксировало, что среди респондентов, самый большой процент негативно настроенных наблюдается в группе людей, у кого среди знакомых и друзей нет представителей протестантизма (26,3 %). Так же, скорее негативно настроенные состоят в группе тех, кто затрудняются ответить на вопрос «есть ли у вас знакомые протестанты» (53,3 %). Это можно объяснить тем, что они не знают о религиозных убеждениях своих

знакомых, а потому не имеют положительного представления о протестантах. Самый большой процент среди тех, кто настроен скорее положительно, наблюдается в группе людей, у кого есть знакомые протестанты (31,6 %).

Говоря о взаимодействии респондентов с представителями протестантизма, мы понимаем, что способы религиозной пропаганды являются достаточно щепетильным моментом. Для каждого человека вопрос веры и индивидуальных ценностей является достаточно личным, интимным. А потому, характер тех методов, к которым прибегают верующие, чтобы рассказать о своей идеологии иной раз становится решающим в привлечении новых адептов. Некоторые из таких способов агитации бывают агрессивными или навязчивыми, что способно культивировать в сознании людей негативное или раздражительное ощущение, связанное с церковью и любой формой проявления религиозности. Мы предположили, что и в нашем исследовании, данный аспект мог стать важным фактором формирования отношения горожан к протестантизму. (См. график 4).

График 4. Влияние источников информации о протестантизме на отношение жителей мегаполиса к нему.

Исследование показало, что самый большой процент респондентов, кто относится к протестантизму отрицательно и скорее положительно, присутствовали на церковных собраниях лично. Отрицательное отношение высказало 36,4% опрошенных, скорее положительное - 22,7%. Отсюда можно сделать вывод о том, что впечатление от личного участия и взаимодействия с протестантами является самым сильным субъективным фактором. Только присутствуя на собрании, оценив атмосферу, царящую внутри, можно объективно оценивать деятельность той или иной религиозной организации. Также, люди, которые имеют скорее отрицательное отношение, чаще всего встречаются в группах, в которых обсуждаются брошюры и специальная литература (26,7% и 32,3%, соответственно). Мы можем предположить, что бумажные носители информации о протестантизме (источники), которые распространяются самими протестантами, раздражают или вызывают недоверие у горожан. Вполне вероятно, что у некоторых людей нет времени или желания читать данную литературу, а потому они заведомо относятся к протестантам негативно. К тому же, каждый третий респондент указал на навязчивые методы приглашения их на собрания, мероприятия, которые проводит протестантская церковь. Исследование показало, что данное отношение является универсальным.

В ходе нашего исследования, мы предлагали жителям мегаполиса представить ситуацию, в которой протестантские религиозные деятели начали бы вести более активную общественную жизнь: стали принимать участие в городских проектах, оказали поддержку депутатам на выборах, стали организаторами или участниками митингов. Далее респонденты должны были предположить, каковы шансы у протестантов на успех (См. график 5). Мы получили следующую картину. Исследование показало, что лидирует мнение о том, что у протестантов шансов нет. Так считает

36,4% опрошенных. Мнения о том, что шансы велики придерживаются 32,7% опрошенных. 30,9% респондентов сочли, что шансы незначительны.

Исследование показало, что часть респондентов (около 40,0% опрошенных) не устраивает взаимодействие с протестантами. Эти респонденты считают их слишком замкнутыми, молчаливыми, с плохими коммуникативными способностями. Каждый пятый респондент высказал мнение о том, что протестанты всегда находятся « в себе», «вне общества», что уводит их от реальной жизни. Понятно, что, когда человек не идет на контакт с окружающими, то фактически отсутствует любое взаимодействие.

График 5. Оценка жителями мегаполиса будущего протестантизма в случае их активного участия в общественной жизни.

Таким образом, исследование зафиксировало незначительные шансы протестантской церкви по продвижению своего учения среди жителей уральского мегаполиса. Анализ данных исследования показал, что личный опыт взаимодействия респондентов с протестантами является важным фактором, который негативно влияет на отношение респондентов к протестантизму.

Проведенное эмпирическое исследование позволило сделать следующие выводы.

Отношение к протестантизму у большинства жителей уральского мегаполиса отрицательное, хотя большинство из них имеет знакомых или друзей среди адептов этой религии.

Причинами этого являются как сама церковь (упрощенность обрядов, библии, убранство церкви), так и личностные качества прихожан (отказ от общественной работы, благотворительности, отсутствие гражданской позиции).

Отношение жителей уральского мегаполиса к православию является в некоторой степени формализованным. Это скорее, часть государственной идеологии или часть истории, но не образ жизни или личная позиция.

Ведущими объективными факторами, влияющими на отношение респондентов к протестантизму, являются ценности протестантизма, деятельность протестантов, ведущим субъективным фактором – личный опыт взаимодействия с протестантами.

Список литературы

1. Доклад французского социолога Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu; 1930–2002), который был прочитан в декабре 1982 года в Париже, на Конгрессе Французской ассоциации социологии религии. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/3049> (дата обращения 05.06.15)
2. Социальная позиция протестантских церквей России. М., 2003, с.4
3. Христианская афиша Екатеринбурга. URL: <http://ekaterinburg.drevolife.ru/karta/sverdlovskaya/ekaterinburg/> (дата обращения - 07.06.15)

**СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ЯВЛЕНИЯ**

Д.В. Гуськов

*аспирант, Уральский Федеральный Университет,
Екатеринбург, РФ*

**SOCIAL TECHNOLOGIES AND THE FACTORS THAT
INFLUENCING TO THE SPREAD OF EXTREMISM AS A SOCIAL AND
CULTURAL PHENOMENON**

D.V. Duskov

*postgraduate student, Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia*

АННОТАЦИЯ

В статье автор рассматривает особенности социальных технологий, управляющих факторами, влияющими на возникновение и распространение экстремизма как социокультурного явления.

ABSTRACT

In article the author considers the peculiarities of social technologies that manage the factors influencing the emergence and spread of extremism as a social and cultural phenomenon.

Ключевые слова: экстремизм, социокультурный, социальная технология, факторы, влияние.

Keywords: extremism, socio-cultural, social technology, factors, influence.

Используя социологическое понимание явления экстремизма, можно увидеть, что часто экстремизм является не причиной, а следствием определенных социальных процессов в традиционной социокультурной среде. В итоге, получается, что экстремизм также может являться закономерной реакцией определенных социальных групп на ситуацию их

отстранения от традиционных форм социального бытия, возникающую в моменты различных преобразований реформ, революций или кризисов.

Полагается, что при этом проявляются три основных элемента экстремизма, а именно:

- экстремистская идеология, являющаяся базисом экстремизма;
- экстремистская деятельность, являющаяся осуществлением, воплощением в жизнь экстремистской идеологии;
- экстремистская организация, являющаяся формой социальной организации экстремистской деятельности. [4, с. 13]

Но немаловажным здесь будет упомянуть, что указанные элементы экстремизма оцениваются относительно господствующих («легитимных») норм, по отношению к которым они являются экстремистскими.

В связи с этим, в рамках социального подхода экстремизм рассматривается как особое социальное явление, непосредственно ориентированное на массового человека и массовое сознание, существует в качестве социальной институционализации особого экстремистского уклада, противостоящего общепринятому укладу умеренного типа. [3, с. 305 - 307] Ведь если есть так называемые «умеренные нормы», то значит, обязательно существует и их экстремальное отражение, выражающееся в проявлениях «экстремального типа» - проявлениях экстремизма. При этом на процесс взаимодействия нормы и экстремизма влияют факторы двух типов:

- факторы естественного происхождения;
- факторы искусственного происхождения.

Факторы естественного происхождения имеют природную основу и связаны в естественной сменой норм и ценностей в рамках динамики социокультурного пространства, его эволюции как естественного результата человеческого и социального прогресса.

Факторы искусственного происхождения специально конструируются с целью управления сменой норм и ценностей в рамках динамики социокультурного пространства в той или иной социальной общности, для её

прогресса, изменения, подчинения, уничтожения и т.д., то есть с целью контроля и управления.

В настоящее время можно искусственно создать определенные условия, при которых распределение типов взаимодействий норм и экстремизма будет изменяться.

Для этого существуют различные социальные технологии, влияющие на социокультурное пространство конкретной социальной группы, а также на соотношение типов взаимодействия нормы и экстремизма в указанной социальной группе.

1. Социальная технология «Окно Овертона»

«Окно Овертона» — социально-политическая теория, которая описывает как «окно» границы идей, которые могут быть приняты обществом. Согласно этой теории, политическая или социальная жизнеспособность какой-либо идеи зависит в основном от того, попадает ли она в «окно». В любой конкретный момент, «окно» включает в себя область политических и социокультурных идей, которые можно считать приемлемыми в текущем состоянии общественного мнения, взгляды, которых политик или общественный деятель может придерживаться без опасений быть обвиненным в излишнем радикализме или экстремизме. Сдвиг окна, при котором становятся возможными те или иные политические действия, происходит не тогда, когда идеи изменяются среди политиков, но тогда, когда они изменяются в обществе, которое голосует за этих политиков.

[6]

Указанная социальная технология позволяет осуществлять подмену господствующих норм и ценностей у большинства индивидуумов в рамках определенной социальной группы, что в итоге ведет к координальной смене господствующих норм, убеждений, традиций, верований и т.д. Указанная технология постепенно переводит ситуацию в определенном социокультурном пространстве от господства нормы взаимоотношения нормы и экстремизма до признания экстремизма наравне с нормой или в

качестве нормы, когда осуществляется координальная подмена господствующих норм и ценностей на абсолютно противоположные, экстремистские.

В рамках управления социальной системой указанная социальная технология позволяет подменять господствующие нормы и правила в рамках определенной социальной группы, посредством чего осуществлять управление указанной социальной группой. Применяется обычно в политической жизни общества.

2. Социальная технология «Радикальная толерантность» или теория навязанной толерантности.

Данная теория возникла в англо-американской социальной практике, её суть заключается в том, что толерантность в собственном смысле требуется только по отношению к тому, к чему вообще нельзя относиться терпимо. [5]

Социальная технология, основанная на данной теории, обязывает представителей «большинства», придерживающихся господствующих в конкретной социальной группе норм и правил, быть толерантным, то есть терпимым к тем нормам и правилам, которые являются экстремистскими по отношению к господствующим в данной группе нормам и правилам. В итоге через «толерантных» представителей «большинства» господствующие нормы и правила теряют наиважнейшую функцию - нормативно-охранительную, что естественно приводит к смене господствующих норм и правил. В начале процесса в рамках конкретной социокультурной общности по средствам навязывания радикальной толерантности начинается процесс от господства нормы взаимоотношения нормы и экстремизма до признания экстремизма наравне с нормой или в качестве нормы (при негативном развитии событий).

3. Создание социальных мифов или социальное мифотворчество.

Данная социальная технология подразумевает целенаправленное создание социальных мифов для внедрения их в массовое сознание через насаждение массовой культуры. При помощи внедренных социальных мифов, которые воспринимаются как «общеизвестные факты» в массовом

сознании, достигается мифологизация ключевых социокультурных ориентиров.

Например, «либерализм – это всегда хорошо, а национализм – это всегда плохо» или «толерантность сохраняет культуру, а экстремизм разрушает культуру». При этом индивидуум даже не стремится проанализировать и понять, что «хорошо», а что «плохо» в данных феноменах, и что указанные явления достаточно нейтральны сами по себе как концепции взаимодействия господствующих норм и правил с явлением экстремизма как социокультурного явления. Если его сознание мифологизировано то он принимает свойства социальных и культурных явлений как бы «на веру», что так и должно быть.

При помощи целенаправленной мифологизации массового можно управлять процессом смены норм через изменение соотношения типов взаимодействия экстремизма и нормы. Мифологическое сознание – специфическая форма общественного сознания, которая продолжает существовать и на современном этапе развития человечества. Современный человек воспринимает миф как повествование, совокупность фантастически изображающих действительность идей. [2, с. 8]

Так, например, в основу всех преобразований в российском, в советском обществе было положено утопическое и мифическое сознание. Они (мифы) прекрасно воспринимаются так называемым обыденным сознанием и поэтому всегда в почете у людей из властных структур. [1, с. 242]

Указанные факторы и социальные технологии изменяют картину взаимодействия экстремизма, тем самым позволяя сменить господствующие нормы и правила на другие, чуждые, агрессивные по отношению к господствующим нормам, или существовать параллельно агрессивным по отношению друг к другу различным нормам и правилам в рамках единого социокультурного пространства.

Посредством указанных манипуляций достигается возможность управлять теми или иными социальными процессами, конструировать новую социальную реальность.

Библиографический список:

1. Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика – М.: Издательство НОРМА, 2000. – 543 с.
2. Тощенко Ж.Т. Время мифов и пути их преодоления – М.: Издательство НОРМА, 2009 – 44 с.
3. Курбанов М.Г. Политический экстремизм и массовое сознание // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практич. конф. В 2 т. Т.1. / Под ред. А.-Н.З.Дибирова, М.Я.Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. – Махачкала: Лотос, 2008.
4. Яхьяев М. Экстремизм как особое состояние психики. Дагестанская правда, № 121, 25 апреля 2008.
5. Толерантность и ее границы: размышления по поводу современной англо-американской теории [электронный ресурс]Режим доступа: http://www.dv-reclama.ru/others/articles/tolerantnost/24785/teorii_tolerantnosti_sovremennaya_a_nglo_amerikanskaya_filosofiya_tolerantnost_ponyatie_i_granitsy/
6. The Overton window: a model of policy change [электронный ресурс]Режим доступа: <http://www.mackinac.org/12887>

КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Дайрабаева Г.Б.

*Канд. философских наук, доцент
каф. общественных наук МКТУ им. А.Ясави ЮКО,
г. Туркестан,
gulanda18@mail.ru*

KAZAKHSTAN MODEL OF CULTURAL IDENTITY IN THE GLOBALIZATION PROCESS

Dairabayeva

G.B.

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
kaf. obshchestvennyh nauk ICGS them. A.Yasavi YUKO,
city of Turkestan,
gulanda18@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются специфические черты казахстанской модели культурной идентичности, а также роль и значение этой проблемы в решении вопросов как национальной культуры в отдельной стране, так и мировой в целом.

ABSTRACT

The article deals with specific features of Kazakhstan's model of cultural identity, also the role and importance of the problem to the solution of problems as the national culture in a particular country and the world as a whole

Практика создания казахстанской идеологии национального строительства, опирающейся на собственную идентичность и национальные интересы, в современных условиях приобретает особую значимость. Это идеология нового казахстанского патриотизма, ставящая интересы каждого жителя республики на первое место, независимо от этнической

принадлежности и вероисповедания[1]. И поэтому на сегодняшний день одной из приоритетных социально-философских проблем является философское осмысление сущности национальной идеи, важной составляющей которой, на наш взгляд, является культурная идентичность.

Говоря о «культурной идентичности», надо иметь в виду три значения этого понятия:

Первое — особенность культуры данной страны (в нашем случае — Казахстана), выделенность этой культуры среди культур других стран и народов. Говоря иначе, это — идентичность культуры с самой собою на фоне меняющихся культурных ценностей в ее окружении.

Второе — идентичность индивида с той культурной традицией, к которой он принадлежит этнически, по своему рождению или выбору. Важно также подчеркнуть, что в этом случае возникает двойная проблема: индивид может утратить связь со своей этнической культурой, но не терять связь с той культурой, в которой рожден или которую выбрал как «свою». И наоборот.

Третье — соответствие жизнедеятельности индивида требованиям его творческого предназначения в мире, т.е. идентичность индивида с необходимостью и потребностью творения новых культурных ценностей.

Мы в нашей статье имеем в виду все три значения этого понятия, причем полагаем, что индивид, человек, первичен по сравнению с культурой и, следовательно, состояние культуры — ее стабильный либо кризисный характер — будет зависеть в конечном счете от состояния индивида, его культурной идентичности, а также от его отношения к своей идентичности и к своей культуре. Самосохранение в социокультурном мире — это, в первую очередь, реализация индивидуальной жизнедеятельности, а это в свою очередь, пересекается с зонами индивидуальной жизнедеятельности различных индивидов. Поэтому жизнедеятельность человека связана с удовлетворением определенных видов потребностей, играющих особо важную роль, в частности при самосохранении его этнической

принадлежности. Какие-либо формы игнорирования данного обстоятельства служат причиной появления конфликтогенности, готовой перерасти в открытый конфликт. Подтверждением тому служит то, что «поиск новой национальной идентичности, основывающейся на убеждении действительно необходимого сохранения культурных исторических традиций, зачастую стал грозить и, что очень пугает, приобретать формы крайнего национализма религиозного противопоставления, процессу формирования экстремистских религиозных группировок, приводящих к кровопролитным конфликтам» [2].

Поэтому поиск национальной идентичности должен осуществляться посредством обращения к базовым ценностям человеческого рода. Достичь этого можно только за счет отработки каждым способности идентифицировать себя с другим. В данном случае речь идет о том, чтобы каждый человек, способный идентифицировать себя с другим, мог превратить в важнейшее условие и средство мыслительной деятельности, облегчающее осознать и понять характер жизнедеятельности другого. Идентификация себя с другим поможет максимально приблизиться к ситуации, когда исключается возможность использования каждым из участников друг друга в качестве объекта для достижения любой своей потребности, интереса или цели. «Приобретение способностей к идентификации открывает широкие возможности для перехода человека из логики индивидуального в логику совместного сосуществования. И этот переход может осуществляться уже на стадии мышления, еще задолго до реализации предполагаемых идеальных вариантов на практике» [3].

Разворачивание идентификационных процессов сегодня проходит на фоне глобализации. Если в условиях эпохи модерна люди жили в замкнутом мире тех или иных обществ, объединений и национальных государств, то в условиях все более взаимосвязанного и взаимозависимого мира проблема идентичности от состояния «идентичности в себе» перешла в состояние «идентичности во вне», то есть к констатации проблемности, конфликтности и драматичности, происходящими на фоне процессов обмена труда и

товарами, информации и знания, в условиях коммуникации, встреч с другой культурой и повседневностью, конфликтов идеологий и неприятия одной конфессии другой. Мир в эпоху постиндустриализма и постмодернизма страдает от избытка насилия, недостаточного развития культуры, а также потери культурного наследия классической эпохи.

Европейский союз собирается внедрить интегральную модель идентичности - идентичность европейца. По мнению профессора Дублинского университета Р. Керни «быть европейцем значит осознавать «себя-как-другого» [4]. Размышления над проблемами, что «значит быть европейцем», что такое «нация», «национальность» вызывают острейшую проблему самоидентификации личности, являющуюся предметом рассуждений и ученых нашей республики.

Восточные мыслители также обращаются к теме диалога культур и развития культурной идентичности. Доктор философии С.М. Хатами в работе «Ислам, диалог и гражданское общество» поднимает проблему взаимодействия народов различных культур, поиска взаимопонимания культурной идентичности Востока и Запада. «Особенно важно, что идея диалога, принятая мировым сообществом, была выдвинута мусульманами. Мусульмане, призывающие к диалогу цивилизаций, сами являются носителями мощной цивилизации и богатой культуры» [5]. Диалог и коммуникация возможны только на основе принципа равенства народов и государств, уже согласие сторон на ведение диалога само по себе суть «огромное достижение человечества».

В сегодняшних условиях актуализируется задача подвергнуть тщательному глубокому и системному анализу все стороны и проявления глобализации как диалога национальных культур, а также ее восприятие и преломление в общественном сознании.

Как и многие явления общественной жизни казахстанская идентичность носит дуальный характер существования в проблемном поле определения в качестве азиатской модели или евразийской. В казахстанской

идентичности совмещаются как европейские, так и азиатские, вернее тюркско-исламские черты [6].

Европа пытается сегодня объединиться через создание мультикультурной идентичности, которая будет основываться на толерантности прежде всего к культурным меньшинствам. В современной ситуации становится очевидным, что антитеза «Восток - традиционное общество, Запад - современный мир» не служит основой разрешения многообразных проблем межкультурной коммуникации, которая на самом деле только и может проявляться на границах, посредством преодоления этих самых искусственных границ этнической самоидентификации, разности религиозных исканий и вековых традиций. Развитие западной и азиатской черт национальной культурной идентичности проходит в обстановке глобального, взаимозависимого мирового порядка, усилившейся роли Казахстана в Центрально-Азиатском регионе, в новой духовной ситуации нашего времени, в праве каждого индивида как гражданина своей страны быть ответственным в выборе гуманистических принципов развития общества, ценностей культуры [7].

Литература:

1. Послание Президента РК «Казахстанский путь -2050»: Единая цель, единые интересы, единое будущее», 17 января 2014г. http://www.akorda.kz/ru/page/page_kazakstanrespublikasynyn-prezidenti
2. Заборцева М. Национально-религиозные аспекты диалога цивилизаций. М., Мысль.2011.С.36
3. Шалабаева Г.К., Нарбекова Г.А., Сартаева Р.С. Культура Казахстана в мировом культурном пространстве. Алматы,2009
4. Кристева Ю. Чуждые самим себе: мечта об исключительности // Керни Ричард. Диалоги о Европе. М.: Весь мир, 2011.
5. Сейид Мухаммад Хатами. Диалог цивилизаций: путь к взаимопониманию. Алматы, 2010.

6. Мирзабекова А.Ш. Национальная идея и проблема культурной идентичности индивидов. Караганда 2012.

7. Костина А.В. Национально-культурная идентичность в ситуации диалога культур. Москва, 2014

ПРОФИЛАКТИКА БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Демкив, Е.Н.

студентка, направление «Социальная работа», УрФУ им. первого

Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург,

lena.demkiv@rambler.ru

Гоголева, Е.А.

ассистент кафедры социальной работы УрФУ им. первого

Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (РФ),

21120904@mail.ru

PREVENTION OF HOMELESSNESS AND NEGLECT OF MINORS IN MODERN RUSSIA

Demkiv, E.

student direction "Social Work", Ural Federal University. First President of

Russia BN Yeltsin, Yekaterinburg,

lena.demkiv@rambler.ru

Gogoleva, E.

Assistant of the Department of Social Work Ural Federal University. First

President of Russia BN Yeltsin, Yekaterinburg (Russian Federation)

21120904@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье обозначены результаты анализа литературы по проблеме профилактики беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, охарактеризованы виды профилактики. Также представлены основные результаты проведенного исследования на тему «Профилактика беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних».

ABSTRACT

The article outlines the results of the analysis of the literature on the problem of prevention of homeless and neglected minors, an outline of the types of

prevention. Also presents the main results of the study on "Prevention of homelessness and neglect of minors".

Ключевые слова || безнадзорные, беспризорные, профилактика, ранняя профилактика

Keywords || neglect, homelessness, prevent, early prevention

Несмотря на то, что Россия имеет опыт советского времени по преодолению беспризорности несовершеннолетних, в настоящее время отмечается тенденция распространения данного явления. На сегодняшний день сложно оценить масштабы проблемы по причине отсутствия официальных статистических данных о численности беспризорных детей. Поскольку в большинстве случаев уход ребенка из дома носит латентный характер, родители или законные представители не всегда обращаются в надлежащие органы. Также определение численного состава беспризорных несовершеннолетних затрудняется тем, что большинство детей имеют родителей, прописку, зарегистрированы в учебных заведениях.

В настоящее время проблема беспризорности несовершеннолетних является достаточно острой и значимой. Следует подчеркнуть, что последствия детской беспризорности и безнадзорности могут быть очень серьезными: распространение данного явления приводит к нестабильности в развитии государства и общества, а также наносит прямой вред здоровью, психическому и социальному развитию несовершеннолетнего. Поэтому одной из актуальных и значимых задач сегодня является поиск путей снижения роста детской беспризорности и повышение эффективности ее профилактики.

Обратимся к нормативно-правовому аспекту данной проблемы. Следует отметить, что в настоящее время в России основным нормативным документом по проблеме профилактики детской беспризорности и безнадзорности является Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» №120-ФЗ от 24 июня 1999 г. Данный закон устанавливает задачи по

профилактике безнадзорности, основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с деятельностью по профилактике безнадзорности. Также определяет органы и учреждения системы профилактики безнадзорности, формирует направления их деятельности.

Для начала следует обозначить понятие профилактики. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних - система социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении [1].

Исходя из данного определения, можно выявить несколько особенностей проведения профилактической работы с беспризорными несовершеннолетними: во-первых, профилактическая работа имеет комплексный характер и направлена на различные сферы жизнедеятельности беспризорных и безнадзорных, во-вторых, она направлена не только на самого несовершеннолетнего, но и на его ближайшее социальное окружение, а именно, его семью.

В социальной работе с беспризорными несовершеннолетними профилактика подразделяется на первичную и вторичную. Первичная профилактика направлена на устранение причин, по которым ребенок стал беспризорным. Вторичная профилактика главной целью ставит исключение возможности повторения попадания несовершеннолетнего в среду беспризорных детей.

Однако ряд исследователей выделяют такой вид профилактики безнадзорности несовершеннолетних как ранняя профилактика. Основная суть которой заключается в предупреждении факта отсутствия попечения, надзора или должного содержания со стороны родителей или законных представителей.

По вопросу о том, с чего должна начинаться ранняя профилактика беспризорности несовершеннолетних, существует два подхода. Согласно первому, основным направлением профилактической деятельности должна стать профилактика семейного неблагополучия, предупреждение самого факта отсутствия попечения, надзора и должного содержания со стороны родителей или законных представителей. Основываясь на втором подходе, можно сказать, что достаточно трудно отслеживать ситуацию в отдельных семьях, поскольку не только дети из семей группы риска, но и из благополучных семей по разным причинам оказываются на улице. Поэтому в качестве первоочередной выделяется профилактика в образовательных учреждениях: выявление и учет детей, не посещающих или систематически пропускающих по неуважительным причинам занятия и формирование банка данных таких детей, что впоследствии позволит проводить в отношении этих детей и их семьи профилактическую работу.

Социальная профилактика играет важную роль в работе с беспризорными детьми. Как отмечает А. А. Беженцев, профилактика для данной категорией детей должна быть связана с избавлением от причин и факторов, способствующих попаданию в среду беспризорных для того, чтобы после проведения профилактической и реабилитационной работы не было повторного случая ухода ребенка на улицу [2, с. 50]. Такая профилактика должна осуществляться не только с беспризорным, но и с его семьей и ближайшим окружением.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что профилактика беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних должна носить комплексный характер, который заключается, во-первых, в том, что помимо мер социальной и правовой защиты необходимы меры психологической, социально-педиатрической помощи и реабилитации. Во-вторых, при решении проблемы должны быть задействованы не только государственные органы и учреждения, но и общественные, благотворительные организации для защиты детства.

Для формирования полного представления о том, что такое профилактика детской беспризорности и безнадзорности, в какой форме она осуществляется различными субъектами профилактики, какие трудности возникают при этом, необходимо обратиться к практическому опыту проведения профилактической работы с несовершеннолетними.

В марте-апреле 2015 года в городе Екатеринбурге было проведено исследование на тему «Профилактика беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних» в виде полужурналистского интервью со специалистами, занимающимися профилактической деятельностью.

В ходе исследования информантами выступили специалисты социальной сферы и сферы образования, осуществляющие работу по профилактике беспризорности и безнадзорности детей и подростков. Были выбраны представители субъектов профилактики именно из этих сфер по причине того, что они являются ключевыми, основополагающими в ранней профилактике беспризорности и безнадзорности, призваны выявить категории, с которыми необходимо вести профилактическую работу и заранее предотвратить риск ухудшения состояния несовершеннолетнего.

При работе специалисты определяют несколько типов семей, нуждающихся в оказании помощи. К первому типу относятся семьи, где уже имеются случаи ухода ребенка из дома. Чаще всего в эту группу входят семьи с девиантным типом поведения, опекунские и малообеспеченные семьи. Для детей характерны отсутствие ответственности, узкий кругозор, у всех отмечается педагогическая запущенность. Профилактика в данном случае осуществляется после проведенной реабилитационной работы. Семья ставится на учет в социальное учреждение и находится на сопровождении. С определенной периодичностью в отношении нее осуществляется патронаж в целях предотвращения повторного попадания ребенка в реабилитационный центр.

Ко второму типу семей относятся семьи группы риска, чаще всего это семьи, попавшие в трудную жизненную ситуацию, находящихся в социально

опасном положении и нуждающихся в патронаже, социальной защите и поддержке. Именно с данным типом семей ранняя профилактика является активно применяемой технологией. Выявление семей осуществляется путем самообращения в учреждения социальной сферы или по направлению органов системы профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних.

Если говорить о социальном портрете таких семей, то чаще всего оба родителя (или один из родителей) не имеют постоянного места работы, не состоят на учете в Центре занятости населения, злоупотребляют спиртными напитками; наблюдается педагогическая несостоятельность родителей, отсутствие должного медицинского наблюдения за несовершеннолетним, отсутствие контроля за посещением ребенком образовательного учреждения, нежелание брать на себя ответственность за содержание, воспитание, обучение ребенка.

К ведущим формам профилактической работы с такими семьями относятся осуществление социального сопровождения, патронаж семей, консультирование по правовым, психологическим вопросам, помощь в оформлении документов, поиске работы, помощь в определении детей в детский сад, в организации досуга несовершеннолетних. Все это способствует недопущению ухудшения состояния несовершеннолетнего, нормализации детско-родительских отношений и обстановке внутри семьи.

Проанализировав практический опыт профилактики беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, можно выявить несколько особенностей. Во-первых, важной тенденцией в проведении профилактической работы является ее направленность, как на несовершеннолетних, так и на их семьи, а также многообразие форм ее проведения, адекватных различным категориям населения.

Во-вторых, изучив полномочия и порядок взаимодействия субъектов профилактики детской беспризорности и безнадзорности, следует обозначить, что механизм проведения профилактики различными субъектами

достаточно скоординирован. В осуществлении профилактики участвуют все субъекты, определенные законодательством, взаимодействуя друг с другом.

В-третьих, необходимо отметить, что существует достаточно развитая система учреждений, занимающихся профилактикой. Сферы деятельности этих учреждений разнообразны и направлены на различные стороны жизни несовершеннолетних и их семей. Одни направлены на проведение первичной профилактики, другие осуществляют вторичную профилактику.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что все вышеперечисленные особенности проведения профилактики беспризорности и безнадзорности направлены на повышение ее эффективности.

В заключение можно сказать, что профилактика безнадзорности и беспризорности отражает одну из тревожных проблем современного общества, от своевременного решения которой во многом зависит будущее несовершеннолетних детей и стабильное развитие общества. Важно отметить, что сократить численность беспризорных несовершеннолетних до единиц практически невозможно, но снизить уровень распространения беспризорных детей реально, путем проведения эффективной профилактической деятельности.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» №120-ФЗ от 24.06.1999 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.garant.ru/12116087/1/#block_100
2. Беженцев А. А. Проблемы предупреждения беспризорности, бродяжничества, попрошайничества несовершеннолетних и пути их решения / А. А. Беженцев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. - №3. – С. 49-56.
3. Васильева В. Н. Беспризорность и безнадзорность в современной России: анализ причин, последствий и эффективности решений проблемы / В. Н. Васильева, Т. Н. Камилова // Ученые записки. – 2009. - №1. – С. 23-30.

4. Дементьева В. Ю. Беспризорность несовершеннолетних: ее причины и профилактика / В. Ю. Дементьева, А. Н. Головкова // Вестник южно-российского государственного технического университета. – 2013. - №3. – С. 193-198.

5. Курчатова Д. А. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как социальная проблема / Д. А. Курчатова, Э. В. Королева // Сборники конвенций НИЦ. Социосфера. – 2014. – №29. – С. 81-85.

6. Федорова Г. Г. Проблема непризорности на современном этапе / Г. Г. Федорова, М. В. Горожанова // Вестник ТОГИРРО. – 2013. - №1. - С. 209-211.

УДК. 314.7

ББК. М. 576

**МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ (НА
ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Дроздова, Ю. А.

кандидат социологических наук

доцент Волгоградский филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС

Волгоград Россия

juliadrozdova@mail.ru

**MIGRATION RISKS IN A MULTIETHNIC REGION (VOLGOGRAD
REGION)**

Drozdova J.

PhD in Sociology

Associate Professor of Volgograd branch VPO RANHiGS

Volgograd Russia

juliadrozdova@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются миграционные риски в Волгоградской области как полиэтничном регионе, которые в современных условиях социальных трансформаций возрастают многократно, усиливается элемент неопределенности. Сегодня, когда миграция в России и других странах стала неотъемлемой частью мирового существования, и, когда риски, вызываемые миграционными процессами, очень велики, становится очевидным, что наступил момент, когда необходимо принимать меры по управлению миграционной ситуацией. Одним из наиболее перспективных путей решения данной проблемы является выявление и управление миграционными рисками.

ABSTRACT

The article analyzes the risks of migration in the Volgograd Region as a multiethnic region, which in the present conditions of social transformations increase many times, increasing the element of uncertainty. Today, when the migration to Russia and other countries has become an integral part of the world of existence, and when the risks caused by migration, are very large, it becomes clear that the time has come when it is necessary to take measures to control migration situation. One of the most promising ways of solving this problem is the identification and management of migratory risks.

Ключевые слова: полиэтничный регион, миграционные процессы, миграционные риски, межнациональные отношения, культурная разобщенность, региональное развитие

Keywords: multiethnic region, migration, migration risks, international relations, cultural disunity, regional development

Миграционные процессы как сложный элемент общественного развития, затрагивающий практически сферы жизни социума, сопровождаются многочисленными рисками. Миграционные риски возрастают многократно в условиях перемен, так как усиливается элемент неопределенности. Сегодня, когда миграция в России и других странах стала неотъемлемой частью существования всех стран, и, когда риски, вызываемые миграционными процессами, очень велики, становится очевидным, что наступил момент, когда необходимо принимать меры по управлению миграционной ситуацией. И одним из наиболее перспективных путей решения данной проблемы является путь через управление миграционными рисками. Он позволяет определить приоритетные сферы управления, вовремя отреагировать на происходящие в обществе изменения, точно рассчитать направление и степень воздействия на определенную часть социального пространства, и, главное, предупредить возможные негативные последствия, устранить необходимость справляться с угрозой или катастрофой, а не с риском.

Сегодня управление социальными рисками, к которым относятся и миграционные – отрасль мало разработанная, хотя ситуация, сложившаяся в мире, требует пересмотра традиционных схем управления. Активные миграционные процессы являются сложным элементом регионального развития, которые затрагивают практически все сферы жизни социума и сопровождаются многочисленными рисками. Понимаемая под миграционными рисками мера неопределенности, опасности нуждается в выявлении, минимизировании, так как это непосредственно связано со стабильным, устойчивым развитием и благополучием проживающих на определенной территории людей.

Риски, вызываемые миграционными процессами, далеко не всегда управляемые, трудно прогнозируемые, и становится очевидным, что наступил момент, когда необходимо принимать меры по управлению миграционной ситуацией в полиэтничных регионах. По данным опроса, проведенного в 2011 г. среди молодежи Волгоградской области, каждый третий (34 %) респондент оценивает обстановку в сфере межнациональных отношений как благоприятную, «устойчивую, спокойную», но треть (32 %) участников опроса полагают, что «сложилась сложная, но не опасная обстановка». При этом 9% опрошенных крайне негативно оценивают сложившиеся межнациональные отношения в регионе [2].

В повседневной жизни участники опроса либо были свидетелями, либо непосредственно сталкивались с неуважительным отношением к людям по национальному признаку. 16,6 % респондентов ответили, что «с данными явлениями часто сталкиваются», более половины (52,1 %) респондентов «изредка сталкивается с проявлениями конфликтов на национальной почве», 15,5 % – «практически никогда», 8,7 % – «никогда не сталкивались», а 7,1 % молодых людей выбрали позицию «затрудняюсь ответить». Следовательно, большая часть молодежи отмечает конфликтный характер взаимодействия, как на межличностном, так и на региональном уровнях. О сложности проблемы межнациональных отношений говорит и тот факт, что

большинство (62,7 %) опрошенных указали, что в регионе есть проблемы в сфере межнациональных отношений. 5,2 % респондентов полагают, что таких проблем нет, при этом каждый третий (32,1 %) участник опроса не смог сформулировать свое понимание оценки ситуации, и выбрал позицию «затрудняюсь ответить». Данную ситуацию в Волгоградской области можно определить как рискогенную.

Проведенное исследование в рамках реализации гранта РГНФ 113-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» и мониторинговые исследования 2008 – 2014 гг. позволили выделить следующие группы миграционных рисков в Волгоградской области:

Риски в сфере экономики:

– Риск обострения ситуации в экономике и сфере занятости. Он связан с ростом конкуренции на рынке труда, уменьшением стоимости рабочей силы, существованием теневой занятости, снижением налоговых поступлений при увеличении государственных расходов на социальное содержание иммигрантов, несоблюдением санитарных и иных условий для работников, отток средств, заработанных иммигрантами на их родину. По мнению информанта: *«Регион рассматривается как перевалочный пункт, благоприятный по климатическим условиям... Привлекает и безнадзорность, и толерантное отношение к мигрантам, граничащее с безразличием, что позволяет беспрепятственно использовать региональные ресурсы и не только обеспечивать свое существование, но и материально поддерживать свои семьи в ближнем зарубежье»* [5].

– Риск образования «иммигрантских секторов» экономики. То есть, частичное или полное замещение работников определенной сферы или отрасли хозяйства на иммигрантов как постоянных, так и временных. Причем, возможна ситуация, когда большинство работников являются лицами одной национальности. Следствием является фактическое недопущение коренных жителей или лиц иной национальности в эти сферы занятости. В Волгоградской области преобладающая часть рабочих из стран

СНГ привлекаются на сельскохозяйственные работы в качестве овощеводов (таджики в Среднеахтубинском и Городищенском районах Волгоградской области, узбеки – в Быковском и Николаевском). Рабочая сила из Турции используется в строительстве, Украины – в судостроении, а трудовые иммигранты из Вьетнама и Китая специализируются в сфере обслуживания, оптовой торговли, строительстве и частично в сельском хозяйстве.

– Другие риски в сфере экономики, связанные с неравенством в оплате труда и её демпингование за счет дешевой рабочей силы мигрантов.

Риски в сфере политики:

– Риск потери самобытности, целостности и влияния государствообразующего русского этноса. При увеличении числа этнических иммигрантов и их неконтролируемом расселении возможно образование своеобразных иммигрантских анклавов, население которых не взаимодействует с коренным населением. Более того, учитывая современную демографическую ситуацию и низкую рождаемость среди коренного населения (главным образом русскоязычного), может произойти постепенное замещение русскоязычного населения на лиц иммигрантского происхождения, причем даже не тех национальностей, которые издавна населяли Россию.

– Риск истощения интеллектуального потенциала страны и региона. Этот риск связан с тем, что имеет место продолжение оттока интеллектуальных человеческих ресурсов страны преимущественно в страны Западной Европы и США, а на их место, причем в большем количестве, прибывает население со средним, средним специальным образованием и не имеющее интеллектуальных заслуг. И в будущем прогнозы неутешительны – такая тенденция будет только усиливаться, поскольку Россия не является страной, привлекательной для высококвалифицированных научных кадров, как в отношении научных, так и материальных перспектив [3, С. 177].

– Риск территориальных (фактических или как сфер влияния) потерь в малонаселенных районах. Учитывая центростремительный вектор

современной миграции в России и естественную убыль населения, многие восточные и северные районы страны могут оказаться впоследствии заселенными по большей части или полностью этническими иммигрантами.

– Риск обострения политической ситуации в связи с изменением социального самочувствия жителей региона. По данным проведенного исследования в рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 свое социальное самочувствие респонденты описали следующим образом: «прекрасное, очень хорошее» – 14,8%; «в целом нормальное, ровное» – 58,15 опрошенного населения; «испытываю напряжение, раздражение» – 20,3% респондентов; «испытываю страх и тоску» – 4,8%, затруднились с ответом 2%, участвовавших в опросе [5].

Безусловно, социальное самочувствие – это субъективная и, во многом, ситуативная категория, но, тем не менее, его можно рассматривать как важный механизм рефлексивного социального знания, используемого населением в организации социальной жизни.

Данная категория имеет комплексный характер предполагающий присутствие в нем неосознанных, латентных элементов, с одной стороны, и результатов объективных социальных практик, с другой. Полученные данные позволяют интерпретировать в целом настроение волгоградцев как положительное, конструктивное, что позволяет выстраивать общезначимые смыслы и социальные идентификации, но при этом многонациональный состав региона оценили как «безусловное преимущество» всего 18,3% опрошенного населения региона. В связи с изменчивостью социального самочувствия и влияния на данный показатель множества факторов, необходим мониторинг и оценка других его составляющих.

Риски в сфере культуры:

– Риск культурной разобщенности населения страны. Образование закрытых культурных анклавов, не взаимодействующих с культурой коренного населения и препятствующих любым попыткам взаимопроникновения культур. Перманентная отчужденность

представителей различных национальностей (культурная, религиозная и другая), взаимодействующих в регионе, связана с этнической культурой иммигрантов, их количеством на данной территории, нежеланием местного населения идти на близкий контакт с иммигрантами, а мигрантам аккомодироваться в принимающую социальную среду, выстраивать региональные или территориально-гражданские идентичности. Согласно проведенному исследованию 71,4% коренного населения относится к мигрантам уважительно, пока не задевается достоинство собственной национальности и более 20% считают, что миграция создает множество проблем для коренного населения. Большинство опрошенных экспертов определяли отношение населения к мигрантам, по большей части, как настороженное.

– Утрата влияния русской культуры на все области жизни общества и другие (этот риск связан с распространением и усилением влияния культур иммигрантов различных национальностей). Среди причин, мешающих сохранению доброжелательных отношений друг к другу лиц разных национальностей, преобладают эмоционально окрашенные субъективные оценки: 47,8% респондентов выделили категорию «национальное высокомерие», 22,5 % – «незнание языка и обычаев других народов»[2].

Риски общесоциальные:

– Риск возникновения конфликтов на религиозной почве. Он связан с тем, что подавляющее число этнических иммигрантов исповедует отличную от христианской религию, одной из которых является ислам, имеющий на современном этапе наиболее сильную тенденцию к радикализму и недоброжелательности по отношению к иным конфессиям [6].

– Риск обострения межнациональных отношений и другие. Несмотря на то, что Россия изначально многонациональная страна, переселение на ее территорию в небольшой промежуток времени большого числа людей различных национальностей, в том числе не характерных ранее для

национального состава страны, может вызвать резкое противостояние в обществе [1, С. 117].

– Другие риски общесоциального характера.

Каждый риск следует рассматривать в его комплексном влиянии на сферы жизни и развития региона и государства, поскольку в реальности все сферы взаимосвязаны между собой. Многие качественные и количественные данные, определяющие ситуацию в регионе через понятие «миграционные риски», их классификация требуют дальнейшего тщательного изучения, поскольку социальное пространство постоянно видоизменяется. Взаимозависимость и взаимообусловленность проблем, связанных с миграционными процессами делает ситуацию трудно прогнозируемой. Встает вопрос и об уровне толерантности в регионе, интеграции коренного и приезжего населения, формировании солидарных отношений, а это долгий процесс, не решаемый только финансированием миграционных адаптационных программ.

Управление миграционными процессами Волгоградской области, одного из центров миграционных процессов Южного Федерального округа, позволит в будущем избежать столкновения с крупными сложными социальными проблемами и, следовательно, оказать серьезное влияние на развитие полиэтничных регионов и государства.

На сегодняшний день среди причин слабой привлекательности региона для основных целевых групп регионального пространства, называются и представленные выше миграционные риски, что, безусловно, затрудняет формирование региональной идентичности, свидетельствует о негативных тенденциях и предполагает большие усилия субъектов управления для изменения ситуации в Волгоградской области.

Развитие любого региона страны, под которым понимается режим оптимального функционирования региональной системы, ориентированный на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни населения, обеспеченную устойчивым, сбалансированным и взаимонеразрушающимся

воспроизводством социального, хозяйственного, ресурсного и экологического потенциалов территории [4] на современном этапе, в том числе и Волгоградской области, а также построение грамотной управленческой деятельности невозможно без учета рисков.

Расчет и управление рисками позволяет во многом минимизировать элемент неопределенности в развитии полиэтничного региона. Поэтому рискогенность окружающей среды необходимо обязательно учитывать при планировании развития региона. Миграционная ситуация в мире и России и, в частности, в Волгоградской области требует выявления, изучения миграционных рисков и перехода к управлению ими. Однако действия по управлению миграционными рисками должны быть скоординированы: реализация стратегии региона в сфере миграции не может быть эффективной, если она идет вразрез с общефедеральной и мировой практикой. Такой диссонанс может привести к малопредсказуемым негативным последствиям.

Осознание региональной властью феномена миграции как чрезвычайно значимого, сложного и нуждающегося в управлении и дальнейшее развитие направлений изучения миграции позволит выстраивать эффективное управление региональным развитием.

Список литературы

1. Бритвина И. Б. Отношение жителей провинциального города к вынужденным мигрантам // Социологические исследования. 2006. №2. С. 117 – 129.
2. Данные опроса, осуществленного студентами Волгоградского филиала РАНХиГС под руководством автора (пилотажное исследование, Волгоград, N=200, март – апрель 2011).
3. Зайончковская Ж. А., Витковская Г. С. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. – 411 с.
4. Халиков М. С. Регион в дискурсе экономической социологии. М.: МАКС Пресс, 2008. – 174 с.

5. Полуформализованные интервью внешних экспертов (Москва (N=19), Санкт-Петербург (N=11); экспертов внутренних (N=20), проведенные автором в рамках гранта РГНФ 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ».

6. Ягуткина Е. С., Ягуткин С. М. Проблемы исламизации современного общества // URL: http://euroregion2013.blogspot.ru/2013/04/blog-post_3699.html (дата обращения 30.01. 2016).

ББК 31.4

А 92

УДК 621.039 (094)

**ПОДГОТОВКА ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ
СОЗДАНИЯ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ОРУЖИЯ В ПЕРИОД 1945-
1953 ГГ.**

Дронишинец Н.П.

д.ф.н., профессор,

зав. каф. Философии НТИ НИЯУ МИФИ

г. Новоуральск

[*dronishinets1@yandex.ru*](mailto:dronishinets1@yandex.ru)

Зиновьев Г.С.

к.т.н., доцент,

зам. руководителя НТИ НИЯУ МИФИ

**TRAINING OF TECHNICIANS FOR THE PURPOSE OF SOVIET
ATOMIC WEAPONS DEVELOPMENT FROM 1945 TO 1953**

Dronishinets N.

PhD, Professor,

Head. cafes. Philosophy STI MEPHI

Novouralsk

[*dronishinets1@yandex.ru*](mailto:dronishinets1@yandex.ru)

Zinoviev, G.

Ph.D., Associate Professor,

Deputy. Head of STI MEPHI

АННОТАЦИЯ

В работе рассматриваются проблемы подготовки технических специалистов, связанных с развитием ядерной отрасли России в период 1945-1953 гг.

ABSTRACT

The authors consider issues of technician's education and training for the purposes of Russian nuclear industry from 1945 to 1953.

Ключевые слова: подбор кадров, обучение и подготовка кадров, научные кадры, инженерно-технические специалисты.

Keywords: staff recruitment, education and training, scientific manpower, technicians-and-engineers.

Анализ опубликованных с 1998 г. по 2009 г. 11 книг сборника «Атомный проект СССР. Документы и материалы в 3-х томах» позволяет реконструировать процесс подготовки кадров, инженеров, специалистов для создания советского атомного оружия в период 1945-1953 гг. Опираясь на названные архивные документы и материалы, другие источники авторы статьи сосредоточивают свое внимание на проблемах подготовки кадров, специалистов в начальный период создания советского атомного оружия. На этом этапе работы над советским атомным проектом получили наивысший государственный приоритет. Именно в это время ключевой становится задача скорейшей ликвидации монополии США в обладании атомным оружием, поэтому созданию отечественных атомных бомб были подчинены все другие задачи.

Две недели спустя после взрыва американцами ядерной бомбы в Хиросиме при ГКО СССР 20 августа 1945 года был учрежден специальный комитет по созданию советского атомного оружия с чрезвычайными полномочиями. Еще через десять дней 30 августа 1945 года для практической реализации задачи создания атомного оружия при СНК СССР было создано Первое Главное Управление (ПГУ). Начальником ПГУ был назначен нарком вооружений Б. Л. Ванников. В специальный комитет входили фактически все высшие руководители, представляющие партийные и государственные органы страны, связанные с развитием новой оборонной отрасли. Специальный комитет подчинялся лично Сталину.

Для решения атомной проблемы необходимо было в короткие сроки организовать проведение широких научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по целому ряду направлений, разрабатывать конструкции одновременно нескольких вариантов атомных агрегатов и связанных с ними машин, приборов и аппаратов, вести разработку многих атомных предприятий и технологических процессов. Потребовалось привлечь к работам большое количество научно-исследовательских организаций, конструкторских бюро, заводов, огромное число специалистов, особенно специалистов-физиков и радиохимиков. А в СССР таких специалистов было недостаточно.

К концу 1945 года в основных физических институтах страны работало немногим более 340 физиков, а вопросами ядерной физики занималось около 140 физиков, включая и только что начинавших работать в области физики молодых ученых. Эти физики работали в шести исследовательских институтах, не имеющих необходимой научно-технической базы для постановки работ по практическому использованию ядерной энергии. Понадобилось быстро построить новые исследовательские учреждения по физике, переоборудовать существующие; потребовалось срочно готовить новые кадры физиков и радиохимиков. В области радиохимии к концу 1945 года в 4 институтах, связанных с изучением радиоактивных материалов, работало всего немногим более 100 человек ¹. Такими малочисленными

¹Для сравнения: в справке составленной П.А. Судоплатовым (одним из руководителей советской разведки, который возглавлял отдел, обрабатывавший информацию о разработке атомной бомбы в США) не позднее 7 января 1946 г. о состоянии разработки проблемы использования атомной энергии в капиталистических странах отмечается, что в США научно-исследовательские работы по проблеме урана носили наиболее широкий размах, нежели в других странах. В этих работах принимают участие лаборатории крупнейших учебных и научно-исследовательских организаций. К разработке проблемы были привлечены лучшие научные силы численностью в общей сложности, по всей стране, около 6 000 чел., среди которых крупнейшие физики Роберт Оппенгеймер, датчанин Нильс Бор, итальянец Энрико Ферми, американцы Эрнст Лоуренс, Артур Комптон,

кадрами специалистов решить радиохимические вопросы атомной энергии было невозможно. Необходимо было создавать новые научные центры и готовить кадры для решения этих проблем.

Советское государство немедленно взялось за решение проблемы подготовки специалистов для новой отрасли и подготовило ряд принципиальных решений. К числу принятых в 1946-1951 гг. постановлений СНК (СМ) СССР по вопросам подготовки специалистов для атомной отрасли относятся: № 225-96сс от 28 января 1946 г. «О подготовке инженеров-физиков и специалистов по физике атомного ядра и радиохимии»; № 4638-1815сс от 17 декабря 1948 г. «О подготовке высшими учебными заведениями специалистов для Первого главного управления при Совете Министров СССР»; № 303-104сс от 20 января 1949 г. «О мерах неотложной помощи Министерству высшего образования СССР по подготовке кадров для Первого главного управления при Совете Министров СССР»; № 1846-673сс от 7 мая 1949 г. «О создании новых учебных заведений для подготовки специалистов Первому главному управлению при Совете Министров СССР»; № 305-101 от 11 января 1950 г. «О физико-техническом факультете Московского государственного университета» и № 1359-684сс/оп от 25 апреля 1951 г. «О подготовке специалистов с высшим образованием для Главгорстроя СССР и Второго главного управления при Совете Министров СССР» и ряд других постановлений.

Гарольд Юри и др. Совместно с американцами и привлеченными ими иностранными учеными в США работала бригада английских ученых, специально направленных из Англии в долгосрочную командировку в научно-исследовательские центры США, ведущие работы по урану. В работах США участвовали целые коллективы физиков из других стран. Все результаты своих исследований эти физики привезли в США. Следовательно, в США, когда решалась атомная проблема, были стянуты специалисты со всего мира. Председатель атомной комиссии США Г. Дин на заседании американской артиллерийской ассоциации в Нью-Йорке 5 декабря 1951 года сообщил, что непосредственно для программы по атомной энергии в США работают 1200 физиков[1, 366; 2, 830].

Так, ровно через месяц после учреждения специального комитета по созданию советского атомного оружия 20 сентября 1945 г. было издано Постановление СНК СССР № 2386-627сс «Об организации инженерно-физического факультета при Московском механическом институте Первого главного управления при СНК СССР». В постановлении говорится, что в целях обеспечения подготовки инженеров широкого профиля по новейшим физическим машинам, приборам и установкам необходимо реорганизовать факультет точной механики Московского механического института (ММИ) ПГУ при СНК СССР в инженерно-физический факультет и довести контингент учащихся на этом факультете в 1947 г. до 700 человек. Постановление обязывало объединить специальности «Приборостроение» и «Взрыватели» Московского механического института в одну специальность – «Точная механика» и включить эту специальность в состав механико-технологического факультета.

Первому главному управлению при СНК СССР было поручено в месячный срок разработать номенклатуру специальностей, количество и состав кафедр, а также учебные планы для инженерно-физического факультета, а Комитету по делам высшей школы при СНК СССР утвердить их. Кроме того Комитету по делам высшей школы при СНК СССР в месячный срок поручено отобрать из других вузов и втузов 200 чел. студентов-отличников старших курсов и с учетом желания учащихся направить их для продолжения учебы в Московский механический институт Первого главного управления при СНК СССР.

Постановление разрешало ПГУ реорганизовать временное подготовительное отделение для подготовки поступающих на учебу в Московский механический институт в постоянное. Также устанавливался срок обучения на инженерно-физическом факультете института пять лет, причем из них один год — для дипломной работы или дипломного проектирования. Постановление обязывало организовать при институте в 1945 г. необходимые экспериментальные мастерские и специальные

конструкторские бюро. Поручалось членам специального комитета по созданию советского атомного оружия Первухину М.Г., Ванникову Б.Л. и Алиханову А.И. разработать и внести на утверждение Специального комитета при СНК СССР предложение о вывозе из Германии лабораторного оборудования для оснащения специальных лабораторий и конструкторских бюро инженерно-физического факультета Московского механического института Первого главного управления при СНК СССР.

Постановление способствовало решению и социальных вопросов. Так, Наркомсредмаш был обязан до 10 октября 1945 г. поставить Московскому механическому институту четыре легковые автомашины Горьковского автозавода, а Наркомторг СССР должен был выделить институту сверх существующих лимитов обедов литер «Б» на 25 чел., абонементов сухого пайка — на 35 чел., обедов по карточкам «Р-4» — на 45 чел., лимитов на промышленные товары по 1 000 руб. — на 150 чел. и по 750 руб. — на 100 чел.; обеспечить весь состав профессоров и преподавателей Московского механического института карточками на горячие ужины.

С октября 1945 г. была распространена схема окладов заводов первой категории на экспериментальные мастерские института и схема окладов научно-исследовательских институтов оборонной промышленности на специальные экспериментально-конструкторские бюро Московского механического института, а распределение специалистов, оканчивающих институт, производится ПГУ при СНК СССР.

Таким образом, анализ данного постановления, касающегося одного московского вуза, позволяет сделать вывод о том, какими продуманными, глубокими по своим последствиям были меры, направленные на подготовку кадров для зарождающейся атомной отрасли в 1945 г.

Постановление Совета Министров СССР № 303-104сс О мерах неотложной помощи Министерству высшего образования СССР по подготовке кадров для ПГУ от 20 января 1949 г. расширяло географию подготовки кадров с высшим образованием. Было решено открыть два

специальных института по подготовке кадров с высшим образованием и научно-исследовательской работы для ПГУ в гг. Свердловск и Томск с постройкой всех необходимых учебных зданий, специальных сооружений, студенческих общежитий и жилых домов для профессорско-преподавательского персонала. Строительство указанных институтов и обеспечение их оборудованием предлагалось провести за счет ресурсов, выделяемых на спецрасходы, а само строительство — силами Главпромстроя Министерства внутренних дел СССР. Причем комиссии в составе гг. Кафтанова, Круглова, Завенягина и Борисова было поручено в месячный срок разработать мероприятия по строительству указанных институтов, исходя из необходимости окончания всех работ в 1950 г.

Это постановление также обязало организовать на базе физико-технического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова специальный Физический институт по подготовке кадров для Первого главного управления при Совете Министров СССР. Провести строительство указанного института было предписано силами Главпромстроя Министерства внутренних дел СССР. Комиссии в составе гг. Кафтанова, Завенягина, Круглова и Борисова в двухнедельный срок поручено разработать мероприятия по строительству института, исходя из необходимости окончания всех работ в 1950 г.

О том, какими широкомасштабными были решения этого постановления, говорит одно перечисление министерств, которым предписывалась реализация мероприятий: Министерство электропромышленности, Министерство тяжелого машиностроения, Министерство авиационной промышленности, Министерство станкостроения, Министерство вооружения, Министерство машиностроения и приборостроения, Министерство автомобильной и тракторной промышленности, Министерство металлургической промышленности, Министерство химической промышленности, Министерство промышленности строительных материалов СССР, Министерство геологии,

Министерство внешней торговли, Министерство лесной и бумажной промышленности, Министерство пищевой промышленности СССР, Министерство вкусовой промышленности СССР, Министерство промышленности средств промышленности средств связи, Министерство нефтяной промышленности, Министерство трудовых резервов, Министерство финансов СССР, Академия наук СССР, Комитет по делам мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР.

Так, в частности Министерству вооруженных сил СССР было поручено построить по договору с Министерством высшего образования СССР в течение 1949-1950 гг. лабораторный корпус для специальных установок физико-энергетического факультета Московского энергетического института объемом 16000 м³; вернуть Московскому энергетическому институту трансформаторную подстанцию по Красноказарменной ул., 14, временно находящуюся в распоряжении Министерства вооруженных сил СССР, обязав институт снабжать электрической энергией учреждения Министерства вооруженных сил СССР, подключенные к подстанции в то время.

Министерство судостроительной промышленности обязали не позднее 1949 г. освободить полностью 3 учебный корпус Уральского политехнического института, частично занятый заводом № 707, для организации и размещения инженерного физико-химического факультета этого института. Министерство трудовых резервов обязали передать не позднее 1 мая 1949 г. Московскому химико-технологическому институту им. Менделеева помещения Московского индустриального техникума для организации и размещения инженерного физико-химического факультета.

Министерству внешней торговли предлагалось изыскать возможность за счет импорта и репарационных поставок закупить в 1949 г. оборудование и выписать литературу для спецфакультетов и спецотделений вузов Министерства высшего образования СССР по спецификации последнего на сумму до 5 млн. руб.

Министерство финансов СССР обязали выделить целевым назначением Министерству высшего образования СССР дополнительно к ассигнованиям 1949 г. 50 млн. руб. на приобретение учебно-научного оборудования специальных лабораторий высших учебных заведений. Министерством и ведомствам в порядке оказания материально-технической помощи было разрешено безвозмездно передавать высшим учебным заведениям Министерства высшего образования СССР из научно-исследовательских институтов и промышленных предприятий излишнее или неиспользуемое оборудование для оснащения специальных лабораторий, связанных с подготовкой кадров для ПГУ при Совете Министров СССР. Государственной штатной комиссии при Совете Министров СССР было поручено утвердить дополнительные штаты специальных факультетов и отделений сверх общего контингента штатов административно - технического персонала Министерства высшего образования СССР.

Министерство высшего образования СССР обязали организовать при специальных факультетах и 2 НИФИ МГУ аспирантуру с ежегодным приемом 70 чел. по специальностям ПГУ при Совете Министров СССР, установив для аспирантов повышенную стипендию в размере 1 300 руб. в месяц.

Министерству высшего образования СССР предписали установить повышенные требования к поступающим на отделения и факультеты специального назначения и обеспечить комплектование преимущественно за счет мужчин, проявляющих склонность к инженерному делу и физико-математическим наукам [3, 240-243].

Однако жизнь вносила свои коррективы в планы подготовки специалистов для ПГУ. Постановление СМ СССР № 1846-673сс «О создании новых учебных заведений для подготовки специалистов Первому главному управлению при Совете Министров СССР» от 7 мая 1949 г. развивало и частично изменяло предыдущее Постановление Совета Министров СССР от 20 января 1949 г. №303-104 «О мерах неотложной помощи Министерству

высшего образования СССР по подготовке кадров для Первого главного управления при Совете Министров СССР». Постановление обязало Министерство высшего образования СССР вместо открытия двух институтов в гг. Томске и Свердловске организовать к 1952 г. специальные физико-технические факультеты в Томском и Уральском политехнических институтах.

Министерство высшего образования СССР и Министерство внутренних дел обязали осуществить в 1949-1952 гг. строительство учебных корпусов, студенческих общежитий и жилых домов для профессорско-преподавательского состава в Томском и Уральском политехнических институтах, в том числе: а) по Томскому политехническому институту — построить в 1950-1952 гг. самостоятельный учебный корпус в составе учебных аудиторий и специальных лабораторий, студенческое общежитие на 1200 чел. и жилой дом для профессорско-преподавательского состава; б) по Уральскому политехническому институту — переоборудовать в 1949—1951гг. под учебные аудитории помещения, освобождаемые заводом № 707 Министерства судостроительной промышленности, а также построить отдельный учебный корпус для размещения старших курсов физико-технического факультета и специальных лабораторий и общежитие для студентов на 800 чел. Определить общие объемы работ и выполняемые Главпромстроем Министерства внутренних дел СССР объемы строительно-монтажных работ в размерах: по Томскому политехническому институту более 60 млн. руб., из них строительно-монтажных — 30 млн. руб.; по Уральскому политехническому институту — не более 30 млн. руб., из них строительно-монтажных — 15 млн. руб. Министерству высшего образования СССР было поручено выполнить в 1949 г. все проектные работы по Томскому и Уральскому политехническим институтам, обеспечив выдачу Министерству внутренних дел СССР всей необходимой технической документации по Уральскому институту не позднее сентября 1949 г. и по Томскому институту — не позднее ноября 1949 г.[3, 302-303].

Постановление СМ СССР № 1846-673сс «О создании новых учебных заведений для подготовки специалистов ПГУ при Совете Министров СССР» от 7 мая 1949 г. изменяло и прошлое решение о строительстве в Москве специального физического института по подготовке кадров для Первого главного управления при Совете Министров СССР на базе физико-технического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Было решено сохранить этот факультет в составе университета. И уже в письме заместителя министра высшего образования СССР А.М. Самарина Л.П. Берия от 23 июля 1949 г. и в справке В.А. Махнева на имя Л.П. Берия к проекту постановления СМ СССР о контингентах и строительстве новых зданий физико-технического факультета Московского государственного университета от 25 июля 1949 г. говорится о планируемом контингенте студентов физико-технического факультета МГУ в количестве 1 000 человек, который складывается по курсам следующим образом: I – III курсы по 170 человек, IV и V - 165 человек, VI курс - 160 человек. На первые три курса каждый год производится прием — на места, освобождающиеся при отсеве студентов по неуспеваемости. Поэтому на них планируется постоянный контингент в 170 человек. На старшие курсы приема нет, поэтому здесь предполагается небольшой отсев. Контингент приема на первый курс определяется потребностями специальностей.

В 1946 году Совет Министров СССР Постановлением № 2538 установил контингент приема на 1 курс факультета на 1947/48 учебный год в 150 человек. Эта цифра определялась, в основном, пропускной способностью лабораторий базовых институтов, в которых студенты факультета проходят обучение по специальности. В 1949 г. эти институты выросли, соответственно возросли и возможности использования лабораторий, и потребность в кадрах. Исходя из этого на ближайшие годы планируется некоторое увеличение контингента приема на 1 курс [3, 686-688].

Таким образом, осуществление государственной политики по подбору кадров, обучения и переквалификации научных, инженерно-технических и рабочих специалистов, обусловили возможность успешной работы и развития многих коллективов, направленных на решение ответственных задач, связанных с развитием атомного оружия в период 1945-1953 гг.

Литература

1. АТОМНЫЙ ПРОЕКТ СССР: Документы и материалы: В 3 т. /Под общ.ред. Л.Д. Рябева.Т.П . Атомная бомба. 1945-1954. Книга 2 /М-во РФ по атом, энергии; Отв. сост. Г.А. Гончаров. - Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000.
2. АТОМНЫЙ ПРОЕКТ СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ.ред. Л.Д. Рябева. Т. П. Атомная бомба. 1945-1954. Книга 5 / Федеральное агентство по атомной энергии; Отв. сост. Г.А. Гончаров. - Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2005.
3. АТОМНЫЙ ПРОЕКТ СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общ.ред. Л.Д. Рябева. Т. П. Атомная бомба. 1945-1954. Книга 4 / М-во РФ по атом, энергии; Отв. сост. Г.А. Гончаров. - Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2003.

ГОСТЕПРИИМСТВО КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Заякин С.В.

*Аспирант Социологического факультета Гуманитарного
университета*

Аналитический центр «Эксперт», руководитель проектов/ ЦРЭИ

ВШЭМ УрФУ, специалист по аналитической работе

zayakin_serгей@mail.ru

HOSPITALITY AS A FACTOR OF CULTURAL IDENTITY IN THE MODERN WORLD

Zayakin S.V.

PhD student of Sociology Faculty of Humanities University

Analytical Center "Expert", Project Manager / TSREI VSHEM Ural Federal

University, a specialist in analytical work

zayakin_serгей@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены изменения, которые претерпело гостеприимство при переходе к от традиционного к индустриальному, а позже постиндустриальному обществу – подмене личного гостеприимства коммерческим, а национальных традиций транснациональными стандартами.

ABSTRACT

The article describes the changes made to the hospitality of the transition to the traditional to industrial and later post-industrial society - the substitution of personal hospitality commercial and national traditions transnational standards.

Ключевые слова: Гостеприимство, современность, культурная идентификация

Keywords: Hospitality, modern, cultural identity

На протяжении длительного периода становления общества гостеприимство являюсь одним из механизмов обеспечивающих, во-первых,

выживание индивидов и общностей в суровых природных условиях, во-вторых, формирования добрососедских отношения между общностями [3]. При этом различие между общностями обусловленные рядом факторов, такими как климат, планировочные особенности жилья и поселений, превалирование индивидуализма или коллективизма, исповедуемая религия и т.д., и разнообразие социальных практик, позволило сформировать самобытные традиции приёма гостей, уникальную культуру гостеприимства у многих народов.

В культуре современного гостеприимства сохранены принципы народного или традиционного гостеприимства. Но, наряду с гостеприимством, унаследованным от прошлого, в гостеприимстве современных людей есть и новые элементы, связанные с изменениями в их быту и культуре. Развития путешествий, в первую очередь паломничества, и торговых связей, стимулировало оформление социального института гостеприимства, сначала в форме религиозного, а позже и торгового (коммерческого) гостеприимства. Как отмечает французский исследователь А. Монтандон, «произошла существенная историческая эволюция, в результате которой гостеприимство трансформировалось и по своему содержанию и по форме. Создание приютов и гостиниц, развитие платного гостеприимства изменили саму идею гостеприимства незаинтересованного, индивидуального» [4, с. 14].

Рассмотрим, какие же перемены произошли в жизни социума и как они влияют на гостеприимство сегодня. По мере становления общества и перехода к постиндустриальной фазе его развития, происходят изменения образа жизни людей, что также отражается на роли гостеприимства в современном мире. Во-первых, современное общество теряет бескорыстную направленность природы гостеприимства, заменяя её «логикой контракта»: люди боятся остаться в долгу, воспользовавшись чьим-либо гостеприимством. Во-вторых, американский футуролог Э. Тоффлер говорит о распаде дружеских, соседских, а часто и родственных связей, связанном с

частыми сменами места проживания, и, как следствие, – о «гостеприимстве в спешке» – поверхностном и не ведущим к установлению длительных отношений [7, с. 119-123]. Всё это ведёт к снижению роли гостеприимства во взаимодействии индивидов и общностей.

Активное развитие транспорта и коммуникаций, увеличение мобильности людей во второй половине XX века привело к увеличению количества контактов, главным образом с работниками индустрии гостеприимства. Сегодня в индустрии гостеприимства работают миллионы профессионалов. Так, среднегодовая численность лиц, занятых в сфере гостиничного и ресторанного обслуживания РФ за период с 2000 по 2014 год выросла на 34,4%, с 948 до 1275 тыс. человек [6, с. 93]. В ходе такой «индустриализации» гостеприимство теряет свой личностный характер и превращается в массовый унифицированный продукт, тиражированием которого занимаются многочисленные компании, функционирующие в индустрии гостеприимства. В рамках этого процесса происходит глобальный трансферт моделей приёма гостей, ценностей и норм коммерческого гостеприимства, стандартов качества и культуры обслуживания. В связи с этим стоит упомянуть концепцию макдональдизации Дж. Ритцера. В концепции Дж. Ритцера ресторан быстрого питания McDonald's, с его ориентацией на эффективность деятельности, скорость обслуживания, количество обслуженных посетителей, предсказуемость и унифицированность действий персонала, – выступает образцом формальной рациональности современного глобального мира [2, с. 153], в том числе и гостеприимства. Гостеприимство стало продуктом для «одноразового использования» [1, с. 175]. Как точно это подметил американский писатель Ч. Паланик в своей книге «Бойцовский клуб»: «Ночи в гостиницах, ужины в ресторанах. В дороге заводишь знакомства с одноразовыми знакомыми...» [5, с.].

Обозначенные нами общественные тенденции иллюстрируют выдвинутый нами ранее тезис о снижении значения социокультурного

феномена гостеприимства по мере становления общества и перехода к постиндустриальной фазе его развития. Мы не говорим об исчезновении личного гостеприимства, мы можем говорить о смещении акцента гостеприимства на его коммерциализированные формы, связанное с обозначенными нами изменениями. Данный процесс, а также повлиявшие на него явления, представляют интерес для изучения в рамках социальной науки.

На современном этапе развития общества, а мы можем говорить, с одной стороны, об атомизации общества, а, с другой, – о глобализации общественных процессов, происходит трансформация гостеприимства, и оно теряет свою значимость традиционного механизма интеграции. По мере проникновения во все сферы человеческой жизни средств массовой коммуникации (прежде всего телевиденья) и Интернета, может произойти замена традиционных норм, традиций и ценностей народного гостеприимства на нормы унифицированного гостеприимства транснациональных компаний.

Список литературы:

1. Бауман З. Текущая современность/ пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX- начала XXI века: Учебное пособие для ВУЗов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2007. – 364 с.
3. Заякин С.В. Институт гостеприимства в традиционных обществах / Материалы XVIII Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» - Екатеринбург, УрФУ – 2015 г. – с. 210-216
4. Монтандон А. Гостеприимство: этнографическая мечта? [Текст]/ А. Монтандон // Традиционные и современные модели гостеприимства/ Составители: А. Монтандон и С. Н. Зенкин. – М. РГГУ, 2004. – С. 9-26.

5. Паланик Ч. Бойцовский клуб – М.: АСТ, 2007. – 352 с.
6. Россия в цифрах. 2015: Крат. стат. сб./ Росстат- М. – 2015 - 543 с.
7. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.

РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА

Зерчанинова, В.В.

студент,

*Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, (Российская Федерация),*

E-mail Tatiana_Z@uara.ru

Зерчанинова, Т.Е.

*к.с.н., заведующий кафедрой регионального и муниципального
управления,*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург (Российская
Федерация),*

E-mail Tatiana_Z@uara.ru

DEVELOPMENT OF EVENT TOURISM

Zerchaninova, V.

student,

*Ural Federal University named after the first Russian President Boris
Yeltsin, Yekaterinburg (Russian Federation)*

E-mail Tatiana_Z@uara.ru

Zerchaninova, T.

*candidate of sociological sciences, Head of Department of regional and
municipal management,*

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the
President of Russian Federation, Yekaterinburg (Russian Federation)*

E-mail Tatiana_Z@uara.ru

АННОТАЦИЯ

Авторы рассматривают сущность, особенности и проблемы развития событийного туризма. Выявлены виды событий, их значение для развития

дестинаций. Изучены специфические черты событийного туризма и перспективы его развития в России.

ABSRACT

The authors considers essence, features and problems of development of event tourism. Types of events, their value for development of destination are revealed. Peculiar features of event tourism and prospect of his development in Russia are studied.

Ключевые слова: туризм|| событие|| событийный туризм

Keywords: tourism|| event|| event tourism

В последнее время выездной туризм в России характеризуется кризисными явлениями, связанными с колебаниями курса национальной валюты, угрозой терроризма, санкциями, банкротством некоторых туроператоров и т.п. В результате в 2014 году произошло существенное изменение туристических потоков: «турпоток за рубеж сократился на 20–25%, а отдых в России вырос в среднем на 15%» [1, с. 7]. В связи с этой тенденцией становится актуальным развитие внутреннего туризма.

Согласно Стратегии 2020 одним из направлений перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития страны является «развитие человеческого потенциала России» [2], а одним из ожидаемых результатов является «обеспечение качества и доступности услуг в сфере туризма» [2]. Создание условий для развития туризма, развитие туристской инфраструктуры должны внести важный вклад в формирование здорового образа жизни россиян. Таким образом, развитие туризма имеет и социальный, и экономический эффект. С одной стороны, это может способствовать повышению качества жизни россиян, с другой стороны, оказывает влияние на развитие экономики регионов и муниципальных образований, позволяет создать новые рабочие места, привлечь инвестиции.

Россия и ее регионы имеют высокий туристско-рекреационный потенциал. На территории нашей страны находятся уникальные природные

богатства, расположены объекты культурного и исторического наследия, проводятся международные экономические, спортивные и культурные мероприятия. Однако, как отмечают исследователи, потенциал событийного туризма, связанного с организацией таких мероприятий, используется далеко не в полной мере.

Изучением различных аспектов развития событийного туризма в России и в её регионах занимаются Никифорова А.А., Алексеева О.В., Сафонова Е.С., Бабкин А.В., Адашова Т.А., Киреева Ю.А., Воронина А.Б., Артюх Д.В., Колупанова И.А. и др.

Цель статьи – рассмотреть специфические черты событийного туризма и выявить основные проблемы его развития в России.

Туризм – это сектор экономики, который в состоянии предложить значительный вклад в экономический рост территории и развитие рынка труда. Он создает возможности для развития непосредственно или косвенно, посредством поставки товаров и необходимых услуг для туристской деятельности. Кроме того, туризм способствует социальному развитию территории (развитию малых и средних предприятий, созданию новых рабочих мест, улучшению инфраструктуры и т.д.). Туризм также способствует культурному обмену и обогащению, межкультурному взаимодействию.

С незапамятных времен люди всегда вовлекались в некоторые виды событий, когда они пытались отметить особый момент, происходящий в их жизни. Люди всегда чувствовали потребность праздновать события, например, достижение совершеннолетия. Даже сейчас, когда мир стал глобальным, а СМИ и высокие технологии распространились повсюду, все еще сохраняется потребность в досуге, неофициальных встречах, новых впечатлениях. Поэтому события становятся одним из важнейших элементов образа жизни людей. Повышение уровня жизни, доходов привело к быстрому росту индустрии праздников и развлечений, которая непосредственно связана с развитием событийного туризма.

Событийный туризм предполагает систематическое планирование, развитие и маркетинг фестивалей и специальных мероприятий, которые способствуют развитию инфраструктуры, формированию положительного имиджа территории, её привлекательности и экономическому росту.

Быстрое увеличение разнообразных событий в последнее время привело к формированию сильной и жизнеспособной индустрии событий с ее собственными ключевыми игроками, которая была затронута быстрой глобализацией рынков и коммуникации. В 1990-х развитие событийного туризма стало большим бизнесом во многих странах. Различные ключевые игроки участвуют теперь в продвижении событий как средства экономического развития, государственного строительства и маркетинга территорий. Корпорации и компании в наше время также рассматривают события в качестве основных элементов в маркетинге и продвижении их продуктов. У местных сообществ, социальных групп и отдельных людей сформировался большой интерес к причине, которая дает начало серии удивительных событий и развитию событийного туризма (event tourism).

«Событийный туризм – это вид туризма, ориентированный на посещение местности в определённое время, связанный с каким-либо событием. Под событием понимается совокупность явлений, выделяющихся своей неоднозначностью, значимостью для данного общества или человечества в целом, для малых групп или индивидуумов. Оно может иметь вид разового неповторимого явления или периодического, наблюдаемого ежегодно или в определённые периоды времени» [3].

События могут быть классифицированы по различным основаниям. Например, по масштабу выделяют «события регионального (местного), национального, международного и всемирного (глобального) уровней» [3]. В зависимости от тематики выделяют несколько видов событий: «кинофестивали, театрализованные шоу, карнавалы, ярмарки, модные показы, народные праздники, цветочные фестивали, гастрономические фестивали, спортивные события, фестивали музыки, религиозные праздники,

экономические форумы и др.» [3]. Все они могут быть сгруппированы в несколько групп по сферам деятельности: культурные торжества, политические и государственные, образовательные и научные, спортивные, развлекательные, события в сфере бизнеса и торговли, в сфере искусства и развлечений, частные события [4].

«Проводиться эти массовые мероприятия (события) могут как самими туроператорами (например, празднование русской зимы, или новогодние торжества), так и сторонними государственными (юбилеи городов, народные гуляния), коммерческими (концерты, шоу, фестивали) и международными (олимпийские игры, чемпионаты, форумы) организациями» [5].

В связи с тем, что события столь разнообразны, можно сделать вывод, что «событийный туризм является уникальным видом туризма, так как он неисчерпаем по содержанию. Ряд экспертов полагает, что в недалеком будущем число участников событийных туров превысит число участников экскурсионных туров» [6].

Событийный туризм является относительно новым и очень интересным направлением. «Уникальные туры, сочетающие в себе традиционный отдых и участие в самых зрелищных мероприятиях планеты, постепенно завоевывают все большую популярность. Событийный туризм – это непреходящая атмосфера праздника, индивидуальные условия отдыха и незабываемые впечатления. Главная особенность событийного туризма – множество ярких неповторимых моментов. Это перспективный и динамично развивающийся вид туризма» [6].

Специалисты выделяют некоторые специфические черты событийного туризма:

- «основная цель подобных туров – развлечение во время туристической поездки. Но немаловажную роль играют и другие мотивации – досуг и познание (в рамках небольших экскурсионных программ)» [7];

- «событийные туры организуются заранее, ведь даты большинства мероприятий известны заранее;

- в основе событийного тура – посещения, а в большинстве случаев – участие в каком-либо мероприятии, событии;
- событийные туры имеют различную тематику;
- событийный туризм связан с такими видами туризма как: познавательный, развлекательный, спортивный, хобби-туризм» [8];
- «событийные туры чаще всего непродолжительные (2-5 дней)» [5].

Организация событий (ивентов) способствует популяризации страны, региона, города, конкретного места (дестинации), привлекая значительные потоки туристов [9]. «Дестинации развиваются, продвигая и рекламируя различные виды ивентов для выполнения следующих функций:

- привлечение туристов (особенно в низкий сезон);
- ускорение возрождения городов;
- увеличение туристской вместимости дестинации и развития инфраструктуры туризма;
- формирование благоприятного имиджа дестинации и внесение вклада в развитие территории как благоприятного места для проживания, работы и инвестирования» [4].

В федеральном законе № 132-ФЗ указаны приоритетные направления государственного регулирования туристской деятельности: «поддержка и развитие внутреннего, въездного, социального и самодетельного туризма» [10]. Все названные в данном законе виды туризма так или иначе могут быть связаны с событийным туризмом.

В крупнейших городах Российской Федерации накоплен большой опыт организации событийного туризма. На официальном сайте Федерального агентства по туризму (Ростуризм) появилась информация о развитии событийного туризма в Москве: «Точкой роста столичной туристической отрасли в 2016 году является событийный туризм... Как отметил руководитель Департамента национальной политики, межрегиональных связей и туризма г. Москвы Владимир Черников, туристов привлекают крупные и яркие столичные мероприятия, среди которых фестивали

«Спасская башня», «Круг света», «Путешествие в Рождество», «Московская весна» и «Московская осень».

Так, к примеру, фестиваль «Путешествие в Рождество» 2015/16 посетило рекордное количество гостей – свыше 11 млн. человек, в том числе 4 млн. туристов из регионов России и других стран. Такой результат обусловлен в том числе эффективным информационным взаимодействием со столичными туркомпаниями, специализирующимся на внутреннем туризме и ориентирующимся на событийный календарь города» [11].

Ростуризм ежегодно организует актуализацию данных для «Национального календаря событий», в который включаются наиболее значимые мероприятия для развития внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации, имеющих уникальное содержание исторического, культурно-познавательного, спортивного и иного характера, а также отражающих туристскую привлекательность межрегионального, национального или международного значения [12]. Национальный календарь событий размещается на официальном сайте Ростуризма.

Исследователи выделяют причины, которые тормозят развитие рынка событийного туризма в России и её регионах:

- неразвитая инфраструктура;
- слабая гостиничная база;
- отсутствие активности чиновников, не желающих рисковать, развивая событийный туризм;
- высокая цена событийных туров;
- низкая доступность данных туров [13].

«Для туристов со средним достатком существует возможность поучаствовать в событийном туре «с отсутствием входного билета», это туры с участием в карнавалах, народных гуляниях, городских крупномасштабных празднованиях и т.д., не требующих платы за их посещение, но дающих массу положительных эмоций» [13].

Таким образом, развитие событийного туризма в России и её регионах имеет перспективы, практическую значимость, а также экономический и социальный эффекты.

Список литературы

1. Трофимов Е.Н. Социальный туризм в России и Европе // Вестник РМАТ. 2014. № 3. С. 3-11.

2. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (в ред. от 08 августа 2009 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-плюс».

3. Никифорова А.А. Объекты культурного наследия как способ активизации событийного туризма // Вестник ТГАКИиСТ. 2014. № 2. С. 247-248.

4. Алексеева О.В. Событийный туризм и ивент-менеджмент // Российское предпринимательство. 2011. № 6. Вып.2(186). С. 167-172. [Электронный ресурс] URL: http://tourlib.net/statti_tourism/alekseeva.htm (дата обращения 25.02.2016).

5. Сафонова Е.С. Событийный туризм как одно из направлений развития современного туристского рынка // Инновации. Менеджмент. Маркетинг. 2013. № 1. С. 220-221.

6. Бабкин А.В. Специальные виды туризма. Р.-на-Д.: Феникс, 2008. 256 с. [Электронный ресурс] URL: http://tourlib.net/books_tourism/babkin09.htm (дата обращения 25.02.2016).

7. Адашова Т.А. Особенности организации событийных туров // География ментальной сферы общества: состояние, проблемы и перспективы развития. 2013. № 1. С. 4.

8. Киреева Ю.А. Событийный туризм как новое направление на современном туристском рынке // Научный вестник МГИИТ. 2010. № 6. С. 19-20.

9. Воронина А.Б. Фестивальный туризм как значимая составляющая событийного туризма // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «География». Том 24 (63). 2011 г. № 1. С.161-172. С.

10. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (в ред. от 29 июня 2015 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Москва делает ставку на событийный туризм. Официальный сайт Федерального агентства по туризму. [Электронный ресурс] URL: <http://www.russiatourism.ru/news/10282/> (дата обращения 26.02.2016).

12. Вниманию органов исполнительной власти субъектов РФ в сфере туризма: о сборе информации для «Национального календаря событий». Официальный сайт Федерального агентства по туризму. [Электронный ресурс] URL: <http://www.russiatourism.ru/urgent/9574/> (дата обращения 26.02.2016).

13. Артюх Д.В., Колупанова И.А. Событийный туризм в России и за рубежом // Горизонты образования. Барнаул, 2008. Вып. 10.

УДК 316.346.32-053.6

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЧУВСТВ СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Ибрагимова, А.А.

Кандидат социологических наук

Ведущий научный сотрудник Центр семьи и демографии Академии

наук Республики Татарстан

РТ, г. Казань

alisa.garifullin@mail.ru

EDUCATION OF PATRIOTISM OF RURAL STUDENTS

Ibragimova, A.A.

PhD in Sociology

Leading Researcher Center Family and Demography of the Academy of

Sciences of the Republic of Tatarstan

Tatarstan, Kazan

alisa.garifullin@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу данных социологического исследования патриотических чувств сельских школьников к своему родному селу. Патриотическое воспитание молодого поколения, является одной из важнейших задач членов семьи, работников образовательных и культурных учреждений. Патриотическое воспитание школьников, это особая направленность самореализации граждан, направленная на привития священного чувства любви к Родине.

ABSTRACT

This article analyzes the data of sociological research patriotism rural

students to his native village. Patriotic education of the younger generation, is one of the most important tasks of the family members of employees of educational and cultural institutions. Patriotic education of pupils, it is a special focus of self-realization of citizens aimed at instilling a sense of the sacred love for the homeland.

Ключевые слова: воспитание, патриот, село, школа, семья, жизненные траектории

Keywords: education, patriotic, village, school, family, life trajectories

Развитие сельского общества ставит новые задачи в области воспитания молодого поколения. В «Концепции модернизации российского образования» [4] были определены приоритетные направления образования, среди которых важнейшим является увеличение воспитательного потенциала образовательного процесса. Ставилась задача формирования у школьников гражданской ответственности и правового самосознания, духовности и культуры, инициативности, самостоятельности, толерантности, способности к успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке труда. Таким образом, предполагается ориентация школы не только на сообщение учащимся определенной суммы знаний, но и на развитие нравственных качеств личности, в том числе и патриотизма. Патриотизм – преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу [6]. Сельский человек становится патриотом лишь тогда, когда он предан интересам своего района, и глубоко привязан к селу.

Воспитательные традиции педагогической мысли связывались с формированием у молодежи чувства любви к родительскому дому и близким людям, к малой родине, стремления собственным трудом приумножить ее достоинство и благополучие. Важным является укоренение в сознании молодого поколения священных понятий, определяющих духовную жизнь нации: родина, семья, родной язык, родная природа и т.д. Все это - фундамент становления личности.

Патриотическое воспитание школьников должно стать той объединяющей силой, которая сможет вырастить поколение настоящих патриотов, любящих свою малую родину не на словах, а на деле. Патриотизм призван дать новый импульс духовному оздоровлению сельского населения, поколение, которое будет способствовать развитию района, а уровень жизни сделать качественнее. Поэтому работа с детьми в области формирования патриотизма является актуальной задачей в настоящее время.

Формирование жизненного пространства сельского населения определяется не только уровнем инфраструктуры района, но и ощущением сельского жителя в этом социальном окружении. По инициативе Главы Дрожжановского муниципального района РТ Центр семьи и демографии АН РТ разработал анкету «Я и мой мир» и провел социологическое исследование. Число участвовавших в опросе школьников – 552, которые учатся в 5-6 классах. Из них 52,6% - мужского пола, 47,4% - женского [3].

Была охвачена 21 сельская школа Дрожжановского муниципального района. В учащихся заложен огромный потенциал, который необходимо раскрыть, поскольку молодежь – будущее не только села, в котором они проживают, но и самого района. В Долгосрочной целевой программе «Патриотическое воспитание молодежи Дрожжановского муниципального района Республики Татарстан на 2011-2013годы» было прописано, что важным является «развитие и модернизация системы патриотического воспитания, обеспечивающей поддержание общественной и экономической стабильности в районе, формирование у детей и молодежи Дрожжановского района гражданской идентичности, высокого патриотического сознания, верности Отечеству, готовности к выполнению конституционных обязанностей, толерантности, культуры межэтнических и межконфессиональных отношений» [2].

Целенаправленная деятельность по совершенствованию духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения и укреплению института семьи невозможна без проведения исследования ценностных

ориентаций детей. Духовные ценности, составляющие содержание региональных традиций, — это родной язык, мудрые жизненные устои предков. Не случайно на первом месте среди составляющих содержание нашего наследия стоит родной язык. Родной язык является специфической формой национальной культуры, несущей информацию из глубины веков. Родным языком признается язык этнической группы, к которой относится человек, язык, связывающий его с предыдущими поколениями, их духовными приобретениями, служащий фундаментом этнической и национальной самоидентификацией. Татарский язык считают родным 54,1% респондента, чувашский – 40,7%, русский – 4,7%.

Однако родной язык может соответствовать национальности, но может и не совпадать с ней (нередкое явление, особенно в условиях глобальных миграционных процессов, характерных для XXI века) — только сам человек определяет, какой язык для него родной. Сложившаяся в районе поликультурная ситуация характеризуется широким распространением национального двуязычия и многоязычия. В 17,4% случаев представители определенной национальности считают своим родным языком язык отличный от традиционного. Так, 44,4% опрошенных русской национальности (по 22,2% татарский и чувашский), 4,3% - татарской (2,5% русский, 1,8% чувашский), 3,4% чувашской (2,9% русский, 0,5% татарский) в качестве родного языка отметили иной.

Большое место в структуре сознания школьников занимают так называемые общечеловеческие ценности: «здоровье», «счастье», «любовь», «дружба», «добро», «красота», «свобода», «семья», а также связанные с ними в силу своей обусловленности этими ценностями индивидуальные: «личный успех», «престиж», «статус», «любимая работа и досуг», «личное благополучие», особенно материальное, и т.д.

По результатам опроса, основными ценностями учащихся являются: семья и здоровье (по 22%), друзья (15%), образование (13,3%), любовь (8,5%). Меньшей по значимости ценностью для опрошенных является

общение (6,9%), религия (4,6%), материальное благосостояние (деньги) (3,7%), хобби (3,3%).

Исключительная роль в решении задач воспитания принадлежит семье. Для того чтобы выявить, по каким каналам происходит привитие этнокультурных ценностей, мы поинтересовались у школьников, кто в их семье говорит о необходимости уважения национальной культуры и продолжения национальных традиций. В одной трети семей воспитанием в этом направлении занимаются оба родителя (35,3% - матери, 29,3% - отцы). В 21,9% случаев о национальных традициях с детьми разговаривают бабушки по отцовской и материнской линиям, в 8,3% - дедушки. В российской культуре велика роль прародителей, и именно в процессе общения со своими внуками, они передают национальные традиции, рассказывая им народные сказки, употребляя пословицы и поговорки, отмечая национальные праздники и т.д.

Патриотическое воспитание имеет свои особенности, среди которых особое место отводится изучению истории семьи. Привитие этнокультурных ценностей также происходит через составление генеалогического древа семьи, которое является схематичным представлением родственных связей, родословной росписи в виде условно-символического «дерева», у «корней» которого указывается родоначальник, на «стволе» — представители основной (по старшинству) линии рода, а на «ветвях» — различных линиях родословия, известные его потомки — «листья». Для 46,3% опрошенных составление семейного древа это хороший способ провести свободное время с семьей, а так же узнать много нового о своей истории семьи. Так, по результатам нашего исследования, в семьях существует прочная традиция передачи истории рода из поколения в поколения – об этом упомянуло 46,5% опрошенных респондентов. Однако в 36,7% семьях опрошенных передаются только некоторые отрывочные моменты из истории их рода, в целом не принято вести записи о прошлой истории семьи. Безусловно, в наше время, когда патриотическое воспитание находится на недостаточном уровне, мы

должны возрождать традиции, ценить опыт прошлого, прививать детям любовь и гордость за свою семью, и уже на основе этого за свой район, свою Родину. Без прошлого нет будущего.

В основном воспитанием занимаются оба родителя: отец и мать (60%), также в процессе воспитания участие принимает и старшее поколение бабушек и дедушек (21,2%). Это соответствует представлением школьников о том, кто должен заниматься формированием морального, умственного и культурного облика ребенка, привитием ему необходимых правил поведения, ценностей и норм общества.

Помимо родителей большую роль в воспитании детей оказывает школа. «Главные задачи современной школы – раскрытие способности каждого ученика, воспитание патриотического человека» [5]. В послании Федеральному собранию Президент РФ В.В. Путин отметил, что «нам нужны школы, которые не просто учат, что чрезвычайно важно, это самое главное, но и школы, которые воспитывают личность, граждан страны - впитавших ее ценности, историю и традиции. Людей с широким кругозором, обладающих высокой внутренней культурой, способных творчески и самостоятельно мыслить...» [7].

Трудные жизненные ситуации бывают в жизни каждого человека. Даже в самые спокойные времена человек не может пройти свой жизненный путь без встречи с трудностями. Трудная жизненная ситуация может возникнуть в жизни детей, подростков, целых семей. Находящийся в трудной ситуации может надеяться не только на самого себя, но и имеет возможность обратиться к другим. В трудных ситуациях школьники в основном рассчитывают на помощь родителей (57,7%). Доверие к друзьям и надежда на их помощь выше, нежели к другим родственникам (12,4% и 10,2% соответственно). 8,3% в трудных ситуациях прибегают к помощи учителей. Школьники хотели бы обсуждать свои проблемы с родителями (63,6%), братьями/сестрами (14%), друзьями (12,9%), учителем (4,5%), одноклассниками (1,8%), бабушкой/дедушкой (1,7%), другими

родственниками (0,8%) и психологом (0,3%).

Много друзей имеют 79,4% школьников, 20,2% - только несколько близких друзей. В основном друзьями учащихся являются одноклассники (44,8%) и друзьями детства (34,6%). 13,4% - соседями, 6,5% - братьями/сестрами.

Большинство опрошенных совместно с одноклассниками сделали многое для своей школы и села. В основном они облагораживали школу, село и прилегающую территорию, помогали ветеранам, поздравляли пожилых, участвовали в соревнованиях, конкурсах.

На добрые дела в большей степени их сподвигнули родители (29,75). Другие решили сами (29,7%), на третьих повлияли учителя (29,6%).

Несмотря на то, что на решение делать добрые дела большое влияние оказали другие лица, все это выполнялось добровольно – так указали 81,9% респондентов. Лишь для 8,3% школьников это рассматривалось как обязанность.

В будущем школьникам хотелось бы совершить следующие хорошие поступки: помогать людям (родным, пожилым, друзьям и т.д.), школе, бездомным животным, посадить дерево, пожертвовать деньги на благотворительность, открыть больницы, дом престарелых, приют для бездомных животных

Жизненные траектории учащихся были изучены с помощью следующего косвенного вопроса: «Намерен(а) ли ты вернуться в село после окончания вуза или училища/техникума?».

Большинство опрошенных 5-бклассников собираются возвращаться в село после окончания вуза или техникума/училища (55,3%), 44,5% – не намерены вернуться. Сравнительный ответ мальчиков и девочек показал, что намерения мальчиков вернуться в село после получения образования выше на 25%. Как было ранее указано в предыдущем параграфе, девочки стремятся выйти замуж и остаться в городе. Учащиеся из татарских семей меньше ориентированы на возвращение в родное село после окончания вуза (49%),

нежели из русских и чувашских семей (соответственно 68,8% и 60,9%).

У школьников большое желание преобразовать свое село. Они хотели бы построить дороги, красивые дома, музеи, храмы, мечети, клубы, почту и т.д.

Россия - одна из немногих стран, где обеспечивается бюджетное финансирование организаций дополнительного образования детей в сфере образования, культуры, спорта. Услугами дополнительного образования в настоящее время пользуются 49,1% детей в возрасте от 5 до 18 лет. Возможность получения дополнительного образования детьми обеспечивается организациями, подведомственными органам управления в сфере образования, культуры, спорта и др. В утвержденных федеральных государственных образовательных стандартах общего образования дополнительное образование присутствует как обязательный компонент обучения.

Однако в последнее десятилетие уменьшилось число учреждений дополнительного образования, детских музыкальных, художественных, хореографических школ и школ искусств, детских оздоровительных лагерей. Число спортивных школ и секций растет, но часто они ориентированы на перспективы перехода в «большой коммерческий спорт» [1].

Опрошенные хотели бы посещать спортивные секции (37,5%), компьютерные (19,8%), музыкальные (16,3%), технические (8,4%) кружки, кружки рисования (15,9%).

Таким образом, исследование показало высокие патриотические чувства школьников к своему селу, району. Они проводят большую работу по облагораживанию своей школы, села, помогают односельчанам. Несмотря на то, что некоторые хотят уехать из села, большинство желают остаться, чтобы преобразовать свою малую Родину. Школьники, если и желают уехать, то только для того, чтобы получить среднее профессиональное или высшее образование и возвратиться хорошими специалистами. Современные изменения инфраструктуры на селе: строительство дворцов культуры, дорог,

современных школ, ФАПов, развитие агросельской экономики (появление ферм) – все это даст возможность найти учащимся себя и свое место на родной земле. Модернизация инфраструктуры села даст возможность молодежи возвращаться в район.

Руководству района, сельским школам, учителям, семье необходимо приложить больше усилий по профессиональной ориентации сельским профессиям и самое главное для их возвращения в свой район, на малую Родину.

Список литературы:

1. Государственная программа Российской Федерации «Развития образования» на 2013-2020гг. / http://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_227808.pdf

2. Долгосрочная целевая программа «Патриотическое воспитание молодежи Дрожжановского муниципального района Республики Татарстан на 2011-2013годы» / http://drogganoye.tatarstan.ru/rus/info.php?id=409524&pub_id=113523

3. Инновационные тенденции развития сельского социума: Дрожжановский муниципальный район Республики Татарстан (социологический ракурс) Монография // Под редакцией Ильдархановой Ф.А. / Биктагирова Г.Ф., Зинатуллина Г.Ф., Ибрагимова А.А., Ильдарханова Ч.И., Ильдарханова Ф.А., Махиянова А.В., Хафизов Б.Т., Шадриков А.В, Якушкин Н.М. – Казань: «Отечество», - 2014. – 528с.

4. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. / http://www.edu.ru/db/mo/data/d_02/393.html

5. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» / <http://минобрнауки.рф>

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-Е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – С. 496.

7. Послание Президента В.В. Путина Федеральному собранию 12 декабря 2013 года.

УДК 316.77

ББК 76.0

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАКТИК
МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК ЖИЗНИ
В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ**

Ильмухин В.Н.

Аспирант кафедры гуманитарных и социальных наук

Российский университет дружбы народов

Московская область, п. ВНИИССОК

vilmukhin@mail.ru

**SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF MEDIA CONSUMPTION
PRACTICES AS THE EVERYDAY PRACTICES OF URBAN LIFE**

Vilmukhin V.

Graduate of the Department of Humanities and Social Sciences

Russian University of Peoples' Friendship

Moscow region, n. VNISSOK

vilmukhin@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Одной из значимых областей жизнедеятельности современного горожанина является взаимодействие с медиа. Тогда как медиапотребление выступает важной повседневной практикой городской жизни. В разное время социальные поведенческие практики выступали объектом изучения множества ученых. В статье выделены существенные характеристики понятия социальной поведенческой практики, что позволило рассмотреть практики медиапотребления с позиций общей теории социальных практик.

ABSTRACT

One of the most important areas of modern city life the interaction with the media. Whereas media consumption is important everyday practice of urban life. On the basis of a set of works on the theory of practices are highlighted the essential characteristics of the concept of social practices that give a solid understanding of the structure and necessary conditions for the implementation of practices. Different researches investigated social practice theme. Essential characteristics of the concept of social behavioral practice are distinguished, and it enabled look at media consumption practices through sociological theory of practice.

Ключевые слова: медиасоциология || социология города || практики медиапотребления || социальные поведенческие практики

Keywords: media sociology || urban sociology || media consumption practices || social behavioral practices

Городская среда обитания является продуктом извечного человеческого стремления к изменению окружающей среды, ее трансформации, приспособления под нужды обитателей. Однако процесс преобразования не является сугубо односторонним. Значительное количество исследований посвящено описанию и доказательству того, что среда большого города не просто влияет на повседневность человека, а коренным образом задает ее. Человек мегаполиса иной в сравнении с человеком традиционной сельской общины. Влияние городской среды обусловлено различными факторами и имеет место во множестве сфер жизнедеятельности человека.

Одной из значимых областей жизнедеятельности современного горожанина является взаимодействие с медиа. Тогда как медиапотребление выступает важной повседневной практикой городской жизни. Развитие коммуникационных технологий вызвало колоссальные изменения нашей повседневной жизни. Средства коммуникации настолько прочно вошли в наш быт, что теперь сложно представить современную жизнь без них. Доступ

к информации заметно облегчился, так что теперь о событиях в отдаленных частях света можно узнать мгновенно и посредством множества каналов коммуникации, от газет до интернета. Современная городская среда неотделима от процесса медиапотребления, слита с ним в одно целое. Оно отчасти совпадает и переплетается с другими занятиями, одной из причин такого положения дел является то, что специфические практики медиапотребления, которых придерживаются люди, происходят от других аспектов повседневной человеческой жизнедеятельности. Так, люди включают телевизор, чтобы создать фон для приготовления обеда или чтобы занять ребенка; слушают радио, чтобы скоротать время по дороге на работу; читают книги, чтобы расслабиться и забыть о хлопотах повседневной жизни.

Использование медиа становится ключевой характеристикой общества и повседневной жизни. Почти половина времени бодрствования современного человека проводится в компании медиа. Средний российский горожанин бодрствует в день около 15 часов 55 минут и 8 часов 15 минут из этого времени вовлечен в медиа и коммуникационную активность, т.е. 52% от времени бодрствования [6], причем эта цифра напрямую зависит от технологической развитости индивидуальной и семейной медиасреды. Современное состояние медиапотребления описывается глубоким и тесным переплетением медиапрактик с рутинными повседневными занятиями человека. Просмотр телевизора практически тождественно домашнему досугу (66% россиян смотрят телевизор для отдыха и развлечения [8]), а поездки в машине сопровождаются радиослушанием (76% россиян слушают радио в автомобиле [7]).

При этом практики медиапотребления различаются в зависимости от того кто, когда и где взаимодействует с медиасредой. Очевидно, что практик медиапотребления жителей большого города в значительной мере отличаются от соответствующих поведенческих характеристик сельских жителей и населения малых городов [9]. Это влияние заметно как в глобальном масштабе (среда обитания дает возможность коммуницировать с

определенными медиа или делает их недостижимыми), так и в повседневных рутинных мелочах (тип городского поселения влияет на то, в какое время суток человек смотрит телевизор и какие жанры предпочитает и т.д.).

Представители Торронтской школы — Г. Иннис и М. Маклюэн, а также представитель кибернетического подхода к исследованию коммуникаций Н. Виннер, рассматривали медиапотребление, акцентируя внимание на технических устройствах. Именно эти ученые заложили основы теории массовой коммуникации. Теория Н. Виннера предполагает построение общества нового типа на базе свободного распространения информации и безраздельной власти компьютеров, так как только техника способна привести общество в порядок [11]. Г. Иннис и М. Маклюэн, обращают внимание на эффекты функционирования медиа и современных устройств коммуникации в обществе [2;17;18].

Тем не менее, исключительно эмпирического подхода к изучению медиапотребления оказалось недостаточно для объяснения социальной стороны медиапотребления, его положения в структуре общественных процессов. В данном определении «социальное» означает рутинное, повседневное действие, и соответственно, практики выступают как часть повседневности. В этой связи, в русле социологии коммуникаций развивается точка зрения на медиапотребление, рассматривающая его в контексте коммуникаций происходящих в обществе и разнообразных социальных действий человека.

Взгляд на медиапотребление, когда оно в своем определении не сводится к буквальному использованию технических устройств и физических устройств, осуществляющих коммуникационную функцию (телевизора, радио, телефонов, печатных изданий и т.д.), ярко выражен в работах известного российского ученого В. П. Коломийца. Так по его определению «медиапотребление» означает «социальную практику использования коммуникационных средств (медиа) для получения и освоения символического содержания и осуществления социальных связей и

взаимодействий» [16, С. 160]. То есть его определение не сводится к односложному использованию технических коммуникационных устройств, оно гораздо шире. Медиапотребление — это активный процесс потребления и осмысления контента, то есть содержания коммуникации. Данный подход учитывает многообразие повседневных практик человека, рассматривает медиапотребление в общей структуре человеческой деятельности. В рамках социологической науки обозначенная концепция опирается на теорию, рассматривающая деятельность человека в категориях социальных практик.

В социологической науке понятие раскрывается в категории «социальная практика», которое подразумевает «совокупность принятых в культуре (традиционных) способов деятельности, навыков обращения с различными предметами; мышление или действие «по привычке», следование правилу, поведение, имеющее ритуальный характер; частные социальные институты» [15, С. 154]. Социальные практики выступают базисом социального действия и находятся в основе социальной жизни. Среди исследователей, способствовавших становлению общей теории социальных практик, выделяются М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн, Г. Райл, М. Полани, М. Мосс, Н. Элиас, М. Фуко, М. Де Серто, Дж. Скотт, А. Макинтайр, Б. Латур, Дж. Делез, П. Бурдьё и Э. Гидденс. В России данное направление активно развивается в Европейском университете (г. Санкт-Петербурге) В. В. Волковым и О. В. Хахординым. Ими был проведен блестящий анализ теории практик и основных работ, связанных с этим направлением социальной теории, который вылился в книгу «Теория практик». Именно на основе этой фундаментальной работы выделены сущностные характеристики понятия социальной практики, дающие целостное понимание структуры, обстоятельствах и необходимых условиях осуществления практик.

Прежде всего, практика — это конкретная деятельность. Она прослеживается в повседневных повторяющихся действиях человека. Практика происходит по воле конкретных людей в конкретном времени и пространстве, и, соответственно, должна быть наблюдаема. Э. Дюркгейм

отмечал следующий факт, что практики, в отличие от необозримых убеждений, реальны и поддаются изучению в мельчайших подробностях. Л. Витгенштейн также подчеркивал, что практика — поддается наблюдению, «то есть вся совокупность производимых действий, только ее не замечают либо по причине непроблематичности, либо считая ее внешним проявлением чего-то скрытого, стоящего за ней — сознания, мышления, когнитивных процессов и т. п.» [12, С. 63].

Практика — это вошедший в привычку повторяющийся образ действий. Это подразумевает автоматизм совершения действий в повседневных ординарных ситуациях.

Практика как действие или их совокупность сопровождается конкретным «фоном», или контекстом. Под фоном понимается совокупность других различных практик, которые осуществляются параллельно изучаемой практике. Понятие «фон» активно используется в гештальтпсихологии, где его присутствие изучается как необходимое условие любого восприятия: фигура никогда не рассматривается самостоятельно, передний план всегда подразумевает наличие заднего плана [21, С. 72.]. Дж. Сёрль и Х. Дрейфус рассматривают понятие фона не только для изучения визуальной перцепции, но и вербальной. Так, Сёрль отмечает, что разумное понимание речи одного человека другим находится в зависимости от совпадения фона обоих участников коммуникации [4]. Дрейфус под фоном понимает некоторую совокупность практик, в рамках которой происходит социализация членов определенного общества. Если объект и субъект коммуникации не существуют одновременно в одних и тех же практиках взаимодействия с окружающим миром, их понимание одних и тех же ситуаций и поступков будет совершенно разным, и адекватное общение невозможным [1].

В общую организацию поведенческих практик человека включается процедура анализа внешней обстановки на предмет допустимости в ней конкретной практики, то есть способность индивидов сравнивать свои поведенческие действия со сложившимися нормами окружающей

действительности. Эта процедура делает возможным оценить ситуацию и классифицировать ее. В каждой конкретной ситуации человек сравнивает ее с теми, что происходили в его предыдущем жизненном опыте, ищет схожие ситуации, оценивает допустимость определенного алгоритма действий и строит последующее поведение в соответствии. Если ситуация ординарна, то есть в ней нет ничего необычного, то классификация и действие происходят автоматически. Однако если ситуация неординарна, то индивид пытается выявить в ней такие элементы которые позволили бы максимально близко сравнить ситуацию с теми, что есть в его собственном опыте и далее действовать по уже готовому шаблону. В разное время разные исследователи по-разному именовали жизненный опыт или багаж знаний индивида, на базе которого происходит оценка и классификация ситуации. П. Бурдые оперировал термином «габитус». Он дает ему определение как «система устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие практики и представления...» [10]. Дж. Сёрль использовал понятие фон, фоновые навыки [4], А. Реквиц — фоновое знание (background knowledge) [3], у И. Гофмана встречается фрейм [14], у Ч. Тейлора — фоновое понимание (background understanding) [5], Л. Витгенштейн именовал понятие как следование правилу [12].

Существенной характеристикой практик является их коллективный формат. Выше уже отмечалось, что практика есть выполнение реальных действий определенным способом. Значительной особенностью этих поступков является то, что члены общества, к которому относится человек, должны распознавать и понимать реализуемую человеком практику.

П. Уинч отмечал, что всякий разумный поступок по своей сути— следование правилу, но правило никогда не соблюдается индивидуально. Соблюдение правила подразумевает существование человеческого сообщества, которое учреждает публичные меры корректности выполнения конкретного правила. Твердо заданная процедура соблюдения правила

происходит из коллективных механизмов обучения и будущей фильтрации ложных действий. В мере обучения индивид запоминает практику вместе с правилами ее реализации [19, С. 38].

Кроме «социальных знаний» (фрейм, фон и т. д.), т. е. знаний, опыта и умений, приобретенных в ходе социализации, также различаются особые навыки и умения, освоенные специально для совершения ежедневных рутинных действий (приготовление пищи, набор текста на клавиатуре и т. д.). М. Полани и Г. Райл обозначили отличие практического неявного знания (знание «как») и содержательного фактуального знания (знание «что»). Знание «что» говорит о конкретном действии, навыке, которые можно выразить словами (программа тренировок, схема эвакуации и т. д.). Однако самостоятельно это знание ничего не говорит о навыках осуществления этих практик. Реализация, выполнение нуждаются в знаниях иного характера — практического знания «как». Будучи по своей форме неявным, это знание прослеживается в конкретном умении (преимущественно телесном) и заключается не в программах, правилах, а в реальных привычных поступках. Для подобного рода знания требуются наличие примера решения конкретной задачи, образцов выполнения действий, постоянные упражнения, собственные пробы и ошибки [13, С. 79].

Выполнение практики происходит с применением «инструмента». Инструментом выступает как собственное тело человека, руки, голос и т.д., так и внешний предмет, который становится, таким образом, продолжением человека или его органов чувств. Волков и Хахордин пишут: «В процессе деятельности человек использует различные инструменты и подручные средства для достижения своих целей. В подручном мире вещи, знаки, фразы повседневного языка выступают как инструменты, а человек — как умелый пользователь, обладающий соответствующим знанием или навыками, без которых ни один вид практической деятельности не был бы возможен» [19, С. 72].

Таким образом, социальные практики — это набор принятых в обществе алгоритмов и образов действий, умений обращения со специальными инструментами; ход мыслей или поступков «по привычке»; следование шаблонам, соблюдение правил, ритуалов, образцов поведения, основанных на общественных социальных ожиданиях, мнениях, нормах и эталонах. Поведенческие практики заполняют повторяющуюся повседневность индивида. Кроме непосредственно устоявшихся образов действий, практики содержат отношение действующего лица к объектам взаимодействия.

Термин «медиапотребление» широко используется в настоящее время и с научной точки зрения относится к предметной сфере медиасоциологии — отрасли социологической науки, изучающей поведение людей в современной медийной среде [16, С.73]. Социологический аспект медиапотребления заключается во влиянии, оказываемом на общество феноменом медиа, как уникальной среды коммуникационных технологий, в которой живет человек и как потребляемого потока символического содержания коммуникации [16, С.74]. Социолог П. Штомпка писал, что социология — «наука о людях, действующих в поле взаимоотношений друг с другом и придающих этому полю динамику постоянного функционирования и формирования, о людях, которые превращают повторные, фиксируемые их сознанием, иногда не преднамеренные результаты и последствия своих действий в те структурные и культурные рамки, в которых происходят дальнейшие действия последующих поколений» [20, С.32]. Медиа здесь выступает средой (полем) взаимоотношений людей, медиапотребление является важнейшим аспектом функционирования медиаиндустрии, в качестве культурных и структурных рамок выступают практики медиапотребления, которые с успехом передаются от поколения к поколению. Медиасоциология предоставляет взгляд на медиа как на аспект социальной жизни, определяющий социальные практики людей. Современная информационная эпоха предполагает рассмотрение информационной среды как среды нового типа окружающей

человека, задающей новые формы социальных практик и профили идентичности. С этого ракурса, при посредничестве информационных и коммуникационных технологий, люди не только воспроизводят привычные образцы общественных отношений, но и формируют новые.

Медиапотребление обладает необходимыми сущностными характеристиками, позволяющими квалифицировать его как социальную поведенческую практику:

Ситуативная деятельность. Конкретные практики медиапотребления, их форма и нюансы осуществления обусловлены социальным, пространственно-временным контекстом, в котором находится человек. К примеру, выбор телепередачи для семейного просмотра может определяться главой семьи, или молодой человек использует планшет только в поездках в общественном транспорте.

Рутинизированная деятельность. Процесс медиапотребления тесно переплетен с повседневными практиками человека, и они не всегда разводятся в восприятии человека как разные виды деятельности. Люди зачастую плохо осознают то, насколько они используют какое либо медиа, так как не фокусируются на этом. Так, вечерний телепросмотр — это также и практика проведения досуга, общения с семьей. А в процессе домашних дел (уборка, приготовление пищи) зачастую осуществляется фоновый телепросмотр или прослушивание радио.

Квалификационная деятельность. Медиапотребление требует наличия навыков управления определенными техническими устройствами. Люди старшего возраста, как правило, хуже взаимодействуют с новыми медиасредствами, и поэтому могут не использовать все разнообразие технических возможностей устройства.

Интерпретационная деятельность. Медиапотребление предполагает декодирование контента пользователем. Для постижения смысла информации, полученной через медиасредства, требуется определенная степень внимания и интерпретационной деятельности. К примеру, смотреть

один и тот же фильм можно несколько раз, но если человек при этом постоянно отвлекается на домашние дела, вряд ли он поймет смысл увиденного.

Технически-обусловленная деятельность. Осуществление практик медиапотребления невозможно без технических, физических медиасредств, так и физических человека.

Несмотря на многообразие теоретических подходов к проблематике поведенческих практик, они имеют много общих моментов, позволяющих выделить сущностные характеристики понятия поведенческой практики. Практическая направленность этого упражнения в том, чтобы иметь возможность рассмотреть практики медиапотребления с позиций теоретиков общей теории социальных практик. Таким образом, практики медиапотребления рутинизированны, активны, ситуативны, подвержены интерпретации, технически-обусловлены и требуют квалификации исполнителя.

Список литературы

1. Dreyfus H. L. 1990. On the ordering of things: Being and power in Heidegger and Foucault. *The Southern Journal of Philosophy*. 28 (S1): 83–96.
2. Innis H.A. 1975. *Empire and Communication*. L.
3. Reckwitz A. 2002. Toward a Theory of Social Practices. *European Journal of Social Theory*. 2002. 5 (2).
4. Searle J. 1980. *The Background of Meaning*. In: Searle J. et al. *Speech Act Theory and Pragmatics*. Dordrecht, 1980.
5. Taylor Ch. 1996. *Philosophical Arguments*. Cambridge.
6. TNS Россия – M'Index, Россия — 2015 2 полугодие.
7. TNS Россия – Radio Index, Россия – апрель-сентябрь 2015.
8. TNS Россия – TV Index, Radio Index, WEB Index, M'Index, 2014 1 полугодие.
9. Аналитический центр Видео Интернешнл. ТВГТЗ 2011.

10. Бурдые, П. 2001. Практический смысл. СПб. Алетейя.
11. Виннер Н. 1958. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.
12. Витгенштейн Л. 1985. Философские исследования. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М. 79—128.
13. Волков В. В., Хахорин О. В. 2008. Теория практик. СПб.
14. Гофман И. 2004. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.
15. Добренъков В. И., Кравченко А. И. 2003-2004. Социология: в 3-ёх томах: словарь по книге. М.: Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.
16. Коломиец В.П. 2014. Медиа социология: теория и практика.
17. Маклюэн Г. М. 2003. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.
18. Маклюэн Г.М. 2003. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М.
19. Уинч П. 1996. Идея социальной науки и ее отношение к философии. М.
20. Штомпка П. 2008. Социология. Анализ современного общества. М.
21. Ярошевский М. Г. 1996. История психологии от античности до середины XX В. Учеб. пособие. М.

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
ОБСКИХ УГРОВ ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА ХАНТЫ-
МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ**

Исламова, Ю.В.

*канд. филол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок*

Ханты-Мансийск

islyv@rambler.ru

**NATIONAL LANGUAGES IN THE ETHNIC IDENTITY OF THE OB
UGRIANS OKTYABRSKY DISTRICT, KHANTY-MANSI AUTONOMOUS
OKRUG – YUGRA**

Y. Islamova

*cand. Philology. Sciences, Associate Professor, Senior Researcher
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development*

Khanty-Mansiysk

islyv@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В работе с привлечением полевых материалов, полученных в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири исследуется положение хантыйского и мансийского языков в структуре этнической идентичности среднеобских угров. Делается вывод о том, что в процессе языкового сдвига в среде коренных северян автохтонные языки утрачивают этнообразующую функцию.

ABSTRACT

In the work with field materials obtained in the places of compact residence of the Khanty and Mansi, the author examines the situation of national languages

in the structure of ethnic identity of the middle Ob Ugric peoples. The author comes to the conclusion that in the process of language shift among indigenous northerners indigenous languages cease to fulfill the function of an ethniforming.

Ключевые слова: обские угры; языковая ситуация; этничность; языковой сдвиг.

Keywords: Ob-Ugrians; the language situation; ethnicity; language shift.

Социолингвистические исследования последних лет демонстрируют критическое снижение уровня языковой компетенции во владении национальными языками в среде миноритарных этносов Сибири.

Причины языкового сдвига разнообразны. В качестве основных условий называют: приток русскоязычного населения, смешанный состав населения поселков, политику укрупнения поселков, введение школьного преподавания на русском языке, проживание детей в интернатах, где они лишены возможности говорить на титульном языке, распад традиционного хозяйства, рост числа межнациональных браков, а также отсутствие мотивации к изучению языка даже там, где это теоретически возможно. Отсутствие или слабое воздействие этих факторов, наоборот, является причиной языковой устойчивости. Однако в основе многих случаев языкового сдвига лежит нежелание людей говорить на титульном языке [2].

В советский период языковая политика в отношении всех нерусских национальностей проводилась в равной мере, тем не менее степень языковой ассимиляции, приверженности языку своего народа у этносов Российской Федерации оказалась разной. Так, например, народы Северного Кавказа, якуты довольно успешно сопротивлялись не намеренной, но фактической языковой ассимиляции, в то время как многие национальности бывшего СССР – евреи, белорусы, поляки, алеуты и др., почти полностью переключились на русский язык [3]. Отсюда напрашивается вывод о том, что причины утраты языка, в том числе могут заключаться и в этнопсихологической специфике народа.

Проблема соотношения языка и этничности далеко не нова. В многочисленных работах в ряду этносоциальных признаков традиционно выделяются язык, специфические особенности культуры, характерные черты психики, единая территория проживания, а также самосознание и самоназвание. Язык считается одним из важнейших факторов. В положении языка в структуре этнической идентичности, а также в самой природе этничности таятся причины витальности или, наоборот, утраты языка, считает Э.В. Хилханова [там же].

В последние годы в свете критического положения многих этнических языков все чаще предпринимаются попытки переосмыслить роль языковой компетенции в формировании этнической идентичности. В современных исследованиях звучат выводы о том, что идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами группы, сколько с его символической ролью в формировании чувства родственности с группой и одновременно в процессах межгрупповой дифференциации [1].

В работе предпринимается попытка установления места хантыйского и мансийского языков системе этнической идентичности угров Среднего Приобья.

В 2015 г. автором была изучена языковая ситуация в Октябрьском районе ХМАО–Югры. Исследование проводилось в населенных пунктах с компактным проживанием КМНС *Нижние Нарыкары, Шеркалы, Большой Атлым*. В целом в этническом составе представителей КМНС: ханты – 70 %, манси – 30 %.

С использованием методов анкетирования и интервью было опрошено 100 человек. Из них 67 % – женщины, 33 % – мужчины. Возраст участников – от 18 лет и старше, без ограничения верхней возрастной планки. Большинство из них имеет среднее (40 %) и среднее специальное образование (31 %). Вузы окончили 11 %. Начальное образование получили 17 %.

Наиболее значительно представлены в исследовании пенсионеры (24 %), работники школ и детских садов (18), безработные (10 %). 1 % от числа опрошенных составляют работники в сфере традиционных профессий (рыбак, охотник, оленевод).

14 % принявших участие в опросе сообщили о знании языка своего народа. Исследование обнаружило разный уровень языковой компетенции внутри группы носителей языка: от пассивного до совершенного владения. При этом не знают и нескольких десятков слов около 60 % (таблица 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «В какой степени Вы владеете родным языком?»

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа опрошенных
Свободно владею, предпочитаю родной язык	1	1,0
Свободно владею, но вынужден использовать язык большинства (т.е. русский)	10	10,0
Говорю с небольшими ошибками	3	3,0
Владею, пишу и читаю	0	0,0
Свободно понимаю родную речь	0	0,0
Понимаю язык, но не говорю	10	10,0
Понимаю два десятка слов	15	15,0
Не понимаю языка	59	59,0

Понимаю, о чем говорят	0	0,0
Затрудняюсь ответить	2	2,0
Итого ответивших:	100	100,0
Нет данных	0	0,0
	100	100,0

Среди активно владеющих мансийским языком 71 % находятся в возрасте старше 51 года, 29 % – в возрастной категории «41-50 лет». Среди носителей хантыйского языка 33 % люди старше 51 года, 67 % старше 61 года. Носителей языков моложе 41 года исследование не обнаружило. Наблюдаемые изменения можно охарактеризовать как процесс утраты этносом этнического языка.

Как показало исследование, в иерархии признаков этничности языку респонденты отводят одно из последних мест. В перечне критериев респондентам предлагалось отметить сближающие со своим этносом факторы. На первое место анкетированные вывели «географический» признак. Самобытные этноконсолидирующие факторы оказались на периферии этнического самосознания. Так, территориальная общность роднит со своим народом 62 % респондентов. Другие составляющие этничности в целом отметили 51 %: чувство единства происхождения (34 %), антропологические признаки (5 %), бытовые национальные компоненты (4 %), религию (4 %) и язык (4 %), 5 % не дали ответа (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что больше всего сближает Вас со своим народом?»

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа опрошенных
Чувство общности происхождения	34	34,0
Национальная одежда,	4	4,0

пища		
Внешний облик	5	5,0
Религия	4	4,0
Язык	4	4,0
Родная земля, ее природа	62	62,0
Итого ответивших:	95	95,0**
Нет данных	5	5,0
	100	100,0

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 1,2.

** В данном случае рассчитана не сумма, а отношение числа ответивших к числу опрошенных.

Многое объясняют данные о родных языках респондентов. Обско-угорские языки в Октябрьском районе родными считают 26 % опрошенных (17 % – хантыйский, 9 % – мансийский). Для 76 % родным языком стал русский. 2 % сообщили о том, что имеют два родных языка – хантыйский и русский. В целом расхождение между национальностью и этническими языками оказалось велико. Тем не менее в число считающих языки ханты и манси родными вошли 12 % не владеющих ими. Как видим, абсолютное большинство респондентов, называя родным языком язык другой национальности, неосознанно дистанцируются от своей этнической общности. Как правило, это выходцы из этнически смешанных семей. Многие из них, как стало ясно из бесед, явно стыдятся своего «несоответствия» (внешнего и внутреннего психологического), своей национальности, комментируя ответ об этнической принадлежности тем, что являются ханты/манси только «по паспорту».

Углубляют представления о месте этнического языка в системе этнических признаков сведения об отношении респондентов к нему. По данным, полученным на других территориях ХМАО – Югры, подавляющее

большинство обских угров свои этнические языки воспринимают как языки предков. Не принес неожиданностей соцопрос и в Октябрьском районе. Здесь языки КМНС связывают с предшествующими поколениями более 70 % респондентов. Лишь 13 % согласились с утверждением: «Этнический язык – мой родной язык». 3 % считают языки КМНС языками близких друзей и знакомых, для 2 % чужой язык, для 4 % ничего не означает. 10 % затруднились с ответом.

На вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети и внуки владели хантыйским/мансийским языком?» 48 % ответили положительно, более половины обнаружили нулевую и отрицательную лояльность к языкам: 44 % ответили, что не видят в этом необходимости, 9 % затруднились с ответом. Готовность изучить языки предков проявили только 14 % (10 % ханты, 4 % манси).

Удручающую картину языковой компетенции обских угров во владении языками своего этноса (86 % респондентов не говорят на своих этнических языках) дополняет информация об использовании языков КМНС. В силу разных причин 10 % респондентов из 14 % знающих обско-угорские языки не используют их. В деловой коммуникации к обско-угорским языкам обращаются только 3 %, в быту на титульных языках общаются 1 % опрошенных. Абсолютное большинство информантов во всех сферах общения используют русский язык. 76 % считают родным языком русский.

Таким образом, для обских угров Октябрьского района ХМАО – Югры их этнические языки не являются этнообразующим фактором. Ранние интенсивные контакты с русскими, социально-политические события XVI – XX вв., а также факторы этнопсихологического характера обусловили глубокую этническую ассимиляцию автохтонного населения, в результате которой сформировалась общность, не знающая национального языка, имеющая низкий уровень этнического самосознания. В таком социуме национальные языки не могут выполнять ни реальной, ни символической этноконсолидирующей роли.

Список литературы

1. Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1997/974/974075.htm> (дата обращения: 08.02.16).
2. Вахтин Н.Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) / Н.Б.Вахтин // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. – № 1. – СПб., 2001. – С. 11-16. URL: <http://philology.ru/linguistics1/vakhtin-01.htm> (дата обращения: 18.02.16).
3. Хилханова Э.В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Барнаул, 2009. 35 с.

УДК 316.35

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КУРСАНТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ**

Калмыкова, Я.О.

*курсант 2 курса факультета подготовки следователей
ФГКОУ ВО «Уральский юридический институт МВД России»,
факультет подготовки следователей*

Екатеринбург

yanka607@mail.ru

**VALUE ORIENTATION OF STUDENTS OF EDUCATIONAL
ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF
RUSSIA**

Kalmykova, Y.

*2nd year student of the Faculty of training of investigators
"Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia",
the Faculty training of investigators*

Ekaterinburg

yanka607@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье затрагиваются вопросы, связанные со структурой ценностей курсантов образовательных организаций системы МВД, выявленной на

основе опроса курсантов 2 курса. Проводится сравнительный анализ иерархии ценностей курсантов с ценностями студентов гражданских ВУЗов.

ABSTRACT

The article addresses the issues associated with the structure of the values of cadets of educational organizations of the Ministry of internal affairs of Russia, identified on the basis of a survey of cadets of 2nd year. A comparative analysis of the hierarchy of values of students with the values of students of civilian Universities.

Ключевые слова: молодежь, студент, курсант, ценностные ориентации, структура ценностей, инструментальные ценности, терминальные ценности, динамика ценностей.

Keywords: youth, student, cadet, value orientation, the structure of values, instrumental values, terminal values, dynamics of values.

Российское общество находится в процессе значительных, зачастую кризисных, социально-экономических, политических и духовных изменений, которые влекут за собой создание абсолютно новых социальных отношений. На протяжении последних нескольких лет ключевыми проблемами современной России являются проблемы социального неравенства, материального благополучия, духовных ценностей и др. Так, согласно данным Левада-центра, 42% россиян беспокоит безработица, 41% - угроза войны, 40% - экономический кризис, 24% - рост преступности [1, с. 22].

Изменения, происходящие в политической, социальной, экономической, духовной сферах общества, безусловно, влекут за собой кардинальные изменения в ценностных ориентациях и поведении людей. В большей степени эти процессы отражаются на формировании структуры ценностей молодого поколения.

Молодежь – это молодые люди и девушки в возрасте 17-28 лет, студенты высших учебных заведений либо рабочая молодежь. Молодежь к тому же является уникальной социальной группой. Во-первых, современная

молодежь занимает в обществе особое место, всегда ассоциируется с будущим и с перспективами развития страны. Во-вторых, молодежь – самая динамичная часть населения. Сегодня, в связи с перестройкой общества, ее ценностные ориентации являются достаточно подвижными. Отсюда, именно молодое поколение становится той лакмусовой бумажкой, по которой можно определить вектор происходящих перемен, вектор будущего развития страны и государства. В зависимости от того, какой ценностный фундамент, будет сформирован у нынешних молодых людей, будет зависеть во многом будущее страны. Ведь ценностные ориентации представляют собой определенную совокупность иерархически связанных между собой ценностей, которая задает человеку направленность его жизнедеятельности. Ценностные ориентации личности не только определяют мотивацию индивидуального поведения, но и в совокупности – разнообразные представления об общественной и политической жизни [2].

В настоящее время различные сферы общества трансформируются, прогрессируют информационные и компьютерные технологии, идет процесс глобализации, особенно изменения претерпевают политическая и социальная сферы, растет процент преступности, терроризма и экстремизма, растет угроза безопасности страны.

В связи с указанными изменениями, в обществе также происходит переоценка ценностей, изменение жизненных приоритетов молодежи, отвержение ценностей старшего поколения. Существенно изменилось отношение граждан к военной службе и службе в полиции, значительно упал престиж этих структур. Такое положение является опасным, ведь именно Министерство обороны и Министерство внутренних дел являются гарантиями безопасности страны и защиты граждан.

С другой стороны, важно знать, какие люди идут сегодня защищать права и свободы россиян. Отсюда, актуальным становится изучение ценностных ориентаций курсантов. Курсанты – молодые люди и девушки, обучающиеся в военных училищах, образовательных организациях системы

МВД и др. Следует отметить, что исследований студенческой молодежи достаточно много, а вот изучением курсантов, их внутренних позиций, их идеалов, ценностей, установок занимаются сравнительно мало.

Курсанты – будущие служащие страны, ее опора и безопасность. Поэтому необходимо знать каковы мотивы их обучения, каких целей они хотят достичь, какие ценности и нравственные идеалы у них сформированы, какими принципами они руководствуются. Зная все это, можно будет выстроить обучающий процесс с возможностью формирования и дальнейшего развития необходимых ценностей, идеалов и позиций, которые будут положительно влиять на исполнение курсантами, а в дальнейшем офицерами, своих служебных и профессиональных обязанностей на высоком уровне.

В октябре – декабре 2015 года было проведено пилотажное социологическое исследование структуры ценностей курсантов Уральского юридического института МВД России. В качестве базового использовался метод анкетирования по методике «Ценностных ориентаций» М. Рокича. В исследовании приняли участие 100 курсантов, обучающихся на втором курсе.

Курсантам предлагалось два списка по 18 ценностей в каждом, первый список представлял собой ценности-цели, второй список ценности-инструменты, задачей было проранжировать эти два списка в соответствии с тем, какая ценность для курсанта является наиболее значимой.

В итоге были получены следующие результаты.

Диаграмма 1

Иерархия терминальных ценностей курсантов (в рангах)

Как видно из диаграммы 1 в системе ценностей-целей курсантов наиболее высокий ранг значимости занимают ценности здоровья, счастливой семейной жизни, любви, наличия хороших и верных друзей. Такие ценности, как творчество, красота природы и искусства, развлечения, счастье других занимают в иерархии терминальных ценностей последние места.

Диаграмма 2

Иерархия инструментальных ценностей курсантов (в рангах)

Как видно из диаграммы 2 в системе инструментальных ценностей курсантов значимые позиции занимают две группы ценностей: этические и профессиональные. Среди этических - воспитанность и честность, а среди профессиональных - ответственность, образованность, аккуратность и самоконтроль. Ценности непримируемости к недостаткам себя и других, высокие запросы занимают последние места среди инструментальных ценностей. Таким образом, ведущие ранги в иерархии ценностей-средств занимают те, которые должны быть имманентно присущи профессиональной деятельности сотрудника органа внутренних дел.

Ценности курсантов системы МВД во многом сходны с ценностями студентов гражданских ВУЗов. В качестве примера можно привести исследование «Студент – 2012» [3, с. 160-216], проведенного среди студентов ВУЗов Свердловской области, на первых местах также располагаются здоровье, семейное счастье и общение с друзьями. Среди инструментальных ценностей и у студентов, и у курсантов важными являются образованность и профессионализм.

С другой стороны ценности курсантов и студентов различны. Различием является то, что деньги и материально обеспеченная жизнь у студентов также находятся на главенствующих позициях 1-4 места, тогда как у курсантов материальная обеспеченность жизни занимает лишь 9 место. Свобода и независимость являются для студентов важными, у курсантов свобода располагается на 12-ом месте, а независимость на 13-ом.

На различия в ценностях существенным образом оказывает влияние именно та социокультурная среда, где происходит процесс обучения и социализации молодого человека. В образовательных организациях системы МВД формируется особая культура, в рамках которой у курсантов закладываются ценности патриотизма, порядка, законности, законопослушания, гражданственности и самопожертвования. Именно вышеприведенные ценности являются профессионально важными для курсантов и в будущем они, несомненно, будут влиять на сознание обучающихся, отражаться в их поступках и определять их поведение. Отсюда является особенно важным правильно организованный процесс формирования структуры ценностей курсантов, его последовательность, регулируемость и управляемость.

Список литературы:

1. Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2016
2. Головатый Н.Ф. Социология молодежи: Курс лекций. – К., 1999.
3. Студент – 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 – январь 2012) / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. – Екатеринбург: УрФУ, 2012.

УДК 316.334:37

ББК С561.9-41

**КОНФОРМНОСТЬ И ИННОВАЦИЯ В ЖИЗНЕННЫХ
СТРАТЕГИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ)**

Карпов, А.П.

*Кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и культуры
зарубежных стран историко-географического факультета.*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение «Чувашский государственный университет имени И.Н.
Ульянова».*

Г. Чебоксары (Чувашская Республика, Российская Федерация)

E-mail: intelligent1951@mail.ru

**CONFORMITY AND INNOVATION IN LIFE STRATEGIES
REGIONAL STUDENT YOUTH (ON MATERIALS OF SOCIOLOGICAL
RESEARCH IN THE CHUVASH REPUBLIC)**

Karpov A.P.

*The candidate of sociological sciences, associate professor of history and
culture of foreign countries History and Geography Department.*

*Federal State Educational Institution "Chuvash State University named after
IN Ulyanov. "*

Cheboksary (Chuvash Republic, Russian Federation)

E-mail: intelligent1951@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Анализируются результаты эмпирических социологических исследований студенческой молодежи Чувашской Республики, проведенных в 2013-2015 гг. Рассмотрены конформистские и инновационные ориентации в

жизненных стратегиях студенческой молодежи во взаимосвязи с траекториями профессиональных трудовых карьер и структурами социального неравенства.

ABSTRACT

Analyzes the results of empirical sociological research of the student youth of the Chuvash Republic carried out in 2013-2015. Considered conformist and innovative orientations in student life strategies of young people in relation to employment trajectories occupational careers and social inequality.

Ключевые слова. Региональная студенческая молодежь, жизненные стратегии, ресурсы жизненного успеха, конформистские и инновационные ориентации, траектории профессиональной трудовой карьеры, воспроизводство структур социального неравенства.

Key words. Regional student youth, life strategies, resources, success in life, conformist and innovative orientations, the trajectory of a professional career, the reproduction of structures of social inequality.

Жизненные стратегии студенческой молодёжи – сложный процесс рационализации целей, намерений и интересов, способов действий, ориентированных на желаемый социальный статус, связанный с получением высшего профессионального образования. Это одна из форм реализации последним своей институциональной роли – воспроизводства структуры, социальной дифференциации и механизмов изменения общества.

Региональная студенческая молодежь представляет собой внешне и внутренне интегрированную социальную общность в составе российского студенчества, имеющая свои отчетливо различимые признаки. Ее пространственная локализация определяется границами субъекта федерации, а социальное положение его политическим и социально-экономическим статусом, оказывающим значительное влияние на состояние и престиж регионального вузовского образования.

Общность положения осознается студентами как особая социальная идентичность, отличающая их от тех, кто поступил учиться в столичные вузы. Если резюмировать высказанные на этот счет мнения участников фокус-групп и информантов в индивидуальных интервью, то можно констатировать ясное понимание ими экономических и социокультурных отличий (преимуществ) обучающихся в Москве сверстников, представляющих более высокие ресурсные группы.

Концепты ресурсных групп, человеческого капитала во взаимосвязи с образовательными и профессиональными траекториями, получили глубокую разработку и масштабное эмпирическое обоснование в отечественной социологии образования [4; 7]. Значительные результаты в изучении жизненных стратегий достигнуты социологией молодежи [1, с. 108-117]. И в том и другом направлении исследований важное место принадлежит проблеме «образование – социальное неравенство» и ее эмпирическим коррелятам в различных областях образовательной деятельности и трудовых карьерах молодежи.

Однако какие конкретно элементы студенческих жизненных стратегий потенциально ориентированы на сохранение или изменение функционирующих структур социального неравенства? Насколько устойчивы конформистская и инновационная составляющие жизненных планов и их влияние на выбор тех или иных направлений социально-трудовых карьер?

Поиск ответов на эти вопросы был осуществлен в нескольких социологических исследованиях, проведенных нами в Чувашской Республике в 2013-2015 гг. и объединённых в итоге в один исследовательский проект с общей проблематикой.

Важную методологическую роль сыграла концепция Р. Мертон о социальной природе аномии в конкурентном обществе [6, с.231-322]. Превознесение цели денежного успеха и игнорирование норм, регулирующих способы ее достижения, весьма актуальны для социальных

практик современного российского общества. Теоретический анализ Р. Мертона помогает разглядеть связь конформистских и инновационных ориентаций в жизненных стратегиях студенческой молодежи с критериями и ресурсами воспроизводства социального неравенства. Изучение последнего в тесной связи с качеством образования в современных подходах «социологии неравенства» [8] также расширяет возможности теоретического анализа эмпирических данных проекта.

Дизайн исследования основывался на смешанной методологии, включавшей как количественные, так и качественные методы получения данных, подвергнутых, соответственно, количественным и качественным методам анализа. Автором были использованы: рэнкинг и групповая дискуссия с элементами техники открытых дебатов по теме «Как стать успешным в России?» со слушателями Школы социального знания и общественной практики (2013 г., n= 50 чел.) [2, с.77-85]; количественный опрос студентов Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, отобранных методом типической районированной выборки (2014 г., n= 500 чел.) [3, с.112-124]; количественный опрос старшекурсников-выпускников ЧГУ им. И.Н. Ульянова по теме «Стратегии занятости и жизненный успех: мой выбор» (2015 г., n= 40 чел.) и фокус-групповое исследование по его результатам (четыре фокус-группы); самописание молодыми людьми опыта занятости в Москве после окончания учебных заведений в Чувашии и индивидуальные интервью с ними (2015 г., 5 чел.).

Таким образом, информационную базу исследования составили несколько массивов эмпирических данных, релевантных его стратегическим целям и задачам. Совокупным объектом исследования выступила региональная студенческая молодежь, представленная в основном студентами ведущего вуза Чувашской Республики - Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова.

Результаты исследования свидетельствуют, в первую очередь, о том, что получение высшего профессионального образования одновременно

означает и завершение важного процесса интернализации студенческой молодежью ценностей и норм действующего социального порядка и легитимации присущих ему структур неравенства посредством рационализации стратегий жизненного успеха (жизненных стратегий). Так, три четверти выпускников в целом оптимистично оценивают свои жизненные перспективы в ближайшие 4-5 лет после окончания университета (пессимистические оценки высказали не более 5% респондентов), признавая тем самым возможности социального продвижения в существующей социальной структуре.

Неравенство представляется как дифференциация возможностей (шансов) в достижении успеха, благополучия в жизни. Бóльшими возможностями обладают те, кто владеет важными ресурсами: полезными связями и знакомствами, образованием, престижной профессией (специальностью), материальным богатством, властью (в порядке убывания значимости). Важны также ресурсы семьи (семья происхождения и родственные связи) и удачный брак.

Исследование подтвердило гипотезу о размежевании конформистской и инновационной составляющих в стратегиях овладения ресурсами жизненного успеха, что проявилось в предпочтениях альтернативных профессиональных карьер: специалиста-исполнителя и предпринимателя (две трети и треть респондентов соответственно). Контрольный вопрос о выборе «риска» или «использования имеющихся возможностей» как способов преодоления прожективных кризисных жизненных ситуаций подтвердил эту пропорцию: примерно треть респондентов выбрали принцип «Кто не рискует, тот не пьет шампанское!», остальные предпочитают не рисковать в острых ситуациях.

Полученные данные позволили установить социальную обусловленность конформистской и инновационной ориентаций в жизненных стратегиях регионального студенчества в зависимости от дифференциации его социально-групповых признаков. Наиболее заметное

дифференцирующее влияние здесь оказывают территориальный фактор (расположение школы, законченной в прошлом нынешним студентом, на территории разного уровня урбанизации), образование и профессия родителей, направления профильной подготовки в вузе. Это в полной мере соотносится с аналитическими результатами всероссийских исследований [5, с. 11, 236-241].

Конформистская ориентация, в конечном итоге, определяет выбор линейной, организационно упорядоченной, трудовой профессиональной карьеры с постепенным наращиванием ресурсных возможностей в достижении стратегических целей успеха: семьи (любовь, дети – 61% выборов), деловой карьеры (30% выборов), личностного развития (21% выборов)*. Инновационная ориентация – выбор «портфельной занятости», способной принести, в терминологии информантов, «быстрые деньги» и достижение показателей «успешности» в короткие сроки. Модальная позиция, высказанная по этому поводу информантами, формулируется следующим образом: «в первую очередь, необходимо заработать деньги, чтобы обеспечить достойные условия жизни. А дальше рынок покажет, в каком направлении развивать успех».

Социальная траектория первого типа явно или не явно опирается на приоритет административного принципа или корпоративного (властного) ресурса карьерного роста, второго типа - на приоритет свободы выбора, денежного успеха и личностного ресурса (включая социальные и профессиональные качества), и как следствие продуцирует рыночные (конкурентные) механизмы в воспроизводстве структур социального неравенства.

Высшее образование в целом создает институциональные возможности для построения карьер и того и другого типа, но, как показывают материалы исследования, его ценностные приоритеты, по крайней мере, на региональном уровне, связаны прежде всего с воспроизводством властного

* Каждый респондент мог выбрать несколько приоритетных целей

(административного) ресурса социального неравенства. Молодежные карьеры иного типа пока не укоренились в качестве культурной ценности высшего образования и не получают в нем равноценной институциональной поддержки.

Список литературы

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. - 2008. - № 7.

2. Карпов А.П. Диалог социологии и общества: возможности общественных научно-просветительских проектов //Социология образования.- 2015.- №3.

3. Карпов А.П., Широков О.Н. Отношение студентов университета к учебе: опыт социологического исследования //Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н.Ульянова): сборник статей/редкол.: О.Н.Широков, Т.Н.Иванова, И.А.Липатова, М.Н.Краснова. - Чебоксары: ЦНС "Интерактив плюс", 2015. – 580 с.

4. Ключарев Г. А., Диденко Д. В., Латов Ю. В., Латова Н. В. Непрерывное образование – стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / Под общей редакцией д.соц.н., к.э.н. Ю. В. Латова. М.: ЦСПиМ, 2014. – 433 с.

5. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи — М. : ЦСП и М, 2011. — 296 с.

6. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.

7. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография] / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. — М. : ЦСП и М, 2015. — 232 с.

8. Шкаратан, О. И. Социология неравенства. Теория и реальность / О. И. Шкаратан; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 526 с.

УДК 316.3/4

ББК 60.54

**ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧИН МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ С СЕЛЬСКИХ
ТЕРРИТОРИЙ В МЕГАПОЛИСЫ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Катриш, Т.С.

*магистрант института государственного управления и
предпринимательства*

Уральский федеральный университет имени первого Президента

России Б.Н. Ельцина

Свердловская область, г. Нижний Тагил,

tatjana-katrish@rambler.ru,

**REASONS OF YOUTHMIGRATION FROM RURAL TERRITORIES
TO MEGALOPOLISES AS ACTUAL PROBLEM OF SCIENTIFIC
RESEARCHES**

Katrish, T.

graduate student of the Institute of Public Administration and Business

Ural Federal University named after the first Russian President Boris

Yeltsin

Sverdlovsk region, Nizhny Tagil,

tatjana-katrish@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблема миграции молодежи с сельских территорий в мегаполисы. Обозначены основные причины мобильности молодежи. Показана взаимосвязь оттока молодежи и снижения кадрового потенциала агропромышленного комплекса.

ABSTRACT

In this article the problem of youthmigration from rural territories to megalopolises is considered. The author identified the main causes of this

migration. The interrelation of outflow of youth and decrease in personnel capacity of agro-industrial complex is tracked.

Ключевые слова: сельская молодежь, сельские территории, агропромышленный комплекс, молодежная политика

Keywords: rural youth, rural territories, agroindustrial complex, youth policy

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 года №151-р «О Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» обозначено направление на создание условий для обеспечения стабильного повышения качества и уровня жизни сельского населения на основе преимуществ сельского образа жизни [4]. Развитие сельских территорий приобретает особую актуальность в связи с активной реализацией политики импортозамещения в агропромышленном комплексе страны. Это обусловлено первоочередной ролью данного комплекса для продовольственной безопасности России в кризисных условиях. По данным Федеральной службы государственной статистики в Свердловской области увеличился выпуск продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий с 51374 млн руб. в 2012 году до 65686 млн руб. в 2014 году [6]. При этом остается недостаточным уровень развития агропромышленного комплекса как в технологическом, инфраструктурном и ресурсном плане, так и в социально-экономическом.

В настоящее время можно утверждать, что лишь системная модернизация агропромышленного комплекса позволит обеспечить полноценное импортозамещение во всех его отраслях. Важно совершенствовать производственную и социальную инфраструктуру, а также систему управления агропромышленным комплексом в целом [8].

В этой связи важной составляющей для получения объективных официальных статистических данных об основных показателях производства сельскохозяйственной продукции и отраслевой структуре сельского

хозяйства, о наличии и об использовании его ресурсного потенциала для разработки прогноза развития сельского хозяйства, мер экономического воздействия на повышение эффективности сельскохозяйственного производства является Всероссийская сельскохозяйственная перепись, которая пройдет с 1 июля по 15 августа 2016 года [1, 2]. Заявленные меры и реализуемые мероприятия являются однозначным сигналом заинтересованности государства в развитии сельских территорий.

В современном сельском хозяйстве особенно остро стоит проблема нехватки специалистов и высококвалифицированных кадров. По нашему убеждению, прослеживается прямая связь с демографическими проблемами в сельской местности. По данным Федеральной службы государственной статистики за последние 5 лет увеличилась миграция населения в городские поселения с сельских территорий с 518 507 в 2010 году до 999 768 человек в 2014 году по России (рост составил 192,8 %). В Уральском федеральном округе отток населения с сельских территорий выше, чем в среднем по РФ и составил 201,7 %. [7]. Одновременно с этой проблемой отмечаются резкое снижение численности сельского населения и его старение (табл. 1).

Таблица 1

Распределение населения по возрастным группам в Российской Федерации
(на 1 января; тыс. чел.)

	2	2	2	2	2
	010	011	012	013	014
Сельское население	7543	7444	7314	7229	7118
в том числе в возрасте, лет:					
0-14	6	6	6	6	6

		569	578	665	784	875
		8	7	7	7	7
	15-29	021	954	665	361	047
		1	1	1	1	1
	30-54	3437	3400	3287	3165	3038
		4	4	4	4	5
	55-64	438	490	721	943	156
	Э	5	5	4	4	5
тот	65-70 и более	077	022	976	976	003
же	Из общей численности					
фа	- население в возрасте:					
кт	моложе	7	7	7	7	7
по	трудоспособного	018	027	096	194	292
дт		2	2	2	2	2
ве	Трудоспособном	2218	2122	1780	1424	1031
рж	старше	8	8	8	8	8
да	трудоспособного	306	295	438	611	795
ет						

статистика сокращения сельского и увеличения городского населения в Свердловской области (табл. 2)

Таблица 2

Численность населения Свердловской области
(на 1 января; тысяча человек)

	2	2	2	2	2
	010	011	012	013	014
	4	4	4	4	4
Все население	298,0	307,6	315,8	320,7	327,4
Городское	3	3	3	3	3

население	604,5	617,2	628,4	637,6	649,1
Сельское	6	6	6	6	6
население	93,5	90,4	87,4	83,1	78,3

Одной из главных причин негативных демографических процессов на селе является отток молодежи. Молодежь – это особая социальная группа, отличающаяся не только возрастными, но и статусными характеристиками. В соответствии с Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, к молодежи официально относится категория граждан в возрасте от 14 до 30 лет [3].

Основной отток из села идет за счет населения репродуктивного возраста. Это неминуемо приводит к социально-экономической деградации села, поскольку именно эта часть населения является наиболее трудоспособной и обладает высокой репродуктивной способностью. Уменьшение численности подростков и молодежи ведет к углублению проблем формирования трудовых ресурсов, способных приумножить технологический потенциал сельской местности. В своей работе А.И. Гулейчик отмечает, что «мы, по сути дела, сами своими руками «вымываем» кадры из села, оголяем село. Лучшие юноши и девушки, поступая на учебу в вузы и техникумы, уходят из села навсегда» [9].

На основе анализа различных исследований, проведенных в последние годы (Р.Н. Масалимов, Е.В. Стомба, Р. М. Садыков) отмечается высокий уровень потенциальной мобильности молодежного трудового ресурса, сопряженный с трудностями развития сельского рынка труда. Прослеживаются тенденции вовлечения сельской молодежи в городскую среду за счет привлекательности урбанистического образа жизни, жизненной динамики города, более высоких показателей качества жизни [10, 12].

Положение сельской молодежи по сравнению с городским населением осложняется недостаточной развитостью социальной инфраструктуры, затруднениями в доступе к качественному образованию, проблемами

трудоустройства, растущей социальной дифференциацией в молодежной среде, невозможностью полноценного удовлетворения духовных и социальных потребностей [11].

Стремление жить в больших городах имеет глубокое социально – экономическое обоснование: уровень трудовой занятости населения, развития различных форм социальной поддержки со стороны государства, жилищных условий в мегаполисах выше, чем в сельской местности. На сегодня крупный город в современной России предоставляет молодежи большие возможности социальной реализации.

Изучение социальных проблем жителей сельских территорий, в том числе, сельской молодёжи, актуальность их осмысления и выработка конструктивных решений определяются не только текущими задачами проводимой государственной политики, но и проектированием перспектив будущего нашей страны, российского общества, государства и личности. Российское село, сельский житель и крестьянский труд стали главными показателями масштабов и остроты тех кризисных явлений, которые переживает наша экономика и общество в целом [10]. Таким образом, изучение причин миграции молодежи с сельских территорий можно рассматривать с позиции экономического, социального и демографического подходов.

Негативные тенденции в оттоке молодежи из села связаны с отсутствием эффективной молодежной политики, которая бы учитывала современное положение и проблемы сельской молодежи, способствовала решению кадровых задач, стоящих перед агропромышленным производством. Для повышения эффективности молодежной политики в ближайшей перспективе предстоит четко разграничить функции, методы по её формированию и реализации на федеральном, региональном и местном уровне. При этом исследования причин миграции молодежи с сельской территории в мегаполисы станут необходимой базой для формирования молодежной политики.

Список литературы

1. О Всероссийской сельскохозяйственной переписи: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. №108-ФЗ[Электронный ресурс] // Информационный интернет-портал «Законодательная база Российской Федерации». Режим доступа:<http://zakonbase.ru/zakony/108-fz-ot-2011-07-11-o-vserossijskoj/>(дата обращения: 22.02.2016)
2. Об организации Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: постановление Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2013 г. №316 // Российская газета. 15 апреля 2013.
3. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р [Электронный ресурс]// Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации». Режим доступа: <http://pravo.gov/> (дата обращения: 27.01.2016)
4. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р [Электронный ресурс]// Официальный сайт Правительства России. Режим доступа: <http://government.ru/docs/16757/> (дата обращения: 27.01.2016)
5. Об утверждении государственной программы Свердловской области «Совершенствование социально-экономической политики на территории Свердловской области до 2020 года»: постановление Правительства Свердловской области от 25 декабря 2014 г. № 1209-ПП [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. Режим доступа: <http://www.pravo.gov66.ru/3551/> (дата обращения: 27.01.2016)
6. Ежегодный статистический сборник «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации»[Электронный ресурс]

//Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.
Режим доступа:
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138625359016(дата обращения: 22.02.2016)

7. Официальный сайт Федеральной службы государственной: Официальная статистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#, свободный (дата обращения:20.02.2016).

8. *Абдулрагимов И.А.* Направления выработки стратегии импортозамещения в АПК Российской Федерации / И.А. Абдулрагимов // Экономика и управление. 2015. №3.

9. *Гулейчик А.И.* Без руководителей-профессионалов экономика бессильна: Научные труды Академии кадровой и социальной политики АПК / А.И. Гулейчик // Российская академия кадрового обеспечения АПК. 2008. № 3.

10. *Масалимов Р.Н.* Социальные и психологические проблемы молодежи сельских территорий (на примере Республики Башкортостан) / Р.Н. Масалимов, Е.В. Стомба // Современные исследования социальных проблем. 2012. №1.

11. Мониторинг ценностных ориентаций сельской молодежи для оценки ее трудового потенциала в условиях переходной экономики / В.Г. Новиков [и др.]; под ред. В.Г. Новикова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2004.

12. *Садыков Р.М.* Актуальные проблемы села и политика в сфере занятости сельской молодежи / Р.М. Садыков // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 20.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ БОРЬБЫ С НИЩЕТОЙ К 2015
ГОДУ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ, РЕГИОН –
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА**

Кетежева Я.Ю.

Студентка 1 курса магистратуры факультета международных

отношений СПбГУ

г Санкт-Петербург

kyaaaaiya@gmail.com

**IMPLEMENTATION OF THE PROGRAM TO FIGHT AGAINST
POVERTY BY THE YEAR 2015 AND PROSPECTS FOR FURTHER
DEVELOPMENT, THE REGION - LATIN AMERICA**

Ketezheva Iana

1 year master student of the Faculty of International Relations, St.

Petersburg State University

Saint Petersburg

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена степень реализации, успешность программ по искоренению нищеты в таком регионе, как Латинская Америка за период 2000-2015г. Информация основана на источниках, таких как доклады/исследования крупных организаций, например МВФ, ЭКЛАК, Программа развития ООН. Проанализирована причинно-следственная связь между экономическим ростом определенных регионов Латинской Америки и стагнации (либо снижения роста) у других. Приведены статистические данные, показательные для оценки реализации одной из целей тысячелетия – искоренение нищеты. Выдвинуты предположения о дальнейшем развитии событий в изучаемом регионе.

ABSTRACT

The article considers the extent of implementation, the success of poverty eradication programs in the region such as Latin America for the period 2000-2015. Information is based on sources such as reports / studies of large organizations like IMF, ECLAC, United Nations Development Programme. The article analyzed the causal relationship between economic development of certain regions of Latin America and the stagnation (or reduce the growth of) others. It provides statistics that is indicative for the evaluation of the implementation of one of the Millennium Goals - the eradication of poverty. Suggested further developments in the study region.

Ключевые слова: Нищета, Латинская Америка, цели тысячелетия, ООН, борьба с нищетой, МВФ, ЭКЛАК, программа развития ООН, экономический рост.

Keywords: Poverty, Latin America, the Millennium Goals, the UN, the fight against poverty, the IMF, ECLAC, United Nations Development Programme, the economic growth.

В начале тысячелетия, государства — члены Организации Объединенных Наций собрались вместе, чтобы выработать стратегию борьбы с нищетой и решения многочисленных вопросов, которые мешают процессу развития. Эта стратегия нашла свое отражение в восьми Целях развития тысячелетия и в период с 2000 по 2015 год являлась основополагающим планом действий в области развития, он включал цели, задачи и показатели для отслеживания прогресса в области борьбы с крайней нищетой и голодом, образования, гендерного равенства, сокращения детской смертности, здравоохранения, экологической устойчивости и глобального партнерства. Основными целевыми задачами относительно искоренения нищеты были:

- за период 1990 – 2015 сократить вдвое долю населения, имеющего доход менее 1.25 \$ США

- обеспечить полную и производительную занятость и достойную работу для всех, в том числе женщин и молодежи

- сократить вдвое за период 1990 – 2015 долю населения, страдающего от голода

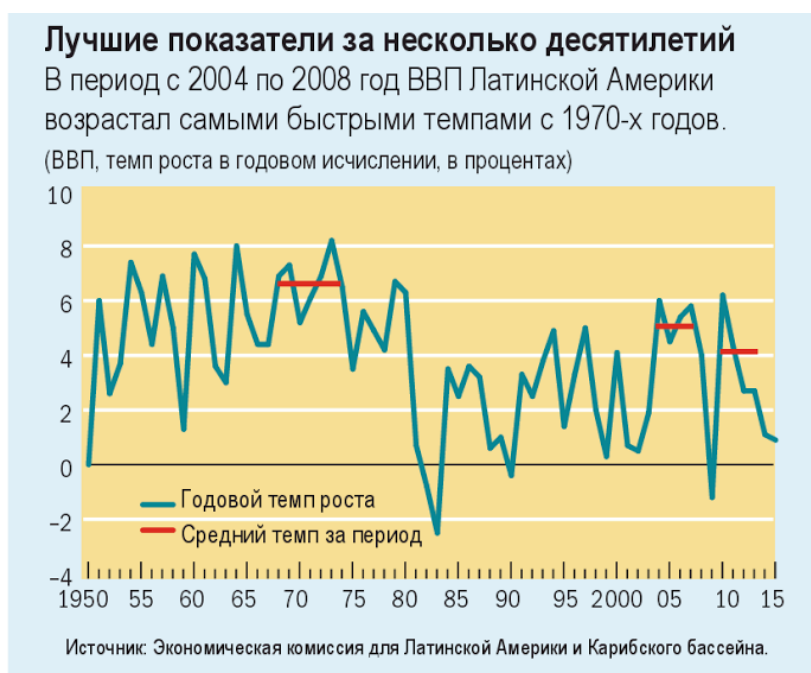
Соответственно, статистику начали вести с 1990 года. Согласно ЭКЛАК (экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна) бедность в Латинской Америке и Карибском бассейне составляла 48,4 процента, уровень крайней бедности или нищеты (уровень дохода, который не покрывает потребности в продуктах питания) составлял 22,6 процента [2].

Каким образом осуществляется помощь и содействие странам, что не могут самостоятельно справиться с проблемой нищеты? Самой приоритетной задачей для институтов и организаций, участвующих в помощи и реализации программ по искоренению нищеты является поддержка стран в ходе формирования более эффективных институтов, правовых основ и политики, направленной на обеспечение экономической стабильности и всеобъемлющего роста. Разрабатываются системы оценки прогресса

проводимых программ по реализации цели, тем самым помогая местным правительствам реагировать на нужды и на изменения в их проявлении у уязвимых групп. Еще одной популярной мерой является формирование партнерств общественного или частного толка, которые направлены в первую очередь на семьи и группы с низким уровнем доходов, а также малые предприятия, предоставляя доступ к широкому спектру финансовых и юридических инструментов.

Проблемой ликвидации нищеты занимаются многие организации, в их числе МВФ, Всемирный Банк, ФАО, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и многие другие. Каждая из этих организаций собирает статистику и оказывает поддержку нуждающимся странам (в зависимости от специфики задач той или иной организации). Одна из главных организаций, осуществляющих мониторинг, содействие и непосредственно реализацию программ по улучшению благосостояния и уровня жизни людей в данном регионе является Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК). Она сотрудничает с государствами-членами и ассоциированными членами в проведении исследований и анализе региональных и национальных процессов в области развития. В ее задачи входят предложение, оценка и последующее наблюдение за осуществлением мер государственной политики, а также оказание помощи в области специальной информации. ЭКЛАК (испанское сокращение CEPAL) сотрудничает с национальными, региональными и международными организациями по таким вопросам, как развитие сельского хозяйства; экономическое и социальное планирование; промышленное, технологическое развитие, а также развитие предпринимательства; международная торговля, региональная интеграция и сотрудничество; инвестиции и финансирование; социальное развитие и равенство; интеграция женщин в процессы развития; природные ресурсы и инфраструктура; охрана окружающей среды и населенные пункты; статистика; административное управление; демография и политика в области народонаселения.

В докладах многих организаций отмечается общая заметка – экономический рост и в принципе процветание благополучия в Латинской Америке, но последние годы, начиная с 2014го, эта тенденция идет на спад. Как отмечается в официальном журнале МВФ, «десятилетие с 2004 по 2013 год было во многих отношениях исключительным с точки зрения экономического роста и, в еще большей степени, социального прогресса в Латинской Америке. Некоторые исследователи стали называть этот период «латиноамериканским десятилетием» — термин, введенный для контраста с «потерянным десятилетием» 1980-х годов, когда тяжелый долговой кризис поверг этот регион в глубокую рецессию, но эта положительная картина изменилась» [1, р.6].

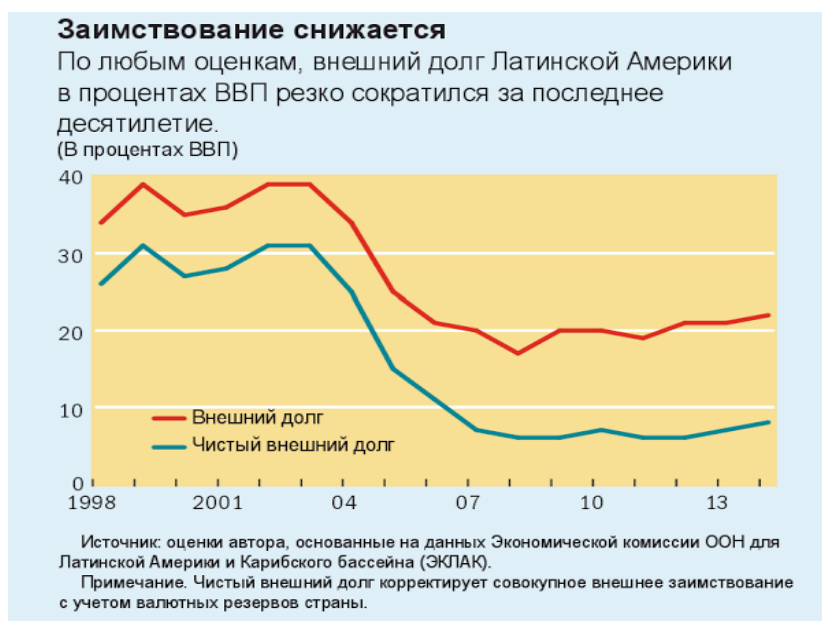

[1, р.7]

В докладе ЭКЛАК в подтверждение этому говорится, что «В 2014 году продолжилось замедление экономики стран Латинской Америки и Карибского бассейна, начавшееся после подъема 2011 года, когда регион восстанавливался после последствий глобального финансового кризиса. Темпы экономического роста региона в 2014 году составили скромные 1,1 процента»[2, р.3]. Основными причинами такого изменения называются: 1) падение цен на биржевые товары, при этом темпы роста были неодинаковыми в странах этого региона - страны Южной Америки

и экспортеры биржевых товаров были затронуты в большей степени, чем страны с более тесными связями с США или страны, имеющие более высокий потенциал экономического роста, 2) общее снижение темпа мировой торговли.

В то же время стоит упомянуть одни из главных составляющих успешного развития региона, что успешно действовали до недавнего времени, это быстрый рост международной торговли, высокий спрос на биржевые товары, широкий доступ к внешнему финансированию, возможности миграции и растущими денежными переводами, которые мигранты посылали домой. Стоит отметить, что в результате кризиса два фактора, как то возможности миграции и рост международной торговли более не актуальны. Еще один важный момент, поспособствовавший экономическому росту в Латинской Америке это достаточно низкий внешний долг:

[1, p.7]

Тем не менее, существуют значительные региональные различия в последних изменениях в Латинской Америке. Резкое замедление характерно для Южной Америки, где темп роста составлял 0,6 процента в 2014 году по сравнению с 2,5 процента в Мексике и Центральной Америке. Также в Венесуэле в 2014 году начался серьезный спад, который углубится в 2015 году, а две крупнейшие южноамериканские страны, Аргентина

и Бразилия, также испытают умеренные спады в 2015 году, (согласно МВФ на 2015 год). В большинстве других стран южной части Америки экономический рост замедлился в 2014 году (например Перу, Уругвай, Чили, Эквадор) или замедляется в 2015 году (Колумбия) за исключением Боливии и Парагвая, где по прогнозам темпы роста будут по-прежнему составлять 4,0 процента или выше в 2015 году. В северной части региона в Мексике рост будет продолжаться — 2,1 процента в 2014 году и 3,0 процента в 2015 году. Эти темпы продолжают посредственную динамику экономического роста в самой северной части Латинской Америки, где средний темп роста составлял 2,6 процента в период между 2004 и 2013 годом, занимая предпоследнее место в Латинской Америке. [1, p.8] Главный вывод из вышеприведенной информации - в северной части Латинской Америки страны Центральной Америки (за исключением Сальвадора и Гондураса) и Доминиканская Республика опережают по своим показателям страны Южной Америки.

На данный момент доступна информация, подготовленная Статистическим отделом Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций, что объединил результаты исследований на основе статистических данных, имевшихся в наличии по состоянию на июнь 2015 года у таких организаций, как Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Межпарламентский союз, Международная организация труда, Международный союз электросвязи, ЮНЕЙДС, ЮНЕСКО, ООН-Хабитат, ЮНИСЕФ, Отдел народонаселения ООН, Всемирный Банк, Всемирная организация здравоохранения. Согласно данной информации в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна уровень нищеты существует на низком уровне, причем результативность действий за период 2000 – 2015 года оценена высоко [4].

Также в резюмирующем докладе ООН оценена успешность реализации программ по искоренению нищеты в том числе, что можно увидеть на нижеприведенных графиках:

Indicator 1.1

Proportion of population living below \$1.25 purchasing power parity (PPP) per day^{a,b}

(Percentage)

	1990	1999	2005	2011
Developing regions	47.7	36.5	26.5	18.1
Northern Africa	5.0	4.5	2.7	1.5
Sub-Saharan Africa	56.7	59.4	52.8	46.8
Latin America and the Caribbean	12.6	11.0	7.4	4.6
Caribbean	32.5	27.7	26.8	22.4
Latin America	11.7	10.2	6.5	3.9
Eastern Asia	60.7	36.0	15.8	6.3
Southern Asia	51.7	43.0	37.6	23.4
Southern Asia excluding India	52.6	36.4	29.5	20.1
South-Eastern Asia	46.4	35.7	18.6	12.1
Western Asia	5.3	4.9	3.2	1.5
Oceania	55.1	32.4	19.9	6.9
Caucasus and Central Asia	7.9	19.2	7.5	3.6
Least developed countries	65.7	62.0	53.5	44.8
Landlocked developing countries	52.8	51.7	41.0	35.1
Small island developing States	35.5	28.5	25.1	19.6

^a High-income economies, as defined by the World Bank, are excluded.^b Estimates by the World Bank, May 4, 2015.

[3, p. 1]

Из приведенных данных видно, что процентное соотношение бедно живущих людей в Латинской Америке одно из самых низких, уступающее только 3-м регионам.

Также интересны результаты относительно работающего населения с крайне низких доходов, здесь результат несколько хуже, но тем не менее достаточно показателен:

Indicator 1.6

Proportion of employed people living below \$1.25 (PPP) per day**(a) Total number of employed people living below \$1.25 (PPP) per day**
(Millions)

	1991	2000	2014 ^a
World	899.5	708.4	319.5
Developing regions	898.8	707.3	319.4
Northern Africa	1.4	0.9	0.4
Sub-Saharan Africa	101.3	132.5	132.4
Latin America and the Caribbean	13.5	15.2	6.7
Eastern Asia	453.8	238.1	30.2
Southern Asia	228.7	227.7	124.3
South-Eastern Asia	96.9	87.6	23.6
Western Asia	0.7	0.5	0.4
Oceania	1.1	1.2	0.9
Caucasus and Central Asia	1.4	3.6	0.5
Developed regions	0.5	1.0	0.04
Least developed countries	137.6	160.5	128.7
Landlocked developing countries	49.5	59.3	48.4
Small island developing States	2.9	3.3	2.8

[3, p.5]

Так выглядит общая оценка уровня жизни в исследуемом нами регионе – Латинская Америка.

В целом эффективность реализации программ по искоренению нищеты в регионе Латинская Америка оценивается высоко, но для полной реализации цели повышения уровня жизни еще далеко. Относительно перспектив развития данного региона и основываясь на вышеуказанных источниках можно предположить, что значительнее всего от падения цен на сырьевые товары и замедления экономического роста в мире в целом пострадают, по большей части, страны Южной Америки, тогда как экономики Центральной Америки окажутся в выигрыше благодаря росту экономики США и снижению цен на нефть. Поскольку отмечается высокая зависимость от продажи энергоресурсов, то предлагаются варианты сглаживания складывающейся ситуации. По мнению МВФ «повышение эффективности

может быть достигнуто путем более тесного сотрудничества между частным и государственным секторами в производстве и распределении электроэнергии и развитии возобновляемых источников энергии, однако правительствам необходимо реформировать нормативно-правовую базу для стимулирования участия частного сектора» [1, р.90]. Также стоит отметить, что многие страны в Латинской Америке сталкиваются с ограничениями ресурсов, что приводит к разочарованию среднего класса из-за отсутствия доступа к государственным услугам и экономическим возможностям, таким образом существует необходимость более глубоких структурных реформ, что могли бы привести к повышению доступности и качества государственных услуг. Достижению лучших результатов может помочь стимулирование привлечения средств, это можно сделать путем расширения налоговой базы и включения групп с высоким уровнем доходов в государственные системы налогообложения и пособий.

Нищета — это комплексное понятие. Она проявляется во многих аспектах, например в голоде и недоедании, в ограниченном доступе к социальным услугам, в социальной дискриминации и изоляции. Таким образом в 2015 году была разработана новая программа действий и выделены, на этот раз, более конкретные цели и задачи, что должно поспособствовать лучшей и более быстрой, качественной их реализации.

Список литературы

1. Годовой отчет МВФ 2015,
http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/ar/2015/pdf/ar15_rus.pdf
2. Сессия 2015 года Экономической Комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна, <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/135/64/PDF/N1513564.pdf?OpenElement>
3. Статистическое приложение доклада по ЦРТ за 2015 год,
<http://mdgs.un.org/unsd/mdg/Resources/Static/Products/Progress2015/Statannex.pdf>

4. Таблица достигнутого прогресса по состоянию на 2015 год
Статистического отдела Департамента по экономическим и социальным
вопросам ООН,
[http://unstats.un.org/unsd/mdg/Resources/Static/Products/Progress2015/Progress
R.pdf](http://unstats.un.org/unsd/mdg/Resources/Static/Products/Progress2015/Progress_R.pdf)

УДК 316.614 + 331.556 + 008:271.2

ББК С 563.05 К 431

**РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ И РПЦ В
СОЦИАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИНОКУЛЬТУРНЫХ
МИГРАНТОВ**

Кириллова, А.И.

к.социол.н., преподаватель.

*ЧОУ «Православная гимназия во имя преподобного Сергия
Радонежского».*

г. Новосибирск (Россия),

Antonia_K@mail.ru

**THE ROLE OF ORTHODOX CULTURE AND THE RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH IN THE SOCIALIZATION AND INTEGRATION
OF MIGRANTS FROM OTHER CULTURES**

Kirillova, A.

PhD in Sociology., teacher.

NOL "Orthodox Gymnasium of St. Sergius of Radonezh".

Novosibirsk (Russia)

Antonia_K@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Массовая инокультурная иммиграция ведет к необходимости поиска решений, снижающих социальную конфликтность на межэтнической почве. Характерной особенностью современной иммиграции является актуализация религиозного фактора. Поэтому важно изучение конфессиональной составляющей в отношениях принимающего социума и иммигрантов, активности религиозных структур. В статье проанализированы информационные материалы РПЦ, описана роль православной культуры и Церкви в социализации и интеграции иммигрантов. Выявлено, что православная культура способствует социализации и интеграции мигрантов.

Действия РПЦ направлены на помощь мигрантам и консолидацию поликонфессионального российского общества.

ABSTRACT

Mass immigration leads to the need to find solutions that reduce inter-ethnic conflicts. Actualization of the religious factor is a characteristic feature of modern immigration. Therefore, it is important to study the religious component in the relations of the host society and immigrants and the activity of religious institutions. The article describes the role of the Orthodox culture and the Russian Orthodox Church (ROC) in the socialization and integration of immigrants on the basis of the analysis of the ROC informational materials and our own research. It was revealed that Orthodox culture promotes socialization and integration of migrants. ROC actions aim at helping to migrants and at consolidation of multi-confessional Russian society.

Ключевые слова: миграция, социализация, интеграция, Русская Православная Церковь (РПЦ), религия, православие, ислам.

Keywords: socialization, integration, migrants Russian Orthodox Church (ROC), religion, Orthodoxy, Islam.

Рост инокультурной миграции является одной из характерных черт эпохи глобализации. Россия относится к числу стран с высоким уровнем внешней (входящей) миграции [1]. Российская государственная политика нацелена на интеграцию и социализацию мигрантов [13]. При этом российский социум демонстрирует высокую степень эксклюзивных (отторгающих) настроений в отношении инокультурных мигрантов [2; 9]. Одним из существенных отличий входящих групп является конфессиональное [10]. Поскольку около 2/3 россиян идентифицируют себя как православных [16], а также в виду актуализации религиозного фактора миграции важно исследовать роль религиозных форм и институтов, особенно православных, в процессах гармонизации межкультурных взаимоотношений, в частности, в социализации и интеграции мигрантов. Одним из основных

социальных акторов, воздействующих на сознание и поведение, оценки, мотивы, установки, в том числе в сфере межконфессиональных отношений, является русская православная церковь (РПЦ). Православие как религиозная конфессия, формирующая соответствующий тип культуры (православный) и мировоззрение, также является фактором, влияющим на отношение россиян к мигрантам.

Цель данной работы – описать влияние православной культуры и РПЦ в процессы социализации и интеграции инокультурных мигрантов.

Эмпирический срез, иллюстрирующий особенности интеграции и социализации мигрантов из среднеазиатских стран, сделан на основе данных двух исследований, проведенных в г. Новосибирске. Социологический опрос мигрантов из стран Средней Азии проведен весной 2013 года; опрошено 363 мигранта трудоспособного возраста: из Таджикистана 35%, Узбекистана и Киргизии – по 26%; 2/3 – мужчины. Анкетный опрос жителей г. Новосибирска проведен весной 2014 года; опрошено: 601 человек (подробнее см.: [17]). Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект № 14-03-18035 «Принимающее общество – отношение к иноэтничным мигрантам».

Прежде всего опишем выявленные нами модели интеграции инокультурных мигрантов, позволяющие отразить особенности их вхождения в российское социокультурное пространство. Мы различаем формальный и органический типы интеграции мигрантов. Формальная интеграция подразумевает вхождение преимущественно в социальную структуру общества и функционирование в нем. Органическая интеграция включает освоение и принятие элементов культуры принимающего социума, эмоциональное приятие, желание быть «своим». Формальная интеграция предполагает приоритет адаптации и социализации, органическая – включает элементы аккультурации и ассимиляции. Кроме того, интеграция подразумевает также принятие мигрантов членами базового (принимающего) социума, восприятие их в качестве «своих». Т.е. для полной интеграции

межкультурные границы должны трансформироваться с обеих взаимодействующих сторон.

По нашим данным, религиозная активность мигрантов является для них положительным социализирующим, адаптирующим и интегрирующим фактором в российском обществе: чем более религиозны мигранты, тем более положительно они относятся к русским и православным, к дружбе своих детей с русскими, к межэтническим бракам (с русскими). В целом, подавляющее большинство опрошенных нами мигрантов одобряют дружбу с местными русскими (90%). Отношение к межэтническим бракам значительно сдержаннее: 32% считают их приемлемыми. Более религиозные группы больше одобряют дружбу и брак.

При этом, наблюдается обратная корреляция религиозности среднеазиатских мигрантов с празднованием общероссийских светских праздников. В целом, светские общероссийские праздники празднуют 38% опрошенных. Это говорит о том, что для религиозного мигранта светские традиции не являются значимым фактором, связующим с принимающим обществом.

Опыт мировой миграционной практики также показывает, что размывание ценностных и духовных ориентиров принимающих сообществ оказывается серьезным препятствием на пути к налаживанию взаимодействия с инокультурными группами. «Общечеловеческие ценности не создают достаточно прочной основы для социального сплочения национального сообщества и для реализации долгосрочного проекта развития» [15]. Входящие группы высоко религиозны, что инициирует активность членов принимающего общества в своей (в России – православной) религиозной культуре. В связи с этим возрастает значимость религиозных акторов в интеграционных процессах, в том числе связанных с мигрантами. Таким образом, актуализируется религиозный фактор интеграционных и социализационных процессов.

Ранее мы касались роли российского ислама в социализации и интеграции мигрантов-мусульман в России [7]. Данная работа посвящена роли православия и РПЦ в рассматриваемых процессах.

В России ведущим религиозным актором является Русская Православная Церковь. В настоящее время она как субъект политико-религиозных процессов вышла на международный уровень, где апеллирует к пониманию России как центра духовной консолидации стран и народов с целью противостояния монополяризации современного мира, а также в противодействии моральному релятивизму и защите общепризнанных традиционных нравственных ценностей. Церковью отмечается, что духовной основой российской цивилизации является привнесенный культурой православия дух подвижничества, нестяжательства, жертвенность, проявлявшийся во всех трудных, переломных моментах российской истории. Подчеркивается особая роль государства и церкви в обеспечении интеграции народов, входящих в состав России [4; 5]. Следствием встречного движения государственных структур и РПЦ явились шаги российского государства по укреплению собственной этноконфессиональной идентичности, закрепляющие в правовом поле «особую роль Православия в истории России, становлении ее духовности и культуры» [19], а также «объединяющую роль русского народа на территории России» [8]. Это свидетельствует об активизации роли этноконфессионального фактора в жизни современного российского общества.

При выявлении оценки принимающим социумом роли религий в укреплении межнациональных отношений в России мы обнаружили, что около половины (48%) опрошенных новосибирцев положительно оценивают миротворческий и интегрирующий потенциал православия. Считают, что будет способствовать улучшению межнациональных отношений укрепление в России буддизма – 21%, ислама – 11% опрошенных. Ислам расценивается скорее как потенциально конфликтогенный фактор (51% отметили, что укрепление ислама в России обострит межнациональные отношения; для

сравнения: относительно буддизма такое мнение высказали 16%, относительно православия – 11% ответивших).

В условиях глобализации религии вовлекаются в поиск форм мирного сосуществования народов. В России РПЦ постепенно берет на себя диалоговую функцию, способствуя выходу страны на мировую арену в качестве миротворческой, стабилизирующей силы. В рамках рассматриваемой тематики можно отметить работу межрелигиозного совета России, организованного по инициативе РПЦ, и межрелигиозного совета СНГ, в работе которого РПЦ принимает активное участие. Она активно участвует в ООН (см.: Резолюцию «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога, взаимопонимания и сотрудничества на благо мира», 2007 г.), принимала участие в Форуме «Альянс цивилизаций» (Мадрид, 2008 г.). В 2004 г. учреждено Представительство Русской церкви в Страсбурге, действующее по вопросам межрелигиозного, межнационального, межкультурного диалога, миграции, общеевропейской безопасности, предотвращения конфликтов, этики использования современных технологий [6]. Важной вехой стала разработка «Основ социальной концепции РПЦ», где отражен, в частности, взгляд РПЦ на межнациональные отношения и проблемы глобализации, содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, государствами. На базе «Основ...» разработан еще ряд документов, важных в области межэтноконфессиональных отношений и идентификационных задач, в частности, «Основы учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека» и др.

Исследователи внешнеполитической активности РПЦ отмечают, что сегодня она признается в качестве религиозного актора другими участниками мирового взаимодействия, и ее позиция принимается ими во внимание при принятии собственных решений [6]. Как отмечает П. Цыганков, «роль Русской Православной Церкви в перспективах России на международной арене состоит в том, что она способствует формированию одного из внешнеполитических ресурсов страны, не менее значимого, чем

нефть или газ, – формированию социального согласия вокруг ценностно-нравственных идеалов, неотъемлемых от национальных традиций и вместе с тем конкурентоспособных в сотрудничестве и согласовании позиций с другими цивилизациями и культурами современного мира» [14].

В 2014 г. разработан документ «Принципы и направления работы с мигрантами в Русской Православной Церкви» [11], в котором отмечается стремление Церкви к оказанию многосторонней помощи мигрантам, выражается забота о гармонизации их отношений с местным населением. Попечение о мигрантах и переселенцах рассматривается как христианский долг. При этом РПЦ поддерживает распространение традиционных культурообразующих ценностей российского общества среди инокультурных мигрантов, а также содействует добровольному возвращению соотечественников на родину.

В рамках работ в данном направлении РПЦ с 2013 года ведет активное сотрудничество с органами ФМС России [18], «предлагает свою помощь в социокультурной адаптации мигрантов посредством организации в том числе и на базе своих учреждений курсов обучения русскому языку, истории, этике, культуре и основам законодательства Российской Федерации, а с привлечением дополнительных средств – в организации адаптационных центров, примеры успешного создания которых имеют место в некоторых регионах Российской Федерации» [4]. РПЦ рекомендует своим органам на местах налаживать контакты с представителями землячеств и духовными наставниками мигрантов [4]. В рамках мер по адаптации мигрантов к российской культуре РПЦ организуются курсы изучения русского языка как при православных приходах, так и при национальных объединениях и духовных центрах [5]. С целью ознакомления с культурой российского общества под эгидой Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества изданы учебные пособия для иммигрантов из Китая и стран Средней Азии и Закавказья [5]; миссионерские цели при этом не ставятся [5].

В отношении миграционной политики Церковью отмечается

необходимость «привлекать именно тех людей, которые нужны нашему государству, а не позволять приезжать всем, кто стремится заработать иногда криминальным путем», устанавливать прозрачный, свободный от этнического и кланового давления рынок труда, а также необходимость адекватной реакции правоохранительных органов в случаях нарушения законов РФ со стороны мигрантов [3].

В своем взаимодействии с российским исламом РПЦ выражает надежду на то, что его руководство будет содействовать тому, чтобы приезжие мусульмане знакомились именно с российскими традициями ислама и интегрировались в традиционные исламские общины страны [12].

Сегодня консолидирующая роль православия проявляется не только в отношении мигрантов, но и в интеграции многонационального российского общества в целом. Оно является основой культурной самоидентификации большинства россиян, даже не считающих себя верующими [16]. Православие стало в постсоветской России «моральной совестью нации и государства. В условиях глубокого духовного кризиса, политического раскола и массового пессимизма именно Церковь оказалась способной сформулировать долгосрочную перспективу национального возрождения» [14]. Православие, формируя православную культуру, «подспудно», в качестве «культурного кода» влияет на характер социальных отношений, принятых в российской культуре. В частности, это проявляется в отношении к бедным, попавшим в беду, нуждающимся в помощи, в т.ч. к мигрантам, и выражается в стремлении помочь на межличностном уровне даже при негативном отношении к инокультурной миграции в целом [17]. Это способствует интеграции мигрантов, т.к. облегчает им тяготы первых лет жизни в России.

Православные ценности и образ жизни, последовательно основанный на них (культура святости), являются вкладом в сокровищницу мировой культуры и культуuroобразующим, интегрирующим стержнем для России, поскольку объединяют людей разных национальностей общей верой,

мировоззрением, общими культурными ценностями. Церковь позволяет сохранять национальную идентичность для многих миллионов россиян.

При этом, хотя эксперты предполагают рост влияния РПЦ на мировой арене, есть факторы, которые могут снизить ее роль внутри страны в будущем: рутинизация и формализация отношений в религиозных организациях; наличие либерально-ориентированных групп населения, исповедующих западные ценности; а также – возможное изменение демографической и этноконфессиональной ситуации в стране (рост инорелигиозных групп).

Таким образом, роль православия, консолидирующая для российского социума, имеет интеграционный потенциал и в отношении инокультурных мигрантов. При этом влияние РПЦ на сегодня достаточно заметно, ее авторитет высок не только внутри, но и вне страны, что способствует формированию уважительного отношения к российской культуре, россиянам, в том числе со стороны инокультурных мигрантов. Она использует свой авторитет для установления мирных, бесконфликтных отношений принимающего социума с мигрантами. РПЦ предпринимается ряд мер, направленных на стабилизацию в обществе, снижение конфликтности в стране в области межнациональных и межконфессиональных отношений, обеспечения ее национальной безопасности. Предпринимаемые ею усилия направлены на социализацию и интеграцию мигрантов.

Список литературы:

В мировом рейтинге ООН Россия заняла второе место по числу мигрантов. URL: <http://www.km.ru/world/2013/09/12/organizatsiya-obedinennykh-natsii-oon/720385-v-reitinge-oon-rossiya-zanyala-vtroe-m> (дата обращения: 15.11.2015).

ВЦИОМ: Среди россиян растёт негативное отношение к мигрантам . URL: <http://russian.rt.com/article/13355> (дата обращения:

26.11.2014).

Выступление представителя Синодального отдела взаимоотношениям Церкви и общества диакона Андрея Титушкина // Миграция: сотрудничество и безопасность. Материалы VII ежегодного международного форума. Москва. 27 мая 2015 г. / Официальный сайт РПЦ. Материал от 28 мая 2015 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/4100296.html> (дата обращения: 05.01.2016).

Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы 23 декабря 2014 года // Святейший Патриарх Кирилл: «Неизменно важна пастырская работа с коренным населением по вопросам межнациональных отношений» / Официальный сайт РПЦ. Материал от 23 декабря 2014 г. <http://www.patriarchia.ru/db/text/3888276.html> (дата обращения: 12.01.2016).

Интервью с начальником Управления содействия интеграции Федеральной миграционной службы России Т.А. Бажан // Митрополит Волоколамский Иларион: Создать для иммигрантов благоприятную среду – общая задача Церкви и государства / Официальный сайт РПЦ. Материал от 11 февраля 2015 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3988757.html> (дата обращения: 10.01.2016).

Касаткин П.И. Русская православная церковь как актор современной мировой политики // Вестник МГИМО Университета. 2010. Вып. №6. С. 149.

Кириллова А. И. Социализация мигрантов-мусульман в современном российском обществе: этноконфессиональный аспект // Вестник НГУ. Серия: философия. 2014. Том 12 , выпуск 3.С. 62-68.

Концепция государственной национальной политики Российской

- . Федерации. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/> (дата обращения: 03.10.2015).
- Отношение к мигрантам / Материал Левада-центра от 03.07.2013.
- . URL: <http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam> (дата обращения: 26.11.2013).
- Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам /
0. Материал ФОМ от 25. 05.2012 г. URL: <http://fom.ru/Mir/10442> (дата обращения: 15.09.2015).
- Принципы и направления работы с мигрантами в Русской
1. Православной Церкви / Официальный сайт РПЦ. Материал от 20 ноября 2014 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/460673.html> (дата обращения: 08.01.2016).
- Прот. Всеволод Чаплин. Нет любви без правды. Интервью
2. журналу «Миграция XXI век» / Официальный сайт РПЦ. Материал от 30 сентября 2014 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3769807.html> (дата обращения: 05.01.2016).
- Путин: раздоры на межнациональной почве нужно предотвращать
3. заблаговременно. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_10_22/Putin-nedovolstvo-zhitelej-Birjuleva-nakaplivalos-godami-2049/ (дата обращения: 20.01.14.).
- Русская Церковь и международные отношения. Интервью с проф.
4. *социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Павлом Цыганковым // Фонд имени Питурима Сорокина, экспертный портал.* URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=644/> (дата обращения: 11.12.2015).
- Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых
5. странах: [сайт]. URL: <http://www.polit.ru/research/2009/07/14/semenenko.html>. (дата обращения: 12.11.2015).

Синелина Ю.Ю. Как рассчитать социологический индекс воцерковленности // ЖМП. август 2012. №8.

Солодова Г.С., Кириллова А.И., Краснопольская И.И, Решетинская М.С., Щеклачева Т.В. Этничность. Ислам. Интеграция мигрантов-мусульман / Отв. ред. Солодова Г.С.; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. – 234 с.

Состоялось очередное заседание Совместной комиссии Русской Православной Церкви и ФМС России / Официальный сайт РПЦ. Материал от 13 ноября 2015 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4270337.html> (дата обращения: 12.01.2016).

Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 13.07.2015) "О свободе совести и о религиозных объединениях". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 03.10.2015).

БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ: ПРОГРАММЫ ООН В АФРИКЕ

Козачок, Н.А.

студент магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

факультет международных отношений. Магистратура, 1 курс,

направление «Мировая политика».

г. Санкт-Петербург (Россия).

Natalya-kozachok@mail.ru

THE FIGHT AGAINST POVERTY: THE UN PROGRAMS IN AFRICA

Kozachok, N.

graduate student

Saint Petersburg State University (State University)

Faculty of International Relations. Graduate, 1st year, the direction of

"World Politics".

St. Petersburg (Russia).

Natalya-kozachok@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам реализации Целей развития тысячелетия по борьбе с бедностью в Африке. Автор рассматривает результаты осуществления целей в период с 2000 по 2015 гг., изучает причины крайней бедности в Африке, основных партнеров ООН по борьбе с бедностью в данном регионе и оценивает перспективы осуществления Целей развития к 2030 г. в данном регионе.

ABSRTACT

The article is devoted to the implementation of the Millennium Development Goals to fight poverty in Africa. The author examines the results of implementation of the goals in the period from 2000 to 2015, studying the reasons of extreme poverty in Africa, the main United Nations partners in the fight against

the poverty in the region and the prospects of the Millennium Development Goals by 2030 in the region.

Ключевые слова: ООН, Цели развития тысячелетия, глобальные проблемы, бедность, перспективы развития общества, крайняя нищета, Африка.

Key Words: The UN, the Millennium Development Goals, global problems, poverty, prospects for the development of society, extreme poverty, Africa.

Введение.

Несмотря на развитие современного общества и все его достижения, бедность остается одной из глобальных проблем XXI века. Статистические данные свидетельствуют о гибели миллионов людей от голода и нищеты ежегодно [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Тем не менее, данная проблема слабо освещается в современных средствах массовой информации. Государства недостаточно уделяют материальных средств и внимания на решение данной проблемы. Распространение насилия, террора (причем глобального), массовых столкновений и неповиновений, войн является следствием крайнего уровня бедности. Все это приводит к массовым недовольствам и борьбе народа. Ликвидация нищеты – это обеспечение национальной безопасности не только отдельного государства и региона, а, возможно, безопасность глобального масштаба.

Африка - один из самых быстрорастущих регионов экономически и по численности населения. Впервые с 1990 года уровень нищеты был снижен в 2005 году [1]. К 2015 году был достигнут определенный успех в реализации Целей развития тысячелетия (ЦРТ1) ООН, принятыми в 2000 году 193 государствами - членами ООН и, по меньшей мере, 23 международными организациями [2]. По статистическим данным, показатели уровня крайней бедности и нищеты снижены в два раза, как и было запланировано.

Среди успехов реализации ЦРТ1 можно выделить следующие, опираясь на доклад ООН за 2015 год [3]:

- число людей, живущих в условиях крайней нищеты и бедности, значительно сократилось за последние 20 лет. В 1990 году около половины (47%) населения стран развивающегося мира жила менее, чем на 1,25 доллар США в сутки. К 2015 году данный показатель сократился до 14%.

- Во всем мире число людей, живущих в условиях крайней бедности сократилось более, чем наполовину, и уменьшилось с 1,9 млрд. человек в 1990 году до 836 млн. человек в 2015 году.

- Число людей, принадлежащих к работающему среднему классу-живущих на более чем 4 доллара США в день- практически утроилось за 1991-2015 годы. В настоящее время эта группа населения составляет половину рабочей силы в развивающихся регионах, при том, что в 1991 году она составляла всего лишь 18%.

- С 1990 года доля людей в развивающихся регионах, страдающих от недоедания, сократилось почти наполовину – с 23,3% в 1990-1992 гг. до 12,9% в 2014-2016 гг.

Однако темпов экономического роста африканского континента (около 7% ВВП) оказалось недостаточно для полной реализации планов ЦРТ1 по искоренению нищеты в данном регионе к 2015 году.

Основная часть.

Причины бедности на африканском континенте.

К 2016 году Африка остается одним из самых уязвимых регионов мира, где уровень доходов на значительную часть населения по-прежнему составляет 1,25 долл. США.

На африканском континенте сохраняется достаточно высокий процент населения, который живет за чертой бедности. В особенности это касается стран, расположенных к югу от Сахары. Показатели уровня нищеты данного региона являются самыми высокими в мире и составляют 41% от общего числа доли бедного населения.

И на это есть ряд очень важных причин.

- Колониальное прошлое африканских стран. Бывшие страны- метрополии занимают не только лидирующие позиции в различных областях промышленности, геологоразведки, в ресурсодобывающих отраслях, но и элементарно сбывают всю продукцию по выгодной для них цене, не позволяя развиваться торговле, промышленности и другим важным отраслям экономики.

- Низкий уровень грамотности и образования. Большинство рабочего населения занимается низкооплачиваемым неквалифицированным трудом.

- Демографический фактор: высокая рождаемость и большое количество молодых трудоспособных людей. Рост численности рабочей силы опережает увеличение возможностей в сфере занятости.

- Постоянные засухи и природные катаклизмы, что является нормальным явлением на континенте, значительно обостряют продовольственную проблему в регионе и ведет к значительному росту цен на необходимые продукты питания.

- Менталитет населения африканского континента, который со временем привык то к поддержке со стороны стран-метрополий, то к материальной помощи стран-доноров, международных правительственных и неправительственных организаций, которые делают значительные финансовые вливания на поддержку местного населения и искоренения нищеты. Народ не хочет и даже не пытается самостоятельно прилагать какие-либо усилия по борьбе с бедностью.

- Криминал как попытка заработать на жизнь: пиратство, наркобизнес, наемники в террористических группировках.

Данные причины являются вескими и в значительной степени формируют облик современной Африки. Эти проблемы не только негативно сказываются на уровне бедности и нищеты населения африканского континента, но и во многом определяют вектор дальнейшего развития региона в различных сферах. К сожалению, искоренение проблем- задача

непростая, так как многие из них это результат многолетней истории (колониальный период, этнические чистки, гражданские войны и т.д.). Эти проблемы остаются весьма актуальными и требуют не только новых усилий по их решению, но и новых источников финансирования.

Реализация Целей тысячелетия ООН в Африке.

В 2015 году ООН утвердила Цели развития тысячелетия и задачи до 2030 года в этом регионе.

В реализации ЦРТ по искоренению бедности в Африке уже активно принимают участие межправительственные и неправительственные организации, среди которых: Организация Объединенных Наций и ее подразделения (экономическая комиссия по Африке (ЭКА), Программа развития ООН (ПРООН), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Всемирная продовольственная программа (ВПП), Департамент по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ), Международный валютный фонд (МВФ), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) и т.д.), Всемирный банк, Красный крест, Оксфордский комитет помогающий голодающим (Оксфэм) [4]. Данные организации проводят материальную, гуманитарную поддержку, специальные программы по строительству жилья, школ и больниц.

Тем не менее, мониторинг Целевой группы ООН по оценке программ в достижении ЦРТ обнаружил ряд проблем, связанных с реализацией финансовой помощи международными организациями и странами-донорами. Многие страны не выполняют в полной мере взятые на себя финансовые обязательства и предоставляют лишь небольшую долю в процентном соотношении от запланированной и согласованной суммы мировым сообществом. Хотя и не стоит недооценивать значительную материальную помощь, оказанную Данией, Норвегией, Люксембургом, Швецией и Соединенным Королевством Великобритании [5].

Роль гражданского общества и бизнеса в преодолении бедности.

В связи с этим интересен и факт вовлечения новых сторон по решению проблемы бедности. Прежде всего, отдельных персон: политических лидеров, звезд Голливуда.

Хотя среди многих звезд мирового масштаба стало очень модно заниматься благотворительной деятельностью по всему миру, для многих из них это часть собственной PR-компании и укрепления имиджа. Тем не менее, среди них есть и те, кто самым серьезным образом относится к решению проблем бедности, голода, инфекционных заболеваний в странах развивающегося мира. Среди них:

- Анджелина Джоли и Бредд Питт, которые оказывают не только всяческую поддержку таким организациям, как «ЮНИСЕФ», «Врачи без границ», «Одна компания», но и сами организовали свой благотворительный фонд «Jolie-Pitt» [6] для решения социально-экономических проблем в слаборазвитых странах мира, кроме того, как многим известно, А. Джоли является послом доброй воли ООН.

- Джордж Клуни также активно участвовал при создании благотворительного фонда «Not On Our Watch» [7], оказывающего поддержку в борьбе с геноцидом в регионе Дарфур (Судан).

- Джастин Тимберлейк, который также учредил свой собственный фонд «Фонд Джастина Тимберлейка», который продвигает музыкальное образование для детей из различных слоев населения в развивающемся мире, является активным участником организаций: «Забота о музыке», «Помощь музыкантам», «Оксфэм», «Надзор за детьми», «Среда обитания для человечества».

Это лишь малая часть известных актеров и музыкантов, которые являются создателями собственных фондов и организаций и действительно считают своим долгом помочь нуждающимся людям в слаборазвитых странах. Организация подобных фондов, на мой взгляд, является очень важным аспектом в подходе решения серьезных проблем и привлекает все больше и больше сторонников такого рода благотворительного движения.

Не менее важным и интересным, на мой взгляд, является визит Папы Римского Франциска в страны Африки в ноябре 2015 года [8]. Глава католической церкви посетил такие страны, как Центральноафриканская Республика, Кения, Уганда, под знаком «Юбилейного года милосердия», который обычно проходил в Риме и в Ватикане и носил характер PR-компаний.

Несмотря на многие риски безопасности в Центральной части Африки, Римский Папа решил не отказываться от запланированной поездки, и даже провел ряд встреч с лидерами христианской и мусульманской течений в данном регионе.

Понтифик почеркнул, что именно нищета и бедность, голод, трущобы порождают новые инфекции и заболевания, которые в значительной степени усугубляются военными действиями. Глава католической церкви призвал, к прекращению насилия и использования оружия для решения проблем, так как это угрожает всему миру. Необходимо стремиться к добру и пониманию, ради собственного процветающего будущего [8].

И действительно, Центральноафриканская республика (ЦАР) – страна, потрясаемая этническими конфликтами. На территории данного государства происходит постоянное столкновение различных враждующих группировок, которые ведут ожесточенную борьбу за сферы влияния и собственную выгоду, что совсем не обращают внимание на многие муки и страдания обычного населения.

Не уступают ЦАР Кения и Уганда, которые также погрязли в этнических конфликтах и чистках. В Кении пребывает многочисленная диаспора из Сомали, члены которой за последние несколько лет превратились в ярых боевиков из Аль-Шабаб, связанных с повстанцами из Джамаат Аш-Шабаб.

В Уганде, несмотря на примирение между различными группировками, ведущих с XX века ожесточенную борьбу за добычу алмазов, золота и урановой руды, так или иначе происходят кровавые столкновения.

Назвать ситуацию в данном регионе стабильной и безопасной совсем невозможно. Безусловно, идеологическая поддержка Римского Папы за мир и спокойствие на континенте - хороша, но совсем не решает проблемы в корне. В мире, страдающим от войн, массовых чисток, голода и нищеты, одних идей недостаточно, необходимы кардинальные действия, которые бы смогли привести к стабильности и безопасности.

Привлечения новых источников финансирования в развивающиеся страны является одной из ключевых задач для реализации новых Целей развития тысячелетия к 2030 году. И одними из таких источников становятся крупные компании, в основном занимающиеся геологоразведкой на африканском континенте. Среди них: китайские Hutchison Whampoa и CITIC Group, работающие в отрасли многономенклатурной продукции, российские Газпром [9], Лукойл [10], занявшие свою нишу в области добычи нефти и газа (здесь не стоит забывать вообще о длительных дружеских отношениях России со многими африканскими странами, еще со времен существования СССР), телекоммуникационные компании из Бразилии, Индии и ЮАР.

И привлечение данных компаний, действительно, имеет большое значение в решении проблем голода и нищеты на африканском континенте. Для крупных компаний развитие инфраструктуры, привлечение молодых специалистов и их обучение, строительство различных социальных объектов и создания новых рабочих мест – в их собственных интересах, о чем компании и не скрывают, а только предлагают свою помощь и поддержку в реализации многих проектов, в том числе и по борьбе с крайней бедностью и нищетой.

Заключение.

Таким образом, мы видим, что к 2016 году в процесс борьбы с крайней нищетой и бедностью на африканском континенте были вовлечены различные акторы (участники) международных отношений, начиная от медийных персон и политиков первой величины до глобальных международных организаций, как ООН, Всемирный банк.

Тем не менее, удастся ли мировой общественности осуществить новые, принятые после 2015 года, Цели развития тысячелетия к 2030 году в полной мере?

Весьма трудный и неоднозначный вопрос, который затрагивает различные аспекты современной мирополитической жизни.

- Деятельность международных организаций. Международные организации – неплохо, но они и до этого при реализации целей ЦРТ1 не отличались особой стабильностью в выплате в полной мере своих финансовых «обязательств» перед странами развивающегося мира, так как бюджет самой организации во многом зависит от государств-членов, которые сами сейчас находятся далеко не в лучшем финансовом положении, в связи с новым мировым финансовым кризисом.

- Участие стран-лидеров в решении проблем бедности в Африке. Период с 2014 года по настоящее время – это период, когда страны-лидеры (Россия, США, Германия, Франция) активно участвуют в большой политике с применением мягкой и жесткой силы в таких регионах, как Сирия, Турция, Украина. На решение проблем африканского континента остается совсем мало сил, время, финансов, а, может, даже и интереса. И как бы не возникли новые регионы, отличающиеся высоким уровнем нищеты и бедности в тех же странах Западной Европы и арабского мира.

- Привлечение новых источников финансирования. Идея прекрасна, но, на мой взгляд, малореализуема, в связи все с тем же мировым финансовым кризисом, который ставит в жесткие условия существования многие крупные фирмы и предприятия, несмотря уже на малый и средний бизнес.

- Участие католической церкви. Как уже и было отмечено ранее, идеологическая поддержка Римского Папы важна в данном регионе, но совершенно не является панацеей от всех проблем на африканском континенте.

Тем не менее, объединение мировой общественности и диверсификация участников в борьбе с крайней нищетой и бедностью дают надежду, если на нескорое, то хотя бы на постепенное решение данной проблемы.

Еще в начале 2000-ых гг. один из ведущих американских экономистов Джеффри Д. Сакс в своей книге «Конец бедности. Экономические возможности нашего времени» выразил весьма оптимистичный настрой в осуществлении Целей развития тысячелетия. «Богатство развитого мира, мощь обширных запасов знаний и сокращение той части мира, которая не в состоянии выбиться из бедности без посторонней помощи, - все это делает ликвидацию бедности к 2025 году вполне реальной возможностью» [4].

Список литературы

1. Всемирный банк. Poverty. World Development Indicators. URL: http://data.worldbank.org/topic/poverty#tp_wdi. Дата обращения: 23.02.16.
2. ООН. Цели развития тысячелетия. Документы. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/bkgd.shtml>. Дата обращения: 23.02.16.
3. ООН. Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf>. Дата обращения: 23.02.16.
4. ООН. Партнеры ООН по целям развития. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/partners.shtml/> Дата обращения: 23.02.16.
5. ООН. Подведение итогов в области глобального партнерства в целях развития. Доклад. 2015г. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/summary2015.pdf>. Дата обращения: 23.02.16.
6. La foundation Jolie-Pitt. URL: <http://jolieaddiction.free.fr/fondation-jolie-pitt.php/> Дата обращения: 23.02.16.
7. Not On Our Watch. South Sudan Mismanagement Fuels “Toxic” Crisis. URL: <http://notonourwatchproject.org/> Дата обращения: 23.02.16.

8. BBC news. Pope of the poor makes big impact in Africa. URL: <http://www.bbc.com/news/world-34961859/> Дата обращения: 23.02.16.

9. Газпром. Официальный сайт. Регионы. Нигерия. URL: <http://www.gazprom-international.com/ru/operations/country/nigeriya>. Дата обращения: 23.02.16.

10. Лукойл. Египет. Официальный сайт. URL: http://www.lukoil.ru/static_6_5id_2104_.html. Дата обращения: 23.02.16.

Список использованной литературы.

1. Батракова Л.Г. Статистический анализ бедности // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Том I (Гуманитарные науки).

2. Воронкова О.В. Теория и практика государственного регулирования уровня бедности // Экономические науки. – 2008. – № 8 (45).

3. Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики / Пер с англ. – М.: Весь мир, 2004.

4. Джеффри Д. Сакс. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. Издательство института Гайдара. Мск. 2011 г.

5. Доклад о развитии человека 2006. Что кроется за нехваткой воды: власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2006.

6. Fituni L., Abramova I. Resource Potential of Africa and Russia's National Interests in the XXI Century. M., 2010.

7. Foster V., Butterfield W., Chen C., Pushak N. Building Bridges. China's Growing Role in Infrastructure Financier for Sub Saharan Africa. World Bank, 2008.

8. New frontiers in poverty measurement /April 2012/ James E. Foster (George Washington University and OPHI, Oxford).

ВЛИЯНИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА УПРАВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫМИ ПРОЕКТАМИ

Кондратенко Ю.Н.

Кандидат экономических наук, доцент

ГОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет»,

г. Екатеринбург

[*julkon@yandex.ru*](mailto:julkon@yandex.ru)

INFLUENCE OF CROSS-CULTURAL PECULIARITIES ON GLOBAL PROJECTS MANAGEMENT

Kondratenko Y.N.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Ural State University of Economics

Ekaterinburg

[*julkon@yandex.ru*](mailto:julkon@yandex.ru)

АННОТАЦИЯ

В статье изучены особенности глобальных проектных команд, определены базовые критерии отнесения команды к глобальной, описаны принципы построения глобальной команды, проанализировано влияние кросс-культурных факторов на управление глобальной командой и представлен механизм кросс-культурного анализа и кросс-культурных тренингов членов команды, необходимых для ее успешной работы.

ABSTRACT

In the article are studied main points of global project teams, determined of basic criteria of global team, described the principles of global team-building, analyzed influence of cross-cultural peculiarities on global projects management and provided mechanism of cross-cultural analyses and cross-cultural trainings of team members for successful team activity.

Ключевые слова: глобальная команда, кросс-культурные факторы, глобальный проект

Keywords: global team, cross-cultural peculiarities, global project

Быстрый темп развития глобальных коммуникаций привел к тому, что мир стал единым сообществом во множестве смыслов. С появлением Интернет, электронной почты, программ мгновенных сообщений, аудио и видео конференций по сети широкое распространение получили международные кооперационные формы взаимодействия компаний – развитие совместного производства, НИОКР, формирование общих сбытовых сетей и т.д. Реализация международной кооперации происходит, как правило, путем формирования глобальных проектных команд. В настоящее время стоит задача разработать модели и механизмы управления глобальными проектами с целью достижения максимальной эффективности и отдачи. При этом учитывая глобальный характер кооперации, важным становится анализ кросс-культурных аспектов.

В настоящее время в литературе существует многообразие типов проектов, осуществляемых с привлечением специалистов из разных стран. Исследователь Биндер Дж. предложил следующую классификацию нетрадиционных проектов:

1. Рассредоточенные проекты – проекты, в которых члены команды работают в одной компании, но находятся в разных странах.
2. Международные проекты – проекты, в которых члены команды работают в разных странах, но являются сотрудниками одной компании.
3. Виртуальные проекты – проекты, в которых члены команды работают в разных компаниях и находятся в разных странах.
4. Глобальные проекты – проекты, управляемые через границы, с членами команды из разных культур, с разными языками, работающих в разных странах по всему миру.
5. Глобальные программы – группа связанных проектов со сходными стратегическими выгодами, обычно ассоциирующиеся с тактическим изменением организации, чьи заинтересованные лица находятся в разных странах [1].

Нами выделены основные признаки глобального проекта:

- разные страны – местонахождение членов проектной команды минимум в двух разных странах,

- разные организации – члены проектной команды могут работать для одного департамента в одной компании, для нескольких департаментов в другой компании или даже для нескольких компаний. Для членов команды характерна приверженность к разным политикам, организационным процедурам и корпоративным культурам,

- разные культуры – проектная команда сталкивается с особенностями в обычаях и традициях, образе мыслей, религии,

- разные языки – хотя международные компании используют единый язык делового общения, то языковые отличия все-таки накладывают свой отпечаток,

- разные часовые пояса – если члены проектной команды находятся в разных часовых поясах, то возникают сложности в организации совместных встреч и решении вопросов в рабочее время.

Под глобальным проектом мы понимаем ограниченную по времени уникальную деятельность, направленную на достижение конкретных целей путем координированного выполнения взаимосвязанных действий участников из разных стран и требующую организацию управления через границы.

Основные проблемы, которые возникают при участии компании в глобальных проектах, связаны со сложностями учета кросскультурных аспектов: как устранить конфликты между членами команды, работающими в разных странах, как установить доверие между членами команды разной национальности, как находить компромисс с членами команды из различных культур, и, главное, как создать единую эффективную мультикультурную команду?

От членов глобальной проектной команды ожидается самостоятельное проявление инициативы в установленных рамках. От руководителя же требуется сориентировать и скоординировать многосторонние

междисциплинарные и мультикультурные команды, отойти от системы руководства «команда-контроль» и перейти к системе «фокусирование-координация» [2].

По нашему мнению, для успешного функционирования глобальной проектной команды основное внимание должно быть уделено этапу ее формирования. На данном этапе важно подобрать в команду таких специалистов, которые обладают определенным набором глобальных навыков:

- глобальные коммуникации - возможность общаться на расстоянии (желание развить эту способность)

- глобальный опыт – работа в других странах, в глобальных проектах.

Эти люди требуют меньше усилий на тренинг и обучение, могут дать идеи, как улучшить систему коммуникаций, работу в рамках проекта, исходя из своего прошлого опыта

- глобальное мышление – понимание культурных особенностей, географических различий

- понимание культуры – знание организационной и страновой культур.

Это значительно упрощает работу с людьми из разных стран

- технические навыки – умение использовать новые технические средства, базы данных, программное обеспечение

- самодисциплина и уверенность в себе – это позволяет работать самостоятельно, без постоянного контроля

- толерантность к неопределенности – некоторая степень неопределенности всегда присутствует в глобальных проектах, несмотря на усилия руководителя точно распределить роли и зоны ответственности

- самомотивация

- хорошая организация

- концентрация

- низкие потребности в частом общении – в рамках глобального проекта не так много возможностей для частых социальных контактов и общения

- открытость и гибкость. [1]

При этом члены команды не должны подбираться по шаблону. Именно уникальность участников проектной команды является основой построения эффективных внутрипроектных отношений, без которых успешная реализация проекта невозможна или затруднена. Уникальность сотрудников позволяет не только распределить работу, учитывая как профессиональные, так и личностные особенности человека, но и помогает при проведении «мозговых штурмов», способствуя активному высказыванию идей без страха не соответствовать какому-либо стандарту, так как в проекте объединены люди с разным уровнем опыта, знаний, квалификации.

Сформировав необходимую для выполнения задач проекта команду, важно до начала работы над проектом изучить культурные особенности всех участников проекта и провести серию тренингов:

– языковые - выявить уровень владения языком, определить язык делового общения

- кросс-культурные - определить культурные различия, продемонстрировать уважение и внимание к ним и определить общие нормы и правила поведения

- технические – при технических проектах разный уровень понимания технических дисциплин может вызвать конфликты и проблемы при сотрудничестве, поэтому важно уточнить терминологию и определить единое понимание концепции.

С целью анализа кросс-культурных особенностей членов команды нами предлагается использовать следующий алгоритм:

1. Раздать членам проектной команды описание характерных черт каждого типа культуры (можно использовать классификации деловых

культур Г. Хофстеде, Ф.Тромпенаарса, Э.Холла, Р.Льюиса) и попросить заполнить прилагаемую форму на себя.

2. Попросить членов команды заполнить форму на 2-3 членов команды из других стран.

3. Провести обсуждение полученных результатов с членами групп. Рассмотреть сходства различия (как видят члены команды свою культуру и культуру других членов).

Это обсуждение позволит повысить уровень доверия между членами команды, сделать людей из разных культур более понятными друг другу.

Однако, учитывая тенденции глобализации, следует принимать во внимание тот факт, что не всегда побеждают культурные стереотипы. Зачастую членам проектной команды из Алжира может потребоваться меньше контроля при выполнении работ, чем членам команды из Германии.

Выявив культурные особенности членов команды и степень их близости, важно выбрать оптимальную стратегию управления.

Проектные менеджеры могут использовать стратегию кроссвергенции – сплав вместе практик управления из двух и более культур, чтобы адаптировать их ко всем культурам.

Либо стратегию гибридизации – использовать общую основу, улучшив ее выборочными элементами из успешных практик стран или культур, где проект осуществляется [1].

В том случае, если культуры членов команды сильно не отличаются или члены команды характеризуются высоким уровнем толерантности и принятия особенностей культур друг друга, лучше выбрать стратегию гибридизации. Стратегия кроссвергенции больше подходит для случаев, когда члены команды имеют значительные расхождения в культурном аспекте и тяжело идут на поиск компромиссов.

Без проведения мероприятий по сплочению глобальной команды работа может быть парализована в первый же месяц, так как, несмотря на

тенденции глобализации и массовую стандартизацию, культурные отличия сохраняются и требуют учета и анализа.

Список литературы

1. Binder J. Global Project Management. Communication, Collaboration and Management Across Borders. Gower. Burlington. 2007. 198 p.

2. Savage C.M. Fifth generation management. Kreatives Kooperieren durch virtuelles Unternehmertum, dynamische Teambildung und Vernetzung von Wissen. Mensch Technik Organisation. Band 12. Zurich: Hochschulverlag AG, 1997. 437 S.

**ВОЗДЕЙСТВИЕ ФАКТОРОВ НАЦИОНАЛИЗМА И
РЕЛИГИОЗНОСТИ НА НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В
СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ В СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР
В НАШЕ ВРЕМЯ (НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИИ И УКРАИНЫ)**

Котик А.В.

Студент 1 курса бакалавриата.

ФГБОУ ВПО «МГТУ им. Г. И. Носова»

Магнитогорск, Челябинская область

anton96nov@gmail.com

**IMPACT OF NATIONALISM AND RELIGIOSITY TO SOME
TRENDS IN SOCIAL TRANSFORMATIONS IN THE EX-USSR STATES
(GEORGIA AND UKRAINE)**

Kotik A.V.

Student 1 undergraduate course.

MSTU. GI Nosov

Magnitogorsk, Chelyabinsk region

anton96nov@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья рассматривает воздействие национальных и религиозных компонентов на некоторые в процессе социальных трансформаций в странах постсоветского пространства. В качестве объекта данного анализа берутся некоторые тенденции в социальных трансформациях на Украине и в Грузии после распада СССР.

ABSTRACT

The article covers impact of national and religious components in some trends of the social transformations in the ex-USSR states. Object of this analyze are some important trends of social transformations in Ukraine and Georgia after crash the USSR.

Ключевые слова: Социальные трансформации, национализм, религиозность, бывший СССР, социальное самочувствие, Украина, Грузия,

Key words: Social transformations, nationalism, religiosity, the ex-USSR, social health, Ukraine, Georgia.

Последние события на постсоветском пространстве - на Украине, в России, Молдавии и Белоруссии—позволяют сказать нам о том, что в процессах некоторых тенденций социальных трансформаций проявляются элементы национализма и религиозности. На Украине идут радикальные процессы европеизации и отхода от советских практик, сопровождаемых радикальными антироссийскими тенденциями в обществе; в Молдавии – тяжелейший социально-экономический и политический кризис, вызванный деградацией политической системы страны. В Белоруссии политический режим одновременно усиливает давление на оппозиционные группировки, поощряет политику «мягкого национализма», а также нормализует отношения с Европейским союзом. Такие события и действия попадают под определение социальной трансформации – «процесса структурных изменений общественного сознания» [0]. В данной статье мы попытаемся рассмотреть воздействие факторов национализма и религии в некоторых тенденциях социальных трансформациях в странах бывшего СССР на примере Грузии и Украины.

В данной работе мы рассматриваем понятие социальной трансформации как радикальное преобразование общества, отличающееся национально-культурным своеобразием, согласно социологу Владимиру Ядову.

В контексте предлагаемой статьи основное внимание обращено на ментальную сторону данного преобразования. Мы не учитываем здесь страны Балтии, являющиеся членами НАТО и Европейского союза, ибо их социальные трансформации завершились отказом от советских социально-политических практик и принятием евроатлантических ценностей и практик,

пусть и не самым лучшим образом для их самих, а также страны Средней Азии, где процесс социальных трансформаций практически не произошел или произошел в меньшей степени, чем в странах, являющихся объектом нашего анализа. Обратим внимание на ключевые аспекты нашей статьи:

Основой важнейших факторов, воздействовавших на социальные трансформации в странах бывшего СССР может являться укрепление старых форм национализма. В Грузии, и на Украине он привел к развитию проевропейских и антироссийских тенденций, что проявилось, к примеру, в политике Саакашвили в Грузии 2003-2012 гг. Подобное также наблюдалось в Белоруссии в 1991-1994 гг.: провозглашение белорусского языка единственным государственным языком, развитие национально-демократических организаций клерикального толка как партия БНФ.

В Грузии и на Украине в 2003 и 2004 гг. соответственно произошли «цветные революции», приведшие к смене политических и социальных векторов развития оных стран, а также к активизации воздействия национальных и религиозных тенденций на социальные трансформации.

Можно выделить религиозный фактор: в Грузии времен Гамсахурдиа (1990-1992 гг.), и в постсоветской Украине позиции местных религиозных институтов укрепились. Но если на Украине наблюдается религиозный раскол, то в Грузии иначе: позиции Грузинской православной церкви (ГПЦ) безоговорочно сильны. Теория «теодемократии» - попытки сочетания демократических институтов и практик с основополагающей и безоговорочной ролью Грузинской православной церкви в общественно-политической жизни страны – является примером того, как воздействует национально-религиозное воздействие на некоторые факторы развития социальных трансформаций в странах бывшего СССР. Либертарианские реформы президента Саакашвили, придерживавшегося лаицистских взглядов, объективно способствовала росту критических настроений к нему в стране и прозападному вектору развития в целом.

Таким образом, мы обозначили два главных атрибута в некоторых тенденциях постсоветских социальных трансформаций, тесно связанных друг с другом: национализм и религию. Рассмотрим оное более детально.

Украина

В общих словах мы обозначили основные причины и события, связанные с данными тенденциями в социальных трансформациях стран бывшего СССР. Но особую роль в них играл и по-прежнему играет национализм. Яркий пример – Республика Украина. Обладающая значительным национальным и религиозным самосознанием, западная ветвь украинского народа (галичане), была в числе самых убежденных сторонников выхода Украины из состава СССР [2]. Этому способствовало то, что большинство жителей Западной Украины (Галиции) – греко-католики (униаты). Униатская церковь была настроена радикально антикоммунистически. Действия униатов повлияли на процесс выхода Украины из состава СССР. Так как процесс социальной трансформации проявляется быстрой и внезапной сменой социального устройства, то основная роль национальных религиозных организаций является перехват или воздействие на процесс социальных изменений. Одновременно с началом возрождения УГКЦ (Украинская греко-католическая церковь), в 1989 году Верховный Совет (Рада) УССР принял закон о государственном языке, который обозначил главным государственным языком украинский язык, а русский стал языком межнационального общения [3]. Вопрос о статусе русского языка в постсоветской Украине ставился крайне жестко: ряд умеренных националистических (Собор, Рух, УНП) и ультраправых (Свобода и «Правый сектор» (запрещен в России)) партий категорически отрицали гос. статус русского языка даже в тех регионах, где основная масса населения – русские и русскоязычные [4]. Подобная политика оправдывалась словами о том, что при гос. статусе русского языка украинская культура утратит свои национальные черты и растворится в русской и русскоязычном поле [5]. Основными апологетами данных критических тенденций в социальной

трансформации являются националисты, исповедующие униатство и неканоническое православие. Социокультурные компоненты оно проявляется следующим образом: обильный национализм в эфире основных украинских каналов («5», «ICTV», «Перший національний», Інтер, ZIK), интернет-порталов («Украинская правда», «Главком», «Зеркало недели», Газета по-киевски) и бумажных изданий («Тижень», «Зеркало недели», «Фокус», «Корреспондент») привел к тому, что сами каналы стали своеобразными иллюстрациями социального самочувствия украинцев и сильного националистического фактора и активного религиозного компонента в важнейших тенденциях украинской социальной трансформации. Соотношение религиозного и национального самосознания на Украине проявляется открыто.

Нельзя при этом не забывать и о религиозном аспекте: греко-католическая церковь и неканонические православные конфессии (УПЦ (Украинская православная церковь) Киевского патриархата, Украинская автономная православная церковь (УАПЦ)) захватывают храмы УПЦ Московского патриархата на Западе и в Центре страны, отстраняют от службы священников Московского патриархата и духовно наставляют бойцов ультраправых формирований в Донбассе (запрещенный в России «Правый сектор», а также территориальные батальоны Минобороны и МВД Украины), то есть, действуют совместно. [6] [7]. С другой стороны, между руководством УПЦ КП, УАПЦ, УГКЦ существуют фундаментальные противоречия. Общий союз против Московского патриархата является ситуационным и временным. Общая враждебность к УПЦ МП не должна заслонять вероятность соперничества между немосковскими церквями. Учитывая фактор униатства, не стоит исключать нового раскола украинского народа и продолжения раскола украинской церкви [7]. Усиление униатской церкви может активизировать сепаратистский процесс на Западной Украине. Проявляется это созданием «Украинской Галицкой партии», выступающей за автономию от центральных властей в Киеве. Таким образом, воздействие

религиозности на некоторые тенденции социальной трансформации на Украине проявляется прямо: происходит обновление социальных элит в лице националистически настроенной интеллигенции и создания новых социальных движений в лице волонтерских организаций.

Грузия.

После «революции роз» 2003 года, повернувшей Грузию в сторону ЕС и НАТО, наблюдается серьезное усиление национализма в этой стране. Мы в начале статьи подчеркнули, что Грузинская Православная церковь играет роль защитника национального суверенитета и традиционализма в стране. Негативно она отнеслась и к предложению министерства образования Грузии ввести в школьную программу два новых учебных предмета: «Я и общество» и «Моя Грузия». Консервативные и сочувствующие ГПЦ деятели обвиняют Министерство в лоббировании интересов, чуждых грузинским, а также в навязывании нетрадиционных ценностей [9¹]. Данный пример показывает сочетание национализма и религии в Грузии. Оно произошло еще в процессе выхода Грузии из состава СССР, когда Национально-демократическая партия Грузии выдвинула идею «теодемократии» - сочетание демократических институтов и практик с государственной ролью ГПЦ и фактическим признанием её институтом власти № 1. Церковь является одним из главных социальных институтов страны, выступая также моральным авторитетом общества. Политическая власть Грузии всегда считала мнение ГПЦ основополагающим и важным. Михаил Саакашвили попытался привнести лаицистские черты в процесс социальной трансформации Грузии. Но его не увенчалось успехом. Хотя в Аджарии имеется большая мусульманская община (аджарцы-мусульмане), в целом конфессиональное поле Грузии является единым целым.

В постсоветский период элементы «теодемократии» проявлялись в социально-политических практиках грузинской социальной и политической элит. Грузинский народ, осознавая роль ГПЦ как хранителя грузинского патриотизма и традиционных ценностей, не принял либеральные реформы

команды Саакашвили, повлекшие довольно серьезные социальную трансформацию в обществе. Социальная трансформация грузинского общества проделала очень сложный путь: от этнонационализма («звиадизм») времен президентства З. К. Гамсахурдиа, приведшего к войнам в Абхазии и Южной Осетии и к поражению в войне с Россией (август 2008 г.), до умеренной прозападной политики нынешнего правительства страны. В то же время дружба со странами ЕС и США не дают Грузии тех результатов, на которые она рассчитывает: по-прежнему высока нищета, уровень проституции, хотя с коррупцией на низовом уровне удалось справиться. Также наблюдается массовая эмиграция в Россию, Турцию и страны Западной Европы [11].

На религиозном направлении ситуация стабильная: хотя помимо православных присутствует значительный исламский контингент в Аджарии, Кистинском ущелье (чеченцы-кистинцы) и на Востоке страны (азербайджанцы), угрозы конфессиональному единству нет. Однако все грузинские постсоветские правительства прохладно относились ко всем данным этно-религиозным группам: каналы социальной мобильности для них открыты, хотя не настолько широко, как хотелось представителям национальных меньшинств. Сообщалось о том, что ввиду слабости социально-экономического развития страны из Кистинского ущелья воевать в Сирийскую Арабскую республику на сторону запрещенного в России решением Верховного Суда ДАИШ уехало несколько десятков человек. Однако подобное стоит рассматривать как проявления слабого социального самочувствия: мусульманские меньшинства (аджарцы, кистинцы, азербайджанцы) должны интегрироваться в грузинское православное общество. Это показывает связь грузинским православия с грузинским национализмом. Это проявляется в отношении к русским. Оно остается настороженным: в памяти еще сохраняются воспоминания о событиях конца «перестройки» [12] и войны 2008 года. В целом радикальные социальные трансформации Грузии 1989-1993 гг. и 2003-2012 гг. не привели Грузию

вполне к торжеству западной (национально-либеральной) политической и социальной модели: огромная моральная роль церкви сохраняется и укрепляется, прозападные национально-демократические коалиции и партии (Республиканская, коалиция «Грузинская мечта», «Свободные демократы», экс-правящая партия страны «Единое национальное движение») постепенно теряют свою популярность, не желая солидаризироваться с позицией ГПЦ как символом национального и религиозного единства.

Вывод.

Во многих социальных трансформациях ярко проявляются такие черты, как национализм и религиозность. На примере двух стран бывшего СССР (Грузии и Украины) нам удалось проследить соприкосновение националистических и клерикально-религиозных идей во время трансформации (социально-политической) общества и его социальной системы. Коренным пластом формирования новых социальных и политических элит являются националистически настроенная интеллигенция и интеллектуалы, в том числе лица, получавшие высшее образование в США, Канаде и странах Западной Европы. В то же существуют серьезные различия в воздействии национализма и религиозности на процесс социальной трансформации между Грузией и Украиной. В первом случае имеет место быть конфессиональное единство в лице Грузинской православной церкви. В перспективе ГПЦ будет оставаться национальным центром грузинского общества. Лишь имеющая сильное исламское влияние Аджария составляет исключение. Связь церкви с политической властью страны, за вычетом периода 2003-2012 гг., проявляется прямо. В случае с Украиной имеет место быть отсутствие единства между в церковной среде страны. Данный аспект пока сдерживается наличием общего противника – Московского патриархата.

Литература:

1. Л
амажаа, Ч. К-о. Социальная трансформация [Электронный ресурс] // Знание.

Понимание. Умение. – 2011. - №1. С. 262-264. – Режим доступа:
<http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-transformatsiya>

2.

Н

артов, Н. А. Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Международные отношения», «Регионоведение». [Текст] // Н. А. Нартов, В. П. Нартов; под ред. А. И. Старовельского. 4-е изд., переработанное и доп. – М: «Юнити-Дана», Единство, 2001, с.201-202.

3.

К

онституция УССР 1978 года с поправками на 18 апреля 1991 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%A1%D0%A1%D0%A0_%281978%29/18.04.1991

4.

Л

апкин, В. В., Пантин, В. И. Политические трансформации в России и на Украине в 2004-2006 гг.: причины и возможные последствия. [Текст] // Полис. Политические исследования. - № 1, 2007 г. с. 111-115.

5.

Г

оловаха, Е. И. – Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции» [Текст] / Е. И. Головаха, Н. В. Панина // Вестник общественного мнения. – 2006. - № 6 – с.8-21. - Таблица

6.

М

альцев, Владислав. Духовенство становится индикатором украинских выборов. [Электронный ресурс] // НГ-Религии. 15.11.2015. Режим доступа:
http://www.ng.ru/events/2015-11-18/4_upc.html

7.

М

альцев, Владислав. Украинская церковь в центре гонений. [Электронный

ресурс] // НГ-Религии. 17.02.2015. Режим доступа:
http://www.ng.ru/ng_religii/2016-02-17/5_ukraina.html

8. М

альцев, Владислав. Киевский патриархат-2: перезагрузка. [Электронный ресурс] // НГ-Религии. 17.06.2015. Режим доступа:
http://www.ng.ru/facts/2015-06-17/1_kiev.html

9. В

школах Грузии собираются ввести новый предмет. [Электронный ресурс] // Информационное агентство «REGNUM». 14.02.2016. Режим доступа:

10. h

<http://regnum.ru/news/cultura/2078099.html>

11. Н

артов, Н. А. Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Международные отношения», «Регионоведение». [Текст] // Н. А. Нартов, В. П. Нартов; под ред. А. И. Старовельского. 4-е изд., переработанное и доп. – М: «Юнити-Дана», Единство, 2001, с.230-231.

12. К

онстантинов, С. В. История после истории: образы России на постсоветском пространстве. [Текст] // Константинов, С. В., Ушаков, А. И. История после истории: образы России на постсоветском пространстве. Москва, «АИРО-XXI», 2001, с. 41-43.

**ОСОБЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ОБЩНОСТИ
СПЕЦИАЛИСТОВ ГОСТИНИЧНОГО СЕРВИСА**

Кудинова, О.С.

*Старший преподаватель кафедры профессионального обучения
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева, филиал ТюмГУ*

Тюменская область, г. Тобольск

4kudinovoy@mail.ru

**SPECIFIC PROFESSIONAL RESOURCES OF COMMUNITY
EXPERTS OF HOTEL SERVICE**

Kudinova, O.S.

*Senior lecturer of the department of vocational training Tobolsk
Pedagogical Institute. DI. Mendeleev branch of Tyumen State University Tyumen*

Region, Tobolsk

4kudinovoy@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье автор рассматривает специалистов гостиничного сервиса как социальную общность, обладающую особыми профессиональными ресурсами. В соответствии с трактовкой П. Бурдые понятия «социальный

капитал», автор выделяет экономические, социальные, культурные и символические ресурсы общности специалистов гостиничного сервиса. Описывая реальные ресурсы, автор делает акцент на значимости потенциальных способностей и возможностей. Обладание особыми профессиональными ресурсами и реализация потенциала способствуют развитию профессионализма общности и повышению качества сервиса.

ANNOTATION

The author considers the experts of hotel service as a social community, which has special professional resources. In accordance with the interpretation of Pierre Bourdieu's concept of "social capital", the author highlights the economic, social, cultural and symbolic resources of community experts of hotel service. Describing the real resources, the author emphasizes the importance of the potential abilities and capabilities. Owning special professional resources and realization of the potential of community contribute to the development of professionalism and quality of service.

Ключевые слова. Социальная общность, гостиничный сервис, социальный капитал, социально-профессиональная компетентность, профессионализм.

Keywords. The social community, hotel service, social capital, social and professional competence, professionalism.

Социология профессий - одно из интересных современных направлений в развитии социологической мысли. В России изучением социально-профессиональных общностей занимаются В.А. Мансуров, Г.Е. Зборовский, В. П. Засыпкин, Н.Г. Чевтаева и другие. Исследуя общности медицинских работников, учителей, инженеров, государственных и муниципальных служащих, ученые выделяют общие и специфические признаки, характерные для той или иной общности.

В различных определениях термина «общность» прослеживаются следующие ориентиры: общность в рамках определенной фиксированной и

ограниченной территории; общность как система взаимных действий индивидуумов по отношению друг к другу; общность как тип социальной связи, характеризующийся определенным «духом единства», «чувством общности». Г.Е. Зборовский отмечает «высокий уровень интерпретационной неопределенности категории *социальная общность*»¹, что связано с достаточно большим количеством повсеместно возникающих различных общностей. Их появление обусловлено совместной деятельностью людей или формированием некоего единства мнений, представлений, связанных с нею.

Различают реально существующие и номинальные (статистические) общности. Реально существующие общности обозначаются понятием «социальная общность», что было зафиксировано социологами еще в конце 19 века. Ф. Теннис отмечал, что для социальной общности характерно присутствие особого типа связи, основанной на сущностной, инстинктивной воле. В то время как внутри общества связи основаны на рациональной воле². В этой интерпретации объединение людей в группы возможно как на основе совместной деятельности под влиянием воли отдельных индивидов – организаторов деятельности, так и на основе единства взглядов, мнений, представлений, разделяемых членами группы (общности).

Важным общностнообразующим признаком, по мнению Г.Е. Зборовского, является обладание особыми профессиональными ресурсами, необходимыми для выполнения конкретных профессиональных обязанностей в течение длительного времени³. Полученные в учебном заведении знания, умения и навыки являются базой, на основе которой, при наличии определенных потенциальных способностей, возможен профессиональный рост и выполнение профессиональных обязанностей в течение длительного времени. Эти особые профессиональные ресурсы представляют собой, в том числе, непроявленные, скрытые способности и

¹Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 34.

²Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002. С.9-15.

³См.: Зборовский Г.Е. Теория социальной общности. Екатеринбург, 2008. С. 102-107.

возможности, реализация которых осуществляется в рамках профессиональной деятельности членами общности. Мы согласны с такой трактовкой, поскольку кадровый потенциал является одним из главных ресурсов развития профессионализма работников.

Проблема выделения ресурсов профессиональной деятельности связана с изучением социального капитала. П. Бурдьё использовал это понятие для характеристики совокупности экономических, социальных, культурных и символических ресурсов, обеспечивающих индивиду определенную степень власти в конкретном социальном поле¹.

Экономический ресурс общности специалистов гостиничного хозяйства определяется тем, что они обеспечивают комфортные условия временного проживания людей, что соответствующими финансовыми расходами оценивается клиентами. Они побуждают работников постоянно совершенствовать качество услуг, увеличивать их количество, стремясь уподобить свою жизнедеятельность той, которая существует у них по месту постоянного проживания. Основные потребности клиентов, которые тоже претерпевают изменения с течением времени: потребность в организации проживания и питания в наиболее привычной клиенту форме, соответствующей его социальному статусу или несколько выше, потребность в доступных дополнительных платных услугах, необходимых (по мнению клиента) в конкретный временной период, потребность в безопасности, поскольку пребывание вне дома, являющегося для каждого клиента самым безопасным местом, всегда сопряжено с риском для жизни и здоровья. Поэтому если условия пребывания клиента в гостинице соответствуют привычным для клиента или превышают их и его ожидания, то для гостиницы это в конечном итоге означает повышение коэффициента загрузки номерного фонда, увеличение количества повторных посещений, рост денежных поступлений и прибыли.

¹ См. Социальное пространство и генезис классов // Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. 2007.

Культурные ресурсы, как утверждал П. Бурдые, отличаются практикой потребления, стилем и образом жизни. При характеристике общности специалистов гостиничного сервиса культурные ресурсы мы связываем с уровнем профессиональной культуры, включающей культуру поведения персонала с клиентами, коллегами по работе, и инновационную культуру, направленную на постоянное совершенствование всех видов трудовой деятельности. Культура поведения персонала - это комплексное понятие, компонентами которого являются: безопасность при обслуживании клиентов; создание комфортных условий их проживания в гостиницах; знание типичных психологических особенностей клиентов с целью более полного удовлетворения их потребностей; знание и соблюдение персоналом эстетических норм обслуживания; знание и соблюдение персоналом правил, устанавливающих порядок и очередность обслуживания гостей¹.

Культура поведения персонала отражает основные ориентиры корпоративной культуры, которые в большей или меньшей степени разделяют все члены профессиональной общности. Элементы корпоративной культуры, декларируемые руководством некоторых российских гостиниц – безупречный внешний вид сотрудников всех служб, доброжелательное и уважительное отношение к клиентам, проявление искренней заботы и внимания к гостям, получение удовлетворения от выполненной работы или оказанной услуги («Хорошее обслуживание – дать гостю чуть больше, чем он ожидает, а отличное обслуживание – делать это с искренним удовольствием»²). Основным выражением корпоративной культуры, ее наличия, поддержания на заданном уровне или отсутствия, является отношение персонала к своей работе и к коллегам: наличие системы специфических профессиональных взглядов, отношений, идеалов,

¹Полякова Е.Г. Культура поведения работников сферы гостиничного сервиса как условие их профессионализма. // Материалы XIII научно-технической конференции «Вузовская наука – Северо-Кавказскому региону». Том второй. Общественные науки. Ставрополь: СевКавГТУ, 2009. 181 с. ©Северо-Кавказский государственный технический университет, www.ncstu.ru

² Портал о российском гостиничном бизнесе. Корпоративная культура и имидж отеля – [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://prohotel.ru/article-6009/0/> - дата обращения 11.09.12

убеждений, социально-профессиональная компетентность, уровень профессионального мастерства, профессиональное поведение и общение. Реально существующая профессиональная культура и декларируемая руководством и сотрудниками могут не совпадать, что всегда отражается на качестве услуг и обслуживания.

Особая роль принадлежит символическим ресурсам имеющимся у специалистов гостиничного хозяйства, выражающимся в том, как оценивают, принимают и относятся к ним клиенты, а также другие профессиональные общности. П. Бурдьё подчеркивает, что символический капитал - это форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные¹. Вместе с тем П. Бурдьё отмечает, что символический капитал – «это капитал чести и престижа»², «своего рода аванс, задаток, ссуда, которые одна лишь вера всей группы может предоставить давшему ей материально-символические гарантии, демонстрация символического капитала (всегда весьма дорогостоящая в экономическом плане) составляет, вероятно повсеместно, один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу»³. В гостиничном сервисе – кредит доверия клиентов к специалистам гостиничного сервиса или к самой гостинице. На наш взгляд, символическим капиталом обладает и само гостиничное предприятие и специалисты гостиничного сервиса.

К составляющим символического капитала гостиницы можно отнести репутацию (имидж), категорию (количество звезд), название (имя, бренд, принадлежность к известной гостиничной сети), тип гостиницы (бизнес-отель, спа-отель и т.п.), ориентацию на определенную категорию клиентов, выраженную, в том числе, в предложении ассортимента дополнительных услуг и т.п. Символический капитал общности специалистов гостиничного сервиса с одной стороны неотделим от символического капитала

¹Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М., СПб., 2007. С. 70.

² Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.С.231

³ Там же, С. 234.

гостиничного предприятия, поскольку является его составляющей, с другой стороны, существенно от него отличается. Это внешность, репутация сотрудника или всей службы, конкретное название профессии, знаки отличия («лучший в профессии», главный администратор и т.п.), опыт работы, стаж. На наш взгляд, можно отметить недостаточно высокий социальный статус работников гостиниц, который компенсируется некоторым наличием информационной власти по отношению к клиентам.

Особые профессиональные ресурсы специалистов гостиничного сервиса представляют собой реальные знания, умения, навыки и потенциальные способности, возможности, которые, будучи проявленными в текущей операционной или инновационной деятельности, с одной стороны, способствуют развитию профессионализма общности, с другой – повышению качества предоставляемых услуг и обслуживания.

**СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В КОНТЕКСТАХ МИГРАЦИИ**

Куропятник, А.И.

Доктор социологических наук, профессор

Заведующий кафедрой

Культурной антропологии этнической социологии факультета

социологии

Санкт-Петербургского государственного университета

Санкт-Петербург, Россия

alkuropjatnik@ mail.ru

**MODERN SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN SAINT
PETERSBURG IN THE CONTEXT OF MIGRATION**

Kuropiatnik A.

Doctor of Social Sciences, Professor

Head of Department

Cultural anthropology, sociology, ethnic sociology department

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

alkuropjatnik @ mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлены основные направления развития современных социокультурных процессов в Санкт-Петербурге в контекстах миграции. Выявлены факторы, способствующие развитию общего социокультурного пространства города. Показана роль в этом процессе национально-культурных автономий и международных организаций.

ABSTRACT

The article deals with the main directions of development of modern social and cultural processes in St. Petersburg in the context of migration. The factors contributing to the configuration of the common social and cultural space of the city are investigated. The role of national-cultural autonomies and international organizations is of a special attention.

Ключевые слова: миграция, социальный процесс, культура, социокультурное пространство, иммиграция, коммуникация

Keywords: migration, social process, culture, social and cultural space, immigration, communication

Миграция является одной из форм реализации социального процесса. Одновременно она выступает важным инструментом формирования нового социокультурного пространства, в частности, пространства Санкт-Петербурга. Развитие последнего происходит в нескольких отчетливо выраженных направлениях, сопряженных с миграцией: иммиграции неквалифицированной рабочей силы из стран ближнего зарубежья, интеллектуальной миграции и, наконец, перераспределения квалифицированных кадров между российскими регионами.

Интенсивность миграционного движения и объемы миграционного оборота населения в Санкт-Петербурге – более чем в 1 млн. человек в год, – сопоставимы с объемами годовой иммиграции в некоторых странах Евросоюза. Например, в 2015 г. только в Германии было принято более 1млн. мигрантов. Это свидетельствует о необыкновенной емкости

миграционного пространства мегаполиса, а также способности миграционного процесса формировать стихийные зоны неуправляемых социальных событий или зоны социальной турбулентности. Несмотря на это, мы не склонны считать, что любые миграционные события можно рассматривать как повышенный источник социальной напряженности. Например, перераспределение населения между российскими регионами, в том числе и обмен квалифицированными кадрами является вполне обычным внутригосударственным социальным событием. Оно отличается тем, что в качестве обоснования своего миграционного перемещения мигрант осознанно указывает, в том числе, на такие важные стимулы принятия миграционного решения как общее культурное и правовое пространство в местах выхода и входа, похожие модели адаптации, социального взаимодействия, образ жизни в новом месте обитания.

Как благоприятный для развития общества, его культуры, повышения модуса мобильности и укрепления социокультурных и профессиональных связей между различными регионами страны и с зарубежными партнерами является интеллектуальная миграция, специфика ее динамики в границах Санкт-Петербурга. В контексте российской миграции интеллектуальная миграция лишена стигмы «утечки мозгов», которая закрепились в отечественной и мировой социологии, и которая во многом продолжает определять моральную сторону этого типа миграции. Конкурсный отбор специалистов, вошедший в практику формирования кадрового и интеллектуального потенциала учреждений, предприятий как в частном, так и в государственном секторах экономики, а также в сферах науки, культуры и образования указывает не только на известную укоренённость этой формы профессиональной самореализации в современном глобальном пространстве, но демонстрирует ее как вполне стандартный механизм перераспределения внутренних интеллектуальных ресурсов между субъектами России с целью их инновационного развития. Следует отметить, что интеллектуальная миграция в Санкт-Петербурге изучена недостаточно. Несмотря на то, что

город как промышленный, культурный, образовательный, интеллектуальный центр современной России является притягательным для интеллектуальных мигрантов, он лишь в последние годы стал обретать в различных исследовательских проектах контуры «идеальной площадки» для изучения новейших проблем интеллектуальной миграции. В отличие от других категорий мигрантов, интеллектуальные мигранты являются не только важной культурной силой, направленной на развитие, реализацию и интеграцию культурного капитала в системах профессиональной коммуникации, но выступают также в роли социально активных агентов, вносящих свой вклад в формирование паттернов общего социокультурного пространства, создающих это пространство как территорию гражданской ответственности. Именно эта черта в социальном портрете интеллектуальных мигрантов позволяет различать их в потоке миграции, характеризовать как людей, способных трансформировать всевозможные ресурсы принимающей среды, места работы, пространства взаимодействия в личностный культурный капитал.

К сожалению, основную массу мигрантов составляют недостаточно образованные, не имеющие, зачастую, никакой квалификации соискатели рабочих мест. Характерной чертой этой части миграции является массовость. Этого явно недостаточно для ответственного участия в формировании общего социального пространства. Социальная изолированность этой категории иммигрантов часто является основной причиной закрепления в общественном мнении представления о том, что именно иммиграция неквалифицированных, недостаточно образованных агентов является главным источником социальной турбулентности. К счастью, это не так. Иммиграция является важным, но не единственным источником социальной турбулентности в границах Санкт-Петербурга. Ее структура формируется в значительно большей степени на основе реконфигурации социально-профессиональной структуры населения города, изменения контуров мобильности, переопределения конфигураций

этнической и культурной идентичности, групповой солидарности различными социальными сегментами населения, для которых миграция выступает лишь контекстом или театральной декорацией.

Взаимосвязь миграционных процессов с актуальными социальными и культурными событиями в сфере межнациональных отношений лишь в среде отдельных групп населения города является значимой. Как правило, это зоны рынков и торговых центров. Строительные площадки, выделявшиеся прежде как зоны локализации иммигрантов, в действительности долговременными не считаются и, будучи вынесенными за пределы центральной части города, и территорий близких к центру исключаются из процесса присвоения физического пространства. Мозаичность культурных, социальных пространств определенным образом указывает на отсутствие общего пространства сотрудничества не только в отношениях между различными социальными группами, но в границах социального пространства Санкт-Петербурга в целом. Как положительный момент важно подчеркнуть, что иммигранты практически не вовлечены в процессы переосмысления или переопределения границ социального пространства, как пространства этнической, культурной локальности или социального творчества. Весьма активны в этом отношении молодежные субкультуры, социальные и культурные группы молодежи, национально-культурные автономии и различного рода меньшинства. Через институциональные государственные структуры в этот процесс вовлечены также «новые этнические группы», национально-культурные автономии, землячества, которые до недавнего времени оставались «невидимыми, находясь вне публичного пространства города. Между тем проблема осмысления социального пространства города не как зоны конкуренции и борьбы за ресурсы, но как пространства сотрудничества еще далека от разрешения.

Определенный вклад в этот процесс вносит система межрегиональных отношений Санкт-Петербурга. Она представляет собой, с одной стороны, -

своеобразный мейнстрим репрезентации миграционной политики и социального партнерства, реализуемого в границах Российской Федерации. С другой стороны, - демонстрирует релевантность современным процессам транснационального сотрудничества, углубление и развитие которых происходит в виде расширения партнерства в рамках Экономического союза, БРИКС, ШОС и других международных организаций.

Как представляется, важным фактором создания общего пространства культуры и сотрудничества в рамках Экономического союза является, во-первых, изменение отношения к теме иммиграции в странах-участницах Союза. Во-вторых, важна репрезентация иммиграции не как области потенциальных проблем, а как источника новых возможностей в сферах экономики, культуры, образования, взаимопомощи и социальной солидарности. В-третьих, необходима действительная открытость национальных границ для движения рабочей силы, бизнеса, технологий и идей. Общее нормативно-правовое пространство сотрудничества, созданное Союзным Договором, является реальной культурной основой создания общих для стран-участниц проектов в области культуры, образования, науки, туризма. Постановка задач формирования общих для всех групп населения социокультурных пространств в Санкт-Петербурге, а также в границах Экономического союза позволит преодолеть доминирующую в настоящее время тенденцию к культурному и социальному разобщению. Более того, это позволит связать своеобразными переходами все возникшие этнические, культурные, субкультурные острова в рамках общего пространства социальной ответственности и партнерства на локальном, региональном, национальном и межгосударственном (глобальном) уровнях.

В последнее десятилетие заметно изменилась тональность СМИ в освещении проблем иммиграции. Теперь для нее характерно снижение алармистского потенциала в публикуемых материалах, когда иммиграционный приток населения ошибочно принимался как основной источник социальной турбулентности, социальных, этнических и культурных

конфликтов. Время показало, что зоны социальной турбулентности в принимающей среде и зоны социальной турбулентности в среде иммигрантов в основном развиваются независимо друг от друга. Относительное «затишье» в сфере межнациональных отношений между принимающим населением и мигрантами достигается тем, что функция контроля и использования различных ресурсов принадлежит властным институтам, своеобразной третьей стороне, через посредство которой устанавливаются правила социальной коммуникации и доступ к ресурсам. К ним относятся, например, определенные рабочие места, предметы престижа, социальные блага. Сегодня положение дел быстро меняется. Борьба за определенные сегменты рынка труда обостряется. Эта зона развивающихся социальных событий требует специального изучения.

Социологические исследования, проведенные в последние 5 лет, а также работа над актуальными научными проектами показывает, что тема иммиграции из Центральной Азии доминирует в когнитивном пространстве населения Петербурга. Вопрос об отношении респондента к иммиграции сопровождается ответом об иммиграции и иммигрантах из стран Центральной Азии. Другие группы иммигрантов, например, из Западной Европы, Финляндии, Германии в когнитивном поле занимают периферийное положение. Доминирование темы «азиатской иммиграции» в среде респондентов-петербуржцев нуждается в дополнительном изучении.

С темой иммиграции «с Юга» соотносится увеличение числа общественных организаций, деятельность которых направлена на развитие и сохранение родного языка и культуры, национальных традиций и форм публичности. К ним относятся, в частности, национально-культурные автономии, культурные общества, землячества, специальные центры обучения национальному языку и культуре, в том числе и центры обучения русскому языку и культуре.

По разным оценкам национально-культурных автономий насчитывается в Санкт-Петербурге более 130. Эта важная форма

публичности этнических и культурных групп мигрантов затрагивает не только коренные, «старые» группы населения, но и новые этнокультурные сообщества, появившиеся в Санкт-Петербурге менее 10 лет назад. Зоны миграционной турбулентности способствуют возникновению социокультурных ситуаций, благодаря которым группы коренного населения и мигрантов имеют возможность контактировать друг с другом.

Впрочем, для одних и других характерны формы деятельности, в рамках которых поддерживаются традиционные культуры, в том числе демонстрируются ее этнографические образцы как актуальные, что способствует сохранению представления, например, у молодежи, представления об облике традиционной культуры. Поддержание этнографических форм культурной и социальной жизни редко становится событием межнационального значения и чаще всего репрезентирует культуру одной какой-то группы. Культура национально-культурной автономии кристаллизуется постепенно в своеобразный «культурный остров» (Фредерик Барт). Замкнутый и самодостаточный.

Совокупность национально-культурных автономий в Санкт-Петербурге как отдельных островов, способствует превращению социокультурного пространства города в красивое «лоскутное одеяло», части которого плохо сшиты. Каждая из культурных групп не интересуется проблемами других национально-культурных автономий. Например, на одном из сайтов татарской национально-культурной автономии были размещены призывы к татарам принять участие в сборе денежных средств для помощи больному мальчику. Почему объявление не направлено белорусской, украинской, таджикской, башкирской и другим национально-культурным автономиям? Ведь только через такие общие социальные проекты может создаваться общее социокультурное пространство как поле взаимного уважения, партнерства и равной ответственности.

В Федеральном Законе о национально-культурных автономиях речь идет в основном о праве общественных организаций получать бюджетные

средства на поддержание и развитие родного языка и культуры и аналогичные этнокультурные мероприятия. Представляется, что инициирование Автономиями межгрупповых социальных проектов, которые включали бы в себя представителей разных этнокультурных объединений, позволило бы преодолеть институциональную разобщенность и отстраненность друг от друга. Это позволит активизировать сотрудничество между различными Автономиями, а в долговременном превратить социокультурное пространство Санкт-Петербурга в пространство сотрудничества.

На протяжении многих лет представителями различных национально-культурных автономий поднимался вопрос о школьном и профессиональном обучении иммигрантов. В качестве общего социального проекта можно предложить создание школы рабочей молодежи не только на средства бюджета города, но и на средства, собранные всеми заинтересованными национально-культурными автономиями для обучения молодежи школьной программе и профессии. По-видимому, пришло время пересмотра политики патернализма в отношении этнических групп и меньшинств. Патернализм порождает социальную апатию и лишает веры в будущее. Социокультурное пространство Санкт-Петербурга как общий проект сотрудничества, партнерства и взаимной лояльности действительно может стать стратегией движения к современности.

**АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ
РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ**

Леденёва В.Ю.

Доктор социологических наук

*Заведующий кафедрой миграционной политики и демографической
безопасности Института права и национальной безопасности*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва*

Vy.ledeneva@yandex.ru

**ANALYSIS OF CHANGES IN THE LEGISLATIVE REGULATION
OF LABOR MIGRATION**

Ledeneva V.

Doctor of Social Sciences

*Head of the Department of Migration Policy and Demographic Security of
the Institute of Law and National Security*

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the
President of Russian Federation, Moscow*

Vy.ledeneva@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются изменения в миграционном законодательстве, начиная с 2010 года, когда впервые была введена система

патентов для иностранных лиц, работающих у физических лиц. Дальнейшее изменение миграционного законодательства было направлено на скорейшую адаптацию и интеграцию трудовых мигрантов. В статье анализируется результат внедрения данных законодательных инициатив.

ABSTRACT

This article discusses the changes in immigration legislation , starting in 2010 , when it was first introduced a system of patents for foreign persons working for private individuals . Further changes in immigration legislation was aimed at the speedy adaptation and integration of migrant workers . The article analyzes the results of implementation of these legislative initiatives .

Ключевые слова: миграция, законодательство, федеральный закон, трудовой мигрант, иностранные граждане, патент, квотирование рабочей силы, ФМС, адаптация и интеграция мигрантов.

Keywords: immigration, law , federal law , migrant workers , foreigners , patent, quota labor, FMS , adaptation and integration of migrants .

Новый период поиска приоритетов миграционной политики в России начался с 1 июля 2010 г. со вступлением в силу поправок в закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», касающихся особенностей осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами – высококвалифицированными специалистами и возможностей для иностранных граждан, прибывших в порядке, не требующем получения визы, работать по найму у физических лиц на основании патента без получения разрешения на работу.

Патент выдается лицу при условии внесения фиксированного авансового платежа (1000 руб./мес.) на срок от одного до трех месяцев. Этот срок может неоднократно продлеваться на период не более трех месяцев. Общий срок действия патента с учетом продлений не может составлять более двенадцати месяцев со дня выдачи патента. По истечении двенадцати месяцев со дня выдачи патента иностранный гражданин вправе обратиться за

получением нового патента. Срок действия патента продлевается автоматически после пересылки по почте квитанции об очередной оплате через банк. Категория работающих по патенту выведена из ежегодных квот на привлечение иностранной рабочей силы.

Преимуществами патента помимо простоты оформления и прозрачности процедуры являются возможность его продления без выезда за пределы Российской Федерации, а также его дешевизна и возможность внесения оплаты постепенно в течение года. Также немаловажным преимуществом является технология получения патента, которая имеет минимальную дистанцию между трудовым мигрантом и ФМС, что снижает коррупционную составляющую и количество участвующих посредников.

В качестве негативного последствия введения патентов можно отметить асимметричный механизм, сложившийся в российском миграционном законодательстве и практике регулирования трудовой миграции: процедура оформления патента существенно проще, чем разрешения на работу. В итоге многие мигранты вынуждены идти не в нужном направлении легализации своего статуса, а по пути наименьшего сопротивления. Они получают тот документ, который проще получить, а не тот, который им необходим объективно, учитывая их форму занятости. Стоит также отметить, что в случае с патентом мигрант понимает, что от него требуется, и видит результат. В случае с разрешением на работу все наоборот – мигрант приходит в миграционную службу, ему говорят, что квоты исчерпаны. Все непонятно, непрозрачно, не поддается объяснению. Но в то же самое время «за углом» есть посредники, которые могут все это обойти, нужно только заплатить деньги.

Поправки, вступившие в силу 1 июля 2010 г., дали определенные преференции высококвалифицированным специалистам, которые по контракту с работодателем получают не менее 2 млн рублей в год. Данные специалисты принимаются вне квот. Разрешение на работу им выдается на срок действия трудового договора с пригласившими их работодателями, но

не более чем на три года. В соответствии с таким договором мигрантам и членам их семей возможно оформление вида на жительство на срок действия контракта. Ставка подоходного налога для иностранных специалистов снижена с 30% (уплачиваемых большинством иностранцев в течение первых 6 месяцев пребывания) до 13%. Расширен список дефицитных профессий, в соответствии с которыми целый ряд других категорий специалистов также принимается вне квот. Кроме того, в случае работы на территории нескольких субъектов РФ выдается разрешение на работу, действующее на территории этих регионов. Власти пытались также минимизировать контакты профессионалов и контакты их работодателей с ФМС.

12 ноября 2012 г. был принят направленный на повышение интеграционного потенциала трудовых мигрантов Федеральный закон № 185-ФЗ, обязывающий иностранных граждан, работающих в сфере жилищно-коммунального хозяйства, торговли и бытового обслуживания, подтверждать свое знание русского языка. Сделать это можно, либо предоставив документ об образовании, в котором указывается об изучении русского языка в школе, колледже или вузе, либо сдав экзамен по русскому языку на уровне не ниже базового. Без сертификата государственного образца, подтверждающего прохождение тестирования, Федеральная миграционная служба не выдает мигрантам разрешение на работу[1].

Постановлением Правительства РФ от 12 сентября 2013 г. № 800 были утверждены новые правила подготовки предложений по определению потребности в привлечении иностранных работников, утверждению квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Россию в целях осуществления трудовой деятельности, а также квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу, вступившие в силу с 1 января 2014 г. При этом отдельными приказами Минтруда России были утверждены правила определения органами государственной власти субъекта Российской Федерации потребности в привлечении иностранных работников и порядок рассмотрения предложений исполнительных органов

государственной власти субъектов Российской Федерации о потребности в привлечении иностранных работников, критерии принятия решения Межведомственной комиссией по определению потребности в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, утверждению квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности, а также квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу.

В целом можно отметить, что механизм квотирования иностранной рабочей силы с 2014 г. не стал менее громоздким. Изменения только дают работодателям возможность в более поздний срок подавать заявки о потребности и заявки об увеличении (уменьшении) размера потребности.

Очередное резкое изменение законодательных норм в отношении мигрантов, приезжающих в Россию с целью трудоустройства из постсоветских государств, произошло 1 января 2015 г. со вступлением в силу Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2]. Принятый закон определил право иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, осуществлять трудовую деятельность на основании патента, как у физических, так и у юридических лиц. Таким образом, патент становится единственным разрешительным документом на работу иностранных граждан из стран с безвизовым режимом (за исключением высококвалифицированных специалистов), что унифицировало порядок их трудоустройства у любого работодателя. В результате данных изменений квоты на привлечение иностранной рабочей силы были полностью отменены для иностранных граждан из безвизовых стран. Однако их мобильность на рынке труда России все же имеет два ограничения:

- 1) пределы субъекта РФ, на территории которого выдан патент;

2) профессия (специальность, должность, вид трудовой деятельности), которая указана в патенте (в случае принятия высшим должностным лицом субъекта РФ решения об ее указании в патенте).

Процедура оформления патента в целом осталась та же, что была до 2015 г., но был заметно расширен список документов, которые необходимо предоставить иностранному гражданину. В частности в пакет документов были включены три следующих:

1) договор (полис) ДМС;

2) медицинская справка, подтверждающая отсутствие опасных для общества инфекционных заболеваний;

3) документ, подтверждающий владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации.

Положительный эффект от включения в список первых двух документов не вызывает сомнения: данная мера будет способствовать повышению эффективности контроля за состоянием здоровья трудовых мигрантов и санитарно-эпидемиологической обстановкой в регионе их пребывания в целом.

В то же время в настоящее время трудно однозначно оценить будущий эффект от включения в список документа, подтверждающего владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации. Бесспорно, знание русского языка является необходимым условием для успешной интеграции иностранных граждан в местный социум. Однако сфокусированность политики интеграции мигрантов только на определении уровня обозначенных знаний без предоставления услуг по обучению им означает упрощенное, одностороннее понимание сути интеграции, перекладывает ответственность за нее исключительно на мигрантов. В сложившихся условиях данное требование может оказаться невыполнимым для большого числа иммигрантов, что будет способствовать их уходу из правового поля и/или развитию коррупционной практики незаконного приобретения таких документов.

Первый шаг со стороны государства в направлении обеспечения трудовых и социальных прав иностранных работников, недопущения их дискриминации и эксплуатации, что является необходимым условием их успешной интеграции, был сделан также в конце 2014 г. принятием специальной главы в Трудовом кодексе РФ «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства»[3]. Однако насколько эта мера сможет реально упорядочить трудоустройство иностранных граждан на российском рынке труда, судить пока рано.

Федеральный закон заменил для иностранных граждан, въехавших в Россию в безвизовом порядке, механизм квотирования на трудовую деятельность по патенту. Результаты этой замены оцениваются положительно не только государственными органами, но и представителями правозащитных организаций, работающих с мигрантами. Прозрачность новой системы выгодна для самих мигрантов. Она позволяет устранить посредников, ограничить возможности бизнеса тех, кто занимается подделкой документов. Сокращению масштабов нелегального бизнеса вокруг мигрантов также способствует введение систем онлайн-проверки документов.

Кроме расширенного пакета документов в качестве дополнительного «финансового» барьера для легального трудоустройства мигрантов из безвизовых стран необходимо отметить повышение суммы авансового платежа по НДФЛ, которая на федеральном уровне на 2015 г. составила 1568 рублей. При этом субъекты РФ получили право установить дополнительный коэффициент, на который индексируется размер указанной суммы. Принятые параллельно поправки в Налоговый и Бюджетный кодексы полностью отправляют доходы от продажи патентов в региональные бюджеты, что подталкивает региональные власти к дополнительному повышению размера авансовых платежей. Так Москва и Московская область определили размер

месячной стоимости патента в 4 тыс. руб. и возможные доходы от их продажи в 2015 г. – 12 и 7 млрд руб. соответственно.

Важным результатом изменения законодательства стал рост доходов бюджета. По данным ФМС России, сумма налога на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа за приобретение патентов, поступившего в бюджеты за первые полгода, выросла почти на 46% и составила более 11,2 миллиардов руб. По данным на конец октября 2015г., миграционная служба оформила иностранным гражданам более 1,5 миллионов патентов. В региональные бюджеты поступило более 24,2 миллиардов рублей, что в 1,7 раза превысило показатель 2014 г.[4]

В I полугодии 2015 г. в России было оформлено более 1 миллиона патентов. На первом месте по количеству граждан, получивших патент, были граждане Узбекистана - 50,7% от общего числа оформивших патент, Таджикистана (27%), Украины (9,6%), Молдовы (6,9%) и Киргизии (2,7%).

Но 12 августа 2015 г. вступил в силу Договор о присоединении Киргизской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе, и теперь граждане этой страны могут работать в России без патента. Данные обстоятельства привели к значительному снижению количества оформленных разрешений на работу, в том числе квалифицированным специалистам. За первое полугодие 2015 г. в России оформлено 111 919 бланков разрешений на работу[5].

Кроме того, почти 500 тысячам мигрантов в ближайшее время закроют въезд в Россию за то, что они не оплачивали патенты, а предоставляли подложные документы об оплате. ФМС России совместно с Федеральным казначейством разработан механизм автоматической идентификации оплаты патента на осуществление трудовой деятельности.

В данной системе информация обо всех оплаченных патентах обновляется в ежедневном режиме, что делает бессмысленным предоставление фальшивых бумажных квитанций об оплате.

В настоящий момент ФМС России считает, что можно сделать процедуру продления патента автоматической. С введением системы идентификации оплаты, подача заявления на продление патента является излишней операцией, поскольку данные о работе иностранного гражданина передаются в ФМС от налоговых органов. ФМС разработала законопроект, который вносит изменения в закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Данные изменения снимут избыточные административные барьеры для принимающей стороны и снизят нагрузку на должностных лиц территориальных органов ФМС.

В целом нельзя однозначно оценить последствия новых изменений миграционного законодательства для иностранных граждан из безвизовых стран: с одной стороны, его введение главным образом за счет отмены квот облегчило их доступ на рынок труда России, с другой стороны, создало множество новых барьеров, в т.ч. удорожание стоимости процедуры трудоустройства. Есть уже подсчеты экспертов, что за год расходы, связанные с оплатой патента, медицинской страховки, сдачей экзамена и т.д., составят для мигранта, работающего в Москве или Санкт-Петербурге, порядка 100 тыс. руб. Едва ли такие суммы выплат за право легально работать могут стимулировать трудовых мигрантов легализовать свое пребывание в России.

Список литературы:

1. Старостин А. Экзамен по русскому языку для мигрантов: начало интеграции положено? [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Этноинфо». URL: <http://www.ethnoinfo.ru/statji/1545-monitoring> (дата обращения: 11.11.2013)
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] :

Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. N 357-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон № 409-ФЗ «О внесении в Трудовой кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” изменений, связанных с особенностями регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства» [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. N 409-ФЗ . Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. <http://mc.mos.ru/presscenter/news/detail/2270440.html>, 30.10.2015 г.

5. РИА Новости, 1.10.2015 г.

УДК 316.776.23

ББК 60.5

**СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-
КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАКРЫТОГО
ТИПА**

Лешуков, Я.Д.

курсант Тюменское высшее военно-инженерное командное училище

им. А.И. Прошлякова

г. Тюмень

malivia@rambler.ru

**SPECIFICITY OF THE USE OF INTERNET COMMUNICATIONS
IN A CLOSED-TYPE ORGANIZATIONS**

Leshukov, Y.

Cadet Tyumen Higher Military Engineering Command School. AI

Proshlyakova

Tyumen

malivia@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены конструктивные и деструктивные особенности виртуализации современного общества. Автор подчёркивает основные возможные последствия использования виртуального пространства в ежедневной практике молодых военных. В результате проведённого

исследования автор выделяет основные проблемы, формирующиеся по причине чрезмерной вовлеченности в сетевые формы коммуникации в ущерб непосредственным формам общения.

ABSRTACT

In the article constructive and destructive features of the virtualization of modern society are considered. The author emphasizes the main possible consequences of the use of the virtual space in the daily practice of young cadets. As a result of the study the author highlights the main problems forming due to excessive involvement in the network form of communication at the expense of the direct forms of communication.

Ключевые слова: коммуникации, социальный капитал, виртуальные коммуникации, интернет-зависимость, виртуальная активность.

Keywords: communication, social capital, virtual communications, internet addiction, virtual activity.

Информационные технологии достаточно прочно вошли в жизнь современного молодого человека, являясь необходимым инструментом его участия в быстро изменяющейся окружающей среде. Появление портативных электронных устройств усилило тенденцию сращивания человека и виртуального пространства ввиду значительного разнообразия в формах проведения досуга посредством их использования.

С одной стороны, данное явление имеет положительный эффект в виде упрощения доступа к мировым и культурным ценностям литературы, музыки, изобразительного искусства; становится возможным получение образования в практически любой сфере с использованием тех методик, которые наиболее актуальны для потребителя. Однако в значительной мере доступность большого количества информации результирует рост апатии и стремления человека не проявлять активную гражданскую позицию посредством специализированных площадок, а создавать новую реальность и иной круг социальных контактов.

Виртуальная активность является одной из самых сложных в определении видов социальной активности, который относительно молод, по сравнению с устоявшимися классическими видами.

Говоря о физиологическом и психологическом аспектах, следует отметить, что значительная доля исследователей отмечает преимущественно негативные последствия длительного нахождения в сети. Исследователь в сфере процессов управления и передачи информации, Николас Карр [1, с. 184], по результатам комплекса экспериментов выделил ряд нарушений в психическом здоровье человека, вызванном длительным и регулярном пребывании в сети, среди которых отмечались снижение памяти, внимательности, способности к монотонной работе, раздражительность, замкнутость, утрата аналитических и логических мыслительных способностей.

В разрезе социологических концепций и теорий, помимо определённо негативных оценок присутствуют и конструктивные направления. Иванов Д.В. в своей концепции виртуализации общества [3, с. 18] рассматривает расширение действия и влияния виртуальной сети как естественный социальный процесс, связанный с изменением деятельности общественных институтов в целом. Таким образом, он исключает возможность и опасность существования параллельного виртуального общества как самостоятельного конструкта, утверждая, что его информационная и психологическая насыщенность обусловлена реальными событиями каждодневной реальности, т.к. активного продуцирования собственных подобных фактов наблюдается в незначительных объёмах.

Согласно концепции, виртуальная реальность и сетевые сообщества имеют изначально позитивную направленность.

1. Формируют гражданскую активность в сфере общественного контроля. При этом контроль формируется как в сфере оценки правомерности поведения представителей бизнеса или органов власти, так и затрагивает моральные вопросы поведения в обществе, что выражается в

развитии сообществ, высмеивающих определённые категории людей с общественно неодобряемым поведением.

2. Позволяют получить оперативную информацию о значительном количестве общественных проблем и вопросов без ограничения доступа в зависимости от финансовой обеспеченности и других дискриминирующих факторов.

3. Формируют условия для экспериментов в социально-ролевом поведении, позволяя временно принимать другой стиль поведения в ходе коммуникаций и оценивать его эффективность без значительных негативных последствий для имиджевой составляющей личности посредством анонимности интеракций.

4. Позволяют распространять эффективные навыки и виды деятельности, расширяя потенциал для реализации творческих, предпринимательских, волонтерских и иных инициатив [4, с. 52].

5. Формируют интернациональное свободное пространство, позволяющее преодолевать стереотипизацию коммуникаций в реальной действительности.

Сложность виртуальной активности такова, что, несмотря на признание данной деятельности как социальной активности (либо пассивности), чёткого понимания её характера и специфики до сих пор не сформировано. Более того, данный вид активности принимает смежные формы, например, феномен интернет-бизнес-активности.

В негативном аспекте виртуализация общественных отношений характеризуется крайностью в виде интернет-зависимости, которая в последнее время представляет собой действительную угрозу как личностному, так и общественному здоровью.

Среди наиболее распространённых форм виртуальной зависимости обычно выделяют следующие аспекты.

1. Самым распространённым видом интернет-зависимости считается необходимость в непрерывном общении, которое реализуется посредством

социальных площадок: форумов, чатов, социальных сетей. Одним из самых заметных явлений виртуальной социальной активности является возникновение социальных сетей, объединений людей по интересам, например: «Одноклассники», «В контакте», «Facebook» и др. Наиболее активными участниками этих виртуальных сообществ являются молодые люди. Соответственно можно назвать наиболее часто встречающиеся виды социальной активности молодёжи в виртуальном пространстве: участие в социальных сетях; участие в интерактивном голосовании, создание собственного сайта; создание собственного блога и т.п. [2, с. 133].

2. Информационная интернет-зависимость (онлайн серфинг), или непреодолимая потребность в постоянном потоке информации, заставляет человека формировать вокруг себя иллюзию информационной насыщенности, что в результате приводит к потере качественного соотношения получаемых данных и к отсутствию систематизации получаемой информации с целью прикладного использования.

3. Развитие игровой зависимости сопряжено с технологическим прогрессом и чрезмерной рутинизацией обыденной жизни человека. Формирование платных игровых проектов с одной стороны, представляет собой эффективный продукт виртуального бизнеса, однако с другой – один из доступных способов избегания интенсивных социальных коммуникаций в реальной жизни.

4. Зависимость от виртуальной маски обусловлена неконтролируемым использованием иной системы ролевого поведения, что не только приводит к психологическим нарушениям внутри личности, но и существенно затрудняет формирование реального социального капитала в случае невозможности перенести экспериментальное виртуальное поведение в жизненную практику.

Таким образом, виртуальные социальные коммуникации имеют неоднозначный характер, негативная форма которого выражается в крайней степени зависимости от Интернет-пространства.

В условиях организации закрытого типа, к которым относится военное образовательное учреждение, развитие виртуальной зависимости, с одной стороны, затруднено ввиду высокой плотности постановки прикладных задач и учебных занятий. Однако в то же время, недостаточность внешних социальных контактов, неудовлетворённость текущим положением в закрытом коллективе, формирует основу для использования средств сети в качестве способа самовыражения личности и поиска иного социального окружения. Для оценки возможных способов реализации и степени склонности к интернет-зависимому поведению на базе Тюменского ВВИКУ было проведено интервьюирование курсантов методом полуструктурированного интервью (N=50 человек) и преподавательского состава (N=20 человек).

Молодые люди отмечают, что более половины времени, проведённого в Интернете, отводится общению посредством социальных сетей. При этом отмечается, что данный ресурс позволяет поддерживать отношения, решать семейные вопросы, находясь на территории вуза. Однако более половины интервьюируемых отмечает, что виртуализация общения имеет свои негативные проявления, управление которыми вызывает значительные затруднения:

- общение значительно упрощается, эмоциональные графические компоненты приводят к частичной утрате способности выражать эмоции естественным образом;

- частые виртуальные коммуникации формируют избыточность информационного обмена, что приводит к опустошению содержательной части общения («говорить больше не о чем», «просто обмениваемся смайликами»);

- отсутствие интонационного компонента и видимого контекста происходящих событий у собеседника, по мнению интервьюируемых, приводит к росту конфликтных ситуаций, не имеющих объективного

предмета конфликта, что разрушает отношения, даже если они уже длились значительное время в ходе непосредственного общения;

– наличие виртуального социального капитала в виде большого количества «друзей», зачастую формирует неадекватное поведение потенциального или текущего партнёра, что выражается в требованиях со стороны девушки или молодого человека «удалить друзей – лиц противоположного пола», «дать возможность написать отдельным представителям друзей» и т.п.

Таким образом, виртуальное общение, позволяя компенсировать отдалённость курсантов от прежних социальных контактов, с другой стороны приводит к проблемам доверительных отношений, эмоционального обмена и утрате прежнего социального капитала. При этом преподаватели также отмечают значительные коммуникативные трудности у обучающихся, которые наиболее поглощены виртуальным пространством в ущерб процессу обучения. Среди коммуникативных проблем выделяются: проблемы в формулировании собственной позиции, низкая способность к краткосрочному запоминанию материала, неспособность сконцентрироваться на решении простых логических задач.

Другой, достаточно востребованной сферой использования интернет-пространства, названа возможность дополнительного заработка посредством ряда инструментов: игра на торговых или фондовых площадках, участие в тотализаторах, инвестиционных проектах, финансовых структурах пирамидального типа.

В данном случае, молодые люди подвергаются массированному воздействию рекламных акций организаций, предлагающих эффективные инструменты пассивного дохода, обеспечивающие либо стабильный доход в зависимости от личной активности человека, либо разовый рискованный способ получения денежных средств. Среди интервьюируемых отмечается, что в более половины случаев эффективность вложенных средств не оправдывается, и вместо потенциального заработка в качестве результата они

получают эмоциональное опустошение и финансовые убытки. Молодые люди выражают обеспокоенность отсутствием достаточных навыков для фильтрации информационного пространства и рациональной оценки достоверности предлагаемых данных, что приводит к принятию неэффективного решения.

Участие в организациях пирамидального типа, отмеченного у 10 % интервьюируемых, имело помимо финансовых проблем и разрушение социальных контактов, как с друзьями, так и с родственниками и близкими людьми, восстановление которых в большинстве случаев не происходило в полной мере. Таким образом, молодые люди попадали в ещё большую социальную изоляцию, что в условиях закрытости образовательного процесса и социальных интеракций приводило к абсолютизации эксклюзии.

Виртуальные игры в среде молодых военных распространены в умеренных масштабах (по оценкам самих курсантов и преподавателей), что связано, в том числе, и с техническими ограничениями пропускной способности мобильного интернета. Те курсанты, что отмечали склонность к участию в игровом сетевом пространстве, объясняли это пристрастие двумя основными причинами: необходимостью сменить обстановку, которая в условиях закрытой организации обладает значительным социальным давлением, а также нежеланием выполнять какие-либо «неприятные» задачи (прокрастинацией). Посредством игровой занятости устраняется ощущение отсутствия деятельности и формируется иллюзия решения личностного дискомфорта. При этом курсанты отмечают, что осознают негативные последствия и причины стремления к виртуализации своей жизни, однако не обладают достаточными навыками выработки иных способов регуляции деятельности.

Таким образом, отсутствие последовательного и структурированного знания о способах и формах безопасной работы с интернет-пространством формирует предпосылки для конструирования проблем в социальных коммуникациях и личной эффективности в действительности. Учитывая тот

факт, что Глобальная сеть лишена инструмента санирования, молодые люди зачастую становятся жертвами неблагонадёжных букмекерских контор и финансовых пирамид, теряя при этом как имиджевую составляющую, так и значимые социальные контакты. Концентрация на интернет-общении требует разумного и взвешенного подхода, который, в условиях закрытого образовательного учреждения возможен в ходе воспитательного процесса, а также специализированных образовательных программ.

Список литературы

1. Carr Nicholas. *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains.* – Inc., W. W. Norton & Company, 2010. – 256 p.
2. Грошева Л.И. Проблемы формирования профессиональной активности молодёжи в современной России // *Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права. Материалы Международного научного семинара (13 декабря 2013 года).* Тюмень, 2014. – С. 130–133.
3. Иванов Д.В. *Виртуализация общества. Версия 2.0.* – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 224 с.
4. Шакирова Э.Ф. Педагогические условия формирования социально активной личности студента / Э.Ф. Шакирова, Г.П. Иванова // *Акмеология.* – 2012. – №3(43). – С. 51–56.

УДК 351.85

ББК 66.3(2Рос),4.79.0

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Лукашенко, Д. О.

магистр 1 года обучения

УрФУ, ИГУП

Екатеринбург, Россия

dasha.lukashenko.94@mail.ru

Шаброва Н.В.

канд. социол. наук

доцент

УрФУ, ИГУП

Екатеринбург, Россия

urfu-stu@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE PRESERVATION OF THE CULTURAL HERITAGE

Lukashenko, D

Master 1 year of study

Ural Federal University, IGUP

Yekaterinburg, Russia

dasha.lukashenko.94@mail.ru

Shabrova N.

cand. Sociology. sciences

assistant professor
Ural Federal University, IGUP
Yekaterinburg, Russia
urfu-stu@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме сохранения культурного наследия – национального достояния России. Проанализирована трактовка понятий «культурное наследие» и «объект культурного наследия» исходя из российского законодательства. Показано, что основные механизмы сохранения культурного наследия в России и Свердловской области малоэффективны и требуют дополнительной проработки. В качестве нового механизма сохранения культурного наследия авторы предлагают социальное партнерство, но для его внедрения требуется преодоление гражданской пассивности.

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of preservation of cultural heritage – national heritage of Russia. Analyzed the interpretation of the concepts of "cultural heritage" and "object of cultural heritage" based on Russian legislation. It is shown that the basic mechanisms of cultural heritage preservation in Russia and the Sverdlovsk region are ineffective and need further elaboration. As a new mechanism for the conservation of cultural heritage, the authors propose a social partnership, but its implementation required overcoming civil passivity.

Ключевые слова: культура, культурное наследие, объект культурного наследия, сохранение объектов культурного наследия, социальное партнерство в сфере сохранения культурного наследия, гражданская пассивность.

Keywords: culture, cultural heritage, object of cultural heritage, preservation object of cultural heritage, social partnership in preservation of cultural heritage, civil passivity.

Главным и необходимым условием существования человека наряду с природой является культура. Если природа служит, так называемым, фундаментом, который обеспечивает существование человека, как физического существа, то культура – это здание, способное сделать это существование человека человеческим.

Именно благодаря культуре человек становится нравственной, интеллектуальной, духовной и творческой личностью. И для обеспечения культурной жизни общества и государства в целом, в стране реализуется культурная политика, одним из основных направлений которой является сохранение культурного наследия страны.

В соответствие с российским законодательством под культурным наследием понимаются материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию [1]. Другими словами, это то, что осталось от наших предков, и то, что позволяет нам заглянуть в прошлое.

К объектам культурного наследия в соответствии с российским законодательством относят [2]:

- памятники – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями; мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; объекты археологического наследия;

- ансамбли – группы памятников, строений и сооружений различного назначения; произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары); объекты археологического наследия;

- достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы; центры исторических поселений;

памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования российских народов и этносов, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия; места совершения религиозных обрядов; места захоронений жертв массовых репрессий; религиозно-исторические места.

Однако не следует подразумевать под культурным наследием лишь памятники архитектуры, произведения искусства, скульптуры, археологические находки и тому подобное. Культурное наследие – это нечто большее. Это национальное достояние страны, служащее инструментом самоидентификации народа. Помимо этого, культурное наследие может рассматриваться и как инструмент формирования мировоззрения людей. Посредством поговорок, русских народных сказок, произведений писателей и художников, которые представляют ценность и имеют особое значение для культуры в нашей стране, формируется уникальный уклад, образ мышления и ценностные ориентиры народа, национальный характер.

Таким образом, культурное наследие – это то, что делает нашу страну индивидуальной, самобытной державой, не похожей на другие. Поэтому крайне важно бережно и трепетно относиться к культурному наследию своей страны, ведь утрата объектов культурного наследия невозможна и практически необратима. Поэтому одним из основных направлений государственной политики в сфере культуры является охрана памятников истории и культуры.

Под государственной охраной объектов культурного наследия понимается система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда [3].

Для обеспечения физической сохранности и сохранение историко-культурной ценности объектов культурного наследия необходимо время от

времени проводить ремонт, реставрацию, приспособление объектов культурного наследия для современного использования. Для данных целей

ежегодно направляется не менее 2% средств бюджета Российской Федерации, привлекаются средства благотворительных организаций и спонсоров.

Однако, в силу большой территории, и как следствие – большого количества объектов культурного наследия, властям не под силу осуществлять охрану и сохранение памятников культуры в одиночку.

Так, по данным Центрального Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, за последние 10 лет в России погибло более 2,5 тысяч памятников культурного наследия. Ежегодные утраты составляют от 150 до 200 памятников. В целом же, по разным оценкам, от 50 до 70% находящихся на государственной охране памятников истории и культуры находятся в неудовлетворительном состоянии, а каждый второй – выглядит как ветхий, а то и заброшенный дом [4].

В Свердловской области насчитывается более 2000 памятников истории и культуры. Из них около 15% – памятники федерального значения, менее 1% – регионального значения и около 1% – местного значения. Остальные, не обладающие столь высокими статусами, становятся объектами «захвата и разрушений» [5].

Существующие на сегодняшний день в Свердловской области механизмы сохранения культурного наследия (прежде всего сдача в аренду памятников культуры бизнесу) являются малоэффективными и не обеспечивают сохранность памятников культуры. Лишь в 2015 году принято дополнение к областному закону, позволяющее предоставлять физическим или юридическим лицам в аренду неиспользуемые объекты культурного наследия, включенные в единый государственный реестр, на срок до 49 лет с установлением льготной арендной платы при условии соблюдения требований сохранения памятников [6].

Одним из путей выхода из сложившейся ситуации, на наш взгляд, может быть использование такого механизма как социальное партнерство, используемое во многих европейских странах.

Социальное партнерство в сфере культуры – это система взаимодействий между гражданским обществом, властью и бизнесом, организованных на принципах равенства, добровольности, равнозначности и дополнительности участников, которая генерирует способы осуществления совместной жизнедеятельности людей в виде социально-культурных программ, актуализирующих активность личности в создании новых смыслов, образцов, идей, ценностей, соответствующих потребностям гуманизации среды жизнедеятельности [7]. Для реализации данного механизма, в первую очередь, необходимо привлекать население.

По данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2008 году [8], большинство россиян (60%) считает, что состояние памятников архитектуры на сегодняшний день находятся в удручающем состоянии, поскольку государство практически не следит за ними.

Важно отметить, что население (60%) полагает, что государство вполне может обеспечить надлежащий уход за памятниками архитектуры. Лишь 12% опрошенных видят причину неудовлетворительной работы по охране памятников архитектуры в недостаточном финансировании, а 8% считают, что государство просто не желает выполнять взятые на себя обязательства.

Вместе с тем 56 % россиян отметили вполне нормальным практику передачи памятников культуры в частные руки для их сохранения. Это говорит, на наш взгляд, о том, что население не достаточно осознает возможности и необходимость своего участие в решении данной проблемы и перекладывает ответственность за сохранение культурного наследия только на государство и бизнес. Таким образом, преодоление гражданской пассивности выступает главным препятствием на пути реализации социального партнерства в сфере сохранения культурного наследия.

В заключении хотелось бы отметить, что Россия – великая страна с огромным культурным наследием и сохранение богатства, накопленного нашими предками должно осуществляться всеми возможными методами, чтоб было, что оставить нашим потомкам.

Список литературы

1. Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (с изменениями и дополнениями). Ст. 3.
2. Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Ст. 3.
3. Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Ст. 6.
4. Состояние культурно-исторического наследия. Режим доступа: <http://www.voopik.ru/> 12.02.2016
5. Барыш на культуре // Российская газета. №4250 от 16 декабря 2006 г.
6. Закон Свердловской области от 21 июня 2004 г. №12-ОЗ «О государственной охране объектов культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Свердловской области» (с изменениями и дополнениями). Ст. 24.
7. Мацукевич О.Ю. Развитие социального партнерства в сфере культуры // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Выпуск 195. С. 252.
8. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ о том, как россияне оценивают состояние памятников архитектуры. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=11073>. 12.02.2016

УДК 316.752

**СОВРЕМЕННЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹**

Маркова, Ю.С.

Аспирант, ассистент кафедры социологии

*Пермский государственный национальный исследовательский
университет*

Г. Пермь (Россия)

julyamarkova@gmail.com

**MODERN AND TRADITIONAL VALUES OF THE POPULATION
OF RUSSIAN REGIONS UNDER THE CONDITIONS OF SOCIO-
CULTURAL MODERNIZATION**

Markova, Yu.

PhD student, Department of Sociology assistant

Perm State National Research University

Perm (Russia)

julyamarkova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи современных и традиционных ценностей населения регионов России с модернизационными процессами. На основе вторичного анализа данных социологических исследований охарактеризованы культурные типы ценностей «Открытость

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00155).

изменениям» и «Сохранение» в 16 регионах страны. Проанализировано соотношение ценностных установок на изменение и сохранение с российскими региональными инновационными индексами и уровнем инновационной активности населения. Установлено, что ценностные установки на изменение являются значимым фактором развития инновационных процессов.

ABSTRACT

This article examines relationship of modern and traditional values of the population of Russian regions with the processes of modernization. Cultural value types of "Openness to change" and "Conservation" are described in the 16 regions of the country on the basis of secondary analysis of sociological research data. The correlation of change value attitudes and conservation value attitudes with the Russian regional innovation index and the level of population innovation activity is analyzed. It was found that change value attitudes are a significant factor of innovative processes development.

Ключевые слова: ценности, социокультурная модернизация, регионы

Keywords: values, socio-cultural modernization, regions

Задача модернизации российского общества, поставленная на уровне государственной политики РФ, является необходимым условием повышения уровня и качества жизни населения, обеспечения целостности, развития и конкурентоспособности страны. В настоящее время в регионах России происходит параллельное развитие двух стадий модернизации: первичной и вторичной. Стоит задача координации этих стадий, поиска векторов и ресурсов дальнейшего развития новой индустриализации, осуществляющейся на базе науки и инноваций. Это зависит, с одной стороны, от активной позиции политической и бизнес-элит, а с другой – от готовности остальной части населения участвовать в модернизационных процессах. Посыл осуществления комплексной модернизации требует

тщательного изучения социокультурных ресурсов через призму ценностного потенциала населения страны и ее регионов.

Вопрос о взаимосвязи между ценностями и социетальным развитием, модернизационными процессами является дискуссионным. Ряд исследователей полагают, что культурные ценности и экономический рост коррелируют друг с другом. Наличие сильных зависимостей между различными переменным социетального уровня (такими как демократия, количество разводов, возникновение движений защитников окружающей среды и другими) и глубинными ценностными установками населения обнаруживает, например, Р.Инглхарт [1]. В то же время другие ученые в большей мере склоняются к тому, что подобные связи очень слабы [2].

Нет единого мнения и в отношении направления причинной связи между ценностями и экономическими, политическими изменениями. Экономический детерминизм, в его классическом варианте представленный работами К.Маркса, предполагает, что фактором изменения культурных ценностей является экономическое развитие, сама модернизация есть результат экономической политики и практики. Альтернативный вариант, заложенный в теории М.Вебера, исходит из «культурцентристской интерпретации», объясняет модернизационные процессы как следствие влияния культуры общества.

В связи с этим следует отметить результаты, полученные в рамках межкультурного исследования М. Альтманом и его коллегами, которые доказывают, что более богатые страны, скорее, поддержат такие ценности, как автономия, равенство и дионисийские ценности, более же бедные страны – подчинение, включенность и иерархию [3]. Исследователи указывают на то, что полученные данные подтверждают позиции как экономического, так и культурного детерминизма. Стоит согласиться, что связь ценностей и модернизационных процессов является двунаправленной: культура, ценности оказывают влияние на институциональные изменения и инновационные процессы, которые, в свою очередь, воздействуют на воспроизводство и

трансформацию ценностных установок. Формирование целостного представления о природе зависимостей требует обращения к эмпирическим методам анализа.

Результаты, представленные в работе, основываются на вторичном анализе данных формализованных опросов, проводимых в рамках программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», инициированной в 2005 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Проанализированы базы данных 16 регионов – участников Программы за 2008-2013 гг.: Астраханской области (n=987), Владимирской области (n=1000), Вологодской области (n=1500), Красноярского края (n=1000), Курской области (n=1000), Новосибирской области (n=488), Омской области (n=1229), Пермского края (n=1000), Республики Бурятия (n=998), Республики Хакасия (n=600), Свердловской области (n=1004), Тульской области (n=516), Тюменской области (n=4510), Ульяновской области (n=1102), Челябинской области (n=1000).

Для исследования ценностной системы населения регионов России применялась методика Н.И. Лапина [4,5], интегрирующая 14 базовых ценностей. Уровень поддержки ценностей определялся на основе согласия/несогласия респондентов с 14 суждениями, которые содержат соответствующие ценностные аспекты. Степень согласия/несогласия респондентов с предлагаемыми им суждениями измерялась как взвешенная средняя ответов, полученных по 11-балльной шкале и приведенных к 5-балльной шкале.

В рамках рассматриваемой проблематики ценностная система населения анализировалась через соотношение степени выраженности современных (модернизационных) и традиционных ценностей. Современные ценности являются компонентой культуры общества, ступившего в эпоху модерна, для которой характерны ослабление небольших традиционных сообществ, ориентация на изменения, расширение возможностей личного выбора, усиление социального разнообразия. Они во многом

противопоставляются ценностям общества традиционного типа, тяготеющего к сохранению существующего социального порядка, общинности, авторитету группы.

В настоящем исследовании современные ценности представлены как ценности изменения (Ци), к ним относятся: свобода, независимость, инициативность и своевольность. Традиционные ценности – как ценности сохранения (Цс): традиция, порядок, жертвенность, властность. Частное от деления соответствующих показателей образует коэффициент «Открытость изменениям – Сохранение» (Кис): $K_{ис} = C_{и}/C_{с}$. Соответственно, чем больше значение Кис, тем выше выраженность ценностей изменения. Значение Кис больше единицы указывает на преобладание ценностных ориентаций на изменение, меньше единицы – на сохранение.

Как показал анализ, в ценностном сознании жителей рассматриваемых регионов России ценности изменения и сохранения представлены примерно в одинаковой степени, о чем свидетельствует значение Кис близкое 1. Однако можно зафиксировать отличия на уровне регионов по данным показателям. Ценности изменения несколько преобладают над ценностями сохранения в таких регионах, как: Республика Хакасия (1,06), Красноярский край (1,05), Новосибирская область (1,05), Свердловская область (1,02), Ульяновская область (1,02), Омская область (1,02), Тюменская область (1,02), Тульская область (1,02), Челябинская область (1,02) и Пермский край (1,01). Для Республики Бурятия характерно практически равное значение двух культурных типов ценностей (1,00). В остальных анализируемых регионах, напротив, отмечается преобладание ориентаций на сохранение, по сравнению с ориентациями на изменение: Астраханская область (0,99), Владимирская область (0,98), Вологодская область (0,98), Смоленская область (0,97) и Курская область (0,97) (см. рис. 1).

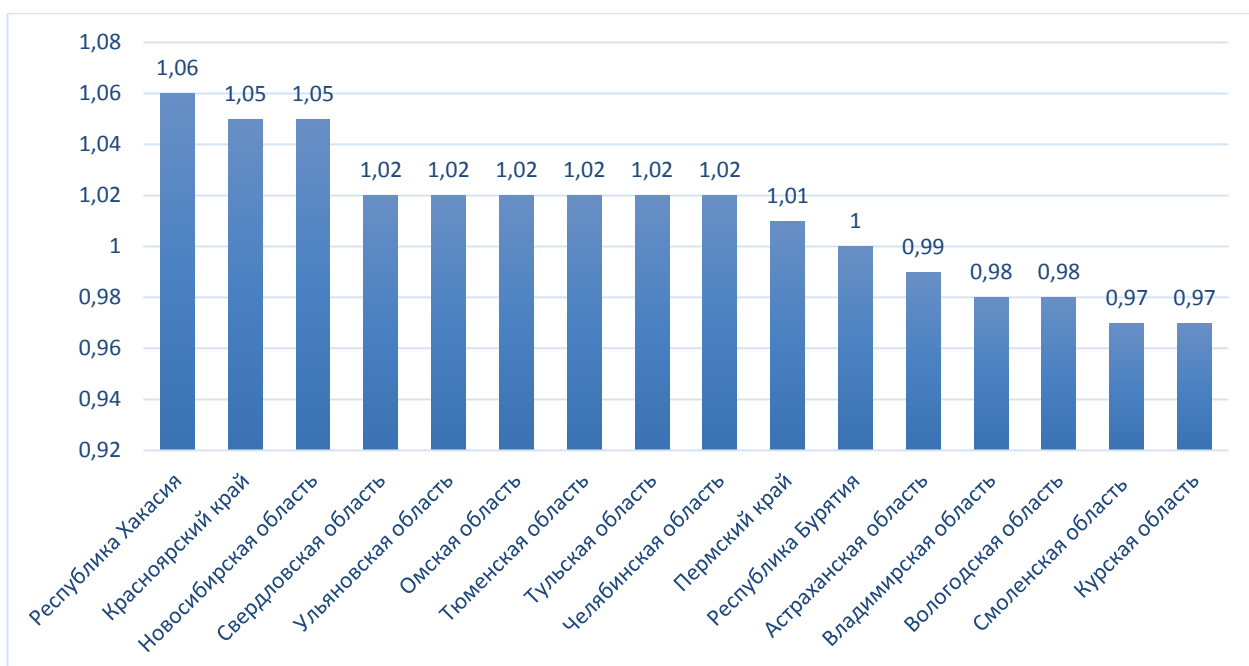

Рис. 1. Соотношение ценностей изменения и сохранения в различных регионах РФ (коэффициент "Открытость изменениям – Сохранение")

В связи с представленными выше рассуждениями о связи между ценностями и модернизационными процессами представляется интересным проследить соотношение между ценностной ориентированностью регионов и показателями их инновационного развития. Для анализа развития инноваций используется довольно большое число индикаторов, рассмотрим два: во-первых, значение российского регионального инновационного индекса (РРИИ); во-вторых, индексы инновационной активности населения.

РРИИ строится на основе анализа статистических данных по следующим показателям: социально-экономические условия инновационной деятельности; научно-технический потенциал; инновационная деятельность (в частности, удельный вес организаций, участвовавших в совместных проектах по выполнению исследований и разработок); качество инновационной политики [6]. На рис. 2. представлен рейтинг анализируемых в рамках данного исследования регионов по значению РРИИ [см.: 6, с. 19-20].

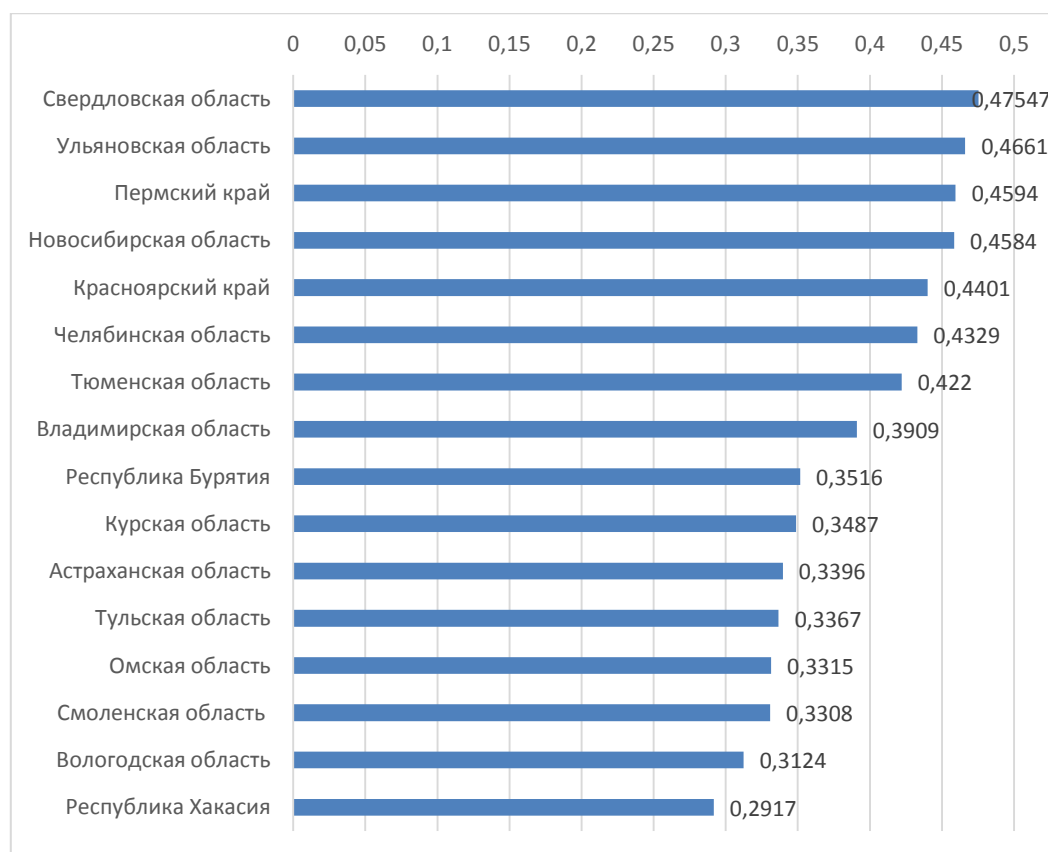

Рис. 2. Рейтинг регионов РФ по значению российского регионального инновационного индекса (РРИИ)

Практически все регионы, в которых преобладают ориентации на открытость изменениям, демонстрируют высокие значения показателя РРИИ. Прежде всего, следует отметить такие регионы, как Свердловская область (в общенациональном рейтинге, включающем 83 региона, занимает 7-е место), Ульяновская область (10-е место), Пермский край (11-е место) и Новосибирская область (12-е место). Указанные 4 региона входят в I группу по РРИИ (всего в нее включаются 12 регионов РФ). Также высоки значения РРИИ у Красноярского края, Челябинской и Тюменской областей, которые входят по этому индексу во II группу и занимают в общероссийском рейтинге 14-е, 16-е и 19-е места, соответственно.

В свою очередь, почти все рассматриваемые регионы, в которых преобладают ценности сохранения, составляют III группу по РРИИ, среди них, прежде всего: Курская область (43-е место в общероссийском рейтинге),

Астраханская область (48-е место), Смоленская область (54-е место), Вологодская область (60-е место).

Отдельно следует отметить Республику Хакасию, в которой ценностные ориентации на изменения преобладают, но в общем рейтинге по РРИИ она занимает лишь 65-е место и входит в последнюю, IV группу регионов. Требуется более глубокое изучение данного случая. Отметим только, что рейтинг РРИИ строится, преимущественно, на макроуровневых показателях. В то же время микроуровневые показатели, в частности, инновационная активность отдельных людей здесь практически не представлена. Однако, как показывают результаты данного исследования, Республика Хакасия имеет довольно высокий показатель инновационной активности населения – 17,5 (при норме 15), что соотносится с общими установками на изменения.

Более подробно рассмотрим инновационную активность населения в регионах РФ как показатель их модернизации. Индексы инновационной активности населения строились на основе данных социологических опросов, проводимых в регионах страны. Респондентам задавался вопрос, участвовали ли они за последний год в создании каких-либо новшеств (фирмы, продукта, технологии или услуги) и в каком статусе: организатора либо последователя, исполнителя. На рис. 3 показаны индексы инновационной активности населения рассматриваемых регионов России.

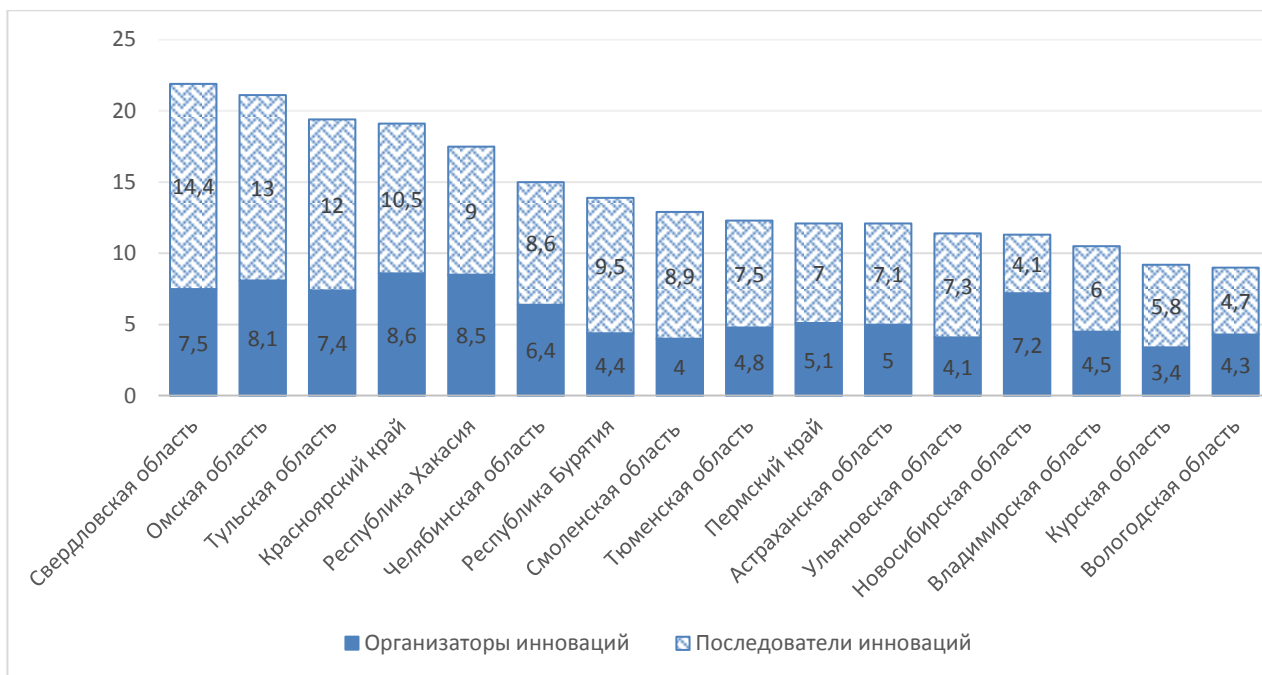

Рис. 3. Индексы инновационной активности населения в регионах РФ

Исследователями отмечается, что при оценке уровня инновационной активности неправомерно принимать за норму 100%-ное участие занятых. Установлено, что собственно инноваторы (авторы новых идей и предложений) составляют около 2,5% занятых, а их ранние последователи, очень быстро воспринимающие инновации, – около 13%. Поэтому 15% занятых является своего рода нормой активного участия в инновациях. Периферию участников составляют еще около 35%. А доля несогласных с любыми инновациями – свыше 15% [7, С. 97].

Как показывают результаты опросов, среди анализируемых регионов шесть находятся в пределах нормы по уровню инновационной активности населения или превышают ее. К ним относятся: Свердловская область (индекс инновационной активности составляет 21,9), Омская область (21,1), Тульская область (19,4), Красноярский край (19,1), Республика Хакасия (17,5), Челябинская область (15). Во всех этих регионах, как было показано, преобладают ценностные установки на открытость изменениям.

Наименьшим уровнем инновационной активности жителей характеризуются Владимирская область (10,5), Курская область (9,2) и Вологодская область (9), которые в большей мере тяготеют к ценностям сохранения.

Таким образом, можно заключить, что ценностные ориентации на независимость и свободу в принятии решений, инициативность и самостоятельность являются важным фактором развития инновационных процессов. Требуется дальнейшее изучение вопросов о силе и направлении связей между модернизацией и мотивационными ценностями населения, а также об определении места ценностных установок среди других социокультурных факторов модернизационных изменений.

Список литературы:

1. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общество // Полис. 1997. № 4. С. 6-23.
2. Smith P., Bond M. H. *Social Psychology Across Cultures* / London: Prentice Hall. 1998.
3. Altman M. Culture, Human Agency, and Economic Theory: Culture as a Determinant of Material Welfare // *Journal of Socio-Economics*. 2001. №30. P.379-391.
4. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // *Социологические исследования*. 2010. № 1. С. 28-36.
5. Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2010.
6. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 2 / под ред. Л.М. Гохберга. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. – 88 с.
7. Перлаки И. Нововведения в организациях. М., Экономика, 1980. – 144 с.

**СОСТОЯНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ
УНИВЕРСИТЕТА В СРЕДЕ АСПИРАНТОВ: НА ПРИМЕРЕ НИУ
ЮУРГУ**

Мешков, А.Ю.

ассистент кафедры социологии

Национальный исследовательский университет

Южно-уральский государственный университет, Исторический

факультет, кафедра социологии

г. Челябинск

hammer-1x@mail.ru

**STATUS OF THE CORPORATE CULTURE IN THE UNIVERSITY
GRADUATE ENVIRONMENT: THE CASE OF THE NRU SUSU**

Meshkov, A.

Assistant of the Department of Sociology

National Research University

South Ural State University, Faculty of History, Department of Sociology

Chelyabinsk

hammer-1x@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье описываются результаты исследования корпоративной культуры в среде аспирантов НИУ ЮУрГУ.

ABSTRACT

The article describes the results of the corporate culture of research among graduate students NRU SUSU.

Ключевые слова: корпоративная культура университета, корпоративная культура, аспирантура, аспиранты, мотивы поступления в аспирантуру, мотивы.

Keywords: corporate university culture, corporate culture, post-graduate, post-graduate, graduate school admission motives, motives.

Предполагается, что аспиранты по завершению кандидатской диссертации будут работать в сфере образования и науки, т.е. станут преподавателями университетов или учителями в школах, научными сотрудниками в исследовательских центрах, служащими министерства образования и науки. Также аспиранты могут трудоустроиться в других отраслях экономики. Аспиранты в последствии своими действиями формировать корпоративную культуру названных организаций, а в целом определять функционирование и развитие социальных институтов образования и науки [1]. Исходя из этого важно знать, какая корпоративная культура в настоящий момент сформировалась в среде современных аспирантов. В октября-ноябре 2015 года было проведено анкетирование среди аспирантов НИУ ЮУрГУ. Распространение анкет среди аспирантов осуществлялось через деканаты факультетов, в ходе проведения учебных занятий по философии и методологии науки. Всего был опрошен 91 аспирант (57 мужчин и 34 женщины). Аспиранты, принявшие участие в исследовании, имели разный уровень образования и его направление, так 67% - имели образование специалиста, 33% - магистра, 54% имели естественно-техническое, 28% социально-гуманитарное и 14% социально-экономические образование. Аспиранты, принявшие участие в исследовании, находились на разных годах обучения в аспирантуре, так на первом году в аспирантуры учились 27% аспирантов, на втором - 24%, на третьем и четвертом - 49%. 81% аспирантов учились на бюджетной основе, 19% – на контрактной основе. Относительно семейного положение аспирантов можно отметить следующие, 60% аспирантов на момент обучения в аспирантуре не состояли в отношениях, 30% – женаты или замужем, 9% – живут вместе. У 16% аспирантов есть дети в возрасте до 18 лет. 86% аспирантов работают. У большей части аспирантов работа связана с университетом. 25% аспирантов сказали, что являются педагогическими сотрудниками в университете, 36% - являются учебно-вспомогательным составом университета, 23% - являются служащими в государственной или частной организации. 10 аспирантов

сказали, что являются частными предпринимателями или фрилансерами. Материальное благополучие аспирантов выглядит следующим образом. 4% аспиранта сказали, что ни в чем себе не рассказывают, 15% - могут позволить себе крупные покупки, 49% – могут позволить себе мелкие покупки, 24% – денег хватает только на самое необходимое, 8% – денег не хватает на самое необходимое. Аспиранты в анкетировании высказывались относительно своего места в структуре общества. 17% аспирантов отнесли себя к верхней части общества, 68% – к средней, 15% – к нижней.

Только 25 % аспирантов смогли дать ответ на открытый вопрос о том, что они понимают под корпоративной культурой университета. Возможно это связано с тем, что аспиранты плохо понимают сущность данного феномена, не осознают его. Аспиранты отвечая на вопрос указывали элементы входящие в состав понятия корпоративная культура университета: правила («совокупность правил поведения», «общее о поведении преподавателей и студентов», «правила/модели поведения», «система норм и ценностей в коллективах», «правила взаимодействия»), взаимодействие («взаимодействие между преподавателями и студентами», «стиль взаимодействия между преподавателем и студентом», «поддержка культуры труда коллективом», «разработка общих проектов», «создание сообществ и объединений», «взаимовыручка и слаженная работа», «культура взаимодействия людей в коллективах», «отношения в коллективах», «распространение обязанностей по способностям, знаниям и умениям»), содержание корпоративной культуры университета («знание своего дела», «стремление повышать знания», «качественно выполненная работа», «стиль в одежде»), действие («сохранение и приращение педагогических ценностей, знаний, в том числе науки»), выражение в поведении («гордость за вуз»), традиции («традиции в межличностном общении преподавателей и других сотрудников, образовательном процессе»), поведение сотрудников отделов университетов («информирование об изменениях»), «формирование организаций, групп».

В анкете аспиранты рассказывали о миссии науки, образования и НИУ ЮУрГУ. По мнению аспирантов миссия науки состоит в улучшении окружающего мира, открытии нового и познании, науке отводится созидательная роль. Миссия высшего образования состоит в том, чтобы готовить высококвалифицированных специалистов, научить и воспитать людей, обеспечение индивида всеми необходимыми средствами для личностного роста. Миссия НИУ ЮУрГУ состоит в подготовке высококлассных специалистов. Отчасти описание миссия НИУ ЮУрГУ совпадает с миссией образования. Ни кем из аспирантов миссия НИУ ЮУрГУ не была полностью воспроизведена. Аспиранты давали следующие ответы о миссии. Миссия науки (ответ дал 41% аспирантов): развитие («развитие технологий», «совершенствование технологий», «доказывать целесообразность развития», «развитие мира»), новое («найти что-то новое», «открывать новое», «совершать открытия», «создавать новое»), объяснение, общественная направленность («раскрытие потенциала человека», «раскрытие потенциала человека и техники», «облегчение труда человека», «помощь в достижении счастья», «служение на благу обществу», «содействие развитию человеческих возможностей и повышение качества условий жизни», «развитие и совершенствование технологий на благо человечества»), познание («познание», «познание мира»), изучение («изучат мир», «исследовать мир»), изменение («изменение мира»), продвижение информации. Некоторые аспиранты указали негативные моменты: «получить денег, испортить жизнь студентам». Миссия высшего образования (ответ смогло дать 38% аспирантов): обучение («подготовка специалистов», «учить», «познакомить с профессией», «передача знаний и умений», «готовить к открытию и познанию новых и существующих природных и технологических процессов»), воспитание («сохранение и увеличение знаний и опыта», «развитие национальной культуры», «повышение культурного уровня», «сделать человека»), черты подготовленного выпускника («самостоятельно добывать информацию» «создавать что-то новое», «уметь

самостоятельно мыслить»), роль в обществе («служение на благо обществу»). Некоторые аспиранты указали негативные моменты: «в большинстве – заработать на студентах», «в том, чтобы выдать как можно больше дипломов о высшем образовании, независимо от качества знаний обучающихся». Миссия НИУ ЮУрГУ (ответ смогло дать 24% аспирантов): обучение («подготовка специалистов», «давать образование людям», «обучение студентов»), черты выпускника («креативное мышление», «самостоятельное мышление и саморазвитие»), роль в обществе («обеспечение социально-экономического развития общества», «развитие научного потенциала страны», «развитие региона»)

В ходе анкетирования по методике М. Рокича изучались терминальные (смысложизненные) ценностные ориентации у аспирантов. На первом месте у аспирантов-мужчин и аспирантов-девушек находится здоровье. На втором месте у молодых людей находится жизненная мудрость, у девушек – счастливая семейная жизнь. На третьем и четвертом месте, и у молодых людей, и у девушек находится такая ценность как, любовь и активная деятельная жизнь. Самые последние места в списке ценностных ориентаций занимают такие ценности, как продуктивная жизнь, красота природы и искусства, общественное признание, счастье других, развлечение, общественное признание. Таким образом, аспиранты на данный момент своей жизни сосредоточены на создании семьи и построении карьеры.

Не более 20% аспирантов смогли назвать ценности, которые входят в состав корпоративной культуры университета. Мы считаем, что в корпоративной культуре университета можно выделить на основе деятельности присущей университету три комплекса ценностей (ценности научной, педагогической и предпринимательской деятельности). Аспиранты указывали не более 5 ценностей, которые входят в каждый из комплексов. Примечательно то, что аспиранты не могут назвать ценности корпоративной культуры университета, но когда им предлагается описать свое поведение, они указывают, что будут действовать в соответствии с ними. От аспирантов

относительно ценностей были получены следующие ответы. Ценности научной деятельности (назвали 17 аспирантов, называемые ценности связаны с целью научной деятельности, ценности связанные с качествами исследователи и взаимодействием с обществом, коллегами не указывались): «получение истины», «получение нового знания». Ценности педагогической деятельности (назвали 18 аспирантов, названные ценности связаны с учебно-воспитательным процессом, ценности связанные с ответственностью перед обществом и учащимися, взаимодействием с коллегами не назывались): передача знаний, воспитание, качества свойственные преподавателю. Некоторые аспиранты указали антиценности: «большой летний отпуск», «стаж за вредность производства», «дети дарят микроволновки на выпускной». Ценности предпринимательской деятельности (назвали 15 аспирантов, названные ценности связаны получением дохода, ценности связанные с взаимодействием с обществом, партнерами/сотрудниками, клиентами, осуществлением деятельности, качества предпринимателя не назывались): «доход», «прибыль», «получаемые денежные средства».

Современные аспиранты рассматривают аспирантуру как место своего развития, реализации своих способностей и интересов. Аспиранты больше ценят научную деятельность, чем педагогическую. Выбранные мотивы являются внутренними, связаны с особенностями научной деятельности. Мотивы обучения в аспирантуре выглядят следующим образом (аспиранты могли выбрать не более 7 вариантов ответа): «желание реализовать свой потенциал, свои способности» (50%), «наличие способностей к научной и педагогической деятельности» (50%), «интерес к конкретной дисциплине, предмету, объекту» (42%), «чтобы бы быть ученым, заниматься научными исследованиями» (41%), «стать высококвалифицированным специалистом» (39%), «чтобы в последствии больше зарабатывать» (33%), «позвал будущий научный руководитель» (33%), «иметь более высокий социальный статус» (29%).

Большинство аспирантов (76%) отмечают, что обязательно поступили в аспирантуру, если бы им вновь представилась такая возможность. 24% аспирантов сказали, что подумали бы о другом занятии для себя. Около 20 % аспирантов сказали, что возможно откажутся от работы над своей кандидатской диссертацией. 75% сказали, что не откажутся от работы над кандидатской диссертацией. 86% аспирантов считают обучение в аспирантуре считают престижным. Большинству аспирантов (87%) нравится работать над своей кандидатской диссертацией. 56% аспирантов работают с положительным настроением над кандидатской диссертацией. 43% - с нейтральным настроением. Около половины аспирантов (53%) удовлетворены результатами работы над кандидатской диссертацией. Около половины аспирантов испытывают чувство время от того, что не смогут защитить кандидатскую диссертацию в срок (43%) и вовсе не защитят кандидатскую диссертацию (36%). Постоянно испытывают беспокойство 16% аспирантов что не защитятся в срок, 11% - вообще не защитятся. 40% аспирантов не испытывают чувства беспокойства из-за того, что не смогут защититься в срок, 56% - что вовсе не защитят кандидатскую диссертацию.

Аспиранты профессию ученого считают более престижной, чем профессию преподавателя. По мнению 36% аспирантов профессия преподавателя является на сегодня обычной. 30% аспирантов считают, что профессия на сегодня престижна. 30% - профессия не престижна. 22% аспирантов считают профессию преподавателя обычной. 50% считают профессию преподавателя престижной. 24% считают профессию преподавателя не престижной. 3% респондентов затруднились дать свой ответ. Профессия преподавателя и научного сотрудника для аспирантов притягательны своим содержанием и условиями труда. Отталкивает их от названных профессий прежде всего ситуация в образовании и науке России. Профессия преподавателя привлекательна: умственным и творческим характером труда (60%), гибким графиком (54%), возможностью заниматься научно-исследовательской работой (40%). Профессия научного сотрудника

привлекательна: творческим интеллектуальным характером труда (52%), возможностью общаться с талантливыми, творческими людьми (43%), возможностью саморазвития (41%), получением новых знаний, повышать квалификацию (39%), гибким графиком работы, возможностью планировать свой день самостоятельно (32%). Отталкивает от профессии преподавателя: большая психологическая нагрузка (60%), состояние образования в России (45%), низкий престиж профессии (33%). Отталкивает от профессии научного сотрудника: низкая оплата труда 60 %, низкий престиж профессии ученого в обществе России (29%), рутинность труда ученого (26%) низкий уровень научно-методического обеспечения (23%), не востребованность результатов труда обществом России (23%).

Около половины аспирантов сказали, что хотят в будущем стать преподавателями и научными сотрудниками. Многие аспиранты выбрали ответ «затрудняюсь ответить». Так стать преподавателем университета планируют 48% аспирантов, 36% - затруднились ответить, 19% - не хотят быть преподавателями. Стать преподавателями в ЮУрГУ хотят 42% аспирантов, 40% - затрудняются ответить, 18% - не хотят. Стать научными сотрудниками после защиты кандидатской диссертации хотят 47% аспирантов, 38% - затрудняются ответить, 18% - не хотят. Стать научным сотрудником в НИУ ЮУрГУ после защиты планируют 38% аспирантов, 48% - затрудняются ответить, 15% - не хотят стать в НИУ ЮУрГУ.

Но на выбор темы диссертационного исследования аспирантами повлияло ближнее окружение (научный руководитель, направление научной школы), актуальность темы и прошлый опыт научной работы аспиранта. При выборе темы диссертационного исследования аспиранты мало исходят из прагматичных мотивов, таких как «обеспечит хороший карьерный рост» и «чтобы в последствии на ней можно было заработать». Мотивы выбора темы диссертационного исследования выглядят следующим образом: тему дал научный руководитель (48%), тема выбиралась на основе актуальности и новизны (31%), продолжили свою дипломную работу (31%), интерес к

объекту и предмету исследования (30%), влияние направления научной школы (28%), исходя из той сферы в которой работают (28%).

В исследовании аспиранты рассказали о том, какие виды научной деятельности для них являются наиболее интересными: участие в научных исследования (66%), публикация работ (42%), проведение научных мероприятий (30%), разработка научно-методической литературы (15%). Около половины (52%) аспирантов привлекают прикладные исследования, фундаментальные исследования интересны для 39% респондентов. 9% аспирантов не нравятся ни фундаментальные, ни прикладные исследования. Фундаментальные исследования интересны тем, что привлекает объект и предмет исследования, обеспечивают большее развитие науки (49%), дают возможность узнать много нового, повысить квалификацию (37%). Прикладные исследования привлекательны тем, что приносят больше пользы (57%), интересен объект и предмет исследования (52%), дают возможность узнать много нового и интересного (41%). Таким образом, фундаментальные исследования притягательным тем, что обеспечивают большее развитие науки, прикладные – приносят больше пользы обществу.

В новом российском обществе университет должен сам себе зарабатывать. Большинство аспирантов (73%) считает, что университет должен иметь смешанный источник финансирования, т.е. получать средства от государства и самостоятельно зарабатывать. 25% считают, что университет должен получать финансовые средства только от государства. 2% -зарабатывать самостоятельно. К самому факту того, что университет должен зарабатывать самостоятельно положительно относится половина аспирантов. Негативно 41% аспирантов.

43% аспирантов убеждены, что результат работы над кандидатской диссертацией удастся коммерциализировать. Чтобы это удалось, необходима финансовая помощь (50% от тех кто полагает, что удастся коммерциализировать результат работы над кандидатский диссертацией),

консультации специалистов, а именно юристов, экономистов, маркетологов (33%). Более половины (67%) аспирантов хотели бы участвовать в привлечении в университет дополнительных финансовых средств. Участвовать они хотят по таким мотивам, как приобретение практического опыта (48%, % от числа желающих участвовать в привлечении дополнительных финансовых средств), повышение квалификации (37%), заработок (37%). Предпочитаемые формы привлечения дополнительных финансовых средств: участие в грантах (85%), участие в прикладных исследования (64%), проведение мастер классов, тренингов, курсов (44%), проведение экспертизы (39%). Относительно непосредственной работы можно отметить следующее. Аспиранты предпочитают работать (64%) и организовывать работу (49%). Поиск информации о грантах (29%), составление заявок для участия в грантах (25%), работа с документами (22%), поиск клиентов (16%), ведение бухгалтерии (10%) их не привлекает. Это может быть связано с тем, что данный труд по их мнению может отнимать силы и время и толку от него не быть, нет качеств для его выполнения. Необходимо отметить, что на сегодня обстоятельства складываются так, что человек в себе должен совмещать все необходимые качества.

Аспирантам более известны общеуниверситетские мероприятия, оповещение о которых является централизованным. Неформальные встречи не столь известны аспирантам. Так аспиранты знают следующие мероприятия проходящие в университете: 86% - научные конференции сотрудников университета, 77% - спортивные мероприятия, 68% - студенческие мероприятия, 67% - культурные мероприятия, 63% - праздничные мероприятия, 32% - неформальные встречи коллектива, 29% - юбилеи сотрудников.

Аспиранты, как правило знают историю создания и развития своей кафедры, своего факультета, своего университета. Музей НИУ ЮУрГУ посещали 43 % респондентов.

Аспиранты не очень знакомы, с содержанием должностных инструкций. Только около половины аспирантов имеет представление о содержании основных документов университета. Читали их полностью не более одной десятой принявших участие в исследовании. Только треть аспирантов знакома с содержанием должностных инструкций университета.

Около половины респондентов положительно относятся к гербу университета, памятнику университета, к статуям на фасаде университета. Аспиранты не знают содержание герба (на вопрос о содержании герба дали только 21 аспирантов), его смысла и его значения, они просто перечисляют то, что на нем изображено. Аспиранты в анкете просто перечисляют то, что представлено на гербе. Есть негативные моменты в расшифровке герба университета: *«зачеркнутую жизнь студента»*. Около одной трети аспирантов смогли назвать значение статуй на фасаде университета. Есть негативные моменты в названии значений данных символов: *«сошедших с ума преподавателей»*, *«статуи гаргульи, которые охраняют главный корпус от проникновения темных сил»*. На вопрос о памятнике перед университетом дали 27% аспирантов, но ни один ответ не был верным. Есть негативные моменты в расшифровке значения памятника перед университетом: *«вечный студент»*, *«вечный студент, студент, на которого равняются другие»*, *«молодой студент немного разгильдяй»*, *«памятник вечному студенту, обладает магическим свойством – потерять зачеткой, все получится, я не пробовала, наверно работает»*.

В качестве выводов можно отметить следующее. Аспиранты нуждаются в формировании у них представления о корпоративной культуре университета. Их необходимо познакомит с сущностью данного феномена, должностными инструкциями университета, символами университете. Полученные данные в результате проведенного исследования предполагается использовать при воспитании ценностного отношения аспирантов к своей профессиональной деятельности в соответствии с корпоративной культурой университета.

Список литературы:

1. Мешков, А.Ю. Качество образования и корпоративная культура университете / А.Ю. Мешков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки. – 2013. – Т.5, №2. – С. 27-31

**СИНДРОМ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОЙ НЕКРОФИЛИИ В
ФИЛОСОФИИ И МЕДИЦИНЕ. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КАК
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

Мисюкевич, Н.Д.

*студентка 6 курса лечебного факультета Южно-Уральского
Государственного Медицинского Университета*

Челябинск

nataly_miss@mail.ru

Волкова, Т.И.

*к.с.н., доцент кафедры социально-гуманитарных наук Южно -
Уральского Государственного Медицинского Университета*

Челябинск

**SYNDROME OF A CHARACTEROLOGIC NECROPHILIA IN
PHILOSOPHY AND MEDICINE. LIFE AND DEATH AS
SOCIOCULTURAL PHENOMENON**

Misyukevich, N.D.

*6-year students of the medical faculty of the South Ural State Medical
University*

Chelyabinsk

nataly_miss@mail.ru

Volkova, T.I.

*candidate of sociological sciences, associate professor of social sciences
and humanities South - Ural State Medical University*

Chelyabinsk

АННОТАЦИЯ

Тенденция к сохранению жизни и борьбе против смерти является элементарной формой ориентирования и присуща любой живой материи. Поэтому синдром характерологической некрофилии как социокультурный

феномен будет проявляться во всех слоях общества. Целью нашего исследования стала демонстрация возможного влияния синдрома характерологической некрофилии на течение болезни и процесс восстановления больных различного профиля.

ABSTRACT

The tendency to preservation of life and fight against death is an elementary form of orientation and is inherent in any live matter. Therefore the syndrome of a characterologic necrophilia as a sociocultural phenomenon will be shown in all sectors of society. Demonstration of possible influence of a syndrome of a characterologic necrophilia on a course of disease and process of recovery of patients of various profile became the purpose of our research.

Ключевые слова: синдром характерологической некрофилии, болезнь|| смерть|| жизнь|| синдром.

Keywords: syndrome of the characterologic necrophilia|| illness|| death|| life|| syndrome.

Актуальность. Желание жить - самое сильное из всех желаний. Человек зачастую способен пренебречь всеми иными ценностями (мораль, законы, личные чувства и т.п.) в пользу собственной жизни. Равно и все человеческие страхи имеют своей изначальной основой страх смерти. Но если субъект боится голода, боится лишиться власти или денег, то эти чувства, по меньшей мере, объяснимы. Однако страх небытия не имеет логического или смыслового пояснения, он - некоторая данность, свойство, сформировавшееся в процессе эволюции и закреплённое, возможно, генетически. Живой же человек переживает по поводу неизбежности факта своей смерти и процесса умирания. А мысль о насильственном и/или досрочном "переводе в небытие" неизменно вызывает ужас. И этот ужас люди издревле пытаются использовать для укрепления социального порядка и власти. Тенденция к сохранению жизни и борьбе против смерти является элементарной формой ориентирования и присуща любой живой материи.

Любовь, солидарность, справедливость и здравомыслие, проистекают из созидательной направленности человека, которую можно назвать «жизнеутверждающим синдромом». Что касается садомазохизма, деструктивности, зависти и нарциссизма, то все они также имеют общий корень и связаны с другой принципиальной направленностью личности, имя которой - «синдром ненависти к жизни». Это не означает, что каждый человек является воплощением только одного либо только другого - такое бывает лишь в исключительных случаях. Обычные люди являют собой смешение обоих синдромов. Преобладание одного из двух начал, их острота, напряжение и интенсивность - вот что имеет решающее значение для реализации человека, его поведения и его способности к саморазвитию. Предопределил это австрийский психиатр В. Штекель, который впервые использовал термин «танатос» [1]. Термин «некрофилия» впервые высказал М. де Унамундо: «Только что я услышал бессмысленный некрофильский возглас – «Да здравствует смерть» [2]. Этим вопросом занимался и З. Фрейд: «Если мы признаем как недопускающий исключения факт, что все живое умирает, возвращается в неорганическое по причинам внутренним, то мы можем сказать, что цель всякой жизни есть смерть» [3]. Эта гипотеза впоследствии была развита Э. Фроммом в его работах «Анатомия человеческой деструктивности». Он первым вывел термин «синдром характерологической некрофилии». Итак, некрофилию в характерологическом смысле можно определить как «страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому)» [4]. Позднее учеными синдром характерологической некрофилии был разделен на 3 вида – технотронная некрофилия (стремление ко всему механическому, тяга к замене общения с людьми на времяпрепровождение с техникой), садистская некрофилия (болезненное стремление наблюдать за криминальными сводками,

кровавыми фильмами и т.д), гуманистическая некрофилия (патологическая тяга к замене общения с людьми на другие ценности).

В посвященной этой проблематике литературе подробным образом изучено явление некрофилии как с медицинской точки зрения (Работы Гислейна, Эполарда, Брауна), психологической (Труды Э. Фромма, З. Фрейда, М. Маккоби) и философской (М. де Унамуну) точек зрения. В то же время, на фоне актуализации проблемы характерологической некрофилии в современном мире явно не достаточно комплексных научных работ, направленных на внедрение этого феномена в медицинской практике на новом витке развития социальных систем, на всесторонний анализ синдрома характерологической некрофилии в контексте связи и влияние его на здоровье больных различного профиля. Итак, тема исследования – влияние спектра различных заболеваний на синдром характерологической некрофилии и его изменение у различных групп пациентов.

Цель нашего исследования – продемонстрировать возможное влияние синдрома характерологической некрофилии на течение болезни и процесс восстановления больных различного профиля.

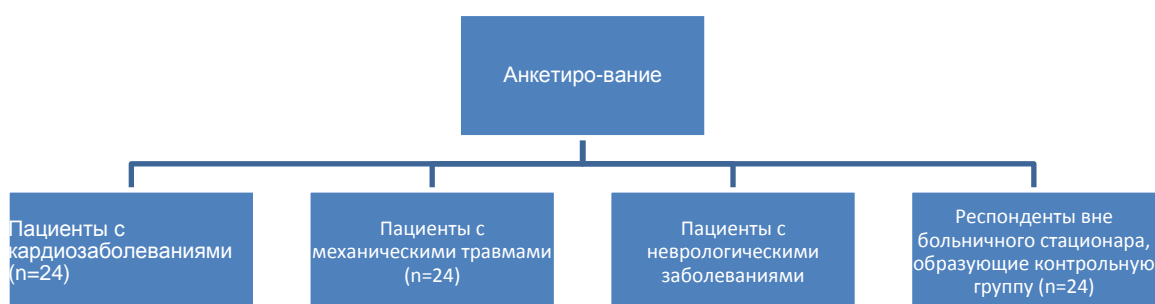
Задачи, поставленные в процессе исследования:

- анализ теоретических подходов к определению специфики синдрома характерологической некрофилии;
- определение синдрома характерологической некрофилии в количественном отношении с помощью анкеты Фромма-Маккоби, переведенная с английского языка. [5]
- выявить возможности влияния заболеваний различного профиля на изменение синдрома характерологической некрофилии
- выявить специфику синдрома характерологической некрофилии у больных различного профиля и разработать предложения и рекомендации, направленные на приведение в норму этого синдрома у людей, находящихся в больничном стационаре.

Материалы и методы: Исследование проводилось в категориальном поле философии медицины. Решение поставленных задач осуществлялось на основании трудов классиков психоанализа и философии, представляющих различные теоретические парадигмы. Работа проводилась в 2 этапа:

1 этап: социологический опрос по самостоятельно разработанной анкете. В нем приняло участие 53 человека: 25 юношей, 28 девушек в возрасте 19-21 года, студенты 3 курса Южно – Уральского Государственного Медицинского Университета (2012 г.)

2 этап основывается на исследованиях, проводимых в 2012-2013 г. на базе Златоустовской городской больницы №1: анкетирование (4 группы по 24 респондента – пациенты с кардиологическими, неврологическими, травматологическими заболеваниями и люди, находящиеся вне больничного стационара, образующие контрольную группу).

Для установления диагноза «некрофильская личность» недостаточно обнаружения одной или двух черт характера. Может случиться, что определенное поведение, которое напоминает симптоматику некрофилии, обусловлено не личностными чертами, а традициями или обычаями конкретной культурной среды. С другой стороны, для установления диагноза не обязательно иметь налицо все признаки некрофилии. Ибо она обусловлена очень большим количеством факторов как личностного, так и

культурологического свойства. Кроме того, люди умеют очень тщательно скрывать свои пороки, и потому некоторые некрофильские черты почти невозможно обнаружить. Поэтому для количественного анализа этого синдрома нами была использована анкета, разработанная Э. Фроммом и М. Маккоби, применявшаяся для диагностики синдрома характерологической некрофилии в послевоенной Германии и переведенная нами с английского языка) [5], мониторинг пациентов различного профиля (наблюдение на процессах выздоровления людей с разной выраженностью синдрома характерологической некрофилии).

Результаты исследования.

Анализируя первый этап исследования, проведенный на базе Южно-Уральского Государственного Медицинского Университета, на вопрос «Синдром характерологической некрофилии – это норма или патология?», ответ «Патология» был дан в 69% от респондентов – девушек, 64% от респондентов-юношей.

Рис.1

Данные ответа на вопрос «Синдром характерологической некрофилии – это норма или патология»

Вторым вопросом в анкете был вопрос: «Как Вы считаете, правда ли, что в современном мире происходит пропаганда смерти?». 72% мужчин и 45% дали утвердительный ответ на данный вопрос.

Рис.2

Данные ответа на вопрос «Как Вы считаете, правда ли, что в современном мире происходит пропаганда смерти?»

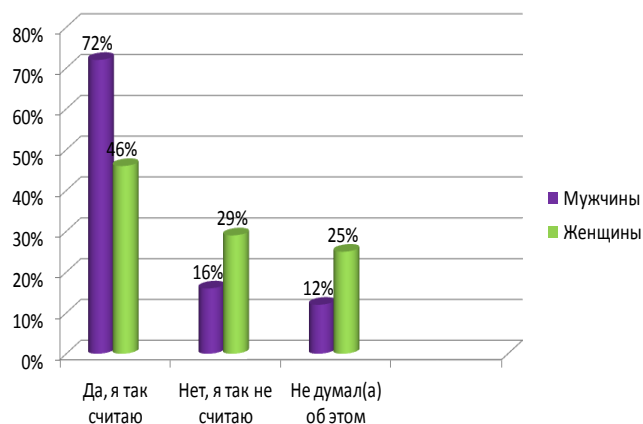
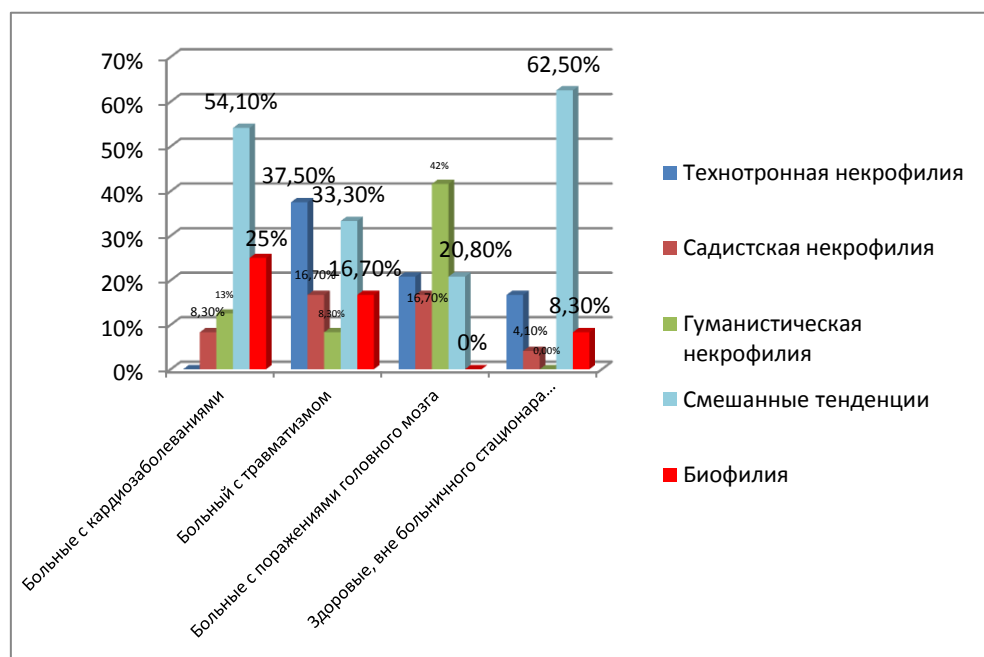

Рис.3

Данные по второму этапу исследования. См. пояснения в тексте.

Синдром характерологической некрофилии технотронного характера значительно повышен у больных травматологического профиля по сравнению с контрольной группой (37,5 % по сравнению с 16,7%), синдром

характерологической некрофилии садистского характера у больных кардиологического профиля составил 8,3%, у пациентов травматологического профиля – 16,7%, у людей с неврологическими заболеваниями этот показатель не отличался от контрольной группы. Синдром характерологической некрофилии гуманистического повышен у больных неврологического профиля по сравнению с контрольной группой (41,6%).

Если анализировать биофильные тенденции, то яркая выраженность встречается достаточно редко. Однако у пациентов с кардиологическими заболеваниями этот показатель резко повышен (25%).

Как и предполагалось в начале исследования, большинство респондентов контрольной группы имеют смешанные некрофильные и биофильные тенденции (62,5%), что характерно для большинства людей. У людей же, находящихся на лечении, этот показатель резко понижен, что дает право полагать о прямом влиянии изменение состояния здоровья на выраженность синдрома характерологической некрофилии.

Выводы:

1) синдром характерологической некрофилии действительно имеет место в современном обществе и может быть количественно проанализировано.

2) самое большое количество пациентов с синдромом характерологической некрофилии технотронного характера относится к пациентам травматологического профиля, что вполне объяснимо многими аспектами, включая тот факт, что многими исследователями была отмечена агрессивность этих больных.

3) Среди больных кардиологического профиля больше всего пациентов с выраженными биофильными тенденциями, что подтверждает гипотезу многих исследователей о сильной тяге к жизни этих пациентов.

4) Испытуемых со смешанными некрофильными и биофильными тенденциями оказалось большинство среди респондентов как среди

контрольно группы вне больничного стационара (62, 5%), так и среди пациентов. По гипотезе Э. Фромма, это свойственно большей части общества в целом.

Подводя итоги исследования, необходимо отметить еще один аспект. Очень важно понять, что полностью некрофильские характеры все же встречаются сравнительно редко. Возможно, что у большинства людей мы можем обнаружить смесь из биофильских наклонностей и некрофильских тенденций, причем последние достаточно сильны, чтобы вызвать внутренний конфликт личности. Насколько результат этого конфликта определяет всю мотивационную сферу человека, зависит от очень многих переменных. Во-первых, от интенсивности самой некрофильской доминанты; во-вторых, от наличия социальных условий (обстоятельств), стимулирующих ту или иную тенденцию; в-третьих, от судьбы конкретного субъекта, тех жизненных событий, которые могут его направить в то или иное русло. Встречаются такие люди, которые имеют настолько сильную биофильскую установку, что любые некрофильские импульсы гаснут в зародыше или усиливают особую чувствительность, умение распознать некрофильские тенденции и бороться с ними. Почти каждый человек не является воплощением только одного либо только другого - такое бывает лишь в исключительных случаях. Преобладание одного из двух начал, их острота, напряжение и интенсивность - вот что имеет решающее значение для реализации человека, его поведения и его способности к саморазвитию. Синдром характерологической некрофилии свойственен почти всем людям, и это нельзя считать патологией в полном смысле этого слова, поэтому уместно будет закончить словами одного из первооткрывателей этого синдрома Э. Фромма «Рафинированный некрофил – душевнобольной, рафинированный биофил – святой»[4].

Список литературы:

1. С. Рязанцев. Танатология – наука о смерти // Спб:., Восточно-европейский институт психоанализа. – 1994. – 383 с.

2. Thomas H., 1961: The Spanish Civil War, New York, 1961 (Harper&Bros).

3. Фрейд З. Мы и смерть // Спб:., Восточно-европейский институт психоанализа. – 1994. – 383 с.

4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности // М:., Республика. – 1994. - 447 с.

5. M. Massoby. Emotional Attitudes and political choices // Political and Society, 1972, №2, 209-234 с.

УДК: 377.011.31

ББК: 74.204

**РАЗВИТИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА В
УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И
МЕТОДИЧЕСКИЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Мищенко А.С.

кандидат экономических наук

ведущий научный сотрудник

Санкт-Петербургский филиал "Института управления образованием

РАО"

Россия, Санкт-Петербург

[*mischenko-al@yandex.ru*](mailto:mischenko-al@yandex.ru)

**DEVELOPMENT ACTIVITY AND CULTURE OF THE TEACHER IN
A CHANGING SOCIETY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
ASPECTS OF RESEARCH**

Mishchenko A.

Candidate of Economic Sciences

Leading Researcher

St. Petersburg branch of "the formation of the Institute of Management of RAO"

Russia, Saint-Petersburg

[*mischenko-al@yandex.ru*](mailto:mischenko-al@yandex.ru)

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены основополагающие положения, парадигма и принципы исследования, социальный механизм развития деятельности и культуры педагогов школы, лицеев и колледжей.

ABSTRACT

The basic provisions and principles of the paradigm studies, social mechanism of activity and culture school teachers, schools and colleges.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ПОЗИЦИОННО-СМЫСЛОВАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРА ПЕДАГОГА, СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГОВ.

KEYWORDS: POSITION–SEMANTIC PARADIGM OF RESEARCH, ACTIVITIES AND CULTURE OF THE TEACHER, SOCIAL MECHANISM OF ACTIVITY AND CULTURE TEACHERS.

Новые экономические, социальные и политические условия жизнедеятельности российского общества, с одной стороны, обуславливают изменение социокультурного потенциала деятельности и культуры педагогов, а с другой стороны, – человекотворчество по законам развития культуры, по словам Л.Н. Когана, является механизмом развития личности, обретения ею духовного богатства, важнейшим способом её самореализации [3, с. 9]. Эти процессы олицетворяют собой причинно – следственные связи коренных изменений материального и нематериального производства с духовно-практической деятельности человека – сферой образования. Данной проблеме много внимания уделяется в научно-гуманитарной среде. Это подтверждают и материалы совещаний представителей сферы образования с руководством нашей страны [1, 2].

Отталкиваясь от высказанных положений, автор, совместно с коллегами В.И. Ключкиным, А.В. Мартюшевским, Л.Г. Набиуллиным, в течение 2008 – 2015г.г. провел несколько социологических исследований, предметом которых выступало культурное развитие российских педагогов. В частности, нами изучалось содержание деятельности педагогов, их эстетическая и художественная подготовка, ценностные ориентации и культурное развитие [4, 5, 6]. В итоге были получены результаты, которые автор и попытался тезисно изложить ниже.

Прежде всего, в рамках исследования был апробирован авторский подход (позиционно-смысловая парадигма) к изучению механизма развития деятельности и культуры педагогов. Он отличается от известных научных подходов тем, что позволяет опереться на особые эмерджентные единицы познания данных явлений: категории «позиция» и «смысл деятельности

педагогов»; выработать, через рассмотрение институциональных и организационных предпосылок, личностно представленного уровня, новую логику научного исследования не только развития деятельности, но и культуры педагогов. То есть на основе эмерджентных категорий позиция и смысл деятельности педагога концептуально иначе рассмотреть новые сущностные измерения социальных механизмов развития культуры педагогов школ, лицеев и колледжей, корректно вписать их в общую систему социально ориентированных рыночных механизмов совместного развития материальной и нематериальной сфер современного российского общества.

В процессе исследования была раскрыта онтологически двойственная сущность современной деятельности и культуры педагогов, обоснован комплекс научных принципов изучения данных явлений. Они отражали интегративный характер социальных механизмов развития деятельности и культуры педагогов в условиях современного гражданского общества. Это принципы: онтологической двойственности культуры педагога; самодвижения; интеграции; системности и меры; принцип гуманитарно-профессионального развития педагога как субъекта эдукационной сферы. Указанные принципы позволили объединить между собой культурологическое, социологическое, профессиологическое и педагогическое направления исследования деятельности и культуры педагога, обосновать с единых позиций культурологические, социологические, профессиологические и педагогические категории, раскрыть двойственную сущность современной деятельности педагога и социальный механизм его культурного развития. При этом само исследование осуществлялось на основе взаимопроникновения аксиологического, системно-структурного и моделирующего подходов к изучению деятельности и культуры педагога. Это дало возможность выявить сущность и обосновать междисциплинарные основания повышения культурного потенциала педагога как субъекта, отвечающего за развитие современной российской молодежи.

На основе позиционно-смысловой парадигмы и авторской трактовки выше названных научных принципов исследования удалось раскрыть сущность культуры педагога. В ней мы выделили следующие компоненты: культура интеллектуальной и предметной деятельности педагога; уважение педагогом достоинства другого человека; соблюдение им социокультурных традиций, обычаев и норм в монокультурном и кросс-культурном взаимодействии; готовность педагога использовать в своей деятельности общекультурный фонд экономических, гуманитарных и естественнонаучных знаний; его самоопределение в основных ценностных, смысловых доминантах современного мира, в сохранении культурной жизни общества; наличие у педагога социальной ответственности за себя, за свое поведение и благополучие других людей и т.д. При анализе культуры педагога мы также учитывали следующие базовые компоненты: объективно-деятельностный; субъектно-деятельностный и ценностный, мировоззренческий компоненты. Они дают возможность изучить культуру педагога как экзистенциально двойственное и одновременно интегральное явление, отразить в ней взаимодействие её объектных и субъектных, этических и эстетических компонентов.

В ходе эксперимента выявлена и обоснована структура факторов – компонентов механизма культурного развития педагогов. В частности, раскрыты его макросоциальные, социально-педагогические и личностные факторы. Факторы, входящие в первую группу (*макросоциальные факторы*), включали в компоненты материального и нематериального производства, социальной, политической и духовной сферы общества. В неё входили также социальные и экономические условия культурного развития педагогов, определяющие экономическую, социальную и демографическую стратификацию регионального сообщества и т.д. Вторая группа факторов (*социально-педагогические факторы*) включала в себя социальные и педагогические компоненты, которые отражают функционирование негосударственных и частных организаций, а также различных воспитательных

учреждений сферы образования, социальных и профессиональных инициативных объединений педагогов, институционально представленных в гражданском обществе, но взятых с точки зрения реализации ими эдукационной функции культурного развития современных педагогов. Наиболее непосредственно и выпукло данная группа факторов проявлялась на уровне образовательных организаций. Она, в частности, включала в себя компоненты, проявляющиеся в культурном потенциале конкретных образовательных организаций, в системе их традиций, в негласных правилах и нормах поведения педагогов, в элементах профессиональной деятельности педагогов, в её целевых, ценностных и смысловых компонентах, в её условиях, степени интенсивности, сложности, квалификации и т.д. Третья группа факторов (*личностные факторы*) отражала индивидуальный уровень рассмотрения педагога в качестве субъекта образовательного процесса. В частности, объединяла следующие характеристики: речевая культура педагогов, степень развития их профессионального, творческого, инновационного, эстетического, художественного и духовного потенциала. Сюда же мы отнесли черты педагога, определявшие культурный потенциал его свободного времени.

В процессе анализа факторов культурного развития педагогов удалось показать, что они резюмируются в системе многомерных отношений субъектов образования, взятых в своём восходящем развитии, предстают как иерархически сложные и многослойно организованные, ролевые, субъектные и личностные взаимодействия педагогов, требуют для своего познания применения инструментария культурологических, социально-экономических, психологических и педагогических исследований. Это следует из того факта, что они включают в себя: социально-экономические связи общества (проявляющиеся через взаимовлияние различных сфер производства, отношение педагогов к конкуренции и частной собственности – основополагающим механизмам и институтам развития гражданского общества); деятельностные и организационные связи внутри учебного учреждения (реализующиеся через деятельностные позиции и систему

отношений субъектов образования, которые сложились между ними внутри учебного учреждения по поводу осуществления ими учебной и воспитательной работы); профессиональные компетентностные характеристики педагогов (связанные со способностью педагогов целостно и парадоксально – творчески выстраивать свой учебно-воспитательный процесс); ценностно обусловленные личностные качества субъекта образования (связанные с его социально-педагогическим саморазвитием, с – социальными и аксиологическими чертами его деятельности, с – его личностными смыслами, ценностями и идеалами, с – их развитием и постоянным воспроизводством в учебной и воспитательной практике). На этой основе нами была разработана и обоснована концепция конкурентной сущности и соревновательного алгоритма действия механизма культурного развития современных педагогов, в части организации стимулирования повышения их инновационного и профессионального потенциала – необходимых предпосылок и платформы для непрерывного совершенствования образовательных институтов.

В процессе анализа собранных данных нами было показано, что в социальном механизме культурного развития педагогов происходит непрерывное уточнение системы целей и совершенствование отношений всех участников образовательного процесса, рассматриваемых, как вне, так и внутри учебного коллектива на трёх уровнях его реализации. На первом уровне, механизм культурного развития педагогов онтологически зиждется, с одной стороны, на стимулировании изменений позиций педагогов внутри учебного учреждения, на – двойственной диалектике целей, ценностей и смыслов их образовательной деятельности, на – снижении интенсивности и непрофильной нагрузки педагогов, на – кардинальном изменении затратной стороны их профессиональной деятельности. С другой стороны, – на существенном повышении качества их методической и исследовательской активности, на – развитии результативной составляющей их профессиональной деятельности. На втором уровне своей реализации механизм культурного развития педагогов имплицитно стимулирует

совершенствование системы управления их отношениями, которые складываются по поводу обучения и воспитания учащихся внутри школы, лицея или колледжа. Перечисленные выше элементы и соотношения выступают, на третьем, по своей конкретике, более высоком уровне реализации основанием для формирования синергии новых социальных, профессиональных и культурных характеристик субъекта учебного учреждения, а именно, стимулируют становление педагогов в качестве «личности» (через изменение их творчески-креативной организации досуга, ценностного и эстетического самоопределения и т.д.), «профессионала» (через изменение позиций и смыслов их деятельности, экономической заинтересованности, профессионально-гуманитарных компетенций, профессиональной зрелости и т.д.) и «гражданина» (через расширение их включенности в корпоративную культуру образовательного учреждения, через развитие их политической, нравственной и духовной ориентации, и т.д.).

В ходе исследования удалось показать, что для выстраивания механизмов культурного развития педагогов школ, лицеев и колледжей, как подсистемы воспроизводства человеческого капитала того или иного региона, требуется переосмыслить принципы жизнедеятельности образовательных организаций, обдумать новые направления их взаимодействия с различными структурами и общественными институтами. Это позволяет повысить отдачу от воспроизводства наличного человеческого капитала той или иной территории. Все эти процессы оказывают обратное позитивное влияние на совершенствование деятельности учебных учреждений в области организации ими процессов развития культуры своих педагогов. Иначе говоря, взаимодействие деятельности и культуры педагогов – акторов образования, особенно работающих в лицеях и колледжах производственного и технического профиля, может быть продуктивным лишь при системном учёте культурологических, социологических, экономических, профессиологических, психологических и педагогических аспектов развития эдукационных институтов общества в целом. Прежде всего, негативных аспектов действия

конкуренции и частной собственности. Нельзя забывать, что они выступают в качестве механизма функционирования и институционального базиса развития современного общества; определяют тенденции изменения социальной структуры общества, направления модернизации системы среднего профессионального образования, эволюцию социальных и функциональных отношений внутри образовательного учреждения, ориентиры становления нового субъекта эдукационного процесса и т.д.

Для проведения экспериментальной части исследования нами был разработан авторский многокритериальный инструментарий – методика модульного типа, включающая в себя взаимно дополняющие друг друга документы культурологического, социологического и профессиологического характера. Он позволял осуществить в режиме мониторинга диагностику развития деятельности и культуры педагогов. В разработанном инструментарии нашли отражение индикаторы образовательной среды, деятельности и культуры педагогов, а именно, показатели: 1) социально-экономического и гражданского позиционирования педагогов; 2) их профессиональной и дидактико-методической компетентности; 3) их духовно-практического и эстетико-художественного развития и т.д. В него вошли, помимо указанных, также следующие индикаторы: 4) наличие или отсутствие в образовательных учреждениях традиций; 5) характеристики служебных и межличностных отношений педагогов и учащихся; 6) показатели целей образовательной деятельности педагогов, её профессионально-гуманитарное качество; 7) индикаторы профессионального и ценностного самоопределения педагогов. Предлагаемый диагностический инструментарий предназначался также и для совершенствования организационной культуры педагогических коллективов, повышения культурологической подготовки и формирования новой гуманитарно насыщенной субъектности педагогов вообще, начальной и средней профессиональной школы, в частности. Использование многокритериального диагностического инструментария дало нам возможность проанализировать временные параметры функционально-ролевой нагрузки педагогов, провести

анкетный опрос, собеседование и интервьюирование педагогов по вопросам профессиональной деятельности, их творческой мотивации, эстетических и художественных вкусов, включенности педагогов в социальную жизнь образовательного учреждения, региона и общества. Это открывает новые возможности для изменения качества управления деятельностью педагогов и повышения эффективности механизмов их культурного развития.

При помощи многокритериального мониторингового инструментария в ходе эксперимента были апробированы процедуры культурологической, социологической и профессиологической диагностики компонентов образовательной среды, изменения в области деятельности и культуры педагогов. По его результатам (на основе анализа эмпирических данных, значимых на уровне статистической погрешности $"p" = 0,01$) мы установили показатели, фиксирующие изменения разной направленности: в профессиональной деятельности педагогов; в отношениях между основными субъектами образовательного процесса; в активности педагогов; в качестве и результативности обучения молодёжи; в основных зависимостях, раскрывающих механизм взаимозависимого развития деятельности и культуры педагогов внутри образовательной организации; в системе позиций и целей, смыслов и ценностей субъектов образовательного процесса, как внутри, так и вне учебного коллектива; в характере организационной культуры, определяющей, с одной стороны, сложную многослойную архитектуру социальных и функциональных отношений между самими субъектами образовательного процесса, а с другой стороны, – совершенствование ролевых, субъектных и личностных отношений между педагогами и администрацией конкретного учебного учреждения.

В ходе экспериментальной работы была апробирована методика междисциплинарного моделирования взаимодействия содержательных элементов деятельности педагога с его культурой, в том числе обоснованы его принципы и индикаторы. На этой основе были разработаны три модели взаимодействия деятельности и культуры педагогов, основанные на

стохастическом анализе системы факторов их развития. В процессе анализа первой модели мы установили зависимость развития содержательных элементов деятельности педагогов от: технологической модернизации современных образовательных процессов; расширения свободы и улучшения условий профессиональной деятельности педагогов; роста сложности и квалификации современной образовательной деятельности; повышения эффективности и оптимизации системы распределительных отношений между педагогическими сотрудниками внутри образовательной организации. В ходе изучения второй модели были установлены три группы факторов, которые определяют развитие общей и профессиональной культуры педагогов. Первая, по силе своего влияния, группа факторов включает в себя эргономические характеристики образовательной среды и межличностных отношений педагогов. Вторая группа – смысловые и целевые характеристики деятельности, а также политические позиции педагогов. Третья группа – творческую мотивацию и гуманитарный потенциал педагогов. В процессе исследования третьей модели было показано, что взаимодействие деятельности и культуры педагогов можно представить через четыре относительно самостоятельных дисциплинарных основания: социально-экономическое основание (конкуренция и частная собственность как важнейшие социально - экономические институты современного общества); внутриорганизационное основание (система социальных позиций педагогов и характер отношений субъектов образовательной организации); профессионально-компетентностное основание (способности педагогов парадоксально мыслить и умение последних целостно и эффективно выстраивать учебно-воспитательный процесс); ценностно обусловленное личностное основание (саморазвитие педагога в духовно-практической плоскости – особое аксиологическое качество его учебной и воспитательной деятельности, качество личностного идеала педагога).

В процессе многолетних экспериментов нашего коллектива была показана практическая значимость разработанного многокритериального инструментария и полученных моделей развития деятельности и культуры педагогов. Она

состоит в их способности, сохраняя валидность и надёжность измерений, повысить мобильность и гибкость диагностики взаимодействия компонентов образовательной среды и деятельности, мотивации и культуры (в том числе эстетического и художественного потенциала) педагогов различных типов учебных учреждений. Это даёт возможность распространить её результаты на всю генеральную совокупность жизнедеятельности образовательных организаций. Такая диагностика может проводиться на межрегиональном, региональном и учрежденском уровне, как самими педагогическими коллективами, так и независимыми экспертами – исследователями. Иначе говоря, значимость полученных результатов состоит в том, что они позволяют, при сохранении нынешней образовательной политики в нашей стране, обосновать перспективные планы развития деятельности и культуры педагогов общеобразовательной и средней профессиональной школы на ближайшие десятилетия.

Список литературы

1. Заседание Госсовета по вопросам совершенствования системы общего образования. 23.12.2015. – Интернет – ресурс, режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/51001> (дата просмотра 28.12.2015).
2. Заседание Совета при Президенте по культуре и искусству. 25.12.2015. – Интернет – ресурс, режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/51016> (дата просмотра 28.12.2015).
3. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека: монография / Л.Н. Коган. – М.: Мысль, 1984. – 252с.
4. Мищенко А.С. Развитие профессиональной культуры педагога: основания и принципы исследования: Науч. статья / А.С. Мищенко // Журнал Экономика образования – № 6 – 2015 – С. 94 – 105.
5. Мищенко А.С. Содержание профессиональной деятельности педагогов: о позиционно-смысловой парадигме его социологического исследования: Тезисы науч. доклада / А.С.Мищенко, В.И. Ключкин // Восьмые Ковалевские

чтения / Материалы научно-практической конференции 15-16 ноября 2013 года /
Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб., 2013. – С. 134 – 135.

6. Мищенко А.С. Эстетико-художественная подготовка и ценностные ориентации педагога как факторы развития его профессиональной культуры: Тезисы науч. доклада / А.В. Мартюшевский, А.С. Мищенко, Л.Г. Набиуллин // Материалы XVIII Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования / Редакционная коллегия: Грунт Е.В., Кораблева Г.Б., Меренков А.В., Рыбцова Л.Л., Старшинова А.В. - Екатеринбург, УрФУ, 2015. – С. 386 – 394.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Мустаева, Ф.А.

*доктор социологических наук, профессор
профессор кафедры педагогики Башкирского государственного
педагогического университета им. М. Акмуллы
г. Уфа, Россия
e-mail: fmust@ mail.ru*

CHARITY AS A TENDENCY OF SOCIAL DEVELOPMENT

Mustaeva, F.A.

*Doctor of Social Sciences, Professor
Professor of the Department of Pedagogy, Bashkir State Pedagogical
University. M. Akmulla
Ufa, Russia
e-mail: fmust @ mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В современных условиях малообеспеченные категории населения не могут рассчитывать только на государственную поддержку и вынуждены обращаться за помощью в благотворительные организации. В статье на основе результатов социологических исследований, обобщения опыта деятельности Магнитогорского городского благотворительного общественного фонда «Металлург» доказана тенденция усиления роли благотворительности в жизни современного общества, раскрыто содержание благотворительных программ, востребованных обществом.

ABSTRACT

Under modern social conditions needy categories of the population cannot count only on the state support and are forced to address for help to charitable organizations. In the article on the basis of results of sociological researches, generalization of experience of the Magnitogorsk city charitable fund «Metallurg»

the tendency of strengthening the role of charity in the life of the modern society is proved, the contents of charitable programs demanded by the society are described.

Ключевые слова: благотворительность, благотворительный фонд, благотворители, благотворительная программа, дарополучатели, социальные услуги.

Key words: charity, a charitable fund, philanthropists, a charitable program, addressees of services gift, social services.

Для современного этапа развития российского общества характерно дальнейшее ухудшение качества жизни значительной части россиян. Особенно в сложном положении оказываются сегодня граждане пожилого возраста, люди с ограниченными возможностями здоровья, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также такие типы семей, как малообеспеченные, неполные, многодетные и др. Эти категории населения нуждаются в усиленном внимании со стороны как государства, так и неправительственных организаций.

Прежде всего, предпримем попытку определить роль государственного сектора в социальной поддержке населения. Обратимся к результатам социологического исследования, проведенного нами в Челябинской области [1, с. 166-167], в ходе которого мы пытались выяснить мнение респондентов о роли государства в поддержке семьи: всем ли семьям и в равной степени государство должно помогать.

Максимальное количество опрошенных (41,2 %) придерживается мнения, что государство должно заботиться обо всех семьях, гарантируя им хотя бы минимум материальных и социальных благ. По-видимому, такая позиция может быть объяснима тем, что в течение нескольких десятилетий широко распространенные при социализме лозунги о проявлении заботы о советской семье со стороны партии и государства остались в сознании большинства российских семей. 26,2 % респондентов высказываются в пользу того, что государство должно помогать семьям жить самостоятельно,

без посторонней помощи. Однако, в современных условиях, чтобы семья могла хоть как-то существовать, должны быть созданы соответствующие условия для трудоустройства членов семьи, организации семейного бизнеса, доступного образования детей, правового просвещения семьи и т.д. Категоричность респондентов в том, что надо надеяться не на государство, а на себя, самим обеспечивать достойную жизнь семьи (20,1 % опрошенных) может быть объяснима тем, что люди обращались за помощью в государственные структуры, но не получили ее, поэтому разочаровались в возможности получить помощь от государства. Небольшой процент опрошенных (10,7 %) считает, что государство должно помогать тем семьям, которые сами не могут обеспечить прожиточный минимум.

Там, где россияне не рассчитывают на государственную поддержку или не получают ее, они вправе обратиться в случае необходимости за помощью к третьему сектору. Активизация деятельности неправительственных организаций в сфере социальной поддержки населения в современных условиях развития российского общества обусловлена следующим. Во-первых, в условиях, когда Россия стремится к построению гражданского общества, именно негосударственные организации являются одним из типов организационных структур демократического (гражданского) или переходного к нему общества. Во-вторых, государство далеко не всегда способно реально защитить социально уязвимые категории населения и обеспечить им социальную поддержку, тогда как деятельность значительной части негосударственных некоммерческих организаций осуществляется именно в сфере социальной защиты. В-третьих, реалии сложной социально-экономической ситуации в стране требуют привлечения неправительственных организаций в число субъектов социальной поддержки людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В-четвертых, в России имеются богатые исторические традиции благотворительной помощи, деятельности разнообразных общественных организаций в области социальной поддержки и социальной защиты, и эти традиции усиливают

роль благотворительных организаций в общей структуре российского общества.

Об усилении роли благотворительных организаций в современном российском обществе свидетельствуют результаты анкетного опроса, проведенного в г. Тольятти [6]. 95 % респондентов выразили положительное отношение к благотворительности, 1 % опрошенных считает это бесполезной тратой времени, небольшой процент (4 %) тех, кому эта деятельность безразлична. Однако, несмотря в целом на преимущественно позитивное отношение к благотворительности как тенденции общественного развития, 20 % респондентов считает, что благотворительная деятельность у нас в России совершенно не развита, 62 % – развита, но недостаточно, и лишь 3 % убеждены в том, что хорошо развита. На вопрос о причинах, препятствующих развитию благотворительности, 64 % респондентов назвали отсутствие гарантий целевого использования средств (средства уходят «налево»); 27 % – отсутствие традиций благотворительности; 19 % – несовершенство налоговой и законодательной системы; 9 % – недостаточное признание благотворителей государством [6].

Социологические исследования, проведенные в Ярославской области [3], также вызывают интерес в русле исследуемой проблемы. Кстати, и здесь 95% жителей поддерживают благотворительную деятельность. На основе проведенных исследований авторами сделаны следующие выводы о тенденциях развития благотворительности в России:

- благотворительность признается большинством россиян социально полезной, одобряемой и необходимой деятельностью;

- в настоящее время Россия отстает по масштабам благотворительности, а развитие этого института эксперты оценивают как недостаточное;

- субъектами благотворительной деятельности выступают как частные лица, так и некоммерческие организации;

– основными бенефициарами благотворительной помощи в России традиционно являются социально уязвимые слои населения, люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации;

– мотивация благотворительных организаций и частных благотворителей схожа: это желание заниматься социально полезной деятельностью;

– к причинам, сдерживающим частную благотворительность, относятся недоверие к институтам помощи, а также отсутствие ресурсов помощи;

– основные причины слабого вовлечения общественных организаций в благотворительную деятельность: непривлекательность сферы, сложности с мотивацией благотворителей, отсутствие опыта работы с благотворителями;

– перспективы развития института благотворительности связаны с совершенствованием институциональных факторов – налоговой системы, информационной поддержки [3].

В последние годы все более заметную роль в общественном развитии стали играть различные общественные фонды. Их деятельность важна не только в материальном отношении в плане оказания адресной поддержки, хотя это – основное, так как происходит мобилизация на инициативной основе финансовых ресурсов для решения конкретных задач. Но важно и то, что фонды становятся зародышем гражданского общества, где инициатива, активность людей самодостаточны, и зависимость от государства в решении социальных вопросов становится минимальной [4, с. 177].

Тенденция развития общественного фонда в качестве основного вида благотворительных организаций связана с тем, что основной проблемой большинства благотворительных организаций является отсутствие достаточного количества материальных средств для оказания благотворительной помощи. Существование организаций в виде благотворительного фонда как раз и позволяет организации заняться сбором средств для реализации своих уставных целей, и, кроме того, большинство благотворительных фондов берут на себя роль перераспределителя

собранных средств между другими благотворительными организациями. Основным направлением деятельности благотворительных фондов является сбор средств и финансирование благотворительных программ или организаций [5, с. 15].

Деятельность такой общественной организации, как Магнитогорский городской благотворительный общественный фонд «Металлург», подтверждает тезис о том, что благотворительность в современных условиях становится тенденцией общественного развития, значительно влияющей на реализацию социальной политики.

Созданный в 1988 году, фонд «Металлург» оказывает социальные и медицинские услуги малообеспеченным категориям граждан города Магнитогорска и десяти прилегающих сельских районов Челябинской области. Одна из особенностей его деятельности в том, что дарополучателями фонда являются самые различные категории нуждающихся в социальных услугах людей: взрослые и дети, одинокие люди и семьи, а также организации.

Благотворителями фонда «Металлург» являются 36 промышленных предприятий, организаций, учреждений города Магнитогорска и Челябинской области, и самый крупный из них: ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» – градообразующее предприятие города Магнитогорска.

Деятельность фонда направлена на достижение следующих целей:

- оказание материальной, моральной, медицинской помощи и поддержки семьям, потерявшим кормильца, многодетным семьям, пенсионерам, инвалидам войны и труда, детям-инвалидам;
- привлечение внимания общественности к проблемам граждан и семей, нуждающихся в повышенной заботе и опеке;
- содействие деятельности в сфере профилактики и охраны здоровья граждан, а также пропаганда здорового образа жизни, улучшение морально-психологического климата в семье.

В настоящее время фондом реализуется несколько благотворительных программ по оказанию социальных услуг населению.

Благотворительная программа «Забота», объектом которой ежегодно является до 35 тысяч человек, направлена на улучшение качества жизни лиц старшего поколения и людей с ограниченными физическими возможностями. Эта комплексная программа включает в себя следующие программы:

– «Старшее поколение» – оказание адресной материальной помощи пожилым людям в денежной и натуральной форме, бесплатное питание, поздравление пенсионеров-юбиляров;

– «Сохрани свое здоровье» – адресная материальная помощь пенсионерам и инвалидам на проведение высокотехнологичных операций, лечение, приобретение дорогостоящих медикаментов, средств реабилитации;

– «Милосердие» – предоставление комплекса социально-бытовых услуг проживающим в специализированном доме «Ветеран» одиноким пожилым людям;

– «Активное долголетие» – оздоровление в центре медико-социальной защиты фонда, в гериатрическом центре АНО «ЦМСЧ», предоставление бесплатных путевок в санатории и профилактории в курортные зоны Урала, Башкирии и Северного Кавказа;

– «Досуг пожилых людей» – проведение праздничных мероприятий, творческих встреч и других мероприятий для лиц третьего возраста.

В рамках программы более 16 тысяч неработающих пенсионеров промышленных предприятий и учреждений города дополнительно к пенсии ежемесячно получают материальную помощь. Мониторинг качества предоставляемых фондом социальных услуг свидетельствует о том, что для участников благотворительной программы «Забота» такая помощь со стороны фонда «Металлург» является существенным дополнением к их очень небольшой по сумме пенсии. Приведем в качестве примера высказывание Н. (73 года): *«Я живу одна. Сына похоронила 37 лет назад, и внуков у меня нет. Есть только дальние родственники, которые живут в*

Тувльской области. Фактически мне не помогают, только звонят иногда, и то очень редко. Пенсия маленькая, жить на нее очень трудно. Обидно, конечно, всю жизнь работала, а теперь... А вот фонд «Металлург» мне помогает. Вы знаете, даже настроение поднимается: хоть и немного это – 600 рублей, а очень существенно. Ведь и лекарства сейчас какие дорогие! И путевку мне дали, я лечилась в их медицинском центре. Спасибо директору фонда, что заботятся о нас – стариках».

Комплексная программа «Луч надежды» направлена на социальную поддержку людей, получивших инвалидность вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания. Дополнительно к государственным социальным выплатам в рамках программы оказывается: ежемесячная материальная помощь, частичная оплата коммунальных услуг, бесплатное питание в столовой «Ветеран», лечение и оздоровление в центре медико-социальной защиты фонда, организация загородных поездок в зоны отдыха, вручение подарков к праздничным датам, поздравление юбиляров, посещение матчей с участием хоккейной команды «Металлург».

Положительно зарекомендовала себя в Челябинской области комплексная программа «XXI век – детям Южного Урала», включающая в себя следующие благотворительные программы, направленные на социальную поддержку семьи и детства:

– «Мы рядом!» – социальная поддержка семей, потерявших кормильца вследствие несчастного случая на предприятии. В рамках программы семьям, потерявшим кормильца, выплачивается ежемесячная материальная помощь; учащимся средних специальных и высших учебных заведений выплачивается стипендия; семьям, имеющим детей дошкольного возраста, оказывается материальная помощь на оплату пребывания ребенка в детском саду; оплачиваются путевки детей в детские оздоровительные лагеря, путевки в санатории и дома отдыха; традиционно проводятся мероприятия, приуроченные к праздничным дням, с конкурсными программами, вручением подарков и чаепитием. Программа включает и работу с

престарелыми родителями и вдовами погибших, которым также оказывается социальная помощь;

– «Стимулирование рождаемости. Охрана материнства и детства» – социальная и материальная поддержка материнства и детства. В центре «Материнство» фонда ежемесячно бесплатно наблюдаются около 300 женщин со сроками беременности от 13 недель, при этом по основному месту работы за ними сохраняется средняя заработная плата. На базе центра действует также «Школа будущих родителей». В рамках программы благотворительным фондом оказывается материальная помощь: после рождения ребенка женщины получают единовременную материальную помощь в размере 14000 рублей, а после окончания послеродового больничного листа фонд выплачивает им ежемесячную материальную помощь;

– «Дружная семья» – социальная поддержка многодетных семей, которым оказывается ежемесячная материальная помощь, частично компенсируются коммунальные услуги, предоставляются подарки ко дню рождения детей, ко Дню защиты детей в виде продуктового набора и талона на приобретение промышленных товаров, оплачивается дополнительное образование, выдаются путевки в летние оздоровительные лагеря, организуются конкурсно-развлекательные мероприятия. Приведем высказывание Евгения М. (37 лет, в семье 4 детей): *«Я работаю на комбинате, и моя семья состоит на учете в фонде «Металлург». Получаем материальную помощь от фонда, но особенно радуются дети подаркам к детским праздникам. Еще мы любим выезды на природу с такими же многодетными семьями. Дети хорошо общаются, родители обмениваются опытом, как в их семьях решаются какие-то проблемы. В общем, нам фонд здорово помогает»;*

– «Наши дети» – социальная поддержка, реабилитация детей-сирот, детей-инвалидов. Программа включает: оказание благотворительной помощи детским специализированным учреждениям (детские дома, интернаты, дома

ребенка, коррекционные школы, социально-реабилитационные центры, детские больницы, всего 29 учреждений). Благотворительная помощь осуществляется в виде медикаментов, канцтоваров, спортивного инвентаря, книг и учебников, игрушек, детской одежды, обуви, технических средств обучения и специального оборудования и др.;

– «Одаренные дети Магнитки» – **поддержка одаренных детей, подростков и молодежи. В рамках программы оказывается: материальная помощь детям из малообеспеченных семей для участия в конкурсах, олимпиадах, соревнованиях; благотворительная помощь организаторам таких конкурсов; материальная помощь в виде стипендии. Как показали результаты нашего интервью с участниками программы – одаренными детьми – особенно рады учащиеся материальной помощи в виде стипендии;**

– «Калейдоскоп» – адресная материальная и благотворительная помощь малообеспеченным категориям граждан, а также учреждениям для организации работы с детьми и малообеспеченными семьями по месту жительства. Согласно результатам социологического исследования, проведенного нами в г. Магнитогорске (опрошено 600 человек), 48,7 % семей живут сегодня от зарплаты до зарплаты, а 5,3 % семей опрошенных находятся за чертой бедности [2, с. 167]. И такие семьи, несомненно, нуждаются в материальной поддержке. В рамках благотворительной программы им оказывается материальная помощь на лечение и оздоровление детей, приобретение путевок, оказывается содействие в приобретении одежды, обуви, продуктов питания, медикаментов через магазины и аптеки фонда «Металлург».

Реализуемая фондом благотворительная программа «Спорт» включает в себя благотворительную помощь организациям, учреждениям города и области для развития физической культуры и спорта среди молодежи, вовлечения молодежи в спортивные секции, укрепления здоровья подрастающего поколения.

Еще одна особенность деятельности благотворительного фонда «Металлург» заключается в том, что он оказывает медицинские услуги на базе своего Центра медико-социальной защиты. Фактически это первый геронтологический центр в Челябинской области, созданный по типу дневного стационара для бесплатного лечения инвалидов, пенсионеров и малообеспеченных категорий граждан. В центре созданы благоприятные условия для поддержания здорового образа жизни и оказания квалифицированной медицинской помощи. Кроме того, здесь действует «Народный университет здоровья третьего возраста», программа которого направлена на обучение пожилых людей приемам самопомощи, повышение их санитарно-гигиенической культуры.

Совершенно уникальным и несколько непривычным для общественной организации является такое структурное подразделение фонда, как специализированный дом «Ветеран», в котором проживают одинокие пенсионеры, заключившие с фондом договор-ренду на пожизненное содержание с иждивением или договор найма с предоставлением комплекса социально-бытовых и медицинских услуг. Уникальность опыта деятельности дома «Ветеран» заключается как раз в том, что пожилые люди, проживая в отдельных однокомнатных квартирах, окружены заботой, получают социально-бытовые и социально-медицинские услуги (социального работника, медицинских работников, диспетчера, слесаря-сантехника и др.).

Фонд «Металлург» имеет также в своей структуре столовую «Ветеран» (обслуживает в основном малообеспеченных пенсионеров и инвалидов, которые могут получить здесь бесплатное дополнительное питание), 4 магазина «Ветеран» и социальную аптеку. Действует постоянная 10%-ная скидка на товары первой необходимости для некоторых состоящих на учете категорий.

Таким образом, пример деятельности фонда «Металлург», имеющего в настоящее время все условия для оказания социальных услуг малообеспеченным категориям населения (современную материально-

техническую базу, квалифицированные кадры, денежные средства), свидетельствует о том, что благотворительность сегодня становится позитивной тенденцией общественного развития, и благотворительный фонд порой оказывает своим дарополучателям такие социальные услуги, которые не всегда могут оказать им государственные учреждения социальной службы.

Список литературы

1. Меренков А.В., Мустаева Ф.А. Самоопределение российской семьи в условиях трансформирующегося общества: монография. Магнитогорск: МаГУ, 2013. 221 с.
2. Мустаева Ф.А. Семья и дети как объект социальной работы: монография. – Магнитогорск: МаГУ, 2009. 310 с.
3. Соколов А.В., Власова А.А. Благотворительность в системе гражданской активности россиян // Власть. 2014. № 12. С. 56-61.
4. Социальная политика: парадигмы и приоритеты: Монография / Под общ. ред. В.И. Жукова. Изд-во МГСУ «Союз», 2000. 312 с.
5. Супруненко Г.А. Деятельность неправительственных организаций по социальной поддержке населения: учебное пособие. Магнитогорск: МаГУ, 2009. 96 с.
6. Уланова Е.С. Благотворительность в современном российском обществе: тенденции возрождения и особенности развития // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. № 8 (12). С. 315-321.

ОБРАЗ АМЕРИКАНЦА В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГ

Наумова Е.С.

*бакалавр социологии, студент – магистр ИСПН, маркетинговые
исследования,
Уральский Федеральный университет им. Первого президента России
Б.Н. Ельцина,
город Екатеринбург,
evg_naumova@mail.ru*

THE IMAGE OF AMERICANS IN THE CONSCIOUSNESS OF THE CITIZENS OF YEKATERINBURG

Naumova E.S.

*Bachelor of Sociology, the student - master ISPN, marketing research,
Ural Federal University. First President of Russia BN Yeltsin,
Yekaterinburg city,
evg_naumova@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье дается обзор подходов к понятию «стереотип» и «этнический образ», анализируются взаимосвязи социально – культурного и психологического в данной проблематике, определяются границы междисциплинарного исследования этнического стереотипа и образа. Автор делает вывод, что образ американца с точки зрения жителей города Екатеринбург носит скорее отрицательный характер, причем, данная тенденция связана с макрофакторами, а именно, с политическими событиями в мире.

ABSTRACT

The article provides an overview of approaches to the concept of «stereotype» and «ethnic image» analyzes the relationship of socio - cultural and psychological in this issue, defines the boundaries of the interdisciplinary study of ethnic stereotypes and images. The author concludes that the image of Americans

in the consciousness Yekaterinburg's residents is rather negative, and this trend is related to the macro factors, namely, the political events in the world.

Ключевые слова: стереотип || образ || американцы || этностереотип || общественное мнение || этнос || межкультурная коммуникация || сознание

Key words: stereotype || image || Americans || ethnic stereotypes || public opinion || ethnos || intercultural communication || consciousness

В условиях современного мира при общей тенденции аккультурации и глобализации первостепенной задачей становится выстраивание дружественных отношений между ведущими державами, к которым, можно отнести Российскую Федерацию и Соединенные Штаты Америки и между народами этих стран. В связи с этим, изучение образов и стереотипов, касающихся поведения американцев, для России представляется важной, актуальной и практически оправданной задачей.

В особенности необходимым это стало в связи с принятием в 2012 году закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [1], в котором основной проблемой выступает поведение граждан Америки в отношении граждан РФ. Кроме того, актуальность этой темы обусловлена нестабильными отношениями США и РФ, в связи с украинским кризисом.

Итак, настоящая статья посвящена исследованию по выявлению и анализу образа американца в общественном сознании россиян, на примере жителей города Екатеринбург.

Исходя из проблематики, основными понятиями исследования выступают: стереотип, этнический стереотип и этнический образ. Основываясь на работах, прежде всего, Уолтера Липпмана [2], Анри Тэшфела [3], а также представителя уральской школы социологии А.В. Меренкова. Под стереотипом мы понимаем:

образец восприятия, основанный на социальном опыте, устойчивый, но способный к трансформации, а также выполняющий ряд важнейших функций, в числе которых межгрупповая дифференциация, «экономия усилий» в процессе коммуникации, приспособление к окружающему миру и другие.

Являясь разновидностью социального стереотипа, этнический стереотип обладает общими с ним свойствами и функциями: обобщенностью, упрощенностью содержания, чрезвычайной эмоциональной насыщенностью, поляризацией оценки.

В отличие от этнического стереотипа, этнический образ является краткой формой описания представителя этноса. В основе образа лежит в большей степени чувственное восприятие. Этнический образ служит мерилom, в соответствии с которым человек выстраивает собственное поведение и формирует ожидание его от других. [4]

Эмпирическую базу статьи составляет исследование, проведенное в ноябре – декабре 2014 года. Объектом исследования выступили жители Екатеринбурга в возрасте от 18 до 65 лет. Данный возрастной интервал достаточно обширен и включает наиболее активную часть населения, формирующую основу общественного мнения россиян. Предмет исследования - общественное мнение жителей города Екатеринбург.

Для проведения исследования был выбран метод опроса и социально – психологического тестирования. Опрос позволит охватить практически все группы населения, получить большее число ответов. Кроме того, в исследовании была использована адаптированная методика «множественной идентификации», разработанная В. Ф. Петренко, при помощи которой проводятся сопоставление ролевых позиций через описание характерных поступков. Данная методика социально-психологического тестирования респондентов позволит выявить эмоциональную окрашенность образа американца и социальную дистанцию между респондентами и типичным

американцем, путем сопоставления представлений о своей и чужой этнической группе. [5]

Выборка исследования составила 200 респондентов. Такой объем выборки является достаточным для достижения репрезентативности исследования с одной стороны, и подходит для обработки результатов такого инструмента как социально – психологический тест, с другой. Для выявления зависимости направленности этностереотипов от социально-демографических характеристик респондентов была выбрана целевая выборка по социально – демографическим характеристикам респондентов (по полу, возрасту, уровню образования и профессиональному статусу).

Чтобы выявить образ американца в сознании жителей города Екатеринбург были поставлены следующие задачи:

- Выявить мнение респондентов о внешнем облике и основных ценностно - поведенческих ориентациях типичного американца
- Определить стереотипы восприятия гражданской позиции и профессионально – материального статуса американца
- Определить факторы формирования этнического образа американца, а также выявить возможную зависимость этнического образа от социально-демографических характеристик респондента.

В соответствии с задачами получены следующие результаты.

По мнению жителей Екатеринбурга, типичный американец представляет собой высокого, в меру ухоженного, слегка полноватого человека с темно-русыми волосами, со стрижкой средней длины.

При сравнении с исследованиями прошлых лет выяснилось, что самым стойким и явным внешним свойством образа американца в представлении россиян выступает полнота, что оправдано неизменными ассоциациями с феноменом американского культа фаст-фуда.

Что касается поведения, респонденты полагают, что для американца характерно дружелюбие и улыбчивость. Каждый третий респондент уверен, что типичный американец поможет незнакомцу в трудной ситуации. Самыми

же важными, по мнению жителей Екатеринбурга, для американцев оказались материальные ценности и карьера. По результатам социально-психологического теста «множественной идентификации», «карьера» также подтвердила свое лидирующее положение среди ценностей американца. Раннее развитие капитализма в США породило культ материальных ценностей среди американцев. Капиталистические ценности стали ассоциироваться с этическим образом американца.

Такие категории как «семья» и «дети» оказались намного ниже «секса» и «любви» в рейтинге приписываемых американцу ценностей. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что, по мнению респондентов, типичный американец выстраивает отношения на основе любовно-интимных связей. Детско – родительские отношения, в свою очередь, находятся в этом плане в упадке. С другой стороны, более половины респондентов ассоциируют свою собственную позицию с большей ориентированностью на семью. Здесь прослеживается четкое отличие ценностных ориентиров россиян и американцев, более «теплый» автостереотип и «холодный», негативный гетеростереотип об американцах в сознании жителей Екатеринбурга.

Анализ мнения респондентов о материальном и профессиональном статусе, приписываемом образу американца, показал, что половина опрошенных уверена, что каждый американец может себе позволить приобретение бытовой техники, а четверть респондентов – что он не ограничен в средствах и может позволить себе все, что угодно. Подобные результаты могут быть связаны с тем, что для российского менталитета характерно оценивать свое материальное положение как более низкое, чем у «чужой» этнической группы. Наиболее высокую оценку материального благополучия типичного американца дали респонденты в возрасте от 41 до 54 лет. Респонденты склонны оценивать собственное материальное положение выше именно в этом возрасте, когда есть определенная карьера, стабильный заработок и имущество. Таким образом, произошло перенесение собственных представлений на образ американца.

Что же касается профессионального статуса, характерного образу американца, респонденты приписывают ему должность так называемого «среднего класса», «белых воротничков», среди которых менеджеры среднего звена, так называемый «офисный планктон», работники, занятые умственным трудом.

Анализ этнического образа американца был бы неполным без характеристики представлений респондентов об отношениях в типичной американской семье. Подавляющее большинство жителей Екатеринбурга считают, что отношения в американской семье основаны на равноправии. Именно Америка является родиной феминизма и стала ассоциироваться с равноправием во всех сферах жизни.

Влияние эмансипации также подтверждают результаты опроса на тему возраста вступления в брак американца. Женщины полагают, что американцы вступают в брак в более зрелом возрасте (26 – 40 лет). Женщины – респонденты склонны преувеличивать возраст вступления в брак американца, так как у россиянок и американок больше разница в возрасте заключения брачных отношений, чем у мужчин.

Согласно другой гипотезе, жители Екатеринбурга уверены, что типичный американец является активным избирателем и сторонником демократии. По пятибалльной шкале средняя оценка уровня патриотичности американца составила 4,14. Однако проведя анализ данных опроса, можно сделать вывод о том, что респонденты уверены в отрицательной оценке американцами политики своего государства. Возможно, здесь имел место факт замещения позиции американца своим собственным отношением к политическому курсу США.

Что касается источников и факторов формирования этнического образа и стереотипов, первостепенным выступает СМИ. Подавляющее большинство респондентов в размере 76% получают информацию об образе жизни американцев с помощью СМИ (телевидения, пресса, фильмы). Такие результаты могут быть связаны с тем, что вышеперечисленные источники

охватывают наиболее широкую аудиторию и занимают лидирующие позиции в современном информационном потоке.

Для того чтобы определить общий вектор этнического образа была использована шкала социальной дистанции Богардуса. Отношение респондента к специфической социальной группе определяется по тому, насколько близкие отношения готов допустить респондент с членом этой группы. Половина респондентов готова видеть американца лишь в качестве гостя (туриста) в своей стране. Пилотажное исследование 2013 года показало, что ранее треть респондентов была готова принять американца в качестве близкого друга, что говорит о тенденции ухудшения отношения к американцам.

В качестве косвенного индикатора было решено взять отношение респондентов к заимствованию американской культуры в России. Более трети респондентов относятся к данному процессу отрицательно и лишь 11% положительно. При ответе на данный вопрос в 2013 году респонденты положительно оценивали заимствование американской культуры – 20% - положительно, 10% - отрицательно.

Данную тенденцию резкого ухудшения отношения жителей Екатеринбурга к этому вопросу можно объяснить значительным обострением отношений между Россией и Америкой в 2014 году. У половины респондентов после введения антироссийских санкции в 2014 году отношение к американцам изменилось в худшую сторону, у другой же половины - не изменилось, и никто из опрошенных не отметил улучшение отношения в связи с санкциями. Это говорит о том, что общая атмосфера в обществе, политические споры государств оказывают достаточно сильное влияние на трансформацию этностереотипов, выступают мощным фактором макроуровня.

При общей отрицательной оценке образа американца мужчины оказались немного более расположены к принятию американца в своей жизни. Женщины же более настороженно отнеслись к подобной возможности

и готовы принять американца лишь в качестве туриста. Однако более чем у половины мужчин введение санкций вызвало ухудшение отношения к образу американца, и лишь каждая третья женщина согласна с данной позицией. Это может быть связано с заложенной позицией «защитника» у российского мужчины, который более склонен видеть в лице американцев врага, чем женщины.

Что касается зависимости возраста и отношения к образу американца, то можно сделать вывод, что возраст не оказывает особого влияния. Общая тенденция негативного отношения к американцам в связи с политическими конфликтами оказала влияние на все группы населения. Более половины респондентов в каждой возрастной группе отрицательно оценивают заимствование культуры США.

Таким образом, можно сделать вывод, что образ американца с точки зрения жителей города Екатеринбург носит скорее отрицательный характер, при чем, данная тенденция связана с макрофакторами, а именно, с политическими событиями в мире.

Список литературы

1. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федер. Закон [от 28 дек. 2012 г. N 272-ФЗ] // РИА Новости-2012-[Электронный ресурс] //URL: <http://ria.ru/politics/20121221/915806320.html>(дата обращения: 01.05.2014).

2. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение»: 2004.

3. Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

4. Меренков А.В. Социология стереотипов / А.В. Меренков // Ек.: 2001.

5. Петренко В.Ф. Митина О.В. Россиянки и американки: стереотипы поведения (психосемантический анализ) / В.Ф. Петренко О.В. Митина // СПб.: 2001.

СИСТЕМА ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ НА РЫНКЕ ТАТУ УСЛУГ

Небалуева А. И.

*бакалавр социологии, студент – магистр 1 курса по программе
«Социология маркетинговых исследований» департамента политологии и
социологии Института социальных и политических наук*

Уральского федерального университета имени первого Президента

России Б. Н. Ельцина,

Екатеринбург (Россия).

anna.nebalueva@rambler.ru

THE SYSTEM OF DETERMINATION OF BEHAVIOR IN THE TATTOO MARKET

Nebalueva, A.

*Bachelor of Sociology, the student - 1st year Master's program "Sociology of
marketing researches" Department of Political Science and Sociology of the*

Institute of Social and Political Sciences

Ural Federal University named after the first Russian President Boris

Yeltsin,

Yekaterinburg, Russia).

anna.nebalueva@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье ставится задача рассмотреть систему детерминации поведения на рынке тату услуг. Даны основные определения по теме, краткая история появления услуги тату. Рассматривая татуировку как способ удовлетворения потребности в самовыражении, автор описывает основные элементы системы детерминации: внутреннюю и внешнюю необходимости, потребность, интерес, ценностные ориентации, социальную установку и стимул. Описание внешних и внутренних воздействий, определяющих поведение потребителей на рынке тату услуг, позволяет

перейти к дальнейшему анализу особенностей формирования потребностей на тату услуги.

ABSTRACT

This article seeks to examine the system of determination of behavior in the tattoo market. The article considers the basic definitions of the topic, a brief history of the appearance of a tattoo services. Considering a tattoo as a way to meet the needs of self-expression, the author describes the main elements of the system of determination: internal and external necessity, needs, interests, values, social attitudes and stimulus. Description of external and internal influences that determine the behavior of consumers in the market the tattoo services allows you can go to further the analysis of features of need's formation for tattoo services.

Ключевые слова: татуировка || система детерминации || потребность || тату услуга

Key words: tattoo || the system of determination || need || tattoo service

Несмотря на длительную историю своего существования, татуировка является мало изученным феноменом. Приоритет в исследовании татуировки принадлежит представителям таких наук, как этнография и антропология (Васкевич П. Г., Ф. фон Гельвальд, Гондатти Н. Л., Леббок Дж., Леви-Стросс К., Миддендорф А. Ф., Пилсудский Б. О., Ратцель Ф., Штернберг Л. Я. и др). В книге антрополога, доктора исторических наук Медниковой М. Б. татуировка рассматривается как исторический источник. Такие специалисты как Дубягина О. П., Дубягин Ю. П., Смирнов Г. Ф. исследовали татуировку с точки зрения криминологии.

Барановский В. А., Гришин В. А., Козлов В. В., Парк Д., Павщук Е. Б., Стил В. рассматривают использование татуировки в молодежной среде. В большинстве случаев современные исследования татуировки вращаются вокруг темы восприятия татуированного индивида обществом. Недостаточно исследованы проблемы выбора тем, сюжетов, стилей наносимых рисунков татуировки у современной молодежи.

Изучение тату услуг необходимо начинать с рассмотрения того, что мы понимаем под татуировкой. Само слово «татуировка» впервые было описано английским путешественником Джеймсом Куком, употребившем его в отчёте о путешествии вокруг света, опубликованном в 1773 году.

Этот вид творчества был назван из-за стука, производимого латунными иглами на коже, который на родном языке звучал как «tatau» или «тату» [8]. Слово «татуировка» или его сокращенный вариант «тату» заимствованно из полинезийского языка, и на таитянском наречии означает «рисунок на человеческой коже» [10]. Этнограф Штернберг определил татуировку как неизгладимый знак наряду с некоторыми другими манипуляциями с человеческим телом [5]. Чудинов А. Н. определяет татуировку как «наведение на теле различных неизгладимых рисунков, фигур, посредством накалывания» [9]. Различные исторические и этнографические словари дают следующее определение: «обычай нанесения рисунка на лицо и тело путём введения краски под кожу, обычно связан с инициациями» [11].

Обобщая различные определения, мы можем получить современную трактовку данного явления. Татуировка – это процесс нанесения стойкого рисунка на тело, с помощью введения под кожу красящих веществ; сами узоры на теле, сделанные таким способом.

Татуировки можно рассматривать с нескольких сторон.

Во-первых, как исторически сложившиеся функции: «социального письма» индивида обществу, защитные, магические. В современной культуре тату приобретает ряд других функций: эстетическую и функцию самовыражения. Так, например, К. Леви-Стросс в «Печальных тропиках» описывает виды орнаментов и татуировок на лице и теле с семиотической точки зрения: как текст Другому о своем личном, статусном, имущественном, семейном положении. Например, татуировку в верхней части лица – вокруг глаз и на лбу могли сделать себе только вождь и его семья [3].

Во-вторых, как знаковую форму внешнего представления тела, которая отражает принадлежность индивида к определенной группе.

В-третьих, как способ демонстрации молодежью своего отношения к внешнему миру, средством коммуникации и репрезентации социокультурной идентичности личности.

Далее определим, как мы будем понимать потребность. Потребность представляет собой активность организма, направленную на реализацию имеющейся у него внутренней необходимости [6, с. 149]. В данном случае это потребность в самоутверждении, стремление получить положительную оценку другими своего "я". Татуировка выступает способом реализации данной потребности.

Под услугой мы понимаем действие, выгоду или способ удовлетворения потребности, которые одна сторона предлагает другой. Тату услуги оказывались еще в давние времена. В период III тысячелетия до н.э. начали появляться первые мастера. А в первой трети прошлого столетия в Багдаде были открыты заведения, в которых делали тату на руках. Посетителю предлагался зарубежный проспект, в котором можно было выбрать для себя подходящий рисунок или мотив. До наших дней в Ираке – в городах и деревнях – есть так называемые «дкаки» – мастерицы разукрашивать прекрасную половину человечества [1].

Современная татуировка стала фактически таким же способом самовыражения, как одежда или прическа. Она в какой-то мере символизирует стиль жизни человека, его привычки. Татуировка не только не теряет своей актуальности, а становится все более значимой, так как идентификация личности помогает индивиду перейти из биологического мира в мир социальный, и поэтому она так популярна среди молодежи 18-30 лет.

Система детерминации человеческого поведения представляет собой совокупность тех взаимосвязанных между собой внешних и внутренних изменений, которые вызывают четко определенное действие, в данном

случае человек делает татуировку. Для того чтобы определить особенности формирования потребностей на тату услуги, необходимо выделить саму последовательность и механизмы, которые приводят к совершению действия [6, С. 142].

Рассмотрим каждый элемент системы детерминации.

Поскольку человек – существо социальное, то оценка той группы, в которой он находится, является для него значимой. Наличие данных оценок представляет собой внешнюю необходимость, вызванную социальными условиями существования человека. Получая оценку со стороны группы, человек пытается тем самым привлечь их внимание. Отсюда внутренняя необходимость – это необходимость в общении, признании, оценке. Потребность в самоутверждении. Эта потребность личности имеет много аспектов. Прежде всего, она вызвана стремлением человека получить социальное признание, оценку своей личности, то есть увидеть себя глазами других. Кроме того, развитая форма потребности в другом человеке выступает еще и как потребность в самопознании, самооценке, самовыражении и самореализации. Эта потребность возникает вследствие осознания человеком своей неповторимости, индивидуальности, как «объективная необходимость зарождающейся субъективности быть соотнесенной с другой, но подобной ей субъективной реальностью других индивидов» [2, с. 127-158]. Соответственно, целью выступает повышение своего статуса в глазах окружающих, их одобрение, «принятие», желание выделиться по сравнению с другими.

Для достижения этой цели можно использовать различные способы. Например, через приобщение к социально и (или) личностно значимой группе, общности, которое достигается путем подражания, то есть следования какому-либо примеру, образцу. Подражать можно как в вещах, так и в идеях. К примеру, мода – это подражание во внешнем образе. Человека увлекают не полезность и красота нового, но прежде всего его отличие от других – «немодных», создавая иллюзию приобщения к общности

«мы». В данном случае человек выбирает татуировку как способ реализации своей потребности. Однако существует множество стилей и видов тату. Сделать выбор при таком разнообразии возможно при наличии интереса, который отражается в сознании в виде ценностных ориентаций. Интерес обеспечивает поиск и нахождение способов удовлетворения потребностей. А ценностные ориентации представляют собой систему ценностей, которыми руководствуется субъект при конкретизации выбора. Например, для человека могут быть значимы эстетические ценности или ценности собственного имиджа – моды, красоты и т.д. [4]. Кроме вышеперечисленного, внешним фактором побуждения к конкретной деятельности может выступать определенный стимул. Стимулирование происходит на этапе поиска посредством рекламы на различных сайтах, социальных сетях, форумах и т.д. На рынке тату услуг существенное воздействие оказывает не реклама, сколько может повлиять, как и качество выполняемых работ, квалифицированный персонал, или даже личность самого мастера, так и упаковка услуги (например, интерьер тату салона).

Наконец, прежде чем перейти к социальной установке, то есть внутренней готовности индивида к четко определенным действиям, ему необходимо себя замотивировать. Мотивация представляет собой осознание своей потребности и обоснование выбранного решения для ее удовлетворения себе самому. «Люблю татуировки! Это красиво и модно! Я подчеркну свою индивидуальность! В нее заложен определенный смысл! Недорого! И т. д.». И только убедив себя в правильности и верности своего выбора, человек может перейти к самому действию.

Список литературы

1. Барановский В.А. Искусство татуировки / В. А. Барановский. - Москва: Славянский дом книги, 2002. 320 с.
2. Джидарыш И. А. Психология общения и развития личности. // Психология формирования и развития личности. Москва, 1981, С. 127-158.

3. Леви-Стросс К. Печальные тропики. Москва: Прогресс, 1983. С. 87
4. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: Учебное пособие. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2000. – 519 с.
5. Медникова М.Б. Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник / М. Б. Медникова. - Москва: Языки славянской культуры, 2007. – 212 с.
6. Меренков А. В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. С. 149
7. Меренков А. В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. С. 142
8. Татуировка, пирсинг, боди-арт. Практическое пособие. Р. Егоров, Москва, 2006, 272 с.
9. Чудинов А.Н. "Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка", 1910г
10. Davies, H. J. (Herbert John); London Missionary Society Published 1851 p. 258
11. Энциклопедии и словари [электронный ресурс] - Режим доступа: <http://enc-dic.com/>

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СОЦИОЛОГИИ

Нечаева, А. А.

Аспирант кафедры социологии культуры, факультета социологии

Санкт-Петербургского Государственного Университета

Санкт-Петербург

alex.nechayeva@gmail.com

CULTURAL MEMORY IN SOCIOLOGY

Nechaeva, A.

Student of sociology of culture, sociology faculty of St. Petersburg State

University

St. Petersburg

alex.nechayeva@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются предпосылки возникновения интереса к изучению коллективной памяти. Показана особенная актуальность целостного понимания функционирования коллективной памяти в наши дни. Прослеживается эволюция социологических взглядов на феномен памяти, приведший к созданию концепции культурной памяти. Статья описывает взгляды таких ученых как Хальбвакс, Варбург, Выготский, Бахтин, Ассман, Нора и Лотман. Подтверждается вывод о том, что прошлое является не объективной данностью, а актуальным продуктом культурной памяти.

ABSTRACT

The article reveals the prerequisites of the interest in research made into collective memory. A great significance of the holistic understanding of the functioning of collective memory is shown. The article dwells upon the evolution of sociological views on the phenomenon of memory, which led to the creation of the concept of cultural memory. This article describes the ideas of the following scientists: Halbwachs, Warburg, Vygotsky, Bakhtin, Assmann, Nora and Lotman.

It supports the conclusion that the past does not belong to objective reality, but rather it is an actual product of cultural memory.

Ключевые слова: коллективная память; культурная память; историческая память; места памяти; идентичность; коммуникативная память; социальные рамки памяти

Key words: collective memory; cultural memory; historical memory; memory space; identity; communication memory; social frameworks of memory

Вопросы, связанные с исследованием феномена памяти, поднимались в философии практически с момента ее зарождения. Например, учение Платона об анамнезисе раскрывало взаимосвязь памяти и познания, где познание происходит за счет воспоминания души о том, что было ей известно за пределами земной жизни, в мире идей. Собственно человеческая память представляется Платону хранилищем отпечатков, оставленных впечатлениями. Аристотеля также волновали вопросы памяти, которые он описал в своем трактате о «Памяти и припоминании». Аристотель полагал, что в памяти запечатлеются не сами предметы, а ощущения от них, при накоплении которых формируется опыт. Согласно Аристотелю, памятью могут обладать как люди, так и животные, но способность к припоминанию встречается только у людей.

Но в фокусе исследовательского внимания феномен памяти оказался с наступлением двадцатого века. Ряд ученых, таких как П. Рикёр, Т. Адорно, П. Бергер, Н. Луман, М. Фуко и другие рассматривали память как социальное явления. Кроме того, двадцатый век характеризуется поворотом к изучению коллективного сознания и, следовательно, уже не индивидуальной, а коллективной памяти и взаимосвязи между ними. Повышенный интерес к изучению памяти можно объяснить такими явлениями двадцатого века как процессы глобализации, информатизации, ускорения истории. В подобных условиях становится все сложнее интерпретировать историю государств и

этносов, осознавать собственную идентичность. Интернет как глобальная сеть открывает доступ к неперестанно множающемуся контенту, а избыточность информации затрудняет возможность ориентироваться в ней. Кроме того, XX век был отмечен рядом громких трагических событий, ставшими частью общей мировой истории. Стремление определить роль и место данных событий в коллективной памяти также повлекло за собой множество исследований. Изучение культурной памяти, в первую очередь, должно решить обострившуюся в XX веке проблему разрушения единства культурно-исторической памяти народов.

Особенно актуально вопрос изучения культурной памяти встает в России в связи с распадом Советского Союза в 1990-х годах и последовавшей за ним геополитической ситуацией. С прекращением существования единой системы культурной памяти, которая транслировалась в СМИ и контролировалась государством, исчезло единство культурной памяти народов, которые составляли историческую общность. Сложности в понимании собственной идентичности и ее поиски привели к слому существовавшей на тот момент общей исторической памяти, появлению полярности в оценках событий прошлого. Неспособность прийти к согласию относительно ценностного поля коллективной памяти, к консенсусу в восприятии исторических событий является одним из оснований существующего на данный момент конфликта России и Украины.

В XX веке память стала пониматься как активная система, во многом зависящая от культурного контекста и социальной группы, политических идей и способов распространения информации. Было проведено различие между историей и культурной памятью. История имеет дело исключительно с событиями прошлого, пытается описать факты максимально объективно. Культурная память наоборот связывает события с настоящим, текущим моментом, вписывает их в социальный и культурный контекст. Благодаря культурной памяти события перестают быть отдельно взятыми фактами, они

наделяются оценками, символическими коннотациями, занимают определенное место.

Еще до появления термина «коллективная память» в социологии начала XX века появились предпосылки к изучению данного феномена. Эмиль Дюркгейм в труде «Элементарные формы религиозной жизни» поставил вопрос о коллективных ритуальных действиях, которые служат консолидации группы, сохранению ее идентичности и коллективной памяти. С. Чарновский в 1919 году изучал национальные культы чествования героев-образов, как коммеморативную практику, связанную с формированием и сохранением идентичности группы. В рамках концепции символического интеракционизма Кули и Мид ставили вопрос о социальных предпосылках изменения коллективных представлений об истории и о влиянии образов прошлого на существование общества в настоящем. В дальнейшем к памяти социологи обращались при анализе проблем сознания, знания (К. Мангейм, Ж. Гурвич), поколений (М. Шелер), традиций (Э. Шилз, Ю. А. Левада и др.).

Понятие «коллективной памяти» ввел в 1925 году Морис Хальбвакс, представитель школы Дюркгейма, рассуждавший о коллективной памяти в таких трудах как «Социальные рамки памяти» и «Коллективная память». Хальбвакс провел взаимосвязь между коллективной памятью и построением идентичности группы. Хальбвакс пишет о социальной обусловленности памяти, используя концепцию «социальных рамок», которые определяют содержание памяти индивида. Заметный вклад в теории Хальбвакса внесла концепция Э. Дюркгейма о коллективных представлениях и коммеморативных ритуалах. Опираясь на данные концепции, Хальбвакс полагает, что при попытке вспомнить какие-либо события индивид обращается к ориентирам, которые существуют в обществе в воспоминаниях других людей. Коллективная память, по Хальбваксу, не просто регистрирует произошедшие в прошлом события, но и воссоздает целостные картины прошлого. Вспоминающий индивид в процессе воссоздания прошлого помещает воспоминания в определенные исторические рамки, определяет

отношение к событиям. Все это становится возможным благодаря тому, что данный индивид является членом какой-либо социальной группы.

В своей работе «Коллективная память» Хальбвакс описывает взаимосвязь индивидуальной и коллективной памяти. По мнению автора, память каждого человека индивидуальна, уникальна и отличается от памяти других людей, при этом она опирается на социальные ориентиры группы, в которую этот человек входит. Коллективная же память учитывает индивидуальные памяти, но не является их простой совокупностью. Наличие исторической коллективной памяти возможно только благодаря коммуникации. Индивид помнит не только события, произошедшие лично с ним, но и ситуации, о которых ему было рассказано. Таким образом, его личные воспоминания всегда вписываются в контекст коллективных. Важным отличием коллективной памяти от индивидуальной является еще и то, что коллективная память способна продолжать жить, даже когда не осталось ни одного человека, являющегося свидетелем произошедшего события. Различить культурную и индивидуальную память можно, только если речь идет об абстрактных понятиях, в реальности же они существуют неразрывно друг от друга. «Прошлое, — отмечает Хальбвакс, — не возникает вновь неизменным, а реконструируется исходя из настоящего... коллективные рамки памяти служат орудием, которым пользуется коллективная память для воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества» [7]. Выготский также исследовал зависимость индивидуальной памяти от социальной среды, продолжая идею Хальбвакса о «социальных рамках».

Одновременно с Хальбваксом, в 1920-е годы, изучением коллективной памяти начал заниматься немецкий исследователь Аби Варбург. Варбурга в первую очередь интересовало, как проявляется социальная память в произведениях искусства. Он полагал, что произведения искусства транслируют культурную идентичность того общества и той эпохи, в которых они были созданы. Варбург является автором труда «Mnemosyne»,

где исследуются изображения, символы и жесты, а также случаи их применения в искусстве. Согласно Варбургу, именно в них и заключена социальная память, которая распространяется в «сообществе вспоминающих». Именно символы, заключенные в предметах искусства, представлялись Варбургу хранителями памяти. Варбург стремился проследить новую жизнь и использование архаических символов Античности в Западноевропейском искусстве, но не в качестве сознательной стилизации, а как новое бессознательное переживание архаического пласта античной культуры. Его интересовало духовное взаимодействие авторов произведений искусства с историческим материалом. «В последние годы жизни Варбург исследовал «переживание» античных образов в постренессансном искусстве Европы. На примере «Завтрака на траве» К. Мане он показывал, как через Рембрандта возвращаются образы нимф и речных богов с античных саркофагов» [2].

Отражение идеи о сохранении коллективной памяти в художественной форме можно найти также у М. Бахтина. Он исследовал феномен литературного жанра как взаимосвязь автора с архаической структурой, транслирующей коллективную память. Эта память сохраняется благодаря постоянному обновлению, так как жанр модифицируется в зависимости от требования времени. Жанр, по Бахтину, несет в себе творческую память и влияет на каждого автора, который прибегает к нему, заключая индивидуальное творчество автора в определенные рамки канона.

Сложившаяся в социологии с 1980х годов ситуация характеризуется как «бум памяти». Впервые было употреблено понятие «культурная память», его ввел немецкий ученый Ян Ассман. Ассман понимал культурную память как способ заново обратиться и актуализировать культурное наследие. Культурная память аккумулирует в себе информацию, которая регулирует взаимодействия людей в обществе, которая передается из поколения в поколение и подлежит повторению и усвоению. Ассман проводит различие между коммуникативной и культурной памятью. Коммуникативную от

культурной отличает ее недолгосрочный характер, как правило, коммуникативная память формируется в процессе интеракций участников группы в устной форме на протяжении жизни одного поколения деда – отцы – сыновья, то есть 80-100 лет. В отличие от культурной памяти, коммуникативная не имеет определенных «точек фиксации».

Культурная память сохраняется и формируется на протяжении столетий. Ассман полагает, что она должна быть запечатлена во вневременных структурах, таких как монументальные сооружения, тексты, изображения, кроме того, он относит к ним церемониальную коммуникацию, ритуалы. Таким образом, носитель культурной памяти не обязательно должен быть непосредственным участником «актуального сообщества вспоминающих». Соглашаясь со своими предшественниками, Ассман считает, что культурная память способствует единству и самоидентификации социальной группы. При этом он добавляет, что события, запечатленные в культурной памяти, всегда актуальны и связаны с современным положением дел в определенной группе. Ассман описывал феномен культурной памяти на примере древнеегипетских культов, в том числе культа захоронения мертвых. Он стремился показать, что гробница и изображенные на ней символы являются не только индивидуальным средством вознесения умершего над временем, но и транслятором культурной памяти: через единство традиции изображения и наполнения их смыслами передается картина мира и самоидентификация древних египтян. Изначальной формой культурной памяти в целом Ассман считает воспоминания живых об умерших. Сами воспоминания появляются лишь тогда, когда четко видна разница между прошлым и настоящим. Эта разница осознается наиболее четко при столкновении со смертью и воспоминании об умершем. Воспоминания об умерших формируют именно культурную память, так как их сохранение связано с различными ритуалами, обрядами, организацией особых социальных институтов.

Цель изучения культурной памяти Ассман видит не в поиске объективных исторических фактов, а в выявлении актуальности воспоминаний. Почему и каким образом именно они сохранились в памяти социальной группы? Важным становится именно значение, которое в настоящем придается событиям прошлого.

Пьер Нора в 1980е годы развивал концепцию «мест памяти». По мнению Нора, «места памяти» кристаллизуют в себе культурную память. Они становятся особенно необходимыми, когда память утеривается, изменяется, дробится.

Нора пишет о том, что «места памяти» должны сочетать в себе три измерения места: материальное, символическое и функциональное. Проблему, с которой столкнулось современное общество, а также причины, по которым изучение мест памяти на данный момент является наиболее актуальным, Нора описывает в следующих строчках своего труда «Франция-память»: «О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет. Интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит свое убежище, связан именно с таким особым моментом нашей истории. Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения. Чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти» [6]. Нора связывает тенденцию к усилению всех институтов памяти, стремлению к тотальному занесению в архивы, созданию музеев, расширению мемориального поля с ощущением утери коллективной памяти, с непониманием того, что нужно будет вспомнить в будущем.

Предназначение мест памяти лежит в сохранении коллективной памяти группы людей, создавать представление об их идентичности и роли в истории. Любая песня, географическая локация, персоналия, книга, оваянная «символической аурой воспоминания» может выполнять роль места памяти. Символическое значение мест памяти может меняться с течением времени и

изменением актуальной для вспоминающих ситуации. Изучая перемены «мест памяти» нации, Нора полагает возможным изучить изменение исторического самосознания и коллективной идентичности. Нора предлагает три сценария исторической жизни «мест памяти»: некоторые из них забываются и полностью вытесняются из исторической памяти; некоторые ранее забытые «места памяти» могут вновь занимать важное место в коллективной памяти нации; некоторые «места памяти» играли важную роль непрерывно.

Нора проводит различие между памятью и историей. Он полагает, что то, что мы сегодня называем памятью, на самом деле уже имеет отношение лишь к истории. Он пишет: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим» [6]. Он считает историю лишь репрезентацией прошлого, а память – всегда актуальным феноменом, который находится в постоянной взаимосвязи с «вечным настоящим».

Лотман определяет саму культуру как коллективную память, надындивидуальную выработку и интерпретацию текстов. Таким образом, культура возможна там, где сохраняются и являются актуальными общие тексты, то есть там, где существует пространство общей памяти. Лотман полагает, что культурная память хранит в себе общие для группы тексты и систему кодов для их понимания. Кроме того, Лотман признает неоднородность культурной памяти, высказывая точку зрения, согласно которой существуют культурные субструктуры, соответствующие внутренней организации отдельных коллективов. Чтобы тексты культуры могли быть поняты различными коллективами, они зачастую нуждаются в дополнениях и комментариях.

Лотман разделял два типа памяти: «память информативную» и «память креативную». В информативной памяти сохраняются итоги познавательной деятельности, которые развиваются с течением времени по принципу «самый новый – самый ценный». Креативная память охватывает весь пласт

культурных текстов сразу, при этом их значимость может изменяться и актуализироваться с течением времени. Как пишет Лотман, «актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию» [5]. Лотман считает, что каждая культурная память определяется парадигмой относительно того, что стоит помнить, а что подлежит забвению. Таким образом, культурная память способна противостоять времени. Основной вывод, который делает Лотман, следующий: память является не пассивным хранилищем данных, но активным текстообразующим механизмом.

Подводя итог рассмотренных концепций коллективной и культурной памяти, можно сказать, что все они сходятся в общем понимании прошлого. Прошлое не считается объективным, возникающим самим по себе, а является скорее искусственно созданным в памяти продуктом современности. Воспоминания, в свою очередь, являются не данностью, а сформированной общественной конструкцией.

Список литературы

1. Андреева Е. В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности российской цивилизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 2007. 26 с.
2. Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени/ Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. с. 47 – 55 с.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Зотов А. Об истоках исследований обыденных и научных представлений о прошлом в социологии XX – XXI веков. Взаимодействие социальной и индивидуальной памяти: к истории вопроса.// Обыденное и

научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации: [монография]/ Под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2016. с. 233 – 246 с.

5. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении// Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллин, 1992. – с. 200 – 202 с.

6. Нора П. Проблематика мест памяти// Франция-память/ П. Нора, М. Озуф, Ж. ле Пюимеж, М. Винок. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Государственного университета, 1999. 328 с.

7. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

УДК 316.7

**ЭФФЕКТ ОТЧУЖДЕНИЯ ТОПОСА ИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
СРЕДЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА**

Новоторженцева, А.Б.

Аспирант

Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

г. Абакан

Hail89@bk.ru

**THE EFFECT OF THE EXCLUSION OF A TOPOS OF SOCIAL
AND CULTURAL ENVIRONMENT OF THE PROVINCIAL TOWN**

Novotorzhentseva, A.B.

Graduate student

Khakas State University. NF Katanov

Abakan

Hail89@bk.ru

АННОТАЦИЯ

Современный провинциальный город как социокультурный феномен – противоречивый и интересный объект исследования. В статье предлагается исследовательский подход через отчуждение отдельных топосов провинциального города из его социокультурной среды.

ABSTRACT

A modern provincial town as a sociocultural phenomenon is a contradictory and interesting object of study. This article suggests the research approach through separate toposes of a provincial town estrangement from its sociocultural environment.

Ключевые слова: топос, локус, провинциальный город, гезельшафт, гемайншафт.

Key words: topos, locus, provincial town, Gesellschaft, Gemeinschaft.

«Провинциализм» звучит чаще для выражения впечатления, чем для обозначения научного термина. Это чаще бытовая или эстетическая интуиция, чем указание на конкретный признак. Но именно частота употребления – самое верное основание придать понятию академические черты, превратить презрительный стигмат («Дер-ревня!!!», «Пр-ровинция!!!») в четко опознаваемый и наполненный дискурсивным содержанием концепт.

Да, социальная среда мегаполиса в современной социологии изучена не в пример лучше, чем социальная среда небольших провинциальных городков и, тем более, деревень. Однако, если вкратце проанализировать парадигмальный посыл и подвести итог этих многочисленных исследований, можно заметить следующее. Социология не может изучать единообразие, иначе социологию, в т.ч. социологию города можно закрывать. Поэтому даже на стадии гипотезы мегаполис рассматривается как система семантически разнородных «местностей» (топосов) и «точек» (локусов). Понятно даже ежу, что эта скрытая аксиоматическая установка всегда получает блестящее эмпирическое подтверждение.

Разнообразие среды мегаполиса носит семантический характер в том смысле, что отдельные топосы и локусы «нафаршированы» разными смысловыми «начинками», которые воспроизводятся и поддерживаются коллективно [1, с. 41]. Это хорошо иллюстрируется клиповым характером восприятия социокультурной среды мегаполиса. *Мегаполис семантически «как бы» состоит из относительно небольших «городков».* Но при этом «городок» (или просто городок) не конструируется как самостоятельный объект исследования. Что несправедливо.

В чистом виде, а не как условный и вторичный фрагмент мегаполиса, городок существует в провинции, на географическом и социокультурном удалении от мегаполиса. «Провинциальный город» обозначает малый город, удаленный от центра страны, неподвластный интенсивному влиянию бурной жизни больших городов. Социокультурное объяснение категории

«провинциальный город» сосредотачивается в понимании социального пространства малой поселенческой структуры, именуемой «город», где происходит самоидентификация человека, соотнесение себя с определенной общностью и образом жизни, отличным от бытия мегаполисов, городов-миллионеров [2, с.74].

Субъектом освоения провинциального пространства является носитель «архетипа провинциала» - житель малого города, обладающий специфическими социально-психологическими характеристиками, олицетворяющими глубинную связь с территорией проживания, формирующими определенный жизненный уклад. Город – это люди, а вся прочая материальная среда существует лишь в контексте органичности / отчужденности человеку.

Провинциальная социокультурная среда – по крайней мере, на стадии построения аксиоматики – органично выращивает жителя. И наоборот, житель, сам того не замечая, органично выращивает городок вокруг себя.

Мегаполис, наоборот, есть среда отчужденная. «Город – это злая сила», – сказал Немец Брату, – «он подминает под себя людей». Но, вспоминая фильм «Брат», самого Данилу он не подмял. Упорное человеческое естество не граффити, так самодеятельной клумбой очеловечивает, делает ближе и теплей, органичнее серый холодный бетон мегаполиса.

Культурное взаимодействие провинциального города с провинциальным сообществом влияет на наше общество двойственным образом. С одной стороны, гомеостатичность (постоянство) провинциальной культуры стабилизирует культурное пространство страны в целом, определяя в последнем невысокие темпы развития. Это приводит к сравнительной устойчивости культуры по отношению к дестабилизирующим факторам.

С другой стороны, провинциальный город подвержен динамике, вызванной инновациями столичных центров, крупных городов. В результате выделенных процессов формируется внутренняя самобытность

провинциалов, что представляет в наши дни локальный срез культуры русского общества.

Провинциальные города, составляя среднюю ступень иерархии территориальной общности социального пространства, являются полноценными общественными системами. Социокультурные характеристики различаются для городов разных типов.

Отмеченная типология провинциальных городов рассматривается на примере городов, расположенных в Сибирском Федеральном округе.

Одним из характерных видов городов сибирской провинции является малый город с невысоким уровнем социально-экономического развития, но богатыми историческими и культурными традициями, сформированными на базе природно-этнических особенностей территории. Преобладающим типом застройки здесь является частный сектор, генерирующий соответствующие социально-типологические черты жителей. Примерами таких городов являются Мариинск, Боготол, Минусинск. Это естественный тип (ЕТ), «гемайншафт».

Но есть второй «чистый» тип, лишь формально подходящий под определение провинциального. Это молодые города, построенные в послевоенные годы вблизи достаточно крупных производств. Здесь преобладает многоэтажная застройка, особенно заметная в степном ландшафте, контрастирующая с ним своей искусственностью. Таковы Тында, Сорск, Саяногорск, Дивногорск. Это искусственный тип, (ИТ), «гезельшафт».

Остальные города являют собой смешанный тип (СТ), где городской ландшафт сочетает признаки гемайншафт и гезельшафт. Абакан, Братск.

Что означает понятие «провинциализм» применительно к этим типам? Описание характерных свойств и стандартов социального поведения жителей – самый прямой и естественный путь. Но возможен и иной подход, также нуждающийся в своем воплощении – апофатический, или «от противного». Семантическую неоднородность городской среды легче и нагляднее выявлять не по органичным, а именно по отчужденным фрагментам.

Органичное – это привычное, оно не вызывает напряженного осмысления – кстати, не обязательно критического, отрицательного. А вот отчуждение – это как раз то, что необходимо для вхождения в роль субъекта познания, субъекта осмысленного суждения.

Для городка с литерой ЕТ, на наш взгляд, на роль отчужденных топосов и локусов лучше всего подходят фрагменты среды, играющие роль «агентов цивилизации», вхождение в зону которых существенно меняет параметры социального поведения жителей. Такими агентами могут выступать новенький типовой супермаркет, боулинг, молельный дом какой-нибудь новомодной секты. Имея в виду сложные отношения т.н. «русской души», до сих пор обитающей в провинции, с меркантильным прагматизмом, мы полагаем, что наиболее подходящим на роль отчужденного топоса будет *провинциальный банк*.

Таким образом, характеристиками топоса провинциального города являются динамичность и изменчивость, хаотичность ландшафтных и архитектурных характеристик, экспансия, отсутствие единой четко выраженной структуры.

В демографии, экономике, экономической социологии, такое словосочетание не принято; обычно здесь используется термин «малый город» либо предлагается градация по количеству жителей. Однако в нашем случае, когда имеется в виду имидж, бренд, идентичность, эмоциональная атмосфера малого города, уточнение «провинциальный» приобретает принципиальное значение. Самоидентификация жителей малых городов носит синкретический характер, и осознание ими второстепенности, «захолустности», удаленности от крупных мегаполисов является органическим фоном их повседневного существования.

В этом плане социокультурная неоднородность городской топографии имеет несколько иную природу, нежели в крупном мегаполисе. Оpozнание и освоение различных социокультурных топосов жителями

провинциального города осуществляется с учетом критерия «родное/неродное», «близкое/не близкое». В мегаполисе житель, приближаясь к магазину или банку, даже не задается вопросом, встретит ли он знакомое лицо за прилавком или в кассовом окне. Тогда как в малом провинциальном городе такое ожидание не просто имеет место, а является для провинциала настолько значимым, что может оказаться решающим в вопросе «Посетить или не посетить это место?».

Социокультурная среда провинциального города включает в себя сложные физические и экологические характеристики, интенсивное информационное воздействие и многообразие социальной структуры, которые оказывают существенное влияние на человека, а значит и на организации в целом [3, с.35].

Топос провинциального города тесно связан с социальным пространством как социально освоенной частью пространства природы, хотя и имеет определенные специфические особенности, с пространством культуры, с жизненным пространством. В отличие от природного, городской топос имеет особую структуру, подчиненную задачам и функциям человеческой деятельности. Город в любом своем проявлении – это прежде всего организация, а значит подразумевает существование определенного пространственного и временного порядка. Сакральные, социальные и частные формы городской жизни при этом всегда соотносятся строго определенным образом, образуя собственную сложную структуру. Оптимизация форм сосуществования городской жизни и определяет направление развития любого города.

Социокультурное пространство провинциального города конструируется определенным набором внешних факторов окружающей среды, которые возникают в определенной точке пространства. Эта точка характеризуется различной степенью удобства географо-климатического положения, а также различной интенсивностью экономических потоков,

проходящих через него. Разнообразие этих показателей и формирует специфические для данного города «социальные формулы».

Список литературы

1. Габдулова, Н.Н. Культурное пространство провинциального города // Труды ПГУ №11.1.- 2007.- С.40-43.
2. Туркина, В.Г. Город как «топос»// Научные ведомости. - 2009.-№ 2 (57). -С.73-79
3. Шмельков, А.В. Города как регионализированные социальные практики//Журнал социологии и социальной антропологии. -2005. -ТомVIII.- №4. -33-40.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Онипко, Ал.А.

кандидат социологических наук, доцент

Уральский Федеральный университет им Первого Президента Б.Н.

Ельцина

Екатеринбург

Онипко, А.А.

кандидат социологических наук, доцент

Уральский Федеральный университет им Первого Президента Б.Н.

Ельцина

Екатеринбург

SOCIOLOGICAL ASPECT OF CORRUPTION RESEARCH IN MODERN RUSSIA

Onipko, A.A.

PhD in Sociology, Associate Professor

Ural Federal University named after the First President of BN Yeltsin

Ekaterinburg

Onipko, A.A.

PhD in Sociology, Associate Professor

Ural Federal University named after the First President of BN Yeltsin

Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается социологический аспект исследования коррупции в современном российском обществе. В частности, на материалах опроса, проведенного авторами в г. Екатеринбурге (N=417), изучается восприятие гражданами уровня коррумпированности муниципальной власти и степень информированности о мероприятиях, направленных на борьбу с коррупцией. На основе результатов исследования установлено, что мнение об уровне коррумпированности власти формируется не только на основе

личного опыта столкновения с ситуациями противоправных действий со стороны муниципальных служащих. На оценку уровня коррумпированности власти влияют также и ряд других факторов, среди которых можно назвать степень информированности о деятельности органов муниципального управления.

ABSTRACT

The article presents sociological aspect of corruption research in modern Russian society. In particular, citizens' view of the level of municipal authorities corruption and citizens' awareness of the fight against corruption are studied on the results of the survey conducted by the authors (N=417). The results of the survey prove that the opinion on authority corruption is formed not only through personal experience (having to deal with abusive practices) but also by other factors such as awareness of governance and municipal work.

Ключевые слова: коррупция, муниципальная власть, екатеринбург

Keywords: corruption, the municipal government, yekaterinburg

Коррупцию можно назвать одним из древнейших явлений, присущим социальной системе нашей страны [2]. Коррумпированность стала сегодня неотъемлемой характеристикой экономических и политических отношений граждан и должностных лиц различного уровня. Вместе с тем данное явление часто скрыто от глаз общественности и научного сообщества, поэтому его изучение представляет собой сложную исследовательскую задачу.

Одним из аспектов изучения коррупционных отношений с точки зрения социологической науки является характеристика восприятия населением уровня коррумпированности властных структур. Субъективная оценка отдельными гражданами степени коррумпированности чиновников и используемых методов борьбы с данным негативным явлением формирует общественное мнение относительно общего уровня коррупции в стране.

Очевидно, что в российском обществе присутствует противоречие между восприятием коррупции как сущностной и

неотъемлемой характеристики взаимоотношений государственных органов и граждан и декларируемой негативной оценкой коррумпированности должностных лиц. Многие аспекты данного противоречия находятся вне закона, а значит их проблематично изучать в рамках социологического подхода. Для подобного исследования имеет смысл обратиться именно к анализу мнений граждан и их оценок уровня коррупции во властных структурах наиболее близких к их повседневной деятельности, а именно в органах муниципальной власти. Такая оценка является отражением отношения населения к власти в целом, а также напрямую взаимосвязана со степенью доверия к ней. В этой связи в сентябре 2014 года нами было проведено социологическое исследование, целью которого являлось определение восприятия гражданами города Екатеринбурга уровня коррумпированности власти на территории их муниципального образования. Был осуществлен массовый опрос методом личного стандартизированного интервью по месту жительства респондента по формализованной анкете, использовалась многоступенчатая выборка с применением на завершающем этапе случайной бесповторной выборки домохозяйств, реализованной методом систематического маршрутного отбора. В домохозяйстве респондент отбирался случайным образом в соответствии с требованиями статуса респондента, опрашивались граждане старше 18 лет, постоянно проживающие на территории муниципального образования «город Екатеринбург» (417 человек).

Проведенное исследование показало, что, по мнению граждан, проживающих на территории Екатеринбурга, наиболее коррупциогенное направление деятельности городских властей - это сфера ЖКХ и бытового обслуживания населения. На втором месте по уровню коррумпированности – деятельность государственных органов, направленная на предоставление муниципальных услуг населению. Эти два направления деятельности Администрации лидируют в «антирейтингах» различных групп горожан. У горожан, которые лично или через знакомых сталкивались с фактами

коррупции в работе городской власти, на третьем месте по уровню коррумпированности оказалась сфера культуры и образования. Скорее всего, это связано именно с проблемами, возникающими с зачислением детей в определенные детский сад или школу. Наименее коррумпированными направлениями деятельности Администрации Екатеринбурга горожане считают работу, связанную с финансово-экономической, экологической и социальной политикой города, а также сферу городского благоустройства.

При этом, следует отметить, что непосредственно с городскими властями большинство граждан взаимодействуют крайне редко, и поэтому их представление о коррупции в этой сфере можно считать поверхностным и стереотипным. Менее половины горожан (43%) указали, что за последний год они непосредственно (21%) или опосредованно (22%) сталкивались с проявлением коррупции. Треть жителей города, относящихся к субъектам предпринимательства, отметили, что они лично сталкивались с коррупцией. Однако необходимо подчеркнуть, что часть обстоятельств, связанных с проявлением коррупции, с которыми столкнулись горожане, на прямую не относятся к сфере деятельности органов муниципальной власти: 7% горожан указали, что столкнулись с проявлением коррупции в учреждениях среднего общего образования (при получении места для ребенка в школе, различных денежных поборов и при сдаче ЕГЭ); 6% - столкнулись с проявлением коррупции в учреждениях дошкольного образования (взимание платы за место в нужном детском саду; добровольно-принудительный ремонт помещения детского сада силами и средствами родителей); 5% столкнулись с проявлением коррупции со стороны медицинских работников (при оформлении больничных листов, рецептов и направлений на необходимые процедуры). 72% горожан, за последний год сталкивавшихся с фактами проявления коррупции, отказались комментировать, при каких обстоятельствах это произошло. 12% горожан, относящих себя к индивидуальным предпринимателям и владельцам бизнеса, отметили, что столкнулись с проявлением коррупции во время оформления документов при

операциях с землей. Вместе с тем, половина жителей Екатеринбурга отмечают, что уровень коррумпированности муниципальных властей за последнее время снизился; что он вырос, считает только 5% горожан.

Анализ результатов проведенного исследования позволил определить общий индекс восприятия коррумпированности власти: в г. Екатеринбурге его можно оценить как средний – 4,4 балла (по 10-бальной шкале, где 1 – коррупции нет, 10 – уровень коррупции очень высокий). Важно отметить, что средняя оценка ситуации с коррупцией жителей города, которым за последнее время не приходилось сталкиваться с ее проявлением (лично или через своих близких), всего на один балл ниже общей – 3,4 балла. Такой показатель говорит в пользу того, что мнение об уровне коррумпированности власти формируется не только на основе личного опыта столкновения с ситуациями противоправных действий со стороны муниципальных служащих. На оценку уровня коррумпированности власти влияют также и ряд других факторов, среди которых можно назвать и степень информированности о деятельности органов муниципального управления.

Стереотипное представление о коррумпированности органов муниципальной власти объясняется низким уровнем информированности населения об их работе и о существующих сегодня антикоррупционных мерах и механизмах, внедренных в данную сферу. Корреляционный анализ показал, что уровень доверия горожан Администрации города напрямую зависит от степени их информированности об ее деятельности. При этом, около трети жителей Екатеринбурга (31%) считают уровень своей осведомленности о существующих мероприятиях по противодействию коррупции в органах власти слишком низким. Около половины (54%) считают свой уровень знаний по этому вопросу средним и только 11%, полагают, что хорошо осведомлены о существующей антикоррупционной политике в органах муниципальной власти. Большая часть жителей Екатеринбурга (более 75 % населения города) в основном благодаря публикациям в СМИ в той или иной степени информированы о том, что в

целях противодействия коррупции муниципальные служащие обязаны ежегодно предоставлять сведения о своих доходах и имуществе в открытый доступ, а также о том, что у граждан имеется возможность оставить сообщение о факте коррупции по «телефону доверия» или на официальном портале Администрации города. Половина горожан не знают о работе комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих, о независимой антикоррупционной экспертизе муниципальных правовых актов и дополнительном контроле за должностными лицами, обязанности которых связаны с повышенными коррупционными рисками.

Важно отметить, что о работе с обращениями граждан и организаций по принципу «Единого окна», в соответствии с Федеральным законом РФ от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг", не знает более трети горожан (36%), уверенную осведомленность по этому вопросу выразили только около четверти жителей Екатеринбурга.

Наиболее эффективными мероприятиями по противодействию коррупции горожане считают: ротацию кадров муниципальных чиновников на конкурсной основе, предоставление чиновниками в открытый доступ сведений о своих доходах и имуществе, наличие возможности оставить сообщение о факте коррупции на официальном портале, а также практику коллегиального принятия решений по коррупциогенным вопросам.

Результаты проведенного исследования показали, что горожане имеют достаточно общее представление о ситуации с уровнем коррупции в органах муниципальной власти города Екатеринбурга. Тем не менее, большинство горожан уверены, что коррупция продолжает существовать во властных структурах, а значит те немногие антикоррупционные меры, о которых знают горожане, не считаются ими эффективными.

Некоторые исследователи считают, что кризисные явления в современной российской экономике только усугубят ситуацию с коррупцией

[1]. В связи с этим на сегодняшний день эта проблема требует к себе пристального внимания. Коррупция – это явление, связанное с дефицитом доверия населения к власти. Как уже было сказано выше, доверие граждан властям напрямую связано с уровнем их информированности о деятельности органов управления. Таким образом, полное и оперативное информирование граждан о деятельности органов государственного и муниципального управления, и их содействие процессу повышения правовой и информационной культуры граждан – может способствовать выстраиванию доверительного отношения между населением и властью, а также стать эффективным механизмом противодействия коррупции.

Список литературы

1. Кляйнер В.Г. Кризис и коррупция: взаимосвязь и перспективы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 63-77.
2. Нисневич Ю.А. Коррупция в исторической ретроспективе с уточнениями и дополнениями // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 90-100.
3. *Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыты социологического анализа* / Под ред. Г.А. Сатарова. — М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. — 752 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indem.ru/CD/RosKorru.pdf> (дата обращения: 05.10.2015 г.)

УДК 316.334.56

ББК 60.54

**ГОРОДСКИЕ ТОПОНИМЫ КАК ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ**

Парамонова, В.А.

Кандидат социологических наук

Доцент кафедры социологии

Волгоградский государственный университет

Волгоград

paramonova69@yandex.ru

Дулина, Н.В.

доктор социологических наук

Зав.кафедрой кафедры истории, культуры и социологии

Волгоградский государственный технический университет

Волгоград

dulina@vstu.ru

**URBAN TOPONYMS AS MONUMENTS OF CULTURAL
HERITAGE**

Paramonova, V.

PhD in Sociology

Associate Professor, Department of Sociology

Volgograd State University

Volgograd

paramonova69@yandex.ru

Dulina, N.

Doctor of Social Sciences

Head of the Chair of the department of history, culture and sociology

Volgograd State Technical University

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ основных этапов формирования социального пространства города. Показана фиксация социального пространства города посредством изменения городских названий. Акцентируется внимание на влиянии социально-политических преобразований на урбанонимы. Определяются основные проблемы, порождаемые изменением топонимической системы города.

ABSTRACT

This paper presents an analysis of the main stages of the social space of the city. Shows the fixing city social space by changing the names of the city parts. Focuses on the impact of socio-political transformations at urbanonimy. Identifies the main problems arising from the change of toponymic system.

Ключевые Слова: город, социальное пространство, топонимы, астионимы, урбанонимы

Keywords: city, social space, toponyms, astionimy, urbanonimy

Начало XXI в., впрочем, как и предыдущее столетие, отмечено «революционным подъемом масс». В разных уголках мира вспыхивают «цветные революции», требующие признания «своего» (правильного) взгляда на мир, его устройство. Радикальные действия победивших революционных масс сопровождаются ритуальным сносом памятников вождей ушедших эпох. Наиболее ярким примером беспощадной борьбы с монументами, на данном этапе, является Украина. Однако подобные действия по уничтожению «наследия проклятого прошлого» характерны для всех революционных эпох, не зависимо от времени и континента. Благодаря современным средствам массовой информации, акции по уничтожению памятников моментально разлетаются по всему миру, попадая «в горячую десятку новостей», как это было в случае сноса монумента Саддама Хусейна

в Багдаде в 2003 г. На этом фоне совсем незаметно происходит отказ от ранее существовавшей топонимической системы («определенным образом организованная совокупность топонимов» конкретного этноса в данный промежуток времени и на определенной территории) [5, с. 146] города.

Казалось бы, что желание построения «нового» мира и вопросы изменения топонимической системы и внешнего облика населенных пунктов, это явления, которые существенным образом дистанцированы друг от друга. При ближайшем рассмотрении оказывается, что процесс переименования, снос идеологически «вредных» памятников и архитектурных сооружений в большинстве своем, вызвано потребностью новой власти приспособить имеющееся социальное пространство к победившей идеологии.

Революционные массы стараются полностью стереть из памяти народа историческое прошлое, которое не соответствует новым требованиям политической реальности. Однако социальное пространство существует лишь при его фиксации, следовательно, должны быть обозначены «свои» символы-маяки, коими на протяжении веков и являются памятники и урбанонимы (названия городских линейных объектов – улиц, переулков, аллей и т.п.) [5, с. 154].

Новая власть радикальными способами пытается перекодировать полученное социальное пространство, приведя социальное пространство в соответствие с новыми политическим и социально-экономическим реалиями. Социальное пространство представляет собой «карту местности» на которой обозначены возвышенности, низины, плато и т.п. Причем «вершины» на подобной карте могут быть представлены: материальными носителями (ордена, архитектура и пр.) и нематериальными (гимны, топонимы и пр.).

Новые символы-вершины зачастую ставят индивида в «тупик», т.к. не позволяют человеку «ориентироваться на ранее привычной местности». Ориентация происходит как в прямом, так и переносном смысле: от того какие символы являются приоритетными в пространстве поселения, страны, достаточно легко определить «вектор» ее движения. Разрушение в течение

советского этапа и восстановление храмов в последние несколько десятилетий в России является явным свидетельством не только изменения «вектора» движения от социалистической идеологии по направлению к демократии, но и попыткой своеобразного «ремонта» нарушенного предыдущей властью социального пространства.

Действия новых властей по переименованию позволяют им «справиться с пережитками прошлого». Для руководства любой страны значимой является активная работа по формированию «своего» социального пространства, что предполагает работу с остатками ранее существующего пространства. Данный процесс характерен для различных государств (после провозглашения Греции республикой в г. Салоники появились ул. Национальной обороны, Национального сопротивления и т.д., сменившие, не соответствующие новым политическим реалиям, ул. Королевы Софии и пр.). В результате реформирования «старого» социального пространства, человек утром может оказаться в иной стране, не меняя своего положения в физическом пространстве. Подобная ситуация в XX в. происходила в нашей стране не единожды: за неполных сто лет население было то подданными Российской империи, то гражданами СССР, а затем Российской Федерации или одной из бывших социалистических республик. Также тихо и незаметно без смены места жительства горожанин вдруг переставал царицынцем, становясь сталинградцем, а затем волгоградцем, а основанием для подобных переименований являлись «просьбы трудящихся».

Через систему политически значимых маркеров (названия городов, их «артерий» - улицы, площади и пр.); архитектуру, городскую скульптуру и пр., происходило/происходит насаждение политических идеалов каждой эпохи. Путем маркировки осуществляется формирование социально-символического пространства, удобного для власти. Социальное пространство должно соответствовать социально-политическим и экономическим реалиям нового времени без чего удержание властных позиций невозможно. «Старые» символы-маркеры, идеологически не

соответствующие новым общественным устремлениям, вступают в противоречия с желанием «жить по-новому».

При сохранении географического и физического пространств, социальное пространство одной и той же территории может радикальным образом изменяться в урду политическим требованиям. Исчезают ранее значимые «маяки», например, г. Екатеринбург, г. Царицын или такие внутригородские названия как ул. Архангельская и Воскресенская и пр. Иногда даже политически нейтральные названия, по отношению к новой власти, исчезали с карт города (были переименованы улицы г. Царицына, названия которых соответствовали поселениям, территориям и т.п., представленными такими гидронимами как Ладожская, Печёрская и пр.). Причина смены совершенно нейтральных, по отношению к советской идеологии, названий, вызвана тем, что они, как справедливо отмечает Т.Латыпов, «в противовес "революционным" своей особой певучестью и простотой настраивают на мирный лад» [3], а не на желание вести активную революционную борьбу и «перекраивать» мир в соответствии с воззрениями партии большевиков.

Формирование легитимного социального пространства современных российских городов происходило в несколько этапов: имперский (царский), советский и постсоветский [4, с. 51]. В новых советских городах (например, Комсомольск-на-Амуре) подобная смена этапов отсутствует, что обусловлено тем, что социальное пространство новых социалистических городов сразу формировалось с учетом политических запросов советской власти. На первом этапе формирование социального пространства города происходило естественным образом в процессе развития поселения. Площади и население городов увеличивались скачкообразно, в зависимости от политического и экономического положения населённого пункта. Названия улиц, площадей, переулков, тупиков и аллей возникали: от названий ворот и бастионов, церквей, направлений трактов (Бранденбургская, Спасская и пр.); по «профессиональной» принадлежности

«конца города» или народа, заселявшего её (Грузинская, Арбатская и пр.); с учётом физико-географических особенностей местности (Сивцев вражек, Грунтовая и пр.); от названий населённых пунктов (Бакинская, Дубовская и пр.); имён, фамилий, отчеств (Александровская, Петровская и пр.); от названий рек, иных водоемов (Невская, Двинская, и пр.); от присущих линейному объекту определенных характеристик (Высокая, Тенистая и пр.). В результате урбанонимы образовывали неповторимое пространство города, в котором, могли быть Кошачий, Коровий, Бычий переулки [3]. На взгляд современного человека названия несколько странные, но, они позволяли горожанам легко ориентироваться в пространстве. Ведь наличие Бычьего или Козьего переулков даже чужаку «говорило» каковым видом деятельности занимается данный «конец» посада. Правда сложно предположить, чем обусловлено появление название одного из переулков г. Казани – Кошачий, но от этого названия, следует согласиться с Т.Латыповым [3], веет каким-то спокойствием и миром.

Таким образом, на первом этапе названия отражали естественный процесс роста города, что позволяло достаточно быстро осваиваться в приезжому в городском пространстве.

Второй (советский) этап можно условно разделить на несколько подэтапов: довоенный период (с 1918 по 1941 гг.), послевоенный (с 1945 по 1989 гг.), каждый из них имеет свою специфику. Для этого этапа формирования социального пространства города характерен категорический отказ от контрреволюционных названий (Спасская, Елизаветинская и пр.). В этот период изменяется идеологическая направленность урбанонимов. Улицы получают названия знаменующие события и реалии новой жизни (ул. Метростроевцев, ул. Днепрогэсовская и т.п.); увековечивающие деятелей, героев народно-освободительных движений, восстаний, революций (им. Урицкого, им. Розы Люксембург, им. Степана Разина, Марата и пр.). В «обязательном наборе» топонимической системы городов СССР должны быть улицы им. В.И.Ленина, Советская и т.п. В социальном пространстве

города формируется блок «городских артерий», названных в честь деятелей отечественной науки и искусства, «не запятнавших себя сделкой» с царским правительством (им. А.С.Пушкина, им. акад. И.Павлова и пр.).

Подобная практика нивелировала топонимическое пространство российских городов, делая их удивительно похожими, по крайней мере, с точки зрения именованности городских линейных объектов.

В 1923 г. специальная комиссия по празднованию шестой годовщины Октябрьской революции в г. Царицыне вынесла решение о необходимости переименования «некоторых улиц города, носящих наименования, происходящих от разного рода святых и т.д.» [2, с. 207]. С этого времени начинается достаточно активный процесс ресимволизации социального пространства провинциального города. Улицы г. Царицына получали названия, соответствующие духу времени, обзаводясь приставкой красно- (Красноволжская; Краснознаменная и пр.); увековечивая имена видных политических деятелей марксизма, партии большевиков, участников гражданской войны и борцов с царизмом и империализмом (им. Володарского, Будёновская и пр.); используя идеологически значимую лексику той эпохи (Советская, Комсомольская и пр.).

Великая Отечественная война внесла свои существенные коррективы в дальнейшее наименование городских «артерий». В связи с ведением боевых действий на европейской части СССР, поселения подверглись значительным разрушениям. Современные улицы исторических городов далеко не равнозначны улицам этих же городов до начала Великой Отечественной войны. Так, в августе 1942 г. после тысячи самолёто-вылетов немецких бомбардировщиков и полугодичного противостояния воюющих сторон с лица земли был почти полностью стёрт г. Сталинград, а в августе 1944 г. налеты английской авиации уничтожили три средневековых города-посада, находящихся на территории Кёнигсберга. В связи с этим многие улицы были уничтожены полностью, а в процессе восстановления городов из руин они были спрямлены, соединены и перестроены. Произошла не только смена

мотивации, что было характерно для всей советской эпохи в целом, а изменились форма, форманты, пропорции между ними. После восстановления городов возникла потребность увековечить память защитников и освободителей населенных пунктов. В российских городах стали появляться такие названия как ул. Мира, пл. Победы, пр. маршала Жукова, ул. Олега Кошевого и т.п.

После прорыва человечества в околоземное пространство в городах стали появляться улицы Космонавтов. Городские линейные объекты начали называть в честь советских космонавтов: ул. Гагарина, пл. Титова и пр.

Исследование Е.М.Поспелова, проанализировавшего географические названия Москвы, Минска, Донецка и Горького, показало, что социальное пространство этих городов содержит 33% одинаковых названий, а «общее число повторений названий минских улиц хотя бы в одном из указанных городов составляет 70% объема списка» [6, с. 110]. Это позволяет говорить об определённой «унификации» социального пространства, вызванной идеологической направленностью советской эпохи, когда любой город имел ул. им. В.И.Ленина, ул. им. Карла Маркса и т.п.

Таким образом, пространства советских городов, благодаря значительному единообразию в застройке свободных площадей, в топонимической системе, приводили к определенной унификации. Подобное единообразие стало основой для кинофильма Э.Рязанова «Ирония судьбы».

Третий (постсоветский) этап использует опыт предыдущих этапов при формировании социального пространства города. Для этого периода характерно обращение «к историческим корням», когда улицам, переулкам и т.п. возвращались их исконные названия (ул. Мещанская 2-я, Воздвиженка и пр.). При восстановлении исконных названий в ряде случаев возникают осложнения (площадь им. Дзержинского не имеет отрицательной коннотации, как исконное название – Лубянка, но исконное название, хотя оно и было официально «забыто» продолжало существовать в топонимической системе Москвы, влияя на формирование социального

пространства столицы советского государства). Процесс ресимволизации в данном случае вызывал неоднозначные оценки россиян.

В полиэтнических городах, как отмечает Л.И.Рабданова [7, с. 122], сложилась своеобразная ситуация в процессе переименования городских линейных объектов. Данную ситуацию исследователь объясняет тем, что формирование топонимов [5, с. 50-51] происходит «на базе функционирующего в данной местности языка или языков», причем в Дагестане представлены три языковых семьи: кавказская, тюркская, индоевропейская. Как указывает Л.И.Рабданова [7, с. 123-124], «под давлением этно-клановых групп стали переименовывать улицы города в честь известных представителей соответствующих "семей"», что далеко не все жители воспринимают такие нововведения позитивно.

Таким образом, третий этап в формировании социального пространства российских городов представляет собой далеко незавершенный процесс.

Очередные попытки изменить топонимические системы городов вызывают, как отмечает Л.И.Рабданова [7, с. 122], возникновение в обществе напряженности. Многие улицы носят имена «пламенных революционеров», имевших, подчас, отношение к «красному террору» в период революции и гражданской войны. Социальное пространство советских городов было значительным образом идеологизировано, но в большинстве своем жители уже привыкли к этим названиям и прежде чем «перекраивать» привычное пространство города в угоду процессу «деидеологизации», являющемуся, в принципе, очередным политическим «вектором» движения, необходимо поинтересоваться мнением самих горожан по поводу возможных изменений.

Безответственное отношение к существующим городским названиям приводит к ситуациям: когда одновременно, в разных концах города, существуют улицы с одинаковыми названиями (например, ул. Центральная, ул. Кузнецкая); когда отказ от предыдущего названия, как отмечает Т.Гасанова, затрудняет ориентацию в городе: «С Комсомольским проспектом

одним запутаешься, пока едешь. Где Насрутдинова, где Расула Гамзатова, где Петра Первого!...» [цит. по: 7, с. 123]. Подобные ситуации требуют «корректировки» топонимической системы города. Однако оценивая сложившуюся ситуацию по переименованию топонимов Ш.Гасанов приходит к выводу, что вся эта «перекадрировка» вызвана не какими-то формальными обстоятельствами, а является свидетельством определенной «тенденции по вытравлению из сознания людей имен исторических личностей и реальных событий» [цит. по: 7, с. 123]. Если обратиться к опыту европейских стран, то там, в значительной степени, сохраняются исторические названия городских «артерий», да и памятники стоят на своих постаментах не одно столетие. Сохранность городских названий, монументальных построек свидетельствует об эволюционном, а не революционном этапе развития. Для России характерен, по крайней мере, в последние сто лет, путь именно революционного развития, со всеми характерными, для такого развития, изменениями.

Таким образом, социальное пространство городов России XX в. формируется тремя уровнями (царским (имперским), советским и постсоветским). Каждый из этих исторических отрезков оказывал и оказывает по сию пору существенное влияние на процесс формирования социального пространства страны в целом, а также и её отдельных частей. Причём эти периоды, несмотря на всю внешнюю противоречивость, при ближайшем рассмотрении близки по своей сути. Следует учитывать, что лицо города формируется не только материальными символами (архитектурно-скульптурными сооружениями), но и нематериальными – топонимической системой. В целом топонимическая система является отражением истории, становится своеобразным мемориалом различным социально-политическим событиям в обществе. Топонимы – одна из составных частей социального пространства города.

Список литературы

1. Все улицы Москвы – Режим доступа: <http://street-moscow.ru/uliczy-i-pereulki-moskvy-1881/knyazhevskoj-konuschki.html> – 2014. – 3 октября. – Заглавие с экрана
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО): ф.37, оп. 1, д. 237, л. 207.
3. Латыпов Т. Их именами... / Т.Латыпов // Вид – Режим доступа: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-26541.htm> – 2014. – 3 октября. – Заглавие с экрана
4. Парамонова В.А. Социальное пространство города: отражение в названиях улиц / В.А.Парамонова // Власть. – 2010. – № 12. – С. 50-53
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В.Подольская – Москва : Наука, 1978. – 199 с.
6. Пospelов Е.М. Туристу о географических названия / Е.М.Пospelов – Москва : Профиздат, 1988. – 192 с.
7. Рабаданова Л.Н. Годонимы политэтнического города в аспекте переименования / Л.Н.Рабаданова // Вестник Университета Российской академии образования. – 2011. – № 5. – С. 122-124

**ПРИМЕНЕНИЕ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ
К ИЗУЧЕНИЮ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ КАК
ВИДА РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА**

Петрова Е.Ю.

Аспирант Гуманитарного университета,

г. Екатеринбург

e_petrova@rambler.ru

**APPLICATION OF THE NEOINSTITUTIONAL THEORY
TO STUDYING OF NON-FORMAL EDUCATION OF CHILDREN
AS TYPE OF PARENTAL LABOR**

Petrova E.

Graduate University of the Humanities,

Yekaterinburg city

e_petrova@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается взаимосвязь экономических и социологических подходов к изучению образовательной системы современного информационно-ориентированного общества. Предлагается использование методологии неoinституциональной теории для изучения родительского труда по неформальному образованию детей. Делается вывод об актуальности исследований внутрисемейной образовательной среды на микроуровне для выработки мер совершенствования российской системы образования.

ABSTRACT

In this article the interrelation of economic and sociological approaches to studying of educational system of modern information-oriented society is considered. Use of methodology of the neoinstitutional theory for studying of

parental labor by non-formal education of children is offered. The conclusion about relevance of researches of the intra family educational environment at the microlevel for development of measures of improvement of the Russian education system is drawn.

Ключевые слова: неинституциональная теория, родительский труд, неформальное образование, информационно-ориентированное общество, ограниченная рациональность, оппортунистическое поведение.

Keywords: the neoinstitutional theory, parental labor, non-formal education, information-oriented society, limited rationality, opportunistic behavior.

Состояние современной общественной системы характеризуется высокой концентрацией взаимосвязей различного рода, затрудняющих применение классических моделей для описания и анализа происходящих в ней процессов. Взаимопроникновение экономических, политических и социальных факторов и их совокупное влияние друг на друга влекут необходимость синтезирования новых подходов и методологий из соответствующих отраслей знаний.

Общемировая тенденция перехода к обществу с доминирующей информационно-ориентированной составляющей ведет к повышению значимости интеллектуального развития граждан и, соответственно, к необходимости повышения качества образования. Знания становятся основным ресурсом, на котором базируется социально-экономическое развитие государства.

Образование относится к числу тех реальных явлений и процессов общественной жизни, которые привлекают пристальное внимание представителей целого ряда социальных и гуманитарных наук [3, с.110] – педагогики, философии, социологии.

Возрастающая зависимость состояния экономики от уровня образования граждан актуализирует необходимость сочетания социальных и

экономических подходов к исследованию проблем и перспектив современной образовательной системы.

Наиболее перспективной в применении с этой точки зрения представляется неoinституциональная теория, в рамках которой анализируются как экономические категории и процессы, так и социальные институты, а также рассматривается влияние внеэкономических факторов на общество и его деятельность.

Основоположником новой институциональной теории считается американский экономист Р.Коуз, написавший в 1937 году свою знаменитую статью «Теория фирмы». Большой вклад в развитие неoinституционализма внесли американские экономисты Д. Норт и О. Уильямсон.

К 60-м годам прошлого столетия экономисты-неоклассики осознали, что понятия и методы микроэкономики имеют более широкую сферу применения, чем предполагалось ранее. Они начали использовать этот аппарат для изучения внерыночных явлений – таких как расовая дискриминация, образование, охрана здоровья, брак, преступность, парламентские выборы, лоббизм и др. Это проникновение в смежные социальные дисциплины получило название "экономического империализма" (ведущий теоретик – Г.Беккер). Привычные понятия – максимизация, равновесие, эффективность – стали прилагаться к несравненно более широкому кругу явлений, которые прежде входили в компетенцию других наук об обществе [8, с. 28].

К концу 1980-х – началу 1990-х гг. направление нового институционализма заявило о себе и в социологии [7; с. 116].

В российской социологической науке последователями институционального подхода в наибольшей мере являются "социологи от экономики". Этот подход представлен в работах В.В. Радаева и в исследованиях, выполненных под его руководством. Их можно отнести к так называемому "московскому крылу" институционального направления в российской социологии. С другой стороны, данное направление становится

"центральным направлением исследований Новосибирской социологической школы", что находит отражение в работах ее коллектива в последние годы [4].

Первая из установок неоинституционализма, заключающаяся в том, что социальные институты имеют значение (*institutions matter*), была давно известна и близка социологам, занимавшимся изучением институтов с момента возникновения социологической дисциплины. Однако использование методов микроэкономического анализа применительно к социальным институтам ознаменовало формирование нового облика современной неоинституциональной теории.

Здесь следует подчеркнуть мнение В.В. Радаева, который предлагает относить к новому институционализму в социологии «не любое социологическое изучение институтов, а лишь те исследования, которые развиваются в отчетливой связи с новой институциональной экономикой, включая явные заимствования терминов и концептуальных схем (в первую очередь, речь идет о теории прав собственности, структур управления, трансакционных издержек и пр.)» [7; с.116].

Как известно, ядром неоклассической теории, от которой ведет происхождение неоинституционализм, является модель рационального выбора в условиях заданного набора ограничений. Неоинституционалисты принимают эту модель как базовую, однако освобождают ее от целого ряда вспомогательных предпосылок, которыми она обычно сопровождалась, и обогащают новым содержанием.

Прежде всего неоинституционалисты критикуют традиционную неоклассическую теорию за отступление от принципа "методологического индивидуализма". Согласно этому принципу, реально действующими "актерами" социального процесса признаются не группы или организации, а индивиды. Никакие коллективные общности не обладают самостоятельным существованием, отдельным от составляющих их членов. Все они подлежат

объяснению с точки зрения целенаправленного поведения индивидуальных агентов [2].

Таким образом, новый институционализм берет из экономической теории основополагающие предположения об индивидуальном выборе, которым не хватало социологической мысли, а из социологии — представления о структуре ограничений индивидуального выбора, которым не находилось места в традиционных экономических рассуждениях. Традиционная социология игнорировала человека, способного принимать индивидуальные решения и делать осознанный выбор, а в традиционной экономической теории этот человек «повисал» в безвоздушном пространстве в отсутствие поддерживающих социальных структур. [7; с.118]

Вторым важным аспектом нового институционализма является более реалистическое описание процесса принятия решений. Для анализа действий индивидов вводятся две важнейшие поведенческие предпосылки — ограниченной рациональности и оппортунистического поведения.

Предпосылка ограниченной рациональности означает, что человек не обладают абсолютной рациональностью, как это предполагалось в классических моделях, а принимает решение и действует исходя из имеющегося у него ограниченного набора сведений. Эта предпосылка весьма точно отражает состояние современного общества, когда массивы и потоки информации столь велики и значимы, что человек не в состоянии учесть и просчитать все возможные варианты и выбрать из них оптимальное решение.

Предпосылка «оппортунистического поведения» предполагает любые формы нарушения взятых на себя обязательств. Так, индивиды, максимизируя полезность, будут уклоняться от условий контракта и вести себя оппортунистически (например, предоставлять услуги меньшего объема и худшего качества), когда это сулит им прибыль. Этот постулат можно весьма успешно применить и в исследовании поведения индивидов различных социальных общностей.

Таким образом, новый институционализм в социологии пробует соединить достижения новой институциональной экономики и традиционной социологии [1]. Вводимые неинституционалистами «поправки» в классическую методологию существенно повышает качество социологических исследований, делают их более приспособленными к усложняющимся условиям функционирования современного общества.

Переходя к вопросу о применимости неинституциональной теории к изучению современной образовательной среды и действий включенных в образовательный процесс индивидов, обратимся к теории институциональных изменений Д.Норта.

Теория основывается на выявлении внутренних факторов, способствующих изменению отдельных институтов и институциональной структуры общества в целом. По мнению Д.Норта, для осуществления модернизации в какой-либо области функционирования государства необходимо осуществить предварительно изменение институциональной системы, что, во многом, зависит от наличия актуальной информации о ней [5]. Изучая перспективы совершенствования российской образовательной системы, целесообразно исследовать все включенные в образовательную деятельность социальные институты, несмотря на различие их форм и характера.

Исходя из того, что институты, будучи "правилами игры", задают систему стимулов, направляя деятельность людей по определенному руслу, Д. Норт выделяет их разновидности формального и неформального характера. Формальные институты устанавливаются и поддерживаются сознательно, в основном – силой государства. Неформальные институты складываются спонтанно, без чьего-либо сознательного замысла, как побочный результат взаимодействия множества людей, преследующих собственные интересы.

Переноса данный взгляд в область исследования проблем современного образования, полагаем целесообразным рассматривать и

анализировать не только формальные институты – общепринятые подсистемы государственной образовательной системы, но и неформальную среду внутрисемейного взаимодействия, взаимоотношений родителей и детей по поводу передачи знаний и умений от старшего к младшему поколению.

Формальный институт образования в настоящее время находится под пристальным вниманием со стороны государства. Важной государственной целью провозглашено его совершенствование, создание образовательной среды, позволяющей максимально эффективно развивать человеческий потенциал и адаптировать подрастающее поколение к современным требованиям информационно-ориентированного общества.

Продолжающаяся длительное время бурная полемика вокруг различных подходов, методологий и приемов модернизации современной российской образовательной системы свидетельствует о пристальном внимании со стороны общественности и представителей различных научных сообществ к вопросам ее государственного регулирования.

Изучению неформальной образовательной среды в настоящее время не уделяется должного внимания. Хотя многие участники дискуссий по вопросам образования обращают внимание на то, что все большее распространение приобретает тенденция передачи от родителей детям комплекса знаний и компетенций в дополнение либо в противовес общепризнанной системе знаний.

Многие семьи, осознавая важность свободного интеллектуального развития детей, адаптации детей к новой информационной среде и отсутствие необходимых методик и курсов в формальной образовательной системе, стремятся удовлетворить их информационно-коммуникационные и образовательные потребности через систему неформального образования, самостоятельно развивая у них необходимые умения и навыки.

Отличительной особенностью образования, получаемого детьми в семье, от формального является «отсутствие единых, стандартизированных

требований к результатам учебной деятельности» [6] и отсутствие государственного контроля за осуществляемой внутри семьи деятельностью. Неформальное образование формируется как альтернатива существующему институту формального образования.

При этом затраты родителей на организацию образования детей настолько высоки, что целесообразно рассматривать данный вид их труда как специфический. Более того, необходимо выделить его как отдельную категорию в структуре родительского труда.

Такой родительский труд обладает всеми признаками неформального института – определяет спонтанно возникшее взаимодействие родителей и детей по поводу неформального образования и при этом задает правила, рамки и структуру деятельности общностей родителей и детей.

При рассмотрении родительского труда как неформального института особое значение приобретает предпосылка неоинституциональной теории об ограниченной рациональности индивидов. Каждая семья сегодня действует исходя из собственных представлений об образовательных потребностях ребенка и потому преследует сугубо индивидуальные цели. Если в советском обществе была принята общая для всех граждан концепция образования, выстроенная в соответствии с единой социалистической идеологией, то в настоящее время распространены разнородные мировоззренческие системы, каждая из которых по-своему влияет на процесс воспитания и образования ребенка. Родители принимают решение о необходимости передачи детям знаний, осуществляют их неформальное образование исходя из собственного опыта. При этом экономические предпочтения и общественно-политические взгляды значительно различаются у разных категорий и групп населения.

Другим значимым аспектом в исследовании родительского труда по неформальному образованию детей становится изучение «оппортунистического поведения» общности родителей. Максимизируя полезность образования, родители стремятся передать детям представления и навыки приспособления к новой действительности, зачастую уклоняясь от

традиционных, принятых в советском обществе моральных норм и правил. Морально-этическая сторона воспитания приобретает новый смысл.

В советское время семья и школа имели общую цель – подготовить детей к честному труду на благо родины. Любые отступления от господствующей идеологии строго порицались и наказывались. В период трансформации общественного строя и перехода к рыночной экономике система ценностей российских граждан претерпела значительные изменения, некоторые моральные устои и понятия потеряли важность либо приобрели двойственный смысл. На смену социалистическому стремлению к всеобщему равенству пришла противоположная тенденция поиска способов приспособления к конкурентной среде, а главной ценностью стал ярко выраженный индивидуализм.

Некоторые родители, выбравшие наименее затратный способ приспособления своих детей условиям конкуренции, открыто осуществляют антиморалистическое воспитание, отрицая этику, нравственность, гуманистические взгляды. Исследование этих внутрисемейных мотивов и установок на воспитание и образование детей имеет важнейшее значение для борьбы с такими отрицательными явлениями, как праздность, тунеядство, лодырничество, безнравственность, жестокость, агрессия и экстремизм.

С другой стороны, следует отметить значительное увеличение доли семей, активно формирующих у детей навыки творческого самовыражения, отстаивания собственного мнения и интересов, воспитывающих необходимые для жизни в условиях конкуренции лидерские качества. Однако современные образовательные методологии зачастую не рассчитаны на такие черты и до сих пор негативно воспринимаются педагогами формальной образовательной системы.

Особого внимания заслуживает изучение практик передачи родительского опыта, связанных с приспособлением к условиям современного информационного общества: ориентации в новых информационных потоках, умении выделять главное и второстепенное,

различать истинное и ложное в больших объемах сведений и данных, приспособлении к информационно-коммуникативной среде – от получения информации и общения в интернете до мультимедийных и интерактивных выставок и семинаров, иных новых форм искусства.

Неоинституциональная теория подчеркивает важность проведения исследований на микроуровне, изучения индивидуального поведения человека, "оставив в стороне макромоделю, описывающие институциональное устройство в масштабах всего общества" [7, с. 113].

Как отмечал Д.Норт, «люди развивают и изменяют институты, поэтому наша теория должна начинаться с индивида» [5, с. 20].

Исследование внутрисемейной образовательной среды, классификация воспитательно-образовательных концепций, применяемых в современных российских семьях, и анализ их влияния на формирование института родительского труда по неформальному образованию детей является задачей новой и перспективной. Исследование взаимодействия родителей и детей в образовательном процессе, ожиданий индивидов от образовательного процесса могут оказать помощь при выработке мер, новых подходов и методик совершенствования образовательной системы в целях обеспечения развития и процветания Российского государства.

Список литературы

1. Fligstein N. Fields, Power, and Social Skill: A Critical Analysis of The New Institutionalisms// [Электронный ресурс]. www.ecsoc.msses.ru/ Экономическая социология, 2001. Том 2. № 1, с. 4 - 25.
2. Белихин В. Г. История экономических учений: учебное пособие для вузов / В. Г. Белихин - М.: Сирин, 2002. – 342 с.
3. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социология образования – Москва: Изд-во «Гардарики», 2005. – 383 с.
4. Кирдина С.В. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. [Электронный ресурс]. Режим

доступа:

http://www.кирдина.рф/index.php?option=com_content&view=article&id=219&Itemid=58&lang=ru#_edn1

5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

6. Онушкин В. Г., Огарев Е. И. Образование взрослых: междисциплинар. сл. терминологии. – СПб., Воронеж, 1995. – 231с.

7. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 3, с. 109-130.

8. Тарушкин А.Б. Институциональная экономика. Учебное пособие. – СПб.: Питер – 2004. – 368 с.

ИСКОРЕНЕНИЕ КРАЙНЕЙ НИЩЕТЫ – ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ РАЗВИТИЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ. ПРИМЕР ЮЖНОЙ АЗИИ

Петрова С.П.

*студент магистратуры. Санкт-Петербургский государственный
университет (СПбГУ), факультет международных отношений.*

Магистратура, 1 курс, направление «Мировая политика».

г. Санкт-Петербург (Россия)

sofiepetrova1007@gmail.com

THE ELIMINATION OF ABJECT POVERTY – THE MAIN MILLENNIUM GOAL. SOUTH ASIA

Petrova S.

graduate student. Saint Petersburg State University (State University),

*Faculty of International Relations. Graduate, 1st year, the direction of "World
Politics".*

St. Petersburg (Russia)

sofiepetrova1007@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье даётся характеристика достижений стран Южной Азии в борьбе за ликвидацию крайней нищеты. Данная проблема рассматривается в контексте Целей развития тысячелетия (ЦРТ) ООН. Представлена общая характеристика современной ситуации. Особый упор сделан на деятельность Индии в направлении ликвидации нищеты.

ABSTRACT

In this article the matter concerns the achievements of South Asian countries in the field of elimination of abject poverty. This issue is considered through the UN Millennium Development Goals. The general description of the current situation is given in the article. The Indian activity in the field of poverty reduction is emphasized.

Ключевые слова: ООН, ЦРТ, цели развития тысячелетия, борьба бедность, Южная Азия, Индия

Key words: UN, MDG, Millennium Development Goals, poverty reduction, South Asia, India

Цели развития тысячелетия (ЦРТ) – глобальные цели человечества, которые сформулировала ООН, впервые в 2000 году. ЦРТ имеют свою конкретную цель, а именно – ускорение развития путем улучшения социальных и экономических условий в беднейших странах мира. Ликвидация абсолютной бедности и голода была провозглашена первой и самой главной целью, так как, безусловно, все люди заслуживают достойной жизни. Цели, сформулированные в 2000 году, планировалось осуществить до 2015 года: практически по всему миру прогресс оказался колоссальным – число людей на планете, проживающих за чертой бедности сократилось в 2 раза. В 2015 году ООН опубликовала новые 17 целей, вновь поставив во главу угла ликвидацию крайней бедности и нищеты до 2030 года – на этот раз окончательную. Данная проблема очень актуальна, так как крайняя нищета является корнем большинства других серьезных проблем. В современный век поразительного развития науки, технологий, промышленности и медицины, подобная ситуация – недопустима.

Очевидно, что сегодня процент бедности намного выше в странах Африки и Азии. В связи с этим необходимо уделять наибольшее внимание деятельности, связанной с борьбой с бедностью, именно в этих регионах. Южная Азия – один из беднейших регионов в мире, поэтому здесь рассматривается ситуация в Южной Азии и конкретно успешный опыт Индии, как ключевой страны южноазиатского региона, одной из крупнейших мировых экономик и быстро развивающихся стран.

Южная Азия – регион, включающий в себя Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индию, Мальдивы, Непал, Пакистан и Шри-Ланку. В последние годы этот регион в целом переживал период бурного экономического роста, что позволило странам Южной Азии достигнуть впечатляющих успехов в борьбе с бедностью и добиться значительного улучшения качества жизни людей. Но

по-прежнему данный регион остаётся домом для около 399 млн людей, проживающих менее, чем на \$ 1,25 в день (40 % беднейшего населения планеты) [12]. Значительная часть населения этих стран проживает в трущобах, не имеет доступа к электричеству и водопроводу. Именно поэтому проблема бедности в Южной Азии вызывает такой резонанс со стороны мирового сообщества. В таблице 1 можно увидеть процент населения в странах Южной Азии, проживающих менее чем на \$1,25 в день.

Население, проживающее за чертой бедности, Южная Азия

Страна	Население за чертой бедности	Год измерения
Афганистан	36 %	2009
Бангладеш	31,5 %	2010
Бутан	12 %	2012
Индия	29,8 %	2010
Мальдивы	16 %	2008
Непал	25,2 %	2011
Пакистан	22,3 %	2011
Шри-Ланка	8,9 %	2010

Таблица 1. Данные представлены информационным порталом ЦРУ [3]

Проблема бедности в данном регионе уходит корнями глубоко в прошлое: все страны, за исключением Афганистана, находились в колониальной и полуколониальной зависимости от Британской Империи, а соответственно на протяжении многих десятилетий не имели практически никакого экономического развития, были эксплуатируемыми землями. Афганистан же пережил длительный период гражданских войн и участия в конфликтах с другими международными акторами. Именно в Афганистане сегодня наибольший процент людей проживает за чертой бедности, что связано с весьма нестабильной обстановкой в стране.

Страны Южной Азии в 1980-90х годах избрали политический курс, направленный на экономический рост и процветание. Был сделан акцент на частный сектор и активное вовлечение в мировую экономику. Это частично сработало: ускорение темпов экономического развития действительно позволило значительно снизить процент беднейшего населения в стране, некоторые регионы стали процветающими, но сохранились огромные различия между наиболее и наименее развитыми регионами этих стран.

Проблемы во всех странах Южной Азии очень схожи, и в целом можно сказать, что их деятельность по искоренению нищеты и бедности развивается в следующих направлениях: ускорение темпов экономического развития; разработка специализированных программ, направленных на борьбу с нищетой; участие в различных программах международных организаций и фондов.

Итогом деятельности южноазиатских стран кроме Индии в направлении ликвидации бедности является снижение процента населения, проживающего менее, чем на \$ 1,25 в день с 53 % в 1990 году до 20 % и 13 % в 2011 и 2015 гг. соответственно [2, с.14].

Так как Индия – ключевое государство в Южной Азии, то пример её действий является наиболее показательным и важным, ведь от неё во многом зависит благополучие всего региона. Индия – восходящая страна-гигант. За последние годы она сумела совершить огромный скачок в экономике, оказавшись в числе наиболее успешно развивающихся стран, пожалуй, второй после Китая. Но, несмотря на значительные экономические успехи, бедность остаётся самой насущной проблемой в Индии. Как уже говорилось, она связана с колониальным прошлым; а когда в 1930е гг. в Индии произошел демографический взрыв – эта проблема обострилась в разы. Вследствие этого «независимая Индия унаследовала такую широту распространения бедности, нищеты и неравенства в распределении доходов, которая и по прошествии 50 лет развития в условиях независимости делает

их наиболее трудно-разрешимыми во всем комплексе социально-экономических проблем» [15, с. 353].

Бедность в Индии имеет некоторые характерные черты. Во-первых, нищета очень неравномерно распределена между социальными слоями, так как всё ещё сохраняется кастовое деление общества. Во-вторых, очень велика разница в уровнях бедности между регионами: некоторые регионы находятся в гораздо более выгодном положении относительно других. Ну и в-третьих, существует тенденция, при которой в Индии, как аграрной стране, бедность имеет, прежде всего, сельское лицо, а примерно 70 % всего населения Индии проживает именно в сельской местности [5]. Основной же причиной бедности в стране можно назвать высокие темпы прироста населения.

В начале тысячелетия Индия также поставила перед собой задачу реализовать ЦРТ. За начальную точку для некоторых целей был выбран 1990 год, для других – 2000. Как свидетельствует экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана, некоторые из этих целей были достигнуты; другие – нет. Интересующая нас главная цель – сокращение вдвое числа людей, проживающих за чертой бедности – была достигнута: по сравнению с 47,8 % в 1990 г. в 2015 г. мы видим цифру 20,7 % [9]. Это свидетельствует о довольно успешной политике государства в этой области. Но всё же сегодня более 270 млн индийцев всё ещё живут в крайней нищете [13]. А ООН уже сформулировала новые цели до 2030 года, которые подразумевают полную ликвидацию крайней нищеты: на земле не должно остаться ни одного человека, который жил бы менее, чем на \$ 1,25 в день [6]. Это цель – серьёзный вызов для Индии, но государство уверено, что сможет найти нужный ответ.

И всё-таки, несмотря на высокий процент бедного населения, Индия – очень самый успешный пример борьбы с бедностью в Южной Азии: она значительно опередила в этом вопросе своих ближайших соседей – Пакистан, Непал и Бангладеш, которые не сумели достигнуть подобных результатов [10]. Благодаря чему же Индии удалось добиться таких успехов? В первую

очередь, необходимым и возможно самым важным условием сокращения бедности является устойчивый экономический рост. Именно он способствовал обеспечению занятости, а соответственно росту доходов населения и увеличению налоговых поступлений в бюджет, что позволяет больше средств расходовать на программы по борьбе с бедностью. В этом вопросе Индия сильно преуспела: сегодня это одна из наиболее крупных и быстро развивающихся экономик. Темпы экономического роста в стране в последние годы, конечно, сильно сократились, экономика пришла в более устойчивое состояние; пик же роста пришёлся на 2010 год, когда прирост ВВП составил 10,1 % [1]. Именно, благодаря высоким темпам роста в стране удалось достичь удовлетворительных результатов. Если к 2005 году удалось сократить процент бедности только до 42 %, то в последующие годы, когда рост ВВП не опускался ниже 6 %, успешная борьба в этом направлении значительно ускорилась [8]. Итак, экономический рост является неотъемлемой составляющей успешной борьбы с бедностью, так как в целом повышает уровень жизни всех слоёв населения, в том числе и беднейшего.

Вторым обязательным направлением в борьбе с бедностью, безусловно, являются специализированные программы, направленные на борьбу с нищетой. Всеобщее и немедленное благосостояние, к сожалению, не является логичным результатом устойчивого экономического роста – многие слои населения всё равно остаются незатронутыми. Среди причин подобной неравномерности можно назвать: высокий уровень механизированности современного производства, которое часто не только не создаёт новых рабочих мест, но также сокращает старые. Также, большинство населения проживает в сельской местности и остаётся невостребованной. Немаловажным фактором является и очень низкий уровень грамотности индийцев. Из этого становится ясно, что некоторые социальные слои остаются выкинутыми из процесса экономического развития.

Решить данные проблемы направлены специализированные программы, которые подразделяются на следующие группы:

1. программы, направленные на создание системы самостоятельной занятости, то есть предполагающие самостоятельную занятость части населения, не связанную с работой по найму, но приносящую доход;
2. программы, направленные на обеспечение занятости населения;
3. программы продовольственной безопасности;
4. программы социального обеспечения;
5. программы, направленные на сокращение бедности в городах.

MGNREGA или национальный закон о занятости в сельской местности им. М. Ганди – одна из основных мер, предпринятая правительством Индии для сокращения бедности в стране. Цель данной программы: обеспечение занятости сельского населения с тем, чтобы оно имело минимальный заработок для жизни. Суть заключается в том, чтобы гарантировать каждой семье как минимум 100-дневную занятость в году на низкоквалифицированных работах, которые не требуют специальной подготовки [11, с.1].

Также для сельских регионов существует программа Swarnjayanti Gram Swarozgar Yojana, которая объединяет сельские микрохозяйства в кластеры по навыкам для того, чтобы они могли самостоятельно себя обеспечивать занятостью и средствами к существованию. Эти кластеры финансируются различными неправительственными организациями, банками и другими финансовыми институтами [7].

Не менее важным является Закон о национальной продовольственной безопасности в Индии, по которому следует обеспечить всё малоимущее население минимальной продовольственной корзиной. Очень интересна инициатива, которая обеспечивает бесплатным обедом всех школьников во время учебного дня [4].

Вовлечение в Программу развития ООН (ПРООН) – один из залогов успеха для каждой страны в плане ликвидации бедности. Данная программа имеет различные направления, но сегодня обеспечение благополучия всему населению страны является одним из наиболее приоритетных. ПРООН

помогает правительствам следующим образом: внедрение общемировых тенденций в национальные планы развития и создание и предоставление всем государствам экспертных отчетов по достижениям в сфере ЦРТ [14].

Индия достигла огромных успехов по сокращению процента населения, проживающего за чертой бедности. Несмотря на то, то предстоит предпринять ещё немало усилий, все страны Южной Азии смоли достичь значительного прогресса в борьбе с бедностью.

Список литературы

1. МВФ. Перспективы развития мировой экономики, сентябрь 2011 года. Замедление роста, увеличение рисков. URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2011/02/pdf/textr.pdf> (Дата обращения: 24.02.2016)

2. ООН. Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf> (Дата обращения: 19.02.2016)

3. Central Intellegence Office. URL: <https://www.cia.gov/> (Дата обращения: 19.02.2016)

4. Midday Meal Scheme. Ministry of Human Resource Development. Department of school education and literacy. Government of India // <http://mdm.nic.in/> (Дата обращения: 25.02.2016)

5. Poverties. Social & Economic research for everyone URL: <http://www.poverties.org/> (Дата обращения: 21.02.2016)

6. Sustainable development. Knowledge platform. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/> (Дата обращения: 23.02.2016)

7. Swarnjayanti Gram Swarozgar Yojana. Guidelines. Government of India. Ministry of rural Development. New Dehli URL: <http://rural.nic.in/sites/downloads/programmes-schemes/prog-schemes-sgsy.pdf> (Дата обращения: 25.02.2016)

8. The Economic Times. Politics and Nation. India to meet poverty reduction goal by 2015: UN Report. URL:

<http://articles.economictimes.indiatimes.com/2013-07->

[05/news/40391966_1_extreme-poverty-southern-asia-mdg](http://articles.economictimes.indiatimes.com/2013-07-05/news/40391966_1_extreme-poverty-southern-asia-mdg) (Дата обращения: 24.02.2016)

9. The Hindu. India yet to achieve U.N. Millennium Development Goals. URL: <http://www.thehindu.com/news/national/india-yet-to-achieve-un-millennium-development-goals/article7654764.ece> (Дата обращения: 21.02.2016)

10. The Hindu. MDG report: India on track in reducing poverty. URL: <http://www.thehindu.com/news/national/millennium-development-goals-report-2015-india-on-track-in-reducing-poverty/article7396544.ece> (Дата обращения: 23.02.2016)

11. The national rural employment guarantee Act. URL: <http://nrega.nic.in/rajaswa.pdf> (Дата обращения: 25.02.2016)

12. The World Bank URL: <http://www.worldbank.org/> (Дата обращения: 19.02.2016)

13. UN India. India and MDGs. Towards a sustainable future for all. URL: http://in.one.un.org/img/uploads/India_and_the_MDGs.pdf (Дата обращения: 22.02.2016)

14. UNDP in India // <http://www.in.undp.org/content/india/en/home/> (Дата обращения: 25.02.2016)

15. Индия сегодня. – М.: Институт востоковедения РАН, Ариаварта-Пресс, 2005. – 592 с. с илл.

ТИПОЛОГИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ: ПОПЫТКА ВЫДЕЛЕНИЯ ОСНОВАНИЙ

Пименова О.И.,

доцент кафедры теории и истории социологии, кандидат

социологических наук

УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Екатеринбург

E-mail: narabote.ya@yandex.ru

TYPES OF STRATEGIES IDENTIFICATION OF YOUTH: AN ATTEMPT OF ALLOCATION BASES

Pimenova O.,

Associate Professor of the Theory and History of Sociology, PhD in

Sociology

Ural Federal University named after the first Russian President Boris

Yeltsin

Ekaterinburg

E-mail: narabote.ya@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

На базе эмпирического исследования в статье рассматриваются индивидуалистский и коллективистский стили жизни как основания для выделения базовых типов стратегий идентичности молодежи; отмечается, что характер, направленность, форма и тип идентичности как результата идентификационной стратегии зависят от выбираемых молодым человеком целей, ресурсного капитала, агентов влияния, механизмов ее конструирования.

ABSTRACT

On the basis of empirical research this article discusses individual and collectivist life styles as foundation for allocation basic types of youth identity strategies; noted that character, orientation, form and type of identity as a result of

the identification strategy depends on selected by young person objectives, resource capital, agents of influence, design mechanisms.

Ключевые слова: идентификационная стратегия, социальная идентичность, стиль жизни, индивидуализм, коллективизм, молодежь.

Key words: identity strategy, social identity, lifestyle, individualism, collectivism, youth.

Проблематика социальной идентичности и особенностей процесса ее конструирования актуальна для современной социологии, поскольку в динамично меняющемся обществе традиционные инструменты идентификации приобретают новые формы (особенно в молодежной среде), что требует их специального исследования. В рамках данной статьи процесс конструирования различных типов идентичности будет описан посредством концепта идентификационной стратегии.

Под идентификационной стратегией мы понимаем основное направление и способ самоопределения актора, реализуемое через социальные механизмы под воздействием агентов социализации, актуальных объективных факторов, а также индивидуальных предпочтений и ресурсных возможностей самого актора. Гипотетически, результатом идентификационной стратегии должно быть успешное достижение цели, в данном случае - желаемой идентичности, посредством определения конкретных способов и механизмов ее достижения.

За основу дифференциации идентификационных стратегий нами взят параметр образа и стиля жизни молодого человека, поскольку именно эта составляющая опосредует характер и свойство типичных форм повседневной поведенческой активности (бытовой, досуговой, профессионально-трудовой, потребительской, социально-политической и т. д.). Стилежизненные практики в широком смысле могут быть представлены индивидуалистскими и коллективистскими ориентациями, которые и будут в итоге определять направление, вектор идентификационной стратегии молодого человека.

Каждая из ориентаций в свою очередь включает в себя по два направления: в первом случае – это самореализация и гедонизм, во втором – направленность на широкую общественность (большие группы людей) и на группы первичного членства (семья, друзья). Итого с учетом выделенных оснований возможно обозначить четыре направления стратегий. В рамках каждого направления цели идентификационных стратегий содержательно специфичны и отличны друг от друга, а желаемые статусные позиции (как стратегический результат) определяются различными параметрами.

Нами было выделено десять типов идентификационных стратегий в соответствии с выбираемым молодым человеком стилем жизни (индивидуализм или коллективизм) и в зависимости от цели, которую он перед собой ставит (см. табл. 1).

Таблица 1

Типология идентификационных стратегий современной молодежи

тип	Направление стратегии	Цель идентификационной стратегии	Параметры статусной позиции
Индивидуалистский	Самореализация	Самореализоваться в конкретной профессиональной среде (профессиональное самоопределение)	Объективные: - образование, - профессиональный статус
		Улучшить или сохранить материальный уровень жизни, стать (быть) богатым человеком	Объективные: - доход, деньги, - собственность (а/м, недвижимость)
		Получить доступ к власти, управлять людьми	Объективные: - власть
		Стать успешным человеком, занять престижную, высоко-статусную позицию в обществе, завоевать уважение и признание со стороны окружающих	Субъективные: - социальный успех, - социальный престиж, - репутация, - авторитет, - почет
	Гедонизм	Получать удовольствия от жизни	- досуговые практики, - включенность в «тусовку»

		Презентовать свою статусную позицию посредством невербальных символов (уход за собой, красивый внешний вид, продуманный имидж)	«Квази-объективные»: - имидж, - внешние данные, - аксессуары, - бренды
Коллективистский	Узкий охват (группы первичного членства)	Вступить в брак, создать собственную семью	Объективные: - семья, - семейный статус
	Широкий охват (ориентация на большие группы)	Заняться общественно-политической деятельностью, помогать людям	Социально-политический параметр
		Быть патриотом своей страны, любить Родину	Национально-гражданский параметр
		Обрести экзистенциальный опыт, найти смысл жизни	Религиозный параметр

По большому счету, мы можем фиксировать взаимодействующий характер стиля жизни, его конкретного направления и выбора цели идентификационной стратегии. Идентификационная цель будет обусловлена еще и системой разнопорядковых факторов, влиянием на молодого человека референтных лиц, агентов и институтов социализации, а также наличием определенного ресурсного капитала, которым молодой человек реально располагает, и который в идеале необходим для конструирования желаемой идентичности. Говоря о типологии идентификационных стратегий, важно учитывать и то, какими именно способами и инструментами, посредством каких механизмов молодой человек станет конструировать свою социально-статусную идентичность, добиваться поставленной перед собой идентификационной цели. Все это: цель, ресурсный капитал, референтные лица, механизмы - будет в конечном итоге определять направление идентификационной стратегии, обуславливать форму и тип сконструированной идентичности, усложнять или облегчать ее кризисные проявления, а также детерминировать реальные проблемы, сложности и противоречия, сопровождающие процесс ее конструирования.

На примерах типичных идентификационных стратегий рассмотрим и проиллюстрируем эмпирическими данными (анкетный опрос молодежи,

г. Екатеринбург и г. Киров, 2012 г., N=700) специфику конструирования идентичности в молодежной среде.

Результаты анкетирования показывают общую тенденцию индивидуализации молодежи, в связи с чем основной линией ее идентификационных стратегий в настоящее время является индивидуализм (что характерно практически для 90% опрошенных) и, в частности, ориентация на самореализацию.

Одним из наиболее популярных векторов здесь является профессиональная самореализация в пределах конкретной профессиональной среды. Так 75% кировских респондентов и 68% молодежи г. Екатеринбурга отмечают ценность карьеры как важную и очень важную для себя. Вообще, описываемая идентификационная стратегия предполагает конструирование реальной идентичности, доказуемой посредством объективных параметров, например, таких как фирма, в которой работает молодой человек, занимаемая им должность, уровень образования. Около двух третей всех представителей молодежи, сориентированных по линии «профессиональная самореализация», демонстрируют позитивную идентичность, о чем свидетельствует достаточно высокий уровень удовлетворенности своим статусом в обществе, материальным положением, успехами в учебе и на работе. В целом, это говорит о том, что сконструированная идентичность, как некий итог всей идентификационной стратегии, будет иметь в таком случае реальный, а не номинальный характер, поскольку молодой человек сориентирован на осуществление социальной мобильности через конкретно предпринимаемые и спланированные собственные действия.

Второй вектор идентификационной стратегии основан на стремлении человека улучшить, сформировать (реже сохранить) определенный материальный уровень своей жизни. Основными социально-статусными маркерами, закрепляющими этот вектор, будут параметры дохода и собственности. Здесь любопытно проследить динамику: если в середине 1990-х гг., как показывают результаты исследований, проведенных под

руководством В.А. Ядова [1; 4], идентификация по материальному признаку занимала одну из первых позиций, то сейчас ситуация изменилась: только 3% молодых людей идентифицирует себя с людьми аналогичного материального достатка, что доказывает снижение роли денег, дохода как параметров статусной позиции.

Раскрывая содержательную особенность этой идентификационной стратегии важно указать на тенденцию, которая была выявлена нами в ходе анализа данных: несмотря на то, что ценность денег актуальна для 60% респондентов, она приобретает скорее инструментальный, нежели терминальный характер, то есть деньги – это средство, позволяющее вести определенный образ жизни. Иными словами, подтверждение молодым человеком статусных позиций осуществляется преимущественно не за счет количества накопленных им денежных средств, а посредством того образа жизни, тех товаров и статусных атрибутов, которые он может себе позволить, располагая определенным объемом финансов.

Со стратегией «материальное благополучие» тесно связано гедонистическое направление, как стремление молодого человека к эгоистическому получению удовольствия, радости. Причина этого в том, что в основе ее формирования, по большому счету, также лежат финансовые ресурсы и те поведенческие практики, которые возможны для осуществления благодаря денежным ресурсам. Только если в первом случае речь шла об экономическом капитале как базисе всей стратегии, посредством которого молодой человек включался в желаемую группу членства, то здесь акцент смещается в сторону символического капитала. В связи с этим мы можем говорить, что в основе статусной позиции здесь лежат квази-объективные, символически-знаковые параметры, помогающие молодому человеку сконструировать и продемонстрировать желаемый им, идеальный для него социальный статус, который, будучи не подкрепленным необходимым ресурсным капиталом, реальными и объективными статусными атрибутами,

обеспечит формирование номинальной, фиктивной идентичности и, соответственно, мнимого статуса.

Ключевой смысл гедонизма как специфического вектора индивидуализированных идентификационных стратегий в том, что он помогает молодому человеку за счет образа жизни и имиджевых практик казаться таким, каким он хочет быть в глазах значимых для него окружающих, даже при условии, что фактически он может таковым не является. Это значит, что для молодых людей, придерживающихся этого вектора, конструирование идентичности превращается в своего рода игру.

В пользу актуализации гедонистических ориентаций молодежи могут свидетельствовать следующие данные: для 75% молодых людей значимой является ценность получения удовольствия, около 60% респондентов стараются удовлетворить все свои потребности, более половины - насладиться жизнью в полной мере, 35% - живет сегодняшним днем, любит развлечения.

Указанное направление представлено двумя идентификационными векторами: (1) уход за своей внешностью, сосредоточение на имидже; (2) актуализация досуговых, праздных практик, их частое преобладание над другими формами социального поведения.

Содержательная идея первого вектора заключается в следующем: за счет собственных имиджевых характеристик включиться и закрепиться в желаемой социальной группе, чтобы остальные люди легко и однозначно интерпретировали статусную позицию молодого человека. Более 80% респондентов признали ценность красивого внешнего вида как значимую и очень значимую для себя. Для 45% молодых людей имидж и стиль, для 25% - модная, дорогая одежда – это та важная информация, которая позволяет судить о конкретном человеке как о занимающем высокое положение в обществе. В данном смысле имиджевые характеристики, внешний вид становятся параметрами статусной позиции. Визуализируя

свою идентичность, молодой человек использует ассоциативные механизмы, в частности: механизмы презентации, симуляции, имитации (подражания).

Силу действия указанных механизмов усиливают институты социализации, а также референтные группы, на которые ориентируется молодой человек, организуя свои поведенческие практики в процессе самоидентификации. Своего рода эталонной группой здесь становятся модные, стильные люди, информацию о которых молодежь черпает в социальных сетях, модных блогах.

Второй вектор гедонистических идентификационных стратегий имеет в своей основе идею получения удовольствия, которое становится возможным за счет праздного времяпровождения, досуговых практик. Следует заметить, что специфическая особенность всего молодежного возраста заключается в том, что в его пределах большое внимание уделяется досугу, который здесь является не только специфической формой деятельности, но и категорией, характеризующей образ жизни молодого человека, способом его самоидентификации.

Исследовательские результаты показали, что более половины респондентов перемещают свои поведенческие приоритеты в пользу организации досуга и получения удовольствий от жизни (эта ценность важная для 75% молодых людей). Однако реально данной стратегии придерживаются лишь порядка 25-35% молодых людей, которые активно проводят свой досуг: регулярно ходят в клубы и кафе, занимаются фитнесом и редкими видами хобби (например, сноубординг), путешествуют, организуют шопинг. Это связано с тем, что для ее успешной реализации молодому человеку необходимо иметь временные ресурсы и обладать экономическим капиталом.

Четыре рассмотренных выше вектора, раскрывающие ключевую суть индивидуалистского идентификационного направления, тесно связаны и зачастую сопровождают одну из наиболее популярных идентификационных стратегий в молодежной среде, содержательный смысл которой заключается

в ориентации молодого человека на социальный успех. Стратегию образует цель: «стать успешным человеком, занять престижную, высоко-статусную позицию в обществе, завоевать уважение и признание со стороны окружающих». В ее основе (что и отличает ее от ранее рассмотренных стратегий) лежат уже субъективные и более условные социально-статусные параметры, качественные, а не количественные характеристики.

Однако здесь важно остановить внимание на следующей особенности: желая продемонстрировать себя в качестве социально преуспевающего члена общества, члена престижной социально-статусной группы, молодой человек, в принципе, использует для этого не только субъективные параметры, такие как уважение, репутация, социальное признание, престиж, но, в том числе и объективные, однозначно трактуемые обществом атрибуты и поведенческие модели. В данном контексте мы можем говорить, что по большому счету, идентификационная ориентация на успех чаще всего сочетается с другими стратегиями, основанными на объективных параметрах, и редко существует автономно от них.

Около 64% молодых людей г. Екатеринбурга и 63% молодежи г. Кирова ориентированы на членство и самоопределение в пределах группы успешных людей, из них более половины уже идентифицируют и оценивают себя в качестве таковых, демонстрируя тем самым позитивную идентичность, когда реальное состояние идентичности и ее идеальная, желаемая форма совпадают. Данный феномен может быть объяснен тем, что чем выше ценится в обществе определенный статус (здесь статус успешного человека), тем сильнее степень идентификации с ним субъекта [3].

Молодой человек, конструируя свою идентичность в рамках рассматриваемого вектора опирается на символический капитал, важным элементом которого, по мнению П. Бурдьё, является стремление личности в условиях жесткой конкуренции индивидов создать соответствующий культуре успеха имидж, который обеспечит искомую идентификацию в социальном пространстве, подтвердит членство индивида в соответствующей

группе, отличит представителя одной социальной группы от другой [2]. Символический капитал, используемый в качестве базиса, позволяет молодому человеку обрести капитал социальный, который также представляется важным, поскольку помогает ощутить близость к успешным персонам, свое реальное или номинальное членство в определенных кругах.

Ретроспективный анализ идентификационных процессов позволяет проследить любопытную динамику: если в 1998 г. идентификация по признаку «успешные» занимала одно из последних ранговых мест, то в молодежной среде 2000-х гг. это однозначно первая позиция в противовес идентификации по уровню дохода [1].

Итак, мы рассмотрели наиболее популярные идентификационные стратегии, основанные на идеях индивидуализма. Следующая группа стратегий, согласно эмпирическим данным, является наименее распространенной в среде современной молодежи и основана на общественно-коллективистском стиле жизни.

Самым популярным вектором в рамках данного направления является установка молодого человека на семью («брачно-семейная стратегия»). Обзавестись семьей, детьми в ближайшее время хочет 37% молодых людей, преимущественно это актуально для 24-30-летних респондентов женского пола (для мужчин в два раза реже). Несмотря на то, что ценность семьи является для 68% опрошенных базовой, молодежь 16-23 лет ориентирована, прежде всего, на любовь, сексуальные отношения, удовольствия, но не на рождение собственных детей, что вполне логично, учитывая ключевые задачи самоопределения в пределах данного этапа социализации.

К наименее популярной в молодежной среде 2010-х гг. относится группа стратегий, ориентирующая молодых людей на коллективизм в его широком смысле.

В основе первого типа стратегии этой группы («общественно-политическая стратегия») лежит цель заняться активной общественно-политической деятельностью, помогать людям – около 8% респондентов. Как

показывают результаты, активными представителями данного вектора являются юноши, студенты старших курсов, преимущественно дети рабочих и служащих, жители г. Кирова. Остальные представители молодежи могут придерживаться этого вектора, но в пассивной форме.

От этой стратегии стоит отличить похожую на нее, но идейно отличную стратегию, в основе которой лежит индивидуалистское стремление к власти – около 10% юношей и 4% девушек желает получить доступ к власти. Чтобы протекание стратегии было успешным, необходимо обладание политическим капиталом, что в режиме этапа социализации типичного представителя этого направления не представляется возможным.

Возвращаясь к коллективистским идентификационным векторам, здесь еще необходимо назвать религиозную стратегию – самую незначительную среди всех представленных (это и юноши, и девушки практически в равной степени, в г. Екатеринбурге – 1%, в г. Кирове – 4%) и гражданско-национальную стратегию (кировская молодежь мужского пола 23-30 лет – около 28%). Итогом данных стратегий будет конструирование гражданской, государственной, национальной, религиозной идентичности, которые составляют структуру личности молодого человека.

Естественно, учитывая неоднородность молодежных групп, современные тенденции индивидуализации, важно понимать, что приведенная нами типологическая структура идентификационных стратегий носит идеализированный, рафинированный и буквальный характер, а потому достаточно условна. Однако ее анализ позволил заключить, что статусно-идентификационные стратегии не являются взаимоисключающими, а напротив сосуществуют и периодически пересекаются (то есть встречаются не в «чистом виде»); каждый молодой человек одновременно выстраивает несколько идентификационных стратегий; они могут актуализироваться, то есть становиться доминирующими, и наоборот терять свою актуальность; самыми осознаваемыми респондентами являются стратегии, целью которых

становится семейное и профессиональное самоопределение, но по популярности с ними соперничают гедонистические стратегии.

Список литературы

1. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян. URL: <http://www.nir.ru/Socio/scipubl/sj/sj3-4-00dan.html> (дата обращения: 9.02.2009).

2. Дягилева Н. С. Человек «телесный»: пути формирования идентичности // Российский государственный профессионально-педагогический университет. – Екатеринбург. URL: <http://library.krasu.ru/ft/ft/b72/0227142/pdf/7/687.pdf> (дата обращения: 21.08.2011).

3. Цвык В.А. Социально-профессиональный статус личности и престиж профессии // Вестник Томского государственного университета. – 2009. - № 4. – С. 47.

4. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. - № 1. URL: <http://sj.obliq.ru/article/29> (дата обращения: 12.08.2010).

УДК 316.4

ББК 60.52

**МОДЕРНИЗАЦИЯ – КЛЮЧЕВОЙ МОМЕНТ
ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Подольская, Е.А.

доктор социологических наук

зав. кафедрой философии и гуманитарных дисциплин,

профессор

Харьковский гуманитарный университет

«Народная украинская академия»

г. Харьков (Украина)

e.podolskaya@gmail.com

Назаркин, П.А.

магистрант факультета «Социальный менеджмент»

Харьковский гуманитарный университет

«Народная украинская академия»

г. Харьков (Украина)

fgd.nua@ukr.net

**MODERNIZATION IS A KEY MOMENT OF TRANSFORMATION
OF MODERN SOCIETY**

Podolskaya, E.

Doctor of Social Sciences

Head. Department of Philosophy and humanities,

Professor

Kharkov University for the Humanities

"People's Ukrainian Academy"

Kharkiv (Ukraine)

e.podolskaya@gmail.com

Nazarkin, P.

graduate student of the Faculty of "Social Management"

Kharkov University for the Humanities

"People's Ukrainian Academy"

Kharkiv (Ukraine)

fgd.nua@ukr.net

АННОТАЦИЯ

Трансформация охарактеризована как процесс преобразования форм и содержания общественной жизни, ее институциональной сферы, норм и ценностей. Выявлены предпосылки модернизации, ее основные признаки. Раскрыта суть модернизации как приближения общества через осознанное осуществление определенных намерений, целей и планов к признанной модели современности. Выявлены причины недостаточной результативности реформ в Украине, описаны парадоксы трансформационных процессов в современном украинском обществе.

ABSTRACT

Transformation is characterized as a process of transformation of forms and contents of social life, its institutional sphere, norms and values. Preconditions of modernization and its main characteristics are revealed. The essence of the modernization is disclosed as an approaching of society through a conscious implementation of certain intentions, objectives and plans to the recognized model of modernity. Causes of insufficient effectiveness of reforms are revealed in Ukraine. Paradoxes of transformational processes are described in modern Ukrainian society.

Ключевые слова: модернизация|| модернизированное общество|| неомодернизация|| парадоксы трансформации|| переход|| реформа|| трансформация

Keywords: modernization|| modernized society|| neo-modernization|| paradoxes of transformation|| transition|| reform|| transformation

Значимым видом социальных изменений является социальная трансформация, которая представляет собой преобразования в обществе в результате определенных социальных изменений, как целенаправленных, так и хаотичных. Социальная трансформация – это нерасчлененное понятие, описывающее преобразовательные социальные эффекты.

Мы понимаем под *трансформацией* процесс приобретения обществом новых черт, которые отвечают требованиям времени. Происходят изменения в жизненных стандартах, образцах поведения и потребностях; частично они сопровождаются негативными явлениями, страданиями многих людей. Концепцию трансформации можно сравнить с рассмотрением нынешнего этапа как переходного от тоталитарной системы к рыночной экономике. Термин «*переход*» недостаточно адекватно описывает происходящие процессы, поскольку не может обозначать четкого начала или определенного конца. Понятие же «трансформация» более четко характеризует данное явление, он является нейтральным относительно вектора перехода, а потому политически индифферентен. Транс-формироваться – это изменять форму, изменяться; поэтому необходимо решать вопросы о механизмах преобразований, исходной форме, чертах и свойствах новой формы [4; 5].

Трансформацию мы рассматриваем как действие или процесс изменения формы, вида, характера общества, а также его отдельной структуры. Она означает превращение сущностных компонентов социума, всех сторон и сфер общественной жизни. Специфика трансформации заключается в том, что она не предполагает вектора изменений: они могут быть как прогрессивными, так и регрессивными. Главное в трансформации – именно преобразования форм и содержания общественной жизни, ее институциональной сферы, норм, ценностей, ментальности и других социокультурных сторон социума.

Трансформации подлежат все стороны общественной жизни: экономическая, политическая, духовная, социальная. В Украине наиболее радикальными выступают политические процессы, но за ними прячутся прежние структуры власти. В экономике наоборот: внешне как бы сохраняются старые структуры, но сущность их изменилась, например, акционерные общества работают, как и раньше, или даже хуже, но природа собственности уже другая. Глубинные, иногда внешне невидимые изменения в культуре касаются важнейших компонентов цивилизации: ее мотивационной базы, ментальности, норм и ценностей.

Процесс социальной трансформации связан с наличием противоречивых явлений кризиса и прогресса, всплеска традиционализма и модернизации, социального протеста и поддержки; в то же время некорректно абсолютизировать конфликт современного и традиционного, ведь реальные культурологические явления свидетельствуют о парадоксальном представлении традиционного как модернизационного, и наоборот.

Под *модернизацией* мы понимаем прогрессивные социальные изменения, в результате которых социальная система (подсистема) улучшает параметры своего функционирования. Модернизация по сути является приближением общества через осознанное осуществление определенных намерений, целей и планов к признанной модели современности, чаще всего к образцу какого-либо существующего общества, признанного современным.

Процесс модернизации представляет собой движение общества на основе сочетания реформ и революций. Модернизация – это революционный переход от доиндустриального к индустриальному или капиталистическому обществу, осуществляемый путем комплексных реформ, он подразумевает кардинальное изменение социальных институтов и образа жизни, охватывающее все сферы общества.

В обществе, которое не трансформируется, изменения происходят в рамках, в соответствии со стандартами, которые и делают мир, несмотря на

изменения, стабильным. В стабильном обществе изменения происходят с предсказуемым результатом, что возможно при наличии отработанных способов предвидения и устойчивых закономерностей соотношения между компонентами изменяющейся системы. В трансформирующемся обществе нет устойчивых соотношений между элементами, поэтому последствия изменений предсказать практически невозможно, а значит, возрастает риск ошибок.

Безрезультатными оказались попытки осуществить реформы в Украине на основе старой, но улучшенной, расширенной концепции в период перестройки. Соотношение сил позволило новой концепции, пусть даже недостаточно продуманной, набрать достаточной общественной весомости, чтобы претендовать на реализацию социального видения проблем, но реформы начали осуществляться людьми с прежним менталитетом, а значит, непоследовательность коренилась уже в сознании действующих лиц. Политическая, экономическая, культурная элита стремится к модернизации общества (предвыборные программы, политические заявления), но модернизационные заявления не всегда совпадают с массовыми настроениями, менталитетом основной части общества, в котором в значительной степени содержатся традиционалистские компоненты.

Разнонаправленность элиты и массы проявляется в формах явного или неявного сопротивления, в информационных барьерах. Возникают противоречия между *слабостью условий* модернизации и *спросом на результаты* модернизационной деятельности. Запросы при этом формируются не внутренними возможностями их удовлетворения, как это было в закрытых обществах, а благодаря интенсивному информационному обмену между отсталыми странами и другим миром. Удовлетворить потребности, которые не обеспечены внутренними экономическими возможностями страны, может только элита, что ведет к социальной напряженности.

Существует также противоречие между *централизацией* и *децентрализацией* в экономической и политической сфере. Элита стремится к централизации, а провинция сопротивляется в силу ограниченных ресурсов удовлетворения потребностей регионов. С другой стороны, именно из центра иницируются модернизационные изменения, которым в разной степени противодействуют регионы.

Существенным является противоречие между *авторитарной формой* государственного строя на различных его уровнях и *демократическими компонентами*. Парадоксально, но именно элита заинтересована в сохранении авторитаризма, хотя и выражает демократические интенции. Существуют также *различия* между принятыми законами и привычными нормами и представлениями, между рационализмом и основанными на вере действиях и решениях, между коллективными ценностями и индивидуализмом.

Слабо развитые предпосылки модернизации и постмодернизации вошли в противоречие с устремлениями элиты к общественным преобразованиям. По форме осуществления трансформация выступает как макродинамика и микродинамика, поэтому необходимо конкретное изучение механизмов и факторов изменений, а также противодействующих сил, для чего важно рассмотреть состав консервативного аспекта трансформации.

Трансформационный кризис как раз и проявляется в нарушении системности. Неравномерность трансформации, системная несогласованность в одном из обозначенных блоков системности приводит к негативным явлениям, к трансформационному кризису. Доведение системности до оптимального уровня приводит к преодолению трансформационного кризиса, приведение же системности к необходимому уровню позволяет снизить кризисные явления [5].

Согласно данным Международного исследовательского проекта НИТТ-CIS «Здоровье в переходный период: тенденции и здоровье населения и политика в сфере здравоохранения в странах СНГ», наиболее позитивно

респонденты оценивают развитие демократии и системы образования, а наиболее негативно – развитие экономики и системы здравоохранения. Так, например, развитием демократии удовлетворена только треть украинцев (34%), работой системы образования – 27%, работой местных органов власти и правительства – лишь каждый пятый житель страны (21%), системой социальной защиты – 19%, системой здравоохранения – 17%, тем, как развивается экономика, только 16% украинцев [1, с. 267].

По результатам социологического исследования «Экономические ориентации населения», проведенного Центром «София» в сентябре 20014 г., значительная часть (39,4%) опрошенных указали, что материальное положение их семьи за последнее время в той или иной мере ухудшилось. Почти все (93,7%) респонденты заявили, что цены выросли быстрее, чем доходы их семьи. Исследование зафиксировало, что среди населения распространены ожидания высокой инфляции. Большинство уверено, что «существенно» возрастут цены на жилищно-коммунальные услуги (45,9%), на продовольственные товары (45,6%), на основные промышленные товары (одежда, обувь, товары повседневного спроса) (37,1%). Инфляционные ожидания сопровождаются пессимизмом относительно перспектив увеличения реальных доходов. Лишь 16,6% опрошенных надеются, что доходы их семьи в ближайшее время возрастут. На фоне пессимистических ожиданий относительно динамики инфляции и личных доходов перспектива украинской экономики также воспринимается со скепсисом. Две трети (69,1%) опрошенных считают, что ближайшие годы будут неблагоприятными для экономики [2].

По нашему мнению, сама по себе трансформация не является кризисом. Это нормальный процесс, характеризующий все современные общества, это особенность социального и экономического развития всех стран. Процессы модернизации имеют универсальный характер, распространяются на все стороны общественной жизни. Например, социальный тип личности, характерный для модернизирующегося общества, характеризуется

рационализмом, индивидуализмом, стремлениями к переменам, мобильности, самоусовершенствованию.

Модернизированное общество характеризуется структурной специализацией, которая стимулирует социальную мобилизацию индивидов. Чем больше специализация в деятельности членов общества, тем меньше традиционного и больше способности к развитию. В то же время выяснилось, что традиционные формы могут наполняться модернизационным содержанием, и наоборот: современные по форме элементы общества могут внутренне выполнять традиционные функции. Новое, заимствованное извне, может способствовать не усовершенствованию, а разрушению социального организма.

В широком смысле, модернизация – это не просто «становление» современности, а и процесс международной социализации, то есть процесс приобретения черт, присущих развитым цивилизованным государствам. Наряду со сменой технологий, производственных структур важными аспектами модернизации являются социокультурные процессы: отношение к религии, жизненные цели и ценностные ориентации, мотивы деятельности, эстетические вкусы и др. В культуре отражается процесс становления меняющегося сознания.

Характеризуя обновленный вариант модернизации, Петр Штомпка совершенно справедливо выделяет такие черты неомодернизации: движущей силой уже выступает не элита, а «массы»; образцом модернизации могут быть не только западные страны, но и другие центры мировой цивилизации; процесс модернизации становится асинхронным и многообразным; оптимизм уступает место осторожным оценкам; уделяется значительно больше внимания социокультурным факторам; предлагается в случае необходимости использовать традиционные механизмы; допускается возможность существования различных идеологий для мотивации модернизации [6, с. 179].

Современное украинское общество совмещает черты традиционного, модернистского и постмодернистского этапов. Украинский социолог С. Л. Катаев выделил в нем следующие *признаки модернизации*: специализацию структурных единиц, которая ведет к распределению ролей и возникновению проблемы их координации; самодостаточность структурных единиц, которые при модернизации становятся специализированными; возрастание значения универсальной этики и взаимодействия на общенациональном уровне; соединение централизации и децентрализации управления; характер человеческих отношений описывается парными категориями (рациональность – иррациональность, универсализм – партикулизм, функциональная специфичность – функциональная диффузность, изоляция – включенность и т. п.) [3, с. 37–38].

В то же время следует учитывать, что уже сам термин «трансформация» содержит определенные *парадоксы*:

1) парадокс «изменчивость как фактор устойчивости»: процесс трансформации продолжителен, его рамки неопределенны, а значит, трансформация приобретает устойчивый, стабильный характер; кризис становится перманентной характеристикой общества и личности; нет ощущения безысходности, стимулируется выработка новых способов приспособления к меняющейся ситуации;

2) парадокс «ожидание изменений извне без готовности изменить себя»: если в западных странах стремятся изменить мир, меняя себя, влияя на свое сознание, то в нашей стране другая модель: изменить мир, меняя внешние условия существования;

3) парадокс «настоящая личностная трансформация воспринимается как «перелицевание»: изменения психического, духовного характера касаются части элиты крупных городов, что оценивается остальной частью населения как «лабораторный эксперимент»;

4) парадокс «кризис является источником позитивных изменений»: в ситуации кризиса наряду с негативными явлениями могут формироваться

новообразования, новые знаковые системы, другие парадигмы, направляющие развитие в новом направлении;

5) парадокс «порядок постепенно выстраивается из хаоса»: на базе ослабленных старых норм из разных компонентов и их необычных соединений образуется новый порядок;

б) трансформационный кризис закладывает основы качественно нового нормативного состояния общества, что позволяет ему выйти на новый уровень развития. Отсюда шестой парадокс «аномия на самом деле является признаком нового специфичного нормативного строя»;

7) парадокс «средством развития демократии в условиях трансформации выступает авторитаризм»: модернизационные заявления политической и экономической элиты не всегда отвечают массовым настроениям, менталитету огромной части общества; выражая демократические тенденции, элита больше всего заинтересована в авторитаризме;

8) парадокс «трансформация обещает не недостаток и благополучие, а бедность» (самоограничение в потребностях, блокирование зависти, переориентация потребностей в духовную сферу в случае ограничений в удовлетворении материальных); необходимость трансформации состоит не в том, чтобы стать богатыми, а в том, чтобы выжить, сохранить народ, нацию, государство и не утратить личностного достоинства в условиях бедности, постоянных техногенных катастроф и экологической депрессии;

9) парадокс «источником интеграции общества является общая беда»: осознание единства общей тяжелой судьбы объединяет общество и мобилизует его для новых трансформаций;

10) парадокс «источником позитивной цели является своеобразно интерпретированная идея кризиса и катастрофы»: даже в ситуации кризиса есть потребность в позитивных ценностях и целях, особенно у молодежи, поэтому теория трансформации может служить позитивной концепцией социальной динамики в условиях кризиса [3, с. 51–55].

Таким образом, термин «трансформация» описывает особое состояние общества, при котором происходят качественные изменения форм социальных связей, типа и способов развития. Трансформация включает в себя компоненты модернизации, постмодернизации, традиционного отступления. Такое сочетание казалось бы несовместимых процессов выглядело бы эклектичным, механистическим без категории «трансформация общества».

Ключевым моментом трансформации украинского общества является его модернизация. Модернизационный импульс отличается по способам его реализации: ориентация на западные модели рыночной деятельности формирует западные стандарты жизни и представления о счастье. Те же, кто рассчитывает на собственные силы, сочетают консервативные, традиционные формы социальной организации со способом жизни западных стран.

Список литературы

1. Бакиров В. С. и др. Качество жизни в современной Украине: тенденции изменений в постсоветский период // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : збірник наукових праць. Вип. 17. – Харків : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2011. – С. 259–270.

2. Економічні орієнтації населення. Результати соціологічного дослідження : Аналітичний звіт [Електронний ресурс]. – София : Центр соціологічних досліджень. Представительство в сети Интернет. – Режим доступа: <http://www.sofia.com.ua> (дата обращения: 09.01.2016).

3. Катаев С. Л. Українське суспільство / С. Л. Катаєв. – Запоріжжя : ГУ «ЗІДМУ», 2005.

4. Подольская Е. А. Управление социальными процессами : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. А. Подольская, В. Н. Назаркина. – Харьков : Изд-во НУА, 2016. – 524 с.

5. Управление социальными процессами : терминологический словарь / Е. А. Подольская, В. Н. Назаркина. – Харьков : Изд-во НУА, 2016.

6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества /
П. Штомпка. – Москва : Логос, 2005. – 755 с.

**ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА
БЕЛОРУСОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПРОЦЕСС**

Приходько, Ф.С.

*Зав. кафедрой философии и политологии
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия.*

Республика Беларусь, г. Горки;

prihodko.fedor@yandex.ru

Приходько, Г.Л.

*Ст. преподаватель кафедры высшей математики
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия.*

Республика Беларусь, г. Горки;

**FEATURES OF NATIONAL MENTALITY OF THE BELARUSIANS
AND THEIR IMPACT ON THE SOCIO-POLITICAL PROCESS**

Prihodko, F.

*Head. Department of Philosophy and Political Science
Belarusian State Agricultural Academy.*

Belarus, Gorki;

prihodko.fedor@yandex.ru

Prihodko, G

*Art. Lecturer of the Department of Higher Mathematics
Belarusian State Agricultural Academy.*

Belarus, Gorki;

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы характерные черты национального менталитета белорусов. Показано, что они во многом определяли характер общественных отношений в прошлом и в настоящее время также оказывают существенное влияние на социально-политический процесс в Республике Беларусь

ABSTRACT

The article analyzes characteristic features of the national mentality of the Belarusians. It is shown that they largely determined the character of social relations in the past and currently also have a significant impact on the socio-political process in the Republic of Belarus

Ключевые слова: адаптация, индивидуализм, коллективизм, менталитет, толерантность, соборность, патернализм

Keywords: adaptation, individualism, collectivism, mentality, tolerance, collegiality, paternalism

Менталитет представляет собой сложноорганизованную систему социально-психологических черт человека или социальной общности, исторически сформировавшуюся на основе генотипа под влиянием естественно-природных и социокультурных условий бытия и в результате собственного духовного творчества субъекта. Это – установки, цели, представления о ценностях и нормах поведения; мотивации, основанные на специфических потребностях, интересах, идеалах, ценностных ориентациях, целях; содержание духовного мира (идеи, установки, представления и др.); задатки, способности, знания; черты характера, особенности темперамента. Он определяет особый характер мировосприятия и мироощущения, эмоционально-психологического реагирования, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивая единство и преемственность существования социума.

В русском языке близкими по смыслу являются понятия «самосознание», «нрав», «характер». Однако эти термины не являются тождественными. Если ментальность характеризует глубинные черты сознания и поведения, мировосприятие, мышление определенной этнической общности, в концентрированном виде отражает единство высокорационализированных форм сознания (науку, философию, идеологию, религию и т.п.), то характер народа проявляется прежде всего в таких психологических феноменах, как темперамент, эмоции, чувства.

Национальный менталитет, или национальная ментальность, есть определенный способ восприятия окружающего мира и типичных образцов социального действия, регулирующих поведение данного народа и определяющих особенности его истории. Характер мышления, мировосприятия и поведения народа формируется на протяжении длительного времени, охватывающего практически всю историю развития данной общности. Конкретные черты ментальности народа складываются в единстве с его традициями, культурой, социальными структурами, природной средой обитания. Иными словами, ментальность определенной общности людей формируется в процессе становления и развития его социокультурной самобытности. В свою очередь, будучи социально-психологическим феноменом, сама ментальность выступает как порождающее сознание, задавая определенные образцы мышления и поведения индивидов, социальных групп и народа в целом.

Рассмотрев далее особенности национального менталитета белорусов, несложно будет представить и объяснить специфику социально-политического процесса в белорусском обществе. Большинство исследователей в качестве доминирующей черты менталитета белорусов выделяют толерантность. Это понятие позаимствовано из медицины, где оно означает неспособность организма сопротивляться инородному телу. Другими словами – это привыкание организма. В «Декларации принципов толерантности» она трактуется как совокупность знаний, ценностей и

практических действий, которая формирует межкультурную компетентность субъекта и обеспечивает условия для успешного взаимодействия и межкультурного диалога [1, с. 373]). Толерантность – это готовность терпимо относиться и принимать чужую культуру, иной образ мыслей, чувства, вероисповедание, поведение, которые не совпадают с собственными. Особое значение к началу XXI века приобрели ее этнорасовая и конфессиональная составляющие. Как черта характера личности или социальной общности толерантность есть отношение к другому человеку, к представителям другой этнической общности или религиозной конфессии, к другим социальным общностям в целом как к равным себе партнерам.

Толерантность белорусов в значительной, если не решающей, мере определяется особым положением Беларуси в европейском культурно-цивилизационном пространстве. Белорусские земли всегда находились на перекрестке международных дорог, влияний, интересов, культур. Менталитет белорусов, их духовная культура и система ценностей формировались под влиянием западно- и восточнославянской культур, особенностей природной среды, геополитического положения. Особенно тесные связи у белорусов были со Смоленщиной. Все это обусловило синтетический характер менталитета белорусов. Независимо от того, какую бы позицию в религиозно-мировоззренческих вопросах не занимали различные слои общества, фактом исторического прошлого белорусского народа является то, что все проблемы вероисповедания – введение христианства, появление католицизма, реформационное движение, атеистическая политика – происходили на белорусских землях без кровавых братоубийственных конфликтов. Подобное решение религиозных вопросов как в далеком прошлом, так и в настоящее время чуждо психике, менталитету белорусов.

Белорусские земли всегда были пристанищем для преследуемых в других странах. Здесь находили себе укрытие и возможность спокойной жизни евреи, татарские переселенцы, протестантские немцы, русские

старообрядцы и др. История Беларуси не знает массовых эмиграций населения по причине национальной или религиозной нетерпимости. Толерантность белорусов не равносильна безразличию. Она не означает также принятия иного мировоззрения или образа жизни. Она заключается в предоставлении другим права жить в соответствии с собственным мировоззрением. Известно, что недостатки людей являются как бы продолжением их достоинств. Терпимость может проявляться и по отношению к негативным явлениям, идеям и поступкам. В таких случаях излишняя терпимость способна открыть путь к произволу и насилию. В белорусском общественном сознании такая опасность осознана.

Труд был и остается, пожалуй, единственным способом добывания белорусами жизненных благ. В прошлом территория Беларуси много раз являлась ареной военных столкновений между враждующими государствами, в ходе которых уничтожалось все, что годами и десятилетиями создавалось упорным трудом народа. Однако всякий раз белорусы своим трудом все создавали заново. Не случайно Беларусь первой из стран СНГ восстановила уровень своего экономического развития 1990 г. В своей жизнедеятельности белорус неизменно руководствуется убеждением, что жизнь меняется быстро только в одну сторону – худшую, лучшей же она становится только в результате упорного и каждодневного труда. Трудолюбие как сущностную черту жизнедеятельности белорусов дополняет ряд других черт их характера. Это – настойчивость в достижении поставленных целей, деловитость, добросовестность, склонность к порядку, новаторский подход и разумная инициатива в любом деле. В этнически неоднородных коллективах белорусы часто являются примером в выполнении обязанностей, их присутствие всегда положительно сказывается на настроении товарищей по общему делу. И сегодня, в условиях становления рыночных отношений, ориентация большинства белорусов, в том числе молодежи, на добросовестный, созидательный и творческий труд хотя несколько и снизилась, но в целом остается

стабильной. Ценностная установка на труд, подготовка новых поколений белорусов к созидательной деятельности – один из важнейших элементов идеологии белорусского государства.

Белорусы генетически тяготеют к коллективизму, однако понимают и ценят индивидуализм. Иными словами, белорусам присуща своеобразная индивидуалистическо-коллективистская психология. Отечественная традиция общественной мысли эту индивидуалистическо-коллективистскую установку определяет как соборность, то есть, такой тип отношений, при котором каждый заботится не только о себе, но и о других, видит свое личное спасение и благополучие в спасении и благополучии каждого. Идею соборности не следует путать с тоталитарным коллективизмом, который нивелирует людей, подавляет личную свободу, индивидуальность. Соборность предполагает вместо противопоставления человека («Я») и мира («Мы») их согласие с сохранением их свободы и возможности самовыражения. Осваивая формы жизнедеятельности, адекватные современным общественным реалиям и новейшим технологиям, белорусы не утратили и коллективистских начал организации своей жизнедеятельности. Принцип соборности, или гармонии общего и личного блага, находит свое выражение и во взаимоотношениях белорусов с другими общностями. Белорусам органически присуща установка на федерализм или, «союзность». В общественном сознании белорусов важное место занимают идеи западнорусизма. На протяжении всей своей истории они отдавали предпочтение не идее обособленного государственного существования, а идее сосуществования с родственными общностями, прежде всего с русскими, в составе федерации или в рамках союзной государственности.

В белорусском стиле общения отразились многие черты национального характера, такие как сочувствие, стремление к естественности, умение мысленно стать на позиции другой стороны, неторопливость. При решении спорных вопросов белорусы демонстрируют готовность терпеливо ждать

созревания нужных условий. Все это тесно связано со способностью белорусов пожертвовать сиюминутными выгодами ради более важных долговременных интересов. В общении белорусам не свойственно навязывать свои правила игры, как правило, они стараются мягко войти в новую среду, предпочитая гармоничное выстраивание отношений с окружающими. Ради этого они способны перенимать модели поведения людей, с которыми общаются. Однако стремление к компромиссу не мешает им успешно отстаивать свою точку зрения. Во время дискуссий, переговоров белорусы проявляют гибкость и терпение. В целом, многие эксперты отмечают, что они всегда внутренне готовы к долгим, с неочевидными результатами переговорам.

В спорных вопросах белорусская сторона обычно выжидает, чтобы партнеры первыми «открыли карты», высказали свою точку зрения, первыми сделали предложения и т.п. На уступки они идут, как правило, под самый конец переговоров, уже после того, как оценят возможности и недостатки своих партнеров. Для белорусов характерно стремление идти навстречу своим партнерам по переговорам, если те делают им значительные уступки. Они рассматривают уступки партнеров как проявление уважения к себе. Практически всегда партнер, пошедший на уступки, может рассчитывать на встречные уступки со стороны белорусских коллег.

Есть в белорусском национальном менталитете и черты, которые не являются фактором общественного прогресса. Так, традиционно отличительной чертой национального менталитета белорусов является патернализм – такой взгляд на взаимоотношения государства и граждан, в соответствии с которым государство обязано обеспечивать удовлетворение их потребностей за государственный счет, принимать на себя заботы о благополучии граждан. Например, в советское время официально утверждалось, что государство гарантирует социальную защиту, право на труд, отдых, на бесплатное образование, здравоохранение, предоставляет бесплатное жилье и многое другое. Государство и в самом деле худо-бедно,

но занималось всем этим. Рядовой гражданин полностью полагался на государство, снимал с себя ответственность за происходящее вокруг. Для белорусов характерным является уважение права, сильного государства как оплота и гаранта стабильности общества, законопослушание. Это не случайно. Само становление белорусского социума стало возможным благодаря созданию сильного, способного обеспечить безопасность границ государства.

В современных условиях наблюдаются устойчивые проявления патернализма, позволяющие говорить о нем, как о важном элементе ментальности населения Беларуси. В постсоветский период немало людей, как и раньше, испытывают острую потребность в опеке со стороны государства, в гарантиях социальной помощи и защиты, которые рассматриваются как нечто априорное, как обязательная функция власти и общества. В былые времена все надежды на лучшую жизнь возлагали на царя, генсека, политбюро, ныне – на президента, правительство страны. Ожидание улучшения жизни «сверху» стало уже неотъемлемой чертой многих людей, целых коллективов. Президент зачастую им представляется скупым рыцарем, сидящем на бездонном сундуке с золотом. Надо его лишь хорошо попросить, а то и потребовать. Массовый человек сопротивляется ослаблению связей индивида с обществом, в большинстве своем не принимает условий, в которых единственной опорой личности признается сама личность.

Патернализм – явление, в той или иной степени свойственное всем народам мира. Отличие, скажем, западного типа патернализма от восточного состояло в развитом институте договорных отношений между патроном и клиентом в античном мире и Средневековье. Важным фактором, закрепившим патернализм как архетип нашей культурной традиции, явилась мобилизационная модель развития. Архетип культуры, усвоенный человеком в процессе его социализации, управляет его поведением на уровне подсознания. Отсюда бережное отношение к государству.

Таким образом, особенности национального менталитета белорусов обуславливают спокойное, без социальных потрясений и резких переходов от одного состояния к другому течение социально-политической жизни белорусского общества. Белорусам не присущи революционаризм и политический авантюризм. Они не сторонники радикальных перемен в своей социальной жизни. Поэтому не случайно в истории нашей страны никогда не было широких националистических и радикальных политических движений. Белорусы неизменно проявляют свою приверженность решать возникающие в различных сферах жизни проблемы в духе терпимости, уважения достоинства своих оппонентов на основе права, демократических норм, традиционных представлений о социальном равенстве и справедливости.

Список литературы

1. Астафьева, О.Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики / О.Н. Астафьева // Фундаментальные проблемы культурологии. Том. 4. – СПб., 2008.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СФЕРА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ГОРОД ЕКАТЕРИНБУРГ»: СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Рабаданов, А.А.

Студент РАНХИГС

г. Екатеринбург, Россия

mefisto90@list.ru

SOCIO-CULTURAL SPHERE OF THE MUNICIPAL FORMATION "CITY OF EKATERINBURG": STATUS AND MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

Rabadanov, A.A.

Student RANHiGS

Ekaterinburg, Russia

mefisto90@list.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена теоретическому осмыслению условий устойчивого развития социокультурной сферы на муниципальном уровне. Проблемы оптимизации муниципальной политики в социокультурной сфере, а также совершенствования механизмов управления в отраслях культуры в теоретическом и методологическом плане проявляются в наиболее общем виде. Материалы научных трудов, подходы к изучению исследуемой проблематики позволили выявить методологические основы для проведения исследования.

ABSTRACT

The article is devoted to the theoretical understanding of conditions for sustainable development of the socio-cultural sphere on the municipal level. Optimization problems of the municipal policy in the sphere of culture, as well as improvement of management in the cultural in theoretical and methodological terms occur in the most general terms. Materials of scientific works, approaches to the study of the studied problems allowed us to identify methodological basis for the study

Ключевые слова: культура, культурные услуги, социокультурная сфера, образование

Key words: culture, cultural services, socio-cultural sphere, education

На современном этапе в ведущих государствах социокультурная сфера является достаточно динамично растущим сегментом сферы услуг, а непосредственные результаты социокультурной деятельности во многом определяют облик городов.

Теоретические исследования как в целом по проблемам деятельности органов власти по развитию социокультурной сферы, так и в области методологического обоснования ее развития, в последние годы значительно продвинулись и за рубежом, и в России. Фундаментальным основам формирования социальной сферы посвящены труды многих зарубежных и отечественных исследователей: Г.А. Ахинова, У. Баумоля, Г. Беккера, У. Боуэна, Н.А. Восколовича, П. Друкера, Е.В. Егорова, Е.Н. Жильцой, В.Л. Иноземцева, В.Н. Казакова, Ф. Котлера, Р. Кроуфорда, Р.М. Нуреева, Д. Стиглица, О. Тоффлера и др. Проблемы экономики культуры и развития моделей управления в социокультурной сфере рассматривали в своих работах Ю.В. Автономов, Г. Бакши, У. Баумоль, Г. Бешаров, У. Боуэн, В.Э. Гордин, Р.С. Гринберг, А.И. Дымникова, В.С. Жидков, А. Кламер, С.Д. Куннингэм, Р.А. Масгрейв, Д. Норт, А. Пикок, А. Пратт, Дж. Поттс, К.Э. Разлогов, Р. Тауз, И. Риццо и др.

Вопросам теории культурной политики, ценностного аспекта общественного посвящены труды С.Ф. Анисимова, В.М. Демина, Д.И.

Дубровского, А.Г. Здравомыслова, В.В. Тугаринова, А.К. Уледова, Н.З. Чавчавадзе, А.И. Яценко и др. Социокультурному прогнозированию, проектированию и регулированию посвящены труды: В.Л. Глазычева, Т.М. Дридзе, Э.А. Орловой, В.М. Розина, П.Г. Щедровицкого, О.И. Яницкого и др.

Однако, поле исследований условий обеспечения устойчивого развития отрасли культуры именно на муниципальном уровне оказалось суженным.

Актуализация проблемы функционирования социокультурной сферы является приметой последних лет для отечественной науки и социально-управленческой практики.

Т.В. Сачук, оценивая современное состояние сферы культуры выделила ряд серьезных негативных тенденций [3, с. 27]:

- длительный период минимального в своем объеме финансирования привел к резкому ухудшению материально-технического оснащения учреждений культуры;

- идет процесс физического старения зданий и сооружений, отсутствие денежных средств на проведение плановых текущих и капитальных ремонтов, привело к тому, что часть зданий учреждений культуры уже нет смысла восстанавливать;

- наметилась тенденция снижения привлекательности труда в сфере культуры, что находит выражение в сокращении притока молодых специалистов;

- в силу ограниченности финансовых ресурсов снизилась масштабность, «яркость» традиционных мероприятий для населения и ряд других отрицательных тенденций.

В целом, ученые приходят к выводу, что российская социокультурная сфера находится в глубоком затяжном кризисе, который затрагивает и сферу культуры, и государство.

На протяжении последних лет государственная, региональная и муниципальная политика в области культуры представляет собой поиск оптимальных моделей управления сферой культуры, основывающихся на

разумном соотношении директивного и экономического методов регулирования, на преодолении ведомственных барьеров, на поощрении инициативы и предпринимательства в социокультурной сфере.

Ряд ученых отмечает, что реформирование всех сторон общественной жизни России и малоэффективная культурная политика приводят к необходимости научной разработки проблем управления в сфере культуры и искусства. М.Б. Гловатов отмечает: «Отсутствие научно разработанной политической и идеологической стратегии государства в этой сфере, отвечающей новым экономическим и социально-духовным реалиям, несовершенство законодательно-нормативной базы сегодня дезорганизуют процессы функционирования искусства в российском обществе и управления ими» [1, с. 65].

Между тем, социокультурная сфера на муниципальном уровне представляет собой важнейший фактор развития общества. В целом, отрасль представляет собой комплекс разнообразных предприятий, организаций и учреждений, каждый элемент которого решает специфические задачи по гуманизации общества, развитию и самореализации личности.

Однако, до настоящего времени продолжается уменьшение бюджетных ассигнований, направляемых в сферу культуры на муниципальном уровне, что негативно отражается на финансовом положении учреждений и организаций рассматриваемой сферы [2, с. 167].

Основными проблемными точками социокультурной сферы муниципального образования «город Екатеринбург» являются следующие:

- учитывая постоянный рост уровня образования и общей культуры населения необходимо модернизировать материальную базу многих учреждений культуры и предлагать услуги нового технического уровня;
- качественно по-новому надо подходить к обслуживанию населения, поэтому, важно предоставлять услуги не только хорошего качества

(научного, культурного, познавательного), но и имеющие маркетинговую привлекательность;

- обеспечивать не только широкий доступ к услугам, но и их широкую огласку; без качественно проработанной рекламной или PR- кампании даже в условиях низкой конкуренции сегодня услуги учреждений культуры не будут востребованы в должной степени потребителем;

- продолжать наращивать темпы работы по качеству обслуживания населения, как в плане повышения профессионального уровня работников, так и создания необходимого уровня комфортности среды учреждения, отвечающей требованиям современного дизайна и архитектуры.

- обеспечение оснащённости учреждений культуры специализированным оборудованием и материально-техническими средствами для доступа инвалидов и групп с ограниченной мобильностью

Состояние спроса на услуги учреждений культуры в городе Екатеринбург позволяет говорить о внедрении в современную систему управления сферой культуры таких составных частей, как менеджмент, маркетинг и др.

В зарубежных странах социальный маркетинг как инструмент управления применяется уже более двадцати лет. В России технология социального маркетинга пока не получила широкого распространения. Например, в сфере культуры муниципального образования «город Екатеринбург» чаще всего используются отдельные инструменты маркетинга; как целостная система управления социальный маркетинг не применяется в силу отсутствия необходимых научных разработок.

Проблемы доступности культурных услуг муниципального образования «город Екатеринбург» следует решать за счет совершенствования финансового обеспечения деятельности муниципальных учреждений культуры. Необходимо также отметить, что в силу невысокой платежеспособности основного количества населения, сеть культурных

учреждений культуры по-прежнему нуждается в государственной поддержке.

Таким образом, учитывая постоянный рост уровня образования и общей культуры населения необходимо: модернизировать материальную базу многих учреждений культуры и предлагать услуги нового технического уровня; качественно по-новому следует подходить к обслуживанию населения, поэтому, важно предоставлять услуги не только хорошего качества (научного, культурного, познавательного), но и имеющие маркетинговую привлекательность; обеспечивать не только широкий доступ к услугам, но и их широкую огласку; без качественно проработанной рекламной или PR-кампании даже в условиях низкой конкуренции сегодня услуги в социокультурной сфере не будут востребованы в должной степени потребителем.

Список литературы

1. Глотов М.Б. Менеджмент в художественной культуре // Социологические исследования. – 2000. – № 9 – С. 65.
2. Орешин В. П. Система государственного и муниципального управления : учебное пособие. – М. : ИНФРА-М, 2011. - 320 с.
3. Сачук Т.В. Развитие учреждений культуры как элемент успешного социально- экономического развития муниципального образования // Информационный бюллетень Министерства культуры Республики Карелия. – 2002. – № 2. – С. 27.

УДК/ББК 316.342.5

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В
УСЛОВИЯХ РЫНКА И ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Разинский Г.В.

ст. научный сотрудник

Пермский национальный исследовательский политехнический

университет, лаборатория социологии

Пермь

labsoc@pstu.ac.ru

**PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION YOUTH IN MARKET
CONDITIONS AND PROBLEMS OF EDUCATION**

Razinsky G.

Senior Researcher

Perm National Research Polytechnic University, Sociology Laboratory

Permian

labsoc@pstu.ac.ru

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена анализу процессов интеграции молодежи в систему трудовых отношений на рынке труда и занятости. Рассматриваются три компонента, определяющих эти процессы: особенности рынка труда и занятости в России, основные социальные характеристики современной молодежи, влияющие на их поведение на трудовом рынке, состояние самой системы профессиональной подготовки молодежи. Подчеркивается незавершенность процесса формирования российского

рынка труда, противоречивое положение молодежи на этом рынке как по ценностным ориентациям и социальным установкам, так и поведению на нем в процессе профессионального самоопределения. Дается аналитическое описание этих противоречий.

ABSTRACT

This article is devoted to the analysis of youth integration processes in the system of labor relations in the labor market and employment. Ras-regarded three components that determine these processes: characteristics of the labor market and employment in Russia, the main social characteristics with time-youth influencing their behavior on the labor market, with state-of the system of vocational training of young people. Indicates handwriting-incomplete process of formation of the Russian labor market, the contradictory situation of young people in this market both in value orientations and social attitudes and behavior on it in the course of professional self-determination. We give an analytical description of these contradictions.

Ключевые слова: рынок труда и занятости, молодежь, профессиональное самоопределение, трудовая миграция, социально – трудовые ориентации.

Keywords: labour market and employment, youth, professional self-determination, labor migration, social - labor orientation

Тема, заявленная в настоящей статье, требует рассмотрения трех составляющих компонентов: особенности формирующегося рынка труда и занятости в России, социальные характеристики современной молодежи, находящейся в ситуации профессионального самоопределения, особенности современной системы профессиональной подготовки молодежи.¹

¹ Информационную базу настоящей статьи составили материалы социологических исследований, проведенных лабораторией социологии ПГТУ при инициативном участии автора в 1997-2012 гг., посвященные проблемам формирования и функционирования рынка труда и занятости, особенностям социально-профессиональных ориентаций молодежи, состоянию системы образования в целом и профессионального образования,

Российский рынок труда и занятости еще весьма далек до своего полного оформления. Хотя ранее существовавшая система планового распределения рабочей силы практически прекратила свое существование, формирование резервного рынка рабочей силы происходит крайне медленно и противоречиво. Переход общества на рыночные рельсы должен с неизбежностью формировать рынок рабочей силы, «перетекающей» из трудоизбыточных отраслей экономики, где предложение преобладает над спросом, в трудонедостаточные, где преобладает спрос над предложением. Однако, вследствие того, что не удалось сформировать на уровне осознания своей новой социальной роли ни нового управленца-менеджера, избавившегося от прежней своей субъектности руководителя, находящегося на службе у государства (а, точнее, чиновничьего аппарата), и поэтому боящегося идти на радикальные перемены в управлении и функционировании предприятий, вплоть до его банкротства в случае экономической неэффективности (надеясь на помощь государства в той или иной форме), ни наемного работника – собственника своей рабочей силы, свободно ею распоряжающегося, сохранившего свою прежнюю субъектность элемента государственной системы, директивно перемещающей трудовые ресурсы, рыночный механизм регулирования отношений в сфере труда и занятости оказался в значительной мере заблокированным.

Положение усугубляется еще и тем, что само государство пока оказалось не готово к запуску рыночного механизма в сфере трудовых отношений, т.е. создать условия для свободного перелива рабочей силы, в частности, способствуя созданию резервных рабочих мест в трудонедостаточных сферах экономики.

в частности. В ходе этих исследований опрашивались учащиеся средних школ и учащиеся и выпускники профессиональных училищ, преподаватели системы профобразования, эксперты (работодатели) по проблемам занятости. Кроме того, в статье использованы материалы исследования, финансируемого по гранту РГНФ и посвященного месту молодежных страт в структуре городских агломераций (проект № 15-13-59001).

Естественно, что в такой ситуации решить проблему миграции молодежи в сферу профессиональной деятельности весьма сложно. Достаточно сказать, что даже работодатели не могут более-менее четко обозначить сферы возможного приложения сил молодым поколением, тем более это затруднительно для людей, только вступающих во взрослую жизнь.

В целом, формирование рыночного общества не могло не оказать влияние на молодежные группы общества. С одной стороны, они менее болезненно воспринимают новые рыночные реальности (80% заявляют о своем принятии рынка, тогда как, например, среди учителей таковых всего 23,8%). С другой стороны, молодежь в наибольшей степени оказывается подверженной воздействию негативных проявлений новой социальной реальности. Особенно сильно это сказывается на структуре их жизненных ценностей. Доминирующими оказались такие ценности, как материальная обеспеченность, а также ценности частной жизни (семья, любовь, здоровье). Усиление ориентации на материальные блага сопровождается падением престижа труда: главное – это деньги, тогда как добросовестный труд оказался отодвинутым на 13-е (предпоследнее) место. На заднем плане оказались и такие ценности, как профессия, квалификация, образование.

Исследования фиксируют и определенное размывание, релятивность нравственных норм. В частности, законопослушными считают себя лишь 1/3 опрошенных учащихся старших классов, тогда как другая треть в той или иной степени готова нарушить закон и нравственные нормы при достижении жизненного успеха. Более того, более трети опрошенных считают оправданными при определенных обстоятельствах воровство и вымогательство.

Произошла и деформация ценностей, связанных с профессиональным самоопределением учащихся. В числе наименее сформированных ориентаций учащихся оказалась ориентация на профессию: более 40% опрошенных старшеклассников не определились с выбором конкретной

профессии, из них у 17,5% интерес к профессии отсутствует вообще. Каждый пятый из тех, кто выбрал ту или иную профессию, о ней ничего не знает.

Доминантой при выборе профессии оказывается ориентация на статус, связанный по преимуществу с получением жизненным благ. При этом отмечается обратная связь между ориентацией на статус и профессией: сильная ориентация на статус подавляет профессиональную ориентацию. Получение профессии становится чем-то второстепенным.

Что касается самого профессионального самоопределения молодежи, то его отличает ориентация на новые, в определенной степени модные профессии, относительно недавно появившиеся на российском рынке труда, такие, как менеджер, специалист по маркетингу и рекламе, юрист, финансовый работник и т.д., тогда как рабочие профессии, инженеры, учителя, врачи оказались в конце списка профессиональных предпочтений. При этом профессиональные предпочтения молодежи оказались мало увязанными с реальными потребностями рынка: именно те профессии, в которых испытывается дефицит, оказались невостребованными молодежью в ее профессиональных предпочтениях.

Исследование ситуации на молодежном рынке труда и занятости позволило выявить целую группу противоречий.

Во-первых, между социальными и профессиональными ориентациями молодежи и потребностями предприятий, организаций и фирм в рабочей силе. С одной стороны, как уже отмечалось, молодежь привлекают актуальные на сегодняшний день в нашем обществе профессии, такие, как *юрист, экономист, финансовый работник, бухгалтер, менеджер, специалист по маркетингу и рекламе, программист*. В целом, содержание социальной ориентации определяется стремлением к достижению высокого социально-экономического статуса: статуса специалиста, имеющего собственную частную практику или работающего по найму в частной фирме, руководителя на предприятии, в организации, фирме и предпринимателя. С другой стороны, предприятия не нуждаются в большом количестве

работников перечисленных выше профессий и не могут обеспечить необходимое для представителей этих видов трудовой деятельности число рабочих мест.

Во-вторых, между задачей повышения эффективности подготовки молодых специалистов и существующей системой профессиональной подготовки. Главным негативным фактором, обуславливающим проблему молодежной занятости, по мнению экспертов, выступает слабая конкурентоспособность молодежи на рынке труда, прежде всего, из-за слабой подготовки к конкретной профессиональной деятельности в образовательных учреждениях. Этот момент особенно подчеркивается специалистами государственных учреждений и служб занятости. Тогда как новые требования к современному работнику формируют такую модель «эффективного» (хорошего) работника, в которой ведущее место наряду с трудолюбием, творческим подходом к делу, позитивными личностными качествами, занимают практическая и теоретическая подготовка по профессии.

В-третьих, между теоретической профессиональной подготовкой и отсутствием необходимых навыков практического использования полученных знаний. В ходе проведенных исследований была выявлена проблема так называемого «порочного круга», когда предприятия (фирмы) требуют от молодого кандидата на вакантное рабочее место практического опыта, который он может приобрести только в процессе работы и нигде больше. Решение этой проблемы – в подготовке молодых специалистов по заявкам на средства предприятий, с последующим обязательным трудоустройством на них.

В-четвертых, между жизненными и профессиональными планами молодежи и реальными возможностями их осуществления.

В-пятых, между интересами развития отдельного предприятия и интересами общества.

Одним из основных инструментов оптимизации ситуации на молодежном рынке труда и занятости, стимулирования процесса профессионального самоопределения молодежи является развитие и совершенствование системы профессионального образования.

Исследование, проведенное в системе низшего звена профтехобразования (опрашивались учащиеся и выпускники) позволило выявить следующие тенденции, характеризующие состояние современной системы подготовки кадров:

1. Если раньше в учреждения профобразования в основном поступали школьники, закончившие 9 и 10-11 классов со средним уровнем готовности к профессиональному обучению (таких было свыше 60%), то в настоящее время, на фоне доминирования средне подготовленных учеников, наметилась тенденция расслоения контингента на две полярные группы. В числе поступающих начинают возрастать как доля лиц с высокой, так и с низкой степенью готовности к обучению. Хорошо подготовленные учащиеся школ предпочитают получить специальность для работы в легкой промышленности, ателье, бизнесе. Слабые идут преимущественно в училища, где готовят рабочих для промышленности, строительства. Без позитивных изменений в социально-экономической сфере, а именно: на предприятиях аграрного, промышленного, оборонного комплекса, - не следует ожидать усиления потока хорошо подготовленных выпускников школ в училища, готовящие кадры для предприятий данного профиля. Этим училищам придется набирать контингент учащихся из средне- и слабо подготовленных учеников школ.

2. Судя по самооценке учащихся, с переходом из школы в систему профобразования, успеваемость в целом повышается: значительно возрастает доля хорошистов и отличников, и снижается доля тех, кто учится неудовлетворительно. К сожалению, это зачастую связано с заниженными требованиями профшколы к своим ученикам.

3. В условиях современного рынка труда реализация трудовых ценностных ориентаций проблематична. Только каждый четвертый опрошенный собирается искать работу по специальности, если не сможет устроиться на работу после получения диплома. Этот низкий коэффициент профессиональной стабильности определяется разрушением системы строгого гарантированного распределения выпускников по рабочим местам и низким интересом к своей специальности, а также недостаточным изучением современного рыночного спроса на рабочие профессии со стороны училищ.

Ситуация на рынке труда изменилась. Уже не существует массового спроса на рабочие профессии. Исключение составляет лишь небольшой перечень профессий, таких, как строители, электрики, рабочие, занятые обработкой металла, спрос на которые остается устойчивым, но не массовым. Количественный спрос на другие профессии и вовсе невелик.

4. Подавляющее большинство выпускников системы профобразования оказываются слабо подготовленными к тем видам деятельности, которыми им предстоит заниматься. У значительной части выпускников так и не удалось сформировать ни надлежащую готовность к освоению определенных знаний, ни стремление к их постоянному совершенствованию. Выпускники училищ не могут составить конкуренцию опытным квалифицированным рабочим на рынке труда, а поэтому имеют низкие шансы на трудоустройство по полученной специальности.

5. Выявлены весьма низкие самооценки качества профподготовки, особенно выпускников. Объективные оценки их профессиональной готовности тоже невелики. Среди учащихся и особенно выпускников преобладают респонденты со средним качеством профподготовки. Это означает, что они не все умеют и не все знают, что положено по программе. В целом, коэффициент качества профподготовки учащихся выше, чем выпускников. Девушки – учащиеся и выпускники – имеют более высокое качество профподготовки, чем юноши.

6. В связи со слабой профессиональной подготовленностью большей части выпускников их конкурентность на рынке труда, по мнению мастеров, крайне низкая. Полностью соответствуют конъюнктуре спроса на рынке труда только 16,5% учащихся и 14,9% выпускников. Большая часть опрошенных имеет только среднюю конкурентность. Практически все училища готовят и выпускают на рынок труда рабочих со слабой конкурентоспособностью. По мнению мастеров, большинство выпускников на момент получения диплома представляют собой не до конца обученными секретами профессионального мастерства, не вполне готовыми к самостоятельному труду, не полностью соответствующими конъюнктуре спроса на рынке труда, некондиционный товар, которые требует серьезной доработки, а иначе он будет пользоваться слабым спросом.

Анализ полученных данных дает основание утверждать, что в *наибольшей мере нуждаются в стимулировании* следующие профессионально-деловые качества учащихся системы профобразования: умение ладить с людьми; самостоятельность при принятии верного решения при исполнении работы; способность ориентироваться на рынке труда.

Требуется доведение до оптимального уровня их следующих профессионально-деловых качеств: трудолюбие; уровень профессиональных знаний; инициативность; овладение практическими навыками в работе.

У значительной части выпускников за время обучения *не полностью сформированы* следующие качества: умение ладить с людьми; самостоятельность при принятии верного решения при исполнении работы; овладение профессиональными знаниями; инициативность; трудолюбие; овладение практическими знаниями. У них *не в полной мере оказались развитыми*: способности к овладению специальностью; способности ориентироваться на рынке труда.

7. Качество профподготовки определяется как субъективными, так и объективными факторами. Все эти факторы необходимо разделять на позитивные, способствующие росту качества подготовки, и негативные,

блокирующие или снижающие качество подготовки. Среди субъективных факторов наиболее значимым в настоящее время является готовность учащихся к получению образования. Чем выше была начальная готовность к обучению, тем выше качество профессиональной подготовки как учеников, так и выпускников. Кроме того, имеют значение трудовые и жизненные ценности, трудолюбие, настойчивость, инициативность, общая жизненная ориентация в новых экономических условиях. Последний фактор оказывает противоречивое, двоякое воздействие на качество подготовки. С одной стороны, рыночные установки учащихся стимулируют выбор наиболее ходовых на рынке труда профессий и получение знаний-навыков, наиболее требуемых предприятиями. С другой стороны, рыночные установки во многом вытесняют общеобразовательные интересы учащихся, их ориентации на творчество, профессиональный рост. Такие человеческие качества, как взаимопомощь, взаимовыручка, доброта, блокируются, отходят на задний план.

Анализ всех трех составляющих этой системы (профподготовка в системе общего образования, собственно система профобразования и система переподготовки и переобучения в структуре служб занятости) показывает, что степень отставания соответствующих форм образования существенным образом варьируется: наименее подготовленной к новой реальности оказывается профподготовка в структуре общего образования, несколько лучше (хотя в незначительной мере) положение в системе традиционного профобразования и более реалистична (хотя и далека до совершенства) система профподготовки, переподготовки и обучения в рамках служб занятости. Однако сложность ситуации состоит в том, что каждое последующее звено зависит от предыдущего, вследствие чего недостатки каждой из трех подсистем профобразования неизбежно влияют (и негативно) на всю ситуацию на потенциальном и реальном рынке труда и занятости.

В частности, недостатки системы профобразования в рамках общеобразовательных форм обучения (нефункциональность учебно-производственных комбинатов, оторванность профобучения в школах от реальных потребностей на рынке труда, несформированность профессиональных ориентаций школьников, их вынужденный характер выхода на рынок профессий, их неготовность к восприятию реальных потребностей рынка труда при возрастании общей численности потенциальных работников, «выбрасываемых» в жизнь средней школой) предопределяют некачественный уровень подготовки специалистов в рамках системы традиционного профобразования.

Ситуация в этом звене профподготовки усугубляется еще и тем, что и по уровню материальной оснащенности, и по содержанию преподаваемых курсов, и по степени готовности преподавательского состава к игре по новым рыночным правилам, и, главное, в условиях сохранения прежней системы подбора учащихся и определению номенклатуры обучаемых профессий сложившаяся система фактически начинает работать вхолостую, что приводит к тому, что на рынок выплескивается избыточное количество потенциальных работников, получивших профессии, которые оказываются невостребованными, тогда как по другим профессиям (особенно в сфере услуг и в частном секторе экономики) угрожающе нарастает дефицит.

Пробуксовка в первых двух подсистемах профобразования приводит, в свою очередь, к непомерному возрастанию нагрузки на систему профподготовки и переобучения, существующую в рамках службы занятости, которая в результате вынуждена не только переобучать кадры возникшего резерва рабочей силы, «вытолкнутого» из трудового оборота вследствие рыночных процессов, но и трудоустраивать тех, кто еще в этот оборот и не был включен.

Все это требует радикальной реорганизации всей системы профобразования, профподготовки и переобучения, которая соответствовала бы новым рыночным условиям.

Успех этой реорганизации зависит от того, в какой мере каждое из трех звеньев профобразования найдет адекватные формы реагирования на вызов, который бросает общество, основанное на принципиально иных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных основаниях.

УДК 316.37

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В САМООРГАНИЗАЦИИ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Реутов, Е.В.

*Кандидат социологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский
университет
Белгород (Россия)
reutovevg@mail.ru*

INTERNET-COMMUNICATIONS IN THE SELF-ORGANIZATION OF LOCAL COMMUNITIES

Reutov, E.

*Candidate of Sociology, Associate Professor
Belgorod State University
Belgorod (Russia)
reutovevg@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Самоорганизация граждан в местных сообществах является реакцией на наличие локальных проблем в сочетании с неготовностью или нежеланием местной власти или других институтов подключаться к их

решению. Социальные медиа могут служить технологической основой самоорганизации в качестве механизма формирования новых групп и контактов, который использует, по данным регионального исследования, почти треть опрошенных. Практически столько же респондентов рассматривают онлайн-коммуникации как не менее эффективные по сравнению с физическими контактами. Степень реализации потенциала социальных медиа будет зависеть от развития у участников местных сообществ гражданского сознания и коллективных самоидентификаций.

ABSTRACT

Self-organization of citizens in local communities is a reaction to the presence of local problems, unavailability or unwillingness of local authorities or other institutions to connect to their solution. Social media can serve as the technological basis for the self-organization as a mechanism for the formation of new groups and contacts. This mechanism is used, according to a regional study, nearly a third of respondents. Almost as many respondents consider online communication as equally effective as compared to the physical contact. The degree of realization of the potential of social media will depend on the development of the participants of the local communities civic consciousness and collective self-identifications.

Ключевые слова: местные сообщества самоорганизация интернет-коммуникации социальные медиа

Keywords: local community self-organization internet-communications social media

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант "Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества" №15-03-00378.

В своей повседневной жизни люди сталкиваются с множеством проблем, выходящих за пределы сугубо индивидуализированных практик и являющихся типичными для представителей местных и локальных сообществ. В ситуации, когда государственные и муниципальные органы

власти стремятся к минимизации бюджетных трат на социальную инфраструктуру, когда сама эта инфраструктура деградирует, дальнейшая атомизация и замыкание в кругу семейно-родственных связей многими людьми начинает осознаваться как достаточно бесперспективная стратегия, препятствующая наращиванию человеческого капитала. Хотя проблема развития гражданского участия состоит еще и в том, что недостаток человеческого капитала, как правило, не стимулирует людей к гражданской активности, а консервирует атомистические практики. Как отмечает Н.Н. Седова, "активная включенность в гражданские практики связана сегодня с высокими показателями социального самочувствия их участников (удовлетворенностью жизнью в целом, материальной обеспеченностью; возможностями профессиональной самореализации, получения образования, открытого выражения политических взглядов)" [8, с. 69-70].

В результате проведенного нами в ноябре-декабре 2015 г. социологического исследования (использован метод анкетного опроса; объем выборочной совокупности составил 1002 респондента; выборка репрезентирует половую, возрастную и поселенческую структуру населения региона) было выявлено, что личный опыт вовлеченности в ситуации, актуализирующие кооперацию и сотрудничество между людьми, имеют более половины респондентов. Так, лишь 10,52% опрошенных отметили, что такие ситуации в их жизни возникают практически постоянно, и 47,80% - довольно часто. О том, что они практически не возникают, заявили 12,46% респондентов, что возникают редко - 29,21%. То есть в данном случае более 40% населения не имеет реальных стимулов к кооперации и сотрудничеству, или же они носят спорадический характер.

Наиболее существенным "ценностным" ограничителем кооперации и сотрудничества между людьми является убежденность значительной их части в том, что "все люди преследуют, прежде всего, свои интересы, не считаясь с интересами других". Такого мнения придерживается половина респондентов, давших содержательный ответ - 42,71%. Другая половина

разделяет мнение о том, что "люди способны на бескорыстие, взаимопомощь даже незнакомым людям" (42,42%).

Полученные в ходе исследования данные позволяют констатировать достаточно низкий уровень обобщенного межличностного доверия. Отвечая на вопрос, «Как Вы считаете, большинству людей можно или нельзя доверять?» чуть более трети респондентов (35,33%) дали положительный ответ. Противоположную точку зрения высказала почти половина опрошенных (49,30%). Лишь немногим более половины респондентов (57,74%) считают, что в их ближайшем окружении больше согласия, нежели разобщенности. Противоположную точку зрения высказали 22,98%.

Несмотря на отмеченные ограничители самоорганизации граждан, в местных сообществах происходят процессы образования спонтанных или относительно институционализированных групп и движений. Главным фактором, подталкивающим население к объединению, являются наличие локальных проблем в сочетании с неготовностью или нежеланием местной власти или других институтов подключаться к их решению.

Значимым ресурсом самоорганизации в настоящее время является Интернет и паутина социальных медиа (данный термин более адекватен, нежели более привычный - "социальные сети", поскольку не вызывает терминологическую путаницу с социальными сетями, рассматриваемыми в более широком контексте), участниками которых является не менее половины россиян. По данным Фонда "Общественное мнение" за сентябрь 2015 г., доля активной интернет-аудитории (то есть тех, кто выходит в интернет хотя бы раз в сутки) среди россиян составляет 55% [3]. И подавляющее большинство пользователей интернета (87%) (данные ФОМ, январь 2016 г.) является участником хотя бы одной социальной сети [6].

Соответственно, социальные медиа вполне могут служить технологической основой самоорганизации. Проблема состоит в формировании готовности к самоорганизации, для которой важна развитая социальная рефлексия – осознание типичности жизненных миров и практик –

и навыки коммуникации, эмпатия к потенциальному контрагенту. Являясь по определению механизмом коммуникации, социальные медиа выполняют значимую для их участников социальную функцию – установления и поддержания контактов, в процессе которых происходит обмен значимой для сторон информацией. При этом принципиальным отличием сетевой коммуникации от непосредственного общения является то, что коммуникационный контент по желанию пользователей может стать доступным неограниченному количеству адресатов [7, с. 146].

Ряд авторов обращают внимание на роль социальных медиа в организации и координации протестных действий, в частности, во время "арабской весны" [5], "евромайдана" [4] "Болотной" [1] и даже волны протестов в Камбодже в 2009-2014 гг. [2]

Безусловно, роль электронных технологий в организации коллективных действий трудно переоценить - недаром блокировка социальных медиа в настоящее время является первоочередной мерой, применяемой государством в режиме чрезвычайной ситуации. Однако и конвенциональные формы самоорганизации граждан, направленные на поиск единомышленников и решение локальных проблем, не в меньшей мере востребует потенциал социальных сетей. Именно посредством социальных медиа осуществляются актуализация проблемы в коллективном сознании, рекрутирование сторонников и участников, интеракция с органами власти и другими центрами принятия решений, мобилизация на коллективные действия.

По данным нашего исследования, большинство респондентов (60,94%) является участниками социальных сетей и других Интернет-сообществ. О своей невключенности в социальные сети заявили 39,06% (таблица 1).

Таблица 1. Являетесь ли Вы участником социальных сетей и других Интернет-сообществ?

	абс.	%
Да	610	60.94%

Нет	391	39.06%
-----	-----	--------

О пользовании социальными сетями чаще всего упоминали молодые респонденты (18-29 лет), среди которых доля участников социальных сетей и других Интернет-сообществ составила 90,43%. На другом полюсе находятся респонденты 60 лет и старше. Среди них лишь 19,86% пользуются социальными сетями. Средние возрастные группы (30-39-ти и 40-59 лет) занимают промежуточные позиции - каждая ближе к крайним возрастным группам. Чаще всего участники социальных сетей встречаются в среде городского населения (64,43%), но и среди сельских жителей их - чуть более половины опрошенных (54,18%).

Можно предположить, что для большинства пользователей социальных медиа они являются лишь каналом спорадического общения с друзьями и родственниками в исключительно приватной сфере. Тем не менее, результаты нашего исследования показали, что для значительного количества участников интернет-сообществ (44,29% или 28,24% выборочной совокупности) социальные медиа являются достаточно эффективным инструментом создания нового круга общения, знакомства с единомышленниками. Приблизительно столько же участников интернет-сообществ (46,79% или 29,84% выборочной совокупности) не имели подобного опыта использования социальных медиа (таблица 2).

Таблица 2. Если да, то есть ли у Вас опыт создания посредством Интернета, социальных сетей нового круга общения, знакомства с единомышленниками в каком-то деле, увлечении?

	абс.	%
Да	283	44.29%
Нет	299	46.79%
Затрудняюсь ответить	57	8.92%

Так же, как при ответе на предыдущий вопрос, молодые пользователи оказались наиболее активными коммуникантами. Доля инициаторов

интернет-коммуникации среди пользователей социальных сетей 18-29 лет составила 54,83%, тогда как среди пожилых пользователей - лишь 28,13%.

Среди городского населения удельный вес активных коммуникантов несколько больше, чем в среде сельских жителей (46,95% против 38,27%).

Результаты опроса показали, что большинство респондентов предпочитает оффлайн-коммуникацию. Находить близких по духу и интересам людей в физическом пространстве является предпочтительным для 61,00% участников выборочной совокупности. В эту группу вошли, таким образом, не только те, кто не пользуется интернетом и не является участником сетевых сообществ, но и респонденты, использующие социальные медиа для общения, пусть и не такого активного.

По данным общероссийского опроса ФОМ, большинство пользователей социальных сетей также предпочитает общение с лично им знакомыми людьми. Так, лишь у 17% пользователей в "друзьях" состоит много тех, с кем они не знакомы лично. И, напротив, у 37% пользователей таких "друзей" нет вообще [6].

По результатам нашего исследования, однозначно предпочли виртуальное пространство для поиска единомышленников всего 4,60% выборочной совокупности (или 7,54% участников социальных сетей и интернет-сообществ). Но при этом 22,60% респондентов (или 37,05% пользователей социальных сетей) заявили о балансе предпочтений онлайн- и оффлайн-коммуникации. Таким образом, в совокупности 28,20% респондентов считают себя достаточно продвинутыми в интернет-общении для того, чтобы посредством информационно-коммуникативных технологий организовывать свое социальное пространство и, возможно, продвигать на их основе те или иные общественные инициативы (таблица 3).

Таблица 3. Что лично для Вас проще, удобнее - находить близких по духу и интересам людей в реальном (во дворе, на работе, учебе, на улице и пр.) или же в виртуальном (интернет, социальные сети) пространстве?

	абс.	%
--	------	---

В реальном (во дворе, на работе, учебе, на улице и пр.)	610	61.00%
В виртуальном (интернет, социальные сети)	46	4.60%
В равной степени и там, и там	226	22.60%
Затрудняюсь ответить	118	11.80%

Среди молодежи доля лиц, предпочитающих виртуальные формы коммуникации, составила 8,16% (у респондентов 60 лет и старше таковых не оказалось вообще), а рассматривающих обе формы общения в качестве равнозначных - 35,82% (среди респондентов 60 лет и старше - 8,51%). В отличие от ответов на предыдущие вопросы, разница между городскими и сельскими респондентами оказалась крайне незначительной.

В целом, интернет-коммуникации посредством социальных медиа можно оценить как достаточно развитый механизм образования новых групп и контактов, который использует, по самооценке, почти треть опрошенных, половина из которых - молодые люди. Практически столько же респондентов - то есть почти третья часть выборочной совокупности - рассматривают онлайн-коммуникации как не менее (а некоторые - как более) эффективные по сравнению с физическими контактами. Таким образом, социальные сети вполне могут служить технологической основой для самоорганизации участников местных сообществ. Однако степень реализации этого потенциала будет определяться уже не столько распространением интернета и социальных медиа на новые группы населения, сколько развитием у участников местных сообществ гражданского сознания и коллективных самоидентификаций, что является намного более сложной задачей.

Список литературы

1. Бараш, Р.Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации [Текст] / Р.Э. Бараш // Мониторинг общественного мнения. 2012. №3 (109). С. 100-109.

2. Бектимирова, Н.Н. Гражданская протестная активность в Камбодже в 2009-2014 гг. [Текст] / Н.Н. Бектимирова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. №22. С. 82-105.
3. Интернет в России: динамика проникновения. Осень 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12497> (дата обращения: 20.02.2016).
4. Крукова, В.Г. Влияние интернета на процессы самоорганизации молодежи в современном обществе [Текст] / В.Г. Крукова // Youth World Politic. 2014. №1. С. 3-10.
5. Крылов, Д. Арабские революции и социальные сети [Электронный ресурс] / Д. Крылов. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/dk-arabic-revolution-social-networks-2011-02-02-115117314/194400.html> (дата обращения: 13.02.2016).
6. Онлайн практики россиян: социальные сети [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (дата обращения: 20.02.2016).
7. Реутов, Е.В. Интернет-практики и информационные предпочтения населения [Текст] / Е.В. Реутов, Т.В. Тришина // Социологические исследования. 2015. №4. С. 140-148.
8. Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России [Текст] // Социологический журнал. 2014. №2. С. 48-71.

УДК 316.7

**ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА
АДАПТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ.**

Романова К.С.

*кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела философии
Института философии и права Уральского отделения
Российской академии наук г. Екатеринбург
romkira@yandex.ru*

**THE SEARCH FOR IDENTITY AS A BASIC FORM OF
ADAPTABILITY OF YOUNG PEOPLE IN A CHANGING WORLD.**

K. S. Romanova

*PhD, Associate Professor,
Senior Researcher, Department of Philosophy
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch
Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg
romkira@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

В предлагаемой статье автор анализирует механизмы и формы адаптации и усвоения социальных ролей и идентичностей. Поиск

идентичности рассматривается как активная деятельность человека, направленная на выработку в себе определенных черт и качеств, соответствующих его социальной ориентации, его ценностных представлений. В процессе «развертывания личности» и становления ее идентичности выделяются типичные формы идентичности, которые определяют типы адаптивности.

ABSTRACT

In the article the author analyzes the mechanisms and forms of adaptation and assimilation of social roles and identities. The search for identity is seen as a human activity aimed at the production in itself certain traits and qualities consistent with its social orientation, its values. In the process of "identity deployment" and the formation of her identity are highlighted typical forms of identity that define the types of adaptability.

Ключевые слова: молодежь, меняющийся мир, адаптивность, формы адаптивности, идентичность, формы идентичности.

Keywords: youth and the changing world, adaptability, shape adaptability, identity, shape identity

Эволюция содержания и методов социализации неразрывно связана с изменением социально-экономической структуры и форм общественной деятельности людей. В процессе социализации индивиды не просто адаптируются к среде и усваивают наличные в ней социальные роли и идентичности, но научаются устанавливать, поддерживать и изменять их, преобразуя тем самым самих себя и окружающий мир. Соотношение понятий «социализации» и «социальной адаптации» заключается в том, что первое носит институциональный характер, оказывающий детерминирующее значение в развитии индивида, а второе – раскрывает внутренний механизм социализации, характеризует степень адаптивности, то есть приспособления к среде обитания, дающей наиболее успешное социальное существование. В науке различают адаптацию как процесс и адаптированность как результат

этого процесса. Принято выделять четыре степени адаптированности личности в новой социальной среде: первая, когда индивид знает, как он должен вести себя в новой среде, но в своем сознании не признает ценностей новой среды и где можно отвергает их, придерживаясь прежней системы ценностей; вторая - стадия терпимости, когда индивид и новая среда проявляют взаимную терпимость к системам ценностей и образцам поведения друг друга; третья - признание и принятие индивидом основных систем ценностей новой среды при одновременном признании некоторых ценностей индивида его новой средой; четвертая степень- это полное совпадение систем ценностей индивида и среды. [1. с. 160.] Не случайно в 90-ые годы прошлого столетия при смене общественного строя была криминализована вся Россия, в которой был всплеск преступных организаций и объединений, борющихся за власть и передел собственности, где немалую роль играли молодежные преступные бригады. Яркий сделанный фильм «Бригада» с участием молодых и талантливых актеров (С.Безруков, Д.Дюжев, В.Вдовченко и др.) надолго стал идеологическим фактором, формирующим идеал социального героя - победителя с криминальным образом жизни. В настоящее время многие успешные, ныне легитимные предприниматели в молодости либо непосредственно, либо косвенно прошли социализацию через криминальные объединения, приобретая навыки силовой конкурентной борьбы без которой невозможно выжить в условиях дикого российского капитализма. В нынешних условиях вопрос о направленности социального развития молодого поколения связывается с перспективами модернизации общества. От того, по какому пути пойдет процесс модернизации, как изменится характер общественного строя в России, будут зависеть и уровень требований, которые предъявит общество к подрастающему поколению, и критерии оценки его развития. При этом надо иметь в виду, что развитие регионов России неоднородно. У нас существуют как бы две страны, одна богатая, гламурная, которая представлена Москвой, Санкт-Петербургом, и рядом городов –

миллионников, и вся остальная, провинциальная Россия, которая едва выживает. Это огромная территория с богатейшими природными ресурсами и малочисленным практически вымирающим населением. Такой разброс уровней экономического благополучия и гражданской активности определяет многообразие вариантов адаптационного взаимодействия, зависящие от степени активности и направленности деятельности личности и группы: *подчинение* среде, при котором цели личности или группы и способы их достижения общеприняты, традиционны и полностью соответствуют социальным нормам; *обновление* среды, при котором для достижения общепринятых и одобряемых целей личность или группа использует нешаблонные, не одобряемые или неизвестные ранее способы; *ритуализм*, при котором преследуя не общепринятые цели, личность или группа используют одобряемые и общепринятые способы, строго следуя традициям и ритуалам; *уход* от жизни, при котором не принятые, странные с точки зрения среды цели достигаются такими же не одобряемыми способами; *бунт*, при котором, отказываясь от общепринятых целей, личность или группа выдвигают новые цели и используют новые способы их достижения. [2 с.11]

Без анализа факторов определяющих формы адаптации молодежи в современных условиях не может прогнозироваться будущее.

Потребительское общество, культивируемое правящей олигархической верхушкой принимающей решение и эксплуатирующей все другие слои населения посредством денежного насилия и более грубых и прямых его форм, упрощает человека как личность, приводит к потере своей целостности и устойчивости. Для многих людей в этом обществе поиск удовлетворения только витальных потребностей составляет содержание существования и сохранения жизни. Рост алкоголизма, наркомании и суицида есть ничто иное, как аутоагрессия, уничтожение жизни в результате не состоявшейся психологической и социальной адаптации.

Выявление онтологической сущности жизни и становление человеческой личности непосредственно связано с поиском идентичности и её поддержания.

Идентичность выступает в качестве бытия уже сложившихся свойств и признаков, которые носят объективный характер и позволяют опознавать, отождествлять объекты или личности по совокупности общих или частных признаков. Подобный процесс опознания или отождествления определяется как идентификация. В настоящее время термин «идентификация» приобрёл более широкое значение, обозначая с одной стороны имитацию, подражательное поведение, а с другой, особенно в исследованиях личности – эмоциональное слияние с объектом. Процесс идентификации включает в себя определенные отношения к идеалу. Поиск идентичности - это активная деятельность человека, направленная на выработку в себе определенных качеств и черт, соответствующих его социальной ориентации, его ценностным представлениям. К ним относятся, в первую очередь, система социальных институтов обеспечивающих процесс социализации личности. Таких как: институт семьи, институт образования (от детсадов, школ до вуза), институт искусства (литература, музыка, театр и т. д.), институт средств массовой информации (печать, радио, телевидение), институт религии, включая такую организацию как церковь, мораль и право.

Однако чрезмерная идентификация с популярными героями (кинозвездами, суператлетами, рок-музыкантами) или представителями контркультуры (скинхедами, «бритоголовыми», криминальными «бригадами») вырывают юную личность из её реального социального окружения, тем самым ограничивая и подавляя её растущую истинную идентичность. Разрушение социальных институтов, активная декларация деидеологизации общества, гибель идеалов приводит к потере не только социальных ориентиров, но и себя как самости. Преодоление своей потерянности, поиск своей идентичности приводит к усвоению чужой идеологии, или к возрождению исторически преодоленных форм идеологии

Становление личности, прежде всего, с разрешением психологических проблем взросления, ощущение своего личного Я, своей самости. Маленький ребёнок не знает ответов на многие вопросы. Самые важные из них: «Кто я?», «Что я за человек?», «Где моё место в жизни?». Это вопросы самоопределения, или идентификации, на которых основана вся наша взрослая жизнь, согласно которым мы принимаем ключевые решения.

Ощущение личностной идентичности предполагает среди прочего чувство стабильности и неизменности во времени. Быстрая перестройка периода полового созревания должны интегрироваться в новое ощущение идентичности. Процесс развития приводит молодых людей к концентрации на физических аспектах своего Я. Состояние тела не всегда объективно, а иногда даже полностью противоположно мнению окружающих. Я бы назвала это состояние «синдромом гадкого утёнка», в результате развития которого вырастает прекрасный лебедь. Подростки отмечают и переживают социальную реакцию на изменение их физического облика (одобрение, восхищение или отвращение, насмешку, презрение) и включают её в представление о себе. Именно в этот период формируются и закрепляются различные комплексы и фобии. Повышенное внимание к собственному телу и сравнение с другими людьми часто заставляет молодых людей переоценивать свои истинные или мнимые физические недостатки. Это приводит к тому, что у многих из них наблюдается значительное снижение самооценки и чувства собственной значимости. Это связано с тем, что в период взросления физические признаки очень важны для формирования, как реакции окружающих, так и отношения представителей другого пола, ибо сексуальное развитие очень тесно связано с формированием чувства собственной значимости и личностной идентичности. Актуальным становится сравнение (идентификация) со сверстниками. Поскольку диапазон нормальной изменчивости остаётся неизвестным, это может вызвать неосознанное беспокойство и приводить к острым конфликтным ситуациям, агрессивному или депрессивному поведению и даже к

хроническим неврозам. Эти симптомы объединяются понятием «комплекс Терсита», под которым подразумевают психопатологические отклонения, особенно снижение самооценки, обусловленные действительным или мнимым телесным несовершенством.²

Известный основатель эго-психологии Эрик Х. Эриксон (1902 – 1994) рассматривал «эго» как автономную структуру личности, основным направлением развития которой является социальная адаптация. Именно эго составляет основу поведения и функционирования человека. Эриксон в книге «Детство и общество» считал, что развитие личности происходит на протяжении всей жизни человека и выделял с помощью описания отличительных особенностей восьми стадий («восемь возрастов человека») психосоциального развития, где по-разному представлена эго-идентичность. Согласно его утверждению, эти стадии являются результатом развёртывающегося «плана личности», который наследуется генетически. В определении идентичности, данном Эриксоном, можно выделить три элемента. Первое: молодые люди должны постоянно воспринимать себя «внутренне тождественными самим себе» В этом случае, у индивидуума должен сформироваться целостный образ самого себя. Второе: значимые другие люди тоже должны видеть «тождественность и целостность» в индивидууме. Это значит, что юным нужна уверенность в том, что выработанная ими раньше внутренняя целостность будет принята другими людьми, значимыми для них. В той мере, в какой они могут не осознавать свои Я – концепции, так и свои социальные образы, их появляющемуся чувству самоотождествлённости могут противостоять сомнения, робость, и апатия.

Третье: Молодые люди должны достичь «возросшей уверенности» в том, что внутренний и внешний мир этой целостности согласуются между собой. Их восприятие себя должно подтверждаться опытом межличностного общения посредством обратной связи.

В социальном и эмоциональном отношении созревание молодых людей включает в себе новые пути оценки мира и своего отношения к нему. «Диффузия идеалов» является следствием того, что молодые люди не могут абсолютно принять ценности и идеологию, носителями которой выступают родители, церковь и другие источники авторитета. Не случайно молодежная субкультура является для молодых более значимой, чем традиционная культура общества. Социальные конфликты, которые наблюдают или с которыми сталкиваются молодые люди, показывают, что современный мир чрезвычайно холодное и неуютное место. В нем возможности индивида открываются одновременно с ломкой всех человеческих связей, без которых жить трудно. Право быть непохожим на других считается и весьма обосновано, одним из основных для молодых членов общества, так как оно связано с формированием индивидуальности и с определенной степенью освоения социальной свободы.

Основа для достижения интегрированной идентичности закладывается в детстве, о чём говорит известный афоризм: «Все мы родом из детства». Однако за пределами того, что человек выносит из своего детства, развитие личной идентичности происходит под сильным влиянием тех социальных групп, с которыми они себя идентифицируют. В социальном и эмоциональном отношении созревание подростков включает в себе новые пути оценки мира и своего отношения к нему.

Разрушение социальных институтов, активная декларация деидеологизации общества, гибель идеалов приводит к потере не только социальных ориентиров, но и себя как самости. Преодоление своей потерянности, поиск своей идентичности приводит к усвоению чужой идеологии, или к возрождению исторически преодоленных форм идеологии.

В настоящее время, в период коренных экономических и социально политических преобразований, которые привели к возникновению кризисных ситуаций, ибо разрушился привычный стабильный социальный мир существования и деятельности людей, идентификация приобрела

подражательный характер поведения, в котором – главное «казаться», а не «быть». Такое подражательство носит характер социальной мимики.

В современной общественной практике социальная мимика выступает достаточно распространённым приёмом, при создании необходимого имиджа. Создание образа «своего парня» беспроблемный вариант для удовлетворения ожиданий и притязаний для завоевания авторитета и поддержки в определенных социальных группах.

Мотивы, побуждающие личность вместо борьбы за переустройство мира стать на путь приспособления к нему, могут быть самыми разными: осознание ограниченности своих возможностей; искреннее принятие существующего миропорядка в качестве единственно возможного; просто желание «плыть по течению», потому, что так легче. Столь же различны и формы такого приспособления. Это может быть реальная идентификация с теми, на чьей стороне сила (физическая, экономическая, политическая и т.п.), благодаря чему индивид начинает чувствовать себя сильнее, или иллюзорное чувство свободы, приносимое верой в бога или судьбу, или напряженная внутренняя активность, направленная, на самопознание и самосовершенствование, то есть изменение своего внутреннего «я». Развитие личности, её деятельность невозможны без осуществления выбора и идентификации с определенными социальными структурами. Ибо, как известно: «жить в обществе и быть свободным от него нельзя».

Список литературы

1. Словарь прикладной социологии. Минск. Издательство «Университетское». 1984. с.160
2. Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность. – Томск: Томский государственный университет, 2005. с.1
3. Erikson E.H. Childhood and society. New York. Norton. 1963. P. 259.-

Сидоренко О.И.

Обзор возможных путей решения миграционного кризиса в Европе,
альтернатива мультикультурализму.

Sidorenko O.I.

An overview of possible solutions to the migration crisis in Europe, the
alternative to multiculturalism.

Аннотация: в статье рассмотрена текущая ситуация с миграционным кризисом Евросоюзе, указаны возможные варианты решений кризиса.

Abstract: the article considers the current situation with the migration crisis in the EU and the possible solutions of the crisis.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: МИГРАЦИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ,
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ, ИНКУЛЬТУРАЦИЯ, АССИМИЛЯЦИЯ,
БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ.

KEY WORDS: MIGRATION, IDENTITY, MULTICULTURALISM,
INCULTURATION, ASSIMILATION, BASIC VALUES.

Миграционные процессы в Европейских странах меняют социальный и этнокультурный облик государств. Достаточно ярко проявляются этнокультурные противоречия. Европейские страны на протяжении долгого времени придерживались концепции национального государства,

стремящегося к гомогенной культуре и единой национально-государственной идентичности (модель этнической ассимиляции). Приток мигрантов показал невозможность наладить процесс интеграции, позволяющий формировать новую, приемлемую идентичность.

Демонстрируется яркое несовпадение идентичности мигрантов с общегосударственной идентичностью принимающего общества. Современные миграционные процессы формируют необходимость соприкасаться и взаимодействовать различных культур с различными базовыми и инструментальными ценностями.

Наблюдаем, что прибывающие в Европу мигранты в основном мужчины, носители уже сформировавшейся культуры. Взрослые люди являющиеся носителями другой, отличной от западной культуры. И отличительные особенности существенны.

Данную проблему оценили и начали изучать довольно давно. Рокич [1] в 1973 г. Описал базовые и инструментальные ценности, а главное четко показал отличительные особенности западных ценностей от ценностей американцев, арабов, японцев. Дальнейшее практическое применение методики ценностных ориентаций позволило обосновать, что базовые ценности с течением времени не изменяются, возможны несущественные корректировки в инструментальных ценностях. Важный этап становления личности – детство, процесс инкультурации уже пройдет и идентификация произведена.

Количество прибывающих мигрантов обострило потребность жителей Европейских государств в защите собственных ценностей. Межкультурные различия фиксируются как негативные стереотипы другой культуры, формируется устойчивое представление о том, что ценности и обычаи чужой культуры представляют угрозу привычному порядку вещей, мировоззренческим устоям, сложившемуся образу жизни. Поэтому на первый план выходит необходимость изменений институтов принимающего государства для обеспечения адекватного отношения к этническим

мигрантам - понимания их идентичностей, социальных и культурных практик.

Прибывающие мигранты, в свою очередь, требуют не понимания, а принятия их идентичности, признание мигрантов частью социума, что неизменно влечет за собой необходимость внесения изменений в обыденные нормы и правила принимающего государства. Инокультурные группы, позиционированные как равноправные, неизбежно стремятся изменить страну согласно своим ценностям и взглядам, или просто пользоваться благами.

Адаптироваться в новую культуру мигранты готовы только при условии сохранения своей уникальности, продолжая нести уже заложенные традиции. Приезжающие живут по своим правилам и законам. В сложившейся ситуации Европейские страны вынуждены были изменить модель с этнической ассимиляции на мультикультурную, переносящую акцент на создание условий для интеграции, т.е. на усилия принимающей стороны.

Однако перспективу потери доминирующего положения культуры выступающей основой формирования этнически индифферентной гражданской нации у стран –реципиентов возможно нивелировать, уделив максимальное внимание детям мигрантов.

Феномен детства как феномен культуры исследовали Мелвилл Херсковиц, М.Мид [2]. Детство рассматривается в качестве феномена, изучая который в упрощенном виде, но со специфическими культурными особенностями, можно увидеть мир "взрослой" культуры. Особенности процессов, происходящих в детстве, имеют фундаментальное значение для воспроизводства культур.

Дети мигрантов в рамках инкультурации оказываются преимущественно в домашнем воспитании, а также совокупности социальных контактов со своим окружением, что в конечном итоге негативно отразится при процессе адаптации к иной культуре. Результатом чего

становится маргинальность – отсутствие идентификации себя с культурой той страны, в которую он переехал: незнание языка, непринятие норм жилищно-бытовой и социально-культурной сферы. Самореализация в будущем в социуме становится крайне затруднена, как следствие неизбежен рост преступности: распространение криминальных анклавов мигрантов, связанных с контрабандой, наркоторговлей, проституцией.

Важный процесс инкультурации в период с 3-х до 15 лет являющийся процессом придания личности общей культурной компетентности по отношению к стандартам того общества, в котором она живет должен проходить при максимальном участии страны - реципиента. Необходимо создавать условия ассимиляции для детей мигрантов, в частности: изучения языка, получение образования при этом сохранив возможность контактов с родной культурой, что позволит в будущем детям мигрантов наряду со своими традициями принимать уклад жизни местного населения.

Крах политики мультикультурализма был обозначен регулярными новогодними погромами в парижских предместьях, ростом пропаганды радикального ислама, сложившимися этническими специализированными преступными группировками в Европе (албанские, вьетнамские, китайские, турецкие, африканские),

В данный момент столкнувшись с экономическим, финансовым, миграционным кризисом руководство стран, входящих в Евросоюз и руководство Евросоюза вынуждены выработать новые решения. Какие возможны пути выхода из сложившейся ситуации:

- a) Развалиться подобно Западной Римской империи.
- b) Продолжать старую политику надеясь инкультурировать мигрантов в Европейское общество.
- c) Решить проблему в традиционно европейском стиле путем беспощадной эксплуатации вынужденных переселенцев.

d) Репатриировать либо переселить в бывшие африканские и азиатские колонии.

Рассмотрим предложенные варианты. Первый вариант возможен при условии повторении ошибок Западной Римской империи, когда варвары стали основной военной силой империи. Вероятность такого исхода в современном мире близка к нулевой.

Вариант b: если в середине 60-х начале 70-х годов XX века мигранты ехали в Европу только на заработки и готовы были к низкооплачиваемому, неквалифицированному интенсивному труду, то нынешние переселенцы едут прежде всего за социальным пособием и обеспечением (медицина, жилье, образование, социальные выплаты). Мотивации к труду и интеграции в уже сложившееся европейское общество не наблюдается. Собственная идентичность признается высшей ценностью, европейские ценности в качестве альтернативы не рассматриваются. Для тех переселенцев, кому удалось выехать вместе с семьями, сама мысль о равных правах мужчин и женщин о вмешательстве государства в жизнь семьи кажется абсурдной. Третий вариант: на протяжении последних 500 лет Европа- небольшой по площади регион вела себя как матерый хищник, который отбирал, грабил, завоевывал, эксплуатировал все доступные части света. Поэтому продолжение политики эксплуатации, навязывания неравноправных ролей в экономической игре не кажется чем-то невероятным. Какова может быть политика властей избравших такой вариант решения проблемы? Для начала необходимо озлобить местное население против мигрантов. В дальнейшем при ухудшении экономической ситуации в Евросоюзе последует сокращение социальных выплат, пособий и льгот всем без исключения категориям граждан и не граждан. Попыток менять идентичность путем инкультурации не будет, наоборот азиатские и африканские беженцы неизбежно окажутся в анклавах и гетто. Система образования детей мигрантов будет построена на и за счет самих мигрантов. При такой ситуации любой из беженцев кто хочет улучшить свою жизнь будет вынужден сам изучать язык, культуру страны-

реципиента и пытаться воспитывать своих детей в этом же направлении. Таким образом государственные расходы на мигрантов уменьшаются, а европейское общество получает лучших из худших. Контроль за внутренней жизнью в анклавах и гетто будет осуществляться через духовных религиозных лидеров, главарей этнических преступных группировок и систему образования для приезжих. Неизбежным следствием такого решения проблемы является постепенное сползание Евросоюза в диктатуру правящую в интересах крупных корпораций. Каким образом это будет оформлено политически какое название будет иметь, на какой идеологической базе основываться – вопрос вкуса, точно не фашизм и не национал- социализм. Естественно диктатуре понадобится враг, сначала внутренний, затем внешний, впрочем в XX веке данные события уже происходили, поэтому будет учтен негативный опыт и сделаны соответствующие поправки.

Вариант d: На бумаге выглядит гладко, в реальности имеем задачу про бассейн и две трубы из учебника математики. Вероятнее наплыв мигрантов будет больше нежели отток. Будут освоены огромные бюджетные средства Евросоюза на вывоз мигрантов, а проблема останется нерешенной. Неприятным следствием такого решения окажется оседание в «бассейне» наиболее асоциальных, криминальных, радикально и экстремистки настроенных переселенцев.

Понятно, что политика властей Евросоюза определяется не теоретическими построениями Think tank-ов, а является результирующей многих факторов: политических, экономических, социальных, финансовых, экологических, логистических, энергетических.

Какова будет технология принятия решений пока не ясно. При усилении экономического кризиса до масштабов «Великой депрессии» вероятны дезинтеграционные процессы в Евросоюзе и каждая страна будет принимать решения белее или менее самостоятельно. При сохранении Евросоюза, надо учитывать огромную инерцию Брюссельской бюрократии,

которая приведет к замедлению принятия решения и неоптимальному выбору.

Каким бы ни было решение проблемы идентичность мигрантов не сохраняется в любом случае, либо полный отказ, либо существенные изменения в идентичности для второго-третьего поколения мигрантов.

Список литературы:

1. Rokeach, M. (1973). The nature of human values. New York: Free Press.
2. Мид М. Культура и мир детства, Москва: «Наука» --1998.-429 стр.

УДК 321.011

«СЛОН В СПИЧЕЧНОМ КОРОБКЕ»:

ХРОНОТОПЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Скиперских А.В.

*Доктор политических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин*

НИУ «Высшая школа экономики» - Пермь

AVSipperskikh@hse.ru

"ELEPHANT IN A MATCHBOX":

CHRONOTOPE OF RESISTANCE IN RUSSIAN CULTURE

Skiperskih A.

*Doctor of Political Sciences,
Professor of the Department of humanities
NIU "Higher School of Economics" - Perm*

AVSipperskikh@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Культурный текст создаётся в конкретных хронотопах. Для каждой культуры это уникальная комбинация времени и места производства

культуры. В данной статье автор представляет специфическую черту хронотопов в русской культуре – тесноту.

Именно теснота связывает действия субъекта определёнными ограничениями, что не может не отражаться на его культурном продукте. Вместе с тем, культурный текст заключает в себе необходимость сопротивления власти и преодоления тесноты.

ABSTRACT

Cultural text created in a specific chronotope. Each culture is a unique combination of time and place of production culture. The author presents specific feature chronotopes in Russian culture - tightness.

It connects the actions of the subject to certain limitations that should be reflected in its cultural products. However, the cultural text encompasses the need to overcome the resistance of power and tightness

Ключевые слова: власть, русская культура, сопротивление, теснота, хронотоп.

Keywords: power, Russian culture, resistance, tightness, chronotope.

Культура производится в пространствах, обладающих определёнными спецификациями. Каждая культурная традиция вмещает в себя хронотопы производства культуры, каждый из которых может отсылать к некоей уникальности самого места и его физических характеристик.

Что касается русской культуры, то в своей работе мы постараемся защитить тезис о том, что русская культура и её представители, существуя в условиях сдавленности теснотой и лишений, тем не менее, производят оригинальный культурный текст. Наш авторский взгляд будет рассуждением от противного, от стереотипа чрезвычайной пространственной широты, в котором, чаще воспринимается русская культура.

Вместе с тем, мы постараемся на ряде примеров подтвердить, что данность тесноты требует преодоления. Сопротивление всегда борется с властью за ресурсы и позицию. Равно, как и культура, находящаяся в тесноте

и изгнании, всё равно притязает на производство смыслов и вопрошает к легитимации.

Характеристики пространства в русской культуре концептуализирует М. Бахтин, раскрывая оппозицию хронотопов в текстах Л. Толстого и Ф. Достоевского. Так усадебный мир Центральной России противопоставляется мирам наёмных квартир Петербурга. Усадебный мир шире и вольнее, в толстовских текстах больше воздуха, что не может не проецировать и на биографический опыт самих героев. Наоборот, что касается текстов Ф. Достоевского раскрываются совершенно иные спецификации пространства. Оно тускло, сжато, спёрто, в нём наблюдается дефицит места, интерьера, чистого воздуха, оно малопригодно для жизни, и, вообще, оно является *тесным*.

Безусловно, широта пространства гораздо чаще характеризует русскую культуру. Широта пространства, его неохватность задают вектор для долгих приготовлений, бесконечного движения, раздвигающихся горизонтов, бесконечности.

Вспомним, как в чеховской «Степи» перед глазами открывалась «широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается» [21, с. 7].

Широта пространства в «Суходоле» И. Бунина - это ««полустепной простор, голые косогоры, на полях - рожь, овес, греча, на большой дороге - редкие дуплистые ветлы, а по суходольскому верху - только белый голыш».

Подобная широта как бы намекает на движение, и оно периодически происходит. Иногда это движение носит характер мечтательный и романтический, а иногда движение есть высвобождением из состояния скованности, отрывания ото сна. И тогда, как напишет А. Блок, «всё, как есть, пойдёт: пойдут мужики, пойдут рощи по склонам, и церкви,

воплощенные Богородицы, пойдут с холмов, и озера выступят из берегов, и реки обратятся вспять; и пойдет вся земля» [5, с. 356 - 357].

Простор и теснота проникают друг в друга, требуют друг друга. Стремление к тесному и тёплому месту заключает в себе некое преодоление специфического предначертания русской культуры, её физической широты и многоохватности. В 1903 г. К. Победоносцев признается Д. Мережковскому: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» [7, с. 230 - 231]. Русская культура приобретает некое установление пониматься исключительно с позиций широты пространства и временной неопределённости. Конечно, диалектически рассуждая, необходимо понимать, что наряду с подобной вольностью и сложностью сколько-нибудь однозначного приписания человека конкретному времени и месту, могут существовать и более понятные и рациональные локализации. Человеку в русской культуре, устающему от простора, порой хочется обрести себя в тесноте. Но следует только представить, какую силу и мощь он будет концентрировать в себе, будучи находясь в состоянии тесноты.

Что касается практик сопротивления в русской культуре, то они сосредотачиваются в узких, тесных пространствах – в переулке и в лестнице, в подъезде и проходном дворе. Выбор данных пространств не может быть случайным, потому как продиктован соображениями безопасности. Через подъезды можно уходить от преследования. Достаточно вспомнить, как в фильме «Брат» спасительную возможность проходных дворов и подъездов Санкт-Петербурга использует главный герой. Как отметит норвежский антрополог Ф.С. Нильсен, «неуправляемая сфера дворов доминирует во многих городах в России» [13, с. 55].

Теснота как физическая и психологическая характеристика является индикатором подчинённости человека, что и вызывает его анонимность и отсутствие стремления публично демонстрировать свои намерения. Молчание как раз и связывается с излишней бережливостью бытия – неизбежных спецификаций тоталитарной культуры. Само

существование человека в России, по словам З. Гиппиус, существование «связанное, с кляпом во рту» [8, с. 106].

Выбор в пользу молчания оказывается эффективной стратегией выживания, что, по мнению И. Берлина во многом объясняет саму культуру как «молчащую». [4]. Конечно, нельзя это понимать буквально. Просто творческий опыт большинства крупных деятелей культуры может быть соглашательским и лояльным власти.

Итак, культура может производиться в сжатых, стеснённых пространствах. Невыносимые условия вовсе не означают, что человек, сдавленный ими оказывается обречённым исключительно на физическое выживание. Он может мечтать, любить, жертвовать, конструировать идеальный мир. Он способен производить культурный текст.

«Заплеванная лестница пахла мышами, кошками, керосином и стиркой», - именно здесь приходится встречаться с чиновником контрольной палаты Желтковым в «Гранатовом браслете» А. Куприна.

Хронотоп лестницы включает в себя самого субъекта сопротивления. Частые подъёмы/спуски по грязным лестницам прорисовывают его образ. Поднимаясь и спускаясь по лестнице, «маленький» человек постепенно вынашивает внутри себя бунт, постепенно растрясая его в себе. Исследователь текста «Преступления и наказания» Ф. Достоевского - С. Белов, подсчитал, что Раскольников пользуется лестницей 48 раз [3].

Лестница представляется порогом, на котором принимается решение. Перед субъектом открывается несколько перспектив выбора собственного движения. Как отмечает М. Бахтин, хронотоп «порога» «сочетается с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительности, боязни переступить порог)» [2, с. 397]. Порог ещё и черта, разделяющая два состояния температуры. Теплота дома противопоставляется холоду подъезда, равно, как и освещённость дома при открытии двери вступает в конфликт с темнотой за пределами жилья.

Преодоление тесноты означает попытку высвобождения из предопределённости, из невыносимого бытия. Бытие в тесном хронотопе кажется уже невозможным, и его пленник грезит о высвобождении из его пут. Человек будто распутывает связующие его верёвки. Интересно, что одно из толкований слова бунт как раз и связывается с повязанием человека, с лишением его свободы. В частности, в словаре В. Даля, вместе с политическими коннотациями, бунт ещё и «связка», «кипа», а ещё в одном значении бунт толкуется как «верёвка, обручи, проволока» [10, с. 141].

Таким образом, складывается парадоксальная картина зависимости, когда «бунт (средство для связывания) используется для обуздания самого бунта как протестного выступления. Бунт используют против бунта, с целью усмирения - подобное лечится подобным. Так и бунтовщиков – вяжут, стягивают, пытаюсь усмирить» [20, с. 141]. Свобода вдруг оборачивается несвободой, невыносимой печалью. Вот почему может возникать чувство жалости и тайной симпатии к Пугачёву, которого везли по Москве на Болотную площадь в деревянной клетке. В «Истории Пугачёва», кстати, складывается ощущение, что А. Пушкин иногда может испытывать сомнение по поводу категоричности восприятия бунтовщика.

Подчинённое положение всегда предполагает необходимость преодоления тесноты, превозмогание сжатого, стеснённого состояния.

Политический текст сопротивления вырабатывается в условиях дефицита пространства. Поэтому, в русской культуре мы часто встречаемся с субъектами сопротивления в наёмных комнатах и в маленьких квартирках.

Герои Достоевского – обитатели угловых, недорогих в стоимости аренды, комнат. В стеснённых условиях жил Раскольников, каморка которого напоминает шкаф, но только не квартиру. Отсутствие полноценной мебели, подчёркивающее невозможность принимать гостей, усиливает невыносимость бытия. Вспомним, как редкие гости студента обычно не вмещаются в его каморку в полном составе – кому-то приходится постоянно вести диалог, стоя в дверях. Теснота в текстах Ф. Достоевского очень

симптоматична для русской культуры. Это и «грязная прихожая ремонтируемой квартиры, в которой прятался Раскольников после убийства; ниша под лестницей, в которой притаился Рогожин, подстерегающий с ножом князя; сам рогожинский дом с наглухо задёрнутыми тяжёлыми шторами окнами; его спальня, на кровати которой лежит труп Настасьи Филипповны; каморка Ипполита; дача Лебедева» [12, с. 85].

Важным хронтопом производства протестного текста в русской культуре является и кухня, не отличающаяся внушительными размерами. Важнее личный, телесный контакт, ощущение ментальной близости.

Вспомним, как у О. Мандельштама:

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин.

В песне «Перемен» В Цоя есть также строки:

И на кухне синим цветком
Горит газ...

Тесное пространство с трудом вмещает в себя гостей. Гостеприимство – характерная черта русской культуры, проецируется на повседневные практики.

В. Розанов выскажется в «Уединённом»: «У человека две ноги: и если снять калоши, положим, пятерым — то кажется ужасно много. Между дверями стояло такое множество крошечных калошек, что я сам дивился» [18]. В. Розанова поддерживает А. Ремизов, замечая, что «по русскому обычаю самые разговоры начинаются в прихожей» [17, с. 356 - 357].

Производство культуры в тесноте становится необходимой данностью русской культуры. Дело не в пространстве и его характеристиках, а в климате, обеспечиваемом внутри пространства. Показательны воспоминания

русской поэтессы И. Одоевцевой о собираемых ею в парижской квартире «междусобойчиках», когда в её «крошечной комнате за столом сидело по 18 человек, и никто не жаловался на тесноту» [14, с. 317].

Ещё не менее показательным выглядит комментарий по этому поводу русского поэта Г. Адамовича, признавшегося как-то: «А я и не знал, мадам, что вы умеете укладывать слона в спичечную коробку!» [14, с. 317]. Оказывается, действительно, размер пространства не имеет большого значения. Большим смыслом наделяется сам субъект. Перефразируя Г. Адамовича, следует отметить, что не у каждого может получиться «уложить слона в спичечную коробку».

Наблюдение Г. Адамовича кажется чем-то удивительным применительно к ситуации в современной России, в которой постепенно переформатируется хронотоп производства культуры. Он может оставаться по-прежнему тесным, но, вместе с тем, не предполагающим некоего коллективного участия в производстве смыслов. Традиции гостеприимства постепенно размываются, общество становится всё более и более индивидуализированным. Электронная культура симулирует присутствие в поле коммуникации. Швейцарские художники, создававшие инсталляцию «Пикник» в музее современного искусства «PERMM» в конце 2015 г. достаточно точно схватили эту проблему современной российской культуры. Главной проблемой Перми был назван холод и ситуация, при которой «люди сидят в своих квартирах, в многоквартирных домах, и у них нет приятных мест для встреч. Вот почему мы сделали пространство для пикника» [1, с. 37]. Конечно, восприятие русской культурной традиции иностранцами может несколько искажаться, ввиду изначального присутствия самих субъектов оценки в другом культурном поле, более насыщенном карнавальным и тесным взаимодействием, в более открытом обществе, в ситуации совершенно иных политических свобод и гражданских прав.

Хронотопы, в которых производится протестная культура, довольно аскетичны своим интерьером. Это, видимо, связывается со

специфическим отношением субъекта сопротивления к материальному миру, к ценности вещей. Воронежская знакомая О. Мандельштама по периоду его ссылки 1936 г. – Н. Штемпель вспоминает незатейливое убранство одной из съёмных квартир поэта, где ему пришлось некоторое время жить со своей женой: «Две комнаты, стол, какой-то нелепый чёрный шкаф и старая, обитая дермантином кушетка, которая стояла почему-то посреди комнаты. Так как стол был единственный, то на нём лежали книги и бумаги, стояли дымковские игрушки (их любила Надежда Яковлевна) и кое-какая посуда» [9, с. 58]. Достаточно показательно, что сегодня, дом, в период воронежской ссылки снимавшийся Мандельштамами под дачу в г. Задонске (80 км. От Воронежа, Липецкая область), продаётся уже несколько лет. Нынешние хозяева никак не могут заинтересовать им потенциальных покупателей. Хронотопы тесноты обладают и ещё какой-то трагичностью. На доме отсутствует даже мемориальная доска, что сразу же расставляет все приоритеты. Мандельштам – поэт, не обласканный властью, поэт, пострадавший от власти, что и позволяет нам рассматривать его в контексте культуры сопротивления.

В тесном пространстве, как правило, тепло. Теплота есть производное определённой суммы человеческих усилий. Человек, накапливающий бунтарскую страсть в холоде, должен оттаивать в тепле. Частые перепады температур словно намекают о парадоксальности русского бунта. Как однажды отметит М. Пришвин в «Дневниках»: «Морозы лютые с ветром стали вплотную и держат, месяц светит волчий. Берложная жизнь обняла, и утром душа моя как холодная печь: час целый сидишь возле печи, пока не нагреешь ее, и потом час целый сидишь, собираешься, пока, наконец, появится ощущение себя самого» [15, с. 124].

Вроде бы, в подобной обстановке должны жить достаточно добрые, а, может быть даже и кроткие люди. Натопленная печь, сладкий дымок, самовар, теплота и теснота, казалось бы, должны намекать на удивительную благодать жизни, её уютную компактность, что следует проецировать и на

самых обитателей подобных жилищ. Но, русская культура производится парадоксальным человеком. Возможно, именно в подобной благодати и происходит обдумывание зловещих планов. Русский человек, преимущественно, сектант, что и «объясняет ту лёгкость, с которой каждый, если ему как бы предлагается выход из отчаянного положения – записаться в коммунисты, - тотчас сбрасывает с себя всякую «религиозность» [8, с. 121].

Данная парадоксальность определялась И. Буниным, как «провалы». Г. Кузнецова в «Грасском дневнике» вспоминала рассуждения И. Бунина об этой черте русской культуры. Русский человек «молится, а потом может так запалить в своего бога... как это свойственно всем дикарям, когда бог не исполняет их желаний. Но это не мешает ему потом опять поставить его перед собой, намазать ему губы салом, кланяться...» [11, с. 177].

Показательны откровения и самих субъектов протеста. На наш взгляд, очень точно подобное состояние раскрывается Б. Савинковым: «Народ-богоносец либо раболепствует, либо бунтует; либо кается, либо хлещет беременную бабу по животу; либо решает мировые вопросы, либо разводит кур в ворованных фортепьяно» [19, с. 27]. Долгие периоды унижения сменяются моментальным, электрическим экстазом, праздничным радением. Длительное ожидание праздника во многом омрачает само торжество какой-нибудь совершенно невообразимой и низкой выходкой.

Удивительная лёгкость, с которой человек в русской культуре отказывается от определённой картины мира в пользу новой мировоззренческой схемы, вообще, амбивалентность, характерная для человека в России, по мнению некоторых социальных антропологов, может восходить «к русскому обычаю туго пеленать новорождённых месяцами, и только иногда давать им свободно двигаться» [13, с. 45]. С точки зрения норвежского антрополога Ф.С. Нильсена, это, отчасти, объясняет частые переходы от тёплого к холодному в отношениях между людьми [13, с. 45].

Теснота в русской культуре, манифестирующая ценности свободы и отказ от рабского, подчинённого положения, может выступать

характеристикой не только частного пространства, но и того пространства, где трудится индивид.

И если в западном дискурсе труда существующая зависимость от хозяина могла быть преодолима за счёт пространственных и экономических спецификаций самого места, в результате чего, как отмечает американский исследователь П. Колчин, работа могла связываться с находками или открытием чего-либо [22, с. 6], то в русской культуре, наоборот, пространство трудовой деятельности, несмотря на невероятные задачи, ставящиеся перед молчаливыми исполнителями господской воли, отличается теснотой. Показательно место в русской культуре тех субъектов, которые как раз и обладают высокой производительностью труда. В фольклорной традиции, в частности, В. Пропп обращает внимание на «волшебного помощника», периодически берущего на себя ответственность в преодолении трудноразрешимых задач [16]. В русской культуре есть сюжеты, когда подобный «волшебный помощник», будучи сдавленный теснотой бытия, тем не менее, раскрывает свой высокий производственный потенциал в тот момент, когда от него требует какое-либо преобразование («двое из ларца», «запертый конь» и т.д.).

Труд в русской культуре всегда методичен и самозабвенен. Можно представить, как могло быть невыносимо нахождение в производственном пространстве работникам блоковской «Фабрики»:

В соседнем доме окна жёлты
По вечерам - по вечерам
Скрипят задумчивые болты.

Невыносимая работа на собственное уничтожение на фабрике, описанное А. Блоком, упрямое вкапывание в землю в землю в «Котловане» А. Платонова также объединены пространственным дефицитом, в котором происходит производство культурного продукта.

Что касается советских проекций, то логика, здесь, приблизительно следующая. Нужно терпеть тесноту и лишения во имя лучшей доли. Вера в лучшую участь, в будущее, которое компенсирует текущие проблемы, – важнейшее качество человека труда, сопротивляющегося природе. И даже в этом контексте теснота приобретает специфические «тёплые» черты. Ради города-сада можно и потерпеть.

Вспомним, как у В. Маяковского:

Свела промозглость корчею -
неважный мокр уют,
сидят впотьмах рабочие,
подмокший хлеб жуют.

Повышенная работоспособность общества – признак тоталитарного режима и сконструированной им идеологии. Вырабатываемый обществом продукт всегда идёт на пользу режима. Об этом однажды убедительно выскажется Ж. Бодрийяр в «Символическом обмене и смерти»: «Трудящийся всегда остаётся человеком, которого не стали казнить, которому отказали в этой чести. И труд предстаёт прежде всего как знак унижения, когда человека считают достойным лишь одной жизни. Капитал эксплуатирует трудящихся до смерти? Парадоксальным образом, худшее, что он с ними делает, – это отказ в смерти. Отлагая их смерть, он превращает их в рабов и обрекает на бесконечное унижение – жить в труде» [6, с. 103]. По сути дела, теснота может конструироваться и самой властью посредством практики создания пространства, невыносимого для жизни, которое будет стремиться оставить субъект во имя коллективного соединения в труде.

Вспомним, как у В. Высоцкого:

И текли куда надо каналы,
И в конце куда надо впадали.

Человеку в русской культуре может казаться, что таком неустанном, бесконечном ходе и движении есть смысл, что необходимо переработать как можно больше породы, чтобы оставить задел будущим поколениям. Все инфраструктурные проекты (каналы, железные дороги и т.д.), связанные укрощением природы, в русской культуре грандиозны по своему характеру. Необходимо учитывать и тот факт, что их исполнителями могли являться обычные люди, поверившие в миф о «котловане» или о «городе – саде».

Представленные нами зарисовки из русской культуры показывают, что культурный продукт производится субъектом в различных хронотопах. Русская культура традиционно понимается как культура, вырабатываемая в широком пространстве. Вовсе не отменяя справедливость данного тезиса, в данной статье мы отмечаем, что культура может производиться и в условиях определённой тесноты, в узких пространствах. Человек в русской культуре постепенно привыкает к производству культуры в хронотопах, отличающийся теснотой. При этом, он готов демонстрировать и достаточно не свойственную самой культуре рациональность, когда показывает своё гостеприимство в условиях удивительной тесноты. Слон, укладываемый в спичечную коробку, выступает достаточно красноречивой метафорой возможностей русской культуры. Довольно красноречив и пример лесковского Левши, подковавшего блоху. Оказывается, субъект в русской культуре может работать в условиях тесноты и при этом создавать качественный текст.

Бытие в хронотопах, отмечающихся теснотой, на наш взгляд, рано или поздно, актуализирует перед человеком проблему преодоления невыносимых условиях бытия. Было бы ошибочно представлять себе человека в русской культуре, как раз и навсегда смирившегося с тесным существованием. Борьба за расширение своих гражданских прав может пониматься именно в контексте борьбы за право производства культурного продукта в более широком пространстве.

Список литературы

1. Баталина Ю. Пермь по-прежнему далёкая земля. // Компаньон. - № 9 (95). – 2015. - С. 30 – 37.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Белов С. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий» - Л.: Просвещение, 1979. – 240 с.
4. Берлин И. История свободы. Россия. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.
5. Блок А.А. Собраний сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. - М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. - Т. 5. - Проза: 1903 – 1917 / Подгот. текста и прим. Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской. - 799 с.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2009. – 387 с.
7. Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Живые лица. Воспоминания / З. Гиппиус. – Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1. – 398 с.
8. Гиппиус З. Петербургский дневник. – М.: Советский писатель, 1991. - 127 с.
9. Гордин В.Л. Мандельштамовский Воронеж. // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. – С. 53 - 60.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – СПб.: ООО Диамант, 2002. – Т. 1. - 704 с.
11. Кузнецова Г. Грасский дневник / Г. Кузнецова; сост., вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. – СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. – 496 с.
12. Никольский С.А. Достоевский и явление «подпольного человека». // Вопросы философии. – 2011. - № 12. – С. 77 – 88.

13. Нильсен Ф.С. Глаз бури. / Пер. с норв. яз. А. Ливановой и Е. Прохоровой. – СПб.: Алетейя, 2004. – 348 с.
14. Одоевцева И. На берегах Сены. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 333.
15. Пришвин М. М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. Дневники, 1905-1954. – М.: Художественная литература, 1986. – 759 с.
16. Пропп В. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2006. – 128 с.
17. Ремизов А. Кукха. Розановы письма. – СПб.: Наука, 2011. - 609 с.
18. Розанов В. Уединённое. // <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html>
[Дата обращения 24.11.2014].
19. Ропшин В. (Б. Савинков). Конь вороной / В. Ропшин. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 200 с.
20. Скиперских А.В. Концепт «бунт»: герменевтическое путешествие. // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156. – Кн. 5. – С. 138 – 148.
21. Чехов А.С. Степь. Повести, рассказы. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное издательство, 1981. – 192 с.
22. Kolchin P. American Slavery. 1619 – 1877. – New York: Hill and Wang, 2003. – 328 p.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Согласова А.Е.

студент 1 курса

Челябинский институт культуры

г. Челябинск, Россия

soglasova92@mail.ru

INFORMATION THREATS TO CONSUMER SOCIETY

Soglasova A.E.

1st year student

Chelyabinsk Institute of Culture

Chelyabinsk, Russia

soglasova92@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной работе дается краткая характеристика общества потребления, а также выделены основные информационные последствия и проблемы, к которым может привести его дальнейшее развитие.

ABSTRACT

This article gives a brief description of the consumer society, and highlights the main implications of the information and the problems that may result from its continued development.

Ключевые слова: общество потребления || потребности || реклама

Keywords: consumer society || requirements || advertising

Потребление можно определить как пользование товарами и услугами. Людям не прожить, не удовлетворяя насущные потребности. Человеку нужно питаться, одеваться, иметь кров над головой, ездить по делам и так далее. Кроме того, жизнь человека среди людей, в обществе, порождает духовные и культурные потребности. Существуют первичные и вторичные потребности. Ясно, что удовлетворение первичных потребностей является необходимым условием для всего остального. С другой стороны, недаром говорят, что не хлебом единым жив человек. Он ищет счастья, удовольствия, истину, смысл жизни и многое другое. Удовлетворение самых разных потребностей выступает стимулом человеческой деятельности. Потребности людей растут по мере общественного развития. Возникают новые, ранее не осуществлявшиеся потребности, при появлении новых, ранее неведомых товаров и услуг. Расширение потребностей как функция человеческого прогресса носит универсальный характер [2].

Стоит признать, что сегодня мы находимся на той стадии, когда «потребление» охватывает всю жизнь, когда все роды деятельности комбинируются одним и тем же способом, когда русло удовольствий прочерчено заранее, час за часом. И это порождает, с одной стороны, повышение комфортности среды обитания, а, с другой, ведёт к целому ряду социокультурных и иных проблем, из которых мы обозначим лишь наиболее значимые.

Специалисты в области рекламы Эл Риес и Джек Траут назвали современное общество «сверхинформированным», то есть нас окружает среда, чрезвычайно насыщенная информацией. Человек в этих условиях стал гораздо быстрее находить и принимать информацию, но глубина ее понимания поверхностная. С чем это связано?

Получатель информации настолько завален сообщениями, что ему становится трудно уделить достаточно умственной энергии, необходимой для понимания смысла многих важных текущих проблем.

Кроме того сознание человека стало более подвержено манипуляции и пропаганде со стороны СМИ и рекламы. Так, американские ученые Энтони Р. Пратканис, Эллиот Аронсон в своей книге «Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление» приводят убедительные примеры того, как СМИ и реклама влияют на сознание людей. Ученые рассказывают об исследователе рекламы Джоне Филипе Джоунсе, который обнаружил, что в среднем просмотр рекламы какой-нибудь марки товара, по крайней мере, раз в семь дней, увеличивает долю покупок именно этой марки на 6% [3]. Из этого вполне определенно следует, что средства массовой информации действительно оказывают влияние на некоторые из наших наиболее существенных убеждений и мнений и могут даже заставить нас покупать продукцию рекламируемой марки.

Другой важной чертой общественного сознания является формирование клипового характера восприятия информации. Внимание человека не на чем долго не задерживается, оно переключается с одного объекта на другой. Пуританские проповеди могли длиться целых два часа. Римские ораторы II века н. э. брали уроки по улучшению памяти, чтобы помнить все, что им приходилось говорить. Сегодня телевизионная политическая реклама обычно длится не больше тридцати секунд. Журнальная реклама часто состоит всего лишь из картинки и фразы. Новости дня выходят короткими «саундбайтами» и «новостными обрывками» [3]. Наша эпоха убеждения наводнена короткими, броскими сообщениями, часто ориентированными на визуальное восприятие. Хотя подобные убеждающие образы успешно завоевывают наше внимание в плотно насыщенной информацией среде, они заменяют хорошо аргументированные доказательства лозунгами и образами и могут превратить сложные проблемы

в вульгарные черно-белые карикатуры на мотивированное обоснование. Реклама навязывает все и вся.

Одним из наглядных тому примеров навязывания рекламой новых стереотипов является изменение отношения современного человека к своему телу. Тело теперь – самый прекрасный объект потребления. Французский социолог, культуролог Ж. Бодрийяр в своей работе «Общество потребления» говорит об этом явлении так: «Новое открытие» тела, произошедшее под знаком физического и сексуального освобождения, его вездесущность в рекламе, моде, массовой культуре, навязчивость молодости, элегантности, ухода, режимов, миф удовольствия, который его окутывает – все сегодня свидетельствует, что тело стало объектом спасения. Оно буквально заменило душу в этой моральной и идеологической функции» [1].

Современные структуры производства и потребления порождают у субъекта двойственную практику, связанную с разными (но глубоко взаимосвязанными) представлениями о своем собственном теле: представление о нем как о капитале и о фетише (или объекте потребления). Общество потребления заботится о том, чтобы не дать большинству ни времени, ни возможности, ни стимула приобщаться к подлинным культурным ценностям, накопленным человечеством. Культ тела полностью вытеснил заботу о душе [1].

Потребительское счастье оказывается иллюзорным. Общество потребления заботится о том, чтобы не дать большинству ни времени, ни возможности, ни стимула приобщаться к подлинным культурным ценностям, накопленным человечеством. Оно как бы «спаивает» людей. Соблазну легкой жизни противостоять нелегко. Многие научные современные исследования подтверждают, что человек нашего времени становится жертвой потребления, и чтобы избавиться от этой порочной практики человек должен обрести новые цели, а вместе с тем и новый смысл жизни.

Итак, к чему же может прийти общество потребления в конечном итоге? Здесь мы абсолютно согласны с мыслью Э. Аронсона и Э.Пратканиса:

«Поскольку используются все более и более простые приемы убеждения, люди становятся все менее и менее информированными и искушенными в гражданских вопросах. Поскольку население становится менее информированным, пропагандист должен применять еще более упрощенные приемы убеждения. Результатом является спираль невежества – циничные народные массы, бомбардируемые все более бессмысленной пропагандой, для обработки и понимания которой у них имеется все меньше навыков и склонностей» [3].

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления – М.: Республика. Культурная революция, 2006. – 268с.
2. Герасимов Г. Общество потребления – мифы и реальность – М.: Знание, 1984 – 232с.
3. Э. Аронсон, Э. Пратканис. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление – СПб.: прайм-Еврознак, 2003. - 384с.

УДК 314.7

ББК 60,5

**ОПРАВДЫВАЮТСЯ ЛИ СТРАХИ? ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ
О МИГРАЦИОННЫХ РИСКАХ ДЛЯ ПРИНИМАЮЩЕГО
СООБЩЕСТВА**

Соколов, Н.В.

*К.с.н; Доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии,
Факультета социологии, Санкт-Петербургского государственного
университета.*

СПбГУ

Санкт-Петербург (Россия)

nvsspb@yandex.ru

Рехтина, Л.С.

*Социолог Учебного отдела Ректора СПбГУ по направлениям
международные отношения, политология, социология и экономика.*

СПбГУ

Санкт-Петербург (Россия)

lisabet-09@mail.ru

ARE SOCIAL FEAR REALIZED? PUBLIC OPINION ABOUT MIGRATION RISK FOR HOST COMMUNITY.

Sokolov, N.

*Candidate of Social Sciences Associate Professor, Department of Applied
and Industrial Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University.*

St. Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

nvsspb@yandex.ru

Rekhtina, L.

*Sociologist of Education Department of SPSU Rector in areas of
international relations, political science, sociology and economics.*

St. Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

lisabet-09@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье приводятся результаты исследования общественного мнения на предмет восприятия проблематики миграции. Исследование проводилось в 2010 году, когда эта тематика только начинала оформляться, как часть проблематизируемого социального дискурса. На примере этих данных хорошо видно как уже тогда начал формировался разлом в отношении мигрантов в общественном сознании и дистанцирование этой тематики, при очевидной широте ее проникновения в большинство сфер жизни.

ABSTRACT

The article describes the results of the study public opinion on migration issues. The study was conducted in 2010, when the migration discourse is just beginning to take shape in the mass consciousness. Now the problems of migration gets into more and more areas of life and it is important not only public opinion towards migrants, but also his potential and his character. The article touches upon

the issue of the formation and actualization of the topics of migration, and began to appear preconditions for the formation of a split in relation to it.

Ключевые слова: общественное мнение, миграция, социология миграции, исследование общественного мнения

Keywords: public opinion, sociology of migration, public opinion research

В этой статье мы обращаемся к относительно старым данным – результатам опроса жителей Санкт-Петербурга, проведенного в ноябре 2010 г. Это был очень интересный для исследователей общественного мнения момент – массовое сознание как раз «открывало» для себя тему миграции. Конечно, объективно трудовая (и не только) миграция из стран ближнего зарубежья была уже хорошо знакома россиянам (по крайней мере – жителям привлекательных для мигрантов регионов). Однако общественная рефлексия этого явления только набирала обороты и соответствующий дискурс только складывался. В частности, именно в этот период термин «мигрант» становится широко распространенным, а статус мигранта – основным при идентификации объекта общественной оценки, вытесняя ранее доминировавшие этнические и трудовые маркеры. Другими словами, сам факт переезда/приезда стал восприниматься как основной в определении соответствующих контингентов, а их национальность, конфессиональная принадлежность, статус в системе занятости («гастарбайтеры»), культурная дезадаптация (незнание русского языка, локальных норм и ценностей) и т.п. приобрели вторичное и производное от миграционного статуса значение.

В рамках упомянутого опроса были измерены два индикатора, отражавшие складывавшиеся в тот период в принимающем сообществе представления о социальных рисках международной миграции. Респондентов просили указать, как, по их мнению, изменится жизнь в городе в целом и в доме, где они проживают, в случае дальнейшего увеличения контингента мигрантов. (В 2010 г. слово «мигрант» еще не было столь широко употребляемо для обозначения данного контингента, поэтому в ходе

интервью использовался термин «приезжие», уточнялась цель приезда – «на заработки» и регионы-доноры – «из Средней Азии, Китая и других стран»). В обоих случаях использовалась пятипозиционная шкала Лайкерта. Перспективы воздействия миграции на жизнь в Петербурге в целом предлагалось оценить в диапазоне от «безусловно, положительно» до «безусловно, отрицательно», а увеличение доли соседей-мигрантов в собственном доме горожане оценивали в контексте проблемы безопасности – от «совершенно безопасно» до «очень опасно».

Использовалась методика стандартизированного телефонного интервью. Авторы исследования отдавали себе отчёт в том, что ограничения выбранного метода не позволят использовать сложно структурированную модель объекта измерения, и сконцентрировали внимание на ключевых параметрах восприятия миграции. Наряду с уже указанными индикаторами, вопросник включал в себя также блоки, нацеленные на измерение фактических параметров проникновения трудовой миграции в петербургскую экономику определения отношения петербуржцев к трудовым мигрантам, которых они наблюдали в своей повседневной жизни. В частности, фиксировались факты публичного и частного контакта респондента с приезжими. Полевые работы были выполнены Центром мониторинга социальных процессов факультета социологии СПбГУ. Генеральная совокупность исследования – взрослое (18 лет и старше) население Санкт-Петербурга, как оно представлено в телефонной базе города. Выборка районированная квотная. Случайный с контролем долей районов отбор номеров из базы производился автоматически системой CATI. Фактический размер набранной выборки составил 1008 человек.

Результаты опроса показали доминирование в массовом сознании петербуржцев в конце 2010 г. негативных ожиданий относительно перспектив роста миграционных процессов и контингента мигрантов. 72% опрошенных полагали, что нарастание трудовой миграции отрицательно скажется на жизни города, причем почти половина из них (33,5%) выбрали

наиболее жесткий вариант ответа «безусловно, отрицательно». Оптимистов же относительно перспектив развития миграционных процессов среди опрошенных оказалось в 10 раз меньше – 7%, причем почти никто (0,7%) не использовал для ответа вариант «безусловно, положительно». Увеличения доли мигрантов среди жильцов собственного дома опасались в 2010 г. 62% петербуржцев, треть из них (22%) считали что это «очень опасно». Безопасным соседство с приезжими считал каждый пятый горожанин (20%), но только 3,8% опрошенных использовали вариант «совершенно безопасно».

Достаточно долго доминировавшие в публичном дискурсе и интеллектуальном сообществе представления о приоритете идеологии толерантности по отношению к представителям других культур, этносов, конфессий и т.д. выразились в интересном случае в области исследования общественного мнения. Именно в отношении общественной оценки процессов миграции общим местом является маркирование субъекта оценки как носителя ксенофобных установок и стереотипов, и, как следствие, прямой или косвенный отвод выраженной таким субъектом позиции в ситуации публичной дискуссии и/или управленческой деятельности. Во всяком случае, довольно сложно привести пример открытой апелляции к общественному мнению в вопросах регулирования, сокращения или даже прекращения миграции. Однако с позиции прошедших пяти лет мы вправе задать вопрос: в какой мере оправдались опасения горожан? Ведь миграционная динамика развивалась в этот период по выражено позитивному сценарию. И все ли страхи производны от ксенофобных стереотипов восприятия приезжих?

Перекрестный анализ показал ожидаемо высокую взаимосвязь между двумя индикаторами установок в отношении мигрантов. Интересно, что в матрице сопряженности наблюдается связь не только между позитивными и негативными ожиданиями, но и между категоричными и умеренными вариантами ответа. Последнее свидетельствует о родственной природе индикаторов – в значительной части случаев это практически один и тот же

ответ в разных формулировках. При укрупнении шкал нейтральные оценки были объединены с позитивными, т.к. фактически эта совокупность представляет сегмент толерантных установок в отношении трудовой миграции. Представленная в Таблице 1 укрупненная структура общественной оценки перспектив нарастания миграционных процессов позволила оценить потенциалы последовательно ксенофобных и последовательно толерантных настроений в городском сообществе. Первый охватывал в 2010 г. практически половину горожан, второй – менее 20%.

Таблица 1. Общественные ожидания относительно перспектив нарастания миграционных процессов. (% от общего числа опрошенных)

Рост количества мигрантов в доме для жильцов...	Рост количества трудовых мигрантов отразится на жизни города...		По выборке в целом
	Положительно, никак не отразится или трудно сказать как	Отрицательно	
Безопасно или трудно сказать как , % опрошенных Стандартизованный остаток	17,2	20,9	38,1
	6,4	-4,0	
Опасно, % опрошенных Стандартизованный остаток	10,6	51,3	61,9
	-5,0	3,1	
По выборке в целом	27,8	72,2	100

Как показал анализ, ни интенсивность публичного, ни интенсивность частного контакта с мигрантами не отражается на установочном отношении к этому явлению. Это может быть отчасти связано с тем, что реальный опыт контакта с мигрантами содержит как позитивные, так и негативные компоненты. В результате чёткого стимула для трансформации установок нет (стимулы разнонаправлены), и изменения происходят очень медленно. Заметим, что результаты этого же самого опроса показали, что подавляющее большинство контактов горожан с «опасными» мигрантами носили вполне мирный характер, их труд использовался очень широко и чаще оценивался позитивно. Это могло интерпретироваться как относительная самостоятельность уровня массового сознания, на котором позиционированы фобии - повседневный позитивный опыт не ведет непосредственно к изменению установок, которые суть достаточно консервативные конструкции.

В отличие от факта контакта, оценка наблюдаемых горожанами мигрантов с ожиданиями относительно перспектив нарастания миграции связана достаточно сильно. В части оценки мигрантов, наблюдаемых в публичных ситуациях, следует обратить внимание на резкое снижение средних суммарных оценок в ксенофобном сегменте городского сообщества. (Табл. 2) Это, во-первых, подтверждает правильность избранной модели идентификации ксенофобии, т.к. непоследовательные ответы (либо опасение, либо негативные ожидания) фактически согласуются с более высокими по отношению к средним оценкам мигрантов. А во-вторых, свидетельствует, что публичная оценка трудовых мигрантов испытывает влияние базовых установок в отношении этого явления.

Сталкиваясь с мигрантами в различных сферах повседневности, но при этом, не вступая с ними в личный контакт, горожанин в процессе оценки руководствуется не наблюдаемыми результатами работы, а скорее, наоборот – подыскивает подтверждение предварительно сформированного мнения, т.е. плохой или хорошей работы мигрантов. Этот механизм укладывается в

объясняющую модель когнитивного диссонанса. Однако обратим внимание, что этот механизм не исчерпывает собой процесс формирования общественной оценки мигрантов. Иначе в сознании горожан доминировали бы негативные оценки.

Таблица 2. Взаимосвязь оценки горожанами трудовых мигрантов и интенсивности негативной установки в отношении приезжих (% опрошенных по категориям интенсивности публичного контакта)

Интенсивность негативных установок в связи с ростом миграции (max=2)	Средняя суммарная оценка трудовых мигрантов, наблюдаемых в...		
	публичной ситуации по 5 сферам (min=-10, max=10)	публичной ситуации по 4 сферам – без транспорта (min=-8, max=8)	приватной ситуации (min=-4, max=4)
0 – нет ни негативных ожиданий, ни опасений	1,43	1,46	0,91
1 – демонстрируют либо опасения, либо негативные ожидания	0,37	0,79	0,50
2 – демонстрируют и опасения, и негативные ожидания	-0,74	0,09	0,40
В среднем по выборке	-0,02	0,55	0,52

В части частных оценок ксенофобный сегмент себя не проявляет – его средняя оценка сопоставима со средней по выборке. При этом, как и в

случае с публичной оценкой средние значения для последовательно толерантного сегмента значительно выше средних по выборке. Вот это свидетельствует о формировании уже в 2010 г. внутри городского сообщества специфического сегмента, активно контактирующего с мигрантами, пользующегося их трудом и демонстрирующего последовательные толерантные установки.

Анализ статистической взаимосвязи ожиданий горожан относительно нарастания миграционных процессов и оценок фактически наблюдаемых мигрантов, занятых в различных сферах городского хозяйства показал значимую связь практически в отношении всех сфер. Причем значимые остатки обнаруживаются чаще в области негативного оценивания. Это означает, что именно ксенофобный компонент массового сознания имеет тенденцию к обособлению и отклонению от средней тенденции. Тенденции в распределениях, связанных с личным опытом респондента – на работе, в рамках частного найма и в личном разговоре – проявляются умереннее, чем в отношении публичных сфер, где горожане преимущественно только наблюдают мигрантов. Вероятно, в первом случае, установки в значительной степени компенсируются опытом. А во втором роль установок в формировании общественной оценки труда мигрантов повышается.

Следует заметить, что в случае, если использованная в этой части анализа модель воздействия базовых установок на процесс формирования общественной оценки трудовой миграции справедлива, то зафиксированные в ходе опроса оценки труда мигрантов являлись заниженными вследствие влияния ксенофобных установок. Рациональная же оценка результатов функционирования трудовых мигрантов в Петербурге должна была быть существенно более позитивной.

Но обращает на себя внимание, что у горожан, включенных в практику частного найма работников-мигрантов, позитивная оценка выполненной ими работы чаще совмещается с негативными ожиданиями относительно увеличения контингента мигрантов в городе и собственном доме. (Табл. 3)

Три четверти тех, кто доволен выполненной для них мигрантами работой не хотели в 2010 г. увеличения этого контингента. Негативный опыт дает здесь заметное подкрепление установкам – более 90% разочаровавшихся в работниках-мигрантах не хотели, чтобы их становилось больше. А вот фактор коммуникативного приватного конфликта работает безусловно – никто из указавших на такой опыт не одобряет увеличения масштабов миграции. Другой вопрос – почему только каждый пятый из включенных в «дружелюбную, мирную» коммуникацию с приезжими демонстрирует толерантные установки. (Табл. 4)

Таблица 3. Взаимосвязь оценки работы, выполненной мигрантами по частному найму, и интенсивности негативной установки в отношении приезжих (% по группам, выделенным на основании оценки)

Уровень значимости для критерия Хи-квадрат по Пирсону 0,118

Интенсивность негативных установок в связи с ростом миграции (max=2)	Оценка работы, выполненной мигрантами по частному найму		
	Негативная	Нет оценки	Позитивная
0 – нет ни негативных ожиданий, ни опасений	8,8	17,0	23,9
<i>станд. остаток</i>	<i>-1,7</i>	<i>-0,2</i>	<i>1,7</i>
1 – демонстрируют либо опасения, либо негативные ожидания	32,4	31,5	31,0
<i>станд. остаток</i>	<i>0,1</i>	<i>0,0</i>	<i>-0,1</i>
2 – демонстрируют и опасения, и негативные ожидания	58,8	51,5	45,1
<i>станд. остаток</i>	<i>0,9</i>	<i>0,1</i>	<i>-0,9</i>
В среднем по выборке	100,0	100,0	100,0

Таблица 4. Взаимосвязь оценки коммуникативной лояльности мигрантов и интенсивности негативной установки в отношении приезжих (% по группам, выделенным на основании оценки)

Уровень значимости для критерия Хи-квадрат по Пирсону 0,003

Интенсивность негативных установок в связи с ростом миграции (max=2)	Оценка характера частного разговора с мигрантом		
	Конфликтный, враждебный разговор	Нет оценки	Дружелюбный, мирный разговор
0 – нет ни негативных ожиданий, ни опасений	0,0	16,5	20,9
<i>станд. остаток</i>	-2,9	-0,4	1,7
1 – демонстрируют либо опасения, либо негативные ожидания	28,6	31,8	31,3
<i>станд. остаток</i>	-0,4	0,1	-0,1
2 – демонстрируют и опасения, и негативные ожидания	71,4	51,7	47,8
<i>станд. остаток</i>	2,0	0,1	-0,9
В среднем по выборке	100,0	100,0	100,0

Показанные противоречия в формировании общественной оценки миграционных тенденций, как они отразились в данных опроса населения Санкт-Петербурга в конце 2010 г., в значительной мере преодолеваются в рамках модели, допускающей функциональную дифференциацию общественной оценки. По данным того же самого исследования немногим более 10% горожан были включены в интенсивное личное взаимодействие с мигрантами, включающее как коммуникацию, так и практики частного

найма. Именно этот сегмент городского сообщества более всего соответствовал нормативной толерантности, хотя, как показано выше, на уровне установок этот норматив не достигался. Если допустить, что упомянутые 10% горожан – это те, кто фактически извлекал выгоду посредством использования труда мигрантов в своей предпринимательской, профессиональной деятельности или частном хозяйстве, это объяснит и интенсивные контакты с контингентом мигрантов, и позитивные установки/ожидания относительно миграционных процессов.

Трудовых мигрантов привели в Россию, прежде всего, экономические факторы, которые со стороны принимающего сообщества достаточно просты – это выгода от использования дешевого труда приезжих. Но кому достается эта выгода? Только тем, кто непосредственно использует его в бизнесе или домашнем хозяйстве. Это и есть те 10% опрошенных, кто уже был в конце 2010 г. включен в интенсивное взаимодействие с мигрантами и кто фактически заинтересован в увеличении масштабов миграции. А что остальные 90%? Никакой выгоды от прибытия работников-иностранцев они не получали и не получают, т.к. система перераспределения общественных благ (в данном случае – сверхприбыли, полученной за счет использования дешевой рабочей силы) отсутствует. Контингент мигрантов как любой чужеродный системе элемент создает дополнительную нагрузку на локальное сообщество. Мигранты совершают преступления (о чем много сообщали в СМИ за прошедшую пятилетку) – этим занимаются правоохранительные органы, болеют – дополнительная нагрузка на здравоохранение, рожают и растят детей – на систему образования и т.д. Весь социальный сервис функционирует за счет налогоплательщика, дополнительного покрытия издержек за счет тех, кто зарабатывает за счет найма мигрантов, нет. Риски – криминальные, инфекционные, коммуникативные и пр. – распределяются в сообществе равновероятно, их компенсации для тех, кто не заинтересован экономически в присутствии контингента мигрантов тоже нет. Так только ли ксенофобией объясняются

негативные установки населения в отношении развития миграционных процессов?

Владелец дачного участка нанимает бригаду мигрантов, потому что это представляется ему выгодным. При этом он не несет никакой ответственности по поводу присутствия таких строителей в поселке. А разговоры о том, что у соседей пропали ведра, тележки, инструмент или что-то еще интерпретируются исследователями как проявление ксенофобии. Соседи вынуждены предпринимать дополнительные меры по охране своего имущества, они боятся оставлять одних женщин и детей на даче – даже если представления по поводу этих рисков преувеличены, это все равно отнюдь не следствие одной только нетерпимости. Если бы выгода, полученная соседом, нанявшим бригаду, распределялась в местном сообществе, его члены могли бы оценить баланс выгоды и издержек/рисков. И тогда сообщество смогло бы принять рациональное решение относительно целесообразности использования такого «дешевого» труда. Но вся выгода достается только тому, кто нанимает мигранта. Остальным предлагается комплексовать по поводу своей ксенофобии.

УДК 316.334.22

ББК6/8.60,56

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ

Солган, М.С.

магистрант кафедры «Организация работы с молодежью»

Институт физической культуры, спорта и молодежной политики

Уральского федерального университета имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина

г. Екатеринбург (Россия)

solgan-trener@mail.ru

SOCIAL ADAPTATION OF YOUNG PEOPLE

Solgan, M.

graduate student of the department "Organization of work with youth"

Institute of Physical Culture, Sports and Youth Policy of the Ural Federal

University named after the first Russian President Boris Yeltsin

Ekaterinburg (Russia)

solgan-trener@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам социальной адаптации молодежи на примере Свердловского научно-исследовательского института химического

машиностроения. Статья содержит результаты опроса молодых работников предприятия по проблеме адаптации.

ABSTRACT

The article is devoted to social adaptation of youth on the example of Sverdlovsk research Institute of chemical engineering. The article contains the results of the survey of young employees on the issue of adaptation.

Ключевые слова: адаптация || социальная адаптация || молодой специалист || совет молодых специалистов || предприятие

Keywords: adaptation || social adaptation || young professional || young professionals council || enterprise

Современное состояние общества признается нестабильным, изменчивым. Постоянные изменения в социальной, политической, экономической и иных сферах жизнедеятельности делают столь же необходимой и социальную адаптацию. Понятие адаптации, занимающее одно из центральных мест в биологии, означает приспособление живого организма к условиям окружающей среды. В обществе оно стало обозначать процесс приспособления человека к условиям социальной среды. Смыслом этого освоения выступает принятие личностью норм и ценностей среды, будь то социальная общность, организация, институт, включение человека в различные формы предметной деятельности и взаимодействия, имеющиеся в этих социальных образованиях.

На современном этапе развития трудовой сферы происходит переоценка роли работника в производственном процессе. Одним из проявлений этого является то, что многие крупные предприятия, особенно научно-производственного направления, сосредоточили свое внимание на стратегических вопросах привлечения менее опытных, но более перспективных сотрудников – молодых специалистов. Существует проблема, которая заключается в том, что процесс социальной адаптации молодых работников на современных российских предприятиях осложняется

некоторыми условиями: отсутствием достаточных экономических ресурсов для формирования полноценной и эффективной системы адаптации; отсутствием необходимых навыков и квалификации тех специалистов, которые должны отвечать за адаптацию молодых сотрудников (за исключением наставников); отсутствием у них (специалистов) ресурсов времени и нормативно закреплённых трудовых функций для эффективной адаптации молодежи; отсутствием стабильности и прогнозируемости в развитии любой организации в условиях кризиса; рассогласованием государственных, групповых и индивидуальных интересов в социальной и профессиональной адаптации молодых сотрудников. В связи с этим, процесс вхождения молодежи в рынок труда порождает множество проблем: доминирование нисходящей социальной мобильности над восходящей, рассогласование между самооценкой и притязаниями молодых людей в профессиональной сфере и реальностями рынка труда, что порождает безработицу, депрофессионализацию; ослабление зависимости доходов от личных трудовых усилий, что отрицательно влияет на трудовую мотивацию молодежи.

Конкурентоспособность будущего специалиста-выпускника вуза уже не ограничивается лишь знанием предмета..., становится многогранным и емким понятием [2, с.5]. Молодые специалисты рассматриваются как инвестиции в процветание предприятия в будущем, как гарант преемственности накопленных знаний и их развитие. Социальная адаптация молодого сотрудника на предприятии – это управляемый процесс интеграции личности в организационную и профессиональную среду предприятия, в его основные кадровые, производственные и функциональные процессы.

Социальная адаптация является основополагающим направлением управления человеческими ресурсами на современном предприятии, особенно, если она затрагивает вопросы молодежной политики. Практически все направления, формы и виды работы с молодежью имеют одну цель – закрепить молодежь на предприятии, а программы адаптации

разрабатываются для того, чтобы уменьшить стартовые издержки на вновь принятых рабочих, экономить время на вработываемость, сократить текучесть рабочей силы особенно в первичный период, развития позитивного отношения к работе, удовлетворенности работой [3, с. 378]. Механизмы и технологии социальной адаптации молодежи в организации позволяют раскрывать и развивать ее кадровый потенциал, а для молодого сотрудника выступают базой взаимодействия с организацией, ее культурой, организационным окружением. Однако современное нестабильное состояние общества влияет как на изменения личностных потребностей молодежи в профессиональном плане [6, с.364-367], так и на ожидания современных организаций от молодых специалистов. Это требует, в свою очередь, развития средств, методов и технологий адаптации как организационного процесса в целом, и особенно – в отношении молодых специалистов. Для устойчивой трудовой мотивации необходимы моральное и материальное поощрение; соревнование; социально-психологический климат; влияние общественного внимания; наличие перспективы, привлекательность содержания деятельности и многое другое [8, с.126].

Важность и приоритетность управляемого процесса социальной адаптации молодежи в России еще слабо осознается как топ - менеджерами, так и руководителями кадровых служб в организациях любой направленности и вида собственности, где не применяются даже базовые программы адаптации не только для молодых специалистов, но и для других категорий работников. Поэтому актуальность научного анализа вопросов социальной адаптации молодежи на современных российских предприятиях сегодня в целом высока, изучение положительного отечественного и зарубежного опыта рационально будет способствовать разработке и внедрению в организациях специальных программ и технологий социальной адаптации молодежи.

Проблемам молодежной занятости и интеграции молодых людей в сферу социально-трудовых отношений посвящены работы Т. А. Бабушкиной,

Ю. Р. Вишневого, М. Гарсия-Исер, А. Я. Долговой, И. М. Ильинского, И. И. Жуковой, Ю. А. Зубок, И. К. Золотовой, С. А. Карташова, А. Я. Кибанова, Р. П. Колосовой, М. Н. Кулапова, В.А.Петровского, С. М. Пястолова, Т. О. Разумовой, Г. Г. Руденко, О.В.Селивановой, П. А. Чукреева, В. Т. Шапко, И. Н. Шерер, О. В. Шиняевой, В. С. Шуваловой, М. Л. Щербаченко, М. Г. Ярошевского и других исследователей. Изучением вопросов адаптации занимались как российские, так и зарубежных ученые, среди которых: М. Альберт, Л. Джоуэл, О. Ю. Ефремов, Э. Ф. Зеер, П. С. Кузнецов, Е. С. Кузьмина, А. Г. Маклаков, М. Х. Мескон, Ф. Хедоури, Л. Г. Почебут, А. Л. Свенцицкий, И. А. Скопылатов, Н. И. Шаталова, Н.В. Попова и другие. Проблему социализации изучали психологи (З. Фрейд, Ж. Пиаже, Л. Колберг, Г. Олпорт, Э. Эриксон, Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, К. К. Платонов) и социологи (Д. Дьюи, Ф. Знанецкий, Ч. Кули, Д. Мид, Т. Парсонс, Б.Ф. Скиннер, У. Томас, Ю. Хабермас). Вопросы реализации молодежной политики в производственных коллективах на промышленных предприятиях рассмотрены Н.В. Поповой, которая отмечает актуальность изучения личностно-развивающих основ этой политики в условиях трансформирующегося Российского общества [4, с.3]. Опрос 19 предприятий Свердловской области в 2014 году показал, что среди приоритетных направлений молодежной политики – работа по адаптации вновь принятых рабочих (ОАО «Синарский трубный завод», ЗАО «Кушвинский завод прокатных валков», ОАО «Завод радиоаппаратуры», АО «Уральское производственное предприятие «Вектор», ФГУП «Уральский электромеханический завод») [1, с.345]. Вместе с тем, особенности и условия адаптации молодых сотрудников научно-производственной сферы в современных кризисных условиях развития российского общества не изучены достаточно подробно ранее и требуют дополнительного внимания [7, с.147].

Целью данного исследования является изучение и научно-теоретическое обоснование механизмов оптимизации процесса социальной

адаптации молодых специалистов, а также внедрение системы адаптации в практику работы ОАО «СвердНИИхиммаш».

Объект исследования – молодые работники организации. Предмет исследования – социальная адаптация молодых работников в организации.

В ходе исследования проверялось предположение о том, что наиболее успешно адаптация молодых специалистов на предприятии проходит при наличии целенаправленной работы в рамках утвержденной Программы адаптации. При этом использованы такие методы, как: экспертное интервью, анализ статистических данных о деятельности предприятия, анализ нормативных документов исследуемого предприятия, относящихся к регулированию социальной адаптации молодых специалистов.

ОАО «СвердНИИхиммаш» – ведущий советский, а впоследствии российский научно-исследовательский, производственный и конструкторский центр, расположенный в Екатеринбурге. Входит в ОАО «Атомэнергомаш» – машиностроительный дивизион Государственной корпорации «Росатом». Основан в 1942 году с целью оказания технической поддержки оборонным предприятиям Урала во время Великой Отечественной войны. Имеет собственные научно-экспериментальную, конструкторскую и машиностроительную базы. На предприятии разрабатывается и производится наукоёмкое нестандартное высокомеханизированное технологическое оборудование для предприятий ядерно-топливного цикла, предприятий по переработке различных видов отходов, оборудования для опреснения морских и обессоливания минерализованных вод, очистки сточных вод. Также создаётся оборудование для нефтегазовой, химической и пищевой промышленности, медицины и фармацевтики.

ОАО «СвердНИИхиммаш» – развивающийся инжиниринговый центр ядерного комплекса России, выполняющий функции ведущей организации отрасли по созданию оборудования и сложных технологических комплексов

для радиохимического производства, ядерно-топливного цикла, переработки и захоронения радиоактивных отходов.

Списочная численность персонала в 2015 году составила 553 человека (в 2014 – 601 человек), в том числе списочная численность молодых работников (до 35 лет включительно) –173 человека (в 2014 году –181 человек). Особенно высокая текучесть кадров наблюдается среди молодых специалистов – 13 %, доля которых на предприятии среди всех остальных работников составляет 31 %. При этом доля женщин среди молодых сотрудников возрастает, а мужчин – снижается (с 2014 по 2015 гг.). Это свидетельствует о постепенной смене социальных ролей работников в научно-производственной сфере и говорит о «вымывании» мужчин, что тоже может являться результатом непродуманной молодежной и кадровой политики.

Для эмпирического исследования выбран метод интервьюирования новых сотрудников, которые проработали не более 5 лет в организации, их руководителей с целью выявления совпадения мнений по определенным позициям.

Кроме того, исходя из специфики организации и профессионального интереса, в интервью были включены вопросы о прохождении производственной, преддипломной практики на данном предприятии, об участии в семинарских занятиях для молодых инженеров в рамках учебного центра на базе ОАО «СвердНИИхиммаш», а также о влиянии стажировки на включение в трудовой процесс. Интервью было подвержено 13 новых сотрудников, 2 линейный руководителя, специалист по персоналу. Первоначально более интересовали результаты интервью специалистов, недавно пришедших в организацию. Из 13 опрошенных специалистов 5 – женщины, 8 – мужчины. Все имеют высшее образование. Стаж трудовой деятельности до 5 лет имеют все 13 человек.

На вопрос «Как долго продолжается Ваше освоение в условиях нового места работы?» 38,5% ответили, что для них освоение нового места

работы заняло менее шести месяцев, для 61,6% – от 2 до 3 месяцев. Встречные мнения линейного руководителя и специалиста по персоналу совпали на 90,0% (1 руководитель считает, что его специалист еще не адаптировался, хотя тот указал срок адаптации до 2-3 месяца). Если соотносить данные ответы с прохождением производственной, преддипломной практики на данном предприятии, то у тех, кто ответил, что ему нужно всего 2 - 3 месяца, чтобы освоить свое новое рабочее место, являлись практикантами на данном предприятии. Остальным участникам опроса для адаптации требовалось больше времени. В число 13 участников опроса, которым понадобилось для адаптации менее 2 - 3 месяцев, «попали» и все женщины.

На вопрос «Что Вам показалось наиболее сложным в течение этого периода?» чаще всего встречался ответ: «Профессиональные обязанности» (46,2%), 3 человека (23,0%) ответили: «Вхождение в коллектив». Отмечены и другие причины: неумение выделить более важное в широком спектре обязанностей и сориентироваться в обстановке, общение с людьми (устные обращения), более быстрый темп работы, чем на предыдущем месте.

Наиболее часто встречающиеся ответы на вопрос: «Вы думаете, почему это для Вас оказалось трудным?»: быстрый темп работы; необходимость быстро перестраиваться с выполнения одного задания на другое; много общения, в т.ч. по телефону; необходимость квалифицированно владеть большим объемом информации; технические регламенты, стандарты, методики и инструкции по разработке и оформлению чертежей и другой конструкторской документации.

Перевод полученных во время учебы профессиональных знаний в «практическую плоскость» является одним из важнейших факторов – так считают 61,6%; важно избегать ситуаций, когда старшие коллеги воспринимают молодого специалиста как «помощника», которому можно передать всю черновую работу; равное количество мнений (по 53,9%)

набрали знакомство со спецификой и особенностями условий работы в организации, а также приобретения навыков и умений применять профессиональные знания в том виде, как они востребованы в конкретной организации. Немаловажное значение (46,2%) имеет введение в профессиональную деятельность: нормативные требования, порядок взаимодействия с другими работниками и руководителями при выполнении заданий. При этом 38,5% считают, что нужно направлять усилия на введение в должность: усвоение обязанностей, норм должностного поведения, правил профессионального общения с руководителями и коллегами. Важным фактором из всех перечисленных 30,8% респондентов считают мотивацию профессионального развития в соответствии с потребностью организации. Этот фактор, на наш взгляд, можно считать целеполагающим в адаптации и воспитании молодых специалистов на промышленных предприятиях [5, с.525]. Не исключением является и ОАО «СвердНИИхиммаш».

Значительную роль в процессе трудовой адаптации играет наличие наставника. Безусловную важность влияния наставника на процесс адаптации отмечают 92,3% молодых специалистов. При этом следует обратить внимание на то, что, по мнению 61,6%, те, кто не имеет наставника – лишены помощи при адаптации. Кроме того, наличие наставника влияет и на удовлетворенность профессиональным ростом. Так, 53,0 % молодых специалистов, имеющих наставников, удовлетворены перспективой своего профессионального роста, а среди тех, кто работает без наставника, их только 29 %.

Результаты опроса по данным вопросам линейного руководителя и специалиста по персоналу не вполне совпадают с мнением адаптируемых. Ни один из них не считает, что новый сотрудник на данном этапе деятельности стал лучше справляться со своими обязанностями. Оба считают, что они адекватно оценивают уровень подготовки, опыт работы и результаты труда новых сотрудников.

Все 9 специалистов, которые принимали участие в семинарских занятиях для молодых инженеров в рамках учебного центра в ОАО «СвердНИИХиммаш», согласились, что посещение семинаров для данной категории, привлечение их к подготовке различных общественных мероприятий (таких как День работников атомной промышленности, Слет молодых специалистов, профессиональные праздники и др.), оказали существенную помощь в освоении новых обязанностей и вхождению в коллектив. Данный факт свидетельствует о том, что работу с адаптантами следует проводить еще более активно, разнообразно и системно, применяя индивидуальные методы работы, так как она дает возможность не только выявления и оценки профессиональных и личностных качеств специалистов, но и помогает им в дальнейшем адаптироваться в новых условиях работы.

Таким образом, молодёжь, прошедшая знакомство с предприятием в период практики более адаптивна, чем те, кто её не проходил. Кроме того, более адаптируемыми показали себя женщины. Здесь существенную роль сыграли такие качества, более присущие для женского пола, как гибкость, выносливость, терпимость, усидчивость. Легче также протекал процесс адаптации для тех сотрудников, которые до назначения имели большее представление о новых профессиональных обязанностях, были знакомы с членами коллектива. Этому способствовали такие факторы, как: проживание в той же местности, активное участие в общественной жизни, участие в семинарах и других мероприятиях для молодежи.

По результатам исследования предложен проект программы наиболее полной социальной, трудовой и профессиональной адаптации молодых работников в интересах развития предприятия и самой молодежи. Исходя из целей и ресурсов организации разработаны рекомендации по повышению адаптационной эффективности молодежной политики на предприятии.

Список литературы

1. Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: Научные основы доклада правительству Свердловской области: монография/под общ. ред. Ю.Р. Вишневого; УрФУ. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016.350с.

2. Пономарев А.В., Бердников М.А. Воспитательный потенциал студенческого самоуправления в подготовке конкурентоспособного специалиста: монография / А.В. Пономарев, М.А. Бердников. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. 273 с.

3. Попова, Н. В. Молодежная политика на современном промышленном предприятии в аспекте идентичности личности молодого работника [Текст] / Н. В. Попова // Воспитание духовности: ценностные основы идентичности личности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. (19–20 дек. 2007 г., Екатеринбург) / ГОУ ВПО «Рос.гос. проф.-пед. ун-т». – Екатеринбург, 2007. С. 376 – 385.

4. Попова, Н.В. Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии. Диссертация... канд. филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург, 2012. 195 с.

5. Попова, Н. В. Мотивация и соревнование как акмеологические факторы воспитания молодого работника [Текст] / Н. Попова // Ценностные и социокультурные основы воспитания духовности и субъектности личности. Сборник научных статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции. (10–11 дек. 2008 г., Екатеринбург) / ГОУ ВПО «Рос.гос. проф.-пед. ун-т». – Екатеринбург, 2008.С. 517–534.

6. Попова, Н. В. Ценностные основы профессиональной идентичности и карьерные ориентации молодого специалиста на современном промышленном предприятии [Текст] / Н. В. Попова // Воспитание духовности: ценностные основы идентичности личности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. (19–20 декабря 2007 г., Екатеринбург) / ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». – Екатеринбург, 2007.С. 361–368.

7. Солган М. Особенности адаптации молодых работников в коллективе [Текст] / М. Солган // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления : материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 28 февраля 2014 г. — Екатеринбург : УрФУ, 2014. — Т. 1. С. 147-152.

8. Труд и образование на пути к креативному обществу: коллективная монография/С.З. Гончаров [и др.]; под ред. С.З. Гончарова. Екатеринбург: Изд-во Рос.гос. проф. Ун-та, 2014. 445с.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сорокина, О.М.

магистрант

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Екатеринбург, РФ

sor1@bmail.ru

REFORMING LANGUAGE POLICY IN RUSSIA: EXPERIENCE AND MODERNITY

Sorokina, O. M.

undergraduate

Ural Institute of Management - branch RANHiGS

Yekaterinburg, Russian Federation

sor1@bmail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются политические и институциональные факторы реформ языковой политики в Российской Федерации.

ABSTRACT

The article examines the political and institutional factors in the reform of language policy in the Russian Federation.

Ключевые слова: реформа|| государственный язык российской федерации|| языки народов российской федерации

Keywords: reform|| the state language of the russian federation|| languages of peoples of the russian federation

Государственный язык рассматривается многими исследователями как социальный институт, поддерживающий национальную безопасность государства, содействующий укреплению патриотизма и духовности нации. Первые лица российского государства, начиная с Петра I, считали своим долгом проведение политики, направленной на институциональное укрепление русского языка. Институциональные скрепы активно вводились и в советский период истории. Русский язык был языком межнационального общения, образования, воспитания, обладая несомненным преимуществом среди других союзных языков. После распада СССР русский язык стал функционировать в иных условиях: государством был избран курс перехода экономики к рыночному способу хозяйствования, что повлияло на резкий экономический спад, разорение и остановку во всех сферах производства. В экономической сфере произошла смена собственности с общегосударственной в частную и акционерную, совместную с иностранными компаниями, в социальной – социальное расслоение населения, миграционные процессы внутри страны, в политической – переход общества к согласительной либерально-демократической политической системе, смене идейных и духовных ценностей. Также произошло образование самостоятельных государств на месте бывших союзных республик, что привело к территориальному сокращению использования русского языка как государственного. Стремление к суверенитету автономных республик и некоторых областей внутри Российской Федерации (Татарстан, Якутия, Свердловская область и другие),

экономическая, политическая и идеологическая зависимость от западных государств также влияли на падение статуса русского языка. Ввиду данных причин и вышеперечисленных условий возник всеобщий кризис государства, породивший массу проблем, одной из которых стала проблема защиты от распада государства и укрепления национального единства. Важнейшим инструментом объединения государства и нации мог быть русский язык. Ввиду данного факта, в 1991 году был принят закон «О языках народов Российской Федерации»[1], который послужил нормативной основой для реформирования русского языка. Цель закона – защита и сохранение русского языка как государственного на территории Российской Федерации. Задачи: создание условий для сохранения языка и системы взаимодействия с языками народов Российской Федерации с помощью нормативно-правовых актов, создание условий для изучения русского языка и развития его самобытных особенностей. Оценивая основные результаты реформы, стоит отметить, что в период с 1991 год по 2005 год (в 2005 году был принят Федеральный Закон «О государственном языке в Российской Федерации»[2]) цель сохранения и утверждения русского языка в статусе государственного была достигнута с помощью нормативно-правовой базы, регулирующей использование русского языка на российской территории. Задача по созданию системы взаимодействия русского языка с языками народов Российской Федерации была осуществлена. Частично была выполнена задача по изучению и распространению русского языка на территории Российской Федерации. Не получила реализации задача развития самобытных особенностей русского языка, что является причиной дальнейшего реформирования данного института для совершенствования его качественной составляющей.

Для раскрытия действия принятого в 1991 году закона, стоит более подробно сосредоточиться на анализе русского языка. В утвердившейся согласительной либерально-демократической политической системе, в условиях созданных свобод в различных сферах общественного устройства,

плюрализма общественного сознания и других факторов, влияющих на развитие языка, русский язык в этот период включал в себя следующие элементы: государственный язык, литературный язык, народный язык, иностранные слова, слова народностей, входящих в состав Российской Федерации, слова, связанные с особой социальной и возрастной субкультурой, профессиональную лексику, церковный язык с элементами старославянского языка. Рассматривая вид проводимой политики, можно отметить, что для смены политического и экономического положения страны был применен шоковый вариант проводимых реформ, повлекший катастрофические последствия во всех сферах, вплоть до распада СССР и дальнейшей угрозы распада Российской Федерации как единого государства. В области языка, напротив, использовался консервативный подход, в котором русский язык (в качестве государственного) являлся одним из инструментов объединения страны и сохранения целостной территории государства. Поэтому административные действия в сфере языка были направлены на сохранение существовавших структур в образовании, культуре, СМИ, которые финансировались за счет бюджетных средств государства. Переходя к описанию социальной, институциональной и ресурсно-технологической составляющих политики, можно сказать, что такие инструменты как приватизация, создание различных форм собственности и введение рыночных механизмов во многие сферы деятельности, а также свобода слова и либеральные ценности диктовали государству вводить новые способы жизнедеятельности различных институтов. Структуру такого института как русский язык можно описать следующим образом: государственные организации с бюджетным финансированием в сфере образования и культуры; частные организации в сфере издательского дела, СМИ, искусства; общественные организации, которые включали в себя творческие союзы, языковые центры, благотворительную деятельность. Основными механизмами действия данных структур были рыночные механизмы, а также механизмы государственных и

частных заказов на осуществление различных проектов. Ввиду накопленного за советский период социального, институционального и ресурсно-технологического капитала, степень соответствия его целям и задачам реформы можно оценить как достаточную. Взятый государством политический курс перехода на рыночную мировую экономику в сфере языка обозначился развитием международных контактов, активным изучением и освоением английского языка как международного гражданами России, более активным изучением других иностранных языков, пропагандой русского языка и русской культуры в России и за рубежом, развитием русского языка в узкопрофессиональной сфере и упрощением его в общенародном использовании. Стоит отметить, что все языковые преобразования и действия реформаторов носили стихийный и непоследовательный характер. Но в 2005 году был принят Федеральный закон о статусе русского языка, который скорректировал данную реформу, более ясно обозначив структуру финансирования и план проводимых мероприятий.

Переходя к анализу институциональных аспектов реформы нужно начать с того, что новой России от СССР досталось огромное количество инфраструктуры, обеспечивающей деятельность в сфере языка со сложившимися связями, формами и условиями функционирования. После распада СССР в России на первом этапе начался распад инфраструктуры, которая не соответствовала новой экономической политике государства. Инфраструктура подвергалась различным реорганизациям, отличалась бедной материально-технической базой и недостаточным финансированием. На втором этапе, при сложившихся рыночных условиях, начался бурный стихийный рост различных новообразований в инфраструктуре. Ими являлись образование небольших частных и смешанных структур (издательства, торговые сети, СМИ, общественные центры и т.д.), которые удовлетворяли спрос на языковой продукт в создавшихся условиях. Начиная с 2005 года, инфраструктура и сфера её

деятельности характеризуется относительной стабильностью и достаточной мобильностью в удовлетворении разнообразных запросов общества. Важное значение для функционирования языка приобрело внедрение в инфраструктуру электронно-технических средств, непосредственно влияющих на процесс передачи и приема информации, а также на стиль общения. Объект реформы следует рассматривать в связи с его носителями – гражданским населением – с учетом его спроса и потребностей в сфере языка. Со сменой экономических условий произошла смена ценностной ориентации населения. Как правило, основной жизненной мотивацией населения стала проблема выживания, и выдвинувшейся на первый план потребностью в сфере потребления языка стала потребность в потреблении информации и применении административного языка. На бытовом уровне преобладал спрос на «отвлекающий» стиль языка, отражающийся в индустрии отдыха и развлечений. С развитием социального расслоение общества на качество и содержание языка стала влиять социальная принадлежность индивидов. Стоит отметить, что состояние языка отражается на культуре речи и общения, на уровне интеллекта и образности мышления, на значимости языка как носителя национальной культуры, морально-нравственных и духовных ценностях. Таким образом, за этот период снизился качественный уровень чистоты русского языка, проявляющийся в сокращении и вытеснении его основы – литературного языка, экспансии английского языка, упрощении и засорении языка, а также утяжелении языка громоздкими нормами, наукообразными и иностранными словами. В качестве стратегии реформирования была избрана стратегия промежуточных институтов, так как при внедрении новых институтов в процессе развития системы постоянно менялись исходные условия, под которыми понимаются структура, финансирование, политическое и духовно-нравственное содержание, формы мероприятий. Поэтому зачастую институциональные трансформации носили стихийный либо экспериментальный характер, подстраиваясь под текущие условия и степень достижения предыдущих

результатов деятельности реформы. Введение нового института было «ручным» и осуществлялось по ходу развития реформы в виде госзаказа (прямого или на конкурсной основе), частного и корпоративного заказов, планирования мероприятий и проектов в государственных и частных структурах, сочетании государственного и частного финансирования отдельных проектов, рекламы, введения ЕГЭ и ГИА по русскому языку и литературе, института стимулирования и поощрения деятельности в виде государственных премий, конкурсов, олимпиад, создания информационных и статистических центров, продуктов СМИ, культуры и искусства. Введение новых институтов в целом соответствовало основной цели и задачам реформы, но так как исходные условия постоянно менялись, способы введения нового института не всегда оказывались эффективными. После преодоления тяжелого периода – угрозы распада России и наступления относительной стабилизации, основные усилия государства были направлены на поддержку и пропаганду русского языка в России и за рубежом. Стали нормой планирование и проведение масштабных мероприятий различной тематики, посвященных юбилейным историческим датам, выдающимся деятелям отечественной культуры, а также поддержка различных мероприятий в области языкознания, филологии, литературы, в том числе и на международном уровне с активным привлечением медийных и печатных средств. Были приняты меры по созданию возможностей широкого доступа к печатной продукции, в том числе было восстановлено устойчивое финансирование учебной литературы. С развитием технических средств и создания условий для пользования интернетом население получило неограниченные возможности доступа к использованию разных форм деятельности в сфере языка. Были проведены следующие мероприятия, направленные на создание условий для изучения русского языка и повышения грамотности населения: введение ЕГЭ, издание словарей и справочников, создание системы дополнительного образования, компьютерное оснащение учебных заведений, повышение заработной платы

работников образования и культуры, закон о мигрантах от 2013 года, которым было введено контролируемое и оцениваемое знание русского языка мигрантами, введение в сфере делопроизводства готовых образцов для заполнения документов. Все вышеперечисленные мероприятия по корректировке реформы соответствуют целям и задачам реформы, их эффективность проявляется в повышении количественных языковых показателей: среднего балла ЕГЭ по русскому и литературе, коэффициента грамотности населения, исследований качества чтения и понимания текста, образовательного рейтинга России, количества русскоговорящего населения в мире.

Цель реформы была достигнута с потерями уровня качества русского языка. Задача по созданию условий для сохранения русского языка и созданию системы взаимодействия его с другими языками народов России была выполнена. По итогам реформы можно обозначить следующие возникшие проблемы: развитие русского языка, его самобытных национальных особенностей остались не решенными, возникла тенденция обеднения русского языка. Можно выделить следующие причины, повлиявшие на успех реформы: остановка процесса распада государства способствовала сохранению и утверждению русского языка как государственного; процесс создания инфраструктуры в новых условиях для функционирования языка; включение российской экономики в мировые масштабы, свобода передвижения и свобода слова. Также можно выделить причины, повлиявшие на неудачи осуществления отдельных сторон реформы: снижение качества образования по русскому языку и литературе, влияние информационных технологий на упрощение языка, переход читательского спроса с классического жанра на развлекательный, производство коммерческой продукции в угоду массовым вкусам – все это повлияло на снижение устного и печатного качества русского языка. В виде обобщающих выводов можно сказать, что принятые законы о языке были вызваны объективными своевременными факторами, законодательная база

реформы испытывала сильное влияние происходящих в государстве перемен и не отражала конкретный ход реформы в виде системы планирования и дорожной карты, результаты реформы зависели от степени развития инфраструктуры, при реформировании не удалось выполнить некоторые назревшие в процессе проблемы, которые «ждут» следующей реформы. Актуальность данных выводов для современной теории и практики реформирования заключается в значении своевременной реакции на объективные общественные процессы, осуществления изменений с учетом глобальных мировых тенденций, предварительного определения темпа и характера проведения реформы, соблюдения всех этапов управленческой цепочки, начиная с прогнозирования и заканчивая контролем и оценкой результатов реформы, наличия стратегического плана мероприятий с возможностями его корректировки по ходу и промежуточным результатам реформы, зрелой, мобильной и функциональной инфраструктуры, кадрового потенциала для проведения реформы и создания соответствующей системы мотивации.

Список литературы

1. О языках народов Российской Федерации: Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 (в ред. от 12 марта 2014 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (в ред. от 5 мая 2014 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА**

Сытых, Е. Л

доцент кафедры Политологии, истории и философии

кандидат культурологии

*Челябинский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской*

Федерации»

г. Челябинск

selena19-78@mail.ru

**CHELYABINSK REGION IN THE CONTEXT OF EURASIAN
INTEGRATION: REGIONAL DISCOURSE PECULIARITIES**

Sytykh, E.

Associate Professor, Department of Political Science, History and

Philosophy

Cultural Studies PhD

*Chelyabinsk branch VPO "Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President of Russian Federation"*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается региональное измерение евразийской интеграции (на примере Челябинской области). Дается оценка существующим проектам и перспективам интеграции.

ABSTRACT

The article deals with the regional dimension of the Eurasian integration (in the Chelyabinsk region). The evaluation of existing projects and the integration prospects.

Ключевые слова. Евразийский экономический союз, интеграция, региональный аспект.

Keywords: Eurasian Economic Union, [integration](#), the regional dimension

Любой интеграционный проект имеет несколько измерений, поддающихся масштабированию. Кроме глобального и странового, колоссальное значение имеет региональный аспект, поскольку все проекты имеют свое конкретное воплощение на конкретных территориях с вовлечением конкретных инфраструктурных элементов и конкретных людей. Соответственно и пробуксовка многих великолепных идей часто происходит именно на этом уровне.

Для Челябинской области интеграционные процессы в рамках ЕАЭС – не просто красивые фразы об открывающихся возможностях, но и вопрос выживания и развития в новых условиях. Имея колоссальный потенциал, область имеет и не мало конкурентов, которые могут обойти регион в плане развития, сделав его инфраструктурным и экономическим аутсайдером.

Если рассмотреть особенности представленного в общественно-политической повестке регионального дискурса в отношении вопросов евразийской интеграции, то он сосредоточен вокруг обсуждения вопросов региональных преимуществ, включения Челябинской области в

трансевразийские транспортно-логистические потоки, эксплуатации уже имеющейся инфраструктуры в соответствии с новыми задачами.

Основными участниками регионального дискурса является политическая элита во главе с губернатором области Б. А. Дубровским, а также научное сообщество и представители бизнеса, непосредственно вовлеченные в интеграционные проекты. Стоит отметить, что заметную роль играют мероприятия РИСИ по обсуждению евразийской тематике, проводимые в г. Челябинске. Они имеют резонанс в политическом истеблишменте региона, активно освещаются в местных СМИ.

В последнее время этот дискурс разворачивается в направлении сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и экономического пояса Шелкового пути. Для Челябинской области этот вопрос имеет практическое значение, поскольку для этого формируется соответствующая инфраструктура.

В частности, резолюция I Международного логистического форума «Международная транспортно-логистическая интеграция стран ЕАЭС и Новый шелковый путь», состоявшегося 23.12.15 на площадке ЮУрГУ содержит положение, что «Основные цели этих сообществ не противоречат друг другу и создают основу для реального экономического, политического и социокультурного сотрудничества» [1].

Мало того, Челябинская область стремится стать одним из крупнейших логистических узлов нового Шелкового пути. Об этом заявил губернатор Борис Дубровский на пленарном заседании форума «Евразийская экономическая перспектива» 06.10.2015 в Астане [2].

Помимо административного сопровождения, область может привлечь высоким образовательным уровнем специалистов, возможностями для обучения и переобучения. Кроме того, Южный Урал богат разнообразием природно-климатических ресурсов, наличием полезных ископаемых. Еще один плюс области – мощный АПК и наличие свободной земли. Много неиспользуемых промышленных площадок, обеспеченных инфраструктурой.

Два крупнейших вуза Челябинской области осуществляют наборы на востоковедческие специальности. Так, в ЧелГУ на факультете Евразии и Востока ведется обучение по направлениям «Зарубежное регионоведение» и «Международные отношения». В ЮУрГУ выпускают специалистов по направлению «Зарубежное регионоведение» и «Фундаментальная и прикладная лингвистика». Лингвистические центры вузов предоставляют возможность изучения китайского языка по программам дополнительного образования.

В инфраструктурном плане речь идет о том, что регион стал инициатором создания мультимодального транспортно-логистического комплекса (ТЛК) «Южноуральский». В мае 2015 г. в состоялся запуск железнодорожного терминала ТЛК, который принял первый грузовой состав из 50 контейнеров с товарами из КНР. Он позволил сократить с 36 до 10 дней сроки доставки грузов по железной дороге из центральных и западных районов Китая в Россию.

На сегодня определены два ключевых маршрута товарных потоков между КНР и РФ с использованием ТЛК «Южноуральский»: 1) ТЛК железнодорожной станции Ухань (провинция Хубэй, КНР) – Достык (Республика Казахстан) – Формачево (ТЛК, Челябинская область); 2) ТЛК Урумчи (провинция СУАР, КНР) – Достык – Формачево [3].

Сам ТЛК расположился в 75 км к югу от Челябинска в Увельском районе. Его производственные мощности: территория комплекса – 180 Га; контейнерный терминал с грузообработкой 2,5 млн. тонн в год, 7 контейнерных поездов (около 400 контейнеров) в сутки; складской комплекс класса «А» площадью 82 320 м²; контейнерная площадка площадью 140 596 м²; таможенный пост; пункты ветеринарного и фитосанитарного контроля; численность создаваемых рабочих мест – 1860 [4]. Эти потоки в значительной мере пойдут не только по железной дороге, но и через автотрассу М-36. Предполагается, что комплекс будет обслуживать до 2 тыс.

единиц большегрузного автотранспорта. Однако трасса не в состоянии выдержать даже десятую долю этого потока.

В настоящий момент формируется пул инвесторов для организации производств в индустриальной зоне ТЛК со всеми предусмотренными этим статусом налоговыми льготами. На сегодня с инвесторами подписано пять меморандумов о намерениях, и мы рассчитываем до конца года привлечь новых резидентов из числа компаний стран Союза и ШОС [5].

В целом будущее ТЛК зависит от работы двух направлений – импорта и экспорта. Сейчас основная задача – обеспечение обратного потока грузов с продукцией наших предприятий в Китай. Здесь перспективы Челябинска и области в целом пока не ясны, считает руководитель Научно-образовательного центра Института экономики УрО РАН и ЧелГУ С. С. Гордеев [6].

Уже сегодня понятно, что проект позволит продвигать в КНР продукцию пищевой промышленности, сельхозпродукцию глубокой переработки, с китайской стороны вызывает большой интерес. Местные власти рассчитывают поставлять продукцию металлургического производства и машиностроения, минеральные удобрения. В проекте будут участвовать не только предприятия Челябинска, но и других муниципалитетов.

ТЛК стал точкой входа для продукции из Китая на территорию России по железной дороге. После переагрузки на автомобильный транспорт товары могут быстро доставляться в регионы Урала, Башкирии, Поволжья. При реализации проекта Челябинская область сможет в полной мере использовать свой транзитный потенциал. Проект может быть выгоден Свердловской области, но необходимо встроиться в экспортное направление функционирования ТЛК. В перспективе возможна доставка грузов из Китая в Западную Европу.

Однако ТЛК мыслится как одно из многих звеньев в цепи интеграции. В 2015 г. совместно с РЖД определены начальные этапы работы по

строительству высокоскоростного участка железной дороги от Челябинска до Екатеринбурга с перспективным выходом на ВСМ «Москва-Пекин». Однако на пути реализации этого проекта стоит немало препятствий финансового, инфраструктурного и политического характера, а решение о строительстве зависит от лоббистских возможностей руководства регионом и его нельзя назвать окончательным.

Кроме того, в июне 2015 г. Челябинское авиапредприятие и китайская авиакомпания «Хайнаньские авиалинии» подписали договор о намерениях открыть прямое авиасообщение между Челябинском и г. Урумчи. Договор о намерениях предполагает, что прямые рейсы между городами будут выполняться не реже, чем два раза в неделю.

Несмотря на достижения, актуальными остаются вопросы выбора сетевых маршрутов Шелкового пути, дальнейшего привлечения инвестиций и развитие инфраструктуры, обеспечения экономической эффективности перевозок для всех участников интеграционного процесса.

Обсуждается проект строительства автодороги протяженностью более 8 тыс. км, которая к 2025 году свяжет Санкт-Петербург, Москву, Казань, Оренбург, а затем пройдет через Казахстан к западной границе Китая. Предполагается, что она позволит создать в российской дорожно-строительной отрасли более 30 тыс. рабочих мест [7]. Как видно из описания намерений, Челябинская область не станет транзитной территорией в случае реализации этого проекта.

Здесь уместно согласиться с мнением члена комитета по содействию ВЭД ТПП России Мавлита Ахтямова: «Если брать другие регионы, например, Оренбургскую и Астраханскую области, то это будет все искусственно. То, что Челябинская область сопрягается с Казахстаном и далее выше идет Екатеринбург – это очень удачно, и не использовать эти географические возможности неправильно» [8].

Есть и другие направления нового Шелкового пути. В частности, закавказский транспортный коридор, связывающий Западный Китай и Балканы в обход России, а также морская часть шелкового пути.

Президент фонда социально-экономического развития «Евразийское содружество», д. э. н., проректор ЮУрГУ по ВЭД Виктор Каточков отметил: «Шелковых путей, транспортных коридоров было всегда несколько. Тот путь, который шел через Челябинск, это один из северных путей. Наверняка, такая же ситуация сложится и сейчас. Часть путей пойдет через Россию, часть вне России. Наша задача посмотреть возможности, где наиболее выгодно прокладывать торговые пути, а с ними и финансовые и информационные потоки. Где предложат лучшие возможности, там и пойдут товары, и будет развиваться экономика» [9].

Сделанный обзор позволяет заключить, что со стороны региональных элит существует осознание важности интеграционных процессов, происходящих в рамках ЕАЭС и экономического пояса Шелкового пути. Для области это выгодно укреплением своего статуса как одного из ключевых транспортных узлов России, важнейшего связующего звена в торговых отношениях России, Казахстана и Китая.

Однако порой тематика сотрудничества с КНР подменяет под собой тематику интеграции в рамках ЕАЭС. Существующие на территории области проекты органично вписываются в формирующиеся транспортные потоки этих трех стран, однако не стоит забывать, что процесс интеграции важен и для других участников ЕАЭС. Как минимум, стоит призадуматься над тем, как сопрягать существующие проекты с интересами Республики Кыргызстан.

Очевидно, что на данном этапе транспортно-логистические проблемы являются доминантой регионального дискурса в области евразийской интеграции, однако не стоит забывать, что ими возможности интеграции не исчерпываются.

И, наконец, хотелось бы отметить, что всем участникам процесса не хватает системного видения развития процесса интеграции в

территориальном разрезе. Пока развитие трансевразийских транспортных коридоров рассматривается с позиций конкуренции регионов (например, Челябинской и Оренбургской областей), хотя можно предположить, что комплексный подход к решению этого вопроса позволит снять противоречия.

Как бы там ни было, Челябинская область активно включилась в процессы интеграции в рамках ЕАЭС и даже создала для этого определенный инфраструктурный задел, позволяющий в дальнейшем углублять процессы интеграции.

Список литературы:

1. [Международная транспортно-логистическая интеграция стран ЕАЭС и Новый шелковый путь](http://so-l.ru/news/show/mezhdunarodnaya_transportno_logisticheskaya_integraciya) // http://so-l.ru/news/show/mezhdunarodnaya_transportno_logisticheskaya_integraciya (дата обращения 15.01.16)
2. Дубровский: «Челябинская область стремится стать одним из крупнейших логистических узлов нового Шелкового пути» // <http://gubernator74.ru/news/dubrovskiy-chelyabinskaya-oblast-stremitsya-stat-odnim-iz-krupneyshih-logisticheskikh-uzlov#> (Дата обращения 1.02.16)
3. Борис Дубровский проинспектировал ТЛК «Южноуральский» // <http://mega-u.ru/node/42329> (Дата обращения 31.01.16)
4. Сегодня губернатор работает в Астане // <http://gubernator74.ru/news/segodnya-gubernator-rabotaet-v-astane-19360> (Дата обращения 21.12.15)
5. Шелковый порт // <http://expert.ru/ural/2015/44/shelkovyij-port/> (Дата обращения 3.02.16)
6. Челябинску и Екатеринбургу придется "попотеть", чтобы развернуть экспорт для ТЛК "Южноуральский" // <http://www.nakanune.ru/news/2015/6/26/22405199#sthash.41zH3s0S.dpuf> (Дата обращения 20.01.16)

7. Трасса на двоих // <http://www.rg.ru/2015/10/06/avtomagistral.html>
(Дата обращения 2.02.16)
8. Челябинская область рассчитывает стать главным логистическим центром Нового Шелкового пути, несмотря на ветки "в обход России"// <http://www.nakanune.ru/news/2015/12/24/22423828#sthash.uipnflNq.dpuf> (Дата обращения 19.01.15)
9. Челябинская область рассчитывает стать главным логистическим центром Нового Шелкового пути, несмотря на ветки "в обход России"// <http://www.nakanune.ru/news/2015/12/24/22423828#sthash.uipnflNq.dpuf> (Дата обращения 19.01.15)

УДК 314.744

ББК С723.5

МИГРАЦИОННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНТОВ УРАЛА

Талалаева, Г.В.

доктор медицинских наук,

профессор кафедры социологии и технологий государственного и

муниципального управления

Институт государственного управления и предпринимательства

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина,

профессор кафедры безопасности жизнедеятельности

Уральский институт ГПС МЧС России

г. Екатеринбург,

Россия,

gvtalal@mail.ru

Колодкина, Н.А.

курсант 1- го курса

Уральский институт ГПС МЧС России

г. Екатеринбург, Россия,

gvtalal@mail.ru

MIGRATION PREFERENCES OF STUDENTS OF THE URALS

Talalaeva, G.

Doctor of Medical Sciences,

Professor of Sociology and technology of state and municipal management

State Management and Entrepreneurship Institute

Ural Federal University. First President of Russia BN Yeltsin,

Professor of the Department of Life Safety

Ural Institute of Russian Ministry for Emergency Situations

Yekaterinburg city,

Russia,

gvtalal@mail.ru

Kolodkina, N

1 st year student

Ural Institute of Russian Ministry for Emergency Situations

Ekaterinburg, Russia,

gvtalal@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Изучена структура текущего и планируемого миграционного поведения студентов, которые обучаются по направлению «Государственное и муниципальное управление» ($n = 38$). Предпочтения студентов сопоставлены с приоритетами международной активности администрации университета. Установлено, что интересы студентов и администрации университета различны. Миграционные предпочтения студентов

сфокусированы на западном направлении, тогда как администрации университета - на восточном. Конфликт интересов чреват снижением качества профессиональной подготовки студентов. Сформулированы предложения устранению данного конфликта.

ABSTRACT

The structure of current and planned migration behavior of students who study in "State and municipal management» were analyzed (n = 38). Preferences of students were compared with the priorities of the international activity of the university administration. It was found that the interests of students and university administration are different. Migration preferences of students focused on the western direction, while the university administration - on the east. Conflict of interest is fraught with decline in the quality of professional training of students. Proposals eliminate this conflict. Conflict of interest is fraught with decline in the quality of professional training of students. Proposals for eliminating this conflict formulated.

Ключевые Слова: миграционное поведение|| миграционные процессы|| социальная среда|| молодежь

Keywords: migratory behavior|| migration processes|| social environment|| youth

Миграционное поведение студенческой молодежи является многофакторным процессом. Стимулом к его реализации могут быть разнообразные сочетание множества социальных, политических, экономических, этнических, религиозных и психоэмоциональных факторов. Исследования последних лет, проведенные в разных регионах страны, прогнозируют рост миграционных настроений молодежи по социально-экономическим и морально-нравственным причинам, из-за низкой оценки молодежью возможностей региона обеспечить их жизненные притязания, стремления улучшить материальное положение, жилищные и бытовые

условия, повысить шансы карьерного роста, организовать и провести свой досуг [1 – 6, 11].

В Свердловской области исследования миграционных процессов сосредоточены в большей степени на поведении трудовых мигрантов и их криминальных последствиях, чем на зарождающихся трансформациях коренной части студенческой молодежи, вызванных модернизацией международной активности уральских вузов [9, 10].

Однако, именно данный аспект представляется нам важным для обеспечения безопасности Екатеринбурга в преддверии предстоящих в нем матчей Чемпионата мира по футболу 2018 года.

Мотивы миграционного поведения содержат в себе определенную методологическую трудность для социологического исследования. Они представляет собой сложную систему, в которой причудливым образом взаимодействуют индивидуальные установки, групповые предпочтения и социально одобряемые стереотипы.

В зависимости от комбинации всех выше перечисленных факторов формы реализации миграционного поведения могут быть весьма разнообразны. Их социальные последствия могут варьировать от созидательных проявлений до деструктивных форм. От конструктивной интеграции в глобальное научное сообщество с последующим повышением имиджа страны на мировой арене до участия в цветных революциях зарубежных стран и выбора роли наемника в локальных военных конфликтах.

Деструктивные формы миграционного поведения инициируются фактом несовпадения индивидуальных планов построения карьеры с социально одобряемыми формами их реализации. Наличие таких диссонансов приводит к конфликтам в сознании молодежи, чревато нигилизмом, разочарованием и появлением деструктивных форм поведения, которые могут реализовываться не только в предполагаемой стране миграции, но и в своем собственном отечестве, создавая объективную основу

для так называемого внутреннего терроризма. Гарантией безопасного решения такого рода конфликтов является адекватная модель самоидентификации личности в сочетании с совокупностью представлений о должных формах миграционного поведения, присущих социальной общности, с которой идентифицирует себя данный индивид (или группа людей, если речь идет о групповом поведении молодежи).

Ранее нами [] было показано, что в настоящее время на Урале быстрыми темпами идет процесс замещения титульной нации гибридным сообществом, в котором вместо единой системы формирования общественного сознания присутствуют три подсистемы, действующие автономно: правовая, экономическая и образовательная. Первая ориентирована на традиции патриотизма, вторая – на менталитет мигрантов из среднеазиатских регионов, третья – на копирование европейских ценностей. В условиях многоконтурного управления социумом проблема самоидентификации уральской молодежью приобретает особую остроту и черты неразрешимости. Конфликтность данной ситуации усиливается двумя обстоятельствами, напрямую связанными с государственно одобряемыми формами миграционного поведения молодежи. К ним относятся переориентация внешней политики Российской Федерации с запада на восток и создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Создание ЕАЭС обеспечивается четырьмя гарантиями, т. е. правом свободного пересечения таможенных границ для товаров, услуг, денег и рабочей силы. Последнее активизировало приток временных мигрантов из Казахстана для обучения в вузах Екатеринбурга и увеличило жесткость конкуренции на рынке труда для лиц с высшим образованием. Все эти обстоятельства оказывают существенное влияние на самоидентификацию молодежи, предусматривает кардинальную трансформацию их миграционных предпочтений. Скорость происходящих в уральском социуме трансформаций столь велика по сравнению со скоростью модернизации общественного сознания, что вместо

стимуляции жизнестойкости и конкурентоспособности студенческой молодежи блокирует ее [7, 8].

Целью настоящего исследования стало изучение миграционных предпочтений студентов Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление» на кафедре социологии и технологий государственного и муниципального управления (СиТГМУ) Института государственного управления и предпринимательства (заведующий кафедрой профессор Ю.Р. Вишневский).

Для достижения указанной цели были сформулированы три задачи:

1. Описать вектор уже осуществленных миграций студентов;
2. Охарактеризовать вектор ожидаемого миграционного поведения студентов;
3. Соотнести векторы миграции студентов с миграционной политикой вуза на предмет их согласованности и безконфликтности.

Опрос студентов был выполнен в формате включенного наблюдения во время чтения лекций по демографии одним из авторов настоящего сообщения, профессором кафедры СиТГМУ Талалаевой Г.В. Анкетирование осуществлено во время осеннего семестра 2015-2016 учебного года. Применена сплошная форма выборки, в опросе приняли участие все студенты трех групп бакалавриата, посещающие поточные лекции по дисциплине «Демография» ($n = 38$). При анкетировании использована открытая форма вопросов, позволяющая респондентам в произвольном виде сформулировать свои ответы. Вопросы анкеты были представлены студентам как составная часть текущего контроля знаний по теме «Миграция». В статистическую разработку для данного сообщения включены ответы студентов на три блока вопроса:

1. Каким миграционным опытом Вы обладаете? Какие страны посещали? С какой целью?

2. Планируете ли Вы свое миграционное поведение? Если да, то на какой период? В какие страны? С какой целью?

3. Что Вам известно о международной политике УрФУ? С вузами каких стран, на Ваш взгляд, университет осуществляет наиболее успешное взаимодействие? Влияет ли это взаимодействие на процесс Вашего обучения? Отразится ли оно на построение Вашей карьеры в будущем? Что необходимо сделать дополнительно, что бы повысить Вашу конкурентоспособность на мировом рынке труда как специалиста в области государственного и муниципального управления?

Получены следующие результаты. Респонденты почти поровну разделились на две группы: имеющие и не имеющие опыт зарубежных поездок. Никогда не выезжали за пределы Российской Федерации 47,37 % студентов специальности государственное и муниципальное управление, принявшие участие в опросе. Более того, почти каждый десятый (11,76 % от общего числа респондентов) не желает хотя бы на время выехать за границу и знакомиться с особенностями социальной жизни за рубежом, спецификой государственного и муниципального управления в других странах, полагая, что судьба России уникальна и несопоставима с историей иных стран.

Только 5,88 % побывали за границей с учебной целью, лишь 11,76 % с целью трудовой миграции в формате участия в программе «Work and Travel». Подавляющее большинство (88,36 % от числа тех респондентов, которые уже имели опыт возвратной сезонной миграции) выезжали за рубеж с целью отдыха и развлечений. Перечень стран, которые посетили респонденты до начала занятий на третьем курсе университета, следующие (приведены в алфавитном порядке): Абхазия, Англия, Белоруссия, Болгария, Германия, Греция, Грузия, Египет, Испания, Италия, Кипр, Нидерланды, ОАЭ, США, Таиланд, Турция, Франция, Чехия. Приведенный перечень свидетельствует о том, что в своей частной жизни при выборе вектора миграции респонденты ориентируются преимущественно на европейское направление.

Часть респондентов подчеркнула, что имеет сложившийся стереотип проведения летних каникул и предпочитает повторно посещать определенные страны. С учетом этого обстоятельства мы сочли целесообразным составить рейтинг стран, входящих в предпочтения уральских студентов. На 20 респондентов, имеющих опыт выезда за границу, общее число зарубежных поездок составило 39. Все страны, названные респондентами, по признаку частоты их посещения разделились на четыре кластера. Чаще всего студенты специальности ГМУ посещали Турцию (11 поездок, 28,21 % от общего числа зарубежных каникул). На втором месте по значимости находилась такие страны, как Болгария, Греция, Испания, Египет (по 4 поездки в каждую или по 7,69 % от общего числа поездок). Третье место в рейтинге заняли Германия, Чехия, США, ОАЭ (по 2 поездки на каждую или по 5,13 % от общего числа поездок). Четвертое место в рейтинге с 1 поездкой в каждую страну (или по 2,56 % от общего числа поездок) заняли Англия, Италия, Франция, Нидерланды, Кипр, Грузия, Абхазия, Белоруссия, Таиланд.

Анализ опыта внешней возвратной миграции студентов специальности ГМУ указывает на почти полное отсутствие у респондентов профессионального интереса в структуре мотивов их миграционного поведения. Несмотря на это, большинство опрошенных (88,24 %) не отказываются от идеи поездок за границу. Они планируют свое миграционное поведение и рассчитывают на то, что в ближайшее время до окончания университета и начала трудовой карьеры сумеют организовать себе зарубежные каникулы. Характеризуя миграционные планы, большинство респондентов подтвердило свою ориентацию на рекреационный туризм. При этом увеличилось, но незначительно количество респондентов, которые намерены использовать возвратную миграцию как средство повышения своего профессионального уровня. Так, из 38 человек, принявших участие в опросе, четверо отметили, что планируют продолжить свое обучение за границей и шестеро заявили, что хотели бы пройти за

рубежом стажировку по специальности. Лишь один из респондентов обозначил свое желание мигрировать из России на постоянное место жительства на Американский континент и допустил возможность нелегальной миграции через промежуточные страны. Таким образом, в краткосрочной перспективе десять человек из 38, т.е. около четверти опрошенных (26,32 %) связывают свой профессиональный рост как специалиста в области социального менеджмента с возвратной миграцией и личным знакомством с технологиями социального управления в зарубежных государствах. Три четверти респондентов не видят необходимости в такого рода практике. Примечательно, что перечень и рейтинг стран, запланированных для посещения респондентами, существенно отличается от аналогичных списков, составленных по факту уже состоявшихся зарубежных поездок. Перечень стран, в которых хотели бы побывать респонденты, перечисленных в алфавитном порядке, выглядит следующим образом: Австралия, Австралия, Англия, Армения, Босния и Герцеговина, Бразилия, Германия, Грузия, Египет, Индия, Испания, Италия, Китай, Мальдивы, Мексика, Нидерланды, Норвегия, США, Таиланд, Турция, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Шотландия, Япония. Большинство респондентов называли несколько стран. Общее число наименований составило 78 вариантов ответов. С учетом этого количества был составлен рейтинг стран, которые планируют посетить будущие специалисты в области ГМУ. В порядке убывания частоты предпочтений страны распределились следующим образом: США (11 ожиданий или 14,10 % от общего числа ответов), Италия (10 ожиданий; 12,82 % ответов), Франция (9 ожиданий; 11,54 % ответов), Англия (6 ожиданий; 7,69 % ответов), Испания (4 ожидания; 5,13 % ответов), Австралия, Норвегия, Чехия (по 3 ожидания или по 3, 85 % ответов), Индия, Япония (по 2 ожидания или по 2, 56 % ответов). Заключительную позицию в рейтинге составил список стран, которые однократно были названы респондентами и каждая из которых набрала чуть более одного процента (1, 28 %) от общего количества выборов. В этот

список стран вошли Австралия, Армения, Босния и Герцеговина, Бразилия, Грузия, Германия, Египет, Китай, Мальдивы, Мексика, Нидерланды, Турция, Таиланд, Финляндия, Швейцария, Шотландия. Анализ полученных данных позволяет заключить, что наиболее популярными и перспективными для своего отдыха и профессионального роста респонденты считают страны Евросоюза. Так, планы посещения Италии, Франции, Англии и Испании заявляет более трети респондентов (37,18 %).

Выявленные миграционные предпочтения студентов специальности ГМУ определенно не совпадают с вектором международной и внешнеполитической активности Уральского федерального университета, в структуре которых доминирующее положение занимают страны Азиатского региона и деятельность УрФУ по созданию совместных магистерских программ с вузами Казахстана, Киргизии и Монголии.

Опрошенные нами студенты отчетливо осознают несовпадение своих миграционных предпочтений с вектором академической мобильности, избранного университетом. Они расценивают это несоответствие как постоянно возрастающий потенциальный риск снижения своей конкурентоспособности и востребованности на рынке труда в кратко- и среднесрочной перспективе.

Для нивелирования нарождающегося конфликта интересов респонденты сформулировали ряд предложений. Среди них пожелание более свободного, обширного и интерактивного доступа российских студентов к информации об образе жизни, государственном управлении и специфике экономических отношений в тех странах, иностранные студенты которых сегодня обучаются в университете по элитным программам «двойного диплома». Кроме того, будущие специалисты в области ГМУ предлагают более тесно увязывать программы подготовки российских студентов с деятельностью совместных предприятий и международных общественных организаций тех стран, которые являются приоритетными в деятельности университета по реализации программы «5 – 100».

Закключение: проведенное исследование обнаружило расхождение между миграционными предпочтениями российских студентов, обучающихся по специальности государственное и муниципальное управление, с одной стороны, и приоритетами международной активности, реализуемыми Уральским федеральным университетом, с другой стороны. В среднесрочной перспективе это создает риск потери управляемости территорий Урала и передачи ключевых позиций в принятии управленческих решений в области социального менеджмента из рук коренного населения в руки мигрантов, наравне с первыми успешно окончившими уральские вузы. Предупреждение этого управленческого риска возможно путем более тщательной, продуманной и выверенной работы по формированию адекватной самоидентификации у новой генерации специалистов в области ГМУ, проходящих в настоящее время профессиональную подготовку в вузах Екатеринбурга, а также стратегически выстроенной и сбалансированной деятельности преподавателей вузов по оптимизации миграционных предпочтений в среде уральской молодежи.

Литература

1. Балакирева Т.С. Особенности и стимулы миграционного поведения молодежи села и малых городов Беларуси //Социологический альманах. 2013. № 4. С. 347-351.
2. Винокурова А.В. Динамика развития демографических процессов в Приморском крае: социологический анализ //Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № S14. С. 46-50.
3. Гольцова Е.В. Факторы социальной среды как детерминанты миграционного поведения молодежи иркутской области //Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № S14. С. 51-55.
4. Зубков В.В. Детерминанты миграционных представлений студенческой молодежи региона // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 198-206.

5. Киреев Е.Ю., Красниковский В.Я., Сазонов А.А., Сазонова А.Л. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития: Монография / Под редакцией А.А. Сазонова. Москва, 2013.
6. Намруева Л.В. Миграционные установки молодежи Калмыкии // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 2 (18). С. 64-70.
7. Талалаева Г.В. титульная или гибридная нация: актуальная проблема демографии Урала // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / Отв. ред.: А. И. Татаркин, А.И. Кузьмин. Екатеринбург, 2015. С. 361-367.
8. Талалаева Г.В., Тетерин Ю.В. Социальное неравенство и феномен множественной личности как инструмент повышения конкурентоспособности молодежи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (35). С. 205-209.
9. Чесноков А.С. Международная иммиграционная политика и социально-политические права мигрантов: идеологические приоритеты и нормативные основы // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 122. № 5. С. 102-108.
10. Чесноков А.С. Специфика политического регулирования иммиграционных процессов в современном мире. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2010. 55 с.
11. Шарова Е.Н. Миграционные установки молодежи Мурманской области // Проблемы развития территории. 2015. № 3 (77). С. 88-103.

УДК 316.4

**ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ: ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К
РЕГИОНУ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ**

Терещук, Е.А.

К.с.н.

Доцент кафедры экономики и менеджмента

Челябинский филиал РАНХиГС

Челябинск

Katya2501@inbox.ru

**CHELYABINSK REGION: THE POPULATION ATTITUDE TO THE
REGION AND THE TERRITORIAL IDENTITY**

Tereshchuk, E.

Candidate of sociological sciences
Associate Professor, Department of Economics and Management
Chelyabinsk branch RANHiGS
Chelyabinsk
Katya2501@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается отношение населения к проживанию в Челябинской области, выявленное в ходе социологического исследования в 2011-2012 гг. и в 2014 г. Также представлена динамика территориальной идентичности населения региона.

ABSTRACT

The article looks the population attitude to the inhabitancy in Chelyabinsk region discovered during the sociological research in 2011-2012 and in 2014. Also it shows the region population's territorial identity dynamics.

Ключевые слова: челябинская область|| территориальная идентичность|| социальное самочувствие|| социокультурный портрет

Keywords: chelyabinsk region|| territorial identity|| social health|| sociocultural description

Территориальная идентичность представляет собой один из видов социальной идентичности человека, которая в свою очередь может быть определена как восприятие, осознание себя членом некой социальной общности. Когда речь идет о территориальной идентичности, именно общее географическое пространство, на котором проживает социальная общность, признается системообразующим фактором формирования специфического социального взаимодействия индивидов в рамках данной общности, особенностей образа жизни, социального поведения, социальных институтов [1].

Отдельные аспекты территориальной идентичности были затронуты в рамках исследования «Социокультурный портрет Челябинской области» (2011-2012, 2014 гг) [2], [3].

Большинство опрошенных южноуральцев испытывают по отношению к Челябинской области скорее позитивные эмоции. Так, каждый четвертый опрошенный (25,6%) рад, что живет на Южном Урале; 46% - в целом довольны, хотя многое не устраивает. Доля тех, кто живет здесь по привычке, хотя и не в восторге от этого, - 5,3%. Почти каждый десятый опрошенный (8,1%) хотел бы переехать из региона (в другую страну или в другой регион страны).

Таблица 1

Чувства южноуральцев по отношению к Челябинской области
(2011, 2012, 2014)

	Население (2011)	Эксперты (2012)	Население (2014)
Я рад, что живу здесь	27,3	22,7	25,6
В целом я доволен, но многое не устраивает	42,8	52,7	46,2
Не испытываю особых чувств по этому поводу	13,4	10,0	13,0
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	5,6	8,0	5,3
Хотел бы уехать в другой регион России	4,5	2,7	3,8
Хотел бы вообще уехать из России	4,3	2,0	4,3
Затрудняюсь ответить	1,5	2,0	0,7
Отказ от ответа	0,6	-	1,1

Если в целом сравнивать чувства южноуральцев к факту проживания в Челябинской области по результатам мониторинга (2011 и 2014 гг.), то можно отметить устойчивое отношение к своему региону. Но при этом есть

некоторые изменения в качественных составляющих подобного отношения. Так, например, довольны проживанием в регионе - по итогам опроса 2011 года - были в большей степени мужчины, «зажиточные» [4] южноуральцы, жители крупных городов. В 2014 году это по-прежнему респонденты с доходом среднего и выше среднего уровня, но чаще - женщины и жители сельской местности и малых городов. Среди желающих переехать в другой регион России в 2011 году чаще представлены женщины, «обеспеченные»-«зажиточные»-«богатые», жители малых и средних городов. В настоящий момент это чаще мужчины, «бедные» и «обеспеченные», жители средних городов. Другими словами, дополнительного изучения требует вопрос изменения потребностей южноуральцев и возможностей их удовлетворения в рамках региона.

Родившихся в регионе больше в числе тех, кому не нравится здесь жить (60%) и кто вообще хотел бы уехать из России (86% данной категории). Переезд на нынешнее место жительства из другого города, региона, страны коррелирует с неполной удовлетворенностью проживанием в Челябинской области (49% от численности данной категории) либо с затруднением в оценках (57% от затруднившихся).

Половина опрошенных южноуральцев считает, что в сравнении с одними регионами в Челябинской области люди живут лучше, в сравнении с другими – хуже. Почти равны доли тех, кто оценивает жизнь в регионе как однозначно лучшую (11,2%) и однозначно худшую (13,4%) по сравнению с соседями.

Таблица 2

Самооценка жизни в Челябинской области в сравнении с другими регионами (2011, 2012, 2014)

	Население (2011)	Эксперты (2012)	Население (2014)

В нашем регионе люди живут лучше, чем в соседних регионах	13,6	16,0	11,2
По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	48,5	53,3	50,0
В нашем регионе люди живут хуже, чем в соседних регионах	13,6	16,0	13,4
Затрудняюсь ответить	22,9	14,7	24,4
Отказ от ответа	1,3	-	1,0

В сравнении с результатами опроса 2011 года, самооценка населением жизни в Челябинской области не изменилась. По-прежнему велика и доля тех, кто затрудняется высказать однозначное мнение по этому поводу (24,4%). Мнение о том, что в регионе люди живут лучше, в большей степени характерно для молодежи, южноуральцев с высшим образованием, имеющих средний и выше среднего доход («обеспеченные» - «зажиточные» - «богатые»), жителей сельской местности. Группа с контрастным мнением («в регионе люди живут хуже, чем в соседних») чаще представлена респондентами среднего и старшего возраста, южноуральцами со средним специальным образованием, имеющими доход ниже среднего уровня (категория «нищие» и «необеспеченные»), жителями крупных городов.

Эти сравнения в целом подтверждают предыдущие выводы о том, кому в регионе живется хорошо. Молодежь не столько стремится уехать из региона, сколько из страны вообще. А представители среднего и старшего возраста, проживающие в крупных городах области и имеющие невысокий доход, чаще других склонны к негативной оценке жизни на Южном Урале, что, видимо, сказывается на их желании переехать в другой регион страны.

Исследование идентичности жителей области с теми или иными территориальными границами также позволяет сделать выводы о социальном

самочувствии южноуральцев и об отношении к различным территориальным общностям.

Таблица 3

Динамика самооценки территориальной идентичности населения
Челябинской области (2011, 2014)

	Есть близость, 2011/2014	Нет близости, 2011/2014	Трудно сказать/Не знаю, 2011/2014
Жители поселения, в котором я живу (деревня, село, город)	58,5 / 74,6	15,1 / 12,4	26,4 / 13,0
Жители моей области	36,0 / 52,5	27,3 / 25,6	36,7 / 21,9
Жители всей России	29,7 / 42,0	27,1 / 29,5	43,2 / 28,5
Жители бывших республик СССР	17,7 / 24,5	39,0 / 37,9	43,3 / 37,6
Жители всей Земли	17,7 / 12,0	32,6 / 44,3	49,8 / 43,7

Прежде всего, жители области идентифицируют себя с населенным пунктом (деревней, селом, городом), в котором они непосредственно проживают: наличие ощущения близости с жителями своего поселения отмечают 74,6% опрошенных.

С более широкими территориальными общностями – границы области и границы России – идентифицируют себя соответственно 52,5% и 42% респондентов.

В меньшей степени южноуральцы ощущают себя представителями СССР (24,5%) и представителями Земли (12%). Другими словами, для

населения Челябинской области в большей степени характерны локальные территориальные идентичности, ощущение близости, прежде всего, с жителями своего поселения.

При этом обращает на себя внимание динамика самооценки территориальной идентичности в сравнении с 2011 годом. Существенно возросла доля тех, кто ощущает свою близость с населением страны (включая свое поселение и область) и бывших республик СССР. Это перераспределение произошло, судя по результатам опроса, за счет снижения доли «не определившихся». И выросла численность южноуральцев, которые не ощущают близости с жителями всей Земли. Другими словами, это выглядит как более четкое деление на «своих» (Россия и СССР) и «чужих» (все остальные), что в свете охлаждения отношений с Евросоюзом и США выглядит объяснимым.

По итогам опроса в 2011 году напрашивался вывод о том, что идентичность южноуральцев с различными территориальными общностями выражена слабее, чем в среднем по России. Было высказано предположение, что у жителя Челябинской области не сформировано представление о том, на основании чего должна ощущаться близость с жителями своего поселения, области, страны и т.д. [5]. Результаты опроса южноуральцев в 2014 году демонстрируют повышение уровня идентичности до общероссийских значений 2010 года. В связи с этим дополнительного исследования требует вопрос, является ли это следствием реализуемой в данный момент внешней политики руководства России или есть и другие причины динамики самооценки территориальной идентичности жителей региона.

Внутри локальной территориальной общности ближайший круг взаимопонимания для южноуральцев – это семья, на что указывают 79,9% опрошенных. Почти половина находят взаимопонимание в компании друзей.

Таблица 4

Круги взаимопонимания для россиян и южноуральцев

	Ф, 201 0	Челяб инская область, 2011	Челяб инская область, 2014
В семье	5,8	79,2	79,9
В компании друзей	9,4	54,5	46,9
Среди соседей	4,1	13,8	11,6
На работе	3,6	32,0	27,9
В кругу единоверцев	,9	5,2	2,5
Другое		1,9	-
Нигде	,8	1,0	0,8
Отказ от ответа	,9	3,2	4,8

Если в 2011 году в среднем каждый опрошенный выбрал почти два (1,89) круга, которые можно назвать ближайшими с точки зрения возможности найти в них взаимопонимание, то в 2014 году количество кругов взаимопонимания несколько сократилось (1,68 в среднем на одного южноуральца): меньше взаимопонимания теперь можно найти в компании друзей, на работе, среди единоверцев. Семья по-прежнему остается тем кругом общения, где всегда поймут и примут.

Исследование территориальной идентичности позволяет в целом выявить способность социального сообщества к самосохранению и

самовоспроизводству, что важно и с практической точки зрения, поскольку дает возможность органам управления более обоснованно разрабатывать и реализовывать программы развития территории.

Список литературы:

1. Несеоря Н.А. Социологическая интерпретация понятия территориальной идентичности [Электронный ресурс]. Материалы III Всероссийского социологического конгресса. – М.: Изд-во ВСК, 2008.

2. Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-03-00655а «Социокультурный портрет Челябинской области»), проект № 14-03-00486 «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве».

3. Исследование в Челябинской области, реализованное лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС, включает стандартизированный опрос населения по методике ЦИСИ ИФ РАН (июль 2011 года, июль-август 2014 года, выборка – 1000 человек), экспертный опрос (июль-август 2012 года, выборка – 150 человек), серию глубинных интервью (июль-август 2012 года, 120 интервью)

4. В соответствии с методикой исследования ЦИСИ ИФ РАН категории населения по самооценке материального положения представлены группами: нищие, бедные, необеспеченные, обеспеченные, зажиточные, богатые. См. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) [Электронный ресурс]. – URL: <http://iph.ras.ru>

5. См. Терещук Е.А. К вопросу о территориальной идентичности населения Челябинской области //Материалы XVI Международной конференции «Культуры, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 21-22 марта 2013г. – Екатеринбург, УрФУ, 2013. - С.808-816

УДК 343.85

ББК 67. 99(2) 9

**ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ РАБОТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Тимощук А.С.

д.филос.н.

доцент

ВЮИ ФСИН РФ

профессор

a@timos.elcom.ru

**PENITENTIARY WORK IN CONTEMPORARY RUSSIA:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

Timoschuk A.

Doctor of Philosophy .

assistant professor

VYUI FSIN RF

Professor

a@timos.elcom.ru

АННОТАЦИЯ

Сегодняшний этап развития России характеризуется совпадением двух модернизаций – технико-экономической и смысло-технологической. Необходимо не только успевать за глобализацией в области добычи, производства, распределения, торговли, но и негоциировать новые стандарты рациональности, в том числе в уголовно-исполнительной политике. Тюрьма – это одна из властных технологий по поддержанию социальной целостности и устойчивости. Эволюция государства, общества, права, уголовно-исполнительной политики – это взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы.

ABSTRACT

Today's stage of Russia's development is characterized by the coincidence of two upgrades – technical and meaning ones. It is necessary not only to keep pace with the globalization in the field of extraction, production, distribution, trade, but also to negotiate with new standards of rationality, including penal policy. Prison is one of the powerful technologies for the maintenance of social integrity and stability. The evolution of the state, society, law, penal policy are interrelated and interdependent processes.

Ключевые Слова: модернизация, уголовно-исполнительная политика, правоохранительная деятельность, пенитенциарная система, финансовая эффективность.

Keywords: modernization, penal policy, law enforcement, penitentiary system, financial effectiveness

Современная пенитенциарная политика Европы базируется на христианских ценностях и либеральной экономике, переходящей от наказания тела к наказанию ума. Растущие стандарты гуманизации в пенитенциарной системе – это совместное достижение христианских ценностей и западной целерациональности. Вместе с тем, следует учитывать, что опыт Западной Европы в исполнении наказаний будет всё сложнее учитывать по мере растущей экономической дифференциации. Одной из угроз высоких стандартов комфорта в исполнении наказаний является увеличивающийся мировой долг кредиторов, который превышает совокупность мировых благ. Совокупный внешний долг в мире сегодня составляет более 70 трлн. \$, т.е. порядка 10 тыс. \$ на каждого жителя земли.

Наша цивилизация последние две тысячи лет движется по пути возвышения потребностей и удорожания жизни. Если в Риме для удержания контроля над массами достаточно было хлеба и зрелищ, сегодня социальное бремя государства выросло неимоверно – пенсии, образование, здравоохранение, правосудие, разнообразные программы социальной

защиты. Особое место в этой системе общественных благ занимает уголовно-исполнительная система, как своего рода индикатор общественного здоровья. Переход от репрессивной к компенсаторной пенитенциарной системе означал для государства увеличение расходов на заключённых. Организаторские способности руководителей ГУЛАГа позволяли использовать миллионы подневольных рабочих рук на сложнейших промышленных объектах Сибири и Средней Азии, однако производительность труда заключённых оставалась низкой и содержание лагерей дотировалось государством [1]. Современный УИС стал ещё более дорогим для бюджета в силу цивилизационных изменений, таких как гуманизация и повышение стандартов жизни. В ГУЛАГе расходы на одного заключённого, по разным оценкам составляли 250-2000 рублей в год [2]. Средняя сумма за последнее десятилетие на содержание заключённого в год в России колеблется между 100 и 400 тысячами рублей. Даже с учётом инфляции и денежных реформ, на лицо многократное увеличение затрат на соответствие глобальным трендам [3]. При этом до европейского стандарта содержания à la Брейвик нам ещё далеко.

Методика, которую мы использовали, может быть подвергнута критике как недифференцированная, т.к. общий бюджет уголовно-исполнительной системы (порядка 240 млрд. рублей в год) делится на количество осуждённых (646 319 чел на 1 февраля 2016 г.) [4]. На наш взгляд, такой подход при всей его неточности наглядно демонстрирует удорожание пенитенциарной политики и рост социальных обязательств государства. Таким же образом рассчитывается ВВП на душу населения, который является основным показателем уровня жизни в государстве, в отличие от общего ВВП. Поэтому общий ВВП делится на количество граждан, населяющих государство.

Федеральная служба исполнения наказаний (сокращенное наименование – ФСИН России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции,

функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания. Из восьми задач ФСИН семь из них направлены на обеспечение уголовно-исполнительной политики государства – охрана, конвоирование, содержание под стражей, контроль и организация деятельности подсудимых и осуждённых. Только восьмая задача может учитывать интересы сотрудников ФСИН, а именно, управление территориальными органами ФСИН России и непосредственно подчиненными учреждениями [5].

Удорожание содержания заключённых связано не только с непосредственными выплатами на питание, содержание и медицинское обслуживание заключённых. Фактические траты на самого заключённого составляют значительно меньше, т.к. дорого обходится содержание самой системы, поскольку в обществе социального благоденствия расходы растут не только на арестантов, но и на государственных служащих, занятых в пенитенциарной системе.

Справедливо ли то, что рецидивисты обходятся дороже пенсионеров? Гуманизация исполнений наказаний приводит к тому, что заключённому гарантировано и скорее оказывается бесплатная медицинская услуга, нежели законопослушному гражданину, заплатившему налог в государственный бюджет, из которого ассигнуется содержание преступника под стражей. Очевидно, общество должно дозреть до гуманизма. Гуманизм – это привилегия сытых и довольных, а не формально юридическая функция. Пока же социальные массы обучают гуманизмом сверху, как и патриотизмом.

Если патриотизм, это единственное, что нас скрепляет, то он должен идти снизу. Общество должно дозреть до патриотизма. Если патриотизм

сводится к воспоминаниям должностных лиц о ВОВ, он усечённый и искажённый. Это, скорее, идеология, а не патриотизм. Единственный возможный патриотизм сверху, это патриотизм своим примером. Патриотизм в Великобритании – принц служит в армии. По аналогии, патриотизм в России – это когда дети первых лиц государства служат в армии, в МВД, ФСИН, причём не в штабе, а на передовой. Патриотизм в экономике начинается с того, что государственные служащие пользуются отечественными машинами.

При дефиците бюджета любое государство вынуждено включать экономию наказания, однако сможет ли общество симметрично включить экономию зла? Стандартным ответом на секвестирование бюджета стала стратегия оптимизации деятельности государства, которое не может себе позволить в условиях сложной международной конкуренции полностью отказаться от высоких стандартов в области уголовно-правовой политики, образования, безопасности. При всей недоброжелательности к оптимизации, которая практически всегда означает сокращение средств и увольнения, это управленческий метод остаётся, пожалуй, единственным средством удовлетворения растущих государственных потребностей при дефиците ресурсов. Методологическую основу оптимизации составляет системный подход, психология труда, профессиональная педагогика

Оптимизация решает такие проблемы как 1) целеполагание организации; 2) аудит эффективности и стабильности системы; 2) распределение функций между подсистемами; 3) разработка критериев качества и способов управления им; 4) оценка устойчивости персонала в условиях перенагрузки, утомления, стресса; 5) разработка методов и средств отбора и обучения специалистов; 6) автоматизация управления; 7) сведению к минимуму человеческого фактора в опасных и критичных условиях; 8) снижение риска и расходов возникающих при исполнении функций системы.

Процесс выбора наилучшего варианта из возможных в идеале должен быть комплексным, т.е. разноуровневым, разнородным и многосторонним.

Обеспечение комплексной оптимизации требует значительных издержек, что входит в противоречие с главной целью оптимизации – сохранить стабильность системы меньшими ресурсами. Поэтому вся нагрузка по приведению системы в наилучшее состояние в условиях недостатка ресурсов ложится на кадровый и управленческий аппарат.

ФСИН на протяжении последних 20 лет регулярно проводила оптимизацию работы пенитенциарной системы совместно с другими государственными органами. Наиболее масштабными направлениями решения задачи уголовного наказания при заданных финансовых ограничениях стали: декриминализация, наказание без лишения свободы, использование технических инноваций. Все эти меры призваны сократить штат и расходы на содержание ФСИН. В качестве перспективного направления оптимизации Г.А. Корниенко называет частно-государственное партнёрство в реорганизации колоний и СИЗО в черте города: ФСИН нужны новые переоборудованные по европейским стандартам места лишения свободы, а бизнесу нужны площади под тюрьмами в историческом ядре города [6].

Исследование процессов оптимизации социокультурного воздействия на личность и превращение ее в субъект социально-культурного творчества – классическая тема философии, которая предлагает рационализацию таких проблемных областей как социальная справедливость, государственная легитимность, управление неоднородными объектами, эффективность деятельности социокультурных институтов и учреждений культуры, взаимодействия интересов и прав личности и общества.

Прагматичный, консеквенциалистский подход к правоохранительным органам и государственной власти означает, что мы информируем общество о том, что нельзя доверять никаким бюрократическим и управленческим структурам, так как у них всегда есть свои интересы. Это не означает, что они плохие или не профессиональные. Следует проводить различие между корпоративной лояльностью и личной лживостью. Профессиональное

качество государственного служащего – прямота и честность. При этом мы не должны забывать, что любое сообщество развивает коллективную субъектность, формируя собственные стандарты честности, что может расходиться с ожиданиями иной группы.

Рационализация высшей меры наказания означает, что мы, прежде всего, рассматриваем её как необратимую, что в условиях возможной судебной ошибки и корпоративной солидарности сотрудников правоохранительных органов делает смертную казнь опасным инструментом против общества и подвергает риску государство как преступную организацию.

Позитивистский подход к коррупции позволяет идентифицировать её не только в узком смысле как использование служебного положения с целью личного обогащения, но и в широком смысле как любую служебную ситуацию, где возможен конфликт между личным и общественным. Во втором случае имеет место коррупция в исходном смысле слова – разложение, порча, гниение. Речь идёт, в частности, о коррупции достоинства, ухудшении социального имиджа профессии, использовании человека как средства достижения иных целей. Примерами такой коррупции является совмещение в одной организации функции образования и контроля, оказания услуг и их проверки, написания работы и её рецензирования, следствия и суда и т.п.

К коррупции двух типов относится трудоустройство «мёртвых душ» в организацию. Социально-экономические последствия найма подставных лиц заключаются в перегрузке работающих сотрудников чужими обязанностями. Формально-этическими составляющими чёрного найма выступают посрамление управленческого персонала и преподавателей-«призраков».

Социальная неоднородность вызывает конкуренцию не только отдельных индивидов и обществ, но и правовых систем. Сегодня между собой соперничают, в частности, формально юридические и традиционные системы права.

Поправки к Программе реформирования пенитенциарной системы и возможные риски выхода России из ЕСПЧ могут означать, возврат тюрьмы как репрессивного института.

Критика категорического императива возможна с позиции родового общества, где индивидуальная жизнь не является высшей ценностью. В качестве высшей цели может выдвигаться род, преданность Богу, предками и др. Современное государство – это неоднородное образование, где могут сосуществовать как гуманистическая индивидуальность, так и родовые анклавы. Трудность приведения всей системы права под универсальный знаменатель выводит вперёд значимость процессуальных сторон государственного строительства: ситуативность, импровизация, конвенционализм, игра. При этом главной точкой сборки выступает кайрос как онтогносеологический момент истины. Правоохранительная деятельность – это часть государственного театра по поддержанию уверенности общества в существовании и функционировании аппарата принуждения и наказания.

В основаниях пенитенциарной политики находятся общественные предпосылки, поэтому понимание тюрьмы – это всегда реконструкция социальнокультурной среды. Процедура герменевтического круга позволяет рассматривать систему исполнения наказаний концентрически и последовательно: социум не понять без пенитенциарной системы, а формы изоляции от общества нельзя осмыслить вне общекультурного контекста. В царской России тюрьма служила школой жизни для политических заключённых и последующим партийным лифтом. В советское время многие политические узники становились впоследствии знаменитыми диссидентами за рубежом.

В современной России, по мере выравнивания идеологических противоречий и усугубления имущественного расслоения тюрьма всё больше приобретает значения социального блага для бедных. Увеличение площади на одного осуждённого, одиночное отбывание наказания, евростандарты в

питании и бытовых условиях, гарантированное бесплатное медицинское обслуживание и обучение, обеспечение безопасности, – всё это потребительские блага в условиях обеднения населения и может конкурировать со свободной жизнью, где обостряются социальные проблемы: квартирный вопрос, рост тарифов ЖКХ, безработица, труднодоступность медицинской помощи, инфляция.

Противоречия царского и советского периодов новой истории России будут сняты через несколько веков, когда 20 век предстанет как эволюция прав и свобод масс населения России. Несомненно, конец 20 века был отмечен ослаблением ряда социальных гарантий и возвышения «дешёвых» политических и культурных свобод, однако в целом российскую историю XX следует воспринимать в духе диалектики либерализации массовых прав и свобод, чего не смогли довести до конца Романовы мирным путём.

Список литературы

1. Иванова Г.М. ГУЛАГ: государство в государстве // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. - М.: Российск. гос. ун-т. 1997. С. 209-273. Орлова И. Лагерный тупик // http://www.ng.ru/ng_politics/2008-10-21/14_gulag.html

2. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства // Доклады Института российской истории РАН. 1995-1996 гг. / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н.Сахаров. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 163-188. Рассказов Л.П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история: Ежегодник. 2002. — М.: «РОССПЭН», 2003. С. 269-319.

3. Солопов М. Россия тратит на одного заключенного в 50 раз меньше Европы // <http://www.rbc.ru/society/11/02/2015/54db24779a794752506f1ebf>

4. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>

5. Положение о ФСИН России // <http://www.fsin.su/fsin/status/>

6. Глава ФСИН раскритиковал намерение властей сократить число сотрудников УИС // <http://pravo.ru/news/view/83108/>

Migrants as an object of social work

В статье затрагивается такое сложное социальное явление как миграция, а именно мигранты, которые нуждаются в помощи, как государства, так и общества в целом. Особенно затрагивается роль социального работника во взаимодействии с мигрантами для помощи в решении той или иной проблемы, ведь в социальной работе существует практическая и организационная работа с мигрантами.

The article touches upon such a complex social phenomenon of migration, namely migrants who need help both the state and society in general. Particularly affected by the role of social worker in cooperation with migrants to help solve this or that problem, because there is a practical social work and organizational work with migrants.

Ключевые слова: миграция, мигранты, проблемы мигрантов, социальный работник, социальные службы.

Keywords: migration, migrants, the problems of migrant workers, social worker, social services.

Актуальность данной темы не вызывает сомнений, поскольку в Российской Федерации в настоящее время процессы, связанные с увеличением миграционных потоков в Россию, приобретают огромную популярность и нуждаются в эффективном регулировании. Как правило, это связано с тем, что современному российскому обществу характерно нестабильный прирост и сокращение трудовых ресурсов страны. Отсюда вытекает то, что миграция играет возрастающую роль как источник поддержания российского социума. В перспективе на будущее время, иммигрантов, особенно молодых и трудоспособных, можно рассматривать как лиц, способствующих улучшению возрастного состава населения России, что поможет существенно снизить нагрузки на систему здравоохранения и

государственного социального обеспечения. В последнее время, миграция принимает широкие масштабы, становясь одним из ведущих факторов экономического развития не только в России в целом, но и в Свердловской области в частности. Сам факт смены жительства является дестабилизирующим для мигрантов и влечет за собой ряд неудобств, таких как смена климата, правового поля и социального окружения.

По статистическим данным, в период с 2004 по 2014 год, число ежегодно прибывающих в Россию мигрантов увеличилось в четыре раза - с 119 тыс. человек в 2004 году до 482 тыс. в 2014 году [5]. Свердловская область является одним из наиболее популярных регионов мигрантов, уступая о популярности лишь Москве, Санкт-Петербургу, Приморскому и Краснодарскому краям.

Миграция представляет собой сложное социальное, политическое, экономическое, нормативно-правовое явление, которое не является однозначным ни по содержанию, ни по сущности. Развиваются качественно новые миграционные потоки, появление которых обусловлено экономической и политической обстановкой в мире.

По определению Л. Л. Рыбаковского, миграцией называется любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности [4]. Но такое узкое определение подходит для таможенного, миграционного контроля, для борьбы с незаконной миграцией.

Мигранты – субъекты, которым необходима помощь в социальной адаптации и интеграции. Наиболее оптимальным является рассмотрение миграции населения не только как процесс территориальной мобильности, но и как состояние примирения с новой средой. Важным становится понимание того, что процесс миграции населения затрагивает следующие универсальные взаимодействия разных идентичностей как атрибутов социальной среды. Во-первых, старой и новой территории, а также населения

на старой и новой территории, т. е. поселенческой и антропологической структур. Во-вторых, культур бывшего и нового сообщества, т. е. духовно-культурных структур (образовательных, конфессиональных, национально-культурных). В-третьих, сообществ, занятых определенным профессиональным трудом, т. е. структур занятости, предпринимательства, работников и работодателей. Для одних видов миграции характерны переменные, связанные со всеми названными жизненными сферами, для других доминируют только связанные с одной сферой.

Среди основных социальных проблем мигрантов, следует выделить следующие: жилищная проблема; проблема трудоустройства; социальная и психологическая адаптация. К вышеперечисленным проблемам добавляется множество других: получение прописки по месту жительства, правовая неграмотность и отсутствие информации о том, где можно получить необходимую помощь, устройство детей в дошкольные и школьные учреждения, незнание (плохое знание) языка и культурных особенностей новой территории пребывания, ксенофобия и агрессивное поведение со стороны местного населения.

В настоящее время органы социальной защиты проводят различную работу с мигрантами. Социальные работники помогают каждому обратившемуся человеку в решении его экономических, правовых, социальных и других проблем, помогают в установлении или восстановлении необходимых социальных связей и отношений. В социальной работе с мигрантами выделяются два основных вида:

1. Практическая социальная работа. Практическая социальная работа с мигрантами проводится по следующим основным направлениям: социальному; социально-информативному; социально-психологическому; социально-педагогическому; социально-правовому; медико-социальному; финансовому; социально-экономическому; материальному; социально-трудовому.

2. Организационная работа (заключается в оказании всеобщей, комплексной помощи) [1].

В настоящее время социальная работа с мигрантами в России находится еще в начале своего становления. С помощью социальной работы восполняются потери, блокируется агрессивное, негативное воздействие среды. Главной задачей социальных служб при работе с мигрантами является сведение к минимуму тех отрицательных тенденций и последствий, которые она в себе несет. Социальным службам необходимо накапливать информацию о формах и методах работы и овладевать средствами, с помощью которых можно осуществлять управление процессами миграции.

Таким образом, мигранты являются категорией населения, требующей особого внимания и поддержки как со стороны государства, так и со стороны общества. Оказавшись в неблагоприятных жизненных условиях, они имеют множество проблем, которые невозможно разрешить самостоятельно.

Список литературы

1. Акмалова А.А. Социальная работа с мигрантами и беженцами /А.А. Акмалова В.М. Капицын / отв. ред. П.Д. Павленок: Учебное пособие – М.: ИНФРА-М, 2008 – 220с.
2. Басов Н.Ф. Социальная работа: Учебное пособие / Под ред. д. п. н., проф. Н. Ф. Басова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. — 364 с.
3. Воробьева О.Д. Некоторые аспекты истории миграции населения в России: статья //Социальная политика и социология. - 2010. - № 6.
4. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: Монография – Институт социально-политических исследований РАН, 2008.
5. Электронная энциклопедия “Кругосвет” [Электронный ресурс] URL: <http://www.krugosvet.ru>
6. Юдина Т.Н. Социология миграции //учеб. пособие для студ. вузов - М.: Академический проект, 2006.

УДК/ББК 316.4

Фан И.Б.

Дискурс мобильности в обществе позднего Модерна

Discourse mobility in the society of late Modern

Аннотация: Представленный автором в статье анализ дискурса мобильности позволяет выявить существенные черты общества позднего Модерна. Данный дискурс высвечивает следующие проблемы и тенденции глоболизирующегося общества: усиление роли различных видов мобильности и индивидуализации, трансформация модели национального гражданства, изменение характера политического участия граждан.

Abstract: Presented by the author in the mobility of discourse analysis reveals the essential features of the society of late Modern. This discourse highlights the following trends and problems of the globalized society: enhancing the role of different types of mobility and individualization, the transformation of the model of national citizenship, the changing nature of political participation of citizens.

Ключевые слова: дискурс мобильности, общество позднего Модерна, модель национального гражданства, подданство, политическое участие, индивидуализация, публичная сфера.

Keywords: mobility discourse, society of late Modern, the model of national citizenship, citizenship, political participation, individualization, the public sphere.

Дискурс мобильности обладает большим репертуаром метафор и понятий - «социальные сети», «потоки», «системы мобильностей», «сетевой капитал». Он начинает доминировать над дискурсом стабильности и структуры. «Понятие «мобильность» сегодня обрело статус парадигмы или базовой теоретико-методологической установки, на основе которой выстраивается новая концептуальная модель способа существования общества постиндустриального типа» [6, с. 19]. Анализ дискурса мобильности позволяет выявить существенные черты общества позднего

Модерна. Несмотря на то, что он претендует на статус новой научной парадигмы, парадигмальный статус данного дискурса и степень его универсальности не очевидны. «...Модерн остается длящимся, незавершенным проектом современности, взятой в ее политическом измерении.... Модерн, несмотря на убедительную постмодернистскую критику, остается базовой политической парадигмой для легитимации и описания глобальной политической современности» [4, с. 147].

Парадокс дискурса мобильности Дж. Урри, «отца-основателя» данного направления политической мысли, состоит в том, что говоря о подвижности и многочисленных изменениях, он рисует картину социальной структуры. Различные формы и паттерны мобильностей приводятся в движение сетевой структурой социальных связей. Дж. Урри говорит о включенности социальных действий и практик в совокупности мобильностей и систем мобильностей. Фактически в концепции Дж. Урри системы мобильностей выступают в качестве основы социального порядка. Однако в этой картине современного общества почти не уделяется внимания социальному действию, это теоретическая ловушка (Н. Харламов). Но остается неясным источник мобильностей, их субъект. Недооценка взаимосвязи устойчивого и изменчивого в социальных процессах приводит к абсолютизации изменчивого – мобильности, которая оборачивается своей противоположностью и превращается в надындивидуальную и бессубъектную структуру.

Важно то, как дискурс мобильности объясняет изменения, происходящие в национальном государстве и национальном гражданстве. Нам приходилось писать о трансформациях гражданства, представленных в современных политологических концепциях [9]. Здесь мы рассмотрим, как дискурс мобильности продолжает и развивает дискуссию о гражданстве и каковы научные эффекты сложения двух обсуждений.

Дискуссия о гражданстве, начавшаяся среди исследователей политики в 1980-90-е годы и продолжающаяся до настоящего времени, стала ответом

не только на логику развития политической теории. Она была и реакцией на текущие политические события и тенденции: рост миграционных потоков, вызванный глобализацией, усиление роли мигрантов в принимающих обществах, усиливающаяся апатия избирателей, безразличие рядовых граждан к политическому участию, абсентеизм, зависимость населения от государственных социальных пособий, возрождение национализма в Восточной Европе, многорасовость и многокультурность населения в Западной Европе, этническое и религиозное многообразие обществ, размывание традиционной политической культуры гражданского участия, разочарование в глобализации, болезненное ощущение утраты национального суверенитета. Все это требовало переосмысления концепции гражданства. Среди причин распространения кризисных тенденций называли кризис welfare state и модели «социального гражданства», дисфункции представительной демократии. «Подъем тематики «политического гражданства» как серии исторических практик освобождения и есть форма поиска новых способов критики капитализма в условиях его «триумфа», наступившего в конце 80-х – начале 90-х годов...» [2, с. 142]. В либерально-демократическом дискурсе тематика гражданства замещала критику капитализма, а в леворадикальных концепциях была формой критики глобального капитализма.

Причины кризиса модели национального гражданства поначалу видели в необходимости совершенствования «базисных структур» общества, в институциональных и процедурных механизмах достижения справедливости - разделении властей, федерализме, парламенте, конституционных правах, политических процедурах принятия политических решений и т.п. Но постепенно интерес сместился к вопросам гражданских добродетелей и гражданского сознания, определенный уровень которых необходим для успешного функционирования политических институтов и механизмов. У. Кимлика пишет: «... я буду рассматривать теории гражданства как важное дополнение, а не как замену теориям справедливости: теории гражданства

выявляют добродетели и практики, необходимые для того, чтобы развивать и поддерживать институты и меры государственной политики, отстаиваемые теориями справедливости» [3, с. 365]. Все добродетели демократических граждан концентрируются вокруг понятия «гражданский республиканец», центральным для него является принцип политического участия гражданина.

Эта дискуссия оттолкнулась от классического понимания национального гражданства Т.Х. Маршалла: «Гражданство – это статус, который дается полноценным членам данного сообщества» [5, с. 170]. Этот статус предполагает равенство граждан в правах и обязанностях. Т.Х. Маршалл исследовал эволюцию гражданства в Англии и установил, что становление гражданства (с его эгалитарной установкой) совпадает со становлением капитализма как системы неравенства. Ю. Хабермас считает, что именно «национальное самопонимание сформировало тот культурный контекст, в которых из подданных могли получиться политически активные граждане» [10, с.206]. Форма национального государства стала результатом нахождения нового способа легитимации власти и социальной интеграции общества. Этим способом стала политическая мобилизация граждан как членов нации, использующая принцип демократического участия, который формирует и статус гражданства, и новый уровень солидарности, основанной на праве, и открывает в нации для государства секуляризованный источник легитимации [10, с. 207]. Глобализация средств сообщения и коммуникаций, финансирования, экономического производства порождает проблемы, например, экологическую или военную угрозы, которые не могут быть решены в рамках национального государства или путем соглашений между суверенными государствами. Происходит ослабление национально-государственного суверенитета, следовательно, все более возрастает необходимость формирования возможностей политического действия на наднациональном уровне [10, с. 199]. У. Кимлика констатирует, что растет число транснациональных организаций и их влияния на жизнь, но они демонстрируют большой «дефицит демократии» и обладают «малой

публичной легитимностью в глазах граждан». Однако политической теории транснациональных институтов не создано. Отсутствует и космополитическая теория демократии и гражданства, но необходимость в них становится все более острой [3, с. 401-402].

Дискурс мобильности, включаясь в дискуссию о гражданстве, описывает трансформации модели национального гражданства. Джон Урри пишет: «... различные мобильности фрагментируют национальные общества, способствуя возникновению локальных, региональных, субнациональных, сетевых, диаспорных и глобальных экономик, идентичностей и гражданств» [8, с.344]. Самыми тревожными следствиями распространения различных видов мобильности является фрагментация и ослабление гражданского общества, нации как основы солидарности и интеграции, являющейся основой легитимации власти и коллективного действия, а также разрушение основы принципа политического участия граждан. Из двойного содержания гражданства устраняется его активная часть – способность гражданина к политическому действию во имя общего блага, и остается лишь пассивная сторона, типа потребительского гражданства, которое, по сути, не отличается от подданства. также вносит

Существенный вклад в осмысление происходящего вносит и концепция текучей современности З. Баумана. Он описывает размывание тесной связи нации и государства, характерной для прошлого, но отсутствующее в настоящем. Индивидом утрачивается чувство уверенности и безопасности, надежда на государственные институты исчезает. «Свобода государственной политики беспрестанно разрушается новыми глобальными силами, имеющими в арсенале ужасное оружие экстерриториальности, скорости передвижения и способности к уклонению/бегству; возмездие за нарушение новых глобальных правил бывает быстрым и беспощадным.... отказ вести игру по этим новым глобальным правилам – наиболее жестоко наказуемое преступление, совершения которого власти государства, привязанные к земле их собственным территориально определенным суверенитетом, должны

опасаться и избегать любой ценой» [1, с.199]. Мобильность как существенная характеристика власти глобальных сил меняет качество власти, а «рутинная демонстрация превосходства глобальных сил» (З.Бауман) вновь и вновь утверждает новый «мировой порядок».

Важнейшей стороной «текучей современности» является постоянная модернизация и процессы развития мобильности и индивидуализации. Современность порождает необходимость иного человека - *homo mobilis* - и в качестве результата социальных сетей и систем мобильности, и в качестве источника, осуществляющего ежедневную комбинацию сетей собственных взаимодействий. Мобильность выступает и как механизм, и как следствие модернизации. Индивидуализация же является одним из проявлений бесконечного процесса модернизации. Содержанием индивидуализации является все большее обособление человека от всякого рода зависимостей. Обратной стороной этого процесса становится разрыв социальной ткани, ощущаемый личностью как невозможность преодолеть одиночество. З. Бауман отмечает две особенности современности: крах иллюзии построить хорошее и справедливое общество и перемещение акцента с дискурса справедливости на дискурс защиты прав человека, то есть на право человека отличаться от других и выбирать собственные модели счастья [1, с.36-37]. Однако следствием такой индивидуализации и апофеоза права «индивидуального выбора всего» становится то, что бремя автономии и независимости, ответственности за системные противоречия и риски, вновь и вновь порождаемые глобальным обществом, ложится исключительно на индивида. Такова цена «освобождения» индивида от социального принуждения, надзора и зависимости. В условиях размывания всех форм членства неопределенными становятся все формы идентичности человека, в том числе, и гражданская. Индивид при наличии юридической автономии обречен на постоянные поиски собственной идентичности во всех остальных смыслах, на бесконечное самоопределение, на нескончаемую мобильность. З. Бауман отмечает еще один парадокс – «индивидуализация – это судьба, а не

предмет выбора»: «В царстве индивидуальной свободы выбора возможность избежать индивидуализации и отказаться от участия в индивидуализации не предусмотрена» [1, с. 41]. Неоднозначным следствием индивидуализации является «коррозия и постоянный распад гражданства» [1, с.44]. Таким образом, индивидуум становится «врагом» гражданина, поскольку он все более ориентируется на частное, а не общее благо, на частную, а не публичную жизнь. Из публичного дискурса вытесняется все, что не соответствует частным и индивидуальным потребностям и интересам. Сущность общества и «тирании» интимности, конца публичной культуры, разрушения баланса между публичной и частной сферами жизни в эпоху позднего Модерна раскрывает Р. Сеннет [7].

Следствием размывания национальной модели гражданства в условиях глобализации и под воздействием систем мобильностей также является возникновение новых форм неравенства. Так, раздел о социальных и политических следствиях действия совокупности мобильностей Дж. Урри называет «Врата рая и ада». Классическую модель национального гражданства, описанную Т.Х. Маршаллом, Дж. Урри характеризует как «гражданство покоя». В глобализирующемся обществе Дж. Урри насчитывает двенадцать режимов международных перемещений, типов коммуникации и мобильностей. Общее их действие аккумулируется и приводит к размыванию самой ткани социального, к ослаблению гражданского общества. Урри называет два крупных следствия этих процессов. Первое связано с развитием новых видов гражданства и идентичности, которые подтачивают национальное гражданство и национальную идентичность. Это гражданство меньшинств, гражданство потребителей, гражданство мобильности (посетителей различных мест культур). Появляются новые идентичности гендерной и сексуальной ориентации, этнической и поколенческой принадлежности. Все это в концепции Урри носит название «гражданства потока» [8, с. 350]. Второе следствие – смена модели идентичности. Модель национальной

идентичности уступает место универсальным моделям сообщества членов, связанных с де-территориализированным понятием универсальных прав личности. Это движение к постнациональному гражданству, примером которого может являться экологическое гражданство, связанное с гражданством Земли. Суть данного процесса состоит в отрыве прав личности от территории и от нации. В данном процессе можно найти и позитивные, и негативные следствия. К первым можно отнести универсализацию прав личности, ее независимость от конкретного государства. Однако ее автономия оборачивается беззащитностью перед глобальным порядком, невозможностью солидарных действий, интеграции с другими членами глобальной общности. Социальные связи становятся технически, технологически и виртуально опосредованными, это обостряет множество экзистенциальных, этических и политических проблем.

Список литературы:

1. Бауман З. Текущая современность [Текст] / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240с.
2. Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество [Текст] / Гос. ун-т – Высшая школа экономики; ввод. ст. В.С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 224с.
3. Кимлика У. Современная политическая философия: введение [Текст] / пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.
4. Мартьянов В.С. В поисках парадигмы позднего Модерна. – Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 10. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. С. 135- 148.
5. Маршалл Т. Х. Гражданство и социальный класс[Текст]. - Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество [Текст] / Гос. ун-т – Высшая школа экономики; ввод. ст. В.С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла / пер. с

англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – С. 145-223.

6. Русакова О.Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности // Дискурс-Пи. № 13 (2013). Дискурс мобильности. – Екатеринбург: Изд. дом Дискурс-Пи, 2013. С. 19-25.

7. Сеннет Р. Падение публичного человека [Текст] / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. – М.:»Логос», 2002. – 424с.

8. Урри Дж. Мобильности. [Текст] / Пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. ст. Н.А. Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 576 с.

19. Фан И.Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века. - Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 8. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С.257 – 278.

10. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории [Текст] / Пер. с нем. Ю.С. Медведева под ред. Д.В. Складнева. – СПб.: «Наука», 2001. -417с.

К проблеме создания в библиотеке коллекции аудиокниг

To create the problem in the library collection of audiobooks

В статье описывается необходимость создания в библиотеках коллекции аудиокниг, а также процесс записи аудиокниги.

The article describes the need for a library collection of audiobooks and audiobooks recording process.

АУДИОКНИГА, БИБЛИОТЕКА, ПРОЦЕСС ЗАПИСИ, ЧТЕНИЕ ВСЛУХ.

AUDIOBOOKS, LIBRARY, RECORDING PROCESS, READING ALOUD.

Произведения художественной литературы дают материал для демонстрации того, какое место принадлежало чтению вслух в XVI-XX веках. В частности факт широкой распространенности практик коллективного чтения, когда в дружеском или семейном кругу большие по объему произведения читались вслух тем, кто был способен прочесть текст наиболее четко и выразительно, либо по очереди. В начале 1830-х гг. у военных «слушать, как другой человек читает роман, было самым приятным и самым полезным занятием; чтец имел право остановиться, а слушатели остановить его на той мысли или на той фразе автора, которые обращали на себя внимание; при этом завязывались дискуссии, которые длились по нескольку дней, когда участники спора обдумывали новые подтверждения своим мнениям или опровержения противникам» [2, с. 34]. Может возникнуть противоречие: читать и слушать книгу – это процессы разного характера. Когда речь идет о чтении вслух и аудиокниге, подразумевается сравнение с точки зрения слушателя.

Вместе с тем, с развитием технологий и технического прогресса происходят изменения, которые затрагивают принципы чтения. Продолжают

появляться электронные библиотеки, электронные книги, устройства для их чтения [4, с.34]. При этом Согласно закону РФ «О библиотечном деле» «библиотека – информационное, культурное, образовательное учреждение, располагающее организованным фондом документов и предоставляющее их во временное пользование физическим и юридическим лицам» [5]. Создать фонд аудиокниг можно в любой библиотеке, в том числе электронной. Задача состоит в том, чтобы человек воспринял вербально (со слуха) содержание, то есть, усвоил характеры персонажей, понимал мизансцены и внимательно следил за развитием событий. Именно это является главной задачей чтения вслух художественных произведений. Второстепенные задачи начинаются с приобретения слушателями новой информации. Лучше подходят для чтения вслух те произведения (статьи, стихи, рассказы и т.д.), которые с вашей точки зрения красиво изложены и содержат богатый лексикон. Также очень важно произносить текст не тоном чтения, а так, как будто вы выражаете собственные мысли – читая вслух, нужно не «читать», а «рассказывать». Как возможный вариант прослушивания книг можно было бы назвать аудиокнигу – произведение литературы, озвученное профессиональными актерами, опытными дикторами или энтузиастами-любителями, со звуковым, музыкальным сопровождением, либо без него, и записанное на звуковой носитель. Для этого достаточно выбрать, в созданном сотрудниками библиотеки архиве, произведение, и включить, либо записать файл с книгой на компьютер, плеер или сотовый телефон.

В тоже время, как бы профессионально ни была начитана и музыкально наполнена книга, для ребенка более приятен голос близкого человека. Можно представить приятное удивление ребенка, когда он услышит любимую сказку в исполнении своих родителей, узнает в голосе читающего знакомую с раннего детства интонацию. Для реализации данной идеи необходимо владение компьютером на уровне уверенного пользователя. Из оборудования потребуется: персональный компьютер; микрофон; наушники; программа звукозаписи.

Перед записью важно несколько раз прочесть текст про себя. Отмечайте наиболее важные моменты, продумайте интонации. Записывать все произведение сразу вовсе не обязательно. Можно разделить его на куски, записать по частям и смонтировать. Проверьте правильность каждого ударения. Если это не художественное авторское произведение, желательно отредактировать текст так, чтобы там не было труднопроизносимых слов и сложных числительных, сталкивающихся согласных звуков. Сомнительные слова лучше заменить синонимами. Предложения желательно сокращать. Отформатируйте текст. Сделайте крупный жирный шрифт и разделите абзацы дополнительными интервалами. Распечатайте текст. Он должен находиться на одной стороне листа. Если получилось больше одной страницы, то листы не сшивайте, а сложите один на другой, предварительно загнув вверх правый нижний угол каждого листа. Это даст возможность перекладывать их бесшумно.

Микрофон должен располагаться достаточно высоко над столом и непосредственно перед диктором. Вместо обычного настольного микрофона можно применять петличку. Гарнитура менее удобна, поскольку она может частично заслонять поле документа. Не рекомендуется менять параметры во время записи. Лучше сделать повторную запись неудачного фрагмента. При сохранении отдельных блоков сортируйте их по порядку или по времени. Смонтируйте отрывки, вырежьте лишнее и уберите шумы. Sound Forge и некоторые другие звуковые редакторы позволяют наложить музыку, придать дополнительные эффекты, а также сжать ваше произведение в нужный формат [1].

По существующему западному стандарту аудиокнига должна быть озвучена одним голосом, содержать минимум музыкального сопровождения и всевозможных эффектов (вроде шума моря, шелеста дождя или криков птиц). В идеальной аудиокниге подобных посторонних звуков не должно быть вообще, а, если и быть, то тщательно подобранных и подходящих по содержанию [3, с. 1].

Перед началом работы обратите внимание на свое настроение, так как от него зависит в основном, как будет воспринята аудиокнига. Попробуйте прочитать книгу по ролям. Умейте выделять голосом реплики персонажей и слова автора. Давайте слушателю возможность представить себе то, о чем идет речь в книге. Сделать это просто: во время чтения живо и динамично представляйте себе прочитанное предложение в воображении. До тех пор, пока вы сами не будете усваивать то, что читаете, слушатель будет также пропускать информацию мимо ушей.

Со временем, в библиотеке накопится коллекция аудиокниг разных жанров литературы, как для детей, так и для взрослых. Несомненно, такое структурное изменение увеличит популярность библиотеки и расширит возможности ее посетителей.

Список литературы:

1. Как создать аудиокнигу [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www.kakprosto.ru/kak-111044-kak-sozdat-audioknigu>. – Дата обращения (27.11.2015).
2. Рейтблат А. Чтение вслух как культурная традиция [Текст] // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М. : НЛЮ, 2001. 238с. – с.34
3. Сергеева Н. Как сделать аудиокнигу [Текст] / 2005. – 14с.
4. Цапенко А.М. Будущее библиотек – электронные библиотеки или депозитарии печатных книг? [Текст] / Научная периодика: проблемы и решения. – М. : Издательский дом «БИБЛИО-ГЛОБУС». – 2013. – №1(13). – с.46. – с.34-37.
5. Федеральный закон «О библиотечном деле» [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www.aonb.ru/doc/78.pdf>. – (Дата обращения: 27.11.2015).

Чукреева, И.И.

Каналы корпоративной коммуникации: исследование проблем и
направления развития

Chukreeva, I.I.

Corporate Communication Channels: research problems and directions of
development

Аннотация:

В статье приводятся результаты исследования состояния и эффективности функционирования корпоративных каналов коммуникации в ОАО «Метафракс». Учитывая особые условия производственного процесса на крупном химическом предприятии, а именно: необходимость обеспечения безопасности условий работы, переход на новые информационные технологии и большой штат сотрудников, проблема качественного информирования работников предприятия приобретает особое значение. Грамотная и отлаженная система коммуникаций является одним из основных условий успеха работы.

Исследование проводилось методами анкетирования и экспертного опроса. На основании результатов проведенного исследования были выявлены основные коммуникативные барьеры в системе организации взаимодействия персонала, охарактеризована система корпоративной коммуникации и предложены варианты решений, обеспечивающих развитие организационной коммуникации.

Annotation:

The article presents the results of investigating the state and efficiency of corporate communication channels OJSC "Metafrax". Taking into account specific conditions of the manufacturing process at a large chemical plant, namely the need to provide a safe working environment, the transition to new information technology and a large staff, the problem of high-quality information of workers is

particularly important. Competent and well-honed communication system is one of the main conditions for successful work.

The study was conducted using method of questioning and expert interviews. Based on the results of the research we identified the main communication barriers in the system organization of cooperation, characterized system of corporate communications, and proposed solutions to ensuring the development of organizational communication..

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КОММУНИКАЦИЯ, КОРПОРАТИВНЫЕ КОММУНИКАЦИИ, КАНАЛЫ КОРПОРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ, КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ.

KEYWORDS: COMMUNICATION, CORPORATE COMMUNICATION, CHANNELS OF CORPORATE COMMUNICATION, COMMUNICATION BARRIERS.

Общеизвестно, что человек – существо социальное. Это утверждение означает, что он живет среди людей и осуществляет свою жизнедеятельность не иначе, как через взаимодействие с людьми. Для того чтобы не совершать в процессе общения ошибок, которые могут воспрепятствовать пониманию и взаимодействию работников, менеджмент компании должен обеспечить эффективную систему коммуникаций в организации. [1, с. 181]

С целью изучения качества получаемой информации и оценки эффективности существующих каналов коммуникации нами на предприятии ОАО «Метафракс» нами было проведено социологическое исследование методами анкетирования и экспертного опроса. В анкетировании приняло участие 80 работников ОАО «Метафракс» в возрасте от 26 лет до 51 года; в том числе 65 мужчин (81,25% от числа опрошенных) и 15 женщин (18,75% опрошенных); интервью было проведено с начальником транспортного отдела и главным редактором корпоративной газеты.

На ОАО «Метафракс» развитие внутренних коммуникаций является функцией отдела корпоративных коммуникаций и отдела по управлению

персоналом. Работа обоих этих подразделений охватывает информирование сотрудников, организацию коммуникаций и налаживание коммуникационных каналов. Основными же каналами коммуникации являются:

1. Корпоративная газета «Химия без границ», которая выходит ежемесячно и рассчитана на сотрудников компании. В газете публикуются материалы о внутренней жизни и профессиональной деятельности на ОАО «Метафракс», интервью дирекции по стратегии и тактике развития компании, финансовых показателях и достигнутых результатах, рассказывается о спортивной жизни, благотворительности, социальной ответственности компании

2. Интранет (локальная сеть) – это сайт, развернутый внутри корпоративной сети для обеспечения эффективных коммуникаций между отделами и подразделениями компании с возможностью четкого контроля и разделения доступа к внутренним данным в зависимости от должности сотрудника.

3. Электронная почта – основное средство общения в Интернете, с помощью которой осуществляется пересылка и получение электронных сообщений по глобальной компьютерной сети.

4. Радио – разновидность беспроводной связи со всеми сотрудниками предприятия путем публичной огласки информации в удобной для восприятия форме.

5. Информационные стенды – специально оформленная в фирменном корпоративном стиле важная для сотрудников информация в виде информационных досок, информационных планшетов, досок почёта, а также любых других рекламно - информационных изделий самого разного размера.

6. Совещания – форма организации делового общения сотрудников с целью обмена информацией и принятия коллективного решения по

актуальным для данного предприятия проблемам. На ОАО «Метафракс» они проходят в обстановке строгой официальности, обусловленной фиксацией устной речи, ведением протокола. [2, с. 75]

7. Сайт – система электронных документов, содержащая основную информацию об организации, корпоративные документы, локальные нормативно-правовые акты.

8. «Сарафанное радио» – передача информации в узком кругу лиц, с помощью которого осуществляется распространение любого интересного для сотрудников сообщения без объявлений в СМИ и официального оформления.

Как показало наше исследование, главными источниками информации для большинства сотрудников являются ежемесячная корпоративная газета и корпоративный интранет, доступ к которым имеет большинство работников. Для коммуникации с рядовыми сотрудниками, у которых отсутствуют компьютеры, используются информационное табло на центральной проходной, информационные доски, расположенные в наиболее «проходных» местах: столовых, комнатах отдыха, вестибюлях.

Интранет обеспечивает доступ к основным локально - нормативным актам, рабочей документации и сведениях о сотрудниках. Корпоративная газета ориентирована на освещение производственных задач и стратегических проектов, разъяснение тех или иных инициатив в области управления персоналом. Корпоративная газета уже достаточный отрезок времени издается на предприятии и, как предполагает менеджмент компании, удовлетворяет потребности в информировании персонала.

В ходе исследования реализуемой на предприятии технологии корпоративной коммуникации было выявлено, что работники в целом осведомлены об основных текущих производственных событиях, но во время выполнения своих трудовых функций довольно часто встречаются с наличием коммуникативных барьеров.

Во-первых, практически все респонденты отметили, что встречаются с проблемой непонимания поступающих сообщений: с разной степенью частоты они сталкиваются с информацией, приходящей по нисходящим и горизонтальным каналам, которая только «наполовину соответствует» критерию понятности. Треть опрошенных отметили, что в своей трудовой деятельности часто встречаются с задержками и недостаточностью информации, а 63% – хоть и редко, но все же сталкивается с той же проблемой.

Во-вторых, выявилось отсутствие открытого, свободного взаимодействия между руководством и рядовыми сотрудниками, в том числе по вопросам предоставления работникам обратной связи об оценке качества их работы со стороны линейных менеджеров: почти 50% опрошенных ощущают отсутствие интереса к результатам их работы и работы подразделений со стороны руководителей.

В-третьих, на невысоком уровне остается качество каналов коммуникации, которые обеспечивают лишь вертикальную (в основном нисходящую) трансляцию информации. Устаревшим методам передачи информации на предприятии сложно конкурировать с развивающимися сетевыми каналами, таким как интернет; поэтому 70% опрошенных сотрудников определяют интернет наиболее часто используемый канал коммуникации в своей рабочей деятельности.

В соответствии с мировыми тенденциями организации корпоративной коммуникации мы предлагаем оптимальный, на наш взгляд, вариант преодоления возникших проблем.

Для повышения эффективности функционирования каналов коммуникации на ОАО «Метафракс» особое внимание следует уделить созданию единой локальной сети, попытки создания которой уже предпринимались в прошлом, но не имели успеха. Интранет сможет решить большинство выявленных проблем, если при создании будут учтены следующие условия.

В момент разработки идей важно узнать мнение сотрудников. [3, с. 275] Это можно осуществить в рамках открытой конференции с представителями подразделений и командой проекта. При выборе технического решения организации локальной сети необходимо учитывать особенности конкретной организации: на ОАО «Метафракс» наиболее подходящим вариантом является система управления контентом «Joomla!».

В структуре сети необходимо учесть как корпоративную сторону жизни коллектива, так и организационные связи между сотрудниками с помощью специальных рубрик, открытых обсуждений. А для повышения уровня вовлеченности в нововведения следует систематически в онлайн формате организовывать конкурс бизнес-идей. Так же следует использовать все возможности получения обратной связи от работников – в рамках портала возможно организовывать любые опросы, что позволит руководству в самые краткие сроки, избегая «бумажной волокиты», получить свежее систематизированное мнение коллектива.

Качество циркулирующей информации необходимо контролировать с помощью специально разработанных форм распорядительных, информационно-справочных и других документов. Отсутствие лишней информации, зарегистрированное время отправления и получения, указанные стороны коммуникации – все это в несколько раз повысит эффективность работы с сообщением.

К тому же мы рекомендуем дважды в год оценивать работу информационного портала, исправлять недостатки и внедрять усовершенствования.

Считаем, что реализация предложенных мероприятий позволит «возвратить к жизни» действующую локальную корпоративную сеть за счет интеграции личных и организационных интересов работников, устранения организационных барьеров коммуникации, что непременно отразится на результативности труда сотрудников, улучшении социально-психологического климата и эффективности работы предприятия в целом.

Библиографический список

1. Александрова Н.А., Брюхова О.Ю. Основы кадровой политики и кадрового планирования. Курс лекций. Екатеринбург: УрГУПС, 2014. 181 с.
2. Александрова Н.А., Машьянова Е.Ю. Организационная культура: поиски алгоритма управления изменениями // Дискуссия. 2012. №10. С.70-77.
3. Управление персоналом в инновационной среде: монография / Под ред. Н.И.Шаталовой. Екатеринбург: Изд-во УрГУПС, 2015. 275 с.

Чумаков В. А.

ОТ ФИЛОСОФИИ УКАЗАНИЙ И ДЕКЛАРАЦИЙ
К ФИЛОСОФИИ АНАЛИЗА, СИНТЕЗА И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

инженер, г. Дзержинск, Нижегородской обл.

E-mail: va-chumakov-f@mail.ru

Chumakov V. A.

FROM THE PHILOSOPHY INSTRUCTIONS AND DECLARATIONS
TO THE PHILOSOPHY OF ANALYSIS, SYNTHESIS AND
EVIDENCE

engineer, Dzerzhinsk, Nizhny Novgorod region

E-mail: va-chumakov-f@mail.ru

Аннотация: в статье рассмотрены доказательные представления об общем развитии материи, вызванные взаимодействием её элементов, и, как показал анализ, основанные на принципах теории управления, противоречащие догмам исторического материализма. Реальность первичности материи и вторичности сознания, а также признание регулятивного взаимодействия сознания, как субъекта и бытия, как объекта управления, вытекающие из основного вопроса философии, определяет возникновение рациональной философии: регулятивно – диалектического материализма, позволяющего понять основные моменты развития Универсума.

Abstract: the article discusses evidence-based view of the development of matter, caused by the interaction of its elements and, as shown by the analysis based on the principles of control theory, contrary to the dogmas of historical materialism. The reality of the primacy of matter and secondary consciousness, and the recognition of regulatory interactions of consciousness as the subject and existence as the object of control stemming from the basic question of philosophy, defines the emergence of rational philosophy: the regulatory – dialectical

materialism, allowing to understand the main points of development of the Universe.

Ключевые слова: бытие, сознание, материалистическое понимание истории, регулятивный механизм, регулятивно – диалектический материализм.

Keywords: being, consciousness, materialist understanding of history, regulatory mechanism, regulatory and dialectical materialism.

Общественное развитие в истмате понимается, следуя категорическим воззрениям К. Маркса, в виде «естественно исторического» процесса. Он «столь же закономерный, необходимый и объективный, как и природные процессы, не только не зависящий от сознания и воли людей, но и определяющий их волю и сознание» [3, с.187]. Однако его сущность, механизм изменения социума так и остался не раскрытым, по крайней мере, ничего конкретного о цели и методах его развития нельзя узнать из страниц учебника истмата, кроме слов о том, что: «исторический материализм исходит из положения о первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию» [3, с.187].

Краеугольным камнем в истмате являлось материалистическое понимание истории (МПИ), которое представил К. Маркс в предисловии к книге «К критике политической экономии», определившее многие положения будущего истмата. Бездоказательное, не по-философски лаконичное представление Марксом первой части своей гипотезы «общественное бытие определяет сознание» [1, с. 6] уже при первом знакомстве вызывает сомнение. Соглашаясь с важностью отношения сознания и бытия в процессе общественного развития, необходимо установить убедительные свидетельства тех или иных действительно имеющих место закономерных отношений между ними.

Анализ показывает, что основным содержанием развития материи являются процессы организации, управления и контроля, исследуемые в естественно - научной дисциплине – теории управления. В ней под

управлением понимается организация того или иного причинно-следственного процесса, в котором обеспечивается достижение определённой цели.

Самоорганизация материи, возникшей после Большого Взрыва, обязана действием четырёх фундаментальных физических сил - взаимодействий, возникающих между родственными элементарными частицами. Эти взаимодействия приводили к развитию косной материи в процессе вероятно - управляемой необходимости усложнения материи. Процессы самоуправления развитием Солнечной системы через многие миллиарды лет «справились» со своей задачей – производства необходимых химических элементов и созданием планеты – Земля, с подходящими условиями, на которой, в результате физико-химического синтеза, появилась и развилась живая материя.

В живой материи, особенно в животном мире, произошёл переход к более сложному процессу инстинктивно - рефлекторной управляемой необходимости существования в окружающем бытии. Самоуправление животного обеспечивали сенсорные органы, связанные с функционированием появившегося, ещё достаточно примитивного головного мозга, имеющего возможность принимать решения о своих действиях относительно окружения, а также исполнительные органы, производящие перемещение, обеспечивая активность живого организма. Наличие обратных информационных связей с окружающим бытием привело к образованию непрерывного процесса управления животным своим поведением, ведущим к сохранению своего существования. Оно обеспечивалось регулятивным механизмом взаимодействия животного и окружающей действительности в виде замкнутого контура. Субъектом управления являлся головной мозг, объектом – в основном своё поведение, а частично, и окружающее бытие во время добычи пищи или сооружения мест обитания, соединённые прямыми механическими и обратными информационными связями. Самоуправление приводило к свободе, ограниченной только законами природы, главным из

которых был биологический закон самосохранения.

Появление человека связано с увеличением объёма и усложнения структур головного мозга, с расширением информационных обратных связей и появлением речевой коммуникации. В головном мозгу произошёл переход количественных изменений в качественные, создавший новое идеальное свойство человека - разумный комплекс: его внешнюю оболочку – зрительное и речевое сознание; управляющий, словесно мыслящий отдел; оперативную и долговременную память; подсознание. Идеальный разумный комплекс становится регулятором поведения с эгоистически настроенной управляющей системой, имеющей цель минимизировать, как внешнее неблагоприятное состояние бытия, информация о котором поступала по каналам обратной связи, так и свои действия по их устранению. Функционирование эгоцентрического разумного комплекса, имеющего материальный и прочие интересы, определяло регулятивное поведение человека и его логический выбор целесообразного управляющего воздействия, как на бытие, так и на своё поведение [4, с. 11-16].

Бытие служило информационным фоном, пассивным источником для работы головного мозга в поиске необходимой деятельности. Создался замкнутый асимметричный контур управления, в котором разумный комплекс человека играл роль субъекта управления, а внешнее окружение, бытие являлось объектом управления. Асимметричность управления проявлялась в том, что воздействие субъекта управления на бытие представляло реальное физическое действие, а обратная связь объекта с субъектом управления происходила, в основном, при помощи зрительной и звуковой информации, позволяя контролировать результат оказанного воздействия.

Безопасная жизнь человека основывалась на причинно-следственном сопоставлении существующей действительности с представлениями мышления о желательном состоянии окружающего бытия. Идеальные противоречия существующего и желаемого, возникающие в разумном

комплексе приводили к выбору своего поведения, а также необходимого физического управляющего воздействия на бытие [5, с. 78-90]. Свое поведение, из множества возможных, человек выбирал сам, используя мышление разумного комплекса, на основе своих материальных и духовных потребностей, жажды познания, опираясь на отбор информации о состоянии бытия, реализуя регулятивный принцип управления.

Совокупность людей, способных мыслить и принимать осознанные действия, названная социальной материей, вырвалась из плена вероятностной и инстинктивно - рефлекторной необходимости косной и живой материи и вступила в период осознанно - управляемой необходимости существования с возможностью управления своего текущего и предвидение будущего поведения. В появившемся обществе началось словесное общение, понятийное взаимодействие людей, получившее название коммуникации. Деятельность и возникающие при этом отношения по поводу собственности, определяли общественное бытие и частично способ производства. Произошло становление регулятивного механизма взаимодействия человека и общества, человека и общественного бытия. Происходило формирование общественного сознания, как отношения к общественному бытию.

К самоуправлению человека добавилось ещё принудительное управление, идущее от общественного бытия, а точнее говоря, от власть имущего меньшинства. Общественное бытие устанавливало определённые ограничения в самовыражении человека, в его свободе действий, приучая с детства к существующим в обществе правилам поведения, задавая его «осознанную необходимость» принятия сословного неравенства и имущественной несправедливости. Его задавали социально - экономические (производственные – по К. Марксу) отношения, являвшиеся частью общественного бытия, связанные с отношением к собственности – к земле, рабам и крепостным, к средствам производства, информационной и банковской деятельности. Юридически они были представлены властными органами, которые устанавливали правила и законы, защищавшие

собственность власть имущих, уменьшая свободу действий и поведения низших слоёв населения. Если существующий технологический уровень производительных сил воспринимался человеком как должное, не ограничивая его изобретательских способностей, не вызывая никаких отрицательных эмоций, то ощущение несправедливости в распределении общественных материальных благ вызывало особую ненависть, подсознательно зовя на борьбу.

Сопоставляя представленный анализ развития социальной материи с фразой К. Маркса, высказанной в предисловии к работе «К критике политической экономии», ставшей одной из основ исторического материализма: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [1, с. 6], следует констатировать её ошибочность. Не «общественное бытие», а только его часть: социально - экономические отношения, и не «определяли сознание», а лишь устанавливали границы допустимой деятельности человека, защищая собственность имущих слоёв населения. Афористичность суждения, при отсутствии сколь-нибудь серьёзного обоснования не позволили известному политэконому откровенно раскрыть тему управления имущим классом поведением и свободой трудящихся масс. Однако, если законы, охранявшие собственность, так сурово ограничивали свободу человека, то, как же происходило изменение общественно-экономических формаций, реально имевшее место в истории развития человечества и для которого было необходимо разрушать старые социально-экономические отношения? Об этом говорится во второй части предисловия.

В ней Маркс высказал декларативное соображение по поводу взаимоотношения производительных сил и социально-экономических отношений, открывающего дорогу «социальной революции», то есть формационным общественным изменениям. В начале он неопределённо пишет о «производственных отношениях, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил» [1,

с. 6], хотя из понятия «соответствие» вовсе не следует зависимость социально-экономических отношений от производительных сил. Можно говорить и об обратном «соответствии». А затем продолжает: «Из форм развития производительных сил эти отношения (производственные – В. Ч.) превращаются в их оковы. Тогда наступает социальная революция». Из этой фразы чётко просматривается определённая зависимость производительных сил от социально-экономических отношений, на которую не обратили внимание не только его последователи, но, похоже и сам автор МПИ.

Текст предисловия носит двойственный характер, вместе с тем поражая категоричностью суждений автора, которая, видимо, не раз ставила его исследователей в тупик. Последователи Маркса, создавая истмат, взяли в расчёт только положение о «соответствии», доведя его до значения, отвечающего первому тезису МПИ – «общественное бытие определяет сознание». В истмате второе положение МПИ стало фигурировать в виде «социологического закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил», делая их главным, «определяющим» элементом развития общества. Объясняя далее смысл этого закона, составители истмата своевольно усилили межэлементную связь, введя в неё понятие «зависимости»: «этот закон выражает объективно существующую зависимость производственных отношений от развития производительных сил» [3, с. 217], наделяя характер взаимосвязи социально-экономических элементов смыслом материалистического решения первой стороны основного вопроса философии [6, с. 283].

Истмат нашёл оправдание зависимости социально-экономических отношений от уровня развития производительных сил. Говоря о единстве этих составляющих, учебник отмечает: «они неотделимы друг от друга, как неотделимы содержание и форма, если понимать под содержанием производительные силы, а под социальной формой – производственные отношения» [3, с. 216]. Известное из диалектического материализма соотношение о том, что форма является зависимой от содержания,

составители истмата приняли за доказательство социологического закона о соответствии, и даже о зависимости социально-экономических отношений от производительных сил.

Однако ещё в советское время в книге «Материалистическая диалектика как научная система» первой из восьми томного издания МГУ «Марксистско-ленинская диалектика» было показано, что в содержание способа производства, являющегося основой общественного бытия, должны входить как производительные силы, так и социально-экономические отношения [2, с. 197], тем самым нарушая условия придуманного истматом «закона». Сделав один шаг вперёд, авторы, к сожалению, не сделали второй, оставаясь в крепких «объятых» истмата. Они продолжали утверждать, что формой способа производства выступает «связь между элементами способа производства, конкретно выражающаяся в законе соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил» [2, с. 197].

Понадобилось почти полтора столетия, чтобы раскрылась действительная структура способа производства, состоящая не только из производительных сил и социально-экономических отношений, входящих в содержание, но и из его формы - совокупного общественного сознания, части ментальной составляющей общества, открытой автором [5, с. 78-90]. Там же была обоснована зависимость диалектической категории содержания произвольного социального образования от его формы в результате регулятивного механизма, в частности, воздействия общественного сознания, как формы способа производства на категорию его содержания, в основном, на социально-экономические отношения.

Развитие суммарного общественного сознания имущих и неимущих классов, как формы способа производства, в результате информации общественного бытия, подчиняется диалектической закономерности накопления – перехода количественных изменений в качественные. Когда народному терпению приходит конец, наступает осознание своего

униженного положения, вызывая количественный и качественный скачок в общественном сознании трудящихся. Это изменение посредством закономерности единства и борьбы противоположностей, существующей всегда между общественными сознаниями класса собственников и эксплуатируемого класса, определяет начало активного периода классовой борьбы трудящегося большинства и возможное качественное изменение формационной составляющей общества [5, с. 78-90].

При благоприятном стечении субъективных и объективных обстоятельств, противостояние антагонистических общественных сознаний в нестационарных условиях переходит в фазу острого революционного воздействия совокупного общественного сознания, т. е. формы на содержание способа производства, в основном на социально-экономические отношения, путём активизации классовой борьбы, которая может привести к смене общественно-экономической формации. Анализ развития человечества показывает, что производительные силы, не только соответствуют имеющимся социально-экономическим отношениям, но в большинстве случаев просто зависимы от них, определяются ими. Поступательное изменение социально-экономических отношений, связанное с прогрессивным изменением формации, начинает подтягивать и производительные силы – его технологический уровень и производительность труда.

Проведённый анализ показал главенствующую роль в существовании живой и социальной материи процессов непрерывного управления. Теория управления опровергает возможность «определения сознания общественным бытием». Более точной и по научному достоверной была бы в устах Маркса фраза о существующем управлении поведением трудящихся масс классом собственников, властью имущего меньшинства. Гипотезу МПИ, просуществовавшую около 150 лет, следует считать не отвечающей реальностям общественного развития. В качестве логического казуса можно привести смерть Буриданова осла, произошедшая из-за его слепой веры в тезис «бытие определяет сознание», который не позволил ему выбрать

конкретную вязанку сена из двух одинаковых. Не подозревая о регулятивном механизме выбора варианта поведения, он скончался от голодной смерти, вместе с собой похоронив и веру в МПИ.

«Естественно исторический» процесс развития общества также оказался в сфере действия законов управления эволюцией человечества. Основанный на индивидуальном эгоизме, он выполнял в каждый период времени утилитарную задачу – регулятивный рост материального состояния человека, который, в совокупности, выводил социум на всё более высокий уровень жизни. Подобное «естественно историческое» движение необходимым образом должно будет создать свободное, равноправное и счастливое будущее.

Перед нами две различные проблемы. Первая состоит в фундаментальном понимании мироустройства, - что являлось основой, первоначалом нашего мира, Вселенной: материя или некое духовное, идеальное начало. Долгое время эта, по словам Ф. Энгельса, первая сторона основного вопроса философии [6, с. 283], решалась на уровне веры, интуиции, здравого смысла или мировоззрения человека. Однако к концу XX века этот вопрос был доказательно решён наукой в пользу материализма, т. е. первичности материи, косной материи, продуктом которой, вторичным элементом через миллиарды лет стала идеальная составляющая социальной материи.

Вторая проблема связана с пониманием практического взаимоотношения идеального разумного комплекса человека и его внешней оболочки – сознания с материальным бытием. В реальности существование человека происходит в результате логического осмысления разумным комплексом текущего состояния бытия и выработки решения по его изменению путём физического воздействия в регулятивном контуре субъект – объектного управления, а также необходимого изменения своего поведения. Этот процесс решает вопросы практического взаимоотношения сознания и бытия, которые принципиально отличны от фундаментальных

проблем первой стороны основного вопроса философии. Они входят во вторую сторону основного вопроса философии, касающуюся возможности практического познания и изменения окружающего мира [6, с. 283].

Регулятивные взаимоотношения разумного комплекса человека с бытием являются принципиально отличными от его идеалистического понимания, как объективными, так и субъективными идеалистами. Но регулятивный механизм отличен и от представлений МПИ, в котором общественное бытие «определяло» развитие общества, а функционирование разумного комплекса человека и общественное сознание было зависимым от него. Регулятивное понимание истории (РПИ) диалектически соединяет управляющее субъектное общественное сознание с объектным общественным бытием в едином контуре управления, обеспечивая развитие социума. Вместе с тем РПИ остаётся в зоне материалистического решения первой стороны основного вопроса философии, признавая объективность и независимость материи, её первичность по отношению к сознанию [6, с. 283].

Анализ материалистического понимания истории позволяет констатировать его ошибочность, а правильным и научным считать непрерывно действующий процесс осознанно – управляемой необходимости, заключающийся в том, что бытие информирует разумный комплекс, а он, выбрав вариант воздействия, необходимым образом изменяет бытие, осуществляя регулятивный принцип существования социальной материи. Синтез суммарного понимания обеих сторон основного вопроса философии объективно определяет главные положения рациональной философии: - регулятивно – диалектического материализма (РДМ). Ввиду своей универсальности, связанной с направленным и управляемым взаимодействием материи на всех этапах её развития, РДМ следует рассматривать как единое описание общемирового процесса, как единую философию развития Универсума. Регулятивно – диалектический материализм устраняет односторонность, как идеалистических, так и материалистических представлений о развитии материи и становится

основой научного мировоззрения современного человека.

Реальное развитие общества ничего общего не имело с идеалистическим пониманием его эволюции, оно не было отражением какой-то божественной идеи, а опиралось на реальную информацию общественного бытия, и регулятивно-диалектический механизм воздействия разумного комплекса человека на бытие. Регулятивный механизм, совместно с диалектическими закономерностями, обеспечивал направленность развития общества, снижая классовые и сословные различия, вплоть до их полного уничтожения в будущем, что можно считать целью развития человечества.

Приведённые рассуждения показывают, что истмат, как философия истории, разработанная в советском периоде, не может, в целом, выражать объективную закономерность общественного развития. Исправлять его не имеет смысла, как и невозможно сохранение привычного названия за новой парадигмой философии. Ложность представлений МПИ и объективное осмысление проблем, связанных с взаимодействием субъекта и объекта управления в масштабах всего Универсума, позволяет выдвинуть новый взгляд на философию развития, основанный на едином понимании процессов управляемой эволюции в косной, живой и социальной материи. В ней сохраняются достоверные черты и устраняются ошибочные элементы и заблуждения своей предшественницы – марксистско - ленинской философии, укрепляя рациональное материалистическое мировоззрение. Подобное представление о развитии материи следует называть материалистической, регулятивно - диалектической философией (МРДФ) или регулятивно - диалектическим материализмом. РДМ может стать основой научной позиции современного человека.

Список литературы

1. Маркс К. К критике политической экономии. К. Маркс, Ф. Энгельс, соч. т.13, 770 с.
2. Материалистическая диалектика как научная система. Под

редакцией проф. Шептулина А.П. М., 1983, 295 с.

3. Основы марксистско-ленинской философии. Учебник. Под руководством академика Ф.В. Константинова. М., 1978, 463 с.

4. Чумаков В. А. Вопросы анализа марксистско-ленинской философии //Вестник нижегородской правовой академии. Научный журнал. 2015, №4, с. 11-16.

5. Чумаков В. А. Философский аспект управления социальными процессами. // Новая парадигма науки об управлении в XXI веке и её практическое приложение к проблемам Севера. Монография. Под научной редакцией д.ф.н. А.И. Субетто и к.и.н. С.В. Арапова. С-Петербург, Астерион, 2015, 196 с.

6. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс, Ф. Энгельс, соч. т. 21, 745 с.

К содержанию понятия «читательская культура»

Chushkina S.E.

By the concept of « readers culture»

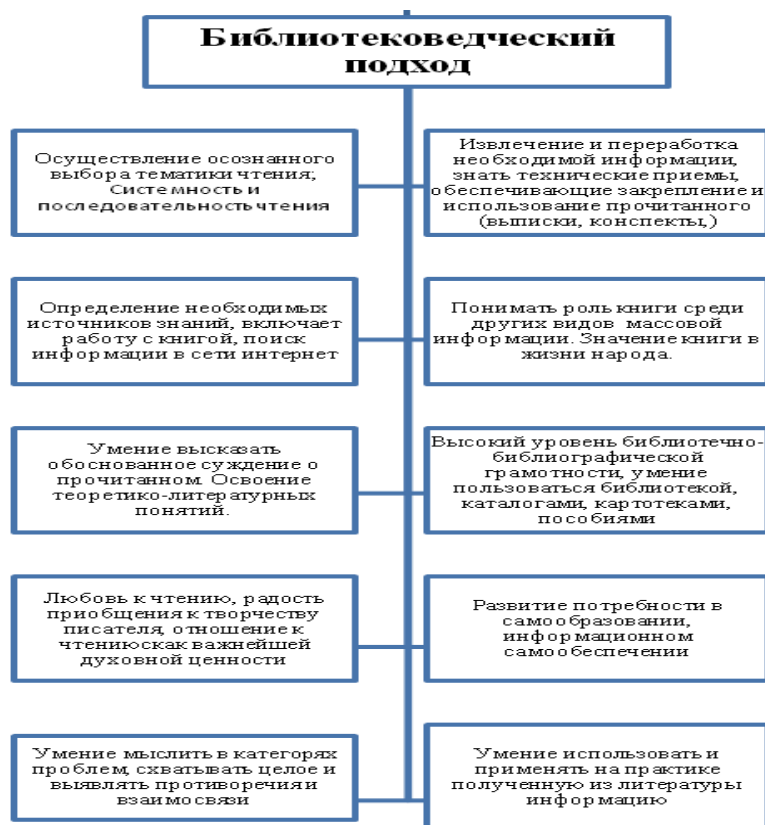
Статья посвящена проблеме изучения понятия читательская культура с точки зрения библиотечеведческих исследований. Проанализированы существующие подходы к определению данного понятия.

Based on the analysis of scientific works in the humanitarian sphere, identified approaches to the definition of "the culture of reading". Source materials accounted publications devoted to librarianship, bibliographic, pedagogical, philological, cultural aspects of reading culture. Identified the main elements of the term.

Ключевые слова: культура, чтение, читательская культура, культура чтения, читательская деятельность

Key words: culture, reading, reading culture, culture of reading, reading activity.

Рассматривая понятие «читательская культура» обратимся к изучению исследований библиотековедов. Проанализировав работы Т.Г. Галактионовой, В.Н. Зборовской, Ю.П. Мелентьевой, С.Н. Плотникова, Н.В. Пономаревой, Н.А. Рубакина, Ю.Н. Столярова, С. А. Трубникова, О.С. Чубарьяна, можно сделать вывод, в них наблюдается тенденция отождествления термина «читательская культура» с термином «культура чтения». В то же время, большая часть исследований по специальности 05.23.03 – посвящена исследованию культуры чтения, читательскому развитию, книжной культуре. В одном из первых исследований Н.В. Пономоревой «Формирование читательской культуры лидеров чтения юношества» (Ленинград, 1984г.), автор указывает, что термин «читательская культура» в библиотековедческой литературе употребляется как идентичный культуре чтения. В данной работе под «читательской культурой» Н.В. Пономорева понимаем культуру юного читателя, которая включает культуру выбора книги для чтения, культуру чтения и освоения всего прочитанного, культуру общения по поводу чтения [4, с.7]. Но что при этом понимается под собственно культурой Н.В. Пономорева не определяет.

Основные характеристики читательской культуры рассматриваются в целом ряде работ. Так, Словарь библиотечных терминов определяет ее как комплекс навыков работы с книгой, включающий:

- Осознание выбора тематики чтения;
- Ориентировку в источниках, в первую очередь в системе библиографических пособий и библиотечных каталогов;
- Системность и последовательность чтения;
- Умение ориентироваться в книге с целью максимального усвоения и глубокого восприятия прочитанного;
- Умение использовать и применять на практике полученную из литературы информацию;
- Технические приемы, обеспечивающие закрепление и использование прочитанного (выпики, конспект, организация картотек и пр.)

С. А. Трубников выделяет три тесно связанные стороны (части или фазы) «культуры чтения»: предкоммуникативную (сфера выбора), коммуникативную (сфера восприятия) и посткоммуникативную (сфера оценки). Таким образом, культура чтения, по мнению автора, состоит из трёх взаимосвязанных частей: культуры выбора, культуры восприятия и культуры освоения. Культура восприятия характеризуется С.А. Трубниковым тремя группами взаимосвязанных показателей: целостность восприятия; гибкость восприятия, его соответствие объективным качествам воспринимаемого произведения печати; активность в осмыслении воспринимаемого текста и адекватность постижения заключенных в сообщении обобщений. Культура освоения и использования воспринятой информации связана с развитием посткоммуникативной фазы осмысления произведения в целом и выражается, прежде всего, в оценке произведения. Характер и направленность оценок, считает С.А. Трубников, гораздо более важный показатель культуры чтения, чем, например, характер и направленность выбора книг для чтения.

На этом основании С. А. Трубников предлагает свою классификацию читателей. Он выделяет следующие шесть типов или групп читателей:

1. читатели, у которых не развиты все три основные стороны культуры чтения;

2. читатели с определённой и односторонней направленностью выбора литературы, а также неразвитыми или слабо развитыми остальными сторонами культуры чтения;

3. читатели с определённой и относительно односторонностью выбора литературы, но заметно развитыми другими сторонами культуры чтения, а также уже активно-деятельным отношением к книге и чтению;

4. читатели с разносторонним, но несамостоятельным, беспорядочным, хаотичным выбором книг и относительно развитыми другими сторонами культуры чтения;

5. читатели с негармонически развитыми сторонами культуры чтения, их отличает активность, самостоятельность выбора, широта интересов, но их интересам присуща известная противоречивость;

6. читатели с относительно гармоничным развитием основных сторон культуры чтения, им присуща широта, разносторонность, осознанность и целенаправленность выбора литературы, целостность и гибкость восприятия, активность в осмыслении воспринимаемого текста, адекватность постижения заключённых в нём обобщений, а также активное использование воспринятой информации в различных сферах деятельности [8, с.29-30].

По мнению автора, читательская культура представляет акт коммуникации между коммуникантом и рецепиентом. Экспансия экранной культуры приводит к изменениям в каждой из выделенных фаз чтения. Предкоммуникативная фаза - выбор литературного произведения зависит от ряда факторов, читательских предпочтений в семье, школьной программы, общественного мнения, большую роль играет реклама и мода на чтение. Согласно статистике самыми модными продаваемыми книгами в

традиционной и электронной форме в России и мире является трилогия Э. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого», «На пятьдесят оттенков темнее», «Пятьдесят оттенков свободы»; Дэна Брауна «Инферно»; Макса Фрайя «Слишком много кошмаров» [5]. На коммуникативную фазу, сферу восприятия влияют такие характерные черты современной культуры, как мозаичность восприятия информации, гипертекстуальность, клиповость мышления. Все большую роль играет скорость прочтения и получения информации.

Посткоммуникативную фазу - сфера оценки, осмысление произведения оказывается в серьезной зависимости от господствующей системы ценностей и понимания читателям изменений происходящих в обществе, критического отношение к «красивым» стереотипам: красивой жизни, путешествиям, большим деньгам, вера в магию и колдовство. Об этом свидетельствует большое количество информационных ресурсов посвященных произведению (блоги, чаты, фанфики, комментарии психологов). Мы разделяем позицию автора, заключающуюся в том, что сфера оценки является наиболее важной, поскольку именно на этом этапе читатель выстраивает свою систему ценностного осмысления прочитанного произведения и сопоставляет ее с развитием общества.

С.Н. Плотников, авторитетный отечественный социолог чтения, выделил основные отличия в интеллектуальном развитии человека читающего (*Ното legens*) от нечитающего. Они проявляются в том, что активно читающие люди:

- 1) способны мыслить в категориях проблем, схватывать целое и выявлять противоречивые взаимосвязи явлений; более адекватно оценивать ситуацию и быстрее находить правильные решения;
- 2) имеют большой объем памяти и активное творческое воображение;
- 3) лучше владеют речью: она выразительнее, строже по мысли и богаче по запасу слов;
- 4) точнее формулируют и свободнее пишут;

5) легче вступают в контакты и приятны в общении;

6) обладают большей потребностью в независимости и внутренней свободе, более критичны, самостоятельны в суждениях и поведении.

Таким образом, чтение формирует качества наиболее развитого и социальноценного человека. Чтение, грамотность, общекультурная подготовка, умение работать с текстами разных видов являются необходимыми условиями профессиональной, социокультурной деятельности людей. Чтение в диалоговом режиме с самим собой есть высшая форма самопознания.

Однако, все эти процессы возможны лишь в определенных социальных условиях. Поэтому чтение еще и очень чуткий, надежный и даже универсальный индикатор состояния общества, и, прежде всего, его отношения к культуре. Функционирование чтения в культуре С.Н.Плотников сравнивал с драматургией: в нем проявляется вся духовная жизнь общества. И наоборот, общественные процессы многообразно влияют на читательское поведение и читательскую культуру. Для С. Н. Плотникова, «чтение — это жизнехранящая функция культуры. Это технология интеллектуального воспроизводства в обществе. Это коммуникативный посредник, живой диалог с современниками и ушедшими» [3, с.46-48].

Мы согласны с автором в том, что читающий человек обладает более развитыми качествами, нежели человек, не читающий. Главным вопросом для нас является то, что он читает и как оценивает и интерпретирует читаемый текст. Насколько серьезно относится к тем или иным вещам. Беллетристика это или более серьезный жанр. При гармоничном формировании и развитии читательской культуры личность обретает способность понимать себя в мире, и смысл своего существования. Чтение являясь формой самопознания .

В.Н. Зборовская в диссертационном исследовании «Формирование культуры чтения в общедоступных библиотеках» рассматривает культуру чтения с точки зрения культурологических концепций: деятельностный

подход к культуре чтения – действия, производимые читателем с целью удовлетворения информационных потребностей, и выражающиеся в читательском поведении [2, с.20]. С точки зрения аксиологической концепции, культура чтения характеризуется отношением личности к чтению как важнейшей духовной ценности; совокупностью умений и навыков выделять конкретные информационные проблемы и решать их. Одной из важнейших функций культуры чтения является установление системы ценностей читающей личности и определяющие их критерии [2, с.21]. Таким образом, В.Н. Зборовская определяет культуру чтения как форму проявления интеллектуальной культуры и как способ реализации информационной культуры личности [2, с.16].

С точки зрения информологии и коммуникативной концепции Н.А. Следневой, культура чтения представляет собой совокупность способов работы пользователей библиотеки с «суверенными инфоквантами», извлечения и переработки необходимой информации и создания на ее основе собственной семиотической системы [2, с.21].

На наш взгляд, читательская культура включает компоненты необходимые не только для осуществления, механического поиска информационных ресурсов в библиотеках, архивах или сети интернет, но и для оценки качества, достоверности, этой информации благодаря высокой степени понимания процессов происходящих в обществе.

Ю.Н. Столяров охарактеризовывает культуру чтения как: распространенность, активность чтения, выбор достойных объектов чтения, творческое восприятие текста, бережное отношение к книге как к сплаву духовной и материальной ценности [7, с.140].

Ю.П. Мелентьева связывает оценку чтения как общемировое явления, не меньшего масштаба, чем письменность или литература. Причем чтение по уровню присутствия творческой энергии, по мнению Ю. П. Мелентьевой, мало уступает творческим профессиям (писателя, художника, скульптора и др.). Автор указывает на то, что термин «культура чтения» существует в

своем полном значении только в русском языке. Так, например, в английском языке есть термины reading habits (навыки чтения), reading knowledge, reading skills (умение читать), reading taste (вкус к чтению).

Т.Г. Галактионова определяет понятие «культура чтения» как определенное пространство, как целостную среду, порожденную феноменом чтения во имя нравственной и интеллектуальной гармонии личности. Трактуя понятие «читательская культура» она предполагает освоение теоретико-литературных понятий; развитие потребности в самообразовании, информационном самообеспечении, определении необходимых источников знаний, включая работу с книгой, поиск информации в библиотеки, в сети интернет и др. [1, с.107].

Культура чтения может рассматриваться как некий элемент стабильности традиционной культуры в преемственности поколений, что является необходимым условием эволюционного развития общества. Кроме того, жизнеспособность чтения будет обусловлена степенью его открытости к социокультурным реалиям современного общества. «Человек, владеющий культурой чтения, должен понимать значение книги в жизни народа, ее место среди других видов массовой информации, уметь обращаться с книгами, пользоваться библиотеками, самостоятельно выбирать книги, у каждого человека должно быть воспитана, любовь к чтению, радость приобщения к творчеству писателя, принципы оценки художественной и научной книги

Список литературы

1. Галактионова, Т.Г. Чтение школьников как социально-педагогический феномен открытого образования 13.00.01. СПб 2008. – С. 53/432
2. Зборовская, В.Н. Формирование культуры чтения в общедоступных библиотеках [Электронный ресурс] /Н.В. Зборовская. - дисс... к.п.н.- 05.25.03. - <http://www.mcbs.ru/about/> . – Дата обращения (26.12.2015). - С. 20

3. Плотников, С.Н. Читательская культура в России // Homo Legens. Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929-1995г.) . – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 272 с. 46-48
4. Пономорева, Н.В. Формирование читательской культуры лидеров чтения юношества [Электронный ресурс] /Нина Васильевана Понмарева. - дисс... к.п.н.- 05.25.03. - <http://www.mcbs.ru/about/> . – Дата обращения (23.12.2015).
5. Рейтинги <http://pro-books.ru/raiting>
6. Столяров, Ю.Н. Культура чтения сказок о книге и чтении детьми Уральского федерального округа [Текст]: Региональные проблемы истории книжного дела материалы Всероссийской научной конференции (Челябинск, 23-24 ноября 2009 года): [сборник статей] / Федер. гос. образоват. учреждение высш. проф. образования "Челяб. гос. акад. культуры и искусств" ; редкол.: В. Я. Рушанин (пред.) [и др.]. - Челябинск : Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2009. – С. 140 140-156 с
7. Трубников С. А. Культура чтения как критерий общей типологии читателей / С.А. Трубников // Сов. библиотековедение. 1980. № 1. С. 28–38.
8. Чушкина, С.Е. О подходах к определению понятия «читательская культура» [Текст] /С.Е.Чушкина //Вестник Башкирского университета. - 2015.- Т.- 20.- № 2. -С. 600-605.

Социально-пространственная идентичность сельской молодежи

Social-space identity of rural youth

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ, СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация: В статье очерчиваются ориентиры формирования социально-пространственной идентичности сельской молодежи, отражающие главные тренды века мобильностей. Проблема миграции сельской молодежи в город, обусловленная образовательными профессиональными траекториями, представлена как гетеропространственная идентичность.

KEY WORDS: RURAL YOUTH, SOCIAL-SPACE IDENTITY, SOCIAL-TERRITORY IDENTITY

Annotation: The article covers guiding lines of social-space identity formation of rural youth that reflect main trends of the age of mobilities. Problem of migration of rural youth to the city, caused by educational and professional trajectories, is presented as heterospace identity.

Актуальность изучения социально-пространственной идентичности определенной демографической группы обусловлена ее тесной связью с процессом миграции населения. Рост миграционного оттока сельской молодежи в город влечет за собой сокращение численности сельского населения. Результатом обострения таких актуальных социальных проблем села, как бедность, общее снижение уровня жизни, отсутствие условий для трудоустройства, неразвитость культурных потребностей, эмоциональная

бедность, заниженность нравственных оценок своего и чужого поведения становится «пренебрежение к созидательной трудовой деятельности, снижение ответственности за состояние общества, отчуждение от него» [1] молодежи.

Понятие социально-пространственная идентичность не тождественно социально-территориальной идентичности. Под территориальной идентичностью в социологии рассматривают «переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей ("субъективной социально-географической реальности"), формирующие "практическое чувство" и/или сознание территориальной принадлежности индивида» [2].

С одной стороны, развитие логистической инфраструктуры села повлекло за собой смягчение пространственной ограниченности жизнедеятельности локальной сельской среды, с другой, расширение жизненного пространства сельского жителя не гарантирует повышения социально-профессионального статуса ввиду низкой конкурентоспособности выходца из села относительно горожанина.

В концепции социально-территориальной структуры общества [3, 4] сельская молодежь выступает «элементом территориальной группы населения соответствующей сельской территориальной общности как относительно самостоятельной ячейки территориальной структуры общества, включающей также используемую представителями группы часть жизненного пространства сельской местности (природные ресурсы, производственные предприятия, жилой фонд, социально-бытовая инфраструктура)» [5].

Молодежь является целевым объектом социологического анализа социологии молодежи - отрасли социологического знания, сформировавшейся на основе демографического разделения жизненного цикла для исследования той его фазы, которая совпадает с периодом юности. С точки зрения возрастной дифференциации общества, социология молодежи занимается изучением той возрастной группы, которая приходит на смену

старшему поколению и включается в процесс воспроизводства социальной структуры. Проблематика исследований включает в себя определение возрастных границ молодости, межпоколенческое взаимодействие, специфику переходного социального статуса, изучение поведенческих моделей, обусловленных возрастом.

Усилился интерес к изучению стратификационных процессов в молодежной среде, девиантных форм поведения молодежи, молодежной субкультуры и т.д. Значительный вклад в становление социологии молодежи внесли современные российские ученые И. Бестужев-Лада, Н.В.Боряз, Ю.Р.Вишневский, С.Н.Иконникова, И.М.Ильинский, А.И.Ковалева, Л.Н.Коган, И.С.Кон, В.Ф.Левичева, В.Т.Лисовский, В.А.Луков, В.А.Мансуров, Л.Я.Рубина, Б.А. Ручкин, В.И.Чупров, В.Н.Шубкин, Ф.Р. Филиппов и другие, которые сформулировали методологические подходы к социологическому определению сущности молодежи, выделили специфические черты молодежи как целостной социально-демографической группы.

Специфика места проживания и жизнедеятельности молодежи – сельский социум – раскрыта в социологии села П.П.Великого [6], региональной социологии Н.В.Зубаревич [7], в научных трудах Центра семьи и демографии АН РТ [8], в которых проанализировано пространственное неравенство и модернизация пространства регионов России.

Гибкость социально-пространственной идентичности связана с модернизацией инфраструктуры села, интеграцией урбанистических элементов, проникновением городского образа жизни и занятий в сельские территории. Указанное качество идентичности характерно для сельской молодежи, что отражается в исследованиях, затрагивающих ориентации учащихся на закрепление в городе после завершения обучения в вузах.

Концептуальная идея представить сельскую молодежь как объект и субъект жизненного пространства возникла в ходе исследования, реализуемого Центром семьи и демографии АН РТ, посвященного изучению

социально-демографических процессов в сельских районах Республики Татарстан. В социологических исследованиях жизненное пространство территориальных общностей представлено анализом социальной инфраструктуры, состоянием домохозяйства, взаимодействием с референтными группами, жизненными траекториями населения и др. компонентами.

Сельская молодежь Республики Татарстан составляет 20,7% от всего сельского населения республики и 21,6% от всей молодежи Республики Татарстан. Опыт эмпирических исследований, проведенных Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, показывает неоднородность локализации молодежи в различных сельских районах республики.

Молодежь как особая социально-демографическая группа представляет собой культурный феномен, реализация культурных потребностей имеет важное значение в структуре ее социальной идентичности. Культурная сфера жизненного пространства молодежи сконцентрирована на 1) сельском клубе, который посещают 43,2% молодежи сельского Татарстана, 2) спортивной площадке - 26,7%, 3) библиотеке – 17,3% сельской молодежи. Каждый четвертый молодой сельчанин (26,3%) не посещает культурно-досуговые учреждения. Удовлетворенность данной стороной жизни характерна для 9% сельской молодежи РТ. На фоне роста спроса сельской молодежи на развитие культурно-досуговой инфраструктуры села происходит сокращение соответствующих учреждений в сельской местности (снижение на 100 единиц учреждений культурно-досугового типа и 330 киноустановок с 2000 по 2007 год). Отсутствие возможности реализовать интересы, связанные с институтом культуры, способствуют усилению миграционных настроений молодежи, формированию негативной социально-пространственной идентичности. Результаты исследования Министерства по делам молодежи, спорту и туризму Республики Татарстан свидетельствуют, что отсутствие интересного досуга для 50% молодых сельчан сопровождается желанием

переехать в город. Для 57,7% сельской молодежи мотивом переезда служит желание учиться, для 78% - плохие условия труда, для 69,2% - низкий уровень оплаты труда. В то же время при условии решения проблем сельской молодежи две трети ее остались бы на селе.

Центр семьи и демографии АН РТ проанализировал такие составляющие жизни населения Дрожжановского муниципального района Республики Татарстан как самооценка материального положения своей семьи, социальная активность, удовлетворенность экологической ситуацией в районе, взаимодействие с органами местной власти, миграционные настроения, жизненные притязания и т.д. (в рамках социологического исследования «Социальный капитал села» в Дрожжановском муниципальном районе РТ, проведенного при участии автора статьи; выборка квотная, репрезентативная по основным социально-демографическим параметрам, 938 чел, доля молодежи – 138 чел.). Из всего массива опрошенных мы выделили молодежь, что позволило обрисовать отдельные элементы ее жизнедеятельности.

Трудовое пространство молодых сельчан Дрожжановского муниципального района заполняется, прежде всего, благодаря государственным структурам, предоставляющим рабочие места. Молодежь как рабочая сила на селе – это, прежде всего, специалисты – 45%, служащие – 20%, занятые физическим и сельскохозяйственным трудом, определившие себя как «рабочий», «колхозник» - 16%. Город как вызов устойчивости сельского населения наиболее популярен среди молодежи (38% от всех респондентов, указавших город как место работы).

Существенная часть жизни сельской молодежи связана с сельскохозяйственным трудом. Вовлеченность в сферу АПК свидетельствует о неизбежной идентичности молодежи с селом как с местом приложения своего труда. Молодые люди Дрожжановского муниципального района Республики Татарстан из всех возрастных групп наиболее склонны к развитию агротуризма – 14% от всех потенциально настроенных на

организацию туристического обслуживания в рамках своего хозяйства составляют жители не старше 30 лет. Сравнительный анализ иерархии материальных, человеческих и других ресурсов, влияющих на открытие своего крестьянско-фермерского хозяйства, освещает молодежь Дрожжановского муниципального района в отличительном от других возрастных групп ракурсе. Стратегия открытия своего агродела для молодежи Дрожжановского муниципального района сводится к двум ключам: кооперации и доверию.

Сельская молодежь способна формировать *позитивную* социально-пространственную идентичность, выступая актором конструирования жизненного пространства в локальном (сельском) социуме, сельско-городском и городском социуме и активизируя свой креативный потенциал в инициативных практиках по достижению устойчивости сельского социума, либо *негативную*, выполняя пассивную потребительскую субъектную функцию, деструктивно отражающуюся на перспективном развитии села в паразитирующих социальных практиках.

Социальная идентичность сельской молодежи не ограничивается локальными рамками села, деревни, района проживания, а воспринимается сквозь призму региональной принадлежности. Пространственная структура сельской молодежи имеет социальное измерение – зона манипуляций молодежи пересекается с зоной манипуляции других социально-демографических, профессиональных групп, социальных институтов.

Таким образом, очевидно, что социально-пространственная идентичность современного молодого человека определяется реалиями и перспективами социальной мобильности, сопряженной с его образовательными, профессиональными и культурными траекториями.

Литература

1. Долгосрочная целевая программа «Сельская молодежь Республики Татарстан на 2011 - 2015 годы»

2. Н.А.Шматко, Ю.Л.Качанов Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс, 1998, №4. с. 94-98. – с. 94 <http://ecsocman.hse.ru/data/956/712/1217/011.SHMATKO.pdf>
3. Троцкий А. Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации/ ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 1997. 249 с.; Заславская Т. И Трансформация социальной структуры//Социетальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 257–400.
4. Развитие сельских поселений: лингвистический метод типологического анализа социальных объектов/под ред. Т. И. Заславской, И. Б. Мучника. М.: Статистика, 1977. 295 с.
5. Иванова О.А. Социальное положение сельской молодежи //Вестник НГУ. Серия: социально-экономические науки. 2013. Том 13, выпуск 3. с. 126-133. – с. 128. http://www.nsu.ru/exp/ref/Media:5263f01a82ac3d930a02d1352013_3_13.pdf
6. Великий П.П. Сельская действительность (социологический ракурс) // Социол. исследования, №1996, №5.
7. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. - М.: Независимый институт социальной политики, 2010. — 160 с.
8. Шадриков А. В. / Инновационные тенденции развития сельского социума: Дрожжановский муниципальный район Республики Татарстан (социологический ракурс). Монография. // Под ред. Ильдархановой Ф. А. / Биктагирова Г. Ф., Зинатуллина Г. Ф., Ибрагимова А. А., Ильдарханова Ч. И., Ильдарханова Ф. А., Махиянова А. В., Хафизов Б. Т., Шадриков А. В., Якушкин Н. М. – Казань: «Отечество». – 2014. – 528 с.
9. Подпрограмма «Сельская молодежь Республики Татарстан на 2014-2016 годы».

Проблемы постпенитенциарной адаптации бывших заключённых в
современной России

Sharygina, E.

Released prisoners' problems of post-penitentiary adaptation in modern
Russia

В данной статье анализируются проблемы, которые, так или иначе, встают перед лицами, освободившимися из мест лишения свободы. Рассмотрена характерная для России структура реализации постпенитенциарной адаптации и выявлены определённые этапы данной деятельности. Уделяя внимание юридической стороне вопроса, было освещено действующее законодательство в отношении бывших осуждённых и сделан вывод о наличии перспектив, которые постепенно осуществляются в РФ. Кроме того, в статье затрагиваются психологические аспекты проблем, а также практическая деятельность специалистов и целых учреждений, помогающих данной категории граждан социализироваться в современном обществе.

In the article we analyzed released prisoners' problems. We studied a structure, which is used by social workers to carry out post-penitentiary adaptation and stages was revealed too. The Russian laws develop and improve in this sphere. Also there are psychological problems which the most of prisoners have. According to this we considered a practice of expert's work.

ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНАЯ АДАПТАЦИЯ || БЫВШИЙ
ОСУЖДЁННЫЙ || БЫВШИЙ ЗАКЛЮЧЁННЫЙ || ПРЕСТУПЛЕНИЕ||
МЕСТО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ|| ОСВОБОЖДЕНИЕ || ИСПРАВИТЕЛЬНОЕ
ВОЗДЕЙСТВИЕ

POST-PENITENTIARY ADAPTATION || FORMER CONVICT ||
FORMER PRISONER ||CRIME || PLACE OF DETENTION || RELEASE ||
CORRECTIVE INFLUENCE

Изучение проблем бывших осуждённых имеет ряд барьеров, препятствующих активному взаимодействию исследователя с объектом исследования. Но, так или иначе, потребность в рассмотрении данной темы не перестаёт быть актуальной, т.к. равнодушное или неприятельское отношение к освободившимся из мест лишения свободы может отразиться не только на личности бывшего преступника, но и на безопасности всего общества. Именно окружение способно своими действиями предотвратить или рецидивировать преступление со стороны бывшего заключённого. Ведь общественная безопасность наступит только в том случае, если каждый член общества будет являться его полезной частью и, соответственно, ощущать себя нужным.

Трудность повторного включения в общество очевидна и именно на этот этап следует обращать особое внимание, т.к. он одновременно является гранью между правомерной (новой) жизнью и жизнью антиобщественной (неправомерной). Вышедший на свободу словно встаёт на распутье, а его мысли ещё не тверды и ведомы.

Вышесказанное ещё раз подтверждает необходимость вовлечения и обычных граждан, и исследователей в разработку решений данной проблемы.

Цель работы – проанализировать основные барьеры, препятствующие социализации бывших заключённых.

В процессе достижения поставленной цели было выяснено не только социальное, но и психическое положение лиц, отбывших наказание. Кроме того, на основании статей таких авторов, как Т. Прогацкая, О. Кузнецова, К.В. Бруснигина, А. Раскин, делается вывод о том, что немало важную роль играет само общество, поведение несудимых индивидов по отношению к таким людям.

Изучив практический род деятельности учреждений, способствующих включению бывших осуждённых в социум, мы выделили те операции, которые осуществляются наиболее часто, т.е. являются востребованными

среди освобождённых из мест лишения свободы (например, содействие в оформлении паспортов, постановка на учёт в центр занятости, предоставление места для временного пребывания). На основании работы специалистов, проводящих программы постпенитенциарной адаптации, мы пришли к выводу, что начальный этап работы с данной категорией граждан осуществляется вовсе не при их выходе из мест лишения свободы, а с самого начала пребывания среди заключённых.

Изучив российское законодательство, можно понять, что оно не имеет столь разветвлённой структуры в вопросах о бывших осуждённых. Но тем не менее, в нём выделены самые необходимые аспекты (например, обязанности исполнителей наказания оказывать медицинскую помощь заключённым, права освобождаемых осуждённых (уголовно-исполнительный кодекс РФ ст.180-183)).

Таким образом, особое значение в постпенитенциарной системе принадлежит специалистам, организациям и учреждениям, осуществляющим помощь в ресоциализации таких граждан. Они решают первоочередные проблемы, к которым, как выяснилось, относится предоставление места ночлега, и второстепенные, например, постановка на учёт в центр занятости, восстановление связей с родственниками. В Свердловской области действуют подобные центры, причём некоторые из них не только предоставляют помощь, но и изучают общественное мнение, проводят социологические исследования в данной сфере. В соответствии с этим возникает перспектива более детального изучения вопроса о ресоциализации бывших заключённых, путём проведения собственного исследования и получения новых данных у специалистов в этой области.

Шевченко Арина Валерьевна,
Аспирант кафедры риторики
и стилистики русского языка

Уральского федерального университета.

Заемствованная лексема *промоушн* в современном обществе
потребления: аспекты и этапы освоения

Особенностью современного этапа развития общества являются изменения в политической и экономической сферах. Русский язык, главным образом его лексико-семантическая подсистема, также подвергается этим изменениям. Англоязычная лексема *промоушн* стала обозначением нового явления в сфере торговли. Активизация социальных процессов выдвинула данную единицу в центр общественного сознания, что не только ускорило адаптацию единицы в языке, но и увеличило вариативность ее употребления в письменной речи.

Ключевые слова: *заимствование, неологизм, актуальное слово, англицизм.*

e-mail: tohelsinki@yandex.ru

Особенностью современного этапа отечественной истории являются изменения в общественно-политической и экономической жизни российского общества, а также качественные перемены в общественном сознании и мировоззрении русского народа. Современный русский язык активно отзывается на эти перемены. При этом наиболее существенные трансформации затрагивают лексико-семантическую подсистему, являющуюся самой подвижной и чувствительной частью языка.

Современное общество – общество потребителей. С распадом СССР пришло ощущение того, что мир в крайней степени ненадежен, обрисовалась новая тенденция: иметь сейчас, сколько возможно. После событий начала 1990-х годов суждения людей о том, какие принципы должны быть заложены в основу функционирования общества, в котором они живут, в значительной

степени склонялись к поддержке рыночных преобразований, так как люди не могли дальше мириться со многими недостатками советской экономики – перебоями с товарами, дефицитом жизненно необходимых товаров, жесткой регламентацией [Тощенко 2015: 16].

Однако вопреки ожиданиям переход России в 1990-е годы к рыночным отношениям лишь усугубил деформацию общественной жизни, породил новые противоречия общественного сознания и социальной практики. Экономические кризисы, всеобъемлющая реклама делают потребителя менее восприимчивым к текущему предложению рынка. Так, рекламным агентствам приходится искать все более тонкие ходы и не только предлагать потребителю информацию о товаре, но и делать это ненавязчиво, с акцентом на действительное качество продукции. Добиться необходимого эффекта позволяет специальная акция, позволяющая потребителям составить собственное мнение о продукции, а не принимать тот миф, который предлагают рекламные ролики, плакаты и т.д. Практический опыт проведения промо-акций пришел в Россию с Запада вместе со словом *промоушн*, служащим для обозначения нового явления в сфере торговли.

Дифиницию сложного слова промоуш-акция фиксирует словарь С.И. Стефанова «Реклама и полиграфия: опыт словаря-справочника»:

ПРОМОУШН-АКЦИЯ — конкретное мероприятие (или серия связанных мероприятий) по стимулированию сбыта конкретного товара или услуги [Стефанов 2004: 271].

С ростом популярности подобной рекламной активности усилилась и роль слова, служащего для обозначения этого явления. Иначе говоря, в центр общественного сознания выдвинулся фрагмент словаря, заключающий в себе значимое, обсуждаемое повсеместно понятие. К тому же, *промоушн* – иностранное слово, обладающее определенным ореолом престижности. Новое всегда имеет преимущество перед старым, вчерашним, устарелым. Современность вызывает в нашем сознании положительные эмоции и

ассоциируется с прогрессивностью, готовностью к изменениям, к творчеству. Новизна – одна из главных ценностей современности [Вепрева 2002:143].

Так, «иностранные слова, активно используемые в новой для себя языковой системе, подвергаются изменениям. Происходит адаптация слова на чужой лингвистической почве, его “национализация”» [Маринова 2008: 70]. Целью нашей работы стало комплексное описание иноязычной лексемы *промоушн*. Поставленная цель предполагала решение следующих задач: собрать достаточный по объему языковой материал; проследить этапы вхождения английской лексемы *promotion* в русский язык, выявив этапы адаптации заимствованной единицы; определить степень включенности лексемы в материал языка-реципиента. Предметом анализа стала лексема *промоушн*, источником материала – поисковая система «Интегрум». В результате выборки мы получили 17 300 контекстов с анализируемым словом (период: 1990 – февраль 2016 года). Был обработан материал, который включил более 3000 высказываний, содержащих указанную единицу.

В русский язык лексема *промоушн* была введена с помощью приема трансплантации – «способа введения письменной формы иноязычного слова в русский текст» [Тимофеева 1991: 33–39], при котором сохраняется графика языка-донора: *promotion*. Данная лексема постепенно адаптировалась в русском языке, приобретя графическое оформление кириллицей (*промоушн*). На выбор варианта оформления повлияла письменная форма заимствования данной лексемы – была использована транскрипция: *promotion* [prə'məʊf (ə)n].

Для того чтобы выяснить, подвергается ли данная единица членимости, мы обратились к способу ее образования в родном для нее, английском языке. Существительное *promotion* было образовано от глагола *to promote* при помощи суффикса *-tion*, который по значению соответствуют русским – *ци(я), -си(я)*. Подтверждение этому демонстрируется в следующем контексте:

По его собственным словам, Калфан Хариб занимается «промоуцией своего государства» и делает это серьезно (Деловой Петербург; 09.07.1997).

Стоит отметить, что данный контекст является единственным из трех тысяч рассмотренных нами употреблений. Иностраный суффикс *-tion* имеет очевидное преимущество перед русским *-ци(я)*. В данном случае словообразовательная калька не утвердилась. И, следовательно, лексема *промоушн* (*promotion*), образованная путем добавления суффикса *-tion* к глаголу *promote* в английском языке, вошла в русский язык как нечленимая единица. Структурный компонент *-шн*, являясь унификсом, начинает проявлять свою продуктивность в русском языке. Так унификс *-шн* встречается в таких словах русского языка, как *промоушн*, *продакшн*, *ресепшн*, *экшн*, *фэшн*, *сейшн*. Следовательно, на наших глазах протекает интенсивный процесс словообразовательного освоения иноязычных слов. Он отражается прежде всего в появлении членимости у все большего числа слов, ранее нечленимых [Панов 1968: 214–231].

Интересно, что единица *промоушн* нередко сама становится составляющей частью некоторых понятий: *Содействие продажам, сбыту* (*salespromotion*) (Connect.Мир связи (Москва); 19.05.2003); *Cross-promotion* – *реклама и продвижение одного продукта вместе с другим, не конкурирующим продуктом* (Бизнес-журнал; 19.09.2003).

Латинское оформление использовалось лишь на начальном этапе освоения лексемы. Однако единица *промоушн* до сих пор активно функционирует в двух вариантах графического оформления, вариант *promotion* активно продолжает самостоятельную адаптацию в русском языке (10780 контекстов за период 1990 – нач. 2016 гг). Если до 2000 года употребление данной единицы ограничивалось названиями организаций и определенными словосочетаниями (*американская фирма Agora Promotion, компания «Public Relations&Promotion Group»*...(Рекламный мир, Москва; 01.09.1998), то после 2000 года употребление слова *promotion* в прессе значительно выросло, оно стало использоваться в согласовании с определениями, однако само иноязычное существительное при этом не изменяется ни по падежам, ни по числам:

*Предшествовавший выставке период, начиная с осени, “Карлсон Туризм” посвятил активному **promotion** своей марки средствами рекламы и PR (Туристический бизнес; 15.05.2001).*

Более интересным представляется вопрос графической, в частности, орфографической ассимиляции. Во-первых, любопытно поведение лексемы *промоушн* в составе сложного слова, а именно слитное / дефисное / раздельное написание данной единицы с другими частями образующихся лексем.

Примером вариативности письменного оформления может служить сложное слово *промоушн (-)акция*. Нами было обнаружено три варианта его оформления в прессе (дефисное, слитное и раздельное):

*Авиакомпания «КД АВИА» проводит новую **промоушен-акцию**: «МИЛИ С QIWI» (Воздушный транспорт (Москва); 10.10.2008);*

*Если предпринять **промоушнакцию** в отношении одежды для активного отдыха, изменит ли это спрос на спортивный инвентарь (Connect.Мир связи (Москва); 30.01.2006);*

*На выставке были широко представлены отечественные и иностранные производители... активно продолжают завоевывать новых потребителей, проводя **промоушн акции** (Московская правда; 30.09.1998).*

В составе сложных слов единицу *промоушн* можно рассматривать в качестве аналитического прилагательного: *промоушнгеймз* (Уральский рабочий (Екатеринбург); 12.03.1999); *промоушенмэн* (Московская правда; 05.11.1996); *промоушн-политика* (Московский комсомолец; 06.08.1997); *промоушн-зацепка* (Аргументы и факты; 04.05.1999); *промоушн-цель* (Бизнес-журнал; 25.06.2003; 11 (24)); *промоушн-ролик* (Коммерсантъ-Власть; 04.09.2001).

Модель слитного и дефисного написания настолько продуктивна, потому как русский язык усваивает новые английские заимствования, способные употребляться как автономно, так и в качестве зависимого препозитивного определения. Что касается раздельного написания, то оно

вероятнее всего мотивировано обособлением данной единицы – носитель считает ее самостоятельным словом, не обладающим признаками прилагательного.

Отсутствие подобных композитов в авторитетных словарях-источниках и вариативность оформления таких слов в печатных СМИ указывает на то, что орфография неологизма окончательно не устоялась. Норма как «механизм выбора вариантов» в отношении написаний данного слова еще не «сработала».

Однако случаи различного написания иноязычного слова непосредственно с орфографическими нормами не связаны. В данном случае мы можем говорить о графическом варьировании, при котором видоизменения слов различаются «небуквенными знаками» [Немченко 1990: 140].

В качестве второй темы в рамках орфографической ассимиляции единицы *промоушн* предлагается рассмотреть вопрос вариативности написания части *-ш(e)н* в составе данной лексемы.

Буквосочетание *-tion* в конце слова имеет транскрипцию [Sn]. Соответственно, приняв во внимание использованный прием транскрипции, мы можем сделать вывод о том, что в русском языке сохранено английское оформление данного суффикса, что отображается и на письме:

*Начиная с петровских времен, когда треть словаря состояла из немецких и голландских слов, до нынешнего дня, когда появились **промоушн**, консенсус и о'кей, которым заканчиваются деловые разговоры (Известия; 15.11.1997);*

*Награда за лучший эфирный **промоушн** была вручена каналу «Культура» за анонс конкурса Чайковского «Настройся на Чайковского» (Российская газета; 26.06.2015).*

База данных «Интегрум» регистрирует 10190 употреблений слова с частью *-шн* (за период с 1990 по февраль 2016 года). За тот же период в

системе представлено 7150 контекстов, демонстрирующих лексему *промоушен* с *-е-* в унификсе:

Экспозиция, посвященная промоушену творений легкой и пищевой промышленности, не слишком велика, но местами просто изумительна (Новая Сибирь; 05.1996);

Он находится в определенной «яме» в плане промоушена (Спорт-Экспресс; 07.08.2015).

Несмотря на то, что использование части *-ин* более частотно, все же пока нельзя говорить о формировании определенной тенденции в выборе варианта написания – разница показателей не столь значительна. Безусловно, сегодня существует сложность в оформлении данной лексемы, сталкиваясь с которой, некоторые авторы, вероятно, ориентируются на транскрипцию, а некоторые принимают во внимание звуковой облик слова при склонении, руководствуются слоговым принципом фонетики русского языка. В косвенном падеже вариант произношения данной единицы с *-е-* в унификсе представляется более благозвучным и артикуляционно привычным для носителя русского языка. Сравните, например:

Слово в форме родительного падежа:

Зубры отечественного промоушна заливаются слезами радости, глядя на свое детище (Я молодой / приложение к АиФ; 20.04.2000);

Естественно, мы прогнозировали прирост продаж в результате промоушена и завезли в магазины дополнительный товар (Российский рекламный вестник; 27.04.2006).

Слово в форме творительного падежа:

Панин: Мы не занимаемся само-промоушном, к тому же долгое время у нас не было директора (Вечерние ведомости, Екатеринбург; 18.09.2000);

Вы ведь не только актер, но и деловой человек, и после съемок вам приходится заниматься рекламой фильма, промоушеном (Итоги; 10.09.2002).

Стоит отметить, что нами был обнаружен еще один, третий вариант написания иноязычной лексемы *промоуш(e)н* в русскоязычной прессе – это отображение суффикса с буквой *и* – *промоушин*:

Первое направление – это обсуждение маркетинга и промоушина новых технологий... Значит, на рынках этих стран необходимо осуществлять промоушин этих технологий (Вестник связи; 29.10.2004);

Менеджер по рекламе: высшее образование, опыт работы в коммерческой организации от трех лет (промоушин)... (Вечерний Челябинск; 08.06.1998).

В целом варьирование иноязычного слова в процессе адаптации – закономерное явление, один из показателей новизны слова. Большое количество вариантов свидетельствует об активности, с какой новое слово осваивается на чужой почве, о частоте употребления его в речи разными носителями языка.

Подводя итоги сказанному о заимствованной, активно используемой единице *промоушин*, мы можем сделать вывод, что процесс адаптации лексемы в русском языке, происходящий на наших глазах, еще не завершился.

Данная иноязычная лексема проникла в русский язык через печатные и электронные СМИ. При начальном этапе графического освоения лексемы был использован прием трансплантации, далее появилось графическое оформление данной единицы кириллицей. В виду того, что форма заимствования письменная – был использован прием транскрипции (*promotion* [prə'məʊf (ə)n]).

Несмотря на графическую адаптацию лексемы в русском языке, данная единица недостаточно освоена орфографически. Сталкиваясь с проблемой выбора варианта написания лексемы *промоуш(e)н*, вероятно, уместно руководствоваться слоговым принципом фонетики русского языка: промоушн – промоушена.

На сегодняшний день *промоушн* – это нечленимая единица, так как элемент *-шн* мы относим к единицам уникальным, унификсам. Хотя статус этой структурной части иноязычных слов в связи с активизацией процесса заимствования меняется на наших глазах. Появление, с одной стороны, единиц с этим элементом (типа *плэй-стэйшн, рецепшн, экшн* и др.), с другой стороны, активное функционирование в русском языке усеченной единицы *промо* позволяет нам говорить о случае усложнения морфемной структуры данной единицы, о возможности членения слова *промоушн* на корневую и суффиксальную части. Однако этот процесс, повторим, пока не завершен.

Несмотря на это, мы можем говорить о достаточной степени включенности иноязычной лексемы *промоушн* в материал языка-реципиента (17300 употреблений). В связи с потребностью носителей языка в этом слове (оно заполнило существовавшую языковую лауну), мы можем предполагать его дальнейшее продвижение в русский язык.

Анализ процессов фонетического и графического освоения новой иноязычной лексемы позволил выявить следующую тенденцию: в русском языке новые слова подвергаются варьированию – колебанию нормы на объективно слабых участках орфографии (слитное – дефисное – раздельное написание заимствований, с этимологической точки зрения представляющих собой сложные слова или сочетания слов). Варьирование иноязычного слова в процессе адаптации свидетельствует об активности освоения слова носителями языка. Со временем язык избавляется от избыточности, отдавая предпочтение одному варианту.

Изучение подобных активно употребляемых единиц, нагруженных актуальным для носителей языка смыслом, является одним из приоритетных направлений современной лингвистики. Российское общество, став обществом потребления, столкнулось с проблемой именования специальных технологий, для которых в русском языке не было исконных слов. Заимствованная лексика заполняет языковые лауны, адаптируясь в системе русского языка. Научное рассмотрение текущего состояния

общества не представляется возможным без языкового анализа окружающей его речевой среды. Разнообразные формы языкового существования являются отражением и наглядной демонстрацией происходящих в настоящий момент социальных перемен.

Список литературы

1. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 380 с.
2. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX - начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова; М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 495 с.
3. Немченко В. Н. Вариативность языковых единиц. Типология вариантов в современном русском языке / В. Н. Немченко; Красноярск, 1990. — 180 с.
4. Панов М. В. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка / М. В. Панова; М. : Наука, 1968. – С. 214–231.
5. Стефанов С.И. Реклама и полиграфия: опыт словаря-справочника.— М.: Гелла-принт, 2004. — 320 с: ил. — (Рекламные технологии).
6. Тимофеева Г. Г. Письменная фиксация иноязычных слов в ситуации заимствования (на материале новой лексики английского происхождения) // Вестник Ленинградского ун-та, 1991. №3. – С. 40-45.
7. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества / Ж. Т. Тощенко; М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.

Шуб М. Л.

Феномен памяти: актуальность прошедшего (проблематика памяти в ракурсе современных гуманитарных исследований)

Shub M. L.

Memory phenomenon: relevance of a past (a memory perspective in a perspective of modern humanitarian researches)

Аннотация: Статья посвящена феномену памяти. Основой акцент делается на рассмотрении наиндивидуальных (социальной, культурной) форм памяти. Особе внимание уделяется анализу причин востребованности проблематики памяти в современной гуманитарной науке.

An abstract: Article is devoted to a memory phenomenon. The emphasis is placed by a basis on consideration the overpersonal (social, cultural) memory forms. The person the attention is paid to the analysis of the reasons of a demand of a perspective of memory in the modern humanity.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА|| ПАМЯТЬ|| MEMORY-STUDIES || ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

KEYWORDS: MODERN CULTURE || MEMORY || MEMORY-STUDIES || HUMANITARIAN RESEARCHES

Категория памяти (в его коллективном, социальном измерении) является, пожалуй, одной из наиболее популярных в современной гуманитарной риторике. «Все говорит о том, что вокруг понятий памяти и воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре» [2, с. 11]. Более того, на сегодняшний день можно говорить о сложившемся теоретико-методологическом направлении в изучении феномена памяти, так называемом, «memory studies», объединяющем самые разные ракурсы исследования – от феноменологического до историко-культурного. Однако статус данного направления при неуклонно возрастающем количестве работ по memory-тематике остаётся достаточно дискуссионным.

Дискуссионным продолжает оставаться и сам феномен памяти, что, вероятно, и порождает такой пристальный интерес к нему учёных самого разнообразного профиля – не случайно П. Нора называет современность «мемориальной нацией» [5, с. 146]. Среди причин и проявлений актуализации проблематики памяти мы можем выделить следующие.

Во-первых, современное европейское сообщество, существующее на пересечении целого ряда кризисов, остро нуждается в точке опоры, которой и выступают память, прошлое, история (мы пока не разводим данные понятия, а употребляем их в едином, хотя и не синонимичном, категориальном ряду). В условиях мощного экспансивного натиска на европейскую культуру культуры исламской («постколониальный рецидив»), в условиях явного кризиса коллективной идентичности европейской цивилизации и расшатывания традиционной системы ценностей, ей свойственных, в условиях утраты Европой центристского цивилизационного значения, в условиях в целом политической, экономической, социальной нестабильности вполне естественным является поиск того, что могло бы компенсировать все (или почти все) негативные проявления актуальности, нивелировать чувство кризисности и дать импульс к реидентификации. Выполнение этих задач отчасти возлагается и на Память.

Эта мысль подтверждается и позицией выдающегося историка А. Мегилла: «Наиболее характерной особенностью современной жизни является недостаток стабильности на уровне идентичности, что приводит к проекту конструирования памяти с целью конструирования самой идентичности [4, с. 146].

Именно об этом, не будучи непосредственным свидетелем событий, происходящих в современной Европе, писал и Поль Рикёр в своей работе «Память и забвение» [6]. Он связывает острую востребованность памяти именно с масштабным кризисом европейской идентичности, которая сама по себе является достаточно хрупкой и подверженной целому ряду потенциальных угроз (столь очевидных сегодня): времени; столкновению с

другим («...другой именно потому, что он другой, может восприниматься как опасность для собственной идентичности – для идентичности «мы» и для идентичности «я», [6, с. 120]) и наследованию отношения к насилию («... не существует исторической общности, которая была бы порождена чем-то иным, нежели так называемое изначальное отношение к войне... Одни и те же события для одних означают славу, для других – унижение. С одной стороны – восславление, с другой – проклятие. Именно таким образом в архивах коллективной памяти накапливаются реальные и символические обиды» [6, с. 120]).

Продолжая разговор о кризисе общей европейской коллективной идентичности, нельзя не отметить, что на этом фоне интенсифицируется становление, так называемых, мелкогрупповых идентичностей, связанных с формированием новых субкультурных образований и социальных групп. Вновь появляющееся пока ещё маргинальное по своей сути сообщество остро нуждается в обосновании легитимности своего существования, в том числе и через укоренение в пространстве прошлого, через обретение собственной истории и памяти.

Во-вторых, современное общество, выработав принципиально новые способы продуцирования и хранения информации, трансформировало отношение к ней. Я. Ассман назвал этот процесс новой культурной революцией, подобной появлению письменности и книгопечатания. Революционность происходящего связана, прежде всего, с обретением возможности фиксации и хранения неограниченного объема информации. Таким образом, формируется гигантский архив данных («эпоха архивов» по П. Нора), невообразимый массив пассивной коллективной памяти: «То, что мы называем памятью, - это на самом деле гигантская работа головокружительного упорядочивания материальных следов того, что мы не можем запомнить, и бесконечный список того, что нам, возможно, понадобится вспомнить» [5, с. 29].

Интенсификация процессов заполнения «объёма» памяти (о его специфике писал ещё Ю. М. Лотман) во многом обусловлена именно тем, что в условиях кризиса «больших идентичностей», общество не способно сформировать чёткую стратегию запоминания и забвения: то, что сегодня кажется значимым, завтра может оказаться на периферии актуальности. Поэтому при наличии сверхсовременных технических возможностей хранения информации в архив памяти помещается самый разнообразный массив данных – всё, что может быть полезным «мемориальной нации», удвоившей «все вещи, существующие во внешнем измерении» [5, с. 146].

В-третьих, востребованность коллективной памяти связана и с угасанием традиции как основы межпоколенной коммуникации: «Можно с уверенностью сказать, что основой этого процесса (экспансии памяти) является разрыв с традиционными типами сообщения о прошлом: семейная и локальная связь, в рамках которой прошлое передавалось устно представителями поколений-свидетелей, живших под одной крышей, сменилась его сокращённой передачей, в которой преобладали как приобретенные знания, так и различные области производства памяти [8].

П. Нора полагает, что современное общество переживает кризис памяти на фоне активизации интереса к ней – «О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет» [5, с. 17]. Исследователь уверен, что настоящая, живая память поколений, транслируемая при помощи традиций и ритуалов, уходит в прошлое, оставляя место истории как источнику и регулятору памяти: «То, что сегодня называется памятью, относится не к памяти, но уже к истории. Всё, что называют горением памяти, есть окончательное исчезновение ее в огне истории. Потребность в памяти есть потребность в истории» [5, с. 28]. Страх перед необратимостью утраты и желание хотя бы искусственно её восполнить и привели к жизни мемориальную нацию и общество архивов: «Вырвано с корнем все то, что еще сохранялось из пережитого в тепле традиций, в мутациях обычаев, в повторениях пришедшего от предков, под влиянием глубинного

исторического чувства. Доступ к осознанию себя под знаком того, что завершилось навсегда, окончание чего-то изначального» [5, с. 17].

В-четвёртых, усиление интереса к проблематике памяти изначально, ещё в послевоенное время, а потом в конце 80-х годов было обусловлено так называем «посттравматическим синдромом» – сильнейшим потрясением всего мирового сообщества, вызванным ужасами Второй мировой войны, Холокоста и др. Именно тогда стали активно разрабатываться концепции коллективной травмы, вины, покаяния и – памяти. Интенсификация подобного интереса сегодня связана с уходом из жизни свидетелей тех страшных событий [2, с. 11] и с ускользающей возможностью извлечь максимально продуктивный опыт из их рассказов о пережитом, с одной стороны. С другой, – «жертвам Освенцима кажется, что в отношении Холокоста с течением времени возникла угроза забвения, если не сознательного, то связанного со сменой поколений и ослаблением усилий по сохранению этого травматического знания. По этой причине резко возросла активность носителей памяти (воспоминания и др.) и интенсивность действий по запечатлению их опыта» [7, с. 196]. Такая ситуация породила синдром «гипермнезии» – повышенной способности к запоминанию и воспроизведению информации о геноциде, концентрационных лагерях и др.

В качестве пятой причины можно отметить юридикацию пространства культуры, в том числе памяти, попытку перевести прошлое как таковое и отношение к нему в пространство правовых отношений. Это тоже во многом связано с травматическими для европейского сознания последствиями Второй мировой войны и стремлением не допустить повторения подобных травмирующих событий: «Возросшая роль юридического инструмента представляет собой завершение историографии последнего полувека: переход от обобщающей антифашистской трактовки истории к ее пересмотру в ходе “мемориальных действий” второго поколения, затем к новому прочтению истории и, наконец, к попыткам поправок: юридических, материальных и символических. Юридических – в первую очередь» [8].

Достаточно вспомнить в этом контексте Нюрнбергский процесс или принятый в 1990 г. во Франции закон Гэссо, вводящий уголовное преследование за отрицание Холокоста и снимающий срок давности за преступления «против человечности».

Нередко исследователями называются причины актуализации памяти, в меньшей степени связанные с конкретно историческими событиями и обусловленные в большей степени самой природой человеческого сознания. Так, Я. Ассман пишет: «Всё завершившееся – это предмет воспоминаний» [2, с. 11]. И, действительно, вторая половина прошлого столетия (а это время наибольшего расцвета мемогу-проблематики) – это период завершения больших исторических проектов и смена их другими (формирование и кризис парадигмы постмодернизма, формирование информационного общества и пр.).

В работах отдельных авторов можно найти и иные причины, объясняющие выход памяти на арену мировых исследовательских интересов. Так, например, Ф. Артог связывает это с приближением каких-либо круглых исторических дат, порождающих «юбилейные воспоминания», а, следовательно, и активизацию архивных поисков [1, с. 157].

Перечислить все исследовательские подходы к данному вопросу достаточно трудно и, пожалуй, бессмысленно – их слишком много и их суть, в конечном счёте, сводится в общем виде к тем обстоятельствам, на которые мы указали выше.

Важным представляется иное: проблематика памяти давно уже вышла за пределы собственно научных дискуссий и довольно прочно закрепилась в пространстве стихийной и организованной повседневности. Достаточно обратить внимание на активную историческую и коммеморативную политику государств: появление новых праздников и забвение старых, открытие новых памятников и уничтожение существующих, борьба за сохранение мемориальной памяти об одних событиях и амнезия по отношению к другим, разворачивающиеся на этом фоне межгосударственные

и межнациональные конфликты, переписывание государственных историй, спекуляция историческими фактами и пр.

Сегодня ни один, пожалуй, жанр не является столь популярным как жанр мемуаристики (П. Нора: «каждый историк самого себя»). Возрос интерес к устной истории, генеалогии, всякого рода ремейкам и ремиксам.

В любом случае, как это неоднократно доказывала история, интерес к прошлому всегда активизируется на фоне кризиса настоящего: «Память привлекает особое внимание тогда, когда возникает нарушение привычного хода ее работы или когда она сталкивается с чем-то, что забыть оказывается так же сложно, как и запомнить. В каком-то смысле память – это всегда нечто, балансирующее на краю патологии и несущее в себе элемент травмы» [3].

Список литературы

1. Артог, Ф. Время и история: «Как писать историю Франции?» / Ф. Артог // «Анналы» на рубеже веков: Антология / Сост. А.Я. Гуревич, С.И. Лучицкая; пер. с фр. – М.: «XXI век – согласие», 2002. – С. 152-176.

2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

3. Калинин, И. Перестройка памяти / И. Калинин // Неприкосновенный запас. – 2009. – №2(64) [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/ka17-pr.html>

4. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М.: «Канон⁺» РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.

5. Нора, П., Озуф, М., Пюимеж, Ж., Винок, М. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – Спб.: Издательство: Санкт-Петербургский ун-т, 1999. – 333 с.

6. Рикер, П. Память, история, забвение / П. Рикер. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). – 728 с.

7. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия / И.М. Савельева, А.В. Полетаев // Феномен прошлого [Текст] / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 170-221;

8. Шурек, Ж.-Ш. Память и тоталитаризм: французские дебаты / Ж.-Ш. Шурек // Неприкосновенный запас. – 2002. - №2(22) [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/shurek.html>

Якушина, О.И.

**Трансформация культурной идентичности: столкновение с
НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ**

Yakushina, O.I.

**Transformation of cultural identity as a response to the modern
challenges**

Человек в современном глобальном мире подвержен влиянию разных конкурирующих культур, сопоставляет их, делает выбор между постоянно меняющимися социальными контекстами. Трансформация идентичности идет в направлении мультикультурности – приверженности нескольким культурам. Идентичность имеет важное значение для культурного воспроизводства, для интеграции и достижения общественного согласия разных сосуществующих культур.

In the contemporary global world individuals are influenced by different competing cultures. They compare and make choices between the ever-changing social contexts. Identity is transforming towards multiculturalism as a commitment to several cultures. Therefore, identity is essential for the cultural reproduction, integration and to achieve public consensus of different coexisting cultures.

ИНДИВИД|| КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ||
КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ|| ТРАНСФОРМАЦИЯ
ИДЕНТИЧНОСТИ|| МОДЕЛИ ИДЕНТИЧНОСТИ||
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

INDIVIDUAL|| CULTURAL IDENTITY|| IDENTITY CONSTRUCTION||
IDENTITY TRANSFORMATION|| IDENTITY MODELS||
MULTICULTURALISM

Современный глобальный и одновременно фрагментированный мир изменяет индивида и оказывает влияние на процессы самоидентификации. Транснациональная среда, новые средства коммуникации, разнообразные технологии для облегчения и совершенствования жизни человека сближают пространство и время, открывают простой доступ к информации и коммуникации без личного присутствия, в любой момент к множеству точек на земном шаре. Однако глобализация экономики, культурного пространства, интеграционные процессы, направленные на унификацию потребностей и ожиданий, не привели к стиранию культурных различий в разных частях мира.

Это ведет к соответствующей трансформации современного индивида и его «Я». В целом одним из важных мировоззренческих понятий и конструктов для человека является идентичность. Существует множество способов определения понятия идентичности. Некоторые используют социокультурную традицию, сводя идентичность к принадлежности некоторому этносу. Другие применяют в значении коллективной идентичности, расширяя ее сферу включением социальных движений. Отсюда следует неопределенность употребления термина просто «идентичность» без конкретизации значения и области использования [1]. Социологический подход предполагает, что существует определенное взаимоотношение между индивидом и обществом. Соответственно, идентичности индивидов влияют на общество через их действия. А общество влияет на идентичности с помощью обще разделяемых ценностей, традиций, верований. Поскольку идентичность отражает ситуацию в обществе и возникает в нем [2], то при рассмотрении современной идентичности мы должны также понять общество, в котором они формируются и существуют.

Люди социально включены, являются членами различных этнических, религиозных, культурных, национальных и иных групп. Они определяют и отличают себя от других, определяются и отличаются другими. Это по своей сути идентичность группы; и как ее виды можно выделить культурную,

национальную, этническую, конфессиональную идентичность, которые одни исследователи считают самостоятельными, другие – взаимно дополняющими. Такая социальная идентичность намного более сложна и многогранна, и может нести на себе влияние политических и управленческих решений властных структур общества. И то, что является социальной идентичностью для части общества, может не оказаться таковой для других, т.к. разные индивиды будут присваивать ей свою степень важности. Кроме того, Б.Парех отмечает, [3] что ее следует понимать как мир, который мы выстраиваем и обозначаем в качестве своего, и состоит он не в какой-то определенной черте, а в его качестве и содержании. Мир, который каждый из нас выстраивает, – стабилен, но не зафиксирован. Он расширяется и сужается, вводит новых индивидов и отношения или устраняет их.

В отечественных источниках социальной идентичностью обозначают чувство человека, выражающее его сопринадлежность к какой-либо группе, ощущение сходства по признакам, тождественность с ее членами (т.е. как идентичность отдельных групп и слоев общества). В широком плане все это – вопросы культурной идентичности.

Культурная идентичность – это общий типовой концепт, который относится к обладанию набором качеств отдельно взятого населения. Философский словарь определяет ее как одну из составляющих идентичности человека [4]. Культурная идентичность – уникальный для каждого индивида комплекс почерпнутых из разных источников культурных элементов и сущностей, с которыми он себя идентифицирует, реализуемый в жизни этого индивида. Культура – это набор значений, верований, практик, которые направляют формирование и поддержание социальных институтов, создание социальных продуктов, развитие их членов. В числе ее основных характеристик – представления, верования о природе и назначении человека. Верования формируют культурные модели - это неоспоримая, принимаемая на веру картина мира. Культурные модели играют огромную роль в понимании мира и определяют принятые в конкретном обществе нормы

поведения; их должно принять большинство населения [5]. Культурные модели организуют, регулируют групповые верования и знания; фокусируют индивидов и их социализирующих агентов на определенных аспектах самости; направляют действия как таковые. В случае индивидуальной концепции «себя» индивида культурные модели отражают социальные нормы того, что значит быть хорошим человеком, определяют цели поведения, желания и обязанности индивида. Внутри одной культуры концепции «себя» у каждого отдельного индивида будут отличаться, но, непременно, и пересекаться разделяемыми ими образцам социализации, социальным нормам, ценностями в рамках своей культуры.

На протяжении истории для большинства людей развитие культурной идентичности было относительно простым. Дети рождались в определенной культуре, и с детского возраста воспринимали культуру как часть себя, как основу своей культурной идентичности. То есть, обретая идентичность, индивид принимал руководящую культуру общества. Так происходит в традиционных культурах, однако современный мир значительно изменился.

Современные индивиды живут в мире, который стал намного более разнообразным и мультикультурным. Доступность общения и получения новых знаний о других культурах стала более доступной, и возможно вступать в контакт с людьми любых стран и континентов. Хотя так было и раньше, но сегодня масштабы и темпы глобализации беспрецедентны. С ростом объемов туризма, миграции, распространением транснациональных корпораций, развитием новых коммуникационных технологий современные индивиды имеют возможность общения друг с другом в значительно большей степени, что наложило отпечаток на сложность и комплексность современной культурной идентичности. Индивиды редко растут, зная только одну культуру, они контактируют с разными культурами как непосредственно, так и опосредованно с помощью средств глобальных медиа и интернета. Кроме того, по мере усложнения структуры экономики количество возможных траекторий конструирования идентичности

значительно расширилось (относительно выбора работы, брака, увеличивающаяся гибкость гендерных ролей). Возникает проблема: как в этом случае определять себя и свою идентичность, с какой культурой себя идентифицировать.

Трансформация идентичности связана с изменением культурных значений и символов в современном обществе. Через призму этих изменений можно по-иному дать оценку побуждающих мотивов, аттитюдов, взаимоотношений индивида и общества, смысла, предназначения человека.

Как правило, индивид представляет свое «Я» согласно воображаемым возможностям. Х. Маркус и П. Нуриус предположили, что индивид свободен создать любое множество «Я», но набор возможных событий происходит от категорий, определяемых существующим историческим и социо-культурным контекстом, а также моделями, изображениями, символами, предлагаемыми институтами медиа и личным социальным опытом индивида [6]. Идея возможных вариантов «Я» как компонентов концепции предполагает, что «Я» может быть многогранным. Это позволяет объяснить, как пространственную и временную пластичность «Я» современного индивида, так и его непрерывность и стабильность.

В современную эпоху, когда общество стало глобальным, но сохранилась его фрагментированность, поиск и выбор идентичности становится особо остро стоящим вопросом. Индивиды стали открыты по отношению к различным реальностям. Им не надо покидать свою «традиционную общину» для того, чтобы встретиться с другими культурами; они открыты им даже находясь у себя дома. Влияние далеких событий на ближайшие, а также разнообразие возможностей идентификации своей идентичности, становится все более распространенным. Индивиду постоянно поставляется новейшая информация в нарастающих объемах. В результате окружающая современного индивида реальность оказывается непрерывно конструируемой, и ее создание никогда не заканчивается. Следовательно, человек начинает ставить под сомнение действительность и самого себя.

Идентичность современного индивида больше не незыблемая данность. Он сам может самостоятельно и свободно определять себя, свое «Я», и, исходя из этого, конструировать свою идентичность. Однако следует понимать, что такой «свободный выбор» не является абсолютно свободным, а формируется культурой социального окружения и доминирующими в обществе ценностями, которые также являются социальным продуктом.

В 90-х гг. Р. Робертсон [7] указал на то, что происходит интенсификация сознания мира как целого. Индивиды мыслят о себе всё более сложным образом, но их окружает такое множество сред жизни, о которых у них еще нет четко сформировавшихся взглядов, что создает предпосылки для появления препятствий на пути определения себя и того, из каких элементов и конфигураций будет состоять их культурная идентичность. Среди них следует указать на сочетание непосредственной и виртуальной реальности, многовариантность возможных путей развития идентичности, сопутствующие преимущества и минусы. Рассмотрим данные аспекты.

Непосредственная и виртуальная реальность. Сегодня человек сочетает в себе и свободно перемещается между реальным, непосредственным и виртуальным миром, грани между ними стираются. Классическое определение аккультурации [8] предполагает непосредственный продолжительный контакт. Но теперь формирование идентичности связано не только с непосредственным опытом окружающей реальности и живым контактом с людьми, но все в большей степени на него оказывает влияние опосредованное воздействие различных культур посредством виртуальной среды. Хотя за счет интенсивной миграции и доступности туризма имеет место непосредственный контакт, но на большинство людей другие культуры влияют теперь в значимой степени косвенно, например, через медиа ресурсы. Тем самым в условиях быстрых и всеохватывающих информационных потоков медиа и интеракций, возрастает значение косвенного контакта культур. Индивиды имеют возможность одновременно развивать локальную

идентичность, которая основана на родной культурной традиции, и глобальную идентичность на опыте глобальной культуры.

Поэтому предлагается расширить понятие культурной идентичности таким образом, чтобы понятие относилось не только к процессам аккультурации в результате прямого контакта с культурой, но и без непосредственного общения, связанным с глобальными медиа ресурсами. Хотя, конечно, в данном случае следует учитывать высокую степень индивидуализированности и субъективности в отсутствии непосредственного первичного контакта с разнообразными культурами.

Многовариантность возможных путей развития идентичности. Формирование культурной идентичности усложняется по мере того, как индивиды подвергаются влиянию всё большего числа культур. Разные культурные традиции могут иметь различные конечные цели и пути выбора идентичности. При формировании индивидами мультикультурной идентичности, на выбор способа приспособления оказывают влияние множество факторов, но одним из центральных является размер дистанции между культурами и насколько легко и быстро ее можно преодолеть. Эмпирическим подтверждением данного факта являются результаты исследования под руководством Дж. Финни [9]. Был проведен опрос 240 подростков из 4 этнических групп в США, как по повседневным, так и более общим вопросам бытия на предмет выявления расхождений во взглядах с их родителями. Исследование показало, что в подростковом возрасте взгляды на индивидуальную автономность и ответственность перед семьей развиваются разнообразными путями и в разной последовательности среди культурных традиций и по мере нарастания числа контактов с другими (например, стремление к автономии в середине подросткового возраста, но не в позднем подростковом или наоборот). Нельзя утверждать, что есть только одна модель развития идентичности.

Преимущества и минусы. Можно выделить 3 уровня сложности психологического приспособления и проблем, связанных с аккультурацией, в

порядке возрастания. На 1-м уровне аккультурации индивид отдаляется от своей родной культуры, что может привести к ощущению потери, но также к положительному чувству, поскольку позади остаются нежеланные верования и практики. На 2-м уровне проблем аккультурации индивид испытывает культурный шок и стресс аккультурации, т.е. более серьезное психологическое приспособление. У индивида возникают сложности формирования согласованной идентичности перед лицом культурно различных мировоззрений, которые ему сложно соединить вместе. На 3-м уровне возникают самые серьезные сложности аккультурации, достигающие вплоть до психопатологий.

Вышеперечисленные аспекты играют важную роль в формировании современной культурной идентичности, понимании культурных различий и норм, взаимодействия между разнообразными культурными группами. Идентичность в современном обществе оказывается комплексным и противоречивым опытом, в чем отражаются социальные преобразования на рубеже веков – прежде всего ввиду нарушения традиционно существовавших связей, динамизма и изменчивости, глобального воздействия современных институтов общества. Это радикально трансформирует природу повседневной жизни человека и связанные с ней практики. Это единый мир с едиными рамками опыта, но с неопределенным пространством.

В последнее время высказывается мнение о социальных и политических опасностях переопределения форм идентичности, что происходит вследствие быстроты, скоротечности процессов и практик современной жизни, и приводит к росту индивидуализма в современной культуре. Навязывание идентичности определенными сплоченными социальными группами происходит теперь на глобальном уровне. Ученые и общественные деятели обращают внимание на большой культурный сдвиг и напряженность идентичности. Слом традиционных аскриптивных идентичностей, привел к ее кризису; появились множественные, фрагментированные и изменчивые, текущие социальные практики, которые

открывают новые возможности и риски конструирования своего «Я» в личной и общественной жизни.

При формировании культурной идентичности происходит выбор среди культурных групп, к которым относится индивид. Этот выбор становится всё сложнее сделать, чем больше людей оказываются подвержены влиянию множества культурных групп с их разнообразными культурными комплексами. Формирование культурной идентичности становится преимущественно сознательным процессом и решением, когда индивид оказывается открыт для восприятия более одной культуры. Под влиянием глобальной экономики и медиа структур индивид осуществляет выбор, опираясь не только на свою родную культуру, а, скорее всего, на разные культурные модели. Позитивная социальная категоризация как индивида, так и благополучие общества в целом будет определяться способностью развивать и поддерживать компетентность в разных культурах.

Список литературы

Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. М.: ИНИОН РАН. 2007. 188 С. URL: <http://www.isras.ru/> (дата обращения 05.02.2016).

Stryker S. Symbolic interactionism. Menlo Park: Benjamin Cummings. 1980. 161 P.

Parekh B. A New Politics of Identity. New York: Palgrave Macmillan. 2008. 317 P.

Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики. 2004. 1072 С.

Quinn N., Holland D. Cultural Models in Language and Thought. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. P. 4.

Markus H., Nurius P. Possible Selves // American Psychologist, 1986. Vol. 41. № 9. PP. 954-969.

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage. 1992. 211 P.

Dasen P. Rapid Social Change and the Turmoil of Adolescence: A Cross-Cultural Perspective // International Journal of Group Tensions. 2000. Vol. 29. № 1-2. P. 17-19.

Phinney J. Cultural Identity Formation in Multicultural Contexts. URL:http://www.coe.int/t/dg4/youth/Source/Resources/Forum21/II_Issue_No4/II_No4_Cultural_identity_en.pdf (дата обращения 05.02.2016).

Schwartz S.J., Montgomery M.J., Briones E. The Role of Identity in Acculturation among Immigrant People: Theoretical Propositions, Empirical Questions, and Applied Recommendations // Human Development. 2006. Vol. 49. № 1. P. 1-30.

МОЛОДЕЖЬ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

УДК 32.019.52

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Айтжанова Д. Н.

ANALYSIS OF EFFICIENCY OF STATE YOUTH POLICY BASED RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH YOUTH PAVLODAR REGION

Aytzhanova D. N.

Аннотация

В данной статье через призму общественного мнения рассматриваются вопросы развития и эффективности государственной молодежной политики. В основу статьи легли результаты социологического исследования среди молодежи Павлодарской области

Annotation

This article through the prism of public opinion deals with the development and efficiency of the state youth policy. The basis of the article based on the results of sociological research among the youth of Pavlodar region

Ключевые слова: государственная молодежная политика, социологическое исследование, уровень удовлетворенности молодежи, эффективность молодежной политики

Key words: the state youth policy, a case study, the level of satisfaction with the youth, the effectiveness of youth policy

Молодежная политика Республики Казахстан является приоритетным направлением деятельности государства, за годы независимости

претерпевала различные изменения, предлагая обществу модели успешной социализации молодого поколения.

Эксперты отмечают, что на современном этапе молодежная политика подверглась значительным модернизационным преобразованиям. Во-первых, в республике создана новая институциональная модель управления государственной молодежной политикой. Действует Концепция государственной молодежной политики «Казахстан 2020: путь в будущее» [1], в которой заложены основные приоритеты и этапы государственной молодежной политики. Принят Закон «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан» [2], в котором усовершенствованы направления развития молодежной политики, разграничены компетенции государственных органов по всем уровням, разработана модель взаимодействия с молодежными неправительственными организациями.

Во-вторых, приоритетные направления молодежной политики нашли свое отражение в государственных и отраслевых программах, охватывающих ключевые вопросы социально-экономической жизни казахстанской молодежи, а также в стратегических планах местных исполнительных органов. Кроме того, введены критерии оценки эффективности государственной молодежной политики путем внедрения целевых индикаторов в стратегические планы центральных государственных органов и в планы развития территорий на региональном уровне.

В-третьих, выстроена управленческая вертикаль государственной молодежной политики. Так в 2012 году был создан Комитет по делам молодежи в структуре Министерства образования и науки Республики Казахстан, а в регионах - соответствующие управления. Кроме того, молодежная политика подкреплена серьезными финансовыми ресурсами на всех уровнях реализации: республиканском, региональном и местном.

В связи с этим, особую роль приобретает оценка эффективности государственной молодежной политики, в том числе на основании социологического мониторинга уровня удовлетворенности молодежи.

В 2015 году по заказу Павлодарского Управления по вопросам молодежной политики было проведено социологическое исследование социальной напряженности молодежи в городах и районах Павлодарской области, что позволило определить первоочередные социальные проблемы молодежи.

Объектом исследования являлось население Павлодарской области (кроме г. Павлодар) в возрасте от 14 до 29 лет, с учетом распределения населения по половозрастным признакам. Расчет выборки производился на основании генеральной совокупности, которая включила в себя 91956 человек в возрасте от 14 до 29 лет, проживающих на территории городов Аксу и Экибастуз, а также 10 районов Павлодарской области: Актогайского, Баянаульского, Железинского, Иртышского, Качирского, Лебяжинского, Майского, Павлодарского, Успенского, Щербактинского. Выборочная совокупность определялась по однопроцентному соотношению, что составило 920 респондентов от генеральной совокупности.

Предметом исследования стали жизненные позиции и ценностные ориентиры молодежи. Анкета социологического исследования состояла из шести блоков. Обработка и анализ данных исследования были осуществлены с помощью статистического пакета SPSS.

В данной статье представлен анализ уровня удовлетворенности молодежи государственной политикой, поскольку именно этот фактор определяет эффективность реализации государственных программ, затрагивающих молодежную политику. Безусловно, предполагается, что молодые люди обязательно должны быть осведомлены о тех политических документах, которые определяют и регламентируют молодежную политику. Именно поэтому в первую очередь мы выяснили, с какими законодательными актами в сфере реализации молодежной политики знакомы респонденты. Большинство респондентов - 64,5%, как мы и ожидали, знакомы с Конституцией Республики Казахстан, а Закон РК «О молодежной политике» знают гораздо меньше молодых людей - 27,5%.

Концепцию государственной молодежной политики знают еще меньше респондентов -15,3%, затруднились ответить на данный вопрос 23,5%.

Общий уровень информированности молодежи Павлодарской области в сфере нормативно-правового регулирования молодежной политики можно оценить как достаточно низкий, поскольку Конституция РК не является целевым документом для молодежной политики. Высокий уровень ее знания среди молодых людей можно оценить как гражданскую грамотность вообще, а не в вопросах молодежной политики.

В целом, знание основных законодательных актов находится на недостаточном уровне, что свидетельствует о слабой информационно-разъяснительной работе государственных институтов молодежной политики. Например, такой важнейший документ, как «Концепция государственной молодежной политики РК до 2020 года», должен быть известен большинству молодых людей республики.

Решение социальных проблем, касающихся молодежи, нашли отражение в таких программах центральных исполнительных органов, как «Доступное жильё – 2020» , «Саламатты Казахстан – 2011-2015 гг.», «Дорожная карта занятости – 2020», «Дорожная карта бизнеса – 2020», «С дипломом – в село», «Молодежная практика». Обобщенные ответы респондентов на вопрос: «Какие государственные программы и проекты Вы знаете?», приведены в Таблице 1.

Таблица 1.

Степень осведомленности о государственных программах и проектах				
Наименование программ и проектов	Варианты ответов, %			
	Не знаю	Слышал, но не участвовал	Подавал заявку, но было отказано	Участвовал

«Доступное жилье – 2020»	36,8	47,1	2	3
«Саламатты Қазақстан – 2011-2015 г.г.»	44	35,2	1,4	1,2
«Дорожная карта занятости – 2020»	37,4	45,9	1,6	2,5
«Дорожная карта бизнеса – 2020»	39,3	40	2	2
«С дипломом - в село!»	34,6	46,6	1,7	5,8
«Молодежная практика»	37,3	41,2	1,6	5,2

Из приведенных данных в таблице 1, прослеживается вывод, что наиболее известной среди молодежи является программа «Доступное жилье – 2020» – о ней знают 47,1% опрошенных. Более 40% молодых людей области незнакомы с программой – «Саламатты Қазақстан – 2011-2015 гг.», несмотря на то, что она реализуется давно и в 2015 году была завершена. Осведомленность об остальных программах находится в пределах: от 46% до 40%.

Интересным фактом является то, что в плане участия наиболее востребованной для молодых людей Павлодарской области стала программа «С дипломом в село!», в ней поучаствовали 5,7% респондентов. Больше всего отказов при подаче заявок для участия наблюдается в программах «Дорожная карта занятости – 2020» и «Доступное жилье – 2020» (2% в обоих случаях). Следует отметить, что по условиям участия в них и по количеству

обязательного предоставления самых различных необходимых документов, эти программы самые бюрократичные.

Важным в контексте молодежной политики представляется вопрос о степени удовлетворенности молодых людей деятельностью государства по решению молодежных проблем. Результаты приведены в Диаграмме 2.

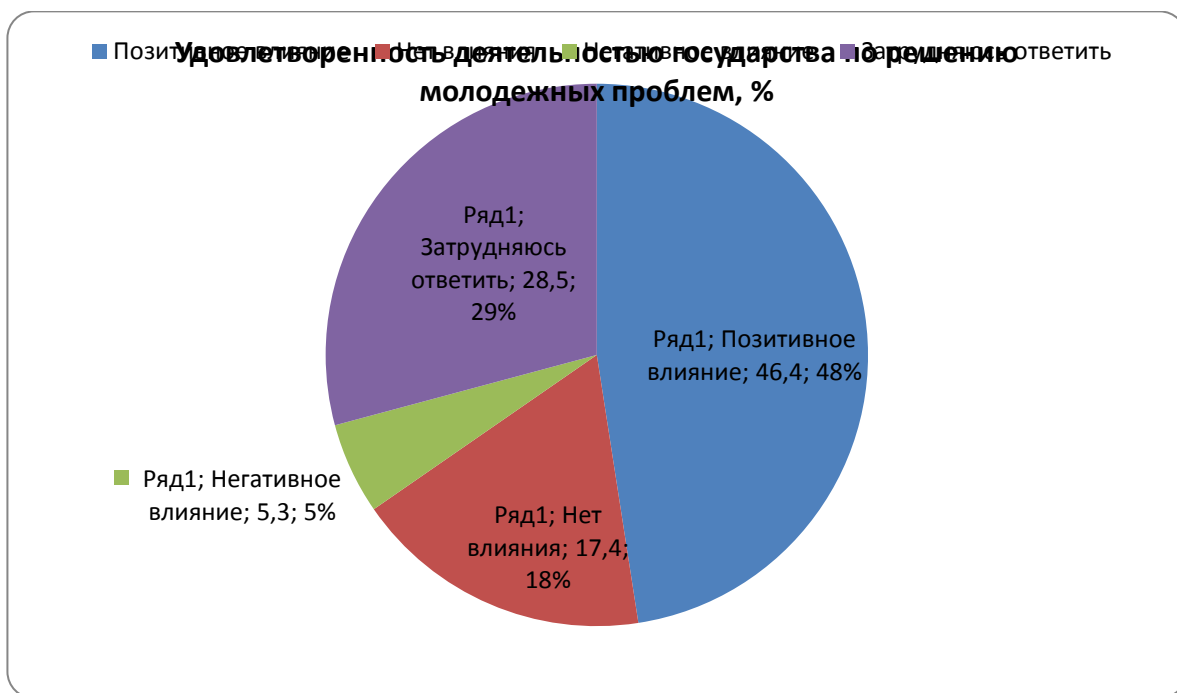

Диаграмма 2

Как видно из диаграммы, 46% респондентов считают, что государство позитивно влияет на разрешение молодежных проблем, не видят влияния государства 17%, считают, что государство негативно влияет на данный процесс 5,3%. Затруднились ответить 28,5% респондентов. Уровень удовлетворенности деятельностью государства нельзя назвать высоким.

Ответы на вопрос – «Какие, на Ваш взгляд, структуры влияют на улучшение жизни молодых людей», дали не совсем прогнозируемый вывод. Так, 46,6% молодых людей считает, что этими структурами являются молодежные организации, поскольку именно они представляют собой ресурс, который способен оказать влияние на улучшение жизни молодежи. В отношении власти более влиятельными на уровень жизни молодёжи были названы местные и областные политические институты. У 20,6%

респондентов вызывает одобрение деятельность центральных органов государственной власти вызывает (Диаграмма 3).

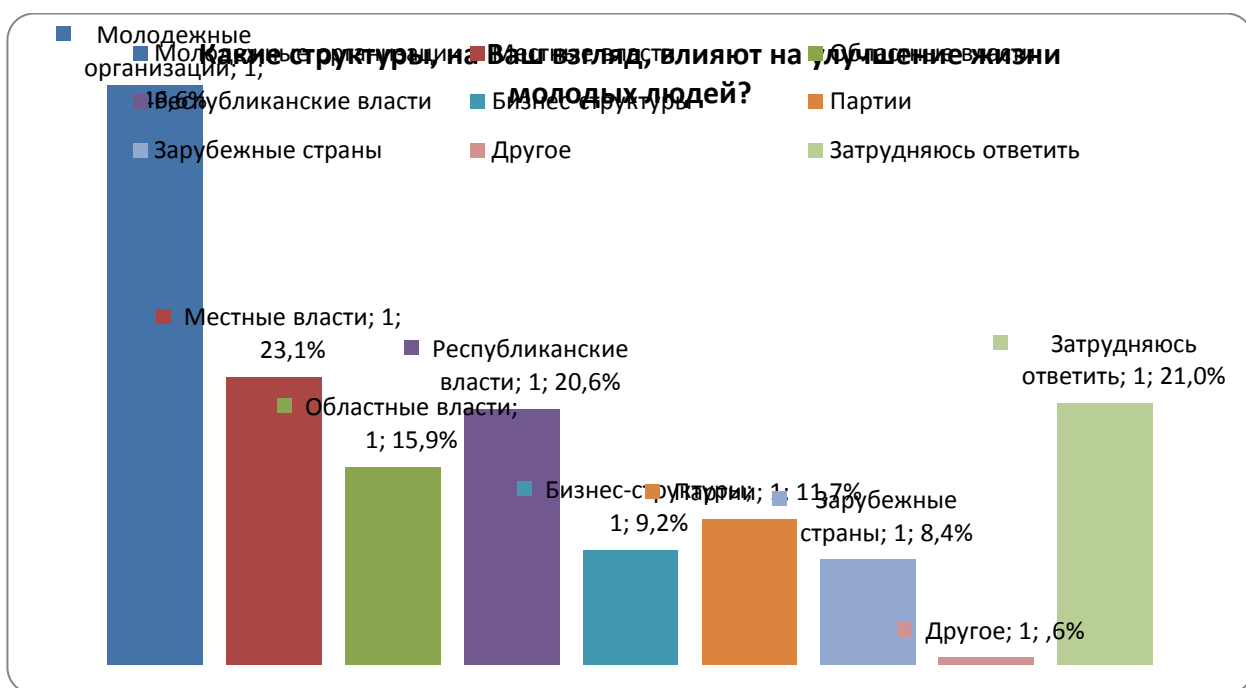

Диаграмма 3

На наш взгляд, молодежь Павлодарской области не перекладывает решение всех своих проблем на плечи властных структур. Своими ответами они выразили готовность самостоятельно решать социально-значимые проблемы через молодежные организации.

Молодое поколение практически не возлагает надежд на деятельность политических партий и движений (только 11,7% опрошенных отметили, что улучшение их жизни зависит от политических партий) – остается справедливым утверждение о том, что «политические партии вспоминают о молодежи только в преддверии выборов».

Определяя наиболее актуальные направления молодежной политики, респонденты указали в качестве проблемы №1 решение вопросов занятости и безработицы (45,3%). Следующими направлениями молодежной политики по степени значимости стали поддержка талантливой молодежи (36,3%), развитие массового спорта (23,9) и поддержка молодежного предпринимательства (23,1%) (Диаграмма 4).

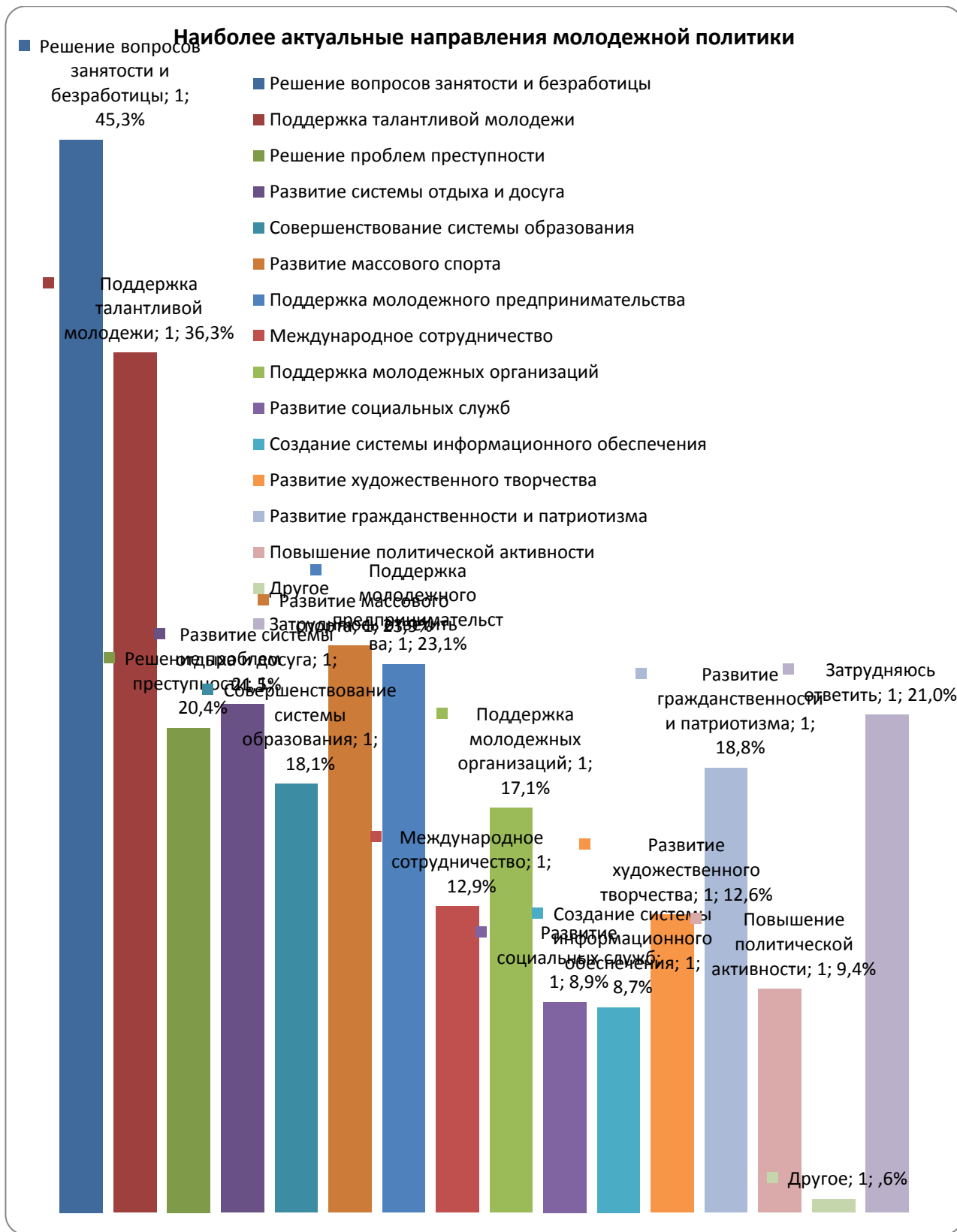

Диаграмма 4

Как показывают результаты опроса, молодежь крайне обеспокоена и заинтересована решением таких проблем, как занятость, поддержка

талантливой молодежи, развитие системы отдыха и досуга, образования, поддержка предпринимательства. В то же время, по ответам видно, что для молодых людей значительно снижается актуальность развитие социальных служб, системы информационного обеспечения, массового спорта.

Результаты исследования свидетельствуют о невысокой социальной активности молодежи региона – лишь небольшая часть молодежи является членами общественных молодежных организаций, профсоюзов, политических партий. Серьезной проблемой является слабый уровень информированности молодежи о программах и сферах деятельности органов по делам молодежи, направленных на создание оптимальных условий для формирования, реализации и развития ее социального потенциала. Именно это и было отражено в недостаточно высоких оценках молодежи эффективности деятельности различных социальных институтов, государственных органов власти по делам молодежи. Более того, молодые люди в большинстве своем не всегда ощущают на себе влияния молодежной политики, реализуемой в регионе.

Результаты опроса на региональном уровне показывают, что молодые респонденты Павлодарской области в целом положительно оценивают реализацию молодежной политики. Вместе с тем, требуется дальнейшее совершенствование работы с молодежью, улучшение материального и статусного положения молодых людей с учетом меняющихся реалий казахстанского общества. Эффективность государственной поддержки молодёжи является важнейшей государственной задачей. Для дальнейшего развития политики государства в отношении молодежи требуется выработка новых подходов к оценке ее эффективности, более четкая скоординированность деятельности государственных структур и гражданского общества, осуществляющих молодежную политику.

Список литературы

Концепция государственной молодежной политики «Казахстан 2020: путь в будущее» [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000191> (дата обращения: 19.02.2016).

Закон Республики Казахстан от 9 февраля 2015 года № 285-V «О государственной молодежной политике». [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31661446 (дата обращения: 19.02.2016).

УДК 316.44

ББК Ч481я431

Албегов, Ф.Г.

Развитие добровольческой деятельности молодежи в современном мире как объективная закономерность

Albegov, F.

Development of voluntary activity of youth in the modern world as objective regularity

Изучается молодежное добровольчество как явление современного российского общества. Обосновываются методология и методы его исследования.

Youth volunteering as the phenomenon of modern Russian society is studied. The methodology and methods of its research locate.

МОЛОДЕЖЬ, ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ВОЛОНТЕРСТВО, МЕТОДЫ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ

DEVELOPMENT OF VOLUNTARY ACTIVITY OF YOUTH IN THE MODERN WORLD AS OBJECTIVE REGULARITY

Изменяющееся в условиях глобализации российское общество испытывает потребность в поиске, привлечении и рациональном использовании всех видов ресурсов. Одним из них стала добровольческая деятельность (добровольчество, волонтерство), основным субъектом которой является молодежь.

Молодежь как значительная социально-демографическая группа российского общества составляет примерно 30 % от всего населения,

объединяет молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет, выполняет важные социальные функции, развивая инновационные виды деятельности, осваивая современные технику и технологии, осуществляя прирост населения и повышая уровень его образования. Изучение молодежи как объекта социально-психологических исследований и форм ее поведения (от девиантного до просоциального) является теоретически значимым и практически востребованным.

В связи с этим целью данной статьи является обоснование базовых методологических подходов к исследованию феномена современной социальной практики – молодежного добровольчества, а ее задачи заключаются в определении логики изучения данного явления.

В современной России сложились благоприятные социально-экономические и политические условия для реализации добровольческой деятельности, сформировались объективные и субъективные факторы ее инициирования, развития форм, методов и технологий. Добровольчество стало одним из направлений государственной молодежной политики. Именно молодежь обладает всеми необходимыми для субъекта добровольческой деятельности характеристиками: она восприимчива к новшествам, имеет достаточный уровень образования, социально активна и с интересом участвует в реализации гражданских инициатив. В связи с этим изучение добровольческой деятельности молодежи в целом, и ее социальных детерминант, в частности, имеет исследовательскую актуальность.

Повышенный интерес теоретиков и практиков к добровольческой деятельности молодежи как дополнительному ресурсу в системе социальной поддержки населения определило вектор ее изучения и развития. Так, становление институтов гражданского общества и, в частности, общественных организаций и объединений, разработка и реализация их членами социально-значимых проектов актуализировали добровольческую деятельность как объект прикладных научных исследований [5]. Стали появляться такие направления, как изучение эффективности

добровольческой деятельности, причины участия в ней представителей разных групп населения, принципы ее реализации, методы и технологии рекрутирования добровольцев и т.д. По сути, проблема добровольческой деятельности стала социальной и полидисциплинарной.

Полидисциплинарность, с одной стороны, позволяет изучать добровольчество как социокультурный феномен, а, с другой стороны, дает возможность выбора направлений исследования, детерминированных его субъектами (носителями), их психосоциальными и демографическими характеристиками. Это обусловило тему данного исследования - социально-психологические детерминанты добровольческой деятельности молодежи.

Генезис и развитие общности добровольцев связаны с количественным ростом социальных проблем, их качественным разнообразием и ограниченными ресурсами у государства для их решения. Определённый вклад в процесс развития добровольцев как социальной общности вносят общественные организации и объединения. Они, разрабатывая и реализуя социально-значимые проекты, привлекают для участия в мероприятиях большое количество добровольцев. Социальная практика и авторские исследования показали, что основу социальной базы общности добровольцев составляет учащаяся молодежь [1].

Методологической основой исследования, без сомнения, является междисциплинарная теория деятельности, включающая философский, социологический и психологический аспекты. Например, можно обратиться к работам таких известных психологов как С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Л.С. Выгодский [2, 4, 6] и др.

В соответствии с теорией, любая деятельность (добровольческая в том числе) имеет субъект (носителя), объект (то, на что она направлена), цель (к чему стремиться субъект), задачи (проблемы, которые деятельность решает), мотивы (почему она осуществляется субъектом), способы (методы и технологии) реализации.

В современной российской научной литературе еще не определилось само понятие «добровольческая деятельность». Можно назвать ее некоторые признаки: этой деятельностью ее субъекты (носители, акторы, деятели) занимаются по доброй воле, без принуждения; она не дает им никаких материальных благ, т.е. вознаграждение в материальном виде не предусмотрено; эта деятельность в России закреплена законодательно, т.е. она носит легитимный характер.

Субъектами добровольческой деятельности в современной России в зависимости от обстоятельств могут стать любые группы населения и их отдельные представители. Тем не менее, социальная практика показывает, что молодежь (лица в возрасте от 14 до 35 лет) и, особенно, учащаяся молодежь, проявляет большую активность в осуществлении добровольческой деятельности в интересах других групп населения. Например, каковы причины (мотивация) участия или неучастия молодежи в данном виде деятельности? Какова степень готовности или установки молодежи к ее реализации? Есть ли зависимость между уровнем мотивации и эффективностью добровольческой деятельности? Зависят ли её результаты от степени готовности молодежи к её реализации? Ответить на эти вопросы помогут психологические теории мотивации, основу которых составляет учение о потребностях (теории Г.Мюррея, А.Маслоу, Д. Аткинса и др.) и использование конкретных психологических методик.

Принципиальное значение для исследования социальных детерминант добровольческой деятельности молодежи будет иметь психологическая теория установки советского (грузинского) психолога Д.Н. Узнадзе. В соответствии с ней, установка или неосознаваемая готовность есть основа целесообразной избирательной активности человека. Когда речь идет о добровольческой деятельности молодежи, то принципиальным становится вопрос о том, когда и при каких взаимодействиях индивида со средой возникает готовность к такому виду деятельности. Какие факторы становятся

решающими и способствуют возникновению установки, а какие, наоборот, препятствуют ей?

Изучая добровольческую деятельность молодежи, автор понимает, что не вся молодёжь участвует в ней, а если участвует, то с разной степенью эффективности (успешности). Участие или неучастие молодежи в добровольческой деятельности, ее успешность или неуспешность во многом зависит от психологических характеристик личности молодых людей. Для их изучения будет использовано психологическое понимание личности как субъекта социальных отношений и сознательной деятельности, носителя психосоциальных свойств человека (свойств, характеризующих деятельность его эмоциональной и личностной сферы). Особое внимание при этом будет уделено Я-концепция, т.е. совокупности представлений молодого человека о самом себе и его самооценке. При использовании определенных психологических методик и выше представленных теорий будет возможно составить социально-психологический портрет «успешного» добровольца и определить перечень социально-психологических свойств (характеристик) личности, способствующих или препятствующих эффективной добровольческой деятельности. В исследовании возможно использование и психологической теории аттитюдов, помогающей выявить у молодежи предрасположенность к добровольческой деятельности как типу социального поведения [3].

Проведенные в 2012-2015 годах в городе Ярославле авторские исследования отношения молодежи к добровольческой (волонтерской) деятельности позволили выявить следующие результаты.

Например, студенты Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова и Ярославского филиала Академии труда и социальных отношений на вопрос исследовательской анкеты: «Кто, на Ваш взгляд, должен заниматься этой проблемой в обществе?» ответы респондентов распределились таким образом: 21% респондентов считают, что добровольческой деятельностью в России должны заниматься сами люди, без

вмешательства всяких организаций; по мнению 21% респондентов, этой проблемой должны заниматься общественные и политические организации, и 21% считают, что «государство должно решать проблему добровольческой деятельности», 17% перекадывают ответственность на благотворительные фонды. 17% выбрали несколько вариантов ответа и 3% не считают, что этим стоит заниматься вообще.

На вопрос «Приходилось ли Вам лично принимать участие в оказании безвозмездной помощи людям?» 52% респондентов ответили, что приходилось несколько раз, 31% - ни разу не оказывали безвозмездную помощь людям и 17% - принимали участие в оказании безвозмездной помощи.

При ответе на вопрос: «Если бы Вы согласились выполнять такую работу, что было бы для Вас самым важным?» 45% респондентов выбрали несколько вариантов ответов, 35% - «реализовали бы возможность кому-то помочь». Для 9% респондентов самым важным является «чувство самоуважения». 7% важным в добровольческой деятельности считают «ее осуществление из милосердия и жалости к нуждающимся». 7% «никогда не стали бы этого делать», для 3% важным является «заслужить уважение со стороны окружающих людей» и 3% выбрали ответ «тем самым ощутить чувство самоуважения».

Анализ ответов на вопрос «Что может служить причиной Вашего отказа участвовать в добровольческой работе?» показал, что у 69% респондентов причиной является нехватка свободного времени, 25% выбрали несколько вариантов ответа, 3% считают, что «любой труд должен оплачиваться», и 3% в такой деятельности не учувствуют.

На последний вопрос «По Вашему мнению, российское общество готово к массовому добровольчеству?» были получены следующие варианты ответа: 69% считают, что «общество не готово», 24 % думают, что «при хорошей организации общество готово» и 7% затрудняются ответить.

Результаты авторского исследования позволяют сделать вывод, что в условиях современной России молодежное добровольчество начинает приобретать популярность и мотивацию. Его социальным пространством в основном являются организации социальной сферы и, прежде всего, общественно-политические объединения. Основным субъектом добровольческой деятельности в начале XXI века стала студенческая молодежь.

Таким образом, методология и логика исследования добровольческой деятельности молодежи в современном российском обществе предполагает использование в качестве теоретической основы классические междисциплинарные теории: деятельности, мотивации, установки, личности, аттитюдов. Необходимо проведение ряда психологических методик, которые позволят определить социально-психологический портрет участников добровольческой деятельности, выявить социально-психологические характеристики успешных добровольцев. Принципиальным станет выявление связи социальных характеристик личности добровольца с успешностью его деятельности. Результаты авторского исследования позволяют утверждать, что основным субъектом молодежного добровольчества стали студенты, мотивация которых к данному виду деятельности связана с гуманистическими мотивами и желанием помогать людям.

Список литературы

1. Албегова И.Ф., Албегов Ф.Г. Генезис и динамика общности добровольцев как закономерность трансформации социальной структуры российского общества // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. №39. С. 420-424.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3: Проблемы развития психики / Гл. ред. А. В. Запорожец. - М.: Педагогика, 1983.

3. Зарубина Ю.Н., Албегов Ф.Г. Мотивация добровольчества у студенческой молодежи как форма ее занятости // Вестник социально-политических наук. 2012. № 11. С. 39-42.

4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1977.

5. Попова И.В., Албегов Ф.Г. Добровольчество как фундамент гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. №3. С. 192-196.

6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.

Багаева, Е.|| Мылтасова, О.В.

Интернет в жизни современной молодежи: проблемы и перспективы

Bagaeva, E.|| Myltasova, O.

The Internet in the life of new generation: problems and prospects

В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием интернета на жизнь современных молодых людей и перспектив дальнейшего взаимодействия в контексте интернет-аддикций. Представляются результаты проведенного исследования, направленного на изучение зависимого от интернета поведения и специфики феномена субъективного переживания одиночества.

In this article discusses the issues connected with the impact of the Internet on the life of today's youth and the prospects of further interaction in the context of internet addiction. An article contains the results of research aimed at studying the behavior depending on the Internet and the specific phenomenon of the subjective experience of loneliness.

ИНТЕРНЕТ, ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ, АДДИКЦИЯ, СОЦИАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО, ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОДИНОЧЕСТВО, ТРУДНОСТИ ОБЩЕНИЯ.

INTERNET, INTERNET ADDICTION, ADDICTION, SOCIAL ISOLATION, EMOTIONAL ISOLATION, COMMUNICATION DIFFICULTIES.

С появлением интернета изменилась наша жизнь и система мышления. Теперь, человек имеет доступ к неограниченным объемам информации, получение которой не требует материальных и энергетических затрат. Интернет является источником общения, проведения досуга и средством получения заработка.

Современный человек не представляет свою жизнь без интернета, ведь у него появилась другая – виртуальная жизнь, отказаться от которой практически не представляется возможным. Как следствие, чрезмерное пользование интернет-услугами привело к появлению такого феномена как «интернет-зависимость».

Термин «интернет-зависимость» обозначает расстройство психики, сопровождающееся навязчивым стремлением подключиться к Интернету, его избыточным использованием, и неспособностью вовремя от него отключиться.

Специалисты называют несколько типов злоупотребления Интернетом:

Необходимость в общении. Данная проблема выражается в использовании различных чатов, социальных сетей для удовлетворения нужды в общении. Этой проблеме подвержены люди, которым легче общаться в виртуальном, чем в реальном пространстве. Однако, зависимость от виртуального общения приводит к тому, что люди создают для себя иллюзию общения, считая себя вполне коммуникабельными людьми, т.к. они имеют большое число «друзей» в социальных сетях. Но, несмотря на постоянное общение в «параллельном мире», люди, зачастую, не только не повышают свои коммуникативные навыки, а наоборот, закрываются в себе.

Чрезмерное увлечение компьютерными играми. Механика данной зависимости состоит в том, что человек отождествляет себя с компьютерным персонажем и, таким образом, уходит из реального мира с его проблемами в мир виртуальный, где всё ярко и красочно.

Навязчивая потребность в поиске новой информации. Проблема заключается в том, что человек не контролирует потоки поступающей информации, большая часть которой не является полезной и не успевает усваиваться.

Зависимость от Интернета в основном развивается у людей, которых не удовлетворяет окружающий мир. «Зависая» в Интернете современный человек стремится расслабиться, забыть о насущных проблемах. Возможно,

наличие комплексов, стеснительность, мешают заводить знакомства и тогда для таких людей крайне притягательно интерактивное общение, когда можно оставаться анонимным, прятаться за вымышленным именем и красивым аватаром.

По мере формирования зависимости, Интернет вытесняет иные сферы деятельности. Неспособность сократить время пребывания в сети оказывает отрицательное влияние на жизнедеятельность человека: снижается его эффективность в работе, учёбе; повышается утомляемость; ухудшаются отношения с окружающими.

Зависимость от Интернета негативно сказывается и на состоянии здоровья, зависимые часто замечают, что сидят в сети допоздна, жертвуя сном и здоровьем, не контролируя количество часов, проведённых за экраном монитора. Серьезные последствия зависимость от компьютера оказывает на здоровье детей. Высокие зрительные нагрузки увеличивают опасность возникновения близорукости, которая обычно развивается в возрасте от 7 до 15 лет. Частое времяпрепровождение за компьютером снижает концентрацию внимания, ухудшает способность переключаться на другие виды деятельности, ограничивает эмоциональные контакты и общение с близкими и друзьями, что особенно необходимо детям для их нормальной социализации. Интернет – зависимые часто блокируют беспокоящие мысли о реальной жизни мыслями об Интернете, им свойственно предвкушать, чем они займутся в Сети, в то время как общение вне Интернета становится им в тягость.

В условиях развития информационных технологий социальные сети набирают всё большую популярность. Относительно недавно появились такие термины как "зависимость от социальных сетей", "чаты", "лайки" и др. Чаще всего к зависимым относят подростков и молодых людей до 30 лет.

Представим статистику зависимости от виртуальной реальности в цифрах и фактах:

По данным 2015 года более 1 млрд людей зарегистрированы в различных социальных сетях.

Каждый месяц зарегистрированный в социальной сети интернет-пользователь проводит около 11 часов за экраном монитора.

Каждый владелец смартфона проводит в среднем более 3 часов в день в социальной сети, пользуясь соответствующими приложениями.

70% пользователей смартфонов проверяют свои страницы в социальных сетях каждый день.

50% владельцев смартфонов проверяют свои страницы даже в кино.

4 из 5 зарегистрированных пользователя проверяют свои аккаунты в социальных сетях в течение первых 15 минут после пробуждения каждое утро.

Признаками аддикции от социальных сетей являются [3]:

1. Навязчивая потребность ежедневно заходить в социальные сети, просматривать входящие сообщения. Даже зная о том, что никто не должен был написать, человека всё - равно тянет включить свой компьютер и проверить почту и новостную ленту.

2. Чрезмерное времяпрепровождение у экрана компьютера, невозможность контролировать время «нахождения в Интернете» и, в результате, осознание того, что время было потрачено впустую, важные дела не сделаны, а пользы от Интернета получено не было.

3. Тяга десятки раз на дню просматривать страницу в ожидании получить новую информацию, увидеть новые фотографии.

4. Острое желание обсуждать с друзьями каждый свой шаг, фотографируя себя везде и всюду, и чаще выкладывать новые снимки. Вам важно сколько людей посетило вашу страницу в течение дня, и как они прокомментировали ваши обновления.

5. Все общение с друзьями происходит в основном через соц. сеть, и вы уже забыли, когда видели их в последний раз.

6. Вы испытываете жуткое разочарование и дискомфорт, если по какой-либо причине вам не удастся попасть на свою страницу в социальной сети.

7. Вы удаляете свою страничку в социальной сети, даёте себе обещание больше там не появляться, но через некоторое время возвращаетесь снова.

Если обнаружен какой-то из этих признаков, значит, в той или иной мере человек является зависимым от Интернета.

Для того, чтобы определить степень зависимости современного общества от Интернета было проведено социологическое исследование. В котором приняли участие 50 человек в возрасте 20-30 лет. В ходе исследования испытуемым было предложено ответить на ряд вопросов:

Считаете ли вы себя интернет-зависимым?

Сколько часов вы проводите в интернете?

Можете ли вы месяц обойтись без интернета?

Какую пользу вам приносит интернет?

Какой вред от интернета вы ощущаете?

Появлялось ли у вас желание снизить количество часов, которые вы проводите в Интернете?

Проанализировав полученные данные, мы получили следующие результаты:

Около 60% опрошенных признали себя интернет-зависимыми.

В среднем около 6 часов в сутки проводит каждый участник опроса в Интернет пространстве.

80% респондентов считают, что не смогут не заходить в Интернет в течение месяца.

Говоря о пользе интернета отмечалось следующее: интернет-источник заработка; средство получения новых знаний; приятное времяпрепровождение – просмотр интересных статей, сайтов; провайдер бесплатного доступа к видео, музыке, литературе; обеспечивает связь с друзьями и родственниками на расстоянии; способствует быстрому заказу

онлайн-билетов; позволяет сэкономить деньги на телефонных звонках; расширяет кругозор.

О вреде интернета свидетельствуют следующие ответы: слишком много времени тратится впустую; быстро устают глаза; портится зрение, ухудшается осанка; упрощается речь и мышление, что свидетельствует о деградации; снижается внимательность; получение информации доводится до автоматизма, информация перестаёт восприниматься; живое общение заменяется виртуальным; повышается уровень нервозности; ощущается апатия, быстрая усталость.

90% респондентов признались, что хотели бы уменьшить количество времени, проводимого в интернете, но не представляют это возможным.

Исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что Интернет может приносить как пользу, так и вред, в зависимости от того, в каких целях его использовать.

В настоящий момент существует теория о том, что чувство одиночества является одним из главных факторов, порождающих интернет-зависимость, а в свою очередь, Интернет – одна из причин возникновения одиночества.

Австралийский философ и футуролог Ричард Уотсон в своей книге «Файлы будущего: история следующих 50 лет» утверждает, что техника изменила отношения между людьми. Так, ещё в начале прошлого века, в 1909 году австрийский психолог Зигмунд Фрейд высказал следующее убеждение, казалось бы, парадоксальное утверждение: «Телефон не только позволяет людям общаться на расстоянии, но и отдаляет их друг от друга». Сегодня же не только мобильники, но и лавина электронных сообщений заставляют людей вести такой образ жизни, при котором «реальное общение» вечно откладывается на потом. И теперь психологи убеждены: в эпоху, когда нас все теснее связывает Интернет, мы все больше отдаляемся друг от друга.

Согласно результатам, полученным в ходе исследования, проведенного Р. Краут и его коллегами [5], неумеренное интернет-пользование приводит к ослаблению отношений внутри семьи, часто сопровождается усилением депрессии. В последующих публикациях немало авторов выступили с подтверждением тезиса о наличии такой связи - что интернет-зависимые более одиноки и имеют более низкие самооценки, чем не интернет-зависимые. Так, к примеру, шведские исследователи Энгельберг и Шёберг отмечают статистическую связь между частым интернет-пользованием и обострением чувства одиночества, более скудной социальной адаптацией и ослабленными эмоциональными навыками. [4]

Наряду с многообразием встречающихся в литературе определений самого понятия "одиночество" разнообразием отличаются типологии одиночества. Широко распространено то мнение, что чем шире круг социальных взаимодействий человека, тем он менее одинок. Это далеко не всегда так, поскольку чувство одиночества определяется не столько количеством, сколько качеством или силой социальных связей индивидуума с другими людьми.

Многие типологии одиночества возникли как попытки определить природу дефицита социальных отношений или выделить характеристики социального положения личности, обуславливающие ее одиночество.

Существует 2 основных типа одиночества по типологии Р. Вейса [1]:

Социальное одиночество – неудовлетворённость человека его социальными связями, его глубокие переживания, отсутствие интересующего его круга общения. Такой человек остро переживает разрыв отношений с другими людьми, отсутствие моральной поддержки. Каждый человек хочет чувствовать свою сопричастность к определенной социальной группе, так социальное одиночество является причиной недостатка восприятия человеком своей принадлежности к общей социальной группе.

Эмоциональное (психологическое) одиночество Вейс рассматривает как переживание отсутствия тесной эмоциональной привязанности к другим,

неспособности найти душевный отклик в своих мыслях и переживаниях, встретить понимание со стороны других людей. Этот тип одиночества возникает при отсутствии близкого человека, способного разделить чувства. Другими словами, эмоциональное одиночество является результатом недостатка психологической привязанности индивида к близким людям, таким как родители, супруг или супруга, дети, братья, сестры другие родственники. Человек чувствует себя непонятым, ощущает отсутствие настоящих друзей в своей жизни.

Для того, чтобы подтвердить теорию взаимосвязи интернет-зависимости и чувства одиночества мы провели исследования среди 27 студентов 20-23 лет.

В ходе проведения исследования испытуемым было предложено 2 вида опроса: предлагалось придумать ассоциации к словам «одиночество» и «интернет» и пройти тест Фергюсона, направленный на выявление субъективного ощущения одиночества.

Методика Фергюсона позволила определить, что среди студентов у 12 человек - низкий уровень одиночества, 11 человек ощущают среднюю степень одиночества и 4 чувствуют высокую степень одиночества. Исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что более половины опрошенных студентов в той или иной мере ощущают себя одиночками.

В результате исследований было выявлено, что большая часть слов, с которыми ассоциируется «одиночество» и ассоциации со словом «интернет» связаны между собой, такие слова как: пустота, зависимость, общение, социальные сети, потеря времени, скука, поиск. Таким образом, между понятиями «интернет» и «одиночество» существует непрерывная связь. Открывая для себя возможности интернета, человек всё чаще уходит от реальности, проводит всё больше времени за поиском информации, электронной перепиской и виртуальный мир становится для него новой жизнью, так человек теряет существующие связи и всё больше закрывается в себе, в своём мире. В то же время, интернет выбирают чаще всего тогда,

когда затруднена возможность реализации своего потенциала в жизни, в периоды одиночества человек стремится заполнить пустоту внутри себя с помощью контактов в социальных сетях, не замечая, как постепенно он переходит ту грань от стадии приятного времяпрепровождения к стадии пустой потери времени, а порой даже тяжёлой интернет-зависимости.

Для того, чтобы избавиться от интернет-зависимости необходимо осознание наличия интернет-аддикции и волевая регуляция данным механизмом. Специалисты называют целый ряд способов избавления от зависимости [2]:

Постепенное снижение времени, которое тратится на Интернет, либо установление четкого лимита времени в день.

Замещение, т.е. переключение внимания на другой вид деятельности. Например, приобретение интересного хобби, которое позволит отвлечься от Интернета и снизит тягу к нему.

Полный отказ от объекта зависимости. Такой радикальный метод имеет побочные эффекты, такие как: сильная ломка и высокая степень агрессии.

Внушение или самовнушение. Интернет-зависимый должен дать себе ответ на ряд вопросов: Зачем я играю? Что я могу сделать за это время, которое провожу в Интернете? Могу ли я не проводить в Интернете столько времени? Чем более интересным я могу заняться?

Очень важно, чтобы интернет-зависимый осознавал, что его привычка губительна и отрицательно влияет на его жизнь. Ведь осознание существующей проблемы является первой ступенью на пути к избавлению от неё. В период избавления от зависимости необходима поддержка близких и желание зависимого изменить свой образ жизни. И тогда у человека появятся новые возможности для личностного развития, в том числе и при помощи интернета, но без зависимости от него.

Список литературы:

Вейс Р. С. Вопросы изучения одиночества. - М.: Прогресс, 1989.

Курилло А. Как побороть зависимость от соцсетей. URL: <http://psy.passion.ru/sovety-psikhologa/zavisimost/kak-poborot-zavisimost-ot-sotssetei.htm> (дата обращения: 18.02.2016)

Хныкина А. Жизнь в сети: первые признаки интернет-зависимости URL: <http://www.aif.ru/health/psychologic/1096601> (дата обращения: 16.02.2016)

Engelberg E., Sjoberg L. Internet use, social skills and adjustment// Cyberpsychology & behavior. – 2004. – № 1. – Vol. 7. – P. 41-47 URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/2920/a9c903b4fa9588f04479b85d96456da18814.pdf> (дата обращения: 22.02.2016)

Kraut P., Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? URL: <http://kraut.hciresearch.org/sites/kraut.hciresearch.org/files/articles/kraut98-InternetParadox.pdf> (дата обращения: 22.02.2016)

Баннх, Г.А.|| Тихомирова, А.М.

Особенности адаптации первокурсников к образовательному процессу
в вузе

Bannykh G.|| Tikhomirova A.

Features of adaptation of first-year students to the educational process in
high school

Аннотация. В статье рассматриваются такие особенности адаптации первокурсников к образовательному процессу в вузе, как: подготовка к поступлению, осознанность выбора вуза и направления подготовки, возможности самореализации, осознание статуса «студент» и многие другие. Статья основана на материалах социологического исследования, проведенного в УрГЭУ в ноябре 2015 года.

Abstract. This article discusses such features of adaptation of first-year students to the educational process in high school, as preparation for the entering, awareness of high school selection and training areas, self-realization, awareness of the status of "student" and many others. The article is based on materials of sociological research conducted in USUE in November 2015.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АДАПТАЦИЯ|| МОЛОДЕЖЬ|| ПЕРВОКУРСНИК|| СТУДЕНТ|| ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС|| ВУЗ|| ОБРАЗОВАНИЕ.

KEYWORDS: ADAPTATION|| YOUTH|| FIRST-YEAR STUDENT (FRESHMAN)|| STUDENT|| EDUCATIONAL PROCESS|| UNIVERSITY|| EDUCATION.

Первый год обучения в вузе является знаковым в аспекте адаптации молодого человека к условиям вузовской жизнедеятельности и образовательного процесса, его дальнейшей социализации и приспособления к иной, «взрослой» жизни. Именно в этот период у «новичков» формируются установки и ожидания в отношении своего будущего, возникают первые чувства удовлетворенности и неудовлетворенности собственным выбором (вуза, направления, друзей, жизненной стратегии), появляются знаковые

связи и т.д. В этот период происходит первая встреча студента с той психологической средой, которая создана в учебном заведении, и с которой ему предстоит в различных формах и по разным поводам взаимодействовать все годы обучения [1].

Первокурсники – это студенты переходного возраста – это один из самых трудных и сложных из возрастов, представляющий особый, кризисный период становления личности. Перед подростками в сложный период перехода из детства во взрослость возникает множество сложных проблем, которые они не способны решить, опираясь на собственный опыт.

Одной из таких проблем в рамках процесса адаптации является освоение новой социальной роли - роли студента. У бывшего выпускника школы и абитуриента нет знаний и умений для выполнения соответствующей роли, нет понимания, что включает в себя статус «студента». На этом уровне возможно возникновение комплекса внутренних и внешних конфликтов, связанных с трудностями принятия и дальнейшего выполнения норм, соответствующих социальной роли студента. Студенты-первокурсники методом проб и ошибок пытаются освоить ожидаемое от них поведение [3]. И уже на основе этого опыта строить свои дальнейшие взаимодействия в образовательном процессе.

Социальная адаптация – процесс всегда сложный и многоуровневый, немаловажную роль в котором играют и условия, предоставляемые вузом. Особенности адаптации первокурсников зависят от множества факторов. Первокурсник, живший в среднем и малом городе, селе, должен адаптироваться и к образу жизни в крупном городе. Для выпускников специализированных классов, гимназий, колледжей, где широко распространены многие вузовские формы организации учебного процесса, адаптация к ним протекает более легко.

Опросы выявили, что важными студенческими проблемами являются: недостаток свободного времени; перегруженность учебными занятиями, неудобное расписание; недостаток внимания со стороны декана, кураторов;

недостаточный уровень довузовской подготовки; неумение организовать себя, нехватка материальных средств; отсутствие привычного круга общения; невозможность найти занятие по душе, интересное дело; низкая техническая оснащенность аудиторий, лабораторий; плохие санитарно – гигиенические условия; сложности в привыкании к новой обстановке, к новым людям [2].

С целью выявить уровень адаптированности первокурсников, изучить факторы адаптации к образовательному процессу в вузе, в ноябре 2015 года в Уральском государственном экономическом университете было проведено социологическое исследование методом анкетирования. Из 1100 студентов 1 курса дневного отделения в ходе исследования было опрошено 726 человек, т.е. 66%, что позволяет говорить о репрезентативности выборки.

Большинство наших первокурсников – приезжие. Их среди опрошенных 60,3%. Из числа всех приезжих 29,4 % респондентов получили среднее образование в Свердловской области, 28,2 % - в других регионах России, 2,7 % - за пределами России. В школах Екатеринбурга учились 39,7%.

Уровень успеваемости опрошенных, по их ответам, достаточно высокий, у 58,7% - троек в школьном аттестате нет. 33,8% преобладают оценки 4 и 5, но есть и 3. На сегодняшний день успеваемость не является препятствием для поступления в вуз, что определенным образом сказывается и на особенностях адаптационного процесса.

Большая часть первокурсников, в своем стремлении получить высшее образование, продолжает семейную традицию. Более чем у половины из них родители также имеют высшее образование. 69,7% матерей и 59,7% отцов наших первокурсников имеют полное (или не законченное высшее) или 2 высших, или ученые степени. То есть, более половины опрошенных так или иначе наслышаны об образовательных особенностях студенческой жизни из семейной практики.

87,6% студентов достаточно серьезно относятся к получению высшего профессионального образования, уверены в его важности для своей дальнейшей жизни и профессиональной деятельности.

При поступлении в вуз почти половина опрошенных – 46,0% пользовалась помощью репетиторов, 37,9% опрошенных готовились, занимаясь самостоятельно. 22,2% посещали подготовительные курсы, а еще 22,6% пошли в ВУЗ без особой подготовки. Еще несколько человек указали, что просто «учился в хорошей школе» (1 человек), «готовился в армии» (1 человек), «копил деньги» (1 человек), «ходил на курсы в школе» (1 человек).

Самыми главными мотивами при выборе направления подготовки для студентов оказались: «интересная профессия» и «высокооплачиваемая профессия», что вполне естественно.

Одной из задач исследования было выявление мнения поступивших студентов о некоторых организационных мероприятиях, связанных с зачислением:

О необходимости проведения торжественной процедуры зачисления в вуз;

О сроках заселения иногородних студентов в общежития.

Отвечая на первый из вышеуказанных вопросов, подавляющее большинство первокурсников - 562 человека – высказались «за» торжественное зачисление. «Против, не видят смысла» именно в торжественной процедуре - 120 человек.

Отвечая на второй из вышеуказанных вопросов, около половины – 45,4% иногородних, заселенных в общежитие, высказались за то, чтобы распределение мест и заселение проводить «в конце августа»; 31,0% респондентов за «начало августа»; 3,1% - за «начало сентября», и еще 20,9% отметили, что затрудняются с ответом на данный вопрос.

Исследование адаптированности так или иначе подразумевает вопросы удовлетворенности образовательным процессом и своим пребыванием в вузе. Общая оценка удовлетворенности этим аспектом студентов-первокурсников

оказалась довольно неплохая – 3,8 средний балл по 5-балльной шкале. Очевидно, сказывается успешное для большинства завершение вступительных экзаменов, радостное ощущение («Я - студент!»).

Социальное самочувствие первокурсника тесно взаимосвязано с его общей удовлетворенностью своей студенческой жизнью. Оказалось, что полностью удовлетворены обучением в Университете 58,3% опрошенных. «Скорее удовлетворены, чем не удовлетворены» еще 31,2%, «скорее не удовлетворены, чем удовлетворены» - 9,1% и «совсем не удовлетворены» – 1,4%.

Так называемые «бытовые» условия тоже влияют на уровень адаптации. Среди материально-бытовых условий обучения студенты выше всего оценили состояние учебных корпусов, а ниже всего - условия проживания в общежитии. Так, внешний вид холлов и коридоров на «отлично» и «хорошо» (вместе) оценили 85,6 % опрошенных. Большие усилия последних лет по облагораживанию неприглядного в прошлом интерьера корпусов УрГЭУ были замечены и положительно оценены. Несколько ниже оценивается состояние аудиторного фонда, внешний вид и удобство аудиторий для проведения учебных занятий.

Степень удовлетворенности студентов организацией студенческой жизни в университете имеет принципиальное значение при оценке уровня адаптации. Имеются ли в ВУЗе все возможности для разностороннего развития личности, для удовлетворения потребностей в занятиях спортом, реализации творческих способностей студентов?

Возможности самореализации в УрГЭУ студенты оценили как очень высокие – 5-балльную оценку по этому параметру поставили 75% опрошенных. Ни один другой ВУЗ в оценках студентов не получил столь высокого признания в аспекте самореализации и дополнительных возможностей. В УрГЭУ имеется множество возможностей для разностороннего развития личности, для удовлетворения потребностей в занятиях спортом, реализации творческих способностей студентов.

Проведенный опрос выявил, что показатели удовлетворенности значительно улучшились в предоставлении возможностей для реализации творчества и самоуправления. Наиболее негативный результат отмечается в развлекательных возможностях для студентов.

В результате проведенного исследования был решен ряд исследовательских задач:

Выявлено, что первокурсники достаточно серьезно относятся к получению высшего образования, уверены в его важности для своей дальнейшей жизни и профессиональной деятельности.

Студентами оценены как очень высокие перспективы трудоустройства после окончания Университета, качество образования в нем и возможности самореализации в творчестве и спорте.

Первокурсниками высоко оценена работа приемной комиссии.

Мотивы поступления в УрГЭУ носят в основном рациональный, осознанный характер. Лидируют по количеству выборов - занимают первые пять мест: «Наличие интересных для абитуриентов специальностей и направлений», «Удобство месторасположения ВУЗа», а также «Статус государственного ВУЗа», «Известность ВУЗа», «Наличие бюджетных мест».

Общая оценка социального самочувствия и удовлетворенности весьма неплохая, студенты в целом удовлетворены условиями обучения, общения и организации внеучебной, досугово-развлекательной деятельности.

Проблемными оказываются моменты материально-бытового сопровождения образовательного процесса.

Для подавляющего большинства студентов – 72% - можно отметить успешность первого этапа социальной адаптации в вузе.

Список литературы:

Бадмаева В. В. Социальная адаптация первокурсников [Текст] // Педагогическое мастерство: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2012 г.). М.: Буки-Веди, 2012. С. 219-221.

Боронина Л.Н., Вишневский Ю.Р., Дидковская Я.В., Минеева С.И.
Адаптация первокурсников: проблемы и тенденции [Текст] //
Университетское управление. 2001. № 4(19). С. 65-69

Мельник С.Н. Проблема адаптации первокурсников к учебному
процессу [Текст] // Успехи современного естествознания. – 2004. – № 7 – С.
71-72

УДК 316.303.7

ББК 88.4

Басимов М.М.

Отношения молодежи к гражданскому браку
(связи номинальных и интервальных параметров)

Аннотация. Предложен метод анализа статистических связей номинальных и интервальных данных в рамках одной задачи. Рассмотрены результаты применения метода для данных социологического исследования отношения молодежи к феномену «гражданского брака».

Ключевые слова: статистические связи, номинальные переменные, интервальные переменные, гражданский брак, молодые люди.

Basimov M.M.

Attitudes of young people toward civil marriage
(dependences of nominal and quantitative parameters)

Annotation. The method of analysis of statistical dependences of nominal and quantitative data offers within the framework of one task. The results of application of method are considered for data of sociological research of communication of young people to the phenomenon of "civil marriage".

Keywords: statistical dependences, nominal variables, quantitative variables, civil marriage, young people.

Брак – особый общественный институт для регулирования отношений между его гражданами. Это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между полами, между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям, своему потомству [1]. Другими словами, брак – традиционное средство формирования семьи и общественного контроля за ней, один из способов самосохранения и развития общества.

Однако одной из характеристик современного российского общества принято считать распространение незарегистрированных союзов, которые в народе обозначают как «гражданский брак». Под «гражданским браком» понимается – сожительство, или фактический брак, или незарегистрированный брак – отношения между партнёрами – «супругами», не оформленные в установленном законом порядке. Отношение общества к гражданским бракам становится все более лояльным, поэтому такая форма отношений стала распространенной.

В рамках плана работы социологической лаборатории КГУ (Курганский государственный университет) было проведено социологическое исследование феномена «гражданского брака». Для анализа причинно-следственных связей одновременно для интервальных и номинальных переменных применялся новый вариант авторского метода.

Чтобы одновременный анализ номинальных и интервальных параметров в рамках множественного сравнения (при изучении связей) стал более строг в плане отбора тех или иных результатов для описания и интерпретации, необходимо было ввести критерии такого отбора. Это удалось сделать при объединении двух задач в одну: задачи изучения связей для интервальных переменных через множественное сравнение квантильных разбиений данных по каждому параметру [2,5] и задачи множественного сравнения тех же интервальных параметров для групп по многозначным номинальным признакам (вопросы с номинальными ответами для выбора) [3,4]. Объединяя квантильные разбиения по интервальным параметрам и

группы по номинальным ответам в одну задачу множественного сравнения, получаем результат для номинальных и интервальных параметров по единой шкале сравнительной весомости. После чего (триады или кварты) по интервальным параметрам, как и раньше, позволяют построить коэффициенты силы связи и нормировать их на аналог единичной корреляции (зависимость интервального параметра от самого себя). Той же нормировке необходимо подвергнуть и аналоги коэффициентов связи для групп по номинальным ответам. Отметим, что в случае с номинальными переменными о зависимости можно говорить только в одном направлении: как от номинальных параметров зависят интервальные параметры.

Таким образом, стало возможным говорить о зависимости интервального параметра от многозначной номинальной переменной и отбирать нужные по силе связи, исходя только из числовых значений.

При построении коэффициентов силы связи (после общей задачи множественного сравнения для всех параметров) предлагаются две стратегии:

1. Берется два номинальных ответа, соответствующих максимальному и минимальному значениям сравнительной весомости интервального параметра, зависимость которого от номинального параметра определяется.

2. Берется каждый раз (перебор всех вариантов) три (в случае триад для интервальных параметров) или четыре (в случае кварт) номинальных ответа, далее определяются аналоги коэффициента связи для трех (четырех) номинальных ответов, после чего коэффициенты связи усредняются по всем перестановкам, т.к. номинальные ответы между собой равноправны и операция упорядочения для них не реализуется.

Первая стратегия, очевидно, более жесткая и определяет, как значимые меньшее количество связей. Мы рассмотрим как эта стратегия определила значимые связи в случае, когда причина – это три номинальных переменные:

1. Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку.

2. Причины вступления молодых людей в гражданский брак.
3. Недостатки гражданского брака.

I. Независимый (номинальный) параметр "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку (G07)" определяется вопросом анкеты:

Когда «гражданский брак» должен уступить место законному браку?

1. Когда партнеры решают завести ребенка
2. *Когда позволяет материальное положение*
3. Когда партнеры убеждены в прочности союза
4. *Когда партнеры прожили уже много лет вместе*
5. *Никогда*
6. Другое

Определилось четыре значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра "Отношение к гражданскому браку" (X01) от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку" (G07):

Коэффициент силы связи = 0.54

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 777 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -5860 Никогда (G07-05)

Наиболее положительно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +777).

2. Зависимость интервального параметра "Приемлемость гражданского брака как формы отношений" (X02) от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку" (G07):

Коэффициент силы связи = 0.62

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 2106 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -5514 Никогда (G07-05)

Наиболее высоко приемлемость гражданского брака как формы отношений также оценивают респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +2106).

3. Зависимость интервального параметра "Возможность рождения ребенка в гражданском браке" (X03) от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку" (G07):

Коэффициент силы связи = 0.71

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 4272 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

min -4490 Когда партнеры прожили уже много лет вместе (G07-04)

Возможность рождения ребенка в гражданском браке наиболее высоко оценивают респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = +4272).

А совершенно не допускают возможности рождения ребенка в гражданском браке респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, когда партнеры прожили уже много лет вместе (сравнительная весомость = +4490).

4. Зависимость интервального параметра "Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка" (X04) от номинального параметра "Причины, когда гражданский брак должен уступить место законному браку" (G07):

Коэффициент силы связи = 0.55

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 4464 Когда партнеры прожили уже много лет вместе (G07-04)

min -2319 Когда позволяет материальное положение (G07-02)

На этот раз экстремальные группы по номинальному вопросу те же, что и в предыдущей зависимости, но необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка они оценивают противоположно по сравнению с возможностью рождения ребенка в гражданском браке.

Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка отвергают прежде всего респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, является материальное положение (сравнительная весомость = -2319).

А регистрацию брака в случае рождения ребенка считают крайне необходимой респонденты считающие, что главной причиной, когда гражданский брак должен уступать место законному браку, когда партнеры прожили уже много лет вместе (сравнительная весомость = +4464).

II. Независимый (номинальный) параметр "Причины вступления молодых людей в гражданский брак (G08)" определяется вопросом анкеты:

Какие, по Вашему мнению, могут быть причины вступления молодых людей в «гражданский брак»?

1. В гражданском браке партнерам формально легче разойтись

2. Препятствия со стороны родственников

3. Финансовые затруднения

4. Уход от ответственности

5. Партнеры не уверены в своих чувствах

6. Возможность сохранить свободу

7. Проверка совместимости характеров

8. Проверка бытовой совместимости

9. Проверка сексуальной совместимости

10. Попытка репетиции семейных отношений

11. Другое

Определилось три значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра "Отношение к гражданскому браку" (X01) от номинального параметра "Причины вступления молодых людей в гражданский брак" (G08):

Коэффициент силы связи = 0.73

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 3448 Препятствия со стороны родственников (G08-02)

min -5563 Уход от ответственности (G08-04)

Наиболее положительно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной вступления молодых людей в гражданский брак являются препятствия со стороны родственников (сравнительная весомость = +3448).

Наиболее отрицательно к гражданскому браку относятся респонденты, которые считают, что главной причиной вступления молодых людей в гражданский брак является уход от ответственности (сравнительная весомость = -5563).

2. Зависимость интервального параметра "Приемлемость гражданского брака как формы отношений" (X02) от номинального параметра "Причины вступления молодых людей в гражданский брак" (G08):

Коэффициент силы связи = 0.69

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 3116 Препятствия со стороны родственников (G08-02)

min -5386 Уход от ответственности (G08-04)

Аналогично эти две группы по номинальным ответам (G08-02 и G08-04) дают оценку приемлемости гражданского брака как формы отношений.

3. Зависимость интервального параметра "Возможность рождения ребенка в гражданском браке" (X03) от номинального параметра "Причины вступления молодых людей в гражданский брак" (G08):

Коэффициент силы связи = 0.84

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 5834 Проверка сексуальной совместимости (G08-09)

min -4551 Уход от ответственности (G08-04)

III. Независимый (номинальный) параметр "Недостатки гражданского брака. (G09)" определяется вопросом анкеты:

Какие недостатки гражданского брака имеют значимость для Вас?

1. У людей, состоящих в гражданском браке, нет социального статуса
2. ***У людей, состоящих в гражданском браке, нет ощущения серьезности отношений***
3. У людей нет ощущения стабильности своего положения
4. Это юридический риск
5. Против такой формы брака обычно активно возражают родители – мои и (или) моего партнера
6. ***У гражданского брака нет недостатков***

7. Другое

Определилось две значимые зависимости интервальных параметров от данного номинального.

1. Зависимость интервального параметра "Отношение к гражданскому браку" (X01) от номинального параметра "Недостатки гражданского брака" (G09):

Коэффициент силы связи = 0.72

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 5360 У гражданского брака нет недостатков (G09-6)

min -3502 У людей состоящих в гражданском браке нет ощущения серьезности отношений (G09-02)

2. Зависимость интервального параметра "Приемлемость гражданского брака как формы отношений" (X02) от номинального параметра "Недостатки гражданского брака" (G09):

Коэффициент силы связи = 0.72

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max 5268 У гражданского брака нет недостатков (G09-6)

min -3573 У людей состоящих в гражданском браке нет ощущения серьезности отношений (G09-02)

Таким образом, появляется возможность анализировать связи одновременно и в единой системе мер между интервальными и номинальными переменными. В статье рассмотрены примеры, позволяющие без широкого описания, продемонстрировать метод анализа причинно-следственных связей.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

Библиографический список:

1. Андреева Т. В. Психология современной семьи: монография. Санкт-Петербург: Речь, 2005. – С. 19.
2. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
3. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
4. Басимов М.М. Изучение психологической типологии дошкольников по фактору усвоения образовательных программ ЦРР – Курган: Курганский гос. ун-т, 2005. – 176 с.
5. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологии // Матер. Всерос. науч. конф. “Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы” (22-23 нояб. 2012г.). – М.: ИП РАН, 2012. – С. 15-21.
6. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.
7. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.
8. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.
9. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.
10. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th

Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013)
/ Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.

11. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.

12. Basimov M.M. Nominal variables as external factors of the group for multiple comparison of interval variables // European Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A.Mansurov. – M.: Maska, 2009. – C. 185-188 p.

13. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociological research // European Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A.Mansurov. – M.: Maska, 2009. – C. 196-199 p.

14. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.

15. Basimov M.M. Method of multiple comparison in sociology // Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

16. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology // Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

17. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

18. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

19. Basimov M.M. Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

20. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research. Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009. – 170p.

Вандышева Л.В. || Кистина, А.И.

Анализ отечественного опыта реализации социального служения
молодежи

Vandysheva, L. || Kistina, A.

The analysis of Youth Social Ministry in Russia

Данная статья посвящена анализу материалов конференции «Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы» (2013, 2014, 2015 гг.). В результате анализа выделены основные формы социального служения молодежи, категории получателей услуг, проблемы, с которыми сталкивается молодежь в процессе реализации социального служения, а также пути решения данных проблем.

This article is devoted to the analysis of materials of the conference "Social Ministry of the Orthodox Church: problems, practices, perspectives" (2013, 2014, 2015). As a result of the analysis the main forms of Social Ministry of young people, categories of recipients of Social Ministry, the problems faced by young people in the implementation of Social Ministry, as well as ways to solve these problems were highlighted.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: МОЛОДЕЖЬ || СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ ||
ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ || РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ.**

**KEYWORDS: YOUTH || SOCIAL MINISTRY || FORMS OF SOCIAL
MINISTRY || WORK WITH YOUTH.**

Исторические события конца прошлого столетия в нашем государстве повлекли за собой смену общественно-государственного строя и идеологической парадигмы. Это стало причиной кардинальных изменений всех направлений государственной политики, включая и государственно-конфессиональные отношения. В советский период практически исключенные из общественной жизни, в новых условиях религиозные

объединения получили возможность реализации своего социального потенциала [3, с. 35]. В отношении социально ориентированной деятельности церкви применяют термин социальное служение, под которым понимается инициированная, организованная, координируемая и финансируемая церковью или с помощью церкви деятельность по оказанию помощи нуждающимся.

Тенденция современного образования к организации открытого образовательного пространства определила взаимодействие ВУЗов и церкви в направлении создания условий для успешного духовно-нравственного становления личности [2]. В этом смысле обращение к религиозным началам обусловлено, с одной стороны, тем, что основные ценности и смыслы в российской культуре исторически оформились как христианские, а с другой стороны, тем, что среди основных задач церкви выдвигается задача педагогическая – помочь человеку в его личностном духовном и нравственном самосовершенствовании [4, с. 53].

Теоретический анализ научной литературы свидетельствует о наличии интереса к современному социально-культурному значению социального служения (Т.Ю. Носкова). Предметом научного осмысления стали исторические, философские, педагогические (И.В. Астэр, В.Ю. Евдокимов, Т.В. Зальцман, С.Г. Зубанова), социономические (Н.Ф. Басов, О.В. Решетников), методические (Н.Д. Бобкова, С.С. Гиль, О.И. Волжина) аспекты социального служения. При этом в качестве субъекта социального служения выступает передовая часть молодежи – студенчество. Работы ряда педагогов, психологов, социологов (А.В. Григорьев, С.В. Гунбина, Ю.Н. Рюмина и др.) посвящены анализу различных форм социальной активности молодежи. Однако вопрос социального служения молодежи не в полной мере представлен в научном фокусе работ ученых. Это определило тему нашего научного поиска и позволило сформулировать исследовательскую цель, которая сводится к анализу отечественного опыта реализации социального служения молодежи.

Социальное служение молодежи – это общественная, добровольная, социально-значимая деятельность молодежи, основанная на религиозных мотивах, ставящая своей целью содействие решению проблем социализации молодежи.

В 2013 г. Научно-исследовательский центр Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы выступил организатором Всероссийской научно-практической конференции «Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы», которая впоследствии стала ежегодной и уже в 2014 г. приобрела статус международной конференции. Эта конференция была организована на средства Международного открытого грантового конкурса «Православная инициатива» в рамках Научно-методической комплексной программы для дистанционного обучения по курсу «Церковное социальное служение».

В данной статье мы представляем анализ текстов статей указанной конференции (2013, 2014, 2015 гг.). Сравнительный анализ статей в сборниках разных лет позволил определить, что уровень интереса к молодежи в контексте социального служения со временем возрастает. Так, в материалах конференции 2013 г. отмечается 153 случая употребления слова «молодежь», в материалах конференции 2014 г. – 199 случаев, а 2015 г. – 272 случая.

Молодежь рассматривается, с одной стороны, как объект социального служения, с другой стороны, как его субъект. Особое внимание уделяется социальному служению молодежи на базе общественных организаций религиозной направленности, которые имеют значительный потенциал для решения разного рода проблем молодежи и общества в целом. Так, в сборниках освещается социальное служение молодежи в общественных организациях Центрального, Северо-Западного, Приволжского и Северо-Кавказского федеральных округов Российской Федерации.

В материалах конференции представлены основные формы социального служения молодежи: организация благотворительных, образовательных, спортивных и других мероприятий; патронаж и помощь по хозяйству (особенно в сельской местности); материальная и натуральная помощь; специализированная помощь учреждениям образования и медицины; духовное окормление (пастырское попечение о спасении, заключающееся в духовном наставничестве и молитве). Отметим, что последняя форма является, с одной стороны, самостоятельной формой социального служения, а с другой стороны, выступает составным элементом других форм социального служения.

Социальное служение молодежи осуществляется в отношении следующих категорий потребителей услуг: дети и молодежь, семьи различных типов, заключенные и люди, освободившиеся из мест лишения свободы, люди подвергшиеся насилию, люди с различными видами зависимостей, люди без определенного места жительства, мигранты, люди с ограниченными возможностями здоровья, люди пожилого возраста, а также прихожане, находящиеся в трудной жизненной ситуации.

Особенности работы с заявленными категориями потребителей услуг можно конкретизировать следующим образом: социальное служение в отношении детей и молодежи адресовано в первую очередь тем, кто находится в группе риска, в трудной жизненной ситуации. В отношении данной категории также проводятся различные мероприятия профилактической направленности.

Социальное служение чаще осуществляется в отношении неблагополучных семей. Применительно к благополучным семьям проводятся профилактические мероприятия.

Социальное служение в отношении заключенных в настоящий момент находится на этапе становления. Так, особое внимание уделяется несовершеннолетним заключенным, что позволяет, во-первых, реализовать

педагогический потенциал социального служения, а во-вторых, осуществлять социальное служение по принципу «равный – равному».

Категория людей с различными видами зависимостей является одной из самых многочисленных групп населения, в отношении которой осуществляется социальное служение. Специфика работы с этой категорией заключается в том, что формы социального служения направлены в основном на духовное окормление и психологическое сопровождение человека.

Помощь людям, подвергшимся насилию, также в значительной степени осуществляется посредством оказания психологической помощи. Социальное служение с этой категорией характеризуется недостаточным количеством разработанных форм.

Основной формой социального служения в отношении людей без определенного места жительства является предоставление пищи и жилья.

Социальное служение в отношении мигрантов недостаточно распространено среди организаций, осуществляющих социальное служение, и представлено в основном материальной и натуральной помощью.

Выбор форм социального служения в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья зависит от потребностей объекта (организация доступа к богослужениям, предоставление медикаментов и по возможности технических средств реабилитации и т.п.).

В отношении людей пожилого возраста в первую очередь помощь оказывается одиноким. Основные формы социального служения – помощь по хозяйству и материальная помощь, а также духовное окормление.

Принцип взаимопомощи на уровне прихода всегда был распространен в практике социального служения. Прихожанам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, предоставляется срочная помощь; также на уровне прихода организуются мероприятия для тех, кто не нуждается в подобной срочной помощи; такие мероприятия можно отнести к группе «профилактических».

Отмечено, что социальное партнерство является важным фактором успешного достижения целей социального служения: «...координируемое Церковью социальное служение должно развиваться на партнерских отношениях с государством» [5, с. 27]; «В настоящее время для наибольшей эффективности в достижении успешного решения духовно-нравственных, социальных и иных проблем, назревших в нашем обществе, наиболее оптимальным видится принцип взаимодействия специалистов Русской Православной Церкви (РПЦ), специалистов по социальной работе и специалистов иных смежных специальностей. Взаимодействие может происходить в рамках социального партнерства представителей трех секторов: государственных, коммерческих и некоммерческих (религиозных и общественных) организаций...» [6, с. 285]; «Развитие социального партнёрства в его различных формах – важная составная часть процесса усиления социальной направленности современного государства, соблюдения принципа социальной справедливости» [1, с. 130].

Иными словами, социальное партнерство с медицинскими и образовательными учреждениями, религиозными и светскими общественными организациями, учреждениями молодежной политики и социальными службами существенно повышает эффективность социального служения.

Вместе с тем в организации социального служения молодежи на основе анализа материалов конференций мы выделили основные проблемы:

Незаинтересованность некоторых групп потребителей услуг социального служения в поддержке со стороны религиозных организаций, отказ от предложений подобной помощи.

Трудности, связанные с привлечением новых добровольцев в социальное служение.

Непринятие в среде сверстников религиозной молодежи и представление о том, что жизнь религиозной молодежи полна ограничений.

Общественные организации, в т.ч. религиозные, в большинстве случаев ведут работу с «последствиями», что не всегда бывает достаточно эффективно. Существует необходимость более широкого распространения профилактических мероприятий, направленных в первую очередь на возрождение духовности всего общества и сохранение традиционных ценностей.

К числу основных мер по решению заявленных проблем участники конференций предлагают, во-первых, сотрудничество с общественными и государственными организациями в проведении воспитательных программ по традиционному духовно-нравственному воспитанию, во-вторых, подготовку педагогов для духовно-нравственного воспитания и священнослужителей к педагогической деятельности.

Таким образом, социальное служение молодежи является перспективным направлением отечественного добровольчества, поскольку позволяет молодежи реализовывать свой потенциал в различных сферах жизнедеятельности и в отношении разных категорий потребителей услуг. Наряду с традиционными формами социального служения (духовное окормление, материальная и натуральная помощь, патронаж) выделяют формы, в которых молодежь может реализовать свои специальные компетенции, умения и навыки, приоритетные при организации своего досуга, спорта. Привлечение молодежи к профилактическому направлению социального служения, по нашему мнению, имеет двоякую ценность: с одной стороны, молодежь помогает преодолеть негативные тенденции в обществе, а с другой стороны, сама выступает в качестве объекта профилактики. Отмечаем значение социального партнерства, которое обладает определенными преимуществами при организации социального служения молодежи.

Список литературы

Арпентьева М.Р. Социальное служение в России: практика и перспективы // Социальное служение Русской Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы международной научно-практической конференции, 4–6 июня 2015 г. – СПб.: СПбГИПСР, 2015. – С. 128-133.

Вандышева Л.В. Социальное образование: дидактика организации волонтерства. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. – С.163-167.

Васильев А.В. Духовные основы взаимодействия Русской Православной Церкви и государства в интересах обеспечения военной безопасности // Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции, 7– 8 июня 2013 г. – СПб.: СПбГИПСР, 2013. – С. 35-42.

Дмитриева В.Н. Моделирование социально-педагогического взаимодействия государственного вуза и Церкви на основе идей отечественных философов и педагогов // Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции, 7– 8 июня 2013 г. – СПб.: СПбГИПСР, 2013. – С.53-58.

Зубанова С.Г. Социальное служение «мирян» Русской Православной Церкви: опыт XIX века и задачи практического социального служения на современном этапе // Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции, 7– 8 июня 2013 г. – СПб.: СПбГИПСР, 2013. – С. 19- 27.

Соколова-Макарова М.М. Социально-педагогическая профилактика добрачного сожительства среди подростков и молодежи посредством пропаганды традиционных семейных ценностей // Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции, 7– 8 июня 2013 г. – СПб.: СПбГИПСР, 2013. – С. 284-290.

Вандышева, Л.В. || Шарифуллина, Л.М.

Потенциал волонтерства

как средства социального воспитания студентов

Vandysheva, L. || Sharifullina, L.

The potential of volunteering

as a means of social education students

Аннотация: в статье обосновано значение волонтерства в процессе социализации и профессионализации студентов. Кроме этого заявлены результаты реализации проекта по внедрению волонтерства в воспитательный процесс вуза.

Abstract: the article proves the importance of volunteering in the process of socialization and professionalization of students. In addition, the claimed results of the project on introduction of volunteering in the educational process of the University.

Ключевые слова: молодёжь, студенты, социальное воспитание, средство социального воспитания, волонтерство.

Keywords: youth, students, social education, means of social education, volunteering.

Будущее любого общества в значительной мере определяется общественным сознанием молодёжи, вступающей в активную социальную жизнь. Огромное влияние на формирование у молодёжи духовных ценностей и идеалов, индивидуального и общественного мировоззрения, поведенческих стереотипов и конкретных поступков оказывает социальное воспитание (М.А. Галагузова, В.И. Загвязинский, В.И. Курбатов, В.О. Никитин, Г.М.Филонов и др.). Значение социального воспитания обусловлено особенностями социализации молодёжи в обществе риска, а также пониманием того, что решение задач работы с молодёжью возможно лишь

при условии формирования воспитанного (социализированного, культурного) человека [1].

Социальное воспитание определяется исследователем В.И.Загвязинским как составная часть процесса социализации, педагогически регулируемая и целенаправленная на формирование социальной зрелости и развитие личности посредством включения её в различные виды социальных отношений в общении, игре, в учебной и общественно полезной деятельности.

Цель социального воспитания заключается в формировании социальности как интегративного качества личности в процессе планомерного создания условий для её саморазвития как субъекта социальных отношений. Данное понимание даёт основание рассматривать социальное воспитание как средство создания определённого пространства, позволяющего реализовать личностные потенциалы, обеспечить включение личности в проектирование собственных жизненных планов и перспектив (М.И. Рожков).

Выдвижение задач социального воспитания возможно на двух уровнях: на макроуровне задачи сводятся к обеспечению возможности человеку быть частью сообщества (социальной группы и пр.); на микроуровне - создание условий для выражения, реализации молодёжью своей уникальности, обособленности, экзистенциальной сущности в реальных социокультурных условиях.

Наиболее активную и инициативную часть молодёжи составляют студенты [2]. Исследователи Л.В. Вандышева, О.Б. Подольская в социально-психологической характеристике студентов выделяют активность жизненной позиции студента и высокую степень её проявления в созидательной, преобразовательной деятельности [2; 3]. Время учёбы в вузе, как отмечают А.Г. Пашков, А.В Репринцев, А.Н. Ходусов и другие учёные, совпадает с активным становлением студента, с одной стороны, как личности (период становления характера и интеллекта, формирование личной позиции,

системы жизненных идеалов, способов и форм самореализации в общественных отношениях); с другой стороны, как профессионала (интенсивное формирование специальных способностей в связи с профессионализацией). В связи с этим значительно возрастает роль ВУЗов как агентов социализации молодёжи [4, с. 3-13]. Не случайно за вузами наряду с образовательной и научно-исследовательской функциями, закреплена культурно-воспитательная функция, призванная формировать позитивную, демократическую систему ценностей молодёжи. Однако достижение данного результата возможно, когда у студентов накапливается жизненный опыт, основанный на ценностях гражданского общества и навыках поведения в условиях самостоятельного ответственного выбора (М.Г. Гарунов, Е.Л.Омельченко, П.И. Пидкасистый, Л.И. Фридман и др.).

Задачи воспитательной работы в вузе обозначены Г.И. Гайсиной следующим образом:

- воспитание духовно развитой, современно и перспективно мыслящей личности;

- создание организационно-педагогических условий для формирования у студентов личностных и профессионально значимых качеств, которые дадут им возможность активного профессионального и личностного роста в условиях динамично развивающегося демократического, многонационального общества и государства;

- формирование у будущих специалистов глубокого понимания социальной роли профессии, позитивной и активной установки на ценность избранной специальности, ответственного отношения к профессиональному долгу.

Теоретический анализ научной литературы свидетельствует о том, что воспитательная функция вуза не исчерпывается какой-либо одной специфической (воспитательной) деятельностью, а пронизывает все виды деятельности, в которые включается студент в период обучения в вузе (учебная, внеучебная, научно-исследовательская деятельность).

Средства социального воспитания можно определить как предметы среды или жизненные ситуации, преднамеренно включенные в воспитательный процесс. Любой объект материальной или духовной культуры может выполнять функцию средства воспитания при следующих условиях:

во-первых, если с ним связана информация, необходимая для развития внутреннего мира личности человека;

во-вторых, если она выделена как предмет освоения в образной, наглядно-действенной или знаково-символьной форме;

в-третьих, если объект вместе со своей информацией включён в общение и совместную деятельность воспитателя с воспитанниками [1].

Среди средств социального воспитания студентов выделяют: аудиторную (лекция, семинар) и внеаудиторную деятельность (проект, выездные лагеря, школы, творчество, волонтерство).

Фокус нашего научного интереса сосредоточен на волонтерстве как средстве социального воспитания студентов. В настоящее время потенциал волонтерства признается в научном сообществе. Так, волонтерство как общественное движение, по мнению М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, открывает перспективу молодежи проявить свои социальные и культурные особенности [5]. Работы А.В. Воронцовой посвящены анализу мотивов волонтерства молодежи (реализация потребностей в общении с другими, самореализации, самоутверждении, достижении, самоконтроле, разнообразии, росте и т.п.). Исследователи Л.А. Кудринская, А.В. Хухлин сосредотачивают свое внимание на результативности волонтерства для молодежи (формирование адекватных ценностных установок; приобретение навыков социальной мобильности; получение новых знаний; развитие навыков активной общественной жизни, общественно полезного досуга; формирование личностных и профессионально-личностных качеств (социальная активность, профессиональная мобильность, ответственность, толерантность); приобретение навыков работы в коллективе; формирование

демократических ценностей (связывание в сознании таких аспектов ценностей как «право» и «личная ответственность», выражает готовность включиться в решение возникающих социальных проблем, преобразование общества)). Отмечается значение волонтерства как социальной практики (Л.В. Вандышева, Ю.Н. Галагузова, Л.А. Кудринская и др.).

Вместе с тем признание волонтерства наблюдается и на уровне законотворческой деятельности. Например, в Самарской области разработана «Концепция развития и поддержки добровольчества в Самарской области», в которой добровольческая (волонтерская) деятельность определяется как способ самовыражения и самореализации граждан, действующих индивидуально или коллективно на благо других людей или общества в целом. Наличие законодательной поддержки, а также межведомственного сотрудничества позволило использовать потенциал волонтерства на базе классического университета. Мы исходили из того, что объема практической подготовки, согласно образовательным стандартам, недостаточно и, следовательно, следует предоставить возможность студентам пройти так называемую социальную практику (волонтерство). В результате был разработан и реализован проект «Общественная школа волонтера», в котором волонтерство рассматривалось как основное средство социального воспитания студентов. Итоги обучения свидетельствуют о том, что образовательный кругозор слушателей расширился, они получили дополнительные навыки, профессионально значимые и наряду с этим расширили круг своего общения.

Резюмируя, отметим, что потенциал волонтерства как средства социального воспитания студентов следует активно пропагандировать в ВУЗах, что обеспечит успешную социализацию и профессионализацию молодежи.

Список литературы

1. Петрова М.С. Анимационная деятельность как средство социального воспитания студентов вуза // Автореферат дис...канд. пед. наук. - Кострома, 2007.
2. Подольская О.Б. Влияние процессов в сфере моды на социальное поведение студенчества: дисс. ... канд. социол. наук. - Новочеркасск, 2007.
3. Вандышева Л.В. Филантропический подход к социальной работе: монография. - Самара: Самарский университет, 2013.
4. Данилюк А.Я., А.М. Кондаков. Развитие человеческого потенциала средствами воспитания в условиях модернизации России // Педагогика. Научно-теоретический журнал российской академии образования. – 2011.
5. Савельев И.Л. Государственная молодежная политика в отношении студенчества в условиях современных социально-политических трансформаций российского общества // Автореферат дис...канд. соц. наук. – Казань, 2000.
6. Шарифуллина Л.М. Анализ реализации проекта «Общественной школы волонтера» // XLIV научная конференция студентов (2-4 апреля 2013 года, Самара, Россия): тез. докл. Ч.II - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013.

Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю.

Социальное самочувствие молодежи Свердловской области:
первые итоги социологического исследования 2015 года

Vishnevsky Yu. R., Narkhov D. Yu.

Social well-being of young people in Sverdlovsk region: first results of
sociological research 2015 year

Статья посвящена проблеме изучения социального самочувствия конкретной региональной группы молодежи. Раскрываются базовые положения конкретного социологического исследования, приводятся результаты опроса респондентов Свердловской области по ключевым индикаторам социального самочувствия: основах успешности, отношению к жизни, ценностным ориентациям, социальным настроениям и ожиданиям.

Ключевые слова: молодежь; социальное самочувствие; Свердловская область; ценностные ориентации; жизненные стратегии; социальная удовлетворенность; социальные настроения и ожидания; социальная идентификация.

The article deals with the problem of studying the social well-being of particular regional groups of youth. Reveals the basic provisions of the specific sociological research, the results of the survey respondents in the Sverdlovsk region on key indicators of social well-being: the fundamentals of success toward life, value orientations, social attitudes and expectations.

Keywords: youth; social well-being; Sverdlovsk oblast; value orientations; life strategies; social satisfaction; social attitudes and expectations; social identification.

Социальное самочувствие является эвристическим примером социологической проблемы. Интерес к изучению социального самочувствия вызван не только теоретической значимостью. Не менее важна ее значимость практическая – необходимость объяснения процессов, происходящих в

различных сферах общественной жизни – и конкретных общностей и групп, и общества на уровне национального государства, и управления коллективами и организациями. Так что объективная потребность исследования социального самочувствия не подлежит сомнению, в том числе и применительно к объекту нашего исследования – молодежи Свердловской области. С другой стороны, социальное самочувствие основано на субъективных оценках, которые плохо поддаются не только измерению и обобщению. Основная исследовательская проблема состоит в сложности их фиксации, вытекающей из мироощущения респондента.

«Социальное самочувствие» – достаточно сложный показатель социального мироощущения, и он не сводим исключительно к уровню дохода, к осознанию себя бедным, среднеобеспеченным или обеспеченным. Хотя связь – социально-профессиональный статус – материальное положение – социальное самочувствие прослеживается. Социальное самочувствие – восприятие «собственных «выживательных» позиций» [1, с. 46–47].

Социальное самочувствие – интегральная характеристика удовлетворенности или неудовлетворенности человека своим социальным положением, индикатор настроений и ориентаций. Социальное самочувствие проявляется как «целостная, относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности». Оно «выступает результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни», «вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения и самореализации» [2, с. 3]. Подобный подход представляется нам позитивным, поскольку социальное самочувствие не только рассматривается как эмоционально-психологическая реакция личности (социальной группы) на условия жизнедеятельности, но и подчеркивается активность субъекта, его самореализация, самоутверждение. Именно такой подход к социологии

личности и культуры утверждал выдающийся уральский социолог Л. Н. Коган. Созвучно с этим и аксиологическое, социокультурное понимание социального самочувствия, когда подчеркивается, что оно «во многом зависит от степени соответствия системы ценностей человека, его внутренней картины мира и места в нем тем требованиям и возможностям, которые предъявляет и предоставляет ему общество» [3, с. 75].

В плане изучения молодежи это одновременно означает исследование жизнеобразующих стратегий, которые будут оказывать влияние на облик общества недалекого будущего. Это важно потому, что в условиях «общества знаний» на первый план в формировании образовательных и профессиональных траекторий (лежащих в основании выживания) выдвигаются субъективные факторы: выстраивание «... жизненной карьеры зависит от того, насколько интенсивно и целенаправленно молодой человек накапливает знания, навыки, квалификации – все то, что в совокупности определяется как человеческий капитал» [4, с. 13]. Одновременно изучение социального самочувствия молодежи позволяет оценить проблематику реальных молодежных групп сквозь призму субъективных самооценок, и благодаря им выйти на новые способы решения задач, стоящих перед современной государственной молодежной политикой.

В этой связи представляется крайне важным зафиксировать методологические подходы к изучению социального самочувствия, выделенные Д. Л. Константиновским и используемые при организации исследования социального самочувствия молодежи Свердловской области в 2015 году. Во-первых «общественное поведение молодого человека является результатом сложного взаимодействия различных факторов, определяющих специфику личности и специфику внешних воздействий на нее» [4, с. 14], что дает возможность выявить взаимосвязи между устремлениями, жизненными планами молодых людей и показателями, отражающими их реальные достижения; вскрыть степень влияния социальных факторов, лежащих в основе выбора образовательных и профессиональных стратегий. Во-вторых,

это комплексный подход к исследованию облика молодого человека, что дает возможность «углубить актуальное для отечественной и мировой социологии понимание существенных аспектов социализации, формирования ценностных ориентаций и социального поведения» [4, с. 14] молодежи.

Масштабное исследование социального самочувствия на территории Свердловской области проведено после длительного перерыва (предыдущее проводилось во время подготовки Концепции поддержки работающей молодежи Свердловской области в 2009 г.) в ноябре-декабре 2015 года по инициативе Министерства физической культуры, спорта и молодежной политике Свердловской области кафедрами организации работы с молодежью, управления в сфере физической культуры и спорта (полевой этап) и социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ. Основной метод – анонимное анкетирование молодежи, проживающей в Свердловской области, N=2512. В ходе опроса опрашивались: учащаяся молодежь от 14 до 30 лет включительно (школьники 9–11 классов общеобразовательных школ – опрошенных, студенты очной формы обучения образовательных организаций среднего профессионального образования – и высшего образования); молодые рабочие промышленных предприятий; молодежь, занятая в сфере индивидуального предпринимательства, малого и среднего бизнеса, сфере услуг; безработная молодежь. Опрос проводился на территории 25 городов, сел и поселков городского типа: Екатеринбург: 44 % выборки: крупные города (Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Первоуральск) – 25 %; средние и малые города (Верхняя Салда; Кушва; Сысерть; Новоуральск; Асбест; Реж; Камышлов; Сухой Лог; Серов; Краснотурьинск; Красноуфимск; Михайловск; Нижние Серги; Полевской; Ирбит; Лесной; Невьянск) – 24 %; села и ПГТ – 7 %. Компьютерная обработка осуществлена с помощью программы Vortex 10.0.

Программа исследования включала девять блоков вопросов по следующей проблематике: условия общественно-политической деятельности и защитой своих прав и свобод; состояние охраной здоровья; материальное

положение; качество и доступность образования; жилищные условия; условия занятости, трудоустройства и труда; поддержка молодой семьи; возможности разрешения социальных и личных проблем; социальная поддержка молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации. В силу ограниченности места в данной статье мы остановимся только на общей характеристике социального самочувствия молодых свердловчан в 2015 г.

Важнейший индикатор социального самочувствия молодежи – ориентация на успех («достиженческая» стратегия). Именно эта стратегия сегодня стала определяющей и для российской, и для свердловской молодежи. Сохраняется противоречивость в выборе путей и средств реализации (табл. 1). Приоритетными предпосылками успеха для молодых свердловчан выступают прямо противоположные индикаторы: «цивилизованного рынка» (образование) и «дикого» рынка – (роль связей, знакомств). При этом заметен и позитивный момент – именно образование (особенно у женской части респондентов) является ведущим фактором жизненного успеха.

Таблица 1

Распределение ответов об основах успеха в современном обществе, в зависимости от пола респондента, поливариантный вопрос, до трех ответов, % от группы*

Варианты ответов	Σ	Мужской	Женский
Образование	46	40	52
Связи, знакомства	42	40	43
Предприимчивость	30	22	38
Богатство	17	19	15
Удача, счастливый случай	16	14	17
Власть	10	12	8

*Коэффициент Крамера [0..1]: 0,130, Вероятность ошибки: 0,00

Приоритетными предпосылками успеха для молодых свердловчан выступают прямо противоположные индикаторы: «цивилизованного рынка» (образование) и «дикого» рынка – (роль связей, знакомств). При этом заметен и позитивный момент – именно образование (особенно у женской части респондентов) является ведущим фактором жизненного успеха.

Анализ мнения респондентов по возрастным группам выявил парадоксальную ситуацию: в младшей (до 20 лет) группе предпочтение образования в сравнении со связями, знакомствами проявилось наиболее четко. Во многом это связано с тем, что для данной группы образование – ведущий вид деятельности. У средней группы (21–25 лет), завершившей в основном цикл получения образования в очной форме и столкнувшейся с реалиями и проблемами трудоустройства, соотношение значимости образования и связей, знакомств меняется в пользу последних. За этим – серьезная социальная проблема: управление стартовым этапом профессиональной карьеры выпускников колледжей и вузов. У старшей (26–30 лет) группы, получившей опыт практической профессиональной деятельности, уверенность в значимости знакомств и связей для дальнейшей профессиональной карьеры существенно снижается, а образование вновь выходит на первое место.

Результаты опроса опровергают утвердившееся мнение о преимущественной ориентации современной молодежи на формулу успеха «деньги – слава – власть». Возраст определяет более реалистическую, трезвую позицию в отношении богатства как предпосылки будущего успеха: от младшей к старшей группе оценка этого фактора падает вдвое. Вероятно, за этим стоит накапливающийся жизненный опыт. Фактор власти получил самую низкую рейтинговую оценку (назвал каждый десятый респондент) и остается неизменным во всех трех возрастных группах.

Тревожным явлением выступает зафиксированная в опросе готовность респондентов использовать любые средства для достижения цели. Отчасти это объясняется юношеским максимализмом (в младшей группе таких

ответов вдовое больше – 44 %, чем в старшей – 22 %). С другой стороны, удавшийся опыт ненормативной социализации оказывается весьма весомым. Более того, громкие коррупционные дела (нередко заканчивающиеся весьма неоднозначными судебными решениями) весьма противоречиво влияют на несформировавшееся сознание многих молодых людей. Потому эффективная борьба с коррупцией приобретает не только экономический и социально-политический смысл, но и огромное воспитательное значение.

Противоречиво воспринимается молодежью образ успешного человека – профессионала. С одной стороны, каждый третий (у женщин несколько больше, чем у мужчин) отметил значимость профессионализма, деловых качеств как фактора жизненного успеха, причем от младшей к старшей группе этих оценок становится больше в 1,3 раза. С другой стороны, каждый четвертый акцентирует в этом образе прагматизм, деловую хватку, и чаще других такие ответы фиксируются в средней возрастной группе (каждый третий). Надежда на везение, счастливый случай не очень распространена, но недооценивать мнение каждого шестого – девятого было бы неверным. И еще одно замечание – внешность, по мнению респондентов, является значимым фактором лишь для каждого десятого.

Неоднозначное понимание факторов успеха наложило отпечаток на общее отношение опрошенных к жизни. К сожалению, негативные последствия российских трансформаций на рубеже веков сказались на жизненных установках и ориентациях значительной части молодежи. Из трех вариантов в рамках известного фроммовского противопоставления «быть или иметь» [См. 5] молодежь отдала предпочтение варианту «иметь» (три из пяти респондентов считают, что «нужно постараться взять от жизни как можно больше» – табл. 2).

Таблица 2

Отношение к жизни респондентов разных возрастных групп, % от группы*

		до 20 лет	1–25 лет	26–30 лет
Нужно постараться взять от жизни как можно больше	8	2	8	9
Нужно со всей ответственностью относиться к своим поступкам, помня о добре и зле	6	2	6	9
Не стоит растрачивать время на земные, мирские соблазны – нужно стараться посвятить себя высшим духовным ценностям			6	7 1

* Коэффициент Крамера [0..1]: 0,118, Вероятность ошибки: 0,00

Если напомнить о том, что почти два из пяти готовы использовать для этого любые средства, то социальная основа девиантного поведения части молодежи становится очевидной. Как очевидной является и необходимость акцентировать именно нравственные аспекты воспитания молодежи. В рамках выбора «быть» респонденты отдали предпочтение ответственности, способности «отличать дурное от доброго» [См. 6] в реальной жизни в сравнении с отказом от всего мирского в пользу высших духовных ценностей. Таким образом, для значительной части молодежи понимание «духовного» как некоего аскетизма нехарактерно. Единственное, что смягчает отмеченные оценки, обусловленность рассматриваемых жизненных установок возрастным фактором: с возрастом молодежь мудреет.

Другим проявлением социального самочувствия молодежи являются ценностные ориентации. В результате опроса зафиксирована во многом традиционная структура ценностных установок молодежи. На первых позициях находятся две терминальные ценности – семья, дети и здоровье (табл. 3).

Таблица 3

Различия в ценностных ориентациях в зависимости от пола
 респондента, поливариантный вопрос, до трех ответов, % от группы*

	Мужской		Женский	
	%	Pa нГ	%	Pa нГ
Семья, дети	63	1	76	1
Здоровье	47	2	64	2
Работа по душе	25	3	41	3
Общение с друзьями	17	6	23	4
Независимость, свобода	22	4	22	5
Творчество, реализация способностей	15	7	22	6
Деньги, материальные блага, свое дело, бизнес	22	5	20	7
Образованность, профессионализм	13	8	20	8
Личная безопасность	8	9	19	9
Общение с природой	7	11	11	10
Красота, прекрасное	3	12	11	11
Получение удовольствий, интимная жизнь	14	10	7	12
Престиж, слава, власть	6	13	5	13

* Коэффициент Крамера [0..1]: 0,145, Вероятность ошибки: 0,00

Данный опрос, в котором представлена и работающая молодежь, молодежь средней и старшей возрастных групп, для которых создание своей семьи стало актуальным, вывел в этой паре на первое место именно семью. Важной особенностью результатов опроса, что также, очевидно, связано со

спецификой выборки, на третье место в ряду приоритетов (в ответах каждого третьего респондента) выдвинулась «работа по душе». Это входит в противоречие с распространенным мнением, что у современной молодежи слабо выражены ориентации на труд. В этой связи важно продолжить начатые исследования с тем, чтобы определить, насколько устойчивым является это изменение в ценностных установках, характеризует ли оно возвращение труда в молодежном сознании из инструментальной ценности в терминальную. О том, что возможность такой интерпретации правомерна, говорит снижение роли денег, материальных активов, своего бизнеса до пятой позиции в рейтинге ценностей. Заметно увеличилась по сравнению с предшествующими исследованиями и ориентация молодежи на независимость, свободу – они отмечены каждым пятым респондентом.

К сожалению, лишь в середине рейтингового ряда находятся самореализационные ценности, отражающие творческий характер личности молодого человека: реализация способностей, образованность, профессионализм отмечены каждым пятым-шестым респондентом. Этим фиксируется разрыв между пониманием значимости образования и профессионализма как фактора успеха и сохраняющейся их недооценкой как терминальной, смыслоопределяющей ценности. Сохраняется и традиционная недооценка таких ценностей, как общение с природой; красота, прекрасное (менее чем каждый десятый респондент). Стабилизация состояния общества, преодоление правового коллапса 1990-х сказались на оценке значимости личной безопасности. Как существенную ценность ее отметил лишь один из восьми респондентов. Стоит обратить внимание (особенно в связи с предстоящими в 2016 году выборами в Государственную Думу РФ), что последнее место в рейтинге ценностей респондентов занимает ранее более значимый ориентир на престиж, славу и власть.

По первым трем приоритетным ценностям различия между мужчинами и женщинами проявляются не в их порядке, а в количественном отношении (табл. 3): женщин более активно выделяют их значимость: семья, дети – в 1,2

раза; здоровье – 1,4 раза; работа по душе – 1,6 раза. Причины этого очевидны и связаны с особенностями мужского и женского менталитета. Для респондентов-женщин более значимы общение с друзьями и все, что связано с самореализацией: творчеством, образованием. Они вдвое больше мужчин озабочены проблемами личной безопасности. Для респондентов-мужчин более важным представляются независимость, свобода и наличие денег, материальных благ, своего дела, бизнеса. Показательным видится, что по отношению к престижу, славе, власти не обнаруживается различий между мужчинами и женщинами ни в качественном, ни в количественном отношении.

Представляет интерес анализ ценностных ориентаций разных возрастных групп молодежи. Закономерным видится постепенное возрастание значимости ведущих позиций – семья, дети; здоровье. Едины молодые люди разных возрастов в понимании таких ценностей, как материальные бага и деньги; общение с природой. В то же время по многим параметрам с возрастом значимость ценностей снижается. Особенно тревожит такое снижение по отношению к «работе по душе» (в 1,3 раза между крайними группами), «творчеству, реализацией способностей» (в 1,4 раза) и «образованностью, профессионализмом» (в 1,6 раза). Что за этим – нереализованность надежд на освоение интересной, творческой работы? Возникшие трудности в профессиональном самоопределении? Большой реализм в понимании перспектив профессиональной карьеры и жизненной стратегии в целом? Заметно снижение с возрастом значимости «независимости, свободы» – в 1,6 раза между крайними группами. Очевидно, происходит переосмысление самих этих понятий, преодолевается присущая юности их нигилистическая трактовка как «свободы от...» (правил, норм, запретов и т.п.) и постепенно формируется понимание невозможности жить в обществе и быть свободным от него. Тревожит и то, что эстетические ценности (и так не очень значимые в жизни современной молодежи) с

возрастом практически исчезают из ценностного конструкта (отметили только 2 % в старшей возрастной группе).

Наиболее полно отражают социальное самочувствие молодых людей их ожидания и настроения. Исследования в Свердловской области на рубеже веков [7, с. 205–208.] зафиксировали, что при всех издержках «шоковой терапии», при огромной цене, которую заплатило общество за переход к рыночной экономике и капиталистической демократии постмодернистского типа, альтернативы реформам не было. И сегодня, как и 15-20 лет назад, молодежь не видит возможности каких-либо улучшений с помощью «возврата к прежним порядкам» (за такой «возврат» высказались лишь 1–2 % молодых респондентов). Существенно повлияли на настроение молодежи и ощутимые результаты социальной стабилизации российского социума в начале XXI века. Если в 2000 году надеялись, что в ближайшее время ситуация улучшится, 27 % респондентов, то через 15 лет оптимистическая позиция зафиксирована у каждого третьего даже несмотря на кризисные явления 2008–2011 и 2014–2015 годов.

Заметно (в 1,4 раза) снизилась доля респондентов – «умеренных оптимистов», уверенных в том, что улучшения пусть и не скоро, но обязательно произойдут – с 31 % в 2000 году до 22 % в 2015 году. В основном сохранилась доля «пессимистов», не предвидящих особых изменений или опасющихся, что жизнь и дальше будет только ухудшаться. Сохраняется и небольшая группа молодых людей, не верящих в скорые перемены, но готовых ради улучшений еще немного потерпеть (3% в 2000 г. – 5% в 2015 г.). Но запас прочности и долготерпения начинает исчерпываться и в молодежной среде. Нарастает «усталость» от ожидания перемен от несбывшихся надежд. Пока эта группа невелика – 5 % в 2000 г. и 8 % – в 2015 г. Но тенденция заметна. Оценивая ее, нужно учитывать теорию «растущих ожиданий», обоснованную еще на рубеже 1960–1970-х годов Д. Беллом, согласно которой для старшего поколения настоящее оценивается через призму «достигнутого», а для молодежи – настоящее – это стартовая

площадка будущего развития. Утрата уверенности в завтрашнем дне является питательной средой для «ноувизма» (от англ. now – сегодня, сейчас). Самое тревожное изменение настроений – рост почти в 1.5 раза доли тех, кто считает, что «самое лучшее – жить сегодняшним днем, не забивать себе голову». Подобный настрой детерминирует сиюминутность поведения, отказ от долговременных жизненных стратегий, от планирования профессиональной и деловой карьеры.

Влияние гендерных различий на настроения молодых свердловчан крайне незначительно. Отметить можно лишь более частое выделение респондентами-женщинами надежды на улучшение ситуации в стране уже в ближайшее время, а респондентами-мужчинами – уверенности, что «особых изменений не предвидится» Более значимые различия проявляются в настроениях и ожиданиях у молодежи в разных возрастных группах (табл. 4).

Таблица 4

Настроения и ожидания молодых свердловчан в зависимости от возраста, поливариантный вопрос, до трех ответов, % от группы*

Варианты ответов		Возраст		
		до 20 лет	1–25 лет	16–30 лет
Верю, что улучшения произойдут, но не очень скоро	2	2	5	8
Надеюсь, что в ближайшее время ситуация в стране улучшится	1	0	2	6
Самое лучшее – жить сегодняшним днем, не забивать себе голову	0	5	2	9
Особых изменений не предвижу	0		6	0

Варианты ответов	Возраст		
	о 20 лет	1–25 лет	6–30 лет
Уже устали ждать перемен, устали от несбывшихся надежд			
Опасаясь, что жизнь и дальше будет только ухудшаться			3

Окончание таблицы 4

Варианты ответов	Возраст		
	о 20 лет	1–25 лет	6–30 лет
В скорые перемены не верю, но еще немного можно потерпеть			
Улучшения возможны лишь при возврате к прежним порядкам			

* Коэффициент Крамера [0..1]: 0,145, Вероятность ошибки: 0,00

Важный аспект социального самочувствия – социальная идентификация, соотнесение человеком себя с определенной социальной группой. По итогам опроса 2015 г. можно сказать, что молодые люди в Свердловской области, прежде всего, ощущают себя россиянами (табл. 5). У мужчин это ощущение чуть сильнее – отмечено 45%, чем у женщин – 39%.

Таблица 5

Социальная идентификация респондентов, альтернативный вопрос,
% опрошенных

Варианты ответов	%
------------------	---

Гражданин России	4 2
Просто человек	2 6
Гражданин мира	1 0
Человек определенной национальности (русский, украинец, татарин ...)	7
Отец, мать, сын, дочь внук, внучка	7
Житель региона, города, села (свердловчанин, екатеринбуржец, тагильчанин...)	3
Человек определенной религии (православный, католик, мусульманин ...)	2
Человек определенной профессии (металлург, врач, учитель...)	2
Житель виртуального мира	1

Очевидно, ощущение себя гражданами России понятно для молодых людей, выросших в новой, независимой России. Одновременно распространенность такого ощущения отражает успешность развития российской государственности. Две других приоритетных черты идентификации молодых свердловчан – «просто человек» (отмечено в целом каждым четвертым респондентом, у женщин – почти каждой третьей) и «гражданин мира» (каждый десятый, тут гендерных различий не зафиксировано) – характеризуют гуманистическую направленность нового поколения россиян, его открытость миру. И в этом важный залог бесперспективности стремления некоторых западных политиков, используя санкции и другие средства, вновь «закрыть» нашу страну, отлучить ее от активного влияния на мировую политику.

Но самоидентификация молодых свердловчан противоречива. Не очень развитыми (не набрали более 7%) оказались все другие виды идентификации:

этническая (чаще, чем в среднем, ее отмечали жители Екатеринбурга и малых и средних городов);

семейно-ролевая (респонденты-женщины отмечали ее втрое чаще мужчин, но и среди них это лишь 10%. Акцент на самостоятельность, на «свою» семью определил усиление этого вида идентификации от младшей возрастной группы к старшей – от 4 % к 15 %. Заметно реже других этот вид идентификации отмечали жители сел и ПГТ);

конфессиональная (жители сел и ПГТ отмечали этот вид втрое чаще, чем в среднем, хотя и у них лишь 6% отнесли себя – в рамках самоидентификации – к «людям определенной религии»);

региональная (крайними в соотношении себя с регионом, поселением, местом жительства – в среднем отмечено 4 % респондентов – оказались две группы: селяне, жители ПГТ, которые делали это несколько чаще других, и жители малых и средних городов – делали реже);

профессиональная (недооценка этого вида идентификации – общий момент, что заставляет задуматься о необходимости заметной активизации работы по профессиональной ориентации и профессиональному самоопределению молодежи области;

лишь 1 % респондентов отнес себя к «жителям виртуального мира».

Выясняется, что распространенное представление о «всеобщей виртуализации» современной молодежи весьма преувеличено.

Литература:

1. Голенкова З. Т. Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // СОЦИС. 2002. № 9. С. 41–50.
2. Социально-психологическое самочувствие учителя: время перемен / отв. ред. Л.Я. Рубина. СОИУУ, 1990. 86 с.
3. Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // СОЦИС. 2001. №7. С. 73–79.

4. Константиновский Д. Л. Молодежь России на рубеже XX – XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко. – М.: ЦСИиП, 2014. 548 с.

5. Фромм Э. Иметь или быть? Забытый язык. М.: изд-во АСТ, 2009. 448 с.

6. Ким Ю. Диалог о совести [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://teksty-pesenok.ru/rus-yulij-kim/tekst-pesni-dialog-o-sovesti/1956781/> (дата обращения 15.02.16).

7. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи: учебник. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. 430 с.

УДК 316.35

ББК 60.54

Корпоративная молодежная политика: особенности изучения и
развития

Волкова, Т.П. || Пацукова, В.Н.

Corporate youth policy: research and development

Volkova, T. || Patsukova, V.

Аннотация: Рассматриваются вопросы управления корпоративной молодежной политикой на предприятиях железнодорожного транспорта, анализируются результаты социологического опроса среди молодых работников Челябинского подразделения ЮУЖА

Abstract: Discusses the management of corporate youth policy at the railway transport enterprises, analyzes the results of sociological survey among young workers of the Chelyabinsk division of YOGA

Ключевые слова: корпоративная молодежная политика, социологические методы изучения, текучесть кадров, мотивация

Key words: corporate youth policy, sociological methods of study, employee turnover, motivation

Наше исследование посвящено корпоративной молодежной политике на предприятиях железнодорожного транспорта. В ОАО «РЖД» сегодня трудится 340 тысяч молодых работников в возрасте до 35 лет, что составляет 42,2 % от численности всего персонала [1].

Из молодых специалистов – 20 % замещают должности руководителей и специалистов, почти 28 % инженерных и 17 % технических должностей. Доля молодежи на должностях руководителей среднего звена и мастеров составляет соответственно 14 % и 18 %.

Компания ОАО «РЖД» продолжает активное сотрудничество с профильными учебными заведениями.

Почти 26 тыс. человек обучается по целевым направлениям филиалов Компании в железнодорожных вузах. Около 27 тыс. человек являются студентами техникумов (колледжей), с которыми заключены договора на целевую подготовку.

Ежегодно около 9 тыс. выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений начинают трудовую деятельность в филиалах и структурных подразделениях ОАО «РЖД» (рис. 1).

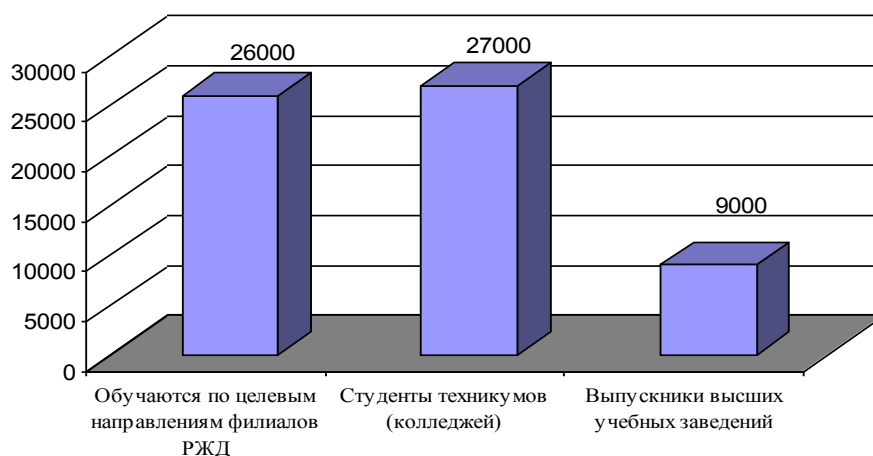

Рисунок 1. – Источники притока молодых специалистов в ОАО «РЖД»

Тем не менее, тенденции естественного оттока молодого персонала сохраняются [2]. Ежегодно, около 14 % вновь прибывших молодых специалистов увольняется в течение первого года.

Общая же статистика показывает, что более 20% от числа работников, ежегодно увольняющихся с предприятий Компании по собственному желанию. Это молодые люди в возрасте до 30 лет, приведены данные на рисунке 2.

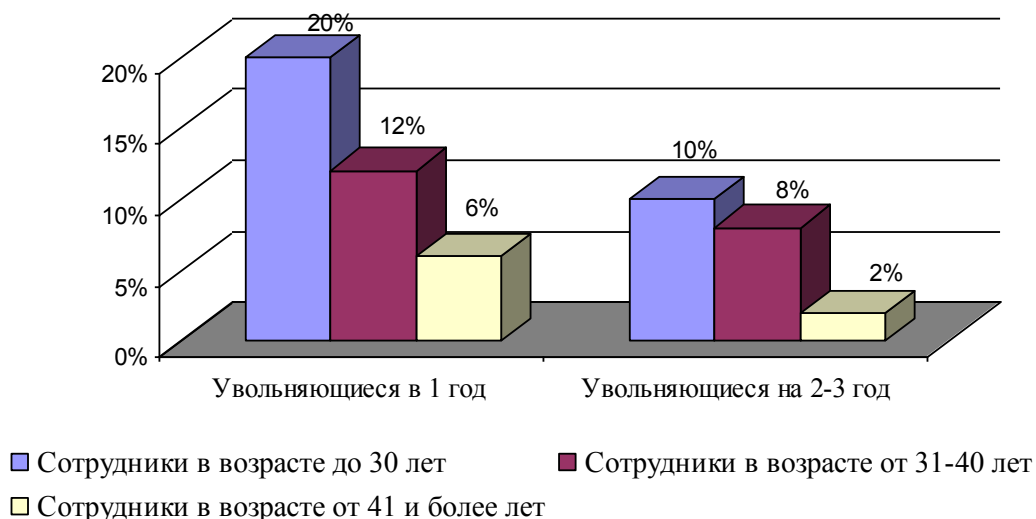

Рисунок 2. – Тенденции естественного оттока молодого персонала ОАО «РЖД»

Последствия социально-экономических реформ в России, острый демографический кризис ежегодно стабильно сокращают общую для страны базу потенциальных молодых работников и экономически активного населения.

Негативные социальные явления способствуют выбыванию молодежи из экономики. Ежегодные потери оцениваются отдельными исследователями до 2,5 млн. человек.

Компания ОАО «РЖД» находится в стадии активных структурных преобразований, что предъявляет особые требования к персоналу:

- инициативность;
- высокий уровень профессионализма;
- повышенная адаптивность к новым и изменяющимся условиям труда;
- ответственность за результаты своей работы в Компании;
- открытость новым технологическим решениям;
- мотивация к саморазвитию;
- генерация лидерства на различных уровнях.

Основным источником восполнения этих качеств являются молодые работники Компании при условии соответствующего качества управления,

делегирования определенного объема полномочий и поддержки со стороны руководства Компании.

Прогнозируемый общий для всей экономики страны острейший дефицит молодых работников и не менее значимая потребность Компании в молодых кадрах, обеспечивающих эффективное развитие в долгосрочной перспективе, обуславливают необходимость:

- привлечения требуемого количества молодых работников с российского и зарубежных (стран СНГ и ближнего зарубежья) рынков труда;
- обеспечения максимального эффекта в экономической и социальной сфере от деятельности привлеченной молодежи.

Другими словами, проводимая молодежная политика на предприятиях железнодорожного транспорта очень актуальна и крайне необходима.

Эффективность реализуемой молодежной политики подвергается воздействию как внешних, так и внутренних факторов, требующих учета при определении стратегических направлений развития. С этой целью руководство Компании уделяет большое внимание разработке программ развития корпоративной молодежной политики на ОАО «РЖД».

Определяющими факторами внешнего характера для формирования и последующей реализации молодежной политики ОАО «РЖД» являются:

1. Близкая к критической демографическая ситуация в стране.
2. Социальные явления, способствующие фактическому исключению молодежи из числа экономически активного населения (проявления наркомании, алкоголизма, преступность, иждивенчества и нездорового образа жизни).
3. Общественные изменения, связанные с отставанием традиционных институтов воспитания и становления молодежи от темпов социально-экономического развития.
4. Опережающее развитие более привлекательных для молодых специалистов компаний, конкурирующих с ОАО «РЖД» на рынке труда в борьбе за высококвалифицированных работников.

5. Падение престижа рабочих профессий, в том числе и железнодорожных.

Все мероприятия молодежной политики ОАО «РЖД» закреплены в целевой программе «Молодежь холдинга «Российские железные дороги» (2016–2020 гг.)» а также сформированы в комплексные группы, представляющие совокупность взаимосвязанных мер и действий участников Программ, направленных на решение приоритетных задач.

Целевая программа «Молодежь холдинга «Российские железные дороги» (2015–2020 гг.)» – основополагающий документ молодежной политики холдинга [1].

Программа направлена на совершенствование методов и форм реализации молодежной политики, а также координацию деятельности подразделений холдинга в направлениях кадровой, информационно-коммуникационной, социальной, образовательной и патриотическо-воспитательной работы, проводимой среди молодых сотрудников, членов их семей и потенциальных молодых работников холдинга.

Программа основывается на Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года, Стратегии развития кадрового потенциала ОАО «РЖД» на период до 2020 года, Концепции развития системы дошкольного и общего образования ОАО «РЖД» и других нормативных документах ОАО «РЖД».

Обращаясь к Стратегии развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года, отметим, что успешно реализуются следующие группы программных проектов для молодежи: «Молодой профессионал», «Молодой ученый и рационализатор», «Международное молодежное сотрудничество», «Воспитание корпоративного лидерства», «Корпоративная молодежная культура», «Содействие самореализации молодежи в Компании», «Молодежь в информационном пространстве», «Молодая семья», «Жилье для молодежи» и др.

Вместе с тем имеются огромные резервы на проблемном пространстве в изучении молодежных вопросов. Пример этому – наше обращение к анализу актуальных проблем корпоративной молодежной политики на Южно-Уральской железной дороге, в одном из Челябинских подразделений АО «ФПК», ЮУЖА. Представим численность работающих в агентстве за последние годы.

Таблица 1 – Численность персонала ЮУЖА за 2012 –2014 гг., чел.

Период	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Измене ния
Руководи тели	30	35	37	+7
в т.ч. молодежь	5	6	7	+2
Рабочие	464	435	424	- 40
в т.ч. молодежь	154	152	127	- 27
Специали сты	210	198	195	- 15
в т.ч. молодежь	130	125	120	- 10
Служащи е	61	31	34	- 27
в т.ч. молодежь	10	7	5	- 5
Итого	765	699	690	-75

Численность молодых работников в агентстве в 2014 г. значительно сократилась, в 2014 году среди рабочих количество молодежи сократилось на 27 чел., среди специалистов на 10 чел., служащих на 5 чел.

Как показывает практика, основным устойчивым источником инициативы в организационных преобразованиях, техническом перевооружении, внедрении новых методик является молодежь.

От темпов развития ЮУЖА и роста доходности прямо зависит рост социальной защищенности и обеспеченности молодого работника и членов его семьи.

От производственной отдачи молодого работника зависят темпы роста производительности труда, улучшение финансово-экономических показателей работы агентства. Поэтому качественно изменяется мотивационная составляющая, побуждающая молодого работника к дальнейшему совершенствованию и саморазвитию. Взаимовыгодной для ЮУЖА и молодого работника становится реализация последним своего потенциала, его активная жизненная позиция, способствующая профессиональному росту.

Агентство находится на важном этапе развития. Активно участвует в реализации масштабных государственных и международных проектов. Стремится к повышению конкурентоспособности, на внутреннем транспортном рынке.

Для реализации молодежной политики в агентстве разработана программа, в рамках которой выполнены следующие основные мероприятия:

- создан координационный совет АО «ФПК» по делам молодежи;
- проведен молодежный технический совет;
- избран молодежный совет и актив ЮУЖА;
- проведены молодежные селекторы и видео-селекторы внутри и за пределами агентства;
- воплощена в жизнь программа «Дорога в будущее», которая дала толчок к карьерному и личному росту многих молодых работников агентства;
- молодые работники из числа «Золотого резерва» активно привлекаются к решению управленческих задач.

С целью выявления удовлетворенности молодых специалистов существующей кадровой политикой мы провели социологическое исследование (экспресс-опрос).

Отметим, что в нашем исследовании принимали участие сотрудники в возрасте от 18 до 30 лет, N= 60, результаты опроса представлены в таблице.

Таблица 2– Результаты экспресс - опроса в ЮУЖА в 2015 г.

Фактор	Кол-во молодых сотрудников, от числа ответивших, в %
Не устраивает система мотивации труда	21
Сотрудник не видит перспектив профессионального роста	18
Не удовлетворяет предоставляемый социальный пакет	13
Не устраивает процесс обучения	13
У сотрудника нет уверенности в завтрашнем дне, желают найти другую работу	19
Не устраивает проводимая система адаптации	16
Итого	100

В результате нами было выявлено, что 21 % опрошенных не устраивает система мотивации труда; 13 % сотрудников не удовлетворяет предоставляемый социальный пакет; 18 % респондентов не видит перспектив профессионального роста, и у 19 % нет уверенности в завтрашнем дне; 13 % опрошенных не устраивает процесс обучения, и 16 % не устраивает проводимая система адаптации на предприятии.

Также по результатам исследования было выяснено, что у руководства и молодого персонала различные представления об эффективности, существующей кадровой политики. В частности, руководство считает, что

проводимая в агентстве кадровая политика успешно разработана и действует на высшем уровне. Тогда как молодые сотрудники, в свою очередь, имеют другое мнение. Они не удовлетворены существующей системой мотивации на предприятии, отсутствием карьерного роста, предоставляемым социальным пакетом и, в целом, работой с кадрами.

Таким образом, на наш взгляд, для управления трудом на основе мотивации необходимы следующие предпосылки. Это, прежде всего, - выявление склонностей и интересов молодых работников с учетом их персональных и профессиональных способностей, определение мотивационных возможностей и альтернатив в коллективе, а так же полное использование личных целей молодых участников трудового процесса в соответствии с целями организации [3].

Выявленные проблемы влекут развитие текучести молодых кадров, что является наиболее негативным моментом.

Для решения обозначенных проблем можно предложить внедрение следующих рекомендаций:

Проведение тренингов по психологии и социологии труда для молодых работников.

Проведение тренингов по психологии и социологии труда для молодых работников создадут возможность выявить, какие социальные и психологические характеристики свойственны для персонала организации. На основании полученных знаний руководство сможет более эффективно осуществлять назначение на должность молодых специалистов и создавать благоприятные условия работы сотрудников, тем самым уменьшая текучесть кадров.

Разработка социального компенсационного пакета (КСП) для молодых сотрудников ЮУЖА, способствующего мотивации специалистов.

Предлагается применить данный социальный пакет только к молодым работникам ЮУЖА, стаж работы которых не превышает 3 года. На индивидуальный социальный пакет по новой системе КСП будет

предусмотрено выделение определенного лимита средств.

В пределах определенной суммы, порядка 16 000 р. работник может выбирать одну или несколько услуг из дополнительного списка предложенного Компанией. Предложенный социальный пакет – носит индивидуальный характер и будет включать в себя 8 элементов:

- санаторно-курортное лечение;
- летний отдых детей;
- проезд к месту работы городским транспортом;
- сотовая связь;
- занятия физкультурой;
- посещение спортивных и культурных секций;
- детские сады;
- питание.

Этот перечень формировался как из предпочтений самих работников, так и по результатам анализа рынка труда и тех социальных пакетов, которые предоставляют ведущие компании города Челябинска, в том числе и транспортные предприятия.

Индивидуальный социальный пакет позволит:

- сформировать в работниках ответственность и вовлеченность, что будет являться большим мотивационным стимулом, позволяющим работникам более производительнее трудиться на своих рабочих местах;
- будет, достигаться максимальная адресность предоставляемых льгот.

Средства на осуществление финансирования внедрения данного мероприятия предполагается предусматривать из фонда оплаты труда при формировании бюджета затрат ЮУЖА в соответствии с Положением о мерах социальной поддержки работников.

Разработка системы адаптации молодых работников ЮУЖА.

Для осуществления предложенных рекомендаций в таблице 3 разработан план-график осуществления мероприятий по внедрению корпоративной молодежной политики.

Таблица 3 – План-график рекомендуемых мероприятий в ЮУЖА по внедрению корпоративной молодежной политики

Мероприятие	Ответственное лицо	Срок реализации	Эффективность
1	2	3	4
Проведение тренингов по психологии и социологии труда для молодых работников.	Начальник планово-экономического отдела	1 раз в месяц с 01.09.2015	Молодые сотрудники получают больше возможностей приобрести знания о том, как правильно вести себя в коллективе и быть более терпимыми друг к другу при индивидуальных различиях, что повысит эффективность общения и позволит достичь лучших результатов по производительности труда молодых специалистов
Разработка компенсационного пакета для молодых сотрудников	Первый заместитель начальника агентства	01.10.2015	Внедрение данной рекомендации предполагает моральное и материальное стимулирование

ЮУЖА, способствующего мотивации специалистов			молодых работников, снижение текучести кадров
Разработка адаптационных мероприятий для молодых сотрудников	Первый заместитель начальника агентства	01.11. 2015	Внедрение позволит сократить текучесть кадров среди молодежи и стабилизировать коллектив
Подведение итогов, контроль результатов	Начальни к ЮУЖА	28.12. 2015	Подведение итогов позволит выявить полученные результаты и оценить фактическую эффективность внедрения.

Таким образом, нами был рассмотрен ряд рекомендаций по улучшению управления корпоративной молодежной политикой персонала, что может способствовать совершенствованию существующей системы управления молодыми специалистами ЮУЖА.

Библиографический список

1. Официальный сайт ОАО «РЖД». ОАО «РЖД» сегодня. – URL: www.rzd.ru.
2. Российский статистический ежегодник 2014. – URL: www.gks.ru.
3. Криворученко В.К. Молодежная политика предприятия: взгляд ученого и практика // Наша молодежь. – 2015. – № 1. – С.24 – 26.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: экологическое сознание, антропоцентрическое экологическое сознание, экологическое образование, экологическое воспитание, формирование экологического сознания.

Аннотация: статья посвящена проблеме формирования экологического сознания молодежи. Антропоцентрические экологические представления являются преобладающими в обыденном сознании людей. Поэтому возникает необходимость целенаправленного формирования экологического сознания молодежи. Процесс формирования экологического сознания оказывается, прежде всего, под влиянием таких факторов, как экологическое образование и воспитание.

M. N. Guskova

master of arts, Tyumen state university FEI, Tyumen, RF

PROBLEM OF FORMATION OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS YOUTH

Keywords: ecological consciousnesses, anthropocentric ecological consciousness, ecological education, ecological education, formation of ecological consciousness.

Annotation: article is devoted to a problem of formation of ecological consciousness of the population. Anthropocentric ecological representations are prevailing in ordinary consciousness of people. Therefore, there is a need of purposeful formation of ecological consciousness. Process of formation of

ecological consciousness appears, first of all, under the influence of factors as ecological education and education.

Среди глобальных проблем человечества одна из важнейших – экологическая. О ней серьезно заговорили приблизительно с 60-х годов XX века в связи со стремительным развитием промышленности, расширением использования природных ресурсов, увеличением количества автотранспортных средств, освоением новых территорий, быстрого роста населения, сюда также входит безответственное и потребительское отношение людей к природе. В результате чего мир оказывается на грани экологической катастрофы.

Молодое поколение как неотъемлемая часть любого общества, является будущим нашей страны. От предпочтений молодых людей полностью зависят условия жизни людей. Поэтому вопрос о ценностях и ориентациях современной молодежи приобретает все больше значение, с целью сохранения в природе экологического равновесия. Решение экологической проблемы невозможно без осознания молодым поколением важности данной проблемы.

Для того чтобы точно определить роль и значение экологического сознания в преодолении современных глобальных экологических проблем необходимо для начала определить, что предполагают под экологическим сознанием.

Довольно точное определение предлагается **доктором педагогических наук** Э. В. Гирусом: экологическое сознание – это «совокупность взглядов, теорий, эмоций, деятельности, отражающая проблемы соотношения общества и природы в плане оптимального их решения соответственно конкретным социальным и природным возможностям» [1, с. 30]. Часто в современных исследованиях экологического сознания употребляется определение современного российского экопсихолога С. Д. Дерябо и доктора психологических наук В. А. Ясвина. Под

экологическим сознанием эти авторы понимают «совокупность представлений о взаимосвязанных в системе «человек-природа» и в самой природе, существующего отношения к природе, а также составляющих стратегий и технологий взаимодействия с ней» [3, с. 8].

Таким образом, мы предлагаем понимать под экологическим сознанием непрерывное взаимодействие общества с природой с приоритетом сохранности окружающей среды, рациональность ее использования и понимание экологической ситуации.

Основываясь на концепции, предложенной С. Д. Дерябо и В. А. Ясвина, которая гласит, что «антропоцентрическое экологическое сознание проявляется в целостной системе представлений о мире, для которой характерны: противопоставленность человека как высшей ценности и природы как его собственности, восприятие природы как объекта одностороннего воздействия человека; прагматический характер мотивов и целей взаимодействия к ней», можно сказать о том, что в настоящее время в обществе преобладает антропоцентрическое экологическое сознание [2, с. 35].

Что касается формирования экологического сознания, то оно формируется под влиянием таких факторов как: государственная политика, деятельность общественных экологических движений, средств массовой информации, общественное мнение. Помимо сказанного, наиболее важным является такой фактор как образование и воспитание. Экологическое воспитание и образование предполагают формирование у человека «знаний, научных основ природопользования, необходимых убеждений и практических навыков, определенной ориентации и активной социальной позиции в области охраны природы, рационального природопользования и воспроизводства природных ресурсов» [4, с. 118].

В этой связи сошлемся на результаты опроса 100 человек. Из них 49 (49%) мужчин и 51 (51%) женщина в возрасте от 18 лет и старше. Также в ходе исследования было опрошено 15 человек в области экологических,

социальных, географических и других наук Тюменского государственного университета.

Опрос показал, что население слабо владеет экологическими знаниями и умениями, то есть экологическая грамотность населения в г. Тюмени находится на достаточно низком уровне, что не позволяет гармонично развиваться человеку и природе. Большая часть молодежи получает информацию в области экологии посредством СМИ и практически не обращаются к научным, более достоверным источникам, что не позволяет сформировать правильные установки в отношении экологии города и страны в целом.

Молодыми людьми осознается личная ответственность за сохранение окружающей среды (81%), однако не все негативные аспекты экологической обстановки в г. Тюмени осознаются ими как актуальные, о чем свидетельствуют результаты проведенного нами опроса.

Исследование также показало, что формировать экологическое сознание должны, в первую очередь, семья (91%) и школа (81%). На это указали и эксперты. Следовательно, установки молодежи формируются в процессе социализации в семье и в образовательной среде. При этом участниками экспертного опроса было отмечено, что уровень экологической подготовки в школах и вузах города Тюмени пока остается низким. Нет единой региональной политики в сфере экологического просвещения.

Участие подрастающего поколения в экологической деятельности также находится на низком уровне. Эксперты высказали по этому поводу свое мнение, указав на то, что участие молодежи в публичных проектах крайне пассивное, это вызвано отсутствием единой образовательной программы по воспитанию экологических установок. Следовательно, не сформировано единое идеологическое пространство, которое способно убедить современного человека изменить свои привычки, нравы, поведение, найти средства и способы переориентировать его деятельность, изменить менталитет.

Таким образом, для повышения экологического сознания молодежи г. Тюмени сегодня необходимо:

Во-первых, образовывать население в рамках проектной деятельности.

Во-вторых, включать разделы по экологии в образовательные программы начальных, средних и высших учебных заведений; проводить научные семинары и тематические конференции. Необходимы специальные выпуски передач, посвященные проблемам экологии, основам экологической культуры.

В-третьих, регулярно проводить срез общественного мнения в режиме мониторинга на вопрос отношения к глобальным и локальным экологическим проблемам.

В-четвертых, создавать природоохранные общественные организации, которые будут объединять людей по интересам.

В-пятых, детей младшего возраста, школьников, студентов постоянно приобщать к природоохранной деятельности: проводить: экскурсии, походы, деловые игры с демонстрацией практических навыков.

В целом, сохранение устойчивого развития региона – одна из ведущих гуманистических целей современного общества. Гуманизм должен способствовать становлению новой системы ценностей. Необходимо убедить современного человека изменить свои привычки, нравы, поведение, найти средства и способы переориентировать его деятельность, изменить его менталитет, направить в русло духовного совершенствования.

Список литературы

Аутлелева, А. Н. Сущность экологического сознания / А. Н. Аутлева // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – №3. – С.29-31.

Дерябо, С. Д. Две модели экологии / С. Д. Дерябо, В.А. Ясвин // [Человек. – 1998. – № 1. – С.34-40.](#)

Дерябо, С. Д. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин // Психологический журнал. – 1996. – №6. – С.4-17.

Когай, Е. А. Экологическая парадигма культуры и образования / Е. А. Когай // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 4. – С.114-129.

Занина, О.П. || Яковлева, И.П.

Гендерные особенности поведения в конфликте

(на примере студентов КубГТУ)

Zanina, O. || Yakovleva, I.

Gender differences of conflict behavior

(on the example of KubSTU students)

В статье анализируется проблема социального пола (гендера), гендерных ролей и стереотипов студентов. На основе проведенного социологического исследования изучено влияние гендерных детерминантов на поведение студенческой молодежи в конфликте.

The article analyzes the problem of social sex (gender), gender roles and stereotypes of students. On the basis of sociological research the effect of gender determinants on the behavior of students in the conflict was studied.

ПОЛ, ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ, ПОВЕДЕНИЕ В КОНФЛИКТЕ,
МОЛОДЕЖЬ

GENDER, GENDER DIFFERENCES, CONFLICT BEHAVIOR, YOUTH

Современная социологическая теория рассматривает конфликт как одну из форм социального взаимодействия, неизбежную в процессе функционирования любой организационной системы. Признавая наличие у конфликтов конструктивных функций, ученые стремятся разработать и внедрить в социальную практику механизмы управления ими, направленные на минимизацию деструктивного потенциала конфликта. Выбор способов предупреждения, профилактики, регулирования конфликтов, особенно на межличностном уровне, во многом определяется статусными, возрастными, половыми, национальными и другими характеристиками конфликтующих. В последние годы особое внимание исследователей привлекает влияние социального пола на конфликтное поведение субъектов [1, с.8].

Как отмечает И.Е. Девятова, половые различия поведения в конфликтной ситуации проявляются во влиянии гендерных стереотипов на восприятие участника конфликта – представителя другого пола, в существовании конфликтных личностных черт у мужчин и женщин, в предположительных способах разрешения конфликта [2, с. 149].

С целью анализа поведения личности в конфликте, зависимости выбора стратегий поведения в конфликте и способов его разрешения от гендерных особенностей, было проведено социологическое исследование среди студенческой молодежи КубГТУ. При анализе результатов исследования весь массив респондентов был дифференцирован на следующие группы: студенты женского пола – 50 % и студенты мужского пола – 50 %.

Согласно данным исследования женщины чаще вступают в конфликт или оказываются вовлечёнными в него, чем мужчины. Об этом заявили 91 % женщин и 46 % мужчин. Чаще всего у представителей обоих полов конфликты происходят с членами семьи, этот вариант ответа выбрали 74 % респондентов, что обусловлено возрастными особенностями опрошенных. Реже у респондентов происходит конфликт с друзьями, одноклассниками, преподавателями.

Проведенный опрос продемонстрировал наличие у студентов гендерных различий в выборе стилей конфликтного поведения (за основу была выбрана типология стилей поведения в конфликте К. Томаса и Р. Килмена). Мужчины более склонны выбирать стратегии, в основе которых лежит стремление взаимными усилиями найти решение в большей или меньшей степени удовлетворяющие интересы всех участников конфликта (сотрудничество, компромисс). Женщины предпочитают стратегии, в рамках которых либо активно отстаивают свою позицию (конфронтация), либо пытаются избегать конфликта. Полные данные распределения ответов на вопрос «Какой способ поведения в разрешении конфликта вы используете чаще всего?» представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Выбор стратегии поведения в конфликте, %

Варианты ответов	Женщины	Мужчины
Я активно отстаиваю собственную позицию	29,3%	8,4
Я стараюсь уклониться от участия в конфликте	25	12,5
Я стараюсь во всем уступать, идти на встречу партнеру	12,5	-
Я ищу решение, основанное на взаимных уступках	16,6	16,6
Я стараюсь найти решение, максимально удовлетворяющее интересы обеих сторон	16,6	62,5

Влияние гендерных стереотипов проявляется и в большей эмоциональности женского стиля поведения в конфликте. 41,6 % респондентов женского пола во время конфликта испытывают чувство раздражения, гнева, ненависти; 33,3 % – подавленность, упадок сил; 20,7 % характеризуют свое эмоциональное состояние как непонимание, недоумение, обеспокоенность. Лишь 4,4 % опрошенных женщин испытывают удовлетворение, эмоциональный подъем. Вариант «равнодушие, спокойствие» не выбрала ни одна участница опроса.

В отличие от женщин 75,6 % респондентов – мужчин заявляют, что в конфликте чаще всего сохраняют спокойствие, остаются равнодушными. 20,7 % испытывают такие чувства как раздражение, гнев, ненависть. Оставшиеся 4,1 % респондентов испытывают непонимание, недоумение, обеспокоенность. Полярные эмоциональные состояния «подавленность, упадок сил» и «удовлетворение, эмоциональный подъем» респондентами – мужчинами отмечены не были.

Результатом высокой эмоциональности женщин является их поведение в конфликте, действия и приёмы воздействия на оппонента, которые они используют. Чаще всего они плачут от обид, обижаются, кричат, ругаются (каждый из этих вариантов ответов выбрали по 45,8% опрошенных женщин). Большая эмоциональная стабильность мужчин приводит к тому, что они пытаются рационализировать своё поведение (пытаются перевести всё в шутку, договориться с оппонентом, собрать информацию о проблеме). Полные данные распределения ответов на данный вопрос предоставлены в таблице 2

Таблица 2 - Типичное поведение студентов в конфликтной ситуации, %

Варианты ответов	Женщины	Мужчины
Делаю вид, что все в порядке	16,6	33,3
Перевожу все в шутку	20,8	58,3
Плачу от обиды	45,8	-
Жалуюсь кому-нибудь	20,8	-
Замыкаюсь в себе	25	12,5
Прошу прощение извиняюсь	16,6	4,16
Пытаюсь договориться	33,3	54,16
Пытаюсь всех успокоить	20,8	37,5
Сразу уступаю	8,3	-
Кричу, ругаюсь	45,8	16,6
Бью кого-нибудь	8,3	-
Сдерживаюсь внешне, киплю внутри	25	41,6
Обижаюсь	45,8	4,16
Игнорирую проблему	16,6	25
Собираю информацию	8,3	54,16

(Сумма ответов превышают 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответов).

Следует отметить, что, несмотря на заявления о спокойном и равнодушном отношении к сложившейся проблемной ситуации, для достаточно большой части мужчин это состояние скорее внешнее: 41,6% опрошенных отметили, что во время конфликта сдерживаются внешне, кипят внутри. У женщин же этот показатель почти вдвое ниже: 25%.

За помощью для решения конфликта женщины обращаются, прежде всего, к членам своей семьи (этот вариант выбрали 50% опрошенных). 29,2% студенток ищут помощи у друзей. 20,8% надеются в решении проблем только на себя. Среди мужчин (33,4%) обращаются за помощью к друзьям, ещё 16,6% - к членам своей семьи. Половина опрошенных мужчин заявили, что в конфликте предпочитают справляться со всеми проблемами сами. Показательно, что к профессиональным, официальным консультантам и медиаторам (психологам, преподавателям, правоохранительным органам) студенты обращаться не хотят.

Респонденты – мужчины проявляют большую удовлетворенность достигнутыми в ходе конфликтами результатами: 12 % полностью и 62,5 % скорее удовлетворены исходом. Четверть опрошенных мужчин в большей или в меньшей степени результатом своего участия в конфликте не удовлетворены. Среди опрошенных женщин полностью удовлетворенных результатами конфликта нет, 70,8 % респондентов удовлетворены частично, 28%- скорее не удовлетворены и 4,2 % полностью не удовлетворены результатами конфликтного взаимодействия.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить что гендерные особенности личности достаточно явно проявляются в различных конфликтных ситуациях. Именно гендерные особенности зачастую влияют на социальные установки на конфликтное взаимодействие, определяют выбор стиля поведения. Результаты данного социологического опроса могут стать базой для дальнейшего изучения особенностей гендерного поведения в конфликте.

Литература

Евенко С.Л. Влияние гендерных особенностей студентов на стратегии поведения в межличностных конфликтах // Вестник Московского Государственного областного университета. 2014. № 2. С.8.

Девятова И.Е. Гендерные детерминанты поведения старших подростков в межличностном конфликте // Актуальные вопросы современных наук. 2008. № 4-1. С.146-152.

Казанцева, В.Н.

Место социальных сетей в повседневной жизни студентов УрФУ

Kazantseva, V.

The role of social networks in everyday life of students UrFU

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена социальных сетей и их роли в жизни студентов УрФУ. Приводятся данные анкетирования студентов и анализ полученных результатов. Актуальность исследования заключается в том, что человек большую часть своего времени проводит в социальных сетях, заменяя реальное общение на виртуальное.

Annotation

The article investigates the phenomenon of social networks and their role in the lives of students UrFU. The data of the survey of students and analysis of the results. Relevance of the research lies in the fact that most of the people spend their time on social networks, replacing real communication in the virtual.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

[социальные сети](#), [виртуальный мир](#), [интернет](#), студенты, [общение](#).

KEYWORDS

social networks, virtual world, online, students, communication.

В настоящее время интернет прочно вошел в жизнь каждого из нас, присутствуя практически в каждом доме. У молодых людей считается обычным делом использование интернет-технологий при построении общения. Всемирная информационная система кардинально помогла расширить границы в поиске и процессе обмена информацией, коммуникаций между людьми, в частности – социальных сетей, имеющих большую популярность среди населения разных возрастов, но в особенности среди молодых людей.

Актуальность данного исследования заключается во множественной значимости социальных сетей в повседневной жизни молодёжи. Ежесекундно миллиарды людей ищут информацию, назначают встречи и сидят в социальных сетях.

Появление такой новой формы общения привело к увеличению случаев, когда происходит замена реального общения на виртуальное. Эту автозамену коммуникаций можно объяснить тем, что в интернет пространстве ты можешь самопрезентовать себя по-другому, создавая идеальный образ, идущий в разрез с действительным.

Одним из главных достоинств социальных сетей, привлекающих современную молодежь, выступает возможность делиться своими фотографиями, достижениями, эмоциональным состоянием сразу среди всех пользователей сети.

Но, не смотря на безграничность общения, стираются сами границы взаимодействий между людьми – как было сказано выше, реальное общение заменяется на общение онлайн. Все это приводит к тому, что часто при личных встречах собеседникам не о чем поговорить, потому что все новости они узнают из новостной ленты в сети, просмотр фотографий и рассказ о важном событии в жизни тоже не актуален, так как в сети все было давно освещено. Выходит, что сами того не осознавая, студенты становятся заложниками виртуального пространства, что приводит к отчуждению от внешнего мира.

В период с 15.02.2016 по 24.02.2016 нами был проведен опрос на тему "Место социальных сетей в повседневной жизни студентов УрФУ" с помощью сервиса онлайн опросов – гугл формы.

Целью нашего исследования является определение места социальных сетей в повседневной жизни студентов УрФУ.

В исследовании приняли участие студенты университета из групп разных специальностей в возрасте от 18 до 25 лет, всего опрошено 70

человек. По составу 51.5% респондентов пришлось на женщин и 48.5% на мужчин. Метод исследования: анкетирование.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что наличие аккаунта в социальных сетях отметили 98,5 % опрошенных.

Большинство молодых людей проводят достаточно много времени в интернет-пространстве: 60,3% – более 4 часов в день, и лишь 11,8%: менее 1 часа в день.

На что же тратится такое количество времени, проводимое в социальных сетях? Чаще всего социальные сети используют для общения и это подтвердили 47, 8% респондентов, на втором месте стоит работа в социальных сетях и поиск информации – 16,4%, просмотр видео и фильмов – 10,4%, другие занятия – 6,5%.

Несмотря на то, что каждый студент имеет в среднем более 4 аккаунтов (45,5%), наиболее популярным из них является Вконтакте (77,6%) – самая известная социальная сеть в России, созданная в 2006 году Павлом Дуровым.

Наиболее привлекательным для респондентов в социальных сетях является процесс коммуникаций, поскольку он дает возможность общаться на расстоянии и заводить новые знакомства.

Не смотря на то, что большинство опрошенных осознают, что главный минус социальных сетей заключается в значительных временных затратах, они продолжают увеличивать свои часы онлайн, при этом признавая, что они являются зависимыми от социальных сетей (53,8%). В качестве негативного влияния социальных сетей студенты отмечают деградацию личности, замену реального общения, психические расстройства, большое количество рекламы и спама, незащищенность личных данных.

В этой ситуации радуется лишь то, что при исчезновении социальных сетей все отмечают грусть и пустоту лишь на первоначальном этапе, так как будет непривычно и дискомфортно, но позже все понимают – это пойдет только на пользу и будут открыты новые горизонты для саморазвития.

Исходя из всего упомянутого, можно сделать вывод о том, что социальные сети занимают значительное место в повседневной жизни студентов УрФУ, которые выступают в качестве средств общения и поиска информации. Длительное нахождение в социальных сетях, порой отрывает молодежь от общения в реальном мире, которое необходимо для полноценного развития личности. Парадокс состоит в том, что все студенты, осознают и понимают вред длительного пребывания в интернете для их самореализации, но при этом они не собираются ничего менять, так как это вошло в постоянную привычку или уже в болезнь, поскольку не часто зависимость от социальных сетей называют самым страшным диагнозом 21 века.

Выбор в пользу виртуального общения может привести к проблемам взаимодействий и адаптации в обществе. Именно поэтому стоит решать эту проблему незамедлительно. Например, сократить свое времяпрепровождение в социальных сетях и увеличить время реального общения с интересными людьми, также стоит задуматься об альтернативных видах досуга – творчество, спорт, волонтерство. Необходимо помнить, что виртуальное общение не должно ложиться в основу нашей жизнедеятельности, а лишь способствовать ее дополнению.

УДК 316, 378.17

ББК 60.56

Кириченко, О.Д.|| Степанова, М.А.|| Фурсова, И. А.

Отношение студенческой молодежи к здоровому образу жизни¹

Kirichenko, O.|| Stepanova, M.|| Fursov, A.

The relationship of students to a healthy lifestyle

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного авторами среди студентов Уральского государственного университета путей сообщения с целью выявления их заинтересованности в сохранении собственного здоровья, выяснения степени распространенности среди студенческой молодежи вредных привычек. Результаты исследования демонстрируют, что студенты довольно бережно относятся к своему здоровью. Наибольшую неприязнь у них вызывает злоупотребление алкоголем, в меньшей степени – табакокурение. Большинство молодых людей дополнительно занимаются спортом, и число таких студентов за время обучения в университете лишь возрастает, что говорит об эффективности работы по профилактике аддиктивного поведения и популяризации здорового образа жизни среди молодежи.

The article presents the results of sociological research conducted by the authors among the students of the Ural state University of Railway Transport to identify their interest in maintaining their own health, determine the extent of prevalence among students of bad habits. The results show that the students are quite careful to your health. The greatest hostility they cause the abuse of alcohol, to a lesser extent, tobacco. The majority of young people are additionally play sports and the number of such students while studying at the University is only increasing, which indicates the effectiveness of prevention of addictive behavior and promoting a healthy lifestyle among young people.

¹ *Статья подготовлена под руководством доцента кафедры «Управление персоналом и социология», УрГУПС, канд. социол. наук О.Н. Шестопаловой*

ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ|| ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ|| ТАБАЧНАЯ
И АЛКОГОЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ|| ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ
МЕРОПРИЯТИЯ|| ПРОПАГАНДА|| ЗАНЯТИЕ СПОРТОМ

THE VALUE OF HEALTH|| HEALTHY LIFESTYLES|| TOBACCO AND
ALCOHOL ADDICTION|| PREVENTION|| PROMOTION|| SPORT
ACTIVITIES

В современном обществе тема здорового образа жизни приобретает особое значение. Внимание к человеку, качеству его жизни актуализирует вопросы сохранения и укрепления здоровья, как на государственном уровне, так и в общественной жизни людей. Они же являются одними из главных в воспитательной работе со студентами.

Деятельность университета непосредственно направлена на формирование, укрепление и поддержание здорового образа жизни своих студентов, как развивающихся личностей. Именно поэтому, университет помогает студенту достичь гармоничного развития, привить молодым людям ценности здоровья и здорового образа жизни. Это является основным направлением работы со студентами по профилактике вредных привычек и воспитанию ценности здорового образа жизни.

Понятие «здоровый образ жизни» включает в себя следующие категории и жизненные ценности: занятие физической культурой и спортом, закаливание, жизненный режим, укрепляющий здоровье, рациональное питание, сохранение оптимального веса, личная гигиена и ответственное гигиеническое поведение, разумное соотношение труда (учебы), досуга, отдыха, поддержание психического здоровья, негативное отношение к вредным привычкам, гармоничные взаимоотношения между людьми, правильное сексуальное поведение и др. Несоблюдение элементарных правил жизни отрицательно сказывается на здоровье человека.

Среди множества факторов, влияющих на состояние здоровья подрастающего поколения, наряду с наследственностью важно отметить роль

так называемых управляемых факторов: окружающей среды, санитарно-гигиенических условий, а также отношения самого человека к своему здоровью.

С целью выявления заинтересованности студентов в сохранении собственного здоровья, выяснения степени распространенности среди студенческой молодежи вредных привычек (употребления алкогольных напитков, распространённость табачной зависимости) авторами в декабре 2015 года было проведено социологическое исследование. Всего было опрошено 650 студентов Уральского государственного университета путей сообщения. Отбор респондентов проводился на основе квотной выборки, чтобы сохранить репрезентативное представительство всех факультетов в итоговой выборке. Распределение по гендерному признаку выглядит следующим образом: доля девушек составляет 51%, молодых людей – 49%. Возраст опрошенных – от 17 до 23 лет.

Анализируя результаты исследования, можно сказать, что большинство студентов университета достаточно бережно относятся к своему здоровью. Так, 62,9% студентов первого курса, 54,9% студентов третьего курса и 53,3% студентов пятого курса оценивают своё здоровье на хорошем уровне. Однако, некоторые студенты (особенно пятого курса) оценивают состояние своего здоровья как неудовлетворительное, а порой и совсем равнодушны к нему.

Равнодушие к своему здоровью проявляется и в наличие вредных привычек.

Распространенность табачной зависимости. По результатам анкетирования выявлено следующее количество курящих каждый день более 5 сигарет: 6,7% курильщиков среди поступивших на 1 курс студентов, 8,2% среди третьекурсников и 18,3% студентов среди выпускников. До 5 сигарет ежедневно выкуривают 16,3% студентов 3 курса и 5% студентов 5 курса. Большинству «любителей» курения нравится сам процесс курения. Этим они и объясняют причину своей зависимости. Студентам третьего курса курение

помогает преодолеть трудности, в то время как выпускники университета оправдывают свою зависимость возможностью расслабиться в комфортной обстановке, по-прежнему оставляя причину пристрастия к процессу курения на первом месте.

Хочется также отметить тот факт, что число некурящих студентов довольно велико, если сравнивать его со среднероссийскими показателями [1, с. 105]. По статистике в России курит от 63% до 67% мужчин и более 30% женщин, и число курящих россиян продолжает расти. Среди опрошенных студентов 83,7% не пробовали табак вообще.

Факт табачной зависимости студентов обуславливает необходимость системного подхода к профилактике вредных привычек, который применяется в настоящий момент в университете. Несмотря на сложность проведения профилактических мероприятий, хочется отметить, что работа, проводимая в этом направлении, является эффективной. В частности программа по профилактике и сокращению табакокурения среди студентов заняла I место в конкурсе «Самый некурящий вуз» Свердловской области. Чаще всего студенты отказываются от курения, потому что осознают вред табака на организм, а также потому, что теряют интерес к курению.

Частота употребления алкогольных напитков. Алкоголь также как и никотин оказывает пагубное воздействие на организм молодого человека. Даже умеренный прием алкоголя в студенческом возрасте наносит немалый вред организму студента. Приобщение молодых людей к алкоголю определяются социальными, демографическими и психологическими факторами.

Сложность анализа данного вопроса сводится к тому, что русская культура приветствует употребление алкогольных напитков с целью закрепления в общественном индивидуальном сознании значимых событий социальной жизни: день рождения, сдача важного экзамена победа любимой спортивной команды и другое. В этой вязи полностью исключить алкоголь из жизни студентов не удастся.

Студенты предпочитают употреблять слабоалкогольные (53%) или среднеалкогольные (38%) напитки, и 41,1% старшекурсников отметили, что предпочитают крепкий алкоголь среднеалкогольным напиткам. При этом важно отметить, что в целом большинство студентов любого курса негативно относятся к распитию алкогольных напитков: более половины студентов пятого курса осуждают злоупотребление, более 45% студентов третьего курса и более 35% первокурсников часто высказывают неодобрение студентам, употребляющим алкоголь.

В соответствии с результатами ежегодного мониторинга Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) ситуацию с употреблением алкогольных напитков в России характеризуют следующие факты:

1. Количество регулярно выпивающих сокращается. По данным опроса доля регулярно выпивающих россиян (раз в месяц или чаще) сокращается с 49 до 38%.

2. Трезвенников становится больше. Из опрошенных респондентов 33% полностью отказались от употребления алкоголя, тем самым доля трезвенников увеличилась на 7% (по предыдущим исследованиям их доля составляла 24%)

3. Женщины отказываются от алкоголя. Среди опрошенных 44% женщин заявили, что совсем не употребляют алкоголь [2].

В отношении студентов УрГУПС отмеченные закономерности повторяются. Так, первокурсники употребляют алкоголь реже, чем студенты 3 и 5 курса, а частота употребления алкогольных напитков среди студентов 5 курса также снижается, при этом снижается частота употребления алкогольных напитков и за время обучения в университете.

Развитие ценностей здорового образа жизни. Большая часть студентов считает, что наиболее эффективными способами формирования ценностей здорового образа жизни являются административные меры, ужесточение

условий продажи алкоголя и табака, а также организация досуговой деятельности для студентов в университете.

43,3% студентов 1 курса считают, что проводить мероприятия по формированию здорового образа жизни в университете должны волонтеры-студенты, студенты же 3 курса (37,5%) считают, что этим должны заниматься медицинские работники, а мнение студентов 5 курса разделилось: 33,3% выбрали медицинских работников и 35,2% выбрали волонтеров-студентов.

При выборе эффективных способов формирования здорового образа жизни приоритетным для опрошенных студентов стало формирование положительного образа человека без вредных привычек в СМИ и обеспечение активной досуговой деятельности. На втором месте стоят примеры поведения значимых людей (родителей, известных лиц, сверстников). Участие в мероприятиях по пропаганде здорового образа жизни администрации вуза, а также профессорско-преподавательского состава позволит, на наш взгляд, вывести данное направление работы на качественно новый уровень, повысить эффективность профилактической работы с учетом требований системы менеджмента качества университета [3, с. 66].

В целом же, можно отметить с возрастом растет понимание необходимости следить за своим здоровьем и вести активный образ жизни. При анализе ответов на вопрос как часто студенты занимаются спортом, мы можем сделать следующие выводы: у студентов всех курсов снижается процент тех, кто занимается спортом регулярно и увеличивается доля тех, кто занимается спортом время от времени, вместе с тем увеличивается доля тех, кто начал заниматься спортом.

Исследованию подвергались и предпочтения студентов относительно дополнительных возможностей занятий спортом. Так, более 70% студентов дополнительно хотели бы ходить в бассейн, около 30% студентов высказали желание заниматься велосипедным спортом, около четверти опрошенных

хотели бы заниматься йогой или получить дополнительную возможность заниматься в спортзале университета, а каждый седьмой студент (в среднем 15% студентов всех курсов) хотели бы иметь возможность заниматься теннисом, спортивным ориентированием и греблей.

Таким образом, исследование показывает, что студенты довольно бережно относятся к своему здоровью. Наибольшую неприязнь у них вызывает злоупотребление алкоголем, в меньшей степени – табакокурение. Большинство молодых людей дополнительно занимаются спортом и число таких студентов за время обучения в университете лишь возрастает, что говорит об эффективности работы по профилактике аддиктивного поведения и популяризации здорового образа жизни среди молодежи.

Список литературы

1. Русинова Н.Л., Озерова О.В., Сафронов В.В. Курение в России: социальные различия и тенденции в 1990-е и 2000-е // Социологические исследования. 2013. №3. С. 104–113.
2. Если верить статистике, россияне стали меньше пить [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spbnarcolog.ru/esli_verit_statistike_rossiyane_stali_pit_menshe.html
3. Сухова О.В., Шестопалова О.Н. Реализация качества образовательной услуги в рамках внедрения эффективного контракта // Дискуссия. 2015. № 6 (58). С. 65–72.

УДК 329.78

ББК 66.75

Климин, С. И. Сидорова, В. А.

Молодежная политика в Республике Беларусь и ее роль в социализации подрастающего поколения

Klimin , S. I. Sidorova, V. A

The youth policy in the Republic of Belarus and its role in the socialization of the younger generation

Аннотация на русском языке. В статье отражена деятельность государства, его органов, учреждений и организаций, направленная на взаимодействие с молодежью, молодежным движением в осуществлении социализации молодого поколения, вовлечении его в процессы, происходящие в обществе.

Аннотация на английском языке. The article covers the activities of the state, its agencies , institutions and organizations aimed at interaction with the youth , the youth movement in the implementation of the socialization of the young generation , to draw them into the processes taking place in society.

Ключевые слова на русском языке. Молодежь, государственная молодежная политика, цель молодежной политики, субъекты государственной молодежной политики, правовые основы государственной молодежной политики, особенности молодежи как социально-демографической группы, воспроизводство населения, политическая социализация молодежи, институты социализация молодежи.

Ключевые слова на английском языке. Youth, state youth policy , the aim of the youth policy , the subjects of the state youth policy , the legal bases of the state youth policy , especially the youth as a socio- demographic group , the reproduction of the population , the political socialization of young people, institutions of socialization of young people.

История государственной молодежной политики в Республике Беларусь связана с Советским Союзом, в составе которого она находилась. Молодежная политика представляла собой партийно-государственную политику, основным проводником которой выступал ВЛКСМ (в Беларуси - Минский Коммунистический Союз Молодежи, ЛКСМБ) – самая массовая и влиятельная молодежная общественная организация.

В настоящее время в Республике Беларусь молодежь в возрасте 31 года составляет почти четверть населения страны. Из них 79% проживает в городах и 21 % в сельской местности. Государственная молодежная политика, проводимая в Беларуси, представляет систему социально-экономических, политических, организационных и правовых мер, направленных на поддержку молодых граждан в возрасте до 31 года. Основопологающим документом стал закон «Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь» от 24.04.1992 г., закон Республики Беларусь « Об образовании в Республике Беларусь», закон Республики Беларусь «О государственной поддержке молодежных и детских объединений». Важнейшим рабочим документом по реализации государственной молодежной политики является утвержденная Указом Республики Беларусь от 4 апреля 2006 г. республиканская программа «Молодежь Беларуси» на 2006-2010 гг., соисполнителем которой является и Федерация профсоюзов Беларуси. В 2009 г. был принят Закон «Об основах государственной молодежной политики». 2015 год был объявлен «годом Молодежи». В стране созданы различные по функциям и характеру деятельности общественные объединения. На сегодняшний день общее количество организаций - 162. Ведущую роль выполняет «Белорусский Республиканский союз молодежи» (ОО «БРСМ»).

Целью государственной молодежной политики является «всестороннее воспитание молодежи, содействие ее духовному, нравственному и

физическому развитию; создание условий для свободного и эффективного участия молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии общества; социальная, правовая и иная поддержка молодежи; расширение возможностей молодежи в выборе жизненного пути». За подобными формулировками наметилась вполне определенная тенденция во взаимоотношениях между государством как социальным институтом и молодежью» оно обязуется создавать молодому человеку определенные социальные условия и правовые гарантии. Управление данным процессом возлагается на государственные структуры. В их числе - Президент

Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, республиканский орган государственного управления, ответственный за осуществление государственной молодежной политики, местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы и иные государственные органы в соответствии с их компетенцией. Это говорит о том, что произошло не просто перераспределение функций, а изменилась роль государства в осуществлении молодежной политики. Второе отличие, которое обращает на себя внимание при сопоставлении ее проведения в советский период и в настоящее время - определение идеологических ориентиров общественного развития, их отражение в системе воспитания и, соответственно, в культивируемых ценностях.

По мнению профессора И. М. Ильинского, определенная политика государства по отношению к молодежи существует во все времена, а ее цели и содержание отражают господствующие в том или ином обществе идеологии [3, с. 575]. Советская идеологическая направленность была вполне очевидной - построение социалистического, а в перспективе - коммунистического общества. Этим целям было подчинено все общественное развитие, в том числе и молодежная политика.

Несмотря на то, что с начала XX века в России, а затем в советском государстве, в том числе из Беларуси, довольно широко проводились эмпирические исследования (социальные обследования) молодежи,

теоретическая интерпретация собранных материалов оставалась слабой. Отмеченное упущение с лихвой компенсировалось мощной идеологической направленностью. С первых лет советской власти была поставлена задача формирования «нового человека», тогда же определился его идеал. В основу идейно-воспитательного процесса были положены классовые ценности. Доминировала установка на коллективные формы жизнедеятельности и подчинение частных, личных интересов общественным. Приоритетными оказывались некие «высшие» ценности (например, строительство социализма). Стремление к личному благополучию, карьера, забота о своем здоровье, внешней красоте если и не осуждались открыто, то, во всяком случае, не приветствовались. В то же время культивировались патриотизм, интернационализм, высокая нравственность, уважение к труду. Можно сказать, что с 1920-х годов практически сложилась единая система коммунистического воспитания молодежи, включающая различные его направления (нравственное, эстетическое, физическое, военно-патриотическое), подчиненные идейно-политическому воздействию. В Беларуси в силу ее геополитического положения этому придавалось особое значение.

В последующие годы названные идеологические установки оставались доминирующими. Поощрялись трудовая активность, энтузиазм, стремление к идеалу, романтическая устремленность, готовность преодолевать трудности. Но при этом политическая активность направлялась в строго определенное русло. Жесткое навязывание идейного выбора, контроль, нетерпимость к другим политическим течениям (даже социалистическим) привели к догматизму и патернализму в отношении к молодежи, впоследствии - к духовному идейному кризису в ее среде. Вместе с тем формирование установки на приоритет общественного, коллективного, а не личного, частного оказалось вполне успешным. Не в последнюю очередь это было связано с традиционными ментальными установками людей на коллективизм

(это то небольшое, в чем отразилась преемственность советского строя с прежним традиционным обществом и его общинными установками).

В нынешней Конституции Республики Беларусь высшей ценностью и целью общества и государства провозглашается человек, его права и свободы. Одним из принципов реализации государственной молодежной политики объявляется сочетание государственных, общественных интересов и прав и свобод личности. А вот как достичь разумного баланса интересов человека и государства, индивидуального и общественного - похоже, этот вопрос будет решаться в ходе практической реализации проводимой политики.

Что касается идеологических установок молодежной политики в настоящее время, то они определяются процессом формирования идеологии белорусского государства. Среди ориентиров в данной области Основной закон Республики Беларусь провозглашает демократическое государство, приверженность общечеловеческим ценностям, что означает отказ от классового подхода. Конституцией закрепляются и такие важные демократические признаки, как идейный плюрализм, возможность создания различных политических партий. Однако в силу незрелости нынешних политических партий в Беларуси, значительной аполитичности самой молодежи, несмотря на возможности выбора идейно-политических ориентиров, сделать его порой оказывается весьма затруднительно. Осложняется данный выбор и тем, что существующие в мире основные идеологии также претерпевают изменения, не всегда адекватно отражая интересы определенных социальных групп. Своего рода компенсацией идеологической дезориентации в работе с молодежью может стать современная научно-теоретическая база в области проблем молодежи.

Продолжая ретроспективный анализ, хотелось бы обратить внимание на еще один момент. С первых лет существования советского государства стали радикальным образом меняться место и роль основных социализирующих институтов. Тогда как государство, коммунистическая

партия, комсомол, другие общественные организации, вся система образования начинали играть все большую роль, влияние прежних традиционных институтов социализации - семьи и церкви - заметно ослабевало.

Между тем семья как институт первичной социализации имеет огромное значение во все времена. Ее недооценка может самым негативным образом сказаться на вхождении человека в общество. Процессы, связанные с глубокими переменами, со сменой модели общественного развития, неизбежно оказывают воздействие на преемственность, поскольку затрагивают ценностные ориентации, мировоззренческие представления, нравственные установки молодого и старшего поколений. При нарушении такого важного механизма социализации, как преемственность, их конфликт может выходить за рамки традиционного, приобретая порой особо драматические формы. Проводимые «чистки» в учебных заведениях, необходимость подтверждения «правильного» социального происхождения - все это, конечно же, подрывало семейные связи, ценность семьи, ограничивая ее функцию социального контроля.

К настоящему времени произошла переоценка роли основных социализирующих институтов, в том числе - семьи и церкви. На фоне проявления кризисных тенденций в функционировании института брака в современном белорусском обществе, согласно проводимым социологическим исследованиям, семья остается среди наиболее значимых ценностей молодежи [5, с. 81]. Формирование идеалов терпимости (в противовес воинствующему атеизму) в общественном сознании сегодня возможно благодаря тому, что в стране реализовано право на самостоятельное определение отношения к религии. В соответствии с принципом светского государства, за религиозными организациями признается самостоятельность, при этом им отводится определенная роль в жизни общества.

Следует иметь в виду, что молодежи свойственен максимализм и энтузиазм при отсутствии должного уровня знаний и жизненного опыта, что

часто порождает фанатизм, впадение в крайности и экстремизм. Особенно если молодому человеку в его «поиске себя», психологическом кризисе внешние неангажированные авторитеты пообещают нечто «немедленно» и «надежно». Сегодня это особенно актуально, когда подверглась уничтожению традиционная система ценностей, пережили период деидеологизации, последствием чего стало распространение массовых и элитарных форм контркультуры, стандартов Западного «общества потребления». Ценности национальной политической культуры вытесняются стереотипами - образцами массовой культуры, а в качестве ориентиров внедряются примитивные ложные ценности. Все это оказывает непосредственное воздействие на политическое поведение граждан. Анализируя современное состояние политических процессов в Беларуси и прогнозируя их дальнейшее развитие государство постоянно сталкивается с проблемой политической культуры молодежи. Политическая культура является тем фундаментом, на котором строится здание реальной политики. И если замысел деяния вступает в столкновение с политической культурой народа, то неизбежно отторгается массами и прежде всего молодежью или же искажается до неузнаваемости в процессе реализации.

Реализация молодежной политики позволяет выявлять и выдвигать к руководству компетентных и реалистичных активистов и лидеров молодежи это во-первых; во-вторых, происходит выявление и удовлетворение интересов и потребностей молодежи, что позволяет завоевывать их поддержку; в-третьих, целенаправленно используются выделяемые государством ресурсы; в-четвертых, изменяются взаимоотношения между молодежью и старшим поколением людей в обществе; в-пятых, молодежь учится правильно ориентироваться и участвовать в политических процессах.

Традиционными мероприятиями, проводимыми Белорусским Республиканским союзом молодежи стали: вручение паспортов 16-летним подросткам в День Конституции во всех районах и городах республики; проведение акции «За Беларусь»; турниров «Золотая шайба», «Кожаный

мяч»; трудоустройство молодежи; организация летних стройотрядов студентов; работа «Школы молодого лидера» с участием студентов вузов г. Минска. Итогом работы стали практически значимые, социально-ориентированные дипломные проекты.

Минувший 2015-й, объявленный в Беларуси Годом молодежи, был для БРСМ хорошей возможностью выразить свою позицию и быть услышанным.

Поддержка инициатив научной, творческой и талантливой молодежи традиционно остается одним из приоритетных направлений деятельности БРСМ. Республиканский конкурс «100 идей для Беларуси» позволяет выкристаллизовать лучшие инновационные идеи в различных сферах. В 2015 году союз молодежи аккумулировал более 2 тыс. новых идей. Удалось добиться серьезного внимания к конкурсу в плане выделения грантов для его победителей.

Огромную заинтересованность вызвал новый проект БРСМ «Вышиванка». Наглядным свидетельством патриотичности нашей молодежи, уважения к подвигу, который совершили деды и прадеды, стал республиканский проект «Цветы Великой Победы».

Белорусская молодежь гордится тем, что ей доверяют строительство важнейших объектов. В 2015 году на Всебелорусской молодежной стройке отработали 33 линейных строительных отряда в количестве 585 человек.

Волонтерское движение БРСМ «Доброе Сердце» объединяет по всей стране более 26 тыс. добровольцев.

Год молодежи в целом и избирательная кампания стали для молодых граждан Беларуси своего рода экзаменом на зрелость. В важный и ответственный момент в общественно-политической жизни страны молодежь, «сверив часы», объединила свои усилия «За будущее независимой Беларуси» и четко заявила о своем выборе.

Мы активно продвигали и интернет-проекты. Назову некоторые из них: «Моя Беларусь - мой выбор!», «За будущее независимой Беларуси», «Я пойду на выборы потому, что...», «Наш выбор правераны часам» [2, с. 2].

Год молодежи послужил отправной точкой в реализации многих молодежных инициатив. В 2016 году будут продолжены начатые традиционные проекты. Найдут свое воплощение и новые инициативы.

Итак, законодательное закрепление молодежной политики как особого направления политики государства с его контрольными функциями, концептуальные ориентиры, отраженные в Конституции Республики Беларусь (идейный плюрализм, многопартийность, принципы (и цели) правового, демократического государства), расширение возрастных границ молодежи, переосмысление роли основных социализирующих институтов, многообразие общественных организаций по интересам - все эти факторы должны способствовать усилению роли молодежи как субъекта общественной жизни, а также изменению качества этого субъекта в соответствии с требованиями динамичных общественных перемен. Вместе с тем новый этап общественного развития связан не только с переходным состоянием белорусского общества. Появляются новые вызовы. Проводимая ныне молодежная политика - не просто своего рода «работа над ошибками» прошлых лет (хотя и это тоже), но поиск оптимальной модели взаимоотношений с молодежью, реализации ее потенциала в интересах данной социальной группы и общества в целом.

Литература

1. Актуальные проблемы современного белорусского общества - социологический аспект/ под ред. Д. Г. Ротмана, А. Н. Данилова. - Минск. БГУ, 2005-258 с.
2. Беляков, А. Об итогах года молодежи/ А. Беляков// Могилевские ведомости 2016.
3. Ильинский, И. М. Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория/ И. М. Ильинский. – М. Голос 2001.-696 с.
4. Луков, В. А., Ильинский, И. М. О молодежи и молодежной политике/ В. А. Луков//Социально-гуманитарные знания.-2007.-№ 5.

5. Мусина Н. Е. Концептуальные основы молодежной политики/ Н. Е. Мусина// Беларуская Думка, 2014.- № 10.

6. Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь" Закон Республики Беларусь от 24 апреля 1992 г. №1629 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

7. Севковская З. А. Молодежь Беларуси на пороге третьего тысячелетия/ З. А. Севковская.- Минск. Принткорп. 2002.

УДК 316.4/ББК 60.542

Климова, Е.В.

Трансформация ожиданий студентов на трудоустройство после
окончания вуза

Klimova, E.

The transformation of expectations of students to work after graduation

Аннотация. Рассматриваются проблемы трудоустройства бакалавров-менеджеров и пути их решения

Annotation. Considers the problem of employment of bachelors-managers and their solutions

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ТРУДОУСТРОЙСТВО, БАКАЛАВРЫ-МЕНЕДЖЕРЫ, ОЖИДАНИЯ СТУДЕНТОВ.

KEY WORDS: EMPLOYMENT, BACHELORS-MANAGERS, EXPECTATIONS OF STUDENTS.

Менеджеры востребованы практически во всех секторах экономики: на производственных и торговых предприятиях, строительных объектах, в индустрии туризма, в проектной, рекламной, информационной и кадровой деятельности.

Однако трудоустройство бакалавров-менеджеров осложняется рядом проблем, связанных с состоянием рынка труда, требованиями работодателей, кадровым потенциалом и организацией учебного процесса в вузах, ожиданиями и учебными способностями самих студентов. В связи с этим хотелось бы рассмотреть основные особенности и специфику трудоустройства бакалавров-менеджеров, а также наметить пути улучшения сложившейся ситуации.

Летом прошлого года у нас состоялся первый выпуск бакалавров-менеджеров, а в декабре 2015 года на кафедре было проведено исследование

с целью изучения мест работы наших выпускников, а также исполнения их ожиданий на трудоустройство после окончания вуза.

Но сначала необходимо сказать несколько слов о состоянии рынка труда Санкт-Петербурга и об особенностях трудоустройства выпускников.

По-прежнему на рынке труда самыми востребованными являются рабочие специальности (каменщики, слесари, монтажники, штукатуры, водители, бетонщики и др.), составляющие примерно 70% вакансий в банке Центра занятости населения Санкт-Петербурга.

В горячую пятерку должностей служащих в январе 2016 г. входили в порядке убывания числа вакансий: медицинские сестры, инженеры, врачи, специалисты и менеджеры (разных направлений деятельности).

Для менеджеров предлагается 716 вакансий с диапазоном зарплат от 20 до 100 тысяч рублей. При этом средняя предлагаемая зарплата в Петербурге (по данным рекрутингового агентства HeadHunter – портал hh.ru) в январе 2016 года составляла 40 тысяч рублей.

Служба исследований агентства HeadHunter регулярно проводятся оценки стабильности на текущем месте работы (наличия угрозы увольнения), сложности, критичности и шансов поиска работы, готовности снизить зарплатные амбиции. На 2016 год для Санкт-Петербурга индекс стабильности зафиксирован на уровне 0,26, а индекс сложности поиска работы равен (-0,4). По сравнению с предыдущим годом оба показателя самочувствия соискателей ухудшились.

На сайте spb.rabota.ru перечислены 63 разновидности вакансий для менеджеров широкого спектра – менеджеры по развитию, по закупкам, по рекламе, по недвижимости, по логистике, по продажам, по работе с сетями, по обучению персонала, по перевозкам, по поиску клиентов и др.

Казалось бы, вакансий для бакалавров-менеджеров вполне достаточно, но при ближайшем ознакомлении с требованиями к кандидатам выяснилось, что практически во всех случаях необходимо наличие опыта работы от года до 5 лет в аналогичных должностях.

Примерно 20% наших выпускников работают в ОАО «Силловые машины» – крупнейшей энергомашиностроительной компании России. В течение многих лет мы готовили специалистов для этой компании. Многие студенты проходили там производственную практику, писали дипломные работы. наших студентов там знают.

Поэтому вполне естественно, прежде всего, поискать там работу и принять участие, например, в конкурсе на вакансию менеджера по закупкам энергетического оборудования, к которому предъявляются следующие требования:

- высшее образование;
- опыт работы от 3-х лет в аналогичной должности в подразделениях по исполнению проектов/закупкам/продажам энергетического оборудования;
- знание закупочных процедур;
- опыт составления и ведения внешнеэкономических контрактов;
- навыки работы с платежными документами;
- знание зарубежного рынка производителей оборудования для тепловых станций будет являться преимуществом;
- владение продуктами Microsoft Office (Excel, Word, Power Point, Outlook), на уровне продвинутого пользователя;
- свободное владение английским языком;
- знание ПО SAP ERP и Primavera будет являться преимуществом.

Похоже, что сразу после получения диплома участвовать в этом конкурсе рановато, но есть примерная программа повышения своей квалификации до нужного уровня знаний.

Можно поискать что-то на молодежной бирже труда, но и там требуется опыт работы, руководства и наставничества. Кроме этого, например, для менеджера по персоналу, для надомной работы на телефоне по 8 часов в день, требуются: уверенность в себе, лидерские качества, организованность, умение управлять собой и другими; краткая, грамотная деловая речь; высокая ответственность и активная жизненная позиция; опыт

работы с ПК: офисные программы, интернет. Тут тоже есть над чем подумать.

За год до окончания вуза 57% студентов считали, что смогут найти себе работу по специальности. 13% вообще не собирались работать по специальности. При выборе работы 41% отдавали предпочтение возможности карьерного роста, 27% – уровню заработной платы. 5% привлекала известность и престижность фирмы.

Проведенный нами опрос выпускников-бакалавров, к сожалению, не выявил только двух человек, работающих по специальности. 3% респондентов поступили в магистратуру. 2% выпускников служат в армии. 2% устроились на рабочие специальности, о чем их товарищи сообщают с некоторой долей осуждения.

Остальная масса выпускников работает в торговле мерчендайзерами, торговыми представителями, флористами, почтовыми служащими. Всем им пришлось снизить свои зарплатные амбиции и довольствоваться тем, что есть. Они с горечью отмечают, что многие их коллеги не имеют высшего образования, сетуют на тяжелые условия труда и надеются при любой возможности сменить место работы. К сожалению, они пока не готовы поступиться интересами, привычками и личной жизнью для самообразования, переобучения в вузах или службе занятости для повышения своей конкурентоспособности.

Что касается личной жизни, то практически все молодые люди считают, что к 25 годам надо обзавестись семьей и детьми. Решение квартирных вопросов все предпочли оставить на потом.

Проведенные нами ранее опросы 40 работодателей основных крупных компаний Санкт-Петербурга позволили выяснить их мнение о качестве подготовки выпускников. 46% работодателей считают, что качество подготовки выпускников неуклонно ухудшается, 21% – остается на том же уровне, а остальные пока затруднились с ответом. Практически все отметили неумение выпускников-соискателей составить простое резюме.

Исходя из необходимости стоящих перед ними задач, работодатели не считают, что их требования к кандидатам завышены, и считают, что готовить нужные им кадры должны вузы, а выпускникам необходимо самим приспособливаться к требованиям рынка труда. Не понятно только, как быть с необходимостью иметь стаж работы в самом начале трудовой деятельности.

Несомненно, что основная задача любого вуза – подготовить высококвалифицированных специалистов. К сожалению, работодатели практически не участвуют в разработке учебных программ и перечней компетенций, которыми должны обладать выпускники вузов, определении их количественного и качественного состава. Работодатели не стремятся принимать участие в подготовке своих будущих кадров.

Вузам и работодателям необходимы более тесные связи для выработки сопоставимых требований к профессиональным знаниям и навыкам выпускников для сокращения существенного разрыва между образованием и производством.

Необходимо все время помнить, что в соответствии с ФГОС, бакалавр по направлению подготовки 080200 Менеджмент готовится к организационно-управленческой, информационно-аналитической и предпринимательской деятельности [1].

Помимо профессиональных знаний, у будущих бакалавров-менеджеров необходимо формировать личностно важные качества: целеустремлённость, ответственность, самостоятельность, креативность, общительность, стрессоустойчивость.

Профессорско-преподавательский состав вузов является ключевым элементом высшей школы. От квалификации преподавателя, его педагогической компетентности, условий труда и жизни, человеческих и моральных качеств, общей культуры во многом зависит как качество подготовки выпускников, так и эффективность тех профессиональных сфер, в которых им приходится работать.

Преподаватели должны не только быть в курсе всех изменений на рынке труда, но и делать все возможное для внесения необходимых изменений в свои учебные курсы, а также ставить в известность об этом студентов, готовя их к будущему трудоустройству.

К сожалению, в процессе обучения до 45% студентов вообще не имеют интереса к занятиям, а 52,4% только отчасти удовлетворены своей учебой. Возможно, именно этим объясняются их трудности в определении своего призвания и в поиске работы.

Таким образом, мы рассмотрели некоторые проблемы, связанные с трудоустройством бакалавров - менеджеров и наметили пути их решения, связанные с сокращением разрыва между образованием и производством, необходимостью постоянного отслеживания ситуации на рынке труда, выработки у выпускников стремления к переобучению и самообучению, а также умения адаптироваться к возможным изменениям в жизни.

Список литературы

1. ФГОС ВПО по направлению подготовки 080200 Менеджмент (квалификация "бакалавр") // Федеральный государственный образовательный стандарт. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/198749/> (дата обращения: 20.02.2015).

Влияние добрачных отношений на формирование семейных ценностей
современной молодежи

Kornilova, I.

**Influence of the premarital relations on formation of family values of
modern youth**

Abstract: The article the premarital behavior of modern youth is considered, the models of premarital behavior peculiar to this group, and also main problems are described. The attention to need of purposeful complex preparation of youth for marriage is focused. Distinctive feature are the provided data of flight research of premarital behavior of youth of Tyumen, Surgut (Khanty-Mansi Autonomous Okrug) and Nadym (Yamalo-Nenets Autonomous Area).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ДОБРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, МОЛОДЕЖЬ, БРАК, СЕМЬЯ.

KEY-WORDS: PREMARITAL BEHAVIOUR, YOUTH, MARRIAGE, FAMILY.

Изменения, происходящие в экономической, социальной и культурной среде всего мира затронули и семейно - брачные отношения. В нашей стране они особо остро возникли с начала последнего десятилетия двадцатого века и обусловили значительную трансформацию российской семьи. Происходит смена традиционной авторитарной модели семьи на эгалитарную, развиваются альтернативные формы брачно-семейных отношений, что сказывается на росте числа разводов, внебрачных детей, а так же падении рождаемости.

В добрачном поведении молодёжи также происходят изменения. Например, отмечается повышение возраста вступления в брак, необязательность регистрации пар, проживающих совместно (появилось понятие внебрачного союза) и необязательность совместного проживания. Подобные тенденции вызывают тревогу у государства и общества, так как это ведёт к росту внебрачной рождаемости, широкому распространению

социального сиротства, кризису института семьи и депопуляции населения. Поэтому изучение особенностей поведения молодёжи в добрачный период приобретает в наше время особую актуальность [4].

В 2014 году, в рамках исследовательской работы было проведено пилотажное исследование среди молодежи г.Тюмени (34%), г.Надыма (ЯНАО) (33%) и г.Сургута (ХМАО) (33%). Объем выборочной совокупности составил 100 человек.

В анкетировании принимали участие 48 женщин и 52 мужчин разных возраста, из них 89 % не замужем (холост) и 11% женаты (замужем).

По результатам анкетирования 93% респондентов в возрасте от 16-19 лет продолжают свой добрачный период, когда 7% уже его завершили. В возрасте 20-23 лет, 85% респондентов холосты (незамужем), 15% женаты (замужем). В возрасте от 24-25 лет, 90% респондентов холосты (незамужем), когда 10% женаты (замужем). Максимальное количество респондентов, которые уже вступили в брак,находятся в возрастной группе от 20-23 лет. Данные представлены в табл. 1.1.

Таблица 1.1.

Распределение респондентов по полу и возрасту, чел.

		Возраст					Итого
		16-17 лет	18-19 лет	20-21 лет	22-23 лет	24-25 лет	
Семейное положение	Холост (незамужем)	15	13	15	9	27	89
	Женат (замужем)	0	2	2	3	1	11

Итого	5	5	9	1	0	3	00	1
-------	---	---	---	---	---	---	----	---

Большинство респондентов женского пола (48%) вступили в первые отношения в возрасте 15-16 лет, в 13-14 лет вступили в отношения 34% опрошенных, 10% - в 17-18 лет, 8% - в 19-20 лет. Среди мужчин преобладают примерно такие же результаты. В 15-16 лет вступили в первые отношения 45% опрошенных, 27% - в 13-14 лет, 20% - в 17-18 лет, 2% - в 19-20 лет, 6% - в 11-12 лет.

Таблица 1.2.

Распределение ответов на вопрос «С какого возраста Вы начали встречаться с представителями противоположного пола?», % от числа опрошенных.

Пол \ Возраст	Мужской	Женский
11-12лет	6%	0%
13-14 лет	27%	34%
15-16 лет	45%	48%
17-18 лет	20%	9%
19-20 лет	2%	9%
Итого	100%	100%

Среди молодежи, которая не находится в браке 50% опрошенных заняты преимущественно обучением, 23% - работают, 27% - работают и учатся. Среди респондентов, находящихся в браке 45% человек получают образование, 36% - работают и 19% - совмещают обучение и работу. Так же выявлено, что среди обучающейся отмечается большее количество партнеров и более ранний возраст вступления в первые отношения, по сравнению с рабочей.

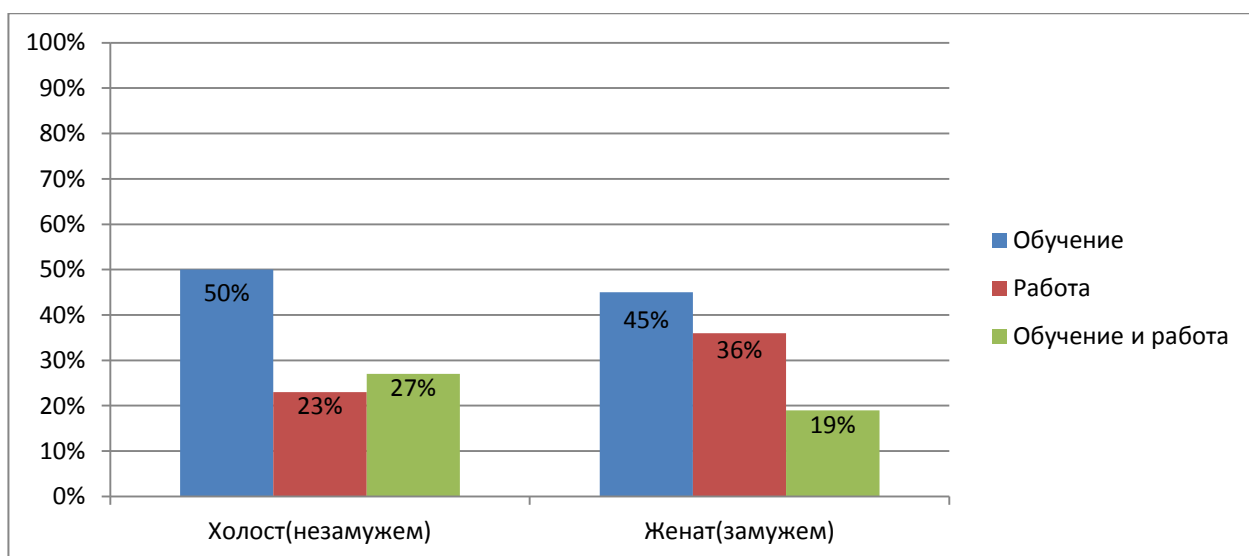

Рис. 1.1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Каким видом деятельности в настоящее время Вы занимаетесь?», % от числа опрошенных.

Результаты исследования показали, что 81% опрошенных имеют знакомых, которые уже создали семью. Среди них 31% - имеют 1-2 знакомых, 38% респондентов знают 3-5 человек и 31% респондентов знают более 5 человек. Большинство юношей заявили о нежелании оказаться на месте своих знакомых (51%), обосновывая свою позицию тем, что в браке: сложно добиться карьерного роста (18%), о создании семьи нужно думать в более зрелом возрасте (23%), в браке ограничивается личная свобода (13%). Среди девушек 49% - наоборот высказали желание побывать на месте своих знакомых, подкрепляя свое мнение тем, что в браке много радости доставляют дети (24%), можно не разлучаться со своим избранником (24%) и нужно нести ответственность за семью (19%). Данные результаты исследования частично подтверждают что, чем больше у современных юношей сверстников, уже создавших семью, тем меньше их желание заключить брак, тогда как у девушек желание только возрастает.

По итогам проведенного исследования были сделаны следующие основные выводы:

Во - первых, анкетный опрос показал, что значительная часть молодых людей (до 24%) вступила в первые сексуальные отношения в 14-15 лет, в отличие от своих родителей, бывших в этом возрасте гораздо целомудреннее.

Во – вторых, большинство респондентов призналось, что за период добрых отношений имело от одного до шести партнёров. И только 14% опрошенных ещё не имели добрых сексуального опыта., в то время как опрос, проведённый С.И. Голодом в 1979 году показал, что добрые связи считали допустимыми от 35% (жители малых городов, посёлков и сёл) до 58% (жители крупных мегаполисов) молодых людей [2].

В – третьих, почти половина опрошенных нами юношей и девушек, даже имея постоянного партнёра, предпочитают не вступать в брак, объясняя свою позицию тем, что желанием вступить в брак в более зрелом возрасте, тогда как «к началу XX века брачность в России оставалась достаточно ранней. Более половины всех невест и около трети женихов в Европейской России были не старше 20 – ти лет» [3].

В – четвертых, согласно полученным данным большинство молодых людей хотят иметь или имеют не более 2-х детей, тогда как «доля же средних семей, состоящих из трех-четырех человек, превысив к 1970 г. 50%, оставалась затем довольно устойчивой» [1].

В – четвертых, среди обучающейся молодежи отмечается большее количество партнеров и более ранний возраст вступления в первые отношения, по сравнению с рабочей.

В – пятых, для респондентов всех возрастных групп, создание семьи остается конечной целью добрых отношений.

В- шестых, чем больше знакомых, вступивших в брак, у девушек, тем быстрее они стремятся завершить добрых период, в отличие от парней.

В целом ситуацию, сложившуюся в сфере добрых поведения молодежи нельзя назвать критической, многие молодые люди настроены на создание семьи, однако эта цель не является первоочередной, скорее всего на мнение молодых людей влияют родители и отношения в семье, что может в будущем измениться. Большое количество респондентов имеют ранний возраст вступления в отношения с противоположным полом и богатый опыт

добрачных отношений, что так же негативно сказывается на количестве браков.

В качестве мер, которые будут способствовать преодолению сложившихся в сфере добрачного поведения молодежи негативных тенденций, могут выступать: встречи специалистов (педагогов, психологов, социальных работников) с учениками школ, для обсуждения тем добрачного поведения, создание клубов молодой семьи, проведение конференций на тему семьи и добрачных отношений, различные акции среди молодежи для отказа от добрачных сексуальных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи. // Вишневский А.Г. / Экология и жизнь. – 2008. - №7. – С. 7 – 11.

2. Голод С.И. *Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты.* Л.: Наука, 1994. - 135 с.

3. Костомаров Н. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. - М.: Просвещение, 1993. - 209 с.

4. Кривцова Е.В. Семья глазами современной студенческой молодежи. / Е.В.Кривцова // Психология в вузе. – 2009. - №4. - С. 109 - 118.

Аннотация

В статье анализируются результаты серии социологических исследований нижегородского студенчества, описывающих изменения, происходящие в студенческой среде, а также предпринимается попытка оценить эффективность реализации молодежной политики в одном из крупных региональных центров России.

Abstract

This article analyzes the results of a series of sociological researches of the Nizhny Novgorod students describing changes in student environment, as well as attempts to evaluate the effectiveness of the implementation of youth policy in one of the major regional centres of Russia.

Ключевые слова: студенческая молодежь, молодежная политика, высшая школа, социальная активность, ценностные ориентации.

Keywords: student youth, youth policy, high school, social activity, value orientations.

Слабая включенность населения в процесс реформирования современного российского общества свидетельствует о неадекватности уровня социальной активности населения модели развития страны, которую предлагают инициаторы реформ. Многообразие и рост "спонтанных" форм активности, укоренение протестной и асоциальной активности явно не способствуют обеспечению социальной поддержки проводимых реформ.

Мы солидарны с подходом, в рамках которого социальная активность рассматривается как "...совокупность форм человеческой деятельности, сознательно ориентированной на решение задач, стоящих перед обществом, классом, социальной

группой в данный исторический период"^[i]. Представляется весьма актуальным вопрос о направленности социальной активности с учетом того, что "прообщественная активность столь же социальна, сколь и активность антиобщественная по своей направленности"^[ii].

Успешность процессов модернизации российского общества связана с готовностью поддерживать реформы как "верхов", так и "низов". Чем ближе окажутся изменения, преобразования мотивационной структуре, системе ценностей всех социальных групп, объективно заинтересованных в них, тем выше будет их результат. Особенно важна поддержка реформ со стороны учащейся молодежи, усилиями которой, во многом, формируется потенциал развития общества^[iii]. Молодежь острее других социально-демографических групп чувствует меняющиеся общественные настроения и больше расположена к новациям.

Общественная необходимость в усилении социальной активности, оптимизации связанных с этим процессом напряжений, трансформируется в определенные структуры и отношения. Вместе с тем, эти структуры и отношения на определенных этапах развития общества теряют свою эффективность, вследствие отставания от динамики общества в целом. Одним из типичных в этом отношении социальным институтом является высшая школа.

Учитывая тенденции социально-экономического и общественно-политического развития России на период до 2020 г., в государственной молодежной политике определены к реализации следующие задачи ^[iv]:

Вовлечение молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях саморазвития, обеспечение поддержки научной, творческой и предпринимательской активности молодежи;

Формирование целостной системы поддержки обладающей лидерскими навыками, инициативной и талантливой молодежи;

Гражданское образование и патриотическое воспитание молодежи, содействие формированию правовых, культурных и нравственных ценностей

среди молодежи;

В настоящее время ощущается необходимость оценки эффективности реализации этой политики. В частности, результаты нашего исследования нижегородского студенчества позволяют выявить и описать изменения, происходящие в студенческой среде одного из крупных региональных центров России^[v].

Результаты исследования свидетельствуют о том, что сегодня большая часть нижегородских студентов ориентируется, прежде всего, на микрогруппу (семья, группы общения), что свидетельствует о недоверии к большим общественным и государственным структурам. Значительная часть опрошенных не доверяет ни исполнительной, ни законодательной власти, подорвано доверие и к правоохранительным органам, растет правовой нигилизм.

Существенно изменилась структура восприятия нижегородскими студентами общественных проблем. В настоящее время наиболее острыми для них являются моральная деградация общества, включающая проблемы пьянства и рост наркомании, а также проблема безработицы, усугубляемая инфляцией и ростом цен. Одновременно отошли на задний план проблемы, доминировавшие в их сознании десять лет назад: политическая нестабильность, преступность, загрязнение окружающей среды.

Как и раньше, на периферии сознания студентов оказались такие проблемы, как бесправие простого человека, задержки зарплаты, пенсий, пособий, что объясняется, на наш взгляд, не столько дистанцированностью студенчества от обыденных проблем, сколько существенной зависимостью их сознания от электронных СМИ, в которых социальные проблемы освещаются крайне скупо, однобоко или просто «растворяются», как в Интернете.

Необходимо отметить стабильность ценностных ориентаций нижегородских студентов в сфере труда. В структуре лидирующих

ценностных ориентаций студентов наряду с такими, как семья, здоровье, любовь, представлена "интересная работа", "профессионализм" и "хорошее образование". Можно предположить, что структура ценностных ориентаций студенчества связана с большей востребованностью профессионального образования на рынке труда Нижегородской области по сравнению с общероссийским и, особенно с рынком труда ПФО.

Вместе с тем, результаты нашего исследования свидетельствуют о наличии существенного "брака" в работе региональной системы социально-профессиональной ориентации:

значительная часть студентов, выбирая вуз, факультет, специальность, недостаточно ясно представляет содержание процесса обучения, что впоследствии ведет к неудовлетворенности тем, чему и как учат в вузе,

выбор профессии учащимися, поступающими в вузы, не вполне соответствует актуальным потребностям города, района, региона, общества в целом,

стремление быть конкурентоспособным на рынке труда после вуза побуждает учиться лучше только каждого третьего студента, меньше половины опрошенных заявили о том, что их побуждает учиться лучше желание стать классным специалистом,

только каждый пятый опрошенный заявил о том, что ему нравится сам процесс познания,

Весьма тревожно то, что подобный "брак", по существу, представляет собой хроническую болезнь этой системы. Среди причин, затрудняющих процесс обучения в вузе, лидируют те, которые можно отнести к ошибкам, допущенным в процессе социально-профессиональной ориентации:

больше половины опрошенных в качестве помехи в обучении отмечает слишком большой объем информации,

не уменьшается доля студентов, которые увлечены не учебой, а другими, более интересными вещами,

заметно увеличилась доля студентов, отмечающих, что им не хватает способностей, памяти, усидчивости,

по прежнему значительная часть студентов отмечает в качестве серьезной помехи в обучении слишком сложный материал по ряду предметов,

значительная часть опрошенных вообще не ставит себе целью учиться хорошо и отлично,

каждому пятому учиться неинтересно.

Большинство нижегородских студентов воспринимают вуз как чуждую, некомфортную среду. Как и десять лет назад больше половины студентов заявили о том, что не вполне удовлетворены тем, как организован учебный процесс, каждый второй не вполне удовлетворен тем, как учат, более трети опрошенных не вполне удовлетворены содержанием учебного процесса. Обращает на себя внимание то, что за истекшие 10 лет уровень удовлетворенности содержанием обучения не изменился.

Более трети студентов не уверены в адекватности оценки знаний студентов их группы со стороны преподавателей или, напротив, уверены в ее неадекватности. Представляется, что этот факт является не только одним из важных факторов существующих напряжений между студентом и преподавателем, но и неизбежно сказывается на ситуации в вузе в целом.

Старшие поколения используют имеющиеся возможности для того, чтобы "прикрыть" студенческую молодежь от суровой действительности. Одним из негативных последствий такой опеки выступает "облегченный" подход студенчества к оценке социальной ситуации. Доля оптимистов среди нижегородских студентов за последние годы заметно увеличилась. Вместе с тем, группа студентов, трезво оценивающих ближайшую перспективу существенно сократилась, как и доля тех, кто смотрит в ближайшее будущее с тревогой, страхом и неуверенностью. Обостряющееся противоречие между растущими ожиданиями студентов и очевидным сжатием спектра их реальных возможностей чревато ростом недовольства и протестных

настроений, которые способны легко трансформироваться в неадекватные, непредсказуемые поведенческие реакции.

Минимальный социальный опыт, которым располагает студенческая молодежь, изменения, происходящие в вузе, обществе в целом не позволяют прогнозировать то, что новые поколения, выходящие из стен вуза, будут способствовать снижению напряженности в обществе. Скорее наоборот, есть основания полагать, что в студенческой среде присутствует определенный потенциал напряженности, способный проявляться в форме слабо мотивированных конфликтов, включающих симптомы социальной деструкции.

В студенческой среде выявлена достаточно сформированная позиция, которая сводится к стремлению любыми путями отстаивать свой интерес, свое мнение. Этот факт представляется новым и достаточно симптоматичным, в определенной мере репрезентирующим социальные процессы, протекающие в последние годы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что эти процессы оставили заметный след в сознании подрастающего поколения. В этом факте легко усматривается потенциальный источник будущих напряжений, конфликтов, деструктивной активности.

Каждый седьмой респондент отметил, что находится в конфликтных отношениях или не имеет никаких отношений со студентами, которые могут позволить себе больше, чем они. Этот факт свидетельствует о существовании заметных барьеров между студентами, имеющими разные возможности. Нельзя исключить, что социальное расслоение нижегородского студенчества в перспективе может стать основанием аккумуляции напряжений не только в студенческой среде, но и в тех сферах общества, в которых они окажутся после окончания высшего учебного заведения.

Студенты оптимистично оценивают возможности влияния студенческих организаций на администрацию вуза - больше половины из них убеждены в том, что могут влиять на администрацию. Вместе с тем, оптимизм, связанный с возможностями влияния студентов на

администрацию, заметно уменьшается по мере приобретения студенческого опыта, исчезают иллюзии, характерные, прежде всего, для первокурсников.

Результаты исследования свидетельствуют о существенном увеличении доли студентов, ориентированных на конфронтацию, на отстаивание своих интересов любыми способами. В целом, поведение студентов в конфликтных ситуациях стало более жестким, конфронтационным, они стали меньше ориентироваться на интересы других людей, стали менее разборчивы в выборе средств защиты своих интересов.

Стиль поведения в конфликтной ситуации связан с возрастом опрошенных, наличием опыта студенческой жизни: первокурсники чаще ориентированы на конфронтацию, стараются отстаивать свои интересы любыми способами и меньше других склонны приспособливаться, идти на уступки. По мере перехода с курса на курс эти характеристики смягчаются: студенты явно приспособляются к ситуации в вузе, становятся более выраженными такие черты, как уступчивость, стремление сгладить острые углы.

Поведение студентов в напряженной ситуации оказалось связано с тем, на каком месте они обучаются: бюджетном или платном. Для «платников» несколько более характерны конфронтационные настроения, стремление отстаивать свои интересы любыми способами. Причем, группа студентов-«платников» в этом отношении весьма неоднородна - конфронтационность более характерна для студентов, семьи которых не испытывают проблем с оплатой его обучения.

Ориентация на конфронтационный стиль поведения усиливается по мере повышения социального статуса семьи студента. Можно предположить, что один из источников агрессии, неразборчивости в средствах при отстаивании своих интересов находится в семье. Вызывает тревогу то обстоятельство, что к "конфликтогенным" семьям все чаще можно отнести так называемые «элитные», описание которых включает такие

характеристики, как неуступчивость, отсутствие толерантности, стремления понять интересы других.

Большинство конфликтов, в которых участвуют студенты, по-прежнему, не может быть квалифицировано как продуктивные, которые полностью или частично устраняют противоречие, лежащее в основе конфликта, высвечивают узкие места, нерешенные вопросы в студенческой жизни, способствуют формированию активной жизненной позиции студента во взаимодействии с окружающими.

Непродуктивность конфликтов неизбежно сказывается на характере отношений в сфере высшего образования и ведет:

во-первых, к снижению уровня социальной активности студенчества, во-вторых, к "замораживанию" процесса разрешения назревших проблем,

в-третьих, к образованию пассивного слоя в студенческой среде, блокирующего социальную активность студенчества,

в-четвертых, к избранию частью студентов стратегий, ориентированных на уход от конфликта. Можно предположить, что подобные стратегии будут воспроизводиться ими и в поствузовской жизни, продуцируя социальную пассивность.

Продуктивное использование конфликтного потенциала, накопленного в студенческой среде, предполагает выявление, описание, структурирование ее реальных конфликтологических проблем, к которым относятся:

неумение и нежелание значительной части студентов находить оптимальный выход из конфликтной ситуации;

неумение объективно оценить сложившуюся ситуацию;

студенты часто выбирают формы поведения внутри конфликта, ориентированные на его эскалацию, ограничивающую возможности его локализации и оптимизации;

значительная часть студентов оказывается в пространстве конфликта случайно, не видит в нем большого смысла и своего реального интереса. По

существо, речь идет о "наведенном" конфликте, о вовлечении в конфликт, о манипулировании другими людьми с целью достижения непонятных, чуждых для них целей;

преобладание требований, адресованных исключительно другой стороне конфликта, низкая самокритичность не позволяют сегодня оптимистично оценивать потенциал сотрудничества, имеющийся в студенческой среде.

Тенденции, наблюдаемые в студенческой среде, без принятия соответствующих мер способны в ближайшей и среднесрочной перспективе оказать дестабилизирующее воздействие на состояние защищенности жизненно важных интересов не только студенчества, но и местного сообщества в целом.

Необходимой мерой является совершенствование системы воспитания в высших учебных заведениях, важным направлением которой должно стать повышение социальной активности выпускников. Эффективное взаимодействие власти и молодежи предполагает синтез патернализма и социального партнерства. При этом социальное воздействие на молодежь, осуществляемое через систему мер государственной молодежной политики, должно способствовать выработке и реализации социальных инициатив молодых людей с учетом реального уровня их социальной активности и признания за молодыми права выбора различных видов и форм деятельности в этой сфере.

Мультиплицируемые в СМИ идеи, связанные с тем, чтобы на время кризиса «придерживать» студентов в вузах, превратив вуз, по существу, в организационно-охранительную структуру, блокирующую «выход» студентов на улицу, могут привести к обратному эффекту – вузовская среда может превратиться в котел, в котором «сварится суп», несъедобный не только для существующей власти, но и для общества в целом. Нельзя исключить негативные последствия и для самих вузов, которые в принципе не готовы к исполнению «охранительных» функций.

В условиях системного кризиса представляется неадекватной и несвоевременной политика Министерства образования и науки РФ, связанная с выявлением неэффективных вузов и "слиянием" их с эффективными. Помимо проблемы обоснования подобных практик, возникает проблема управляемости и контроля студенческих организаций и коллективов. Не очевидно, что система управления вуза, образованного в результате такого слияния, справится с этими проблемами.

Конструктивный социально–политический диалог власти со студенческой молодежью предполагает, с одной стороны, развитие социально-активного поведения студенчества, с другой стороны, обеспечение их эффективного участия в реализации государственной молодежной политики, предполагающей создание оптимальных материально-технических, морально-психологических, информационных, финансовых условий.

Анализ результатов нашего исследования, сопоставление их с результатами общероссийских исследований и исследований в других регионах России показывает, что органы государственной власти и местного самоуправления, поддерживая и развивая диалог с молодежью, добиваются успехов при условии, если они:

стимулируют предприятия, создающие рабочие места для молодежи, обучающие молодежь и реализующие молодежные программы;

находят возможность для осуществления льготного целевого кредитования молодежи, молодежного малого предпринимательства;

содействуют созданию молодежных парламентов, как эффективной формы, позволяющей молодежи защищать и отстаивать свои интересы;

проводят региональные исследования молодежных проблем, которые служат основой для формирования стратегии и реализации молодежной политики в регионе, обобщают и учитывают опыт реализации молодежной политики в других регионах Российской Федерации;

содействуют созданию инфраструктуры региональной информационной системы, значимой для молодежной аудитории;

способствуют разработке и принятию на региональном уровне законодательных актов в сфере молодежной политики, связанных с образованием, духовно-нравственным воспитанием, молодежным предпринимательством, трудоустройством молодых специалистов, молодежными и детскими общественными организациями, экологической безопасностью и здоровым образом жизни.

Усиление социальной активности нижегородского студенчества, укрепление позитивных тенденций в студенческой среде предполагает эффективную поддержку молодежных общественных объединений, содействие реализации молодежных инициатив, направленных на участие в общественно значимой и социально полезной деятельности. Такая поддержка должна сопровождаться мерами социальной защиты, адаптации молодежи к современным социально-экономическим условиям.

Список литературы

Российская социологическая энциклопедия. Под ред. Г.В.Осипова.– М.:НОРМА-ИНФРА. 1998.-672 с., С.7.

Мордкович В.Г. Социальная активность: давние дискуссии и новые проблемы. Пути совершенствования социалистического образа жизни в период перестройки. Мат-лы Всесоюзной научно-практической конференции. Кишинев. 1988 г. разд. 3. С.8.

Инновационная Россия – 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). – М.: Минэкономразвития России, декабрь 2010 г.. С.41. www.innoclusters.ru.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. <http://www.ifar.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>.

¹ При подготовке статьи использованы результаты социологического исследования: «Нижегородское студенчество» по единой методике с интервалом в 10 лет, проведенного Нижегородским отделом ИС РАН и ННГУ в 1999 и в 2009 г.г." (n=3341 ед.н.), а также результаты социологического исследования нижегородского студенчества, проведенного весной 2015 года (n=886 ед.н.). Автор – член авторского коллектива, реализовавшего указанные проекты.

УДК 316.334.22

ББК 6/8.60,56

Ларионов, И.С.

Реализация потенциала молодых специалистов на примере

ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург»

Larionov, I.

Realizing the potential of young professionals for example

ООО "Gazprom transgaz Yekaterinburg"

Аннотация. Статья посвящена вопросам реализации потенциала молодых специалистов на предприятиях России на примере Газпром трансгаз Екатеринбург. Статья содержит результаты опроса молодых специалистов по данной проблеме.

Annotation. The article is devoted to realization of potential of young specialists on the enterprises of Russia on the example of Gazprom transgaz Ekaterinburg. The article contains the results of a survey of young professionals on this issue.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ПРЕДПРИЯТИЕ || ПОТЕНЦИАЛ || МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ || СОВЕТ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

KEYWORDS: ENTERPRISE || POTENTIAL || YOUNG PROFESSIONAL || THE COUNCIL OF YOUNG SPECIALISTS

Актуальность и значимость рассматриваемой проблемы определяется тем, что главными чертами современной ситуации является нестабильность, противоречивость жизни в настоящем, неопределенность в отношении будущего. Нестабильностью характеризуются многие сферы общественной жизни, социальные институты, в которые включена или включается молодежь. Это относится и к системе образования, где число платных услуг увеличивается в сфере обучения и происходит рост требований к знаниям абитуриентов; и к сфере занятости, положение в течение последнего времени непрерывно ухудшалось; и в целом к затянувшемуся экономическому и политическому кризису в стране.

Современная Россия находится на сложном и противоречивом этапе своего развития. Реформируются политическая и экономическая системы, трансформируются все виды социальных отношений. По мере становления рыночных отношений проблема профессиональных предпочтений и формирование молодежных организаций всё более актуализируется и усложняется, высвечиваются их новые грани. С переходом к рыночным отношениям в российском обществе существенно изменились социально-экономические условия жизни, заметна тенденция ослабления внимания к проблемам трудового воспитания и профессионального самоопределения молодежи, как со стороны государства, так и со стороны органов местного самоуправления.

Иными стали ценности и нормы, которые характеризуются разнонаправленностью. Нестабильность и кризисные процессы в обществе глубоко затронули семью, негативно влияя на ее материальное положение и морально-психологический климат. В таких условиях молодежи действительно трудно принимать решения, имеющие жизненно-важное значение.

Процессы реформирования, происходящие в России, по-новому высвечивают проблемы социализации молодежи. Это связано с тем, что, во-первых, молодежь – одна из крупных социальных демографических групп российского общества, а, во-вторых, с тем, что вчерашние выпускники учебных заведений ежегодно пополняют состав экономически активного населения страны.

Специфика профессионального выбора учащейся молодежи определяется сложностью времени, в котором она оказалась. Распались ранее созданные молодежные объединения и организации. Молодые люди оказались предоставлены самим себе, начался процесс значительного роста количества групп молодежи с девиантным поведением. Сегодня ситуация жизненного самоопределения молодежи неоднозначна. С одной стороны, представители молодого поколения составляют значительную долю в составе

новых социальных слоев – предпринимателей, менеджеров, банковских работников; растет социально-политическая активность молодых людей. С другой стороны, молодежь оказалась одной из самых незащищенных социальных групп, значительно ухудшилось ее материальное положение, замедлилось социальное продвижение, наблюдается глубокое противоречие, вызванное несоответствием новых социально-экономических требований и качеств личности молодого человека, традиционно формируемых социальными институтами российского общества.

Несмотря на некоторые положительные результаты, профориентация в современных условиях все еще не достигает своих главных целей – формирование у современной молодежи профессионального самосознания с целью оптимизации процесса профессионального самоопределения, соответствующего индивидуальным способностям каждой личности и запроса общества в кадрах, его требования к современному специалисту. В практике управления карьерой работников имеет место противоречие. С одной стороны, молодые работники стремятся к карьерному росту, продвижению по служебной лестнице, с другой стороны, их психологические особенности не в полной мере соответствуют их ориентациям. В то же время есть и другая сторона проблемы: полная реализация личностного, профессионального и творческого потенциала молодежи на предприятии [5, с. 393-394]. Решению именно этой проблемы способствует молодежная политика на промышленных предприятиях, цель которой – «развитие личностного, гражданского потенциала молодых работников, которые в будущем, по вполне объективным причинам, придут на смену наличному персоналу и составят кадровую основу предприятия» [6, с. 50]. На многих предприятиях Свердловской области создаются Советы Молодых Специалистов (СМС) [4, с.344-345]. Основные сферы деятельности СМС зависят от специфики предприятий, но, как правило, они содержат несколько направлений, основным из которых является научно-техническое творчество, адаптация и обеспечение социальными льготами на предприятиях.

Соревновательный характер проводимых молодежных мероприятий способствует развитию субъектных качеств и самореализации молодежи [9, с.126-127]. Данный вопрос особенно актуален для предприятий. Ранее нами были рассмотрены теоретические аспекты реализации потенциала молодых специалистов [1], [2], а также проведен сравнительный анализ развития творческого потенциала в ОАО «Синарский трубный завод» и в ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург» [3, с. 65-67]. Тем не менее, данная тема требует дальнейшего развития и изучения применительно к последнему предприятию.

ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург» — дочернее Общество ПАО «Газпром». Осуществляет транспортировку и распределение природного газа на территории Свердловской, Челябинской, Оренбургской и Курганской областей. Коллектив предприятия насчитывает более 9500 человек.

Основные виды деятельности компании: транспортировка природного газа по магистральным газопроводам и газопроводам-отводам и бесперебойная поставка его потребителям; развитие и эксплуатация газотранспортных систем.

Кадровая политика Общества осуществляется в рамках реализации Политики управления человеческими ресурсами ПАО «Газпром», его дочерних обществ и организаций на период 2011–2015 г.г. по следующим направлениям: подбор, обучение и развитие персонала, профессиональная ориентация, жилищное обеспечение, корпоративное пенсионное обеспечение, социальная защита работников и пенсионеров, культурно-массовая и спортивная работа, благотворительная деятельность.

Работников в возрасте до 30 лет 1204 человека, что составляет 24,5% от общего количества сотрудников. Руководителей в возрасте до 30 лет – 98 человек, специалистов – 235 человек, технических исполнителей – 38 человек, рабочих – 833 человека. На предприятии ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург» создан Совет молодых специалистов, который является субъектом реализации молодежной политики. Вопросы реализации

потенциала молодых специалистов достаточно актуальны для данного предприятия.

С целью совершенствования реализации потенциала молодых специалистов в ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург» проведено исследование, которое включало в себя: 1) анализ деятельности ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург»; 2) анализ реализации молодежного потенциала и результатов труда молодых специалистов в ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург».

Предполагалось, что реализация потенциала будет успешной при: 1) определений факторов реализации потенциала молодых специалистов на предприятии; 2) осуществлений комплексного подхода к работе с молодыми специалистами; 3) вовлечении молодых специалистов в молодежную организацию; 4) реализации программы Совета молодых специалистов.

Объектом исследования явились молодые специалисты, предмет исследования – потенциал молодых специалистов ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург».

Для достижения поставленной цели исследования проведен опрос 70 молодых специалистов, из них: от 18 до 23 лет – 64,3 %; от 24 до 30 лет - 35,7 %; мужчины – 85,7 %; женщины: 10 чел. – 14,3 %. Имеют стаж работы в ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург» менее 1 года – 85,7 % опрошенных, от 1 года до 6 лет - 14,3 %; высшее образование (бакалавриат) – 57,1 % опрошенных и высшее образование (специалист) – 42,9 %.

Произведены замеры удовлетворенности молодых специалистов факторами, влияющими на реализацию их потенциала. Получены следующие результаты: удовлетворены заработной платой 14,2% молодых специалистов, 42,8% не совсем удовлетворены данным фактором. Остальные затруднились ответить на этот вопрос. Режим работы вполне устраивает более половины опрошиваемых (40 человек или 57,1 %), разнообразием работы удовлетворены 51,7%, самостоятельностью в работе –

85,7 %, возможностью продвижения по карьерной лестнице –71,5 %, санитарно-гигиеническими условиями – 51,7%.

Все опрашиваемые молодые специалисты вполне удовлетворены сложившимися отношениями с коллегами, большинство молодых специалистов (72 %) вполне удовлетворено отношениями с руководителями.

Вполне удовлетворены своим трудом в целом 28,6%.

Относительно планов на ближайшие 1 – 2 года: 71,4 % респондентов планируют перейти на другую должность, 14,3 % - планируют остаться работать в прежней должности и 14,3 % - планируют перейти работать в другую организацию, что свидетельствует о наличии потенциальной текучести кадров и необходимости проведения работы на предприятии по повышению уровня удовлетворенности молодых специалистов предприятия большинством замеренных факторов.

Среди факторов, влияющих на трудовую активность среди молодых специалистов ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург», 100% опрашиваемых отметили материальное стимулирование как фактор, способствующий их трудовой активности. Вместе с тем, приоритеты мотиваторов трудовой деятельности молодых специалистов следующие: на 1 месте – возможность профессионального роста, на 2 месте – высокая заработная плата, на 3 месте – престиж профессии.

Результаты опроса показали, что большое значение для молодых специалистов также имеют: премии и бонусы; бесплатное предоставление или частичная оплата путевок; доплата за стаж работы на предприятии; страхование жизни; доплата на оздоровление.

По результатам данного исследования обновлено Положение о Совете молодых специалистов, разработана и реализуется комплексная программа работы с молодыми специалистами ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург», основные направления которой: 1) создание и функционирование договорной системы подготовки специалистов для предприятия с профессиональными учебными заведениями; 2) создание и обеспечение стимулов для

привлечения молодых специалистов на предприятие и их профессионального роста; 3) создание и обеспечение функционирования системы подготовки, стажировки, аттестации, отбора молодых специалистов для включения их в перспективный резерв. Разработан План работы Совета молодых специалистов, который отражает все направления работы с ними на 2016 год.

Усовершенствована система служебно-профессионального продвижения талантливой молодежи, которая содержит комплекс мер по закреплению молодежи на предприятии с помощью материальных и нематериальных стимулов. Под процессом реализации системы служебно-профессионального продвижения талантливой молодежи понимается последовательность различных ступеней, должностей и статусов, которые сотрудник потенциально может получить. Данная система должна содержать несколько ступеней, на каждой из них есть свои особенности работы с молодым специалистом.

Первый этап — работа с перспективными студентами старших курсов базовых институтов. При этом служба по персоналу совместно с руководителями заинтересованных подразделений организует встречи со студентами, ознакомление их с предприятием и организацию их практики при этом выявляются склонности того или иного студента к научно-исследовательской или руководящей работе. Студентов знакомят с «Положением о привлечении и закреплении молодых специалистов в ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург».

Второй этап — работа с молодыми специалистами в течение адаптационного периода (до двух лет).

Третий этап — работа с зачисленными в резерв и направленными в аспирантуру перспективными молодыми специалистами.

Данные этапы работ с молодыми специалистами не просто имеют общую схему с другими предприятиями [8, с.226-228], но отражают специфику ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург».

На промышленном предприятии обучение и профессиональная подготовка молодых работников должны отвечать современным требованиям и обеспечить развитие не только предприятия в целом, но и развитие самого персонала, всех его категорий [7, с. 96].

Создание системы подготовки талантливой молодежи позволит обеспечить в течение до 2017 года ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург» высококвалифицированными специалистами, прошедшими полный цикл заводской подготовки и имеющими возможность производительно трудиться на разных участках производства, а также создаст предпосылки для формирования молодежной политики на предприятии. Данную работу нужно проводить постоянно действующей рабочей группой по проведению профориентационной работы с выпускниками средних общеобразовательных учреждений, начальных, средних и высших профессиональных учебных заведений и привлечения их для работы в организации. В систему профориентации входит:

- проведение экскурсий на предприятии выпускников школ, классных часов в учебных заведениях с тематикой об инженерных и рабочих специальностях с приглашением высококвалифицированных рабочих и специалистов, родительских собраний с целью ориентирования учащихся на обучение по специальностям необходимым заводу;

- создание профориентационных кабинетов в общеобразовательных учебных заведениях;

- участие в районных и городских ярмарках вакансий учебных и рабочих мест для молодежи, в выставке «Образование и карьера»;

- предоставление рабочих мест на заводе учащимся профессиональных учебных заведений для прохождения производственных и технологических практик, а также в рамках выполнения программы служб занятости населения «Молодежная практика», в том числе для старшеклассников.

Система профориентационной работы позволит в период действия Программы сохранить сложившееся позитивное взаимодействие с

учреждениями образования города Екатеринбурга, поддерживать сложившийся имидж предприятия как районообразующего и гарантировать привлечение на предприятие молодежи.

Реализация потенциала молодежи в организации в очень большой мере зависит от общественных отношений, целей политики предприятия и средств их достижения. В ООО «Газпром трансгаз Екатеринбург» предприятию сложилась своя, уникальная политика по отношению к молодежи и формы работы с перспективными молодыми сотрудниками, где ставится акцент на формирование насущных потребностей молодежи, работающей на предприятии, на разработку специализированных социальных программ, действие которых должно быть направлено на совершенствование профессиональной подготовки и роста молодых специалистов и создание приемлемых социально-бытовых условий труда, где уделяют большое внимание формированию основ корпоративной культуры.

Таким образом, программы и стратегии развития нефтегазовых компаний, которые ранее формировались с акцентом на молодого специалиста-работника, без учета его личностной составляющей и при его использовании, в основном, лишь в рамках экономической, а не социальной системы – сегодня не могут быть одним из инструментов развития кадровой политики и, следовательно, устойчивого развития компании. Решением данной проблемы становится комплексный подход к созданию условий реализации потенциала молодых специалистов в организации (на предприятии), включающий ряд мероприятий по повышению уровня удовлетворенности аспектами трудовой деятельности, в том числе формирование индивидуальных планов развития карьеры с рабочими заданиями, выходящими за рамки стандартных должностных обязанностей, а также дополнительным обучением.

Список литературы

1. Ларионов И.С. Соревнование как условие реализации продуктивно-творческого потенциала молодых специалистов предприятия [Текст] / И.

Larionov // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: сборник статей Международной практической конференции (10 января 2016г., г. Самара)/в 2 ч.Ч.2 – Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С.63-65.

2. *Ларионов И.С.* Повышение продуктивно-творческого потенциала молодых работников предприятия в профессиональной сфере [Текст] / *I. Larionov* // Исследование различных направлений развития психологии и педагогики: сборник статей Международной практической конференции (10 января 2016г., г. Самара)/в 2 ч.Ч.1 – Уфа: ОМЕГА САЙАНС, 2016. С.153-156.

3. *Ларионов И.С., Попова Н.В.* Изучение и развитие творческого потенциала молодежи в условиях промышленного предприятия [Текст] / *I. Larionov, N. Rorova* // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: сборник статей Международной практической конференции (10 января 2016г., г. Самара)/в 2 ч.Ч.2 – Уфа: АЭТЕРНА, 2016. 216с.

4. Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: Научные основы доклада правительству Свердловской области: монография/под общ. ред. Ю.Р. Вишневого; УрФУ. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016. 350с.

5. *Rorova N.V.* Взаимосвязь личностных особенностей и карьерных ориентаций молодых работников промышленного предприятия [Текст] / *N. Rorova* // Вестник КазНУ. Серия: психология и социология, № 1 (52) – «Казак университеті», Алматы, 2015.Рр. 380–389

6. *Попова, Н.В.* Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии. Диссертация... канд. филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург, 2012. 195 с.

7. *Попова, Н. В.* Обучение и профессиональная подготовка молодых работников на промышленном предприятии [Текст] / *Н. Попова* // Российское образование в XXI веке: Проблемы и перспективы: сб. ст. II Всероссийской

научно-практической конференции.– Пенза: АНОО «Приволжский Дом знаний», 2006.С. 94–96.

8. *Попова, Н. В.* Формы и мотивационные программы закрепления выпускников вузов на современном промышленном предприятии [Текст] / Н. В. Попова // Образование в Уральском регионе: научные основы развития: тез. докл. IV научно-практической конференции (20–21 февраля 2006 г., Екатеринбург) / ГОУ ВПО «Рос.гос. проф.-пед. ун-т». – Екатеринбург, 2006.С. 224–229.

9. Труд и образование на пути к креативному обществу: коллективная монография/С.З. Гончаров [и др.]; под ред. С.З. Гончарова. Екатеринбург: Изд-во Рос.гос. проф. Ун-та, 2014.445с.

УДК 316.45

ББК 60.56

Макарова Е.В. || Русяева Е.С.

Досуговые предпочтения современных студентов

Makarova EV || Rusyaeva ES

Leisure preferences of modern students

В сложных социально-экономических условиях функционирования современных университетов реализация воспитательной функции и формирование высококультурной личности является одной из важных и сложных задач. На основании проведенного социологического исследования определены ведущие формы организации досуга современных студентов, а также основные тенденции в формировании их досуговых предпочтений.

The difficult socio-economic conditions of functioning of modern universities in the implementation of the educational function and the formation of a highly cultured person is one of the most important and difficult tasks. Based on the sociological research identified the leading form of recreation of modern students, as well as the main trends in the formation of their leisure preferences.

ДОСУГ СТУДЕНТОВ|| СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ|| ЦЕННОСТНЫЕ
ОРИЕНТАЦИИ|| ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА|| МУЗЫКАЛЬНЫЕ
ПРЕДПОЧТЕНИЯ

LEISURE OF STUDENTS || LEISURE TIME || VALUE ORIENTATIONS
|| FORMS OF LEISURE || MUSICAL PREFERENCES

Одним из значимых факторов формирования личности молодого человека является свободное время. Оно оказывает влияние на учебную и трудовую сферы деятельности, поскольку в условиях свободного времени

наиболее благоприятно происходят рекреационно-восстановительные процессы, формируются ценностные ориентации молодежи.

Способ проведения молодежью свободного времени является своеобразным индикатором ее культуры, духовных потребностей и интересов конкретной личности или социальной группы. [1, с.336] Как показывают исследователи: «преобразования во всех сферах российского общества актуализируют проблему обновления приоритетов и привнесения новых смыслов в процесс подготовки студента в высшей школе. Изменчивость современного мира активизирует систему высшего образования на усиления культуuroобразующей и одновременно социально креативной составляющих образовательного процесса университета как основы формирования социально интегрированной, социально мобильной, социально креативной и успешно самореализующейся личности». [9, с.116] Таким образом, организация досуга, творческой работы студентов – основа социальной, профессиональной и учебной адаптации и интеграции студентов.

Между тем, современный университет находится в сложных условиях, его деятельность определяется не просто потребностью в специалистах требуемых специальностей, а прежде всего спросом на различные специальности со стороны населения.

Современная молодежь в современных условиях практически не имеет альтернативы высшему образованию: низкий престиж рабочих профессий, которые «утратив свою значимость в перестроечное время, продолжают находится на периферии социальных отношений» [10, с. 68], а также требования работодателей определяют приоритет высшего образования сначала в сознании родителей, а потом и выпускников школ. Находясь между работодателями, как заказчиками специалистов определенного количества и качества, а также выпускников школ, в условиях «превращения образовательной и воспитательной деятельности в услугу и отнесение ее к

сфере потребления» [11, с.66] многие идут в университет в особенности на технические специальности не просто потому, что имеют склонности или желание получить выбранную профессию, а в силу «возможности бесплатно получить диплом высшего учебного заведения, при этом нередко весьма престижного» [7, с.88]

Нахождение баланса между воспитательным процессом и удовлетворение потребностей заказчика есть одна из важнейших и труднейших задач современной организации высшего образования в области организации досуга студентов.

Досуговая деятельность (то есть время студента не касающееся напрямую учебы) предназначена для удовлетворения различных потребностей, таких как материальные, духовные и социальные, позволяет личности отдохнуть, развлечься, разрядиться, восстановить затраченные на учебе или работе силы.

Близкое понятию досуг, но более широкое понятию свободное время также было нами исследовано. Свободное время и предпочтения поведения этого времени отражают взгляды и ценности, которые подвержены постоянным изменениям. [4, с.113] Выбор варианта проведения свободного времени связан с интересами, потребностями, ценностными ориентациями, доходами и количеством времени, не занятого учёбой и работой.

С целью исследования досуговых предпочтений студентов, их желания повышать свой культурный уровень в свободное от учебы время в ноябре-декабре 2015 года нами было проведено социологическое исследование студентов 1 курса Уральского государственного университета путей

сообщения (УрГУПС).¹ В исследовании приняло участие 372 студента очной формы обучения всех факультетов (на основе квотной выборки).

Основой для грамотной организации своего свободного времени является осознание студентами наличия и количества свободного времени. По личным ощущениям студентов большим объемом свободного времени располагают студенты выпускных курсов (48,4% респондентов отметили, что располагают свободным временем). Прослеживается следующая закономерность: чем меньше курс обучения, тем меньшим количеством свободного времени располагают студенты.

По-нашему мнению, это связано с рядом факторов. Во-первых, студенты младших курсов проходят процесс адаптации к особенностям организации учебного процесса в высшей школе; во-вторых, опрос студентов проводился в ноябре-декабре, когда большинством студентов велась активная подготовка к зимней сессии, что вызывало дефицит свободного времени и ощущение его отсутствия. И наконец, важным фактором ощущения наличия или отсутствия свободного времени является организованность студентов. К пятому курсу студенты не просто адаптируются к особенностям учебного процесса в университете, но также становятся более дисциплинированными, умеют правильно распределить силы и время, приоритеты и потому могут качественнее спланировать время для учебы, работы и отдыха.

Исследование показало, что в свободное время студенты предпочитают заниматься спортом, общаться с друзьями, проводить время за компьютером, чтением и посещать театры и концерты, заниматься творческой и научной деятельностью. Между тем, распределение форм организации своего досуга

¹ Авторы выражают благодарность кандидату социологических наук, доценту Шестопаловой О.Н., старшему преподавателю Окуновой Т.В., кафедра «Управление персоналом и социология», УрГУПС за помощь в организации социологического исследования и подготовке материалов к публикации.

у различных курсов разное, что говорит о смене жизненных приоритетов за время учебы в университете.

Так, студенты 1 курса предпочитают в свободное время заниматься спортом (59,3%), общаться с друзьями (54,2%), проводить время за компьютером (47,5%). В меньшей степени они склонны посвятить свое свободное время занятию научной деятельностью (11,9%), тому чтобы подработать (3,4%) и провести время со своей девушкой/молодым человеком (6,8%). При этом, мы не обнаружили существенного различия в формах организации досуга студентов различных факультетов и с различным уровнем успеваемости. Структура досуговых предпочтений третьекурсников существенных изменений по сравнению со студентами первого курса не претерпевает. В свободное время они также общаются с друзьями (49%), занимаются спортом (37,3), проводят время за компьютером (33,4%). В меньшей степени студенты третьего курса готовы уделить занятию творческой (13,7%) или научной деятельностью (лишь 3,9%), посещают концерты и театры (9,8%). Те же досуговые предпочтения характерны и для студентов 5 курса: они также предпочитают общаться с друзьями, проводить время за компьютером и заниматься спортом. Хочется отметить, что к пятому курсу число студентов, посвящающих свое свободное время научной или творческой деятельности существенно увеличивается, в особенности по сравнению с третьекурсниками.

Как мы видим, на первом месте среди форм заполнения свободного времени молодежи – общение с друзьями. Важно отметить, что согласно различным исследованиям, «живое» общение все больше заменяется виртуальным. Невозможно представить себе жизнь людей вне общения, при котором происходит обмен информацией, взаимовлияние, взаимооценка, сопереживания, формирование убеждений, взглядов и др. В настоящее время значительная часть населения помимо общения со своим социальным

окружением, достаточно активно общается при помощи сети Интернет, т. е. виртуально. [8, с.103]

Ученые выделяют как преимущества, так и недостатки виртуального общения. У сетевой коммуникации имеется масса преимуществ по сравнению с общепринятыми способами личного общения: возможность поддерживать контакты с людьми, которые находятся на большом расстоянии, расширение круга общения до бесконечности, отсутствие необходимости беспокоиться о своей внешности и впечатлении, которые вы производите и др. Однако помимо преимуществ виртуальное общение имеет отрицательные последствия. Классик медиа-экологии Н. Постман утверждает, что с развитием электронной коммуникации «информация превратилась в мусор», изменился характер человеческих ценностей, что привело к моральному дефициту.[8, с.104]

Мы не можем однозначно утверждать, что эта тенденция носит больше негативный, чем позитивный характер. В условиях глобализации, интернет-общение является максимально удобной и распространенной формой передачи информации, а владение новыми интернет-технологиями воспринимается как обязательный элемент молодежной культуры, своего рода атрибут успеха. Молодые люди воспринимают себя отчужденными от всеобщей культурной нормы без возможности использовать интернет-общение потому как «общество задает границы допустимого поведения в обществе, в том числе поведения, ориентированного на успех, побуждая человека стремиться к достижению культурно одобряемых идеалов» [3, с.106]

Большинство опрошенных (более 40%) отмечают, что проводят свое свободное время за компьютером. Так как мы рассматриваем использование компьютера в контексте свободного времени студента, то можно полагать, что компьютер это средство доступа к сети Интернет. Прежде всего отметим, что, несмотря на более позднее по сравнению с западными странами

включение в процесс информатизации, Россия повторяет многие мировые тренды. В первую очередь это касается количественных показателей активного пользования, а именно – рост числа активных пользователей Сети идет по экспоненте и в основном происходит за счет пользователей подростково-юношеского возраста. Так, по данным Минкомсвязи РФ на начало 2012 года, общее число пользователей в нашей стране составило 70 млн. человек, и по этому показателю Россия вышла на первое место в Европе и на шестое место в мире. [2, с.5]

Особого внимания заслуживает рассмотрение такой формы проведения досуга как «отдыхаю, ничего не делаю». Исследование показало, что самыми «ленивыми» являются студенты третьего курса (37,3%), а наиболее активными при организации своего свободного времени являются студенты 5 курса (лишь 15,3% опрошенных пятикурсников выбрали эту форму проведения досуга).

К пятому курсу увеличивается (по сравнению с третьим) и число студентов, посещающих театры, концерты, посвящающих свое свободное время чтению. Между тем, театр является весьма сложным для восприятия видом искусства, «Общение публики и театра в современных условиях определяется такой духовно-практической деятельностью, в которой реализуется целый комплекс духовных потребностей человека, и прежде всего потребность в искусстве. Эта потребность требует философско-социологического истолкования и раскрытия, в ходе которых театр может быть понят как специфический вид искусства, и, вместе с тем, как особый социальный институт, выступающий средством удовлетворения разнообразных запросов и устремлений личности», [5, с.24] которые, в силу достаточно раннего возраста молодых людей, становящихся выпускниками университета еще попросту не успевают сформироваться.

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что к пятому курсу студенты становятся не просто более дисциплинированные, качественно и

осознанно распоряжаются своим свободным временем, но и меняют формы проведения досуга на такие, которые позволяют им развивать свои способности, повышать свой культурный уровень, способствуют саморазвитию.

При этом, культурный человек в понимании студентов – прежде всего человек, соблюдающий нормы приличия, воспитанный, во-вторую очередь – посещающий театры, музеи, обладающий широким кругозором, разносторонне развитый, читающий книги и, в последнюю очередь – с хорошей успеваемостью. При этом, подавляющее число студентов может назвать себя культурным человеком: 83,4 % студентов 1 и 83,5% студентов 5 курса отметили, что считают себя «культурным человеком», среди третьекурсников таких меньше – 66,7%. Это говорит о том, что студенты трезво оценивают уровень и качество своих досуговых предпочтений, а также честны с собой по основным параметрам «культурности».

Молодежный досуг в значительной степени связан с музыкой (прослушивание записей, посещение концертов, дискотек и т.п.).

Посредством музыки молодежь очерчивает свое жизненное пространство. Зачастую "стены" из звуков используются молодежью как способ отгораживания от окружающих – семьи, учителей, сверстников. Избирательность в потреблении музыкальных произведений характеризует музыкальный вкус. Выявляя музыкальные предпочтения молодежи [6, с.103], мы характеризуем социально-культурный облик, настроения молодых людей.

Изучение мнения студентов о современной музыке позволяет понять, какая музыка больше всего нравится нынешней молодежи. Согласно результатам исследования, треть опрошенных первокурсников предпочитают слушать все по настроению (33,7%), поп-музыку (33,1%), рок (29,1%). Бардовская песня и шансон получили меньший отклик среди студентов – 9,4%. Среди студентов 3 курса также большее количество голосов «все по

настроению» - 32,7%, поп-музыка – 32,1%, реп, хип-хоп – 24,2%. Бардовская песня и шансон также на последних местах.

Анализ подтверждает, что современный студент не имеет ведущих, конкретных предпочтений в музыке и выбирает ту, которая отражает его эмоциональное и психологическое состояние «здесь и сейчас».

Таким образом, мы видим, что студенты в настоящее время, склонны к более пассивным формам проведения досуга в виду большой занятости, отсутствия свободного времени и интересных для них мероприятий. Несмотря на это, большой любовью пользуются спортивные мероприятия, проводимые Университетом. Что касается культурно-массовых мероприятий, то они привлекают большое число людей, но студенты выразили желание сменить их направление или тематику. Между тем, смена формата мероприятия приведет к отмене сложившихся традиций, что также может пагубно сказаться на воспитательном процессе, поэтому, по нашему мнению, стоит вводить в уже существующие традиционные мероприятия элементы новых, ранее не практиковавшихся форм и элементов, при сохранении их порядка и правил проведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бабосова Е.С. Досуг как фактор включенности молодежи в социокультурную деятельность // Социологический альманах. – 2012. – Выпуск 3. – С. 336

Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2013. Т. 6. № 30. С. 5.

Галюк А.Д. Культурная обусловленность стремления человека к жизненному успеху // Дискуссия. 2014. № 8 (49). С. 104-108.

Гриненко О.Д. Теоретико-методологические основы изучения свободного времени молодежи // Проблемы современной науки и образования. 2014. №5 (23). – С.112-117

Грунт Е.В., Юрьева А.В. Факторы формирования театральной потребности населения малого уральского города //Социум и власть. 2012. № 1. С. 24-29.

Исхакова Н.Р, Болтачев Р.Р. Музыкальные предпочтения молодежи//Социологические исследования. – 2006. - №6. – С. 103

Меренков А.В., Артем О.Я. Потребность в техническом образовании у выпускников школ // Дискуссия. 2015. № 3 (55). С. 85–90.

Михалец И.В., Калашникова С.С. Виртуальное общение студентов: опыт пилотажного исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4. С.103-106

Мягкова Н.А. Культуросообразная среда университета как основа формирования социальной креативности студента // Дискуссия. 2013. №3 (33). С.116-120

Окунева Т.В. Особенности культуры труда современных рабочих // Дискуссия. 2014. №6 (47). С.62-69

Сухова О.В., Шестопалова О.Н. Реализация качества образовательной услуги в рамках внедрения эффективного контракта // Дискуссия. 2015. № 6 (58). С.65-73

УДК 316.342.5

ББК С561.9

**МОЛОДЕЖНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ
И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Михалева Анастасия Алексеевна

Студент 3 курса бакалавриата кафедры социологии

Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

E-mail: anastasiya.mikhaleva.1@yandex.ru

**YOUTH INITIATIVES
AND THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF MODERN
SOCIETY**

Mikhaleva Anastasia Alekseevna

3rd year student of the Department of Sociology undergraduate

South Ural State University, Chelyabinsk

E-mail: anastasiya.mikhaleva.1@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы социализации современной молодежи, основные проблемы молодежи и способы их разрешения через организацию деятельности молодежных организаций, реализацию молодежных инициатив. Рассмотрены основные направления деятельности молодежных инициатив.

ABSTRACT

In the article the questions of socialization of modern youth, the main problems of youth and ways of resolving them through the organization of activities of youth organizations, implementation of youth initiatives. The basic directions of activity of youth initiatives.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: МОЛОДЕЖЬ, СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ, МОЛОДЕЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ИНИЦИАТИВА, МОЛОДЕЖНАЯ

ИНИЦИАТИВА, СОЦИАЛИЗАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ, ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ, НАПРАВЛЕННОСТЬ МОЛОДЕЖНОЙ ИНИЦИАТИВЫ.

KEYWORDS: YOUTH, SOCIAL GROUPS, YOUTH ISSUES, THE INITIATIVE, YOUTH INITIATIVE, SOCIALIZATION, THE PROBLEMS OF YOUTH INITIATIVES, THE MAIN ACTIVITIES OF YOUTH INITIATIVES, DIRECTION OF THE YOUTH INITIATIVE.

Молодежь – в современном мире это особая группа, отличающаяся социально-демографическими характеристиками, находящаяся в процессе социального становления и перехода к социальной зрелости. Положение молодежи определяется социально-экономическим и политическим состоянием общества.

Анализ молодежи как социальной группы позволяет выделить ряд специфических особенностей: прежде всего, молодежь способна преобразовывать общественные отношения, занимая в данном процессе активную позицию, способна активно преобразовывать сложившиеся общественные отношения, определяя направление и основные задачи на будущее. Молодежь способна воспроизводить социальную структуру, ориентируя ее на современные требования и современные перспективы развития общества.

Находясь в процессе своего становления, молодежь как социальная группа отличается особым содержанием личностной, предметной и процессуальной стороны своей жизнедеятельности. Социальное положение молодежи отличается активной социальной позицией, перспективами развития и амбициозностью взглядов.

Условия жизни, образования, социализации молодых людей определяют особенности формирования молодежного сознания, формирования своеобразного молодежного стиля жизни. Соотнесение

данных компонентов способствует образованию побудительно-мотивационных сущностных сил молодежи. Внутри этого единства возникает многообразие противоречивых детерминации, опосредующих специфику их отношений к окружающей действительности и мотивацию социальной деятельности [2].

Возрастная периодизация при определении молодости довольно неоднозначна, границы молодежного возраста подвижны. Во многих источниках расхождения между определением возраста зависят от социально-экономического развития общества, уровня образования и культуры, уровня благосостояния общества, условиями жизни. Данные факторы определяют в целом продолжительность жизни людей, и в соответствии с этим – определение возраста молодежи. В среднем, согласно обобщенным данным, полученным при анализе психолого-педагогической литературы, молодость определяется возрастными рамками от 15 до 30 лет, причем в данном случае молодость подразделяется на раннюю молодость – 15-20 лет, и собственно молодость – 20-30 лет. Это возраст активного социального становления личности, активного освоения окружающей действительности, развитие и создание уровня собственного благосостояния, уровня образования, возраст установки и определения планов на дальнейшую жизнь.

Нижняя граница молодости определяется появлением права выбора в социальном плане: профессиональное становление на начальном этапе заставляет сделать выбор - продолжить учебу в школе, поступить в технический или гуманитарный колледж, лицей или поступить на работу. Верхняя граница возраста, чаще всего, определяет достаточно определенным социальным положением, профессиональным становлением, формированием профессиональной карьеры, определением семейного положения и социального статуса в обществе.

Определяя молодежь в качестве активной социальной группы, отличающейся активностью в социальном, политическом и экономическом

планах, внимание к ее проблемам и использование потенциала данной группы активно рассматривается на разных уровнях. Так, по линии ЮНЕСКО с 1979 года принято свыше 100 документов, касающихся проблем молодежи. В данных документах отмечается, что молодежь способна самостоятельно реализовывать поставленные перед собой задачи, самореализовываться и самоактуализироваться в процессе социального развития. В одном из документов ООН положение молодежи в мире оценено как «напряженное», молодежь признана одной из наиболее уязвимых в социальном отношении групп населения [1].

От уровня развития молодежи — физического, умственного, от ее образованности, уровня сознания, ее ценностей, мотивов поведения, социальной активности и т. д. зависят ее возможности воздействовать на развитие общества, вносить вклад в социальный прогресс. Развивать молодежь — значит усиливать инновационный, творческий потенциал молодого поколения, закладывать основы будущего роста, накапливать силы для ускоренного выхода России из тяжелейшего положения. Оттого, насколько широко и глубоко молодежь включена (интегрирована) во все сферы жизни общества, насколько активно она участвует в ней, зависят темпы развития и молодежи, и общества в целом.

Проведенные социологические исследования позволяют определить основные проблемы молодежи, определяющие ее социальное становление, социальное положение и основные направления работы с данной группой:

1. Снижение престижа образования в молодежной среде, причем резкое снижение отмечается в определенных профессиональных отраслях.
2. Снижение заинтересованности собственно производительным трудом, что приводит к старению сферы рабочих и снижению качества производства.
3. Понижение культурного уровня молодежи, вызванное кризисом современной культуры и недостаточным вниманием к привитию навыков культурного развития в детстве.

4. Отмечается некоторое снижение образовательного уровня молодежи, определенного как внешними, так и внутренними факторами.

5. Преобладающие потребленческие установки в социальном развитии.

6. Недостаточное финансовое положение молодежи приводит к формированию неустойчивой социальной позиции, развитию беспокойства и страха перед будущим.

7. Неопределенность перспектив на будущее.

Социальный анализ современного положения молодежи определяет ее как социальную группу, в которой, с одной стороны, возникает больше всего новых социальных проблем, а с другой стороны, именно проблемы молодежи имеют особое значение для будущего всего нашего общества, поскольку ей предстоит строить его и жить в нем. Наряду с этим молодежи, как наиболее активной и социально инициативной группе, предстоит решение данных проблем и определение уровня жизни, основных ценностей и потребностей общества на ближайшее время [3].

Основой деятельности молодежи, направленной на реализацию социальных, политических и экономических проектов является проявление молодежных инициатив. Термин инициатива происходит от английского слова, которое имеет следующие трактовки: существительное – первый шаг, почин, инициатива; прилагательное – начальный, инициативный (в политике «initiative» - право законодательной инициативы).

Таким образом, молодежь как наиболее прогрессивно настроенная часть общества, которая «изнутри» заинтересована в преобразованиях внешнего мира, а «извне» вынуждена подстраиваться, адаптироваться к существующим порядкам, направлена на реализацию и проявление собственной инициативы, способной изменить и совершенствовать социальное окружение. Все драмы представителей молодого поколения, будь то пьянство, наркомания, тунеядство, криминал, инфантилизм и прочее – вторичны. Эти драмы, следует, с нашей точки зрения, рассматривать в

контексте неразрешенности молодежью задач своего вписывания в социум с сохранением индивидуальных особенностей (с перспективой максимального раскрытия своего потенциала).

Как уже отмечалось, предпосылкой инициативы являются неудовлетворенные потребности части социума или социума в целом. Эти потребности могут быть жизнедеятельностными (но не отдельного индивида, а группы), социальными или социо- культурными. В качестве начала инициативы всегда лежит идея – идея по преодолению проблем (или затруднений), связанных с невозможностью удовлетворения обозначенных потребностей. При этом идея может быть либо творческим продуктом (и тогда она будет инновационной), либо у кого-то «позаимствованной». Однако, идея так и останется идеей, если у ее автора (авторов) не возникнет мотивация по ее воплощению. В свою очередь, созревшая мотивация ведет к действенной активности по реализации идеи. Люди, проявившие такую активность, и являются инициаторами [1].

При определении понятия «молодежная инициатива» возникает две версии его трактовки: в первом случае это инициатива, которая исходит от представителей молодежи; во втором случае - это инициатива, направленная на решение молодежных проблем, при этом инициатором выступает не обязательно молодежь.

Молодежная инициатива по уровню реализации может быть нескольких видов - инициатива быть полезной, нейтральной или вредной для общества, это зависит от степени учета социальных потребностей, интересов общества. Таким образом, отношение к обществу и его потребностям определяет направленность молодежных инициатив. Результативность деятельности молодежных инициатив определяется степенью помощи и эффективности социальных действий, предусмотренных молодежной инициативой, возможностью использования действий и результатов в жизни общества, которые будут способствовать тому, чтобы жизнь в чем-то облегчилась или стала более совершенной.

Таким образом, условиями реализации молодежных инициатив можно назвать: реалистичность (т.е. учет тех социокультурных, региональных, политических условий, в которых данная инициатива будет реализована), продуктивность (достижение определенного результата, эффективность реализации данной инициативы для молодежи, населения в целом); и долговременность инициативы предопределены наличием высокой мотивации у инициаторов.

Основными задачами деятельности молодежных инициатив являются:

- повышение престижа системы образования, профессионального становления, развитие культуры средствами привлечения молодежи;
- привлечение для работы в органах управления на разных уровнях молодежи;
- содействие в адаптации и закреплении молодежи на предприятиях, помощь в профессиональном становлении молодежи;
- создание условий для повышения профессионального уровня знаний, творческой инициативы молодежи, привлечение их к участию в перспективных разработках;
- содействие росту научных кадров из состава молодежи;
- содействие выдвижению наиболее способных молодежи в перспективный резерв кадров и на руководящие должности;
- укрепление профессиональных и деловых связей между молодыми специалистами, расширение взаимодействия и обмен опытом с коллективами молодежи других предприятий и социальных структур;
- участие в решении социальных вопросов молодежи;
- повышение культурного уровня молодежи, организация их отдыха и досуга.

Естественно, в решении молодежных проблем должны принимать участие и представители старшего поколения, но только путем подхватывания и поддержания конструктивных инициатив, исходящих от молодежи.

Основные тенденции и направления развития молодежных инициатив:

- работа по правовой защите молодежи как социальной группе (защита прав и свобод молодых граждан через организацию социальных приемных, юридических консультаций, работающих на волонтерских началах, проведение социальных акций правовой направленности - «Имею право», «Защита», «Подросток»);

- гражданское и патриотическое воспитание молодежи средствами организации социально-культурных проектов с привлечением спонсоров, представителей других возрастных категорий (школьники, зрелые люди, пенсионеры) - Почетный Караул в дни празднования Победы, «Вахта Памяти» у Вечного огня;

- работа по организации здоровьесбережения среди молодежи средствами формирования положительного отношения к здоровому образу жизни (профилактические кампании по профилактике наркомании, алкоголизма, табакокурения среди молодежи, проведение акций и социальных проектов по антинаркотическому, антиалкогольному и антитабачному воспитанию, организация мероприятий по формированию здорового образа жизни – Дни здоровья, организации и участие в широкомасштабных социальных проектах, например - «Лыжня России», установление контактов со спортивными учреждениями города и области по предоставлению субсидий, скидок для молодежи для организации здоровьесберегающего досуга);

- трудовое воспитание и оказание помощи в трудоустройстве молодежи (работа молодежной биржи труда, трудоустройство подростков и студентов на период летних каникул, организация работы студенческих отрядов);

- социальная поддержка молодежи (обеспечение питанием малообеспеченных студентов вузов и ссузов города; обеспечение бесплатного проезда в общественном транспорте малообеспеченных студентов вузов и ссузов города; реализация социальных проектов по

оказанию помощи малоимущим молодым людям и молодым семьям, поддержка незащищенных слоев общества через организация социальных программ);

- развитие талантливой молодежи, реализация социальных проектов по реализации способностей одаренных, способных молодых людей, по проявлению креативных способностей среди молодежи;

- предупреждение безнадзорности и правонарушений в молодежной среде (акции «Подросток», «Образование - всем детям», «Дети улиц»);

- поддержка деятельности молодежных и детских общественных объединений города (предоставление субсидий общественным организациям на реализацию социально-значимых проектов).

Сущность молодежной политики г. Челябинска заключается в создании правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив.

Сохраняют актуальность и значимость следующие направления деятельности:

- реализация антинаркотических, антиалкогольных и антитабачных программ и мероприятий, причем отмечается расширение сферы деятельности молодежных инициатив и расширение форм и методов организации данного направления (медиапросвещение, социальные акции и проекты, книжная агитация и т.д);

- информационное просвещение молодежи по наиболее актуальным вопросам (социальная защита, социальные льготы и гарантии, совершенствование трудовой деятельности и соблюдение прав при поступлении на работу, программы по социальной защиты наиболее незащищенных слоев населения): распространение печатной продукции, выпуск видеороликов;

- организация отдыха и труда подростков и студентов в каникулярное и учебное время, соблюдение прав при оформлении трудовых договоров с подростками и студентами;

- консультирование молодых семей по вопросам улучшения жилищных условий и особенностям предоставления социальных льгот и гарантий;

- проведение традиционных общегородских массовых мероприятий;

- организация и проведение мероприятий, направленных на формирование патриотического и гражданского сознания среди молодежи – мероприятия, посвященные празднованию патриотических праздников (23 февраля, праздник, посвященный Дню празднования Победы в Великой Отечественной войне, День Памяти 22 июня), Дни молодежи в области, в городе, национальные праздники;

- организация и проведение мероприятий для творческой молодежи: фестивали, конкурсы, направленные на социальное развитие и социальное становление молодежи, ее совершенствование к качеству активной и самореализующейся группы населения; организация мероприятий, способствующих реализации молодежи в качестве креативных граждан, лиц с повышенным лидерским потенциалом, поддержка социальных инициатив в участии в социальном, экономическом и политическом развитии города, области, страны;

- организация и проведение спортивных мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни среди молодежи, помощь молодежи в организации подобных мероприятий для других возрастных категорий населения;

- оказание помощи интеллектуальной молодежи в участии в конкурсах, научных конференциях, олимпиадах; вручение единовременных стипендий лучшим студентам вузов города Челябинска, поддержка интеллектуальной молодежи в рамках реализации грантов, научных проектов как на территории города, области, страны, так и на международном уровне;

- помощь в реализации детских и молодежных проектов и программ (гранты, стипендии), в реализации программ для других возрастных категорий населения.

Список литературы

Волков Б.С. Психология юности и молодости: Учебное пособие. -М: Академический Проект: Трикста, 2006. – 256 с.

Караковский В. А. Новая социальная ситуация и актуальные проблемы воспитания молодёжи//Коммунарская конференция в Архангельске. – Архангельск, 2001.

Социология молодежи: энциклопедический словарь. Авторы составители: Ю. А. Зубок, А. И. Ковалева, Вал. А. Луков, В. И. Чупров. – М.: Academia, 2008. С. 246

<http://cheladmin.ru/ru/zhizn-goroda/molodezhnaya-politika>

Отношение студенческой молодежи к проблеме насилия в межличностном взаимодействии (на примере студентов КубГТУ)

Naumenko, D. || Yakovleva, I.

Students` attitude to the problem of violence in interpersonal interaction (on the example of KubSTU students)

В статье рассмотрена роль насилия в современном российском обществе. На материалах социологического исследования анализируется отношение студенческой молодежи к проблеме насилия.

The article describes the role of violence in contemporary Russian society. The students` attitude to the problem of violence is analyzed on the material of sociological research.

**НАСИЛИЕ, ФОРМЫ НАСИЛИЯ, КОНФЛИКТ, МОЛОДЕЖЬ
VIOLENCE, FORMS OF VIOLENCE, CONFLICT, YOUTH**

В последние десятилетия отечественные ученые постоянно говорят о росте уровня насилия в России [1, с. 142]. Эту тенденцию связывают с противоречивым состоянием нестабильности и неопределенности, характерным для современного глобализирующегося мира, рискогенностью современных обществ (в том числе и российского). Как отмечает Е.В. Черников, в изменяющихся макро- и микросредовых условиях формируются новые ценности, далеко не всегда способствующие гармонизации межличностных отношений и развивающие толерантность личности [2, с. 167]. Прежде всего это сказывается на молодежи, разрушая привычные стереотипы их поведения, делая насилие неизбежной составляющей социального взаимодействия.

Насилие можно определить как целенаправленное силовое принуждение, действие одного субъекта над другим субъектом, осуществляемое с определенной целью, вопреки согласию, воле и интересам

последнего [3, с. 166]. Насилие в обществе возникает на трех уровнях – межличностном, групповом, социальном. Социальное насилие представляет собой деструктивное состояние политической, экономической, социокультурной и социально-бытовой организации общества, препятствующее реализации социальных потребностей на индивидуальном, групповом и социетальном уровнях. Под групповым насилием следует понимать деструктивные взаимодействия социальных групп, направленные на реализацию групповых интересов. Межличностное насилие характеризует действия индивида, причиняющие психологический, физический или экономический ущерб другому индивиду [4, с. 182].

С целью выявления отношения современной российской молодежи к проблеме насилия в межличностном взаимодействии было проведено социологическое исследование среди студентов Кубанского государственного технологического университета в возрасте от 17 до 21 года.

В ходе исследования было выявлено, что для большинства респондентов (78%) насилие связано прежде всего с физическим воздействием (причинение боли, нанесение вреда физическому здоровью и т.д.). 18% опрошенных считают, что насилие – это прежде всего моральное, психологическое воздействие на другого человека (нанесение вреда его психическому здоровью). 2% студентов понимают под словом насилие всё вышеперечисленное (оба вида насилия).

Как показывают теоретические и практические исследования проблема насилия тесно связана с возникающими на межличностном уровне конфликтами (в семье, на работе, в студенческом коллективе и т.д.).

Опрос показал, что чаще всего студенты вступают в конфликты с членами своей семьи, чуть реже – с друзьями и значительно реже – с одноклассниками (полные данные представлены в таблице 1). Очень редко или никогда студенты не конфликтуют с преподавателями и другими людьми.

Таблица 1 – Частота ссор, скандалов возникающих у респондентов с окружающими людьми, %

	По чти каждый день	Р аз или два в неделю	Раз или несколько раз в месяц	еже	Нико гда не возникают
С членами семьи	6	10	33	7	14
С друзьями	2	9	23	1	25
С одногогруппниками	6	11	17	9	37
С преподавателями	-	-	5	5	50
С другими людьми	-	7	13	9	31

К причинам проявления насилия респонденты чаще всего относят пьянство, наркоманию (76 %), низкий культурный уровень (68 %) и личную неприязнь (58 %). Реже использование насилия в межличностном взаимодействии студенты объясняют особенностями характера (48 %), личными (28 %) и материальными (18 %) проблемами.

Наиболее часто используемыми формами насилия, с которыми сталкиваются опрошенные студенты, являются насмешки, издёвки; унижения, оскорбления, брань, контроль семейного бюджета и единоличное принятие финансовых решений. Каждый месяц этим видам насилия подвергаются 63%, 53% и 38% респондентов соответственно. Полные данные распределения ответов представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Формы насилия, используемые по отношению к респондентам в течение последнего месяца, %

	По чти каждый день	Раз или два в неделю	Раз или несколько раз в месяц	еже	Н иногда
Насмешки, издёвки	6	12	10	5	37
Шантаж	-	7	9	1	73
Унижения, оскорбления, брань	4	3	11	5	47
Контроль семейного бюджета и единоличное принятие финансовых решений	4	6	12	6	62
Угроза применения насилия	2	-	6	6	76
Толчки, пощечины, швыряние каких-либо предметов	2	2	8	6	72
Удары ногой, кулаком или чем-либо ещё	-	2	6	0	82

Сами респонденты намного чаще используют те или иные формы насилия по отношению к окружающим (смотри таблицу 3). В группу, наиболее часто используемых форм, входят: насмешки, издёвки, шантаж, критика, унижения, оскорбления, брань, упреки, укусы, щипание. В течение месяца их использовали 76%, 48%, 52% и 44% опрошенных студентов соответственно.

Таблица 3 – Формы насилия, используемые участниками опроса в течение последнего месяца, %

	Почти каждый день	Раз или два в неделю	Раз или несколько раз в месяц	еже	Н икогда
Насмешки, издёвки	22	8	22	4	24
Шантаж, критика	2	6	10	0	52
Унижения, оскорбления, брань, упреки	6	10	8	8	48
Укусы, щипание	6	10	16	2	56
Угроза применения насилия	2	8	2	8	70
Толчки, швыряние каких-либо предметов	6	8	6	6	64
Удары ногой, кулаком или чем-либо ещё	-	4	12	4	70

Уже отмеченный выше процесс трансформации всех сторон жизни российского общества, безусловно, затронул и представления молодежи о нормах поведения, о допустимых его формах. Нормой для современного российского общества студенты считают следующие виды насилия: словесное оскорбление, упреки, унижения (56 %); постоянная ложь, обман

(26 %); угрозы (14 %); укусы, шипание (14 %); избиения, истязания, сотрясения (8 %); преследования, запугивания (6 %); удары чем-либо (6 %); пощечины, толчки (2 %).

К опасным тенденциям, выявленным в ходе исследования, можно отнести представления молодежи о неизбежности и даже пользе насилия в определенных ситуациях. С высказыванием: «Наша жизнь невозможна без элементов насилия» полностью или частично согласны более половины (52%) респондентов. Ещё большее количество человек в большей или меньшей степени разделяют точку зрения о допустимости элементов насилия в некоторых ситуациях. В какой-то мере это можно объяснить, учитывая ситуации самозащиты, обучения и т.п. Однако, следует учитывать и сложность определения допустимых пределов использования насилия. 45 % участников опроса считают, что иногда насилие имеет благоприятные последствия, полезно для человека и общества.

Таблица 5 – Согласие со следующими суждениями, %

	Полн остью согласен	С корее, да	С корее, нет	Полн остью, не согласен
Наша жизнь невозможна без элементов насилия	14	3 8	2 6	22
Насилие допустимо в определенной ситуации	12	4 6	3 0	12
Иногда насилие имеет благоприятные последствия, полезно для человека и общества	14	3 1	3 1	24

Таким образом, проведенное исследование показало, что насилие на данный момент является неизменной составляющей межличностного взаимодействия студенческой молодежи. Респонденты достаточно часто как

испытывают на себе, так и сами прибегают к различным формам насилия. Социальные процессы, происходящие в российском обществе и мире в целом привели к изменению представления студентов о допустимости использования насилия.

Использованная литература

1. Ботова М.Г. Насилие: как социально-психологический феномен // Вестник удмуртского университета. 2010. Вып. 2. Философия. Психология. Педагогика. С.140-142.
2. Черников Е.В. Профилактика агрессии и насилия в межличностном взаимодействии старшеклассников в сельской малокомплектной школе // Образовательная среда сегодня: стратегии развития: материалы II Междунар. науч.–практ. конф. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. № 1 (2). С. 167–176.
3. Бутенко А.П., Миронов А.В. Сравнительная политология в терминах и понятиях. Учеб, пособие. М.: НОУ, 1998. 411с.
4. Тевлюкова О.Ю. Категория насилия в социологии: опыт теоретико-методологического анализа // Наука и миф. 2015. № 7 (23). С. 181-183.

Попова Наталья Федоровна,
магистрант кафедры «Организация работы с молодежью»
Уральского федерального университета, г. Екатеринбург.

**СТАРТОВЫЙ ЭТАП ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ
ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ**

Popova Natalia,
postgraduate student of the «Organization of youth work» department,
Ural Federal University; Ekaterinburg.

**THE STARTING STAGE OF THE PROFESSIONAL CAREER OF
GRADUATES OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE
SVERDLOVSK REGION: PROBLEM OF CURRENT INTEREST**

В статье рассматривается ряд противоречий, формирующих актуальность проблемы молодежной безработицы среди выпускников высших учебных заведений.

The article considers a number of contradictions which make university graduate youth unemployment problem of current interest.

Ключевые слова: *выпускник вуза, стартовый этап профессиональной карьеры, молодежная безработица.*

Key words: *University graduate, starting stage of professional career, youth unemployment.*

Одна из основ национального благосостояния и развития страны – это трудовая деятельность населения. Выпускник средней школы не всегда ясно представляет себе дальнейшую трудовую деятельность, выбирает профессию, которой обучают в вузе по совету родителей, учителей или по принципу «престижности» профессии. В современных условиях замечен ряд противоречий, формирующих проблему безработицы молодых людей с высшим образованием:

– Дисбаланс между реальным сектором экономики и количеством выпускников вузов по отдельным направлениям подготовки (недостаток высококвалифицированных технических кадров и преобладание выпускников экономического и гуманитарного направления);

– Депрофессионализация выпускников вузов в сферы, не предполагающие высшего образования. После окончания вуза молодой человек некоторое время находится в поиске работы, возможно, по специальности, но через определенное время решается начать карьеру в другой сфере, часто, не предполагающей высшего образования, например, в розничную торговлю – это распространенное явление. Переход в другую сферу деятельности возможен как в пользу похожей специальности, так и в кардинально противоположную. Так, например, среди лиц с высшим образованием 32,5 % работает совершенно по другой специальности, чем та, что была получена в вузе. Подобная ситуация говорит о том, что инвестирование в человеческий капитал носит не достаточно эффективный характер. Эксперты связывают данную картину событий с тем, что чаще получение высшего образования носит экзистенциальный характер и не ориентировано на удовлетворение реальных потребностей экономики и рынка труда [1, с. 378];

– Качество подготовки в вузах может отличаться. Головные вузы и филиалы, государственные и коммерческие учебные заведения могут предоставлять слушателям различное качество подготовки и знаний. Это противоречие отражает так же проблему несоответствия выпускников

современным требованиям и быстроменяющимся особенностям экономики. Таким образом, возникает проблема профессионального несоответствия выпускников и вследствие чего, они остаются не востребованными на рынке труда [1, с.10];

– Поиск работы вызывает затруднение у выпускников. Недостаток актуальной информации по востребованности профессии, не выстроенная траектория карьеры вызывают у выпускников затруднения при поиске работы, молодой человек не знает, куда обратиться в случае появления трудностей с поиском работы. Источниками информации о работе для молодых выпускников в большей степени являются друзья, знакомые и родственники. Экономисты часто связывают это с тем, что Российский рынок труда не прозрачен, так как большой объем информации о вакансиях распространяется через неформальные сети и источники информации, вовлекая в обмен информацией всех участников рынка [2, с. 59].

Все вышперечисленное формирует проблему молодежной безработицы на рынке труда Свердловской области. По данным статистики 2015 года общая численность безработных в Свердловской области на 1 сентября 2015 года составила 139 тысяч 412 человек. Это составляет 6,1 % по отношению к общему количеству трудоспособного населения Свердловской области. Средний возраст безработных среди населения составляет 35 лет. Молодежь до 25 лет среди общего количества безработных составляет 28 % [3]. Опираясь на статистическую информацию Департамента по труду и занятости населения Свердловской области можно смело утверждать, что в среднем в месяц за содействием в трудоустройстве обращается порядка 10-15 тысяч человек [4]. Несложные расчёты показывают, что среди них молодежь в возрасте до 25 лет может составлять 2,5 – 3,8 тысяч человек. При этом официальные данные по безработице могут отличаться от реальной картины в худшую сторону, так как остаются неохваченными те группы людей, которые не обращаются в органы государственной службы занятости.

Говоря о проблеме безработицы среди молодежи, выделяются группы молодых людей со средним образованием, со средне-специальным и с высшим образованием. В рамках нашего исследования объектом выступают выпускники вузов – молодежь с высшим образованием.

В образовательном аспекте выпускник вуза – это человек, освоивший программу профессиональной подготовки, прошедший итоговую государственную аттестацию и имеющий документ государственного образца. Такие формулировки понятия фиксируются в уставах высших учебных заведений [См., напр.: 5]. В рамках нашего исследования выпускники вузов – это молодежь, окончившая высшее учебное заведение и находящаяся на этапе становления профессиональной карьеры. Ее стартовый этап связан с трудностью поиска работы. В идеале, этот этап должен быть связан с освоением профессии, приобретением необходимых навыков и формированием квалификации. Но в современных реалиях имеет место распространение молодежной безработицы.

Каким образом должны решаться проблемы, связанные с поиском работы среди выпускников вузов? Прежде всего, высшее образование, как ресурс молодого человека, как конкурентное преимущество должно способствовать трудоустройству на желаемую должность. Второе – это опыт работы, который молодой человек получал параллельно с освоением учебной программы или социальные практики, в процессе которых студент отрабатывает профессиональные компетенции. В лице работодателей на порядок выше будет молодой человек с хорошим профильным опытом работы, чем молодой человек без практики реализации знаний и навыков. Так же, в вопросе трудоустройства молодых людей могут содействовать государственные службы занятости, центры трудоустройства выпускников при вузах, молодежные биржи труда.

Управление стартовым этапом профессиональной карьеры выпускников вузов может быть эффективным методом преодоления молодежной безработицы в этом сегменте. Достаточное большое внимание в

научной литературе уделяется вопросам профориентации школьников, с другой стороны, недостаточно раскрыты вопросы построения профессиональной карьеры после вуза, этим обусловлена актуальность предпринимаемого исследования.

Мы провели предварительный анализ публикаций в ведущей для российских выпускников социальной сети «В контакте» <http://vk.com> о деятельности центров содействия трудоустройства выпускников при вузах. Мы просмотрели следующие группы вузов Екатеринбурга: «Подработка для студентов УрГПУ!Екатеринбург», «Центр трудоустройства студентов УрФУ», «Центр лидерских технологий и карьеры УрГЭУ». В Горном университете и в Уральской государственной архитектурно-художественной академии мы нашли только контактный телефон, но группы в социальных сетях не обнаружили. Выяснилось, что не все центры имеют страницу в сети, а те, что имеют, предоставляют либо информация по возможным практикам, либо полезную статистику по рынку труда в целом. При этом предложений по каким-либо стратегиям для выпускников по направлениям полученного ими образования в явном виде не просматривается.

В связи с чем, нами видится необходимость изучения опыта работы подобных центров более детально, в частности, проведение интервью с руководителями. Обозначив ряд проблем, мы планируем изучить опыт работы центров трудоустройства при вузах, узнать, какая статистика ведется в вузах, какие реальные пути решения проблемы уже существуют, какой опыт содействия послевузовской занятости существует в международном опыте и что можно сделать в этом направлении в Свердловской области.

Литература

Грани российского образования / под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: Центр социологических исследований, 2015. 644 с.

Российский работник: образование, профессия, квалификация / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М.: ВШЭ, 2011, 574 с.

Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Свердловской области, раздел «Рынок труда и занятость населения», Численность экономически активного населения, занятых и безработных, 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 11.02.2016).

Государственная служба занятости, департамент по труду и занятости населения Свердловской области, раздел «Экспресс-информация о рынке труда», 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.szn-ural.ru/home/rinoktruda/expressrinok.aspx> (дата обращения: 11.02.2016).

Устав ФГАОУ ВПО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н.Ельцина». Приказ Министерства образования и науки РФ, от 4 мая 2011 г. № 1585 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://urfu.ru/ru/about/documents/> (дата обращения: 11.02.2016).

Рафикова, В.А.

Современные исследовательские подходы к проблеме особенностей волонтерства как социально-культурного феномена в России

Rafikova, V.A.

Modern research approaches to the problem is particularly volunteering as a social and cultural phenomenon in Russia

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к определению сущности понятия «волонтерство», специфике определения места волонтерства как исследовательской проблемы в российском научном сообществе, приводится анализ проблемных аспектов, с точки зрения которых изучается проблема волонтерства на протяжении последних 5 лет.

Annotation. The article is devoted to approaches to defining the essence of the concept of «volunteering», to the specifics of determining the place of volunteering as a research problem in the Russian scientific community, the article provides an analysis of the problematic aspects, in terms of which deals with the problem of volunteering over the past 5 years.

Ключевые слова: волонтерство, институт гражданского общества, институционализация волонтерства, исследовательская проблема

Keywords: volunteering, institution of civil society, institutionalization of volunteering, research problem

Актуальность. Исследовательские проблемы, связанные с волонтерством в различных его аспектах, на сегодняшний день занимают достаточно большое место в российской научной литературе. В частности, волонтерская деятельность как широкое поле для изучения является одной из наиболее актуальных проблем социальной работы в силу специфики объекта профессионального поля, определенной общности альтруистических основ волонтерства и социальной работы как деятельности.

При этом волонтерство как социокультурный феномен рассматривается исследователями разных областей с точки зрения довольно противоположных научных подходов, что делает изучаемое проблемное поле

более дискуссионным и интересным в плане исследования. На протяжении последних 5 лет внимание к проблемам явления волонтерства в разнообразных его проявлениях только усиливается, и, соответственно, с течением времени количество проводимых исследований и научных публикаций увеличивается, что обуславливает необходимость некой систематизации существующего материала по данной проблемной тематике, анализа места волонтерства как исследовательской проблемы и подходов к ее изучению в рамках отечественной науки. Авторами данной статьи будет сделана попытка некоего обобщения и выявления специфики проблемы волонтерства как дискуссионного поля для изучения, представление наиболее перспективных направлений дальнейшего ее исследования.

В российской и зарубежной научной литературе существует достаточно большое количество исследований, посвященных проблемам подробного анализа дефиниций термина «волонтерство». Выделяя особенности в понимании данного понятия по различным основаниям, преимущественно по территориальному признаку, общепринятой точкой зрения среди исследователей является мнение о том, что в основе определений подразумевается ориентир на значимость волонтерского труда, вне зависимости от того, какие аспекты она в себя включает [0, С.112]. Для того чтобы более глубоко исследовать восприятие волонтерства как исследовательской проблемы в российской научной литературе, необходимо представить существующие концепции его определения и выделить наиболее актуальные из них для российской действительности.

Так, помимо традиционно выделяемых подходов, таких как системный, в рамках которого волонтерство рассматривается как некий комплекс действий, общественная система, функционирующая как с внешними факторами, так и внутри себя посредством взаимодействия некоторых акторов, и аксиологический подход, который отражает начальную идею и фундамент, необходимый для существования данного явления, рядом авторов выделяются также наименее типичные, но более актуальные в

условиях современного общества подходы: определение волонтерства как профессиональной деятельности [0, С.839] и, напротив, как «серьезного досуга» [0, С.113].

Общие характеристики выделяемых большинством российских исследователей определений волонтерства позволяют сделать вывод о том, что это явление рассматривается преимущественно в рамках аксиологического подхода [0, С.104]. Такое представление обусловливается также и достаточно тесной связью явления волонтерства с системой социальной работы. Также ряд авторов отмечает особенности понимания сущности волонтерской деятельности в российском обществе, видя их в альтруистическом характере деятельности и в склонности сужения поля деятельности волонтерства до сферы социальной работы [0, С.113].

Определив специфику понимания термина «волонтерство» в российском обществе, следует теперь акцентировать внимание на том, в каком контексте это явление воспринимается и рассматривается в российской научной литературе. Подходы к пониманию сущности волонтерства как некоего общественного феномена можно разделить на две группы: волонтерская деятельность главным образом рассматривается российскими исследователями разных областей либо как одна из составляющих гражданского общества, при этом, соответственно, описывается место и роль данного явления в контексте политического и общественного устройства, характер его функционирования, либо как собственно социально-экономический феномен, его особенности, вне зависимости от условий и строя общества. В рамках изучения волонтерской деятельности в контексте таких явлений, как социальное государство и гражданское общество, мнения исследователей также расходятся, в зависимости от их взглядов на существование в России институтов гражданского общества как таковых, и, соответственно, возможности развития в них института волонтерства.

Однако наиболее традиционной и разрабатываемой в российской науке является точка зрения о том, что в России все же существуют проявления активности гражданских общностей, и, в том числе как одна из их форм – явление волонтерства; более того, волонтерство рассматривается не только как следствие развитости в государстве активных гражданских позиций, но и как одно из основных движущих сил, способствующих развитию институтов гражданского общества [0, С.43]. В соответствии со следующим подходом, в рамках которого волонтерство есть одно из социальных явлений, оно исследуется преимущественно с позиций экономической социологии и социологии труда, которые рассматривают волонтерство, в первую очередь, как добровольческий труд и исследуют его содержание. Представителями данной точки зрения отмечается, что волонтерское движение может существовать при любом политическом и общественном строе, однако исследователи все же констатируют тот факт, что лишь в условиях гражданского общества явление волонтерства является более институционализированным [0, С.111].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что представители выделяемых и, на первый взгляд, противоположных подходов к рассмотрению явления волонтерства и его места в условиях российской действительности сходятся во мнении, что только в рамках гражданского общества данное явление приобретает более закрепленный правовой статус и способно функционировать наиболее эффективно.

Выделенная специфика волонтерства, заключающаяся в рассмотрении его с позиций одной из составляющих активных гражданских основ, позволяет изучать данное явление в контексте российской социальной работы, поскольку ряд авторов отмечает, что современная парадигма социальной помощи рассматривает социальную работу как деятельность ряда субъектов основных секторов гражданского общества: 1) государственного; 2) коммерческого; 3) филантропического (негосударственного, некоммерческого, благотворительного, волонтерского).

Более того, ряд авторов отмечает, что эффективное функционирование системы социальной защиты во многом зависит от добровольного участия граждан в ее деятельности, а также, что человек, вступая в такие отношения и приобретая статус волонтера, становится полноправным субъектом осуществления социальной политики, что еще раз подчеркивает необходимость рассмотрения проблем волонтерской деятельности с позиций социальной работы [0, С.42].

Так, определив специфику рассмотрения явления волонтерства в России, необходимо обратить внимание на то, какие подходы к изучению волонтерства существуют непосредственно в научной литературе в сфере социальной работы. Во-первых, в данном контексте волонтерство изучается как важная составляющая развития личности, ее становления, как фактор формирования каких-либо важных компетенций для изменения ситуации. При таком подходе выделяется также две сферы изучения волонтерства: для групп риска – в качестве инструмента преодоления трудной жизненной ситуации, формы социализации, [0, С.88] и для самих специалистов по социальной работе – в качестве одной из форм развития профессиональных компетенций [0, С.106]. Во-вторых, волонтерство в социальной работе исследуется как некое обособленное явление, как феномен в целом: его характеристики, условия функционирования и так далее. В рамках данного подхода с позиций социальной работы волонтерство изучается как направление социальной политики, как показатель развития гражданского общества, исследуются механизмы осуществления волонтерской деятельности [0, С.63].

Для того чтобы наиболее полно изучить современное состояние волонтерства как исследовательской проблемы и представить подходы к ее изучению, необходимо обратить внимание на данный аспект в ретроспективе. Проблемное поле исследований, посвященных теме волонтерства, на сегодняшний день является достаточно широким, однако на протяжении последних 5 лет внимание исследователей в области социальной

работы и смежных наук привлекали различные аспекты данной проблемы. Так, проанализировав имеющиеся данные о научных публикациях, представляется возможным выделить некоторые наиболее явные тенденции развития исследовательской мысли в отношении проблемы волонтерства.

Таким образом, систематизировав тематику научных публикаций, можно заключить, что в период, условно обозначенный границей примерно до 2010 года, исследования российских ученых охватывали проблему волонтерства в таких аспектах, как исторические основы явления, анализ тенденций его развития за рубежом и в России, теоретическое обоснование проблемы; также появлялись исследования, посвященные вопросам необходимости и роли данного явления в профессиональной среде, преимущественно в педагогике и психологии, поднимались проблемы волонтерства в контексте гражданского общества. Развивалась идея о необходимости вовлечения представителей студенческой среды посредством проведения исследований, связанных с изучением их мнения и отношения к добровольческому труду, ценностно-мотивационных установок добровольцев.

Далее, в качестве отдельного этапа определенной эволюции взглядов на явление волонтерства как важной исследовательской проблемы, в особенности – социальной работе как науке, следует выделить период 2011 года, который характеризуется появлением интереса ученых к проблемам роли волонтерства в работе с непосредственными объектами социальной работы, преимущественно в реабилитации инвалидов и детей-сирот. Обращение именно к этим группам населения, вероятнее всего, обуславливается тем, что дети-сироты и дети, находящиеся в сложной жизненной ситуации, и на сегодняшний день являются наиболее популярной категорией волонтерского труда, а обращение к проблемам инвалидов, скорее всего, является следствием внедрения Государственной программы Российской Федерации «Доступная среда». Также развиваются такие аспекты изучения волонтерства, как его перспективы развития в России,

возможные условия его успешного функционирования, поднимаются вопросы его роли в профессиональном становлении специалистов по социальной работе.

На протяжении 2012-2013 гг., помимо появления новых исследований и их результатов по указанным выше областям проблемного поля, волонтерство рассматривается как особая форма занятости, трудоустройства. Некоторыми исследователями явление позиционируется как начальный этап предпринимательской деятельности, а также в исследованиях делается акцент на роль молодежи в добровольчестве [0, С.69].

Период 2014 года характеризуется достаточно заметной сменой фокуса рассмотрения проблем волонтерства с социальной сферы на спортивную: вероятнее всего, в связи с проведением в России XXII Зимних Олимпийских игр исследования, ориентированные на аспекты спортивного волонтерства стали наиболее актуальными. Среди интересов исследователей можно выделить такие проблемы, как использование олимпийского наследия и реализация социокультурных проектов, технологии вовлечения молодежи в массовый спорт посредством волонтерства, также интерес представляли исследования, изучающие роль средств массовой информации в волонтерской деятельности, связи с общественностью как важный инструмент развития волонтерства.

В настоящее время можно отметить достаточно разветвленную систему сфер, в рамках которых изучается проблема волонтерства: исследование аспектов явления приобретает актуальность в сфере научно-технических разработок, археологии и других областях, не ограничиваясь социальной сферой. Последняя также характеризуется появлением новых аспектов, в частности, в социальной работе волонтерство сегодня понимается еще и как некая технология социальной работы, где акторами, субъектами волонтерской деятельности выступают сами люди, находящиеся в трудной жизненной ситуации. Исследования проблем волонтерства в социальной работе не ограничиваются изучением роли данного явления в работе с

такими группами риска, как инвалиды и дети, находящиеся в каком-либо сложном положении; актуальна на сегодняшний день работа с семьей, ВИЧ-инфицированными людьми, лицами без определенного места жительства и другими категориями населения.

Таким образом, можно отметить, что проблема волонтерства в разных ее проявлениях имеет множество дискуссионных вопросов и активно исследуется в российском научном сообществе. Систематизировав имеющийся материал, представляется необходимым выделить некоторые характеристики, являющиеся общими для исследований в этой области, и представить возможные перспективные направления изучения данной темы. Имеющиеся исследования, какие бы проблемные области они не затрагивали, ориентированы преимущественно на молодежную среду; подразумевается, что волонтером в первую очередь является молодой человек, для которого добровольчество есть деятельность, основанная на неполной занятости, и который руководствуется альтруистическими мотивами. Однако на наш взгляд, сегодня все более актуальной является проблема компетенций добровольца, навыков, необходимых в той или иной ситуации, ресурсов, как материальных, так и нематериальных. В связи с этим необходимо обратить внимание на привлечение взрослого незанятого населения к волонтерскому труду, поскольку такие люди вероятнее всего будут обладать теми навыками, которые можно более эффективно применить в работе в той или иной группой населения.

Список литературы

Вандышева Л.В. Эмоциональный труд волонтеров: анализ опыта реализации // Фундаментальные исследования. 2014. №9(4). С. 838-842

Глинских А.О. Волонтерская деятельность как средство социализации детей групп риска // Материалы 5-х международных соц.-пед. чтений им. Б.И. Лившица. Урал.гос.пед.ун-т. 2013. С. 87-92

Евдокимова М.С. Волонтерское движение как социокультурный феномен / Евдокимова М.С., Абрамян Н.Г. // вестник Владимирского

государственного университета им. Столетовых. Педагогические и психологические науки. 2015. №22(41). С. 96-103

Журавлев В.И. Теоретические аспекты благотворительной политики государства на примере волонтерства // Философия права. 2015. №4(71). С. 43-47

Зачиняева Е.Ф. Профессионально-ориентированное волонтерство как средство развития профессиональной идентичности будущих специалистов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Педагогика, психология. 2011. №3. С. 134-137

Исакова И.А. Мотивация волонтерской деятельности студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского // В книге: Специфика профессиональной деятельности социальных работников. 2015. С. 445-448

Ли Э.Д. Проблема волонтерского движения в современной России / Ли Э.Д., Толканева О.Г. // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2015. №6. С. 103-107

Менщикова И.Ю. Социальная работа и волонтерство: ценностно-практический аспект взаимодействия в среде высшей школы // Научные исследования в образовании. 2008. №1. С. 42-43

Носова Ю.И. Волонтерство как социально-культурный феномен: генезис и основные характеристики // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. №3(1). С. 62-65

Окань Г.И. Студенческое волонтерство как средство развития профессионализма у будущих специалистов социальной работы // Материалы 12 Всероссийской научно-практической конференции. Российский государственный профессионально-педагогический университет. Екатеринбург, 2015. С. 273-276.

Певная М.В. Волонтерство как социальная проблема // Социс. 2013. №2. С. 110-120

Пешкова Н.Н. Традиционные и инновационные формы благотворительности в России // Омский научный вестник. 2011. №5(101). С. 43-46

Трохина А.В. Волонтерство как особая форма занятости //Уровень жизни населения регионов России. 2012. №12. С. 111-120

Хаджалиев К.И. Роль волонтерской деятельности в воспитании социальной активности молодежи / Хаджалиев К.И., Айгубов Л.С. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2015. №3(32). С.69-75

Лейко И.Г. Волонтерское движение в России и некоторые проблемы его развития // Социальные отношения. 2015. №1(12). С. 105-108

УДК 316.723

Слюсарева, М.Г.

Игры живого действия как один из видов культурной деятельности современной молодежи.

Slyusareva, M. G.

Live action role-playing games as one of the types of cultural activities of modern youth.

В данном докладе нами рассматриваются игры живого действия, которые представляют собой один из видов культурной деятельности. Нами представлены результаты исследований, посвященных ролевым играм и играм живого действия. Анализ данных, полученных в ходе этих исследований, позволяет нам сделать вывод о том, что игры живого действия недостаточно исследованы как феномен современной культуры.

In this report we discuss live action role-playing games which can be viewed as one of the types of cultural activities. We present the results of studies that was done on role-playing and live action role-playing. Analysis of the data gathered during those studies leads us to conclude that live action role-playing games as a phenomenon of modern culture isn't investigated enough.

ИГРЫ ЖИВОГО ДЕЙСТВИЯ || РОЛЕВЫЕ ИГРЫ|| ТИПЫ
КУЛЬТУРНОЙ АКТИВНОСТИ

LIVE ACTION ROLE-PLAYING GAMES || ROLE-PLAYING
GAMES|| TYPES OF CULTURAL ACTIVITIES

Различные виды деятельности молодежи всегда интересовали социологов, психологов и специалистов в области работы с молодежью, поскольку изучение этих видов позволяет не только понять какие ценности, нормы, смыслы и образы интересуют молодежь в данный конкретный момент времени, но и как они отражаются и репрезентируются в деятельности молодых людей.

Мы согласны с позицией А. Биндера, М. Блаур-Лой, Дж. Эванса, Н. Дж. Кваи и М. Шусин, которые полагают, что «мы все являемся культурными

существами, и различные виды человеческой деятельности, которые исследуются социологами, являются по своей сути культурными»[1]. Таким образом, мы считаем любую социальную деятельность молодежи культурной, и игры, в целом, и игры живого действия, в частности, являются одним из видов культурной деятельности.

Стоит обратить внимание на то, каким образом определяется игра. Существует множество определений игры, что связано с наличием различных областей науки, которые изучают игры с учетом устоявшихся в той или иной дисциплине парадигм и теорий. Мы предлагаем использовать формальное определение, предложенное Хейзингом, которое гласит: «игра является актом, который отделен от повседневной жизни герметически закрепленными границами» [2]. Это определение позволяет зафиксировать содержательную сущность игры как деятельности, и при этом не ограничивает нас в строгом смысле слова одним теоретическим подходом.

Игра как вид деятельности многообразна и находит свое место в жизни всех возрастных групп. Игры особенно активно изучаются в контексте воспитания и педагогике, где они часто используются как метод для передачи знаний и прививания определенных навыков. Однако в нашем докладе мы попытаемся представить иной вид игр, который не так хорошо изучен, как в рамках иностранной, так и отечественной научной литературы.

Игры живого действия относятся к такому виду игр как ролевые. Ученые, исследующие ролевые игры, отмечают отсутствие четкого и общепринятого определения ролевых игр, что вынуждает их предлагать свои варианты, большая часть которых, как заметили М. Хитченс и А. Драхен, являются нормативными, а не дискриптивными [3]. Тем не менее, ролевые игры могут быть определены следующим образом: ролевая игра – это игра, действие в которой происходит в вымышленном мире, в которой игроки могут выбирать как исследовать этот мир, а сам по себе мир достаточно велик. Стоит отметить, что это определение является далеко не полным, а границы его существенно размыты, и для использования его в более

подробных теоретических и эмпирических изысканиях М. Хитченс и А. Драхен предлагают учитывать ряд дополнений, которые касаются участников, персонажей, взаимодействий, нарратива и мастеров игр (под мастерами традиционно понимаются те индивиды, которые осуществляют погружение игроков в мир и организуют игру в целом). В тоже время, важно учитывать, что при классификации ролевых игр в рамках всех существующих видов игр, должно учитываться отличительное свойство данного вида, а именно то, что ролевые игры подразумевают исполнение определенной, обычно отличающейся от привычной, социальной роли в контексте игры. Стоит отметить, что ролевые игры (как и другие виды игр) также активно используются в педагогике [4].

Для изучения ролевых игр используются различные теории. Так, например, ролевые игры и, в то числе, игры живого действия изучаются с точки зрения построения текстов и нарративов, причем некоторые элементы, такие как книги правил для настольных ролевых игр рассматриваются с точки зрения конструирования интерактивных нарративов [5]. Некоторые исследователи утверждают, что теории ролевых игр необходимы модели, основанные на продуктивной и репродуктивной ситуации нарративности [6]. Другие же исследователи концентрируются на воплощении и когнитивной теории для описания различных элементов игры [7]. Однако следует отметить, что не все этих теоретические подходы получили эмпирическую проверку.

В значительной части работ, посвященных изучению ролевых игр, рассматриваются игры и их элементы, но не само сообщество, образуемое этим видом деятельности. Однако, исследования, проведенный учеными в Финляндии и Америке, показали, что общинность является важной частью такого вида культурной деятельности, как ролевые игры, причем респонденты охотно идентифицируют себя как игроков ролевых игр [8]. Кроме того, участники игр отмечают как позитивные, так и негативные аспекты участия в ролевом сообществе, что свидетельствует о наличии

определенного уровня саморефлексии, которая позволяет им зафиксировать особенности функционирования данного сообщества.

Некоторые участники ролевых игр уделяют внимание созданию историй в своих научных работах [9]. Так, Дж. Розенблум отмечает, что некоторые из ее знакомых ролевиков называют себя рассказчиками, и это подтолкнуло ее к изучению игры как истории, основной особенностью которой является интерактивность. Она рассматривает рассказ историй как динамичный, интерактивный процесс, и в ее понимании каждое событие порождает новые истории и новые значения. Важно отметить, что, с точки зрения данного автора, взаимодействия порождают не только значение рассказа, но и события, во время которого он рассказывается. Истории являются важными элементами ролевых игр, что было выявлено в ходе кейс-стади. Истории ролевых игр могут быть рассказаны множество раз, причем в них могут появляться новые детали и новые значения. Процесс их создания уникален и не может быть повторен, но каждый пересказ также уникален. Пересказы изменяют нарратив, то есть они изменяют то, что мы думаем об исходных событиях. Дж. Розенблум также отмечает, что позиция Баумана предполагает следующее: изменение нарратива изменяет значение, и, возможно, содержание нарративного события. Рассматривая процесс создания истории автор утверждает, что все аспекты ее создания влияют на значение и переживаемый опыт конечного продукта, и каждое событие создает уникальный набор значений. В работе «К пониманию событий, во время которых рассказываются истории» Р. Георгес, на которую опирается Дж. Розенблум, к такого рода аспектам относится и ситуация создания истории, субъективность рассказчика, участники истории и их специфическая идентичность, и именно это позволяет сделать вывод о решении проблемы пассивной аудитории. Кроме того, Р. Георгес полагает, что социальное значение создается только социальной интеракцией. Дж. Розенблум считает, что представленной ей анализ ролевых игр как историй может показать людям потенциал ролевых игр как часть возрождения

оральных традиций общества. В диссертации «Топологии изобретения: антропологический подход к риторике игр» К. Паунд отмечает, что каждая история для игроков имеет своей секретное значение, и эти значения активизируются во время игры.

Следует отметить, что исследователи ролевых игр обращают внимание на тот факт, что у участников ролевых игр есть «реальная жизнь», под которой понимается повседневная жизнь, разделяемая всеми, включая представителей данного сообщества [10]. Оппозиция реальная жизнь – игра встречается в значительном числе работ, посвященным участникам ролевых игр [11]. Стоит обратить внимание на то, что в некоторых работах упоминается повседневная жизнь, а в других - «реальная жизнь». Мы видим, что существует разные точки зрения, в рамках которых исследователи описывают ролевые игры и их взаимосвязь с иными видами деятельности индивидов. Одна из этих позиция может быть описана как видовая, и в ее рамках игры представляют собой один из всевозможных видов деятельности. В ней игры классифицируются как нечто, выходящее за рамки повседневной, обычной жизни. Другая же позиция заключается в том, что ролевые игры воспринимаются как процесс создания виртуального, не реального, и они противопоставляются реальности, социальной действительности.

Следует обратить внимание на то, что некоторые исследователи, такие как У. Хаукс-Робинсон, например, полагают, что, несмотря на разнообразные исследования в данной области, ролевые игры были изучены лишь поверхностно [12]. Мы склонны согласиться с этой точки зрения, поскольку отсутствуют систематические работы, посвященные этому феномену.

Вышеописанное касалось всех ролевых игр, теперь же мы обратимся к понятию игры живого действия. Данное понятие не имеет принятого всеми исследователя определения, как это часто случается. Игры живого действия стали привлекать внимание ученых лишь в последние 15 лет, причем большая часть исследований, проведенных в этой области, были осуществлены в северной Европе [13]. Следует отметить, что часть работ о

ролевых игр написана теми, кто сам принимал в них участие.

Существуют исследования, которые напрямую связывают игры живого действия и культурную сферу жизни общества. Например, А. Илиева рассматривала связь между ролевой игрой как культурной системой и культурным контекстом, в котором она существует, причем ее внимание было сфокусировано на интерпретации культурных элементов в рамках определенной коммуникативной ситуации, а также их семантической взаимосвязи в создании новых значений [14]. В ее интерпретации, игры живого действия представляют собой семиологическую систему второго порядка, которая использует широкий набор семиотических материалов и моделирует их, дополняя еще одним, вторичным значением в процессе ролевой игры. Она согласна с позицией М. Лопонена и М. Монтолы, а именно с тем, что в игре живого действия каждый физический объект и каждое отыгрываемое действие является знаком, и в тоже время она согласна с утверждением К. Сандберга о том, что процесс создания смыслов в прямой коммуникации оказывается замкнутым кругом создания и потребления. Смысл каждого сообщения в игре живого действия создается коммуникацией участников в процессе совместной игры в каждой конкретной ситуации. А. Илиева полагает, что изучение интерпретации является одним из возможных подходов к изучению культуры игр живого действия. Если рассматривать культуру как систему значений, то именно интерпретации и создание новых значений образуют специфические черты каждой отдельной культуре игр живого действия.

Игры живого действия выступали объектами некоторых кейс-стади. Так, Б. Майра использовал игру Вампиры: Маскарад, которая была проведена в Канаде, в таком качестве [15]. В ходе данного исследования он установил, что метазначения игровых взаимодействия приводят к тому, что игроки взаимодействуют друг с другом в повседневном мире, и сохраняют внеигровые отношения в игре. В тоже время внеигровой антагонизм возникал тогда, когда игроки не обсуждали значение внутри-игрового

антагонизма, то есть отсутствовала вне-игровая коммуникация по поводу возникшего внутри игры конфликта. В тех случаях, когда игроки приписывали своим персонажам свои личностные характеристики и это влияло на значение их действий в игре, игровые отношения напрямую влияли на внеигровые. Все игроки, участвовавшие в рассматриваемой ученым игре, переживали события в игре, которые влияли на их внеигровую жизнь. Таким образом, можно говорить о том, что игра живого действия была существенным компонентом жизни этих молодых людей. Метазначения игры позволяют ее участникам формировать значение их отношений вне игры. В тоже время М. Невью полагает, что опыт ролевых игр является, по существу, результатом множественной субъективности, что разрушает иллюзию абсолютно объективного значения [16].

Б. Майра обращается к идее, высказанной Дейвисом и Робертсом о том, что в реальных отношениях обычно именно меньшинство отвечает за генерацию, мониторинг, поддержание и интерпретацию значения социальной реальности для большинства. Он полагает, что в мире игры живого действия, кейс-стади которого было им осуществлено, роль такого меньшинства занимает клика администрации игры. Их авторитет был таков, что, несмотря на протесты других клик, большинство игроков следовали согласно предложенным этой кликой правилам. В тоже время, Дж. Жююл отмечает, что правила не только ограничивают количество возможных вариантов действий для игроков, но и наделяют значением те действия, которые совершаются согласно им. То же само происходит и с властью, в какой бы форме она не была представлена (правил или авторитета мастера) [17].

Б. Майра приходит к следующему заключению: мир игр живого действия являет виртуальными мирами, где рассказчики и те, кто на них влияют, создают реальности. Эти рассказчики способны формировать социальное взаимодействие между игроками, влиять на значение этих взаимодействий и отношений, которые развиваются как в игре, так и вне ее. Ролевые игры могут быть использованы для изменения того, как мы

воспринимаем и осмысливаем наш мир [18].

Среди исследователей игр живого действия можно найти и иные точки зрения на то, чем является мир игры. Так, А.-П. Лаппи, при рассмотрении мира игры, использует концепт будничности, предложенный М. Хайдегером, который, как полагает М. Балзер, близок к концепту жизненного мира. Этот концепт используется для конкретизации феномена погружения. Данный феномен знаком всем участникам игр живого действия, и часто упоминается ими в ходе различных исследований. Содержательной стороной этого феномена является процесс перехода фокусировки сознания игрока с повседневной реальности на фантастическую игры. А.-П. Лаппи определяет будничность как «базу каждого убеждения, ценности и поведенческого паттерна». Он также отмечает, что это то, на что мы обычно не обращаем внимания и не сомневаемся в нем. Таким образом, для А.-П. Лаппи погружения является трансформацией будничности. Это означает, что мир игры функционирует как повседневная жизнь участника, то есть погружение приводит к тому, что игрок принимает временные элементы, включенные в его или ее воображаемое пространство, как часть будничности [19].

Таким образом, мы можем говорить о том, что игры живого действия как один из видов ролевых игр представляет собой специфический вид культурной деятельности молодежи. Игры живого действия включают в себя, как было установлено в ходе различных исследований, такие практики создание и трансляция историй, взаимосвязанную вне и внутриигровую коммуникацию, определенную систему значений, которая содержит набор ценностных ориентаций и установок, и т.д. Данная деятельность многообразна в своем ценностном содержании, и ее дальнейшее исследование необходимо для понимания того, как современная молодежь использует различные культурные практики и виды деятельности для адаптации к быстро меняющемуся миру.

Список литературы

1. Binder A., Blayr-Loy M., Evans J., Kwai NG, Schusin M. The Diversity of culture. The Annals of the American academy. 2012. P. 9.
2. Harambam J., Aupers S., Houtman D. Game over? Negotiating modern capitalism in virtual game worlds. // European Journal of Cultural Studies. Vol. 14. №3.P.301
3. Hitchens M., Drachen A. The many faces of role-playing games. // International Journal of Role-Playing. I. 1 P. 5
4. Lloyd J. Role Playing, collective bargaining, and the measurement of attitude change. // The Journal of Economic Education. Vol. 1. I. 2. P.106.
5. Jara D. A closer look at the (rule-) books: framings and paratexts in tabletop role-playing games. // International Journal of Role-Playing. I. 4. P. 51.
6. Lehrich C. Ritual discourse in role-playing games. Электронный источник http://www.indie-rpgs.com/_articles/ritual_discourse_in_RPGs.html
Дата обращения 20.05.2014
7. Lankoski P., Jarvela S. An embodied cognition approach for understanding role-playing. // International Journal of Role-Playing. I. 3. P. 29.
8. Merilainen M. The self-perceived effects of the role-playing hobby on personal development – a survey report. // International Journal of Role-Playing. I. 3. P. 63.
9. Rosenblum J. Role-playing games as storytelling events. Honors thesis. 1994. P. 16.
10. Swett E. W. Internal and external perspectives on the role-playing gamer subculture. McMinnville. 2002. Thesis. P. 48.
11. Cantine T. The role of detection in rule enforcement. Электронный источник <http://digitalcommons.mcmaster.ca/opendissertations/6620/> Дата обращения 26.04. 2014
12. Hawkes-Robinson W. A. Role-playing games used as educational and

therapeutic tools for youth and adults. Электронный источник
<http://www.academia.edu/3668971/Role->

[playing_Games_Used_as_Educational_and_Therapeutic_Tool_for_Youth_and_Adults](#) Дата обращения 15.06. 2014

13. Tychsen A., Hitchens M., Brolund T. Kavakli M. Control, communication, storytelling, and MMORPG similarities. // Games and culture. Vol. 1. N. 2. P. 253.

14. Пиева А. Cultural languages of role-playing. // International Journal of Role-Playing. I. 4. P. 28.

15. Myhre B. Virtual societies: a journey of powertrips and personalities. 1998. Winnipeg. Master of arts thesis. P. 76.

16. Harviainen J. T. A hermeneutical approach to role-playing analysis. // International Journal of Role-Playing. I. 1. P.68.

17. Montola M. The invisible rules of role-playing. The social framework of role-playing process. // International Journal of Role-Playing. I. 1. P. 30.

18. Myhre B. Virtual societies: a journey of powertrips and personalities. 1998. Winnipeg. Master of arts thesis. P. 120.

19. Balzer M. Immersion as a prerequisite of the didactical potential of role-playing. // International Journal of Role-Playing. I. 2. P. 41.

Е.В. Старосоцкая

E.V. Starosotskaya

Молодежь в меняющемся мире: кризис ценностных ориентаций

Youth in the changing world: crisis of valuable orientations

Статья посвящена рассмотрению новых приоритетов в системе ценностей, интересов и социальных норм современной молодежи. Проведен анализ отношения молодого поколения к окружающей действительности, происходящим событиям, жизненным целям и ориентирам, определен круг насущных проблем и подходов к их решению.

Article is devoted to consideration of new priorities in system of values, interests and social norms of modern youth. The analysis of the attitude of the younger generation towards surrounding reality, the occurring events, the vital purposes and reference points is carried out, the circle of pressing problems and approaches to their decision is defined.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: МОЛОДЕЖЬ, ЦЕННОСТИ, ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, ПРИОРИТЕТЫ, ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕЛИ.

KEYWORDS: YOUTH, VALUES, VALUABLE ORIENTATIONS, PRIORITIES, LIFE GOALS.

Мы живем в изменяющемся мире. Современное общество за последние годы претерпело ряд значительных социально-экономических изменений. Переход к рынку обусловил создание качественно новых экономических условий жизнедеятельности и формирование новых общественных отношений, изменения в самой структуре общества. В короткие сроки в обществе появилось много серьезных проблем: имущественное и социальное неравенство, рост безработицы и преступности, кризис духовных и нравственных ценностей. Закономерными стали изменения ценностного сознания и поведения населения страны, смена жизненных приоритетов, переоценка ценностей, в первую очередь современной молодежи.

В условиях социально-экономической, политической и культурной нестабильности в современном обществе актуализируются вопросы о новых

способах выживания человека, его жизнеосуществления, формирования его нового образа жизни и системы ценностей, характера взаимодействия со средой обитания. Естественно, эти проблемы касаются и молодежи как неотъемлемой части любого общества, которая активно вовлечена в многочисленные процессы его реформирования. В связи с этим особенно значимыми становятся вопросы, связанные с формированием ценностей современной белорусской молодежи, так как старая и устойчивая система ценностей, которая ранее казалась незыблемой, была нарушена, в течение продолжительного времени молодежь оставалась без четких духовно-нравственных ориентиров, процессы социализации протекали хаотично без определенных направленности. Значит появился новый спектр ценностных ориентаций, разрушились старые идеалы, традиции и начал формироваться иной тип личности.

Молодежь как особая социальная группа постоянно находится в фокусе внимания исследований психологов, социологов, поскольку именно молодежь наиболее точно может дать оценку всем переменам, происходящим в обществе. Процесс переоценки жизненных ценностей ярче всего выражен именно в этой социальной группе. Исследование жизненных приоритетов и ценностных ориентаций молодого поколения весьма актуально, так как это дает возможность выяснить уровень готовности общества к новым инновациям и новым социальным условиям.

В Беларуси к молодежи причисляются лица в возрасте от 14 до 31 года, в своей значительной части получающие образование, постепенно включающиеся в рынок труда, приобретающие экономическую независимость и создающие свои семьи. В стране на 1 января 2015 года проживали 2 млн. 185,2 тыс. человек, чей возраст укладывается в указанные рамки. Таким образом, молодежь Республики Беларусь – это почти четверть населения и именно от её ценностных ориентаций зависит будущее состояние белорусского общества. Именно ценности выступают весьма

значимым компонентом индивидуального и общественного сознания, поскольку являются регулятором социального поведения.

Под ценностными ориентациями понимается оценочное отношение личности к совокупности материальных и духовных благ, которые рассматриваются как предметы, цели и средства для удовлетворения потребности группы. Они выражаются в идеалах, личностном смысле жизни и проявляются в социальном поведении личности. Ценностью часто называют то, что имеет наибольшую значимость для человека, то, за что мы готовы платить самую большую цену. Как справедливо отмечал Ч. Кули, ценности являются «энергетическими узлами», точками эмоционального приложения в отношениях с миром, и в то же время основой механизма мотивации социального поведения людей [2, с. 315].

Формирование ценностей и ценностных ориентаций является первоосновой любого общества. Ценности выступают личными ограничителями поведения каждого человека по отдельности и всего общества в целом. Поэтому наличие ценностных ориентаций отдельных личностей и различных групп выступает гарантом развития и стабильности общества. Ценностные ориентации молодежи отражают актуальные ценности определенного общества, которые связаны непосредственно с перспективным развитием его общего экономического и культурного уровня. И именно поэтому сейчас большое внимание уделяется системе ценностей современной молодежи, т.к. именно она является будущим нашего общества.

Об происходящих в сознании молодежи изменениях, пишут многие социологи. Так, В. М. Соколов отмечает, что «в духовно-нравственном мире личности сузилась сфера общественно важных позитивных ориентиров и возросла роль сугубо личностных, не всегда «должных» ориентаций, вдвое снизилась важность таких качеств, как сознание и чувство общественного долга, честность, принципиальность, ответственность, общественная активность. Идет процесс размывания таких «простых» норм нравственности, как доброта, милосердие, порядочность, вежливость и др.

Все большее распространение получает прагматизм в духовной сфере: преобладающая направленность человека только на личную выгоду в знакомствах, экономических связях, социально-политических ситуациях, разрешении различных конфликтов. Возрос вес личной инициативы, целеустремленности, материального благополучия, «нужных связей», умения «подать себя» [5, с. 79].

Новые ориентиры, которые активно транслируются средствами массовой коммуникации – это культ денег и роскоши, моды и развлечений – еще больше усиливают дисбаланс между материальными и духовными ценностями в сторону материальных. Превращают молодое поколение в биомассу, которой можно легко манипулировать.

Во все времена возможность обеспечивать себя и материальная состоятельность, считалась характеристикой взрослого человека. Для того чтобы обладать правами взрослого человека, молодежь стремится к материальной независимости. Она расценивает ее, как право принимать решения «по своему усмотрению» и полностью распоряжаться своей судьбой. Материальная обеспеченность стала на сегодняшний день фактором, формирующим отношение молодежи, как к профессиональному становлению, так и к построению собственной семьи.

На протяжении четверти века у разных поколений студентов в числе основных ценностей был – правильный выбор профессии. Процесс формирования профессиональных ценностей теснейшим образом связан с их интеграцией в современном белорусском обществе. Одним из признаков, характеризующих правильность выбора будущей специальности, является профессиональная установка. Однако большинство разочаровавшихся в выборе профессии все-таки заканчивают вузы, получают дипломы и приступают к работе с отрицательным отношением к своей специальности.

Молодежь все чаще проявляет интерес к образованию с целью получения дальнейшей материальной выгоды, как пропуск к занятию высокооплачиваемых должностей и обретению независимости. Пожалуй, это

одна из основных причин повышения престижа высшего образования среди молодежи, однако, это относится лишь к тем видам образования, которые пользуются спросом на рынке, в первую очередь, экономическому, юридическому, управленческому. Инженерное, социальное, гуманитарное образование востребуются намного меньше, что отражает реакцию молодежи на резкое снижение статуса специалистов, профессии которых связаны с работой в бюджетном секторе и не имеют прямого касательства к рынку» [1, с. 457]. Большинство молодых людей намерены попытаться себя в бизнесе, или, по крайней мере, устроиться в частный сектор экономики. Также повсеместно бытует нигилистическое отношение к чиновникам, государству, политической, финансовой элите, раздраженность и озлобленность, поиск «врага», на которого можно было бы свалить причины всех бед. Многие студенты утверждают, что, окончив вуз, они не будут работать по специальности и рассматривают в качестве единственного критерия будущей деятельности уровень дохода. Современный социум кардинальным образом изменил отношение к профессиональной карьере и стал более позитивно относиться к естественному желанию людей продвигаться вверх по служебной лестнице.

Эта современная тенденция, как всякое социальное явление, имеет побочные эффекты. Желание построить карьеру в условиях рынка требует от человека полной отдачи, у многих оно становится первостепенной задачей, вытесняя другие ценности жизни.

Как отметил В. Пелевин, кризисное состояние общества формирует «проблемную» молодежь, т.е. выросло целое поколение «пепси-колы». Его появление предшествовало полному разрушению шкалы ценностей и идеалов старшего поколения. Молодежь стала свидетелем трудностей адаптации старшего поколения к новым условиям, тем самым их авторитет был существенно подорван. Теперь молодые люди не просто перенимают жизненный опыт, они анализируют суждения и поступки родителей, преподавателей и просто старших. Большинство считают, что старшее

поколение не выдерживает конкуренции в условиях современной жизни и не может быть образцом для подражания. Цинизм, наглость, рвачество, «крепкие локти», равнодушие к окружающим – характерные черты его представителей. «Деньги не пахнут» – вот их жизненное кредо [3, с. 113].

В тоже время растет ориентация молодежи на конкретный, осязаемый результат деятельности, меняется понимание общественно полезного труда. Главным становится «принцип краткосрочного планирования», так как в современных условиях наиболее реальный и быстрый способ заработать деньги – это бизнес, но в ущерб учебе. Выявлено, что большинство студентов всех специальностей надеются на легкое, активное и упорядоченное будущее. Молодежь ориентируется не на ценности социальной успешности (продуктивная жизнь, познание, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, общественное признание), не на ценности социального взаимодействия (развитие, познание, уверенность в себе, интересна работа, друзья) и индивидуальной самореализации (развитие, познание, свобода, творчество, продуктивная жизнь), а именно на ценности личного счастья, наиболее значимыми из которых являются: любовь, здоровье, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь. Счастливая семейная жизнь, любовь, официальный брак все же признается молодыми людьми как ценность, несмотря на то, что многие предпочитают гражданский брак, рассматривая его как подготовительный этап для оформления отношений. Они сознательно не оформляют отношения для того, чтобы не нажить себе лишних проблем, т.е. ответственность за благополучие своего спутника и детей. Выбор жизни без обязательств влечет ослабление чувств семейного долга, семейной традиции, установок супружеской семейной верности.

Интересен тот факт, что молодые люди не стремятся к самореализации, личностному росту, познанию, развитию. Не ставят перед собой цели, задачи, которые явились бы ступенями на пути к достижению цели. Вместо перспективного планирования они отражают фантазии, не подкрепленные желанием их реализовать. Молодежь, относящая себя к среднему классу

общества, достижение материального благополучия видит не в куске хлеба с маслом, а в таком мифологизированном образе жизни высшего класса, когда можно «ни в чем себе не отказывать». Известный социолог М. Н. Руткевич, следующим образом обосновывает ее предпочтения: «В современном переходном обществе появились и развиваются новые формы деятельности, сулящие возможность быстрого обогащения, приобщения к «красивой жизни», самоопределение человека в подобных условиях склоняется к принятию именно этих вариантов будущего жизнеустройства» [4, с. 314].

Можно предположить, что молодое поколение морально уже готово к условиям рыночной экономики, однако описывая свои фантазии, молодежь часто не указывает способы достижения этого благосостояния.

Большинство молодых людей отвергают традиции. Как известно, любые социальные группы вырабатывают свои символы и ритуалы. Их функционирование определяются опытом группы и закрепляются в традициях и обычаях. Традиционный способ поведения становится символом групповой солидарности, выражением единых ценностей и гарантий выживания. Традиции чаще всего принимают формы обрядов, верований и норм поведения. Мотивационная цель данной ценности – уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре – это почитание традиций, смирение, благочестие, принятие своей участи, умеренность, и следование им.

Изучение влияния современных социально-экономических условий в нашей стране на изменение ценностных ориентаций молодых людей в разных социальных группах свидетельствует о том, что современное поколение вобрало в себя все черты рыночного общества. Такие ценности как отзывчивость, доброта, справедливость, бескорыстие, преданность, честность, равенство, счастье других так и не заняли ведущих позиций в личностных ценностях молодых людей. Но здесь не их вина, поскольку эти качества воспитываются на примерах из жизни разных людей, разных

поколений, это серьезные философские категории, и для того, чтобы они стали значимой ценностью, необходимо их познать.

Из сказанного выше можно заключить, что первостепенную важность для молодежи стали иметь карьерные устремления, достижение собственного благополучия, финансовой независимости. У большинства молодых людей выявляется четкое отсутствие картины мира, норм, установок, явные противоречия в сознании. Это определяет отношение и к выбранной профессии, и к будущей работе, и к созданию собственной семьи. Ценится только то, что может быть полезным для собственного развития и роста.

Можно ли говорить о том, что именно этих ценностей будет придерживаться следующее поколение молодежи? Разумеется, нет, потому что для каждого поколения присущи свои приоритеты в системе ценностей. Новые приоритеты в системе ценностей, интересов и социальных норм у молодежи в дальнейшем найдут отражение в их сознании, а затем и в поведении и, в конечном счете, в социальном самочувствии. Активная жизненная позиция молодежи чаще всего выражается в росте трудовой, общественно-политической, познавательной и других видах активности, в социальной мобильности, в формировании не анархично рыночного сознания, а цивилизованного продуктивно осмысленного менталитета [7]. Этот процесс должен быть управляемым и контролируемым. И в этом огромное значение должны сыграть как объективно существующие условия жизнедеятельности, так и последовательная система воспитания и пропаганды новых прогрессивных ценностей. И кто знает, может быть, события, которые происходят сейчас в мире, сыграют свою роль в изменении ценностных ориентиров современной молодежи.

Библиографический список

Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2002. – 568 с.

Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль: Тексты / Под общ. ред. В.И. Добренькова. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. – С. 314-327

Лисовский В. Т. «Отцы и дети»: за диалог в отношениях (Размышление социолога о преемственности поколений) / В. Т. Лисовский // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 111-116.

Руткевич М. Н. Социология образования и молодежи: Избранное (1965–2002) / М. Н. Руткевич ; предисл. акад. РАН Л. Н. Митрохина. – М. : Гардарики, 2002. – 541 с.

Соколов В. М. Социология морали – реальная или гипотетическая / В. М. Соколов // Социологические исследования. – 2004. – № 8. – С. 78-87.

Титаренко Л.Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект / Л.Г.Титаренко. – Минск: БГУ, 2004. – 205с.

Ценностные ориентации современной молодежи. URL: <http://www.kapitalrus.ru/articles/article/1014/>

Молодежь как объект государственной образовательной политики
формирования патриотизма: постановка проблемы

Sulimin V.

Youth as an object of state educational policy of formation the patriotism:
setting the problem

Аннотация. В статье автор ставит проблему таргетирования и сегментирования объекта государственной образовательной политики формирования патриотизма в современной России. Молодежь как объект такой политики не является однородной социальной группой ни по демографическим, ни по социально-экономическим или культурным особенностям. Институт образования, через который реализуется эта политика, не учитывает сегодня имеющееся разнообразие и особенности молодежи.

Abstract. The author poses the problem of targeting and segmentation of the object of the state educational policy of patriotism formation in modern Russia. Youth as a policy object is not a homogeneous social group neither demographic, or socio-economic or cultural features. Institute of education, which is being the subject of implementation the patriotism through this policy, do not take into account the variety and features of young people.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: МОЛОДЕЖЬ|| ПАТРИОТИЗМ||
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА||
ОБРАЗОВАНИЕ|| ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА

KEYWORDS: YOUTH || PATRIOTISM || STATE EDUCATIONAL
POLICY || EDUCATION || FORMATION OF PATRIOTISM

Феномен патриотизма в России 21 века стал носить междисциплинарный и полипарадигмальный характер, выступая предметом изучения многих социальных и гуманитарных наук. Это свидетельствует о смене методологических ориентиров в отношении феномена патриотизма. В социальных и гуманитарных науках можно отметить общую особенность –

патриотизм связывается с развитием личности, основан на морали и нравственности, учитывается его влияние на общественные процессы. Патриотизм в качестве мотиватора социального поведения является социальным фактом и может быть изучен.

Таким образом патриотизм - это особый социальный феномен, некое общее социальное чувство, основанное на моральных аспектах, включающее чувства любви, гордости, преданности к своей Родине, Отечеству. Его сущность связывается не только с отдельным политическим или нравственным принципом и не с отдельным нравственным качеством личности, а с интегративностью ее свойств, что позволяет рассматривать патриотизм как неотъемлемую часть социально-нравственной направленности личности.

На сегодняшний день патриотизм как неотъемлемый элемент системы духовно-нравственного воспитания уже является главным ориентиром государственной образовательной политики, что подтверждается рядом документов: Закон «Об образовании», Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года, Федеральная государственная программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)», Федеральная государственная программа «**Культура России (2012 – 2018 годы)**», Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы» и многие другие.

Так, в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России патриотизм понимается как «чувство и сформировавшаяся позиция верности своей стране и солидарности с ее народом» [1]. Он включает в себя и содержательный компонент, и эмоционально-побудительный, и деятельностный. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы», ориентированная на все социальные слои и возрастные группы граждан России, программа определяет основные пути развития

системы патриотического воспитания, обосновывает его содержание в современных условиях, намечает пути и механизмы реализации программы. Однако необходимо принимать во внимание, что воспитание – это процесс, обращенный прежде всего к младшим возрастным категориям, воспитание патриотизма у взрослых – практически невозможно или крайне затруднено в силу уже сформировавшегося мировоззрения и личностных ценностных приоритетов.

При этом дети, подростки и молодежь – совершенно различные социальные группы в контексте формирования идей патриотизма. Прежде всего, на развитие патриотизма у них влияет разный набор мезо и микрофакторов социализации. С возрастом увеличивается нагрузка на рациональный и практический элементы, в то время, как у младшего возраста доминирует эмоциональный и игровой аспекты. Естественно, учитывая возрастную специфику, методы формирования патриотизма также не должны быть одинаковыми. И, если на уровне дошкольного и младшего школьного возраста преимущественно доминируют методы воспитания, то в подростковом и молодежном периоде взросления уже необходимо подключать интериоризационные и активные компоненты формирования патриотических чувств.

Однако сегодня существенным условием реализации государственной образовательной политики являются федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) по различным уровням и направлениям образования. Проведя анализ содержания ФГОС, можно прийти к выводу, что несмотря на присутствие в них в качестве существенного результата обучения духовно-нравственных ориентиров, ориентиров воспитания патриотизма и гражданственности, тем не менее, основной проблемой выступает отсутствие преемственности данных ориентиров. Принимая во внимание нацеленность и приоритет принципа непрерывности образования, это вызывает достаточные опасения в плане системности формирования патриотизма у разных групп учащихся. Если в стандартах дошкольного, начального школьного, среднего общего образования таковые ориентиры выделены, то в ФГОС по уровню образования бакалавриата и магистратуры их не содержат вообще.

В 2010 году была утверждена национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», согласно которой «главные задачи современной школы - раскрытие способностей каждого ученика, воспитание порядочного и патриотичного человека, личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире» [2]. В соответствии с принятым Законом РФ «Об образовании» были разработаны ФГОС для начального общего образования, предусматривающие достижение цели личностного воспитания, для чего необходимо сформировать у младших школьников:

Чувство любви к своему народу, своему краю и своей родине;

Чувство уважения и принятия ценности семьи и общества;

любопытность, активность и заинтересованность к познанию мира;

навыки владения основами учения, способность к организации собственной деятельности;

готовность самостоятельно действовать и отвечать за свои поступки перед семьей и обществом;

доброжелательность, умение слушать и слышать собеседника, обосновывать свою позицию, высказывать свое мнение;

навыки выполнения правил здорового и безопасного для себя и окружающих образа жизни.

Таким образом, любовь к большой и малой родине, готовность действовать и познавать, то, что можно отнести к элементам патриотизма, предусмотрено и включено в образовательные стандарты для младшего школьного возраста. Как отмечается, воспитательный компонент включается в государственные стандарты впервые в истории отечественной системы образования [3]. Его необходимость обусловлена ростом социального статуса воспитания в российском демократическом обществе, приоритетностью задач духовно-нравственного развития личности, усиления воспитательного потенциала общего среднего образования, призванного обеспечить готовность учащихся к жизненному самоопределению, их социальную адаптацию.

Однако, патриотизм не столько воспитывается, сколько формируется социо-культурной средой, в которой происходит социализация человека. Различные факторы окружающей среды и деятельность многочисленных субъектов социализации в первую очередь оказывают влияние на развитие патриотизма у старших поколений молодежи. От того, что студенты видят, образно говоря, за окнами своих квартир и в том виртуальном пространстве, куда они ежедневно погружаются, в значительной мере зависят их умонастроения и предпочтения.

С другой стороны, педагогический состав вузов и ссузов на сегодня серьезно ограничен в своих возможностях влияния на студенчество, в том числе и в рамках формирования патриотических ориентаций. Резкое сокращение часов в рамках новых ФГОС чрезвычайно осложняет работу. Если при этом учесть, что в вузы приходит все менее знающий студент, то ситуация складывается критическая.

Студенты, получающие высшее профессиональное образование в системе вузов, имеют знаковые отличия и в возрастном, и в социальном аспектах. Так, традиционно, период обучения в вузе относится к второму возрастному периоду молодости – от 17 до 25 лет. При этом данный период принято подразделять на две подкатегории – стандартный период студенчества (17-21 год) и нестандартный (22-27 лет).

В этом возрасте молодой человек характеризуется определенной социальной зрелостью в умственном, нравственном и социально-общественном плане: усиливаются сознательные мотивы поведения.

Студенческий возраст характеризуется стремлением самостоятельно и активно выбирать определенный жизненный стиль и идеал, соответствующий условиям социализации, согласно которым индивид должен играть активную роль. Следовательно, обучение в высших учебных заведениях является мощным фактором формирования патриотических ориентаций. К сожалению, систематического воздействия на процесс формирования патриотизма студентов в вузе фактически не происходит.

Во-первых, отсутствие в ФГОС непосредственных целей формирования патриотизма, во-вторых, необеспеченность финансовая и кадровая для полноценного осуществления данного процесса в вузе и многие другие причины.

Отчасти, формирование патриотизма происходит на уровне воспитательных или внеучебных мероприятий в вузе. Формированию патриотизма в вузе, как и воспитательному процессу в целом, свойственны значительная вариативность и неопределенность результатов. В одних и тех же условиях последние могут существенно отличаться, что обусловлено действиями ряда субъективных факторов: большими индивидуальными различиями студентов, их социальным опытом, отношением к гражданскому долгу и патриотизму [4]. Уровень профессионального мастерства преподавателей также оказывает большое влияние на его ход и результаты.

Индикаторами формирования патриотизма в студенческой среде в вузе может служить желание студентов участвовать мероприятиях патриотической направленности, их знание и соблюдение социокультурных традиций, проявление уважения к историческому прошлому своей Родины, к результатам деятельности предшествующих поколений, желание защищать свою Родину, желание работать не только для удовлетворения своих потребностей, но и для процветания Отечества.

Формирование патриотизма студентов вуза невозможно реализовать через отдельную учебную дисциплину. В любом случае – это комплекс, целостная система, которая охватывает и учебную и внеучебную, досуговую деятельность учебного заведения, предполагает использование в первую очередь практико-ориентированных и интерактивных методов обучения.

В этом случае максимально позволил бы реализовать задачу формирования патриотизма компетентностный подход, согласно которому, эта задача прослеживалась бы на всех уровнях и направлениях образования и закладывалась бы при формировании всех компетенций последовательно.

Необходимо определить основные факторы, оказывающие влияние на формирование патриотизма на разных образовательных уровнях и для разных категорий молодежи.

Предварительно факторы формирования патриотизма различных групп учащейся молодежи следует разделить на две группы: эндогенные (внутренние) и экзогенные (внешние). К первым можно отнести наличие программ, иных документов, фиксирующих деятельность педагогического или воспитательного состава по формированию и развитию патриотизма, включая программы мероприятий, конкурсов, олимпиад и т.д. Фактором будет выступать и наличие иных документов, фиксирующих отношения образовательного учреждения с общественными организациями и деятелями, органами государственной власти и местного самоуправления, средствами массовой информации в сфере патриотического воспитания. Также внутренними факторами будут являться наличие в организационной

структуре образовательного учреждения специальной структуры или должностного лица, в чьи функциональные обязанности специально включается работа по формированию патриотизма у подрастающего поколения; количество ежегодно проводимых мероприятий и количество принимающих в них участие детей, подростков и молодых людей; наличие и количество дополнительных секций, кружков, студенческих организаций, в целях деятельности которых присутствует наличие компонента «патриотизм».

Факторы внешнего характера необходимо подразделить на социальные, политические, экономические и личностно-субъективные. К социальным относятся сплоченность населения, наличие / отсутствие внешнего врага, уровень доверия населения Правительству и иным органам власти, уровень доверия различным СМИ, информация, поступающая из СМИ, территория проживания, информационное общество. Политическими факторами можно считать: политическая ситуация в мире и России, религия и ценности, мораль, нравственность и ценности, уровень доверия политическим силам и организациям, уровень политической активности граждан, отношение к истории и наличие общепризнанной официальной позиции. Факторы экономического характера: экономическая ситуация в мире и в России, экономические прогнозы развития, уровень экономического благосостояния родителей, собственные экономические возможности, глобальная экономика. И, наконец, уровень патриотического воспитания в семье, уровень патриотизма ближайшего окружения и авторитетов, референтных групп, наличие сформированного мировоззрения, убеждений, система ценностей, готовность участвовать в общественно-активной жизнедеятельности, сформированность гражданской позиции, патриотические чувства самого молодого человека могут служить факторами личностного характера.

Таким образом, одной из основных проблем государственной образовательной политики формирования патриотизма в условиях современной модернизации системы образования является отсутствие

преемственности и системности. Существует огромное количество проектов в сфере молодежной активности и патриотизма, за которые отвечают различные общественные организации, лишь иногда привлекая к этому образовательные учреждения; формирование патриотизма в школах и в вузах и в вузах абсолютно рассинхронизировано, нет единой позиции, стандартов, вертикали или системы.

Вторая явная проблема – игнорирование особенностей разнообразия и неоднородности учащейся молодежи, условий их социализации.

Противоречивые тенденции в молодежной среде, связанные с пониманием и реализацией ими феноменов гражданственности и патриотизма, оказывают влияние и на внутренние социально-политические процессы в государстве. Развитие гражданско-патриотических ориентаций молодежи в системе вузов может способствовать преодолению крайних настроений в самой молодежной среде и позитивно сказаться на развитии гражданского общества и его отношений с государством.

Список литературы:

Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/73866.html> (Дата обращения: 10.02.2016)

Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа»: утверждена Президентом РФ № Пр-271 от 04 февраля 2010 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/6683> (Дата обращения: 10.02.2016)

Третьяков Д. В. Формирование патриотического сознания обучающихся в условиях становления вертикально-интегрированных образовательных структур российского общества // Территория науки. 2015. №1. С.44.

Климин К.А. Методика создания концепции воспитательной работы вуза с учетом динамики формирования гражданско-патриотических

ценностей у студентов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Том 14. №2-5.

УДК 316.74

UDC 316.74

Р.К. Султанбек, Р.Т. Джаппарова

Ценностные ориентации Южно-Казахстанской молодежи

R.K. Sultanbek, R.T. Japparova

Valuable orientations of South Kazakhstan youth

Современное экономическое положение Республики Казахстан вызвал значительные изменения социального положения различных групп населения, в том числе и таких которые традиционно считались носителями передовых идей, а именно молодёжи. Выбранные ею социальные ориентиры во многом определяет будущее общества. В этой статье мы бы хотели осветить наиболее острую проблему современного общества, проблему ценностных ориентаций молодежи нашего региона.

Modern economic situation of the Republic of Kazakhstan caused considerable changes of a social status of various groups of population, including the youth who are traditionally considered as carriers of progressive ideas. The social reference points chosen by it are defined in many respects by the future of the society. In this article we would like to cover the sharpest problem of the modern society, problems of valuable orientations of youth in our region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь, ценностные ориентации, социальное настроение, жизненные приоритеты.

KEYWORDS: youth, valuable orientations, social mood, life priorities

Современное экономическое положение Республики Казахстан вызвал значительные изменения социального положения различных групп населения, в том числе и тех, которые традиционно считались носителями передовых идей, где одним из ключевых мест в новых условиях принадлежит молодёжи. Выбранные ею социальные ориентиры во многом определяет будущее общества.

Молодежь – это особая социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной зрелости, положение которой определено социально-экономическим состоянием общества. Молодёжь имеет ряд социальных особенностей, которые определяются специфической позицией, которую она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, способностью наследовать и преобразовывать сложившиеся общественные отношения. Такое проявление поведения молодёжи связано со спецификой её социального положения и определяется закономерностями процесса социализации в конкретных общественных условиях.

В социологическом плане выделяют две стороны влияния общественного прогресса как объективного фактора на тенденции социального развития молодёжи. С одной стороны, изменяющиеся объективные и субъективные условия макросреды опосредуют особенности включения молодёжи в социальную структуру общества, что сказывается как на формировании социального облика молодого поколения, так и на степени развитости самой социальной структуры. С другой стороны, факторы общественного прогресса, отображаясь в сознании молодых людей, влияют на их потребности, интересы, ценностные ориентации в их поведенческих программах, что, в конечном счете, также отражается на социальном облике молодёжи [1].

Молодежь обладает особой восприимчивостью, способностью перерабатывать и усваивать огромный поток информации. Молодёжное сознание определяется рядом объективных обстоятельств.

Во-первых, следует заметить, что в современных условиях кардинально изменился образ жизни человека и общества, связанный с усложнением социальных, политических, производственных и межличностных отношений, то есть усложнился и удлинился сам процесс социализации, и соответственно другими стали критерии её социальной зрелости. Они определяются не только вступлением в самостоятельную трудовую жизнь, но и завершением

образования, получением профессии, реальными политическими и гражданскими правами, материальной независимостью от родителей. Действие данных факторов одновременно и неоднозначно в разных социальных группах, поэтому усвоение молодым человеком системы социальных ролей взрослых оказывается противоречивым. Он может быть ответственным и серьёзным в одной сфере и чувствовать себя как подросток в другой. Во-вторых, становление социальной зрелости молодёжи происходит под влиянием многих относительно самостоятельных факторов: семьи, школы, трудового коллектива, средств массовой информации, молодёжных организаций и стихийных групп. Эта множественность институтов и механизмов социализации не представляет собой жёсткой иерархической системы, каждый из них выполняет свои специфические функции в развитии личности [2].

Молодежь Казахстана в возрасте от 14 до 29 лет составляет свыше 27% населения страны. Ее численность составила 4656,5 тыс. человек, из них проживающей в городской местности – 2574,1 тыс. человек, сельской – 2082,4 тыс. человек. За последние 20 лет численность молодежи в возрасте от 14 до 29 лет выросла на 288,9 тыс. человек. Наибольшее количество молодежи проживает в ЮКО (773,4 тыс. чел.) и Алматинской (529,9 тыс. чел.) областях. Наименьшая численность молодежи – в СКО – 133,9 тыс. чел.

В процентном измерении наибольшая доля молодежи от общей численности молодежи в Республике Казахстан представлена в ЮКО – 16,6%, Алматинской области – 11,4%. Меньше всего молодежи отмечается в Северо-Казахстанской (2,9%), Атырауской (3,4%), Мангистауской (3,5%) и Западно-Казахстанской (3,6 %) областях. Как видим, большая часть молодежи проживает в южном регионе, включая и г. Алматы. Совокупный показатель доли молодежи в южном регионе (ЮКО, Алматинская, Жамбылская, Кызылординская области и г. Алматы) составляет 48,3% [3].

Как показывает проведенное в Южно-Казахстанской области исследование, у подавляющего большинства молодежи (72%) есть главная

цель жизни. Нет её только у 9% молодых людей (19% над этим не задумывались). На поставленный вопрос, в чем же заключается эта главная цель, мечта жизни, были получены ответы, приведенные в таблице №1.

Таблица №1

Распределение главных жизненных целей молодежи (%)

	Жизненные цели	Ответивши х %
	получить хорошее образование	25,9
	иметь престижную работу	23,0
	иметь свою квартиру	7,5
	иметь семью	11,0
	открыть свой бизнес	4,0
	жить в достатке	19,0
	заработать много денег	2,5
	обеспечить будущее детям	7,0

Как видим, для современной молодежи свойственны как духовно-нравственные, так и сугубо прагматичные, материальные жизненные цели.

На вопрос опасается ли чего-либо нынешняя молодежь в своей жизни? Как видим из данных, представленных в таблице №2, больше всего молодежь боится сегодня остаться без материальных средств существования, опасается роста преступности, остаться без друзей, потерять работу.

Таблица №2

Опасения молодежи Южно-Казахстанской области

	Опасения	Ответивши х %
	остаться без хорошего образования	10,0
	остаться без средств существования	53,2
	проблемы с трудоустройством	16,6

	потерять работу	20,0
	остаться без друзей	25,0
	остаться без семьи	15,6
	рост преступности	36,2

Как известно, одним из показателей благополучия и устойчивости положения человека выступает социальное настроение. С ним связаны определенные ожидания, возможные притязания и оценки происходящего, то есть те, которые могут стать решающим фактором того или иного поведения человека.

На вопрос «Каково же социальное настроение молодежи, с каким настроением она смотрит в будущее?» анализ ответов показал, что 53,5% респондентов смотрят в будущее с надеждой и оптимизмом, третья часть воспринимает будущее спокойно, хотя и без особых надежд и иллюзий, а 12,1%, думая о будущем, испытывают тревогу и неуверенность. У 2% – будущее вызывает страх и отчаяние. Как видим, молодежь пока не исчерпала ресурс оптимизма, свойственный возрасту.

Переходя к вопросу об оценке своего материального положения, следует отметить, что большинство молодежи оценивают свое положение как среднее – 25% считают свой материальный уровень выше среднего, чуть менее 55%, а вот о низком достатке говорят лишь 20%.

В основном оценка своего материального положения среди молодежи складывается, из жизненных приоритетов, и ориентируется на достаток родителей.

Новое время диктует новые правила. Рыночная экономика во многом оказывает влияние на ценностные ориентации молодого поколения. Уверены ли молодые жители южного региона в своих планах на будущее?

Почти одна треть опрошенной молодежи Южно-Казахстанской области выразили полную уверенность в завтрашнем дне (таблица №3).

Вопрос вызвал затруднение примерно у 30%. «Нет» на данный вопрос ответили 37%.

Таблица №3

Уверены ли вы в своих планах на будущее?(%)

	Опасения	Ответивши х %
	Да	33
	Нет	37
	Затрудняюсь ответить	30

У отдельных лиц представленной категории населения данный вопрос вызывает не только затруднения при ответе, но и некоторый страх, исходящий от полной неуверенности в завтрашнем дне. Эта часть молодежи от 21 до 25 лет, которой по какой-либо причине не удалось получить высшего образования или же устроиться на хорошую работу с приемлемой заработной платой.

Известно, что молодежь является одной из неустойчивых в социальном отношении, категорией населения, в осуществлении своих планов она не может надеяться только на себя. Мы попытались узнать, на кого возлагает надежды в осуществлении своих планов южно-казахстанская молодежь. Результаты показали, что 33,75% молодого населения доверяют свою судьбу родителям, помощи от друзей ждут около 10% опрошенных, а вот на государство не надеется ни один участник опроса.

Молодые люди не чувствуют данной поддержки от государства, ощущая некоторую незащищенность.

Таблица №4

На чью помощь вы надеетесь при осуществлении своих планов?(%)

	Ответивши х %

	Родители	33,75
	Друзья	10
	Государство	-
	Только на себя	61,25

Категория молодежи, надеющаяся помощь родителей зачастую относится к возрастной категории от 15 до 20 лет. Ведь молодое поколение перенимает стиль поведения и социальные нормы, принятые в их собственной семье, иногда не задумываясь, старается подражать своим родителям и, разумеется, желает добиться большего. Именно родители оказывают достойную поддержку нынешней молодежи в материальной и духовной сфере их жизни. Это, прежде всего, помощь при получении образования и других не менее важных аспектов развития молодого поколения. На друзей надеяться особо не приходится, так как они находятся в таком же положении, как и сами опрошенные и могут дать лишь психологическую поддержку при осуществлении тех или иных планов на будущее.

Рыночная экономика содействует более быстрому взрослению сегодняшней молодежи. В жестких условиях конкурентной борьбы за выживание молодое поколение просто вынуждено надеяться лишь на себя в осуществлении своих планов на будущее. С раннего возраста молодое поколение учится принимать те или иные решения, становится более практичным, чаще задумывается о завтрашнем дне, подчас лучше своих родителей ориентируясь в тех или иных экономических условиях. Но не имея должной поддержки со стороны государства, не чувствуя своей значимости и востребованности на рынке труда, молодежь не в силах будет осуществить своих планов и удовлетворить своих амбиций, целенаправленных на улучшение качества своей жизни.

Молодежь Южно-Казахстанской области более неуверенна в завтрашнем дне, имея ограниченный круг возможностей получения

достойного образования и последующего трудоустройства, эта категория граждан чувствует большую социальную незащищенность. Именно поэтому в ряд своих главных ценностей молодежь области ставит подчас не духовные, а материальные составляющие жизни общества.

Как видим, жизненные ценности сегодняшней молодёжи определяют образ нашего «завтра». Если народ имеет то правительство, которое он заслуживает, то народ и правительство имеют дело с той молодёжью, которую они сами воспитывают – любое проявление невнимания к проблемам молодежи способно создать ещё больше проблем для настоящего и будущего общества.

Литература

1. Дубин Б. Вверх по лестнице, не ведущей никуда: Жизненные ориентиры современной российской молодежи // Социально-гуманитарные знания. – 2003. - №1

2. Луков В.В. Проблема обобщающих оценок положения молодежи // СОЦИС. 1998. № 12.

3. Социальная активность молодежи Казахстана в современных социально-политических реалиях. Коллективная монография / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2014.

Олимпийское волонтерское движение в России

The Olympic volunteer movement in Russia

Аннотация: в 2014 году в России прошли Олимпийские и Паралимпийские игры, в организации которых приняли участие более 25 000 волонтеров. Это первая практика организации подобного мероприятия в нашей стране, первая комплексная программа по работе с волонтерами на федеральном уровне. В статье представлены результаты исследования олимпийского волонтерского движения в России.

Abstract: in 2014 in Russia were The Olympic and Paralympic Games, the organization involving more than 25,000 volunteers. This is the first practice of organizing such an event in our country, the first comprehensive program of work with volunteers at the federal level. The article presents the results of a study of Olympic volunteer movement in Russia.

Ключевые слова: волонтерство; Олимпийские и Паралимпийские игры; олимпийское волонтерство.

Keywords: Volunteering; The Olympic and Paralympic Games; Olympic volunteering.

Организация мероприятий мега-уровня для современной России совершенно новый опыт. В 2013 году наша страна впервые провела на своей территории спортивные мероприятия международного уровня - Всемирные студенческие игры – Универсиаду и Чемпионат мира по легкой атлетике. В 2014 году в Сочи прошли Олимпийские и Паралимпийские игры. В ближайшем будущем нашей стране предстоит принять у себя Чемпионат мира по водным видам спорта – 2015 года, Чемпионат мира по футболу – 2018 год, Чемпионат мира по хоккею – 2018 год. Организация такого уровня

мероприятий требует мобилизации ресурсов страны-организатора, и ресурсов не только финансовых и материальных, но и человеческих. В этой связи отличной альтернативой привлечению оплачиваемых специалистов может стать развитие олимпийского волонтерского движения. Волонтеры не требуют за свою работу денежного вознаграждения, при этом могут выполнять самые разнообразные направления работ, не требующие специальной подготовки, и создают атмосферу альтруизма, идеально вписывающуюся в философию олимпизма.

Привлечение волонтеров в организации крупных мероприятий - устоявшаяся международная практика. При этом число волонтеров постоянно увеличивается. Поданным Международного олимпийского комитета, в организации Олимпийских игр в ЛейкПлейсиде (США) 1980 года было привлечено 6 703 волонтера, в Лиллехаммере (Норвегия) 1994 года - 9 054; в Сиднее (Австралия) 2000 года - 46 967; в Пекине (Китай) 2008 года - 100 000; в Лондоне (Великобритания) 2012 года - 70 000.

Для организации Игр в Сочи привлекалось 25 000 волонтеров, дополнительно для организации привлекались городские волонтеры. Возрастное распределение волонтеров было следующим: 53% - от 16-20 лет; 37% - 21 – 30 лет; 5% - 31-40 лет; 3% - 41 – 50 лет; 2% - 51 – 60%. Среди тех, кто получил аккредитацию волонтера игр было 70% женщин и 30% - мужчин. 2000 человек, из 25 000 были гражданами иностранных государств. 67% волонтеров работали на Олимпийских играх, 33% на Паралимпийских, 40% в горном кластере, 60% - в прибрежном [Официальный сайт XXII Зимних Олимпийских и XXI Паралимпийских игр: www.sochi2014.com].

Олимпийские игры в Сочи – первая возможность для России в плане построения инфраструктуры олимпийского волонтерства, которая до этого была опробована на базе одного из регионов России – Республике Татарстан во время проведения Универсиады 2013 года. За семь лет подготовки к проведению игр была создана и получила развитие программа по работе с волонтерами Сочи-2014. Инфраструктура олимпийского волонтерского

движения состоит из систем, поддерживающих функционирование института. Основой инфраструктуры олимпийского волонтерства в России являются Центры подготовки волонтеров (ЦПВ), на базе которых происходил их отбор и подготовка. На данный момент ЦПВ трансформировались в Ассоциацию волонтерских центров, способствующую развитию волонтерского движения России и решению проблемы помощи населению.

Для изучения олимпийского волонтерского движения "Сочи - 2014" было исследование практик участия граждан в олимпийском волонтерском движении. Исследование проводилось в 3 этапа. На первом этапе исследования были проведены 3 волны интервью с волонтерами «Сочи – 2014», для выявления их роли в организации Игр, определении социальных связей внутри их сообщества и социального капитала от участия в Играх. В первом этапе исследования принимали участие 36 волонтеров, проживающих в следующих городах: Сочи; Нью-Йорк; Москва; Санкт-Петербург; Новосибирск; Томск; Казань; Самара; Пекин; Париж; Шанхай; Владивосток; Краснодар; Волгоград; Нижневартовск. На втором этапе проводилось интервью с руководителями и специалистами Центров подготовки волонтеров «Сочи - 2014» и волонтерами, принимающими участие в работе Центров по полуформализованной анкете. В данном исследовании принимали участие сотрудники 12 Центров подготовки волонтеров, располагающихся в городах с разной численностью населения: Москве; Краснодаре; Волгограде; Пятигорске; Сочи; Владивостоке; Казани; Томске.

На третьем этапе исследования проводился анализ сообществ волонтеров «Сочи – 2014» в социальной сети «ВКонтакте». Одно из анализируемых онлайн сообществ было официальным сообществом волонтеров «Сочи – 2014», созданное членами Организационного комитета Игр, другое – созданное самими волонтерами.

Социальный портрет волонтера «Сочи – 2014» может выглядеть следующим образом: студент высшего учебного заведения, в возрасте от 18

до 25 лет, с активной жизненной позицией. Однако составление единого социального портрета волонтера «Сочи – 2014» невозможно, так как это были совершенно разные люди, обладающие разными целями участия в волонтерских практиках.

Полученные данные показали, что работа с волонтерами «Сочи – 2014» - это комплексная программа, включающая работу с волонтерами до и после игр, программы по их привлечению, подготовке и обучению. Программа имеет меры поддержки и мотивации волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр, также существуют барьеры для вступления в олимпийское движение.

Волонтеры отмечали следующие **мотивы** своего участия в Играх: возможность нахождения на территории Олимпийского города; опыт работы в организации крупного международного проекта; возможность получения практического опыта для повышения уровня профессионализма и получения новых навыков; вклад в развитие международного олимпийского движения.

Так же волонтеры выделяли **барьеры** для участия в олимпийском волонтерском движении. Один из барьеров - это возрастное ограничение для вступления. Организационный комитет определил границы в пределах от 18 до 85 лет на момент открытия Игр. Так для участников пенсионного возраста действовала специальная программа - "Серебряные волонтеры", для других возрастных групп никаких отдельных программ не было предусмотрено. Еще один из барьеров, который отмечали волонтеры - трудность отрыва людей из их повседневной жизни. Волонтеры так же относили к барьерам процесс обучения в качестве волонтера Игр. 26 Центров подготовки волонтеров, на базе которых проходило обучение, не охватывает всех регионов России, и еще менее зарубежные страны. Стоит отметить, что участие волонтеров в Паралимпийских играх было связано с дополнительными барьерами. Участники Паралимпийских Игр – люди, с ограниченными возможностями, взаимодействие с ними предъявляет особые требования к волонтерам. Так, слабослышащие люди используют для

общения жестовый язык, который должны знать и волонтеры, работающие на Играх. Слабовидящие люди пользуются специальным объемным шрифтом (шрифтом Брайля), который они могут использовать. В итоге, для работы на мероприятии волонтеры должны пройти дополнительную более детальную подготовку.

Организационным комитетом были созданы условия, для того, что бы стать волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр могли стать большее количество людей. Обеспечение местом проживания, бесплатным транспортом и питанием – условия, которые являюсь условиями социальной поддержки людей, которые получили аккредитацию волонтера игр. Отсутствие этих условия, создало бы дополнительные барьеры для развития олимпийского волонтерского движения.

Руководители и сотрудники волонтерских центров говорили, что Игры в Сочи стали отправным моментом для волонтерства в России. Люди узнали больше информации о волонтерах, их деятельности и организациях, в которых волонтеры проходят подготовку и работают. Это привело к популяризации волонтерства, повышению доверия к их деятельности.

По результатам исследования было определено, что волонтеры осознают, что являются бесплатной рабочей силой, также определяют для себя следующие **роли**: низкоквалифицированная рабочая сила; «винтики большого механизма»; связующее звено между Организационным комитетом и спортсменами, зрителями; люди, призванные создать атмосферу и настроение игр. Данные роли являются не взаимоисключающими, они скорее взаимодополняют друг друга.

Абсолютно все участники исследования выделяли волонтеров как неотъемлемый компонент Олимпийских и Паралимпийских игр, отмечали своё принципиальное отличие от оплачиваемых работников. Альтруистическая основа и философия помощи без ожидания какого-либо денежного вознаграждения это компоненты, которые, по словам

респондентов, делают олимпийских волонтеров уникальными участниками игр.

Волонтерское олимпийское движение объединяет людей разного возраста, социального статуса, граждан разных стран, представителей разных профессий. При этом можно выделить разные модели использования социального капитала. Если студенты опыт участия в организации игр используют для повышения своей конкурентоспособности на рынке труда или перехода в профессиональную организацию спортивных соревнований, то волонтеры пенсионного возраста – для организации досуга. Объединяет волонтеров желание сделать свой вклад в организацию крупного международного спортивного мероприятия, в развитие своей страны. После участия в играх сообщество волонтеров не распалось и включилось в организацию мероприятий празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне и мероприятиях, проводимых в регионах их проживания. Сейчас подготовку проходят волонтеры, желающие принять участие в Чемпионате мира по футболу 2018 года, который пройдет в России и Олимпийских и Паралимпийских играх 2016 года в Рио-де-Жанейро.

Кроме общественной активности волонтеры «Сочи – 2014» создали и продолжают поддерживать онлайн платформу для общения волонтеров. В 2013 году самими волонтерами было создано онлайн сообщество волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр в Сочи. В данном сообществе потенциальные волонтеры обсуждали актуальные темы для желающих принять участие в Играх, затем вопросы, касающиеся работы волонтеров. После Игр сообщество стало возможностью для обмена воспоминаниями, поиска коллег и друзей. Спустя 2 года после Игр сообщество по-прежнему активно обновляется и имеет более 10 000 подписчиков, 8 863 активных пользователей. На данный момент волонтеры используют сообщество для обсуждения социальных проектов и своего участия в них, ищут людей, которые необходимы для помощи нуждающимся. Официальное онлайн

сообщество для олимпийских волонтеров, созданное Организационным комитетом прекратило существование сразу после Игр.

За 8 лет с начала функционирования Центров подготовки волонтеров «Сочи – 2014» изменилась деятельность этих НКО. Их структура была преобразована в Ассоциацию волонтерских центров России. На данный момент в Ассоциацию входят 64 профильных центров в 34 регионах России. Среди задач центров, входящих в Ассоциацию разные направления волонтерства, например, крупные спортивные и культурные мероприятия, социальное волонтерство, образование. Таким образом, произошли количественные и качественные изменения в работе волонтерских центров. В Ассоциацию входит около 65 000 волонтеров, занимающихся различными направлениями волонтерства. Волонтеры

Волонтерское олимпийское движение может стать некой моделью как для развития волонтерства в целом в нашей стране, так и для создания спортивного волонтерства, волонтеров – организаторов мега-событий. Так развитие олимпийского, как и других направлений волонтерства способствует развитию не только гражданского общества в нашей стране, но и в первую очередь развитию программ по работе с молодежью, и другими категориями граждан.

УДК 316.334.22

ББК 6/8.60,56

Сысоева, Ю.А.

Молодой специалист на предприятии, проблемы его мотивации и
адаптации

Syssoeva, J.

Young professional in the enterprise, the problems of motivation and
adaptation

Аннотация. Статья посвящена проблеме мотивации и адаптации молодых специалистов на предприятиях России. Рассматриваются особенности молодежи как социально-демографической группы, ключевые компетенции, необходимые молодым специалистам для трудоустройства на предприятие после окончания высших учебных заведений; проводится сравнительный анализ адаптации молодых специалистов на предприятии в советский и постсоветский периоды; делается вывод о необходимости наличия программы «Молодежь», в которой предусмотрены обеспечение деятельности Совета молодых специалистов, а также индивидуальная работа с молодыми специалистами в течение трех лет.

Annotation: The article is devoted to the problem of motivation and adaptation of young specialists at the enterprises of Russia. Examines the characteristics of youth as socially-demographic group, the key competencies required for young professionals for employment at the company after graduation from higher educational institutions; comparative analysis of adaptation of young specialists at the enterprise in Soviet and post-Soviet periods; the conclusion is made about necessity of presence of the Youth programme, which provides support for the activities of the Council of young specialists, as well as individual work with young professionals within three years.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ПРЕДПРИЯТИЕ || МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ
|| МОЛОДОЙ РАБОТНИК || СОВЕТ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ||**

АДАПТАЦИЯ || МОТИВАЦИЯ || КОЛЛЕКТИВ || МОНИТОРИНГ ||
ПРОГРАММА «МОЛОДЕЖЬ» || ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

KEYWORDS: ENTERPRISE || YOUNG PROFESSIONAL || YOUNG
PERSON || THE YOUNG PROFESSIONALS || ADAPTATION || MOTIVATION
|| ENVIRONMENT || MONITORING || PROGRAM «YOUTH» ||
PERFORMANCE INDICATORS

Проблемы мотивации и адаптации молодых специалистов на предприятии существовали всегда: в советский период и настоящее время. Они связаны как со спецификой самой молодежи, социально-демографической ситуацией в стране, так и с политикой в отношении работающей молодежи на предприятиях.

В советский период проблемы занятости молодежи и безработицы как таковой не существовало. Вся молодежь была обеспечена работой, иногда и вопреки своему желанию. Такое положение напрямую было связано с политикой государства, проводимой в отношении молодежи [4, с.273-274]. Основными задачами государства были обеспечение рабочей силой строек, организация труда в экстремальных условиях, обучение специалистов, укрепление дисциплины на производстве. В целях улучшения использования кадров молодых специалистов была установлена обязанность выпускников высших учебных заведений и техникумов, обучавшихся за счет государства, проработать в течение пяти лет на производстве. Всякое самовольное устройство на работу после окончания учебного заведения и неприбытие к месту работы согласно выданному ведомством направлению рассматривалось как нарушение закона. Виновные в этом нарушении должны были привлекаться к судебной ответственности.

С одной стороны, такая линия государства способствовала полной занятости молодежи и гарантировала им определенный набор социальных благ. Так, поскольку о трудоустройстве выпускников вузов и даже средних профессиональных училищ заботилось государство, оно же и предоставляло им особый статус: по окончании учебного заведения они направлялись на

работу по специальности на предприятия и в течение 3-х лет после завершения учебы по дневной форме обучения считались молодыми специалистами. Этот статус давал определенные льготы.

С другой стороны, происходило нарушение свободы выбора молодежью места работы и места жительства. Выпускников после окончания высшего или среднего специального учебного заведения направляли на работу в любой город Советского Союза на предприятия, нуждающиеся в кадрах с данной специальностью. Трудоустраиваемая молодежь при этом несла обязательства, которые строго проверялись.

Молодого специалиста на предприятии прикрепляли к опытному работнику, давая возможность быстро приобрести необходимые практические навыки и войти в коллектив. Заинтересованность в молодых специалистах на предприятиях была огромная, поскольку большая часть работников в те времена не имели специального образования, ограничиваясь только практическими навыками. Сами молодые специалисты в своем подавляющем большинстве с энтузиазмом относились к работе по специальности, стараясь применять знания, полученные в учебных заведениях.

В современной России не существует единого определения и четких критериев отнесения работников к категории «молодые специалисты». Неопределенными являются границы возраста и стаж трудовой деятельности, позволяющие отнести специалиста к категории «молодой», а также уровень образования, позволяющий отнести молодого человека к категории «специалист». Тем не менее, очевидно, что категория «молодой специалист» по возрастным рамкам отчасти совпадает с рамками категории «молодежь», которой (молодыми гражданами), в соответствии с доктриной, концепцией и стратегией государственной молодежной политики, считаются лица в возрасте от 14 до 30 лет [1]. Именно поэтому следует считать правомерным, что молодые специалисты подпадают под проводимую в современной России государственную молодежную политику, как «целенаправленную

деятельность органов государственной власти, общественных объединений и иных социальных институтов, направленную на решение проблем молодежи во всех сферах ее жизнедеятельности» [3], одним из положений которой является «становление у молодых граждан положительной трудовой мотивации, высокой деловой активности, успешного владения основными принципами профессионализации, навыков эффективного поведения на рынке труда» [3].

В связи с тем, что социально-демографическая группа, относящаяся по возрасту к молодежи, очень неоднородна и включает в себя людей, отличающихся друг от друга уровнем образования, образом жизни, жизненными требованиями и установками, целесообразно рассматривать молодых специалистов как особую категорию трудовых ресурсов, в силу ряда специфических особенностей:

- они более уязвимы с точки зрения трудоустройства, т. к. не секрет, что работодатели ставят сегодня во главу угла практические навыки, а не теоретические знания;

- управление их трудовой адаптацией более сложное и трудоемкое – многие из молодых специалистов не имеют опыта трудовой деятельности, не готовы к определенному режиму и интенсивности труда, к принятию самостоятельных решений, к ответственности за свои действия и т. д.;

- для них характерны различия между ожиданиями и реальной практикой трудовой деятельности, т.е. их высокие (а нередко и необоснованно завышенные) профессиональные ожидания, сформированные в процессе обучения, нередко не находят своей реализации в исполнительских работах, которые могут предложить работодатели работнику без нужного опыта работы;

- они находятся на низкой ступени материального достатка, обеспечиваемого трудовой деятельностью, т. е. существенный разрыв в уровне оплаты труда зрелого профессионала (даже с менее качественным профессиональным образованием) и молодого специалиста (который имеет

соответствующее образование, но не имеет практического опыта) всегда в пользу первого;

- вступают в период изменения семейного статуса (брак, дети), т. е. молодому специалисту требуется определенный набор социальных льгот и услуг, порой существенно менее актуальный для работников других категорий (гибкий режим работы, отпуск в летнее время, детские сады, фитнес, корпоративный отдых и др.) [1].

Молодые специалисты – это основной продукт, поставляемый высшей школой на рынок труда, и для них еще в период обучения должны быть предусмотрены возможности эффективного применения своих профессиональных знаний на местах будущей работы. Рынок труда в условиях существования организаций и предприятий различных форм собственности сегодня во многом стихийен и не имеет сбалансированного характера. Отсутствуют научно обоснованные прогнозные оценки потребностей в кадрах на ближайшую перспективу, как общего характера, так и в отраслевых разрезах. Поэтому, при общей высокой потребности в кадрах, спрос на специалистов по конкретным специальностям оказывается неопределенным. В аналогичной ситуации неочевидности востребованности выпускников находится формирующийся рынок профессионально-образовательных услуг. Чтобы занять на нем престижное место, вузу, в первую очередь, необходимо знать, какие специалисты требуются промышленности, каков текущий и долгосрочный спрос на них производственной сферы. Из-за отсутствия прогнозов эти и другие вопросы часто остаются без ответов. В результате выпускники вузов не всегда могут работать по специальности. Некоторые оказываются безработными. Другие уходят в коммерцию или в сферу услуг, теряя квалификацию [7, с.84].

Выпускник высшего учебного заведения, получивший специальность, необходимую заводу, будет востребован на всех этапах своего профессионального становления и деловой карьеры, если у него будет в период обучения сформированы установки на развитие таких качеств, как:

способность к самоуправлению, самоорганизации и нормотворчеству; умение осуществлять должностные обязанности и права на уровне нравственности, культуры и права как в профессиональной, так и во внепрофессиональной сферах; способность к инновациям; способность решать вопросы с позиции общего дела: государства, города, трудового коллектива; умение усваивать корпоративную культуру своего предприятия, проявлять лояльность к компании и быть патриотом своего предприятия; умение поэтапно соединить воедино профессиональную компетентность с социальной компетентностью, которая позволяет реализовать без особых финансовых затрат такие могучие резервы коллектива как духовная солидарность, взаимопомощь, идентификацию индивидуального сознания с коллективным чувством «Мы». Сформировать обозначенные установки у выпускников вузов, тем самым облегчить протекание «конфликта вхождения в организацию» и процессов адаптации в трудовом коллективе, усвоения социальных норм и ценностей корпоративной культуры – одна из задач высшего профессионального образования [7, с.90]. А для этого необходимо доводить до студентов содержание таких норм, так как норма собственно и есть «способ адаптации личности, индивида к той общности, в которой он находится, поскольку сама социализация личности включает в себя интегрирование норм коллектива» [6, с.30]

Параллельно с имеющей место нехваткой работников на предприятиях есть серьезная безработица среди выпускников высших учебных заведений, следовательно, необходимо совершенствовать существующие молодежные программы, а также разрабатывать новые, способствующие мотивации и адаптации молодых работников. На наш взгляд, необходимо уже на уровне школ усилить профориентационную работу, направленную на будущее образование выпускников, молодежными программами, информирующими выпускников о предприятиях, которым требуется персонал определенных специальностей. Программы эти должны быть нацелены на обеспечение

предприятий необходимым персоналом и снижение уровня безработицы, который с каждым годом все больше растет [2].

С целью формирования положительной мотивации к труду на промышленном предприятии у молодых специалистов и успешной их адаптации в трудовом коллективе, предлагается разработать в заводской программе «Молодежь» подраздел «Работа с молодыми специалистами», в котором предусмотреть:

1. Обеспечение деятельности заводского Совета молодых специалистов. Исследование 2014 года по вопросам реализации молодежной политики на 19 промышленных предприятиях Свердловской области показали актуальность деятельности такой формы организации работы с молодыми работниками [5, с.344].

2. Планирование индивидуальной работы с молодыми специалистами в течение трех лет, в том числе в первый год работы: проведение беседы с молодым специалистом при его трудоустройстве на предприятие; трудоустройство молодого специалиста в соответствии с его специальностью по диплому; заполнение Паспорта молодого специалиста; организация стажировки молодого специалиста; назначение руководителя стажировки; проведение психологического тестирования молодых специалистов с целью определения их деловых и личностных качеств; проведение индивидуальной беседы о ходе стажировки и адаптации молодого специалиста; подведение итогов стажировки молодого специалиста; проведение социологического опроса по вопросам удовлетворенности молодых специалистов различными аспектами трудовой деятельности; проведение оценки профессиональной подготовленности молодых специалистов; разработка и утверждение программы карьерного роста молодых специалистов по итогам стажировки и психологического тестирования; привлечение молодых специалистов к общественной работе. Во второй год работы предусмотреть рассмотрение вопроса о включении в резерв руководящих кадров молодых специалистов, успешно прошедших стажировку, имеющих хорошие результаты

производственной деятельности, подходящие деловые и личностные качества, выявленные на основании тестирования; обучение молодых специалистов в группе резерва руководящих кадров; участие молодых специалистов в научно-технических конференциях, семинарах, конкурсах научно-технического творчества; отбор наиболее перспективных молодых специалистов для обучения в аспирантуре. В течение третьего года работы на предприятии предусмотреть обучение молодых специалистов на курсах целевого назначения в отделе подготовки персонала; направление молодых специалистов для обмена опытом на родственные предприятия; проведение конкурса «Лауреат молодежной премии» по номинации – «Лучший молодой специалист»; представление молодого специалиста для назначения на вышестоящую должность [9, с.227].

3. Изучение проблем адаптации молодых специалистов в рамках мониторинга адаптации вновь принятых молодых работников на предприятии, целью которого является отслеживание динамики эффективности работы с адаптантами в структурных подразделениях и на предприятии в целом [8, с.94-101].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует вывод об актуальности мотивации и адаптации молодых специалистов на предприятиях. Имея ряд специфических особенностей, связанных с их социально-демографическим положением, молодые специалисты образуют отдельную категорию персонала, к которой предъявляются особые требования, в том числе к ключевым их квалификациям. Закреплению на предприятии, мотивации к трудовой деятельности и адаптации в трудовом коллективе способствуют молодежные программы, предусматривающие возможность активного участия самих молодых специалистов и их объединений в жизни предприятия. Эффективность и результативность таких молодежных программ необходимо измерять через систему социологических опросов и психологического тестирования молодых специалистов, а также в ходе мониторинга их адаптации.

Список литературы

1. Жукова, А. Молодые специалисты – особая категория? // «Кадровик. Кадровый менеджмент». – 2011. – № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://hr-portal.ru/article/molodye-specialisty-osobaya-kategoriya> (дата обращения: 3 ноября 2015 г.)
2. Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/36.htm (дата обращения: 4 ноября 2015 г.)
3. Концепция государственной молодежной политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2001/10/vestniksf141-10090.htm>. (дата обращения: 1 ноября 2015 г.)
4. Мурзаева, Е.С. Периодизация истории государственного регулирования труда молодых специалистов в советское время // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – №4. С.273-278. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/periodizatsiya-istorii-gosudarstvennogo-regulirovaniya-truda-molodyh-spetsialistov-v-sovetskoe-vremya> (дата обращения: 10.11.2015).
5. Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: Научные основы доклада правительству Свердловской области: монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого; УрФУ. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016. 350 с.
6. Попова, Е.В. Онтологическая и гносеологическая специфика нормы [Текст]: моногр. / Е.В. Попова. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос.гос.проф.-пед.ун-т», 2008. 122 с.
7. Попова, Н.В. Какой выпускник вуза востребован на современном промышленном предприятии? // Гуманитарное образование в креативно-антропологическом измерении: сборник научных статей 12-й Всероссийской научно-практической конференции, 19-20 нояб. 2015 г., Екатеринбург / науч.

ред. С.З. Гончаров; Рос. гос. проф.-пед.ун-т. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2015. С.82-90.

8. *Попова, Н.В.* Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2008. 400 с.

9. *Попова, Н.В.* Формы и мотивационные программы закрепления выпускников вузов на современном промышленном предприятии [Текст] / Н.В. Попова // Образование в Уральском регионе: научные основы развития: тез. докл. IV научно-практической конференции (20-21 февраля 2006 г., Екатеринбург) / ГОУ ВПО «Рос.гос. проф.-пед. ун-т». Екатеринбург, 2006. С. 224-229.

О.В. Теняева

Профессиональная идентичность молодежи в контексте
профессионального самоопределения личности

O. Tenyaeva

Professional identity of youth within the context of professional
self-realisation

В статье рассматриваются проблемы профессиональной идентичности студентов как основы их профессиональной деятельности. Описанные исследования подтверждают гипотезу о том, что идентичность большинства учащейся молодежи в отношении выбранной профессии находится в состоянии моратория, т.е. неопределенности, стремлении рассматривать альтернативные варианты профессионально развития, что является следствием перехода России на двухуровневую систему высшего образования.

In article the problem of a professional identity of students as a basis of their professional activity is considered. The described researches confirm a hypothesis that the identity of most of students concerning the chosen profession is in a condition of the moratorium, i.e. the uncertainly, aspiration the consider alternative options of professional development that is a consequence of Russia's translation to two-level system of the higher education.

ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ,
СТАТУС ИДЕНТИЧНОСТИ.

IDENTITY, PROFESSIONAL IDENTITY, STATUS IDENTITY.

Идентичность представляет собой феномен, который возникает из взаимосвязи и взаимодействия индивида и общества и формируется в ходе социализации личности. Общество генерирует ожидания относительно того,

как должен вести себя индивид, принадлежащий к данной социальной группе, а индивид, в свою очередь, стремится им соответствовать по мере своего понимания и возможностей. Это динамичная структура, которая развивается на протяжении всей жизни человека, причем это развитие нелинейно и неравномерно и проходит через преодоление кризисов идентичности. На поведенческом уровне идентичность представляет собой процесс решения жизненно значимых проблем, причем каждое принятое решение по поводу себя и своей жизни (самоопределение) будет вносить вклад в формирование структуры идентичности в качестве ее элемента [5].

Как отмечает В.А. Ядов, базисная социальная функция социальной идентификации как процесса формирования идентичности отражает включение в систему социальных взаимосвязей, стремление индивида слиться с общностями и группами, которые обеспечат защиту их жизненных интересов, основных потребностей в самосохранении, развитии и самовыражении в условиях мнимой опасности ущемления базисных потребностей другими группами или общностями [6]. Идентичность представляет собой феномен, который возникает из диалектической взаимосвязи индивида и общества и формируется в ходе социализации личности.

На современном этапе развития науки выделяется новый критерий профессионального развития личности – профессиональная идентичность, которая становится ведущей характеристикой субъекта труда и свидетельствует о принятии избранной профессиональной деятельности в качестве средства самореализации и развития, а также о степени признания себя как профессионала.

Профессиональная идентичность является одним из наиболее значимых видов социальной идентичности в современных условиях, что обусловлено изменениями социально-экономического уклада жизни российского общества, появлением новых требований к профессии, организации деятельности, социально-трудовой активности.

Профессиональная идентичность выражает концептуальное представление человека о своем месте в профессиональной группе [2], а также о месте своей профессиональной группе в системе общественных отношений [1]. Она наделяет человека ценностными ориентирами, позволяя ему ориентироваться в мире профессий, обеспечивая максимально широкие возможности для самореализации, обладает всеми основными качествами социальной идентичности, связанными с самоопределением в профессиональной социальной группе, принятием группового членства, позитивным отношением к нему, ролью категоризации и сравнения, межгрупповой дискриминацией и т.д.

Профессиональная идентичность имеет разные источники формирования. Базовым из них являются объективные границы профессиональной идентичности, которые определяются нормативными государственными документами об образовании. Так, обучавшийся на определенном факультете и получивший диплом выпускник вуза воспринимается как профессионально идентичный своей профессии. Свою роль в становлении профессиональной идентичности играют определенные ожидания и предпочтения, некие идеальные образы выбранной профессии, психологическая расположенность к определенной профессии.

Осознание профессиональных целей, усвоение знаний и приобретение опыта – эти стадии будущей профессионал проходит в процессе обучения в период студенчества. Студенчество – это часть крупного демографического образования – молодежи, обладающая такими идентификационными характеристиками, как возраст, переходность социального статуса, относительная самостоятельность. Важной характеристикой студенчества как группы является тот факт, что в будущем современные студенты пополнят трудовой состав населения, окажутся включенными в социально-экономическую деятельность [4].

В настоящее время сложилась тенденция получения высшего образования молодыми людьми вне зависимости от склонности к

профессиям определенного типа. Диплом о высшем образовании, неважно, в какой сфере, становится самоцелью абитуриентов. И далее многие выпускники ВУЗов, не определившись профессионально, начинают работать не по специальности, затем принимают решение о втором и даже третьем образовании, что значительно затрудняет их полноценное вхождение в трудовую деятельность.

Количество специальностей в высших учебных заведениях увеличивается, однако, содержание многих из них – в особенности гуманитарного профиля – унифицируется. К примеру, специалист в области социологии может работать не только социологом, но и преподавателем, и менеджером, и маркетологом, и консультантом. Однако возможна ситуация, когда он не сможет устроиться на работу вовсе, по причине отсутствия прикладных, узкоспециализированных навыков.

В связи с данными обстоятельствами актуальной становится проблема изучения профессиональной идентичности студентов как фактора профессиональной успешности. Для исследования статуса профессиональной идентичности была использована методика Дж. Марсиа «Статус профессиональной идентичности» [3]. Автор выделяет несколько статусов профессиональной идентичности:

— *сформированная идентичность*, которая характеризуется тем, что молодой человек отошел от родителей и оценивает свои будущие выборы и решения исходя из собственных представлений. Он эмоционально включен в процессы профессионального, идеологического и сексуального самоопределения, которые являются основными линиями формирования идентичности;

— *«предрешение»*: молодой человек ориентирован на выбор в трех сферах социального самоопределения (профессиональной, идеологической, сексуальной), руководствуется исключительно родительскими установками, становясь тем, кем хотят видеть его окружающие;

— «*диффузия*», характеризующаяся практическим отсутствием у молодого человека предпочтения каких-либо половых, идеологических и профессиональных моделей поведения; недостаточным осознанием необходимости выбора при построении собственной судьбы;

— «*мораторий*» как наиболее критический период в формировании идентичности молодого человека, основным содержанием которого является активная конфронтация взрослеющего человека с предлагаемым ему обществом спектром возможностей.

В ходе исследования статуса профессиональной идентичности современного студенчества, проведенного на базе Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина были выявлено, что большинство молодых людей беспокоит их профессиональное будущее, особенно на старших курсах (75%). Больше половины участников исследования указали, что в момент выбора профессии, после окончания школы, не ориентировались на спрос на представителей данной специальности на рынке труда, объясняя это тем, что в 17-18 лет (возраст окончания школы) еще не осознавали своих профессиональных предпочтений. При этом треть опрошенных заявили, что собирались получить определенную профессию, независимо от трудового спроса на нее.

Для 42% опрошенных выбор будущей профессии был в большей мере их самостоятельным решением, чем решением родителей. Родители четверти опрошенных принципиально не вмешивались в решение этой проблемы. Столько же (25%) обсуждали в семейном кругу вопрос выбора специальности. Только 9% студентов признали, что старшее поколение лучше разбирается в этом вопросе и что они ориентировались исключительно на выбор родных.

Заканчивая вуз, около половины молодых людей испытывают трудности в принятии решения, куда именно пойти работать. Они интересуются сразу несколькими направлениями и, находясь в активном поиске, обсуждают с близкими возможные варианты, что представляется

естественным, поскольку в современном мире велик выбор альтернативных и привлекательных мест работы, причем альтернатива не всегда обусловлена квалификационными требованиями, а зачастую решающим фактором является уровень денежного вознаграждения.

21% участников исследования обсуждают вопрос трудоустройства и возможности профессиональной самореализации с родителями, но окончательное решение собираются принимать самостоятельно, а 15% уже приняли самостоятельное решение. Однако в семьях трети респондентов вовсе не принято обсуждать эту тему. 15% закрыли этот вопрос, посоветовавшись с родителями на начальном этапе профессионального самоопределения.

С утверждением «Друзья советуют мне, на какую работу мне лучше пойти» не согласилось большинство опрошенных студентов. Большинство участников исследования не обсуждают с друзьями проблемы профессионального самоопределения и трудоустройства (37%). Они отметили, что с друзьями проводят время за более интересным занятием, чем обсуждение будущей работы. Однако 27% часто обсуждают с друзьями вопрос будущего профессионального самоопределения, т.е., мнение друзей, как и мнение родителей, является важным, но не определяющим фактором для профессионального самоопределения студентов-старшекурсников.

В то же время 66% респондентов неясно представляют свои будущие профессиональные планы, поскольку выстраивать их они начали только сейчас, по окончании обучения. 60% уверены, что именно на старших курсах обучения в университете пора выбирать и продумывать путь своей будущей карьеры и активно заняты этим. 20% пока не задумывались над этим вопросом. А 15% студентов уже выработали достаточно четкую стратегию выстраивания карьерной лестницы.

Твердо решили, какую работу хотят получить после окончания ВУЗа, лишь 16% студентов. Более половины опрошенных затрудняются в выборе подходящей, а треть опрошенных над этим вопросом еще не задумывались,

что позволяет говорить о состоянии моратория профессиональной идентичности большинства студентов, которые рассматривают большое количество вариантов будущего направления трудовой деятельности, не всегда соответствующих приобретаемой профессии.

Для 76% респондентов принципиально важно, в какой именно организации работать, поскольку от этого, по их мнению, будет зависеть их карьерный рост. Они ориентированы искать вакансии в крупных, развитых компаниях и в соответствии с полученным образованием. В то же время 16% отметили, что им все равно, где работать, поскольку «работа – не главное в жизни».

Чуть меньше половины опрошенных (39%) осознают свои профессиональные цели и будут, по их словам, стремиться к их достижению, не смотря на жизненные трудности и проблемы, почти столько же участников (36%) еще не до конца понимают, в чем состоят их профессиональные цели и стремления, а 21% заявили, что вообще не имеют четких профессиональных ориентаций и целей.

71% респондентов активно анализируют возможности карьерного роста в различных организациях, 17% мало интересуются информацией о том, где и как можно выстраивать карьеру.

68% опрошенных студентов ориентированы на возможную реализацию нескольких профессиональных карьерных линий в разных сферах деятельности («Мое профессиональное будущее – это множество альтернативных вариантов выбора»). У 5% респондентов одна, четко определенная профессиональная цель. Треть опрошенных еще не задумывались над этим вопросом.

На основании проведенного исследования можно говорить о том, что у большинства студентов статусом профессиональной идентичности является выраженное состояние моратория (58%). Такое состояние характерно для людей, исследующих альтернативные варианты профессионально развития и активно пытающихся выйти из этого состояния, приняв осмысленное

решение о своем будущем. Эти юноши и девушки размышляют о возможных вариантах профессионального развития, примеряют на себя различные профессиональные роли, стремятся как можно больше узнать про разные специальности и пути их получения.

Состояние неопределенной профессиональной идентичности характерно для 21% студентов. Люди с таким статусом не имеют прочных профессиональных целей и планов, и при этом не пытаются их сформировать, выстроить варианты своего профессионального развития. Такой статус бывает у людей, привыкших жить текущими желаниями, недостаточно осознающих важность выбора будущей профессии. Тот факт, что у четверти студентов выражено такое состояние идентичности, показывает нам неутешительную тенденцию «потерянности» современных студентов.

Сформированная профессиональная идентичность выражена лишь у 16% опрошенных студентов. Эти юноши и девушки характеризуются тем, что они готовы совершить осознанный выбор дальнейшего профессионального развития или уже его совершили. У них присутствует уверенность в правильности принятого решения об их профессиональном будущем. Этим статусом обладают те юноши и девушки, которые прошли через «кризис выбора» и самостоятельно сформировали систему знаний о себе и о своих профессиональных ценностях, целях и жизненных убеждениях. Они могут осознанно выстраивать свою жизнь потому, что определились, чего хотят достигнуть.

Навязанная профессиональная идентичность у незначительного числа респондентов – 5%. Это состояние характерно для людей, которые выбрали свой профессиональный путь, но сделали это не путем самостоятельных размышлений, а прислушавшись к мнению авторитетов: родителей или друзей. На какое-то время это, как правило, обеспечивает комфортное состояние, позволяя избежать переживаний по поводу собственного

будущего. Но нет никакой гарантии, что выбранная таким путем профессия будет отвечать интересам и способностям самого человека [5].

Состояние моратория профессиональной идентичности – тенденция, вполне соответствующая возрасту и статусу студентом – заканчивая высшее учебное заведения, будущие молодые специалисты рассматривают множество альтернативных вариантов будущего трудоустройства, анализируют рынок труда, взвешивают и оценивают свои возможности.

Список использованной литературы:

Волкова О.А. Профессиональная идентичность в условиях маргинализации российского общества / О.А. Волкова. – М: «Макс Пресс», 2005. – 207 с.

Иванова Н.Л., Конева Е.В. Социальная идентичность и профессиональный опыт личности / Н.Л. Иванова, Е.В. Конева. – Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2007. – 246 с.

Рочева Я.С. Методология исследования социально-профессиональной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2009. – № 1-2. – С. 115-119

Руднева Е.Н., Костянов В.В. Возможности воспитательного процесса ВУЗа для формирования профессиональной идентичности студентов // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 110-115

Теняева О.В. Проблемы профессиональной идентичности студенческой молодежи. V Рязанские социологические чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Рязань: Изд-во «РИД», 2015. – С. 121-127

Ядов В.А. Социальная идентификация личности. – М.: Просвещение, 1993. – 243 с.

Молодежь как объект государственной образовательной политики
формирования патриотизма: постановка проблемы

Sulimin V.

Youth as an object of state educational policy of formation the patriotism:
setting the problem

Аннотация. В статье автор ставит проблему таргетирования и сегментирования объекта государственной образовательной политики формирования патриотизма в современной России. Молодежь как объект такой политики не является однородной социальной группой ни по демографическим, ни по социально-экономическим или культурным особенностям. Институт образования, через который реализуется эта политика, не учитывает сегодня имеющееся разнообразие и особенности молодежи.

Abstract. The author poses the problem of targeting and segmentation of the object of the state educational policy of patriotism formation in modern Russia. Youth as a policy object is not a homogeneous social group neither demographic, or socio-economic or cultural features. Institute of education, which is being the subject of implementation the patriotism through this policy, do not take into account the variety and features of young people.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: МОЛОДЕЖЬ|| ПАТРИОТИЗМ||
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА||
ОБРАЗОВАНИЕ|| ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА

KEYWORDS: YOUTH || PATRIOTISM || STATE EDUCATIONAL
POLICY || EDUCATION || FORMATION OF PATRIOTISM

Феномен патриотизма в России 21 века стал носить междисциплинарный и полипарадигмальный характер, выступая предметом изучения многих социальных и гуманитарных наук. Это свидетельствует о смене методологических ориентиров в отношении феномена патриотизма. В социальных и гуманитарных науках можно отметить общую особенность –

патриотизм связывается с развитием личности, основан на морали и нравственности, учитывается его влияние на общественные процессы. Патриотизм в качестве мотиватора социального поведения является социальным фактом и может быть изучен.

Таким образом патриотизм - это особый социальный феномен, некое общее социальное чувство, основанное на моральных аспектах, включающее чувства любви, гордости, преданности к своей Родине, Отечеству. Его сущность связывается не только с отдельным политическим или нравственным принципом и не с отдельным нравственным качеством личности, а с интегративностью ее свойств, что позволяет рассматривать патриотизм как неотъемлемую часть социально-нравственной направленности личности.

На сегодняшний день патриотизм как неотъемлемый элемент системы духовно-нравственного воспитания уже является главным ориентиром государственной образовательной политики, что подтверждается рядом документов: Закон «Об образовании», Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года, Федеральная государственная программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)», Федеральная государственная программа «Культура России (2012 – 2018 годы)», Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы» и многие другие.

Так, в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России патриотизм понимается как «чувство и сформировавшаяся позиция верности своей стране и солидарности с ее народом» [1]. Он включает в себя и содержательный компонент, и эмоционально-побудительный, и деятельностный. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы», ориентированная на все социальные слои и возрастные группы граждан России, программа определяет основные пути развития

системы патриотического воспитания, обосновывает его содержание в современных условиях, намечает пути и механизмы реализации программы. Однако необходимо принимать во внимание, что воспитание – это процесс, обращенный прежде всего к младшим возрастным категориям, воспитание патриотизма у взрослых – практически невозможно или крайне затруднено в силу уже сформировавшегося мировоззрения и личностных ценностных приоритетов.

При этом дети, подростки и молодежь – совершенно различные социальные группы в контексте формирования идей патриотизма. Прежде всего, на развитие патриотизма у них влияет разный набор мезо и микрофакторов социализации. С возрастом увеличивается нагрузка на рациональный и практический элементы, в то время, как у младшего возраста доминируют эмоциональный и игровой аспекты. Естественно, учитывая возрастную специфику, методы формирования патриотизма также не должны быть одинаковыми. И, если на уровне дошкольного и младшего школьного возраста преимущественно доминируют методы воспитания, то в подростковом и молодежном периоде взросления уже необходимо подключать интериоризационные и активные компоненты формирования патриотических чувств.

Однако сегодня существенным условием реализации государственной образовательной политики являются федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) по различным уровням и направлениям образования. Проведя анализ содержания ФГОС, можно прийти к выводу, что несмотря на присутствие в них в качестве существенного результата обучения духовно-нравственных ориентиров, ориентиров воспитания патриотизма и гражданственности, тем не менее, основной проблемой выступает отсутствие преемственности данных ориентиров. Принимая во внимание нацеленность и приоритет принципа непрерывности образования, это вызывает достаточные опасения в плане системности формирования патриотизма у разных групп учащихся. Если в стандартах дошкольного, начального школьного, среднего общего образования таковые ориентиры выделены, то в ФГОС по уровню образования бакалавриата и магистратуры их не содержат вообще.

В 2010 году была утверждена национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», согласно которой «главные задачи современной школы - раскрытие способностей каждого ученика, воспитание порядочного и патриотичного человека, личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире» [2]. В соответствии с принятым Законом РФ «Об образовании» были разработаны ФГОС для начального общего образования, предусматривающие достижение цели личностного воспитания, для чего необходимо сформировать у младших школьников:

Чувство любви к своему народу, своему краю и своей родине;

Чувство уважения и принятия ценности семьи и общества;

любопытность, активность и заинтересованность к познанию мира;

навыки владения основами учения, способность к организации собственной деятельности;

готовность самостоятельно действовать и отвечать за свои поступки перед семьей и обществом;

доброжелательность, умение слушать и слышать собеседника, обосновывать свою позицию, высказывать свое мнение;

навыки выполнения правил здорового и безопасного для себя и окружающих образа жизни.

Таким образом, любовь к большой и малой родине, готовность действовать и познавать, то, что можно отнести к элементам патриотизма, предусмотрено и включено в образовательные стандарты для младшего школьного возраста. Как отмечается, воспитательный компонент включается в государственные стандарты впервые в истории отечественной системы образования [3]. Его необходимость обусловлена ростом социального статуса воспитания в российском демократическом обществе, приоритетностью задач духовно-нравственного развития личности, усиления воспитательного потенциала общего среднего образования, призванного обеспечить готовность учащихся к жизненному самоопределению, их социальную адаптацию.

Однако, патриотизм не столько воспитывается, сколько формируется социо-культурной средой, в которой происходит социализация человека. Различные факторы окружающей среды и деятельность многочисленных субъектов социализации в первую очередь оказывают влияние на развитие патриотизма у старших поколений молодежи. От того, что студенты видят, образно говоря, за окнами своих квартир и в том виртуальном пространстве, куда они ежедневно погружаются, в значительной мере зависят их умонастроения и предпочтения.

С другой стороны, педагогический состав вузов и ссузов на сегодня серьезно ограничен в своих возможностях влияния на студенчество, в том числе и в рамках формирования патриотических ориентаций. Резкое сокращение часов в рамках новых ФГОС чрезвычайно осложняет работу. Если при этом учесть, что в вузы приходит все менее знающий студент, то ситуация складывается критическая.

Студенты, получающие высшее профессиональное образование в системе вузов, имеют знаковые отличия и в возрастном, и в социальном аспектах. Так, традиционно, период обучения в вузе относится к второму возрастному периоду молодости – от 17 до 25 лет. При этом данный период принято подразделять на две подкатегории – стандартный период студенчества (17-21 год) и нестандартный (22-27 лет).

В этом возрасте молодой человек характеризуется определенной социальной зрелостью в умственном, нравственном и социально-общественном плане: усиливаются сознательные мотивы поведения.

Студенческий возраст характеризуется стремлением самостоятельно и активно выбирать определенный жизненный стиль и идеал, соответствующий условиям социализации, согласно которым индивид должен играть активную роль. Следовательно, обучение в высших учебных заведениях является мощным фактором формирования патриотических ориентаций. К сожалению, систематического воздействия на процесс формирования патриотизма студентов в вузе фактически не происходит.

Во-первых, отсутствие в ФГОС непосредственных целей формирования патриотизма, во-вторых, необеспеченность финансовая и кадровая для полноценного осуществления данного процесса в вузе и многие другие причины.

Отчасти, формирование патриотизма происходит на уровне воспитательных или внеучебных мероприятий в вузе. Формированию патриотизма в вузе, как и воспитательному процессу в целом, свойственны значительная вариативность и неопределенность результатов. В одних и тех же условиях последние могут существенно отличаться, что обусловлено действиями ряда субъективных факторов: большими индивидуальными различиями студентов, их социальным опытом, отношением к гражданскому долгу и патриотизму [4]. Уровень профессионального мастерства преподавателей также оказывает большое влияние на его ход и результаты.

Индикаторами формирования патриотизма в студенческой среде в вузе может служить желание студентов участвовать мероприятиях патриотической направленности, их знание и соблюдение социокультурных традиций, проявление уважения к историческому прошлому своей Родины, к результатам деятельности предшествующих поколений, желание защищать свою Родину, желание работать не только для удовлетворения своих потребностей, но и для процветания Отечества.

Формирование патриотизма студентов вуза невозможно реализовать через отдельную учебную дисциплину. В любом случае – это комплекс, целостная система, которая охватывает и учебную и внеучебную, досуговую деятельность учебного заведения, предполагает использование в первую очередь практико-ориентированных и интерактивных методов обучения.

В этом случае максимально позволил бы реализовать задачу формирования патриотизма компетентностный подход, согласно которому, эта задача прослеживалась бы на всех уровнях и направлениях образования и закладывалась бы при формировании всех компетенций последовательно.

Необходимо определить основные факторы, оказывающие влияние на формирование патриотизма на разных образовательных уровнях и для разных категорий молодежи.

Предварительно факторы формирования патриотизма различных групп учащейся молодежи следует разделить на две группы: эндогенные (внутренние) и экзогенные (внешние). К первым можно отнести наличие программ, иных документов, фиксирующих деятельность педагогического или воспитательного состава по формированию и развитию патриотизма, включая программы мероприятий, конкурсов, олимпиад и т.д. Фактором будет выступать и наличие иных документов, фиксирующих отношения образовательного учреждения с общественными организациями и деятелями, органами государственной власти и местного самоуправления, средствами массовой информации в сфере патриотического воспитания. Также внутренними факторами будут являться наличие в организационной

структуре образовательного учреждения специальной структуры или должностного лица, в чьи функциональные обязанности специально включается работа по формированию патриотизма у подрастающего поколения; количество ежегодно проводимых мероприятий и количество принимающих в них участие детей, подростков и молодых людей; наличие и количество дополнительных секций, кружков, студенческих организаций, в целях деятельности которых присутствует наличие компонента «патриотизм».

Факторы внешнего характера необходимо подразделить на социальные, политические, экономические и личностно-субъективные. К социальным относятся сплоченность населения, наличие / отсутствие внешнего врага, уровень доверия населения Правительству и иным органам власти, уровень доверия различным СМИ, информация, поступающая из СМИ, территория проживания, информационное общество. Политическими факторами можно считать: политическая ситуация в мире и России, религия и ценности, мораль, нравственность и ценности, уровень доверия политическим силам и организациям, уровень политической активности граждан, отношение к истории и наличие общепризнанной официальной позиции. Факторы экономического характера: экономическая ситуация в мире и в России, экономические прогнозы развития, уровень экономического благосостояния родителей, собственные экономические возможности, глобальная экономика. И, наконец, уровень патриотического воспитания в семье, уровень патриотизма ближайшего окружения и авторитетов, референтных групп, наличие сформированного мировоззрения, убеждений, система ценностей, готовность участвовать в общественно-активной жизнедеятельности, сформированность гражданской позиции, патриотические чувства самого молодого человека могут служить факторами личностного характера.

Таким образом, одной из основных проблем государственной образовательной политики формирования патриотизма в условиях современной модернизации системы образования является отсутствие

преемственности и системности. Существует огромное количество проектов в сфере молодежной активности и патриотизма, за которые отвечают различные общественные организации, лишь иногда привлекая к этому образовательные учреждения; формирование патриотизма в школах и в вузах и в абсолюте абсолютно рассинхронизировано, нет единой позиции, стандартов, вертикали или системы.

Вторая явная проблема – игнорирование особенностей разнообразия и неоднородности учащейся молодежи, условий их социализации.

Противоречивые тенденции в молодежной среде, связанные с пониманием и реализацией ими феноменов гражданственности и патриотизма, оказывают влияние и на внутренние социально-политические процессы в государстве. Развитие гражданско-патриотических ориентаций молодежи в системе вузов может способствовать преодолению крайних настроений в самой молодежной среде и позитивно сказаться на развитии гражданского общества и его отношений с государством.

Список литературы:

Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/73866.html> (Дата обращения: 10.02.2016)

Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа»: утверждена Президентом РФ № Пр-271 от 04 февраля 2010 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/6683> (Дата обращения: 10.02.2016)

Третьяков Д. В. Формирование патриотического сознания обучающихся в условиях становления вертикально-интегрированных образовательных структур российского общества // Территория науки. 2015. №1. С.44.

Климин К.А. Методика создания концепции воспитательной работы вуза с учетом динамики формирования гражданско-патриотических

ценностей у студентов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Том 14. №2-5.

УДК 316.35

Усынина, Н.И.

Ценностные ориентации студенческой молодежи медицинского вуза

Usynina, N.

Valuable orientations of student's youth of medical school

Аннотация: в статье анализируются ценностные ориентации студентов, проходящих процесс социализации и самореализации в период социальных трансформаций общества. Показано, что ценностные ориентации личности это не только система моральных и социальных установок, определяющих отношение человека к действительности, но и факторы регулирующие мотивацию личности, к достижению выбранной цели, образующих фундамент ее самоопределения. Исследование ценностных ориентаций студентов-медиков имеет стратегическое значение, т.к. мировоззрение будущей врачей будет определять качество оказываемой медицинской помощи и в итоге – здоровье нации. В ходе эмпирического исследования установлено, что, несмотря на приоритет прагматического, материального отношения в современном обществе, основными ценностными ориентациями студентов-медиков явились не богатство и власть, а интересная и престижная работа, честность и создание семьи.

Summary: in article valuable orientations of the students passing process of socialization and self-realization during social transformations of society are analyzed. It is shown that valuable orientations of the personality it not only system of the moral and social installations defining the attitude of the person towards reality, but also the factors regulating motivation of the personality, to achievement of the chosen purpose, forming the base of its self-determination. Research of valuable orientations of medical students has a strategic importance since the outlook future doctors will define quality of the provided medical care and as a result – health of the nation. During empirical research it is established that, despite a priority of the pragmatistical, material relation in modern society, the main valuable orientations of medical students were not the wealth and the power,

but interesting and prestigious work, honesty and creation of a family.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ, СТУДЕНТЫ-МЕДИКИ, ЦЕННОСТИ.

KEYWORDS: VALUABLE ORIENTATIONS, STUDENT'S YOUTH, MEDICAL STUDENTS, VALUES.

Современное общество характеризуется расширением рынка труда, противоречивостью социально-экономического развития и социальной дифференциацией общества. Комплексные исследования социальных проблем российской молодежи необходимы, т.к. имеют большое прогностическое значение, создавая основу для своевременного воздействия на социальные процессы и решения многих противоречий. В частности большой интерес представляют ценностные и профессиональные ориентации молодых людей. Выбирая свой жизненный путь, молодежь ориентируется на информацию, поступающую из различных каналов, институтов системы образования. В тоже время, современная высшая школа стремится, не только транслировать знания, развивать и совершенствовать умения и навыки, но и формировать ценностные ориентации с учетом культуры и моральных принципов российского общества с точки зрения приобщения студентов к определенной «касте» специалистов. Ценностные ориентации личности – это система моральных и социальных установок, определяющих отношение человека к действительности. Разделяемые личностью социальные ценности выступают как жизненные цели и основные средства их достижения. Это выступает фактором, регулирующим и детерминирующим мотивацию личности и её поведение.

Современный мир, со свойственными ему трансформациями в социальном и экономическом устройстве, сопровождающийся кризисом ценностного сознания диктует молодым людям новые правила и установки. Система ценностных ориентаций противоречива и динамична. Она отражает как существенные изменения взаимозависимости личности с миром, так и текущие, мимолетные жизненные ситуации. Ценностные ориентации

направляют личность, определяя «правильность» или «неправильность» совершаемого поступка, определяют в конечном итоге мировоззрение человека. Представляя собой единство мыслей, чувств, практического поведения ценностные ориентации формируются на жизненном опыте и трансформируются с взрослением и профессиональным становлением личности, ввиду того, что в их основе лежат меняющиеся потребности, убеждения, мотивы и интересы личности.

Ценностные ориентации – это нравственные установки, фундамент самоопределения личности, формирующийся под воздействием внешней среды, лежащие в основе мотивов поступков. Они служат критериями, по которым человек дает оценку окружающей действительности и выбирает наиболее приемлемую модель поведения, исходя из характера, темперамента, воли и т.д. Синтез данных факторов выступает ценностным ориентиром, регулирующим поведение.

Стоит отметить выделение ценностей в зависимости от направленности их использования. Орлов Б.В. и Эйнгорн Н.К. подразделяют ценности на действительные и воображаемые, должные и желаемые, ценности и антиценности. К действительным ценностям относятся идеи, явления, представляющие важность для личности или социальной группы. Воображаемые ценности выступают результатом фантазии, не совместимой с действительностью. Желаемые – это ценности, приемлемые для большой социальной группы. Антиценности – ценности, имеющие отрицательную направленность [1].

По мнению Шарова Е.Б. ценностные ориентации можно подразделить на два типа: фундаментальные и надфундаментальные. Первые определяют жизненный фон, создают социальную среду жизнедеятельности человека, в то время как вторые являются базисом самосознания, отвечая за чувственное восприятие действительности, наполнение жизни согласно чувствам и желаниям. К фундаментальным ценностям можно отнести семью, работу, здоровье, образование, необходимые личности для полноценной

жизнедеятельности. К надфундаментальным – любовь, творчество, хобби и т.д. Автор так же предлагает разделение ценностей на относительные (комфорт, богатство и т.д.), абсолютные – существующие вне времени и пространства (нормы и правила поведения), базовые – фундаментальные, заложенные в детстве и переходные (динамические) корректируемые в процессе жизнедеятельности, под воздействием обстоятельств, ошибок и достижений. На протяжении жизни происходит непрерывный процесс формирования, закрепления, перераспределения ценностных ориентаций, ценности могут меняться, переходить друг в друга в зависимости от ситуаций и влияния внешних обстоятельств [3].

Леонтьев Д.А. выделяет три формы существования ценностей. К первой он относит общественные идеалы, ко второй – предметное воплощение этих идеалов и к третьей – мотивационные структуры личности, способствующие к воплощению идеалов. По мнению Лапина Н.И. ценности – обобщенные представления идеалов общественного и индивидуального сознания. И в эмпирических исследованиях ценностные ориентации могут выступать «заместителем» ценностей и являться самостоятельным предметом исследования. Немаловажным видится изучение ценностных ориентаций студенчества, как молодёжной группы. На протяжении процесса ее изучения социологи исследуют их отношение к различным явлениям общественной жизни, особенности социализации и воспитания, процесс преемственности знаний и опыта предшествующего поколения. Студенчество, с присущими ему характерными чертами, является носителем определённой субкультуры и определенного набора ценностных ориентаций, формирующих мировоззрение и определяющей приверженность к той или иной модели жизнеустройства. В системе образования на протяжении длительного времени непрерывно идут процессы модернизации, оптимизации, плюрализации. Появляются разнообразные формы, методы обучения, возникают новые специальности. Все это неизбежно способствует возрастанию социальной дифференциации, которая затрагивает в первую

очередь молодежь. Изучение поведения, ценностных ориентаций студенческой молодежи в сфере образования, исследование процессов социального воспроизводства являются одними из наиболее актуальных и ключевых направлений в современной социологии [2].

Современное студенчество – люди совершенно новой формации. Это специфическая социально-демографическая группа, ближайшее будущее нашего общества, потенциальная интеллектуальная, политическая, экономическая, культурная элита. Оно характеризуется высокой социальной мобильностью, восприимчивостью к трансформациям в обществе. Смена и преобразование ценностных ориентаций затрагивает эту социальную группу в значительной степени, нежели других членов общества. Исследование процессов, влияющих на ценностное сознание студенчества, имеет особое значение, т.к. положение молодых людей в обществе определяет и особенности динамики ее ценностных ориентаций. Актуальность исследования обусловлена недостатком исследований, направленных на изучение содержания ценностей и ориентаций, реализуемых личностью в процессе обучения, а так же исследований, направленных на изучение специфики в зависимости от возрастно-психологических особенностей.

Цель исследования – изучение ценностно-смысловых регуляторов в процессе профессионализации студентов медицинского вуза.

Материал и методика исследования. Для оценки процессов социализации 292 студентов-медиков было проведено анкетирование в течение 2015 г. При разработке исследования был использован комплексный подход эмпирического изучения, основанный на синтезе диспозиционного, мотивационного, статусно-ролевого и процессного подходов. В качестве объекта определения ценностных ориентаций выступила социальная группа – студенты лечебного, педиатрического и стоматологического факультетов всех курсов медицинской академии. Среди респондентов было 15,4% юношей и 84,6% девушек. Средний возраст студентов-медиков, принявших участие в опросе, составил $20,2 \pm 0,5$ лет.

Результаты и их обсуждение. Анализ полученных результатов исходил из предположения, что ценности в сознании студента-медика, формируют его профессиональную и жизненную ориентацию, дают определенное представление о том, как он соотносит себя с окружающей действительностью, имеет ли возможность себя реализовать в ней и т.д. С точки зрения профессионально-ценностной ориентации у студентов преобладала ценность в самореализации и самоутверждении в профессии врача (75,3%), реализация детской мечты (33,2%), престижность выбранной профессии (27,1%) и высокая востребованность на рынке труда (17,5%). На втором месте стояла ценность в развитии своих способностей и самосовершенствовании как специалиста для (51,4%). При этом пришли к выбору профессии врача по настоянию родителей 14,7%, десятая часть пошла по стопам родителей (11,0%).

Для большинства респондентов (47,3%) учеба явилась главной ценностью на данный жизненный период, эти студенты учатся с полной отдачей сил и способностей; 49,7% студентов стараются учиться, не прилагая особых усилий. Практически 80% опрошенных (77,7%) отметили, что на период студенчества основной ценностью обучения в вузе является получение конкретной специальности, на втором месте повышение уровня знаний 67,8%, на третьем – возможность занять достойное место в обществе – 42,5%. Четвертое – шестое место заняли ориентации на получение диплома о высшем образовании (37,0%), жизненного опыта (33,2%) и общение (25,0%). Свой выбор ценностей студенты видят в больших перспективах продвижения в обществе (63,7%), для 43,1% данное образование позволяет выбрать специальность по душе, для 37,0% дает перспективы карьерного роста, для 33,2% служит основой для материального благополучия, для 13,7% позволяет быстро найти работу.

Следующая группа вопросов касалась личностных ценностей. Для достижения успеха среди сокурсников они выделяют следующие ценности: успешная учеба (65,4%), высокие моральные качества, принципиальность,

готовность прийти на помощь (59,6%), оригинальность суждений, наличие собственного мнения (32,2%), активность в общественной жизни вуза (28,1%), наличие широкого круга знакомств и связей (24,0%), высокая эрудиция в области культуры и искусства (15,4%). Оценивая этические ценности студентов медиков, выявлено, что на первом месте среди них преобладали самостоятельность и независимость (45,2%), на втором месте – жизненная активность, оптимизм (41,4%), целеустремленность и организованность (35,3%), уровень интеллекта и творческие способности (32,2%), предприимчивость и напористость (16,8%), патриотизм (6,2%), честность и порядочность (2,7%).

Итогом исследования явилось построение пирамиды ценностей социализации студентов-медиков. На первом месте стояла интересная и престижная работа, на втором – «честно и по совести прожить свою жизнь», на третьем – семья и дети, на четвертом – друзья, на пятом – почет и уважение, на шестом – путешествие, на седьмом – богатство, на восьмом – бизнес, на последнем – власть и знаменитость.

Таким образом, полученные ценностные ориентации выполняют организующую и направляющую роль в формировании будущего врача через фиксированные установки личности характеризующимися избирательным отношением личности студента-медика к ценностям. Преобладающими ценностными ориентациями, влияющими на формирование материальной и духовной культуры будущего врача, явились: среди профессиональных ценностей – самореализация в профессии, среди личностных – успешная учеба, среди этических – самостоятельность, независимость, жизненная активность и оптимизм. На вершине пирамиды профессиональных ценностей находится ориентация на интересную и престижную работу, которую необходимо выполнять честно и добросовестно.

Список литературы.

1. Орлов, Б.В. Духовные ценности: проблема отчуждения /Б.В. Орлов, Н.К. Эйнгорн. – Екатеринбург. Из-во Уральского университета, 1993.

- С.3-72

2. Чередниченко, Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути / Г.А. Чередниченко. - СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. - С. 21.

3. Шарова, Е.Б. Динамика ценностных ориентации студентов в период обучения в высшем учебном заведении / Е.Б. Шарова. - Тюмень: «Вектор Бук», 2003. - Выпуск 2. - С. 107-109.

УДК 37.018.1

ББК 74.95

Челышева И.В

**Социальные сети и современная молодежь: проблемы
взаимодействия**

Chelysheva I.V.

Social networks and modern youth: problems of interaction

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимодействия молодого поколения с миром виртуальных сетевых сообществ. Автором представлена характеристика виртуальных социальных сетей, опасности и риски, связанные с влиянием последних на ценностные ориентации, жизненные принципы, характер восприятия и понимания окружающей действительности.

Annotation. The article deals with the problems of the younger generation of interaction with the world of virtual network communities. The author presents characteristics of virtual social networks, the dangers and risks associated with the effect of the latter on the values, principles of life, the nature of perception and understanding of reality.

Ключевые слова: медиа, социальные сети, интернет, молодежь коммуникация.

Keywords: media, social networking, internet, youth, communication.

Трудно сегодня найти человека, не знакомого с понятиями «виртуальность» и «интернет». Реальность «полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир» [3, 351]. Современный интернет объединил все информационные каналы СМИ - прессу, телевидение, радио и др., стал неотъемлемой частью повседневной жизни, бизнеса, политики, науки, образования. Глобализационные процессы предопределили «переход социального мира с четкими структурами и границами к социальному миру потоковой природы, ставящей под сомнение

факт необходимости структур и границ. Потоки миграции, финансов, транспорта, товаров, услуг предваряются потоками информации, как текстовой, так и образной. Появление и бурное развитие информационно-коммуникативных технологий закрепляет за электронными посредниками статус производителей виртуальных миров, виртуальной социальности и виртуальной идентичности, в значительной степени меняющих традиционные практики социального мира» [8, 5].

Виртуализация все теснее охватывает все сферы современной жизни: привычно воспринимаются виртуальные образы, в виртуальный режим переходят совещания и конференции. В результате человеческая жизнь протекает по двум потокам – реальному и виртуальному. Интерактивность позволяет создавать иллюзию практически реального существования в виртуальном мире и предоставляет широкие возможности для конструирования личного виртуального пространства, обладающего нравственными, эстетическими, информационными, социокультурными смыслами.

Количество активных пользователей социальных сетей неуклонно растет: ими сегодня являются школьники, студенты, профессионалы любой области. Различные аспекты проблемы взаимодействия человека с интернет в эпоху глобализации нашли свое отражение в педагогических, психологических, культурологических, социологических трудах многих российских и зарубежных исследователей: Г.М.Маклюэна, В. С. Собкина, Г.В. Солдатовой, Е.Ю., Зотовой, А.И., Чекалиной, О.С. Гостимской, А.В. Федорова, А.В. Шарикова, и др.

Герберт Маршалл Маклюэн одним из первых выступил с идеей о том, что экономические отношения и связи в современных условиях все больше принимают форму обмена информацией, знаниями и, соответственно, медиа оказывают влияние на мировосприятие человека, его образ жизни. По Маклюэну, средства коммуникации развиваются параллельно с культурными и социальными процессами, определяя человеческое восприятие.

Следовательно, именно процесс коммуникации является средством понимания общественных процессов и одновременно способом обеспечения целостности общества [7, 54]. Развиваясь, медиа становятся средствами «расширения» человека – его чувств, способностей, возможностей и т.д. Постепенно обретая власть над ним, медиа способны удерживать под контролем эмоциональный климат общества. Результатом этого процесса становится «ампутация» сознания человека: «Мы больше не чувствуем так, как раньше, и наши глаза, уши и другие органы чувств уже не являются прежними» [6, 59].

Как известно, виртуальные социальные сети представляют собой мощные интерактивные многопользовательские веб-сайты, содержание которых конструируется самими участниками. Особое значение социальные сети имеют в жизни современного молодого поколения, выполняя информационные, коммуникативные, релаксационные функции. По свидетельству компании Brand Analytics, активная аудитория социальных сетей за первое полугодие 2015 года в России распределяется следующим образом: «ВКонтакте» остается самым популярным соцмедиа с аудиторией в 53,6 млн человек (от 12 до 64 лет) в марте 2015 года. Следом идут «Одноклассники» – 38,75 млн человек, Facebook – 24,5 млн человек, «Мой мир» – 23,7 млн пользователей, LiveJournal – 16,4 млн человек. Instagram насчитывает 10,7 млн активных пользователей, а Twitter – 7,4 млн человек. Значительную часть активных пользователей социальных сетей составляет молодежная аудитория, причем пик активности приходится на возрастную группу от 25 до 34 лет [http://adindex.ru/news/researches/2015/05/25/123830.phtml].

Общение в социальных сетях открывает молодежи широкие возможности для коммуникации (включая обмен информационными сообщениями, фотографиями, видео и т.п.), оценки медиаконтента, создания личного виртуального пространства, объединения в группы, сообщества по общему признаку (сфере интересов; возрасту; месту учебы, работы,

жительства и т.п.). В исследовании Е.А. Шайкиной констатируется, что только 3,7% студентов не являются пользователями социальных сетей, а количество времени, которое тратит студенческая молодежь на виртуальное общение составляет около 4 часов в день [9, 185]. К главным преимуществам виртуального общения, по свидетельству автора, большинство студентов (82 %) относит «возможность общения со знакомыми, которые находятся на большом расстоянии, и возможность быстрой связи», 42 % рассматривают социальные сети для новых знакомств, 30 % студентов посещают виртуальные сообщества с целью обмена информацией [9, 185].

Социальные сети получили активное развитие на российских виртуальных просторах с 2006 года. Именно тогда появился один из первых стремительно развивающихся сетевых сообществ – сайт «Одноклассники». Сайт довольно быстро собрал огромную аудиторию (школьники, студенты, взрослые люди разных профессий, пенсионеры, домохозяйки и т.п.). Постепенно «Одноклассники» стал мультязычной сетью, где осуществляется общение на восьми языках: русском, английском, украинском, узбекском, азербайджанском, армянском, грузинском, румынском языках. Сайт впервые в мировой практике позволил друзьям не только общаться в традиционном письменном формате, но и совершать видеозвонки.

В октябре 2006 года появилась сеть «Вконтакте». Она составила серьезную конкуренцию «Одноклассникам» по количеству пользователей и ежедневных посещений. Сегодня «Вконтакте» – широко известный в России и за ее пределами мультязычный сайт. По статистике LiveInternet, каждый месяц его посещает порядка 314.7 млн. человек [<http://www.liveinternet.ru/stat/vkontakte.ru/index.html>]. К тому же, «Вконтакте» – самая многочисленная социальная сеть по числу пользователей школьного и студенческого возраста.

Уже несколько лет наращивает мировую популярность социально-сетевой проект «Twitter», впервые запущенный также в 2006 году. Его

существенным отличием от других сетевых платформ выступает концепция онлайн-коммуникации в сети. При помощи сообщений каждый пользователь может сообщить своему кругу общения о том, где он находится в данный момент, что с ним происходит, а также получить от своих друзей обратную связь. Несмотря на требования к лаконичности текста (ограничения составляют 140 знаков), с развитием интернета и мобильной телефонии общение в «Twitter» стало очень популярным способом переписки и мгновенного обмена новостями. Позже в сервисы проекта были внесены существенные изменения, которые значительно упростили процесс общения: появилась возможность добавлять к сообщениям иллюстрации, видео и фотографии.

Общение в социальных сетях уже достаточно давно стало своеобразной формой самопрезентации современного молодого поколения, которое вполне самостоятельно формирует медиаконтент, определяет наиболее значимые медиасобытия в огромном информационном потоке. В.В. Павленко, характеризуя социальные сети в качестве социального института, выделяет ряд специфических особенностей, характерных для данного формата коммуникации: наличие определенной структуры и организации сети; наличие общей функции для всех социальных институтов - удовлетворения потребностей общества; возможность регуляции социальных процессов, происходящих внутри сети; наличие социальных групп и социальных организаций, призванных удовлетворять потребности групп, личности; возможность осуществления экономической деятельности внутри сети; интеграция социальных сетей в социально-политическую жизнь общества и социализация индивидов, функционирующих внутри сети» [6].

Попадая в виртуальный мир сети, молодой человек ощущает себя творцом, хозяином виртуально созданного симуляционного мира. Он может вступать в контакты, общаться, совершать покупки, получать образование и т.д. Вместе с тем, к негативным последствием распространения социальных сетей выступает формирование «психологической зависимости от них как

одного из видов компьютерной зависимости. В процессе квазиобщения утрачиваются навыки общения в реальности, умение устанавливать контакт на эмоциональном уровне и чувствовать собеседника» [9, 186].

Уже достаточно широко известно, что виртуальный мир оказывает существенное влияние на ценностные ориентации, жизненные принципы, характер восприятия и понимания окружающей действительности. Широкие возможности для коммуникации, обмена информацией, творческого самовыражения - с одной стороны, и риски, связанные с кибербуллинг, фишингом, проявлением агрессии, киберзависимостью - с другой, актуализируют необходимость решения проблем безопасности молодежи в виртуальном пространстве. Это отмечается в Декларации «За безопасность детей и молодежи в Интернете», принятой в 2010 г.: «Международный и российский опыт свидетельствует о том, что информационные и телекоммуникационные технологии, открывая новые возможности для социально-экономического развития стран, свободного распространения информации, в то же время представляют собой этические вызовы в плане уважения к правам человека, фундаментальным свободам, неприкосновенности частной жизни. Неправомерное использование данных технологий может представлять собой потенциальную опасность для детей и молодежи как наиболее уязвимой перед лицом интернет-угроз категории пользователей глобальной сети» [2].

Любые формы медианасилия носят разрушающий характер, оказывают негативное влияние на современную аудиторию. Среди наиболее вероятных последствий медианасилия современными исследователями выделяются:

- изменения в поведении, связанные с агрессией и жестокостью;
- смещение жизненных ценностей, где главным становится стремление доминировать над окружающими людьми;
- стремление подражать отрицательным героям в общении, манерах;
- повышение риска криминогенного и асоциального поведения и многие другие.

По свидетельству Г. Н. Лихачевой, агрессивная информационная среда «навязывает порочные установки, ложные смыслы и ценности. Большая часть информации примитивизирует и раскалывает сознание и чувства человека, пробуждает агрессивные аффекты, прививает низменные вкусы, атрофирует позитивную волю, в конечном итоге, зомбирует, встраивая в сознание определенные потребительские программы» [5, 35].

Одной из острых социальных проблем воспитания современных школьников выступает профилактика и противодействие экстремизму. По свидетельству Ю.А. Беззубковой и М.В. Романовой, в киберпространстве именно молодое поколение подвержено наибольшему риску попасть под влияние экстремистских группировок. Среди многочисленных причин рисков данного явления авторами выделяются: недостаток жизненного опыта и знаний, размытость представлений об общественных ценностях, и др. Использование манипулятивных технологий, которые используют кибертеррористы (подтасовка фактов, искажение исторических событий, подмена понятий и т.п.), зачастую приводит молодых людей к мысли, что деятельность подобных группировок направлена на достижение благих целей. Так, многие молодые люди, попадая в подобные сообщества, «уверены что занимаются чем-то вроде очистки страны от проблем. Беспокоящими их проблемами являются несправедливость формирования элит, безработица, бедность, несправедливость при оплате труда и карьерном росте, стесненные социальные обстоятельства, высокий уровень преступности, отсутствие правосудия в интересах рядового гражданина, невозможность влиять на политическую систему путем легальных политических механизмов, неадекватность государственного регулирования» [1, 11].

Для обеспечения технической стороны безопасности детей и молодежи в социальных сетях сегодня разработаны системы родительского контроля, программы, ограничивающие доступ к нежелательному контенту, создание отдельных учетных записей, блокировка неизвестных контактов и т.д. Но,

как правило, одних этих мер бывает недостаточно. Большинство юных пользователей в техническом плане намного превосходят взрослых, и для того, чтобы отменить настройки, которые мы устанавливаем полдня, им хватит и двух минут. Да и с развитием мобильного интернета фильтры и ограничения перестают иметь основополагающее значение. Поэтому, наряду с технической стороной вопроса, необходимо обратиться к проблеме цивилизованного взаимодействия с социальными интернет-сетями, которое включает не только знание правил безопасности общения в сети в соответствии с нормами общепринятого поведения, но и умение ориентироваться в мире медиаинформации, конструктивно ее оценивать, анализировать, отличать достоверную информацию от ложной. В этой связи трудно переоценить возможности медиаобразования – педагогического направления, выступающего за изучение подрастающим поколением закономерностей массовой коммуникации.

В процессе медиаобразования осуществляется изучение, анализ и творческое освоение произведений медиакультуры, происходит установление социокультурных связей между человеком и медиакультурными процессами. Основной целью медиаобразования выступает развитие медиакомпетентной личности – обладающей умениями ориентироваться в нем, находить необходимую информацию, уметь полноценно ее воспринимать и оценивать, понимать, как функционируют медиа в современном мире, использовать медиаресурсы для образования, развития, творчества.

Список литературы

Беззубкова, Ю.А., Романова, М.В. Социально- психологические причины возникновения киберэкстремизма/ Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи (сборник статей) / под ред. Г.Н. Чусавитиной, Л.З. Давлеткириевой, Е.В. Черновой. Магнитогорск: МаГУ, 2013. С. 5-11.

Декларации «За безопасность детей и молодежи в Интернете». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.safor.ru/declaration.php>. Дата обращения – 23.02.2016.

Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: Изд-во Гос. ун-та ВШЭ, 2000.

Маклюэн, М.Г. Галактика Гуттенберга: становление человека печатной культуры / М. Г. Маклюэн ; пер. И. О. Тюриной. М.: Академический проект, 2005. 496 с.

Лихачева, Г.Н. Вызовы и заблуждения в современном обществе / Международная научно-практическая конференция «Ценности и интересы современного общества». Информационные технологии // М.: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2014. С. 35-41.

Павленко, В.В. Роль современных социальных сетей в социальных и политических технологиях //Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции «Молодежь в постиндустриальном обществе»/ Отв. ред ред. Г.А. Хотинская. *Саратов-Дюссельдорф: АНО Пресс-Лицей, 2013. 255 с.* Электронный ресурс. Режим доступа: <http://hsjournal.org/wp-content/uploads/2012/11/pavlenko.pdf>. Дата обращения – 24.02.2016.

Челышева, И.В. Проблема конструирования медиареальности в наследии Г.М.Маклюэна / Вестник Воронежского государственного университета. 2011. №. 1. С.51-54.

Черняева, К.О. Культурная идентификация в условиях глобализации: случай социальных сетей. Автореф. ...канд. соц. наук. Саратов, 2010.

Шайкина, Е.А. Социальные сети в жизни современной студенческой молодежи/ *Духовність особистості: методологія, теорія і практика.* Луганськ: вид-во Східноукр. нац. ун-т ім. В. Даля, 2011, № 3 (44). С184-188.

Шерер, А.А. || Потрух, В.С. || Пятава, Ж.С.

Молодежь моногорода: ценностные ориентиры при выборе карьерного пути (на примере городов ЗАТО системы Росатом)

Sherer, A. || Potruh, V. || Pyatova, J.

Young people of mono-town: choice of future career in dependence of values (dating on questionnaires of students from "atomic" cluster)

В статье рассматриваются предпочтения студентов «закрытых» городов, повлиявшие на выбор профиля высшего образования, а также их карьерные ожидания .

The article is devoted to choices of high school education and former career by students from mono-towns in dependence of their values.

|| ЦЕННОСТИ || КАРЬЕРА || ВЫБОР || ТРУДОУСТРОЙСТВО ||
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ||

|| VALUES || CAREER || CHOICES || EMPLOYMENT || HIGH
EDUCATION ||

Судьба моногородов в современной России является актуальной социальной проблемой. Перспективы этих городских образований весьма противоречиво оцениваются представителями социологической науки, правительственных структур как федерального, так и регионального уровня, отраслевых министерств. В среде моногородов особое место занимают «закрытые» города. И если однозначного мнения относительно дальнейшего существования ЗАТО на настоящий момент времени не существует, то те проблемы, с которыми приходится сталкиваться малым «атомным» городам, носят общий со всеми моногородами характер. Одной из острейших проблем является активный отток творческой молодежи, рост безработицы, старение производственных кадров и населения города в целом. Поэтому важной социологической задачей становится выявление моделей жизненного поведения именно в молодежной среде моногородов.

Данная статья основана на результатах анкетирования студентов вузов НИЯУ МИФИ из городов Новоуральск, Лесной, Северск и Саранск. Всего было обработано 95 анкет и проведено 10 глубинных интервью. Часть анкет подверглась выбраковке из-за явных противоречий в выборе ответов (указание взаимоисключающих позиций, указание всех позиций сразу). В результате были признаны рабочими 27 анкет студентов из Новоуральска, 29 из Северска, 26 из Лесного и 5 из Саранска. Выборка анketируемых была случайной – опросы проводились в ходе научных конференций, обменов студентами между вузами системы МИФИ, поездок на студенческие мероприятия внеучебной направленности. Поэтому процентное соотношение значений полученных ответов на вопросы анкеты строгим научным результатом не является. Тем не менее, преобладание одних вариантов и полное игнорирование (или единичные случаи выбора) других позволяют наметить опорные линии для моделирования структуры представлений студентов «закрытых» городов об идеальной карьере, перспективах трудоустройства (в городе или вне его) и жизненных приоритетах.

На вопрос о том, почему предпочли обучение в родном городе, выбрав именно вуз НИЯУ МИФИ, преобладающее количество респондентов отметили варианты – «хочу работать в атомной промышленности» и «хочу получить техническую специальность». В группах анкет из разных вузов соотношение выбора специальностей именно с прицелом на атомную отрасль или же общетехнической направленности отличается друг от друга. Так, анketируемые из Лесного отдали предпочтение техническому образованию перед атомной отраслью в соотношении 3:1, а студенты Северска, напротив, показали больший ориентир именно на отрасль в отношении 5:2.

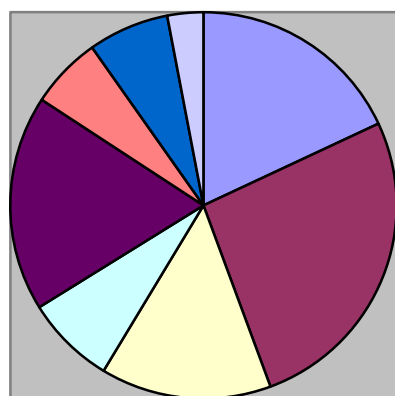
Таблица 1. Ответы на вопрос о выборе учебного заведения.

Что повлияло на	Новоуральск	Северск	Лесной	Саранск
	к	к	к	к

выбор учебного заведения?				
хочу работать в атомной промышленности	12	16	4	3
2. заинтересовала специальность, которая есть только в МИФИ	9	6	4	-
3. хочу получить техническую специальность	5	6	12	2
4. есть вакансия, для получения которой нужно высшее образование	3	5	2	-
5. хочу получить высшее образование, не уезжая из города	14	2	6	2
6. полученные баллы за ЕГЭ позволили	4	4	-	-

пройти только сюда				
7. поступил вместе с друзьями	2	1	1	-
8. на выборе настояли родители	4	1	3	1

Рис. 1. Суммарная диаграмма предпочтений при выборе вуза.

- хочу получить техническую специальность
- хочу работать в атомной отрасли
- выбранная специальность есть только в МИФИ
- есть вакансия, нужен диплом
- не хочу уезжать из города
- баллы позволили поступить только сюда
- настояли родители

Конечно, на принятие решения о выборе высшего учебного заведения влияет множество внешних факторов. Среди них можно выделить такой, как ситуация на рынке предложений образовательных услуг. Если существует возможность выбора между различными техническими вузами, более значимой становится именно специализация в сфере атомной индустрии.

Немаловажное значение имеет и фактор финансовых возможностей абитуриентов и их семей. Влияние оказывает и наличие преемственности

трудовых династий, возможность дальнейшего трудоустройства и обустройства семейной жизни именно в родном городе. В целом можно отметить, что большинство опрошенных выбрали место обучения именно ориентируясь на специализацию.

Вопрос о том, почему приняли решение не уезжать из города, а продолжить обучение на месте, во многом дублирует таковой о выборе вуза. С одной стороны, это позволяет подтвердить осознанный характер предыдущего ответа, а с другой стороны, делает более заметными влияющие на выбор высшего образования обстоятельства, которые напрямую не связаны с дальнейшей карьерой, но лежат в сфере финансовых или психологических возможностей.

Таблица 2. Факторы, оказавшие влияние на решение учиться, не уезжая из родного города

Почему решили продолжить обучение в городе?	Новоуральск	Северск	Лесной	Саранск
выбирал специальность именно в МИФИ	16	22	6	4
хочу помочь родителям сэкономить деньги на обучении	19	13	17	2
3. не хочу уезжать из города – здесь друзья, личные привязанности	5	4	9	1
4. не могу уехать – ухаживаю за младшими братьями/сестрами,	2	-	1	-

инвалидами, престарелыми родственниками				
5. работаю в городе, хочу совмещать работу и учёбу	4	-	2	-

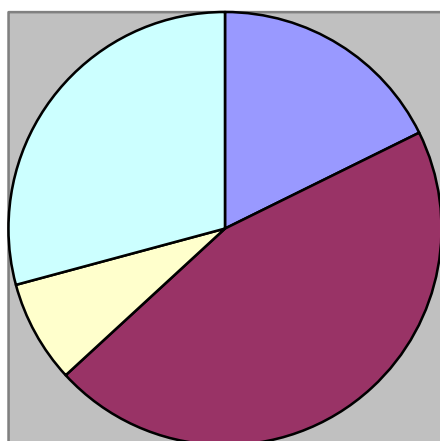
Рассматривая влияние внутрисемейного решения на выбор профессии, можно обратиться к статистике анкетирования предыдущих лет (по городу Новоуральску) и данным интервью. Характерной особенностью городов ЗАТО является ориентация старшего поколения на трудоустройство на основном предприятии городского округа. В закрытых городах сложились трудовые династии, в которых старшее поколение проработало на отраслевом предприятии 30-40 лет, а общий трудовой стаж составляет более полувека. Уже третье поколение молодых заводчан готовы прийти на смену своим родителям. За годы существования закрытых городов отрасли в них сложилась особая инфраструктура, развитая социальная сфера, и, несмотря на то, что реформенные преобразования и экономический кризис в заметной мере разрушили налаженное функционирование этой системы, достаточно высокий стандарт жизни производственников – «основников» все ещё сохраняется, становясь моделью для самореализации молодежи. Очень устойчивым является стереотип – если сумеешь получить работу на основном производстве, благополучная жизнь будет обеспечена. До 2008 года наблюдалась стойкая тенденция выбора высшего образования, связанного с атомной отраслью, среди абитуриентов из семей, в которых родители трудились на градообразующих предприятиях. Только волна массовых сокращений на основном производстве и сопутствующий упадок обслуживающих предприятий социально-культурной сферы вызвали неуверенность в благополучном трудоустройстве в родном городе. Тем не менее, принцип – «если пробьешься на завод – жизнь удалась» продолжает

работать. Среди интервьюированных студентов 34% указали на то, что родственники во многом повлияли на выбор места обучения, в семье трудоустройство на «производство» рассматривается как желаемый вариант, оценивается как правильный, нормальный выбор.

Уверенность в возможности трудоустройства оказывает влияние на оценку уровня жизни в ЗАТО. Желание остаться жить в городе, обзавестись семьей преобладает среди тех, кто положительно оценивает свои шансы работать на основном предприятии. Для них важным становится наличие дружеских связей, близость родственников, возможность решить жилищный вопрос. Также немаловажным является режимный характер территориального образования. Многие респонденты выделили более высокую безопасность проживания в ЗАТО как значимый фактор.

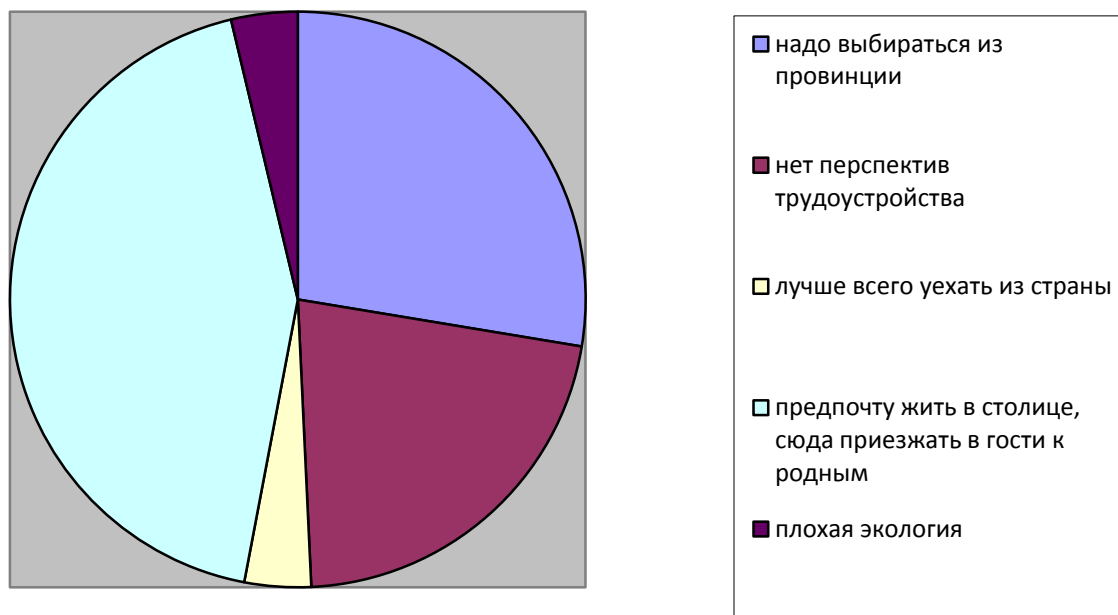
Интересным нюансом является то, что среди тех студентов, чьи родственники связаны с работой на основном производстве, практически нет желающих уехать из города по причине экологического неблагополучия. Зато среди тех, кто не уверен в возможности трудоустроиться в атомной отрасли, либо изначально не собирался связывать свою карьеру с ядерной энергетикой, таких ответов значительно больше. Экология становится дополнительным психологическим аргументом для возможной (зачастую экономически обусловленной) смены места жительства в поисках работы.

Рис. 2. Предпочту остаться в городе

- здесь родные, будет свое жилье
- есть перспективы трудоустройства
- хорошая социальная сфера
- безопасность

Рис. 3. После получения диплома уеду

В целом респонденты показали достаточно высокий процент заинтересованности в карьерном росте, готовность продолжать обучение в магистратуре, реализовать себя в научно-исследовательской деятельности. Конечно, в связи с тем, что часть анкет была собрана на конференциях, в которых принимают участие именно активные студенты, такие ответы были заранее predetermined.

Таблица 3. Моя жизнь после получения диплома

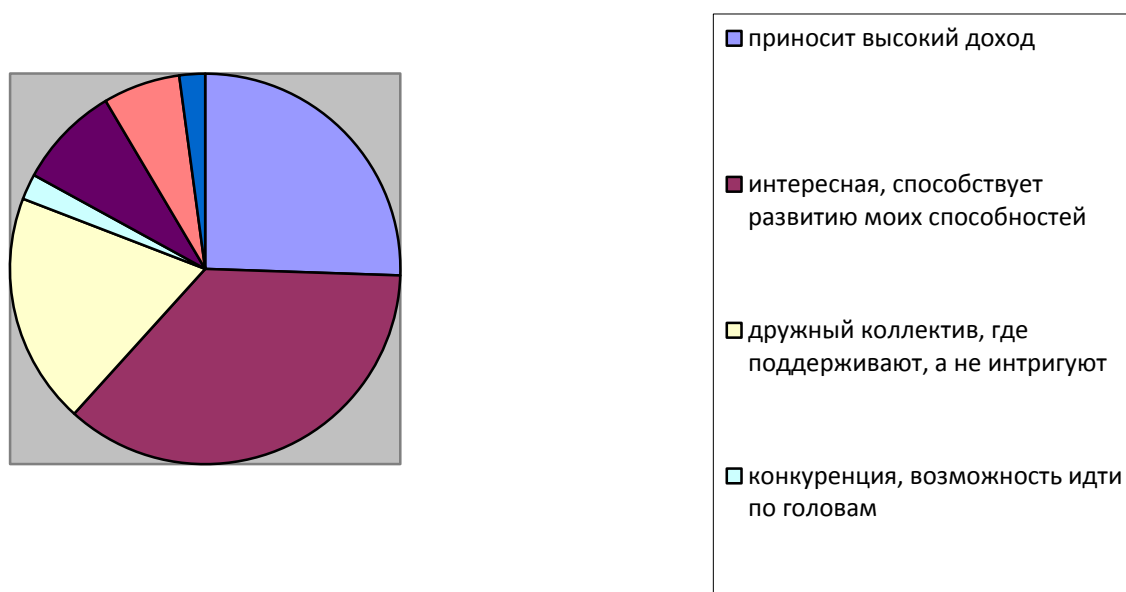
	Новоу ральск	Север ск	Лесно й	Саран ск
1. Останусь в городе	4	4	6	1
2. Останусь в городе, планирую создать семью, купить квартиру	5	-	3	1
3. Уеду в	5	-	6	-

другой город, родные помогут с жильем				
4. Уеду в другой город, жилье буду искать сам	4	8	7	1
5. Уеду в столицу – там настоящая жизнь	4	6	-	-
6. Выгодно вступлю в брак	1	3	-	-
7. Поеду туда, где есть спрос на профессию	17	22	6	4
8. Поступлю в аспирантуру	3	2	3	-
9. Останусь. У меня нет других вариантов.	2	1	3	-

Заслуживает особого внимания тот факт, что анкетированные этого года выражают высокую настроенность на поиск работы по специальности. Это иллюстрирует как сознательный выбор направления обучения, так и готовность переехать туда, где есть спрос на полученную профессию.

Готовность изменить свою жизнь ради успешной карьеры во многом связана с тем, как студенты представляют себе будущую профессию. Рассмотрим характеристики «идеальной работы» с их точки зрения.

Рис. 4. Какой должна быть хорошая работа

На первом месте подавляющее большинство опрошенных поставили возможность самореализации, развития своих способностей. В тройку лидеров также входят высокий заработок и позитивный микроклимат в коллективе.

Значительный интерес интервьюируемые проявили к работе в атомной отрасли, но уже не за забором на головном предприятии ЗАТО, а в целом по стране. Для многих привлекательно продолжение учебы в Москве в рамках магистратуры и аспирантуры. В целом, если относительно городского предприятия у некоторых опрошиваемых есть пессимистические взгляды на развитие производства и появление новых рабочих мест, то сама отрасль представляется карьерно привлекательной. Информационные ресурсы Росатома целенаправленно создают имидж молодого специалиста, успешно реализующего себя в отрасли. Этому способствуют и межвузовские мероприятия, форумы и конференции, на которых ребята знакомятся с головным вузом НИЯУ МИФИ, получают возможность участвовать в международных образовательных проектах. Корпоративная структура Росатома постепенно размывает модель поведения «один город – один завод» и заменяет её «одна образовательная система – одна отрасль». Такой

подход способствует увеличению социальной мобильности, возможной переориентации и реорганизации жизни «моногородов». Но процесс этот только начинает формироваться и важным фактором будет совпадение ценностных приоритетов будущих молодых специалистов и возможностей их реализации.

Во всех опрошенных группах высок процент молодых людей, готовых уехать из родного города туда, где будет спрос на полученную профессию. Многие готовы самостоятельно решать жилищный вопрос. Те, кто твердо намерен остаться после учебы в городе, как правило, считают, что получат вакансию на основном производстве. Процент ответивших, что останутся в городе, поскольку не имеют никаких других вариантов, оказался крайне невысок (1,7%). Таким образом, можно предположить, что комбинация приоритетов работы в атомной промышленности с одной стороны, и готовности искать новое место жительства в зависимости от карьерных перспектив, с другой, вполне совпадают с корпоративной политикой Росатома. Разумеется, трудно с однозначностью определить, сложилась бы новая модель мобильного карьерного поведения, если бы перспективы найти работу по специальности внутри городского округа были выше. Скорее всего, семейные привязанности, решение бытовых вопросов и привычный образ жизни оказывали бы большее влияние на выбор в пользу оседлости. За последние годы снизился фактор выбора места учебы из-за более затратного проживания в крупных городах, но не исключено, что он снова будет набирать вес (последние данные по опросам относятся к ноябрю 2015г.). С другой стороны, перспективы экономического выживания моногородов очень туманны. Поэтому филиалы НИЯУ МИФИ могли бы сыграть роль кровеносной системы, распределяющей молодых специалистов на предприятия отрасли. И моногорода ЗАТО получили бы шанс стать «кузницами» научных кадров ядерной энергетики, смягчая для их жителей неизбежное сокращение рабочих мест в связи с техническим перевооружением отраслевых производств. В целом учащаяся молодежь

готова принять предложения о построении карьеры в отрасли в обмен на высокооплачиваемую и интересную работу по специальности.

Артем, О.Я.

Потребность личности в получении дополнительного
профессионального образования

Artem, O.Y.

Need of individual in further vocational education

Аннотация: статья посвящена рассмотрению системы дополнительного профессионального образования в российском обществе. В работе указаны внешний и внутренний факторы, влияющие на развитие системы дополнительного профессионального образования. Показано, что потребность личности в получении дополнительного профессионального образования может быть вызвана факторами, выступающими как внешнее и внутреннее побуждение.

Abstract: the article discusses systems of further vocation education existining in the Russian society. The paper indicates external and internal factors which influence the development of further vocational education. The author shows that the need of individual in further vocational education can be caused by both internal and external motives.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, потребность личности, образование, научно-технический прогресс, глобализация, конкурентоспособность, факторы.

Key words: further vocational education, need of the individual, education, scientific-and-technological advance, globalization, competitiveness, factors.

В современной жизни содержание профессиональной деятельности стало быстро меняться, требуя от специалиста не только высокого уровня базового образования, позволяющего получить профессию в рамках среднего-специального или высшего образования, но и постоянно дополнять полученные знания новыми, связанными с высокими темпами развития

науки, технологий и появления на их основе новейших технических устройств, программного обеспечения.

Помимо системы образования, под влиянием глобализационных процессов изменения происходят и в сфере трудовой деятельности [1, с.113-114]. Появляются новые профессии, которые требуют подготовки новых специалистов или переподготовки уже имеющих. К ним предъявляются новые требования, реализация которых возможна при наличии способностей, желания, стремления к познанию нового; определенного багажа знаний, навыков, с перспективой грамотного и эффективного применения их на практике, отвечающих современным инновационным тенденциям. Важнейшими качествами личности становится профессиональная гибкость, способность и желание совершенствоваться имеющуюся профессиональную квалификацию, а в случае необходимости оперативно переквалифицироваться или сменить профессию [2, с.11].

Получение базового профессионального образования становится недостаточно для становления высококвалифицированного и востребованного специалиста. Актуальным является организация такого образования, которое могло бы гибко и эффективно отвечать потребностям инновационной экономики и развивать способности и возможности личности.

Достижения научно-технического прогресса выступают в качестве внешнего фактора, вызывающего необходимость в совершенствовании системы образования, ее расширения и углубления, создания условий для возможности постоянного обновления имеющихся знаний, обучения новым профессиям. Внутренним фактором является наличие специалистов, способных эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность, влияя на конкурентоспособность организации.

В связи с этим, на современном этапе общественного развития одной из основных задач становится совершенствование накопленных специалистами знаний и опыта. Во многом решение этой задачи

обеспечивается дополнительным профессиональным образованием (ДПО), которое призвано реагировать на непрерывные изменения, происходящие в обществе. Оно выступает связующим звеном между интересами личности, общества и государства и становится инструментом развития человеческого капитала страны.

Обучение сотрудников организации методом получения дополнительных знаний и использования их в процессе трудовой деятельности с учетом быстро меняющихся технологий, специфики труда, является фактором повышения эффективности и конкурентоспособности каждой конкретной организации. Это говорит о важности непрерывной взаимосвязи трудовой и образовательной сферы жизнедеятельности людей и трансформации понимания образования через всю жизнь.

Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», дополнительное профессиональное образование направлено на удовлетворение образовательных, профессиональных потребностей и профессиональное развитие личности, обеспечивая соответствие квалификации трансформирующимся условиям трудовой деятельности и социальной среды [3].

В утвержденном понимании ДПО можно выделить три особенности. Первое, удовлетворение конкретных потребностей личности, говорит о важности качества и результативности данного вида образования, как образовательной услуги. Второе, профессиональное развитие обучающегося. В процессе освоения дополнительного профессионального образования предполагается, что личность будет развивать свои способности, склонности овладевая новыми профессиональными и социокультурными компетенциями для последующего эффективного применения их в процессе профессиональной деятельности. Третье, как результат получения дополнительного профессионального образования. При удовлетворении потребностей личности, развития ее способностей важно соответствие

нового знания, квалификации, стремительно меняющимся условиям профессиональной деятельности.

Специфика дополнительного профессионального образования заключается в расширении возможностей человека, предоставления ему свободы выбора в соответствии со своими способностями, природными склонностями и интересами.

Применительно к общему образованию, ДПО означает переход от массовости, доступности к проектированию пространства вариативного образования, ориентированного на удовлетворение индивидуально-групповых потребностей [4].

Определив внешний и внутренний факторы, влияющие на развитие системы дополнительного профессионального образования в обществе, мы обратились к законодательному аспекту рассматриваемого вопроса и указали на понимание ДПО, его сущности и отличии от общего образования. Теперь важно определить факторы, которыми обусловлена потребность на индивидуальном уровне (личности) в получении дополнительного профессионального образования.

Потребность личности в получении дополнительного профессионального образования может быть вызвана двумя факторами. Первым является внешнее побуждение, которое связано с возникновением новых технологий, технических устройств, а также новых профессий. Это все те изменения, которые вызваны достижениями научно-технического прогресса.

Вторым фактором выступает внутреннее побуждение, выраженное в активности личности, ориентированное на постоянный поиск более совершенных приемов, методов работы. Для человека, постоянно стремящегося к саморазвитию, интересующегося новыми информационными и техническими достижениями, способного быстро обучаться и включаться в непривычную для него среду, дополнительное профессиональное образование будет выступать как один из основных способов

самореализации, выявления имеющегося потенциала к деятельности, направленной на создание нового, прежде не применяемого в его работе. При наличии собственной инициативы, обучающийся в ДПО сможет не только расширить свои возможности, но и грамотно применить полученные знания на практике в процессе трудовой деятельности, что приведет к общему повышению эффективности и конкурентоспособности той организации, где он трудится. Такие, ориентированные работники, являются самыми ценными специалистами для любого учреждения. Однако, повседневная практика показывает, что как правило потребность в дополнительном профессиональном образовании возникает на основании внешнего побуждения. Рассмотрим последнее подробнее.

В российском обществе существуют тенденции изменения общественной ценности труда с учетом престижа профессии, полученного образования и имеющихся к конкретной профессиональной деятельности способностей. Как показало исследование, проведенное в 2014 году в Уральском федеральном университете среди студентов технических институтов, обучающихся на 2-4 курсах: у многих студентов после завершения обучения отсутствует стремление трудоустройства по приобретаемой профессии, так как с ее помощью они не надеются удовлетворить материальные потребности, обеспечить карьерный рост. С одной стороны, студенты ориентируются на престижность профессии, высокие заработки, карьерный рост после получения специальности. С другой стороны, реализовать эти цели при наличии низкой активности в освоении теоретических знаний, приобретении практических навыков в процессе обучения в вузе, невозможно или крайне сложно. Это ведет к тому, что многие убеждаются в отсутствии склонностей к приобретаемой профессии, считают себя недостаточно подготовленными к работе по специальности и в итоге разочаровываются в ней.

В тоже время, устаревшая материально-техническая база многих вузов страны, уровень профессионализма профессорско-преподавательского

состава не отвечающий современному научному знанию, незаинтересованность в сотрудничестве работодателей в проведении практик для студентов усугубляет ситуацию несоответствия знаний и навыков выпускников вузов требованиям работодателей и их ориентации на трудоустройство не по специальности. Данная тенденция обуславливает необходимость в развитии форм организации дополнительного профессионального образования, которые будут отвечать запросам потребителей. При этом важным становится возможность обучения ДПО как для тех, кто еще получает среднее и (или) высшее профессиональное образование и для тех, кто является дипломированным специалистом.

Необходимо обратить внимание и на многоуровневую систему образования действующей в Российской Федерации с 2003 года [5, с.102]. Данная система ориентирована на обучение по основным образовательным программам в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС), результатом чего является освоение конкретных профессиональных и социокультурных компетенций. Сосредоточенность на достижении предметных образовательных результатах затрудняет обеспечение формирования свободной образовательной траектории в соответствии со способностями, склонностями личности и мотивацией к получению новых знаний. Стоит отметить, что темпы научно-технического прогресса настолько стремительны, что знания о закономерностях развития мира фактически обновляются ежедневно. Однако, в тоже время, ФГОСы совершенствуются в среднем один раз в три, пять лет. Очевидно, что школьник поступивший в высшее учебное заведение, к концу обучения на бакалавриате или магистратуре будет, не в полной мере, владеть актуальными и необходимыми профессиональными, специальными компетенциями для конкретной профессиональной деятельности. Кроме того, на предприятиях страны периодически осуществляется обновление оборудования, различных технических устройств, работа за которыми требует освоения новых компетенций.

В 2009 году Президентом РФ Д.А. Медведевым в послании Федеральному Собранию было указано, что в России необходимо развивать инновационные технологии, создавать технологические центры. Особенно Д.А. Медведев акцентировал внимание на 5 наиболее приоритетных направлениях модернизации экономики и технологического развития страны: ядерные технологии, энергоэффективность, стратегические компьютерные технологии, медицинская техника и фармацевтика, развитие космических технологий и телекоммуникаций [6]. На основе этих решений многие предприятия стали модернизироваться. Было осуществлено переоснащение оборудования, закуплена техника из-за рубежа и направлены усилия на создание и производство собственных, инновационных технических устройств.

Появление новых условий трудовой деятельности стали требовать от дипломированного специалиста обновления знаний и навыков, получения новых компетенций, которые будут успешно применены сотрудниками для повышения эффективности и конкурентоспособности организации.

Кроме того, в связи с появлением новейшего оборудования, совершенствования и развития информационных систем, создания технических устройств в обществе возникла потребность в специалистах, отвечающих современным требованиям инновационной экономики и технологического развития страны. Стали появляться профессии, не существовавшие ранее. В связи с этим, начала ощущаться потребность в оперативном получении знаний, навыков, необходимых компетенциях для осуществления успешной и эффективной трудовой деятельности как для дипломированных специалистов, так и для тех, кто только получает среднее или высшее профессиональное образование.

На сегодняшний день, в Российской Федерации дополнительное профессиональное образование реализуется на основании специальных профессиональных программ, направленных на повышение квалификации и профессиональную переподготовку.

Специфика программ повышения квалификации заключается в совершенствовании и (или) получении новой компетенции, необходимой для конкретной профессиональной деятельности, и (или) повышения профессионального уровня в рамках уже имеющейся квалификации.

В свою очередь, специфика программ профессиональной переподготовки сводится к получению компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретения новой квалификации [7].

Более того, в условиях повышения востребованности и важности ДПО в российском обществе, предусмотрена реализация дополнительных общеразвивающих программ для взрослых [8, с.4].

Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» увеличиваются категории обучающихся в сфере ДПО. К освоению дополнительных профессиональных программ теперь допускаются лица, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее образование, и лица, получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование [3]. Данное нововведение значительно расширяет границы системы ДПО и создает возможности для обучения различных субъектов, заинтересованных в получении нового знания.

Таким образом, в эпоху глобализационных процессов возникает необходимость развития системы ДПО, которое предоставляет возможность получать самое востребованное на рынке труда образование, повышая конкурентоспособность работника. Дополнительное профессиональное образование становится одним из ведущих факторов развития образования в целом, обновления его содержания в соответствии с задачами перспективного развития страны, конкретных отраслей производства, специалистов разного уровня.

Список литературы

Какушкина М.А. Влияние процесса глобализации рынка труда на социально-трудовые отношения // Социально-экономические явления и процессы. 2012. N 12 (046). С.113-116.

Тарасенко Л.В. Дополнительное профессиональное образование: Становление нового социального института: дисс...докт. соц. наук. 22.00.04. / РГУ. Ростов-на-дону. 2001. 339 с.

«Об образовании в Российской Федерации» Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 25.02.2016).

Концепция развития дополнительного образования детей: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2014 г. N 1726-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dopedu.ru/attachments/article/454/Proekt_Kontseptsii_dopolnitelnogo_obrazovaniya_detey.pdf (дата обращения: 25.02.2016).

Добренькова Е.В. Проблемы вхождения России в Болонский процесс // Социологические исследования. 2007. N6. С. 102-105.

Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/196589/> (дата обращения: 25.02.2015).

Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 июля 2013 г. N 499. [электрон. ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3122/файл/1855/13.02.27-порядок.ДПО.pdf> (дата обращения: 24.07.2015).

Словарь терминов и понятий дополнительного профессионального образования / Автор-составитель: Лямзин М.А., Громкова М.Т. М.: ИРДПО, 2013. 29 с.

Маркетинговые исследования в сфере образования как социально-педагогическая проблема

Belyaeva O.

Market research in the field of education as a social and pedagogical problem

Маркетинговые исследования необходимы, так как в настоящее время вузам для нормального функционирования и самофинансирования необходимо постоянно конкурировать с другими образовательными учреждениями. Также растет число негосударственных высших образовательных учреждений. Этим и обусловлена необходимость проведения грамотной ценовой политики и рекламной деятельности вуза.

Marketing research is needed , as is now the universities for the normal functioning of self-financing and must constantly compete with other educational institutions . Also, a growing number of private higher educational institutions . This also caused the need for a competent pricing policy and promotional activities of the university .

Ключевые слова: образовательная услуга, предложение и спрос на образовательные услуги, маркетинговые исследования, благо, товары-субституты, ценообразование в сфере образовательных услуг.

Keywords : Educational services , supply and demand for educational services , marketing research , good, substitute products , pricing in the field of educational services .

Образовательные услуги носят инновационный характер. Растущий спрос общества на данные услуги способствует развитию рынка, вызывая, с одной стороны, их разнообразие, с другой стороны, возрастающую конкуренцию между субъектами сферы образовательной деятельности.

Многообразие и неоднозначность представлений об образовательной услуге актуализирует избранную тему исследования.

Объектом выступают маркетинговые исследования в сфере образования

Понятие образовательной услуги раскрывается в работах таких отечественных ученых как С. А. Беляков, А. Б. Вифлеемский, Т.М. Сыроваткина, В. И. Ерошин, В. В. Чекмарев, В. П. Щетинин и др.

Подробно понятие образовательной услуги рассматривается в исследованиях В. В. Чекмарева, определяющего образовательную услугу как: (1) продукт образовательного производства; (2) процесс, в котором создается человеческий капитал через индивидуальное потребление трудового потенциала производителя и индивидуальное производство трудового потенциала потребителя [8, с. 25].

Противоположную позицию занимает В. П. Щетинин, понимая под образовательными услугами систему знаний, информации, умений и навыков, которые используются в целях удовлетворения разнообразных образовательных потребностей личности, общества, государства [9, с. 35].

А. Б. Вифлеемский полагает, что сущность образовательных услуг состоит в передаче знаний новым индивидам, причем «...объем знаний, как продукт деятельности образовательного комплекса, потенциально безграничен» [3, с. 118].

Альтернативный взгляд принадлежит С. А. Белякову, утверждающему, что знания не столько передаются, сколько формируются, и в этом процессе участвует не только преподаватель, но и учащийся [2, с. 40].

Итак, образовательные услуги выступают как средство удовлетворения познавательных потребностей индивидов и потребностей в профессионально-квалификационной подготовке.

Образовательные услуги обладают общими свойствами, присущими всем услугам, и специфическими свойствами. В числе первых выделяют: неосвязаемость; неотделимость от источника; непостоянство качества;

невозможность хранения. Некоторые ученые полагают, что их можно отнести к образовательным услугам с некоторой долей условности [6].

Обобщая, обратимся к исследованиям Сыроваткиной Т. Н., которая специфику образовательных услуг объясняет рядом обстоятельств:

образовательная услуга — это продукт специфического интеллектуального труда;

неоднозначная роль знания и его место в процессе создания стоимости;

образовательная услуга выступает как объект коммерческих отношений с позиции интеграции в мировое рыночное пространство;

возрастающая стоимость образовательной услуги не исчезает в момент потребления и не зависит от времени потребления [7, с. 34].

Учебные заведения предоставляют услуги, которые направлены и на обучающихся и на определенные предприятия, которые ищут специалистов в определенных областях на рынке труда. Именно поэтому важно проводить маркетинговые исследования в сфере образования. С их помощью можно выявить, чем руководствуются будущие студенты, когда выбирают вуз, можно просмотреть какие специалисты и работники каких сфер нужны на рынке труда, и в конечном итоге, сопоставить все эти потребности с деятельностью учебного учреждения, которое предоставляет образовательные услуги.

Получение высшего образования на сегодняшний день рассматривается как очень важный процесс в экономическом и социальном развитии человека.

Далее отметим, что образовательные услуги имеют цену, поскольку являются предметом экономических операций. Цена на образовательные услуги складывается под воздействием множества факторов объективного и субъективного характера. Однако при всем этом можно выделить три компонента, лежащих в основе стоимости (цены) образовательных услуг: полезность, предложение и спрос. Все перечисленные компоненты

стоимости неразрывно с ней связаны и учувствуют в формировании ее величины.

Таким образом, сложность определения термина «образовательная услуга» порождает неоднозначность в выявлении специфических свойств образовательных услуг. Включение образовательных услуг в рыночную экономику должно исходить из природы смешанного характера общественных благ, к которым они относятся.

На современном этапе экономического развития образование становится одним из важнейших факторов, обеспечивающим экономический рост и социальную стабильность. Формирование многоукладной системы образования актуализирует проблему становления и развития рынка образовательных услуг, оказывающих непосредственное влияние на удовлетворение потребностей общества в высококвалифицированных специалистах в различных областях знаний, что является одной из приоритетных задач государства. Главным в современном управлении является повышенное внимание к человеческому фактору, к его развитию и образованию. Требования к подготовке экономистов формулируются вне системы образования. Они исходят из общих экономических и общественных целей государства.

Главной особенностью современной ситуации на российском рынке образовательных услуг остается достаточно высокая конкуренция в сфере образования, которая связана, прежде всего, с увеличением предложения образовательных услуг на рынке. Это было вызвано повышением платежеспособности населения (за последние 5 лет) и коммерциализацией образования.

Сегодня немалую роль в формировании рынка образовательных услуг играет уровень доходов населения, его финансовые возможности, т. к. доля платного образования с каждым годом только увеличивается. Появилось достаточно много частных учебных заведений, например, в 2005 г. в России по всем уровням сферы образования их насчитывалось 409, что составило

всего 2,2 % от их общего числа, а в 2013 — уже около 700. Но, начиная с 2014 года их количество сокращается, так как многие из них признаны неэффективными.

Российская система образования претерпевает качественные изменения, связанные, прежде всего, с переходом к Болонской системе, к вступительным испытаниям в виде Единого государственного экзамена (ЕГЭ). Предстоит структурная (по направлениям, специальностям и специализациям подготовки) трансформация в соответствии с новым качеством спроса на специалистов. Несмотря на слабое развитие малого и среднего бизнеса в России, спрос на менеджеров, экономистов, маркетологов, бухгалтеров и других специалистов сферы бизнеса остается самым высоким. По результатам опроса студентов в октябре — ноябре 2015 г. от 15 до 20 % опрошенных студентов экономических специальностей планируют в будущем открывать свой бизнес. Особым спросом пользуются специалисты в области услуг и сервиса, согласно тому же опросу, 20–25 % из тех, кто изъявил желание создавать свой бизнес, указали именно сферу услуг. Однако несмотря на популяризацию и усилия по воссозданию системы колледжей со стороны государства, наименее востребованными остаются именно специальности в сфере материального производства, исключением остается только добывающая сфера и энергетические институты, которые не испытывают сегодня проблем с наборами [1, с. 124].

Одним из основных факторов конкурентоспособности вузов является ценовая политика. Обоснованная ценовая стратегия также является необходимым условием для успешной реализации коммерческой составляющей деятельности вуза. Примеры цен на обучение в высших государственных учебных заведениях Уральского региона [10]:

УРФУ - от 80.000 до 130.000 рублей в год

Уральский государственный горный университет - от 80.000 до 118.000 рублей в год

УрГПУ - примерно от 93.000 до 100.00 рублей в год

Уральский государственный экономический университет УрГЭУ (СИНХ) от 93.000 до 101.000 рублей в год.

Таким образом, для всех сегментов рынка (государственные, муниципальные, негосударственные аккредитованные, негосударственные неаккредитованные учебные заведения) характерна высокая эластичность спроса, что указывает на повышенную насыщенность рынка товарами-субститутами. На уровне высшего профессионального образования к таким товарам можно отнести образовательные услуги других вузов данного или иного сегмента [5, с. 141].

При этом товарами-субститутами являются образовательные услуги, оказываемые с целью получения не только аналогичной, но и другой специальности. Согласимся с мнением авторов доклада «О новых тенденциях и проблемах в реформировании системы финансирования вузов» [4] о том, что существует негативная современная тенденция оттока сильных студентов с почти проходным баллом на бюджетные места в вузы более низкого рейтинга. При этом, данные абитуриенты вытесняют абитуриентов с более низкими баллами, которые начинают претендовать на бюджетные места в вузы еще более низкого рейтинга, и т. д. Учитывая, что образовательные услуги классифицируют как смешанное благо (так как они не в полной мере обладают признаками несоперничества и неисключаемости, т. е. совместное потребление сочетается с избирательностью и альтернативностью использования), то рынок образовательных услуг характеризуется высокой эластичностью спроса, обусловленной насыщенностью рынка товарами-субститутами.

Поэтому, при внедрении процессов совершенствования государственного регулирования рынка образовательных услуг, необходимо отслеживать и социальные последствия (структура профессиональной ориентации абитуриентов, доступность качественного образования и т. п.).

Таким образом, основной особенностью российской образовательной услуги сегодня можно назвать ее коммерческую составляющую, которая

признается всеми участниками данного рынка достаточно весомой. Сегодня образование — это такой же бизнес, как и все остальные услуги, он имеет свою специфику и особенности. В образовательной сфере настораживает лишь то, что рынок и коммерциализация образовательных услуг не даст возможность развиваться фундаментальным направлениям в образовании и что еще более важно в социальном плане — это отсутствие возможности получить достойное образование малообеспеченным слоям общества, что в конечном итоге будет лишь усиливать расслоение общества.

Главная задача всей системы ценообразования в сфере образовательных услуг – это выработка принципиально новых подходов к формированию цен, ориентированных на повышение качества эффективности образовательной системы, разнообразие использования экономических методов управления и самофинансирование в целях ускорения социально-экономического развития. Качество услуги определяется не только качеством образовательной услуги, но и личностью клиента, его желанием, прилежанием, способностями, желанием сотрудничества с преподавателями в процессе потребления услуг, а также мотивацией получения образования.

Цена является ключевым маркетинговым инструментом не только для коммерческих вузов, но и государственных, поскольку в основном все они имеют коммерческий набор или предлагают дополнительные образовательные услуги на платной основе.

Правильное позиционирование образовательной программы вуза с точки зрения цены предоставляемых услуг как общедоступной или «с оптимальным сочетанием качества и цены» является наиважнейшим компонентом маркетинговой стратегии вуза.

Выявлено, что образовательные услуги на бюджетной и коммерческой основе выполняют различные общественные функции. Государство гарантирует набор в вузы на конкурсной основе в пределах бюджетных возможностей в объемах, необходимых для перспективного развития

народного хозяйства. В результате этого решаются проблемы социальной справедливости и равных стартовых возможностей каждому члену общества для перехода на последующие более высокие уровни образования. Платные образовательные услуги смягчают нерациональность индивидуального потребительского поведения, учитывают индивидуализацию запросов, открывают широкие возможности получения элитного образования, убирают географический барьер, расширяют доступ к высшему образованию разных социальных групп населения, в том числе и на региональном уровне по доступным ценам.

Не в каждом вузе есть отдел маркетинга, который проводит исследования на рынке образовательных услуг. В сложившейся экономической ситуации государственные вузы не могут полностью рассчитывать на поддержку государства и «выходя» на рынок образовательных услуг начинают конкурировать с другими вузами. В вузах, где ведется маркетинговая деятельность основная работа направлена на:

Самое важное – это выполнение миссии вуза

Важно учесть все положительные и отрицательные стороны в ресурсном обеспечении вуза.

Проводится анализ конкурентов и политических, экономических, социальных и других условий.

Анализируют потребности обучающихся и преподавателей.

Эти меры являются важной деятельностью для вузов, так как они помогают в достижении основной цели: качественная подготовка бакалавров и магистров и выполнение профессиональных задач.

Список литературы.

Баталова О. С. Специфика маркетинговых коммуникаций на рынке образовательных услуг [Текст] / О. С. Баталова // Экономическая наука и практика: материалы междунар. науч. конф. (г. Чита, февраль 2012 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2012. — С. 110-114

Беляков, С. А. Лекции по экономике образования: учебник / С. А. Беляков. — М.: МАКС Пресс, 2007. — 424 с.

Вифлеемский, А. Б. Роль образовательного комплекса в постиндустриальном обществе / А. Б. Вифлеемский // Вопросы экономики. — 2012. № 8.— С. 115–121.

Клячко Т. Л., Синельников-Мурылев С. Г. О новых тенденциях и проблемах в реформировании системы финансирования вузов. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2013. 64 с

Кузьмина А. А. Экономические особенности производства образовательных продуктов // Вестник ИНЖЕКОНА. Сер. Экономика. 2010. № 5 (40) С. 141–145.

Лифанова, С. А. Образовательные услуги как экономический объект / С. А. Лифанова // Медицина и образование в России. — 2008. — № 1.

Сыроваткина, Т. Н. Основы экономики образования: учебное пособие / Т. Н. Сыроваткина. — Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. — 152 с.

Чекмарев В. В. Система экономических отношений в сфере образования: Научная монография / В. В. Чекмарев — Кострома: Издательство Костромского госпедуниверситета им. Н. А. Некрасова, 2008. — 400 с.

Щетинин В. П. Экономика образования: учебное пособие / В. П. Щетинин, Н. А. Хроменков, Б. С. Рябушкин. — М.: Российское педагогическое агентство, 2008. — 305 с.

http://www.uralucheba.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3

УДК 37.025

ББК 74.00

Бенин, В.Л. || Фролов, О.В.

**КРИЗИС РОССИЙСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА КУЛЬТУРЫ

Benin, V.|| Frolov, O

**CRISIS OF RUSSIAN EDUCATION
AS A REFLECTION OF CULTURE CRISIS**

Аннотация. В статье рассматриваются глобальные проблемы развития профессионального образования и специфика их проявлений в современной России. Выявляются общие причины кризиса и определяющие их социальные факторы.

Abstract. The article deals with the global problems of development of professional education and the specificity of their manifestations in modern Russia. Identify common causes of the crisis and defining their social factors.

Ключевые слова: образование, культура, кризис, модернизация, социокультурные проблемы.

Key words: education, culture, crisis, modernization, socio-cultural problems.

Современное российское общество переживает период глубоких структурных социокультурных трансформаций. Он сопровождается эволюцией понимания идеологии, формированием новых ценностей и целей экономической и политической деятельности человека. Изменения идеологического характера подготавливают и легитимизируют процесс перестройки имеющихся политических, экономических институтов и формирования новых социальных структур.

Кризис культуры обуславливает духовное состояние личности и общества в ситуации, возникающей в результате резких изменений в

социокультурной сфере, характеризующихся деформацией и разрушением прежних духовных институтов и ценностных систем. Кризис культуры – истончение духовных оснований культуры и нарастание вала духовно и нравственно не управляемого потока социальной информации, приводящего к сущностным изменениям в духовном мире человека, его менталитете, психике, системе ценностей.

Наиболее очевидные черты кризиса культуры современного российского общества:

- в духовно-нравственной сфере: разрушение традиционных ценностных ориентаций, норм общественной жизни; ощущение массами людей страха, бессмысленности и бесперспективности их деятельности; нарушение эмоциональной связи между людьми; рост отчужденности, изолированности человека в обществе; разгул преступности, алкоголизма, наркомании;

- в трудовой сфере: падение престижа трудовой деятельности и профессионального образования; трудовая пассивность; сужение сферы культурно-творческой деятельности; утверждение потребительской идеологии;

- в этнической сфере: процессы дезинтеграции и размежевания в межнациональных отношениях, ведущие к острым межэтническим конфликтам; оживление национализма и неонацизма, экстремизма, терроризма, шовинизма;

- в экологической сфере: опасность уничтожения биологических условий жизни, угроза физического самоуничтожения человека в результате экологической катастрофы и генетического вырождения;

- в сфере государственного управления: некомпетентность власти, ее коррумпированность, безответственность, заигрывание с институтами общества; нарушение принципов социальной справедливости и общественной солидарности; экономическая и социальная политика, сдерживающие развитие страны.

Переходное состояние общества потребовало переосмысления и новую интерпретацию смыслов высшего профессионального образования, обусловленных как особенностями и условиями функционирования мирового сообщества, так и конкретно-исторических, связанных со спецификой развития российского общества. Как отмечает С.К. Бондырева, «...этот комплекс обстоятельств не может не учитываться при определении принципов и характера организации образования, когда речь идет о реальной, объективно сформированной социокультурной потребности подготовки исторически нового субъекта, способного принять на себя ношу решения проблем такого масштаба, как сохранение человечества, его гуманизации и творческого преобразования – решения, осуществляемого в его конкретно совершающейся деятельности» [1].

По мнению Н.К. Чапаева, современное образование, «строящееся, с одной стороны, на идеологии удовлетворения всех субъективных желаний и потребностей (крайнего индивидуализма), с другой, – на идеологии тестового технократизма (крайнего функционализма), инициируя дезинтеграционные процессы в развитии человека, перестает отвечать потребностям развития, как самого человека, так и общества в целом» [6].

Но еще масштабнее изменения, привносимые в её систему обществом извне. Ускоренная и непродуманная коммерциализация российского профессионального образования – общая тенденция, которая объективно ведет к снижению качества подготовки и ряду других пока плохо прогнозируемых негативных последствий. Фактически в современном образовании, тяготеющем к некой всеобщности, назревает конфликт между процессами формирования образованной личности и развитием стандартизированной мировой системы образования. При этом, с одной стороны, образование выступает как средство решения социокультурных проблем и проникает во все сферы жизни общества, с другой, – аккумулирует в себе все новые составляющие и формы человеческой активности, становится самоценным. Это вновь приводит к противоречию,

так как создание всеобщей образовательной сети включает в себе запрограммированные потери ориентации на личность как на совокупность индивидуальных и непрограммируемых черт, качеств, свойств в культуре.

В публикациях кризис образования определяется по следующим направлениям:

1. Падение качества знаний, рост функциональной безграмотности, растущая волна посредственности, несоответствие качества подготовки специалистов требованиям современного производства. Острые проблемы в высшем профессиональном образовании создаются сохранением достаточно свободного приема в вузы, высоким процентом отсева и сложностями трудоустройства выпускников. Кризис современного профессионального образования проявляется в неспособности системы образования сформировать у молодежи необходимую профессиональную культуру.

2. Рост затрат на образование, нехватка финансового, материально-технического, кадрового, организационно-управленческого ресурса. Образование становится все более дорогим; быстро растет потребность в современной технике, остро стоит проблема нехватки квалифицированных преподавателей, разрешить которую невозможно без повышения их заработной платы и увеличения материальной заинтересованности в повышении качества преподавания. Рост затрат на образование увеличивает расслоение общества, делает образование все менее доступным для большого числа населения. В итоге – необеспеченность провозглашенного права и невозможность его реализовать в жизни порождают выхолащивание и девальвацию общественных целей, воспитывают в людях недоверие, пренебрежение и игнорирование по отношению к социальным ценностям и нормам.

3. Падение социального престижа профессионального образования, рост недовольства по поводу его неэффективности, неспособности разрешить социальные проблемы. К 90-м гг. XX в. российская высшая школа столкнулась с проблемой перепроизводства специалистов. Наблюдалось

широкое использование лиц с высшим профессиональным образованием для выполнения работы, не требующей их квалификации. Увеличение численности выпускников вузов сопровождалось ухудшением качества их профессиональной подготовки. По данным социологических опросов, сокращалась доля тех, кто считает образование средством к большей содержательности жизни и большей пользе обществу. Одну из главных причин такого отношения социологи видят в том, что за последние годы – в отличие от предыдущих – резко изменились шансы молодого поколения на социальное продвижение в обществе посредством образования. Наличие диплома теперь все в меньшей степени обеспечивает будущее специалиста, который начинает профессиональную карьеру с низких ставок заработной платы и с минимальными шансами продвижения по социальной лестнице. С ростом конкуренции и напряженности на рынке труда у выпускников вузов крепнет ощущение того, что воспользоваться плодами профессионального и социального роста становится все труднее. Как отмечено в выступлении министра образования и науки РФ «...за 90-е годы количество вузов в России выросло более чем в два раза – с 510 до 1100. При этом уровень высшего образования в стране резко снизился, и сегодня он не соответствует ни ожиданиям студентов, ни запросам экономики завтрашнего дня [5].

Когда образование рассматривается не изолированно, а в системе общественных отношений и его проблемы выводятся из широкой панорамы современных социальных процессов, тогда становится очевидным, что антиобразовательные эффекты влекут за собой многие факторы:

– *исторические*: множество социальных потрясений, перенесенных в течение XX века; отсутствие опыта управления кризисным обществом; структурная перестройка экономики; борьба за власть и передел собственности; изменение системы ценностей населения; миграция населения без соответствующего развертывания инфраструктуры; пауперизация рабочего класса; развертывание «барачной» субкультуры; развитие архаичной дистрибутивной модели; разрушение гражданского

общества; распространение паразитарно - иждивенческой модели поведения сверху вниз; «иждивенческо - потребительская этика»;

– *социально-экономические*: стабильно возрастающая поляризация населения по уровню доходов; специфическая бедность, затрагивающая экономически активных, работающих, здоровых физически и психически, высококвалифицированных людей; проблемное формирование среднего класса, его малочисленность; алкоголизация населения;

– *правовые*: высокая степень криминализации общества; недостаточная разработанность нормативно - правовой базы, в том числе, ювенального права; процветающая преступность среди несовершеннолетних.

Устоявшееся отношение к образованию как к институту подготовки человека к будущей профессиональной деятельности также испытывает кризис. Чрезмерная абсолютизация одного из аспектов целостного облика человека ведет к тому, что воплощенная в практике, она объективно реализуется как функционально-потребительское отношение к человеку, формируя в лучшем случае одномерность и ограниченность личности. С.Г.Вершловский подчеркивал, что «...из-за специфических особенностей нашего труда мы утратили присущее нам духовное начало и нашу индивидуальность в той мере, в какой возросли материальные достижения общества. Несвободный, разобщенный, ограниченный современный человек одновременно находится под угрозой стать негуманным» [2].

Наблюдаемое углубление профессионализации закономерно обусловлено усложнением общественного производства, что требует предварительного освоения знаний и навыков, соответствующих квалификационным требованиям каждого функционального места. Однако «шквал знаний», назначение которых связывалось с благом для человека и общества, оказался принципиально несовместимым ни с организационной формой системы образования, ни с потребностями общества, ни с возможностями обучаемых. Школа, ориентированная только на науку и научные знания, не дает молодежи достаточной культурной ориентации в

реальной жизни. Расширение знаниевых массивов, которые становятся необходимым вводить в содержание, при ограниченности образовательных циклов обрекает обучение на формализм и поверхностность.

С переходом к рынку образование эволюционирует в сферу услуг, превращаясь в товар. В этих условиях становится востребованной культуротворческая функция образования, предполагающая создание культурно-образовательного пространства, профессионально-культурных ситуаций, в которых осуществляется творческая самореализация личности будущего специалиста, стимулируется его профессионально-культурное саморазвитие.

Начавшийся в России в конце XX в. социально-экономический кризис повлек за собой массовую утрату компетентности её граждан. На наших глазах не только осуществлена полная деидеологизация общества, но, вместе с девальвацией образования, произошла и деградация социокультурной устойчивости личности новых поколений. Глобализация современной экономики и порождаемый ею тип системной конкуренции по-новому поставили вопрос о сравнительных конкурентных преимуществах, которыми обладают те или иные субъекты мирохозяйственных отношений, нации, региональные сообщества и, в конечном счете, отдельные индивиды. Интеграционные процессы формирования общеевропейского образовательного пространства входят в острое противоречие с попытками сохранить уникальность национальных форм социализации. Эти процессы фактически предопределяют превращение высшего образования в один из инструментов массовой культуры. Становясь доступным и массовым, оно утрачивает национальные ценностно-идеологические корни. В результате образование минимизирует внутрикультурные функции, выпадая из векторных процессов культуры, хотя, казалось бы, должно их определять [3].

Декларируется позиция, согласно которой главное качество компетентного человека – быть востребованным, следовательно,

успешным. Человек компетентностный – это, выражаясь словами Э. Фромма, человек рыночной ориентации, рассматривающий свои силы и возможности как товар, отчужденный от него. Такой человек с полным основанием может сказать: «Я таков, каким вы хотите меня видеть». Его успешность в большей мере обусловлена его потребительской стоимостью, которая зависит от того, как он сумеет себя показать – насколько он окажется приветливым, элегантно одетым, будет ли он бодр, крепок, агрессивен, надежен, честолюбив и т.п. На выявление и формирование подобных качеств направлена деятельность психологов и педагогов. Так, большинство тестов измеряют способности не столько разума и понимания, сколько быстрой психической адаптации к заданной ситуации. К услугам человека рынка, где люди взаимодействуют уже не как личности, но как взаимозаменяемые товары, имеется соответствующая система образования, в которой со школы и до аспирантуры цель обучения состоит в том, чтобы приобретать как можно больше информации, наиболее полезной для ориентации в рыночной ситуации.

Современные тенденции, реализуемые в процессе модернизации образования в России, представляют собой составную часть мирового процесса глобализации, что порождает сходство проблем и вариантов их решений. Мир стремится к единству, стирая границы, существующие в самых различных областях той или иной страны, от экономики и управления, до стереотипов индивидуального поведения. Глобализация усиливает роль транснациональных взаимодействий в мире, расширяет масштабы коммуникации, но, одновременно, столь же мощно воздействует на особенности отдельных культур.

Модернизацию и гармонизацию систем образования следует осуществлять так, чтобы не ущемить национальные традиции образования, а также целостность российских академических школ и методов. В образовании должно присутствовать единство разнообразного, а не однообразного, поскольку любая система более эффективна и в большей

степени подвержена развитию, если ее элементы дополняют, а не отрицают друг друга.

Образование в обществе потребления отражает специфику современной аксиологии. Определяющей тенденцией развития образования в настоящее время все более становится его ориентация на потребителя. Оно трансформируется из акта безвозмездной трансляции от поколения к поколению накопленного культурного опыта в возмездную потребительскую услугу. Основными потребителями образования являются бизнес, общество и государство, которые оценивают назначение образования с точки зрения производительного потребления и преследуют разные цели.

Для бизнес-структур образование является средством потребления, которое обеспечивает обращение капитала и заключается в минимально необходимом наборе профессиональных качеств работника. Компоненты образования, выходящие за рамки узкопрофессионального спектра, в частности, общекультурная подготовка, рассматриваются как необязательное, а порой и излишнее дополнение к профессиональной образовательной программе, которое неоправданно увеличивает стоимость выпускника вуза на рынке профессионалов.

Общество, объективно заинтересованное в повышении культурного уровня своих членов, рассматривает образование как общественное благо и видит в нем эффективный инструмент социализации. Социум связывает образованность с формированием и развитием личностных качеств людей. Общество вынуждено привлекать государство к финансированию социально и культурно значимых компонентов образования.

Потребление индивидом образовательных услуг является созидательным процессом, который, по мере освоения их потребительных свойств, генерирует способность потребителя созидать. Потребление, развивая человеческие способности, обеспечивает возможность творения приращенных человеческих качеств. Следует отметить, что в

аксиологическом отношении потребительство влечет утрату образованием сверхценностного для индивида характера, низведение его до ценности рядовых потребительских товаров и услуг.

Будучи втянутым в орбиту тотального потребления, образование вынуждено практиковать однобокие, партикулярные формы воспроизводства субъектности, ограничиваясь профессиональными навыками человека-работника, востребованного на рынке труда. Именно партикулярность представляет одну из главных целей глобализации образования, которая является приспособлением последнего к запросу основных субъектов глобальной капиталистической экономики в лице транснациональных корпораций и международных банковско-финансовых структур. Это запрос на «частичного индивида» – квалифицированного работника-исполнителя, «узкого» специалиста, функционера. Напротив, культурная роль образования как механизма становления целостного человека утрачивается. Из его содержания вымывается наиболее значимая компонента – общее образование, которое развивает человеческие способности, востребованные в любой деятельности, транслирует базовые ценности бытия, способствует укоренению человека в мире.

Современное глобализирующее общество, к сожалению, нуждается не в образованности, а в профессиональной обученности граждан, позволяющей на соответствующем уровне успешно функционировать автономным общественным элементам и связям. Несоответствие между низким уровнем образованности и виртуозным владением специальностью – реальность сегодняшнего общественного устройства в условиях глобализации, в котором большинство профессионалов исполняет рутинные локальные функции в качестве винтиков гигантской социально-технической машины, не подозревая, какова роль этих функций в существовании целого. Это обученные люди. Актуальным продолжает оставаться мнение А.Н.Леонтьева, утверждавшего, что «горе нашего образования заключается в том, что в нашем образовании наблюдается

обнищание души при обогащении информацией. Кризис образования – это обнищание души при обогащении информацией» [4]. Но в обществе всегда будет сохраняться потребность в людях, способных к полноценному выражению своей субъектности в многообразных формах – созидании, творчестве, познании. Без образованных людей общество теряет шансы на развитие.

Литература

Бондырева, С.К. Психолого-педагогические проблемы интегрирования образовательного пространства: избр. тр. – 3-е изд. –М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 352 с.

Вершловский, С.Г. Социально-педагогические проблемы непрерывного образования учителей // Проблемы интеграции и дифференциации подготовки и повышения квалификации педагогических кадров: сб. научн. тр. / СамГПУ. –Самара,1993. –С.3-10.

Жукова, Е.Д. Мозаичность как культурная характеристика современного образования // Философия образования: всероссийский научный журнал.-2013. -№ 2 (47). –С.85-90.

Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность.- М.: Политиздат, 1975. – 430 с.

Материалы к выступлению Министра Д.Ливанова на Правительственном часе в Государственной Думе 14 ноября 2012 года [Электронный ресурс] // <http://www.menobr.ru/article/39152-materialy-k-vystupleniyu-ministra-dlivanova-na-pravitelstvennom-chase-v-gosudarstvennoy>.
Дата обращения 10.02.2016.

Чапаев, Н.К. Фромм и компетентностный подход: в поисках философии образования целостного человека XXI века // Образование в регионах России: научные основы развития и инноваций: материалы V Всерос. научн.-практич. конф. –Екатеринбург: РГППУ, 2009. Ч.1. –С.12-14.

УДК 378/ББК 74

Бортник, Б.И. || Кожин, А.В. || Стожко, Н.Ю. || Судакова, Н.П.

Bortnik, B. || Kozhin, A. || Stozhko, N. || Sudakova, N.

Система высшего образования в условиях системы преобразований

The higher education system in the conditions of the transformation system

В работе обсуждаются проблемы, связанные радикальным реформированием системы высшего образования в России и сопровождающими эти реформы изменениями в экономике. Указываются позитивные тенденции, обусловленные присоединением к Болонской конвенции и переходом к двухуровневой образовательной модели. Рассматриваются негативные последствия чрезмерной коммерциализации образовательной отрасли и неадекватной трактовки компетентностного подхода. Отмечается, что дальнейшее прогрессивное развитие отрасли возможно при учете отечественного опыта и традиций государственных образовательных учреждений.

The paper discusses the problems of the radical reform of higher education in Russia and the reforms accompanying changes in the economy. Include positive trends resulting from the accession to the Bologna Convention and the transition to a two-tier educational model. We consider the negative effects of excessive commercialization of the education sector and the inadequate treatment of the competency approach. It is noted that further progressive development of the sector is possible, taking into account national experience and traditions of the state educational institutions.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ|| ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА||
ДВУХУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ|| КОМПЕТЕНЦИИ||
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ

HIGHER EDUCATION|| EDUCATIONAL REFORM|| TWO-TIER
EDUCATION MODEL|| COMPETENCE|| PURE SCIENCES KNOWLEDGE

Более пятнадцати лет система высшего образования в России развивается в условиях радикального реформирования, начатого с присоединения России к Болонской конвенции и связанного с этим введения двухуровневой модели высшего образования - бакалавриату и магистратуре. За это время российское общество, все субъекты образовательного процесса, его «заказчики» и «пользователи» в основном привыкли к новой, не накопившей устойчивых полезных традиций в России системе, заметно разрушавшей сформированные ранее за многие десятилетия устойчивого отечественного фундаментального образования, высоко ценимого и у нас в стране, и за ее пределами. Полтора десятилетия – ощутимый временной отрезок для развития отрасли, позволяющий подвести определенные итоги, определить, что приобрела и что утратила наша образовательная отрасль.

Одна из основных целей реформ – приобщение российской образовательной архитектуры к принятой в ряде западных стран для обеспечения возможностей нашей учащейся молодежи легко встраиваться в западные образовательные институты на любой ступени и, далее, – находить применение на зарубежных рынках труда [1]. В какой-то мере эта цель достигнута. Имеет место взаимообмен студентами на ступени бакалавриата: российские студенты получают образование за рубежом, иностранные – в вузах России, однако это заметно только в Москве и Санкт-Петербурге, в других, даже крупных городах этот процесс наблюдается в очень малом масштабе. Представляется более значимой реализация возможности российским выпускникам бакалавриата продолжать обучение в магистратуре в зарубежных университетах. Однако она осуществляется только на платной основе, и ее использование в целом по стране имеет место тоже в скромных масштабах.

Реформы также имели целью создание условий для возможности оценки российских вузов по мировой рейтинговой шкале университетов. Действительно, в этом направлении происходят некоторые изменения: в 2006 г. в 1000 лучших вузов мира входило 5 российских, в 2009 г. – 8, в 2011 г. –

11, в 2013 г. – 15, в 2015 г. – 21 [2]. И хотя ни один вуз не попал в лидирующие 100, эта динамика свидетельствует об определенных позитивных тенденциях, способствующих улучшению качества образования. Именно это качество больше всего пострадало от целого ряда процессов, вызванных радикальными экономическими и институциональными изменениями [3], сопровождавших образовательные реформы. Прежде всего – масштабная коммерциализация образования [4], которая в условиях острого дефицита бюджетного финансирования приняла несообразные формы, нередко имеющие криминальные аспекты. Коммерческие интересы стали доминирующими практически во всех вузах, исключая, возможно, отдельные элитные столичные университеты, в которые также были открыты двери не всегда достаточно подготовленным абитуриентам. Пользуясь своим сформированным в прошлые годы имиджем и большими по сравнению с периферийными вузами возможностями, они организовали коммерческие филиалы в самых отдаленных населенных пунктах, составив ощутимую конкуренцию местным образовательным учреждениям. Поступление практически в любой вуз стало предельно доступным, конкурсная процедура для «платных» абитуриентов или вообще не проводилась, или проводилась формально. По расхожей сентенции, «студенты платили не за то, чтобы учиться, а за то, чтобы не учиться». Параллельно интенсивно развивались информационные технологии, позволяющие осуществлять неограниченное по пространственным масштабам дистанционное вовлечение населения в образовательный процесс (именно, вовлечение в процесс, а не обучение). В центре дистанционного образования одного из вузов появился лозунг: «Высшее образование – в каждый дом!». Даже с учетом его, возможно, иронического мотива, этот девиз убедительно демонстрирует девальвацию высшего образования.

Еще одним фактором, неоднозначным по своим последствиям, мощным по воздействию на все стороны и качество образовательной деятельности, является заложенный в основу современной парадигмы

образования и принятый за научную основу образовательных реформ компетентностный подход. Не обсуждая его суть, все плюсы и минусы, следует отметить, что априори не поддающиеся адекватным измерениям сугубо качественные категории - компетенции – были фактически противопоставлены более определенным и измеряемым знаниям, так что последние, особенно фундаментальные знания, оказались фактически необязательными. Это в заметной мере коснулось математических, и, особенно, естественнонаучных знаний, приобретение которых требует ощутимого интеллектуального напряжения, и интерес к которым у современной молодежи снижен [5]. Не получив эти знания на средней образовательной ступени, не выбрав не вошедшую в перечень обязательных естественнонаучную дисциплину для сдачи ЕГЭ, абитуриент поступает в вуз практически при отсутствии простейших математических навыков, представлений о фундаментальных законах природы и элементарной грамотности. Крайне ограниченные учебными планами бакалавриата объемы учебного времени, особенности современных образовательных стандартов, обуславливающие почти полную свободу вузов в определении дисциплинарного содержания образовательных программ, позволяют не включать эти «непрофильные» и «необязательные» дисциплины в учебные планы, тем более, что на них нет прямых указаний в достаточно объемных перечнях компетенций. В частности, для целого ряда технологических и информационных направлений бакалавриата в предусмотренном стандартом списке формируемых общекультурных конференций, перечислены компетенции, базирующиеся на философских, исторических, экономических и правовых знаниях, но как будто демонстративно (по неприятию составителей стандартов (?)), не упоминаются знания математические и естественнонаучные. Тем более нет этих упоминаний и в массиве профессиональных компетенций, больше напоминающем перечень профессиональных обязанностей. В этих условиях качественное образование с достаточно сформированной фундаментальной компонентой,

обеспечивающей возможность развития в любой профессиональной сфере, представляется проблематичным даже при наличии во всех вузах формализованной системы менеджмента качества, заимствованной из западных моделей.

Ситуация усугубляется многочисленными пакетами организационных процедур и комплексами требований, возложенных на преподавательский корпус: непрерывно меняющаяся по форме и все возрастающая по объему нормативная документация (планы, отчеты, программы, и т. д), непомерно высокие требования к публикационной активности, приводящие к бессмысленной и изнуряющей погоне за публикациями, не оставляют преподавателям времени и сил для реализации качественной образовательной деятельности.

Все эти коллизии реформенных преобразований способствуют усилению хаоса в образовательной отрасли даже при наличии мощных регуляторов и стимуляторов ее развития (показателей эффективности вузов, эффективных контрактов с преподавателями, систем материального стимулирования, пороговым показателям для конкурсного избрания и т.д.), а может быть (от части), и благодаря им [6]. Внутренне противоречивая система преобразований снижает потенциал развития позитивных тенденций и превращение их в устойчивые процессы. И хотя прежние устои советской и российской образовательной системы существенно поколеблены и ощутимо разрушены, фундамент еще есть: пока функционирует подавляющее большинство государственных вузов, многие десятилетия формировавшие свою материальную базу, кадровый потенциал, в.т.ч. систему его развития, традиции, образовательную среду и корпоративную культуру. Все это является невосполнимым фондом отечественных культурных ценностей. Новые образовательные модели не могут и не должны быть копиями моделей, рожденных в иных культурных средах, они должны использовать конвертировать во многих аспектах уникальный отечественный опыт развития образования.

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ (проект № 2940 «Разработка электронных образовательных ресурсов для изучения естественнонаучных дисциплин в экономическом вузе»).

Список литературы

Бритикова Е.А. Реформа высшего образования: дискурс и предварительные результаты // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 104. С. 1089-1101.

Российские вузы в мировом рейтинге QS [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ria.ru/abitura_world/20150915/1243718971.html

Решетова Л.В., Стожко Д.К. Институциональные изменения в макрорегиональной модели реального технологического развития // Управленец. 2015. №1 (53). С. 33-37.

Бриллиантова Н.А. Проблемы платного и бесплатного профессионального образования: проблемы и попытка их преодоления // Законодательство и экономика. 2008. № 9. С. 14-33.

Гордеева И.В. Факторы, влияющие на отношение и интерес учащихся к науке и технологиям // Педагогика и современность. 2015. № 4 (18). С. 8-12.

Балацкий Е.В. Эффективность управления российскими университетами: коллизии и эксцессы// «Общество и экономика». 2014. №5. 146-164

Бутина, С.Л.

Полезная история
(элективный курс для старших школьников
«История технических изобретений»)

Butina, S. L.

Required story
(elective course for senior learners
"The history of technical inventions")

Статья посвящена проблеме модернизации общего исторического образования в России, которая заключается, с точки зрения автора, в сужении истории до истории политической. Одним из решений данной проблемы могло бы стать представление цивилизационной динамики через развитие научных представлений и технической базы, понятых в свою очередь, посредством концепта «всеобщего труда» (К.Маркс). Данный подход к интерпретации истории реализован автором в элективном курсе для старших школьников «История технических изобретений».

The article deals with the modernization of the secondary and upper secondary historical education in Russia, which is, from the point of view of the author, the reduction of history to political history. One solution to this problem could be the presentation of civilizational dynamics via changes in scientific ideas and technical base, witnesses in turn, through the concept of "universal labor" (Marx). This approach to the interpretation of history was implemented by the author in the elective course for senior learners "The history of technical inventions".

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ|| ИСТОРИЯ
ТЕХНИЧЕСКИХ ИЗОБРЕТЕНИЙ|| ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ||
СИСТЕМНОЕ МЫШЛЕНИЕ|| МОДЕЛИРОВАНИЕ|| ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ
МОДЕЛЬ

MODERNIZATION OF HISTORICAL EDUCATION|| HISTORY OF
TECHNICAL INVENTIONS|| GLOBAL HISTORY|| SYSTEMS THINKING||
MODELING|| COGNITIVE MODEL

«История в основных ее разделах для каждого поколения должна быть написана и осмыслена заново»

Кристоф Линденберг

История занимает особое место в государственной политике и в образовании граждан. Сверхзадачей исторического образования является формирование социальной направленности и гражданственности личности представителя молодого поколения. При этом история всеобъемлюща, поскольку охватывает всё многообразие событий, фактов, тенденций, имевших место в жизни человечества. Но история не только призвана осуществлять преемственность поколений, но сама с каждым новым поколением должна обретать новый смысл, ибо новое время решает радикально новые проблемы, сдвигающие угол зрения не только на современность, но и на прошлое, которое детерминировало современность. Новый культурный контекст современности требует переосмысления прежде известных фактов. История должна иметь внутренние механизмы обновления, столь же принципиальные, какие сформированы в других науках и в сфере образования.

Как известно, в последнее время осуществляется модернизация общего исторического образования в направлении повышения воспитательной роли исторических дисциплин и совершенствования концепции изложения исторического материала для обучения школьников. Но, не смотря на то, что приняты Историко-культурный стандарт и Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, не разрешены парадигмальные проблемы дисциплины относительно: 1) приоритетности изучения отечественной истории, с одной стороны, и изучения ее в контексте мирового развития, с другой; 2) преподавания трудных тем и вопросов

истории, которые предполагают необходимость выбора ценностной позиции для освещения исторических событий и погружения в «борьбу за историю».

Подлинная модернизация исторического образования в России для обеспечения перспективного развития образования должна учитывать новые мировые тенденции изучения истории. Среди этих тенденций следует иметь в виду, прежде всего, глобальную историю, открывающую крупномасштабный уровень рассмотрения исторического процесса в качестве полицентрического, превосходящего какой-либо культуроцентризм и «борьбу за историю». Глобальная история рассматривает становление социальной мироцелостности, включая в контекст не только социальные, но и природные процессы. Глобальная история изучает не столько народы и государства, сколько системы культурно-хозяйственных связей между различными народами, которые определяются природными особенностями. Темами глобальной истории являются интеркультурные процессы: миграция, заселение территорий, торговые маршруты, распространение материальной культуры, духовные взаимовлияния цивилизаций и др. Вследствие осмысления интеркультурных феноменов сама отдельная культура народа стала пониматься не как автономное самодостаточное и самоцентрированное образование, но как некий механизм усвоения, трансформации и передачи ценностей других культур, то есть, самобытность культуры связывается с формированием и действием внутренних механизмов транскulturности.

Концепты глобальной истории имеют свои исторические предпосылки. Концепт мироцелостности может быть ассоциирован с понятием «всеобщего труда», принадлежащим Карлу Марксу. «Всеобщий труд» - это совокупный труд человечества как единого субъекта. Маркс понимал его как науку, развиваемую человечеством на протяжении истории, духовное производство. *«Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственно кооперацию индивидуумов»*[1]. Во всех

остальных формах взаимодействия человечество не выступает единым субъектом, но подразделяется на группы, конкурирующие между собой. Понятию «всеобщего труда» К. Маркс противопоставляет понятие «совместного труда» - труда в сфере материального производства, на мануфактурах и фабриках. Часто один труд переходит в другой, но они различны по «типу кооперации». Совместный труд есть труд, объединяющий людей в одном месте деятельности, пространственно (промышленное предприятие): люди одновременно совершают последовательные операции для осуществления вклада в общий совокупный продукт. В основе совместного труда – разделение труда, заданное материальным производством и само задающее исходные социальные характеристики его субъектов. То есть совместный труд по существу структурирует социальную реальность, разделяет людей. Тогда как всеобщий труд, безусловно, объединяет.

Всеобщий труд (труд в науке и искусстве) принципиально не требует общего места деятельности. Всеобщность труда дается культурно-исторически как переинтерграция всеобщего социального опыта и знаний в творческой лаборатории одного человека. В процессе всеобщего труда развивается кооперация способностей – не столько функциональная, под одной крышей, сколько в историческом времени, между людьми разных эпох и современниками, пространственно удаленных, но объединенных смыслом – диалогом, культурой. Так возникает «социум культуры»[2].

Для всеобщего труда характерна социальность самодеятельности - деятельность, направленная на изменение самого субъекта деятельности. Маркс отмечает антиномию «совместности» и «всеобщности» как конфликт всеобщности гигантского производственного механизма и всеобщности (культурности) творческого индивида. Гигантские производственные «механизмы» составляют основу современной хозяйственной жизни, всеобщность же - как свойство сознания творческого индивида - должна стать задачей образования.

Формирование целостного современного мировоззрения, осмысление истории невозможно без концепта «всеобщего труда», привлечение которого открывает новый угол зрения на социальные процессы. А именно: в оборот совместного труда по ходу истории все более и более включаются результаты всеобщего труда. Совместный труд реализует результаты всеобщего труда, этот процесс обуславливает трансформацию и развитие общества, составляет глобальную логику истории. Но в совместном труде знания используются без проникновения в суть дела, «профанируются», ибо здесь знания превращаются в частичную информацию о предмете в целях производства вещи и в сигнал управления работой, в чей-то приказ. Таким образом, в совместном труде реализуются результаты всеобщего труда вне их понимания.

Далее, если совместный труд осуществляют массы, то всеобщий труд – малая часть человечества. Но по ходу истории все с большим ускорением увеличивается как объем, так и значимость результатов всеобщего труда, создающего новую техническую среду жизни, что порождает в качестве следствий радикальную проблему: по мере развития науки и усложнения технологий

- с одной стороны, все более увеличивается разрыв между интеллектуальной элитой, в проектах и идеях задающей развитие общества, и массами, в совместном труде реализующими это развитие;

- другой стороны, требуется явное увеличение числа тех, кто участвует во всеобщем труде (научно-технической деятельности).

Эта проблема в качестве предпосылок уже имеет свои культурно-исторические решения. Во-первых, наука организуется как институт, и в настоящее время научными исследованиями по преимуществу занимаются не отдельные ученые, но научные структуры, которые получают все большее кадровое и материальное обеспечение. Во-вторых, процессы демократизации сокращают расстояние между интеллектуальной элитой общества и его массовой частью. Более того, в современных условиях жесткой

экономической конкуренции стоит задача массового овладения инновационными технологиями, которые предполагают способность не только подчиняться приказу извне, но и программировать, отдавать команды роботизированным системам, в ситуациях нестабильности или неопределенности принимать социально значимые решения. Все это означает, что общее образование должно формировать молодое поколение не на уровне инструкций производства и потребления вещей, способствующих профанации научных знаний, а на уровне способности полноценного осмысления реальности.

Однако общее образование в современной России, усвоив некоторые векторы и технологии западного образования, оставляет без стратегического осмысления и переработки собственное содержание. К примеру, в области точных и технических наук общее образование значительно отстает от современного состояния науки. При этом в школах широко внедряется робототехника. Возникают вопросы: достаточно ли детям базовых знаний для ориентирования и тем более творчества в этой области? Или робототехнику школьники осваивают в парадигме пользователя современных гаджетов? Анализ результатов образования последних лет свидетельствует об отсутствии интегрированности целей, содержания и форм образования. В то же время государство нацеливает систему образования на массовую подготовку инженеров и технических специалистов. При этом нерешенной задачей для образования остается связный научный обзор истории техники и технологий.

Фрагментарностью, несбалансированностью отличаются и гуманитарные дисциплины. История преподносится как бесконечный событийный ряд. Как по поводу выделения ключевых для изучения школьниками событий, так и по поводу интерпретации этих событий собираются ученые комиссии, что свидетельствует о согласительном характере «дидактических единиц» содержания истории. Ситуация именно такова потому, что в рамках общего образования история рассматривается через

парадигму «совместного труда», которая представляет историю как процесс борьбы за власть и владение ресурсами, как **историю политическую**. В таком виде мировая история локализуется, распадается на автономные истории государств, регионов и т.п., историю политическую, историю науки, техники, историю культуры. Возвратный процесс интеграции утрачивает свою естественность, становится неким искусственным скреплением одного с другим в некоторых точках соприкосновения.

Однако на значительных отрезках истории отчетливо прослеживаются взаимосвязи и взаимозависимости социальных, политических, научно-технических и других факторов, характеризующие целостное развитие цивилизации, возможное благодаря системе «совместного» и «всеобщего» труда.

Если в философской парадигме культура есть способ жизни человечества и культура вписывается в контекст природы, то история становится преобразованием, гуманизацией природы. Тогда в исторической парадигме мы можем детально наблюдать, как природные факторы направляют осуществление исторических событий и как благодаря «всеобщему труду» преодолевается их влияние за счет создания элементов искусственной реальности. Преодоление влияния природных факторов, преобразование природной среды в культурную, создание искусственных и виртуальных миров возможно потому, что в определенный исторический момент небольшая часть человечества формируется как субъект познания. Субъект познания, который воплощается представителями новых и новых поколений, последовательно накапливает информационный капитал. Этот капитал никогда не бывает исчерпывающим, а имеет отличительное свойство проблематизировать самого себя: чем больше знания, тем больше вопросов и, следовательно, осознаваемого незнания. Стало быть, сама ситуация, в которую попадает субъект познания, генерирует неисчерпаемый интерес к реальности как к объекту познания. В эмоциональном поле этого неисчерпаемого интереса к реальности и творческого поиска возможных

решений предлагается школьникам изучать историю в рамках нашего элективного курса «История технических изобретений» [3].

Но с другой стороны, как это видел Маркс, труду всеобщему не только способствовал, но всегда противостоял и противоборствовал труд совместный, труд частичный. Именно это обстоятельство порождает сложность и многомерность истории, которую мы должны признавать. Но труд совместный, применяя и используя результаты труда всеобщего, все равно способствовал лидерству всеобщего труда. Пусть история имеет сложный рисунок, но этот рисунок свидетельствует об исторической гуманизации реальности, и наша задача проследить, как в свершающихся исторических событиях, которые в иных интерпретациях исчерпываются политическим смыслом, реализуется «всеобщий труд» человечества, постоянно раздвигающий границы освоенного мира и объединяющий человечество в вопросах жизнеобеспечения.

Этот подход реализован в нашем элективном курсе «История технических изобретений», который является интегрированным, междисциплинарным и охватывает такие научные области как история, история культуры, история науки и техники. Содержание курса структурируется посредством понятия «познавательная модель эпохи», которая будучи продуктом всеобщего труда и опосредованным образом задавая всякий совместный труд - так или иначе, оказывает влияние на ход и содержание свершающихся исторических событий.

Познавательная модель эпохи включает систему рациональных идей и представлений, ядро которой составляют научные и технические идеи каждого из материально-технических укладов, начиная с конца XVII века до наших дней. В соответствии с одним из общесистемных законов¹, называемым «гипотезой семиотической непрерывности», система идей есть образ ее среды – исторической социальной реальности. Семиотическая непрерывность системы идей и социальной реальности экстраполируется и

¹ имеется ввиду общая теория систем

на динамику их развертывания. В соответствии с этим принципом изменения системы идей есть одновременно изменения ее социальной среды, причем источники изменения могут корениться как в изменениях самой системы, так в изменениях среды. Тем самым исследование системы идей позволяет вскрыть кардинальные трансформации социальной среды, что может обогатить исследование истории существенными смыслами.

Познавательная модель эпохи проявляется в социальной реальности как научные теории, технические изобретения, политические идеологии, векторы исторических катаклизмов. Технические изобретения наиболее показательны, поскольку они являются уже *реализованными* научными представлениями. Технические изобретения собой подтверждают, стабилизируют научную картину мира, отчего она приобретает статус знания, а не гипотезы. Кроме того, ключевые технические изобретения эпохи определяют производственную, социальную и бытовую практику. Коротко говоря, технические изобретения – это всеобщие (как продукты всеобщего труда) представления о мире, получившие реализацию и определяющие жизненную практику человека.

Спецификация познавательных моделей осуществляется с учетом общепринятой периодизации общественного развития (традиционное, индустриальное, постиндустриальное, информационное общество) и циклов экономического развития («длинных волн Кондратьева»). При этом, авторская разработка общеизвестной интерпретации истории как глобальной гуманизации природной (естественной) реальности, отличается тем, что техника понимается не только как средство непосредственного освоения и адаптации среды, но и как средство моделирования (научной картины мира) и развития стратегического мышления, его рефлексивной составляющей. То есть, в курсе прослеживается не столько история фактов и событий, сколько история идей о мире, следовательно, история идей о возможностях его преобразования.

История идей о мире дана не как перечень этих идей, а в ракурсе их генезиса, восстановить который позволяют ключевые модели, технически воплощенные и образующие основу материально-хозяйственного уклада социальной жизни. Начиная с XVII века, техника создается в результате последовательных научных открытий. Смыкание науки и техники порождает глобальную установку культуры на *познание-использование-преобразование в целях подчинения человеку (гуманизацию) природной реальности*, следовательно, человеческая цивилизация, в разных ее конкретных формах, переходит из разряда «поддерживающей» в «активно действующую». Человеческая цивилизация формируется как субъект действия в глобальном эволюционном процессе. С XVII века начинается научно-техническое развитие цивилизации, которое подразделяется на этапы (циклы), благодаря тому, что изменяется целесообразная сущность техники. Инновационная цель, достижение которой обеспечивает наиболее передовая техническая база цивилизации, задает познавательные модели эпох: **механизм (XVII-XVIII вв.)**, **энергия (XIX- XX вв.)**, **программа (XX-XXI вв.)**. Познавательная модель эпохи имеет универсальный смысл, поскольку именно она лежит в основе интерпретации и трансформации естественной и социальной реальности этой эпохи.

Элективный курс «История технических изобретений» разработан в соответствии с основными векторами модернизации российского образования и направлен на глубинное, смысловое освоение ключевых результатов науки как всеобщего труда человечества, способствует приближению знаний и мировоззренческих представлений современных школьников к современному состоянию науки. В курсе реализуется системный подход, ориентирующий на раскрытие целостности объекта (исторического периода), на выявление многообразных типов связей в нем и сведение их в единую теоретическую картину. Содержательно курс представляет собой последовательный анализ познавательных моделей и их реализации в технических изобретениях, исторических событиях и

социальных трансформациях (что не означает обязательного предшествования окончательного формирования этих моделей их частичной реализации). Такой подход в рамках обучения старших школьников требует широкого и творческого использования обучающимися ранее изученного в рамках курса всеобщей и отечественной истории материала, извлечения новых смыслов, прежде всего смыслов глобальной исторической логики, целостности культурного бытия, включающего все абстрактно отделенные в учебных дисциплинах его сферы: науки, производства, техники, политики. Все это необходимо для формирования инженерного мышления, которое является системным и заданым видеть многочисленные аспекты технических новаций и долговременные последствия их реализации.

Научная новизна предлагаемого элективного курса заключается в осуществлении нового подхода к историческому материалу, который направлен на выявление единой основы технического и социального проектирования, так или иначе определяющего общую логику очевидно происходящих мировых процессов, обычно представленных как множество недостаточно связанных и обоснованных тенденций.

Учебно-методическая новизна предлагаемого элективного курса заключается в следующих позициях:

- междисциплинарность обучения осуществляется посредством понимания концептуального содержания познавательной модели исторической эпохи, на основе которой создаются технические и социальные проекты данного исторического времени;
- в организации учебного материала применяется технология проблемного обучения и технология моделирования технических и социальных процессов; закрепление материала предлагается осуществлять через проектно-исследовательскую деятельность обучающихся;
- курс является средством формирования способности концептуальной интеграции знаний, развития способности логического, системного и стратегического мышления обучающегося

Список литературы:

Маркс, К. Сочинения/ К. Маркс, Ф. Энгельс. –М., 1955-1981. -Т.25.-
Ч.1. -С.116

Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских
введения в двадцать первый век/ В.С. Библер.- М.: Изд-во полит. лит., 1991.-
С.163

Бутина, С.Л. История технических изобретений. Элективный курс:
учебно-методический комплект/ С.Л. Бутина; Государственное автономное
образовательное учреждение дополнительного профессионального
образования Свердловской области «Институт развития образования». –
Екатеринбург: ГАОУ ДПО СО «ИРО», 2015.- 138 с.

Бушуева Е.Л.

Развитие навыков говорения на иностранном языке

Bushueva E.L.

Development of speech skills in a foreign language

В статье кратко раскрыты основные методы, посредством которых осуществляется развитие навыков говорения на иностранном языке. Автор обосновал важность систематического использования видеоматериалов, которые будут способствовать овладению навыками межкультурной коммуникации. Содержание статьи дает представление о том, какие условия должны быть созданы на занятии для студентов, чтобы языковой материал использовался как средство общения.

The article briefly describes the basic methods, whereby the development of speaking skills on foreign language is realized. Author has substantiated the importance of systematic use of video records, which will be promote to the acquirement intercultural communication' skills. The article gives the idea about what conditions must be created for students in order that language material is used as means of communication.

Ключевые слова: навыки; говорение; коммуникация, восприятие, иноязычная речь, студенты.

Keywords: skills, speaking, communication, perception, foreign speech, students.

Согласно новым ФГОС основным назначением дисциплины «Иностранный язык» является формирование у будущего специалиста коммуникативной компетенции, т.е. способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное, межкультурное и профессиональное общение с носителями языка. Отсюда следует, что обучение говорению является одним из важнейших направлений преподавания.

Обучение разговорной речи на иностранном языке — это обучение выражению своих мыслей в устной форме, то есть говорению как средству

общения. Сложности в обучении разговорной речи в процессе преподавания иностранного языка заключается в том, что языковой материал должен использоваться как средство общения. Наивысшую степень трудности представляет выражение мыслей и чувств средствами неродного языка. Здесь говорящий должен владеть не только морфологическим строем языка, но и сложной системой сочетаемости слов.

Разговорная речь должна быть непрерывной, иметь последовательность изложения, ясность оформления мыслей, богатство языковых средств; речь должна быть правильной и не иметь слов-паразитов.

Чтобы устная речь соответствовала перечисленным требованиям, нужно обеспечить тренировку в употреблении лексики по теме; речевых клише; научить выстраивать свое высказывание по определенной схеме.

При обучении неподготовленной речи необходимо учить комбинационно-неподготовленной речи, экспромта, спонтанности.

Для обучения разговорной речи учащихся надо побуждать говорить, используя уже усвоенные или только предварительно объясненные, но еще неувоенные иноязычные слова и грамматические конструкции.

Обучающиеся иностранному языку должны не бояться ошибок в речи — лучше начать говорить с ошибками с тем, чтобы впоследствии их исправить, чем вообще не говорить. Тандем как метод формирования речевой компетенции представляет собой овладение родным языком партнера в ситуации реального или виртуального общения, а также получение информации по интересующим областям знаний. Особенности метода: 1) коррекция высказывания путем переформулирования или переструктурирования; 2) совместное завершение неполных или законченных высказываний; 3) объяснение отдельных незнакомых слов или выражений; 4) употребление комментирующих и эмоционально-оценочных восклицаний; 5) сознательное замедление темпа говорения; 6) использование невербальных средств общения, таких как мимика, жесты, демонстрация и др.

Навык устной речи на иностранном языке развивается лишь в том случае, если осуществляется постоянная практика говорения на языке.

Аудирование, как действенный метод формирует слуховой образ речи. Для развития беглой речи очень полезно вслед за диктором повторять модели различной языковой трудности. Повторение за диктором и чтение вслух обеспечивают практику произнесения более длинных фраз.

На ранней стадии обучения устная практика осуществляется не только что отработанным материалом. На продвинутой стадии устная речь представляет собой умение пользоваться множеством структур и лексических единиц, умение отобрать необходимый материал для выражения содержания сообщения. Чтобы избежать однообразия и повысить познавательный интерес учащихся, преподаватель должен очень тщательно планировать всю работу, координировать выбор тем.

Чтобы учащиеся говорили на иностранном языке, необходимо создать им условия для развития спонтанной речи. Следует постоянно работать над расширением словарного запаса. Важным методом обучения разговорной речи является создание естественной ситуации общения.

Видеофильм — эффективная форма учебной деятельности, активизирующая внимание и способствующая совершенствованию навыков говорения. Наиболее эффективными способами учебного взаимодействия являются работа в парах, в микрогруппах (по 4 человека), работа в командах: учащийся — группа; преподаватель — группа; преподаватель — микрогруппа и т. д.

Видеоматериалы являются ценным инструментом обучения иностранному языку. Они позволяют решать очень важные задачи обучения, воспитания и образования. Использование видеоподдержки на занятиях способствует повышению качества знаний, так как позволяет использовать следующие виды коммуникативной деятельности: аудирование, говорение, чтение и письмо (при выполнении упражнений). В частности, видео как компонент восприятия иноязычной речи на слух способствует эффективной

тренировке навыков аудирования. В ситуациях естественного общения мы очень редко слышим речь собеседника, не видя его самого. Такие ситуации в основном возникают при общении по телефону. Но в работе по развитию навыков аудирования мы чаще всего прибегаем к аудиозаписям, не позволяющим видеть говорящего. Использование видеосюжетов в обучении навыкам аудирования на уроке иностранного языка открывает ряд уникальных воз-

можностей для преподавателя и студентов в плане овладения иноязычной культурой, в особенности в плане формирования социокультурной компетенции как одной из составляющих коммуникативной компетенции в целом. В отличие от аудиотекста, который может иметь высокую информа-

тивную, образовательную, развивающую ценность, видеосюжет имеет то преимущество, что соединяет в себе различные аспекты акта речевого взаимодействия. Помимо содержательной стороны общения, видеосюжет содержит визуальную информацию о месте события, внешнем виде и невербальном поведении участников общения в конкретной ситуации.

Следует отметить важность систематического использования видеосюжетов на занятиях - это будет способствовать овладению студентами навыками межкультурной коммуникации. При этом работа с видеосюжетами должна быть методически организована. Использование видеосюжетов является наглядным методом. Информация, представленная наглядно, является наиболее доступной для восприятия и усвоения. Однако, при использовании наглядного метода (демонстрация видеоматериала) необходимо соблюдать ряд условий:

- применяемый видеоматериал должен соответствовать уровню знаний студентов;
- наглядность должна использоваться в меру и предъявляться в соответствующий момент занятия;
- необходимо четко выделять главное, существенное;

— демонстрируемый видеоматериал должен соответствовать изучаемой теме.

В работе с видеосюжетами выделяют три основных этапа: *pre-viewing*, *while-viewing and postviewing*.

Цели и задачи каждого этапа подробно изложены в методической литературе. Наиболее эффективными заданиями, используемыми при работе с видеосюжетами, являются следующие виды работы:

1. *Vision on/sound off*. Студентам предъявляется видеосюжет без звука. После просмотра им предлагается ответить на общие вопросы, касающиеся содержания видеосюжета: о чем сюжет, где происходит действие, кто участники видеосюжета, о чем они говорят и т.д. Студентам предъявляется видеосюжет снова, после чего предлагается предположить, о чем говорят действующие лица.

Далее, группам из 3—4 человек предлагается написать текст озвучивания видеоролика, который каждая группа должна впоследствии воспроизвести при очередном предъявлении видеосюжета. В качестве завершения студентам предлагается выбрать самый лучший вариант озвучивания, предъ-

явив видеосюжет со звуком, и выбрать самый близкий к оригиналу вариант.

2. *What's going to happen next?* В определенный момент видеосюжет останавливается и студентам предлагается предугадать, как дальше будут развиваться события. Для данной работы студенты разбиваются на группы. Каждая группа обсуждает свой вариант развития событий и предъявляет его остальным. Далее проигрывается видеосюжет до конца и студенты определяют, какая группа наиболее точно предугадала вариант развития события.

3. *Ordering the events*. На доске записываются основные события видеосюжета, но в произвольном порядке. После просмотра студентам предлагается восстановить последовательность событий, как они появились в

видеосюжете. Это задание хорошо использовать в видеосюжетах, насыщенных событиями, например, видеонюжетах.

4. *Listeners and Watchers*. Студенты делятся на две группы. Одной группе предъявляется эпизод без звука, другой группе только звуковая дорожка. После просмотра студенты из обеих групп работают в парах. Те, кто смотрел, рассказывают партнеру, что они увидели, соответственно те, кто слышал только аудиозапись, передают содержание услышанного. Таким образом, каждая пара восстанавливает видеосюжет. После этого студентам предъявляется исходный ролик, и они сравнивают свои высказывания с оригиналом. Постоянное использование видеосюжетов на занятиях по иностранному языку будет способствовать формированию навыков и умений восприятия иноязычной речи на слух.

Таким образом, чтобы развить у студентов навыки говорения на ИЯ преподавателю в первую очередь необходимо создать предпосылки к активному образовательному процессу, подготовить учебно-дидактическую базу, в том числе, подобрать оптимальные учебно-методические материалы, содержащие необходимый комплекс упражнений, осознав их типологию и полноту и содержания. Вместе с тем активное применение инновационных технологий позволит значительно интенсифицировать учебный процесс, повысить уровень языковой компетенции студентов, а также расширить диапазон методических средств в обучении.

Список литературы

1. Алещанова И.В. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов технического вуза /И.В. Алещанова, Н.А. Фролова // Современные проблемы науки и образования. 2010. № 4. – С. 87-90.
2. Митина А.М. Система критериев эффективности современного занятия по иностранному языку в дополнительном образовании / А.М. Митина, Е.В. Новоженина //Известия Волгоградского государственного технического

университета: межвуз. сб. науч. ст. № 9(69) / ВолгГТУ. –Волгоград, 2010. – С. 129 – 131.

3. Новоженина Е.В. Реализация компетентностного подхода в обучении иностранным языкам / Новоженина Е.В. // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2009. № 9. – С. 110.

4. Фролова Н.А. Междисциплинарные связи и мотивация образовательного процесса на занятиях по иностранному языку / Фролова Н.А., Алещанова И.В. // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2006. № 8. – С. 86-87.

5. Фролова Н.А. К вопросу о методах инновационного обучения иностранному языку / Н.А. Фролова, И.В. Алещанова // Педагогические науки. 2009. – 1 (34). – С. 161-164.

Верещкая, А.И., Довейко, А.Б., Квасова, А.А., Стеценко, А.И.

Социологический мониторинг управления качеством образования в
высшем учебном заведении

Sociological monitoring education quality management
in higher education

Социологический мониторинг качества образования в ВГУ уточняет параметры совместной деятельности всех участников образовательного процесса, важными сегментами которого являются состояние социально-психологических и педагогических отношений, удовлетворенность деятельностью в целом и ее различными сторонами, а также самооценка участников. Анализируются данные мониторинга за 2007 – 2015 годы, динамика оценок и факторов неудовлетворенности педагогов, а также факторов, которые отрицательно сказываются на подготовке специалистов.

Sociological monitoring of the quality of education at VSU specifies parameters collaboration among all participants in the educational process, which are important segments of the state of socio- psychological and pedagogical relations, satisfaction with activities in general and the various parties, as well as self-esteem participants. Analyzed monitoring data 2007 - 2015 years, the dynamics of estimates and factors of dissatisfaction of teachers, as well as factors that negatively affect the preparation of specialists.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ, УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ, РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА

KEYWORDS: QUALITY OF EDUCATION, SOCIOLOGICAL MONITORING, SATISFACTION, IMPROVE THE QUALITY OF RESERVES

Процесс реформирования высшей школы в современной России продолжается уже второе десятилетие и вызывает серьезный резонанс в

обществе. Именно поэтому на современном этапе реформирования особое внимание привлекает анализ проблем преобразований и результатов реформ, среди которых можно рассматривать как промежуточные - достигаемые, так и ожидаемые в будущем.

Анализ публикаций, касающихся проблематики модернизации высшего образования позволяет сделать вывод, что проблема качества является на сегодняшний день очень острой. Вместе с тем, большая часть работ по проблеме качества образования, в том числе и высшего, выполнена за пределами социологического подхода. Среди немногочисленных работы социологов по проблеме качества высшего образования необходимо отметить исследования, в которых проблема качества образования в целом, высшего образования в особенности, рассматривалась с точки зрения анализа его как социального процесса. Прежде всего, это работа И.К.Кошечевой, в которой выявлена специфика социологического подхода к образованию и его качеству, разработана методология социологического исследования качества высшего образования, операционализировано само понятие качества высшего образования [1]. Это также диссертационное исследование Л.Р.Вышегуровой, где обоснована целесообразность сочетания различных технологий социологического исследования при разработке инструментария оценок качества высшего профессионального образования основными субъектами образовательного процесса [2]. Следует также назвать фундаментальный труд пермских социологов – Л.Н.Курбатовой и М.А.Слюсарянского, в котором раскрывается роль и место социологии в исследовании различных сторон образовательного процесса в высшем учебном заведении с учетом современных требований к качеству менеджмента организации, рассмотрены программа и методика социологического исследования, анализируются результаты [3]. В монографии Л.Н.Глебовой, М.Д.Кузнецовой и В.Д.Шадрикова [4] сформулированы принципы внутреннего мониторинга и оценки качества высшего и дополнительного профессионального образования, рассмотрены

методики внутреннего мониторинга. Наконец, в работе А.А Спиридоновой. и Е.Г.Хомутовой [5] представлена методика мониторинга процессов в системе менеджмента качества вуза. Особое внимание уделено разработке подсистемы измерения и анализа показателей процессов, отражены результаты практического внедрения предложенной системы в конкретном вузе.

Решение проблемы качества образования зависит от наличия многих составляющих – как организационно-управленческих, связанных с финансированием высшей школы, контролем качества высшего образования, поддержкой науки и научных школ, так и содержательно-смысловых, к которым относятся вопросы повышения мотивации у студентов к получению знаний, а у преподавателя - к передаче знаний, повышения статуса преподавателя и престижа получения высшего образования. [6]

Хотя в науке до сих пор дискутируется идея содержания понятия «качество образования», в Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» даётся предельно понятное определение: «качество образования – комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [7].

Социологический подход к данной проблеме подразумевает изучение того, как различные социальные группы согласовывают свои интересы по поводу качества образования. Другими словами, социология призвана ответить на вопрос, какое образование считается качественным и почему. Именно поэтому для нас наиболее актуальным является исследование процессов оценивания качества образования, поскольку именно в этом

процессе проявляются различные требования заинтересованных сторон и происходит согласование их часто противоречивых интересов. [8]

В широком смысле качество образования раскрывается через установление соответствия объекта (который чаще всего определяется как образовательный результат, процесс и образовательная система) некоторым нормам. Наибольшее разнообразие в определениях наблюдается в отношении того, что считать источником данных норм: многообразные потребности, ожидания, цели, стандарты, требования, предъявляемые со стороны общества, личности и т. д. [9]

Факторы, влияющие на качество образования, условно можно разделить на три группы: 1) уровень довузовской подготовки; 2) организация процесса обучения в вузе; 3) требования со стороны рынка труда.

В данной статье остановимся лишь на второй группе. Здесь имеет смысл выделить такие составляющие, как качество содержания обучения, процесса обучения и результата обучения.

Одним из важнейших является принцип мотивации субъектов образовательного процесса на повышение качества собственной деятельности. Он позволяет сосредоточиться на главном факторе, определяющем получение желаемых результатов образования, – на отношении человека к образовательной деятельности.

Конечно, никто из преподавателей не сомневается в значимости качества образования. Но до тех пор, пока не будут обеспечены реальные условия, позволяющие им чувствовать удовлетворение от своей деятельности, материальную и социальную защищенность, видеть четкую связь между результатами своего труда и его оценкой, установка на качественное образование как корпоративную ценность останется только лозунгом. В связи с этим необходимы эффективные стимулы, повышающие заинтересованность преподавателей в результативности профессионально-педагогической деятельности. В связи с этим, задачами данной статьи являются:

выявить уровень удовлетворенности образовательным процессом преподавателями вуза;

выявить факторы, влияющие на качество образовательного процесса и эффективность подготовки специалистов;

дать сравнительную характеристику указанных аспектов в динамике (2007-2015 гг.).

Реализация новых стандартов требует формирования преподавателей – профессионалов, подготовленных к работе в новых условиях, способных использовать современные технологии, принимающих на себя ответственность за результаты образования [10]. К сожалению, сегодня не все преподаватели связывают эффективность собственного труда с качеством работы образовательного учреждения и подготовки его выпускников. Возможно, это объясняется той незначительной ролью, которая в действительности отведена им в системе обеспечения качества. Еще в меньшей степени представлены в ней сами обучающиеся. Но такая ситуация не должна сохраняться.

Преподаватели рады полностью посвятить себя любимому делу — преподаванию. Но оно плохо «кормит», и по этой причине педагогам приходится подрабатывать в коммерческих вузах или брать на себя непомерную нагрузку в своем учебном заведении. Совершенно очевидно, что от этого не улучшается качество выполнения основной работы.

Формирование в вузах систем управления качеством определяется приказом Рособразования № 304 от 03.12.2004 г. «О разработке и внедрении внутривузовских систем управления качеством образования в высших учебных заведениях». Одним из критериев оценки деятельности высших учебных заведений при комплексной оценке деятельности в соответствии с приказом № 1938 от 30.09.2005 г. «Об утверждении показателей деятельности и критериев государственной аккредитации высших учебных заведений» определен показатель 1.2. «Качество подготовки», включающий

эффективность внутривузовской системы обеспечения качества образования [11].

Мониторинг качества образования, организованный в ВГУ ректоратом, управлением качеством образования, позволил обнаружить повторяющееся в достаточно крупных масштабах действие факторов, снижающих качество образования.

В соответствии с приказом ректора социологическая лаборатория Университета в установленные сроки разрабатывает и предоставляет в отдел качества образования анкеты для опроса абитуриентов, студентов, профессорско-преподавательского состава, учебно-вспомогательного персонала и других участников образовательного процесса. С целью получения информации об удовлетворенности потребителей и других заинтересованных сторон предоставляемыми образовательными услугами в Университете проводится анкетирование студентов, профессорско-преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала, других участников образовательного процесса. Отдел качества образования вносит данные в интерактивную систему опроса. Результаты анкетирования хранятся в электронной базе данных на сервере отдела качества образования.

Анкетирование участников образовательного процесса осуществляется посредством web-интерфейса на сайте отдела качества образования. После проведения анкетирования web-страница с вопросами становится недоступной для просмотра всем, кроме ответственного за обработку данных. На основании имеющихся данных создаются файлы ответов для последующей обработки данных работниками социологической лаборатории. В сроки, установленные приказом ректора, заведующий социологической лабораторией представляет аналитический отчет по результатам анкетирования ректору для утверждения. Данные аналитического отчета используются при подготовке информации для ежегодного отчета ректора Университета на Ученом совете Университета.

В данной статье остановимся на материалах анкетирования профессорско-преподавательского состава университета, сравнивая при этом показатели в динамике за 2007-2015 годы, что как раз отражает ближайший этап реформирования высшей школы в России.

При составлении инструментария были использованы показатели, характеризующие качество образования: 1) квалификация участника; 2) удовлетворённость профессорско-преподавательского состава своей работой; 3) причины неудовлетворённости педагогического состава своей деятельностью; 4) оценка своего отношения к работе (выбор принципа работы); 5) оценка соответствия качества образования, получаемого студентами в ВГУ, качеству образования в лучших вузах мира; 6) отношение к изучению студенческого мнения о работе педагогов; 7) экспертиза факторов, которые отрицательно сказываются на подготовке специалистов; 8) оценка совмещения преподавания и научной работы; 9) эффект занятия наукой в вузе; 10) отношение к работе деканата; 11) направленность (спектр) преподавательских предложений по повышению качества образования; 12) черты личности специалиста, которые преподаватели целенаправленно формируют; 13) влияние работы в двух-трёх местах на качество исполнения трудовых обязанностей; 14) педагогическая самооценка; 15) социально-демографические признаки [12].

Удовлетворённость педагогического состава факультетов ВГУ своей работой отражает действие комплекса факторов: социального статуса педагогов; престижности работы; характеристик условий деятельности и др. Этот показатель дан в таблице 1.

Группа преподавателей, склонных к высокой положительной оценке своей удовлетворённости трудом, за год мониторинга сократилась на 4,3 %. Зато более чем на 5% увеличилась группа педагогов, умеренно недовольных выполняемой работой. Учитывая еще рост на 2 % доли абсолютно неудовлетворенных преподавателей, можно сказать, что настроения в их среде стали в целом более негативными, что и отражает суммарный индекс удовлетворенности, рассчитываемый как разность положительных и отрицательных ответов.

Таблица 1.

Удовлетворенность преподавателей ВГУ своей работой в 2007-2013 гг.

Насколько вы удовлетворены своей работой?	2007	2013	2015
Индекс удовлетворенности	0,47	0,39	0,44

Очевидно, что настроения в преподавательской среде за последние десять лет перманентных реформ являются достаточно негативными. Важно и другое: за переменами оценки удовлетворенности трудом стоят значительные сдвиги влияющих на удовлетворенность факторов (см. таблицу 2).

Даже самый беглый анализ показывает, что если в 2007 г. наибольшая неудовлетворенность преподавателей была вызвана оплатой труда, низкой его престижностью, отношением студентов к учебе, необходимостью дополнительной

Таблица 2

Причины неудовлетворенности преподавателей ВГУ своей работой, в

%

Причины	2007	2013	2015
санитарно-гигиеническое состояние аудиторий	25,8	26,0	14,4
падение престижа труда преподавателей вуза	43,8	36,9	34,2
неудобное расписание	12,9	11,0	13,5
трудности совмещения	32,	2	3

преподавательской и научной работы	3	8,0	5,1
оплата труда	68, 2	7 6,3	6 9,4
большой объем учебной нагрузки	20, 7	3 3,5	3 1,2
необходимость больших затрат времени на подготовку к лекциям, семинарам и практическим занятиям	9,7	9 ,0	6 ,0
большие затраты времени на научную работу	9,7	7 ,2	1 1,4
плохие отношения в коллективе кафедры	2,3	2 ,0	3 ,0
необходимость дополнительной работы из-за низкой оплаты труда	37, 8	4 0,5	3 3,3
отношение студентов к учебе	49, 3	3 8,7	3 0,9

работы для поддержания своего материального обеспечения, трудностями совмещения преподавательской и научной работы, то в 2015 г. порядок факторов несколько изменился. На первом месте по-прежнему оплата труда, на второе место выходят трудности совмещения преподавательской и научной работы, на третьем - необходимость дополнительной работы. А далее мы видим, что значительно возрастает неудовлетворенность увеличением объема учебной нагрузки. Здесь надо отметить еще тот факт, что при переходе к новым образовательным стандартам преподавателями был проделан огромный объем работы по составлению новых учебно-методических комплексов, который, однако, нигде не учитывался и соответственно никак не поощрялся. А вот падение престижа преподавательского труда стало волновать гораздо меньше, что может свидетельствовать об адаптации к этому низкому уровню.

Преподавателям была дана возможность выступить в роли экспертов относительно факторов, которые отрицательно сказываются на качестве подготовки специалистов. Общая обстановка в стране и вузе, специфика обстановки на факультетах, характер преподавателей и их мотивация обусловили ответы, сгруппированные в таблице 3.

Пальму первенства здесь держит недостаточное государственное финансирование высшей школы, как и шесть лет назад. Данный недостаток сказывается на самых различных сторонах университетской жизни: отсутствие возможности купить литературу, новую технику и оборудование, сделать ремонт аудиторий, наконец, осуществить строительство новых учебных корпусов и общежитий и.т.п.

Таблица 3

Мнение преподавателей о факторах, которые отрицательно сказываются на подготовке специалистов, в % от числа опрошенных

Факторы	2007	2013	2015
частая смена образовательных стандартов	22,6	2,5,1	6,7,9
недостаточное государственное финансирование высшей школы	48,8	4,3,1	3,9,0
слабая заинтересованность преподавателей в активизации своей деятельности из-за низкой заработной платы	30,4	2,6,6	2,8,0
управленческая деятельность руководства вуза	7,4	9,2	6,3
ухудшение уровня довузовской подготовки абитуриентов	37,3	3,9,0	3,7,8
отношение студентов к посещению	18,	2	1

занятий	9	6,6	7,4
состояние материально-технического обеспечения вузов	15,2	1,47	8,4
состояние аудиторного фонда	6,5	7,2	1,9
состояние вузовской науки	7,8	4,9	3,6
состояние библиотечного фонда	4,1	3,2	3,9
отношение студентов к творческой и активной работе на занятиях	6,8	1,21	4,8
недостаточные навыки самостоятельной работы студентов	20,3	2,31	1,89
ориентация студентов на получение диплома, попытку избежать службы в армии	25,3	2,14	1,80

Волнует преподавателей и частая смена образовательных стандартов, как негативный фактор. Он, привлекает внимание устойчивой трети опрошенных. В 2015 г. преподавателей, критически настроенных в отношении частой смены образовательных стандартов, стало почти в два раза больше, по сравнению с 2014 г. Стандарты внедрялись не сразу: в 2010-2011 гг. был реализован стандарт третьего поколения, затем – поколения «три плюс», а теперь вроде бы готовится стандарт четвертого поколения. Многим педагогам не ясно – в какой мере данные изменения необходимы. Дело в том, что каждый раз приходится переделывать учебные планы, рабочие программы, пособия, курсы лекций и др. Программы разнятся между собой наборами компетенций – культурных, профессиональных, общепрофессиональных. При этом формулировки компетенций кажутся универсальными, а главное – неизвестна мера их присутствия у студентов.

Опрос студентов ВГУ в 2015 г. позволил обнаружить удивительный факт: подавляющая масса опрошенных молодых людей не ориентируются в компетенциях, которые у них формируют педагоги. В принципе, это говорит об эффективности смены стандартов. Необходимо заметить, что всякий раз к пакету документов, которые должен оформлять и переоформлять преподаватель, добавляется новый: аннотация к рабочей программе, фонд оценочных средств, паспорт компетенций и др. При этом к составителям, например, фонда оценочных средств, предъявляются требования: тестов должно быть не менее 40, независимо от дисциплины. Между тем, многие курсы с трудом могут быть облечены в тестовую форму.

Следует отметить и такой фактор, как ухудшение уровня довузовской подготовки абитуриентов. В ряде вузов проведены проверки на предмет соответствия реальных знаний первокурсников баллам, указанным в сертификатах ЕГЭ. По разным данным, от 20 до 60% студентов не смогли подтвердить высокую оценку, полученную на экзаменах.

Все больше нареканий у педагогов вызывает отношение студентов к посещению занятий. Преподаватели все больше отмечают их прагматическую ориентацию только на получение диплома, недостаточные навыки самостоятельной работы и низкую творческую активность на занятиях. Несколько возрос и удельный вес такого фактора, как управленческая деятельность руководства вуза. Очевидно, вину за просчеты и недостатки в ходе реформирования высшей школы преподаватели возлагают не только на центральную власть, но и на руководство вуза.

Организатором работ по повышению качества подготовки специалистов на факультете обычно является деканат, при этом в сознании преподавателей он обретает вполне определенный облик. В целом по вузу заметно снижение параметров преподавательской оценки основной факультетской административной единицы (см. таблицу 4). Очевидно, что за последние годы позитивный образ деканата потерял в «весе», оценки его деятельности стали более осторожными. Очень настораживает, что более чем

каждый четвертый опрошенный преподаватель поставил оценку «2» или «3» за деятельность деканата по повышению качества подготовки специалистов.

Таблица 4

Как вы оценили роль деканата в работе по повышению качества подготовки специалистов? (в % от числа опрошенных)

Ответы	2 007	2 013	2 015
деканат делает все, чтобы улучшить работу со студентами	4 5,2	3 4,7	3 9,6
работа в этом направлении ведется, хотя удается не все	3 4,6	4 3,4	4 5,6
роль деканата в улучшении подготовки студентов мала	1 5,7	1 6,2	1 2,3
деканат не играет никакой роли	4 ,6	5 ,8	2 ,4

Проблемы многообразия и несовершенства условий жизнедеятельности структур и участников образовательного процесса в вузе, обнаруженные в ходе социологического мониторинга отношения к качеству образования, являются научным фактом, требующим пристального внимания системы управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кошечева Ирина Константиновна. Качество образования как социологическая проблема: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06: Екатеринбург, 2003 - 157 с.

2. Вышегурова Л.Р. Качество высшего профессионального образования в оценках основных субъектов образовательного процесса. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. социол. наук: 22.00.04.. - Барнаул – 2012. – С.20.

3. Социологическое сопровождение менеджмента качества образовательного процесса в техническом вузе: учеб.- метод. пособие / Л.Н. Курбатова, М.А. Слюсарянский. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. – 268 с.

4. Глебова Л.Н., Кузнецова М.Д., Шадриков В.Д. Мониторинг качества высшего педагогического образования: монография. – М.: Логос, 2012. – 368 с.

5. Спиридонова А.А., Хомутова Е.Г. Мониторинг процессов в системе менеджмента качества вуза./ Университетское управление: практика и анализ. 2011. №6. – С.37-43.

6. Попов Д.В. Экспертные оценки процесса и результатов реформирования высшего профессионального образования. / <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2013/03/29/> 7. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» Принят Государственной Думой 21 декабря 2012. года. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года // Российская газета. – 2012. – 29 дек

8. Павленко К.В. Неинституциональный подход к оценке качества образования / http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2010_1/Pavlenko

9. Н.В. Латова. Опыт управления качеством высшего образования при помощи электронной системы обратной связи./ Высшее образование в России. № 1, 2011 с.102 – 109.

10. Факторович А.А. Принципы управления качеством образования в вузе в условиях реализации ФГОС./ Высшее образование в России. № 12, 2010. с.40-47.

11. Катаускайте Л.А. Система менеджмента качества./ Высшее образование в России. № 3, 2010. с.79-83.

12. Ищенко Е.Н. Комплексный анализ качества образования (социологический мониторинг): монография/ Е.Н.Ищенко, А.И.Стеценко, Е.Е.Чупандина. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. – 157с.

Уточнение социокультурного пространства профессионального
самоопределения студентов

Clarification of social and cultural space of the professional self-
determination of students

Статья посвящена рассмотрению различных подходов к определению пространства профессионального самоопределения. Основываясь на методологическом аппарате теории полей и практик П. Бурдьё, автор определяет его через набор социальных полей, имеющих значение для студентов высших учебных заведений г. Перми.

The article discusses different approaches to defining the essence of professional self-determination, as well as the social conditions of its realization. Based on the methodological apparatus of field theory and practice of Bourdieu, the author defines it through a set of social fields that are relevant to students of higher educational establishments of the city of Perm.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ || СОЦИАЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО || СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ, СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ||
ТЕОРИЯ ПРАКТИК

PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION || SOCIAL SPACE ||
SOCIAL FIELD || SOCIAL CAPITAL || PRACTICE THEORY

Вопросы объяснения, сопровождения и регулирования поведения молодежи в сфере образования и трудовой занятости имеют длительную историю изучения. Можно констатировать, что за годы развития советской социологии сложилось определенное видение того, что представляет собой

профессиональное самоопределение, из каких элементов оно складывается и в каких институциональных и организационных условиях реализуется. Однако изменения, произошедшие в российском обществе, а также развитие социологической науки, связанное с усилением внимания к жизненным мирам и повседневности [1. С. 4], приводят к необходимости уточнения изначальных методологических установок.

Изменение подходов к изучению профессионального самоопределения теснейшим образом связано с развитием социологических концепций социального порядка. В классических представлениях, социальный порядок описывается как «прочно установленный, объемлющий все общество без изъятия и стабильно воспроизводимый во времени» [2. С. 14], ему соответствуют стабильные и функциональные социальные институты, в пространстве которых индивиды взаимодействуют друг с другом. В этой связи профессиональное самоопределение – процесс, связанный с интеграцией молодого поколения в существующие социально-профессиональные структуры [3. С. 19].

Характерными чертами в рассмотрении профессионального самоопределения молодежи в этих условиях можно считать социологический реализм и примат интересов социального целого. Центральной проблемой исследований служат вопросы управления и оптимального распределения и максимального использования людских ресурсов в различных вариантах: от рассмотрения объективных социальных условий профессионального выбора как определяющих и проявляющихся в процессе самоопределения личности [4. С. 11], до вынесения самой личности, её мотивов и интересов в разряд объектов профессионального самоопределения [5. С. 14]. В последнем случае происходит полное отождествление профориентации и самоопределения личности в сфере труда. Более того, подобный подход в крайнем своем выражении заставляет говорить не столько о самоопределении личности в сфере труда, сколько об адаптации к социально-профессиональной структуре общества.

В указанном подходе пространство профессионального самоопределения представлено двумя крупными институциональными областями: образованием и трудом. Именно в рамках и посредством образовательного процесса, по мысли советских обществоведов, у молодежи формировался образ будущего, происходило определение и закрепление профессионально и личностно значимых качеств. Финальной точкой оказывалась адаптация к конкретному рабочему месту и осуществление трудовых функций [5. С. 6-19].

Подобная жесткая модель пространства профессионального выбора едва ли может быть полностью реализована в условиях, которые все чаще характеризуется как «турбулентность», «риск», «революция» и др. При высокой неопределенности на рынке труда, изменении роли образовательных организаций, культурном полистилизме возникает необходимость в более плюралистичной модели социального порядка. В этой связи логичным выглядит обращение к теоретико-методологическому аппарату П. Бурдьё, позволяющему представить «социальный мир в виде многомерного пространства, сконструированного в соответствии с принципами различения и распределения совокупности активных свойств» [2. С. 15].

Согласно теории полей и практик П. Бурдьё, социальное пространство, состоящее из совокупности взаимосвязанных полей, вписано одновременно в объективные социальные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур. По логике Бурдьё, пространство представляет собой конгломерат социальных полей, каждому из которых «соответствует определенный вид капитала, имеющий хождение в данном поле как власть или как ставка в игре» [6. С. 16]. Акторы, находящиеся в социальном поле (студенты, абитуриенты, преподаватели и т.д.), сообразно имеющемуся капиталу, вступают в необходимые социальные отношения. Посредником между социальными отношениями и агентами в данной теории является габитус – результат

интериоризации объективных социальных отношений и необходимое субъективное условие практик одновременно.

Таким образом, для рассмотрения профессионального самоопределения как системы практик необходимо выделение тех социальных полей, в которых данные практики происходят и, как следствие, тех диспозиций и разновидностей капиталов, которые реализуются и конвертируются в практиках. В данном случае, рассмотрение полей и практик профессионального выбора осуществляется на основе 20 фокусированных интервью со студентами высших учебных заведений г. Перми.

При анализе полученного в ходе интервью материала высказывания информантов, относящиеся к тем или иным институтам и организациям, выделялись в отдельные секвенции или элементы текста, содержащий внутренне законченный тематический сюжет [7. С. 178]. В рамках каждой секвенции выделялись отдельные категории, в том числе, отражающие специфические для каждого поля практики и виды капиталов. Выделенные блоки, в значительной степени совпадающие с традиционным описанием пространства профессионального выбора: образовательные институты (образовательные организации общего и высшего профессионального образования) и труд. В качестве дополнительной секвенции рассматривалась досуговая деятельность информантов, т.е. не связанная с обучением и профессиональным трудом занятость. Именно этими областями значений в значительной степени описывается процесс социального самоопределения.

Тем не менее распределение основных капиталов и мотивов практических действий информантов позволяет дифференцировать практики информантов исходя из других оснований. Исходя из собранного эмпирического материала можно сделать вывод о наличии четырех связанных между собой социальных полей, определяющих специфические практики: поля формальных норм, карьерных планов, поле самоактуализации и поле символического потребления.

Поле формального исполнения институциональных норм строится вокруг явных и формально оформленных функций институтов и организаций: освоения учебного плана применительно к образованию, получение денег из трудовой деятельности и т.д. В образовательном процессе взаимодействие в этом поле осуществляется между учащимися, преподавателями и формальными нормами, представляемыми администрацией учебного заведения. Выполнение формальных обязанностей (исполнительность как своеобразный капитал), связанных с пребыванием в вузе, при этом может считаться обязанностью (*Интервью 1*: «а здесь я не понимаю: парень моего возраста может прогуливать пары, не считая что это ниже его достоинства») или своеобразной платой за доступ к иным видам капитала: как минимум на получение диплома. В осуществляемой трудовой деятельности инструментальные цели связаны с финансовым обеспечением собственных расходов, не пересекаясь ни со сферой интереса («мне нужно получать какие-то деньги, которые нужно потратить на свои нужды <...> Мне пока совершенно не нравится работать, это не интересно, не весело, но я делаю это вынуждено» – *Интервью 2*).

Поле карьерных планов и устремлений, направлено на конструирование, подготовку будущей профессионально-трудовой траектории, вхождение в референтную группу. Цель данных практик выходит за рамки непосредственного процесса обучения и связывается с несколькими составляющими. Прежде всего, это получение необходимых для практической деятельности навыков (*Интервью 3*: «пришел сюда получать образование историка, а не историю учить»). На основании связей с планируемой специализированной деятельностью проходит очередное разделение предметов: в восприятии студентов появляются курсы нужные и не нужные, с различным отношением к ним. Сходным образом выстраивается и отношение к преподавателям: они оцениваются с точки зрения их практического опыта в значимых для респондента областях.

В контексте профессионального самоопределения студентов особое значение приобретает пересечение трудовой сферы и поля карьерных планов и устремлений. Описывающие его эмпирические категории и первичные коды интервью описывают как отношение и оценку уже имеющейся работы с точки зрения трудовой и профессиональной адаптации, так и мнения и суждения информантов, пока не имеющих таковой практики. Объединяет их одно: ориентация на связь получаемой специальности и будущей профессиональной траектории, т.е. подработка во время учебы оказывается синонимом получения практических навыков.

Характерными чертами данного фрагмента социального пространства является то, что для трудового дебюта информантами выбираются такие места работы, которые максимально близки к желаемой карьерной цели, но не требуют формально подкрепленного уровня квалификации: «есть отдел ПТО, он занимается документацией. Самое простое, на что берут студентов» (*Интервью 4*).

Основным капиталом для поля самоактуализации оказывается интерес индивида и его саморазвитие. В этой связи к делению предметов на требующие посещения или не требующие посещения добавляется новая классификация: интересно – не интересно: «Многие знания я не буду использовать, при этом они интересные» (*Интервью 6*). В данном контексте происходит оценка всех сторон жизни вуза, включая практики, внеурочную деятельность. В рамках данного поля обучение в вузе – время, позволяющее максимально полно реализовать собственные интересы и запросы: изучение иностранного языка, получение новых знакомств, посещение новых мест, освоение новых идей. И в этой связи студенты не используют прагматических критериев: «Я могу это делать, почему бы и нет!?! Может это в будущем мне как-то отзовется» (*Интервью 1*).

Второй вариант появления данного поля в материалах интервью – это выявление того, насколько та или иная деятельность может принести положительные эмоции. Как описывает свою занятость сетевой

журналистикой одна из информанток: «мне очень интересно, меня все устраивает. Это просто... как бы, плюс в копилку моих знаний, я же развиваюсь, саморазвиваюсь, самореализовываюсь» (*Интервью 7*), «лично вот у меня вот есть неподдельная радость<...>меня это радует, я чувствуя, что я в какой-то там гонке, я чувствую раж такой, грубо говоря, и мне это нравится» (*Интервью 4*).

Однако помимо описанного выше примера положительной связи между трудовыми функциями и пространством самореализации оказывается возможной и отрицательная связь: подобного рода практика служит для того, чтобы информант определил сферу занятости как несоответствующую его интересам: «Я один день пробовал и понял, что это не моё. Один день я поработал в ресторане и понял, что это не моё совершенно <...> мне монотонный труд стал не интересен и я перестал ходить» (*Интервью 8*).

Поле символического потребления основывается на придании совершаемым актам символического характера, отражающего представления индивида о социальном статусе, престиже и успехе. Цели акторов не имеют прагматического или «материального содержания» [8. С. 12]. Представления об имиджевой неоднородности профессиональной структуры, а следовательно и социальном характере выбора трудовой траектории были зафиксированы и в советских исследованиях проблем профессионального выбора, однако в настоящих условиях они оказываются более дифференцированными. В данном поле обучение в вузе рассматривается как подтверждение и демонстрация имеющегося статуса семьи и самого индивида. Несмотря на то, что родители респондентов имеют разный уровень образования, практически все информанты были ориентированы ими исключительно на ВУЗ. Во-первых, статусом наделяется само прилагательное «высшее» в названии учреждения. Эта превосходная степень переносится на все составляющие: знания, восприятие выпускников работодателями и окружающими: «Получить более широкое образование, более высокое. Я думал там более интересные предметы» (*Интервью 2*).

Второй составляющей является статус ВУЗа: «[название одно из национальных исследовательских университетов] или «[название другого национального исследовательского университета] – это же так престижно, это же так круто, там же все, господи!» (*Интервью 4*) «Это же престижно, и звучит, и диплом будет московский» – так характеризует свой выбор один из информантов (*Интервью 2*).

Поле символического потребления связано также и с наделением трудовой деятельности характеристиками престижа, и её дальнейшего оценивания как символа успеха-неуспеха в оценке себя и окружающих: «некоторые люди, они после университета они идут на низшую ступень, а я эту низшую ступень прошла в университете, то есть я эту страничку переверну» (*Интервью 2*). Подобным символическим значением наделяются оба выделенные выше аспекты труда: деятельность, не связанная с учебной, и получение дохода.

Второй элемент рассматривается как особо существенный для конструирования социального статуса у учащихся: для информантов он оказывается своего рода маркером взрослости: как отмечает один из опрошенных студентов: «это уже деньги, заработанные мной самой». Более того, отсутствие независимых источников дохода расценивается как девиация: «я не думаю, что нормально в таком возрасте зависеть от родителей» (*Интервью 9*).

Таким образом, профессиональное самоопределение оказывается встроенным в пространство формальных социальных образовательных и профессионально-трудовых институтов, однако не сводится к ним. Внутри выделенных институтов и сфер деятельности выделяются сегменты, обладающие специфическим содержанием – социальные поля, пересекающие институционализованные виды деятельности. К ним относятся поля формального исполнения институциональных норм и правил, карьерных устремлений, самоактуализации и поле символического потребления.

Поля следует рассматривать как сообщающиеся между собой, в результате чего происходит конвертация одних видов капитала в другие, наиболее значимые для информантов; поля оказываются не конвергентными и накопление капитала в одном мешает практикам в другом.

Пример первого типа взаимодействия хорошо иллюстрируется на уровне образовательных институтов: представление о будущем месте работы (если оно сформировано) определяет отношение к предметам и вычленимым из них навыки, диплом, соединяя поля образования с соображениями престижа, влияет на доступ к рабочим местам (для принятия на работу необходимо «махнуть дипломом с хорошими оценками»).

Второй вариант наложения полей описывает ситуацию, при которой деятельность одновременно в нескольких областях практического опыта оказывается невозможной, либо рассматривается в качестве таковой самими респондентами: «честно, в этом году, у меня выбор стоял, либо я посещаю все пары, получаю пятерки, получаю стипендию, либо я получаю ну какие-то практические навыки. В итоге я выбрала учебу, потому что ещё не готова наплевать на учебу и работать» (*Интервью 2*). Иными словами, то, что эффективно в пространстве выполнения формальных требований образовательного стандарта оказывается малоприменимо для приближения к профессиональному идеалу и, тем более, не соответствует понятиям престижа и высокого статуса. Характерно, что символический капитал высшего образования получает все большую значимость, временами отдаляясь от собственно профессионального содержания. Иными словами, можно констатировать, что практики профессионального самоопределения, локализованные в институтах образования и труда, реализуются в нескольких социальных полях, причем успешность в одном из них не означает успешность в остальных.

Таким образом, профессиональное самоопределение предстает как множество разнообразных практик субъектов, по формированию планов карьерного развития и профессиональной идентичности, реализуемых в

сложном социокультурном пространстве. В современных условиях атомизации социальной действительности оказывается невозможно локализовать его исключительно через институциональные и организационные условия среды, которые акторы определяют и используют по-своему. Основываясь на собранном фактическом материале, можно констатировать, что выделение социальных полей, во-первых, позволяет более детально описать диапазон мнений информантов о внешних организационных условиях, а во-вторых, оказывается основанием для дифференциации их установок.

Список литературы:

Ядов В.А. Каким мне видится будущее социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 3-7.

Шматко М.А. Плюрализация социального порядка и социальная топология // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 14-19.

Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. – 1988. – № 2. – С. 19-26.

Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). – М.: Мысль, 1975. – 200 с.

Антипьев А.Г., Захаров Н.Н., Чумаков С.Я. Профессиональная ориентация в сельской школе (методические рекомендации). – Пермь, 1977. – 79 с.

Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв.ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998. – 292 с.

Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. – 2005. – № 1. – С. 5-18.

УДК 37.04 + 316.74 : 37

ББК С 561.9 + Ч 420.02

Гречухина, Т.И. || Комисаренко, Е.Б.

Информационно-образовательная среда школы: опыт проектирования

Grechukhina, T. I. || Komisarenko, E. B

**Information and educational environment of the school: experience of
designing**

В статье рассматривается проблема управления качеством образования на основе создания информационно-образовательной среды учреждения образования.

In the article the problem of quality management of education through the establishment of information-educational environment of the educational institution.

Ключевые слова: ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ, КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА, ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА.

Keywords: PROGRAM DEVELOPMENT, QUALITY EDUCATION, INFORMATION-EDUCATIONAL ENVIRONMENT, INFORMATION AND COMMUNICATIVE COMPETENCE OF THE TEACHER.

Возрастание объема требований и изменение содержания социального заказа школе, как со стороны общества, так и со стороны государства, усиление степени самостоятельности общеобразовательных учреждений в выборе стратегии собственного развития приводит к необходимости определения индивидуального педагогического профиля, в рамках Программы развития.

Отметим, что при отсутствии связи планируемых изменений с новыми образовательными результатами, Программа становится формальным документом. Система элементов, которые должны учитываться

при проектировании Программы развития может быть достаточно широким [1]:

общая стратегия реализации социального заказа;
миссия и цели;
принципы педагогической деятельности, принятые в коллективе;
общественно-государственное управление;
современные образовательные технологии;
способы и методы педагогической квалиметрии;
подходы к обучению разных категорий обучающихся;
работа с профессионально-педагогической компетентностью;
взаимодействие с родителями учащихся;
социальное партнерство;
внешняя и внутренняя экспертиза.

При проектировании Программы развития муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения *«Средняя общеобразовательная школа №6» г.Югорска (ХМАО) - победителя конкурса «100 лучших школ России»* в номинации «Школа года - 2014 — лидер в разработке и реализации стратегии развития образовательного учреждения и повышения качества образования», мы использовали накопленный в общеобразовательном учреждении научно-методический, кадровый потенциал, информационные ресурсы и технологии, опыт осуществления дистанционного обучения, существующую инфраструктуру и организационные структуры образования города.

Процесс проектирования включал в себя несколько этапов: анализ исходного состояния в области качества образования; формирование образа будущего «продукта»; разработка миссии в соответствии с социальным заказом; проектирование качественно новых образовательных результатов; проектирование новых условий достижения результатов с учетом механизмов развития; создание условий реализации целей; создание внутренней системы экспертизы инновационной деятельности.

При проектировании Программы развития мы понимали, что новые образовательные результаты не могут быть эффективно и полноценно сформированы в рамках прежней образовательной среды и традиционных методов, организационных форм и средств образовательного процесса. В этой связи особое внимание было уделено разработке такого направления Программы развития как открытая информационно-образовательная среда.

Скажем, что в современных условиях очень важно не только обеспечить школу техникой и [программным обеспечением](#), но и осознать важность создания единой информационно-образовательной среды учреждения. Это особая среда, которая содержит ресурсы и инструменты обеспечения управления качеством образования, оптимизации процесса обучения и воспитания, способствующая развитию информационно-коммуникативной компетентности педагога.

Понятие «информационно-коммуникативная компетентность» достаточно подробно раскрыто в проекте концепции и содержания профессионального стандарта педагога Министерства образования и науки Российской Федерации «Профессиональный стандарт педагога»[2]. Информационно-коммуникативная компетентность педагога определяется в концепции как общепользовательская компетентность, общепедагогическая компетентность, предметно-педагогическая компетентность.

В общепользовательский компонент включены умения и навыки использования видео- и фотосъемки, умение пользоваться системами мгновенных сообщений, навыки поиска информации в Интернет и базах данных с соблюдением этических и правовых норм использования.

Общепедагогический компонент включает в себя деятельность педагога в информационной среде учебного заведения. Например, планирование и анализ учебного процесса; организация образовательного процесса, при которой учащиеся вместе с учителем ведут деятельность и достигают результатов в информационном пространстве образовательного учреждения; подготовка и проведение консультаций, обсуждений и т.д. с компь-

ютерной поддержкой и другая образовательная деятельность с использованием коммуникативной среды. Кроме того, педагог должен уметь оценивать качество цифровых образовательных ресурсов и адекватно их использовать в соответствии с образовательными задачами.

Требования к предметно-педагогическому компоненту связаны с предметной областью, в которой работает учитель, и включает в себя знание информационных источников по преподаваемому предмету и умение их качественного использования.

Таким образом, одной из приоритетных задач управления в школе является создание информационно-образовательной среды, способствующей повышению качества образования. Задача учителя - освоение информационно-образовательной среды, в которой осуществляется его профессиональная педагогическая деятельность.

Остановимся подробнее на проекте «Информационно - образовательная среда школы на основе программного обеспечения «АВЕРС», реализуемого в рамках Программы развития МБОУ СОШ №6 г.Югорска. Новизна идеи заключается в выявлении специфических проблем управления качеством образования и их решением в системе информационно-образовательной среды.

Проект «Информационно - образовательная среда школы на основе программного обеспечения «АВЕРС» решает следующие управленческие задачи:

развитие информационных ресурсов школы и использование их в образовательном процессе;

оптимизацию процесса обработки информации и введения новых форм отчетов, анализа и прогноза результатов обучения;

создание материально- технических условий для работы электронной школы;

дооснащение школы компьютерной техникой и расширение локальной сети;

содействие вовлечению родителей учащихся в образовательный процесс путем предоставления им своевременной, качественной информации об учебном процессе и учебных достижениях учащихся;

обеспечение постоянного электронного мониторинга качества обучения;

создание новых возможностей для дополнительного образования учащихся;

создание школьной медиатеки, включающей учебную и художественную литературу, интерактивные энциклопедии;

оказание экстренной психологической поддержки участникам образовательного процесса в рамках структуры «Служба доверия онлайн».

В процессе реализации проекта «Информационно - образовательная среда школы на основе программного обеспечения «АВЕРС» нами были установлены факторы, определяющие условия внедрения средств информационно-коммуникационных технологий в процесс управления качеством образования; разработаны концепция и функциональная модель информационно-образовательной среды; обоснована необходимость совместного участия всех работников школы в реализации системы электронного управления качеством образования; создан информационный центр школы; разработана и внедрена междисциплинарная программа для педагогов «Формирование информационно-коммуникационных компетентностей»; созданы условия для дистанционного повышения квалификации и участия педагогов в конкурсах различного уровня. Отметим, что внедрение проекта позволило родителям учащихся получать оперативную информацию о жизнедеятельности школы и учащихся.

Анализ данных реализации проекта «Информационно - образовательная среда школы на основе программного обеспечения «АВЕРС» показал, что результативность обучения в условиях Федерального государственного образовательного стандарта выросла на 5%. Кроме того,

созданы условия равного доступа участников образовательного процесса к образовательным ресурсам; создан банк данных электронных образовательных ресурсов с доступом к нему через Web-интерфейс для всех участников образовательного процесса школы, а также педагогов и обучающихся других образовательных учреждений, участников профессионального сетевого сообщества; повысилась активность включения родителей учащихся в образовательный процесс.

Список литературы:

- 1.Скворцова Г.И. Программа развития образовательного учреждения (опыт и рекомендации) // Отв. ред. Курнешова Л.Е.-М.: Московский центр качества образования, 2007.- 160с.
2. Проект концепции и содержания профессионального стандарта педагога. - [Электронный ресурс] минобрнауки.рф (Дата обращения: 14.02.2016).

Гулько, Е.Ю.

Образование в интересах устойчивого развития

Gulko, E.

Education for Sustainable Development

Аннотация

Статья раскрывает содержание понятия «образование в интересах устойчивого развития». Рассмотрены основные положения Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь, касающиеся вопросов образования.

Abstract

The article reveals the concept of "education for sustainable development." The main provisions of the National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus on the issues of education.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

KEYWORDS: SUSTAINABLE DEVELOPMENT, EDUCATION FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT, ENVIRONMENTAL EDUCATION, THE NATIONAL STRATEGY FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Проблема устойчивого развития общества XXI века относится к числу наиболее обсуждаемых в мировой политике и науке. Решению данного вопроса способствуют многие имеющиеся в настоящее время субнациональные, национальные и международные документы и программы. На качественно новый уровень сегодня выходят формы межгосударственного сотрудничества, практически реализуются и

планируются самые разнообразные соглашения и программы. Под эгидой ООН проходит целый ряд конференций, посвященных устойчивому развитию государств, в том числе и образованию в интересах устойчивого развития.

При этом на пути к достижению устойчивого развития образование выступает в качестве эффективного средства для того, чтобы противостоять вызовам будущего. Эксперты экономической комиссии ООН разработали проект Стратегии образования для устойчивого развития (2004), в котором отмечено, что «образование в интересах устойчивого развития развивает и укрепляет потенциал отдельных лиц, групп, сообществ, организаций и стран ... Оно может способствовать изменению взглядов людей, давая им возможность делать наш мир более безопасным, более здоровым и более процветающим, тем самым, повышая качество жизни. Образование в интересах устойчивого развития представляет собой обучение тому, как нужно принимать решения, которые касаются долгосрочных перспектив экономических, экологических и социальных сторон жизни общества, постоянно подчёркивая их тесную взаимосвязь и зависимость» [1].

В рамках нашей страны (Республики Беларусь) была разработана Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, которая определяет цели, этапы и направления перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу и инновационному развитию экономики при гарантировании всестороннего развития личности, повышении стандартов жизни человека и обеспечении благоприятной окружающей среды. Концептуальным ядром принятой стратегии является модель устойчивого развития, которая включает совокупность принципов и требований, направленных на гармонизацию отношений в триаде «человек – окружающая среда – экономика». В качестве системообразующего блока функционирования в данной модели должно стать «социально ориентированное, экономически эффективное и эколого- защитное развитие страны с учетом удовлетворения

потребностей нынешних и будущих поколений» [2]. Стратегическая цель образования - сформировать качественную систему образования, в полной мере отвечающую потребностям постиндустриальной экономики и устойчивому развитию страны.

В перспективе на протяжении 2021—2030 гг. политика белорусского государства в области образования в интересах устойчивого развития направлена на осуществление перехода к новой парадигме образования: «учение вместо обучения, не усвоение готовых знаний, а развитие у обучающихся способностей, дающих возможность самостоятельно их приобретать, творчески перерабатывать, создавать новое, внедрять его в практику и нести ответственность за свои действия. Основной задачей данного этапа развития образования станет «формирование личности с системным мировоззрением, критическим, социально и экологически ориентированным мышлением и активной гражданской позицией» [2]. Решение данной задачи требует пересмотра существующих образовательных программ и стандартов начиная с дошкольного образования и заканчивая образованием взрослых.

Некоторые исследователи ставят знак равенства между образованием в интересах устойчивого развития и экологическим образованием. Мы придерживаемся позиции, что понятие «образование в интересах устойчивого развития» значительно шире, так как включает в себя наряду с экологическим компонентом, социальный и экономический. Образование в интересах устойчивого развития расширяет содержание экологического образования, ориентируя его на широкий круг вопросов, связанных с обеспечением условий жизнедеятельности людей и управлением факторами риска [3].

Таким образом, образование должно выступить в качестве действенного инструмента на пути к изменению стереотипов мышления, модернизации общества, экономики и государства в целом. И для того, чтобы общественность смогла стать полноценным актором, участвующим и

влияющим на формирование устойчивого пути развития страны, необходимо закрепить в сознании общественности понимание взаимозависимости экономического и экологического развития посредством просвещения и повышения осведомленности [4]. Ведь главное не то, что мы зафиксироваем в программах и стратегиях развития, главное то, что необходимые знания воплотятся в поведении граждан, а не останутся так и неиспользованным ресурсом.

В заключение хотелось бы сказать слова российского ученого Н.Н. Моисеева: «новая цивилизация должна начаться не с новой экономики, а с новых научных знаний и новых образовательных программ...новые моральные принципы должны войти в плоть и кровь человека».

Список литературы

Урсул А.Д, Урсул Т.А Образование в интересах устойчивого развития: первые результаты, проблемы и перспективы // Социодинамика. - №1. - 2015

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. - № 4. – 2015

Черкашин А.А., Уланова О.В. Экологическое образование в России в рамках концепции устойчивого развития [Электронный ресурс]. – Адрес доступа: <http://ecamir.ru/experts/Ekologicheskoe-obrazovanie-v-Rossii-v-ramkah-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya.html>. - Дата доступа: 16.02.2015

GEO-5 Глобальная экологическая перспектива// Резюме для политиков [Электронный ресурс]. - Адрес доступа: http://www.unep.org/geo/pdfs/GEO-5_SPM_Russian.pdf Дата доступа: 13.01.2015

Гурарий, А.Д.

Потребность в междисциплинарном подходе в гуманитарном
образовании в современных условиях

Gurariy, A.

Demand for interdisciplinary approach to Liberal Arts education in current
environment

Аннотация: В статье рассматриваются современные тенденции развития российского общества, которые диктуют необходимость пересмотра подхода к организации образовательной системы в целом и гуманитарного образования в частности. Автор делает акцент на важности и актуальности междисциплинарного подхода в гуманитарном образовании.

Abstract: The current development trends within Russian society prescribing the necessity of the total revision of educational system and Liberal Arts educational process in particular are examined in this article. The author emphasize the importance of interdisciplinary approach to Liberal Arts education.

Ключевые слова: гуманитарное образование, междисциплинарный подход, потребность в междисциплинарном подходе.

Keywords: Liberal Arts education, interdisciplinary approach, demands for interdisciplinary approach.

Сегодня гуманитарное знание и методы, которыми оно оперирует, претерпевают кардинальные и стремительные изменения. Такая тенденция характерна как для мирового академического сообщества, так и для российской системы образования. Утвердившаяся тенденция на всестороннюю информатизацию современного общества выдвигает на первый план потребность в пересмотре подходов к организации образовательного процесса в целом и гуманитарного образования в частности. Если раньше гуманитарное образование было направлено на

целостное понимание мира, то при сегодняшнем доминировании информационно-коммуникационных технологий, ставится под вопрос такая ключевая характеристика как ценность гуманитарного образования и траектория его развития в условиях современного общества.

Вопрос о ценности гуманитарного образования возникает также по причине отсутствия стабильного спроса на специалистов-гуманитариев на рынке труда. Несмотря на то, что гуманитарное образование структурирует мышление и ориентировано на всестороннее развитие личности, достаточно трудно обозначить конкретную сферу деятельности, например, философа или выпускника направления «Зарубежное регионоведение». Проблема, на наш взгляд, заключается в кризисе самой модели гуманитарного образования, которая уже долгое время не претерпевала кардинальных изменений.

Возьмем, например, психологию. Согласно утвержденным Министерством образования и науки РФ федеральным государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования по направлениям подготовки бакалавриата, направление «Психология» относится к гуманитарным наукам [1]. Так, во ФГОСе по данному направлению (квалификация (степень) «бакалавр») прописано, что бакалавр должен «решать следующие профессиональные задачи:

- в практической деятельности: анализ психологических свойств и состояний, характеристик психических процессов, различных видов деятельности индивидов и групп;

- в научно – исследовательской деятельности: обработка данных с использованием стандартных пакетов программного обеспечения;

- в педагогической деятельности: сбор и оформление учебных материалов; проведение практической деятельности в рамках утверждённого плана и программ;

- в организационно – управленческой деятельности: описание и анализ форм организации взаимодействий в трудовых коллективах» [2].

Сегодня, благодаря стремительному развитию компьютерных технологий и их внедрению в образовательный процесс, вышеперечисленные задачи могут быть эффективно решены при условии, что специалист-психолог владеет современными методиками по сбору и анализу эмпирических данных; по считыванию и обработке полученной информации; обладает навыками работы с компьютером на уровне уверенного пользователя. Но, несмотря на то, что для поступления на направление «Психология» необходимо сдать ЕГЭ по математике на профильном уровне, дальнейшее обучение не предполагает более комплексного знакомства с математической статистикой и информационными технологиями. Вышесказанное подтверждается при обращении к учебным планам и расписаниям по рассматриваемому направлению таких вузов, как УрФУ [3], Санкт – Петербургский государственный университет [4], МГУ [5]. Стоит сказать, что психология – далеко не единственный пример из перечня гуманитарных наук, учебный план которого требует пересмотра и включения в него в большем объеме дисциплин, отвечающих актуальным тенденциям развития общества.

Таким образом, можно говорить о том, что современный этап развития общества выдвигает качественно новые требования к подготовке специалистов – гуманитариев, а значит требует ее пересмотра. Гуманитарное образование сегодня не должно быть профессионально изолированным, но должно опираться на междисциплинарность, т.к. сфера применения гуманитарного знания достаточно широка.

С другой стороны, правомерно ли говорить о том, что потребность в междисциплинарности существуют лишь в контексте гуманитарных наук? Для ответа на этот вопрос предлагаем обратиться к программам повышения конкурентоспособности (ППК) ведущих вузов страны. Так, например, в ППК УрФУ заявлена следующая миссия университета: «повышение конкурентоспособности и обеспечение реиндустриализации, формирование человеческого и научно- технического потенциала, сбалансированное

обновление традиционных и развитие постиндустриальных отраслей экономики России, в первую очередь на территории Урала... Ключевые мероприятия программы направлены на ускорение реиндустриализации и эффективную кооперацию с международными центрами компетенций, необходимую для интенсификации технологического развития и формирования инновационного потенциала экономики и Уральского региона, и страны в целом» [6].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что приоритетными направлениями подготовки в вузе на сегодняшний день являются технические и экономические специальности. Но, на наш взгляд, основным залогом достижения заявленных в миссии университета целей является подготовка высококонкурентных специалистов, обладающих широким мировоззрением и инновационным мышлением и способных своевременно ориентироваться в быстроменяющихся условиях внешней среды. В этой связи наиболее важным становится принцип гуманизации, который заключается в насыщении образования гуманитарными дисциплинами, введении его в социокультурный контекст, в обращенности обучения к человеку, создании условий для развития творческой индивидуальности. Гуманитарность становится системообразующей компонентой новой образовательной системы, которая, в свою очередь, превращается в приоритетно доминирующий фактор социального развития в информационном обществе. Целевые установки гуманизации направлены на то, чтобы закладывать основы широкого мировоззрения, не ограниченного естественно-научной картиной мира, формировать инновационное мышление.

Таким образом, XXI век должен стать веком оптимального соответствия гуманитарного, технического и естественно – научного развития. В связи с этим возникают проблемы социологического изучения гуманитарного образования с точки зрения его ценности, организации и использования инновационных технологий в образовательном процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлениям бакалавриата.

[Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф//924> (дата обращения: 29.01.2016).

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030300 Психология. [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm759-1.pdf (дата обращения: 25.01.2016).

Департамент психологии ИСПН УрФУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://psy.ispn.urfu.ru/studentu/raspisanie-zanjatii/> (дата обращения: 02.02.2016).

Факультет психологии СПбГУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psy.spbu.ru/abitur/abiturfirst/bachalaureat1> (дата обращения: 10.01.2016).

Факультет психологии МГУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psy.msu.ru/educat/dnevn/uchprss.html> (дата обращения: 10.01.2016).

Программа повышения конкурентоспособности УрФУ. [Электронный ресурс]. URL: http://urfu.ru/fileadmin/user_upload/common_files/competition/Programma_povyshenija_konkurentosposobnosti_UrFU.pdf (дата обращения: 29.01.2016).

УДК 303.4.025 – Д 81

ББК 74. 00. 74.01

Дудина, М.Н.

**Проблема высшего образования: от компетентного поведения
студентов к ассертивному**

Dudina, M.N.

The problem of higher education from a competent behavior
students to Assertiveness

Аннотация. Многоаспектность ассертивного поведения соотнесена с многокомпонентным составом компетенций, которыми овладевают студенты как целью, процессом и результатом высшего образования. Представлены результаты эмпирического исследования магистрантов, обучающихся по специальности «история». Сделан вывод о необходимости фасилитирующей работы преподавателей и менеджеров вуза, направленной на поддержку и сопровождение студентов в процессе развития ассертивных свойств личности как будущих компетентных профессионалов.

Annotation. Multidimensionality assertive behavior correlated with multicomponent staff competencies that students master the goal, the process and the result of higher education. The results of empirical studies of undergraduates of undergraduates students history. The conclusion about the need to be facilitating the work of teachers and managers of the University, aimed at supporting and support students in the development of assertive personality traits as future qualified professionals.

Ключевые слова: АССЕРТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ,
КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД, КОМПЕТЕНТНОСТЬ,
РЕФЛЕКСИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ

Keywords: ASSERTIVE BEHAVIOR, COMPETENCE APPROACH,
COMPETENCE, REFLEXIVITY STUDENTS

Инновационная составляющая современного образования в концепции непрерывного – «через всю жизнь» стимулируется социумом,

рыночными отношениями, предъявляющими главное требование к специалисту – быть конкурентоспособным, принимать вызовы времени и утверждаться в уверенном поведении. При этом механизмы рыночной экономики и расширяющейся демократии, непосредственно и опосредованно отражающиеся в образовательном процессе, сами по себе не гарантируют приобретение студентами необходимой компетентности и овладения соответствующими компетенциями. Как в жизни, так и в образовательном процессе проявляются с разными оттенками различные модели поведения студентов – от пассивных, принимающих себя неудачниками, жертвами обстоятельств, до открытой агрессии, порой с потерей человеческого достоинства. Несмотря на крайности позиций, в их основе лежит неуверенность в себе, неадекватная самооценка личности, не озабоченной проблемой овладения ассертивным поведением, предполагающем сохранение человеческого достоинства на основе компетентности.

Употребление термина ассертивность (анг. assert – утверждать, отстаивать - assertiveness) в научных работах и в образовательной практике последних лет направляет на развитие социально приемлемых свойств личности, знающей и выражающей свои права в процессе самоактуализации на основе адекватной оценки собственных способностей и возможностей для достижения значимых целей и удовлетворения растущих потребностей. Исследователи данного феномена рассматривают ассертивность как конструктивный способ межличностного взаимодействия в созидательной деятельности (А. Солтер, Э. Берн, Ш. Бюллер, М. Джеймс, А. Маслоу, Г. Оллпорт, К. Роджерс, Э. Фромм, В. Каппони, Т. Новак, Н. Е. Харламенкова, Е.В. Хохлова, В.А. Шамиева).

Выделив в структуре ассертивной личности такие свойства, как уверенность в себе, эффективность в делах, самостоятельность в принятии решений, смелость в отстаивании своих взглядов, независимость, креативность, открытость к инновациям, толерантность, инициативность, ответственность, рефлексивность, мы их соотнесли с базовыми

компетенциями - когнитивной, эмотивной, коммуникативной, деятельностной, этической, рефлексивной. Это позволяет с помощью адекватного психолого-педагогического инструментария выявлять имеющиеся уровни ассертивного поведения студентов (*низкий, средний, достаточный*). Современная компетентность преподавателя высшей школы предполагает не только представления о различных методологических подходах, но и умения их реализовать [2,4,6]. Успех в значительной степени зависит от профессионализма преподавателей, связанного с преодолением в пространстве вуза традиции, ориентированной на «передачу» и «получение» знаний, необходимых для адаптации будущего специалиста и возможности его профессиональной работы в дальнейшем. Так выработывался стиль репродуктивного, стереотипного мышления в жизни и в профессии, поэтому довольно часто принятые решения свидетельствовали о некомпетентности. Закономерности и механизмы функционирования современного социокультурного комплекса, которому характерно широкое распространение знаний, их доступность во всех областях жизни и в каждой профессии, ориентируют на постоянное самостоятельное добывание знаний и развитие умений их творчески применять «здесь и сейчас», включая послевузовскую профессиональную деятельность. Успешность перехода на новые стандарты образования измеряется в настоящее время уровнями и показателями овладения студентами универсальными, общепрофессиональными и профессиональными (УК, ОПК, ПК) компетенциями, связывающими теоретическое обучение и практику формирования «компетентного поведения» (Дж. Равен), которое мы соотносим с ассертивным поведением.

Такая позиция ориентирует на выявление необходимых и достаточных психолого-педагогических условий, когда студент активен в образовательном процессе как «субъект жизненного пути» (С. Л. Рубинштейн). Детерминированный внешними факторами, стимулирующими развитие, студент идентифицируется как личность и будущий профессионал.

К тому же виртуальное и реальное пространство в настоящее время наполняются различными тренингами асертивного поведения (С.Бишоп «Тренинг асертивности», 2001 г.; М.Дж. Смит «Тренинг уверенности в себе», 2001 и др.).

Паттерны асертивного поведения, основанного на уверенности в себе, должны быть убедительными для других, и это реально при овладении необходимыми компетенциями для достижения компромисса, консенсуса в «коммуникативном действии» (Ю. Хабермас). Базовым принципом философии, психологии и педагогики уверенности в себе является положение о том, что все люди имеют равные права и необходимо их признавать, уважать, с ними считаться. Уверенное поведение не предполагает предъявления требований другим, тем более выполнения ими желаний асертивного человека, оно ориентировано на наличие прав других и их способы утверждения, как и права не соглашаться, отказываться.

Стремясь обосновать идею взаимосвязи и взаимодополнительности асертивного поведения студентов с результатами овладения универсальными, общепрофессиональными и профессиональными (УК, ОПК, ПК) компетенциями, мы ставим вопрос создания базы контрольно-измерительных материалов (КИМ), предполагающих выполнение специальных учебных заданий [4]. Решение задачи «выращивания» асертивных свойств у студентов находит отражение в целях, процессе и результатах высшего образования.

Признавая факт существования в научной литературе большого разброса мнений зарубежных и отечественных исследователей по поводу классификаций и формулировок ключевых компетенций (ценностно-смысловая, общекультурная, учебно-познавательная, информационная, коммуникативная, социально-трудовая, личностного самосовершенствования и др.), мы подчеркиваем их многокомпонентность, метапредметность и предметность [7, с. 253]. Отмечаем, что ядро компетентности и компетенций составляют такие компоненты, как *когнитивный*, связанный с процессами

планирования и определения потенциала, а также возможных препятствий на пути к достижению цели; *эмотивный*, связанный с аффективными процессами – позитивными и негативными, получаемыми в ходе решения задачи; *поведенческий*, отражающий, как привычное поведение, так и непривычное в качестве реакции на ситуацию; *деятельностный*, связанный с владением операциями, умениями достигать результат; *рефлексивный*, отражающий процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний.

Основополагающий принцип компетентностного подхода связан с выявлением смысла образования и его ценности для личности и общества, а именно, развитие у студентов за годы учения способности и готовности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности, используя свой жизненный и учебный опыт познания, коммуникации и организации взаимодействия с ближним и дальним окружением. Таким образом, мы можем отнести сам компетентностный подход к инновациям современного образования, стимулирующим преподавателей и студентов на достижение более значимых результатов в овладении знаниями и обобщенными умениями, опытом творческой деятельности в «зоне ближайшего развития» обучаемого (Л.С. Выготский).

Исследуя вопросы необходимости и возможности реализации компетентностного подхода, мы выделяем два базовых понятия: компетенция (совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов) и компетентность (владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности) [1, с. 614]. Отслеживая в вузовском образовании процесс овладения студентами соответствующими компетенциями, мы используем методики, ориентированные на выявление жизненных смыслов, ценностных ориентаций, учитываем результативность опыта учебной и социально-

значимой деятельности на основе освоения компетенций, задаваемых учебными программами.

Полагаем, что речь может идти о трех уровнях приобретения соответствующей компетентности, овладения необходимыми компетенциями, которые обуславливают соответствующие типы поведения, значимые для личности и общества. Стремясь выделить эти типы, мы обратились к типологии американского психолога Дэвида Макклелланда (David Clarence McClelland). Разрабатывая теорию потребностей, он выступил с критикой IQ-тестов и личностных тестов, доказывал их низкую эффективность. И предложил оценку компетенций на основе новой методики («Мотивация достижения», The Achievement Motive) и «Общество достижения», The Achieving Society). Изучая проблему компетентности в современном обществе Дж. Равен (1958), следуя Макклелланду описывает три значимые аспекта поведения - «достижение», «сотрудничество», «влияние» [7, с. 254]. Мы их сопоставляем с тремя уровнями ассертивного поведения – средний, достаточный и высокий, не выделяем низкого уровня, тем самым подчеркиваем, что мотивация на успех уже предполагает уровень «достижения». Такой подход позволяет интерпретировать поведенческие паттерны *достижения, сотрудничества и влияния*. Конкретно они проявляются в основных компонентах компетентности, которые мы соотносим с вопросами ассертивного (утверждающего) поведения. Согласно Дж. Равену, когнитивные компоненты эффективного поведения предполагают, что продумываются цели и средства достижения; предвидятся препятствия и принимаются меры для их преодоления; отслеживаются результаты предпринятых действий и используются для анализа сущности происходящего; выявляются ценностные конфликты и предпринимаются попытки их решать: соотносятся свои действия со своей ролью; согласовываются свои действия с образом «Я». Аффективные компоненты связаны с необходимостью переключать эмоции на выполнение задачи; выбирать интересные задачи и «не пытаться убедить себя в

непривлекательности задач», которые необходимы для выполнения; предвосхищать «радость от успеха и разочарование от неудачи». Волевые компоненты эффективного поведения требуют дополнительных усилий для снижения степени риска в выполняемой деятельности; обеспечения необходимых ресурсов; переоценивать материальные и людские ресурсы, возможности их использования; устанавливать отношения сотрудничества с другими; направлять энергию других на достижение поставленной цели; проявлять настойчивость, преодолевать трудности [там же].

Используя названные компоненты эффективного поведения как компетентного, проявляющиеся в уровнях «достижения», «сотрудничества», «влияния», следуем Дж. Равену, представившему (в виде таблицы) 11 аспектов «значимого поведения». В аспекте «достижение» делать то, что еще не делали; делать более эффективно, чем раньше; совершенствовать понимание явлений и ситуаций. В аспекте «сотрудничество» - оказывать поддержку и содействие тем, от кого зависит достижение цели; обеспечивать бесконфликтную совместную работу; устанавливать «теплые, доверительные отношения»; проводить эффективные групповые обсуждения. В аспекте «влияние» - обеспечивать обмен знаниями для принятия эффективных совместных решений; четко формулировать цели группы и направлять энергию группы на их достижение; откликаться на запросы других людей [7, с. 254].

Что касается «уверенности в себе», то исследователь дает это конкретно в модели «компетентного, мотивированного поведения» в понятиях «проверенное на опыте знание», «способность», «желание» и «чувствительность» (как понимание, оценивание, творчество, готовность к преодолению неизбежных трудностей). А именно: «проверенное на опыте знание» убеждает и позволяет «работать в команде с другими, брать на себя роль лидера»; убеждает, что «обладаешь способностью вносить поправки»; что «способен выносить разумные суждения и принимать правильные решения»; «способен справляться с новыми ситуациями и входить в контакт

с новыми людьми. Также подробно автор характеризует: умение принимать решения, способность и умение руководить; способность и умение эффективно работать в интересах общей цели; способность искать обратную связь, умение распознавать и использовать ее [там же, с. 256-257].

Полагаем, что были убедительны в понимании взаимозависимости и взаимодополнительности «компетентного поведения» на основе овладения универсальными, общепрофессиональными и профессиональными (УК, ОПК, ПК) компетенциями и ассертивного поведения. Названные выше свойства уверенной в себе личности: эффективность в делах, самостоятельность в принятии решений, смелость в отстаивании своих взглядов, независимость, креативность, открытость к инновациям, толерантность, инициативность, ответственность, рефлексивность – созвучны выделенным Дж. Равеном, значимы для личности и общества с позиции компетентностного подхода. Остается открытым вопрос о том, какие контрольно-измерительные материалы (КИМ) использовать в учебном процессе, чтобы профессионально компетентно оценивать достижения в освоении учебной программы по конкретным дисциплинам. Заметим, что Дж. Равен, озабоченный этим вопросом, использовал «Эдинбургские опросники» (им отведено более половины текста его книги) [7, с. 159-343].

Далее немного скажем о полученных нами результатах эмпирического исследования ценностных ориентаций магистрантов-историков первого года обучения (Уральский федеральный университет), 34 чел. (2014 - 15 чел.; 2015 - 19 чел.). В качестве гипотезы было выдвинуто положение о том, что в современной жизненной ситуации у студентов имеется большой разброс представлений о себе как идентичной личности, отягощенной трудностями выбора ценностей: терминальных (ценности – цели) и инструментальных (ценности-средства). Это подтвердилось полученными результатами. Первая методика была направлена на выявление собственного уровня идентичности. Магистрантам предлагалось

подтвердить совпадение/несовпадение черт личности – «идеальная», «реальная», «в оценке других». В числе 35 черт личности называются те, которые, по нашему мнению, характеризуют ассертивность – упорный, ответственный, требовательный, смелый, умный, активный, самоуверенный и др. Установлены следующие уровни идентичности личности, в том числе по гендеру: «средний» – 8 м., 7 ж.; «достаточный» – 6 м. 5 ж.; «высокий» – 1 м., 7 ж.).

Для сравнения данных результатов еще использовали методику «Ценностные ориентации» М.Рокича (5), выделившего 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей, которые мы соотносим со свойствами ассертивности личности, ассертивным поведением. Это 10 из списка терминальных (ценности-цели): активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни); интересная работа; общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе); познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие); продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей); развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование); свобода (самостоятельность, независимость в суждениях поступках); счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом); творчество (возможность творческой деятельности); уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений). И 10 из списка инструментальных (ценности-средства): высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания); независимость (способность действовать самостоятельно, решительно); образованность (широта знаний, высокая общая культура); ответственность (чувство долга, умение держать свое слово); рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения); смелость в отстаивании своего мнения, взглядов; твердая воля (умение настоять на своем, не отступить

перед трудностями); терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения); широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки); эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе).

Полученные результаты индивидуальных ранговых предпочтений магистрантов свидетельствуют о большом разбросе в выборе ценностей целей и средств достижения. Сравнительный анализ убеждает в том, что взаимосвязей терминальных и инструментальных ценностей немного

(«продуктивная жизнь» достоверно связана с рангом инструментальной ценности «независимость»). При этом с ценностью «уверенность в себе» у «независимости» обратная (отрицательная) корреляция, т. е. респонденты, чаще присваивающие терминальной ценности «уверенность в себе» высокий ранг, инструментальной ценности «независимость» присваивали низкий ранг.

Интерпретируя полученные результаты, мы обращаемся к идее необходимости и возможности сопровождения (фасилитации, по К. Роджерсу) каждого студента в его индивидуальном маршруте. В современных условиях студенты оказываются в трудной жизненной ситуации – амбиции и предпочитаемые цели могут быть достигнуты или труднодостижимы на индивидуальном уровне. Это требует развития рефлексии, осознания себя, ищущего смысл в ответах на вопросы о мире и себе, о ценностях жизни, деятельности, общения. Система ценностей и осознаваемые ценностные ориентации направляют ассертивность, определяют диспозицию личности, ее установки, мотивы, интересы и в целом понимание смысла жизни и своего предназначения в мире.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. М.1993. - 1628 с.
2. Дудина, М.Н. Дидактика высшей школы: от традиций к инновациям: [учеб.-метод. пособие] [Текст]./ М.Н. Дудина – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2015. – 152 с.

3. Дудина, М.Н. Ассертивное поведение в этико-педагогическом дискурсе /М.Н. Дудина// Известия Уральского федерального университета. Серия 1 Проблемы образования, науки и культуры, 2014 №4 (132). С. 163 - 172.
4. Дудина, М.Н., Гречухина, Т.И. Дидактические проблемы адекватности оценивания результатов сформированности компетенций студентов в высшем образовании [Текст]/ Дудина М.Н., Гречухина Т.И. / Компетентностный подход в образовании: коллективная монография. /отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра, 2016. – 339 с. С. 153- 165.
5. Методика определения ценностных ориентаций М. Рокича [Электронный ресурс] URL ... www.hr-portal.ru/.../metodika-opredeleniya-cennostnyh-orientaciy-m-rokicha (дата обращения:12.09. 2014).
6. Пургина, Е.И. Методологические подходы в современном образовании и педагогической науке: учеб. пособие. [Текст] / Е.И. Пургина. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2015. – 275 с.
7. Равен, Джон. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация [Текст] / Джон Равен.– М., «КОГИТО-ЦЕНТР», 2002. - 396 с.
8. Смит, Мануэль Дж. Тренинг уверенности в себе [Текст]/ Мануэль Дж. Смит.– Санкт-Петербург, Изд-во Речь. Серия: Психологический тренинг, 2001. - 203 с.

Образование как среда развития творческого потенциала и
социализации одаренных детей

Yeremenko, Y.

Education as the environment of development of creative potential and
socialization of the gifted children.

Аннотация: Обоснована необходимость поддержки и стимулирования развития одаренных детей со стороны системы образования. Показаны проблемы дифференциации обучения одаренных детей, описаны особенности селективной, элективной и переходной форм дифференциации обучения. Рассмотрены особенности содержания образования, разрабатываемого для одаренных детей. Обоснована необходимость изменений в позициях ученика и учителя, их общении в учебно-воспитательном процессе и применения лично-ориентированных технологий в обучении одаренных детей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ, ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ, ОДАРЕННОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ

Annotation: The necessity of support and stimulation of development of the gifted children by the system of education is justified. The problems of differentiation of educating of the gifted children are shown, the features of the selective, elective and transitional forms of differentiation of educating are described. The features of maintenance of the education developed for the gifted children are considered. The necessity of changes in the positions of student and teacher, their communication in an educational process and applications of the personality-oriented technologies in educating of the gifted children are justified.

KEY WORDS: DIFFERENTIATION OF EDUCATING, PERSONALITY-ORIENTED EDUCATING, TALENT, MAINTENANCE OF THE EDUCATION, STRATEGIES OF EDUCATING.

Качественный скачок в развитии экономики повлек за собой потребность общества в людях, способных нестандартно решать проблемы, создавать новые технологии и идеи, вносить новое содержание во все сферы жизнедеятельности. Многим из нынешних школьников после окончания высших учебных заведений предстоит заниматься теми видами деятельности, которых сегодня, возможно, ещё не существует. Тенденции современного развития ставят перед образованием новые задачи – отход от ориентации на «среднего» ученика, повышенный интерес к талантливым детям, к особенностям раскрытия и развития их способностей в процессе и средствами образования. Решение этих задач позволит сохранить и преумножить интеллектуальный потенциал страны, компенсировать потребность общества в творческих человеческих ресурсах.

В современных условиях трансформации образовательной системы Украины качество образования определяется именно теми возможностями и условиями, которые образовательные учреждения предоставляет учащимся. Одаренные дети как залог прогресса остро нуждаются в поддержке и стимулировании их развития со стороны системы образования. Данное утверждение отчасти подтверждается положением теории социализации о том, что личность человека, его характер, темперамент и мировоззрение в целом формируются до 18 лет, а именно в этом возрасте ведущей деятельностью человека является учебная деятельность.

Цель данной статьи – раскрыть проблемы дифференциации обучения и особенности содержания учебной деятельности для одаренных детей, личностно-ориентированные технологии в обучении одаренных детей.

При обучении одаренных детей можно выделить три взаимосвязанные проблемы:

1. Развитие личности одаренных детей – это изменение в интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферах ребенка. Развитие учебной деятельности способствует развитию субъектности ребенка, способности быть автором, активным созидателем жизни, уметь ставить

цель, искать способы ее достижения, быть способным к свободному выбору и ответственности за него. Оно также позволяет ребенку относиться к своим способностям как к ресурсам, стремиться их максимально использовать и выйти за их пределы. Развитие личности всегда связано с появлением психических новообразований. Этот процесс происходит через адаптацию и освоение социокультурных норм, через развитие умения учиться.

2. Содержание образования. Культурологический подход к определению содержания образования определяет его через понятие культуры. Оно включает систему знаний, умений и навыков, а также опыт творческой деятельности и опыт эмоционально-ценностного отношения ребенка к миру, к другому, к труду. Содержание образования является основой для развития ценностей и смыслов, основой для развития его нравственной позиции и духовности.

3. Поиск наиболее эффективных форм занятий – индивидуальных занятий, научно-исследовательской деятельности, совместной творческой деятельности. Нельзя недооценивать роль совместной деятельности в работе с одаренными, так как от сформированности коммуникативных умений таких детей зависит их дальнейшая социальная адаптация.

Одна из задач современной школы состоит в способствовании гармоничному развитию личности, поиске и стимулированию одаренных детей. Американские психологи, изучив жизненный путь 400 выдающихся людей, обнаружили, что 60% из них тяжело адаптировались к условиям учебы, ориентированной на средний уровень знаний. Это лишний раз подтверждает, что одаренные дети нуждаются в дифференциации обучения, которая предполагает разделение последнего в соответствии с наиболее важными особенностями учащихся [4].

Как утверждает Савенков, дифференциация обучения может проводиться по различным критериям. Например, исходя из различного понимания авторами концепции одаренности, он выделяет:

дифференциацию по уровню учебной успешности (академическая одаренность);

дифференциация по специальным способностям (обучение талантливых детей);

дифференциация по общим способностям (коэффициент интеллекта, общая креативность и т. д.).

К формам дифференциации могут быть отнесены варианты различных организационных стратегий обучения одаренных детей: жесткая («селективная»); гибкая («элективная»); переходная [6, с. 56].

Селективная форма дифференциации обучения предполагает создание для одаренных детей специальных учебных заведений (школ). В современной отечественной образовательной практике подобные школы – большая редкость, гораздо чаще встречаются школы для талантливых детей. К достоинствам данного подхода можно отнести то, что он позволяет успешно решать дидактические проблемы. В условиях специальной школы для одаренных проще отработать содержание, подобрать и ввести адекватные этому содержанию формы и методы, то есть решить основные проблемы педагогов и администраторов. Но исключение из естественного окружения, вырывание из круга «нормальных» сверстников, как правило – неизбежные следствия поступления в такую школу. Это не может не нарушить естественных эмоциональных и социальных связей одаренного ребенка с микросредой. В данном случае мы имеем дело с разрушением «экологии детства» [6, с. 62].

Переходная форма дифференциации обучения предполагает наличие классов (групп) на одной параллели с разным уровнем и характером обучения. Выражено это, в первую очередь, в особенностях, проявляемых на уровне содержания образования. В наше время эта форма дифференциации существует в русле общего подхода к обучению одаренных детей в условиях массовой школы. Специально для этого создаются «гимназические», «лицейские» и другие классы. При такой форме легче исправить ошибки,

допущенные на этапах диагностики и прогнозирования. Но это только теоретически верно. В опытах создателя данного подхода – Й. А. Зиккенгера – эти переходы оказались невозможны из-за огромной разницы в содержании образовательных программ. Обратный переход из класса для «одаренных» в «обычный» класс тоже не так прост: как правило, он рассматривается детьми и их родителями как «социальное поражение» [6, с. 64].

Элективная форма дифференциации обучения предполагает обучение одаренных детей совместно с их «нормальными» сверстниками, не выделяя их в отдельный класс и не создавая для них особой школы. В зарубежных вариантах реализации этой формы процесс обучения предельно индивидуализирован, а его содержание существенно видоизменено за счет «обогащения» собственной исследовательской практикой ребенка – это его основная, доминирующая черта. Кроме того, часто ребенок и учитель в этих условиях не ограничены ни временем, ни жесткими программами, ни местом занятий. Один из вариантов реализации данной формы дифференциации обучения – «неградуированные школы». Еще одна особенность школ такого рода – как бы не строилось в них обучение, все они нуждаются в дополнительных внешкольных мероприятиях и даже организациях [6, с. 65].

В условиях трансформации современного украинского общества оптимальной формой дифференциации обучения нам представляется переходная форма, которая сравнительно легко осуществима и, как показывает практика, эффективна. Не каждая семья может позволить себе отдать ребенка в школу для одаренных, поскольку в Украине их мало, а также из-за дороговизны обучения в них. Элективная форма, в свою очередь, требует индивидуализации процесса обучения, гибкого графика, а главное – высококвалифицированных педагогов, специально обученных работе с одаренными детьми.

Особое направление в педагогической теории и практике работы с одаренными – обучение одаренных детей. Традиционно эта линия дифференциации обучения реализовывалась через систему профильных

школ. Основой данного подхода являлась теория тотальной одаренности, которая утверждает, что каждый ребенок по-своему одарен, необходимо лишь найти сферу, где он может максимально раскрыться. Соответственно, задача образовательной системы в рамках данного подхода – выявить до начала обучения либо на его ранних этапах основные способности индивида, с тем, чтобы скорректировать цели и характер обучения. Сегодня данное представление активно вытесняется другим: усилия педагогов направляются на развитие, прежде всего, тех способностей, которые вытекают не из каких-то абстрактных общественных потребностей, а требуются самому человеку для успешного продвижения к целям, которые он поставил себе сам [2].

Украинский специалист в области обучения одаренных детей Ю. З. Гильбух выделяет в структуре школы три типа классов:

классы ускоренного обучения – предназначены для наиболее развитых (15% контингента детей, поступающих в школу);

классы возрастной нормы (65% всего ученического контингента);

классы повышенного индивидуального внимания (для слабо подготовленных учеников, составляющих примерно 20%).

Отмеченные выше виды и формы могут быть реализованы на разных уровнях. К уровням дифференциации обучения могут быть отнесены способы ее реализации. Дифференциацию можно провести на уровне учебных программ, на уровне форм организации учебной деятельности (при селективной и переходной форме организации), на уровне использования разных методик, учебных заданий (при элективной форме) [3, с. 67].

Следующий аспект, требующий социологического анализа, - содержание образования, разрабатываемое для одаренных детей.

Если в традиционной философии образования социально-педагогические модели развития личности описывались в виде внешне задаваемых образцов, эталонов познания (познавательной деятельности), то личностно-ориентированное обучение исходит из признания уникальности субъектного опыта самого ученика, как важного источника индивидуальной

жизнедеятельности, проявляемой, в частности, в познании. Тем самым признается, что в образовании происходит не просто интериоризация ребенком заданных педагогических воздействий, а “встреча” задаваемого и субъектного опыта, своеобразное “окультуривание” последнего, его обогащение, приращение, преобразование, что и составляет “вектор” индивидуального развития.

Одним из первых в начале XX века эти идеи стал пропагандировать американский ученый Дж. Дьюи, по мнению которого обучение должно ориентироваться на естественный рост и развитие природных способностей, врожденных свойств ребенка. Он сам должен определять как качественные, так и количественные параметры обучения. Только таким образом, считал Дьюи, можно придать обучению естественный характер, сделать школу для ребенка местом общественной жизни, а учебную деятельность средством реализации и развития индивидуальных, личностных особенностей.

Опираясь на аналогичные идеи, педагогами разных стран были разработаны интересные педагогические модели: «Дом свободного ребенка» русского педагога К. Н. Вентцеля. Проектная система обучения американского педагога У. Килпатрика. Несмотря на неприятие этих идей отечественной педагогикой (тоталитарному государству люди с развитыми творческими способностями были не нужны), в педагогической практике можно найти немало удачных опытов реализации аналогичных идей. Например, доработанная отечественными педагогами модель У. Килпатрика, получившая название бригадно-лабораторного метода, была реабилитирована в СССР в 90-е годы [1].

Ориентация на новые ценности требует пересмотра содержания образования. Содержанием образования должны стать не только предметные знания и умения, не только способы решения типовых предметных задач, но и способы, механизмы самоизменения, саморазвития учащихся. Для самоизменения, саморазвития важен не только прагматический результат, но, прежде всего, сам процесс движения к этому результату.

Общий вектор ответа представляется нам таким: предметные знания должны быть в органичном единстве с методологическими, культурологическими, рефлексивными знаниями, в единстве с субъектным опытом ученика и учителя. Именно эти надпредметные знания позволяют сместить акценты в содержании образования с ценностей конечного продукта в виде предметных знаний и умений на ценности процесса их получения, на механизмы самоизменения и саморазвития учащихся.

В связи с этим, невозможно не упомянуть о проблеме содержания образования в украинской образовательной системе. В Украине и других странах постсоветского пространства при разработке содержания образования привыкли руководствоваться представлениями общества о необходимости тех или иных знаний и развитии тех или иных мыслительных способностей. Обычно министерство образования «спускает» комплекс дисциплин, обязательный для изучения в образовательных учреждениях, не учитывая реалии современности, практическую применимость данных дисциплин на практике, и, что самое главное, - этот комплекс дисциплин в большинстве своем не содержит развивающего потенциала.

Эта система в корне неэффективна, поэтому подлежит трансформации, в результате которой ребенок должен стать центром образовательного процесса, его активным субъектом. По образному выражению А. Маслоу, главная задача педагога состоит в том, чтобы помочь ученику обнаружить, что в нем заложено, а не обучать его, «отливая» в определенную форму, придуманную кем-то заранее.

Новые целевые акценты требуют также существенного изменения в позициях ученика и учителя, их общении в учебно-воспитательном процессе. В массово-традиционном обучении ученик, как правило, объект обучающих воздействий учителя. Исполнительность, послушность – практически идеал в традиционном обучении. Учитель, в свою очередь, ведет ученика к цели. Для отношений традиционного обучения характерно управление и исполнение, руководство и подчинение, постоянная оценка действий ученика. Довольно

типична боязнь ученика отвечать без гарантии правильности ответа, боязнь быть осмеянным. По существу в этом случае надо говорить не об общении, а об информационном процессе - обмене знаниями.

Альтернативой традиционным отношениям является ученик как субъект учения, своей деятельности, который выращивается учителем. Учитель обеспечивает, создает условия для самоизменяющегося ученика, для его перехода в новое состояние, придает процессу самоизменения культурные формы. Он заботится о понимании учеником целей и задач обучения, принятии их учащимися, он изменяет постановку учебной задачи в зависимости от потребностей учащихся, учит самостоятельной постановке учебных задач, в том числе задач по самоизменению учащихся. Ученик имеет право на ошибку, на собственное мнение, отличное от мнения учителя и других учеников, открыто демонстрирует свои способности. Несогласие ученика с учителем не рассматривается как сопротивление, которое непременно надо сломить. "Сопротивление" считается естественным следствием различного понимания реальности, различий в ценностях и установках ученика и учителя. Более того, сопротивление необходимо им для нормального личностного развития. Именно в этом случае можно говорить об общении как об обмене не только знаниями, но и мыслями, чувствами. В результате одаренные дети чувствуют себя уютно в школе, стремятся проводить в ней максимально возможное количество времени. Нужно сказать, что в такой атмосфере обучение становится развивающим и для самого учителя, он становится "саморазвивающейся системой" [5].

Другой подход должен быть и к результатам обучения. Задания в массово-традиционном обучении, как правило, рассчитано на среднего учащегося, в котором делается упор на запоминание и воспроизведение предметных знаний. Одинаковые задания всем учащимся – первый шаг к нивелированию способностей одаренных детей. Обучение одаренного ребенка невозможно без разноуровневых, дифференцированных заданий с возможностью выбора, заданий и значимых для ученика способов его

выполнения (опорный конспект, схема, литературно-художественные образы, модели и другие индивидуальные способы смысловой обработки изучаемого). В контроле делается упор на применение знаний, на выявление использованных методов, общелогических и специфических, на оценку найденного способа действий, на самооценку учеником своих действий, т.е. на сам процесс учения. Именно в этом процессе проявляется субъектность ученика как личности.

Итогом, характерным для массово-традиционного обучения, является грамотный, дисциплинированный исполнитель заданных программ, функционер, конформист, манипулятор и сам объект для манипуляций. Такой итог характерен не только для школьного образования, но и для профессионально-педагогического. Идеальным итогом личностно ориентированного обучения является саморазвивающаяся, саморегулирующаяся личность с гибкими осознанными знаниями, субъект своего учения, а затем - субъект, хозяин своей жизни.

Концептуальное различие традиционного и личностно ориентированного образования приводит к существенному изменению педагогической деятельности учителя и учебной деятельности ученика. Таким образом, в процессе личностно-ориентированного обучения реализуется в полной мере сущность обучения одаренных детей: учащиеся осваивают содержание знаний, овладевают системой интеллектуальных и практических навыков и умений, осваивают опыт творческой деятельности и овладевают опытом эмоционально-волевого отношения к миру, к другим людям. Задача педагога здесь – увидеть способности ребенка и направить его активность в нужное русло.

Литература:

Антонова О. Є. Обдарованість: досвід історичного та порівняльного аналізу: монографія. / О. Є. Антонова // Житомир: Житомир. держ. ун-т, 2005. – С. 431-456.

Грановская Р.М. Творчество и преодоление стереотипов. / Р.М. Грановская, Ю. С.Крижанская. – СПб: Изд – во СПб гос. ун – та., 1994. 192 с.

Гильбух Ю. З. Внимание: одаренные дети. / Ю.З.Гильбух // – М.: Знание, 1991. – 80 с.

Івах С. М. Педагогічні умови формування творчої особистості підлітка в сучасній загальноосвітній школі / С.М. Івах // Педагогіка вищої та середньої школи : зб. наук. пр. Вип. 33 / Криворіз. держ. пед. ун-т ; за ред. З. П. Бакум ; [редкол.: З. П. Бакум та ін.]. – Кривий Ріг : КДПУ, . – С. 316–323.

Морозова Л. А. Психолого-педагогическое сопровождение одаренных детей в общеобразовательной школе [Электронный ресурс] / Л. А. Морозова. – Режим доступа: <http://argo1.com.ua/54.htm>.

Савенков А. И. Дифференциация обучения и одаренные дети / А. И. Савенков // Magister. – 2000. - №1. – С. 54-68.

Загоруля, Т.Б.,

к.п.н., доцент

Инновационные педагогические технологии в высшем образовании

Zagorulya, T.B.

Candidate of Pedagogics,

Assistant Professor

Innovation pedagogical technologies in higher education

Аннотация. Автор статьи считает, что использование инновационных педагогических технологий в образовательном пространстве вуза способствует развитию свойств инновационной личности и студента, и преподавателя. Как один из эффективных способов развития инновационной культуры личности, инновационные технологии содействуют повышению качества образования.

Annotation. The author considers that the use of innovation pedagogical technologies in the educational space of VUZ (Institute of Higher Education) contributes to the development of the properties of innovation personality and student, and instructor. As one of the effective methods of the development of the innovation culture of personality, innovation technologies contribute to an improvement in the quality of formation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИННОВАЦИОННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ, КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЯ, МЕТОД ПРОЕКТОВ, ГРУППОВАЯ РАБОТА, АССЕРТИВНОСТЬ.

KEYWORDS: INNOVATION PEDEGOGICAL TECHNOLOGIES, CASE-TECHNOLOGY, THE METHOD OF PROJECTS, GROUP WORK, ASSERTIVNESS.

В данной статье мы рассмотрим инновационные технологии как феномен культуры, который реализуется в системе современного образования и связывается с его качеством. Это актуально для исследования в настоящем, потому что в прошлом главные показатели успешной

деятельности вузов определялись количественными показателями. Качество современного образования в нашей стране определяется совокупностью показателей различных аспектов учебной деятельности образовательного учреждения, создающего условия для успешной социализации и идентификации личности, ее профессионализации. К ним относятся: целеполагание, содержание образования, технологии (формы и методы), материально-техническая база и кадровый состав учреждения, в частности, квалификационный уровень преподавателей. Остановимся на технологиях и прежде всего инновационных, более всего свидетельствующих о возможности достижения нового качества образовательного процесса и получаемых результатов. При этом акцентируем внимание на том, что систематическое использование инновационных технологий (форм и методов), является и способом развития инновационной культуры личности студента, будущего специалиста, компетентного профессионала, реализующего творческий потенциал вуза. Остановимся подробнее на взаимосвязи и взаимодополнительности содержания понятий «инновационная культура» и «инновационные технологии».

Вслед за В.И. Долговой, мы рассматриваем инновационную культуру, с одной стороны, как особый вид культуры, с другой стороны — как элемент, присутствующий в каждом виде культуры [1, С.65–71]. В.И. Долгова представляет инновационную культуру как некую область пересечения различных видов культур (организационной, правовой, политической, профессиональной, личностной и т. д.), отражающую их поступательное развитие, прогрессивные тенденции, инновационный характер. Инновационная культура определяет всю жизнедеятельность общества и человека, сохраняя и развивая при этом и какие-то традиции.

Что касается факторов, сдерживающих инновационное развитие, то к ним относим, разделяя в целом позицию Л.И Ключковой, дополняя ее, следующие. Во-первых, обобщенно это человеческий фактор, который определяет развитость/неразвитость «инновационной культуры» в обществе,

экономике и управлении. Это касается профессионалов и многих из них менеджеров образования, тех, кто, прежде всего, должен понимать и решать задачи инновационного развития, в том числе и лицами, наделенными соответствующими полномочиями, отвечающими за ее решение. Во-вторых, недостаточная эффективность образовательной и научной инфраструктуры; невысокий социальный статус науки и особенно педагогической, также и новаторов, включая педагогов, в российском обществе, в целом недостаточное развитие так называемого «креативного класса» [3, С.3]. Мы добавим, в-третьих, низкий уровень мотивации преподавателей вуза, сдерживающий овладение современными дидактическими средствами. Как показывает наше исследование, многие из них совершенствуются в предметном содержательном компоненте учебной дисциплины, но не в ее технологической составляющей. В то же время, инновационное развитие всех отраслей отечественной экономики и социальной сферы требует формирования инновационной образовательной среды, в которой со студенческих лет успешно развивается инновационная культура личности.

Подчеркнем, что в настоящее время дидактика высшей школы использует богатый арсенал инновационных технологий, непосредственно влияющих на становление и развитие инновационной культуры студентов и преподавателей. Например, использование в вузовском обучении кейс-технологии (Case Study). Она зародилась в Гарвардском университете, в бизнес-школе еще в 1870г. (первые же подборки кейсов были опубликованы в 1925г.). И сейчас Гарвард остается лидером использования кейс-технологии в обучении – до 30%- 40%- 50% и более процентов учебного времени студент за годы обучения решает до 700 кейсов (бизнес, юридическая, медицинская, языковая практика и т.д.). К середине XXв. сложился алгоритм и стал широко использоваться.

Остановимся конкретнее. Главная задача использования данной технологии состоит в применении теоретических знаний на практике, в частности, при анализе имевших место конкретных ситуаций, реальных

событий. Анализ ситуаций происходит в совместных усилиях небольшой группы студентов (иногда индивидуально), направленных на выработку практического решения и его презентации. Виды ситуаций используются разные: ситуация – проблема, направленная на поиск причин возникновения того или иного факта, случая, требующая анализа и формулирование подпроблем, конкретных задач и их решение. Ситуация – оценка требует осмысление принятых решений и их оценивание по определенным критериям.

Ситуация – иллюстрация, когда приводятся примеры ситуаций и предложенных решений жизненных проблем. Ситуация – упражнение предполагает решение проблем по аналогии. Что касается вклада, который данная технология делает в обогащение содержания и овладение умениями, то к последним относим следующие. Аналитические умения – находить общее и особенное, выделять существенное, классифицировать, добывать недостающую информацию, мыслить ясно и логично. Практические умения – использование теории, принципов, методов. Креативные умения связаны с генерацией идей, поиском альтернативных решений, заявкой на авторский подход. Коммуникативные умения выражаются в том, что не умеют многие – слушать других, убеждать оппонентов, находить единомышленников, делать взвешенные выводы. Социальные умения связаны с оценкой поведения других, контроля себя для поиска компромисса, консенсуса. Саморефлексия усиливается анализом согласия и несогласия с другими, умением владеть собой, убеждать, позиционировать себя, владеть вербальными и невербальными средствами. Полагаем, что излишне говорить о том, как все это ценно для развития личности студента, овладевающего инновационной технологией, здесь важно многое – когнитивная, эмоциональная, коммуникативная, деятельностная и, конечно, рефлексивная сферы личности находятся во взаимодействии и взаимно обогащают друг друга. Это создает предпосылки для достижения ситуации успеха в учении, ассертивного поведения, столь необходимых в жизненном опыте студента.

Данная технология активно применяется автором на занятиях по дисциплинам «Менеджмент» и «Организационное поведение» (ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет»). Например, на занятии по дисциплине «Организационное поведение» учебная группа делится на мини-группы по 2-4 чел., затем каждая мини-группа получает информационную папку, в которой содержатся: кейс, задание к кейсу, «шпаргалка» (краткий обзор изучаемой темы или вопроса по теме). Каждая мини-группа выбирает лидера, который отвечает за работу группы, за представление результата обсуждения. На решение кейса, как правило, отводится 30-35 минут, далее из числа студентов выбирается жюри, которое оценивает представляемые работы. Члены жюри получают листы, где обозначены критерии оценивания и баллы. Во время представления результатов решения кейса студенты задают вопросы, участвуют в обсуждении, получают дополнительные баллы за работу. Рассмотрим один из вариантов кейса, предлагаемого студентам.

Кейс №5 ««СЛИВКИ» ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ ИЛИ КАК ОСТАНОВИТЬ УТЕЧКУ КАДРОВ?»

Предприятие занимается созданием электронного оборудования на экспорт. Привлекать талантливых специалистов в компанию HR-у стоит огромных усилий и изобретательности. Более чем скромные зарплаты не становятся аргументом в пользу принятия карьерного предложения. Молодых людей привлекает, скорее всего, возможность стажировки у зарубежных партнеров, которую компания предлагает как хороший бонус.

Специалисты соглашаются, работают, учатся многому. Потом приезжают партнеры организации, смотрят, кто и как себя покажет, и предлагают самым лучшим пройти стажировку, чтобы быть «на уровне», повысить квалификацию. Все расходы по такой поездке (проживание, питание, даже стипендия на период обучения) партнеры берут на себя.

Стоит ли говорить о том, что после стажировки мало кто из специалистов возвращается не только в эту организацию, но и в Россию

вообще. Получается, что предприятие постепенно становится кузницей кадров для иностранных компаний. Вернуть специалистов обратно не удастся, платить зарплаты на уровне западных компаний организация также не может. Но и отказаться от стажировок не получается – это условие прописано в контракте с деловыми партнерами.

Задание.

Обсудите сложившуюся ситуацию. Определите, что необходимо сделать, чтобы остановить утечку кадров в компании?

Разработайте комплекс предложений и рекомендаций. Аргументируйте свой ответ.

Студенты предлагают такие варианты решений: изменить условия контракта с западными компаниями; утечку кадров превратить в бизнес по подготовке специалистов для тех же западных компаний; изменить условия найма на работу в части гарантированного срока работы, бонусов, премий и штрафов при разрыве трудового контракта; за обучение специалиста на предприятии либо возмещаются расходы (при увольнении ранее оговоренного срока), либо предусматривается отработка специалистом определенный период времени на данном предприятии.

Проведя контент-анализ рабочих программ учебных дисциплин «Коммуникативные технологии», «Менеджмент», «Организационное поведение» (ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет»), «Финансовый менеджмент» (ФГБОУ ВПО «Уральский государственный горный университет») мы выявили, что учебный материал и сам процесс изучения данных дисциплин обладают необходимым педагогическим потенциалом. При этом сам образовательный процесс также обладает потенциалом развития у студентов свойств инновационной личности, как содержанием изучаемого материала, так и методами его изучения, характером взаимодействия всех участников образовательного процесса: студент-преподаватель, студент-студент, учебная группа и преподаватель, коллектив группы и отдельный студент.

Потенциал актуализации свойств инновационной личности студента обнаруживается в том, что изучение, например, учебной дисциплины «Финансовый менеджмент» (ФГБОУ ВПО «Уральский государственный горный университет») способствует развитию критического мышления, аналитических способностей, умению давать аргументированные ответы на вопросы и т.д. Как убеждает наш опыт, эффективной является групповая работа, потому что создает благоприятные, если не сказать комфортные условия для группового содержательного диалога сначала в малой группе, потом большой. Это объясняется реальным наличием разных точек зрения, часто противоположных, различных доводов и опровержений. Опыт работы со студентами убеждает в воспитательной ценности групповой работы при использовании интерактивных методов обучения, содействующих развитию у студентов свойств ассертивности. Предметное и технологическое разнообразие групповой работы этому содействует. Так, в группах МН-12, МС-12, где обучаются иностранные студенты из КНР, на занятии по учебной дисциплине «Финансовый менеджмент» автором был применен интерактивный метод обучения «Презентация компании». Работа осуществлялась в малых группах (5-6 чел.). Каждая малая группа выбирала лидера, который получал от преподавателя информационную папку. Информационная папка содержало: Буклеты, альбомы (информация о компаниях (например, «Леруа Мерлен», «Патра», «Калина» и т.д.), 3 штуки), Памятки (содержат задание, пояснение к заданию, 5-6 штук). Из числа студентов выбиралось жюри (3 чел.), которое оценивало работу студентов по таким критериям, как: содержательность, ораторское искусство, умение убеждать. Преподаватель объявлял, что данная работа оценивается в 12 баллов (максимальное количество баллов), работа студентов в жюри оценивается в 6 баллов, дополнительный вопрос при обсуждении – 2 балла. Далее преподаватель пояснял, какие задачи стоят перед каждой малой группой:

- прочитать задание, распределить функционал внутри малой группы;

- внимательно изучить информацию, представленную в буклетах, альбомах;

- команда в течение 10-15 минут должна представить компанию.

Задание включало в себя следующие позиции: название организации; определить ОПФ организации; назвать миссию организации; описать выпускаемый продукт (базовый продукт или базовую услугу); пояснить организационную структуру управления; представить организацию в виде открытой системы (описать макроокружение, микроокружение, их взаимодействие).

Далее, после презентации компании, результаты обсуждались учебной группой: задавались вопросы выступающим, высказывались суждения одобрения или несогласия с выступающими.

Заметим, что систематическое применение инновационных педагогических технологий предъявляет к преподавателю высокие требования, т.к. от него требуется высокий уровень профессиональной компетентности. Он, к тому же выполняет, порой несвойственные ему функции психолога-фасилитатора, игротехника, эксперта и т.д.

Каждый из названных новых видов профессиональной деятельности преподавателя требует развития свойств инновационной личности: коммуникативная компетентность (педагогу необходимо использовать навыки активного рефлексивного слушания и задавания вопросов); интерактивная компетентность (способность организовать интерактивное, эффективное взаимодействие обучаемых на основе интенсивных технологий; умение управлять командной работой); перцептивная компетентность (умение научить правильному восприятию обучаемыми друг друга, формированию благоприятного первого впечатления и взаимопонимания на эмоциональном и когнитивном уровнях); игротехническая компетентность (специальные знания и умения по интенсивным интерактивным технологиям: знание разновидностей интенсивных технологий и технологий игрового моделирования, подготовка, проведение, анализ и оценка результативности

игровых технологий, использование техник обратной связи, подведения итогов).

Также преподавателю необходимо владение: креативными технологиями и умениями создать творческую атмосферу на занятии, техниками снятия напряжения и оказания психологической поддержки обучаемым. Овладевшего такой компетентностью педагога можно назвать игротехником [4, С.160].

Таким образом, использование инновационных педагогических технологий в образовательном пространстве вуза способствует развитию свойств инновационной личности и студента, и преподавателя. Как один из эффективных способов развития инновационной культуры личности, инновационные технологии содействуют повышению качества образования, способствуют реализации концепции фасилитации в современном образовании.

Список литературы

Долгова В.И. Акмеологическая сущность инновационной культуры кадров государственной службы // Вестник Челябинского университета. Сер. 5: Педагогика. Психология. 1999. № 1. С. 65–71. URL: http://www.lib.csu.ru/elbibl/vestn_arh.shtml#2005 (дата обращения: 14.07.2014).

Дудина М.Н., Загоруля Т.Б. Андрагогика и педагогика: проблемы преемственности и взаимосвязи. Екатеринбург. Изд-во УрГУ. 2008.

Клочкова Л.И. Развитие инновационного потенциала личности. М.: УЦ «Перспектива». 2011. 28с.

Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение. М. 2009. 192с.

УДК/ББК 338.2+37+331.5/65.05

Задорина, М.А.|| Шелегина, С.М.||Осокина, Ю.Н.

Стратегические приоритеты развития системы образования
в Российской Федерации

Zadorina, M.|| Shelegina, S.||Osokina, U.

Strategic priorities of the education system development
in the Russian Federation

Статья посвящена вопросам реализации отдельных направлений управления развитием образования. На основе анализа документов стратегического планирования федерального уровня выделены ключевые приоритеты развития отечественной системы образования. Особое внимание уделяется взаимообусловленности образования и занятости населения в вопросах обеспечения благосостояния граждан.

The article deals with the implementation of certain areas of education development management. The key priorities of the national education system development are identified based on the analysis of the strategic planning documents of the federal level. Particular attention is paid to the interdependence of education and employment of the population in matters of the welfare of citizens.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ|| РЫНОК ТРУДА|| СИСТЕМА
ОБРАЗОВАНИЯ|| РАБОЧАЯ СИЛА|| ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

STRATEGIC PLANNING || LABOUR MARKET || EDUCATION
SYSTEM || WORKFORCE || EMPLOYMENT

В настоящее время в период социально-экономической нестабильности на первый план выходят вопросы поддержания достойного уровня благосостояния населения путем повышения эффективности управления отечественной системой образования в целях оптимизации профессионально-квалификационной структуры трудовых ресурсов.

Управление системой образования включает в себя множество направлений, среди которых особо следует выделить «осуществление стратегического планирования развития системы образования» [1]. Напомним, что **стратегическое планирование** представляет собой деятельность по планированию, прогнозированию, целеполаганию и программированию социально-экономического развития на федеральном уровне, уровне субъекта Российской Федерации, а также и на муниципальном уровне. Данная деятельность осуществляется в разрезе отраслей экономики, в различных сферах государственного и муниципального управления [2].

Стратегическое планирование в любой из областей развития Российской Федерации (экономического, социального, культурного и др.) осуществляется в контексте целого комплекса нормативных правовых актов (документов стратегического планирования), которые содержат [2]:

- систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, которые направлены на обеспечение сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития страны;

- комплекс планируемых мероприятий (связанных между собой по ресурсам, задачам, исполнителям и срокам реализации) и инструментов государственной политики, направленных на достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития в рамках реализации ключевых государственных функций.

Так как образование «осуществляется в интересах человека, семьи, общества и государства», развитие российской системы образования осуществляется в рамках стратегии социально-экономического развития, а также и на основе «государственных, федеральных и региональных программ, направленных на развитие системы образования», принятие и реализация которых также является одним из направлений управления системой образования [1].

В современных условиях, когда требования работодателей к имеющимся и потенциально возможным работникам трансформируются пропорционально изменениям в экономической сфере, целесообразным становится вопрос о своевременности и соответствии получаемых образовательных услуг потребностям рынка труда. Сегодня государственная политика в области образования и развития трудовых ресурсов ориентирована на инновации и моментальную адаптацию кадрового предложения в соответствии с запросами работодателей. Данное решение обусловлено усилением глобальной конкуренции рабочей силы, развитием человеческого капитала, ожиданием новой волны технологических изменений и снижением влияния многих традиционных факторов роста социально-экономического развития. В данном случае, с учетом сложившейся тенденции к созданию нового ведущего сектора национальной экономики – экономики знаний и высоких технологий – конкурентоспособность современной экономики будет определяться через качество профессиональных кадров [3].

Так, например, существующие изменения отражаются в Федеральной целевой программе развития образования, которая направлена на создание, обеспечение доступности, качества образования, а также и его эффективного развития, «отвечающего требованиям современного инновационного социально ориентированного развития» российского государства [4]. При этом особое внимание уделяется высшему образованию, которое, в свою очередь, претерпевает системные изменения, в том числе происходит переориентация на качественные показатели эффективности образования через создание сети ВУЗов, направленных на удовлетворение отраслевых потребностей региональных экономик, что в конечном итоге сформирует новый ряд профессиональных требований работодателей к соответствующим специалистам и трансформирует критерии оценки качества профессионализма работников.

В этом случае особое значение приобретает вопрос формирования кадрового состава, способного подготовить необходимых для экономики специалистов с учетом существующих трендов. Поэтому одной из основных задач Стратегии инновационного развития Российской Федерации стало развитие кадрового потенциала в сфере образования, науки, инноваций и технологий, включающего в себя адаптацию системы образования с целью формирования у населения еще с детского возраста необходимых для инновационной экономики и инновационного общества компетенций (включая умения, знания и навыки) и поведенческих паттернов, что повлекло за собой существенные изменения в самом образовательном процессе, в том числе переход от системы массового обучения к «непрерывному индивидуализированному образованию для всех» [5], направленному на формирование социально ответственной и творческой личности с учетом развития мировой фундаментальной науки.

Таким образом, посредством федеральных государственных образовательных стандартов определяется набор компетенций для будущих специалистов, включающий [4]: стремление к новому, к постоянному совершенствованию; способность и готовность к непрерывному образованию, переобучению и самообучению; профессиональная мобильность; способность мыслить критически; способность и готовность к оправданному и разумному риску; предприимчивость и креативность; умение и готовность работать как самостоятельно, так в команде; знание и владение иностранными языками, способствующее свободному деловому, бытовому и профессиональному общению в конкурентной среде.

Важно отметить, что современная политика в сфере образования построена на ряде принципов, к которым относится [6]: обновление организационно-экономических механизмов в сфере образования; привлечение работодателей к активному участию в образовательном процессе; открытость системы образования к запросам извне; применение проектных технологий и методов; поддержка и конкурсное выявление

лидеров, успешно реализующих новые подходы на практике; адресный характер использования инструментов ресурсной поддержки и комплексный характер принимаемых решений; ориентация на инновационную привлекательность, вовлеченность студентов и преподавателей в фундаментальные и прикладные исследования; развитие системы профессионального образования. В связи с этим, повышение эффективности, качества образования становится одним из ключевых направлений реализации государственной политики, вектором системных преобразований, которые направлены на обеспечение и стимулирование социально-экономического развития.

При этом, учитывая современное социально-экономическое положение, видно, что предпринимаемые меры по развитию системы образования связаны, в первую очередь, с занятостью населения, попыткой предотвратить рост напряженности на рынке труда посредством содействия поддержанию уровня высокой квалификации, улучшению качества рабочей силы, развитию ее профессиональной мобильности. Между тем, данные мероприятия предполагают [7]: активизацию внутрифирменного (или внутрипроизводственного обучения) кадров организаций; совершенствование национальной системы рамок квалификаций, разработку и использование профессиональных стандартов; повышение квалификации, обучение и переобучение работников в целях развития их профессиональной мобильности; развитие системы профессиональной ориентации и психологической поддержки населения; создание системы оценки профессиональных качеств работников, посредством определения способности реагировать на изменения требований к уровню их квалификации, а также их компетентности; осуществление мер по модернизации квалификационных характеристик, а также формирование системы признания и оценки результатов образования и обучения.

В данном случае на лицо необходимость создания институциональных, экономических и правовых условий, обеспечивающих развитие рынка труда,

гибкость и эффективное функционирование которого позволили бы преодолеть дисбаланс предложения и спроса на рабочую силу, снижение процента нелегальной занятости, повышение трудовой мобильности и мотивации к труду, что в перспективе будет способствовать увеличению реальных доходов населения и покупательской способности граждан, что, в свою очередь, станет одним из локомотивов развития современной российской экономики. Все это, так или иначе, определяется результатами реализации государственной политики в сфере образования и эффективностью стратегического планирования развития отечественной системы образования.

В целом следует отметить, что за несколько последних лет направление приоритетов в области образования претерпело некоторые изменения. Сегодня ставка делается на качество получаемых образовательных услуг с ориентацией на практическую инновационную деятельность. Удовлетворение кадровых потребностей в отраслях экономики определяет спрос на конкретные профессии. Однако мы видим, что имеется дефицит в структуре предложения необходимых специалистов.

Сегодня наиболее востребованы специалисты в области инженерии, информационно-телекоммуникационных технологий, медицинские работники, химики, экологи, специалисты в области биотехнологий, электроники и нанотехнологий, сотрудники в сфере технического обслуживания и строительства. Следует отметить, что на рабочие специальности приходится 15 % всех представленных вакансий. Актуальность таких профессий как слесарь-ремонтник, монтажник, штукатур, плотник, электрик, каменщик в настоящее время также сохраняется [8].

В связи со сложившейся ситуацией, одним из приоритетов развития отечественной системы образования становится поддержка и развитие сети профессиональных образовательных организаций, поступление в которые не зависит от сдачи единого государственного экзамена и набранных за него

баллов, а бесплатность обучения в государственных и муниципальных учреждениях среднего профессионального образования гарантируется Конституцией [9]. Кроме того, активными темпами идет сокращение численности филиалов высших учебных заведений, увеличение числа бюджетных мест по техническим и естественно-научным направлениям подготовки. Данные меры направлены на решение проблемы трудоустройства выпускников профессиональных образовательных организаций не по полученной специальности ввиду того, что выпускники вузов занимают рабочие места, предусматривающие наличие не высшего, а среднего профессионального образования [10].

В заключение хочется отметить, что стратегические приоритеты развития отечественной системы образования, разработанные с учетом сложившейся социально-экономической ситуации в стране, являются эффективным инструментом реализации государственной политики в области содействия занятости населения, что, в свою очередь, способствует наиболее рациональному распределению трудовых ресурсов и вносит соответствующий вклад в обеспечение благосостояния российских граждан.

Список литературы

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 года N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации, 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.

Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 года N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации, 30.06.2014, N 26 (часть I), ст. 3378.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (с изменениями и

дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации, 24.11.2008, N 47, ст. 5489.

Постановление Правительства Российской Федерации от 23.05.2015 N 497 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2016-2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 июня 2015 г. N 22 ст. 3232.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 N 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, 02.01.2012, N 1, ст. 216.

Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 N 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации, 28.04.2014, N 17, ст. 2058.

Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 N 298 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.05.2014, N 18 (часть I), ст. 2147.

Какую профессию выбрать в 2016 году? [Электронный ресурс] / Новый год 2016. URL: <https://2016.life/востребованные-специальности> (дата обращения: 23.02.2016).

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрании законодательства Российской Федерации, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

Задорина М.А., Тесленко И.В. Перспективы трудоустройства глазами студентов образовательных организаций среднего профессионального образования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: www.science-education.ru/121-17754 (дата обращения: 23.02.2016).

Зайко Александр Павлович

Особенности студентов колледжей в современной России

Zayko Alexander Pavlovich

Characteristics of College's students in contemporary Russia

Аннотация

В статье рассматриваются особенности студентов современных российских колледжей, выделяются их основные характеристики. Автор проводит сравнительный анализ среднего профессионального образования в СССР и современной России; делает вывод о том, что студенты колледжей являются более гетерогенной общностью по сравнению со студентами вузов, по своим характеристикам они более схожи с учащимися ПТУ, нежели чем со студентами вузов.

Annotation

This article considers characteristics of college's students. The author conducts a comparative analysis of middle professional education of the USSR and contemporary Russia. The author concludes that college's students are more heterogeneous community than university's students. College's students are more similar to the students' professional schools than university students.

Ключевые слова: студент колледжа, студент вуза, среднее профессиональное образование, высшее образование, гетерогенная общность, учащиеся ПТУ

Key words: college's students, university students, middle professional education, higher education, students' professional schools, heterogeneous community.

В современных условиях наряду с трансформацией высшей школы и ликвидацией начального профессионального образования в России произошли существенные изменения в среднем профессиональном образовании по сравнению с тем, что было в Советском Союзе. Прежде чем рассматривать особенности студентов среднего профессионального образования, обратимся к анализу этого вида образования.

В 30-е годы XX века в СССР образование было разделено на три категории: начальное профессиональное образование (фабрично - заводские училища, позднее – профессионально- технические училища (ПТУ); среднее профессиональное (или часто его называли среднее специальное образование) - техникумы, педагогические, медицинские, театральные, музыкальные училища и училища культуры; высшее профессиональное образование (институты, университеты).

Основной задачей начального профессионального образования являлась подготовка квалифицированных рабочих для промышленных и сельскохозяйственных предприятий (слесарей, токарей, механизаторов, доярок и пр.), а также сферы услуг (парикмахеров, швей - мотористок, секретарш и пр.). Для овладения данными профессиями учащимся ПТУ необходимо было освоить базовые знания, основные трудовые умения и навыки, необходимые для работы в этих отраслях народного хозяйства. Как правило, выпускники профтехучилищ занимались физическим, неинтеллектуальным трудом. К тому же, в училища поступали учащиеся, слабо успевающие в школе или не успевающие вовсе, часто с девиантным или даже делинкветным поведением, как правило, из неблагополучных семей. Школы с радостью «освобождались» от таких учеников. Училища обязаны были брать таких учащихся для обучения. В них отсутствовал конкурс для поступления.

Среднее профессиональное образование (среднее специальное образование) предполагало более высокую степень обучения учащихся. В них существовал конкурс для поступления. В техникумы поступали школьники, которые, с одной стороны, по своим образовательным потребностям и способностям «не дотягивали» до поступления в вузы, а с другой, - желали быстрее освоить профессию. Как отмечает С. И. Панькин, «При социализме количество специалистов со средним профессиональным образованием в десятки раз превосходило число людей, окончивших вуз. Выпускники техникумов, училищ, дающих среднее специальное

образование, получали возможность работать на современном оборудовании в достаточно комфортных условиях по сравнению с рабочими, возглавлять трудовые коллективы, их престиж в обществе был весьма высок» [1, с.3]. По мнению Г.Е. Зборовского, «долго считалось, что среднее профессиональное образование – промежуточное звено между общим и высшим образованием, а по отношению к высшему – его начальная ступень» [2, с.132]. Выпускники СУЗОВ (техникумов), как правило, сочетали в себе более сложный интеллектуальный труд с элементами физического труда (учитель начальных классов, медсестра, организатор культмассовых мероприятий, техник-технолог и пр.).

Как справедливо отмечает В.Я. Нечаев, «...Их труд связан не только с обслуживанием технических устройств и выполнением отдельных исполнительских функций, а и с обслуживанием сложных технологических систем, с выполнением организаторских функций, диагностикой хода производственных процессов» [3, с.91]. Безусловно, для занятия выпускника СУЗА таким видом деятельности нужны уже не базовые знания, а знания основ наук, которые необходимы для работы в той или иной отрасли народного хозяйства. Так, для техника – технолога необходимы знания математики, физики, начертательной геометрии, а также специальные отраслевые знания. Для учителя начальных классов необходимы знания основ педагогики, психологии, базовые знания по тем предметам, которые ему предстоит преподавать в начальной школе. Таким образом, для занятия выпускника СУЗА тем или иным видом профессиональной деятельности ему был необходим более высокий уровень знаний, нежели выпускнику ПТУ, и более низкий уровень знаний по сравнению с выпускником Вуза (высшего учебного заведения). Мы согласны с мнением Ф.Р. Филиппова о том, что среднее профессиональное (специальное) образование готовило «специалистов средней квалификации» [4, с. 118].

Высшее профессиональное образование (сегодня его называют высшим образованием, из названия ушел термин «профессиональное)

предполагало и предполагает сегодня еще более высокую степень обучения (уже не учащихся) студентов. Студенты, обучавшиеся в вузах Советского Союза, должны были обладать одинаковым уровнем профессионализма, знаний, необходимых для работы в той или иной отрасли народного хозяйства (основами наук, организаторскими навыками и пр.) для выполнения сложного интеллектуального труда, управленческой деятельности. Что касается высшего образования в современной России, то выпускники – бакалавры и магистры по своим профессиональным качествам, уровню компетенций, знаниям, умениям и навыкам должны отличаться друг от друга в рамках одной профессии.

Как отмечает Е.В. Грунт, «выпускники - бакалавры должны заниматься менее сложным, более простым трудом, нежели выпускники - магистры, уметь применять на практике полученные в теории знания. Что касается выпускника - магистранта, то он должен обладать глубокой теоретической подготовкой, всеми профессиональными компетенциями, необходимыми для данной профессии, умением решать сложные профессиональные задачи и брать на себя ответственность за их реализацию» [5, с.69]. Таким образом, мы видим, что современные выпускники - бакалавры вузов по своим знаниям, профессиональным навыкам и умениям мало чем отличаются от выпускников среднего профессионального образования в СССР, но отличаются от современных выпускников колледжей. Это связано с тем, что как мы отмечали выше, само среднее профессиональное образование в современной России претерпевает существенное изменение. Среднее профессиональное образование сегодня оказывается весьма неоднородным. В нем присутствуют колледжи (переименованные бывшие техникумы), которые остались в наследство после распада СССР. В ряде из них появились новые специальности: менеджер, маркетолог, дизайнер, программист и пр. Но, по сути своей, они продолжают готовить специалистов средней квалификации и несущественно отличаются от тех техникумов, которые существовали в Советском Союзе.

Ряд колледжей получил статус «колледжа» после ликвидации в стране профессионально-технических училищ. Это означает, что, как по уровню подготовки специалистов (парикмахер, водитель, токарь, секретарь, товаровед и пр.), так и по уровню образования получаемого выпускниками, они, по сути своей, остаются бывшими «ПТУ». Для части студентов разных специальностей обучение в такого рода колледжах носит вынужденный характер, так как, во-первых, «отсутствует тот уровень знаний, который позволяет сразу после окончания школы поступить в вуз на бюджетную форму обучения; во-вторых, семья не имеет финансовых возможностей оплатить учебу детей в системе высшего профессионального образования» [6, с. 10]; в-третьих, школы отказываются принимать в 10 - 11 – е классы слабо успевающих учеников. А, следовательно, студенты, поступающие и оканчивающие данные учебные заведения, по своим характеристикам во многом остаются теми же «пэтеушниками».

В 2010 году в структуре среднего профессионального образования появился ряд колледжей, который готовит студентов по программе прикладного бакалавриата. В этом плане обучение в колледже практически не отличается от обучения на прикладном бакалавриате в вузе. Здесь выпускники школ обучаются после окончания одиннадцатого класса.

Рассмотрев особенности среднего профессионального образования в современной России, перейдем к анализу основных характеристик студентов колледжей.

Студенчество колледжей, также как и студенчество вузов, в структуре молодежи имеет свои характеристики. Студенчество колледжей представляет собой еще более гетерогенную социально-демографическую группу, нежели студенты вузов. Так, если в вузах студентами становятся учащиеся, окончившие 11 классов или колледжи, то студентами колледжа могут стать выпускники девярых и одиннадцатых классов

Одной из важных характеристик является возраст студентов. Однако, если возраст практически всех студентов вуза находится в пределах

молодежного возраста – 18-25 -28 лет, то возраст студентов колледжей совпадает с периодом ранней юности (15 - 20 лет -21 год). Как мы видим, нижняя граница возраста совпадает с окончанием подросткового периода, а верхняя - характеризует молодежный возраст. Здесь можно выделить две группы студентов: в возрасте 15 -17 лет (поступившие в колледж после окончания 9 класса). Эти студенты находятся на стадии транзита – перехода из подросткового возраста в молодежный. Как справедливо отмечает Е.И. Салганова, «Это период завершения детства и начала юности. Он характерен диспропорциями в уровне и темпах развития, а также несоответствием возможностей и притязаний. Подросток всегда ощущает себя взрослее, чем он есть на самом деле, и оттого постоянно конфликтует по этому поводу со взрослыми» [7, с.61].

Вторая группа студентов находится в возрасте 18-20 лет (обучающиеся в колледже после окончания 11 класса). Это возраст транзита – перехода из ранней юности во взрослое состояние. Мы полагаем, что выделение двух групп студентов в студенчестве колледжа является существенным моментом при социологическом анализе, в том числе, и анализе их социальной активности. Данная возрастная стратификация студенчества колледжа отражает переходность его социального состояния, которое характеризуется: во-первых, завершением первичной социализации личности; во-вторых, профессиональным самоопределением, начальным этапом своего профессионального становления; в-третьих, расширением диапазона социальных ролей (студента, сокурсника, любимого\ любимой, члена трудового коллектива во время прохождения практики и пр.); в-четвертых, сохранением стремления к самореализации и самоопределению, но уже более ярко ориентированному на конкретные виды деятельности и выстраивание своей жизнедеятельности; в-пятых, началом формирования жизненных установок, определенного мировоззрения, ценностей; в-шестых, постепенным освобождением от родительской опеки (при сохранении экономической зависимости от них) и вхождением в референтную группу

сверстников («значимых других»), становящуюся каналом социализации и требующую установления отношений конкуренции и сотрудничества с партнерами обоих полов; в-седьмых, постепенным усилением способности управления собственными эмоциональными реакциями, так как повышается уровень эмоционального контроля и саморегуляции.

В целом возраст ранней юности, свойственный студентам колледжа, характеризуется повышенной эмоциональностью, которая постепенно затухает при переходе к поздней юности и взрослости. Однако это происходит либо при продолжении обучения в вузе, либо при вхождении в профессиональный коллектив после окончания обучения в колледже. Затухание эмоциональности связано, с одной стороны, с психологическими особенностями данной возрастной группы, с другой стороны, - с процессом социализации, в ходе которого у молодых людей формируется способность к контролю своих эмоций.

Говоря о социализации студентов колледжей, стоит отметить, что в своем большинстве они являются социализирующимися, так как находятся в процессе своего становления на стадии завершения первичной социализации. Можно согласиться с мнением А.И. Кравченко о том, что на данном этапе «малая группа ровесников выполняет в процессе социализации важнейшую социальную функцию – облегчает переход от состояния зависимости к независимости, от детства к взрослости» [8, с. 168-170]. В процессе социализации студенты постепенно осваивают и реализуют оценочное, дифференцированное отношение к различным социальным группам, людям, процессам и явлениям, происходящим в современном обществе, мире в целом. Этот навык помогает личности совершать поступки на основе собственного выбора. Освоение и реализация студентом разных социальных ролей в семье, колледже, кругу друзей и пр. способствует формированию личностных качеств, формированию их социальной активности.

Важной характеристикой студентов колледжа являются виды деятельности, в которых они участвуют. Основным видом деятельности для студентов колледжей, как и для студентов вузов, является учебная, познавательная деятельность (а также совместное проживание в общежитии части студентов, и пр.). Однако помимо этой деятельности студентам свойственно общение, взаимодействие как с партнерами одного пола, так и противоположного пола, а также досуговая деятельность. Межличностное взаимодействие и ролевое общение помогает студентам осваивать различные социальные роли, оказывает эмоциональную поддержку.

Если учитывать, что в колледжах, как правило, обучаются студенты, менее способные и менее стремящиеся к овладению знаниями, чем студенты вузов, то, зачастую, последние виды деятельности выходят на передний план. Однако если говорить о студентах вузов, то в условиях коммерциализации высшего образования среди них также много тех, кто не стремится получать знания, так как обучается за деньги родителей. Вместе с тем, в общественном мнении россиян сложилось представление о том, что статус студентов колледжей ниже статуса студентов вузов, что оказывает существенное влияние на снижение их социальной активности и стремления к овладению профессиональными знаниями.

Этот возраст связан с начальным этапом появления трудовой, экономической деятельности студентов колледжа.

Все это свидетельствует о том, что студенты колледжей коренным образом отличаются от студентов вузов в современной России и являются более гетерогенной общностью нежели, чем последние.

Литература

Панькин С.И. Ценности среднего профессионального образования: особенности формирования и развития. Дисс. на соискан. учен. степ. канд. соц. наук, Екатеринбург, 2011, С.3.

Зборовский Г.Е. Социология образования ч. 2 Социология профессионального образования Ек. 1994. С. 132

Нечаев В.Я. Социология образования. - М., Изд-во МГУ, 1992. С.91

Филиппов Ф.Р. Социология образования М., 1980. С. 118

Грунт Е.В. Кризис субъектности высшего профессионального образования в условиях перехода на двухуровневую модель // Национальные системы образования: под воздействием глобализации. Тула, 2015, С. 69

Панькин С.И. Ценности среднего профессионального образования: особенности формирования и развития. Дисс. на соискан. учен. степ. канд. соц. наук, Екатеринбург, 2011, С.10.

Салганова Е. И. Гражданская культура учащейся молодежи. Дисс. на соискан. канд. соц. наук. Екатеринбург, 2008, с.61

Кравченко А.И. Основы социологии: Учеб. Пособие для студентов средних специальных учеб. Заведений. – М.: Академия, 1997. – С. 168-170

Захаренко Т.А.

Анализ особенностей социокультурной интеграции иностранных
студентов

Zakharenko T.A.

The analysis of the features of the sociocultural integration of the foreign
students

Обучение иностранных студентов не протекает изолированно от внешней социокультурной среды, именно по данной причине существенным фактором, влияющим на эффективность педагогического процесса, является успешность интеграции студентов-иностранцев в новую для них образовательную реальность. В статье рассматриваются социально-психологические аспекты интеграции иностранных студентов в новую образовательную среду, а именно – степень совпадения представлений, ориентаций, позиций обучаемых по отношению к явлениям, наиболее значимым для групповой жизнедеятельности в частности и для процесса обучения в целом.

Foreign students are not isolated from external social and cultural environment, that's why the successful integration of foreign students into the new educational reality is one of the most important factors of the efficiency of the educational process. In this article the author tries to analyze the social and psychological aspects of the integration of foreign students into the new learning environment, for example, to find out the degree of coincidence of students' ideas, orientations, attitudes, connected with the most significant situations of the group's life in particular, and with the learning process as a whole.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, ИНТЕГРИРОВАННОСТЬ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССЕ

SOCIOCULTURAL INTEGRATION, INTEGRATION,
INTERNATIONAL INTERACTION IN EDUCATION

Экспорт образовательных услуг является одним из перспективных направлений развития системы образования Республики Беларусь [1, С. 4]. Правительство нашей страны поставило перед Министерством образования задачу по привлечению в Республику для обучения к 2015/2016 году примерно 15 тыс. иностранных граждан, что, по словам заместителя министра образования РБ Виктора Яжжика, предусматривает максимальное использование потенциала международного сотрудничества с целью повышения качества и конкурентоспособности национальной системы образования. Также стоит учитывать тот факт, что 5 марта 2009 г. делегация Министерства образования Республики Беларусь в рамках участия в заседании Комитета управления высшего образования и исследований (г. Страсбург) впервые озвучила позицию Беларуси о присоединении к Болонскому процессу. Вполне очевидно, что включение Беларуси в международное пространство высшего образования интенсифицирует приток иностранных абитуриентов в нашу страну, что, в свою очередь, требует соответствующих усилий по расширению интеграционного ресурса образовательной среды. Актуальной практической задачей является выявление системных факторов, обуславливающих динамику и качественный уровень интеграции иностранных студентов в условиях новой образовательной реальности, а также разработка программ, направленных на оптимизацию интеграционных процессов.

Социокультурная интеграция – это взаимный процесс объединения учащихся, существенно отличающихся по этнокультурным признакам, и преподавателей в целостное сообщество, основанное на общих целях и ценностях [2, С. 174]. Под социокультурной интеграцией обычно понимаются упорядоченные и гармоничные межличностные, межгрупповые, межнациональные отношения, а также процесс, ведущий к такому состоянию, направленный на минимизацию конфликтов; социальную сплоченность; принятие индивида остальными членами группы. Цель социокультурной интеграции заключается в возможности успешного

функционирования группы в целом и ее составляющих в частности, при учете их своеобразия, индивидуальных особенностей, различий. Самая жизнеспособная разновидность социальной интеграции складывается из формирования целостности на основе совпадения целей и интересов, а не из принуждения и нивелировки различий [3, С. 77]. В образовательном пространстве интеграция подразумевает положительно динамичные взаимосвязи участников учебно-воспитательного процесса в микросоциуме. С нашей точки зрения, ключевыми показателями социокультурной интеграции иностранных студентов в условиях новой образовательной среды являются: равноправие белорусских и иностранных студентов; отсутствие конфликтов на межнациональной почве; сотрудничество иностранных студентов и других субъектов образовательного процесса на формальном и неформальном уровнях, позитивное восприятие иностранных студентов; позитивное отношение к особенностям иной культуры.

Исходя из анализа литературы по данной проблематике, повышение эффективности процесса интеграции иностранных студентов в вузе связано с разрешением следующих противоречий:

между интенсивно развивающейся мобильностью студентов и отсутствием исследований по стратегиям интеграции иностранных студентов в новое образовательное окружение;

между потребностью вуза в оценке эффективной деятельности по социокультурной интеграции иностранных студентов и слабой разработанностью соответствующих диагностических критериев;

между потребностью вуза в определении условий социокультурной интеграции и недостаточной разработанностью педагогических механизмов организации этого процесса;

между необходимостью интеграции иностранных студентов в новую образовательную среду и неготовностью преподавателей к осуществлению данного процесса.

Необходимость разрешения названных противоречий определила ключевую проблему нашего исследования, которая заключается в определении социально-психологических особенностей социокультурной интеграции иностранных студентов в условиях новой образовательной среды.

Для исследования проблем социокультурной интеграции студентов-иностранцев нами был проведен письменный опрос, который позволяет изучить представления о состоянии межнационального взаимодействия в образовательном процессе, выявить степень социальной напряженности с целью прогнозирования действий по формированию модели бесконфликтного межнационального взаимодействия. В опросе приняли участие 70 студентов второго курса факультета Бизнеса и права Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. Возраст респондентов – от 19 до 23 лет. В состав выборки вошли 30 респондентов из Туркменистана и 40 респондентов из Беларуси. Вопросы были как открытые, так и закрытые. Практически после каждого вопроса было оставлено место для комментариев, которые всячески поощрялись, с целью получить не только и не столько сухую статистику, но и выявить эмоциональное отношение респондентов к рассматриваемой проблематике. Процедура опроса имела следующую специфику – в связи с недостаточным уровнем владения русским языком у студентов-иностранцев возникали некоторые трудности в восприятии информации, они иногда отвлекались, переговаривались, переспрашивали друг друга, но, вместе с тем, большинство студентов со всей ответственностью подошли к проводимому анкетированию.

Предложенный блок вопросов был направлен на получение базовых сведений о социальных установках и социокультурных аспектах интеграции иностранных студентов. В ответе на вопрос «Чувствуете ли вы неприязнь в отношении лично вас или других иностранных студентов в нашем вузе?» студенты-иностранцы в большинстве своем дали положительный ответ: «да, в отношении других иностранных студентов» – 68%, «да, в отношении лично

меня» – 22%, «нет» – 10%, что свидетельствует о наличии социальной напряженности во взаимодействии, конфликтности, которая вместе с тем носит скорее латентный, чем открытый характер, так как все-таки большинство респондентов из числа иностранцев не определили себя как непосредственных участников межличностных и межгрупповых конфликтов. Также опрос позволил выявить следующее противоречие: с одной стороны, белорусские студенты не против достаточно тесного взаимодействия со студентами-иностранцами (так, считают возможной настоящую дружбу со студентом-иностранцем – 96% белорусов), с другой стороны, они же стремятся размежеваться, как в профессиональной, так и в бытовой сферах (так, возражают против соседа-иностранца в общежитии – 75% студентов-белорусов; не хотят видеть студента-иностранца своим коллегой – 82% студентов-белорусов). И это противоречие только усиливается демонстрируемой иностранными студентами тенденцией к отделению, в основе которой, как нам кажется, лежит чувство этнической солидарности в незнакомой среде (так, на вопрос «Согласны ли вы с тем, что студенты-иностранцы стараются общаться только «со своими»» большинство белорусов, а именно 97%, ответили утвердительно). Чаще всего в смешанных группах иностранные студенты образуют свою микрогруппу. Можно предположить, что успешность социокультурной интеграции иностранных студентов напрямую связана со снижением обособленности и замкнутости подобного рода микрогрупп.

Несомненно, в группах, где совместно обучаются белорусские и иностранные студенты, складывается сложная система межличностных взаимоотношений. Так, у белорусских студентов отмечаются некоторые признаки внутригруппового фаворитизма как тенденции оказывать предпочтение своей группе в противовес интересам другой. Как известно, внутригрупповой фаворитизм может проявляться как во внешне наблюдаемом поведении, так и в процессах социального восприятия при формировании оценок, суждений. Например, 57% белорусских студентов

описывают поведение студентов-иностранцев как «вызывающее», 43% – как «удовлетворительное» и 0% – как «располагающее». Негативное восприятие белорусскими студентами поведения студентов-иностранцев можно обозначить как социальную стигматизацию большинством отличающегося от него меньшинства. Одной из существенных причин такого негативного отношения становится то, что белорусские студенты сталкиваются с недисциплинированным и агрессивным поведением иностранных студентов, к которому они в большинстве своем не готовы. Мы предлагали респондентам назвать пять-шесть наиболее типичных, по их мнению, особенностей оцениваемой этнической группы. В итоге, чаще всего белорусские студенты приписывали туркменским студентам скорее отрицательные, чем положительные личностные качества, например, такие как «наглость», «бескультурье», «болтливость», «грубость», «вспыльчивость» и т.п. Таким образом, отношение белорусских студентов к иностранным довольно жесткое, ориентированное на оценку наблюдаемого поведения, без учета причин, лежащих в его основе. В противовес этому иностранные студенты демонстрируют большую снисходительность и доброжелательность, так 68% из них определили поведение белорусских студентов как «располагающее», 21% – как «удовлетворительное» и только 11% опрошенных – как «вызывающее». То есть, иностранцы хотя и не испытывают явной дискриминации, но отмечают периодическую холодность и недоброжелательность со стороны инокультурного окружения. Также, по-разному оценивают респонденты степень владения русским языком иностранных студентов: «отлично» – 0% белорусские и 17% иностранные студенты, «хорошо» – 7% белорусские и 61% иностранные студенты, «удовлетворительно» – 89% белорусские и 22% иностранные студенты, «неудовлетворительно» – 4% белорусские и 0% иностранные студенты. Такая явная диспропорция в оценках, с одной стороны, может быть связана с действительно низким уровнем владения русским языком туркменских студентов; с другой стороны, наблюдаемую разбежку в оценках можно

объяснить, используя такое понятие, как этноцентризм – это свойство сознания этнической группы, связанное с преувеличением положительно оцениваемых характеристик собственной этнической группы, ценности и нормы которой выступают центром, критерием оценки всех других групп. Этноцентризм проявляется в чувстве превосходства своей этнической и культурной группы и одновременной неприязни, враждебности по отношению к другим группам [4, С. 285]. Для белорусских студентов, также как и для обучающихся с ними иностранных студентов характерно положительное отношение к своей социальной группе. Положительно относятся к своей группе 79% белорусских студентов и 88% иностранных студентов. Более высокий процент по данному показателю среди студентов-иностранцев, вероятно, объясняется обострением чувства "Мы" в ситуации взаимодействия иностранных студентов с иной социальной группой. Но, не стоит забывать тот факт, что если, с точки зрения общественного мнения, этническая группа ведет себя отчужденно (обособленно), то высока вероятность негативного отношения к такой группе.

Итак, в результате исследования мы выяснили, как чувствует себя студент-иностранец в вузе, что препятствует и что способствует его интеграции в новую образовательную среду, а значит, создает почву для дальнейших изысканий в этом направлении. Например, остаются открытыми следующие вопросы: влияет ли соотношение количества иностранных и белорусских студентов в группе на отношение к студентам-иностранцам; оказывает ли воздействие степень интегрированности студента в собственную учебную группу, а именно внутригрупповую структуру, на его отношение к чужой социальной группе, а именно, к иностранным студентам, то есть, формирует ли низкая социально-психологическая интегрированность внутри своей общности враждебный настрой по отношению к иной общности; в какой среде – однородной (в группе обучаются только иностранные студенты) или разнородной (смешанный состав учебных групп) интеграция студентов-иностранцев протекает наиболее успешно. Социально-

психологические проблемы интеграции иностранных студентов в образовательную реальность, как правило, рассматриваются в рамках эффективной организации учебно-воспитательного процесса в вузе, между тем, как нам кажется, обучение совместно не приводит само по себе к интеграции, а значит, существует явная необходимость исследования данной проблемы на более узком микросоциальном уровне, а именно, внутригрупповом, ведь понимание процессов интеграции и дифференциации, происходящих в группе, имеет большое практическое значение, так как от этого зависит существование самой группы, результаты её деятельности и характер межличностных отношений, которые возникают между её членами. Явное несовпадение представлений белорусских и иностранных студентов о совместном обучении обуславливает сложность решения вопроса о целесообразности данного типа получения образования. И все-таки, исходя из гуманистических позиций, совместное обучение возможно, но оно должно быть тщательно организовано, так как формальное объединение в рамках одной группы само по себе не ведет к интеграции студентов.

Таким образом, нами был выявлен ряд показателей довольно слабой интегрированности студентов-иностранцев в новую образовательную среду: наличие напряженности во взаимоотношениях между белорусскими и иностранными студентами; тенденция к разделению круга общения на категории «свои» и «чужие», дистанция в общении; в какой-то степени предвзятое отношение белорусских студентов к студентам-иностранцам. Но есть и позитивные показатели. Иностранцы не указывают на крайние формы ущемления их прав и достоинства в чужой стране. Внушает оптимизм и тот факт, что для описания своего самоощущения в нашей стране большинство (90%) иностранных студентов предпочли выбрать вариант – «мне здесь хорошо». Выявленные сложности требуют поиска путей стимулирования процесса социокультурной интеграции иностранных студентов в новую образовательную реальность белорусского вуза. Барьеры интеграции могут быть преодолены только в процессе диалога и активного взаимодействия

всех интегрируемых групп, причем интеграционные усилия должны исходить как от самих иностранных студентов, так и от принимающего сообщества, поэтому процессу социокультурной интеграции в определенной мере следует быть организованным и управляемым. Интеграция – это двунаправленный процесс, в ходе которого не только индивид адаптируется к сообществу, но и сообщество приспособляется к индивиду. Подлинная интеграция предполагает организацию в рамках образовательной среды оптимальных условий для каждого обучаемого. Формальная интеграция является скрытой формой дискриминации, так как, если личности предоставляется доступ к участию в образовательной системе, не имеющей условий для обеспечения соответствующего ее потребностям обучения, в действительности, нарушается право на качественное образование [5, С. 285]. Следовательно, актуальной практической задачей является выявление системных факторов, обуславливающих динамику и качественный уровень интеграции иностранных студентов в новой образовательной реальности, а также разработка программ направленных на оптимизацию интеграционных процессов в вузе.

Список литературы

Маскевич С.А. Об итогах работы Министерства образования за 2013 год и основных задачах на 2014 год [Текст]: выступление министра образования Республики Беларусь С. А. Маскевича / С. А. Маскевич // Настаўніцкая газета. – 2014. – № 18. – С. 4–6.

Петроченко, А. В. Некоторые особенности социокультурной интеграции иммигрантов в общеобразовательной школе / А.В. Петроченко // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 4. – С. 174–177.

Полянкина С. Ю. Понятие интеграции в категориальном аппарате философии образования / С.Ю. Полянкина // Интеграция Образования. – 2013 – № 2. – С 76–82.

Психология. Учебник для гуманитарных вузов / под ред. В. Н. Дружинина. – СПб.: Питер, 2001. – 656 с.

Малофеев Н.Н. Почему интеграция в образование закономерна и неизбежна [Электронный ресурс] / Н.Н. Малофеев // Альманах ИКП РАО. – 2007. – №11. – Режим доступа: <http://almanah.ikprao.ru/articles/almanah-11/pochemu-integracija-v-obrazovanie-zakonomerna>. – Дата доступа: 21.02.2016.

УДК 378.048.2

ББК 74.58

Капшутарь, М.А.

Проблема качества подготовки кадров высшей квалификации:
результативность аспирантуры

Kapshutar, M.

Problem of quality intraining top-qualification personnel: productivity of
postgraduate studies

Аннотация: в статье анализируется состояние подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре в условиях изменения ее статуса в системе российского образования. Раскрывается понятие «кризис аспирантуры», анализируются его причины. Предлагаются критерии для оценки результативности работы аспирантуры.

Annotation: the article is concerned with the state of training top-qualification personnel within the framework of postgraduate studies in the conditions of change of its place in the Russian educational system. The article analyses the concept of "postgraduate studies crisis" and its reasons, as well as productivity assessment criteria for postgraduate studies.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, АСПИРАНТУРА, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ, «МАССОВИЗАЦИЯ АСПИРАНТУРЫ»

KEYWORDS: QUALITY OF EDUCATION, POSTGRADUATE STUDIES, EFFICIENCY, PRODUCTIVITY. "MASSIFICATION OF POSTGRADUATE STUDIES"

Актуальность проблемы и темы исследования обусловлена социокультурными трансформациями в российской системе образования. Именно в периоды социальных трансформаций и связанных с ними кризисных явлений в обществе актуализируются проблемы качества образования.

Обратимся к нормативно-правовым аспектам данной проблемы. Понятие «качество образования» трактуется в п.29 ст.2 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» как комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степени их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы [4].

Образование в нашей стране находится в стадии непрерывного реформирования и модернизации с начала 1990-х годов. И в то же время в научном сообществе нарастает мнение о том, что результатом реформ становится все большее отставание российского образования и от мировой практики, и от потребностей социально-экономического, политического и культурного развития России. Так, В.И. Загвязинский пишет: «...наше образование осталось «догоняющим» социально-экономическую сферу (а реально даже все больше отстающим), а не опережающим, каким ему надлежит быть» И главную причину он видит в серьезном расхождении декларируемой образовательной стратегии и реальной образовательной политики, которая строится на прагматическом понимании целей и средств реформирования, на запросах рыночной экономики и пренебрегает вызовами будущего и ориентирами отечественной и мировой культуры [2. с.8].

Разделяя позицию исследователей, которые определяют понятие «качество образования» как степень достижения целей образования, выделяя в качестве основных следующие цели:

- соответствие понимания всеми участниками образовательного процесса целей, сущности, предназначения, социальной роли и миссии образования, его результатов социальному заказу, актуальным и

перспективным запросам общества и государства, глобальным тенденциям развития человеческой культуры и цивилизации;

- адекватность и достаточность средств, методов, технологий, кадровых, финансовых и материальных ресурсов для достижения поставленных целей;

- востребованность и освоение личностных и социальных результатов и научных разработок по совершенствованию образования в общественной практике, индивидуальном становлении, профессиональной карьере каждого человека [Там же, с. 11].

В настоящее время формируется новая модель образования, которая должна соответствовать условиям развития общества, в ней принципиально меняется роль и статус аспирантуры. Выделим наиболее значимые ее новые характеристики.

Во-первых, изменилось нормативно-правовое обеспечение деятельности аспирантуры. Остановимся на новых нормативно-правовых актах, регламентирующих ее работу.

В соответствии с новым ФЗ-273 «Об образовании в Российской Федерации» аспирантура, которая до вступления в силу указанного закона относилась к программам послевузовского образования, теперь отнесена к основным профессиональным образовательным программам высшего образования как его третий уровень, что соответствует международной стандартной классификации высшего образования и практике европейских стран.

Ранее программы аспирантуры реализовывались по конкретным специальностям научных работников, определенных Номенклатурой специальностей научных работников, не вели к присвоению образовательных квалификаций и не завершались выдачей документов об образовании. После вступления в силу Закона «Об образовании в Российской Федерации» программы аспирантуры разрабатываются образовательными организациями

в соответствии с Перечнем направлений подготовки в аспирантуре на основе ФГОС.

Также важным документом является «Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)». В соответствии с ним обучение аспирантов отныне осуществляется в соответствии со стандартами (ФГОС аспирантуры) по направлениям подготовки. Аспиранты в процессе обучения будут выполнять учебный план, проходить промежуточную, а конце обучения – итоговую государственную аттестацию в форме сдачи государственного междисциплинарного экзамена и защиты выпускной квалификационной работы, при успешном прохождении которой получать диплом об окончании аспирантуры с присвоением квалификации «Исследователь». «Преподаватель-исследователь».

Во-вторых, очевиден рост интереса молодежи к продолжению обучения после получения диплома специалиста или магистра. Но нужно учитывать, что в систему высшего образования приходит новое поколение молодежи, формирование системы ценностей, личностных смыслов, жизненных планов, социальной активности, мотивации научной деятельности которого происходило в новых исторических, социально-экономических и общественно-политических и культурных условиях. Особенности их социально-психологических характеристик необходимо своевременно выявить и использовать для совершенствования форм и методов работы с ними.

В-третьих, в последнее время речь идет о низкой эффективности работы аспирантуры, актуализируются проблемы в ее деятельности. Исследователи говорят о серьезном кризисе российской аспирантуры. Рассмотрим основные проявления кризиса.

Прежде всего, речь идет о таком явлении как «массовизация» аспирантуры. В сравнении с периодом СССР, когда аспирантура выполняла

роль элитной, «штучной» подготовки кадров для высшей школы и науки, на сегодняшний день аспирантура стала полноценным сегментом рынка образовательных услуг [1. с. 56].

Обратимся к данным статистического анализа за информацией о количестве организаций, имеющих аспирантуру, а также о численности и составе аспирантов [3]. В 2014 году подготовку аспирантов вели 1519 организаций, из них 805 научно-исследовательских организаций (53%), 698 вузов (46%) и 16 организаций дополнительного профессионального образования (1%). В период 2000-2011 гг. численность аспирантов неуклонно росла. Максимальное значение численности аспирантов было отмечено в 2010 году и составило 157437 против 117714 в 2000 г. В период с 2012-2014 гг. численность аспирантов стала сокращаться. Так, в 2012 г. численность аспирантов составляла – 146754 человека, в 2013 г. – 132002 человека, а в 2014 – 119868 человек. В 2014 г. этот показатель оказался всего на 1,8% больше, чем в 2000 г. Распределение численности аспирантов по типам организаций (НИИ, ВУЗы и ОДПО) за последние пять лет практически не меняется (10,2%, 89,3%, 0,5% соответственно), что свидетельствует о сохранении невысокой роли аспирантуры НИИ в подготовке кадров высшей квалификации.

Рассмотрим состав аспирантов по возрасту и полу. Наиболее многочисленная возрастная группа аспирантов – до 26 лет (63,1%). Однако за последние десять лет наблюдается снижение доли аспирантов в возрасте до 26 лет с 75,3% в 2005 г. до 63,1% в 2014 г. Одновременно, заметно увеличилась доля аспирантов в возрасте 30-34 лет – с 6,8% в 2010 г. до 9,8% в 2014 г. С этим связано увеличение среднего возраста аспирантов с 26 лет в 2010 г. до 27 лет в 2014 г. В 2014 г. женщины в общей численности аспирантов составили 56671 человек или 47,3%, мужчины соответственно – 63197 человек (52,7%). Удельный вес женщин за последние десять лет остается практически неизменным и колеблется от 43,2% в 2005 г. до 47,3% в 2014 г. Среди аспирантов доля мужчин в возрасте до 26 лет составила 68,8%,

а доля женщин – 56,8%, при этом у женщин относительно высока доля и других возрастных групп (27- 29 лет – 18,6%, 30-34 года – 11,6%). Большинство аспирантов (78272 человека или 65,3%) обучались в очных аспирантурах. В 2014 г. в очной аспирантуре проходили подготовку 46946 мужчин (60,0%) и 31326 женщин (40,0%). На выбор формы обучения в аспирантуре (очная, заочная) оказывают влияние факторы, напрямую не относящиеся к процессу обучения (например, предоставление отсрочки от армии). Из 12906 выпускников-мужчин, закончивших очную аспирантуру в 2014 г., лишь 16,3% защитили диссертации, а из 7012 выпускников-женщин – 21,4 % завершили свое обучение защитой диссертации [3 .с.12-13].

По нашему мнению, «массовизацию» аспирантуры нельзя рассматривать как однозначно негативное явление, так как обучение значительного количества аспирантов в любом случае ведет к приращению совокупного интеллектуального потенциала страны. Однако, негативные факторы данного процесса очевидны. Б.И. Бедный и А.А. Миронос выделяют следующие явления:

- снижение доли выпускников аспирантуры, пополняющих ряды научных и научно-педагогических работников;
 - «региональное замыкание» аспирантур и расширение подготовки аспирантов по непрофильным для вуза научным специальностям;
 - деформация отраслевой (дисциплинарной) структуры аспирантуры;
 - снижение научного уровня диссертаций и сокращение доли выпускников, завершивших обучение с защитой диссертации [1. с. 58].
- Показателем результативности деятельности аспирантуры считается удельный вес лиц, защитивших диссертации в общей численности выпускников.

Указанная тенденция подтверждается данными статистического анализа. В 2000 г. этот показатель доли выпускников, завершивших обучение с защитой диссертации, составлял 30,2%, в 2005 г. – 31,7%, а с 2010 г. он стал снижаться и в 2014 г. составил 18,4% – минимум за все предыдущие годы.

Успешным завершением аспирантской подготовки является защита кандидатской диссертации в сроки обучения в аспирантуре. В 2014 г. 3592 человека защитили кандидатские диссертации в положенный срок, из них 3230 человек или 89,9% – выпускники аспирантуры ВУЗов. Динамика численности выпускников аспирантуры с защитой диссертации в пределах срока обучения в аспирантуре неравномерна: общий рост этого показателя до 2005 г. сменился его спадом, а в 2014 г. уменьшился более чем в 2 раза по сравнению с 2000 г.

В 2014 г. всего было защищено 10364 кандидатских диссертаций (в том числе в НИИ – 2129, в ВУЗах – 8176, и в ОДПО – 59). Из общего числа защит на соискателей пришлось 26,1%; на аспирантов, защитивших диссертацию после окончания срока аспирантской подготовки, – 39,2%; на аспирантов, защитивших диссертацию в пределах срока обучения в аспирантуре, – 34,7%. Если ВУЗы практически повторяют средние показатели, то в НИИ доля соискателей выше и составила 34,5%, а также высока доля лиц, защитивших диссертацию после окончания срока аспирантской подготовки – 49,4%, а на аспирантов, защитивших диссертацию в пределах срока обучения в аспирантуре, приходится всего 16,1% [3. с.16].

На наш взгляд, результативность подготовки аспирантов следует рассматривать в двух аспектах – количественном (то есть доля аспирантов, завершающих обучение с защитой диссертации, о чем речь шла выше) и качественном (качество подготовки аспирантов и научный уровень диссертационных работ). И в связи с изменениями в работе аспирантуры мы полагаем, что качественные критерии результативности аспирантуры следует пересмотреть. Так, по-нашему мнению, основным критерием оценки результативности должна стать успешность освоения аспирантом основной профессиональной образовательной программы. Показателями данного критерия могут служить уровень сформированность универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом направления

подготовки, результаты промежуточной (экзаменационные сессии) и итоговой государственной аттестации. Кроме образовательных результатов следует учитывать показатели научной активности аспиранта: количество публикаций в рецензируемых научных изданиях, выступления на конференциях и семинарах разного уровня, участие в научных олимпиадах и конкурсах аспирантских работ, а также подготовленный в срок текст диссертации. И еще одним важным показателем результативности аспирантуры должна стать, по-нашему мнению, востребованность выпускников аспирантуры, их трудоустройство в соответствии с полученной квалификацией на должности научных и научно-педагогических работников.

Таким образом, несмотря на экономические трудности, нельзя в оценке результативности аспирантуры исходить исключительно из рыночной парадигмы, которая оправдывает оптимизацию образования методом экономии на нем. Личностно-развивающие цели в процессе подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре не менее значимы, чем показатель экономической эффективности.

Список литературы

Бедный Б.И., Миронос А.А. Подготовка научных кадров в высшей школе. Состояние и тенденции развития аспирантуры. Монография. Н.Новгород: Изд-во ННГУ. 2008. – 219 с.

Загвязинский В.И. Качество как ключевая проблема образовательной практики и педагогической науки.// Способы реализации и оценки качества образования: проблемы, исследования, практический опыт и перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2014. 270 с.

Подготовка научных кадров высшей квалификации в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.csrs.ru/archive/stat_2015_staff/staff_2015

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в РФ»
[Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.
base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148547](http://www.base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148547).

УДК 316.334

Каташинских В.С.

Континентальная модель высшего образования как прообраз
современной российской системы

Katashinskikh V.

Continental model of higher education as a prototype of the modern Russian
system

Аннотация. Современная российская модель высшего профессионального образования – является относительным новшеством для российского общества. Сегодня актуализируется анализ последствий перехода, противоречий, путей дальнейшего развития системы высшего профессионального образования в России. Изучение современной российской системы образования невозможно без сравнения ее с западными образцами. Континентальная модель высшего профессионального образования стала прообразом современной российской системы.

Abstract. Modern Russian model of higher education is a relative novelty for Russian society. Today updated analysis of the impact of transition, contradictions and ways of further development of the system of higher education in Russia. The study of modern Russian educational system is not possible without comparing it with the Western models. Continental model of higher education has become the prototype of the modern Russian system.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ,
ДВУХУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ,
КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ, БАКАЛАВРИАТ,
МАГИСТРАТУРА, ДОКТОРАНТУРА

KEY WORDS: HIGHER EDUCATION, TWO-TIER SYSTEM OF
HIGHER EDUCATION, CONTINENTAL MODEL OF EDUCATION,
BACHELOR DEGREE, MASTER DEGREE, DOCTOR DEGREE

Современная российская модель высшего профессионального образования – является относительным новшеством для российского общества. До недавнего времени переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования в России, а также масса изменений, связанных с этим, вызывал огромное количество споров и дискуссий. И если на данный момент основная волна дискуссий, связанных с данными реформами сходит на нет, актуализируется анализ последствий перехода, противоречий, путей дальнейшего развития системы высшего профессионального образования в России. Понятно, что данный анализ должен идти в контексте особенностей российской истории, ментальности, потребностей общества. В то же время изучение современной российской системы образования невозможно без сравнения ее с западными образцами. Эти образцы традиционно сводят к двух группам: американская модель высшего образования и континентальная модель. И именно континентальная модель стала прообразом современной российской системы, во-первых в силу всего исторического развития мировой системы образования, во-вторых это произошло в рамках реализации положений Болонского процесса. Рассмотрим подробнее континентальную модель высшего профессионального образования и ее специфику.

В конце XI - начале XII веков ряд кафедральных и монастырских школ Европы превращаются в крупные учебные центры, которые затем стали называться университетами. Так возник Парижский университет (1200 год), который вырос из объединения богословской школы Сорбонны с медицинской и юридической школами. Таким же образом возникли университеты в Неаполе (1224 год), Оксфорде (1206 год), Кембридже (1231 год), Лиссабоне (1290 год) [3]. Во второй половине XIII века в университетах появились факультеты, или колледжи. Факультеты присуждали ученые степени - сначала бакалавра (после 3 - 7 лет успешной учёбы под руководством профессора), а затем - магистра, доктора. Факультеты определяли жизнь первых университетов и совместно выбирали

официального главу университета - ректора. Ректор обладал временными полномочиями, как правило, длившимся один год. Фактическая власть в университете принадлежала факультетам и землячествам.

Континентальная модель зародилась в средневековых европейских университетах в XII-XIII веках. Термины «Doctor», «Professor», «Magister» сначала не несли разного значения и употреблялись для обозначения преподавательского состава первых университетов.

Таким образом именно в этот период в Европе сложился социальный институт высшего профессионального образования, структура которого практически не изменилась и по сей день. Хотя в каждой европейской стране она обрела отличительные черты, основанные на национальных особенностях. Например, степень бакалавра присуждается в Великобритании после обучения студента на 3-4-летних специализированных программах дневного отделения университета или колледжа. В Великобритании существует несколько типов степени бакалавра, названия которых зависят от специализации обучения. Наиболее популярные присуждаемые степени «бакалавр искусств» (BA) и «бакалавр науки» (BSc). Степени «бакалавр искусств» обычно присуждаются в сферах не связанных с естественными и точными науками – например, искусство, гуманитарные и социальные науки, лингвистика. Акцент при обучении на таких программах делается на приобретении теоретических и общих знаний в выбранной научной дисциплине или профессиональном направлении. Программы «бакалавр науки» в большей степени сфокусированы на естественнонаучной сфере – например, таких дисциплинах, как инженерные науки, математика, биология, физика, химия и т.п. – и включают достаточно серьезную математическую, компьютерную и техническую подготовку, а также развитие практических навыков в выбранной научной области. В некоторых предметных областях присуждаемые бакалаврские степени имеют свое название. Среди наиболее популярных профессиональных степеней можно выделить следующие: «бакалавр технических наук» (BEng), «бакалавр образования» (BEd),

«бакалавр медицины» (BM), «бакалавр права» (LLB), «бакалавр стоматологии» (BDs), «бакалавр сестринского дела» (BN) [1].

В британских университетах принято четкое деление магистерских программ на два типа: учебные (taught) и исследовательские (research). Учебные программы обычно рассчитаны на 12 месяцев очного обучения. В течение первых 6-9 месяцев студенты занимаются углубленным изучением дисциплин по выбранной специальности, остальное время отводится на проведение исследования, подготовку и написание магистерской диссертации. Учебная часть программы включает в себя как обязательные предметы (касающиеся общих вопросов методологии научного знания и научно-исследовательского подхода), так и курсы по выбору, связанные с узкой специализацией, также сдаются экзамены. На исследовательскую деятельность отводится 3-4 месяца, за это время студент должен подготовить письменную работу по выбранной теме.

Продолжительность исследовательских магистерских программ обычно составляет два года. В течение этого времени студент, под руководством наставника, проводит самостоятельную научно-исследовательскую работу, пишет диссертацию, которая и по объему, и по глубине отличается от итоговой работы выпускников учебной магистратуры и имеет более серьезный исследовательский характер. Именно этот тип магистерских программ рассматривается как подготовительная ступень к дальнейшей научно-исследовательской работе. Логическим (хотя и не обязательным) продолжением становится учеба в докторантуре с написанием диссертации, ведущей к получению степени доктора наук (PhD).

Система, применяемая в Великобритании, описанная выше, представляется нам достаточно эффективной. Это связано с тем, что двойственная система магистратуры, когда студенту предоставляется выбор заниматься исследовательской или практической работой, представляет как интересы государства, так и самих студентов. Мы полагаем, что плюсом такой системы является то, что необходимость и возможность получить

степень магистра есть не только у тех, кто планирует посвятить свою жизнь науке, исследовательской деятельности, но также у тех, кто будет практиком. Таким образом, государство приобретает большее число высокообразованных и высокопрофессиональных специалистов не только в научной среде, но и во многих других отраслях, а молодые профессионалы имеют возможность совершенствовать свои знания и навыки по тем направлениям, которые ближе им, важнее для будущей карьеры.

Магистры, ведущие исследовательскую деятельность, имеют право участвовать в программах получения степени доктора наук. Эти программы представляют собой сугубо исследовательскую работу. Обычно на такую программу отводится 2-3 года. К концу этого периода студент должен опубликовать полученные результаты в официальных отчетах, в научных или специализированных журналах и по опубликованным материалам написать диссертацию. Степень доктора присваивается после успешной защиты диссертации.

Как мы увидим далее, в большинстве стран так называемая докторантура практически не отличается по своей сути. Она всегда предполагает проведение серьезного научного исследования, которое включает в себя некое научное открытие. Данное исследование должно быть апробировано на научных конференциях и опубликовано в журналах, а также изложено в диссертационной работе. Другими словами, в рамках унификации европейских систем образования, наименьшую сложность представляет конвертация степени доктора наук. Так в Австрии, Испании и Финляндии программы докторантуры также требуют от двух до четырех лет обучения, предусматривают написание и защиту диссертации, и сдачу итогового экзамена [2].

Система докторантуры во всех странах практически идентична. Действительно к докторским диссертациям обращаются в большинстве своем уже состоявшиеся ученые, которые совершенствуют, приумножают свои исследовательские работы. Поэтому эта система чаще всего

консервативна, структура докторантуры не меняется на протяжении десятилетий, что зачастую играет негативную роль, так как общество меняется, меняются его потребности, меняется структура знания, темы, интересующие ученых. В последнее время европейские страны признают, что докторантуру необходимо делать более прозрачной и адаптированной к современным условиям.

Таким образом, в структуре европейского высшего образования мы выделили три уровня: бакалавриат – магистратура, также докторантуру как уровень послевузовского образования. Уровни четко взаимосвязаны. Составляющие учебного процесса на этих ступенях в разных европейских странах одинаковы, хотя длительность обучения вариативна. Как уже говорилось выше, бакалавриат и магистратура – ступени высшего образования, предполагающие профессиональную подготовку разного уровня, благодаря которой выпускники с различной степенью профессионализма имеют возможность занимать разные должности, различными траекториями продвигаться по карьерной лестнице, участвовать в развитии науки и производства. На основании этого к обучающимся в бакалавриате и магистратуре должны предъявляться разные требования, разные критерии оценки знаний, качества профессиональной подготовки. Поэтому и процесс становления, институционализации всех ступеней высшего профессионального образования в России, интеграции его в систему российского общества должен идти с учетом внутренней специфики, ментальности, а также особенностей исторического развития данного социального института.

Список литературы

Кислицын К. Н. Болонский процесс как проект для Европы и для России. Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» / № 11, 2010 – Высшее образование для XXI века [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/11/Kislitsyn/>

Направление «Студенты». Этап 1. Аналитический отчет Фонда «Общественное мнение» / Под ред. Петренко Е. и др. 2008. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://fomgeneration.wordpress.com/>

Тропина О. Н. Возникновение и развитие законодательства о подготовке и аттестации научных кадров в России: причины и условия / Образование и общество. Научный информационно-аналитический журнал. 2004. №5. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://www.jeducation.ru/5_2004/85.html

Лушникова, О.Л.

Качество образования: теоретическое осмысление удовлетворенности преподавателей

Lushnikova, O.L.

Quality of education: theoretical perception of satisfaction of teachers

В статье представлена попытка осмысления понятия качества образования сквозь призму удовлетворенности одного из главных субъектов образовательного процесса – преподавателя.

The article presents an attempt of perception of the concept quality of education through the prism of satisfaction of one of the main subjects of the educational process – the teacher.

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ,
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ, МОТИВАЦИЯ

THE QUALITY OF EDUCATION, THE EFFECTIVITY, THE
SATISFACTION, THE MOTIVATION

Исследование «качества образования» как социологической категории требует анализа сущности этого понятия, а также его основных компонентов, которые по-разному трактуются и не исчерпываются тем значением, которое вкладывается в них на уровне современных знаний об этом предмете. Данная категория не может быть рассмотрена только в контексте социологической науки, так как она интегративна, и является предметом исследований философов, педагогов, психологов, поэтому сущность понятия «качество образования» не может быть раскрыто одним определением. Качество образования раскрывается через систему определений, отражающих единство системно-структурных аспектов.

«Качество» как философская категория выражает неотделимую от бытия объекта его существенную определенность, благодаря которой он является именно этим, а не иным объектом [2, С. 551]. С этой точки зрения

качество образования рассматривается как одна из главных характеристик образования. Кроме того, система образования, будучи одной из важных сфер жизнедеятельности, законодательно регулируется государством через систему норм и законов, которые обеспечивают ее функционирование. В этом смысле качество образования должно рассматриваться с точки зрения права, где «качество» выступает как совокупность свойств объекта, отвечающих требованиям, установленным в НТД (нормативно-технической документации [6, С. 9]. В данном случае, качество образования – одна из характеристик образования, отвечающая требованиям Государственного образовательного стандарта.

При рассмотрении понятия «качество», необходимо обратить внимание на содержание понятия «эффективность», которое часто встречается в сочетании с понятием «качество». «Эффективность» определяется как «количественная мера качества или степени выполнения поставленных задач с учетом затрат или потерь, сопровождающих полученные результаты при функционировании системы» [7, С. 178] Эффективность представляет результат функционирования системы образования, который может быть эмпирически измерен по таким критериям как производительность, экономичность и затратность образовательного процесса. Таким образом, эффективность отражает одну из определяющих характеристик качества образования – соответствие установленному образцу или эталону. В этом смысле используется экономическое толкование «качества», подразумевающее сопоставление свойств выбранного объекта с аналогичным объектом, принятым за некий эталон [6, С. 8].

Однако определение качества образования через измерение объективных, статистических показателей не дает полного понимания его сущности, поэтому следует обратить внимание на одно из основополагающих свойств образования, а именно на его способность удовлетворять существующим и потенциальным потребностям личности и общества [3, С. 34]. Другими словами, качество образования отражает

адекватность не только установленному образцу, но и определенным потребностям каких-либо субъектов образования. Причем адекватность не просто каким-то постоянным, устоявшимся потребностям, а потребностям динамично развивающегося общества. В современном обществе качество образования должно опережать систему потребностей различных субъектов образовательного процесса. Темпы внутреннего потенциального развития качества образования должны опережать развитие общества, и тем самым соответствовать требованиям, предъявляемым разными сферами жизнедеятельности – экономикой, политикой, культурой и т.д. Иначе будет невозможен социальный прогноз и прогресс образования в целом [4, С. 22].

Резюмируя, можно дать следующее определение *«качества образования»* – это существенные свойства и характеристики образования, соответствующие образцу, установленному в Государственном образовательном стандарте, способные при взаимодействии всех компонентов удовлетворить динамично развивающиеся потребности общества.

Понятие *«качество образования»* представляет собой интегральное понятие, которое объединяет различные характеристики, образующие в совокупности систему существенных свойств объекта. Однако понятие *«система»* подразумевает наличие не просто подсистем, но также их иерархию по степени значимости и присутствие *«ведущего звена»*. Таковыми являются две наиболее важные характеристики образования:

соответствие образования установленному стандарту;

соответствие образования качеству условий образовательного процесса.

Первая характеристика подразумевает измерение качества образования качеством полученного результата, который может быть представлен *«качеством»* студентов (знаниями студентов, их востребованностью и конкурентоспособностью на рынке труда) или *«качеством»*

преподавательского состава (уровень профессионализма, квалификации, достижения в области науки и т.д.).

Вторая характеристика отражает соответствие условий образовательного процесса потребностям различных субъектов образования. К таким условиям можно отнести: качество материально-технической базы университета, качество организации труда, оплату труда, психологическую атмосферу в коллективе и со студентами и т.д.

Так, «качество образования» отражает не только объективную сторону образования (состояние образования, соответствующее установленному образцу), но и субъективную (оценку качества образования личностью). В личностном измерении «качество образования» есть процесс, который удовлетворяет потребностям и ожиданиям субъектов в отношении условий образовательного процесса.

В общем, понятие *удовлетворенности* отражает субъективное толкование качества образования, т.е. степень соответствия образования потребностям и ожиданиям. Особое значение имеет удовлетворенность преподавателей, т.к. именно от них во многом зависит качество результата образования. Показателями удовлетворенности качества условий образовательного процесса может выступать:

- удовлетворенность содержанием учебных программ;
- удовлетворенность состоянием материально-технической базы;
- удовлетворенность системой повышения квалификации;
- удовлетворенность состоянием психологической атмосферы.

Существенное влияние на удовлетворенность преподавателей оказывает мотивация профессиональной деятельности. Действительно, человек, основным мотивом деятельности которого выступает материальное вознаграждение, не может в полной мере быть удовлетворен качеством своей работы. Поэтому значимую роль в работе преподавателя играет мотивация его деятельности.

Мотивация понимается как совокупность побудителей поведения и деятельности человека [1, С. 43]. Мотивацию профессиональной деятельности составляют внутренние мотивы, потребности, интересы, цели, влечения, однако будучи внутренней составляющей личности преподавателя, мотивация отражает уровень его профессионализма, а следовательно качество предоставляемых им услуг.

Мотивация представляет собой сложноорганизованную систему, в которую включены такие свойства как ценностные установки, притязания, социально-психологические характеристики, а также совокупность условий, которые определяют направление поведения преподавателя. Особое значение при определении направления поведения преподавателя имеет удовлетворенность психологической атмосферой при взаимодействии:

- с администрацией учебного заведения;
- с непосредственным руководством;
- с коллегами;
- со студентами.

Основная образовательная деятельность протекает в условиях взаимодействия с непосредственным руководством, от взаимоотношений с которыми зависит и степень нагрузки работой, и условия для повышения квалификации, и профессиональный рост в целом. Отношения, складывающиеся с коллегами и со студентами, также оказывают существенное влияние на мотивацию преподавателя, которая в целом обеспечивает регуляцию его профессиональной деятельности.

По сути, каждому преподавателю присущи различные мотивы, однако от того, какой из них преобладает в структуре мотивов, зависит качество образования. Преподаватель профессиональной деятельности, ориентированный только на утилитарные мотивы (желание заработать, получить должность и т.д.), недостаточно мотивирован на результат своей работы, что отражается на качестве образования. Преподаватель, у которого доминируют познавательные и профессиональные мотивы (возможность

интересной работы со студентами, творческая работа, желание углубить знания, принести пользу студентам и т.д.), заинтересован не только личной выгоде, но и общей пользе от своей работы, т.е. в качестве полученного результата.

Качество полученного результата зависит от разных факторов. Однако основу будущего результата составляет содержание образования, которое включает: содержание учебных программ, методы и средства обучения, систему оценки знаний студентов и т.д. Учебные программы разрабатываются в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования. Однако между ними есть свои различия, к примеру, программы для дисциплин по выбору разрабатываются конкретным преподавателем, исходя из его видения преподавания предмета. Поэтому содержание предмета и методы, которые преподаватель будет использовать на занятиях, а также формы оценки знаний студентов зависят в большей степени от него.

Тем самым наполнение содержания образования обусловлено профессиональной компетенцией преподавателя и сферой его научных интересов. Поэтому возможность вносить изменения в содержание образования, возможность использовать инновационные методы в своей работе также влияют на качество образования и обуславливают удовлетворенность преподавателей процессом образования.

На удовлетворенность условиями процесса образования существенное влияние оказывает состояние материально-технической базы, которая является неотъемлемой частью обустройства рабочего места преподавателя.

Рабочее пространство имеет особое значение в процессе профессиональной деятельности. Во-первых, оно несет символическую ценность для преподавателя. Здания университета, изначально построенные как образовательные учреждения, значительно отличаются от тех, которые предназначались для других целей. Соответственно у преподавателей, осуществляющих свою профессиональную деятельность в

разных зданиях университета, по-разному складывается отношение к своей работе и к результатам своей работы в целом. Во-вторых, рабочее пространство обуславливает статусность: чем выше статус преподавателя, тем больше условий для реализации своей профессиональной деятельности.

Особое место в процессе протекания обучения занимает такая материальная составляющая как учебная аудитория. Аудитория – это то место, где собственно протекает образовательный процесс. Удовлетворенность преподавателей зависит от обустройства аудитории: от места расположения аудитории (в учебном корпусе или общежитии, на первом этаже или в подвале, возле туалета или буфета и т.д.), от площади аудитории (маленькая или просторная), от качества ремонта, от мебели (старая или новая современная), от доски (на которой писать можно мелом или маркером) и т.д.

Состояние аудиторий зависит от степени оснащенности современным оборудованием, от укомплектованности компьютерами и средствами мультимедиа, а также современными средствами обучения (например, интерактивные доски), что все вместе влияет как на качество обучения, так и на удовлетворенность преподавателя.

Однако наличие компьютеров и новейшего оборудования не является ключевым в условиях образования. Немаловажное значение имеет степень оснащенности библиотек ученой и методической литературой, которая обеспечивает качественное обучение, основанное на достижениях современных ученых и исследователей. Кроме того, сегодня огромную роль в информационном обеспечении играет возможность пользоваться Интернетом, который позволяет получить доступ к различным источникам информации.

Безусловно, удовлетворенность преподавателя в целом зависит от разных факторов, в т.ч. и от организации системы питания, которая включает столовые и буфеты. Качество обслуживания в учреждениях питания создает комфортные условия трудового процесса, а значит, обеспечивает

комфортность процесса образования в целом. Все эти элементы в совокупности оказывают существенное и определяющее влияние на удовлетворенность преподавателей.

Не менее значимым в профессиональной деятельности является стремление преподавателя постоянно увеличивать свои знания. Профессионализм и уровень квалификации преподавателя оказывает прямое влияние на качество образования, поэтому очень важным является степень удовлетворенности преподавателя организацией повышения квалификации.

Реформирование системы высшего образования привело к осознанию необходимости постоянного повышения квалификации и непрерывного образования, составной частью которого являются Институты повышения квалификации (ИПК) [5]. Роль ИПК существенна, несмотря на то, что преподаватели, проходящие обучение на разных курсах, уже являются высококвалифицированными специалистами, институт повышения квалификации разрабатывает и внедряет в систему дополнительного профессионального образования новые учебные, инновационные и информационные технологии, принимает активное участие в создании и внедрении комплекса дистанционного и открытого образования.

Немаловажное значение в деятельности преподавателя имеет участие в методических семинарах. Главной целью методических семинаров является обеспечение профессионального роста и развития преподавателей – личностного, общекультурного, общеобразовательного, психологического, методического. Они играют значимую роль в повышении педагогической квалификации преподавателя, а именно:

- позволяют оптимизировать структуру и содержание учебных дисциплин;

- способствуют совершенствованию методики проведения учебных занятий;

- помогают при выполнении научных работ и проведении методических занятий и др.

Развитие профессиональных навыков преподавателя не обходится без конкретного опыта, поэтому существенное значение особенно для начинающего преподавателя имеет стажировка в учебном заведении. Так, специалист, имеющий диплом о высшем образовании, может пройти стажировку в учебном заведении, дополнительно получая подготовку в институтах повышения квалификации. По истечении одного года он может быть зачислен ассистентом, что является первым этапом в его карьере преподавателя [8, С. 272].

Центральное место в системе повышения квалификации занимает защита диссертации, которая дает возможность получить ученую степень, а соответственно возможность продвижения по служебной лестнице. Защита диссертации долгий и кропотливый труд и требует много сил и времени, поэтому одним из условий, способствующих повышению уровня квалификации преподавателя, является выделение времени для индивидуальной творческой работы, которая, в свою очередь, может включать изучение необходимой учебной и научной литературы. Участие преподавателей в различных научных конференциях, семинарах, а также заимствование опыта у преподавателей с большим стажем работы тоже может выступать как одна их форм повышения квалификации, поэтому для молодых преподавателей особое значение приобретает опыт посещения лекций коллег в разных университетах.

В целом, повышение квалификации для преподавателя играет важную роль в его профессиональной деятельности. Во-первых, оно удовлетворяет потребности преподавателей в самореализации, в профессиональном росте. А во-вторых, способствуют развитию профессионализма преподавателей, от которого, в свою очередь, зависит качество образования.

Таким образом, оценка качества образования должна распространяться не только на конечный, результативный этап образовательной деятельности, не только на качество овладения знаниями, умениями, навыками, но и на все элементы образовательной системы, способствующие достижению этого

результата. Качество образования в таком понимании должно рассматриваться не как атрибут конкретной образовательной услуги, а как сущностная характеристика самой системы образования, отражающая ее результативный и процессуальный аспекты. Первый отражает объективную сторону образования (состояние образования, соответствующее установленному образцу), второй – субъективную (оценку качества образования личностью), т.е. процесс, который удовлетворяет потребностям и ожиданиям всех субъектов образовательного процесса.

Литература

Бойцова, Н.В. К вопросу о внутренней и внешней мотивации профессиональной деятельности преподавателя высшей школы // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2008. – № 3. – С. 42–50.

Большая советская энциклопедия. (В 30 томах). Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М., «Советская энциклопедия», 1973. – 608 с.

Бордовский, Г.А., Нестеров, А.А., Трапицын, С.Ю. Управление качеством образовательного процесса: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 359 с.

Ильинский, И.М. Качество – ядро образовательного процесса // Стандарты и качество. – 2002. – № 4. – С. 22–25.

Кургалин, С.Д. Организация повышения квалификации кадров в Воронежском государственном университете // Вестник ВГУ. – 2008. – № 1. – С. 104–112.

Мишин, В.М. Управление качеством – М: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 463 с.

Субетто, А.И. Системологические основы образовательных систем. Ч.2. – М.: Исследовательский центр подготовки специалистов, 1994. – 284 с.

Фролов, А.Г. Адаптации преподавателя к профессионально-педагогической деятельности в высшей школе. А. Г. Фролов // Образовательные технологии и общество. – 2006. – № 9. – С. 265–276.

В данной статье рассматриваются способы интеграции экономики и экологии в образовательной сфере. Выявлены проблемы, связанные с отсутствием пропаганды бережного отношения к природе вне общеобразовательных школ. Для решения данных проблем нами были предложены деловые игры, составление бизнес-планов, основанные на решении экологических проблем. На наш взгляд, это может повысить интерес молодежи к сохранению окружающей среды.

The article regards integration approaches of economy and ecology in educational system. The problems associated with the lack of careful treatment promotion in secondary school were revealed. During the research, as the key to the solution we have decided to develop business games and business plans based on solving of environmental problems. In our opinion it will help to attract young peoples attention towards preservation of the environment.

ИНТЕГРАЦИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СФЕРА, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР, ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, БИЗНЕС ИГРА.

INTEGRATIONA, ECONOMY, ECOLOGY, EDUCATIONAL SUSTEM, ECOLOGY EDUCATIONAL, HUMAN FACTOR, ECOLOGICAL PROBLEMS, BUSINESS GAMES.

Город Уфа, столица Республики Башкортостан, в рейтинге самых экологически развитых городов России является лидером по всем показателям[1]: воздушная среда, обращение с отходами, водопотребление и качество воды, транспорт, энергопотребление, использование территории.

Внашей республике обращают особое внимание на мероприятия по очищению воды и воздуха, озеленению города и т.д. На практике активная и систематическая пропаганда бережного отношения к природе ведется только

среди лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, а это низкий процент от числа проживающих в Республике Башкортостан.

На наш взгляд, это один из самых значимых вопросов по охране окружающей среды.

Несмотря на лидерство города Уфы в указанном рейтинге, экологическая ситуация в республике не может быть названа благополучной, т.к. остается множество нерешенных проблем, которые невозможно было решить в течение одного года. Такими проблемами остаются: несанкционированные свалки, вредные выбросы в атмосферу, сброс отходов в реки и т.д. Это делает крайне необходимым исследования, связанные с экологическим просвещением и способами коррекции господствующих стереотипов поведения, равнодушным и пренебрежительным отношением к природе молодежи, в частности школьников и студентов.

В силу того, что состояние экологии нашей планеты зависит не только от естественных природных процессов, но и от человеческого фактора, важно изучение проблемы экологического воспитания.

Экологическое воспитание – целенаправленное развитие человека, включающее формирование его экологической культуры, восприятие не только общественных, но и экологических норм и ценностей. Оно осуществляется через экологическое образование, а также семью, государственные и общественные институты (религия, СМИ, воспитательные учреждения и др.) [2]

Законодательно в российском образовании дисциплина «Экология» стала регулироваться только в 90-е гг. XX века.

Сегодня в РБ очень много учреждений дополнительного образования, связанных с экологическим воспитанием и образованием. Каждый год через систему дополнительного экологического образования в республике проходят более 20 000 учащихся, организуются и проводятся массовые экологические мероприятия с учащимися: республиканский фестиваль Друзей заповедных островов; республиканский слет членов

производственных бригад; республиканский конкурс экологических театров и т.д [3].

На сегодняшний день, интерес к окружающей среде снижается, что подтверждают диагностические данные исследований института семьи и воспитания Российской академии образования[4]. Он характерен лишь для учащихся школ, где экология серьезно изучается как учебный предмет. Такие школы, к сожалению, имеются не во всех регионах России.

Таким образом, необходимо развивать интерес молодежи к экологическим проблемам, интегрируя экономику и экологию в образовательных учреждениях с помощью бизнес игр, где молодые люди смогут создать план своего бизнеса, основанного на решении проблем с окружающей средой. Ниже рассмотрим пример игры-модели.

В бизнес-игре ребятам предлагают темы проектов на выбор. Такими темами могут быть: экологическое ведение хозяйственной деятельности; экотуризм и экологический транспорт; производство экологически чистых продуктов и т.д. Участники составляют бизнес план по следующей схеме:

Инфраструктура: основная деятельность и основные ресурсы;

Предложения продуктов или услуг;

Сегмент потребителей: отношения с клиентами, каналы распространения продукции.

Финансы: структура расходов, потоки доходов.

Библиографическое описание:

Рейтинг экологичного развития городов России - 2013[Электронный ресурс]// Министерство природных ресурсов и экологии РФ. - Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/upload/files/docs/rejting_2013.pdf. – 4.02.2016

Формирование экологической культуры и здорового образа жизни [Электронный ресурс]// Студопедия. – Режим доступа: <http://studopedia.org/1-24858.html> - 4.02.2016

Здравствуйтесь, друзья и коллеги! [Электронный ресурс]//
Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного
образования детей Республиканский детский эколого-биологический центр. –
Режим доступа: <http://rdebc.narod.ru/simple.html>. – 29.01.2016

Захаров В.П., Формирование экологической культуры и развитие
молодёжного движения [Электронный ресурс]/В.П. Захаров//Центр
экологической политики и культуры.- Режим доступа:
http://www.ecologyandculture.ru/upload/File/Formirovanie_ecol_cultury.pdf. –
4.02.16

Дополнительное образование как способ профилактики негативной
девиации

Maltseva, A.

Additional education as a way of preventing the negative deviation

В статье рассматривается девиантное поведение среди несовершеннолетних, его тенденции, причины формирования и способы профилактики. Особое внимание уделяется рассмотрению дополнительного образования как мере профилактического воздействия, влияние деятельности учреждений дополнительного образования на ценностные ориентации молодежи.

The article deals with deviant behavior of young people, trends, causes of formation and methods of prevention. Particular attention is paid to the additional education as a way of preventing the negative deviation. The effect of the activities of institutions of additional education on the values of life of young people.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ||
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ПРАВОНАРУШИТЕЛИ||
ПРАВОНАРУШЕНИЕ||

ПРЕСТУПЛЕНИЕ || ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ||УЧРЕЖДЕНИЯ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ|| ПРОФИЛАКТИКА ||
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

KEYWORDS ADDITIONAL EDUCATION || JUVENILE OFFENDERS
|| OFFENSE || CRIME || DEVIANT BEHAVIOR || INSTITUTIONS OF
ADDITIONAL EDUCATION || PREVENTION || VALUES

Старший подростковый или ранний юношеский возраст - это определенный этап созревания и развития человека между детством и взрослостью. Он представляет собой один из важных этапов становления личности. Молодой человек в этот период задумывается о своем месте в этом

мире; под воздействием окружающей действительности и личностных интересов формируются его жизненные ценности. Подросток становится частью новой системы отношений, и, вследствие этого, претерпевает изменения и его смысловая сфера, что, в лучшем случае, может способствовать успешному освоению им норм и ценностей современного общества, а в худшем - может негативно сказаться на его самооценке и поведении.

В настоящее время, когда происходят масштабные социально-экономические и политические изменения в обществе, особенно трудно приходится молодым с их еще не устоявшимся мировоззрением, подвижной системой ценностей. Уровень правонарушений среди несовершеннолетних достаточно высокий и вызывает серьезную озабоченность:

- с января 2015 г. на 8,3 % увеличилась преступность среди несовершеннолетних [5];

- преступные действия подростков становятся все более жестокими и изощренными, все чаще фиксируется их связь с алкоголизмом [1];

- проявляется тенденция к совершению групповых преступлений, снижается возрастной порог преступности [1].

Проблемы отклоняющегося поведения подростков существовали во все времена. И сегодняшнее состояние девиации в детской и подростковой среде не следует классифицировать как уникальное или новое. Напротив, оно полностью вписывается в те социальные закономерности, согласно которым переломные и кризисные периоды развития общества инициируют криминогенные факторы, наиболее негативно воздействующие на социализацию детей и подростков, на их неокрепшие ценностные ориентации, мотивы и побуждения поступков.

Исследователи девиантного поведения правонарушителей, не достигших 18-летнего возраста, уже на протяжении долгого времени выделяют одни и те же, или схожие, причины его формирования. В. А. Пятунин в своей работе «Девиантное поведение несовершеннолетних:

Современные тенденции» говорит о существовании комплекса причин и условий, лежащих в основе и способствующих совершению преступлений конкретными несовершеннолетними. В своей работе он призывает концентрировать внимание исследователей на типичных издержках воспитания, с которых чаще всего начинается путь подростка к правонарушениям [4].

О роли семьи в процессе формирования девиантного поведения среди несовершеннолетних говорилось в статье В.А. Лелекова и Е.В. Кошелевой «Влияние положения семьи на преступность несовершеннолетних» [3]. В первую очередь, авторы статьи подчеркивают тяжелые последствия недостатков семейного воспитания, такие как преступность, алкоголизм, наркомания и другие патологические явления, источником которых в большинстве случаев становятся обстоятельства, окружающие ребенка в семье. Вклад таких семей в преступность несовершеннолетних, по некоторым подсчетам, составляет 30-35%.

Спиртные напитки несовершеннолетние правонарушители начинают употреблять с 13-16 лет. О питейных традициях они узнают в гораздо более раннем возрасте и, как правило, в семье. 36% несовершеннолетних правонарушителей воспитывались в семьях, в которых родители и родственники были лицами ранее судимыми; в семьях отсутствует эмоциональный контакт ребенка с обоими родителями или с одним из них, в случае с мальчиками – с отцом (примерно 75% от всех изученных семей).

Из вышепредставленных данных видно, что отрицательные формы поведения взрослых членов семьи влияют на формирование мировоззрения детей. Именно привычки и действия родителей, родственников и постоянно находящихся в окружении людей способствуют тому, что подросток не просто перенимает их отрицательные образцы поведения, но и усваивает негативные ценностные ориентации, реализуя их уже в своем собственном антиобщественном поведении, оценивая с их помощью уже собственную окружающую действительность.

О материальном положении семей несовершеннолетних правонарушителей писала в своей статье «Подростковая преступность. Социологическая экспертиза» С.В. Климова. По данным ее исследования средний возраст несовершеннолетнего преступника – неполных 16 лет; 94,3% правонарушителей – мужского пола. Автором были отмечены существенные различия в характеристиках экономического и образовательного уровня преступников: 30,2% подростков жили в условиях, когда семья не может обеспечить удовлетворение потребностей в питании, одежде, жилье; 55,7% подростков были обеспечены только необходимыми материальными благами. Больше всего хищений совершают подростки, у которых наиболее низкое материальное положение.

Исходя из данных этого исследования и анализу факторов, которые способствуют криминальному поведению подростков, социологическая экспертиза приходит к следующему заключению: «обеспечение реформы школы за счёт средств родителей в ситуации сокращения возможности семьи удовлетворять материальные потребности детей и отсутствии гарантированной законом помощи бедным семьям для обучения детей вызовет скачок краж, разбоев и грабежей, совершаемых несовершеннолетними гражданами» [2]. И подобные выводы экспертов вполне логичны. Что остается делать детям, оказавшимся вне поля зрения не только родителей, но и государства?

Из года в год причинами преступности среди несовершеннолетних становятся одни и те же социальные условия. Но далеко не последнее место в ряде причин свершения преступления подростком занимают его жизненные ориентиры и ценности, сформировавшиеся под влиянием тех или иных социальных условий и окружения.

Современные ученые и практики активно исследуют несовершеннолетних правонарушителей в сфере свободного времени, часто проводятся исследования, направленные на выявление причин девиации среди молодых людей. Однако вопрос о влиянии учреждений

дополнительного образования как одной из форм организации досуговой сферы на ценностные ориентации молодого человека и, как следствие, его девиацию, в настоящий момент изучен недостаточно.

Уже давно научно доказано, что на готовность подростка или юноши к восприятию социальных ценностей и положительных воздействий на него окружающей среды большое влияние оказывает широта и разносторонность склонностей и интересов [6]. Лица с устойчивыми интересами к творчеству, общественной деятельности, как правило, обладают сильным иммунитетом к отрицательным влияниям и поступкам.

Оптимальной формой организации досуга является любительское объединение, которое предоставляет максимальную свободу самовыражения и в то же время выступает в качестве педагогически управляемой системы.

В процессе занятий в объединениях дополнительного образования у трудного подростка постепенно появляется адекватная самооценка, он отходит от асоциальных компаний, их влияния, у него появляется интерес к учебной деятельности, стремление самореализоваться в социально приемлемой деятельности. Даже если подросток не относится к категории неблагополучных, но посещает учреждения дополнительного образования, например, музыкальную школу или клуб, то вероятность появления трудностей в воспитании, негативных тенденций в поведении в период взросления, становления личности резко снижается [6, с. 70].

В рамках пилотажного исследования, проведенного в апреле 2015 г., нами было опрошено 200 человек от 14 до 24 лет, в число которых вошли учащиеся общеобразовательных, вечерних школ, техникумов, колледжей, высших учебных заведения г. Тюмени.

В результате исследования нами было выяснено, Ценностные ориентации большинства молодых людей, посещающих или посещавших УДО, отличаются от ценностей прочих подростков. Для молодых людей, которые не посещали УДО, в большей степени характерно стремление к расширению кругозора как основе для достижения своих целей; для них в

меньшей мере характерны ценности, рассматривающие развитие личности как процесс, а в большей – ценности, являющиеся результатом некогда пройденного пути развития. Ценности воспитанников УДО направлены на развитие личности, проявление самостоятельности, самообразование. Т.е. представители этой категории стремятся к полному познанию себя и окружающего мира.

Ценности цели и ценности средства молодых людей отличаются в зависимости от выбранного направления деятельности в УДО: для воспитанников спортивных, туристических секций, а также курсов добровольной военной подготовки важны деятельная жизнь, развитие, самостоятельность, возможность брать на себя ответственность, достижение результатов, а также наличие рядом поддержки в лице друзей, родных, команды; воспитанники танцевальных и музыкальных секций отличаются стремлением к счастливой семейной жизни в окружении верных друзей, для них также значима эффективность в делах, но, в отличие от туристов и спортсменов, они не стремятся к победе любой ценой, для них важен сам процесс, однако твердая воля также присутствует среди перечня их ценностей. Для воспитанников театральных студий, кружков прикладного творчества, а также приверженцев интеллектуальных игр характерно стремление к самопознанию, расширению кругозора, творчеству, свободе, постижению жизненной мудрости.

Занятия молодых людей в учреждениях дополнительного образования позитивно влияют на их поведение: способствуют формированию установок на саморазвитие личности, на «позитивное» отношение ко всему окружающему, учат молодых людей контактировать друг с другом на основе общей деятельности, общих интересов, ставить перед собой цели и добиваться намеченного результата социально одобряемыми способами. Это благоприятствует успешной социализации и является хорошим инструментом в профилактике девиации.

В ходе исследования мы выяснили, что деятельность учреждений дополнительного образования помогает в снижении уровня девиации несовершеннолетних, способствует формированию у них гуманистических ценностей, направленных на саморазвитие и самосовершенствование.

Проведенное пилотажное исследование и анализ данных помогли разработать некоторые рекомендации для учреждений дополнительного образования детей по профилактике девиантного поведения среди несовершеннолетних.

Девиантное поведение является результатом нарушений социализации. И если в семье социализация проходит недостаточно хорошо, роль «значимого другого» переходит тренеру/руководителю секции в учреждении. В связи с этим необходимо усиление воспитательной направленности образовательного процесса в целом, его реальная направленность на личностное развитие учащихся, на удовлетворение потребностей подростка в самоутверждении, самореализации, развитии личностных качеств, а не только «натаскивания» на конкретный результат деятельности.

Выбор в пользу девиантного поведения возможен при неправильно сформированных жизненных ценностях. Их формирование происходит под воздействием всего окружения подростка. Поэтому в УДОД необходимо создавать ситуацию успеха для каждого из воспитанников, уделять повышенное внимание командной работе, пропагандировать важность правомерного поведения, здорового образа жизни, моральные, нравственные ценности, а также, несмотря на жизненные ситуации молодых людей, способствовать формированию позитивного отношения к семье и семейным ценностям. Необходимо научить подростков делать правильный выбор, развивать личностные ресурсы, формировать у них опыт активной позиции и позитивного поведения, используя при этом психологические методы.

Большинство воспитанников УДО занимаются по одному направлению деятельности. Нередки случаи, когда их обучение длится несколько лет с одними и теми же педагогами и группой. В результате ценности,

формируемые у подростка, порою затрагивают какие-то определенные аспекты. В связи с этим возникает необходимость для педагогов и тренеров привлекать несовершеннолетних к деятельности другого рода и с другими людьми (например, участие спортивной команды не только в соревнованиях, но и проведение пропагандистских акций; выезды команд в музеи, на экскурсии и использование других возможностей для разностороннего развития и обучения).

Для педагогов и руководителей УДОД необходимо предусмотреть проведение обучающих семинаров, тренингов для разных категорий работников УНПО по освоению методов профилактики девиаций подростков.

Сегодня, как никогда, важна работа, направленная на пробуждение и активизацию ценностного сознания «трудных» подростков, формирование у них критической установки по отношению к культуре, помощи им в самоопределении и формировании личностной позиции. В силу травматического жизненного опыта, они могут оказаться более восприимчивыми к такой работе, чем даже обычные школьники. Однако воспитательная работа с «законопослушной» категорией молодежи также должна оставаться одной из приоритетных задач современного общества. В противном случае, помогая реабилитироваться одним «трудным» подросткам, будет увеличиваться число других.

Список литературы

Жаровских А. Понятие преступности несовершеннолетних [Текст] / А. Жаровских // Молодой ученый. — 2014. — №4. — С. 838-840.

Климова С.В. Подростковая преступность в зеркале социологической экспертизы, СоцИс, 2006, №5, С.11-28.

Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Влияние положения семьи на преступность несовершеннолетних, СоцИс, 2005, №11, С.49-62.

Пятунин В.А. Девиантное поведение несовершеннолетних: современные тенденции / В. А. Пятунин. – Москва: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2010, С.124-130.

Разумовская Е. Н. Госпрокураура зафиксировала рост преступности [Электронный ресурс] / Е.Н. Разумовская // Известия. – 2015 – 1 сентября. – М.: Известия. RU, 2015. - Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/590416> (дата обращения: 10.09.2015).

Яковлев В.А., Киселева Т.В. Влияние учреждений дополнительного образования на формирование и проявление подростковой агрессивности // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. - 2011. - № 1. - С. 70-75.

Медведь А.А. || Медведь П. А. || Щербакова Д.В.

Стимулирование творческой активности преподавателей как процесс инвестирования в образовательный человеческий капитал России

Medved A. || Medved P. || Shcherbakova D.

Stimulation of creative activity of teachers as the process of investment in educational human capital of Russia

В статье авторы приводят результаты исследования возможностей и ограничений стимулирования творческой активности преподавателей в качестве варианта инвестирования в человеческий капитал образования. Рассматриваются личностные характеристики, которые способствуют творческой активности и мешают ей. Делается вывод, что способность к творческой активности ограничена личностными факторами преподавателей и не может быть критерием профессиональной пригодности, но требует всесторонней поддержки и системы поощрений.

In the article the authors present the results of the study opportunities and constraints to stimulate creative activity of teachers as an alternative of investing in human capital education. Discusses the personal characteristics that contribute to creative activity and prevented it. It is concluded that the capacity for creative activity is limited to personal factors of the teachers and cannot be a criterion of professional suitability, but requires the full support and reward systems.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИНВЕСТИЦИИ|| ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ|| ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ|| КРЕАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ|| ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ

KEYWORDS: INVESTMENT|| HUMAN CAPITAL|| INNOVATION DEVELOPMENT|| CREATIVE EDUCATION|| CREATIVE ACTIVITY

Основной задачей экономической политики государства является достижение максимально возможного при имеющихся ресурсах количественного и качественного экономического роста, который и

обеспечивает увеличение национального богатства, соответственно, все стимулирующие мероприятия должны обеспечивать достижение этой основополагающей цели. Устойчивый экономический рост обеспечивает продуктивный инвестиционный процесс. На сегодняшний день можно констатировать, что «фиктивный» рост, обусловленный подорожанием сырьевого экспорта, привел к развитию в РФ классического вида «голландской болезни», когда ресурсы экономики сосредотачиваются в определенных отраслях с избыточными факторами производства, тогда как остальные вынуждены обслуживать эти раздувшиеся сектора. Таким образом, важнейшей задачей на сегодняшний день является общая реструктуризация экономики России и выход ее в мировые лидеры инновационного развития. Вопросам интенсификации инвестиционного процесса в России в целях модернизации экономики уделяется достаточно много внимания, однако чаще всего имеется в виду необходимость вложений в физический капитал, между тем заявленным целям инновационного развития в большей степени соответствует политика стимулирования инвестиций в человеческий капитал, поскольку именно они способствуют качественному сдвигу в структуре национальной экономики. Опережающее инновационное развитие в условиях международных санкций и контрсанкций, подрывающих возможности международного сотрудничества, не представляется возможным без качественного улучшения внутренних факторов производства, в первую очередь – человеческого капитала.

Демографический потенциал России достаточно велик, однако основная проблема в вопросе его продуктивной реализации связана не просто с естественным приростом населения, но прежде всего с возможностью его трансформации в современный человеческий капитал. Способность или неспособность подобной трансформации порождает, в конечном счете, различные сценарии развития социально-экономической ситуации, отсутствие вложений в человеческий капитал порождает преимущественно депрессивную нестабильную экономику с высокой

безработицей и отсталой структурой хозяйствования, вложения в человеческий капитал при недостаточных инвестициях в новые рабочие места и поддержки инновационных предприятий способствует лишь эмиграции и потере затрат, одновременные вложения в человеческий капитал и создание новых рабочих мест, реализация политики максимального благоприятствования инновационному предпринимательству способствует комплексному экономическому развитию территорий, росту межрегиональной и мировой конкурентоспособности, пропорциональному росту производительности и оплаты труда. Главная особенность экономики знаний как социально-экономической системы - новый характер издержек. Издержки познания являются комбинированными (социально-рыночными) и представляют собой в условиях информационного общества, с одной стороны, преимущественно индивидуальные затраты труда на протяжении всей жизни и определяют характер самой жизни, а с другой – совокупные инвестиции общества (частные, корпоративные, государственные и т.п.) в системы образования и науки. Однако в материальные и интеллектуальные результаты они могут трансформироваться только при условии формирования соответствующей общественной кооперации, представляющей собой многоуровневую и разноплановую систему отношений, выходящих далеко за рамки чисто экономических. В основе новой экономики должен быть положен воспроизводственный подход на длительных горизонтах времен [2].

Таким образом, заявленным целям инновационного развития и модернизации экономики РФ инвестиции в человеческий капитал соответствуют в большей мере, чем вложения в капитал физический. Человеческий капитал образования представляет собой совокупность экономических отношений, возникающих в общественном производстве между его субъектами по поводу формирования, развития и потребления интеллектуальных способностей человека. Его роль в структуре человеческого капитала – особая и определяется тем, что капитал

образования занимает центральное место в структуре капитала, являясь его системообразующим фактором. Он, прежде всего, определяет динамику изменений человеческого капитала, эффективность его формирования и функционирования, воздействует на ход производства и воспроизводства, обеспечивает экономический рост и равновесие на микро, макро и мега уровнях экономики [5]. Одной из важных задач инвестирования в человеческий капитал образования РФ является стимулирование творческой активности преподавателей для формирования креативных качеств личности подрастающего поколения, поскольку именно в процессе образования развиваются способности к инновационной активности. Готовность к инновациям предполагает определенный уровень развития личностных качеств преподавателя, что и повлечет за собой применение им креативных подходов в образовательном процессе. В самом общем случае под инновационной деятельностью понимается способность человека продуктивно проектировать и осуществлять деятельность в существенно новых и изменяющихся условиях, когда ранее известные проекты и алгоритмы оказываются недостаточно продуктивными и не позволяют достичь необходимых результатов [4]. Важной составляющей системы креативного образования является постоянная готовность к изменениям и получению новых знаний. При этом само по себе креативное образование представляет собой нечто неустоявшееся и экспериментальное. *Нешаблонность мышления является одним из важнейших показателей инновационного потенциала человека. Массовое образование, разработка единых стандартов формирует трафаретное мышление толпы. Не до конца «испорченные» системой люди способны менять «правила игры» там, где остальные напрягают свои силы, чтобы поставить очередной рекорд в рамках существующих правил. Требование к современному успешному работнику быть эффективным в неопределенности – важный показатель его инновационного потенциала. Необходимость создавать свободы творческого самовыражения входит в противоречие с иллюзией*

определенности бытия. Презумпция исследователя: "Я этого не знаю", - является основной при формировании культуры поведения персонала инновационного предприятия, работающего, как правило, в условиях высокого уровня неопределенности ("все подвергай сомнению..."). В то же время любое организованное сообщество сколько-нибудь длительно эффективно функционирует только в рамках мифа: "Мы знаем..."[6]. Таким образом, воспитание нового поколения творчески мыслящих людей, обладателей качественно нового образовательного капитала, невозможно без соответствующего развития инновационной активности самих преподавателей.

В процессе экспериментального исследования факторов развития творческой активности преподавателей была выявлена исключительная важность психологических факторов успешной реализации программ креативного образования. Для анализа и интерпретации данных были использованы методы математической статистики. Следует отметить, что сложность статистической обработки данных психолого-педагогических исследований состоит в том, что база данных, как правило, характеризуется большим количеством показателей различных типов, их высокой вариативностью под влиянием неконтролируемых случайных факторов, сложностью корреляционных связей между переменными выборки, необходимостью учета объективных и субъективных факторов, влияющих на результаты диагностики, особенно при решении вопроса о репрезентативности выборки и оценке гипотез, касающихся генеральной совокупности. Данные исследований по их типу были разбиты на две группы. Первая - это номинальные переменные (пол, возраст, стаж работы и т. д.). Арифметические операции над такими величинами не имеют смысла и результаты описательной статистики (среднее, дисперсия) к таким величинам неприменимы. Классический способ их анализа - деление на кластеры относительно номинальных признаков и проверка значимых различий по классам. Вторая группа - количественные переменные, отражающие степень

выраженности измеряемой компоненты творческой активности преподавателя. Числовые значения получаются в результате тестирования факторов, влияющих на творческую активность и ее компонент.

При работе с переменными метрической группы применимы все стандартные виды анализа, и при достаточном объеме выборки их распределение обычно близко к нормальному.

Одной из главных целей исследования являлся анализ изменений измеряемых компонент творческой активности преподавателя, происходящих в период повышения квалификации в условиях образовательных учреждений, оценка значимости и направленности этих изменений и выявление основных факторов, влияющих на процесс.

Процедура анализа проходила в четыре этапа:

Подготовка базы данных к анализу. Этот этап включает в себя конвертацию данных в электронный формат, их проверка на наличие выбросов.

Описательные статистики (вычисление средних, дисперсий, асимметрии и эксцесса, центральных моментов, при необходимости моды, медианы, квартилей распределения и разброса, матриц ковариации и корреляции и т.д.). Результаты описательной статистики определяют характеристики параметров анализируемой выборки.

Первичный анализ. Задачей данного этапа является содержательное исследование различных групп показателей выборки, их взаимосвязей, выявление основных явных и скрытых (латентных) факторов, влияющих на данные, отслеживание изменений показателей, их взаимосвязей и значимости факторов при делении базы данных по возрасту, стажу, специализации и т. д. Инструментом исследования являются различные методы и технологии корреляционного, факторного и кластерного анализа. Целью анализа является формулировка гипотез, касающихся как данной выборки, так и генеральной совокупности.

Детальный анализ полученных результатов и статистическая проверка выдвинутых гипотез. На этом этапе проверяются гипотезы относительно видов функции распределения случайных переменных, значимости различий средних и дисперсий в подвыборках, т.е. их однородности, значимости различий корреляционных матриц и факторных нагрузок в факторном представлении в подвыборках, интерпретация латентных факторов и т.д. Строятся доверительные интервалы для средних, дисперсий и коэффициентов корреляции, применяются подходящие критерии согласия. Используются методы дисперсионного, факторного и регрессионного анализа. При обобщении результатов исследования решается вопрос о репрезентативности выборки.

Отметим, что такая последовательность действий не является хронологической, за исключением первого этапа. По мере получения результатов описательной статистики и выявления тех или иных закономерностей возникает необходимость проверить возникающие гипотезы и сразу перейти к их детальному анализу, так что весь спектр исследований может проводиться одновременно или в режиме итерационного взаимодействия: результаты реализации более поздних этапов исследования могут содержать выводы о необходимости возвращения к предыдущим этапам.

Одной из главных целей исследования являлся анализ изменений измеряемых компонент творческой активности преподавателя, происходящих в период повышения квалификации в условиях образовательных учреждений, оценка значимости и направленности этих изменений и выявление основных факторов, влияющих на процесс. Для проверки гипотез о взаимосвязях между зависимой переменной «творческая активность» и выделенными нами пятью факторами был использован метод корреляционного анализа. В результате проведенного анализа были получены коэффициенты корреляции, являющиеся мерой прямой или обратной пропорциональности между одной независимой и зависимой

переменной. Коэффициент корреляции чувствителен к связи только тогда, когда исследуемая связь является монотонной, т.е. не меняет своего направления по мере увеличения значений одной из переменных. Определить силу связи мы можем по величине коэффициента корреляции, которая лежит в диапазоне от 0 до 1, а направление связи определяем по знаку полученного коэффициента. Если знак коэффициента положительный, то существует прямая связь между переменными, т.е. с ростом значений независимого фактора наблюдается рост значений зависимой переменной. Если же знак коэффициента отрицательный, то подтверждается обратная связь. Надежность связи определяется р-уровнем статистической значимости. Чем меньше р-уровень, тем выше статистическая значимость [3]. Статистическая гипотеза о связи двух метрических переменных проверяется в отношении коэффициента корреляции г-Пирсона. Обработку данных была проведена с помощью статистической программы SPSS. Основные результаты вычислений представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа

		Творческ ая активность
Стаж	Корреляция Пирсона	0,093
Мотив	Корреляция Пирсона	0,458
Мышление	Корреляция Пирсона	0,199
Компетентность	Корреляция Пирсона	0,244
Толерантность к неопределенности (ТН)	Корреляция Пирсона	0,742
Творческая	Корреляция	1

активность (ТА)	Пирсона	
-----------------	---------	--

На выборке в количестве N=183 преподавателя различных специализаций были измерены пять показателей творческой активности [3], а именно: мотивационная направленность на творчество, обозначенный как «Мотив», дивергентное мышление, обозначенный как «Мышление», толерантность к неопределенности, обозначенный как «ТН», абнотивность, обозначенный как «Компетентность», педагогический стаж, обозначенный как «стаж».

На основании р-уровня статистической значимости можно делать содержательный вывод о том, что обнаружена статистически достоверная взаимосвязь для метрических переменных, таких как «мотив», «мышление», «компетентность», «толерантность к неопределенности» с зависимой переменной «творческая активность» преподавателя. Таким образом, обнаружены значимые корреляции для вышеуказанных переменных на уровне $p=0,01$. Однако не обнаружена статистически достоверная связь между переменными «стаж» и «творческая активность» преподавателей.

Итак, обнаружена достоверная связь переменных «мотив» и «творческая активность» преподавателей ($r=0,458$, $N=183$). Данная связь переменных является достаточно сильной и положительной. Полученные результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что увеличение показателей независимой переменной «мотив», являющейся показателем компоненты «мотивационная направленность на творческую деятельность», ведет к росту творческой активности преподавателей.

Связь переменных «мышление» и «творческая активность» также является достоверной. Данная взаимозависимость переменных ($r=0,199$, $N=183$) является положительной, но слабой. По смыслу это означает, что увеличение показателей независимой переменной «мышление», являющейся показателем компоненты «дивергентное мышление», ведет к слабому росту творческой активности преподавателей.

Достоверная связь переменных «компетентность» и «творческая активность» преподавателей ($r=0,244$, $N=183$) является слабой и положительной. Полученные результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что увеличение показателей независимой переменной «компетентность», вызовет слабый рост показателей творческой активности преподавателей.

Обнаруженная связь переменных «толерантность неопределенности» и «творческая активность» преподавателей ($r=0,742$, $N=183$), является положительной и самой сильной среди остальных. Полученные результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что увеличение показателей независимой переменной «ТН», являющейся показателем компоненты «толерантность к неопределенности», ведет к существенному росту творческой активности преподавателей.

Проведенный с помощью методов математической статистики анализ экспериментальных данных показывает, что основными факторами, детерминирующими развитие творческой активности преподавателей, являются «мотивационная направленность на творческую деятельность» и «толерантность к неопределенности». Таким образом, педагогическая готовность к инновациям предполагает определенный уровень развития личностных качеств преподавателя, что и повлечет за собой применение им творческих подходов в образовательном процессе. Конативные качества личности могут как способствовать, так и препятствовать эффективному использованию когнитивных компонентов личности в творческом процессе. При этом наиболее значимой личностной чертой характера, способствующих продуктивной творческой деятельности, является фактор толерантности к неопределенности – устойчивая личностная черта, которая понимается как общий способ реагирования на ситуации неопределенности и пребывания в них. В общем случае она рассматривается как биполярное измерение, на одном полюсе которого находится принятие неопределенности, а на другом - неспособность переносить неопределенность [7]. Таким образом, взгляд на

природу креативности, согласно которому степень творческого потенциала описывается как показатель реальных различий между людьми и представляет собой разную степень готовности к отказу от стереотипов, находит свое подтверждение.

В силу вышеизложенного можно сделать вывод о том, что что инновационно-креативная компетентность не может стать требованием профессиональной пригодности преподавателей, поскольку это является особым талантом, которым не обязаны обладать все без исключения работники образования. В то же время необходимо устанавливать систему поощрений для преподавателей, которые, обладая творческими компетенциями и психологической устойчивостью, осуществляли бы работу по выявлению так же одаренных учащихся и дальнейшему их сопровождению при поддержке психологических служб учебного заведения. При этом уместны самые разнообразные формы взаимодействия подобных групп – индивидуальное взаимодействие, работа в малых группах, внеаудиторные мероприятия и т.п.

Экономика знаний, креативные отрасли требуют качественно новой подготовки специалистов, представляющих собой человеческий капитал страны. Инвестиции «в человека», в образование являются долгосрочными стратегическими вложениями, но именно они дают в будущем устойчивый эффект поступательного экономического развития. Необходимость трансформации национального хозяйства от традиционно-промышленного экономического уклада к принципам новой информационно-креативной экономики требует перехода к новой личностной парадигме обучения, в рамках которой творческий потенциал преобразуется в продуктивную способность получать новые знания и создавать передовые технологии [2]. При этом необходимо взвешенно подходить к возможностям и ограничениям стимулирования творческой активности преподавателей, которые обусловлены психологическими факторами. Решение данного вопроса требует тщательной проработки алгоритма проведения подобных экспериментов с обязательным психологическим сопровождением.

Литература

Вербицкий А.А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение. - М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1999.

Медведь А.А., Медведь П.А. Институт креативного образования как способ инвестирования в человеческий капитал РФ // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». - №4(23). - СПб: Издательство НИУ ИТМО, 2015. –с.136-144.

Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям психологии. – СПб.: Речь, 2007.

Пономарева Е.Н. Инновационно-креативная компетентность в структуре профессиональной деятельности преподавателя // Высшее образование сегодня.-2010.-№2.

Человеческий капитал России: выбор модели развития (коллективная монография) / под ред. И. В. Ильинского. – СПб.: СПГУТД, 2006

Щербакова, Д. В. Ключевые показатели инновационного потенциала молодых сотрудников / Традиции и инновации организации работы с молодежью: матер. междун. научно-практ. конф. Санкт-Петербург, 19-21 ноября 2015г. / под ред. Г. В. Ковалевой – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2015. – с. 412-415

Sternberg R. J., Lubart T. I. The concept of creativity: Prospects and Paradigms / The UK: Cambridge University Press, 1999.

УДК 316.45

ББК 60.56

Н.В. Меньшенина|| А.А.Фишер

Университет и качество образовательной услуги в оценках студентов

N.V. Menshenina|| A.A.Fisher

University and the quality of educational services in the assessment of
students

На основании результатов социологического исследования студентов анализируется их удовлетворенность различными показателями работы вуза. Выявлены парадоксы восприятия специальности и оценки работы университета по различным направлениям. При высоком уровне удовлетворенности университетом (организацией учебного процесса, внеучебной деятельности и перспектив работы по осваиваемой специальности) студенты имеют недостаточно четкое представление о рынке труда, требованиях работодателей и содержании труда.

Based on the results of sociological research of students analyzed their satisfaction with various indicators of university work. Revealed the paradoxes of perception and evaluation of the specialty of the university in various fields. At a high level of satisfaction with the university (organization of educational process, social and event activities and work prospects for specialty) students do not have a sufficiently clear picture of the labor market, employers' requirements and the content of labor.

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ УСЛУГИ|| ПЕРСПЕКТИВЫ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ|| ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ И СПЕЦИАЛЬНОСТИ||
ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА

THE QUALITY OF EDUCATIONAL SERVICES|| THE PROSPECTS OF
SPECIALITY|| THE ATTITUDE TO LABOR AND SPECIALITY|| THE
ESTIMATION OF UNIVERSITY ACTIVITY

В современных условиях переоценки роли и места образования в жизни человека роль Университета как организации, создающей

возможность получить высшее образование, также меняется. «На сегодняшний день образовательным учреждениям всех уровней системы образования необходимо признать свое значение в качестве субъектов рыночных отношений и уделять должное внимание качеству предоставляемых услуг, отражающих как интересы обучающихся, так и запросы общества и государства». [3, с.65]

Большое значение при этом приобретает мнение студентов – получателей образовательной услуги. В современных условиях молодежь практически не имеет альтернативы высшему образованию: низкий престиж рабочих профессий, которые «утратив свою значимость и престиж в перестроечное время, продолжают находиться на периферии социальных отношений» [2, с. 68], а также требования работодателей определяют приоритет высшего образования сначала в сознании родителей, а потом и выпускников школ. Таким образом, молодые люди хотят получить действительно качественное образование, которое даст им гарантии трудоустройства, повысит их конкурентоспособность как специалиста на рынке труда.

По нашему мнению, оценка деятельности университета может производиться по ряду показателей, характеризующих как организационную составляющую образовательного процесса (включает удовлетворенность качеством получаемых знаний, квалификацией профессорско-преподавательского состава, расписанием занятий, организацией учебной, производственной практикой студентов и др.), внеучебные показатели, такие как социально-психологический климат в группе, качество различных культурно-массовых мероприятий, так и в целом отношение к получаемой специальности, оценка возможностей дальнейшего трудоустройства.

С целью определения удовлетворенности студентов различными показателями деятельности университета и, следовательно, качеством получаемой образовательной услуги в ноябре-декабре 2015 года нами было проведено социологическое исследование студентов Уральского

государственного университета путей сообщения (УрГУПС).¹ В исследовании приняло участие 372 студента очной формы обучения всех факультетов (на основе квотной выборки).

Как уже было сказано, мы рассматривали удовлетворенность студентов деятельностью университета по трем направлениям работы: организационной, внеучебной и профессиональной. Рассмотрим их более подробно.

1. Оценка удовлетворенности организацией учебного процесса.

По нашему мнению, одним из важнейших показателей оценки организации учебного процесса в вузе являются: удовлетворенность уровнем и качеством преподаваемых дисциплин, а также соотношением теоретических и практических занятий, профессорско-преподавательским составом, материально-технической базой, расписанием занятий.

Как показало исследование, более 90% всех опрошенных удовлетворены уровнем и качеством преподаваемых дисциплин, при этом количество студентов, удовлетворенных этим показателем, к окончанию срока обучения увеличивается (с 87,5% на первом курсе до 89,5% у пятикурсников). Существенно снижается число тех, кто затруднился с ответом на этот вопрос (с 16,7% у студентов 1 курса до 5,6 у студентов 5 курса). При этом показатель удовлетворенности не связан с успеваемостью студентов, их курсом и специальностью, что говорит о высоком уровне и качестве преподавания дисциплин по всем специальностям университета.

Соотношение теоретических и практических занятий в общем объеме аудиторной работы также оценивается студентами как оптимальное. Студенты считают, что теоретические знания должны быть подкреплены практическими и предоставляться в равном соотношении. Так, в УрГУПС этому утверждению соответствуют занятия распределение учебной нагрузки у студентов 1 и 5 курсов (33,7% и 44,4% соответственно). На третьем курсе

¹ Авторы выражают благодарность кандидату социологических наук, доценту Шестопаловой О.Н., старшему преподавателю Окуновой Т.В., кафедра «Управление персоналом и социология», УрГУПС за помощь в организации социологического исследования и подготовке материалов к публикации.

наблюдается преобладание практических навыков над теоретическими (33,3%), а на четвертом (студенты-бакалавры) наоборот – теоретических над практическими (42,1%). Что касается конкретно практик, то тут все курсы остались при едином мнении. Большинство студентов УрГУПС удовлетворены учебными практиками. Также более 80% студентов всех курсов и специальностей отметили, что удовлетворены преподавательским составом вуза.

Расписание – важный аспект оценки работы университета, так как от удобства расписания зависят такие показатели как посещаемость занятий и возможность совмещения учебы с работой. По результатам исследования было выявлено, что не все студенты удовлетворены расписанием. Так, на 4 курсе всего 15,8% опрошенных отметили, что их полностью устраивает расписание занятий. 17% студентов 3 курса, 26% студентов 4 курса и 28% 5 курса высказались в пользу того, что им скорее не нравится удобство расписания.

Причина низкой удовлетворенности расписанием может быть в том, что студенты УрГУПС с 3 курса начинают учиться во вторую смену, что осложняет возможности совмещения работы и учебы.

Без материально-технического оснащения университет не может разнонаправленно доносить информацию до студентов, использовать различные способы ее передачи. С помощью современной компьютерной техники и различных новых способов донесения информации, например, интернет-ресурсы, студенты могут углубляться в различные предметы без препятствий. В УрГУПС помимо оснащения учебных аудиторий мультимедийной техникой используется образовательная среда BlackBoard, которая обеспечивает доступ к необходимым материалам посредством интернет-подключения, что существенно расширяет возможности освоения учебного материала. Это подтверждают и ответы респондентов: 80% всех опрошенных удовлетворены материально-техническим оснащением учебного процесса в вузе, а по сравнению с 2014 годом число опрошенных,

которых полностью удовлетворяет уровень материально-технической базы, возросло в среднем на 3%.

2. Оценка удовлетворенности организацией внеучебной деятельности.

Не менее важным вопросом является атмосфера в УрГУПС (морально-нравственная, этическая, атмосфера для общения и развития своих способностей). Безусловно, благоприятная атмосфера в ВУЗе положительно влияет на посещаемость занятий, успеваемость студентов.

Общественная жизнь позволяет раскрыть способности и таланты студентов во внеучебной деятельности, помогает развивать в них лидерские, коммуникативные, актерские, спортивные и другие навыки. Так, большинство студентов 3,4,5 курсов сошлись во мнении, что в ВУЗе создана атмосфера благоприятная для обучения (46,2%, 47,1%, 50% соответственно). Как благоприятные они оценивают условия для обучения в академической группе (более 75% всех опрошенных отметили, что им нравятся студенты их группы) и более 85% оценивают свою удовлетворенность общественной жизнью университета как высокую.

Результаты исследования также показали, что с увеличением курса уровень вовлеченности во внеучебную деятельность университета падает. Возможно, это обуславливается тем, что студенты старших курсов уделяют больше времени учебе, написанию диплома и работе, вследствие чего у них не остается времени на общественную жизнь.

3. Оценка удовлетворенности выбранной специальности.

Одна из показательных характеристик – это актуальность специальностей в вузе. Поступающие и обучающиеся в университете студенты обращают внимание на те специальности, которые наиболее актуальны на рынке труда, иначе в дальнейшем могут возникнуть трудности при поиске работы. Несмотря на то, что «школьники и студенты получают представление о значимости отдельных профессий от родителей, сверстников, средств массовой информации, а не от людей, которые в

современной экономической ситуации в стране определяют ценность знаний и умений специалиста», а «современный бизнес пока не стал ведущим субъектом выработки ориентаций подрастающего поколения на будущую трудовую деятельность» [1, с.34] более 70% опрошенных студентов считают, что работа по специальности будет интересной, обеспечит им стабильный доход, даст чувство уверенности. При этом количество студентов, удовлетворенных получаемой специальностью, на выпускных курсах выше, чем на младших. Также мы отметили, что студенты технических специальностей выпускных курсов удовлетворены своей специальностью больше, чем выпускники факультета экономики и управления.

После окончания вуза большинство студентов старших курсов (с 3 по 5) собираются устроиться на работу по специальности, а так же 31% из числа работающих студентов 1 курса и 40% 5 курса уже работают по специальности, совмещая работу с учебой. Помимо этого, более 68% студентов всех курсов заинтересованы в своей специальности.

Интересен тот факт, что около 30% опрошенных студентов отметили, что не имеют четкого представления о работе по получаемой специальности, несмотря на высокие показатели удовлетворенности ею. При этом осведомленность о работе по получаемой специальности у студентов факультета экономики и управления выше, чем у студентов технических специальностей. По нашему мнению, это связано с тем, что студенты, обучающиеся на технических специальностях, имеют ограниченные возможности совмещать учебу и работу по той специальности, которой они обучаются в вузе или не имеют ее вовсе.

Еще одним из важных аспектов при выборе вуза является предоставление студентам возможности трудоустройства после его окончания. Абитуриенты смотрят в будущее и им необходима надежность. Если университет предоставляет возможность трудоустройства после его окончания, значит его выпускники востребованы, а качество преподаваемых

знаний находится на должном уровне. УрГУПС предоставляет такую возможность, о чем можно судить по результатам исследования.

Университет удовлетворяет основным требованиям главных потребителей образовательной услуги – студентов университета. Они удовлетворены качеством знаний и материально-техническим оснащением университета, морально-нравственной атмосферой и уровнем организации внеучебной деятельности. Им нравится специальность, по которой они обучаются. Их радуют перспективы трудоустройства, а также уровень будущего дохода и качество жизни, но при этом довольно большое количество студентов не имеют достаточно четкого представления о получаемой специальности.

Несмотря на то, что именно студенты являются потребителем образовательной услуги, полностью ориентироваться на их мнение в оценке деятельности университета нельзя, так как они не могут в полной мере оценить потребности рынка и работодателей. Их представления о профессии сформированы средствами массовой информации, а не профессиональным и научным сообществами. Требуется большая работа по информированию населения о том, специалисты каких специальностей и какого качества нужны современным работодателям.

По нашему мнению, это также говорит о том, что само по себе высшее образование воспринимается студентами лишь как гарантия трудоустройства, а сами знания, умения и навыки, получаемые в процессе обучения, не являются обязательными и необходимыми при последующем профессиональном становлении выпускника в постоянно меняющейся внешней среде. Но, несмотря на это, студенты осознают, что им нужна хорошая база для дальнейшего профессионального развития и Университет им эту базу обеспечивает.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Меренков А.В. Особенности и проблемы формирования

профессиональных ориентаций учащейся молодежи // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 6. С. 31-37.

Окунева Т.В. Особенности культуры труда современных рабочих // Дискуссия. 2014. №6 (47). С.62-69

Сухова О.В., Шестопалова О.Н. Реализация качества образовательной услуги в рамках внедрения эффективного контракта // Дискуссия. 2015. № 6 (58). С.65-73

УДК: 316.772.5

ББК: 74.66

Минина, А.М.

Система «преподаватель-студент»: коммуникация в социальной сети

Minina, A.

«Teacher-student» system: communication in the social network

Работа посвящена рассмотрению процесса коммуникации в системе «преподаватель-студент», реализованного средствами современных информационно-коммуникационных технологий, в частности социальных сетей. Дано определение понятию «система преподаватель-студент» и приведены составляющие элементы и структура данной системы.

The research is devoted to the process of communication in the «teacher-student» system, which was implemented by means of modern information and communication technologies, social networks in particular. This article defines the notion of the «teacher-student system» and shows the components and structure of this system.

ВИРТУАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА|| СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ || ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ || КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

VIRTUAL LEARNING ENVIRONMENT|| SOCIAL NETWORKS || TEACHER INTERACTION || COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION

Актуальность исследования процесса коммуникации в системе «преподаватель-студент», реализованного средствами современных информационно-коммуникационных технологий, в частности социальных сетей, обусловлена, во-первых, освоением отечественной школой современной гуманистической парадигмы, во-вторых, необходимостью и

возможностью освоения новых образовательных технологий в социальном виртуальном пространстве студента, в-третьих, важностью многофакторного взаимодействия студентов, администрации и преподавателей вуза в образовании.

Цель исследования – проанализировать процесс коммуникации в системе «преподаватель-студент», реализованный средствами социальных сетей.

Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть такие понятия как «система преподаватель-студент», «коммуникация», «социальная сеть».

В процессе изучения научной литературы мы не встретили определения понятия «система преподаватель-студент». В то же время, в ряде исследований [0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0] авторами (Н. А. Барская, 2008; Л. А. Ларионова, Т. А. Жданко, 2014; Н. Б. Овчаров, 2007; О. А. Пустовая, Е. А. Пустовой, С. Ю. Чуйкова, 2014; В. В. Спивакова, 2008; Е. В. Хохлова, 2011; Е. А. Чиркина, С. Л. Копотев, 2012; А. П. Шмакова, 2005; М. Р. Юлдашева, 2012) используется дефиниция применительно к взаимодействию преподавателей и студентов. Поэтому для анализа процесса коммуникации в системе «преподаватель-студент» считаем важным выявить сущность данной системы.

Понятие «система» определяется как «множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство» [0]. Е. Б. Агошкова (1998) считает, что «определение системы должно включать не только совокупность, композицию из элементов и отношений, но и целостное свойство самого объекта, относительно которого и строится система» [0, с.178].

Вместе с тем, В. С. Безрукова (2000) уделяет внимание важности средового компонента: «для системы характерно наличие компонентов, связей (структуры) между ними, наличие ведущего звена, неразрывное единство со средой, во взаимоотношениях с которой система выражает свою

целостность» [0, с.713]. Также она выделяет особенности педагогических систем, которые состоят из подсистем, включающих людей, процессы, предметы, действия, и пишет: «в этих системах поведение каждого элемента влияет на поведение всех и систему в целом» [там же].

Исходя из сказанного, мы предположили, что система «преподаватель-студент» включает в себя следующие элементы: преподаватель, студент (и/или группа студентов) и образовательная среда. И тогда формулируем определение *системы «преподаватель-студент» - совокупность отношений преподавателя, студента (группы студентов) и образовательной среды, образующая единство преподавания и учения.*

Приведем структуру данной системы для дальнейшего рассмотрения процесса коммуникации в ней:

участники образовательного процесса: преподаватель, студент (и/или группа студентов);

взаимоотношения преподавателя, студента (группы студентов);

коммуникация между всеми участниками образовательного процесса;

совместная деятельность преподавателя и студента (группы студентов);

образовательная среда, которая должным образом обеспечит выполнение процесса обучения.

Исходя из предмета нашего исследования, подробно остановимся на третьем пункте предложенной нами структуры, при этом воспользуемся определением И. Н. Деминой (2012): «Коммуникация – это смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия. Коммуникативными называются действия, сознательно ориентированные на их смысловое восприятие. Основная функция коммуникации – достижение социальной общности при сохранении индивидуальности каждого ее элемента» [0, с.163]. Автор приводит структуру простейшей коммуникации:

- 1) как минимум двух «участников-коммуникантов»;
- 2) ситуацию (или ситуации), которую они стремятся осмыслить и понять;

- 3) тексты, выражающие смысл ситуации в языке;
- 4) мотивы и цели, делающие тексты направленными, т.е. то, что побуждает субъектов обращаться друг к другу;
- 5) процесс материальной передачи текстов.

Заметим, что впервые к исследованию феномена коммуникации обратилась философия еще до XX в. Но тогда исследования ограничивались происхождением социальных норм, морали, права и государства (теория общественного договора) и наличными средствами организации самой философской коммуникации (проблема диалога). В современной философии возникло новое направление – медиафилософия [6]. Она изучает место и роль коммуникации и коммуникативных технологий в общественных сферах, изменение которых связано с интенсивным развитием средств коммуникации.

В начале XX в. коммуникация становится предметом изучения не только философии, но и социальных наук. Если философы рассматривают коммуникацию в общем смысле, то социологи исследуют *коммуникацию социальную*, которую определяют как *интердисциплину, изучающую процессы распространения и циркуляции информации в обществе* [5, с.163].

Выделение уровней коммуникации мы встретили у И. Н. Деминой [там же], которая называет пять уровней:

1. Коммуникации интраперсональные как «разговоры с самим собой», процессы обработки информации индивидом.
2. Коммуникации интерперсональные как межличностное взаимодействие.
3. Коммуникации групповые как исследования групповой динамики, к ним относятся и исследования институциональной (организационной) коммуникации.
4. Коммуникации массовые как сообщения, направляемые массовой аудитории через средства массовой информации, часто с политическими или коммерческими целями.

5. Коммуникации, изучающие обмен сообщениями с объектами, не являющимися людьми, в первую очередь, с машинами, компьютерами. К примеру, компьютерные игры, пользование банкоматами и т.д.

Что касается социальных сетей, то они, являясь уникальным феноменом современного общества, включает все пять уровней коммуникации. Говоря о генезисе социальных сетей, отметим, что коммуникационные технологии возникли с появлением письменности. Так считает И. А. Пестрякова, и их развитие продолжается в настоящее время [0, с.78]. Также социальные сети изучаются социологией. Впервые понятие социальной сети было введено в научный оборот как аналитическое Д. Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе» (1954). Он сказал следующее: «каждый человек имеет определенный круг друзей, и эти друзья, в свою очередь, имеют собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие нет. Я счел удобным говорить о такого рода социальных полях как о сетях. Под этим мне видится система точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками этой системы являются люди, и линии соединения этих точек указывают, какие люди взаимодействуют друг с другом» [цит. по: 0, с.68].

Проводя дальнейшее исследование, мы установили, что А. И. Шипицин выделяет две дефиниции социальной сети: интернет-сайт (сервис) и влиятельные объединения, клубы, сообщества людей [0]. Это направляет наше исследование в русло анализа интернет-сайтов и сообществ людей, в частности преподавателей и студентов. Следуя Л. А. Биткову, в своем анализе исходим из принятия тезиса о том, что «социальная сеть (в Интернете) – это автоматизированный, интерактивный, многопользовательский сервис, созданный для взаимодействия людей в группе или группах, в основе которого лежат система «друзей» и система «комьюнити»; контент сервиса загружается самими участниками сети» [0, с.36].

Если говорить о значимости для пользователей социальных сетей, то, по мнению В. А. Сергодеева, «социальные сети способствуют, во-первых, организации коммуникаций между людьми, во-вторых, реализации их базовых потребностей» [0]. Для сетевой коммуникации он выделяет ряд специфических черт: *виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность и мозаичность*. Считая названные черты ценным ориентиром для дальнейшего исследования, охарактеризуем их в формулировке автора: «Виртуальность - это характеристика символической реальности, противопоставленной объективному миру и замещающей его с помощью образов, симуляторов и аналогов. Интерактивность связана с ориентацией на индивидуальное и избирательное использование информации. В основе гипертекстуальности лежит представление о тексте, который позволяет пользователю самому моделировать и организовывать текстовое пространство удобным для него образом. Глобальность коммуникации определена предельным расширением того пространства, в котором происходят различные виды общения. Креативность обусловлена тем, что виртуальное пространство предоставляет человеку максимум возможностей для конструктивной деятельности, позволяя изобретать множество самопрезентаций. Анонимность социосетевой коммуникации способствует созданию непринужденной атмосферы для самопрезентации. Мозаичность коммуникации основана на отсутствии упорядочивающего центра и упорядочиваемой периферии, в силу чего социокультурное пространство неизбежно образует в некотором роде хаотичные (мозаичные) структуры» [там же].

Итак, сказанное позволяет говорить о том, что социосетевые коммуникации выполняют большое количество функций, позволяя обмениваться данными, получать актуальные новости, ориентироваться в больших объемах информации, самосовершенствоваться, а также интегрироваться в выбранное сообщество. Особенности и функции

коммуникации в социальной сети позволяют использовать ее в гуманистическом подходе в образовании. Важно подчеркнуть характер данной коммуникации – компьютерно-опосредованный, т.е. обмен письменными сообщениями, общение и установление теле-визуальных связей происходит с помощью компьютеров и коммуникационных сетей данных [0, с.67].

Рассмотрим особенности компьютерно-опосредованной коммуникации в отношении каждого элемента системы «преподаватель-студент».

Для педагога необходимым является постоянное конструктивное и эффективное взаимодействие с участниками образовательного процесса, традиционно – со студентами, коллегами, администрацией, а ввиду изменяющейся коммуникативной среды учебных заведений – с компьютерными специалистами (технический персонал, администратор локальной сети и др.). Тогда, по мнению И. Н. Розиной, «современному преподавателю необходимо наличие умений и навыков, готовность строить эффективную коммуникацию с другими людьми, непосредственно участвующими в педагогическом процессе (коллеги, студенты), и поддерживающих, администрирующих процесс обучения в электронной среде (администраторы, технический персонал), а также управляющих учебным заведением, системой образования (администрация учебного заведения, управляющих органов)» [0, с.263].

Студенту также необходимо уметь строить свою коммуникацию с другими участниками педагогического процесса в целях образования – с однокурсниками, преподавателями, а также с техническим персоналом, администрацией. На взгляд И. Н. Розиной, «получение и развитие этих навыков возможно только в ходе активной деятельности, включающей разнообразные формы компьютерно-опосредованной коммуникации (межличностная, групповая, межкультурная)» [там же].

В отношении образовательной среды, как третьего элемента системы «преподаватель-студент», согласно нашему определению, компьютерно-

опосредованная коммуникация меняет привычное восприятие пространства и времени, освобождает от сдерживающего фактора единого для участников образовательного процесса места и времени. Такое свойство основано на технической возможности компьютеров сохранять сообщения до удобного для пользователя момента обращения к ним при использовании асинхронных технологий (чат, электронная почта, сообщения в сети, виртуальная доска, веб-сайт, блог и пр.). Вследствие этого педагогическая коммуникация реализуется в среде с другими пространственно-временными характеристиками, формируемыми соответствующими информационно-коммуникационными технологиями (текстовая, звуковая, телевизионная, компьютерная), отличающимися от традиционных учебных сред [0, с.282].

И. Н. Розина делит компьютерно-опосредованные коммуникации на технологии синхронной, онлайн-овой (переписка в реальном времени, чат, сообщения социальных сетей и ICQ) и асинхронной, офлайн-овой коммуникации (сообщение отправлено и получено в различное время: электронная почта, телеконференции) [там же].

Отметим и такое важное для образовательной среды и образовательного процесса отличие – компьютерно-опосредованные технологии не требуют обязательного присутствия в одном и том же месте (виртуальном или реальном) всех участников процесса обучения.

Последуем И. Н. Розиной, которая приводит комбинацию пространственно-временных параметров интернет-технологий, различающихся с точки зрения проведения процесса компьютерно-опосредованной коммуникации. И еще также назовем инструменты, с помощью которых реализуются те или иные комбинации пространственно-временных параметров в рамках образовательного процесса в социальной сети:

одно время / одно местонахождение (виртуальное, киберместо) – чат – синхронная коммуникация;

одно время / разное местонахождение – мгновенные сообщения – синхронная коммуникация;

разное время / одно местонахождение (виртуальное, киберместо) – сообщения и комментарии на «стене» личной страницы или группы изучаемой дисциплины – асинхронная коммуникация;

разное время / разное местонахождение – сообщения в личном кабинете – асинхронная коммуникация.

Таким образом, средства современных информационно-коммуникационных технологий, в частности социальных сетей, позволяют вывести коммуникацию в системе «преподаватель-студент» на качественно новый уровень. Это достигается за счет расширения возможности взаимодействия всех элементов системы, не только в одном пространственно-временном измерении, но в четырех возможных.

Считаем, что цель, поставленная в данной статье, достигнута: проведен анализ процесса коммуникации в системе «преподаватель-студент», который реализуется средствами социальных сетей. Новизной нашего подхода является уточнение на основе изученной научной литературы понятия «система преподаватель-студент». Полагаем, что результаты проведенного анализа и уточнение ключевого понятия помогут в дальнейшей работе над педагогическим проектированием инновационной (виртуальной) образовательной среды в системе «преподаватель-студент», в том числе ориентируют на разработку и апробацию соответствующей структурно-функциональной модели.

Библиографический список

Агошкова Е. Б. Эволюция понятия системы / Е. Б. Агошкова, Б. В. Ахлибининский // Вопросы философии. –1998. – № 7. – С. 170-179.

Барская Н. А. Взаимодействие преподавателя и студента в системе оценки качества подготовки специалистов / Н. А. Барская // Среднее профессиональное образование. – 2008. – №12. – С.86-88.

Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В. С. Безрукова. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 937 с.

Битков Л. А. Социальные сети: между массовой коммуникацией и межличностным общением / Л. А. Битков // Вестник ЧелГУ . – 2012. – №28 (282). – С.36-38.

Демина И. Н. Экономическая коммуникация. Обоснование термина / И. Н. Демина // Известия ИГЭА. – 2012. – №1. – С.162-166.

Ларионова Л. А. Взаимодействие в системе «Преподаватель-студент» как условие формирования профессиональных ценностей / Л. А. Ларионова, Т. А. Жданко // Magister Dixit . – 2014. – №3 (15). – С.74-80.

Медиафилософия VII. Медиареальность субъекта / Под редакцией В. В. Савчука, М. А. Степанова. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2011. – 260 с.

Овчаров Н. Б. Инновационные системы взаимодействия «Студент-преподаватель» / Н. Б. Овчаров // Вологдинские чтения . – 2007. – №65. – С.95-96.

Пестрякова И. А. Междисциплинарный подход к определению термина «Социальные сети» / И. А. Пестрякова // МНИЖ. – 2012. – №7-2 (7). – С.78-79.

Пустовая О. А. Использование дистанционных методов обучения в системе студент-преподаватель / О. А. Пустовая, Е. А. Пустовой, С. Ю. Чуйкова // Сборники конференций НИЦ Социосфера . – 2014. – №19. – С.65-68.

Розина И. Н. Педагогическая коммуникация в электронной среде: теория, практика и перспективы развития / И. Н. Розина // Образовательные технологии и общество . – 2004. – №2. – С.257-269.

Розина И. Н. Компьютерно-опосредованная коммуникация: конструирование и адаптация в образовании / И. Н. Розина // Образовательные технологии и общество. – 2006. – №2. – С.277-286.

Сергодеев В. А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики / В. А. Сергодеев // Вестник АГУ. – 2013. – №1 (113). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/setevye-internet-soobschestva-suschnost-i-sotsiokulturnye-harakteristiki> (дата обращения: 20.02.2016).

Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров ; редкол. А. А. Гусев, И. Л. Кнунянц, М. И. Кузнецов [и др.] .— Изд. 4-е. — М. : Советская энциклопедия, 1987 .— 1599 с.

Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

Спивакова В. В. Педагогическое общение в системе «Преподаватель студент» / В. В. Спивакова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена . – 2008. – №76-2. – С.247-250.

Стриженко А. А. Виртуальные сообщества как участники компьютерно-опосредованной коммуникации / А. А. Стриженко // МНКО. – 2010. – №3. – С.67-69.

Хохлова Е. В. К вопросу гуманизации образования в системе «Студент-преподаватель» / Е. В. Хохлова // Альманах современной науки и образования . – 2011. – №6. – С.176-177.

Чиркина Е. А. Диагностика, описание и опыт исследования субъект-субъектного взаимодействия в системах «Преподаватель - студент», «Преподаватель - студенты» / Е. А. Чиркина, С. Л. Копотев // Вектор науки тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология . – 2012. – №2. – С.318-321.

Шипицин А. И. Феномен социальных сетей в современной культуре / А. И. Шипицин // Известия ВГПУ . – 2011. – №3. – С.36-40.

Шмакова А. П. Основные стратегии взаимодействия в системе «Преподаватель – студент» / А. П. Шмакова // Психопедагогика в правоохранительных органах . – 2005. – №2 (24). – С.70-71.

Юлдашева М. Р. Инновационные формы взаимодействия в системе «Преподаватель-студент» / М. Р. Юлдашева // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения . – 2012. – №24-1. – С.187-193.

УДК 37:001.12/.18

Морозов Г.Б., Добышева К.О., Адамян В.Г.

КАК МОГУТ «ЭФФЕКТИВНЫЕ КОНТРАКТЫ» ВУЗОВСКИХ ПЕДАГОГОВ УНИЧТОЖИТЬ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оплата труда вузовского педагога, «эффективный контракт»

АННОТАЦИЯ. Анализируются возможные результаты введения «эффективных контрактов» с педагогами вузов страны в отсутствие дополнительного бюджетного и иного финансирования высшего профессионального образования.

Morozov G.B., Dobysheva K.O, Adamyan V.G.

WHETHER "THE EFFECTIVE CONTRACT" IS EFFECTIVE REALLY HIGH SCHOOL TEACHERS AT LIMITED FINANCING OF HIGHER EDUCATION?

KEYWORDS: compensation of the high school teacher, "the effective contract".

SUMMARY. Possible results of introduction of "effective contracts" with teachers of higher education institutions of the country in lack of additional budgetary and other financing of higher education are analyzed.

Сегодня в образовании страны проходят кардинальные реформы. Но их положительный эффект не всегда очевиден, поскольку нет расчетов того, к чему реформы, в конце концов, приведут. Одной из таких проблем в системе высшего профессионального образования (далее – ВПО) среди многих других, является внедрение в вузах системы эффективного контракта (далее

– Контракт) с педагогами [1].

С позиций технологий создания нормативных правовых актов (далее - НПА) авторы подзаконных актов в сфере образования в ряде случаев предъявляют к педагогам требования, противоречащие нормам трудового права, устанавливая требования о переходе к новым условиям без проведения предварительных экспериментов.

Внедрение Контракта, по идее, вводится для обеспечения конкурентоспособности заработной платы педагогов, стимулирования результативности их труда, как инструмент достижения тактических и стратегических целей вузов, за счет взаимосвязи с показателями работы педагогов. Однако от внедренных новаций без учета реальной отдачи их действия страдает активный субъект образовательного процесса – педагоги. И вот почему.

1. Постоянные корректировки учебных программ из-за изменений в государственных образовательных стандартах ВПО. Вместо обучения студентов педагоги постоянно заняты этой работой, так как оценивают деятельность вузов не по их реальной качественной отдаче, а по тому, как на бумаге составлены программы и учебные планы.

2. Крайне низкая заработная плата педагогов. Пример: профессор немосковского вуза, работая на 1,5 ставки, получает в месяц не более 40тыс. руб. А что говорить о доцентах, старших преподавателях и ассистентах? Потому молодежь в аспирантуру не идет, так как затраты на обучение в ней, защиту диссертации окупятся при такой зарплате к 70 годам их жизни. Оттого основные вузовские педагоги – пенсионеры, которые к своим малым пенсиям добавляют малый доход от образовательной деятельности, чтобы сносно существовать.

3. В вузах неформально ведется политика «сохранения контингента» студентов, по сути, независимо от того, занимаются они или нет, выполняют задания, сдают в срок зачеты и экзамены. Одновременно звучат заявления о том, что наше образование должно выходить на передовые мировые уровни.

Видимо, поэтому государство, чтобы у педагогов появился стимул к работе, принимает НПА, направленные на их мотивацию к росту качества обучения. Сегодня нормативную основу Контрактов с педагогами ВПО составляют НПА.

1. Указ Президента РФ от 07.05.2012г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Правительство должно обеспечивать:

- рост размера реальной заработной платы к 2018г. в 1,4-1,5 раза;
- повышение к 2018г. средней заработной платы врачей, преподавателей образовательных учреждений ВПО и научных сотрудников до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе;
- увеличение к 2020г. числа высококвалифицированных работников, с тем чтобы оно составляло не менее трети от числа квалифицированных работников [8].

2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020г. (Распоряжение Правительства РФ от 15.05.2013г. № 792-р). Согласно Программе:

- объем финансового обеспечения подпрограммы 1 составляет в 2013–2020гг. 3864,8млрд. руб., в том числе ежегодно на реализацию подпрограммы от 412,6 млрд. руб. - в 2013г. до 618,4 млрд. руб. - в 2020г.;
- в расходах на реализацию образовательных программ ВПО на основании государственного задания с учетом выхода на эффективный контракт с научно-педагогическими работниками, а также с учетом введения прикладного бакалавриата и повышенного норматива для ведущих вузов и капиталоемких направлений подготовки учитывать сокращение численности обучающихся на соответствующих образовательных программах, реализуемых за счет средств федерального бюджета;
- в расчетах объемов средств на обеспечение государственного задания на реализацию образовательных программ высшего образования учитывать доведение средней заработной платы преподавателей вузов за счет всех

источников финансирования до 200% от средней в экономике к 2018г. [6];

3. Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018г. (Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012г. № 2190-р). Система оплаты труда работников федеральных государственных учреждений позволяет реализовать более гибкие подходы к регулированию оплаты труда в зависимости от квалификации работников и сложности труда, существенно расширить самостоятельность учреждений в решении этих вопросов с одновременным повышением ответственности руководителей учреждения, повысить роль стимулирующих выплат, которые в федеральных государственных учреждениях составляют до 1/2 заработной платы в учреждениях субъектов Российской Федерации и муниципальных учреждениях - до 40 % [5];

4. Приказ Минтруда России №167н от 26.04.2013г. «Об утверждении рекомендаций по оформлению трудовых отношений с работником государственного (муниципального) учреждения при введении эффективного контракта» [4].

5. Письмо Минобрнауки России от 12.09.2013г. № НТ-883/17 «О реализации части 11 статьи 108 Федерального закона от 29.12.2012г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»» [3].

Обратимся к понятийному аппарату законодательства. Толкование термина «трудовой договор» содержится в ч. 1 ст. 56 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ): «...Соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату,

а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя» [7].

Сходство категорий «контракт» и «договор» абсолютное (лат. contractus – сделка, соглашение, договор). В словарях русского языка эти термины имеют единую смысловую природу. Тем самым Контракт - детализированный в тексте трудового договора порядок регулирования и нормирования труда, обеспечивающий высокое качество работы и рост благ, получаемых работником от ее выполнения (материальных - оплата труда и нематериальных - престиж, удобный режим работы и т.п.). Поэтому содержание понятия "Контракт" не является новой правовой формой такого договора, преследуя цели:

- 1) введения взаимоувязанной системы отраслевых показателей эффективности;
- 2) установления показателей эффективности стимулирующих выплат, критериев и условий их назначения с отражением в положениях об оплате труда, в коллективных и трудовых договорах;
- 3) отмену неэффективных стимулирующих выплат;
- 4) использование при оценке труда достижения конкретных показателей оказываемых услуг, независимой оценки качества работы учреждений, включающей кроме критериев эффективности их работы и введение публичных рейтингов деятельности [10].

Как записано в Программе, реализация Контракта позволит:

- 1) повысить престиж и привлекательность профессий работников, участвующих в оказании образовательных услуг (выполнении работ);
- 2) внедрить в организациях системы оплаты труда работников, увязанные с качеством оказания услуг (выполнения работ);
- 3) повышать квалификацию работников, участвующих в оказании услуг (выполнении работ) и их качество в социальной сфере;
- 4) создать прозрачный механизм оплаты труда руководителей

организаций [10].

В Контракте предполагается конкретизировать: 1) трудовую функцию педагога; 2) показатели и критерии оценки эффективности работы; 3) размеры и условия стимулирующих выплат с учетом рекомендуемых показателей. Условия получения вознаграждения должны едино пониматься сторонами Контракта, должностные обязанности работника отражаться с учетом обязанностей, установленных должностной инструкцией. Обязательное условие - оплата труда (размер тарифной ставки (должностного оклада), к ней - доплаты, надбавки, поощрительные выплаты) [10].

В принципе, юридически все точно, но вряд ли это получится реально - бюджетное финансирование вузов в ближайшие годы не изменится из-за проблемной социально-экономической обстановки в стране, а внебюджетные источники финансов крайне ограничены.

Начнем с аналогий. Такого рода контракты были введены более пяти лет назад в общеобразовательных школах и учреждениях дополнительного образования. Тогда педагогам объясняли, что такое базовые и стимулирующие выплаты и как их будут производить. Педагогов вынудили подписать новые договоры, где они соглашались на изменение условий в части, связанной с оплатой труда. После этого им стали выплачивать минимально установленную базовую часть заработной платы, а стимулирующую начислять за внеклассную работу.

По идее, система должна была отражаться в «Положениях о распределении стимулирующей части фонда оплаты труда» и вводиться приказом директора. Но об обязательном ведении этого в НПА указано не было. К чему привело? Основная масса учителей получает базовую часть заработной платы. Стимулирующую - не все, ее распределяют руководители. А так как бюджетные средства должны выплачиваться в полном объеме, их кто-то получает. В результате: 1) учителя - низкооплачиваемые работники; 2) стимулирующие выплаты устанавливает администрация; 3) нет контроля

педагогического сообщества администраций школ.

Юридически педагоги могли не согласиться на изменение условий трудового договора по правилам ст. 37 Конституции России, где записано, что труд свободен, каждый вправе свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, принудительный труд запрещен [2]. По ст. 72 ТК РФ изменения определенных сторонами условий трудового договора допускаются по соглашению сторон, за исключением случаев, установленных ТК РФ. Новые условия не могут ухудшать положение работника в сравнении с установленным трудовым и коллективным договорам, соглашениями. Соглашение об изменении условий договора заключается в письменной форме [7].

Из каких соображений исходят авторы новой системы оплаты труда вузовских педагогов? По статье 47 п. 6 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», в рабочее время педагогических работников в зависимости от занимаемой должности включается учебная (преподавательская), воспитательная, индивидуальная работа с обучающимися, научная, творческая и исследовательская, а также другая педагогическая работа, предусмотренная трудовыми (должностными) обязанностями и (или) индивидуальным планом (методическая, подготовительная, организационная, диагностическая и т.п.) [9]. Реально оплата труда педагогов зависит от почасовой оплаты их деятельности по обучению. Оплата других ее видов не предусмотрена. Потому логично за счет дополнительных источников эти виды работ в зависимости от их результатов оплачивать дополнительно к педагогической работе.

Вопрос, откуда брать средства на поощрительные выплаты? Единственный источник - к имеющемуся бюджетному финансированию фонда оплаты труда педагогов ожидать дополнительные средства из бюджета для стимулирования. Но это проблематично из-за бюджетного дефицита. Получается, для стимулирующих и иных выплат нужно у каждого

педагога часть денег изъять из должностного оклада, доплат и надбавок, как это было сделано в школах.

Для этого ректоратам придется вести жесткие процедуры принуждения педагогов перейти на новую систему оплаты труда. Хотя по статье 72 ТК РФ изменение определенных сторонами условий трудового договора, в том числе перевод на другую работу, допускается только по соглашению сторон трудового договора [7]. Скандалы и иные негативные морально-нравственные и судебные разбирательства гарантированы обеим сторонам. Чтобы зарплата в полном размере выплачивалась, а трудовые права не нарушались, Минобрнауки нужно издать инструкцию о процедурах такого перевода, а вузам - «прозрачное положение», обозначив порядок установления поощрительных выплат без нарушения основных прав работника на гарантированную законом оплату его труда.

Каков в этом плане зарубежный опыт? Данные по минимальным зарплатам педагогов в ряде стран дают представление о политике государств в области образования (см. табл.).

Таблица

Оплата труда преподавателей вузов в ряде странах мира в 2013г. [11].

Страна

Минимальная ежемесячная зарплата преподавателя

(переведено в руб.)

Часов в год

США 345001080

Великобритания 30172-

Канада 30341-

Австралия 32406813

Новая Зеландия 19236950

Швейцария 48286750

Германия 47936714

Франция 26019618

Испания 38533693

Финляндия 31282550

Россия 9120 845

Из таблицы видно, что в России оплата труда педагогов крайне низкая, что доказывает уровень ее не соответствия сложности труда в этой профессии. Притом, в странах европейского сообщества особое внимание уделяется обеспечению достойных базовых компенсаций научным и педагогическим работникам при соблюдении жестких требований, связанных с результативностью при замещении академических должностей и продвижении по карьерной лестнице. В России действует неэффективная тарифная сетка оплаты труда «бюджетников» с низкими окладами и малыми различиями в оплате разных категорий педагогов. Что явно недостаточно для международной конкурентоспособности и реализации поставленных перед наукой и образованием целей [14].

Для стимулирования эффективности труда педагогов нужна система показателей, учитывающих максимально возможные виды работы, характеризующие трудозатраты. Сегодня в российском вузе преподаватель на одну ставку работает в год 1920 часов. Эту нагрузку условно делят на учебную (так называемую «первую половину дня»), за выполнение которой выплачивают заработную плату, и «вторую половину», охватывающую методическую, воспитательную, научную и др. виды работ, за что педагогам не оплачивается. Но в соответствии с аккредитационными показателями требования по ее ведению вуз предъявляет каждому педагогу, особенно при переизбрании по конкурсу, а также при аккредитации вуза Минобрнауки, ставя выполнение этих показателей в ущерб педагогической работе[16].

По сути ст. 4 ТК РФ – это принудительный труд, связанный с невыплатой заработной платы работнику, поскольку по ст. 15 ТК РФ трудовая функция работником реализуется за плату со стороны работодателя [7]. Введение Контрактов практически заполняет этот правовой пробел, давая

возможность педагогам вести неучебную работу «не только из любви к искусству». Тем самым, введение Контракта юридически и содержательно – абсолютно оправданная мера со стороны государства для повышения образовательного, методического и научного потенциалов российского ВПО. На первый взгляд, можно дать этому высокие позитивные оценки! А на второй взгляд, вопрос: какими средствами достичь эту цель? Ответа нет. Однако вузы обязывают вводить системы Контрактов с педагогами.

Перейдем к анализу реалий в сфере ВПО. Цель введения Контракта - обеспечить такой уровень оплаты труда педагога, когда он станет конкурентоспособным с работниками других секторов экономики, чего на деле не происходит [10]. Средняя зарплата большинства из них в начале 2015г. составляла не 130% от средней по региону, а в расчете на ставку около 40% (14тыс. руб. в месяц). В ряде вузов у ассистента или старшего преподавателя без ученой степени она «достигает» 7-9тыс. руб., доцента с ученой степенью — чуть более 14тыс. руб., а профессора — 23 тыс. руб., что немного выше зарплат, предлагаемых продавцам и охранникам в российских городах [11].

В источниках отмечается, что зарплаты некоторых деканов факультетов достигают 100тыс. руб., а проректоров и ректоров - от 300тыс. руб. до 1млн. руб. ежемесячно, не считая премий. Многие из них являются преподавателям вуза, что улучшает показатели «средней температуры по больнице» [13].

Введение Контрактов привело к сокращению преподавателей (до 5–10%), так как ряд из них не вырабатывают полную нормативную нагрузку. Как правило, они не занимаются наукой, не публикуются. Обычно это приглашенные специалисты высокой квалификации для проведения занятий по отдельным дисциплинам. Им предлагают перейти на полную ставку или уволиться, чтобы не «портить» показатель средней зарплаты по вузу [14]. Из-за этого более половины кафедр вузов потеряли педагогов до 30 лет, резко уменьшилось их число в возрасте от 30 до 45 лет. Нагрузка упала на тех,

кому за 45 лет. Средний возраст педагога в вузе 48-50 лет, профессора – 60 лет [13].

Вот почему Минобрнауки нужно издать приказ о введении в вузах страны систем Контракта, но в виде методических указаний. Вводят системы вузы. Какие варианты систем Контрактов можно изложить в таком Приказе? Видимо, системы могут вводиться тремя способами:

1) за счет должностных окладов педагогов, оставляя им базовую часть, урезая доплаты и надбавки (стимулирующую часть), при условии, что они согласны на введение системы и по правилам ст. 72 ТК РФ готовы на изменение условий оплаты в трудовом договоре. Но это проблематично. Так, педагогу, избирающемуся на новый срок, предлагают перейти на новую систему оплаты труда. Кто-то соглашается и подписывает Контракт, а кто-то нет, понимая, что зарплата уменьшится. Им отказывают в приеме на работу, если конкурс на место высокий. Педагоги, еще не избравшиеся на новый срок, работают по старой системе. Получается, у педагогов, работающих на условиях Контракта, положение худшее. А это - конфликты. Вариант не целесообразный;

2) за счет внебюджетных средств вузов: грантов, приема большего числа студентов на платные места, договоров, средств спонсоров и т.п. Эти суммы направлять в стимулирующий фонд;

3) финансирование стимулирующей части из бюджета.

Улучшение социального положения вузовские педагоги ощутят тогда, когда оплату их труда будут производить за счет дополнительных денежных средств. Появятся стимулы качественно выполнять трудовую функцию, участия в публикациях, защитах диссертаций и т.п. Иначе качество вузовского преподавания ухудшится, конкурентоспособность педагогов останется низкой. А это усилит деградацию профессионального образования в целом и негативно отразится на социально-экономическом развитии страны.

Литература

1. Ведомости. № 3809 от 10.04.2015г. под заголовком: От редакции: Эффективный отчет.
2. Конституция Российской Федерации. Принята Всенародным голосованием 30.12.2008 г. N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ. (Ресурс Консультант-Проф). - Дата обращения - 25.12.2015г.
3. Письмо Минобрнауки России от 12.09.2013г. № НТ-883/17 «О реализации части 11 статьи 108 Федерального закона от 29.12.2012г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»» . (Ресурс Консультант-Проф). - Дата обращения - 25.12.2015г.
4. Приказ Минтруда России №167н от 26.04.2013г. «Об утверждении рекомендаций по оформлению трудовых отношений с работником государственного (муниципального) учреждения при введении эффективного контракта». (Ресурс Консультант-Проф). - Дата обращения - 25.12.2015г.
5. Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018гг., утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 26.11.2012г. (Ресурс Консультант-Проф). - Дата обращения - 25.12.2015г. - Дата обращения - 25.12.2015г.
6. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020г. (Распоряжение Правительства РФ от 15.05.2013г. № 792-р). - Дата обращения - 25.12.2015г.
7. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 13.07.2015 г. № 233-ФЗ (Последние редакции). (Ресурс Консультант-Проф).- Дата обращения - 25.12.2015г.
8. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». (Ресурс Консультант-Проф).- Дата обращения - 25.12.2015г.
9. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», N 273-ФЗ от 29.12.2012 г. (Ресурс Консультант-Проф).- Дата обращения - 25.12.2015г.

10. Блог инспектора народного образования. Эффективный контракт с педагогом [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://eduinspector.ru/2014/01/29/jeffektivnyj-kontrakt-s-pedagogom/>- Дата обращения - 25.12.2015г.

11. Зарплата в вузах: сладкий миф и горькая реальность [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.solidarnost.org/week-them/week-them_98.html- Дата обращения - 25.12.2015г.

12. Зарплата преподавателя вуза в 2015г. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://phdru.com/payscheck/salary2015/>- Дата обращения - 25.12.2015г.

13. Зачем университетам эффективный контракт? [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document249763.phtml>.- Дата обращения - 25.12.2015г.

14. Эффективный контракт в науке [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/effektivnyy-kontrakt-v-nauke-parametry-modeli> - Дата обращения - 25.12.2015г.

15. Эффективный контракт с педагогическим работником [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.asou-mo.ru/2014/11/22.pdf>. - Дата обращения - 25.12.2015г.

16. Морозов Г.Б. Почему российскому вузу некогда образовывать студента? // Российское право: образование, практика, наука, 2015 № 5 с. 56-62.

Морозов Г.Б., Зверева Е.А.

Аккредитационный показатель «научная деятельность вуза»
вредит собственно образовательной деятельности

Ключевые слова: вузовская наука, противоречия образовательного законодательства, аккредитационные показатели эффективности вузов

Аннотация. Исследуется правовая несостоятельность аккредитационных показателей оценки эффективности деятельности российских вузов, поскольку они не дают достоверной оценки образовательной деятельности вузов с позиций качества обучения студентов.

Morozov G.B., Zverev E.A.

Accreditation indicator «scientific activity of higher education institution»
harms to actually educational activity

Keywords: high school science, contradictions of the educational legislation, accreditation indicators of efficiency of higher education institutions

Summary. Legal insolvency of accreditation indicators of an assessment of efficiency of activity of the Russian higher education institutions as they don't give a reliable assessment to educational activity of higher education institutions from positions of quality of training of students is investigated.

Сегодня эффективность работы вузов оценивают по показателям, не соответствующим целям, которые вузы должны реализовывать в соответствии с пп. 1 ст. 2 Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012г. «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ Об образовании). Дело в том, что один из них – обязанность педагогов заниматься научно-исследовательской работой - закреплен в аккредитационных показателях, по

которым вузы делят на эффективные и не эффективные. Но ФЗ Об образовании не обязывает их осуществлять эту деятельность: по закону она не должна осуществляться, а может включаться в трудовую функцию педагога.

Налицо - противоречие из-за несоответствия ряда подзаконных нормативных правовых актов (далее – НПА) нормам Закона из-за введения Минобрнауки этой деятельности вузов в число обязательных показателей их работы. При этом ссылаются на зарубежный опыт, где научные исследования ведут вузы, а «реликтов», как Академия наук и отраслевые институты во там нет вообще. Проанализируем доктринальные и нормативные толкования понятий «наука» и «образование» с позиций целей и задач их функционирования, специфики ведения деятельности и ее результатов.

Доктринальное толкование термина «наука»: «...сфера человеческой деятельности, функция которой - выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности; ...включает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат - сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира. ...Непосредственные цели - описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, составляющих предмет ее изучения, на основе открываемых ею законов» [1].

Нормативное толкование - в ст. 2 Федерального закона N127-ФЗ от 23.08.1996г. «О науке и государственной научно-технической политике»: «Научная (научно-исследовательская) деятельность - деятельность, направленная на получение и применение новых знаний».

Следовательно, цель научной деятельности - получение нового знания, в то время как образовательной – передача обучающимся устоявшихся знаний, умений и навыков, необходимых и достаточных выпускникам вузов в их будущей профессии. Главная цель деятельности вуза по ст. 2 ФЗ Об образовании - выполнение обязанностей по обучению и воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности. Научная работа в этой цели не указана. Однако 18.11.2013г. Постановлением

Правительства России N 1039 «О государственной аккредитации образовательной деятельности» важнейшим стал показатель ведения вузами научно-исследовательской работы. Если он не выполняется, вуз признается неэффективным [2].

Вопрос: «Если за плохое качество обучения вуз не страдает, а лишь за невыполнение аккредитационного показателя, какая конечная цель его деятельности: 1) выпускник, обладающий компетенциями эффективной профессиональной деятельности; 2) научно-исследовательская работа для достижения данных показателей?»

Что делать вузам, дабы не быть закрытыми? Перестать обучать студентов и заняться научной работой? А можно заниматься наукой не в ущерб образованию? Конечно, образование и воспитание, как и наука – продукты интеллектуального труда. Но эти функции одновременно педагог исполнять не может физически – везде своя специфика. А от него требуют ведение образовательной, воспитательной и прочей деятельности, направленной на студентов, и участия в научной работе – создания нового знания. Но педагог передает устоявшиеся знания, а научный работник создает новые знания для последующего применения на практике. Для чего нужны специальная интеллектуальная и материально-техническая база, мотивированный коллектив исследователей, если речь вести о создании реального научного продукта.

Притом, оба эти закона не устанавливают вузам обязанностей ведения научно-исследовательской работы. В статье 6 ФЗ Об образовании «Полномочия органов государственной власти в сфере образования» нет у государственных органов полномочий по изданию ведомственных актов в виде Приказов, какими Минобрнауки ввел названные аккредитационные показатели. По юридическому действию эти Приказы противоречат нормам законов, обладающих высшей юридической силой. Налицо – правовая коллизия!

Как известно, закон - НПА, обладающий высшей юридической силой и регулирующий наиболее важные общественные отношения в государстве. Помимо законов издаются подзаконные НПА - Указы Президента, Постановления Правительства России, ведомственные акты, которые безоговорочно подчиняются требованиям норм законов. В упомянутых законах нет требований о ведении вузами научной работы. Значит, введение аккредитационного показателя «научно-исследовательская деятельность» - выход Минобрнауки за рамки его полномочий. В случае противоречия актов, регулирующих одно и то же отношение, действует акт, обладающий высшей юридической силой.

Об этом в п. 5 ст. 4 ФЗ Об образовании четко записано: «В случае несоответствия норм, регулирующих отношения в сфере образования и содержащихся в других федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, правовых актах органов местного самоуправления, нормам настоящего Федерального закона применяются нормы настоящего Федерального закона, если иное не установлено настоящим Федеральным законом». То есть, нормы Закона, регулирующие отношения, изложенные в подзаконных НПА, имеют высшую юридическую силу, а в случае противоречия подзаконный акт исполнению не подлежит.

Так, Постановлением Правительства России от 15.04.2014г. № 295 «Об утверждении государственной программы «Развитие образования» на 2013-2020гг.» [3] определены цели ее реализации - обеспечение высокого качества российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения и перспективными задачами развития общества и экономики; повышение эффективности реализации молодежной политики в интересах инновационного социально ориентированного развития страны. Однако от этих целей отличаются министерские индикаторы эффективности и возможности успешной реализации данной программы. В России на образование тратят около 4,3% ВВП, а в ближайшие годы ожидается

сокращение до 4,1–3,5%. Хотя страны догоняющего развития расходуют больше среднего. Так, Бразилия с 2012г. реализует программу роста расходов на образование с 5,5 до 10% от ВВП. В США число вузов на душу населения вдвое выше, чем у нас. В Норвегии национальная идея – открывать университеты [4]. А у нас – закрывать?

Обратимся к ряду норм ФЗ «Об образовании», где, по идее, научная деятельность образовательной организации высшего профессионального образования не является обязательным условием выполнения ее функций.

Статья 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе», то есть, правовые дефиниции образовательного законодательства. Из 34 понятий нет ни одного, устанавливающего обязательность ведения в вузах научной работы. Не упоминается об этом и в ст. 3 «Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования».

В статье 19 «Научно-методическое и ресурсное обеспечение системы образования» речь идет о возможности создания в вузах научно-исследовательских и проектных организаций. Но установлено, что они «могут» их создавать. Речь идет о праве организации, а не об ее обязанности.

Оппоненты могут нас направить к п. 4 ст. 28 Закона «Компетенция, права, обязанности и ответственность образовательной организации»: «Образовательные организации высшего образования осуществляют научную и (или) творческую деятельность, а также вправе вести подготовку научных кадров (в [докторантуре](#)). Иные образовательные организации вправе вести в соответствии с законодательством Российской Федерации научную и (или) творческую деятельность, если такая деятельность предусмотрена их уставами». Норма – императивная: сказуемое «осуществляет» - глагол в изъявительном наклонении. Стало быть, должны!

Но в п. 7 статьи прописана юридическая ответственность за неисполнение организацией ее обязанностей: «Образовательная организация несет ответственность в установленном законодательством Российской

Федерации порядке за невыполнение или ненадлежащее выполнение функций, отнесенных к ее компетенции, за реализацию не в полном объеме образовательных программ в соответствии с учебным планом, качество образования своих выпускников, а также за жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации». Ответственность за не ведение вузом научной деятельности не установлена. А на «нет» - суда нет!

Ст. 47 «Правовой статус педагогических работников. Права и свободы педагогических работников, гарантии их реализации». П. 3. «Педагогические работники пользуются следующими академическими правами и свободами:

б) право на осуществление научной, научно-технической, творческой, исследовательской деятельности, участие в экспериментальной и международной деятельности, разработках и во внедрении инноваций». Норма диспозитивная - педагог этой деятельностью может и не заниматься.

Кстати, в ст. 48 «Обязанности и ответственность педагогических работников» не предусмотрены ни обязанности по научной деятельности, ни ответственность за ее неосуществление. В ст. 50 «Научно-педагогические работники» речь идет о таких работниках – профессорско-преподавательском составе и отдельно - о научных работниках образовательных организаций. Здесь их функции разделены четко.

В ст. 28 об автономности образовательной организации, выражаемой в решении вопросов самостоятельного осуществления образовательной, научной, административной, финансово-экономической деятельности, есть норма, дающая вузам право определять, как и в каких формах вести научную работу. В ст. 72 приведен перечень направлений интеграции образовательной и научной деятельности: «Интеграция образовательной и научной (научно-исследовательской) деятельности в высшем образовании может осуществляться в разных формах...», которые перечислены. Для ее ведения предполагаются выделение грантов, работа со специализированными научными организациями. А не бесплатный труд преподавателя как бы во

благо науки, но в ущерб обучению студентов и собственного материального благополучия.

Вопрос: почему в аккредитационных показателях вузов показатели научной деятельности превалируют над их деятельностью по обучению и воспитанию студентов? В ФЗ Об образовании в п. 12 ст. 92 «Государственная аккредитация образовательной деятельности» указано: «Предметом аккредитационной экспертизы является определение соответствия содержания и качества подготовки обучающихся в организации, осуществляющей образовательную деятельность, по заявленным для государственной аккредитации образовательным программам федеральным государственным образовательным стандартам. ...При проведении аккредитационной экспертизы образовательной деятельности по образовательным программам, которые обеспечивают реализацию образовательных стандартов, аккредитационная экспертиза в части содержания подготовки обучающихся не проводится». То есть, аккредитации подлежат показатели работы вуза, прямо связанные с реализацией программ федеральных образовательных стандартов. И все! На практике же показатели эффективности «Мониторинга-2013», изложенные в подзаконных НПА по аккредитации вузов, это: образовательная, научная, международная и финансово-экономическая деятельность, а также инфраструктура и трудоустройство [6, 7] .

Кратко проанализируем ряд показателей в данных блоках на предмет реально объективной оценки эффективности деятельности вузов, и подробно проанализируем показатели научной деятельности.

1. Показатели «Образовательная деятельность», оцениваются по ряду критериев. Один из них - набрать высокобалльников по результатам ЕГЭ, победителей и призеров олимпиад, что позволит выживать вузам крупных городов (Москве и Санкт-Петербургу). В малых городах и сельской местности у школьников нет возможностей конкурировать с гимназиями столиц и сдавать успешно ЕГЭ наравне с ними. Но если показатель не

выполнен, вуз - неэффективный, неважно, какого качества специалистов он выпустит.

По логике ФЗ Об образовании, вуз должен бы показать, сколько он выпустил востребованных квалифицированных специалистов, успешно реализующих себя на практике, а не любых, кто работает по иному профилю. Это показатели не учитывают. В графе «трудоустройство» оценивается лишь число выпускников, обратившихся в органы содействия трудоустройству.

2. Показатели инфраструктуры организации. Начнем с объема площадей учебно-аудиторных помещений в расчете на студента. Получается, важно как можно больше иметь помещений по метражу, нежели по функциональному назначению. В условиях ограниченных помещений, с чем сталкиваются многие вузы, выходом является посменный график использования помещений без вреда для учебного процесса. Число персональных компьютеров на студента не учитывает их работоспособность. Это могут быть и устаревшие компьютеры. А важно оборудовать компьютерные классы качественной техникой, с новейшими программами и работать в них посменно.

3. Среди финансовых показателей два основных: 1) сколько заработал вуз денег, в том числе от НИОКР; 2) отношение среднего заработка научно-педагогического работника в вузе (по всем видам финансового обеспечения (деятельности)) к средней заработной плате по экономике региона. Какие проблемы возникают у вузов при попытке выполнения данных показателей?

3.1. При расчете цены образовательных услуг по поступлениям от всех источников финансирования обязательно нужно учитывать, что сумма средств, принятых вузом за одного обучающегося на платной основе студента, не должна быть меньше суммы, выделяемой из бюджета на обучение студента бюджетного, так как за счет части бюджетных средств вуз не вправе обучать внебюджетников. Отсюда цена платного обучения в большинстве вузов растет более чем на треть. Для студентов из провинций и депрессивных территорий такая сумма часто не подъемна. Вузовское

образование становится доступным для богатых, а бедные становятся интеллектуальными изгоями. «Ломоносовых» среди студентов вузов станет меньше, если они не исчезнут совсем. Из-за этого в большинстве нестоличных вузов набор внебюджетных студентов в 2015г. катастрофически уменьшился.

3.2. О показателе соотношения числа научно-педагогических работников (как они иронизируют о себе – «поголовья, а не единиц ставки»). Связано с исполнением Указа Президента России от 07.05.2012г. N 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Суть Указа: поднять среднюю заработную плату научно-педагогических работников до уровня и выше средней в субъекте Федерации. Чтобы обеспечить такой зарплатой педагогов, вуз выплачивает ее не по реальной ставке, а распределяет между всеми ними. Неважно, на какую долю ставки работает педагог – 0,25, 0,5, 0,75, 1,0 или 1,5 – заработная плата делится на всех педагогов штатных и совместителей, а не на ставку. Совместителей сокращают, их нагрузку распределяют на оставшихся, побуждая работать на большие доли ставки.

В итоге весомая доля вузовских педагогов работает на 1,5 ставки нагрузки, что в переводе на аудиторные часы – 1300 часов в год, или 130 - в месяц по 7-8 часов в день. Для успешной реализации учебного процесса педагогу к занятиям нужно готовиться примерно столько времени, сколько тратится на преподавание. К нагрузке педагога относят воспитательную, просветительскую, научно-исследовательскую работу, самообразование для роста квалификации. Вопрос: «Когда?». Инструмент работы педагога один – мозг.

4. Показатели международной деятельности анализировать не будем, хотя проблемы достижения ее нормативных величин ощутимые. Акцент анализу показателей «Научно-исследовательская деятельность» (см. табл.). Их число велико, а возможности достижения не реальны. Что позволяет ликвидировать многие вузы страны, а с ними - систему ВПО в целом.

Возможно, ли педагогу при указанной выше нагрузке качественно заниматься научными публикациями, иной научной работой, требуемой от эффективных вузов? Ответ очевиден. Браться за 2 направления в таких условиях нельзя – либо обучать, либо заниматься наукой. К слову, заработную плату платят педагогам за преподавание, а не за науку. А от него требуют совершения подвигов, которые не под силу и легендарному Гераклу. Примеры.

Чтобы у педагога был высокий индекс цитирования, нужны публикации в ведущих журналах перечня ВАК Минобрнауки, участие в конференциях высокого уровня. Чтобы поместить статью в журнале, к примеру, «Наука и бизнес: пути развития», нужно заплатить 1000руб. за страницу, минимальное число страниц – 5. Чтобы получить журнал, нужно приобрести годовую подписку стоимостью 3000руб., оплатив доставку [11].

Таблица

Научно-исследовательская деятельность

.1	Количество цитирований в индексируемой системе цитирования Web of Science в расчете на 100 научно-педагогических работников	е диниц
.2	Количество цитирований в индексируемой системе цитирования Scopus в расчете на 100 научно-педагогических работников	е диниц
.3	Количество цитирований в Российском индексе научного цитирования (далее - РИНЦ) в расчете на 100 научно-педагогических работников	е диниц
.4	Количество статей в научной периодике, индексируемой в системе цитирования Web of Science, в расчете на 100 научно-педагогических работников	е диниц

.5	Количество статей в научной периодике, индексируемой в системе цитирования Scopus, в расчете на 100 научно-педагогических работников	е диниц
.6	Количество публикаций в РИНЦ в расчете на 100 научно-педагогических работников	е диниц
.7	Общий объем НИОКР	т ыс. руб.
.8	Объем НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника	т ыс. руб.
.9	Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации	%
.10	Удельный вес НИОКР, выполненных собственными силами (без привлечения соисполнителей), в общих доходах образовательной организации от НИОКР	%
.11	Доходы от НИОКР (за исключением средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, государственных фондов поддержки науки) в расчете на одного научно-педагогического работника	т ыс. руб.
.12	Количество лицензионных соглашений	е диниц
.13	Доля средств, полученных образовательной организацией от управления объектами интеллектуальной собственности, в общих доходах образовательной организации	%
	Численность/удельный вес численности научно-	ч

.14	педагогических работников без ученой степени - до 30 лет, кандидатов наук - до 35 лет, докторов наук - до 40 лет, в общей численности научно-педагогических работников	человек/ %
.15	Численность/удельный вес численности научно-педагогических работников, имеющих ученую степень кандидата наук, в общей численности научно-педагогических работников образовательной организации	человек/ %
.16	Численность/удельный вес численности научно-педагогических работников, имеющих ученую степень доктора наук, в общей численности научно-педагогических работников образовательной организации	человек/ %
.17	Численность/удельный вес численности научно-педагогических работников, имеющих ученую степень кандидата и доктора наук, в общей численности научно-педагогических работников филиала (без совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера)	человек/ %
.18	Научных журналов, в том числе электронных, издаваемых организацией	единиц
.19	Грантов за отчетный период в расчете на 100 научно-педагогических работников	единиц

Кроме индексирования статей в журналах ВАК, нужно индексирование статей в системах РИНЦ и Scopus. Участие в международной научно-практической конференции «Общество, наука, инновации», индексируемой системой РИНЦ, предполагает внесение организационного взноса в размере 1200руб. для участников из России и 1650руб. - из стран СНГ и ЕС. Общий объем публикации – до 8 с. (14400 знаков включая пробелы). Число

публикаций от одного автора не ограничивается. При превышении объема публикации стоимость верстки и печати каждой дополнительной страницы 150руб. Стоимость срочной публикации для цитирования в системе Scopus (2-3 месяца) от 32 до 34 тыс. руб. [8, 9, 10].

Также нужно издавать монографии, учебные пособия с грифом один раз в 5 лет. Как правило, их издание объемом в 160с. обойдется вузу более 300тыс. руб. Автору гонорар не выплачивается. Из-за отсутствия в вузе финансирования затраты несет педагог. Не забудем и о повышении педагогами квалификации каждые 5 лет, на что затраты вузами не предусмотрены.

Однако согласно ст. 4 ТК РФ «Запрещение принудительного труда», «...принудительным трудом, (запрещенным Конституцией, ТК РФ, УК РФ, КоАП РФ) является выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия)» [14]. По ст. 15 ТК РФ – трудовые отношения основаны на плате за трудовую функцию. В данном случае научная работа вузовских педагогов сродни их благотворительности. Поэтому требования к ним об обязательном ведении этой работы без оплаты незаконны. Резонный вопрос: «Что, в Минобрнауки при составлении упомянутых подзаконных НПА «не ступала нога» квалифицированного правоведа?

Заставляя педагогов бесплатно заниматься научной работой путем роста числа научных публикаций, а не их качества, страна обречена:

- на прекращение притока талантливой молодежи в образовательную и научную сферы из-за отсутствия материальной и моральной мотивации;
- то, что преподавателям вузов не до работы со студентами, что ставит под угрозу качество подготовки квалифицированных специалистов;
- когда для педагогов мотивация к образовательной и научной работе низка, для студентов она становится еще ниже (диплом все равно выдадут);

- и, как следствие, катастрофически низкий научно-технический и кадровый потенциал страны, а отсюда и уровень ее социально-экономического развития в ближайшем и отдаленном будущем.

Вывод: крайне необходим скорейший пересмотр образовательной и научной политики страны, пока возможно не допустить надвигающуюся интеллектуальную катастрофу. Но властные структуры этого еще не замечают. Вопрос: почему само педагогическое сообщество в целом не бьет тревогу по поводу того, «...куда ты мчишься, тройка-Русь?» Нет ответа???

ЛИТЕРАТУРА

Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://slovo.ru/index.php?ID=42961&pg=0&w=%CD%C0%D3%CA%C0+%28%F1%> (дата обращения: 10.04.2015)

О государственной аккредитации образовательной деятельности: Постановление Правительства России от 18 ноября 2013г. N 1039// Консультант+

Об утверждении государственной программы «Развитие образования на 2013-2020 годы»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014г. № 295// Консультант +

Терентьев Д. Профессор, на выход! [Электронный ресурс]. URL: <http://argumenti.ru/economics/n473/387891> (дата обращения: 15.02.2015)

Об утверждении плана мероприятий («Дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2012 №2620// Консультант +

Об осуществлении мониторинга системы образования: постановление Правительства Российской Федерации от 05 июля 2013 №662 // Консультант +

Показатели деятельности образовательной организации высшего профессионального образования подлежащей самообследованию: приказ

Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 декабря 2013г. N 1324 // Консультант +

Условия публикации научной статьи в журналах «Глобальный научный потенциал» и «Наука и бизнес: пути развития» [Электронный ресурс]. URL: <http://globaljournals.ru/usloviya-publikaczii.html>. (дата обращения: 15.02.2015)

9. Условия публикации научной статьи в РИНЦ [Электронный ресурс]. URL: <http://publikacia.net/konf.php>. (дата обращения: 15.02.2015)

10. Условия публикации научной статьи в индексируемой системе цитирования Scopus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mosdiplom.ru/nashi-uslugi-prepodavatelyam/publikatsii-spopus>. (дата обращения: 15.02.2015)

УДК 316.74:37(477)

ББК 60.562.62(4УКР)

Назаркин, А.А.|| Фесенко, Г.И.

Развитие профессионализма будущего специалиста в системе высшего профессионального образования в Украине

Nazarkin, A.|| Fesenko, G.

Development of professionalism of a future specialist in the higher education system in Ukraine

Статья посвящена выделению стратегий развития профессионализма будущего специалиста в системе высшего профессионального образования в Украине. Выделены ключевые компетенции специалиста и описаны основные требования к современным инженерам. Рассмотрена структура проектно-конструкторской компетентности, выделены ее компоненты и описаны критерии ее сформированности. Раскрыт методологический потенциал субъектно-ментального подхода, выстроена многоуровневая модель профессионального образования, описаны ее компоненты и этапы развития профессионализма. Выделены основные риски депрофессионализации образования в условиях нестабильности украинского общества.

Methodological potential of subject and mental approach is disclosed. Multilevel model of professional education is built. Its components and stages of development of professionalism are described. Key competences of the specialist are pointed out. Main requirements to modern engineers are described in Ukraine. A structure of design competence is considered. Its components are pointed out as well as the criteria of its formation are described. Main risks of deprofessionalisation of education are pointed out in the conditions of instability of the Ukrainian society.

ИНЖЕНЕР|| КОМПЕТЕНЦИЯ|| МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ|| ПРОЕКТНО-КОНСТРУКТОРСКАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ|| ПРОФЕССИОНАЛИЗМ|| СПЕЦИАЛИСТ||

СУБЪЕКТНО-МЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД

ENGINEER|| COMPETENCE|| MODEL OF PROFESSIONAL
EDUCATION|| DESIGN COMPETENCE|| PROFESSIONALISM||
SPECIALIST|| SUBJECT AND MENTAL APPROACH

Глобальные тенденции развития информационной цивилизации, так же как и общенациональные потребности украинского общества, связаны с его модернизацией и постепенной интеграцией в единое мировое сообщество, предъявляют новые, несравненно более высокие требования к выпускникам высших учебных заведений, ведь современный специалист, вступая в мир рыночного труда, должен иметь высокий уровень общеобразовательной подготовки, владеть профессиональными навыками, уметь принимать самостоятельные решения.

Ядром профессиональной подготовки специалиста становятся его профессиональные качества, представляющие собой набор знаний фундаментальных, профессионально-ориентированных и гуманитарных наук, умений и навыков выполнять профессиональные обязанности. К ним относятся: 1) владение на достаточно высоком уровне собственно профессиональной деятельностью в определенной области; 2) способность проектировать свое последующее профессиональное развитие; 3) умение профессионально общаться; 4) способность нести профессиональную ответственность за результаты своего труда.

Понятием, подчеркивающим единство теоретических знаний и практической деятельности на рынке труда и позволяющим адекватно и понятно описывать результаты образования, выступает «компетентность». Поиск адекватных компетенций как интегрированного результата образования – это, возможно, одна из общецивилизационных попыток преодолеть процесс десоциализации. Мы согласны с мнением Е. А. Подольской, которая отмечает, что компетентностный подход в образовании, в конечном итоге, представляет собой «приведение последней в соответствие

с новыми условиями и перспективами – это возникновение стратегической установки образования на адекватность, на способность применять приобретенные знания для модернизации тех условий и объектов, которые создают напряженность в социальной системе» [2, с. 61–62].

Мы выделяем следующие ключевые компетенции, которые формируются в высшей школе: ценностно-смысловая, общекультурная, учебно-познавательная, информационная, коммуникативная, социально-трудовая, компетенция трудового самосовершенствования. Увеличение прикладного компонента подготовки специалистов в Украине, смещение акцента на самостоятельную работу позволяет формировать систему обобщенных знаний, умений и навыков, которые могут выступить в качестве интегральной основы профессионального развития, где на первый план выдвигаются способности и профессиональные навыки специалистов, умеющих адекватно реагировать на происходящие изменения, самостоятельно принимать решения и реализовывать их на практике в процессе овладения новыми технологиями и профессиями. В связи с этим переориентация системы высшего профессионального образования в Украине на инновационную деятельность становится важнейшим инструментом в обеспечении конкурентоспособности выпускников на рынке труда [1; 4]. При этом высшее профессиональное образование должно быть не только опережающим и реализовываться на основе современных технологий обучения, но и формировать профессиональные компетенции студента, мотивировать его на самостоятельную саморазвивающую деятельность в процессе всей трудовой жизни.

Однако, для успешной самореализации современному инженеру недостаточно быть технически грамотным, ему необходимы такие качества, как коммуникабельность, креативность, восприимчивость к изменениям, умение принимать решения, владеть разнообразными способами самостоятельной познавательной деятельности, личностного саморазвития. В связи с этим мы понимаем под готовностью будущего инженера к

инновационной деятельности всю совокупность взаимосвязанных индивидуально-психических особенностей личности, профессиональных и специфических знаний и умений в сфере инноваций, которая определяет стремление к обучению новым способам и приемам выполнения деятельности, к наработке определенных компетенций, соответствующих данному виду деятельности [1; 3].

Инженерное образование, реализующее компетентный подход, предполагает такую организацию структуры всего учебного процесса, которая нацелена на конечный результат – качество деятельности выпускников, измеряемой в компетенциях. В содержание образования включаются предметы, формирующие компетенции будущей профессиональной деятельности, имеющие междисциплинарный, интегрированный характер, что позволяет готовить выпускников к инженерной деятельности в меняющихся условиях профессиональной среды. Проектно-конструкторская компетенция будущего инженера – одна из составляющих в структуре деятельности специалиста, где закладывается способность к профессиональной деятельности, направленной на формирование инженерного мышления. Такой деятельностью является инженерное проектирование. Реализация инженерного проектирования в вузах приближает студента к реальной профессиональной деятельности, делает знания активными, учит не только использовать имеющиеся, но и искать необходимые для решения задачи знания. Многозначность ответов, необходимость принятия последовательных решений и наблюдение результата «в режиме реального времени» резко увеличивают интерес студентов к делу и открывают простор для развития индивидуальности [3].

Проектно-конструкторская компетентность понимается нами как личностная, интегративная, формируемая характеристика способности и готовности выпускника (специалиста), проявляющаяся в проектировании, на основе владения специальными проектно-конструкторскими знаниями и умениями, использования современных технологий и средств

проектирования, обоснованного выбора и оптимизации в случае многовариантности решений; учета быстрого изменения технологий.

При рассмотрении структуры проектно-конструкторской компетентности как единства ее компонентов степень ее сформированности оценивается по следующим критериям: 1) осознание смысла проектно-конструкторской деятельности (мотивационно-ценностный компонент); 2) применение инженерных знаний в решении профессиональных ситуаций, аргументированное выдвижение собственных мнений в решении коммуникативно-производственных ситуаций (когнитивный компонент); 3) осуществление проектной и конструкторской деятельности (деятельностный компонент); 4) анализ и контроль за результатами своей деятельности (рефлексивно-оценочный компонент). Эти критерии оценки сформированности проектно-конструкторской компетентности служат исходным моментом для определения уровней развития данного качества у студентов – будущих инженеров [1; 3].

Цель системы профессионального образования – развитие личности будущего специалиста. Ее смысл – в создании условий, в которых осуществляется развитие, самообразование, воспитание, самовоспитание, обучение, самообучение. При таком соотношении доминант развития личности будущего специалиста в вузе успешно осуществляется развитие профессиональной ментальности. Мы согласны с мнением А. Н. Ходусова, который обосновывает, что именно она выполняет функцию «осевой линии» и ведущего условия формирования у студентов ценностного отношения к профессиональной деятельности [5, с. 18].

Субъектно-ментальный подход в прогнозировании стратегии развития профессионализма сводится к осуществлению профессиональной подготовки и переподготовки в контексте андрагогики с учетом субъектности профессионального образования и менталитета его участников [5, с. 14].

Менталитет определяет степень активности субъекта профессионального образования, имеет многоуровневую структуру по

признаку смыслообразования в различные возрастные периоды.

Многоуровневая модель профессионального образования включает в себя следующие компоненты:

1) онтогенетический, который определяет развитие смыслов профессионального образования от их возникновения и до получения профессионального образования. Назначение онтогенетического компонента модели – актуализировать смыслы профессионального образования на уровне смыслогенеза, и затем, за счет их интериоризации субъектом, превратить в профессиональные детерминации;

2) профессионально-генетический, определяющий законы, закономерности, принципы организации и развития профессионального образования и методы управления им;

3) психологический, включающий профессионализм деятельности и профессионализм личности;

4) педагогический, который представлен двумя парадигмами: а) научно-технократической, смысл которой в результативности знания, полученного в ходе субъект-объектных отношений; б) гуманитарной, не ориентированной на знание как результат. Ее смысл и сила – в диалоге, полилоге студента с преподавателем, с другим студентом, с самой собой. Ценность для преподавателя – человек со своим видением мира, эффективно развивающийся в ходе субъект-субъектных отношений [5, с. 16–18].

Профессиональное образование становится достоянием личности будущего специалиста при условии ее активности, где активность становится показателем устремления личности к результату образования – профессионализму. При этом основными этапами развития профессионализма являются следующие:

- функциональная грамотность;
- профессиональная квалификация;
- компетентность;

– культура личности [5, с. 16–18].

В плане нашего рассмотрения нас интересовал вопрос, как сами студенты выстраивают иерархию функций образования относительно становления специалиста, что сможет отвечать на вызовы современности. Согласно наших исследований, проведенных при участии авторов в 2015 году на выпускных курсах технических вузов г. Харькова ($n = 660$), на первом месте у респондентов – социально-статусная функция образования (повышение своего социального статуса, работа в сфере управления), второе место – за профессиональной функцией (получение желаемой профессии, реализация творческого потенциала, занятия интеллектуальными видами труда и тому подобное). Третье место занимает прагматическая функция образования (достижение материального благосостояния, конкурентоспособность на рынке труда), а последнее, четвертое место – за социокультурной функцией (освоение духовной культуры, навыков анализа общественной жизни, получения знаний в интересах общества).

Следовательно, социально-статусная функция превалирует над профессиональной. Значительная часть молодых людей, которые вступают в вуз, руководствуются инструментальной ценностью образования, рассматривают ее как средство социального продвижения. Только немного больше 40% студентов рассматривают получение максимума знаний по специальности как основную цель своего пребывания в вузе, а 11% совсем не собираются работать по специальности.

Значительная часть молодых людей демонстрирует нерыночное мышление и нерыночные формы поведения. Она избирает путь, который ведет «в никуда», обрекаясь либо на невостребованность рынком, либо на низкий жизненный уровень. При этом эта часть молодежи надеется «на чудо» либо на чью-то постороннюю помощь, либо на будущую переквалификацию. Наиболее прагматически ориентированными оказываются студенты технических специальностей, профессиональная ориентация наиболее полно обнаружена у будущих инженеров.

Нерыночная ориентация на функции высшего образования оказывается в невысоком уровне учебно-познавательной активности определенной части студенчества (чтобы получить «корочку» – так говорит о цели своего пребывания в вузе каждый четвертый студент).

Усиление прагматической ориентации студенчества прослеживается при анализе ответов на вопрос о мотивации профессионального самоопределения: на первом месте находится спрос на рынке труда на данных специалистов и на третьем месте – желание сделать карьеру (36% и 28% соответственно). Почти половина опрошенных пятикурсников ищет любую работу с высоким заработком, приблизительно каждый пятый – работу по специальности с высокой зарплатой. Причем 29% молодых людей обязательно будут искать работу по специальности, даже если сразу это не удастся. Почти три четверти выпускников уверены, что смогут найти нужную работу, а 18% – что найдут, но либо не по специальности, либо с низкой зарплатой.

О некотором движении в сторону адаптации к рынку свидетельствует и тот факт, что сокращается число выпускников, которые не знают, где будут работать по окончании вуза: с 68% в 2007 году до 54% в 2015 году. Однако, каждый пятый студент не может ответить, где бы он хотел работать. Такой инфантилизм, понятно, не отвечает требованиям рынка [4].

Определенная часть студенчества не спешит с выходом на рынок труда, а пытается продлить учебу в тех или других формах (получение второго образования, учебы и стажировки за рубежом, аспирантура, магистрат и тому подобное). Наиболее популярной позицией является получение еще одной специальности, когда студенты учатся одновременно на двух факультетах, используя глазную и заочную, бюджетную и хозяйственно-договорную формы учебы. Это, по нашему мнению, свидетельствует о новой степени адаптации к рыночной экономике, об осознании будущими специалистами необходимости повысить свою конкурентоспособность. В то же время эту тенденцию мы расцениваем

неоднозначно. Есть опасность, что некоторые студенты младших курсов, которые еще не усвоив азы первой специальности, уже переключаются на освоение второй, могут оказаться отчужденными от профессионализма как стили социальной деятельности, а вместе с тем – и отказаться от профессиональных моделей поведения в социальной реальности.

Согласно результатам проведенных авторами в 2014 году исследований, в условиях глубинных трансформаций происходят определенные изменения в представлениях молодых людей о необходимых качествах специалиста с высшим образованием. Их удалось зафиксировать в ходе глубинных качественных интервью, проведенных авторами со студентами Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (n = 40), Украинской инженерно-педагогической академии (n = 40) и Народной украинской академии (n = 40). Да, все старшекурсники, осмысливая модель современного специалиста, отметили безусловный приоритет профессиональных знаний. На второе место вышли такие качества, как инициативность и самостоятельность в принятии решений, на третье – организационные навыки, умения работать с людьми. Важными качествами специалиста в условиях рыночной экономики считаются попытки постоянно совершенствовать свои знания, креативность, а также умение работать в условиях конкуренции. Удалось также зафиксировать такую тенденцию: студенты-старшекурсники технических факультетов в наибольшей степени ценят творческий подход к делу, умение пополнять свои знания, инициативность, самостоятельность, а особенно – умение работать в условиях конкуренции. Это свидетельствует о том, что наиболее приближенной к рыночным условиям выглядит идеальная модель специалиста с высшим техническим образованием, хотя уверенность таких студентов, что они смогут найти работу, невысока.

В целом, по результатам проведенного исследования можно сделать выводы: за последние годы в Украине произошли определенные сдвиги в структуре ценностных ориентаций студенчества, хотя они носят достаточно

противоречивый характер и не могут быть оценены однозначно как движение в сторону рыночных ценностей. Анализ показывает, что основными целями образовательной деятельности студентов являются: повышение социального статуса, овладение профессией, достижение конкурентоспособности на рынке труда. При этом молодые люди в достаточной мере представляют себе, что само по себе высшее образование не дает гарантий материальной обеспеченности и успешной карьеры. Усиливается тенденция прагматического отношения к высшему образованию, а также к использованию вуза как инструмента социальной защиты. «Нерыночное» отношение к образованию проявляется в том, что оно все же остается не социальной технологией получения и накопления знаний в вузе и за его границами, а превращается в своеобразный социальный ритуал. Достаточно опасной нам представляется наметившаяся в последнее время тенденция депрофессионализации образования, увлечения параллельным обучением по двум специальностям, что нередко приводит к формально-прагматическому отношению к учебной деятельности. Значительная часть студентов демонстрируют нерыночные модели мышления и поведения на рынке труда, они следуют устоявшимся стереотипам выбора «рыночных специальностей», возлагаются в трудоустройстве на неформальные сети.

Таким образом, отмечая в целом переориентацию образовательной парадигмы на углубленную мотивацию получения знаний, прагматическое устремление самостоятельно их добывать и эффективно использовать для реализации карьерных целей, мы отмечаем «нерыночное» в целом отношение к специальности, недостаточное акцентирование формирования профессиональных компетенций с учетом современных требований к специалистам.

Для модернизации профессионального образования необходимым является практическое внедрение двух основных условий: 1) профессиональное образование должно развиваться как педагогическая система; 2) оно должно являться достоянием личности. Для достижения этих

целей важно использовать методологический потенциал субъектно-ментального подхода, суть которого составляет гибкое использование современных смыслов профессионального образования с целью достижения оптимальных результатов по отношению к каждому из субъектов профессионального образования.

Список использованной литературы

1. Образовательный потенциал Харьковщины : монография / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. Е. В. Астаховой и Е. А. Подольской ; авт. кол.: В. И. Астахова и др. – Харьков : Изд-во НУА, 2013. – 520 с.

2. Подольська Є. А. Евристичний потенціал методологічних підходів до аналізу можливостей вищої школи у формуванні сучасного фахівця / Є. А. Подольська // Соціально-гуманітарні аспекти педагогіки вищої школи : зб. наук. статей. – Харків : ХДАДМ, 2008. – С. 61–63.

3. Пономарева Н. С. Организационно-педагогические условия формирования готовности студентов технических специальностей к инженерной инновационной деятельности [Текст] / Н. С. Пономарева // Образование и общество. – 2011. – № 4. – С. 22–26.

4. Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций : монография / Нар. укр. акад. ; под общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков : Изд-во НУА, 2010. – 408 с.

5. Ходусов А. Н. Прогнозирование стратегии развития профессионализма будущего специалиста в системе высшего профессионального образования / А. Н. Ходусов // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2009. – № 7. – С. 14–19.

УДК: 316.422.4

ББК: (С)60,56

Слепухин, А.Ю. || Наташкина, Е.Ю.

Интернационализация как главный тренд развития высшего
образования

Slepukhin, A. || Natashkina, E.

Internationalization is a trend of development of higher education

Аннотация:

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятий глобализации и интернационализации в сфере высшего образования. Данные процессы являются взаимодополняющими. Интернационализация играет важную роль для экономического и социального развития государства. В результате внешнего взаимодействия повышается эффективность высшего образования в области научных исследований, поиске инноваций, появляется доступ к научным разработкам иностранных ученых, что может быть затруднено в условиях изоляции. Существует возможность проводить совместные исследования и разделять расходы по их выполнению между участниками. Важным является и развитие межкультурного признания. Благодаря мобильности студентов и преподавателей увеличивается международная составляющая в учебных программах вузов, строятся прочные связи между университетами разных стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Abstract:

The article discusses various approaches to the definition of the concepts of globalization and internationalization in higher education. These processes are complementary. Internationalisation has an important role for economic and social development of the country. As a result of an external interaction increases the efficiency of higher education in the field of research, the search for innovation,

there is access to the scientific development of foreign scientists, which can be difficult in terms of isolation. To conduct joint research and share the costs of their implementation between the parties are possible. And the promotion of intercultural recognition is important. Because of mobility of students and teachers, the international component of educational programs is increasing; the strong links between universities in different countries are appearing.

KEYWORDS: INTERNATIONALIZATION, GLOBALIZATION, HIGHER EDUCATION.

Процессы интернационализации и глобализации, происходящие в современном обществе, являются основной тенденцией, которая обуславливает трансформацию системы международных отношений во многих сферах общественной жизни, определяет ее историческое развитие.

Не существует единого мнения о том, что такое глобализации и в какой период появилось данное явление. Большинство авторов описывают глобализацию как усиление взаимозависимости в экономической, политической и культурной сферах, а также влияние интеграции на социальную действительность. Часто подчеркивается роль научно-технических достижений, процессов унификации и дерегулирования экономики [17].

Впервые термин «глобализация» употребил К. Маркс: «Теперь мировой рынок существует на самом деле. С выходом Калифорнии и Японии на мировой рынок глобализация свершилась» [1]. В этом определении подразумевается развитие международной торговли, в том числе между отдаленными регионами мира. По словам В. Ленина [3], в начале XX века вывоз товаров был заменен на вывоз капитала.

У. Бек, представитель социологии глобализации и создатель контейнерной теории общества, предложил следующее определение: «глобализация означает разрушение единства национального государства и национального общества; образуются новые силовые и конкурентные

соотношения, конфликты и пересечения между национально-государственными единствами и акторами, с одной стороны, и транснациональными акторами, идентичностями, социальными пространствами, ситуациями и процессами – с другой» [2]. То есть процесс глобализации способствует «обесцениванию локальных культур и возникновению третьих культур».

Споры о глобализации как мировом процессе и ее последствиях ведутся в различных областях социально-гуманитарного знания. Многие исследователи (И. Валлерстайн [4], А. Дмитриев [5], Б. Кузык [6], М. Маклюэн [19] Ю. Яковец [6]) связывают возникновение и сущность этого исторического феномена с появлением и развитием интеграционных и интернациональных связей внутри человечества. На всем протяжении человеческой истории одной из основных тенденций развития глобального социума выступает усиление важности международного измерения. Учитывая существующие экономические, политические, расовые, этнические, культурные различия, современное общество пришло к состоянию, которое можно назвать «глобальной общностью» или «планетарной цивилизацией» [16].

Важная роль в развитии процессов глобализации отводится кросскультурному принципу взаимодействия наций, основой которого является объединение базовых положений функционирования общества. Глобализация затрагивает различные стороны жизнедеятельности социума и человека: информационную, экономическую, экологическую и др. Нельзя объединить различные сферы глобализации воедино, так же как и нельзя выделить в качестве основной экономическую либо иную ее область. Данный процесс напрямую затронул и сферу высшего образования. Происходит трансформация различных образовательных систем в единую, при этом сохраняются некоторые различия, обусловленные традициями и культурой [15].

По словам Н. Понариной [11], именно образование является одним из центральных факторов развития глобализации. В конце XX века государственные системы образования ориентируются на подготовку экономически значимого ресурса – специализированных кадров. Появляется новая модель – «образование как предприятие», цель которой – получение прибыли на международном рынке образовательных услуг. Но из-за возникновения этнокультурных и экологических рисков возникает необходимость рассматривать глобализацию образования с точки зрения социально-ответственных позиций [10].

По мнению П. Скотта, процессы глобализации напрямую затрагивают сферу высшего образования, способствуют распространению национальных культур, также благодаря развитию информационных технологий и глобальных исследовательских сетей происходит стандартизация обучения [14].

Необходимо отметить, что вузам предстоит адаптироваться к современным социально-экономическим и политическим условиям, проявить гибкость к изменениям внешней среды, найти определенный баланс между сотрудничеством с государством, с одной стороны, и глобальным миром – с другой [9]. Для того чтобы глобализация высшего образования не имела отрицательных последствий, необходимо учитывать уровень гуманизации и социализации в обществе.

Кроме процесса глобализации, происходит также интернационализация общества. Данные процессы являются взаимопроникающими, но имеют различные значения. Глобализация – это «возникновение гибридной мировой культуры и смешение национальных традиций», а интернационализация – это «становление национальных государств-сообществ и их взаимодействие между собой» [11].

Г. Семеко [12] провел анализ тенденций развития международного сообщества и выделил основные векторы развития процессов глобализации и интернационализации:

– данные процессы проявляются в экономических, политических и информационных отношениях (до конца 1990 гг.);

– как реакция на первый этап, захватывают этнокультурные и социально-экономические стороны общественной жизни.

Рассмотрим различные подходы к определению интернационализации образования. По мнению Д. Лейна [7], литература, в которой можно найти информацию об интернационализации, ограничена и сводится в основном к политическим отчетам, научным статьям и национальным стратегиям. Неизвестно, как именно нужно составлять государственную стратегию в области интернационализации высшего образования. Также нет оценки вклада правительственных организаций в развитие данной области. Д. Лейн выбрал конструктивистский подход при описании интернационализации, в соответствии с которым существуют различные факторы, которые способствуют или препятствуют этому процессу.

По мнению Дж. Найт [18], интернационализация – это «процесс внедрения международного аспекта в исследовательскую, образовательную и обслуживающую функции высшего образования. Особенностью данного определения является неразрывная взаимосвязь всех функций высшего образования в процессе интернационализации и комплексное влияние интернационализации на эти функции». Интернационализация связана с «процессом интегрирования международного, межкультурного или глобального измерения в цели, функции или обеспечение высшего образования» [18].

В соответствии с позицией Дж. Найт, «ключевым элементом интернационализации является идея отношений между нациями или культурными идентичностями, подразумевая сохранение национального государства и культуры». По словам автора, понятие интернационализация включает несколько аспектов:

– международную деятельность, например академическую мобильность студентов и преподавателей, международные образовательные

сети, партнерства и проекты, новые международные образовательные программы и исследовательские инициативы;

- реализацию образовательного потенциала в других странах посредством новых видов деятельности, таких как создание филиалов, заключение договоров на предоставление лицензий, использующих широкий спектр методов очного и дистанционного обучения;

- включение в образовательный процесс международного, межкультурного и/или глобального измерения;

- способ повысить позицию университета в национальном или глобальном рейтинге или привлечь лучших студентов и преподавателей из других стран [18].

П. Скотт считает, что одним из эффектов глобализации является гомогенизация культуры, но интернационализация должна рассматриваться как совершенно иная концепция – за счет положения об уважении и сохранении национальных особенностей государств. Тем не менее, обе эти концепции связаны через масштаб, в котором интернационализация высшего образования не может трактоваться независимо от происходящих параллельно процессов глобализации в экономической и социальной сферах.

Р. Лапытов [18] полагает, что интернационализация высшего образования является переходным этапом к более масштабному процессу – глобализации. Происходит интеграция национальных образовательных систем, их переход к транснациональным.

По мнению А. Слепухина [15], глобализация «стирает» какие-либо национальные границы, интернационализация, в свою очередь, предполагает деятельность в пределах государственных систем образования с учетом развития международного аспекта. В процессе интернационализации образования происходит развитие международных отношений, это помогает совершенствовать национальные и региональные системы образования, находить совместные решения многих проблем.

С. Баташова и Г. Синицина [13] к интернационализации высшего образования относят, прежде всего, интернационализацию самого учебного процесса: заимствование новых эффективных технологий, усиление международной составляющей в образовательных программах, например углубленное изучение таких дисциплин как иностранные языки, мировая культура, история, культурология и т.д., внедрение новой системы оценки студентов.

Можно сделать вывод, что в современном мире интернационализация стала неотъемлемой составляющей сферы высшего образования, ее приоритетность прослеживается в государственной политике, стратегиях развития вузов, международных соглашениях. Ключевыми акторами интернационализации являются вузы, государственные организации, региональные и международные ассоциации. Правительства финансируют вузы только по результатам их деятельности, поэтому высшее образование перестало быть затратной сферой, в настоящее время это выгодный сектор экономики. Главная задача – это соответствие экономическим и социальным потребностям общества.

Процессы интернационализации стали причиной роста конкуренции в сфере инноваций и образования, а также перехода от социально-культурных оснований к политическим и экономическим. Все чаще термин интернационализация связывают с характеристикой международных, межкультурных, глобальных явлений, что приводит к изменению его первоначального значения. Многие исследователи отмечают, что основной задачей вуза наряду с повышением качества образовательных услуг стало приобретение международного признания и высокого статуса. Благодаря этому привлекаются талантливые студенты и специалисты, которые вносят вклад в науку и экономику страны. Изначальной функцией интернационализации были развитие сотрудничества, обмен опытом, взаимовыгодное партнерство. В результате трансформации данный процесс теперь характеризуется коммерциализацией и конкуренцией. В условиях

рыночных отношений интернационализация перестала быть противоположным явлением глобализации. Но, несмотря на все изменения, интернационализация высшего образования приносит огромный вклад в развитие людей, вузов, стран и мира в целом.

Список литературы

Аттали Ж. Карл Маркс. Мировой дух. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 56.

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 26.

Бородин С. Грядущая цивилизация «новых кочевников». Национальная безопасность и геополитика России. 2001. № 1 (18). С. 17-19.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века М.: Логос, 2004.

Дмитриев Ю., Пиголкин А., Головастикова А. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2013.

Кузык Б., Яковец Ю. Цивилизации. Теория, история, диалог, будущее. Т. 5. Цивилизации. Прошлое и будущее. Изд.: Институт экономических стратегий, 2008.

Лейн Дж. Интернационализация высшего образования: краткий обзор правительственных целей и стратегий. Императивы интернационализации. М.: Логос, 2013. С. 139-162.

Найт Дж. Развитие интернационализации: новые подходы... и непредвиденные последствия. Императивы интернационализации. М.: Логос, 2013. С. 69.

Налетова И.В. Вызовы глобального мира. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 137-143.

Налетова И.В. Высшее образование как один из приоритетов государственного развития в современном мире. Тамбов, 2009. С. 16-24.

Понарина Н. Н. Глобализация высшего образования и проблемы интернационализации образовательных систем. Общество, социология, психология, педагогика. М: ХОРС, 2012. № 3. С. 37-31.

Семеко Г.В. Высшее образование в условиях глобализации экономики // Экономика образования. 2010. № 6. С. 39-45.

Синицына Г.П., Баташова С.М. Некоторые аспекты интернационализации высшего образования // Педагог: наука, технология, практика. 2003. С. 53-56.

Скотт П. Глобализация и университет // Alma mater. М. 2000. № 4. С.3-8.

Слепухин А.Ю. Высшее образование в условиях глобализации: проблемы, противоречия, тенденции. М.:ФОРУМ, 2004. С. 3.

Тужба Э.Н. Глобализация: основные измерения и подходы к пониманию // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. №1-2. С. 13-20.

Frieden M. Editorial: Ideological Boundaries and Ideological Systems. Journal of political ideologies. 2003. Vol. 8. No. 1. P. 3-4.

Knight J. Updated Internationalisation Definition. International Higher Education. 2003. Vol. 33. P. 2-3.

McLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. N.Y.: Bantam, 1968.

УДК 316.62

Науменко, Д.В. || Яковлева, И.П.

Отношение студенческой молодежи к проблеме насилия в межличностном взаимодействии (на примере студентов КубГТУ)

Naumenko, D. || Yakovleva, I.

Students` attitude to the problem of violence in interpersonal interaction (on the example of KubSTU students)

В статье рассмотрена роль насилия в современном российском обществе. На материалах социологического исследования анализируется отношение студенческой молодежи к проблеме насилия.

The article describes the role of violence in contemporary Russian society. The students` attitude to the problem of violence is analyzed on the material of sociological research.

НАСИЛИЕ, ФОРМЫ НАСИЛИЯ, КОНФЛИКТ, МОЛОДЕЖЬ

VIOLENCE, FORMS OF VIOLENCE, CONFLICT, YOUTH

В последние десятилетия отечественные ученые постоянно говорят о росте уровня насилия в России [1, с. 142]. Эту тенденцию связывают с противоречивым состоянием нестабильности и неопределенности, характерным для современного глобализирующегося мира, рискогенностью современных обществ (в том числе и российского). Как отмечает Е.В. Черников, в изменяющихся макро- и микросредовых условиях формируются новые ценности, далеко не всегда способствующие гармонизации межличностных отношений и развивающие толерантность личности [2, с. 167]. Прежде всего это сказывается на молодежи, разрушая привычные стереотипы их поведения, делая насилие неизбежной составляющей социального взаимодействия.

Насилие можно определить как целенаправленное силовое принуждение, действие одного субъекта над другим субъектом, осуществляемое с определенной целью, вопреки согласию, воле и интересам

последнего [3, с. 166]. Насилие в обществе возникает на трех уровнях – межличностном, групповом, социальном. Социальное насилие представляет собой деструктивное состояние политической, экономической, социокультурной и социально-бытовой организации общества, препятствующее реализации социальных потребностей на индивидуальном, групповом и социетальном уровнях. Под групповым насилием следует понимать деструктивные взаимодействия социальных групп, направленные на реализацию групповых интересов. Межличностное насилие характеризует действия индивида, причиняющие психологический, физический или экономический ущерб другому индивиду [4, с. 182].

С целью выявления отношения современной российской молодежи к проблеме насилия в межличностном взаимодействии было проведено социологическое исследование среди студентов Кубанского государственного технологического университета в возрасте от 17 до 21 года.

В ходе исследования было выявлено, что для большинства респондентов (78%) насилие связано прежде всего с физическим воздействием (причинение боли, нанесение вреда физическому здоровью и т.д.). 18% опрошенных считают, что насилие – это прежде всего моральное, психологическое воздействие на другого человека (нанесение вреда его психическому здоровью). 2% студентов понимают под словом насилие всё вышеперечисленное (оба вида насилия).

Как показывают теоретические и практические исследования проблема насилия тесно связана с возникающими на межличностном уровне конфликтами (в семье, на работе, в студенческом коллективе и т.д.).

Опрос показал, что чаще всего студенты вступают в конфликты с членами своей семьи, чуть реже – с друзьями и значительно реже – с одноклассниками (полные данные представлены в таблице 1). Очень редко или никогда студенты не конфликтуют с преподавателями и другими людьми.

Таблица 1 – Частота ссор, скандалов возникающих у респондентов с окружающими людьми, %

	Почти каждый день	Раз или два в неделю	Раз или несколько раз в месяц	Реже	Никогда не возникают
С членами семьи	6	10	33	37	14
С друзьями	2	9	23	41	25
С одноклассниками	6	11	17	29	37
С преподавателями	-	-	5	45	50
С другими людьми	-	7	13	49	31

К причинам проявления насилия респонденты чаще всего относят пьянство, наркоманию (76 %), низкий культурный уровень (68 %) и личную неприязнь (58 %). Реже использование насилия в межличностном взаимодействии студенты объясняют особенностями характера (48 %), личными (28 %) и материальными (18 %) проблемами.

Наиболее часто используемыми формами насилия, с которыми сталкиваются опрошенные студенты, являются насмешки, издёвки; унижения, оскорбления, брань, контроль семейного бюджета и единоличное принятие финансовых решений. Каждый месяц этим видам насилия подвергаются 63%, 53% и 38% респондентов соответственно. Полные данные распределения ответов представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Формы насилия, используемые по отношению к респондентам в течение последнего месяца, %

	Почти каждый день	Раз или два в неделю	Раз или несколько раз в месяц	Реже	Никогда	
Насмешки, издёвки	6	12	10	35	37	
Шантаж	-	7	9	11	73	
Унижения, оскорбления, брань		4	3	11	35	47
Контроль семейного бюджета и единоличное принятие финансовых решений	4	6	12	16	62	

Угроза применения насилия	2	-	6	16	76
Толчки, пощечины, швыряние каких-либо предметов	2	2	8		
	16	72			
Удары ногой, кулаком или чем-либо ещё -	2	6	10	82	

Сами респонденты намного чаще используют те или иные формы насилия по отношению к окружающим (смотри таблицу 3). В группу, наиболее часто используемых форм, входят: насмешки, издёвки, шантаж, критика, унижения, оскорбления, брань, упреки, укусы, щипание. В течение месяца их использовали 76%, 48%, 52% и 44% опрошенных студентов соответственно.

Таблица 3 – Формы насилия, используемые участниками опроса в течение последнего месяца, %

	Почти каждый день	Раз или два в неделю	Раз или несколько раз в месяц	Реже	Никогда	
Насмешки, издёвки	22	8	22	24	24	
Шантаж, критика	2	6	10	30	52	
Унижения, оскорбления, брань, упреки	6	10	8	28	48	
Укусы, щипание	6	10	16	12	56	
Угроза применения насилия	2	8	2	18	70	
Толчки, швыряние каких-либо предметов			6	8	6	16
			64			
Удары ногой, кулаком или чем-либо ещё -		4	12	14	70	

Уже отмеченный выше процесс трансформации всех сторон жизни российского общества, безусловно, затронул и представления молодежи о нормах поведения, о допустимых его формах. Нормой для современного российского общества студенты считают следующие виды насилия: словесное оскорбление, упреки, унижения (56 %); постоянная ложь, обман

(26 %); угрозы (14 %); укусы, шипание (14 %); избиения, истязания, сотрясения (8 %); преследования, запугивания (6 %); удары чем-либо (6 %); пощечины, толчки (2 %).

К опасным тенденциям, выявленным в ходе исследования, можно отнести представления молодежи о неизбежности и даже пользе насилия в определенных ситуациях. С высказыванием: «Наша жизнь невозможна без элементов насилия» полностью или частично согласны более половины (52%) респондентов. Ещё большее количество человек в большей или меньшей степени разделяют точку зрения о допустимости элементов насилия в некоторых ситуациях. В какой-то мере это можно объяснить, учитывая ситуации самозащиты, обучения и т.п. Однако, следует учитывать и сложность определения допустимых пределов использования насилия. 45 % участников опроса считают, что иногда насилие имеет благоприятные последствия, полезно для человека и общества.

Таблица 5 – Согласие со следующими суждениями, %

	Полностью согласен	Скорее, да	Скорее, нет	Полностью, не согласен
Наша жизнь невозможна без элементов насилия	14	38	26	22
Насилие допустимо в определенной ситуации	12	46	30	12
Иногда насилие имеет благоприятные последствия, полезно для человека и общества	14	31	31	24

Таким образом, проведенное исследование показало, что насилие на данный момент является неизменной составляющей межличностного взаимодействия студенческой молодежи. Респонденты достаточно часто как испытывают на себе, так и сами прибегают к различным формам насилия. Социальные процессы, происходящие в российском обществе и мире в целом привели к изменению представления студентов о допустимости использования насилия.

Использованная литература

1. Ботова М.Г. Насилие: как социально-психологический феномен // Вестник удмуртского университета. 2010. Вып. 2. Философия. Психология. Педагогика. С.140-142.
2. Черников Е.В. Профилактика агрессии и насилия в межличностном взаимодействии старшеклассников в сельской малокомплектной школе // Образовательная среда сегодня: стратегии развития: материалы II Междунар. науч.–практ. конф. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. № 1 (2). С. 167–176.
3. Бутенко А.П., Миронов А.В. Сравнительная политология в терминах и понятиях. Учеб, пособие. М.: НОУ, 1998. 411с.
4. Тевлюкова О.Ю. Категория насилия в социологии: опыт теоретико-методологического анализа // Наука и миф. 2015. № 7 (23). С. 181-183.

УДК 316.45

ББК 60.56

Окунева Т.В. || Кондратова Д.В.

Мотивы выбора специальности и учебного заведения современных
студентов

Okuneva T.V. || Kondrartova D.V.

Motives choice specialty and educational institution of the modern student

На основании проведенного социологического исследования студентов анализируется степень влияния различных факторов на выбор учебного заведения и специальности. Показано отношение студентов к выбранной специальности, желание реализовывать такие качества как лидерские способности, получить качественные профессиональные знания в выбранной профессии. Сделан вывод о том, что, несмотря на сложность ситуации выбора, а также социально-экономических и политических условий высшее образование не теряет своей ценности, а, напротив, приобретает большую значимость как гарантия занятости, высокого уровня дохода и реализации интересов и потребностей личности.

On the basis of a sociological research of the students, It analyzes the influence of various factors on the choice of institution and specialty. Displaying the students attitudes to the chosen specialty, the desire to implement such qualities as leadership skills, high-quality professional knowledge in their chosen profession. The conclusion is that, despite the complexity of the situation of choice, as well as social, economic and political conditions of higher education doesn't lose its value, but on the contrary, becomes more important as a guarantee of employment, a high level of income and promote the interests and needs of the personality.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ|| ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИИ||
ТРУДОУСТРОЙСТВО|| МОТИВЫ ВЫБОРА СПЕЦИАЛЬНОСТИ
SPECIALTY|| PRESTIGE OF THE PROFESSION|| EMPLOYMENT||
MOTIVES CHOICE SPECIALTY

Высшее образование в наши дни приобретает все большую значимость. Молодые люди стремятся получить высшее образование. Но всегда ли поступление в университет обусловлено желанием освоить интересную профессию? Возможно, желание получить высшее образование, а также выбор учебного заведения связан с тем, что молодые люди хотят лишь повысить свой социальный статус, гарантировать себе занятость по престижной профессии, обеспечить желаемый уровень дохода. Чем же обусловлены мотивы их деятельности?

В настоящее время выпускники школ оказываются в сложной ситуации, что обуславливает сложность их последующего выбора и планирования жизненного пути. Произошедшая смена в экономических и социально-политических отношениях оказала очень серьезное влияние на формирование стереотипов трудового поведения родителей первокурсников, что довольно затруднительно, поскольку «Чаще всего родители являются носителями ценностей советского периода, поэтому не способны (да и не желают, поскольку большинство понимает их бесперспективность) передать молодому поколению ценности достижения успеха в новых условиях, формирования взаимоотношений в трудовой деятельности и т. д.» [5, с. 135].

Подобная ситуация осложняется еще и тем, что в современных условиях молодежь практически не имеет альтернативы высшему образованию: низкий престиж рабочих профессий, которые «утратив свою значимость и престиж в перестроечное время, продолжают находиться на периферии социальных отношений» [3, с. 68], а также требования работодателей определяют приоритет высшего образования сначала в сознании родителей, а потом и выпускников школ.

По нашему мнению, факторы, влияющие на выбор профессии можно разделить на две основные группы: внешние и внутренние. Внутренние факторы, включают себя наличие склонностей (интересов) и способностей, а также притязания (предпочтения). К числу внешних факторов относятся мнение родителей, сверстников, личный профессиональный план, знания о

профессии. Взаимосвязь внешних и внутренних факторов в совокупности и определяет мотивацию молодого человека при поступлении в высшее учебное заведение, а также определяет выбор учебного заведения.

С целью определения влияния обозначенных факторов на выбор учебного заведения в ноябре-декабре 2015 года нами было проведено социологическое исследование студентов 1 курса Уральского государственного университета путей сообщения (УрГУПС). В исследовании приняло участие 372 студента очной формы обучения всех факультетов (на основе квотной выборки).

Исследование показало, что на выбор учебного заведения в большей степени оказали рекомендации знакомых и друзей (77,7%), в меньшей степени повлияли такие источники информации об университете как радио и телевидение (62,8%) и интернет-источники (27,7%). Большинство первокурсников подавали документы в 1-2 ВУЗа (52,6%), практически в два раза меньше поступивших в УрГУПС подавали документы в 3 вуза (28,6%), что говорит о направленности и осознанности выбора.

Большинство респондентов (83,1%) отметили, что их мнение было решающим при выборе учебного заведения и специальности, но 60% респондентов также отметили, что родители оказывали влияние на этот выбор.

Наибольшее влияние на принятие решения о поступлении оказали такие факторы как получение перспективной специальности (70,5%), желание получить высшее образование (69,5%), престиж вуза (44,2%), интерес, склонность к специальности (37,9%). В меньшей степени влияние на выбор вуза оказывает мнение родителей, наличие знаний по профильным предметам, возможность поступить на бюджет.

Образование, в данном случае, может рассматриваться как возможность «достижения таких целей как: получение диплома, повышение престижа, возможность сделать карьеру» [1, с. 81]. Исторически ценность знания воспринималась как терминальная и соответствовала суждению, что

знания – главное достояние человека. Можно сказать, что формирование этой ценности связывается молодежью не только с личными достижениями, сколько с обеспечением для этого благоприятных условий.

Университет, как место получения высшего образования рассматривается абитуриентами с двух позиций – наличие возможности получить высшее образование как таковое – для создания условий карьерного роста и обеспечения социального статуса, а с другой – приобретение знаний для качественного развития личности, формирования базы для обеспечения социального успеха, конкурентоспособности на рынке труда. И действительно, современная молодежь находится в ситуации, в которой необходимо очень быстро приспосабливаться к требованиям окружающей среды: работодателей, конкурентов, отвечать таким критериям и требованиям, которые меняются также достаточно быстро, и, как справедливо отметил А.В. Меренков «Жизнь превращается в некий эксперимент по приспособлении к конкретным, сиюминутным ситуациям» [2, с.73]

Несмотря на то, что образовательные потребности и траектории молодежи не всегда формируются адекватно объективной реальности, высшее образование является по преимуществу начальной точкой будущего жизненного пути. Исследователи отмечают, что «в плане самоопределения это похоже на то, что молодой человек, рисуя в своем воображении некую карту своего жизненного пути, как бы обозначает первую (начальную) и конечную его точки, а вот над самой траекторией не задумывается» [4, с. 62].

Тем не менее, мы не можем однозначно утверждать, что получаемая специальность студентов не интересует. Заинтересованность в обучении и интерес к выбранной специальности по-прежнему занимают лидирующие положения. Студенты стремятся реализовать свои лидерские качества (38,3%) и получить хорошие профессиональные знания в выбранной области (56,8%). Также студенты достаточно оптимистично оценивают свои шансы на карьерный рост в выбранной профессии: более 80% опрошенных

отметили, что рассчитывают на продвижение по карьерной лестнице, и более 90% первокурсников уверены в том, что уровень будущего дохода по осваиваемой специальности будет не ниже среднего, достаточного для достойного существования. Более 80% опрошенных считают свою специальность востребованной, и планируют связать с ней свое будущее.

В опросе принимали участие также студенты более старших курсов, что позволило выявить ряд интересных закономерностей. Так, заинтересованность в получаемой специальности сохраняет главенствующее положение, однако, среди студентов 3 курса(7,1%) появляются студенты, недовольные своим выбором. По нашему мнению, это основывается на том, что на третьем курсе начинается серьезное освоение специальных дисциплин, что ставит студентов перед выбором: действительно ли изучение данного материала ему интересно. Именно студенты 3 курса наиболее критичны по многим вопросам анкеты, так как в их студенческой жизни происходит переосмысление ценностей и мотивов.

Желание развивать в себе лидерские качества ярче выражено у первокурсников (38,3%), чем у студентов 5 курса (19,4%). Возможность плавного продвижения по карьерной лестнице и среднего уровня дохода остается доминантной позицией у всех студентов. Работать по профессии к окончанию обучения готовы почти половина опрошенных студентов (48,6%).

Интерес к получаемой специальности с каждым курсом постепенно снижается (с 47,4% у первокурсников, до 36,1% у студентов 5 курса), что, по нашему мнению, связано с тем, что студенты получают с каждым годом все большее представление о своей профессии, имеют возможность лучше оценить свои возможности и способности и перспективу реализации профессионального потенциала в выбранной ими сфере.

Важную роль играет возможность организации трудоустройства по окончании обучения. Студенты выпускных курсов считают, что университет предоставляет возможности трудоустройства. Тем не менее, этот показатель различен для выпускников разных специальностей. Так. Выпускники .

В процессе исследования было выявлено, что большинство студентов желают продолжить обучение в магистратуре/аспирантуре (34,7%), а так же получить второе высшее образование (24,2%). По специальности намериваются работать 29,5% опрошенных выпускников, а не по специальности всего лишь 5,3%. Это указывает на то, что возрастает значимость высшего образования в молодежных кругах. Стремление получить качественные профессиональные знания и развиваться как личность является главным мотивом обучения.

Что касается процесса обучения, то большинство студентов (33,7%) уверены, что теоретические знания обеспечиваются практическими навыками, что дает более полную картину обучения. Учебные практики играют важную роль в развитии и становлении будущих профессионалов своего дела, и как показали исследования, ВУЗ полностью удовлетворяет потребность в них.

На учебный процесс немаловажное влияние оказывает уровень и качество преподаваемых дисциплин и их грамотная расстановка в расписании. Как показали результаты исследования, большинство студентов довольны данными факторами.

Подводя итоги, можно уверенно говорить, что значимость высшего образования в наши дни велика. Большинство студентов довольно обдуманно подходят к вопросу выбора учебного заведения и специальности. Главными мотивами выбора по-прежнему остаются качество получаемого образования, престижность будущей специальности и возможность дальнейшего трудоустройства.

Библиографический список

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социокультурный механизм формирования отношения молодежи к образованию // Социс. 2013. №1. С.78-90

Меренков А.В. Человек между культурой прошлого и будущего // Дискуссия. 2014. №3 (44). С.70-76

Окунева Т.В. Особенности культуры труда современных рабочих // Дискуссия. 2014. №6 (47). С.62-69

Онипко А.А. Образовательные потребности и траектории современной молодежи // Дискуссия. 2013. - №2 (32). С.64-67

Шестопалова О.Н. Особенности процесса стереотипизации трудового поведения молодежи // Дискуссия. 2013. № 1 (31). С. 132-137.

**Инструментальный аспект управления адаптацией
нового персонала вуза**

Piskunova, O.

**Tool aspect of the adaptation process
of higher education institution new personnel**

Аннотация: В статье рассматривается необходимость разработки инструментов управления процессом адаптации для новых сотрудников высшего учебного заведения на примере конкретного вуза. Исследования показали, что внедрение новых информационных технологий в учебный процесс не дают возможности новым сотрудникам в полной мере выполнять свои обязанности. Актуальность данной темы была подтверждена нами в процессе исследования конкретного высшего учебного заведения методами наблюдения и опроса. Изучены основные трудности, с которыми сталкивается новый сотрудник в вузе и выявлены главные причины неуспешной адаптации. Предложены к разработке новые инструменты управления адаптацией новых сотрудников.

Abstract: The article discusses the need to develop tools to manage the adaptation process for new employees of higher educational institutions, for example, the specific University. Studies have shown that the introduction of new information technologies in the educational process, not allowing new employees to fully perform their duties. The relevance of this topic was confirmed by the us during the study, specific higher education institutions, through observation and questioning. Studied the main difficulties faced by a new employee at the University and identified the main causes of unsuccessful adaptation. Proposed to develop new instruments of management of adaptation of new employees.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АДАПТАЦИЯ, УПРАВЛЕНИЕ АДАПТАЦИЕЙ, ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ АДАПТАЦИЕЙ,

НОВЫЙ РАБОТНИК, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ

KEYWORDS: ADAPTATION, MANAGEMENT ADAPTATION, A NEW EMPLOYEE, INFORMATION TECHNOLOGY, HIGH SCHOOL

В процессе трудовой деятельности каждый из нас когда-то был новым сотрудником и сталкивался с проблемами адаптации. Чаще всего этот период бывает очень непростым. Работник испытывает сильнейший стресс, негативно воздействующий на его профессиональные, психологические и физиологические показатели. Новая организация – это всегда коллектив незнакомых людей с непредсказуемым поведением, непонятными привычками, эмоциями и наклонностями, демонстрирующих незнакомые новичку модели поведения. Новый работник сталкивается с совершенно новой для себя организационной культурой, с незнакомыми правилами, нормами и условностями. У работника неизбежно возникают сложности при адаптации к новому рабочему месту или новой профессии (специальности). Единственно правильным, естественным решением работодателя и обязанностью его службы управления персоналом становится работа по управлению адаптацией нового сотрудника. Если руководители процесс адаптации пускают на самотек, возникает множество кадровых рисков, связанных как с возможностью быстрого ухода работника из организации, так и множеством ошибок новичка. Если руководители заботятся о своих кадрах, то на предприятии разрабатываются общие и специальные программы адаптации новых сотрудников, существенно снижающие кадровые риски.

Объектом нашего исследования является адаптация новых работников высшего учебного заведения, а предметом – управление этим процессом посредством разработки специальной технологии и инструментов. Под управлением адаптацией сотрудников компании понимается целенаправленная деятельность субъектов адаптации, ориентированная на успешное прохождение новичками испытательного срока и их закрепление на рабочих

местах. [1, с.165] Социологическое исследование, проведенное методами опроса и наблюдения, проведенное нами в Уральском государственном университете путей сообщения, показало, что главными причинами неуспешной адаптации новых сотрудников являются:

отсутствие четкой и объективной информации об университете и о его структуре;

недостаток у нового сотрудника специальных знаний и навыков, необходимых для выполнения своих прямых обязанностей;

отсутствие инструментов управления процессом адаптации новых сотрудников;

невозможность прохождения курсов подготовки новых преподавателей для работы, внедренных в университете специализированных программ;

отсутствие взаимопонимания с коллегами или руководством.

Кроме того, внедрение новых информационных технологий в процесс обучения студентов приводит к непониманию новым сотрудником вуза (преподавателем) поставленных задач и способов их выполнения.

Процесс приспособления нового сотрудника охватывает четыре основных направления:

1. Психофизиологическая адаптация, т.е. приспособление нового работника к ритму и режиму рабочего дня, условиям труда, рабочему месту, физическим и психологическим нагрузкам.

2. Социально-психологическая адаптация, т.е. знакомство с организационной структурой компании, взаимоотношениями внутри коллектива, каналами и формами внутриорганизационных коммуникаций, неформальной (межличностной) структурой коллектива, корпоративными традициями и ценностями, принятыми стандартами и нормами поведения, способами и методами взаимодействия.

3. Профессиональная адаптация, под которой подразумеваются развитие профессиональных навыков и умений на новом рабочем месте,

соответствие критериям оценки результатов труда, выполнение вмененных обязанностей. [2, с.96]

4. Организационная адаптация, которая включает сознание роли рабочего места и его организационного статуса в общей организационной структуре, а также понимание особенностей организационного механизма управления фирмой, особенностей организации труда, режимом работы, системой управления, подготовленность сотрудника к восприятию, а также к реализации нововведений. [3, с.86]

Адаптация, как правило, занимает от 3 до 12 месяцев. Самыми непростыми считаются первые два-три месяца. Этот период может совпадать с испытательным сроком. Если же в организации разрабатываются и внедряются программы адаптации новых сотрудников, то срок освоения на новом месте существенно сокращается, а благодаря хорошо продуманному процессу адаптации и разработке его инструментов новые сотрудники быстрее «вливаются» в трудовые коллективы и раскрывают свой потенциал.

Проводя исследования в университете, мы отметили необходимость разработки таких инструментов управления процессом адаптации новых сотрудников. По нашему мнению, университет нуждается в разработке следующих инструментов управления адаптацией: [4, с.164]

нормативные инструменты, определяющие права и обязанности всех заинтересованных лиц («Положение об адаптации», «Положение о наставничестве»);

организационные инструменты, такие как перечень необходимых мероприятий, облегчающих вхождение новых сотрудников в организацию (программы адаптации, индивидуальный план развития новичка, экскурсии по предприятию, обучающие курсы);

информационные инструменты, обеспечивающие новых сотрудников достаточной информацией, для успешного выполнения своих должностных обязанностей (терминологический словарь новичка, справочник нового

сотрудника, «страничка новичка» на внутреннем сайте университета, памятка, и т.д.);

инструменты обратной связи, посредством которых можно получить объективную оценку успешности адаптации (лист оценки работника, отзывы о наставничестве, отзыв молодого специалиста об эффективности действующего наставничества, бланк выполнения задач на период испытательного срока и т.д.);

институциональные инструменты (институты наставничества, кураторства).

Процесс адаптации нового сотрудника можно разделить на четыре периода, на каждом из них предполагается выполнить определенные задачи.

Первый период начинается за несколько дней до выхода нового сотрудника на работу. Специалисты службы персонала должны согласовать дату выхода нового сотрудника с руководителем подразделения, организовать подготовку рабочего места, проверить обеспеченность рабочего места необходимой оргтехникой, канцелярскими товарами и расходными материалами, телефонным аппаратом, подготовить и информационные материалы, выдаваемые новым сотрудникам в первый рабочий день. К таким материалам могут относиться буклеты, брошюры или памятки для новых сотрудников, в которых содержится миссия и история вуза, правила внутреннего трудового распорядка, словарь специфических терминов и сокращений (УМКД, РПД, ПО и пр.), списки внутренних и внешних телефонных номеров, образцы необходимых документов и т.п.

В течение этого времени непосредственный руководитель подразделения проверяет наличие актуальной должностной инструкции, определяет наставника – во многих организациях применяется наставничество как основной метод адаптации персонала.

Второй период начинается в день выхода сотрудника на работу. Специалисты службы персонала встречают новых сотрудников, проводят все необходимое кадровое оформление, дают рекомендации к первому рабочему

дню и сопровождают до рабочего места. Непосредственный руководитель и специалист службы персонала представляет нового сотрудника всему коллективу и знакомит с наставником. Сотрудник знакомится с должностными обязанностями, системой стимулирования, организационной структурой, порядком выдачи заработной платы и т.п. Наставник или непосредственный руководитель знакомит с правилами внутреннего распорядка (количество рабочих дней, часов, продолжительность обеденного перерыва, график работы, пропускная система и т.п.), предоставляет информацию личного характера (расположение столовой, туалета, места для курения и т.д.), информирует о правилах и традициях, которые сложились в подразделении организации.

Третий период по продолжительности совпадает с испытательным сроком нового сотрудника. В этот период специалисты службы персонала совместно с руководителем подразделения и наставником анализируют компетенции соответствующие должности и разрабатывают индивидуальный план подготовки нового сотрудника. Наставник или специалисты службы персонала знакомят с историей развития организации, ее целями, задачами, стратегиями и т.п., дают рекомендации по ознакомлению с первоочередными документами, регламентами, разъясняют функциональную и организационную структуру организации, знакомят с планом работы нового сотрудника на испытательный срок.

В течение всего испытательного срока непосредственный руководитель или наставник проводит с новым сотрудником адаптационные беседы. Основная цель – помочь сотруднику быстрее и легче адаптироваться в организации, выявить его сильные и слабые стороны, определить его цели, мотивацию и потенциал, получить обратную связь о вхождении в коллектив, о взаимодействии с непосредственным руководством. Таким образом получить общее впечатление от работы нового сотрудника для установления и корректировки возможных сложностей, связанных с адаптацией.

Непосредственный руководитель или наставник анализирует результаты бесед и фиксирует их в адаптационных отчетах.

Четвертый период соответствует окончанию испытательного срока и организации аттестационных мероприятий. В конце испытательного срока проводится аттестация (оценка) нового сотрудника. Инициатором проведения аттестации является специалист службы персонала, за исключением досрочной аттестации, когда инициатива исходит от непосредственного руководителя нового сотрудника. Специалисты службы персонала раздают новым сотрудникам оценочные листы для заполнения, затем они анализируются, проводится обсуждение с подведением общих итогов, прогнозируется трудовой потенциал и возможности каждого нового сотрудника. [5, с.135]

Сотрудники службы персонала получают аттестационные документы на нового сотрудника и проводят мероприятия по аттестации. В случае неуспешной аттестации с работником прекращаются трудовые отношения. При положительном исходе аттестации, специалист службы персонала должен ознакомить работника с результатами аттестации, это считается так же и завершением испытательного срока.

Применение эффективных методов адаптации и грамотное внедрение инструментов управления адаптацией нового сотрудника всегда ведет к успешному завершению испытательного срока и экономит издержки организации на поиск, обучение, оценку персонала, а также снижает текучесть кадров в целом по организации и повышает лояльность сотрудников к данной организации.

Библиографический список

1. Васильцова Л.И., Александрова Н.А. Управление адаптацией сотрудников в организации: инструментальный аспект // Известия УрГЭУ. 2012. С.164-167

2. Брюхова О.Ю. Некоторые подходы к пониманию феномена профессионального развития личности. Дискуссия. 2012. №12. (30). С.95-99

3. Управление персоналом в инновационной среде /Под ред. Н.И. Шаталовой. Екатеринбург, 2015. - 275 с.

4. Александрова Н.А., Бучельникова Г.Ф. Управление процессом адаптации сотрудников торговой компании: инструментальный аспект / Управление персоналом в инновационной среде: Сборник научных статей. Под редакцией Н.И. Шаталовой. Екатеринбург: УрГУПС, 2011. С.160-169

5. Актуальные проблемы управления, экономики, культуры: монография под ред. Н.Н. Целищева. Екатеринбург: УрГАУ, 2015. - 340 с.

УДК 316.446

ББК 60.56

Санникова О.В.

Непрерывность российского образовательного пространства как
фактор учебной миграции

Sannikova O.

Continuity of the Russian Educational Space as a Factor of Educational
Migration

Аннотация. В статье рассматриваются причины и следствия образовательной миграции молодежи из российских регионов. Субъективные последствия такой миграции являются неопределенными в связи с разрушением непрерывности российского образовательного пространства. Эти проблемы связаны с кризисом компетентностного подхода к содержанию высшего профессионального образования в России. Согласование требований к образованию со стороны профессиональных сообществ, государства и университетов позволит снизить миграционные риски для образовательных мигрантов.

Abstract. The article analyses the causes and consequences of youth educational migration from Russian regions. Subject consequences of migration are uncertain because of the discontinuity of Russian educational space. These problems are connected with the crisis of competency-based approach towards the content of higher professional education in Russia. The coordination of education requirements between professional communities, the state and universities will allow reducing migration risks for educational migrants.

Ключевые слова: образовательная миграция, образовательное пространство, образовательные риски, содержание образования, образовательные стандарты.

Key words: educational migration, educational system, educational risks, the content of education, educational standards.

Динамика изменений современного общества создает для всех социальных субъектов не только возможности, но необходимость изменений своего места в обществе. Социальные перемещения, мобильность, являются неотъемлемой характеристикой обществ с высокоскоростными преобразовательными тенденциями. Мобильность, связанная с получением образования, становится актуальной в связи с потребностями индивидов в эффективном освоении постоянно обновляющиеся социальных обстоятельств. Для института образования, особенно высшего, образовательная мобильность является источником главного ресурса – учащихся, студентов. Поток человеческого ресурса влечет за собой потоки материальных и финансовых средств, необходимых для существования учреждений образования. Поэтому в глобальном масштабе образовательная мобильность (академическая или учебная) отражает фактически конкуренцию на рынке образовательных услуг между образовательными учреждениями, университетами.

В общем понимании образовательная (учебная) мобильность представляет собой временное перемещение студента для получения специфических знаний, академической подготовки с обязательным последующим возвращением к месту постоянного обучения, проживания. Такая мобильность становится образовательной или учебной миграцией, т.е. по определению Е.И. Самофаловой[1] вовлечением индивидов в социально-географические перемещения с целью получения образования.

Межрегиональную образовательную миграцию все чаще рассматривают в проблемном ключе [2, с. 36–51]. Проблемой для российских регионов становится некомпенсируемый характер образовательной миграции выпускников школ, когда образовательные мигранты не возвращаются в родные места для завершения образования или

трудоустройства, а стремятся сделать свое академическое географическое перемещение необратимым и невозвратным, то такая образовательная миграция становится некомпенсируемой. Некомпенсируемый характер образовательной миграции создается тем, что миграционная убыль населения страны или ее региона не восполняется притоком на эту территорию новых мигрантов, также имеющих образовательные намерения.

Регионы России страдают от активного оттока выпускников школ, стремящихся поступить в столичные вузы, становятся донорами перспективных молодых кадров для центральных регионов. Для национальных регионов эта динамика имеет не только негативные экономические последствия. Снижается образовательный и культурный уровень населения. Некомпенсируемая образовательная миграция молодежи наносит невосполнимый ущерб национальной культуре и языку, этничности в целом. Возникает угроза экономической безопасности регионов, их культурной и социальной стабильности.

Существование такой тенденции объясняют, прежде всего, экономическими причинами. Но, с точки зрения Т.Н. Юдиной, субъективным фактором миграционных процессов, может быть «... динамика личностных установок, предпочтений в сознании и поведении потенциальных мигрантов; интересы, ожидания индивидов и социальных групп в связи со сменой жительства и их подтверждения в действительности...»[3, С.102-109]. Расхождение таких ожиданий и действительности, с которой сталкиваются образовательные мигранты, делают образовательную миграцию проблемой для самого субъекта образования.

Неопределенность результатов такой миграции расширяет возможности выбора, выступает таким объективным фактором, который может стимулировать субъективную активность и творчество образовательного мигранта по отношению к процессу и результату своего образования. Во-первых, это неопределенность «социального заказа» со

стороны рынка труда на специалистов и специальности (направления) выбранные образовательными мигрантами для обучения в иногородних вузах. Потребность в специалистах избранного профиля за 4-6 лет обучения может измениться. Тогда материальные, временные, интеллектуальные затраты абитуриента, обучающегося вдали от родного дома окажутся неоправданными. Во-вторых, неопределенность положения региональных вузов, подвергающихся очередному реформированию и объединению для создания так называемых опорных вузов. В-третьих, неопределенность содержания образования, которое в согласии с двухуровневой системой «бакалавриат-магистратура» и компетентностно ориентированных ФГОС ВПО третьего поколения, формируется самими вузами, что затрудняет межрегиональную мобильность студентов.

Образовательные компетенции, ставшие содержанием образования и образовательными результатами в стандартах третьего поколения, определяются вузами самостоятельно и достаточно произвольно. Поэтому не складывается единства в понимании содержания образования даже в рамках одного и того же направления подготовки. В ситуации академического перемещения внутри страны между разными вузами, но в рамках одного и того же направления подготовки, студент рискует встретиться с совершенно другим пониманием содержания получаемого образования, с другими требованиями к его освоению. Если же академические перемещения, образовательная мобильность является желаемым условием для получения современного и востребованного образования, то для таких перемещений требуется единство и непрерывность образовательного пространства.

Единство образовательного пространства можно понимать как систему согласованных и нормативно выраженных интересов субъектов образования относительно его содержания, результатов и назначения в обществе. Непрерывность такого пространства сводится к общим «правилам игры», конвенциональным нормам формирования содержания образования, распределяющим права и ответственность участников этого процесса.

Проблема обеспечения непрерывности образовательного пространства приобрела новое значение для отечественных университетов, обнаруживших, в частности, проблему статуса профессионального образования в связи с присоединением нашей страны к Болонскому соглашению. В рамках этого соглашения образовательное пространство как единство многообразия является условием индивидуализации образовательного процесса, разновариантной академической мобильности, основанной на единстве требований к профессиональной готовности выпускников европейских вузов в соответствии с единой системой профессиональной квалификации.

Но в свете новых вызовов, перед которыми оказалась Россия в настоящее время, задача профессиональной подготовки, обеспеченной российскими вузами и для российского общества, стала первоочередной.

Во многом судьба отечественных университетов, их российская специфика зависят от того, как будет трактоваться профессиональная подготовка в свете требований российской экономики и производства. Поэтому прежде чем решать вопросы вхождения в единое образовательное пространство Европы, надо было выяснить состояние этого образовательного пространства в собственной стране. Непрерывность этого пространства пытаются обеспечить по европейскому примеру единой трактовкой содержания образования и его результатов в рамках компетентного подхода.

Но присоединение к Болонским требованиям создало для отечественного высшего образования те же проблемы, с которыми столкнулись университеты Болонского соглашения. Главная из них – проблема согласования содержания образования. Восприятие отечественным образованием европейских тенденций привело к многообразию различных университетских стратегий формирования содержания образования, возможностям разнонаправленной академической мобильности для студентов и преподавателей, возможностей участия профессиональных

ассоциаций и работодателей в формировании заказа на содержание образования и контроле за результатами его освоения.

Нет согласия у участников Болонского процесса и по поводу компетенций, трактуемых и как содержание образования, трансформированного в индивидуальный опыт учащихся, и как механизмы формирования образовательных результатов. Появление неопределенности в компетентностной трактовке содержания образования порождает разрыв непрерывности образовательного пространства. Этот разрыв проявляется в многообразии толкования самого понятия «компетентность».

Он проявляется также в проблеме различения компетентности и результата обучения, которые должны равно относиться к содержанию образования и выражаться друг через друга, отражая взаимодействие преподавателя и студента в образовательном процессе. Вопрос о том, чьей ответственностью должно быть формирование компетенций, а чьей – результатов обучения, - не имеет определенного ответа.

Другое проявление такого разрыва связано с неразработанностью единого содержания и механизма контроля за освоением компетенций, поскольку не выработаны до конца способы взаимосвязи между образовательными и профессиональными компетенциями - требованиями к способностям выполнять конкретный вид профессиональной деятельности.

Таким образом, введение компетентностного подхода к содержанию образования разрушило традиционные для России основы единого образовательного пространства. За все годы болонских реформ Россия так и не приобрела новой европейской образовательной архитектуры, просто потому, что ее не существует в качестве готового и согласованного образца.

Этот разрыв между отжившим старым и отсутствующим новым создает проблему не только для государства и общества, поскольку исчезает определенность в направлении изменений системы отечественного образования. Это проблема значима и для основных субъектов образовательного процесса - преподавателей и студентов, для которых

исчезает внешняя социогенная и культурогенная определенность целей и результатов образования, наряду с появлением возможности его самостоятельного конструирования его содержания под индивидуальные потребности.

При этом продолжает действовать постадминистративная модель отношения государства и университета по поводу содержания образования. В этой модели изменение содержания образования осуществляется через введение новых федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС3 и ФГОС3+). Но внедрение новых стандартов ВПО вскрывает ряд противоречий, в частности, - противоречие между компетентностным характером новых стандартов ВПО и сохранением государственного контроля за реализацией их содержания.

Появление профессиональных стандартов и опора на эти стандарты в проектируемых сейчас стандартах ФГОС4 возлагает на вузы основную ответственность за содержание образования и требует от государства и отчетливо выраженной позиции по поводу содержания контроля за достижением образовательных результатов.

Однако на сегодняшний день согласование позиций вузов и работодателей по поводу содержания профессионального образования является только перспективным проектом. Единство образовательного пространства уже не предзадано общими объективированными нормативными требованиями стандарта как готовой модели для реализации. Оно создается взаимодействием институциональных субъектов образовательного процесса, работодателей, государства и университета.

Активность университетов в этом случае заключается в формировании образовательного пространства как конвенциональной нормативно-ценностной среды конструирования содержания профессионального образования. Для этого необходимо установить соглашение работодателей, университета и государства по поводу контроля за результатами образования, зависящим от задачи, поставленной перед

вузом. Необходимо также установить согласованное понимание целей и компетентностной трактовки его содержания образования с учетом специфики российских реалий и изменений в отечественной экономике.

Такие рамочные согласования снизят для студентов - образовательных мигрантов риски, связанные с неопределенностью содержания образования. Студенты смогут использовать открывшиеся возможности образовательной миграции не только для эффективного освоения и воспроизводства определенного массива знаний, но и для формирования собственной проективной образовательной деятельности, самостоятельного поиска и конструирования содержания образования, связанного с конкретной профессиональной задачей.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-13-18001.

Список литературы

См.: Самофалова Е.И. Образовательная миграция: проблемное поле и основные характеристики [Электронный ресурс]. URL: <http://scipeople.ru/publication/> (дата обращения 20.02.2016).

См.: Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации// Век глобализации. 2015. №1.

Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов//Социс. 2002. № 10.

Социально-гуманитарное образование в системе профессиональной
подготовки и эффекты отчуждения

Аннотация

Система образования рассматривается в аспекте целей и задач социально-гуманитарных дисциплин. Проблема отчуждения связывается с несовпадением темпов процесса социализации и темпов роста информации и технологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ОБРАЗОВАНИЕ, ОТЧУЖДЕНИЕ, ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, КОММУНИКАЦИЯ, ЭТОС.

Serebryansky, S.

Social-humanitarian education in the system of vocational training
and alienation impact

Annotation

The system of education is considered in the aspect of the goals and objectives of social-humanitarian disciplines. The problem of alienation is connected with the discrepancy of the socialization rates and growth rates of information and technologies.

KEY WORDS: EDUCATION, ALIENATION, TEMPORALITY, RATIONALITY, COMMUNICATION, ETHOS.

Социальная система современного типа, в сравнении с традиционным обществом, отличается доминированием процессов, связанных с развитием человеческого капитала. Конституирование знания и коммуникации на основе операций с знанием относятся к такого рода процессам, включая весь спектр возможностей – от прагматического понимания и рецептурного использования знания до идеально-типического, абстрактно-теоретического моделирования и ценностной рефлексии по поводу этих отношений.

Состояние и перспективы развития системы образования в целом можно оценивать по программе Гайдаровского форума, как одного из

наиболее представительных по составу участников и кругу затрагиваемых проблем. Предметом дискуссий на форуме выступали различные аспекты проблемы образования: образование госслужащих, новая школа, бизнес-образование (2011 г.), бизнес-образование с позиций государства и бизнеса (2012 г.), необходимость новых профессиональных стандартов, которые «взорвут всю систему подготовки профессиональных кадров» [1] (2013 г.), связь бизнес-школ и реального бизнеса (2014 г.), экономика знаний, дошкольное и школьное образование, бизнес-образование, соотношение образования и культуры, качество и доступность высшего образования, соотношение знания, творчества и цены, переход от экономики знаний к обществу, основанному на мудрости [2] (2015 г.), кризис компетенций учителей, новые ФГОСы для школы, инновации и псевдоинновации, роль университетов и реформа образования [3] (2016 г.).

Необходимость глубоких изменений в системе образования в связи с трансформацией всей социальной системы достаточно очевидна. Инерционное сохранение действовавшей модели образования, которая формировалась в индустриальную эпоху и была адекватна потребностям цивилизации индустриального типа, явно не согласуется с задачами постиндустриального развития. Вместе с тем, эволюция системы образования в постсоветской России приводит к проблематичным, по меньшей мере, результатам. Оценивая современное состояние этой системы, представитель бизнес-сообщества отмечает, что «вся модель образования должна быть изменена», «мы пытаемся воспроизводить старую, советскую, абсолютно негодную сегодня модель образования...» [4]. Решение проблемы технологического отставания усматривается в изменении качества институтов, в том числе в изменении качества института образования. Идея заключается в простом, но не достигнутом за все время реформирования социальной системы институциональном единстве образования, науки и бизнеса в их новом-старом качестве ориентации на практику.

Данная прагматическая установка отражает одновременно характер понимания проблемы в бизнес-сообществе и онтологическую структуру производства современности как цивилизационного и культурного состояния. Производство современности посредством института образования, действительно, оказывается противоречивым процессом. Это обусловлено тем фундаментальным обстоятельством, что институт образования функционально ориентирован как на перспективу открытого будущего, потенциально представленную в новейших образах знания и его операционально-технологического приложения, так и на традицию трансляции социального опыта, апробированного ближайшими поколениями.

Запаздывание образовательного процесса по отношению к новациям в современных условиях предопределено различной темпоральностью действующих факторов. «Время» технологического прогресса существенно не совпадает с «временем» трансляции социального опыта, то есть с «временем» социализации. Социально-гуманитарная составляющая образования в принципе подчиняется темпоральности социализации по онтологическим причинам, согласно которым социальный онтогенез во всех вариациях осуществим в эволюционно заданных пределах естественных процессов взросления.

Цикличность времени основных технологических процессов доиндустриального мира была естественно связана с природной основой социального бытия, и темпоральность социализации представляла собой темпоральность естественного процесса. Темпоральность индустриального мира существенно отличается от естественной цикличности, но в целом не противоречит темпоральности социализации в размерности поколений. Возможность отчуждения в этом случае обусловлена не структурными, а содержательными особенностями процесса образования.

Так, в советской модели образования эффект отчуждения продуцировался диссонансом качественного содержания социально-гуманитарного и специально-профессионального знания. Например, учебный

план медицинского института в 80-х гг. XX века предусматривал изучение дисциплины «научный коммунизм» на шестом курсе и включал ее в состав государственных экзаменов. В этом случае отчуждение в системе социально-гуманитарного образования являлось следствием нерелевантности качественного содержания дисциплины действительной содержательности социального процесса, с одной стороны, и содержательности специального знания, с другой.

Композиционная структура образования не меняется при переходе от индустриальной к постиндустриальной эпохе, поскольку предметом трансляции в ней все так же выступают пионерское знание и апробированный социальный опыт. Следовательно, «абсолютная негодность» действующей модели образования это, прежде всего, неэффективность оперирования применительно к современному знанию и современным технологиям. В отношении передачи социального опыта категоричность тезиса не основательна, так как социальный опыт имеет размерность поколений, а коммуникация на его основании представляет собой не столько рациональное оперирование по типу приобретения знания, сколько экзистенциальное общение о ценностях, в котором традиционное содержание имеет приоритет. Как замечают Т.Л. Клячко и В.А. Мау, «во многом современный кризис – это кризис разных скоростей развития технологической структуры экономики и самого общества. Ни общество, ни образование, в том числе высшее, не успевают за происходящими переменами» [5, с. 9].

В условиях интенсивного роста массива информации и беспрецедентной технологической доступности данных отмеченная выше причина отчуждения в сфере образования усугубляется, проблема онтологически содержательной релевантности/нерелевантности социально-гуманитарного и специального знания дополняется проблемой несовпадения темпоральности процесса образования и темпоральности прогресса знания и технологий. Распространение особенностей продуцирования и

функционирования современного знания на образовательные процессы трансляции социального опыта актуализирует проблему сочетаемости экзистенциально-мировоззренческих, технологических и гносеологических элементов в едином образовательном комплексе.

Общий сдвиг социально-гуманитарного знания на более ранние сроки освоения в рамках внедрения двухуровневой системы высшего образования базируется на абстрактно-разумном допущении об ускорении течения социального времени. В логике этого допущения конфигурация отношений субъектов образовательного процесса должна измениться таким образом, чтобы на основе информационной открытости и современных технологий коммуникации повысить их степень свободы, увеличив долю самостоятельной работы студента, с одной стороны, и характер занятости преподавателя, с другой.

В реальном процессе образования абстрактно-разумная идея становится еще одним источником отчуждения, поскольку интенсивность предъявления социально-гуманитарных концептов, как правило, не имеет надежных предваряющих и сопутствующих оснований в виде экзистенциального опыта и специально-профессионального знания. Подобная интенсивность влечет не столько повышение качества образования в части формирования мировоззренческой культуры, гражданского самосознания и социального этоса, сколько провоцирует обмен заместительными формами. Таким образом, реальным продуктом образовательного процесса на этой стадии оказывается субъект, располагающий опытом обмена заместительными формами культуры. Этот опыт отчуждения переносится как на прочие стадии образовательного процесса, так и на сферу социальной коммуникации.

Практика показывает, что преодоление приобретенного опыта отчуждения в части социально-гуманитарного знания в режиме самообразования явление исключительно редкое, так как для этого требуется актуальное состояние гуманитарного концепта понимания, но именно оно не

создано, а подверглось замещению. Преодоление приобретенного опыта отчуждения в другом образовательном цикле проблематично ввиду того, что здесь актуальны иные задачи. Следствием этих процессов становится такая конфигурация образовательной коммуникации, в которой прежняя нерелевантность социально-гуманитарного знания с его идеологической деформацией сменяется новой, постсоветской нерелевантностью с циркуляцией заместительных форм.

Причем в обмен заместительными формами вовлечены все участники образовательного процесса. Так, самостоятельная работа студента оборачивается посредническими техническими операциями между базами данных и контрольной инстанцией, контрольная инстанция должна в предварительном порядке решать внешнюю по отношению к предметному содержанию образования задачу отличия и отработки квазисамостоятельности. В свою очередь, формальные критерии успешности провоцируют преподавательский корпус создавать интеллектуальный продукт ничтожной содержательности, так что в системе профессиональной коммуникации воспроизводится та же проблема соотношения внешней детерминации и академического этоса.

Государство, представленное бюрократией в веберовском смысле, усматривает основной позитивный результат реформирования системы образования в смене установки, «... мы изменили свои требования: мы ушли от идеологии контролирования процессов и перешли на требования к результатам» [6]. В этом отношении воспроизводство «советской модели образования» является неполным. Вместе с тем, специализация бюрократии на контролировании и калькуляции выводит на первый план формальные процедуры, хорошо поддающиеся операционализации. Содержательный контент образования, по логике администрирования, должен приводиться в соответствие с формальными новациями.

Однако это допущение, справедливое в пределах идеального типа рациональности, не действует автоматически. Агентами его реализации

выступают именно те субъекты, которые отбирались системой образования на протяжении двух десятилетий. Критическая оценка актуального состояния системы заставляет предположить, что это был отрицательный отбор на понижение [7]. Следовательно, в пределах идеального типа рациональности должен действовать такой субъект, который в качестве ресурса располагает сформированным академическим этосом, поэтому свободно принимает рациональную мотивировку реформ и способен реализовать единство формы-цели и содержания в образовательном процессе.

Деформация этой структуры продуцирует эффекты отчуждения. Так, в частности, заданная в виде множества компетенций форма-цель образовательных операций по конкретным направлениям подготовки и конкретным дисциплинам не удовлетворяет критериям логической ясности и строгости, поэтому она не может быть свободно принята носителем академического этоса. В качестве предмета императивного административного вменения форма-цель в этом случае провоцирует отчуждение процесса от результата, то есть воспроизводится та проблема, решить которую и должна была реформа.

Вместе с тем, провоцируется активность заместительного типа, имитирующая академические процедуры для достижения соответствия вмененным критериям успешности процесса. Но это противоречит нормальному академическому этосу, следовательно, воспроизводится проблема отрицательного отбора в критически важной точке образовательной системы. Попытка исправить положение введением новых стандартов «три плюс», вероятно, даст незначительный положительный результат, так как затронут экзистенциальный элемент академического этоса, доверие в качестве момента академической свободы.

Сами компетенции, относящиеся к области социально-гуманитарного знания, формулируются в новой редакции образовательных стандартов таким образом, что «требования к результатам» либо не поддаются операционализации, а следовательно, и адекватному контролю, либо имеют

масштаб, не соразмерный семестровой, как правило, размерности дисциплины. Так, подготовка на уровне бакалавриата в части философии должна иметь результатом способность выпускника «использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции» (ОК-1); в части истории – способность «анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции» (ОК-2) [8].

Открытый горизонт цели соответствует сущности гуманитарного дискурса, но не поддается оформлению в контрольных процедурах. Естественным решением становится частичная представленность вменяемого нормативного результата в контрольных процедурах. А именно, та часть предметного содержания дисциплины, которая так или иначе поддается операционализации, должна манифестировать целое и не поддающееся операционализации. Такая экстраполяция выглядит неправомерной.

Циркуляция в образовательном процессе заместительных форм имеет долгосрочные последствия для социальной коммуникации, так как обмен деятельностью осуществляется в условиях деформированного нормативного комплекса. Там, где должны вступать в силу нормы свободного самоопределения рациональной, этически и эстетически обусловленной культуры при решении критических вопросов выбора стратегий и моделей общения, действуют замещающие их ситуативные, групповые, вынужденные обстоятельства правила.

Широкое распространение, а в некоторых случаях и доминирование таких правил в социальной коммуникации на сравнительно длительных отрезках развития ведет к их институционализации. Таким образом, социально-гуманитарная составляющая профессиональной подготовки, не решая эффективно задачу формирования нормативного культурного комплекса в качестве ключевого элемента самоопределения субъекта деятельности, попадает в ловушку институционализации и оказывается в ситуации отчуждения собственной сущности от способов существования.

Преодоление эффектов отчуждения не достигается внешней детерминацией и администрированием образовательного процесса. Для этого необходимо участие свободного самоопределения образовательного сообщества, солидарного на основе академического этоса и экзистенциального доверия к сторонам общения и обмена деятельностью.

Список источников

1. <http://www.gaidarforum.ru/ru/2013/news/Novosti1/gajdarovskij-forum-2013-itogi-mezhdunarodnoj-konferencii-rossiya-i-mir-vyzovy-integracii/> – (20.01.2016)
2. <http://www.gaidarforum.ru/ru/2015/program/day-three/> – (20.01.2016)
3. <http://www.gaidarforum.ru/> – (20.01.2016)
4. <http://ria.ru/economy/20160115/1360222849.html> – (21.01.2016)
5. Клячко, Т.Л. Будущее университетов. Статья 1. Глобальные тренды / Т.Л. Клячко, В.А. Мау // Общественные науки и современность. – 2015. – № 3.
6. <http://www.gaidarforum.ru/news/view/novosti11/Kakoj-dolzna-byt-rossijskaya-shkola-budushego/> – (22.01.2016)
7. Разбор полета: Дмитрий Ливанов / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.echo.msk.ru/programs/razbor_poleta/1085618-echo/ – (05.02.2016)
8. <http://ivo.garant.ru/#/document/70929524/paragraph/1:1> – (09.02.2016)

Супруненко, Г.А.

Высшее профессиональное образование как фактор реализации
жизненных планов молодежи

Suprunenko, G.A.

Higher professional education as a factor in the realization
of life plans of young people

Аннотация: В статье рассматриваются особенности высшего профессионального образования и отношение молодых людей к высшему образованию как ценности и средству достижения жизненных целей; дается краткая характеристика магистратуры как элемента современной российской образовательной системы, рассматривается ее социальная значимость и особенности, обозначены некоторые проблемы, связанные с ее становлением и развитием на современном этапе.

Abstract: The article discusses the features of higher education and the attitude of young people to higher education as a value and a means of achieving goals in life; a brief characterization of the master's degree as an element of modern Russian educational system, considered its social significance and features are indicated by some of the problems associated with its formation and development at the present stage.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ОБРАЗОВАНИЕ, ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, МАГИСТРАТУРА, ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, МОЛОДЕЖЬ.

KEYWORDS: EDUCATION, HIGHER EDUCATION, MASTER'S DEGREE, VALUES, YOUTH

В настоящее время глобализация процесса общественного развития предъявляет повышенные требования как к профессиональной подготовке специалистов, так и к поиску новых подходов модернизации образования. Лидерами мирового развития становятся страны, накопившие большой

интеллектуальный потенциал, имеющие значительную интеллектуальную собственность. На этой основе появляются новые технологии, растет квалификация кадров, повышается эффективность управления, нарастают культурная мощь и духовный потенциал государства. Интенсификация развития знаний в разных областях человеческой деятельности предъявляет к образованию все более высокие требования.

Образование – это целенаправленный процесс обучения и воспитания, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства. Под образованием понимается также комплекс приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенного объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [10, статья 2].

Выделяются дошкольное, школьное, среднее профессиональное и высшее профессиональное образование. Профессиональное образование – вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенций определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности. Высшее профессиональное образование предполагает профессиональную подготовку специалиста высшей квалификации и имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации.

Целью профессионального обучения является подготовка специалиста высшей квалификации. В процессе обучения в вузе человек развивает свои лучшие качества – духовные, волевые, интеллектуальные, повышает свою культуру. Он развивается как личность и как профессионал, т.е. цель подготовки специалиста и развития профессиональной компетентности включает в себя две частные цели: формирование системы профессиональных знаний, умений и навыков и развитие личности [3].

Основным потребителем образовательных услуг традиционно является молодежь [4]. В русле исследуемой нами проблемы особый интерес представляют особенности ценностных ориентаций современной молодежи, в частности, отношение молодых людей к образованию как самодостаточной ценности и средству достижения других жизненных целей. Среди российской молодежи формируется осознанная позиция, что в условиях современного открытого общества образование играет ключевую роль [2].

Изучению социальных проблем современной молодежи, в том числе, выявлению ценностных ориентаций, было посвящено социологическое исследование, проведенное на кафедре социальной работы и психолого-педагогического образования Магнитогорского государственного технического университета им Г.И. Носова в феврале-марте 2015 г. Обследованым были охвачены молодые люди в возрасте 17-25 лет: студенты ВУЗов, работающая молодежь. Всего - 330 человек .

В результате проведенного исследования выяснили, что образование по-прежнему является одной из наиболее значимых ценностей современных молодых людей, хотя сегодня для многих оно является не самоцелью, а средством достижения других жизненных целей. Образование, по мнению большинства респондентов, позволит найти работу, сделать карьеру и при этом быть культурным человеком. При этом треть опрошенных хотели бы реализовать себя в сфере образования, но чувствуют удовлетворение от учебы только 27% респондентов.

Отношение к образованию варьируется с возрастом: наиболее высоко эту ценность ставят студенты (79,2 %). Среди работающей молодежи эта цифра существенно ниже – только 52,7 %. Если сравнивать эти данные с результатами исследований, проведенных в предыдущие годы [4], можно говорить о том, что за последние несколько лет ценность образования несколько повысилась.

Вместе с тем, с возрастом возрастает ценность работы. При этом очевидным является тот факт, что хорошую работу можно получить, имея качественное, в том числе высшее, образование. В то же время многие респонденты считают, что профессия выбирается не на всю жизнь. Опрошенные в ходе исследования молодые люди психологически готовы к тому, что им придется менять профиль профессиональной деятельности, готовы реагировать на требования рынка [1]. Сделать это, несомненно, проще, если уже имеется определенная образовательная база. Примечательно, что имеются различия в отношении к образованию в зависимости от пола респондентов. Так, 63,1 % респондентов-девушек видят для себя образование в качестве одной из основных ценностей (наряду с любовью и семьей – 66,7 % и 65,5 % соответственно). Многие девушки видят в получении образовании, в т.ч. высшего, не только возможность реализовать свой творческий и интеллектуальный потенциал, получить хорошую, престижную работу, но и определенные условия для того, чтобы найти достойного спутника жизни, с которым можно было бы связать свою судьбу, создать семью.

В связи с этим можно предположить, что с возрастом образование рассматривается, скорее, не как самоцель, а как средство достижения других жизненных целей (получение хорошей работы, создание семьи). Другими словами, образование необходимо рассматривать как один из главных способов удовлетворения целевых установок в жизни [9].

Выполняя свое общее предназначение – приобщение человека к достижениям культуры, – современная система образования вместе с тем

служит универсальным средством [7], механизмом решения многих жизненных задач, стоящих перед человеком и обществом.

Высшее профессиональное образование осуществляется по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. К освоению программ бакалавриата или программ специалитета допускаются лица, имеющие среднее общее образование. К освоению программ магистратуры допускаются лица, имеющие высшее образование любого уровня [10, статья 69]

Магистратура — вторая ступень высшего профессионального образования в современной России. Начиная с момента включения России в Болонский процесс, она стала развиваться как новое явление для постсоветского образовательного пространства, отражающее общемировую тенденцию унификации программ и дипломов высшего образования. С одной стороны, это была попытка адаптироваться к мировой и, в частности, к европейской образовательной системе, с другой, — попытка формирования кадров с уровнем подготовки, нацеленной на работу руководителя, преподавателя и исследователя.

По мнению П.Д. Павленка, введение магистратуры имеет большую социальную значимость, в частности [6, с. 33-35]:

- высококвалифицированные кадры, подготовленные в магистратуре, являются важнейшим государственным капиталом; они обладают необходимыми личностными и профессиональными качествами и компетенциями, позволяющими стать лидерами в процессе развития современного российского общества, государственно-культурной элитой;

- магистратура в целом является важнейшим механизмом, развивающим интеграционные процессы в сфере образования в стране и мире, т.к. настроена на соответствие тенденциям развития

профессионального образования лучшего отечественного и мирового уровней;

- для современного российского общества магистратура — важнейший центр апробирования новых идей, проектов не только в области образования, но и на стыке образования и производственной деятельности разной направленности;

- магистратура в России восстанавливает лучшие отечественные традиции в сфере подготовки профессионалов высшего уровня, людей ищущих, ответственных не только за свою судьбу, судьбу своих близких, но и за судьбу страны в целом.

Магистратура в современной России характеризуется многопрофильностью. Магистерские программы постепенно вытесняют с рынка так называемое второе высшее образование. Количество вузов, имеющих магистратуру в стране, ограничено. Лишь лучшим из вузов страны доверено растить профессиональную элиту страны, умеющую не только работать, но и действовать в нестандартных ситуациях, брать на себя ответственность в трудных моментах для отрасли, страны, умеющих предвидеть, прогнозировать, видеть благоприятные перспективы, условия и средства для их достижения [8].

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом магистратуру в системе многоуровневого высшего образования следует рассматривать широко — и как школу, занимающуюся подготовкой специалистов для самостоятельной научной деятельности в различных областях науки, и как структуру, готовящую преподавателей и руководителей высокой квалификации.

Специалисты, получившие диплом магистра, должны быть востребованы на рынке труда [5]. Вместе с тем остается не решенным ряд

проблем, связанных с введением магистратуры: не до конца прописан в официальных документах статус магистров в сфере практической деятельности; по ряду направлений профессиональной подготовки в системе высшего образования, в том числе в магистратуре, наблюдается некоторая несогласованность профессиональных и образовательных стандартов; актуальным остается вопрос качества профессиональной подготовки магистров в условиях введения образовательных стандартов нового поколения и изменения содержания образования, и другие. Эти проблемы требуют глубокого изучения и своего решения.

Библиографический список

Возмилкина Е.Н., Супруненко Г.А. Самореализация молодежи в современной высшей школе // Молодежь в современном обществе: сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции / под ред. С.А. Бурилкиной, Б.Т. Ищановой, О.Л. Потрикеевой, Е.Н. Ращикулиной, Г.А. Супруненко. Магнитогорск, МГТУ, 2015. С. 64-67.

Каминский А.С. Образование в системе жизненных ценностей современной молодежи // Молодежь в современном обществе: сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции / под ред. С.А. Бурилкиной, Б.Т. Ищановой, О.Л. Потрикеевой, Е.Н. Ращикулиной, Г.А. Супруненко. Магнитогорск, МГТУ, 2015. С. 119-123.

Кудрявцева Г.А. Развитие коммуникативной компетентности социального педагога в процессе его профессиональной подготовки: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. Магнитогорск, 1998.

Кудрявцева Г.А. Образование как ценность и средство достижения жизненных целей современной молодежи // Социальные проблемы современной молодежи : сборник материалов Международной научно-практической конференции, 3-4 декабря 2008 г., г. Магнитогорск / под ред. Ф.А. Мустаевой (отв.ред.), С.Н. Испуловой, Г.А. Кудрявцевой, О.Л. Потрикеевой. Магнитогорск : МаГУ, 2008. С.177-181.

Мустаева Ф.А. Проблема востребованности магистров социальной работы в условиях современного российского моногорода // Российский и зарубежный опыт реализации магистерских программ по направлению подготовки «Социальная работа» : материалы V заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием / МГУ им. Н.П. Огарева ; под общ. ред. проф. Л.И. Савинова. Саранск : Издатель Афанасьев В.С., 2015. С. 107-110.

Павленок П.Д. О некоторых проблемах подготовки магистров в стране // Российский и зарубежный опыт реализации магистерских программ по направлению подготовки «Социальная работа» : материалы V заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием / МГУ им. Н.П. Огарева ; под общ. ред. проф. Л.И. Савинова. Саранск : Издатель Афанасьев В.С., 2015. С. 25-28.

Потрикеева О.Л. Развитие профессионально-педагогической культуры студентов факультета социальной педагогики: Дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 2001

Супруненко Г.А. Магистратура как элемент образовательной системы современной России // Символ науки: международный научный журнал. 2015. № 9. С. 194-196

Супруненко Г.А. Высшее образование как ценность современной молодежи // Modern developmental psychology: main trends and prospects of research : materials of the international scientific conference on October 20–21, 2015. Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. 194 P. С.158-160

Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/5/>

УДК 316.74

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ:
МОДА ИЛИ ДЕФИЦИТ НАВЫКОВ?

Сущенко Анастасия Дмитриевна

аспирант кафедры прикладной социологии,

младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории
по проблемам университетского развития,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н.Ельцина, г. Екатеринбург

E-mail: a.sushchenko_@mail.ru

ADDITIONAL EDUCATION BY STUDENTS:
FASHION OR SKILLS DEFICIT?

Anastasia Sushchenko

Postgraduate of Applied Sociology Department,

Junior research fellow, Laboratory on the problems of university
development,

Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N.Yeltsin, Yekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены возможности реализации потребностей студентов в дополнительных знаниях и навыках в рамках системы высшего и дополнительного образования. Реализация студентами потребностей в дополнительных знаниях, навыках в системе дополнительного образования позволяет осуществить самостоятельный выбор направлений подготовки, в рамках которых студенты могут приобрести знания и навыки для реализации будущей профессиональной деятельности. Особое внимание уделяется анализу предложения и потребностей студентов в дополнительном образовании на этапе получения высшего образования (на примере исследования, проведенного в Уральском федеральном университете в 2015 году).

ABSTRACT

The article considers the possibilities of implementing students' needs for additional knowledge and skills in the higher education system and the additional education system. Implementing students' needs for additional knowledge and skills in the additional education system allows students to choose the areas of training independently, in which students can get knowledge and skills for the realization of future professional activity. The author focuses on the analysis of supply and students' needs for additional education at the stage of getting higher education (by the example of the research conducted in the Ural Federal University in 2015).

Ключевые слова: образовательные потребности, дополнительное образование, потребность в дополнительном образовании, конкурентоспособность на рынке труда, непрерывное образование, дефицит навыков

Keywords: educational needs, additional education, need for additional education, competitiveness in the labor market, life-long learning, skills deficit

Новые вызовы в сфере высшего и дополнительного образования обусловлены возрастанием темпов обновления знаний и технологий в инновационном производстве, а также ожиданиями работодателей, связанных с наличием на рынке труда специалистов, обладающих опытом реализации профессиональной деятельности и потенциально готовых к самообразованию в процессе развития профессиональной траектории.

Постепенный переход к модели непрерывного образования требует больших инвестиций в образование на протяжении всей жизни и активизацию самостоятельной образовательной деятельности студента уже на этапе получения высшего образования. В настоящее время становится очевидным, что во время получения высшего образования в течение 4-6 лет (на бакалавриате, в магистратуре) у многих студентов возникает потребность в приобретении дополнительных знаний и навыков, применимых в будущей профессиональной деятельности. Удовлетворение новых образовательных

потребностей студентов в рамках системы высшего образования предполагает переход от модели «доставки» общекультурных и профессиональных знаний и навыков к расширению возможностей реализации студентами одних и тех же направлений подготовки разных образовательных траекторий.

В высших учебных заведениях появляются образовательные проекты, с помощью которых сотрудники вуза осуществляют попытки управления изменениями образовательных программ. Основной целью подобных проектов выступает своевременное реагирование на запросы студентов относительно получения дополнительных знаний и навыков, выходящих за пределы предметной области основного направления подготовки студента. Так с 2014 года в НИУ ВШЭ реализуется проект по созданию системы мэйджоров, майноров и МАГОЛЕГО [1]. Подобные проекты направлены, во-первых, на обновление образовательных программ и перечня возможных курсов по выбору для студентов бакалавриата и магистратуры, во-вторых, на расширение знаний и навыков в другой профессиональной области, потому что майнор, как правило, предполагает выбор студентами дополнительных курсов, напрямую не связанных с основным направлением подготовки высшего образования, в-третьих, на получение студентами опыта обучения в междисциплинарной среде, когда студенты разных направлений осваивают знания, навыки одного и того же курса. Таким образом, у студентов появляется больше возможностей для выстраивания индивидуальных образовательных траекторий, по аналогии с моделью гумбольдтовского университета, которую унаследовали также «Columbia и Harvard, она доминирует и в небольших дорогостоящих колледжах Liberal Arts» [2].

Однако в российских вузах практика подобной организации образовательных программ пока не является распространенной. К тому же, в отличие от гумбольдтовского университета, в котором свобода выбора курсов была полной, основным ограничением данной системы выступают условия выбора майноров – курсов, не связанных с профессиональной

деятельностью, но обязательных для освоения образовательных программ. Как следствие, те студенты, которые в большей степени ориентированы на углубление знаний, навыков по специальности, вынуждены в ходе обучения также изучать курсы из междисциплинарных областей. В этом смысле такой подход к изменению процесса освоения студентами образовательных программ не в полной мере позволяет преодолеть дефицит профессиональных навыков, которые востребованы работодателями.

Ключевым отличием получения студентами дополнительного образования, в отличие от модулей и курсов по выбору в ходе получения высшего образования, выступает возможность самообразования на основе самостоятельного выбора тех направлений подготовки, в рамках которых студенты могут приобрести новые знания и навыки для реализации будущей профессиональной деятельности с учетом собственных представлений о ней.

Потребность в дополнительном образовании у студентов вызвана необходимостью успешной адаптации к требованиям культуры, организации труда, быта, досуговой и общественной деятельности людей. Поскольку человек постоянно открывает новое в окружающем мире, потребность в приобретении актуальных знаний становится устойчивой, реализуемой в течение всей жизни. Возможность получения профессиональных навыков в процессе освоения актуальных, применимых на практике курсов позволяет занять более устойчивые позиции на рынке труда в выбранной профессиональной деятельности.

Исследования среди работодателей подтверждают, что содержательные требования, которые они предъявляют к выпускникам вузов, включают умения заниматься самообразованием. Для «71% представителей организаций, принимающих специалистов по экономическим, гуманитарным профессиям, считают, что у них должно быть сформировано умение быстро включаться в новую, непривычную работу» [3, С. 98], на втором месте по значимости – «умение постоянно заниматься самообразованием – 63%» [4, С. 98]. Для обеспечения возможности самообразования необходимо

разрабатывать программы дополнительного образования в соответствии с образовательными потребностями студентов.

В свою очередь представители различных групп педагогической общественности приоритетной мерой, направленной на развитие современной системы непрерывного образования, считают разработку «программ профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации, построенных на принципах модульности» [5]. В настоящее время важно обеспечить возможность обучения по таким программам дополнительного образования не только для выпускников вузов, уже имеющих высшее образование и опыт работы в той или иной профессиональной деятельности, но и для студентов, которые зачастую имеют ограничения в обучении на программах дополнительного образования в силу неоконченного высшего образования либо требуемого на курсах опыта работы. Так с помощью реализации потребностей в дополнительном образовании на специфических курсах студенты получили бы больше шансов не только повысить свою конкурентоспособность на рынке труда, но и компенсировать дефицит профессиональных навыков.

Особенности предложения и потребностей студентов в дополнительном образовании, которые они могли бы реализовать параллельно с получением высшего образования, раскрываются на основе эмпирических данных кейса Уральского федерального университета.

Анализ предложения программ дополнительного образования Уральского федерального университета показывает, что основной пул среди реализуемых программ дополнительного образования для студентов бакалавриата и магистратуры включает направления, связанные с улучшением языковых компетенций (иностранные языки – 36%) и экономических, управленческих компетенций (экономика и финансы, маркетинг, менеджмент, налоговый и бухгалтерский учет, работа с персоналом, управление проектами – 43%) (таблица 1). Активное развитие этих направлений дополнительного образования свидетельствует о том, что

при реализации программ дополнительного образования создателями и организаторами курсов практически не предоставляется возможность удовлетворения потребностей студентов в специфических знаниях и навыках. Как следствие, можно сделать вывод, что в настоящее время в рамках системы дополнительного образования создатели и организаторы курсов во многом формируют моду на определенные направления дополнительного образования, обучаясь по которым студенты смогут получить будто бы востребованные работодателями знания и навыки.

Таблица 1

Программы дополнительного образования, реализуемые в УрФУ
для студентов бакалавриата и магистратуры

Направление дополнительного образования	Доля направлений в структуре программ дополнительного образования (%)
---	---

английский язык	20%
-----------------	-----

экономика и финансы	18%
---------------------	-----

иностраные языки, кроме английского	16%
-------------------------------------	-----

маркетинг, менеджмент	13%
-----------------------	-----

налоговый и бухгалтерский учет	4%
--------------------------------	----

повышение квалификации по специальности,	
--	--

на узкоспециализированных курсах	4%
----------------------------------	----

работа с персоналом, подготовка управленческих кадров	4%
---	----

управление проектами	4%
----------------------	----

ораторское искусство	2%
----------------------	----

другие направления	13%
--------------------	-----

*Данные представлены за 2015 год на основе анализа открытых источников сайтов Института по переподготовке и повышению квалификации, Института Конфуция УрФУ и Бизнес-школы УрФУ, которые реализуют основной пул программ дополнительного образования для студентов в УрФУ.

Помимо основного пула программ дополнительного образования, в университете создаются образовательные проекты, в рамках которых сотрудниками или студентами реализуются инициативы по дополнительному обучению студентов разных уровней образования и направлений подготовки. Например, публичные дебаты, направленные на развитие коммуникативных навыков, создание стартапов – для развития навыков предпринимательской деятельности, системное программирование и научные вычисления – для развития навыков программирования и др. Появление специфических курсов указывает на наличие у части студентов новых образовательных потребностей, выходящих за пределы образовательной программы высшего образования. Существенным упущением системы дополнительного образования в настоящее время является отсутствие мониторинговых исследований, посвященных изменению образовательных потребностей студентов.

Несформированность общей структуры управления дополнительным образованием в той или иной мере осложняет процесс обновления основного пула программ дополнительного образования и их реализацию на постоянной основе. Об этом свидетельствуют данные о доле реализуемых направлений по повышению квалификации по основной специальности, на узкоспециализированных курсах, в структуре программ дополнительного образования. Их доля составляет всего 4% (таблица 1).

Результаты исследования среди студентов бакалавриата и магистратуры Уральского федерального университета в 2015 году показывают, что наибольший дефицит в профессиональных навыках испытывают студенты естественно-научных направлений (54%), инженерно-технических направлений (46%), информатика и IT-технологий (43%), гуманитарных и социальных направлений (37%), в меньшей степени – экономисты (25%) и управленцы (17%) (таблица 2). Скорее всего, это связано с тем, что студенты экономических и управленческих направлений не ориентированы работать по профессии, поэтому у них практически не

возникает потребности в углублении специфических знаний, навыков. Таким образом, несмотря на наличие моды на определенные направления дополнительного образования, спрос среди студентов на получение дополнительного образования по специальности, на узкоспециализированных курсах значительно превышает предложение.

Пока не существует общей структуры управления дополнительном образованием, позволяющей не только выявлять и своевременно реагировать на новые потребности студентов в дополнительном образовании в конкретной профессиональной деятельности, но и систематизировать имеющуюся информацию о возможностях получения студентами дополнительного образования. Поэтому студентам сложно реализовать свои потребности в дополнительном образовании, особенно по специальности или касающиеся новых областей знания.

Таблица 2

Направления дополнительного образования, по которым хотели бы обучаться студенты, в зависимости от основного направления подготовки на бакалавриате, специалитете*

гуманитарные									
(в т.ч. социальные, политические)	экономические управленческие								
инженерно-технические	естественно-научные								
(в т.ч. математические)	информатика								
и ИТ-технологии	художественный								
английский язык	49%	60%	52%	57%	62%	47%	60%		
иностраннные языки, кроме английского	43%	40%	35%	25%	33%				
	19%	50%							
экономика и финансы	11%	35%	17%	20%	15%	21%	10%		
маркетинг, менеджмент		22%	15%	4%	8%	6%	9%	0%	
личностный рост и повышение навыков самоуправления и организации	31%	30%	52%	42%	29%	35%	40%		
работа с персоналом	25%	15%	17%	13%	8%	16%	0%		

IT-технологии	13%	20%	13%	29%	39%	69%	20%		
налоговый и бухгалтерский учет	4%	10%	9%	15%	12%	12%	0%		
организация своего дела, предпринимательство	22%	50%	35%	32%	21%	28%	20%		
ораторское искусство	46%	40%	35%	23%	27%	19%	60%		
управление проектами	34%	35%	22%	30%	17%	32%	50%		
повышение квалификации по основной специальности, на узкоспециализированных курсах	37%	25%	17%	46%	54%	43%	40%		

*В выборку входят студенты бакалавриата и магистратуры. В таблице отражены данные с учетом направления подготовки, полученного на бакалавриате.

**Сумма процентов по столбцу может превышать 100%, т.к. респондент мог дать более 3-х ответов на вопрос.

Список литературы:

1. Мэйджоры, майноры и МАГОЛЕГО: место в образовательном процессе [Электронный ресурс]. URL: <https://okna.hse.ru/news/154806102.html> (дата обращения: 24.02.2015).
2. Мэйджоры и майноры: высказываются эксперты [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2015/05/26/1097004113/AF_14.pdf (дата обращения: 24.02.2015).
3. Меренков А. В., Шаврин В. С. Какой специалист востребован на рынке труда: мнение работодателей и студентов // Университетское управление: практика и анализ. - 2015. - №1. - С. 94-103.
4. Меренков А. В., Шаврин В. С. Какой специалист востребован на рынке труда: мнение работодателей и студентов // Университетское управление: практика и анализ. - 2015. - №1. - С. 94-103.

5. Горшков М.К., Ключарев Г.А. Непрерывное образование в контексте модернизации. М.: ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011. – 232 с.

УДК 378.014:37.015.4

ББК С561.9 (2 Рос)

Титова Н.Б.

Проблемы и перспективы развития высшего образования в России

Titova N.B.

Problems and prospects of higher education in Russia

Аннотация Российское высшее образование является изменяющимся социальным институтом, трансформирующимся под влиянием социальных изменений других институтов, в первую очередь экономических, социальных и политических. Исходя из этого, представляется возможным определить как возможные долгосрочные и краткосрочные векторы изменения российского высшего образования, так и возможные риски в его развитии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ, РИСКИ РАЗВИТИЯ

Abstract Russian higher education is changing social in the Institute, transformed under the influence of social changes in other institutions, primarily the economic, social and political-ski. Accordingly, it is possible to define as a possible long-term, and short-term vectors of change in Russian higher education and possible risks in its development.

KEYWORDS: HIGHER EDUCATION, VECTORS OF DEVELOPMENT, THE RISKS OF DEVELOPMENT

Российское высшее образование является живым, изменяющимся социальным институтом, трансформирующимся под влиянием социальных изменений других институтов, в первую очередь экономических, социальных и политических

Аналитики моделируют следующие векторы развития российской экономики, связывая с её будущим пути развития высшего образования:

«сырьевое будущее», «догоняющая модернизация», «локальное лидерство», «когнитивное общество». Рассмотрим их содержание.

1. *Вектор «Сырьевое будущее».* Для этого направления характерно преобладание сырьевой, ориентированной на экспорт экономики. Результатом экстенсивного развития экономики будет продолжение утечки за границу высококвалифицированных специалистов, не видящих перспективы для профессиональной самореализации. В образовании будут наблюдаться консервативные тенденции, сохранение имитации и фальсификации процесса и результатов образования, оптимизация сферы высшего образования за счёт укрупнения и сокращения вузов. В этом случае выделяются группы элитных, получающих приоритетное финансирование федеральных университетов, интегрированных в мировые образовательные и исследовательские сети.

2. *Вектор «Догоняющая модернизация».* В этом случае будет наблюдаться модернизация перерабатывающей и обрабатывающей промышленности, ориентированной на импортозамещение, что приведёт к росту числа рабочих мест, усилению трудовой иммиграции. В образовании будут инициированы подготовка востребованных кадров для промышленности и сферы услуг, целевая подготовка магистров для высокотехнологичных секторов, создание сети учебных заведений для профессиональной подготовки мигрантов, в том числе и на уровне прикладного бакалавриата. Более того, будут развиваться группы предпринимательских университетов, активно взаимодействующих с бизнесом и пользующихся поддержкой государства. [1., 35-38]

3. *Вектор «Локальное лидерство».* В этом случае будут наблюдаться ускоренное развитие отдельных высокотехнологичных отраслей экономики (ИТ, нано-, биотехнологии), что приведёт к технологической модернизации промышленности, высокому спросу на квалифицированные кадры, фундаментальным и прикладным исследованиям для высокотехнологичных отраслей экономики. В образовании будет востребовано сокращение

имитации и фальсификации образования, развитию проектной и предпринимательской компоненты образования, что будет сопровождаться опережающим развитием образования взрослых; образованием и адаптацией мигрантов, выделением группы ведущих университетов (федеральных, научно-исследовательских и др. – 150-200 вузов) как центров интеграции образования, науки и инноваций.

4. Вектор «Когнитивное общество». В обществе и экономике будут наблюдаться повышение гражданской и инновационной активности, глубокая организационная и технологическая модернизация отраслей экономики и социальной сферы, интеллектуализация процессов в управлении, производстве и социальной сфере, формирование ядер когнитивной экономики.

В образовании будут востребованы снижение роли образовательной бюрократии, формирование сети лидерских групп и метауниверситетских профессиональных сообществ. Это потребует реализации масштабных общественно-государственных программ по формированию когнитивного общества, что вызовет переход к массовому формированию основ исследовательских, проектных, управленческих компетенций, появление крупных региональных университетских комплексов – интеграторов образования, науки и инноваций (50-70 комплексов). [1., 39]

На наш взгляд наиболее вероятными в ближайшее время являются векторы «сырьевое будущее» и «догоняющая модернизация» в связи с изоляционистскими тенденциями в экономическом и политическом развитии России, а также неравномерностью в развитии российских регионов.

Предвидение критических ситуаций, которые могут негативно повлиять на развитие высшего образования в России является необходимым моментом разработки стратегии развития высшей школы, как на уровне системы высшего профессионального образования, так и на уровне отдельных вузов.

Специалисты прогнозируют следующие критические ситуации:

Замедление развития высшего образования и науки в условиях реализации «сырьевого» сценария: низкий спрос на исследования, инновации, качественное образование; «утечка мозгов» и др.

Высшая школа проигрывает конкуренцию с корпоративными исследовательскими центрами, корпоративными университетами, зарубежными вузами в области разработок, инноваций, подготовки кадров, теряя свой статус и доступ к ресурсам.

Существенно изменяется группа потребителей высшего образования – в ней преобладают взрослые люди, появляются мигранты. Программы, технологии образования и кадры высшей школы устаревают, формируется сеть альтернативных образовательных центров.

Модернизация образования и науки ограничивается мегаполисами (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург и др.). Усиливается деградация общего и высшего образования в российских регионах. Они отстают в социально-экономическом развитии от «столиц», растет миграционный отток населения в европейскую часть страны.

Снижается качество школьного образования. Высшая школа вынуждена «дотягивать» слабых абитуриентов до «нормального» уровня – это блокирует образовательный процесс. Качественное образование сохраняется в элитных вузах, ведущих жесткий отбор абитуриентов.

Массово внедряются технологии усиления интеллекта (компьютерно-мозговые интерфейсы, визуализация объектов мышления, программные средства коллективного решения задач и т.д.). Полностью устаревают образовательные стандарты, программы, технологии и кадры высшего образования; формируется внеуниверситетская образовательная среда – высшая школа теряет роль главного образовательного института.

Резко ускоряется технологическое развитие (робототехника в сфере услуг, экспертные системы в сфере принятия решений и др.), изменяется объем и структура занятости населения, набор профессий и квалификаций. Полностью устаревают образовательные стандарты, программы, технологии

образования, в связи, с чем ресурсы переходят к корпоративным университетам. [1., 41]

Ожидаемые изменения социально-экономических и социокультурных направлений деятельности высшей школы не могут не влиять на характер функций высшей школы. Высшая школа в настоящее время не готова служить «катализатором новой социальной реальности», так как сама испытывает трудности в выстраивании необходимых для ее собственного существования и развития связей с другими субъектами – производственными компаниями, органами власти, институтами гражданского общества. Превращение ее в ведущего субъекта создания коммуникаций и связей в перспективе 10-20 лет проблематично (если речь идет о высшей школе в целом, а не отдельных наиболее «продвинутых» университетах).

В то же время, если вспомнить о гуманитарной, культуuroобразующей функции образования, потенциально возможен вариант создания русскоязычного культурно-образовательного ареала. Такой ареал может включать образование для стран постсоветского пространства и другие. Безусловно, задачей в этом случае будет повышение качества миграции, привлечение в Россию талантливой молодежи (из стран, бывших республик СССР и дальнего зарубежья). Такая тенденция, в мире является вполне естественной в условиях глобализации образования и инновационной деятельности. [1., 61-62]

Сегодня лидер мирового экспорта образования США, их доля на рынке образовательных услуг не менее 30%. Образование – пятая по значимости статья экспорта американской экономики. Зарабатывает американская высшая школа на иностранных студентах в пятнадцать раз больше, чем тратит на высшую школу правительство США.

Двадцать пять – тридцать лет назад наша страна делила с США первое-второе место в мире по числу студентов-иностранцев, сейчас же находится

на восьмом. Всего в России обучается 100 тыс. студентов (4–5% от мирового спроса), и доходы от этого составляют примерно 1% мирового оборота.

Доля России на мировом рынке образовательных услуг, по всей видимости, в ближайшие годы будет продолжать сокращаться: с одной стороны, из-за отсутствия конкурентоспособного продукта (недооформленного до мировых стандартов) и слабой образовательной инфраструктуры (учебные лаборатории, студенческие кампусы, компьютерный парк и т. д.), с другой – по причине отсутствия корпоративной позиции высшей школы. Интересы стран-лидеров на мировом рынке представляют масштабные образовательные корпорации (DAAD, British Council, IDP Education Australia, Edu France и другие). Россия же представлена лишь разрозненными действиями отдельных университетов. Но если Россия хочет сохранить статус мировой державы, то экспорт образования требует кардинальных мер по его расширению и приданию ему привлекательности хотя бы со стороны развивающихся стран. [3., 213-214]

Исходя из последних исследований, можно вывести альтернативы, обозначающие возможные ориентиры государственной политики по отношению к высшей школе.

Вариант А. Дифференциация высшего образования (деление на массовое и элитарное, столичное и провинциальное) *или* единое образовательное пространство страны (единые стандарты, нормативы ресурсного обеспечения и др.).

Вариант Б. Рационализация, оптимизация высшей школы, удаление всего «избыточного», не связанного с задачами экономического развития страны, *или* поддержание «избыточности» образования и науки, как основы развития экономики и общества, творческой активности населения в будущем (в долгосрочной перспективе).

Вариант В. Сохранение «центрированной» системы высшего образования, концентрация в столицах ведущих вузов – «технологических центров» и «фабрик мысли». Периферийные университеты «окультуривают»

молодежь и готовят кадры для регионов *или* развитие полицентрической системы ВО, в которой ведущие региональные вузы (ФУ, НИУ) работают как альтернативные центры стратегирования, исследований и технологических разработок, модернизация высшего образования с охватом всей сети вузов, с опорой на государственный аппарат и администрацию вузов.

Вариант Г. Поддержка лидеров в сфере образования, науки, инноваций, опора на сильные коллективы, *или* «оптимизация» и нормирование «слабых» вузов. [1., 90]

Выбирая варианты развития высшего образования, необходимо понимать, что для России основным вызовом в развитии университетов являются:

- внешний – смена экономической модели и нарастающая неопределенность экономического развития;
- внутренний - резкий рост издержек, в том числе связанный с социально оправданной попыткой повысить заработную плату ППС;
- демографический - выраженный спад студенческих контингентов, необходимость сокращения вузовской сети.

В связи с этим актуальными становятся следующие развилки в развитии высшего образования:

сохранение неизменным бюджетного приема в вузы *или* его достаточно сильное сокращение (принятый закон «Об образовании в Российской Федерации» снизил минимальную норму численности бюджетного контингента);

сохранение неизменным бюджетного приема в вузы *или* его увеличение в условиях падения платежеспособного спроса населения;

сохранение курса на дифференциацию вузов, дальнейшее выделение статусных вузов при одновременном снижении позиции остальных вузов путем превращения их в бакалаврские высшие учебные заведения. Другой вариант - выравнивание экономического положения всех вузов в связи с тем, что они оказывают государственную услугу, которая должна быть одинаковой

на всей территории страны (фактически ликвидация элитных вузов, достижение среднего качества высшего образования);

сохранение требования, согласно которому плата за обучение в вузе должна быть не ниже бюджетного норматива по данному направлению подготовки (специальности), *или* его отмена и предоставление вузам права самостоятельного установления платы за обучения возможно, при установлении нижнего предела балла ЕГЭ, по которому можно принимать по цене ниже норматива);

норматив формируется как единый, в который входят и финансирование учебного процесса, и финансирование содержания имущества вуза, *или* как два норматива, когда выделяются норматив на содержание имущества, что позволяет в явном виде учесть объективные, исторически сложившиеся различия в составе имущественных комплексов вузов, и норматив на образовательный процесс, который должен учитывать дифференциацию кадрового состава вузов, т. е. в явном виде качество преподавания;

сохранение конкурсного распределения бюджетных мест между вузами (распределение контрольных цифр приема) *или* переход к иной модели (моделям), позволяющим в явном виде учитывать качество образования в том или ином вузе.

От того, какие пути будут выбраны и пройдены, зависит будущее российских университетов и системы российского образования в целом. До того же момента, пока они не пройдены, развитие будет в основном идти по инерции. [2., 59-61]

Проанализировав реалии современного высшего образования, можно увидеть ярко выраженные тенденции:

Деление высшего образования на массовое и элитарное уже свершилось: по принципу территориальному, профессионально-статусному. Известно, что не являются престижными профессии, связанные с работой в бюджетной сфере: педагогическое образование, медицинское, инженерное и другое.

В процессе оптимизации, по результатам ежегодных мониторингов эффективности (критерии которых вызывают много споров в педагогической и научной общественности) сокращаются, ликвидируются образовательные учреждения, связанные с социально-культурными областями знания, педагогическим образованием, гуманитарным знанием;

Налицо сохранение «центрированной» системы высшего образования, концентрация в столицах ведущих вузов – «технологических центров» и «фабрик мысли». Создание в региональных городах-миллионниках федеральных университетов не повысило качество образования и научной деятельности. Тем более, что они часто создавались по принципу искусственного объединения коллективов совершенно разных по традициям и истории развития вузов;

Поддерживается (особенно в условиях стагнации экономики) скорее курс на оптимизацию и нормирование слабых вузов, чем на поддержку сильных коллективов, что, скорее всего, неизбежно приведет к дальнейшему ослаблению позиций высшего образования.

Таким образом, в стратегическом планировании российского образования преобладает скорее экстенсивное направление, что связано с ориентацией на вектор «сырьевое будущее», что, впрочем, не исключает в дальнейшем перехода к догоняющей модернизации. Однако наиболее вероятным сейчас считается в качестве ближайшей стратегической перспективы адаптация системы высшего профессионального образования под современное состояние российской экономики, в которой приоритет отдается сырьевому сектору, отсутствуют условия для развития высокотехнологичных производств и одновременно наблюдаются серьезные проблемы в сфере развития предпринимательства (малого и среднего бизнеса).

Литература

Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад / под ред. В.С.Ефимова. Красноярск: Изд-во Сиб. Федерал. ун-та, 2012.

Клячко, Т.Л., Мау В.А. Будущее университетов / Т. Л. Клячко, В.А. Мау. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 64 с.

Новиков А. М. Постиндустриальное образование. М.: Эгвес, 2008.

Социальное воспитание обучающихся на ступени общего образования в контексте смены образовательных стратегий

Usacheva, A.

Social education trained at a general education step in a context of change of educational strategy

Аннотация

Статья посвящена осмыслению роли школьного воспитания в условиях смены образовательной парадигмы. Рассмотрены механизмы социализации в школьной жизнедеятельности, основные возможности образовательных стратегий, задачи, направления и риски деятельности современной школы как института социализации.

Article is devoted judgement of a role of school education in the conditions of change of an educational paradigm. Socialisation mechanisms in school ability to live, the basic possibilities of educational strategy, problems, directions and risks of activity of modern school as socialisation institute are considered.

Ключевые слова

Социальное воспитание, образовательная стратегия, социализация, компетенция, воспитательная система, школа.

Social education, educational strategy, socialisation, the competence, educational system, school.

Изменение стратегических ориентиров развития российской системы образования в первое десятилетие XXI века, смена образовательных парадигм, изменение целей обучения и развития школьников, понимания субъекта обучения, воспитания, развития и социализации нашли свое отражение в исходных основаниях российского законодательства в сфере образования [1], Концепции духовно–нравственного развития и воспитания личности гражданина России[4], образовательных стандартах [2, 3], построении современных образовательных технологий.

Школьное воспитание выступает в роли относительно социально контролируемой социализации. В школьной жизнедеятельности представлены все механизмы социализации, выделенные А.В. Мудриком [7].

Механизмы социализации в школьной жизнедеятельности

(по А. Мудрику)

Таблица 1

Группа механизмов	Механизмы	Содержание
Психологические и социально-психологические механизмы социализации	Импринтинг (запечатление)	Фиксирование человеком на рецепторном и подсознательном уровнях особенностей воздействующих на него важных объектов
	Экзистенциальный нажим	Овладение языком и неосознаваемое усвоение норм социального поведения, обязательных в процессе взаимодействия со значимыми людьми
	Подражание	Следование какому-либо образцу, примеру
	Идентификация (отождествление)	Процесс неосознаваемого отождествления себя с другим человеком, группой, образцом
	Рефлексия	Внутренний диалог, в котором человек рассматривает, оценивает, принимает или отвергает те или иные ценности, свойственные различным институтам общества, семье, обществу сверстников,

Группа механизмов	Механизмы	Содержание
		значимым лицам
Социально-педагогические механизмы социализации	Традиционный механизм социализации	Усвоение человеческих норм, эталонов поведения, взглядов, стереотипов, которые характерны для его семьи и ближайшего окружения
	Институциональные механизмы социализации	Функционируют в процессе взаимодействия человека с институтами общества и различными организациями
	Стилизованный механизм социализации	Действует в рамках определенной субкультуры
	Межличностный механизм социализации	Функционирует в процессе взаимодействия человека с субъективно значимыми для него лицами

По мнению Э. Дюркгейма, деятельность школы состоит «прежде всего в развитии известного набора интеллектуальных, нравственных, физических качеств, которых требует общество и среда», а школьный класс — наиболее целесообразная среда воспитания, под влиянием которой происходит становление нравственных сил ребенка. Итог воспитательного процесса — слияние социального и биологического компонентов, т. е. достижение «индивидуальной социализации» [5, С.80].

Вместе с тем, школа – специфическая социальная организация, поскольку. Истинные результаты работы школы можно оценить лишь через длительное время после окончания пребывания в ней. Школа обязательна для

учащихся, следовательно, не лишена элементов напряжения, принуждения. Ученики как члены организации имеют особый, временный статус. Основными компонентами социальной организации школы являются содержание образования, процесс оценивания и распределения учащихся по статусам, группам и социальная среда. Социальный заказ на работу школы интерпретируется ею самой.

Традиционная организация школьной жизни более всего отвечала задаче воспроизводства существующих социальных отношений, образцов поведения, социальных установок. В современной ситуации требования к школе и, соответственно, ее функции меняются. В связи с этим актуальной становится проблема выбора стратегии подготовки выпускников. В ситуации смен парадигм как всей науки, так и образовательного процесса, необходимо разобраться, каковы основные возможности каждой из предлагаемых образовательных стратегий.

Все многообразие современных научно–педагогических идей можно с уверенностью классифицировать в трех ведущих образовательных парадигмах – традиционной (в крайнем своем проявлении — технократической), гуманистической и гуманитарной. Гуманистическая парадигма предлагает в качестве цели включение в образовательный процесс школьника и превращение его из объекта образования в активного участника процесса, т.е. в субъекта. Основными задачами, осуществляющими достижение данных целей, выступают, соответственно, в традиционной парадигме – улучшение качества преподавания, в гуманистической – создание развивающей среды для обучения, рост активности и эффективности учащегося и, как следствие, качества его подготовки. Гуманитарная парадигма, которая приходит на смену гуманистической, ставит в центр целостного человека во всем многообразии его связей и отношений с окружающим миром. Главной характеристикой гуманитарного характера позиции педагога выступает диалогичность. Гуманитарная парадигма означает признание следующих фактов: целостного характера

педагогических процессов и явлений; их обусловленности внутренними закономерными причинами самодвижения; нелинейного, кризисного характера саморазвития; необходимости оказания помощи (содействия) в поступательном развитии человека.

На практике современная школа как институт социализации решает две основных социально–психологические задачи: 1) усвоение учащимися нормативного поведения, 2) построение собственной позиции, своего отношения к усваиваемым нормам и ценностям.

Школьное воспитание предоставляет широкие возможности для оказания разностороннего воспитательного воздействия на ребенка. Общаясь со своими ровесниками и учителями, ребенок осваивает особенности поведенческого характера, которые присутствуют в школьном коллективе, знакомится с системой ценностей, морально-нравственных установок. Кроме того, воспитание в школе может происходить непосредственно через содержание учебных дисциплин.

На успешность и эффективность воспитательного и учебного процесса ребенка в большой степени влияет педагогически организованное взаимодействие школьных педагогов и родителей. Традиционно семья играет ведущую роль в формировании важнейших качеств личности, которые в дальнейшем обеспечивают ребенку успешное включение в общественную жизнь, учебный процесс, создание нормальных отношений с педагогами и сверстниками в школе.

Работа с семьей в школе может осуществляться в различных формах, как традиционных, так и новых.

Формы взаимодействия школы и семьи

Таблица 2

Традиционные	Современные/новые
Классные и общешкольные родительские собрания	Анкетный опрос родительской общественности, в том числе в

Традиционные	Современные/новые
	режиме он–лайн
Педагогические консультации	Публичный доклад администрации об итогах работы школы за истекший учебный год
Радиопередачи	Участие родителей в общественно-государственном управлении школы — в качестве общественных наблюдателей во время государственной итоговой аттестации
Информационные встречи с представителями городских служб	Участие родителей в конкурсных мероприятиях школы
Заседания родительского комитета школы	Участие родителей в мероприятиях по подведению итогов работы школы за текущий учебный год
Общешкольные конференции	Участие родителей в формировании общественного фонда школы и распоряжении финансовыми средствами
Заседания управляющего совета школы	Иные

Вместе с тем, в школьном воспитании есть свои слабые стороны, одна из которых – обезличенность. Нередко учителя, в отличие от членов семьи, уделяют всем детям совершенно одинаковое внимание, забывая о том, что каждый из них требует особого подхода, именно поэтому требуется совмещение школьного и семейного воспитания, особенно в начальной школе. Социальное воспитание представляет собой возвращение человека в процессе планомерного создания условий для целенаправленных позитивных

развития и духовно–ценностной ориентации. В современных условиях школа начинает выполнять новые социально—педагогические функции:

социально-воспитательную;
охраны и укрепления здоровья учащихся в процессе обучения,
социально-педагогической поддержки семьи;
социально-психологической помощи детям, родителям, педагогам;
защиты прав детей,
социально-педагогической помощи в жизненном и социально-
профессиональном самоопределении школьников,
социально-культурной адаптации и др.

Воспитание ориентировано на достижение определённого идеала, т. е. образа человека, имеющего приоритетное значение для общества в конкретно–исторических социокультурных условиях. В настоящее время ожидаемый от школы результат все чаще фиксируется понятием «общая культура». Расшифровывая понятие «общая культура», социология воспитания изучает воспитательный процесс в современной школе, который направлен на реализацию базовых компонентов культуры личности и формирование следующих компетенций воспитанника:

мировоззренческая компетенция — осознание воспитанником школы себя субъектом собственной жизни, умеющим принимать решения и нести ответственность за свои действия и поступки;

интеллектуальная компетенция — наличие знаний и умений в области культуры умственного труда, стремление к самообразованию;

нравственная компетенция — развитость в воспитаннике нравственного сознания, чувства и поведения;

гражданская компетенция — сознательное и активное выполнение гражданских обязанностей и долга перед государством, обществом, народом;

трудовая компетенция — ответственное отношение к труду и его продуктам; сознательный выбор профессии;

экологическая компетенция — гуманное, ответственное отношение к природе как к наивысшей национальной и общечеловеческой ценности; готовность к природоохранительной деятельности;

эстетическая компетенция — развитость потребности в культурных и духовных ценностях, их дальнейшем обогащении; развитие творческих способностей;

физическая компетенция — соответствующий возрасту уровень физического развития и физической подготовленности; ответственное отношение к своему здоровью; потребность в постоянном физическом самосовершенствовании.

Сущность школьного воспитания, его направления и характер определяются единством целей, содержания и средств.

Направления школьного воспитания

Таблица 3

Направление	Цели и задачи	Средства воспитания
Умственное	<p>Развитие интеллектуальных способностей человека, интереса к познанию окружающего мира и себя; развитие силы воли, памяти и мышления; формирование культуры учебного и интеллектуального труда; стимулирование интереса к работе с книгой и новыми информационными</p>	<p>Средства обучения и образования, специальные психологические тренинги и упражнения, беседы об ученых, государственных деятелях разных стран, викторины и олимпиады, вовлечение в процесс творческого поиска, исследования и эксперимента.</p>

Направление	Цели и задачи	Средства воспитания
	технологиями; развитие личностных качеств – самостоятельности, широты кругозора, способности к творчеству.	
Нравственное	<p>Определяются посредством этических требований общества накопление нравственного опыта и знаний о правилах общественного поведения (в семье, на улице, в школе и других общественных местах); разумное использование свободного времени и развитие нравственных качеств личности, таких как внимательного и заботливого отношения к людям; честности, терпимости, скромности и деликатности; организованности, дисциплинированности и ответственности, чувства долга и чести, уважения человеческого достоинства,</p>	<p>Убеждение и личный пример, совет, пожелание и одобрительный отзыв, положительная оценка действий и поступков, общественное признание достижений и достоинств человека.</p> <p>Проведение этических бесед и диспутов на примерах художественных произведений и практических ситуаций.</p> <p>Общественное порицание, возможность дисциплинарных и отсроченных наказаний.</p>

Направление	Цели и задачи	Средства воспитания
	<p>трудолюбия и культуры труда, бережного отношения к национальному достоянию</p>	
Трудовое	<p>Развитие и подготовка добросовестного, ответственного и творческого отношения к разным видам трудовой деятельности, накопление профессионального опыта как условия выполнения важнейшей обязанности человека</p>	<p>временные и постоянные домашние поручения, систематическое участие в общественно-полезном труде, обучение технологиям и приемам организации профессиональной деятельности; контроль за экономией времени и электроэнергии, ресурсами; учет и оценка результатов труда; специальная профессиональная подготовка к трудовой деятельности.</p>
Эстетическое	<p>Развитие эстетического отношения к действительности</p>	<p>Использование художественных и литературных произведений, музыки, искусства, кино, театра, народного фольклора. Участие в художественном, музыкальном, литературном творчестве, организация лекций, бесед, встреч и</p>

Направление	Цели и задачи	Средства воспитания
		<p>концертных вечеров с художниками и музыкантами, посещение музеев и художественных выставок, изучение архитектуры города. Эстетическая организация труда.</p>
Физическое	<p>Правильное физическое развитие, тренировка двигательных навыков и вестибулярного аппарата, различные процедуры закаливания организма, а также воспитание силы воли и характера, направленное на повышение работоспособности человека</p>	<p>Занятия физическими упражнениями. Контроль за режимом учебных занятий, труда и отдыха, врачебно-медицинская профилактика заболеваний подрастающего поколения. Соблюдение элементов повседневного режима.</p>
Гражданское	<p>Формирование у человека ответственного отношения к семье, к другим людям, к своему народу и Отечеству</p>	<p>Средства обучения и образования. Убеждение и личный пример, совет, пожелание и одобрительный отзыв, положительная оценка действий и поступков, общественное признание достижений и достоинств человека. Проведение бесед и</p>

Направление	Цели и задачи	Средства воспитания
		диспутов на примерах художественных произведений и практических ситуаций.
Экономическое	Развитие экономического мышления. Формирование бережливости, предприимчивости, расчетливости, накопление знаний, касающихся проблем собственности, систем хозяйствования, экономической рентабельности, налогового обложения.	Средства обучения и образования, экономические практикумы, беседы об ученых, государственных деятелях разных стран, викторины и олимпиады.
Экологическое	Бережное отношение к природе, ее ресурсам и полезным ископаемым, флоре и фауне	Убеждение и личный пример, совет, пожелание и одобрительный отзыв, положительная оценка действий и поступков, общественное признание достижений и достоинств человека. Участие в экологических акциях.
Правовое	Воспитание уважительного отношения к законам и Конституции, правам человека и на критическое	Средства обучения и образования, правовые тренинги и практикумы, беседы об ученых, государственных

Направление	Цели и задачи	Средства воспитания
	отношение к тем, кто преступает последние	деятелях разных стран, викторины и олимпиады.

Воспитательная система школы охватывает весь педагогический процесс, интегрируя учебные занятия, внеурочную жизнь детей, систему дополнительного образования, разнообразную деятельность и общение за пределами школы. Условием современного управления воспитательной системой становится стимулирующая коммуникативная среда — пространство продуктивного общения и сотрудничества, объединяющее детей и взрослых, позволяющее им развиваться и оптимально реализовывать свои возможности. В этих условиях ребенок оказывается полноправным участником педагогического процесса, возникают доверительные, непринужденные отношения детей и взрослых, реализуются коллективные педагогические формы и приемы, осуществляется совместная деятельность учеников, учителей и родителей.

Таким образом, в ситуации смены образовательной парадигмы школа начинает выполнять новые социально—педагогические функции. Социальное воспитание как процесс относительно социально контролируемой социализации, осуществляемый в школе, создает условия для формирования базовой культуры личности, помогает развить возможности человека, включающие его способности, знания, образцы поведения, ценности, отношения, позитивно ценные для общества, в котором он живет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. УТВЕРЖДЕН приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413.

Данилюк А. Я. Концепция духовно–нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков ; Рос. акад. образования. — М. : Просвещение, 2009. — 24 с. — (Стандарты второго поколения).

Джуринский А. Н. Сравнительная педагогика : учеб. пособие для студентов сред. и высш. пед. учеб. заведений. — М. : Академия, 1998. С.80 — 176 с.

Зимняя И. А. Стратегия воспитания: возможность и реальность / И. А. Зимняя // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 1. С. 68.

Мудрик А. В. Социальная педагогика. М. : Академия, 2005. —200 с.

Никандров Н. Д. Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий / Н. Д. Никандров. — М. : Гелиос АРВ, 2000. — 229 с.

Школьное и внешкольное образование : справ. / сост. А. Зеленский, Л. Коськина, С. Зеленская. — М. : НТЦ «Университетский» : Универ–Пресс, 2010. — 160 с.

Чертков, А.Е|| Мылтасова, О.В.

Пути развития образовательной системы России

Chertkov, A.|| Myltasova, O.

Options for the development of the educational system in Russia

В статье описано видение современной системы образования с точки зрения современной молодежи. Приводятся данные исследования образовательных программ США в подтверждении ценности практического образования и образования с ранних лет жизни. Определяются заинтересованные субъекты образовательного процесса (студенты, бизнес, государство, преподаватели), рассматриваются факторы их мотивации. Выделены предпосылки, формирующие сильных личностей с раннего возраста, способных быть драйвером экономики. Предложены рекомендации по внедрению метода кейсов в образовательный процесс российских университетов.

The article described a vision of a modern education system from the perspective of today's youth. The data of the study the US educational programs in the confirmation of the value of education and practical education from the earliest years of life. Determined stakeholders of the educational process (students, business, government, teachers), their motivation factors are considered. Allocated premises that form strong personalities at an early age, can be a driver of the economy. Recommendations on the implementation of the method of case studies in the educational process of Russian universities.

ОБРАЗОВАНИЕ, КЕЙС-СТАДИ, ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ, ДРАЙВЕР РОСТА ЭКОНОМИКИ.

EDUCATION, CASE-STUDY, PRACTICAL EDUCATION, EDUCATION IN THE YOUNG AGE, DRIVER OF GROWTH.

Час работы научит больше, чем день объяснения.

Жан Жак Руссо

Современная система образования, с точки зрения сегодняшней молодежи, по многим параметрам не отвечает требованиям быстроменяющегося мира.

Российские университеты традиционно сильны в фундаментальном образовании, и только редкие образовательные учреждения могут похвастаться действительно сильными программами, доказавшими свою эффективность на практике.

Об эффективности именно практического подхода к образованию написано немало работ, проведено несколько исследований. Например, Х.-Е. Майхнер в своем исследовании определил, что информация усваивается в следующей пропорции:

- всего 10% информации запоминается при пассивном восприятии (только чтение)
- только 20% при пассивном слушании;
- 30% увиденного;
- 50% услышанного и увиденного;
- 80% - того, что говорили сами;
- 90% - того, что делали сами [2].

По результатам исследования Changellenge (исследование в форме опроса, респонденты – более 2000 активных студентов из разных городов России – участников кейс-чемпионатов) [3], можно выделить две основные проблемы образования в высших учебных заведениях:

- 1) Низкий уровень преподавания/неподходящий формат преподавания
- 2) Преподавание неактуальных для будущей профессиональной деятельности дисциплин.

Первую проблему можно разбить на части:

- 1) Недостаток мотивации у преподавателей
- 2) Недостаток квалификации

3) Давление внешней среды (условия, требования, вынуждающие преподавателя пользоваться не самыми эффективными методами обучения).

Вторая проблема касается органов государственной власти и является одновременно более простой, и более сложной, чем предыдущая. С одной стороны здесь возможно централизованное принятие решений преподаваемых дисциплин, однако, с другой стороны, сложность заключается в малой практической возможности повлиять на решения органов власти.

Кто должен участвовать в этом процессе и как оценить эффективность изменений?

Рассмотрим, кто больше всего заинтересован в таком векторе изменений. Бизнес (работодатели) хочет видеть на рабочих местах специалистов, имеющих опыт – или же, как минимум серьезную мотивацию развиваться в данной отрасли. Однако, выпускники прикладных экономических специальностей (таких как маркетинг, менеджмент, логистика, бухгалтерский учет и множество других), как правило, не имеют ни опыта, ни подлинного представления о своей специальности по причине отсутствия достаточной практики. Соответственно, картинка, которую нарисовали себе такие студенты при выборе специальности, в период обучения может разительно отличаться от реальной ситуации. В результате, мы имеем с одной стороны – значительные по масштабам простой экономики (так как большая часть молодых трудовых ресурсов не действует в полную силу: затрачиваются время и другие ресурсы на переподготовку кадров, снижается работоспособность у молодых сотрудников на «нелюбимых рабочих местах» и др.), а с другой стороны – это массовый комплекс проблем личности, связанных с профессиональным самоопределением, отсутствием четких жизненных целей и мотивации к саморазвитию.

Из последнего тезиса о двухстороннем взгляде на проблему (с точки зрения экономики и с точки зрения психологии личности) сделаем вывод, что и решать ее нужно в двух направлениях.

С точки зрения системы, на наш взгляд, движение к реформированию нужно начинать с самих студентов при поддержке государственных структур и специалистов в области образования. Именно активная позиция молодежи должна быть драйвером изменений – это они являются главным объектом и системы образования, и рынка труда.

Однако, как было отмечено выше, молодежь, в силу неопытности, может не иметь достаточного представления о состоянии реальных отраслей бизнеса, а также не обладает достаточным опытом в системе обучения. Для того, чтобы нивелировать этот фактор, в процесс формирования системы образования должен быть вовлечен бизнес, как заинтересованное лицо на рынке труда, а также опытные представители сферы образования, но только в качестве наставников-консультантов.

С другой стороны, отметим, что активная работа молодежи в этом направлении основывается на разрешении второй стороны проблемы, с точки зрения личностного подхода. Для того, чтобы были возможны позитивные изменения на уровне общества, необходимо провести соответствующие преобразования на уровне личности.

Принято выделять проблему нынешнего «поколения Z»: позиция, навязанная «обществом потребления» и отсутствие реальных стимулов к развитию – это пессимистический аспект оценки современного социума. Большая часть современной молодежи действительно стремится развиваться и имеют достаточный доступ к образовательным ресурсам, которые способствуют разрешению задачи самоопределения (профессионального, личного, разрешения большинства массовых психологических проблем). Однако лишь меньшинство предпринимает попытки к реальным изменениям. Эта особенность зависит в том числе от фактора социо-эмоционального развития (подробнее влияние фактора рассмотрено ниже).

Для того, чтобы воспитать прогрессивную молодежь, необходимо вкладываться в образовательные с ранних лет. Научные исследования доказали, что наиболее эффективны вложения в человеческий капитал – это

вложения в первые годы жизни человека. В статьях 2006 года ученые (экономист Джеймс Хекман, нейробиологи Эрик Кнудсен и Джуди Камерон, специалист по раннему детскому развитию Джек Шонкофф) исследовали кривую эффективности инвестиций в человеческий капитал в зависимости от возраста, в котором эти инвестиции производились [1].

В работе ученых из Высшей школы экономики Санкт-Петербурга «Бедность и развитие ребенка» приводятся комментарии к этому исследованию: чем раньше сделаны такого рода инвестиции, тем эффективнее будет их социальная и финансовая отдача. Самая большая отдача во взрослом возрасте видна у людей, в человеческий капитал которых заложены крупные инвестиции в дошкольном возрасте.

Данное исследование основывается на ряде лонгитюдных экспериментов в США, в которых людей, прошедших образовательную программу в дошкольном возрасте оценивали по ряду параметров в течение нескольких десятков лет.

Ученые проанализировали финансовый аспект этой образовательной программы: соотношение затрат и получение положительного эффекта для общества в целом. Например, для людей, прошедших программу Перри, отдача оценивалась в 7-10%. Если сравнить эти цифры, например, с отдачей от вложений в фондовый рынок США (около 5,8%), то разница очевидна.

Таким образом, получается, что инвестиции в образование в столь раннем возрасте могут быть драйвером роста экономики.

Программа PerryPreschool была проведена в 1960е г.г. в США. Участниками программы были школьники с интеллектуальным развитием ниже среднего из бедных семей. Программа была рассчитана на 2 года, у детей развивали и социо-эмоциональные, и когнитивные навыки. Также присутствовала контрольная группа детей, занимавшихся по традиционной дошкольной программе. У детей, участвовавших в программе, отмечено значительное повышение коэффициента интеллекта и социо-эмоциональных показателей, но через четыре года после окончания занятий эти дети уже не

выделялись по интеллектуальному развитию. Однако, эффект социо-эмоционального развития был значительно более стойким, это было доказано последующим сравнением с контрольной группой уже во взрослой жизни. Иная программа, «Abecedarian», предусматривала более длительные занятия: с 5 месяцев и до 8 лет. В этом случае изменения коэффициента интеллекта было более устойчивым: отличие от контрольной группы сохранялось примерно до 21 года.

Отметим, что исследование проводилось в среде детей из неблагополучных семей. Предположительно, в среде обычных детей результаты были бы несколько иными. Однако отметим, что если данные программы способствуют эффективному развитию более сложных случаев, то в случае с обычными детьми результаты ожидаются еще более оптимистичные.

Джеймс Хекман по результатам этих исследований сделал вывод о том, что ключевым фактором развития и успеха человека является не интеллект, как считалось ранее, а уровень социо-эмоционального развития. Лидерство, сила характера, коммуникативные навыки – это именно то, что способствует решению разнообразных жизненных проблем, сопутствует активной жизненной позиции – всему тому, что играет положительную роль не только на уровне личности, но и на уровне общества. В частности – это важно для инициативы к реформированию системы образования именно молодежи.

Кроме того, интеллект значительно сложнее поддается изменению, чем ключевой (как определили исследователи) показатель социо-эмоционального развития – самоконтроль. В результате ряда исследований было отмечено, что интеллект передается с генами и имеет небольшой допустимый диапазон изменений, тогда как уровень самоконтроля в детском и взрослом возрасте может значительно отличаться.

В России серьезных исследований на эту тему совсем немного, и все они относятся к современному периоду, а значит первых результатов предстоит ждать еще несколько десятилетий.

На уровне высшего образования для реализации практического образования рекомендуется использование метода изучения по конкретным ситуациям («кейс-стади»). Включение его в программу дает опыт решения практических задач в разных сферах и способствует выработке многих необходимых профессиональных навыков. В случае с экономическими специальностями, при занятиях бизнес-кейсами студенты учатся работать в команде, т.е. приобретают опыт профессиональных коммуникаций. Деятельность команды похожа на деятельность предприятия – участники взаимодействуют друг с другом, решают сложные управленческие задачи и учатся принимать правильные решения.

В ходе работы составляются планы, необходимо поддерживать динамику в работе команды, оттачиваются лидерские навыки.

При решении бизнес-кейса студенты изучают большое количество вводных данных, так как задание часто дают в общем виде, и чем более глубоко и широко будет исследован вопрос, тем более успешно команда сможет показать себя на защите решения. Таким образом, формируется мотивация к исследованию инструментов анализа и рыночной среды, а также к получению самых разнообразных прикладных знаний.

Как правило (и это доказано исследованиями, например, Х.-Е. Майхнер), инструменты анализа и информация о рыночной среде запоминается значительно лучше при такого типа активной работе с ней.

В процессе подготовки решения параллельно готовятся слайды для презентации, при чем уровень слайдов значительно отличается от слайдов обычных студентов в лучшую сторону. На этот показатель влияет мотивация научиться большему, сделать лучше.

После подготовки решения и слайдов команда готовится к презентации решения, где отрабатывается навык публичных выступлений, ответов на вопросы.

Таким образом, при таком подходе происходит развитие как мягких навыков (soft skills), так и hard skills. Под мягкими навыками (soft skills)

обычно понимают социальные навыки, а также те, которые позволяют быть успешным независимо от специфики деятельности и направления, в котором работает человек - умение убеждать, находить подход к людям, лидировать, межличностное общение, ведение переговорных процессов, работа в команде, личностное развитие, управление временем, эрудированность, креативность и т.п. Доля soft skills в работе менеджера по оценкам практикующих российских менеджеров составляет примерно от 40 до 80%, остальная часть - экономическая составляющая [4].

Существует несколько видов такого рода заданий. Они варьируются по объему (от нескольких предложений до нескольких десятков страниц), по содержанию (есть чисто экономические кейсы, также применяются технические, технико-экономические, и даже этические, иначе называемые этические дилеммы). У заданий обычно отсутствует единственное правильное решение, предполагается использование широты воображения совместно с точными знаниями. Таким образом, такой вид учебных заданий развивает не только интеллект, но и креативность.

Качественно разработанный кейс должен представлять собой ситуацию, максимально близкую к реальной, в нем должны в достаточно информативной мере описаны детали, касающиеся действующих лиц, событий и т.д. Описываемая ситуация не предполагает наличие только одного правильного решения (в большинстве случаев), решение должно быть неочевидным.

В статье «Кейс-стади как интерактивный метод в образовании студентов-экономистов в процессе изучения дисциплины “Управление персоналом”» подробно описана история развития кейс-движения в России, представлен алгоритм разработки кейсов, их виды и рекомендации по внедрению в образовательный процесс [3].

Рассмотрим, каким образом российские преподаватели могли бы активно использовать в своей практике кейс-стади.

На семинарских занятиях в университете рекомендуются к использованию мини-кейсы. Мини-кейсы – это короткие, длиной в 1-2 абзаца задания, которые описывают конкретную ситуацию и содержат необходимую информацию, чтобы могла возникнуть дискуссия. Такие задания вовлекают студентов в обсуждение засчёт вопросов по типу «Ваши действия?».

В условиях ограниченного времени мини-кейсы будут оптимальной формой обучения, т.к. главное на аудиторных занятиях – отточить навыки, которые будут использованы при решении более серьезных задач. В аудитории важно разобрать именно технологию решения и закрепить ее несколькими быстрыми практическими упражнениями. В домашней работе, в спокойной обстановке, команда студентов будет детально разбираться в отрасли и подробно анализировать ситуацию. Такой порядок полностью совпадает с практикой кейс-чемпионатов: для того, чтобы действительно хорошо разбраться в рынке, задаче необходимо уделить заданию несколько часов (или даже несколько десятков часов). В идеале – организовать еженедельную защиту решения, чтобы студенты проходили полный практический цикл решения кейса за короткий период, и за семестр выполняли до 10 таких циклов.

Конечно, необходимо заинтересовать студентов таким подходом, продемонстрировать преимущества от таких занятий, познакомить с требованиями современных компаний, возможно, почаще приглашать экспертов из изучаемой области знаний и практиков из соответствующих отраслей экономики.

Важно ввести элемент игровой, дискуссионной формы. В конкурентных условиях студенты проявляют себя, как правило, лучше, они лучше включены в процесс работы и получают удовольствие от решения задач. За вопросы и ответы на них следует выставлять дополнительные баллы. Как показывает практика, это значительно оживляет дискуссию, а

главное – мотивирует людей мыслить, рассуждать – это то, что является лучшим способом усвоить информацию

Не каждая аудитория студентов будет заинтересована в обучении, как бы их не мотивировали. Что касается самостоятельной работы студентов – это индивидуальный выбор каждого.

Однако именно преподаватель должен стремиться организовать занятия максимально полезно и интересно (так как он является активным, ведущим субъектом образовательной деятельности). Обязанность преподавателя – показать образ мышления, создать атмосферу, подать пример, максимально постараться донести материал и мотивировать к рассуждению и работе. Максимально нужно избегать пассивного метода обучения (как самого неэффективного).

Таким образом, предлагается использование образовательные программы с самого раннего возраста. При этом такие программы должны включать элементы практического образования. Это требует значительных инвестиций и серьезной перестройки действующей системы образования, однако согласно многочисленным исследованиям такой подход должен принести не только эффект прироста человеческого капитала и решение психологических проблем на уровне личности, но также и эффект экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Александров Д., Иванюшина В., Бедность и развитие ребенка [Текст]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2016/01/24/poverty/>

Багирова И.Х., Бурыхин Б.С., Кейс-стади как интерактивный метод в образовании студентов-экономистов в процессе изучения дисциплины “Управление персоналом”, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/keys-stadi-kak-interaktivnyy-metod-v-obrazovanii-studentov-ekonomistov-v-protssesse-izucheniya-distsipliny-upravlenie-personalom>

60% студентов недовольны качеством образования, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://online47.ru/2015/09/08/60-studentov-nedovolny-kachestvom-obrazovaniya-19874>

Чертков А.Е., Мухранов Р.В., Основные компетенции современного менеджера, 2015, электронный журнал «Экономика и социум», №2(15).

Л. А. Шагиева

Управление процессом формирования социального потенциала в
системе высшего профессионального образования.

L.A. Shagieva

Management of process of formation of the social potential of in the system
of higher professional education

Аннотация: В данной статье рассматриваются основы формирования социального потенциала молодого поколения в процессе получения высшего профессионального образования. Основной идеей статьи является обоснование важности развития нравственного сознания молодёжи для интеллектуальной, творческой и трудовой самореализации. Выводы, сделанные автором, сводятся к необходимости формирования нравственного сознания и реализации социального потенциала учащейся молодёжи для социально-экономического благополучия общества.

Abstract: In this article discusses the basics of formation of the social potential of the younger generation in the system of higher education. The main idea of the article is to justification for of the importance of development of moral consciousness of students for the intellectual, creative and labor self-realization of young people. The conclusions made the author are reduced to the necessity of formation of moral consciousness and the social potential of the younger generation for the socio-economic welfare of society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, МОЛОДЁЖЬ, НРАВСТВЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ, НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ, СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ, ОБУЧЕНИЕ, ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС.

KEYWORDS: SOCIAL POTENTIAL, THE YOUTH, MORAL CONSCIOUSNESS, MORAL VALUES, SOCIAL WELL-BEING, EDUCATION, EDUCATIONAL PROCESS.

Социальный потенциал молодого поколения в широком смысле включает в себя интеграцию демографических, интеллектуальных, образовательных, трудовых, научных и творческих ресурсов, а также условий их формирования, возможностей реализации и дальнейшего развития. Актуальность изучения данного феномена во многом обуславливается тем, что именно от грамотно продуманной стратегии реализации социального потенциала будет зависеть дальнейшее социально-экономическое положение общества, рост его благосостояния, а также будущее молодого поколения, полное перспектив для самореализации или же, наоборот, ограничений для проявления интеллектуальной и творческой активности. [1] Для того, чтобы результаты реализации данной стратегии имели положительную направленность, начинать её осуществление нужно с основ социализации молодого поколения, приобщения его к социальным ценностям и нормам в процессе получения образования. Безусловно, психофизиологические особенности, интеллектуальные и творческие задатки, способности личности играют большую роль в процессе развития социального потенциала, но, тем не менее, получить выход на уровень практической реализации они могут только посредством приобретения знаний, просвещения, приобщения к культуре, эстетическому и нравственному воспитанию, основы которых должны прививаться системой образования.

Берёт начало данный процесс с системы среднего общего образования, так как знания и нравственное воспитание, полученные ребёнком со школы, способны стать основополагающими ориентирами, формирующими жизненные ценности на протяжении всего процесса социализации личности. В последующем формирование социального потенциала должно происходить посредством средних специальных и высших учебных заведений, а также организаций и предприятий, обеспечивающих представителей молодого поколения рабочими местами. Особого внимания при этом заслуживают учреждения высшего профессионального образования, так как именно

выпускники вузов должны стать в будущем интеллектуальной элитой нашего общества, занять ведущие должности в различных отраслях социально-экономической сферы.

Учитывая вышесказанное, управление формированием социального потенциала в процессе получения студентами высшего образования должно основываться не только на их профессиональной подготовке к трудовой деятельности, но и на духовно-нравственном, патриотическом воспитании, приобщении к ценностям отечественной культуры, ознакомлении с величайшими научными достижениями. Образовательный процесс при этом должен представлять собой не только динамично развивающуюся систему социальной деятельности и коммуникации, но и процесс взаимодействия организационно-управленческой и духовно-культурной его сторон. Предназначение, миссия образования заключается в создании условий, содействующих творческому росту индивида, максимальному развитию его личностных качеств. [2, с. 344] В этих целях можно обозначить основные задачи, которые должны находиться в центре образовательного процесса. К ним относятся, как отмечает В. В. Гаврилюк: удовлетворение потребности личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, приобретение высшего и послевузовского образования в избранной области профессиональной деятельности, удовлетворение потребности общества в квалифицированных специалистах с высшим профессиональным образованием и научно-педагогических кадрах высшей квалификации, сохранение и преумножение нравственных, культурных, научных ценностей общества: распространение знаний среди населения, повышение его образовательного и культурного уровня. Центральной точкой зрения автора является положение о том, что в информационном обществе именно от результатов деятельности высшей школы будут зависеть возможности социально-экономического развития общества, его потенциал и место в мировом сообществе. [3, с. 132]

Реализация данных направлений, безусловно, способна во многом определить формирование жизненных стратегий молодого поколения, но, тем не менее, необходимо помнить, что воспитательный процесс должен не только раскрывать абстрактные представления о нравственных, моральных и духовных ценностях, но и способствовать формированию объективной картины мира, основы которой порой оказываются далеки от идеалистических представлений, по причине чего человек должен отстаивать свой нравственный облик не смотря ни на какие трудности.

Нельзя упускать из виду и тот факт, что никакое знание не может полностью «охватить» всю действительность, поэтому необходимо развивать у учащейся молодёжи способность думать самостоятельно, отстаивать свои идеи, принципы и жизненные воззрения. Образование должно передавать осмысление перехода от той «картины мира», которую дает вуз, к той «картине жизни», с которой сталкивается человек в процессе приобщения к трудовой деятельности, при развитии межличностных и деловых отношений. Для того, чтобы данные адаптационные процессы прошли наиболее продуктивно, в процессе получения образования студенческой молодёжи должно прививаться осознание, что получаемая им профессия имеет крепкие нравственные устои и в первую очередь приносит пользу обществу, в то время как материальная составляющая, выраженная в форме приобретения индивидуальной выгоды, имеет второстепенное значение.

Не менее острым организационным вопросом является приобщение к ценностям отечественной культуры, их нравственному содержанию, которые ощутимо умаляются под воздействием западных идеологических воззрений. Учитывая важность данного обстоятельства, профессиональная подготовка будущих специалистов должна основываться на воспитании не космополитов, ищущих перспективы самореализации за рубежом, а в первую очередь достойных граждан своей страны, характеризующихся высокоразвитой гражданской, социальной и правовой ответственностью. В этих целях особую значимость должно приобрести патриотическое

воспитание, возвращение любви к своему отечеству, привитие чувства гордости за свою страну и за малую Родину. Необходимо помнить, что нельзя недооценивать чувство привязанности и любви к своей стране, так как именно оно способно воспитать в каждом человеке желание трудиться во благо отечества, защищать его, хранить память о великих достижениях и победах своего народа. Кроме того, образовательная система должна выполнять к тому же функцию социализации поколений, то есть интеграции подрастающего поколения в систему этических норм общественной жизни, в цивилизованную культуру, в мир профессиональных знаний и навыков, формируемых в лучших традициях воспитания более старших поколений. [4, с. 51]

Что касается реализации данных направлений на практике, то они должны осуществляться не только в рамках дополнительных занятий, семинаров, культурных мероприятий, но и в процессе прохождения основного учебного материала. То есть сами технологии преподавания должны быть ориентированы не только на подачу информации, но и на обоснование её пользы и необходимости служения общественному благу. Относительно введения дополнительных занятий, посвященных культурному и нравственному совершенствованию обучающихся, необходимо отметить, что посещение их не обязательно должно носить принудительный характер. Вполне возможно путём проведения опросов и мониторинга мнений узнать, какие именно вопросы интересуют студенчество и рассмотрению каких тем молодые люди хотели бы посвятить своё свободное время. На основании полученной информации можно составить примерный план воспитательных мероприятий, а также следить за их качеством, посредством независимых оценок учащихся.

Для того, чтобы данные предложения повсеместно нашли себе применение в системе образования, необходимо признать тот факт, что формирование управленческой деятельности в области нравственного воспитания является не только важнейшим направлением реализации

социального потенциала студенческой молодёжи, но и одним из определяющих факторов социальной устойчивости общества, его стабильности. Конечным результатом данной деятельности должно стать воспитание высоконравственного молодого поколения, представители которого никогда не преступят закон ради личной выгоды, не станут асоциальными элементами, не будут подвластны различным проявлениям девиации. Кроме того, отличительной чертой данного поколения будет являться стремление к совершенствованию, самообразованию, просвещению, а также гражданской и социальной ответственности, которых так не хватает на сегодняшний день.

Кроме того, молодёжь, отличающаяся нравственным самосознанием, будет иметь принципиально иное отношение к трудовой деятельности нежели представители этой же категории населения ориентированные на принципы индивидуализма и прагматизма. Реализация трудового потенциала не идущая в разрез с общечеловеческими ценностями воплощает в себе качество, добросовестность, целенаправленность и своевременность выполняемой работы. Трудящийся, руководствующийся данными принципами, никогда не будет злоупотреблять служебным положением, никогда не склонится к коррупционной деятельности и не станет использовать в корыстных целях свои полномочия.

Грамотная работа педагогов в области формирования высоконравственного сознания, безусловно, существенно отразится на развитии социального потенциала, поможет определить каждому обучающемуся для себя систему моральных принципов, а также положит начало развитию профессиональных и социокультурных компетенций. В то же время, нельзя упускать из виду тот факт, что приобретение теоретических знаний в этом русле должно быть максимально ориентировано на их практическое применение в будущем. Или, другими словами, дипломированный выпускник должен не просто иметь абстрактные представления о работе по специальности и принципах на которые он должен

обращать внимание в процессе трудовой деятельности, но и реализовывать полученные знания в процессе труда, выполнять не только установленные операции, но и преобразовывать рабочий процесс, вносить новые предложения и идеи. Именно в этом плане российская система образования очень сильно уступает западной, а значит, нуждается в наискорейшей корректировке.

В целях устранения данных противоречий, а также для продуктивного развития системы высшего профессионального образования, существенным преимуществом является то, что акцент в нём на сегодняшний день делается на компетентностный подход к образовательной подготовке будущих специалистов, где образованность определяется на основании совокупности общекультурных и профессиональных компетенций, конкретизированных в соответствующих знаниях и умениях. [5, с. 163] Недостатком является низкий уровень развития культуры управления образованием, заключающийся в повороте к личностно-ориентированному образованию, важнейшими функциями которого являются культуросозидательная, гуманитарная, социализирующая. [6]

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что формирование нравственных ценностей студенческой молодёжи является определяющим фактором социального развития страны в будущем, так как только духовно-развитое, высоконравственное поколение, обладающее глубокими моральными устоями может образовать класс активной интеллигенции, способной деятельностно подойти к проблемам социальной и политической несправедливости, повлиять на развитие экономики, создать то гражданское общество, от которого образ современной России весьма далек. Но основная проблема, препятствующая реализации данных целей, заключена в том, что сам процесс образования уделяет недостаточно внимания деятельности воспитательной, чуть ли не полностью исключая приобщение современной молодёжи к нравственным идеалам, игнорируя необходимость духовного развития молодого поколения. В целях устранения

данного упущения, необходимо обратить более пристальное внимание на организацию воспитательного процесса в высших учебных заведениях. Существующие программы должны быть расширены и дополнены мероприятиями по патриотическому воспитанию, включению молодого поколения в общественную деятельность, развитию в нём творческого и интеллектуального потенциала. [7] Нужно помнить, что негативное воздействие отрицательных факторов, влияющих на деформацию нравственного сознания современной молодёжи должно быть не просто ослаблено, а изжито системой воспитательных мер, направленных на формирование разносторонне-развитой личности с высокими моральными устоями.

Данное исследование выполнено в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме № 0253-2014-0001 «Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноразмерных социально-экономических систем с позиций обеспечения национальной безопасности (№ гос. регистрации 01201456661)»

Библиографический список:

Мигунова Ю. В. Социальный потенциал молодёжи в инновационном обществе. // Региональная экономика: взгляд молодых учёных и специалистов. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2014 – 196 с.

Бикметов Е. Ю. Духовно-культурные аспекты вузовской подготовки управленческих кадров. Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19-20 ноября 2015 г.) / под ред. Р.М. Валиахметова, Г.Ф. Хилажевой. – Уфа: Гилем, 2015. – 516 с.

Гаврилук В. В. Социология образования. – Тюмень, 2003.- 232 с.

Шереги Ф. Э., Харчева В. Г., Сериков В. В. Социология образования: прикладной аспект. – М.:Юристъ, 1997г.

Пасовец Ю.М. Реализация образовательно-профессионального ресурса населения в трудовой деятельности в современном российском обществе. // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19-20 ноября 2015 г.) / под ред. Р.М. Валиахметова, Г.Ф. Хилажевой. – Уфа: Гилем, 2015. – 516 с.

Ф. С. Файзуллин, М. Т. Шафиков, Т. Ф. Файзуллин, Л. Н. Тимирова Научно-образовательный потенциал региона. – Уфа: ЗАО «Ак Идель Пресс», 2014 г. – 156 с.

Файзуллин Ф. С., Шагиева Л. Т. Исследование социальных ценностей студенчества и управления их формированием в современной социологической науке. // Вестник Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан №15 / ИГИ РБ. – Уфа, 2013.- С. 185-193.

Шевченко Н. В.

Социальное партнерство в образовательном процессе

N. V. Shevchenko

Social partnership in an educational process

Социальное партнерство в образовательной сфере охарактеризовано как совокупность взаимодействий учебных заведений, объединений работодателей, профсоюзов и властных структур на основе договоров, контрактов с целью дальнейшего развития системы образования, повышения кадрового потенциала страны, формирование образованной и социально активной личности, экономического и духовного прогресса общества. Выявлены эффективные механизмы взаимодействия между учебными заведениями и предприятиями-работодателями. Обоснована необходимость разработки и внедрения принципиально новой системы взаимодействия системы профессионального образования и бизнес-сообщества на основе современных подходов к организации партнерских отношений.

Social partnership in education is described as a set of relationships of educational institutions, employers associations, trade unions and state administration bodies acting on contracts and agreements with an aim to further develop, the country's system at education its human potential, and to form an educated and socially active personality, for the sake of economic and spiritual progress of the society. Mechanisms of social partnership functioning in the educational sphere are proposed among them: universities' training programs adaptation to the needs of society and production, promotion of youth entrepreneurship development in higher educational establishments, promoting students' practical training in companies to form young managerial personnel reserves etc.

Ключевые слова: конкурентоспособность выпускников, рынок труда, работодатели, социальное партнерство.

Key words: graduates' competitiveness, board of trustees, labour market, social partnership.

Современные условия деятельности предприятий характеризуются постоянно возрастающей сложностью задач и предъявляют к специалистам значительно более высокие требования. Любое предприятие ощущает потребность в персонале, умеющем адаптироваться в реальных условиях организации соответственно особенностей ее производственной деятельности, корпоративной культуры и кадровой политики, способном к самостоятельному и грамотному решению управленческих задач. Данная проблема особенно актуализируется в условиях экономического кризиса, когда возможность предприятий успешно бороться с кризисными условиями напрямую зависит от наличия управленческих кадров высокого профессионального уровня, способных принимать точные, быстрые решения.

В последние годы все более актуальным становится вопрос формирования эффективной системы взаимоотношений между высшими учебными заведениями, предприятиями, службой занятости и другими структурами, составляющими систему социального партнерства.

Идею, что образование является важнейшим видом инвестиций, основным фактором формирования и развития конкурентоспособности производственных сил общества, в том числе и выпускников высших учебных заведений, обосновано основателями теории человеческого капитала Г. Беккером и Т. Шульцем. Приверженцы альтернативной теории «фильтра» П. Уилс, М. Спенс, Дж. Стиглиц, А. Берг рассматривают образование как «селекционный» механизм. Среди отечественных исследователей актуальны идеи обусловленности требований к специалисту его рабочим местом и характером производственных задач.

При этом, проблемы конкурентоспособности выпускников на рынке труда остаются не до конца исследованными. Дискуссионными остаются также вопросы деятельности высших учебных заведений в рыночных условиях, а также их роли и механизмов взаимодействия с рынком труда.

Недостаточно обоснованы механизмы организованного взаимодействия разных субъектов рынка труда и высшего образования, функционирование которых остается разрозненным и несогласованным.

Целью данной статьи является определение цели и основных задач социального партнерства в образовательном процессе.

В процессе начатой реорганизации системы образования государством и обществом определяется необходимость участия бизнеса в формировании концепции и подходов к разрешению системных проблем в налаживании социального партнерства высшей школы и работодателей.

Касательно мотивации бизнеса к длительному взаимодействию, то, по нашему мнению, она может состоять в следующем: во-первых, в подготовке и воспитании кадров; во-вторых, в использовании аналитических и исследовательских разработок университетов для перспективных направлений бизнеса; в-третьих, в использовании интеллектуального ресурса высшей школы для повышения квалификации сотрудников организации.

В это же время важно определиться, в чем заключается интерес учебного заведения к стратегическому партнерству, ради реализации которого ВУЗы готовы реформировать учебный процесс и систему управления учебным заведением. Необходимо определить наиболее эффективные механизмы взаимодействия между высшими учебными заведениями и предприятиями-работодателями.

Следует учитывать, что именно молодые специалисты являются перспективным и ценным ресурсом для построения кадрового резерва. Мы согласны с мнением Л. Г. Сокурянской, которая справедливо определяет, что студенты являются одной из наиболее «ресурсоемких» социальных групп, обладая такими ресурсами, как возраст и образование. Реализуя эти ресурсы, будущие специалисты с высшим образованием выступают в качестве субъектов модернизации государства, его развития в контексте общецивилизационных процессов, в частности формирования «общества знаний» [4, с. 424].

Стратегическое партнерство высших учебных заведений и работодателей мы рассматриваем как разнообразные формы сотрудничества, в которые интегрируются на основе доброй воли и социальной морали цели, интересы, деятельность и возможности образовательных учреждений со всеми субъектами рынка труда, его институтами, а также территориальными органами управления в отрасли профессионального образования.

Анализ литературы позволяет сделать вывод, что хотя работодатели в целом удовлетворены объемом базовых знаний, которые выпускники получают в ВУЗе, намного меньше они удовлетворены специальными знаниями молодых специалистов, которые, как правило, оторваны от реалий современного бизнеса и производства [3, 5, 6]. Стандартные методы обучения не позволяют в полной мере развязать проблемы подготовки молодых специалистов – персонал приходится переобучать на местах, переводить теоретические представления в практические навыки и технологии. Обучение, повышение квалификации вчерашних выпускников и сотрудников воспринимается сегодня работодателями как стратегически важное задание.

Подойти к решению этой проблемы можно через построение системы социального партнерства «работодатель-студент-органы исполнительной власти» в пространстве региона, что формирует у студенческой молодежи знания, навыки и умения конкурентоспособного специалиста, а также ценности, потребности и способности самореализации личности. Понятно, что реализация данной системы будет неполной без активного участия предприятий и их самостоятельной роли в образовательном процессе.

Мы проанализировали факторы, которые, с нашей точки зрения, лежат в основе несбалансированности спроса и предложения молодых управленческих кадров на рынке труда, и определили, что к ним относятся: разница между социальными и профессиональными ориентациями молодежи и требованиями организаций к персоналу, разница задач подготовки высшими учебными заведениями молодых специалистов относительно

требований заказчиков и существующей системой высшего образования; длительность «технологического процесса» выпуска квалифицированных работников и недостаточный инновационный потенциал ВУЗа; низкий стартовый уровень студентов (шаблонность и линейность мышления, слабая мотивация); доминирование теоретической подготовки выпускников и недостаточность необходимых навыков практического использования полученных знаний; отсутствие целостной системы, связанной с реализацией задач профориентационной работы и трудоустройством выпускников; разрушена система предприятий и система профессионального обучения, в том числе недостаточность нормативно-правовой базы [1, 2, 3].

Ряд негативных факторов можно было бы продолжать, но и приведенные выше позволяют сделать вывод, что необходима разработка и внедрение принципиально новой системы взаимодействия системы профессионального образования и бизнес-сообщества на основе современных подходов к организации партнерских отношений.

Как показывает анализ накопленного опыта, основной целью социального партнерства в области профессионального образования является общая реализация конкретных мероприятий, направленных на повышение эффективности высшего профессионального образования.

Задачами социального партнерства в сфере высшего профессионального образования являются:

- обеспечение необходимых условий для реализации прав граждан на получение профессионального обучения соответственно государственным стандартам и образовательным программам, ориентированным на получение специальных навыков в выбранной специальности;

- ориентирование теоретических знаний и практической подготовки молодых специалистов на потребности организаций-работодателей, региона и страны в целом;

- воспитание у молодых специалистов трудовой мотивации и ценностей, востребованных в реальном секторе экономики в современных рыночных условиях;

- реализация мероприятий относительно профессиональной компетенции педагогических работников, в том числе улучшение их знаний, умений и навыков современного специалиста в реальном секторе экономики;

- развитие конкурентных преимуществ высшего учебного заведения;

- содействие развитию системы высшего профессионального образования, усовершенствование управления этой системой;

- создание условий для развития материальной базы и улучшения финансирования системы высшего профессионального образования за счет различных источников.

Можно предложить следующие механизмы функционирования системы социального партнерства в образовательном пространстве:

Формирование баланса качественных и количественных показателей спроса рынка труда в управленческих кадрах и предложений: мониторинг потребностей работодателей в управленческих кадрах; мониторинг качества системы вузовской подготовки управленческих кадров; адаптация вузовской программы обучения к потребностям производства и общества.

Интенсификация подготовки студентов к реальной практической деятельности во время учебы в высшем учебном заведении.

Привлечение работодателей в более активную образовательно-воспитательную деятельность.

Формирование в студенческой среде ценностей, потребностей и способностей самореализации личности.

Активизация экономико-управленческой деятельности преподавательского состава ВУЗа.

Активизация участия ВУЗов в разрешении экономических проблем региона.

Развитие молодежного предпринимательства в рамках высшего учебного заведения.

Развитие системы содействия практической подготовки студентов в рамках предприятия и формирование на предприятии резерва молодых управленческих кадров.

Развитие системы взаимодействия высших учебных заведений с выпускниками.

В основе реализации системы социального партнерства в образовательном пространстве лежит принцип причастности, т. е. условием объединения всех партнеров является единство интересов каждого из участников и равное участие в работе системы.

Литература

1. Аврамова Е. Поведение молодых специалистов на рынке труда: новые тенденции / Е. Аврамова, Е. Кулагина, Ю. Верпаховская // Человек и труд. – 2007. – N 9. – С. 41–47.

2. Вражнова М. Проблемы адаптации молодых специалистов в условиях «вуз – производство» / М. Вражнова // Высшее образование. – 2007. – N 5. – С. 47–52.

3. Выпускник вуза в современном социокультурном пространстве : монография / под общ. ред. Е. А. Подольской ; [авт. кол.: Е. А. Подольская и др.]. – Харьков : Изд-во НУА, 2011. – 416 с.

4. Сокурянская Л. Г. «Модернизация» и «постмодернизация» ценностных ориентаций студенчества как фактор модернизации общества / Л. Г. Сокурянская // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: Сборник научных работ. – Выпуск 18. – Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина. – 2012. – С. 421-427.

5. Студент XXI века: социальный портрет на фоне общественных трансформаций : монография /Нар. укр. акад. : под общ. ред. В. И. Астаховой. – Харьков: Изд-во НУА, 2010. – 385 с.

6. Фокин Н. И Партнерство (аналитический обзор) / Н. И. Фокин [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://dictionary-economics.ru/art-20>

Шманцарь, М.В.

Доверие студентов к вузу: ожидания и их реализация

Shmantsar, M.

Trust of students to the University: expectations and their realization

Аннотация. В данной статье автор рассматривает доверие студентов к вузу как один из ключевых показателей образовательных рисков, опираясь на результаты проведенного эмпирического исследования. Автор характеризует доверие, прежде всего, через ожидания студентов от различных аспектов обучения в вузе и степень реализации этих ожиданий.

Abstract. In this article the author considers the students' trust to the University as one of the key indicators of educational risks relying on the results of the empirical research. The author characterizes trust primarily through the expectations of students from different aspects of University education and the extent of realization of these expectations.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ДОВЕРИЕ|| РИСК|| ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РИСКИ|| ОЖИДАНИЯ|| РЕАЛИЗАЦИЯ ОЖИДАНИЙ|| ДОВЕРИЕ К ВУЗУ

KEYWORDS: TRUST|| RISK|| EDUCATIONAL RISKS|| EXPECTATIONS|| REALIZATION OF EXPECTATIONS|| TRUST TO THE UNIVERSITY

В конце 2014 года в г. Екатеринбурге с целью изучения образовательных рисков нами было проведено исследование, объектом которого выступали студенты очной формы обучения старших курсов и преподавали четырех вузов Екатеринбурга (УрФУ, УрГУПС, УрГЮУ, РГППУ). С помощью таких методов как массовый опрос, традиционный анализ документов (студенческих эссе) и экспертный опрос были выявлены основные характеристики образовательных рисков студентов, их виды и условия формирования.

Говоря об образовательных рисках, не можем оставить без внимания доверие студентов к вузу, поскольку от риска неотделима проблема доверия

как основы социального порядка. Доверие входит в социальные отношения, когда имеется возможность отклонения от ролей [1, с. 21], и выступает средством смягчения риска в случае, когда взаимодействие регулируется не только с помощью системных ограничений – то есть тогда, когда доверие не заменяется формальными регламентами. В контексте изучения образовательных рисков необходимо рассмотреть, доверяют ли студенты тому вузу, в котором обучаются. Данный показатель выражается через ожидания студентов от различных аспектов деятельности вуза и степени реализации этих ожиданий.

Необходимо было узнать, какими характеристиками, по мнению студентов, должен обладать вуз, которому можно доверять. Более 60 % отметили, что доверие вызывает вуз, имеющий статус государственного. Скорее всего, это обусловлено тем, что с точки зрения студентов, государственный вуз ассоциируется с «надежностью», поскольку такие учебные заведения гарантируют «достойное образование», и государство держит под собственным контролем качество предоставляемых образовательных услуг. Наблюдается значимость престижа вуза как свойства, вызывающего у студентов доверие.

Престижность вуза, его репутация в глазах основных заинтересованных сторон служит символическим капиталом, во многом определяющим уровень их доверия. Зная о высокой значимости этой характеристики, вузы стремятся занимать высокие места в различных рейтингах. В данной ситуации проблема заключается в том, что престижность как таковая не обеспечивает высокое качество образования по выбранной специальности.

Еще одним признаком, характеризующим «вуз, которому можно доверять», выступает гарантия трудоустройства выпускников. Данная гарантия осталась в прошлом нашей системы образования, и в современных условиях является маловероятной, а для некоторых вузов совершенно не свойственна. Можно сделать вывод о готовности студентов доверять только

такому вузу, который обеспечивает некоторую определенность профессиональной траектории по завершении обучения.

Более трети студентов отмечают, что доверяют вузам, которые проверены временем (достаточно старым учебным заведениям, за годы своего функционирования доказавшим свою состоятельность на рынке образовательных услуг). Кроме этого, существенной характеристикой, способствующей формированию доверительного отношения студентов к вузу, служит разнообразие предлагаемых направлений подготовки.

Также нужно было выяснить непосредственно ожидания студентов относительно некоторых аспектов обучения в вузе. От содержания образования по выбранной специальности большинство студентов ожидают акцента на практических занятиях. Также они ожидают, что обучение будет проходить только по тем дисциплинам, которые соответствуют специальности и необходимы для дальнейшей профессиональной деятельности, и что получаемая на учебных занятиях информация будет актуальной, релевантной современному этапу развития определенной сферы.

От преподавателей опрошенные студенты ожидают лояльности, и при этом требовательности, справедливости в оценке знаний. Еще ожидают, что преподаватели обладают большим опытом практической деятельности в рамках своей профессии и что им свойственен творческий подход к обучению. Удобное расписание занятий, техническая оснащенность и чистота аудиторий, большая стипендия – основные ожидания опрошенных от условий обучения.

В суждениях опрошенных студентов постоянно присутствует идея долженствования по отношению к образовательной организации – «вуз должен обеспечить...», при этом наблюдается ожидание активных действий именно со стороны вуза, студент лишь получает эти блага. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что студенты используют пассивную стратегию взаимодействия с вузом.

Было получено представление об ожиданиях студентов, затем важно было узнать, в какой мере эти ожидания реализованы. Половина опрошенных указали, что большинство их ожиданий не оправдались, у 10 % ожидания совершенно не оправдались. В итоге обнаружилась сложная и неоднозначная проблема: с одной стороны, нереализованность ожиданий указывает на то, что вуз в своей деятельности игнорирует потребности студентов; с другой стороны, есть объективные барьеры, не позволяющие вузу обеспечить студентов определенными благами, такими как высокая стипендия.

В контексте изучения доверия студентов к вузу целесообразна была оценка студентами степени удовлетворенности различными аспектами образовательного процесса. Было выявлено, что нет ни одного аспекта, который бы в полной мере удовлетворял потребности опрошенных. Тем не менее, большинство студентов удовлетворены уровнем преподавания, обеспечением учебных материалов и работой деканата.

В меньшей степени удовлетворены формами проведения занятий, организацией внеучебных мероприятий и деятельностью студенческого профкома. Наиболее низкая удовлетворенность студентов характерна для таких аспектов как техническое оснащение аудиторий, учет мнения студентов по поводу организации образовательного процесса. Наибольшее недовольство вызывает расписание учебных занятий и степень заинтересованности администрации вуза положением дел студентов.

Таким образом, наблюдается, что деятельность преподавателей выступает одной из немногих сторон вуза, которая не разочаровывает обучающихся. Это указывает на то, что они полностью справляются с возложенными социальными функциями. В то же время, по мнению студентов, администрация вуза не проявляет должного интереса к жизни студентов в рамках вуза, к их физическому и психологическому комфорту, к ходу образовательного процесса и его «продуктам», что негативно отражается на доверии студентов к вузу.

Затем студенты указали, какие качества будущего специалиста формируются в процессе обучения в вузе, по их мнению. Такими качествами выступают, в первую очередь: коммуникабельность, уверенность в себе, ответственность, дисциплинированность и инициативность. Продолжая тему ожиданий, необходимо было узнать, какие характеристики вуза сыграли наиболее существенную роль в процессе выбора учебного заведения. В большей степени, при поступлении опрошенные руководствовались наличием в вузе определенной специальности и престижем образовательной организации.

Первая характеристика свидетельствует о том, что, будучи абитуриентами, опрошенные имели четкое представление о той специальности, по которой они хотят получать высшее образование. При этом хотели обучаться в такой образовательной организации, которая обладает высоким престижем в глазах «обывателей» и конкретных профессиональных сообществ.

Значимым аспектом вуза при поступлении для опрошенных было количество бюджетных мест. В этом контексте существует проблема полного отсутствия бюджетных мест на некоторых специальностях, что было изначально предпринято преимущественно с целью сокращения «наплыва» студентов в уже перенасыщенные специалистами отрасли. Однако данная мера не привела к запланированным результатам. А именно, эти специальности не перестали пользоваться популярностью, и абитуриенты продолжали на них поступать, но в таких условиях критерием отбора стала платежеспособность. Во многом поэтому для трети опрошенных одним из ключевых факторов выбора вуза стала стоимость обучения.

Также отметим, что 37 % студентов при поступлении руководствовались профилем вуза. Говоря о профиле вуза, аудитория делится на приверженцев узкоспециализированных вузов, образовательная деятельность которых сосредоточена на одной области научного знания, и

сторонников вузов, предлагающих подготовку специалистов по разнообразным направлениям профессиональной деятельности.

Один из ключевых показателей в рамках изучения ожиданий студентов от обучения в вузе и их реализации – желание работать по получаемой специальности. Более половины опрошенных (56,5 %) хотят по завершении образования работать по своей специальности, 37,5 % - не планируют оставаться в той профессиональной сфере, по которой в данный момент обучаются, 6 % опрошенных еще не определились. При этом большинство желающих работать по выбранной специальности считают, что им будет сложно трудоустроиться, то есть ставят под сомнение свою успешность на профессиональном поприще. В исследовании, проведенном в 1996 году Шереги и Харчевой, тоже рассматривался данный вопрос – на тот момент, 52 % студентов государственных вузов планировали работать в соответствии с направлением обучения. Следовательно, за 20 лет доля желающих работать по специальности существенно не изменилась.

На наш взгляд, большое количество студентов, не желающих осуществлять деятельность в русле получаемой в вузе специальности, свидетельствует о разочарованности своим профессиональным выбором. Мы проверили данное предположение, предложив опрошенным студентам оценить степень удовлетворенности сделанным выбором. Около 45 % студентов довольны своим выбором, 33 % оценивают данный выбор как неудачный (они разочарованы своей специальностью), кроме того, чуть более 35 % отмечают, что изменили бы специальность, если у них была возможность это сделать.

Таким образом, исследованные нами характеристики позволяют говорить о низкой степени доверия студентов по отношению к вузу, что обостряет, усугубляет образовательные риски.

Далее обратимся к факторам, оказывающим влияние на реализованность ожиданий студентов к вузу и на их желание работать по получаемой специальности. Полученные в ходе исследования данные

показывают зависимость желания опрошенных по завершении образования осуществлять профессиональную деятельность в рамках получаемой в вузе специальности от профиля обучения. Среди студентов, обучающихся по специальностям естественнонаучного и технического профиля, более 70 % заявили о своем стремлении работать по специальности; среди представителей специальностей гуманитарного и социального профиля эта доля составила 51 %.

Такие различия, с нашей точки зрения, обусловлены тем, что научные области технической и естественнонаучной направленности отличаются, как правило, монопарадигмальностью, высокой степенью унификации изучаемых объектов, наличием объективных законов их функционирования. И, несмотря на то, что они используют общие методы познания, данные науки существенно отличаются друг от друга, и в сфере трудовой деятельности наблюдается четкая дифференциация между ними. Это отражается на узкой специализации высшего образования по этим наукам.

То есть студентов готовят к конкретному виду деятельности, и сформированных у них компетенции релевантны только этой деятельности, чем и объясняется желание студентов при выходе на рынок труда работать по той специальности, которую они получили в вузе.

Образование по профессиям социального и гуманитарного профиля открывают будущим специалистам более широкий спектр возможных сфер деятельности, которые могут быть составляющими как получаемой специальности, так и смежными с ней областями научного знания. Поэтому студенты, обучающиеся по специальностями такого профиля, в меньшей степени нацелены на работу строго в пределах получаемой в вузе профессии.

Выше мы отмечали, как студенты оценивают изменение качества высшего образования под действием внедряемых новшеств. Нам необходимо было выяснить, от чего зависит модальность этой оценки. Опираясь на полученные данные, можем говорить о том, что в большей степени она зависит от степени реализации ожиданий опрошенных по отношению к вузу.

Те студенты, ожидания которых оправдались, в большей степени склонны полагать, что под влиянием новшеств качество образования повышается.

Можем это объяснить тем, что они судят о качестве высшего образования в целом, опираясь только непосредственно на собственный опыт обучения в вузе, на успешность своей личной образовательной деятельности. Однако все-таки выражена тенденция к негативной оценке результатов проводимых в вузе изменений, характерная как для тех, чьи ожидания оправдались, так и для тех, чьи ожидания к вузу не были реализованы.

Продолжая тему ожиданий и степени их реализации, отметим, что была выявлена связь между данным показателем и желанием студентов изменений вуз, специальность или форму обучения, если бы им представилась такая возможность. В группе опрошенных, ожидания которых не оправдались, 75 % заявили о желании что-либо поменять в своем образовании, тогда как в группе опрошенных с реализованными ожиданиями эта доля на 20 % меньше. Это обусловлено представлением, что при других условиях имеющиеся ожидания будут реализованы в большей мере.

Еще одна взаимосвязь, на которой мы остановимся, касается обнаруженного влияния профиля вуза на реализацию ожиданий студентов. Среди изучаемых вузов два являются многопрофильными – УрФУ и РГППУ (они предлагают разнообразные направления подготовки, представляющие широкий спектр наук), два других мы обозначили как узкоспециализированные – УрГУПС и УрГЮУ (так как все специальности в такого рода вузе представляют конкретную науку и соответствующие ей виды практической деятельности).

Было выявлено, что студенты узкоспециализированных вузов в большей степени, чем учащиеся многопрофильных вузов, склонны оценивать свои ожидания к вузу как реализованные. На наш взгляд, это связано с проблемой выбора профессии: студенты, обучающиеся в узкоспециализированных вузах, настроены на получение конкретной профессии, так как знают, что другие научные области не представлены в

данных вузах. То есть их профессиональный выбор и соответствующие ему ожидания не отличаются высокой степенью изменчивости, динамичности и неопределенности.

Таким образом, рассмотрев факторы, влияющие на доверие опрошенных к вузу как образовательной организации, приходим к выводу, что большинство этих факторов относятся скорее к характеристикам среды, в которой происходит процесс получения высшего образования, и к условиям, порожденных этой средой, нежели к социально-демографическим и психологическим особенностям объекта исследования.

Список литературы

1. Селигмен А. Проблема доверия / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс. 2002. 256 с.
2. Шереги Ф.Э. Социология образования: прикладной аспект / Ф.Э. Шереги, В.Г. Харчева, В.В. Сериков. М.: Юристъ. 1997. 304 с.

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И ЛИЧНОСТИ В XXI ВЕКЕ

УДК 316.346.32

ББК 60.7

Анисимов С.А., Павлов Б.С., Павлова В.И., Сарайкин Д.А.

Anisimov S., Pavlov B., Pavlova V., Saraikin D.

Детский труд:

анахронизм бедности или ключ к процветанию

Child labor: anachronism of poverty or key to prosperity

Аннотация. Труд, трудовая деятельность для формирующейся личности ребёнка является - неперенным, ничем не заменяемым атрибутом социализации. «С цифрами в руках», авторы показывают, что социально-экономическому поведению подавляющего большинства учащейся молодёжи на Урале присущ, по преимуществу, потребительский, нетрудовой образ жизни. Авторы считают, что детский труд (*и, сопутствующее ему, трудовое воспитание*) в современной России низведёны в ранг «вне педагогического закона».

В статье проводится мысль, что участие учащейся молодёжи в посильном общественно полезном труде не следует ограничивать лишь задачами учебно-воспитательного плана. По мере взросления молодых людей должна расти не только их потенциальная способность к трудовой деятельности, но и посильное участие в реальном производственном процессе «взрослого» социума.

Выводы и предложения статьи базируются на результатах ряда комплексных социологических исследований, проведённых авторами статьи в 2007-2015 гг. в городских и сельских поселениях Урала под научным руководством и с непосредственным участием авторов.

Annotation: Work, work for the formed identity of the child is

indispensable, nothing the replaced attribute of socialization. "With figures in hands", authors show that in the Urals the consumer, unearned way of life is inherent in social and economic behavior of the vast majority of the studying youth, mainly. Authors consider that child labor (and, accompanying it, labor education) in modern Russia nizvedyona in a rank "beyond the pedagogical law".

In article, the thought is carried out that participation of the studying youth in feasible socially useful work should not be limited only to tasks of the teaching and educational plan. In process of a growing of young people has to grow not only their potential ability to work, but also feasible participation in real production of "adult" society.

Conclusions and offers of article are based on results of a number of the complex sociological researches conducted by authors of article in 2007-2015 in the city and rural settlements of the Urals under the scientific management and with direct participation of authors.

Ключевые слова: молодёжь; воспроизводство; трудовой потенциал; социализация; трудовое воспитание; родительская семья; детский труд; здоровье; нетрудовой образ жизни; потребительство, социальные девиации.

Keywords: youth; reproduction; labor potential; socialization; labor education; parental family; child labor; health; unearned way of life; consumerism, social deviations.

По мнению компетентных специалистов. «ахиллесовой пятой» современной системы воспроизводства трудового потенциала российского социума, формирования и использования трудовых ресурсов выступает «провал» в сфере трудового воспитания молодых поколений россиян на этапе получения общего образования и профессиональной социализации.

Для формирующейся личности ребенка собственный труд, собственная трудовая деятельность является неременным, ничем не заменяемым атрибутом социального созревания, атрибутом и целью

жизненной состоятельности индивида. При этом участие учащейся молодежи в посильном общественно полезном труде не следует ограничивать лишь задачами воспитательного плана. По мере взросления молодых людей должна расти не только потенциальная способность к труду вообще. Авторы считают, что детский труд (и сопутствующее ему трудовое воспитание) в современной России низведены в ранг «внепедагогического закона». Попытаемся «с цифрами в руках» показать, что социально-экономическому поведению подавляющего большинства учащейся молодежи на Урале (да и не только Урале) присущ, по преимуществу, потребительский, нетрудовой образ жизни [1].

Одним из печальных следствий постоянных всплесков инновационной политики в российских школах за последние 30-40 лет стало вольное или невольное «вытеснение» из общеобразовательных школ трудового воспитания. Подоплека такой политики оправдывалась тем, что в реальном общественном производстве идет активное вытеснение тяжелого физического труда из сферы общественного труда. Дескать, профессиональная ориентация на рабочие места, попытки освоения какой-либо одной профессии малоэффективны и «лишь отнимают учебное время у других более серьезных наук». Новые социально-экономические реформы в России окончательно подорвали школьный производительный труд, заодно развалили базу для занятий массовой физической культурой и спортивными занятиями. Как говорится, «вместе с водой выплеснули ребеночка»...

Увеличению этого провала, по нашему твердому убеждению, будет способствовать принятый в конце декабря 2012 г. и ныне действующий федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации» [2]: Одно лишь тому подтверждение: в законе на более чем 150 страницах «убористого текста», в 111 содержательных статьях мы не встретим ни разу словосочетания «*трудовое воспитание*». Не нашлось места, или это своеобразная «кардинальная инновация» в сфере российской молодежной

политики?

Ситуацию проясняет В.Э. Шудегов, зампред Комитета Госдумы по образованию (фракция «Справедливая Россия»): «Сразу хочу отметить, что очень большое упущение мы сделали в принятом сравнительно недавно новом законе «Об образовании». Совсем немного слов там посвящено воспитанию. Между тем, образование мы характеризуем как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения. То есть, мы фактически приняли закон только об обучении. Мы действительно сделали огромную ошибку, исключив трудовое воспитание из школы» [2]. Симптоматично, что это признание политика, непосредственно отвечающего в Госдуме за сферу воспитания и образования молодого поколения россиян!

К сожалению, плоды подобного *«законотворческого головотяпства»* нам предстоит (если положение не изменится) неотвратно пожинать в ближайшем обозримом будущем. Остановится на некоторых уже «достигнутых» деформациях в системе трудового воспитания молодежи, на тех социально-педагогических «гримасах», которые наглядно проявляются в среде молодых уральцев.

Реализация всех видов потенциалов человека (интеллектуального, биологического, духовно-нравственного), приобретаемых им в ходе социализации, происходит в процессе его трудовой (общественно полезной) деятельности. Через сферу труда происходит вовлечение индивида в систему общественного разделения труда, достижение определенного социального статуса, уровня жизни и развитие личностных характеристик индивида. Качество трудовой жизни человека во многом определяется степенью его подготовленности к участию в трудовой деятельности и существующими в обществе условиями данного участия. «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, – писал К.Д. Ушинский, – должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни..... Воспитание не только должно развить

разум человека и дать ему известный объем сведений, но должно зажечь в нем жажду серьезного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой» [4].

Обратимся к недалёкому прошлому российской идеологии. В стремлении «всё и вся» достичь социальной справедливости, уберечь членов социалистического общества от всяческого рода несправедливости и неправомерной эксплуатации господствующая идеология, как говорится, «выплеснула из ванночки вместе с водой и ребёночка». Детский труд при социализме был признан «вне закона». Однако при этом игнорировалась одна простая истина. Чем является труд, трудовая деятельность для формирующейся личности ребенка? Ответ здесь однозначен – непременно, ничем не заменяемым атрибутом социализации. Остановимся на некоторых аспектах проблемы. Проведённые нами социологические опросы на Среднем и Южном Урале позволяют подкрепить наши доводы конкретными цифрами. В частности, речь идёт о трёх опросах:

«Подросток-2008» – по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной среде. В числе опрошенных 327 подростков из числа так называемых, по оценкам учителей, «благополучных» и 338 – «трудных».

«ВУЗ-2012» – в процессе работы над проблемой анализа ресурсов инновационного развития высшего профессионального образования территории в 2011-2012 гг. было проведено комплексное социологическое исследование, включавшее анкетные опросы по квотно-репрезентативной выборке представителей четырех групп респондентов – субъектов процесса воспроизводства кадров специалистов с высшим образованием, в их числе

– 1000 студентов IV-V курсов 7 уральских вузов (гг. Екатеринбург, Нижневартовск, Челябинск)¹;

«Урал-Город-2013» – по квотно-представительным выборкам были опрошены 250 подростков города-ЗАТО Лесной и 510 подростков ряда школ г. Екатеринбурга. Основная цель исследования – анализ процессов сбережения и развития физической культуры школьной молодежи в городах с различным уровнем развития социальной инфраструктуры.

Адаптация молодых россиян (в нашем случае – уральцев) к труду вообще и к труду в общественном производстве в частности во многом детерминируется позициями родителей и подростков относительно их желаний, ориентации и возможности совмещения учебы в школе и участия в производительном труде (в процессе зарабатывания денег). В связи с этим нами выяснялись ценностные ориентации уральских родителей в отношении желаемого (допустимого) возраста вступления в трудовые отношения. По ассоциации вспоминается чеховский Ванька Жуков, которого отдали в ученье к сапожнику в 9 лет.

Вопрос в анкетах для взрослых уральцев (родителей и экспертов – «Подросток-2008») формулировался следующим образом: *«Как Вы считаете, с какого класса могли бы зарабатывать на созданном специально для школьников предприятии учащиеся вашей школы? Отметьте наиболее ранний возраст – один вариант»* (в % от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе ответы родителей – 490 чел., в знаменателе 230 экспертов – 230 чел.):

Начинать работать в 3-5 классе 2 / -

¹ В выборку вузов были включены: Уральский федеральный университет, Уральский государственный университет путей сообщения, Нижневартовский государственный гуманитарный университет, Челябинский государственный университет, Южно-Уральский государственный университет и др.

и	в 6-7 классе	13 /
зарабатывать		16
собственные деньги	в 8-9 классе	33 /
школьники могли бы		40
начинать, обучаясь:	в 10 классе	17 /
		18
	в 11 классе	7 / 7
В школе дети (подростки) должны хорошо учиться,		28 /
а работать и зарабатывать деньги они «успеют» после		19
окончания учебы		

Полученные на основе высказываний уральских родителей и экспертов данные о желаемом возрасте приобщения детей к посильному производительному труду свидетельствуют о следующем: каждый шестой-седьмой из двух групп респондентов (15-16 %) считает, что приобщать к серьезному труду детей можно с 6-7-го класса. Каждый третий родитель (33 %) готов к включению своего сына (реже дочь) с 8-9-го класса. Каждый четвертый родитель (24 %) и столько же экспертов (25 %) считают наиболее благоприятными для включения в производительный труд подростков 9-11-х классов. В первую очередь за такой «щадящий» возрастной режим трудового воспитания – родители из семей, живущих «в полном достатке» [5].

Вместе с тем, нельзя не видеть и другой подход к детской трудозанятости: 28 % родителей и 19 % организаторов школьного образования считают, что «в школе дети (подростки) должны хорошо учиться, а работать и зарабатывать деньги они «успеют» после окончания учёбы». Не вдаваясь в полемику современников, хотелось бы напомнить известные слова К. Маркса: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый взрослый трудоспособный человек, должен

подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками» [6, т.17, с. 197].

Обратимся к российскому законодательству. В ТК РФ указывается, что с учащимся, достигшим возраста четырнадцати лет, с согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства, может быть заключен трудовой договор для выполнения в свободное от учебы время легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью и не нарушающего процесса обучения. С 16 лет трудовой договор может быть заключен с несовершеннолетним и без согласия родителей (законных представителей) (ч. 1 ст. 63 ТК РФ). Однако следует помнить, что работа учащихся по трудовому договору имеет свои особенности. В частности: работа должна осуществляться в свободное от учебы время; труд должен быть легким; труд не должен быть противопоказан ребенку по состоянию здоровья и возрасту; работа не должна быть вредной или опасной; работа должна осуществляться с соблюдением норм нагрузок, СанПиН и правил охраны труда; работа не должна осуществляться сверхурочно, в ночное время, выходные, нерабочие праздничные дни. Другими словами, труд должен быть *нетрудным, невредным, неопасным, ненеприятным*.

Казалось бы, устоявшаяся («закостеневшая») за последние 2-3 десятилетия государственная политика своеобразного потворства тотальному безделию *большинства* детей, подростков, молодых людей, реализуемого в рамках обычных программ воспитания (в системе школьного и профессионального образования), удивительно четко, и даже жестко, преобразуется в нечто противоположное применительно к некоторым «избранным» группам молодого поколения россиян. Речь идет, прежде всего, о целенаправленной подготовке и воспроизводстве таких профессиональных групп российского социума, как музыканты (пианисты, скрипачи и т.д.), балерины и, наконец, профессиональные спортсмены. О последних особо.

Известно, что стремление воспитать «надежный олимпийский

резерв» объективно обуславливает необходимость организации массовой селекционной работы по выявлению, формированию и воспитанию у детей (подростков, молодых людей) соответствующих физических, духовных и нравственных «качеств победителей». По данным на 1 января 2011 г., в Свердловской области функционировали 143 детско-юношеские спортивные школы (в том числе специализированные детско-юношеские спортивные школы олимпийского резерва), в которых занимались более 95 тыс. детей – около 20-25 % всех старшеклассников региона [7].

Начиная с 9-10-летнего возраста (начала обучения в таких школах) детей целенаправленно приучают, адаптируют к физическим упражнениям (физическому труду над своим телом) с нарастающей, по мере онтогенетического развития организма ребенка, динамикой физического напряжения и формирования соответствующих волевых качеств.

В качестве примера приведем режим тренировки детей школьного возраста в гимнастике. В конце первого года обучения могут проводиться трехразовые 45-минутные тренировки в неделю. С 10-летнего возраста в учебно-тренировочной группе двухразовые занятия проводятся продолжительностью 60-90 минут. При условии высокой общей физической подготовленности юных гимнастов занятия проводятся три раза в неделю, по 60-90 минут каждое. С 13-летнего возраста длительность занятий увеличивается до 120 минут, в 15-летнем возрасте – 180 минут, а с 17 лет и старше нередко планируются занятия 4-6 раз в неделю. Допускается планирование двух занятий в день (утром и после 18 часов). В каждом конкретном случае продолжительность одной тренировки, количество и частота их определяются педагогом. Суммарный объем занятий может достигать до 24 часов в неделю [8].

Добавим к этому то, что в системе спортивной индустрии создана и усиленно развивается достаточно мощная инфраструктура обеспечения мониторинговой организации этого трудового процесса (материальная база, педагогические кадры, спортивная наука).

Зададимся вопросом: почему такое повышенное внимание государства к подготовке именно этих профессиональных групп в общей структуре трудовых ресурсов страны? Ларчик здесь открывается просто. Указанные виды профессиональной деятельности успешно могут быть реализованы лишь при организации серьезной, целенаправленной системы подготовки потенциальных носителей конкретных профессиональных качеств, *целенаправленного трудового воспитания*, которое должно базироваться, по крайней мере, на трех основных принципах:

а) принцип соответствия программы подготовки возможностям онтогенетического (физиологического) периода развития индивида;

б) принцип мониторинга тактической и стратегической мотивированности жизнедеятельности потенциального носителя профессиональных качеств (ребенка, подростка и его родителей);

д) принцип симбиоза формирования социально-профессиональной социализации (сочетание узкопрофессиональных и общегражданских качеств).

Основными движущими мотивами государства в создании таких предпочтений в сфере профессиональной социализации молодежи служат, прежде всего, три: *во-первых*, отсутствие (неэффективность) альтернативного варианта подготовки специалистов (представьте, что балерину, или спортсмена-фигуриста начинают приобщать к пуантам или конькам в возрасте 18-20 лет); *во-вторых*, «штучность» специалистов «на выходе», предполагающая беспощадный отбор и селекцию по мере продвижения учащегося к вершине профессионального мастерства (например, к олимпийским наградам); *в-третьих*, прямая зависимость имиджа социума (государства) от успешности выступлений его представителя-профессионала на мировом (континентальном, региональном) уровне презентаций. Перед государством (обществом) стоит перманентная задача по воспроизводству овечьих, шараповых, шипулиных; малкиных, липницких, кержаковых, радуловых, зайцевых, дацюков,

нурмагомедовых...

Кстати сказать, труд, трудовое воспитание как средство социализации, как средство формирования социально приемлемых качеств гражданина, работника традиционно применяется и в некоторых других сферах общественной жизни. Возьмем хотя бы армейскую подготовку мужской молодежи (и не только мужской) в воинских училищах (в том числе кадетских, суворовских, нахимовских) в частях действующей Российской армии. Не стоит пока забывать и об учреждениях исправительно-трудового характера...

По данным Международной организации труда (МОТ), в начале 1990-х годов работающих детей в возрасте до 15 лет в развивающихся странах было около 80 млн человек (59% мальчиков и 41% девочек). Спустя два десятилетия число этой категории детей (опять же, по данным МОТ) выросло до 215 млн чел. [9]. Другими словами, в настоящее время трудится и зарабатывает деньги (средства для своего жизнеобеспечения) примерно каждый пятый-седьмой трудоспособный ребенок.

Важно подчеркнуть, что понятие «детский труд» (child labour) трактуется как работа, выполняемая детьми, часто по принуждению, в нарушение национальных и международных норм; дает средства существования детям и приносит прибыль тем, кто их эксплуатирует.

ООН, МОТ и международное миграционное право рассматривают детский труд как эксплуатацию. Статья 32 Конвенции о правах ребёнка гарантирует «защиту от экономической эксплуатации и от выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствием в получении им образования, либо наносить ущерб его здоровью и физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию».

Необходимость гуманистической направленности подобной запретительной политики не вызывает никакого сомнения. Тем более это правомерно, когда детский труд выступает как следствие нищеты и низкого

уровня развития общества, в котором от вынужденного труда детей зависит выживание их семей и их собственное выживание. При этом немаловажную роль играет воля взрослых, которые могут использовать незащищенность детей в своих целях. В XX веке началась активная борьба с фактами применения детского труда и по «недопущению его» в социальную практику, в сферу созидательного труда. В контексте этой гуманистической акции возник «Всемирный день борьбы с детским трудом»...

Одним из первых декретов Советской власти был декрет о 8-часовом рабочем дне, запретивший детский труд и регламентировавший труд подростков. Эти же положения были включены в Кодексы законов о труде РСФСР 1918 и 1922 гг. В действовавшем трудовом законодательстве СССР, а также в законодательствах других социалистических стран был установлен высокий возраст трудовой дееспособности (например, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. запрещен прием на работу лиц моложе 16 лет, в исключительных случаях, по согласованию с фабричными, заводскими или местными комитетами профсоюзов, могут приниматься на работу лица, достигшие 15 лет) [10].

Было бы неверным оценивать степень приобщенности детей в домашнему труду лишь с позиции их утилитарной готовности к самообслуживанию в сфере потребительской деятельности семейной группы. Трудовые навыки в том или ином виде домашнего труда, постоянная приобщенность к нему – это одновременно и свидетельство общей трудовой социализации ребенка (молодого человека), выработки у него не только таких общетрудовых качеств, как трудолюбие, целеустремленность, выносливость, ловкость, но и таких личностных качеств, как умение сочетать личные, групповые и общественные интересы, формирование уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, чувства ответственности за свое поведение, развитие чувства доброты, сочувствия и соучастия и т.д.

Взрослая жизнь – это не только возрастной период, но и участие в труде и выполнение семейных обязанностей. Однако без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе семейной, или же в том случае, если сформировавшиеся позиции или модели поведения молодежи не могут быть адаптированы к изменяющимся социальным условиям, период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного, с медицинской точки зрения, риска.

Как показал опрос «*Урал-Город-2013*», городские подростки «особо не перерабатывают» в домашнем хозяйстве на Урале. На вопрос анкеты «*Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?*» ответы учащихся школ двух уральских городов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных в по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга 510 чел., в знаменателе – из ЗАТО «Лесной» – 300 чел.):

а) выполнение работ в квартире

убираю пыль пылесосом

67 / 64

мою, чищу посуду

65 / 66

регулярно хожу в магазин за
продуктами

49 / 51

делаю влажную уборку, мою полы

46 / 46

готовлю еду (суп, второе блюдо)

32 / 32

глажу бельё

27 / 28

б) выполнение работ в саду, в огороде:

поливаю овощи, цветы, ягоды	5
	1 / 39
собираю «трудоёмкие» ягоды (облепиху, смородину и др.)	37 / 33
пропалываю грядки	33 / 26
копаю землю, грядки	27 / 23
топлю печь (в доме, в бане)	21 / 17
отвечаю за приготовление еды	13 / 13

в) работы, которые выполняются или дома, или в саду:

ухаживаю за домашней «живностью» (собакой, кошкой и др.)	59 / 55
помогаю в ремонтных работах по дому, саду	35 / 36
ухаживаю за младшими братьями, сестрами	32 / 33
ухаживаю за пожилыми родственниками (бабушкой)	22 / 19
высаживаю (ухаживаю) за рассадой, цветами	17 / 15
ухаживаю за автомобилем, мотоциклом	12 / 10

Можно говорить о наличии своеобразного «городского синдрома» с менее ощутимыми для человека негативными чертами-симптомами. Прежде всего, речь идет о соблазнах тунеядства, провоцируемого реальными

возможностями прожить в городе (прежде всего, в крупном), месяцами и годами (в принципе даже всю жизнь), не занимаясь никаким трудом. Это ведет к прямому моральному разложению если не родителей, то наверняка их детей. Свой «вклад» в отчуждение горожанина от трудовой активности вносит возможность бытового потребительства, т.е. полной ориентации во всех житейских мелочах только на сферу обслуживания. В результате появляются целые поколения инфантилов, не способных к элементарному самообслуживанию, с соответствующими сдвигами в психике – своеобразных «цивильных» митрофанушек и обломовых, не умеющих забить гвоздь в стену.

Мы твёрдо убеждены, что по мере онтогенетического развития необходимо увеличение реальной социально-экономической отдачи детей (подростков, студентов) обществу, в частности, родительской семье. Этот социально-природный процесс трудового взросления, естественно, должен идти не вразрез с индивидуальными и семейными интересами, а скорее, с приоритетом последних [11]..

Зададимся вопросом: насколько сопрягаются в потребительской деятельности молодых россиян их все расширяющиеся потребности, с одной стороны, и возможности удовлетворения последних, с другой? Один из аспектов проблемы «бедности и богатства» следует отнести к разряду наиболее объективных. Он объясняется нарастающим родительским альтруизмом в пользу детей. Наши многочисленные опросы на Урале свидетельствуют, что средние и старшие поколения уральцев (в нашем случае, родители взрослеющих детей) материально живут более «скромно» и, по нашему мнению, более адекватно оценивают уровень благосостояния своих семей, чем их сыновья и дочери (учащиеся школ, студенты).

Традиционно детей и молодежь относят к слабозащищенной части общества. Социалистический лозунг «Всё лучшее детям!», при всем его фактическом социальном лицемерии, призывал к смягчению социального

неравенства между двумя основными потребительскими группами населения: «работающими» и «неработающими». В состав второй группы помимо «ещё не работающих» детей, школьников и студентов входила и группа «уже не работающих» пенсионеров.

За последние пару десятилетий, в силу происшедшей существенной трансформации экономических и имущественных отношений «поколений отцов и детей» на уровне семейной общности, состояние «социальной незащитности» молодежи на наших глазах превращается в свой антипод, Речь идет о формировании воинствующей потребительской психологии значительной (если не большей) части молодых людей, в первую очередь, школьников и студентов. *«Кто несет (нес в прошлом) основные расходы на Ваше обучение и содержание (питание, одежда, хобби и др. расходы)?»* – на этот вопрос уральские студенты (*«Вуз-2012»*) ответили так (% от общего числа опрошенных по каждому вузу; в порядке очередности ответы студентов Уральского федерального университета (УрФУ), Уральского государственного университета путей сообщения (УрГУПС); Нижневартовского государственного гуманитарного университета (НГГУ) и др.):

	по преимуществу за все платят (платили)	51 / 59
родители		/ 60
	часть расходов родители, часть сам	37 / 26
респондент		/ 25
	за учебу и свое содержание я плачу сам	9 / 11 /
(а)		15
	другой вариант	3 / 4 / -

Ну и что в этом плохого? – возразят многие – на то они и родители, чтобы заботиться о будущем своих детей, дать им образование, «вывести в люди». Трудно не согласиться с такой логикой. Однако забота родителей о профессиональной социализации своих

сыновей и дочерей должна предполагать, очевидно, не только формирование чувства душевной благодарности детей своим родителям...

Заметим, кстати, что в режиме «сидя на шее родителей» высшее образование на Урале получают сегодня (и получили «вчера») более 50-70% студентов. Прожективный вариант дальнейшего жизнеобеспечения нерадивых студентов с использованием все той же «шеи», по оценкам экспертов (см. выше), набрал всего 10 %. По мнению экспертов, в жизненных планах предусматривается переориентация с родительской шеи на шею государства, расчет на благотворительность успешно работающей и «хорошо платящей деньги» трудовой ассоциации, на доброхота-работодателя. Для молодых женщин с вузовским дипломом – это, помимо всего, стремление и возможность «занять вакансию» жены в семье успешно зарабатывающего деньги мужа-предпринимателя[12].

Кратко резюмируя сказанное выше, еще раз подчеркнем: детский труд и сопутствующее ему трудовое воспитание в современной России низведены в ранг «внепедагогического закона». На пути школьного педагога «добренькие и жалостливые законодатели» выстроили целый частокол запретов и предупреждений для желающих нарушить «счастливое, сытое и беспроблемное детство молодых».

Парадоксально, что подобная нетрудовая идеология социализации детей и юношества внедряется и идет на фоне призывов активного включения молодежи в решение трудных и сложных проблем общественного производства. Не в этом ли нужно искать, в частности, истоки «немотивированных» всплесков суицидальности, жестокости, безнравственности в молодежной среде? Налицо – безответственность государственных мужей за судьбу вверенных им трудовых и профессиональных судеб молодых поколений россиян.

И, в заключение обратимся к мнению русского педагога К.Д. Ушинского: «Возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части: где нет

общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество общественных заведений». И ещё: «Можно надеяться, что человечество, наконец, устанет гнаться за внешними удобствами жизни и пойдет создавать гораздо прочнейшие удобства в самом человеке, убедившись не на словах только, а на деле, что главные источники нашего счастья и величия не в вещах и порядках, нас окружающих, а в нас самих» [4, С. 284]. Трудно возразить прожективно-пророческим предсказаниям талантливого организатора отечественного просвещения.

1968.

Список литературы

1. Павлов, Б.С., Павлова В.И., Камскова Ю.Г. Сарайкин Д.А. Девиантная субкультура уральских подростков в ракурсе общественной безопасности в регионе // Вестник Челябинского государственного Пед-го университета. 2015. № 3. С. 214- 229.

2. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года [Электронный ресурс] URL: // <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%> (дата обращения: 04.01.13).

3. Шудегов В.Э. Мы сделали огромную ошибку, исключив трудовое воспитание из школьного образования [Электронный ресурс] URL: // www.regions.ru/news/ (дата обращения: 19.02.2015 г.).

4. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. М.: Мысль, 1968. С. 155.

5. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. С. 128-138.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.

7. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности

Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области как главного распорядителя средств областного бюджета, на 2012-2014 годы» [Электронный ресурс]. URL://http://minsport.midural.ru/tmp_file/file_4f7d7fce41b6b.pdf.

8. Павлов Б.С. [Трансформация отношения молодежи к труду в старопромышленном регионе: онтогенетический аспект Экономика региона.](#) 2015. № 3. С. 134-147.

9. Всемирный день борьбы с детским трудом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.calend.ru/holidays/0/0/2783/>.

10. Коршунова Е.И. Детский труд [Электронный ресурс]. URL: // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse>.

11. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала региона как предмет сотрудничества властных структур и семьи // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 25. С. 2-11.

12. Павлов Б.С., Сиражетдинова А.А., Разикова Н.И., Степанова А.Ю. Проблемы организации системы подготовки инженерных кадров на Урале. Дискуссия. 2013. №10 (40). С. 120-126.

УДК 37.018+347.5/.6

ББК С561.51+С542.14+Х404.5

Багирова, А.П.|| Дятель, К.Л.

Родительский труд: многообразие видов и субъектов

Bagirova, A.|| Dyatel, K.

Parental labor: the variety of kinds and subjects

В статье предпринята попытка классифицировать некоторые субъекты родительского труда по специфике выполняемых функций. Выделены следующие основания классификации родительского труда: по объёму осуществляемых функций, по характеру труда, по результатам труда и материальному стимулированию.

In the article the author attempts to classify some subjects of parental labor on the specifics of their functions. The following basis of classification: on the volume of the functions, the character of labor, according to the results of labor and material incentives.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД|| СУБЪЕКТЫ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА ||
ФУНКЦИИ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА

PARENTAL LABOR|| THE SUBJECTS OF PARENTAL LABOR || THE
FUNCTION OF PARENTAL LABOR

Социально-экономические тенденции, наблюдающиеся в российском обществе, приводят к преобразованиям многих социальных институтов. Институт семьи претерпевает изменения, связанные в числе прочих причин и со снижением рождаемости. По данным Росстата, общее число родившихся за 2015 год составляло 1,87 млн. детей (совместно с жителями Республики Крым и г. Севастополя), однако, демографический прогноз в этом отношении пессимистичен - снижение числа родившихся с каждым годом до 1,2 млн. детей к 2030 г. [1].

Повышение уровня рождаемости является сегодня важнейшей задачей государственной семейной и демографической политики. Ее

решение возможно двумя принципиально разными способами: привлечение мигрантов и повышение репродуктивных установок у коренного российского населения с переориентацией потенциальных родителей на двух- и более детную семью.

Второй вариант, безусловно, предполагает реализацию комплексной системы мер, включающих не только материальную поддержку, но и усиление престижа семьи. В связи с этим перспективной категорией для изучения и включения в концепцию семейной и демографической политики нам представляется категория родительского труда. Сегодня в социологии она исследуется на стыке двух дисциплин – социологии труда и социологии семьи. Исследователи в сфере социологии труда изучают результат репродуктивной функции семьи и родительского труда - человека. Сформированный в том числе и в процессе родительского труда человеческий капитал влияет на производительность и качество труда, что в последующем отражается на социальной сфере, экономике региона и страны. Согласно А.И. Антонову, «человеческий капитал рассматривается как совокупность качеств, которые определяют производительность и могут стать источником дохода для человека, семьи, предприятия и общества. Такими качествами принято считать здоровье, природные способности, образование, профессионализм, мобильность, творческий потенциал, активность, организованность» [3]. Данные качества закладываются и формируются в семье в разные периоды развития ребенка.

По мнению М.Г. Абиловой, родительский труд классифицируется по стадиям, на которых родители выполняют определенные наборы трудовых функций. К стадиям родительского труда относятся: перинатальная, младенческая, дошкольная, младшая школьная, школьная подростковая, профессиональная подготовка и инкорпоративная. На перинатальной стадии будущая мать активно готовится к успешной беременности и родам. Младенческая стадия характеризуется уходом за ребенком и его развитием. На дошкольной стадии субъекты родительского

труда занимаются воспитанием ребенка, выполняя широкий спектр действий для его всестороннего развития. Посредством реализации субъектами родительского труда определенных действий у детей формируется совокупность личностных качеств и навыки ухода за собой. На младшей школьной стадии, помимо всех перечисленных функций, детей обучают навыкам самостоятельного поведения и выстраиванию отношений со сверстниками и взрослыми, что в будущем вносит важный вклад в уровень его человеческого капитала. Школьная подростковая стадия характеризуется аналогичным набором функций родителей, но с учетом возрастных изменений ребенка. Стадия профессиональной подготовки уже предполагает помощь в выборе профессии и психологической поддержки. На инкорпоративной стадии ребенку оказывается поддержка в поиске работы и налаживании контактов в трудовом коллективе. Даже простое перечисление этих функций говорит о том, что современный родительский труд является сложно дифференцированным и многообразным трудом [2].

Отметим, что родительский труд реализуется разными субъектами – на разных уровнях в качестве таковых могут выступать родители, семья, социальные институты [4].

Так, например, исследователями была предпринята попытка выделения делегированного родительского труда, который выполняется специалистами сферы социальной репродукции (воспитателями, учителями, педагогами и т.п.). В частности, М.М. Пшеничникова классифицировала родительский труд по технологиям труда («мамин», «бабушкин», «школьный»), по местам, где он исполняется (квартира родителей, детский сад и т.д.), по сферам социальной репродукции (элитарный – реализуемый гувернанткой, домашним учителем в элитной школе и вузе; стандартный, осуществляемый в муниципальных ДОУ, в общеобразовательных школах и детских садах). Отметим, что в данной классификации родительский труд классифицируется в общем [7].

В действительности субъекты родительского труда могут быть дифференцированы по разным основаниям, а сам родительский труд – по разным видам. Родители, бабушки и дедушки, воспитатели, приемные родители, суррогатная мать и т.д. выполняют разные функции родительского труда в разные периоды жизни ребенка.

Предпримем попытку классификации видов родительского труда и на примере двух групп субъектов родительского труда покажем специфику реализуемых ими функций (таблица 1).

Таблица 1

Классификация родительского труда и его специфика для двух групп субъектов

Классификация видов родительского труда	Примеры реализации родительского труда его субъектами	
	родители	приемные родители
<i>1) по объёму осуществляемых функций</i>		
а) целостно-реализуемый (с полным набором функций)	Родители осуществляют свои функции сами, не передавая их другим возможным субъектам	Приемные родители усыновляют ребенка, следовательно, в набор выполняемых ими функций родительского труда не входят функции, реализуемые на перинатальной стадии. Однако, они осуществляют

		все остальные функции родительского труда.
б) частично- реализуемый (с частичным набором функций)	1) Родители передают функции родительского труда на разных стадиях бабушкам и дедушкам, няням и т.д. 2) Один из родителей не выполняет функций родительского труда	Ребенка усыновили на определенном этапе его взросления и/или на ограниченный период времени.
2) по характеру труда		
а) насыщенный труд	Функции родительского труда выполняются качественно	
б) ненасыщенный труд	Функции родительского труда реализуются некачественно	
3) по результатам труда		
а) труд с высоким результатом	Результатом родительского труда является ребенок, успешно закончивший школу и профессиональное образовательное	Результатом родительского труда является ребенок с правильным питанием и активным образом жизни, не имеющий хронических

	учреждение, имеющий развитые музыкальные, творческие, спортивные способности; он легко адаптируется к новым условиям, коллективу, активно и успешно строит карьеру.	заболеваний, не расположенный к неврологическим расстройствам, легко находящий контакт со сверстниками; с нормальным уровнем психологического и умственного развития.
--	---	---

Продолжение таблицы 1

Классификация видов родительского труда	Примеры реализации родительского труда его субъектами	
	родители	приемные родители
б) труд со средним результатом	Результатом родительского труда является ребенок, получивший высшее образование и работающий по специальности, воспитанный и без вредных привычек. У ребенка есть возможность помогать и поддерживать родителей.	Результатом родительского труда является ребенок, который адаптировался в новых условиях и не имеет заболеваний, а также легко ладит со сверстниками. У ребенка нет вредных привычек.
в) труд с низким результатом	Результатом родительского труда является ребенок, у которого нет интереса к	Результатом родительского труда является ребенок, у которого из-за

	<p>учебе и отсутствует высшее образование, не стремящийся к постоянному и стабильному заработку. У ребенка имеются вредные привычки.</p>	<p>неправильного питания и психоэмоциональных травм есть задержка физического, психического развития, проблемы со сверстниками. У ребенка отсутствует интерес к спорту, искусству, не законченное среднее образование и как следствие отсутствие высшего образования.</p>
<p>4) по материальному стимулированию</p>		
<p>а) с материальным стимулированием</p>	<p>Социальные выплаты и компенсации отдельным категориям граждан (таких, как малоимущие, с детьми-инвалидами, многодетные). Суммы выплат и компенсаций варьируются по разным показателям.</p> <p>Пособия по уходу за ребенком получают все категории женщин с детьми в возрасте до 1,5 лет. «Оплачивается» только младенческая стадия.</p>	<p>Приемные родители получают следующие виды выплат: единовременное пособие при усыновлении, материнский капитал (в случае, если усыновляют 2-го, 3-го и последующих детей), ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет, ежемесячные вознаграждения. Сами дети получают большое количество</p>

		единовременных пособий на различных этапах жизни: при устройстве на работу, при смене учебного заведения.
--	--	---

Окончание таблицы 1

Классификация видов родительского труда	Примеры реализации родительского труда его субъектами	
	родители	приемные родители
б) без материального стимулирования	Основная часть родителей, не относящихся к определенным группам, которые не получают материальной помощи от государства после достижения их ребенку возраста в 1,5 года.	

Виды родительского труда, выделенные по разным основаниям, необходимо изучать для каждого реализующего его субъекта отдельно. Лишь такой подход позволит дать системную характеристику родительскому труду в целом и разработать механизмы его активизации, так необходимые стране с неблагоприятными демографическими прогнозами.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

2. *Абилова М.Г.* Методы и инструменты стимулирования репродуктивной активности: дис. канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2011. – 145 с.
3. *Антонов А.И.* Социология семьи / под ред. А.И. Антонова. — **Изд. 2-е, перераб. и доп.** —М.: ИНФРА-М, 2007. – 640 с.
4. *Багирова А.П., Шубат О.М., Ворошилова А.И.* Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2014. – 271с.
5. *Генкин Б.М.* Экономика и социология труда. – **Изд. 2-е, испр. и доп.** — М.: Изд-во НОРМА-ИНФРА М), 1999. — 412 с.
6. *Егорова Н.В.* Настольная книга приемного родителя / под ред. Н.В. Егорова. — СПб.: «Врачи детям», 2007. – 128 с.
7. *Пшеничникова М.М.* Родительский труд: содержание и особенности реализации в малых городах Уральского региона: дис. канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2015. – 185 с.

УДК 316.303.7

ББК 88.4

Басимов М.М.

Субъективная оценка материального положения – причина в оценке
гражданского брака (как формы отношений)

Аннотация. В статье рассмотрены связи параметра «Субъективная оценка материального положения» и параметров оценки гражданского брака. Это актуализирует (как и для многих других исследований) принятие синергетической парадигмы в социологической науке.

Ключевые слова: материальное положение, гражданский брак, нелинейный, зависимость, синергетический, коэффициент силы связи, коэффициент корреляции.

Basimov M.M.

Subjective estimation of material statute – reason
in estimation of civil marriage (as forms of relation)

Annotation. In the article is considered statistical dependences for parameter “Subjective estimation of material statute” and parameters of estimation of civil marriage. It also staticizes (as well as for many other researches) acceptance synergetic paradigms in sociological science.

Keywords: material statute, civil marriage, non-linear, dependence, synergetic, factor of the connection strength, coefficient of correlation.

«Нелинейность» – фундаментальный концептуальный узел новой (синергетической) парадигмы, в том числе, и социологического исследования. Можно даже сказать, что новая парадигма есть парадигма нелинейности [14].

Но при этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает последний европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается (кроме наших материалов [15, 16, 17, 18] только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

Используя авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) [5] в социологических исследованиях посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [4] для квантильных разбиений (триады, кварты, квинты) данных по каждому измеряемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости (линейная или какой-то конкретный вид нелинейной зависимости), для изучаемой матрицы данных можно определить как формы зависимостей, так и степени их выраженности на различных отрезках шкал рассматриваемых переменных [3]. При реализации данного метода изучения связей вычисляются сравнительные весомости параметров Y для кварт (триад, квинт) по шкалам X (зависимость Y от X) и сравнительные весомости параметров X для кварт (триад, квинт) по шкалам Y (зависимость X от Y).

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [20] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [6, 21], демографические планы населения [1, 22], социология профессий [23], здоровье и здравоохранение [2], политическая социология [8] и т.д.

Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [19] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков [10, 7], этнопсихология [12, 13], психология профессий [9], психология стресса [11] и т.д.

Линейные зависимости по определению симметричны, и для них не важно, что является причиной (независимая переменная), а что следствием (зависимая переменная). Это определяется по воле исследователя, и часто диктуется интересами исследователя, его концепцией и моделью, его теоретическими доводами, субъективными взглядами на предмет исследования. Корреляционный метод и линейные связи, им выявляемые, не дают возможности выбирать направление связи. Причина и следствие в этом случае равноправны и могут интерпретироваться произвольно по воле исследователя.

В рассматриваемом социологическом исследовании изучались отношения к институту «гражданского брака», а также политические предпочтения студенческой молодежи.

Среди нелинейных связей для качественного анализа мы отбираем только те случаи, когда наши коэффициенты силы связи $SV > 0.5$, а линейные корреляции по модулю в 2 и более раза их меньше (близки к нулю).

Рассмотрим три зависимости в которых параметры отношения к институту "гражданского брака" определяются как следствия либо интереса к политике, либо субъективной оценки своего материального положения. Одна зависимость – это зависимость с максимумом (причина – политика), а две другие – это убывающие монотонные зависимости (причина – оценки материального положения).

1. Зависимость параметра "**Отношение к гражданскому браку**" (Y) от параметра "**Интерес к политике**" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	-1507
X-3	-189
X-2	+1337
X-1	+137

Коэффициент силы связи = 0.88 (0.49)

Коэффициент корреляции = -0.38

Начальный рост положительного отношения к политике, начало формирования интереса к ней способствуют формированию более лояльного отношения к гражданскому браку как форме отношений между мужчиной и женщиной (с +127 до +1337 по сравнительной весомости). Но в дальнейшем интерес к политике начинает менять отношение к институту гражданского брака на противоположное: вначале при переходе со 2 кварты на 3-ю изменение в негативную сторону (неприятие) до значений близких к первоначальному (с +1337 до -189 по сравнительной весомости), а в дальнейшем наблюдается еще более значительное отрицание института гражданского брака до значений значительно меньших (-1507), чем первоначальные (+137).

Таким образом, наряду с максимумом (+1337) на второй кварте мы наблюдаем общую отрицательную динамику зависимого параметра (с +137 до -1507), т.е. интерес к политике только на первом этапе своего формирования качает молодого человека к принятию формы отношений в виде гражданского брака, а в дальнейшем более серьезный интерес к политике, дает совершенно противоположный результат. Это проявляется и в отрицательном значении коэффициента корреляции (-0.38), который хотя и

невелик по величине, но все-таки далеко ненулевой (зависимость монотонная).

Обратная зависимость также присутствует (коэффициент силы связи = 0.49), но она все-таки сильно уступает по величине коэффициента связи прямой зависимости – зависимости параметра "Отношение к гражданскому браку" от параметра "Интерес к политике". Интерес к политике является в этой зависимости скорее причиной, чем следствием, и, значит, его полезно формировать у молодого поколения.

2. Зависимость параметра "Отношение к гражданскому браку" (Y) от параметра "Субъективная оценка своего материального положения" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квартал по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для квартал
X-4	-470
X-3	+477
X-2	+484
X-1	+2215

Коэффициент силы связи = 0.58 (0.18)

Коэффициент корреляции = -0.17

Субъективная оценка своего материального положения также выступает как причина положительного или отрицательного отношения к институту «гражданского брака». Безусловное принятие гражданского брака (сравнительная весомость = +2215) свойственно респондентам с низкой субъективной оценкой своего материального положения (1 кварта). Для квартал более высоких субъективных оценок своего материального положения

(2-4 кварталы) положительное отношение (явное одобрение) к «гражданскому браку» сменяется вначале умеренно положительным (2 кварта: +484, 3 кварта: +477) отношением, а затем умеренно отрицательным (4 кварта: -470 по шкале сравнительной весомости).

Таким образом, зависимость монотонная убывающая, но далекая от линейной (коэффициент корреляции = -0.17): с увеличением субъективной оценки своего материального положения происходит смена положительного отношения к гражданскому браку на отрицательное, но линейная корреляция не представляет интереса для интерпретации. Кроме того, следует отметить явную односторонность зависимости, причина – это субъективная оценка своего материального положения, т.е. материальная сторона жизни, и не наоборот.

Следующая зависимость аналогична рассмотренной, где зависимый параметр по содержанию родственной параметру Y предыдущей зависимости, что в свою очередь подчеркивает неслучайность этих двух зависимостей, достоверность опросных данных.

3. Зависимость параметра **"Приемлемость гражданского брака как формы отношений"** (Y) от параметра **"Субъективная оценка своего материального положения"** (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квартал по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для квартал
X-4	-1405
X-3	+183
X-2	+585
X-1	+2223

Коэффициент силы связи = 0.79 (0.49)

Коэффициент корреляции = -0.27

Зависимость как и предыдущая монотонная убывающая, далекая от линейной (коэффициент корреляции = -0.27), но при этом следует отметить, что если первые кварталы двух зависимостей (наибольшие значения зависимого параметра) определяют примерно одинаковые его значения (+2215 и +2223), то представители 4 кварталы (субъективно высоко оценивающие в сравнении с другими свое материальное положение) в еще большей степени отрицательно оценивают приемлемость гражданского брака как формы отношений (-1405), чем просто отношение к институту гражданскому браку (-470).

Рассмотренные зависимости не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества. **Нелинейная социология** – это новый подход к изучению социологических явлений, ставящий своей главной задачей изучение специфически нелинейных свойств социальных явлений.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

Заказ на изучение в единой системе отсчета линейных и простейших нелинейных (с возможностью интерпретации) зависимостей социологических параметров направляйте по адресу: E-mail: basimov@mail.ru

Библиографический список

1. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН. 2011. – С. 195-203.
2. Басимов М.М. Здоровье и здравоохранение в демографическом исследовании как объект синергетики // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 19-20 сент. 2013 г.). – М., 2013. – С. 119-128.
3. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.
4. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
5. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
6. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.1. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 522-528.
7. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. – 2007. – №4. – С. 142-158.
8. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.
9. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 54-57.
10. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении

дошкольниками программы "Развитие" // Мир психологии. – 2007. – №2. – С. 83-93.

11. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 57-61.

12. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. – 2009. – №2. – С. 209-222.

13. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. – 2010. – №2. – С. 140-155.

14. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. – 240 с.

15. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.

16. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.

17. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.

18. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.

19. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.

20. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

21. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

22. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.

23. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

Брюхова, О.Ю.|| Брюхова Т.М.

Профессиональная ориентация в школе: сущность, актуальные
проблемы
и пути решения

Brukhova, O.|| Brukhova, T

Career guidance at school: the essence, actual problems and ways of
solutions

В статье раскрывается сущность профессиональной ориентации в современной школе. Определяются задачи, направления, формы и методы профориентации. Особое внимание уделяется «узким» местам организации и реализации профориентационной работы в образовательном учреждении. Авторы выделяют пять групп проблем: кадровые, методические, организационные, материально-технические, управленческие, а также представляют возможные пути их решения.

The theme of this article covers the real matter of career guidance in today's school. The main tasks, forms and methods are mentioned. The greatest attention is paid to special difficult problems of career guidance in the field of school education. The authors point out five problems: the problems of specialists, methods, the problem of organization, technique equipment and the problem of management. These authors represent possible ways of their solutions.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ|| СИСТЕМА
ПРОФОРИЕНТАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ|| ФОРМЫ И МЕТОДЫ
ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ|| ПРОБЛЕМЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

CAREER GUIDANCE|| THE SYSTEM OF CAREER GUIDANCE OF
STUDENTS|| FORMS AND METHODS OF CAREER GUIDANCE WORK||
PROBLEMS OF CAREER GUIDANCE

Интерес к вопросу выбора профессии был всегда и остаётся высоким и сегодня как для учащихся образовательных учреждений, которые находятся на стадии оптации, так и для родителей и педагогов.

Федеральный закон «Об образовании в РФ» в части 2 статьи 66 устанавливает, что «Среднее общее образование направлено на <... > подготовку обучающегося к жизни в обществе, самостоятельному жизненному выбору, продолжению образования и началу профессиональной деятельности» [3]. Актуальность профессиональной ориентации заключается еще и в том, что быстро меняющийся рынок труда нуждается в специалистах новых профессий и предъявляет особые требования к их подготовке. Поэтому важным направлением деятельности современной образовательной организации должна стать профессиональная ориентация обучающихся, готовых в дальнейшем к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире.

Профориентационная работа должна стать стержнем всего образовательного процесса, а система профориентации школьников – представлять собой организованную, управляемую деятельность различных государственных и общественных организаций, предприятий, учреждений и школы, а также семьи, направленную на совершенствование процесса профессионального и социального самоопределения школьников в интересах личности и общества.

В систему профориентации входят следующие компоненты: цели и задачи, основные направления, а также формы и методы профориентационной работы с учащимися [1, с. 4].

Школа сегодня призвана выполнять следующие задачи профессиональной ориентации учащихся:

формирование положительного отношения и готовности к труду;

знакомство с миром профессий, с актуальным и перспективным состоянием рынка труда;

оказание лично-ориентированной помощи в выявлении и развитии способностей и склонностей, познавательных и профессиональных интересов в выборе профессии.

Важными направлениями профориентационной работы в школе являются: профессиональное информирование, профессиональное просвещение, профессиональная диагностика, профессиональная пропедевтика и профессиональное консультирование.

В образовательных организациях накоплен достаточно большой опыт применения различных форм и методов профориентационной работы, которая реализуется как через классную, так и внеклассную деятельность.

В рамках классной (урочной) формы работы осуществляется:

углубленное преподавание определенных дисциплин (математика, физика, химия, биология, иностранный язык и т.д.);

включение модуля «Основы выбора профессии» в программу уроков технологии;

реализация элективных и факультативных курсов по профориентационной тематике (например, «Твой выбор», и т.д.);

проведение тематических классных и информационных часов;

организация олимпиад, научно-исследовательской работы, научно-практических конференций и т.д.

Внеклассная деятельность организуется через:

работу творческих лабораторий и профессиональных мастерских;

экскурсионную деятельность в учреждения профессионального образования и на предприятия;

систему конкурсов, соревнований, слетов, фестивалей, ярмарок труда, трудовых акций, проектов (школьного, районного, городского, регионального, всероссийского уровня).

Всю совокупность методов профориентационной ориентации в зависимости от цели их использования (направлений) можно разделить на пять групп. Некоторые из методов представлены в таблице.

Методы профессиональной ориентации

	профессионально и работы	Методы профессиональной ориентации
	Профессиональное информирование	<p>Использование справочной литературы (справочники абитуриента, справочники профессий)</p> <p>Применение информационно-поисковых систем (ИПС), оптимизирующих поиск профессий, учебных заведений, рабочих мест</p> <p>Демонстрация профессиональной рекламы и агитация («пламенные» публичные выступления)</p> <p>Знакомство с успешными примерами профессионального самоопределения</p>
		<p>Распространение проспектов, буклетов, информационных листовок</p> <p>Использование тематических Интернет-ресурсов</p> <p>Представление статистической информации о потребности в рабочей силе в регионе, о предприятиях и организациях региона</p> <p>Оформление стендов, витрин, уголков профориентации</p> <p>Использование школьных средств массовой информации (радио, телевидение, газеты)</p> <p>Проведение выставок, ярмарок профессий (и их модификации)</p> <p>Организация родительских собраний</p>

	Профессиональное просвещение	<p>Реализация специального курса «Основы выбора профессии»</p> <p>Организация родительских всеобучей</p> <p>Проведение бесед, лекций на профориентационную тематику</p> <p>Демонстрация учебных кинофильмов и видеофильмов</p> <p>Организация вечеров, встреч со специалистами, ветеранами труда</p> <p>Проведение тематических праздников, конкурсов</p> <p>Организация экскурсий на предприятия и в учебные заведения профессионального образования</p> <p>Презентации предприятий и их продукции</p>
--	------------------------------	---

	Профессиональная диагностика	<p>Проведение бесед-интервью</p> <p>Использование психодиагностических методик:</p> <p>Дифференциально-диагностический опросник Е. А. Климова (ДДО)</p> <p>Профессионально-личностный опросник В. П. Петрова (ПЛО)</p> <p>Методика «Карта Интересов» А.Е. Голомшток</p> <p>Методика изучения мотивов профессиональной деятельности учащегося Л.А.Головей</p> <p>Опросник профессиональных предпочтений Дж. Холланда.</p> <p>Тест профессиональных предпочтений Л.А. Йовайши и т.д.</p> <p>Заполнение профконсультационной карты «Дневник самопознания»</p> <p>Метод длительного наблюдения за учащимися в процессе учебы, труда, быта</p> <p>Проведение профориентационных деловых и ролевых игр и тренингов</p>
	Профессиональная пропедевтика	<p>Учреждение кадетских корпусов</p> <p>Организация трудовой деятельности в летних объединениях, лагерях</p> <p>Технотворчество (труд в школьных мастерских, кружки моделирования)</p> <p>Клубная деятельность (детская железная дорога, станция юннатов, клуб радистов и т.п.)</p> <p>Проведение занятий в учебно-практических комбинатах</p>

альное консультирование	Индивидуальные и групповые психологические консультации Составление индивидуальной траектории успешной профессиональной деятельности
----------------------------	---

К сожалению, пока нельзя утверждать, что школа справляется со всеми профориентационными задачами, поставленными перед ней обществом. Анализ работы, проводимой образовательными учреждениями, позволил выявить ряд проблем.

Кадровые проблемы

Во-первых, для школьной системы характерна *неопределенность принадлежности функций по профессиональной ориентации*. В настоящее время в процесс организации и проведения профориентационных мероприятий вовлечен широкий круг работников системы образования. Это и завучи по учебно-воспитательной работе, и учителя-предметники, и классные руководители, и библиотекари, и психологи, и социальные педагоги, и медицинские работники. Такая ситуация зачастую приводит к размыванию ответственности, снижению мотивации преподавателей образовательных организаций к ведению профориентационной работы и, в конечном счете, к ее неэффективности. В условиях жесткой экономии не все современные образовательные учреждения могут позволить себе иметь в штате сотрудника, который будет всецело отвечать за профориентацию.

Во-вторых, отсутствие штатных должностей специалистов по профессиональной ориентации естественным образом сочетается с другой проблемой – *отсутствием специальной подготовки кадров, ответственных за профориентацию*. В России в настоящее время практически отсутствует комплексная подготовка профориентологов в вузах страны. Школьные учителя, к сожалению, не владеют методами профессиональной психодиагностики, актуальной информацией о состоянии рынка труда и

прогнозах его развития, содержании новых профессий, учреждениях профессионального образования, условиях поступления в них и т.д.

Методические проблемы

Во-первых, *профориентационные мероприятия, реализуемые школой в основном, носят массовый характер и рассчитаны на некоторого усредненного ученика, то есть отсутствует индивидуальный, дифференцированный подход к личности школьника, выбирающего профессию. Это обстоятельство объясняется отсутствием квалифицированных специалистов в области профориентации, необходимостью увеличения охвата контингента профориентационными мероприятиями, второстепенным значением данного направления в деятельности школы.*

Во-вторых, *в профориентационной работе школы используются преимущественно пассивные словесные методы, позволяющие учащимся только поверхностно ознакомиться с профессией, без предоставления возможности каждому ученику попробовать себя в различных видах деятельности, в том числе и в избираемой (активные методы). У подрастающего поколения есть острое желание проверить собственные возможности в сфере профессиональной деятельности, но современная школа не позволяет удовлетворить эту потребность. Подготовка в учебно-производственных комбинатах, призванных школьнику дать возможность «пощупать профессию» и организовать начальное профессиональное обучение сегодня практически не осуществляется. После распада СССР в Российской Федерации обязательное начальное профессиональное образование было исключено из программы общего среднего образования. К тому же, большинство современных школ практически не взаимодействует с предприятиями и организациями, не имеет деловых контактов с потенциальными работодателями. В 1990-2000-е годы школы утратили шефские связи с предприятиями. Это выразилось не только в отсутствии возможностей «профессионального погружения», но и сказалось на*

ухудшении материально-технического оснащения образовательных учреждений, так как они оказывали и спонсорскую помощь в том числе.

В-третьих, *профориентационная работа в школе зачастую начинается только на этапе предпрофильного обучения (8-9 классы)*. Однако данная деятельность должна быть начата намного раньше, еще в начальной школе. Многие специалисты склонны к тому, что профориентационную работу надо начинать еще в детских дошкольных учреждениях, ведь именно в возрасте 3-6 лет у детей в игровой форме проходит первое знакомство с миром профессий.

Организационные проблемы

Во-первых, *у школ отсутствует систематическое взаимодействие с центрами занятости*. Это большое упущение, школа должна стать первым учреждением, которое будет знакомить ученика как будущего субъекта профессиональной деятельности с рынком труда. Именно специалисты данной структуры смогут предоставить актуальную и перспективную информацию о потребности в рабочей силе, требованиях к современному работнику и т.д.

Во-вторых, *практически не вовлечены в профориентационную работу родители*, хотя они в большей степени заинтересованы в правильном выборе профессионального пути своих детей.

В-третьих, *в целом, в школах наблюдается разный уровень внимания к профориентационной деятельности*. Отсутствует обязательный минимум мероприятий, установленный на государственном или региональном уровне. Из-за этого ученики имеют неравные возможности профессионального ориентирования.

Материально-технические проблемы

Для большинства школ характерно *недостаточное финансирование профориентационных мероприятий, скудная материально-техническая база профориентирования, слабая пополняемость библиотеки тематической учебно-методической литературой*.

Управленческие проблемы

Во-первых, во многих школах отсутствует документально оформленная программа или план проведения профориентационных мероприятий. Это приводит к бессистемному, эпизодическому проведению мероприятий, что сказывается на качестве всей работы.

Во-вторых, не каждая школа осуществляет мониторинг эффективности проводимой профориентационной работы.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что мы обозначили лишь некоторые проблемы. С целью совершенствования системы профориентационной работы на школьном уровне сформулируем следующие рекомендации:

В каждом образовательном учреждении необходимо назначить ответственного за профориентационную работу и закрепить его основные обязанности приказом или в должностной инструкции. Возможно создание специальной структуры (совет, центр) педагогической поддержки с моопределения школьников для организации согласованной работы всех субъектов данного процесса в общеобразовательном учреждении и вне его.

Осуществить подготовку данного специалиста путем посещения обучающих мероприятий, организованных в рамках системы дополнительного профессионального образования педагогических работников (инициаторами могут выступать Дом Учителя, центр психолого-педагогической поддержки несовершеннолетних, институт развития образования и т.д.), с помощью привлечения социальных партнеров и самообучения.

Оптимально сочетать массовые, групповые и индивидуальные формы профориентационной работы.

Организовать сбалансированное использование пассивных (декларативных) и активных (профессиональной пробы) методов профориентации. Для этого необходимо наладить деловые связи с предприятиями микрорайона школы, договориться о взаимодействии с

компаниями, в которых работают родители, с социальными партнерами для организации площадок «профессиональных погружений».

Организовать преемственность профориентационной работы между разными ступенями образования: дошкольного, начального общего, основного среднего, среднего (полного) общего. Профориентационная работа не должна ограничиваться работой только с учениками 8-11 классов. Эта работа должна вестись с первого по выпускной класс, только тогда выбор профессии может стать осознанным.

Установить взаимосвязь школы со службами занятости, продолжить работу по созданию модели сетевого сотрудничества с социальными партнерами (профессиональными учебными заведениями, центрами профориентации молодежи, общественными молодежными организациями, учреждениями дополнительного образования и т.д.).

Современная система формирования профессиональных ориентаций должна дать информацию:

- о перспективах развития региональной экономики на ближайшие 5-10 лет, в частности, о тех отраслях производства, которые будут наиболее динамично развиваться в ближайшее время и испытывать потребность в новых работниках;

- о тех требованиях к знаниям и умениям, которые предъявляются к современному специалисту, способному активно участвовать в постоянном развитии производства [2, с. 36].

Вовлечь родителей в процесс профориентации путем проведения серии всеобучей, родительских собраний, консультаций, совместного участия детей и родителей в профориентационных проектах.

Организовать работу по поиску спонсоров и шефов, готовых сотрудничать со школой.

Разработать документ, регламентирующий организацию и реализацию профориентационной работы в школе (программа профориентации, план профориентационных мероприятий).

Осуществлять мониторинг профориентационной работы школы и профессионального самоопределения выпускников путем определения ключевых показателей эффективности.

Таким образом, можно сделать вывод, что современная школа нуждается в организации целенаправленной и систематической профориентационной работы на протяжении всего периода обучения учащихся с учетом их возрастных и личностных особенностей, с применением традиционных, хорошо зарекомендовавших себя, и новых подходов.

Список литературы

Куровская С.Н. Организация и проведение профориентационных мероприятий: пособие / С.Н. Куровская. Гродно. ГрГУ, 2013. 58 с.

Меренков А.В. Особенности и проблемы формирования профессиональных ориентаций учащейся молодежи // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 6. С. 31-37.

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 22.02.2016).

УДК 37.061

ББК С60

Гаврилина , Т.О.

Тенденции изменения детского воспитания в семьях

на современном этапе развития государства

Gavrilina, T.O.

The tendencies of changing child-rearing in families on the modern stage of
development of the state

В данной статье рассматриваются тенденции изменения в воспитании детей, которые наблюдаются после перехода России к рыночной экономике. В этом процессе многие люди отказались от традиционно-культурной ориентации, что в свою очередь оказало влияние на многие сферы жизни социума. Немаловажным является детское воспитание. Для решения этого вопроса предлагается построение воспитательной работы в школах, а также проведение работы с родителями.

The article examines the tendencies of changes in the sphere of child-rearing. This tendencies observed after Russia transition to the market economic. People abandoned from traditional cultural orientations. As a result it influenced on a lot of spheres of society. In particular it affects the sphere of child-rearing. To solve this problem the author suggests the ways to create new educational work with children in schools and family as well.

ВОСПИТАНИЕ, СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ, СОЦИАЛЬНЫЙ
ОРИЕНТИР, ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

REARNING, FAMILY EDUCATION, SOCIAL ORIENTATION,
EDUCATIONAL WORK

На данном этапе развития государства сложилась ситуация, которая не только не способствует, но зачастую и мешает развитию социально-культурных ценностей у людей. Люди, находясь в свободном выборе своих приоритетов, не всегда следуют традиционно-культурной ориентации, а иногда даже идут в разрез моральным, нравственным установкам. Все перечисленные изменения, так или иначе, оказывают серьезное воздействие на сферу воспитания детей, что в свою очередь побуждает к всестороннему исследованию этого вопроса. При его рассмотрении необходимо учитывать все изменения в социокультурном пространстве. На формирование ценностей человека одновременно влияют несколько факторов: социальный, культурный, личный опыт, семейные взаимоотношения (семейная атмосфера). В результате складывается полное представление об обществе в целом, представления о себе и о своем месте в нем.

В последнее время в средствах массовой информации часто приводятся данные о крупных дорожно-транспортных происшествиях, о насилии родителей над детьми, о преступлениях со стороны сотрудников правоохранительных органов. С первого взгляда, все эти негативные явления не связаны между собой, но тем не менее, обнаруживается достаточно устойчивая тенденция: нарушения правил поведения на дорогах, общения с детьми в семье, а также преступления против граждан, оказавшихся в полицейских участках, совершаются молодыми людьми в возрасте до 25 лет. 25 лет – это возраст людей, чья социализация проходила в период становления утверждения рыночной экономики [2]. К решению этой задачи привлекается общественность. Но необходимо больше привлекать представителей науки. Именно глубокие и комплексные научные исследования помогут найти причины снижения ценности моральных и эстетических норм.

В любое время воспитание подрастающего поколения является одной из главных задач государства. Общациональные идеи определяют то, в каком направлении будет развиваться общество. Жизнь социума как и жизнь

человека, не может быть без цели. Достаточно интересным с научной позиции представляется опыт зарубежных стран. В этом отношении показательным примером выступает общенациональная идея США – сохранение статуса супердержавы и поддержание порядка во всем мире (какими способами и средствами – это уже другой вопрос). Западная Европа видит свою главную цель в поддержании высокого уровня жизни своих граждан. И с сожалением, можно признать, что общенациональные задачи Российской Федерации не выражены для своего народа настолько ярко (общеизвестно). Все цели, задачи и стратегии безусловно прописаны в проектах и положениях. Но, к сожалению, в большинстве случаев в них они и остаются. Советский Союз ярко выделяется на фоне сегодняшней России. Пусть даже утопичная, но была четкая цель – построение коммунизма. И соответственно ее выстраивалось направление в развитии общества, в воспитании детей, в формировании ценностей.

Согласно Стратегии развития воспитания в Российской Федерации «Приоритетная задача Российской Федерации – формирование новых поколений, обладающих знаниями и умениями, которые отвечают требованиям XXI века, разделяющих традиционные нравственные ценности, готовых к мирному созиданию и защите Родины. Ключевым инструментом решения этой задачи является воспитание детей» [3]. Ниже приведены приоритеты государственной политики в области воспитания:

- воспитание детей в духе уважения к человеческому достоинству, национальным традициям и общечеловеческим достижениям;
- поддержка определяющей роли семьи в воспитании детей, уважение к авторитету родителей и защита их преимущественного права на воспитание и обучение детей перед всеми иными лицами;
- защита прав и соблюдение законных интересов каждого ребёнка;
- обеспечение соответствия воспитания в системе образования традиционным российским культурным, духовно-нравственным и семейным ценностям;

-обеспечение условий для физического, психического, социального, духовно- нравственного развития детей, в том числе детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (детей, оставшихся без попечения родителей; детей с ограниченными возможностями здоровья, детей - жертв вооруженных и межнациональных конфликтов, экологических и техногенных катастроф, стихийных бедствий; детей из семей беженцев и вынужденных переселенцев; детей, оказавшихся в экстремальных условиях; детей, отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях и др.);

-формирование позиции личности по отношению к окружающей действительности;

-воспитание языковой культуры детей;

-развитие сотрудничества субъектов системы воспитания (семьи, общества, государства, образовательных, научных, традиционных религиозных и иных общественных организаций, организаций культуры и спорта, СМИ, бизнес-сообществ) в совершенствовании содержания и условий [3].

С сожалением можно отметить, что на деле происходит слабое выполнение этих принципов: не везде созданы необходимые условия для развития детей, находящихся в трудных жизненных ситуациях; присутствует наличие фактов нарушения прав ребенка; слабое развитие языковой культуры и пр.

Воспитание является долговременным процессом формирования личности. И его нельзя сводить только к сфере образовательных услуг. Детские сады, учреждения дополнительного дошкольного образования, школы оказывают только **помощь в** воспитании подрастающего поколения. Основной же груз ответственности ложится на плечи родителей. Воспитание всегда начинается в семье. Родители могут руководствоваться собственными принципами, либо ориентироваться на принципы, определяемых общественными понятиями о воспитании. Но при переходе к рыночной

экономике, к сожалению, многое было утрачено от предыдущей эпохи и передавать подрастающему поколению стало практически нечего. Если раньше существовало понятие устойчивости и стабильности общественной жизни, семьи, образования, работы, то при переходе к рыночной экономике все это было утрачено, соответственно, у социума поменялись и приоритеты. Экономика претерпевала большой кризис. Многие родители оказались безработными. Чтобы прокормить семью, им приходилось трудиться на нескольких работах. Естественно, многим им было не до прививания качества доброты и эстетики. Семья потеряла ориентиры своей воспитательной деятельности. И как результат - целые сотни тысяч молодых людей оказались перед свободным выбором. Социальные институты стали меньше выполнять воспитательные функции. Государство стало преследовать другие цели, поставило перед собой другие приоритеты, соответственно, старая система воспитания развалилась. На многих телеканалах наблюдается тенденция к быстрому получению денег на сенсационных и громких заявлениях, скандалах, транслировании развлекательных передач и реалити шоу весьма сомнительных содержания.

Раньше государство давало направление в воспитании детей для поддержания своей идеологии. Поэтому, у родителей складывалось представление о целях своего воспитательного воздействия. Помимо этого идеология поддерживалась через СМИ, кинофильмы. Старая эпоха со своими принципами, методами и понятиями была уничтожена, но новых методов действия в плане воспитаний предложено не было. Совершенно исчезло пропагандирование любви к Родине, ответственности, порядочности.

В школах закладывается воспитательная система, но необходимо уделять этому больше внимания. Также следует поступать и учреждениям дополнительного образования. Но какие бы обстоятельства бы ни были, основная же функция воспитания остается в семье.

Семья – это ячейка общества, следовательно, основа нации. Именно в ней принимаются решения об образе воспитания ребенка, его

образовании, развитии и социализации. Но в современном обществе очень быстро меняются традиционные представления и ориентиры. А если анализировать современное российское общество, то неисполнение семьей своей социализирующей функции становится частным фактом [4]. Статистика свидетельствует о кризисе семьи. Распадается более половины браков (56,6 % от заключенных браков в 2014 году) [5].

В течение 20 лет проводились социологические исследования, направленные на выявление изменений в содержании воспитательной деятельности семьи при переходе от одного общественного строя к другому. Они позволили выяснить те глубинные причины, которые привели к нынешним острым проблемам взаимоотношений части родителей с детьми, учителей с учащимися, молодежи с обществом.

Опрос родителей детей дошкольного возраста, посещающих детские сады, проведенный в середине 90-х годов, показал результаты, данные которых представлены в таблице 1. Целью опроса было выявление главных целей в воспитании детей. Опрос проводился методом анкетирования 850 родителей. Автор исследования Меренков Анатолий Васильевич - доктор философских наук, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Таблица 1. Мнение родителей о целях семейного воспитания 94-95 гг.

	Цель	Показатель, %
	Воспитать самостоятельным человеком	21
	Добрым	18
	Умеющим понимать	17
	Порядочным	15
	Разносторонне развитым	11
	Умеющим любить родителей	11
	Смелым	10
	Честным	9
	Предприимчивым	8
0	Здоровым	6

Из таблицы 1 видно, что на первом месте по значимости стоит самостоятельность человека. Это объясняется тем, что родители не хотят постоянно контролировать каждый шаг ребенка, заниматься его обслуживанием. Социокультурное содержание самостоятельности заключается в умении без побуждения извне включаться в домашнюю работу, активно приобретать новые знания из различных источников информации, контролировать свое поведение в общественных местах, быть успешным учеником в школе, качественно выполнять в будущем производственные обязанности.

На важность выработки умения быть добрым человеком в то время указал только каждый пятый респондент, хотя в семье во все времена взрослые стремились формировать у детей это важное качество, без которого проявить человеколюбие невозможно. Негативные переживания, рождаемые

у взрослых тяжелой жизнью, не ориентировали детей на доброту, милосердие. Многие из них и выросли без потребности и желания проявлять человеколюбие по отношению к кому-либо.

Результаты опроса 2010-2011 гг. приведены в таблице 2. Было опрошено 730 родителей детей дошкольного возраста.

Таблица 2. Мнение родителей о целях семейного воспитания 2010-2011 гг.

№	Цель	Показатель, %
1	Воспитать самостоятельным человеком	31
2	Успешным	27
3	Приспособленным к современной жизни	20
4	Активным	19
5	Умным	17
6	Знающим свои способности	15
7	Предприимчивым	14
8	Честным	9
9	Предприимчивым	8

Из таблицы видно, что совсем исчезли такие качества как доброта, честность, трудолюбие. Соответственно, у родителей исчезает смысл целенаправленного воздействия на ребенка. Малыши смотрят телевизор по несколько часов в день, играют в компьютерные игры и различные электронные устройства. Естественно в таких условиях физическая

активность у ребенка минимальна. Но ведь главное чтобы ребенок не мешал родителям заниматься своими делами. В настоящее время многие родители в процессе воспитания решают сиюминутные задачи, порожденные конкретной жизненной ситуацией. О том, что должно быть сформировано у ребенка в процессе его социализации, задумываются редко.

Развитие таких качеств как доброта, трудолюбие, ответственность должны происходить через труд, включение детей в домашнюю работу. Выполняя какие-либо домашние обязанности, ребенок начинает понимать, что он помогает своим родителям, братьям и сестрам.

Объективной необходимостью является построение воспитательной работы в школах. Воспитательная работа должна включать в себя эффективные методы, которые будут создавать необходимые условия для развития ребенка на каждом возрастном этапе. Сама система должна включать в себя такие направления как:

- гражданско-патриотическое воспитание;
- экологическое воспитание;
- спортивно-оздоровительная работа;
- художественно – эстетическое воспитание;
- трудовое воспитание.

К этим направлениям необходимо добавить и работу с родителями. Главными задачами в этой работе должны быть: способствование повышения роли родителей в семье; помощь родителям в решении проблем воспитания; привлечение родителей к организационным мероприятиям класса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраамова Е.М. Новые образовательные стратегии: цели и средства / Общественные науки и современность № 5, 2013 г. – С. 65-75.
2. Меренков А.В. Тенденции изменения семейного воспитания в современном обществе / Социс, 2013 г. – С. 101 – 110.

3. Проект «Стратегии и развития воспитания детей в Российской Федерации на период до 2025 года», в редакции от 13 января 2015 г.

4. Ржаницына Л.С., Рыбальченко С.И. Состояние семейной политики и предложения по ее совершенствованию / Социс № 6, 2013 г. – С. 40 – 55.

5. Российский статистический ежегодник: 2014. - М.: Росстат, 2014.

УДК 316.334.23

ББК 65.29

Грошева, Л.И.

Условия и специфика формирования теневого молодёжного бизнеса

Grosheva, L.

Conditions and specificity of the formation of a shadow youth business

В статье рассматриваются особенности формирования теневого молодёжного бизнеса в рамках теории А. Шапиро. Автором выделены основные причины формирования теневых бизнес-структур, которые в наибольшей мере востребованы в молодёжной среде. Полученные данные позволили сделать вывод о неоднозначности мотивов и установок в сфере теневого бизнеса у молодых бизнесменов и молодёжи, потенциально склонной к предпринимательской деятельности.

In the article the features of the formation of a shadow youth business within A. Shapiro theory are considered. The author highlights the main causes of the formation of the shadow business structures, which to the greatest extent are in demand from young people. The findings led to the conclusion about the ambiguity of motives and attitudes in the sphere of shadow business among young businessmen and young people that are potentially prone to entrepreneurial activity.

МОЛОДЁЖНЫЙ БИЗНЕС, ТЕНЕВОЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ, ПОДДЕРЖКА МОЛОДЁЖНОГО БИЗНЕСА, УПРАВЛЕНИЕ МОЛОДЁЖНОЙ БИЗНЕС-АКТИВНОСТЬЮ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

YOUTH BUSINESS, SHADOW ECONOMY, SUPPORT OF YOUTH BUSINESS, MANAGEMENT OF YOUTH BUSINESS ACTIVITY, GOVERNANCE.

В современных экономических условиях достаточно интенсивными темпами развивается неформальный сектор экономики, включающий

специфичный комплекс социальных интеракций. В значительной мере государство способствует нивелированию условий развития нелегализованного экономического сектора, однако его существование подтверждается косвенной активностью граждан: регистрируемой в социальных сетях и посредством расчётов с зарубежными магазинами. Таким образом, вопрос повышения качества взаимодействия с молодёжью в сфере развития партнёрских отношений с представителями государственной и региональной систем поддержки на текущий момент поставлен достаточно остро.

Развитие интереса молодёжи к предпринимательству обусловлено рядом факторов, которые могут быть описаны моделью А. Шапиро [4, с. 63], в основе которой заложено четыре базовых элемента, побуждающих людей к вовлечению в бизнес-активное поведение.

Первым побуждающим стимулом к формированию собственного дела является ощущение потребности чего-либо и неудовлетворённости текущими жизненными условиями. Согласно авторскому исследованию, проведённому в мае-сентябре 2015 года, которое охватило 60 представителей теневого молодёжного бизнеса в рамках экспертного опроса и полужформализованного интервью, а также молодёжи, желающей организовать своё дело (анкетный опрос N=800 человек 18-30 лет), ощущение неустроенности имеет в большей степени моральную побудительную составляющую, нежели финансовую заинтересованность. Среди молодёжи 36 % опрошенных выразило заинтересованность в бизнесе по причине желания реализовать собственную предпринимательскую идею и инициативу, посредством возможности независимого принятия решений и принятия полной ответственности за возможные последствия. В значительной мере молодые люди, желающие организовать своё дело, ориентированы на реализацию уже имеющегося социального капитала, который хотели бы задействовать 40 % опрошенных. Теневые бизнесмены в значительной мере отмечают два фактора, связанных с ощущением «неустроенности». Во-первых, накопившийся опыт, который

превосходит личные надобности в произведённой продукции. Во-вторых, необходимость в финансовом оправдании занятий по интересам, ввиду растущих затрат на их реализацию.

Вторая составляющая модели А. Шапиро заключается в наличии предрасположенности человека к предпринимательской деятельности. Таким образом, человек должен обладать специфическим набором качеств, свойственных предпринимателю для обеспечения наиболее полного удовлетворения от осуществляемой деятельности [2, с. 85]. Проверка данной гипотезы в ходе авторского исследования дала неоднозначные результаты. С одной стороны, молодёжь, желающая открыть своё дело, указывает на высокую значимость предпринимательских качеств для реализации своего дела, что отразили 32 % опрошенных. Однако представители теневого бизнеса в ходе экспертного опроса отметили значимость предпринимательских качеств на уровне не более 10 %, отдав предпочтение обладанию информацией (40 %) и практическими навыками, необходимыми для выбранной сферы деятельности (36 %). Подобное расхождение может быть обусловлено высоким уровнем внимания к предпринимательским качествам со стороны программ поддержки молодёжного бизнеса. К примеру, программа Бизнес-Контур, реализуемая на территории Тюменской области, включает в себя тестирование, как первичную оценку способности к предпринимательству [3]. Также значительное количество порталов, предлагающих информацию начинающим предпринимателям (автором было проанализировано 300 порталов и сообществ в социальных сетях), в 70 % случаев содержит простые тесты или онлайн-тестирование для определения возможности реализации предпринимательской идеи. Вероятно, этот факт формирует ряд стереотипических представлений у молодёжи о возможности реализации предпринимательского потенциала. Подобная установка, как отмечается экспертами, во многом формирует предпочтение «пробного» или «разведывательного» бизнеса, который в подавляющем большинстве случаев проявляется в теневых формах.

Таким образом, третий компонент – вера в возможный успех и возможность собственного бизнеса сталкивается с рядом противоречий, рождаемых как спецификой систем государственной и региональной поддержки, так и субъективными факторами, реализуемыми в ходе обмена информацией посредством неформальных социальных каналов.

Значительная доля респондентов (60,3%), также как и экспертов (33 %), оценили шансы молодёжи на создание успешного бизнеса как «50/50» и этому есть объяснение в виде определённой степени риска, связанной с нестабильностью экономической сферы. Под успешностью бизнеса (данный факт был зафиксирован в ходе интервьюирования) понимаются темпы прироста прибыли при условии наличия определённых гарантий со стороны государства и общества. Каждый пятый молодой человек, желающих создать своё дело (19,4%), уверен в рациональности создания собственного дела, но каждый третий (31,7%) склонен давать негативный прогноз, что коррелирует с аналогичными ответами экспертов. Подобные результаты могут быть связаны с объективными барьерами и недостаточностью ресурсной базы, которая является частью четвёртого элемента теоретической модели.

Оценка перспектив молодого бизнесмена в разрезе конкретных направлений показала средний уровень по всем параметрам. С высокой долей критичности нелегализованные бизнесмены подходят к оценке возможности финансовой помощи со стороны государства. 37 % опрошенных оценивают шансы получения материальной помощи как недостаточные при обращении к государственным органам, в то время как 33 % не склонны доверять кредитным организациям. Указанная тенденция во многом обусловлена последствиями дестабилизации экономики ввиду валютного и международного торгового кризисов, что результирует ужесточение условий выдачи субсидий, кредитных средств. Также восприятие финансового вопроса в качестве барьера может быть связано со значительными трудностями в прогнозировании финансовых и иных показателей деятельности. Формирование бизнес-плана в условиях

постоянного колебания валютного курса, условий поддержки со стороны государства вселяет в молодых бизнесменов неуверенность и стимулирует уход в теневую сферу.

Эффективность таких специализированных структур по поддержке бизнеса как инкубатор также остаётся для экспертов на невысоком уровне. Лишь 17 % экспертов выразили мнение о рациональности обращения к услугам бизнес-инкубатора, как возможной стартовой площадки для реализации идеи. В то время как 23 % усомнились в практической пользе данного института. При этом недостатками бизнес-инкубатора были названы: недостаточная гибкость, отсутствие необходимого набора предлагаемых услуг, сложность в подаче заявки, недостаточная интенсивность обновления предоставляемой аналитической и практической бизнес-информации.

Также достаточно неоднозначно характеризуется и возможность получения консультационной помощи. В сфере поиска и анализа первичной информации по вопросам создания бизнеса мнения экспертов отражают значительный круг проблем.

Информационный массив переполнен недостоверными данными и неподтверждённой маркетинговой и социологической информацией. Теневые бизнесмены отмечают, что во многом создание бизнеса связано с опорой на собственный опыт и знания первичного социального окружения, нежели со сторонними источниками информации.

Официальные порталы и ресурсы недостаточно оперативно реагируют на изменения законодательства и процедур открытия и ведения бизнеса. По оценкам экспертов около 40 % официальных порталов содержит устаревшие данные. Согласно авторскому исследованию ресурсов, данный показатель по ряду информационных направлений (бухгалтерский учёт, особенности оформления отчётных документов) может быть увеличен до 60 %.

Поиск порталов затруднён наличием большого количества неverified порталов и социальных сетей. В ходе простых

поисковых запросов эксперты вынуждены сортировать источники, актуальность которых остаётся сомнительной. Более половины экспертов отметили, что на поиск информации они тратят в среднем более двух часов. Треть экспертов предпочитает прекращать поиск после третьей просмотренной страницы в поисковых ресурсах.

Также экспертами отмечается большое количество остановленных проектов, развитие которых прекращено, однако санирование сети не происходит, что приводит к накоплению «информационного мусора».

Большая часть из тех услуг и сфер знаний, в которых нуждается молодёжь, уже разработана на базе различного рода организаций, что говорит о недостатке информированности об их деятельности, либо недостаточном интересе, проявленном со стороны молодёжи [1, с. 330]. В Тюменской области образовательные курсы не пользуются ажиотажным спросом у молодёжи, а среди причин такого положения молодые люди часто указывают: недостаточную информированность о таких мероприятиях, неудобное время их проведения, устаревшие методики и информацию, негативный опыт непосредственных участников этих курсов и др.

Оценка возможностей и препятствий созданию бизнеса со стороны потенциальных бизнесменов в целом коррелирует с мнением экспертов. В большей мере детализированы некоторые финансовые затруднения. Наиболее значимым негативным фактором была отмечена система налогообложения (47,4 % студенты против 67 % среди экспертов), хотя у потенциальных бизнес-активных людей негативное восприятие деятельности ФНС выражено в меньшей степени, нежели у их опытных коллег. Из этого следует, что некоторые недостатки их деятельности имеют место и затрудняют стандартную деятельность бизнеса как такового.

Временная подработка и отсутствие гарантий выживаемости бизнеса в данном случае заняли примерно равные позиции – около 30 %. Т.к. низкие гарантии на осуществление бизнеса в течение длительного времени приводят к его ориентации на моментное получение прибыли, что в отдельных случаях

приводит к развитию полукриминальных способов заработка, особенно через социальные сети и интернет-магазины. Высокий показатель нежелания брать на себя ответственность в предыдущих вопросах в данном случае занял менее существенную позицию – в его пользу высказалась треть опрошенных, в то время как около 40 % экспертов выдвинули его на первое место. Таким образом, в целом потенциальная бизнес-активная молодёжь соотносит рисковость природы бизнеса и объёмом ответственности, с ним связанным. Таким образом, распределение наиболее существенных факторов развития нелегализованного способа ведения бизнеса представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Факторы роста теневого бизнеса

Наименование фактора	в целом	му жчины	жен щины
временная подработка	30 ,0	29,8	32,9
отсутствие гарантий выживаемости бизнеса	36 ,2	28,6	32,3
высокая сложность регистрационных процедур	30 ,0	28,6	25,7
утомительность процедур проверки и аудита	17 ,7	17,9	19,8
нежелание брать на себя ответственность	24 ,6	28,6	25,1
высокий уровень конкуренции	23 ,1	33,3	24,6
отсутствие достаточных знаний и навыков	30 ,0	23,8	29,3
деятельность из любопытства	18	19,0	11,4

(пробный бизнес)	,5		
нежелание платить налоги	52 ,3	45,2	48,5
другое	2, 3	2,4	1,2

Как видно из представленных данных, треть респондентов оценивает теневой бизнес как кратковременную возможность улучшить своё финансовое положение и повысить уровень и качество жизни. При этом женщины несколько преобладают в оценке данного фактора.

Другим ощутимым барьером признаётся качество конкурентной среды, которая, по мнению молодёжи, не позволяет конкурировать посредством честных и легальных инструментов. Этот фактор в большей мере отмечают мужчины – на 8,7 % больше чем женщины.

Налоговая система по-прежнему остаётся значимым стимулом уклонения от легализации своего дела. Несмотря на тот факт, что в современных условиях существуют «налоговые каникулы», пониженные ставки для отдельных сфер бизнеса и другие инструменты снижения предполагаемых отчислений, молодёжь считает её не объективной необходимостью, а принудительной мерой.

В данном случае, в ходе интервью выяснилось, что у теневой бизнес-активной молодёжи и потенциальных молодых бизнесменов различные причины предпочтения уклонения от налогов. Если респонденты, не вовлечённые в бизнес, ссылались на высокий уровень налога на прибыль, сложность оформления выплат, непрозрачность распределения отчисляемых средств между бюджетными статьями расходов; то опытные бизнесмены объясняли своё функционирование в теневой сфере иным образом. Преимущественно отмечалась привычка, которая на психологическом уровне не позволяла что-либо «отдать» государству. При этом привычка отмечалась даже теми бизнесменами, чья прибыль характеризовалась стабильным

ростом в течение последних трёх лет. Другая причина отказа от легализации по причине налогов, связывалась с нежеланием вникать в данную сферу в ущерб концентрации внимания на производственном процессе. В обоих случаях поведение молодёжи связано с выработкой устойчивых стереотипов в сфере налогообложения, которые во многом формируются посредством общения в специализированных сообществах. Те, кто использовал социальный капитал в виде родственников, друзей и знакомых – в меньшей мере указывали данный барьер.

Отсутствие заинтересованности молодёжи в обращении за помощью к органам государственной поддержки, особенно у той её части, которая обладает активной жизненной позицией и соотносит свои жизненные ориентиры с самостоятельной экономической деятельностью, стимулирует развитие теневого бизнеса, который по основным характеристикам аналогичен его легализованным конкурентам, но в то же время – добровольно отрезан от большинства видов программ поддержки.

Отличительным свойством теневого бизнеса (который не включает формы проявления криминальной сферы) является его гибкость в распределении прибыли, привыкание и, как следствие, отсутствие стимула к легализации деятельности. Учитывая, что на ранних этапах такой бизнесмен не имеет объективной необходимости сотрудничать с государством, «вернуть человека» в легальный бизнес значительно сложнее, нежели изначально предложить ему общественно полезный путь бизнес-развития. Подобный путь возможен посредством создания наиболее комфортного информационного и финансового пространства с учётом индивидуальных потребностей развивающегося малого и микро бизнеса, который в современных условиях является весьма востребованным в молодёжной среде.

Литература

Grosheva L. Obstacles and opportunities of Self-employment of Young people in a modern society // Facing an Unequal World Challenges for Global sociology. Book of abstracts XVIII ISA World Congress of Sociology, 13-19 July 2014. International Sociological Association. – Yokohama, Japan. RC34-549.11. – p. 330.

Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. Пер. с англ. А. В. Куряева и др. – Челябинск: Издательство Социум, 2010. – 272 с.

Международный форум лидеров бизнеса // Фонд содействия развитию микрофинансовой деятельности. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fundmfi.ru/about/partners/iblf/> (дата обращения: 28.10.2015 г.).

Шапиро С.А. Мотивация и стимулирование труда. – М.: Гросс-Медиа, 2006. – 224 с.

Грошева, И.А., Грошев, И.Л.

Сетевые сообщества: самоорганизация и контроль в информационном
киберпространстве

Grosheva, I., Groshev, I.

Network communities: self-organization and control in the information
cyberspace

Аннотация. В статье авторы рассматривают информационное киберпространство как основу для самоорганизации сетевых сообществ и отмечают, что контроль над ними может носить как функциональный, так и дисфункциональный характер. В ходе аналитического обзора Интернет-пространства авторы статьи выделили три вида общественного контроля, осуществляемых субъектами сетевых сообществ: утилитаристский, активистский и националистический. Последнему виду уделено особое внимание как наиболее опасному.

Abstract. In the article the authors examine the information cyberspace as a basis for self-organization of network communities and point out that control over them can be characterized as functional and dysfunctional. In the course of the analytical review of Internet space the authors have identified three types of social control (utilitarian, activist and nationalist) exercised by the subjects of network communities. The latter type is a subject of special attention as the most dangerous one.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СЕТЕВОЕ СООБЩЕСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ, ВИРТУАЛЬНАЯ СРЕДА, САМООРГАНИЗАЦИЯ, МОЛОДЁЖЬ, ОБЩЕСТВО.

KEYWORDS: NETWORK COMMUNITY, PUBLIC CONTROL, VIRTUAL ENVIRONMENT, SELF-ORGANIZATION, YOUTH, SOCIETY.

Социальные изменения XXI века достаточно сложно изучать, отталкиваясь от традиционных или модернистских теорий. Повсеместное

увеличение неопределённости, случайности, влияние внутренней саморефлексии ведут к многовариантности и альтернативным формам развития. Особенное внимание начинает уделяться микропрактикам с целью выявления тенденций развития общественной системы. Э. Гидденс, характеризуя постмодернизм, сформировавшийся в условиях постиндустриального общества, обращает внимание на такие его характеристики как фрагментарность жизненного опыта индивида, появление разрывов в сознании, трактовка истины в определённом контексте, теоретическая беспомощность и «опустошение» повседневной жизни и др. [9, p. 150].

У. Бек отмечает обострение противоречий между запроектированной и социально действующей «типовой нормой», в результате чего здание индустриального общества грозит съехать в нормативно-правовую сферу [1, с. 197-198]. Человека в окружающей социальной действительности ставят в такую ситуацию, из которой заведомо нет выхода, т.е. решить поставленные перед ним задачи практически невозможно. По замыслу постмодернистов, мораль должна трансформироваться во внутреннюю этику [5, с. 204]. Общество как самоорганизующаяся система должно реагировать на возникающие отклонения и принимать меры, направленные на противодействие такой системе ценностей. Теоретически такое возможно, практически – нет.

Контроль в информационном киберпространстве носит весьма специфический характер. Это «совокупность информационных, программных и материальных ресурсов, которыми располагают и используют государства, межгосударственные образования, а также негосударственные социальные структуры, действующие в киберпространстве, для того, чтобы убеждать в соответствии поведения пользователей, всем правилам, предписаниям, нормативным актам и законам, регулирующим информационные взаимодействия в виртуальной среде, а в необходимых случаях и осуществлять воздействие на пользователей» [3].

Причём он может быть как формальным (официальные запреты на доступ к тем или иным сетевым ресурсам), так и неформальным (регулирование норм поведения самим сетевым социумом).

Для сетевых сообществ характерны такие качества как анонимность, трансцендентность (глобальная компьютерная сеть не ограничена в плане географических, технологических, временных факторов), сообщество информационно стратифицировано, не ограничено по количеству участников. Также в сетевом сообществе существует открытая и скрытая формы контроля. С одной стороны, пользователей открыто предупреждают о том, что их данные могут быть использованы на усмотрение владельцев информационных ресурсов, общение должно находиться в рамках принятых в сообществе норм. С другой стороны, пользователи специально не предупреждаются о том, что их данные используются третьими лицами. Заинтересованы в этом соответствующие государственные структуры. При развитии информационных технологий публичные действия перемещаются в индивидуальную сферу и, как отмечает С.В. Бондаренко, становятся факторами повышения девиантогенности, особенно среди подростков, потому что у них появляется больше возможности организовывать свою социальную жизнь вне родителей, повышая её латентность.

Авторы статьи поддерживают утверждение С.В. Бондаренко о том, что, несмотря на наличие определённых разработок, понятие «киберпреступность» ещё не сложилось не только в отечественной исследовательской (в том числе юридической) практике, но и в мировой. Информационные технологии вызывают отклонение в поведении от индивидуальных нравственных норм по причине того, что они делают актора практически невидимым, ограничивают обратную связь. В то же время в массовом порядке распространяются компьютерные игры, которые оказывают определённое воздействие на подростков. Необходимо отметить, что игра – это реклама специфического товара, который обретает своего покупателя. Через игру формируются потребности, задаётся образ жизни.

Поэтому, когда в обществе ведётся речь об ограничении показа насилия, его трудно даже квалифицировать, так как существует мощное лобби со стороны производителей компьютерных игр, поскольку они это насилие продают. Коммерческий интерес вступает в жёсткое противоречие с формированием нравственности и морального здоровья.

Контроль в виртуальной сфере может носить как функциональный, так и дисфункциональный характер. Например, в России был принят Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», затем Федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» для ограничения подачи информации в Интернет-пространстве по таким категориям как пропаганда суицида, детской порнографии, изготовления, потребления и продажи наркотических средств [8]. По данным на ноябрь 2012 г. было зафиксировано 17 тысяч обращений на сайт Роскомнадзора www.zapret-info.gov.ru по фактам нарушения законодательства [6]. С одной стороны, закон имеет положительное воздействие, ограничивая случайное попадание ребёнка на сайт, не предназначенный для его просмотра. Однако, несмотря на то, что в законе имеются требования к экспертизе (ст. 17-19), отсутствуют механизмы её проведения.

Также вызывают вопросы отдельные формулировки того, что запрещено детям. Практически большинство персонажей самых известных сказок попадают в категорию «запрещённые». Возникает опасность возможности государственного регулирования и жёсткой цензуры на доступ к информации в Интернете, не имеющей содержания, указанного в законе. Предполагается достаточно широкое и неконтролируемое использование средств блокирования сайтов, попавших в реестр. Также много вопросов возникает по поводу списка экстремистских материалов, размещённых на

сайте Министерства юстиции РФ. Статьей 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», пунктом 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313, на Минюст России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов [7].

По мнению специалистов правозащитного аналитического центра «Сова», занимающихся проблемами национализма и ксенофобии, ввиду отсутствия должной экспертизы список составляется непрофессионально, поэтому у различных книг есть шанс попасть в этот список ввиду элементарной ошибки. Несмотря на то, что вышеперечисленные законы создавались для контроля в сфере нравственности и «принуждения к толерантности», они трактуются весьма произвольно, провоцируя преследования за спорные высказывания, не вызывающие опасности для общества. Особенно часто нападкам подвергаются электронные библиотеки, где в свободном доступе находится литература известных авторов (например, Либрусек), что противоречит закону «О библиотечном деле», который требует не ограничивать доступ читателей к фондам. Правозащитным центром «Сова» фиксируются также злоупотребления со стороны специализированных антиэкстремистских подразделений [4]. Можно с уверенностью утверждать, что без контроля со стороны общественности за применением этих законов они становятся инструментом борьбы с инакомыслием в любом виде.

Начиная с 2008 г., процесс самоорганизации сетевого сообщества активизировался. Стали создаваться в сети организации, имеющие в своем названии словосочетание «общественный контроль». В ходе аналитического обзора Интернет-пространства авторы статьи выделили три вида общественного контроля, осуществляемые субъектами сетевых сообществ: 1) утилитаристский общественный контроль – контроль за состоянием качества

жизни; 2) активистский общественный контроль, появляющийся стихийно для решения проблем, возникших в связи с принятием непопулярных управленческих решений (например, реформа образования); 3) националистический общественный контроль, как правило, имеет в названии национальную идентификацию.

Сфера деятельности субъектов первого вида общественного контроля концентрируется на оценке состояния окружающей среды, качества продуктов питания и др. Например, в г. Москва организовано общество защиты прав потребителей «Общественный контроль», в г. Санкт-Петербург функционирует общественная организация потребителей «Общественный контроль» целью деятельности которых является установление соответствия качества продуктов существующим стандартам (ГОСТ) изготовления и др. Самое громкое дело организации «Общественный контроль» в г. Москва было связано с подачей иска к храму Христа Спасителя по поводу осуществления незаконной торговой деятельности. Некоторые организации, сочетают борьбу за качество жизни с борьбой против нелегальной миграции. Примером может служить общественное объединение «Оборона Люблино» – организация граждан, проживающих в Юго-Восточном административном округе (ЮВАО) г. Москвы.

Самоорганизация группы активистского общественного контроля происходит вокруг одной, актуальной в конкретный момент времени темы. Например, против перевода на коммерческую основу школьного образования и медицины, в защиту науки и культуры. Под эгидой «Гражданской инициативы за бесплатное среднее образование» было образовано несколько сетевых групп Вконтакте. Например, создана группа Вконтакте против Федерального закона Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» «Гражданская инициатива за бесплатное среднее образование» (Нижний Новгород, Иркутск). На сайте

группы содержатся призывы к недопущению разрушения образования (подушевое финансирование привело к закрытию многих школ в сёлах), роста количества платных услуг в медицинских учреждениях, против реформы РАН и др. Против платного среднего образования и сохранения детских центров выступает Общественное Движение «Московские родители». Группа ВКонтакте «Народ против реформы бюджетной сферы» (г. Санкт-Петербург) кроме реформы в образовании поднимает проблемы отмены студенческих стипендий, закрытия больниц, против передачи бюджетных учреждений РПЦ, о закрытии домов престарелых, тарифах ЖКХ и др. В г. Санкт-Петербург создана группа ВКонтакте «Ассоциация городских родительских комитетов», в г. Ярославль – «Ярославцы, защитим бесплатное образование, здравоохранение, культуру!», в г. Ижевск – «Ижевск за бесплатное образование и медицину», в г. Мурманск – «Гражданская инициатива за бесплатное среднее образование в Мурманске», в г. Ростов-на-Дону – «Дон за бесплатное среднее образование!», в г. Нефтекамск «Инициатива против платного образования», в г. Уфа – «Народ против реформ бюджетной сферы», в г. Тюмень – «Тюмень – против коммерциализации бюджетной сферы (ФЗ-83)», а также имеются группы в гг. Казани, Перми, Новосибирске, Иркутске, Красноярске, на Алтае.

Наряду с открытыми группами существуют и закрытые, куда возможно войти только после прохождения процедуры регистрации: «Липецкая область против коммерциализации бюджетной сферы», «Башкирия против реформы бюджетной сферы», «Гражданская инициатива за бесплатное среднее образование в Екатеринбурге», «Владивостокский комитет инициативы за бесплатное образование». Активность таких групп невысокая. Как правило, это обмен информацией о событиях, призывы к акциям, рекламная информация.

Субъекты националистического общественного контроля – это отдельные организации, создающиеся в сети в основном для молодёжи и пропагандирующие национал-социализм, апеллируя к социально полезной

деятельности, такой как: борьба с наркопритонами, педофилами, пресечение незаконной торговли алкогольной продукцией, поиск и выселение нелегальных мигрантов, популяризация здорового образа жизни среди молодёжи (например, «Реструкт», идейным вдохновителем которого в 2012 г. выступал М. Марцинкевич (Тесак)). Имеются и такие объединения, в которых легко уживаются признаки политической, правозащитной и националистической деятельности. Они ведут одновременно просветительскую и активистскую деятельность, проявляющуюся в уличных акциях протеста. В двух последних примерах социальный ресурс – это молодёжь. Лидеры часто подвергаются арестам по статье 282 УК РФ. Например, «Национальные Демократы» (г. Москва, 2011 г.). Существуют в основном на добровольные пожертвования.

В целом можно выделить следующие особенности деятельности сетевых общественных и общественно-политических организаций националистической ориентации, претендующих на осуществление общественного контроля: акцентирование внимания на национальной компоненте («защита русских людей»); защита культурно-исторических памятников; борьба против миграции; привлечение молодёжи к спорту и здоровому образу жизни. В некоторых организациях не афишируется членство, невозможно понять, кто является организатором, некоторые из них функционируют полулегально. Меняются адреса расположения сайтов, они часто блокируются или подвергаются хакерским атакам. Отличительной особенностью является представление фотоотчётов о проведённых акциях. С появлением в обиходе с 2012 года статуса «политзаключённый» многие организации правозащитной ориентации берут на себя дополнительно функции защиты от преследований за политические убеждения.

В заключение следует отметить, что в российском обществе сложилась мозаичная картина сетевой среды. Этот факт говорит о том, что потребность в самоорганизации довольно высокая, но механизм заполнения свободного пространства осуществляется весьма своеобразно. Вызывают определённую

обеспокоенность и требуют особого внимания попытки использования таких понятий как «здоровый образ жизни», «национальная идентичность» в откровенно националистическом контексте с целью вовлечения молодёжи в социально-деструктивную деятельность. Эти действия оправдываются тем, что в условиях глобализации необходима свободная коммуникация и быстрое передвижение. Секс, информация и деньги в глобальном пространстве, по мнению Ж. Бодрийера, должны передвигаться свободно [2, с. 108].

Говоря о такой важной проблеме как саморегуляция киберпространства, следует отметить, что легитимных механизмов контроля, выработанных на уровне сообщества, пока не существует и с этим утверждением нельзя не согласиться [2, с. 108]. Зато в настоящее время сложились виртуальные делинквентные сообщества, такие как террористические группировки (как экономические, так и политические), экстремистские религиозные группы, организованные преступные группы и др. Наполнение пустоты фатально и требует определённых жертв. Отсутствие возвышенных целей подчёркивается заразительностью притягательной модели терроризма. Одной из наиболее вероятных причин девиантного поведения пользователей могут выступать невостребованность обществом специальных знаний в сфере компьютерных технологий и, соответственно, невозможность некоторым из акторов самореализоваться каким-либо иным способом, кроме как совершая поступки, направленные против интересов большей части социума.

Список литературы

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну/ Пер. с нем. В. Сидельникова и Н. Фёдоровой. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – 383 с.
- Бодрийар Ж. Прозрачность зла / Перевод Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.

Бондаренко С.В. Право как социальный институт киберпространства [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ifar.ru/pi/05/bondaren.htm> (дата обращения: 26.12.2015 г.)

Верховский А. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2011 году. 29.03.2012 г./ Сова. Информационно-аналитический центр. Официальный сайт [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2012/03/d24014/#_Точ319846877 (дата обращения: 19.12.2014 г.)

Грошева И.А. Толерантный постмодернизм: доверие или девиантная толерантность? // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». – 2012. – №9 (29). – С. 204-206.

Ксензов М.Ю. Первые итоги реализации Федерального закона от 28.07.2012 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Роскомнадзор [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://rsoc.ru/docs/Prezentacija_139fz__27.11.12_5final.pdf (дата обращения: 14.06.2014 г.)

Министерство Юстиции Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения: 13.12.2015 г.)

Федеральный закон Российской Федерации от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации. Официальный сайт Российской газеты [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/07/30/zakon-dok.html> (дата обращения: 12.02.2016 г.)

Giddens A. The Consequences of Modernity. – Cambridge: Polity Press, 1990. – 188 p

УДК 316.422

ББК 65.04

Джагарян, Г.Е. || Амбарова, П.А.

Homo Innovaticus в концепции креативного класса Р. Флориды

Tshagharyan, H.E. || Ambarova, P.A.

Homo Innovaticus in the R. Florida concept of creative class

Рассматриваются положения работы американского социолога Р. Флориды, касающиеся инновационной личности. Характеристики и особенности инновационного типа личности анализируются в контексте становления инновационной экономики.

Discusses the monograph of the American sociologist R. Florida, concerning innovative personality. Characteristics and features of innovative personality are analyzed in the context of forming innovation economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИННОВАЦИИ, ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА, ИННОВАЦИОННАЯ ЛИЧНОСТЬ.

KEYWORDS: INNOVATIONS, INNOVATIVE ECONOMY, INNOVATIVE PERSONALITY.

Homo Innovaticus переводится как «инновационный человек». Несмотря на актуальность проблемы формирования инновационной личности, в научной литературе отсутствует четкое определение этого понятия в контексте исследования инновационной экономики. Наиболее интересный подход к анализу инновационной личности предлагает американский социолог Р. Флорида. В своей книге «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» он рассматривает креативную личность именно как инновационного человека, востребованного во всех сферах общественной жизни, особенно – в современной инновационной экономике [1]. Вслед за Р. Флоридой далее мы будем рассматривать эти понятия как синонимы.

Существует ошибочное представление о том, что инновационный человек – это тот, кто занят исключительно в сфере инженерии, высоких технологий, т.е. ограничивается производством технических изобретений, разработкой новой продукции или созданием новых фирм. На самом деле в современной экономике новаторство или креативность – неотъемлемые черты работника во любых ее сферах. Достижения, полученные за счет деятельности инновационного человека в одной сфере, используются в другой. Следовательно, эффект креативности вызывает своего рода цепную реакцию. Закономерно, что для развития различных форм креативности нужна благоприятная социально-экономическая и социокультурная среда.

Р. Флорида рассматривает креативный класс как феномен, порожденный временем. Возникают совершенно новые формы экономической инфраструктуры, такие как систематические затраты на исследования и разработку высокотехнологичной продукции, создание интернет-компаний, разветвленная система венчурного финансирования, которая способствует мобилизации и мотивации новаторов. Еще одним условием развития и деятельности инновационной личности является «либерализм» со стороны компаний. Во многих из них сегодня отказываются от «белых воротничков» и отдают предпочтение самовыражению и свободному выбору личности. На первый взгляд кажется, что это дело рук самих компаний, которые стремятся создать комфортные условия для работников, но на самом деле это условие диктуют сами креативно мыслящие люди. Инновационный человек больше не связан пространством и временем, он ищет себе максимально благоприятные условия для самореализации, независимо от страны и места. Таким образом, по мнению Р. Флориды, происходит концентрация инновационных кадров, следовательно, и громадного человеческого капитала, в тех местах, где сосредоточены высокотехнологичные фирмы и компании. Иначе говоря, новаторы предпочитают пребывать в «центрах творческих активностей».

От политиков мы слышим постоянно, что нам нужны инновационные технологии и продукты для импортозамещения и поддержания конкурентоспособности на международном рынке. На наш взгляд, во всех этих проектах акцент делается на производство, а проблема кадров отходит на второй план. Однако в приоритете должно быть «производство» инновационных кадров, а все остальное будет следствием этого.

Креативный класс можно разделить на две составляющие:

ядро креативного класса: люди, занятые в научной и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве, музыке и индустрии развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания;

обширная группа креативного класса: специалисты, работающие в бизнесе и сфере финансов, права, здравоохранения и смежных областях деятельности.

Эти люди занимаются решением сложных задач, а для этого требуется высокий уровень независимости мышления, образования и качества человеческого капитала. Еще одним отличием этого класса является гибкость и относительная автономность. Присутствие таких людей в компаниях дает возможность привлекать их непосредственно к выбору направленности и дальнейшему пути компании.

Новаторы не ограничивают свою инновационную активность только профессиональной сферой. Они транслируют ее на всю свою собственную жизнь и во все сферы общественной жизни. Креативность, или новаторство, становится образом жизни, движущей силой, которая определяет идентичность новаторов.

Несмотря на все позитивные эффекты, получаемые вследствие деятельности новаторов, креативный класс сталкивается с серьезной проблемой, связанной с конфликтом между организациями. Дело в том, что креативный процесс носит не только индивидуальный, но и общественный характер, поэтому без некоторых организационных форм

обойтись нельзя. Однако те или иные элементы организации могут парализовать креативность, что порою и происходит.

Еще Й. Шумпетер в своей книге отмечал, что сила капитализма выражается в силе и автономности креативного класса [2]. Как мы знаем, Шумпетер в качестве новаторов рассматривал предпринимателей. Однако впоследствии он говорил, что технический прогресс все больше становится делом групп обученных специалистов, которые выполняют то, что от них требуется, обеспечивая предсказуемые результаты. Работа комитетов и ведомств постепенно приходит на смену индивидуальной деятельности. Полностью бюрократизированный гигантский индустриальный комплекс не только занимает место предприятия малого и среднего бизнеса, но и в конечном итоге отстраняет от дел предпринимателя как класс. Можно согласиться с тем фактом, что система почти не изменилась и сегодня.

И все же креативный класс уникален по своей природе и является опорой для социально-экономического роста современной экономики. К особенностям креативного мышления можно отнести следующие: Креативность – понятие, отличное от интеллекта, креативность включает в себя способность к синтезу. Креативность требует уверенности в себе и способности идти на риск.

Примерно такие свойства отмечает и Шумпетер в характеристике инновационных кадров. К их числу он относит независимость и уверенность в себе, опора на собственные силы; отсутствие боязни риска; доверие своему чутью, интуиции; потребность в самореализации, в достижении успеха; достаточно взвешенное отношение к деньгам.

Многие люди считают, что креативное мышление и новаторские идеи – это дар от рождения. Они ошибаются. Как известно, многие великие люди считали, что гений – это 90 % пота и 10 % вдохновения. Конечно, неправильно всех представителей креативного класса относить к гениям, но одно остается фактом: каждый человек уникален по своей природе. Хотя

креативность принято считать индивидуальным феноменом, она неизбежно приобретает черты социального типа личности.

Совершенно очевидно, что без инвестиции в человеческий капитал невозможно дальнейшее развитие этого класса. Прежде всего речь идет о венчурном капитале. История уже имеет опыт вложения в рискованные проекты, но времена глубоких кризисов заставили инвесторов пересмотреть свою точку зрения. Предпочтения стали отдаваться компаниям с относительно большой надежностью и наименьшим риском. Следствием этого было вытеснение маленьких компаний большими в высоко конкурентной среде. Но в периоды стагнации экономики становится актуальным вопрос об инновационной экономике, которой требуются масштабные государственные капиталовложения в исследования и разработки, обширную программу содействия малому бизнесу и государственную поддержку венчурного бизнеса. Как видно, эти проекты либо не дорабатываются, либо остаются на стадии обсуждений. В таких ситуациях инициативу должен проявить частный сектор, ведь от роста экономики напрямую зависят его дивиденды. Создание частных или общих венчурных фондов может послужить решением обозначенной проблемы.

Креативную экономику поддерживает целый комплекс новых организации, созданных исключительно для этой цели. Совместно они образуют то, что Р. Флорида называет «социальная структура креативности». В нее входят: 1) инновационные системы в области технологии и предпринимательства; 2) инновационные, более эффективные модели производства товаров и предоставления услуг; 3) общие социальные, культурные и географические условия, благоприятные для креативности любого рода.

Исследования показывают, что наличие венчурного капитала как такового еще недостаточное условие инновации. Инвесторы из регионов с достаточным количеством венчурного капитала отдавали предпочтение тем местам, где имеется выше названная «социальная структура креативности».

В подобных местах венчурный капитал становится важной составляющей данной структуры. По мере успешного роста компании их создатели начинали инвестировать деньги в свой регион, куда стягивались также инвесторы из других городов. Можно утверждать, что помимо компаний такую же роль играют университеты, которые уже являются мощными экономическими институтами.

Стоит отметить, что базой креативного класса является экономика инновационная. Креативный класс можно определить как экономический, исходя из понимания того, что его экономическая функция поддерживает и определяет социальные и культурные решения креативных профессионалов, равно как и их образ жизни. Креативный класс состоит из людей, производящих экономические ценности в процессе творческой деятельности.

В определении Флориды акцент ставится на способах самоорганизации людей в социальные группы, а также на общей идентичности, основанной преимущественно на их экономической функции. Исследования Флориды показывают, что подъем креативного класса отражается в значительных сдвигах в ценностях, нормах и подходах, несмотря на то, что процесс данных перемен еще далек от завершения. Эти ценности он определяет по трем направлениям:

Индивидуализм – своеобразное проявление и самоутверждение, отказ от подчинений стандартным и традиционным нормам. В этом смысле растущее несогласие с организационными нормами можно считать новым общепринятым принципом.

Меритократия – высоко ценятся личные способности и навыки человек. Представители креативного класса умеют ставить перед собой цели и задачи, которых несомненно достигнут.

Разнообразие и открытость – считаются основной ценностью креативного класса.

Представители этого класса безусловно предпочитают окружение и организации, в которых есть место для каждого и где каждый может преуспеть. Свободное самовыражение и толерантное поведение является важнейшим фактором их жизни. Еще одним отличительным свойством таких людей являются приоритеты выбираемых работ. Исходя из исследований Флориды, можно выявить те условия, которым даёт своё предпочтение инновационный класс для самореализации и личностного развития:

интересная и ответственная работа, которые дают возможность вносить свой вклад и влиять на процесс; уверенность в том, что твоя деятельность имеет значение; возможность решать задачи, которые имеют инновационный характер или направлены на интересные интеллектуальные проблемы;

гибкие условия труда, т.е. гибкий график и свободная рабочая обстановка; возможность до определенной степени самому определять условия работы;

стабильная рабочая обстановка и сравнительно гарантированная занятость;

оплата – в особенности заработная плата и основные льготы, т.е. деньги, на которые можно регулярно рассчитывать;

повышение квалификации – возможность получать новые навыки и расти в профессиональном плане;

признание со стороны коллег – вероятность заработать уважение и признание среди специалистов в своей области;

стимулирующий коллектив: для креативных людей важно общество креативных коллег;

местоположение и сообщество.

Инновационные личности ищут такие районы, где существует высокоразвитая инфраструктура, поощряются индивидуальные отличия и разнообразие, а главное есть возможность заявить о себе как о креативной личности. Вместо субсидирования компаний, стадионов и торговых

центров, необходимо сделать города открытыми и инвестировать в такие объекты досуга и быта, которые людям действительно необходимы. Без этого невозможно стать процветающим центром высоких технологий. Неразвитость вышеуказанных систем является утечка инновационных кадров из России.

В качестве вывода можно сказать, что новый класс, названный инновационным или креативным, является результатом широкомасштабных социальных преобразований. Данный класс находится в стадии становления и пока не имеет классового (группового) сознания. На сегодняшний день этот класс в России представлен отдельными группами людей. Осознание значимости и объединение этих групп в единый класс можно привести к масштабным последствиям и для экономики, и для общества в целом. Homo Innovaticus поможет обществу войти в новую эпоху и улучшить положение других членов общества. Инновационные личности должны осознать, что их экономическая функция делает их естественными и возможно даже единственными лидерами XXI века. Но для этого необходимо, чтобы они осознали себя как класс. Чтобы встать на новый путь инновационного развития, необходимо общественное осознание того, что от каждого Homo Innovaticus зависит общее благосостояние.

Библиографический список

1. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. 432 с.
2. *Шумпетер Й.* Теории экономического развития. М.: «Директмедиа Паблшинг», 2008. 400 с.

УДК 316. 346

ББК 60. 542. 2

Дулина, Н. В. || Ануфриева, Е. В.

Домашний труд как символ традиционного неравенства в семье:
региональная специфика

Dulina, N. || Anufrieva, E.

House work as a symbol of a traditional inequality in a family:
regional specifics

В статье анализируются результаты опроса жителей Волгограда по вопросам отношения к домашнему труду и гендерному распределению ролей в повседневных бытовых практиках.

In article results of poll of residents of Volgograd concerning the relation to house work and gender distribution of roles in daily household practitioners are analyzed.

Ключевые слова: гендер, мужчина, женщина, домашний труд, семья, гендерный уклад.

Keywords: gender, man, woman, house work, family, gender way.

Проявлением неравенства положения внутри семьи может служить объем и время на выполнение домашнего труда, затрачиваемого мужчинами и женщинами. Как свидетельствуют результаты выполненных западными и российскими учеными исследований, в современном обществе получает распространение эгалитарный тип внутрисемейных отношений, когда резкая дифференциация труда между полами в семейной и общественной жизни исчезает, уступает место интеграции супружеских ролей и высокой степени взаимозаменяемости. Как правило, данная тенденция объясняется ростом профессиональной занятости и образования женщин, в основе которого лежат не только экономические, но и в значительной степени социально-психологические факторы (см, напр., [1]). Официальная статистика и

результаты социологических исследований (см, напр., [2–5] и др.) из года в год подтверждают, что уровень образования российских женщин растет и уже превысил уровень образования мужчин, более того в ближайшем будущем этот разрыв будет увеличиваться. По данным Росстата в 2010 году высшее образование имели 58 % женщин и 42 % мужчин, неполное высшее 54 % женщин и 46 % мужчин [5].

Если обратиться к статистическим данным, отражающим экономическую активность населения в 2013 г. [5], то картина выглядит следующим образом. По статистике женщин в трудоспособном возрасте (16–54 года) – 76,2 %, мужчин (16–59 лет) – 82,6 %. Экономически активное население составляет: а) среди женщин – 63,0 % (в том числе: занятые – 59,8 %, безработные – 3,2 %); б) среди мужчин – 74,7 % (в том числе: занятые – 70,4 %, безработные – 4,3 %).

Среди экономически неактивного населения цифры распределяются следующим образом: а) женщины – 37,0 % (в том числе: студены / обучающиеся – 8,9 %, пенсионеры – 20,2 %, ведущие домашнее хозяйство – 6,2 %, другие – 1,7 %); б) мужчины – 25,3 % (в том числе: студены / обучающиеся – 9,9 %, пенсионеры – 12,4 %, ведущие домашнее хозяйство – 0,4 %, другие – 2,7 %);

Приведенные выше цифры показывают, что подавляющая часть и женщин, и мужчин занята в сфере экономики, материально (финансово) обеспечивая потребности семьи (в том числе и пенсионеры). Только 6,2 % женщин и 0,4 % мужчин – это те, для кого домашний труд их основная обязанность в семье. Итак, в целом можно согласиться с тем, что растет профессиональная занятость и уровень образования женщин. А исчезает ли резкая дифференциация труда между полами в семейной жизни? Ответ на этот вопрос мы попытались найти в ходе прикладного социологического исследования, выполненного на кафедре истории, культуры и социологии Волгоградского государственного технического университета весной 2015 года, основной задачей которого стало определение характера гендерного

разделения домашнего труда в современной российской городской семье. Технические параметры выполненного исследования полностью были представлены нами ранее (см. : [6]), мы лишь напомним, что всего в ходе исследования было опрошено 300 респондентов (жители г. Волгограда), половину из них составили женщины, половину – мужчины. Понятно, что особый интерес для нас представляли люди семейные. От общего числа опрошенных 57,3 % состоят в браке, 35,0 % – не состоят в браке, остальные в своих анкетах указали «другое», имея в виду гражданский брак, вдовство. Стаж супружеской жизни до 5 лет имеют только 17,0 % от общего числа опрошенных, остальные 6 лет и более. Но почти пятая часть респондентов (19,7 %) имеет стаж супружеской жизни 31 год и более. Более половины от общего числа опрошенных (57,0 %, а от числа состоящих в браке – 84,7 %) находятся в первом браке, во втором – 9,3 %. О наличии детей в семье 63,3 % респондентов на вопрос: «Есть ли у Вас дети?» дали положительный ответ, 28,3 % – отрицательный, остальные уклонились от ответа. Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась. Однако, как нам представляется, представленные выше технические характеристики выполненного исследования, позволяют представить вполне адекватную картину на основе полученных эмпирических данных. Отвечая на вопросы анкеты, респонденты делились собственным опытом, навыками, знаниями и т. д. в домашнем труде и отношением к нему.

Отношения супругов в рамках семьи, с точки зрения экономического подхода, выглядят как рациональный экономический обмен и ресурсная взаимозависимость: высокоресурсный субъект (кормилец семьи) выполняет меньшую часть домашней работы или вовсе освобожден от нее. Тот же, кто вносит меньший финансовый вклад в семейный бюджет, компенсирует свой низкий заработок (или его отсутствие) большим объемом домашнего труда. Таким образом, один из супругов зависит от доходов второго, а второй – от предоставляемых первым услуг (более подробно см.: [7]).

Рациональный экономический обмен и ресурсная взаимозависимость характерны для традиционной семьи, которая всегда являлась в первую очередь экономической единицей, а потому чувства брачных партнеров принимались во внимание в последнюю очередь. Как подметила видный американский социолог Р. Коллинз, «в тех обществах, где жизнедеятельность не выходила за пределы тесно сплоченной семейной группы, моральные чувства были полностью привязаны к самоидентификации каждого ее члена» [8, с. 136]. В результате женщина оценивалась не с позиции ее значимости для конкретного мужчины, а с точки зрения экономической полезности ее для семьи в целом. В традиционной семье половое разделение домашнего труда не было четким, т. к. большинству женщин приходилось выполнять множество мужских хозяйственных обязанностей, не считаясь с их посильностью. Более того, как отмечает А. А. Цыбульникова, анализируя домашние обязанности казачек на Кубани в конце XVIII – середине XIX века, «мужчины легко передавали женщинам свои сельскохозяйственные функции и далеко не всегда стремились выполнять их даже при имеющейся возможности» [9, с. 77].

Логика понятна: экономическая зависимость от другого требует подчинения, а «мужья относились к жене и дому апатично, с презрением» [9, с. 51]. Желание «власть употребить» доходило до того, что даже мужские обязанности (домостроительство, управление плугом и т. д.) выполнялись женщинами. Причем сыновья-подростки так же никакой помощи матери не оказывали [10, с. 52]. Обращение к опыту именно казачьих семей в нашем случае вполне правомерно. Напомним, что Волгоградская область – казачий край, со всеми присущими казакам традициями, достоинствами и недостатками.

Итак, ответственность за благосостояние традиционной семьи возлагалась на мужчину, за что он получал не только полное «обслуживание внутри дома», но и достаточно много свободы в совершении своих поступков. Так, например, казак, как пишет А. А. Цыбульникова [9, с. 54] мог

позволить себе связи на стороне, то женщина такого негласного права не имела, более для замужних женщин, уличенных в измене, существовали суровые меры наказания [9, с. 58–59].

А что же в современной семье? Согласно результатам выполненного социологического исследования, большинство опрошенных (и среди женщин, и среди мужчин) готовы возложить ответственность за благосостояние семьи на обоих (см. табл. 1): и на мужчину, и на женщину. Такая ситуация вполне согласуется с цифрами, приведенными выше, об удельном весе женщин и мужчин, занятых в различных сферах экономики, подтверждающих, что, как правило, в семье работают оба супруга.

Однако вклад в семейный бюджет респонденты оценили следующим образом. Отвечая на вопрос: «Насколько весомым является Ваш личный вклад в семейный бюджет?», чуть больше половины опрошенных мужчин (55,4 %) ответили: «Мои заработки, доходы являются главным источником обеспечения семьи», такую же позицию смогли разделить менее четверти опрошенных женщин (23,0 %). Однако альтернатива «Хотя мои доходы и не главные, но без них семья не смогла бы обойтись» в большей степени оказалась характерной для женщин (36,5 %), чем для мужчин (18,2 %). Полагаем, что в данном случае сказываются социальные причины – известно, что мужчины в среднем имеют более высокую зарплату и лучшие перспективы продвижения по сравнению с женщинами и т. д. Социальные шансы женщин быть независимыми значительно ниже, чем у мужчин. Следовательно, выше вероятность того, что в ходе брака они будут соглашаться на неравноценные условия обмена [11, с. 334], что и подтверждается результатами нашего исследования.

Интересно обратить внимание, что ситуация, когда женщина зарабатывает больше чем мужчина, уже практически принимается как норма (см. табл. 2). Причем такую позицию (принятие как нормы того факта, что жена зарабатывает намного больше мужа) в большей степени демонстрируют женщины, чем мужчины, тем самым закрепляя, как представляется,

повысившийся за определенный исторический период свой общественный и экономический статус. Только треть мужчин (30,6 %) пытаются сохранить и отстаивать право основного «кормильца семьи», остальные готовы разделить это право с женщиной.

Таблица 1

Мнение респондентов о том, кто должен нести ответственность за благосостояние семьи, %%

Формулировка вопроса: Как Вы считаете, кто должен нести ответственность за благосостояние семьи?	Пол	
	Му жской	Же нский
Ответственность несет мужчина (муж, отец и т. п.)	44, 4	40, 1
Ответственность несет женщина (жена, мать и т. п.)	2,1	1,4
Ответственны в равной степени и мужчина, и женщина	53, 5	58, 5
Итого:	100 ,0	100 ,0

Таблица 2

Мнение респондентов о признании ситуации, что жена зарабатывает намного больше мужа, %%

Формулировка вопроса: Что бы Вы сказали в такой ситуации – жена зарабатывает намного больше мужа?	Пол	
	Му жской	Же нский
Не вижу ничего предосудительного	43, 5	55, 4
Мне это не очень нравится, но я могу смириться	24, 5	24, 3
Отношусь к этому отрицательно. Именно мужчина	30,	17,

должен обеспечивать своей семье основную часть достатка	6	6
Другое	1,4	2,7
Итого:	100 ,0	100 ,0

А что же дела домашние? Заметим, что результат оказался вполне ожидаемым (см. табл. 3).

Таблица 3

Мнение респондентов о том, как распределены домашние обязанности в их семье, %%

Формулировка вопроса: Как распределены в Вашей семье домашние обязанности?	Пол	
	Му жской	Же нский
В основном все приходится делать самому	4,2	21, 4
Члены семьи помогают, но все же, у меня обязанностей больше	6,7	29, 0
Большую часть дел выполняют члены моей семьи	27, 2	9,0
Делаем все сообща или по очереди	61, 5	40, 7

Таблица 4

Мнение респондентов о том, как должны распределяться обязанности по дому, %%

Формулировка вопроса: Как, по Вашему мнению, должны распределяться обязанности по дому?	Пол	
	Му жской	Же нский
Домашнюю работу должна выполнять	25,	8,8

женщина, а мужчина – обязанности по содержанию семьи	9	
Обязанности должны делиться примерно поровну	19, 0	34, 7
Обязанности должны выполняться в зависимости от нагрузки, состояния здоровья, склонностей, умений	12. 2	21, 8
Домашней работой в основном должна заниматься женщина, но мужчина должен ей во всем помогать	42, 9	33, 3
Другое	-	1,4
Итого:	100 ,0	100 ,0

Нельзя не заметить, что позиция «делаем все сообща или по очереди» очень по-разному оценивается мужчинами и женщинами, причем разницу в ответах в данном случае списать на погрешность выборки не представляется возможность. Однако, некоторую ясность можно внести, если данные таблицы 3 сопоставить с ответами на другие вопросы анкеты, а именно: «Как, по Вашему мнению, должны распределяться обязанности по дому?» (см. табл. 4) и «Какие домашние дела Вы выполняете?» (см. табл. 5).

Таблица 5

Выполнение мужчинами и женщинами домашних дел, %%

Формулировка вопроса: Какие домашние дела Вы выполняете?	Пол	
	Му жской	Же нский
Стирка	8,1	73, 0
Приготовление пищи	35, 1	77, 7

Уборка дома	29, 1	81, 1
Мытье посуды	43, 2	76, 4
Уход за детьми	14, 2	46, 6
Вынос мусора	75, 0	43, 9
Выгул домашних животных	20, 3	19, 6
Глажка белья	8,8	64, 2
Поход в магазин	78, 4	65, 5
Другое	6,1	10, 1

Результаты исследования свидетельствуют о наличии гендерной дифференциации домашних обязанностей. Можно совершенно четко маркировать виды работ как женские и как мужские. Существуют и гендерно нейтральные (или эгалитарные) виды домашних обязанностей, которые выполняют в семье оба супруга (см. табл. 5). А вот интересно, выгул домашних животных, в котором в равной степени участвуют и женщины, мужчины – это в большей степени удовольствие или все-таки обязанность? Если судить по ответам, то для мужчин выгул домашних животных в большей степени обязанность (в ранжированном ряду ответов занимает шестую позицию из девяти предложенных), а для женщин – удовольствие (занимает последнюю позицию). Исключительно мужскими оказались две обязанности – поход в магазин и вынос мусора. При этом нельзя не заметить, что оба эти вида деятельности связаны, так сказать, с выходом за пределы приватного пространства (квартиры, дома), что само по себе уже

предполагает некоторую публичность. Такое поведение вполне согласуется с традиционным представлением о назначении мужчин (публичная сфера) и женщин (приватная сфера) в жизни общества. Иначе говоря, на основе анализа данных, представленных выше, можно заключить, что в отношении видов домашней деятельности мужчины и женщины в основном следуют традиционному распределению семейных обязанностей. Но, рациональный экономический обмен и ресурсная взаимозависимость с точки зрения распределения гендерных ролей в современной городской семье не прослеживаются. Возникает вполне закономерный вопрос: почему? Ответ, видимо, надо искать в социокультурной составляющей жизни общества. Согласно «культурному / культурологическому» подходу, разделение оплачиваемого и домашнего труда – это один из важнейших символов гендерной идентичности, поведенческое проявление женственности (экономическая зависимость и выполнение основной части домашней работы) и мужественности (экономическая самостоятельность и неучастие в домашнем труде). Неравное распределение домашнего труда является и результатом, и механизмом воспроизводства гендерных статусов в рамках института брака. Поэтому объем домашнего труда индивидов определяется их гендером, а не экономическими ресурсами – ведь наличие или отсутствие последних не затрагивает фундаментальные основы культурной ассоциации домашнего труда с «женской работой» [7, с. 110].

Воспроизводство гендерных статусов в рамках семьи фиксирует и ключевую фигуру, которая распоряжается деньгами, ведет семейный бюджет, и фигуру, которой принадлежит решающий голос при возникновении проблем. Респонденты в ходе исследования при определении таких фигур ответили следующим образом (см. табл. 6).

Таблица 6

Мнение респондентов о том, в их семье распоряжается деньгами, %%

Формулировка вопроса / Вариант ответа	Пол
---------------------------------------	-----

	Му жской	Же нский
Кто в Вашей семье распоряжается деньгами, ведает распределением домашнего бюджета?		
Обычно муж (отец)	16, 9	4,8
Обычно жена (мама)	20, 4	50, 7
Оба супруга (родители)	60, 6	45, 2
Родители мужа (отца) или жены (мамы)	2,1	0,7
Кому обычно принадлежит решающий голос в Вашей семье при возникновении сложных проблем, при решении важных жизненных вопросов?		
Жене (маме)	4,1	13, 6
Мужу (отцу)	34, 0	18, 4
Старшим детям	0,7	1,4
Родителям мужа (отца) или жены (мамы)	0,0	0,7
Решаем такие вопросы сообща, всей семьей	46, 3	55, 8
Когда как	15, 0	10, 2

Значимая разница в ответах мужчин и женщин также заставляет задуматься. И как это не покажется странным, но приведенные в таблице цифры являются подтверждением давно сказанному Л. Н. Толстым: «На женщину казак смотрит как на орудие своего благосостояния; девке только позволяет гулять, бабу же заставляет работать для себя и смотрит на женщину с восточным требованием покорности и труда. Вследствие такого

взгляда женщина, усиленно развиваясь физически и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получает, как вообще на Востоке, без сравнения большее, чем на Западе, влияние и вес в домашнем быту. Удаление ее от общественной жизни и привычка к мужской тяжелой работе дают ей тем большие вес и силу... Казак, который при посторонних считает неприличным ласково или праздно поговорить со своею бабой, невольно чувствует ее превосходство, оставаясь с ней с глазу на глаз» [12, с. 18–19].

Очень похоже на то, что и современная женщина, «покоряясь наружно», пока получает удовлетворение от своей роли в семье и в браке.

Подводя итог, можно сказать, что характер гендерного разделения домашнего труда в городской семье, определяется гендерными представлениями супругов о роли женщин и мужчин. Однако, насколько устраивает такое разделение домашнего труда женщин, покажет ближайшее время: преимущественная ответственность женщин за домашнее хозяйство уменьшает их способность зарабатывать, обуславливает худшие карьерные перспективы в профессиональной сфере, меньшую мобильность и т. д., а значит, закрепляет экономическую зависимость женщин от мужей. А женщины меняются в настоящее время динамичнее, чем мужчины, и далеко не всех из них устраивает такое зависимое положение, о чем кризис современной российской семьи, о котором все чаще говорят исследователи.

Список литературы

Дадаева, Т. М. Кто выносит мусор, или парадоксы гендерного разделения труда / Т. М. Дадаева // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 120–126.

Баскакова, М. Е. Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / М. Е. Баскакова. – М., 2004. – 336 с.

Евстифеева, Г. Г. Влияние фактора образования на гендерное распределение домашнего труда в городской семье / Г. Г. Евстифеева // Интеграция и образования. – 2012. – № 3. – С. 77–80.

Калинина, Р. Р., Скородумова, Р. Ю. Изучение доминирующей половозрастной дифференциации в современной семье / Р. Р. Калинина, Р. Ю. Скородумова // Вестник Псковского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 115–117.

Статистический сборник «Мужчины и женщины России – 2014». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_50/Main.htm.

Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Домашний труд в системе распределения гендерных ролей (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 9 (172) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – С. 45–51.

Балабанова, Е. С. Домашний труд как символ гендера и власти / Е. С. Балабанова // Социс. – 2005. – № 6. – С. 109–120.

Коллинз, Р. Введение в неочевидную социологию / Р. Коллинз // Антология гендерной теории. – Минск: ПроPILEI, 2000. – С. 114–140.

Цыбулькикова, А. А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени / А. А. Цыбулькикова. – Армавир, 2012. – 236 с.

Мануйлов, А. Н. Статус женщины в обычно-правовой системе казачьей семьи и станичного общества на Кубани (вторая половина XIX – 20-е гг. XX века) / А. Н. Мануйлов. – Армавир–Краснодар, 1998. – 65 с.

Брайнс, Дж. Экономическая зависимость, гендер и разделение домашнего труда / Дж. Брайнс / Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения Рос. Акад. Наук, Моск. центр гендер. исслед.; [ред. Е. Б. Мезенцева]. – М. : Рус. панорама, 2002. – С. 328–351.

Толстой, Л. Н. Казаки / Л. Н. Толстой. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_3/01text/0023.htm.

Женщина, женственность, семья: случай «женских практик».

В России с начала 90-х годов XX века распространяются так называемые «женские практики», входящие в спиритуально-коммерческое движение. В рамках этого движения существует множество предложений сочетающих в себе одновременно гендерное и религиозное измерение. Данный вид практик формирует особые поведенческие модели, связанные с переосмыслением роли женщины в обществе.

In Russia in 1990 of XX century, spread the "female practice", included in the spiritually-commercial movement. As part of this movement, there are many proposals combining both gender and religious dimension. This type of practice generates specific behaviors associated with the rethinking of the role of women in society.

Ключевые слова: женщина, женские практики, семья, спиритуально-коммерческое движение, социология религии.

Keywords: woman, women practice, family, spiritually-commercial movement, the sociology of religion.

Время конца XX – начала XXI века ознаменовало значительные перемены в представлениях россиян о семье и браке. Характер брачно-

семейных отношений в России усложнился: распространение и развитие гражданского брака, где партнерские отношения не всегда подкреплены официальным статусом брака; утрата позиций формальных брачных союзов, особенно у лиц репродуктивного возраста от 18 до 49 лет [2, с. 88]; развитие разнообразных типов супружеских отношений. Трансформация института семьи и брака, происходящая в современном российском обществе, приводит к возникновению новой этики семейных отношений и новой роли женщины. Стоит отметить, что изменение о структуре, форме и функции семьи сопровождаются такими явлениями российской действительности как: консервативные стереотипные представления о «мужчине – добытчике, женщине – хранительнице очага», «женском счастье» сопряженном с успешным замужеством, акцентом на патриархальную семью; отсутствием широкой общественной дискуссии о гендерной проблематике, новой роли российских женщин.

Постперестроечное время характеризуется экономической нестабильностью в связи с переходом на рыночную модель экономики и новыми культурными и социальными веяниями. Эти проблемы мотивируют население на активный поиск решения, по возможности простого и универсального. Способом самоопределения в гендерной плоскости для большей части российских женщин 90-х и 2000-х становятся «женские практики» и неклассические этики [5].

Так называемые «женские практики», активно распространяются в России в 90-е годы XX века, и представляют по своей сути смесь психологических концепций, эзотерических практик, религиозных учений Нью-Эйджа. Женские практики - различные по форме и назначению тренинги, мастер-классы, консультации, семинары, направленные на создание мифологии женственности, гармонизацию отношений между мужчиной и женщиной, поддержание женского здоровья, обретение семейного счастья и т.п. Современными исследователями женские практики

относятся к спиритуально-коммерческому движению, что делает акцент на коммерческом характере данного явления [3; 4; 5].

Популярность спиритуально-коммерческого движения и женских практик, как его составной части, в России значительна. Об этом свидетельствуют телепередачи, тиражи книг, статьи, фестивали и большое количество Интернет-ресурсов, посвященных теме. Среди наиболее известных идеологов женских практик можно назвать: Олега Торсунова, Руслана Нарушевича, Олега Гадецкого, Ольгу Валяву, Ларису Ренар, Наталью Правдину, Дениса Байгужина и т.д. По данным Кузнецовой О.В. и Гришаевой Е.И. только в г. Екатеринбурге «около десятка студий, каждая из которых представляет своего рода бренд, имеет определенную репутацию, аудиторию» [3]. Проанализируем представления о женственности и ее связи с представлениями о семье у участниц «женских практик».

Во-первых, религиозно-философские идеи, лежащие в основании женских практик, как уже отмечалось, характерны для движения Нью-Эйдж и эзотеризма. Своеобразное прочтение женщины, женственности, происходит через их сакрализацию. Одним из принципов рассуждения о женственности, о мире становится принцип «мышления в соответствиях» и другие характерные для эзотеризма представления, описанные А. Февром [1]. Постулируется наличие невидимых, некаузальных, как символических, так и реальных связей-соответствий между всеми видимыми и невидимыми измерениями космоса: «как наверху, так и внизу; как внизу, так и наверху». В случае женских практик в пример здесь можно привести связь между лунным циклом и состоянием «внутренней женственности», связь между чистотой дома и чистотой души, веру в то, что определенные наши состояния имеют свойство «притягивать» внешние события и людей.

Тема различных энергий, циркулирующих в мире и лежащих в основе всех происходящих внутри и снаружи процессов, – тоже общее место женских практик. Например, для женских практик «характерен способ трактовки моральных понятий, через визуализируемые образы, а именно,

через образ «потока энергии»... моральность предстает как ровный, спокойный поток энергии, тогда как отклонения (моральные) представляются турбуленциями потока. На основании такой визуализации делается вывод, что чтобы обрести подлинно моральное существование, необходимо выпрямить в себе этот поток» [5, с.1291].

Так же следует отметить постулируемую ими необходимость «возврата к природе», к «естественности», как спасение от всех проблем, и, соответственно, связывание самих этих проблем с «отходом от природы» современного человека. Женские практики ориентируют своих адептов на «возрождение», пробуждение, раскрытие женской сути, что представляется конечной целью, достижение которой связывается с переходом женщины в иное, «волшебное» состояние носительницы сакральной женственности, магической силы.

Во-вторых, представление о личностном росте женщины основывается на представлении о положительной (божественной) природе человека, возможности ее пробуждения и преображения на этой основе. Этот антропологический подход активно используется как в популярной эзотерике, так и в женских практиках. Здесь «развитие женственности» ассоциируется с «духовностью» и «развитием личности». Возможно, это связано с положениями, выдвинутыми психологами югианской школы, которые в книгах о женских проблемах напрямую называют раскрытие «феминности» «духовностью», и опытное постижение женского архетипа связывают с обретением своего «истинного «я». Этот взгляд противоречит гуманистической концепции личности и ее развития (или самоактуализации), выдвинутой в психологических концепциях К. Роджерса и А. Маслоу, Э. Фромма и др., которая ориентируется на уникальность личности, на развитие индивидуального самосознания и личной ответственности. С этой точки зрения предлагаемый женскими практиками «возврат к природе» и подмена индивидуального «я» архетипом является не развитием, а деградацией личности.

В-третьих, гендерная дихотомия среди сторонников «женских практик» базируется на «характере энергии». В интернете в ходу список из 70 пунктов, созданный Русланом Нарушевичем (одним из гуру женских практик). По этому списку традиционно женские виды деятельности способны повышать уровень женской (лунной) энергии. Это может быть и наведение порядка в квартире, приготовление еды, и прочие рутинные занятия. Так же накоплению женской энергии способствуют такие занятия, как приобретение новых нарядов, посещение салонов красоты или общение с подругами (даже по телефону). Таким образом, весь спектр повседневных занятий современной женщины обретает для нее новый сакральный смысл, превращающий их в ритуалы. Так же популярный мастер женских практик Ольга Валяева отмечает, что «страх – это очень девчачье качество, если мы не будем ничего бояться – это очень плохо» [7], а самым страшным «грехом» называет «критику и осуждение», так это приводит к «утеканию нашей хорошей кармы и забираанию плохой кармы от того, кого критикуешь (даже мысленно)» [7].

Женские практики формируют представление, что благодаря работе с женской энергией женщина способна «притянуть» к себе благополучие в разных формах - в первую очередь, это укрепление связи с мужчиной. Если женщина уже замужем, то ей внушается связь между уровнем ее женской энергии и поведением супруга, а так же уровнем его доходов. Соответственно, вместе с магической способностью влияния на окружающий мир с помощью своей энергетики, женщина становится ответственной за все происходящее с ней, её мужчинам, её семьей. Таким образом, необходимость активных действий в мире, принятия решений в жизни и движений по построению межличностных отношений подменяется магическими практиками по развитию женственности. Подобные представления характерны для архаичных культур, например, что-то подобное мы встречаем в тамильской мифологии.

«Мужские» занятия, сопряженные с «мужскими энергиями», для женщины резко осуждаются, о них говорится, что они опустошают женщину, лишают ее женской силы (энергии). К «мужским» занятиям и способам жизни относят такие вещи, как: способность ставить и достигать цели, конкуренция, самостоятельность и ответственность, способность принимать решения, построение карьеры, лидерство.

Из вышеизложенного мы видим, что женские практики предлагают вариант патриархальной модели, где главной обязанностью и добродетелью женщины называется «послушание мужу». Более того, некоторые учителя транслируют в качестве инструмента построения «женского счастья» такие модели поведения, как виктимность, манипулирование, созависимость. Модель поведения «настоящей женщины» с мужем напоминает поведение маленькой девочки, отношения дочери с отцом. Одновременно, для того, чтобы женщина все-таки могла получить от мужа то, что она хочет, женские практики обучают искусству манипуляций. Манипуляции эти ориентируются на то, что, по словам учителей женских практик, якобы всем мужчинам свойственна потребность в самоутверждении за счет ощущения себя главным, умным, сильным - и на этой потребности можно искусно играть.

С другой стороны, как уже отмечалось исследователями, «при постулировании приверженности традиции, фактически патриархальной семье, нередко наблюдается фактический отказ от понимания ценностей традиционной семьи... На тренингах, связанных с темой женщины и семьи, речь шла скорее о женской сексуальности, о технических и психологических моментах секса, нежели о полной семье. Тема детей отсутствовала полностью... Основная функция женщины, по словам ведущей тренинга, «Мотивировать мужчину, озвучить своё хочу. Мужчина не будет развиваться, если женщина не просит у него благ физического мира». Семейные отношения во многом предстают как манипуляции и «приятие» [4; с. 359].

Подводя итоги, можно констатировать, что женские практики имеют в своем основании социальные причины и религиозные поиски современных россиянок. Новая роль женщины, связанная с её экономической и социальной активностью, трансформацией институтов брака и семьи приводят к специфическому варианту прочтения гендерной роли женщины. С одной стороны продолжает транслироваться модель патриархальной семьи и вытекающих из нее семейных отношений, которая скорее знаменует тоску по «золотому веку», но не отвечает современным реалиям. С другой стороны, сама патриархальная семья в рамках женских практик переосмысливается, так в ней почти отсутствует тема детей, основой семейных отношений становятся сексуальные отношения.

Женские практики, в большинстве случаев, носят коммерческий характер, что может свидетельствовать об их востребованности у женщин, имеющих стабильное финансовое положение, но не нашедших «женского счастья», связываемого ими с семейными отношениями.

Последствия массового увлечения женскими практиками уже обращают на себя внимание психологов. В крупных женских журналах и на личных сайтах психологов все чаще встречаются критические публикации, указывающие на специфичность женских практик и их эзотерическое истолкование. В США об опасности замыкания женщины на роли жены и матери заговорили еще в 60-х годах XX века, когда обнаружилось, что такое искусственное сужение возможности самореализации приводит ее к расстройствам личности, тяжелым депрессиям [6]. В рунете можно найти множество историй, где россиянки делятся своим опытом участия в женских практиках, приводящим к плачевным, прямо противоположным обещанным результатам.

Список литературы

Жданов В. В. Изучение эзотерики в западной Европе: институты, концепции [Электронный ресурс] / В. В. Жданов // Мистико-эзотерические

движения в теории и практике. История. Психология. Философия / Отв. ред. С.В. Пахомов. СПб.: РХГА, 2009. С. 5 - 27. - Режим доступа: <http://www.asem.ucoz.org/Statji/Zhdanov01.pdf> (дата обращения 21. 02.16).

Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России [Текст] / С. В. Захаров // Мир России. – 2007. – №4. – С. 73 – 112.

Кузнецова О.В., Гришаева Е.И. Практики спиритуально-коммерческого движения как феномен общества потребления [Электронный ресурс] / О. В. Кузнецова, Е. И. Гришаева – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/21354/1/kuznetsova_grishaeva_2.1.2.1.pdf (дата обращения 22.02. 16).

Кузнецова О. В., Осинцев А. В. Женские практики и этика семейных отношений [Текст] / О. В. Кузнецова, А. В. Осинцев // Религии России: проблемы социального служения и патриотического воспитания: Коллективная монография / Под. ред. О.К. Шиманской. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. – С. 355 – 360.

Kuznetsova O. V., Osintsev A.V. Spiritual-commercial movement: main features, peculiarities, attribution. [Text] / O. V. Kuznetsova, A.V. Osintsev // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014, №8 P. 1286 – 1292.

Фридан Б. Загадка женственности [Текст] / Б. Фридан. – М.: Изд. группа "Прогресс" "Литера", 1993. – 496 с.

Валяева О. ВозРождение женственности [Аудиозапись] / О. Валяева, исполнитель: О. Валяева, 2012, формат: mp3. - продолжительность: 8:45:45. - Режим доступа: <http://yarasvet.ru/?p=23770> (дата обращения 19. 02.16).

УДК 316.334.3

ББК 68.5

Жумабек, Ы.Ж.

Нормативные основы и противоречия миротворческой деятельности

Jumabek, Y.

Legal bases and contradictions of peacekeeping

В статье рассмотрены правовые основы миротворческой деятельности в условиях высокой конфликтности современного общества. Автором выделены базовые направления политического взаимодействия стран по поводу поддержания мирных коммуникаций. В ходе анализа раскрываются противоречия в сфере контроля и оценки эффективности миротворческих операций.

The article deals with legal foundations of peacekeeping in conditions of high instability of modern society. The author distinguishes the basic directions of political cooperation between the countries on the maintenance of peaceful communication. The analysis reveals the contradictions in the field of monitoring and evaluating the effectiveness of peacekeeping operations.

МИРОТВОРЧЕСТВО, МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ, МИССИИ ООН, ПОДДЕРЖАНИЕ МИРА, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

PEACEMAKING, PEACEKEEPING OPERATION, THE UN MISSION, PEACEKEEPING, POLITICAL INSTITUTION.

Современная международная политическая обстановка может быть охарактеризована как нестабильная ввиду ряда объективных и субъективных факторов, связанных с деятельностью отдельных стран, их объединений, политических и этнических группировок и др. Вооружённые столкновения и конфликты между странами стали последствиями решения вопросов

политического лидерства, определения государственных границ, владения ресурсами. Обратной стороной подобной тенденции является гибель мирного населения и разрушение объектов культурного наследия, нарушение природных экосистем и торгово-экономических связей между странами.

Если изначально концепция миротворчества имела строго ограниченный круг задач, то современные военные политологи отмечают возросшую сложность международных отношений ввиду интенсификации информационного обмена, глобализации и миграционных процессов. Комплексность причинно-следственных связей международных конфликтов породила инициативу устранить миротворчество ввиду его несостоятельности, однако на практике его значение в стабилизации ряда проблемных регионов до сих пор признаётся существенным.

На раннем этапе развития института миротворчества вмешательство в политический процесс и общественный порядок другой страны мог быть осуществлён только при соблюдении ряда жёстких условий, реализация которых значительно сокращала возможность произвола со стороны государств-участников и миротворческого контингента в частности.

Однако столь узкая направленность миротворчества вскоре привела к концептуальным проблемам: необходимости создания дополнительных организаций по восстановлению и реконструкции объектов жилого фонда, обеспечению помощи в случае стихийных бедствий на территории страны и т.д.

Поэтому, начиная с 1989 года на смену монофункциональным операциям под эгидой ООН были внедрены комплексные проекты, позволяющие решать сразу несколько задач, характерных для территории, где происходит конфликтное столкновение. Первым проектом практической реализации идеи комплексности урегулирования конфликта стала операция в Намибии (миссия по оказанию помощи в переходный период была инициирована в апреле 1989 года). Отличие миссии в Намибии от предыдущих операций заключалось в интенсивном воздействии на население

в виде оказания медицинской помощи, осуществления контроля безопасности внутри регионов страны, восстановление разрушенных объектов и пр. Таким образом, миротворчество перешло в иное качество – от инструмента устранения конфликта к механизму регулирования взаимоотношений внутри страны или между странами.

Формирование указанных тенденций вынудило ООН в конце 1990-х годов существенно пересмотреть ряд подходов к урегулированию конфликтов при помощи миротворчества.

К примеру, согласие конфликтующих сторон, нейтралитет и беспристрастность личного состава миротворческих сил, использование ими оружия исключительно в порядке самообороны, с одной стороны, были обусловлены необходимостью учёта интересов принимающей стороны. Однако в ходе ряда операций стал очевидным тот факт, что даже первоначальное согласие не является гарантией сотрудничества с миротворческими силами в дальнейшем. Операции в Руанде, Сомали и Югославии показали, что, несмотря на принятие государственного/регионального вмешательства, одна из сторон или обе стороны могут умышленно уклоняться от сотрудничества или осуществлять вредительские акции против контингента. В указанных случаях беспристрастное отношение к участникам конфликта может привести к равенству среди неравных в своём стремлении установить мирные взаимоотношения [1].

Данный фактор послужил причиной трансформации принципа применения миротворцами военной силы. В комплексных операциях самооборона не является исключительным случаем для применения силы. Защита гражданского персонала общественных и гуманитарных организаций, сотрудничающих с ООН, защита мирного населения, а также случаи, когда конфликтующие стороны препятствуют выполнению задач, обусловленных мандатом операции, также являются весомыми основаниями для применения оружия [9, с. 122].

Нормативно-правовой основой миротворческой деятельности является ряд основополагающих документов общего и специализированного характера.

Самым важным документом, который контролирует деятельность ООН в целом, является Устав ООН, где вопросы мирного урегулирования международных отношений заключены в Главе V (статьи 23-32), посвящённой функционированию Совета Безопасности, и Главе VI (статьи 33-38) [8], в которой раскрываются основные принципы мирного разрешения межстрановых споров, однако, по признанию самой организации, Совет Безопасности в ходе принятия решений не ссылался на данную главу. Глава VII также имеет косвенную связь с миротворческими операциями, так как предусматривает возможность действий в отношении угрозы миру. Именно эта глава является для Совета безопасности основанием для санкционирования развёртывания миротворческих операций. Участие региональных объединений и организаций становится возможным благодаря Главе VIII, в которой отмечено, что привлечение подобных участников возможно в случае, если их цели и фактическая деятельность не противоречат целям и принципам, зафиксированным в первой главе Устава.

Однако, при детальном изучении данного документа, обнаруживается тот факт, что миротворческая деятельность как таковая в Уставе не представлена, как и не представлены её принципы, декларируемые на официальных ресурсах организации. Возникает определённое противоречие: с одной стороны, именно ООН является инициатором создания миротворческих сил, однако нормативного закрепления оно не имеет. Таким образом, институциональное закрепление данного вида деятельности на высшем уровне не осуществлено, что, на взгляд автора, позволяет отдельным странам использовать миротворчество в собственных геополитических интересах.

Также в отношении миротворчества справедливо действие нескольких резолюций Совета Безопасности:

1. S/RES/1325 (2000) о женщинах и мире и безопасности [5] – посвящена аспектам защиты женского населения в ходе вооружённых конфликтов; их эвакуации, медицинскому сопровождению;

2. S/RES/1612 (2005) о детях и вооруженных конфликтах [6] – нацелена на сокращение смертности детей в ходе вооружённых столкновений и после их завершения в условиях разрушенной инфраструктуры и недостатка пищи и предметов первой необходимости;

3. S/RES/1674 (2006) о защите гражданского населения в вооруженных конфликтах – отражает основные принципы работы с гражданским населением в ходе ведения военных операций под эгидой ООН [7].

Указанные документы хотя и имеют набор конкретных принципов и процедур работы с мирным населением, проживающим или находящимся на территории военных действий, однако относительно миротворческих миссий имеют достаточно абстрактный и неспециализированный характер, что приводит к двойственности их исполнения.

В 2009 году сформирован документ «Новая программа партнерства: открывая новые горизонты деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира» [3]. Основной задачей программы являлась концентрация внимания участников миротворческих операций на соблюдении единых требований, правил и стандартов в ходе ведения деятельности. Документ содержит факты из уже состоявшихся операций, основные принципы, способы осуществления миротворчества и порядок взаимодействия стран-участников. Однако программа имеет рекомендательный характер, т.е. по факту является декларацией желаемого партнёрства, которое не может быть принятым на безальтернативной основе.

Специализированным документом в отношении каждой конкретной операции, санкционированной Советом Безопасности, является Мандат, который отражает основные цели и задачи, поставленные в условиях определённого конфликта с учётом специфики конфликтующих стран.

Соответственно сложившейся ситуации, мандат может содержать различные задачи, однако наиболее распространённые представлены в следующем перечне:

развертывание сил для предотвращения конфликта или его перетекания через границы;

стабилизация конфликтной ситуации после прекращения огня; создание условий для достижения соглашения об установлении прочного мира между сторонами;

обеспечение осуществления всеобъемлющих мирных соглашений;

оказание содействия странам или территориям в преодолении переходного периода и создании стабильного правительства на основе демократических принципов, эффективного управления и экономического развития [2].

Таким образом, наиболее структурированным и конкретизированным документом является мандат на проведение операции, который формирует не только основные принципы работы, но и учитывает специфику конфликта.

Наряду с международными документами отдельные страны или коалиции также имеют право формировать свои внутренние документы, не противоречащие базовым международным стандартам.

К примеру, в Российской Федерации действует Федеральный Закон «О порядке предоставления РФ военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению мира и безопасности» от 30 июня 1995 г. Согласно закону, решение о направлении граждан РФ для участия в миротворческой деятельности находится в рамках компетенции Президента РФ, который определяет район, где будет задействован контингент, срок пребывания, основные задачи, систему подчинённости, порядок замены персонала, количественный состав миссии и её материально-техническое обеспечение [4, с. 24].

Принципы участия российских миротворцев определены в ряде документов, таких как: военная доктрина РФ, Концепция внешней политики

РФ, Концепция национальной безопасности, которые были приняты в 2000 г. Федеральные законы и подзаконные акты ведомств РФ устанавливают дополнительные гарантии и компенсации миротворцам и членам их семей [1]. Все указанные нормативно-правовые акты соответствуют принятым международным обязательствам и нормам международного права.

Таким образом, миротворчество представляет собой сложное, комплексное явление, которое регулируется международными, коалиционными и государственными нормативными актами. Развитие миротворческой деятельности прошло от вмешательства одной страны до партисипативного взаимодействия в рамках коалиций и соглашений ряда государств, что позволило сократить возможность преследования сугубо геополитических интересов одной страны. Однако, отсутствие нормативного оформления миротворчества в основном документе ООН ставит его в неустойчивое положение, в то время как его деятельность регулируется целым рядом нормативных документов, большинство из которых имеют незначительную силу, либо носят рекомендательный характер.

Литература

Белокреницкий В. Пакистан – Индия: конфронтационная стабильность? [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/eleventh/003.htm> (дата обращения: 07.11.2015 г.).

Мандаты и правовые основы. Официальный портал ООН. Официальный портал ООН. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/operations/pkmandates.shtml> (дата обращения: 08.11.2015 г.).

Новые вызовы перед миротворчеством. Общая доктрина. Официальный портал ООН. Официальный портал ООН. Официальный портал ООН. [Электронный ресурс] Режим доступа:

<http://www.un.org/en/peacekeeping/documents/newhorizon.pdf> (дата обращения: 15.12.2015 г.).

О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12.05. 2009 г № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. – № 20. – С. 24–44.

Резолюция Совета Безопасности S/RES/1325 (2000) О женщинах и мире и безопасности. Официальный портал ООН. [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1325\(2000\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1325(2000)) (дата обращения: 27.12.2015 г.).

Резолюция Совета Безопасности S/RES/1612 (2005) о детях и вооруженных конфликтах. Официальный портал ООН. [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1612\(2005\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1612(2005)) (дата обращения: 27.12.2015 г.).

Резолюция Совета Безопасности S/RES/1674 (2006) о защите гражданского населения в вооруженных конфликтах. Официальный портал ООН. [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1674\(2006\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1674(2006)) (дата обращения: 27.12.2015 г.).

Устав ООН. Миротворческие операции ООН. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.un.org/ru/documents/charter (дата обращения: 15.12.2015 г.).

Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / Пер. с англ. под ред. Иноземцева В. Л. – М.: Ладомир, 2004. – 384 с.

Накопление и рациональное использование социального капитала
сельской семьи

Zinatullina, G.F.

Accumulation and rational use of the rural family social capital

Аннотация: в статье рассматривается социальный капитал семьи в сельском социуме (Пестречинского и Кукморского муниципальных районов РТ), как сетевой ресурс, который направлен на улучшение взаимодействия сельских семей с администрацией района.

Abstract: The article examines the family social capital in rural society (Pestretsy and Kukmor municipal districts of RT), as a network resource that is aimed at improving the interaction between rural families with the district administration.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ, СЕЛО, СЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ, СЕТЕВОЙ РЕСУРС.

KEYWORDS: SOCIAL CAPITAL, VILLAGE, RURAL FAMILY, THE NETWORK RESOURCES.

Процесс формирования социального капитала в сельском социуме, безусловно, имеет специфические черты, характерные особенности. Ведущим фактором при этом выступает сам уклад сельской жизни, специфика межличностного взаимодействия, своеобразная культура, геополитическое пространство и т.д. Но нельзя говорить о строгой традиционности, патриархальности сельского социума. В настоящее время формируется новое, современное село. Данный процесс обусловлен многообразными факторами: трансформацией социальной структуры, воздействием средств массовой информации с их новыми стандартами и принципами жизни, интернетом, внедрением новых технологий, миграционными процессами, возрастанием роли образования, политикой государства и др. В совокупности эти и многие другие факторы создают

современное село, в котором многие процессы начинают проходить несколько иначе, меняется уклад сельской жизни, появляются новые стили, особенности. Процесс формирования социального капитала также подвергается определенной трансформации, многие его компоненты, такие как доверие, социальные нормы и т.д., претерпевают изменения.

На наш взгляд современное село характеризуется переходом от «общности к обществу» [1]. Ф. Теннис отмечал, что «всеобщий характер соседства присущ совместной жизни в деревне, где близость жилищ, общий сельскохозяйственный рынок, да и просто общие границы угодий способствуют многочисленным контактам между людьми, их привычке и близкому знакомству друг с другом, делают необходимым совместный труд, поддержание порядка и управление» [1, 26 с.]. По мере развития крупных городов возникают общества, в которых люди отдаляются друг от друга эмоционально. Взаимоотношения в городской среде построены без излишней эмоциональности, на рациональном общении. Если посмотреть на современное село, то можно отметить, что обозначенные процессы имеют место в нем быть.

Данные, о накоплении и рациональном использовании социального капитала, собраны при личном участии автора, в ходе эмпирического исследования сельских семей Пестречинского и Кукморского муниципальных районов Республики Татарстан, осуществленных Центром семьи и демографии АН РТ в 2012-2013 гг.

Численность сельского населения на момент проведения опроса в Кукморском муниципальном районе составляла 34321 человек, в Пестречинском муниципальном районе – 29681 человек [2]. Для проведения социологического исследования были выбраны сельские поселения двух муниципальных образований. По анкете массового социологического опроса было опрошено трудоспособное население в количестве 804 человек в Кукморском и 1095 человек в Пестречинском муниципальных образованиях. Отбор респондентов от 18 лет производился на основе квотной выборки. Ее

пропорции (пол, возраст, тип поселения) соответствуют основным социально-демографическим показателям районов.

Создание сетевых ресурсов происходит посредством социальных связей в сельском социуме. При раскрытии данного аспекта мы исходим из авторского определения социального капитала, под которым понимается сетевой ресурс, формирующийся на основе внутренних и внешних социальных связей семьи в сельском социуме. При этом мы исходим из того, что более разветвленная сеть социальных связей на селе создает более благоприятные условия для формирования социального капитала.

С целью раскрытия основных направлений и мер, которые будут способствовать накоплению социального капитала сельских семей, мы предлагаем акцентировать внимание на анализе той поддержки, которую оказывает сельская администрация. С одной стороны, ее можно рассматривать в качестве условия для формирования, накопления социального капитала семьи, с другой – мы исходим из авторского определения социального капитала сельской семьи, как ресурса, тенденции формирования которого определяются сетью внутренних и внешних связей сельской семьи. Если внутренние связи рассматриваются через отношения родственников, друзей, соседей, то внешние предлагается исследовать через призму взаимодействия с местными властями в котором необходимо проанализировать особенности взаимодействия сельских семей с администрацией района.

С этой целью было произведено деление респондентов на 4 равные группы в зависимости от степени использования помощи сельской администрации: 1) семьи, которые пользуются поддержкой сельской администрации максимально; 2) семьи, которые пользуются поддержкой сельской администрации умеренно; 3) семьи, которые пользуются поддержкой сельской администрации очень мало; 4) семьи, которые не пользуются поддержкой сельской администрации.

В условиях села данная поддержка напрямую связана с занятием сельским хозяйством, животноводством и реализацией полученной продукции. На сегодняшний день государство оказывает помощь и выделяет субсидии начинающим предпринимателям. Как и любой вид деятельности, бизнес на селе требует вложений. К ним относятся не только финансовые вложения, но и социальные связи, помогающие сельчанину в реализации своих целей. Результаты социологического исследования показали, что при полной и умеренной поддержке сельской администрации предпринимательской деятельностью занимается каждый третий житель Кукморского района (38,1 и 33,4% соответственно), при минимальной поддержке – каждый пятый респондент, а при полном ее отсутствии – каждый десятый сельчанин (21,5 и 7%).

Однако в Пестречинском районе доля респондентов, занимающихся своим делом при получении полной и умеренной поддержки, меньше, чем в Кукморском районе (29,1 и 24,8% соответственно). А при минимальной и отсутствии поддержки, наоборот, больше (30,2 и 15,9% соответственно).

Здесь стоит уточнить характер помощи сельской администрации. Она заключается в том, что для осуществления предпринимательской деятельности сельские семьи обращаются к сельской администрации, которая помогает им в оформлении различных документов и справок для участия в конкурсе.

В ходе социологического исследования выяснилось, что в Кукморском районе при максимальной поддержке сельской администрации средствами для реализации предпринимательской деятельности у половины опрошенных семей послужили федеральные и региональные программы (52,3%). Каждый третий респондент взял кредит (34,5%). Десятая часть опрошенных воспользовалась собственными сбережениями (13,2%).

При получении умеренной поддержки меньше половины семей также воспользовались специальными программами (42,1%), каждый пятый житель использовал собственные сбережения и взял кредит (23,2 и 22,5%

соответственно). Каждый десятый респондент собственное дело открыл на средства от реализации продукции (12,2%).

При минимальном объеме поддержки для каждого четвертой опрошенной семьи средствами при открытии своего дела были сбережения, средства от реализации собственной продукции, кредит и специальные программы (25,1; 24,2; 25,9 и 24,8% соответственно).

При отсутствии поддержки треть опрошенных сельчан воспользовалась кредитом и собственными сбережениями (39 и 32,7% соответственно). Для каждого десятого респондента вложениями были средства от реализации продукции и участие в специальных программах (12,5 и 15,8% соответственно).

Анализ ответов респондентов Пестречинского района показал, что в первую очередь для каждого третьей семьи, который получает максимальную поддержку, средствами при открытии собственного дела выступили личные сбережения (34%). Кредитом и доходами от реализации продукции воспользовался каждый пятый респондент (26 и 25,2% соответственно). Федеральные и региональные программы помогли каждому десятому жителю (14,8%).

Доля ответов сельчан при умеренной и минимальной поддержке равна количеству ответов жителей Кукморского района. В то же время при ее отсутствии респонденты четвертой группы воздержались от ответов.

Таким образом, чем выше степень поддержки сельской администрации, тем больше у сельских семей возможностей для открытия собственного дела. Исследование также показало, что в Кукморском районе уровень данной поддержки выше, чем в Пестречинском.

Особую роль оптимизации социального капитала сельской семьи играет наличие земли, которая в большинстве сел и деревень оформлена как земельные паи. В целом право на собственную землю в первую очередь получали работники сельхозпредприятий, так как наличие собственной земли помогало людям начать фермерскую деятельность. Как правило,

домохозяйства, не владеющие паями, воспринимают землю как определенный вид капитала, который является не только хорошим подспорьем, но способствует росту благосостояния сельской семьи. В обеспечении последнего огромная роль принадлежит именно сельской администрации.

Исследование показало, что больше половины жителей Кукморского и лишь каждый третий респондент Пестречинского района имеют земельные паи (61,7 и 37,4% соответственно). В то же время треть семей Кукмора и больше половины опрошенных семей Пестрецов указали, что не имеют земельного пая (33,6 и 57,3% соответственно). Незначительное количество опрошенных Кукморского и Пестречинского района затруднились ответить (4,7 и 5,3%).

Более детальный анализ показал, что четверть семей Кукморского района имеют два земельных пая (28,3%). У каждого десятой семьи есть по три и по два земельных пая (13,7 и 12,6% соответственно). Однако в Пестречинском районе доля семей, имеющих три, два и один земельных пая, меньше, чем в Кукморском районе (8,8; 8,8 и 3,1% соответственно).

Роль земельного пая в обеспечении благосостояния сельской семьи выражается не столько в его наличии, сколько в том, как семья распорядится им. Ответы на вопрос: «Где находятся ваши земельные паи?» позволили выяснить этот аспект. Согласно полученным данным чуть меньше половины респондентов Кукморского и каждый десятый опрошенный Пестречинского районов отметили, что их земельные паи находятся в колхозе (48,6 и 13,8% соответственно), также был популярен ответ «где-то еще» (38,3 и 77,2%). Десятая часть опрошенных Кукморского и незначительное количество респондентов Пестречинского района указали, что их земельные паи находятся у фермера в аренде (9,3 и 2,6%). Менее популярными оказались такие варианты ответов жителей двух районов, как: «в своем хозяйстве» (3,8 и 5%) и «проданы» (1,4% в Пестречинском районе).

Паи являются средством, которое может способствовать повышению социального статуса и дохода семьи за счет того, что он может сдаваться в аренду. Исследование показало, что в Кукморском районе данный аспект имеет большую степень реализации, нежели в Пестречинском районе.

Мы стремились выяснить, что может способствовать использованию земли для ведения сельского хозяйства. Более детальный анализ показал, что у менее половины семей Кукморского района для ведения сельского хозяйства достаточно желания, знаний, здоровья, а также навыков и умений (47,3; 44; 43,1 и 40,7% соответственно). В Пестречинском районе такие же ответы были получены лишь у каждой третьей семьи (36,6; 32,4; 31,2 и 33,6% соответственно).

В качестве дополнения в работе был проведен анализ, цель которого заключалась в раскрытии взаимосвязи двух компонентов: объема социальной поддержки от сельской администрации и желания респондентов заниматься сельским хозяйством.

В Кукморском районе при получении максимальной и умеренной поддержки со стороны сельской администрации на вопрос «Достаточно ли у вас желания заниматься использованием земли и сельским хозяйством?» большинство респондентов дали положительные ответы (62,1 и 60,7% соответственно). При минимальной поддержке сельской администрации достаточность желания была выявлена у половины опрошенных (54,8%), а при отсутствии данной поддержки – у менее половины респондентов (44,8%). Таким образом, с понижением уровня поддержки сельской администрации происходит снижение желания заниматься сельским хозяйством.

Однако стоит отметить, что при всех уровнях поддержки со стороны сельской администрации нежелание было отмечено у каждого третьего жителя (29,5; 31,5; 30 и 32% соответственно). Остальная часть опрошенных затруднилась ответить (8,4; 7,8; 15,2 и 23,2% соответственно).

В то же время в Пестречинском районе при максимальной и умеренной поддержке на достаточность желания заниматься сельским хозяйством указали менее половины опрошенных семей (48 и 46,8% соответственно). При минимальной и отсутствии поддержки наличие желания было отмечено у половины опрошенных (51,7 и 50,4% соответственно).

Нежелание было выявлено у такого же количества респондентов, как и в Кукморском районе (33,9; 35,5; 32,7 и 35,8% соответственно). Остальные респонденты затруднились с ответом (18,1; 17,7; 15,6 и 13,8% соответственно). Данные по Пестречинскому району подтверждают тенденции, выявленные в Кукморском районе.

В ходе исследования мы также оценивали у респондентов их удовлетворенность жизнью на селе. Выяснилось, что в Кукморском районе при максимальной поддержке сельской администрации жизнью на селе частично удовлетворена половина опрошенных семей (51,1%). Треть жителей указала полную удовлетворенность (32,9%). Каждая десятая семья указала, что скорее удовлетворен (10,9%), и менее популярными оказались такие варианты ответов, как скорее и абсолютно неудовлетворен (3,6 и 1,5% соответственно). Средний балл в данной аналитической группе составил 2,4.

Меньше половины опрошенных, получающих умеренную поддержку со стороны администрации, также отметили частичную удовлетворенность жизнью на селе (45,2%). Полная удовлетворенность была выявлена у каждого четвертого респондента (27,8%). Скорее удовлетворен каждый десятый житель (16,4%). В данном случае средний балл составил 2,1.

Доля ответов жителей при минимальной поддержке равна количеству ответов сельчан при ее отсутствии: полностью удовлетворена треть жителей (по 34,5%), частично удовлетворены менее половины опрошенных (по 43,3%). Скорее удовлетворен каждый пятый респондент (по 19,4%), неудовлетворенность сельской жизнью была отмечена у наименьшего числа жителей (по 2,8% соответственно). Исследование показало, что при

минимальной поддержке сельской администрации средний балл респондентов составил 2,1, а при ее отсутствии – 2 балла.

Однако в Пестречинском районе при максимальной поддержке доля полностью удовлетворенных семей жизнью на селе в два раза меньше, чем в Кукморском районе (18%). Во всех четырех группах число респондентов скорее удовлетворенных составляет четвертую часть от числа всех опрошенных (25,3; 24; 25,2 и 23,4% соответственно). В остальных случаях доля ответов респондентов Пестречинского района совпадает с количеством ответов жителей Кукморского района.

Средние баллы в данном муниципальном районе были следующими: при максимальной, умеренной и минимальной поддержке со стороны сельской администрации – по 1,9 балла. При отсутствии поддержки – 1,8 балла. Следовательно, чем больше объем поддержки администрации, тем выше уровень удовлетворенности жителей жизнью на селе. Данная тенденция была подтверждена результатами, полученными в Кукморском и Пестречинском районах.

Взаимодействие сельских семей с сельской администрацией достаточно многообразна: предоставление необходимой информации о грантах, поддержке, помощь в оформлении, сборе документов и пр. Согласно полученным результатам, в Кукморском районе у каждого второго жителя средством для реализации предпринимательской деятельности стали федеральные и региональные программы, тогда как в Пестречинском районе – только у каждого десятого, в то время как доминантой является оформление кредита, которым воспользовался каждый третий житель.

Стоит также отметить, что само стремление заниматься предпринимательской деятельностью у сельчан Кукморского района проявляется сильнее, чем у жителей Пестрецов. Детальный анализ данной тенденции показал, что уровень поддержки со стороны сельской администрации в первом районе значительно выше. При этом администрация Кукмора достаточно полно реализует информационную функцию, тогда как

в Пестрецах доминирующим источником информации выступают СМИ. В совокупности полученные данные позволяют констатировать, что чем выше уровень поддержки со стороны администрации, тем выше информированность респондентов о конкурсном отборе бизнес-проектов для присуждения грантов Правительства РТ на поддержку начинающим субъектам малого предпринимательства.

Исследование также выявило следующие закономерности, которые явно демонстрируют роль администрации в формировании социального капитала сельской семьи: 1) при понижении уровня поддержки сельской администрации происходит снижение желания заниматься сельским хозяйством; 2) чем больше поддержка сельской администрации, тем выше и удовлетворенность работой; 3) чем выше уровень поддержки со стороны администрации, тем большее количество жителей самоидентифицируют свою семью с представителями среднего класса; 4) чем больше поддерживает администрация, тем выше уровень удовлетворенности жителей жизнью на селе. Однако такие аспекты, как продуктивность хозяйства и направления по реализации полученной продукции, не зависят от уровня поддержки со стороны администрации.

Список литературы:

1. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 452 с.
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://www.tatstat.ru/digital/region1/default.aspx> (дата обращения 17.03.2012 и 05.02.2013).

Семья в социологическом ракурсе

Аннотация: В статье рассматривается опыт социологических исследований Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан по проблемам семьи, семейных ценностей, роль религии в межнациональных семьях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СЕМЬЯ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ, РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ.

Annotation: The article covers the experience of social studies held by Family and demography center of the Republic of Tatarstan on problems of family, family values, role of religion in multinational families.

KEY WORDS: FAMILY, DEMOGRAPHIC RESERVE.

В настоящее время в связи с тенденциями изменения сознания общества идет размывание традиционных ценностей, падает авторитет семьи, в то же время, несмотря на глобальные изменения, некоторые ценности возрождаются, становятся актуальными.

Традиционная форма семьи уступает место другим разнообразным ее формам – неполным семьям, «гражданским» союзам, семьям-коммунам, однополым бракам, также стало модным создание чайлдфри (бездетные семьи) в России – 3-7%. Под угрозой оказываются основополагающие семейные ценности, ослабевают традиционные семейные узы, укореняются такие формы жизнедеятельности как синглтоны (одиночки), гостевые браки.

В связи с данными тенденциями Научно-исследовательским центром семьи и демографии Академии наук РТ проведены исследования: «Брачно-репродуктивные установки молодежи», «Разводы в РТ: состояние, причины и ресурсы укрепления семьи», «Этнорегиональные аспекты семейно-демографических процессов в Республике Татарстан», «Семья в условиях

кризиса», «Добрачное сожителство среди молодежи г. Казани и г. Москвы» и др.

Следует отметить, что между обществом и семьей есть свои обязательства, чаще всего взаимные, которые варьируются в зависимости от состояния сторон. Но происходит не только экономический кризис, но и кризис социальной системы, который одновременно выступает в качестве причины и следствия невыполнения обществом своих обязательств по отношению к семье и личности. Способна ли семья выполнять свои функции без общественной поддержки? Так, по данным опроса, для половины опрошенных помощь со стороны государства желательна.

Многие респонденты в трудных ситуациях рассчитывают лишь на себя (67,2%), небольшая часть опрошенных ждет помощи от своих родителей (13,6%), и родственников (12%). В то же время на помощь детей рассчитывает лишь 0,7% опрошенных. Людей, ожидающих помощи от государства, 2,4%

Большую роль в стабильности играет государство. Принятые государством программы по укреплению семьи, материнства, детства, улучшили демографическое состояние, сыграли положительную, позитивную роль в укреплении семьи.

Исследование демографического сознания молодежи РТ показало, что семья занимает одно из первых мест в системе ценностей молодежи (76%), уступая только здоровью (86%). В первую пятерку вошли также любовь (71,4%), материальная обеспеченность (57%), надежные друзья, круг общения (48%).

Среди факторов, влияющих на брачно-семейные установки молодежи, безусловно, определенная роль принадлежит семье. Более половины молодых людей (60%) считают родительскую семью образцом для подражания.

По результатам проведенного анализа можно утверждать, что проблема брака и семьи для молодых людей – актуальна, в то же время они скорее

выстраивают некий образ идеальной модели семьи. В целом молодежь относится к браку серьезно, понимая, что брачное состояние – совершенно новый этап жизнедеятельности человека, налагающий на него социально-значимые функции, связанные с ответственностью за жизнь и здоровье других людей. Для вступления в брак необходимо иметь достаточно прочную и устойчивую базу.

Рост числа разводов является характерной чертой кризиса российского института семьи. Среди негативных последствий развода являются рост числа неполных семей, одиноких детей, проблемы социализации детей и др. В России за последние десятилетия значительно выросло количество разводов.

Несмотря на то, что в последнее время в отечественной науке широко освещена проблематика кризиса российской семьи, тем не менее, не изучена региональная специфика причин разводов на фоне благоприятной социально-экономической ситуации в республике, высокого уровня жизни и доходов населения.

В центре нашего исследовательского интереса стало выявление причин разводов, отмеченных самими супругами. С этой целью Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан совместно с УЗАГС КМ РТ провел опрос разведенных супругов.

Результаты исследования подтверждают мнение многих специалистов о том, что женщины чаще выступают инициаторами развода, так ответило большинство опрошенных респондентов (53,1%). Несмотря на распространение в последние десятилетия альтернативных форм семейно-брачных отношений, брак остается для многих россиян ценностью. Так, почти три четверти опрошенных (73,1%) пытались сохранить семью. Среди причин сохранения семьи более трети респондентов высказывали стремление вырастить детей в полной семье (37,5%) и надежду на то, что семейная жизнь наладится (35,6%), чуть менее пятой части опрошенных (18,5%) указали в качестве такой причины сохранившиеся чувства к супругу(ге).

Проблема алкоголизма чаще всего является определяющей причиной развода для семей, которые прожили в браке достаточно долгое время. В возрасте от 41 до 55 лет алкоголизм является одной из ключевых проблем семьи, что подтверждает выдвинутую гипотезу. Длительность брака существенным образом влияет на количество детей. Так, подавляющее большинство пар (70%), проживших вместе менее 1 года, не имеют детей, 29,6% имеют одного ребенка. Пары, состоявшие в браке от 1-5 лет, в большинстве своем имеют 1 ребенка (64%), при этом каждая четвертая пара не имеет детей.

Среди факторов, увеличивающих риск развода семьи, выделяют:

- развод родителей, что вызвало неблагоприятные условия социализации и экономические проблемы в разведенных семьях;
- трудовая занятость женщины;
- жизнь в большом городе;
- опыт разрыва отношений с предыдущими партнерами (повторный брак увеличивает риск развода на 37%);
- непродолжительное (от 4 до 12 месяцев) добрачное сожитительство (увеличивает риск развода на 14% при проживании только со своим брачным партнером, 65% - с предыдущими партнерами).

Факторы, уменьшающие риск разводов:

- религиозность (сильная религиозность уменьшает риск развода на 48%);
- венчание в церкви (уменьшает риск развода на 37%);
- рождение детей (рождение первого ребенка снижает риск развода на 42%);
- приобретение совместной жилплощади (уменьшает риск развода на 39%);
- продолжительный (25 месяцев и больше) «пробный брак».

Молодые семьи (до 5 лет) имеют большой потенциал для рождения первых и последующих детей.

Сожительство не является фактором, благоприятно способствующим улучшению социально-демографической ситуации. Разные возрастные группы отлично друг от друга относятся к сожительству и имеют различные ожидания от такой формы отношений.

В нашем исследовании «Добрачное сожительство глазами молодежи», проведенном в начале 2009 года в городах Москва и Казань, внимание было зафиксировано на отношении молодежи к добрачному сожительству в зависимости от особенностей региона проживания. С одной стороны, респонденты из обоих городов являются жителями мегаполиса, с другой стороны – значимую роль играет доминирование мусульманских традиций в г. Казани, определяющее добрачное поведение молодежи.

Большинство молодых людей, принявших участие в опросе, выросли в полной семье – 82,7% респондентов имеют и отца и мать в составе семьи. В то же время, количество выросших семье, где есть только мать, немало – 14,8%. Одинокое отцовство непопулярно в России, и только 0,8% отметили, что выросли в такой семье; без родителей выросли 2 % опрошенных. Половина опрошенных респондентов одобряют сексуальные отношения (среди них на 6% больше мужчин, 40% относятся к этому без категоричности, 10% - негативно).

Что интересно, в целом молодежь осуждает сожительство, разводы, рождение ребенка вне брака, но поддерживает незарегистрированное сожительство. Еще сказывается материальный фактор. Родители такой вид сожительства тоже поддерживают (прописка, совместное хозяйство, ипотека и т. д.).

Сохранение полной семьи является залогом устойчивого демографического развития страны.

Социологические исследования, проведенные Центром семьи и демографии АН РТ в республике, стабильно фиксируют рост религиозности национального самосознания среди населения Республики Татарстан, в том числе молодежи. По данным большинства современных исследований, 90%

молодых людей различных национальностей в республике считают, что религия способна поднять духовно-нравственный уровень человека. С религиозностью они связывают проявление таких качеств личности как душевность (66%), жизнерадостность (82%), забота о людях (78%), терпимость (76%), уважение к людям (61%).

Результаты исследования также показывают, что и для среднего, и для молодого поколения религия играет значительную роль. В семье ребенок должен получить первые представления о своей этнической религии и в дальнейшем был приобщен к ней. 96,9% опрошенных родителей хотят, чтобы их дети были верующими, всего 3,1% опрошенных указали, что религия не имеет значения.

Религия для моноэтнических семей имеет большое значение. Результаты исследования показывают, что для половины опрошенных (52,3%) из моноэтнических семей важно, чтобы их дети придерживались религии своей этнической общности, так же думают треть респондентов из межэтнических семей (31,3%). Особенно высока степень религиозности среди лиц, причисляющих себя к «своей национальной» конфессии: среди русских, мордвы и чуваш, относящих себя к православным, и татар, считающих себя мусульманами. Четверть опрошенных (25%) из межэтнических семей и 16,2% представителей из моноэтнических семей считают, что нет необходимости прививать своим детям основы религии.

При выборе партнера для своих детей большинство опрошенных предпочитают супруга/супругу той религии, к которой принадлежат сами опрошенные. Например, наши исследования свидетельствуют, что брак ближайших родственников с человеком другой национальности считают нежелательным 14% респондентов русской национальности, 55,8% татар, 16,8% чувашей и 13,3% мордовской национальности. Многие респонденты указывают, что брак желателен с человеком одной религии.

По мнению 22,3% русских, 11,6% татар, 16,8% чуваш и 16,7% мордвы, национальность в браке не имеет значения, если он/она общается в семье на

языке своего народа, относится с пониманием к его культурным традициям. Многие из респондентов русской, чувашской и мордовской национальности старшего поколения в процессе общения сообщили, что важную роль играют внутренние качества человека, а не национальность.

Предпочли бы человека своей национальности, но возражать не стали бы 24,9% русских, 20,4% татар, 25,4 чуваш и 36,7% мордовских родителей; для 34,7% русских, 8,1% татар, 36,8% чуваш и 36,7% мордвы, национальность в браке не имеет значения; затруднялись ответить на этот вопрос 4,1% русских и татар, 4,2% чуваш и 10% респондентов мордовской национальности.

Материалы анкетирования подтверждают, что общая религиозная вера является важным фактором при создании семьи. Кроме этого, длительные культурно-языковые взаимовлияния образовали на территории Республики Татарстан толерантные взаимоотношения совместно проживающих этносов, что отражается и в отношении выбора спутника жизни.

Литература:

Климантова Г.И., Ростовская К.А. Молодая семья – демографический ресурс России. – М.: РГСУ, 2008. – 200 с.

УДК 37.011.33

ББК 60.7

Коган Л.Н., Павлов Б.С.

Cogan L., Pavlov B.

Пути совершенствования системы
общего образования в современный период¹

**Ways of improvement of system the general
education during the modern period**

Аннотация

С позиций исследования проблем социализации в процессе общеобразовательного обучения молодежи, авторы статьи рассуждают о вопросах развития средней школы как социального института в условиях социально-экономического кризиса и перехода к рыночным отношениям. Выводы и предложения авторов базируются на результатах ряда комплексных исследований, проведенных ими (*под их руководством и с их личным участием*) в 1975-1992 гг. в различных регионах СССР и РФ, в частности в городах и поселениях ЯНАО. [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Annotation: From positions of research of problems of socialization in the course of general education training of youth, authors of article argue on questions of development of high school as social institute in the conditions of social and economic crisis and transition to the market relations. Conclusions and proposals of authors are based on results of a number of the complex researches conducted by them (under their management and with their personal participation) in 1975-1992 in various regions of the USSR and the Russian Federation, in particular in the cities and the settlements of the Yamalo-Nenets Autonomous Area. [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

¹ В статье речь идёт о начале 90-х годов XX века

Ключевые слова: воспитание, дети, подростки, культура, реформы, семья, социализация, школа, учитель, экономический кризис

Keywords: education, children, teenagers, culture, reforms, family, socialization, school, teacher, economic crisis

Революционные преобразования социально-экономической жизни, которые охватили Россию в конце 80-х - начале 90-х годов, естественно, весьма существенно затронули и такую жизненно важную сферу общества как воспитание подрастающего поколения¹. Прошедшие годы значительно изменили жизнь и деятельность общеобразовательных школ всех видов, однако необходимо признать, что школа и сегодня еще очень далека от выполнения ее основной задачи - готовить образованного, культурного *гражданина, работника, семьянина*.

Бюрократизация всех сторон жизни страны проявилась и в организации народного образования. Единые государственные программы и методики обучения сковывали и во многом продолжают сковывать творческие силы лучших педагогов страны. Система лакировки действительности и очковтирательства, долгие годы царившая в стране, выражалась в требовании от школы показателей благополучия социального поведения учащихся и всеобщей успеваемости. Вынужденное лицемерие педагогов способствовало распространению паразитизма, лени и посредственности среди учеников. Следствием этого явилось резкое снижение качества воспитания и образования молодого поколения, а среди большинства педагогов - рост неудовлетворенности своим трудом.

Одной из главных причин падения качества образования стал «остаточный принцип» финансирования народного образования и культуры,

¹ Далее текст статьи является извлечением из совместных глав авторов в книге: [8] Коган. Л.Н., Павлов Б.С., Тарабрина Л.С., Татаркин А.И. С. А. Анисимов С.А. Бердник, Л.П., Икингрин Е.Н., Стожаров А.В. и др. Проблемы социализации детей и подростков (на материалах исследований в поселениях Крайнего Севера). 1992-1994 гг...

Мизерная доля материальных средств, выделяемая из государственного бюджета страны, привела к бедственному состоянию материальной базы школ, их перегруженности, к низкому уровню заработной платы, педагогических кадров, а следовательно, и к снижению их качества.

Реформа общеобразовательной школы, начинавшаяся в 1985 г., не подкрепленная материально, не привела к желаемым результатам. Современная система общеобразовательной и специальной профессиональной подготовки оказалась в кризисном состоянии. В процессе постепенного, мучительного перехода России к рыночным отношениям возникла потребность в новом раскрепощенном человеке - в знающем, предприимчивом работнике, в личности с развитым гуманитарным мышлением. Таким образом, возникла объективная потребность в новых формах социализации и общеобразовательной подготовки подрастающего поколения будущих граждан России.

Исследуя причины деформационных процессов в системе народного образования России, нельзя сбрасывать со счета общие кризисные явления в социально-экономической сфере страны в конце 80-х - начале 90-х гг. и продолжающиеся прогрессировать в настоящее время.

Было бы глубоко ошибочно видеть в современном положении школы только негативные моменты, как это нередко имеет место в литературе последнего времени. Учитель впервые получил возможность говорить своим ученикам правду о прошлом и настоящем страны, о ценностях ее культуры. Школа постепенно освобождается от мертвящего догматизма и формализма в преподавании, от преступного невнимания к индивидуальным особенностям учащихся якобы во имя «интересов коллектива». Учитель получил неизмеримо большие возможности для самостоятельной творческой деятельности. Вышли из печати новые школьные учебники. Дифференциация школ дает более благоприятные в целом условия для развития способностей и дарования детей.

Однако далеко не все эти благоприятные возможности используются

школой. При этом их реализации препятствует не только тяжелейшее материальное положение школы, косность и привычка работать по-старому многих учителей, но и недостаточная теоретическая разработка коренных теоретических проблем педагогической науки. К их числу, бесспорно, относится и теория социализации, которая была, есть и будет основой основ воспитания молодого поколения, приобщения его к основам культуры.

* * *

Среди ряда проблем, стоящих перед народным образованием России, особое значение приобретают ныне вопросы создания единой, более или менее стройной системы учреждений образования. Старая система этих учреждений уже существенно «пробуксовывает», а новая - пока еще не создана. В результате не только нарушились связи между средним и высшим, общим и профессиональным образованием, но и связи между самими учреждениями среднего, профессионального и высшего образования. Утрачивают единство требования, необходимые для получения диплома об окончании высшей школы или аттестата о среднем образовании.

В существующих условиях невозможна единая научная политика государства в области народного образования. Все это неминуемо ведет к дальнейшему понижению (или даже к потере) престижа не только общего среднего образования в сознании значительной части молодежи, но и ценности высшего образования. Если этот кризис образования примет затяжной характер, но Россия не сможет успешно преодолеть экономический и политический кризис. Ряд поколений, кончающих в этих условиях школы, фактически могут оказаться «потерянными».

Причины указанного кризиса заключаются не только в нищенском финансировании образования, не только в бедственном положении значительной части учителей и преподавателей вузов, о чем постоянно говорится в печати, но и в появлении ряда принципиально новых социальных институтов, не нашедших пока еще места в общей системе образования. К таким социальным институтам в первую очередь следует отнести:

- возникновение негосударственной (альтернативной) системы обучения;

- дифференциацию типов учебных заведений (лицеи, колледжи, гимназии и т.д.);

- возникновение платных учреждений образования, Каждый из этих институтов нуждается в специальном углубленном анализе. В данной монографии мы [8]. сделаем попытку только поставить некоторые связанные с ними проблемы.

В современный период появилось большое количество негосударственных учебных заведений, которые можно подразделить на:

- стационарные учебные заведения, средние или высшие (колледжи, лицеи, гимназии, «независимые» университеты и пр.);

- постоянные долго- или краткосрочные курсы подготовки по дефицитным специальностям;

- эпизодические краткосрочные курсы (школы, семинары). Мы считаем, что появление негосударственных учебных заведений при переходе к рынку является нормальным и может значительно улучшить образование молодежи. Однако при отсутствии какого-либо систематического контроля эти учебные заведения способны только внести хаос в образовательную деятельность. В первую очередь это относится к спонтанно возникающим временным курсам, берущимся за несколько месяцев подготовить специалиста, которого в техникумах готовят в течение 4-5 лет. В большинстве эти курсы подчинены только задаче получения коммерческой прибыли, но они наводняют рынок труда мнимыми «специалистами», не знающими даже основ своей профессии.

В компетенцию местной администрации входит следующее:

1. Неуклонное соблюдение всеми негосударственными учреждениями общероссийских государственных стандартов. В случае отступления от этих стандартов следует лишать негосударственные учреждения права выдачи документов о среднем образовании, а в случае повторения нарушений -

лишать эти учебные заведения лицензий.

2. Руководство органов народного образования города и районов обязано:

- принимать участие в выпускных экзаменах, представляя интересы государства и общества;

- добиваться неуклонного выполнения государственных стандартов; - выступать арбитром в случае конфликтов администрации школ и учащихся или родителей по вопросам, касающимся учебного процесса;

- тщательно проверять при выдаче новых лицензий возможности данного негосударственного учебного заведения обеспечить качественную подготовку и воспитание учащихся.

3. Учителя негосударственных школ должны принимать активное участие (наравне с учителями государственных учебных заведений) в городских (районных) и областных мероприятиях по повышению квалификации, в научно-методических конференциях, смотрах, конкурсах и пр.

Администрация города не может отстраняться от решения этих задач, ибо все эти учебные заведения работают с детьми, которые должны получать хорошее образование и воспитание независимо от принадлежности учебного заведения.

Процесс дифференциации средних учебных заведений происходил и в дореволюционной России, и в странах Запада. Однако при этом устанавливалось строгое соответствие учебных заведений их наименованиям. Сейчас же наименования «лицеев», «гимназий», «колледжей» и др. присваиваются чаще всего учебным заведениям без соответствующего изменения их типа, учебных планов и программ. Громкие названия не соответствуют сути и ведут к обману населения. Учебные заведения должны отличаться не только названиями, но и по существу. Мы представляем специфику этих учебных заведений примерно следующим образом:

«Лицей» — относительное привилегированное, элитарное естест-

веннонаучное или гуманитарное среднее учебное заведение, характеризующееся:

- отбором наиболее одаренных детей;
- особенно квалифицированным и опытным составом педагогов;
- наличием своих апробированных методик преподавания и воспитания, своих особенностей учебных планов и программ;
- накопленным опытом индивидуальной работы с учащимися;
- наличием устойчивых собственных традиций.

«Гимназия» — высший тип средней школы с гуманитарным уклоном. Гимназия, как и лицей, преимущественно должна готовить своих питомцев к поступлению в высшие учебные заведения. Она не проводит отбора особенно одаренных детей, учиться в ней может каждый. Гимназия в отличие от других учебных заведений призвана готовить будущих специалистов-гуманитаров, это определяет особенности ее учебных планов и программ. В гимназии обязательно должны читаться курсы культуры русской речи, истории мировой культуры, истории религии, основ философии и т. д. Как и лицей, гимназия должна иметь свои методики, учебные планы и программы. В отличие от лицея гимназия общедоступна.

«Колледж» в отличие от гимназии в основном предназначен для детей, которые не предполагают поступление в вузы. Колледж сочетает в себе черты средней общеобразовательной школы и техникума, а также некоторые черты вуза (лекции, семинары и пр.). Колледж может явиться основным учебным заведением для подготовки специалистов по ряду профессий (социальных работников, медсестер, воспитателей дошкольных заведений и пр.). Колледж работает с лицами, окончившими неполную среднюю школу, вместе с тем он может принимать на двухгодичное обучение выпускников 11-го класса средней школы.

«Коммерческое училище» предполагает прежде всего подготовку младшего технического персонала для коммерческих фирм, акционерных обществ, банков и пр. Оно рассчитано также на подготовку учащихся к

поступлению в финансово-экономические, торговые, бытовые и др. высшие учебные заведения или на соответствующие факультеты других вузов.

Присвоение этих наименований средним государственным и негосударственным школам определяется прежде всего не их профессиональным уклоном, а качеством подготовки учащихся. Поэтому здесь невозможна та поспешность переименования средних школ и присвоения им высшего статуса, которая имеет место сегодня.

Таким образом, система общеобразовательных учебных заведений может складываться из следующих уровней:

во-первых, лицеи, гимназии, колледжи, коммерческие училища;

во-вторых, средние школы с профессиональным уклоном (музыкальные, художественные, физико-математические, биолого-агрономические, медицинские, военные, спортивные, с углубленным изучением иностранных языков и др.);

в-третьих, средние общеобразовательные школы общего типа;

в-четвёртых, неполные средние школы (девятилетки). Школы, отнесенные к первому уровню, могут успешно выполнять и функции средних специальных учебных заведений (техникумов) при наличии соответствующего срока обучения. Поэтому превращение некоторых техникумов в колледжи мы считаем, в принципе, оправданным.

В период перехода к рынку в платных школах России появился ряд особенностей, отсутствующих в аналогичных школах Запада:

а) подчас такие школы превращаются в средство наживы для нечестных людей, владеющих ими;

б) практика показывает, что в ряде таких школ качество обучения не выше, а ниже, чем в «обычных», бесплатных школах; обучение ведется по неполным, «облегченным» программам, учителя нередко, подчиняясь диктату родителей, допускают «поблажки» в оценке знаний учащихся, снижают требования к их учебе и дисциплине;

в) далеко не всегда нормальны отношения между учащимися в классах,

нередко в таких школах процветает дух коммерции, пагубно влияющий на сознание подростков;

г) в связи с инфляцией стоимость обучения в таких школах непрерывно растет, достигая подчас совершенно непомерных сумм. Основная их часть идет в карман владельцев школ, а не используется на их оснащение.

В системе среднего образования ныне сочетаются платные и бесплатные учреждения и услуги. Платность образования должна рассматриваться на трех уровнях:

- платность отдельных видов деятельности и услуг;
- платность дополнительных видов образования;
- платный характер учебного заведения. Первый из этих уровней имел (в той или иной мере) место всегда. Речь идет о покупке учебников, школьно-письменных принадлежностей, питании в школьных буфетах и столовых (за немногим исключением), приобретении школьной формы и т.д. Исключение в ряде случаев делалось для школ-интернатов или для наименее обеспеченных семей.

Второй и третий уровни появились лишь в современный период. Говорю о втором уровне, мы имеем в виду ряд дополнительных платных учебных курсов, избираемых учащимися и их родителями, репетиторство, а также платные кружки и коллективы в школах и внешкольных учреждениях, действующие во внеучебное время. При этом школа в целом остается бесплатной.

На третьем уровне речь идет о платном обучении детей в различных типах школ.

Платное обучение дает ряд преимуществ. Платные учебные заведения могут обеспечить более высокую зарплату учителям, что дает возможность (которая не всегда используется) привлечь более квалифицированных педагогов. В платных школах значительно меньше учеников, приходящихся на одного учителя («наполняемость» классов), что создает более благоприятные условия для индивидуальной работы с учениками. Платные

школы, как правило, имеют лучшую материальную базу, богатый набор технических средств обучения и т. д.

Однако платное обучение имеет ряд отрицательных сторон:

а) создается опасность резкого ухудшения положения «обычных» государственных школ, ухода из них лучших педагогических кадров;

б) практика показывает, что администрация и педколлектив некоторых платных школ оказываются всецело на повзду у родителей, определяющих, какие предметы и в каком объеме должны изучать их дети. В таких школах складываются отношения протекционизма, детям из наиболее богатых семей искусственно завышают оценки, смотрят сквозь пальцы на нарушения ими дисциплины и т. д.

Мы считаем, что платные школы должны иметь сравнительно ограниченное распространение.

Дифференциация образовательной системы не может абсолютизироваться, как это имеет место в современный период. Она должна органически сочетаться и с интеграцией этой системы, о чем, к сожалению, сегодня чаще всего забывают. Такая интеграция необходимо предполагает:

- отказ от узкой специализации школ, поскольку она не соответствует самой идее школы как общеобразовательного учебного заведения;

- усиления гуманитарной подготовки в школах с естественнонаучным уклоном и естественнонаучной подготовки в школах гуманитарного уклона; задача средней общеобразовательной школы (и в этом ее отличие от профучилища) — не подготовка специалиста, а формирование основ общей культуры;

- постановку в школах разных типов «сквозных», необходимых для каждого учащегося независимо от типа школы курсов: истории мировой и отечественной культуры, культуры русской речи (риторика), логики, программирования и компьютерной техники и др.;

- неукоснительного соблюдения общих для всех типов школ государственных стандартов среднего образования.

Без такой интеграции одна узко понимаемая дифференциация может нанести только вред развитию способностей учащихся и их самореализации.

* * *

Труд учителя всегда был крайне тяжел и неблагодарен. Сегодня он остается таким же тяжелым, но еще более осложняется крайней материальной необеспеченностью, отсутствием достаточной методической литературы и т. д. Проблемы учительского труда сегодня весьма многообразны, однако наиболее важными из них можно считать следующие четыре:

- а) условия учительского труда;
- б) профессионализм педагога, соответствие его профессиональной деятельности современным требованиям;
- в) оплата учительского труда;
- г) социальная защита педагога.

До сих пор не решены проблемы социальной защиты учителей, особенно молодых. Речь идет в данном случае не только и даже не столько о приведении зарплаты в соответствие с общественной ценностью их труда, сколько о правовом его положении.

В широком понимании «социальная защита учителя» - это совершенствование (адаптация к рыночным отношениям) социальной политики в сфере народного образования, обеспечение более эффективной деятельности социальных институтов, учреждений и организаций, связанных с народным образованием, создание необходимых социально-экономических условий для претворения в жизнь принятого в России Закона об образовании. В такой трактовке под социальной защитой педагога следует понимать необходимость кардинального пересмотра его статуса в обществе, начиная с уточнения прав, обязанностей, условий труда, меры нагрузки и кончая качеством профессиональной подготовки.

Социальная защита учителей требует принятия целого ряда неотложных мер в масштабе Федерации. Однако некоторые из этих мер могут

быть осуществлены и на местах (прежде всего - в районах Сибирского Севера) до решения их в общегосударственном масштабе. Мы имеем в виду:

а) установление атмосферы партнерства, сотрудничества и взаимопонимания как в коллективах учебных заведений, так и региональных (территориальных) сообществах педагогов;

б) совершенствование правовых основ взаимоотношений педагогов с учащимися: разработка их прав, обязанностей, норм поведения и санкций за их невыполнение как с одной, так и с другой стороны;

в) обеспечение работы учителя всеми необходимыми материальными условиями: помещением, удовлетворяющим санитарно-гигиеническим требованиям, техническими средствами, учебными и наглядными пособиями и т. д.;

г) забота об «экологии учителя», т. е. создание в школе условий, позволяющих максимально снять психологические и эмоциональные перегрузки педагога, стрессовые состояния, поскольку известно, что уровень психологической и эмоциональной активности учителя во время урока по сравнению с учащимися находится в соотношении 3:1;

д) следовало бы создавать в школах специальные комнаты (с удобной мебелью, музыкой, цветами, чашкой кофе) для кратковременного отдыха и эмоциональной подзарядки педагогов.

С целью создания психологического комфорта совершенствовать стиль работы школьной администрации, проявляя, с одной стороны, тактичное руководство коллективом, а с другой стороны, терпимость к инакомыслию, уважение собственного мнения учителя, независимо от его возраста и опыта; оказывать всемерную поддержку инициативе и творчеству педагогов;

б) необходимо создание государственной, а на ее основе - региональной (городской) программы морально-психологической поддержки учительства.

В конечном счете, социальная защита учителя заключается в создании всего комплекса условий для удовлетворенности его своей профессией, от

чего зависят проблемы духовного здоровья и духовного потенциала всего общества.

* * *

Решительная перестройка школы зависит не только от скорейшей ликвидации общего социально-экономического кризиса в стране, но и от правильной местной политики в сфере образования, от учета специфических условий Сибирского Севера, экономических, демографических и социальных последствий перехода к рыночной экономике.

Наше общество, несмотря на переживаемый им экономический и духовный кризис, принимает твердую ориентацию на коренное переустройство общественной жизни во всех ее областях: экономической, политической, социальной, культурной. Центральной проблемой проводимых реформ можно с полным основанием считать судьбу формирующегося поколения: окажется ли оно «потерянным» или будет строителем новой цивилизованной России. Именно поэтому вопрос о состоянии образования, о перспективах его развития является поистине центральным, ключевым среди всех многотрудных проблем обновления страны.

Список литературы

1. Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1976. 175 с.
2. Коган Л.Н., Павлов Б.С. О некоторых чертах развития художественной культуры двух поколений уральских рабочих // Социологические проблемы художественной культуры (теория, методология, конкретные исследования). Свердловск: Труды Инст. эконом. УНЦ АН СССР. 1976. С. 103 - 113
3. Коган Л.Н., Павлов Б.С., Поляничко В.П. Трудовые династии Оренбуржья. Оренбург, 1977. 95 с.
4. Коган Л. Н., Павлов Б. С. Культура семьи (методические проблемы,

принципы исследования) // Культура семьи как объект социологического исследования. Свердловск, труды ИЭ УНЦ АН СССР, 1980. С. 3-23.

5. Павлов Б.С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. – М.: Наука, 1984. 225 с.

6. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. М.: Сов. Россия, 1984. 192 с.

7. Павлов Б.С. Из школьного в рабочий класс. М.: Сов. Россия, 1989. 240 с.

Павлов Б.С., Анисимов С.А., Коган Л.Н. Из истории социологических исследований на Урале (конец XIX в. – 1985 г.). Свердловск: Вып. Центра ОМ при ОК КПСС, 1990.

8. Коган Л.Н., Павлов Б.С., Тарабрина Л.С., Татаркин А.И. С. А. Анисимов С.А. Бердник, Л.П., Икингрин Е.Н., Стожаров А.В. и др. Проблемы социализации детей и подростков (на материалах исследований в поселениях Крайнего Севера). 1992-1994 гг. Екатеринбург-Надым: Институт экономики УрО РАН. Надымское управление народного образования, 1994. 270 с.

УДК 316.356.2

ББК 87.22

Коростелева, Ю.Е.

Роль традиционных семейных ценностей в процессе социализации личности

Korosteleva, Y.

The role of traditional family values in the process of socialization

Аннотация. Современная семья переживает кризис. Традиционные семейные ценности такие, как трудовое воспитание, половое воспитание, патриотическое воспитание способны вывести семью из кризиса.

Ключевые слова: кризис, современная семья, патриархальная семья, социализация, трудовое воспитание, половое воспитание, патриотическое воспитание

The Abstract. Modern family crisis. Traditional family values such as labor education, sex education, patriotic education can bring the family out of the crisis.

Keywords: crisis, the modern family, the patriarchal family, socialization, labor education, sex education, patriotic education

Современная семья переживает кризис, который проявляется в возрастающем ослаблении семейных отношений. Среди причин можно перечислить следующие: 1) полное исчезновение труда в семье (семья превращается в потребительскую единицу); 2) изменение положения женщины в современной семье (возможность выгодно прожить вне семьи); 3) воспитанием детей занимаются бабушки и дедушки (родители заняты работой), при этом в семье встречаются разные системы воспитания; 4) имущественная поляризация (в семьях с большим материальным достатком начинает доминировать пренебрежение к существующим духовным и материальным ценностям); 5) сокращение рождаемости детей (реальностью становится однодетная семья, в которых ребёнок, как правило, вырастает эгоистом); 6) увеличение числа разводов или неудачных браков (нормой

становится «гражданский брак», имеющий форму сожительства; 7) многосемейственность современного мужчины и «свободное материнство женщины»; к этому присоединяется явление ухода детей из семьи. [4. - С. 166 – 167; 10]

Другими словами, все вышеперечисленные трудности семейной жизни, приведшие ныне к кризису семьи находятся, как правило, не вне семьи, а в ней самой – в личности людей, образовавших семью. В связи, с чем вопрос социализации или воспитания личности, а именно приобщение к традиционным семейным ценностям становится актуальным.

Рассмотрим понятие традиции, ценности, а также трансформацию традиционных семейных ценностей на протяжении эпох как в дореволюционной России, так и в современной России. Так, слово *традиция* переводится с латинского (tradition) как «передача», «преемственность». В словаре русского языка встречаем следующее определение: «традиции – это: 1) исторически сложившиеся, передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы и т.п.; 2) спец. устная передача каких либо-исторических сведений, предание». [11. – С.145] Человеку необходимо принадлежать к определённой традиции и осознавать этого. По мнению О.А. Жукова, культуролога, религиоведа: «Сознательное и свободное самоопределение по отношению к культурной традиции говорит о наличии некоего плана жизни человека, имеющего своим содержанием набор целей, средств, смыслов и абсолютных значений».[5]

Более того, принадлежность к традиции позволяет человеку смотреть на себя и на свою жизнь с точки зрения вечных ценностей. Русский философ и мыслитель И.А. Ильин писал: «В современном мире есть большая беда, а именно: оторванность человека от корней... Отрыв от корней – большая опасность в современном мире: потерявшая корни жизнь становится противоестественной; лишенная корней - безбожной. Затем наступает развязка человечество разрушается» [6. – С. 110, 115].

Традиция не существует сама по себе, как некая абстрактная категория. Она живёт в реальных людях, которые передают эстафету культуры от одного поколения к другому. По мнению архимандрита Рафаила (Карелина), «традиция в большинстве случаев является кристаллизацией духовно-нравственных понятий, а также житейского опыта и передачи их поколения в поколение. Поэтому каждая традиция носит в себе информацию. Нарушая традицию, мы теряем информацию, заложенную в ней». [11]

Сущность традиции во многом определяется в её значимости для конкретного народа, культуры в целом, т.е. в её ценности. Так, ценность отражает значимость того или иного явления или предмета. «Ценность – понятие, используемое в разных сферах общественной жизни для обозначения явлений, объектов, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе идеалы должного для отдельного человека или совокупности людей. Она формирует представление о пользе человеческой деятельности как в материальном, так и духовном смысле. А также степень того, чем человек мог бы пожертвовать ради сохранения того явления или предмета, который обладает для него ценностью (например, для сохранения ценности свободы отечества, ценности неразрушимости брака, ценности культурной традиции)».[11. – С. 147]

Обычно как для каждого конкретного человека, так и для всего общества ценность не выступает отдельно сама по себе, а встраивается в определённую систему ценностей. Именно эта сформировавшаяся, устойчивая система ценностей детерминирует характер всей жизни человека и общества. Традиционные семейные ценности, как правило, формируются в процессе семейного воспитания, которые обычно соответствуют ценностям принятым в родительской семье.

Семейные традиции в отличие от традиций народных, могут быть заметны и не осознаваться даже их носителями. Однако это вовсе не уменьшает их значения. Главной семейной традицией является умение жить всей семьёй вместе, как это выражено в поговорке: «Семья вместе - так и

душа на месте». Эту традицию часто утрачивают даже официально зарегистрированные семьи. Но может наблюдаться видимость семьи, если её члены живут сами по себе, своей собственной жизнью. Для того, чтобы семья реально существовала, она должна представлять собой целостный организм, скреплённый единым для всех её членов традициями, ценностями. Эта целостность семьи поддерживается через соблюдение единых правил, обычаев и норм.[9; 11]

Для семьи важно «хранить обычай совместно проводить время, обедать, ужинать, праздновать совместные праздники, совместно трудиться, совместно отдыхать. Следует бережно хранить семейные реликвии – святыни, через которые особенно явно ощущается живая связь поколений». [11. – С. 147]

Одной «из главных традиций – воспитание детей. В разных семьях и народах эта традиция может отличаться. Супругам, выросшим в разных семьях, следует находить взаимопонимание в вопросах воспитания детей, тем самым продолжая традиции своего рода и закладывая собственные семейные традиции по воспитанию достойной смены. Существенной стороной семейных традиций является вера и религиозная жизнь, которые обычно дети усваивают в семье.

Традиционной в российской семье была взаимная помощь и взаимная моральная поддержка её членов. К традициям можно отнести и правило, согласно которому в семейных отношениях у русского народа был непререкаемый авторитет мужчины как главы семейства. Традиционным было ухаживание старших детей за младшими в многодетной семье (тем самым они оказывали своим родителям помощь в воспитании детей)». [11. – С.148]

В народных обычаях было «в правилах выбирать жениха и невесту, присматриваясь к будущей родне: нет ли среди неё пьяниц, развратников, психически больных людей, тунеядцев. Традицией являлось соблюдение девической чистоты, целомудрия». [11. – С.149] По мнению Е.А. Морозовой:

«К сожалению, сегодня оказались утраченными многовековые традиции воспитания девиц. В прежние времена девушек воспитывали очень строго, вплоть до 18 века для дочек бояр и купцов строили особые помещения светелки или горницы, терема, в которых будущие невесты проводили время в молитвах, чтении, рукоделии. По «домострою» девиц учили, как жить в семье, любить мужа, воспитывать детей, вести хозяйство...» [12]

На Руси был накоплен богатый «опыт проведения семейного досуга – традиции семейного чтения. Помимо активных форм досуга – прогулок, игр и др., в русском народе была распространена традиция чтения. Радио и телевидение в старину с успехом заменяла книга. Великие Четьи-Минеи святителя Макария Московского, Жития Святых святителя Дмитрия Ростовского были излюбленным чтением в семейном кругу». [11. – С.149]

Основной семейной традицией являлось *патриотическое воспитание личности*. Это чувство рождается и вызревает в недрах семьи и позволяет и человеку воспринимать свой народ, своё Отечество как единую большую семью. Русский философ И.А. Ильин писал: «Есть на свете предметы, которые можно воспринять только глазом (например, Свет или цвет); есть такие предметы, которые доступны только уху или слуху (например, звук, пение, музыка); подобно тому есть такие предметы, которые могут быть восприняты, пережиты и приобретены только любовью. К таким предметам принадлежит и родина». [7]

Эта традиция находит своё выражение в идее служения человека ближним и стране, в которой он живёт. Эта идея позволяет человеку в полноте продолжать себя в своих близких, служение Отчеству – продолжить себя в истории родной земли. В жизни разных поколений соотечественников смысл этой идеи заключается в том, что человек может состояться в том случае, если отдаёт себя и свои идеалы на служение ближнему и служение Отчеству. «Такой человек не умирает до конца в момент физической смерти, но продолжает жить в своих детях, внуках, в молодых поколениях соотечественников». [11. – С.160]

Величие и мощь России основывалась на родовых традициях служения Отечеству. Это служением проявлялось в воинском, гражданском и духовном видах деятельности. Родовые традиции служения Отечеству передавались из поколения в поколение, так как в семье происходит формирование у ребёнка отношения к миру и обществу. От особенностей семейной социализации во многом зависит, «вырастет ли ребёнок самовлюбленным эгоистом или научится любить других людей, свою Родину, защищать её интересы». [11. – С. 160]

Следующая традиционная ценность – это *трудовое воспитание* в семье. Определим понятие «труд – форма деятельности человека, направленная преобразование предметов и явлений окружающего мира и внутреннего мира самого человека». [11. – С. 168] Поскольку труд имеет характер свободной и созидательной деятельности, постольку в приложении к общественно значимым целям и задачам он может приобрести статус служения. Одним из важных аспектов в раскрытии понятия «труд» является деление его на семейный и общественный. Как правило, в традиционной семье определена степень участия её членов как в семейном, так и общественно полезном труде.

В семье с данным укладом основную тяжесть забот общественного труда, приносящего достаток, несёт на себе мужчина, а основную тяжесть семейного труда – женщина. В таких случаях мы утверждаем мужчина–добытчик, кормилец в семье, т.е. ориентирован на инструментальные функции, а женщина – мать, хранительница домашнего очага, т.е. ориентирована на экспрессивные функции.

«В дореволюционной российской семье всё это требовало много сил и времени, что не позволяло женщине отвлекаться от домашних обязанностей и заниматься общественным производством. В настоящее время ощущается все большая потребность общественного признания материнского труда и труда женщины-домохозяйки как одного из видов общественно полезного

труда с соответствующей социальной поддержкой. Дети в семье с традиционным укладом несут трудовое послушание, которое может приобретать как общественный, так и семейный характер. Причём мальчики помогали в основном отцу, тем самым постепенно осваивая разнообразные формы общественного труда, а девочки - матери, становясь ей опорой в хозяйственных делах». [11. – С.168-169]

Названное выше разделение труда в семье не существовало в чистом виде. В реальной жизни и мужчина принимал участие в домашних делах, и женщина с детьми также вносила определённый вклад в общественно полезный труд. Однако акценты в разделении труда в семье с традиционным укладом примерно соответствуют той схеме, тому порядку вещей, который был приведена выше.

Другими словами, это «трудовое воспитание – воспитание любви к труду является одной из основ семейного воспитания. Грубой ошибкой многих современных семей, живущих в комфортных условиях крупных городов, является ограждение детей от всякого вида трудовой деятельности. Плодами такого родительского воспитания может стать тунеядство, вредные привычки, асоциальное поведение и неприспособленность к жизни их великовозрастных чад». [11. – С. 171]

Заключительная традиционная семейная ценность – *это половое воспитание детей*. Наиболее лаконичное и точное определение полового воспитания дал В.Е Колесов: «Половое воспитание – процесс, направленный на выработку качеств, черт, свойств, а также установок личности, определяющих полезное для общества отношение человека к представителям другого пола. Сферу полового воспитания составляют не только такие специфические отношения между мужчиной и женщиной, как супружеские, но также и любые другие отношения – в общественной жизни, в труде, в отдыхе, то есть любые взаимоотношения людей разного пола». [8]

Половая принадлежность чрезвычайно важна для жизни человека, так определяет стратегию построения жизни, жизненные планы. Не случайно

первый вопрос, который задают человеку, узнав о прибавлении семейства: «Кто родился – мальчик или девочка?» Андрей Ткачѳв, протоиерей, по этому вопросу замечает: «Пол обязывает, определяет социальные роли. «Быть женщиной» и «быть мужчиной» - это два разных способа жизни, полученные без нашего согласия... [15]

Для «вступления в должность» мужчины и женщины необходимо готовиться с детства. «Патриархальное общество это чувствовало и без научных пособий и аналитических исследований выработало целый ряд практических рекомендаций, сопровождающих всю жизнь человека. Современное же общество накопленный опыт растеряло, и наши дети нуждаются в возрождении опыта.

Для девочки важной сферой деятельности является домашний труд. Ей необходимы умение всего того, что делает хозяйка, а также приобретение скромности и стыдливости. Для мальчика – ответственность, физическая закалка, навыки кормильца и защитника. Для тех и других – дисциплина, неприхотливость в быту, послушание старшим и религиозность. Такое воспитание является не самоцелью, а органической частью большего, а именно целостного, мировоззрения, в котором семья вписана как одна из важнейших систем». [11. - С. 180-181]

Если мужские и женские роли не определены, происходит смешение ролей. В таком случае мы наблюдаем гендерную асимметрию: женщина отчасти выполняет мужскую работу, а мужчина – женскую. Специалист по семейной проблематике Хелен Анделин отмечает, что «если подобное положение вещей временное, то ничего страшного не происходит, но если такое явление становится образом жизни, семье наносится серьезный вред. Для того, чтобы дети росли гармонично, им нужно развивать в себе природу, свойственную их полу. В связи с этим мальчикам и девочкам нужно видеть в своих родителях пример для подражания, но размытый, а четкий образ мужчины и женщины».[1]

Другими словами, дети в процессе семейного воспитания должны многому научиться, чтобы «стать гармоничными и счастливыми людьми». [11. - С. 183] Профессор В. Базарный подчёркивает: «Спасем мальчиков, сэкономим мужчин – будет у нас народ». Дадим нашим девочкам идеалы красоты, добра, целомудрия – будет у нас крепкая семья. И родовое древо России будет иметь крепкие корни».[2] Психолог Е.А. Морозова отмечает, что «для девочки, девушки ведущими являются совершенно иные качества, нежели для мальчиков и юношей: это терпеливость, милосердие, смирение, хозяйственность, эмоциональная отзывчивость».[12]

В настоящее время в воспитании российских девочек в семье существует два подхода. «Первый обусловлен теми задачами, которые были поставлены перед женщиной в период развитого социализма. Так как от женщины ожидалась активность, направленная на строительство коммунистического общества, то в девочке с раннего возраста воспитывалась установка на общественную активность. Семейные обязанности воспринимались как нечто вторичное.

Второй обусловлен традиционными ценностями нашей культуры. Современные исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на нововведения советских лет, в нашей культуре от женщины ожидается, что она будет в семье любящей и заботливой матерью. Семейные обязанности в этом случае воспринимаются как первостепенные для женщины». [11. – С.186]

Перед родителями стоит выбор, по какому пути семейного воспитания вести свою дочь. От того, какую цель родители ставят в воспитании дочери, во многом зависит её будущая судьба. К сожалению, в настоящее время вопросы полового воспитания ограничиваются беседами и рекомендациями о сексуальной жизни. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, 5 августа 2015 г. беседы с родителями стали для россиян наиболее приемлемым и эффективным способом сексуального просвещения молодежи,— свидетельствуют данные

декабрьского опроса ВЦИОМ. Так, половина россиян (50%) назвала беседу с родителями наиболее приемлемым и эффективным способом получения информации о сексуальной жизни. Четверть века назад такой вариант сексуального просвещения считали подходящим только каждый пятый россиянин (19%).[13]

Таким образом, благодаря существованию традиций через культуру передаётся образ жизни и жизненные навыки, представление о мире, отношение к себе и другим членам семьи, в целом весь комплекс ценностей, знаний и опыта, которые накоплены предыдущими поколениями. Другими словами, традиционные семейные ценности формируют личность. По мнению Иренея, епископа Екатеринбургского и Исетского: «Воспитание имеет двоякую задачу: насаждать добро и искоренять зло...». [11. - С. 180]

«Добрые традиции», традиционные ценности укрепляют семью. Семья – это «служение» обществу, государству, реализующееся в трёх формах супружества, родительства, детства. [3] По нашему мнению, именно традиционная семья способна сформировать в подрастающем поколении личность в трёх началах: гражданском (патриотическом), профессиональном (трудовом), семейном (половом), так как «уклад и ритм жизни традиционной семьи позволял постигать смысл жизни, своего рождения и кончины, свою миссию на земле, а также получать уроки своей жизни: как выбирать спутника жизни, воспитывать детей, выстраивать семейную жизнь, готовиться к переходу в вечность».[14]

Литература

Анделин Хелен. Всё о детях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/doc54812777_246313380?hash=86a1c795386fa70f5c&dl=4bcb062ff61fc0478b

Базарный В. А был ли мальчик? // Литературный альманах «Полдень». – 2003. - № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xpomo.com/ruskolan/rasa/boy.htm>

Безрукова Т. 15 мая — Международный день семьи. Семейные традиции — творческая мастерская любви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stranamasterov.ru/node/74112>

Дивногорцева С.Ю. Традиционные формы общественного и семейного воспитания //Теоретическая педагогика. – М.: ПСТГУ, 2004. – 195 с. – С. 166 - 167)

Жукова О.А. На пути к Русской Европе: Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России / О. А. Жукова. – Москва: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. – 208 с.

Ильин И.А. Книга раздумий и созерцаний. – М.: Альта-Принт, 2006, с. 110, 115

Ильин И.А. О Родине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soldatru.ru/art/art/art136.php>

Колесов, Д. В. Беседы о половом воспитании [Текст] / Д.В. Колесов. - М.: Педагогика, 1988. - 190 с.

Коростелева Ю.Е. Патриархальный идеал как основа традиционной семьи // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2015. Т. 3. № 1. С. 31-33.

Коростелева Ю.Е., Подольская И.А. Социальная поддержка многодетных семей в современном российском обществе // Общественные науки: вопросы и тенденции развития: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Красноярск, 2015. С. 27-29.

Моисеев Д., Крыгина Н.Н. Традиции семьи, рода и народа // Нравственные основы семейной жизни... – Екатеринбург; Ульяновск, 2010 г.

Морозова Е.А. Гармония в семье и браке: Семья глазами православного психолога. – М.:Даниловский благовестник, 2009. – с. 316 – 319

Половое воспитание молодежи: вчера и сегодня. Пресс-выпуск №2895 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115340>

Русская семья. Праздники и традиции / Ред.- сост. Т.Г. Кислицына. – М., 2009.

Ткачёв А. Бесценные ценности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://otrok-ua.ru/ru/sections/art/show/bescennye_cennosti.html

УДК 316.774

ББК 60.524.224.56

А.В. Кульминская

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ НА САЙТЕ FACEBOOK.COM: ГИБЕЛЬ ХРОНОЛОГИИ

A.V.Kulminskaia

SOCIAL TIME ON THE SITE FACEBOOK.COM: DEATH OF THE CHRONOLOGY

Аннотация: В статье рассматриваются взаимосвязь принципов формирования ленты новостей на сайтах социальных сетей и социального времени пользователей этого типа интернет-ресурсов.

Abstract: The article discusses the relationship of the principles of formation of news feeds on sites and social networks social time users of this type of online resources.

Ключевые слова: сайты социальных сетей, социальное время, повседневные практики.

Keywords: social networking sites , social time, everyday practices .

Сейчас уже сложно представить себе, что еще десять лет назад в городе-миллионнике значительная часть пользователей Интернет использовала dial-up (модемный выход в Интернет). Развитие мобильного Интернета, постоянный доступ к новостям и разнообразным мессенджерам ускоряет темп социального взаимодействия и, порой, приводит к обесцениванию межличностного общения, оно становится ритуальным, теряя свойство событийности.

Будучи изначально информационной технологией, в настоящий момент Интернет перестает быть просто способом передачи информации, он превратился в канал коммуникации и проводник социального взаимодействия [1, 72]. М. Кастельс пишет: «Интернет – это информационная технология и социальная форма, которая воплощает в себе

информационную эпоху так же, как электрический двигатель был рычагом социальных и технических изменений в индустриальную эпоху» [2, 5]. После создания разнообразных сетевых ресурсов, многие повседневные практики, в том числе и практика создания событий, перенесли в Интернет, таким образом, Интернет как средство и канал коммуникации дает возможность для изучения индивидуального и группового социального времени.

Многие ученые подчеркивают двойственность природы Интернет, которая заключается в сочетании технических и социальных компонентов. Например, Е.И. Горошко считает, что Интернет представляет собой сложную социотехническую систему, не имеющую географических границ [3], эта безграничность может создать ощущение времени «здесь и сейчас» для любой группы пользователей. В свою очередь А.В. Соколов рассматривает Интернет как глобальную социально-коммуникационную компьютерную сеть [4, 104]. В своих работах он особо отмечает значимость коммуникационно-пространственной и коммуникационно-временной функций Интернет, т. е. его способность обеспечивать движение смыслов и событий в социальном пространстве и времени. Эта двойственность обеспечивает для социологии новое поле как для исследования социального взаимодействия в форме коммуникации или обмена смыслами и символами в виде графических изображений или видео, так и для изучения социального времени.

По мнению П.Сорокина и Р.Мертон, социально время не непрерывно: его прерывают даты и события [5]. Расширение сфер интеракции и коммуникации породило все существующие календарные системы. Но со становлением Юлианского или Григорианского календарей как систем летоисчисления и формализованного отделения дней «вчера», «сегодня» и «завтра» расширение сфер коммуникации не закончилось.

У каждого пользователя сайта социальной сети собственный календарь – календарь записей. Каждая запись представляет собой некий рубеж в его жизни: новое стихотворение, фотография, мелодия, мысль или новость.

Любое сообщение на странице сайта социальной сети несет в себе информацию, которая значима для автора записи, и которой он хочет поделиться со своими читателями, таким образом, воздействуя на их социальное время. Таким образом, каждая запись – элемент социального времени ее автора и каждого пользователя, который ее увидит. Тезис о воздействии в первую очередь касается записей, содержащих социально-значимую информацию. Далеко не каждая запись несет в себе какие-либо новости, но таких записей достаточно много, чтобы можно было говорить о формировании социального времени на данном типе интернет-ресурсов.

Под сайтами социальных сетей – мы понимаем ресурсы, предоставляющие социально сетевые услуги по поддержанию эго-сети с возможностью построения аффилиативной сети. К данному типу ресурсов относятся как непосредственно социально-сетевые ресурсы (Vkontakte, Facebook, МойМир и т.д.), так и блоги. Блоги можно рассматривать как частный случай сайта социальных сетей, так как пользователь строит эго-сеть, но в основе построения сети лежит не принцип личного знакомства, а общность интересов. Многие сайты социальных сетей, в свою очередь, позволяют делать заметки, в которых автор может вступать в полемику с читателями или просто вести летопись, что является характерной чертой блогов.

При изучении социального времени на сайтах социальных сетей можно выделить несколько важных показателей:

тематика информационных сообщений для определения характера социального времени,

масштаб распространения отдельного сообщения,

срок жизни волны распространения сообщения,

интенсивность распространения сообщения,

наличие рецидивов и их цикличности относительно календарного времени.

В ходе эволюции отношения к сайтам социальных сетей изменился подход к отбору новостей для публикации. На заре развития этого типа ресурсов основной целью каждого пользователя было найти друзей и одноклассников, посмотреть фотографии, узнать последние новости, обсудить общих знакомых. Каждое сообщение в ленте новостей было этапом осознанной самопрезентации. В настоящее время ситуация иная. Безлимитный интернет-трафик, доступ к Интернет из любой точки мира дает безграничные возможности для самовыражения и демонстрации своих побед и поражений. Но при этом многие пользователи делают только или в основном «перепосты», то есть переносят себе на страницу записи других пользователей и сообществ. С социологической точки зрения, они демонстрируют свои социальные установки и интересы, потому что каждое опубликованное сообщение имеет какой-то смысл. Но необходимо учитывать укорененность клипового мышления: современными интернет-пользователями управляет принцип «мне это понравилось, позже посмотрю внимательнее». Поэтому современная новостная лента в социальной сети представляет собой бесконечный поток коммуникативных шумов, в котором островки индивидуальной событийной информации, действительно имеющей значение для межличностного общения и социального времени, теряются.

В этом ключе интересен новый подход к формированию новостной ленты у сайта Facebook.com. Пользователи видят не только новости своих друзей, но и те записи, которые они прокомментировали или отметили как понравившиеся («лайкнули»). С одной стороны, этот принцип позволяет расширить круг своих знакомств за счет просмотра записей друзей друзей и облегчает отслеживание дискуссий. С другой – лента засоряется, когда раз за разом поднимается запись, в которой друг обсуждает какое-то событие. С точки зрения социологии, такой принцип формирования ленты ломает ось социального времени. Если раньше записи были расположены в строгом хронологическом порядке, и их можно было визуализировать как стрелу или

луч, то сейчас визуализация затруднена(рис. 1). Одно и тоже сообщение пользователь видит столько раз, сколько комментариев к этой записи оставил его друг или друзья. Постоянное изменение порядка записей мешает пользователю определить, какое событие по-настоящему новое, особенно при условии, что у него много друзей и, следовательно, лента обновляется достаточно часто.

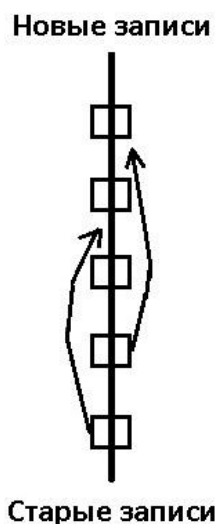

Рис. 1 Изменение хронологического порядка записей

Традиционно хронологический луч записей в ленте социальной сети изображали вертикально, но изменение принципа построения ленты, предложенное Facebook.com, снижает аналитический потенциал такого рисунка. Мы предлагаем превратить ее в нить осциллографа (рис. 2).

Рис. 2 Социальное время в Facebook.com

На рисунке представлена стрела социального времени, отражающая современную ленту новостей Facebook.com. Каждая точка – это запись, ее отклонение от оси – частота поднятия записи. Графическое изображение

точки вверху или внизу значения не имеет, так как важно только отклонение от основной оси. Пунктирная линия – порог усталости от просмотра одной и той же записи, после которого пользователь принимает решение о том, чтобы скрыть новости надоевшего друга. На уровне гипотез можно выделить как минимум два фактора, детерминирующих этот условный порог: близость отношений между пользователем и его другом и тематика записей, которые регулярно поднимаются.

Изменение принципа формирования ленты новостей никак не влияет на методологию исследования социального времени на сайтах социальных сетей. Особенности Интернет как средства массовой информации и коммуникации позволяют использовать широкий спектр исследовательских приемов и методик, могут быть использованы как качественные, так и количественные методики. Например, массовый опрос в форме анкетирования позволит определить субъективную оценку значимости события, а количественный анализ документов - выявить интенсивность и широту распространения. Качественный анализ текстов поможет проверить данные анкетирования о значимости события и его субъективной оценке. Учитывая особенности Интернет как средства коммуникации, анализ текстов и наблюдение подменяют друг друга, что расширяет исследовательские возможности. Важно, что в данной ситуации появляется ряд вопросов, ранее не поднимавшихся при исследовании социального времени. И главный из них – существует ли на Facebook.com социальное время именно в том виде, в каком мы привыкли его видеть на сайтах социальных сетей («от события к событию») или он превращается в дискуссионную площадку по типу LiveJournal.com? На этот вопрос мы сможем ответить только после проведения эмпирического исследования.

Библиографический список:

Кульминская А.В. Социальная общность блогеров: становление и развитие в российском обществе: дис. канд. социол. наук, УрФУ, Екатеринбург, 2012. – 182 с.

Кастельс М. Галактика Интернет: размышление об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. – 324 с.

Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы. // Портал Текстология.ру [Электронный ресурс]
URL:<http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76> (дата обращения: 10.04.2012).

Соколов А.В, Общая теория коммуникации. Спб., 2002. – 461 с.

Сорокин П. А. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа / П. А. Сорокин, Р. К. Мертон // СОЦИС. — 2004. — № 6. — С. 112—119.

УДК 316.023.4

ББК 60.5

Макарчук, Н.Ю.

Специфика управления в условиях многонациональных коллективов
организации закрытого типа

MaKarchuk, N.

Specificity of management in a multinational organization of closed type

В статье рассмотрена характеристика многонациональных коллективов, развивающихся в организациях закрытого типа. Автор выделяет основные особенности и затруднения, возникающие в ходе управления подобными коллективами. По результатам анализа выделены базовые знания управленческого звена, позволяющие сгладить конфликтные и дестабилизирующие факторы.

The article describes the characteristics of multinational groups, developing in closed institutions. The author identifies the main features and difficulties encountered in the management of such groups. The analysis highlighted the basic knowledge of management, allowing smooth the conflict and destabilizing factors.

УПРАВЛЕНИЕ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОЛЛЕКТИВ,
ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАКРЫТОГО ТИПА, МЕНЕДЖМЕНТ,
ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ.

MANAGEMENT, MULTINATIONAL GROUP, THE ORGANIZATION
OF CLOSED TYPE, MANAGEMENT, MANAGEMENT EFFICIENCY.

Управление многонациональными коллективами достаточно прочно закрепилось в отечественной практике, ввиду естественного разнообразия народов, проживающих в России. С течением времени процессы глобализации увеличивают интенсивность контактов представителей различных национальных групп, что требует формирования управленческой системы и технологий управления, опираясь на специфику и состав коллектива. Учитывая многонациональный состав населения России,

значительное количество трудовых (в том числе и военных) коллективов, объединений, политических движений, благотворительных организаций сталкиваются с необходимостью выработки механизма по взаимной адаптации и созданию эффективных способов взаимодействия между представителями различных национальностей, координацией которых занимается руководитель [4, с. 86]. В силу различных обстоятельств в военной среде формируются многонациональные коллективы, в которых наряду с гражданами Российской Федерации работают или обучаются представители ближнего и дальнего зарубежья, что осложняет задачу военного командира, ответственного за подготовку и управление подразделением с целью обеспечения безопасности граждан.

Многонациональные или полиэтнические коллективы отличаются от иных коллективов своей социальной организацией. В отличие от однородных групп в таких коллективах структурной единицей зачастую является не отдельный человек с его особенностями и навыками, а группа одной национальной принадлежности, внутри которой формируется специфическое самосознание, проявляющееся в развитии общих интересов, групповых целей и т.д. Таким образом, объектом управленческого воздействия следует рассматривать национальную или этническую микро-группу, как неделимую исходную единицу социальной структуры многонациональной группы [5, с. 24].

Таким образом, многонациональный коллектив представляет собой совокупность людей, объединённых одной национальностью, языком, национально-психологическими особенностями, общей спецификой самосознания, внутригрупповыми нормами и принципами. В рамках одного смешанного коллектива может быть представлено несколько микрогрупп, представители которых по-разному реагируют на те или иные управленческие решения, что создаёт значительные трудности для руководителя.

Так как основной задачей коллектива является эффективное взаимодействие с целью получения планируемого результата, необходимо вырабатывать социально-психологическое единство процессов в сфере трудовой деятельности. Автор согласен с А.А. Гридчиным в том, что основными задачами руководителя являются:

целенаправленное вовлечение членов всех микрогрупп в решение задач организации;

актуализация общеколлективных целей и ценностей в рамках организационной стратегии;

формирование чётко выстроенных коммуникативных сетей для нивелирования стереотипических представлений национальных групп касательно друг друга [3, с. 17].

Отличительной особенностью работы со смешанными коллективами является поддержание устойчивых коммуникационных связей между представителями одной национальности как внутри, так и за пределами подразделения в рамках всего учреждения, либо профессионального сообщества, что делает эти группы не только более широкими, нежели конкретный отдел или подразделение, но и надорганизационными в принципе. Поэтому отношения между ними интенсифицируют обмен информацией по вопросам производственного, политического и иного характера. С другой стороны, это осложняет коммуникативные связи представителей различных этнических групп, не принадлежащих к определённой национальности.

На основе сложившихся зарубежных и отечественных практик Н. Плесс выделил три основных вида межэтнических взаимодействий в коллективе.

1. Мононаправленное влияние одной национальной микрогруппы на другую, где формируются отношения доминирования и подчинения на основе исторически сложившихся особенностей.

2. Содействие двух или нескольких национальных групп на условиях равноправия, что позволяет им достигнуть единой точки зрения в отношении целей и планируемых результатов работы. В случае успешного развития данной стратегии, содействие переходит в более устойчивую форму – сотрудничество.

3. Противодействие одной этнической группы многонационального коллектива другой, что блокирует усилия каждого объединения и создаёт помехи в получении производственных результатов и коммуникационные шумы [6].

Межэтническое взаимодействие может быть представлено как жёстким и тираническим подходом, так и мягким, которое впоследствии приводит к ассимиляции с растворением этногрупповых норм и интересов в коллективе, либо к дискриминации интересов и прав одной из микрогрупп.

Специфика и возможные пути развития межэтнических взаимодействий в организации определяются конкретными установками национальных групп, их устойчивыми представлениями о собственном народе и «других». В случае значительного доминирования подобных представлений над оценкой конкретных представителей руководителю приходится предусматривать способы предотвращения формирования устойчивых стереотипов.

Национальный (этнический) стереотип обычно представлен схематичным образом собственной и чужой этнической общности, который отражает упрощённое знание о психологических особенностях и привычках в поведении представителей определённого народа.

Стереотип по своему содержательному значению представляет примитивное восприятие национальности через несколько упрощённых признаков, которые не могут формировать объективное представление о её представителях. Данный факт приводит к стремлению этнических групп отстаивать и преувеличивать свою значимость относительно других групп,

присваивая своей группе абсолютизированные положительные характеристики, что возвышает статус одной группы среди прочих [1].

Поверхностные представления о собственной или чужой национальной специфике приводят к развитию в коллективе этноцентризма, а в случае политизации межнациональных отношений стимулируют развитие национализма.

Групповые национальные стереотипы в организации закрытого типа могут быть представлены в форме стереотипов поведения и стереотипов восприятия. Ожидаемое национальное поведение позволяет типологизировать ситуации и выбирать способ ответной реакции на управляющее воздействие. Поэтому знание руководителем специфики национального поведения позволяет прогнозировать действия и возможные реакции отдельных представителей и групп в целом. В то же самое время представление командира о восприятии одних национальных групп другими, расширяет возможности по предотвращению конфликтных ситуаций, вызванных нетрудовыми аспектами.

Следует отметить, что некоторые авторы, например, А.А. Гридчин, считают, что стереотипизация в умеренных границах позволяет руководителю повысить норму управляемости коллективом, опираясь на устойчивые представления подчинённых и в ряде случаев, использовать их для разрешения конфликтных ситуаций. Также присутствует определённое преимущество и для члена национальной группы – социальное окружение упрощается, что позволяет не затрачивать значительное время на адаптацию в коллективе [2, с. 56].

Учитывая неоднозначность проявления стереотипизации национальных групп, руководителю необходимо вырабатывать навыки по определению степени и качества воздействия стереотипов на конкретные результаты деятельности и качество организационной культуры.

Деструктивные стереотипы или национальные предрассудки представлены неадекватными, искажающими действительность установками,

стимулирующими развитие конфликтов и эксклюзии представителей иных национальностей, в случае превалирования представителей одной национальной микрогруппы. В данном случае необходимой мерой коррекции ситуации является метод коллективных бесед посредством совещаний, собраний и мероприятий, в рамках которых представители этнических групп интенсифицируют межнациональные контакты, что позволяет снизить уровень и степень формирования деструктивных стереотипов. В то же время необходимо стимулировать образование положительных установок и стереотипов восприятия и поведения. При этом следует учитывать тот факт, что яркие положительные или отрицательные аффекты и эмоции могут повлиять на формирование положительных или деструктивных стереотипов. При этом, чем значительнее будет отличаться аффект от стереотипа, тем сильнее выражается смена последнего.

На основе анализа теоретических основ управления многонациональным коллективом автор работы пришёл к выводу, что руководитель должен обладать рядом специфических знаний, позволяющих управлять многонациональным коллективом в учреждении закрытого типа, где внутренние коммуникации сильно интенсифицированы.

1. Национально-психологические и другие особенности представителей национальных групп.
2. Формы и способы их поведения и взаимодействия в стандартных ситуациях межнациональной коммуникации.
3. Традиции и стереотипы восприятия представителей этнических групп относительно самих себя и других групп.
4. Основные особенности языка и общения.
5. Особенности национального самосознания, адекватная оценка которого позволяет прогнозировать результаты тех или иных поручений.
6. Потребности, мотивация, ценностные ориентации в этнических группах коллектива, а также национальная специфика их реализации в ходе общения и взаимодействия.

7. Особенности проявления когнитивных факторов национального самосознания в ходе индивидуальной и групповой деятельности.

8. Наличие противоречий национальных традиций, способов деятельности и сложившихся для данного региона или сферы деятельности.

В ходе принятия управленческих решений в отношении многонациональных коллективов руководитель должен уделять достаточное внимание национальным стереотипам, как сложившимся в коллективах, так и присущих ему самому. Работа с представителями других этнических групп требует от системы управления максимальной однозначности, гибкости и возможности внешней адаптации к особенностям традиций различных культур. Формирование сплочённого многонационального коллектива – сложная и комплексная задача, реализация которой в закрытом коллективе является первостепенной целью в консолидации усилий сотрудников организации.

Литература

Алипханова Ф.Н., Омарова А.А. Факторы воспитания интернациональных чувств в многонациональном коллективе. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/factory-vospitaniya-internatsionalnyh-chuvstv-v-mnogonatsionalnom-kollektive> (дата обращения: 10.12.2015 г.).

Гридчин А.А. Методология урегулирования региональных конфликтов // Свободная мысль. 2009. – № 7. – С. 54–58.

Гридчин А.А. Посредническая технология регулирования социальных конфликтов // Этносоциум и межнациональная культура. 2008. – № 4 (12). – С. 17–20.

Малуев П. А. Управление персоналом. – М.: Альфа-Пресс, 2008. – 184 с.

О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12.05. 2009 г № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. – № 20. – С. 24–44.

Плесс Н. Управление культурным многообразием требует смены парадигмы // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vasilieva.narod.ru/9_2_00.htm (дата обращения: 09.12.2015 г.).

УДК 316.3(477)

ББК 60.53(4УКР)

Назаркина, В.Н.|| Подольская, Т.В.

Социальный кризис: сущность, этапы, варианты выхода в Украине

Nazarkina, V.|| Podolskaya, T.

Social crisis: essence and options to overcome the crisis in Ukraine

Выявлена сущность социального кризиса, характерные черты его динамики и стадии в современной Украине. Раскрыты особенности дискурса травмы, выделены основные уровни травмирующего воздействия на граждан. Определены трудности разрешения кризисной ситуации и типы реагирования украинцев на проблемы в нестабильном обществе. Обозначены стратегические цели социальной политики в плане переориентации запросов граждан в модернизационном, а не в традиционном направлении. Предложены варианты выхода из кризиса в Украине

Essence of social crisis as well as the characteristic features of its dynamics and stage are revealed in modern Ukraine. Particularities of discourse of trauma are disclosed. Main levels of traumatic effects on citizens are identified. Difficulties of resolving a crisis situation and types of response of Ukrainians to the problems are determined in unstable society. Strategic objectives of social policy are defined in terms of reorientation requests of citizens in the modernization, while not in the traditional direction. Options of recovery from the crisis in Ukraine are offered.

ДИСКУРС КРИЗИСА|| ДИСКУРС ТРАВМЫ|| КРИЗИСНОЕ СОЗНАНИЕ|| НАПРЯЖЕННОСТЬ|| СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС|| ТРАНСФОРМАЦИЯ|| ТРЕВОЖНОСТЬ

DISCOURSE OF CRISIS|| DISCOURSE OF TRAUMA|| CRISIS OF CONSCIOUSNESS|| TENSION|| SOCIAL CRISIS|| TRANSFORMATION|| ANXIETY

Переходное состояние социальной системы, которое предполагает радикальные изменения для решения возникших проблем, – это социальный кризис. Социальная система функционирует и развивается до тех пор, пока

она способна разрешать свои внутренние противоречия и отвечать на внешние «вызовы».

Со второй половины XX века критика отдельных сторон современности перерождается в тотальное неприятие современной общественной жизни – появляются катастрофические картины будущего, теория прогресса теряет смысл, а социальные изменения воспринимаются как постоянный, непреодолимый, «хронический» кризис, в результате формируется «*дискурс кризиса*».

Рассматривая кризис как перерыв в функционировании социальной системы с позитивным для нее или негативным исходом, мы акцентируем внимание на таких характерных чертах динамики кризиса: скорость, неожиданность, затяжной характер. В условиях кризиса система не может развиваться дальше, она исчерпала ресурсы и смысл существования, наталкивается на сопротивление извне, осознает внешний предел эволюции. Мы согласны с мнением С. Л. Катаева, который выделяет следующие *стадии кризиса*: 1) предкризисная, когда выявляются первые симптомы и причины возможного кризиса, а система входит в зону насыщения, в которой ее потенциал исчерпывается; 2) кульминация кризиса, достижение границ развития; 3) разрушение системы либо ее переход в новое состояние, образование новой системы [3, с. 55].

В то же время появляется третья «идея, согласно которой сама по себе изменчивость может подрывать нормальный ход общественной жизни, наносить членам общества своего рода удар, вызывать стресс и порождать состояние своеобразной «травмы». Петр Штомпка, анализируя социальные перемены в современном обществе, предлагает обозначить новое направление социальной мысли как *дискурс травмы*, включая сюда новые критические мотивы, которые имеют отношение к самой изменчивости жизни, агрессивности перемен, недовольство темпами и направленностью преобразований современной формации [6, с. 472].

Источником травмы чаще всего становятся изменения, которые носят

резкий, внезапный характер, охватывают одновременно различные области общественной жизни; это глубокие, шокирующие, радикальные изменения, затрагивающие главные для данной группы ценности, правила, убеждения.

Даже если травматогенные изменения ожидаемы и в целом прогрессивны, они все равно неблагоприятно воздействуют на общество, вносят дезорганизацию, нарушают равновесие в обществе. Наиболее уязвимой сферой в этом плане является культура как универсум ценностей, правил, образцов, символов, ведь культура – это та область, где кодируется идентичность и непрерывность развития общества. Изменения имеют травматические последствия и на индивидуальном уровне, поскольку угрожают таким ценностям человека, как постоянство, уверенность, безопасность, возможность предвидеть социальные последствия.

Стрессовые и шокирующие изменения во всем мире и, в том числе в Украине, имеют разную меру реальности. Некоторые изменения выражаются в объективных событиях и приводят к действительному изменению положения групп или обществ, к изменению их культурной идентичности: а) в ситуации широкого распространения культурных контактов столкновения и конфликтов разных культур (колониализм, «вестернизация», культурный плюрализм и смешение культур); б) сообщества поддаются воздействию чужой культуры в результате миграций, политической эмиграции; в) изменения в политической и экономической сфере требуют приспособления к ним культурных правил, укоренившихся в традиции (например, ориентированные на рыночную систему и демократию изменения в Восточной Европе после падения коммунистических режимов) [6, с. 475].

Наряду с реальными изменениями этих трех типов происходят также изменения восприятия и интерпретации событий, когда подвергаются ревизии определенные традиции и оценки, заново переписывается история, вместо одних героических мифов формируются другие, актуализируются те этнические и религиозные традиции, которые не были востребованы прежними поколениями. К травматическим результатам нередко приводят и

воображаемые, лишённые реальности, виртуальные изменения, основанные на слухах, мифах, пересудах.

Петр Штомпка выделяет три уровня культурной травмы.

1. В масштабе *индивидуальной биографии* человека в результате травматогенных изменений приходит в возбуждение и разрушается стабильный мир усвоенных навыков, обычаев, смыслов. В профессиональной сфере это может быть потеря работы или уход на пенсию; в семье – заключение брака, смерть кого-то из близких, рождение ребенка и т. д.; в социальной жизни – депортация, эмиграция, суд и т. п. В то же время, наряду с примерами внезапных, неожиданных, «шокирующих» изменений, культурные травмы могут быть следствием и постоянно накапливающимися, продолжительными, медленными изменениями (углубляющийся алкоголизм или наркомания, неизлечимая болезнь, распад супружеских отношений и т. п.).

2. *Коллективные травмы* касаются человеческих сообществ и приводят к дестабилизации или деструкции групповых культур, системы норм, ценностей, убеждений, вплоть до полной утраты групповой идентичности. Это могут быть как неожиданные, быстрые изменения (распад футбольной команды, банкротство фирмы и т. п.), так и медленные, накапливающиеся постепенно травматогенные изменения (деморализация войскового подразделения, коррупция в политической партии, нарастающий в группе конфликт и т. п.).

3. Травматические изменения называются *историческими*, когда травме подвергаются целые сообщества – цивилизации, регионы, этнические, национальные группы. Это могут быть как внезапные, непредвиденные изменения (войны, революции, ломка общественного строя, массовые миграции, экономические кризисы и т. п.), так и продолжительные, накопительные процессы (например, загрязнение окружающей среды, рост смертности населения, все большая интенсивность дорожного движения, распространение болезней, связанных с цивилизацией и т. п.) [6, с. 477].

Изменения в процессе трансформации могут быть описаны в рамках

теории хаоса, а не упорядоченной системы. В трансформирующемся обществе возможен парадокс, когда изменения не ведут к реальным переменам. Если в стабильном обществе изменения происходят постоянно, оно является действительно динамичным, то в трансформирующемся обществе неупорядоченные изменения обуславливают *нединамичный процесс*. Одним из признаков кризиса, переживаемого украинским обществом, является отсутствие перемен на фоне хаотичного бесплодного динамизма.

В трансформирующемся обществе, каким является Украина, особой остроты достигает противоречие между массовыми потребностями и возможностями их удовлетворения в массовых масштабах, что становится почвой для формирования кризисного сознания. Для *кризисного сознания* украинских граждан характерна растерянность, неустойчивость ориентации, ощущение утраты опоры; оно плохо управляемо, панично, склонно к агрессии. Кризисное сознание неидеологично, оно не имеет теории и программных предпосылок, оно не способно конструировать будущее. В силу усеченности представлений о будущем оно не способно проектировать жизненную стратегию в далекое будущее. Отсутствие детерминации будущим снижает социальный уровень мотивации. Этим обуславливается огромная роль эгоистических, материальных устремлений, резкое снижение качества социальной активности. Те направления деятельности, которые связаны со стратегией, с отдачей в далеком будущем (теоретические, фундаментальные исследования, общие теории развития) как бы приглушают свою активность. Отказ от многодетности, от накоплений – это проявления кризисного сознания. Активное потребление, которое внешне выглядит как характеристика процветающего стабильного общества, на самом деле становится паническим потреблением, в отличие от активного общества, поскольку оно не связано с развитыми потребностями и излишками средств потребления.

Согласно данным репрезентативных социологических опросов по

международной программе ISSP в 2009 г. (украинская часть программы реализована учеными Института социологии НАН Украины и Киевского Международного Института социологии под рук. проф. С. А. Макеева), социальная структура общества имеет глубокий разрыв между большим нижним слоем и небольшими по численности слоями верхушки в иерархии социальных возможностей. Структурные разрывы не обеспечивают доступ большинства населения к необходимым ресурсам; дисфункциональность структуры не обеспечивает потребности самореализации человека и находит свое проявление в высоком социальном и институциональном недоверии граждан, в постоянных конфликтах ценностных ориентаций и поведения и, как следствие, – в неспособности общества (в таком структурном и функциональном состоянии) к устойчивому развитию [4, с. 181–184]. К сожалению, в современной Украине имеет место общественная атмосфера, характерная для социума, переживающего гражданско-политические катаклизмы на базе военного противостояния: доминирование радикальных оценок и характеристик у представителей различных политических взглядов, особенно на эмоциональном уровне; возрастание категоричности позиций и высказываний при одновременном повышении уровня подозрительности; уменьшение открытости межличностной коммуникации, использование угроз, обвинений и преследований на бытовом уровне; дальнейшее усиление накала ненависти между оппонентами, рост раздражения и агрессии; повышение уровня некритического восприятия социальной действительности; возрастающая поляризация по принципу «свой – чужой».

Центр социальных исследований «София» при содействии Украинского института социальных исследований имени А. Яременко с 16 по 21 октября 2014 г. провел опрос населения во всех областях, подконтрольных официальной власти Украины. Всего было опрошено 2 021 респондент старше 18 лет. Согласно полученным данным, большинство опрошенных отмечают наличие угрозы в Украине сепаратизма (76%), роста экстремизма (62,9%), противостояния между разными регионами Украины

(62,5%), международного терроризма (61,4%). Оценка этих угроз существенно выросла по сравнению с результатами исследований, проведенных в 2012–2013 гг. Единственный показатель, по которому оценка угроз снизилась по сравнению с 2013 г. – это ощущение угроз со стороны украинской власти (с 41,2% до 31,4%). Сейчас чаще такую угрозу ощущают жители Южного региона (45,8%), реже – жители Запада страны (16%). Граждане Украины достаточно низко оценивают уровень собственной защищенности от разнообразных угроз. К тому же, оценка защищенности от военной агрессии и террористических актов снизилась по сравнению с 2013 г. Незначительно возросло (с 10,4% до 15,2%) число тех, кто ощущает себя защищенным от попыток отчуждения их собственности, хотя процент тех, кто не чувствует себя защищенным в этой сфере, остается очень высоким (74,8%) [2].

Однако, по нашему мнению, кризис не исчерпывает определение трансформирующегося общества, а является только одним из его существенных характеристик. Кризис выражается в отсутствии успехов в процессе деятельности, в неуправляемости социальной системы, в регрессии к более ранним формам существования системы, когда люди начинают руководствоваться достаточно примитивными средствами для достижения целей. Но параллельно из хаоса выстраивается новый порядок, создаются новые образования со сложной структурой, вырабатывается новая знаковая система, другая парадигма, которая стремится реструктурировать ситуацию.

Украинские социологи очертили несколько *вариантов выхода из кризиса*:

– несмотря на сопротивление тех, кто считает движение по прежнему пути социальным самоубийством, все-таки побеждает традиционное определение ситуации;

– неспособность даже при использовании радикальных подходов решить социальные проблемы, поэтому их решение переносится на будущее;

– появляется *новая концепция* социально-политического развития (например, «постмодернизация» и разворачивается борьба за ее принятие) [3; 5].

Трудности разрешения кризисной ситуации состоят в том, что она выглядит не как эволюционно подготовленный результат предыдущего развития, а как радикально иной подход. Половинчатые решения на фоне уступок конкурирующих сторон противоречат логике развития концептуальных подходов. Трагизм ситуации состоит в том, что баланс политических сил не дает одной из концепций одержать победу, поэтому принимаются только компромиссные решения, а значит, наихудшие, неэффективные.

Обычно авторы выделяют благотворные или негативные факторы влияния кризиса на общественную систему, подчеркивают при этом, что кризис может быть неминуемым или случайным, который можно своевременно предотвратить. Мы считаем важным рассматривать кризис также и как переход системы в новое качество, создание качественно новой системы – тогда кризис выступает моментом развития. В то же время мы считаем важным в методологическом плане отличать кризис от катастрофы, которая означает разрушение системы, образование новой системы с худшими качествами или полное прекращение развития.

В методологическом плане необходимо различать собственно трансформацию и период трансформационного кризиса. Если трансформацию мы трактуем как особенное состояние общества, когда оно находится в процессе модификаций, со структурой, которая постоянно изменяется, то трансформационный кризис – это этап, переходная стадия от стабильного общества к трансформирующемуся. Преодоление кризиса может означать не смену социально-экономических условий существования, а изменение личностного взгляда на жизнь.

Учитывая системный характер трансформационного кризиса, важно описать основные тенденции в кризисном обществе с помощью понятий «тревожность» и «напряженность», которые возникают в системе при

условии продолжительной нерешенности социально значимых проблем. При этом необходимо различать конструктивную и деструктивную напряженность. Если *конструктивная напряженность* мобилизует людей к активному освоению культурных инноваций (люди адаптируются к изменившимся условиям и создают новые, а также формируют базу для дальнейших усилий), то *деструктивная напряженность* подталкивает людей к агрессивному отказу от освоения культурных инноваций и к их разрушению. Напряженность не может продолжаться долго, она разряжается в актах протеста или снижается после удовлетворения потребностей населения, проявляясь во вспышках недовольства или в депрессивных настроениях.

В силу этого возникают следующие *типы реагирования* на проблемы.

1. *Активно-разрушительный тип* поведения имеет две базовых ориентации: а) враждебность к модернизационным моделям – люди объединяются, чтобы противодействовать проникновению и распространению модернизационных образцов, вступают в борьбу с их носителями. По сути, речь идет о попытках разрушить новые потребности; б) стремление некоторых групп людей получить контроль над образцами модернизации, их проникновением и использованием. Они объединяются, чтоб вызвать массовое недовольство неудовлетворенностью возросших модернизационных потребностей. При этом они пытаются разрушать существующий в обществе отпор модернизационным изменениям.

2. *Пассивный тип* социального поведения характерен для людей, у которых нет стремления проявлять активность, направленную на удовлетворение потребностей собственными силами: а) одна часть людей объединяется на основе акцентуации привычных культурных стереотипов: им придается статус «традиционных ценностей», «культурного наследия»; б) другая часть в принципе признает позитивный смысл модернизационных образцов, но подчеркивает, что без них вполне можно обойтись.

В обоих случаях эти люди пытаются защитить себя от новых

культурных образцов, они скорее минимизируют, сократят, свернут свои собственные потребности, припишут повышенную ценность уже существующим объектам, чем мобилизуют усилия для активизации модернизационных процессов.

3. *Конструктивный тип* поведения – люди объединяются, чтоб создать условия для возрождения собственными силами тех модернизационных представлений (вещей, знаний, технологий, качества жизни), которые при заимствовании извне оказались наиболее целесообразными. Часть таких людей сосредоточена на воссоздании тех элементов среды, которые обеспечивают удовлетворение потребностей. Другая часть отдает предпочтение изменившимся интересам и с наименьшим добавлением новизны стремится создать условия для удовлетворения новых потребностей собственными силами. В обоих случаях проявляется ориентация на изменение элементов окружения, на их приспособление к собственным потребностям, а там, где это оказывается невозможным, на переориентацию запросов, но в модернизационном, а не традиционном направлении [3, с. 118–119].

Конструктивная ориентация на недостаточную освоенность культурных инноваций проявляется в активном стремлении освоить новые знания и навыки. Люди с такой ориентацией готовы тратить дополнительное время и усилия на обучение и переобучение, пытаются реализовывать полученный опыт с целью улучшения условий своего существования. В ходе такого освоения они обычно активно проявляют доступный им культурный потенциал.

Оценивая в целом реакции на модернизационные процессы в Украине, можно отметить, что позитивные мотивы для осуществления трансформационных преобразований ослаблены, мотивы носят в основном негативный характер, опираются на вынужденные действия по обеспечению выхода из глубокого кризиса. Эгоистические и разнонаправленные мотивы препятствуют совместным усилиям по модернизации общества.

Базируясь на концепции безопасности, ориентированной на человека (individual-centred) [1; 5], стратегические цели социальной политики в Украине необходимо, по нашему мнению, определять следующим образом: достижение ощутимого улучшения материального положения и условий жизни людей; обеспечение эффективной занятости населения, повышение качества и конкурентоспособности рабочей силы; гарантия конституционных прав граждан в области труда, социальной защиты населения, образования, охраны здоровья, культуры; обеспечение прав и социальных гарантий, предоставляемых семье, женщинам, детям и молодежи; нормализация и улучшение демографической ситуации; существенное улучшение социальной инфраструктуры.

Список использованной литературы

1. Акимов Д. И. Социальная безопасность и роль социального маркетинга в ее обеспечении / Д. И. Акимов // *Методологія, теорія і практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : збірник наукових праць*. Вип. 16. – Харків : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2010. – С. 290–292.
2. Електоральні орієнтації населення. Результати соціологічного дослідження : Аналітичний звіт [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.razumkov.org.ua.../1412757450-file.pdf> (дата обращения: 28.12.2015).
3. Катаев С. Л. Українське суспільство / С. Л. Катаев. – Запоріжжя : ГУ «ЗІДМУ», 2005.
4. Куценко О. Д. Соціальна структура українського суспільства (суб'єктивні виміри у порівняльному контексті / О. Д. Куценко // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : збірник наукових праць*. Вип. 18. – Харків : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2012. – С. 177–184.
5. Подольская Е. А. Управление социальными процессами : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. А. Подольская, В. Н. Назаркина. – Харьков : Изд-во НУА, 2016. – 524 с.
6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества /

П. Штомпка. – Москва : Логос, 2005. – 755 с.

УДК 234.21:378

ББК 60.7

Павлов Б.С., Разикова Н.И., Сентюринна Л.Б.

Pavlov B., Razikova N., Sentyurina L.

Социализация и религиозность уральской молодёжи

Socialization and religiousness of the Ural youth

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых аспектов религиозной культуры и процесса социализации школьной и студенческой молодёжи на Урале. В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам конфессионального поведения студентов, проведённых авторами в 2010-2015 гг. в Институте экономики УрО РАН. Социологи раскрывают противоречивость религиозного сознания молодых людей, неоднозначность мотивов и причин их участия в организационно-пропагандистских акциях Российской Православной Церкви, рассчитанной, прежде всего, на молодёжную аудиторию.

Annotation: Article is devoted to the analysis of some aspects of religious culture and process of socialization of school and student's youth in the Urals. In the presented article, materials of a number of the complex regional researches on problems of confessional behavior of students conducted by authors in 2010-2015 at Institute of economy OURO RAHN are used. Sociologists open discrepancy of religious consciousness of young people, ambiguity of motives and the reasons of their participation in organizational propaganda campaigns of the Russian Orthodox Church calculated, first, on youth audience.

Ключевые слова: школьная и студенческая молодёжь, образование, православная церковь, семья, ценность, социализация, религиозное

сознание, грех.

Keywords: school and student's youth, education, Orthodox Church, family, value, socialization, religious consciousness, sin.

Важнейшей целью, содержанием и результатом процесса социализации молодого человека выступает достижение им вполне определенного и устойчивого уровня социальной зрелости. Последняя, предполагает восприятие индивидом социально значимого социального опыта, формирование у него ценностных ориентаций и установок в базовых сферах (видах) жизнедеятельности. К ним в первую очередь относятся сферы учёбы, труда и семейно-бытовой жизни. Процесс социализации личности связан с освоением ею первичных общетрудовых и профессиональных знаний, умений, навыков, с жизненными ориентациями и самоопределением, отвечающим общественным, групповым и личным интересам, наконец, способностью и готовностью индивида вступить в общественное производство в качестве активного, дееспособного субъекта преобразования окружающей действительности [1, 2].

В истории российского общества церковь всегда выступала в качестве особого института воспитания молодежи, причем не только религиозного, но и патриотического, гражданского, а также участвовала в становлении национального самосознания молодого поколения. Как известно, *в начале XX века советская власть резко ограничила функции религиозных организаций, в первую очередь – Русской Православной церкви (здесь и далее – сокращённо - РПЦ), отделив ее от государства. Тем самым, государство практически ликвидировало воспитательную функцию, законодательно «оградив» школу (как, собственно, и все институты системы общего и профессионального образования) от РПЦ [3].*

Об отношении современной уральской молодёжи к ценностям религии и религиозной культуре можно судить по данным ряда наших исследований, проведённых в Институте экономики УрО РАН и Физико-

технологическом институте УрФУ в 2010-2015 гг. В их числе:

- *2010-2011 гг.* – опрос 680 студентов старших курсов Уральского государственного университета (УГТУ-УПИ)¹ на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования – уровень и характер причастности молодых людей к религиозной культуре - **«Урал-ВУЗ-2011»**;

- *2013 г.* - был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15-ти общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9-ти школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши - 46%, девушки - 54%) – **«Урал-Школа-2013»**.

- *2014 г.* – по представительной выборке в Екатеринбурге и Челябинске были опрошены **150** экспертов по проблемам неблагополучного детства и девиантности поведения детей, подростков и молодых людей; в числе респондентов – опытные преподаватели Свердловского и Челябинского государственных педагогических университетов – 50 чел.; опытные социальные педагоги ряда школ Екатеринбурга и Челябинска – 50 чел.; специалисты в сфере обществоведения ряда институтов УрО РАН (г. Екатеринбург) – 50 чел. Проект носил социально-прогностический характер - **«Урал-Эксперт-2014»**.

- *2015 г. (март-апрель)*. по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (*УрФУ, г. Екатеринбург*) был проведен опрос 450 студенток старших курсов. В выборку были включены 225 студенток, обучающихся в институтах УрФУ технического (инженерного) профиля и 225 – соответственно гуманитарного профиля) –

¹ В настоящее время на его базе сформирован Уральский Федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина.

«Урал-ВУЗ-2015».

Остановимся на некоторых аспектах проблемы. Нашим юным респондентам «Урал-Школа-2013» задавался вопрос: «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас» – нами были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе – учащиеся г. Екатеринбурга, в знаменателе – г. ЗАТО «Лесной»):

- хорошие товарищи, верные друзья	-
	81 / 77
- хорошее здоровье	-
	72 / 78
- возможность обучения в ВУЗе на любимую профессию	-
	68 / 69
- хорошие родители	-
	57 / 62
- возможность самому зарабатывать деньги для собственных нужд	-
	61 / 51
- материальное благополучие, экономическая независимость,	-
	52 / 47
- содержательный, интересный досуг	-
	47 / 44
- хорошие жилищные условия	-
	40 / 49
- сознание того, что приносишь пользу людям	-
	31 / 30
- порядочность, совесть, доброе имя	-
	30 / 33
- чувство безопасности от насилия, воровства	-

- вера в Бога

-

Прежде всего, не может не удивлять практическая идентичность в распределении ответов у юных горожан в большом и малом городах. Разница по различным позициям в пределах статистической погрешности. Подобную схожесть в ценностных ориентациях мы связываем, по преимуществу, с воздействием на молодёжь *единого* в городах *информационно-идеологического поля* создаваемого Интернетом телевидением, радио и другими СМИ [4].

Небезынтересно и другое. *«Вера в Бога»*, как *жизненная ценность* была выбрана каждым пятым (21 %) респондентом в Екатеринбурге и в ЗАТО «Лесной», соответственно – 13 %. Не углубляясь в анализ этого феномена, отметим, что в настоящее время религиозность (например, факт причисления себя к верующим в молодёжной среде) часто имеет, в большинстве своём, ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, «элементы молодёжной субкультуры» отличающиеся значительной подвижностью. Нередко люди называют себя православными или мусульманами, воспринимая эти религии как существенный элемент культурной традиции того народа, к которому они принадлежат.

Об отношении необходимости и правомочности введения религиозного просвещения в российских общеобразовательных учреждений можно судить по результатам опроса *«Урал-Эксперт-2014»*. На вопрос анкеты: *«Как Вы считаете, необходимы ли в школах для учащихся средних и старших классов предметы «Уроки божьи», «Основы православной культуры»?»* ответы респондентов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных – 150 чел.):

- он, просто, необходим

	17
- больше доводов «за», чем	.
«против»	43
- больше доводов «против»,	.
чем «за»	22
- против введения такого	.
предмета	18

Сегодня РПЦ стремится восстановить утраченные связи и расширить свое присутствие в российских вузах. Свидетельством такого стремления, в частности, может служить выступления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в частности он говорил: «Стоит задача интенсифицировать свидетельство Православной Церкви в вузах России. Церковь входит и должна все глубже и глубже входить в самую жизнь российского студенчества, делить его радости и скорби, иметь его не объектом попечения, но стать неотделимым от него субъектом» [5]. О пристальном внимании РПЦ к студенчеству можно судить по практическим делам Церкви. Вот некоторые купюры из сообщений *информационного агентства Екатеринбургской Епархии* [6]:

«В Санкт–Петербурге пройдет межвузовский творческий конкурс, посвященный Татьянинному дню.

В Московской области состоится конференция «Молодежь и религия».

В Архангельске открылось студенческое православное кафе.

При учебных заведениях среднего Урала появляется все больше домовых храмов:

- в православной школе на улице Ясной Екатеринбурга несет служение храм во имя Святого Страстотерпца Царевича Алексея;

- в Уральском горном университете восстанавливается храм во имя святителя Николая Чудотворца»

- еще один храм во имя святой мученицы Татианы появился на уральской земле. Он открыт в стенах Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии».

Общий для всех наук о религии, включая социологию религии, принцип - принцип опоры на эмпирические данные. Этот конституирующий научные знания о религии принцип одновременно является разделительной чертой между научным подходом к изучению религии и феноменологическим, философским и теологическим. Социолог, изучая религию, имеет дело с тем, что доступно чувственному восприятию. Поэтому в религию как предмет социологического анализа он не включает сверхъестественное, ограничиваясь только эмпирическими данными. Социолог занимается только тем, что можно наблюдать и подлежит проверке. Он не может удовлетворяться общим впечатлением или теологическими аргументами в подтверждение, например, тезиса о том, что религиозная вера вызывает и обуславливает нравственное поведение. Только эмпирические данные могут подтвердить или опровергнуть это утверждение. Социолог должен получить эти данные, и только располагая ими, он может строить теоретические модели [7].

Авторами статьи предпринята попытка анализа уровня и характера причастности молодых людей к религиозной культуре, оценить некоторые аспекты поведения молодых россиян, связанные с таким феноменом общественного сознания, как *«Вера в Бога»*. В ходе исследования *«Урал-ВУЗ-2011»*; респондентам, предлагалось ответить на вопрос *«Верите ли Вы в Бога, и, если да, то к какому вероисповеданию Вы себя относите?»*. Были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных – 680 чел.)

- в Бога не верю - 14

- в Бога верю, но не отношу себя ни к какому

вероисповеданию

- в Бога верю, отношу себя к православию - 47
- в Бога верю, отношу себя к Исламу - 3
- в Бога верю, отношу себя к прочим - 5

конфессиям

Почти половина опрошенных студентов (47%) считают себя православными. Данный факт вполне можно считать одним из аргументов в пользу сотрудничества вуза и РПЦ, но с одной оговоркой. Почему студенты, у которых практически отсутствуют признаки канонического религиозного поведения, ассоциируют себя именно с православием. Что это: дань моде, исторической традиции («русский значит православный»)? На наш взгляд, это, прежде всего, может быть связано с религиозностью их родителей. Не последнюю роль в самоопределении опрошенных мог сыграть также и тот факт, что почти все они когда-то прошли обряд крещения. Так на вопрос «*Крещены ли Вы?*» утвердительно ответили 97% опрошенных из группы православных. Вполне возможно, большинство таких студентов мысленно ставят знак равенства между понятиями «крещенный» и «православный».

Как показывают многочисленные социологические опросы, посвященные проблеме религиозности российского населения, за самоназванием «православный» редко стоит нечто большее, чем просто слова. Как правило, среди людей, считающих себя православными крайне мало тех, кто старается соблюдать хотя бы основные предписания Православной Церкви. Например, православному христианину предписано посещать храм каждое воскресенье и во все великие праздники. Опрос показал, что опрошенных студентов, считающих себя православными, только каждый десятый (10%) посещает церковь регулярно, каждый двенадцатый (8%) - раз в месяц и чаще, и лишь двое из каждой сотни (2%) - каждую неделю. Подавляющее же большинство таких респондентов либо вообще не бывают в Храме (6%), либо посещают его, но нерегулярно (77%).

Конечно, эту группу студентов нельзя назвать добросовестными прихожанами, а скорее (*на манер протодиакона Русской Православной*

Церкви, профессора Московской духовной академии Андрея Кураева) – «захожанами». Но факт остается фактом – они, все же, приходят в храм. Другой вопрос, с какой целью? Чтобы как-то прояснить этот вопрос мы спросили студентов: *«Если вы редко бываете в Церкви, то в эти редкие случаи, что служит поводом к его посещению?»*. Как выяснилось в опросе *«Урал-ВУЗ-2011»*, список поводов к посещению храма у группы православных студентов весьма обширен (% от общего числа опрошенных 680 чел.):

- желание помолиться (в тяжелой жизненной ситуации; перед важным делом)	78
- желание исповедаться и причаститься	74
- «большие» церковные праздники (Рождество, Пасха и др.)	71
- отпевание усопшего	66
- желание поговорить (посоветоваться) со священником	65
- крещение детей	58
- желание хотя бы ненадолго отвлечься от повседневной суеты	54
- венчание новобрачных	53
- другое	49

Известно, что в православии к числу восьми греховных страстей отнесены: *чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордыня*. Грех для христиан - это не просто проступок или провинность, но и само желание не следовать заповеданному; а также нечто,

противоречащее человеческой природе (ведь человек создан по образу и подобию Божию), порочность человеческого существа, проявление его падшей природы, которую он приобрёл при грехопадении.

С точки зрения православия – пишет протоиерей Серафим Слободской, - «Грех, или зло есть нарушение закона Божия. Грех - это «причиняемый себе вред, объективно возникающий вследствие нарушения законов нормального человеческого существования. Грехом человек отдаляет себя от Бога. Исполнение заповедей необходимо не Богу, а человеку. Последствия причиненного себе вреда называют *наказанием*, а страдание от последствий - *воздаянием*. Греховные помыслы суть искушения» [8]. Осознают ли такую тесную взаимосвязь «грех-наказание» уральские студенты? Мы спросили у студентов *«Верите ли Вы в то, что Бог наказывает людей за их прегрешения?»*. Утвердительно ответили чуть больше половины опрошенных (52%), отрицательно – каждый четвёртый-пятый (22%). Остальные 26% затруднились ответить на вопрос.

Логично было бы предположить, что наши респонденты, давшие утвердительный ответ, будут стараться (склонны) избегать тех поступков, за которыми, на их взгляд, «последует кара божья». Однако, по мнению многих священников сегодня слово «грех» «постепенно лишается своего истинного содержания, и в результате воспринимается как нечто запретное, но чрезвычайно привлекательное, что очень хочется совершить, хотя по непонятным причинам это очень не нравится Богу».

Для того чтобы прояснить представления молодежи о грехе, в исследовании студентам задавался вопрос: *«Какие из перечисленных поступков, действий, на Ваш взгляд являются грехом?»*. Вот какие мы получили ответы (% от общего числа опрошенных в группе; в числителе – массив в целом – 680 чел.; в знаменателе – студенты, причисляющие себя к православию – 330 чел.):

а) «тяжкий грех»

	- 89 /
- убийство	93
	- 80 /
- самоубийство	84
	- 72 /
- аборт	78
	- 64 /
- проституция	72
	- 61 /
- измена (жене / мужу)	66
	- 52 /
- гомосексуализм	56
- употребление легких наркотиков	- 50 / 63
б) «грех средней тяжести»	
- ложь в личных интересах	- 43 / 51
	- 43 /
- пьянство	50
- употребление матерных слов	- 25 / 36
	- 25 /
- развод в семье	34
	- 25 /
- курение	33
в) практически «не грех»	
	-
- посещение стриптиз-бара	13 / 20
- половые отношения до	-

вступления	13 / 19
в брак для ДЕВУШКИ	
- половые отношения до брака	- 9
для ЮНОШИ	/ 13
- сокрытие доходов от налоговой	-
инспекции	12 / 14

Учитывая, что все перечисленные в таблице варианты действий с точки зрения Православной Церкви в большей или меньшей степени являются грехом, то ответ на первый, поставленный нами вопрос напрашивается сам собой – представления студенческой молодежи о грехе в целом весьма далеки от канонических правил Православной Церкви. Для заинтересованного и компетентного читателя, приведённые в таблице данные, на наш взгляд, являют серьёзный предмет для размышлений о состоянии не только духовной культуры и морали передового, *наиболее образованного* отряда российской молодёжи - студенчества [9].

Исследование показало, что соотносительная разница ценностных ориентаций и нравственных оценок большинства асоциальных проявлений в различных социально-демографических группах весьма незначительна. Так, «пьянство» не считают грехом 57% всех опрошенных студентов, в том числе 50% - «православные». Небезынтересны и данные ответов на этот же вопрос двух групп студентов: мужчин и женщин. «Аборт» считают грехом – 66 % мужчин-респондентов и 78 % - женщин; «Гомосексуализм» - соответственно – 64 / 41 %%; «Проституция» - 59 / 69 %%; «Измена (жене/мужу)» – 57 / 65 %%; «Пьянство» - 37 / 48 %% и т.д. [10].

В связи с этим, нам представляется, что сегодня особо актуально воззвание к человечеству Святейшего Патриарха Кирилла и Папы Римского Франциска, озвученное ими в, совместно подписанной 13 февраля 2016г., Декларации: «Православные и католики, разделяя одно и

то же представление о семье, призваны свидетельствовать о семье как пути к святости, являющем верность супругов по отношению друг к другу, их готовность к рождению и воспитанию детей, солидарность между поколениями и уважение к немощным. Семья основана на браке как акте свободной и верной любви между мужчиной и женщиной... Брак - это школа любви и верности. Мы сожалеем, что иные формы сожителства ныне уравниваются с этим союзом» [11].

Кратко обратимся к генезису явления. Согласно результатам социологических исследований, проводимых, в частности Социологическим центром Ю.Левады и Институт социально-политических исследований (ИСПИ) РАН, динамика религиозности в стране в течение последнего десятилетия XX – первые годы XXI в. имела тенденцию к экстенсивному росту. Количество людей, с большей или меньшей определенностью относящих себя к верующим, в течение 1990-х гг. возрастало и к концу века составило от 70 до 74% взрослого населения страны [12].

Однако, говорить о «религиозном возрождении» в России в постсоветский период как феномене духовной жизни общества, как характеристике массового сознания *преждевременно*. Одно лишь доказательство: 450 уральских студенток УрФУ в опросе «*Урал-ВУЗ-2015*» попросили из 16-ти жизненных ценностей, к которым стремиться человек выбрать 7-8 наиболее важных них лично. Вот как распределились ответы. Первые 8 мест заняли следующие жизненные ценности (% от общего числа опрошенных – 450 чел.):

- материальное благополучие **83**
- хорошая семья **61**
- интересная работа **48**

- стремление прославиться	42
- профессиональная карьера	38
- хорошие отношения с родителями	34
- хорошие товарищи, верные друзья	29
- профессиональное признание коллег	28

Последние три места (№№ 14, 15 и 16) заняли соответственно следующие жизненные ценности - «уважение со стороны людей» - 12 %; «комфортные условия работы» - 8 %; «вера в Бога» - 0,7 % (3 студентки . из 450 опрошенных.)

Нужно признать, что в действительности имеет место интенсивное возрождение религиозных институтов, выражающееся в количественном росте религиозных объединений, духовных школ, развертывании издательской деятельности и т.п. Религиозность же тех, кто считает себя верующим, часто имеет ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, отличающееся значительной подвижностью. Нередко люди называют себя православными или мусульманами, воспринимая эти религии как существенный элемент культурной традиции того народа, к которому они принадлежат.

Сегодня всё чаще можно слышать утверждения о том, что российское общество переживает духовно-нравственный кризис. Несомненно, сложившееся положение является отражением перемен, произошедших в общественном сознании и государственной политике. Российское государство лишилось чёткой и однозначной официальной идеологии, а общество – духовных и нравственных идеалов. В результате этого резко ослабла роль институтов социализации подрастающих поколений (в первую

очередь, семьи, школы, системы профессионального образования) рассогласованность усилий которых привела к ограничению возможностей полноценного социально-гражданского становления и «размытости» духовно-нравственных ориентиров молодежи.

По мнению ряда исследователей, которое мы разделяем, произошло усиление роли Русской Православной Церкви, которая за последние двадцать лет из «пережитка прошлого» и фактора негативной социализации, с которым «нужно бороться», превратилась в один из ощутимых источников российской духовности. Государство обратило внимание на позитивную, примиряющую и объединяющую роль Церкви – носительницы общечеловеческих, общемировых ценностей, а церковь обратилась к государству за поддержкой в достижении определенных социальных, просветительских и религиозных целей.

В документе под названием «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» перечислены более пятнадцати «областей соработничества» Церкви и государства, некоторые из которых тесно связаны с проблемами социализации и духовно-нравственного воспитания молодежи. Одной из таких областей является сотрудничество Церкви и высшей школы, имеющее давнюю традицию и прервавшееся в годы революции.

Вместе с тем, наши исследования позволяют сделать вывод о существенном противоречивом характере религиозности студенческой молодежи. Может ли это служить поводом к отказу сотрудничества вуза и Церкви? На наш взгляд – нет. Уральская студенческая молодежь (*не исключением здесь являются и студенты других регионов России*) занимает достаточно открытую позицию по отношению к религии, вообще, и по отношению к Церкви, в частности, и во многом готова к диалогу с её представителями. Однако эффективность такого диалога будет во многом зависеть от формы сотрудничества, которую выберет администрация и общественные организации каждого конкретного вуза.

В заключении, хотелось бы отметить, что данная статья является попыткой обрисовать один из аспектов взаимодействия Высшей школы и Православной Церкви – социализация и духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи. Но перед нами стоит еще ряд вопросов, на которые до сих пор нет научно обоснованных ответов: Как «приживутся» религиозные компоненты в вузах? Какие последствия будет иметь это нововведение? Действительно ли взаимодействие вуза и Церкви будет способствовать нравственному оздоровлению студенческой молодежи?

Вопросы не столь просты и однозначны, ибо их решение должно основываться не на преимущественной реализации амбиций государства или РПЦ. Здесь поставлены «на кон» процесс и результаты формирования гражданской зрелости, моральных устоев и профессионализма будущих молодых специалистов российского социума. Одним словом – будущее России.

Список литературы

1. Павлов Б.С., Разикова Н.И. «Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия. 2012. № 10. С. 110-119.
2. Павлов, Б.С., Павлова В.И., Камскова Ю.Г. Сарайкин Д.А. Девиантная субкультура уральских подростков в ракурсе общественной безопасности в регионе // Вестник Челябинского государственного Педагогического университета. 2015. № 3. С. 214- 229.
3. Павлов Б.С. К вопросу о религиозности уральских студентов // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. Т. 19. № 24 (151). С. 104-109.
4. Павлов Б.С. Девиантная субкультура уральских тинейджеров и общественная безопасность в регионе // Управленец. 2013. № 5. С. 74-78.
5. Сигнаевская О. Р. «Мир человека» в условиях возрождения религиозной культуры: философско-антропологический аспект. Дискуссия: журнал научных публикаций. Екатеринбург, 2011. № С. 80-83.
6. Дайджест новостей домовых храмов (1-15 ноября 2005)

[Электронный ресурс] Режим доступа // <http://www.taday.ru/text/34756.html>.
(дата обращения: 22.5.12).

7. Татаркин А.И., Павлов Б.С., Берсенёв В.Л. Академическая наука и население региона: опыт конкретного социологического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 36. С. 5-12.

8. Протоиерей Константин Гипп. Грех - болезнь или преступление? // сайт Православного журнала «Фома» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foma.ru>. (дата обращения: 14.6.12).

9. Павлов Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 69-80.

10. Павлов Б.С. Предбрачное поведение уральской молодежи // Россия и современный мир. 2013. № 3. С. 144-153.

11. Полный текст декларации Патриарха Кирилла и Папы Римского Франциска: [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ural.kp.ru/daily/26493.5/3361794/>

12. Гараджа. В. И. Социология религии. М.: ИНФРА-М, 2005; Мчедлов М. П. О религиозности российской молодежи // Социол. исслед. 1998. № 6. С. 107-111.

УДК 314.06+37.061

ББК 60.7

Павлов Б.С., Бердник Л.П., Колотыгина М.А., Степанова А.Ю.

Pavlov B., Berdник L., Kolotygina M., Stepanova A.

**«ОТЦЫ и ДЕТИ» на Урале:
гримасы взросления и сотрудничества
«FATHERS and CHILDREN» in the Urals:
grimaces of a growing and cooperation**

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы традиционных отношений «отцов и детей» в родительских семьях. Особое внимание обращается на диагноз и профилактику социально-экономических и педагогических рисков и девиаций в процессе социализации молодёжи, на непреходящую роль труда детей, подростков и молодых людей в процессе их взросления. Материал базируется на результатах социологических опросов, проведенных авторами в 2008-2015 гг. в городах и поселениях Урала.

Annotation: In article actual problems of the traditional relations "fathers and children" in parental families are analyzed. Special attention is paid on the diagnosis and prevention of social, economic, and pedagogical risks and deviations in the course of socialization of youth, for an enduring role of work of children, teenagers and young people in the course of their growing. Material is based on results of the sociological surveys conducted by authors in 2008-2015 in the cities and the settlements of the Urals.

Ключевые слова: семья, социализация, жизненные ценности, дети, подросток, девианты, «отцы и дети», социальные риски, детский труд. Урал.

Keywords: family, socialization, vital values, children, teenager, deviant,

"fathers and children", social risks, child labor, Urals.

Непреходящий интерес к проблеме «отцов и детей» обусловлен, прежде всего, значимостью процесса социализации молодых поколений в воспроизводстве общественной жизни в России. В первую очередь, речь идёт о воспроизводстве трудового, культурного, нравственного и, естественно, демографического потенциалов общества, соответствующего текущим и перспективным целям и задачам его развития. Важнейшей целью, содержанием и результатом процесса социализации молодого человека выступает достижение им вполне определенного и устойчивого уровня социальной зрелости, предполагающей восприятие индивидом значимого социального опыта, формирование у него ценностных ориентаций и установок в базовых сферах (видах) жизнедеятельности. К ним, в первую очередь, относятся сферы труда и семейно-бытовой жизни [1].

Анализируя поведение подростков на фоне общества взрослых, нельзя, прежде всего, не учитывать специфики физиологии тинейджера. Подростковый период характеризуется, *во-первых*, интенсивным физическим и физиологическим развитием тела в результате взаимовлияния гормонов роста и половых гормонов; *во-вторых*, особым состоянием нервной системы, когда «нервные процессы часто преобладают над торможением. Психологические трансформации, характерные для подросткового периода, происходят на фоне онтогенетических изменений в организме. В качестве проявлений подростковой психологии необходимо отметить также ненависть к своей личности и враждебность к окружающему миру, склонность к суицидальным настроениям, мыслям и поступкам. К этому присоединяется ряд новых внутренних влечений к тайному, запрещенному, необычному, к тому, что выходит за пределы привычной и упорядоченной повседневной жизни [2].

В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам внутрисемейных отношений в

уральских семьях, проведённых авторами в 2008-2015 гг. в Институте экономики УрО РАН и Физико-технологическом институте УрФУ в ряде городов и поселений Урала.. В частности, под руководством и личным участием авторов были реализованы:

- в 2008 г. - в 7-ми городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено три категории респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел. в) родители опрошенных учащихся городских школ – 770 чел. - *«Урал-Семья-2008»*;

- 2013 г. - был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15-ти общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9-ти школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши - 46%, девушки - 54%) – *«Урал-Школа-2013»*.

- 2014 г. – по представительной выборке в Екатеринбурге и Челябинске были опрошены **150** экспертов по проблемам неблагополучного детства и девиантности поведения детей, подростков и молодых людей; в числе респондентов – опытные преподаватели Свердловского и Челябинского государственных педагогических университетов – 50 чел.; опытные социальные педагоги ряда школ Екатеринбурга и Челябинска – 50 чел.; специалисты в сфере обществоведения ряда институтов УрО РАН (г. Екатеринбург) – 50 чел. Проект носил социально-прогностический характер - *«Урал-Эксперт-2014»*.

Наряду с психофизиологическими особенностями молодёжного (*подросткового*) возраста есть объективное обстоятельство, провоцирующее отклоняющееся поведение сегодняшних молодых горожан. Речь идёт,

прежде всего, о деформации в российском обществе «социалистической» морали и нравственности. Молодежь, как и «общество взрослых» в целом, переживает кризис ценностей. Информационно-культурное пространство, которое окружает сегодня молодого человека, насыщено пропагандой утилитарных ценностей потребительского общества, где агрессия и насилие выступают как «законные» средства достижения целей. Героем нашего времени выставляется «негативный лидер» - эгоистичный, циничный, но *преуспевающий и добивающийся успеха, не считаясь со средствами* [3].

Потеряв всякое практическое значение, обретя негативный смысл, старые ценности, тем не менее, не исчезли из сознания. Новые ценности («свобода», «демократия», «рыночная экономика», «равные возможности», «частная собственность», «правовое государство» и т.д. и т.п.) пока не поняты, не приняты многими, прежде всего из-за того, что в своем практическом значении связаны, главным образом, с негативными явлениями, отрицательными чувствами и ощущениями. Социальное самочувствие большинства молодых людей (*это, в первую очередь, относится к молодым россиянам*) в последние десятилетия может быть описано в терминах «разочарование», «пессимизм», «неуверенность», «безднадежность», «апатия», «растерянность», «злость», «агрессивность», «экстремизм», «терроризм» и т.п. [6]. Рассогласованность в обществе должного с допустимым и возможным ставит значительную часть несовершеннолетних в своеобразный нравственно-поведенческий тупик. В подтверждение своих утверждений, обратимся к результатам наших исследований.

510-ти школьникам г. Екатеринбурга и 300 – г. Лесной **«Урал-Школа-2013»**. в числе других задавался вопрос: *«Чего ты боишься больше всего в своей жизни?»*. Из перечня 20-ти различных опасностей и угроз для жизни респондентам предлагалось выбрать не более 10-ти «самых-самых» вариантов ответа. Вот как распределились ответы в двух группах наших респондентов (% от общего числа опрошенных в по каждому городу; в

числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга, в знаменателе – из ЗАТО «Лесной»):

а) социально-матримониальные страхи	
- боязнь потерять родителей	- 86 / 78
- боязнь болезни, травмы родителей	- 67 / 58
- боязнь потерять друзей	- 43 / 49
- боязнь не поступить в ВУЗ, колледж после школы	- 25 / 52
- боязнь потерять жилье, стать бомжем	- 18 / 34
б) эколого-валеологические страхи	
- боязнь подвергнуться физическому насилию, быть изувеченным	- 46 / 40
- боязнь привыкнуть к наркотикам	- 31 / 26
- боязнь своей болезни, травмы	- 23 / 26
- боязнь привыкнуть к алкоголю	- 23 / 20
- боязнь привыкнуть к курению	- 27 / 24
- боязнь отравиться продуктами питания	- 19 / 21
- боязнь быть покусанным собакой	- 18 / 14

- боязнь отравиться воздухом	- 7 / 6
- боязнь отравиться водой	- 6 / 4
б) социально-стрессовые страхи	
- боязнь попасть в тюрьму, колонию	- 39 / 32
- боязнь быть незаслуженно обвиненным в преступлении, обществе	- 38 / 35
- оказаться заложником в результате теракта	- 33 / 35
- боязнь быть ограбленным, обворованным в доме, квартире, саду	- 30 / 29
- боязнь быть наказанным богом за грехи	- 24 / 16
- боязнь привыкнуть к азартным играм	- 15 / 16
- боязнь пострадать от пожара	- 9 / 21

Приведённые данные, несомненно, могут дать компетентному читателю богатую пищу для размышлений о социальном самочувствии школьной молодёжи в большом и малом уральских городах, о социальных инградиентах деформирующих ценностные ориентации и ожидания молодых людей, повседневные поступки, тактику и стратегию их жизненного поведения. Учитывая ограниченность объёма статьи, обратим внимание читателя на три наиболее важных, по нашему мнению, обстоятельства. *Во-первых*, для подавляющего большинства уральских подростков в число приоритетных ценностей выступает матримониальный фактор, проявляющийся, прежде всего, в благополучии

родительской семьи и сопутствующих ему стабильности и надёжности материально-экономической среды, с одной стороны, и, с другой, комфортности социальной среды, ближайшего окружения молодых людей. *Во-вторых*, многочисленные рискогенные факторы городской среды уральских городов (*впрочем, как и в большинстве других регионов РФ*) формируют и поддерживают перманентные личностные страхи детей и подростков эколого-валеологического характера. С позиций должного, такие страхи, в конечном итоге, составляют основу самосохранительного поведения личности, его стремления к сбережению собственного здоровья [4].

И, наконец, *в-третьих*, процесс социализации современной российской молодёжи сопровождается целым рядом асоциальных проявлений как в родительской семье, так и в анонимной среде городского сообщества. Отсутствие эффективных технологий взаимодействия семейного и общественного воспитания, на фоне несовершенства ювенального законодательства, провоцируют (*а вернее, не воспрепятствуют*) широкому распространению противоправного и асоциального поведения не только несовершеннолетних горожан, но и когорт городской молодёжи, получивших юридические права взрослости (гражданства) [5].

Неуверенность в завтрашнем дне приводит к тому, что многие молодые люди, в том числе подростки, подражая примеру взрослых, стремятся *«жить только сегодняшним днём»*, беря от жизни максимум того, что можно взять. Вспомним хотя бы «страстное признание» в песенке:

«Нет, нет, нет, нет, мы хотим сегодня!

Нет, нет, нет, нет, мы хотим сейчас!...».

Взрослая жизнь – это не только возрастной период, но и участие в труде и выполнение семейных обязанностей. Однако, без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе семейной, или же в том случае, если сформировавшиеся позиции или модели поведения молодежи не могут

быть адаптированы к изменяющимся социальным условиям, период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного, с медицинской точки зрения, риска.

На вопрос «Как Вы считаете, с какого класса могли бы зарабатывать на созданном специально для школьников предприятии учащиеся вашей школы?» большая часть родителей (всего опрошено 770 чел.- «Урал-1») городских школ «проголосовали» за вовлечение их детей в производительный, оплачиваемый труд в 7-10-х классах. Как показал опрос «Урал-Семья-2008», в домашнем хозяйстве и городские подростки на Урале особо «не перерабатывают». На вопрос анкеты: «Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?» ответы учащихся школ двух уральских городов распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных в по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга 510 чел., в знаменателе – из ЗАТО «Лесной» - 300 чел.):

а) выполнение работ в квартире

- убираю пыль пылесосом	-
	67 / 64
- мою, чищу посуду	-
	65 / 66
- регулярно хожу в магазин за продуктами	-
	49 / 51
- делаю влажную уборку, мою полы	-
	46 / 46
- готовлю еду (суп, второе блюдо)	-
	32 / 32
- глажу бельё	-
	27 / 28

б) выполнение работ в саду, в огороде:

- поливаю овощи, цветы, ягоды	-
	51 / 39
- собираю «трудоемкие» ягоды (облепиху, смородину и др.)	-
	37 / 33
- пропалываю грядки	-
	33 / 26
- копаю землю, грядки	-
	27 / 23
- топлю печь (в доме, в бане)	-
	21 / 17
- отвечаю за приготовление еды	-
	13 / 13

в) работы, которые выполняют или дома, или в саду:

- ухаживаю за домашней «живностью» (собакой, кошкой и др.)	-
	59 / 55
- помогаю в ремонтных работах по дому, саду	-
	35 / 36
- ухаживаю за младшими братьями, сестрами	-
	32 / 33
- ухаживаю за пожилыми родственниками (бабушкой)	-
	22 / 19
- высаживаю (ухаживаю) за рассадой, цветами	-
	17 / 15
- ухаживаю за автомобилем, мотоциклом	-
	12 / 10

Сравнивая степень причастности к домашним видам труда сельских и городских подростков можно утверждать следующее. Своеобразный «сельский синдром» имеет свой антипод – «городской синдром», с менее ощутимым для человека, но социально столь же, и даже более, негативными чертами-симптомами. Прежде всего, речь идёт о *соблазнах тунеядства*, провоцируемого реальными возможностями прожить в городе (*прежде всего, в крупном городе*), месяцами и годами (*в принципе даже всю жизнь*) не занимаясь никаким трудом. Это ведет к прямому моральному разложению если не родителей, то наверняка их детей. Свой «вклад» в отчуждение горожанина от трудовой активности вносит возможность бытового потребительства, т.е. полной ориентации во всех житейских мелочах только на сферу обслуживания. В результате появляются целые поколения инфантилов, не способных к элементарному самообслуживанию, с соответствующими сдвигами в психике. [6].

«Интеллектуализм» современного подростка, большой объем усвоенных им знаний нередко достигается ценою полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими представителями старшего поколения.

«Потребность труда, – писал К.Д. Ушинский, – врождена человеку, но она удивительно как способна разгораться или тухнуть, смотря по обстоятельствам, и в особенности сообразно тем влияниям, которые окружают человека в детстве и в юности... Но воспитание не только должно внушить воспитаннику уважение и любовь к труду: оно должно ещё дать ему

и привычку к труду, потому что дельный, серьезный труд всегда тяжел...» [7, с. 156-157] .

В исследовании «Урал-Эксперт-2014» выяснялось мнение респондентов по поводу причин широкого распространения бездомности и беспризорности в российских регионах и путях (средствах) социальной реабилитации детского населения. Один из вопросов формулировался так: «Как Вы думаете, почему многие дети уходят из семьи, теряют связь с родителями, становятся беспризорными? Укажите главные, по 3-4 причины в каждой «диагнозе причин». Вот мнение наших экспертов (% от общего числа опрошенных – 150 чел.):

Диагноз I. «Виноваты» родители, семья

- у них сложная обстановка в семье (родители пьют, скандалят)	78
- жестокое обращение родителей с детьми	66
- их не понимают родители, живут «как чужие»	56
- появление в семье мачехи, отчима	42
- потеря родителей (смерть или заключение)	44
- «заставляет» нехватка денег в семье, в том числе на нужды детей	27
- у многих отсутствуют дома родители из-за частых командировок	12
- переезд семьи из другой местности с потерей жилья, работы	13

Диагноз 2. «Виноваты» улица, школа, сами подростки:

- влияние на ребенка уличных приятелей

	72
- приобщение к наркотикам, алкоголю	62
- желание пожить на свободе, без предписаний и правил	48
- виноваты сами подростки, их безволие, бесхарактерность	28
- хотят подражать «крутым» ребятам, умеющим «делать деньги»	37
- влияют преступные группировки подростков в городе, районе	34
- у них проблемы с учебой, испорченные отношения с учителями	15
- некорректная деятельность милиции, правоохранительных органов	13

Первые побеги подростков из семьи, по мнению психиатров, происходят в страхе наказания или как реакция протеста, а затем превращаются в условно-рефлекторный стереотип. В числе причин могут быть: а) следствие недостаточного надзора; б) в целях развлечения; в) как реакция протеста на чрезмерные требования в семье; г) как реакция на недостаточное внимание со стороны близких; д) как реакция тревоги и страха на наказания; е) вследствие фантазерства и мечтательности; ж) как следствие жестокого обращения со стороны товарищей; з) как немотивированная тяга к перемене обстановки, которой предшествует скука, тоска и др.

Многие девочки после побега из дома становятся малолетними проститутками. Они не имеют возможности заработать на жизнь, и их тут же подбирают сутенеры. Бывает, что психически больных девочек или девочек из неблагополучных семей взрослый мерзавец вовлекает в группу, приучает

к наркотикам, пускает по рукам, а затем продает сутенерам или сам становится сутенером. Малолетние проститутки не видят для себя никакого выхода, да и не ищут его. Подчас они горюют лишь о том, что лишились группы, где они чувствовали хоть какое-то мужское внимание и были бы согласны вновь туда вернуться и всех «обслуживать» [8; 9].

«Конечная цель разумного воспитания, подчёркивал Н.Н. Пирогов, - должна заключаться в постепенном преобразовании в ребенке ясного понимания вещей окружающего мира и преимущественно общественного, т.е. того, в котором со временем придется действовать. Это, прежде всего. Затем последовательным результатом такого понимания должно быть возведение добрых инстинктов детской природы в сознательном стремлении к идеалам правды и добра. И наконец, в задачу воспитания как результат того и другого должно входить постепенное образование нравственных современных убеждений, образование твердой и свободной воли и, следовательно, воспитание тех гражданских и человеческих доблестей, которые составляют лучшее украшение времени и общества» [10. С. 174].

Как свидетельствует повседневная воспитательная работа старших поколений россиян с младшими, основным оружием воздействия традиционно остаётся БЕСЕДА. В исследовании *«Урал-Школа-2013»* юным респондентам из двух уральских городов задавался вопрос: *«О чем из предложенного перечня тем у тебя бывали беседы с родителями? Количество ответов не ограничивается».* Полученные нами ответы представлены в табл. 1:

Таблица 1

**Содержание бесед родителей с подростками в уральских
городах**

(% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Тематика	Группы
----------	--------

«воспитательных» бесед между «отцами и детьми»	В целом по городам		г. Лесной	
	Е катери нбург	Лесн ой	Ю ноши	Де вушки
<i>I. О нравственно-этическом поведении</i>				
О необходимости хорошо учиться	8 2	75	7 3	77
О необходимости убирать за собой (в комнате, чистить обувь)	7 1	63	5 8	68
Об уважении к старшим	4 6	47	4 7	47
О недопустимости нецензурной речи	4 2	41	4 4	38
о культуре взаимоотношений между юношей и девушкой	3 1	37	3 1	40
о милосердии к слабым, младшим, больным	2 8	27	2 7	26
о вреде пристрастия к азартным играм	2 2	25	3 2	20
<i>II. О здоровье и самосохранительном поведении</i>				
О вреде пристрастия к курению	4 3	44	4 6	43
о вреде пристрастия к алкоголю	3 6	38	4 2	35

О необходимости ежедневно чистить зубы и делать физзарядку	3 4	34	3 3	35
О вреде пристрастия к наркотикам	3 3	33	3 6	30
О вреде переедания и режиме правильного питания	3 2	31	2 1	39
о необходимости постоянного наблюдения у врача	1 3	15	1 1	19

В книге Иринейя, епископа Екатеринбургского и Ирбитского, написанной более 90 лет тому назад, мы читаем: «Итак, прежде всего, приучайте своих детей к тому, чтобы они слушались вас, зная, что на это воля Божия. Не терпите в них упорства и дерзости к кому бы то ни было. Не всё давайте им, чего бы и хотелось, напротив, приучайте их к самоограничению, воздержанности и умеренности. Требуйте от детей всегда скорого и пунктуального послушания, приучайте их к тому, чтобы они по первому слову исполняли ваши приказания... *Хотите вы, чтобы ваши дети были послушны, оказывайте и доказывайте им свою любовь*» [11]. Даже атеистически настроенным родителям, весьма сложно возражать этим мыслям служителя Церкви.

Подводя некоторые итоги данным, представленным в статье, возьмём на себя смелость утверждать, что в сегодняшней России, семья, как институт социализации молодого поколения россиян (*в нашем случае, уральцев*), держит несомненный приоритет среди других факторов и институтов, обеспечивающих стабильность общества. Важно то обстоятельство, что в настоящее время мы имеем дело с поколением молодых людей в России (*в частности, на Урале*), которое не столь

пессимистичны (в отличие, о так называемых «потерянных поколениях» Европы), Они верят и надеются, что в случае деформации их жизненных планов и возникновения острых жизненных проблем они не останутся в одиночестве. Подавляющее число из них надеются на помощь, поддержку соотечественников – россиян. «Только в свободном и справедливом обществе каждый законопослушный гражданин вправе требовать для себя надежных правовых гарантий и государственной защиты, – подчеркнул в своём выступлении В.В. Путин. – И, без сомнения, обеспечение прав и свобод человека является критически важным как для развития экономики, так и для общественно-политической жизни России» [12].

Список литературы

1. Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Социальное окружение как фактор социализации школьной молодёжи (на примере городов и поселений Ямало-Ненецкого автономного округа). – Екатеринбург; Салехард: ИЭ УрО РАН, 2000. – 174 с.
2. Коган Л.Н., Павлов Б.С., Анисимов С.А., Тарабрина Л.С., Татаркин А.И. и др. Проблемы социализации детей и подростков (на материалах исследований в поселениях Крайнего Севера). 1992-1994 гг. – Екатеринбург; Надым: ИЭ УрО РАН, 1994. – 269 с.
3. Павлов Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. 2013. [№ 2](#). С. 69-80.
4. Павлов Б.С. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. 2008. № 12. С. 109-122.
5. Павлов Б.С. Девиантная субкультура уральских тинейджеров и общественная безопасность в регионе // Управленец. 2013. № 5. С. 74-78.

6. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. № 7. С. 128-138.
7. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. - М.: Просвещение, 1968.
8. Павлов Б.С., Королев Е.Г. Беспризорность детей как следствие неблагополучия родительской семьи // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 8. [№ 1](#). С. 64-69.
9. Павлов Б.С Семейное неблагополучие - базовая детерминанта внесемейного общественного воспитания детей в России: на материалах социологических исследований. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009.
10. . Пирогов Н.Н. Избр. педагог. соч. М. : Педагогика. 1985.
11. Послушание // Православная газета (Екатеринбург). 1996. № 12.
12. Рос. газета. 2005. 26 апр.

УДК 316. 356.2

ББК 60.7

Павлов Б.С., Сарайкин Д.А., Павлов Д.Б.

Pavlov B.S., Saraykin D.A., Pavlov D.B.

**Молодёжь на Урале в предбрачном периоде
как предмет социологического анализа
Youth in the Urals in the ante nuptial period
as subject of the sociological analysis**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы предбрачного поведения различных категорий уральской молодёжи. Анализируется распространённость в молодёжной среде тех или иных форм жизнедеятельности несемейной молодёжи, их несогласованность с канонами традиционной морали россиян старшего поколения.

Эмпирической базой для анализа заявленной проблемы и выводов для автора служат результаты ряда социологических опросов, проведенных им в 2003-2015 гг. в различных городах и поселениях Урала.

Annotation: In article actual problems of ante nuptial behavior of various categories of the Ural, youth are considered. Prevalence in the youth environment of these or those forms of activity of single youth, their inconsistency with canons of traditional morals of Russians of the senior generation is analyzed.

As empirical base for the analysis of the declared problem and conclusions for the author results of a number of the sociological surveys conducted by it in 2003-2015 in various cities and the settlements of the Urals serve.

Ключевые слова: социализация, предбрачие, сексуальное поведение, ценностные ориентации, семья, дети, трудовое воспитание, семейная политика.

Keywords: socialization, ante nuptial period, sexual behavior, valuable orientations, family, children, labor education, family policy.

«Отцы и дети», «семья и дети» - эти темы вновь и вновь объединяют всех нас независимо от того, в какой стране мы живём, какой мы национальности, какую исповедуем веру. Все мы родом из детства, из семьи. Благодаря ей, не кончается круг жизни. В последнее время можно услышать, что *«институт семьи»* изжил себя, а *«быть супругами стало не модно»*. Но если спросить любого человека, куда он идет с бедой и радостью, то почти все скажут – *«В семью!»* Семья – оплот любого государства. Ведь именно она, в конечном счёте, обеспечивает его роль в мировом сообществе, социальное благополучие и стабильность, или, другими словами: *«Крепка семья – крепка Держава»*

В обыденном сознании непреложной аксиомой является положение о том, что *дети нуждаются в родительской семье*, в мамах и папах, в братьях и сёстрах... Гораздо реже, мы задумываемся и, соответственно, подвергаем анализу, такой аспект матримониальных отношений, как процесс формирования потребностей, интересов, ценностных ориентаций у самих детей (по мере их взросления) к созданию *собственной семьи*, рождению *собственных детей*. Другими словами, речь идёт о естественном процессе воспроизводства непосредственной жизни. В общественном сознании устоялось и поддерживается мнение, что этот процесс традиционно незыблем, что в новых, нарождающихся поколениях, *«автоматически» воспроизводится тяга* к семейному образу жизни, к рождению и воспитанию потомства, *«извечной заботе о воспроизводстве рода»*. Укреплению этой позиции служит, например, утверждение о *природно-биологической сущности «материнского*

инстинкта» и его обязательном воспроизводстве в новых женских поколениях.

В то же время, в тени у исследователей находится проблема целенаправленной деятельности, как родителей, так и их детей к подготовке (самоподготовке) к *«обязательному»* жизненному этапу каждого нормального человека - созданию и *нормальному социально-биологическому развитию собственной семьи.* [1, 2].

В данной статье мы остановимся, на одном из аспектов, обозначенной выше, проблемы, а именно, состоянии и особенностях добрачного поведения российской молодёжи. Не составляют здесь исключения молодые люди, живущие в городах и сельских поселениях Урала. В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам добрачного поведения молодых уральцев, проведённых автором (под его научным руководством и с личным участием в проектах) в 2003-2015 гг. в Институте экономики УрО РАН, в частности:

- 2003 гг. – опрос 2900 молодых супругов в пяти регионах РФ, в том числе 1850 респондентов из семей Свердловской области - *«Урал-1»*;

- 2004-2005 гг. - в Уральском институте ГПС МЧС России (*УрИ ГПС МЧС – г. Екатеринбург*) был реализован опрос 500 абитуриентов (*«Абит»*) и 250 курсантов старших курсов (*«КЕП»*). Выяснялись позиции молодых холостых мужчин относительно профессиональной учёбы и образования собственной семьи - *«Урал-2»*;

- 2005 - в г. Екатеринбург, опрошены 880 молодых супругов по проблемам стабилизации отношений в молодых семьях (362 мужчины и 518 женщин) - *«Урал-3»*

- 2007–2008 гг. - в 7-ми городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших

классов сельских школ – 540 чел. в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) с 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей – 570 чел. - «Урал-4»;

- 2010 г. - опрос 680 студентов старших курсов Уральского государственного университета (УГТУ-УПИ) на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования - уровень и характер причастность молодых людей к религиозной культуре - «Урал-5»;

- 2015 г. – по квотной выборке в восьми институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 450 студенток старших курсов, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и в организациях. Выяснялись их основные ценностные ориентации, профессиональные и социально-демографические жизненные планы – расширенный монитор опроса - - «Урал-6».

«Что сказали бы вы об архитекторе, который, закладывая новое здание, - спрашивал К.Д. Ушинский, - не сумел бы ответить вам на вопрос, что он хочет строить?...» [З. Т.3, с. 17]. Естественно, подобная ситуация, вызвала бы, по крайней мере, недоумение у мало-мальски компетентного в строительстве, человека. Однако, наше обращение к такому, казалось бы, самоочевидному факту, не беспредметно. Успех подготовки молодых людей к семейной жизни предполагает, в первую очередь, выбор основных параметров оптимальной модели семьи, к строительству которой должен быть готовым и стремиться каждый взрослеющий молодой человек. В качестве таковых, мы предлагаем выбрать, по крайней мере, три:

во-первых, - это обязательность для нормального человека семейного образа жизни.

во-вторых, - выбор оптимального возраста вступления в брак и образования семьи;

в-третьих, - стремление к *рождению и воспитанию* в собственной семье, как минимум, 2-3 детей [4].

Выбранные нами параметры обусловлены, прежде всего, социально-биологически. Период воспроизводства собственного потомства для каждого человека должен быть «вписан» в его, ограниченный природой, жизненный цикл. При этом важно соблюсти условия, при которых, процесс рождения и воспитания (*социализации*) детей, с одной стороны, наиболее благоприятно обеспечивался природно-валеологическими ресурсами их родителей, с другой стороны, эти условия по возможности, максимально полно способствовали решению двух противоречивых обстоятельств. *Во-первых*, они позволяли бы учитывать тактические и стратегические социально-биологические интересы общества и семьи и, *во-вторых*, сложные и во многом противоречивые интересы родителей и их потомства, по крайней мере, в последующих двух поколениях.

Попытаемся ответить на, поставленный выше, первый, корневой вопрос: «*Нужно ли вообще молодому человеку создавать собственную семью?*». Согласимся, что практически весь спектр социально-биологических потребностей современного человека (*равно, как мужчины, так и женщины*) можно удовлетворить и, не имея семьи, ведя холостяцкий (*внесемейный*) образ жизни. Общественная сфера услуг (*в первую очередь, в большом городе*) при желании потребителя и при наличии у него соответствующих средств, как говорится, «накормит», «напоит» и «спать уложит»... Были б деньги...

А каково отношение к институту семьи и к семейному образу жизни самих молодых людей? По данным социологических опросов, проведенных в крупных городах России (*в том числе и результаты наших исследований*), свидетельствуют, что среди важнейших жизненных приоритетов и целеустремлений, первые-вторые места респонденты отдают семье. На вопрос «*Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять*

«самых-самых» важных для Вас» («Урал-4») – нами были получены следующие ответы респондентов из 4-х обследованных групп – см. табл. 1.

Таблица 1

Приоритетные жизненные ценности
у различных групп уральского населения
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Жизненные ценности	Группы			
	Учащие ся		Ро дители в	М олодые ра бочие
	г ород	с ело	г ороде	
Хорошая семья и дети	8 7	8 8	86	91
Хорошее здоровье	6 8	7 0	80	76
Любимая работа, успешная карьера	6 8	6 7	72	62
Материальное благополучие	5 8	4 6	65	79 (!)
Хорошие жилищные условия	4 2	4 6	27	52 (!)
Сознание что ты полезен людям	2 3	2 5	16	11 (!)
Содержательный, интересный досуг	2 7	2 0	23	11
Порядочность, доброе имя	2 3	2 3	40	17
Хорошие товарищи,	6	5	47	37

верные друзья	6	4		
Чувство безопасности от насилия, грабежа, разбоя, воровства	2 1	1 6	22	13
Другие	3 ,0	3 ,4	2,8	1,2

Нетрудно видеть, что такие четыре жизненные ценности, как «семья», «здоровье», «работа» и «материальное благополучие» лежат в основе понимания жизненного благополучия у различных социальных групп населения, в том числе у подростков и их родителей. Небезынтересно и другое: иерархия жизненных ценностей юношей и девушек, молодых людей, живущих в городе и в сельской местности, практически, идентична. Сегодня стремление к росту уровня жизни, потребительскому обогащению, повышению социального статуса зачастую *исключает из представления о благополучии подлинную ценность человеческого бытия – семью с несколькими детьми* [5, 6].

Обратимся к результатам одного из наших опросов. «*Можете ли Вы сказать, сколько будет детей в вашей семье? Ваши семейные планы?*» - на этот вопрос анкеты («Урал-1») ответы молодых уральских супругов из однодетных и двухдетных семей распределились следующим образом: 20 % респондентов, представителей однодетных (на момент опроса) родителей планируют «остановиться» в своей детородной деятельности и оставить своего единственного сына (дочь) без младших братьев и сестёр. Более половины опрошенных из этой же группы респондентов (51 %) посчитали, что в их семье будет двое детей, а в каждой четвёртой (24 %) – *«трое и более»*. Другими словами, сегодня речь идёт не о расширенном воспроизводстве российского общества и даже не его простом воспроизводстве. В настоящее время воспроизводство населения находится в депопуляционном режиме [7].

Только специальное воздействие способно возродить *потребность молодой семьи в нескольких детях*, поэтому на повестке дня – просемейная политика государства и, что во многом синонимично, – политика в отношении молодой семьи, преобразования в экономике в интересах семьи с детьми.

С позиций подготовки и готовности молодёжи к браку и семейной жизни, попытаемся охарактеризовать и оценить некоторые аспекты предбрачного поведения юношей и девушек.

Крошка-сын к отцу пришел,

и спросила кроха:

- Что такое хорошо

и что такое плохо?

В.Маяковский

Основным ключом, позволяющим ответить на этот вопрос «что такое хорошо...», являются нравственные позиции формирующейся личности. В обыденном сознании, феномен понимания и нравственного различения *«что такое хорошо и что такое плохо»* наиболее отчётливо ассоциируется с известными традиционными и отчётливыми, для восприятия, понятиями: *«грех» - «не грех»*. В исследовании *«Урал-5»* с 680 студентам Уральского государственного технического университета (УрГУ-УПИ) задавался вопрос: *«Что из перечисленного ниже, на Ваш взгляд, является грехом?»*. Респондентам предлагался список из 21-го вида поведения, которое в широком общественного мнения относится к разряду *«неблаговидного»*, *«асоциального»*, *«греховного»*. Распределение мнений будущих молодых инженеров представлено в табл. 2.

Таблица 2

Мнение уральских студентов о степени «греховности»

причастности студентов к тем или иным

видам и формам поведения молодёжи

(% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Неблаговидные, асоциальные «греховодные» поступки (поведение)	Группы		
Убийство	В ц елом	В том числе по мнению:	
Самоубийство		му жчин	жен щин
<i>I. «Это - грех»</i>			
Убийство	9 0	86	93
Самоубийство	8 0	77	83
Аборт	7 2	66	78
Проституция	6 4	59	69
Измена (жене/мужу)	6 1	57	65
Гомосексуализм	5 2	64	41
<i>II. «Грех, но не очень»</i>			
Употребление легких наркотиков	5 0	45	55
Пьянство	4 3	37	48
Ложь в личных интересах	4 3	42	44
Обращение к экстрасенсам, гадалкам	2 9	27	31

Распространение сплетен	2 5	26	25
Употребление в разговоре матерных слов	2 6	22	28
Курение	2 5	22	28
Развод в семье	2 5	22	28
Убийство на войне	2 1	17	25
<i>III. «Практически, это - не грех»</i>			
Посещение стриптиз-бара	1 3	10	16
Половые отношения до вступления в брак для девушки	1 3	13	13
Соккрытие доходов от налоговой инспекции	1 2	11	13
Нарушение правил дорожного движения	1 2	7	16
Половые отношения до вступления в брак для юноши	9	6	12

Условно поделив все представленные вида поведения на три группы (*от особо осуждаемого к сравнительно лояльному отношению*), мы хотели подчеркнуть довольно существенные различия юношами и девушками канонов традиционной морали. Проиллюстрируем некоторые позиции. Лишь каждый пятый студент юноша считает недопустимым («грехом») «употребление в разговоре матерных слов» - 22 %. Несколько

строже к оценке общеупотребимости «мата» относятся их сокурсницы – 28 %. Ничего «греховного» не видит подавляющее большинство студентов в «половых отношениях до вступления в брак для девушки» («допускают» их 87 % опрошенных студентов), 88 % респондентов не осуждают «нарушения правил дорожного движения».

Есть и ещё один аспект оценки полученных данных. Кардинальные различия в нравственных позициях молодых людей в предбрачии - это своеобразная «мина замедленного действия», способная «взорвать» внутренний мир и спокойствие в их будущей молодой семье, привести к распаду семейной ячейки. Представьте, например, ситуацию, когда молодой муж считает «тяжким грехом» измену своей жены, а та, свою очередь, относится к такому повороту супружеских событий лояльно, объясняя свою позицию стремлением к демократизации, независимости, эмансипации и равноправия в отношениях мужчины и женщины. Впрочем, немногим отличается от описанной и другая «зеркальная» ситуация, когда в роли «подлого изменщика» выступает мужчина - муж, отец семейства [8].

Культура межличностных отношений семьи невозможна без взаимной любви членов этой первичной ячейки общества. Попробуем ответить на вопрос, какое место в матримониальном поведении молодых уральцев занимает «феномен любви?». Молодым уральским отцам и матерям (840 чел.) в анкетах задавался ряд вопросов, касающихся чувства любви, которые они испытывали перед заключением брака - «Урал-3». Ниже помещены результаты ответов молодых супругов на пять вопросов затрагивающих интересующую нас сферу предбрачного поведения молодых людей (% от общего числа опрошенных по каждой группе респондентов: мужчин – 362 чел. и женщин – 518 чел.):

А. «Верите ли Вы в «настоящую любовь»?»

Группы	Верит ли респондент в настоящую любовь:		
	да	нет	трудно сказать
Мужчины	67	7	26
Женщины	69	7	24

Б. «Была ли в Вашей жизни такая любовь?»

Группы	Была ли любовь:		
	да	нет	трудно сказать
Мужчины	63	9	26
Женщины	60	12	26

В. «Верите ли Вы в любовь «с первого взгляда?» - от общего числа опрошенных – 840 чел.

Да	54
Нет	28
Трудно сказать	18

Г. «Каково Ваше отношение к браку без обоюдной любви?»

Допускаю	3
	5
Не допускаю	4

категорически	1
Трудно сказать	2 4

Д. «Какой вариант замужества (женитьбы) Вы бы предпочли?
(только один ответ- «третьего - не дано»)»

«Он (она) любит Вас, а Вы не любите»	9
«Вы любите его (её), а он (она) не любит Вас»	1

Нетрудно видеть, что подавляющее большинство молодых людей в предбрачии (как будущих женихов, так и невест) предпочитают «передать право и труд любить себя» своему (ей) избраннику (це)... Как тут не вспомнить известную русскую поговорку: «Своя рубашка ближе к телу...»!

Послабление половой морали весьма существенно коснулось характера предбрачного поведения молодых людей, изменения общественного сознания в отношении половых внебрачных связей. Выше мы уже приводили результаты опроса студентов-политехников: лишь 6 % молодых мужчин (будущих женихов) осуждают «половые отношения до вступления в брак для юноши». Среди девушек сторонников целомудренного добрачного поведения их, возможных женихов-сокурсников несколько выше – 12 %. Менее лояльны к добрачным половым связям детей, подростков молодёжи их родители. Судя по данным опроса («Урал-3»), подавляющая часть отцов и матерей (около 65-80 %), не видит ничего предосудительного в том, что их сыновья и дочери получают «первые уроки любви» будут получать до вступления в официальные брачные отношения. Лишь 4 % родителей юношей и 14 % родителей девушек считают добрачные половые отношения половой

распушенностью, которую допускать нельзя «ни в коем разе». Как показывает практика, подобные запретительные позиции этой части родителей, как правило, остаются благими пожеланиями на фоне самостоятельных решений и поступков их сыновей и дочерей.

О том, в какой мере деформировались семейно-брачные отношения россиян к началу нового, XXI века можно судить по состоянию общественного мнения относительно распространения в российском обществе так называемых «новых, непривычных для российской традиционной морали, форм брака. «Как Вы относитесь к нетрадиционным формам брака, имеющимся в настоящее время?» – такой вопрос задавался нами различным категориям несемейной и семейной уральской молодёжи, в том числе в опросах: «Урал-1» и «Урал-2». Мнения молодых неженатых мужчин («Абит» и «КЕП»), с одной стороны и, с другой, *молодых супругов*, уже «прослушавших» свой марш Мендельсона и имеющих одного или двух малолетних детей («МС») Распределение ответов респондентов на этот вопрос анкеты представлено в табл. 3.

Таблица 3

Отношение несемейной и семейной уральской молодёжи
к нетрадиционным формам бракам

(% от общего числа опрошенных по каждой группе:

в числителе – «не осуждаю»; в знаменателе – «осуждаю»):

Формы нетрадиционных браков	Группы		
	А	К	М
бит -	ЕП -	С -	
5	2	2	
00 чел.	50 чел.	900 чел.	
<i>Гражданский брак</i> (без оформления в ЗАГСе)	8	9	8
	3 / 13	0 / 10	7 / 13

<i>Визитный, гостевой брак</i> (супружеские отношения без ведения общего хозяйства)	3 6 / 55	4 1 / 58	4 6 / 54
<i>«Шведский» брак (обмен партнёрами)</i>	1 2 / 79	1 5 / 85	1 5 / 85
<i>Двоежёнство (материальное содержание мужчиной отдельно живущих женщин)</i>	1 8 / 73	2 6 / 72	2 4 / 76
<i>Открытый брак (каждый из супругов свободен в своих отношениях с третьим лицом)</i>	1 5 / 77	1 7 / 82	2 2 / 78

Основной вывод, который можно сделать из полученных данных, мы формулируем следующим образом: удовлетворение сексуальных потребностей у молодых мужчин (именно они составляют контингент курсантов военизированных вузов) в современных условиях может осуществляться довольно значительный период индивидуальной жизни (скажем, до 30-35 лет) вне собственной семьи, вне официально зарегистрированного брака в так называемом *«гражданском браке»* (его не осуждают 83-90 % курсантов) [9].

Репродуктивная функция является основополагающей функцией семьи. Она реализуется в процессе репродуктивного поведения этой малой социальной группы общества. Особенностью формирования и реализации *демографической культуры семьи* (в качестве синонима – культуры демографического поведения) является то, что, будучи поливариантной и многофункциональной, она не представляет собой социальную организацию или систему социальных институтов, т.е. не

имеет институционального закрепления. Важно здесь подчеркнуть и другое. Многоаспектность феномена культуры демографического поведения семейной группы детерминирует и многоаспектность исследовательского поиска путей и средств облагораживания и развития этой составляющей семейной культуры.

Культура демографического поведения семьи может быть представлена как степень соответствия потребностей, интересов, мотивов, ориентаций, установок семейной группы основным потребностям общественного развития в сфере производства человека. В качестве составляющих культуры демографического поведения в процессе онтогенетического развития индивидуальной семейной группы, обеспечивающих её стабильность и выполнение основных социальных функций, можно выделить следующие:

- культура воспроизводства *семейных традиций* и обычаев;
- педагогическая культура родителей и старших членов семьи;
- культура взаимоотношений (сотрудничества) и преемственности поколений на уровне семейной группы;
- культура консолидации родства и воспроизводства родственных связей;
- культура сохранения здоровья и разумного использования жизненных сил;
- культура миграционной подвижности;
- культура старения индивида и его доживания («культура смерти»);
- культура *предбрачного* поведения, включающую адекватное сексуальное поведения.

Особого внимания в предбрачном поведении требует сохранение репродуктивного, Отмечающееся в последние годы в России омоложение возраста начала сексуальной жизни и более позднее вступление молодежи в брак привели к увеличению периода, когда молодые люди ведут добрачную

половую жизнь без намерения рождения детей. В этих условиях чрезвычайно важной является сохранение репродуктивного здоровья молодежи до ее вступления в брак, а также здоровья тех, кто, вступив в брак, сознательно откладывает деторождение, что позволит им впоследствии иметь здоровых желанных детей. Этого можно достичь только тогда, когда будут незамедлительно реализованы программы охраны репродуктивного здоровья подростков и молодежи, в т.ч. программы полового воспитания, формирования здорового образа жизни, оказания помощи молодежи по предупреждению нежелательных беременностей, профилактике аборт и защите от инфекций, передаваемых половым путем [10].

В своё время, замечательный русский педагог К.Д. Ушинский мудро и ёмко обозначил основные принципы воспитания детей, подготовке их к трудовой жизни. «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, - писал он, - должно воспитывать его не для счастья, а приготавливать к труду жизни... зажечь в нём жажду серьёзного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой... Чтобы человек искренне полюбил серьёзный труд, прежде всего, должно внушить ему серьёзный взгляд на жизнь...» [3, т. 2, с. 335, 360]. Если глубже вдуматься в эти слова педагога, то речь идёт здесь и о таком важном и ответственном виде труда каждого нормального человека, как создание и сохранение собственной семьи, рождение и воспитание собственного потомства. Ну а непременным атрибутом начала такого периода жизни человека является «Марш Мендельсона»...радостно-приветственные крики: **«ГОРЬКО» - ?!!!**

Список литературы

1. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. М.: Сов. Россия, 1984. 192 с.
2. Тараданов А.А. Социальные параметры семейного благополучия общества//Вестник Челяб. гос. ун-та. - Серия 8.- Экономика. Социология. Социальная работа.- Челябинск. - 2004. - № 1. - С. 57-62.

3. Ушинский К.Д. Собр. соч. в 11 т. М.-Л. Изд. АПН РСФСР. 1950.
4. Павлов Б.С. Социология: проблемы семьи. Часть I, II. Учеб. пособие. - Челябинск: Вып. Академэкоцентра УрО РАН, 1992. .
5. Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. 2010. № 3.
6. Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2009. – 436 с.
7. Павлов Б.С., Белкин В.Н., Козлов В.Н. Методологическое и организационно-методическое обеспечение работы над концепцией развития народонаселения Челябинской области до 2010 года. Свердловск-Челябинск: Труды ИЭ УрО АН СССР, 1990.
8. Павлов Б.С., Зверева Г.Л., Петрова В.А. Родители и дети в большом городе: проблемы социального отчуждения. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН. 2009.
9. Миронов М.П., Павлов Б.С., Попов В.Г. Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (На материалах учебных заведений ГПС МЧС). Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, УрАГС. 2005.
10. Талалаева Г.В., Павлов Б.С. Демографические аспекты самосохранительного поведения молодежи. Екатеринбург, ИЭ УрО РАН. 2008.

УДК - 316.356.2

ББК 60.7

Павлов Б.С., Бондарева Л.Н., Камскова Ю.Г.

Сарайкин А.М.

Pavlov B., Bondareva L., Kamskova Yu.,

Saraykin A.

**Семейная ссора – неизбежность
или изъян культуры межличностных отношений
Family quarrel – inevitability
or defect of culture of the interpersonal relations**

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из ключевых факторов дестабилизации внутрисемейных отношений – социологической анатомии «семейных ссор». Особое внимание автор уделяет проблемам влияния дестабилизации супружеских отношений на процесс социализации детей. Используются материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам уральских семей, проведенных авторами в 2003-2014 гг. в Институте экономики УрО РАН и Физико-технологическом институте УрФУ.

Annotation: Article is devoted to the analysis of one of key factors of destabilization of the intra family relations – sociological anatomy of "family quarrels". The author pays special attention to problems of influence of destabilization of the matrimonial relations on process of socialization of children. Materials of a number of the complex regional researches on problems of the Ural families conducted by authors in 2003-2015 at Institute of economy OURO RAHN and Physic technological institute URFA are used.

Ключевые слова: семья, конфликт, семейная ссора, «семья риска», детская девиантность.

Keywords: family, conflict, family quarrel, "risk family", children's deviance

Семья как малая социальная группа обладает определенными благами, достоинствами, которые являются (*могут быть*) привлекательными в глазах «нормальных» людей. В этом смысле мы говорим о ценности и предпочтительности семейного образа жизни в сравнении с холостяцким. Семья как межличностный союз (*социально-бытовое объединение*) существует, не только за счет внешних обстоятельств, социально-экономических «обручей» (*как бы принуждающих жить вместе*), не только благодаря привычке и инерции. Мощными скрепами семейного союза служат такие благодатные чувства, как любовь, обожание, уважение, благодарность, порядочность, солидарность, верность и др. [1].

Существенные деструктивные поправки в социально-психологические отношения между супругами, между родителями и их детьми вносит такой «антискреп», как «супружеская ссора». «Ничто не является хорошим или плохим – отмечал в свое время В.Шекспир, – все зависит от того, как мы смотрим на вещи». Давайте, с позиций социологии посмотрим на феномен «супружеской ссоры», становящейся, нередко, причиной или поводом для дестабилизации и распада брачно-семейных союзов, деформации процесса социализации детей.

В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам внутрисемейных отношений в уральских семьях, проведенных авторами в Институте экономики УрО, в частности,

- 1999 г. - опрошены 1360 полных зрелых семей из шести регионов РФ: городов Надым, Нижневартовск, Самара и Чита, Свердловской и Челябинской областей) по проблемам социализации подростков и

социального самочувствия в условиях проводимых экономических реформ - «*Семья-1999*»;

- **2005 г.** - в г. Екатеринбурге были опрошены 880 молодых супругов по проблемам стабилизации отношений в молодых семьях, имеющих детей (362 мужчины и 518 женщин) – «*Семья-2005*».

- **2008 г.** – по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной среде – «*Семья-2008*»

- **2014 г.** – по представительной выборке в Екатеринбурге и Челябинске были опрошены **150** экспертов по проблемам неблагополучного детства и девиантности поведения детей, подростков и молодых людей; в числе респондентов – опытные преподаватели Свердловского и Челябинского государственных педагогических университетов – 50 чел.; опытные социальные педагоги ряда школ Екатеринбурга и Челябинска – 50 чел.; специалисты в сфере обществоведения ряда институтов УрО РАН (г. Екатеринбург) – 50 чел. Проект носил социально-прогностический характер - «*Семья-Эксперт-2014*».

Усложнение и дифференциация видов и сфер общественной практики, мобильность в изменении окружающей человека природной и социально-культурной среды оказывает многовекторное обратное воздействие на жизнедеятельность людей. При этом их возможности к адекватной реакции на качественные изменения в среде существования неограничены. Нередко источником социальной напряженности являются антиобщественные проявления в поведении индивидов, социальных групп. Особого внимания общества требует молодая семья. *Аналогично живому организму, вновь образовавшаяся молодая семья наиболее неустойчива, нестабильна в первые периоды своего существования.*

Это обусловлено рядом взаимосвязанных причин. Как и всякое живое образование, каждая индивидуальная семья в своем развитии (онтогенезе) проходит ряд последовательно сменяющих друг друга этапов от рождения этой социально-бытовой ячейки до ее смерти. Требуются годы супружеской жизни для стабилизации отношений, выработки таких общесемейных духовных ценностей, как взаимоуважение, взаимоподдержка, стремление к упрочнению союза [2].

Известно, что причины будущего развода (*если таковой произойдет в данной конкретной семье*) закладываются, как правило, в молодом супружеском возрасте, когда устанавливается определенный стиль отношений между супругами, происходят формирование того или иного образа жизни, развитие и поощрение тех или иных привычек, форм общения и т.д. Ответственность супругов в этот период жизни семьи представляется не только в том, чтобы не допустить развода в первые годы брака, но и в том, чтобы предотвратить те внутрисемейные процессы, которые могут привести к разводу в более зрелом семейном возрасте [3].

В исследовании *«Семья-2005»* мы попытались прояснить социологическую «анатомию» происходящих на Урале ссор между молодыми мужем и женой. Ниже представлен ряд заданных нами в анкетах вопросов по поводу семейных ссор и мнение респондентов по этому поводу (% от общего числа респондентов):

1. Можно ли обойтись без ссор в семейной жизни?

Да, наверное, можно	2
	3
Ссоры иногда необходимы	5
	2
Без ссор не бывает семейной жизни	2
	5

2. Кто чаще является зачинщиком ссор?

«Непонятно кто»	3
	3
Жена	2
	8
Муж	1
	5
Оба	2
	4

3. Продолжительность ссор в вашей семье

Миримся сразу	3
	9
Не более одного дня	3
	3
Несколько дней (2-3 дня)	1
	6
Около недели	7
Около месяца	3
Месяц и более	2

4. Кто чаще уступает в семейных конфликтах?

Обоюдно	49
Муж	30
Жена	21

5. Наличие у супруга (супруги) вредных, азартных привычек и их влияние на возникновение ссор:

Вредные привычки	В молодой семье эти привычки:	
	присутствуют	предмет ссоры
Курение	60	30

Употребление алкоголя	36	40
Бездельничество	26	27
Сквернословие	18	15
Переедание	15	8
Игра в карты	8	8

Причинно-следственная «пестрота» возникновения и гашения семейных ссор связана не только с субъективными факторами. В них отражаются и объективные послы социально-психологических сложностей и противоречий, сопровождающих процесс адаптации членов семейного союза друг к другу, адаптации семейного союза к окружающей их среде жизнедеятельности. Было бы, например, неправильным считать процесс стабилизации семьи (в частности, молодой) детерминированным лишь внутрисемейными отношениями, зависящими от уровня духовной культуры и эмоционального развития супругов. Строительство семейных отношений протекает на базе материальной жизни

В социологической литературе принято выделять неблагоприятные факторы, характеризующие семьи из числа, так называемых, «групп риска». Социальное неблагополучие таких семей проявляется в том, что они, как правило, провоцируют проблему социального сиротства в обществе, когда семья в лице родителей (взрослых) не в состоянии выполнять основные функции по отношению к детям. Можно утверждать, что корень зла таких семейных союзов заключается главным образом в неразвитой духовной жизни родителей, создающих в семье неблагоприятный морально-психологический климат. А материальные трудности в семье являются хотя и весомым, но не решающим фактором [4].

Каково же эмоциональное восприятие «собственного дома» у современных городских детей и подростков? Об этом позволяют судить их ответы на вопрос: *«С каким чувством, настроением ты чаще всего идешь к*

себе домой?», который задавался различным группам детей и подростков в исследовании (*Семья-2008*). Опросы показали, что наиболее комфортно ощущают себя дома школьники, особенно дети из дружных, сплоченных семей, а также хорошо ведущие себя ребята. Наименее приятна домашняя обстановка для подростков-правонарушителей: только каждый десятый из них идет домой с охотой, подавляющее большинство – по необходимости, 13 % – как в наказание. Неприятие детьми «своего дома» нередко заканчивается так называемыми побегами детей из родительских семей. Первые побеги подростков из семьи происходят в страхе наказания или как реакция протеста, а затем превращаются в условно-рефлекторный стереотип.

В исследовании (*«Семья-2008»*) выяснялось мнение респондентов по поводу причин широкого распространения бездомности и беспризорности в российских регионах и путей (средств) социальной реабилитации детского населения. В частности, в анкетах, заполненных подростками-учащимися, их родителями и экспертами, один из вопросов формулировался так: *«Как Вы думаете, почему многие дети уходят из семьи, теряют связь с родителями, становятся беспризорными? Укажите главные, по 3-4 причины, в каждой группе причин»*. Ниже приводятся ответы трех групп респондентов (Табл. 1).

Таблица 1. Причины ухода детей из родительской семьи: мнение респондентов (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Причины ухода детей из родительской семьи	Учащиеся	Родители	Эксперты
Группа I. «Виноваты» родители, семья			
У них сложная обстановка в семье (родители пьют, скандалят)	72	71	82
Жестокое обращение родителей с детьми	71	68	74
Их не понимают родители, живут «как чужие»	47	41	55

Появление в семье мачехи, отчима	37	30	39
Потеря родителей (смерть или заключение)	47	40	36
«Заставляет» нехватка денег в семье	21	31	23
У многих отсутствуют дома родители из-за частых командировок	7	9	11
Переезд семьи из другой местности с потерей жилья, работы	3	4	9
Группа 2. «Виноваты» улица, школа, сами дети, подростки:			
Влияние на ребенка уличных приятелей	51	51	69
Приобщение к наркотикам, алкоголю	65	55	64
Желание пожить на свободе, без предписаний и правил	36	35	38
Виноваты сами подростки, их безволие и т.п.	33	37	32
Хотят подражать «крутым» ребятам и девушкам	31	29	30
Влияют преступные группировки подростков	38	26	26
У них проблемы с учебой в школе	24	37	47
Некорректная деятельность милиции	7	13	14

Нетрудно видеть, насколько несовместим и непригоден для выполнения такой родительской миссии образ жизни многих семей, для которых обыденным проявлением активности выступают постоянные пьянки родителей, ссоры и драки между ними, превращение квартир в притоны для пьяных компаний. По признаниям детей и подростков, практически, в

каждой третьей семье постоянно пьет не только отец, но и мать. «С грустью надо сознаться, – писал замечательный русский адвокат А. Ф. Кони, – что есть случаи, когда главная опасность для ребенка не только в отсутствии семьи, но и в ее наличии» [5. С. 199].

Вряд ли можно считать правильным, когда ошибки одного из супругов не поправляются его партнером, а усугубляются. Общеизвестна строчка из песни «За хорошей дружбою прячется любовь...». В противовес этому, в семейно-брачных отношениях, к сожалению, во многом справедливы и слова: «За хорошей ссорой прячется развод...» В одном из наших исследований в г. Магнитогорске, на каждое бракоразводное дело народному судье предлагалось заполнить экспертный листок-анкету. Последняя, состояла из двух основных блоков вопросов. В первом – объективные социально-демографические данные о разводящихся супругах, выяснение которых производилось по сведениям, содержащимся в заявлении о расторжении брака. Второй блок, содержал оценочные суждения, дополнительные сведения о причинах развода, возможных путях примирения, которые судья выяснял (или мог выяснить) в процессе судебного разбирательства. На эти вопросы должен был ответить судья сам лично, основываясь на свежих впечатлениях от законченного дела (после вынесения судом решения или прекращения дела по другим причинам). Из трех народных судов города нами была получена первичная информация о 243 завершённых бракоразводных делах. Какие же результаты мы получили в процессе оценки бракоразводных дел (Табл.2).

Таблица 2. Мнение судей о причинах разводов в уральских семьях, имеющих детей (% от общего числа экспертных оценок; в числителе – претензии истицы к мужу; в знаменателе – истца – к жене)

Претензии инициаторов развода к своему (ей) супругу (е)	%
	/ %

Пьянство, алкоголизм	7 8 / 12
Супружеские измены	4 2 / 37
Грубость, скандальность	3 2 / 52
Недостаточное участие в уходе за детьми и их воспитании	3 2 / 52
Утрата чувства любви	2 2 / 3
Недостаточное участие в домашней работе	2 1 / 37
Невнимательность, равнодушие к супруге (супругу)	1 6 / 13
Встречи с друзьями (подругами), знакомыми вне семьи	1 4 / 42
Эгоизм, себялюбие	1 3 / 10
Вредное влияние на детей	1 1 / -
Ревность	9 / 13
Неумение оградить семью от вмешательства родственников	8 / 13
Плохое отношение со стороны мужа или жены к родственникам супруги (супруга)	3 / 10

Итак, по мнению экспертов, основной причиной примерно каждого трех из четырех разводов (78 %), которые совершаются по инициативе женщины,

является пьянство или алкоголизм мужчины. Характерно, что относительное число браков, расторгаемых по причине мужского пьянства, практически не меняется в различных возрастных группах. Сразу же отметим, что в большинстве случаев женщины указывали на пьянство в совокупности с другими причинами. В значительной части дел (около 50%) женщины указывали целый комплекс причин, на основании которых они считают продолжение своей супружеской жизни невозможным. Если оценивать результаты экспертизы в целом, то, по мнению судей, большинство браков в г. Магнитогорске распадается по вине мужчин. Соотношение указанных судьями причин вины мужа и вины жены составляет примерно пропорцию 2:1. [6].

Тот или иной уровень духовного комфорта семейной ячейки – во многом отражение ее материально-хозяйственных возможностей в удовлетворении как материальных, так и духовных потребностей, определяемых уровнем денежных доходов, размером и состоянием жилища, развитием системы обслуживания, здравоохранения и т.д. А это, в свою очередь, во многом зависит от развития отношений «общество – молодая семья». Последнее включает не только материальную сферу. Существенное значение имеет общественное мнение по поводу таких нравственных понятий, как «супружеская любовь», «семейное счастье», «долг семьянина», «отцовство», «материнство» и т.п. [7].

В поисках истинной первопричины антисемейного поведения необходимо помнить, что те или иные качества личности, ее поступки по отношению к семье не могут быть полностью объяснены какими-либо обстоятельствами или неблагоприятным поведением одного супруга. В строительстве семейных отношений участвуют, как правило, двое. Вряд ли можно считать правильным, когда ошибки одного из супругов не поправляются его партнером, а усугубляются.

В нашем магнитогорском исследовании была сделана попытка выяснить, как влияет решение супругов о разводе на прекращение между

ними интимных отношений. В анкете эксперта мы просили судью уточнить, как долго (до момента подачи заявления) разводящиеся не жили интимной супружеской жизнью. Вполне понятно, насколько сложен этический аспект выяснения подобных сведений. И все же наши эксперты посчитали возможным выполнить эту задачу при ведении 180 бракоразводных процессов, что составляет 74% всех обследованных дел. Была выявлена следующая зависимость периода прекращения интимных отношений до подачи заявления о разводе от типа лидерства [6].

Данные свидетельствуют о том, что вопросы половых отношений и развода разные группы дестабилизировавшихся семей решают по-разному. Для одних духовная дестабилизация семьи означает, как правило, и прекращение интимных отношений, для других эти два вопроса практически не взаимосвязаны. Последняя ситуация была характерна прежде всего для семей, где главенствует муж. Из этой группы 8% имели интимные отношения накануне подачи заявления о разводе в ЗАГС. Общественная практика свидетельствует, что нередки случаи, когда супруги подают заявление о разводе слишком поспешно, не взвесив все «за» и «против», не попытавшись нейтрализовать те причины, факторы, которые легли в основу мотивации о расторжении семейного союза. Именно для такой части разводящихся пар важна профилактическая примиряющая деятельность работников суда, в первую очередь – народного судьи, ведущего дело. Особое значение для позитивного исхода примиряющей деятельности приобретает новое направление работы с семьями, находящимися на «пороге» развода, а именно: социальная медиация – работа по досудебному урегулированию семейных конфликтов. Этот вид профессиональной деятельности в настоящее время является всё более и более распространённым и востребованным в России.

В русле затронутой нами темы, считаем уместным кратко остановиться и на такой довольно актуальной проблеме семейного строительства как *«женщина в семье в качестве объекта и субъекта насилия»*.

Выполнение семьёй ряда основополагающих социальных функций (репродуктивная, производства, распределение и потребление жизненных благ и ресурсов, «социально-психологического убежища» и др.) предполагает, естественно, стабилизацию социально-психологического микроклимата этой первичной социальной ячейки общества, максимально исключающего проявления жестокости, садизма, оскорблений личности, физического и духовного насилия, как между супругами, так и в системе отношений «отцы-дети».

Обратимся к недавней истории. Насколько распространено насилие как форма межличностных отношений в семьях россиян на пороге XXI века? Проведённое нами межрегиональное исследование «*Семья-1999*» позволяет в какой-то мере представить эту сторону семейной жизни россиян. Как проявляется насилие над личностью в семьях россиян? Дабы прояснить это обстоятельство родителям задавался следующий вопрос: «У вас, наверняка бывают доверительные беседы со своими семейными друзьями, подругами. Не могли бы вы ответить на следующий вопрос: «Сталкиваются ли ваши подруги (друзья) в своей семейной жизни с насилием, оскорблениями разного рода со стороны своего супруга (супруги)? Если такое есть, то в какой форме?». Наши респонденты в данном случае выступили своеобразными экспертами по поводу стиля отношений в семьях своих друзей, подруг. Лишь каждый седьмой респондент (около 15 % от общего массива) отметил вариант ответа в анкете: «в семьях моих друзей, подруг *таких фактов насилия и оскорбления НЕТ*». Подавляющая часть опрошенных фиксировала факты насилия, которые, по их наблюдениям и сведениям проявляются в следующем (% от общего числа опрошенных соответственно по каждому городу; Челябинск / Самара / Чита):

Формы и виды оскорблений:

- *экономические* (упрёки из-за

- 39 / 31 / 31

денег)		
- <i>психологические</i> (упрёки, оскорбления)		- 32 / 27 / 44
- <i>физическое</i> (рукоприкладство)		- 26 / 17 / 18
- оскорбления, связанные с родителями		- 23 / 15 / 17
- не знаю, затрудняюсь ответить		- 17 / 25 / 16

Мы затрудняемся объяснить лидерство южноуральцев (для этого необходимы более углублённые социально-психологические исследования), но факт остаётся фактом: практически по всем позициям насилия семьи челябинцев на момент опроса «опережали» волжан и забайкальцев.

Один из немаловажных механизмов трансформации общественных отношений - задача, которую предстоит решить российскому обществу - преодоление сложившихся стереотипов. К числу последних, относится устоявшееся мнение, что субъектом насилия в семье является исключительно МУЖЧИНА. Расхожее мнение здесь общеизвестно: мужчина (муж) - насильник, женщина (жена) - жертва. Подобная раскладка семейных ролей - излюбленный вариант освещения «семейных баталий и стычек» в произведениях литературы, кино, в зарисовках тележурналистов.

Между тем, нельзя закрывать глаза на тот факт, что нередко мужчина и женщина меняются в ролевом распределении «насильник-жертва». Подтверждением тому может служить хотя бы судебная уголовная статистика, наличие женских тюрем и исправительно-трудовых учреждений. При этом причастность женщины к насилию в семье проявляется в двух основных формах: женщина - как инициатор (побудитель) проявлений насилия со стороны мужчины или других членов семьи (провоцирование насилия), женщина - субъект насилия.

Эта, не столь импозантная для прекрасной половины человечества, деятельность в семье может быть направлена как на собственных детей, так и на «чужих», в случае, когда профессиональная деятельность женщины связана с воспитанием и уходом за детьми (женщины-учителя, воспитатели детских дошкольных учреждений, приёмные матери и др.). По нашим данным, например, в каждой четвёртой-пятой уральской семье в арсенале воспитательных средств присутствуют физические меры наказания. При этом матери выступают как прямые исполнители семейного вердикта, так и в качестве «следователя», наводчика на «карательную» деятельность со стороны отца ребёнка. При этом важно различать не только физическое, но, чаще, духовное насилие над ребёнком, приводящее в некоторых случаях к трагическому финалу - суициду детей. По данным новосибирских социологов формы наказания своих детей родителями-сибиряками варьируются (*по признаниям самих детей*) следующим образом (% от общего числа ответивших):

Формы и виды оскорблений:

- вербальная агрессия (обвинения, крик)	-	43
- ограничения активности ребёнка (угол, запрет на прогулки)	-	25
- физическая агрессия	-	23
- беседа с родителями	-	15
- отказ от ответа («я забыл»)	-	8

Нетрудно видеть, что наказания детей сегодня носят преимущественно репрессивный характер [8].

Несколько больший диапазон проявлений женского насилия в отношении мужчин в семье и, прежде всего, мужа. В этом случае можно выделить следующие аспекты подобной активности женщин.

- а) хотя и редко - это прямое физическое насилие над мужем;
- б) жена осознанно выступает провокатором ответного насилия со стороны мужа;
- в) жена – выступает в роли «духовного садиста» над личностью мужа. Предметом, поводом таких проявлений могут служить, например частичная или полная импотенция супруга, низкая профессиональная дееспособность, «факты прошлой биографии» и т.п.

Мы не ставим перед собой задачу обвинять или оправдывать женщин за подобную, казалось бы, несвойственную им деятельность в семье. Не будем, как говорят, перекладывать грехи «с больной головы на здоровую». Нам бы хотелось акцентировать внимание специалистов, прежде всего социальных психологов на актуальность этой проблемы. Тем более, что российское общество стремительно приобщается к феминистским движениям, предполагающим, как известно, равноправие полов во всех видах деятельности. Насилие, к сожалению, пока не потеряло своих позиций в разрешении споров и противоречий между представителями двух половин человечества.

Подведём некоторый итог. В начале статьи мы привели ответы молодых супругов на вопрос анкеты: «Можно ли обойтись без ссор в семейной жизни?» Лишь каждый четвёртый респондент (23%) отметил вариант «*Да, наверное, можно*». Подавляющее же большинство опрошенных молодых супругов считают, что «*Ссоры иногда необходимы*» - 52 % или вариант «*Без ссор не бывает семейной жизни*» - 25 %. У нас нет достаточных оснований не признать того обстоятельства, что в настоящее время феномен супружеской ссоры является, практически, «обязательным» атрибутом семейного строительства. В нашем случае, речь идёт, прежде всего, о молодых уральских семьях. Встаёт вопрос: «Ссоры и семейные конфликты – это новое приобретение института семьи или его «родовое» наследие?».

Как свидетельствует история, «возраст» семейных конфликтов такой же, как и возраст самого института семьи – этого уникального института

человеческого взаимодействия. И сегодня речь, очевидно, должна идти не о поиске эффективных (*кардинальных*) средств и способов «изживания» ссор и конфликтов из семейного обихода. Нужно учиться, прежде всего, профилактике «мирных» семейных отношений – это, *во-первых*. А, *во-вторых*, важно использовать созидательный потенциал межличностного общения между членами семьи, в поисках удовлетворительного разрешения возникающих противоречий, и, главное, *во благо сохранения семейного союза и его ценностей*.

«Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп - отмечал в своём Послании Президент России, - милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, - дефицит того, что всегда, во все времена исторически делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение» [9].

Список литературы

1. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.
2. Павлов Б.С. Опыт исследования причин дестабилизации семей // Развитие и стабилизация молодой семьи. (Конкретно-социологическое исследование): Сб. научных трудов. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. С. 90-103.
3. Павлов Б.С. Трансформация института семьи на Урале в условиях социально-экономических деструкций // Экономика региона. 2013. № 3. С. 121-131.
4. Павлов Б. С. Семейное неблагополучие – базовая детерминанта внесемейного общественного воспитания детей в России: на материалах социологических исследований. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2009.

5. Кони А.Ф. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. Статьи и заметки. Судебные речи. – М.: Изд. юрид. лит. 1958.

6. Павлов Б. С. Институт семьи и социальные риски в жизнедеятельности индивида // Социально-экономические риски: диагностика причин и прогнозные сценарии нейтрализации. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2010. С. 930-944.

7. Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. 2010. № 3. С. 58-69.

8. Николаева Е.И. Тоталитаризм в семье // ЭКО, 1997, № 9

9. Послание Президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию: [Электронный ресурс] // полный текст // Режим доступа: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html>.

Пацукевич, О. В. || Скоромная, С. С.

Patsukevich, O. V. || Skoromna, S. S.

Государственная социальная поддержка как одно из направлений
семейной политики

State social support as one of directions of domestic politics

В представленной автором статье рассматривается одна из актуальных проблем современного белорусского общества – государственная поддержка семьи. Освещается комплекс мер нормативно-правового характера, принятых государством в последнее время по решению данной проблемы. Анализируются данные исследования, проведенного в 2015 г. Институтом социологии НАН Республики Беларусь. Результаты анкетного опроса показали, что большинство респондентов нуждаются в государственной поддержке. При этом отмечается, что потребность в социальной помощи зависит от возраста детей и, особенно в ней нуждаются те семьи, которые воспитывают детей до 3-х лет.

In the article presented by an author one of issues of the day of modern Belarussian society is examined is state support of family. The complex of the measures of normatively-legal character, accepted by the state lately in decision of this problem, is illuminated. These researches are analysed, conducted in 2015 by Institute of sociology of НАН of Republic of Belarus. The results of the questionnaire questioning showed that most respondents needed state support. It is thus marked that a requirement in a social help depends on age of children and, especially her those families that bring up children to 3th need.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная поддержка, демографическая безопасность, льготы, пособие, респондент, семья, семейный капитал.

KEY WORDS: state support, demographic safety, privileges, manual, respondent, family, domestic capital.

Государственная поддержка семьи выступает одним из ключевых направлений государственной социальной политики Республики Беларусь и одной из основ демографической безопасности. В рейтинге стран, благоприятных для материнства и рождения детей, Беларусь занимает 26-ю позицию среди 176 государств мира, опережая США и Японию.

В нашей стране создана и действует стабильная система мер поддержки в виде правовых гарантий и социальных льгот семьям, воспитывающим детей, которая является наиболее комплексной и эффективной на всем постсоветском пространстве. Реализуются такие программы, как оказание финансовой помощи многодетным и молодым семьям при строительстве жилья, развитие системы бесплатного обеспечения продуктами питания детей первых 2-х лет жизни, оказание адресной социальной помощи. Согласно статистическим данным, в стране проживает 2,7 млн. семей, из них 1,3 млн. – семьи, воспитывающие детей. Системой государственных пособий охвачено 4448,8 тыс. детей (25% от общего числа), из них до 3-х лет – 309,6 тыс. (99% данного возраста). В нормативно-правовом аспекте государственная поддержка семьи в Республике Беларусь регулируется на основе следующих основных документов:

Указ Президента республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 46 «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь», в который были внесены изменения и дополнения от 28 декабря 2007 г. № 676. Данный документ включает в себя следующие разделы: общие положения; основные направления государственной семейной политики Республики Беларусь; основные цели и принципы государственной семейной политики; принимаемые государственными органами меры по проведению государственной семейной политики и их результаты.

Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» от 4 января 2002 г. и Директива Президента

Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. № 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины».

«Концепция национальной безопасности республики Беларусь», утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 и Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011-2015 гг., утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 11 апреля 2011 г. № 136, в которых нашли отражения и вопросы социальной политики [1].

На основе выше перечисленных законодательных актов в целях стабилизации численности населения и обеспечения перехода к демографическому росту была принята Национальная программа демографической безопасности Беларуси на 2011-2015 гг.

Она преследовала такие цели, как: увеличение общего и суммарного коэффициента рождаемости, стабилизация и снижение младенческой смертности, увеличение ожидаемой продолжительности жизни и т. д. После осуществления двух программ демографической безопасности, в которых ставка была сделана на многодетность, претерпела изменения стратегия их разработки. Как показала практика, в нынешних реалиях Беларуси полагаться на достаточно широкое распространение многодетности не приходится. Поэтому при написании концепции третьей по счету программы, рассчитанной на 2016-2020 годы, несколько изменяются приоритеты: отныне основная ставка будет делаться на двухдетную семью и здоровую жизнь.

Немаловажное значение имела новая редакция закона «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» от 29 декабря 2012 г. Согласно данному документу, из вида поддержки, рассчитываемой на основе бюджета прожиточного минимума, пособия преобразовывались в ежемесячные выплаты, увязываемые с размером заработной платы по стране. Сегодня величина детского пособия составляет на первого ребенка – 35% от средней заработной платы, на второго – 40%.

Совсем недавно вступил в силу Указ Президента Республики Беларусь № 572 от 9 декабря 2014 г. « О дополнительных мерах государственной поддержки семей, воспитывающих детей». В соответствии с ним было принято решение о семейном капитале и о выплате пособия на старшего ребенка, не достигшего совершеннолетия, в семье, где появился малыш. Согласно этому документу претендовать на семейный капитал отныне имеют право родители после появления третьего и последующего детей, а таких семей в стране не так уж много – чуть более 5%. Сумма же, причитающая ежемесячно старшему ребенку при рождении младшего, хотя и сравнительно невелика – на конец января 2015 г. это 798 тыс. рублей, но в определенной мере позволяет компенсировать ему неудобства от изменения его внутрисемейного статуса [1].

Предоставление правовых гарантий семье начинается с рождения ребенка. Так, работающей матери (либо другим родственникам или членам семьи) предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет, с сохранением рабочего места.

За период нахождения в социальном отпуске выплачивается пособие по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет, причем независимо от доходов родителей.

Результаты опроса, проведенного отделом социологии культуры Института социологии в 2015 году показали, что более половины респондентов согласились с необходимостью государственной поддержки семей с детьми (53,3%). Каждый третий считает, что эта помощь должна быть направлена только отдельным категориям семей (31,4%). И только 5,4% не видят необходимости в такой помощи и возлагают всю ответственность на родителей. Реже остальных сторонниками государственной поддержки семьям с детьми являются представители старшей возрастной группы 56 лет и старше (31,4%). Среди них зафиксировано самое значительное представительство респондентов, считающих, что родители не должны рассчитывать на поддержку государства (8,4%). Наибольшую

заинтересованность в социальной поддержке выразили жители Брестской (65,3%), Могилевской (64,6%) и Минской (62,1%) областей. Респонденты Минска (45,2%) и Витебской области (37,8%) полагают необходимой дифференцированную поддержку, направленную определенным категориям семей или отдельным семьям с учетом их жизненных обстоятельств. Максимальное число опрошенных, придерживаются мнения, что семьи должны рассчитывать только на свои силы, зафиксировано в Гродненской (7,7%) и Гомельской (7,1%) областях. Среди респондентов, проживающих в населенных пунктах городского или сельского типа, различий в установках на необходимость государственной поддержки не обнаружено.

Исследование показало, что потребность в социальной помощи зависит от возраста детей, воспитывающихся в семье. Среди респондентов, имеющих детей до трех лет, 73,3% считает, что государство должно помогать семьям с детьми. По мере взросления детей потребность в государственной помощи снижается. Так, среди респондентов с детьми от 3 до 6 лет, с необходимостью социальной поддержки согласились 63,7%, с детьми от 7 лет до 12 лет – 53,1%, с детьми старшего возраста – 53,5%. Одновременно увеличивается число сторонников адресной помощи, направленной на поддержку особо нуждающихся категорий семей.

Наиболее высоко необходимость социальной помощи оценили семьи с ребенком младше трех лет. Это, прежде всего, потребности в улучшении жилищных условий (59,1%) и материальной поддержке (55,5%). Данная группа населения продемонстрировала высокую заинтересованность в центрах развития для детей (39,9%). Для каждой третьей семьи актуальна необходимость помощи в обеспечении ребенка местом в дошкольном учреждении. Полученные данные показали, что в белорусских семьях не сформирована потребность в передаче услуг заботы коммерческому сектору. Так, несмотря на развитость альтернативных практик заботы, связанных с уходом за детьми, респонденты не выразили заинтересованности в данном виде помощи (4,1%). Вероятно, в этом отношении родители полагаются либо

на собственные ресурсы (предоставляемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им трех лет), либо на традиционный для советского и постсоветского пространства «институт бабушек».

Семьи с детьми младшего возраста (до 12 лет) выразили заинтересованность в возможности пользоваться гибким графиком работы. Эта потребность наиболее высока среди родителей, чьи дети не достигли семилетнего возраста.

Проведенное исследование показало, что больше всего семьи нуждаются в материальной помощи. Эта потребность увеличивается по мере роста ребенка. Сравнение по критерию субъективного осознания уровня обеспеченности между группами респондентов имеющими детей до 18 лет и респондентами, не имеющими детей данного возраста, не выявило статистически значимых различий. Таким образом, для того, чтобы утверждать, что в семьях с детьми до 18 лет материальное положение хуже, чем среди остальных респондентов, и они нуждаются в увеличении объема оказываемой помощи, необходимы дополнительные исследования. Другая актуальная потребность, связанная с обеспеченностью жильем наоборот, имеет тенденцию к снижению. То есть, со временем семьи, хотя бы частично, находят возможности решения жилищных проблем. В целом, можно сказать, что по мере взросления ребенка заинтересованность семьи в социальной поддержке снижается.

Таким образом, наибольшую заинтересованность в социальной поддержке со стороны государства продемонстрировали именно те категории населения, которые являются ее целевыми получателями.

В связи с тем, что в Беларуси расширился спектр социальной поддержки и введен ее новый вид – семейный капитал, интерес представляет уровень осведомленности о нем среди населения. Среди респондентов до 45 лет хорошую осведомленность обозначили 17,9%. Ничего не знают о данной мере 30,6% опрошенных. Исследование показало, что респонденты в возрасте от 35 до 45 лет лучше остальных информированы о «семейном

капитале». Каждый четвертый (24,5%) считает, что имеет всеобъемлющие знания о данной мере и только 19,4% признает, что какие-либо представления отсутствуют. Среди молодежи до 25 лет наблюдается противоположная картина. Отсутствие знаний признают 43,6%, а хороший уровень информированности отмечают 8,3% опрошенных. Таким образом, учитывая, что молодежь обладает наиболее высоким репродуктивным потенциалом, необходимо расширять информационно-просветительскую работу с данной аудиторией.

Информированность населения о «семейном капитале» различается в зависимости от типа населенного пункта. Городское население лучше сельского осведомлено о данной мере. Наличие хорошего представления отметили 18,9% горожан и 14,1% сельчан, понимание сути новой меры обозначили 25% и 19% и поверхностные знания – 24,7% и 39,3% соответственно. Чаще высокий уровень осведомленности о «семейном капитале» фиксируется среди респондентов Витебской (25%) и Могилевской (21,1%) областей. А больше всего тех, кто ничего об этом не слышал, проживает в Гомельской области (36,6%).

Таким образом, принятие нормативно-правовых документов означает осуществление широкого комплекса неразрывно взаимосвязанных государственных мер в отношении семьи, ни одну из которых, ни выделить, ни тем более попустить невозможно. Подобная поддержка со стороны государства приводит к повышению качества жизни семей с детьми. Благодаря ее осуществлению исчезает довольно прочно закрепившийся в сознании наших граждан стереотип о знаке равенства между наличием детей и неизбежной ущемленностью в реализации потребностей. Проведенное социологическое исследование методом анкетного опроса показало, что население Беларуси рассматривает семейную политику как необходимое направление социальной поддержки, связанное с помощью в решении, прежде всего, материально-экономических проблем семьи. Это в целом отвечает направленности социальной политики белорусского государства, в

котором ведущими мерами являются различные выплаты и пособия, призванные облегчить экономические издержки, связанные с рождением ребенка и временной нетрудоспособностью матери.

Литература

Мохнач, Г. Тенденции демографической моды /Г. Мохнач // Беларуская думка. – 2015. – №2. – С.32-39.

Полякова, П.А.|| Шуб, МЛ.

Место женщины в современном российском обществе

Polyakova, P.|| Shub, M.

Woman's place in modern russian society

Аннотация: в данной статье мы анализируем результаты массового опроса, проведенного в 2015 г. в г. Челябинске с целью выяснить мнение респондентов о наличии феномена дискриминации женщин в современном российском обществе: степень её распространённости, сферы представленности, отношение к ней наших соотечественников.

Abstract: In this article we analyze the results of mass survey conducted in the city of Chelyabinsk in 2015 to ascertain the opinion of the respondents about discrimination against women exists in modern Russian society: the degree of its prevalence, the scope of the representation, the attitude of our compatriots.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ФЕМИНИЗМ|| ДИСКРИМИНАЦИЯ||
СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА

KEYWORDS: FEMINISM|| DISCRIMINATION|| CONTEMPORARY
CULTURE

На протяжении некоторого количества времени мы вплотную занимаемся изучением феномена феминизма и его представленности в современном российском обществе.

Значимость данного явления обусловлена тем, что феминизм в некоторой степени является отражением современных тенденций и умонастроений. Очевидно, что первоначальные цели, которые ставили перед собой феминистки того времени, получили свою реализацию, но тем не менее, феномен не только не прекратил свое существование, а развивается довольно быстрыми темпами, в том числе и в России. Одной из наших задач являлся поиск ответа на вопрос, действительно ли современному российскому обществу нужен феминизм. Присутствует ли здесь и сейчас

такое явление, как дискриминация, и если да, то насколько остро стоит вопрос.

Для получения ответов на вышеперечисленные вопросы мы использовали в числе прочих и метод анкетирования. Наша выборка состояла из 243 (44. 18%) мужчин и 307 (55. 82%) женщин в возрасте от 18 до 70 лет. Из них в зарегистрированном браке состоят 55. 45%, 33.27% порошенных не состоят в отношениях и 11.27% состоят в гражданском браке.

Для начала мы хотели выяснить, какой смысл современные россияне вкладывают в понятие «феминизм». Интерес к этому аспекту важен ещё и потому, что единого определения, что такое «феминизм» не существует даже среди участников этого движения. Основные определения были нами предложены в качестве вариантов ответа, авторских определений в ходе анкетирования не выявлено, поскольку ответ «свой вариант» был отмечен всего 1.27% респондентов и в большинстве случаев либо дублировал одно из предложенных определений, либо заключался в оскорбительной характеристике феминизма. Наибольшее количество опрошенных (32.00%) придерживаются мнения о том, что феминизм – это «общественно-политическое движение, целью которого является устранение гендерной дискриминации и борьба с сексизмом», а так же 24.91% придерживаются точки зрения, основанной на том, что феминизм – это теория равенства полов. Из этого мы можем сделать предварительный вывод: несмотря на дальнейшие, более узконаправленные вопросы об отношении к феминизму, большая часть респондентов все же придерживается положительно-нейтральных определений во взглядах на исследуемый феномен.

Вариант «доминирование женщин в обществе» выбрали 17.64% респондентов. На наш взгляд, его выбрали те, кто плохо или совсем не знаком с понятием «феминизм» и, скорее всего, просто перепутали его с матриархатом. Так же, вероятно, к этому варианту примкнули респонденты, усматривающие в феминизме угрозу для традиционной семейной модели. Вариант «Феминизм – психологическая реакция женщин на проблемы в

отношениях с мужчинами» был выбран 8.73% опрошенных, что может свидетельствовать о влиянии стереотипов о феминистках на некоторую часть населения. Последний, необходимый вариант «затрудняюсь ответить» выбрали 15.45% опрошенных, что на наш взгляд не так уж и мало. В целом можно предположить что к этой группе относятся люди пожилого возраста, плохо ориентирующиеся в современных тенденциях.

Результаты этого вопроса говорят нам о том, что большинство людей все же более или менее верно представляют себе сущность феминизма. Однако, несмотря на то, что формально многие люди знают «определение» феминизма, дальнейший анализ анкеты показывает, что это явление воспринимается скорее как «бытовое», т.е. феминизм в сознании опрошенных является скорее не цельным движением, а неким набором поступков и черт поведения, которое женщины демонстрируют в реальной жизни. В связи с этим нам показалось разумным дать свое определение феминизма, более подходящее в контексте данной работы.

На наш взгляд, феминизм – это специфический тип мироощущения, который реализуется в повседневной жизни без привязки к политике и идеологии и основан на попытке женщин стать более независимыми и самостоятельными (финансово и психологически) исключительно в прагматический целях (для получения права на самореализацию, освобождение от гендерных стереотипов, возможность иметь всю полноту выбора семейной модели, поведения и т.д.).

В связи с рассмотрением феминизма в таком ключе мы считаем важным проанализировать вопросы нашей анкеты, связанные именно с реальным положением женщины в современном российском обществе в контексте её повседневного бытия.

Одним из первых вопросов мы хотели напрямую выяснить, как респонденты видят ситуацию в современном российском обществе с равноправием/ущемлением по половому признаку. Треть голосов (33.64%) были отданы варианту, из которого следует, что современное общество –

общество мужчин, и попытки женщин «уравняться» в правах пока что плохо удаются. Затем по количеству процентов (22.55%) следует опять же противоположный вариант, суть которого заключается в том, что мы живем уже в равноправном обществе.

Следующим по популярности идет вариант ответа, в некоторой степени схожий с обязательным «затрудняюсь ответить», т.е. выбравшие этот вариант 18.36% респондентов затрудняются сказать, как на данный момент обстоят дела с доминированием в обществе мужчин или женщин. И последним вариантом, собравшим весомую долю ответов в процентном соотношении (12.73%), стал вариант об очевидном доминировании мужчин в современном российском обществе. Вариант с противоположным мнением («в современном обществе, безусловно, доминируют женщины») набрал всего 4.18%, что даже меньше отдельно вынесенного «затрудняюсь ответить» (6.36%).

После анализа данного вопроса можно предположить, что, скорее всего, представление о равноправии в обществе разнится в зависимости от окружения/возраста респондентов, либо дело в различных требованиях, предъявляемых к равноправию у различных групп населения.

Затем следует вопрос, звучащий следующим образом: «Как Вам кажется, в каких сферах сегодня доминируют, являются более успешными мужчины, а в каких женщины?». Всего было предложено двенадцать сфер: политика, экономика, индустрия красоты, наука, культура, образование, информационные технологии, спорт, развлекательный и шоу-бизнес, средства массовой информации, семья, сфера управления и менеджмента. Анализ этого вопроса позволил нам разделить все предложенные сферы на несколько групп. Первая группа включает в себя области, которые в сознании респондентов считаются исключительно мужскими – политика (82.91%), экономика (58.73%), сфера информационных технологий (61.27%); Вторая- группа «равных» сфер, в которую можно отнести культуру (55.82%), образование (42,36%), спорт (64.18%), развлекательный и шоу-бизнес

(58.00%) и СМИ (55.27%). Чисто женскими респонденты считают только индустрию красоты. Помимо нее только в семейной сфере женщина может претендовать на успешность (31.09%), однако наибольший процент респондентов считает, что в семье мужчина и женщина равны.

Ещё один вопрос, который может нам помочь в представлении о месте женщины в современном российском обществе, был сформулирован следующим образом: «Если бы у Вас в семье есть или была бы дочь-подросток, то с чем, прежде всего, Вы связывали бы её будущее?». Наибольший процент (43.64%) респондентов в этом вопросе выбрали вариант «все зависит от конкретного человека», который, в общем и целом, не противоречит феминистским идеям. Следом идет чуть менее «феминистский» вариант – «работать необходимо, но главное для женщины – это семья» (24.55%), где так же упоминается второстепенность роли качественного образования в жизни женщины. Уже следующим весомым в процентном соотношении идет вариант о важности профессиональной самореализации (13.82%), после него только «затрудняюсь ответить». Ответ приверженцев самореализации в замужестве и детях на предпоследнем месте – всего 5.64% опрошенных выбрали этот вариант для своей реальной/гипотетической дочери. Последним по популярности вариантом идет «свой вариант» так же не дающий нам новых сведений по интересующей нас проблеме.

Таким образом, мы уже можем наблюдать некоторое противоречие в результатах двух проанализированных выше вопросах. С одной стороны, большая часть опрошенных «дают» женщинам возможность выбирать свой путь, с другой стороны, - простора для самореализации остается не так уж и много.

Вместе с тем, немалая часть респондентов считают, что призвание женщины быть женой и матерью, и вслед за этим выводом мы можем рассмотреть блок вопросов, связанных с дискриминацией, а именно – с дискриминацией женщин в семье. В одном из вопросов, посвященных этой

проблеме, вариант «бытовые обязанности» набрал 21.45% и оказался в четверке лидеров (большой процент набрали варианты «политика» (34.36%) «традиционно мужские сферы деятельности» (23.09%) и «труд» (21.82%). В этом же вопросе вариант «семья и брак», набравший 14.18% . Этот вариант не содержал в себе никаких пояснений, но мы можем предположить, что в него были включены респондентами проблемы домашнего насилия, присуждения ребенка матери, алиментных выплат.

Другой вопрос был направлен на выявление дискриминации на личных примерах, т.е. мы просили респондентов указать, в каких сферах лично они сталкивались с ущемлением прав.

На этот вопрос ответили всего 10.36% респондентов, что составляет всего 57 человек. Из них один был посвящен конкретно домашнему насилию (1%), 7 – бытовой сфере (10%) и 10 – семье и браку (14%).

Таким образом, на данный момент сложно сделать однозначный вывод о месте женщины в современном российском обществе в связи с тем, что результаты разных вопросов, посвященных так или иначе одной проблеме, разнятся – на прямые вопросы о равенстве мужчин и женщин мы получаем более или менее «равноправную» картину, при попытке выяснить степень этой «равности» мы получаем возможность оценить пути женской самореализации, среди которых основным является семья, в которой так или иначе все равно просматриваются элементы дискриминации.

Однако, всё-таки отметим, что во первых, в современном российском обществе у женщин не так много путей для самореализации – это либо «женские» сферы, которые не могут удовлетворять стремления большинства женщин, либо труднодоступные направления, профессиональный рост в которых осложняется наличием в обществе гендерных стереотипов, либо семья, в которой, опять же, женщины зачастую не могут взять на себя полноту власти.

Во-вторых, достаточный процент опрошенных на данный момент полагает, что место женщины – в семье, однако, как было сказано выше, без

возможности взять на себя руководящую роль. Скорее, здесь можно говорить больше об обязанностях (например, в бытовой, воспитательной сфере семейной жизни), нежели о правах.

В любом случае, на наш взгляд, проблема дискриминации в современном российском обществе имеет место быть и, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении.

Салморбекова, Р.Б.

Антропосоциетальная трансформация кыргызского общества

Salmorbekova, R.B.

Antroposotsietal transformation of Kyrgyz society

УДК: 316.3(575.2)

Аннотация – рассматриваются комплексный анализ, определяющий причины и направления антропосоциетальной трансформации кыргызского общества. Представлена характеристика классификации граждан получивший статус группы рисков в период социальной трансформации кыргызском обществе. Выявлен основные проблемы тормозящий процесс модернизации в Кыргызской Республике. Определен социальное настроение населения и «социальный очаг» социальной напряженности в процессе глобализации.

Annotation - considered a comprehensive analysis defining the causes and directions antroposotsietal transformation of Kyrgyz society. The characteristic of the classification of citizens received risk group status in the period of social transformation of the Kyrgyz society. The main problems hindering the process of modernization in the Kyrgyz Republic. Detected social mood of the population and the "social center" of social tension in the process of globalization.

Ключевые слова: глобализация, государства, миграция, процесс, репрезентативность, риск, социальная трансформация, человек.

Key words: globalization, the state, the migration process, representation, risk, social transformation, people.

Актуальность настоящего исследования заключается в противоречии современных тенденций в социальной жизни в регионах Кыргызской Республики. В настоящее время необходимо исследовать особенности регионов не разрывая человека от социума и культуры. Данный подход дает возможность решение актуальных задач, стоящих перед обществом. При этом в фокусе исследования является человек, общество и культура. Таким

образом, проблемы человека, общества и культуры представлен многоаспектными исследованиями, однако в доступной нам литературе недостаточно сведений о рассмотрении общества как антропосоциетального целого, поэтому изучение данной проблемы, на наш взгляд, вызывает несомненный научный и практический интерес. В работе широко использованы качественные и количественные методы социологических исследований: наблюдение, анализ документов, статистический анализ, кейс-стади, экспертный опрос, отчетные карточки граждан, PRA и гендерный анализ.

Методология. Методология. С 2013 г. по данной теме проведен социологический опрос с участием 2 630 респондентов. Социологические исследования проводились в Баткенской, Джалал-Абадской, Ошской, Чуйской, Иссык-Кульской, Нарынской, Таласской областях Кыргызской Республики с охватом 14 айылных округов.

Богатство страны – человек, человеческие ресурсы. Индикаторы обеспечения человеческого развития на протяжении всего переходного периода сопровождаются показателями и экономическими тенденциями данной страны. Антропосоциетальная трансформация в течение 25 лет негативно повлияла на показатели развития человеческого потенциала республики. На протяжении переходного периода, резкого падения индекса доходов населения, сокращение индикаторов ИЧР привели к кризисной ситуации. Даже в самые кризисные годы Кыргызстан сохранял высокий уровень грамотности, не допустив резкого сокращения сферы образования, о чем свидетельствует устойчиво высокий коэффициент численности учащихся начальной, средней и высшей школ. Снижение продолжительности жизни в годы экономического кризиса составило 66.0 лет против ожидаемых 68.3 лет.

Реальные проблемы и конфликты имеют свои корни и свое начало на местном уровне. Ближайшее к повседневной жизни людей место принятия ответственных решений - это органы местного самоуправления. Как правило,

местные за обычными бытовыми неурядицами не умеют вовремя разглядеть и не знают, как разрешить социальные напряжения. Местная власть принимает меры после проявления конфликтных событий, так как нет системы предупреждения и решения конфликтов.

Отсутствие сведений о реально-конкретных проблемах населения и антропосоциетальное изменение кыргызского общества требует тщательного анализа, в результате которого, должны быть предложены рекомендации для дальнейшего развития. Это вызвало необходимостью проведения социологического исследования с применением различных методов, непосредственно с участием граждан для выявления общественного мнения, а также с участием компетентных экспертов по этому направлению. Социологическое исследование способствует определению целей для перспективы развития и выявляет общую картину ожиданий при условии дальнейшего прогресса данного процесса.

По мнению 67,0 % респондентов доходов не хватает даже на питание; денег хватает только на питание и товары первой необходимости (16,4 %), денег хватает на покупку товаров длительного пользования (12,7 %), материальных трудностей не испытывают (3,6 %). Если возникает срочная необходимость в денежных средствах, то граждане чаще занимают у друзей (42,2 %), у родственников (23,0 %), берут кредит в банке (4,3 %), продают скот (6,1 %), за пособием обращаются в местные органы власти (2,6%).

С целью оценки антропосоциетальной трансформации экспертам необходимо было ответить на следующий открытый вопрос: «На Ваш взгляд, какие социальные последствия трансформации можно оценить как «позитивные и негативные». Среди выявленных категорий, «позитивным» считали: «свобода» во всех сферах жизни общества – 43,3 %; развитие частного сектора – 37,2%; рост коммуникации – 9,2 %;

«Негативная» оценка, по мнению экспертов: низкий уровень жизни (28,9 %); безработица (21 %); не эффективная работа государственных органов (19 %); противоречия в традициях (11 %); неуверенность и

социальная напряженность (9,4 %); отсутствие внутренней культуры человека (7,6 %); влияние деструктивных сил (3,1 %).

Согласно результатам исследования, респонденты чувствуют свою незащищённость, прежде всего, от таких угроз как преступность, бедность, безработица, экологическая угроза, коррупция (2000 респондентов по всему Кыргызстану).

В процессе антропосоциетальной трансформации в повседневной жизни сталкиваемся различными группами рисков общества. За последние 25 лет в обществе появились новые понятия, которые отдельные группы людей поддавались рискам жизни. Мигранты; внебрачные дети (бездомные и беспризорные дети); наркоманы (по данным 2010 г. 49982 чел.); алкоголики; ВИЧ/СПИД-инфицированные (2010 г. – 554 чел.); инвалиды (2010 г. – 14437 чел.); преступность (71,7 % безработные, 97 % граждане Кыргызской Республики); бомжи (по данным 2007 г. в городе Бишкек – 500 чел.); носители стресс-синдромов (2010 г. – 8739 чел. страдающие психическим расстройством); безработные (101 700 чел. по офиц. данным 2011 г.); самоубийство (205 чел. – 2011 г. за 6 мес.); секс-работники; беженцы; социальные сироты и т.д.

В период трансформации общества человек сам образует свою личную жизнь. Столкновение с изменениями перерастет в борьбу с новыми явлениями и будет вынужден адаптироваться новым условиям происходящего процесса. Человек попадает сильнее кризиса жизни. Сильная модификация угрожает независимости человека, он не желает адаптироваться новым условиям. Такой удар приводит хаос в обществе.

Социальная напряженность возникает и в результате борьбы нового со старым, борьба новой прогрессивной концепции развития общности и старой концепции. Противоречие между ними существует объективно. Ниже приводится общая шкала (один из вариантов), оценивающая уровень социальной напряженности больших социальных общностей.

1,00 - максимальный уровень социальной напряженности, выражающийся, как правило, в явном и демонстративном поведении и даже применении насильственных мер против противоположной стороны.

0,800 - демонстрации, забастовки, выступления, призывы и пр., в принципе носящие компромиссный характер.

0,600 - неявная демонстрация конфликта. В этом случае, как правило, происходит высокая политизированность населения, на фоне низкого уровня жизни, рост количества негативной информации и слухов.

0,400 - скрытая напряженность. Выражается в низком уровне общей удовлетворенности уровнем жизни, открытых высказываниях против решений власти, негативном обсуждении ее действий.

0,300 – в целом население до определенной степени удовлетворено уровнем жизни и своим финансовым состоянием и экономикой государства, внешнего проявления неудовлетворенности социально-экономическим положением и действиями власти не имеется.

0,200-0,150 - предельно низкий уровень напряженности [1].

Проведенные нами социологические исследования показывают, что сегодня в обществе в целом имеется довольно высокий уровень социальной напряженности, и равен он примерно 0,450-0,650 баллов

Для определения социальной напряженности в обществе, получили ответы, об уверенности в завтрашнем дне испытывают более половины (55%) опрошенных граждан. Тем не менее 24,7% респондентов никогда не испытывают чувство уверенности в завтрашнем дне. При этом возраст респондентов, испытывающих неуверенность, колеблется от 35 до 60 лет. Мужчины среди них составляют 15,9 %, лишь 23,3% женщин, от общего числа опрошенных, верят в завтрашний день.

65,5% респондентов в последние месяцы ощущают радость и надежду на будущее. 23,6% ощущают эти чувства только иногда. 4,2% находятся в постоянном депрессивном состоянии и не испытывают радость и надежду никогда.

Чувство спокойствия ощущают 37,4% опрошенных лиц. Постоянно находятся в спокойном состоянии 28,7%, редко ощущают это чувство 22,9%, никогда не бывают спокойными 6,3% опрошенных респондентов.

Чувство нестабильности постоянно ощущают 14,6%, иногда 41,2%, редко 24,3%, никогда 12% опрошенных граждан. Затруднились ответить на этот вопрос 8%. Страх присущ 44,4% гражданам постоянно, 21,8% испытывают это чувство иногда, редко 11,8%, никогда не испытывают чувство страха 21,6% респондентов.

Растерянность иногда сопровождает жизнь 38,8% респондентов, часто в растерянности находятся 10,9%, редко в растерянности пребывают 30%, никогда 15%. Затруднились ответить 5%.

Постоянную усталость ощущают 17,8% жителей новостройки, иногда ее ощущают 39,2%, редко устают 26%, никогда не ощущают усталость 12,2%, затруднились ответить 4,8% респондентов. Из них женщины (9,2%) устают больше. Так как мужчины (39%) устают иногда или редко.

Озлобленность часто чувствуют 19,2 %, иногда 28,9 %, редко 29,6%, никогда 14%, затруднились ответить 8,3 % респондентов. Из «часто озлобленных» мужчины составляют 10,2%. Из «иногда или редко озлобленных» респондентов женщины составляют 25,8%. Несмотря на последние события в стране, парадоксален тот факт, что люди в большей степени ощущают позитивные эмоции, которые преобладают над такими ощущениями как страх, растерянность, раздражительность, усталость и озлобленность.

Факторами, влияющими на эмоциональное состояние граждан являются: недостаток материальных средств 92,6%; политическая нестабильность в стране 78,4%; обострение межнациональных отношений 39,1%; обострение межрегиональных конфликтов 39%; неустроенность быта 37,2%; безработица 37,4%; ситуация в семье 17,3%; опасения, что ситуация в стране может ухудшиться 39,3%; отсутствие доступа к коммуникациям 16,8%.

Адаптироваться к новой жизненной ситуации человек иногда теряет свои способности, полностью не раскрывает себя. Некоторые из-за социальной напряженности начинают сомневаться в собственных способностях. Это порождает чувство агрессии, подавленности и неуверенности. Группы людей схожие проблемами, переживающие одинаково объединяют различные клубы, организации в целях обучении адаптироваться новых жизненных ситуациях. К сожалению, таких организаций финансируют иностранные доноры, которые в свои очередь диктуют зарубежные нормы и культуры.

Резюме. В процессе трансформации кыргызского общества меняются статус и взаимоотношения членов института семьи, являющихся немаловажным фактором в воспитании, образовании и культуры. Внутри современной семьи выше ценится материальное благополучие, естественно, это отражается на взаимоотношениях между членами семьи. Результаты социологических исследований показали, что в последнее 3-4 года с изменением тенденции в обществе статус мужчин в семье понижается, на это повлияли социально-экономические реформы в стране.

Увеличивается количество разводов и гражданских браков среди кыргызской молодежи, что снижается статус полной семьи и попавшие в такую ситуацию граждане не могут защитить свои права. Такая ситуация ведет к увеличению социальных сирот, росту психологической напряженности в обществе. В переходный период воспитание детей остается за бортом, без внимания общества и государства.

По результатам социологического опроса «очагом» социальной напряженности является нестабильность социального положения мужчин в возрасте от 25 до 55 лет, поэтому для смягчения проблемы со стороны государства и частного сектора необходимы материально-моральная поддержка в виде трудоустройства, повышения квалификации и переквалификации, выдачи низкопроцентных кредитов и т.д.

В Кыргызстане идет процесс социальной трансформации, низкий уровень и качества жизни населения сформировала новый слой граждан, входящих в «группу риска» (безработные, бедные, бомжи, беспризорные дети, больные ВИЧ/СПИДом, представители криминального мира, проститутки, больные с психическим расстройством, наркоманы, алкоголики, мигранты и т.д.). Представители этих групп встречаются во многих семьях.

Любой социальный конфликт и социальная напряженность в нашей стране продиктована, прежде всего, условиями проживания. Представители разных слоев нашего общества, несомненно, испытывают дискомфорт от собственных условий и низкого качества жизни, которые к тому же не улучшаются, а напротив становятся все сложнее и сложнее. Этому способствует нестабильная политическая обстановка в стране, когда смена власти несет очередные социально-экономические потрясения.

Основными характеристиками развития внутренней миграции в независимом Кыргызстане являются: беспрецедентный рост ее масштабов; преобладание межобластных перемещений населения над внутриобластными; ярко выраженная направленность миграционных потоков из сельских районов в города и поселки городского типа; существенная дифференциация регионов республики по степени их «привлекательности» для внутренних мигрантов.

В период трансформации человек с неизбежностью попадает в ситуацию аномии, исчезновения старой и первичной нормативной системы и несформированности новой. Старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились. Приспособление к этому состоянию осуществляется по-разному: либо конформизмом, либо различными видами отклоняющегося, девиантного поведения. Традиционное действие, сориентированное на нормы и образцы поведения, закрепленные в культурной традиции района прошлого проживания, здесь не срабатывает. Поэтому происходит резкий сдвиг от целерационального и ценностно-

рационального действия к действию аффективному, обусловленному чисто эмоциональным состоянием.

Процесс глобализация сильно воздействует выбора ценности в обществе. Сегодня оборот ценности быстро изменяется. В настоящее время в Кыргызстане происходит свободного выбора стиль жизни, на него оказывает влияние Западная и Восточная культура.

Список литературы:

Аверьянов Л. Я. Социология: что она знает и может / Л.Я. Аверьянов – Москва. 1993. – С.75

Лапин Н.И. Социология // Под общей ред.– Москва. 2006. – С.91.

Сенцова, М. Д.

Интенции зависти как фактор относительной депривации в среде
школьной молодежи: методологический аспект

Sentsova, M.D.

Envy intentions as a factor of relative deprivation at school youth
environment: methodological aspect

Аннотация. Статья посвящена практическим исследованиям зависти. Автор раскрывает возможную методологию исследования субъектно-объектных отношений зависти как факторов социальной депривации. В статье представлены результаты конструирования методики исследования зависти среди школьников

Annotation. The article is devoted to the practical investigation of envy. The author reveals a possible methodology of research about subjective-objective relationships of envy as factors of social deprivation. The investigation results of features of manifestation of envy among pupils are presented in the article.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЗАВИСТЬ || МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ || ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ДЕПРИВАЦИЯ

DESCRIPTIVE INFORMATION: ENVY || METHODOLOGY OF
RESEARCH || RELATIVE DEPRIVATION

Зависть во всей ее совокупности субъектно-объектных отношений не вызывает дискуссий о факте своего существования в социальной действительности. Однако нельзя не обратить внимание на следующее противоречие, автоматически определяющее зависть в область иррационального, не поддающегося точной фиксации и, соответственно, построению причинно-следственных связей. Данное противоречие кроется в проблематизации феномена. С одной стороны, в коммуникативной среде малых социальных групп зависть фигурирует как более чем распространенное, негативное по коннотации явление, параметр социальных

отношений, причина множества социальных действий внутри и за пределами микросоциума, изменения статуса и образа жизни, показатель социального самочувствия. Здесь она остро проблематизирована. Зависть к своим замужним подругам заставляет девушку меняться кольцами с тем, от кого она в скором времени будет просить раздела имущества; зависть толкает мужчину влезать в кредиты, чтобы купить машину «круче», чем у соседа; зависть способствует кражам, порче имущества, разбою. Но именно здесь мы пересекаем тонкую грань. Несмотря на очевидную свойственность этого мотива ряду проступков и преступлений, несмотря на присутствие мотива зависти в теоретическом составе преступления, по факту судебного разбирательства его стараются проходить мимо. Таким образом, вторая сторона нашего противоречия – депроблематизация зависти в прикладных областях различных наук (социологии, криминалистики, политологии и др.). Ее стараются обходить стороной, так как она считается сенситивным, сложно фиксируемым с точки зрения методологии свойством личности.

В этой связи зависть как объект исследования считается прерогативой психологии. Однако мотивы зависти, рассматриваемые в контексте социальной группы и приводящие в движение механизм социального взаимодействия, выводят исследователей исключительно в поле социологии.

Феномен, описываемый словом «зависть», неизбежно предполагает социальный контекст: сосуществование двух или более индивидов. К. Муздыбаев, обобщая разнообразные подходы к определению зависти, предлагает рассматривать ее как феномен, проявляющийся на трех уровнях: на уровне сознания – осознание более низкого своего положения, на уровне эмоционального переживания – чувство досады, раздражения или злобы из-за такого положения, и на уровне реального поведения – разрушение, устранение предмета зависти. Исходя из этого, он выделяет следующие компоненты зависти, последовательно проявляющиеся друг за другом: социальное сравнение; восприятие субъектом чьего-либо превосходства; переживание досады, огорчения, унижения по этому поводу; неприязненное

отношение или даже ненависть к тому, кто превосходит; желание или причинение ему вреда; желание или реальное лишение его предмета превосходства. [2]

Зависть является четким показателем социальной напряженности в социальной общности. При достаточной мотивации интенция зависти может превратиться в реальные действия, направленные против так называемой жертвы. Если принять во внимание этот факт, необходимо отметить, что чем ближе объект зависти к субъекту, тем, с одной стороны, более вероятны социальные последствия, с другой – менее выражена сила этих последствий, если рассматривать с точки зрения изменения на фоне всего социума.

Данное состояние малых социальных групп позволяет говорить об так называемой «относительной депривации», которая в социологическом словаре определяется как «испытываемые чувства и вырабатываемые суждения, когда индивид считает себя и, особенно, свое социальное положение неблагоприятным по сравнению с другим индивидом в пределах своей или иной группы». [1]

Т. Гарр в свою очередь под «относительной депривацией» понимает «воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями». [5] Таким образом, данное понятие отражает важность не абсолютных, а относительных стандартов или представлений людей и учитывает разрыв между ожиданиями и возможностями. Относительная депривация основана на осознании различия того, что имеют люди в сравнении с другими. И, соответственно, это осознание дает повод для усомнения в социальной справедливости распределения возможностей, а далее – зависти. И наиболее остро это начинает проявляться со школьной скамьи.

Зависть в школьном классе является структурализующим явлением, определяя посредством разбиения на группы завистников и имеющих желаемое свойство. Необходимо пояснить, что выбор школьного класса как объекта исследования является не случайным. Школьный класс является уже

сформировавшейся общностью, что способствует использованию целостной методологии. Также проявления пубертатного возраста в 16-17 лет уходят на второй план, раскрывая перед исследователями гамму других социальных отношений, мотивов и, в частности, отношений завистника и объекта зависти. И у подростков зависть выражается остро и непосредственно, чем у взрослого поколения.

Однако ее сложно зафиксировать, так как данному мотиву необходимо быть как можно более скрытым – социум стигматизирует завистников. Об этом факте говорит и любопытное явление, что зависть как мотив давно включена в состав преступления, однако применяется в судебной практике крайне, крайне редко.

Но, в то же время, зависть является четким показателем социальной напряженности в социальной общности. Поэтому вопрос о выявлении данного мотива и его природы необходимо исследовать уже со стороны методологии и методики проведения «диагностики» в школах.

Земскова Ю. В. определяет социальную напряженность как состояние социальной системы (подсистемы: группы, общности и т. д.), характеризующееся нарушением равновесия интересов различных социальных субъектов и сопровождающееся негативными эмоциональными реакциями со стороны субъектов социальных отношений (такими, как беспокойство, страх, враждебность, агрессивность). [6]

При наличии мотивации интенция может превратиться в реальные действия, направленные против так называемой жертвы. Т. Бескова, исследуя зависть во всех ее проявлениях, выделяла наиболее часто встречаемые виды зависти, к которой имеют склонность агенты. Эта же классификация может быть распространена и на причины зависти агрессоров в школьных дискриминационных практиках: к карьерному продвижению (отличной учебе...); здоровью; дорогим или модным вещам; семейному благополучию; внешней привлекательности; социальному статусу; возможности путешествовать; материальному достатку; умению общаться [4]

Целью нашей работы является теоретическое обоснование и эмпирическое доказательство возможности измерения социальной напряженности, основанной на мотивах зависти, на примере школьного класса как сформированной социальной общности.

Для достижения поставленных целей нами были использованы следующие методы: 1. Интервью с классным руководителем для определения оценки сложившейся ситуации в классе; 2. Социометрический метод – вид опроса, направленный на количественное измерение и анализ структуры межличностных отношений в малых социальных группах путем фиксации среди членов малой группы связей предпочтения в ситуациях выбора. Этапы социометрии: выявление субъектно-объектных отношений зависти в школьном коллективе; изучение личных отношений для выявления степени социальной напряженности в классе; социодрама.

В структуру детерминант социальной напряженности при мотиве зависти входят:

1) Фактор неравенства (предметы зависти): социальное (воспитание, отношение со стороны учителей), физическое (привлекательность, здоровье), эмоциональное (умение общаться, находить общий язык), профессиональное (уровень знаний), материальное (достаток в семье, доступ субъекта к материальным средствам родителей);

2) универсальные факторы (не нуждающиеся в выявлении): потребности субъекта зависти в обладании предметом зависти, субъективное превосходство объекта зависти в глазах субъекта и окружающих, социальная близость с объектом в отсутствии интеграции с ним.

3) внешние факторы: макросоциальные условия – общие стандарты поведения, принятые в обществе (демонстративное выражение индивидуальности и свободы, стандарты красоты, стандарты поведения, ценность знаний в обществе, мода на фирменную одежду и дорогие электронные устройства); микросоциальные условия (условия социализации в малых группах) – условия семейного воспитания (оценка результатов

деятельности ребенка в зависимости от результатов других; завышенные ожидания близкого социального окружения), условия социализации во вторичных малых группах (доминирующий в них конкурентный характер деятельности)

4) Личностные факторы (пол, национальность)

Для определения ролевого выражения отношений на основе зависти в школьном классе нами были проанализированы результаты социометрии. Согласно нашему предположению, участниками «субъект-объектных» отношений на основе зависти должны выступать социометрические звезды, если они имеют при этом несколько негативных выборов, и, в особенности, те, у кого количество положительных и отрицательных выборов примерно ≥ 2 . При этом, качественная информация о «субъект-объектных» отношениях на основе зависти нами была получена из ответов респондентов за вопрос «почему» они сделали этот выбор или отвергли именно этого одноклассника.

Второй этап социометрического исследования включал разработанные нами вопросы, которые напрямую спрашивали о наличии или отсутствии предмета зависти по отношению к конкретным одноклассникам. Данная таблица была разработана на основе интервью с психологом для точного определения актуальности определенных предметов зависти. Как мы и рассчитывали, результаты данного этапа исследования дали нам основания для корректировки потенциальных субъектов и объектов зависти.

В результате образовалось несколько респондентов в каждом классе, потенциально являющихся субъектами или объектами зависти. Проанализировав интервью с классными руководителями, мы выяснили, что результаты социометрии в большинстве своем совпадают с их наблюдениями, что позволило нам перейти к третьему этапу исследования – социодраме.

Стоит отметить сразу, что социодрама как метод визуализированного, экспериментального выявления отношений в группе была нами изменена для достижения цели нашего исследования. Она предполагает свободное

развитие сценария, свободный выбор ролей и вектора ролевого общения. Однако эти позиции мы сделали четко фиксированными для того, чтобы наблюдаемые эмоции были проявлением интенций зависти, а не других структурализаторов социальной напряженности.

Нами были разработаны сценарии, индивидуальные для каждого из классов, на основе социометрических ролей выбранных нами участников социодрамы. Посредством прописанных ролей и работе ведущего ученики были выведены на индивидуальные конфликты друг и другом посредством действия на потенциальные интенции зависти. И те, кто эмоционально и визуально проявлял конфликтность, кто шел на поводу у своих мотивов зависти к конкретному участнику социодрамы, и являлся субъектом зависти, отсюда были зафиксированы и объекты.

Таким образом, у нас образовались пары отношений на основе зависти «субъект-объект». Предметы зависти нами были выявлены качественным путем из социометрии и социодрамы.

Социометрия и социодрама в тандеме с методами интервьюирования доказали свою состоятельность относительно исследования отношений объектов и субъектов зависти, казалось бы, феномена, социологически невозможного в вычислении. Однако зависть – феномен более чем социальный, что подтверждается его ролевыми свойствами и способностью иметь вполне ощутимые социальные последствия – социальные конфликты. На примере школьных групп как микросоциумов мы доказали, что зависть можно фиксировать и открыто изучать именно социологическими методами.

Основные выводы:

1. На социальную напряженность в школьном классе оказывает большее влияние макросоциальные детерминанты, вызванные движениями моды на что бы то ни было – материальные вещи, знания, лень, стандарты красоты.

2. Социальная напряженность в школьном ученическом коллективе в некоторой степени детерминирована ролевыми отношениями субъектов и

объектов зависти. Однако это – скрытые конфликты, скрытая напряженность. Она тем и отличается от той, что на поверхности – когда ребенка не принимают полностью всем классам. Выявление этой скрытой угрозы поможет впоследствии нивелировать возможный конфликт.

Социометрия и социодрама, подкрепленные интервью, как совокупная методика позволяет напрямую выявить субъектов и объектов зависти в микросоциуме

Результаты проведенного исследования наглядно свидетельствуют, что мотивации зависти старшеклассников 1) составляют устойчивый элемент социально-эмоциональной жизни школьного класса, независимый от воли и желания субъекта управления, 2) поддаются эмпирическому анализу и репрезентации, и на этом основании 3) – контролю и коррекции.

Библиографический список

Большой толковый социологический словарь (Collins). / Т. 1 – М. – Вече; АСТ. – 2001. – С. 534

Архангельская Л.С. Зависть в структуре отношений субъектов, испытывающих трудности общения: дис. канд. психол. наук: 19.00.05. – Ростов н/Д. – 2004. – С. 61.

Бескова Т. В. Взаимосвязь ценностных ориентаций личности и ее склонности к зависти // Известия Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – № 3. – 2010. – С. 60-65.

Бескова Т. В. Склонность к зависти субъектов с разным типом локус контроля // Социосфера. – № 4. – 2011. – С. 14.

Гарр Т. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер. – 2005. – С. 51.

Земскова Ю.В. Социальная напряженность (социально-психологический аспект анализа) // Социология власти / Изд-во: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – № 9. – М., 2009. – С. 91.

Котова И.Б. Зависть как личностный феномен // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов в 8-ми томах. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – С. 424-426.

Миронова, Т. Ю. Некоторые факторы отношения подростков и юношей к деньгам / Т. Ю.Миронова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12; № 3. – С. 74-78.

Шек, Г. Зависть: теория социального поведения / Гельмут Шек; [пер. с англ. В. Кошкина под ред. Ю. Кузнецова]. – Москва: ИРИСЭН, 2008. – 536 с.

УДК 316.3

Трансформация семьи как социального института: проблемы и
тенденции

Скульмовская, Л.Г.

The transformation of the family as a social institution: challenges and
trends

Skulmovskaya, L. G.

Аннотация. В современных условиях институт семьи переживает глубокий кризис: размываются традиционные ценности, ослабевают внутрисемейные связи, растет число неполных семей, гражданских браков, разводов, домашнего насилия и т.п. В связи с этим представляет особую актуальность изучение проблем современной семьи и прогнозирование тенденций ее дальнейшего развития как социального института.

Abstract. In modern conditions the institution of the family is in deep crisis: blurred traditional values, weakening of family ties, increasing number of single-parent families, cohabitation, divorce, domestic violence, etc. In this regard, is of particular relevance to study the problems of the modern family and the forecasting of tendencies of its further development as a social institution.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: институт семьи, традиционные ценности, социология семьи, функционализм, эволюционизм, гендерный подход, «постсовременный» тип семьи, репродуктивное поведение, брачный выбор, гендерное взаимодействие, «маскулинность».

Keywords: the institution of the family, traditional values, sociology of the family, functionalism, evolutionism, gender approach, «post-modern» type of family, reproductive behavior, marital choice, gender interaction, «masculinity».

Семья представляет собой сложное и многозначное социальное образование. С одной стороны, понятие социального института раскрывает значение семьи в широкой социальной перспективе во взаимосвязи с другими социальными институтами и с социальными

процессами изменения, развития, модернизации; с другой стороны, понимание семьи как малой социальной группы сфокусировано на закономерностях становления, функционирования и распада семьи как автономной целостности.

Существует множество дефиниций семьи, которые выделяют в качестве семьеобразующих отношений различные стороны семейной жизнедеятельности (например, семья - это группа людей, любящих друг друга, или же группа лиц, имеющих общих предков, либо проживающих вместе). Среди дефиниций семьи, учитывающих критерии воспроизводства населения и социально-психологической целостности, наиболее полно раскрывающей ее смысл представляется определение семьи как исторически-конкретной системы взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малой группы, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения.

По мнению А.К. Кравченко, семья - это «супружеская пара, живущая вместе или отдельно от неженатых детей, либо отдельный родитель, проживающий с сыном или дочерью; малая социальная группа, основанная на браке, кровном родстве или усыновлении, связанная общностью быта, отношениями взаимопомощи и взаимной ответственностью» [1, с. 249]. В определении внимание акцентируется на месте проживания семьи и ее структуре.

Вызывает интерес позиция известного американского социолога, представителя Чикагской школы социологии Э. Берджесса, Основные его идеи по социологии семьи изложены в статье «Семья как единство взаимодействующих личностей» с позиций интеракционистского подхода [2]. Берджесс интерпретирует семью как «единство взаимодействующих личностей» и видит в крахе «традиционной» семьи не институциональный

кризис, а только усиление эмоциональных опор брака и института супружества как автономного от семьи социального образования. Выдвигая тезис о переходе семьи-института к семье-товариществу, Берджесс выступает сторонником социально-психологической перспективы изучения семьи как микрогруппы.

Анализ литературы по данной проблематике показывает, что в настоящее время в России сформировались три теоретико-методологических подхода к анализу семьи и брака. Концепция А.И. Антонова и его научной школы (В.Н. Архангельская, В.М. Медков, С.А. Сорокин и др.) является наиболее влиятельной и демонстрирует функционалистский подход. Этот подход еще называют производственным, так как в нем доминирует анализ семьи и брака как институтов производства и воспроизводства общества. Характерной чертой, присущей функционализму, является стремление связать кризис семьи и брака с гендерным конфликтом как противостоянием традиционных позиций и статусов женщин и мужчин в обществе. По мнению представителей данного направления, пересмотр традиционного гендерного разделения социальных ролей в обществе, борьба за гендерное равенство привели к разрушению стабильного брака, семейного образа жизни.

Альтернативной, и не менее влиятельной, представляется концепция, разработанная в советский период С.И. Голодом, трактующая современный брак с позиций эволюционизма, в которой акцент делается на взаимоотношения супругов. Изменение положения женщин в современном обществе, их экономического и культурного статуса, борьба за равноправие расцениваются как исторические предпосылки возникновения супружеской семьи («постсовременного» типа семьи). Необходимо подчеркнуть, что при всех различиях функционализма и эволюционизма, для этих подходов характерно деление форм брака на социально нормальные и аномальные, отрицание гомосексуальных браков.

Третий подход, который считают оппозиционным по отношению к двум предыдущим, – гендерный подход. С позиций современной гендерной

теории и методологии рассматривают семью М. Арутюнян, И.Д. Горшкова, О.М. Здравомыслова, Н. Римашевская и др. В трудах указанных авторов, благодаря включению гендерного фактора в анализ современных семейно-брачных процессов, поднимаются новые проблемы, связанные, к примеру, с домашним насилием в супружеских отношениях, разделением труда в браке и др. Представители гендерного подхода акцентируют внимание на гендерной сущности семьи и брака. В соответствии с данным подходом, общество разделено на публичную (производство, политика) и частную (воспроизводство, семья, дети) сферы, при этом первая закреплена за мужчинами, а вторая – за женщинами.

При анализе тенденций развития российской семьи социология семьи предлагает ряд концептуальных подходов, которые могут быть сведены к трем основным:

- идет трансформация традиционной семьи в современную, семейные отношения также претерпевают значительные изменения;
- в России происходит кризис института семьи и брака;
- трансформация семьи – это мировой процесс, в котором происходит ее модернизация.

Социология семьи фиксирует непреходящее значение семейно-родовой организации бытия и образует базовые предпосылки функционирования социума путем физического и социокультурного замещения поколений, благодаря рождению детей и поддержанию существования всех членов семьи. Без этого воспроизводства населения и социализации потомства невозможно восполнение всех социальных образований, обеспечение социальной жизни общества.

Обратимся к прикладным исследованиям российской семьи в исторической ретроспективе. В ряде социологических исследований 1990-х гг. отмечалось позитивное отношение к традиционной семье как социальному институту. Как показывали исследования тех лет, семейные ценности изменились незначительно, продолжилась ориентация жизненной

стратегии на семейный образ жизни. Главной семейной ценностью тогда оставалась возможность иметь и воспитывать детей. В этот период семью рассматривают как надежную защиту, жизненную опору, поскольку она обеспечивает жизненную автономию и свой независимый стиль жизни.

В современных условиях основной жизненной стратегией семьи становится стратегия выживания [3, с. 199]. Можно сказать, что в России сохраняется ориентация молодежи на брак, но существенно изменилось добрачное поведение. Значительное большинство респондентов, участвующих в соцопросах, одобряют добрачные отношения (как юноши, так и девушки). В связи с этим очевидно, что нравственно-этическая позиция молодежи значительно отличается от установок старших поколений. Практический интерес и значимость в этом направлении представляют материалы социологического исследования «Репродуктивное поведение молодежи г. Нижневарттовска», проведенного под руководством Е.Н. Икингрин в 2006 – 2007 гг. [4].

В специальном исследовании Т.А. Гурко, посвященном особенностям брачного выбора в России, была выявлена современная ориентация молодежи на брак не с целью создания семьи, а с целью узаконить сексуальные отношения. Исследование показало, что мотивация брака за последнее время существенно не изменилась. Как и раньше, существует три основных мотива заключения брака: любовь, стереотип «делай как все» и расчет [5, с. 51].

Гендерное взаимодействие в современных условиях определяет новое содержание гендерного конфликта. В последней четверти XX века стали утверждать о кризисе традиционной культуры и кризисе «маскулинности», который, по мнению ряда ученых, носит черты глобального и долгосрочного характера. В качестве причины одни авторы считают, что мужская социальная группа перестала соответствовать изменившимся социальным и политическим условиям, другие – что именно эти изменения расшатывают мужскую гегемонию, нарушая, тем самым,

социальный порядок и увеличивая нестабильность общества [6, с. 146].

Существуют разные подходы к исследованию феномена «маскулинности»: биологический, психоаналитический, социально-психологический, постмодернистский. Первые два видят в отличиях мужчин и женщин объективную данность, не меняющуюся со временем, которая оформляется и регулируется культурой. Вторые два подхода, конструктивистские, напротив, считают, что эти различия есть продукт культуры и общественных отношений, которые навязывают и мужчинам, и женщинам соответствующие представления и образы. Как видно из вышесказанного, единой методологии анализа «маскулинности» не существует, поскольку сама эта категория не имеет единых характеристик.

Синонимами понятия «гендерный подход» как теоретико-методологической установки, являются термины «гендерный анализ», «гендерное измерение», «гендерная перспектива». Сущность гендерного подхода к анализу социальных явлений, в том числе к браку, по мнению Р.А. Бурхановой, заключается в следующем [7, с. 14]:

центральной категорией является «гендер», понимаемый как социальный пол, который конструируется и воспроизводится самим социумом; это те социальные и культурные роли и нормы, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола;

особая значимость фактора гендера для анализа семейно-брачных ценностей и практик обуславливается тем, что брак является единственным социальным институтом, легитимирующим гендерные отношения как базовые;

важная часть подхода – анализ проявлений доминирования мужчин и подчинения женщин;

главными задачами таких исследований считаются вычленение и анализ гендерной асимметрии, неравенства и стратификации;

они выявляют механизмы возникновения асимметрии на уровне общества;

пересматривается характерная для традиционалистов идея единства и солидарности семьи (поведение супругов не всегда солидарно и может иметь разные последствия).

Выделенные характеристики позволяют наиболее полно понять содержание и роль гендерного подхода при проведении исследований семьи как социального института.

В настоящее время правительством РФ разрабатывается Концепция государственной семейной политики до 2025 г. Для того, чтобы правильно определить направления семейной политики, нужно четко понимать, что представляет собой российская семья. В современных условиях идет переосмысление обществом сущности и структуры семьи, поскольку традиционно считается, что семья - это обязательно муж, жена и дети, и такие семьи преобладают. Но в любом обществе достаточно много неполных семей, и в этом смысле Россия не уникальная страна, она повторяет тот же путь, что и многие страны европейской цивилизации.

Соцопросы показывают, какое количество детей в семье люди считают необходимым (от двух до трех человек), но ожидания составляют уже два ребенка. Реально же на сегодняшний момент в обществе больше всего семей с одним ребенком. Конечно, по разным территориям наблюдается разная ситуация: на Северном Кавказе, где более патриархальные отношения, и в сельских районах детей традиционно больше, чем в городе [8].

По данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости в России составляет 1,7 - это среднее число рождений на одну женщину фертильного возраста. Примечательно, что этот коэффициент за последние годы значительно вырос, в 2000 г. он составлял 1,2, что свидетельствует об улучшении ситуации с рождаемостью в России. Если сравнить, например, с Европой, то коэффициент рождаемости в Норвегии, Нидерландах, Литве выше, чем в России (1,8 - 1,9); в Соединенном Королевстве и Франции коэффициент – 2, в Германии - всего 1,4, столько же в Японии, в США - 1,9 [8]. Исходя из результатов социологических опросов, больше половины

населения хотели бы иметь двоих детей и четверть населения - троих. И если это учитывать, то коэффициенты рождаемости в дальнейшем должны быть выше.

Как показывает проведенный анализ, преодоление негативных тенденций и поиск вариантов решения острых социальных проблем в условиях трансформации семьи как социального института возможны только при изучении богатого опыта России как многонационального государства, обмена позитивными практиками, сложившимися в различных культурных средах российского общества, в разных регионах, у представителей различных национальностей и конфессий.

Список литературы

Семья // Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. – М.: Проспект, 2013.

См.: Берджесс Эрнст. Семья как единство взаимодействующих личностей. 1926.

Черняк Е. М. Социология семьи. – Москва: Дашков и К, 2003.

Материалы социологического исследования по теме «Репродуктивное поведение молодежи г. Нижневартовска». – Нижневартовск: Издательство «Приобье», 2007.

Гурко Т. А. Особенности брачного выбора в России в начале 90-х гг. // Семья в России. – 1997. - № 3. – С. 51 – 54.

Кириллина В.Н. Конфликтология гендера. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007.

Бурханова Р.А. Современный брак как гендерный феномен: теоретико-методологические подходы // Актуальные проблемы социального развития современного российского общества: Сб. науч. статей. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2006. С. 13 - 29.

Суринов Александр. Демография. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) // Российская газета. - Федеральный выпуск. - № 6333 (61). - 2015.

Старцева, Н.Н.

Идеальная семья в представлениях студенческой молодёжи

Startseva, N.N.

The ideal family in student youth views

Аннотация: Статья посвящена конструированию образа «идеальной семьи» представителями студенческой молодёжи. Текст содержит анализ данных авторских и вторичных исследований по данному вопросу.

Abstract: The article is devoted to the design of the image of the «ideal family» representatives of student youth. The text provides an analysis of the data copyright and secondary research on the subject.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СЕМЬЯ || ИДЕАЛЬНАЯ СЕМЬЯ ||
КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОЙ СЕМЬИ

KEYWORDS: FAMILY || IDEAL FAMILY || THE CONSTRUCTION OF
THE IMAGE OF THE IDEAL FAMILY

Трансформация института семьи диктует необходимость пересмотра сущности основных понятий, определяющих его. Так, если ещё в конце XX начале XXI века большинство социологов определяли семью как малую группу, основанную на кровно-родственных связях, совокупность людей ведущих совместное хозяйство, социальный институт основная функция которого воспроизводство населения, то уже сегодня семью нельзя определять исходя лишь из этих характеристик. Современная семья не обязательно объединяет людей родных по крови, нередко члены семьи не только не ведут совместное хозяйство и быт, но даже не проживают вместе, репродуктивная функция сегодня не всегда реализуется семьёй.

По-прежнему исследования социологов свидетельствуют о большой значимости для россиян семьи и детей, как терминальных ценностей и первостепенных целей в жизни. Так, по инициативе ВЦИОМ 20-21 декабря 2014 г. был проведён всероссийский опрос о том, какие цели в жизни

россияне считают наиболее важными. В процессе исследования было опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Согласно опросу, подавляющее большинство респондентов называют первостепенными задачами создание хорошей семьи (94%) и воспитание детей и обеспечение их будущего (95%) [2].

Однако постепенно модифицируется представление россиян об «идеальной семье». Интервью по месту жительства с гражданами РФ от 18 лет и старше, проведенное ФОМ 14 июля 2013 года в 43 субъектах РФ, 100 населенных пунктах среди 1500 респондентов показало, что образ «идеальной семьи» складывается из следующих характеристик: «любовь, уважение, взаимопонимание» (32%), «есть дети, хорошие дети» (15%), «благополучная, счастливая, гармоничная» (14%), «в семье мир, живут дружно» (14%), «достаток» (13%), «полная» (8%), «взаимное доверие, нет измен» (7%), «взаимопомощь, сплочённость» (6%), «хорошие муж и жена» (2%), «в семье все трудятся» (2%), «большая семья» (2%), «все здоровы» (2%), «семья без пьяниц, наркоманов» (2%), «моя семья, семьи моих родных» (2%), «общие интересы» (1%), «есть своё жильё» (1%) [1].

Помимо традиционно используемых для описания семьи характеристик, затрагивающих семейные отношения, растет значимость оценки показателей экономического благосостояния семьи (наличие материального достатка, наличие жилья, готовность к труду) и здоровья её членов.

Конструирование образа «идеальной семьи» – это деятельность агентов поля семейных отношений по «наполнению» смыслом репрезентаций о различных характеристиках семьи и внутрисемейных отношениях.

В 2015 году нами было проведено пилотажное исследование среди студентов УрГУПС второго и третьего курсов гуманитарных и технических направлений подготовки, в количестве 163 человек (89 девушки и 74 юноши), посвящённое конструированию образа «идеальной семьи».

Студентам было предложено в свободной форме описать образ «идеальной семьи».

Поскольку все опрошенные студенты были близки по возрасту (средний возраст составил 19-20 лет), то гипотезы относительно взаимосвязи ответов и возраста респондентов нами определено не было, в отличие от показателя пола. Итак, нами предполагалось, что юноши и девушки по-разному определяют образ «идеальной семьи», хотя некоторые базовые ориентации респондентов должны быть идентичными, к примеру, ориентация на гетеросексуальные отношения между брачными партнёрами и нуклеарную семью, что подтвердилось.

Анализируя результаты исследования можно прийти к выводу, что юноши при построении образа «идеальной семьи» чаще указывают на следующие характеристики. Итак, «идеальная семья» – это семья, основанная на «взаимопонимании», «имеющая детей» и обоих родителей («полная» и «нуклеарная» семья), отношения предполагают «взаимопомощь и поддержку», «любовь», «взаимное уважение», «совместное проведение свободного времени». У «идеальной семьи» «есть свой дом, квартира», «мужчина – основной добытчик», «жена – домохозяйка».

Девушки несколько иначе конструируют образ «идеальной семьи». По мнению опрошенных студенток «идеальная семья» – это семья, основанная на «взаимопонимании» и «имеющая детей», отношения между членами семьи основаны на «взаимопомощи и поддержке», «любви», «взаимном уважении». «Идеальная семья» – это «полная» и «нуклеарная», «живущая в достатке, обеспеченная» семья, члены которой «проводят совместно свободное время». В «идеальной семье» муж и жена «приносят деньги вместе», «мужчина – помогает жене по хозяйству».

Таким образом, некоторые расхождения между конструируемыми образами «идеальной семьи» юношами и девушками можно наблюдать в определении ролей брачных партнёров, если юноши склонны описывать образ семьи чуть более традиционно (выполнение экономических функций

семьи и принятие основных решений закрепляя за мужчиной, а ведение хозяйства и быта – за женщиной), то девушки склонны конструировать образ «идеальной семьи» как эгалитарной семьи, основанной на равенстве обоих супругов как в экономическом, так и социально-бытовом плане.

Согласно исследованию, проведённому ФОМ лишь 4% респондентов ответили, что в «идеальной семье» должен быть один ребёнок. Большинство опрошенных (54%) видят «идеальную семью» как семью с двумя детьми, 27% – с тремя, 5% – с четырьмя и более детьми. Менее 1% участников исследования определяют «идеальную семью» как бездетную. 9% испытуемых затруднились дать ответ на данный вопрос [1].

Если сопоставить полученные нами данные с результатами, представленными ФОМ, то можно заключить, что в целом они не противоречат фиксируемым тенденциям. Итак, 16% респондентов «идеальную семью» описывают как семью с одним ребёнком, для 53% опрошенных «идеальная семья» – это семья с двумя детьми, для 9% испытуемых – с тремя детьми, для 5% – с четырьмя и более детьми. 17% респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

Образ семьи в представлениях юношей и девушек, с одной стороны, устойчив, поскольку основан на системе диспозиций, предрасположенностей к определённому восприятию действительности и образу действий. Образ закодирован в символах и распространён как «неизменный» тип. С другой стороны, образ изменчив, поскольку поле семейных отношений модифицируется (хоть и медленно), меняются мыслительные и поведенческие установки агентов поля, это даёт нам возможность полагать, что с течением времени образ «идеальной семьи» будет реконструироваться.

Результаты проведённого нами исследования позволили не только сконструировать образ «идеальной семьи» в оценках студентов, но и наметить вопросы, требующие дальнейшей проработки. Например, в ходе исследования было зафиксировано, что нередко юноши склонны характеризовать супругу в «идеальной семье» как «домохозяйку» не

забывающую о своем развитии и внешнем виде. Однако хотелось бы понять, в чём причина того, что этот идеальный образ фактически не реализуется в реальных брачных практиках (женщины продолжают трудиться не только наравне, но иногда больше, чем мужчины и заниматься бытовыми вопросами в семье)? Так же исследование показала, что девушки склонны конструировать образ «идеальной семьи» основываясь на характеристиках отношений между брачными партнёрами, а также родителями и детьми, тогда как юноши наряду с этим большое внимание уделяют вопросам материального благосостояния семьи (наличию определённых материальных ценностей: «дом», «гараж», «машина», «дача» и т.п.) и описанию желательных характеристик детей («здоровые», «любят родителей, бабуль и дедуль», «красивые»), а также способности семьи обеспечить детей, дать им самое лучшее («у них должно быть всё что нужно», «финансовая поддержка детей», «уверенность в будущем детей»). Если для девушек важен сам факт наличия в семье детей, то для юношей большое значение имеют и характеристики здоровья, и воспитания детей, и способность семьи «поставить их на ноги». Хотелось бы понять причины столь разного подхода к конструированию образа «идеальной семьи» юношами и девушками. На эти и другие вопросы попытаемся найти ответ в дальнейших исследованиях.

Список литературы

Образ идеальной семьи [Электронный ресурс]: URL: <http://fom.ru/interaktiv/11024> (дата обращения: 12.02.2016).

Что в жизни главное? Пресс-выпуск № 2770. [Электронный ресурс]: URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115141> (дата обращения: 12.02.2016).

УДК 364.075.71

ББК 60.9.60.54.60.55.60.54.60.9

Шафигуллина, Л.Р.

Женщины и здоровье сквозь призму деятельности женских
общественных организаций Республики Татарстан

Shafigullina, L.R.

Women and health through the women's organizations
the Republic of Tatarstan

Аннотация. Система здравоохранения включает в себя в той или иной мере гендерные стереотипы, что приводит к необходимости рассматривать проблемы здоровья в гендерном измерении. В статье анализируется деятельность женских организаций Республики Татарстан в области здравоохранения, которые пытаются озвучить проблемы женщин в этой сфере и по возможности их решить.

Annotation. Anyway the health system includes gender stereotypes, which leads to a need to consider health problems from a gender perspective. The article analyzes the activities of women's organizations the Republic of Tatarstan in the field of health, who are trying to announce women's concerns in this area and as far as possible solve them.

Ключевые слова: здоровье, женские организации, СПИД, онкология.

Key words: health, women's organizations, AIDS, cancer.

Женские организации, решающие определенные социальные проблемы, в Республике Татарстан составляют треть от общего количества женских объединений. В период экономических и политических реформ 1990-х гг. государство продемонстрировало свою неспособность в разрешении различных социальных проблем, в том числе и проблем здравоохранения. В результате люди с активной жизненной, гражданской позицией в рамках общественных организаций пытались найти

нестандартные способы решения этих проблем. Таким образом, стали появляться общественные организации, представляющие собой «ответ» на тот или иной обострившийся вопрос. Женщины РТ проявили активность в решении следующих вопросов: семья, материнство, воспитание детей, наркомании, неизлечимые заболевания (рак, СПИД).

Особой темой является здравоохранение, поскольку на сегодняшний день в этой области имеется множество проблем. Социальный анализ здоровья сравнительно недавно включил в себя гендерные процессы. Система здравоохранения в той или иной мере интегрирует гендерные стереотипы, существующие в обществе, например, на институциональном уровне (сведение проблем здоровья женщин к медицинскому сопровождению беременности и материнства и практически полное игнорирование проблем репродуктивного здоровья мужчин) и т.д. Отсутствие механизма идентификации реальных потребностей женщин в сфере медицинских услуг ведет к тому, что значительная часть проблем остается невидимой. Это ставит в невыгодное положение женщин. Женские организации, действующие в области здравоохранения, пытаются озвучить эти проблемы и по возможности решить.

Группы взаимопомощи больных неизлечимой болезнью вполне распространенное явление по всему миру, хотя в России их пока не так много. Колебания настроения, подавленность, безысходность, ощущение пустоты и бесполезности испытывают многие больные. В такое время особенно ценна помощь человека с таким же трагическим опытом, кто сам испытал страдания от боли, от непонимания, отторжения окружающих, а порой и близких людей. Врачи давно заметили, что когда многие пациенты с одинаковыми проблемами общаются друг с другом, они увереннее борются с болезнью. Выздоровевшие оказывают психологическую поддержку новым пациентам, их семьям, детям, организуют досуг и спортивные занятия, поездки, создают предприятия по выпуску необходимых пациентам средств ухода, помогают вернуться к работе или обрести новую профессию, они,

наконец, просто умеют выслушать человека, спасти от отчаяния, знают, что сказать в нужный момент... Выздоровевший человек, помогая больным, может принести пользу во много раз большую, чем самое лучшее лечение. Врачи считают эти сообщества своими помощниками в борьбе с тяжелыми заболеваниями, в том числе с онкологическими.

Благодаря трем женщинам (В. Габдрахманова, Р. Харисова и Г. Алексеева), встретившимся в палате Клинического онкологического центра Минздрава Республики Татарстан (КОЦ МЗ РТ) и разговорившимся о своей беде, в 1997 г. была создана общественная противораковая организация инвалидов «Омет-Надежда». Инициативу больных поняли и поддержали врачи-онкологи, в особенности З.А. Афанасьева (д.м.н., доцент кафедры онкологии и хирургии КГМА, врач-онколог КОЦа), которые бесплатно консультировали больных по подбору методов лечения, лекарственных препаратов, подбирали лекторов для «онкошкол» и др. Свою деятельность инициативная группа начала с нуля, без денег, без опыта работы, без авторитета в обществе и среди больных. Члены группы «сложились по 100 рублей» [1] и в июне 1997 г. зарегистрировали организацию, как общественную. Однако впоследствии понадобилась перерегистрация в организацию инвалидов, так «проще, общественную организацию обложили налогами, проводились постоянные проверки, нам ее невозможно было потянуть» [2]. Координационный совет собирался у кого-нибудь дома, «обсуждали цели и задачи, планировали деятельность организации, спорили и мечтали» [3]. Предполагалось создание центра подготовки волонтеров, которые обучали бы пациентов, как вести себя после операции. Планировалась также трудовая реабилитация, что включало в себя организацию малого предприятия, изготовления изделий ручной работы. К сожалению, не всем планам было суждено осуществиться. Дефолт 1998 г. негативно сказался на финансировании организации, поэтому многие проекты были отложены. Однако была проделана огромная работа. Два штатных психолога вели консультации и приемы. Одно из важнейших

направлений работы - просветительская деятельность. Для онкологических больных и членов их семей периодически работали онкошколы, семинары, где лучшие специалисты давали ответы на волнующие больных вопросы. Организация досуга (совместные посещения театральных представлений, концертов, выезды на природу) тоже немаловажное мероприятие, поскольку у больных снимается напряжение от постоянных мыслей о болезни.

В названии организации нет указаний на то, что это женское объединение, в нее могут обращаться все онкобольные независимо от пола. Однако ее можно отнести к женским, поскольку, во-первых, у ее истоков стояли женщины, во-вторых, основные акции, проведенные за годы существования, посвящены онкологическим заболеваниям женщин (раку молочной железы, шейки матки).

Более 20 лет назад руководитель известной американской фирмы, производящей парфюмерию, Эсте Лаудер организовала движение, получившее название «Розовая ленточка». Задачи движения заключались в ознакомлении женщин с проблемой рака молочной железы, внедрении систематических самостоятельных и медицинских обследований. Первая акция «Розовая ленточка» в России прошла в Москве в 1995 г. По предложению врача-онколога З.А. Афанасьевой в 1998 г. силами организации совместно с врачами-онкологами КОЦ и администрацией г. Зеленодольска была проведена первая акция «Розовая ленточка», посвященная профилактике рака молочной железы. В ней приняло участие более 700 женщин. В Доме юношеского творчества работали школы психологии, фитотерапии, лечебного питания, самообследования, контрацепции, реабилитации. Перед ДТЮ был развернут полевой госпиталь Центра медицины катастроф МЗ РТ, где было осмотрено 649 женщин и выявлено 181 случай различных патологий. В Зеленодольский диагностический центр направлено 134 женщины, в КОЦ МЗ РТ - 47 женщин, 120 женщин получили консультации ведущих психологов Министерства социального обеспечения РТ. Такие мероприятия необходимо

проводить постоянно, особенно в районах и деревнях, где женщинам трудно получить квалифицированную медицинскую помощь. По инициативе Противоракового общественного фонда РТ была проведена аналогичная акция в Казани в октябре 1999 г. Осуществить данную акцию помог минигрант, полученный организацией от благотворительной британской организации «BEARR TRUST», помощь британского «KNOW HOW FUND» и Комитета по защите прав человека РТ.

Количественно состав организации постоянно менялся. Иногда на мероприятия приходило до 80 человек. Постоянно организационные собрания посещало около 30 онкобольных. Среди персонала имелось 2 психолога, документовед, консультирующие врачи-онкологи. Основной костяк сменился с течением времени, так как многие ушли из жизни. Несмотря на это организация существует, так как ее «цель благородна» [1].

Большую тревогу вызывает рост заболеваний СПИДом. В 1987 г. в СССР был зафиксирован первый случай заражения ВИЧ-инфекцией. СПИД-центр Татарстана вышел в лидеры по Приволжскому федеральному округу по числу анонимных обследований на ВИЧ в начале 2000-х гг. Республика Татарстан находилась в течение 1990-х гг. как бы в кольце эпидемии, где печальная пальма первенства принадлежала Тверской, Нижегородской, Саратовской, Ростовской и Кировской областям. По состоянию же на 1 июня 2001 г. в РТ было зарегистрировано 2629 ВИЧ-инфицированных [4]. На 31 декабря 2015 г. эта цифра достигла 17929 чел. (Роспотребнадзор) [5]. Динамика роста числа ВИЧ-инфицированных выглядит пугающе.

С 2002 г. отмечается увеличение доли женщин, инфицированных ВИЧ. К 1 ноября 2014 г. в России было зарегистрировано около 318 тыс. женщин (36,9% всех зарегистрированных случаев ВИЧ-инфекции) [6]. В РТ также наблюдается динамика увеличения количества заболевших женщин. Если в 2009 г. эта цифра составляла 28% [7], то на 2014 г. – 32,7% [8]. Эпидемия все больше приобретает «женское лицо». Увеличивается число родившихся ВИЧ-инфицированных детей от зараженных матерей. Многие из них

становятся «отказниками», их оставляют при роддомах. Они изолируются от других детей, воспитываются отдельно. Зная ситуацию с обеспечением детей-сирот в обычных детдомах, то можно представить в каких условиях существуют эти дети, а они требуют особого ухода, поскольку иммунная система их организма очень слаба.

Женщины, зараженные СПИДом, в отличие от мужчин имеют свои особенности в путях заражения и протекании болезни. Передача вируса от инфицированного мужчины к женщине оказывается в 4 раза более вероятной, чем заражение мужчины от ВИЧ-инфицированной женщины. В большей степени они подвергаются дискриминации, что вызывает проблемы в семьях, с друзьями, круг которых сразу сужается, проблемы с работой, с жильем, социальными услугами. Неинформированность населения влечет за собой появление мифов, страх людей заразиться при контактах с такими людьми. Женщины более уязвимы и нуждаются поэтому в профессиональной психологической помощи. Совершенно отличные проблемы от мужчин возникают у ВИЧ-инфицированной как матери. Многие узнают о том, что они ВИЧ-инфицированы только при беременности. «Это очень тяжело принять, с этим надо учиться жить, это совершенно новая жизнь. А когда ты видишь такое негативное отношение со стороны общества, больше драматизируешь ситуацию, изолируешься» [9]. Необходимо вовремя пройти лечение, чтобы ребенок не родился с ВИЧ, а стоимость препаратов достаточно высокая, немногие могут это позволить себе. К этому прибавляется резко негативная реакция общества и медперсонала в том числе. В неофициальной беседе заместитель министра здравоохранения РТ признала, что очень малое количество медицинских сотрудников обучено работе с ВИЧ-инфицированными, хотя федеральным бюджетом запланированы занятия, но на очень короткий период времени. В обычных поликлиниках им отказывают в медицинском осмотре с их диагнозом. В Казани нет отдельного роддома для них. Закупка необходимых препаратов не осуществляется вовремя, в результате больные не получают лекарств, а это

вредит общему их лечению, которое должно проводиться систематически. Не вовремя оформленные документы на закупку лекарств по тренду может привести к летальному исходу многих с диагнозом ВИЧ.

В течение 1990-х гг. к проблеме СПИДа обращалась и организация «Женщины Татарстана». 1 декабря 1996 г. была проведена молодежная акция, посвященная Всемирному Дню борьбы со СПИДом, куда входили социологические исследования среди подростков и молодых людей «Что мы знаем о СПИДе», «Молодежь и социально-обусловленные болезни», проведение практического семинара «Общий мир. Общие надежды», конкурс плакатов «АнтиСПИД» среди студентов и школьников, проведение благотворительных концертов и сбор пожертвований для больных СПИДом, выпуск телепередачи по проблеме «Угроза СПИДа в условиях новой эры». А в апреле 1999 г. был проведен круглый стол с представителями официальных и общественных кругов по вопросам ВИЧ-инфекции и ее профилактики в г.Набережные Челны.

На территории РТ действует единственная организация, осуществляющая поддержку ВИЧ-инфицированным женщинам и детям, некоммерческий благотворительный фонд «Светланы Изамбаевой», зарегистрированный в сентябре 2008 г. До этого фонд функционировал как самоорганизация женщин, изначально состоящих из актива в 5-6 человек. В группах взаимопомощи «Ева+» женщины делятся со своими проблемами (о нарушениях прав, умышленных заражениях ВИЧ от мужчин при изнасиловании), затем проводятся психологические тренинги. Просветительское направление включает в себя консультации специалистов, семинары, лекции не только для зараженных ВИЧ, но и для медицинского персонала. Открылась школа для беременных, где они обучаются правильному лечению, потреблению лекарств, питанию, даются советы по тому, где лучше будет оказана медицинская помощь. Организован детский класс «Кнопки», где дети могут провести время с педагогом, когда мама занимается в группе. Немаловажен досуг ВИЧ-инфицированных: занятия

йогой, просмотр фильмов. Фонд добивается улучшения условий в Центре для ВИЧ-инфицированных в РТ, где на сегодняшний день не хватает врачей.

Негативное отношение населения к ВИЧ-инфицированным, которое порождено мифами об этом вирусе, необходимо преодолевать при помощи большего компетентного информирования населения. Первая акция – фотовыставка в память погибшим от СПИДа – была организована фондом при поддержке Министерства культуры РТ и лично З.Р. Валева и проведена 1 декабря 2008 г. Были сфотографированы дети из малообеспеченных семей, в том числе и больных ВИЧ. Эти дети очень часто болеют, иммунный фактор очень негативно влияет на здоровье, по этой причине женщинам-матерям необходимо больше выходных дней. Они нуждаются в лекарствах, развивающих играх.

В сентябре 2009 г. в Казани было проведено в рамках объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДу в РФ и Украине мероприятие «Звезды против СПИДа». Проект собрал единомышленников – актрис, журналисток, редакторов, бизнес-леди, спортсменок - им всем небезразлично здоровье и будущее нации. Своим участием они говорят: «Проблему ВИЧ/СПИДа надо обсуждать громко, преодолевая негласные запреты предубеждения в обществе. Надо сделать так, чтобы грамотной информацией о ВИЧ владел каждый, и чтобы в обществе присутствовала толерантность по отношению к людям, живущим с ВИЧ». Известный фотограф Сергей Головач сумел выразить боль, сострадание и сопереживание в портрете каждой участницы проекта «Звезды против СПИДа». В Казани фотовыставка была организована фондом «Светланы Изамбаевой» и республиканской общественной организацией «Женщины Татарстана».

Методику работы этих организаций можно назвать «малыми делами», то есть организации конкретного дела, помощи конкретному человеку или группе лиц. Роль лидера в таких организациях, конечно, не маловажна. Всегда это яркая личность, сумевшая объединить вокруг себя людей, создать концепцию организации, обязательно столкнувшаяся сама с проблемой

(ВИЧ-инфицированная, женщина с диагнозом «рак») и сумевшая взять себя в руки и своим примером помогать другим. Цели создания таких организаций очень благородны, поэтому после ухода из жизни лидеров, они продолжают функционировать.

Нехватка средств – распространенная проблема среди женских организаций. Социально-ориентированные объединения испытывают эту нужду острее. Для них основными источниками средств является благотворительная помощь, которую приходится искать самостоятельно, и гранты. Участвуя в разработке государственных программ «по социальному сопровождению, созданию и предоставлению отдельных видов социальных услуг для ВИЧ-инфицированных совместно с министерством здравоохранения, образования, соцзащиты труда, молодежи» [9], фонд «Светланы Изамбаевой» добивается постоянного государственного финансирования, пока же в качестве источников финансирования выступают все же гранты. Однако существуют сложности в России и за рубежом в плане толерантного отношения к СПИДу, «легче привлечь средства на лечение ребенка больного другими заболеваниями, чем с ВИЧ» [9]. Политики активно помогают общественным организациям во время избирательных кампаний для привлечения большего количества избирателей на свою сторону. «В период выборов находились спонсоры, которые помогали при проведении акции «Розовой ленточки», чтобы заработать определенные очки. Мы шли на это, поскольку за счет этих денег мы могли осмотреть женское население, оплатить работу врачей, медсестер» [1]. В остальное время их оживленность утихала. Приостановка финансирования того или иного проекта лишает помощи многих нуждающихся, поэтому бессистемность в этом вопросе негативно сказывается на деятельности.

Список использованных источников и литературы

Интервью с З.А. Афанасьевой. 7 февраля 2009 г. // Личный архив автора.

Интервью с М.В. Федоренко. 29 апреля 2009 г. // Личный архив автора.

Разумовская Н. Общественная противораковая организация инвалидов «Омет-Надежда» // Вместе против рака. 1999. №4.

Независимый доклад о состоянии прав женщин РТ по результатам мониторинга прав женщин в РТ, осуществленного при поддержке Глобального женского фонда (США), фонда гражданских свобод (США) / сост.: Г.Козлова, Н.Лебедева, Т.Воронина и др. Казань, 2001. С. 26.

Количество инфицированных ВИЧ, зарегистрированных на территориях России на 31 декабря 2015 г. // Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом ФБУН ЦНИИЭ Роспотребнадзора. [Электронный ресурс]. URL: <http://aids-centr.perm.ru/>

Справка. Вич-инфекция в РФ на 1 ноября 2014 г. // Данные Федерального Центра СПИД. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.livehiv.ru/hivnovember>

Выступление С. Изамбаевой во время проведения акции «Звезды против СПИДа» в г.Казань, 15 мая 2009 г. // Личный архив автора.

В Казани открылся ВИЧ-Центр // Журнал «Собака.ru» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sobaka.ru/kzn/city/city/21428>

Интервью с С. Изамбаевой. 15 мая 2009 г. // Личный архив автора.

Аннотация:

Трансформации, происходящие в сфере семейно-брачных отношений, оказали влияние на изменения брачных стратегий. В статье рассматриваются основные типологии стратегий брачного выбора, предложенные авторами разных периодов. Выделяются особенности каждой классификации, а также преимущества и недостатки.

Abstract:

The transformations happening in the sphere of the family and marriage relations had impact on changes of marriage strategy. The paper considers typologies of a marital choice strategy offered by authors of the different periods. Features of each offered classification, and also advantages and shortcomings are marked out.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: БРАК, БРАЧНЫЙ ВЫБОР, СТРАТЕГИИ БРАЧНОГО ВЫБОРА.

KEYWORDS: MARRIAGE, MARITAL CHOICE, SPOUSE SELECTION STRATEGIES

В современных условиях подготовка к браку выступает одной из актуальных социальных проблем.

При поиске брачного партнера, происходит выработка и принятие имеющихся критериев оценки потенциального супруга, а также оценка собственных характеристик. Согласно теориям брачного выбора этот процесс - некая система последовательных стадий изучения предполагаемого партнера в соответствии с определенными критериями выбора.

В связи с трансформацией семейно-брачных отношений, которые происходили с течением времени, изменениям подвергались и стратегии брачного выбора.

Анализом брачно-семейных отношений в древнейшей эпохе занимался М.М. Ковалевский, результаты его трудов описаны в книге «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», которая вышла еще в 1895 году. Ученый тщательно анализировал систему организации семьи и взаимоотношения полов на различных территориях.

М.М. Ковалевский подверг сомнению утверждения о беспорядочности общения полов (промискуитет и гетеризм), доказывая, что родство по матери и экзогамия предполагают регуляцию и организацию половых отношений, подчинённые на первобытной стадии сохранению и воспроизводству поколений. [1, с. 56-61] Кроме того, им были представлены многочисленные исторические примеры формирования брачных союзов. Как показывает история, союзы, заключенные в более ранние периоды, были принудительными. Кроме того, даже существовали многочисленные запреты и ограничения для тех, вступающих в брак против воли родственников. Например, девушки, вышедшие замуж без согласия родных, не получали приданного. [2, с. 122]

Однако прослеживая развитие брачных отношений, автор выявляет новую тенденцию – все чаще в разных странах и религиях начинает появляться понятие «свободного выбора». Как подчеркивает исследователь, Римское право времен империи первое показало миру пример брачного союза, который представлял собой некий договор. [2, с. 124]

Так, период с XII-XIII вв. выявил новую стратегию брачного выбора, основанную на взаимном согласии, которую можно считать революционной по сравнению с традиционной, базисом которой выступает свободный выбор спутника жизни, причем, брак здесь рассматривается как заключение некоего договора между «сторонами».

Однако, как отмечают исследователи Т.С. Чистякова и А.В. Курамшев, в своей работе «Стратегии добрачных практик современной молодежи» [3, с. 43-49], принудительная стратегия была распространена до XX века, которая характеризовалась несвободным выбором супруга в результате принуждения к браку со стороны «третьих лиц» или общественных норм, или отсутствия подходящих партнеров для выбора. В настоящее время, по их утверждению, преобладает непринудительная стратегия добрачного поведения, определенная самостоятельным выбором брачного партнера. [3, с. 43-49]

Интересными представляются и типологии стратегий брачного выбора, предложенные современными исследователями, далее мы рассмотрим некоторые из них.

В модели, разработанной исследователем И. В. Дорно стратегии брачного выбора женщин и мужчин различны. У мужчин доминирует биологическое начало, поэтому брачный выбор мужчины бессознательно осуществляет так, чтобы индивидуальные особенности обоих супругов, при передаче наследственным путем ребенку, в совокупности выражали идею биологической гармонии. Таким образом, очень важным фактором при выборе потенциальной жены для него является внешняя привлекательность. Если говорить о стратегии женщин, то для них, более значимой является социальная составляющая, при осуществлении брачного выбора. Основным критерий – социальный статус супруга. Однако если у мужчины еще некий статус не достигнут, то выбор женщины будет основан на предполагаемом наибольшем потенциале. [4, с. 237]

Таким образом, основой этой модели является равноценный обмен партнеров, которые стремятся создать семью. Мотивы выбора брачного партнера лежат в основе формирования системы брачных предпочтений каждого конкретного индивида. Автор данной модели рассматривает систему критериев, которые должны помочь при выборе брачного партнера. Однако, на наш взгляд, ограниченность данной модели заключается в том,

что, рассматривая критерии выбора, автор не уделяет внимание объективным факторам, которые оказывают влияние из «вне».

Еще одна типология была предложена исследователем Ю.П. Кошелевой. Ею были изучены особенности стратегии самопредъявления тех людей, которые обратились в службу знакомства, чтобы найти партнера. В ходе исследования автором были выделены следующие стратегии самопредъявления:

Стратегия самоподачи – преобладание описания качеств желаемого партнера, а также собственных качеств, с учетом мнения партнера. Стоит отметить, что преобладали социальные нормы и представления об «идеальном партнере». Однако «описание себя» было основано не только на формальных, но и на вымышленных характеристиках.

Стратегия самораскрытия - в рамках данной стратегии акцент делается на информации, которая более значима «для самого себя». Неоспоримое преимущество отведено описанию собственных чувств, переживаний – эмоций. А партнер упоминается, скорее, с точки зрения «собственных ценностей». [5, с. 109]

Необходимо отметить, что по результатам проведенного исследования, посвященного изучению стратегий самопредъявления одиноких людей (метод исследования - контент-анализ газетных объявлений), было определено, что при знакомствах более часто люди пользуются стратегией самоподачи. Это говорит о том, что реализуется главная цель самопредъявления - привлечение внимания потенциального партнера. Исходя из этих двух генеральных стратегий, были выделены семь стратегий самопредъявления, которые подразделялись по цели, содержанию и форме самоподачи. Стратегии самоподачи соответствовали стратегиям «супергероя», «отрицающей», «гиперболической» и «замещающей». А ко второму виду стратегии были отнесены «драматическая», «атрибутивная» и «совладающая» стратегии. [5, с. 109]

Если рассматривать гендерные различия при выборе стратегий, то складывается следующая ситуация: женщины предпочитают «драматическую» и «замещающую» стратегии, а мужчины - стратегии «супергероя» и «атрибутивную».

Таким образом, подтверждение собственной значимости характерно для мужчин. Женщины же пользуются такими приемами как: поиск эмоциональной поддержки, взаимопонимания, установление близких отношений.

Исследователь Лысова А.В. предлагает свою классификацию стратегий брачного выбора, которые она подразделяет на несколько моделей:

Модель фильтров. Выбор брачного партнера представляется как постепенный многоступенчатый процесс, в ходе которого происходит некий процесс «фильтрации».

Модель максимизации выгоды. Выбор партнера основан на совпадении наибольшего количества так называемых «желаемых качеств».

Модель комплиментарности. Здесь, напротив, основанием для выбора брачного партнера являются те качества, которых нет у первого. Также это модель можно характеризовать как модель «дополнительности».

Модель близости. Важным критерием выбора является территориальная близость (близость проживания, места работы/учебы и др.).

Наконец, последняя модель – социобиологическая. Она основывается на том, что люди выбирают партнера, основываясь на естественных стратегиях, сформировавшихся в процессе эволюции. Данные стратегии существуют потому, что с их помощью разрешаются определенные проблемы в эволюционной истории человека. [6, с. 45-47]

Эта классификация направлена на определение тех характеристик, которые необходимы при поиске брачного партнера. Однако, на наш взгляд, более полной и показательной является типология стратегий добрачных практик, которую предложили исследователи Т.С. Чистякова и А.В. Курамшев. Авторы дают определение стратегии добрачных практик, под

которой понимают направление деятельности, с целью вступления в брак, обусловленное свободой выбора партнера, и также целью вступления в брачный союз. [3, 43] Опираясь на концепцию социального действия описанную Дж. Хомансом [7, с. 82-91] и представленную в теории социального обмена, исследователи разработали типологию стратегий добрачных практик. [3, с. 43]

Все брачные стратегии подразделены на принудительные и непринудительные. Непринудительные стратегии, по основанию выбора партнера, ожидаемой выгоде от предполагаемого брачного союза разделены на два подтипа:

Эмоциональная стратегия, обусловленная преобладанием эмоционально-чувственных компонентов в отношениях с партнером, чувством влюбленности или любви к нему. Выбор основан на истинности чувств к субъекту выбора.

Рациональная - стратегия, характеризующаяся целенаправленным рациональным выбором партнера с целью максимизации «эффективности брака». Таким образом, основной целью является поиск личных преимуществ и положительных эмоций. Кроме того, существует необходимость в реализации гуманитарных идеалов и духовных ценностей. Рациональная стратегия поиска партнера, в свою очередь подразделяется на следующие виды: стратегия «брак как средство» и стратегия «брак как цель».

Таким образом, характеристики будущего брачного партнера напрямую зависят от основания брачного выбора и определяют решение о вступлении в брачный союз.

Данная типология стратегий брачного выбора позволяет выяснить цель вступления в брак, а также средства, направленные на достижение этой цели.

Так, мы рассмотрели основные типологии стратегий брачного выбора, предложенные исследователями разных периодов. Каждая из предложенных типологий имеет свои преимущества и недостатки. На наш взгляд, наиболее полной и эмпирически показательной является типология, предложенная

исследователями Т.С. Чистяковой и А.В. Курамшевым, потому как стратегии брачного выбора со временем были подвержены трансформациям, которые учитывает предложенная модель. Кроме того, с помощью нее можно объяснить выбор той или иной выбранной стратегии брачного выбора, конкретизируя цель поиска.

Библиографический список

Антонов А.И. , Медков В.М. Социология семьи/ А.И Антонов, В.М. Медков// Москва : Изд - во МГУ: Изд - во Международного университета бизнеса и управления ("Братья Карич") , 1996. — 359 с.

Ковалевский, М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / М.М. Ковалевский // Пер. с фр., под ред. М.О. Косвена. – М.: ОГИЗ, 1939. – 187 с.

Чистякова Т.С, Курамшев А.В. Стратегии добрачных практик современной молодежи /Т.С. Чистякова, А.В. Курамшев// Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2010, №3 . – 43-49 с.

Дорно И.В. Семейные проблемы /И.В. Дорно// Психология семьи. Хрестоматия / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара:Бахрах-М, 2005. - 203-294 с.

Кошелева Ю.П. Самопредъявление одиноких людей в тексте газетных объявлений /Ю.П. Кошелева/ Вопросы психологии. – 1998. – № 2. – 107–115 с.

Лысова А. В. Психология семьи. Ч. 2 /А.В. Лысова// – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2003. – 224 с.

Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен /Дж. Хоманс// Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. – 82 - 91 с.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Банних, Г.А.||Черкасова, В.С.

Социальная работа в отношении семей с детьми с ограниченными
возможностями здоровья в РФ

Bannykh G.||Cherkasova V.

Social work against families with children with disabilities in the Russian
Federation

Аннотация. Статья посвящена проблемам проводимой социальной работы в Российской Федерации в отношении детей с ограниченными возможностями здоровья, а также их семей. В статье проанализирована нормативно-правовая база в отношении проводимой социальной работы для семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья, рассмотрены существующие проблемы социальной работы, а также сформулированы пути их решения.

Abstract. The article is devoted to problems of social work carried out in the Russian Federation in relation to children with disabilities and their families. The article analyzes the legal framework in relation to ongoing social work for families with children with disabilities, considered the existing problems of social work, and formulated solutions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА|| СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ|| СЕМЬЯ|| ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ|| ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗДОРОВЬЯ (ОВЗ)|| ДЕТИ|| ДОСТУПНАЯ СРЕДА.

KEYWORDS : SOCIAL WORK|| SOCIAL SERVICES|| FAMILY|| PUBLIC AUTHORITIES || DISABILITIES (HIA)|| THE CHILDREN|| ACCESSIBLE ENVIRONMENT.

Семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья не так давно стала одним из основных объектов изучения в государственной социальной политике Российской Федерации. Все это связано с увеличением числа детей

с ограниченными возможностями здоровья, а также сокращением трудоспособного населения страны.

Таким образом, государство стремится обеспечить потребности данной категории семей, с целью их социализации в современное общество, а также с целью увеличения трудоспособного населения, для развития экономики государства.

Государственная социальная политика на сегодняшний день берет на себя обязательства по созданию необходимых экономических, социальных, интеллектуальных условий для удовлетворения соответствующих потребностей людей, а также общего социального развития.

Одним из направлений государственной социальной политики является социальная работа, которая в общем смысле понимается как вид профессиональной деятельности, содержание которой определяется процессами, происходящими в социально-экономической, политической и духовной сферах жизни общества [1].

Социальная работа в отношении семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья предполагает оказание государственной помощи на временной или постоянной основе индивиду, или группе лиц, с целью обеспечения достойного образа жизни.

Активизировалась эта деятельность в период становления российского государства, когда большая часть населения стала действительно нуждаться в помощи государства и специальных структур. Это такие слои населения, как: пожилые люди, дети, оставшиеся без попечения родителей, многодетные семьи, инвалиды [2]. 23 апреля 1991 года было принято решение № 92 Государственного комитета по труду и социальным вопросам, в котором была учреждена специальная профессия – социальный работник. Этот момент положил начало формированию социальной работы в России.

Рассматривая исторические основы данной темы, можно отметить следующее: в первые годы советской власти сложилась так называемая теория социальных рисков, в соответствии с которой социальное

обеспечение – это предоставление благ при перераспределении коллективного продукта членами общества, находящимися в трудной жизненной ситуации, признаваемой обществом уважительной (В.М. Догадов, Н.А. Вигдорчик, Н.А. Семашко). К системе социального обеспечения, а также социальной работы в современной России можно отнести все виды пенсий, пособий, компенсационных выплат, социальное обслуживание, медицинскую помощь и другое.

Говоря о текущем состоянии семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья, необходимо отметить статистические данные Пенсионного Фонда России, по которым по состоянию на 1 сентября 2015 года в России насчитывается 12,45 млн. инвалидов, из которых 0,6 млн. человек – дети [3].

На сегодняшний день основным документом, регулирующим социальную работу, является Федеральный Закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 N 442-ФЗ. В законе прописаны основные термины, среди которых: социальное обслуживание граждан – деятельность, по предоставлению социальных услуг гражданам; а также социальная услуга – это действие в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности [4].

Рассматривая социальную работу, а также социальное обслуживание в отношении семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья, на законодательном уровне, необходимо выделить следующую нормативно-правовую базу: Конституция Российской Федерации, ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» N 181-ФЗ, ФЗ «О государственной социальной помощи» N 178-ФЗ, Указ Президента РФ «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы», Указ Президента РФ от 26 февраля 2013 г. N 175 «О ежемесячных выплатах

лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами с детства I группы», Постановление Правительства РФ «О порядке предоставления дополнительных оплачиваемых выходных дней для ухода за детьми-инвалидами» и другие.

Практические мероприятия по социальной работе и социальному обслуживанию данной категории семей содержатся в ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». К примеру, оказание медицинской помощи, обеспечение получения образования, обеспечение занятости, ежемесячные денежные выплаты родителям, нуждающимся в постороннем уходе и помощи, предоставляются медицинские и бытовые услуги на дому либо в стационарных организациях, и другие.

Изучая систему социальной работы в отношении данной категории семей в Российской Федерации, можно отметить следующее: система социального обслуживания не ограничивается исключительно действиями федеральных органов исполнительной власти. Вся система состоит из механизма взаимодействия между органами государственной власти, организациями социального обслуживания (различного уровня), негосударственными организациями социального обслуживания, а также индивидуальными предпринимателями в системе социального обслуживания, а также социальной работы.

Взаимодействие между органами государственной власти и организациями социального обслуживания состоит в том, что органы государственной власти РФ издаются, а также вносят поправки в уже имеющиеся нормативно-правовые акты, а также программы развития государства; организации социального обслуживания в свою очередь принимают к исполнению перечень мероприятий, направленных на поддержку семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья. В этой области необходимо отметить Федеральный Закон N419- «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по

вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов».

Одной из важнейших можно считать статью 3.1 из данного Федерального Закона, в которой говорится: «В РФ не допускается дискриминация по признаку инвалидности. Для целей настоящего Федерального закона под дискриминацией по признаку инвалидности понимается любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью либо результатом которых является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех гарантированных в Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области» [5]. Данная статья имеет важное значение, поскольку вопросы инклюзии, а не эксклюзии, как раньше стали приоритетными в социальной работе и политике государства.

Очень важным в совместной работе органов государственной власти и организаций социального обслуживания является формирование, развитие, финансирование реабилитации и абилитации детей с ограниченными возможностями здоровья. Необходимо отметить, что реабилитация включает в себя восстановление способности ребенка с ОВЗ к бытовой, общественной и профессиональной деятельности; абилитация, в свою очередь, включает в себя формирование у ребенка с ОВЗ способностей к бытовой, общественной, профессиональной, и другой деятельности. Таким образом, мы можем говорить о том, что данные понятия являются основными, базовыми в общей системе социального обслуживания, а также социальных гарантий для семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья в РФ. Система мероприятий реабилитации, а также абилитации для детей с ОВЗ в какой-то сфере имеет сходства: это программы восстановительной терапии, санаторно-курортное лечение, получение общего образования, психолого-педагогическая коррекция, содействие в трудоустройстве, физкультурно-оздоровительные мероприятия, и так далее.

Говоря о работе социальной службы в отношении реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья, необходимо упомянуть «индивидуальную программу реабилитации ребенка-инвалида» (далее - ИПР ребенка-инвалида). ИПР является официальным документом, выдаваемым медико-социальной экспертизой, которую родители вместе с ребенком с ограниченными возможностями здоровья обязаны ежегодно проходить.

В ИПР содержится информация о ребенке: ФИО, дата рождения, место жительства, дата, до которой установлена инвалидность, и другие. Также данный документ содержит список мероприятий медицинской реабилитации (например: реконструктивная хирургия), список мероприятий психолого-педагогической реабилитации (к примеру: получение профессионального образования), а также мероприятия социальной реабилитации (например: физкультурно-оздоровительные мероприятия). Однако сегодня мы можем говорить о ситуации, когда родители ребенка с ограниченными возможностями здоровья не согласны с тем, насколько корректно составлен ИПР для их ребенка. Все это зависит от членов комиссии, которые тщательно проверив все собранные документы, справки выносят свой вердикт.

Рассматривая систему социальной работы с семьями с детьми с ОВЗ, нужно подчеркнуть важность работы с родителями таких детей. Так как общая психологическая обстановка в семье, а также развитие ребенка в большинстве случаев зависит именно от родителей. Но, рассматривая систему мероприятий ИПР, можно заметить, что о работе с родителями не может быть и речи, что видно также из названия данного документа: «индивидуальная программа реабилитации ребенка-инвалида». Но на сегодняшний день, по нашему мнению правильным было бы создание «индивидуальной программы реабилитации семьи, воспитывающей ребенка-инвалида».

Возвращаясь к вопросу реабилитации и абилитации, можно отметить следующее: если в одном случае система мероприятий поможет ребенку с ограниченными возможностями здоровья, и он избавится от своего недуга,

его данных не будет в едином федеральном реестре инвалидов, то в другом случае система подобных мероприятий «поможет приспособиться» ребенку с ограниченными возможностями здоровья к жизни в современном обществе.

Абилитация детей с ограниченными возможностями здоровья, а также обучение их жизни в современном обществе неразрывно связаны с таким понятием, как «доступная среда». Данный термин упоминается во многих нормативно-правовых документах РФ, и в разных источниках может иметь разное толкование. В общем смысле «доступная» или «безбарьерная» среда – это окружающая среда, которая дооборудована с учетом потребностей людей с ограниченными возможностями здоровья. Это среда, которую могут использовать люди с физическими, интеллектуальными, а также другими нарушениями в развитии.

На сегодняшний день основными задачами, для создания доступной среды, по словам премьер-министра России Д.А. Медведева [6] являются: «проектирование удобного жилья, возрождение практики субтитров на телевидении, создание специальных сайтов, развитие инклюзивного образования, создание рабочих мест для инвалидов».

При этом особо премьер-министр отмечает сферу образования для детей с ограниченными возможностями здоровья. По его мнению, необходимо совершенствовать коррекционные детские учебные заведения, а также создавать «безбарьерную», «доступную» среду для таких детей в обычных школьных, а также дошкольных учреждениях; а также готовить специалистов, работающих по программам инклюзивного обучения.

Важно подчеркнуть, что образование ребенка с ограниченными возможностями здоровья – это очень важная задача в системе социальной работы, а также социальной реабилитации для данной категории семей.

На сегодняшний день в российских образовательных учреждениях обучается 482 тысячи детей с особыми образовательными потребностями. Из них 270 тысяч обучаются инклюзивно в общеобразовательных школах, остальные – в специальных образовательных коррекционных заведениях. По

данным Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Минобрнауки, только за последние три года, количество детей перешедших в инклюзию увеличилось более чем на 21 тысячу человек [7].

Необходимо отметить, что увеличение количества детей, обучающихся по системе инклюзивного образования может происходить не только из-за создания условий «доступной среды», но также из-за ежегодного увеличения количества детей с ограниченными возможностями здоровья в России, вот почему развитие социальной работы для семей, воспитывающих детей с ОВЗ является одной из актуальных задач социальной политики нашего государства.

Однако, в настоящее время мы можем говорить о несовершенстве механизма взаимодействия между участниками социальной работы в отношении семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья, т.к. в последние годы увеличилось число негосударственных организаций помощи данной категории семей, а также индивидуальных предпринимателей, что связано с проблемами в предоставлении социального обслуживания со стороны органов государственной власти.

Можно отметить, что воспитание ребенка с различными нарушениями в развитии требует от родителей огромных физических, а также духовных сил, поэтому родителям так важно сохранить свое физическое здоровье. От того, как будут себя вести родители ребенка с ограниченными возможностями здоровья, будет зависеть дальнейшая судьба как отдельно взятой семьи, так и общества в целом. Поэтому мы говорим о том, что лучший способ помощи детям с ограниченными возможностями здоровья – это помощь их родителям.

Важным в данном случае является отношение самих родителей к детям: родители могут стесняться неполноценности своего ребенка и «прятать» его от общества, бояться посещать с ним общественные места, что связано с проблемами толерантности современного российского общества. Что еще хуже, есть родители, которые попросту не справляются сами с

тяжелой болезнью своего ребенка по причине нехватки финансов, помощи со стороны близких, или физических возможностей, и отдают ребенка на попечение государства.

На сегодняшний день в органах социального обслуживания в регионах страны имеется список оказываемых услуг, среди которых: социальное обслуживание на дому граждан, частично или полностью утративших способность к самообслуживанию, а также организация комплексной работы по социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья [8].

Однако для того чтобы получить помощь, семье воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья необходимо обратиться в муниципальные органы социальной защиты населения, заполнить немалое число документов, а также подтвердить что они нуждаются в помощи от государства. В данном случае будут учитываться все критерии, от заработной платы родителей, до материального пособия, выделяемого семье на ребенка-инвалида. В случае, если пособие или общее материальное положение родителей окажется пускай немного выше установленного, они не будут признаны как семья, нуждающаяся в домашней помощи от социальной службы.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем создать муниципальную службу социальной помощи, работниками которой могли бы стать не только лица, имеющие специальное педагогическое образование, работники органов государственной власти; но также и волонтеры из некоммерческих организаций, которые помогали бы таким семьям в ведении домашнего хозяйства, а также занимались развитием ребенка.

Работники службы оказывали бы помощь не только семьям, находящимся в тяжелом финансовом положении, но и семьям, в которых родители истощены физически, а также морально, с целью предотвращения передачи ребенка на попечение государству, а также улучшения общего состояния семьи.

В последние годы были предприняты меры по совершенствованию законодательства, регулирующего положение детей с ограниченными возможностями здоровья, а также их семей, что привело к определенным результатам. Однако, социальная поддержка данной категории семей остается недостаточной. В результате, значительная доля семей, воспитывающих детей с ОВЗ, по каким либо причинам остается в «социальной изоляции», поэтому мы можем говорить о том, что система социальной работы, а также социального обслуживания данной категории семей является одной из приоритетных задач современного российского общества.

Список литературы

Социальная работа // Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psychology.academic.ru/7114/СОЦИАЛЬНАЯ_РАБОТА (дата обращения: 10.02.2016).

Квеско Р.Б., Муравская Е.Н., Квеско С.Б., Чайковский В.Д. Менеджмент социальной работы: Учеб.пособие. Томск: Изд. ТПУ, 2009. 231 с.

Минтруд подготовил справочную информацию к Международному дню инвалидов // Новостной портал Москвы DIXINEWS [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dixinews.ru/news/a-29170.html> (дата обращения: 12.02.2016).

Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 года N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 07.02.2016).

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с

ратификацией Конвенции о правах инвалидов: Федеральный Закон от 01.12.2014 года N419-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70809036/#help> (дата обращения: 11.02.2016).

Для инвалидов создадут доступную среду // Официальный интернет-портал Российской газеты RG.RU. 13.09.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/09/13/invalidi.html> (дата обращения: 17.02.2016).

Информационный ресурс для занятий детей и взрослых «Семейный парк» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sempark.ru/nevel/articles/2016_g_novyiy_standart_inklyuzivnogo_obrazovaniya (дата обращения: 04.02.2016).

Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 года N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 03.02.2016).

Информация с официального сайта службы социального обслуживания г. Екатеринбурга по Чкаловскому району [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chkson.ru/index/0-2> (дата обращения: 07.02.2016).

Белозерова, М.С., Миронова М.В.

**От коррекционного к инклюзивному образованию: исторический и
современный аспекты**

Belozerova, M., Mironova M.

**From remedial education to inclusive education: historical and modern
aspects**

В данной статье рассматривается научная, историческая и социальная обусловленность широкого распространения системы коррекционного образования в России, а также предпосылки, обозначающие переход к инклюзивной модели.

This article investigate scientific, historical and social causality of remedial education`s wide circulation in Russia and prerequisites of transition to inclusive education.

Коррекционное образование || инклюзивное образование ||
инвалидность || модели инвалидности

Remedial education || inclusive education || disability || models of disability

По данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2015 года в России официально зарегистрировано 12 656 000 инвалидов. [1] Статус «ребенок-инвалид» получили 590 тысяч человек (для сравнения, в 2014 году – 582 тысячи). [2]

Согласно Федеральному закону №181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 года инвалидом является лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. [3]

Под ограничением жизнедеятельности понимается полная или частичная утрата лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться,

общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью.

В зависимости от степени расстройства функций организма и ограничения жизнедеятельности лицам, признанным инвалидами, устанавливается группа инвалидности, а лицам в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид». Под детьми-инвалидами следует понимать детей с ограниченными возможностями здоровья и детей с особенностями развития.

Среди заболеваний, вызывающих инвалидность у детей, лидируют психические расстройства и расстройства поведения, на втором месте врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения, на третьем - болезни нервной системы. [4]

Среди проблем, с которыми сталкивается ребенок-инвалид в России, на первый план выступает проблема образования, так как именно образование является лифтом социальной мобильности, обеспечивает развитие человека и его интеграцию в современное общество.

Длительное время в России была распространена медицинская модель инвалидности, в рамках которой коррекционное образование выступало как наиболее эффективный способ социализации. В рамках этой модели были сформулированы все основные направления работы, законодательная база и терминология: само понятие «инвалид» накладывала на человека определенный социальный ярлык, заведомо определяя его как неполноценного члена общества.

Начиная с XXI века, в России складывалась система специального образования. В период с 1806 по 1930 году создается система специального образования для слепых, глухих и умственно отсталых детей. [5; 105]

В 1806 году в Павловске было открыто первое в России опытное училище для глухонемых детей, а в 1807 году — школа для слепых.

В 1918 в Петрограде открывается факультет детской дефективности при Институте дошкольного воспитания. [6; 137] В это период внимание

уделялось не обучению, а лечению детей с особенностями развития. С 1923 года обучение дефектологов стало реализовываться по различным направлениям, в зависимости от их специализации: тифлопедагоги, сурдопедагоги, олигофренопедагоги. В 1932 г. вышло постановление «О введении всеобщего обязательного обучения физически дефективных детей».

В течение всего XX века складывалась система специальных (коррекционных) образовательных учреждений, которые являются преимущественно школами-интернатами. В СССР, а затем и в России в них обучалось и обучается подавляющее большинство детей школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья.

Закрытая форма специальных учебных заведений, ограничивающая взаимодействие детей и общества, была обусловлена государственной политикой контроля и идеологией социализма, которая отрицала неблагополучие, в качестве которого рассматривалась и инвалидность.

В конце 80-х годов XX века произошло расширение сферы услуг дефектологов, началась подготовка не только учителей, но и воспитателей, других специалистов, владеющих навыками обучения и воспитания детей с особыми потребностями. [6; 138] Это, как и влияние зарубежного опыта, способствовало появлению первых инклюзивных школ на территории России.

В научной среде появились сторонники различных подходов к образованию. Некоторые исследователи, например Кулагина Е.В., считают, что необходимо сохранить сложившуюся систему специального образования, так как в специальных образовательных учреждениях дети-инвалиды получают специфические педагогические и медицинские услуги в необходимом им объеме. [7; 112] Так, например, в условиях коррекционного образовательного учреждения, где, в зависимости от вида, в классах обучается от 5 до 12 человек, педагог может эффективнее организовать учебный процесс. Также в рамках коррекционного образовательного

учреждения организуется досуг детей с особенностями развития. В первой половине дня с детьми занимаются педагоги, во второй – воспитатели.

Таким образом, специальные образовательные учреждения предоставляют своим ученикам оборудованную среду и адаптированные образовательные программы, которые позволяют осваивать общеобразовательный материал с учетом психофизических особенностей и индивидуальных возможностей ребенка с особенностями развития, осуществляют коррекционную деятельность.

В последние десятилетия наметился переход исследователей к социальной модели инвалидности. С точки зрения социальной модели, понятие «инвалидность» заменяется на более корректные «ограниченные возможности», «особенности развития» и понимается не только как физиологическая патология организма, дефект внешнего вида или поведения человека, но и как социальное определение, «ярлык». Социальная модель подчёркивает, что люди с ограниченными возможностями угнетаются обществом за счёт концепта о нормальности, а инвалидность существует лишь настолько, насколько она социально конструируется. [8; 413] Данный подход предполагает переход к новой парадигме образования – социальной инклюзии.

Об инклюзивном образовании в России впервые стали говорить в 90-е годы XX века. Первые инклюзивные образовательные учреждения, в нашей стране, появились в Москве в 1991 году. По инициативе московского Центра лечебной педагогики и родительской общественной организации открылась школа инклюзивного образования «Ковчег» (школа № 1321). [9; 238] Однако, за более чем двадцатилетний период развития широкого распространения инклюзивное образование до сих пор не получило.

В Федеральном законе №273 «Об образовании» от 29.12.2012 впервые дается определение «инклюзивного образования» как равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей».

Конечной целью введения инклюзивного образования является не только достижение установленного в международных документах уровня инклюзии людей с особенностями развития в общество, но и достижение ими максимальной активности и самостоятельности в различных сферах. Совместное обучение снимает ряд психологических барьеров, как со стороны детей с особенностями развития, так и со стороны здоровых детей, в результате чего ускоряются процессы интеграции в общество.

У инклюзивного образования много как сторонников, так и противников, что обусловлено особенностями уже сложившейся и противоречащей принципам инклюзии системы специального образования в России. На основании введения новых принципов работы с людьми с особенностями развития реализуются различные программы, самой известной из которых является «Доступная среда» на 2011 - 2020 годы. Однако за время реализации программы немногие школы перешли на инклюзивную модель обучения. К примеру, в таком крупном городе как Екатеринбург таких школ всего две.

В настоящее время в России применяются три подхода в обучении детей с особыми образовательными потребностями:

1. Дифференцированное обучение детей с нарушениями речи, слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, интеллекта, с задержкой психического развития в специальных (коррекционных) учреждениях I–VIII видов;
2. Интегрированное обучение детей в специальных классах (группах) в общеобразовательных учреждениях;
3. Инклюзивное обучение, когда дети с особыми образовательными потребностями обучаются в классе вместе с обычными детьми. [9; 238]

Сторонники инклюзивного образования, в свою очередь, указывают на некоторые недостатки системы коррекционного образования. В первую очередь, это имеет отношение к сегрегации детей с особенностями развития, так как дети, обучавшиеся в коррекционном учреждении на

протяжении периода обучения, не развивают на необходимом уровне навыков коммуникации с обществом. В то же время общество избегает контактов с людьми с особенностями развития из-за стереотипов о них, как о маргинальной и иждивенческой группе. Также критику вызывает то, что коррекционное образование опирается на устаревшую концепцию «нормы», предоставляя детям с особенностями развития определенные обществом рамки, которым необходимо соответствовать. Активно обсуждаются перспективы интернатной формы обучения, которая реализуется в коррекционных школах. Многие исследователи и практики считают ее устаревшей и противоречащей рекомендуемым мировым сообществом условиям воспитания ребенка с особенностями развития. [10; 166]

В последнее время специализированное обучение заменяется интегративным, которое осуществляется в специальных классах в рамках общеобразовательных учреждений. Это позволяет ребенку быстрее адаптироваться и интегрироваться, но, в то же время, оно также ориентировано на одностороннее изменение со стороны ребенка, подведение его к границам нормы.

Вместе с тем, на наш взгляд, переход к инклюзивному образованию неизбежен. Если взглянуть на инклюзивное образование шире, то очевидно, что оно является начальным этапом интеграции людей с особенностями развития в общество. Данный процесс в нашей стране значительно актуализировался в последние годы. Инклюзивное образование способствует формированию у здоровых детей толерантности к физическим и психическим особенностям одноклассников, развитие чувства взаимопомощи и стремления к сотрудничеству, обогащение внутреннего духовного мира и совершенствование коммуникативных навыков. [11; 31] У детей с ограниченными возможностями здоровья совместное обучение формирует положительное отношение к своим сверстникам, способствует приобретению навыков адекватного социального поведения, позволяет полнее реализовать потенциальные возможности развития и обучения. В

совместной учебной и внеклассной деятельности дети учатся взаимодействовать. [12; 21]

В заключении отметим, что на сегодняшний день система образования в России претерпевает изменения. Согласно концепции инклюзивного образования, общеобразовательная школа должна осуществлять функции коррекционной школы: гарантировать детям с особенностями психофизического развития физическую и социально-психологическую безопасность, обеспечивать их специальными учебными пособиями средствами, создавать условия для их личностного развития и реализации своих возможностей. Успешность данного направления зависит от финансовых вложений государства в обеспечение материально-технической базы для реализации инклюзивного образования, а также от комплексной работы по переподготовке педагогического состава. Новая модель в значительной степени расходится как с традиционной системой образования, так и с существующими в обществе стереотипными представлениями о людях с ограниченными возможностями здоровья, которые сформировались в период их сегрегации.

Список источников литературы

1. Общая численность инвалидов, состоящих на учете Пенсионного Фонда Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 29.01.2016)

2. Распределение инвалидности по полу и возрасту. Федеральная служба государственной статистики. URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 29.01.2016)

3. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 - N 181-ФЗ. URL: www.rg.ru/1995/11/24/invalidy-dok.html (дата доступа: 30.01.2016).

4. Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по причинам, обусловившим возникновение инвалидности. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 30.01.2016)

5. Перевозникова И.В. Специальное образование в России: история, современность и правовые основы // Вестник Томского государственного педагогического университета. - 2012.- № 5. - С. 103 - 109.

6. Денисова Р.Р. Из истории высшего дефектологического образования в России // Высшее образование в России. - 2012. - № 6. - С. 134 – 140.

7. Кулагина Е.В. Образование детей с ограниченными возможностями здоровья. Опыт коррекционных и интеграционных школ // Социологические исследования. 2010. - № 2. - С. 107 – 116.

8. Киселев М. И. Генезис отношения к детям с ограниченными возможностями // Молодой ученый. — 2012. — №12. — С. 412 – 415.

9. Карельская Л.П. Инклюзивное образование детей-инвалидов // Наука и образование: современные тренды. - 2014. - № 6 (6). - С. 235 - 243.

10. Гудина Т.В. Педагогическое обоснование социокультурной реабилитации детей-инвалидов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. - 2013. - Т. 19. - № 4. - С. 165 - 169.

11. Булатова О.В. К вопросу о готовности системы общего образования к инклюзивному обучению // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. - 2013.- № 28. - С. 29 - 33.

12. Трохинова У.В. Инклюзивное образование как фактор повышения качества жизни детей-инвалидов // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). - 2014. - № 3. - С. 19 - 28.

Беспалова Ю.М.|| Зубарева О.В.

**Социальная адаптация инвалидов в регионе: пути
совершенствования**

Bespalova Y. M.|| Zubareva O. V.

**Social adaptation of invalids in region: Ways to improve ways to
improve**

Аннотация. Авторы рассматривают пути совершенствования управления социальной адаптацией инвалидов в регионе. Приводятся результаты социологического исследования социальной адаптации лиц с ограниченными возможностями.

Summary. The authors consider the problems of management of social adaptation of invalids in city of Tyumen and the region. The results of sociological research on the social and professional integration of persons with disabilities.

Ключевые слова. Социология, социальная адаптация, управление, инвалид, регион

Key words. Sociology, social adaptation, management, disability, region

Социальная адаптация выступает важной частью реабилитации людей, которые имеют инвалидность. Это процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды, вид взаимодействия личности с социальной реальностью. Социальная адаптация включает комплекс мер, направленных на восстановление разрушенных или утраченных индивидом общественных связей и отношений. Её целью является восстановление статуса личности, достижение материальной независимости, быстрее и наиболее полное восстановление здоровья и способности к социальному функционированию.

Е.Р. Ярская-Смирнова выделяет следующие виды социальной адаптации: медицинскую, профессиональную и социальную. Медицинская осуществляется с целью компенсации утраченных или нарушенных способностей человека до социально значимого уровня. Профессиональная

включает в себя процессы, направленные на трудовую адаптацию. Социальная - процессы определения оптимальных режимов общественной и семейно-бытовой деятельности инвалидов [1; 316].

Проблемы социальной адаптации инвалидов рассматриваются в работах региональных авторов А.В.Артюхова и Н.И.Скок [2]. По мнению А.В. Артюхова, необходимо создание сети адаптационных центров для лиц с ограниченными возможностями, где осуществлялись бы профориентация, профобучение, консультирование по психологическим, правовым и организационным проблемам, предлагалась бы конкретная помощь по обеспечению трудоустройства [3; 115].

С целью выявления степени эффективности существующей системы управления социальной адаптацией в нашем регионе, мы провели социологическое исследование в форме анкетного опроса инвалидов г. Тюмени. Изучение процесса управления социальной адаптацией инвалидов проходило в общественной реабилитационной организации «Оптимист» (президент Хамзин Р. Н). В ходе анкетирования было опрошено 300 человек в возрасте от 18 до 70 лет. Анкета состояла из 32 вопросов.

На вопрос анкеты: «Скажите, какие объекты нуждаются, по Вашему мнению, в первоочередном оснащении специальными приспособлениями для более комфортного доступа?», были получены ответы: больницы (53,7%); жилые помещения (46,9%); поликлиники (40%); аптеки (38,5%); помещения жилищно-коммунального хозяйства (33,7%); магазины, торговые центры, предприятия общественного питания (28,7%); транспорт общего пользования (23,5%); здания органов социальной защиты населения (20,6%); пешеходные тротуары и переходы через транспортные коммуникации (20,4%); административные здания органов местной и государственной власти (17%).

Наиболее приоритетными услугами для инвалидов города Тюмени на сегодняшний день выступают следующие: по физической культуре и спорту (26,8% респондентов участвуют в спортивных или оздоровительных мероприятиях); по содействию в поисках подходящей работы (19%

опрошенных обращались в службы занятости); специальные библиотеки для слепых (11,8% пользуются услугами данных библиотек); учреждения отдыха и оздоровления (11,6% пользуются данными услугами); предоставление бесплатной юридической помощи (11,2% респондентов получали бесплатную юридическую помощь); профессиональной ориентации граждан из числа инвалидов (6,1% респондентов из числа инвалидов пользовались данной услугой); психологической поддержки безработных граждан из числа инвалидов (5,5% респондентов); профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации безработных граждан из числа инвалидов, включая обучение в другой местности по направлению органов службы занятости (5,3% опрошенных).

С помощью социологического исследования были выявлены наиболее приоритетные сферы жизнедеятельности для лиц с ограниченными возможностями: здравоохранение как сохранение и укрепление физического и психического здоровья; поддержание долголетней активной жизни; предоставление доступной и качественной медицинской помощи; труд как реализация в профессиональной сфере; улучшение материального положения; досуг в качестве удовлетворения потребности в общении; доступность учреждений культуры, занятий спортом, чтения литературы.

Ответы на вопрос: «Информированы ли Вы о нормативных документах, принятых в г. Тюмени по вопросам социальной адаптации?», показали слабую информированность респондентов о данных документах. Так, 25,4% - совершенно не информированы; 38,1% - что-то слышали о подобных документах; только 6% - хорошо информированы о нормативных документах по вопросам социальной адаптации.

На вопрос: «Известно ли Вам о возможностях получения консультационного и информационного обеспечения для инвалидов?», подавляющее количество респондентов ответили отрицательно. Также о праве на предоставление бесплатной юридической помощи (знают 10,4%, получали 11,2%); об обеспечении инвалидов государственной услугой по

организации профессиональной ориентации граждан (знают 8,6%, получали 4,7%); о трудоустройстве инвалидов, обеспечении профессиональной подготовки, переподготовки, повышении квалификации (знают 7,5%; получали 5%); об обеспечении инвалидов услугой по организации психологической поддержки безработных граждан из числа инвалидов (знают 6,3%, получали 5,5%); о формах информирования лиц с ограниченными возможностями здоровья, помогающих социализации в обществе (знают 5% респондентов, однако данной услугой никто из опрошенных не пользовался). Полученными государственными услугами большинство респондентов удовлетворено в целом на среднем уровне.

Подавляющее количество респондентов (75,8%) не используют официальные сайты исполнительных органов государственной власти в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Пользуются данными сайтами для получения какой-либо информации только 24,2% опрошенных. Из них 44,9% респондентов считают, что информация имеет средний уровень доступности; 28,6% респондентов отметили высокий уровень доступности информации; 26,5% респондентов дали низкую оценку доступности информации на официальных сайтах.

Анкетный опрос показал проблемы инвалидов, связанные с получением средств на адаптацию к внутриквартирному пространству: это «очереди»; участники опроса отметили, что «выплачивают средства не всем или не всю стоимость», обратили внимание на «бумажную волокиту» и «слишком долгое ожидание».

На вопрос о доступности социальных объектов для жизнедеятельности инвалидов были получены следующие ответы: наиболее доступны аптеки (59%), поликлиники (56%), жилые помещения (54,4%), больницы (54,1%), магазины, торговые центры, предприятия общественного питания (53,6%), здания органов социальной защиты населения (51%).

Как же относятся инвалиды к деятельности службы занятости? Обращались в службу занятости с целью поиска подходящей работы - 19% из

числа опрошенных. Служба занятости помогла найти подходящую работу - 59,8%; не помогла в поисках работы - 40,2%. В целом деятельность службы занятости большинством респондентов (47%) оценивается как достаточно эффективная.

Исследование показало, что в общественных организациях инвалидов состоит только 4,1% опрошенных, 85,7% - не состоят в общественных организациях. 10,2% не дали ответа на данный вопрос.

В реализации различных проектов, акций, мероприятий, проводимых общественными организациями, участвуют 16% опрошенных, 66,6% респондентов не принимают участия, затруднились ответить - 17,4%.

Большая часть опрошенных (48,8%) не принимает участия в спортивных, оздоровительных мероприятиях. Участвуют в спортивных мероприятиях - 26,8%; 24,4% респондентов воздержались от ответа на данный вопрос.

На вопрос: «Есть ли в вашем дворе условия для занятий инвалидов физической культурой и спортом?», ответы респондентов распределились следующим образом: есть -19,4%; есть частично -21,8%; практически нет - 22,9%; нет никаких условий -10,4%; затруднились ответить - 25,5%.

Один из блоков вопросов затрагивал также социальное самочувствие исследуемых. В результате опроса выяснилось, что большинство респондентов (67,2%) удовлетворено своим социальным положением; однако 30,9% опрошенных положение в обществе не устраивает. Большинство респондентов (65,8%) удовлетворено своими жилищными условиями, жилищные условия не устраивают 31,9% опрошенных. Большинство респондентов (62,5%) удовлетворено организацией социальной среды, доля тех, кто не удовлетворен, составляет 34,4%. Большинство респондентов (60,3%) удовлетворено возможностями трудоустройства и реализации в профессиональной деятельности, доля не удовлетворенных составляет 33,2%. Большая доля респондентов (60,5%) удовлетворена возможностью

образовательного и культурного развития, доля не удовлетворенных составила 33%.

Выявлены проблемы, с которыми респонденты постоянно сталкиваются в повседневной жизни. К ним относятся рост цен, финансовые трудности, неудовлетворенность работой органов власти относительно инвалидов, неудачная городская инфраструктура, плохая работа ЖКХ, неудобное обустройство дворов и парков, малое количество оборудованных для инвалидов мест общественного пользования, транспортные проблемы (пробки, качество дорог), психологические проблемы (депрессия, одиночество, конфликты), грубость, невоспитанность со стороны окружающих в отношении инвалидов, проблемы со здоровьем.

Исследование не ограничилось анкетным опросом. Нами был проведен экспертный опрос в форме формализованного интервью. Вопросами социальной адаптации инвалидов на территории города занимаются автономные учреждения социального обслуживания населения: «Областной центр реабилитации инвалидов», «Областной реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями», «Родник», которые оказывают комплекс медицинских, психологических, педагогических, правовых, социальных и трудовых услуг. Нами было опрошено 10 экспертов, занимающихся проблемами социальной адаптации инвалидов в городе и регионе.

На вопрос: «Какие из направлений деятельности Вашего учреждения наиболее влияют на процесс социальной адаптации инвалидов?», эксперты назвали медицинское, психологическое и правовое направления, в меньшей степени, по их мнению, влияют такие направления как бытовое, педагогическое и трудовое.

На вопрос: «Оцените эффективность направлений деятельности в Вашем учреждении?», эксперты ответили, что наиболее эффективны материальная, социальная, психологическая и моральная помощь инвалидам.

Недостаточно эффективными направлениями деятельности они назвали бытовую и физическую помощь.

Анализ ответа на вопрос: «Дайте комплексную оценку эффективности деятельности стационарных центров в отношении социальной адаптации инвалидов?», показал, что эксперты считают наиболее эффективными частные центры и стационарные учреждения социального обслуживания, менее эффективными - отделения дневного пребывания и специальные жилые дома для инвалидов.

На открытый вопрос «Напишите Ваши предложения по улучшению деятельности служб в отношении управления социальной адаптации инвалидов», большинство экспертов указали на необходимость финансирования программ, предлагаемых департаментом.

С нашей точки зрения, необходимо создать целостную систему социальной адаптации инвалидов на основе единства мер духовного, социального, экономического, финансового и технологического характера, что в большой степени зависит от органов управления.

Изменение соотношения расходов на финансирование социальной политики, можно добиться, увеличив финансирование мер «активной» политики (обучение и пр.) и акцентируя адаптационные меры.

Усиление работы по привлечению внебюджетных источников финансирования по отношению к инвалидам можно проводить на основе стимулирования малого и среднего бизнеса.

Важно также разработать механизмы повышения уровня жизни инвалидов, прежде всего, с точки зрения социально-гарантированных минимальных норм и льгот. При этом расширение льгот и услуг должно в первую очередь касаться наиболее нуждающихся, с большей степенью потери трудоспособности или функциональных нарушений организма.

В первую очередь нужно полностью осуществить комплекс мер по обеспечению доступности для инвалидов жилых и производственных помещений, транспорта, учреждений здравоохранения, образования,

культуры и других объектов социальной сферы. Данную работу надо активизировать и ввести строгий административный контроль и ответственность за несоблюдение необходимых стандартов.

Остро стоит проблема трудоустройства инвалидов. Важно обеспечить условия для независимого выхода их на рынок труда. На фоне сокращения численности трудоспособного населения инвалиды могут восприниматься как невостребованный трудовой ресурс. Многие инвалиды готовы и хотят продолжать трудовую деятельность. И важно создать такие условия, чтобы они имели возможность участвовать в общественном производстве. Сюда относится создание специализированных рабочих мест для инвалидов, вопросы квотирования, профессиональная подготовка. Необходимо также продолжить и лучше организовать работу по специальной подготовке (переподготовке) специалистов по профессиональной адаптации инвалидов.

В системе социальной адаптации необходимо обеспечить постоянное развитие адаптационного потенциала инвалида. Наше социологическое исследование показало, что сами инвалиды проявляют в этом вопросе еще недостаточную активность, хотя и имеют огромный потенциал.

Процесс управления социальной адаптацией инвалидов должен носить комплексный и массовый характер, одновременно обеспечивая также и индивидуальный подход.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная работа с инвалидами. СПб: Питер, 2014.
2. Артюхов А.В. Молодежь на Крайнем Севере: проблемы социализации и жизненного самоопределения. Екатеринбург: Институт экономики, 2011; Скок Н.И. Жизнеобеспечение людей с ограниченными возможностями в современной России. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2013.
3. Артюхов А.В. Молодежь на Крайнем Севере: проблемы социализации и жизненного самоопределения. Екатеринбург: Институт экономики, 2011.

Большакова, Н.Л., Кильсенбаев, Э.Р.

К вопросу о социальных проблемах инвалидов

Bolshakova, N., Kilsenbaev, E

On the question of the social problems of the disabled

В России инвалиды по-прежнему остаются одной из наиболее социально уязвимых и слабозащищенных групп населения. Ввиду своего уязвимого положения инвалиды сталкиваются с очень многими и серьезными социальными проблемами. Инвалиды сталкиваются с такими проблемами как: трудности в получении профессии и попытке найти работу, существующие в обществе социальные и архитектурные барьеры, специальное лекарственное обеспечение инвалидов, получение образования, проблема трудовой реабилитации.

In Russia, people with disabilities remain one of the most vulnerable and poorly protected groups. Because of their vulnerable situation of persons with disabilities are faced with so many and serious social problems. Persons with disabilities are faced with problems such as difficulties in obtaining a profession and trying to find jobs that exist in the community social and architectural barriers, special drug supply facilities, education, the problem of labor rehabilitation.

Ключевые слова: инвалид, лицо с ограниченными возможностями, социальное положение инвалидов, социальные проблемы инвалидов.

Keywords: disabled, a person with disabilities, the social situation of people with disabilities, social problems of the disabled.

В России инвалиды по-прежнему остаются одной из наиболее социально уязвимых и слабозащищенных групп населения. В целом по стране в 2015 году насчитывалось 12924 тыс. инвалидов [3]. Согласно Федеральному закону «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», инвалидом признается лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты [7]. Также в научной и учебной литературе часто встречается другое понятие «человек с ограниченными возможностями». Так, например, в США термин «инвалид» заменили именно на это словосочетание.

Ограничение жизнедеятельности – это полная или частичная потеря лицом способности или возможности к самообслуживанию, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью. К таковым относятся глухие, слепые, немые, а также полностью или частично парализованные. Кроме этого, инвалидами считаются люди, внешне не отличающиеся от обычных здоровых людей, но имеющие патологии, из-за которых они не способны работать в различных областях человеческой деятельности и практики. К примеру, человек, может иметь какое-либо заболевание сердечно-сосудистой системы, что не позволяет ему заниматься тяжелым физическим трудом, зато он вполне может заниматься интеллектуальной деятельностью.

Ввиду своего уязвимого положения в современном российском обществе, инвалиды сталкиваются с очень многими и серьезными социальными проблемами [6]. Инвалиды сталкиваются с такими проблемами как:

– трудности в получении профессии и попытке найти работу, что ухудшает моральное состояние инвалидов и не позволяет им самостоятельно содержать себя;

– существующие в обществе социальные и архитектурные барьеры, которые вызывают сложности в передвижении, так как наши жилые дома, учреждения не оснащены техническими средствами, обеспечивающими передвижение инвалидов (специальные перила вдоль стен, сиденья, лифты, пандусы и т.д.);

– специальное лекарственное обеспечение инвалидов, поскольку потребности социально-незащищенных лиц в лекарствах определяются неспециалистами, управление товарными запасами установлено плохо, выписка рецептов на лекарства не имеет определенной системы, финансирование из федерального бюджета малоубедительно и недостаточно;

– получение различного рода образования и трудоустройство социально-уязвимых и незащищенных лиц, т.е. инвалидов, зачастую они сами являются инициаторами предпринятых действий, а не государственные органы;

– проблема трудовой реабилитации инвалидов связана с нежеланием работодателей использовать труд лиц с ограниченными возможностями. Рассматривая труд физического здорового человека и труд инвалида, то производительность труда будет менее эффективна, конечно, у инвалида. В связи с этим работодатель не желает брать на работу инвалидов, из-за уменьшения экономического расчета.

Социальные ограничения, вызванные физическими патологиями, носят всесторонний и комплексный характер, и очень тяжело восполняются. Во-первых, нужно сказать о физическом ограничении или изоляции инвалида - это связано либо с анатомо-физиологическими, либо сенсорными, либо умственно-психическими патологиями, которые создают дополнительные затруднения ему самостоятельно передвигаться и, или ориентироваться в пространстве, жизненной среде. Например, чаще всего инвалиды живут в

неприспособленных, неудобных квартирах, полных всевозможных помех, не подозревая о том, что реабилитационная индустрия шагнула далеко вперед. С другой стороны, факторы внешней среды могут усугубить либо, наоборот, восполнить воздействие этих индивидуальных недостатков. С этой стороны принято говорить не только о безбарьерной среде для инвалида, но также о дружественной или недружественной среде (современная городская или промышленная чаще всего недружественна к инвалиду). Эта проблема влечет за собой другие проблемы, усугубляющие положение инвалида, и требует принятия специальных мер.

Во-вторых, это трудовое ограничение инвалида. Из-за своей патологии инвалид имеет крайне небольшой доступ к рабочим местам или не имеет его вовсе. Сегодня приходится констатировать тот факт, что более 80% инвалидов в России не имеют работы, не смотря на то, что государство выделяет огромные средства из бюджета на трудоустройство инвалидов. Так в 2012 году было выделено около 2,5 млрд. рублей на реализацию данной цели [2]. Но как видно этих средств далеко не достаточно. В целом ряде случаев инвалид абсолютно неспособен к труду, даже самому легкому. Однако в некоторых ситуациях инвалидам предоставляются, или оказываются доступны, рабочие места, которые требуют низкой квалификации, содержащий, стереотипный труд и низкую заработную плату. При этом лица с ограниченными возможностями хотели бы работать и зарабатывать самостоятельно, но не могут реализовать свое право на труд.

Такая ситуация вызвана не только, или не столько, из-за физических и интеллектуальных расстройств, сколько неориентированным на инвалидов рынка труда, который должен учитывать ограниченные возможности данной категории населения. На одном из заседаний правительства Д. Медведев обратил внимание на серьезную проблему: многие инвалиды имеют желание трудиться, но они испытывают серьезные проблемы, одна из них – отсутствие адаптированных под них специальных рабочих мест. Глава правительства напомнил, что в соответствии с Указом Президента от

07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» необходимо ежегодно создавать до 14,2 тыс. специально оборудованных рабочих мест [1].

В условиях рыночной экономики адаптация рабочих мест для инвалидов считается работодателями невыгодной и нежелательной. Однако отмечается, что в России грань между личностью инвалида и эффективным трудом может быть обусловлено и недостатком мотивации к труду с его стороны.

Ситуация осложняется и тем, что работодателям невыгодно принимать на работу инвалидов, которым требуются специализированные рабочие места и льготные условия. Незрелость рынка труда предполагает для лиц с ограниченными возможностями рабочие места, которые требуют низкой квалификации, невысокую заработную плату и монотонный труд. Практически не учитываются интеллектуальные возможности, а ведь многие из них способны работать умственно: писать статьи, заниматься научно-исследовательской деятельностью, творчеством [5].

Эффективно решить проблему трудоустройства можно лишь перейдя к инновационным способам, которые основаны на законах рыночной экономики, при этом необходимо учитывать ряд особенностей. Во-первых, когда лицо с ограниченными возможностями имеет средства передвижения, сама социальная инфраструктура не удовлетворяет запросам их жизнедеятельности. Одной из главных проблем является возможность добраться до работы.

Во-вторых, не владение информацией о ситуации на рынке труда. Нехватка информации влияет и на ситуацию в сфере образования. Из-за слабой развитости системы дистанционного обучения, неприспособленности учебных заведений (отсутствие пандусов, поручней и т.д.), у инвалидов наблюдается ограниченная возможность в получении образования.

В-третьих, расстройство общения. Коммуникативная проблема связана с физическими особенностями человека, его эмоциональным состоянием,

реакцией окружающих, личные переживания (страх, стресс). Все это мешает профессиональной деятельности.

По данным российских и иностранных специалистов, трудовая деятельность доступна примерно для 2/3 всех инвалидов, однако занято трудом не более 11% из них [8]. Это обусловлено не столько отсутствием специальных рабочих мест, сколько доминирующей тенденцией на получение льгот и пособий вместо труда. К сожалению, формирование современной трудовой мотивации в нашем обществе затрудняется такой особенностью: очень часто пенсия по инвалидности является более солидным и желанным доходом, чем заработная плата работающего.

Именно из-за такого уровня социального обеспечения и безработицы инвалидов трудоспособного возраста, необходимость государственной поддержки инвалидов является очевидной. И нужно оценить по достоинству, возможности государственной поддержки из года в год расширяются и значительное количество инвалидов через систему льгот, компенсаций, субсидий, адресной социальной помощи, социальных услуг в плане учреждений социального обслуживания, которые улучшают качество и уровень жизни [4].

Важным и труднопреодолимым препятствием для инвалида является пространственно-средовой. Инфраструктура населённых пунктов не учитывает ограниченные возможности инвалидов, именно из-за этого каждый третий инвалид не имеет возможности выйти на улицу. Правительство разработало программу «Доступная среда», на финансирование которой было выделено около 25 млрд. руб. за последние два года [2]. Даже в тех случаях, когда лицо с физическими ограничениями имеет средства передвижения (протез, кресло-коляска, специально оборудованный автомобиль), сама организация жилой среды и транспорта населенного пункта не является пока дружественной к инвалиду. Не хватает оборудования и приспособлений для бытовых процессов, самообслуживания, свободного передвижения.

Проблемными на сегодняшний день остаются следующие вопросы:

- недостаточное финансирование государственных обязательств по обеспечению инвалидов транспортными средствами;
- недостаточное финансирование по обеспечению инвалидов техническими средствами реабилитации и протезно-ортопедическими изделиями;
- отсутствие в отдельных регионах и районах стационарного учреждения социального обслуживания инвалидов, неполное количество мест в уже существующих учреждениях социального обслуживания;
- ухудшение механизма получения льготных лекарственных средств;
- недостаточное развитие сети реабилитационных учреждений.

Отстает и транспортное обслуживание инвалидов. В Российской Федерации практически нет условий для использования транспорта инвалидами. Пассажирский транспорт не гарантирован специальными устройствами для проезда людей с ограниченными возможностями. Причиной всему этому является общеизвестный факт - отсутствие финансирования.

Люди с сенсорными нарушениями чувствуют нехватку специальных информационных средств, дающих информацию о состоянии окружающей среды. Лица с интеллектуально-психическими ограничениями не имеют возможности ориентироваться в пространстве, безопасно передвигаться и действовать в ней [8].

Реализация права на получение необходимой информации является актуальной проблемой в первую очередь для людей с нарушением слуха и зрения. Только с середины марта 2006 г. инвалиды по слуху получили возможность увидеть программы со скрытым субтитрованием на телевидении и то только те, кто имеет телевизоры с телетекстом для приема программ со скрытыми субтитрами.

Скорее всего, массу проблем для инвалидов приносит информационный барьер, который носит неоднозначный характер.

Инвалидам ограничен доступ в получении, как общей информации, так и имеющей прямое значение для них (сведения о своих функциональных нарушениях, мерах государственной поддержки инвалидов, социальных ресурсах их поддержки). Это обусловлено и экономическими трудностями (например, невозможность приобрести или отремонтировать телевизор или радио), и недостатком специальных носителей информации (телепередачи с сурдопереводом, книги брайлевского шрифта, кассеты для слепых и т. д.), и неразвитостью современных мировых информационных систем (например, Интернет).

Конечно, в более детальной информации могут нуждаться только те инвалиды, у которых сохранен или относительно сохранен интеллект, какой-то минимальный уровень способностей к познанию, оценке окружающей реальности и к самооценке. Дефицит информации или ее недостаточная насыщенность может стать причиной необратимого спада интеллектуальных способностей таких лиц. С другой стороны, существует информационный барьер, который отгораживает социум от инвалида. Лицам с ограниченными возможностями намного сложнее презентовать свои взгляды, свое мнение и донести до общества свои специфические нужды и интересы. Поэтому может появиться искаженное видение потребностей инвалидов, специфики их личности. На основе таких искаженных представлений рождаются стереотипы, недопонимания и фобии, что затрудняет коммуникации между инвалидом и социумом [8].

Как можно понять, инвалиды, как и любая другая группа населения, которая нуждается в социальной защите, имеет целый комплекс социальных проблем, усугубляющие и без того тяжелое положение инвалидов.

Список литературы

Алексеев Ю. Работа для инвалида // Социальная защита. – 2014. – № 4. – С. 46-48.

Гура О.Р. Положение инвалида в современной России. // Studia Sociologica. – 2013. – № 3 (9) [Электронный ресурс]. URL: <http://sociologica.sfedu.ru/pages/page4.9.html> (дата обращения 13.02.2016).

Общая численность инвалидов по группам инвалидности [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения 13.02.2016).

Садыков Р.М. Социальная политика государства в отношении пожилых людей // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России». В 2-х частях. Ч. 2. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2011. – С.102-107.

Садыков Р.М., Полежаева К.В. Технологии трудоустройства инвалидов // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Сборник статей VII Всероссийской научно-практической интернет-конференции. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2013. – С.232-235.

Садыков Р.М., Фатхутдинова А.Р. Социальное положение инвалидов в обществе // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Сборник статей VII Всероссийской научно-практической интернет-конференции. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2013. – С.235-237.

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995г. №181-ФЗ.

Холостова Е.И. Социальная работа с инвалидами: Уч. пособие. – М.: Дашков и К, 2014. – 239 с.

Здоровый образ жизни как личностно-мотивационная установка и
самосохранительное поведение

Bryzgina I.

Healthy lifestyle as a personal attitude and self-preservation behavior

В социологии ставится проблема социального здоровья как составляющего элемента целостности личности – основополагающего критерия здоровья вообще. В социологии уровень жизни определяется, с одной стороны, степенью развития самих потребностей людей, а с другой – количеством и качеством жизненных благ и услуг, используемых для их удовлетворения.

Самосохранительное поведение представляет собой форму социального поведения, которая включает сознательные действия индивида по сохранению своего здоровья в биологическом, психологическом и социальном отношениях.

В рамках социологического исследования самосохранительного поведения большое внимание уделяется и изучению тех или иных аспектов здоровья или его отсутствия, отношения человека к собственному здоровью.

In sociology, raises the problem of social health as a component of personal integrity - a fundamental criterion of health in general. In sociology, the standard of living is determined on the one hand, the degree of development needs of the people themselves, and the other - the quantity and quality of vital goods and services used to meet them.

Health behavior is a form of behavior social that includes conscious actions of the individual to preserve their health in the biological, psychological and social relations.

As part of the sociological study of health behavior of a lot of attention is paid to the study of various aspects of the health, or lack thereof, of man's relationship to their own health.

ЗДОРОВЬЕ || КАЧЕСТВО ЖИЗНИ || ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ
|| САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

HEALTH || LIFE QUALITY || EMOCIONAL HEALTH || HEALTH
BEHAVIOR

В современном российском обществе важное значение приобретает здоровье и здоровый образ жизни с позиций гуманистических идеалов демократии, построения гражданского общества, национальной безопасности и эффективности системы здравоохранения. Масштабность изучения здоровья привела к тому, что постепенно из чисто медицинского аспекта здоровье и здоровый образ жизни стали предметом научного исследования гуманитарных наук, таких как философия, экономика, социология и др.

Существенную мотивацию изучения здоровья населения под углом социологии придают условия, в которых протекает процесс жизнедеятельности современного человека (непрекращающиеся социальные эксперименты, непродуманные преобразования в медицине, и т.п.). В научной среде уже доказано, что мониторинг состояния здоровья, его качество и объективность в рамках верно выбранной методологии исследования во многом задает дальнейшее социально-историческое развитие той ли иной страны [2].

Изучение здоровья населения с точки зрения социологии включает в себя исследование индивидуального здоровья граждан, здоровье исследуемой социальной группы и общества, социальный институт здравоохранения, коммуникативные аспекты, касающиеся здоровья и здорового образа жизни, а также законодательное регулирование взаимодействий различных субъектов в правовом пространстве сферы здравоохранения.

Особенность методики исследования качества жизни заключается в оценке не только медицинских показателей, но и оценке состояния здоровья, данную самим индивидом. Иными словами, эта методика сочетает объективные и субъективные показатели. Точка зрения индивида о качестве

своего здоровья на основе самооценки и позволяет реализовать такое сочетание.

Как показало всероссийское исследование в рамках проекта Исследований качества жизни в России (июнь-июль 2012 г.), взрослое население России может выполнить примерно три четверти объема максимальной физической нагрузки, не ограниченной состоянием здоровья. Женщина очень чувствительна к уровню дохода семьи с точки зрения его влияния на физическую активность. Для мужского населения связь данных двух параметров незначительна. Чем выше уровень образования, тем выше уровень физической активности взрослого населения России. Проблемы физического здоровья примерно на 40 % могут ограничивать повседневную жизнедеятельность взрослого населения. У мужчин заметное увеличение роли физических проблем в ограничении повседневной жизнедеятельности начинается после 44 лет, у женщин раньше – после 34 лет [6].

Проблемы, связанные с эмоциональным здоровьем так же могут ограничивать активность населения. Это и показали результаты исследования. Примерно на 32 % ограничивается повседневная жизнедеятельность мужского населения и на 45 % – женского населения России. Заметна особенность, что у женщин увеличивается роль эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности. У женщин она начинается в более раннем возрасте (от 35 до 44 лет), чем у мужчин (от 45 до 54 лет). Важно отметить, что состояние психического и психологического здоровья населения нашей страны на 41 % хуже идеального состояния. У неработающих людей уровень психического здоровья падает пропорционально показателям психического здоровья работающего населения [6].

Состояние здоровья (по самооценке взрослого населения России) на момент исследования находилось около точки стабильности (57 %). Увеличение уровня дохода на одного члена семьи приводит к более высокому изменению в положительную сторону самочувствия у женщин

относительно данных по самочувствию мужчин. У женского населения реакция (положительная) сильнее к росту уровня дохода семьи, нежели у мужчин. Главными показателями качества жизни взрослого населения России, являются: средний доход на одного члена семьи – преимущественно у женщин; профессиональная занятость – её воздействие особенно сильно на мужчин.

Социологическое изучение уровня жизни, в отличие от экономического, политического и т.д. кроме количественных показателей, определяет и то, насколько счастлив человек, насколько ему хорошо жить в существующем мире, насколько комфортно он себя чувствует. Для такого рода оценки пока не существует общепринятых индикаторов даже в социологии. Однако трудно возражать против того, что здоровье человека – главный критерий его полноценной жизнедеятельности. В социологии раскрывается проблема социального здоровья как составляющего элемента целостности личности – основополагающего критерия здоровья вообще. Уровень жизни может определяться не только степенью развития самих потребностей людей, но и количеством и качеством жизненных благ и услуг, которые человек активно использует для их удовлетворения.

Самосохранительное поведение представляет форму социального поведения. Оно включает сознательные действия человека по сохранению своего здоровья в биологическом, психологическом и социальном отношениях. Эта характерная особенность самосохранения позволяет рассмотреть его в русле теории иерархии потребностей А. Маслоу, где выделенные им потребности есть не что иное, как реализация «стержневой» потребности в самосохранении, которая пронизывает все пять уровней потребностей. Все потребности индивида можно свести к одной – потребности в самосохранительном поведении, но выражающей себя по-разному на различных уровнях самосохранения: на биологическом, психологическом и социальном. Корреляция высших человеческих потребностей с самосохранительным поведением, которое означает осознанное

отношение к своему здоровью выразил А. Маслоу, когда писал, что «существование на уровне высших потребностей предполагает более высокую биологическую продуктивность, большую продолжительность жизни, снижение заболеваемости, улучшение сна, аппетита и т. д.» [3].

Интегрируя уровни потребностей А. Маслоу к трем основным уровням, можно получить следующее разделение потребностей. Биологические потребности: в пище, отдыхе, тепле, потребность в безопасности, защите, порядке и т. д., которые характеризуют самосохранения в физиологическом смысле. Психологические потребности в: дружбе, уважении, одобрении, признании, где речь идет о самосохранении своего внутреннего мира. Социальные – это потребность в самоуважении, которое подразумевает достижение определенного социального статуса, свободы действий, и потребность в самоактуализации, самовыражении, что означает сохранение своего «я» в обществе [3].

Поскольку же в социологии и демографии уже был накоплен опыт изучения репродуктивного поведения, постольку казалось естественным применить к изучению поведенческого фактора смертности те же подходы, что использовались применительно к рождаемости, и, прежде всего, выработать само понятие «самосохранительное поведение» как научный термин, с помощью которого поведение включалось в изучение смертности, что и было сделано в ходе начавшегося в нашей стране в 1980-83 гг. в Центре по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством А.И. Антонова и продолженного затем в Институте социологических исследований АН СССР (ныне Институт социологии РАН) под руководством А.И. Антонова и В.А. Борисова изучения самосохранительного поведения.

В основу изучения самосохранительного поведения была положена концепция диспозиционной регуляции социального поведения, включающей в свою структуру потребности, диспозиции, ситуации и результаты. Эта структура представлена в схеме, разработанной А.И. Антоновым [1].

В ходе проведенных в первой половине 1980-х гг. в Центре по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова исследований были получены интересные результаты, которые могли бы стать основой для дальнейшего изучения самосохранительного поведения. Так же, были выявлены статистически значимые различия в предпочитаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, противоположные, кстати, реальному соотношению мужской и женской смертности. Вопреки реальности и даже вопреки собственным представлениям о своем здоровье показатели желаемой и ожидаемой продолжительности жизни у мужчин оказались более высокими, чем у женщин. Точно также выявлена статистически значимая связь между семейным статусом респондентов и их представлениями о желаемой и ожидаемой продолжительности жизни. Семейные люди более оптимистически оценивают и свои желания, и свои ожидания относительно сроков своей жизни: соответственно 90,2 года у семейных и 88,3 года у одиноких по желаемой и 71,8 года и 62,7 года по ожидаемой продолжительности жизни [7].

В исследованиях самосохранительного поведения 2000-х годов по линии Института социологии РАН ученые пытались найти и эмпирические индикаторы мотивов длительности жизни. Очевидно, что задача эта является гораздо более сложной и, видимо, пока еще далекой от своего решения. Одним из удачных приемов, использованных в ходе упомянутых выше исследований, был следующий. Респондентам задавался вопрос: «Хотели бы Вы прожить, как можно дольше?» Ответившим на него «Да» или «Нет» предлагались соответствующие наборы подсказок - «причин», целью которых было выяснить, почему отвечающий, по его мнению, хочет или не хочет прожить, как можно дольше [5]. Интересно, что в 2013 году, каждый четвертый респондент из 1500 опрошенных людей разных регионов России ответил, что не хочет жить, как можно дольше, из-за боязни остаться одиноким и беспомощным. При этом у данной категории граждан желаемая

продолжительность жизни оказалась на 13 лет меньше, чем у тех, кто хочет жить, как можно дольше, чтобы испытать и увидеть в жизни, как можно больше, а также долго не расставаться со своими родными и близкими [4]. В целом, как и в случае с репродуктивным поведением, мотивы самосохранения можно разделить на экономические, социальные и психологические. Они, как всегда, связаны со средствами достижения индивидуальных экзистенциальных целей.

В рамках социологического исследования самосохранительного поведения большое внимание уделяется и изучению тех или иных аспектов здоровья или его отсутствия, отношения человека к собственному здоровью. В частности, большой интерес вызывают разработанные в ходе этих исследований методики, с помощью которых легко можно стратифицировать респондентов на группы в зависимости от того, что они считают главным для сохранения здоровья и продления сроков жизни – собственные усилия человека или же независящие от них обстоятельства. Оказалось, что по этому критерию все респонденты разделяются на две полярные совокупности, чье самосохранительное поведение отличается друг от друга во многих аспектах. При этом весьма интересно, что у мужчин и женщин распределение ответов на этот вопрос имеет прямо противоположный характер: среди мужчин выше доля тех, кто считает, что здоровье и продолжительность жизни зависят от условий жизни, среди женщин – от усилий самого человека. Из тех, кто считает, что здоровье и продолжительность жизни зависят от усилий самого человека, более активно и ведут себя в этом отношении. Они высказывают больший оптимизм в вопросе о сроках своей жизни, предпринимают больше усилий по улучшению показателей своего здоровья и им в меньшей мере свойственны вредные привычки. Среди женщин доля активных выше, чем среди мужчин [5].

В апреле 2015 года нами проведено авторское социологическое исследование на тему «Здоровый образ жизни как личностно-мотивационная

установка и самосохранительное поведение», в ходе которого было опрошено 118 студентов НИУ МГУ им. Н. П. Огарева (44,9 % мужчин и 55,1 % женщин) в возрасте от 18 до 30 лет (городская молодежь). В опросе принимали участие учащиеся 1-6 курсов.

Изначально мы попросили студентов оценить состояние своего здоровья. Оценили состояние своего здоровья как хорошее и удовлетворительное равное число респондентов (по 46,6 %), как плохое – только 0,8 %, а 5,9 % затруднились ответить.

Тревожным выглядит распределение ответов на вопрос о психологическом состоянии молодежи. У каждого третьего опрошенного молодого человека происходит рассеивание внимания, когда собранность моментально перетекает в апатию (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос анкеты «Как Вы оцениваете свое психологическое состояние?»

Вариант ответа	
Обычное состояние, выполняю какую-либо работу без особых усилий	6,4
Состояние собранности, повышенная готовность к работе	4,4
Наблюдается чувство усталости, рассеянности	6,9
Состояние собранности быстро сменяется апатией, внимание рассеивается	2,2

По мнению студенческой молодежи, в наибольшей степени влияют на здоровье человека следующие факторы:

- наследственность (61 %)
- вредные привычки (56,8 %);
- усилия самого человека (51,7 %);

- условия жизни (34,7 %);
- природная среда (25,4 %);
- качество медицинского обслуживания (21,2 %).

При этом схожих взглядов на степень влияния указанных факторов на здоровье человека придерживаются как мужчины, так и женщины.

Основными формами профилактики и сохранения своего здоровья у студентов являются:

- регулярные медицинские осмотры от вуза (работы) (35,6 %);
- самостоятельное лечение заболеваний (22,9 %);
- обращение в поликлинику (11,9 %) (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос анкеты «Каким образом Вы следите за состоянием своего здоровья?»

Вариант ответа	%
Регулярно прохожу медицинские осмотры от вуза (работы)	35,6
Обращаюсь к знакомым врачам	9,3
Обращаюсь в районную поликлинику	11,9
Стараюсь вылечить сам(а)	22,9
Затрудняюсь ответить	20,3

Таким образом, социологическое изучение здоровья населения включает в себя исследование индивидуального здоровья граждан, здоровье исследуемой социальной группы и общества, социальный институт здравоохранения, коммуникативные аспекты, касающиеся здоровья и здорового образа жизни, а также законодательное регулирование взаимодействий различных субъектов в правовом пространстве сферы здравоохранения. Длительный период развития социологии здоровья как отрасли научного знания свидетельствует о ее научно-практической

значимости, важности в рамках социологической парадигмы, в аспекте мониторинга процессов, происходящих в системе здравоохранения, в сфере общественного здоровья и психического благополучия, что должно в конечном итоге привести к повышению качества и продолжительности жизни.

Самосохранительное поведение представляет собой форму социального поведения, которая включает осознанные действия индивида по сохранению своего здоровья в биологическом, психологическом и социальном отношениях. Социологические исследования самосохранительного поведения позволяют углубить имеющиеся знания о смертности и ее детерминации, вскрыть ее движущие силы и мотивы, укрепить теоретическую и эмпирическую базу для разработки более обоснованных прогнозов ее динамики. Дальнейшее развитие социологических исследований самосохранительного поведения, совершенствование их методологии и методики являются неперенным условием как прогресса социологии здоровья как научного направления, так и эффективности разработки и проведения демографической политики, направленной на снижение смертности, преодоление депопуляции и ее последствий, на обеспечение устойчивого расширенного воспроизводства населения.

Список литературы:

Антонов А. И. Микросоциология семьи : методология исследования структур и процессов : учеб. пособие для вузов / А. И. Антонов. – М.: Издательский дом Nota Bene, 2008. – 360 с.

Гордеева С. С. Социальные предпосылки становления социологии здоровья в современной России / С. С. Гордеева // Вестник Пермского университета. – 2011. – № 1. – С. 107–110

Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2007. – 352 с.

Матрос Л. Г. Социальные аспекты проблемы здоровья / Л. Г. Матрос. – Новосибирск: Наука, 2014. – 159 с.

Самосохранительное поведение [Электронный ресурс]. – М., [2015]. – Режим доступа: <http://www.irbis.vogu.ru/repos/12320/HTML/119.htm>. – Загл. с экрана

Хасанова Р. Р. Самосохранительное поведение населения как фактор смертности и продолжительности жизни в трудоспособном возрасте / Р. Р. Хасанова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 4. – С. 43–45

Шушунова Т. Н. Самосохранительное поведение: методологические основания исследования / Т. Н. Шушунова // Вестник БНТУ. – 2009. – № 5. – С. 101–106

Здоровьесберегающие технологии в школе

Technology health in school

Аннотация: В данной статье рассматривается актуальная тема сохранения и укрепления здоровья школьников. Известно, что именно в школе ребёнок проводит большую часть своего времени, именно поэтому необходимо применять и развивать технологии здоровьесбережения в школе.

Abstract: This article discusses the current the theme of preserving and strengthening the health of schoolchildren. Child spends most of his time in school, so you need to use and develop technology health in school.

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии, школа, здоровье, дети, технологии.

Keywords: Technology health, school, health, child, technology.

Интенсивные изменения в системе образования, инновационные процессы в Российской школе ставят вопросы о сохранении здоровья школьников. Объективным показателем неблагополучия является то, что здоровье школьников уменьшается по сравнению с их сверстниками двадцать или тридцать лет назад. При этом наиболее значительное увеличение частоты всех классов болезней происходит в возрастные периоды, совпадающие с получением ребенком общего среднего образования.

Что же может в этом направлении реализовать школьный учитель? По данным Института возрастной физиологии РАО, школьная образовательная среда порождает факторы риска нарушений здоровья, с действием которых связано 20-40 % негативных влияний, ухудшающих здоровье детей школьного возраста [7]. Исследования ИВФ РАО позволяют проранжировать школьные факторы риска, и выделить наиболее важные разместив их по убыванию значимости и силы влияния на здоровье учащихся.

Это такие факторы, как:

Стрессовая педагогическая тактика;

Несоответствие методик и технологий обучения возрастным функциональным возможностям школьников;

Несоблюдение элементарных физиологических и гигиенических требований к организации учебного процесса;

Недостаточная грамотность родителей в вопросах сохранения здоровья детей;

Провалы в существующей системе физического воспитания;

Интенсификация учебного процесса;

Функциональная неграмотность педагога в вопросах охраны и укрепления здоровья;

Частичное разрушение служб школьного медицинского контроля;

Отсутствие системной работы по формированию ценности здоровья и здорового образа жизни [3, с. 56].

Получается, что традиционная организация образовательного процесса создает у школьников постоянные стрессовые перегрузки, которые приводят к поломке механизмов саморегуляции физиологических функций и способствуют развитию хронических болезней.

Решить эту проблему позволяет использование здоровьесберегающих технологий.

Приведем классификацию по Л.В. Дыхан:

1. *Медико-гигиенические технологии (МГТ).*

К медико-гигиеническим технологиям относятся контроль и помощь в обеспечении надлежащих гигиенических условий в соответствии с регламентациями СанПиНов. Медицинский кабинет школы организует проведение прививок учащимся, оказание консультативной и неотложной помощи обратившимся в медицинский кабинет, проводит мероприятия по санитарно-гигиеническому просвещению учащихся и педагогического коллектива, следит за динамикой здоровья учащихся, организует

профилактические мероприятия в преддверии эпидемий (гриппа) и решает ряд других задач, относящихся к компетенции медицинской службы. Участие врача или медицинской сестры необходимо при проведении психолого-педагогических консилиумов, на которых решаются вопросы, касающиеся отдельных учащихся с проблемами здоровья. Занятия по программе «Лечебная педагогика» должны проводиться под контролем и I при участии медицинских работников. Создание в школе стоматологического, физиотерапевтического и других медицинских кабинетов для оказания каждодневной помощи и школьникам, и педагогам, проведение занятий лечебной физической культуры, организация фитобаров и т.п. - тоже элементы этой технологии [5, с. 35].

2. Физкультурно-оздоровительные технологии (ФОТ).

Направлены на физическое развитие занимающихся: закаливание, тренировку силы, выносливости, быстроты, гибкости и других качеств, отличающих здорового, тренированного человека от физически немого. Реализуются на уроках физической культуры и в работе спортивных секций [5, с. 37].

3. Экологические здоровьесберегающие технологии (ЭЗТ).

Направленность этих технологий - создание природосообразных, экологически оптимальных условий жизни и деятельности людей, гармоничных взаимоотношений с природой. В школе это - и обустройство пришкольной территории, и зеленые растения в классах, рекреациях, и живой уголок, и участие в природоохранных мероприятиях [5, с. 38].

4. Технологии обеспечения безопасности жизнедеятельности (ТОБЖ).

Их реализуют специалисты по охране труда, защите в чрезвычайных ситуациях, архитекторы, строители, представители коммунальной, инженерно-технических служб, гражданской обороны, пожарной инспекции и т.д. Поскольку сохранение здоровья рассматривается при этом как частный случай главной задачи - сохранение жизни требования и рекомендации этих специалистов подлежат обязательному учету и интеграции в общую систему

здоровьесберегающих технологий. Грамотность учащихся по этим вопросам обеспечивается изучением курса ОБЖ, педагогов - курса «Безопасность жизнедеятельности», а за обеспечение безопасности условий пребывания в школе отвечает ее директор [5, с. 39].

5. Здоровьесберегающие образовательные технологии (ЗОТ)

Здоровьесберегающие образовательные технологии подразделяются на 3 три подгруппы:

организационно-педагогические технологии (ОПТ), определяющие структуру учебного процесса, частично регламентированную в СанПиНах, способствующих предотвращению состояния переутомления, гиподинамии и других дезадаптивных состояний;

психолого-педагогические технологии (ПИТ), связанные с непосредственной работой учителя на уроке, воздействием, которое он оказывает все 45 минут на своих учеников. Сюда же относится и психолого-педагогическое сопровождение всех элементов образовательного процесса;

учебно-воспитательные технологии (УВТ), которые включают программы по обучению грамотной заботе о своем здоровье и формированию культуры здоровья учащихся, мотивации их к ведению здорового образа жизни, предупреждению вредных привычек, предусматривающие также проведение организационно-воспитательной работы со школьниками после уроков, просвещение их родителей [4, с. 73].

Отдельное место занимают еще две группы технологий, традиционно реализуемые вне школы, но в последнее время все чаще включаемые во внеурочную работу школы:

социально адаптирующие и личностно-развивающие технологии (САЛРТ) включают технологии, обеспечивающие формирование и укрепление психологического здоровья учащихся, повышение ресурсов психологической адаптации личности. Сюда

относятся разнообразным социальным психологическим тренингам, программам социальной и семейной педагогики, к участию в которых целесообразно привлекать не только школьников, но и их родителей, а также педагогов;

лечебно-оздоровительные технологии (ЛОТ) составляют самостоятельные медико-педагогические области знаний: лечебную педагогику и лечебную физкультуру, воздействие которых обеспечивает восстановление физического здоровья школьников [6, с. 18].

Системный подход предполагает два важных условия решения этих проблем для достижения объединяющей их цели: сохранение и укрепление здоровья учащихся.

Список источников и литературы

Антропова, М.В. Работоспособность учащихся в процессе учебной и трудовой деятельности. - М.: Просвещение, 2001. – 114 с.

Антропова, М.В. Изучение общей умственной работоспособности школьников в возрастном аспекте. //В кн.: Методы исследования функций организма в онтогенезе. - М.: Просвещение, 2013. – 146 с.

Байдалов, Н.Р., Копосова, Т.С., Гендитная, Л.В., Кононюк, Н.Н. Методы оценки физического развития в комплексной оценке состояния здоровья школьников.- Ленинград, 2007. – 198 с.

Глушкова, Е.К. Динамика работоспособности и функционального состояния организма учащихся среднего возраста при обучении в современной школе.- М.: Просвещение, 2005. – 87 с.

Дыхан Л.Б. Теория и практика здоровьесберегающей деятельности в школе. – Ростов-на-Дону, 2009. – 201 с.

Зубкова В.М. Изменение функционального состояния организма учащихся в течение учебного дня и учебной недели. /В. М. Зубкова/ Гигиеническая оценка обучения учащихся в современной школе. - 2002. – С. 15-21.

Институт возрастной физиологии РАО. [Электронный ресурс] URL:
<http://ivfrao.ru/>

Вандышева, Л.В. || Алексеева А.А.

Особенности организации групп взаимопомощи опекунских семей.

Vandyшева, L. || Alekseeva A.A.

Features of the organization of mutual aid groups for foster families.

В статье изложена сущность групп взаимопомощи и выделены основные этапы их организации; представлена характеристика каждого этапа и конкретизированы результаты, которые достигаются.

In the article the essence of self-help groups and the basic stages of their organization; the characteristics of each phase and the specific results achieved.

Научный интерес к группам, различным по своему составу, наметился в трудах исследователей XIX века (В.Вундт, М. Лацарус, Г. Штейнтальд и др.). В настоящее время разработаны различные классификации групп, позволяющие судить об их разнообразии и распространении в различных сферах общества. В социальной работе внимание зарубежных и отечественных исследователей (Г. Беккер, Ф.Р. Сильверман, С.В. Тетерский, Е.И. Холостова, С.В. Целуйко, Н.П. Щукина и др.) сосредоточено на группах само- и взаимопомощи.

Группа взаимопомощи – это небольшая, привязанная к определенному месту группа, члены которой имеют общие проблемы (потребности), которые они сообща решают, удовлетворяют, помогая друг другу, – указывает Е.И. Холостова [5].

Термин «взаимопомощь», по мнению З.М. Саралиевой, отражает процессы взаимного обмена и взаимного участия, то есть помощь является обоюдной, а не односторонней. В группах самопомощи взаимодействуют члены, деятельность которых направлена на оказание помощи самим себе [3].

Итак, группы самопомощи – коллектив, в котором отсутствует иерархическая структура; в этом коллективе выделена роль специалиста, координирующего деятельность его членов.

В работах А.Ф. Ануфриева, Е.И. Холостовой, Н.П. Щукиной выделены основные типы взаимопомощи: первый тип – это группы по интересам, функционирующие на базе социальных служб и во взаимодействии с ними (группы анонимных наркоманов, алкоголиков, созависимых людей, людей пожилого возраста, опекунские семьи и др.). Второй тип – это группы, освоившие статус общественных организаций (общества инвалидов, многодетных семей, ветеранов и т.п.).

Группы взаимопомощи являются технологией социальной работы с разными типами семей. Так, в России эти группы стали создаваться в конце 90-х гг. Они были призваны формировать поддерживающую среду для опекунов и попечителей. При этом именно последние выступали в качестве инициаторов их создания. Например, одним из первых был создан клуб на базе региональной общественной благотворительной организации «Педагогический поиск» (г. Москва) в рамках проекта «Психолого-педагогическая помощь семье с приемным (опекаемым) ребенком» [4].

Теоретический анализ социономической литературы свидетельствует о том, что в настоящее время инициатива по формированию поддерживающей среды для опекунов и попечителей по созданию групп реализуется во всех регионах России [2]. Этому во многом способствует законодательная база, представленная федеральными законами («Об опеке и попечительстве» № 48-ФЗ в части оказания медико-социальной и психологической – помощи опекунским семьям и «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» № 442-ФЗ), согласно которым, семья выступает в качестве получателя социально-бытовых, социально-педагогических и социально-психологических услуг.

Анализ работ Э.Ш. Гарифулиной, А.С. Герасимовой, Е.А. Орловой, позволяет выделить в качестве субъекта групп взаимопомощи родителей, для

которых свойственны: амбициозность, потребности в самовыражении, обсуждении, высокая критичность к другим, наличие опасений и страхов, зажатость, негибкость, стереотипы мышления и т.д. [7]. Наряду с этой характеристикой родителей отмечаются трудности (установление контакта с ребенком и недостаток ресурсов для влияния на его поведение) [6], которые свидетельствуют о недостаточной родительской компетентности. Кроме этого выделены трудности, спровоцированные деструктивным мотивом принятия ребенка (вынужденная опека), а также трудности в установлении контакта, объясняемые пожилым возрастом опекунов (родственную опеку часто оформляют бабушка или дедушка ребенка).

Таким образом, следует признать важность организации психологического сопровождения членов групп взаимопомощи, обеспечивающей терапевтический эффект.

Анализ практики социальной работы с опекунами семьями (Э.Ш. Гарифулина, А.С. Герасимова, О.Ю. Островская и др.) показывает, что в работе групп взаимопомощи используется модель Д. Колби, значение которой в свое время было отмечено Дж. Лейки. Он отмечал, что обучение в рамках модели вдохновляет обучающихся; успех обучения и работа в группе возрастает, когда участники делятся своими результатами с другими и т.д. Далее мы конкретизируем суть модели «Обучения через опыт» [8].

Обучение представляется, во-первых, через опыт, как циклическая деятельность. При этом процесс обучения может начаться с любой стадии. Он протекает до тех пор, пока не сформируется требуемый навык. Освоение одного навыка становится сигналом для перехода к освоению следующего навыка и т.д.

В этом обучении, во-вторых, используются активные методы обучения (тренинги; креативные игры; решение проблемных педагогических задач; игровое моделирование; рисуночные упражнения; дискуссии и т.п.), применение которых способствует повышению педагогической эрудиции и «позволяет стимулировать родителей к самопознанию и самопроявлению,

так как побуждает стремление сопоставить противоположные и взаимные позиции, разглядеть проблему с разных сторон и более вдумчиво подойти к пониманию законов детского развития» [1].

Среди задач специалиста социальной работы, который организует группы взаимопомощи, выделим: изучение потребностей клиентов, выявление приоритетных проблем и осуществление целевого планирования групповых занятий, организация и проведение запланированных встреч, координация деятельности групп взаимопомощи, осуществление контроля за деятельностью групп и др.

Теоретический анализ научной литературы позволил нам определить основные этапы организации групп взаимопомощи опекунских семей и охарактеризовать их.

Таблица 1

Характеристика основных этапов
организации групп взаимопомощи опекунских семей

Название этапа	Цель
Подготовительный	мотивирование опекунских семей на получение услуги и разработка индивидуальных планов работы в группе взаимопомощи.
Основной	создание атмосферы принятия и обмена опытом воспитания опекаемых детей, оказание помощи в преодолении коммуникативной изоляции семей.
Завершающий	анализ полученных результатов и принятие решения о дальнейшей работе с опекунской семьей.

Алгоритм работы специалиста социальной работы на подготовительном этапе можно свести к реализации следующих

мероприятий: в первую очередь, информирование об услуге. Оно происходит при взаимодействии с местными и региональными СМИ. Важно обеспечить размещение информации в доступных для целевой группы местах (органы опеки и попечительства, социальные центры помощи семье и детям, общественные организации и т.п.). Работа также может сводиться к участию в разработке тематических буклетов. Специалист социальной работы на данном этапе выясняет количество опекунских семей, нуждающихся в помощи, и осуществляет адресное информирование об услуге.

Кроме этого специалист социальной работы собирает дополнительную информацию о семье, уточняя ряд вопросов (Как давно семья создана? Сколько детей под опекой? Какова ситуация в семье? Какие риски или трудности видят специалисты органов опеки и попечительства для данной семьи? Почему они рекомендуют семью к участию в группе взаимопомощи?). Полученная информация заносится в индивидуальный план работы с семьями и в личное дело семьи. Специалист социальной работы проводит ознакомительную беседу с каждой семьей и информирует о целях группы взаимопомощи, о возможностях, которые получит семья, порядке и графике посещения. Затем специалист социальной работы уточняет мотивы участия семьи, выясняет досуговые интересы семьи, ее потребности, увлечения и т.п. Результаты опроса могут быть оформлены в форме анкеты.

Алгоритм работы на этом этапе завершается разработкой плана групповой работы, в котором указаны основные мероприятия группы взаимопомощи. План работы с опекунской семьей оформляется по утвержденной в социальной службе форме.

Результатами подготовительного этапа являются: информированность семьей опекунов и попечителей об услуге и порядке ее предоставления; наличие предварительного списка участников группы взаимопомощи опекунских семей; информированность специалиста социальной работы о семьях; разработанные индивидуальные планы работы.

На основном этапе алгоритм работы специалиста по социальной работе сводится к организации ряда тематических мероприятий. Специалист создает ситуацию успешной деятельности для опекунов, предоставляя возможность каждому проявить себя с наилучшей стороны. К работе с группой приглашается психолог и другие специалисты (медицинский работник, педагог, юрист, специалист органов опеки и др.), которые проводят занятия с опекунами по повышению родительской компетентности. На этом этапе проводится обучение по методу Д. Колби. Обмен опытом между взрослыми позволяет им увидеть собственные проблемы в воспитании детей, а также возможности их преодоления. На этом этапе к работе в группе могут приглашаться опытные родители-опекуны.

Результаты основного этапа: семьи опекунов знают правила группы и согласны их выполнять, члены в группе чувствуют себя комфортно, в группе сформирована позитивная и доверительная среда для общения и обмена опытом. Кроме этого результатом выступает расширение репертуара родительских приемов воспитания, знания потребностей опекаемых детей; расширены социальные связи и возможности семей. Семьи опекунов имеют возможность свободного неформального общения друг с другом; трудности семей опекунов и попечителей преодолены или определены пути их разрешения. Семьи знают о том, как получить помощь специалистов при возникновении проблем, способны решать вопросы самостоятельно, а также чувствуют себя уверенно в вопросах воспитания детей, ощущают психологическую поддержку и помощь в решении текущих ситуаций по воспитанию и развитию детей.

На завершающем этапе специалист проводит анкетирование по итогам участия в группе взаимопомощи и итоговую групповую беседу с получателями услуги. Участники обсуждают достигнутые результаты, уровень удовлетворенности услугой, возникающие в ходе работы трудности и дальнейшие перспективы. Итоги работы специалист фиксирует в индивидуальных программах работы с семьями. Они могут быть доведены до

специалистов органов опеки и попечительства. Специалист проводит мониторинг результатов выполнения индивидуальных планов работы с семьями и оценивает способности семей обеспечивать условия для полноценного развития опекаемого ребенка.

Результатами завершающего этапа являются: оценка стабильности позитивных изменений в семьях опекунов и попечителей, их способности самостоятельно решать проблемы в воспитании ребенка; опекуны и попечители осознают изменения, произошедшие за время посещения группы взаимопомощи; сформирована способность опекунской семьи эффективно решать семейные проблемы и организовывать семейный досуг; согласованы решения о завершении или дальнейшем участии семей в работе группы.

Резюмируя, отметим, что организация групп взаимопомощи опекунских семей в социальных службах требует от специалиста социальной работы определенных профессиональных компетенций, которые позволяют реализовать принцип адресности социальной работы, обеспечить системность и межведомственное взаимодействие.

Литература

1. Мой садик дома: развитие семейных детских садов / Арнаутова Е.П., Белая К.Ю. Городская программа «Московская семья – компетентные родители» // 2008. №1. С.14-15.
2. Николаева Е.И., Япарова О.Г. Главные предпосылки к формированию успешной и неуспешной принимающей семьи // Приемная семья. Информационно-методический журнал. 2014. С. 9-10.
3. Саралиева З.Х. Система социальной работы: Монография. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. 315с.
4. Стандарт Услуги «Формирование поддерживающей среды для опекунов и попечителей (клуб опекунских семей)» Кн. 23 / под ред. М.О. Егоровой. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, СПб, 2013. 120 с.

5. Теория социальной работы / под ред. Е.И. Холостовой – М.: Юристъ, 2001. 334 с.

6. Трубилина Н.Н. Из опыта работы по сопровождению детей и подростков, воспитывающихся в замещающих семьях в рамках программы «Ты не один» и «Школа хорошего настроения» / Приемная семья. Информационно-методический журнал. 2014. С 18-19.

7. Школа принимающих родителей. – М.: ООО «Издательство «Проспект», 2010. 206 с.

8. Kolb, David A. 1984. *Experiential Learning: Experience as the Source of Learning and Development*. Prentice-Hall, Inc., Englewood, Cliffs, N.G. С. 27-29.

Аннотация: в данной статье затрагивается проблема здорового образа жизни человека, анализируется международный и российский рынок фитнес-услуг, рассматриваются типы сетевых фитнес-клубов в России и их доля в общем объеме рынка, выявляются основные проблемы тормозящие развитие российского рынка фитнес-услуг и предлагаются экспертные прогнозы относительно дальнейшего развития рынка.

Summary: this paper addresses the issue of a healthy way of life, analyzes the international and Russian market of fitness services are considered types of network of fitness clubs in Russia and their share in the total market, identifies the main problems hindering the development of the Russian market of fitness services and offers expert predictions about further development of the market.

Ключевые слова: ЗДОРОВЬЕ, РЫНОК ФИТНЕС-УСЛУГ, МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЫНОК ФИТНЕС-УСЛУГ, РОССИЙСКИЙ РЫНОК ФИТНЕС-УСЛУГ.

Key words: HEALTH. MARKET OF FITNESS SERVICES. INTERNATIONAL MARKET OF FITNESS SERVICES, RUSSIAN MARKET OF FITNESS SERVICES

Рынок фитнес-услуг – один из самых стабильных и динамично развивающихся рынков в мире. В настоящее время количество фитнес-клубов на мировом рынке специалисты оценивают в 153 000 объектов, которые посещают 131,7 млн чел. Лидирующие позиции занимает рынок фитнес-услуг стран американского континента. Уровень развития европейского рынка фитнес-услуг сопоставим с американским, несмотря на

его более позднее становление. Количество фитнес-клубов в странах Европы составляет порядка 32800 клубов [2]. Что касается российского рынка фитнес-услуг, он отстает от западного на 20–30 лет, находясь на данном этапе все еще в стадии становления и развития. Объем российского фитнес-рынка составляет около 2% от общемирового, иначе говоря, объем рынка фитнес-услуг России насчитывает примерно \$ 3,2 млрд [2]. Однако российский рынок фитнес-услуг имеет достаточно высокий потенциал роста и, несмотря на то, что в среднем всего 3% населения страны занимаются фитнесом, в то время как, в США этот показатель составляет 14%, а в Великобритании – 6%, обороты российской фитнес-индустрии растут на 20–30% в год [5]. Здесь же рассмотрим уровень проникновения фитнеса в крупнейшие столицы, так самый большой процент проникновения фитнеса принадлежит Берлину (60%), на втором месте находится Барселона (35%), далее – Лондон (20%) и, наконец, Москва (10%), см рисунок 1.

По динамике роста количества фитнес-центров Россия опережает ведущие фитнес-державы мира. На сегодняшний день в Москве действует более 900 заведений, оказывающих фитнес-услуги, 30% из которых приходятся на долю сетевых брендов. А в целом по России действует уже порядка 3960 фитнес-клубов, что где-то на 2 тыс. больше, чем в 2010 году, см. рисунок 2.

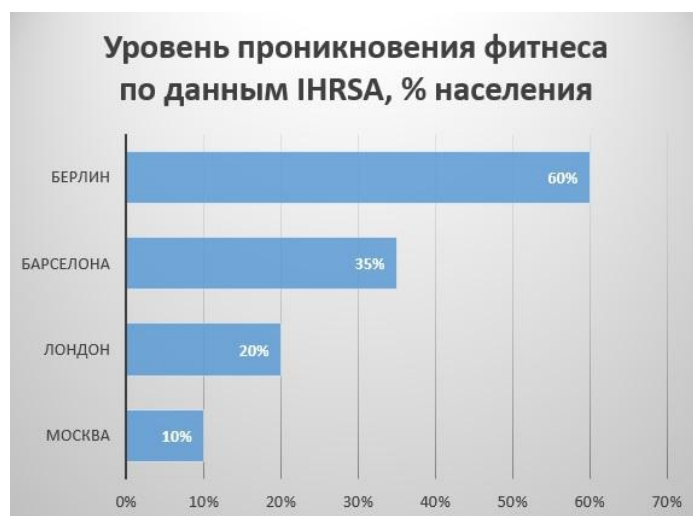

Рисунок 1 – Уровень проникновения фитнеса по данным IHRSA, % населения [4]

КОЛИЧЕСТВО ФИТНЕС-КЛУБОВ В РОССИИ, ЕД.
Источник: NeoAnalytics

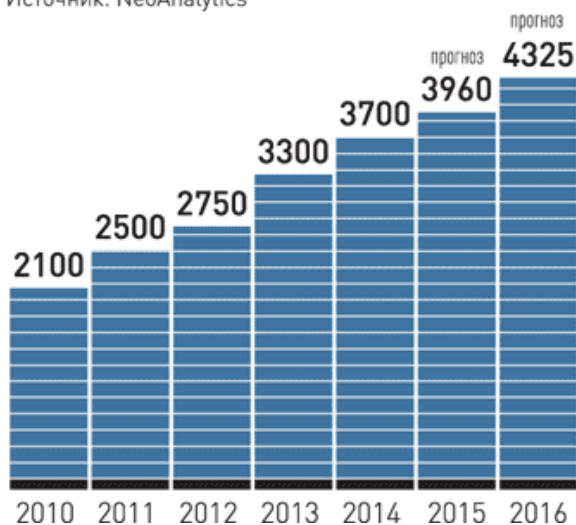

Рисунок 2 – Количество фитнес-клубов в России, ед. [4]

Обратим внимание на то, что спрос на фитнес-клубы премиум-класса в России практически полностью обеспечен. В этом заключается основная особенность становления российского рынка фитнес-услуг [6].

Российский рынок стал развиваться с сегмента премиум-класса согласно английской модели, направленной на обслуживание высокодоходных категорий граждан, в то время как, например, в США развитие индустрии фитнеса началось с клубов среднего класса. Это связано с тем, что доступность фитнес-услуг для широких слоев населения в США и в ряде европейских государств обеспечивается благодаря активной позиции государства. Формы государственной поддержки могут быть различны, начиная от стимулирования занятий фитнесом через систему обязательного медицинского страхования и бесплатного курортного обслуживания до законодательно закреплённой системы обучения и сертификации специалистов фитнес-клубов [2].

Таким образом, российский подход к развитию фитнес-индустрии был изначально отличен от американского, потому заполнение среднеценового сегмента в России происходит во вторую очередь.

Негативные тенденции резкого ухудшения состояния здоровья населения России в связи с ограничением двигательной активности, нерациональным питанием, вредными привычками, стрессами, загрязнением окружающей среды ставят перед необходимостью искать способы для их предотвращения. В связи с этим фитнес-индустрия занимается активным внедрением в образ жизни россиян различных средств и форм двигательной активности, повсеместно открываются новые фитнес-клубы, строятся спортивные учреждения.

К факторам роста российского рынка фитнес-услуг также следует отнести популяризацию физических занятий и расширение функциональной направленности фитнес-клубов, которые перестали быть только центрами спорта и все чаще выполняют функции клубов по интересам, досугового общения, активного развития, в том числе детей [2].

Согласно результатам, полученным в ходе проведения исследования холдингом «Ромир», было выявлено, что в России 81% жителей стремятся быть здоровыми. С фитнес-услугами у россиян, прежде всего, ассоциируются массаж – 54% опрошенных и фитнес – 37% [5].

Статистика показывает, что в России примерно 60% из общего числа занимающихся составляют женщины и лишь 40% мужчины. Кардиотренировки были признаны одним из самых популярных видов групповых занятий, а персональные тренировки наиболее востребованным видом услуг в клубе.

Российский рынок фитнес-услуг развивается в следующих ценовых сегментах: премиум; средний; доступный.

В настоящее время российский рынок фитнес-услуг преимущественно представлен фитнес-центрами премиум-класса, а особенно это касается московского рынка. Добавим, что московский рынок практически полностью заполнен, а в противоположность этому рынок фитнес-услуг в регионах практически не развит. Чаще всего в регионах встречаются фитнес-центры, которые работают по системе франчайзинга [6]. Стоит отметить, что

стоимость посещения фитнес-клубов в России значительно выше, чем в Европе. Это объясняется тем, что основной доход в России доход складывается за счет стоимости абонемента, в то время как в Европе он зависит от оборота посетителей.

Таблица 1 – Сегментирование цен на занятия и насыщенность сегментов [3]

Ценовой сегмент	Стоимость занятий в год, долл.	Насыщенность рынка, %
Премиум-сегмент (VIP)	1500-4000	28
Средний сегмент	800-1500	12
Доступный сегмент (нижний)	Менее 800	60

На российском рынке могут быть представлены как сетевые центры, так и одиночные несетевые. Как правило, фитнес-клубы располагаются в следующих объектах: торговых центрах, бизнес-центрах, отелях, спортивных комплексах, отдельно стоящих зданиях. Существует тенденция к развитию частных, несетевых клубов. Их доля на рынке составляет 65% от общего числа фитнес-клубов [5].

Около трети российского рынка фитнес-услуг представлено сетевыми клубами. Крупнейшими в данной области в настоящее время являются: «RussianFitnessGroup» (сети «WorldClass» и «Физкульт»), «Планета Фитнес» (сеть «Планета Фитнес»), «Страта Партнерс» (сети «OrangeFitness» и «CityFitness»). Добавим, что тенденция становления в России международных сетей не получила развития, и сейчас доля зарубежных компаний в сегменте фитнес-клубов составляет 2% [Табл. 2].

К основным барьерам для входа в фитнес-индустрию можно отнести:

– нехватка помещений, в которых можно было бы разместить фитнес-клуб;

- возможность заключения долгосрочных договоров аренды на выбранные под фитнес-клуб помещения;
- высокие арендные ставки на недвижимость;
- увеличение стартовых затрат за счет повышения расходов на создание и внедрение эксклюзивных предложений и технологических инноваций;
- подбор управленческого персонала со знанием рынка.

На сегодняшний день крупнейшими игроками на российском рынке фитнес-услуг являются «WorldClass» (55 клубов), «AlexFitness» (37 клубов) и «Планета Фитнес» (25 клубов). Укомплектованность столичного рынка заставляет крупных игроков осваивать новые регионы, а конкуренция в больших городах – применять различные инструменты маркетинга с целью удержания своих позиций.

Таблица 2 – Основные типы сетевых фитнес-клубов в России и их доля в общем объеме рынка [3]

Тип сети	Описание сети	Представители	Доля в общем объеме российского фитнес-рынка
Международная	Компания, работающая на рынках нескольких стран, при этом оборот сети формируется рядом стран	«WorldClass», «WorldGym», «Reebok», «Adidas», «Extreme Fitness Athletics», «Golds Gym», «24 House Fitness», «Fitness First» и др.	2%
Федеральная	Компания, осуществляющая	«Планета Фитнес»,	

(общероссийская)	деятельность в ряде федеральных округов России, при этом оборот сети формируется за счет нескольких федеральных округов	«AlexFitness», «Сити Фитнес», «Фитнес Мания», «RussianFitnessGroup», «OrangeFitness» и др.	81%
Региональная (локальная, местная)	Компании, работающие на рынке одного или нескольких регионов (городов) или в пределах одного федерального округа	В зависимости от региона	17%

Основные проблемы, тормозящие развитие российского рынка фитнес-услуг, следующие. Для производителей – это высокие пороги вхождения в рынок, связанные с отсутствием дифференцированных арендных ставок на социально значимые объекты, высокими кредитными ставками, залоговым кредитованием. Для клиентов основной проблемой являются высокие цены [2].

Относительно дальнейшего развития рынка эксперты делают следующие прогнозы:

1. В виду усиления конкуренции на рынке будет наблюдаться сегментация и специализация. Увеличится количество студий, развивающих отдельные направления, появятся так называемые «клубы по интересам» (бойцовские клубы, клубы по восточным практикам и др.).

2. Акцент на развитие клубов среднего сегмента и доступного сегмента, что связано в первую очередь с тем, что сначала на рынок вышли клубы премиум-сегмента. Фитнес перестанет быть роскошью.

3. Активное развитие региональных рынков фитнес-услуг и динамичное развитие рынка в целом. Маркетинговое агентство «Бизнес Порт» говорит о том, что рост этого рынка будет держаться на уровне не ниже 25%.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Ериков, В. М. Характеристика фитнес-индустрии в России и основных направлений современного фитнеса [Текст] / В. М. Ериков, А. К. Пунякин, П. В. Левин // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2013. – № 3 (3). – С. 208–215.

Ефремова, М. В. Анализ российского рынка фитнес-услуг [Текст] / М. В. Ефремова, О. В. Чкалова, Т. К. Бошман // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 21 (420). – С. 25–35.

Малышев, А. А. Анализ рынка фитнес-услуг и тенденции его развития в России и Пензенской области [Текст] / А. А. Малышев, Ю. Н. Инюшева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 179–188.

Нормы ГТО для фитнес-клуба: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.beboss.ru/journal/franchise/articles/2503> – дата обращения 28.11.2015

Обзор российского рынка фитнес-услуг: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.marketcenter.ru/content/document_r_3CA0BFB4-5745-468B-85D8-5AF8A960CAE6.html – дата обращения 28.11.2015

Фрагмент исследования «Маркетинговое исследование и анализ рынка фитнес услуг»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4p.ru/main/research/55427/> – дата обращения 28.11.2015

Творческие технологии в социальной работе с детьми, имеющими
ограниченные возможности здоровья

Grishkina O.

Creative technologies in social work for children with special needs

В статье анализируется роль творчества в жизни ребенка с ограниченными возможностями, а также влияние различных творческих технологий на его развитие. Рассматриваются особенности работы и взаимодействия специалиста по социальной работе, применяющего различные творческие технологии, и ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

The author analyzes the role of creativity in the life of a child with special needs and the impact of various creative technologies on his development. The article describes the features of the interaction between social worker that applying various creative technologies and a child with special needs.

ИГРОТЕРАПИЯ || ИЗОТЕРАПИЯ || СКАЗКОТЕРАПИЯ ||
МУЛЬТТЕРАПИЯ || СОЦИАЛИЗАЦИЯ|| РЕБЕНОК С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ || ТВОРЧЕСТВО

PLAY THERAPY || PAINT THERAPY || FAIRYTALE THERAPY ||
SOCIALIZATION || CHILD WITH SPECIAL NEEDS || CREATIVITY

Творчество занимает важное место в жизни ребенка с ограниченными возможностями, так как, обладая мобилизирующим свойством, предоставляет возможность выразить чувства и эмоции в приемлемой обществу форме. В зависимости от целей, социальный работник выбирает ту или иную творческую технологию, которая развивает как личностные качества ребенка, так и различные навыки и умения. Помимо этого, творческие технологии могут использоваться социальным работником не только как реабилитационные или социализирующие, но и так диагностирующие, например, сказкотерапия.

Если говорить о взаимодействии ребенка с ограниченными возможностями и социального работника, то последний должен учитывать ряд трудностей, с которыми он может столкнуться в работе с такими детьми. Во-первых, это коммуникативные – сложности в общении, страх общества здоровых людей; во-вторых, личностные трудности – неадекватная самооценка, чувство неполноценности, страхи; в-третьих - физическое состояние – слабая общая подготовка, неловкость, и др. Поэтому одна из основных целей социальной работы с детьми с ограниченными возможностями – это помощь в интеллектуальном, физическом, психологическом и эмоциональном развитии ребенка, раскрытие его внутреннего потенциала. Помимо этого социальный работник способствует достижению взаимопонимания между родителями и ребенком с ограниченными возможностями, а также приобретению умений, способствующих более эффективной социализации ребенка.

Социализация детей с ограниченными возможностями здоровья - процесс, имеющий целью усвоение ребенком опыта, накопленного и передаваемого при обязательном взаимодействии с взрослым или сверстником. Становление качеств, значимых для социализации, у детей с ограниченными возможностями здоровья происходит по тем же закономерностям и в последовательности, что и у сверстников без ограничений. Если общее психическое недоразвитие и имеет прямое отрицательное влияние на показатели степени социализации, то формирование компонентов, составляющих личностные качества, необходимые для социализации, зависит от педагогических условий.[1]

Процесс социализации осуществляется в трех формах: в деятельности, когда у ребенка развиваются задатки и способности; в общении, развиваются коммуникативные навыки; в сознании – развивается самооценка, понимание себя. [2] Соответственно, факторы, способствующие социализации детей с ограниченными возможностями, можно разделить на три группы: 1) разнообразные виды деятельности, такие как игра, спорт, занятия видами

искусства, творчества и пр.; 2) различные виды деятельности социальных работников – диагностика, планирование, проектирование, организация самообразования и самовоспитания, контроль, своевременная коррекция отклонений поведения; 3) если занятие проходит в групповой форме, то коллектив детей с ограниченными возможностями, так как будучи воспитывающей средой, она развивает личность, формирует интересы, вкусы.

Основным мотивом творческой деятельности является стремление человека реализовать себя, проявить свои способности, то есть творчество развивает личность, что особенно актуально для детей с ограниченными возможностями. Творческая самореализация должна быть в адекватной для детей с ограниченными возможностями здоровья форме.

Так, творческие технологии в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья можно использовать по направлениям:

Повышение самооценки. Дети с ограниченными возможностями могут иметь ряд комплексов, следствием чего является постоянная неуверенность в себе. Раздражительность приводит к утрате социальных связей и начинает доминировать чувство тоски и ощущение безысходности.

Работа с особой категорией детей с ограниченными возможностями здоровья, которые не могут выходить из дома.

Работа с семьей. Значительная часть семей, в которых живут дети с ограниченными возможностями здоровья, оказываются в тяжелом положении и реабилитация должна проводиться не только на уровне отдельного ребенка, но и семьи.

Также для родителей важно решить вопрос досуга, то есть восстановить физические и эмоциональные силы, а ребенку с пользой провести свободное время. В данном контексте применение творческих технологий также актуально.

Работа с детьми с нарушениями умственного развития. В методике работы с детьми с нарушением умственного развития основной упор делается на

цветовое содержание работ, введение образов, соответствующих мироощущению ребенка.

Ослабление психологической составляющей болезни.

Профессиональная направленность в работе с детьми с ограниченными возможностями. Необходимо создать условия для выявления способностей детей для возможности реализации их планов.[3]

Следует учитывать особенности и возможности каждого ребенка и подбирать метод работы индивидуально. Например, в работе с детьми с нарушением зрения используются словесные методы, предоставляющие информацию об окружающем мире. Использование изотерапии требует применения специальных коррекционных упражнений по развитию восприятия, осязания и моторики. В работе с детьми, имеющими нарушение слуха, можно использовать как наглядные методы, так и словесные, выстраивая свою работу с опорой на остаточный слух. Применение музыкотерапии с детьми, имеющими задержку психического развития, требует использования предварительных приемов, подготавливающих детей к процессу, в связи с замедленностью темпа восприятия. Важную роль в работе с детьми, имеющими нарушение речи, задержку в развитии играют ритмичные упражнения, развивающие двигательный самоконтроль и внимательность.

Рисунок, в процессе работы над которым ребенок накапливает знания о себе, расширяет словарный запас, общается и развивает воображение, дает ощущение новых возможностей, создает внутреннюю мотивацию, возникающую, когда ребенок начинает проявлять интерес к тому, что у него получается. В данной ситуации социальный работник может помочь ребенку с поиском внутренних резервов, развитием и закреплением успеха, после которых следует самомотивация, выявление индивидуальных особенностей личности, поиск новых резервов. При использовании изотерапии ребенок развивает самостоятельность, умение общаться с другими детьми, развивает новые навыки, получает возможность выразить свое эмоциональное состояние.

Для подготовки ребенка к различным жизненным ситуациям, социальный работник может применить технику сказкотерапии, к приемам работы со сказкой относят рассказывание, переписывание, постановку, сочинение анализ, который помогает ребенку понять, что стоит за сказочной ситуацией, и поведением героев. Рассказывание сказки от первого лица помогает развить умение ставить себя на место другого человека, что может помочь ребенку при общении с другими людьми, развивает речь. Сочинение предполагает, что ребенок в процессе «придумывания» использует свою ситуацию, что также поможет снять эмоциональное напряжение.[4]

Одной из задач в работе с детьми с ограниченными возможностями является развитие практического интеллекта и навыков самостоятельности, для развития которых социальный работник может использовать игротерапию. Игры можно разделить на несколько видов: 1) направленные на коррекцию и развитие ощущения и восприятие; 2) направленные на коррекцию и развитие мимики, моторики рук, общей координации движений; 3) направленные на развитие эмоционально-волевой сферы; 4) направленные на развитие произвольного внимания и памяти; 5) направленные на развитие коммуникативных навыков.

Такой метод как мульттерапия, может быть использован в работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья, и владеющие компьютерными технологиями, с целью их развития и социализации. Данный метод позволяет не только отвлечься от лечения, переживаний, но обладает диагностирующим потенциалом. Мульттерапия схожа со сказкотерапией тем, что развивает способность к эмпатии. При использовании данного метода как группового, мульттерапия развивает коммуникативные навыки, ребенок учится работать в группе, осваиваются технологии принятия решений.

Социальный работник посредством творческих технологий создает условия для невербального выражения чувств родителей и ребенка, помогая им общаться друг с другом, родителям лучше понять потребности своего

ребенка. Совместные творческие занятия способны принести новые формы взаимодействия между родителем и ребенком с ограниченными возможностями.

Как было отмечено выше, творческие технологии обладают диагностическим потенциалом. Еще одной задачей социального работника является коррекция неэффективной родительской позиции, к факторам которой во взаимоотношениях родителей с детьми относят: 1) низкую сплоченность и разногласия членов семьи; 2) выраженную опеку и ограничение ребенка в каких-либо сферах.

Важно также подчеркнуть различие между социальным работником и социальным педагогом, оба из которых применяют данные технологии в своей работе. Основными потребителями услуг педагогов и социальных педагогов являются дети и подростки, тогда как социальный работник обучен взаимодействовать с более широким кругом клиентов, например, пенсионеры, люди без определенного места жительства и т.п. И если в работе с детьми социальные педагоги применяют в большей степени творческие технологии, то для социального работника они не являются основными, так и в отношении других групп (например, люди с наркотической зависимостью). Однако педагогические методы в социальной работе приобрели особое значение, так как важно не только оказать какую-либо услугу, но и научить клиента, развить в нем такие навыки, которые позволят ему более успешно осуществлять свою жизнедеятельность в обществе.

Творческие технологии в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья помогают развить новые навыки и умения у ребенка, выразить эмоциональное состояние, в том числе снять внутреннее напряжение, «зарядить» положительными эмоциями, повысить самооценку и развить коммуникативные навыки, самостоятельность, преодолеть личностные трудности, связанные с болезнью, а также достичь изменений в его эмоциональном и личностном развитии, помогая ребенку

социализироваться. Улучшаются взаимоотношения между ребенком и родителем, у ребенка появляются новые друзья.

Рациональное сочетание различных направлений творческой деятельности способствует социализации детей с ограниченными возможностями здоровья, стимулирует стремление к самосовершенствованию, развивает личностные, волевые качества, коммуникативные навыки, что положительно сказывается на образовательной деятельности детей.

Однако проследить улучшения удастся не сразу, так как эффект от занятий проявляется достаточно долго. Поэтому, важно, чтобы родители принимали активное участие в развитии своего ребенка, а не перекладывали ответственность только на специалистов.

Список источников и литературы

Евтушенко Е.А.. Современные подходы к образованию и социализации детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов/Е.А.Евтушенко, И.В. Евтушенко//Материалы IV Международной научно-практической конференции. -М., 2014. С.136.

Куликова Т.О. Особенности социализации, реабилитации и адаптации детей инвалидов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/12/5358> (дата обращения: 11.02.2016).

Галкин Н. Н. Введение в арт-реабилитологию : курс лекций, бесед, практических занятий / Н. Н. Галкин - Краснодар, 2005. - 342 с.

Веричева О.Н. Социальная терапия как художественно-творческая технология социальной работы с инвалидами./О.Н.Веричева//Грани познания.- 2011.-№3.- С.1-3.

М. Н. Гуськова
студент магистратуры, Тюменский государственный университет ФЭИ,
Тюмень, РФ

**ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ В
СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЮРГИНСКОГО
РАЙОНА, ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Ключевые слова: инвалид, ограничение жизнедеятельности, дети-инвалиды, адаптация, факторы адаптации.

Аннотация: численность детей-инвалидов неуклонно увеличивается, при этом детям с отклонениями трудно адаптироваться в постоянно меняющемся современном обществе. Поэтому возникает необходимость к формированию мер, направленных на интеграцию детей-инвалидов в социум.

M. N. Guskova
master of arts, Tyumen state university FEI, Tyumen, RF

**THE PROBLEM OF ADAPTATION OF CHILDREN-DISABLED IN
CONTEMPORARY SOCIETY (BY THE EXAMPLE OF YURGA
DISTRICT, TYUMEN REGION)**

Keywords: disabled, limitation of life, children-disabled, adaptation, factors adaptation.

Annotation: the number of children-disabled has been steadily increasing, with children with disabilities is difficult to adapt to the ever-changing modern society. Therefore, it is necessary to the formation of measures aimed at integrating children-disabled into society.

Инвалидность является одной из острых проблем не только одного человека или группы лиц, но и всего общества в целом, особую тревогу вызывает рост детской инвалидности. Согласно оценкам, приведенным ЮНИСЕФ, в мире насчитывается приблизительно 93 млн. детей (5%), не достигших возраста 15-ти лет, с умеренной и тяжелой формами инвалидности.

В период взросления дети-инвалиды сталкиваются с рядом проблем, во-первых, многочисленные социальные барьеры, не позволяющие детям активно включиться в жизнь общества. Это предрассудки, дискриминация, отсутствие необходимого медицинского и реабилитационного обслуживания, непригодность зданий, нехватка информации и многое другое. Во-вторых, это проблема социализации, образования, гражданского воспитания, становления личности, а также самоопределения в личном, профессиональном, семейном плане. Игнорирование их проблем - показатель безразличного отношения как социума в целом, так и несостоятельности социальной политики государственной власти.

Анализ проблемы инвалидности в социальной науке представлен значительным диапазоном теоретических концепций Г. Спенсера, Р. Мертона, Т. Парсонса, Дж. Г. Мида, Е. Р. Ярской-Смирновой и другими учеными.

Большое значение для понимания инвалидности имеет теория «наклеивания ярлыков». Данный подход наиболее отчетливо сформулировала доктор социологических наук Е. Р. Ярская-Смирнова, где инвалидность – это «состояние человеческого организма может быть по-разному воспринято самим человеком и окружающими, иметь разные последствия для участников взаимодействия в зависимости от их пола и возраста, культурных традиций и социальных условий. Инвалидность понимается не только как физиологическая патология организма, дефект внешнего вида или повеления человека, но и как социальное определение, «ярлык». Этот ярлык инвалидности социальная система приклеивает

человеку, поскольку в ней данное состояние принято считать отклонением от нормы. Изменив социальное окружение, перейдя в другую социальную группу, человек может снять с себя этот ярлык или сменить на другой» [4, с. 38].

Инвалидность в детском возрасте можно определить, как «состояние стойкой социальной дезадаптации, обусловленное хроническими заболеваниями или патологическими состояниями, резко ограничивающими возможность включения ребенка в адекватные возрасту воспитательные и педагогические процессы, в связи с чем возникает необходимость в постоянном дополнительном уходе за ним, помощи или надзоре [1, с 40].

Таким образом, дети-инвалиды это особая социальная группа и субкультура, специфическая социальная общность, требующая повышенного внимания, подхода к воспитанию. Главными составляющими в работе с особыми детьми являются индивидуально-личностный и дифференцированный подход к каждому ребенку, а также комплексность, непрерывность, систематичность и преемственность в адаптационной работе. Среди факторов адаптации детей-инвалидов особо следует выделить фактор семьи. Дети с ограниченными возможностями испытывают повышенную необходимость в опоре на взрослых. Дальнейшая судьба таких детей в значительной степени зависит от позиции семьи.

Успешность адаптационных мероприятий, практик, осуществляемых семьей в отношении ребенка, зависит от ее социокультурного потенциала, оптимальной реализации множества функций. Среди функций семьи следует рассматривать не только экономическую, ведения хозяйства и заботу о здоровье, но и рекреационную (например, хобби и другие мероприятия, как семейные, так индивидуальные), социализирующие (например, развитие социокультурных навыков и межличностных взаимосвязей), самоидентификацию (например, признание сильных качеств и слабостей формирования чувство принадлежности), аффективную (например, развитие

интимности и способности к воспитанию), образовательно-профессиональную [3, 47].

Огромное значение в адаптации ребенка-инвалида также играет, такой фактор как образование. Психолог Л. С. Выготский неоднократно отмечал необходимость создания такой системы обучения, в которой удалось бы органически увязать специальное обучение с обучением детей с нормальным развитием [2, с. 26]. Получение детьми-инвалидами образования является одним из основных и неотъемлемых условий их успешной социализации, обеспечения их полноценного участия в жизни общества, эффективной самореализации в различных видах профессиональной и социальной деятельности.

В этой связи сошлемся на результаты опроса 68 семей с детьми-инвалидами и 10 специалистов в сфере социального обслуживания населения, проведенного нами в середине 2015 года в Юргинском районе. С целью выявления проблем адаптации детей-инвалидов нами были заданы ряд вопросов, касающихся процесса их адаптации.

По данным опроса, большинство семей с детьми-инвалидами приобщены к окружающей социальной среде. Это проявляется, прежде всего, в активном участии в общественной жизни, а также в тесном взаимодействии с обществом. Большинство опрошенных семей с ребенком-инвалидом отметили, что включены во все социальные процессы, то есть образовательную и воспитательную среду, благодаря которым дети-инвалиды усваивают и воспроизводят определенную систему знаний, норм, ценностей и чувствуют себя полноправными членами общества. При этом ряд специалистов отметили, что в районе созданы условия для реализации детьми-инвалидами конституционного права на дошкольное образование, основное общее образование и среднее общее образование. Дети-инвалиды дошкольного возраста воспитываются в дошкольных учреждениях в форме полного дня и групп кратковременного пребывания. Кроме того, дети-инвалиды посещают специальные кружки и логопедические занятия.

Образование детей-инвалидов осуществляется в специальной (коррекционной) школе и общеобразовательных школах в коррекционных классах, в интегративных классах и на дому. Ежегодно на базе общеобразовательных учреждений, а также центра проводятся районные, зональные, областные соревнования, фестивали творчества, праздники. Том числе реализуется ряд программ: «Доступная образовательная среда», «Мы вместе».

Исследование также показало, что не каждый член общества терпимо относится к детям-инвалидам, так как большинство испытывают чувство жалости (57%) и любопытство (51%). Сочетание этих эмоций вызывает состояние пассивности по отношению к инвалидам и ограничивает желание помочь. И лишь 19% испытывают чувство безопасности, при общении с детьми-инвалидами, то есть люди готовы поддержать, контактировать и помочь в трудных ситуациях детям с инвалидностью. С точки зрения специалистов, отношение к детям-инвалидам со стороны социума разное, но в последнее время меняется в лучшую сторону. В обществе стало уделяться больше внимания и детям-инвалидам, и семьям, в которых они воспитываются.

В целом семьи, воспитывающие ребенка-инвалида активно принимают участие в их адаптации. При этом государственная политика направлена на поддержку и на приобщение большинства семей их детей с инвалидностью к обществу, предоставляя помощь и участие в социальных программах. Также эксперты отметили, что нормативная база хорошая, однако в большей степени просто декларируется, нежели реализуется на практике. Государственная помощь должна быть не только в виде льгот, пенсий, но самое главное создание условий для интеграции.

Как видно из результатов нашего опроса, основная проблема при адаптации детей-инвалидов – это их восприятие окружающими и готовность социального окружения к конструктивному общению. Можно предположить,

что для успешной адаптации детей-инвалидов в Юргинском районе сегодня необходимо:

Во-первых, создание специализированных детских площадок для приобщения детей – инвалидов и к спорту, играм т.е. возможности их общения, и как следствие реабилитации и социальной адаптации в обществе. Данные площадки будут включать в себя различные элементы подвижных игр, поэтому необходимо оборудовать их волейбольной сеткой, баскетбольным кольцом. Также на данных площадках необходимо появления тренажеров: **твистер, разведение ног, степпер, брусья двухуровневые, маятниковый тренажер, рули, жим от груди, жим вниз, эллиптический тренажер.**

Во-вторых, реализовать на практике идею инклюзивного образования, для беспрепятственного доступа инвалидов к образовательной и воспитательной среде. Посредством проведения «Уроков взаимопомощи» в школах. Смысл этих уроков в том, что раз месяц в классах где есть дети-инвалиды будет разбираться одна сложная тема по предмету. Но особенность в том, что эту тему друг другу будут объяснять сами дети. Независимо от того передвигается ли ребенок на коляске или ему тяжело стоять - участие принимает в любом случае.

В-третьих, организация и проведение культурно - развлекательных мероприятий для детей- инвалидов и их родителей. На данном этапе, можно проводить экскурсии в краеведческие музеи, церковь, а также организовывать поездки на различные фестивали, концерты, детские театры и цирки. Осуществлять походы детей - инвалидов в приюты для домашних животных или зоопарки. Так как животные приносят массу удовольствия и радости. С животными ребенок всесторонне развивается по средствам игры, дрессировки. Постоянные игры, баловство, беготня с питомцем — это именно то, что наилучшим образом разовьет в ребенке физически сильную и развитую личность.

В-четвертых, важно организовать родительские клубы, группы взаимопомощи для детей и родителей, в которых родители и дети могли бы вместе учиться преодолевать трудности и наращивать позитивный жизненный опыт. Это можно осуществлять с помощью лекций, дискуссий, психологических игр, игровых тренингов.

В-пятых, создать эффективную систему информирования родителей об имеющихся социальных услугах, программах в государственных и общественных организациях. Необходимо с помощью средств массовой информации доводить до сведения общественности о проблемах детей-инвалидов, включать здоровых сверстников и родителей в проблемы поддержки детей с особыми жизненными потребностями. А, также назначить специалиста по социальной работе, чтобы он непосредственно проводил дискуссию в общеобразовательных учреждениях о существующей проблеме.

В-шестых, обеспечить финансовую поддержку программных мероприятий, в том числе с помощью грантов и региональной целевой программы.

В целом же, сегодня нужны новые подходы к формированию общественного и личного здоровья, новые меры, направленные на интеграцию детей-инвалидов в социум.

Библиографический список

Ганеева Н. Н. Роль семьи в воспитание детей инвалидов / Н. Н. Ганеева, Г. Ю. Самигуллина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2010. – № 3. – С. 40-41.

Голиков, Н. А. Ребенок-инвалид: обучение, оздоровление, развитие / Н. А. Голиков; Тюм. гос. ун-т, Тюмен. науч. центр УрО РАО. - Тюмень: Вектор Бук, 2006. - 216 с.

Туленкова, Н. В. Значение социально-психологического статуса семьи в решении проблем социализации ребенка с ограниченными возможностями

здоровья / Н. В. Туленкова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 305 (декабрь). – С. 47-49.

Ярская-Смирнова, Е. Р. Социальное конструирование инвалидности / Е. Р. Ярская-Смирнова // Социологические исследования. – 1999. – №4. – С. 38-45.

УДК

ББК

Дорохова, Т.С. Мельник, Ю.Б.

Здоровьесбережение как направление социально-педагогической
деятельности в школе

Dorohova, T.S. Melnik, U.B.

Health care as the direction of socio-pedagogical work at school

Аннотация: в статье анализируются различные подходы к реализации здоровьесбережения в школе. Подчеркивается, что для успешной социализации школьников необходимо так реализовывать социально-педагогическую деятельность, чтобы сохранять и развивать здоровье. При этом здоровье понимается как системная категория, включающая физический, психический, социальный и духовный компоненты в их взаимосвязи. Описываемая деятельность может быть успешной лишь при условии сотрудничества всех субъектов образовательного процесса, в частности учащихся, их родителей и педагогов.

Abstract: the article analyzes different approaches to the implementation of health protection in the school. It is emphasized that for successful socialization of pupils it is necessary to implement socio-educational activities to preserve and develop health. In this case, health is understood as a system category that includes physical, mental, social and spiritual components in their relationship. The described activities can be successful only with the cooperation of all subjects of the educational process, in particular pupils, their parents and teachers.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЗДОРОВЬЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ, ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ, СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ, ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ, ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

KEY WORDS: HEALTH, PHYSICAL HEALTH, MENTAL HEALTH, SOCIAL HEALTH, SPIRITUAL HEALTH, HEALTH CARE, SOCIO-PEDAGOGICAL ACTIVITY.

Здоровье является одной из базовых ценностей в современном цивилизованном обществе. Не случайно, в славянской традиции вместе со счастьем желают здоровья. Более того, традиционное славянское приветствие, по сути, и является пожеланием здоровья. При этом здоровье здесь понимается в широком смысле, как состояние полного физического, психического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. И действительно, ученые доказали, что многие физические заболевания вызваны психосоматическими факторами. Физически здоровые люди, могут потерять смысл жизни и даже оказаться на грани суицида. В свою очередь люди с ограниченными возможностями здоровья могут успешно самореализовываться, чувствовать себя счастливыми (не случайно сегодня в разных странах активно внедряется инклюзия).

Подчеркнем еще раз, здоровье, на наш взгляд, должно рассматриваться как системная категория, т.е. включать физическую, психическую, духовную и социальную составляющие, тесно взаимосвязанные между собой. Охарактеризуем подробнее системные компоненты здоровья.

Физическое здоровье – это естественное состояние организма, обусловленное нормальным функционированием всех его органов и систем. Критерии физического здоровья обычно делят на объективные (рост, длина тела, масса тела, пульс, показатели биологических жидкостей и тканей, уровень обмена веществ до и после нагрузки и т.д.) и субъективные (самочувствие, ночной сон, аппетит, наличие болезненных ощущений).

Психическое здоровье характеризуется уровнем и качеством мышления, развитием внимания и памяти, степенью эмоциональной устойчивости, развитием волевых качеств. Критерии психического здоровья многообразны. Это, в частности, соответствующие возрасту человека зрелость чувств, гармония между отражением обстоятельств действительности и отношением человека к ней, способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций,

адекватность восприятия реальности, интерес к самому себе, самоуправление, самоконтроль и т. д.

Социальное здоровье определяется теми моральными принципами, которые являются основой социальной жизни человека, т.е. детерминированы определенными социокультурными нормами. Отличительными признаками нравственного здоровья являются, прежде всего, сознательное отношение к труду, овладение сокровищами культуры, активное неприятие нравов и привычек, противоречащих общепринятым нормам. Физически и психически здоровый человек может быть «нравственно неполноценным», если он пренебрегает нормами морали. Поэтому социальное здоровье считается высшей мерой человеческого здоровья [3, с.252].

Духовное здоровье является чрезвычайно близким к социальному, так как также базируется на моральных нормах и ценностях. Но если социальное здоровье проявляется в поведенческих аспектах, то духовное – на уровне мысли, чувств, отношений человека к окружающему миру. По сути, быть духовно здоровым – значит уметь управлять своими мыслями и эмоциями; доброжелательно относиться к людям и видеть в них, прежде всего, достоинства, т. е. осознавать истинную сущность «золотого правила морали» – «относиться к другим так, как хотел бы, чтобы относились к тебе».

Значимость здоровья для успешной позитивной социализации человека определяет необходимость организации заботы о сохранении и укреплении здоровья со стороны общества и государства. Это в свою очередь актуализирует реализацию в образовательных учреждениях социально-педагогической деятельности, направленной на здоровьесбережение. Причем данная деятельность должна реализовываться уже с раннего возраста [1]. Оговоримся, что под социально-педагогической деятельностью мы будем понимать разновидность профессиональной деятельности, направленную на оказание помощи людям в процессе их социализации, т. е. освоения ими

социальных норм и ценностей и позитивной самореализации на основе усвоенного [5, с. 181].

Актуальность проблемы здоровьесбережения подтверждается и вниманием к ней международных и российских нормативно-правовых документов, таких как законы «Об образовании в Российской Федерации», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», а также указы Президента России «О неотложных мерах по обеспечению здоровья населения Российской Федерации», «Об утверждении основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации».

Следует отметить, что в понимании сущности здоровьесбережения в педагогической науке на сегодняшний день нет единства. Так, Д.В. Викторов отмечает, что в понятии «здоровьесбережение» учеными выделяются различные аспекты:

- самоактуализация и самоосуществление (Н.М. Амосов);
- физическое саморазвитие и самовоспитание (В.С. Быков, П.И. Костенок);
- индивидуальность (В.И. Ильинич, С.Б. Лозанский);
- здоровье и здравостроение (В.А. Вишневецкий);
- автономия личности (Г.П. Назарова);
- субъективные культурные потребности в освоении здорового стиля жизни (В.К. Бальсевич, Ю.М. Николаев) [6, с.119].

Даже поверхностный анализ представленных взглядов показывает, что, не смотря на некоторые разночтения, большинство авторов рассматривают здоровье в широком смысле, как системную категорию и полагают, что сохранить здоровье, заботясь только о физическом благополучии не возможно.

Вышесказанное позволяет сформулировать одну из основных задач социально-педагогической деятельности в школе как создание в учреждении здоровьесберегающей среды, представляющей собой гибкую, эмоционально-

комфортную, развивающую систему с благоприятным режимом жизнедеятельности всех участников образовательного процесса. Здоровьесберегающая среда основана на принципах сохранения и развития индивидуального здоровья и стимулирования позитивных процессов физического, интеллектуального, психического, духовного, эстетического развития личности.

Особенностями здоровьесберегающей среды образовательного учреждения называют:

- позитивную основу, направленность на процессы и ресурсы, организационные и содержательные возможности педагогической системы, которые способствуют не только сохранению, но и формированию, приращению потенциала физического, социокультурного, духовно-нравственного здоровья воспитанников;

- инновационно-творческую основу формирования и реализации всех усилий, направленных на повышение эффективности здоровьесбережения, с максимально возможным использованием индивидуального подхода к каждому воспитаннику в отдельности и коллективу в целом.

Результатом рассматриваемого направления социально-педагогической деятельности должно стать формирование у всех участников образовательного процесса культуры здоровья. Культура здоровья включает совокупность знаний философского, педагогического, психологического, медицинского направлений, обогащает физическую, психическую, духовную, социальную жизнь индивида, способствует формированию личностного отношения к здоровью и жизнедеятельности, осмыслению человеком парадигм бытия [4, с.7].

Представленная позиция по поводу понимания здоровья и здоровьесбережения, также подчеркивает значимость в данной деятельности такой характеристики, как системность. Причем данная характеристика относится не только к пониманию здоровья или культуры здоровья, но и с социально-педагогической деятельностью по здоровьесбережению в школе.

Достичь данного результата возможно, если в основу социально-педагогической деятельности будут положены следующие принципы:

- принцип не нанесения вреда, предполагающий использование только научно обоснованных, проверенных на практике форм и методов здоровьесберегающей деятельности;

- принцип единства представления о здоровье, подчеркивающий необходимость одинаковых представлений о здоровье и здоровьесберегающей деятельности педагогов, учащихся и родителей;

- принцип непрерывности и преемственности, означающий необходимость осуществления социально-педагогической деятельности по здоровьесбережению последовательно, поэтапно и системно;

- принцип субъект-субъектного взаимодействия, акцентирующий внимание на необходимости включения учащихся и их родителей в процесс социально-педагогической деятельности как активных субъектов, на равных условиях с педагогами;

- приоритет активных методов обучения и воспитания, предполагающий включение всех субъектов здоровьесбережения в активную деятельность;

- принцип формирования ответственности за свое здоровье, подчеркивающий необходимость осознания всеми субъектами здоровьесбережения значимости данной деятельности, понимания ими сущности производимых действий;

- принцип соответствия содержания и организации социально-педагогической деятельности по здоровьесбережению возрастным особенностям учащихся.

Указанные принципы определяют содержательные и методические основания социально-педагогической деятельности по здоровьесбережению в школе.

1. Взаимодействие социальных институтов, задействованных в формировании культуры здоровья населения на государственном, региональном, местном уровнях.

Создание здоровьесберегающей среды в образовательном учреждении невозможно без его взаимодействия с другими учреждениями (здравоохранения, досуга, социальной защиты и т.п.). При этом рассматриваемая деятельность должна реализовываться с учетом региональных программ (проектов), опираясь на соответствующие нормативно-правовые документы, как региональные, так и федеральные.

2. Учет потребностей школьников, работа со всеми субъектами образовательного процесса, активный характер деятельности, создание благоприятного микроклимата в коллективе.

Для создания здоровьесберегающей среды необходимо проведение тщательной диагностики, нацеленной на выявление ценностей и потребностей всех участников образовательного процесса, в особенности школьников. На основании результатов проведенных диагностических исследований подбираются формы и методы социально-педагогической деятельности. Не смотря на различия подбираемых форм и методов, обусловленных индивидуально-личностными особенностями учащихся, их родителей и педагогов, общим является активный характер реализуемой деятельности.

3. Опора на такие факторы формирования культуры здоровья учащихся в условиях школы, как взаимовлияние и взаимодействие культуры здоровья педагогов, учащихся и их родителей.

Еще в древности было доказано, что одним из наиболее действенных методов социально-педагогической деятельности является пример. Если педагоги и родителя не относятся к здоровью как к одной из наиболее значимых ценностей, то вряд ли они смогут сформировать культуру здоровья у учащихся.

4. Использование проверенных социально-педагогических технологий, включающих такие этапы, как диагностика, целеполагание, планирование, реализация, результат, рефлексия.

В современной педагогике в контексте здоровьесбережения используется огромное количество различных социально-педагогических технологий. Наиболее результативными из них являются:

- профилактические технологии, нацеленные на предотвращение появления у детей тех или иных проблем в социализации;
- адаптационные технологии, нацеленные на облегчение социализации ребенка в новых или изменяющихся условиях;
- коррекционные технологии, нацеленные на преодоление уже возникших у ребенка трудностей в социализации.

Сам по себе технологический подход к реализации социально-педагогической деятельности предполагает четко организованную этапность. На диагностическом этапе изучаются условия, в которых происходит социализация ребенка и его личность; выявляются проблемы в физическом, психическом, социальном или духовном здоровье или факторы, способные негативно повлиять на здоровье ребенка. А, следовательно, и его социализацию. На основе полученных на диагностическом этапе данных формулируется цель социально-педагогической деятельности и разрабатывается ее план (на основе поставленной цели, с учетом имеющихся ресурсов). На деятельностном этапе реализуются мероприятия, предусмотренные планом, а по их окончании подводятся итоги посредством рефлексии. Причем даже отрицательный результат принимается во внимание, так как, выявив причины, по которым технология не привела к намеченному результату, можно изменить цель, разработать новый план и реализовать его в рамках другой (или той же самой) социально-педагогической технологии.

Подводя итог вышесказанному, можно еще раз подчеркнуть, что здоровье является важнейшим интегральным показателем, отражающим биологические характеристики ребенка, социально-экономическое состояние страны, непременным условием успешности воспитания и образования детей. Жизнь в семье, качество окружающей среды, степень развития медицинской помощи, служб охраны материнства и детства, в конечном счете – отношение государства к проблемам материнства и детства отражаются на здоровье детей.

Хорошее здоровье – один из главных источников счастья, радости человека, неоценимое его богатство, которое медленно и с трудом накапливается, но которое можно быстро и легко растерять. Проблемы укрепления здоровья и долголетия

Поэтому необходим поиск новых методов и подходов к оздоровлению, базирующихся на многофакторном анализе внешних воздействий, мониторинге состояния здоровья каждого ребенка, учете и использовании особенностей его организма, индивидуализации профилактических мероприятий. Это возможно при условии создания в дошкольном образовательном учреждении здоровьесберегающей среды.

Список использованной литературы

Верхотурова Ю.А. К вопросу о саморазвитии детей раннего возраста // Воспитание и обучение: теория, методика и практика : материалы III Мнждународ. науч.-практич. конференции. Чебоксары, 2015. С.125-127.

Донгаузер Е.В., Степанова И.А. Гуманистическая направленность профессиональной подготовки современных педагогов // Педагогическое образование в России. 2011. №4. С.148-152.

Дорохова Т.С., Дорохов Д.С. К вопросу о создании здоровьесберегающей среды в образовательном учреждении // Социализация

растущего человека в контексте прогрессивных научных идей XXI века: социальное развитие детей дошкольного возраста : Сб. науч. тр. I-ой всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под. общ. ред. Т.И. Никифоровой., Т.И. Гризлик., Л.А. Григорович. Чебоксары : ЦНС Интерактив плюс, 2015. С.251-254.

Мельник Ю.Б. Соціально-педагогічні засади формування культури здоров'я в учнів початкової школи : автореф. дис. канд. ... пед. наук. Луганск, 2010. 20 с.

Штинорва Г.Н. Социальная педагогика :учеб. Для студ. Вузов / Г.Н. Штинова, М.А. Галагузова, Ю.Н. Галагузова ; под общ. Ред. М.А. Галагузовой. М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008. 447 с.

Щур С.Н., Астрейко Е.С. Формирование у студентов вуза готовности к здоровьесбережению // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. 2009. № 2 (23). С.118-122.

Здоровье в глобальной повестке ООН:

достижения России в создании современных вакцин

Health in the global agenda of the United Nations: Russia's achievements in the creation of modern vaccines

Аннотаци

Глобальная программа Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) [1] нацелена на борьбу с инфекционными болезнями и иммунизацию людей от мировых эпидемий. Россия занимает передовые позиции в разработке вакцин против опасных инфекций планеты

Summary

WHO Global Programme (World Health Organization, WHO) [1] aims to combat infectious diseases and immunization of individuals from the world of epidemics. Russia is at the forefront in the development of vaccines against dangerous infections planet

Ключевые слова

Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ), мировые эпидемии, иммунизация, вакцина

Key Words

World Health Organization (WHO), global epidemic, immunization, vaccine

Введение

Мировые эпидемии - одна из главных причин смерти людей на земле, в XXI веке ежегодно от них умирают 15 млн человек [2]. На счету ученых-эпидемиологов немало побед: отечественные врачи помогли миру полностью справиться с оспой – в 80-х годах XX века ВОЗ использовала советскую

программу вакцинации во всех странах мира. Славу отечественной вирусологии составляют победы над корью: в России заболеваемость корью снизилась более чем в 300 раз (с 1 тысячи случаев на 100 тыс. населения в 1968 году до 3,2 случая на 100 тыс. в 2014 году) [1]. Российские медики одержали победу над полиомиелитом: иммунизация достигла 97 с лишним процентов при рекомендуемых ВОЗ 95 процентов, в нашей стране полиомиелитом не болеют, но велика опасность занесения его из азиатских государств и Украины. Сегодня ВОЗ проводит во всем мире программу иммунизации против шести инфекционных заболеваний. В 2010 году создана вакцина против менингита [3], в 2015 году - против малярии [4]: Европейское агентство лекарственных средств (ЕАЛС) выпустило препарат, над которым ученые работали тридцать лет, на деньги Билла и Мелинды Гейтс. Инициатива ООН 2015 года - программа по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС), а 2016 год вошел в историю разработкой вакцины против вируса Эболы, выполненной учеными из России специально по заказу ВОЗ [5].

Но вирусологам рано почивать на лаврах: тридцать новых инфекций – вирус Зика [6], коронавирус, свиной и птичий грипп, атипичная пневмония (SARS), грипп А(Н1N1) и др. – требуют от врачей всего мира мобилизации, сотрудничества и целеустремленной работы, поскольку любой региональный очаг может привести к мировой эпидемии. Ученым предстоит также выяснить, почему в XXI веке отвоевывают потерянные позиции и побежденные в прошлом инфекции, такие как дифтерия и бубонная чума. Каждый год по всему миру до 5 миллионов человек заболевают гриппом, а около 250 тысяч человек от него умирают [3]. В 2015 году опасная вспышка кори была зарегистрирована на Африканском континенте: в Республике Конго корью заболело около 30 тысяч человек; болезнь унесла жизни 428 человек. В Европейском регионе также наблюдается высокая заболеваемость корью: в Украине, Грузии, Боснии, Германии, Италии и в других странах.

Вирусология – наука будущего

На современном этапе ВОЗ проводит глобальное эпидемиологическое исследование Global Burden of Disease по основным инфекционным заболеваниям во всем мире [7].

Важную задачу справиться с опасным вирусом Эболы ВОЗ поручила медикам из России. На встрече в 2014 году президента В.В.Путина и Генерального Директора ВОЗ Маргарет Чен (кит. 陳馮富珍, упр. 陈冯富珍, 1947, Гонконг), специалиста по борьбе с эпидемиями птичьего гриппа и другими инфекциями, был разработан план создания российскими учеными вакцины против Эболы. Ведущим экспериментальным учреждением по разработке вакцины стал Российский Научно-исследовательский институт эпидемиологии и микробиологии имени ак.Н.Ф.Гамалеи [8]. За 15 месяцев с прошедшей встречи Россия поставила в Гвинею лаборатория по тестированию, госпиталь, специальную санитарную авиацию с модулями для зараженных людей и обучила местных врачей-эпидемиологов. В январе 2016 года весь мир узнал о выдающемся результате России: научная группа во главе с Д.Ю.Логуновым получила эффективную безопасную вакцину против Эболы [7], которая хорошо переносится, устойчива, делает невосприимчивым человека к вирусу, формирует длительный иммунитет, при этом в несколько раз эффективнее американского препарата фирмы Merck и британского фирмы Glaxo Smith Kline [9]. Секрет столь быстрого создания необходимого миру препарата состоит в том, что в нашей стране с вирусом Эболы ученые работали с 1980-х годов, когда вирус рассматривался в качестве биологического оружия, однако лаборатория особо опасных инфекций в России в начале 90-х годов была закрыта.

Разработка вакцины – только начало длительной борьбы с лихорадкой Эбола на планете, поскольку вирус существует не в одном, а в пяти вариантах, самыми опасными из которых являются заирская Эбола, виновница эпидемии 2014 года, а также суданская Эбола. Три других штамма - Рестон, Тай-Форест и Бундибугио - не вызывали масштабных эпидемий и

встречаются, в основном, среди шимпанзе и летучих мышей [7]. Разработанная вакцина справляется лишь с первым видом вируса и не в состоянии «пробить» защиту другого вида вируса, поэтому ученые продолжают работу над новым препаратом против вируса Бундибугио, а также вируса Марбургской лихорадки, который относится к семейству филовирусов - как и вирус Эболы [5]. Жертвами Эболы в Западной Африке, прежде всего в Гвинее, Сьерра-Леоне и Либерии, стали около 11,3 тыс. человек из 28,4 тыс. заболевших [2].

Тотальная вакцинация людей сопряжена с определенными трудностями. В особых случаях вакцинация вызывает недомогания у пациентов, например, включенная в Национальный календарь прививок России АКДС («Тетракок» - вакцина от коклюша, дифтерии, столбняка и полиомиелита) тяжело переносится взрослыми и детьми старшего возраста, поэтому вакцинация рекомендована детям до четырех лет. Замена Тетракока на зарубежную бесклеточную вакцину ("Инфанрикс", "Инфанрикс-Гекса", "Пентаксим") [9] полностью невозможна из-за резкого повышения курса доллара и высокой цены на данное лекарство.

Иногда вирусы приспосабливаются к вакцинам и делают дорогостоящую вакцинацию безрезультативной. Так, по данным ВОЗ, малярией на планете заражено 283 миллионов человек, а смертей от нее зарегистрировано 775 тысяч [3], но возбудители заболевания приспособились не только к вакцинам, но и к распылителям – инсектицидам, их резистентность доказана в Камбодже, Лаосе, Мьянме, Таиланде и Вьетнаме, следовательно, поиск эффективных препаратов против малярии следует продолжать.

Наука XXI века обнаружила 320 тысяч новых вирусов (у одних только млекопитающих), которые могут быть опасны для человека. Так, в 2012 году в Саудовской Аравии впервые был выявлен вирус MERS (Middle East Respiratory Syndrom, то есть Ближневосточный респираторный синдром), которым, по данным ВОЗ, в 2015 году были заражены уже 1 тыс. 224

человек, из которых 446 человек умерли [11]. Важную роль в распространении MERS сыграли верблюды: люди могли им заразиться вблизи животных или при употреблении верблюжьего молока. Распространение коронавируса затронуло 23 страны, в том числе Иорданию, Катар, ОАЭ, Тунис, Великобританию, Германию, Италию, Францию. С Ближнего Востока летом 2015 года коронавирус попал в Южную Корею, где сразу были закрыты 1,9 тыс. учебных заведений, в том числе 20 университетов, отменены сотни массовых мероприятий, все контактировавшие носителями вируса попали на карантин. В стране еще свежи в памяти воспоминания о 2004 году, когда SARS (тоже коронавирус) привел к гибели тысячи человек. В аэропортах Южной Кореи были установлены тепловизоры для контроля пассажиров во время эпидемии, дезинфицированы места общественного пользования. Семь тысяч туристов в июле 2015 года отменили свои поездки в Южную Корею, а президент страны Пак Кын Хе отказалась от своего визита в США на встречу с Баракком Обамой. Вакцины против MERS в мире пока не существует.

Международное сообщество врачей продолжает искать новые методы борьбы с инфекциями, они носят глобальный, междисциплинарный и комплексный характер. Гипотеза Черной королевы, которую развивает в науке ученый из Норвегии Н.Стенсет (Nils C. Stenseth) связанная с теорией естественного отбора Чарльза Дарвина (Charles Robert Darwin, 1809 - 1882), рассматривает сосуществование видов в конкретных экологических условиях как важный фактор эволюционного развития [12]. Виновниками новых вспышек чумы, согласно современной теории, являются не крысы, а потепление климата, которое сопровождается многими факторами риска, в том числе увеличением популяции грызунов. Теория ученого из Норвегии дополняется исследованиями инфекционистов Санкт-Петербурга: за последние годы в городе с теплыми зимами отмечено увеличение видов клещей, в том числе энцефалитных. Экология и эпидемиология в XXI идут

рядом: инфекционные заболевания являются «спутниками» природных катаклизмов - землетрясений, цунами, торнадо и др.

На современном этапе эпидемиологии развивается вирусная теория рака, начатая в нашей стране еще в первые годы после революции: установлена роль герпетических вирусов, папилловирозов, гельминтов хеликобактера в развитии онкологических заболеваний. К новым научным направлениями относится изучение участия вирусов, бактерий, простейших в развитии хронических заболеваний желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой системы, легких, почек и других органов. Исследования на клеточном уровне помогут значительно повысить эффективность профилактики инфекционных заболеваний и предотвратить эпидемии.

Результативность борьбы с эпидемиями зависит не только от уровня развития медицинской науки и практики, но от целого комплекса социально-экономических и политических причин: объемов финансирования, согласованности действий государств, доступности медицинской помощи и дорогих лекарств, профилактики среди уязвимых групп населения. К сожалению, в современном мире большое количество бедных, нищих, бездомных, мигрантов, бродяг, наркотически зависимых, лиц после тюремного заключения - эти факторы повышают риск эпидемий.

Серьезная опасность современного мира - производство биологического оружия. Поскольку террористы демонстрируют в своих действиях отсутствие моральных и правовых ограничений, угроза использования ими биооружия резко возрастает. Специфика бактериологического нападения – секретность времени и места, трудности в проведении превентивных операций, легкость распространения, сложность обнаружения, быстрота, масштабность и многообразие использования и, как следствие, безнаказанность применения. Известно, что в 90-е годы XX века японская секта «Аум Синрикс» распыляла токсины в Токио из автомобиля, а также оставляла портфели с возбудителями в метро и сбрасывала опасные возбудители с крыши зданий [9]. Биологический терроризм требует от

политиков и ученых всего мира знания искусственно вызванных эпидемических процессов, это новый вызов человечеству, ответ на который должен быть многовекторным и глобальным.

Современное направление медицины – это не только борьба с вредными вирусами, но и использование вирусов на службе человека. Ученые установили, что аденовирусы способны уничтожать раковые клетки, следовательно, в будущем не будет хирургов, радиологов, химиотерапии, доктора будут просто прерывать вирусные стадии онкологических заболеваний.

Выводы

Поскольку инфекционные заболевания носят глобальный характер, то преодоление вирусных инфекций на планете возможно только общими усилиями политиков, ученых и врачей-практиков, независимо от их национальной принадлежности

Стратегические направления борьбы с глобальными эпидемиями, а именно вакцинация и этиотропные препараты, в XXI веке дополняются современными методами, поскольку вирусы приспосабливаются к вакцинам, а иногда даже используют их как питательную среду для своего роста.

Эпидемиологи находятся на острие современной науки: направлениями медицинских исследований XXI века становятся генетика инфекционных болезней, молекулярная биология бактерий, механизмы естественного иммунитета, конструирование вакцин на основе генной иммунизации и нанотехнологий, внедрение компьютерного моделирования и прогнозирования эпидемий.

Российские ученые занимают ведущие позиции в эпидемиологии и иммунологии, входят в состав экспертных комитетов ООН, ВОЗ и ЮНИСЕФ, работают с возбудителями болезней на атомарном уровне и создают препараты, нейтрализующие вирусы уже при взаимодействии с клеткой.

Международное сотрудничество эпидемиологов нацелено на преодоление угроз и вызовов XXI века, и, несмотря на трудности, сценарий будущего видится оптимистичным.

Литература

Стратегии по борьбе с ИППП, ВИЧ и вирусным гепатитом. ВОЗ. 25-30 января 2016 г.// URL: <http://www.who.int/reproductivehealth/ghs-strategies/ru/> (дата обращения: 17.02.2016)

Мировая статистика здравоохранения. 2015 г.// URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2015/world-health-statistics-2015/ru/> (дата обращения: 18.02.2016)

International Code of Nomenclature of Bacteria (ICNB) or Bacteriological Code (BC). 1990 Revision.// URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK8808/> (дата обращения: 19.02.2016)

О Глобальной программе ВОЗ по борьбе против малярии// URL: http://www.who.int/malaria/about_us/ru/ (дата обращения: 17.02.2016)

Достижения ВОЗ в борьбе со вспышкой Эболы в Западной Африке //URL:<http://www.who.int/csr/disease/ebola/response/infographic/ru/> (дата обращения: 18.02.2016)

Итоги совещания Комитета по чрезвычайной ситуации в связи с вирусом Зика //URL: <http://apps.who.int/ihr/ru/index.html> (дата обращения: 17.02.2016)

The WHO Global Burden of Disease (GBD) // URL: http://www.who.int/topics/global_burden_of_disease/en/ (дата обращения: 18.02.2016)

НИИ эпидемиологии и микробиологии имени почетного академика Н.Ф.Гамалеи РАМН //URL: <http://www.gamaleya.ru/content/institute/index.htm> (дата обращения: 17.02.2016)

Weekly Epidemiological Report. WHO (Документы ВОЗ по эпиднадзору)
//URL: <http://www.who.int/wer/en/> (дата обращения: 19.02.2016)

Scientific Reports. 13 Jan 2016

//URL:<http://www.nature.com/search?journal=srep&q=13%20January%202016&page=3>

(дата обращения: 19.02.2016)

Walewski, Paweł. Czy wirus MERS nam zagraża? Nie panikujmy. –
Polityka (Польша). 19.06.2015

Stenseth, N.Ch., President of Norwegian Academy of Sciences. Dynamics of the plague–wildlife–human system in Central Asia are controlled by two epidemiological thresholds/ Proceedings of the National Academy of Sciences. PNAS. August 19, 2011 // URL: <http://intl.pnas.org/>; Coevolution in multispecies communities// URL:
<http://www.cristin.no/as/WebObjects/cristin.woa/wa/fres?sort=ar&la=en&action=seek&pnr=23413> (дата обращения: 17.02.2016)

Факторы развития профессиональной деформации в
профессионализации социальной работы

Zaglodina, T.

The factors in the development of professional deformation in the
professionalization of social work

В статье рассматривается процесс профессионализации социальной работы и дисфункции, способствующие развитию профессиональной деформации специалистов социальной работы. Приведен анализ результатов исследования, проведенного на специалистах социальной сферы Свердловской области.

The article discusses the process of professionalization of social work and dysfunction, contributing to the development of professional deformation of the social work specialists. The analysis of the results of research conducted by specialists of the social sphere of Sverdlovsk region.

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ || ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ДЕФОРМАЦИЯ || СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

PROFESSIONALIZATION || PROFESSIONAL DEFORMATION ||
SOCIAL WORK

Проблему влияния профессии на личность следует рассматривать с точки зрения теоретических подходов в социологии труда, для которой труд является основной сферой формирования, развития и удовлетворения многообразных материальных и социальных потребностей, интересов работников, служит основой формирования целостного образа жизни работников. Представители социологии труда рассматривают закономерности трудового поведения, отношения к труду, мотивов и ценностей трудовой деятельности, социального самочувствия отдельных работников и групп [5].

Приверженцы функционализма в социологии, такие как Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др., анализируя характер разделения труда в обществе, ставят вопрос о том, какие социальные потребности удовлетворяются функциями профессий. Профессионализация здесь представлена как позитивный и прогрессивный процесс, который обеспечивает «общее здоровье социального тела» [1, с. 29] и способствует осуществлению социальных преобразований таким образом, чтобы социальный конфликт и дезинтеграция оставались минимальными. Профессии, по Т. Парсонсу, выступают структурным элементом современного общества, оказывая благотворное воздействие в направлении общего повышения социальной адаптивности, а профессионал – это идеальный гражданин идеальной страны, нацеленный на достижение успеха [4, с.54].

Социальная работа играет роль посредника между индивидами, социальными группами, частными и государственными организациями и как новая профессия и инновационная социальная практика связана с изменением жизненных форм, ценностей и профессиональных идентичностей. Социальные работники осуществляют сегодня свою профессиональную деятельность в разнообразных условиях, которые определяются факторами религии, этничности, культуры, языка, социального статуса, состава семьи и жизненного стиля клиентов, взаимодействуя с индивидами и семьями, чьи жизненные шансы могут быть ограничены вследствие бедности, слабого здоровья, дискриминации и инвалидности.

Профессионализация социальной работы тормозится параллельными процессами, а в терминах функционалистского подхода – дисфункциями ее внутреннего и внешнего контекстов. Во-первых, речь идет о неадекватных финансовых ресурсов на федеральном и местном уровнях, негативно влияющих на качество услуг и мотивацию сотрудников. Во-вторых, хотя число социальных служб растет, эти учреждения демонстрируют разный уровень качества услуг. В-третьих, не только организационная, но и более широкая культурная среда воспроизводит дискриминирующее отношение по

отношению к социальным проблемам и может негативно влиять на качество профессиональной деятельности социальных работников. Поэтому социальный работник обязан анализировать социально-политический контекст жизненного опыта клиента, оценивать роль своей организации. Очевидно, что профессиональное образование необходимо не только для знания технологий практической деятельности и норм поведения на рабочем месте, оно позволяет понять дискриминационность языка научной и политической экспертизы. Четвертым препятствием в профессионализации отечественной социальной работы выступает дефицит соответствующих знаний и необходимых навыков у практических работников.

Результаты анкетирования и полуструктурированного интервью, среди 450 специалистов социальной работы г. Екатеринбурга в 2014-2015 г.г. на предмет выявления причин и факторов профессиональной деформации среди специалистов социальной сферы подтверждают приведенный выше перечень дисфункций в профессионализации социальной работы и добавляют новые, в частности: нарушение этических норм, низкий профессиональный уровень, злоупотребление статусом, прекращение саморазвития и т.д.

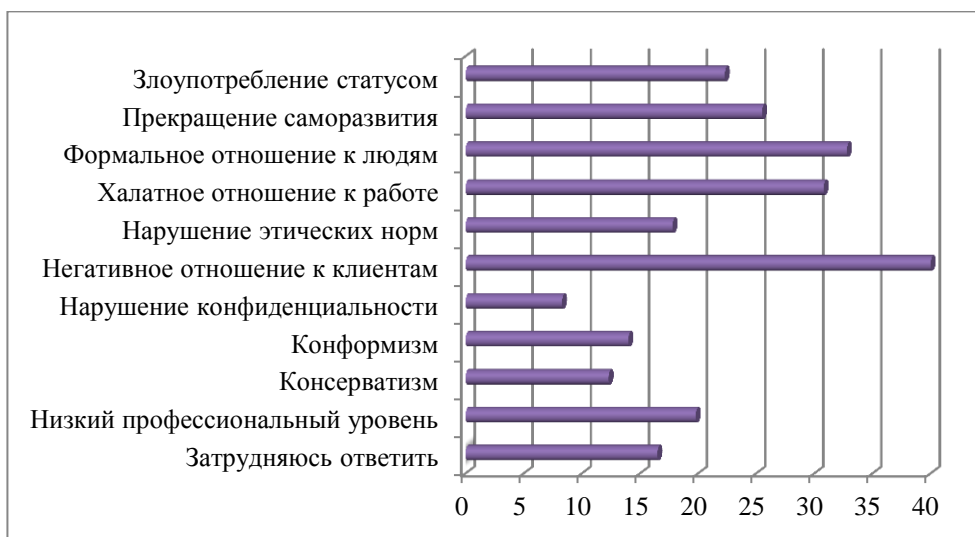

Рис. 1 – Оценка дисфункций в профессионализации социальной работы

Вышеперечисленные факторы влияют на качественное предоставление услуг и отношение специалистов к работе, что неизбежно ведет к падению

престижа социальной сферы и снижению удовлетворенности клиентов, обратившихся за помощью.

Перечисленные дисфункции внешнего и внутреннего контекста социальной работы можно проинтерпретировать как латентные функции отдельного учреждения или всей системы социальной поддержки [3, с. 24]. Тогда к явным функциям социальной службы можно отнести удовлетворение потребностей получателей услуг, снижение риска, помощь людям в трудной жизненной ситуации. В свою очередь, латентные функции – это демонстрация соответствия государственной политики международным нормам социального права, оправдание государственных расходов на социальные нужды, рабочие места и пространство реализации профессиональной власти специалистов социальной сферы, классификация населения на категории клиентов (получателей льгот, пособий и услуг). Если латентные функции начинают доминировать, это значит, что организация, профессионалы и система социальной политики развиваются в большей мере в собственных интересах, а не ради декларируемого общественного блага.

С точки зрения функционалистского подхода, профессионализация социальной работы является позитивной и прогрессивной социальной силой, тем не менее, так называемые негативные, или критические теории профессионализации опровергают предыдущую версию, не соглашаясь с тем, что профессионалы действуют во имя общественного блага. Перспектива, о которой идет речь, представлена критическим направлением социальной науки, включая марксистское и неомарксистское понимание профессии. В соответствии с этим подходом каждая профессия стремится поддержать status quo, удержать или захватить власть и наиболее выгодное положение в стратификационной системе. Поэтому профессионализация оказывается процессом создания и контроля рынка определенных услуг, предоставляемых данной профессией, а в конечном итоге – стремлением к достижению высокого статуса и восходящей социальной мобильности самих профессионалов. Этот подход, называемый еще профессиональным

контролем происходит из теорий конфликта и действия, рассматривающих общество как борьбу различных групп за соблюдение собственных интересов [2, с. 18].

Каждая профессия стремится ясно очертить круг вопросов, относящихся к сфере ее компетентности, ограничивая профессиональный взгляд на мир и монополизируя профессиональное знание как собственность. Требование юридически подкрепляемого права на уникальную компетентность есть базовая стратегия профессионализма, а существенной частью этого процесса выступает контроль профессионального отбора.

В настоящее время в социальных службах главным инструментом контроля профессионального отбора выступают лишь собеседование и испытательный срок (Таблица 1), которые не всегда в полной мере могут оценить профессиональные качества специалиста и соответствие его деловых и личностных качеств занимаемой профессии.

Таблица 1. Какой профессиональный отбор Вы проходили при трудоустройстве на работу?

	Собеседование;	5 2,6
	Испытательный срок;	3 8,0
	Проходил психологическое тестирование;	3 ,2
	Решал творческие задания, связанные с будущей работой;	2 ,2
	Не проходил отбора.	3 ,1
	Затрудняюсь ответить.	0 ,9

Из результатов исследования видно, что в небольшом количестве организаций существует нетрадиционный подход к профессиональному отбору специалистов по социальной работе, который заключается в решении творческих заданий, связанных с будущей профессиональной деятельностью – 2,2% ответивших и проведение психологических тестов на предмет выявления личностных качеств – 3,2%, которые необходимы при взаимодействии с клиентами социальных служб.

Достижения профессионального статуса должны гарантировать высокие материальные награды, исключать внешние оценки качества услуг и гарантировать тем, кто допущен к практике, безопасность как владельцам этого культурного и социального капитала. Отсюда возникают серьезные конфликты между профессионалами и теми, кто посягает на их монополию статуса и экспертизы.

В результатах исследования отчетливо прослеживается, что профессионализация социальной работы тормозится дисфункциями ее внутреннего и внешнего контекстов, что неизбежно накладывает отпечаток на представителей данной профессии (Рис.2).

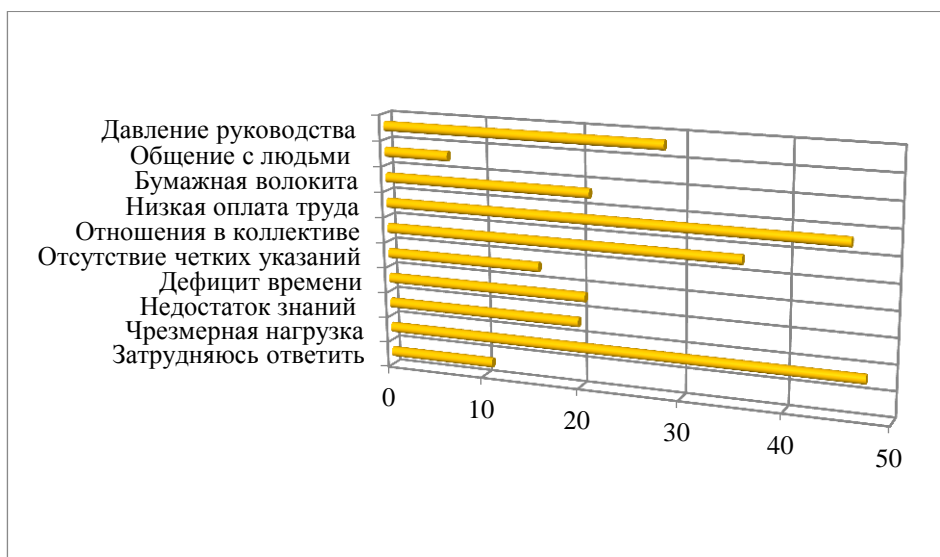

Рис. 2 – Оценка факторов, влияющих на профессиональную деформацию личности

Из диаграммы видно, что на первом месте стоят факторы низкой оплаты труда и чрезмерной нагрузки, речь идет о неадекватном соотношении

финансовых ресурсов на федеральном и местном уровнях, которые отчисляются в социальную сферу и количества клиентов – получателей услуг, это неизбежно влияет на качество услуг, мотивацию сотрудников и удовлетворенность трудом.

Кроме того, бюрократические факторы, как организационная среда, к которой относятся отношения в коллективе, давление со стороны руководства, дефицит времени, отсутствие четких указаний так же негативно влияют на удовлетворенность трудом, деформацию личности, а главное, на качество профессиональной деятельности социальных работников. Поэтому социальный работник обязан анализировать свою профессиональную деятельность и оценивать роль своей организации, чтобы не допустить деструктивной деформации, проявления которой негативным образом сказываются на клиентах и на выполнении профессиональных функций.

Процессы, происходящие сегодня в социальной работе как академической дисциплине и профессиональной практике, свидетельствуют о том, что характер этой профессии в современном мире меняется. Из специфической деятельности с четкими границами между теорией и опытом, образованием и практикой, между ролями специалиста и клиента она эволюционирует в направлении признания равных, партнерских отношений преподавателя, специалиста и клиента, где практический опыт приобретает все больший вес наряду с академической подготовкой. Эти изменения, в частности, выражаются в замене термина «клиент» понятиями «пользователь услуг», «потребитель услуг», «участник», «член группы поддержки».

Понятие профессионализации, рассматривавшееся ранее как позитивный рост «знаков отличия» – дипломов, теоретических знаний, статуса и зарплаты, – сейчас понимается в контексте вызываемых этим процессом противоречий и дилемм. В частности, разрыв между теорией и практикой уже не устраивает ни преподавателей, ни студентов, ни специалистов. С одной стороны, в условиях такого разрыва возникает риск индивидуализации или приватизации социальными работниками проблем,

имеющих социальную и групповую природу, игнорирование культурных различий, сужение ими арсенала возможных решений, ограниченный взгляд на миссию социальной работы как профессии. С другой стороны, преподаватели и исследователи, изолированные от живой практики, проявляют неспособность в полной мере распознать и освоить недокументированное практическое знание, отрефлексировать его и поместить в гуманистический контекст социального образования.

Обозначенные выше подходы позволяют пересмотреть теоретические представления, сложившиеся в области анализа причин профессиональных деформаций и далеко не всегда эффективных приемов их преодоления.

Список литературы:

Durkheim E. Professional Ethics and Civic Morals. London: Routledge and Kegan Paul, 1957

Jones S., Joss R. Models of Professionalism // M. Yelloly, M. Henkel (Eds) Learning and Teaching in Social Work. London; Bristol; Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers, 1995. P. 15–33

Wolfensberger W. Human Service Policies: The Rhetoric Versus the Reality // L. Barton (Ed.) Disability and Dependency. London; New York: The Falmer Press, 1989. P. 23–41

Абрамов Р. Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества / Р.Н. Абрамов // Социологические исследования. 2005. №1, С. 54

Социологический справочник, под ред. В.И. Воловича [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/1106/word/sociologija-truda>

УДК/ББК 37.013/60

Зайцева, М.А.

Воспитание социальной активности молодежи: исторический опыт и современность

UDC/BBK 37.013/60

Zaitseva, M.

Education of social activity of youth: historical experience and modernity

Аннотация. В статье рассматривается педагогический опыт воспитания социальной активности молодёжи в 50 – 80-е годы XX века на базе учреждений внешкольной работы, а также возможности его использования в современных учреждениях дополнительного образования и общественных организациях.

Annotation. The article considers the pedagogical experience of raising social activity of youth in 50 – 80th years of XX century on the basis of institutions of extracurricular work, as well as the possibility of its use in modern the additional education institutions and public organizations.

Ключевые слова: социальная активность, учреждения внешкольной работы, педагогический опыт, учреждения дополнительного образования, формы и методы воспитания, общественные объединения и организации, «Молодой Ярославль», молодежные инициативы, проект.

Key words: social activity, establishments of out-of-school work, pedagogical experience, establishments of additional education, the form and education method, "Young Yaroslavl", youth initiatives, project.

Воспитание социальной активности молодого поколения советской России была наиболее эффективна в системе дополнительного образования. В этом смысле показателен опыт Ярославской области. К началу 90-х годов в регионе действовала широкая сеть внешкольных детских учреждений, выросшая из прежней, советской системы, но при этом отличавшаяся увеличившимся многообразием видов деятельности, демократическими

принципами организации, взаимоотношениями сотрудничества и сотворчества.

По данным областного Департамента образования, количество учреждений дополнительного образования удалось не только сохранить, но и увеличить. Так, после 1985 года в г. Рыбинске был открыт Центр детско-юношеского краеведения и туризма, в Ростове – станция юных туристов, в г. Тутаеве – Дом природы и станция юных туристов. Благодаря усилиям Департамента, образовались многопрофильные центры «Ярославич», «Россияне» и «Витязь» и др.

На сегодняшний день, в Ярославской области действует 80 учреждений дополнительного образования детей и взрослых, большинство из которых многопрофильны (центры, станции, дома, дворцы). При этом семь государственных учреждений такого рода являются системообразующими центрами воспитания подрастающих поколений на региональном уровне. [3]

Спустя два десятилетия после смены государственности и общественно-экономического положения страны система внешкольного (ныне – дополнительного) образования детей и молодёжи в области по праву рассматривается в качестве одного из важнейших элементов образования, а новые поколения педагогов и воспитанников продолжают добрые традиции прошлого.[8] Однако в опыте воспитания социальной активности молодежи 50-80 –х гг XX века, есть позитивные направления, которые можно использовать в современной педагогической практике. В связи с этим, для гипотетического заимствования этих элементов, необходимо выявить качественные признаки прежней системы.

На основе системного подхода нами были выделены важнейшие характеристики воспитания социальной активности в объединениях при внешкольных учреждениях в 50-80-х годах: целенаправленность и комплексность воспитательного воздействия на личность; политическая, идеологическая ориентация воспитания; средовой, деятельностный,

системный, диалектический подходы к воспитанию; тесная связь воспитания в общеобразовательных и внешкольных учреждениях; опора воспитания социальной активности на личностные интересы и актуальные общественные потребности; ориентация воспитания на общечеловеческие культурные и социалистические ценности.

При этом применялись разнообразные формы деятельности: информационно-образовательные (лекции, беседы, игры, экскурсии, поиск и др.); коммуникативные (дискуссии, беседы, встречи, конференции и др.); практические (самостоятельная творческая деятельность, самостоятельный поиск); комплексные (игровые программы, праздники, концерты, смотры, фестивали, парады и др.).

Различными были и применяемые при воспитании социальной активности методы: КТД, дела, разъяснение, обсуждение, побуждение, сочувствие, поощрение, игры, соревнования, и др. Надо признать, дела, содействовавшие воспитанию активности, отличались огромным разнообразием. Вот лишь небольшой их перечень: посещение агитационными и художественными бригадами различных учебных и производственных коллективов; разработка технических приборов или макетов для определённых учреждений и организаций; изготовление поделок, игрушек и других продуктов детского художественного творчества для детских садов, школ и пионерских лагерей; участие в сборе материалов для создания или пополнения фондов музеев различной тематики; трудовая помощь производственным и сельскохозяйственным объединениям; озеленение и уборка своей местности; украшение помещений к праздникам; шефская работа с младшими.

Социальная активность – качество личности, которое характеризуется потребностью в бескорыстном труде на благо общества, поэтому признавалась необходимость развития в процессе воспитания желания и стремления школьников заниматься такой деятельностью, а вместе с тем – и соответствующих практических умений и навыков.

Результативность воспитания социальной активности школьников во внешкольных объединениях достигается совокупностью определенных условий, необходимых для учёта в повседневной практической деятельности. Основное научно-практическое содержание этих условий выражалось в наличии разностороннего обеспечения: нормативно-правового, педагогического и методического, информационного, научно-теоретического, кадрового и финансового.

Так, **нормативно-правовое обеспечение** воспитания социальной активности детей и молодёжи воспитания включало совершенствование нормативной базы и определение его роли, места, задач, функций каждого органа власти, ведомства, организации как составных элементов единой системы с учетом их собственных возможностей и объективных изменений в государстве и обществе в последние годы.

В **педагогико - методическое обеспечение** входили разработка комплекса специальных программ и методик по организации воспитания активности с использованием разнообразных форм и средств воспитательной деятельности и при учете особенностей, как отдельной личности, так и какого-либо коллектива воспитанников.

Утверждение социальной активности, желания и потребности школьников проявлять социальную инициативу, быть небезразличными к общественной жизни своего коллектива, местности и страны – было заботой **информационного обеспечения**. Формирование основных социально значимых ценностей в сознании детей и молодёжи строилось с активным привлечением средств массовой информации. Телевидение, радио, газеты, книги были призваны содействовать данному направлению воспитания, бороться с дискредитацией этих ценностей. Базу информационного обеспечения составляли и государственно-общественные институты (коммунистическая партия, комсомольская и пионерская организации и различные ведомства правительства: Министерство просвещения, МВД, Министерство обороны, Министерство здравоохранения и др.).

Разработка **научно-теоретической базы** воспитания социальной активности включала организацию научных исследований по разным аспектам данной проблемы и информирование общественности об их результатах, позволявшее вводить их в практическую деятельность в любых уголках страны. Сюда же входили разработка рекомендаций по проблемам формирования и развития социальной активности личности, поиск возможностей обогащения форм и содержания воспитания активности, а также их научное обоснование.

Очень важным условием организации воспитания социальной активности и гарантирования его качества была **кадровая база**. Нельзя сказать, что в стране действовала система подготовки специалистов в области воспитания социальной активности, однако если учесть, что её направлениями являются активность гражданская, общественно-политическая, трудовая, творческая, экологическая, научная и т.д., то следует признать: их воспитанием занимались профессиональные педагоги. Правда, в учреждениях внешкольного образования большая часть кадрового состава была представлена специалистами других отраслей народного хозяйства, но ключевой здесь остаётся характеристика «специалистами». К тому же воспитание социальной активности осуществлялось всеми образовательными и общественными институтами совместно и при контроле пионерской и комсомольской организаций.

Создание перечисленных условий способствовало развитию социальной активности граждан Советского Союза в 50-80-х годах и совершенствованию системой его управления.

Чтобы сравнить советский и современный опыт воспитания социальной активности, проиллюстрируем это направление на примере деятельности современного общественного объединения старшеклассников Ярославля, действующего на базе бывшего Дворца пионеров (ныне – городского Центра внешкольной работы, ЯГЦВР), проект которых называется «Молодой Ярославль». Название говорит о том, что под ним

соберутся молодые поколения, которым предстоит определять жизнь города в будущем. Основатель организации – выпускник Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского Жуков М.А.

Объединение носит статус общественной организации и центральной целью своей деятельности провозгласило именно воспитание социальной активности школьников и молодежи. Его программа ориентирована на решение актуальных образовательных задач, отвечая требованиям концепции модернизации дополнительного образования. Она призвана создать организационно-педагогические условия развития социальной активности старшеклассников, социального взаимодействия учащихся различных образовательных учреждений, формирования у них чувства причастности к жизни Ярославля и страны, ответственности за его настоящее и будущее. Подобная цель должна содействовать успешной социализации школьников, формированию их активной жизненной позиции и гражданской культуры, личностному развитию старшеклассников как активных участников общественной жизни города и России.

Для этого необходимы привлечение ресурсов социокультурного пространства города и области, организация взаимодействия старшеклассников с различными общественными институтами и учреждениями региона, что, по сути, должно вызвать создание в Ярославле новой образовательной среды становления гражданина. Создание среды становления социально активной личности, как заявлено в программе объединения, будет способствовать процессам развития гражданского общества и воспитанию граждан, готовых строить такое общество [1].

Старшеклассники занимаются в коллективе в течение двух лет. За это время они могут пройти обучение по одной из двух или по обеим подпрограммам: «Лидерство в социальной сфере» и «Основы журналистики и организация коммуникации».

Дополнительная образовательная программа объединения «Молодой Ярославль» направлена на подготовку старшеклассников к реализации их личностного потенциала в качестве лидеров общественных объединений и социальных инициатив. Однако подобные знания и умения могут быть применены и в других отраслях общественной и профессиональной жизни, поскольку в содержание его работы включены темы, отражающие современные способы взаимодействия в обществе, технологии организации деятельности, применяемые в различных сферах. Обучение по программе призвано помочь старшеклассникам в их становлении как самоактуализирующихся личностей, адекватно реализующих свой внутренний потенциал в условиях современного социума

Начиная с 2005 года, объединением были организованы регулярные встречи старшеклассников с представителями местного самоуправления и общественности, проходящие в форме дискуссий по волнующим молодёжь проблемам. Это позволяет вырабатывать им собственную позицию по многим социальным вопросам, лучше ориентироваться в мире общественно-политических проблем, искать пути их решения. Это учит взаимодействию с новой категорией взрослых и одновременно формирует активную жизненную позицию ребят.

Школьниками при поддержке студентов проводятся комплексные исследования на определённые темы, связанные с разнообразными аспектами развития общества и положения в нём молодёжи. Итогом обсуждения полученных материалов должны стать проекты изменения некоторых проблемных ситуаций по инициативе и при участии членов объединения.

Как уже упоминалось, в дни осенних и весенних каникул объединение проводит со школьниками образовательные сборы и организует летний городской образовательный лагерь. Это также является возможностью объединения учащихся Ярославля для совместного обсуждения волнующих вопросов, поиска их решения, организации социально полезных дел и способствует взаимодействию школьников.

С основания объединения «Молодой Ярославль» издаёт газету старшеклассников «В курсе», уже ставшую победителем городского конкурса юнкоров. В газете ребята освещают жизнь города и области, обсуждают проблемы и социальные инициативы.

В 2006 году программа объединения стала лауреатом Всероссийского конкурса авторских образовательных программ дополнительного образования детей. С этого коллектива начинались также региональные и городские этапы Всероссийской Акции детских социальных проектов «Я – гражданин России». На её старте (2004) группа старшеклассников занялась разработкой собственного проекта на тему «Трудоустройство подростков». В итоге многочисленных обсуждений и длительной работы родилась идея создать на базе городского Центра внешкольной работы молодежное Агентство по трудоустройству старшеклассников (с базой данных о подростках и работодателях и с группой старшеклассников, взаимодействующих с подростками и работодателями).

В настоящее время инициатива старшеклассников находит свое воплощение в виде социальных проектов. Это и творческо-исследовательский проект «Город глазами молодых», и социальный проект «Правовая азбука», и социальный проект «Исключение из правил», полную информацию о которых, можно получить на информационном портале www.molportal.ru.

Методическое обеспечение деятельности объединения включает: дополнительные образовательные программы, краткосрочные образовательные программы сборов в каникулярное время для старшеклассников города, сквозные программы ЯГЦВР «Здоровый образ жизни», «Дебаты», программы проводимых акций и реализуемых социальных проектов и др. Психологическое обеспечение составляет психодиагностическая работа, результаты которой как помогают отслеживать эффективность деятельности, так и позволяют осуществлять индивидуальный личностно-ориентированный подход к воспитанникам.

Педагоги дополнительного образования, специалисты из разных сфер, преподаватели и студенты ярославских ВУЗов составляют основу кадрового обеспечения работы объединения.

Работая над темой воспитания социальной активности, можно столкнуться с мнением, что в советской образовательной системе социальная активность воспитывалась намного лучше, чем в современной России. Признавая данную позицию не лишённой оснований, полагаем всё-таки, что в целом она несправедлива и весьма субъективна. Можно отметить, что наиболее социально пассивным является поколение, рождённое ориентировочно в начале 80-х годов XX века. Это объясняется особенностями той социально-политической обстановки, при которой протекал их пубертатный возраст. Взросление несло вместе с собой и переоценку ценностей, а в условиях их повсеместной девальвации процесс этот был очень искажён. Положение усугублялось и тем, что в годы перестройки школа фактически отказалась от воспитания, а учреждения внешкольного образования переживали острый кризис. В конце 80-х сомнению была подвергнута сама потребность общественного воспитания подрастающих поколений. В школе часто звучали мнения о том, что воспитанием должна заниматься семья, а не образовательные учреждения. В годы социально-экономического и политического кризиса педагоги свели свою воспитательную работу с молодёжью к минимуму, будучи заняты материальными проблемами.

Основной психологической характеристикой старшего школьного возраста считается социальное самоопределение, направленность в будущее. Это касается различных сторон психической жизни. Старший школьник стоит на пороге социальной взрослости. У него появляются конкретные жизненные планы, соответствующие им мотивы. Когда же рассматриваемое поколение стало старшеклассниками, общественный кризис в стране был в самом разгаре, а потому предоставленные потоку средств массовой информации и лишённые прежнего воспитательного воздействия, они в

большинстве своём ребята росли инертными, пассивными. Оговоримся, что этого нельзя сказать обо всех представителях того поколения, ведь и в правилах встречаются исключения, но основная масса представителей данного поколения, действительно, высокой социальной активностью не отличается.

Тем не менее, у последующих поколений новой России социальная активность воспитывалась и значение, актуальность этого направления становится всё более очевидной для всех уровней образовательной системы. Заметна и результативность этого воспитания. Доказательством тому служит целый ряд исследований, в том числе и диссертационных. Так, в работе Т.И. Лёвкиной «Воспитание социальной активности детей и подростков в учреждениях дополнительного образования в процессе художественно-творческой деятельности» представлены данные, свидетельствующие о значительной положительной динамике роста активности воспитанников УДО г. Сарова в различных социальных видах деятельности, причем, большинство из них по многим показателям достигли высшего и среднего уровня (в этом перечне наилучшие показатели связаны с художественно-творческой деятельностью, одновременно радует высокий ранг нравственной, коммуникативной и общественно-гражданской активности) [6, с. 127].

Ярким примером сегодняшних социально активных подростков и молодых людей являются волонтеры. Для большинства волонтеров благотворительная деятельность связана со стремлением помогать людям. Например, данные исследований на 2005 г. по Санкт-Петербургу свидетельствовали о следующих мотивах их участия в волонтерской деятельности: быть полезным обществу – 89% (это ли не подтверждение эффективности работы с волонтерами по формированию и развитию у них социальной активности), способствовать изменениям в обществе – 50% (не менее значимое подтверждение), самореализация – 36%, из чувства долга –

19%, интересно провести досуг – 15%, решить собственные проблемы – 10% [2].

К 2015 году на территории Ярославской области более 2900 волонтеров имеют Личную Волонтерскую книжку. Проект «Личная книжка волонтера» стартовал в 2010г, ее могут получить молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет участвующие в волонтерской деятельности.

Сравнить эффективность воспитания социальной активности в советское время с современностью довольно сложно. Ученые использовали другие методики и изучали определенные коллективы. Поскольку уровень социальной активности общества в целом невозможно измерить, то судить об эффективности советского воспитания мы можем по описанию соответствующих воспитательных методик того времени, по делам и поступкам тех поколений, отражённых в истории, литературе и других источниках.

Подводя итог, все - таки, хотелось бы выделить ряд заимствований из прежней системы воспитания социальной активности, относительно возможностей использования данного опыта в современной практике: усиление сотрудничества учреждений дополнительного образования и молодежных объединений на их базе со всеми субъектами образовательного процесса; построение работы по воспитанию социальной активности в таких объединениях на основе деятельности воспитательных коллективов; расширение содержания воспитательной функции объединений.

Библиографический список:

Авторская программа "Молодой Ярославль" по развитию социальной активности старшеклассников [Электронный ресурс] // Режим доступа: [Электронный ресурс] // <http://myaroslavl.narod.ru/mya4.html>

Волонтерское движение в России: реальность и перспективы [Текст] : Материалы международной конференции. Санкт-Петербург. 21-23 сентября 2005. - СПб., 2005.

Информационно-образовательный портал сети образовательных учреждений Ярославской области//[Электронный ресурс] // <http://www.edu.yar.ru/>

Горский В.А., Журкина А.Я. Педагогические основы развития системы дополнительного образования детей [Текст] // Дополнительное образование. - 1999. N 1. – С. 7-13.

Золотарёва А.В. История развития (внешкольного) дополнительного образования в Ярославской области [Текст] // Внешкольник – Я. – 2004. - № 1. – С. 11-17.

Лёвкина Т.И. Воспитание социальной активности детей и подростков в учреждениях дополнительного образования в процессе художественно-творческой деятельности [Текст] : Дисс. к.п.н. – Владимир, 2000. – 201 с.

Попова Г.Н., Гайнулина В.М. О смысле развития дополнительного образования [Текст] // Дополнительное образование. - 2000. - №1. – С. 42-49.

Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015)// Режим доступа: [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема позиционирования социальной службы во внешней среде. Автором определяются основные условия позиционирования учреждения социальной работы на рынке социальных услуг. Основной акцент делается на правилах позиционирования, выборе критериев при определении позиции социальной службы.

Annotation. This article deals with the problem of positioning the social services in the environment. The author defines the main terms of the positioning of social institutions in the market of social services. The main focus is on positioning rules, selection criteria for the definition of social service positions.

Ключевые слова: социальная служба, внешняя среда, рынок социальных услуг, позиционирование, отличительные особенности, позиция социальной службы, критерии позиционирования.

Keywords: social services, the external environment, the market of social services, positioning, distinctive features, the position of social services, ranking criteria.

Современная социальная ситуация в России, сложившаяся под влиянием затянувшегося экономического кризиса и международных экономических санкций вызывает серьезную тревогу. Несмотря на предпринимаемые Правительством Российской Федерации меры по социальной поддержке населения страны, уровень реальных денежных доходов россиян резко сокращается. Так только в Самарской области потребительские расходы населения в декабре 2015 года, согласно отчету Самарастата, сократились на 12,7% по сравнению с декабрем 2014 года. В

структуре использования денежных доходов снизились расходы на приобретение недвижимости и покупку иностранной валюты на 3,6 и 3,3 процентных пункта соответственно. Реальная заработная плата жителей Самарской области, рассчитанная с учетом индекса потребительских цен, в декабре 2015 года составила 92,1% к уровню декабря 2014 года. Реальные доходы населения региона в 2015 году по сравнению с 2014 годом сократились на 10,4% [1].

Ситуация в Самаре - не исключение. Аналогичная ситуация прослеживается и в других регионах нашей страны. Индикаторы социальной безопасности достигли предельных величин. Провозглашенное в качестве одной из главных целей проводимых в России преобразований повышение уровня жизни населения обернулось значительным ростом масштабов бедности. Сегодня, как никогда, многим людям необходима социальная поддержка, помощь или даже защита.

Социальные службы не могут игнорировать сложившуюся в современном российском обществе ситуацию. Чтобы определить комплекс мер по оказанию социальной поддержки населению, необходимо обеспечить взаимосвязь и взаимодействие учреждений социальной работы с внешней средой.

К сожалению, значительная часть населения порой не подозревает о существовании многих учреждений социальной работы, которые могут обеспечить им помощь, окажись они в сложной жизненной ситуации. Большинство россиян плохо знакомы с перечнем тех услуг, которые оказывают социальные службы. Именно поэтому позиционирование социальных служб во внешней среде становится важной и актуальной проблемой управления социальной работой. Население должно знать, кто, где, как и чем может им помочь в решении социальных проблем.

Позиционирование (от лат. *positio* – позиция) – процесс определения положения социальной службы в ряду функционирующих социальных служб. В основе позиционирования социальной службы лежит деятельность,

направленная на особое, отличающееся от других предложение социальных услуг клиентам. Основной целью позиционирования является занятие определённой, и при этом максимально эффективной позиции социальной службы по отношению к другим организациям социальной сферы (например, частным агентствам по оказанию социальных услуг), оказывающим подобные услуги.

По мнению Г.Л. Тульчинского, позиционирование социальных организаций – это способ, в соответствии с которым клиенты идентифицируют ту или иную службу по её важнейшей характеристике. С его помощью в сознании клиента создаётся положительный образ самой организации, формируется устойчивое позитивное отношение к ней [2].

Что касается проблемы позиционирования социальной службы, то позиционирование мы можем представить себе как помещение объекта в благоприятную для него информационную среду. Чужой, неизвестный, незнакомый объект потенциально опасен для клиента. Поэтому задачей специалиста становится превращение социальной службы в знакомый и нужный образ для клиента. Почепцов Г.Г. считает, что дополнительным плюсом такого подхода становится «включение наряду с рациональной такой же сильной эмоциональной составляющей, которая, как известно, не только обладает большей воздействующей силой, но и лучше запоминается» [3].

Позиционирование осуществляется комплексом маркетинговых мероприятий, обеспечивающих внедрение и поддержку образа социальной службы и её услуг в общественном мнении. Позиционирование социальной службы и её услуг осуществляется:

- во-первых, применительно к каждой целевой аудитории – в соответствии с типологией возникающих социальных проблем, интересами и потребностями клиентов в тех или иных социальных услугах, культурным уровнем и возможными мотивами потребительского поведения каждого клиента;

- во-вторых, по контрасту с позицией конкурирующих частных агентств, оказывающих социальные услуги, что требует предварительного изучения их сильных и слабых сторон, а также мнений клиентов о достоинствах и недостатках услуг, полученных ими в других организациях социальной работы.

Говоря о позиционировании, важно подчеркнуть, что позиция - это не описание рода деятельности социальной службы и не перечисление достоинств предлагаемой услуги. Позиция социальной службы – это способ видения клиентами организации, это их ощущения при обращении за социальной услугой. Клиенты социальной службы могут обнаружить в предлагаемой им услуге достоинства, которые, по большому счету, не рекламируются. Если в памяти потенциальных клиентов социальной службы сохраняются негативные или не соответствующие действительности представления о социальной службе, то изменение представлений, сложившихся у клиентов – самая трудная задача социального маркетинга и публичных рилейшнз. Вот почему постепенное, осторожное формирование мнения клиентов о социальной службе имеет серьёзное значение для повышения качества социальной работы и достижения конечного результата деятельности организации.

Проектируя мероприятия по позиционированию социальной службы, задача которых заключается в формировании и поддержке позитивного и лояльного отношения клиентов к социальной службе за счет создания ее привлекательного общественного мнения, необходимо:

1. Учитывать общие требования к деятельности социальной службы, которая должна быть адекватна целям социальной работы, соответствовать основным характеристикам социальной организации и оказываемым услугам.

2. Деятельность социальной службы должна иметь пластичный и незавершённый характер, т.е. сохраняя свои главные черты, она должна модифицироваться в соответствии с изменениями внешней среды. Она

должна быть адресной, т.е. ориентированной на свой сегмент рынка и другие контактные аудитории. Социальная служба должна носить комплексный характер, быть способна одновременно решать различные задачи, а её деятельность должна быть ясна и конкретна.

3. Важно делать акцент на значимых для клиента факторах, определяющих социальную службу по отношению к клиенту. К ним относятся: история социальной службы; высокая культура обслуживания, соблюдение договорных условий, готовность оказать социальные услуги, сердечность контактов, компетентность и опыт работы обслуживающего персонала; показатели деятельности социальной службы (высокое качество и широкий спектр услуг, их объем, система гарантий, процент обратившихся к услугам социальной службы повторно и т.п.); социальное признание (положительные отзывы в прессе, участие в федеральных и региональных государственных программах и проектах, членство в отечественных и международных социальных ассоциациях и объединениях) [4].

Социальная служба позиционирует свою деятельность в двух направлениях: 1) среди клиентов; 2) среди партнеров и конкурентов.

Позиционирование среди клиентов подразумевает акцентирование пользы социальной услуги для клиента. С точки зрения клиента, характеристики услуги – это не польза. Чтобы убедить клиента в том, что реализация этой услуги будет ему полезной, нужно показать, что социальная услуга именно с такими характеристиками способна удовлетворить ту или иную его потребность, помочь в решении возникшей проблемы.

Что касается позиционирования среди партнеров и конкурентов, то на сегодняшний день у социальных служб ярко выраженной конкуренции не наблюдается, поскольку вход в эту нишу регламентирован и монополизирован государством. Однако существует ряд социальных организаций, которые могут достойно конкурировать в предоставлении некоторых видов социальных услуг, с которыми не справляются государственные службы, например, социальные негосударственные приюты

и реабилитационные центры, социальные гостиницы, приемные семьи для престарелых. Здесь важно определить: на каких отличительных особенностях учреждения социальной работы следует остановить свой выбор при позиционировании среди партнеров и конкурентов. Не все отличительные особенности той или иной социальной службы представляют одинаковый интерес и заслуживают того, чтобы концентрировать на них внимание и усилия. Не каждое отличие может служить хорошим отличительным признаком. Поэтому для учреждения социальной работы важно тщательно отобрать способы, с помощью которых оно будет стремиться выделиться во внешней среде, чтобы дать определенные преимущества клиенту.

Можно выделить ряд критериев, в соответствии с которыми следует выбирать отличительные особенности социальной службы при её позиционировании во внешней среде. При этом та или иная отличительная особенность заслуживает внимания в той мере, в которой она обладает следующими свойствами:

1. Значительность. Данная отличительная особенность социальных служб предоставляет целевым клиентам такое преимущество, которое они могут оценить как значительное. Социальные услуги играют в жизни человека значительную роль в определенные кризисные периоды жизни.

2. Характерность. Она обусловлена тем, что частные агентства по оказанию социальных услуг не предлагают клиентам данной отличительной особенности услуги. Специфичность некоторых социальных услуг, например, пособие на погребение, делает услугу характерной только для муниципальных учреждений социальной работы.

3. Превосходство. Данная отличительная особенность превосходит все другие способы, с помощью которых клиенты могут получить аналогичные преимущества на рынке социальных услуг.

4. Наглядность. Смысл данной отличительной особенности позиционирования социальной службы заключается в том, что социальная

услуга может быть легко доведена до клиентов и является для них очевидной.

5. Защищенность от копирования. Конкурирующие частные агентства не смогут легко скопировать эту отличительную особенность социальной услуги, поскольку она носит исключительно эксклюзивный характер и адресована каждому клиенту индивидуально.

Существуют четыре основных ошибки, связанных с позиционированием, которых социальным службам нужно стремиться избежать. Первая – это поверхностное позиционирование, т. е. вообще утрата данной социальной службой какой-либо чётко выраженной позиции. Некоторые организации обнаруживают, что у клиентов имеется только какое-то смутное представление об оказываемых социальных услугах или же клиенты вообще о них не знают ничего определённого. Вторая ошибка – это однобокое позиционирование. В этом случае у клиентов создается слишком узкое представление о деятельности данной социальной службы и оказываемых ею услугах. Третья ошибка – социальным службам следует избегать неоднозначного позиционирования – создания у клиентов путаного представления о данной службе. Наконец, четвертая ошибка – когда стратегия позиционирования направлена на то, чтобы создать у клиентов слишком преувеличенное представление о возможностях социальной службы или достоинствах предоставляемых услуг. В этом случае имеет место спекулятивное неблагоприятное позиционирование социальной службы. В конечном счете, это наоборот приведёт к утрате позиции и снисхождению авторитета социальной службы среди клиентов.

Джоан Райан и Джордж Леммон предлагают следующие правила удачного позиционирования [5]:

1. Нужно позиционировать важное преимущество – людям следует рассказывать, почему именно эти услуги важны для них; следует определить, что именно хочет клиент, и дать ему это;

2. При позиционировании социальных услуг важно быть конкретным. Нельзя охватывать всех и быть одновременно конкретным. Хорошее позиционирование не может быть реализовано в рамках универсалистского подхода;

3. Простота позиционирования – лучший вариант позиционирования представляет собой одну идею, которую легко понять;

4. При позиционировании важно подчеркивать и продвигать сильные стороны социальных услуг и не акцентировать внимание на слабых.

5. Важным требованием при позиционировании социальных служб является правдивость. Нельзя обманывать клиента искаженной или ложной информацией.

Социальные службы часто обнаруживают, что гораздо легче выйти на рынок с хорошей стратегией позиционирования, чем реализовать ее. Утверждение позиции социальной службы на рынке социальных услуг или её смена обычно требует большого временного периода. В противоположность этому позиция, становление которой заняло много лет, может быть легко утеряна. Именно поэтому, если социальной службе удалось завоевать требуемую позицию, ей следует приложить всецелые усилия для того, чтобы удержать эту позицию посредством постоянного совершенствования своей деятельности. Необходимо внимательно наблюдать за своей позицией на рынке социальных услуг и со временем вносить в нее коррективы, для того, чтобы соответствовать изменениям, происходящим в потребительских нуждах клиентов.

Грамотное позиционирование социальной службы во внешней среде позволяет завоевать сознание клиентов и сформировать положительное отношение к самой социальной службе, в конечном счете, способствуют повышению эффективности социальной работы среди различных групп населения.

Список литературы

Денежные доходы населения: индикаторы [Текст. Электронный ресурс] // Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики Самарской области (Самарастат) - URL: <http://www.samarastat.gks.ru> (дата обращения 24.02.2016)

Тульчинский, Г.Л. PR фирмы: технология и эффективность [Текст] / Г.Л. Тульчинский. - СПб.: Алетейя, 2001. – 294 с.

Почепцов, Г.Г. Имиджелогия [Текст] / Г.Г. Почепцов – М: СмартБук, 2009. – 575 с.

Бугалова, Э.Н. PR в социальной сфере [Текст] / Э.Н. Бугалова // Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология». Новые реалии и новые идеи.- СПб.: Изд-во «Скифия», 2000. – 682 с.

Кондратьев, Э.В. Связи с общественностью: Учебное пособие для высшей школы [Текст] / Э.В. Кондратьев, Р.Н. Абрамов. – М.: Академический проект, 2009. – 511 с.

Злотников, А.А.

Физическая активность и состояние здоровья в студенческой среде (по материалам исследования в г. Гомеле)

Zlotnikov, A.

Physical activity and health among the students (based on studies in Gomel)

Анализируются ценностные ориентации и социальные установки студентов и показывается их связь с физической активностью и состоянием здоровья респондентов

The author analyses the value orientation and social attitudes of students and demonstrates their interrelationship with physical activity, and health status of respondents

ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ, СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ,
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ,
СПОРТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ

RELATED TO HEALTH, HEALTH, VALUE ORIENTATION,
PHYSICAL ACTIVITY, SPORTS ACTIVITIES

Существенные изменения образа жизни людей в современном обществе, вызванные научно-техническим прогрессом, индустриализацией, урбанизацией, носят глобальный характер и проникают во все сферы. Революционное изменение ритма жизни, которое особенно характерно для крупных мегаполисов, с одной стороны, и существенное сокращение физического труда и физической активности в быту, с другой, породили целый ряд серьезных социальных проблем. Одна из очень существенных, на наш взгляд – это противоречие между физической (и отчасти психической) подготовленностью современных людей и напряженным ритмом жизни. Последствия этой проблемы проявляются как на уровне личности, так и на уровне общества. На уровне общества это, прежде всего, связано с ошибками в работе, браке, производственными травмами и т. п. На

уровне личности – с утомляемостью во время повседневной жизнедеятельности и, как следствие, с ухудшением состояния здоровья и уменьшением удовлетворенности жизнью. Однако очевидно, что такое разделение довольно условно и можно говорить о взаимосвязи этих уровней, применительно к рассматриваемой проблеме. Если говорить о проблеме усталости в результате жизнедеятельности, то в исследовании, проведенном в студенческой среде г. Гомеля респондентам было предложено ответить на вопрос «Испытываете ли Вы обычно усталость после учебы?». Характерно, что совсем незначительная доля респондентов (3 %) говорит о полном отсутствии усталости после учебных занятий. Анализ гендерных аспектов позволяет констатировать следующее: самая существенная разница наблюдается среди групп «легкой» и «значительной» усталости. В первой преобладают юноши (58,5 %), в то время как девушек – 47,5 %. И наоборот, «устают значительно» 43,2 % опрошенных девушек и 28,4 % – юношей. Значимым различием является то, что чем старше курс, тем больше возрастает удельный вес тех, кто «испытывает легкую усталость»: от примерно 45 % на I и II курсах до 60 % на IV и V. Это происходит за счет сокращения тех, кто: 1) испытывает значительную усталость (~ с 42 % на младших I–II до 35 % на старших IV–V курсах); 2) испытывает очень сильную усталость (~ с 9 % на I до 2 % на V курсах). Вполне естественными, на первый взгляд, объяснениями здесь могут быть идеи, связанные с более высокой адаптивностью, рациональностью, селективностью старшекурсников и т. д. Однако, по нашему мнению, ключевую роль все-таки играют система целей жизни и структура ценностных ориентаций, непосредственно сам образ жизни («самосохранительный» либо «саморазрушительный») и физкультурно-спортивная активность. Среди тех, кто достаточно активно занимается физическими упражнениями и спортом, т. е. «практически ежедневно» совсем не устает после учебных занятий – 27,6 %, устает сильно – 5,8 %, устает очень сильно – 7,9 % респондентов. В то же время среди тех, кто вообще не занимается физическими

упражнениями и спортом: совсем не устает после учебных занятий всего лишь 3,4 %, устает сильно 19,8 % и устает очень сильно уже 30,2 % респондентов. Таким образом, можно, вероятно, говорить о том, что активность физкультурно-спортивных занятий способствует повышению не просто спортивной выносливости, но и является своеобразным регулятором утомляемости в учебном процессе. Чем регулярней наши респонденты занимаются спортом и физическими упражнениями, тем меньшую усталость они испытывают, и, соответственно, наоборот.

Здоровье населения является одновременно причиной и следствием благополучия государства. Такая циклическая причинно-следственная связь делает здоровье важнейшим фактором в структуре образа жизни. Об этом убедительно свидетельствует то обстоятельство, что как известно, при подготовке ежегодных «Докладов о развитии человека» при расчете индексов развития человеческого потенциала (ИРЧП) на первом месте в составе используемых показателей находится долгая и здоровая жизнь. Поэтому в настоящее время принято анализировать здоровье не только с медицинских позиций как отсутствие болезней и физических дефектов, а и с позиций социальных. Таким образом, речь идет о социальном здоровье, которое состоит из совокупности экономических, политических, социальных, бытовых, психологических, экологических, духовно-нравственных факторов. Кроме этих, внешних, по сути, факторов можно выделить и внутренние, т. е. генетически обусловленные. Оценка здоровья конкретного человека всегда амбивалентна, кроме фактов медико-биологического благополучия анализируются и факты самопереживания человека. Исходя из этого, а также из сложности понятия здоровья и невозможности его всестороннего анализа, в нашем исследовании мы решили ограничиться измерением субъективных самооценок здоровья. Кроме того, мы изучили некоторые аспекты, связанные со стремлением изменить свой образ жизни с пользой для здоровья и роль в этом процессе занятий физическими упражнениями и спортом. Так,

респондентам было предложено определить свое состояние здоровья, ответив на следующий вопрос анкеты: «Как Вы оцениваете свое состояние здоровья?». Причем следует отметить, что самооценка варьируется в зависимости от пола респондентов: среди девушек в полтора раза меньше оценивших здоровье как «хорошее» и, наоборот, больше с «удовлетворительным» и «плохим». В контексте взаимосвязи самооценки здоровья вернемся к указанному выше вопросу об усталости и подчеркнем, что подавляющее большинство (63,7 %) с «хорошим» состоянием здоровья обычно испытывают легкую усталость после учебных занятий и четверть (24,9 %) – значительную. Лишь для 5 % респондентов данной категории обычным является состояние очень сильной усталости. В то же время очень сильная усталость – обычное состояние для каждого пятого с «плохим» здоровьем и значительная усталость характерна для большинства из них – 54,5 %. Если рассмотреть самооценки состояния здоровья в разрезе самооценок материального положения, то можно выявить взаимосвязи между данными переменными. Поскольку представителей полярных социальных слоев (проживающих за чертой бедности и богатых), по итогам опроса, оказалось всего 1,1 и 2,5 %, соответственно, для наглядности сравним между собой три основных слоя, условно обозначенных как: «на грани бедности» (в основном деньги идут на продукты, коммунальные услуги и необходимые недорогие вещи), «малообеспеченные» (в целом денег хватает, но приобрести мебель, бытовую технику и т. д. сложно), «средний класс» (живут обеспеченно, но делать некоторые дорогие покупки: автомобиль, квартира – не могут. Из полученных данных следует, что состояние здоровья неодинаково в разных стратах. При плохом состоянии здоровья различия не значимы для разных социальных слоев. Но хорошее здоровье, вероятно, зависит от социально-экономических условий жизни. Гипотеза о существующей связи между социальным статусом и хорошим состоянием здоровья основывается на том, что у каждого социального слоя существенно различаются

возможности доступа к значимым социальным ресурсам. К важнейшим из них можно отнести: 1) благоприятные условия труда; 2) качественное питание, здравоохранение; 3) качественные оздоровительные и рекреационные услуги; 4) образование и информация как в целом, так и в сфере здоровьесберегающих технологий, в частности. Именно информация имеет большое значение для действия, но приобретение информации может быть дорогостоящим. Поэтому возможность получения информации, которая свойственна социальным отношениям, рассматривается как важная форма социального капитала. Здоровье человека зависит не только от внешних факторов, но и от того значения, которое придается его сохранению. Поэтому было важно выявить цели жизни и ценностные ориентации людей. По данным нашего исследования, в структуре наиболее значимых для респондентов ценностей преобладают следующие: 66,0 % – дети, 64,8 % – здоровье членов семьи, 50,1 % – взаимоотношения в семье, 46,3 % – интересная работа, 43,1 % – любовь. И на самом последнем месте среди полутора десятков перечисленных ценностей (можно было указать не более 5) – занятия спортом и физкультурой – всего 2,1 %.

В качестве основных причин, по которым респонденты не могут заниматься физическими упражнениями, спортом или занимаются редко, были названы следующие: 8,9 % – не позволяет состояние здоровья; 14,5 % – нет потребности в таких занятиях; 8,1 % – много других увлекательных и интересных дел; 3,6 % – отсутствуют необходимые спортивные сооружения (стадионы, залы и т. д.); 2,0 % – нет интересующих спортивных секций и клубов; 0,3 % – не разрешают родители или другие члены семьи; 0,4 % – не принимают в спортивные секции; 9,4 % – отсутствие денег на платные занятия. Но преобладающими являются: нехватка времени, на что указали 46,0 % опрошенных; у 43,1 % респондентов «много сил занимают работа (учеба), домашние дела» и для 22,4 % это – лень, отсутствие желания.

Таким образом, очевидно, что это субъективные причины, сдерживающие занятия физическими упражнениями и спортом.

Подводя итоги, можно предположить, что существует ряд латентных, но не декларируемых респондентами причин низкой значимости физкультурно-спортивных занятий. Во-первых, серьезным сдерживающим фактором эффективного использования оздоровительного и социально-культурного потенциала физкультурно-спортивной деятельности является недостаточный уровень знаний в этой области. Гипотетически это, конечно, связано с недостатками в организации информационной, разъяснительной, просветительской работы в области физической культуры и спорта. Но более значимыми являются широко распространенные в общественном сознании стереотипы – представления о том, что вся ценность занятий физическими упражнениями и спортом сводится лишь к их воздействию на здоровье и физическое развитие человека. И, как следствие этого – мнение о негативном влиянии спорта на духовную культуру людей, укоренившийся в общественном сознании образ спортсмена (физически крепкого человека с накачанными мышцами, но с ограниченным интеллектом, узким культурным кругозором и т. д.). Во-вторых, и это выявил наш опрос, существует переоценка состояния своего здоровья и физического развития. В-третьих, препятствуют этому завышенные ожидания сиюминутного оздоровительного эффекта от занятий, в то время как для достижения данного эффекта необходимы длительные, регулярные и систематические занятия физкультурой и спортом, в комплексе с четким соблюдением режима дня, отказ от многих вредных привычек, т. е. необходимы определенные усилия. Для многих людей это неприемлемо и невыполнимо из-за ряда установок. Так, на вопрос анкеты «Какими принципами Вы обычно руководствуетесь в своей жизни?» (респондентам можно было указать не более трех вариантов) были получены следующие ответы. Для каждого седьмого важнее всего удовлетворение своих личных потребностей и интересов (14,4 %), для каждого пятого

главное в жизни – получение удовольствия (20,3 %) и более чем для каждого второго стремление к спокойствию и умиротворению (58,4 %). Поэтому закономерно, что более чем одна треть опрошенных в качестве причин физкультурно-спортивной пассивности называли лень, нежелание (22,4 %) и отсутствие потребности (14,5 %). Таким образом, все они либо не желают заниматься, либо отрицают необходимость регулярных занятий физической культурой и спортом. Данная позиция частично входит в противоречие с распространенной в современном мире точкой зрения о положительном воздействии спорта как

на социализацию личности, так и на различные аспекты социальной жизни.

По результатам исследования среди студентов гомельских вузов, можно отметить следующее. Восприятие физической активности как важнейшего ресурса здоровья во многом влияет на регулярность спортивных занятий. Частота таких занятий за рамками учебного процесса позволяет выделить пять групп респондентов, занимающихся: 1) практически ежедневно; 2) 3–4 раза в неделю; 3) 1–2 раза в неделю; 4) 1–2 раза в несколько месяцев; 5) вообще не занимаются. Для первой группы физическая активность – самый главный фактор здоровья. Так считают 22,5 % ее представителей. Во второй группе данный фактор чаще всего ставят на третье место – 19,5 %. Такая же оценка характерна и для занимающихся 1–2 раза в неделю (18,1 %). Именно эта группа респондентов является модальной. А в последней группе, вообще не занимающихся, типичным является мнение о малой роли физической активности, которая занимает пятое-шестое место (16,6 %) среди факторов здоровья.

В целом, исследование показало, что оздоровительная и эмоциональная стороны восприятия занятий спортом занимают значимую нишу в жизни студентов. При этом личностная роль организации самостоятельных спортивных занятий еще не вошла в поле мотивационной сферы молодежи. Вместе с тем зрительский и болельщицкий

интерес к соревнованиям направлен не на активизацию занятий, а на пассивное потребление. В этой связи представляется целесообразным более акцентированное формирование личностно ориентированной модели мотивации активных действий в процессе физического развития. Поэтому одной из основных целей спортивной политики является создание благоприятных условий для укрепления и развития здорового образа жизни молодежи, социализации средствами спорта подрастающих поколений. Возможно, что причины недостаточной ориентации на сохранение здоровья и слабой ориентации на высокий уровень физического развития – это недостаточная мотивация, неразвитость культурно-исторических традиций, стимулирующих здоровый образ жизни и физическое совершенство. Трансформация современного общества не может быть в полной мере успешной, если не обеспечивается солидарность ценностных ориентаций молодежи базисным ценностям общества. Изменения в социальных ценностях, происходящие в настоящее время, представляют собой переход от традиционного типа ценностей к современному, «достиженческому». Эту тенденцию в определенной степени подтверждают и выявленные нами особенности ценностных ориентаций. Поэтому озабоченность молодых людей проблемами материально обеспеченной жизни, достижения высокого статуса, профессиональной ориентации и трудоустройства, а также желание устроить свою личную жизнь оттесняют на второй план ценности здоровья и физического совершенства. В связи с этим возрастает значимость такого междисциплинарного аспекта социальной политики, как формирование позитивного ценностного отношения общества, различных социальных групп и личности к спорту, спортивному стилю и здоровому образу жизни. Но решение этой государственной задачи будет односторонним и неполным, пока каждый глубоко не осознает необходимость регулярных занятий спортом и физическими упражнениями, пока они не станут жизненной потребностью, составной частью образа жизни. Спортивная активность как составляющая образа жизни отражает меру и характер

участия в непосредственных спортивных занятиях. Регулятором спортивной активности выступает спортивная культура, которая включает в себя: знания в области спортивной подготовки и физической культуры; умение использовать эти знания; потребность в систематических занятиях спортом, участии в спортивных соревнованиях; спортивный стиль жизни, предполагающий активные занятия спортом и участие в спортивных соревнованиях. Спортивная активность фиксируется с помощью следующих индикаторов: 1) характер мотивации; 2) регулярность занятий; 3) организационная форма занятий (группа, индивидуально, платно, бесплатно); 4) продолжительность одного занятия (тренировки); 5) вид спорта или физических упражнений (фитнес, плавание, футбол, волейбол и т. д.). В свою очередь, если дифференцировать содержание понятия «отношение к здоровью», то здесь можно выделить: 1) самосохранительное отношение и поведение, т. е. «система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья и продление жизни»; 2) саморазрушительное отношение и поведение. Анализируя проблему отношения к здоровью, нужно обратить особое внимание на «феномен вынужденного отказа от самосохранительного поведения», возникающего в условиях доминирования ценностей, которые, с точки зрения людей, повышают шансы социальной мобильности в краткосрочной перспективе (образование, «подработка» и т. д.), но в долгосрочной перспективе могут привести к разрушению здоровья.

Несмотря на выявленные проблемы и недостатки, необходимо отметить, что в Гомеле и Республике Беларусь создана инфраструктура для обеспечения успешного функционирования модели физической активности, адекватной национальному менталитету: 1) созданы и продолжают возводиться спортивные объекты, дающие возможность для коллективного занятия спортом и физическими упражнениями, в том числе позволяющие заниматься всей семьей или совместно с друзьями, коллегами по работе; 2) проводятся традиционные спортивно-семейные

праздники, организуемые на предприятиях, в организациях и органами местной исполнительной власти; физическая активность становится неотъемлемым атрибутом жизни, ценностью и средством формирования социальнодуховных, эмоционально-личных связей; 3) проводятся традиционные оздоровительные и спортивные мероприятия на предприятиях и в организациях, в том числе и с использованием ресурсов профсоюзных комитетов; 4) проводятся открытые спортивные соревнования; 5) работают спортивные и оздоровительные секции; 6) развивается система медицинской профилактики заболеваний; 7) усиливается борьба с алкоголизмом, наркоманией, табакокурением.

УДК 316.1

ББК 60.5

Злотникова Л.М.

Здоровье как предмет социологии в условиях риска

Zlotnikova L.M.

Health as a sociology subject in the conditions of risks

Аннотация. Длительное время здоровье человека находится в центре ответственности здравоохранения. Отклонения в нем часто адресуются конкретному человеку. Бурное развитие научно-технического прогресса радикально изменило условия жизни и производства. Человек оказался в системной зависимости от рисков цивилизационного развития. Моделирование последних должно стать одним из важнейших предметов социологии.

Ключевые слова. Здоровье, риски, социально-экономические условия жизни, трудоспособное здоровье, физическое, психическое здоровье.

Abstract. The long time health of the person is in the center of responsibility of health care. Deviations in him are often addressed to the specific person. Rapid development of scientific and technical progress has considerably changed living conditions and productions. The person has appeared in system dependence on risks of civilization development. Modeling of the last has to become one of the most important objects of sociology.

Keywords Health, risks, social and economic living conditions, able-bodied health, physical, mental health.

Объем знаний о здоровье растет, а количество вопросов, связанных с определением его содержания, отношения человека, общества, государства не уменьшается. Особую актуальность проблемы здоровья приобретают в условиях ускорения темпов изменений во всех сферах жизнедеятельности человека. Во времена зарождения цивилизации человек решал вопросы сохранения жизни родившегося ребенка очень просто: физический крепкий – получал право на жизнь, слабый, в буквальном смысле слова, подвергался

уничтожению. Длительное время потенциальное здоровье подвергалось естественному отбору.

Великий человек, ученый медик и мудрый философ XX в. Н. Амосов в книге «Раздумья о здоровье» очень образно охарактеризовал использование результатов многочисленных исследований по проблемам здоровья. По его мнению, лучшим эмпирическим показателем отношения человека и общества к здоровью может служить внешний вид человека. На городских улицах большое количество людей с нездоровым цветом лица, ожирением, шаркающей походкой, тяжелым дыханием, в общем «люди без возраста с потухшими и безрадостными глазами».[1] Что и почему происходит с человеком, который на вербальном уровне возвышает здоровье, а в реальной жизни тратит огромные усилия на «кормление страстей».

Древние философы, размышляя о жизни, возлагали большие надежды на развитие разума и его влияние на поведение человека. Несмотря на то, что человек становится все более образованным, расширяются возможности для управления эмоциями, не уменьшается количество болезней. Медицинская статистика убедительно доказывает рост смертности в молодом возрасте от заболеваний, ранее считавшихся возрастными. Объемы материального богатства, которыми располагает человечество, несопоставимы с тем, что было в распоряжении человека еще несколько столетий тому назад. Однако здоровье, как подтверждает практика, по-прежнему представляет комплекс проблем системного характера. Увеличение продолжительности жизни во все большей степени оказывается в прямой зависимости от искусственного поддержания физического существования. Современная социальная статистика не представляет информации о количестве человек, чья жизнь в течение нескольких лет, а иногда и десятилетий поддерживается усилиями медицины. Новые лекарства, технологии помогают продлевать физическую жизнь человека, увеличивая экономические и моральные затраты.

Проблемы со здоровьем человека условно можно сформулировать следующим образом. Во-первых, повышение качества, неарифметическое

увеличение продолжительности жизни, а ее трудоспособное наполнение. Во-вторых, предупреждение различных заболеваний, прежде всего путем выявления основных причин и реализации действенных мер по минимизации негативных последствий. О влиянии внешних факторов на отношение человека к здоровью писал Э. Дюркгейм: «...высшие формы человеческой деятельности имеют коллективное происхождение, они преследуют коллективную цель, поскольку они зарождаются под влиянием общности, постольку к ней же относятся и все их стремления». [3, с.190] Здоровье, на наш взгляд, представляет собой результат коллективного, т.е. общественного воздействия. Если воспользоваться методологией П. Сорокина о социальном пространстве, как «многомерном, в котором существует более трех группировок людей по социальным признакам», [5, с.300] можно сделать вывод об особом влиянии состояния здоровья на социальное пространство. Люди по состоянию здоровья могут быть разделены на три условные группы: здоровые, больные и находящиеся в состоянии предболезни. Последнее определение часто используется в медицинской теории и практике для разработки и реализации профилактических мероприятий. Современные социологические исследования редко вводят в социальный паспорт респондента субъективные оценки здоровья. В тоже время «Образ мыслей бывает разным - светлым и мрачным». [3, с.99] и они часто оказывают решающее воздействие на трудоспособное здоровье человека.

Широко растиражированное стереотипное утверждение о том, что состояние здоровье находится в максимальной зависимости от собственного отношения человека, его поведения, образа жизни и т.д. можно использовать только в случае высокого уровня абстрагирования от реальной жизни. Бесспорно, что в науке человек, прежде всего абстрактный субъект или объект исследования. Реально действующий человек – это не простейший индивид. П. Сорокин определял суть поведения человека через взаимодействие. «Под взаимодействием» понимается любое событие, с

помощью которого один человек полуосозаемым путем влияет на открытые действия или состояние ума другого. В отсутствие такого явления (одностороннего или взаимного) невозможно никакое социокультурное явление». [5, с.192] В нашем понимании «здоровье» - это фундаментальное социокультурное явление, которое в концентрированной форме выражает результативность достижений развития общества. Отрицание общественной значимости индивидуального здоровья гипотетически можно сравнить со своеобразной тайной, т.е. непознанностью объективных факторов его формирования и сохранения. Социальная сущность и последствия системного влияния факторов на здоровье человека четко оценивают слова К. Юнга: «Тайна и сдержанность - на эти вредные вещи природа в конце концов реагирует болезнью». [7] Перенесение центра тяжести на человека в поиске эффективных механизмов поддержания трудоспособного здоровья неизбежно влечет за собой иррациональное поведение. О его распространенности свидетельствует информация о поздних обращениях к врачам.

Жизнь человека всегда проходила в условиях жесткой (видимой или невидимой) зависимости от окружающих условий, действий или бездействий находящихся рядом и т.д. Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1972 год «за новаторский вклад в общую теорию равновесия и теорию благосостояния» Кеннет Эрроу писал: «Существует много факторов, влияющих на здоровье, и медицинская помощь – только один из них. Другие блага, такие как питание, жилище, одежда, уровень санитарии могут быть важнейшими...». [6, с.293] Любой из перечисленных факторов характеризуется определенным уровнем непредсказуемости. В широком смысле слова риск – это и есть непредсказуемость. В учебной литературе по проблемам риска предложена сложная структура. Воспользуемся ее и поставим на первое место политические риски. Условно разделим политику государства на внешнюю и внутреннюю. Основная цель внешней политики заключается в решении

различных проблем с другими странами, что в свою очередь предполагает использование мирной дипломатии или применение насилия. Несмотря на огромный печальный исторический опыт использования насилия, военные действия до настоящего времени широко используются. Мирное решение проблем, к сожалению, иногда остаются вербальными призывами. Начало, временной интервал использования вооружения, как подтверждает история развития цивилизации, носят непредсказуемый характер, образно говоря, оцениваются как непрогнозируемая система рисков. В ходе различных военных действий гибнет огромное количество людей, многие становятся инвалидами, приобретают различные заболевания. Приходится констатировать, что в XXI в. сложно назвать страны, которые не отправляли бы молодых, трудоспособных, часто талантливых людей для участия в различных военных конфликтах.

Цинизм современной цивилизации заключается в том, что повышение образования, уровня культуры, расширение доступности познания собственной истории, широкие возможности для общения используются для увеличения производства средств уничтожения жизни и морального противостояния. Военный бюджет многих стран поистине огромен. По данным средств массовой информации (РИА Новости) бюджет США на 2016 г. составляет более 607 миллиардов долларов. В тоже время Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) указывает на необходимость 8 млрд. долл. в год для повышения эффективности борьбы с туберкулезом. [8] Приведенные данные носят не случайный характер. Прошло более двух столетий с открытия возбудителя туберкулеза. Однако, количество заболевших по данным ВОЗ по-прежнему выражаются огромными числами. По оценкам ВОЗ, в 2014 г. туберкулезом заболели 9,6 миллиона человек: 5,4 миллиона мужчин, 3,2 миллиона женщин и 1,0 миллиона детей. На глобальном уровне 12% из 9,6 миллиона новых случаев заболевания ТБ были лица, инфицированные ВИЧ. [8] В настоящее время в Республике Беларусь проживает 9 498 700 человек. Образно говоря на Земном шаре, ежегодно

появляется своеобразный туберкулезный анклав. Опасность последнего для всех заключается в том, что заболевший человек по различным оценкам способен заразить около пятидесяти человек. Специфической особенностью обозначенного заболевания является то, что оно лучше распространяется в условиях ухудшения материального положения и обнищания населения. Постоянные военные действия выступают катализатором не только инфекционных заболеваний, но и влекут за собой опасные нарушения в психике человека. Военные, непосредственно принимающие активное участие в боевых операциях, подвержены радикальным изменениям в психике. В медицине эти нарушения носят названия посттравматический синдром. Он представляет собой тяжелое состояние, которое возникает в результате сильной психической или эмоциональной травмы. Теоретически и практически состояния психики человека, испытавшего различные сильные эмоциональные травмы, опасны как для жизни пострадавшего, так и его окружения. Часто сопровождаются вспышками немотивированной агрессии, носят непредсказуемый характер. В зоне риска постоянно оказываются члены семьи. Например, «афганский синдром», как проявление посттравматического стрессового состояния привел к распаду не одной семьи, появлению социальных сирот. С сожалением приходится констатировать, что члены семьи редко оказываются в поле зрения, а тем более постоянного наблюдения соответствующих специалистов. Полностью отсутствует системный анализ влияния посттравматического синдрома на трудоспособность, состояние здоровья членов семьи, прежде всего детей. Военные действия негативно сказываются на состоянии психики не сразу. Латентный период может составлять от нескольких месяцев до нескольких лет. Сложность проявления посттравматического синдрома заключается в том, что не существует методик определения «спусковых механизмов». Звуки, кадры кино, поведение окружающих и т.д. могут повлечь за собой различные девиантные проявления поведения пострадавшего. Учитывая, современную агрессивную направленность средств массовой коммуникации,

наибольшую актуальность приобретают слова П. Сорокина: «... социология – наука о родовых свойствах и основных закономерностях социально-психологических явлений»». [5, с.31]

Политическая деятельность государства проявляется в поддержании внутренней безопасности жизнедеятельности человека. В структуре институтов, обеспечивающих внутренний порядок, пресечение и наказание за покушение на жизнь человека, особое место занимает пенитенциарная система. В узком смысле слова, она представлена обществу как совокупность различных мероприятий в исправительных учреждениях с целью перевоспитания заключенных. В широком – это государственный институт, отвечающий за исполнение уголовных наказаний. Естественно возникает вопрос о том, какие риски она вносит в жизнь человека. Народная мудрость гласит, что от тюрьмы и от сумы никто не застрахован. В бурно развивающемся мире, постоянном усложнении техники и технологий, техногенные аварии давно стали спутником жизни. Сложность и многофакторность причин возникновения в реальности часто сводится к ответственности одного человека, который все чаще оказывается за тюремной решеткой. Действующая социальная статистика не представляет информации о структуре заключенных по возрасту, уровню образования, профессионализму, состоянию здоровья и т.д. Система, которая гипотетически призвана перевоспитывать людей, носит максимально закрытый характер. Сколько талантливых, высокопрофессиональных людей было морально и физически сломлено, общество не знает.

В Республике Беларусь в местах лишения свободы находится 51 238 человек (численность населения среднего районного центра) на 9 миллионов 400 тысяч населения, что составляет около 554 человек на 100тыс. человек. [9] Социальные и экономические последствия жесткости наказания до настоящего времени находятся за пределами гуманитарной науки и общественной практики. Только личные наблюдения медицинских работников позволяют говорить о том, что практически все отбывшие

различные сроки наказания, выходят на свободу с подорванным здоровьем. На первое место среди полученных заболеваний в ходе так называемого перевоспитания претендует туберкулез. Нарушение психики не только тех, кто отбывал наказание, но и членов их семей, представляет особую проблему. Семьи, часто оставшиеся без основного кормильца, испытывают серьезные материальные затруднения. Особое место в структуре проблем «перевоспитания» занимает детская заболеваемость. Последняя вызывается усилением жесткости к женщинам. По данным на начало 2010г. в тюрьмах Республики Беларусь находилось около 2830 женщин. В расчете на 100тыс. это составляет 29,9 узницы. Наибольший удельный вес среди заключенных женщин, отбывают наказание «за экономические преступления».

Учитывая, что значительное количество заключенных обоего пола люди репродуктивного возраста, получить в будущем здоровое наследство проблематично. Сложно оценивать последствия социальной жесткости, царящей в обществе в отношении девиантного поведения. В результате диверсификации принудительного перевоспитания неизбежно сокращается рождаемость, растет заболеваемость детей. Несколько лет тому назад автор с санитарным врачом и психологом одного из административных районов г. Гомеля предприняли попытку провести инициативное исследование проблем здоровья социальных сирот, находящихся в одном из детских домов семейного типа. Анализ медицинских данных показал, что подавляющее большинство детей уже к 8 годам имели по несколько хронических заболеваний. Проблемы со здоровьем людей, прошедших «школы перевоспитания» усугубляются еще и тем, что они становятся изгоями общества, часто не могут реализовать право на труд. Отсутствие соответствующего дохода в условиях коммерциализации здравоохранения ограничивает для них возможности получения своевременной и качественной медицинской помощи.

Человек уже на раннем этапе становления общественной жизни пытался формализовать сложные процессы и явления. Для этого использовал

астрологию, нумерологию и т.д. В современном мире поклонение магии чисел приобрело огромные масштабы. Для характеристики уровня развития здравоохранения используется широкая система количественных показателей. Продолжительность жизни, уровень дожития рассчитываются на основе совокупности количественных показателей, характеризующих изменения численности населения, связанной с естественной сменой поколений (коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста населения). Данный показатель не считается статистически обязательным, используется медициной. Демографы прибегают к нему, для концентрации внимания на проблемах народонаселения. Благотворная идея определения потенциальной численности и ее структуры не имеет действенных механизмов реализации, тормозит реализацию эффективной политики формирования и поддержания трудоспособного здоровья человека на протяжении жизни.

Австрийский социолог Питер Бергер и немецкий социолог Томас Лукман предложили гуманитарному миру принципиально новую методологию социального конструирования. В работе «Социальное конструирование реальности» основной акцент сделали на место и роль повседневного знания в жизнедеятельности человека, обратив основное внимание на состояние экономической культуры.» [2] Актуальность обращения к вопросам методологии и эмпирики экономической культуры многократно возрастает в условиях, когда техногенные, т.е. рукотворные катастрофы, уносящие и уродующие сотни и тысячи человеческих жизней, в буквальном смысле слова стали нормой жизни. Интерес к подлинным причинам повсеместно заменяется усилением ответственности отдельных людей. Оправдание практики ухода от объективной и справедливой оценки технико-экономических рисков проявляется в использовании выражения «человеческий фактор».

Нам очень сложно согласиться с персональной ответственностью отдельных руководителей за техногенные аварии. Слишком мало внимания

уделяется воздействию науки и техники на жизнь людей. Постоянное восхваление положительных результатов различного рода инноваций искажает объективную картину происходящего, формирует иллюзорное представление о могуществе техники, превращая человека в обслуживающий персонал. Появление в гуманитарном научном мире проблем риска, к сожалению, не включает в предмет исследования кризисные явления в ценностях. П. Сорокин в работе «Кризис нашего времени» писал: «Периоды перехода от одной фундаментальной формы культуры и общества к другой, когда рушится здание старой культуры, а новая структура еще не возникла, ... Неизбежным следствием этого является рост дезинтеграции и дезорганизации. Ко всему этому необходимо добавить болезненный шок, который непрерывно разрушает его разум и нервную систему среди хаотичной и жестокой борьбы, сопровождающей переходный период... Нервные срывы являются еще одним аспектом разрушения социокультурного порядка». » [1]

Предложенный формат не позволяет раскрыть содержание не только механизмов влияния рисков на состояние здоровья, но даже перечислить. Необходимо отметить одно, но очень важное обстоятельство, связанное с разработкой прогнозов и моделированием будущего. Прогнозы до настоящего времени остаются уделом писателей фантастов. Моделирование используют экономисты для формализации макроэкономических процессов и явлений. В первом и во втором случаях здоровье человека не входит в сферу интересов. Человек, если и попадает в поле зрения, то выступает некой символической величиной общего социального будущего или безымянным фактором производства. Новые цивилизационные риски влекут за собой радикально изменяющиеся опасности. От одного человека, состояния его здоровья, реальных возможностей адекватно реагировать на быстрые и радикальные преобразования попадают в зависимость сотни тысяч. Катастрофа на Чернобыльской атомной станции, оставшаяся без внимания гуманитарной науки, наглядно демонстрирует, как технологические ошибки,

совершенные небольшим коллективом, повлияли на здоровье сотен тысяч людей нескольких поколений. Серьезным последствием является рост заболеваний щитовидной железы у детей, вызывающих многочисленные патологии развития подрастающего поколения. Сегодня очевидна прямая корреляционная зависимость между поведенческой ответственностью одного человека, жизнью и здоровьем сотен, а иногда и тысяч человек. Препятствиями для научных исследований служат экономические действия правительства и асимметричность информации, их выявление требует тщательного системного анализа социальных процессов.

Литература

1. Амосов Н. «Раздумья о здоровье». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fanread.ru/book/9141671/?page=1> (дата обращения 12.01.2016)
2. Бергер П., Лукман Т. «Социальное конструирование реальности» Трактат по социологии знания. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4783> (дата обращения 15.01.2016)
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
4. Сорокин П. Кризис нашего времени». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nir.ru/socio/articles/Soro.htm> (дата обращения 15.02. 2016)
5. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
6. Эрроу К. неопределенность и экономика благосостояния здравоохранения //Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т.4./Под общ. ред. А.П. Заостровцева. – СПб. : Экономическая школа, 2004. – с.293 - 338
7. Юнг К. Проблемы души нашего времени. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://modernlib.ru/books/yung_karl_gustav/problemi_dushi_nashego_vremeni/re (дата обращения 20.01. 2016)

8. ВОЗ Доклад о глобальной борьбе с туберкулезом .[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gumer.info/?p=7>
http://www.who.int/tb/publications/global_report/ru/ (дата обращения 12.02.2016)

9. Количество заключенных в России, Беларуси, Украине и других стран мира. [Электронный ресурс] Режим
<http://www.bygeo.ru/materialy/karty/396-kolichestvo-zaklyuchennyx-v-mire-i-evrope-na-kartax.html> (Дата обращения 22.02.2016)

УДК 31

ББК 60.5

Ивлева, Т.В.

Социальная защита детства в Российской Федерации

Ivleva, T.

Social protection of the childhood in the Russian Federation

Аннотация: Настоящая статья посвящена социальной защите детства в Российской Федерации. В ней автором сформулировано понятие «система социальной защиты», раскрывается ее содержание с учетом подведомственности структур и их взаимодействия, а также реализуемых социальных программ. Также внимание уделено понятию «социальная служба», «дети», «ребенок». Дается правовая база социальной защиты детства в РФ. Ценность статьи заключается в том, что в ней особый акцент сделан на социальную защиту прав ребенка в Республике Башкортостан и приводятся статистические данные региона.

Abstract: This article is dedicated to the social protection of the childhood in the Russian Federation. The author has formulated the concept of "social protection system", discloses the content with regard to the jurisdiction of the entities and their interactions, as well as implemented social programs. Also attention is paid to the concept of "social service", "children", "child". Given the legal framework of social protection of the childhood in the Russian Federation. The value of this article is that in her particular emphasis is placed on social protection of children's rights in the Republic of Bashkortostan and statistics of the region.

Ключевые слова: социальная защита детства, управление социальной защитой детства, социальный, защита, ребенок, система социальной защиты, социальные права, социальный службы

Key words: social protection of the childhood, management of social protection of childhood, social protection / child welfare system, social rights, social service

В настоящее время социальная защита населения является основным направлением политики любого цивилизованного государства, задача которого заключается в поддержании стабильности доходов людей, предоставлении равного доступа к медицинской помощи и оказании необходимых социальных услуг.

Наша страна не является исключением и в Основном законе провозглашает: «Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1].

О значимости социального направления свидетельствуют затраты российского государства на его развитие и поддержание, которые составляют более 30 % от общего бюджета [2].

В настоящей статье внимание уделено защите одной из наиболее незащищенной и уязвимой социальной группе – детям, которые в силу присущего им недостаточного для самостоятельной жизни уровня физического, психического и жизненного опыта, всегда нуждались и будут нуждаться в повседневной опеке взрослых, а на уровне государственной власти и местного самоуправления - в социальной защите.

К приоритетным группам детей, в первую очередь нуждающихся в социальной защите, относятся: дети - сироты; дети, оставшихся без попечения родителей; дети из девиантных и педагогически запущенных семей; дети из приемных семей, многодетных, неполных; дети-инвалиды; дети, имеющие недостатки в психическом и физическом развитии; дети безработных граждан; дети - жертв вооруженных конфликтов, экологических и техногенных катастроф; дети из семей беженцев и вынужденных переселенцев; дети, состоящих на профилактическом учете в органах

внутренних дел; дети, проживающие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним районах.

Под понятием «дети» подразумевается как отдельный ребенок, нуждающийся в социальной защите, так и группа детей в возрасте: с момента рождения до 18 лет. Такая позиция автора следует из статей 38, 39, 43 Конституции РФ, которые дополняются термином «каждый» в остальных нормах Основного закона нашей страны [3].

Система социальной защиты детей – совокупность государственных органов (законодательных, исполнительных и судебных), институтов и структур, а также негосударственных (некоммерческих) организаций проводимых мероприятия по обеспечению гарантированных условий жизни, поддержанию жизнеобеспечения и гармоничного развития ребенка с целью удовлетворения его потребностей и интересов.

Что касается понятия «социальная служба», то в российском законодательстве отсутствует его юридическое закрепление, несмотря на то, что в научной и аналитической литературе оно используется.

Например, понятие «социальная служба» используется в научном докладе (независимый экономический анализ) Московского общественного научного фонда и Центра социальной политики и гендерных исследований (стр. 38, 58, 69 и пр.) [4]. Как правило, под понятием «социальная служба» в научной и аналитической литературе подразумевается комплекс организаций и учреждений по социальной помощи и социальному обслуживанию.

Согласно статье 5 Закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» возглавляет систему социального обслуживания Министерство труда и социальной защиты РФ [5].

В каждом субъекте РФ также имеется орган государственной власти, полномочный в сфере социального обслуживания. Например, Министерство труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан.

В ведении каждого министерства имеются подведомственные организации (в Республике Башкортостан их 39) [6], которые

взаимодействуют с социально ориентированными некоммерческими организациями (НКО), предоставляющими социальные услуги.

В последнее время негосударственный сектор принимает активное участие в социальных программах, направленных на защиту прав и интересов детей.

Как правило, социальными вопросами НКО занимаются за счет государственных или республиканских субсидий.

Так, Минтруда и социальной защиты населения РБ в 2015 году израсходовало за счет средств федерального и республиканского бюджета 265 014, 2 тыс. руб. на субсидии для НКО в целях реализации ими социальных программ [6].

Одним из примеров названного субсидирования является проект Некоммерческого Благотворительного Фонда «Наши Дети» (г. Уфа), который занял первое место в региональном конкурсе социально ориентированных НКО и получил субсидию Министерства труда и социальной защиты населения РБ на реализацию программы «Апробация семейно-ориентированных услуг «Краткосрочное кризисное консультирование семей» и «Социально-бытовой патронаж семей (домашний помощник)».

В июле 2015 года появились данные Минтруда РФ о результатах мониторинга реализации Закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Согласно приведенным данным, ситуация по созданию и развитию НКО в сфере соцуслуг меняется динамично.

Например, если в реестре поставщиков на оказание социальных услуг в Ханты-Мансийском автономном округе в начале сентября 2015 года числилось всего 8 НКО, то к концу 2015 г. их стало уже 60 [7].

Согласно приведенным диаграммам Агентства социальной информации, Республика Башкортостан занимает лидирующее место по числу НКО социального обслуживания граждан. Их здесь числится 120 [7].

Особую роль в социальной защите детства играют семья и школа, а также специальные службы социальной работы: муниципальные службы, система стационарных учреждений, приютов, детских домов, интернатов, учреждения дополнительного образования и развития детей, специализированные центры психолого-медико-социального и педагогического сопровождения, консультационные и реабилитационные службы и т.д. Непосредственными субъектами социальной защиты являются социальные работники, социальные педагоги и другие специалисты.

Здесь особое внимание хочется уделить роли социального педагога в системе социальной защиты детей.

Социальный педагог назначается на должность директором школы, подотчетен и подконтролен ему, также как и Управлению образования Администрации города Уфы.

Ежегодно за помощью к социальному педагогу обращается около 95 тысяч детей.

Существенным направлением деятельности социального педагога является профилактика девиантного поведения, причем не «карательными» методами, а мероприятиями, сочетающими социально-правовую и психологически-педагогическую помощь и поддержку детям, семье.

Социальный педагог школы (по соглашению с КДН и ЗП) подключает (по мере необходимости) всех заинтересованных лиц к решению проблем закрепленной за ним семьи и включает в план работы с семьей мероприятия, проводимые работниками других учреждений и организаций (например, инспектора ОДН, социального педагога подросткового клуба, врача, психолога Центра и др.)

Цель комплексной работы с семьей состоит в том, чтобы семья сама смогла себя обеспечить и защитить права и интересы ребенка.

Одна из проблем деятельности социального педагога в школе – дублирование им ряда полномочий комиссий по делам несовершеннолетних, особенно в сфере работы с юными правонарушителями в школе.

В продолжение раскрываемой темы, посвященной государственной защите прав ребенка, нам также хочется рассказать о действующей в Республике Башкортостан программе «Мой мир, моя семья».

Говоря о социальных программах, хочется отметить, что они занимают одно из важнейших мест в социальной защите детей и реализуются как на федеральном, так и региональном уровнях.

Кроме того, именно социальные программы, - программа «Дети России», разделившаяся впоследствии на шесть целевых программ («Дети Севера», «Дети Чернобыля», «Дети-инвалиды», «Дети-сироты», «Развитие индустрии детского питания», «Планирование семьи»), введенные в действие Указом Президента РФ в 1994 году, образовали правовую базу социальной защиты детства. В 1997 г. эти программы были расширены за счет подпрограмм «Развитие социального обслуживания семьи и детей», «Одаренные дети», «Дети семей беженцев и вынужденных переселенцев», «Безопасное материнство» и все они объединены в единую целевую программу «Дети России», рассчитанную на 2003-2006 гг.

Программа «Мой мир, моя семья» направлена на профилактику семейного неблагополучия в Республики Башкортостан и финансируется за счет средств гранта Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Главный координатор программы - Республиканский социальный приют для детей и подростков. Неблагополучным семьям, попавшим под действие программы, уделено особое внимание. С ними работают специалисты комплексных центров социального обслуживания населения, которые созданы в каждом муниципальном образовании республики. Задача специалистов - не потерять трудную семью из виду, помочь взрослым вовремя одуматься, а детям - не превратиться в сирот. Специалисты определяют сеть социальных контактов проблемных ребят, то есть ближайшего их окружения. Затем педагоги из приюта составляют план действий в отношении каждого из взрослых, от которых зависит судьба конкретного ребенка. С родителями детей заключаются

договоры взаимодействия, в соответствии с которыми мамы и папы обязуются пролечиться от алкоголизма, а затем пройти курсы переквалификации и устроиться на работу. За время реализации проекта, который стартовал в нескольких пилотных районах Башкортостана, десятки родителей удалось пролечить в наркологических диспансерах, избавив их от алкоголизма, а также обучить их на базе местных профтехучилищ новым специальностям, востребованным на рынке труда. Сейчас в программе числится более 13,5 тысячи семей [8].

Несмотря на то, что государство старается создать эффективный механизм защиты прав детей, в том числе, его социальных прав, до совершенства системы социальной защиты детства нашей стране еще очень далеко. На это также влияет и такая проблема, как отсутствие в нашей стране культуры обращения граждан, особенно детей, в органы, осуществляющие социальную защиту детей. В большинстве случаев дети не знают, куда и к кому обратиться с просьбой о помощи. Об этом свидетельствует статистика, приведенная в Информационно-статистическом сборнике Минтруда и социальной защиты населения РБ за 2015 г. [6].

В большинстве случаев, граждане знают о социальной защите в денежной форме (пособии, пенсии) и часто даже не догадываются о наличии натуральной или юридической помощи.

В завершение настоящей статьи, хочется выразить надежду на то, что в ближайшем будущем каждый нуждающийся ребенок нашей страны будет обеспечен надлежащим, качественным и достойным уровнем социальной защиты, ведь для этого в России имеются все необходимые предпосылки.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. законов о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ) // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; – 2008. – 31 дек., - гл. 2.

2. Социальные расходы в России: федеральный и региональный бюджеты – М: НИУ ВШЭ, 2015 – 63 с. (с. 7-8)

3. Лобанова Т. В. Правовое положение ребенка в России и Великобритании (Англии): теоретико- правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 31

4. Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения / Под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской- Смирновой. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ». М.: Московский общественный научный фонд; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2007, 234 стр.

5. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2013, «Российская газета», N 295, 30.12.2013,

6. Информационно-статистический сборник Минтруда и социальной защиты населения РБ, г. Уфа, январь, 2016 // http://mintrudrb.ru/upload/docs/sbornik_01_2016.pdf

7. Попавшие в реестры — как НКО себя чувствуют в роли поставщиков социальных услуг. Агентство социальной информации 03.09.2015 <http://www.asi.org.ru/popavshie-v-reestry-kak-nko-sebya-chuvstvuyut-v-rol-i-postavshhikov-sotsialnyh-uslug/>

8. Пересыпкина Т. Н. Верните маму // Российская газета. – 2010. – № 5274. – С. 5.

УДК 614

ББК Ч481+С9

Испулова, С.Н.

Индивидуальная социальная работа: совершенствование
профессиональной подготовки студентов университета

Ispulova, S.

Individual social work: improving
professional training of University students

Аннотация. В статье представлены авторские рекомендации по совершенствованию профессиональной подготовки студентов к индивидуальной социальной работе на основе проведенного многолетнего научно-теоретического и эмпирического исследования.

Annotation. The article presents the author's recommendations for improving professional training of students to individual social work, based on many years of scientific theoretical and empirical research.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА, ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА.

KEYWORDS. PROFESSIONAL TRAINING, INDIVIDUAL SOCIAL WORK.

Выполнение студентами профессиональных функций отделено во времени, на начальном этапе обучения наибольшую значимость для них имеет настоящая учебно-познавательная, а не будущая профессиональная деятельность. Данное обстоятельство говорит о том, что в вузе обучение необходимо максимально профессионализировать. Задача состоит в том, чтобы цели, мотивы, содержание, средства и методы, результаты учебно-познавательной деятельности приобрели для будущих специалистов по социальной работе профессиональную значимость.

Прежде всего необходимо обратить внимание на профессионализацию целей учебного процесса. Как показали наши опросы, более 70 %

первокурсников целью обучения ставят усвоение совокупности знаний, что говорит об ограниченности осознания значимости профессиональной деятельности студентами. Формированию профессионально значимых целей, на наш взгляд, будет способствовать своеобразная организация учебного процесса: проведение профессиональных дней для студентов; встречи студентов с опытными специалистами по социальной работе; ознакомительная практика по изучению социальной сферы региона; изучение единого комплексного плана профессиональной подготовки на весь период обучения на факультете; разъяснение целей, места каждой учебной дисциплины и значение обучения для будущего специалиста.

Наличие в самосознании будущего специалиста профессионально-личностного смысла учебного познания является психологическим выражением профессионализации личности, выступает показателем сформированности у него внутренней позиции субъекта профессиональной деятельности. Обеспечение профессиональной направленности учебного познания является условием образования у него профессионального личностного смысла.

Мы также считаем, что эффективность формирования профессиональной деятельности (в которую, прежде всего, входит индивидуальная социальная работа с клиентом) определяется возможностью широкого использования разработанных образовательных технологий, включающих спецкурсы по специальной психологии и педагогике, «круглые столы», конференции, научно-практические семинары и т.д. В эту систему входит также производственная практика в социальной среде, самообразование и познание себя. В процессе обучения в вузе необходимо делать акцент на личностно-ориентированное получение знаний, чему способствуют, с нашей точки зрения, особым образом построенные практические занятия, тренинги, ролевые игры, встречи, главная задача которых – развитие у будущих специалистов по социальной работе профессиональных умений и навыков индивидуальной работы.

Изучение конкретного содержания различных учебных дисциплин показало, что в них используется мало материалов, ориентирующих студентов на практическую деятельность. Одним из важнейших условий оптимизации процесса подготовки студентов к индивидуальной социальной работе с клиентом является обеспечение целенаправленности преподавания курса психологии, социальной педагогики, истории социальной работы и других дисциплин.

Понятие о сущности, цели и задачах профессиональной работы будущие специалисты должны получить из курсов «Введение в специальность», «Методика и содержание педагогической деятельности в системе социальной работы», которые включают специальные темы. Раскрытие целей и задач нравственного, эстетического, трудового, физического совершенствования в условиях современного российского общества конкретизирует знания будущих специалистов социальных служб. Изучая содержание профессиональной деятельности, будущие специалисты уясняют свое место и роль в общественном процессе, главную задачу профессионала – создание условий активного образа жизни клиента, атмосферы взаимопонимания и доверия.

В курсе «Психологии» в тесной взаимосвязи должны быть представлены понятия цели и деятельности и их зависимость от характера потребностей и активности клиента. Этот курс (как никакой другой) способствует познанию человека, адекватной его оценки, способности оказывать положительное влияние на личность, что является определяющим в индивидуальной социальной работе с клиентом.

Не умаляя значения других курсов, мы остановимся только на основных, которые играют главную роль в подготовке студентов к индивидуальной социальной работе и помогают понять, что цель профессиональной деятельности не есть что-то абстрактное, отвлеченное от практической работы, а реализуется в конкретной деятельности. От постановки цели работы зависят содержание, формы и методы

профессиональной деятельности специалиста. Формулируя конкретные задачи, специалист должен учитывать не только общие и морально-нравственные требования общества, но и индивидуальные особенности личности каждого клиента.

Важным условием подготовки студентов к индивидуальной работе с клиентом является глубокое понимание будущим специалистом по социальной работе ее диалектического характера. С первых занятий будущий специалист должен осознать, что теория вооружает его общими знаниями, но не дает готовых формул и рецептов профессиональной деятельности.

Следующим условием профессиональной подготовки студента является овладение им гуманитарной культурой, представляющей совокупность общечеловеческих идей, ценностных ориентаций и качеств личности. Основная роль в развитии гуманитарной культуры должна отводиться обществоведческому циклу, призванному формировать у студентов смысловые и мировоззренческие установки, которые открывают смысл жизни – совершенствование и преобразование мира, утверждение принципов добра и справедливости, противостояние всему унижающему и разрушающему личность.

Одним из основных условий подготовки студентов университета к индивидуальной социальной работе является организация производственной практики. Ценность обеспечения профессиональной практики состоит в том, что создаются возможности и необходимые условия для эффективной подготовки студентов в процессе активного включения в реальные взаимоотношения с подопечными. Во время практики происходит психологическая перестройка личности студентов. Если в начале своего обучения в вузе они осознают себя только в качестве объектов учебного процесса (о чем свидетельствуют данные исследования), то систематическое профессиональное общение с клиентами и выполнение определенных профессиональных функций приводят к вполне определенной трансформации их отношения к себе – будущие специалисты начинают

осознавать себя специалистами-профессионалами, относиться к себе как к субъектам профессиональной деятельности.

Проходя практику, будущий специалист учится получать сведения о группе, с которой работает, об отдельной личности. Во время наблюдения он соотносит свои сведения и впечатления с теоретическими знаниями, знакомится со всеми сторонами практической деятельности, с методами и формами ее организации.

Осуществляя непосредственное практическое воздействие на клиента, будущий специалист имеет возможность отмечать изменения в личности клиента, тем самым он может видеть результат своей деятельности. И, исходя из этого, планировать свою работу, применяя эффективные средства и отказываясь от малоэффективных.

Возможности подготовки студентов к индивидуальной социальной работе во время практики огромны, необходимо только использовать их в полной мере. В соответствии с целью исследования мы попытались использовать возможности профессиональной практики для подготовки студентов к индивидуальной работе с клиентом. При разработке ее содержания мы стремились обеспечить преемственность с курсами специализации и индивидуально-личностным подходом в подготовке специалиста.

Включение студентов в поэтапную практическую деятельность позволило раскрыть такие ценности профессиональной деятельности, как общественная значимость труда сотрудников социальных служб и его творческий характер, возможность профессионального роста и самосовершенствования, реализации знаний, умений и навыков индивидуальной работы с клиентом.

Выделим предложенные нами этапы практической деятельности будущего специалиста по социальной работе.

Первый этап – подготовительный: вхождение в проблему. На данном этапе главная задача студента – знакомство с клиентами, их социумом,

средой, установление контактов, социальная диагностика. Студент изучает педагогические возможности микросоциума, социальный состав подопечных, устанавливает связи с учреждениями микрорайона, выявляет уровень социальной активности различных групп населения, состояние социальной работы с ними. В дальнейшем он создает диагностическую карту социума, обобщает предложения, потребности и возможности жителей.

Второй этап – организационный: сбор и анализ информации, выявление возможностей, дифференциация проблем, нужд, «вживание» в среду. На данном этапе студент уделяет внимание определению приоритетов в создании системы социально-педагогической работы, организации разнообразной деятельности в микросоциуме. Он определяет выбор форм социального творчества, участвует в обеспечении координации работы социальных институтов микрорайона, организует непосредственную деятельность среди населения, с семьей, изучает возможности работы кружков, учреждений, организаций, занимающихся проблемами здоровья, досуга, образования, бытового обслуживания населения, систематизирует результаты диагностических и социологических исследований, фиксирует наличие проблем и намечает пути их решения, ведет рабочий дневник.

На третьем этапе студент непосредственно начинает работать дифференцированно с различными группами клиентов. Именно на этом этапе, работая индивидуально с клиентом той или иной группы, студент проявляет готовность или неготовность к индивидуальной социальной работе.

Остановимся на условиях, необходимых для формирования профессионально значимых качеств в вузе. Это прежде всего включение будущего специалиста в профессиональную деятельность, что способствует не только осознанию важности этих качеств, но и их формированию. Так, первокурсники определяют лишь 2-3 профессионально значимых качества личности, тогда как прошедший практику студент отмечает у себя более пяти. Кроме того, подготовка к практической деятельности, а также

формирование профессиональных качеств должны осуществляться в различных видах учебной деятельности: на лекциях, семинарах, практических занятиях, спецсеминарах, при подготовке курсовых и дипломных работ, при помощи специально сориентированных видов учебной деятельности: тренингов, деловых игр. В немалой степени развитию профессиональных качеств, необходимых при индивидуальной работе с клиентом, должны способствовать социальный интеллект, профессиональный такт, эмпатия, коммуникабельность, организаторские способности, внеучебная общественная и культурная жизнь студента[2].

Необходимым условием подготовки студентов к индивидуальной социальной работе является развитие творческих способностей, которое необходимо осуществлять через создание стимулирующих творчество условий и включение студентов в ситуации, требующие новых, нетрадиционных подходов. В механизмах творчества особую роль играет взаимодействие логических и интуитивных элементов деятельности.

Задача вуза состоит не только в том, чтобы развивать логику, но и стимулировать проявление интуиции в творчестве. Создание условий для проявления профессиональной интуиции, импровизационной готовности – необходимый компонент творческой активности, которая является одним из критериев готовности студентов к непосредственному взаимодействию с клиентом.

Важным подходом развития творческого начала у будущего специалиста, позволяющим выявить его самобытность, оригинальность, своеобразие, является усиление интегративного подхода при изучении теории как путем чтения обобщающих проблемных лекций при значительном сокращении лекций функционально-тематического характера, так и на основе разработки и использования приемов целостного подхода к анализу той или иной ситуации.

Активное включение будущих специалистов в систему учебных упражнений, учебной тренировки при изучении социальной педагогики,

психологии, методов воспитания, требующее на начальных этапах детального обоснования принимаемых решений, а в дальнейшем быстрого принятия решений, предполагает стимулирование образности мышления, фантазии, эмоциональной отзывчивости.

Проявлению творческой активности способствуют решения разнообразных творческих задач, различные «конкурсы идей», коллективные мозговые атаки. Для развития творческого потенциала будущему специалисту необходимо включаться в творческую деятельность по преобразованию социума, исследовательскую и поисковую деятельность по месту жительства.

Подготовка студентов к индивидуальной социальной работе может быть успешной также при условии, что каждый студент получит в рамках учебного процесса возможность развивать свой индивидуальный стиль. Это возможно при реализации обучения, затрагивающего сферу личностных характеристик, выявляющего «личностный фактор», обостряющего личностный компонент восприятия. Чтобы осуществить личностный подход, необходимо знание (диагностика) личностных характеристик студентов. Этого можно достигнуть благодаря тестированию, включенному наблюдению, индивидуальной работе преподавателя со студентом. Насколько смогут преподаватели вуза познать и использовать индивидуальные особенности студентов, настолько они приблизят его к выявлению и совершенствованию своей индивидуальности.

И еще одним, на наш взгляд, важным условием подготовки студентов к индивидуальной социальной работе с клиентом является опора на личный жизненный опыт студента, который способствует эффективному развитию профессионального мышления, умений.

Изучение содержания довузовского опыта студентов показало, что оно различно и состоит из: наблюдения за взаимоотношениями в своей семье и семьях ближайшего окружения; наблюдения за взаимоотношениями во дворе, микрорайоне, социуме на разных уровнях; участия в деятельности

микро- и макросоциума; личного опыта работы в качестве социального работника или сотрудника социально-ориентированной службы помощи незащищенным слоям населения.

Жизненные наблюдения и представления не всегда точны и верны. Впечатления обычно основаны как на личном опыте, так и на отзывах близких людей, ближайшего окружения, мира литературы и других факторах.

Задача вуза состоит в том, чтобы, используя личные наблюдения и опыт, будущий специалист мог привести в систему все свои знания и активно применять их на практике.

Таким образом, подготовка студентов к индивидуальной социальной работе с клиентом представляет собой совокупность общих и специфических условий. Общие условия включают в себя вовлечение студента в различные виды учебной деятельности, широкое использование различных образовательных технологий, формирование гуманитарной культуры, опору на личностный жизненный опыт, максимальную профессионализацию обучения. Специфические условия подразумевают целенаправленность преподавания курсов специализации.

Основными критериями и показателями готовности студентов к индивидуальной социальной работе, с нашей точки зрения, являются: технологическая готовность, компетентность и творческая активность. Хотя два последних критерия формируются непосредственно в процессе практической деятельности, мы предприняли попытку разработать рекомендации, которые способствовали бы тому, чтобы студенты приобретали определенные навыки и умения индивидуальной работы с клиентом в процессе обучения в вузе.

Неоценимую помощь в формировании всего комплекса показателей подготовки студентов к индивидуальной социальной работе с клиентом играют различные формы организации процесса обучения.

Так, деловая игра используется для решения комплексных задач по усвоению нового и закреплению изученного материала, развитию творческих способностей, формированию умений, дает возможность студентам понять и изучить учебный материал с различных позиций.

В учебном процессе можно применить различные модификации деловых игр: имитационные, операционные, ролевые, деловой театр, психо- и социодраму[1].

На имитационных играх моделируется деятельность специалиста по социальной работе. Имитируются события, конкретная деятельность (проведение беседы, консультации и т.д.) и обстановка, условия, в которых происходит событие или осуществляется деятельность.

Операционные игры помогают отрабатывать выполнение конкретных специфических операций, например, проведение консультации специалиста с клиентом, посещение специалистом клиента на дому и т.д. В операционных играх моделируется соответствующий рабочий процесс. Игры этого типа проводятся в условиях, имитирующих реальные.

В играх, предусматривающих исполнение ролей, отрабатываются тактика поведения, действия, выполнение функций и обязанностей конкретного лица. Для проведения игр с использованием роли разрабатывается модель-пьеса ситуации, между студентами распределяются роли с «обязательным содержанием».

В «деловом театре» разыгрываются какая-либо ситуация, поведение человека в данной обстановке. Студент должен мобилизовать весь свой опыт, знания, навыки, суметь вжиться в образ определенного лица, понять его действия, оценить обстановку и найти правильную линию поведения.

Основная задача метода инсценировки – научить будущего специалиста ориентироваться в различных обстоятельствах, давать объективную оценку своему поведению, учитывать возможности другого человека, устанавливать с ним контакты, влиять на его интересы, потребности и деятельность, не прибегая к формальным атрибутам власти, к

приказу. Для метода инсценировки составляется сценарий, где описывается конкретная ситуация, функции и обязанности действующих лиц, их задачи.

Психодрама и социодрама весьма близки к «исполнению ролей» и «деловому театру». Это тоже «театр», но уже социально-психологический, в котором отрабатывается умение чувствовать ситуацию в коллективе, оценивать и изменять состояние другого человека, умение войти с ним в продуктивный контакт. Что касается ситуативного обучения с введением в реальную ситуацию, его можно использовать при изучении ряда разделов.

Семья как объект социальной работы.

Социальная защита детства.

Социальная работа с пожилыми людьми.

Социальная работа с молодежью.

Социальная работа по трудоустройству и быту инвалидов.

Однако наиболее эффективными и интересными, с точки зрения формирования готовности будущего специалиста к индивидуальной социальной работе с клиентом, являются психолого-педагогические ситуации. Студенты должны обсудить ситуацию и предложить пути решения проблем ее участников.

Безусловно, трудно найти правильное решение в той или иной ситуации не только студентам, но и практикующим специалистам. Однако мы думаем, что чем больше учебный процесс будет направлен на практическую деятельность, тем выше будет уровень готовности студентов, будущих специалистов, к индивидуальной социальной работе.

Литература

1. Испулова, С.Н. Содержание и методика индивидуальной социальной работы: уч.-метод. пособ. для студ. и практических работников социальной сферы / С.Н. Испулова. – Магнитогорск, 2006.

2. Испулова, С.Н. Профессиональная подготовка студентов университета к индивидуальной социальной работе: дисс. на соиск. уч. степени канд. пед. наук / С.Н. Испулова. – Магнитогорск: МаГУ, 2003.

РИСКИ В СЕЛЬСКОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ВЗГЛЯД ВРАЧА

RISKS IN RURAL HEALTH CARE: DOCTOR'S OPINION

Аннотация:

В статье рассматриваются мнения медицинского персонала в сельском здравоохранении России о рисках и проблемах. Представлен на основе эмпирических данных анализ основных рисков и проблемных зон функционирования сельского здравоохранения.

Abstract: The article is about risks and problems from opinions of medical staff in Russian rural health care. The paper is shown analysis of the main risks and problem areas of rural health care functioning.

Ключевые слова: врачи, пациенты, риски, сельское здравоохранение

Keywords: doctors, patients, risks, rural health care

Одним из субъектов взаимодействия в системе медицинского обслуживания выступают медицинские работники. Мы провели интервью с медперсоналом Кривской врачебной амбулатории (филиала Далматовской ЦРБ Курганской области) в 2013 г. Всего было опрошено 6 человек: 2 врача, 2 фельдшера, 2 медицинские сестры; причем все респонденты — женщины в возрасте от 51 до 67 лет, имеющие стаж работы от 24 до 43 лет. Все опрошенные состоят на пенсионном обеспечении и получили базовое медицинское образование еще в советскую эпоху.

Медицинский персонал сельских поселений выступает инициатором формирования и реализации моделей взаимодействия с пациентами.

Медицинские работники обращаются к вопросу доверия как главному фактору становления эффективной системы взаимодействия, достижения общих задач, направленных на получение результата – выздоровление пациента. Доверительные отношения – это социальные связи, которые строятся между акторами в процессе взаимодействия.

Вместе с тем, в ходе интервью мы выяснили, что доверие как базис эффективности взаимодействия зависит от уровня образования медперсонала и его профессиональной квалификации. Так, врачи и фельдшеры рассматривают фактор доверия как фундаментальную основу взаимодействия. По мнению медицинских сестер, деятельность которых связана, прежде всего, с механистическими действиями, важными показателями взаимодействия являются опыт работы и качество исполнения медицинских услуг. Медсестры являются исполнителями команд врачей, именно в силу специфики своих профессиональных функций, они отдают предпочтение опыту работы и качеству исполнения медицинских услуг нежели доверительным отношениям с пациентами в системе взаимодействия.

Врачи отмечают некоторые группы пациентов как наиболее неприятные с их точки зрения: *«придут выпившие, неаккуратные, всякие накрученные – с ними взаимопонимания не построишь»* (врач, стаж работы 43 года). Особое внимание медперсонал обращает на готовность пациентов четко и внятно формулировать ответы на вопросы в ходе сбора анамнеза. *“...мне не нравится, когда пациенты жалуются на все свои жизненные проблемы”* (врач, стаж работы 43 года), отсутствие логичным и продуманных ответов становится фактором раздражения: *“... меня выводя из себя те пациенты, которые не могут ответить на мои вопросы о болезни...”* (врач, стаж работы – 43 года). Это раздражение связано с трудностями постановки диагноза и назначения правильного и своевременного лечения.

Идеальный пациент в контрактной модели обладает противоположными характеристиками. Это связано с информационной асимметрией. Описывая этот феномен, С. А. Шишкин отмечает: «Вследствие

информационной асимметрии потребитель вынужден полагаться на знания и опыт врача, к которому он обратился, в определении необходимого ему лечения. Во взаимодействии с потребителем медицинских услуг врач играет двойственную роль: с одной стороны – посредника или агента потребителя, призванного выражать его интересы, формулировать его спрос на конкретные виды медицинских услуг, с другой – производителя этих самых услуг» [1, 45]. Такой сюжет свидетельствует о возможности проявления оппортунистического поведения со стороны врача, которому становится экономически выгодным предложить пациенту большой набор медицинских услуг. Одной из характеристик идеального пациента, по мнению врача, является малая осведомленность в медицинских вопросах [2, 25].

В ходе интервью медицинские работники указали на проблематику рисков. Медицинская помощь населению, по мнению опрошенных, предстает как некая зона риска. Всегда существуют риски заражения заболеваниями от пациентов самого медицинского персонала, и наоборот, медперсонал может стать источником пандемии. Отсюда актуализируется вопрос безопасности. Меры безопасности не только у врачей, но и у среднего и младшего медицинского персонала (фельдшеры и медсестры) вызвали целый ряд предложений: а) чистоплотность как пациента, так и медицинского работника; б) средства защиты тела (маски, перчатки); в) медицинские средства одноразового использования (шприцы, зеркальца, палочки). Безопасность остается для медработников приоритетным условием профессиональной деятельности.

Медперсонал утверждает, что их задача – защищать пациентов фактически от самих себя. Здесь мы выходим скорее на философскую проблему защиты больного человека от собственных вредоносных действий. Социальная проблема лежит в области взаимодействия общностей, когда одна общность пытается контролировать действия другой (например, в XIX столетии российские медработники подчинялись Министерству внутренних дел, и формально считались полицейскими служащими). Контроль над

общностью пациентов должен быть гуманным, едва заметным, ведь со времен тоталитарного советского режима граждане нашей страны могут негативно относиться к жестким действиям государственных учреждений.

По мнению медперсонала типичный представитель сельских пациентов – пожилой человек, пенсионер, чаще женщина, имеющая большое число жалоб на здоровье и, как правило, легко возлагающая ответственность за лечение на медицинского работника. Медперсонал, таким образом, полагает, что пациенты также ориентированы на патерналистскую модель взаимодействия, однако опрос самих пациентов показывает иную картину: коллегиальная модель взаимодействия.

Одним из важных факторов успешности своей деятельности медперсонал считает условия труда. Все опрошенные не удовлетворены ими в полной мере. Причина заключается в недостаточном финансировании сельского здравоохранения, в усиленном надзоре за деятельностью сельских врачей, в увеличении числа бюрократических барьеров. Проверки приводят к тому, что некоторая часть сельских больничных учреждений не проходит аттестацию, и вследствие чего не получает финансовых субсидий на ремонт и т.п. *«мы не прошли аттестацию – теперь вообще не выделяется средств даже на косметический ремонт. Здание находится в аварийном состоянии, и фактически никому не принадлежит, вот оно и не прошло аттестацию. Собственника нет!»* (врач, стаж работы 43 года).

Отношение медработников к реформе здравоохранения (модернизации и долгих попытках реструктуризации) остается негативным. Опрошенные недовольны свертыванием советской модели здравоохранения, основанной на принципах бесплатности и доступности медицинской помощи, а также сокращении численности медицинских учреждений в сельских поселениях. Счетная палата РФ по итогам аудита эффективности использования средств, направленных на реализацию планов модернизации на 2011–2013 гг., выявила целый ряд нарушений. За указанный период было освоено 694 миллиарда рублей из средств федерального бюджета и фонда ОМС.

Модернизация не завершена в 22 субъектах РФ: не открыто 1,7 тысяч офисов врачей общей практики, 2 тысячи фельдшерско–акушерских пунктов и 1,5 тысячи фельдшерских пунктов [3]. «Недоделки» выразились в миллиардных суммах, что также не улучшает ситуацию в здравоохранении в целом.

Сегодня мы наблюдаем ситуацию, сокращение численности медицинских учреждений ведет к тому, что доступность медицинского обслуживания также снижается. Результаты исследования показывают, что селяне мало информированы о законодательстве в сфере здравоохранения, и многие не знают, что участковые врачи-терапевты как и врачи общей практики (семейные врачи) выполняют общий (ограниченный) функционал медицинского работника, и не имеют права по законам нашей страны заниматься сложными заболеваниями, что выступает фактором неудовлетворенности медицинским обслуживанием. Также по законодательству России, врачи могут отказать в медицинской помощи человеку, если его болезнь не входит в их компетенцию или же не грозит жизни заболевшего человека, т.е. когда человек может обойтись без медицинской помощи длительное время.

В последнее десятилетие идет увеличение врачебных участков, в них вливаются отдаленные деревни, в которых вообще отсутствуют медицинские работники. Врач-терапевт вынужден объезжать несколько раз в год «свою территорию», осматривать пациентов, выдавать необходимые медицинские документы. По нашему мнению, данная мера является одной из самых регрессивных, применяемых в прошлом. Такое мнение было получено нами в ходе интервью с администрацией Центральной районной больницы. Следует заметить, что при передвижных медицинских центрах крайне трудно замерять качество медицинской помощи.

Коммерциализация медицинской помощи – еще один вопрос, который может стать барьером доступа к медицинским услугам селян. Коммерческая медицина порождает особый тип взаимодействия медицинских работников и пациентов – контрактный (или договорный). Базой такого взаимодействия

является контракт, в котором прописаны права и обязательства сторон, а также оплата и ее порядок для получателя услуги. Пациенты могут быть уверены в качественной медицинской услуге, поскольку заключили контракт и в случае его нарушения он имеет право защиты компетентных органов государственной власти.

Современная рыночная эпоха характеризуется свободой выбора пациента и конкуренцией медицинских центров за такой важный рыночный ресурс как пациенты. Лечение болезней, восстановление после травм и профилактические медикаментозные работы приносят ощутимую прибыль.

Исходя из данных полуформализованного интервью с медицинскими работниками, мы зафиксировали противоречие между усилением «платности» государственной системы здравоохранения и несогласием врачей на контрактные отношения во взаимодействии с пациентами. Коммерческая медицина как отдельное институциональное образование в сельской местности не распространена, но она вмонтирована в структуру государственной системы. Мы выяснили, что сельские врачи фактически ничего не знают, ни о контрактной модели взаимодействия, ни о договоре между врачом (или медицинским учреждением) и пациентом.

Еще один актуальный вопрос, который поднимают сельские жители, касается доступности к высокотехнологичным видам медицинской помощи. Сельские жители могут получить доступ к «высоким технологиям» только через своего участкового врача-терапевта. Зачастую чтобы добраться в специализированные клиники сельчанам необходимо иметь собственный транспорт, а также хорошие автомобильные дороги, или же транспортные узлы возле их населенных пунктов (автостанции, вокзалы). По исследованиям Независимого института социальной политики, сельчане чаще, чем горожане попадают через собственного участкового врача-терапевта на госпитализацию и к редким врачам-специалистам. Но как предполагают сами исследователи, они попадают в стационары в «запущенном» состоянии, когда врачи городских (районных, областных)

специализированных клиник обязаны взять пациента, даже если мест в больничном учреждении не осталось [4, 80].

Кроме того, медперсонал указал на тот факт, что реформа коснулась структуры здравоохранения, но вот человек (и пациент, и врач) остались за «бортом» реформирования системы. *«Пациентов и врачей забыли в этой хваленной реформе! Только стандарты, бумаги, методики всякие, а бумаг-то сколько – ужас! Только и пишем истории (зд. карты пациентов), только и пишем. Так сказать мальчика-то и забыли, взялись чинить структуру, а ведь надо начинать с людей, чтобы людям было комфортно, а не бюрократии»* (врач, стаж работы 43 года).

Критикуя современные реформы российского здравоохранения, медперсонал выделил ряд проблемных зон, характерных для села. Среди них:

1) тяжелые больные, экстренные случаи и отсутствие узких специалистов;

2) заполнение «важных бумаг», которые будет читать только проверяющая инстанция, для пациента эти «бумаги» не предназначены;

3) отсутствие полного стационара в сельском больничном учреждении (невозможность следить за исполнением пациентами всех нюансов лечебного курса);

4) выполнение плана по диспансеризации населения.

В решении основных проблем сельские медработники видят ренессанс (возрождение) прежней советской системы, с ее развернутой сетью медицинских учреждений, профилактической работой, большим числом койко–мест в стационарах. Медработники откровенно мечтают о возвращении полного контроля над пациентами, когда можно в реальном времени отслеживать излечение больного.

Сельские пациенты не должны в ближайшее время подвергаться резкому переходу системы здравоохранения на рыночные «рельсы», поскольку они не представляют, чтобы платная медицина господствовала в государственном здравоохранении, и соответственно была распространена

контрактная модель взаимодействия. Советская традиция четко вошла в повседневные практики сельчан, так что выдвигаемая некоторыми либеральными политиками идея платного медицинского обслуживания вызывает горькое негодование и страхи. Отсюда, важным видится сначала изменение ценности здоровья в представлениях сельских жителей, формирование более высокого уровня ответственности за него и за свои действия в его отношении.

Для медицинского персонала сельских поселений важно разработать особые механизмы включения системы медицинского обслуживания в рыночные отношения, которые позволили бы постепенно и мягко включить этого субъекта в процесс. С позиции сельских врачей (это в основном люди среднего и пожилого возраста, имеющие большой стаж работы) рыночный процесс вызывает душевное угнетение, ощущение национального позора, поскольку страны капиталистического мира Канада, США, Великобритания, Франция в свое время многое позаимствовали из советского здравоохранения. В среде опрошенных сельских медработников можно выделить желание (мечту) вернуть систему советского здравоохранения, подвергшуюся трансформации в 1990–е гг.

Необходимо учитывать и объемы нагрузки сельских врачей, которые сегодня превосходят нагрузки городских врачей в несколько раз за счет неформального предоставления медицинской помощи. Сельский врач должен и может меньше работать на одном месте (вести обслуживание пациентов), но компенсирует минимальный объем «кабинетных работ» большим числом вызовов и обходов больных по сельским поселениям. Речь идет об изменении существующих стандартов на федеральном уровне и выделении в них специфики деятельности врача сельского поселения.

Врач – это центральная фигура в системе оказания сельской медицинской помощи, именно от эффективности взаимодействия с ним в большей степени зависит реализация пациентом установки на выздоровление. Соответственно, создание условий для привлечения молодых

врачей в сельские поселения становится одной из стратегических задач современного развития сельского здравоохранения.

Библиографический список

1. Шишкин С. В. Экономика социальной сферы. М., 2003. С. 45.
2. Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология: практическое руководство. М.: МЕДпресс, 2001. С. 25
3. Литвиненко Т. «В реализации программа модернизации выявлены нарушения». Секция «Общество». Сайт: РИА Новости. 30.04.2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ria.ru/society/20140430/1006023862.html> [Дата обращения: 30.04.2014]
4. Шишкин С.В. Российское здравоохранение: оплата за наличный расчет / С.В.Шишкин, Г.Е. Бесстремьянная, М.Д. Красильникова, Л.Н. Овчарова В.А.Чернец, А.Е. Чирикова, Л.С. Шилова.— М.: Независимый институт социальной политики, 2004. С. 80

УДК 316

Корешкова, И.С.

Молодые инвалиды как группа современной российской молодежи и ее
проблемы в меняющемся мире

Koreshkova I.S

Young people with disabilities as a group of modern Russian youth and its
problems in a changing world

Исследуется группа молодых инвалидов в структуре современной российской молодежи. Определяются причины и критерии ее выделения. Изучаются проблемы молодых инвалидов и определяются пути их решения.

We study the group of young people with disabilities in the structure of modern Russian youth. Determined the reasons and criteria of its selection. We study the problems of young people with disabilities and identifies ways of their solution.

МОЛОДЕЖЬ, ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ, ГРУППЫ, КРИТЕРИИ,
МОЛОДЫЕ ИНВАЛИДЫ, СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА, СТАТУС,
ПРОБЛЕМЫ

YOUTH, DIFFERENTIATION, GROUPS, CRITERIA, YOUNG PEOPLE
WITH DISABILITIES, SOCIAL GROUP, STATUS, PROBLEMS

Современная молодежь как стратегический ресурс развития общества давно стала объектом социологических исследований. Это обусловлено как ее статусом, функциями, так и внутренней дифференциацией и постоянным появлением новых слоев и групп. Причины этих процессов кроются в социально-экономических, политических и духовных трансформаций российского общества в начале XXI века.

Социальная роль молодежи занимает важнейшее место в системе общественных отношений. Обусловлено это, прежде всего, тем, что молодежь представляет собой особую, обладающую рядом специфических

характеристик социальную группу, от которой во многом зависит будущее страны. Изменения в обществе и государстве требуют принципиально новых подходов к содержанию государственной молодежной политики.

В социогуманитарном знании сложилось множество разнообразных подходов к определению понятия «молодежь». Несмотря на активное использование в научных исследованиях данного концепта, само понятие до сих пор слабо формализовано, что требует от исследователей каждый раз четко ограничивать возрастные и социальные рамки данной категории, а также указывать, в рамках какой парадигмы эта категория изучается [2]. В связи с этим автор, ставя цель изучить молодых инвалидов как группу современной молодежи и их проблемы, использует в данной работе социологический подход к понятию «молодежь».

Молодежь – это особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе: переход от детства и юности к социальной ответственности. Некоторыми учёными молодёжь понимается как совокупность молодых людей, которым общество предоставляет возможность социального становления, обеспечивая их льготами, но ограничивая в возможности активного участия в определённых сферах жизни социума.

Возрастные рамки, позволяющие относить людей к молодёжи, различаются в зависимости от конкретной страны. Нижняя возрастная граница молодёжи устанавливается между 14 и 16, верхняя – между 25 и 35 и более годами [6]. В настоящее время существует предложение увеличить этот возраст до 40 лет [7].

Современная молодежь – это совокупность разных по возрасту, полу, видам деятельности, состоянию здоровья и материального благополучия групп. Одна из них – молодые инвалиды, под которыми автор понимает особую социально-демографическую группу, численность которых в России неуклонно возрастает. Среди причин такой демографической тенденции – рост генетических заболеваний и, особенно, редких; снижение уровня

репродуктивного здоровья населения; несвоевременная диагностика; ухудшение экологической обстановки и т.д. [5].

По мнению автора, молодые инвалиды являются полноправной социально-демографической группой российского общества, занимают определенное место в социальной структуре и могут рассматриваться как ресурс социально-экономического развития конкретной территории. Для его реализации необходимо решить актуальные проблемы молодых инвалидов. Среди них проблемы, связанные с их возрастными особенностями. Например, проблемы общения, в том числе со здоровыми сверстниками, материального обеспечения, проблемы реабилитации, адаптации и абилитации, проблемы освоения информационно-коммуникационных технологии в условиях ограниченности здоровья. Ближайшее окружение (семья, соседи и т.п.) по мере возможностей и умений стараются по мере необходимости решать данные проблемы, но испытывают при этом затруднения (временные, информационные, финансовые и др.). В настоящее время ни в одном нормативно-правовом документе данная группа населения не выделяется как особо нуждающаяся, что затрудняет решение всех перечисленных выше проблем молодых инвалидов.

Среди всех проблем молодых инвалидов особое место занимает проблема их занятости. Автор под термином «занятость» понимает максимальное вовлечение молодых инвалидов во все сферы жизнедеятельности современного российского общества, их участие в социально-значимых видах деятельности.

Занятость для молодых инвалидов способствует их интеллектуальному, физическому, духовному и нравственному развитию, самоактуализации, удовлетворяет их материальные, психологические и другие потребности. Основными видами, формами и методами занятости молодых инвалидов являются государственное квотирование рабочих мест, активное использование программ трудоустройства лиц с инвалидностью, среди которых распространение получили конкурсы грантов и субсидий для

создания новых рабочих мест, их привлечение на временные работы и т.д. Стоит отметить, что государство и его органы на местах в основном заботятся о трудовой занятости инвалидов. Для молодых инвалидов принципиальным является участие в жизнедеятельности социума и страны в целом, независимо от ее форм, видов и методов. Поэтому необходимы инновационные формы занятости молодых инвалидов, имеющих социальное значение как для них самих, так и для общества в целом. Например, участие в разработке и реализации социальных проектов и программ, в организации и проведении различных мероприятий, в укреплении межнационального и международного сотрудничества. Благодаря этим новым формам занятости молодые инвалиды реабилитируются, активно адаптируются и интегрируются в местный и международный социум, приобретают новые навыки, знания, умения и компетенции, осваивают инновационные виды деятельности и приобретают черты социально-активных субъектов, т.е. абилитируются. Именно это соответствует государственной программе поддержки инвалидов в 2016 году [4]. Среди них: волонтерская деятельность в общественных организациях и объединениях, участие в политических процессах и законотворчестве, занятость в досуговой деятельности (клубы по интересам, спортивные секции, фестивали, конкурсы, форумы и т.п.). Так, например, возникает насущная необходимость увеличения числа субъектов добровольческой деятельности в результате активного привлечения к участию в ней всех слоев российского населения, особенно молодежи. [1]. Одним из примеров решения проблемы занятости молодых инвалидов является деятельность общественной организации социально-правовой поддержки населения Ярославской области «Социум» в 2014-2016 годах. Члены организации регулярно разрабатывают и реализуют социально-значимые проекты, участниками которых становятся молодые инвалиды, одним из которых стал проект «Правовая поддержка получателей социальных услуг». В настоящее время и в соответствии с ФЗ-442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской

Федерации» молодые инвалиды являются получателями социальных услуг. При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 г. № 79 – рп и на основании конкурса, проведенного Движением «Гражданское достоинство» [3]. Мероприятия проекта включают: групповые и индивидуальные консультации по технологии оформления документов на получение социальных услуг, проведение круглых столов с целью обсуждения реальных практик предоставления социальных услуг и возникающих при этом проблем, информационно-обучающих семинаров, направленных на развитие у молодых инвалидов навыков определения потребностей в социальных услугах, а также лекции, раскрывающие понятия «поставщики» и «получатели» социальных услуг.

Таким образом, в настоящее время молодежь как социально-демографическая группа представлена совокупностью разновозрастных и статусных подгрупп. Одной из последних стали молодые инвалиды, которые количественно увеличиваются и качественно изменяются. Это группа имеет большое количество актуальных проблем, решение которых требует разнообразных ресурсов. Наряду с материальными, психологическими и медицинскими проблемами актуализировалась проблема занятости молодых инвалидов, которая рассматривается как вовлечение данной группы населения в социально-экономическую, политическую и духовную жизнь, как местного социума, так и всего российского общества.

Список литературы

1. Албегова И.Ф., Албегов Ф.Г. Добровольчество как вид социально- политической деятельности и особенности его реализации в условиях трансформирующейся России// Вестник социально-политических наук. 2015. №14. С. 47-54.

2. Власова А.А. Молодежь как субъект и носитель социального потенциала региона// Вестник социально-политических наук. 2015. № 14. С. 14-19.
3. Гражданское достоинство <http://www.civildignity.ru> (Дата обращения 03.02.2016)
4. Информационный портал для инвалидов: 5 основных изменений в жизни инвалидов в 2016 году URL: <http://inva.tv/> (Дата обращения 03.02.2016)
5. Корешкова И.С., Албегов Ф.Г. Молодые инвалиды как социально-демографическая группа и проблема их занятости в современном российском обществе //О влиянии государства на развитие демографических процессов: сборник докладов и тезисов участников восьмой международной научно-практической конференции. Ярославль: ЯФ ОУП ВПО «АТ и СО». – 2014. – С.152-154.
6. Молодежь URL: <https://ru.wikipedia.org> (Дата обращения 03.02.2016)
7. Чуй Ю.В. Особенности и специфика ценностных ориентаций российской молодежи // Вестник социально-политических наук. 2015. № 14. С. 44-46.

Кошкина, Т.Р. || Кузнецова, С.И. || Швецова, Т.С. || Мухутдинова, А.И.

Оценка компетентности врача как показатель качества медицинских услуг в Свердловской области (на примере эмпирического исследования)

Koshkina, T. || Kuznetsova, S. || Shvetsova, T. || Mukhutdinova, A.

Evaluation of the doctor's competence as an indicator of the quality of medical services in the Sverdlovsk region (on the example of empirical research)

В статье рассматривается понятие «качество медицинских услуг». Анализируется удовлетворенность медицинскими услугами населением в некоторых городах Свердловской области. Особенное внимание уделяется оценке компетентности врача.

The article discusses the concept of «quality of medical services». There is analysis of population satisfaction with health services in different cities of the Sverdlovsk region. Particular attention is paid to assessing the competence of the doctor.

МЕДИЦИНА || ЗДОРОВЬЕ || МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ ||
КАЧЕСТВО МЕДИЦИНЫ || СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

MEDICINE || HEALTH || MEDICAL SERVICES || QUALITY OF
MEDICINE || SVERDLOVSK REGION

Качество медицинских услуг представляет собой сложное образование, включающее различные свойства и характеристики, которые в свою очередь позволяют определять уровень качества медицинских услуг. Для детального разбора такого понятия как качество медицинских услуг, в первую очередь необходимо рассмотреть такие понятия как услуга, медицинская услуга и медицинская помощь.

В самом общем понятии, медицинская услуга представляет из себя мероприятие или комплекс мероприятий, направленных на профилактику заболеваний, их диагностику и лечение, имеющих самостоятельное законченное значение и определенную стоимость [1].

Качество медицинских услуг служит одним из главных критериев эффективности всей системы здравоохранения. Однако существует ряд

проблем с трактовкой данного понятия. В Федеральном законе Российской Федерации от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны и здоровья граждан Российской Федерации» существует определение понятия качества медицинской помощи, то исходя из определений медицинской услуги и медицинской помощи, можно сделать вывод о том, что это разные понятия. Другая проблема заключается в том, что в Российском Законодательстве отсутствует чёткое определение качества медицинской услуги и практически всегда используется понятие качества медицинской помощи: «совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата»[2].

А. Голышев и О. Носырева дают следующее определение, качество медицинской помощи – свойство процесса взаимодействия врача и пациента, обусловленное квалификацией профессионала, то есть его способностью выполнять медицинские технологии, снижать риск прогрессирования имеющегося у пациента заболевания и возникновения нового патологического процесса, оптимально использовать ресурсы медицины и обеспечивать удовлетворённость пациента от его взаимодействия с медицинской системой» [3].

Для измерения качества медицинской услуги, наряду с другим, важна оценка компетентности врача как проводника этой услуги.

В период с ноября 2015 г. по январь 2016 г. было проведено исследование с целью выявления удовлетворенности качеством медицинских услуг в городах Реж, Асбест, Артемовский, Березовский, Нижняя Тура, Шаля, Первоуральск. Было опрошено 783 пациента поликлиник методом раздаточного анкетирования и проведено 94 формализованных интервью.

В целом оценка компетентности врача оказалась положительной, не смотря на трудное положение некоторых городов из перечисленных.

Однако, во всех городах выделяются схожие проблемы: недостаточная компетентность отдельных представителей медицинского сообщества, нехватка времени на пациента, изредка невежливое обращение с пациентом, выписка дорогих лекарств при наличии аналогов низкой стоимости и т.д.

В г. Реж не выявлено претензий к общению, внимательности, пояснениям врачей, но проблема некомпетентности сохраняется.

«Бывает, врачи некомпетентные. Сегодняшний прием нормально, внимателен, да» (М, 30, Реж).

«Хорошо, они даже назначили лечение мне, я прошла, два месяца пролечилась, таблетки пропила. Мне лучше не стало. Меня в стационар направили. Да, очень хорошо» (Ж, 59, Реж).

В г. Березовский информантами так же отмечается некомпетентность врачей. Особенно это касается детской больницы, поскольку женщинам от 28 лет посещение детской поликлиники особенно актуально. Медицина в г. Березовском несколько ориентирована исключительно на диагностику, а за самим лечением пациенты определяются в г. Екатеринбург.

«В детской поликлинике невропатолог меня абсолютно не устраивал, она выписывала одно и то же лекарство. Мы вынуждены были пойти в платный, в Екатеринбург ездили к другому неврологу, который более адекватный, по моему мнению. В детской поликлинике заведующий абсолютно человек невнимательный, абсолютно грубая, я, по мне так, я не знаю, на каком основании ее назначили вообще заведующей. Повторюсь, когда врач высшей категории, а от нее ни помощи, ничего не добиться (Ж, 39, Березовский).

«Уже у нас третий онколог, и вот до этого был очень хороший врач. А этот вот приходит только около 10 и каждый раз опаздывает. То есть, есть какая-то некомпетентность. Я вообще этому доктору не доверяю. В прошлый раз пришла на прием, не посмотрел, живот не помял, только записал с моих слов, что я хочу. Я каждый год провожу полностью обследование: УЗИ, кровь, рентген легких – ну метастазы. Все, что мне надо,

он все написал. Вот так вот. Если вот бывший доктор на приеме лимфоузлы все проверит, все посмотрит, живот помнет, а этот – все со слов. Вот в сравнении с этим теперешним доктором» (Ж, 59, Березовский).

Проблемы невежливого обращения особенно актуальны для г. Асбест. Из-за небольшого врачебного состава попасть на прием сложно, при этом же на пациента тратится мало времени:

«Вообще сюда стараюсь не ходить, один раз не очень хорошо приняли. Ну не достаточно информации, недостаточно обследований, то есть списывают на то, что сами медик, типа сами и лечитесь» (Ж, 43, Асбест).

«Вообще никакой информации и никакой компетенции. Я пришла первый раз в понедельник. Я сказала свои симптомы, меня не послушали, меня не посмотрели, не измерили ни температуру, ни давление, просто дали, ну как лечение, и всё. Может это я просто так попала. В 205 кабинет, терапевт» (Ж, 34, Асбест).

В г. Артемовский информанты отметили формализм работы врачей, некоторое равнодушие по отношению к больным.

«...Ну на четыре. У нас проблемы – одна. Врачи не смотрят на состояние больного, а смотрят, сколько ты находишься на больничном. Я вот прихожу на прием, она даже не посмотрит на мои результаты, че кого, а она первым делом смотрит, сколько я на больничном. У вас же 12 дней, а состояние больного... вот это самое. Я вот был в Екатеринбурге, мне сказали, что я буду на больничном. Мой терапевт посылал на комиссию, а комиссия выгоняет на работу. А кому верить? А у меня больное сердце. И что как. Вот это главная проблема» (М, 55 Артёмовский).

В г. Шаля информанты давали положительные отзывы о компетентности специалистов:

«Врачи очень доброжелательные. Даже при том, что загруженность. И много больных. Они не теряют доброжелательности. Все равно очень внимательно относятся и стараются по возможности общаться дольше. Тем более хроников они уже знают» (М, 53, Шаля).

В г. Первоуральск информанты в целом отзывались положительно о компетентности врачей, однако встречались и негативные отзывы:

«Самолечение – таблетки выпишут. Но вы сами знаете, какие таблетки стараются выписывать дорогие». (Ж, 48, Первоуральск).

«Ну, бывают грубые. В целом, нормально». (Ж, 47, Первоуральск).

Оценка врачей пациентами по итогам анкетного опроса показывает доверительное отношение в противовес результатам опроса информантов. Во всех городах более 60% респондентов удовлетворены работой врачей.

В г. Березовский из анкетного опроса следует, что врач уделяет достаточно времени на приёме (68,4%). Внимательность врачей к жалобам пациентов оценена 67,6% респондентами. 77% посетителей считают, что врач вежлив в обращении с пациентами. 77,8% пациентов отметили доступность и понятность объяснений врача, как и 71,8% респондентов отметили полноту и доступность рекомендаций по лечению, полученных от врача. В среднем недовольных общением с врачом по уделяемому времени, вежливости, доступности объяснений и полноты рекомендаций не превышает 7,7%.

В г. Реж удовлетворены работой врачей. 81,8% считают, что врач уделяет достаточно времени на приёме. Внимательность врачей к жалобам пациентов оценена 87,7% респондентов. 89,3% посетителей считают, что врач вежлив в обращении с пациентами. 91,7% пациентов отметили доступность и понятность объяснений врача, как и 80,1% респондентов отметили полноту и доступность рекомендаций по лечению, полученных от врача. В среднем недовольных общением с врачом по уделяемому времени, вежливости, доступности объяснений и полноты рекомендаций не превышает 3,3%.

В г. Н.Тура из ответов респондентов в ходе анкетного опроса 64% согласны с тем, что врач уделяет достаточно времени на приёме. Следует обратить внимание на повышение временных затрат врачей на осмотр пациентов. Внимательность врачей к жалобам пациентов оценена 80,8%

респондентов. 90% посетителей считают, что врач вежлив в обращении с пациентами. 82.5% пациентов отметили доступность и понятность объяснений врача, как и 73.3% респондентов отметили полноту и доступность рекомендаций по лечению, полученных от врача. В среднем недовольных общением с врачом по уделяемому времени, вежливости, доступности объяснений и полноты рекомендаций не превышает 2.5%.

Оценка работы врачей в г. Асбест оказалась на высоком уровне. Большинство опрошенных считают, что врач уделяет достаточно времени пациенту (67,8%), всегда вежлив (85,5%), внимателен к жалобам (80%), объяснения понятны и доступны (84,5%), а также пациентов устраивает полнота рекомендаций по профилактике и лечению заболеваний (80%).

В г. Шаля 67,8% считают, что врач уделяет достаточно времени пациенту, внимательность врача оценена 80% респондентов, 85,5% вежливы, 84,5% респондентов считают объяснения врачей доступными и понятными. 80% респондентов считают рекомендации по лечению и профилактике полными.

В г. Первоуральск 92,6% респондентов считают, что врач внимателен к жалобам пациента. Вежливость врача оценили 94,4%, доступность объяснений врача 88,9%, полноту информации и рекомендации 88,9%.

Таким образом, оценка работы врачей очень высока, что является интересным фактом при оценке в целом качества медицинских услуг «на троечку». Вероятно, это связано с тем, что пациенты разграничивают работу врачей и общее медицинское обслуживание. Для них врач – персоналия, личность, с которой он прямо взаимодействует и может делать свои выводы о его работе. А качество медицины оценивается в совокупности с другими факторами, которые мы рассматривали в ходе исследования. Таким образом, оценка врача в системе здравоохранения находится выше, чем оценка самой структуры

1. О медицинских услугах. Классификация медицинских услуг на простые, сложные и комплексные [Электронный ресурс] URL: http://wiki.openhealth.ru/xwiki/bin/view/Main/Expenses_Medical_Services_Chapt_2

2. Федеральный Закон РФ №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html>

3. Голышев А. Я. , Носырева О. М. Концепция создания системы управления качеством в лечебно-профилактических учреждениях» помощи //Медицинские конференции [Электронный журнал]. URL: http://www.medico.ru/articles/management/article_001.htm

УДК 316.4

Меренков А.В.

Антонова Н.Л.

Медицинское обслуживание бездомных как индикатор кризиса
гуманистической морали в обществе

Merenkov A.V.

Antonova N.L.

Treatment of homeless citizens in the health care system as an indicator of
the humanist morality crisis

Аннотация

В статье раскрываются основные противоречия между нормами гуманистической морали и требованиями российского законодательства, возникающие при реализации прав людей, не имеющих постоянного места жительства, на получение квалифицированной медицинской помощи. Выделяется проблема готовности медицинских работников к оказанию помощи людям, создающим в ряде ситуаций своим поведением опасности для их здоровья и жизни. Приводится опыт ряда стран Европы в создании особых форм оказания медицинской помощи самым бедным слоям населения.

Abstract

The article considers the discrepancies between the norms of humanist morality and the health legislation in the Russian Federation. This discrepancy affects the way some groups of Russian population, the homeless in particular, can exercise the right to qualified medical aid. The paper also outlines the relevant European experience in providing special forms of medical assistance to marginalized population groups.

Ключевые слова: мораль, бездомные, медицинское обслуживание

Key words: morality, homeless, health care

Противоречие между моралью и правом является одним из тех социальных вопросов, которые всегда стимулировали людей найти оптимальные решения проблем реализации интересов государства при принятии законов, регулирующих различные стороны повседневной жизни людей. Конфликты между потребностями общества в том, чтобы законы соответствовали моральным принципам ее организации и реальностью чаще всего вызваны тем, что при принятии законодательных актов ценности гуманистической морали не подкрепляются соответствующими способами их воплощения в деятельности органов власти. Это ярко проявляется в сфере медицинского обслуживания разных групп населения в России. С одной стороны, в статье седьмой Конституции РФ закреплено положение о том, что Россия является социальным государством, берущим на себя заботу о благополучии всех граждан, независимо от их пола, национальности, возраста, материального положения [3]. С другой стороны, действующая в настоящее время система медицинского обслуживания населения не обеспечивает то равенство граждан, которое провозглашено в Основном законе страны. Потребности соответствия здравоохранения требованиям рыночной экономики ведут к тому, что страховые принципы оказания медицинских услуг не позволяют отдельным группам граждан получить вовремя в ряде ситуаций необходимую им медицинскую помощь.

В системе медицинского обслуживания населения моральные принципы заключаются в оказании медицинской помощи всем, кто в ней нуждается, независимо от пола, возраста, материального положения, образования, этнической принадлежности, наличия документов о месте жительства. Одним из старейших обязательных документов в этой области является присяга, написанная "отцом медицины" Гиппократом, в которой в сжатой форме определены моральные нормы врача и его действий по отношению к больным. Моральные принципы закреплены и в Международном кодексе медицинской этики.

В Российской системе медицинского обслуживания главный моральный принцип представлен в Статье 2 Кодекса профессиональной этики врача: "Врач обязан добросовестно выполнять весь комплекс лечебно-диагностических мероприятий независимо от пола, возраста, расовой и национальной принадлежности пациента, его социального статуса и материального положения, вероисповедания, политических взглядов человека"[2]. В этом положении выражены нормы гуманистической морали, которые выражены в работах как философов прошлого (Аристотель, Спиноза, Кант), так и в трудах мыслителей XX века (Дж. Э. Мур, Э. Фромм и др.)

Э. Фромм противопоставлял авторитарную и гуманистическую этику. «В авторитарной этике авторитет определяет, в чем благо человека и он же устанавливает законы и нормы поведения; в гуманистической этике человек сам и творец норм, и их исполнитель, он их создает, он их регулирует и он их соблюдает» [5]. Это означает, что при возникновении у врача конфликта между требованиями закона, выражающего нормы авторитарной этики, и его представлениями о долге, предписывающем оказания нужной помощи любому больному, он руководствуется нормами гуманистической морали. При этом ему, возможно, придется отстаивать правильность своих действий между руководством медицинского учреждения, получая негативные оценки его действий.

Столкновение разных моральных ориентаций и установок возникает в российской системе медицинского обслуживания населения при оказании помощи особой группе граждан, каковыми являются лица без определенного места жительства, не имеющие каких-либо документов, подтверждающих их принадлежность в определенной территориальной общности. Именно в этом заключается специфика российской бездомности: в ее тесной связи с институтом регистрации, которая на практике является условием реализации прав и свобод человека, в том числе в сфере медицинского обслуживания.

Численность бездомных в России по разным оценкам варьируется от 3 до 5 млн. человек. Несоблюдение ими санитарных и гигиенических норм, а также условия жизни, не соответствующие сохранению и сбережению здоровья, ведут к широкому распространению в этой группе таких социальных заболеваний, как туберкулез, кожные заболевания, болезни, передающиеся половым путем и др. Материалы социологических исследований [1,4] показывают, что только каждый пятый бездомный имеет доступ к стирке одежды и посещению бани один раз в месяц, каждый десятый - один-два раза в полгода. Практически третья часть бездомных не соблюдают правила личной гигиены. Они становятся реальной угрозой потенциалу здоровья всего общества. Каждое десятое обращение за медицинской помощью бездомного заканчивалось отказом со стороны врачей. Это связано с тем, что бесплатное медицинское обслуживание осуществляется на основе полиса обязательного медицинского страхования, который является пропуском в мир медицинских услуг. Однако только 15% бездомных сохранили полис медицинского страхования. У остальных он отсутствует из-за того, что эти люди не имеют установленных законом документов для его получения. Поэтому, опираясь на закон, врачи в праве отказать им в квалифицированной помощи.

Оказавшись в ситуации сложного морального выбора, значительная часть врачей предпочитает следовать установленным законом правилам, а не этическим нормам гуманизма. Больше половины опрошенных в 2013 году врачей больниц крупного промышленного центра г. Екатеринбурга (n=100) признались, что они не ориентированы на обслуживание бездомного населения. «Они грязные, дурно пахнущие, вшивые, пьяные...», - так характеризует один из врачей бездомных. Кроме того, врачи говорят и о рисках, которые сопровождают профессиональную деятельность медработников: «...на самом деле мне страшно, я боюсь, что он (бездомный) может кинуться на меня, ударить или избить».

Следовательно, действуют два основных фактора, определяющих трудности в организации медицинского обслуживания бездомного населения на основе норм гуманистической морали. Первый связан с отсутствием формальных оснований оказания медицинской помощи человеку, не имеющему страховой полис. Вторым вызван нежеланием самих врачей оказаться в группе риска из-за действий тех, кто своим асоциальным поведением может нанести вред их здоровью и жизни. Такие ситуации периодически возникают в работе в первую очередь врачей скорой помощи. Также возникает сложный этический вопрос, а нужно ли вообще лечить тех, кто абсолютно безразлично относится к своему здоровью, делая все, что только можно, для самоуничтожения? Его обычно открыто не ставят, но в сознании врача такая мысль периодически возникает, влияя на его поведение при общении с такими пациентами.

Возникает еще одна сложная этическая проблема, связанная с ценностью здоровья бездомного и здоровья всего общества. Ограниченность доступа бездомных к медицинскому обслуживанию ведет к распространению среди всех слоев населения социально опасных болезней: туберкулеза, ВИЧ-инфекции и других. Они активно воспроизводятся в локальных сообществах бездомных. Поэтому соблюдение ценностей гуманистической морали, утверждающей равенство людей в получении медицинской помощи, оказывается, в конечном счете, более выгодной для общества стратегией действий. Затраты на их лечение окупаются снижением вероятности заболеваний других категорий населения, имеющих полис медицинского страхования.

Однако современное российское общество, проявляет тенденцию к отрицанию норм гуманистической морали, перенеся ответственность за состояние здоровья бездомности на самого бездомного. Ограниченность доступа к благам медицинской помощи бездомных является индикатором того морального кризиса, который переживает современное российское общество.

Российская система медицинского обслуживания остро нуждается в "профилактических моральных прививках". Речь идет о том, что необходимо обеспечить реальное равенство в получении медицинских услуг, независимо от возраста, материального положения, места жительства, наличия полиса медицинского страхования у бездомных граждан. Требуется наладить систему информирования этой части населения о тех услугах, которые они могут получить в медицинских учреждениях.

Требуется особое внимание и подготовка медицинского персонала к работе с специфическими группами населения, находящимися на самой нижней ступени социальной лестницы. Врачи и медсестры, в своей профессиональной деятельности, должны руководствоваться моральными принципами "the health of my patient will be my first consideration", идущими еще от Гиппократов. В этой связи важным видится повышение эффективности профессиональной социализации, которая осуществляется в медицинских университетах и колледжах.

Кроме того, интересным видится и западный опыт работы с бездомными, который в адаптированном варианте может быть использован и в России. Во многих странах Европы в области медицинского обслуживания применяют такой метод, как аутрич-работа с бездомными [6,7]. Его суть заключается в формировании мобильных групп, включающих медицинских работников, для непосредственного взаимодействия с теми бездомными, которые нуждаются в том или ином лечении, диагностике, на «их территории». Люди получают необходимую медицинскую помощь, включаются в систему раннего выявления некоторых заболеваний там, где в данное время находятся.

Общественные, неправительственные, некоммерческие, церковные, общинные, а также государственные организации, практикующие аутрич-работу, нередко становятся единственным связующим звеном между бездомным и учреждениями, способными оказать необходимую медицинскую помощь всем нуждающимся в ней гражданам. В этом случае,

исчезает конфликт между нормами гуманистической морали и требованиями закона.

Мы полагаем, что приведение законодательства в соответствие моральными правилами, выработанными в процессе длительной истории человечества, существенно улучшат ситуацию с медицинским обслуживанием бездомных в России.

Список литературы

1. Коваленко Е.А., Строкова Е.Н. Бездомность: есть ли выход? – Москва : Фонд «Институт экономики города», 2013. С. 59.
2. Кодекса профессиональной этики врача Российской Федерации. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174773/
3. Конституция РФ. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>
4. Социальные и правовые аспекты исследования проблемы бездомности в России. По материалам межрегионального исследования. - СПб., 2007. С. 57
5. Фромм Э. Человек для себя: Исследование психологических проблем этики: Пер. с англ. - Минск: Коллегиум, 1992. С. 12.
6. Moss K., Paramjit Singh. Women rough sleepers in Europe. Homelessness and victims of domestic abuse. - Policy Press, Bristol, 2015
7. Knapp, M., McDaid, D., Mossialos, E. and Thornicroft, G., Mental health policy and practice across Europe: the future direction of mental health care. - Open University Press, Maidenhead, 2007

Показатели оценки состояния здоровья населения России и её
регионов

Migunova, J.

The indicators of health assessment of the Russian population and its regions

В статье рассматривается проблема состояния здоровья населения Российской Федерации в целом и её регионов в частности. На основе анализа данных официальной статистики приводится ряд показателей, характеризующих состояние здоровья населения на общероссийском уровне и в региональном разрезе. Особое внимание уделяется описанию общественного здоровья Республики Башкортостан. Представлены такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении, первичная заболеваемость и младенческая смертность.

In article the problem the state of health of the Russian population as a whole and its regions in particular. Based on an analysis of official statistical data provided series of indicators, characterizing the state of health of the population on the national level and the regional level. Special attention is paid to the description of Republic of Bashkortostan of public health. Are presented with indicators such as life expectancy at birth, primary morbidity and the infant mortality.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ ПРИ РОЖДЕНИИ|| ПЕРВИЧНАЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ|| МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ.

KEYWORDS: LIFE EXPECTANCY AT BIRTH|| PRIMARY MORBIDITY|| INFANT MORTALITY.

Современное состояние и перспективы развития здравоохранения России во многом определяются уровнем здоровья населения и социально-экономическими преобразованиями, происходящими в обществе. Неблагоприятная динамика общественного здоровья представляет собой

реальную угрозу национальной безопасности страны, предопределяет снижение человеческого, репродуктивного, трудового потенциала общества [1]. Поэтому возрастает актуальность проблемы адекватной оценки современного состояния здоровья населения России.

Одним из предлагаемых показателей такой оценки является уровень **ожидаемой продолжительности жизни**, этот показатель по своей информативности является одним из базовых в характеристике уровня общественного здоровья. Если исследовать статистические данные, описывающие ожидаемую продолжительность жизни в пределах Российской Федерации и её регионов, то обнаруживается положительная динамика ежегодного роста данного показателя (рис. 1.).

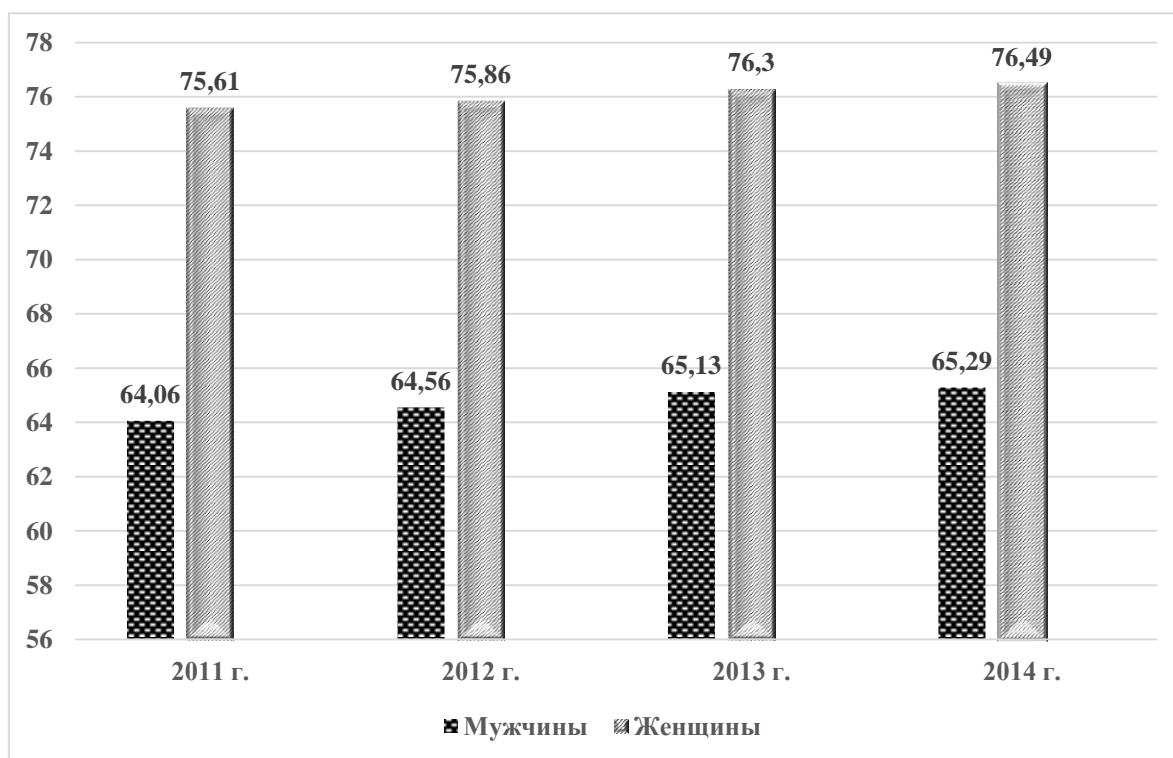

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни в Российской Федерации, 2011-2014 гг., число лет

Сравнивая продолжительность жизни в России за 2014 г. с данными экономически развитых странах, выяснилось, что в Российской Федерации средняя продолжительность жизни примерно на 10 лет меньше, чем в

упомянутых странах (в развитых странах этот показатель составляет приблизительно 81,3 года, в России – 70,93 года).

По оценкам Центра гуманитарных технологий, уровень ожидаемой продолжительности жизни в России сопоставим с уровнем бедных стран Африки. В 2014 г. в Российской Федерации и Марокко ожидаемая продолжительность жизни для всего населения составляла 70,93 года, то есть меньше, чем в таких странах, как Палестина, Гондурас, Эквадор и т.д. [2]

По статистическим данным 2014 г., в России разрыв в показателях продолжительности жизни мужчин и женщин достиг 11,2 лет (ожидаемая продолжительность жизни мужчин – 76,49 лет, женщин – 65,29 лет) [3]. В настоящее время разрыв в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами составляет в большинстве экономически развитых стран от 6 до 8 лет.

В Республике Башкортостан в период 2009-2014 гг. показатель ожидаемой продолжительности жизни населения отличался некоторой нестабильностью. Так, например, 2009-2014 гг. наблюдался небольшой спад данного показателя (2009 г. – 69,10 лет). Тем не менее, 2010-2014 гг. был отмечен определённый рост ожидаемой продолжительности жизни населения в республике. Несмотря на это, в Республике Башкортостан, как и по России, сохраняется значительная разница в указанном показателе среди мужчин и женщин. По последним данным, в 2014 г. она составляла 12,2 года, что примерно соответствует разнице между возрастными по России в целом [4] (рис. 2.).

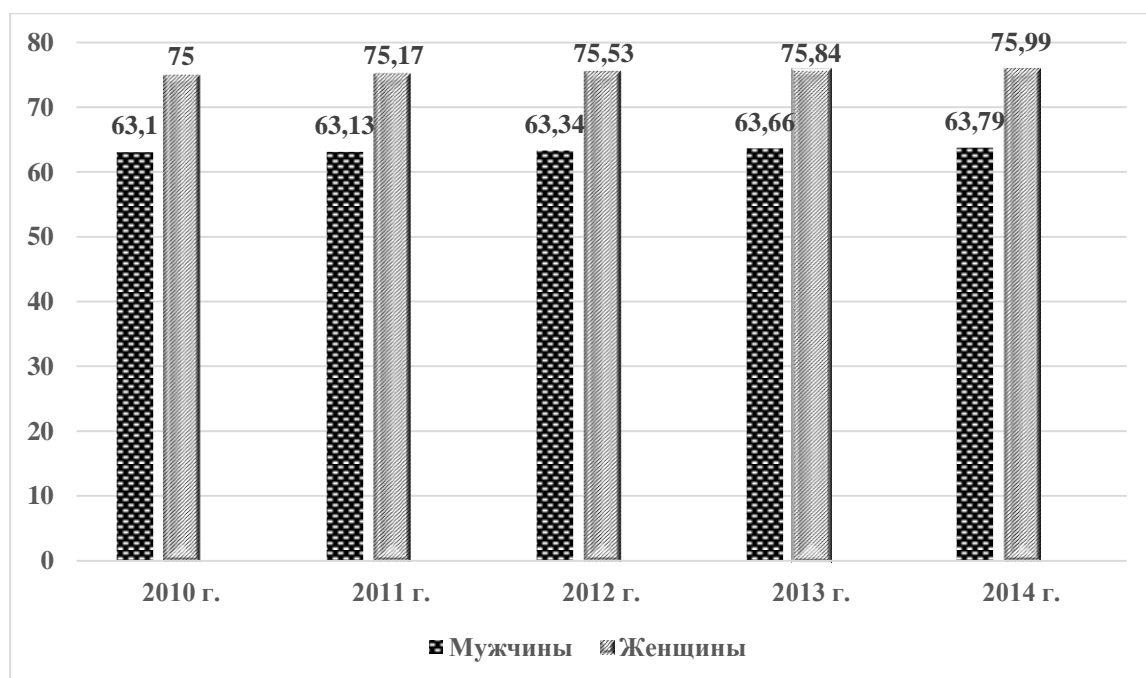

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни в Республике Башкортостан, 2010-2014 гг., число лет

Угроза кризиса общественного здоровья российского населения является важным фактором снижения ожидаемой продолжительности жизни, а также причиной, дестабилизирующей социальную устойчивость общества. Оценка заболеваемости населения как показателя общественного здоровья детерминирована возросшим значением социально-экономических факторов, обуславливающих социальную стабильность территории [5]. В структуре населения увеличивается доля лиц, страдающих различными недугами, не приводящими в течение многих лет к смертельным исходам, то есть возрастает численность хронически больных.

Количественная оценка, произведенная на основе статистических показателей, позволяет выявить некоторые объективные процессы, характеризующие состояние здравоохранения в регионах Российской Федерации.

Наиболее общим показателем, отражающим состояние здравоохранения, является **первичная заболеваемость населения** –

показатель, выявляющий факт установления больному диагноза впервые в жизни в данном году.

Анализ первичной заболеваемости в России в период 2010-2013 гг. показал, что наименьшее количество заболевших было отмечено в 2010 г. – 780 заболеваний на 1000 чел. населения. Затем наблюдался постепенный подъём заболеваемости, достигший своего пика в 2013 г. – 799,4 случаев. Представленные данные демонстрируют тенденцию стабильного роста первичной заболеваемости населения России.

В 2013 г. по данному показателю обозначился лидер среди регионов Российской Федерации – Чукотский автономный округ (1122,8 чел., максимальное значение показателя среди всех регионов). Примечательно, что в 2013 г. первичная заболеваемость в описываемом регионе снизилась на 4,4% по отношению к 2012 г. (1172,5 чел.). На втором месте – Республика Карелия (1115,4 чел.). Третье место по данному показателю принадлежит Республике Саха (Якутия) – 1107 чел.

Наименьшие показатели первичной заболеваемости за исследуемый период регистрируются в Кабардино-Балкарской Республике (448,7 чел.), в данном субъекте заболеваемость возросла на 10% по отношению к 2012 г. (402,6 чел.). Кроме того, минимальные показатели заболеваемости отмечались в Воронежской (525 чел.) и Ленинградской (533,4 чел.) областях.

В Республике Башкортостан за исследуемый период первичная заболеваемость населения также характеризовалась сокращением числа заболевших. Однако по сравнению с общероссийскими показателями здесь фиксируется значительный рост первичной заболеваемости населения [6] (рис. 3.).

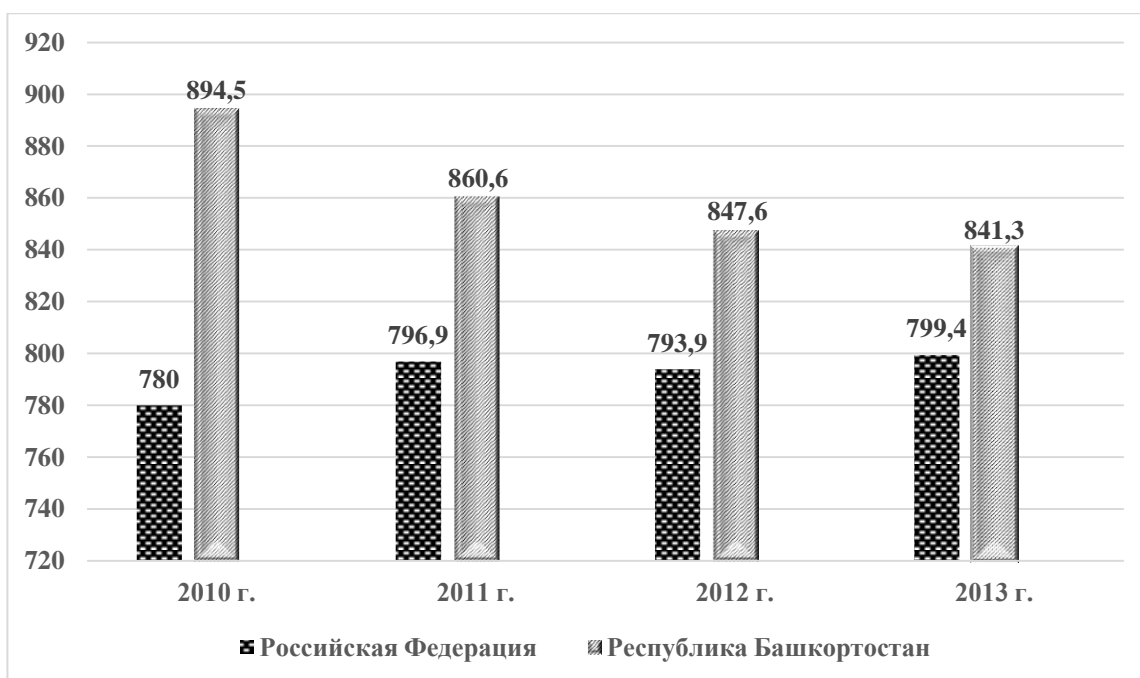

Рис. 3. Динамика первичной заболеваемости в Российской Федерации и Республике Башкортостан, 2010-2013 гг., на 1000 чел. населения

Таким образом, во всех регионах Российской Федерации прослеживается отрицательная тенденция увеличения заболеваемости населения, причём структура её на протяжении пяти лет практически не изменилась: наибольшее количество случаев приходится на болезни органов дыхания, травмы и отравления.

При любых социально-экономических и политических условиях состояние здоровья детей и подростков остается одним из актуальных показателей социально-экономического развития государства. Если анализировать в Российской Федерации долю детей, имеющих плохое здоровье, то окажется, что за 2014 г. наибольшее их число было отмечено в Сибирском федеральном округе – 11,6%. В Южном федеральном округе доля детей с неудовлетворительным состоянием здоровья составила 10,9%. В Центральном федеральном округе этот показатель равнялся 10,4%. Наименьшее количество детей и подростков, имеющих плохое здоровье, наблюдалось в Дальневосточном федеральном округе – 4%.

Увеличение инвалидизации детей также является тревожной тенденцией в оценке состояния здоровья населения России. В период 1991-2015 гг. количество детей-инвалидов возросло практически в 4 раза. По мнению экспертов, реальное число детей-инвалидов в Российской Федерации в 2-2,5 раз превышает официально зарегистрированный уровень. Однако, нельзя не отметить снижение темпов прироста численности детей-инвалидов, а также снижение первичной инвалидизации населения (табл. 1.).

Таблица. 1.

Численность инвалидов в России, тыс. человек

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Численность лиц, впервые признанных инвалидами	966	934	893	842	805	754
Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет	529	515	519	541	560	568

Все эти факты указывают на то, что в нашей стране происходит снижение потенциала здоровья детей.

Младенческая смертность – один из важнейших интегрированных показателей, характеризующих не только здоровье детей, но и демографическую ситуацию в целом, отражающих социально-экономическое благополучие общества, эффективность деятельности учреждений здравоохранения. В каждом регионе уровень младенческой смертности определяется целым рядом причин, но наиболее существенный вклад в его

формирование вносят организация и качество медицинской помощи беременным женщинам, новорожденным, детям первого года жизни и внедрение эффективных профилактических программ [7, с. 41-44].

Следует отметить существенное снижение младенческой смертности в России в период 2005-2014 гг. – ее уровень сократился в 1,3 раза и установился на отметке 8,2 на 1000 родившихся живыми. Этот показатель соответствует предельно допустимому значению младенческой смертности, установленному Европейским региональным бюро ВОЗ, – 10 детей на 1000 родившихся живыми. Но все же данный индикатор в 2 раза выше, чем в развитых странах Европы. Так, самые низкие коэффициенты младенческой смертности в 2012 г. были зафиксированы в Норвегии и Люксембурге (2,5), в Италии и Австрии (3,2), в Бельгии (3,3) и т.д. [8, с. 299]

Максимальный уровень младенческой смертности за 2014 г. отмечался в таких регионах, как Чукотский автономный округ (22,9 чел. на 1000 родившихся живыми), Республика Тыва (15,5), Чеченская Республика (15). За указанный период минимальное число детей, умерших на первом году жизни, регистрировалось в г. Санкт-Петербурге, Кировской области (4,3), Чувашской Республике и Тамбовской области (4,4).

По уровню младенческой смертности Республика Башкортостан в целом повторяет общероссийские тенденции. С 2005 по 2011 гг. в республике происходило стабильное снижение потерь детского населения до года: в 2005 г. – 12 чел. на 1000 родившихся живыми, в 2011 г. – 6,7. Между тем, в период 2012-2013 гг. в Башкортостане фиксировались тенденции увеличения числа детей, умерших в возрасте до года: в 2012 г. – 7,9 чел. на 1000 родившихся живыми, однако 2013-2014 гг. вновь обозначился спад младенческой смертности – 7,6 (на 2,7% выше российского показателя) (рис.4).

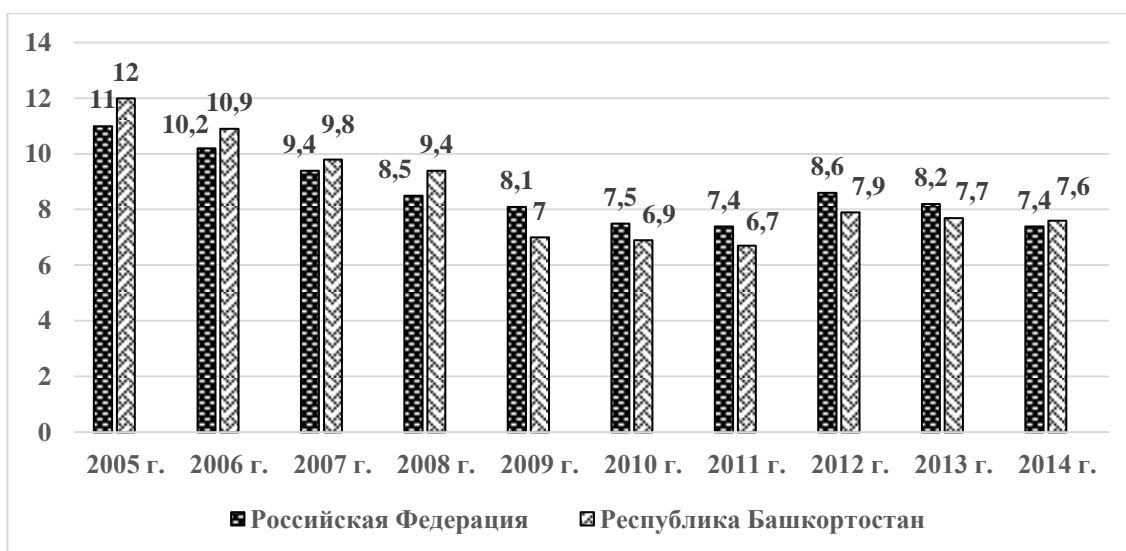

Рис. 4. Младенческая смертность (на 1000 родившихся живыми) в Российской Федерации и Республике Башкортостан, 2005-2014 гг.

В Приволжском федеральном округе по уровню младенческой смертности республика занимает восьмое место (из 14 субъектов), в России – 49 место (из 87 субъектов). Наибольший показатель младенческой смертности за 2014 г. зарегистрирован в Архангельском, Краснокамском, Стерлитамакском районах, наименьший – в Аургазинском, Бурзянском и Бакалинском [9].

Исследование приведённых статистических данных показало, что проблема младенческой смертности имеет решающее значение для улучшения состояния общественного здоровья. Более того, её низкий уровень является важным показателем цивилизованности и развитости современного общества. Поэтому полная реализация соответствующего комплекса социальных и медицинских мероприятий, направленных на сокращение младенческой смертности, приблизит Россию по этому показателю к уровню развитых стран.

Итак, перечисленные индикаторы не только определяют состояние здоровья населения, но и характеризуют уровень социально-экономического развития страны в целом, степень медицинской грамотности населения, уровень и качество организации медицинской помощи. Как правило,

экономический рост государства и повышение индивидуального достатка людей, совершенствование социальной инфраструктуры и организации медицинской помощи сопровождаются снижением показателей смертности и увеличением средней продолжительности предстоящей жизни. Понимание общественного здоровья как социальной ценности и показателя социального прогресса позволяет правильно обозначить приоритеты социальной политики государства [10, с. 18].

Данное исследование выполнено в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме № 0253-2014-0001 «Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых социально-экономических систем с позиций обеспечения национальной безопасности (№ гос. регистрации 01201456661)».

Список литературы

1. Садыков Р.М. Демографический кризис как угроза социальной безопасности территориальных образований // Социосфера. – 2014. – № 4. – С. 140-144.
2. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий. – 26.03.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info>
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru
4. Гаврикова А.В. Демографические процессы Республики Башкортостан в контексте проблемы устойчивости территориальных образований // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-2. – С. 272.
5. Гайфуллин А.Ю. Критерии и оценка социальной устойчивости территориальных образований // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем. Материалы IX

Всероссийской научно-практической internet-конференции. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. – С. 273-275.

6. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bashstat.gks.ru>

7. Баранов А.А. Здоровье российских детей // Педагогика. – 1999. – № 8. – С. 41-44.

8. Мигунова Ю.В. Факторы, динамика и тенденции младенческой смертности // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы IX Всероссийской научно-практической internet-конференции с международным участием. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. – С. 298-301.

9. Централизованный информационный портал Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bashkortostan.ru

10. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 408 с.

Панкратова, Л.Э.

К вопросу об опыте подготовки студентов, будущих социальных работников, в Европейском Союзе

Pankratova , L. E.

To the question about the experience of training of students, future social workers in the European Union

Аннотация: В статье рассматриваются общие подходы и тенденции в подготовке социальных работников в Европейском Союзе. Автор делает вывод о значительной, по объему и содержанию, практической составляющей процесса подготовки бакалавров социальной работы.

Abstract: the article deals with General approaches and trends in the education of social workers in the European Union. The author finds significant in scope and content, the practical component of the bachelors of social work.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: подготовка социальных работников, профессиональная компетентность, практика, Болонский процесс.

KEY WORDS: training of social workers, professional competence, practice and the Bologna process.

Гармонизация экономического пространства привела европейские страны к необходимости применения единых требований и в образовательном процессе. С этой целью двадцать девять государств в 1999 году собрались в Болонье, давшей в дальнейшем название этому процессу. В этих странах впервые и были введена система обучения, базирующаяся на двух последовательных уровнях: бакалавриат и магистратура. В дальнейшем были введена модульная система обучения, взаимопризнание степеней, контроль качества образования. Начиная формироваться единая европейская вузовская политика, направленная на повышение конкурентоспособности Европы в современном мире. Идеологи Болонского процесса подчеркивали, что создание единого европейского образовательного пространства не предполагает формальное копирование зарубежных систем и моделей обучения (по пути которого, увы, и идет

современная система образования России), а предусматривает сравнимость, прозрачность и преемственность национальных образовательных систем, с учетом культурных и научных традиций каждой страны. Важнейшим элементом данной вузовской реформы была позиция по распределению ответственности. Нельзя понимать введение бакалавриата как формальное сокращение вузовской подготовки с пяти лет до четырех (что очень настораживало российскую общественность и позволяло даже называть бакалавриат как «неполное высшее образование») и формирование только ряда ключевых компетенций у студентов. Просто ответственность за остальные компетенции ложится на самого человека и предполагает внедрение модели «Life Long Learning» - «обучение в течение всей жизни». Также подчеркивалось, что без политических демократических институтов и значительного финансового вливания в образование все эти реформы бессмысленны.

Социальные проблемы европейских стран не ослабевают, что делает социальную работу как профессиональную деятельность, направленную на поддержку слабозащищенных категорий населения, по-прежнему достаточно востребованной. Более того, масштабы и нетипичный характер социальных проблем приводит к тому, что государственные структуры не справляются с этими задачами и провозглашают идеологию самопомощи и взаимопомощи. Сегодня главным принципом социальной работы считается – оказание помощи в процессе самопомощи. Чтобы справляться с новыми вызовами социума социальный работник должен быть квалифицированным и компетентным, на это и направлена вся система подготовки социальных работников в Европе. Образование социальных работников должно быть сочетанием теоретических и практических модулей. Кроме того, в отличие от России, большинство европейских стран не «обременено» Государственными образовательными стандартами, и вузы в большей степени самостоятельно определяют учебные планы.

В большинстве европейских стран подготовка социальных работников (бакалавров) происходит в университетах и профессиональных вузах и длится 3,5 или 4 года. Провозглашенная связь с практикой реализуется по-разному. Так в Финляндии все обучающиеся студенты во время учебы проходят стажировку. Ее объем варьируется (по рекомендациям Министерства просвещения) от 30 до 120 кредитов. Общий объем практики составляет от 20 до 80 недель в учебный год. Преподаватель выступает в роли тьютора, определяет цели практики, консультирует студентов, проверяет дневники практики. Студент рассылает резюме в социальные и общественные организации, возможно даже за рубежом. Со стороны учреждения им руководит ментор. Основная цель стажировки – совершенствование компетенций. Причем уделяется внимание развитию саморефлексии у студентов: они дают себе развернутую самооценку после практики и самостоятельно формулируют задачи практики. Так одним из принципов финского университета «Савония» является принцип того, что студенты создают профессиональную компетенцию из своего опыта и своих знаний. Выделяют шесть общих (способность к обучению, этическая компетентность, коммуникативная и социальная, развивающая, организационная и общественная, интернациональная) и шесть конкретных компетенций (этическая компетентность в социальной работе, взаимодействие с клиентами, социальный анализ, уровень развития и организаторские способности, общественная), описание которых помогает тьютеру оценить их сформированность после практики [1, с.159].

В Германии также вузы обладают автономией в отношении выбора учебного содержания, единые государственные стандарты отсутствуют. В качестве основной стратегии подготовки социальных работников в высших учебных заведениях Германии считается ориентация на практику и профессиональную компетентность, овладение конкретными профессиональными навыками. Но это не отвергает и обязательное освоение научных понятий, различных методик социальной работы. Практика

понимается как деятельность непосредственно связанная с работой по данному направлению и предполагает занятие в течение полного рабочего дня. Разумным дополнением считается обсуждение на лекциях проблем и вопросов непосредственно взятых из профессиональной сферы. Практика может быть блочной (практика полного рабочего дня), которая длится до восьми недель; сопровождающей (несколько часов в неделю); долгосрочной (до года, оплачиваемая социальным учреждением). Многообразие форм практики является отличительной чертой немецкой системы образования. Также как и в Финляндии, студенты ищут места прохождения практики самостоятельно и рассылают резюме. Практиканты курируются опытными педагогами, и весь процесс сопровождается проведением семинаров и консультаций по практическим вопросам.

В Нидерландах также при подготовке социальных работников большая роль отводится практической подготовке. Практика варьируется от ознакомительной на первых курсах до профессионально-специализированной, предполагающей возможность самостоятельно планировать задание, выполнять и анализировать его. В целом, можно сделать вывод, что практика в подготовке социальных работников в ЕС занимает от 9 до 12 месяцев. Студенты активно участвуют в волонтерских и других социальных акциях. Само обучение предполагает широкую социальную, психологическую, юридическую, педагогическую, медицинскую, реабилитационную и этическую подготовку наряду с практическим обучением. Студенты изучают базовые социологические дисциплины. Также поощряется развитие творческого подхода, развитие рефлексии, самооценки и критического мышления.

Социальная работа является сферой европейской политики и подготовка социальных работников, несмотря на влияние различных национальных школ, находится под общим влиянием Болонского процесса. Вероятно, новые вызовы, бросааемые трансформационными процессами в

современной Европе, будут скоро осмыслены в контексте новых требований организации социального образования и обучения социальных работников.

Список литературы

Кукконен К., Палданиус К. Концепция практической подготовки студентов в вузах Финляндии / Концептуализация студенческих практик в рамках Болонских критериев: Материалы проекта. Тюмень: Издательство Института сервиса и управления ГОУ ВПО ТюмГНГУ, - 2008. С. 155-165.

УДК 364 + 338.46

ББК С524.1

Русских Людмила Викторовна,
г. Челябинск, НИУ ЮУрГУ
кафедра социологии
доцент

ОЦЕНКА СОБСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЕМ Г. ЧЕЛЯБИНСКА

Аннотация: В статье приводятся результаты исследования субъективной оценки населения г. Челябинска своего здоровья. На основе эмпирического материала описываются основные проблемы, связанные с сохранением и поддержанием здоровья. Анализируются факторы, влияющие на здоровье и оздоровительные стратегии пациентов в случаях заболеваний.

Ключевые слова: Здоровье, самочувствие, здоровый образ жизни, медицинская помощь, самолечение.

Keywords: Health, well-being, healthy living, health care, self.

Как показывают результаты проведенного в г. Челябинске исследования, здоровье является одной из базовых ценностей человека наряду с семьей и материальным благополучием.

Абсолютное большинство (78.5%) участников опроса считает, что забота о здоровье должна осуществляться на протяжении всей жизни человека. Реализация социальных и иных функций может быть значительно усложнена или нарушена из-за нехватки здоровья. Именно поэтому каждый индивид осознает важность собственного здоровья.

При ответе на вопрос о том, кто должен заботиться о своем здоровье, наименьшее количество голосов набрал вариант «пожилые люди», так как респонденты осознают, что в престарелом возрасте организм человека уже не может противостоять негативному влиянию окружающей среды, ему все сложнее справляться с ранее выявленными патологиями и

осложнениями. Таким образом, можно сказать, что забота о здоровье должна начинаться и продолжаться с ранних этапов жизни человека. Старшее поколение считает своим долгом передать это знание новому поколению и привить ему здоровый образ жизни.

Данная стратегия объясняется тем, что по мере приобретения жизненного опыта индивид становится способным идентифицировать положительные и негативные факторы, оказывающие влияние на его организм, и может более точно определить состояние своего здоровья.

Половина респондентов склонна расценивать собственное здоровье как удовлетворительное по причине отсутствия установленных медицинских диагнозов и жалоб на свое состояние. Количество ответивших, что их уровень здоровья может быть оценен как «великолепный» (6.5%), коррелирует с количеством человек, утверждающих, что они занимаются спортом каждый день. Многие занимаются спортом 2-3 раза в неделю, и именно они являются респондентами, ответившими, что имеют хорошее здоровье. Среди челябинцев, как и во всем современном обществе бытует мнение, что активный образ жизни напрямую влияет на состояние здоровья.

Каждый десятый респондент оценил свое здоровье как «плохое». К данной категории относятся люди преклонного возраста и в редких случаях люди, имеющие серьезные заболевания или патологии, которые не могут быть искоренены только отсутствием вредных привычек и занятиями спортом. Согласно опросу, хронические заболевания были выявлены у каждого второго респондента. Чаще всего заболевания, развивающиеся и прогрессирующие длительное время, требуют большого количества дорогостоящих лекарственных средств, что подтвердилось результатами опроса, по которым видно, что половина респондентов вынуждена выделять из семейного бюджета крупные суммы для поддержания своего здоровья на удовлетворительном уровне. Вследствие этого значительному количеству пациентов приходилось отказываться от более эффективных медикаментов (43,7%), от покупки медицинского оснащения (23,0%), от сдачи анализов

(22,1%), от посещения врачей (37,9%), от повторных консультаций (37,1%) и от продолжительного лечения (44,8%). Серьезные ограничения испытывала треть опрошенных, а 67,3% пациентов пришлось отказаться от отпуска. Как показывают результаты опроса, семейный бюджет пациентов с серьезными хроническими заболеваниями сильно страдает от необходимости постоянной оплаты медицинских услуг и дорогостоящих медикаментов.

Среди современных тенденций ярко выделяется стереотип о том, что быть здоровым – модно. Здесь уместно вспомнить о стереотипе красоты, который все больше навязывается членам общества средствами массовой информации. За последние тридцать лет мы можем наблюдать значительную смену идеалов, стандартов и норм, являющихся актуальными в обществе. В настоящий момент успешным признается человек, который не только способен достичь определенных высот в карьерном и семейном аспекте, но также обязательно следящий за состоянием собственного здоровья и фигурой. Данный образ преследует нас на страницах журналов, в современных фильмах и рекламе. Элита общества все чаще в своих интервью говорит о необходимости вести здоровый образ жизни, переходить на правильное питание и уделять достаточное время физическим нагрузкам. В целом, эта тенденция не нова, поговорка «в здоровом теле здоровый дух» на слуху у людей уже несколько десятилетий подряд. Возможно, современное поколение стало больше к ней прислушиваться благодаря популяризации активного образа жизни.

Залогом крепкого здоровья и хорошего самочувствия, по мнению каждого второго опрошенного, признается правильное питание, занятия спортом и хорошая экология. Высокий процент, набранный последней категорией, обусловлен географическими рамками нашего исследования. Высокая концентрация действующих промышленных объектов на территории Челябинской области негативно влияет на общее состояние здоровья ее резидентов. Именно поэтому вопросы экологии имеют особое значение для опрошенных нами лиц.

Следует заметить, что люди не связывают состояние своего здоровья с качеством медицинского обслуживания. Большинство респондентов склонно верить, что их здоровье напрямую зависит от биологических факторов, таких как генетика и образ жизни. Система здравоохранения воспринимается как вторичный фактор, который влияет лишь на восстановление или поддержания здоровья на должном уровне.

Самыми опасными среди негативных факторов ожидаемо признаны наркотики, курение, алкоголь и стресс. Несмотря на популяризацию здорового образа жизни, проблема наличия вредных привычек у граждан остается актуальной. Специалисты здравоохранения особое внимание уделяют стрессам, так как именно они способствуют развитию более серьезных патологий и болезней. Стоит заметить, что в настоящий момент стресс рассматривается как проблема глобального характера, которой подвержены не только взрослые, но и дети.

Также одной из остро стоящих проблем являются попытки самолечения граждан. Такие часто встречающиеся симптомы как кашель, насморк, высокая температура или давление люди предпочитают устранять самостоятельно благодаря использованию рецептов народной медицины. Чаще всего этому подвержены представители старшего поколения, которые, к примеру, доверяют целебным сборам больше, чем современным дорогостоящим фармакологическим препаратам. Поставить банки и принять отвар ромашкового сбора для них проще, быстрее и экономичнее, чем стоять в очередях в больницах и аптеках. Данная стратегия может расцениваться как эффективная профилактическая мера, но вряд ли компетентный специалист оценит ее как качественное лечение потенциально опасного заболевания.

Молодое поколение, даже если оно начинает проявлять попытки самолечения, все же отдает предпочтение традиционной медицине и препаратам, которые они использовали прежде для устранения тех же симптомов, или тем препаратам, которые им рекомендуют фармацевты в аптеке или рекламные сообщения. К примеру, при выявлении симптомов

острых респираторных заболеваний, студент с уверенностью употребит одну из известных ему шипучих быстрорастворимых таблеток, которые прежде давали ему родители в схожих ситуациях, и откажет себе в походе в поликлинику.

Следует отметить, что представители данной возрастной категории и люди среднего возраста часто попадают под влияние рекламных сообщений, которые подталкивают их к приобретению дорогостоящих препаратов. Многим известно, что в ассортименте аптек имеются более дешевые аналоги с идентичным химическим составом и воздействием, но производства менее узнаваемого бренда. И все же население приобретает препарат той фирмы, которая в настоящий момент находится у всех на слуху, не задумываясь о том, что могло бы сэкономить значительную сумму, приобретая более дешевый аналог.

Каждый второй опрошенный предпринимает попытки самолечения вместо того, чтобы обратиться в государственную поликлинику с целью получить необходимые предписания на лечение, процедуры или препараты от соответствующего специалиста. Услуги бесплатной медицинской помощи не воспринимаются как эффективные и поэтому пациенты считают собственные попытки самолечения достаточными. Как следствие частота и количество посещений медицинских учреждений сокращается, уменьшается интерес к данным учреждениям и ко всей системе здравоохранения в целом. Предыдущий негативный опыт обращения в государственную поликлинику, и, особенно, такие факторы как аварийное здание поликлиники, постоянно отсутствующие специалисты, неработающая медицинская техника и длинные очереди, подталкивают их на самостоятельное краткосрочное лечение для восстановления удовлетворительного самочувствия, которое позволит быстро вернуться к осуществлению привычной деятельности. В реальности, если бы респонденты были осведомлены о проходящем реформировании системы здравоохранения, их мнение могло бы быть иным.

Итак, проведенное исследование показало, что опрошенная аудитория почти единогласно считает, что здоровье является одной из главных ценностей и забота о здоровье должна длиться на протяжении всей сознательной жизни индивида, с юных лет до самой старости. В начале жизненного пути забота о здоровье сформирует правильный образ жизни, который поможет избежать серьезных заболеваний или отклонений. В старости забота о здоровье преследует цель максимально продлить качественную жизнь человека, под которой подразумевается способность индивида заниматься всеми желаемыми видами деятельности и сохранять социальную активность на привычном уровне. Хорошему самочувствию способствуют такие факторы как: занятия спортом, правильное питание и нормальный уровень экологии, что же касается системы здравоохранения, то респонденты не склонны рассматривать ее как значимый фактор поддержания здоровья.

Литература:

Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2011 год: системы здравоохранения: улучшение деятельности. – Женева: ВОЗ, 2011.

Казаков, Ю. Н. Социальная инфраструктура обеспечения здоровья / Ю. Н. Казаков. – М., 2004. – 214 с.

Лисицин, Ю. П. Теоретико-методологические проблемы концепции «общественного здоровья» / Ю. П. Лисицын // Общественные науки и здравоохранение. – М.: Медицина, 1992. – С. 416 – 435.

Лисицын, Ю.П. Концепция факторов риска и образа жизни // Здравоохранение РФ. – 1998. – № 3.

Миняев, В.А., Вишнякова, Н.И. Общественное здоровье и здравоохранение/В.А. Миняев, Н.И. Вишнякова. – С-Пб: МЕД пресс-информ, 2003. – 112 с.

УДК 316.62+613.6

Рязанова, Е.А. Шляпников, Д.М. Лебедева-Несевря, Н.А.

Поведенческие факторы риска здоровью работников, занятых во вредных условиях труда (на примере предприятия горнорудной промышленности)

Ryazanova, E.A. Shlyapnikov, D.M. Lebedeva-Nesevria, N.A.

Behavioural health risk factors in a group of workers of mining industry enterprise

Аннотация: В статье представлены результаты медико-социальной оценки воздействия поведенческих факторов риска здоровью среди работников, занятых во вредных условиях труда при выполнении подземных горных работ (на примере предприятия Пермского края). Установлено, что риск развития заболеваний опорно-двигательного аппарата, систем дыхания и кровообращения, характерных для данной группы работников, вследствие систематического воздействия производственных факторов увеличивается при одновременном влиянии на организм работника факторов поведенческой природы (активное курение, употребление алкоголя, низкая физическая активность).

Abstract: Abstract deals with results of medical and social assessment of behavioral health risk factors among underground workers of one industrial enterprise in Perm region. It was determined that risk of diseases of the musculoskeletal system, respiratory and cardiovascular systems due to occupational exposure increases under simultaneous behavioral risk factors influence (active smoking, alcohol consumption, low physical activity).

РИСКИ ЗДОРОВЬЮ, ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ,
АДДИКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ, РАБОТНИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ, КУРЕНИЕ,
УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ

OCCUPATIONAL FACTORS, POTASH INDUSTRY, HEALTH WORKERS, SMOKING, ALCOHOL CONSUMPTION

Ведение. Состояние здоровья работающего населения в России остается серьезной проблемой, детерминированной целым комплексом социальных и экономических факторов. Особо остро стоят вопросы распространенности практик потребления алкоголя среди мужчин трудоспособного возраста [4], а также высокий уровень профессиональной заболеваемости и производственного травматизма [2].

Актуальной является проблема сочетанного воздействия поведенческих и профессиональных факторов на здоровье работников, занятых во вредных и опасных условиях труда. Результаты научных исследований показывают, что рисковенное поведение в сфере здоровья достоверно увеличивает вероятность развития заболеваний, связанных с работой [3]. Сочетанное действие разнородных факторов формирует кумулятивные негативные эффекты. В этой связи мониторинг поведенческих факторов, в частности, аддиктивных практик работников – курения и потребления алкоголя – является важной задачей в рамках управления здоровьем на предприятии.

Целью настоящего исследования являлась характеристика распространённости поведенческих факторов риска здоровью среди работников, занятых во вредных условиях труда при выполнении подземных горных работ (на примере предприятия Пермского края).

Материалы и методы. Эмпирической базой выступили данные выборочного социологического исследования, проведенного в 2015 г. в количественной традиции методом формализованного опроса (раздаточное анкетирование на рабочем месте) работников, занятых на предприятии калийной горнорудной промышленности. В дополнение к социологическим данным использовались материалы оценки риска здоровью, связанного с

вредными условиями труда, а также результаты медицинских клинико-лабораторных обследований работников.

Для формирования выборки были определены работающие лица со сходным набором вредных производственных факторов и одинаковыми режимами работы, выполняющие определенные профессиональные обязанности – работники, занятые на выполнении подземных горных работ. Профессиональный состав группы наблюдения представлен основной специальностью «машинист горных выемочных машин» (машинист ГВМ). Группу сравнения представляли лица, занятые профессиональной деятельностью на поверхности (преимущественно инженерно-технические работники). Основными критериями для выбора группы сравнения стали: отсутствие воздействия изучаемых вредных факторов труда; сопоставимость по возрасту, полу и стажу.

Объем выборки составил 121 человек (все мужчины, средний возраст – $35,4 \pm 0,55$ лет) в группе наблюдения и 47 человек – в группе сравнения (все мужчины, средний возраст – $38,4 \pm 1,37$).

Оценка состояния здоровья отобранных работников осуществлялась по следующим направлениям: 1) оценка состояния органов сердечно-сосудистой системы, органов дыхания, опорно-двигательного аппарата; 2) изучение особенностей функционирования вегетативной нервной системы; 3) обследование артерий верхних и нижних конечностей; 4) выявление характера и особенностей нарушения со стороны щитовидной железы и бронхолёгочной системы и т.д.

Оценка рабочих мест проводилась в соответствии с Руководством Р 2.2.2006-05 «Руководство по гигиенической оценке факторов рабочей среды и трудового процесса. Критерии и классификация условий труда» и ГОСТ 12.0.003-74 «Система стандартов безопасности труда».

Оценка причинно-следственных связей отклонений в состоянии здоровья исследуемой группы проводилась по результатам эпидемиологических исследований и в соответствии с Руководством Р

2.2.1766-03 «Руководство по оценке профессионального риска для здоровья работников. Организационные и методические основы, принципы и критерии оценки».

Оценка проявлений поведенческих факторов риска, выраженных в характере и частоте реализации практик табакокурения, употребления спиртосодержащих напитков, уровне физической активности осуществлялась с использованием авторского формализованного инструментария.

Оценка связи состояния здоровья работающих лиц с действием профессиональных и поведенческих факторов риска осуществлялось с помощью статистических методов анализа данных в программах Statistica 6.0 и SPSS 19.0 for Windows. Кроме методов дескриптивной и кросстабуляционной статистики применялись методы расчета отношения шансов (OR) и относительного риска (RR). Для оценки достоверности полученных данных использовался 95%-й доверительный интервал (CI). Наличие связи считалось достоверно установленным в случае, если нижняя граница доверительного интервала была больше единицы.

Результаты и их обсуждение. В результате проведения углубленного клинико-лабораторного обследования работников выявилась особенность структуры заболеваемости на предприятии: преимущественное развитие патологии опорно-двигательного аппарата, заболеваний верхних дыхательных путей и показателей, являющихся предвестниками развития болезней системы кровообращения, которая тесным образом коррелирует с основными производственными факторами исследуемой группы работников.

Основными производственными факторами, воздействующими на работников и определяющими структуру риска, являлись: пыль сильвинита, шум, тяжесть трудового процесса, работа в подземных условиях. На обследованных рабочих местах в общей массе взвешенных частиц преобладала доля частиц PM_{10} , что может способствовать возникновению изменений в функционировании дыхательной системы.

Результаты анализа по данным углубленного клинического осмотра показали, что у группы наблюдения вероятность развития заболеваний органов дыхания в 3,86 раза выше ($OR=3,86$, $95\% CI=1,74-8,58$; $95\% CI=1,48-4,57$), чем в группе сравнения. Эти заболевания можно считать профессионально обусловленными, т.к. количественная оценка вклада производственных факторов в развившейся патологии составила: для заболеваний органов дыхания 61,51% (степень связи нарушений здоровья с работой – высокая).

Установлены статистически значимые различия между группой наблюдения и группой сравнения по критерию риска развития воспалительных процессов слизистых оболочек. Наличие указанных изменений у работников, занятых на выполнении подземных горных работ, обусловило преобладание в структуре заболеваний органов дыхания болезней верхних дыхательных путей и установление причинно-следственных связей условий труда с хроническими ринитами и ринофарингитами: $OR=2,82$, $95\% CI=1,05-7,58$; $RR=2,34$, $95\% CI=1,04-5,26$; этиологическая доля $EF=57,23$, степень связи нарушений здоровья с работой – высокая.

Достоверно установлено наличие связи между производственными факторами риска и возникновением у работающих, занятых на выполнении подземных горных работ заболеваний костно-мышечной системы: дорсопатий шейного отдела ($RR=1,84$, $95\% CI=1,05-3,24$); остеоартроз ($RR=1,99$, $95\% CI=1,40-2,85$); правостороннего плечелопаточного периартроза ($RR=3,25$, $95\% CI=1,01-10,40$).

Установлены статистически значимые различия между группой наблюдения и группой сравнения по показателям, характеризующим наличие кардиориска и нарушений функции сосудистого эндотелия, обеспечивающего сосудистую регуляцию и являются важным механизмом в развитии сердечно-сосудистой патологии: индекс атерогенности ($RR = 1,69$, $95\% CI=1,32-2,15$).

Ухудшение состояния здоровья работников горнодобывающей отрасли вследствие хронической экспозиции вредными факторами производственного процесса существенным образом отягощается также за счет широкой реализации самими работниками негативных поведенческих практик.

Так, для большинства работников анализируемого предприятия характерны приверженность к табакокурению и вредному употреблению алкоголя. Установлено, что 71,9% опрошенных имеют опыт активного курения, из них в настоящее время курят регулярно 30,1%, «от случая к случаю» курят 15,9%, еще 25,7% респондентов имеют прошлый опыт курения. Только 28,1% опрошенных никогда не курили.

Средний возраст начала регулярного курения в группе наблюдения составил $19,4 \pm 0,62$ лет, в группе сравнения – $19,5 \pm 1,09$ лет. Средний стаж табакокурения в группе наблюдения составил $16,8 \pm 0,88$ года. Здесь в среднем выкуривают $11,6 \pm 0,67$ сигарет в день. Максимальное количество потребляемых сигарет приходится на возрастную группу 46–55 лет ($13,3 \pm 0,33$ сигарет), а минимальное в группе от 26 до 35 лет ($10,3 \pm 1,17$) и среди респондентов в возрасте от 18 до 25 лет ($11,5 \pm 1,5$). Среднее значение содержания никотина в выкуриваемых сигаретах составило 0,57 мг/сиг.

В группе сравнения средний стаж табакокурения составил $15,9 \pm 1,96$, среднее количество выкуриваемых сигарет – $13,8 \pm 1,58$. Максимальное количество потребляемых сигарет за день приходится на возрастные группы от 26 до 35 лет ($16 \pm 4,0$) и от 46 до 55 ($15 \pm 0,0$) лет. Среднее значение содержания никотина в выкуриваемых сигаретах $0,6 \pm 0,03$ мг/сиг.

На основании представленных данных для каждой группы были рассчитаны интегральные показатели среднесуточного поступления никотина в организм регулярно курящих респондентов. В группе наблюдения значения показателя составило $6,79 \pm 0,86$ мг., в группе сравнения – $7,41 \pm 1,51$ мг.

В течение последних 12 месяцев 78,9% опрошенных работников употребляли алкогольные напитки с различной периодичностью (в группе наблюдения – 75,8%, в группе сравнения – 87%).

Наиболее распространенным алкоголем по частоте употребления являются пиво в 27,7% случаев с частотой употребления 1-2 раза в неделю. Употребление водки с той же периодичностью было характерно для 15,7% работников, коньяка – 5,7% (данные приведены для обеих групп работников).

В среднем 37,4% респондентов выпивают за один раз от 1 до 1,5 литров пива, в 25,3% случаев от 500 до 700 гр. вина, от 350 до 500 гр. шампанского выпивают 25,1% опрошенных работников, 44,1% респондентов употребляют от 200 до 400 гр. крепкого алкоголя.

В среднем в течение года при неизменной интенсивности употребления указанных алкогольных напитков в организм анализируемой группы работников поступает 4261,7 гр. этанола. Показатель среднесуточного поступления этанола в организм составляет 11,67 гр. Средний возраст первой пробы алкоголя – 18 лет.

Действуя в сочетании с факторами производственной среды и трудового процесса, такое поведение не только с большей вероятностью может привести к развитию производственно обусловленных заболеваний, но и существенным образом сократить срок как трудовой, так и общей жизни работника.

Не такой существенной, однако, не менее значимой для указанных групп является проблема низкого уровня физической активности.

Анализ показал, что не занимаются спортом 37,3% респондентов группы наблюдения и 33,4% – группы сравнения. Один раз в неделю тренируются 15,3% и 24,4% опрошенных анализируемых групп. Систематические занятия спортом 2-3 раза в неделю практикуют 18,6% и 17,8% респондентов каждой группы. Ежедневная спортивная нагрузка свойственна 5,9% и 8,9% респондентам каждой из групп. Оптимальная

частота занятий спортом 4-5 раз в неделю реализуется работниками только 2,5% и 6,7% случаев.

Среди тех, кто, так или иначе, занимается спортом, помимо отсутствия регулярности занятий, обращает на себя внимание небольшое количество времени, которое на него тратится. Так, 1-2 часа в неделю уходит на физические нагрузки у основной части респондентов указанных групп (34,1% и 45%).

Оптимальным временем, затраченным на занятия спортом, при условии систематической интенсивной нагрузки, считается показатель 150-300 минут в неделю. Эксперты ВОЗ утверждают, что именно данное количество времени, при условии чередования аэробной нагрузки средней и высокой интенсивности, способствует укреплению сердечно-легочной системы, костно-мышечной ткани и снижению риска неинфекционных заболеваний [1]. В анализируемых группах работников, затрачивающих оптимальное количество времени на занятия спортом только 8,8% и 12,5%. Затруднились указать время потраченное на выполнение спортивных упражнений 46,2% и 30% опрошенных работников. Таким образом, по своей сути спортивная нагрузка, присутствующая в жизни свыше половины работников является крайне несущественной.

Выводы. Для работников, занятых во вредных условиях труда на предприятии горнорудной промышленности характерны профессионально обусловленные заболевание опорно-двигательного аппарата, систем дыхания и кровообращения. Риск развития данных патологий увеличивается под действием поведенческих факторов – активного курения, потребления алкоголя и низкой двигательной активности, оказывающих дополнительное действие на органы и системы, подверженные приоритетному действию вредной производственной среды. В этой связи, программы управления здоровьем работников предприятия должны носить двунаправленный характер, быть ориентированными не только на улучшение условий труда, но

и на формирование высокого уровня самосохранительного поведения работников, стимулирование ведения здорового образа жизни.

Список литературы

Глобальные рекомендации по физической активности для здоровья [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. URL: http://www.who.int/dietphysicalactivity/factsheet_recommendations/ru/ (дата обращения 25.02.2016)

Измеров Н.Ф. Актуализация вопросов профессиональной заболеваемости / Н.Ф. Измеров // Здравоохранение Российской Федерации. 2013. №2. С. 14–17.

Илюхин Н.Е. Влияние сочетанного воздействия курения и вредных производственных факторов на здоровье работников промышленных предприятий / Н.Е. Илюхин, Н.Х. Амиров // Первая городская научно-практическая конференция «Здоровье казанцев и табак» (сборник статей). Казань, 2008. – 100 с.

Немцов А.В. Вклад алкоголя в смертность мужчин и женщин / А.В. Немцов // Демоскоп Weekly. 2013. № 567-568.

Салахутдинов, Т.Ж.|| Панкратова, Л.Э.

Проблема формирования позитивного имиджа социальной работы в
современном российском обществе

Salakhutdinov, T.|| Pankratova, L.

The problem of formation of positive image of social work in the modern
russian society

В данной статье рассматриваются проблемы формирования позитивного имиджа социальной работы в современной России. Анализируются результаты исследований по данной проблеме. Выделяются факторы, влияющие на формирование более позитивного имиджа социальной работы.

In this article we are considering the problems of formation of positive image of social work in modern Russia. There are analyzed the results of researches of this problem. There are identified the factors that influence on formation more positive image of social work.

Ключевые слова: ИМИДЖ|| СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА|| ПОЗИТИВНЫЙ ИМИДЖ

Keyword: IMAGE|| SOCIAL WORK|| POSITIVE IMAGE

На сегодняшний день, социальная работа обладает противоречивым статусом в обществе, несмотря на её благородные общественные функции - решение социальных проблем и содействие социальным изменениям в общем, а также помощь лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации в частности. Если обратиться к истории формирования социальной работы в России как профессиональной деятельности, становится ясно, что это достаточно молодая профессия, ведущая свое начало с 1991 года, в период обострения всех социально-экономических проблем. Незнакомое с феноменом социальной работы, российское общество постепенно начинает привыкать к новой профессии и новому, так необходимому виду профессиональной деятельности. Так начинает формироваться имидж социальной работы в России.

Дадим понятие имиджа вообще на основе анализа современной научной литературы. Имидж – 1) (от англ. Image – образ, вид) Образ человека (включающий в себя внешность, манеру поведения, общения и т.п.), способствующий воздействию на окружающих; 2)Целенаправленно формируемый образ кого-либо или чего-либо, задача которого произвести благоприятное впечатление [4]; 3) имидж - это мнение об объекте у группы людей в результате сформированного в их психике образа этого объекта, возникшего вследствие прямого их контакта с этим объектом или вследствие полученной об этом объекте информации от других людей [1].

Имидж или статус профессии для социального работника играет немаловажную роль при выполнении им своих функций, поскольку, если он низкий, то перед социальным работником стоит дилемма между заботой о клиенте и социальным контролем, кроме того специалистам приходится работать в условиях повышенной рутинизации и бюрократизации труда [2].

Другим критерием значимости имиджа профессии для специалиста социальной работы является тот факт, что именно социальные работники являются основными поставщиками социальных услуг населению и при негативном имидже социальной работы в обществе качество этих услуг снижается. Следовательно, мы можем проследить связь мнения общества на качество его жизни посредством формирования имиджа социальной работы.

Несомненно, сами социальные работники способны формировать положительное отношение к своей профессиональной деятельности с помощью профессионального обучения, переподготовки и повышения квалификации специалистов социальной сферы. В последние годы прослеживается тенденция по росту специалистов с высшим образованием и образованием по специальности. Такие специалисты способны изучать и анализировать группы клиентов социальных служб, их жизненные проблемы, планировать и организовывать оказание социальных услуг в соответствии с потребностями клиентов. Отсюда повышается качество оказания услуг, а, соответственно, и имидж социальной работы в целом.

На основании опросов, проводимых в 2012-2014 годах научно-учебной группой «Профессии в социальном государстве» среди специалистов социальных служб и их клиентов, можно говорить о том, что в СМИ зачастую транслируется образ социального работника, как «вора», «непрофессионала» и «вредителя» [2]. Это прямая дискредитация профессии. Сами же социальные работники предпочли бы, чтобы их образ в СМИ был представлен как образ «друга, помощника в трудных жизненных ситуациях». По результатам данного опроса самыми значимыми аспектами, влияющими на имидж специалиста социальной работы, являются низкий размер оплаты труда, плохие условия работы, низкий уровень квалификации и гендерные стереотипы. А.К. Сельченко в своей статье для решения этих проблем предлагает создать коммуникационные площадки для социальных работников, где они смогут обмениваться профессиональным опытом и мнениями по многим социальным вопросам.

По результатам других исследований, проведённых Г.Ф. Тактаевой и Г.М. Хасановой о престиже социальной работы среди 186 жителей г.Уфы в возрасте от 18 до 60 лет в 2014 году, выяснилось, что имидж профессии «социальная работа» на данный момент плохо сформирован, люди относятся к профессии скептически ввиду «молодости» профессии из чего вытекает предположение общества о неспособности социальной работы решать проблемы, само понятие «социальная работа» размыто, неопределённо, что вызывает недоверие к специалистам [3].

Обратившись к результатам исследований В.А. Филатова, М.А. Денисова и С.С.Ковальчука [5], становится ясно, что формировать положительный образ специалиста социальной работы, обмениваться опытом, повышать квалификацию попросту некому: профессия не пользуется большой популярностью среди выпускников вузов. Это влияет на дефицит кадров в социальной сфере. Также исследователи отмечают низкую информированность населения о социальной работе или даже полное её отсутствие. До 60% респондентов отмечали непонимание смысла термина

«социальная работа» и, соответственно, не имели представления о её необходимости. Самый распространённый стереотип – это выполнение функций ухода за немощными престарелыми людьми, роль сиделки. По результатам данных исследований, выделено два фактора, влияющих на престиж профессии: недостаточное финансирование социальной сферы со стороны государства и дефицит профессиональных кадров. Данные исследователи при формировании имиджа социальной работы предлагают делать акцент на самих социальных работников и на их обязанность самостоятельно влиять на свой статус, решать профессиональные проблемы и выполнять миссию социальной защиты населения.

Таким образом, на негативный имидж социального работника в России на современном этапе развития социальной работы влияет множество факторов. К ним можно отнести как экономические (плохое финансирование социальной сферы, низкий уровень заработной платы специалистов, устаревшая материально-техническая оснащённость социальных учреждений), профессиональные (отсутствие у специалистов соответствующей квалификации, плохо организованное взаимодействие специалистов социальной работы по обмену опытом), социальные (негативная пропаганда в СМИ, недостаточная информированность населения, недоверие общества к социальным работникам).

На наш взгляд, влияние всех этих факторов, возможно, снизить путём проведения грамотной социальной политики государства, выражающейся в законодательно гарантированном трудоустройстве молодых специалистов по специальности с достойным уровнем оплаты труда, социальным пакетом и возможностью дальнейшего обучения и повышения квалификации; создания положительного образа социального работника с помощью социальной рекламы, транслирующейся в СМИ.

Список литературы

Имидж. Энциклопедический словарь / авт.-сост. А. Панасюк. – М.: Рипол Классик, 2007. – 768 с.

Сельченко, А.К. Профессиональный статус социальных работников в России сквозь призму содействия социальным изменениям/А.К. Сельченко// Теория и практика общественного развития. -2014. - №12. – С. 37-40.

Тактаева, Г.Ф., Хасанова, Г.М. Престиж социальной работы среди населения/Г.Ф. Тактаева, Г.М. Хасанова// Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. -2014. - №8.

Толковый словарь Ефремовой / авт.-сост. Т. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с.

Филатов, В.А., Денисова, М.А., Ковальчук, С.С. Проблемы социальной работы и пути их решения/В.А. Филатов, М.А. Денисова, С.С. Ковальчук//Международный научно-исследовательский журнал. -2014. - № 1-4 (20). С. 89-90.

Modern approaches in describing and solving the problems of disability.

В статье рассматриваются основные модели понимания инвалидности, затрагивается вопрос о подходах, которые применяются в соответствии с каждой моделью, приводятся статистические данные. Анализируются направления социальной политики в сфере интеграции инвалидов.

In the article considered the basic model of understanding disability, addresses the issue of approaches that are applied in accordance with each model, statistical data. As well as the conclusion of the social policy in the integration of persons with disabilities.

Ключевые слова: ИНВАЛИДНОСТЬ||ИНТЕГРАЦИЯ||СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА|| МОДЕЛИ ИНВАЛИДНОСТИ

Key words: DISABILITY|| INTEGRATION||SOCIAL POLITICS||MODEL OF DISABILITY

Государственная социальная политика Российской Федерации сконцентрирована на решении различных социальных проблем, особое место в ней занимает политика, направленная на инвалидов. Человек с ограниченными возможностями должен рассматриваться как активный субъект социальной реальности, создающей условия для максимально возможной его самореализации и интеграции в общество.

Для усовершенствования социальной политики в этой сфере важным является не только изучение социальной политики как механизма государственного управления, но и изучение самого понятия «инвалидность» и специфики подходов в решении проблем инвалидов. Поэтому целью статьи является обоснование моделей понимания инвалидности и определение

подходов при решении проблем, с которыми сталкивается инвалид в процессе своей социальной интеграции.

Современные исследователи (Н.А. Коростелева, Е.А. Тарасенко, М.Н. Гуслова М.Н, Е.Р. Ярская-Смирнова) выделяют две модели понимания инвалидности – медицинскую и социальную. Медицинская модель зародилась в системе здравоохранения в XIX веке, она, с точки зрения Е.В. Коростелевой, рассматривает физические и психические отличия между людьми в терминах патологических отклонений и дефектов [4, с.89–90], иными словами, инвалидность – это недуг, заболевание, дефект. Человек с инвалидностью в рамках медицинской модели – это больной, имеющий отклоняющееся поведение. Такое понимание предполагает необходимость медицинского исправления, в некоторых случаях – изоляции, это, в свою очередь, влияет на возможность интеграции человека в общество, так как идеи доступности сферы образования, занятости, досуга, отдыха, спорта для таких людей не рассматриваются вообще.

Для людей с инвалидностью создаются специализированные закрытые интернаты, пансионаты, санатории, специализированные учебные заведения. Медицинская модель создает множество стереотипов, мифов о людях с ограниченными возможностями здоровья (например, инвалиды воспринимаются как беспомощные, не способные создать семью) которые выстраивают барьер между инвалидами и другими людьми. Наличие данных стереотипов описывают в своей работе «Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России» П.В.Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова. Они проводят анализ кинематографа и приходят к выводу о том, что в обществе существуют стереотипные образы: так, например, женщины-инвалиды ассоциируются с жалостью, болью, беспомощностью, они не способны к трудовой деятельности и выполнению репродуктивных ролей [15, с.206].

Абсолютно противоположной медицинской моделью выступает социальная модель понимания инвалидности, зародившаяся в середине XX

века. Авторами этой модели выступили сами люди с ограниченными возможностями. Первый толчок в создании данной модели принадлежит Полу Ханту, который в своем эссе «Критическое условие» пришел к осознанию, что люди с ограниченными возможностями сталкиваются с предубеждениями, которые выражаются в дискриминации и угнетении [13, с.117]. В 1976 году организацией «Союз людей с физическими дефектами против изоляции», опираясь на идеи Ханта, было выдвинуто новое определение инвалидности: это препятствие или ограничение активности, вызванное современным социальным устройством, которое уделяет незначительное или не уделяет вообще никакого внимания людям, имеющим физические дефекты, и таким образом исключает их участие в основной социальной деятельности общества [14, с.117]. Таким образом, социальная модель определяет инвалидность как следствие несправедливого устройства общества и предполагает предоставление инвалидам всех прав и свобод, полный доступ ко всем сферам жизнедеятельности общества, активизацию жизненного потенциала и полное включение инвалидов в общество на их собственных условиях.

При реализации социальной политики с пониманием инвалидности через социальную модель применяются следующие подходы: правовой, социально-средовой, психологический, общественно-идеологический, профессиональный, реабилитационный. Правовой подход заключается в принятии нормативно-правовых актов (далее по тексту – НПА), международно-правовых актов, которые обеспечивают действие правового механизма соблюдения прав и свобод людей с ограниченными возможностями здоровья. Одним из основных НПА в отношении инвалидов в РФ является федеральный закон «О социальной защите инвалидов» № 181–ФЗ, который был принят 24 ноября 1995 г. Согласно этому закону, в РФ не допускается дискриминация по признаку инвалидности. Осуществляется медико-социальная экспертиза, разрабатываются индивидуальные программы реабилитации, проводятся восстановительные медицинские

мероприятия, профессиональная ориентация, содействие в трудоустройстве. Создаются условия для предпринимательской деятельности. Устанавливается квотирование рабочих мест [11].

Социально-средовой подход охватывает микросоциальное окружение индивида – это в первую очередь семья и макросоциальное окружение – различные социальные группы. Семье инвалида отводится важное место в успешной интеграции, так как поддержка семьи в процессе интеграции наиболее важна для человека.

Психологический подход основывается на собственных желаниях индивида быть интегрированным в общество, его собственных интересах, целях, психологическом настрое, личностной мотивации.

Общественно-идеологический подход включает в себя деятельность государственных и общественных институтов, которые реализуют социальную политику в этом направлении, устанавливают основы федеральной политики в области социального обслуживания граждан, физической реабилитации инвалидов, обеспечения доступности образования, доступности инфраструктуры и другое. Одним из важных государственных институтов является Министерство труда и социальной защиты, в чьи задачи входит проведение мероприятий по интеграции инвалидов в общество через трудовую занятость и профессиональную интеграцию. Основное внимание уделяется инновационному развитию реабилитационного сектора, усовершенствованию существующей государственной системы реабилитации с учетом потребностей каждого инвалида. В структуру Министерства труда и социальной защиты 4 сентября 2012 год был включен Департамент по делам инвалидов. В ведении департамента находятся следующие вопросы: совершенствование законодательства и выработка единой стратегии в сфере социальной реабилитации и интеграции инвалидов, разработка и реализация государственных программ, организация деятельности по социальной реабилитации и другое [5]. Департамент по делам инвалидов участвует в разработке основных направлений

государственной политики, направленной на инвалидов, осуществляет правовое регулирование в сфере социальной реабилитации и контроль деятельности и предприятий, относящихся к ведению департамента.

Профессиональный подход заключается в формировании профессиональной структуры общества за счет интеграции инвалидов в сферу труда и стимулирование предпринимательской деятельности инвалидов.

Реабилитационный подход предполагает проведение реабилитационных мероприятий в процессе интеграции. Исследовательница Кирилюк О.М. выделяет три уровня реабилитации инвалидов: микроуровень, мезоуровень и макроуровень. На микроуровне социальной реабилитации инвалид рассматривается во взаимодействии с социальным окружением (семьей). Главной функцией этого уровня является развитие коммуникативных навыков и помощь в осознании своей субъективности. На мезоуровне целью реабилитации является специальное обучение и профессиональное физическое оздоровление инвалида. На макроуровне целью осуществления социальной политики государством выступает социальная адаптация и интеграция инвалидов в общество [3, с.74]. Данный подход реализуется как федеральными и региональными органами власти, так и общественными организациями. К примеру, общественная организация Железнодорожного района города Екатеринбурга «Радий» занимается проведением реабилитационных мероприятий для детей-инвалидов. Летом 2015 года она организовала реабилитационные мероприятия для нескольких детей в Республиканском детском реабилитационном центре в г. Астана. Реабилитационные мероприятия включали в себя: ежедневные занятия на роботизированном комплексе «Локомат» – аппарат для обучения ходьбе, занятия на тренажере «Мотомед», посещение гидрокинезотерапии в бассейне, посещение занятий логопеда и т.д. [8] Все эти мероприятия способствовали улучшению их физического состояния и в дальнейшем

помогут успешно интегрировать в профессиональную, образовательную и другую среду.

Таким образом, существующие сегодня модели инвалидности влияют на социальную политику государств, в которой может применяться та или другая модель. На сегодняшний момент для социальной политики РФ важно определить, к какой модели инвалидности тяготеет государство, только через четкое определение модели возможно добиться кардинальных и коренных изменений в социальной политике в сфере интеграции инвалидов. На данный момент, с нашей точки зрения, РФ находится на этапе перехода от медицинской модели к социальной модели, так как существуют различные признаки проявления той или иной модели в социальной политике государства.

Признаки медицинской модели инвалидности в реализации социальной политики можно усмотреть в существующих сегодня изолированных учреждениях для инвалидов (Свердловский психоневрологический интернат, пансионат «Семь ключей», Березовская специально-коррекционная общеобразовательная школа-интернат), а также в неполной включенности инвалидов в общественную жизнь. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики число детей-инвалидов школьного возраста, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, составляет 4,5% от общего числа школьников. Около 29 тыс. детей-инвалидов с нарушением умственного развития изолированы от общества в домах-интернатах системы социальной защиты [2]. Численность людей, обслуживаемых на дому центрами социального обслуживания, с каждым годом увеличивается, если в 2011 году – 558 тысяч человек, то в 2014 – 568 тысяч человек [2]. Кроме того в результате незначительного общения и взаимодействия с инвалидами в обществе продолжает существовать ряд стереотипов в отношении детей-инвалидов. Согласно исследованию, которое проводил ВЦИОМ в сентябре–октябре 2010 года по заказу Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 87% россиян испытывают жалость, сочувствие,

сострадание к инвалидам [1]. Все эти чувства унижают достоинство инвалидов, препятствуют их развитию и личностному росту.

Одновременно начинает реализовываться социальная политика с пониманием инвалидности в рамках социальной модели. Принимаются различные законы, усовершенствуются реабилитационные мероприятия, создаются новые программы переквалификации, становится доступнее общественная среда и т.д. В 2011 году Правительством РФ была принята государственная программа «Доступная среда». Среди задач данной программы можно выделить: повышения уровня доступности, преодоление разобщенности между инвалидами и лицами без инвалидности, модернизация системы медико-социальной экспертизы. Создание доступной среды позволит обеспечить реализацию прав инвалидов и включить их полноценную жизнь общества. В рамках программы планируется: увеличить число региональных и муниципальных общеобразовательных организаций, отвечающих требованиям доступности для инвалидов, повышение труда медицинским работникам, социальным работникам, увеличения числа высококвалифицированных сотрудников [7]. Данная программа показала успешные результаты деятельности, поэтому премьер-министр Медведев Д.А. подписал распоряжение Правительства РФ от 27 октября 2014 года «О продлении до 2020 года срока реализации государственной программы Доступная среда» [10]. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов» № 181-ФЗ был принят 24 ноября 1995 г. Последние изменения были внесены 28 декабря 2013 г. Этот закон обеспечивает предоставление и соблюдения различных прав. Например, на реабилитацию инвалидов. Реабилитация инвалидов включает в себя: восстановительно-медицинские мероприятия, протезирование и ортезирование, санаторно-курортное лечение, профессиональную ориентацию, содействие в трудоустройстве, производственную адаптацию, а также индивидуальную программу реабилитации и др. В рамках данного НПА все инвалиды беспрепятственно допускаются к информации и культурно-досуговой деятельности, а также к

объектам социальной инфраструктуры [11]. Возможность получения равного и доступного образования для инвалидов содержится в законе «Об образовании в РФ» № 273–ФЗ, который был принят в России 29 декабря 2012г. По данному закону дети-инвалиды могут беспрепятственно получать равный доступ к образованию посредством организации инклюзивного образования [6]. Кроме этого, работающих инвалидов с каждым годом становится все больше, если в 2010 году – 2078 тыс. человек, то в 2015 году – 2473 тыс. человек [2]. Также согласно данным Комплексного наблюдения условий жизни населения на 2014 году 51,8 процентов инвалидов в возрасте от 15 лет и более могут наравне со всеми вести активный образ жизни[2].

Таким образом, Россия находится на переходном этапе от понимания инвалидности через медицинскую модель к социальной модели. До сих пор существуют учреждения изолирующие инвалида (пансионаты, коррекционные закрытые школы и т.д.), сохраняется предвзятое отношение к инвалидам, стереотипы, которые мешают их интеграции, доступность среди также достигнута не в полном объеме, что способствует изоляции инвалида от общества. Но, несмотря на это, осуществляется постепенный переход к социальной модели, которые уже имеет значительные успехи. Усовершенствована правовая база, создаются реабилитационные программы, колоссальное внимание уделяется доступности среды: доступ к транспортным (низкопольные автобуса, трамваи, троллейбусы), техническим средствам (специальные бытовые приборы, сурдосредства), звуковым, визуальным источникам информации; специальные светофоры, спуски на проезжую часть и т.д.

Дальнейший переход позволит полностью перестроить социальную политику в отношении инвалидов, усовершенствовать её и уже через несколько лет можно будет говорить о том, что процесс интеграции инвалидов в общество не встречает на своем пути ни каких препятствий. Важным же остается комплексное использование подходов социальной модели инвалидности, только тогда можно добиться наибольших результатов

и обеспечить более быструю и успешную интеграцию инвалидов. Полный переход на понимание инвалидности через социальную модель создаст общество полностью равных людей, с равными возможностями, с равным доступом к различным сферам жизнедеятельности и в полной мере обеспечит соблюдение прав и свобод людей с ограниченными возможностями здоровья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Данные ВЦИОМ[Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://wciom.ru/social-structure>(дата обращения 12.02.2016)

Данные Росстата[Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.qks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population (дата обращения:12.02.2016).

Кирилюк О.М. Социальная реабилитация как способ социальной интеграции инвалидов в общество/О.М.Кирилюк // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – Санкт-Петербург, 2009. – № 1. – С. 72 – 75.

Коростелева Н.А. Социальная модель инвалидности, как основа формирования толерантного отношения к инвалидам// Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012.– №8.– с. 81 – 94.

Министерство труда и социального защиты Российской Федерации. О реализации мер, направленных на развитие трудовой занятости инвалидов [Электронные ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/> (дата обращения: 17.02.2015).

Об образовании в Российской Федерации : федер.закон [от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ] // Российская газета. – 2012. – 31дек. – Ст. 110.

Об утверждении государственной программы «Доступная среда»: распоряжение правительства РФ от 26 ноября 2012 г. №2181-р // Российская газета. – 2012. – 27 нояб.– ст. 56.

Общественная организация Радий [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://deti-invalid.ru/> (дата обращения: 17.02.2016)

Олейникова Е.Г. Модели социальной политики государства: проблемы теории и практики/Е.Г.Олейникова// Общество: политика, экономика, право. – Волгоград, 2013.– №3.– с. 11 – 14.

О продлении до 2020 года срока реализации государственной программы Доступная среда: распоряжение правительства РФ от 27 октября 2014 г. №2136-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/580657/> (дата обращения: 17.02.2016).

О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федер. Закон [от 24 ноября 1995г. № 181-ФЗ]//Российская газета. – 1995. – 24 нояб. – с.1-36.

Положение от 4 сентября 2012 года. Министерства труда и социальной защиты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/handicapped/9> (дата обращения: 17.02.2016).

Холл.Дж. Студенты-инвалиды и высшее образование / Перевод с английского // Журнал исследований социальной политики. – М, 2004.– №1.– с. 115 – 126.

Холостова Е.И. Социальная реабилитация/ Е.И.Холостова, Н.Ф.Дементьева.– М.:Дашков и К, 2002.– 340с.

Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России/ Е.Р.Ярская-Смирнова, П.В. Романов.– Саратов.: Научная книга, 2006. – 260с.

Смолина, Н.С. Широметьева, М.В.

Роль семьи в социальной реабилитации ребенка с особыми
потребностями

Smolina, N. Shirometieva, M.

The role of the family in the social rehabilitation of a child with special
needs

В статье рассматриваются особенности социальной реабилитации ребенка с особыми потребностями в рамках семьи, а также анализируется роль реабилитационного центра в организации реабилитационных мероприятий для подобных детей.

The article considers the peculiarities of the social rehabilitation of a child with special needs within the family, and analyzes the role of the rehabilitation center in the organization of rehabilitation for children with special needs.

Ключевые слова: семья, ребенок с особыми потребностями, социальная реабилитация, общество.

Keywords: family, child with special needs, social rehabilitation, society.

Сегодня как в России, так и в других странах происходит рост численности детей с ограниченными возможностями здоровья. Дети, имеющие значительные проблемы физического, психического, интеллектуального развития, получают на основе медицинских показаний социально-медицинский статус – «инвалид». Согласно Федеральной службе государственной статистики, на 1 января 2014 года в Российской Федерации общая численность детей-инвалидов составляет пятьсот восемьдесят две тысячи человек, из которых триста тридцать одна тысяча мальчиков и двести пятьдесят одна тысяча девочек [5]. Залогом успешной социальной интеграции детей с ограниченными возможностями являются мероприятия социальной реабилитации. Социальная реабилитация осуществляется как в условиях специализированных социальных учреждений, так и в условиях семьи.

Одну из ключевых функций в социальной реабилитации ребенка-инвалида реализует его семья. Именно семья составляет первичное и ближайшее окружение ребенка с нарушениями здоровья. Она определяет условия становления личности ребенка-инвалида и формирования его характера. Семья принимает активное участие в решении проблем, связанных с особенностями развития ребенка-инвалида, проводит комплекс необходимых оздоровительных мероприятий, которые назначаются ребенку специалистами социальных и медицинских учреждений.

А.П. Маршалкин и Ю.С. Чурилов, российские исследователи в области медицины и здоровья считают, что социальная реабилитация является комплексом мер, направленных на повышение уровня функциональных способностей в быту и социуме, восстановление разрушенных или утраченных больным или инвалидом вследствие нарушения здоровья общественных связей и отношений [3]. В конечном счете, мероприятия социальной реабилитации способствуют адаптации и социализации человека в обществе.

На сегодняшний день среди специалистов существуют различные точки зрения относительно понятия «социальная реабилитация». В различных исследованиях социальная реабилитация рассматривается одновременно как технология социальной работы, как этап социальной адаптации и как комплекс мероприятий. На наш взгляд, социальная реабилитация является технологией социальной работы. Стоит отметить, что социальные технологии представляют собой комплекс методов, основная задача которых заключается в изучении и преобразовании социальных объектов для достижения желаемого результата. Особенностью социальной технологии является возможность ее неоднократного применения на практике. Таким образом, социальная реабилитация является технологией социальной работы, чьей задачей является восстановление социального статуса личности ребенка, сниженного или утраченного в результате получения социально-медицинского статуса «инвалид».

Обратимся к нормативно-правовому регулированию социальной реабилитации и правового статуса субъектов, вступающих в отношения по социальной реабилитации, заключающегося в предоставлении определенных правовых льгот, гарантий и мер ответственности субъектов, участвующих в мероприятиях социальной реабилитации. Нормативно-правовыми актами РФ предоставляются дополнительные льготы и гарантии семьям, воспитывающим ребенка со специальными потребностями: Трудовой кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17.07.99. № 178 - ФЗ, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка» от 24.07. 98. № 124 – ФЗ, Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.95. № 181 – ФЗ, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.12. № 273 – ФЗ.

Таким образом, родители, воспитывающие ребенка с особенностями развития, имеют право на неполный рабочий день, дополнительные отпуска, отсутствие ночных смен и командировок. Детям с особенностями развития предоставляется бесплатная медицинская помощь, направленная на диагностику, лечение и реабилитацию ребенка, а также гарантируется государственная социальная помощь. Семьи, воспитывающие ребенка с особенностями развития, обеспечиваются собственным жильем. Государством предоставляется возможность получения специализированного образования ребенку на дому и в специализированных учреждениях, а также поступление в ВУЗ на бесплатной основе.

Предоставляемые правовые льготы и гарантии обеспечивают родителям свободное время на проведение реабилитационных мероприятий со своими детьми, как на дому, так и в условиях центров и учреждений. Бесплатная медицинская помощь дает возможность не расходовать денежные средства из бюджета семьи на дополнительные платные реабилитационные мероприятия. Денежные выплаты, осуществляемые в рамках российского законодательства, являются важной составляющей

доходов для семей, воспитывающих ребенка со специальными потребностями, которые позволяют осуществлять платные реабилитационные мероприятия. Получение ребенком образования, а также поступление в ВУЗ на бесплатной основе обеспечивают получение ребенком образования, а также трудовую занятость в будущем, что дает ребенку возможность не завесить в будущем материально от семьи.

Рождение ребенка с особенностями развития является стрессовой ситуацией для любой семьи. Не смотря на это, большинство семей выражают активную готовность принять участие в длительной реабилитационной работе своего ребенка. Согласно результатам исследования специалиста по социальной работе реабилитационного центра для детей и подростков Хабаровского края Г.К. Бурмистрова у опрошенных превалирует положительное отношение к своему положению. Безусловно, это является позитивным фактором, который, во-первых, помогает родителям обрести уверенность в успешном исходе реабилитационной работы, которую они проводят; во-вторых, нацеливает на борьбу за счастье своего ребенка, даже если работники социальных служб ставят вердикт: не обучаем, неизлечим и т.п. (опыт показывает, что нередко усилия родителей вознаграждаются позитивными результатами); в-третьих, стимулирует самого ребенка учиться у родителей оптимистичному отношению к жизни, вере в добро, желанию реализовать свои возможности в обществе [2]. Таким образом, семьи, воспитывающие детей со специальными потребностями, в большинстве случаев принимают особенности развития своего ребенка. Их основной целью становится привитие ребенку чувства собственного достоинства, способствование формированию у общества уважительного отношения к особенностям развития ребенка. Данная группа родителей предпринимает все необходимые меры для того, чтобы ребенок со специальными потребностями стал полноценным членом общества, старается компенсировать или минимизировать негативные особенности его развития.

Отметим, что семья – это институт, который осуществляет ряд социально значимых функций, таких как репродуктивная, экономическая, рекреационная, социализирующая, образовательная. Однако, семья, которая воспитывает ребенка со специальными потребностями, выполняет ряд специфических функций. В своей работе преподаватели коррекционной педагогики и социальной психологии С.М. Муталимова, А.Н., Магомедова выделяют ряд специфических функций, которые присущи семье, воспитывающей ребенка с особенными потребностями [4]:

Абилитационно-реабилитационная (восстановление психофизического и социального статуса нетипичного ребенка, включение его в социальную среду, приобщение к нормальной жизни и труду в пределах его возможностей);

Корректирующая (исправление, ослабление или сглаживание недостатков, психофизического развития детей с ограниченными возможностями);

Компенсирующая (замещение, перестройка нарушенных или недосформированных функций организма, его приспособление к негативным условиям жизнедеятельности и попытка заменить пораженные, вышедшие из строя или непродуктивно работающие структуры относительно сохранными, компенсаторными механизмами).

Таким образом, семья, воспитывающая ребенка со специальными потребностями, помимо традиционных функций, занимается восстановлением социального статуса ребенка и включением его в социальную среду. Семьей осуществляются исправление или сглаживание недостатков ребенка с особенными потребностями, проводится работа по компенсированию нарушений здоровья, а также организуется приспособление ребенка к негативным условиям жизнедеятельности.

Важным условием социальной реабилитации ребенка со специальными потребностями в рамках семьи является участие родителей в реабилитационных мероприятиях, как на дому, так и в реабилитационных

учреждениях различного характера: больницы, центры помощи семье и детям, оздоровительные лагеря, реабилитационные центры для детей и подростков.

На наш взгляд, реабилитационные центры для детей и подростков со специальными потребностями выполняют важную роль в осуществлении социальной реабилитации ребенка в рамках семьи. Работа реабилитационного центра направлена не только на самого ребенка, но также и на семью ребенка со специальными потребностями, которой оказывается всесторонняя помощь и поддержка. Специалисты центров оказывают родителям психологическую помощь, а также обеспечивают возможность проведения реабилитационных мероприятий родителями на дому. Семья, таким образом, выступает связующим звеном между социальной службой и ребенком, обеспечивая явку ребенка и принимая активное участие в необходимых реабилитационных мероприятиях, как в рамках центра, так и в рамках любого другого реабилитационного учреждения, в которое обращаются родители по рекомендации реабилитационного центра.

Дети со специальными потребностями, воспитываемые вне семьи, как правило, попадают в специализированные детские дома и дома-интернаты, где им оказывается медицинские, социальные, психологические виды помощи. Специалисты оказывают всю необходимую помощь детям, но в данном случае отсутствует глубоко индивидуальный подход к ребенку, в результате занятости специалистов. Специалисты в связи со своей загруженностью, а также с недостаточностью материального обеспечения зачастую не в состоянии организовать дополнительные индивидуальные развивающие занятия и мероприятия с детьми со специальными потребностями. В семье родители прикладывают все возможные усилия, чтобы обеспечить ребенку дополнительные занятия и мероприятия, в том числе посещение различных узкопрофильных специалистов, дополнительных развивающих занятий, а также дополнительных занятий, направленных на процесс оздоровления организма ребенка со специальными потребностями.

Стоит отметить такой значимый факт, что родители не отказываются от попыток развития своего ребенка даже в самых тяжелых случаях, добиваясь зачастую существенных результатов в социальной реабилитации.

В рамках этой темы нами было проведено собственное исследование, посвященное оценке влияния семьи на социальную реабилитацию ребенка со специальными потребностями. Исследование проводилось 10 апреля 2015 года одним интервьюером.

Объектом исследования стали специалисты реабилитационных центров для детей и подростков со специальными потребностями, взаимодействующие с семьей в период социальной реабилитации ребенка.

Предметом выступила оценка специалистами центра для детей и подростков со специальными потребностями роли семьи в социальной реабилитации ребенка.

Нами были поставлены следующие задачи исследования:

1. Изучить мнения специалистов об участии родителей в реабилитационных мероприятиях ребенка со специальными потребностями.
2. Определить, каким образом сам центр и его организационная структура способствуют развитию реабилитационного потенциала родителей ребенка со специальными потребностями.
3. Выявить, каким образом психологическое состояние родителей оказывает влияние на социальную реабилитацию ребенка со специальными потребностями.
4. Изучить степень заинтересованности родителей в проведении собственными силами реабилитационных мероприятий ребенка.

Методом исследования было выбрано полуструктурированное интервью. С нашей точки зрения, это наиболее эффективный метод при исследовании оценки роли семьи в социальной реабилитации детей со специальными потребностями специалистами центра. Данный метод позволил получить глубинную информацию по теме исследования. Личный контакт со специалистом центра в ходе интервью позволил обеспечить максимально

полную реализацию исследовательских задач. Одновременно ситуация интервью, по форме близкая к обыденному разговору, способствовала непринужденной обстановке общения, что повлияло на искренность ответов.

Генеральной совокупностью в исследовании стали специалисты реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья «Росток» города Каменска-Уральского, взаимодействующие с детьми и родителями во время прохождения ими реабилитационных мероприятий в центре.

В результате исследования были достигнуты поставленные нами задачи. Было выяснено, что семья играет значительную роль в социальной реабилитации детей со специальными потребностями. По мнению специалистов центра, родители зачастую обеспечивают явку детей на реабилитационные мероприятия, а также выполняют назначения специалистов центра. Большинство родителей осведомлены о своих социальных правах и стремятся использовать их для достижения целей социальной реабилитации ребенка. Структура данного реабилитационного центра способствует развитию у родителей реабилитационного потенциала. На базе центра существует ряд отделений, в которых ведутся работы различного характера, как с детьми, так и с родителями. Нами было выяснено, что психологическое состояние родителей оказывает влияние на социальную реабилитацию ребенка. Положительный настрой родителей влияет на максимальное использование родителями своего реабилитационного потенциала по отношению к ребенку. Родители также интересуются дополнительными возможными средствами реабилитации ребенка. Специалисты отмечают, что зачастую родители обращаются в платные клиники, как в России, так и за рубежом, интересуются платными занятиями, которые могут быть направлены на развитие различных способностей ребенка, а также при необходимости проводят платные операции для ребенка. Данные мероприятия, по оценкам специалистов, играют значительную роль в процессе социальной реабилитации ребенка.

Интересным представляется тот факт, что в ходе исследования специалисты центра отмечали, что существует ряд случаев, когда родители не посещают центр и не выполняют назначения специалистов. Одной из причин является нежелание родителей. Данный факт противоречит нашему предположению о том, что социальная реабилитация протекает успешнее в семейных рамках, в отличие от домов-интернатов и детских домов, где не уделяется должного внимания каждому ребенку. Также специалистами было отмечено, что семья, воспитывающая ребенка со специальными потребностями, не способна проводить успешные реабилитационные мероприятия без квалифицированной помощи центра и других учреждений. Это противоречит нашему предположению о том, что семья самостоятельно способна проводить успешную социальную реабилитацию ребенка. В то же время в результате исследования подтвердились наши предположения о том, что родители зачастую достаточно полно используют свой реабилитационный потенциал по отношению к ребенку.

Таким образом, семья играет ведущую роль в организации реабилитационных мероприятий для ребенка с особенностями развития. В рамках семьи ребенок имеет возможность получить больше внимания, как со стороны родителей и других членом семьи, так и со стороны узко-профильных специалистов, в отличие от детей, находящихся в детских домах и в домах-интернатах. В то же время родители ребенка с особенностями развития не могут обойтись без квалифицированной помощи специалистов реабилитационных учреждений, которые оказывают психологическую помощь родителям и координируют их действия в отношении проведения реабилитационных мероприятий для ребенка с особенностями развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Закон РФ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» N 181 – ФЗ от 24.11.95. в ред. Федеральных законов от 24.07.98 N125-ФЗ, от 04.01.99 N 5-ФЗ, от 06.04.2015 N 68-ФЗ [Электронный ресурс]// Принят

Государственной Думой 20 июля 1995 года. Одобрен Советом Федерации 15 ноября 1995 года. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=166137> (дата обращения 2.04.15).

Закон РФ «Семейный кодекс Российской Федерации» N 223 – ФЗ от 29.12.95 в ред. Федеральных законов от 15.11.97 N 140-ФЗ, от 27.06.98 N 94-ФЗ, от 04.11.2014 N 333-ФЗ [Электронный ресурс]// Принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=165345> (дата обращения 2.04.15).

Закон РФ «Об основах гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» N 124-ФЗ от 24.07.1998 в ред. Федеральных законов от 20.07.2000, от 29.06.2013 N 135-ФЗ, от 02.07.2013 N 185-ФЗ [Электронный ресурс]// Принят Государственной Думой 3 июля 1998 года. Одобрен Советом Федерации 9 июля 1998 года. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=155182> (дата обращения 2.02.15).

Закон РФ «О государственной социальной помощи» N 178-ФЗ от 17.07.99 в ред. Федеральных законов от 22.08.2004 N 122-ФЗ, 25.11.2006 N 195-ФЗ, от 21.07.2014 N 216-ФЗ [Электронный ресурс]// Принят Государственной Думой 25 июня 1999 года. Одобрен Советом Федерации 2 июля 1999 года. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=165963> (дата обращения 2.04.15.).

Закон РФ «Трудовой кодекс Российской Федерации» 197-ФЗ от 30.12.2001 в ред. Федеральных законов от 24.07.2002 N 97-ФЗ, от 25.07, 2002 N 116-ФЗ, от 04.06. 2014 N 145-ФЗ [Электронный ресурс]// Принят Государственной Думой 21 декабря 2001 года. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года. – Режим доступа:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=177649> (дата обращения 2.04.15).

Закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» N 273-ФЗ от 29.12.12 в ред. Федеральных законов от 07.05.13 N 99-ФЗ, 07.06.2013 N 120-ФЗ, от 06.04.2015 N 68-ФЗ [Электронный ресурс]// Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года.

Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=173649> (дата обращения 3.04.15).

Ардашкин И.Б. Технология социальной работы: Учебное пособие/ И.Б. Ардашкин. – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. С. 6.

Бурмистров К.Г. Особенности семейной социальной реабилитации детей-инвалидов (на примере Хабаровского края) [Электронный ресурс]/ К.Г. Бурмистров // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке: сетевой журн.. - 2013. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21436317> (дата обращения 19.03.15).

Маршалкин А.П., Чурилов Ю.С. Проблемы социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями развития в системе специального образования [Электронный ресурс]/А.П. Маршалкин, Ю.С. Чурилов // Специальное образование: сетевой журн.. - 2012. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17336506> (дата обращения 2.02.15).

Муталимова С.Н, Магомедова А.Н. Роль семьи в социализации ребенка с ограниченными возможностями [Электронный ресурс]/ С.Н. Муталимова, А.Н. Магомедова // III Общероссийская студенческая электронная научная конференция: сетевой журн.. - 2011. – Режим доступа: <http://www.rae.ru/forum2011/156/1906> (дата обращения 11.03.15).

Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]// – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения 2.03.15)

Проблема информированности ВИЧ-инфицированных
женщин о заболевании

Awareness of the problem of HIV-infected
women about the disease

Аннотация

Статья посвящена результатам социологического исследования, проведенного на базе Областного Центра по борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями г. Челябинска: раскрытию проблем, с которыми сталкиваются ВИЧ-инфицированные женщины репродуктивного возраста и конкретизация видов помощи, в которых нуждаются ВИЧ-инфицированные женщины.

Abstract

The article is devoted to the results of sociological research, conducted on the basis of the Regional Center for AIDS and communicable diseases in the city of Chelyabinsk: the disclosure of the problems faced by HIV-positive women of reproductive age and specification of the types of assistance needed by HIV-infected women.

Ключевые слова: ВИЧ-инфицированные женщины, пути передачи ВИЧ-инфекции, меры профилактики ВИЧ-инфекции, медико-социальная помощь, психологическая помощь, медицинская помощь, юридическая/правовая помощь, информационная поддержка, финансовая помощь, социальная помощь.

Keywords: HIV-positive women, ways of transmission of HIV infection,

measures to prevent HIV infection, medical and social assistance, psychological support, medical care, law / legal assistance, information support, financial assistance, social assistance.

Исследование информированности ВИЧ-инфицированных женщин о заболевании и исследование мнения беременных ВИЧ-инфицированных женщин об организации медико-социальной помощи было проведено в условиях Областного Центра по борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями в г. Челябинске. В исследованиях приняли участие ВИЧ-инфицированные женщины репродуктивного возраста (16-50 лет), в том числе беременные, наблюдающиеся в Областном Центре по борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями.

Прежде, чем говорить о причинах заболевания женщин ВИЧ и о проблемах, с которыми они сталкиваются, рассмотрим их социально-демографические характеристики.

Исследование показало, что в возрастной структуре вновь выявленных больных ВИЧ-инфекцией преобладают лица 21-30 лет (41%). Высокое эпидемиологическое значение в развитии эпидемического процесса ВИЧ-инфекции играет возрастная группа 31-40 лет (35,7%), их роль с каждым годом становится все более значимой, поэтому необходимо активизировать профилактическую работу с этой группой населения. Неблагоприятным признаком является выявление ВИЧ-инфекции у подростков (5 случаев – 8,9%). 57% опрошенных женщин имеют неполные семьи; 35,7% - полные семьи; 7% женщин имеют семьи, один из членов которых инвалид. Большинство респондентов имеют съемное жилье (43%), 28,6% - комнату в коммунальной квартире. 60,7% опрошенных имеет постоянную работу, 16,1% - имеет временное трудоустройство, 23,2% женщин – не работают. Это говорит о невысоком семейном достатке ВИЧ-инфицированных беременных женщин (См. рис. 1).

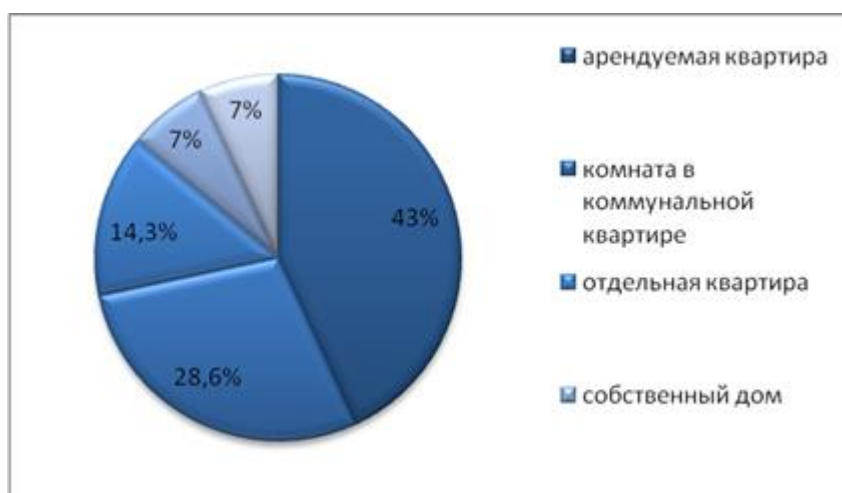

Рис. 1. Жилищно-бытовые условия семьи беременных женщин

В процессе изучения анамнеза больных были проанализированы основные причины возникновения заболевания, которые отражены в таблице 1.

Таблица 1

Основные причины заражения ВИЧ-инфекцией (в % к числу опрошенных)

Причины заражения	%
Половой контакт с ВИЧ-инфицированным партнером	67,0
Употребление внутривенно наркотических средств	17,0
ВИЧ-инфицированная мать	14
Переливание крови	10

Социально-профессиональный состав ВИЧ-инфицированных характеризуется преобладанием работающего населения (45,7%) при сохранении эпидемиологической значимости лиц, ведущих асоциальный образ жизни (12,5%). Обращает внимание эпидемиологическая значимость учащихся – 3,5%, завершили родами 8 беременностей, 5 пар «мать-дитя» получили полный курс химиопрофилактики вертикального пути заражения

ВИЧ, одному ребенку поставлен диагноз «ВИЧ-инфекция». Две ВИЧ-инфицированных беременных на учете по беременности не состояли, получили химиопрофилактику только новорожденные; одна женщина отказалась от химиопрофилактики; у одной ВИЧ-инфекция выявилась после родов, химиопрофилактика была не сделана.

Результаты исследования показали, что большинство опрошенных попали в Областной Центр по борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями по направлениям гинекологов (21,4% женщин), участковых (14,3%). Самостоятельно с жалобами обратились в Центр 51,7% респондентов. 12,5% респондентов указали другие причины обращения в Центр: совет знакомых, рекомендация социального работника, статья в сети Интернет (рис. 2).

Рис.2. Способы обращения женщин в Областной Центр по борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями

Исследование выявило потребность женщин в получении ими помощи (См. Рис. 3). 96,4% опрошенных подтвердили, что испытали глубокий шок, когда узнали о своем статусе ВИЧ-инфицированной, нуждались в психологической поддержке не только со стороны своих близких, но и специалистов (врачей, психологов), в детальной и доходчивой информации о болезни, способах ее передачи и возможном лечении.

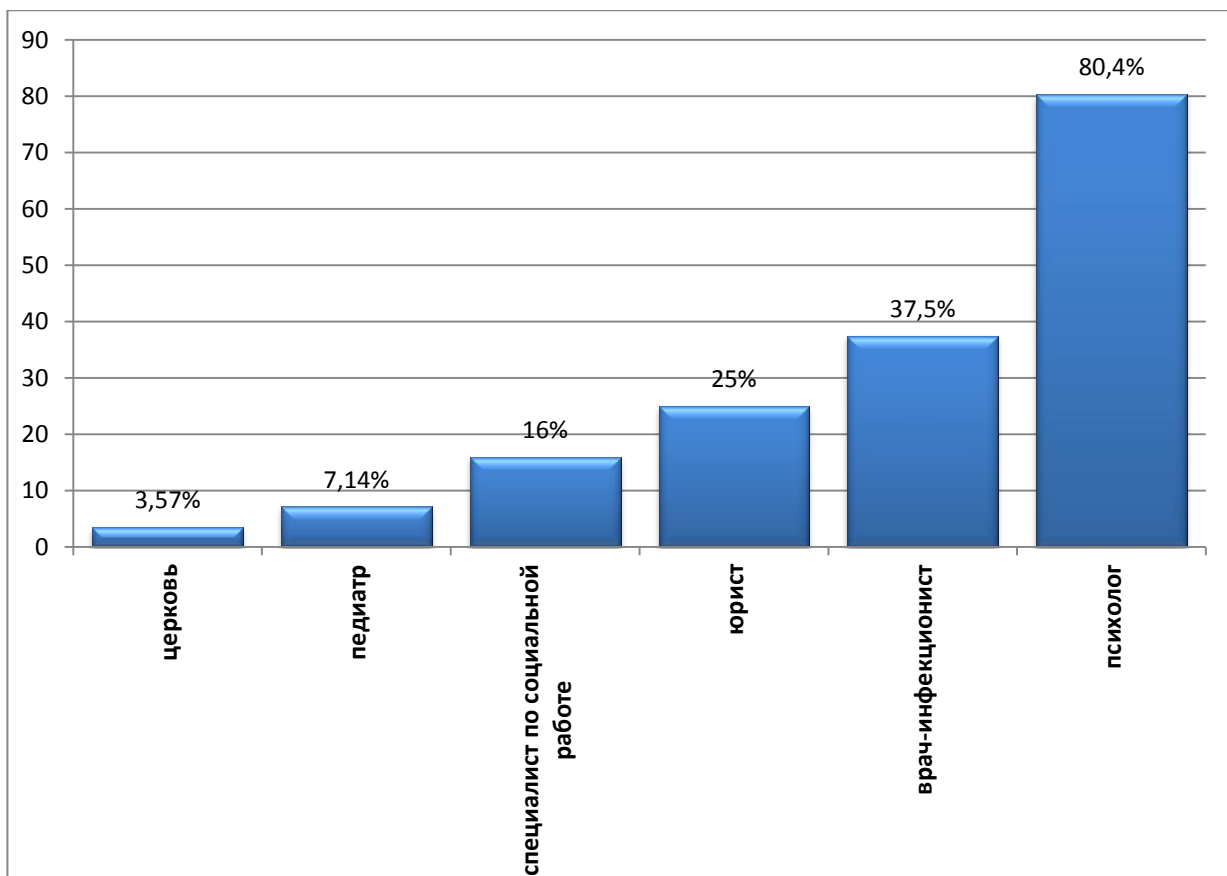

Рис.3. Потребность женщин в помощи разных специалистов

Многие из опрошенных женщин не знали о возможностях завести ребенка с таким диагнозом. 3,6% опрошенных также часто говорили о необходимости такой поддержки со стороны церкви. 21,4% респондентов подчеркивали важность общения и поддержки со стороны таких же инфицированных.

Все опрошенные подтвердили, что испытывают острую потребность в бесплатной психологической помощи, консультациях юриста, специализирующегося по вопросам защиты именно ВИЧ-инфицированных, способного не только помочь советом при оформлении денежного пособия, но защитить при необходимости права инфицированного, объяснить ему, как, например, вести себя при контакте с представителями правоохранительных органов, при обыске, др., в группах самопомощи, в которых они имели бы возможность встречаться с такими же людьми и обсуждать насущные проблемы, делиться приобретенным опытом. Часто

участники говорили о необходимости помощи со стороны неправительственных организаций, о существовании и работе которых многие даже не догадываются.

Данные ответов респондентов на вопрос том, как можно предупредить заражение ВИЧ-инфекцией) представлены на рис. 4.

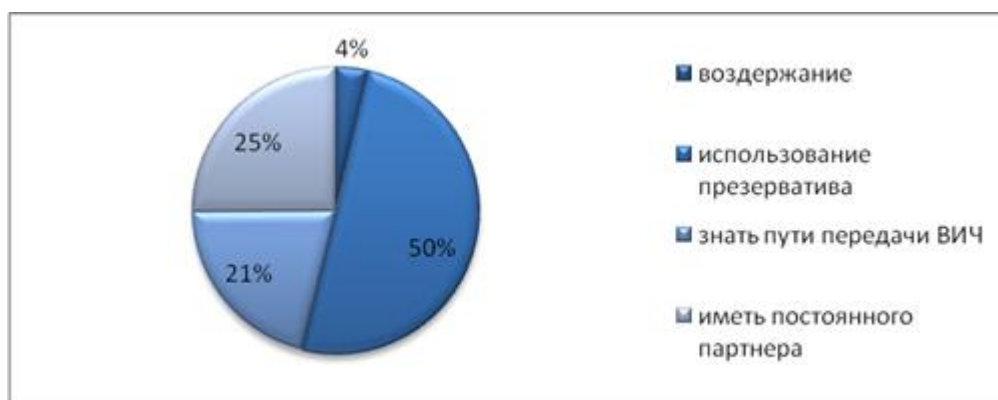

Рис.4. Информированность женщин о путях передачи ВИЧ-инфекции

Большинство опрошенных ответили, что достаточно пользоваться презервативами во время полового акта (50%). Иметь постоянного партнера и знать пути передачи ВИЧ-инфекции отметили 25% и 21%, соответственно. Лишь 3,6% респондентов считают воздержание от сексуальных связей лучшей профилактикой передачи ВИЧ-инфекции.

Очень настораживают ответы респондентов на вопрос о том, «Знает ли партнер о Вашем ВИЧ-статусе»? Лишь 52% респондентов ответило, что их партнер знает об их ВИЧ-статусе. 21% женщин указали, что не говорили об этом своим партнерам, а 27% женщин боятся признаться в этом.

Анализ результатов исследования показал, что 10,7% респондентов знают о положительном ВИЧ-статусе партнеров, 64,3% – не знают о ВИЧ-статусе своих партнеров. 25% женщин утверждают, что их партнер ВИЧ-отрицательный.

Исследование зафиксировало, что чаще всего участницы узнавали о своем статусе ВИЧ-инфицированной в наркологическом диспансере (клинике лечения от наркозависимости), где тестирование обязательно после поступления в клинику (12,5% женщин); в районной больнице при лечении воспаления легких, хирургии (4%); в инфекционной больнице (23,2%); в женской консультации (8,9%); в тубдиспансере при лечении открытых форм туберкулеза (3,6%); при прохождении медицинской комиссии по месту работы (10,7%); в кабинете доверия при районной поликлинике (3,6%); при постановке на учет по беременности (5,4%); в тюрьме (3,6%).

В исследовании нас интересовал вопрос о том, как регулярно респонденты проходят обследование в Областном центре СПИДа? (См. рис.5).

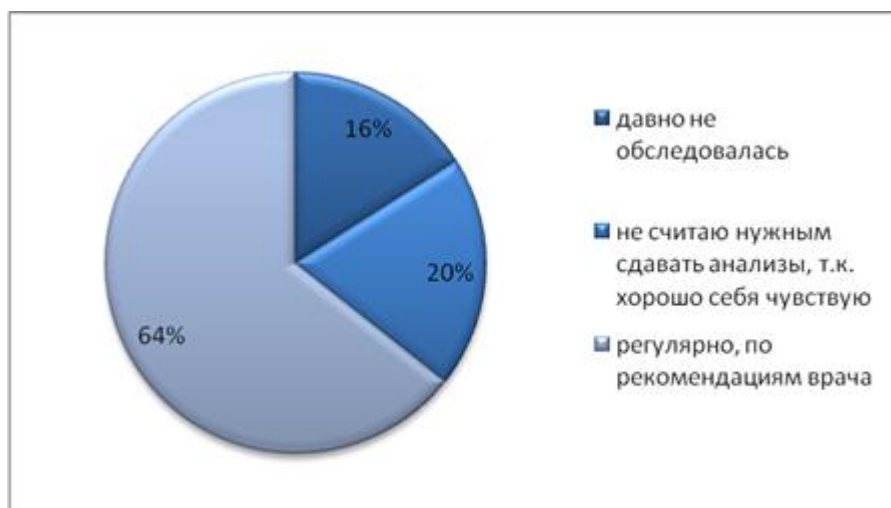

Рис.5. Регулярность обследования женщин в Областном центре по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями

Исследование показало, что 64,3% опрошенных сдают анализы регулярно по рекомендациям лечащего врача, 19,6% женщин не считают нужным сдавать анализы, т.к. хорошо себя чувствуют, 16% женщин – давно не обследовались. При выяснении причин давнего обследования, женщины указали на удаленность расположения Центра от их места жительства, на дороговизну билетов междугородного транспорта.

Большинство женщин (64,3%) уверены, что у ВИЧ-положительной женщины не может родиться здоровый ребенок, а еще 16% затрудняются с ответом на этот вопрос. Это свидетельствует о том, что, возможно, с данным контингентом женщин не проводилась просветительская работа на должном уровне. Также возможно и то, что среди этих респондентов никто не хочет заводить ребенка, и этот вопрос их не интересует. Лишь 19,6% опрошенных ответило на вопрос утвердительно. Вероятнее всего, среди них были беременные женщины, которые знают о возможном случае рождения здорового ребенка у ВИЧ-инфицированной женщины.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, что, по мнению респондентов, необходимо делать, чтобы ВИЧ не передался ребенку во время беременности?) (См. рис.6)

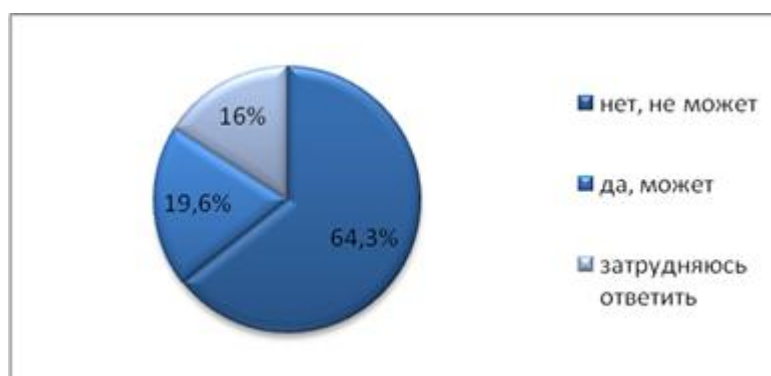

Рис.6. Мнения женщин о том, что нужно делать, чтобы ВИЧ не передался ребенку

Третья часть опрошенных (30,4%) уверена в том, что необходимо наблюдаться у врача-гинеколога, так как именно этот врач ведет женщину на протяжении всей беременности и может дать необходимые рекомендации; 28,6% женщин полагает, что необходимо принимать антиретровирусную терапию, именно так можно помочь своему будущему ребенку; 23,2% - планировать беременность, поскольку женщинам необходимо следовать всем рекомендациям специалистов, касающимся зачатия, течения беременности и рождения ребенка; 12,5% - отказаться от вредных привычек, потому что это

еще больше ослабляет иммунную систему; 5,4% - затрудняются ответить на вопрос.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, знают ли респонденты о мерах профилактики после рождения ребенка? (См. рис. 7).

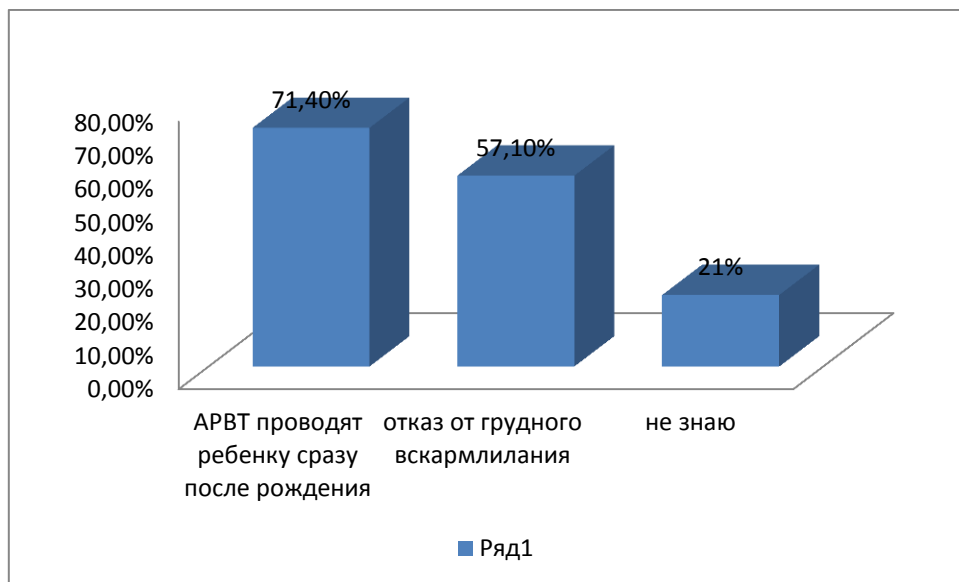

Рис. 7. Осведомленность беременных женщин о мерах профилактики ВИЧ-инфекции у ребенка

Чтобы не заразить новорожденного, ВИЧ-инфицированным женщинам настоятельно рекомендуется отказаться от грудного вскармливания. Так считают 57,4% беременных женщин, а 21,4% женщин не знают вообще о мерах профилактики ВИЧ инфекции ребенку после рождения. С одной стороны, это свидетельствует об отсутствии интереса женщин к данной проблеме, а с другой, - об их слабой информированности со стороны специалистов.

Исследование выявило ряд проблем, сложностей, с которыми сталкиваются ВИЧ - положительные женщины. На первый план выходят социально-общественные проблемы: «отторжение» обществом ВИЧ-инфицированных, трудности создания семьи и рождения (усыновления) ребенка. Второе место занимают проблемы, связанные с оказанием медицинской помощи: дороговизна медикаментов и лекарств, удаленность Центра от места жительства, отсутствие психологической поддержки,

сложности со здоровьем. Часть опрошенных сталкивается с отказом врачей помочь больному после того, как они узнавали о ее статусе ВИЧ - инфицированной, либо же резкая перемена отношения, дискриминация пациента именно по этому признаку.

Проблема заключается также и в том, что пациенты, предупрежденные предварительно об уголовной ответственности за сокрытие своего статуса и преднамеренное заражение посторонних ВИЧ, чаще всего предупреждают врачей о своем статусе, несмотря на заведомо негативную реакцию и сложности. Помимо этого, женщины указали на необходимость в информационной поддержке: своевременное и достоверное информирование всего населения о развитии эпидемии ВИЧ/СПИДа в стране; информация о новейших методах лечения и лекарственных препаратах, разработанных в мире для лечения вируса. Наше исследование подтвердило результаты исследования А.С. Алемпьевой о том, что большую роль играет в профилактике ВИЧ – инфекций информирование со стороны СМИ и медицинских учреждений [1]. Именно его так не хватает сегодня ВИЧ – положительным женщинам.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, в случае возникновения трудных жизненных обстоятельств, к кому респонденты обратятся за помощью. 64,3% опрошенных ответили, что обратятся за помощью к специалистам в официальные государственные учреждения; 16,1% - к близким родственникам; 12,5% - к друзьям и знакомым; 7,1% - затруднились ответить.

Таким образом, исследование зафиксировало, что ВИЧ-инфицированные женщины нуждаются в следующих видах помощи:

Медицинская помощь – бесплатные медикаменты и лекарства; бесплатная диагностика; психологическая поддержка при определении статуса (до - и после тестовое консультирование) специалиста; создание специальных центров либо отделений при обычных больницах для оказания помощи ЛЖВ; создание специальной патронажной службы для ЛЖВ,

которые по состоянию своего здоровья требуют посторонней помощи, работниками которой могут стать сами ВИЧ-инфицированные; создание специальной службы скорой помощи для людей, живущих с ВИЧ; создание специальной службы психологической помощи при медучреждениях, в которую пациент может обратиться по любому вопросу, связанному с заболеванием.

2. Юридическая / правовая помощь – контроль за выполнением законодательных норм в данной сфере, соблюдение прав ВИЧ - инфицированных, соблюдение анонимности при тестировании и дальнейшем лечении, оказание всех видов лечения и оформление всех льгот, определенных законодательными актами, др.; организация специализированных юридических консультаций или правовых центров, занимающихся правовыми вопросами, связанными с жизнью с ВИЧ, защитой прав ЛЖВ.

3. Информационная поддержка – своевременное и достоверное информирование ЛЖВ и всего населения о развитии эпидемии ВИЧ/СПИДа в стране; информация о новейших методах лечения и лекарственных препаратах, разработанных в мире для лечения вируса; информация о доступных методах лечения и лекарственных препаратах с указанием места оказания/продажи и стоимости такого лечения/препарата; отдельная информация о вероятности вертикальной трансмиссии ВИЧ и возможностях рождения ребенка с положительным статусом; информация об альтернативных методах лечения, специальных диетах, витаминах и травах, используемых для повышения иммунного статуса; выпуск отдельной книги жизненных историй ЛЖВ, ее дальнейшее распространение среди ЛЖВ и широких слоев населения; общая информация о ВИЧ/СПИДе, развитии болезни, путях его передачи, др. и ее активное распространение среди пациентов, только проходящих тест для определения своего иммунного статуса, так и среди общих слоев населения; перевод и публикация новейших научных работ по этой тематике.

4. Финансовая помощь – обеспечение полного государственного финансирования медучреждений, которые занимаются лечением ВИЧ - инфицированных; обеспечение всех регионов бесплатными тест-системами для проведения регулярного эпидемиологического контроля; обеспечение бесплатного лечения для официально зарегистрированных ЛЖВ, что одновременно позволит показатели регистрации; предоставление финансовой помощи, пособий по инвалидности ЛЖВ; предоставление необходимых лекарственных препаратов ЛЖВ в рамках гуманитарной помощи либо по специально сниженным ценам.

5. Социальная помощь – создание отдельного института социальных работников (также из числа самих ВИЧ - инфицированных), которые занимались бы проблемами ЛЖВ, что позволило бы одновременно решить проблему трудоустройства ЛЖВ, их социальной адаптации и оказание психологической поддержки представителям этой группы; создание специальных клубов знакомств, брачных агентств для ЛЖВ; создание специальных реабилитационных центров для ЛЖВ, в том числе с целью обеспечения досуга и занятости.

К тому же, результаты исследования позволили сделать вывод о недостаточной информированности ВИЧ - положительных респондентов о последствиях заражения для их будущих детей и мерах профилактики заболевания. Учитывая тот факт, что больных женщин и детей ВИЧ инфекцией не уменьшается, необходимо повышать уровень информированности населения об этом заболевании посредством СМИ и медицинских учреждений.

Список литературы

1.Алемпьева А. С. Значение информированности населения в профилактике ВИЧ-инфекции // XIX Международная научно-практическая конференция «Научное сообщество студентов XXI столетия. Естественные науки» (Россия, г. Новосибирск, 27 мая 2014 г.), с. 82 – 90.

2.Rogers M. F., Thomas P., Stradier T. et al. National surveillance for AIDS in Children // II international conference on AIDS. — Paris, 1986. — P. 99.

Содействие в трудоустройстве людей с ограниченными
возможностями здоровья

Spesivtseva O.I

Promoting the employment of people with disabilities abilities

Аннотация

В статье рассмотрены нормативно правовые аспекты трудоустройства людей с ограниченными возможностями здоровья, раскрыты возможности содействия в трудоустройстве людей с ограниченными возможностями здоровья, дан анализ работы отдела ОКУ ЦЗН по Ленинскому району г. Челябинска по предоставлению государственных услуг по организации профессиональной ориентации граждан – инвалидов в целях выбора сферы деятельности

Abstract

The article describes legal aspects of employment of people with disabilities, revealed the possibility of promoting the employment of people with disabilities. Much space is devoted to the analysis of the activity of the department of Leninskay district of Chelyabinsk for employment of persons with disabilities

Ключевые слова: ЛЮДИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ, ТРУДОУСТРОЙСТВО, ТРУДОСПОСОБНОСТЬ, ПРАВА ИНВАЛИДОВ, ЗАНЯТОСТЬ ИНВАЛИДОВ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ.

KEY WORDS|| PEOPLE WITH INVALIDITY, EMPLOYMENT, DISABILITIES, DISABILITY RIGHTS, EMPLOYMENT OF DISABLED PERSONS, PROFESSIONAL COUNSELLING.

Люди с инвалидностью имеют специфические потребности для эффективного трудоустройства, которые нельзя решить без привлечения специалистов, без реализации эффективных государственных программ и принятия нужных законодательных актов. Эти меры позволяют уравнивать возможности для людей с инвалидностью в сравнении с другими гражданами, ведь для многих людей с инвалидностью «одинаковое отношение» вовсе не означает «одинаковые возможности»[5,с.6].

В «Конвенции о правах инвалидов» признано право инвалидов на труд наравне с другими людьми, на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который инвалид свободно выбрал или на который он свободно согласился, в условиях, когда рынок труда и производственная среда являются открытыми, инклюзивными и доступными для инвалидов. В статье 27 п.1а) отмечено; «запрещение дискриминации по признаку инвалидности в отношении всех вопросов, касающихся всех форм занятости, включая условия приема на работу, найма и занятости, сохранения работы, продвижения по службе и безопасных и здоровых условий труда» [3].

В ст.37 Конституции Российской Федерации зафиксировано право граждан на труд: «Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию»[1]. Декларируемые в Конституции основные права и свободы граждан не находят полного отражения в реальной действительности. Этому препятствуют самые разные причины экономического, культурного характера.

Ряд ученых исследователей и специалистов утверждают, что «понятие «нетрудоспособен» противоречит Конституции, так как каждый из людей имеет право на труд» [4. С.52-53, 7. С.89 – 92]. «Нетрудоспособность» - это потеря трудоспособности в связи с заболеванием, травмой или другими причинами, при которой работник не имеет возможности выполнять свои трудовые функции, либо не способен к трудовой деятельности.

В медико-социальной экспертизе инвалидности «нетрудоспособность» оценивается как ограничение способности к трудовой деятельности первой, второй и третьей степени, и прописываются как рекомендации в ИПР (индивидуальная программа реабилитации) [5. С. 222]. В статье первой Федерального Закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» дается следующее определение понятия инвалида: «Инвалид - лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты».[2. С.53].

Обеспечение занятости инвалидов регулирует ст. 20 ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», где инвалидам предоставляются гарантии трудовой занятости федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации путем проведения следующих специальных мероприятий, способствующих повышению их конкурентоспособности на рынке труда: установление в организациях, независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, квоты для приема на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов; резервирование рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов; стимулирование создания предприятиями, учреждениями, организациями дополнительных рабочих мест (в том числе специальных) для трудоустройства инвалидов; создание инвалидам условий труда в соответствии с индивидуальными программами реабилитации инвалидов, условий для предпринимательской деятельности инвалидов, организации обучения инвалидов новым профессиям» [2].

Трудоустройство человека с инвалидностью - это процесс, а не разовое мероприятие. Только постоянные действия и поиск решений, в которые вовлечены работодатель, работник с инвалидностью и специалист, способны

привести к успеху этого процесса. Такого специалиста можно рассматривать как своего рода советника или наставника. Опыт Областного казенного учреждения Центра занятости населения города Челябинска отдела по Ленинскому району показывает, что эта задача достигается следующими путями: созданием специальных условий труда, позволяющих сотруднику с инвалидностью эффективно трудиться и не чувствовать ограничения на своем рабочем месте; организацией обучения (в том числе и непосредственно на рабочем месте); работой с внешним окружением человека с инвалидностью, куда входит также и подготовка трудового коллектива к вхождению в его состав сотрудников с инвалидностью.

По данным Управления пенсионного фонда РФ в Ленинском районе г. Челябинска на январь 2015 года в районе проживает 3457 инвалидов (мужчин -2132, женщин -1135) трудоспособного возраста. Из них: 1900 чел. имеют III группу инвалидности, 1266 чел. - II группу, 291 чел. - I группу инвалидности.

Отдел ОКУ ЦЗН по Ленинскому району предоставляет государственную услугу по организации профессиональной ориентации граждан в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, профессионального обучения в соответствии с Административным регламентом Федеральной службы по труду и занятости, утвержденным приказом Минздравсоцразвития России от 1 ноября 2007 г. № 680. Лицам с ограниченными возможностями здоровья предоставляется государственная услуга по организации профессиональной ориентации граждан в целях выбора сферы деятельности (профессии) и дальнейшего трудоустройства.

Анализ статистических данных показывает: количество граждан, с ограниченными возможностями здоровья, прошедших профконсультирование за 2014-2015гг., сократилось на 16 человек, по гендерному признаку в 2014г. преобладали женщины, а в 2015г. - мужчины. По образованию показатели не значительно разнятся в таких пунктах как среднее образование 5(человек 2014г.) - против 4 (человек в 2015г.), и

высшее 6(человек 2014г.) – против 5(человек 2015г.). Показатель по среднему профессиональному образованию сократился вдвое с 25 до 11. По степени ограничения здоровья соотношение граждан с инвалидностью группами как II, так и III осталось на прежнем уровне. А по показателю «медицинские показания» сократился в 4 раза.

В Отделе был проведен опрос среди граждан с ограниченными возможностями здоровья. Опрошено было 26 человек из числа людей поставленных на учет за период январь-март 2015г. По гендерному признаку в основном, преобладали опрашиваемые мужчины. Это связано с такими факторами, которые препятствуют женщинам – инвалидам выступать более активно в своей трудовой деятельности. К ним мы относим социокультурные стереотипы, ориентирующие женщину – инвалида на семью, воспитание детей; низкую степень самооценки; отсутствие у большинства женщин притязаний на карьеру политика и руководителя (вся энергия женщин уходит на решение бытовых проблем; активный период жизни посвящается рождению детей, их воспитанию, позже нет времени на реализацию своих профессиональных качеств); конкурентная борьба за значимые посты, которую сегодня ведут мужчины.

Среди опрошенных среднее образование имеют 4 человека; среднее профессиональное – 17 человек; высшее образование - 5 человек. По степени ограничения здоровья I группу имеет 1чел., II группа – 8чел., III группа – 14чел., по медицинским показателям – 3чел. Средний возраст опрашиваемых 42 года. Исследование показало, что из 26 опрошенных 19 человек уже имеют трудовые навыки, умение общения в трудовом коллективе.

17 человек занимаются самостоятельным поиском работы. Как видим, это говорит об активности людей с ограниченными возможностями здоровья, их желании и стремлении получить дополнительный заработок, а также, улучшить свое материальное положение в дополнение к пособиям от государства.

Исследование показало, что большинство из них (20 человек) проходили профессиональное консультирование, каждый второй опрошенный его хотел бы пройти повторно. При этом профконсультирование получило высокую оценку, по мнению опрошенных. Средний балл составляет 9,0. Высокую оценку, по мнению опрошенных, также получила и работа центра занятости - 9,3 по десятибалльной шкале. Такие параметры работы, как компетентность специалистов, доступность информации, предоставление услуг, предлагаемые вакансии получили максимальную оценку. Однако исследование показало, что лишь 5 человек получило помощь от Центра занятости, 11 человек ее не получили, 10 опрошенных надеются на ее получение в дальнейшем. Таким образом, нами зафиксировано противоречие: при высокой оценке работы Центра занятости со стороны обращающихся в него инвалидов, помощь получил лишь каждый пятый из них. Все это свидетельствует о недостаточной эффективности работы Центра занятости с людьми с ограниченными возможностями.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов и разработать рекомендации по совершенствованию работы с людьми с ограниченными возможностями.

На наш взгляд, рекомендациями для улучшения эффективности в содействии в трудоустройстве граждан с ограниченными возможностями здоровья могут стать следующие: необходимо улучшить информирование население района о деятельности отдела по Ленинскому району в области содействия в трудоустройстве граждан с ограниченными возможностями здоровья; следует проводить совместные работы с работодателями и гражданами с инвалидностью; улучшить поиск занятости для людей с ограниченными возможностями.

Предоставление дополнительных услуг и разработка специальных программ нужно рассматривать как обязательное условие по обеспечению людям с инвалидностью равных прав и возможностей в трудоустройстве. Проблема оказания помощи людям с ограниченными возможностями

принадлежит к числу наиболее важных и актуальных, так как рост численности инвалидов выступает в качестве устойчивой тенденции социального развития России. К сожалению, пока не имеется тенденции, свидетельствующей о стабилизации положения в этой сфере.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ и от 30.12.2008 N 7-ФКЗ // Российская газета. – 2009. – 21 января.

2. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изменением 1 декабря 2014 г) // Серия «Кодексы и Законы» М. 2014. С.30.

3. Федеральный закон от 3 мая 2012 г. N 46-ФЗ "О ратификации Конвенции о правах инвалидов". Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/70170066/#ixzz3yk0sMFbA>

4. Новиков М.Л. Присецкая Н. Открытое письмо участников конференции "трудоустройство инвалидов: интегрированный подход." // М, 2004.

5. Новиков М, Присецкая Н, Котов В. Трудоустройство инвалидов. Пособие для специалистов в вопросах и ответах. Проект «Создание модели трудоустройства молодых инвалидов». Проект реализуется при финансовой поддержке Фонда Форда. 2005 год.

6. Ткаченко В.С. Медико-социальные основы независимой жизни инвалидов /учебное пособие 2-е издание/ М. 2013. С. 222.

7. Шумова Ю. В. Дискриминация по признаку инвалидности в трудовых отношениях. Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2014, том14, №2 .с. 89 – 92.

Психологическое сопровождение инклюзивного профессионального образования в системе НПО

Stepanova N.N.

Psychological support of inclusive vocational education in primary education system

Статья раскрывает специфику организации инклюзивного образования в системе начального образования, специфику оказания социально-психологической работы детям с ограниченными возможностями.

The article reveals the preparation essence of inclusive education in primary education and the essence of provision psychosocial work for children with disabilities.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ИНТЕГРИРОВАНИЕ, КОРРЕКЦИЯ, ПСИХОЛОГО – ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ.

INCLUSIVE EDUCATION, INTEGRATION, CORRECTION, PSYCHOSOCIAL SUPPORT

В условиях изменившейся социальной политики в отношении инвалидов, перехода от сегрегации к интеграции, трансформации социально-экономических условий, профессиональное образование и трудоустройство инвалидов приобретают особую актуальность в контексте современного социального развития. Для того, чтобы выпускник профессиональных учебных заведений, имеющий ограничения физического здоровья, был успешен и востребован в жизни и конкурентоспособен, необходимо уже в раннем детстве формировать у него профессиональную мотивацию, желание приносить пусть минимальную пользу себе и людям, путем эффективной системы профессионального ориентирования и знакомство с миром профессий.

Курс на интеграцию- это прямой результат переосмысления обществом и государством своего отношения к инвалидам. Ныне полноценный правовой статус инвалида закрепляется не только в документах ООН, но и во все

большем числе национальных законодательств, в частности, предусматривающих беспрепятственный доступ лиц с ограниченными возможностями здоровья и образования [6].

Эффективность профориентационной работы зависит, прежде всего, от правильной системы работы с ребенком, в ходе которой учитывается не только нозология, но и возраст ребенка с проблемами здоровья и формами взаимодействия с родителями. Современная психология выделяет возрастные периоды, с которых уже можно начинать профориентационное знакомство с миром профессий:

- младший школьный возраст-7-10лет;
- средний школьный возраст- 11-13лет;
- первый старший школьный возраст-14-16лет;
- второй старший школьный возраст- 16 – 18лет.

Каждый из вышеперечисленных возрастных этапов имеет свои задачи, цели и содержание профориентационной работы.

В 21 веке активно меняются отношения государства и общества в целом к лицам с отклонениями в развитии от партнерства к интеграции, от агрессии до терпимости.

Переход на образовательные стандарты и изменение системы профессионально-технического образования еще более затрудняют развитие получение профессионального образования детям с проблемами в развитии. Принятие законов « Об образовании», «О социальной защите инвалидов» позволяет инвалидам получать как высшее, так и среднее профессиональное образование [1]. В настоящее время значительно увеличилось число таких образовательных учреждений, в которых руководители по собственной инициативе или выполняя государственный заказ создают условия для получения образования.

Важность этой задачи в настоящее время объясняется тенденцией к увеличению числа детей, имеющих различные нарушения как физического, так и нервно-психического развития.

Традиционно выпускники специальных школ получали рабочие профессии непосредственно на каком-либо производстве. Получив в интернате, на уроках технологии трудового обучения основы знаний по рабочим специальностям, ознакомившись с производством во время практики на каком-либо предприятии ребенок-инвалид входил в коллектив рабочих, которые помогали ему (в виде наставничества) овладеть той или иной профессией на банальном уровне.

Современный этап развития системы специального образования в стране характеризуется поиском новых форм получения профессионального образования.

Права человека на образование и полное развитие своих способностей и возможностей имеет важное значение для самого ребенка и государства в целом. Признание равных гражданских прав лиц с нарушениями в развитии провозглашает равноправия и создание спецучреждений для оказаний образовательных услуг. Данная система носит инновационный характер, утверждая новые, современные подходы к самой проблеме и способам ее решения. В ее основе лежит культурно-историческая теория развития высших психических функций ребенка Л.С. Выготского, Т.А.Власовой, Ж.И.Шив, В.И. Лубовского об общих закономерностях нормального и аномального развития, ведущим положением которой является положение Л.С.Выготского об общности социальной, обусловленности психического развития и значении педагогического и социального воздействия на формирование высших психических функций у детей с нарушениями в развитии [1].

Актуальным становится вопрос полноценного развития ребенка как активного субъекта своей жизнедеятельности при квалифицированной помощи со стороны дефектологов, психологов, логопедов и социальных работников.

В полной мере эта помощь необходима детям с задержкой психического развития (ЗПР), детям с легкой умственной отсталостью (ЛУО), легкой потерей зрения, слуха, легкой степенью нарушений при ДЦП.

Дадим краткую психологическую характеристику данных нарушений у детей:

1. Задержка психического развития (ЗПР).

Дети с данной проблемой в развитии отмечаются неглубоким познанием окружающей действительности. Знания поверхностны, познавательные интересы выражены крайне слабо, учебная мотивация отсутствует, речь не сформирована до необходимого уровня. Трудно соблюдается режим дня, требования взрослых. Гиперактивны и чаще всего ведут бесцельный образ жизни.

2. Легкая умственная отсталость (ЛУО).

Чаще всего таких детей называют слабоумными, таких детей выявлено более 2,5% от общей детской популяции. Ребенок - олигофрен, как чаще их называют, имеет прежде всего дефектность мышления, заторможенность и затрудненность познания окружающего мира. Вместе с тем доказано, что мышление данных детей имеет возможность к коррекции. В большинстве случаев имеет тенденция нарушения и двигательная сфера ребенка, что требует постоянного внимания и заботы со стороны взрослых.

3. Легкая потеря слуха. Самая главная проблема данной группы детей - это замедление в овладении речью, восприятию речи в искаженном виде, но его психическое развитие, поведение, социальное общение может быть в норме

4. Легкая потеря зрения.

Данная группа детей отмечается особенностью нарушения развития их сенсорной системы. Психологическая система отражения внешнего мира искажена, что ведет к отклонениям в развитии всех познавательных процессов. Уменьшается количество получаемой информации и ее

искаженность. Значительные изменения происходят в точности выполнения различных движений и их интенсивность

5. Дети с легкой степенью нарушения движений (ДЦП).

Детский церебральный паралич обозначает группу двигательных расстройств, возникающих при поражении двигательных систем головного мозга и проявляющихся в недостатке или отсутствии контроля центральной нервной системы за произвольными движениями ребенка.

В настоящее время существует большое количество как отечественных, так и зарубежных научных работ, которые помогают раскрыть специфику коррекционной, психологической помощи с философской, педагогической, психологической и социальной позиции.

В современной специальной психологии достаточно теоретико - экспериментальных работ, выявляющих общие и специфические закономерности психического развития детей с отклонениями в сравнении с нормально развивающимися сверстниками. (Л.С.Выготский, С.Д. Забрамная, Т.Н.Князева, О.Н.Усанова, У.В.Ульенкова и др.

Психологическая и социальная помощь ребенку должна опираться на линию интеграции путем осуществления «психологической готовности» ребенка к совместному обучению, желанию получить профессию ,сформировать определенные трудовые навыки; выработку родительской толерантности, раннюю диагностику, коррекцию, контроль за развитием ребенка на протяжении всего процесса получения профессиональных знаний. Следует постоянно отслеживать развитие зон его актуального, ближайшего, перспективного развития. Следует обязательная разработка специалистами конкретных индивидуальных программ для работы с нарушениями детей.

Прием обучающихся с ограниченными возможностями здоровья на интегрированную (инклюзивную) форму обучения (специальные группы или совместное обучение с нормально развивающимися сверстниками осуществляется на основании рекомендаций психолого - медико-педагогической комиссии по выбору образовательной программы и формы

обучения, а также заявления родителей (законных представителей) и оформляется приказом директору профессионального учреждения.

В учреждениях, где обучаются дети с ограниченными возможностями здоровья, особое внимание должно уделяться их психологической готовности к обучению в системе профессионального образования. Во всех учебных заведениях существует период адаптации к новой образовательной среде. Адаптация детей с ограниченными возможностями здоровья более комфортно проходит в тех учебных заведениях, которые создают специальные образовательные условия (специализированные аудитории, специальное оборудование, специальные методики обучения, психолого - педагогическое сопровождение и т.д.).

Количество детей с ограниченными возможностями здоровья в интегрированной (инклюзивной) группе не должно превышать 4 человек. При комплектовании интегрированных (инклюзивных) групп следует по возможности объединять в одной группе детей с ограниченными возможностями здоровья, имеющих рекомендации психолого - медико-педагогической комиссии на обучение по одной и той же образовательной программе.

Организация образовательного процесса в профессиональном учебном учреждении для детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях интегрированного (инклюзивного) обучения предусматривает обязательное осуществление психолого - медико-педагогического сопровождения.

Основными задачами психолого - медико-педагогического сопровождения являются:

- осуществление мониторинга развития учащегося;
- информирование родителей (законных представителей) относительно особенностей организации и задач образования и развития ребенка.
- преодоление трудностей в ходе получения профессионального образования;

-создание условий для положительных межличностных отношений между участниками образовательного процесса.

Психологу необходимо, не теряя свой специфический предмет (психику, субъективность ребенка), учитывать специфику работы профессионального учреждения, исследовать и включаться в образовательную среду, оптимизировать коллективную деятельность педагогических работников и инициировать создание психолого - педагогических условий для нормального развития и профессионального становления обучающихся. То есть он фактически сам постепенно должен « превращаться» в неотъемлемого участника учебно-воспитательного процесса и становится реальным членом всего педагогического коллектива учреждения.

Список литературы

В. Штерн Дифференциальная психология и ее методические основы.- М.; Наука,1998.-335с.

Закон РФ « Об образовании» от 10 июля 1992года № 3266-1 (с изменениями от 06.01.2007г.)

Л.С.Выготский Мышление и речь. М., 1934. С. 132,219.

Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52888-2007 « Социальное обслуживание населения. Социальные услуги детям».

Н.Н. Малофеев, Н.Д.Шматко Базовые модели интегрированного обучения.Дефектология.- М.; Шк.-Пресс, 2008.- № 1. С. 71-78.

Профессиональная ориентация, профессиональная подготовка и трудоустройство при умственной отсталости: метод, пособие - под ред. Е.М. Старобиной.

Туркина Н. А.

**АКТУАЛЬНОСТЬ КРИЗИСНОГО ЦЕНТРА КАК СРЕДСТВА
ПОМОЩИ ЖЕРТВАМ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Turkina N.

**THE IMPORTANCE OF A CRISIS CENTER AS SUPPORT TO VICTIMS
OF DOMESTIC VIOLENCE (REGIONAL ASPECT)**

Аннотация

В данной статье дается теоретический анализ различных аспектов явления насилия в семье. По результатам социологического исследования изучается потребность населения г.Екатеринбурга в организации кризисного центра помощи жертвам насилия.

Abstract

The purpose of the article is to give the theoretical analysis of different aspects of violence in family. Based on results of the sociological research we explore needs of Yekaterinburg population for a Crisis Center that help assault victims.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ, ГЕНДЕРНОЕ НАСИЛИЕ, КРИЗИСНЫЙ ЦЕНТР.

KEY WORDS: DOMESTIC VIOLENCE, GENDER VIOLENCE, CRISIS CENTER.

Практически вся история человечества сопровождалась культом насилия. В мирное время оно порицалось, в период войн и политической нестабильности считалось естественным и неизбежным, переходя от частной к общественной сфере. В наше время глубоко укоренились нормы разрешения спорных ситуаций с помощью физического или морального насилия, которые возникли на начальных этапах исторического развития общества. В то время как о некоторых видах насилия (терроризм, вооруженные восстания, общественные беспорядки) благодаря СМИ люди могут узнать в любое время, весомая доля насилия совершается вдали от людских глаз. Одним из таких видов является насилие в семье. Домашнее

насилие носит скрытый характер, о нем не принято говорить. В обществе существует предубеждение, что эта проблема должна решаться в семье, и не выноситься за ее пределы.

Насилие в семье – это умышленное нанесение физического и/или психологического ущерба и страдания членам семьи, включая угрозы совершения таких актов, принуждение, лишение личной свободы со стороны интимного партнера[4]. Целью ставится добиться неограниченной власти над человеком, полного контроля над поведением, мыслями, чувствами другого человека.

Насилие в семье многогранное социальное явление, проявляющееся в различных формах и имеющее ярко выраженный гендерный характер. Основная масса жертв насилия в семье – это женщины, подвергшиеся насилию со стороны мужчин, с которыми они состоят в интимных отношениях. Из этого следует, что домашнее насилие над женщиной является одной из форм более широкого понятия – гендерного насилия. Помимо семейного насилия, выделяются еще две формы насилия в отношении женщин: насилие в обществе и со стороны государства.

Последние 20 лет российское общество стало задумываться о существовании данной проблемы. Изменились и представления об ответственности государства и, соответственно, о мерах помощи и защиты жертв такого насилия. Помощь пострадавшим, оказавшимся в состоянии кризиса, предоставляет целый комплекс кризисных центров и учреждений социальной помощи семье и детям. К началу 2014 года насчитывалось более 3 тысяч таких учреждений[3]. Тем не менее, можно констатировать их переизбыток из-за большого количества направлений деятельности этих учреждений. По стране функционирует только 18 [3] государственных специализированных центров помощи людям, попавшим в ситуацию насилия. Так же существуют различные общественные организации, ассоциации, негосударственные кризисные центры помощи жертвам насилия.

В Екатеринбурге помимо многопрофильных центров социального обслуживания, в которых есть отделения помощи женщинам, оказавшимся в ТЖС, существует региональная общественная организация «Кризисный центр для женщин и детей, переживших насилие в семье «Екатерина». «Екатерина» организует и проводит тренинги для работников различных структур (полицейские, медработники, педагоги, социальные работники). Так же оказывается консультативная и методическая помощь женским организациям Уральского региона. Специалисты проводят индивидуальное консультирование женщин, на базе организации работает телефон доверия, проводится группа поддержки и самопомощи для женщин.

Но данная организация не может рассматриваться в том полном смысле, который предполагает собой «кризисный центр». Она не имеет полноценного статуса кризисного центра для жертв насилия. Спектр услуг, оказываемых в «Екатерине» имеет некоторое ограничение. Так же, нет такого важного элемента, который должен присутствовать в кризисном центре, как убежище. В самом Екатеринбурге вообще отсутствует приют для женщин, подвергшихся домашнему насилию, он оборудован в другом населенном пункте, в городе Богдановиче. Следовательно, можно предположить, что у такого крупного города с миллионным населением, как Екатеринбург, существует необходимость в создании кризисного центра для женщин, пострадавших от насилия в семье, со стационарным (убежище) и дневным отделениями, где будет оказываться полный комплекс услуг, перечисленный в примерном положении кризисного центра[5].

Прежде, чем обратиться непосредственно к анализу, определим объект, предмет и цель нашего исследования. В связи со сложностью исследования самих пострадавших женщин, в качестве объекта нами были выбраны специалисты, социальных учреждений, имеющих практику работы с жертвами домашнего насилия (Комплексные центры социального обслуживания населения Кировского р-на, Орджоникидзевского р-на («Малахит»), Чкаловского р-на, и Центр помощи семье и детям «Отрада»

Октябрьского р-на). Предметом исследования выступает отношение специалистов социальных учреждений г. Екатеринбурга, имеющих опыт работы с жертвами семейного насилия, к созданию специализированного центра помощи женщинам, пережившим ситуацию семейного насилия. Цель исследования - анализ мнений специалистов учреждений социального обслуживания о необходимости создания кризисного центра помощи женщинам, подвергшимся домашнему насилию.

Наконец, говоря о выбранном методе исследования, необходимо отметить, что специфика исследования предполагает использование количественного метода, в данном случае – анкетирование. Для проведения исследования была составлена анкета, содержащая в себе 25 вопросов закрытого и открытого типа. Композиция анкеты состояла из адресной части, основной части и социально-демографической части. В основной части вопросы касались отношения специалистов к проблеме домашнего насилия, работы (методах работы) социальных учреждений города с данной группой женщин и мнения специалистов по вопросу создания Кризисного Центра помощи женщинам, подвергшимся насилию.

Итак, прежде чем приступить к анализу, отметим, что в ходе исследования было опрошено 105 респондентов, все сотрудники социальных учреждений города (комплексных центров и центров помощи семье и детям).

По кадровому составу большую часть опрошенных составляют специалисты по социальной работе (34,3%, или же 36 человек). 26,7% (28 человек) – социальные работники; заведующие отделениями – 11,4% (12 человек). Разнородный состав специальностей дает больше возможностей оценивать явление домашнего насилия с разных «углов», более объективную позицию с точки зрения различных сторон работы с семьей.

А теперь перейдем к самому анализу ответов. На вопрос о значимости проблемы домашнего насилия в России почти две трети специалистов 64,8% отметили высокую значимость данной проблемы и 28,6% выразили среднюю значимость проблемы домашнего насилия. И только один человек посчитал

данную проблему совершенно не актуальной. Таким образом, примерно 90% респондентов считают, что проблема домашнего насилия является важной для современной России. И в связи с важностью, но малой освещенностью в средствах массовой информации о способах борьбы и профилактики с этим явлением, 78,1% опрошенных высказали мнение, что общество нужно информировать об этой проблеме, о путях ее решения и предотвращения.

Тем не менее, несмотря на само существование и объективную важность проблемы, специалисты отмечают слабую социальную политику государства в путях ее решения. Оценивая государственную политику, 40% отметили, что государство понимает важность проблемы, но принимает незначительные меры. Около трети опрошенных (35%), и вовсе посчитали, что таковой политики в решении проблемы нет.

На вопросах об объектах и субъектах насилия в семье, респонденты отметили высокую степень риска стать жертвой у детей (37,2%) и женщин (31,4%). Так же, в группу риска четверть опрошенных выделило пожилых – 24,7%. При этом не оставили без внимания и мужчин, 6,7% посчитали, что на мужчин так же может быть направленно насилие в семье. В среднем, каждый респондент отметил 2 возможных варианта ответа.

На вопрос об агрессоре насилия большинство респондентов выбрало мужчин – 80%, остальные 20% посчитали, что и женщины могут проявлять насильственные действия (в этом случае насилие направленно, в основном, на детей, но при доминантной позиции женщины над своим супругом/сожителем последний может подвергаться различным насильственным действиям, включая психологические нападки, а так же и физическое воздействие).

Больше половины респондентов (58%), ответивших на вопрос о том, обращаются ли в их учреждения женщины, подвергшиеся домашнему насилию, дали отрицательный ответ и 42% - утвердительный. Такая статистика показывает не низкий уровень распространенности насилия в семьях, а именно низкий уровень общественного понимания и осознания

важности этой проблемы. Женщины, подвергшиеся насилию (ЖЖН), не обращаются за помощью в социальные учреждения в силу различных причин, таких как страх перед обидчиком, стыд перед ближайшим социальным окружением, элементарное незнание.

Так как предыдущий вопрос был вопросом-фильтром, то о частоте посещений отвечали те, кто имел опыт работы с клиентами такой группы – 52 респондента. 8 человек выбрали вариант «часто», 12 человек – «иногда» и 17 человек – «очень редко» (12 человек затруднились ответить на вопрос). Что опять же свидетельствует не слабой выраженности семейного насилия, а о препятствиях для женщины заявить о своей ситуации.

Проанализируем оценку специалистов о готовности своего учреждения работать с данной группой женщин.

Около трети респондентов (37,1%) специалистов выразили готовность социального учреждения принимать ЖЖН и оказывать им поддержку и помощь в решении кризисной ситуации в семье. Но следует отметить, что 21,9% опрошенных выразили мнение, что их учреждение «скорее не готово» осуществлять работу с ЖЖН и 20% дали отрицательный ответ, учреждение не готово работать с ЖЖН (не имеет теоретическую подготовку, не имеется опыт работы у специалистов с этой группой, трудноосуществима возможность реализовать на практике технологии помощи жертвам домашнего насилия).

Результаты опроса о формах насилия, наиболее распространенных в семьях, (рис. 7) показывают, что 38,5% (85 человек) респондентов высказались о физической форме насилия, как наиболее встречающейся в российских семьях. 33,9% (75 человек) выбрали психологическую форму насилия; 15,8% (35 человек) – сексуальную форму насилия и 11,8% (26 человек) – экономическую. По этим данным можно подтвердить наше предположение о том, что самыми встречающимися формами проявления агрессии между близкими людьми, являются физическое и психологическое насилие.

Перейдем к анализу ответов о необходимости создания Кризисного Центра помощи женщинам, подвергшимся домашнему насилию. Интересно отметить что, на вопрос о том, справляются ли с проблемой насилия в семьях КЦСОН/ЦСПСиД, ответы распределились равномерно, как в сторону «справляются», так и «не справляются». 20,2% и 8,6% выразили мнение, что данные учреждения «скорее» справляются и, соответственно, «справляются» с проблемой клиентов о насилии в семье. Аналогично происходит и с отрицательным утверждением: 20,2% - «скорее нет» и 8,6% - «нет».

Ответы на вопрос, нужно ли создавать отдельные учреждения (типа «Кризисный центр»), специализирующиеся на исследуемой проблеме, дали более определенный результат: 76,2% (80 человек) выразились за необходимость его создания, и только 11,4% (12 человек) против. Несмотря на то, что мнения об успешности в решении этой проблемы у специалистов Центра помощи семье и детям и Комплексных центров социального обслуживания населения разошлись, в возможности создания большинство специалистов солидарны с мнением о нужности такого Кризисного Центра в городе. Таким образом, косвенно, но специалисты подтвердили гипотезу о том, что их учреждения не справляются с работой в области насилия в семье.

На открытый вопрос о технологиях работы, респонденты ответили следующим образом. Большинство указало психологические методики (консультации, тренинги, включающие самоанализ ситуации и личности, индивидуальная и групповая терапия, опросные методы для выявления причин и исследования истории проблемы). Следует указать то, что специалисты предложили не выявительный метод, а добровольное обращение ЖЖН, и работа с клиентами обязательно должна проводиться по принципу индивидуальности. Так же внимание было уделено и юридическим услугам, медицинским, оказание материальной поддержки. В профилактических целях и с целью предотвращения возникновения ситуации насилия следует развивать образовательные программы. Интересное

предложение высказала работник комплексного центра: создание круглосуточной телефонной линии («телефон доверия») и интернет сайта с возможностью онлайн консультирования. Так же, многие отметили приют/временное убежище как необходимую форму оказания помощи ЖЖН. Большинство этих методик реализуется в комплексных центрах и центрах помощи, но некоторые, такие как интернет консультация, телефон доверия и временные убежища трудно реализуемы при существующих как финансовых, так и человеческих ресурсов у учреждениях.

Респондентам был задан вопрос о том, как они оценивают условия создания такого центра в городе Екатеринбурге. 71,5% опрошенных высказались о благоприятности (42,9% - «благоприятные», 28,6 «скорее благоприятные») условий. 5,9 % выразили неблагоприятную оценку существующему положению, не позволяющему создать таковой Центр. Про количество Центров на город, 57,1% пришло к выводу, что лучший вариант – создание в каждом районе города по Центру.

Возможно, это исходит из понимания того, что Екатеринбург является городом «миллиоником» и довольно обширной территорией (удаленные районы). 23,8% выбрали вариант «2-3» и 15,2% - «1 на весь город». На данный момент самый реальный вариант, это, конечно же, создание одного такого учреждения на весь город. В силу объективных препятствий в городе мало осуществимы другие варианты.

Итак, подведем итог данному разделу нашего исследования. Информация, полученная из проведённого нами анкетирования специалистов и работников социальных учреждений Екатеринбурга, позволяет сделать вывод о том, что подтвердились следующие выдвинутые нами гипотезы:

Группу риска жертв домашнего насилия составляют женщины и дети;

Меры социальной политики в отношении насилия в семье, предпринимаемые государством, незначительны;

В РФ необходимо разработать специальное законодательство по проблематике домашнего насилия;

Социальные учреждения типа КЦСОН/ЦПСИД не справляются с проблемой домашнего насилия;

Существует необходимость в создании Кризисного центра помощи женщинам;

В Екатеринбурге сложились благоприятные условия для создания такого центра;

Наиболее уязвимыми категориями, как отметили специалисты, являются несовершеннолетние, пожилые и женщины. Так как зачастую агрессором выступает мужчина, то страдают физически слабые члены семьи, экономически зависящие от насильника, находящиеся у него на иждивении. Но стоит отметить, что нередко сами женщины выступают в качестве источника угрозы, в основном насилие направлено, в этом случае, на детей.

Как и отмечают различные исследователи, наиболее распространенные виды насилия – физическое и психологическое. Зачастую они проявляются в совокупности, как психофизическое насилие, т.к. нанесение телесного вреда всегда сопровождается моральной травмой и стрессовым состоянием.

Позиция респондентов подтверждает гипотезу о слабости мер, проводимых государственной социальной политикой по предотвращению проявления насилия в семье. Вероятней всего, этому способствует неразвитая (и практически отсутствующая) нормативно-правовая база регламентирующая вопросы ответственности за преступления, совершенные в семье, что так же отметили анкетированные, подтвердив этим следующую гипотезу.

В опросе было выяснено, что специалисты уверены в благоприятности условий для создания Кризисного центра для женщин-жертв домашнего насилия. Тем не менее, для большей доказательности гипотезы о благоприятности условий потребуется дополнительное исследование, в котором будет выясняться мнение на этот счет администрации города и области, финансовых возможностей, которые могут быть предоставлены.

Список источников и литературы

- 1)Абубикирова Н.И Группы поддержки женщин/ Н.И.Абубикирова, М.А. Регентова // Как создать кризисный центр для женщин. М., Пресс-Соло, 1995. С. 61-70.
- 2)Горшкова И.Д. Насилие над женами в российских семьях (Материалы общероссийского исследования, представленные на конференции 15-16 мая 2003 г. в МГУ им. М.В.Ломоносова и Горбачев-Фонде) / И.Д. Горшкова, И.И. Шурыгина //М:- 2003, 82 с.
- 3) Национальный обзор хода осуществления Пекинской декларации и Пекинской платформы действий [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/85>
- 4) Предотвращение насилия в семье (опыт регионов): методическое пособие / Захарова Ж.А. Бородатая М.Н., М.; 2005
- 5)Примерное положение о кризисном центре помощи женщинам [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.owl.ru/library/020t.htm>

Хакназаров С.Х.

**Коренные народы Севера и факторы, влияющие на их здоровье в
разрезе общественного мнения: на примере Нefтеyганского района
Югры**

Khaknazarov S.

**The indigenous people of the North and factors influencing their health
in a section of public opinion: on the example of the Nefteyugansk region of
Ugra**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об основных факторах (в том числе экологических), влияющих на здоровье коренного населения Нefтеyганского района Югры и обобщены результаты социологических исследований, проведенных сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок в 2007-2008 и 2012 гг. Также, в статье мы будем рассматривать экологические проблемы района в аспекте социологических исследований. В свою очередь экологические проблемы являются одним из факторов, влияющих на здоровье населения. Данные вопросы обобщаются в сравнительном аспекте.

Abstract. In article the question of the major factors (including ecological) influencing health of indigenous people of the Nefteyugansk region of Ugra is considered and results of the sociological researches conducted by the staff of Ob and Ugrian institute of applied researches and development in 2007-2008 and 2012 are generalized. Also, in article we will consider environmental problems of the area in aspect of sociological researches. In turn environmental problems are one of the factors influencing health of the population. The matters are generalized in comparative aspect.

Ключевые слова: коренные народы Севера, респонденты, здоровье населения, промышленные разработки, влияние.

Keywords: indigenous people of the North, respondents, health of the population, industrial development, influence.

Вопросы здоровья коренных народов Севера (КНС) и экологии в современных условиях были и остаются актуальной в современных условиях. Проблеме здоровье КНС посвящено много исследовательских работ. Например, крупный исследователь по проблемам здоровья КНС В.И. Хаснулин [1], отвечая на вопрос *«Чем объяснить нарастающее ухудшение уровня здоровья коренного населения Сибири в последнее десятилетие?»*, отмечает, что именно жители Сибири имеют эволюционно выработанные механизмы выживания в неблагоприятных климатогеографических условиях этих регионов. Снижение устойчивости к заболеваниям у коренных жителей Сибири обусловлено, прежде всего, негативным действием социально обусловленного стресса. По мнению многих специалистов, малочисленные народы на большинстве территорий Сибири оказались сегодня одной из самых незащищенных групп населения. Среди главных причин такого положения: тяжелые бытовые условия, недостаточный учет этнического своеобразия коренных народностей, их традиций и обычаев.

В Ханты-Мансийском автономном округе - Югре (далее - Югра) и на других сопредельных территориях сохраняется высокая заболеваемость инфекционными болезнями. Речь идет об острых кишечных заболеваниях, вирусном гепатите, бактериальной дизентерии, туберкулезе. При этом показатели заболеваемости туберкулезом коренных жителей в несколько раз превышают аналогичные цифры у пришлых жителей этих регионов. Отмечена высокая заболеваемость злокачественными новообразованиями пищевода и желудка, органов дыхания, женских половых органов. Более того, выборочные обследования жителей Сибири показали, что состояние здоровья коренных жителей в ряде случаев становится хуже, чем у пришлого населения [1].

Краткая характеристика района исследований. В географическом отношении Нефтеюганский район расположен в центральной части Ханты-Мансийского округа - Югры, в среднем течении р. Обь, в пределах

лесоболотной зоны Западно-Сибирской низменности. Площадь его территории составляет 24,5 тыс. км². На территории района находится 11 населенных пункта, в которых, по предварительным данным Всероссийской переписи, проживает 46,4 тыс. чел., среди них: более 400 представителей коренных народов Севера (КНС) - ханты, манси, лесные ненцы.

Согласно информации бывшего Департамента по вопросам коренных народов Севера (ныне Департамента природных ресурсов и несырьевого сектора экономики Югры [2], на территории района расположено 33 территории традиционного природопользования (родовых угодий, общин) КНС, общей площадью 1217140 га, где проживают 16 семей (64 чел.) коренного населения. Основная их деятельность - охота, рыболовства, заготовка растительных дикоросов.

В 2007-2008 и 2012 гг. сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск), с целью изучения современного экологического и социально-экономического положения КНС Югры (в т.ч. Нефтеюганского района), были проведены этносоциологические исследования в местах их компактного проживания.

В опросах приняли участие:

- в 2007 г. - 114 респондента. Из них: мужчин 40,35%, женщин 59,65%. КНС (ханты, манси): мужчин – 39,42%, женщин – 60,58%. Экспертов: мужчин – 50,00%, женщин – 50,00%..

- в 2008 г. - 117 респондента. Из них мужчин - 26,50%, женщин - 73,50%. КНС: (ханты, манси): 87,18%, экспертов – 12,82%.

- в 2012 г. - 54 респондента. Из них мужчин – 31,5%, женщин – 68,5%. КНС: (ханты, манси): 96,3%, другие – 3,7 %.

Возраст респондентов – от 20 до 61 и старше лет.

Образование респондентов, в % от числа опрошенных: 1) начальное - 5,6; 2) среднее - 31,5; 3) среднее специальное - 24,1; 4) незаконченное высшее - 7,4; 5) высшее - 24,1; 6) нет - 7,4.

Род занятий респондентов, в % от числа опрошенных: 1) работник в сфере традиционных профессий (рыбак, охотник, оленевод и др.) - 3,7; 2) фермер - 3,7; 3) работник в сфере образования и науки - 20,4; 4) работник в сфере здравоохранения - 3,7; 5) работник в сфере культуры- 9,3; 6) служащий - 18,5; 7) руководитель - 7,4; 8) студент - 1,9; 9) пенсионер и безработный - 26,0.

В ходе исследований нам было интересно узнать взгляды местных жителей о причинах, влияющих на их здоровье.

Задавая вопрос респондентам, «Как Вы думаете, что в большей степени влияет на здоровье населения района и Ваше личное здоровье?», мы получили следующие результаты, которые представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, что в большей степени влияет на здоровье населения района?», в % от числа опрошенных* [3]

Варианты ответов	КНС	Эксп	ерты	целом по	массиву	КНС	Эксп	ерты	целом по	массиву		
	2007 (114)**					2008 (117)						
Стрессы на работе и дома	1	2	1	1	4	3	1,54	0,00	2,28	5,69	6,67	1,18
Низкое качество медицинского обслуживания	8	4	1	1	3	2	,65	0,00	1,40	4,71	3,33	4,02
Нехватка денег на медикаменты	3	6	3	1	1	1	0,77	0,00	3,33	5,69	3,33	4,51
Плохое качество воды	3	6	4	4	6	5	9,42	0,00	1,23	9,02	0,00	4,51
Загрязненный воздух, почва, вода	2	4	2	1	0	9	2,12	0,00	3,68	8,63	,00	,31

Повышенный уровень радиации	0,96	1,00	1,75	4,90	0,00	2,45
Низкое качество продуктов питания	5,77	1,00	6,14	2,5,49	4,0,00	3,2,75
Другое	-	-	-	4,90	0,00	2,45
Затруднялись ответить	-	-	-	0,00	0,00	0,00

* - сумма превышает 100%, поскольку один респондент мог дать несколько ответов одновременно.

** в скобках указано число респондентов по годам.

Как показывают данные, приведенные в табл. 1, большинство респондентов из числа КНС и экспертов на первом месте поставили проблему плохого качества воды (39,4% и 60% соответственно). Представители КНС на второе и третье места поставили проблемы нехватки денег на медикаменты (30,7%) и загрязненного воздуха, почвы, воды (22,12%). По результатам повторных исследований, проведенных в 2008 г., респонденты из числа КНС и экспертов также на первом месте обозначили проблему плохого качества воды (54,5% в целом). В отличие от 2007 г., на этот раз респонденты на второе и третье места поставили проблемы низкого качества продуктов питания (32,75%) и стрессы на работе и дома (31,18%).

Касаясь данного вопроса, ответы респондентов (по результатам исследований 2012 г.) распределились следующим образом, в % от числа опрошенных: 1) пьянство и алкоголизм - 57,4; 2) плохое качество воды - 50,0; 3) загрязненный воздух, почва, вода - 48,1; 4) низкое качество медицинского обслуживания - 29,6; 5) низкое качество продуктов питания - 27,8; 6) стрессы на работе и дома - 25,9; 7) повышенный уровень радиации - 5,6; 8) другое - 2,8.

Как показывают результаты исследований, проведенных в 2012 г., взгляды респондентов района по данному вопросу практически не изменились. Исключение составляет то, что большинство респондентов (57,4%) района на первое место поставили проблемы пьянство и алкоголизма. Отметим, что данный вариант ответа в исследованиях 2007-2008 гг. не рассматривалась.

Для сравнения отметим, что по результатам, проведенных исследований в Сургутском районе (2008 г.), при ответе на этот же вопрос выяснилось, что большинство респондентов из числа КНС и экспертов на первое место отметили проблему загрязненного воздуха, почвы, воды (82 и 72% соответственно по району). На второе и третье места респонденты из числа КНС отметили проблему нехватки денег на медикаменты (59,83%) и низкого качества медицинского обслуживания (43,23%). А вот эксперты, на второе место определили проблему низкого качества медицинского обслуживания (44,83%). Также респонденты отметили низкое качество продуктов питания (31 и 7,86% соответственно эксперты и представители КНС). Как видим, в отличие от опроса 2006 г., ответы респондентов из числа КНС по данному вопросу значительно изменились (35 и 7,86% соответственно в 2006 и 2008 гг.). Данное расхождение объясняется тем, что опросы в 2008 г. проводились в основном на территориях традиционного природопользования (родовых угодий и общин), где жители в основном употребляют экологически чистую продукцию. В отличие от представителей КНС, эксперты данную проблему поставили на второе и третье места (44,83 и 31,03% соответственно). На четвертое место респонденты из числа КНС и эксперты обозначили проблему плохого качества воды (19,2 и 24,1% соответственно) [3; 4; 5].

Отвечая вопрос, *«Как, на Ваш взгляд изменилось состояние здоровья северян за последние несколько лет, после перехода России к рынку?»*, были получены следующие ответы: стало лучше – 3,4%, стало хуже – 74,2%, не изменилось – 13,6%, затруднялись ответить – 8,8% [6].

В качестве другой проблемы, непосредственно, связанной с состоянием здоровья населения, будем рассматривать экологические проблемы региона.

Промышленное освоение углеводородного сырья (нефть и газ) затрагивает интересы КНС. Это связано с тем, что месторождения полезных ископаемых, удовлетворяющие промышленные нужды, сосредоточены в основном на территориях традиционного природопользования (ТТП) КНС. К ТТП относятся: родовые, общинные (семейные) и пастбищные угодья. За последних десятилетий в округе произошло значительное сокращение ТТП КНС. Страдают их основные традиционные виды хозяйственной деятельности. Вследствие чего происходит ухудшение социально-экономического положения КНС, требующего в настоящее время особого внимания.

Загрязнение атмосферного воздуха на территории Нефтеюганского района определяется преимущественно местными источниками и, в малой степени, атмосферными переносами из других районов. Основными причинами загрязнения атмосферного воздуха являются: промышленные выбросы от предприятий, сжигание попутного нефтяного газа на факелах, испарение легких фракций углеводородов с поверхности аварийных разливов нефти, шламовых амбаров, резервуаров хранения нефти, а также выхлопные газы автотранспорта.

Как следует из данных информационного бюллетеня... [7], самая высокая аварийность нефтепродуктов отмечается на месторождениях ООО «РН Юганскнефтегаз» (2712 случаев), ОАО «Томск-нефть» (1273 случаев) и ОАО «Самотлорнефтегаз» (809 случаев), что составило 87,4% всех зарегистрированных аварий на нефтепромыслах Югры. Нефтеюганский, Нижневартовский и Сургутские районы наиболее подвержены загрязнению нефтью и минерализованной водой, на долю которых приходится 5341 (или более 97,4%) зарегистрированных аварий.

В аспекте рассматриваемой темы немаловажной является оценка респондентами экологического состояния региона. Мнение респондентов о

том, что происходит в результате промышленных разработок недр, представлено в табл. 2.

Таблица 2

Мнение респондентов о результатах промышленных разработок

(n*=231), в % от опрошенных [3; 8]

Варианты ответов	КН	С	Экс	перты	Р	в	целом по	массиву	КН	С	Экс	перты	Р	в	целом по	массиву
	2007 (114)**							2008 (117)								
	КН	С	Экс	перты	Р	в	целом по	массиву	КН	С	Экс	перты	Р	в	целом по	массиву
Улучшается экологическое состояние региона	1	2,50	1	0,00	1	1,25	1	,86	6	,67	6	,67	6	,77	6	,77
Ухудшается экологическое состояние региона	5	0,00	7	0,00	6	0,00	6	4,71	6	3,33	7	3,33	7	9,02	6	9,02
Происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры	3	0,77	1	5,38	2	3,08	2	4,51	2	,67	6	,67	6	5,59	1	5,59
Затруднялись ответить	6	,73	2	0,00	1	3,37	1	,92	3	,92	1	3,33	1	,62	8	,62

* n – число респондентов

** в скобках указаны число респондентов по годам.

Как видно из данных, приведенных в табл. 2, значительное большинство респондентов из числа представителей КНС и экспертов Нефтеюганского района отметили, что в результате промышленных разработок недр происходит ухудшение экологического состояния региона (60,00% и 69,02% в целом по массиву и соответственно по годам). В отличие от экспертов, респонденты из числа КНС на второе место обозначили

вариант о том, в результате промышленных разработок происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры (30,77% и 24,51% соответственно по годам).

Взгляды респондентов района по данному вопросу (по результатам исследований, проведенных в 2012 г.), распределились в следующем образом (в % от число опрошенных): 1) ухудшается экологическое состояние нашего района - 50,0; 2) улучшается экологическое состояние нашего региона - 27,8; 3) происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры - 25,9; 4) затрудняюсь ответить на данный вопрос - 9,3.

Как видим, мнение респондентов по данному вопросу практически не изменились.

В заключение отметим, что взгляды респондентов Нефтеюганского района по вышерассмотренным вопросам практически совпадают (за исключением небольших расхождений) с мнениями респондентов из других районов округа, где были проведены мониторинговые исследования.

Например, в отличие от респондентов Березовского района, практически большинство респондентов Нефтеюганского, Нижневартовского, Сургутского, Нефтеюганского и Октябрьского районов Югры, считают, что в результате промышленных разработок экологическое состояние региона ухудшается.

Исходя из вышеизложенного, для снижения влияния негативных факторов на здоровье КНС можно рекомендовать в первую очередь [5]:

организовать качественное медицинское обслуживание КНС в труднодоступных районах их проживания;

контролировать качество медицинского обслуживания в районах проживания КНС;

проводить экологический контроль в районах проживания КНС (в т.ч. решить проблему качества питьевой воды);

проводить мониторинг правового обеспечения социальных и медицинских проблем на территориях проживания народов Севера.

Список литературы

1. Хаснулин В.И. Медико-демографические аспекты сохранения северных народов // Материалы междунар. науч. конф. «Сохранение традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и проблема устойчивого развития. М., 2004. С.138-145.
2. Коренные народы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.admhmao.ru (Дата обращения: 12.03.2010).
3. Анализ факторов, влияющих на здоровье коренных народов Севера Нефтеюганского района Югры: социологический анализ // Особенности формирования здорового образа жизни: факторы и условия: материалы III международной научно-практической конференции (май 2015 г.). Улан-Удэ: изд-во ВСГУТУ, 2015. С. 310-313.
4. Хакназаров С.Х. Социологический анализ факторов, влияющих на здоровье народов Севера // Наука Удмуртии. 2010. № 5. С.124-130.
5. Хакназаров С.Х., Ткачук Н.В. Факторы, влияющие на здоровье народов Севера: социологический аспект (на примере Сургутского р-на) // Вестник угроведения №1(3). Ханты-Мансийск, 2010. С.118-122.
6. Харамзин Т.Г. Здоровье обских угров в зеркале общественного мнения // Медико-социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск, 2005. С. 92-94.
7. Информационный бюллетень «О состоянии окружающей среды Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2006 – 2007 гг., Ханты-Мансийск, 2008. 112 с.
8. Хакназаров С.Х. Геоэкологические проблемы Нефтеюганского района Югры в аспекте социологических исследований / Научно-технический и производственный журнал «Маркшейдерия и недропользования». №2. 2011. С.58-61.

Панкратова, Л.Э. Хамрбоева, М.

Арт-терапия в реабилитации лиц, перенесших инсульт

Pankratova, L. E. Khamroboeva, M

Art therapy in the rehabilitation of persons who have suffered a stroke

Аннотация: В статье рассмотрена история использования арт-терапии в реабилитации. Дан анализ использования арт-терапии как средства реабилитации в России и за рубежом. В результате эмпирического исследования доказана эффективность проведения методик арт-терапии в реабилитации лиц, перенесших инсульт, а также, разработаны рекомендации для пациентов и их родственников

Abstract: The article discusses the history of the use of art therapy in rehabilitation. Analyzes the use of art therapy as means of rehabilitation in Russia and abroad. As a result of the empirical research proved the effectiveness of methods of art therapy in the rehabilitation of persons who have suffered a stroke, and developed recommendations for patients and their relatives

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АРТ-ТЕРАПИЯ, ПАЦИЕНТ, ИНСУЛЬТ, РЕАБИЛИТАЦИЯ, МЕТОДИКИ АРТ-ТЕРАПИИ, ПОСЛЕДСТВИЯ ИНСУЛЬТА, СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ.

KEY WORDS: ART THERAPY, PATIENT, STROKE, REHABILITATION, TECHNIQUES OF ART THERAPY, EFFECTS OF STROKE, SOCIAL REHABILITATION.

Мозговой инсульт, является одним из самых распространенных неврологических заболеваний, приобретающий все большую медико-социальную значимость. Это обусловлено непрерывным ростом острого нарушения мозгового кровообращения (ОНМК) во всех возрастных группах, частой инвалидизацией, высокой летальностью и социальной дезадаптацией больных, перенесших инсульт. На сегодняшний день сосудистые заболевания головного мозга вышли в России на второе место после кардиоваскулярных заболеваний среди всех причин смерти населения. Такие ученые как Б.С. Виленский, Н.В. Пизова, В.А. Парфенов, Д.Р. Хасанова,

изучают инсульт, его виды, причины, «обновления», связанные с его «омоложением», опасностью. В нашей стране ежегодно отмечается более 400 тысяч инсультов, летальность при которых достигает 35 %. Во многом это объясняется недостаточным вниманием к работе по предупреждению инсультов и хронических прогрессирующих сосудистых заболеваний мозга. Хотя 2/3 инсультов происходит у больных старше 60 лет, чаще всего на фоне повышенного артериального давления, распространенного атеросклероза, сахарного диабета, острые нарушения мозгового кровообращения представляют существенную проблему и для лиц трудоспособного возраста. Постинсультная инвалидизация занимает первое место среди всех причин инвалидности и составляет 3,2 на 10 000 населения. К труду возвращается лишь 20% лиц, перенесших инсульт. Такая статистика показывает, насколько актуальна реабилитация лиц, перенесших инсульт [1].

Какого бы вида не был инсульт, какими разнообразными не были бы последствия, в любом случае проводится мероприятия по реабилитации человека. Реабилитация – это сочетание медицинских и социальных мероприятий, проводимых с целью максимального восстановления и компенсации нарушенных или утраченных функций. По заключению ВОЗ, реабилитация определяется как «комбинированное и координированное использование медицинских и социальных мер, обучения и профессиональной подготовки, имеющей целью обеспечить больному наиболее высокий, возможный для него уровень функциональной активности [2].

Реабилитация - это система государственных, социально-экономических, медицинских, профессиональных, педагогических, психологических и других мероприятий, направленных на предупреждение развития патологических процессов, приводящих к временной или стойкой утрате трудоспособности; на эффективное и раннее возвращение больных и инвалидов в общество и к общественному труду. Реабилитация представляет сложный процесс, в результате которого у пострадавшего создается активное

отношение к нарушению его здоровья и восстанавливается положительное отношение к жизни, семье и обществу. Концепция реабилитации включает профилактику, лечение и приспособление человека к жизни и труду после болезни на основе личностного подхода. Приходим к простому определению понятия реабилитация, это комплекс мероприятий, действия, целью которых является уменьшение до минимума патологического воздействия инсульта на пациента и его жизнь.

При восстановительном уходе за больным необходимо обращать внимание не только на его физическое, но и на эмоциональное состояние. Важно помнить о том, что в результате болезни или инвалидности человек утратил способность трудиться, участвовать в общественной жизни. Изменение жизненной ситуации может вызвать страх, тревогу, привести к развитию депрессии. Поэтому важно создать вокруг больного атмосферу психологического комфорта. С такой задачей помогут справиться занятия арт-терапией.

Первоначально эти методики терапии использовались лишь для лечения больных с психическими нарушениями. Они способствовали успокоению пациентов, нормализации эмоциональности, психических реакций, позволяли пациенту найти свое «Я», раскрыть его, что помогало обеспечить достойное качество жизни, благоприятное общение.

В настоящее время возможности арт-терапии используются в различных сферах психологии и традиционной, нетрадиционной медицины. Они стали частью семейной психотерапии. Такие методики могут создать благоприятную, продуктивную атмосферу и в рабочем коллективе. Простые творческие приемы этой терапии позволяют легко разрешить различные конфликты между сотрудниками, создать нормальные отношения подчиненных с руководителем. Важно развитие творческих способностей и у больных ДЦП, детей с синдромом Дауна. У этих пациентов нередко имеется большой потенциал, который остается неиспользованным в связи с особенностями отношений к таким людям в обществе. Его развитие

становится «открытым окном» в нормальную жизнь. Такие способности позволяют почувствовать себя полноценным членом общества [3].

Колоссальную помощь терапия искусством оказывает и больным в период реабилитации после инсульта, травм, когда требуется восстановление моторики пальцев и чувствительности. Занятия с глиной, песком, деревом, различными природными материалами дает возможность создавать предметы искусства, одновременно развить мышцы, полностью восстановиться после тяжелых заболеваний.

Эволюция понятия «арт-терапия» отражает процессы обособления трех самостоятельных направлений: медицинского, социального, педагогического. Арт-терапия (терапия искусством) является относительно молодым направлением психотерапии. Сам термин впервые появился лишь в конце 30-х - начале 40-х годов прошлого столетия. Авторами термина «арт-терапия» считают английского исследователя Адриана Хилла (с исследований которого началась история развития и становления Британской школы арт-терапии, одной из сильнейших на сегодняшний день), основоположника психодрамы Якоба Морено (ему принадлежит первый в мире журнал арт-терапии и идея создания арт-терапевтической ассоциации, существующей до сих пор). В настоящее время чаще принято под понятием творческой терапии иметь в виду такие методы, как танцевальная терапия, музыкотерапия, библиотерапия, театротерапия, или драматерапия (не путать с психодрамой), ландшафтотерапия, эстетотерапия и многое другое. А под термином арт-терапия (нем. гештальтунксттерапия) чаще всего понимается терапия живописью (рисунком).

Арт-терапия – естественная, древнейшая форма изменения психологического и эмоционального состояния, которой пользуются многие (осознанно или нет), чтобы снять психическое напряжение, сосредоточиться, успокоиться. Для этого не обязательно быть художником – достаточно взять ручку, карандаш или краски и начать рисовать. Искусству арт-терапии

принадлежит роль естественного проводника симптомов или переживаний, и всё это не зависит от пола, возраста, чувств болезни, переживаний.

Бесспорно, даже в век развитой медицины нельзя справиться с проблемой только традиционными лечением. Арт-терапия – это и есть одно из нетрадиционных лекарств, без ограничений в возрасте и побочных эффектов. На наш взгляд, терапия творчеством очень прогрессивное направление. Используя знания смежных наук как дополнение, нанесённое на канву творчества, арт-терапия постепенно займёт достойное место среди других терапевтических методов.

На сегодняшний день в нашей стране выполнен целый ряд исследований, посвященных изучению лечебно-коррекционных, профилактических и иных возможностей арт-терапии в здравоохранении, образовании и социальной сфере. Этого, однако, явно недостаточно. Можно признать, что арт-терапевтические исследования в России пока находятся на начальном этапе и оставляют без внимания многие эффекты и механизмы ее воздействия [4].

Эмпирическое исследование проводилось в г. Екатеринбург, Свердловская область. Базой эмпирического исследования стало неврологическое отделение городской клинической больницы №14. Целью данного исследования явилось изучение эффективности арт-терапии в реабилитации лиц, перенесших инсульт.

Для проведения исследования была отобрана группа неврологических пациентов, состоящая из 8 мужчин и 8 женщин в возрасте от 30 до 75 лет, у которых был диагностирован инсульт.

В ходе исследования были использованы следующие методики:

Анкетирование

Беседа с пациентами и их родственниками.

Рисуночные методики

Составление коллажа

Обучение техники оригами

Сбор и анализ документов

До начала работы: знакомство, беседа, установление контакта.

Далее: ежедневные занятия арт-терапией в течение двух недель, в среднем 40–50мин.

При изучении любой проблеме, заболевании всегда повышенное внимание уделяется их причинам или источникам, а также последствиям. Для выявления знаний об инсульте и реабилитации при инсульте с родственниками пациентов было проведено анкетирование, в ходе которого выяснилось, что 23 % знает, но не обладает достаточной информацией; 70% не знает вообще, и, лишь, 7% знает об инсульте, его причинах, последствиях, реабилитации.

После анкетирования, которое показало, что ни родственники, ни сами пациенты не имеют четкого представления об инсульте, его причинах и последствиях и, естественно, реабилитации, была организована беседа-лекция. На беседу были также приглашены врач-невролог, реабилитолог, инструктор по ЛФК, логопед. Врач-невролог рассказала о необходимых аспектах инсульта как заболевания, а врач-реабилитолог совместно с инструктором ЛФК рассказали и на примерах показали методики реабилитации, продемонстрировали полезные для восстановления двигательных функций упражнения. Логопед поделилась рекомендациями, как правильно восстановить речь при афазии и дизартрии.

Для изучения эффективности арт-терапии в реабилитации инсульта, основной акцент был сделан на изотерапию. Каждому участнику были предложены листы, листы с мандалами, краски и кисти, карандаши. У всех была возможность выбирать подходящие для него виды и содержание творческой деятельности, изобразительные материалы, а также работать в собственном темпе; позволено индивидуально нарисовать какой-нибудь образ. В процессе работы с каждым из участников индивидуально обсуждались образы, которые каждый из них пытался изобразить, ситуации, которые каждый связывает с этим образом и т.п. Также после окончания

исследования было проведено групповое занятие, в ходе которого обсуждалось эмоциональное состояние в процессе и после рисования, впечатления от проведенных занятий арт-терапии.

Два дня было посвящено составлению коллажа: участникам исследования было предложено подготовить коллаж для медицинских работников ко дню 8 марта. Были собраны старые открытки, из них вырезаны нужные элементы, картинки, слова. И все это с помощью клея прилеплено на ватман.

Коллаж - это произведение искусства, состоящее из многочисленных материалов, таких как бумага, газеты, фотографии, ленты или другие объекты, прикрепленные к основе, например, обычной бумаге. Позволяет экспериментировать с широким спектром материалов для достижения удивительных результатов.

Оригами один из методов терапии искусством, суть которого в складывании подготовленных из бумаги треугольников в определенную объемную фигуру. В нашем исследовании несколько дней было потрачено на освоение техники оригами. Было выбрано составить по схеме объемные фигурки зайчиков. Так как, для одного человека, перенесшего инсульт, выбранный объект творчества был сложноват: большая нагрузка, напряжение, работа, мы решили, что работа будет проделана в команде, мужской и женской. Женская команда составляла зайца-даму, с платьем и бантиком, мужская команда зайца-джентльмена. Обе команды успешно справились с заданием, на столе стояли пара зайцев, участники были довольны, так как понимали, что это оказывается, не только полезно, развивает мелкую моторику пальцев, но и очень интересно.

В результате исследования выявились существенные изменения в лучшую сторону у 13 из 16 участников. Они отметили существенные изменения в лучшую сторону, пальцы стали увереннее работать, практически у половины пациентов, нарушенные двигательные функции восстановились, кроме того, их родственники отметили, что они стали спокойнее,

нервозность и грусть, негативное отношение ко всему, проявившееся в первые дни после инсульта, исчезли.

Таким образом, арт-терапия может являться важнейшим элементом в реабилитации больных, перенесших инсульт.

Список литературы:

Белянская Е.Н. , Краснова М.А. Реабилитация после инсульта. М., 350 с.

Епифанов В.А., Епифанов А.В. Реабилитация больных, перенесших инсульт. М.: МЕДпресс-информ, 2013. 248с.

Красный Ю.Е. Арт-всегда терапия! М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2006. 204 с.

Сусанина И.В. Введение в арт-терапию. М.: Когито-Центр, 2007. 95 с.

Цветков Д.А.

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В
УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Tsvetkov D.A.

INFORMATION AND TECHNICAL ENSURING OF
ORGANIZATIONAL AND ADMINISTRATIVE PROCESSES IN
ESTABLISHMENTS OF THE SOCIAL SPHERE

Аннотация

В данной статье приводится анализ исследования, проведенного в трех комплексных центрах социального обслуживания города Екатеринбурга. На основании полученных данных даётся характеристика общей технической оснащённости указанных учреждений, а также опыта применения в них информационных технологий в организационно-управленческом аспекте.

Abstract

The purpose of the article is to give the analysis of the research conducted in three complex centers of social service in Yekaterinburg. Based on results of the sociological research we can characteristic the technical equipment of the specified establishments, and also experience application in them information technologies in organizational and administrative aspect.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИНФОРМАТИЗАЦИЯ,
ИНФОРМАТИЗАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, СОТРУДНИК
СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ, КОМПЛЕКСНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ.

KEY WORDS: INFORMATIZATION, INFORMATIZATION
TECHNOLOGIES, EMPLOYEE OF SOCIAL SERVICES, COMPLEX CENTER
OF SOCIAL SERVICE.

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, что связано с процессами глобализации и развития научно-технического сектора. Наступает качественно новый этап

общественного развития – переход от индустриального к постиндустриальному (информационному обществу), что несёт в себе трансформацию всех сфер жизнедеятельности современного человека. Значимыми показателями развития в мировом сообществе становятся развитость информационно инфраструктуры, компьютерная и техническая грамотность населения страны, количество и новизна различных телекоммуникационных устройств, Интернет-активность, количество и качество информационных ресурсов во всемирной сети [1]. Немаловажным фактором является безопасность и свобода доступа к различным источникам информации.

Переход к информационному обществу осуществляется за счет информатизационных процессов или информатизации, под которой в общих чертах понимают политику и процессы, способствующие переходу к информационному обществу. Что касается информационных технологий, то их можно определить как способы создания, фиксации, переработки и распространения информации [2].

В наши дни очевидна тенденция информатизации социальной сферы, в том числе и при помощи всемирной сети Интернет – создание сайтов и электронной почты социальных учреждений, возможность электронной записи и очереди для получения той или иной помощи[3]. Эти и другие изменения в процессе оказания социальной помощи обращают к необходимости изучения информатизационных процессов с точки зрения организации и управления рабочим процессом в учреждениях социальной сферы.

Таким образом, целью данной работы является изучение информационных процессов и технологий с точки зрения организационно-управленческих аспектов в учреждениях социальной сферы. Можно определить следующие задачи данного исследования:

Характеристика технического оснащения учреждений социальной сферы;

Изучение возможности и опыта использования информационных технологий в организации и управлении рабочего процесса сотрудников социальных служб.

Следовательно, объектом данного исследования будут сотрудники учреждений

социальной сферы, а предметом их использование информационных технологий в управлении и организации, как рабочего процесса указанных специалистов, так и в целом процесса оказания социальной помощи.

Наконец, говоря о выбранном методе исследования, необходимо отметить, что исследование предполагает использование количественного метода, в данном случае – анкетирования. Для проведения исследования была составлена анкета, содержащая в себе 25 вопросов закрытого и открытого типа. Композиция анкеты состояла из адресной части, основной части и социально-демографической части. Вопросы основной части анкеты касались внедренных в работу учреждения информационных технологий и их применение в организационно-управленческом аспекте.

Исследование проводилось в комплексных центрах социального обслуживания Октябрьского Ленинского и Кировского районов города Екатеринбурга. В нашем исследовании приняли участие 49 респондентов, среди которых больше всего лиц женского пола (87,8%) в возрасте от 36-50 лет. Нашей целевой аудиторией были специалисты по социальной работе, поэтому среди опрошенных большинство людей имеют должность социального сотрудника (40%). В среднем стаж работы опрошенных сотрудников составляет более пяти лет непрерывной работы в социальном учреждении.

В нашем исследовании приняли участие 49 респондентов, среди которых больше всего лиц женского пола (87,8%) в возрасте от 36-50 лет. Нашей целевой аудиторией были специалисты по социальной работе, поэтому среди опрошенных большинство людей имеют должность социального сотрудника (40%).

Анализ использования оргтехники специалистами социальных учреждений показал, что значительную часть работы специалисты осуществляют за компьютером, немаловажными техническими средствами являются принтер и телефон. Большинство сотрудников обладает навыками работы с оргтехникой, поскольку сталкивается с данной работой ежедневно. Среди сотрудников, не обладающих навыками использования оргтехники, чаще всего встречаются специалисты, сталкивающиеся с трудностями использования электронной почты. Стоит отметить, что мнения респондентов о достаточности технического оснащения разделились поровну. Данный факт характеризует различный уровень оснащенности учреждений.

В целом в социальных организациях ремонт и обслуживание технического оборудования осуществляет штатный сотрудник или специальный отдел. Часть услуг оказывают сервисные организации, работы, которые не требуют специальных навыков, могут осуществляться самостоятельно. Проверка технического оборудования, как и частота обновления программного обеспечения, осуществляется в среднем раз в год. В учреждениях случаются поломки компьютера/оргтехники, но в основном они являются устранимыми. Опрошенные специалисты работают в социальных организациях разного статуса, выявлено, что Управление социальной политики снабжено более новой техникой, чем другие учреждения. Мнения респондентов касемо привлечения специального персонала разделились поровну: первая часть опрошенных не видит проблем и сложностей в привлечении к оказанию помощи ремонтного персонала, другая половина отметила определенные сложности, которые заключаются во временных затратах, дороговизне и некачественной помощи. $\frac{3}{4}$ части опрошенных удовлетворены качеством технического обслуживания и оперативностью работы техников, так как у них редко бывают поломки, в связи с обновлением программного оборудования и обеспечения, поэтому им редко приходится привлекать ремонтный персонал, чтобы решить проблемы

с техникой. Тем не менее, далеко не во всех организациях осуществляется системное обновление программного обеспечения. Данный факт является важной особенностью для учета дальнейших перспектив развития информационного оснащения социальных учреждений. Программное обеспечение совершенствуется быстрыми темпами, а учреждения социальной сферы обязаны поддерживать и развивать оперативность и качество работы, что предполагает обновление элементов информационных систем.

Если принимать во внимание, визуальное восприятие технического оснащения учреждений, то можно сделать вывод, что в последнее время наблюдается улучшение качества технического оборудования, которое необходимо для работы. Но в одном и том же учреждении отделы могут быть по-разному обеспечены техническим оборудованием. Где-то принтер и ксерокс есть у каждого, а где-то один-два на весь отдел.

Итак, большинство опрошенных учреждений социальной сферы имеют средний уровень развитости информационного обеспечения. Результаты исследования показали, что одни сотрудники до настоящего времени предпочитают использование старых методов передачи или хранения, накопления информации, а это в основном специалисты возраста более 40 лет. Для передачи информации в специалисты предпочитают использование почты и факса (большинство ответов по сравнению с выбором вариантов «поеду лично», «курьер»). Корпоративную сеть и электронно-цифровую подпись специалисты социальных учреждений в большинстве имеют. Данные результаты позволяют отметить, достаточную оснащенность организаций информационным обеспечением, однако, имеется необходимость развития и просвещения сотрудников в рамках данного вопроса, стимулирования начальства к концентрации внимания к техническому оборудованию и программного обеспечению работников учреждений.

Анализируя работу респондентов со специализированными программами, стоит отметить отсутствие данных программ у большинства респондентов (60%). Помимо этого, обучение для работы с обозначенными программами проходило лишь 43% от общего числа опрошенных специалистов, для большинства из которых были проведены ознакомительные лекции. Важную роль в освоении специализированных программ сыграло взаимодействие коллег, обменивающихся знаниями о работе программы. В свою очередь, потребность в обучении возникала у незначительной части респондентов, что подтверждает самостоятельное изучение установленных программ.

Респонденты отметили, положительное влияние установки специализированных программ на рабочий процесс (ускорение деятельности, появление общей базы, облегчение поиска информации). В то же время, увеличение объема работы специалисты выделили как негативное влияние.

В данном блоке рассматривалась оценка респондентами технического оснащения и состояния техники в учреждениях. В целом дана высокая оценка техники ее программного обеспечения, ее состояния и достаточности. 78 % удовлетворены состоянием технического оборудования, больше половины (53%) считает обеспечение техникой достаточным. Процент положительных ответов об оценке технического обеспечения варьируется от 70%-до 90%, что показывает хорошее состояние технического оборудования.

Таким образом, можно заключить, что применение информационных технологий как модернизации процесса оказания социальных слуг населению не носит систематический характер. Об этом говорит отсутствие у персонала социальных учреждений обучающих курсов, практик и иных форм обучения работы с различными техническими устройствами. Данное упущение особенно заметно, если учесть средний возраст работающих специалистов. Также заметно отсутствие должного внимания со стороны руководства социальных учреждений к ремонту и обслуживанию технических средств, а также к обновлению программного обеспечения. Разумеется, не повышает

качество организации и управления в социальном учреждении и отсутствие в большинстве из них специализированных программ для обмена, хранения и обработки данных.

Однако, в целом респонденты отметили достаточно высокий уровень состояния информационного обеспечения социальных учреждений. Более того, среди сотрудников выявлено общее положительное отношение к информационным технологиям и технической модернизации учреждения в целом. Среди них существует определенный интерес к изучению указанных новшеств, стремление к самообразованию в данном вопросе. Немаловажно отметить тот факт, что сам процесс информатизации социальной сферы в России запущен, а значит, в перспективе можно надеяться на качественное улучшение все аспектов функционирования систем социального обеспечения.

Список источников и литературы

Дубровский, Е. Н. Соколова, И. В. Информатизация общества: социальные условия, предпосылки и последствия / Е. Н. Дубровский, И. В. Соколова // Основы социальной информатики. – 2010. - №9.-С. 76-79

Рябинская С. С. Информатизация общества в России: особенности формирования и сопутствующие угрозы [Электронный ресурс]: Научная статья // Режим доступа: <http://e-koncept.ru/>

Романченко А.В. Совершенствование системы управления качеством социальных услуг / А.В. Романченко // Отечественный журнал социальной работы – 2007. - №3. – С. 34-38

УДК 364

ББК 60

Шарф А.С., Зотова М.М., Полежаева К.В.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ
РАБОТЕ О СВОЕЙ ПРОФЕССИИ**

Sharf A.S., Zotova M.M., Polezhaeva K.V.

SOCIAL WORKERS PERCEPTIONS OF THE PROFESSION

На материалах эмпирических исследований в статье рассматриваются представления специалистов по социальной работе о своей профессии. Анализируются образ профессии, присущий самим профессионалам, их понимание назначения профессии и перспектив ее развития.

Ключевые слова: специалист по социальной работе, социальная работа, профессия, назначение социальной работы, развитие социальной работы, профессионализация социальной работы

Based on the results of empirical research the article describes social workers perceptions of their profession. The article analyses the image of social work, the purpose of the profession and perspectives of its development.

Keywords: social worker, social work, profession, the purpose of the social work, development of social work, professionalization of social work

Социальная работа как профессиональная деятельность, призванная удовлетворять потребности общества, поддерживать разные группы населения, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, выступает одним из ключевых звеньев в развитии социальной сферы. Решение приоритетных социальных проблем требует совершенствования всех ее элементов, условием которого выступает тщательное и всестороннее осмысление тенденций и перспектив развития социальной работы.

Исследование становления и развития профессиональной социальной работы в современной России актуализирует необходимость изучения разнообразных механизмов данного процесса, одним из которых выступает профессиональная самоидентификация социальных работников. Как отмечает М.Пейн, «практическая деятельность социальных работников конструируется через профессиональные ожидания, т.е. зафиксированные принципы и установки по отношению к профессиональным обязанностям, а также через социальные процессы, определяющие функции социального работника» [1, С.29]. Руководствуясь определенными представлениями о своих профессиональных ролях, границах своих полномочий, назначении профессии в целом и ее роли в обществе, социальные работники способствуют формированию и трансляции специфического образа профессии, закрепляя те или иные профессиональные нормы и ценности, образцы поведения, тем самым способствуя развитию профессии.

Таким образом, представления социальных работников о сущности, специфике и роли профессии в решении социальных проблем можно рассматривать как важный фактор профессионализации социальной работы.

Процесс формирования профессионального сообщества социальных работников еще не завершен. Центральным звеном данного процесса выступают социальные работники и специалисты по социальной работе. Наше исследование было направлено на анализ образа профессии, сложившегося у самих ее представителей, выявление ключевых характеристик данного образа и противоречий его формирования.

Объектом нашего исследования стали специалисты по социальной работе, ведущие деятельность в социальных службах г. Екатеринбурга, г.Уфы и г.Новосибирска. Исследование проводилось в январе 2016 года посредством метода неоконченных предложений. В нем приняли участие 24 специалиста.

В ходе исследования были проанализированы следующие аспекты: во-первых, *образ профессии* (его компоненты, ключевые характеристики); во-

вторых, особое внимание было уделено тому, как специалисты по социальной работе определяют *назначение профессии* (понимание ее миссии, специфики по сравнению с другими профессиями); в-третьих, *перспективы и движущие силы развития профессии* в современной России.

Социальная работа относится к помогающим профессиям, что находит отражение в сознании самих профессионалов. Помощь интерпретируется ими как содействие преодолению трудной жизненной ситуации, через рекомендации, консультирование, оказание бытовых услуг, назначение выплат и пособий. Мы можем наблюдать, насколько различны цели социальных работников как профессионалов. Кто-то видит цель в узком смысле, например в решении проблем клиента, в четкой организации помощи, социально-педагогической коррекции несовершеннолетних, в оказании помощи при адаптации жизни наркозависимого человека. Но есть и те, кто видит цель в совершенствовании социальной жизни общества, в помощи как можно большему количеству людей, в качественном выполнении своей работы и в постоянном профессиональном совершенствовании. (*«Помогать человеку в ТЖС»* (жен., 37 лет, КЦСОН, Екатеринбург), *«Реабилитация, обучение, восстановление ЗУН»*, *«Консультирование»* (жен., 23 года, КЦСОН, Новосибирск), *«Научить человека решать свои проблемы»* (жен., 39 лет, ЦПСИД, Уфа), *«Оказание необходимых услуг»* (жен., 50 лет, ГКУ РЦСПН, Екатеринбург)), а также (*«Повышение уровня общественного развития»* (жен., 21 год, КЦСОН, Уфа), *«Эффективное решение социальных задач»*, *«Делать мир лучше»* (жен., 41 год, УСЗН, Екатеринбург)).

Характеризуя социальную работу как профессию, респонденты отметили её гуманистическую направленность, альтруизм, бескорыстие, комплексный характер оказания услуг нуждающимся. (*«Социальную работу от других профессий отличает...любовь к людям и бескорыстие»* (жен., 50 лет, ГКУ РЦСПН, Екатеринбург); *«...отсутствие желания наживаться на клиенте»* (жен., 21 год, КЦСОН, Уфа); *«...гуманность, компетентность в*

различных сферах жизнедеятельности человека» (жен., 41 год, УСЗН, Екатеринбург)).

Социальная работа у самих специалистов ассоциируется с: а) такими качествами как милосердие, благородность, смиренность, эмпатия; б) с благотворительностью и волонтерством; в) с деятельностью доктора, сестер милосердия, скорой помощи; г) с конкретными группами населения: инвалиды, сироты, неблагополучные семьи, тяжелобольными; и д) с оформлением бесконечных отчетов. (*«Социальная работа ассоциируется у меня... со скорой помощью, так как оказывает помощь людям, оказавшимся в критической ситуации» (жен., 34 года, УСЗН, Екатеринбург), «...с сопровождением человека в государственные структуры» (жен., 46 лет, Министерство социальной политики, Екатеринбург)).*

Специалисты считают социальную работу особым видом профессиональной деятельности, направленной на поддержание человека в трудной жизненной ситуации, в том числе способной улучшать качество жизни. Кроме того, респонденты указывали значение социальной работы не только для нуждающегося в ней клиента, но и для всего общества в целом, что выступает элементом формирующегося профессионального самосознания. Однако необходимо отметить, что определяя сущность профессии, большинство респондентов дали размытую интерпретацию профессии социального работника, затрудняясь определить её границы и сформулировать её специфику по сравнению с другими профессиями.

Образ самого профессионала в сфере социальной работы предстает весьма противоречивым: центральное место в представлении опрошенных специалистов занимают личностные качества, доминирующие над такими факторами как образование и профессиональные навыки. Респонденты склонны приписывать специалисту качества, которые ассоциируются с самопожертвованием, бескорыстностью, ориентацией на нематериальные ценности, состраданием (*«Действует не в своих целях, а в целях того, кому пытается помочь» (жен., 29 лет, КЦСОН, Новосибирск), «Не ориентирован*

на материальные ценности» (жен., 19 лет, ГБУЗСО «СОКПБ», Екатеринбург), «Действует из доброты» (жен., 44 года, КЦСОН, Новосибирск), «Социальная работа лечит не тело, а душу» (жен., 41 год, УСЗН, Новосибирск)). Таким образом, сами профессионалы транслируют стереотипный образ социального работника, противоречащий перспективам профессионализации социальной работы. С одной стороны, это может быть связано с доминирующим представлением о социальных работниках, сложившемся в общественном сознании, а с другой – определяться тенденцией феминизации данной сферы. Как отмечали В.Н. Ярская и Е.Р. Ярская-Смирнова «феминизация социальной работы означает низкий уровень оплаты труда; делает акцент не на профессионализме, а на личностных качествах работника и эмоциональных аспектах должностных обязанностей, что, в свою очередь, усугубляет стереотип социальной работы как "женского занятия"»[2].

Таким образом, специалисты по социальной работе, говоря о своей профессии склонны прежде всего оценивать ее в таких категориях как «предназначение», «служение» и др. При этом профессиональные качества социальных работников как бы отходят на второй план, становится актуальной проблема престижа профессии: *«человек, который оказывает только бытовые услуги»(жен., 38 лет, КЦСОН, Уфа), «Помогает пожилым людям и инвалидам»(жен., 41 год, КЦСОН, Новосибирск), «Ухаживает за больными людьми»(жен., 39 лет, ЦПСиД, Уфа), «Специалистом может быть только женщина»(жен., 46 лет, Министерство социальной политики, Екатеринбург), «Помощник в судьбе»(жен., 21 год, КЦСОН, Уфа).*

Назначение социальной работы исходя из результатов исследования понимается специалистами как «предотвращать жизненные трудности», «развивать как можно больше ресурсов для помощи населению», «помощь людям», «помощь в решении проблем», «обеспечить достойную жизнь», «оказать помощь», «решить проблемы», «помочь человеку найти решение проблем». Чаще всего специалисты связывают роль профессии с помощью в

трудной жизненной ситуации, консультацией клиентов и определением рекомендаций (см. Рис 1). В то же время необходимо отметить, что у респондентов вызвало затруднение просьба назвать ситуации, в которых помощь социальных работников оказывается незаменима и не сводима к профессиональной помощи других специалистов (юристов, психологов и пр.). Также существенное затруднение вызвала у специалистов необходимость сформулировать специфические характеристики профессии, подчеркивающие уникальность и профессиональный характер социальной работы.

Рисунок 1

Ситуации, в которых возникает необходимость в социальной работе

Представления специалистов о назначении профессии социального работника коррелируют с непосредственными профессиональными обязанностями респондентов. Так, специалисты, работающие в психоневрологическом интернате, а также в психиатрической больнице, видят назначение своей деятельности в оказании психологической поддержки, сопровождении, ориентировании. Работники Управления

социальной защиты населения, а также одного из территориальных центров социальной поддержки населения считают своим назначением осуществление государственной социальной политики, повышение уровня общественного развития, оказание различных видов квалифицированной помощи.

Актуальным является вопрос о перспективах развития профессии и условиях данного процесса.

Представления социальных работников об их профессии через 10 лет отличаются. Большинство специалистов видят будущее социальной работы оптимистично. При этом они указывают на то, что специалисты по социальной работе будут заниматься практически всеми вопросами социального характера, профессия будет более востребована обществом и государством, но лишь при поддержке последнего (*«Государством будут учтены недочеты»* (жен, УСЗН, 42 года, Екатеринбург), *«Профессия сможет эффективно развиваться»* (жен., 50 лет, ГКУ РЦСПН, Екатеринбург), *«Повышение заработной платы»* (жен., 23 года, КЦСОН, Новосибирск), *«Увеличение полномочий специалиста»* (жен., 33 года, СОБОО «Шанс плюс», Екатеринбург)).

Часть респондентов все же полагают, что социальная работа в будущем останется на прежнем уровне и не претерпит больших изменений, а также может потерять квалифицированных кадров, если они также будут недооцениваться государством и обществом.

Развитие социальной работы как профессиональной деятельности, специалисты связывают с социальной политикой, с отношением государства к социальной сфере. В качестве основных причин, препятствующих развитию социальной работы, респонденты отметили отсутствие должного внимания со стороны государства. (*«Не придает значения профессии»* (жен, 33 года, Министерство социальной политики, Екатеринбург), *«Остаточный принцип финансирования»* (жен, 21 год, КЦСОН, Уфа)), бюрократическую систему организаций, слабую профессиональную подготовку специалистов, а

также низкую заработную плату. Как это ни парадоксально, но среди факторов, способствующих развитию профессии, оказались бедность населения, его правовая неграмотность, падение уровня жизни, что в свою очередь вызывает необходимость в социальной защите. Респонденты указали, что взаимопонимание между получателем социальных услуг и социальным работником, открытое взаимодействие между различными ведомствами, компетентность специалистов, применение современных технологий в своей деятельности также способствует развитию социальной работы.

Респонденты считают, что в их профессии им не хватает оптимизма, времени и рычагов воздействия на бюрократические препоны, стабильной заработной платы, поддержки со стороны государства, знания о уже существующих ресурсах помощи, творчества, поддержки государства в виде оплаты труда, льгот и уважения к труду социального работника, даже к самой профессии «социальная работа».

Таким образом, результаты нашего исследования свидетельствуют, что процесс развития профессии социального работника в современных условиях сопровождается формированием у ее представителей специфического образа профессии, основанного на понимании помогающей природы социальной работы, гипертрофированной роли личных качеств социальных работников. Ведущая роль в развитии профессии, по мнению самих специалистов по социальной работе, принадлежит государству, которое и будет в дальнейшем определять перспективы и траектории ее развития.

Список литературы:

Пэйн М. Социальная работа: современная теория. – М.: Издательский центр «Академия». – 2007.

Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.. "Не мужское это дело..."
Гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социологические
исследования. №6. 2002.

ОБРАЗ ПРОФЕССИИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В СМИ

Sharf A.S., Komarova M.Y.

THE IMAGE OF SOCIAL WORK PROFESSION IN MASS MEDIA

Статья посвящена анализу образа профессии социального работника в СМИ. По результатам контент-анализа выделены ключевые характеристики образа профессии, представленные в печатных СМИ. Несмотря на то, что социальная работа приобрела в России самостоятельный статус профессии, она зачастую определяется через такие категории, как доброта и самопожертвование, чем профессиональные качества (профессиональный статус, теоретическая подготовка).

The article focuses on the image of social work profession in mass media. Based on the results of content analysis it describes the main characteristics of social work as a profession presented by media. *Although social work has become independent profession in Russia, it is still characterized more by emotional terms (like kindness, dedication, selflessness) rather than professional qualities (well-trained, professional status, theoretical education).*

Ключевые слова: профессия социального работника, социальная работа, образ профессии социального работника, профессионализация социальной работы

Keywords: social work profession, social work, image of social work, professionalization of social work

На современном этапе развития общества отчетливо прослеживается тенденция увеличения внимания к социальной сфере, актуализируется потребность в её развитии. Россия, как социальное государство, берет на себя определенные обязательства, выполнение которых напрямую зависит от состояния развития социальной сферы, одним из ведущих институтов в которой выступает социальная работа. Во многом именно социальная работа является механизмом реализации социальной политики государства, показателем заинтересованности в решении актуальных проблем населения.

Она призвана оказывать помощь клиенту в преодолении трудных жизненных ситуаций, а также поддерживать стабильность в обществе в целом. Именно социальная работа оказывает непосредственное влияние на стабильность социальной жизни общества. Следовательно, необходимым представляется анализ образа профессии социального работника, так как это становится одним из важных показателей процесса развития профессии.

Образ профессии социального работника формируется под воздействием различных факторов, одним из которых выступают средства массовой информации (СМИ).

Для того, чтобы проанализировать образ профессии социального работника, мы обратились к печатным средствам массовой информации. Они освещают деятельность государства, рассматривают наиболее важные проблемы, в том числе и социальные. И, конечно, они также пишут о развитии социальной работы в стране в целом, раскрывая специфику деятельности социальных служб и работников данной сферы.

Во многом именно СМИ способствуют распространению информации о тех или иных аспектах профессии социального работника. Несмотря на то, что СМИ не являются в России главным каналом передачи информации, но их влияние всё же остаётся большим на формирование взглядов общества[1]. И от того, как на страницах печатных изданий будет показана социальная работа, будет зависеть ее восприятие широкими слоями населения.

Образ профессии социального работника мы охарактеризовали как устойчивую совокупность ключевых характеристик, описывающих сущность профессии, специфику деятельности социальных работников и специалистов по социальной работе.

Для контент-анализа была выбрана Свердловская областная газета по ряду причин. Во-первых, это общественно-политическое издание, которое затрагивает наиболее актуальные социальные и социально-политические вопросы. Во-вторых, это ежедневное печатное издание, распространяющееся на всей территории Свердловской области, тираж которого более 70000

экземпляров[2]. В-третьих, в статьях представлены разнообразные экспертные мнения журналистов, исследователей, а также официальная позиция органов власти и обращения граждан.

В данной газете были отобраны статьи за период с 2011 по апрель 2015 года. Статьи отбирались следующим образом: единицей анализа выступили такие понятия, как «социальная работа», «социальный работник», «специалист по социальной работе», «социальные службы», «социальное обслуживание», «социальная сфера». В публикациях искались описания деятельности социальных работников и специалистов по социальной работе, их личностных или профессиональных качеств, а также описания представлений о профессии вообще (уровень заработной платы; условия трудового процесса; отношение со стороны государства, непосредственных и потенциальных клиентов, общества). Всего было отобрано и проанализировано 22 статьи.

Прежде всего обращает на себя внимание крайне низкая популярность темы профессиональной социальной работы: за указанный период из 1578 номеров Свердловской областной газеты упоминание о социальной работе и социальных работника встречается лишь в 0,14% публикаций, что, по нашему мнению, может указывать на отсутствие целенаправленной политики формирования и поддержания имиджа данной профессии. Наибольшее количество статей представлено за 2012 и 2013 года – по 8 публикаций. Возможно, это связано с тем, что в 2012 году сменился Министр социальной политики Свердловской области, губернатор Свердловской области и Президент Российской Федерации. Как следствие, были внесены изменения в социальную сферу государства в целом, так и субъекта Российской Федерации в частности. То есть интерес к данной теме можно обозначить как ситуативный.

Тематика и содержание отобранных для анализа статей позволяет сделать вывод, что словосочетания «социальная работа», «специалист по социальной работе» уступают по распространенности таким категориям как

«социальное обслуживание» и «социальный работник» (См. Таблицу 1.). Это свидетельствует скорее всего о низкой степени осведомленности в целом населения и журналистов в частности о специфике данной сферы, что также может быть интерпретировано как показатель низкого престижа профессии.

Таблица 1

Количество упоминаний единиц анализа в исследуемых статьях

Единица анализа	Количество статей, в которых есть упоминание
Социальная работа	6
Социальный работник	19
Специалист по социальной работе	8
Социальные службы	11
Социальное обслуживание	16
Социальная сфера	6

Очевидно, что деятельность социальных работников представлена более широко, чем профессиональные роли специалистов по социальной работе, которые, «оставаясь в тени», занимаются больше координационной и организационной работой. В то же время велика вероятность отождествления профессиональных ролей социального работника и специалиста по социальной работе, что мы наблюдали в нескольких материалах газеты.

Несмотря на это необходимо отметить, что специалист показывается как высокообразованный сотрудник, который в своей деятельности прибегает к использованию профессиональных приемов и знаний. Можно выделить семантический ряд, описывающий специалистов по социальной работе: «технологии», «функции», «профессионализм», «статус». Эти факты указывают на то, что специалисты показываются как профессионалы, что является важным фактором профессионализации социальной работы в современных условиях.

Также стоит отметить, что в одной из статей описывается работа профессиональной ассоциации специалистов, которая ведёт работу по взаимодействию с органами власти и с общественностью, пытаясь привлечь их внимание к наиболее актуальным проблемам в обществе. Хотя их деятельность мало проанализирована в статье, и плохо раскрыта её сущность, можно отметить важность упоминания этой темы.

Относительно редкое упоминание словосочетания «социальная работа» указывает, по нашему мнению, на затруднение идентификации данной профессиональной деятельности. Зачастую социальная работа позиционируется как синоним социальной сферы. Таким образом, профессия социального работника в материалах Свердловской Областной газеты представлена однобоко: освещается деятельность конкретных учреждений, социальных работников, однако, упускается целостный образ профессии. Поскольку профессию можно рассматривать не только как перечень выполняемых специалистами функций, но и как профессиональное сообщество, определенную теорию, систему ценностей, то такая подача материала формирует искаженное представление о профессии, не способствующее росту престижности данной профессиональной деятельности.

В исследовании мы обратили внимание на контекст, в котором представлена социальная работа, т.к. это может существенно повлиять на формируемый образ профессии.

Наиболее распространенными характеристиками присущими социальной работе являются такие как «тяжелая», «ответственная», «трудная», «сложная». Получается, что социальная работа представляется как сложная профессия с большой нагрузкой на эмоциональное состояние человека. Довольно редко при этом в статьях встречаются попытки охарактеризовать обратную сторону профессии: возможность сделать что-то социально значимое, получить удовлетворение от решения проблемы клиента. Нередко образ профессии формируется под влиянием образа

клиентов: социальная работа довольно часто ассоциируется с пожилыми людьми, социально неблагополучными группами населения, что также способствует формированию специфического образа профессии.

С другой стороны, можно отметить, что СМИ не обходят стороной вопросы профессионализма и профессиональной компетентности социальных работников и специалистов по социальной работе. Как видно из Таблицы 2 частота упоминания профессиональных характеристик довольно высока. По нашему мнению, это положительная тенденция формирования образа профессии, которая несомненно благоприятно влияет на ее развитие.

Таблица 2

Частота упоминания личностных и профессиональных качеств профессионалов социальной работы

Качества социальных работников/специалистов по социальной работе	Количество статей
Профессиональные (высокий уровень образования и культуры, владение профессиональными знаниями и умениями, коммуникабельность, организованность, этичность, работоспособность, самоконтроль)	15
Личностные (доброта, отзывчивость, честность, чистосердечность, милосердие, самопожертвование)	4

Чаще всего в материалах СМИ раскрывается, как работники применяют те или иные технологии в работе с населением, какие функции выполняют. Превалирует описание посреднической деятельности: работники сотрудничают с другими социальными учреждениями (медицинскими, культуры и т.д.) и органами власти. Освещается также организация различных мероприятий, которые в основном направлены на проведение праздников для людей пожилого возраста. Особое внимание уделяется деятельности по сбору средств в пользу той или иной категории населения (в Областной газете говорится о пожилых людях, детях-сиротах и опекунах). Технология фандрайзинга особо популярна у масс-медиа. Печатное

издание высоко оценивает эту деятельность свердловских социальных работников. Указывается, что у них есть большой положительный опыт в организации мероприятий по привлечению средств для решения разных социальных проблем.

Однако, по-прежнему, можно встретить материалы (мы отметили 4 таких публикации из 22), в которых социальные работники представлены лишь как «добрые и заботливые» помощники, самоотверженно пытающиеся решать проблемы клиентов. С одной стороны, это вызывает уважение у окружающих. При низком уровне заработной платы, сотрудник находит в себе силы заботиться о своих клиентах, хотя это и выходит за рамки его компетенций. С другой стороны, это негативно влияет на престижность профессии. Акцентирование внимание на личностных качествах социальных работников, по нашему мнению, может исказить образ профессии, упрощая профессиональную социальную работу до оказания социальных услуг или простого дружеского общения. Несмотря на относительно небольшую долю публикаций такого плана они несомненно оказывают мощное эмоциональное воздействие и влияют на то, каким образом социальная работа воспринимается населением.

В целом проанализированные нами материалы позволяют сделать вывод о противоречивом характере образа профессии социального работника, представленном в материалах Областной газеты. В современных условиях возрастающее влияние СМИ на восприятие и интерпретацию тех или иных феноменов может быть рассмотрено как важный фактор профессионализации социальной работы. Таким образом, можно отметить наиболее остро стоящие проблемы формирования образа профессии социального работника.

Современный этап развития профессии социального работника в России характеризуется рядом особенностей, ключевой из которых выступает специфический образ профессии, сформировавшийся в общественном сознании. СМИ выступают важным инструментом его

формирования, способствуя распространению и закреплению, как показало наше исследование, весьма неоднозначного образа профессии социального работника. Вследствие чего, возможно снижение статуса профессии и работников социальной сферы, а также формирование противоречивого отношения к возможностям социальной работы в решении социальных проблем.

Проведенный контент-анализ показал, что, несмотря на положительную характеристику социальной работы как сферы профессиональной деятельности, публикации СМИ зачастую апеллируют к стереотипам, сложившимся в отношении данной профессии, что, по нашему мнению, не способствует ее развитию.

При имеющихся ресурсах у СМИ возможности увеличения престижа социальной работы являются достаточно высокими. Именно взаимодействие профессионального сообщества с масс-медиа становится актуальным направлением не только для развития социальной работы, но и для повышения её значимости в обществе.

Список литературы:

Профессиональный имидж и престиж социальной работы: монография / под ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: УрФУ, 2011. – 184 с.

Официальный сайт Свердловской областной газеты [Электронный ресурс] – URL: <http://www.oblgazeta.ru/newspaper/> (дата обращения: 01.05.2015).

Ярошевский В. Д. || Певная М. В.

Обучение компьютерной грамотности лиц пожилого возраста как
социальная проблема

Iaroshevskii V.D. || Pevnaya M.V.

Elderly's training of computing skills and Internet communication as a
social problem

Аннотация: статья посвящена рассмотрению практических аспектов организации обучения пожилых людей навыкам работы на компьютере и использованию интернет-технологий в повседневной жизни. Вторичный анализ научных работ позволил авторам выделить ряд проблем пожилых людей, обусловленных их возрастными особенностями, которые влияют на специфику процесса их обучения и условия его реализации. Социальные аспекты этих проблем определяют требования к тем людям, которые это обучение могут осуществлять.

Ключевые слова: обучение пожилых, навыки компьютерной грамотности, компьютерные технологии в повседневности.

Abstract: The article deals with consideration of practical aspects for training elderly people to use computers and the Internet every day. Elderly problems' which have been determined their age have been revealed by authors as a result of the scientific literature review and survey data analysis. This problems influence on the training process and adaptation of the elderly as participants in a course.

Keywords: education of older people, computer skills, computer technology in everyday life.

В условиях все нарастающих темпов научно-технического прогресса важное значение в жизни людей, в их работе, повседневном общении, в обучении и организации досуга, в получении актуальной информации начинают играть компьютерные и Интернет-технологии. Согласно данным ФОМ, в России доля активной аудитории (люди, выходящие в Интернет хотя бы раз за сутки) сейчас составляет 55 % или 63,9 млн человек старше

18 лет [1]. Большинство россиян скачивают в Интернете музыку, ищут информацию, смотрят видео, общаются в социальных сетях, пользуются сервисами обмена информацией и т. д.

Развитие информационных технологий открывает широчайшие горизонты возможностей перед теми, кто умеет правильно пользоваться этими технологиями. Молодое поколение и люди среднего возраста, как правило, не имеют проблем с доступом к компьютерной технике, не сталкиваются со сложностями в использовании Интернет-технологий из-за отсутствия знаний, умений и навыков в этой области и достаточно быстро осваивают все новшества. Совершенно иначе обстоит ситуация с пожилыми людьми.

Федеральной службой государственной статистики в октябре 2013 г. было впервые проведено федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. В результате исследования было выявлено, что наименее активные пользователи Интернета и других современных технологий, в том числе дистанционного получения муниципальных и государственных услуг, – люди пожилого возраста [2].

Согласно статистике GfK Group, интернетом в России пользуются только 25 % людей старше 55 лет [3]. По заключению исследователей, причинами освоения компьютерных технологий и использования Интернета пожилыми людьми, как правило, являются две группы мотивационных факторов: объективная необходимость (профессиональная потребность, необходимость общения, стремление «не отставать»), важная для 33% респондентов, и субъективный выбор (интерес, любопытство), о котором заявили 28 % пользователей серебряного возраста. Практически каждый второй пенсионер (54 %) использует для выхода в Интернет персональный компьютер, 24 % имеет ноутбук, и лишь незначительная часть пожилых людей (12 % и 4 %) освоила планшеты и мобильные гаджеты [4].

Исследователи ФОМ определили, что изобретение Интернета принесло людям больше хорошего, чем плохого – так считают 87 % опрошенных респондентов. Благодаря Интернету люди получили быстрый доступ к полезной информации (60 %), формам развлечения и проведения досуга (8 %), приобрели широкие возможности общения между людьми (31 %), новые возможности для работы и учебы (7 %) [5]. Однако, большинство одиноких и пожилых людей не в состоянии из-за экономических, социальных, психологических проблем самостоятельно осваивать современные технологии, что вынужденно ставит их в ситуацию коммуникационной изоляции и неравного доступа к многим социальным благам.

Проблема неравенства возможностей людей в отношении использования Интернет-технологий и нового медиа-пространства сегодня уже является предметом исследовательского внимания педагогов, социологов, экономистов, практической проблемой маркетологов, специалистов-геронтологов. Успешная адаптация, в том числе к новым формам и видам коммуникации, социализация пожилых людей имеют первостепенное значение для организации их нормальной жизнедеятельности, развития и самореализации.

С точки зрения профессионалов сферы социальной работы, коммуникативные навыки и компьютерная грамотность – это достаточно важный аспект – барьер для социальной эксклюзии людей пожилого возраста [6]. Р. А. Литвак отмечает, что несмотря на увеличение доли пожилых людей в структуре российского общества, их социальная значимость, наоборот, уменьшается, статусные позиции в социальной иерархии понижаются [7]. По нашему мнению, сложившаяся ситуация только осложняется из-за возникшего и усугубляющегося коммуникативного и технологического неравенства разных поколений. Данная социальная проблема требует к себе особого внимания, в частности, необходимость включения государства и общества в активные процессы преодоления этого

неравенства несомненна, а обучение пожилых людей в своем практическом смысле находится в поле социального управления.

В теоретическом плане обучение людей серебряного возраста компьютерной грамотности и навыкам использования сети Интернет может рассматриваться как система взаимодействия, включающая в себя объект обучения, организатора или субъект обучения, процесс обучения (его содержание и технологии) и функционирующая в определенных условиях при наличии ряда ресурсов (экономических, технологических, человеческих и т. д.). В этом случае ситуацию обучения (рис. 1) будет характеризовать процессный характер взаимодействия, двухсторонний тип возникающих коммуникаций, необходимое технологическое и методическое обеспечение. Каждый элемент смоделированной системы, по нашему мнению, обладает определенной спецификой, обусловленной не только особенностями (социо-, био-, антропо-) старшего поколения, но и социальными проблемами окружающих их людей и практик.

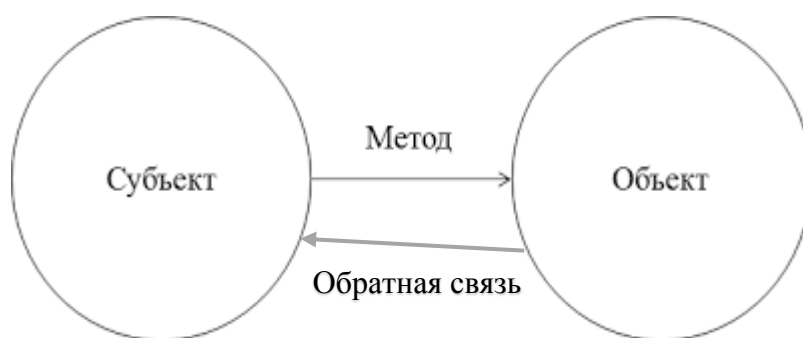

Рис. 1. Процесс обучения как система взаимодействия

Проблема межпоколенного взаимодействия пристально изучается социологами. В ходе анкетного опроса жителей Курской области (№=780, 2010) исследователи выявили, что молодежь и пожилые люди понимают современные проблемы одинаково, но только для их объяснения используют разные слова, что и приводит к недопониманию между поколениями. Одной из основных причин, обостряющих отношения между поколениями, респонденты считают научно-технический прогресс, обуславливающий

технологические различия между поколениями [8]. Таким образом, те люди, кто выступает в качестве педагогов в таких программах и проектах (добровольцы, специалисты по социальной работе, студенты-практиканты и т. д.) должны быть сориентированы на повседневный дискурс пенсионеров, не использовать в общении с ними специфическую терминологию, сленг, незнакомые им слова и выражения.

В современном обществе существует стереотипное представление о трудностях пожилых людей в обучении, восприятии новой информации и ее запоминании. Однако исследования показывают, что различия в способностях обучения между молодыми и пожилыми людьми незначительные и большинство людей в пенсионном возрасте (по крайней мере до 70–75 лет) в значительной мере сохраняют работоспособность, компетентность, интеллектуальный потенциал [9]. Некоторые трудности в обучении связаны с ограничениями здоровья (слабостью зрения, слуха, плохой координацией движений, проблемами с памятью). Это накладывает определенные требования к используемым методикам и технологиям обучения, учитывающим возрастную специфику обучаемых людей.

Для психологического комфорта пожилых людей в ситуации обучения и его результативности А. И. Кукуев рекомендует организаторам делать курсы как можно более короткими, четко формулировать цель обучения и показывать, как они связаны с повседневными потребностями слушателей. Для выработки навыка использования тех или иных технологий, необходимо в процесс обучения встраивать примеры и задания, которые связывают изучаемый материал с ситуациями из повседневной жизни [10].

Долженков С. В. отмечает, что любая система обучения, чтобы быть эффективной, должна учитывать возрастные особенности обучаемых [11]. Так как компьютер в жизни большинства пожилых людей появился совсем недавно, то им очень трудно понять принципы работы с ним, по нашему мнению, не только из-за их возрастных особенностей, но и благодаря тем социально-экономическим изменениям, которые происходят в последние

двадцать лет. Пожилые люди не могут соотнести темпы изменения технических возможностей коммуникации, динамику и логику постоянного совершенствования программного обеспечения с размеренным ходом жизни на пенсии и тем жизненным опытом, в котором не было такого ускорения технического прогресса, обеспечивающего доступность и широкое применение в разных сферах жизни общества технологических инноваций. Именно поэтому процесс обучения следует делать в большей степени практическим и выстраивать его на детальном изучении функций новой техники, на закреплении информации через ее многократное повторение. В то же время общее количество занятий накладывает ограничения на программу обучения. Она должна быть сжатой и максимально эффективной [6].

Рассматривая социально-педагогические аспекты обучения людей пожилого возраста, исследователи выделяют ряд очень важных принципов выбора технологии проведения занятий с пожилыми людьми, на наш взгляд, хорошо учитывающих весь спектр социальных проблем, которые воспроизводят и поддерживают проблему коммуникативного и технологического неравенства людей серебряного возраста [12].

Принцип равенства является первым и самым значимым. Равенство как чувство и ощущение обучаемых формируется не только в организации групповой работы, но и благодаря созданию определенной материальной и социально-психологической среды. Здесь имеет значение все: от расстановки мебели (круг или полукруг вместо рядов) и положения преподавателя (не стоять перед группой, а сесть в круг), до стиля общения (непринужденной беседы, обращения к обучающимся «друзья» и «коллеги»).

Вторым принципом является активность творчества. Он предполагает постоянное обсуждение действий обучаемых и их самостоятельные формулировки этих действий. Задачей образования пожилых людей является не просто передавать знания, а поддерживать их активность в процессе обучения. Наиболее эффективным для этого являются технологии активного

обучения, предпочтительна именно групповая работа 5–9 человек. Активные методы обучения активизируют все потенциальные возможности обучаемого, позволяя ему проявлять свою субъектность в образовании [12].

Третий принцип – принцип личностного подхода определяет требование к субъекту обучения относительно его внимательности к особенностям личности каждого пожилого человека, его индивидуальным особенностям, уровню подготовленности и т. д. Пожилые люди, как правило, это незащитные, легкоранимые, доверчивые люди. Любая неудача, ошибочное представление о чем-либо, обман по отношению к ним со стороны окружающих людей воспринимаются часто как сильнейший стресс, влекущий впоследствии за собой депрессивное состояние, замкнутость, сопровождающиеся нарушением здоровья человека пенсионного возраста [13].

Так как описанная в статье проблема носит глобальный характер, в российском обществе уже начинают запускаться определенные социальные механизмы, работающие на ее системное решение. Обучение пожилых людей – одно из направлений реализации социальной ответственности бизнеса, один из приоритетов государственной социальной политики. При содействии ПАО «Ростелеком» и Пенсионного фонда России была разработана учебная программа «Азбука Интернета» как система качественного обучения граждан старшего поколения и людей с ограниченными возможностями основам работы с компьютером и Интернетом. Специалисты выпустили адаптированный учебник для обучения пенсионеров в специально организованных классах или дома. Сегодня его может скачать в сети и распечатать любой желающий [14].

В целях исполнения Стратегии развития информационного общества Российской Федерации, утвержденной Президентом России, и региональной комплексной программы «Старшее поколение», инициированной Губернатором Свердловской области в 13 муниципальных образованиях нашего региона был реализован проект «Электронный гражданин». 4100

уральцев пенсионного возраста были обучены навыкам работы на компьютере [15].

Обучение компьютерной грамотности лиц пожилого возраста сегодня действительно является проблемой не только определенной возрастной группы, но и российского общества в целом. Внимание к комплексу социальных проблем, сопряженных с особенностями организации обучения пенсионеров компьютерной грамотности, позволит оказывать определенное влияние на преодоление проблем межпоколенного взаимодействия и социальной исключённости пожилых граждан. Как нам кажется, реализация самого процесса обучения и его результативность смогут способствовать некоторому изменению качества жизни старшего поколения.

Библиографический список

Интернет в России: динамика проникновения. Осень 2015 // Фонд Общественное Мнение URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12497> (дата обращения: 22.02.2016).

Готова ли Россия к информационному будущему [Электронный ресурс]. URL: <http://naar.ru/articles/Statisticheskoe-issledovanie-gotova-...> (дата обращения : 22.02.2016).

Аудитория интернета в России превысила 80 млн пользователей [Электронный ресурс] // GfK URL: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-auditorija-interneta-v-rossii-prevysila-80-millionov-polzovatelei/> (дата обращения : 22.02.2016).

Российские пенсионеры уходят в сети [Электронный ресурс] // Центр изучения пенсионной реформы. URL: <http://www.rospens.ru/research/analytics/rossiyskie-pensionery-ukhodyat-v-seti.htm> (дата обращения : 22.02.2016)

О пользе и вреде Интернета, особенностях его использования [Электронный ресурс] // Сайт ФОМ. URL : <http://fom.ru/SMI-i-internet/12494> (дата обращения : 22.02.2016).

Соломатова В. В. Электронно-сетевая социальная работа : реальности, возможности и перспективы / В. В. Соломатова, В. А. Фокин. Сотис. 2008. № 1. С. 69–83.

Литвак Р. А. Использование технологии социальной адаптации в работе с пожилыми людьми в геронтологических центрах / Р. А. Литвак, Т. А. Калугина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 4 (36). С. 170–174.

Земнякова М. А. Специфика проблем в процессе адаптации пожилых людей в современном Российском обществе / М. А. Земнякова, Н. Н. Помуран // Медицина и образование в Сибири. 2014. №3. С. 19–25.

Кошарная Г. Б. Особенности обучения пожилых людей / Г. Б. Кошарная, Е. В. Щанина // Интеграция образования. 2013. №4. С. 5–13.

Кукуев А. И. Методы обучения взрослых: проблема классификации / А. И. Кукуев // Актуальные проблемы дополнительного профессионального образования на юге России. 2008. № 1 (5). С. 31–37.

Долженков С. В. Концепция обучения пожилых людей компьютерной грамотности / С. В. Долженков // Известия Регионального финансово-экономического института. 2014. №3. С. 8–14.

Привалов А. Н. Социально-педагогические аспекты обучения людей пожилого возраста использованию компьютера/ А. Н. Привалов, Ю. И. Богатырева, В. В. Соломатова, А. Н. Шмелев // Современные проблемы науки и образования. 2015. №3. С. 283.

Щенникова С. В. К вопросу об адаптации граждан пожилого возраста и инвалидов к условиям жизни в современном обществе / С. В. Щенникова, Н. Ю. Киселева, Л. С. Тугарова // Альманах современной науки и образования. 2014. №3. С. 192–194.

О проекте [Электронный ресурс] // Азбука интернета. URL : <http://azbukainterneta.ru/> (дата обращения : 22.02.2016).

Пенсионеры уральской столицы осваивают Интернет [Электронный ресурс] // Официальный портал Екатеринбурга. URL:

<https://www.ekburg.ru/news/18/31147-pensionery-uralskoy-stolitsy-osvaivayut-internet/> (дата обращения : 22.02.2016).

ЭКОНОМИКА, ТРУД, ПОТРЕБЛЕНИЕ И БИЗНЕС В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 323

Современная экологическая политика и обеспечение экологической
безопасности на основе анализа мировой практики

Артыкбаева Г. Т.

Modern environmental policy and environmental security, based on the
analysis of international practice

Artikbaeva G.

Аннотация: В статье рассматриваются этапы развития экологической политики, экологические стратегии, позволяющие бороться с промышленным загрязнением окружающей среды, мировой опыт внедрения различных стратегий и проблемы экологической безопасности

Annotation: This article describes the stages of development of environmental policies, environmental strategies to deal with industrial pollution, global experience in implementing various strategies and environmental safety issues

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, СТРАТЕГИЯ БОЛЕЕ ЧИСТОГО ПРОИЗВОДСТВА, БОРЬБА С ЗАГРЯЗНЕНИЕМ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В эпоху глобальных перемен и развития высоких технологий возникла угроза глобальной экологической катастрофы. Такие факторы, как развитие науки и техники, промышленного производства и новейших технологических разработок привело, с одной стороны, к прогрессивному развитию различных сфер жизни, создавая комфортабельные условия жизни, с другой стороны обострило экологическую ситуацию, став причиной истощения природных

ресурсов, повышая риск природных катаклизмов, поставив под угрозу само существование человечества.

Разные авторы в области экологии и экологической политики склоняются к общему мнению о глобальности и комплексности проблем экологии и необходимости разработки междисциплинарных и интернациональных теорий. Современная экологическая ситуация не имеет строго ограниченных границ, она стала трансграничной и международной проблемой.

В таких условиях наиболее актуальной становится проблема реформирования экологической системы и разработки экологической политики государства для развития социально-экономической системы [1].

В исследовании механизмов регулирования и управления экологической деятельности можно использовать опыт различных стран в природоохранной сфере.

При глобальной важности рассматриваемой темы, следует отметить, что до 1960-х гг. экологические проблемы практически не затрагивались. Охраной окружающей среды занимались преимущественно представители естественных наук. В качестве самостоятельного направления в межгосударственных отношениях проблема экологии не выделялась.

Объектом международного внимания экологические проблемы стали на рубеже 1960-70-х гг. Причиной возрастания внимания к проблеме экологии послужили последствия неконтролируемой эксплуатации окружающей среды экономически развитыми государствами, которые первыми столкнулись с результатами собственных разрушительных действий. В этой связи появлялись новые методы и формы преодоления экологического кризиса, борьбы с загрязнением окружающей среды.

Принято выделять следующие этапы борьбы с промышленными загрязнениями:

Начало XX века: рост промышленного загрязнения

1970-1980 гг. стратегия «конца трубы»

Стратегия разбавления

Стратегия фильтрации

Стратегия вторичного использования отходов

1980-1990 гг. – настоящее время: стратегия «начала трубы»

Стратегия «чистого производства»

Стратегия корпоративного экологического менеджмента [2].

Развитие промышленного производства привело к постепенному увеличению антропогенной нагрузки на окружающую среду, которая естественным образом рассеивала поступающие в природу загрязнения.

С начала XX в., в связи с резким ростом производительных сил эти возможности природы были превышены и окружающая среда перестала быть естественным регулятором развития экосистем.

Данный факт привел к развитию технологий «конца трубы», которая считается традиционной технологией решения экологических проблем. Технологии «конца трубы» рассматривают отходы и загрязняющие вещества как неизбежный антропогенный фактор и направляют усилия не на ликвидацию и сокращение загрязнения, а на перемещение его во времени и пространстве [2].

В силу того, что традиционные методы борьбы с загрязнением окружающей среды не могли справиться с растущим уровнем антропогенного воздействия и обеспечить устойчивое развитие, были необходимы принципиально новые методы борьбы, новая стратегия.

В конце 80-х – начале 90-х годов в США на базе положительного опыта перехода предприятий на «лучшие из имеющихся технологий, не требующих чрезмерных затрат» и производства высококачественной продукции и услуг на основе внедрения международных стандартов ISO 9000, устанавливающих требования к системе менеджмента качества была разработана концепция экологически более чистого производства.

Комиссия ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) в 1992 году охарактеризовала экологически чистую стратегию как «непрерывное

приложение комплексной превентивной стратегии охраны окружающей среды к технологическим процессам и продукции с целью снижения риска для здоровья людей и окружающей среды».

Стратегия более чистого производства заключается в разработке мероприятий технического и экономического характера по снижению вредного воздействия на окружающую среду. Цель такой стратегии – создать промышленное производство с минимизацией любых отходов, обеспечивающее предотвращение или локализацию отходов непосредственно в месте их образования [3].

Этот подход впервые начал внедряться в США, начиная с 70-х годов. Истоки данного подхода принадлежат фирме Minnesota Mining and Manufacturing Corporation, которая обеспечила снижение объемов производимых опасных отходов на 50%. Фирма действовала на основе принципа «Pollution Prevention Pays», т.е. предотвращение загрязнения – выгодно, известный теперь как принцип 3R. По этому принципу предотвращать загрязнение окружающей среды выгоднее, чем платить штрафные санкции за это загрязнение [3].

Сегодня название стратегии более чистого производства имеет несколько модификаций: снижение количества отходов, минимизация отходов, ограничение образования отходов, предотвращение загрязнения, более чистая технология, чистая технология и чистое производство [3].

Из США стратегия чистого производства стала распространяться на все промышленно развитые страны, правительства которых активно поддерживают стратегию: сегодня 32 страны имеют утвержденные стандарты на экологически чистую продукцию, 9 стран в процессе внедрения, 15 стран разрабатывают аналогичные стандарты [4].

Стратегия безопасного производства не ограничивается только техническими инновациями, 25% отходов и загрязнений промышленными предприятиями можно избежать с использованием мер, не требующих

капиталовложений, т.е. с помощью организационных мероприятий и рационализации существующей технологии.

Согласно данным ЮНЭП (Программа ООН по окружающей среде), 70% всех отходов и выбросов можно предотвратить за счет применения технически обоснованных и экономически выгодных мероприятий. Реализация стратегии безопасного производства вносит вклад не только в охрану окружающей среды, но и помогает предприятию решать финансовые проблемы. В связи с этим, в мире стратегию более чистого производства называют взаимовыгодной стратегией [4].

Примером создания индустриальной экологии на государственном уровне может служить модель экономики «замкнутого цикла», разработанная в 1999 г в Японии [4]. Разработанная система основывается на сосуществовании экологии и экономики и направлена на то, чтобы меры по защите окружающей среды и эффективному использованию природных ресурсов перестали быть ограничителями и стали бы новым фактором экономического роста страны. Речь идет о встраивании в бизнес-практику мер по сохранению, как окружающей среды, так и природных ресурсов, т.е. создание новой рыночной стоимости продукции и товаров с учетом стоимости мер по сохранению среды и ресурсов. Основу построения экономики «замкнутого цикла» Японии составляет так называемая «политика 3R» – аббревиатура от трех английских слов: сокращение количества отходов, повторное использование частей и компонентов товара, повторное использование остатков продуктов в качестве сырья. На сегодняшний день в рамках этой политики работают предприятия, вырабатывающие 35 видов продукции.

На сегодняшний день все больше стран переходят к использованию стратегии более чистого производства, создаются совместные программы, с помощью использования данной стратегии снижается себестоимость производства, организация бизнеса с учетом использования чистого производства становится более прибыльной.

Охрана окружающей среды в России построена на стратегии конечных технологий, которая основывается на взимании платы за загрязнение. Механизм, основывающийся только на взимании платы за промышленные выбросы, сбросы, отходы и их размещение не стимулирует хозяйственные объекты к сокращению негативного воздействия. Осуществляемые государством экономические преобразования не учитывают экологических факторов, поэтому управление экономикой и охраной окружающей среды осуществляются в отрыве друг от друга. Решением этой проблемы должно быть внедрение стратегии безопасного производства на каждом промышленном предприятии. Опыт многих развитых стран в течение последнего десятилетия показывает, что для определения эффективности экономического развития страны на макроуровне и выбора путей ее дальнейшего развития принципиальным является учет экологических факторов [5].

По нашему мнению, необходимо создать такой механизм управления экологической деятельностью, который через финансово-экономические рычаги воздействия вытеснил бы экологически вредные производства, заменяя их безопасными, стимулировал бы разработку и внедрение новых образцов экологически чистой техники и технологии.

Экономическая политика в области охраны окружающей среды может быть реализована в следующих формах:

- торговля «излишками» сокращения выбросов в атмосферу;
- продажа прав на выбросы;
- государственные дотации, льготные займы на строительство очистных сооружений и приобретение дорогостоящего оборудования;
- прогрессивное налогообложение по мере роста концентрации токсичных отходов в окружающей среде;
- безвозмездная передача фирмам результатов прикладных исследований в области экотехники и экотехнологии, осуществленных Федеральными исследовательскими центрами;

- льготное экологическое страхование;
- экологическое акционирование.

Итак, экологическая и экономическая политика государства тесно взаимосвязаны и требуют работы по учету особенностей в экономическом и экологическом аспектах. Это в свою очередь требует вовлечения всех регионов в работу по борьбе с загрязнением окружающей среды.

Разрешение экологических проблем путем разработки и реализации региональных экологических программ обусловлено следующими причинами:

- остротой и сложностью экологической ситуации в регионах;
- возрастанием антропогенного воздействия на окружающую среду и необходимостью прогноза негативных последствий и принятия предупреждающих мер;
- политическими преобразованиями и увеличением экологического риска в условиях перехода к рыночной экономике;
- повышением значения социального аспекта в развитии экономики.

Проблема экологической безопасности широко обсуждается в современной политической науке. На сегодняшний день можно выделить пять основных подходов к определению экологической безопасности:

- 1) Функциональный подход, в соответствии с которым разрабатываются максимально приемлемые нормы антропогенного воздействия на окружающую среду.
- 2) Системный подход, выраженный в концепции устойчивого развития.
- 3) Ноосферная концепция, в основе которой лежит принцип целостности – единство биосферы и человечества.
- 4) Синергетический подход, рассматривающий безопасность как равновесие системы.
- 5) Деятельностный подход основан на том, что никаких опасностей независимо от человека и его деятельности в природных системах не существует [6].

По нашему мнению, все подходы, так или иначе, отображают действительность и могут помочь в решении многих проблем, связанных с экологической безопасностью государства, считаем эффективным использование преимуществ подходов в совокупности.

В контексте этих подходов различают четыре формы экологической безопасности:

1) экологическая безопасность как социальная цель. В этом случае экологическая безопасность имеет цель устойчивого развития.

2) экологическая безопасность как социальная норма. Экологическая безопасность выступает как социальная ценность, интегрированная в массовое сознание.

3) экологическая безопасность как состояние социальной, технологической и природной систем.

4) экологическая безопасность как социальный институт. Качественное состояние общественных отношений в области природопользования и охраны окружающей среды, выражающееся в политико-правовой защите интересов личности, общества и государства от неблагоприятных воздействий, создающих реальную угрозу здоровью людей и функционированию экосистем [6].

Такая классификация обусловлена тем, что в современной политической науке существует множество определений экологической безопасности, определяющие различные ее стороны. В «Политической энциклопедии» экологическая безопасность определяется как «одно из важнейших направлений обеспечения безопасности человека, связанное с необходимостью восстановления нарушенного баланса взаимодействия человека и природы, гармонизации их сосуществования и рационального использования природных ресурсов» [6].

Выделяют несколько направлений обсуждения проблем экологической безопасности.

Вначале возник алармистский эколого-политический дискурс (начало 1970 – середина 1980-х гг.) В его рамках написаны доклад Фалька «Планета под угрозой» и книга Б. Уорда и Р. Дюбо «Земля только одна». Большой общественный и политический резонанс вызвал доклад Римского клуба «Пределы роста» (1972), подготовленный научным коллективом во главе с Д.Л. Медоузом. Авторы пришли к выводу, что, если тенденции роста численности населения мира, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продуктов питания и истощения ресурсов останутся неизменными, пределы роста на нашей планете будут достигнуты в течение ближайших 100 лет. Наиболее вероятным результатом этого станет внезапное неконтролируемое снижение численности населения и объёма производства. Однако эти тенденции можно изменить и создать условия экономической и экологической стабильности, которая сохранится и в далёком будущем. Поскольку экономическое развитие не может остановиться, оно должно пойти по иному пути, не разрушая окружающую среду. Требуется смена основной экономической парадигмы [6].

Из алармизма вытекают идеи экодиктатуры, основывающиеся на том факте, что экологические ограничения теперь не позволяют рассчитывать на саморегуляцию общества «невидимой рукой» рынка. Решение проблем окружающей среды на основе традиционного принятия решений в условиях либеральной демократии и рыночной экономики становится невозможным. Политические механизмы не работают в автоматическом режиме, и появляется необходимость «ручного управления». «Ручное управление» требуется для перераспределения доходов [6].

С идеей экодиктатуры связана идея о глобальном экологическом управлении как версии мирового правительства. Идею мирового правительства впервые выдвинул И. Кант в трактате «К вечному миру». А.Тойнби указывал на объективный характер процессов, приводящих к отказу от государственного суверенитета, и, что такой отказ может быть только добровольным. Механический перенос принципов управления

государства на глобальный уровень, по мнению А. Тойнби, не имеют успеха [6].

Экологический подход «бизнес как обычно» основан на положении, что для устойчивого развития, прежде всего, необходим, экономический рост. Экономический рост рассматривается основным в этом подходе, так как он обеспечивает финансовые ресурсы для сохранения окружающей среды; он управляет техническим прогрессом, необходимым для замены ограниченных естественных ресурсов деньгами и технологиями; только таким образом можно уничтожить нищету и социальные бедствия, выступающие важнейшими факторами деградации окружающей среды.

Сторонники этого подхода выступают за то, что приватизация земельных, водных и воздушных ресурсов могла бы стать ключом к решению проблем окружающей среды. Отмечается необходимость интеграции развивающихся стран в мировую экономику, глобальную торговлю, движение капитала и технологий [6].

Подход экологической модернизации промышленности предполагает создание новых отраслей промышленности, выпускающих экологически чистую продукцию, средства экологического контроля, очистки, переработки отходов и т.д. Этот подход ориентирован на индустриально развитые страны Запада, где он является средством совмещения охраны окружающей среды с экономическим ростом. Этот подход поддерживается специалистами по экономике окружающей среды, прогрессивными предпринимателями, Всемирным банком и Международным Валютным Фондом. Профсоюзы уделяют внимание на потенциале экологически модернизированной промышленности, а концепция экологической налоговой реформы комбинируется с налоговыми мерами, предназначенными для создания новых рабочих мест.

Экологическая политика начала проводиться в США раньше, чем в других странах, к середине прошлого века. В то время природоохранные вопросы – качества воздуха и воды, а также некоторые другие – находились,

в ведении властей отдельных штатов. Экологическая безопасность рассматривается в США как компонент национальной безопасности. Для обоснования этого подхода американские специалисты приводят ряд доказательств:

1) глобальный экологический кризис представляет такую же опасность, как традиционные военные угрозы.

2) обострение экологической ситуации в различных регионах мира становится причиной социальной и политической нестабильности, межгосударственных противоречий и насильственных конфликтов.

3) тенденция к сокращению внешних силовых угроз национальной безопасности заставляет более четко определить объект несиловых угроз, которые отличаются от такового в традиционной стратегии обеспечения национальной безопасности (национальной суверенитет, целостность и независимость государства) и включает жизненно важные экологические, политические и социальные интересы американского государства и его граждан [6].

XXI век выдвинул перед США новые и сложные экологические задачи и заставил изменить стратегические ориентиры развития. Теперь перед Америкой встала задача преобразования частной цели – охраны окружающей среды на более общую цель – сбалансированного устойчивого развития. Но эту цель развития в американском обществе осознают очень слабо. Уменьшаются массовые экологические движения, усиливаются антиэкологические настроения, появляются мощные группы давления, выступающие против экологических планов и блокирующих расширение регулирующей функции государства в экологической и экономической сфере.

Решение проблем, которые связаны с загрязнением в будущем, обходятся дороже. Убеждать людей в необходимости принятия дополнительных мер по экологической защите становится труднее из-за необходимости новых ассигнований в природоохранную сферу.

Обеспечение экологической безопасности связано с увеличением прямых затрат большей части населения страны (владельцев автотранспортных средств, фермеров и др.). Например, в 2005 г. расходы США на решение проблем экологической безопасности составили 240 млрд. долл., в то время как на оборону было затрачено 200 млрд. долл.

В то же время не более 5% американцев относят экологические проблемы к числу национальных приоритетов.

В США возросло недовольство повышением стоимости экологических затрат и их воздействием на экономику. Промышленность, стремясь сократить свои расходы на экологическое регулирование путем его ослабления. Государство же, лишившись своей опоры, теряет влияние на процесс принятия решений в природоохранной сфере и вынуждено искать новые возможности достижения компромисса со сферой частного бизнеса, позиция которых зависит от их видения своих приоритетных долгосрочных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гатилова А. В. Автореферат диссертации по теме «Теоретические основы управления экологическим фактором в национальной экономике» Томский государственный университет. Томск, 1996 г.

<http://economy-lib.com/teoreticheskie-osnovy-upravleniya-ekologicheskim-faktorom-v-natsionalnoy-ekonomike#ixzz3wctc5Xfd>

2. Пасков В.В., Карамян В.И. Экономика природопользования: учебник. 2015 г. с.65-69

3. В.П. Зволинский, М.Д. Харламова, Д.А. Кривошеин. Экологически безопасные технологии. Учебное пособие. Москва, Изд-во РУДН, 2004

4. Рынок экологически чистых продуктов: зарубежный опыт и перспективы России // «Маркетинг в России и за рубежом» №6. – 2004

<http://dis.ru/library/detail.php?ID=25213>

5. Пронин С.И. Разработка организационно-экономического механизма реализации стратегии более чистого производства на промышленных предприятиях России : Дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 : Москва, 2004 193 с. РГБ ОД, 61:05-8/2169

<http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/razrabotka-organizacionno-jekonomicheskogo-mehanizma-realizacii-strategii-bolee.html>

6. Кочеткова Е.В. Политические проблемы глобальной экологической безопасности: диссертация кандидата политических наук : 23.00.04 / Кочеткова Елена Владимировна; – Москва, 2010.- 155 с.: ил. РГБ ОД, 61 10-23/201

УДК 316.303.7

ББК 88.4

Басимов М.М.

Профессиональные компетенции в рамках
синергетической парадигмы (зависимости с минимумом)

Аннотация: В исследовании по выявлению основных требований к профессии учителя предлагалось 129 параметров оценивающих качества, умения и навыки необходимые в профессиональной деятельности учителя. Было выявлено 193 сильных нелинейных зависимостей. Рассматриваются интерпретации отдельных связей между профессиональными компетенциями в рамках синергетической парадигмы (зависимости с симметричным минимумом).

Ключевые слова: учительская профессия, профессиональные требования, нелинейная зависимость, профессиональные компетенции, синергетический.

Basimov M.M.

Professional competences within the framework
of synergetics paradigm (dependences with a minimum)

Annotation. In the research on revealing of the basic requirements to the teacher's profession were offered 129 parameters (sociological and psychological parts) estimating qualities, skills are necessary for teachers in professional work. It has been revealed 193 strong non-linear dependences. Interpretations of separate dependences are examined between professional competences within the framework of synergetics paradigm (dependences with a symmetric minimum).

Keywords: teacher's profession, professional requirements, non-linear dependence, professional competences, synergetics.

Исследование любых психических явлений будет искусственно крайне упрощено и сужено внешними рамками, если исследователь, изучая многомерное психологическое явление, будет оставаться только в рамках линейных представлений.

Используя авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) в психологических [3, 19] и социологических [8, 22] исследованиях посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [2, 7, 20] для квантильных разбиений (триады, кварты, квинты) данных по каждому измеряемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости (линейная или какой-то конкретный вид нелинейной зависимости), для изучаемой матрицы данных можно определить как формы зависимостей, так и степени их выраженности на различных отрезках шкал рассматриваемых переменных [1, 21].

При реализации данного метода изучения связей вычисляются сравнительные весомости параметров Y для кварт (триад, квинт) по шкалам X (зависимость Y от X) и сравнительные весомости параметров X для кварт (триад, квинт) по шкалам Y (зависимость X от Y).

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [18, 30] апробировалось в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников [5, 9, 16] и подростков (юношей) [4, 10, 15], этнопсихология [11, 24], психология профессий [6, 12], психология доверия [29], психология стресса [13, 14, 23], психология родительства [26, 31], психология обучения [4, 25], измерение ценностных отношений личности «Я-другие» [28], изучение семейного воспитания как фактора формирования смысловой сферы ребенка [27, 32] и т.д.

Линейные зависимости по определению симметричны, для них не важно, что является причиной (независимая переменная), а что следствием (зависимая переменная). Это определяется по воле исследователя, и часто

диктуется интересами исследователя, его концепцией и моделью, его теоретическими доводами, субъективными взглядами на предмет исследования [17]. Корреляционный метод и линейные связи, им выявляемые, не дают возможности выбирать направление связи. Причина и следствие в этом случае равноправны, и могут интерпретироваться произвольно по воле исследователя.

Но именно такие зависимости человек в силу своей обычной исследовательской логики предвидит, формулирует в виде гипотез исследования, логически выводит и ему часто кажется, что других закономерностей просто не существует. А более сложные закономерности психологического или социологического содержания в основном непредсказуемы и требуют экспериментального изучения, дальнейшей аналитической работы, которая не ограничивается линейными представлениями [17].

Линейные зависимости связывают в основном родственные показатели, они легко предсказуемы, а, значит, не представляют большого эвристического интереса для исследователя.

Профессиональные компетенции (качества, умения, навыки и т.д.), необходимые в профессиональной деятельности учителя оценивались по 129 показателям. Полученные результаты (выявленные зависимости с использованием авторского метода позволяют говорить о системе требований к профессии учителя как объекте синергетического изучения (на основе синергетической парадигмы), когда в рамках профиля компетенций рассматриваются прежде всего нелинейные зависимости, а профессиональная компетентность не может рассматриваться как простая сумма (в соответствии с принципом суперпозиции) по отдельности важных и полезных профессионально-важных качеств (компетенций: знаний, умений, навыков, способов деятельности).

Таким образом, необходимо определять (моделировать) различные оптимальные наборы компетенций, когда неизбежным становится отказ от

одних полезных компетенций ради других, и невозможность их одновременного требования (планирование в модели успешного специалиста) на высоком уровне.

Перейдем к подробному рассмотрению двух конкретных нелинейных связей для группы классификации «Зависимости с симметричным минимумом».

1. Зависимость параметра «**Самообладание**» (Y) от параметра «**Знание учебного предмета**» (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

Триады по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для триад
X-3	289
X-2	-34287
X-1	-66

Коэффициент силы связи: 0.70 (0.24)

Коэффициент корреляции: 0.20

Минимальные значения по шкале «Самообладание» (-34287) наблюдаются для среднего уровня по шкале «Знание учебного предмета». При среднем уровне знания учебного предмета показания по шкале «Самообладание» значительно меньше (минимум), чем для низких (-66) и высоких (+289) значений показателя «Знание учебного предмета». Это зависимость морально-личностного качества от теоретических знаний учителя.

Таким образом, профессиональноважное качество «Знание учебного

предмета» в процессе формирования может резко спровоцировать потерю самообладания (до -34287), но дальнейший профессиональный рост, если он будет продолжаться, уже начнет способствовать росту самообладания до значений (+289), комфортных для жизни. Поэтому для самообладания также важно, чтобы профессиональный рост не останавливался в процессе деятельности, а достигал высокого уровня.

Коэффициент силы связи $SV=0.70$. Обратная зависимость, как это обычно бывает для зависимостей далеких от линейных, значительно слабее (коэффициент силы связи = 0.24). Коэффициент линейной корреляции также не представляет интереса для исследователя ($R=0.20$).

Таким образом, как слабое знание учебного предмета, так и высокий уровень знания учебного предмета способствуют, хотя и по-разному, проявлению самообладания у учителя, что важно для профессий «Человек-человек». При средних же показателях знания учебного предмета имеем глубокий минимум по самообладанию, т.е. в процессе перехода от низкого к высокому уровню знания учебного предмета наиболее вероятны скачки самообладания: вначале резкое падение, а потом резкое увеличение до первоначальных значений.

Мы имеем следующую тенденцию: повышение уровня знания вначале способствует внутренним эмоциональным колебаниям, что сказывается на падении показателя самообладания, но в дальнейшем повышение уровня знания учебного предмета способствует восстановлению самообладания до первоначального уровня.

Поэтому также возникает вопрос «Является ли абсолютной ценностью «Знание учебного предмета?», если путь к нему сопровождается резкими скачками (убывание, возрастание) такого важного профессионального качества как самообладание или этот психологический кризис, проявляющийся через бифуркацию, все-таки необходимо преодолевать.

2. Зависимость параметра «**Умение наблюдать и анализировать поведение учащихся**» (Y) от параметра «**Тактичность**» (X) в виде

сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

Триады по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для триад
X-3	1205
X-2	-24935
X-1	-578

Коэффициент силы связи: 0.51 (0.05)

Коэффициент корреляции: 0.14

Минимальные значения по шкале показателя «Умение наблюдать и анализировать поведение учащихся» (-24935) наблюдаются для среднего уровня по шкале «Тактичность». При среднем уровне тактичности пропадает умение наблюдать и анализировать поведение учащихся, оно значительно меньше (минимум), чем для низких (-578) и высоких (+1205) значений показателя «Тактичность».

Это зависимость умения, связанного с организацией жизнедеятельности детей в школе, от профессионально-личностного качества.

Таким образом, профессионально-личностное качество «Тактичность» в процессе формирования может резко спровоцировать потерю умения наблюдать и анализировать поведение учащихся (до -24935), но дальнейший рост тактичности уже начнет способствовать росту умения наблюдать и анализировать поведение учащихся до значений (+1205), что даже несколько выше первоначальных значений (-578). Поэтому для профессионального роста важно, чтобы тактичность педагога была на высоком уровне.

Коэффициент силы связи $SV=0.51$. Обратная зависимость, как это обычно бывает для зависимостей далеких от линейных, крайне слабая (коэффициент силы связи = 0.05). Коэффициент линейной корреляции небольшой по абсолютной величине ($R=0.14$) и интереса не представляет.

Характерной особенностью рассмотренных зависимостей с симметричным минимумом является преодоление тенденции первоначального убывания зависимой переменной на первом этапе (отрицательная корреляция) и резкий подъем зависимой переменной после первого этапа до значений близких к первоначальным.

Таким образом, минимальные значения зависимая переменная принимает при средних значениях независимой переменной. Это можно характеризовать как эффект разряженности и резкого изменения (бифуркации) складывающейся поначалу простой и легко интерпретируемой зависимости – убывающая функция, которая в точке минимума сменяется на возрастающую функцию.

На языке линейных корреляций обратная зависимость переходит в точке минимума в прямую. В этом случае линейные аппроксимации могут привести к упрощенному и ошибочному пониманию изучаемого явления.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

Библиографический список

1. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.
2. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.
3. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. – 432 с.

4. Басимов М.М. Изучение психологической типологии школьников по фактору успеваемости (на примере школы-гимназии N57) – Москва-Курган: каф. психологии труда и инженерной психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, Курганский гос. ун-т, 2004. – 432 с.

5. Басимов М.М. Изучение психологической типологии дошкольников по фактору усвоения образовательных программ ЦРР – Курган: Курганский гос. ун-т, 2005. – 176 с.

6. Басимов М.М. Типология университетских (педагогических) специальностей (методы построения, основные результаты) – Москва-Курган: Изд-ва Московского пед. гос. ун-та и Курганского гос. ун-та, 1999. – 496 с.

7. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.

8. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.

9. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы "Развитие" // Мир психологии. – 2007. – №2. – С. 83-93.

10. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. – 2007. – №4. – С. 142-158.

11. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. – 2009. – №2. – С. 209-222.

12. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 54-57.

13. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. –

2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 57-61.

14. Басимов М.М. Стресс как явление нелинейной психологии. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – 43 с.

15. Басимов М.М. Синергетические подходы в образовательной работе со старшеклассниками (учебно-методическое пособие Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – 53 с.

16. Басимов М.М. Синергетические подходы в образовательной работе с дошкольниками учебно-методическое пособие Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – 40 с.

17. Басимов М.М. А.А.Навальный в нелинейной структуре политических предпочтений студентов и тривиальность линейной картины в политической социологии // Вестник Курганского государственного университета. – Серия «Гуманитарные науки». – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – Вып. 10. № 4(35). С. 7-12.

18. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185p.

19. Basimov M.M. Analysis of different form statistical dependence in psychological research (nontraditional methods). Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2008.

20. Basimov M.M. Methods of multiple comparison in psychological research. Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2008.

21. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research. Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009. 170 p.

22. Basimov M.M. Non-linearity sociology. Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2011. 112 p.

23. Basimov M.M., Dostovalov S.G. Stress as a phenomena of non-linear psychology / The 11th European Congress of Psychology ECP09, Oslo, Norway 7-10 July 2009 / Abstracts, Poster Sessions: Oslo, 2009. – P. 184.

24. Basimov M.M., Khromov A.B. Typology of dependences between parameters of relations to vital difficulties and problems in various ethnic groups / The 11th European Congress of Psychology ECP09, Oslo, Norway 7-10 July 2009 / Abstracts, Poster Sessions: Oslo, 2009. – P. 801.

25. Basimov M.M. Nonlinearity – the paradigm of pedagogical psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 568.

26. Basimov M.M., Padurina E.A. Positive parental feelings in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1297.

27. Basimov M.M., Ilinykh Y.V. Formation of semantic sphere of the child in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1311.

28. Basimov M.M., Nikolaeva I.A. Graphic representations of valuable relations of the person "I-OTHERS" as the object of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1438.

29. Basimov M.M., Dostovalov S.G. Studying of the personality trust crisis in the context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1439.

30. M.Basimov The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). – Volume 47, Supplement 1, 2012. – P. 666.

31. M.Basimov, E.Padurina Non-linear influence of the gnostic emotional orientations on parental feelings // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). – Volume 47, Supplement 1, 2012. – P. 403.

32. M.Basimov, Y.Ilinykh Non-linear effects in interaction “child-parent” // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). – Volume 47, Supplement 1, 2012. – P. 261.

Батырова Н.Т.

**Перспективы развития сельского хозяйства в Казахстане через
интегрированные структуры**

Batyrova N.T.

**Prospects for the development of agriculture in Kazakhstan through
integrated structures**

Аннотация: В настоящее время кризис в аграрном секторе особенно сказывается на механизации процессов производства. Одной из важнейших задач стабилизации, а затем и роста технического обеспечения агропромышленного комплекса является развитие агросервисных структур, способного повсеместно стать интенсивным производителем сельхозпродукции, надежным партнером сельчан при выращивании и переработке сельскохозяйственных культур. В ходе исследования предложены эффективные пути технического оснащения аграрного производства ЮКО.

Annotation. Presently a crisis in an agrarian sector especially affects on mechanization of processes of production. One of major tasks of stabilizing, and then and height of hardware of agroindustrial complex there is development of agroservice structures, capable everywhere to become the intensive producer of agricultural produce, reliable partner of peasants at growing and processing of agricultural cultures. The effective ways of technical equipment of agrarian production of the South-Kazakhstan area offer during research.

Ключевые слова: экономика, рынок, сельское хозяйство, производство, техника, обеспечение, развитие, совершенствование, продукция, эффективность, качество, государственная поддержка.

Keywords: economy, market, agriculture, manufacturing, engineering, maintenance, development, improvement, production efficiency, quality, state support.

Сдерживающими факторами развития аграрного производства ЮКО является низкий уровень интенсификации, связанный с несовершенством обновления и использования технической и технологической базы, значительный износ действующего парка сельскохозяйственных машин, высокие цены на новую технику.

Рынок лизинга в области развивается стремительными темпами. Наиболее многообещающими и перспективными представляются лизинговые компании, учредителями которых являются банки. Эти компании имеют доступ к банковскому капиталу.

В основном такие компании обслуживают банк-учредитель и его корпоративных клиентов, и только небольшой процент их деятельности приходится на долю клиентов извне. Перспективы в будущем, в большей степени зависят от того, насколько устойчиво положение банка - учредителя компании. Лизинговые компании, созданные банками, имеют широкий спектр оборудования, передаваемого по договору лизинга.

Уровень ставок вознаграждения, которые предлагаются услугами лизинговых компаний, определяется спецификой создания отечественных лизинговых компаний. Поскольку большинство из них являются дочерними структурами банков второго уровня, естественно, они используют ресурсы, привлеченные в этих банках. Таким образом, ставка вознаграждения по лизингу у этих компаний складывается из стоимости привлеченных банком ресурсов (как правило, депозиты) плюс маржа самого банка плюс маржа лизинговой компании. Поэтому ставка вознаграждения лизинговых компаний, аффилированных с банками (таких как БТА Лизинг, Центр Лизинг, АТФ Лизинг, Темир Лизинг и т.д.) в настоящий момент составляет в среднем 13-20% годовых. При этом срок лизинга составляет до 5 лет, размер авансового взноса до передачи предмета лизинга лизингополучателю составляет 20-30% от стоимости предмета лизинга [1, 99с.].

Значительную долю на рынке лизинга составляют компании, создаваемые с участием местной администрации (фондов поддержки

предпринимательства и др.) и финансируемые из средств муниципального бюджета под низкие проценты. Эти компании создаются для реализации финансовых проектов, определенных планами муниципального развития.

Для улучшения технического обеспечения сельских товаропроизводителей области в городе Шымкенте организовано государственное коммунальное предприятие «Жардем», которому из областного бюджета в 2012 году было выделено 150 млн. тенге. На эту сумму, через победителя тендера на поставку новой сельскохозяйственной техники - ТОО «МТЗ Азия-сервис», были закуплены и поставлены 84 колесных тракторов МТЗ-80. Приобретенную технику ГКП «Жардем» реализовал на длительный срок на основе лизинга сельхозтоваропроизводителям области [2, 194с.].

С целью охвата всех регионов Казахстана, нуждающихся в обновлении технических ресурсов, создано 12 областных филиалов и представительств. За период своего существования. По состоянию на 1 октября 2014 г. общество стало одной из самых крупных лизинговых компаний с размером активов свыше 20 млрд. тенге. Всего им инвестировано в сельское хозяйство республики 25,2 млрд. тенге. В настоящее время компания насчитывает порядка 700 заёмщиков и более 1250 договоров, при этом размещено в лизинг более 5 300 единиц сельскохозяйственной техники [3, 4с.].

В 2013 году АО «КазАгроФинанс» приняло участие в реализации Государственной агропродовольственной программы ЮКО на 2013-2015 годы, в части обеспечения создания и финансирования МТС, как сервис-центров ПТО, с выделением на эти цели средств из республиканского бюджета. МТС предназначены для оказания сельхозтоваропроизводителям услуги по возделыванию сельскохозяйственных культур, по ремонту, техническому, сервисному и гарантийному обслуживанию, по реализации сельскохозяйственной техники, оборудования и запасных частей.

АО «КазАгроФинанс» является не только крупной лизинговой компанией в области, оно еще является «локомотивом» продвижения

лизинговых отношений в Республике. АО «КазАгроФинанс» является полноценным финансовым институтом и настоящим партнером для финансирования поступательного развития всего аграрного сектора ЮКО. Одновременно поэтапно реализуется стратегия роста инвестиционной привлекательности компании для потенциальных инвесторов и кредиторов.

Компания «КазАгроФинанс» использует финансовые ресурсы, предоставляемые государством в лице Правительства Республики Казахстан, что позволяет сделать лизинговые услуги компании максимально доступными для всех форм хозяйствующих субъектов. В настоящее время компания оказывает лизинговые услуги при ставке вознаграждения до 5% годовых при сроке лизинга до 7 лет и размере авансового взноса 20% от стоимости предмета лизинговых услуг. Данная ставка вознаграждения является обоснованной и базируется заявкой на проведение лизинговых сделок в виде сублизинга. Это минимальный размер ставки вознаграждения, учитывающий интересы лизингодателей и лизингополучателей.

Сельхозтоваропроизводителями всех форм собственности ЮКО в 2010-2014 гг. за счет средств областного бюджета было получено 406 единиц сельскохозяйственной техники и запасных частей на сумму 10 млн.тенге (табл. 1).

Однако, несмотря на систематическое обновление технических ресурсов ЮКО, проблема нехватки сельхозтехники остается особенно актуальной проблемой.

В сложившейся кризисной ситуации выход видится в организации сервисных систем ПТО, способных взять на себя выполнение возрастающих объемов ремонтных и механизированных работ и других видов услуг ПТО, обеспечивая тем самым выживание отечественного сельхозтоваропроизводителя.

Таблица 1 – Динамика приобретения сельхозтехники на основе лизинга по Южно-Казахстанской области

Наименование сельхозтехники	Поступление сельхозтехники на основе лизинговых услуг по годам, единиц					
	2010	2011	2012	2013	2014	2010-2014
Зерноуб. комбайны	2	2	11	8	7	30
Хлопкоуб. комбайны		-	8*	4	8	20
Тракторы колесные	1	1	56	2	2	233
Тракторы гусенич.	7	13*	(15**)	7	0	25
Сеялки	2	1	2*	5	4	25
Плуги тракторные		2	*			
Прицепы тракторные	1	1	3*	4	5	14
Культиваторы			*			
Всего	5	1	-	9	1	37
Запасные части					1	
	3	-	10	3	5	21
			**			
	6	-	13	3	4	26
			**			
	3	1	10	6	6	406
	6	40	3	3	4	
						10
						млн.тенге

Примечание – материалы Департамента сельского хозяйства ЮКО. 2014г [59].

активизировать работу по созданию агропромышленных объединений с

предприятиями пищевой и перерабатывающей промышленности, баз хранения, торговых организаций, транспорта, техсервиса, инвесторами других отраслей народного хозяйства;

интегрировать экономически крепкие сельскохозяйственные предприятия со слабыми;

укрепить финансово-хозяйственную базу созданных МТС - на основе расширения ими производственной деятельности, предоставления услуг ПТО;

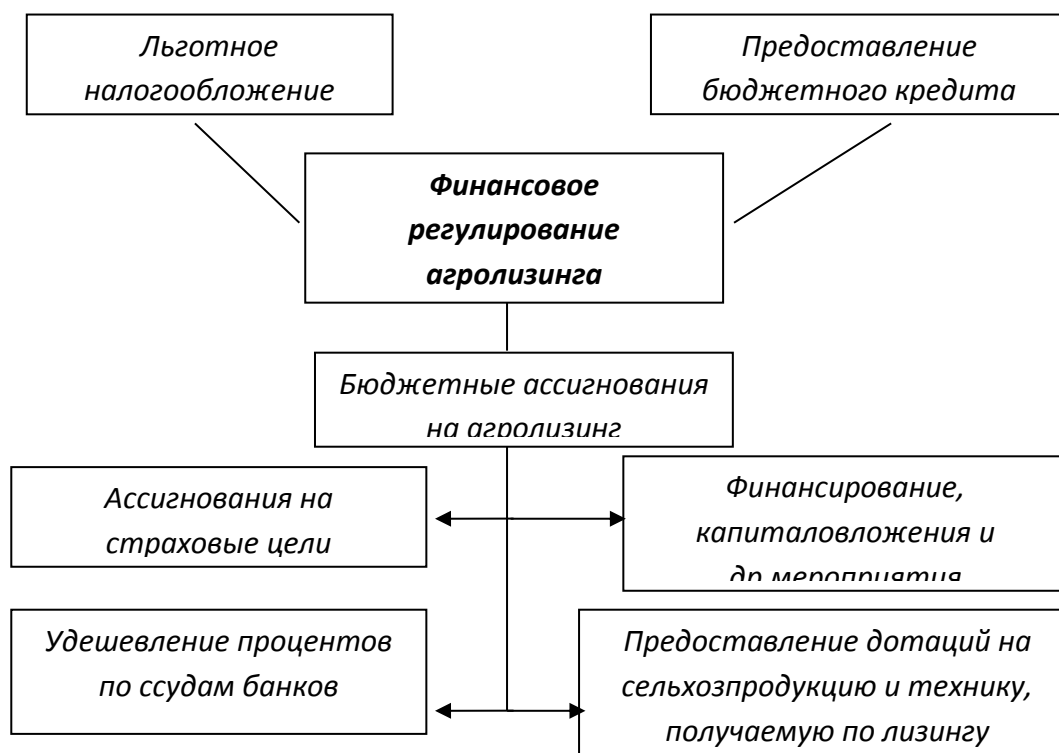
обеспечить стимулирование крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйств населения.

Не менее важным фактором в регулировании агролизинговых услуг является финансово-кредитный механизм. Государственная и местная политика в отношении лизингового бизнеса сводится к непосредственному инвестированию проектов. Схема основных форм финансового регулирования агролизинга представлена на рисунке 1.

В условиях привлечения заемных средств эффективность лизинга зависит от возможности получения банковских кредитов, колебаний ссудного процента. Резкое удорожание кредита может снизить рентабельность лизинговых услуг.

В целях этого программного обеспечения агролизинга необходимо осуществить следующие принципы:

- создать в ЮКО структурные подразделения, постоянно занимающиеся координацией лизинга, определить объекты и субъекты лизинга, оказать государственную поддержку лизинговым фирмам;

Примечание - Составлено автором на основе отечественного и зарубежного опыта

Рисунок 1 - Механизм финансового регулирования агролизинга

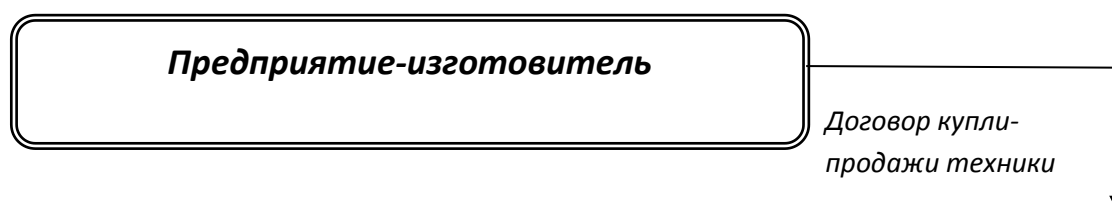
- обучить высококвалифицированные кадры и организовать в вузах обучение специалистов по лизингу, в том числе со стажировкой в странах, где использование лизинга наиболее развито и рентабельно;
- разработать на основе зарубежного опыта типовую нормативно-методическую документацию для создания лизинговых фирм и заключения лизинговых сделок;
- создать регулярные ассоциации лизинговых фирм, банков и предприятий, осуществляющие лизинг;
- регулярно проводить семинары, организовывать курсы переподготовки специалистов по лизингу;
- активно использовать потенциал отечественных производителей сельскохозяйственной техники.

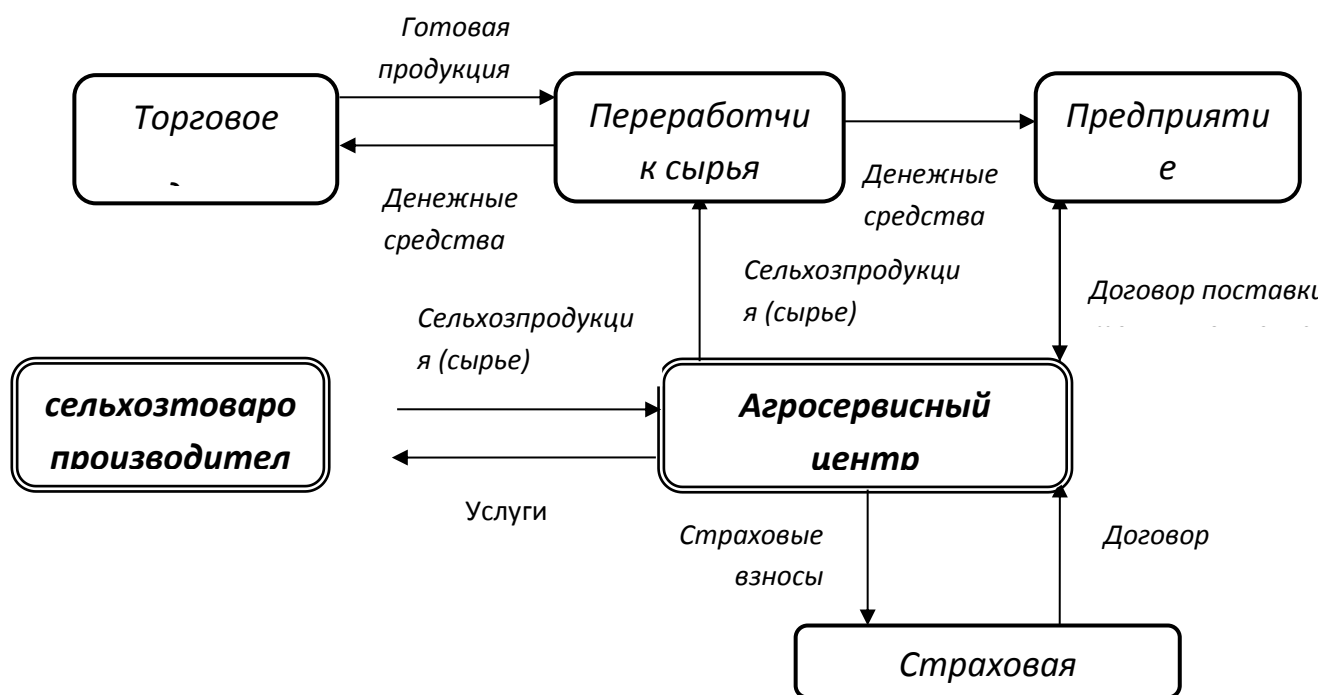
Таким образом, услуги по передаче техники по агролизингу - одна из

наиболее эффективных мер государственной поддержки АПК и машиностроительных заводов-изготовителей.

Восстановлению и наращиванию технического потенциала агросервисных структур препятствует неудовлетворительное финансовое состояние хозяйствующих субъектов, несвоевременная оплата оказанных агросервисным центром услуг производственно-технического обслуживания, которые обусловили необходимость совершенствования элементов финансового механизма агролизинга. Многие агросервисные структуры испытывают проблемы со сбытом услуг производственно-технического обслуживания сельхозтоваропроизводителям по ценам, позволяющим выплачивать лизинговые платежи [4, 53с.].

Мы предлагаем активнее работать над возмещением лизинговых платежей посредством натуральной формы расчета. Нами предложено создать при лизинговых компаниях с участием агросервисного центра специальные структуры по сбыту сельхозпродукции. У сельхозтоваропроизводителя появляется надежный канал сбыта произведенной продукции, у агросервисного центра возможность своевременно вносить лизинговые платежи, а лизинговой компании возможен дополнительный источник дохода (рис.2)

Примечание – Разработан автором на основе проведенного исследования

Рисунок 2 - Перспективная схема лизинга через интегрированные структуры

За редким исключением в агропромышленном комплексе используют такие преимущества лизинговых операций, в сравнении с обычной покупкой, как возмещение стоимости лизингового имущества натуральной продукцией, произведенной с использованием объекта лизинга. Нами предложена следующая схема организации лизинговых отношений в звене «лизингодатель - лизингополучатель - сельхозтоваропроизводитель». В качестве лизингодателя выступают предприятия-изготовители сельскохозяйственной техники, а в качестве лизингополучателя выступает агросервисные предприятия (МТС, холдинги и пр.). Лизингодателем может выступать эффективный собственник, например, в лице крупного хозяйствующего субъекта агропромышленного комплекса (агроконцерн, агроконсорциум, агрофирма, крупное перерабатывающее предприятие, др.).

Данные структуры, заботясь о своих сырьевых зонах, способны приобретать необходимую технику для внедрения прогрессивных технологий на базе хозяйств-поставщиков сырья — своих партнеров по интеграции. Головная компания приобретает необходимую технику и оборудование и передает их в лизинг своим дочерним предприятиям-сырьевикам. Лизинг может быть в этом случае как оперативным, так и финансовым (с полным сроком амортизации). Особенностью данной схемы является то, что лизингополучатели возмещают лизинговые платежи не в денежной форме, а в виде сельскохозяйственной продукции, которую они отправляют на перерабатывающие предприятия по интеграционной цепочке.

Цена поставляемой сельхозпродукции отражается в договоре. Здесь наблюдаются взаимовыгодные условия трех основных сторон: лизингодателя – продажа своей техники на выгодных условиях; Агросервисного центра – получение прибыли, посредством востребования услуг ПТО на полном цикле производства сельхозпродукции; сельхозтоваропроизводителя – предоставление качественных услуг обслуживания и гарантированный сбыт произведенной продукции по выгодным ценам, заранее предусмотренных по договору. В качестве предприятий интеграторов могут выступать как государственные, так и частные структуры. Ритмичность лизинговых платежей должна определяться продолжительностью цикла производства готовой сельхозпродукции и его сезонностью.

Такая схема отношений агролизинга применима и в интегрированных структурах ЮКО. В силу сложившейся в АПК экономической ситуации главными интеграторами выступают перерабатывающие предприятия, которые в условиях кризиса и последовавшего хронического спада производства сырья вынуждены диверсифицировать свое производство и развивать производственную базу для регулярного получения сырья необходимого качества и объема. Интеграторы в целях более жесткого контроля за использованием денежных средств берут под свое управление ПТО сельскохозяйственного производства.

Таким образом в целях совершенствования механизма государственной поддержки, касающиеся технического обеспечения ПТО в агросекторе путем развития агролизинга нами осуществлены следующие задачи:

- соединение в единую цепочку производителя и потребителя технических средств при помощи агросервиса ПТО;
- изменение агролизинговых предпринимательских структур, позволяющих осуществить рыночную переориентацию технического оснащения, поэтапно развить лизинговую инфраструктуру технического обеспечения агросервисных структур ПТО.

Список литературы

Аксаев А. Условия устойчивого развития аграрной сферы экономики //АПК: экономика, управление. –Алматы, 2002. -№6. –С.14

Сыдык Д.А. Научная основа посевной системы Южно-Казахстанской области //Вестник сельскохозяйственной науки Казахстана. – Алматы, 2005. -№17. -С.29-33

Нурманов Б.Н. Материально-техническое обеспечение и обслуживание крестьянских (фермерских) хозяйств в районном АПК //Проблемы агрорынка. –Алматы, 2005. -№ 3. -С.82

Шаимбетов К.Ш. Производство и организация рынка сельскохозяйственной техники //Проблемы агрорынка. – Алматы, 2004. -№4. -С.38

УДК 336

UDC 336

Ж. Бексултан, М.А. Кулбаева

Ипотечное кредитование в Республике Казахстан

Zh. Beksultan, M.A. Kulbaeva

Mortgage lending in the Republic of Kazakhstan

Во всем мире ипотечное кредитование развивается и функционирует как форма долгосрочного финансирования жилищных программ. В этой статье рассматриваются все аспекты ипотечного кредитования в республике Казахстан. Многообразие всех рассмотренных в статье факторов является основой для образования различных вариантов организации ипотечного кредитования в Казахстане, формируя свою систему ипотечного кредитования, исходя из особенностей своего развития.

Worldwide mortgages develops and functions as a form of long-term financing of housing programs. This article discusses all aspects of mortgage lending in the Republic of Kazakhstan. A variety of factors discussed in the article is the basis for the formation of the various options for mortgage lending in Kazakhstan, creating a system of mortgage lending based on the characteristics of the development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ипотека, инфляция, кредит, жилье

KEYWORDS: mortgages, inflation, credit, housing

На сегодня во всем мире ипотечное кредитование развивается и функционирует как форма долгосрочного финансирования жилищных программ. Ипотечное кредитование, с одной стороны, способствует решению ряда социальных и экономических проблем страны, и, прежде всего, проблемы обеспечения жильем, с другой – снижению инфляции, оттягивая на себя временно свободные денежные средства граждан и предприятий.

На развитие ипотечного кредитования в любой стране оказывают влияние следующие факторы:

1. Политические факторы – общая стабильность общественной системы; предсказуемость или непредсказуемость политических режимов; наличие или отсутствие внешней угрозы военной или экономической экспансии других государств.

2. Правовые факторы определяются общим состоянием правовой среды общества. При этом ключевое влияние на развитие ипотеки оказывает способность правовой среды защищать отношения собственности, и прежде всего на объекты недвижимости; обеспечение законных способов наложения взыскания и отчуждения имущества, являющегося объектом залога; наличие или отсутствие четкой системы регистрации недвижимости, а также регистрации залога. Успешное развитие ипотеки возможно лишь при выделении специального блока законов и постановлений, регламентирующих содержание и порядок осуществления ипотечных операций их участниками.

3. Экономические факторы – общее развитие кредитно-финансового рынка и рынка ценных бумаг, твердость валюты и уровень инфляции, платежеспособность населения, определяющая общий масштаб и динамику рынка недвижимости; развитие системы страхования экономических рисков, связанных с ипотекой. При этом для нормального развития ипотеки необходимым является страхование самих объектов недвижимости, жизни заемщиков и выдаваемых ему кредитов, а также страхование ликвидности и доходности ценных бумаг, обеспеченных закладными на недвижимость.

4. Исторические условия и факторы – традиции накопления средств или их отсутствие, а также отношение населения к кредиту; особенности истории формирования земельного строя.

Многообразие всех рассмотренных выше факторов является основой для образования различных вариантов организации ипотечного кредитования. Казахстан формирует свою систему ипотечного кредитования, исходя из особенностей своего развития.

Опыт развитых стран показывает, что ипотечный бизнес имеет успех там, где органы государственной власти обеспечивают банкам выгодность

ипотечного кредитования по сравнению с другими видами банковской деятельности и доступность кредитов для населения. Основными направлениями содействия органов государственной власти становлению и развитию ипотеки являются:

- защита интересов вкладчиков, заемщиков и кредиторов через разработку и реализацию нормативных актов, методических и инструктивных материалов;

- снижение рисков кредиторов через правительственные (органы местной власти) гарантии и систему страхования;

- субсидирование целевых сберегательных счетов, предназначенных на приобретение недвижимости, ее реконструкцию, ремонт;

- освобождение от налогов доходов по вкладам на целевые сберегательные счета;

- безвозмездные государственные взносы на эти счета в пропорциях к величине сбережений вкладчиков;

- оплата части процентной ставки по ипотечному кредиту;

- вычет из суммы, облагаемой подоходным налогом, выплат процентов по ипотечному кредиту;

- оплата полностью или частично первоначального взноса, т. е. заемщику предоставляется сумма безвозмездно или по очень низкой по сравнению с кредитной ставкой.

Современная государственная жилищная политика сегодня наряду с прежней ориентацией на нужды социально не защищенных групп населения делает новый акцент на решении жилищных проблем основной части работающего населения, располагающего средними доходами, накоплениями и имеющими жилье в собственности в результате бесплатной приватизации.

Ежегодно в Казахстане сдаются в эксплуатацию миллионы квадратных метров жилья, часть из которых идет на продажу по ипотечному кредитованию. В своем Послании Глава государства Н. А. Назарбаев одним из важных направлений развития страны определил обеспечение

казахстанцев доступным жильем, – «Государство будет строить социальное арендное жилье и предоставлять его населению в долгосрочную аренду с правом выкупа. Предоставление жилья напрямую, без посредников и под максимально низкие проценты за кредит, позволит снизить стоимость его приобретения. Отсутствие первоначального взноса и низкие проценты за ипотеку сделают жилье более доступным для широких слоев казахстанцев. Поэтому дополнительно увеличим финансирование строительства арендного жилья на сумму 180 миллиардов тенге в течение 2015-2016 годов» [1]. Молодым семьям в рамках данной программы ежегодно по республике будет выделяться по 3 тысячи квартир.

В рамках программы «Доступное жилье – 2020» молодой семье предоставлена возможность получить новое жилье, а не просто купить квартиру на вторичном рынке жилья. Стоимость таких квартир будет значительно ниже, чем на вторичном рынке. Арендное жилье для молодых семей будет соответствовать третьему и четвертому классам уровня комфортности.

Начало развитию ипотечного кредитования в Казахстане было заложено Указом Президента Республики Казахстан, имеющим силу Закона от 23 декабря 1995 г. N 2723 «Об ипотеке недвижимого имущества».

Сегодня жилищное строительство – одно из приоритетных направлений Стратегии развития Казахстана до 2030 года, которое является одной из наиболее важных задач общенационального характера.

Банкиры признаются: во всем мире ипотека – недешевый продукт. Получить и погасить ипотечный кредит в Казахстане – действительно дорогое удовольствие.

В настоящее время разработано множество типов ипотечных кредитов, различающихся в зависимости от схем выдачи и погашения. Каждый из типов находит применение в странах с развитой экономикой.

Рынок кредитования недвижимости в Казахстане находится на этапе бурного развития. Ставки по кредитам стали гораздо ниже, чем они были

пять лет назад. Казахстанская ипотечная компания осуществляет свою деятельность в 13 регионах Республики Казахстан. Объем выданных ипотечных кредитов по Программе ипотечного кредитования КИК на конец 2002 года превысил 1 млрд. тенге. КИК первой среди стран СНГ выпустила и разместила ипотечные облигации на общую сумму 500 млн. тенге сроком обращения три года. В ходе реализации госпрограммы в нее были внесены изменения, предусматривающие увеличение объемов строительства жилья за три года с 12 млн. кв. метров до 15,8 млн. кв. метров.

Ипотека в Казахстане стала дешевле на 1,5%. Средняя ставка по ипотеке за последние полгода снизилась на 1,5%. Если в декабре 2013 она составляла 14,6%, то в июле 2014 - 13,3%. Такие данные приводит Ассоциация финансистов.

Согласно данным Национального Банка Республики Казахстан на конец августа 2014 года, отечественными банками было выдано 914 978 млн тенге ипотечных кредитов [2].

В общем объеме всех кредитов, выданных банками второго уровня (далее БВУ) в Казахстане, ипотека составляет около 7,5%. Относительно июля 2014 года (934 590 млн. тенге) портфель ипотечных займов снизился на 2%, в то же время относительно декабря 2013 года (882 458 млн тенге) вырос на 4%. Снижение портфеля ипотечных займов происходит за счет уменьшения ссудного портфеля ипотеки в иностранной валюте. Так, если в июле 2014 года в иностранной валюте размер выданных кредитов составлял 196 403 млн тенге, то в августе этот показатель снизился до 168 938 млн тенге.

В то же время, несмотря на февральскую девальвацию тенге, спрос населения на ипотеку в 2014 году относительно второго полугодия 2013 года оживился.

Наиболее активными городами в оформлении ипотеки являются Алматы – 286,5 млрд. тенге (31%) и Астана – 169,2 млрд. тенге (18%). Среди областей лидируют Восточно-Казахстанская – 63,6 млрд. тенге (7%),

Карагандинская – 60,9 млрд. тенге (6,7%) и Южно-Казахстанская – 46 млрд. тенге (5%). Средневзвешенная ставка вознаграждения по ипотечным займам в национальной валюте в августе 2014 года относительно декабря 2013 года выросла на 0,1% и составила 11%, в иностранной валюте выросла на 0,2%, до 13% [3].

К сильным сторонам госпрограммы относятся стимулирование роста темпов жилищного строительства, создание условий, повышающих привлекательность жилищного строительства для инвестиций, создание механизма кредитования МИО для строительства жилья, построенного за счет средств, выделяемых из республиканского бюджета на возвратной основе местным исполнительным органам областей, городов Астана и Алматы, с последующей реализацией приоритетным категориям граждан, использование инструментов ипотечного кредитования системы жилищных строительных сбережений, системы гарантирования ипотечных кредитов, выданных на покупку жилья, построенного за счет средств, выделяемых из республиканского бюджета на возвратной основе местным исполнительным органам областей, городов Астана и Алматы, возобновление строительства коммунального жилья и улучшение жилищных условий около 290 тыс. семей (прогноз).

Вместе с тем слабыми сторонами госпрограммы являются непропорциональное в разрезе регионов распределение кредитов на строительство жилья, продолжающийся рост цен на коммерческое жилье, опережение и превышение спроса на жилье над предложением, неучтенность альтернативных механизмов жилищного строительства, таких как жилищно-строительные кооперативы и государственно-частное партнерство, практически неучастие системы сберегательных строительных сбережений в реализации госпрограммы и отставание развития строительной индустрии.

Казахстанская банковская ипотека расценивается государством, по всей видимости, как один из приемлемых способов решения жилищных проблем.

Согласно данным статистического бюллетеня Национального банка, объем ипотечных кредитов, выданных банками за девять лет, увеличился в 8,7 раза и к концу 2013 года достиг суммы в 863,8 миллиарда тенге.

Сегодня на ипотечном рынке Казахстана наблюдается снижение процента по кредиту и увеличение срока его выдачи.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- ипотека как инструмент, позволяющий людям приобретать свои дома, для многих это единственный реальный способ купить жилье в собственность;

- сам рынок недвижимости в Казахстане перегрет. Это связано с особенностями ведения бизнеса и отсутствием фондового рынка как инструмента вложения свободных средств;

- цена на недвижимость в ближайшее время должна снизиться из-за снижения доходов населения, а значит, сокращения потребительского спроса на жилье. Но упадет ли она наполовину или на 20 процентов, как упал тенге, сказать пока невозможно, так как сам рынок очень консервативен.

Литература:

1. Послание Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева народу Казахстана. 11 ноября 2014 г.
2. Статистический бюллетень Национального банка
3. Статистический ежегодник Казахстана. Алматы – 2013

Стратегии поведения безработных на рынке труда г. Абакан

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы безработицы в современном трансформирующемся обществе в условиях экономического кризиса. Проанализирован рынок труда г. Абакана и выявлено несоответствие по профессиям свободных вакансий и желающих найти работу. Также было проведено пилотажное исследование на тему «Стратегии поведения безработных на рынке труда г. Абакан» и выявлены факторы, влияющие на выбор той или иной стратегии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: БЕЗРАБОТИЦА, БЕЗРАБОТНЫЙ, РЫНОК ТРУДА, СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ.

Безработица является движущим фактором, который запускает внутренние социальные процессы, ведущие к формированию новой модели поведения индивида в трудовой сфере. Ситуация на рынке труда оказывает влияние на развитие социально-экономических процессов, а также определяет их интенсивность.

Большой интерес к изучению экономического поведения безработных детерминирован тем, что представители данной группы являются инструментом, позволяющим предсказать результаты различных трансформаций на рынке труда. Действия людей, их реакции, мнения, планы очень важно учитывать при решении или предотвращении проблем на пути стратегического развития нашей страны. От того насколько адекватно будет протекать процесс адаптации безработных к современным, жестким (в плане конкурентоспособности) и постоянно изменяющимся условиям экономических отношений и институтов, особенно в условиях экономического кризиса будет зависеть эффективность преобразований.

Тот или иной выбор принимаемый безработным, касающийся конкретного экономического решения, обусловлен, прежде всего, целью, направляющей его действия, которой он придерживается при поиске подходящей работы в сфере трудовых отношений относительно длительное

время. Эта цель определяет причины и ориентиры трудовой деятельности, выбор типа занятости и конкретного рабочего места и находит свое отражение в стратегиях экономического поведения.

Поведенческие стратегии (как элементы жизненных стратегий) складываются в результате влияния различных, активно изменяющихся факторов, действующих как изнутри – внутренний мир индивида (ценности, установки, мотивы и др.), так и извне – общество в целом, и в частности – рынок труда. По словам С.А. Петуновой и В.В. Смирнова: «Выбор той или иной стратегии поведения зависит от личностных качеств человека, его установок, ориентаций и опыта субъективной активности. Стратегии поведения являются различными вариантами процесса адаптации». [Петунова С. А., Смирнов В. В. Личность безработного на рынке труда // Аудит и финансовый анализ. – 2011. - № 2. – С. 3].

Поэтому важным условием принятия эффективных управленческих решений по воздействию на рынок труда является способность прогнозировать и воздействовать на стратегии экономического поведения безработных.

Благодаря изучению целей и стратегий экономического поведения безработных появляется возможность создать некие модели трудовой мотивации, способные побудить индивида к определенным действиям, которые в будущем могут стать основой успешного трудоустройства.

На состояние современного рынка труда в России за последние годы большое воздействие оказывают политические события и экономические явления как внутри страны, так и за ее пределами (события на Украине; санкции Запада; присоединение Крыма; рост цен; сохраняющаяся инфляция; низкий уровень жизни большинства населения; стагнация экономики; остающиеся стабильно высокими уровни безработицы населения и коррупции и взяточничества властей). Все эти изменения отражаются на состоянии рынка труда в России и в дальнейшем требуют от соискателей приспособляться к новым условиям. Поэтому характер динамики

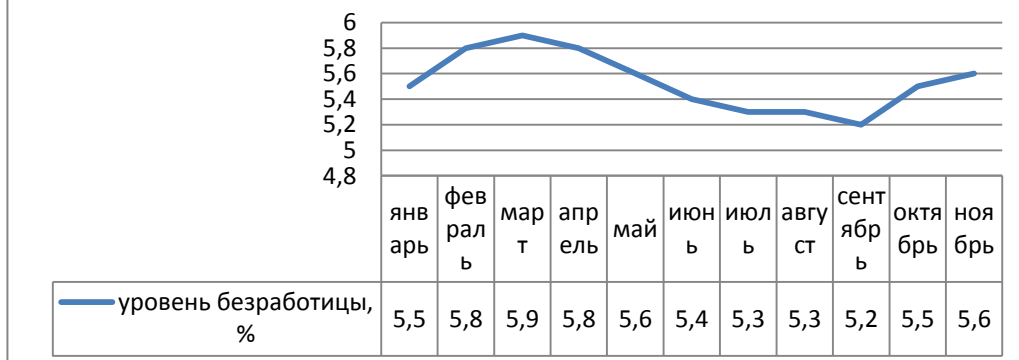
занятости во многом зависит от адаптационного потенциала рабочей силы. На рынке труда постоянно идет жесткий отбор наиболее способных, компетентных и предприимчивых работников, стимулирующий высококвалифицированный труд и способствующий созданию тесной взаимосвязи между вкладом и результатом каждого индивида.

Таким образом, человек на рынке труда должен обладать такими способностями, знаниями, умениями и навыками, профессиональными и личностными качествами, которые отвечали бы актуальным потребностям общества и позволили бы составить конкуренцию другим соискателям при поиске работы.

По данным государственной статистики Росстата, уровень безработицы (отношение численности безработных к численности экономически активного населения) в России на начало 2015 года составил 5,5 %, (без исключения сезонного фактора), что на 0,1 меньше по состоянию на январь 2014 (5,6%), но важно отметить, что в течение года, наблюдалась скачкообразная динамика роста и спада коэффициентов – рост с 5,5% до 5,9% (январь-март), спад с 5,9% до 5,2% (март – сентябрь) и снова рост с 5,2% до 5,6% (сентябрь-ноябрь) [http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/36.htm]. (см. График №1)

График №1

Коэффициенты безработицы в России в период январь-ноябрь 2015 года, %

Наиболее востребованными профессиями в России в 2014-2015 г. являются: высококвалифицированные мастера, работающие руками: электрики, сварщики, фрезеровщики, электромеханики и тому подобные профессии; инженеры разной направленности; программисты; высший и средний медицинский персонал (востребованный не только в своей профессии, но и в смежных сферах). Отдельная категория – те, кто востребован всегда: специалисты по продажам (независимо от их уровня); операторы call-центров, которые отвечают за коммуникацию с клиентом; бухгалтеры разных категорий; водители частного и корпоративного транспорта; в сфере логистики – секретари и помощники руководителей.

Все данные свидетельствуют о том, что проблемы безработицы в стране не только продолжают существовать, но и время от времени обостряются, под влиянием различных факторов в связи с кризисной ситуацией в стране.

Как же обстоит ситуация на рынке труда отдельного города одного из субъектов страны, например, в г. Абакане?

Абакан является столицей Республики Хакасия. По данным территориального органа федеральной службы госстатистики по РХ, в Абакане проживает свыше 177 тыс. человек. Это третья часть населения Республики Хакасия. В городе сосредоточено 60 процентов предприятий

малого бизнеса всей республики. В столице Хакасии оборот крупных и средних организаций за девять месяцев 2015 года составил 99,3% к аналогичному уровню 2014 года.

За 9 месяцев 2015 года службой занятости зарегистрировано 1 480 безработных, что к аналогичному уровню 2014 года составило 174,3%. По официальным данным государственного комитета по занятости населения РХ за последние три месяца (октябрь, ноябрь, декабрь 2015 года), уровень безработицы в городе Абакане составляет 1,8 % (с небольшими колебаниями + 0,01%) от экономически активного населения, численность которого – 84,4 тыс. человек. [Государственный комитет по занятости населения республики Хакасия [Электронный ресурс], URL: <http://zankhakasia.ru>].

Наиболее реальной и обобщающей в плане обеспечения государственной политики занятости является деятельность государственной службы занятости (Федеральной службы по труду и занятости населения).

Изучая статистику вакансий, представленную отделом ЦЗН в г. Абакане [Государственный комитет по занятости населения республики Хакасия [Электронный ресурс], URL: <http://zankhakasia.ru>], было выявлено, что наиболее востребованными на рынке труда являются: медицинский персонал (высший и средний), технические профессии, а также рабочие. (Таблица №1)

Таблица №1

«Востребованные профессии в г. Абакане по официальным данным государственной службы занятости населения»

	Название профессии (специальности)	Количество актуальных вакансий
.	Врач (специализация по разным направлениям)	66

.	Электрик	42
.	Медицинская сестра	31
.	Рабочий	23
.	Специалист (по кадрам, архивист, 1 категории, помощник)	22
.	Повар	21
.	Машинист	20
.	Инженер (по разным отраслям)	17
.	Слесарь	13

А это значит, что городу в первую очередь требуются высококвалифицированные специалисты, имеющие высшее медицинское образование, а также специалисты, имеющие техническое (высшее/среднее специальное) образование. Соответствует ли предложение рабочей силы представленному спросу?

Из размещенных на сайте центра занятости резюме по г. Абакан [<http://zankhakasia.ru/goskomzanyatosti/rabotodatel/resumepoisk.aspx>], за период публикации с 06.08.15 по 07.10.15 видно, что большинство соискателей являются представителями таких профессий как: бухгалтер, юрист, инженер, экономист и делопроизводитель. Большинство имеет высшее профессиональное образование, стаж работы. (См. Таблица №2)

Таблица №2

«Профессии соискателей, формирующих предложение на рынке труда
г. Абакана, по официальным данным государственной службы занятости
населения»

	Название профессии (специальности)	Количество предложений (резюме)	Средний возраст (лет)	Образование
.	Бухгалтер	16	30	Высшее профессиональное
.	Юрист	13	25	Высшее профессиональное
	Инженер (по разным отраслям)	10	32	Высшее профессиональное
	Специалист (по кадрам, помощник)	9	30	Высшее профессиональное
.	Экономист	6	25	Высшее профессиональное
	Секретарь	6	30	Высшее профессиональное
	Водитель	4	35	Среднее профессиональное
.	Менеджер	4	25	Высшее профессиональное
	Воспитатель	3	25	Высшее профессиональное
	Машинист	3	24	Среднее

0	т			профессиональное
---	---	--	--	------------------

Таким образом, изучая спрос и предложение рынка труда, используя данные отдела ЦЗН по г. Абакану, наблюдается несоответствие по профессиям свободных вакансий и желающих найти работу. Из приведенного нами списка девяти наиболее востребованных профессий, всего 3 заявлены в резюме (Инженер (10); специалист – кадровик/архивист/1-й категории (9); машинист (3)). Это говорит о том, что рынок труда переполнен представителями одних профессий, имеющих в предложении, и нуждается совершенно в других. Исключение составляют машинисты, инженеры и специалисты – кадровики/архивисты/1-й категории. То есть, спрос не соответствует предложению, что способствует росту безработицы.

Данную проблему должны решать не только представители власти, но и сами безработные в первую очередь. Для того чтобы узнать, каких стратегий поведения придерживаются безработные города Абакана, каких стратегий больше, адаптивных или неадаптивных, и соответствуют ли они требованиям рынка труда, нам потребуется провести социологическое исследование.

Нами было проведено пилотажное исследование. Всего в опросе приняли участие 45 респондентов. Мы использовали несплошной метод статистического исследования в центре занятости населения г. Абакана. Для данного опроса использовалась стихийная выборка. То есть люди, которые пришли в центр занятости в определенный день. Метод сбора данных для пилотажа – индивидуальное анкетирование. Сроки проведения: 14.12.15-18.12.15. Объектом исследования выступили безработные, зарегистрированные в службе занятости г. Абакана. Предмет исследования – стратегии безработных, зарегистрированных на бирже труда г. Абакана. Цель: выявление типов стратегий поведения безработных, зарегистрированных на бирже труда г. Абакана. Анкета включала в себя следующие вопросы: причины потери работы и обращения в службу

занятости; инструменты поиска работы; период незанятости; основные причины, осложняющие трудоустройство; требования, предъявляемые к работе; ориентация на освоение новой специальности, переквалификации, открытия своего дела; социально-демографический блок.

По результатам исследования, мы выявили, что в целом, у большинства опрошенных преобладают адаптивные формы поведения (адаптивные стратегии): активный поиск работы с помощью использования 3 и более инструментов для поиска работы, готовность к переквалификации и смене профессии, готовность работать с понижением социального положения, а также отметили наличие нескольких типов стратегий поведения безработных – это «стабильные», «профессионалы», «кормильцы», «выпускники» и «универсалы». Важно отметить, что было довольно сложно определить границы данных типов, и отнести безработных строго к какому-либо конкретному типу.

Основные факторы, оказывающие влияние на выбор той или иной стратегии – это ценностные факторы (ценность семьи; ценность специальности; трудовые мотивации), биографические факторы – наличие/отсутствие семьи, а также социально-демографические, а именно возраст.

Особенностью рынка труда г. Абакана является то, что в данном городе преобладают безработные со стратегиями поведения «стабильные» и «профессионалы», отличающиеся высокой профессиональной мотивацией и приверженностью к своей специальности.

В будущем планируется продолжение изучения данной темы, более углубленное изучение литературы по данной теме (поиск более свежей литературы, похожих исследований и т.п.), а также доработка программы социологического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Государственный комитет по занятости населения республики Хакасия [Электронный ресурс], URL: <http://zankhakasia.ru> (Дата обращения: 1-15. 12. 15).

Петунова С. А., Смирнов В. В. Личность безработного на рынке труда// Аудит и финансовый анализ. – 2011. - № 2. – С. 0-13.

Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс], URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156. (Дата обращения: 1-15. 12. 15.)

Аннотация: в статье рассмотрены ключевые особенности развития рекламы в международном аспекте, выявлены современные тенденции развития рекламной индустрии, проведена оценка ситуации на рынке рекламы России, проанализированы примеры рекламной деятельности международных компаний на российском рынке.

Summary: this paper is dedicated to the key features of the advertising development in the international field, the main tendencies of the advertising development are revealed, the Russian advertising market is investigated and some cases from the international companies are considered.

Ключевые слова: реклама, рынок рекламы в России, реклама международных компаний, тенденции развития рынка рекламы.

Key words: advertising, Russian advertising market, the international companies advertising, the tendencies of advertising market development.

Развитие рекламы привело к тому, что вся рекламная деятельность трансформировалась в особый социальный институт, который обеспечивает общественную потребность в рекламных услугах. Производственную основу этого института составляет комплекс деятельности, который принято определять понятием «индустрия рекламы» [7]. Данное понятие стало формироваться в современной экономике с приобретением рекламной деятельностью массового характера. Таким образом рекламная деятельность приобрела черты индустрии и отделилась в отдельную отрасль экономики, которая выделяет рекламу как продукт экономической деятельности и обеспечивает потребность общества в различных рекламных услугах.

Современная рекламная индустрия вкладывает в основу функционирования производство рекламных продуктов и услуг. Организацию производства в рамках рекламной индустрии составляют: развитие специализации и взаимодействие предприятий, обеспечение оптимальной концентрации производства на основе сочетания крупных, средних и малых предприятий, создание отраслевой инфраструктуры, а также система обслуживания рекламных предприятий.

Характерными чертами структурной завершенности рекламной деятельности, благодаря которым реклама рассматривается как индустриальная система, являются развитие рекламных предприятий разного типа, которые производят комплексный рекламный продукт и/или оказывают только рекламные услуги, становление широкого профессионального сообщества, а также вовлеченность в рекламный процесс различных субъектов экономического взаимодействия.

В настоящее время в связи с переходом к новому технико-экономическому укладу, в рекламной индустрии ярко проявляются черты и элементы новой экономики, интерактивного типа. В первую очередь к таким элементом является реклама в Интернете, которая носит уникальный инверсионный характер. Понятие «сетевая реклама» подразумевает рекламные действия, реализуемые с помощью международной глобальной сети Интернет, а также с использованием локальных или иных Интранет-сетей [1, с. 280].

На данный момент сложились три наиболее распространенных типа использования Интернета в качестве рекламного канала:

- Размещение рекламной информации на вебсайтах;
- Привлечение посетителей на вебсайт рекламодателя;
- Поиск потребителей товаров и услуг среди аудитории Интернета.

Выбор того или иного типа интернет-рекламы, конкретных рекламных носителей и их форматов зависит от целей рекламной кампании, технических возможностей и ряда других параметров.

По оценкам специалистов, во всем мире продолжает развиваться интерактивная экономика, что говорит о потенциально благоприятной ситуации на рынке рекламы в ближайшем будущем [2].

В целом, на данный момент выделяют пять основных тенденций развития рекламной индустрии [7].

Во-первых, современному рынку рекламы присуща общая тенденция всей мировой экономики — глобализация. Данный процесс обусловлен целым рядом факторов, таких как: активная деятельность транснациональных компаний в глобальном масштабе; возрастание процессов концентрации и монополизации; ускоренное развитие глобальных медиа и глобального информационного обмена; взаимопроникновение различных культур, внедрение единых культурных стандартов, и другие.

Деятельность транснациональных и международных компаний на глобальном рынке, в свою очередь, обусловила процессы интеграции. Прежде всего, это проявилось в расширении производственных и технологических связей, совместном использовании ресурсов, создании благоприятных условий для экономической деятельности, снятия взаимных барьеров. Эти процессы привели к тому, что бренды, продвигаемые транснациональными компаниями стали лидерами мирового рынка потребительских товаров, оборот которых равен бюджетам многих государств. Ведущие глобальные рекламодатели лидируют на рынках многих стран мира, а их расходы на рекламу составляют значительную часть национальных рынков рекламы.

Во-вторых, концентрация. Высокий уровень конкуренции на современном рынке стал причиной концентрации его субъектов путем слияния и поглощения. В результате происходит повышение экономической эффективности, так как они сопровождаются сокращением параллельных структур (административных, исследовательских и организационных). Выгоды от слияния для субъектов индустрии рекламы проявляются в следующем:

- уменьшение внутриотраслевой конкуренции и усиление позиций на конкретном рынке;
- сокращение издержек за счет объединения подразделений с одинаковыми функциями;
- увеличение стоимости объединяющихся компаний;
- усиление экономической мощи с помощью привлечения новых финансовых механизмов, получения доступа к источникам информации и так далее.

В-третьих, одной из важных особенностей современного рекламного рынка стало развитие глобальной сети рекламных агентств. Причиной данному явлению является то, что реклама стала транснациональной, соответственно рекламные агентства — международными. В целях разделения рисков, повышения эффективности и оптимизации системы регулирования формируются новые формы организации, координации деятельности и межорганизационного взаимодействия, которые получили название «сетей».

В-четвертых, для современного рынка рекламы характерен процесс поглощения крупными рекламными агентствами малых и образование холдингов. Это позволяет рекламным холдингам минимизировать издержки и предоставлять широкий спектр рекламных услуг. Сейчас практически все крупнейшие рекламные агентства являются сетевыми и входят в глобальные рекламные холдинги. Тесное, долговременное сотрудничество с клиентом, сложившиеся традиции адаптации рекламных кампаний к местным условиям и отслеживания их эффективности делают связи сетевых рекламных агентств и компаний, с которыми они сотрудничают, достаточно прочными.

В-пятых, одну из тенденций современного рынка рекламы выражает понятие «диверсификация». Данный процесс обусловлен усилением конкуренции на рынке и усложнением рекламной деятельности. Диверсификация позволяет субъектам рекламного рынка выступать в нескольких сегментах рынка и страхует на случай непредвиденного

ухудшения конъюнктуры на одном из них и помогает быстро приспособиваться к изменениям. Диверсификация в рекламном бизнесе получила широкое развитие, благодаря этому значительно повысилась гибкость бизнеса и появилась возможность комплексного удовлетворения разнообразного спроса на рекламные услуги.

Таким образом, состояние рынка рекламы напрямую зависит от общеэкономической ситуации в стране и в мире в целом, поэтому иногда рекламную активность на рынке рассматривают в качестве своеобразного индикатора экономики.

Большинство западных аналитиков рынка сходятся во мнении, что процессы глобализации западной рекламной индустрии обусловлены стремлением рекламных агентств, во-первых, расширить число клиентов, во-вторых, предложить им более широкий спектр услуг, используя для этого новые возможности, в-третьих, снизить операционные расходы, что не всегда получается и, в-четвертых, укрепить позиции на разных сегментах рынка. Это в свою очередь гарантирует стабильный рост продаж в долгосрочной перспективе.

Вместе с тем существует и обратная сторона укрупнения агентств. Проблема в том, что крупные рекламодатели, такие как Procter&Gamble, не желают работать с агентствами, обслуживающими их конкурентов. Объединившимся группам приходится идти на некоторые уловки, позволяя своим агентствам работать независимо и даже конкурировать между собой. И это ограничивает процесс глобализации.

В Европе и Америке независимые рекламные агентства нашли альтернативный вариант глобализации - объединение в сети без слияния бюджетов и создания единой системы менеджмента.

На Западе просматривается и обратная тенденция, когда опытные специалисты сетевых агентств создают свои локальные агентства или бюро и удачно конкурируют с сетевыми агентствами при обслуживании крупных локальных клиентов

Анализируя ситуацию на рекламном рынке, стоит отметить, что до сентября 2008 года российский рекламный рынок был одним из самых быстрорастущих в мире, однако из-за экономического кризиса многие рекламодатели существенно сократили свои маркетинговые бюджеты или вовсе отказались от рекламы, что повлекло за собой сначала резкий спад на рекламном рынке, а затем стагнацию, которая продолжалась весь 2009 год. При этом последствия кризиса затронули абсолютно все основные сегменты рекламной индустрии — меньше всего пострадал Интернет, больше всего — печатные СМИ. Начиная с 2010 года, российский рекламный рынок возобновил рост и постепенно вернулся к докризисным показателям. Так, по оценке АКАР за 2012 год, общие расходы на рекламу увеличились сразу на 17%, до 218,6 млрд. руб., прирост показали абсолютно все медиа сегменты. Максимальный рост был зафиксирован для рекламы в кинотеатрах и внутри помещений, минимальный в прессе [3].

Уже к 2015 году рост рекламного рынка в России постепенно снизился из-за нестабильной экономической ситуации в стране и падении рубля. Общие расходы на рекламу уменьшились на 14%, до 292,9 млрд. руб. без НДС, как было сказано из отчета Group M, управляющая всеми медиа агентствами коммуникационного холдинга WPP [4]. Отрицательная динамика наблюдалась на всех медиасегментах, кроме интернета, доходы которого увеличились, только благодаря контекстной рекламе. В январе—июне, по оценке АКАР, объем рекламного рынка снизился на 16%, до 137,4–137,9 млрд. руб. [3].

По мнению Group M, в 2016 году на Российском рынке будет наблюдаться небольшой рост — общие расходы на рекламу увеличатся на 1%, до 297 млрд. руб. На фоне предполагаемого роста, в минусе по-прежнему будут операторы наружной рекламы и издатели (подробнее см. таблицу 1).

Таблица 1 - Расходы на рекламу в России 2015-2016 гг. [4]

Медиа	Прогнозируемые доходы от рекламы, млрд руб.		Изменение к предыдущему году, %	
	2015 год	2016 год	2015 год	2016 год
Телевидение	132,25	137,54	-17	4
Радио	13,60	14,01	-20	3
Пресса	23,10	20,36	-30	-12
в том числе газеты	6,26	5,66	-23	-10
журналы и рекламно-информационные издания	16,84	14,70	-33	-13
Наружная реклама	30,73	28,85	-24	-6
Интернет	89,60	92,60	6	3
в том числе медийная реклама	16,55	15,45	-13	-7
контекстная реклама	73,05	77,15	12	6
Indoor-реклама	2,84	2,86	-31	1
Реклама в кинотеатрах	0,76	0,79	-27	4
Всего	292,88	297,004	-14	1

Согласно отчету международной коммуникационной сети Zenith Optimedia, глобальные расходы на рекламу по итогам этого года так же вырастут на 4%, достигнув \$554 млрд. Zenith Optimedia ожидает, что в 2015 году вклад развитых рекламных рынков (Северной Америки, Западной Европы и Японии) в рост глобального рекламного рынка превысит «отдачу» от развивающихся стран, впервые с 2006 года. Однако, это временное явление, уже в 2016 году развивающиеся рынки вновь отберут пальму первенства у развитых, увеличив свою долю в общемировых рекламных инвестициях с 37,4% в 2015 г. до 38,8% в 2017 г. [5]

В 2016 году, по прогнозам ZenithOptimedia, рост глобального рекламного рынка составит 5%. Этому будут способствовать летние Олимпийские игры в Рио-де-Жанейро и президентские выборы в США. В 2017 году динамика роста вновь немного снизится и составит 4,4%.

Снижение цен на нефть негативным образом сказывается на развитии экономики в целом и рекламного рынка, в частности, в нефтедобывающих

странах. Zenith Optimedia прогнозирует двукратное снижение динамики роста рекламных рынков Азербайджана, Нигерии, ОАЭ, Кувейта и Саудовской Аравии. На китайский рынок оказывают негативное влияние потрясения на фондовом рынке а также снижение общеэкономического роста. Рост китайского рекламного рынка снизится с 10,5% в 2014 г. до 7,8% в 2015. Однако эта динамика роста все равно будет вдвое превышать динамику мирового рынка в целом.

В мире существует множество транснациональных и международных корпораций, которые распространяют свою продукцию по всему миру. Любая международная компания заинтересованная в распространении информации о своих товарах и услугах в тех странах, где у них находятся каналы сбыта. Для данных компаний существенную роль в маркетинговых операциях играет реклама, которая может влиять на эффективность и прибыльность.

Управление рекламной деятельностью является комплексом целенаправленных действий рекламодателя совместно с производителями и распространителями рекламы по регулированию рыночной устойчивости организации. При этом используются рекламные кампании с учетом влияния тенденций и закономерностей потребительского и рекламного рынков, включающая организацию и управление процессом планирования, разработку и производство рекламных средств, доведение рекламных сообщений до целевой аудитории и контроль эффективности рекламы [6].

При организации рекламной кампании международной фирме необходимо принять решение в таких вопросах, как:

- уровень специализации рекламы в зависимости от особенности страны;
- централизация или децентрализация в управлении рекламной деятельностью;
- использование услуг рекламных агентств, международных и национальных;

- использование средств массовой информации для размещения рекламы.

Многие корпорации придерживаются стратегии стандартизации рекламного и маркетингового менеджмента. Например, такие транснациональные компании, как «ПепсиКо» и «Мак-Доналдс» многие годы придерживаются данной стратегии. Им удалось создать имидж совершенно неповторимых, высококачественных продуктов, используя одно название продукта, одинаковый дизайн рекламы и лозунга.

Другие компании придерживаются другой рекламной стратегии, где во главу угла ставится рекламирование продукта средствами и методами, соответствующие в первую очередь национальным особенностям потребительской аудитории.

С 90-е годы в многие большие фирмы избрали идею рекламирования по принципу: планировать глобально, – действовать локально. За основу в этом случае принимается реклама-образец. Большинство менеджеров-рекламистов убеждаются в том, что существует глобальная тенденция к стандартизации рекламы. Это объясняется все большим совпадением мотивационного поведения покупателей, живущих в разных странах. Однако существует вероятность возникновения ситуации, когда один и тот же товар приобретается по разным мотивам. И здесь имеет значение реклама, отражающая различия в мотивах покупателей разных стран, при этом сама реклама преподносится в модернизированном виде [8].

Важнейшей причиной обращения многих международных корпораций – к проблеме стандартизированной рекламы для большого числа стран служит фактор экономии средств. Это достигается при условии, когда организации удается на основе серьезных маркетинговых исследований провести сегментацию своего рынка, которая состоит из двух видов:

- сегментация в пределах одной страны;
- глобальная маркетинговая сегментация (выявление идентичных сегментов в группе стран).

Сегментация рынка международных компаний-производителей позволяет не только стандартизировать, но и использовать рекламу более эффективно.

Основными барьерами эффективной коммуникации с потребителями стран, в которые международная компания экспортирует свои товары, являются языковые ограничения. Ошибки в переводе могут оказаться не только курьезными, но и достаточно серьезными, в результате чего реклама просто будет неправильно понята.

Часто возникает проблема адаптации к культуре страны. Для рекламиста-менеджера, разрабатывающего рекламу для той или иной страны, крайне важно знать культурные аспекты страны и значение символики. Рекламист должен обладать знаниями о них, чтобы сделать эффективную рекламу.

Реклама представляет собой связующее звено рынка, распространяя информацию о товарах, об условиях их покупки и потребления. Она участвует в формировании товарного предложения со стороны производителя и в выявлении степени полезности этого предложения для определенного сегмента или широких потребительских масс.

Список использованных источников:

Менеджмент рекламы [Текст]: Учеб. пособие/Ю.В. Гусаров. –М.: ЗАО «Издательство «Экономика». - 2012. – 527 с.

Современные технологии коммерческой рекламы [Текст]: практическое пособие / П. А. Кузнецов. - М.: Дашков и К. - 2013. - 296 с.

Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.marketing.spb.ru/> (Дата обращения: 5.11.2015).

Global media investment management group «GroupM» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.groupm.com/> (Дата обращения: 5.11.2015).

The ROI Agency «ZenithOptimedia» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zenithoptimedia.ru/> (Дата обращения: 5.11.2015).

Образовательный сервис Refleader [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://refleader.ru/> (Дата обращения: 10.11.2015).

Информационно – справочный портал « Индустрия рекламы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adindustry.ru/> (Дата обращения: 30.10.2015).

НДП «Альянс Медиа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adbusiness.ru/> (Дата обращения: 25.11.2015).

УДК 37.016:336

ББК 65.261p+74.448.02

Болтянская, Т.О.

Дидактическое обеспечение формирования
финансово-экономического мышления студентов

Boltyanskaya, T.

Didactic ensuring formation
financial and economic thinking of students

Аннотация. В статье исследуются проблемы, связанные с формированием финансово-экономического мышления студентов. Автором предложены критерии для диагностики формирования финансово-экономического мышления. В работе представлен опыт использования деятельностного подхода к решению ситуативных задач с опорой на их жизненный опыт. Использование ситуативных задач, по мнению автора, является эффективным средством диагностики.

Abstract: The article examines the problems associated with the formation of the financial and economic thinking of students. The author of the proposed criteria for the diagnosis of the formation of the financial and economic thinking. The paper presents the experience of using the activity approach to solving situational problems, drawing on their experience. Using situational problems, according to the author, it is an effective means of diagnosis.

Ключевые слова: мышление, финансово-экономическое мышление, дидактические ориентации, ситуативные задачи, учебная экономическая деятельность, деятельностный подход, логические операции, рабочий лист.

Index terms: thinking, financial and economic thinking, didactic orientation, situational tasks, training economic activity, the activity approach, the logical operations.

Жизнь человека постоянно ставить перед ним острые и неотложные задачи и проблемы. Возникновение таких проблем, трудностей,

неожиданностей означает, что в окружающей нас действительности есть еще много неизвестного, непонятого, скрытого, требующего все более глубокого познания. Всякое учение, решая задачу, обязательно открывает что-то новое. В эти бескрайние глубины нового всегда устремлено мышление.

Мышление – это социально-обусловленный, неразрывно связанный с сознанием и речью процесс поисков и открытия существенно нового, процесс опосредованного и обобщенного отражения действительности в ходе ее анализа и синтеза.

В настоящее время в России наблюдается значительный интерес к более глубокому пониманию проблем экономической жизни. Экономическая ситуация постоянно меняется, особенно в России. Поэтому на основе трудов ученых предшествующих поколений и собственного научного опыта сформулировано авторское определение понятия «финансово-экономическое мышление».

Финансово-экономическое мышление – это процесс преодоления противоречий между субъектами, возникающих в хозяйственных отношениях в экономических системах, функционирующих на основе оборота денежных средств в условиях рынка [1].

Прочтение содержания понятия финансово-экономического мышления предполагает:

- усвоение знаний основ хозяйственной деятельности, экономических связей и отношений, выражающееся в умении использовать полученные знания в учебных реальных экономических ситуациях;

- формирование экономически значимых качеств студентов, проявляющиеся в ситуативности их применения;

- включение в социально-экономические отношения на основе сформированного финансово-экономического мышления, определяющего уровень адаптации выпускника к жизни в условиях рыночной экономики.

Любые инновации в формировании финансово-экономического мышления студентов обусловлены сменой традиционной дидактической

ориентации основных принципов построения учебных занятий. Различают две дидактические ориентации: специально-научную (знаниевую) и ориентацию на деятельность. Знаниевая дидактическая ориентация предполагает такие принципы отбора, которые позволяют формировать и систематизировать у студентов прочное финансово-экономическое мышление.

Финансово-экономическое мышление тесно связано с практической деятельностью и формируется при равноправном взаимодействии теоретического и практического компонентов мыслительной деятельности. Учебная экономическая деятельность студентов выполняет функции:

- использование своего мышления в качестве умственной двигательной силы для решения ситуативных задач;

- ориентация в экономической ситуации, используя экономическое сознание;

- решение экономической задачи в соответствии с реальной ситуацией и нормативными документами;

- прогнозирование результата, принятие альтернативного решения и формулировка выводов.

В процессе формирования финансово-экономического мышления удельный вес третьей и четвертой функций значительно больше. Это объясняется увеличением доли творчества и самостоятельности в учебной экономической деятельности студентов, повышением интеллектуальной содержательности. Перед студентами необходимо ставить проблемные задачи и создавать ситуации, ориентированные на реальный экономический процесс; предоставлять более широкие возможности для самостоятельной активной работы с опорой на их витагенный опыт. Деятельностный подход ставит своей целью формирование способностей к активной деятельности создания логических операций через мыслительные процессы. А логические операции – это своеобразные «кирпичики» мыслительной деятельности. Чтобы сознательно и целенаправленно формировать финансово-

экономическое мышление студента, надо, с одной стороны, суметь «изготовить» каждый из этих «кирпичиков», а с другой – определенным образом сложить, «сцепить» все «кирпичики» вместе, свести их воедино в некоторую целостную систему [3].

Для организации формирования финансово-экономического мышления студентов, ориентированного на деятельность, необходимо включать в учебный процесс три сферы деятельности: когнитивную, аффективную и экономическую.

Когнитивная сфера соотносится с понятием осмысления; аффективная – с понятиями оценки, ответственности; экономическая – с понятием хозяйственной деятельности предприятия. В обучении должны участвовать одновременно все три сферы.

Финансово-экономическое мышление, формирующееся на основе деятельностного подхода, предусматривает постановку и решение следующих важных дидактико-методических задач:

- в содержании обучения обеспечивать комплексную и проблемно-содержательную постановку задач, тесную связь с жизнью, с практической деятельностью по будущей профессии; реализацию межпредметных связей;

- обеспечивать самостоятельную организацию учебного процесса студентами, апробировать новые способы действий, формирующие финансово-экономическое мышление;

- в учебной деятельности студентов учитывать их интересы и имеющийся витагенный опыт; объяснять постановку ситуативных задач на основе практики; подчеркивать значение альтернативных профессиональных действий;

- в образовательной деятельности преподаватель должен уметь вести деловые беседы со студентами, квалифицировано оценивать пути принятия решения проблемной ситуации, найденные студентами.

Деятельностный подход позволяет представить процесс формирования финансово-экономического мышления студентов как четко спланированную

систему усвоения различных видов смоделированных действий студентов на всех уровнях учебного процесса. Его реализация предусматривает единство методологии преподавания экономических дисциплин в соответствии со специальными и профессиональными требованиями к подготовке специалиста.

Реализация деятельностного подхода к формированию финансово-экономического мышления требует создания таких дидактических средств, которые способствовали бы:

- сознательному овладению знаниями, умениями и навыками экономической деятельности при максимально возможной самостоятельности студентов;

- постепенному формированию мыслительных операций;

- проявлению творческого потенциала студента, а также его финансово-экономического мышления.

Одним из дидактических средств являются рабочие листы. Сброшюрованные рабочие листы по темам программного материала образуют рабочую тетрадь по дисциплине.

Рабочий лист – это средство, которое, с одной стороны, обеспечивает пооперационное формирование мыслительных процессов студентов, а с другой, дает преподавателю возможность получать подробную информацию о каждом из этих этапов формирования этих процессов и на основе этого осуществлять пооперационный контроль.

Для рабочих листов разрабатываются специальные экономические задачи, выполняя которые студенты должны расчленять процесс мышления на отдельные операции, обязательно все их производить, ясно и четко осознавать каждую из них. При этом он вынужден правильно рассуждать, думать, причем думать все время.

Таким образом, финансово-экономическое мышление студентов, ориентированное на профессиональную деятельность, формируется:

-путем осуществления планомерных действий: студенты планируют свою деятельность, осуществляют расчеты; затем по результатам своей деятельности проверяют правильность и эффективность планирования;

-путем ориентации на опыт: при профессиональной деятельности студента в какой-либо конкретной экономической ситуации он связывает имеющийся у него витагенный опыт с новым содержанием, на основе чего развивается индивидуальный алгоритм;

-путем самореализации: студенты решают конкретные вопросы той или иной экономической проблемы при помощи реальных ситуаций. Пути решения и их соответствие полученным результатам они определяют самостоятельно;

-требованием преподавателей: введение новой темы не осуществляется преподавателем, он лишь ставит перед студентами конкретную экономическую проблему, требует от них разработки алгоритма по ее решению и помогает им. В процессе развития мыслительных действий преподаватель включается только в тех случаях, когда процесс идет по неверному направлению или заходит в тупик;

-по принципу обратной связи: означает, что фаза освоения учебного материала переходит в фазу проверки и оценки усвоенного. Благодаря этому студентам всегда ясно, какого уровня финансово-экономического мышления они достигают;

-на основании взаимосвязи трех составляющих целостного процесса: при обсуждении результатов работы анализируется не только результат деятельности, но и ход выполнения задания, процесс совместной работы;

-в результате развития личности студента: самоорганизация, целостность процесса обучения и занятия в группах содействуют формированию финансово-экономического мышления и тем самым способствует формированию личности студента и его экономической компетентности [2].

Исследование данной проблемы позволило установить критерии оценки уровня сформированности финансово-экономического мышления студентов. Для определения полученных в процессе обучения результатов формирования финансово-экономического мышления предложены показатели уровней сформированности данного мышления:

-элементарно-эмпирический уровень – репродуктивная деятельность по воспроизведению информации в результате реальной экономической ситуации, «прожитой» человеком; деятельность, при которой происходит интеграция жизненного опыта студентов; экономические знания витагенного характера не у всех осмысленные: обучаемые не всегда умеют использовать свои знания, допускают существенные ошибки в выполнении элементарных ситуативных заданий; финансово-экономическая направленность носит неустойчивый характер.

-алгоритмический уровень – репродуктивная деятельность по воспроизведению информации об изученной деятельности с возможностью анализа ее смысла; студенты умело используют основные источники знаний; обладают неустойчивой подвижностью мыслительных процессов; применяют ранее усвоенные действия по решению ситуативной задачи.

-эвристический уровень – продуктивная деятельность по применению усвоенной информации с целью получения результата; на этом этапе студенты должны домыслить ситуацию и выбрать, какие из ранее усвоенных действий могут подойти для решения ситуативной задачи; в ходе самостоятельной переработки ситуации студенты добывают субъективную информацию, действуя при этом не по готовому алгоритму.

-креативный уровень – продуктивная деятельность по применению усвоенной информации к решению ситуативной задачи и получению задачи; деятельность совершается путем анализа, синтеза, принятия решения и действий; у студентов развивается мировоззренческая установка на реальную действительность, рациональность и эффективность действий через установленные нормы экономических отношений.

Данные критерии прошли апробацию и успешно могут быть использованы преподавателями вузов, а также педагогами и руководителями школ.

Список литературы

1. Болтянская Т.О. Ситуативные задачи как средство формирования финансово-экономического мышления студентов техникума / Дис...канд. пед. наук, Екатеринбург, 2006. – 230 с.

2. Зеер Э.Ф. Личностно ориентированное профессиональное образование: теоретико-методологический аспект / Под ред. Э.Ф. Зеера. – Екатеринбург: Изд. Урал. гос. проф. пед. ун-та, 2001. – 51 с.

3. Ланда Л.Н. Алгоритмизация в обучении. / Под ред. Л.Н. Ланда. – М.: Просвещение, 1996.- 530 с.

Брежицкая Е.П.

Мировой опыт системы совершенствования государственных закупок
как основное условие модернизации экономики

Brezhitskaya E.P.

The world experience of public procurement system improvement as a basic
condition for economic modernization

В последние годы в мире набирают популярность так называемые «зеленые» государственные контракты – это процесс проведения закупки, в период которого гос власти стараются закупить товары, работы и услуги, весь жизненный цикл которых обеспечивает снижение вредного воздействия на окружающую среду. Такие закупки предполагают использование государственным сектором так называемые «зеленые» критерии оценки при проведении тендеров. Использование экологических критериев в торгах соответствует основным принципам равнодоступности и исключает дискриминацию участников. Сам процесс закупок обеспечивает возможность приобретения товара, работы или услуги по лучшей возможной цене для удовлетворения потребностей заказчика с точки зрения количества и качества.

При проведении «зеленых» государственных закупок, можно выделить ряд положительных моментов:

Борьба с изменением климатических условий;

Сокращение воздействия на окружающую среду;

Устойчивое использование природных ресурсов;

Содействие инновациям и конкурентоспособности;

Пример для частного сектора;

Стимулирование производителей и потребителей;

Экономия государственных средств, в том числе и за счет жизненного цикла товара, работы, услуги.

Европейская комиссия определила ряд «зеленых» критериев, которые широко используются в процессе подготовки тендерной документации. Особые «зеленые» критерии разработаны для товаров, которые можно разделить на следующие группы:

- Бумажная продукция;
- Канцелярия;
- Мебель;
- Одежда;
- Строительные материалы;
- Теплоизоляционные материалы;
- Офисная техника;
- Стеновые панели;
- Строительство дорог и дорожные знаки;
- Авто товары;
- Уборка;
- Гостиничные услуги;
- Услуги общественного питания;
- Уличное освещение;
- Сотовые телефоны и др [3].

Также, ключевым элементом, установленным комиссией, является недопущение перевозки и хранения токсичных отходов в развивающиеся страны, в том числе перевоз грузов в открытом море. Это способствует предупреждению чрезвычайных ситуаций экологического характера.

В настоящее время в России при проведении закупочной процедуры поставщика выбирают по низкой цене. Этот подход не является эффективным, т.к. приводит к снижению качества приобретаемых товаров и значительному ухудшению экологической ситуации в стране. Становится необходимым устанавливать дополнительные критерии оценки поставщика. Безусловным провалом во всей этой системе является отсутствие

государственного стимулирования компаний, применяющих инновационные технологии.

Мировой опыт «зеленых» закупок указывает на значительную экономию ресурсов и энергии, а так же значительно сокращает количество отходов и загрязнение воды и атмосферного воздуха. Целью «зеленых» закупок является снижение негативного влияния на здоровье человека и природы в целом. Отсутствие обязательного соблюдения ряда экологических требований в РФ становится барьером для использования экологически безопасной продукции и услуг в государственном масштабе.

Во многих странах мира, при проведении торгов, стали вводить экологические критерии в обязательном порядке. В 1995 году Австрия, Швеция, Дания, Германия, Голландия, Финляндия и Великобритания объявили себя государствами, которые активно используют принципы и критерии экологически безопасных закупок. Тогда они и разработали впервые систему, направленную на закупки товаров, работ и услуг, призванную минимизировать негативное влияние на окружающую среду. Уже в 2002 году, Китай принял несколько законов, регламентирующих закупку экологически чистых товаров, что способствовало увеличению доли «зеленых» закупок в общем объеме государственных затрат. Начиная с 2007 года, закупки для государственных нужд осуществляются в строгом соответствии с перечнем сертифицированной продукции [3]. Государственные закупки интересны властям Китая, прежде всего, в части уменьшения зависимости национальных производителей от конъюнктуры мировых финансовых рынков [7]. Для Китая, гос закупки – это инструмент уменьшения технологической и финансовой зависимости производства от иностранных ресурсов, а так же поддержка национального экспорта. Продукция, приобретенная в рамках «зеленых» гос закупок должна соответствовать принятой ЕС директиве RoHS5, ограничивающей содержание вредных веществ. А также соответствовать Регламенту CLP6,

который представляет собой систему классификации и маркировки химических веществ и смесей, характеризующую опасность [5].

Типовой закон ЮНСИТРАЛ, разработанный Организацией Объединенных Наций (ООН) аккумулировал весь международный опыт государственных закупок в условиях рыночной экономики. Закон обеспечивает максимальное развитие конкуренции на мировом рынке товаров, работ и услуг (предполагается четкая регламентация требований к квалификации участников торгов), справедливое отношение к поставщикам, а так же повышение уровня открытости, предполагая отчетность в письменной форме, прозрачности и объективности при проведении конкурсных закупок. Закон так же предполагает наличие у поставщика права на обжалование размещения государственного заказа, в том числе в административном и судебном порядке. Сейчас в состав ЮНСИТРАЛ входят 60 государств-членов Комиссии. ЮНСИТРАЛ занимается унификацией права международной торговли в следующих областях: международная купля-продажа товаров, международная перевозка грузов, международный коммерческий арбитраж и согласительные процедуры, государственные закупки, договоры о капитальном строительстве, международные расчеты, электронная торговля, трансграничная несостоятельность и др.

В рамках ВТО, вопросы государственных закупок регламентируются Соглашением по правительственным закупкам ВТО, принятым в 1994 году. В статье 6 четко описаны положения, связанные с экологическими требованиями, куда включены требования к товарам и услугам, такие как безопасность, качество, внешний вид, размеры, терминология, упаковка, символика, методы производства и т.д. [2] Соглашение ВТО по государственным закупкам базируется на прозрачности системы и равноправии поставщиков, защиты от недобросовестной конкуренции потенциальных участников торгов, а так же оптимизации качества товаров и услуг и производственных систем вне зависимости от доли иностранного участия. На сегодняшний день присоединившиеся к соглашению государства

должны обеспечивать на равных условиях допуск к госзаказу поставщиков всех стран-участниц, что способствует открытию национальных рынков госзакупок. В целом, это приводит к развитию международной торговли, прозрачности в системе законодательства и проведения процедур. К тому же, полностью отсутствуют какие-либо льготные условия получения гос заказов для участников торгов. Запрещается установление особых технических критериев и требований к закупаемым товарам, работам, услугам, не соответствующих международным стандартам. Также, Соглашением по правительственным закупкам определен ряд правил, которым должны соответствовать закупки:

Запрет на предоставление потенциальным участникам информации о проведении процедуры гос закупок на льготных условиях;

Публикация информации о проведении закупочных процедур должна дублироваться в международных изданиях, на одном из официальных языков ВТО;

Требования по квалификации должны быть едиными для всех участников;

Наличие определенных требований к содержанию конкурсной документации;

Наличие условий подачи и вскрытия конкурсных заявок и др.

В Российской Федерации, согласно закону №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», предусмотрены значительные преимущества для российских поставщиков. Вместе с тем, странам-участницам запрещено вводить косвенные критерии, такие как, например, необходимость лицензирования технологий. По оценкам экспертов, сегодня доля участия иностранных поставщиков на рынке госзаказа весьма незначительна.

Пока российские «зеленые» закупки» только набирают свою популярность, тем временем, доля «зеленых» закупок Японии в 2010 году

увеличилась до 97,9%, а в Финляндии, в соответствии с «зелеными» критериями заключается порядка 80% всех договоров. В Дании этот показатель держится на уровне 87%. В странах Европы наблюдается рост объема «зеленых» закупок: с 29% в 2009 году до 55% в 2012 году [4].

Следует отметить, что ежегодно бюджет Ирландии в части государственных закупок составляет порядка 15 млрд евро. Около половины этих средств тратится на «зеленые» закупки. Государство направляет свои силы на стимулирование, как госкомпаний, так и представителей частного сектора, которые являются непосредственными участниками данной системы. Власти Ирландии планируют увеличить объем «зеленых» закупок до максимально возможного примера.

В рамках конкурентной и требовательной мировой экономики в Австралии используется принцип, получивший название *value for money*, с помощью которого определяется эффективность проведения закупочной деятельности на основе сравнения окончательной стоимости товара, работы или услуги и рекомендованной. Такой принцип – это своего рода требование к должностным лицам, которое с течением времени ослабило контроль за проведением закупок [8].

Что касается эффективности закупочной деятельности Канадских властей, то здесь применяется похожая концепция, основанием которой служит сочетание цены, технической выгоды и качества. Правительство Канады очень скрупулёзно относится к повышению роли государственных закупок в целом, рассматривая это направление основной национальной задачей. Основным недостатком этой концепции является неэффективность механизма оценки полученных результатов заявленным задачам [6].

Если же учитывать российские реалии, важнейшее значение имеет именно определение механизма оценки экологичности товаров, работ, услуг. У экспертов появляются опасения, что и без того достаточно коррупционная сфера деятельности, может усложниться из-за возросшего числа коррупциогенных факторов, таких как достаточно субъективные критерии

оценки, которые могут привести к росту расходов госбюджета. Решение этой проблемы состоит в четкой регламентации оценки заявок: наличие сертификатов, опыта подобных поставок и т.д.

Самыми коррумпированными сферами в России остаются на протяжении долгого времени – строительные контракты, закупка медицинского оборудования и препаратов, строительство дорог. К тому же, очень сложно уследить за завышенными ценами в закрытых секторах или тех, что составляют государственную тайну. На сегодняшний день на рынке закупок для государственных и муниципальных нужд расходуется примерно 5 трлн рублей бюджетных средств ежегодно. По оценкам экспертов, около 1 трлн рублей уходит на дачу взяток и воровство. В стандартных условиях, борьба со взятками только повышает их размер. По данным международной организации Transparency International в 2015 году Россия улучшила своё положение в рейтинге индекса восприятия коррупции и заняла 119 место, набрав 29 баллов. Такой же результат показали Азербайджан, Гайана и Сьерра-Леоне. Если сравнивать нынешний показатель России с результатом предыдущих лет, общий показатель страны изменился в лучшую сторону лишь на два балла, а значительное повышение места в рейтинге связано с динамикой ряда других государств. Самыми коррумпированными странами по мнению авторов исследования в мире являются Южный Судан, Судан, Афганистан, Северная Корея и Сомали [1].

Тройка лидеров, а соответственно, самый низкий индекс коррупции показали Дания, Финляндия, Швеция. В целом, страны с наилучшими показателями отличаются наличием общих ключевых характеристик: высоким уровнем свободы прессы; открытым доступом к информации о бюджетах и расходах государственного аппарата; высоким уровнем персональной ответственности и благонадёжности государственных служащих; судебными органами, не делающими различий между богатыми и бедными людьми и функционирующими независимо от других частей государственной системы. В свою очередь, страны с наихудшими

показателями, помимо наличия конфликтов, характеризуются недобросовестным управлением, неблагонадёжными государственным институтами, такими как полиция и судебные органы, а также недостаточным уровнем независимости средств массовой информации.

Подводя итоги, следует отметить, что международный опыт государственных закупок, несомненно, представляет интерес для развивающихся стран, а так же для разработки и внедрения новых подходов, систем организации национальных закупок для государственных нужд. Разработка научно-методического обеспечения закупок набирает сейчас особую актуальность. Уверенность в экологически чистом завтрашнем дне дает, в первую очередь, повсеместная заинтересованность стран-участниц международной торговли в «зеленых» закупках для государственных нужд. Во многих странах уже широко используются экологические критерии оценки к продукции, товарам, работам и услугам. Обеспечивая себя преимущественно экологически чистой продукцией, компании не только получают товары высокого качества, но и влияют на поставщиков и производителей, оказывая огромное влияние на их развитие в сторону энергоэффективности и экологичности товаров, работ и услуг. Участники целенаправленно идут к модернизации своих производств, внедрению инновационных технологий и совершенствованию рецептуры продукции, что позволяет им достигать лучших экологических характеристик. Данные процессы позволяют формировать благоприятные социально-экономические условия, а закупочная деятельность будет обеспечена адекватной для конкуренции средой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

Индекс восприятия коррупции 2015 года (Transparency International)
Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс] URL:
<http://gtmarket.ru/news/2016/01/27/7287> (дата обращения: 6.01.2016).

Agreement on Government Procurement. 1994. [Электронный ресурс]
URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/gproc_e/gpa_1994_e.htm (дата обращения: 7.02.2016).

Buying green! A handbook on green public procurement// European commission, 2011.

Durán, G.M., Morgera, E. 'Commentary on Article 37 of the EU Charter of Fundamental Rights – Environmental Protection' Edinburgh School of Law Research Paper Series. University of Edinburgh. 2013. p.22.

Eriksson E. Green public procurement as a policy instrument// Graduate Thesis, Master of Laws programme. 2014. №2. p.64-66.

Lundberg S., Marklund P.O. Green Public Procurement as an Environmental Policy Instrument: Cost Effectiveness// Umeå Economic Studies Nr 847. Handelshögskolan vid Umeå Universitet. 2012. p.54-101.

National Bureau of Statistics of China official Website. [Электронный ресурс] URL: <http://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 8.02.2016).

New EU-procurement rules to ensure better quality and value for money. [Электронный ресурс] URL: <http://www.europarl.europa.eu/news/en/newsroom/content/20140110IPR32386/>. (дата обращения: 27.01.2016).

Имидж и репутация строительной организации, структура имиджа

Аннотация:

На данном этапе складывающийся рынок строительных услуг обязывает строительные фирмы ориентироваться на потребителей, учитывать их запросы, а, следовательно, и появилась необходимость управления социальным поведением индивида, таким образом, используется множество средств для воздействия на сознание и подсознание индивида. И одним из главных средств конкурентного противостояния организаций и их важнейшей стратегической задачей становится формирование положительного имиджа. В данной научной статье доказывается, что позитивный имидж уже долгое время воспринимается как важная составляющая нематериальных активов успешных организаций.

Annotation

At this stage the emerging market of construction services requires the construction company to focus on consumers, to consider their demands, and, consequently, there is a need of managing the social behavior of an individual, thus, uses many tools to influence the conscious and unconscious mind of the individual. And one of the main means of competitive confrontation between organizations and their key strategic task is the formation of a positive image. In this scientific article it is proved that a positive image for a long time perceived as an important component of intangible assets of successful organizations.

Ключевые слова:

Имидж, строительная организация, структура имиджа строительной организации.

Keywords

Image, building the organization, the structure of the image building of the organization.

Имидж один из важнейших компонентов нематериальных ресурсов фирмы. Именно имидж влияет на выполнение планов организации среди инвесторов, потребителей, конкурентов, партнеров. Целью формирования имиджа организации является формирование поведения потребителей, которое является желательным для руководства. Благодаря чему растет спрос на продукцию организации, работа персонала становится значительно лучше, увеличивается количество инвесторов.

С. А. Наумова подчеркивает, что «умело разработанный и последовательно внедряемый в сознание потребителей положительный имидж, подкрепленный качеством продукции и уровнем сервиса, помогает предприятию занять ведущее место на рынке. Положительный имидж помогает снизить барьеры конкуренции и открыть новые рынки, привлечь лучших наемных работников, обеспечить партнерство в бизнесе, подкрепить успех в привлечении капитала, обеспечить дополнительную прибыль и защитить бизнес во время кризиса». [1]

По мнению М. В. Томиловой «имидж организации – это такой символический образ организации, создаваемый в процессе объект-субъектного взаимодействия, в составе которого имеются элементы, которые провоцируют восприятие данной организации как субъекта». [2] Имидж организации всегда ориентирован на восприятие. Создается для того, чтобы у субъектов, находящихся внутри и вне организации, сложился образ данной организации, который способствует достижению внешних целей и задач, выдвигаемых руководством.

Обобщая все определения об имидже организации можно сказать следующее – существует необходимость согласованности всех элементов визуальной коммуникации фирмы, передающей целевой аудитории главную идею фирмы, при этом, главное – не навредить и создать положительный отклик, способствующий увеличению уровня доверия потребителей и партнеров к организации. Для обеспечения успешной деятельности фирмы необходимо задумываться о формировании образа организации в целом.

Фактор имиджа строительной организации объединяет в себе не только впечатления и мнения реальных потребителей о том, что он получает от работы с организацией, но и уверенность в том, что жилье будет построено высочайшего качества, а также в том, что строительная фирма в любой момент поможет решить проблемы с момента разработки проекта до послепродажного обслуживания.

Для российских строительных компаний этот фактор определяется, прежде всего:

Сроками сдачи в эксплуатацию и условиями договора;

Соотношением потребностей потребителя (инвестора) и предложениями организации;

Количеством конфликтных ситуаций и неразрешенных споров с потребителями.

Уровень цены не всегда совпадает с уровнем используемых технологий.

Имидж на строительном рынке – это скорее фактор самой организации, а не предоставляемых услуг и работ по строительству и обслуживанию строительных объектов. Инвестор зачастую готов согласиться на минимальный пакет услуг, но не согласиться вкладывать свои средства в фирму, которая нарушает условия договора.

Цельный образ организации складывается из множества представлений об отдельных его компонентах, которые составляют **структуру имиджа организации**. Подходов к построению структуры имиджа много, основа предлагаемой структуры заложена Б. Джи в «Имидж фирмы. Планирование, формирование, продвижение». Б. Джи предлагает следующие составляющие структуры:

Имидж товаров и услуг. На рынке товаров и услуг для формирования положительного имиджа организации необходимо, чтобы товар и услуги были востребованы, цена была соотносима с качеством, а также не стоит забывать об уникальности. Товар строительных организаций – особый. Он

отличается тем, что покупается на длительный срок, этот товар дорого стоит, почти не подвержен влиянию моды и так далее.

Имидж потребителей – представление о жизни, социальном статусе, материальном благополучии, общественном статусе потребителей. Целевая аудитория является частью имиджа организации.

Имидж основателя/руководителя организации. Клиентам необходимо видеть и понимать намерения и мотивы руководителя, его ценностные ориентации. Руководитель должен обладать харизмой и лидерскими качествами, быть примером для всего коллектива, не подавляя при этом индивидуальность и способности работников.

Имидж персонала включает как профессиональные, так и личные качества. Сотрудник «лицо» всей организации, по которому будут судить об организации в целом. Специалист должен быть компетентным во всех вопросах, культурным и вежливым.

Визуальный имидж организации включает в себя архитектуру и дизайн помещений, цветовое решение и поддержание его, например, на сайте организации, во внешнем виде сотрудников, и так далее.

Социальный имидж. Представление о социальных целях (миссии) и роли организации в жизни общества. Например, различные рекламные слоганы компании Жилстрой «Строим, чтобы жить!», «Жилстрой: быстро, качественно, надежно!» или Трансстрой «Отражение – территория яркой жизни», «Все сложится».

Бизнес-имидж организации. Здесь важно то, какой видят организацию партнеры по бизнесу. Очень важный компонент, так как положительный бизнес имидж помогает привлечь инвесторов и заказчиков.

Внутренний имидж организации – это то, как видят организацию сами сотрудники. Основными определяющими факторами являются корпоративная этика и психологический климат в коллективе. Результаты многих исследований показали, что мнение работников способно оказывать непосредственное влияние на отношение общества к организации, поэтому,

при создании имиджа необходимо ориентироваться не только на потребителя, но и на сотрудников.

Некоторыми авторами выделяется отдельно внешний имидж. Но мы не выделяем, так как более подробно описали его составляющие такие как, имидж товаров и услуг, имидж потребителей, имидж персонала, СМИ, реклама, социальный имидж, бизнес-имидж.

Не стоит забывать о том, что ни один из этих пунктов не способны создать хорошую репутацию фирмы. Зачастую понятия «имидж» и «репутация» взаимозаменяемы, но это не так. Имидж можно создать в короткий промежуток времени, а хорошая репутация заслуживается годами. Часто в повседневной жизни в нашем провинциальном городе мы слышим «этот дом построил Магдалин», «Андрьяновские проекты». Под фамилией руководителя подразумевается вся фирма. Все зависит от того, как человек ведет себя с партнерами, потребителями.

Необходимо провести границы между двумя понятиями «имидж» и «репутация».

Большинство используемых в российской научной литературе определений понятия «репутация» представляет собой вариации толкований.

С. А. Наумова под репутацией определяет «оценку, в которой некто предстает; характер публичной оценки; характеристика, приписываемая личности, вещи или действию; доброе имя». [3]

Многими авторами отмечается, что зарубежными учеными проблема разработки сущностных определений репутации разработана лучше, чем отечественными. Научных дисциплин, раскрывающих суть репутации, и имиджа организации множество, однако, разведение этих понятий затруднительно. Они используются часто как идентичные или наоборот, как антиподы, или же, как взаимосвязанные.

Основой разведения понятий имиджа и репутации являются два признака:

Репутация в отличие от имиджа формируется в результате прямого взаимодействия с организацией.

Репутация в большей степени, чем имидж, является общим оценочным суждением, который количественно выражается как уровень притягательности или рейтинг организации среди конкурентов.

Изучение феномена репутации имеет также значительную социально-экономическую и социально-политическую актуальность. Развитие рыночных институтов современной экономики и укрепление государственности повышает требования к диалогической активности субъектов экономического и политического процессов. Именно репутация формируется и существует в пространстве общественных коммуникаций как социальное представление, определяя общественные предпочтения и потребительскую активность. Поэтому изучение феномена репутации позволяет углубить понимание закономерностей потребительского выбора, формирования доверия и недоверия к субъектам рыночных отношений, оценки надежности и эффективности экономических структур.

В процессе «разведения» этих понятий выяснилось, что репутация фактически является более «устойчивой» категорией в сравнении с имиджем, и может быть изучена как действительно существующее явление.

Немного иначе дело обстоит с «работой» имиджа и репутации в провинциальном городе, и для лучшего понимания, для начала необходимо разъяснить социокультурные особенности малого провинциального города.

На сегодняшний день, состояние современного провинциального города противоречиво: с одной стороны, происходит формирование новых потребностей и формирование новой системы ценностей, обусловленные развитием современных технологий и повсеместным их внедрением в жизнь человека, а с другой стороны – по-прежнему существуют относительно консервативные национальные уклады и другие социальные институты.

В рамках изучения проблематики репутации и имиджа организации в провинциальном городе должны учитываться как сохранившиеся социальные

институты и консервативные элементы жизнеустройства. В небольшом населенном пункте люди часто и подолгу общаются между собой, делятся новостями и впечатлениями, рассказывают, все, что им понравилось и не понравилось, например, в новой организации, и об этом обязательно узнает все ближайшее окружение. К тому же, в последнее время большое распространение получили интернет-форумы, где можно найти большое количество отзывов практически о любой организации.

Руководителям организаций любого уровня необходимо помнить о том, что в малом городе отлично работает «сарафанное радио», которое может, как помочь продвижению деятельности, так и погубить ее.

Получается, что в условиях малого города создать имидж гораздо легче, чем в мегаполисе, так как:

Затраты на рекламу в провинциальном городе ниже, чем в крупном.

В малом городе намного легче «заявить о себе», так как население более восприимчиво к появлению чего-либо нового.

Но наличие рекламы не всегда гарантирует появление положительного образа, иногда даже наоборот, непродуманная реклама в малом городе может оказать пагубное влияние на развитие бизнеса. В маленьком городе в отличие от большого обязательно заметят неудачно сделанный рекламный баннер, кроме того вызовет определенно негативную реакцию у потребителей.

Список литературы:

Наумова С. А. Имиджелогия [Электронный ресурс]. – URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения 22.11.2015)

Томилова, М.В. Модель имиджа организации [Текст] /М. В. Томилова//Маркетинг в России и за рубежом. – 1998. –№ 1. – С. 136.

Наумова С. А. Имиджелогия [Электронный ресурс]. – URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения 01.12.2015)

УДК 361.26:316.013/014/

ББК 60.56

Быков Р.А.

Феноменологический подход в социологии управления
(на примере исследования граждан с ограниченными возможностями)

Bykov R.A.

Phenomenological approach to the sociology of management
(on the example of research of citizens with disabilities)

В статье поднимается по-прежнему актуальный вопрос об интерпретации результатов прикладных социологических исследований. Важной представляется роль феноменологического подхода в социологии управления. На примере одного качественного исследования демонстрируются частые ошибки и недочеты аналитиков, формально придерживающихся качественной методологии, но на практике следующие установкам функционализма и количественной парадигмы.

The article raises the still relevant question about how to interpret the results of applied sociological research. The role of the phenomenological approach in sociology of management is important. The example of one qualitative study demonstrates frequent errors and omissions of analysts who formally hold qualitative methodology, but in practice follow units of functionalism and quantitative paradigms.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ|| КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ|| СОЦИОЛОГИЯ
УПРАВЛЕНИЯ

PHENOMENOLOGY|| QUALITATIVE METHODS|| SOCIOLOGY OF
MANAGEMENT

В прикладных исследованиях социолог сталкивается со многими трудностями. В данной статье акцент будет сделан на наличии нерефлексивных установок, которые используются исследователями на

последнем этапе обработки информации, написании выводов и рекомендаций. Это касается и той ситуации, когда у исследователя есть четкое понимание значимости той или иной методологии. Социолог, получая техническое задание, стремится показать максимально качественную картину происходящего в той или иной сфере, после чего уже не влияет на принятие управленческих решений и изменений, сделанных на основании его выводов и рекомендаций. Если «Заказчик» действительно пытается увидеть мир глазами респондентов, то востребованы качественные методы, базирующиеся на феноменологии, ведь чем ближе управленец к реальности, тем качественнее он может проектировать работу структуры, за которую он отвечает. Но даже при таком, казалось бы, правильном подходе социологи в своей практике не до конца следуют феноменологическим установкам и привносят собственные представления.

Это происходит не только в силу непонимания современных гносеологических принципов. Закрывая глаза на полученную качественную эмпирическую базу, исследователи формируют выводы, исходя из индивидуально-личностных установок, нерелексивно придерживаясь классического структурно-функционального подхода. Гипотетически это происходит в результате естественного стремления разумного исследователя дать интерпертации получаемой информации, ведь без них не построить отчет. Но в соответствии с феноменологическими идеями в социологии, вместе с определяющими поведение индивидов внешними объектами и объективными структурами, существует детерминация со стороны огромного количества интенций сознаний индивидов, которые через конкретные поступки и действия, акты коммуникации, в действительности, формируют социальную реальность.

Опыт многочисленных исследований и выполнений хозяйственных договоров показывает, что заинтересованному заказчику интереснее видеть первичную информацию, цитаты и пр.

Данный подход разрушает обманчивое ощущение простоты управленческих практик, приводящих к социальным трансформациям, когда происходит замена одних институциональных структур на другие. Если дальше продолжать эти рассуждения, то возникнет ощущение бесполезности многих трансформаций в силу того, что они оторваны от живых и конструирующих субъектов, которые также активно объективируют собственные согласованные значения и установленные в процессе коммуникации знания [1].

Таким образом, управленческие решения, с которыми в формализованном виде сталкиваются те или иные категории населения, заставляют людей все время находиться в состоянии лишних затрат сил на приспособления к новациям, которые порой далеки и оторваны от реальных практик. Таким образом, изучение «жизненных миров» (в понимании А. Шюца), попытка разобраться в восприятии «другого», который сам по себе до определенных объективированных границ самостоятелен и интенционален – данные установки должны быть основами в мышлении исследователя, который предоставляет информацию о той или иной категории населения заказчику [2, 3, 4].

Проиллюстрируем на примере одного качественного исследования, проводившегося в Томской области в 2013- 2014 гг., некоторые значимые установки феноменологов и их связь и влияние на последующие управленческие решения. Объектом исследования выступали трудоспособные граждане с ограниченными возможностями. Заказчику была важна специфика их мотивации. Исследователи выявляли потребности граждан с ограниченными возможностями в трудоустройстве, анализировали причины, затрудняющие трудоустройство, определяли реальные ожидания инвалидов и оценки собственных профессиональных траекторий, потребности граждан с ограниченными возможностями в прохождении профессионального обучения и наиболее востребованные каналы поиска

работы, а также пытались понять степень их удовлетворенности организацией работы Центров занятости населения (далее ЦЗН).

Теоретико-методологической основой социологического исследования послужили современные научные разработки процесса формирования субъективных установок и представлений (феноменологический конструктивизм). Центральная идея этого направления – представление о познании не как об отражении и репрезентации, но как об активном построении образа познаваемых предметов и событий в сознании субъекта. В соответствии с этой основой эмпирической базы явились результаты фокус-групп, отражающие в режиме свободного обмена мнениями субъективные интерпретации граждан с ограниченными возможностями г. Томска в отношении процесса трудоустройства и т.д. Состав участников фокус-групп достаточно однороден для использования данного социологического метода. В группу вошли трудоспособные граждане с ограниченными возможностями, как состоящие, так и не состоящие на учете в ЦЗН.

Продемонстрируем некоторые результаты исследования, но сделаем это с некоторыми пометками, которые покажут пробелы интерпретаций и степень стремления авторов придерживаться феноменологического подхода до конца, до последних выводов. Всего будет два типа отметок: *интерпретаторы и респонденты*. Первая демонстрирует мир авторов исследования, вторая мир респондентов. Как Вы думаете, чье жизненное пространство важнее для заказчика?

По результатам исследования было выявлено, что граждане с ограниченными возможностями имеют достаточно высокую мотивацию к трудоустройству (*мнение интерпретаторов*). Инвалиды отдают себе отчет в том, что апатия, удовлетворенность сложившейся ситуацией, «зоной комфорта» характерны для всех индивидов, и их категория населения не является исключением (*мнение респондентов*). В процессе исследования респонденты демонстрировали установки на активный поиск работы, при этом специфика восприятия ими трудового пространства естественно

отличается от других категорий населения. Можно выделить следующие важные моменты: граждане с ограниченными возможностями не рассчитывают на высокооплачиваемую работу, инвалиды воспринимают работу скорее как способ самореализации, они нуждаются в постоянной работе (об этом часто говорилось на фокус-группе), хотя при этом, не имея лучших вариантов трудоустройства, готовы работать и неофициально, на любых временных подработках (*респонденты*). Это также показывает достаточно высокий уровень мотивации к трудоустройству (в любой форме), ценность которого важна сама по себе (*интерпретаторы*).

Граждане в силу ограниченности возможностей, как известно, предъявляют немалое количество требований к будущему месту и условиям работы (*интерпретаторы*). Достаточно большое количество вакансий им не подходит и отклоняется ими в ЦЗН, агентствах и СМИ. В связи с этим на рынке труда незначительное количество вакансий, подходящих для граждан с ограниченными возможностями, что формирует представление об их незаинтересованности в поиске работы (*обе категории*). Наличие предубеждений, которые существуют в российском обществе о данной категории населения, нежелание работодателей брать на работу инвалидов ослабляют установки на поиск работы и попытки трудоустройства, что опять же усиливает в обществе стереотип о том, что большинству инвалидов работа не нужна. Также большинство респондентов демонстрируют неудовлетворенность размером пенсии, нуждаются в материальных ресурсах, что говорит о важности работы с данной категорией населения, оказании им помощи, информировании и т.д. (*обе категории*)

К основным причинам, затрудняющим трудоустройство инвалидов, стоит отнести: нежелание работодателей взаимодействовать с инвалидами, в том числе участвовать в существующих программах ЦЗН, естественная ограниченность возможностей данной категории, желание работать на дому, отсутствие опыта работы у данной категории, а также отсутствие у большинства респондентов высшего образования (*респонденты*).

Можно выделить следующие установки, ожидания и оценки собственных профессиональных траекторий: для большинства граждан с ограниченными возможностями характерны ретроспективные установки, состояние социальной эксклюзии, стремление найти работу на дому. Присутствует установка не на серьезную, ответственную работу, а скорее на дополнительный заработок, который бы дополнил пенсию, желание себя как-то занять, при этом размер оплаты становится второстепенным. Существуют установки работать по специальности, при этом, в отсутствии вакансий, граждане с ограниченными возможностями готовы работать в любой сфере (*респонденты*).

Граждане с ограниченными возможностями транслируют следующие ценности: необходимость в самоутверждении, самореализации, ценность быть причастным к жизни общества, ценность быть полезным, иметь цели, которые можно достигать, уменьшение в обществе негативных стереотипов в отношении данной категории населения («Быть как все нормальные люди», «быть полезным, нужным, дома-то тоже надоедает сидеть, что говорить-то? ... Не то, что ты там инвалид беспомощный») (*респонденты*).

Относительно оценок деятельности одного из томских ЦЗН было отмечено следующее: данная категория населения достаточно осведомлена о деятельности ЦЗН, хотя из своего опыта респонденты говорят, что не все инвалиды знают и пользуются услугами ЦЗН. *Респонденты* отмечают отсутствие работы в ЦЗН на результат, формальность подхода к поиску вакансий для инвалидов, отсутствие адресной помощи и персональной работы с инвалидами, отсутствие в ЦЗН «доступных консультантов, которые понятно объясняли бы, чем реально может помочь ЦЗН», неудовлетворенность ярмарками вакансий, удаленность расположения ЦЗН. В значительной степени проявлен стереотип о том, что ЦЗН предлагает гражданам с ограниченными возможностями работу, которая не может в принципе подходить для инвалидов (*интерпретаторы*).

Рекомендации респондентов для ЦЗН, сделанные по просьбе модератора: трансляция успешных историй трудоустройства инвалидов, необходимость сопровождения на работе, улучшение поиска вакансий, увеличение пособия по безработице, соответствие вакансий возможностям инвалидов, свежая информация о вакансиях, оповещение инвалидов о вакансиях по электронной почте или через сайт ЦЗН (*респонденты*).

Остальные выводы не имеют большого значения. Честно говоря, такой подход усложняет задачу и «гносеологически мучает» интерпретаторов, которые разрываются между своим и чужими жизненными мирами. Показательны ситуации, когда смешиваются обе категории, и формируется синтез, иногда удачный, иногда противоречивый. В результате видно, где какие выводы и, что необходимо осмысливать самим заказчикам, соотносить с собственными представлениями или где доверять чужим интерпретациям. На самом деле это уже результат для дальнейших трансформаций в организациях, которые делают менеджеры, на основе максимально чистых «жизненных картин».

Но есть еще более важная вещь. Исследователи сделали вид, что «знают» (вот тут очень близок по духу известный трактат по социологии знания) [1]. Возникает вопрос, как будут поступать менеджеры разных уровней, сталкиваясь со «знаниями»? Они будут делать вид, что знают, при этом будут стремиться делать все, как привыкли, или как наиболее целесообразно, и в процессе управления ничего не изменится. Или все-таки живая картина вдохновит на какие-то изменения. Опыт взаимодействия с заказчиками, их оценки свидетельствуют о том, что подход (а точнее его результаты), представленный в данной небольшой работе для них гораздо более привлекателен.

Список литературы

1. Бергер П. Л. Конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания / П. Л. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

2. Молчанов В. Парадигмы сознания и структуры опыта [Электронный ресурс] // Логос. – 1992. – №3. – Электрон. версия печат. публ. – URL: www.ruthenia.ru/logos/personalia/molchanov/01_paradigm.htm (дата обращения: 23.01.2014).

3. Мэйер-Дравэ К. Телесность и социальность. Феноменологические статьи по педагогической теории intersубъективности (реферативный перевод) // Топос. – 2002. – № 2. – С. 32-65.

4. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. / А. Шюц. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

Бычкова, Г.Н.|| Поверинова, Е.М.|| Боровинских, В.А.

**Экономическая эффективность применения инновационных
технологий хранения зерна**

В условиях высоких затрат и сильной зависимости от природных условий сельскохозяйственные производители вынуждены искать пути повышения эффективности деятельности. Формирование современных инновационных технологий хранения зерна - источник снижения расходов организаций аграрной сферы.

In high cost and strong dependence on natural conditions, agricultural producers are forced to seek ways to improve performance. The formation of the modern innovative technologies of grain storage - reduction of expenses of the organizations of the agrarian sector.

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ЗЕРНОВЫЕ КУЛЬТУРЫ, РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ
ПРОИЗВОДСТВА**

**AGRICULTURE ORGANIZATION, COST EFFECTIVENESS, CROPS,
PROFITABILITY OF PRODUCTION**

В современных экономических условиях заниматься производством сельскохозяйственной продукции очень сложно: высокие производственные затраты, большой износ технических средств, низкие закупочные цены, высокие процентные ставки по кредитам и не выгодные условия лизинга – далеко не полный перечень причин низкой рентабельности. Вносят свои коррективы и неблагоприятные погодные условия.

В Курганской области в 2015 г. зерна намолочено 11313,2 тыс. ц. (132,2% к январю-октябрю 2014 г.), в том числе пшеницы – 8451,7 тыс. ц. (141,5%). В среднем с 1 га получено 17,7 ц. зерновых (17,3 ц. год назад) [2]. Закупочная цена на мягкую продовольственную пшеницу 3 класса составляет 9 500 р. за тонну, 4 класса – 8 700 р. за тонну (с 1 июля 2015 г. до 1 июля 2016 г., но может корректироваться) [3].

По данным Степных Н. В. ФГБНУ «Курганский НИИСХ» цены на пшеницу 3 класса в годы с низким урожаем растут к концу года на 89-139 %, а в урожайные годы в весенние месяцы наблюдается рост цен, а к декабрю они падают на 43-60 % [3].

Поэтому, осенью зерно не выгодно продавать, а лучше сохранить его до зимы, когда цены повысятся. Но окупится ли хранение зерна, ведь ставки элеваторов зачастую неоправданно высоки. Размер затрат на хранение сырья прямо пропорционален расстоянию элеватора от хозяйства.

У СПК «Рачеево» затраты на хранение зерна составляют более 30% всей себестоимости (рисунок 1).

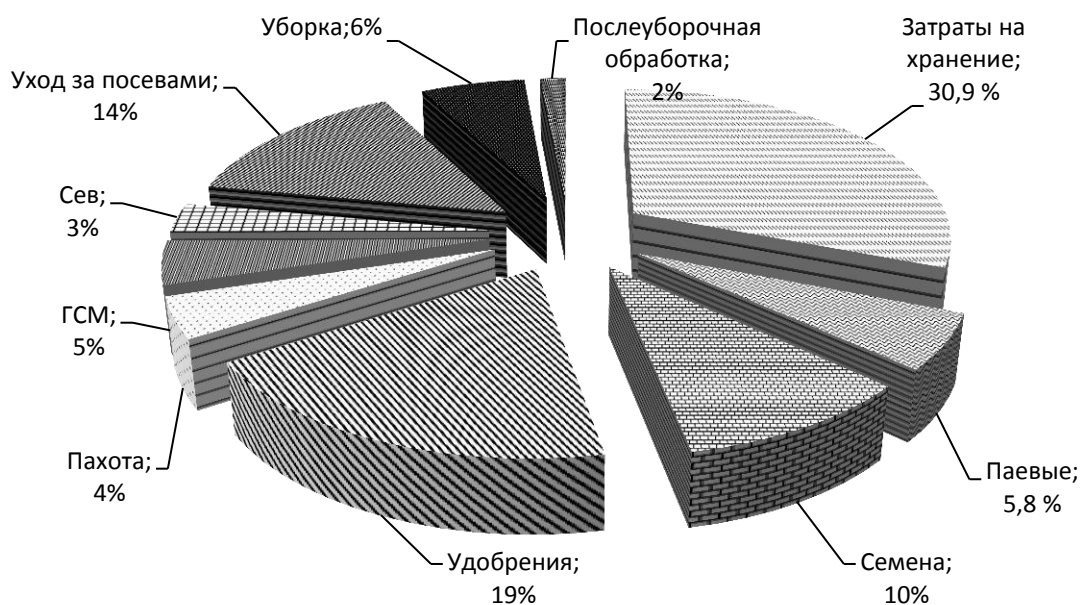

Рисунок 1 – Структура себестоимости зерна

Учитывая рыночную цену зерна, получается, что за три месяца хранения на элеваторе сельхозтоваропроизводители теряют до четверти дохода. Объем зерна при этом обычно размещают небольшой, от 2 до 5 тыс. тонн.

Можно рекомендовать хозяйствам строить собственное зернохранилище, и обеспечить сохранность зерна и качество, но, к сожалению, это – «дорогое удовольствие». Строительство оцинкованных силосов для хранения зерна обойдется бюджету каждого хозяйства в 5-12

тыс. р./т. При этом окупится оно через несколько лет, если удастся соблюсти технологию хранения зерна без риска потери качества – ухудшения показателей влажности, заражения вредителями.

На официальном сайте ОАО «Мельинвест» имеются расценки на возведение силосного элеватора из металлоконструкций «под ключ». Определим, на примере СПК «Рачеево» Курганской области, когда могут окупиться затраты на строительство в случае привлечения собственных средств и в случае кредитования у «Россельхозбанка», предоставляющего сельскохозяйственные кредиты на срок до 7 лет под 20 % годовых.

Оценка экономического состояния сельскохозяйственных предприятий в целях реализации процедур оздоровления была проведена по методике Д.В. Паля и по ее результатам СПК относится к третьему классу финансового состояния и оценивается как удовлетворительное (от 40,1 до 60,0 баллов) [4].

В результате произведенных расчетов по большинству методик получен результат – высокая вероятность банкротства, что вызвано недостатком основных наиболее ликвидных активов СПК. Для нормализации текущей деятельности и предотвращения банкротства в будущем, необходимо разработать мероприятия направленные на использование внутренних резервов финансовой стабилизации.

Предварительная оценка финансово-хозяйственной деятельности СПК «Рачеево» показала неудовлетворительное финансовое состояние и высокую вероятность банкротства, из-за нехватки собственных средств хозяйства и высокой себестоимости реализуемой продукции. Одним из путей укрепления финансового состояния, как раз, является снижение себестоимости путем применения новых технологий.

В качестве расчетного периода возьмём 5 лет. Для расчетов используем зерно влажностью 18 % (таблица 1).

Таблица 1 – Окупаемость затрат на строительство хранилища

Объём зерна, тыс. т	Расходы на строительство, млн. р.	Сумма кредита, млн. р.	Время окупаемости элеватора при вложении собственных средств	Время окупаемости элеватора при вложении кредитных средств
5	63,3	10 7,61	15 лет 8 мес.	26 лет 11 мес.
10	96,7	16 4,39	11 лет 9 мес.	20 лет 5 мес.
20	172	29 2,4	10 лет 5 мес.	18 лет 1 мес.
30	240,9	40 9,53	9 лет 8 мес.	16 лет 7 мес.

К затратам на возведение хранилища необходимо добавить расходы на подведение коммуникаций. Чтобы элеватор окупился, необходимо крупное производство – хранилища должны быть всегда полными, что для небольших хозяйств Курганской области не приемлемо. Поэтому хозяйства, построившие элеваторы, будут вынуждены предоставлять услуги по хранению зерна другим, и учитывать рынок подобных услуг.

Ещё одно инновационное направление в повышении эффективности хранения зерновых культур - использование полимерных рукавов - технология из Аргентины, начинает активно применяться у нас. Ее суть: подсушенное зерно набивается в полиэтиленовый рукав, запечатанный с одной стороны. Когда его полностью заполняют, запечатывают с другой стороны. Такое хранение гораздо экономичнее и практичнее, чем на элеваторах, где зерно надо постоянно вентилировать, перегонять, просушивать, следить за влажностью и т.д. Затраты на хранение 1 тонны

пшеницы в рукавах в течение 8 месяцев в сравнении с хранением зерна в элеваторах в 3,7 раза меньше [6].

Рисунок 2 – Сравнительный анализ затрат на хранение зерна

Таким образом, самый доступный и дешёвый метод – хранение зерна в полимерных рукавах (рисунок 2). Затраты приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Затраты на хранение в рукавах

Показатель	Ед. изм.	При хранении зерна	
		5 000 тонн	10 000 тонн
Базовая нагрузка	т./го д	5000	10000
Сумма инвестиций	тыс. р.	1050	1050
Производительность	т./ча с	200	250
Диаметр рукава	м	2,7	2,7
Длина рукава	м	75	75

Вместимость рукава	т	250	250
Срок службы	лет	6	6
Количество рукавов	шт	20	40
Цена за один рукав без скидки	тыс.	16,500	16,500
со скидкой	р.	15,000	14,500
Амортизация основных средств	тыс. р./год	155,000	202,00 0
Ремонт	тыс. р./год	30	30
Трактор (ГСМ)	тыс. р./год	100	300
Затраты на оплату труда работников	тыс. р./год	60	180
Итого за год	тыс. р.	345,000	712,00 0
Затраты на технику	р./т.	69,0	71,2
Затраты на плёнку	р./т.	60,0	58,0
Итого	р./т.	138,0	129,2

Для этого требуются невысокие стартовые инвестиции: закупка специальной техники и пластиковых рукавов. В пластиковый рукав длиной 75 м входит 250 тонн зерна, а стоит он 15–19 тыс. р. Стартовый набор техники — зерноупаковочная и зерновыгрузная машины – 1050 тыс. р. Общая себестоимость хранения - 120–140 р. за тонну. За счет герметичности насекомые и вредители погибают через 10-20 дней, не надо постоянно вентилировать, перегонять, просушивать, следить за влажностью и т.д. [1]. Таким образом, стоимость хранения 1 тонны зерна составляет 138 р. при хранении 5 000 тонн и 129,2 р. при хранении 10 000 тонн зерна.

Затраты при традиционном способе хранения зерна в закрытом зернохранилище (таблица 3).

Таблица 3 – Расчёт экономии затрат при хранении продовольственной пшеницы на элеваторе и при хранении в полимерных рукавах

Показатель	Стоимость, р.
Хранение на элеваторе	
Приёмка на элеваторе, за тонну	55
Хранение, за тонну в мес.	58
Подработка 1 тонны за 1%	35
Сушка тонны за 1%	59
Отгрузка, за тонну	199
Хранение 1 тонны в течение 4 мес.	580
Хранение 1 тонны в течение 8 мес.	812
Транспортировка на элеватор, за тонну	50
Общая стоимость хранения 5 тыс. тонн пшеницы в течение 4 мес.	3 150 000
Общая стоимость хранения 5 тыс. тонн пшеницы в течение 8 мес.	4 310 000
Хранение в полимерных рукавах	
Зерноупаковочная машина	400 000
Зерноразгрузочная машина	650 000
Полимерные рукава на 5 тыс. тонн	300 000
Общая стоимость хранения 5 тыс. тонн	1 350 000
Экономия при хранении в течение 4 мес.	1 800 000
Экономия при хранении в течение 8 мес.	2 960 000

Экономия затрат составляет 1 800 тыс. р. при хранении в течение 4 мес. и 2 960 тыс. р. при хранении в течение 8 мес. 5 000 тонн зерна по сравнению с хранением на элеваторе.

Эффект от предложенного мероприятия представлен в таблице 4.

Таблица 4 – Экономический эффект

Показатель	Способ хранения	
	на элеваторе	в рукавах
Затраты на транспорт и хранение, р.	4 310 000	690 000
Себестоимость производства зерна, р.	3 335 900	3 335 900
Количество проданного зерна, т.	4800	5000
Затраты на транспорт и хранение, р./т.	812	138
Выручка, р.	14 400 000	15 000 000
Себестоимость зерна с учётом хранения, р.	7 645 900	4 025 900
Доход, р.	6 754 100	10 974 100
Рентабельность, %	0,88	2,73

Таким образом, при альтернативном варианте хранения себестоимость зерна достигает 4025,9 тыс. р., а доход выше на 4220 тыс. р. Данная экономия позволит значительно снизить себестоимость и получить более высокую прибыль.

Рентабельность продаж увеличится до 18,82 %, против 7,54%, т.е. прибыль с каждого рубля реализованной продукции потенциально увеличится на 26,36 копейки. Рентабельность основной деятельности может вырасти на 22,30 %. Повышение рентабельности продаж и основной

деятельности говорит об эффективности предложенных мероприятий, то есть уменьшения расходов связанных, с производством и реализацией продукции, отнесенных на себестоимость. Рентабельность собственного капитала предприятия увеличится на 28,09 % , т.е. прибыль с каждого рубля, вложенного в имущество увеличится.

Деятельность сельскохозяйственных организаций несомненно может быть эффективнее, финансовое состояние и платёжеспособность улучшаться. Проанализируем, как это повлияет на вероятность банкротства СПК. Проведём оценку по модели R-прогнозирования вероятности банкротства Иркутской государственной экономической академии, ведь именно эта модель позволяет с точностью до 81 % определить степень риска банкротства. Можно сделать вывод, что в прогнозируемом году вероятность банкротства изучаемого кооператива будет минимальной, так как $R=0,70$. Финансовое состояние организации значительно улучшилось, и это не могло не повлиять на снижение вероятности банкротства.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что деятельность предприятий сельского хозяйства будет более эффективной. Внедрив меры, предложенные выше, можно добиться роста положительной динамики от большинства основных финансовых коэффициентов, покрыть убыток, а так же получить дополнительную прибыль.

Одна из важнейших предпосылок экономического возрождения России – стабилизация и рост производства во всех отраслях, на каждой отдельно взятой организации [6].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вишневский Д., Дорогова Е. Как выгодно и качественно сохранить зерно // Новый аграрный журнал. - [№3 \(3\)](#). - 2011. – С. 7-9.

Официальный сайт Департамента сельского хозяйства Курганской области - URL: www.dsh.kurganobl.ru - [Электронный ресурс] обновлено 11.01.2016 16:19 (дата обращения: 14.01.2016)

Официальный сайт Курганстат, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курганской области - URL: www.kurganstat.gks.ru - [Электронный ресурс] (дата обращения: 14.01.2016)

Палий Д.В. Адаптация методики определения экономического положения сельскохозяйственных предприятий в целях финансового оздоровления (на материалах Курганской области) // Экономика и предпринимательство. - № 3 (20). – 2011. – С. 126-130.

Рознина Н.В., Поверинова Е.М., Волкова А.В. Сельские подсобные производства (предприятия) – путь к повышению конкурентоспособности сельскохозяйственных товаропроизводителей // Главный зоотехник. – 2014. - № 11. – С.59-66.

Румянцев Д.А. Технологии. Новые возможности для хранения зерна // Новый аграрный журнал. - № 3 (7). – 2013. – С. 12-15.

Важенина И.С. || Важенин С.Г.

Конкурентные цели и преимущества, имидж и репутация территорий

Vazhenina I.S. || Vazhenin S.G.

Competitive purposes and advantages, image and reputation of territories

Аннотация

В связи с обострением территориальной конкуренции возрастает необходимость идентификации конкурентных целей и преимуществ территорий. Кроме того повышается важность определения оптимального комплекса инструментов формирования позитивной репутации и привлекательного имиджа территорий. В статье на основе социологического анализа исследованы особенности и противоречия процесса формирования конкурентных преимуществ и имиджево-репутационных преобразований территорий РФ.

Annotation

Due to the aggravation of the territorial competition need of identification of the competitive purposes and advantages of territories increases. Besides importance of definition of an optimum complex of instruments of formation of positive reputation and attractive image of territories increases. In article on the basis of the sociological analysis features and contradictions of process of formation of competitive advantages and image and reputation transformations of territories of the Russian Federation are investigated.

Ключевые слова: территориальная конкуренция, конкурентные цели территорий, конкурентные преимущества территорий, имидж территории, репутация территории

Keywords: territorial competition, competitive purposes of the territories, competitive advantages of territories, image of the territory, reputation of the territory

Характерной чертой территориальной конкуренции на современном этапе является то, что противостояние развивается не только между странами, но и между регионами и городами. При этом речь идет не только о конкуренции среди территориальных образований разных стран, но и о конкуренции регионов и городов внутри одной страны. В этой ситуации требуется обеспечение конкурентных преимуществ территории на межстрановых, межрегиональных и межмуниципальных рынках. Каждая территория, выступая как особый товар - мультиполезная потребительная стоимость [6], стремится занять более выгодные позиции на межтерриториальных «рынках», а для этого требуется наиболее полно удовлетворять потребности стратегически важных целевых аудиторий в целях привлечения жителей и/или квалифицированных кадров, инвестиций и/или бизнеса, деловых посетителей и/или туристов и т.д. Приоритет должен отдаваться интересам тех целевых аудиторий, которые наиболее важны для данной территории в существующей социально-экономической ситуации, но при обязательном консенсусе интересов.

В целях определения конкурентных позиций ряда территорий России и выработки рекомендаций по их возможной маркетинговой стратегии авторами в 2007, 2010, 2013 годах проводились социологические исследования¹. Основной упор был сделан на анализ конкурентных

¹ В 2013 году было получено 367 заполненных анкет из 8-ми субъектов Российской Федерации (Республика Башкортостан, Удмуртская республика, Пермский край, Свердловская, Челябинская, Тюменская, Курганская и Оренбургская области), 9-ти муниципальных образований (города Уфа, Ижевск, Пермь, Екатеринбург, Нижний Тагил, Тюмень, Челябинск, Курган, Оренбург). Респондентами выступили представители Законодательных собраний, экономических министерств и департаментов, администраций городов, депутаты Екатеринбургской городской думы. В опросе также приняли участие работники Торгово - промышленной палаты Республики Башкортостан, Уральской ТПП, Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Большой Урал», Управления Федеральной антимонопольной службы по Свердловской области, Уральской саморегулируемой организации арбитражных управляющих, крупных и средних бизнес-структур Урала. Также в качестве

преимуществ и имиджево-репутационных характеристик территорий. В данном контексте репутация в самом общем виде нами рассматривается как комплексная характеристика, базирующаяся на конкурентных преимуществах территории и учитывающая ее способности реализовать конкурентные цели [3,4,5].

В ходе опросов респондентам было предложено выделить не более 5-ти конкурентных целей территории. Как отметили опрошенные, приоритетными целями конкурентной борьбы регионов и городов являются «*привлечение российских и иностранных инвестиций*» (18% от общего числа ответов) и «*право проведения деловых, культурных и спортивных мероприятий*» - 13% (табл.1). Заметим, что эти цели зачастую предполагают друг друга. Так, например, организация и проведение крупных международных деловых, культурных и спортивных мероприятий не обходится без привлечения федеральных ресурсов и частных инвестиций.

Таблица 1

За что, по Вашему мнению, конкурируют регионы и города?

% от количества выбранных ответов

	Всего		
	007	010	013
		2	2
Обеспечение высокого качества и достойного уровня жизни	1	0	9
Создание благоприятного предпринимательского климата	4	6	0
Привлечение и закрепление квалифицированных кадров		0	9
Привлечение российских и иностранных		1	1

респондентов выступили научные сотрудники академической науки (Институт экономики УрО РАН) и преподаватели 10-ти высших учебных заведений Екатеринбурга, Перми, Челябинска, Тюмени и Ижевска.

инвестиций	1	4	8
Организация новых хозяйственных структур		3	7
Лидерство в инновациях, в т.ч. патентах, лицензиях		7	3
Достижение экономической стабильности и финансовой устойчивости	/д	1 2	9
Лидерство в развитии образования, медицины, спортивных достижений	/д	7	5
Расширение территорий		2	4
Достижение экологической безопасности	/д	9	2
За право проведения деловых, культурных и спортивных мероприятий	/д	н /д	1 3
За привлекательный имидж и позитивную репутацию	/д	н /д	1 0
Другое		-	1

Среди лидеров опроса-2013 респонденты также выделили такие конкурентные цели, как «*привлекательный имидж и позитивная репутация*» (10% ответов), «*создание благоприятного предпринимательского климата*» (10%), «*привлечение и закрепление квалифицированных кадров*» (9%), «*достижение экономической стабильности и финансовой устойчивости*» (9%), «*обеспечение высокого качества и достойного уровня жизни*» (9%). Примечательно то, что и представители органов власти, и бизнесмены, и ученые–экономисты практически единодушны в ранжировании конкурентных целей территорий в экономическом пространстве.

Сравнение результатов опросов 2010 и 2013 годов обнаружило следующие особенности. Изменился состав лидирующих целей и распределение приоритетов между ними. В 2010 году лидирующую тройку целей конкурентной борьбы территорий соответственно составляли:

«обеспечение высокого качества и достойного уровня жизни населения» (20% от общего количества ответов), *«создание благоприятного предпринимательского климата»* (16%) и *«привлечение российских и иностранных инвестиций»* (14%). Среди причин, объясняющих отмеченные изменения, выделим следующие:

- во-первых, все большая зависимость повышения уровня жизни от федерального центра и ограниченность собственных ресурсов регионов и городов снизило актуальность этой конкурентной цели в соперничестве территорий;

- во-вторых, в последнее время в верхних эшелонах власти сформировалось весьма сдержанное отношение к проблемам роста уровня и качества жизни «на периферии», которое транслируется и на все общество;

- определенное улучшение предпринимательского климата за последние годы снизило остроту данной проблемы. Так, в ежегодном рейтинге благоприятности ведения бизнеса Doing Business Всемирного банка Россия в 2016 году заняла 51 позицию из 189 стран, в то время как в 2012 году она была на 112-ом, а в 2011 году – на 120-ом месте [9].

Несколько иное звучание приобретают полученные результаты, если те или иные конкурентные цели рассмотреть с учетом количества респондентов, их отметивших. В ходе опроса респондентам предлагалось выбрать не более 5-ти из предложенных ответов на вопрос «за что конкурируют территории». Интересно, что вариант ответа *«привлечение российских и зарубежных инвестиций»* в 2013 году выбрали более 70% респондентов, а среди представителей органов власти таких оказалось 83%. Более половины респондентов посчитали важным вариант *«за право проведения деловых, культурных и спортивных мероприятий»*. Примерно по 40% респондентов выбрали варианты ответов *«за привлекательный имидж и позитивную репутацию»*, *«создание благоприятного предпринимательского климата»* и *«привлечение и закрепление квалифицированных кадров»*.

Представляется важным обратить внимание на тот факт, что в 2013 году практически каждый 3-й респондент выделил такую цель конкурентной борьбы, как «*организация новых предприятий (компаний)*», в предыдущем опросе 2010 года - только каждый 10-й. Это подтверждает существенное усиление мобильности российской экономики, так как активизируется вступление на рынок новых компаний и уход старых, не конкурентоспособных предприятий [1]. «Созидательное разрушение», органично встраиваясь в механизм рыночной экономики, становится, согласно теории роста Й. Шумпетера, стратегическим ресурсом повышения качества экономического развития территории. Однако для того, чтобы этот ресурс реально «заработал», уход с рынка старых фирм и приход новых должен сопровождаться повышением инновационной активности последних, предполагать устойчивую интеграцию с наукой, внедрение новых технологий, освоение новых товаров и услуг, формирование новых рынков.

Однако практика показывает, что инновационный вектор развития экономика регионов и городов России так и не получает. Риторика о необходимости диверсифицировать экономику и придать ей современный научно-технический уровень звучит на всех уровнях: во власти, среди представителей бизнеса, госкорпораций и ученого сообщества. Однако реальная действительность свидетельствует об обратном. В рейтинге «Глобальный инновационный индекс», который ежегодно составляет Международная бизнес школа INSEAD, Корнельский университет и Всемирная организация интеллектуальной собственности, позиции России весьма нестабильны (2012 г. – 51 место, 2013 г. – 62, 2014 г. – 49 место). В 2015 году она заняла 60 место из 141 страны мира, опустившись сразу на 11 позиций и расположившись между ОАЭ и Маврикием [7].

Подтверждают это и результаты нашего опроса 2013 года. В условиях провозглашенного страной курса на инновации, по меньшей мере, странно выглядят результаты, касающиеся *лидерства в инновациях* как конкурентной цели территории. Этот пункт набрал лишь 3% от полученных ответов

(таблица 3), а в 2007 и 2010 гг. доля составляла соответственно 6 и 8%. Среди представителей власти инновации получили еще меньше - всего 2% от общего количества ответов. Малозначимой выглядит рассматриваемая цель конкурентной борьбы территорий также и для бизнесменов и ученых, принявших участие в наших социологических опросах. Эти данные показывают, сколь мало ориентировано общество в целом и особенно органы власти на действительно инновационный путь развития.

И на отношение респондентов к территориальной конкуренции, и на ранжирование ими целей соперничества территорий несомненно оказывают влияние имеющиеся или формирующиеся конкурентные преимущества регионов и городов. Опрашиваемым было предложено отметить не более 5-ти вариантов (табл. 2).

Таблица 2

Конкурентные преимущества, существующие или/формирующиеся у
города/региона,
% от количества ответов

	сего	В том числе:		
		ласт ь	изне с	аука
Географическое положение	8	0	7	8
Природные ресурсы	5	1	6	8
Прогрессивная структура экономики				
Устойчивый экономический рост				
Финансовая стабильность				
Развитая рыночная инфраструктура				

	0	0	0	
Благоприятный предпринимательский климат				
Развивающееся деловое партнерство власти и бизнеса				
Доверие жителей к власти и бизнесу				
Высокий научный потенциал, инновационная активность				0
Сложившийся кадровый потенциал				0
Высокое качество и достойный уровень жизни населения				
Низкий уровень преступности				
Привлекательный имидж и позитивная репутация				
Другое				

Такие конкурентные преимущества территорий, как *«географическое положение»* и *«природные ресурсы»* все группы наших респондентов считают безусловными лидерами (соответственно 18 и 15% от общего количества ответов). Нами это расценивается как подтверждение сохраняющейся природно-сырьевой ориентации экономики территорий, отражающейся в общественном сознании.

Достаточно весомыми респондентам видятся такие конкурентные преимущества исследуемых территорий, как *«развитая рыночная инфраструктура»* (10% ответов), *«научный потенциал, инновационная активность»* (8%) и *«сложившийся кадровый потенциал»* (8%). Подобная оценка респондентами преимуществ своей территории свидетельствует об ее устойчивом в целом экономическом состоянии, ориентированном на поступательное развитие. Однако настораживает складывающаяся тенденция

к снижению признания конкурентными преимуществами таких позиций, как *«научный потенциал, инновационная активность»* и *«сложившийся кадровый потенциал»*. Среди причин, объясняющих формирование этого тренда, выделим уже упомянутую слабую инновационную активность территорий, заметную отстранённость Правительства России от реальной поддержки развития науки в стране и ее разрушительное реформирование. Выбывание высококвалифицированных и научных, и рабочих кадров, происходящий в связи с возрастом, а также массовый отток сложившихся профессионалов в совокупности определяют нарастающий дефицит научных и рабочих кадров высокой квалификации.

Привлекательность имиджа и позитивной репутации территории в качестве конкурентного преимущества своего города/региона были отмечены лишь в 6% ответов (2010 – 9%). Результаты опросов свидетельствуют и о том, что накапливаются противоречия в деловом партнерстве власти и бизнеса. К сожалению, все меньшее количество участников опросов в качестве конкурентного преимущества своего региона/города рассматривают *«деловое партнерство власти и бизнеса»* (6% ответов). Во многом это предопределено тем, что в стране, в большинстве ее регионов и городов на низком уровне остается доверие к власти со стороны бизнеса и жителей [2].

И, наконец, по мнению респондентов, их территории практически не обладают такими конкурентными преимуществами, как *«высокое качество и достойный уровень жизни населения»* (лишь 3% ответов), *«доверие жителей к власти и бизнесу»* (2%) и *«низкий уровень преступности»* (1%).

Респондентам были заданы два взаимосвязанных вопроса: какие инструменты формирования привлекательного имиджа и позитивной репутации территории 1) вы считаете наиболее результативными и 2) наиболее активно и масштабно используются в вашем регионе/городе? Анализ распределения ответов показал, что в реальной действительности повышенное внимание уделяется инструментам, которые, по мнению опрошенных, не слишком результативны. Это *«разработка официальной*

символики», «проведение деловых, культурных и спортивных мероприятий», «организация выставок, ярмарок, конкурсов» и «специальные региональные интернет-сайты». Все эти инструменты объединяет один общий момент: они в разных формах презентуют территорию, демонстрируют ее возможности (табл. 3). Заметим, что результативность этих инструментов может быть и весьма высокой при условии их профессионального применения в нужное время и в нужном месте, а также при наличии тщательной, продуманной подготовки.

Таблица 3

Инструменты формирования привлекательного имиджа и позитивной репутации территории, % от количества выбранных ответов

	Наиболее результативны	Наиболее активно и масштабно используются в регионе/городе респондента
Разработка официальной символики (герб, флаг, гимн и т.д.)	5	9
Информационные компании, PR, реклама	11	12
Специальные региональные (муниципальные) интернет-сайты	6	10
Организация выставок, ярмарок, конкурсов и т.п.	13	18

Стратегические проекты развития регионов и городов	14	12
Регулярная публикация достоверной статистической информации	4	3
Активная инвестиционная политика	11	6
Активная инновационная политика	7	4
Прогрессивное законодательство, налоговые льготы	7	3
Последовательное устранение административных барьеров	8	3
Проведение деловых, культурных и спортивных мероприятий	13	18
Другое	1	2

Однако есть и другая группа инструментов, которые затрагивают глубинные сущностные характеристики территории и предполагают поступательное развитие самой территории и соответствующее улучшение ее имиджа и репутации. К ним относятся: активная инвестиционная политика, активная инновационная политика, прогрессивное законодательство, налоговые льготы, устранение административных барьеров. К сожалению, именно эти инструменты применяются меньше, чем хотелось бы, что и подтверждают итоги нашего социологического опроса.

Интересны результаты представителей органов власти, полученные при ответах на вопрос о наиболее активно и масштабно используемых инструментах формирования привлекательного имиджа и позитивной репутации территории (табл. 4). Этот анализ становится еще более информативным, если вспомнить, что сегодня ведущая роль в имиджево-репутационных преобразованиях принадлежит именно властным структурам и большинство изменений имиджа и репутации территорий инициируется, организуется и финансируется «сверху».

Таблица 4

Инструменты, наиболее активно и масштабно используемые для формирования привлекательного имиджа и позитивной репутации территории, представители органов власти, % от количества полученных ответов

		007	010	013
	Разработка официальной символики (герб, флаг, гимн и т.д.)	9	4	
	Информационные компании, PR, реклама		0	0
	Специальные региональные (муниципальные) Интернет-сайты	4	6	
	Организация выставок, ярмарок, конкурсов	2	4	7
	Стратегические проекты развития регионов и городов	/д	/д	4
	Регулярная публикация достоверной статистической информации			
	Активная инвестиционная политика		0	
	Активная инновационная политика			
	Прогрессивное законодательство, налоговые льготы			
0	Последовательное устранение административных барьеров	/д	/д	
1	Проведение деловых, культурных и спортивных мероприятий	4	3	6
	Другое			

2				
---	--	--	--	--

По сравнению с 2007 и 2010 годами резко упал интерес властных структур к разработке официальной символики, Этот ответ набрал в опросе 2013 года лишь 6% (2007 – 19%, 2010 – 24%). Меньше внимания стало к территориальным интернет-сайтам – этот ответ набрал в 2013 году 9% (2007 - 14%, 2010 – 16%). В 2013 году для представителей властных структур до 17% снизилась значимость организации выставок, ярмарок, конкурсов (2007 – 22%, 2010 – 24%). Однако более всего тревожит положение дел с пунктами 6-10 (см. таблицу 4, выделено цветом). Наиболее масштабные изменения имиджа и репутации муниципалитетов/регионов связаны именно с максимизацией применения этой группы инструментов. Органы власти по-прежнему не готовы к проведению активной инвестиционной политики (8% ответов), инновационной политики (4%), к разработке и применению прогрессивного законодательства и налоговых льгот (4%), к последовательному устранению административных барьеров (6%).

Авторы при анкетировании попытались выяснить, что мешает формированию привлекательного имиджа и репутации территорий. Респондентам было предложено выбрать несколько ответов из предложенных вариантов (табл. 5).

Таблица 5

Что мешает формированию привлекательного имиджа и позитивной репутации региона/города, % от количества выбранных ответов

	Всего		в том числе:					
			Власть		Бизнес		Народ	
	01	01	01	01	01	01	01	01
	0	3	0	3	0	3	0	3

Отсутствие должной заинтересованности у администрации региона/города	3	2	1		7	3	4	5
Нет необходимых средств и ресурсов	3	6	2	3	3	3	3	2
Нет специалистов	4	2	9		3	3	2	3
Отсутствие необходимого опыта	5	2	9	0	7	5	9	2
Нет поддержки со стороны федеральных/региональных органов власти	/д	2	/д	3	/д	1	/д	2
Слабая активность бизнес-сообщества	/д	3	/д	3	/д	0	/д	5
Отсутствие поддержки жителей	/д	1	/д	1	/д	0	/д	1
Существенные правовые барьеры	/д	0	/д	2	/д	2	/д	
Другое			9					

В ответах на вопрос, что мешает формированию привлекательного имиджа и позитивной репутации региона/города, лидирующие позиции занял ответ «нет необходимых средств и ресурсов» (16% ответов). Однако по группам респондентов единообразия не наблюдается. Представители властных структур считают себя более «обделенными» средствами и ресурсами – у них этот ответ набрал 23%, у бизнесменов – 13%, у научных работников – 12%.

Слабая активность бизнес-сообщества, мешающая формированию имиджа и репутации территорий, отмечена в 13% ответов (власть – 13%, бизнес – 10%, наука – 15%). Обратим внимание на тот факт, что данная

формулировка появилась только в опросе 2013 года и сразу закрепились в лидирующей группе ответов.

Ответ, что имиджево-репутационным преобразованиям территорий мешает *«отсутствие должной заинтересованности у администрации региона/города»*, набрал в среднем по всем группам респондентов 12%, однако сами представители власти так не считают – у них этот ответ в 2013 году набрал лишь 6% (2010 год – 31% !). Более критично настроены представители бизнеса и науки – 13% и 15 % соответственно (2010 год – 17% и 24%). Исходя из результатов опроса, можно говорить о том, что в целом прослеживается положительная тенденция возрастания интереса органов власти к проблеме формирования привлекательного имиджа и позитивной репутации территорий.

Ответ *«нет специалистов»* набрал в среднем по всем категориям опрошенных 12%. Однако существует разброс по группам респондентов: у представителей властных структур этот ответ получил 9%, у представителей бизнеса и науки - по 13%. Также в 12 % ответов респонденты отметили *«отсутствие необходимого опыта»* (власть – 10%, бизнес – 15%, наука – 12%). Заметим, что власти по поводу наличия специалистов и опыта занимают более оптимистичную позицию, чем бизнесмены и ученые. Думается, что оптимизм этот не вполне оправдан, достаточно проанализировать последние имиджево-репутационные проекты ряда территорий России.

В нашем опросе как помеха имиджево-репутационным преобразованиям респондентами также была выделена такая позиция, как *«отсутствие поддержки жителей»*, что отражено в среднем в 11% ответов. Думается, что в данном случае претензии могут быть высказаны, прежде всего, властям. Люди устали от многочисленных «планов громадьи», большая часть которых заведомо неисполнима, которые ложатся неподъемным бременем на скудеющие бюджеты регионов и муниципалитетов, доставляют массу неудобств жителям, превращаются в

пустое славословие а, зачастую, и просто в циничное растаскивание средств. Так, в случае с заявкой Екатеринбурга на проведение ЭКСПО-2020 мнения жителей никто и не спрашивал. Непосредственно за несколько дней до голосования телекомпания «4 канал» провела в прямом эфире голосование «за» и «против», в итоге 61% (!) екатеринбуржцев оказались против проведения ЭКСПО в городе [8].

Существенные правовые барьеры, мешающие формированию привлекательного имиджа и позитивной репутации территорий, которые отмечены в 10% ответов наших респондентов, должны устранять органы законодательной власти и на уровне страны, и на субфедеральном уровне. Пока существенных подвижек в этом направлении не наблюдается.

Значительный научный и практический интерес представляют перспективы территориальной конкуренции в современной экономике, что на начальном этапе предполагает оценку достигнутого уровня территориальной конкуренции. В опросе 2013 года его участникам было предложено дать свою оценку уровня территориальной конкуренции в экономике России (табл. 6)

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили уровень территориальной конкуренции в экономике России?», %

Оценки	Все респонденты	в том числе представители:		
		вл асти	биз неса	нау ки
Высокий и выше среднего	18	24	18	13
Средний	43	48	43	40
Ниже среднего и низкий	31	23	29	38

Затрудняюсь ответить	8	5	10	9
----------------------	---	---	----	---

То, что почти каждый третий участник опроса оценивает уровень территориальной конкуренции в России как «ниже среднего и низкий» представляется достаточно справедливым. Территориальная конкуренция весьма новый для России процесс, объективно нуждающийся и в теоретическом осмыслении, и в современных инструментах конструирования. Это тем более актуально, так как половина наших респондентов вполне обоснованно ожидают дальнейшее обострение территориальной конкуренции. Отметим, что среди представителей научного сообщества наибольшая доля тех, кто дали оценку уровню территориальной конкуренции как «ниже среднего и низкий» (38%) и среди этой же группы респондентов наибольшая доля тех, кто предполагает дальнейшее обострение территориальной конкуренции – 60% (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Ваше видение перспектив территориальной конкуренции?», %

Ответы	Все респонденты	в том числе представители:		
		Власти	Бизнеса	Науки
Будет обостряться	50	48	39	60
Сохранится на достигнутом уровне	32	39	37	21
Станет менее острой	5	4	3	8
Затрудняюсь ответить	13	9	21	11

Научные исследования доказывают, что экономика получает от развитой конкуренции очевидные выигрыши. Более того, низкий уровень конкуренции – тормоз для развития экономики. Так, в докладе С.

Головановой и С. Курдина «Последствия слабой конкуренции: количественные оценки и выводы для политики», представленном на семинаре в ВШЭ 28.02.2013, подчеркнуто, что прямые потери от слабой конкуренции во всем мире огромны. Например, в России прямые потери от слабой конкуренции составляют 2,5% ВВП или 1,3 трл рублей в год [10].

Территориальная конкуренция, как и конкуренция в целом, весьма подвижна и изменчива. При этом, процесс не всегда однозначно идет в желаемом направлении - к оптимизации экономики и росту социально-экономических результатов. Конечно, конкуренция — это не «мед» для бизнеса и не «рай» для развития территорий. Однако, справедливо и то, что без конкурентной борьбы за квалифицированные кадры, федеральные и иностранные инвестиции, рынки и сферы влияния социально-экономический прогресс вряд ли возможен.

Список литературы

1. Важенин С.Г. Мобильность компаний в конкурентной экономике // ЭКО. 2013. № 4. С. 134-138.
2. Важенин С.Г., Сухих В.В. Архитектура доверия в экономике // Журнал экономической теории. 2010. № 3. С. 22-34.
3. Важенина И.С. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 6. С. 82-98.
4. Важенина И.С. Имидж, репутация и бренд территории.- Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 408 с.
5. Важенина И.С. Концептуальные основы формирования и совершенствования репутации региона // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 8. С. 91-102.
6. Важенина И.С. Мультиполезная потребительная стоимость территории // Маркетинг. 2008. № 2. С. 24-34.

7. Глобальный инновационный индекс 2015 г. -

http://www.wipo.int/econ_stat/ru/economics/gii/

8. Глобальный ум зашел за глобальный разум -

<http://www.znak.com/svrdl/articles/28-11-19-14/101582.html>

9. Рейтинг стран - <http://russian.doingbusiness.org/Rankings>

10. Слабая конкуренция препятствует экономическому росту -

<http://opec.ru/1464165.html>

Васильева, Н.В.|| Медведева, Т.Н.|| Боровинских, В.А.

Оценка инвестиционной привлекательности организаций
сферы туризма

Vasilyeva, N.|| Medvedeva, T.|| Borovinskikh, V.

Evaluation of investment attractiveness of the travel industry

В данной статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются в настоящее время организации туристической сферы. Обоснована необходимость оценки инвестиционной привлекательности туристических компаний на основе их финансового состояния. Значительное внимание уделено расчету интегрального показателя инвестиционной привлекательности организации.

This article discusses the challenges that currently face the organization of the tourist industry. It justifies the need of focusing the evaluation of investment attractiveness of tourist companies based on their financial condition. Considerable attention is paid to the calculation of the integral index of investment attractiveness of the organization.

ТУРИЗМ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ, ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ, ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ.

TOURISM, THE CURRENT STATE OF THE TOURISM INDUSTRY, FINANCIAL CONDITION, INTEGRAL INDICATOR OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS.

В новых экономических реалиях как никогда важно эффективно использовать материальные и финансовые ресурсы, осуществлять режим экономии для поддержания стабильной деятельности организации.

2014 год можно смело назвать годом начала нового этапа развития туристической отрасли в нашей стране. Резкое ухудшение геополитической обстановки в сочетании с падением курса рубля уже привело к уходу ряда ключевых игроков и значительным изменениям в структуре сектора.

Компании, которые работают в туристической отрасли, отмечают существенное падение спроса на заграничные поездки. Основными причинами охлаждения россиян к отдыху за рубежом следует признать его значительное удорожание, вызванное девальвацией национальной валюты, а также ухудшение международной политической ситуации, особенно по излюбленным направлениям Турция и Египет [3].

Подобное развитие событий вынудило государственные органы серьезно задуматься о положении дел в секторе. В частности, в Государственную думу был внесен законопроект, существенно ужесточающий требования к операторам. Например, компаниям, желающим начать заниматься подобной деятельностью, нужно будет иметь на счетах минимум 30 млн.р., при этом обязательные финансовые гарантии для зарубежных туров могут возрасти до 50 млн.р.

Фонд «Турпомощь», который занимается проблемами «застрявших» путешественников сегодня, планируется заменить двумя другими. Кроме того, участников туристической отрасли хотят обязать выдавать все документы клиентам на руки минимум за сутки до отъезда. Многие пункты нового законопроекта категорически не устраивают экспертов, которые считают, что его принятие может «убить» большинство малых и средних компаний [3].

Что касается внутреннего рынка, то здесь все неоднозначно. Переориентация с зарубежных туров на отдых в России, конечно, даст сектору хороший импульс. Однако в нынешних экономических условиях затраты на отдых будут неизменно сокращаться.

ООО «Квадро» является юридическим представителем компании «1001 Тур» в г. Кургане. Основными видами деятельности являются: оформление туров, продажа авиа и железнодорожных билетов, бронирование отелей, оформление виз. Оценка финансового состояния показала, что организация имеет высокие показатели ликвидности и платежеспособности, как на среднесрочную перспективу, так и на ближайший период времени. Обороты

организации возросли за период с 2012 по 2014 гг., что позволяет высоко оценить деловую активность организации. За весь рассмотренный период времени организация работала прибыльно, все показатели рентабельности имеют положительную динамику. ООО «Квадро» достаточно устойчивая компания в финансовом плане, так как практически отсутствует зависимость от внешних источников финансирования. Следовательно, можно сделать вывод, что исходя из оценки финансового состояния, ООО «Квадро» имеет достаточно высокий уровень инвестиционной привлекательности для потенциальных инвесторов среди компаний Кургана и Курганской области. В связи с ситуацией на внешнеэкономическом рынке ООО "Квадро" необходимо развивать сотрудничество с уральскими санаториями, и прежде всего с санаториями «Лесники», «Озеро Медвежье», «Сосновая роща», «Шадринская жемчужина» так как это организации, которые сочетают в себе как отдых, так и лечение [2].

В международной практике наиболее часто для оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности используется показатель операционной прибыли или прибыли до вычета процентов и налогов EBIT и ее разновидность EBITDA. Показатель EBITDA рассчитывается на основании финансовой отчетности предприятия и служит для оценки того, насколько прибыльна основная деятельность предприятия.

Показатель EBITDA рассчитывается следующим образом:

$$EBITDA = ПР + АО \quad (1)$$

где ПР – прибыль до налогообложения

АО - амортизационные отчисления

Для использования показателя EBITDA в методике оценки инвестиционной привлекательности предприятия целесообразнее представить его в относительном выражении в процентах к выручке, в виде коэффициента рентабельности по EBITDA:

$$КР_{EBITDA} = EBITDA / ВР \quad (2)$$

где ВР – выручка от реализации продукции

На основе данных показателей рассчитываем интегральный показатель инвестиционной привлекательности предприятия по следующей формуле [1]:

$$K_{инт} = \sqrt[n]{\prod_{i=1}^n \left(1 - \frac{x_i}{x_{max}}\right)^2}$$

(3)

где $K_{инт}$ – интегральный показатель инвестиционной привлекательности

n – количество финансовых коэффициентов, участвующих в расчете

x_i – значение финансового коэффициента i у организации j

x_{max} – максимальное значение финансового коэффициента i

Данный набор показателей является достаточно полным и дает целостную картину инвестиционной привлекательности организации (таблица 1).

Таблица 1 – Финансовые показатели, участвующие в расчете интегрального показателя инвестиционной привлекательности

Показатель	20 12 г.	20 13 г.	20 14 г.	М акс. значени е
Коэффициент текущей ликвидности	5, 80	6, 33	5, 82	6, 33
Коэффициент автономии	0, 89	0, 89	0, 89	0, 89
Коэффициент оборачиваемости активов	2, 09	2, 23	2, 32	2, 32
Коэффициент рентабельности активов	0, 73	0, 86	0, 88	0, 88
Рентабельность по EBITDA	0, 49	0, 52	0, 52	0, 52

Далее необходимо рассчитать интегральный показатель инвестиционной привлекательности предприятия с помощью данных показателей. Результаты представлены в таблице 2.

$$K_{\text{инп}} 2012 = \sqrt{\left(1 - \frac{5,8}{6,33}\right)^2 + \left(1 - \frac{0,89}{0,89}\right)^2 + \left(1 - \frac{2,09}{2,32}\right)^2 + \left(1 - \frac{0,73}{0,88}\right)^2 + \left(1 - \frac{0,49}{0,52}\right)^2} = 0,0492$$

$$K_{\text{инп}} 2013 = \sqrt{\left(1 - \frac{6,33}{6,33}\right)^2 + \left(1 - \frac{0,89}{0,89}\right)^2 + \left(1 - \frac{2,23}{2,32}\right)^2 + \left(1 - \frac{0,86}{0,88}\right)^2 + \left(1 - \frac{0,52}{0,52}\right)^2} = 0,002$$

$$K_{\text{инп}} 2014 = \sqrt{\left(1 - \frac{5,82}{6,33}\right)^2 + \left(1 - \frac{0,89}{0,89}\right)^2 + \left(1 - \frac{2,32}{2,32}\right)^2 + \left(1 - \frac{0,88}{0,88}\right)^2 + \left(1 - \frac{0,52}{0,52}\right)^2} = 0,0065$$

Таблица 2 – Рейтинговая оценка на основе расчета интегрального коэффициента инвестиционной привлекательности

Год	Значение коэффициента	Место в рейтинге
2012	0,0492	3
2013	0,002	1
2014	0,0065	2

Таким образом, по рассчитанному интегральному коэффициенту инвестиционной привлекательности 2013 год являлся наиболее привлекательным для инвестирования, так как ООО «Квадро» имело большинство из представленных показателей на уровне максимального значения.

Данную методику целесообразно использовать для сравнения нескольких схожих предприятий с целью выбора конечного объекта инвестирования.

Библиографические ссылки

1. Анализ инвестиционной привлекательности организации : научное издание / Д.А. Ендовицкий, В.А. Бабушкин, Н.А. Батурина и др.; под ред. Д.А. Ендовицкого. — М. : КНОРУС, 2010. — 376 с.
2. Стратегия социально-экономического развития Курганской области до 2020 года.- [Электронный ресурс] // Официальный сайт правительства Курганской области : [http:// kurganobl.ru](http://kurganobl.ru).
3. Сергачев В. Поворотный момент // Турбизнес, №12. – 2015.- [Электронный ресурс] // Официальный сайт журнала Турбизнес: <http://www.tourbus.ru>.

Колотова, К. В. || Порфирьева А. О. || Возмилов И. Д.

Исследование спроса на реалити-квесты на рынке Екатеринбурга с
помощью социологического исследования

Kolotova, K. || Porfiryeva, A. || Vozmilov, I.

Researching demand on reality quests in the Ekaterinburg market with the
help of social studies

В данной статье рассматривается проблема повышения привлекательности реалити-квестов на основе исследования спроса на них с помощью социологического опроса студентов Екатеринбурга. Полученные данные обработаны авторами с помощью программного комплекса Statistical Package for the Social Science (SPSS) и представлены в работе. Анализируются потребительские предпочтения на рынке реалити-квестов. На основании проведенного анализа формулируются рекомендации по совершенствованию комплекса маркетинга компаниям, предоставляющим квесты.

In this article the issue of increasing customer attractiveness of reality quests based on demand research conducted by interviewing students in Ekaterinburg is regarded. The obtained data was processed by the Statistical Package for the Social Science (SPSS) software and presented in the article. Customer preferences in the reality quests market are analyzed. Recommendations on improving marketing mix based on the analysis are given to quest providers.

КВЕСТЫ В РЕАЛЬНОСТИ, КОМПЛЕКС МАРКЕТИНГА,
РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ, СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
REALITY QUESTS, MARKETING MIX, ENTERTAINMENT
SERVICES, SOCIAL STUDIES

В последние годы предприятия малого и среднего бизнеса делают все более интенсивные попытки выйти на такую целевую аудиторию как студенты. Данный целевой сегмент можно охарактеризовать как энергичных, мобильных, целеустремленных, смелых, любознательных

новаторов, постоянно нуждающихся в поисках и познании чего-то нового. Потребности данной целевой аудитории меняются с течением времени вместе со сменой поколений и зачастую услуги, имеющие высокую потребительскую привлекательность, вскоре перестают пользоваться спросом и покидают рынок.

Так, в течение последних 10-12 лет наиболее популярными услугами на рынке развлечений для студентов являлись боулинг, бильярд, кинотеатр, аттракционы и игровые центры. Однако в данный момент на рынок выходят новые игроки с уникальными предложениями проведения свободного времени для данной целевой аудитории. На сегодняшний день наиболее популярными развлекательными услугами для молодежи становятся батутные парки, анти-кафе, зеркальные лабиринты, комнаты страха и квесты в реальности.

Учитывая, что данные услуги вышли на рынок недавно, вопрос о потребительском поведении, связанном с ними, недостаточно изучен, а исследование данной целевой группы, выявление потребностей её представителей и рассмотрение возможностей удлинения жизненного цикла предлагаемых услуг является серьезной исследовательской задачей для специалистов в сфере маркетинга.

В данном исследовании нашей целью стала разработка рекомендаций по совершенствованию комплекса маркетинга услуги «квесты в реальности» (далее «квесты»), появившейся на рынке Екатеринбурга недавно (по оценкам экспертов рынка, с 2013 года).

Квест в реальности представляет собой «развлекательную игру для команды из нескольких человек в специально подготовленном помещении. Главная задача игры – за час выбраться из закрытой комнаты, стилизованной в определенной тематике»[1]. Во время игры необходимо применять логику, ловкость и координацию и работать в команде. Такая услуга появилась в Японии и Китае в 2007 году, после чего получила быстрое распространение в Европе, а затем – в России.

В данный момент в Екатеринбурге существует более 30 компаний, которые предоставляют около 80 квестов, и их число стабильно растет. В то же время характерной особенностью является то, что «это одноразовый рынок: если посетитель сходил в одну комнату, идти в нее второй раз ему неинтересно» и, по мнению некоторых экспертов, больших оборотов на этом рынке не добиться и вкладывать в него большие деньги не стоит» [2]. Необходимо также принять во внимание то, что для открытия одной квест-комнаты требуется не менее 10000 долларов [3].

Для проведения исследования спроса на рынке квестов Екатеринбурга и формирования на основании исследования рекомендаций компаниям, предоставляющим данные услуги, нами были проведен опрос 50 студентов Екатеринбурга, для которых была разработана анкета, а полученные данные были обработаны с помощью программного комплекса Statistical Package for the Social Science (SPSS), используемого для социологических исследований.

Заданные вопросы затрагивали восприятия различных элементов комплекса маркетинга компаний, предоставляющих услугу квест в реальности.

В сфере товарной политики был задан вопрос: «Какая тематика квеста наиболее привлекательна для Вас?», и наиболее популярными ответами, выбранными 24 респондентами, оказались: детектив, ужасы, логические, приключения. Это говорит о заинтересованности, активности и желании потенциальных потребителей познать что-то новое. Менее популярными стали следующие варианты ответа: исторические, антуражные.

Кроме того, респондентам был задан вопрос с возможностью выбора нескольких вариантов ответа: «Отметьте наиболее значимые для Вас критерии выбора квеста». Полученные в результате опроса данные представлены на диаграмме (рисунок 1).

Рисунок 1 – Наиболее значимые критерии для потребителей при выборе квеста

Источник: составлено авторами по результатам опроса

Как показывает рисунок 1, наиболее важным критерием выбора квеста среди студентов является «Сюжет квеста», что вновь подтверждает высокую заинтересованность в услуге развлекательного характера. Второй по популярности критерий, который выбрали 38 респондентов – «Цена», что вполне ожидаемо для данной целевой аудитории, поскольку чаще всего студенты от 16 лет до 21 года не имеют стабильного заработка, а следовательно, у них нет возможности пользоваться дорогостоящими услугами. Кроме того, большинством респондентов были выбраны критерии «Реалистичность реквизита», «Качество обслуживания», «Месторасположение». Лишь один человек отметил критерий «Дополнительные услуги» значимым при выборе квеста.

Для более комплексного изучения ценовой политики рынка исследуемой услуги был задан вопрос «Сколько вы готовы платить за участие в квесте?». В результате чего мы выяснили, что 26 респондентов (54,17% опрошенных) из 50 готовы заплатить за участие в квесте от 200 до 500 рублей; 19 (39,58%) респондентов заплатили бы от 500 до 1000 рублей; 3 (6,25%) человека отметили вариант «от 1000 до 1500 рублей», никто из

респондентов не выбрал вариант ответа «от 1500 до 3000 рублей», а 2 респондента оставили этот вопрос без ответа.

Для выявления места продажи, обеспечивающего доступность продукта для целевого рынка, был задан вопрос: «Какое месторасположение квеста наиболее удобно для Вас?». Самым популярным оказался ответ «В центральных районах города Екатеринбурга», который дали 18 респондентов (36% опрошенных); 17 респондентов (34% опрошенных) выбрали вариант «Не имеет значения», что говорит об энергичности и мобильности студентов. 12 человек из 50 выбрали вариант ответа «Вблизи станций метро», и только 3 человека ответили «В отдаленных районах города».

Важнейшим элементом комплекса маркетинга развлекательных услуг является продвижение. В связи с этим, респондентам был задан вопрос «Из какого источника вы узнали о квесте в реальности?». Полученные в результате опроса данные представлены на рисунке 2.

Рисунок 2 – Источники получения информации о квестах
Источник: составлено авторами по результатам опроса

Максимальное количество респондентов – 26 человек (52 % опрошенных) выбрали вариант ответа «Реклама в социальных сетях»; 22

респондента из 50 (44 % опрошенных) отметили «Плакаты в университете»; кроме того, респондентами были выбраны такие варианты, как: «Реклама в торговых центрах» (7 человек, 14 % опрошенных); «Отзывы знакомых» (15 человек, 30% опрошенных); «Реклама в анти-кафе» (15 человек, 30% опрошенных); «Раздача листовок» (12 человек, 24% опрошенных). Вариант ответа «Рекламные щиты, баннеры на улицах города» не был отмечен респондентами.

По итогам проведенного исследования нами были сформулированы следующие рекомендации по совершенствованию комплекса маркетинга компаниям, предоставляющим квесты (Таблица 1):

Таблица 1 – Рекомендации по совершенствованию комплекса маркетинга компаниям, предоставляющим квесты

Элемент комплекса маркетинга	Рекомендации
товарная политика	при создании новых квестов отдавать предпочтение таким тематикам, как детектив, ужасы, логические, приключения; регулярно разрабатывать новые реалисти-игры, вносить разнообразие в существующие программы, адаптировать продукт в соответствии с отзывами потребителей; обращать внимание на качество используемого реквизита, чтобы сюжет квеста был наиболее реалистичен
ценовая политика	устанавливать цену в диапазоне от 200 до 1000 рублей, адаптировать цены для целевой группы: предлагать скидки студентам и школьникам, предусматривать скидки за повторное

	прохождение квеста или привлечение знакомых к реалити-играм
сбытовая политика	располагать квест-комнаты вблизи крупных университетов, в центральных районах города, вблизи станций метро; осуществлять бесплатные пробы продукта большими группами по сокращенной программе
коммуникационн ая политика	более активно задействовать «сарафанное радио» с помощью вирусной рекламы и коммуникаций в социальных сетях; публиковать статьи, блоги и видео, описывающие квесты и пробуждающие интерес потенциальной группы потребителей; размещать рекламу квестов в университетах и школах

Источник: составлено авторами

Применение указанных рекомендаций сделает маркетинговую деятельность фирм, предлагающих реалити-квесты, более эффективной и клиентоориентированной, а сами компании более конкурентоспособными на рынке.

В целом необходимо отметить, что в силу своего недавнего появления рынок квестов еще недостаточно исследован и требует дальнейшего изучения. Развитие данного рынка является прибыльным для бизнеса, но также имеет важную социальную функцию, так как такого рода услуги отвлекают студентов от вредных привычек и пустого времяпрепровождения. Участвуя в квестах, студенты не только удовлетворяют свои социальные потребности, но получают мотивацию к предпринимательской деятельности, что очень важно для экономики нашего города, региона и страны.

Список использованной литературы

1. Что такое квесты в реальности? [Электронный ресурс] / Мир квестов. Режим доступа: <http://mir-kvestov.ru/articles/что-такое-kvesty-v-realnosty>

2. На рынок квестов в Екатеринбурге заходит новосибирский бизнесмен [Электронный ресурс] / Деловой квартал. 28. 01. 2015. Режим доступа: http://ekb.dk.ru/news/na-rynok-kvestov-v-ekaterinburge-zahodit-novosibirskiy-biznesmen-236918659?utm_campaign=transit&utm_source=mirtesen&utm_medium=news&utm_term=mirtesen

3. Новая волна развлечений в Екатеринбурге: как бизнесмены зарабатывают на квестах. [Электронный ресурс] / Дом квестов. Режим доступа: <http://houseofquest.ru/post/32/>

**Эффективная адаптация персонала
как инструмент управления репутацией компании**

**Effective staff adaptation
as a tool of company reputation management**

В статье отражены основные результаты исследования, проведенного на базе ОАО «Газпромнефть-Новосибирск», в ходе которого были выявлены недостатки существующей системы адаптации операторов АЗС 3 разряда. На этой основе авторами предложены способы её совершенствования и обосновано влияние эффективной адаптации персонала на управление репутацией компании.

The article describes the main results of the research of «Gazpromneft-Novosibirsk» public company. The research identified disadvantages of the existing system of staff adaptation in third category gas stations operators. In results, authors suggest few ways to improve this situation and describe the influence of effective staff adaptation on company reputation management.

**АДАПТАЦИЯ ПЕРСОНАЛА || ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ||
УПРАВЛЕНИЕ РЕПУТАЦИЕЙ**

**STAFF ADAPTATION || ADAPTATION PROBLEMS || REPUTATION
MANAGEMENT**

В постоянно меняющемся и усложняющемся мире компаниям всё чаще приходится искать способы своего развития и совершенствования в областях, к которым раньше они относились скептически. Это в полной мере относится и к управлению репутацией, и к адаптации персонала. Мало кто из руководителей задумывается о том, что эффективная адаптация персонала

может быть инструментом управления репутацией компании, а значит, может оказывать существенное влияние на показатели её рентабельности.

Среди основных целей адаптации новых работников обычно выделяют следующие: [24, С. 213]

- Возможно более быстрое достижение рабочих показателей, приемлемых для организации – работодателя;
- Уменьшение стартовых издержек. Новый работник не всегда знает работу и то, как работает организация. До тех пор, пока он работает менее эффективно, чем опытные сотрудники, его работа требует от организации более высоких затрат. Эффективная адаптация уменьшает эти стартовые затраты и дает возможность новому работнику скорее достигнуть установленных стандартов выполнения работы;
- Вхождение работника в рабочий коллектив, в его неформальную структуру и ощущение себя членом команды;
- Сокращение текучести кадров среди новых работников;
- Экономия времени непосредственного руководителя и рядовых работников;
- Развитие у нового работника удовлетворённости работой, позитивного отношения к работе и реализма в ожиданиях.

Исходя из данных предпосылок, было проведено исследование, направленное на выявление недостатков системы адаптации ОАО «Газпромнефть-Новосибирск» и её совершенствование.

На основе исследования была разработана схема, на которой представлена существующую технология адаптации операторов АЗС 3 разряда данной компании наглядно (см.рис.1).

В ходе исследования было выявлено несколько проблем, которые необходимо решить, чтобы технология адаптации операторов АЗС 3 разряда стала более эффективной. Для начала необходимо обратить внимание на то, что в ОАО «Газпромнефть-Новосибирск» институт наставничества является главным и, пожалуй, единственным методом адаптации персонала. На самом

деле ставить знак равенства между адаптацией и наставничеством категорически нельзя, поскольку наставничество – это лишь один из элементов адаптации персонала.

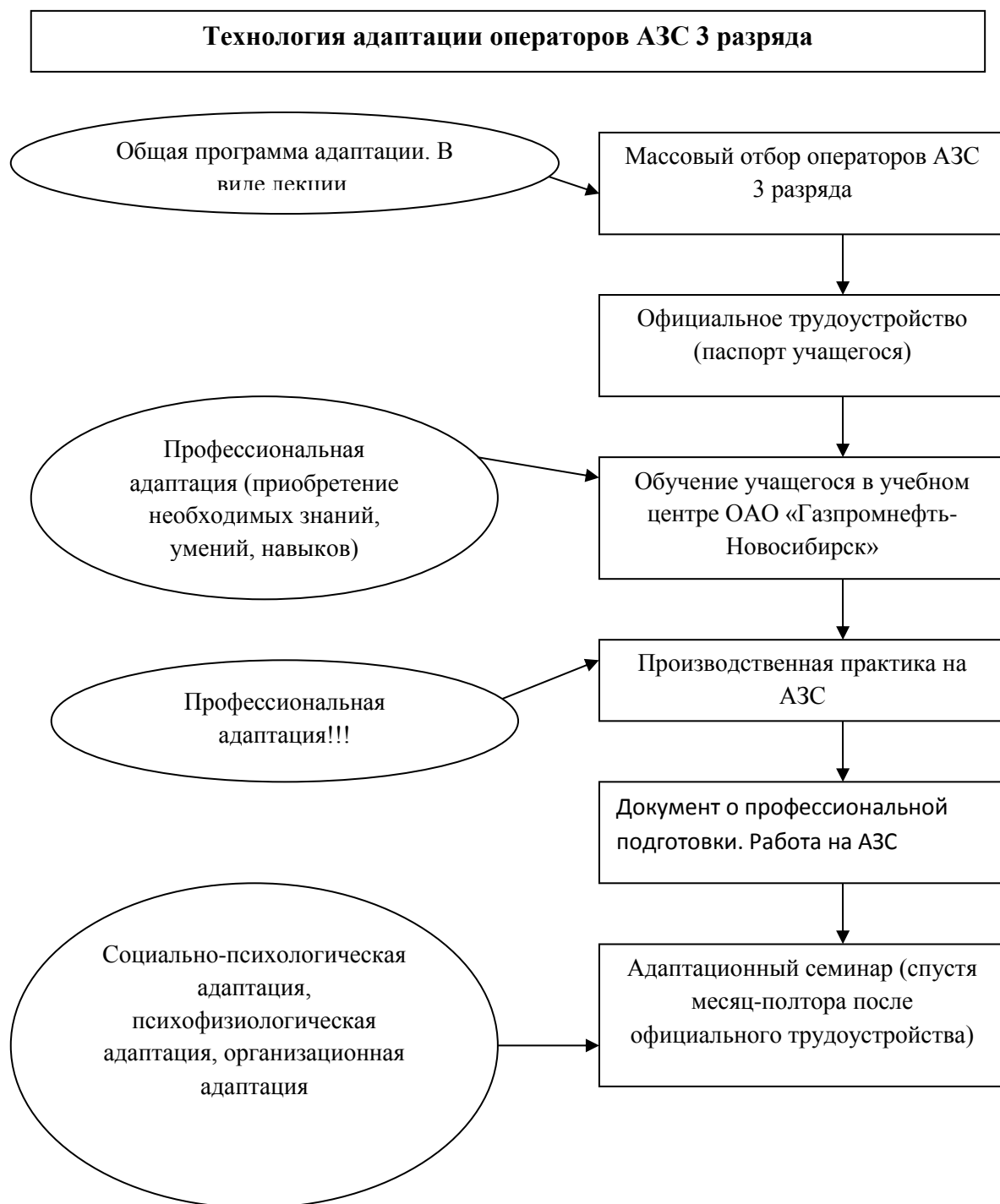

Рис.1 – Технология адаптации операторов АЗС 3 разряда в организации ОАО «Газпромнефть-Новосибирск»

В нашем исследовании было выявлено, что институт наставничества развит на высоком уровне. В организации имеется стандарт организации «Порядок организации наставничества в управлении розничных продаж ПНПО», а также программа обучения операторов АЗС в системе наставничества ОАО «Газпромнефть-Новосибирск» (профессия оператор АЗС 3 разряда), но все это способствует повышению профессиональной адаптации, в то время как, социально-психологической уделяется совсем не большое внимание.

В ходе исследования удалось выяснить, что адаптационные семинары носят лишь рекомендательный характер и далеко не все операторы имеют возможность попасть на этот семинар. Адаптационные семинары также проводятся не так часто, за все время было проведено четыре адаптационных семинара. Результатом этих семинаров стало снижение коэффициента текучести среди операторов АЗС 3 разряда. Уже давно доказано, что внимание со стороны руководства – это первое, что ценится сотрудниками. Таким образом, необходимо периодически проводить беседы, выслушивать работников, помогать в каких-то вопросах. Потребность сделать адаптационные семинары регулярными – существует, но как их проводить, если они носят рекомендательный характер и принуждать операторов принимать участие в подобных мероприятиях организация не имеет право? Вот тот вопрос, на который предстоит ответить в нашем исследовании. Таким образом, нами предложено усовершенствовать существующую технологию адаптации линейного персонала, за счет введения дополнительных адаптационных мероприятий. Усовершенствованная технология адаптации выглядит следующим образом (см.рис.2).

Таким образом, нами предложено во время массового отбора операторов АЗС 3 разряда также проводить лекцию, на которой объясняются цели деятельности ОАО «Газпромнефть-Новосибирск», организационная структура, рассматриваются вопросы оплаты труда, графика работы, разъясняются должностные обязанности операторов АЗС 3 разряда и т.д.

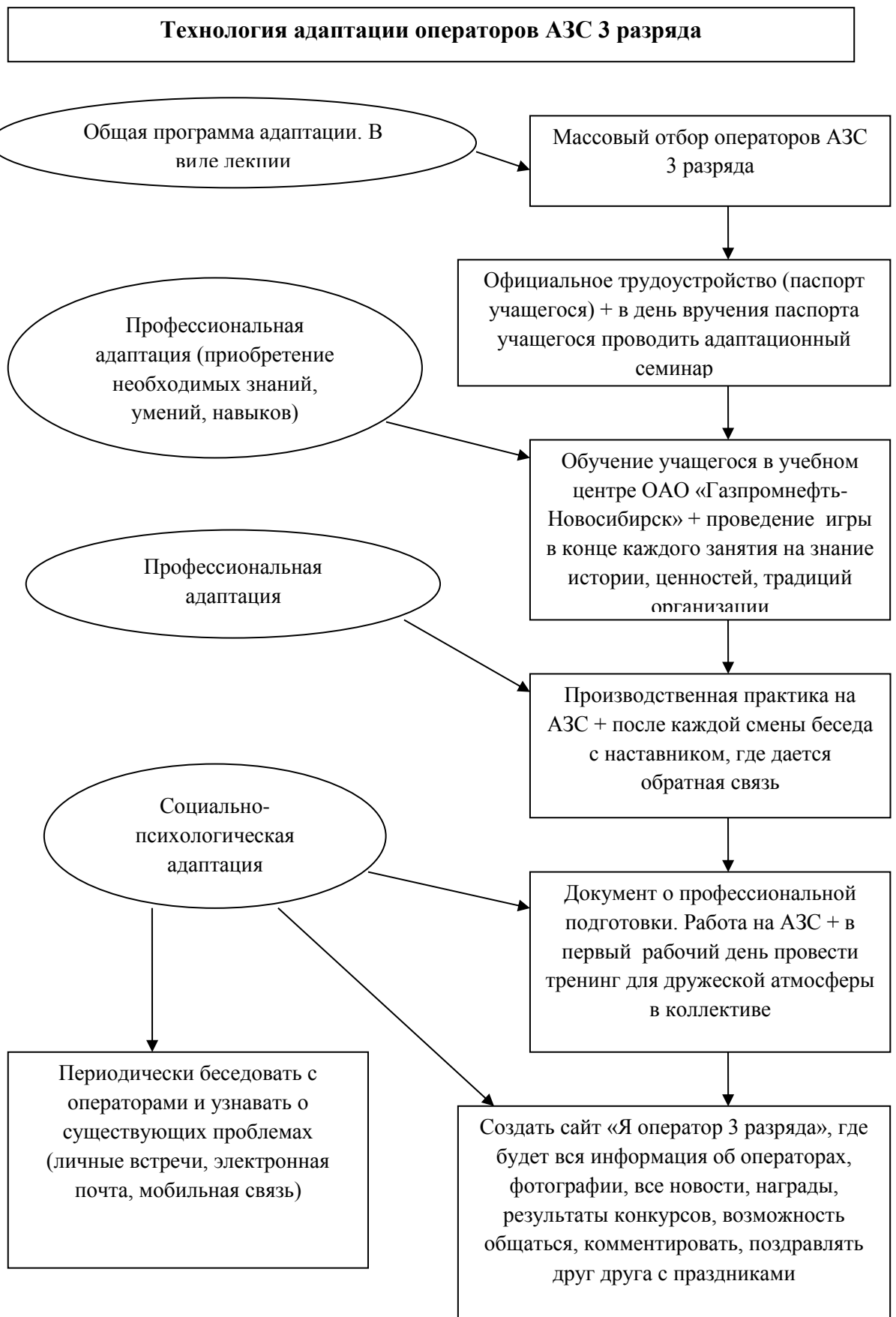

Рис.2 – Усовершенствованная технология адаптации операторов АЗС

3 разряда в организации ОАО «Газпромнефть-Новосибирск»

Те, кто успешно проходит массовый отбор официально трудоустраиваются в организацию. На каждого новичка заводится паспорт учащегося, на время прохождения стажировки и проверки уровня знаний данный документ является основным документом и должен быть у оператора 3 разряда постоянно.

В день выдачи паспорта учащегося все новички собираются в учебном классе. Именно в этот день рекомендуется провести адаптационный семинар, на котором специалист по подбору линейного персонала должен показать презентацию и рассказать о самых важных вопросах таких как:

- стратегические цели организации до 2020 года;
- принципы и ценности организации;
- организационная структура персонала;
- руководство компании ОАО «Газпромнефть-Новосибирск»;
- правила внутреннего трудового распорядка;
- система оплаты труда;
- система социальных льгот;
- ДМС;
- традиции, принятые в организации, корпоративные мероприятия.

Далее специалист по подбору линейного персонала сообщает сотрудникам контактную информацию, которой можно воспользоваться в случае возникновения вопросов. Затем адаптационный семинар проходит в форме «вопрос-ответ». Сотрудники имеют возможность задать, уточнить все интересующие их вопросы. Совершенно нет ничего страшного в том, что некоторая информация на адаптационном семинаре прозвучит повторно, так как некоторые вопросы были озвучены на массовом отборе. После этого проходит обучение операторов АЗС 3 разряда в учебном центре ОАО «Газпромнефть-Новосибирск». Начало занятий в 8:30, окончание в 17:30. Обучение проводится с понедельника по субботу. Соответственно мы

предлагаем в конце каждого занятия проводить небольшую игру. Специалист по мобильному обучению задает один вопрос. Вопросы могут быть разного характера: по действующей в организации системе оплаты труда, правилам внутреннего трудового распорядка, по принципам и ценностям организации, по руководству компании, может быть и по корпоративным праздникам и т.д. За каждый правильный ответ новичок получает эмблему ОАО «Газпромнефть-Новосибирск». В конце всего процесса обучения, перед направлением на производственную практику, специалист по мобильному обучению подводит результаты и тот новичок, который набрал больше всего эмблем получает ценный приз от организации ОАО «Газпромнефть-Новосибирск». В качестве приза может быть любой сувенир организации: кружка, футболка, брелок, кепка и т.д. Таким образом, это позволит разрядить обстановку после занятий, поскольку занятия проходят длительное время, у новичков всегда появляется чувство усталости. С другой стороны это позволит закрепить и лучше усвоить ценности, традиции, нормы и правила, принятые в организации.

Во время прохождения производственной практики со стажером работает наставник. Очень рекомендуется, чтобы в конце каждой смены наставник оставался один на один со стажером, буквально на 10-15 минут и между ними осуществлялась обратная связь. Это позволило бы установить более доверительные и товарищеские отношения между стажером и наставником, а также стажер бы имел возможность узнавать о своих недочетах и учитывать это при дальнейшей работе.

При условии успешной прохождении практики, а также сдачи квалификационного экзамена стажер получает документ о профессиональной подготовке. После этого он приступает к самостоятельной работе в качестве оператора АЗС 3 разряда. Рекомендуется, чтобы заместитель управляющего АЗС или управляющий АЗС в первый рабочий день провели небольшой тренинг, направленный на вхождение нового сотрудника в коллектив. Это может быть и небольшое чаепитие, где управляющий может вспомнить

интересные, может быть даже смешные случаи, происшедшие на АЗС. Также можно провести несколько расслабляющих психологических игр, которые направлены на знакомство людей между собой.

Еще одной рекомендацией является – создать сайт «Я оператор 3 разряда». Важно, чтобы этот сайт заинтересовал как можно большее количество операторов. Соответственно необходимо, чтобы сайт был интересным и с другой стороны познавательным. Очень важно сфокусировать внимание именно на операторах АЗС. Рассказы об операторах АЗС, их хобби, путешествия и прочее – всё это повысит интерес к сайту. Например, можно создать рубрику «История успеха», из которой читатели узнают о карьерном росте своих коллег, их профессиональном успехе. Можно организовать конкурс на лучшую историю и награждать победителей. Также данный сайт может иметь и другую цель – общение операторов АЗС. Операторы АЗС смогут добавлять свои фотографии, обмениваться мнениями, поздравлять друг друга с праздниками. Также можно организовать конкурс «Лучшее поздравление месяца». Призы не обязательно должны быть материальными. Можно сделать и другой вариант, например, указывать номер АЗС и та АЗС, которая наиболее активна, имеет наибольшие успехи и т.д. получает ценный приз – поход в кино, боулинг, бассейн вместе с коллегами по работе.

Разумеется, необходимо как можно чаще проводить беседы с операторами АЗС. Приглашать их в учебный центр, периодически делать выезды на АЗС. Возможно общение по электронной почте. Т.е. создать электронную почту, на которую в любое время может поступить письмо от оператора АЗС с какими-либо проблемами, пожеланиями, рекомендациями. Обратная связь может быть дана не моментально, но каждый день специалист по подбору линейного персонала должен просматривать эту почту и отвечать на все вопросы.

Таким образом, мы предлагаем усовершенствовать существующую технологию адаптации персонала, поскольку считаем, что она наиболее эффективна и приведет к положительным результатам.

В ходе исследования было предложено усовершенствовать технологию адаптации операторов АЗС 3 разряда путем проведения дополнительных адаптационных мероприятий, которые направлены в большей степени на социально-психологическую адаптацию, а также на психологическую, эмоциональную сторону каждого новичка. Исходя из этого, предполагается внедрение следующих мероприятий:

- Профессиональная игра;
- Обратная связь между наставником и стажером;
- Тренинг в первый рабочий день для операторов АЗС 3 разряда;
- Сайт «Я оператор 3 разряда».

Все предлагаемые рекомендации по усовершенствованию технологии адаптации не требуют больших финансовых затрат. Соответственно от службы управления персоналом требуется лишь время и внимание.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в процессе адаптации операторов АЗС 3 разряда в ОАО «Газпромнефть-Новосибирск», что позволит снизить степень неопределенности у новых сотрудников, а также способствует развитию позитивного отношения к работе и чувству удовлетворенности.

Подводя итог, следует отметить, что социально-психологические аспекты управления персоналом, включая систему адаптации и мотивации сотрудников, составляют одно из направлений развития в области управления репутацией современной компании. [3] Поскольку именно персонал компании зачастую играет более серьезную роль в транслировании информации о компании, чем даже средства массовой информации (взаимодействием с которыми занимаются PR специалисты), то необходимо учитывать потребности своих сотрудников как при устройстве на работу, так

и при увольнении. [4] Негативные отзывы о работе в компании – наиболее быстрый из путей её гибели.

Литература

1. Магура М. И. Поиск и отбор персонала. Настольная книга для преподавателей, руководителей и специалистов кадровых служб и менеджеров / М.И. Магура. – Москва : ООО Журнал «Управление персоналом», 2003. – 304 с.

2. Половинко Л. В. Управление трудовой адаптацией как бизнес-процесс / Л.В. Половинко // Современный менеджмент: условия и фактор модернизируемой экономики: матер. междунар. заочной науч.- практ. конф. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2010. – С. 74-77.

3. Сальникова Л. С. Репутационный менеджмент. Современные подходы и технологии / Л.С. Сальникова. – Москва: Юрайт, 2013. – 304 с.

4. Блестящая репутация компании: 3 простых шага к успеху // Офиц.сайт делового журнала «Коммерческий директор». – URL : <http://www.kom-dir.ru/article/1021-reputatsiya-kompanii> (дата обращения: 18.02.2016).

Горская Д.А.

Феномен дауншифтинга: сценарно-мотивационный анализ

Gorskaya D.A.

Downshifting phenomenon: scenario- motivational analysis

Аннотация на русском языке

В статье рассказывается о новом явлении современной культуры – дауншифтинге. Особое внимание уделяется рассмотрению причин, а также на основании анализа историй реальных дауншифтеров выделяется несколько дауншифт-сценариев. Истории дауншифтеров взяты из книги С. Макеевой «Дауншифтинг. Или как работать в удовольствие, не зависеть от пробок и заниматься тем, чем хочется».

Аннотация на английском языке

The article describes the phenomenon of modern culture –downshifting. Special attention is paid to the reasons and on the basis of analysis of the real downshiffters identified several downshift- scenarios. The history of downshiffters are taken from the book S. Makeeva «Downshifting. Or how to work in a fun, not to depend on traffic jams and to do what you want».

Ключевые слова: дауншифтинг, причины, распространение, явление, феномен, анализ, история, сценарий.

Keywords: downshifting, reasons, distribution, appearance, phenomenon, analysis, history, alternative scenario.

Дауншифтинг в России появился сравнительно недавно. Согласно оценкам специалистов, за последние 10 лет в странах Западной Европы около 30% работающего населения стали дауншифтерами. В Австралии и США этот показатель несколько ниже – около 25%. В России можно говорить лишь о 5% людей, увлечённых этим движением [7]. Но с каждым годом число выбирающих такой путь увеличивается.

Образ дауншифтера довольно трудно определить, но всё же есть определённые сценарии дауншифтинга. Книга С. Макеевой «Дауншифтинг, или как работать в удовольствие, не зависеть от пробок и заниматься тем,

чем хочется» даёт огромный материал для анализа. В этой книге собраны истории людей, отказавшихся от типичных представлений об успехе: «Ее герои – бывшие офисные работники, представители творческих профессий и просто жители безумных мегаполисов нашли ответ на этот вопрос. Они решили поменять свою жизнь в лучшую сторону. Перестали томиться в тесных и душных офисах, испытывать стресс и решать конфликты, не имеющие отношения к их жизни. Они остановились и задумались о цене, которую платят за навязанный кем-то уровень жизни. Их называют дауншифтерами, но они не просто сбавили обороты. Оптимизировали свою жизнь и теперь наслаждаются ею» [7].

Принять философию дауншифтинга могут как женщины, так и мужчины. Дауншифтерами принято называть людей в возрасте от 30 до 45 лет. После 40 лет люди редко готовы к кардинальным переменам в своей жизни. Они продолжают жить по стандартному сценарию, даже если он оказался не столь удачным. До 30 лет в силу возраста невозможно добиться того социального статуса, который возникает с осознанием пустоты собственной жизни, несмотря на наличие всех визуальных атрибутов успешного человека. Именно по этим причинам дауншифтинг популярен среди людей среднего возраста.

Как правило, под «классическим» дауншифтингом понимается переход от высокооплачиваемой, но связанной с чрезмерным стрессом, нагрузками и отнимающей всё свободное время работы на более спокойную, хотя и низкооплачиваемую по сравнению с прежней, а также отказ от предметов роскоши и карьерных перспектив в будущем [6].

Изучая истории дауншифтеров, можно выделить главные причины дауншифтинга. Отметим наиболее значимые из них.

1) Глубокая усталость, эмоциональное «перегорание», истощение «внутренних ресурсов».

Денис Данилов когда-то возглавлял пиар-отдел московского инвестиционного фонда, сейчас он живёт в Индии. «Конечно, безумно

приятно дразнить коллег видами моря по скайпу, но москвичи существуют в своем бешеном ритме, - поясняет Денис. На природе ты нормализуешься, отходишь от стандарта «busy Russians» (именно так воспринимают за границей вечно решающих какие-то проблемы русских). Признаемся себе честно, иногда мы нравимся себе постоянно разговаривающими по телефону «по делу», но вот зачем это и для кого?» [4].

В качестве примера можно привести и историю бывшей журналистки PR Александры, которая сейчас живёт в Таиланде. Вот что она говорит о своём решении стать дауншифтером: «Дома ничто не держало, семьи нет, работа «осточертела», кризис среднего возраста накрыл девятибалльным штормом, смёл умение радоваться простым вещам. Плюс разочарование в любимой профессии сыграло роль»[4].

2) Попытка «возвращения к самому себе», своим личным желаниям, интересам. В данном случае дауншифтинг является формой внутреннего протеста, критического разногласия между внутренним желаемым и действительным.

Например, история Александра Егорова. Он всегда с детства мечтал стать пилотом, но не получилось. И только теперь, когда уже прошло полжизни, он осуществил свою мечту: «Это был серьёзный дауншифтинг, отказавшись от должности директора, я попал в ученики. Небо – это своего рода болезнь. И эта болезнь не покидала меня всё это время» [4].

Эдуард Бояков, журналист по первому образованию, раньше работал в крупных компаниях на серьёзных должностях. Но мечты о чём-то большем не покидали. В настоящее время Эдуард Бояков – директор театрального фестиваля «Золотая маска», руководитель театра «Практика». На вопрос, не жалеет ли он о переменах в своей жизни, Бояков отвечает: «Смысл и ценность жизни в том, что человек может прожить несколько разных жизней. Это удивительная свобода»[4].

3) Забота о психическом и физическом здоровье.

История героини – экс - журналиста РБК Людмилы, живущей сейчас вместе с мужем и ребенком в Таиланде в этом смысле очень показательна: «Мы сменили московский – не самый приятный – климат и атмосферу вечной спешки и стресса на размеренную деревенскую жизнь в климате, который можно назвать тропическим. Мы ездим за хорошей погодой и атмосферой (где есть единомышленники, где есть чему поучиться – йоге, массажу, духовным практикам, танцам). Планируем жизнь на три месяца вперед, не дольше».

Екатерина Прокина четыре года работа маркетологом, а о своей прошлой жизни вспоминает: «Честно говоря, я не замечала, сколько зарабатываю, когда зарабатывала много. Тратить не успевала. Сейчас приходится себя во многом ограничивать. Но это того стоит. Раньше я не задумывалась, на что трачу свою жизнь и здоровье. И поняла, что если проживу так до конца лет, буду несчастлива»[4].

4)Желание проводить больше времени с семьёй.

Большинство людей становятся дауншифтерами, потому что не хватает времени на собственную семью. Так, например, в статье М. Даля «Дауншифтинг: почему мужчины бросают всё и уезжают на край света?» автор пишет: «Нужно не гнаться за призрачной мечтой, а просто жить и наслаждаться каждой минутой, каждой секундой, подаренной мне. Я не хочу потерять семью. Работа и карьера забирают львиную долю моего времени, а для семьи остаётся совсем ничего»[3].

Героиня книги Елена Саяпина рассказывает: «Внимательно посмотрев на глобус, Елена остановила свой выбор на Таиланде. Когда-то Елена приезжала сюда туристом на неделю и подумала, как хорошо было бы здесь с детьми. Когда ее сыновьям было по два с небольшим года, она переехала в Таиланд. Сейчас мальчишкам уже по пять лет»[4].

На основании анализа историй реальных дауншифтеров мы выделили несколько дауншифт-сценариев.

1) «Экзотический» дауншифтинг. Его, как правило, выбирают достаточно обеспеченные люди, которые чаще всего уезжают в экзотические страны. Самые распространённые места «обитания» дауншифтеров: Гоа, Бали, Таиланд. Чаще всего такому дауншифтингу подвержены сотрудники высшего звена, которые занимают руководящие должности. У них, как правило, ненормированный рабочий день, они решают споры и конфликты, всегда находятся в состоянии стресса и в условиях бесконечной конкуренции. «Золотые наручники», - это финансовая обеспеченность, комфорт и безопасность высокооплачиваемой работы, которая частично или полностью не удовлетворяет человека или же делает его несчастным. Но при этом он остается прикованным к письменному столу и офису, потому что боится уйти или уже не может жить без рабочих стрессов»[8]. Однако всё же есть люди, которые готовы отказаться от «золотых наручников». Например, Роман Комаров. Когда-то он был вице-президентом «Rolls-Royce Москва». «Почему однажды решил больше не возвращаться в офис? Решение пришло постепенно. Я общался с богатыми и влиятельными людьми страны и мира и не увидел в их глазах счастья. Они находились на самой вершине социальной пирамиды. У них были власть, деньги, статус. До этого представлял свою жизнь так: стремительная карьера, высокое положение в обществе, финансовый успех. Но увидев в глазах этих людей усталость, а у некоторых еще и страх, подумал, что, может быть, такой путь не приведет к счастью...». В настоящее время Роман живёт в Гоа.

2) Тревел-дауншифтинг. Этот сценарий выбирают «активные дауншифтеры». Они могут заниматься волонтерской работой, трудиться в приютах, хосписах, а также могут «жить в путешествии» (англ. traveliving). Буквально это означает путешествие как образ жизни. Представители данного направления не изучают страну с точки зрения достопримечательностей, а именно в ней живут. Если человек уезжает с постоянного места жительства, путешествует долго и задерживается в

различных местах неопределённое время, то такой образ жизни можно назвать тревеливингом.

Одни из самых ярких представителей тревеливинга – Маша Дубровская и Аджей Верма: «Мы сами пришли к тревеливингу случайно. Мы ничего не знали о таком образе жизни, когда уезжали из России. Мы тоже думали, что путешествовать годами могут себе позволить только дети олигархов. Постепенно наша жизнь свелась к тревеливингу. Теперь мы вместе путешествуем по Азии в медленном темпе, останавливаемся в понравившихся местах минимум на месяц» [8]. Они создали свой блог в Интернете о тревеливинге, где можно получить огромное количество информации о путешествиях, интересных странах, а также их реальные истории «познания» мира.

3) Духовный дауншифтинг. Третий вид дауншифтеров относится к категории «ищущих». Такие люди ищут смысл жизни, стремятся к гармонии и познания самого себя. Многие из представителей принадлежат к восточным религиозно - философским учениям. Также к этой категории относятся люди, которые восстанавливают жизненный уклад в заброшенных сёлах («ушельцы»). Например, певица Юлия Чичерина, так рассказывает о своей деревенской жизни: «Творческому человеку крайне сложно работать, когда всё вокруг звонит, шумит и отвлекает. На просторе и думается, и мечтается по-другому. Только здесь можно отключиться и почувствовать, что ты действительно живёшь, увидеть звёзды и рассмотреть небо над головой»[4].

4) Экологический дауншифтинг. Многие дауншифтеры призывают к бережному отношению к природе и собственному здоровью. Философия дауншифтеров во многом схожа с идеями экопоселенцев. Они уезжают жить в места, где нет урбанизации, и питаются «от земли», но, в отличие от дауншифтеров, объединяются в поселения исходя из общих экологических и духовных интересов. Также можно сопоставить идеи экологического дауншифтинга и стиль жизни, отрицающий принципы потребительства –

фриганизм. В качестве источника продуктов питания и других материальных благ приверженцы такого образа жизни используют свалки, мусорные контейнеры и т.д. Но эти люди не нищие и не бездомные.

Например, герой книги Софьи Макеевой Денис. В качестве эксперимента, когда он путешествовал по Норвегии, питался из мусорных бачков. Он поясняет: «Выброшенные продукты, кстати, там не грязные и даже не пахнут! Это капиталистическая система снабжения, когда продукты, не проданные в определённое время, нельзя реализовывать, их выбрасывают. Да и с тем, что в зарубежных бачках лежат отходы категорически не согласен»[4].

Современные западные идеологи дауншифтинга чаще всего представляют стиль жизни не как «отказ от карьеры», а как способ «жить проще и в согласии с окружающей средой».

В настоящее время феномен дауншифтинга как новая, стремительно набирающая популярность модель успешного поведения не является в достаточной мере исследованным. Многие психологи, социологи, журналисты пытаются понять мотивацию образа жизни дауншифтеров. Именно благодаря анализу историй последователей данного феномена можно выявить причины и цели, побудившие стать дауншифтером.

Список литературы

1. Дауншифтинг. Или как работать в удовольствие, не зависеть от пробок и заниматься тем, чем хочется – [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://daoshifting.ru/wp/>

2. Traveliving.org. Жизнь в постоянном путешествии – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://traveliving.org/what-is-traveliving/>

3. Даль, М. Дауншифтинг: почему мужчины бросают всё и уезжают на край света?/ Эзотерический журнал.-2013.-1.

4. Макеева, С. Дауншифтинг, или как работать в удовольствие, не зависеть от пробок и заниматься тем, чем хочется. - М.: ЭКСМО, 2011.-256

5.Мамчиц, Р. Фриганы: интеллектуалы на свалке/Р.Мамчиц. – [Электронный ресурс] – Режим доступа:

http://www.chaskor.ru/article/frigany_intellektualy_na_svalke_20708

6.Мирошниченко, И. Что такое дауншифтинг и апшифтинг/ И.Мирошниченко.-[Электронный ресурс] - Режим доступа:

<http://shkolazhizni.ru/psychology/articles/5067/>

7.Фатеева, М. Дауншифтинг в России: как перестать жить ради других./ М.Фатеева. – [Электронный ресурс] - Режим доступа: [http://www.kom-](http://www.kom-dir.ru/article/202-daunshifting-v-rossii)

[dir.ru/article/202-daunshifting-v-rossii](http://www.kom-dir.ru/article/202-daunshifting-v-rossii)

8.Шин, Л. Семь шагов в новую жизнь: как уйти с нелюбимой работы/Л.Шин. - [Электронный ресурс] - Режим доступа:

<http://www.forbes.ru/forbes-woman-photogallery/psikhologiya/250745-7-shagov-v-novuyu-zhizn-kak-uiti-s-nelyubimoi-raboty/photo/1>

Гришанова Ю.И. || Сысоева Т.Л.

Анализ конкурентной среды компании Siemens AG
на рынке медицинской техники

Grishanova U.I. || Sysoeva T.L.

The analysis of the competitive environment of Siemens AG
the medical equipment market

Аннотация: статья посвящена актуальным вопросам конкурентного окружения компании Siemens AG, рассмотрены ключевые конкурентные преимущества компании, проведено исследование регионального рынка медицинской техники, проведен SWOT анализ компании Siemens AG на российском рынке.

Ключевые слова: рынок медицинского оборудования, конкуренция, Siemens AG, SWOT анализ.

Summary: the article is devoted to contemporary issues of the competitive environment of Siemens AG, the authors examine the key competitive advantages of the company, present the research of the regional market of medical equipment, carry out the SWOT analysis of Siemens AG on the Russian market.

Key words: the medical equipment market, competition, Siemens AG, SWOT analysis.

Siemens AG - крупный международный концерн, который работает в области электротехники, электроники, энергетического оборудования, транспортного машиностроения, медицинского оборудования и светотехники, а также специализированных услугах в различных областях промышленности, транспорта и связи. Штаб-квартиры компании находится в Мюнхене и Берлине.

По данным компании основными конкурентами Siemens в сфере медицинского оборудования являются:

1) Philips;

- 2) Toshiba;
- 3) General Electric;
- 4) Hitachi;
- 5) Hologic.

Компания Siemens AG обладает рядом конкурентных преимуществ перед своими конкурентами. Среди них можно выделить 5 основных:

Одним из важнейших преимуществ любой компании является «Доверие потребителя». Компания Siemens AG была основана в 1847, и за полтора века смогла завоевать доверие не только рядовых потребителей, но и доверие клиентов-стран. Уже в девятнадцатом веке такие страны как Россия, Швеция, Великобритания сотрудничали с компанией, которая предлагала еще не представившиеся другим формам решения в области телекоммуникаций и электротехники.

Так же необходимо рассмотреть такое конкурентное преимущество как «Технологии и качество». Siemens AG – это единственная в своем роде компания в мире, которая предлагает весь спектр услуг и продуктов от аппаратной платформы и программного обеспечения оборудования различных сфер применения до системной интеграции и консалтинга. Это позволяет реализовать успешное функционирование всех компонентов и их производство «под одной крышей» позволяет уменьшить издержки и значительно улучшить качество выпускаемой продукции для компании в целом.

Необходимо так же уделить внимание такому вопросу как «Инновации». Компания Siemens AG известна своей современной продукцией, услугами и законченными решениями на рынке медицинской техники – от диагностических визуализационных систем и терапевтического оборудования до слуховых приборов и ИТ-решений, помогающих оптимизировать обслуживание пациентов и повысить эффективность работы в больницах и клиниках. Инновации – это, несомненно, локомотив компании и основное конкурентное преимущество. Другой сильной стороной компании

является благотворительная деятельность и забота о сотрудниках компании. Спустя всего лишь два года после основания компании в пятидесятые годы девятнадцатого века был основан Фонд выплат по нетрудоспособности сотрудников компании, а так же создан Пенсионный фонд. Корпорация Siemens AG имеет собственные комбинаты питания, и медицинские центры, которые позволяют предоставлять сотрудникам собственное медицинское обслуживание.

Транснациональная компания Siemens AG является партнёром детского фонда ООН, в рамках программы «Computer helfen heilen und leben», в рамках которого разрабатывает специальное оборудование для слепых людей и людей с ограниченными возможностями. Компания имеет свой благотворительный фонд «Siemens Caring Hands», который выделяет средства, собирает пожертвования, предоставляет оборудование для программ помощи при чрезвычайных ситуациях и для иных программ в различных странах мира.

И последнее, но от этого не менее важное конкурентное преимущество компании – это «Расположение производственных мощностей». Siemens имеет собственные заводы практически во всех странах мира, таких как: Россия, ЕС, США, Бразилии, Канаде, Мексике, Китае, Индии, Пакистане, что также делает продукцию доступней потребителю. Если учесть, что компания производит и поезда, и крупногабаритные турбины, то данный фактор играет не маловажную роль.

Ведущие мировые производители медицинского оборудования Siemens, Philips; Toshiba; General Electric; Hitachi; Hologic безусловно производят высококачественную продукцию, однако не смотря на такую высокую конкуренцию каждый из них занял определенный сегмент на рынке, а так же более подходит для того или иного региона. Например Hitachi лидер в производстве магнитов открытого типа, а Philips и Siemens заняли лидирующие позиции в поставках 1.5 T MPT. Все это связано, в первую очередь с качеством аппаратов, и с их стоимостью. General Electric является лидером в разработке и производстве томографов. Например

аппараты производства Siemens имеют более низкую стоимость при аналогичных характеристиках как у Philips, а стоимость обслуживания и запасных частей в разы ниже [4]. В сравнении с ее основными конкурентами в сфере здравоохранения Philips и Toshiba компания Siemens предоставляет более широкий спектр товаров и услуг, и, что не маловажно, сопровождает поставку оборудования с последующим его обслуживанием. Что на российском рынке играет большую роль в конкурентной гонке компаний.

Для анализа конкурентоспособности медицинского оборудования Siemens на российском рынке нами были выбраны крупные города-миллионники такие как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, так как они обладают самым большим количеством медицинских учреждений, которые являются клиентами или потенциальными клиентами компании Siemens. В Москве, на сегодняшний день, насчитывается около 806 медицинских учреждений городской системы здравоохранения и около 5000 негосударственных медицинских учреждений, которые в свою очередь являются потенциальными клиентами Siemens [4]. Санкт-Петербург насчитывает порядка 403 медицинских учреждений городской системы здравоохранения и около 4100 негосударственных медицинских учреждений. Что касается города Екатеринбурга то, на конец 2014 года насчитывалось примерно 400 медицинских учреждений городской системы здравоохранения и около 1780 негосударственных медицинских учреждений. Так при анализе рейтинга узнаваемости и предпочтительности, Центральный Федеральный округ России (г. Москва) выделил две основные компании Philips и Siemens, в Северо-Западном Федеральном округе (г. Санкт-Петербург), медицинские центры отдали предпочтение General Electric, Hitachi, Oasis. В Приволжском Федеральном округе (г. Нижний Новгород), лидерами стали Hologic, General Electric, Toshiba по качеству аппаратов, их цене и обслуживанию. Таким образом мы видим, что в каждом регионе сложилась разная ситуация предпочтений, так как компании задействуют разные стратегии охвата рынка. Так же мы обратили внимание на использование интегрированных

маркетинговых коммуникаций в деятельности компании. Из пяти основных конкурентов Philips, Toshiba и General Electric ведут активную рекламную и PR кампанию. Siemens имеет собственную рекламную службу и проводит рекламные кампании, но не столь заметные, в сравнении с конкурентами. Таким образом, можно сделать вывод, что это является упущением со стороны компании, которое не позволяет компании, как интересному и престижному бренду, приносить дополнительную прибыль компании.

Ключевые факторы успеха компании Siemens AG следующие:

- 1) фокус на растущие рынки, ориентированные на инновации и технологии;
- 2) присутствие во всем мире. Позиционирование как сильного локального партнера для заказчиков компании;
- 3) объединение усилий, для постоянного превосходства конкурентов.

Таблица № 1. SWOT-анализ компании Siemens AG.

	СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	СЛАБЫЕ СТОРОНЫ
	ПРЕИМУЩЕСТВА	НЕДОСТАТКИ
	"S" — STRENGTHS	"W" — WEAKNESS

ВНУТРЕННЯЯ СРЕДА	<p>1) Невысокие цены на продукцию;</p> <p>2) Широкий ассортимент продукции;</p> <p>3) Квалифицированные специалисты;</p> <p>4) Наличие постоянных клиентов;</p> <p>5) Качественная конкурентоспособная продукция;</p> <p>6) Предоставление отсрочки платежей постоянным клиентам.</p> <p>7) Выход на новые рынки;</p> <p>8) Расширение клиентской базы;</p> <p>9) Расширение деятельности организации и открытие розничных магазинов;</p> <p>10) Объединение с другими компании по смежной деятельности.</p>	<p>1) Не очень большие объемы продаж;</p> <p>2) Нехватка финансовых ресурсов;</p> <p>3) Небольшое количество крупных заказов;</p> <p>4) Нет постоянного товарного запаса;</p> <p>5) Слабая рекламная компания предприятия;</p> <p>6) Недостаточный охват рынка сбыта;</p> <p>7) Нет актуализированной информации о доступном товаре.</p> <p>8) Влияние санкций;</p>
	<p>ВОЗМОЖНОСТИ</p> <p>"O" — OPPORTUNITIES</p>	<p>УГРОЗЫ</p> <p>"T" — THREATS</p>

ВНЕШНЯЯ СРЕДА	<p>1) Развитие сферы здравоохранения как возможность создания новых товаров;</p>	<p>1) Появление новых фирм конкурентов на мировом и на российском рынках;</p>
	<p>2) Появление новых высокоспециализированных специалистов, которые могут помочь в развитии качества производимых товаров;</p>	<p>2) Прекращение предоставления отсрочек от поставщиков;</p>
	<p>3) Появление новых медицинских учреждений, как возможность увеличения продаж;</p>	<p>3) Несвоевременная оплата покупателями товара;</p>
	<p>4) Увеличение покупательской способности;</p>	<p>4) Потеря крупных клиентов, так как очень жесткая конкуренция.</p>
	<p>5) Развитие технологий и введение программ, позволяющих снизить затраты компании.</p>	<p>5) Новые санкции.</p>

Проведенными нами SWOT-анализ компании Siemens AG предоставляет необходимую информацию для определения возможных стратегий развития.

С помощью SWOT-анализа возможно выявить и устранить проблемы, с которыми компания может столкнуться в будущем метод анализа в стратегическом планировании, заключающийся в разделении факторов и явлений на четыре категории: strengths (сильные стороны), weaknesses (слабые стороны), opportunities (возможности) и threats (угрозы). SWOT-анализ поможет расширить диапазон необходимой информации, которая необходима для более глубокого анализа имеющейся стратегии компании, а так же разработки определенных мероприятий и рекомендаций по

повышению конкурентоспособности компании Siemens AG на российском рынке медицинского оборудования. Эти рекомендации смогут во многом помочь компании достичь желаемых результатов в своей деятельности, открыть новые горизонты для развития.

Таким образом, проанализировав деятельность основных конкурентов (Philips; Toshiba; General Electric; Hitachi; Hologic) и компании Siemens AG на рынке медицинского оборудования мы пришли к выводу о том, что компания обладает большим количеством сильных сторон, но таковыми обладают и основные конкуренты компании. Для того, чтобы выделить компанию на фоне сильных конкурентов и реализовать компанию по дальнейшему эффективному продвижению на рынке, необходимо провести ряд мероприятий по повышению конкурентоспособности Siemens AG на российском рынке медицинского оборудования путем разработки некоторых рекомендаций, в том числе и развивая систему интегрированных маркетинговых коммуникаций.

Список используемых источников:

1. Антонов, Г. Д. Управление конкурентоспособностью организации [Текст] / Г. Д. Антонов, О. П. Иванова, В. М. Тумин. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 300 с.
2. Демченко А. О./ «Роль технологических инноваций в стратегии развития предприятия» // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. - 2010. - № 2. - С. 93-96.
3. Клименко С. М. Управление конкурентоспособностью предприятия [Текст] / С.М. Клименко, Т.В. Омеляненко, Д.О. Барабась и др. – Киев: КНЕУ, 2008. – 520 с.
4. Официальный сайт компании Siemens: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.siemens.com/entry/ru/ru/>

УДК 332.1

UDC 332.1

Б.М. Дандаева, Р.Т. Джаппарова

Пути обеспечения и повышения конкурентоспособности регионов
Казахстана

B.M. Dandaeva, R.T. Japparova

Ways of provision and increase of competitiveness of regions
in Kazakhstan

В этой статье рассматриваются пути обеспечения и повышения конкурентоспособности регионов Республики Казахстан, а также факторы, оказывающие доминирующее влияние на развитие конкурентоспособности региональной экономики страны.

This article deals with the ways of provision and increase of competitiveness of regions of the Republic of Kazakhstan, and also the factors having the dominating impact on development of competitiveness of regional national economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономика, конкурентоспособность, регион

KEYWORDS: economy, competitiveness, region

Одним из важных вопросов любого государства является повышение конкурентоспособности страны и ее регионов. Конкурентоспособность государства – принципиально важный вопрос для любой страны, характеризующий способность повышать благосостояние граждан в условиях международной конкуренции и глобализации.

Конкурентоспособность государства – принципиально важный для любой страны вопрос, характеризующий способность повышать благосостояние граждан в условиях международной конкуренции и глобализации.

Конкурентоспособность достигается способностью создавать и поддерживать специфические региональные факторы – конкурентные преимущества, благоприятно влияющие на привлечение инвестиций и

уровень жизни населения. Факторы, оказывающие доминирующее влияние на развитие конкурентоспособности региональной экономики, должны выстраиваться таким образом, чтобы их совокупное влияние было ориентировано на обеспечение роста конкурентных преимуществ даже в условиях ограниченных финансовых ресурсов.

В своем Послании народу Казахстана от 14 декабря 2012 года Глава государства определил новый политический курс нации до 2050 года, в котором были обозначены эпохальные планы и задачи на предстоящие десятилетия вперед. Была поставлена задача вхождения Казахстана в 2050 году в число 30-ти самых развитых государств мира. Решение этой задачи заключалась не только в повышении международных рейтингов, но и в достижении уровня мировых стандартов по широкому спектру жизнедеятельности граждан страны, при этом Глава государства отметил, что без конкурентоспособной экономики страна не может войти в число высокоразвитых стран [1].

За годы независимости регионы, имеющие мощную минерально-сырьевую базу увеличили свои доли в ВВП страны. Наибольшее снижение удельного веса имели области, специализирующиеся в производстве сельхозпродукции, пищевой и легкой промышленности (Акмолинская, Алматинская, Жамбылская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Южно-Казахстанская).

В настоящее время развитие экономики страны, по-прежнему, обеспечивается за счет освоения и использования природных ресурсов и продолжает придерживаться модели «сырьевого» развития. Длительное использование подобной стратегии имеет естественные пределы и не позволяет рассчитывать на рост конкурентоспособности экономики в перспективе. В современных условиях страна со слабоконкурентной экономикой не может рассчитывать на достойное место в мировом сообществе.

Результаты экономического развития регионов во многом зависят от уровня их конкурентоспособности.

Для повышения производительности экономики регионов и их конкурентоспособности был разработан Проект дорожной карты, в котором обозначены 4 направления:

- приоритетные направления для политики стимулирования регионального развития;
- условия для развития современной производственной инфраструктуры: индустриальные зоны;
- условия для привлечения прямых инвестиций;
- условия для развития малого и среднего бизнеса, в секторах, где существует большой неиспользованный потенциал.

Для выработки приоритетных направлений политики стимулирования регионального развития следует решить системные проблемы, которые охватывают все вышеуказанные факторы – базовые показатели, показатели усилители эффективности, показатели инновации и развитости, сдерживающие развитие конкурентоспособности регионов. Местным исполнительным органам должны акцентировать внимание на качественный рост производительности труда, усиление межрегиональных связей [2].

Путь к процветанию региона лежит в активизации кластерных инициатив. Именно наличие развитых и конкурентоспособных кластеров, в конечном итоге, позволяет региону развиваться быстрыми темпами. Для решения этой задачи у региональных властей имеются достаточно большие потенциалы влияния и возможности на развитие кластеров. Кроме того, основным плацдармом для регионов по развитию кластеров является Концепция формирования перспективных национальных кластеров Республики Казахстан до 2020 года и Программа индустриального развития на 2015-2019 гг.

Для повышения конкурентоспособности регионов и ключевых кластеров необходимо использовать подходы по развитию индустриальных зон и создать благоприятные условия для их формирования и развития.

Важную роль в повышении конкурентоспособности регионов и создания новых рабочих мест может сыграть привлечение инвестиций. Сегодня потенциал развития за счет ПИИ все еще не достаточно используется регионами: региональные власти в большинстве случаев демонстрируют низкую активность, плохо подготовлены к конкуренции за привлечение инвестиций и не понимают ключевых факторов успеха в привлечении инвестиций. А ведь изменить положение в лучшую сторону возможно за счет создания региональных инвестиционных, паевых, венчурных и иных структур для развития коллективного инвестирования на данной территории с участием государства, частных национальных и иностранных инвесторов.

Малый и средний бизнес могут играть очень важную роль в создании новых рабочих мест и повышении производительности формируемых кластеров. На уровне регионов нужно уделять внимание развитию МСБ и создать необходимые условия для их полноценного развития.

Для достижения конкурентоспособной экономики необходим качественный рост производительности труда, за счет внедрения современных технологий, инноваций и идей. Среднее влияние на повышение конкурентоспособности в регионе оказывает «кадровый потенциал».

Область является самой густонаселенной, при этом сохраняется низкий уровень благоустройства, дефицит и недостаточный уровень подготовки кадров. Ввиду низкой заработной платы и условий труда происходит отток медицинских кадров из отрасли, особенно в сельской местности, что снижает качество и доступность качественной медицинской помощи. Для решения острых проблем в регионе работает программа «Занятость – 2020», на что освоено 16,3 млрд. тенге, а программой охвачено 34,4 тыс. человек. Реализация стратегических целей в области в сфере занятости и

трудоустройства должна быть взаимосвязана со специализацией региона, их кадрового обеспечения.

Приоритетами новой стратегии занятости стали, следующие направления:

- обеспечение отраслей области квалифицированными кадрами;
- развитие предпринимательской активности;
- повышение профессиональной и территориальной мобильности трудовых ресурсов за счет планирования внутриобластной и внутрирайонной миграции;
- создание условий для адаптации и проживания мобильной части занятой молодежи;
- повышение продуктивной занятости самостоятельно занятого населения, формализация их статуса;
- усиление адресности мер социальной поддержки, снижение иждивенчества и стимулирование трудовой активности;
- развитие и поощрение научных исследований по наиболее актуальным проблемам занятости населения, создания эффективного рынка труда и регулирования миграции рабочей силы.

Среднее влияние на повышение конкурентоспособности Южно-Казахстанской области оказывает в регионе наличие условий для формирования развития кластеров – строительной индустрии, переработки сельскохозяйственной продукции, энергетического кластера, фармацевтической продукции, туристического кластера, создание международного транспортно-логистического центра в городе Шымкент. Также на конкурентоспособности региона сказывается влияние существующего экономического и финансового кризиса, который затрудняет привлечение необходимых инвестиций в отрасль, повышение внутриреспубликанских цен на сельскохозяйственную продукцию, увеличение доли импорта, потеря внутренних и внешних рынков в пользу

импортных товаров, угроза продовольственной безопасности, ограниченность предложения финансовых услуг сельхозцентру.

Южно-Казахстанская область является регионом, имеющий высокий потенциал для развития межрегиональной связи в таких сферах как сельское хозяйство, машиностроение, производство продуктов питания, металлургия, транспорта и логистики и т.д.

В сфере сельского хозяйства существуют такие предпосылки для развития межрегиональной кооперации:

- природные ресурсы для ведения растениеводства и животноводства;
- емкий потребительский рынок, близость крупных рынков сбыта;
- наличие перерабатывающих заводов сырья и продукции сельского хозяйства.

Оценка конкурентоспособности регионов Казахстана позволила определить важные проблемные вопросы относительно следующих блоков, где были выработаны меры по их устранению и повышению конкурентоспособности региона:

- приоритетные направления для политики стимулирования регионального развития;
- условия для развития современной производственной инфраструктуры: индустриальные зоны;
- условия для привлечения прямых инвестиций;
- условия для развития малого и среднего бизнеса, в секторах, где существует большой неиспользованный потенциал.

Развитие экономики страны обеспечивается за счет освоения и использования природных ресурсов и продолжает придерживаться модели «сырьевого» развития. Длительное использование подобной стратегии имеет естественные пределы и служит препятствием росту конкурентоспособности экономики в перспективе.

Местные органы власти должны всемерно и любыми способами стимулировать развитие в регионах межрегиональных кластеров, разработку

и развитие центров инноваций и инновационных проектов в университетах силами преподавателей, молодых специалистов и студентов, всесторонне поддерживать инициативы в этой сфере от идеи до внедрения результатов исследований.

В этой связи для повышения конкурентоспособности регионов Республики Казахстан важно обратить внимание на следующих приоритетах:

- на росте производительности труда за счет интенсивных факторов (технологии, ПИИ, инновации, рост расходов на НИОКР и др.);
- на росте доходов населения за счет роста производительности труда в обрабатывающей промышленности;
- на стимулировании политики повышения роли МСБ в свете приоритетов Стратегии «Казахстан 2050»;
- на проработке вопросов по увеличению реальной заработной платы в регионах, особенно, в сфере обрабатывающей промышленности;
- на институциональной поддержке кластерных инициатив;
- на стимулировании межрегиональной кооперации;
- на эффективном применении инструментов программ развития:

Дорожная карта бизнеса 2020, Агробизнес 2020, Развитие регионов до 2020 года и др.

Таким образом, повышение конкурентоспособности регионов является для региональных властей самой приоритетной задачей, где одну из главных ролей играет эффективное использование человеческого и интеллектуально-творческого потенциала. В этих вопросах чрезвычайно важную роль отводятся региональной специализации и развитию специализированных кластеров с учетом местных особенностей, географической концентрации промышленного производства, способствующей росту производительности и инноваций, повышению конкурентоспособности регионов.

Литература

1. О мерах по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 14 декабря 2012 года «Стратегия» Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». adilet.zan.kz

2. Диагностика конкурентоспособности регионов РК: выводы и рекомендации центр региональных и социологических исследований. АО «Институт экономических исследований» 2013г.

Дрягина К.О. || Сысоева Т.Л.

Оценка основных экономических проблем железнодорожного транспорта в России и пути их решения

Dryagina K.O. || Sysoeva T.L.

The evaluation of the major railway transportation economic problems and the possible solutions

Аннотация: в статье рассмотрены текущие актуальные вопросы развития железнодорожного транспорта в России, приведены показатели экономической деятельности ОАО «РЖД», проведена оценка ключевых проблем развития отрасли, и рассмотрены пути их решения.

Summary: in this paper the authors pay attention to the contemporary development of the Russian railway transportation, the key economic points are described and analyzed, the evaluation of the major problems are made and the possible solutions are presented.

Ключевые слова: рынок железнодорожного транспорта России, ОАО «РЖД», проблемы развития железнодорожного транспорта.

Key words: railway transport in Russia, OJSC «RGD», the major development problems of the railway transport in Russia

Наряду с развитием экономики РФ происходит также и развитие железнодорожного (далее – ЖД) транспорта. Но мировые тенденции в развитии конкуренции на рынке транспорта требуют значительного повышения технологического и технического уровня российского монополиста на рынке железнодорожных перевозок.

Главная цель работы ЖД транспорта – это быстрая, комфортная, дешевая (т.е. экономически эффективная), а также безопасная перевозка пассажиров и груза по территории РФ. Обозначенные характеристики железнодорожного транспорта на практике не получают должную реализацию и при этом существующая проблема «оттока» грузов с

железнодорожного на автомобильный транспорт, особенно обострившаяся в 2010-2012 гг., стала активно обсуждаться, как среди отраслевых экспертов, участников транспортного рынка, так и среди специалистов и руководителей «РЖД». На Российском рынке ОАО «РЖД» является монополистом. В связи с этим государство принимает непосредственное участие в регулирование тарифов на перевозку пассажиров.

В связи с этим, важным вопросом является обсуждение перспектив конкуренции железнодорожного и автомобильного транспорта на современном этапе [4]. Как известно, основными преимуществами автомобильного транспорта являются: высокая маневренность, возможность осуществления перевозок "от двери до двери", гибкая тарифная политика, высокая скорость доставки и обеспечение сохранности грузов, особенно при перевозках на короткие расстояния, возможность отправления грузов по предъявлению, упрощенное оформление документов и более гибкая система платежей за перевозки.

Скорость доставки является, при этом, важнейшим фактором. Анализ показывает, что на расстояние до 200 км автомобильным транспортом груз можно доставить в 12 раз быстрее, чем железнодорожно-автомобильным смешанным сообщением и в 5 раз быстрее, чем в прямом железнодорожном; на расстояние до 500 км – доставка осуществляется быстрее в 7 и 3 раза соответственно. Однако с увеличением дальности перевозки подобное преимущество автомобильного транспорта теряется. [3]

Цена перевозки на коротких расстояниях так же является важным фактором конкурентоспособности. При перевозках на небольшие расстояния (т.н. «короткопробежные перевозки») тариф железнодорожного транспорта (в расчёте на 1 тонно-км) выше, чем тариф автотранспорта.

Ежегодно ОАО «РЖД» перевозит свыше 1 млрд пассажиров и 1 млрд тонн грузов.

Таблица 1 – Показатели деятельности ОАО «РЖД»

Вид Деятельности	Показатель	20	20	20	20
		11	12	13	14
Грузовые Перевозки	Грузооборот (Трлн Т.Км).	1,8 5	2,3 1	2,4	2,2 7
	Грузов (Млрд Т.).	1,4 0	1,3 4	1,3 0	1,1 1
Пассажирские Перевозки	Пассажирский оборот (Млрд Пасс.Км)	11 8,9	17 4,1	17 6	15 3,6
	Пассажиры (Млн Пасс.)	11 54	13 52,8	12 96	11 00
	Численность Персонала (Тыс. Чел.)	11 27	10 99	10 86	10 75

В 2011 году грузоперевозки РЖД составили около 1,4 млрд тонн. Пассажирские перевозки за 2011 год достигли 992,4 млн человек.

На рисунке 1 представлены данные по общим объемам грузоперевозок РЖД за период с 2008 по 2013 год.

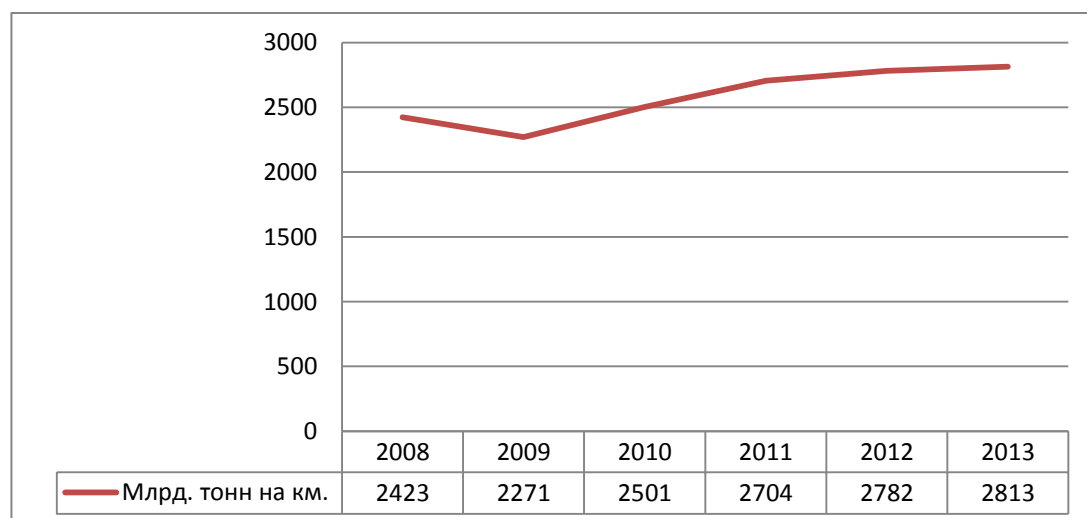

Рисунок 1 – Объем грузоперевозок ОАО «РЖД» 2008-2013 гг.

Анализируя данные графика, можно сделать вывод, что с 2010 года в объемах перевозок компании ОАО «РЖД» наблюдается стабильный постепенный рост. Это связано с тем, что при перевозке на короткие расстояния себестоимость железнодорожных перевозок возрастает в 4-5 раз, т.к. подобные перевозки осуществляются, как правило, сборными поездами, имеющими меньшую массу и участковую скорость из-за большого числа остановок на промежуточных станциях, а также высоким удельным весом расходов на начально-конечные операции при подобных перевозках.

С другой стороны, у железнодорожного транспорта есть свои преимущества, которые, как мы сейчас увидим, не совпадают с автомобильными, и потому создают возможности для ориентации железнодорожного транспорта на несколько иные типы грузоотправителей.

Главными преимуществами железнодорожного транспорта являются:

- Массовость перевозок и высокая провозная способность железных дорог (до 80-90 млн.т по двухпутной или 20-30 млн.т по однопутной линии в год);

- Регулярность перевозок независимо от времени года, времени суток и погодных условий;

- Универсальность данного вида транспорта с точки зрения использования его для перевозок различных грузов и возможность массовых перевозок грузов;

- Возможность создания прямой связи между крупными промышленными предприятиями по железнодорожным подъездным путям;

- Относительно низкая себестоимость перевозки 1 тонны груза при перевозках массовых грузов на большие расстояния, что обусловлено высокой удельной грузоподъемностью железнодорожного транспорта.

Поэтому в сегменте перевозок на дальние расстояния

железнодорожный транспорт является доминирующим среди всех видов транспорта общего пользования.

При этом, железнодорожный транспорт характеризуется следующими основными недостатками [2,5]:

— Невысокая, сравнительно с автомобилями, скорость доставки грузов (по всем видам отправок - 200-280 км./сут¹, которая последние три года снижается (в 2012 составила 219 км/сут);

— Низкий уровень выполнения сроков доставки (в 2011 г. 18 % отправок прибыли с просрочкой, в 2012 – 27 %);

— Низкая степень сохранности перевозимых грузов (потери грузов на российских железных дорогах в несколько раз превышают установленные нормы убыли на 1 т. Груза, например, нормативные потери угля определены в размере 0,7 %, а фактические составляют 3%, руды - соответственно 0,9 и 3,5 %, цемента – 1,2 и 4,0 %, зерна – 0,1 и 0,2 %, кирпича – 1,3 и 7,0 %).

Следует отметить, что недостатки железнодорожного транспорта в меньшей степени ощутимы при перевозке массовых грузов, а именно их, главным образом, и перевозят железной дорогой.

Доминирование железнодорожного транспорта на рынке транспортных услуг при относительно низком качестве транспортной продукции обусловлено тем, что по железным дорогам перевозятся, главным образом, массовые грузы, спрос на перевозку которых не обладает степенью эластичности, достаточной для перевода этих грузопотоков на другие виды транспорта.

Таким образом, в условиях относительного дефицита инфраструктуры все основные традиционные конкурентные преимущества железнодорожного транспорта поставлены под сомнение. Высокая конкурентоспособность автомобильного транспорта не в последнюю очередь связана и отказом от избыточных требований по размещению и креплению грузов.

Мировой опыт свидетельствует в пользу того, что грузоотправитель,

несущий финансовую ответственность за правильность размещения и крепления груза (в том числе посредством таких правовых механизмов, как страхование или договор перевозки, при котором грузоотправитель несёт полную ответственность за убытки, причинённые, например, неправильно закреплённым грузом) гораздо точнее, чем перевозчик оценит риски, возникающие при перевозке и найдёт оптимальное соотношение между безопасностью и экономической эффективностью. [1]

Перевозчик, у которого подразделение, устанавливающее нормативы и технические условия, не мотивировано на увеличение объёма перевозок, но мотивировано на поиск нарушений, всегда будет стремиться к избыточному регламентированию условий перевозок. В конечном счёте, интегральным показателем качества транспортного обслуживания является конкурентоспособность железнодорожного транспорта, выражающаяся в том числе в динамике притока-оттока грузов с конкурирующих видов транспорта. Попытка «захвата» сегмента короткопробежных перевозок, принадлежащих, традиционно автомобильному транспорту, в настоящее время представляется нецелесообразной, т.к. себестоимость железнодорожных перевозок в этом случае многократно возрастает, из-за увеличения доли расходов на начально-конечные операции, а получаемый доход – незначителен (на короткие расстояния чаще всего перевозятся «дешевые» или низкодоходные грузы, т.е. грузы с низкой доходной ставкой).

Что касается пассажирского транспорта, стратегическим направлением совершенствования сбытовой системы РЖД должно стать повышение клиентоориентированности, поскольку большинство населения страны предпочитают автомобильный транспорт железнодорожному. Это обоснованно высокой стоимостью билетов на поезда дальнего и ближнего следования, длительностью нахождения в пути. Рациональным решением было бы снижение стоимости билетов и в дальнейшей перспективе постройка скоростных железнодорожных путей сообщения.

На современном этапе развития отрасли выясняется, что

железные дороги несут большие потери, так как из-за скопления частных вагонов снижается пропускная способность станций и участков. Для ОАО «РЖД» важнейшими показателями являются по-прежнему, как и при плановой экономике – эксплуатационные. Тогда как для оператора важнейшим критерием оптимизации является доходность на вагон в единицу времени. Под эффективным использованием вагона ОАО «РЖД» понимает, прежде всего, набор традиционных эксплуатационных показателей, не имеющих, прямой связи с доходностью вагона в единицу времени.

Рассмотрим три выхода из сложившейся ситуации. Первый путь заключается в активном развитии инфраструктуры на примере Американской структуры. Железные дороги США при соизмеримом с российскими железными дорогами грузообороте располагают эксплуатационной длиной сети примерно в 2,7 раза превышающей российскую. Данный путь представляется наилучшим в долгосрочной перспективе.

Современный транспортный рынок, на котором работает множество субъектов – операторов подвижного состава, в будущем в случае либерализации рынка тяги – операторов поездных формирований, должен располагать «свободой для манёвра», то есть некоторым избытком незагруженных мощностей, эксплуатационной длины, пропускной и провозной способностей станций и участков сети. Именно на таком рынке открываются максимальные возможности для логистической оптимизации маршрутов доставки грузов и высокого качества транспортного обслуживания.

С точки зрения долгосрочной перспективы именно этот путь правильный. Все страны с частной собственностью на инфраструктуру имеют избыточные провозные и пропускные мощности.

Второй путь – возвращение к советской модели управления отраслью. Данный путь является полностью регрессионным.

Третий путь, который остаётся при невозможности в краткосрочной перспективе существенно увеличить провозные и пропускные

мощности российских железных дорог, – научиться управлять парками более эффективно. Причём эффективно с реальной, рыночной точки зрения, а не с позиции выполнения абстрактных никому не нужных показателей.

Таким образом, на данный момент ЖД транспорту необходимо срочно ускорить развитие с целью сокращения разрыва с зарубежными конкурентами. Для этого нужно последовательно решать основные проблемы, ограничивающие технологическое и техническое развитие ЖД транспорта.

Список использованных источников

1. Аксёненко Н.Е. В интересах государства и отрасли [ТЕКСТ] // Железнодорожный транспорт – 2013. - № 9. – С.2-11.
2. Анализ рынка услуг в сфере перевозок грузов. Доклад Федеральной антимонопольной службы РФ. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] Режим доступа: http://fas.gov.ru/competition/goods/analysis/a_8382.Shtml
3. Лукьянова О.В., Хусаинов Ф.И. О конкуренции автомобильного и железнодорожного транспорта на рынке грузовых перевозок [ТЕКСТ] // Вектор транспорта. – 2014. - № 2. – С.28-43.
4. Экономика железнодорожного транспорта [ТЕКСТ] / Под ред. Н.П. Терёшиной, Б.М. Лapidуса – М.:ФГОУ Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2011. -676 с.
5. Якунин В.И. Десять шагов к эффективности [ТЕКСТ] // Эксперт. – 2009. - № 33 (от 31.08.09). – С.36-42.

**Егорова, П.А. Корсакова, Е.О.,
студенты гр.М-15,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
экономический университет»,
г. Екатеринбург
научный руководитель: Загоруля, Т.Б.,
к.п.н., доцент**

К вопросу развития бизнес - менеджмента в российском образовании

**Egorova, P.A. Korsakova, E.O.,
Students gr.M-15,
FGBOU VO "Ural State
the University of Economics",
Yekaterinburg
scientific director: Zagorulya, T.B.
Candidate of Pedagogics,
Assistant Professor**

On the issue of development of business - management in the Russian
education

Аннотация. Авторы статьи считают, что вопрос развития бизнес-менеджмента в российском образовании является актуальным и значимым. Это объясняется тем, что в Свердловской области динамично развивается как крупный, средний, так и малый бизнес. В статье представлены рейтинги известных бизнес-школ г. Екатеринбурга.

Annotation. The authors believe that the issue of the development of business management in the Russian education is relevant and meaningful. This is due to the fact that in the Sverdlovsk region is developing dynamically as the large, medium and small businesses. The article presents the ratings of renowned business schools in the city of Yekaterinburg.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: БИЗНЕС-МЕНЕДЖМЕНТ, ОБРАЗОВАНИЕ, БИЗНЕС-ШКОЛЫ.

KEYWORDS: BUSINESS MANAGEMENT, EDUCATION, BUSINESS SCHOOLS.

Обращаясь к предыстории бизнес-менеджмента в России, отметим, что первый опыт развития бизнес-школ был получен в 1988 году с созданием Московской международной высшей школы бизнеса, в рамках межгосударственного сотрудничества СССР и Италии. С этого момента бизнес-образование в России начало активно развиваться. И подтверждением этому является то, что при экономических университетах были созданы бизнес-школы, в том числе и при Уральском государственном экономическом университете, где была создана бизнес-школа, которой присвоена квалификация МБА.

Бизнес-менеджмент в России получает поддержку со стороны государства. Согласно статистическим данным 2014 года, объём рынка услуг бизнес-образования составлял порядка 70 млрд. руб., тогда как общую его ёмкость специалисты оценили почти в 600 млрд. руб. [7]. Это свидетельствует о том, что бизнес-образование имеет высокий потенциал. Увеличивается как число бизнес-школ, так и спрос на них во всех регионах страны, включая Уральский регион. В свою очередь, бизнес-школы стараются привлекать высококомпетентные кадры, в том числе из-за рубежа.

Для Свердловской области, где есть место для деятельности крупного, среднего и малого бизнеса, бизнес-образование становится востребованным не меньше, чем в столице. В основном, бизнес-образование в г. Екатеринбурге направлено на краткосрочное обучение. По данным участников ТОП - листа, 57% прибыли от услуг бизнес-образования школам приносят программы повышения квалификации (продолжительностью от 16 до 249 часов) [3]. Наиболее востребовано обучение в сфере финансов (на его долю приходится 36% от оборота краткосрочных программ), менеджмента (17%) и развития управленческих компетенций (15%). По итогам второго

полугодия 2014 г. в Екатеринбурге сохранялась популярность краткосрочных образовательных программ [3], [6].

Мы обнаружили, что лидерами бизнес-образования в Екатеринбурге являются такие бизнес-центры, как: ГК «Потенциал», Урало-Сибирский Институт Бизнеса (USIB) и ГК «Центр-бизнес-образования» (ЦБО), которые потеснили со второго и третьего места Институт государственного управления и предпринимательства УрФУ [4].

Следует отметить, что в 2015г., в связи с появлением кризисных явлений в экономике, стало наблюдаться снижение востребованности в бизнес-школах. В настоящее время основные тренды бизнес-менеджмента в Свердловской области следующие:

1. Снижение числа заказов на корпоративное обучение, вызванное стремлением организаций к оптимизации расходов.

2. Положительная динамика наблюдается в сегменте краткосрочных программ, которые не обладают высокой стоимостью, но позволяют выработать антикризисные решения.

3. На рынке наблюдается расширение целевой аудитории, предъявляющей спрос на бизнес-образование: растет количество потребителей на рынке B2C, студенты и выпускники вузов, начинающие предприниматели, которые заинтересованы в приобретении новых профессиональных компетенций.

Фирменная структура рынка бизнес-образования Свердловской области представлена в таблице (Таблица 1) [4], [5].

Таблица 1

Фирменная структура рынка бизнес-образования
в Свердловской области в I п/г 2014 г.

Название компании	Оборот от услуг	Совокупное количество преподавателе	Коли чество
----------------------	--------------------	--	----------------

	бизнес-образования в I п/г 2014 г., млн руб.	й / из них зарубежных преподавателей	слушателей в I п/г 2014 г., чел.
ГК Потенциал	80,6	262/0	9692
Урало-Сибирский Институт Бизнеса(USIB)	62,7	194/2	890
Центр Бизнес-образования (ЦБО)	61,1	274/0	2141
Образовательный центр Профессионал	55,3	261/0	6001
ФГАОУ ВПО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н.Ельцина» (Бизнес-школа УрФУ)	23,9	147/8	3738

Источник: составлено автором с использованием материалов[4], [5].

Анализируя данные, представленные в таблице, мы выявили лидера рынка бизнес-образования в Свердловской области, а именно, ГК «Потенциал». Конкурентным преимуществом, считаем мы, в компании ГК «Потенциал» выступает то, что ГК «Потенциал» предлагает недорогие

краткосрочные программы, в то время как USIB – долгосрочные программы с высокой стоимостью.

Нами был проведен опрос на тему «Является ли актуальным бизнес-менеджмент для студентов?». В качестве респондентов выступили студенты УрГЭУ, всего 93 чел. (37 девушек и 56 юношей), в возрасте 19-24 лет. В результате опроса мы выяснили, что 80% респондентов – хотели бы создать свой бизнес, что, на наш взгляд, характеризует их как предприимчивых и самостоятельных людей. Еще 60% респондентов предпочли бы получение образования в бизнес-школе, 20% чел. – в вузе. Как видим, бизнес-менеджмент – актуальное направление среди молодежи. Получить образование в России готовы 57% чел. Обучение за границей выбрали – 17% чел. Результаты опроса представлены в диаграмме (Диаграмма 1).

Диаграмма 1.

Результаты опроса «Актуальность бизнес-менеджмента для студентов»

Источник: составлено автором

Российские бизнес-школы предлагают очные, вечерние, очно-заочные или модульные программы MBA. Модульные программы подходят для студентов, которые не имеют возможности проходить обучение в бизнес-школе продолжительное время, а проходят программу дистанционно, приезжают на сессию. В России в большей степени распространены вечерние или очно-заочные программы MBA. Наибольшим спросом пользуются вечерние и очно-заочные программы, которые разработаны компетентными и опытными профессорами, специалистами. Следует отметить, что программы MBA классифицируются на общие и специализированные. Самые известные из специализированных школ – это MBA МИРБИС и MBA Высшей коммерческой школы. В России по срокам обучения все программы MBA не превышают 2 лет.

Изучив информацию на официальных сайтах бизнес-школ Свердловской области, мы пришли к выводу, что на данный момент времени наиболее популярны программы MBA Урало-Сибирского института-бизнеса (USIB). USIB предоставляет для своих слушателей 9 программ по различным направлениям: управление, руководство, «свое дело». Более того, институт бизнеса предлагает для своих слушателей семинары, тренинги и корпоративное обучение.

При Уральском государственном экономическом университете имеется бизнес-школа MBA. Бизнес-школа ФГБОУ ВО УрГЭУ является признанной, работает в сотрудничестве с такими лидерами подготовки кадров для предпринимательства и бизнеса, как: РАБО, СЕЕМАН и International Business School (аккредитованной в Oxford Brookes University). Данная бизнес-школа предлагает как курсы MBA (продолжительностью от года до двух), так и мини-MBA (от 6 до 9 месяцев).

Итак, бизнес-образование в Свердловской области находится в состоянии динамичного развития, его потенциал востребован в настоящее время. Мы считаем, что следует использовать как отечественный, так и зарубежный опыт в сфере бизнес-менеджмента, привлекать к сотрудничеству

компетентных специалистов, что позволит совершенствовать и углублять бизнес-образование по Свердловской области.

Список литературы

1. Бизнес обучение в Екатеринбурге/ бизнес - школа МВА/
<http://usib.ru/>(Дата обращения: 1 февраля 2016г.).
2. МВА УрГЭУ- МВА УрГЭУ/ <http://mba.usue.ru/>
3. Рейтинг центров бизнес-образования Свердловской области
<http://www.ubo.ru/articles/?cat=129&pub=3601> (Дата обращения: 10 января 2016г.).
4. Рейтинг бизнес-школ Екатеринбурга 2014/
<http://www.ubo.ru/analysis/?cat=1&pub=2127> (Дата обращения: 10 января 2016г.).
5. Рейтинг бизнес - школ города Екатеринбурга/
<http://ekb.dk.ru/wiki/rejting-biznes-shkol> (Дата обращения: 26 января 2016г.).
6. Рейтинг бизнес - школ Екатеринбурга. [Электронный ресурс]/
Бизнес-школы / Бизнес-wiki/ Деловой квартал. Режим доступа:
<http://ekb.dk.ru/wiki/rejting-biznes-shkol> (Дата обращения: 10 января 2016г.).
7. Тютюнов К. Региональный рынок бизнес-образования растет быстрее, чем столичный [Электронный ресурс] / Коммерсант.ru. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2499093> (Дата обращения: 20 января 2016г.).
8. Яхонтова Е. С. Ключевые аспекты управления знаниями. [Текст] / Менеджмент сегодня. 2014. №03(81). С. 117.

Есембекова А.У. || Боровинских В.А.

Факторы эффективности производства молока

в сельскохозяйственных организациях

Курганской области

Esembekova, A. || Borovinskikh, V.

The factors of production efficiency of milk

in agricultural organizations

Kurgan region

В статье проанализированы мнения некоторых авторов по вопросу факторов, влияющих на эффективность производства молока и молочных продуктов, и представлена авторская классификация факторов, влияющих в целом на эффективность производства молока сельскохозяйственных организаций Курганской области. Выявлен основной фактор производства молока – затраты на корма коров дойного стада.

The article analyzes the views of some authors on the issue of factors affecting the production efficiency of milk and dairy products, and presents the author's classification of factors affecting overall efficiency of milk production in agricultural organizations of the Kurgan region. The main factor of milk production – feed costs for cows of dairy herd.

Ключевые слова: эффективность, сельское хозяйство, себестоимость молока, уровень рентабельности, Курганская область, уровень товарности, затраты на корма.

Key words: efficiency, agriculture, milk cost, profitability, Kurgan region, the level of marketability, the cost of feed.

В современных условиях сельскохозяйственные производители и переработчики молока вынуждены приспосабливаться к сложившимся требованиям рынка. В сельском хозяйстве возникают и обостряются экономические и социальные проблемы, связанные с ростом ценового диспаритета между сельскохозяйственной и промышленной продукцией, сокращением государственной финансовой поддержки молочной отрасли, слабыми межхозяйственными связями, низким уровнем покупательной способности населения, что в совокупности ведет к снижению эффективности производства молока. Поэтому возникает необходимость в изучении факторов, влияющих на эффективность производства молока субъектов хозяйствования, так как главной задачей, стоящей перед работниками агропромышленного комплекса, является обеспечение населения страны высококачественными молочными продуктами.

Фактор – причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты. В экономической литературе под факторами принято понимать как составные элементы процесса производства, так и их воздействие на процесс производства [2].

На эффективность производства данной отрасли, а также в целом на развитие сельского хозяйства, по мнению Михилева А.В., оказывают влияние множество факторов: организационно-экономические, социальные, общеэкономические, природные [6].

Также при оценке эффективности нельзя не учитывать специфику данной отрасли в связи с тем, что сельское хозяйство в наибольшей степени зависит от природных условий, что приводит к неравномерному использованию рабочей силы, поступлению продукции и денежных доходов на протяжении года.

Следует отметить, что многие учёные все факторы, влияющие на эффективность деятельности молочнопродуктового подкомплекса, подразделяют на факторы внешнего и внутреннего воздействия.

Внешние факторы не зависят от сельскохозяйственной деятельности организаций и являются источником, необходимым для поддержания внутреннего потенциала организации на должном уровне. К внешним факторам следует отнести: налогообложение, цены на товары, кредитование, инфляцию, дотации, законодательство, рыночный спрос и т. д.

Внутренние факторы вносят вклад в формирование развития организации. К ним относят продуктивность животных, качество продукции, себе-стоимость продукции, технология и организация производства и переработки молока, специализация как сельскохозяйственных, так и перерабатывающих организаций и т. д. [3].

Следовательно, внутренние факторы настолько разнообразны, что для лучшего их понимания и изучения, по мнению Онипко Е. А. их целесообразно объединить в следующие группы, связанные с: личностными качествами руководителя и способностью его и трудового коллектива эффективно управлять организацией в условиях рыночной экономики; развитием НТП и инновационной политикой организации; совершенствованием организации производства и управления организацией; организационно-правовой формой хозяйствования; спецификой производства и отрасли; качеством и конкурентоспособностью продукции, с управлением издержками и ценовой политикой в организации; инвестиционная политика [5].

Данная классификация является условной и не отражает все многообразие факторов, но позволяет более детально представить внутренние факторы и их влияние на эффективность производства.

В настоящее время экономическая эффективность сельскохозяйственного производства, по нашему мнению, в значительной мере определяется факторами внешней среды. При отлаженном экономическом механизме факторы внутренней среды формируют уровень экономической эффективности.

Классификация факторов эффективности сельскохозяйственного производства, предложенная М. Ф. Шкляр, делит все факторы на четыре основные группы. В первую группу входят факторы, не участвующие непосредственно в производственном цикле, но оказывающие на него значительное влияние. Это природные и экономические условия, в которых находятся хозяйства. Показатели экономических условий – цены на сельскохозяйственную продукцию, расстояние до рынков сбыта, а также до организаций, которые осуществляют техническое снабжение и обслуживание хозяйств и другие показатели.

Ко второй группе относятся материальные и трудовые ресурсы, которые представляют потенциал производства. В третью группу включены ресурсы, фактически вовлечённые в производство и используемые для получения того или иного вида продукции.

Четвёртую группу представляют факторы, которые связаны с организацией производственных процессов и применяемых технологий [3].

В настоящее время наибольшее распространение получила система, которая рассматривает факторы эффективности производства в трёх основных аспектах: по ресурсам и затратам производства, по основным направлениям формирования эффективности производства, по реализации этих направлений на разных уровнях хозяйствования [4].

Перечисленные факторы носят динамичный характер, ведь на каждый из них воздействует научно-технический прогресс.

Мы считаем, что рассмотрение производства с точки зрения коммерциализации, то есть получения максимального количества прибыли от деятельности в условиях перехода к рыночной экономики, крайне актуально.

Несмотря на рассмотренные точки зрения учёных-аграрников в данной области, стоит отметить, что наиболее доступной и объективно показывающей все факторы, влияющие на экономическую эффективность

производства молока, является классификация, которая подразделяет факторы экономической эффективности на внешние и внутренние.

Под внешними факторами понимаются факторы, на которые организация не в силах повлиять, но должна реагировать изменениями в производстве. Кроме того, по нашему мнению, часть внешних факторов можно разделить в зависимости от уровня их влияния на процесс производства и переработки молока.

Данная классификация дополнена внутренними факторами: социальный и психологический климат в коллективе, ресурсная и технологическая оснащённость, фактором инновационная активность и модернизация производственного процесса.

Кроме того, внутренние факторы, влияющие на деятельность сельскохозяйственных и перерабатывающих организаций, дополнены фактором «кооперация и диверсификация производства».

Огромное влияние на развитие сельскохозяйственных и перерабатывающих организаций, по нашему мнению, оказывает внутренний фактор – инновационная активность и модернизация производства.

Это связано с тем, что повышение эффективности производства и переработки продукции, а также её конкурентоспособность на внутреннем и мировом рынках невозможны без постоянного процесса технического и технологического совершенствования агропромышленного комплекса [1].

Именно поэтому инновации и модернизация производства являются способом, который позволяет преобразовать сырьё в желаемый продукт и влияние данного фактора необходимо рассматривать не только со стороны государства, но и со стороны непосредственно самой организации, так как научные разработки, а также их внедрение в хозяйственный процесс требуют не только от государства, но и от организации определённых денежных вложений и трудовых ресурсов.

Кроме того, развитие инноваций в деятельности сельскохозяйственных и перерабатывающих организаций, а также модернизация процесса

производства способствуют улучшению ресурсной и технологической оснащённости производства, а следовательно, положительно влияют на финансовые результаты от деятельности.

Высокая технологическая вооруженность труда в молочно-продуктовом подкомплексе в совокупности обеспечивает высокую производительность только при рациональном внедрении соответствующих технологий в процесс производства. Таким образом, развитие отрасли кормопроизводства, система кормления крупного рогатого скота, его породный состав и способ содержания при грамотном использовании будут способствовать не только повышению эффективности деятельности сельскохозяйственных организаций, но и полной загрузке производственных мощностей перерабатывающих организаций, удовлетворению платёжеспособного спроса населения молочными продуктами собственного производства.

Значительное влияние на процесс производства и переработку сырья оказывает наличие квалифицированных кадров в организации, социальный и психологический климат в коллективе. Это главным образом связано с условиями, в которых происходят взаимодействия членов рабочей группы, материальным стимулированием труда, возрастным составом кадров, что непосредственным образом влияет на успешность совместной деятельности трудового коллектива организации, а, следовательно, обеспечивает положительный результат работы организации.

Ресурсная оснащённость организации также оказывает существенное влияние на объёмы производимой продукции, а следовательно, и на финансовые результаты деятельности, так как материальной основой производственного потенциала в сельском хозяйстве являются ресурсы (земля, труд, капитал), без которых невозможен процесс производства сельскохозяйственных товаров и дальнейшее развитие отрасли. В свою очередь, наличие у сельскохозяйственных организаций достаточного количества земельных ресурсов, возможность рационального их использования способствуют созданию необходимых условий для обеспечения крупного рогатого скота кормами, кормовой базы.

Таким образом, ресурсная оснащённость организации тесно взаимодействует с технологической оснащённостью и в совокупности создаёт предпосылки для эффективного развития не только сельского хозяйства, но и перерабатывающих отраслей.

Например, ресурсный эффект характеризует экономию материальных, энергетических, трудовых, финансовых затрат; технический эффект – внедрение новой, более долговечной и надежной техники, инновационной технологии и т.д.; социальный эффект – улучшение условий труда и техники безопасности, облегчение тяжелого ручного труда, повышение культуры на производстве; экономический эффект – величина, характеризующая снижение себестоимости, прибыль от реализации продукции; экологический эффект – снижение (ликвидация) выброса вредных веществ в атмосферу, водный бассейн и др. [3].

Обеспеченность ресурсами производства оказывают прямое и весомое влияние на эффективность производства.

Эффективность сельскохозяйственного производства – сложная экономическая категория. В ней отражается одна из важнейших сторон общественного производства – результативность. При характеристике конечного результата следует различать понятия «эффект» и «экономическая эффективность» [5]. Эффект выражает величину какого-либо полезного результата в натуральном или стоимостном выражении.

Экономический эффект – величина абсолютная, она зависит от удельной экономии затрат и объемов производства продукции. Экономическая эффективность производства – величина относительная. Она характеризует степень результативности производства и определяется соотношением полученного эффекта и затрат (ресурсов), вызвавших этот эффект. Для характеристики деятельности предприятия используют значения эффекта и эффективности только во взаимосвязи, в отдельности они не могут дать полную и объективную картину. Так, эффект может быть получен, но при значительных затратах на него, поэтому эффективность будет

небольшой. И наоборот, при малых затратах можно получить существенный эффект. Следовательно, повышения экономической эффективности производства можно добиться, увеличивая эффект на каждую единицу затрат (ресурсов) [4].

В сельском хозяйстве остается нерешенной проблема повышения эффективности производства продукции, особенно эта проблема затронула отрасль животноводство, в частности производство молока.

На 31 декабря 2014 года средняя закупочная цена молока в Курганской области составила 13,47 рублей. Себестоимость производства доходит до 30 рублей за 1 кг (средняя по хозяйствам за 2014 г – 14,5 рублей).

По данным сельскохозяйственных предприятий Курганской области за 2014 г., занимающихся производством молока, в отношении себестоимости были определены основные факторы, находящиеся в тесном взаимодействии с её уровнем, наряду с величиной других показателей эффективности производства продукции, в первую очередь, рентабельностью. Группировка проведена по 61 сельскохозяйственному предприятию Курганской области.

Метод аналитических группировок позволяет изучить распределение хозяйств по уровню себестоимости 1 ц молока, установить основные факторы и взаимосвязи между себестоимостью и эффективностью производства (таблица 1).

Установлено, что для сельскохозяйственных организаций, занимающихся производством молока с уровнем убыточности не менее 46% свойственна низкая концентрация дойного стада (около 170 голов) при удое молока около 2455 кг. Такие параметры хозяйств при современных экономических условиях хозяйствования уже не позволяют эффективно использовать корма, доля которых в структуре себестоимости стремится к 50%. Но, таких организаций в Курганской области не значительно – 4 ед.. Без субсидий областного бюджета они не имеют возможности осуществлять развитие молочной отрасли даже на уровне ее простого воспроизводства. Это одна из составляющих причин снижения поголовья коров в Зауралье.

С одной стороны - основу производства молока, а с другой - группу риска составляют хозяйства с минимальной эффективностью развития отрасли. Если государственная поддержка неэффективна, то, как правило, они пополняют группу неэффективных производителей молока. Следует отметить, что к предприятиям, работающим с низким уровнем рентабельности (но не убыточности) относятся 20 сельскохозяйственных организаций с себестоимостью 1 ц молока, не превышающим 1426 р., в среднем по группе 1251,38 р./ц.

В настоящее время в Курганской области только 3 сельскохозяйственных организации (5%) ведут молочное производство на уровне первых шагов к расширенному воспроизводству. Рентабельность продаж молока в них колеблется от 14 до 28 %. В основном, это малые для условий Зауралья хозяйства с поголовьем коров от 80 до 120. Продуктивность стада в этих хозяйствах составляет от 2000 до 3000 кг на одну корову и выше.

Таблица 1

Влияние уровня себестоимости на эффективность производства молока в сельскохозяйственных организациях Курганской области (2014 г.)*

Показатель	Себестоимость 1 ц молока, р.							того среднего
	до 36	от 37 до 1031	от 1032 до 1426	от 1427 до 1821	от 1822 до 2216	от 2217 до 2611	более 2612	
Количество хозяйств в группе, ед.	3	3	20	23	6	2	4	1
Себестоимость 1 ц молока, р./ц	405,11	853,55	1251,78	1600,26	1908,14	2304,44	2830,15	489,94
Среднее поголовье коров в хозяйстве, гол.	59	112	133	171	231	2530	701	58

Удой молока на одну корову, кг	3 146	2 733	3 249	3 582	4 187	2 443	2 455	3 358
Затраты на одну корову, р.	1 3093	2 3874	4 0727	5 7144	7 9766	5 5691	7 0445	4 1008
Доля затрат на корма в структуре себестоимости молока, %	3 0,9	3 7,5	3 9,0	4 5,4	5 1,6	5 2,5	6 5,4	4 7,1
Уровень товарности молока, %	0 ,79	0 ,65	0 ,69	0 ,72	0 ,78	0 ,69	0 ,76	0 72
Коммерч еская себестоимость молока, р./ц	1 241,93	7 78,13	1 177,92	1 501,56	1 728,67	1 748,50	2 456,69	1 440,17
Цена реализации молока, р./ц	1 304,26	9 35,52	1 271,22	1 422,08	1 546,00	1 386,50	1 324,19	1 347,50
Уровень рентабельности (убыточности) производства молока, %	5 ,2	2 0,9	8 ,3	- 4,7	- 8,7	- 19,3	- 46,0	2 2,2

* - Рассчитано по данным сводных годовых отчетов сельскохозяйственных организаций Курганской области.

С ростом результативных показателей производства молока снижается доля затрат на корма. Максимальная рентабельность по всем наблюдениям (44,1%) достигается при уровне затрат от 72000 руб. в расчете на одну корову, при этом наблюдается высокий уровень продуктивности коров – 4455 кг. Все это объясняет весьма невысокую себестоимость 1 ц молока – 1631 р.

Оптимальный размер затрат в расчете на 1 корову находится в пределах от 79000 до 80000 руб. (средний уровень - 79766 руб.), это максимальный уровень. В группах хозяйств с низкими затратами на 1 голову продуктивность коров ниже и ведет к возрастанию себестоимости.

Однако только на основе группировок не представляется возможным достаточно точно количественно определить меру влияния отдельных факторов на уровень себестоимости молока. Выявить и выразить количественную взаимосвязь факторов, влияющих на затраты производства молока, позволяет многофакторная корреляционная модель, разработанная по данным 61 сельскохозяйственной организации Курганской области за 2013 г (таблица 2).

Таблица 2

Результаты корреляционно-регрессионного анализа
рентабельности молока

ВЫВОД ИТОГОВ						
<i>Регрессионная статистика</i>						
Множественный R		0,43				
R-квадрат		0,18				
Нормированный R-квадрат		0,14				
Стандартная ошибка		1,86				
Наблюдения		6				
		1				
Дисперсионный анализ						
	<i>d</i>	<i>f</i>	<i>SS</i>	<i>S</i>	<i>М</i>	<i>Значимос</i>
					<i>F</i>	<i>ть F</i>
Регрессия	3	56,2	45	1	4	0
Остаток	7	283,9	20	3	,27	,00869
Итого	6	24	840,1			
Y-пересечение	-	33,894	9,22	-	0	-
Переменная X	0,023	0,016	0,01	1	0	0,009
1			0,437		,156	0,005

2	Переменная X	0, 009	0,00 3	3 ,342	0 ,001	0 ,004	0, 015
3	Переменная X	- 0,001	0,00 1	- 2,518	0 ,015	- 0,001	- 0,001

Полученное в результате корреляционно- регрессионного анализа уравнение имеет вид:

$$Y = -33,9 - 0,02384 X_1 + 0,00929 X_2 - 0,00070 X_3 \quad (1)$$

где Y – уровень рентабельности реализации молока, %;

X₁ - среднегодовое поголовье коров, гол.;

X₂ – годовой удой молока на одну корову, кг.;

X₃ - затраты на корма на одну корову, р.;

В общей сложности рассматриваемые факторы объясняют вариацию рентабельности реализации молока на 18%. Прочие неучтенные факторы составляют 82%. Наибольшая доля вариации приходится на факторы X₁, - среднегодовое поголовье коров. Так, при неизменном значении прочих факторов повышение поголовья коров на 1 гол. ведет к снижению рентабельности молока на 0,02 %, рост продуктивности коров на 1 кг приведет к росту уровня рентабельности реализации молока на 0,009%, повышение затрат на корма в расчете на одну корову на 1 рубль ведет к незначительному снижению рентабельности реализации молока.

Таким образом, построение и использование данной статистической модели позволяет оказывать целенаправленное воздействие на факторы, определяющие уровень эффективности.

Следовательно, для повышения экономической эффективности производства молока необходимо повышать продуктивность коров, снижать затраты на корма, что возможно при использовании научных технологий и получении и государственной поддержки.

Список литературы

1. Есембекова А.У. Оценка эффективности использования ресурсного потенциала в зернопродуктовом подкомплексе Курганской области / А.У. есембекова, А.Ю. Загоруйко // Известия Оренбургского Государственного аграрного Университета. – 2015. - №2(52). – С.230-233.
2. Есембекова А.У. Влияние обеспеченности материально-техническими средствами на производственные результаты сельскохозяйственных организаций // Аграрный вестник Урала. – 2009. - №11. – С.29-30.
3. Жиделева В. В. Экономика предприятия [Текст] / В.В. Жиделева, Ю.Н. Каптейн. – М.: ИНФРА-М., 2010. – 133 с.
4. Калеев Н.В. Сущность эффективности производства молока [Текст] / Н.В. Калеев // Вестник НГИЭИ. – 2011. - №2 (3). - С.52-58.
5. Коваленко Н. Я. Экономика сельского хозяйства [Текст]. / Н.Я. Коваленко, Ю.И. Агирбов, Н.А. Серова и др. – М.: КолосС., 2010. – 384 с.
6. Михилев А.В. Организационно-экономический механизм хозяйствования в аграрном секторе [Текст] / А.В. Михилев. – Курск: Изд-во Курск. Гос. С.х. ак., 2002. – 173 с.

УДК: 005.521:32

ББК: Ф06

Заболотная, Г.М., Аликин, К.С.

**Паблицитный капитал территории как фактор региональной
политики**

Zabolotnaya, G., Alikin, K.

Publicity capital of the territory as factor of regional policy

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы использования паблицитного капитала территории для привлечения инвестиций, решения стратегических социально-экономических задач ее развития, а также его трансформация в электоральный ресурс региональных лидеров. На примере Тюменской области анализируются практики его формирования.

Annotation: In article problems of use of the publicity capital of the territory for attraction of investments, solutions of strategic social and economic problems of her development, and also his transformation in an electoral resource of regional leaders are considered. On the example of the Tyumen region practitioners of his formation are analyzed.

Ключевые слова: паблицитный капитал, имидж, репутация, позиционирование, политическое пространство

Key words: publicity capital, image, reputation, positioning, political space

Последние два десятилетия Россия стремительно меняется, появляются новые политические институты, проводятся политические, социальные и экономические реформы. Одна из них непосредственно затронула федеративные отношения, включая субъектный состав Российской Федерации. Одновременно с этим с начала 2000-х годов происходит ряд институциональных изменений, способствующих установлению более централизованных взаимоотношений между Центром и регионами и существенно ослабляющих роль региональных элит в политическом торге с Кремлем. Речь идет о появлении федеральных округов и полномочных

представителей; новом порядке формирования Совета Федерации; формировании Государственного совета РФ; появлении партийных фракций, прежде всего, в лице Единой России в региональных legislatures, просуществовавшем почти десятилетие порядке наделения полномочиями глав исполнительной власти регионов как альтернативы прямым выборам. В этих условиях главам субъектов РФ стало сложнее представлять и продвигать интересы своей территории, потребовалось найти новые пути для повышения значимости региона в глазах Центра. Одним из таких путей стало более активное использование региональными элитами публичного капитала территории.

Термин публичный капитал используется не так часто в отечественных исследованиях. Более привычным в теории и практике PR является обращение к проблеме создания публичности (publicity) – известности. В основном о публичном капитале говорят в контексте его экономической функции, т.е. его целевом использовании для получения инвестиций, доступа к финансовым ресурсам и т.д. М.А. Шишкина под публичным капиталом понимает особый вид капитала, которым обладает рыночный субъект, функционирующий в пространстве публичных коммуникации [1, с. 61]. Этот вид капитала несводим к другим видам, но в существенной мере произведен от них. Публичный капитал трактуется как объем качественной информации о каком-либо объекте, ставшей известной разным целевым аудиториям.

Имея непосредственное отношение к репутации и имиджу какого-либо объекта (территории, фирмы, организации), публичный капитал способен порождать не только экономические, но и социально-психологические, а в определенных случаях и политические эффекты. Он формируется в коммуникационном пространстве чаще всего благодаря целерациональным действиям и определяет другие потенциалы/капиталы объекта, качественные параметры (узнаваемости, репутации, доверия к объекту), без которых невозможно его продвижение в экономическом и политическом

пространстве, оформление официальных и неофициальных социальных сетей, деловых коопераций с участием объекта. Сказанное имеет непосредственное отношение и к проблемам решения задач региональной политики, реализуемой в субъектах Российской Федерации.

Согласно концепции П. Бурдьё, позиции агентов в социальном пространстве определяются видами и объемами капиталов, которые они контролируют, при этом один вид капитала можно конвертировать в другой. Поэтому территория, обладающая публицитным капиталом, может преобразовать данный вид капитала в другие: политический, экономический, социальный и культурный. Например, региональные элиты могут привлечь дополнительные инвестиции и за счет получения налоговых отчислений развивать социально-экономическую сферу, получить ресурсы для социальных программ, и таким образом повышать свои позиции во взаимоотношениях с федеральным центром. Публицитный капитал, формируемый публикуемыми рейтингами, опросами и любой позитивной информацией о деятельности губернатора и его управленческой команды превращается в электоральный ресурс на выборах. Федеральная власть также оценивает эффективность деятельности губернаторов посредством оценки успехов в реализации региональной социально-экономической политики, выполнения майских (2012 г.) указов Президента РФ, сохранения стабильной социальной и политической ситуации в регионе.

Для формирования публицитного капитала требуются целенаправленные действия со стороны региональных властей по формированию необходимых представлений и мнений у различных референтных групп (целевых аудиторий). В данном случае могут быть востребованы различные приемы позиционирования, используемые в рамках территориального маркетинга. Исследователь В. Блашенкова под позиционированием понимает «выбор, создание и корректировку отличительных черт, преимуществ, достоинств в сознании потребителей (целевых групп)» [2, с. 23]. Она считает, что позиционирование позволяет на

фоне остальных объектов представить в выгодном свете достопримечательности, специфику муниципального образования или субъекта федерации, результаты деятельности властей, привлечь к территории внимание, финансы, получить определенные преференции.

Позиционирование включает в себя как минимум две технологических процедуры: выделение конкурентоспособных преимуществ территории по отношению к другим (например, акцент на основных характеристиках региона в плане перспектив развития) и их донесение до референтных групп с помощью различных коммуникационных каналов. В разработках по территориальному маркетингу основными референтными группами являются инвесторы, туристы, население региона, а основное внимание сосредоточено именно на экономических эффектах позиционирования. В случае же позиционирования региона в политическом пространстве страны следует учитывать характер отношений региональных элит с представителями федерального центра как главной референтной группой. При этом Центр, направляя в регионы федеральные инвестиции, поддерживая крупные проекты, позиционируя эти территории как «точки роста», создает новостные поводы и приращивает их публицитный капитал. Кроме того, федеральный центр выступает агентом, который способствует привлечению различных видов капитала в регион.

Представление о регионе у различных целевых групп складывается под влиянием информации, распространяемой различными коммуникационными каналами. Основными агентами, способными формировать публицитный капитал территории, являются органы государственной власти, которые, используя медийный ресурс, могут продвигать конкурентные преимущества субъекта РФ при помощи позитивной/нейтральной информации о регионе, в форме новостей, публикаций различных рейтингов, результатов опросов. Кроме того, с начала 2000-х годов, в регионах начинают разрабатываться и приниматься концепции и программы информационной политики, в которых вопросы повышения имиджа и репутации региона, повышения его

экономической привлекательности занимают не последнюю роль. В числе первых субъектов РФ, принявших подобные документы, была и Тюменская область.

В Тюменской области нет единого центра по продвижению конкурентных преимуществ территории. Как правило, все целевые аудитории распределяются между различными проектными организациями или исполнительными органами государственной власти субъекта РФ (прежде всего, это Департамент информационной политики и Департамент инвестиционной политики и государственной поддержке предпринимательства). Отметим, что ориентиры для разработки стратегии по продвижению конкурентных преимуществ Тюменской области содержатся в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Тюменской области до 2020 года и на перспективу до 2030 года». В этом, как и в других документах, в выступлениях руководителей области, в новостных блоках присутствуют образы региона, которые выступают своеобразными коммуникативными сигналами для потенциальных инвесторов и населения региона: «благоприятный инвестиционный климат», «уникальный природно-экономический, производственный и научно-технический и кадровый потенциал области»; «Тюмень - город, благоприятный для жизни людей»; «социально ориентированная модель развития» и др. Например, в январе 2016 года в новостных каналах региона появилась информация о том, что областная столица заняла первое место в рейтинге лучших городов страны по качеству жизни, который был составлен специалистами департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на основе обобщения результатов социологических опросов и статистических данных, учитывающий такие составляющие, как качество жилья, работа ЖКХ, благоустройство, состояние дорог [3].

Другим ярким примером по формированию паблицитного капитала в Тюменской области и успешного позиционирования региона является

информационная кампания «Я – доверяю», включающая в себя размещение лаундж-зоны с презентацией достижений территории [4]. На первом этапе авторы проекта определяют конкурентоспособные преимущества территории, сравнивая их с показателями других регионов Российской Федерации. В ходе интерактивной презентации в лаундж-зоне презентовались ролики (сейчас их можно найти на официальном сайте), презентующих конкурентные преимущества Тюменской области. Видеоролик «экономика и работа» выделяет следующие преимущества региона, подтвержденные различными рейтингами:

- третье место в рейтинге доходов населения и занятости населения;
- первое место в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов РФ).

Ролик «спорт и досуг» развивает тему, что в областной столице построен самый большой драматический театр России, а ролик «современная городская среда» указывает, что область в течении нескольких лет занимает первое место по жилищному строительству в расчете на одного человека; что в Тюмени построена единственная в стране 4-х уровневая набережная.

Основной целевой аудиторией информационной кампании является также и население области. Наряду с традиционными каналами информирования активно используется различные формы интерактивного общения. Например, на площадке проекта «Я - доверяю» организованы диалоги граждан с лидерами общественного мнения (спортсменами, артистами, политиками). Кроме того, посты и видео-ролики размещены в социальных сетях (<https://vk.com/trust72>).

Важным фактором формирования публичного капитала региона являются различные формы медийной активности первых лиц региона. Ставшие традиционными встречи губернатора с журналистами и телевизионный эфир «Час с губернатором» сегодня дополнены интерактивным online-общением. Так, с 2010 г. функционирует блог

губернатора Тюменской области В. Якушева (http://gubernator.admtumen.ru/governor_to/ru/blog/). В режиме он-лайн населению предложено обсудить наиболее актуальные вопросы, затрагивающие жизнь в регионе: привлечение инвестиций, развитие бизнеса (блог «Что мешает бизнесу?»); доступность и качество региональных государственных услуг (блог «Оцени чиновника»); цены на продукты питания (блог «О вкусной и доступной пище»); зарплата в учреждениях здравоохранения (блог «Обращение к медикам») и др. Форма обращения губернатора к гражданам – просьба о совете, призыв к сотрудничеству и совместному обсуждению проблем, – как и остальная информация о том, что делает региональная власть, несомненно, имеют имиджевую составляющую и работают на репутацию власти в целом и губернатора, в частности.

О продуктивности online-практики В. Якушева можно судить по количеству ссылок в СМИ на записи в блогах главы региона, а так же по факту его включения в 2012 г. в топ-20 самых цитируемых губернаторов, использующих Интернет в качестве инструмента коммуникации.

Для федерального центра важным моментом оценки деятельности региональной власти являются достигнутые показатели социально-экономического развития территории, привлечение инвестиций в регион, сохранении политической и социальной стабильности. Например, решению В. Якушева пойти на досрочные выборы в сентябре 2014 г. предшествовала встреча с Президентом РФ, на которой губернатор отчитался о росте промышленного производства, объеме привлеченных инвестиций в экономику региона, решении проблемы с детскими садами, заработной плате учителей и медработников, вводе жилья и т.д. Удовлетворение Президентом просьбы губернатора об участии в досрочных выборах стало выражением доверия главе региона.

Информация о двусторонней встрече В. Якушева с Президентом России и другими первыми лицами государства, посетившими область в год губернаторских выборов, а так же в 2015 году, транслируемая разными

каналами СМИ, также как и публикуемые общероссийские рейтинги, согласно которым глава региона входит в первую десятку наиболее эффективных глав субъектов РФ (рейтинг Фонда развития гражданского общества) сыграли немаловажную роль в увеличении публичного капитала, который преобразуется в электоральный ресурс на выборах, расширяет возможности региональных элит в получении преференций со стороны федерального центра.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. - СПб.: Изд-во «Паллада-медиа» и СЗРЦ «РУСИЧ», 2002.
2. Блащенко В. Семь типовых ошибок позиционирования. // Государственное управление. - 2010. - № 3.
3. Кузнецов С. Второй год подряд социологи признают Тюмень лучшим городом России по качеству жизни [Электронный ресурс] - URL: <http://tumentoday.ru/2016/01/16/vtoroj-god-podryad-sociologi-priznayut-tyumen-luchshim-gorodom-rossii-po-kachestvu-zhizni/> (дата обращения 18.01.2-2016).
4. Информационный портал «Ядоверяю.рф» [Электронный ресурс] - URL: <http://ядоверяю.рф/> (дата обращения 15.02.2016).

Роль общественного мнения в оценке проектов регионального развития
(на примере оценки проекта строительства высокоскоростной
магистральной)

The Role of the Public Opinion in Evaluation of Projects of Regional
Development (at the example of Evaluation of the Project of High-speed Highway)

Аннотация: в статье рассмотрена практика проведения опросов общественного мнения для подготовки, обоснования и принятия управленческих решений. Показан пример проведенного социологического опроса населения, который будет использован для обоснования разрабатываемых программ и проектов регионального развития.

Abstract: the article deals with the practice of surveys of public opinion for preparation, justification and making decisions. The example of survey is given in the paper, its results are used to create programs and projects of regional development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ,
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС,
ВЫСОКОСКОРОСТНАЯ МАГИСТРАЛЬ

KEYWORDS: PUBLIC OPINION, SOCIOLOGICAL SURVEY, POLL,
HIGH-SPEED HIGHWAY

Общественное мнение как самостоятельный элемент общественной жизни является одним из необходимых условий существования демократического общества. В идеальной модели государственного устройства политика должна проводиться с учетом и в интересах большинства населения. Именно поэтому при рассмотрении масштабных и требующих инвестиций проектов крайне важным является не только

информирование о них населения, но и учёт мнения представителей регионального сообщества, что достигается путём проведения социологических исследований по интересующей региональные органы власти проблеме.

В настоящее время в двух граничащих между собой регионах – Челябинской и Свердловской областях, – активно обсуждается масштабный инвестиционный проект. Речь идёт о строительстве высокоскоростной магистрали, которая соединит два города миллионника, сократив время в пути от одного административного центра до другого. Отмечается, что целью программы организации скоростного и высокоскоростного железнодорожного сообщения на перспективу до 2030 года является ускорение темпов экономического роста и повышение качества жизни населения двух регионов за счет создания комфортного и экономичного железнодорожного сообщения, обеспечивающего оптимальное для пассажиров соотношение скорости и стоимости проезда. Организация высокоскоростного движения обеспечит переход на новый уровень развития железнодорожной отрасли, окажет положительное влияние на развитие регионов и привлечение значительной части пассажиров на железнодорожный транспорт, создаст новые рабочие места в период строительства магистрали, даст толчок социально-экономическому развитию городской инфраструктуры и качественно изменит ситуацию с транспортной мобильностью населения [1,3].

В целях изучения мнения населения по вопросу строительства высокоскоростной магистрали лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС был проведено социологическое исследование. При проведении опроса была использован целевой способ отбора респондентов – опрашивали респондентов, посещающих город Екатеринбург не реже одного раза в полгода. Социологический опрос был проведён 5-7 февраля 2016 года в городе Челябинске [2].

Обратимся к результатам проведённого исследования и начнём с вопроса о частоте посещения челябинцами административного центра Свердловской области – города Екатеринбурга.

Таблица 1

Частота посещения челябинцами города Екатеринбурга

1 раз в неделю и чаще	11, 4
2-3 раза в месяц	16, 7
1 раз в месяц	17, 6
1 раз в 2-3 месяца	31, 0
1 раз в полгода	23, 3

Практически каждый третий опрошенный (31%) посещает Екатеринбург раз в 2-3 месяца, 17,6% делают это раз в месяц, а 23,3% респондентов говорят о поездках в Екатеринбург раз в полгода. Вместе с тем, есть и те, кто ездит Екатеринбург довольно часто – 2-3 раза в месяц (16,7%) и даже 1 раз в неделю и чаще (11,4%).

Логичным является вопрос о том, каким образом люди добираются из Челябинска до Екатеринбурга. Посмотрим, как распределились ответы респондентов на этот вопрос.

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос: «Каким образом вы чаще всего добираетесь до Екатеринбурга?»

на автомобиле (личном; от организации; с родственниками, друзьями, знакомыми)	52, 4
---	----------

на рейсовых автобусах и маршрутных такси	39,5
на железнодорожном транспорте (поезда, электрички)	6,2
пользуюсь услугами такси	1,9

Более половины опрошенных (52,4%) предпочитают поездки на автомобиле – личном, от организации, с родственниками, друзьями, знакомыми. Достаточно большой процент респондентов (39,5%) добирается до Екатеринбурга на рейсовых автобусах и маршрутных такси. Значительно меньше тех, кто ездит на железнодорожном транспорте (поезда, электрички) – 6,2%. А вот услугами такси пользуются лишь 1,9% опрошенных.

Анализ корреляционных таблиц показывает, что в группе тех, кто ездит в Екатеринбург 1 раз в неделю и чаще преобладают респонденты, которые пользуются автомобилем (на 37,2% больше, чем в среднем по выборке), на железнодорожном транспорте передвигаются чаще те, кто ездит в Екатеринбург 2-3 раза в месяц (на 13,8% больше, чем в среднем по выборке).

А вот поездки на рейсовых автобусах и маршрутных такси больше свойственны респондентам, бывающим в Екатеринбурге достаточно редко: 1 раз в месяц (на 9,1% больше, чем в среднем по выборке), 1 раз в 2-3 месяца (на 11,3% больше, чем в среднем по выборке), 1 раз в полгода (на 9,5% больше, чем в среднем по выборке).

Пожалуй, самым интересным с практической точки является вопрос о том, с какой целью челябинцы посещают Екатеринбург. Почему он интересен? Мотивация поездок горожан в административный центр Свердловской области поможет понять не только то, есть ли потребность в повышении мобильности населения двух областей, но и назрел ли в сознании горожан дополнительный толчок к развитию территорий.

Таблица 3

Цели посещения респондентами г.Екатеринбурга

посещение друзей, родственников, знакомых	45, 7
по рабочей необходимости (командировка)	41, 0
посещение магазинов и торговых центров	27, 6
посещение культурно-досуговых и развлекательных учреждений (выставки, концерты, театр, аквапарк, кино, кафе и т.д.)	13, 8
в аэропорт "Кольцово"	12, 9
езду на учебу	5,7

Итак, большинство опрошенных (45,7%) ездит в Екатеринбург в гости – посещают друзей, родственников, знакомых . вторая по популярности причина поездок – по рабочей необходимости (командировка), таких среди опрошенных 41,0%.

Менее трети респондентов (27,6%) посещают в Екатеринбурге магазины и торговые центры, а 13,8% – культурно-досуговые и развлекательные учреждения – выставки, концерты, театр, аквапарк, кино, кафе и т.д. Чуть более, чем каждый десятый (12,9%) ездят в аэропорт "Кольцово", а 5,7% – на учёбу.

Возвращаясь к предыдущему вопросу, отметим, что в группе тех, кто ездит в Екатеринбург 1 раз в неделю и чаще, преобладают респонденты, чьи поездки связаны со служебной необходимостью (на 50,7% больше, чем в среднем по выборке). Один раз в 2-3 месяца в Екатеринбург ездят респонденты, с целью посещения друзей (на 5,1% больше, чем в среднем) и посещения магазинов, торговых центров (на 13,9% больше, чем в среднем).

Аналогичные мотивы преобладают и у тех, кто ездит в административный центр Свердловской области один раз в полгода (на 5,5% и на 9,1% соответственно, больше, чем в среднем).

Определившись с частотой поездок, их целью и используемым транспортом, респондентам предложили оценить тот факт, что в настоящее время обсуждается проект строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали, соединяющей Челябинск и Екатеринбург. Было обращено внимание на то, что в случае его реализации время в пути составит чуть более 1 часа и респондентам был задан вопрос о том, как они относятся к этому проекту?

Таблица 4

Заинтересованность респондентов в проекте строительства
высокоскоростной магистрали

очень заинтересован	31, 0
скорее заинтересован	29, 5
скорее не заинтересован	16, 2
совершенно не заинтересован	6,2
затрудняюсь ответить	17, 1

Как можно увидеть, большинство горожан заинтересованы в проекте строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали соединяющей Челябинск и Екатеринбург. Сумма позиций «очень заинтересован» и «скорее заинтересован» составила 60,5%. Тех, кто не заинтересован в реализации озвученного проекта значительно меньше – сумма позиций «скорее не заинтересован» и «совершенно не заинтересован» составила 22,5%. Затрудняюсь ответить на вопрос 17,1% респондентов.

Корреляционные таблицы ожидаемо показали, что заинтересованные в реализации проекта строительства железнодорожной магистрали чаще ездят в Екатеринбург на железнодорожном транспорте (на 24,1% больше, чем в среднем), а те, кто не заинтересован в его реализации – на автомобиле (на 7,6% больше, чем в среднем).

Респондентам был задан вопрос: «В случае появления высокоскоростной железнодорожной магистрали, как часто Вы готовы использовать ее для поездок в Екатеринбург?»

Таблица 5

Готовность респондентов использовать высокоскоростную железнодорожную магистраль для поездок в Екатеринбург

при каждой поездке / в большинстве поездок	32, 4
примерно в половине поездок	16, 2
изредка / скорее в качестве запасного варианта	14, 3
не планирую пользоваться данными услугами	17, 6
затрудняюсь ответить	19, 5

Как оказалось, использовать магистраль при каждой поездке или в большинстве поездок готов лишь каждый третий из опрошенных – 32,4%. Примерно в половине поездок планируют использовать её 16,2%, изредка или скорее в качестве запасного варианта – 14,3%, а вообще не планируют пользоваться данными услугами – 17,6% опрошенных. При этом, практически каждый пятый респондент (19,5%) затруднился ответить на вопрос.

Интересно, что в случае появления железнодорожной магистрали, использовать её для поездок в Екатеринбург при каждой поездке или в большинстве поездок готовы в основном те, кто и сейчас добирается до города на железнодорожном транспорте (на 7% больше, чем в среднем по выборке). Вариант «примерно в половине поездок» выбирают респонденты, передвигающиеся на рейсовых автобусах и маршрутных такси (на 19,3% больше, чем в среднем по выборке). А вот те, кто планирует использовать магистраль изредка, скорее в качестве запасного варианта (на 24,3% больше, чем в среднем по выборке), либо вообще не планирует пользоваться данными услугами ездят в Екатеринбург на автомобиле – личном, от организации, с родственниками, друзьями, знакомыми (на 23,3% больше, чем в среднем по выборке).

Планируемая частота использования скоростной магистрали в качестве средства передвижения также опосредована видом транспорта, который выбирает респондент для поездок в Екатеринбург. Те, кто ездит на железнодорожном транспорте – более заинтересованы в реализации проекта строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали (на 24,1%), а вот «автомобилисты» к данному проекту проявили меньшую заинтересованность (на 7,6% больше, чем в среднем).

Учитывая это, социологи предложили респондентам сделать выбор из двух альтернативных проектов – высокоскоростной железнодорожной и автомобильной магистрали «Челябинск – Екатеринбург». Вопрос был сформулирован следующим образом: «На Ваш взгляд, что на сегодняшний момент является более целесообразным, строительство высокоскоростной железнодорожной или автомобильной магистрали, соединяющей Челябинск и Екатеринбург?»

Таблица 6

Ответы респондентов на вопрос: «На Ваш взгляд, что на сегодняшний момент является более целесообразным, строительство высокоскоростной

железнодорожной или автомобильной магистрали, соединяющей Челябинск и Екатеринбург?»

строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали	30, 5
строительство высокоскоростной автомобильной магистрали	48, 1
затрудняюсь ответить	21, 4

Как свидетельствуют полученные данные, большинство опрошенных (48,1%) выбирают проект строительства высокоскоростной автомобильной магистрали, а чуть менее чем каждый третий (30,5%) уверен, что необходимо реализовать проект высокоскоростной железнодорожной магистрали. Анализ корреляционных таблиц показывает, что в группе тех, кто говорит о большей целесообразности строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали, чаще представлены респонденты, посещающие Екатеринбург раз в 2-3 месяца, а цель их поездок – посещение магазинов и торговых центров, а также посещение культурно-досуговых и развлекательных учреждений (выставок, концертов, театров, аквапарка, кино, кафе). В группе респондентов, считающих более целесообразным строительство высокоскоростной автомобильной магистрали, большее представительство челябинцев, которые ездят в Екатеринбург раз в неделю и чаще, а цель их поездки – преимущественно командировка или визит к друзьям, родственникам, знакомым. В числе затруднившихся с ответом горожан, не определившихся какой должна быть высокоскоростная магистраль – автомобильной или железнодорожной, преобладают респонденты, которые ездят в аэропорт «Кольцово», а также те, у кого поездки в Екатеринбург случаются не так часто – от одного до трёх раз в месяц.

Поскольку очень много разговоров идёт о социально-экономическом обосновании целесообразности реализации столь дорогостоящего проекта для экономики региона в сложных условиях экономического кризиса, в процессе проведения опроса не обошли вниманием и эту тему. Респондентам был задан вопрос: «На Ваш взгляд, надо ли в существующих сложных экономических условиях вкладывать деньги в реализацию данного проекта?»

Таблица 7

Мнение респондентов о целесообразности вложения средств в реализацию данного проекта

да, надо	64, 8
нет, не надо	22, 4
затрудняюсь ответить	12, 8

Как свидетельствуют полученные данные, большинство опрошенных (64,8%) считают оправданным строительство ВСМ и поддерживают вложение средств в реализацию проекта. Анализ корреляционных таблиц показывает, что поддерживают вложение денег в проект строительства магистрали чаще те горожане, которые ездят в Екатеринбург в гости к родственникам, друзьям и знакомым (на 5,8% больше, чем в среднем по выборке), а частота их поездок – примерно один раз в месяц (на 4,5% больше, чем в среднем). Тем не менее, более чем каждый пятый респондент (22,4%) говорит о том, что вкладывать деньги в столь дорогостоящий проект в существующих экономических условиях не стоит. Как правило, в данной группе больше тех, для кого поездки в Екатеринбург – рабочая необходимость (на 22,8% больше, чем в среднем), а ездят они туда – раз в неделю и чаще (на 18,4% больше, чем в среднем по выборке). В числе затруднившихся с ответом горожан, а их 12,8%, преобладают жители города,

которые ездят в Екатеринбург редко – раз в полгода (на 6,3% больше, чем в среднем по выборке), с целью посещения магазинов и торговых центров (на 9,4% больше, чем в среднем) и на учёбу (на 9,1% больше, чем в среднем).

Итак, проведённый социологический опрос позволил установить – более половины опрошенных челябинцев ездят в Екатеринбург не так уж часто, при этом большинство поездок совершаются на автомобилях, либо на автобусах (маршрутных такси). Что касается мотивов и целей поездок, то чаще это рабочие командировки, либо посещение друзей и родственников. Опрос показал, что 60,5% респондентов высказывают заинтересованность в строительстве высокоскоростной железной дороги, при этом 48,6% готовы использовать новую возможность как минимум в половине своих поездок и чаще. Большинство опрошенных респондентов считают, что в сложных экономических условиях вкладывать деньги в такие проекты всё-таки целесообразно, однако считают, что если возможен выбор из альтернативных проектов, то это должна быть высокоскоростная автомагистраль, а предпочтение строительству железной дороги отдают менее трети опрошенных респондентов. Примечательно то, что максимальную заинтересованность в строительстве новой железной дороги проявляют люди, которые сегодня используют уже существующую железную дорогу, в то время как респонденты, использующие для этого автомобиль, в строительстве железной дороги заинтересованы значительно меньше. Они рассматривают вариант с высокоскоростной железнодорожной магистралью, как запасной или вообще его не рассматривают. Для тех, кто сегодня пользуется услугами железной дороги картина обратная – они верны этому виду транспорта и дальше будут ориентироваться на вариант использования высокоскоростной магистрали.

В заключении отметим, что потребность в проведении прикладных социологических исследований для изучения общественного мнения увеличивается из года в год, поскольку получаемая в ходе исследования информация способствует подготовке, обоснованию, принятию

управленческих решений, их реализации. Причём, результаты социологических исследований используются не только при принятии управленческого решения, но и при их корректировке. Речь идёт об учете мнения населения при текущих изменениях социально-экономической ситуации, законодательства. Результаты социологических исследований используются и для обоснования разрабатываемых программ и проектов регионального развития и принятия решения в выборе приоритетов и очередности их запуска. Пример такого исследования и был описан в статье.

Список литературы:

1. Высокоскоростная железная дорога, связывающая Пекин с Москвой, будет проходить через Челябинск. Сайт Правительства Челябинской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravmin74.ru/novosti/vysokoskorostnaya-zheleznaya-dorogaya-svyazyvayushchaya-pekina-s-moskvoy-budet-prohodit-24929> (дата обращения: 17.02.2016).
2. Инициативный социологический опрос населения города Челябинска, проведен специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС. Период проведения опроса: 5-7 февраля 2016 года. География опроса: г. Челябинск. Объем выборочной совокупности: 210 респондентов (целевая выборка) [Электронный ресурс]. URL: <http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php> (дата обращения: 19.02.2016).
3. Чтоб сказку сделать былью. Челябинск наладит скоростное сообщение с Екатеринбург. Южноуральская панорама. 30.07.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://up74.ru/articles/ekonomika/78343/> (дата обращения: 15.02.2016).

УДК 331.5; 316.4

ББК 65.24

Ильвес, Э.В.

Прекаризация труда как новое социально-экономическое явление в
современной России

Labour precarisation as new socioeconomic phenomenon in post-Soviet
Russia

Аннотация

На основе традиционного анализа литературы, логического и сравнительного анализа исследуется прекаризация труда как новое явление постсоветской России, определяются истоки прекаризации труда, исследуются признаки прекаризации труда в современном российском обществе.

Abstract

This paper investigate labour precarisation as new phenomenon in post-Soviet Russia. We do so through determination of labour precarisation features in modern Russian society.

Ключевые слова: прекариат, прекаризация труда, занятость, прекаризованная занятость, рынок труда, социальный класс.

Keywords: precariat, labour precarisation, employment, precarious employment, labour market, social class.

В Российской Федерации, как и в других странах бывшего СССР, происходят социальные трансформации во всех сферах социокультурной жизни общества. В России эти изменения имеют свои особенности. Одной из таких особенностей является феномен нарастающей прекаризации труда.

Термин "прекариат" (англ. precarious – ненадежный, шаткий, неуверенный) сформировался в связи с распространением так называемых

прекариальных условий труда, которые можно распознать по четырём признакам: отсутствие стабильной занятости, отсутствие гарантий и защищенности, отсутствие профессиональной самоидентификации, сужение, а часто отсутствие гражданских, политических и экономических прав [1].

Феномен прекаризации труда возник не сразу. Сезонные работы и временная занятость в той или иной мере были всегда. Прекаризация труда как новое социально-экономическое явление стала формироваться под воздействием идей и политики неолиберализма в 1970-е годы. После Второй мировой войны в странах Европы к власти повсеместно приходили левые партии. Под их влиянием европейские государства проводили широкую социальную политику, стремились к максимальной занятости населения. К концу столетия привлекательность социализма снизилась, победила неолиберальная доктрина и глобализация. «В 1970-е годы умами политиков завладела группа идейно настроенных экономистов. Главный принцип их неолиберальной модели состоял в том, что экономический рост и развитие зависят от рыночной конкурентоспособности и нужно сделать все для максимального повышения соревновательности и конкуренции так, чтобы рыночные принципы проникли во все аспекты жизни. Считалось, помимо прочего, что следует повысить гибкость, или подвижность, рынка труда, а это значило переложить бремя рисков на плечи работающих и их семей, делая их более уязвимыми», – пишет британский экономист и социолог Гай Стендинг [6].

«Гибкость включала в себя много аспектов: гибкость заработной платы означала скорейшее приспособление к необходимым изменениям, особенно в сторону понижения; гибкость занятости – возможность для фирм быстро и без трат менять уровень занятости, тоже преимущественно в сторону понижения, причем с сокращением гарантий обеспечения занятости; гибкость должностей означала возможность перемещать наемных работников внутри фирмы (с одной должности на другую) и менять структуру должностей с минимальным сопротивлением или затратами;

гибкость профессиональных навыков означала, что работника легко можно переучить. Любой экономический регресс отчасти объясняли... негибкостью и отсутствием «структурных реформ» рынков труда. По мере того как шел процесс глобализации росло число людей с незащищенной формой занятости. С распространением гибкого труда усиливалось неравенство, и классовая структура, лежавшая в основе индустриального общества, уступила место чему-то более сложному, но явно не менее классово обоснованному. ... реакция корпораций на диктат глобализирующейся рыночной экономики привела к некой мировой тенденции, которой вовсе не предвидели ни неолибералы, ни политические лидеры, проводившие их политику в жизнь. Миллионы людей в условиях процветающей или даже зарождающейся рыночной экономики образовали прекариат – феномен совершенно новый, даже если он и имел какие-то смутные прообразы в прошлом», – заключает Стэндинг [6].

Структура общества, по Стэндингу, представляется в виде пирамиды: на самом верху располагается плутократия: несколько крайне богатых «суперграждан», которые и дергают за ниточки в политике и других аспектах общественной жизни. Сразу под плутократами и элитами находится «салариат» (от англ. salary – зарплата) – люди с долгосрочными гарантиями занятости, пенсиями, медицинской страховкой и всем остальным; но их число сокращается. Еще ниже – старый пролетариат. Под пролетариатом возникает и растет прекариат (от англ. precarious – рискованный, нестабильный). Ниже прекариата – только беднота, люмпенизированные люди, живущие и умирающие на улицах без связи с обществом [6].

Прекаризованная занятость мало зависит от сферы деятельности работника и может возникнуть практически в любом виде профессионального труда. Прекариат комплектуется, складывается практически из всех слоев современного общества, олицетворяет огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние [7]. «Кто

пополняет ряды прекариата? Можно сказать: на самом деле все, большинство из нас. От этого никто не застрахован, и оказаться в прекариате может едва ли не каждый – из-за несчастного случая или если кризис уничтожит все «подушки безопасности», на которые мы привыкли полагаться. При этом не следует забывать, что прекариат – это не только жертвы обстоятельств: одни попадают в прекариат, потому что отказываются от доступных альтернатив, другие – потому это их в данный момент устраивает. Короче говоря, прекариат многолик», – делает вывод Гай Стэндинг [6].

Представители прекариата, по Стэндингу, отличаются отсутствием постоянной занятости, а специфика трудовых отношений предполагает отсутствие правовых гарантий. «У прекариата есть три характерных особенности. Во-первых, это их производственные отношения – у них нет гарантий занятости, гарантий рабочего места. Во-вторых, прекариату свойственны специфические отношения распределения. Ему в основном приходится полагаться только на прямое денежное вознаграждение за труд. Прекариат не может рассчитывать на пенсии, пособия по безработице, оплату медицинских счетов. И в-третьих, у прекариата особые отношения с государством: все больше людей в прекариате не имеют тех же прав (гражданских, социальных, политических, культурных и экономических), что есть у остальных граждан», – делает вывод Стэндинг [6].

Появление прекариата на исторической арене не осталось незамеченным. Описанные явления привлекли внимание таких западных исследователей, как П. Бурдьё и Р. Кастель, М. Фуко, Ю. Хабермас, М. Хардт, А. Негри, Г. Стэндинг, публицистов Мармэра, Мельника, Механика, российских ученых В.Н. Бобкова, Ю.В. Голиусовой и З.Т. Голенковой, Ж. Т. Тощенко и других. Исследователи по-разному трактуют феномен прекариата, но сходятся в том, что это новое явление, с которым невозможно не считаться.

Осмысливая новые реалии, отечественные экономисты и социологи обратили внимание на процессы и социальные группы, которые не были

присущи советскому обществу, но стали реальностью в постсоветской России. Представителей прекариата в современной России можно найти в следующих социально-профессиональных группах.

Во-первых, это часть трудоспособного населения, занятого постоянно на временной работе. Эта социальная группа насчитывает в России, по экспертным оценкам, от 30 до 40% трудоспособного населения, ограничена и лишена тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость [7].

Во-вторых, прекариат состоит из людей, работающих неполный рабочий день или перебивающихся сезонными и случайными приработками. Почти 50% россиян считают, что их образование не соответствует выполняемой работе [7]. Это особенно наглядно проявляется в судьбе молодых людей, выпускников высших учебных заведений.

В-третьих, прекариат представлен безработными; численность их также значительна, особенно в годы кризиса. Причем, по мнению экспертов, разрыв между регистрируемой и общей безработицей колеблется в 3,5–7 раз [7].

В-четвертых, в прекариат мы включаем и людей так называемых креативных профессий а также тех, кто занят фрилансом.

В-пятых, аналогичные характеристики можно отнести и к занятым заемным трудом, суть которого заключается в найме в свой штат работников, которые выполняют заказы или оказывают услуги другим фирмам (предприятиям, организациям) [2].

В-шестых, к прекариату примыкают мигранты, численность которых в России значительна. Они также ущемлены в правах, их труд ниже оплачивается, им не гарантируются социальные блага [3].

И, наконец, прекариат пополняют стажеры и часть студенчества, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и профессии устойчивое положение, находясь при этом в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости [7].

Именно эти социальные группы и составляют 38 млн трудоспособных россиян, «непонятно где занятых, чем занятых, как занятых» [10].

Прекаризация труда в разных странах имеет свои особенности. В России, как и во всем мире, материальные и финансовые ресурсы сосредоточены в руках небольшой группы людей. Официальный децильный коэффициент здесь (отношение доходов 10% самых бедных и 10% самых богатых без учета доходов топ-менеджеров и олигархов) составляет 1:16, хотя, по экспертным данным, он составляет 1:30, а в Москве – 1:45/50. Получается, что 3% населения владеют 70% национального богатства, и этот показатель имеет устойчивую тенденцию к увеличению [7]. Официальная инфляция за последние 10 лет составила 19%, а реальная, социальная (рост цен на питание, услуги ЖКХ, проезд в общественном транспорте и т.д.) – 32% и продолжает расти [9].

Половина наемных работников Российской Федерации обладают одним из признаков высокой неустойчивости занятости: низкий уровень заработной платы, неразвитость социальных прав и гарантий. Около 6 % работников составляют ядро прекаризации, они работают в формальном секторе без оформления трудовых отношений. Низкая заработная плата – одна из основных характеристик прекаризации труда в нашей стране [8]. Системный риск прекаризации труда для всего пространства социально-трудовых отношений в России связан также с такими глобальными проблемами, как низкий уровень производительности труда и обесценивание человеческого капитала [11].

Нынешняя реальность такова, что в условиях кризиса социальное положение многих людей серьезно ухудшилось. Минтруд России проводит еженедельный мониторинг рынка труда, который базируется на официальной информации, представляемой работодателями в органы службы занятости, о планируемых увольнениях работников в связи с ликвидацией организаций, либо сокращением численности или штата работников, а также введении режимов неполной занятости. По данным мониторинга, с 10 по 17 февраля

2016 года численность официально зарегистрированных безработных граждан увеличилась на 1,6% и составила 1 046 611 человек (по состоянию на 3 февраля 2016 года – 1 029 795 человек). По состоянию на 17 февраля 2016 года суммарная численность работников, находившихся в простое по инициативе администрации, работавших неполное рабочее время, а также работников, которым были предоставлены отпуска по соглашению сторон, выросла на 11,5% и составила 300 293 человека. В том числе:

- численность работников, находившихся в простое по инициативе администрации, составила 38 805 человек;
- численность работников, работавших неполное рабочее время, – 257 811 человек;
- численность работников, которым были предоставлены отпуска по соглашению сторон, – 3 677 человек.

На 1 февраля 2016 года уровень регистрируемой безработицы в среднем по Российской Федерации составил 1,3% от численности экономически активного населения (на 1 февраля 2015 года – 1,2%) [12].

Наблюдается снижение и без того невысокого уровня заработной платы работников. Руководитель Министерства труда и социальной защиты РФ Максим Топилин отмечает следующее: «Нас больше всего сегодня беспокоит ситуация с тем, что у нас очень сильно снизились реальные заработные платы. За прошлый год минус практически 9,5%. Это означает, что мы потеряли в реальных заработных платах больше, чем в прошлые кризисы. И в конце 2000-х годов таких снижений заработных плат не было» [13].

Временная или неполная занятость, понижение социального статуса серьезно волнуют людей. В настоящее время в российской экономике сложилась ситуация, когда люди вынуждены соглашаться на менее оплачиваемую и непрестижную работу. Возникает статусный диссонанс. Особенно он характерен для молодежи, которая начинает жизненный путь и вынуждена соглашаться с предложенными условиями, надеясь, что это кратковременное явление, ситуативные издержки.

Прекариат лишен перспективы, не видит будущего. Доход у прекариата нестабилен, случаен, колеблется в зависимости от различных обстоятельств. Прекариат не уверен в обеспеченности своей жизни и гарантиях спокойной старости после завершения трудовой занятости. В этой ситуации меняется отношение к труду, к служебным обязанностям. Стремясь сохранить рабочие места, часть работников, чтобы удержаться на плаву, трудятся на износ, стараясь доказать работодателям свою незаменимость, значимость и пользу, свою приверженность порученному делу, что нередко из-за перегрузок приводит к профессиональным заболеваниям, потере здоровья и истощению моральных и физических сил человека [7].

Неуверенность в нынешней и будущей жизни сказывается и на такой важной социальной проблеме, как вступление в брак и намерение иметь детей. В силу неустойчивости жизненных позиций решение этого вопроса откладывается на «потом», когда будет достигнута хотя бы относительно гарантированная занятость.

Прекариат испытывает страх, неверие, разочарование и отрицание официальных структур. Многие чувствуют себя жертвами обстоятельств, на которые они никак не могут повлиять. Такое состояние приводит к росту самоубийств, по численности которых Россия занимает 4-е место в мире. Только за 11 месяцев 2014 г. Покончили с жизнью 24690 человек. По мнению экспертов, социальные причины начинают преобладать над медицинскими. Самоубийства всё чаще связывают с уровнем тревоги, с кризисом, когда люди не видят выхода из жизненного, экономического, финансового тупика [4].

Отсутствие уверенности в будущем переносится и на членов семьи, ближайшее окружение, заставляя людей задуматься над путями выхода из создавшегося положения. В этой ситуации возможны различные варианты поведения: а) смириться со сложившейся ситуацией, плыть по течению; б) искать варианты приспособления, используя кратко- или среднесрочные меры по стабилизации своей жизни; в) выступить с активными действиями –

от акций против правящего режима до погружения в криминальную среду [7].

У прекариата в России нет еще внятной политической программы, лидеров, которые бы сплотили разношерстные ряды, подсказали средства и методы отстаивания своих интересов. Несомненно одно – уровень недовольства в обществе питается в основном из этих рядов. «Появление прекариата означает возникновение непредвиденных экономических, социальных, политических и культурно-нравственных эффектов, которые по значению и воздействию на жизнь обществ и государств превосходят известные истории деструктивные и долго действующие последствия», – считает Ж. Т. Тощенко [7].

Все это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с принципиально новым социально-экономическим феноменом – прекарризацией труда и принципиально новым социальным образованием – прекариатом. Составляющие прекариат социальные группы не выработали чувство солидарности, слабо или совсем не организованы, вместо объединяющих имеют пока лишь смутно осознаваемые политическую программу и соответствующую идеологию. Однако прекариат объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей: неуверенность в завтрашнем дне, тревожность, беспокойство, отчуждение и незащищенность становятся экзистенциальной основой современного человека [5].

По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию превращения в опасное образование – будущий класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьба страны. Поэтому возникает насущная необходимость научного осмысления данного явления как одной из значимых проблем современной России.

Библиографический список

1. Багирова А. П. Родительский труд как прекаризованная занятость / А. П. Багирова, Э. В. Ильвес // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы Международн. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23-24 апреля 2015 г. : в 2-х т. Т. 1. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 184-187.
2. Козина И. М. Работники заемного труда / И. М. Козина // Социологические исследования. – 2014. – № 5. – С. 19-31.
3. Малахов А. Алотоны и автохтоны: мигранты как субъект социального взаимодействия / А. Малахов // Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 111-125.
4. Мишина И. Вопрос жизни и смерти / И. Мишина // Версия. – 2015. – № 3. – С. 15-16.
5. Слесаренко З. Р. Прекариат как признак незащищенности труда в мировом процессе / З. Р. Слесаренко, В. Р. Гафарова // Актуальный проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 6 (2).
6. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
7. Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 3-13.
8. Бобков В. Н. Неустойчивость занятости в России и Казахстане: сущность, масштабы, последствия. – 2014 [Электронный ресурс] / В. Н. Бобков. – Режим доступа: <http://astanaforum.org/2014/ru/events/kazakhstan-2050-in-the-age-of-ten-global-challenges-of-xxicentury> (дата обращения 20.12.2015).
9. Зайцев Л. Н. В сейфах богачей и «народной казне». – 2015 [Электронный ресурс] / Л. Н. Зайцев, Я. Н. Викулин. – Режим доступа: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=598939> (дата обращения 20.12.2015).

10. Новый класс неустойчиво занятых: «непонятно где, непонятно чем» // РИА Новости: сетевое издание. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/analytics/20130404/930910280.html> (дата обращения: 20.12.2015).

11. Санкова Л. В. Прекаризация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексибилизации // Уровень жизни населения регионов России. – № 4 (194). – 2014 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vcugjournal.ru/iss/iss194-005.pdf> (дата обращения: 20.12.2015).

12. Информационный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/employment/employment/499> (дата обращения: 23.02.2016).

13. Информационный сайт Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/labour/relationship/236> (дата обращения: 23.02.2016).

Исакова, В.А.

**Ненормированный рабочий день как форма принудительного
труда в российском трудовом праве**

Isakowa, V.A.

**Irregular working hours as a form of forced labor in the Russian labor
law**

Аннотация. Статья посвящена проблемам нормирования, и оплаты рабочего времени, режима рабочего времени и времени отдыха работников в России. В статье рассмотрены возможные способы решения данных проблем, путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации.

Annotation. The article deals with problems of valuation and payment of working time, working time and rest periods for workers in Russia. The article deals with the possible ways of solving these problems, through changes in the Russian legislation.

«Время» — понятие, сконструированное на основе восприятия процессов, событий в протяженности, длительности в мире, т. е. понимание времени формируется в результате ощущения человеком последовательности событий как во внешнем материальном мире, так и во внутреннем — психологическом. Различными учеными выделяется физическое, биологическое, психологическое, социальное время; линейное, циклическое, спиральное и проч. В гуманитарных науках нередко противопоставляется природное и социальное время. Природа описывается главным образом количественно, а любое понимание человеческой общественной жизни требует качественного подхода. Часовое время уравнивается с естественным временем физического мира — суточными и сезонными циклами. Физическое время понимается как фиксированные и бесконечно делимые единицы, которые могут быть измерены. Часовое время рассматривается как адекватный способ измерения и в естественных, и в социальных науках. Таким образом, время в принципе всегда одно и то же. Во всех случаях это одна и та же понятийная конструкция. Можно сделать вывод о тесной связи

восприятия времени с жизнедеятельностью человека. Время оказывается понятием, отражающим целостную его жизнь, включая трудовую деятельность. В этом случае речь идет о рабочем времени, нормативах, получающих регламентацию в различных правовых актах.

В Конституции РФ закреплено одно из основных трудовых прав — право на ограничение законом рабочего времени, на выходные и праздничные дни [1, 12].

Трудовой кодекс РФ устанавливает продолжительность рабочей недели не более 40 часов, а для педагогических работников устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени не более 36 часов в неделю.

Но в соответствии с частью 6 статьи 47 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" в рабочее время педагогических работников в зависимости от занимаемой должности включается учебная (преподавательская), воспитательная работа, индивидуальная работа с обучающимися, научная, творческая и исследовательская работа, а также другая педагогическая работа, предусмотренная трудовыми (должностными) обязанностями и (или) индивидуальным планом, - методическая, подготовительная, организационная, диагностическая, работа по ведению мониторинга, работа, предусмотренная планами воспитательных, физкультурно-оздоровительных, спортивных, творческих и иных мероприятий, проводимых с обучающимися [5]. Педагоги имеющие ставку 18 часов осуществляют эту работу вне пределов 18 часов, тратя свое личное время, и этот труд им не оплачивается.

Режим рабочего времени и времени отдыха педагогических работников осуществляющих образовательную деятельность, определяется коллективным договором, правилами внутреннего трудового распорядка, иными локальными нормативными актами организации, осуществляющей образовательную деятельность, трудовым договором, графиками работы и расписанием занятий в соответствии с требованиями трудового

законодательства и с учетом особенностей, установленных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования.

Но в трудовом законодательстве не урегулирован вопрос оплаты такой работы педагогов, как научная, творческая работа с учащимися, проведение досуговых мероприятий, и другой работы, которую они выполняют помимо преподавательской деятельности.

В примечании 3 приказа Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 24 декабря 2010 года № 2075 «О продолжительности рабочего времени (норме часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников» сказано, что за преподавательскую (педагогическую) работу, выполняемую с согласия педагогических работников сверх установленной нормы часов за ставку заработной платы, производится дополнительная оплата соответственно получаемой ставке заработной платы в одинарном размере.

Но если педагог работает сверх установленной нормальной продолжительности рабочего времени, не является ли это сверхурочной работой?

Законодатель в статье 99 Трудового кодекса Российской Федерации дает определение сверхурочной работы: «Сверхурочная работа - работа, выполняемая работником по инициативе работодателя за пределами установленной для работника продолжительности рабочего времени: ежедневной работы (смены), а при суммированном учете рабочего времени - сверх нормального числа рабочих часов за учетный период» [2]. Из чего можно квалифицировать не преподавательскую работу педагога сверхустановленных часов ставки, как сверхурочную. Которая в соответствии со статьей 152 Трудового кодекса РФ оплачивается за первые два часа работы не менее чем в полуторном размере, за последующие часы - не менее чем в двойном размере.

Трудовой кодекс РФ не дает легального определения режима рабочего времени. В соответствии со ст. 100 ТК РФ режим рабочего времени должен предусматривать продолжительность рабочей недели (пятидневная с двумя выходными днями, шестидневная с одним выходным днем, рабочая неделя с предоставлением выходных дней по скользящему графику, неполная рабочая неделя), работу с ненормированным рабочим днем для отдельных категорий работников, продолжительность ежедневной работы (смены), в том числе неполного рабочего дня (смены), время начала и окончания работы, время перерывов в работе, число смен в сутки, чередование рабочих и нерабочих дней, которые устанавливаются правилами внутреннего трудового распорядка в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, а для работников, режим рабочего времени которых отличается от общих правил, установленных у данного работодателя, — трудовым договором. Это своего рода абстракция, общее правило, в рамках которого работодатель на локальном уровне разрабатывает режим производительного использования рабочего времени. Он закреплён, например, в правилах внутреннего трудового распорядка организации в разделе «Рабочее время и его использование» [2].

Режим рабочего времени является предметом исследования не только правовой науки. Его изучают психологи и физиологи труда. Они исследуют явления, которые происходят или могут произойти в организме человека, в его психике в процессе трудовой деятельности. Так, при напряженной трудовой деятельности, продолжительном труде работники нередко испытывают нервную перегрузку, накапливается так называемая психологическая производственная усталость.

Правовое регулирование производительного использования работником рабочего времени осуществляется различными способами. Наряду с государственными нормативами рабочего времени в рыночных

условиях хозяйствования достаточно широко распространено их локальное закрепление.

Необходимо вносить изменения в российское законодательство:

1. Внести в главу 52 Трудового кодекса РФ статью, регулиующую вопрос привлечения педагогических работников к преподавательской (педагогической) и иной деятельности сверх установленной для них продолжительности рабочего времени. Квалифицировать как сверхурочную работу.

2. Внести в Бюджетный кодекс РФ изменения, регламентирующие оплату сверхурочного труда педагогических работников. Регламентировать оплату труда педагогических работников сверх установленных часов ставки, а именно за воспитательную работу, индивидуальную работу с обучающимися, научную, творческую и исследовательскую работу, методическую, подготовительную, организационную, диагностическую, работу по ведению мониторинга, работу, предусмотренную планами воспитательных, физкультурно-оздоровительных, спортивных, творческих и иных мероприятий, проводимых с обучающимися.

3. Статью 100 Трудового кодекса Российской Федерации исключить, дополнив статью 97: Работодатель имеет право в порядке, установленном настоящим Кодексом, привлекать работника к работе за пределами продолжительности рабочего времени, установленной для данного работника в соответствии с настоящим Кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором (далее - установленная для работника продолжительность рабочего времени):

- для сверхурочной работы;
- если работник работает на условиях ненормированного рабочего дня.

Режим рабочего времени должен предусматривать продолжительность рабочей недели (пятидневная с двумя выходными днями,

шестидневная с одним выходным днем, рабочая неделя с предоставлением выходных дней по скользящему графику, неполная рабочая неделя), работу с ненормированным рабочим днем для отдельных категорий работников, продолжительность ежедневной работы (смены), в том числе неполного рабочего дня (смены), время начала и окончания работы, время перерывов в работе, число смен в сутки, чередование рабочих и нерабочих дней, которые устанавливаются правилами внутреннего трудового распорядка в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, а для работников, режим рабочего времени которых отличается от общих правил, установленных у данного работодателя, - трудовым договором.

Особенности режима рабочего времени и времени отдыха работников транспорта, связи и других, имеющих особый характер работы, определяются в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

4. Необходимо обязать работодателя конкретно прописывать режим рабочего времени в условиях трудового договора, контракта, заключаемого с работником, избегая общих формулировок.

5. Табельный учет должен отражать реальное количество часов, отработанных сотрудниками.

6. Одной из гарантий работникам с ненормированным рабочим днем можно предусмотреть дополнительный отпуск, значительно превышающий минимальные три дня, установленные трудовым законодательством.

Статья 37 Конституции Российской Федерации гарантирует право на отдых. Работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск. Запрещает

принудительный труд, но на практике мы видим другую картину, права работников ущемляются.

В новом Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" сказано, что в Российской Федерации признается особый статус педагогических работников в обществе и создаются условия для осуществления ими профессиональной деятельности. Педагогическим работникам в Российской Федерации предоставляются права и свободы, меры социальной поддержки, направленные на обеспечение их высокого профессионального уровня, условий для эффективного выполнения профессиональных задач, повышение социальной значимости, престижа педагогического труда. Условия для осуществления педагогами профессиональной деятельности создаются, но еще не созданы. Для эффективного выполнения педагогическими работниками своих задач, необходимо обеспечить достойную оплату труда работника, одним из стимулов для которого будет являться урегулированная система оплаты сверхурочной работы педагога.

Список используемой литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года – М.: Эксмо, 2014. – 64 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации"
4. Федеральный закон от 02.03.2007 N 25-ФЗ "О муниципальной службе в Российской Федерации"
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации"
6. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 24 декабря 2010 г. N 2075 "О продолжительности рабочего времени (норме часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников"

Капустина, Л.М., Асильмарданова, Е.Ф.

Голландская болезнь российской экономики – миф или реальность?

Kapustina, L., Asiljmarjanova, E.

Dutch Disease in Russian economy – myth or reality?

Аннотация: В статье кратко приводится дискуссия о сущности такого явления как «голландская болезнь», связанного с ускоренным развитием добывающего сектора экономики в ущерб остальным. Анализируется ситуация на мировом рынке нефти. Определяются последствия ухудшения нефтяной конъюнктуры для экономики России. Предпринята попытка оценить наличие или отсутствие «голландской болезни» в российской экономике.

Annotation: The article deals with the discussion on the essence of Dutch Disease, when accelerated development of mining sector of national economy is followed by damages for others sectors. The situation in the world oil market is analyzed. The consequences of decline in oil prices for Russian economy are defined. The authors try to estimate is Russian economy ill by Dutch Disease.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ГОЛЛАНДСКАЯ БОЛЕЗНЬ, РЕСУРСОЗАВИСИМОСТЬ СТРАНЫ, ЦЕНЫ НА НЕФТЬ

KEY WORDS: DUTCH DISEASE, RESOURCE DEPENDENCE OF THE COUNTRY, OIL PRICES.

Введение

Высокие цены на нефть в начале нового тысячелетия стали основным источником роста российского ВВП. Страна обладает крупнейшими в мире запасами природного газа, занимает второе место по величине запасов угля и восьмое место по запасам нефти. Россия также является крупнейшим в мире экспортером природного газа, вторым по величине экспортером нефти и третьим по величине потребителем энергии. Однако эти источники дохода являются нестабильными и непредсказуемыми, и вряд ли их можно

рассматривать в качестве разумного основания для продолжительного экономического роста. Кроме того, как указано в ряде исследований, в какой-то степени, это может рассматриваться как препятствие для развития.

Одна из основных задач для российской экономики – это достижение диверсифицированного развития. Страна богата природными ресурсами, и на протяжении пятидесяти лет гипертрофированное развитие получили нефтегазодобывающие и сырьевые отрасли промышленности. Многие богатые природными ресурсами страны сталкиваются с аналогичной проблемой: как диверсифицировать промышленное производство и экспорт, чтобы стать менее зависимыми от мировой конъюнктуры на рынке сырья.

Дискуссия о сущности понятия «голландская болезнь»

В научной литературе достаточно много внимания посвящено поиску ответа на вопрос: обилие природных ресурсов - это благо или проклятие? На первый взгляд кажется странным, что тот факт, что страна, наделенная ценными природными ресурсами, может рассматриваться в качестве основания для несчастья. Однако, косвенные негативные последствия могут перевесить положительное влияние высокой обеспеченности страны невозобновляемыми ресурсами, что в целом последствия присутствия природных ресурсов в экономике можно оценить как неблагоприятные с точки зрения устойчивого развития страны [2].

Современная экономическая литература не дает однозначного ответа на поставленный вопрос. Существует множество теорий и примеров в пользу обоих исходов. Экономистами был проведен ряд теоретических и эмпирических исследований, в которых была проанализирована взаимосвязь между запасами природных ресурсов и темпами экономического роста страны. Однако, изучив большую часть исследований, сложно сделать однозначный вывод, относительно долгосрочности экономического подъема страны, вызванного только лишь доходами от экспорта сырьевых товаров с низкой добавленной стоимостью [8]. Несмотря на это мы можем выделить несколько важных механизмов, с помощью которых можно

проанализировать и оценить влияние изобилия природных ресурсов на экономическое развитие страны.

В настоящее время термин "голландская болезнь" довольно часто встречается в экономической литературе. Однако во многих случаях этот термин применяется ошибочно [2]. Первоначально понятие «голландская болезнь» связывали с тем, что обилие природных ресурсов в стране зачастую накладывает отрицательный эффект на развитие других секторов экономики. Такое же явление может происходить, когда цены на ресурсы, которые страна продает на мировом рынке, увеличиваются экзогенно. В обоих случаях платежный баланс страны будет увеличиваться. Однако зачастую этот термин используется для характеристики возможных негативных последствий наличия природных ресурсов на долгосрочное развитие страны, не уделяя должного внимания конкретным эпизодам экзогенного улучшения условий внешней торговли [1].

В то время как эти два вопроса тесно связаны, необходимо их разграничивать, поскольку для их решения требуются различные политические инструменты. Прежде всего, следует более подробно остановиться на теоретическом обосновании эффекта «голландская болезнь». Для этого рассмотрим данный вопрос с точки зрения неоклассической теории - совершенная конкуренция с постоянной обеспеченностью факторами производства, состоящая из трех секторов: первый сектор – нефть, производство нефти на экспорт, второй сектор – товары, пригодные для торговли (экспортируемые, импортируемые), и третий сектор – неторгуемые товары (представляют собой товары, потребляемые исключительно на внутреннем рынке) [8].

Учитывая мировые цены и различия между производством и спросом первые два сектора производят определенное количество товаров, которые в последствии либо экспортируются, либо импортируются. В этом отношении сектор неторгуемых товаров отличается: цены на данную продукцию определяются эндогенно – соотношением спроса и предложения на

внутреннем рынке: внутреннее производство должно быть равно внутреннему спросу [1].

Предположим, что товары в каждом секторе производятся согласно капиталу, который является специфичным для конкретного сектора, и, следовательно, не может перейти к другим; труд, при этом может свободно перемещаться между всеми секторами. Мобильность рабочей силы обеспечивает выравнивание заработной платы во всех секторах экономики. Предположим, что цена на нефть на мировом рынке увеличивается, непосредственный эффект - рост доходов в нефтяной отрасли. Это, в свою очередь, будет иметь два важных последствия:

1. Часть доходов будет потрачена на товары, производящиеся в неторгуемом секторе. Это может быть сделано непосредственно владельцами факторов производства в нефтяном секторе или правительством путем увеличения налоговых поступлений. В любом случае, это будет означать увеличение спроса на неторгуемые товары и соответствующее увеличение цен на данную продукцию [1]. В данной ситуации будет происходить увеличение цен на неторгуемые товары относительно цен на продукцию торгуемых секторов, так как уровень цен на товары вторых устанавливается извне. Можно ожидать удорожание национальной валюты и соответствующее движение мобильного ресурса (труда) из торгуемого сектора в неторгуемый.

2. Экзогенное увеличение цен в нефтяной отрасли позволит увеличить предельную стоимость продукта в этом секторе. На начальном этапе это способствует росту спроса на рабочую силу в данном секторе, что обеспечивает приток рабочей силы. Данный эффект приводит к спаду производства в торгуемом секторе [3].

Как правило, результат сокращения производства в торгуемых секторах по причине увеличения мировых цен на нефть называется эффектом «голландская болезнь».

Влияние ресурсо-зависимости на экономическое развитие России и наличие «голландской болезни»

Российская Федерация является одним из крупнейших экспортеров нефти, нефтепродуктов и природного газа. На доходы от продажи этих видов топлива приходится 70% от общего объема российских экспортных доходов в 2015 году, при этом от вывоза за рубеж сырой нефти Россия получает 33% от суммарной стоимости экспорта, нефтепродуктов – 21%, природного газа – 14% [7].

На рисунке 1 представлена динамика мировых цен на нефть за 2012-2015 годы, отражающая резкое ухудшение конъюнктуры нефтяного рынка с конца 2014 года [4].

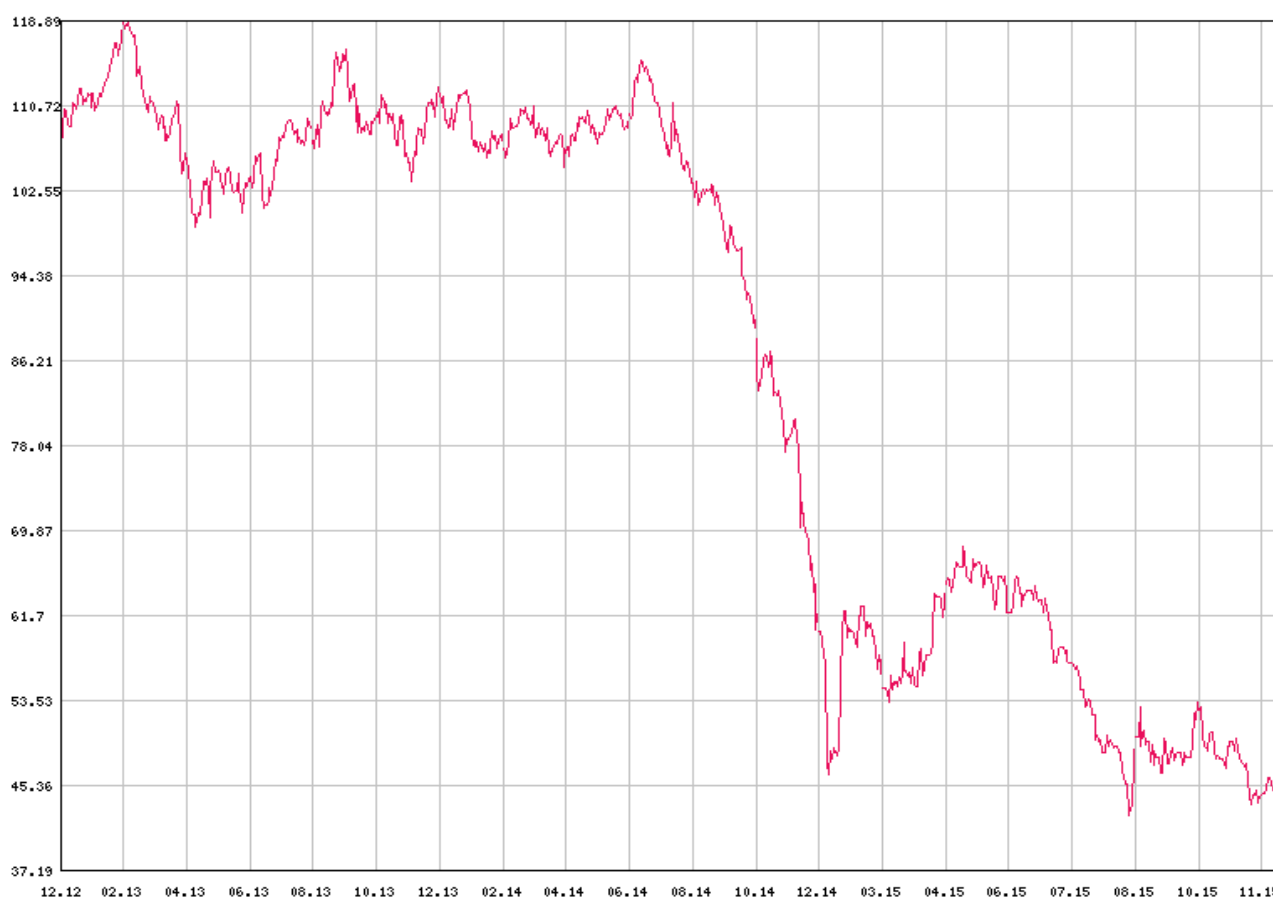

Рисунок 1 – Динамика цен на нефть марки Brent, 2012-2015гг., долл. США.

Тенденция удешевления нефти неблагоприятным образом сказывается на валютных доходах России. Как известно, доходная часть федерального

бюджета Российской Федерации напрямую зависит от цен на нефть. В период с 2005 года по 2014 ресурсная зависимость российского бюджета от цен на нефть увеличивалась. К примеру, доля нефтяных доходов выросла с отметки 20% в 2000 году до 50% в 2013 году. Возросшая неэффективность государственных расходов повлекла за собой следующий факт: бюджет перестал быть профицитным даже при цене нефти \$100 за баррель, в то время как в 2002-2003 гг. данный показатель составлял около 1,5% от ВВП при цене \$25-30 за баррель [5].

По данным Министерства финансов, около 50% доходов федерального бюджета России в 2014 году составили налоги на добычу полезных ископаемых и экспортные таможенные пошлины на нефть и природный газ [6]. При снижении мировых цен на сырьевые товары, в первую очередь, страдает государственный бюджет (Рисунок 2).

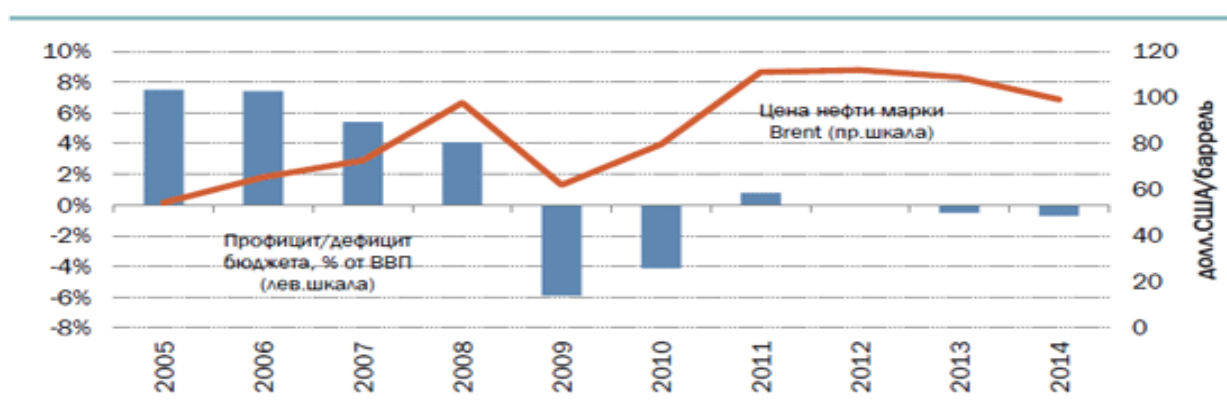

Рисунок 2 - Профицит/дефицит российского бюджета и цена на нефть, 2005-2014гг., %, долл. США/баррель [5]

Изменение относительных цен привело к перераспределению ресурсов из неторгуемых секторов экономики в торгуемые. В 2014 году торгуемый сектор стал основным источником экономического роста, в то время как рост в неторгуемых отраслях замедлился. Согласно данным доклада, подготовленного World Bank Group, в последующие годы дальнейшего роста производства в торгуемых отраслях экономики и, соответственно, перераспределения ресурсов между секторами не ожидается.

[9]. Это связано с ограничительными барьерами структурного характера и высокой степенью неопределенности.

Заключение

Вышеперечисленные факты свидетельствуют о наличии структурных проблем в российской экономике, однако трудно однозначно заключить, что термин «голландская болезнь» применим к текущему этапу развития экономики России.

Тем не менее, в настоящее время мировая внешнеэкономическая ситуация крайне нестабильна: снижение мировых цен на нефть, ослабление российского рубля и осложнение внешнеэкономических отношений в новых геополитических условиях оказывают неблагоприятное влияние на экономику России. В связи с этим, стране необходимо выработать стратегию дальнейшего развития, в рамках которой первоочередная задача - структурные реформы, которые позволят в значительной степени ослабить зависимость российской экономики от ситуации, происходящей в глобальном топливно-энергетическом комплексе, диверсифицировать экономику РФ и увеличить несырьевой экспорт.

Список использованной литературы

1. Даниленко, Л.Н. Рентно-сырьевая модель экономики России и проблемы ее неоиндустриальной трансформации: Монография / Л.Н. Даниленко. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. - 360 с.
2. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. Т.6. с. 29.
3. Самаруха В.И. Влияние «голландской болезни» на развитие промышленности России // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. №1. С.68-72.
4. Динамика цен на нефть [Электронный ресурс] // [Нефть России]. – Режим доступа: <http://www.oilru.com/dynamic.phtml>

5. Министерство Финансов Российской Федерации [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://www.minfin.ru/ru/statistics/index.php>
6. Российская экономика и цены на нефть: жизнь на дне [Электронный ресурс] // [Финам]. – Режим доступа: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts/rossiyskaya-ekonomika-i-ceny-na-neft-zhizn-na-dne-20150116-13290/>
7. Herrero, F., 2014. Russia economic dependence on natural resources, Political Economy of Energy in Eurasia: economic problems and international dimension European University at St. Petersburg.
8. Volchkova, N., 2005. “Is Dutch Disease Responsible for Russia's energy dependent industrial structure?”, Chapter 29 from the Handbook of Trade Policy and WTO Accession for Development in Russia and the CIS, World Bank.
9. World Development Indicators [Электронный ресурс] // <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/russia/rer33-rus.pdf>

**Технологии высвобождения работников в условиях сокращения
численности персонала**

N.A. Konstantinova

**Technologies of release of workers in the conditions of reduction of
number of the personnel**

Аннотация: В статье анализируется сущность высвобождения персонала. Актуализируется внимание на методах снятия негативных последствий от высвобождения персонала как для уволенных сотрудников, так и для предприятия в целом.

Abstract: In article the essence of release of the personnel is analyzed. The attention by methods of removal of negative consequences from release of the personnel both for the dismissed employees, and for the enterprise in general is staticized.

Ключевые слова: ВЫСВОБОЖДЕНИЕ ПЕРСОНАЛА, ТЕХНОЛОГИЯ ВЫСВОБОЖДЕНИЯ, ИВЕНТ-МАРКЕТИНГ.

Keywords: RELEASE OF THE PERSONNEL, TECHNOLOGY OF RELEASE, EVENT-MARKETING.

Под высвобождением персонала в рамках управленческого подхода принято понимать совокупность мероприятий способствующих социально-психологической поддержке сотрудников, увольняющихся из организации.

Существует два основных вида увольнений: по инициативе работника и работодателя. Под первым понимается, уход работника по собственному желанию (пункт 3 статьи 77 ТК РФ), а под вторым – увольнение по инициативе организации вследствие сокращения персонала или закрытия предприятия. Для нас большой интерес представляет увольнение инициированное руководством организации. Оно возможно в нескольких случаях, во-первых, объективно вызванных изменениями на уровне организации в целом (ликвидация организации; сокращение численности или

штата работников), во-вторых, связанных с несоответствием персонала нормативным требованиям (несоответствие занимаемой должности или выполняемой работе; неисполнение служебных обязанностей без уважительных причин; прогул, в том числе отсутствие на работе более трех часов в течение рабочего дня; неявка на работу вследствие болезни в течение более четырех месяцев подряд; восстановление на работе сотрудника, ранее выполнявшего эту работу; появление на работе в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; совершение по месту работы хищения государственного или общественного имущества; однократное грубое нарушение руководителем организации или его заместителями своих служебных обязанностей; совершение работником, обслуживающим денежные или товарные ценности, таких действий, которые дают основание для утраты доверия к нему со стороны администрации; совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального поступка) [1].

Уход из организации – это всегда стресс для сотрудника. Именно поэтому одна из главных задач социально-ориентированного предприятия – это минимизация негативных последствий высвобождения персонала, как для бывших сотрудников, так и для организации в целом.

Обычно на крупных предприятиях разрабатывается технология высвобождения работников, под которой следует понимать систему мероприятий, направленных на снижение социальной напряженности между сотрудником и организацией при процедуре увольнения.

Грамотно выстроенная технология высвобождения на предприятии позволит решить ряд проблем относительно профессионального положения и социально-психологического состояния уволившегося сотрудника. Основными методами минимизации вышеуказанных проблем могут стать: реальная оценка руководством предприятия деятельности увольняемого сотрудника с выдачей ему положительных рекомендаций и отзывов о его работе; снижение уровня социальной напряженности у увольняемых

работников путем содействия им в поиске новой работы и помощи в трудоустройстве; выдача компенсаторных выплат по увольнению, и материальная поддержка уволенных в период трудоустройства.

Так же грамотно выстроенная технология высвобождения персонала на предприятии позволит решить или не допустить возникновения ряда проблем: негативных отзывов об организации, коллективе от уволенных сотрудников; нежелания со стороны высвобождающего персонала в дальнейшем вступать во взаимодействия с этой организацией и т.п. Это возможно, если, во-первых, персонал лоялен к компании, во-вторых, персоналу известно, что при любой ситуации работодатель его «не оставит». Одним из инструментов способных сформировать лояльное отношение персонала к организации, информировать сотрудников о всех изменениях корпоративной культуры является ивент-маркетинг. Ивент-маркетинг – это инструмент маркетинговых коммуникаций. Он может «работать» и на внутреннем и внешнем потребителе. Основной целью ивент-маркетинга является «не просто привлечение внимания, информирование, но формирование лояльного, эмоционально положительного отношения к бренду (образу, репутации, имиджу личности, компании, товара или услуги, территории и т. д.) у целевой аудитории (потребителей, сотрудников, партнёров, общественности и др.)» [2, с. 20].

Можно предположить, что если в отношении работника будет проведен качественный аутплейсмент, то он останется лоялен к данной компании, и не будет подрывать ее имидж, а, наоборот, будет способствовать ее процветанию и сам в будущем сможет вернуться в неё.

Таким образом, технологии высвобождения персонала важны в практике управления персоналом, поскольку они позволяют повысить имидж компании, создать в ней определенную мотивацию для поддержания высокого уровня трудовой деятельности персонала, а так же снизить негативные последствия увольнения для работников, попавших под сокращение. Поскольку в процессе трудовой деятельности у сотрудников

формируются иногда прочные социальные связи с коллегами (приятельские, дружеские отношения), конструируется определённый профессиональный статус в трудовом коллективе, то основная задача мероприятий по высвобождению персонала на предприятии – недопущение того, чтобы изменение этих факторов негативно сказывалось на дальнейшей жизни сотрудника.

Список литературы

1. Статья 81. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. Редакция от 29 июня 2015 г.
2. Старцева Н.Н. Ивент-менеджеры как профессиональная группа: процесс формирования в современной России: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Екатеринбург, 2014. 211 с.

Кочнева, В.А.

Бизнес – необходимость экономического анализа основного документа общества с ограниченной ответственностью.

Kochneva, V.

The business need for economic analysis of basic document of a LTD.

В статье рассматривается необходимость экономического анализа нормативно-правовых актов. Основным способом выбран экономический анализ по показателям эффективности, экономичности, осуществимости. Рассматривается степень положительного влияния анализа на экономическую ситуацию внутри организации, способность организации к развитию и увеличению своего потенциала и инвестиционной привлекательности.

The article discusses the need for economic analysis of normative-legal acts. The main method selected for economic analysis in terms of effectiveness, efficiency, feasibility. As well as identifying the degree of positive influence on the economic situation within the organization, the organization's ability to develop and increase its capacity and investment attractiveness.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАВА, УСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ, НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АКТ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА, СДЕЛКА, ИНВЕСТИЦИИ, ПАРЕТТО-ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН, ДИРЕКТОР, УЧРИДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

ECONOMIC ANALYSIS OF LAW, ARTICLES OF ORGANIZATION, A LEGAL ACT, A PERFORMANCE, A LIMITED LIABILITY COMPANY, THE COMPANY'S ACTIVITY, TRANSACTION, INVESTMENT, PARETO-EFFEKTNOSTI, FEDERAL LAW, THE DIRECTOR, UCHREDITELEY MEETING

История развития правовой науки показывает, что формирование и применение нового научного подхода в области права осуществляется в ходе исследований, которым приходится подвергать нормативно-правовые акты.

Экономический анализ права ориентирован на потребности бизнеса и решение экономических государственных задач.

Экономический анализ права представляет собой попытку применить теоретические подходы экономической науки для изучения состояния и структуры права и правовых институтов, а также их прямого и обратного воздействия на экономику [4].

В XX веке американскими учеными Р. Коузом и Р. Познером, Г. Беккером – представителями так называемой чикагской школы делались первые. Весомые шаги в экономическом анализе правовых актов. Такие попытки предпринимались и ранее. Так, Т. Гоббс в трактате «Левиафан» проводит взаимосвязи между экономическими стимулами и существующей правовой системой [4].

Основной показатель - это эффективность нормативно правового акта.

Эффективность – это показатель степени приспособленности системы НПА к решению определенной задачи в определенной ситуации. Эффективность оценивается по ряду показателей:

Один из них влияние НПА на экономическую эффективность функционирования отрасли или экономику страны. В нашем случае влияние внутреннего основного документа предприятия, устава на эффективность функционирования предприятия.

Основной деятельностью предприятия является, например, производство продукции или оказание услуг. Устав разрешает не только производство продукции, но, как следствие к основной деятельности добавляется оптовая и розничная торговля, торгово-закупочная деятельность, а именно это закупки сырья, осуществление внешнеэкономической деятельности, что положительно влияет на экономику фирм, для нее это заключение контрактов (договоров на поставку) современного производственного оборудования, упаковки для продукции, приобретение нематериальных активов.

Среди основных видов деятельности присутствуют строительство и эксплуатация комплекса зданий производственного и социально-культурного назначения.

Отдельными видами деятельности, перечень, которых определяется законодательством, общество может заниматься на основании специальных лицензий.

Общество вправе осуществлять экспортно-импортные операции в порядке установленном действующим законодательством. Таким образом устав предприятия не ограничивает деятельность фирмы, т.е. показатель эффективности его на предприятии высок, что касается имущества, в нашем случае это основные производственные фонды. Общество осуществляет владение, пользование и распоряжение находящимися в его собственности имуществом по своему усмотрению в соответствии с целями своей деятельности и назначением имущества. Таким образом экономическая эффективность устава, как основного документа предприятия очень высока.

Устав позволяет заниматься очень многими видами деятельности для обеспечения поддержки основной деятельности, которая стоит на первом месте. Устав разрешает экспортно-импортную деятельность. А также прописывается, что достижения целей своей деятельности общество может приобретать права, принимать обязанности и осуществлять любые действия, не запрещенные законодательством. Деятельность общества, предусмотренная уставом, не ограничивается. Сделки, выходящие за пределы уставной деятельности, но не противоречащие закону, являются действительными.

Устав предприятия максимально направлен на получение прибыли, т.е. его экономическая эффективность очень высока. Устав не ограничивает деятельность фирмы, т.е. функционирование фирмы не ограничивается, а значит он экономически эффективен.

Вторым важным показателем эффективности является влияние на инвестиционную привлекательность хозяйствующего субъекта. Как уже

было сказано ранее устав общества позволяет считать сделки действительными, которые выходят за пределы уставной деятельности.

Сделки в совершении которых имеется заинтересованность совершаются и регулируются ст.45 ФЗ №14 «Об обществах с ограниченной ответственностью». Одобрение крупных сделок регулируется ст. 46 федерального закона, а именно крупной сделкой является сделка (в том числе заем, кредит, залог, поручительство) или несколько взаимосвязанных сделок, связанных с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо, либо косвенно имущества, стоимость которого составляет 25 и более процентов стоимости имущества общества, определенной на основании данных бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, предшествующий дню принятия решения в совершении таких сделок, если уставом не предусмотрен более высокий размер таких сделок, а устав ссылается на федеральный закон. Таким образом, можно предположить, что частные инвестиции, а именно инвестиции участников общества и других лиц, регулируются уставом, т.е. инвестиции, которые поступают, мелкие инвестиции, регулирует устав, а крупные сделки, т.е. крупные инвестиционные поступления регулируются законом, в уставе предусмотрен более высокий размер сделки.

Как было сказано ранее устав положительно влияет на функционирование предприятия, не запрещает, а позволяет все действия необходимых для осуществления действия, которые не запрещены законом, таким образом для частичного инвестирования предприятия привлекательно. Что касается крупных инвестиционных сделок, то возможно не привлекательно будет вид деятельности. Некоторые факторы не постоянны, такие как сезонность услуг или производства.

Третьим показателем эффективности традиционного устава способствовало развитию предпринимательства и эффективности использованию ресурсов. Эффективное использование ресурсов.

Что касается развитию предпринимательства, то устав полностью способствует развитию.

Показатель Паретто-эффективности один из основных показателей эффективности НПА. Здесь можно выделить две группы специальных интересов, это директор общества и общее собрание участников т.е. учредителей. Высшим органом управления общества является общее собрание участников. К их компетенции относится:

Определение основных направлений деятельности, изменение устава капитала и размера уставного капитала, избрание исполнительных органов и досрочное прекращение их полномочий.

Директор без доверенности действует от имени общества, издает приказы о назначении на должности работников, осуществляет иные полномочия, не отнесенные федеральным законом об обществах или уставом к компетенции общего собрания.

Таким образом, общее собрание и директор работают в пре директор осуществляет все решения, которые приняты общим собранием участников не ухудшает их положения и общее собрание в свою очередь не ухудшает положение директора.

Участники общества все пользуются равными правами, несут солидарную ответственность, пропорционально их доле, т.е. подразумевается равенство между участниками.

Показатель экономичности устава, который предполагает существенные изменения в других НПА.

Устав предприятия пишется на основании федерального закона, на основании устава начинает строиться деятельность фирмы, никаких изменений в других НПА предполагается, т.к. это локальный НПА. Дополнительные затраты возникающие на введение устава в действие не предполагаются, единовременно, когда в устав вносятся поправки, все остальные документ на предприятии не должны противоречить уставу, а устав в свою очередь не

противоречит федеральным законам. Осуществимость НПА, устав реализуем.

Список используемой литературы

1. Познер Р. Экономический анализ права / пер. с англ.; под ред. В.Л. Тамбовцева. В 2-х т. – Т. 1. – СПб.: Экономическая школа, 2004
2. Познер Р.А. Экономический анализ права. В 2-х томах. Том 1
3. Экономический анализ права. Предпосылки, становление, сущность. Е.Н. Шахов

Место коррупции в повседневной жизни
населения города Абакана

Аннотация:

Данная статья посвящена рассмотрению проблемы коррупции в современном обществе. Проблема рассматривается на примере пилотажного исследования проведенного в г.Абакан.

The summary: This article is devoted to consideration of a problem of corruption in modern society. The problem is considered on the example of the flight research conducted to Abakan.

Ключевые слова: коррупция, общество, государство, социальное явление, коррупционные отношения.

Keywords: corruption, society, state, social phenomenon, corruption relations.

Коррупция является сложным социальным явлением и у нее не существует единого определения. Поэтому все по-разному трактуют это понятие. С одной стороны, коррупция – это отказ от ожидаемых стандартов поведения со стороны представителей власти ради незаконной личной выгоды, а с другой, коррупция – это несанкционированное, осуждаемое действие в целях получения какой-нибудь значительной личной выгоды.

Многообразие взглядов на определение коррупции свидетельствует о сложности этого явления и требует более глубокого и всестороннего его изучения. Теоретически возникновение и существование коррупции становится возможным с момента обособления функций управления в общественной и хозяйственной деятельности. Именно в этом случае у должностного лица появляется возможность распоряжаться ресурсами и принимать решения не в интересах общества, государства, фирмы, а исходя из своих личных корыстных побуждений. Исходя из этого, коррупция, на наш взгляд, в широком смысле выражает отношения, складывающиеся между должностными лицами и отдельными членами общества по поводу

использования возможностей занимаемой должности с целью получения личной выгоды в ущерб интересам третьей стороны (общества, государства, фирмы).

Укоренившись в массовом сознании, коррупция стремительно набирает силу и все больше превращается в фактор деструктивного развития российского общества и государства. Она разрушает социальные связи и отношения, мешает становлению социальной справедливости, блокирует процессы модернизации и экономического роста.

В России постоянно констатируется факт распространения и внедрения коррупции во все сферы жизнедеятельности государства и общества. Проводится много конференций, круглых столов на которых предлагают множество рекомендаций по борьбе с коррупцией. Но от обсуждения проблемы коррупции общество ни на шаг не сдвинулось с места по пути реальной борьбы с ее проявлениями. Данная работа не претендует на разрешение данной проблемы, она ориентирована на выявления наиболее ярких проявлений коррупции в повседневной жизни жителей города Абакана.

Большая часть коррупции является малоисследованной. Только четкое понимание смысла коррупции, особенностей ее восприятия самим обществом поможет составить общественную поддержку борьбы с коррупцией.

Коррупция воспринимается как данность во многих странах. Как социальное явление она притягивает к себе возрастающий интерес. Причины, последствия и сама природа коррупции являются предметом многочисленных дискуссий. Социологические исследования позволяют более глубоко проанализировать коррупцию, как социальное явление. Зачастую исследования коррупции воспринимаются негативно и властью, и бизнесом, и обществом, когда устанавливаются причины и процедуры таких отношений и действий. В социологии коррупция понимается как патология (изменение) общества, порождающая в нем дефективные формы

взаимоотношений между людьми. Коррупция представляет собой особую социальную структуру, то есть совокупность устойчивых и достаточно универсальных (приспособленных для существования в различных сферах жизни) норм, принципов взаимоотношений людей. При этом имеются социальные группы, которые поддерживают эту структуру в качестве неотъемлемого условия (источника) существования. В основе подобного социологического понимания феномена коррупции лежат теория рациональной бюрократии М.Вебера, структурно-функциональный подход и теория социальной аномии Т. Парсонса и Р. Мертона. М. Вебер считал, что распространение коррупции среди государственных служащих связано с нерациональной организацией их деятельности.

В настоящее время наиболее распространенными формами проявления коррупции являются взяточничество, подкуп государственных и общественно-политических деятелей, чиновничества, незаконный протекционизм и многое другое. Благоприятной почвой для коррупции служат огосударствление общественной жизни, бюрократизация общества и государства, чрезмерная централизация управления, процветание теневой экономики. Можно выделить несколько основных сфер проявления коррупции: 1. Экономическая – обеспечивает неравномерное распределение ресурсов, способствует снижению качества продукции, повышению стоимости продукции, низким заработным платам государственных служащих; 2. Социальная – снижает действенность законов, формирует двойной стандарт поведения общества (декларируемые и реальные ценности), повышение уровня социальной дифференциации общества за счет перераспределения общественных благ в пользу узких групп, подрывает доверие населения; 3. Политическая – может привести к более жестокой форме государственного устройства, подрывает доверие у населения к политической элите; 4. Институциональная – высокий уровень закрытости в работе государственных ведомств, громоздкая система отчетности, продвижение по службе вне зависимости от результатов в своей работе.

Отслеживая динамику данного явления и изменения в формировании общественного мнения о нем, соотнесение общественного мнения и того или иного деяния как коррупция позволяет определить, какие причины побуждают людей участвовать в коррупционном взаимодействии, как влияет информированность и как воспринимает власть.

Но распространенность и общественная опасность этого явления скачкообразно возрастает в периоды крупных социальных потрясений, в связи с ростом зависимости народа от произвола государственных служащих, так же уровень коррупции выступает как фактор риска развития всех без исключения социально-экономических институтов. В настоящее время существует единая информационная сеть, развивается система финансовых институтов и коррупционные процессы перестают носить закрытый характер и становится международным явлением. Коррупция несет за собой последствия, и они проявляются в растрате капитала, неэффективном расходовании бюджетных средств, препятствие развитию честной конкурентной борьбы, подрыв авторитета государства, снижение качества продукции, увеличивается социальная дифференциация населения, торможение в осуществлении социальных изменений.

Коррупционные процессы имеют место в подавляющем большинстве государств современного мира, и Россия не является исключением из этих стран. Но в разных странах уровень коррупции различен. Коррупция стала уже почти нормой во всех сферах жизнедеятельности современной России. Она является массовым «недугом», поскольку затрагивает все сферы жизни общества: политическую, экономическую, судебную и правоохранительную, сферу социальной защиты, образовательную, воспитательную, инвестиционную, медицинскую. В некоторых сферах она уже является составной частью и угрожает их работе. В России она приобрела устойчивый системный характер. Причин данной картины много. И можно выделить основные:

– доходы от коррупционной деятельности значительно превышают заработок;

– решения государственных структур чаще всего определяются частными интересами людей, которые находятся у власти и способны на нее влиять;

– вместо традиционных нравственных ценностей центральное положение занимают интересы личного преуспеяния, наживы и обогащения. Деньги стали эквивалентом жизненного благополучия.

– презумпция наказания за коррупционную деятельность не соблюдается в полной мере и до суда доходит малая часть тех, кто был привлечен к уголовной ответственности;

– исполнительная власть не противостоит коррупции, а лишь делает имитацию борьбы с ней. Но и так же принимает участие.

Сообщения о коррупции с каждым годом, все чаще выходят на страницы СМИ. И это с одной стороны, можно рассматривать как метод борьбы с коррупцией, а с другой стороны говорить о том, что данное явление уже стало обыденностью и в общественном сознании отношение к коррупции как преступлению стирается. «Если берут все - это норма». И по данным опроса ВЦИОМ 2012 года, 60% россиян спокойно относятся к проблеме коррупции. Из этого можно сделать вывод, что для российского общества коррупция становится «как само собой разумеющееся».

Коррупция имеет свои схемы и их условно можно обозначить: «черная», «серая», «белая».

«Черная», является легко выявляемой. Это прямое воровство бюджетных средств.

«Серые» схемы изощренные и труднее выявляемые, но так же они иногда схожи с «черными». Например продажа государственного имущества по заниженной цене, доказать снижение цены будет сложно, поскольку каждый объект индивидуальный.

«Белые» представляют наиболее сложную схему, в которой коррупция обосновывается специальной нормативной документацией. Данные схемы очень тяжело выявить.

Коррупция в России с каждым годом растет. Меняются только сферы ее распространения и влияние на разные структуры, что влечет за собой разложение властных структур. Коррупция является негативным фактором, но для общества она становится главным решением проблем и заработком. И меры, которые применяются в борьбе с коррупцией, не эффективны.

«Феномен коррупции способен меняться и приспосабливаться к любым неблагоприятным условиям для своего существования». И показатели по России могут отличаться от показателей в отдельных республиках, городах. В данной работе нами будет представлен анализ распространенности коррупционных практик в повседневной жизни жителей г. Абакан.

Теоретически возникновение и существование коррупции становится возможным с момента обособления функций управления в общественной и хозяйственной деятельности. Именно в этом случае у должностного лица появляется возможность распоряжаться ресурсами и принимать решения не в интересах общества, государства, фирмы, а исходя из своих личных корыстных побуждений.

Исходя из этого, коррупция, на наш взгляд, в широком смысле выражает отношения, складывающиеся между должностными лицами и отдельными членами общества по поводу использования возможностей занимаемой должности с целью получения личной выгоды в ущерб интересам третьей стороны (общества, государства, фирмы).

В ходе курсовой работы нами было проведено пилотажное социологическое исследование, целью которого является выявление места коррупции в повседневной жизни жителей г. Абакана.

В ходе исследования использовалась случайная выборка, и было опрошено 38 жителей г. Абакана (12 мужчин и 26 женщин) в возрасте от 18 лет и старше методом анкетирования. Анкета состояла из 24 вопросов, с

помощью которых выявлялись различные аспекты коррупции и ее уровень распространенности в г. Абакане. Так же рассматривались такие аспекты, как личное участие, сферы распространенности, отношение к данному явлению, причины распространения коррупции.

Для того, чтобы выявить уровень коррупции в жизни жителей города Абакана, нужно для начала узнать, что они понимают под коррупцией и знают ли они «Что такое коррупция?».

Все респонденты знают, что такое коррупция и на данный вопрос не вызывал ни у кого затруднений. При этом 45% понимают коррупцию как «взяточничество», но так же 39% опрошенных указали, что под коррупцией они понимают «использование должностного положения в личных, корыстных интересах». Остальные указали, что это «использование государственных, муниципальных средств в личных целях», «вымогательство», «знаменитый русский «блат».

Уровень коррупции в России, респонденты оценили следующим образом, 42% ответили «скорее увеличился». Но 26% указали, что уровень коррупции остался прежнем. И всего 21% опрошенных считают, что уровень коррупции «увеличился». Из этого можно сделать вывод, что коррупция в России имеет тенденцию роста.

В г. Абакане уровень коррупции, 55% опрошенных считают достаточно широко распространенным, а 13% отмечают, что коррупция распространена повсеместно. И достаточно весомая доля респондентов 32% утверждают, что она практически не распространена. Что говорит о том, что по мнению большей части опрошенных, коррупционные практики в г. Абакане – явление достаточно распространенное.

По мнению респондентов, в значительной мере коррупция встречается у следующих представителей профессий:

- больницы 45%;
- ГИБДД 42%;
- вузы 34%;

- администрация города 26%;
- полиция 21%;
- детские дошкольные учреждения 18%.

Менее коррумпированными сферами выделили прокуратуру, БТИ, суд, ЖЭКи. Респонденты считают, что коррупция отсутствует в таких сферах как паспортно-визовая служба, налоговая, пенсионный фонд, счетная палата, МФЦ и департамент образования. Но это не говорить, что ее совсем нет, возможно, она на очень низком уровне или респонденты не были свидетелями коррупционных правонарушений в этих сферах.

При этом нами был задан вопрос «Известны ли Вам случаи злоупотребления должностным положением?». И на данный вопрос 68% опрошенных ответили, что были свидетелями коррупционных действий в городе. И далее были представлены сферы, в которых произошло злоупотребление должностным положением. Респонденты выделили следующие сферы: ГИБДД 19%, вузы 15%, руководители градообразующих предприятий 15%, больницы 12%, детские дошкольные учреждения 12%, администрация города 12%, полиция 8%, военкоматы 8%. Остальные сферы не были выбраны респондентами, поскольку они не были свидетелями коррупционных правонарушений.

Также несколько вопросов было направлено на выявления личного участия. И наибольшее число респондентов ответили, что не принимали участия и не знаю об участии друзей, знакомых, родных (71%). В личном участии в коррупционных действиях признались 16%. И это только количество признавшихся и оно может быть значительно меньше, поскольку мы проводили пилотажное исследование, и выборка была маленькая.

Тема данного исследования является деликатной и для многих провокационной, ведь не каждый респондент будет отвечать искренне. Нами были использованы чувствительные вопросы, которые способствуют получению достоверной информации на деликатные темы. И вызывают чувства неловкости, смущения, желания уйти от ответа.

При этом, участие в коррупционных действиях, по словам респондентов, было обусловлено следующими причинами:

- 46% личные,
- 18% нужна была отсрочка от армии,
- 9 % финансовые,
- 9% попасть быстрее в садик,
- 9% подделка медицинской справки,
- 9%необходимость срочной операции.

И 11% указали, что участвовали знакомые и 3% родственники. При этом 42% принимали участие в коррупции респонденты с средним профессиональным образованием.

53% опрошенных считают коррупцию «негативным явлением, но без этого не решить проблем», 29% считают, что «этого нужно избегать, поскольку коррупция разлагает наше общество» и всего 18% выделяли такой вариант ответа как «этого можно избежать, но так решать дела легче и быстрее». Из этого можно сделать вывод, что для большинства опрошенных коррупция является обыденностью и быстрым способом решения проблем.

И наиболее перспективными способами предотвращения распространения коррупции опрошенные выделили «неотвратимость и жестокость наказаний за коррупционные деяния» (84%), «наличие стандартов оказания государственных услуг и их повсеместное внедрение» (47%). Наименее перспективным методом решения данной проблемы, считают «повышение оплаты труда государственных служащих» (3%). И 29% выбрали варианты ответа «более широкое освещение в СМИ» и «привлечение населения и общественных объединений по борьбе с коррупцией».

В целом можно сказать, что коррупция в г. Абакан распространена достаточно широко для большинства населения. При этом, большинство опрошенных респондентов считают коррупцию негативным явлением, но неотъемлемо присущим в повседневной жизни. Так или иначе большинство

респондентов сталкивались с проявлениями коррупции, не всегда сами лично, но были свидетелями или узнавали из других источников.

Следует учитывать, что данное исследование было пилотажным, в то время как коррупционные практики – явление сложное, многогранное, и потому, требующее проведения более масштабных исследований.

Коррупция имеет очень большое распространение и является разрушительным фактором, влияющим на состояние общества и государство. С помощью правовых санкций коррупцию преодолеть не возможно. Нужны другие механизмы для контроля коррупции. Нужно говорить не о коррупции, а о коррупционных отношениях. Эти понятия нельзя разграничить, но по нашему мнению коррупция - это более общее понятие, которое не показывает всей глубины. А включает в себя то, что люди не подразумевают даже, совершая то или иное действия.

Она набирает все большие обороты. И нельзя точно определить какой эффект оказывает коррупция. Коррупция может и увеличивать объемы потребления, но также и уменьшать.

Коррупция является одним из интересных объектов социологического исследования. Она приводит к падению авторитета власти, разрушению норм общества. Появляются отношения между коррумпированной частью государства с теневыми криминальными кругами.

Она приводит к обогащению и решает проблему только один раз. Люди занимающие выгодное положение, то есть если от них зависит решение какой-либо проблемы, то они этим пользуются. И сейчас это стало приемлемым в нашем обществе. Люди, которые дают взятку, не имеют другой возможности получить решение своей проблемы. И по нашему мнению, в большей степени виноваты люди, которые пользуются своим положением.

И распространение коррупции должно решаться не только в отдельных городах, населенных пунктах, но и по всей России. Потому что один маленький город не всегда может послужить примером, скорее этот

маленький город ровняется на большую страну. Ведь все хотят быть богатыми и решать свои проблемы быстрее.

Макарова, И.Д.

Профстандартизация и сертификация профессиональных квалификаций как инструменты консолидированной стратегии развития компетенций и квалификаций персонала

Makarova, I.D.

Professional standardization and certification of vocational qualifications as instruments of the consolidated strategy of the development of personnel competencies and qualifications

Все больше руководителей российских компаний задумываются над целесообразностью повышения профессионального уровня своих сотрудников, т.к. в сложившейся ситуации усиления конкурентной борьбы развитие персонала является важнейшим условием развития организации.

More and more managers of Russian companies think about the advisability of raising the professional level of their employees, because in the current situation of increasing competition the development of staff is critical to the development of the organization.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ПРОФСТАНДАРТ, СЕРТИФИКАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КВАЛИФИКАЦИЙ, ПЕРСОНАЛ**

**KEYWORDS: PROFESSIONAL STANDARD, CERTIFICATION OF
PROFESSIONAL QUALIFICATIONS, THE STAFF**

Развитие персонала заключается в совокупности систематизированных действий по выбору стратегии, планированию потребности в персонале, управлению карьерой, обеспечению профессионального роста, организации процесса консалтинга и обучения, формированию организационной культуры.

Для того, чтобы обучение сказывалось эффективно на производстве, необходимо понимать, чему нужно обучать сотрудников. Определить это можно по набору тех компетенций, которыми должен обладать работник и тех компетенций, которыми он еще не обладает. Поэтому в качестве рекомендаций по совершенствованию системы обучения и развития можно предложить систему независимой оценки и сертификации профессиональных квалификаций. Независимая оценка квалификаций – это присвоение уровня квалификации выпускникам профессиональных программ. Сертификация квалификаций – это признание профессиональной квалификации, деловых качеств, профессионального опыта.

Документы, определяющие сертификацию квалификаций Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы, «Развитие системы оценки качества профессионального образования на основе создания и внедрения механизмов сертификации квалификаций специалистов и выпускников образовательных учреждений с учетом интеграции требований ФГОС и профессиональных стандартов»

Исходя из программы, данная система оценки персонала основана на использовании профессиональных стандартов.

Профессиональный стандарт - нормативный документ, устанавливающий в рамках конкретной профессиональной деятельности:

- требования к содержанию и качеству труда;
- требования к условиям осуществления трудовой деятельности;
- уровень квалификации работника;
- требования к профессиональному образованию и обучению

необходимому для соответствия данной квалификации

Профессиональный стандарт устанавливает требования к тому, что человек должен знать и уметь делать в определенной области трудовой деятельности, описывает:

- необходимые знания и умения;
- уровень ответственности и самостоятельности;

— уровень сложности выполняемой трудовой функции [1].

Использование профессиональных стандартов позволяет повысить эффективность бизнеса путем установления единых требований к компетенциям работников через оценку квалификаций и постоянное развитие профессиональных навыков с момента получения образования и на протяжении всей трудовой деятельности.

По статье 195 ТК РФ порядок разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов, а также установления тождественности наименований должностей, профессий и специальностей, содержащихся в едином тарифно-квалификационном справочнике работ и профессий рабочих, едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и служащих, наименованиям должностей, профессий и специальностей, содержащихся в профессиональных стандартах, устанавливается Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений [2].

То, как влияет профессиональный стандарт (далее ПС) на качество персонала предприятия рассмотрим на рисунке 1.

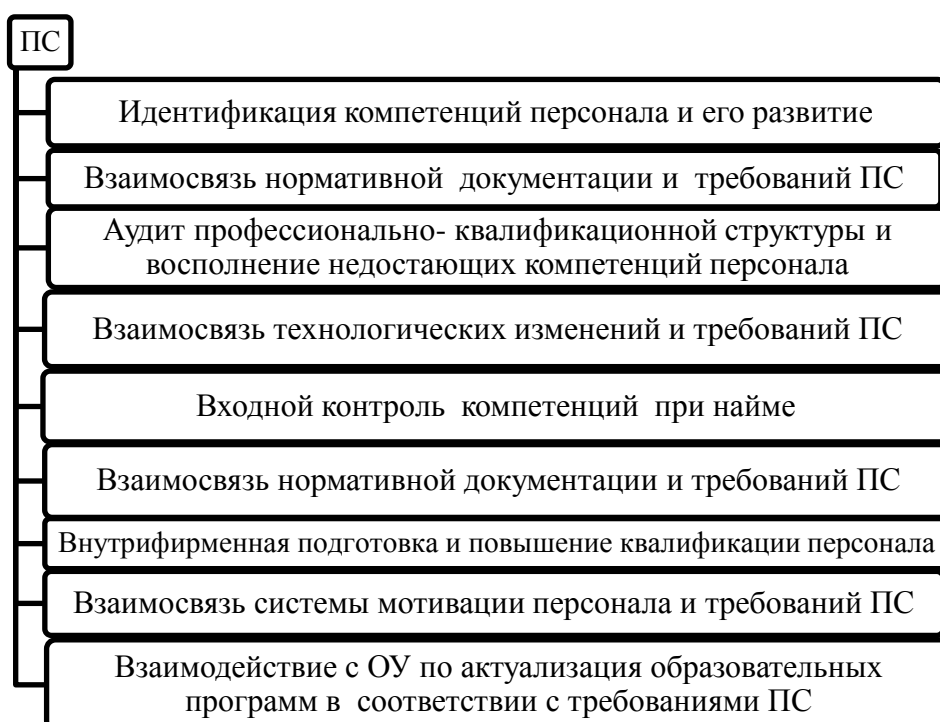

Рисунок 1- Влияние ПС на качество персонала предприятия

Область применения ПС на предприятии можно рассматривать в двух аспектах (см. Таблица 1).

Таблица 1 – Область применения ПС на предприятии

Внешний аспект	Внутренний аспект
Сопряжение требований работодателей к компетенциям выпускников образовательных учреждений с образовательными программами, оценка качества подготовки через систему добровольной сертификации	Актуализация должностных и рабочих инструкций
Прогнозирование кадровой потребности, координация процессов релокации персонала, повышение качества и сокращение затрат на найм и подбор персонала	Совершенствование системы ежегодной оценки по компетенциям – повышение качества и результативности программ развития персонала, опережающая подготовка кадров под стратегические проекты

Таким образом, использование профессиональных стандартов позволяет повысить эффективность бизнеса путем установления единых требований к компетенциям работников через оценку квалификаций и постоянное развитие профессиональных навыков с момента получения образования и на протяжении всей трудовой деятельности.

Таким образом, применяя профстандарты на практике, работодатель решает широкий круг задач не только в области обучения и развития персонала, но и в области управления персоналом в целом:

- формирование кадровой политики организации;
- организация системы оценки персонала и его аттестации;

- организация системы обучения на основе полученных оценок и результатов аттестации;
- разработка должностных инструкций;
- разработка системы оплаты труда, в соответствии с уровнем квалификации персонала;
- прохождение системы сертификации, с целью подтверждения уровня компетентности работника в данной должности [3].

В системе независимой оценки и сертификации квалификаций участвуют 3 субъекта: работодатели, учебные заведения, независимые агентства по оценке и сертификации.

Для формирования успешной системы сертификации необходимо четкое понимание требуемых механизмов, включая профессиональные стандарты, распределение обязанностей между заинтересованными сторонами и понимание ими важности соблюдения «правил игры», определяемых самой природой и предназначением процедур сертификации.

Для эффективной системы сертификации необходимо наличие правового статуса системы, институциональных механизмов, профессиональных стандартов и подготовленных кадров.

Таким образом, при сотрудничестве с национальным агентством оценки квалификации у предприятия появится ряд перспектив:

- Определение изменений в требованиях к работникам, в контексте стратегия развития отрасли, региона, предприятия
- Формирование корпоративной системы развития персонала на основе профессиональных стандартов
- Формирование перспективной потребности в кадрах и активное участие в образовательном процессе
- Участие в системе аттестации и сертификации персонала.

Ожидания работодателя от результатов развития системы независимой оценки и сертификации профессиональных квалификаций:

- Совершенствование качества подготовки специалистов
- Непрерывное обновление требований к компетенциям по профессиям в соответствии с развитием научно-технического прогресса
- Обновление содержания профессионального образования в соответствии с новыми требованиями к компетенциям
- Планирование подготовки специалистов в соответствии с прогнозом потребности рынка труда
- Содействие мотивации работника
- Повышение уровня квалификации специалистов
- Обучение в течение всей жизни
- Повышение качества рабочей силы
- Соответствие требованиям рынка труда

Какие плюсы при этом имеет сам работник, прошедший сертификацию:

- повышается стоимость специалиста на рынке труда
- конкурентное преимущество на рынке труда
- подтверждение наличия знаний, умений и навыков необходимого уровня для выполнения профессиональных задач
- унифицированные компетенции
- независимая и объективная оценка, упрощающая процесс приема на работу [4].

Исходя из всего выше сказанного, можно сказать, что сертификация персонала на основе профстандарта будет производной от стратегии организации, а ее характеристики зависят от направлений кадровой стратегии, осуществляемой в организации.

Список используемой литературы:

1. Понятия квалификации работника, профессионального стандарта [Электронный ресурс]: ст. 195.1 ТК РФ от 03.12.2012г. N 236-ФЗ. - Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 15 ноября 2015г.).
2. Маслова В.М. Управление персоналом предприятия. [Текст]: учеб. пособие для вузов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. - 159 с.
3. Олейникова О.Н., Муравьева А.А. СЕРТИФИКАЦИЯ КВАЛИФИКАЦИЙ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОЦЕДУРЫ. [Электронный ресурс]: Методическое пособие. – Москва 2011 г. – 23 с.
4. Уральский центр аттестации: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uca-ndt.ru/> (Дата обращения: 10 октября 2015г.).

Мокина М. Н.

Сравнительный анализ российского и зарубежного опыта
регулирувания занятости

Mokina M. N.

Comparative analysis of Russian and foreign experience of employment regulation

В новых, рыночных условиях государство уже не может автоматически гарантировать занятость. Поэтому оно должно выработать целый ряд мер по регулированию занятости населения и рынка труда. Проблема обеспечения населения РФ занятостью в настоящее время является исключительно актуальной. Кроме того, включение России в мировой, интеграционный процесс неизбежно приводит к необходимости отказа от национальной замкнутости при решении многих вопросов, в том числе и при разработке проблем правового регулирования занятости и трудоустройства, требует изучения зарубежного опыта.

In new, market conditions the state can't automatically guarantee employment. Therefore, it must develop a number of measures for regulation of employment of the population and labor market. The problem of providing the population of the Russian Federation with employment is exclusively actual now. Besides, inclusion of Russia in world, integration process inevitably results in need of refusal of national isolation at the solution of many questions including when developing problems of legal regulation of employment and employment, demands studying of foreign experience.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, программа занятости, государственный контроль, гарантия занятости, профессиональная подготовка, регулирование занятости населения, государственный бюджет, служба занятости, внебюджетные фонды, благотворительные организации, профсоюзы, бюро по трудоустройству, консультативные комитеты.

Keywords: labor market, unemployment, the program of employment, the state control, an employment guarantee, vocational training, regulation of employment of the population, the state budget, an employment service, off-budget

funds, the charitable organizations, labor unions, bureau on employment, advisory committees.

Механизм регулирования рынка труда в условиях рынка охватывает широкий спектр экономических, юридических, социальных и психологических факторов, определяющих функционирования рынка труда.

Он осуществляется через систему трудоустройства, включая широкую сеть бюро по занятости, банки данных о рабочих местах, государственные программы помощи в приобретении профессиональных знаний и трудоустройстве незанятому, но желающему работать населению, целевые программы предприятий, предусматривающие переподготовку кадров в связи с планируемой модернизацией производства, проведение на предприятии политики стабилизации кадров и т.п.

В различных странах существуют разные подходы к организации рынка труда. Для более наглядного рассмотрения зарубежного опыт регулирования занятости и особенности состояния рынка труда в России составлена таблица, в результате чего можно провести сравнительный анализ (Приложение).

Необходимо отметить, что в формировании фондов защиты от безработицы активное участие в ряде стран принимает государство, в таких странах как Франция, Швеция, Финляндия, Норвегия. Цель этой системы состоит в том, чтобы уменьшить неравенство и несправедливость на основе равного доступа к базовым социальным благам.

Активная политика государства в области занятости в таких странах, как Швеция и Норвегия, делает основной упор на меры по предупреждению безработицы в сочетании с поддержкой безработных.

В Германии, Бельгии, Канаде, США, Великобритании, Японии помимо господдержки участвуют еще и специальные внебюджетные фонды, благотворительные организации, налоги с предпринимателей и т. п.

Государственная политика занятости в РФ до 2001 г. проводилась в основном за счет средств Государственного фонда занятости населения РФ, который формировался за счет средств предприятий (отчислений 1,5% от фонда оплаты труда), незначительных штрафных санкций и небольшой финансовой поддержки, которая была оказана службе занятости бюджетами некоторых регионов. Финансирование мероприятий государственной политики занятости населения осуществляется также из государственного бюджета, как и во многих других странах.

Роль государственной службы занятости почти во всех странах, за исключением США очень активна. Данная служба оказывает непосредственно посреднические услуги в трудоустройстве, что является ее основной задачей.

Внедрение уникальных новейших технологий влечёт распространение негативного отношения к коллективным договорам высококвалифицированных рабочих и специалистов, предпочитающих работать по индивидуальным контрактам, что снижает роль профсоюзов в таких странах как, например, в Канаде: профсоюзы объединяют примерно треть занятых в несельскохозяйственном секторе, в США - 15 - 17%, в Великобритании также роль профсоюзов невелика [2, с. 46].

В противовес можно отметить, что в основе социальной политики во Франции лежит принцип партнерства, который предполагает постоянный диалог социальных партнеров. Механизм его реализации на высших уровнях власти – это активное сотрудничество трех сторон: представителей предпринимателей, профсоюзов и государства, которое стремится быть не столько участником переговоров, сколько его инициатором. На практике это выражается в личных встречах руководителей профцентров и ассоциацией предпринимателей с государственными чиновниками.

В России же профсоюзы вправе принимать участие в разработке государственных программ занятости, предлагать меры по социальной защите членов профсоюзов, высвобождаемых в результате реорганизации

или ликвидации организации, осуществлять профсоюзный контроль за занятостью и соблюдением законодательства в области занятости.

В Великобритании, Японии и Китае участие государства в сфере занятости незначительное либо государство принимает минимальное участие либо вообще не вмешивается. В то время как в Германии, Франции, Бельгии, Норвегии занятость населения находится под государственным контролем, а в Финляндии и Швеции наряду с государственным управлением существуют консультативные комитеты, состоящие из предпринимателей и трудящихся.

В России также большую роль в обеспечении занятости играет государство. Кроме того, целью государственного регулирования рынка труда является обеспечение полной занятости, под которой понимается отсутствие циклической безработицы при сохранении «естественного уровня безработицы», определяемого размерами ее фрикционной и структурной форм и создание «гибкого рынка труда», способного быстро приспосабливаться к изменениям внутренних и внешних условий развития экономики, сохранять управляемость и стабильность. Эта «гибкость», по сравнению с традиционным рынком труда, проявляется в гибком использовании работников на условиях неполного рабочего дня, временной занятости, сменяемости рабочих мест, изменения количества смен, расширения или добавления в зависимости от необходимости рабочих функций. Каждый желающий трудиться должен найти на таком рынке рабочее место, отвечающее его потребностям.

Большое значение в зарубежных странах придается и установлению прямых связей учебных заведений и предприятий. Прямые договорные отношения позволяют значительной части выпускников иметь гарантии занятости. К примеру, в Японии значительная роль в трудоустройстве молодежи принадлежит сложившейся в этой стране системе тесных неформальных связей университетов и фирм. Услугами учебных заведений здесь особенно активно пользуются крупные фирмы, в которых каждый пятый сотрудник нанимается через университеты, Между элитными

организациями той и другой стороны давно установились настолько прочные контакты, что рекомендация выпускника службой трудоустройства университета предполагает гарантированный прием на работу [1, с. 96].

В сфере услуг по трудоустройству в западных странах представлены и частные службы. Условия их деятельности по странам достаточно сильно различаются, однако, в большинстве стран отношение к ним более чем прохладное. Достаточно широкой свободой деятельности пользуются эти службы в США, где существует около 15 тыс. частных агентств. Это дает большие возможности поиска работы через различных посредников. Большая часть посреднических фирм в США специализированы. Однако, несмотря на такую, широко разветвленную сеть, через частные агентства трудоустраивается только около 6% обратившихся. Наибольшую эффективность дает в США непосредственное обращение к работодателю - 35%, а также использование друзей и родственников - 26%.

Более или менее либеральная политика в отношении частных агентств проводится и в Великобритании. Здесь она базируется на лицензировании и постоянном контроле за их деятельностью.

В отличие от Соединенных Штатов и Великобритании деятельность частных фирм на рынке труда в Швеции запрещена.

В Японии, платная посредническая деятельность частного сектора жестко ограничивается. Исключение составляет незначительное число профессий и занятий, для представителей которых рабочие места могут подбираться платными фирмами, получившими лицензию от Министерства труда. Это касается профессий связанных с уходом за детьми и больными, с ведением домашнего хозяйства, музыкой и другими творческими профессиями, занятиями, имеющими не престижный характер.

В России же вопросы сближения высшей школы и промышленности, и участие последней в процессе обучения, так и в его финансировании пока не признаны государством приоритетными, вследствие чего отсутствуют

государственные программы, специализированные органы управления и законодательные акты, способствующие решению этой проблемы.

Таким образом, опыт промышленно развитых стран все-таки показывает, что центральным звеном системы регулирования процессов на рынке труда является государственная служба занятости. Она представляет собой структуру специальных органов, создаваемых для постоянного целенаправленного регулирования профессиональной подготовки и использования рабочей силы. В зависимости от особенностей рыночных отношений во многих странах определяются функции и степень активности государственной службы. Например, в Швеции, Канаде, ФРГ, Японии и ряде других стран этой службе отводится роль основного инструмента разработки и воплощения в жизнь политики в области занятости, регулятора между спросом и предложением рабочей силы. В России также служба занятости играет важную роль, а именно программы переобучения и повышения квалификации, а также повышение эффективности информационной службы о наличии вакансий позволяют увеличить уровень трудоустройства и снизить безработицу.

В то же время в Великобритании, Австралии и США роль государственной службы занятости менее активна: здесь допускается наличие частных платных бюро по трудоустройству, ответственность же за поиск работы ложится непосредственно на самих безработных.

Одним словом, в различных странах существуют разные подходы к управлению в сфере занятости населения в условиях современного рынка труда.

Литература:

1. Георгиев, Ю. Меняющийся рынок рабочей силы / Л. Георгиев // Япония сегодня.- 2006. - № 5. – С. 96.

2. Цапова, Н.Ю. Наука о человеке: гуманитарные исследования. Зарубежный опыт регулирования занятости / Н. Ю. Цапова // НОУ ВПО "ОмГА". – 2010. - № 1 – С. 45-47.

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ АВТОМОБИЛЬ КАК ОРУДИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Ключевые слова. Автомобилизация населения, преимущества и недостатки автомобилизации, правовые пробелы автомобилизации населения.

Аннотация. Дается оценка негативных последствий безудержной автомобилизации российского населения. Констатируется состояние правового регулирования отношений, связанных с эксплуатацией личных автомобилей российскими гражданами, дается оценка эффективности действия соответствующих правовых норм.

Morozov G. B.

MODERN RUSSIAN CAR AS TOOL PUBLIC DANGER

Keywords. Automobiliation of the population, advantage and shortcomings of automobiliation, legal gaps of automobiliation of the population.

Summary. The assessment of negative consequences of impetuous automobiliation of the Russian population is given. The condition of legal regulation of the relations connected with operation of privately owned vehicles by the Russian citizens is stated, the assessment of efficiency of action of the relevant precepts of law is given.

Сегодня проблема роста всеобщей автомобилизации выходит на новый уровень. В Екатеринбурге за последние 15 лет число автомобилей выросло

более, чем вдвое, приближаясь к 1млн. единиц. Рост показателя связывают с ростом благосостояния горожан и ассортиментом автомобильных марок. В связи с ростом числа машин и неразвитостью улично-дорожных сетей, город испытывает напряжение. Для повышения пропускной способности данной сети ведётся её усовершенствование, реконструкция в местах, где износ дорожного полотна достигает 65%, возводятся объездные мосты. Но проблема роста числа автомобилей и несоответствие этому условий их эксплуатации набирает новые обороты [1].

На первый план вышли проблемы, присущие городам, обусловленные чрезмерным развитием автомобилестроения. Гипертрофированный автопарк мегаполисов вызывает постоянные пробки на улицах и лишает себя преимуществ быстрого и маневренного движения. Автомобили сжигают огромные объемы нефтепродуктов, нанося одновременно ощутимый вред окружающей среде. Использование автомобиля, с одной стороны, облегчило людям жизнь, с другой – отравляет её в прямом смысле слова. Рост взвешенной в воздухе и осевшей на поверхности пыли объясняется повышенным износом асфальтового покрытия автомобильных дорог из-за применения шипованных шин. В городах, где автомобильное движение интенсивно, без труда можно заметить пыль, грязь вдоль обочин дорог, постоянно нависающий осадок (смог) в часы «пик».

Об экономической выгоде пользования автомобилем. Приведем примерный расчет стоимости поездки на автомобиле в день на примере одного автомобиля: каждый день его надо ставить на стоянку; ежегодно производить обязательное его страхование, платить транспортные налоги, ежедневно заправлять топливом.

Представим, что приобретен автомобиль за 600000руб., требующий ежегодных страхования в сумме 4000-5000руб. и технического обслуживания до 25000руб. После приобретения автомобиля его остаточная стоимость в результате амортизации уменьшается (так, от стоимости в 600000 руб. после пятилетней эксплуатации останется 400000руб.). Из-за недостатка

парковочных мест нужно обращаться к услугам платной парковки стоимостью до 1000руб. в месяц. Их-за интенсивности уличного движения автомобиль расходует до 10л. топлива стоимостью более 30руб/л на 100км пути, в будни преодолевая расстояние 10км ежедневно. В течение года владелец пользуется машиной не более 230 дней (выходные дни, отпуска и т.п. идут в вычет из 365 дней в году). Какова цена одной поездки при таких условиях? Приведем примитивнейший расчет:

1. $400000\text{руб.} + (4500\text{руб.} \times 5\text{лет}) = 422500\text{руб.}$ – стоимость автомобиля и страховых платежей.

2. $(25000\text{руб.} \times 5\text{лет}) + (1000\text{руб.} \times 60\text{мес.}) = 185000\text{руб.}$ – стоимость технического обслуживания и парковки.

3. $30\text{руб.} \times 10\text{л.} \times 230\text{дн.} \times 5\text{лет} = 345000\text{руб.}$ – минимальная стоимость заправки топливом без учета стояния в «пробках».

4. $230\text{дн.} \times 5\text{лет} = 1150$ – число поездок в черте города, как на личном автомобиле, так, и по возможности, на общественном транспорте.

5. Итого по п.1-3: $422500 + 185000 + 345000 = 952500\text{руб.}$

6. Стоимость одной поездки в день (туда и обратно) плюс незапланированные поездки в г. Екатеринбурге:

6.1. 100руб. – на общественном транспорте;

6.2. $952500\text{руб.} : 1150 = 828,26\text{руб.}$

Получается, автовладелец тратит на эксплуатацию автомобиля ежедневно в 8 раз больше, чем бы он потратил на поездки в общественном транспорте. Это – по минимуму.

Еще проблема. В мегаполисах типа Екатеринбурга проблемы автомобилизации проявляются концентрированно. Главная - несоответствие сложившейся улично-дорожной сети с отсутствием скоростного режима движения, требованиям высокоинтенсивных транспортных потоков. Перенасыщенное их состояние ведет к необходимости повышения

пропускной способности путем кардинальных градостроительных решений: строительства развязок на разных уровнях, подземных пешеходных переходов, создания улиц и дорог скоростного движения. А это все – огромные инвестиции, которые надо отобрать у населения, не владеющего автомобилями. Получается, государство создает автомобилистам для удовлетворения их, по сути, извращенных потребностей весомые материальные преимущества в сравнении с основной массой населения. А выгодно и дешево максимально развивать общественный транспорт с одновременным применением приемлемых для населения тарифов поездок в нем [2].

Характерный пример: в Екатеринбурге на направлении «Уралмаш – Центр» после ввода метрополитена на некоторое время снизилась интенсивность автомобильного движения. В связи с этим наши расчеты стоимости одной поездки на автомобиле указывают на преимущества общественного транспорта перед индивидуальным.

Заторов в городе станет меньше, если и *парковку с проездом по историческому центру сделать платными*. Организация зон платного доступа в мировой практике является эффективным методом снижения числа автомобилей, используемых для поездок в центральные районы города. Технические наименования метода — Congestion charge, Congestion toll, Congestion tax, Electronic urban road pricing. Успешно применяется в Лондоне, Сингапуре, Сан-Франциско, Милане, Стокгольме. Вошел в практику организации движения и в небольших исторических городах — Тронхейме (Норвегия), Дареме (Великобритания), Риге (Латвия), Валетте (Мальта). И пробок удалось избежать, и экология улучшилась [2].

Почему возникли указанные проблемы? Дело в том, что автомобилизация приносит необратимые последствия во все сферы жизни общества, сокращая пространства физических движений, создавая риски для людей и окружающей среды. Но для многих россиян личный автомобиль -

«священная корова», его не желают признать предметом антиобщественной роскоши. Ответы.

1. Массовая автомобилизация подчеркивает абсолютный триумф идеологии господствующего класса в повседневной жизни, создавая и укрепляя иллюзию, что каждый человек может добиваться преимуществ в ущерб остальным, формируя агрессивный эгоизм водителя по отношению к другим лицам, которых он воспринимает как физическое препятствие к собственной скорости.

2. Автомобиль — парадоксальный пример предмета роскоши. Миф об его удовольствиях и пользе сохраняется, хотя, если развивать общественный транспорт, его превосходство неоспоримо. Устойчивость мифа легко объяснить: распространение автомобилей вытеснило общественный транспорт, изменив городское планирование так, что распространение автомобиля стало как бы необходимым [2].

В России водитель роскошной иномарки и пешеход – обладатели разных социальных статусов. Конечно, социальный антагонизм водителей и пешеходов пока не дошел до классовой борьбы, поскольку пешеходы, не имеющие автомобилей, выглядят «придонными слоями» общества. Они не организованы и беззащитны, а между автомобилистами такая борьба разгорается. И все жаждут усовершенствования автомобильного движения, тогда как с экологической точки зрения требуется полный отказ от автомобиля не только в городах, но и на селе и на отдыхе. Из-за столь опасного социального неравенства автомобиль стал распространенным, практически безнаказанным орудием убийства.

Автомобиль для значительной части населения - неотъемлемый элемент образа жизни. Автовладельцы не представляют, как обходиться без машины. Расширяется особое поле их социально-нормативного поведения, связанного с действием регламента правил дорожного движения. Дилемма «роскошь» - «средство передвижения» для многих водителей решается в

пользу второго варианта, но и остаются символические факторы потребления.

Чтобы люди отказались от машин, мало им предложить удобный общественный транспорт. Надо создать экономико-правовые условия выгоды обходиться без личного транспорта, на что автомобилестроительные и фирмы и их политические и законодательные лоббисты не пойдут. Стало быть, классовая борьба «авто – пешеход» будет разгораться. На чьей стороне будет государство, призванное обеспечивать правопорядок и благосостояние всего населения, независимо от его имущественного и иного состояния - вопрос, на который однозначного ответа нет.

Сегодня никто не гарантирован от гибели и увечий на российских дорогах. Тогда почему государство терпимо к этим ничем не оправданным человеческим жертвам, социальным и экономическим потерям? Вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, сложные погодные и дорожные условия в сочетании с низкой дисциплиной водителей и пешеходов, приводят не только к нарушениям «Правил дорожного движения», сбоям в движении, но и к ДТП, зачастую с человеческими жертвами [3].

Ситуацию усугубляют пробки на дорогах. Ежегодно на дороги выезжают тысячи водителей-новичков. Психологи утверждают, примерно через 3 месяца адаптации и, соответственно, осторожного, неуверенного вождения наступает период лихачества, не подкрепленного опытом. Отсюда резкое возрастание травматизма и числа ДТП именно у этой категории водителей. Только в последние годы после крупных ДТП на дорогах страны, заговорили об ужесточении наказания для пьяных водителей [5].

Но, с другой стороны, преступления, совершенные в состоянии опьянения, не являются обстоятельством, отягчающим наказание. Статья 23 УК РФ гласит: "Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других

веществ, подлежит уголовной ответственности", то есть как любое иное преступление. Известно, алкоголь, действуя на центральную нервную систему человека, поражает его сознание и волю. Из-за нарушения мышления и ослабления самоконтроля поведение пьяного человека заметно отличается от поведения трезвого. Очевидно, многие преступления не были бы совершены вообще, если бы преступник не находился под влиянием алкоголя.

Депутаты Госдумы планируют существенно увеличить санкции для водителей, совершивших ДТП со смертельным исходом: максимальное наказание за такое преступление может составить до 20 лет лишения свободы. В настоящее время специально созданная в Госдуме рабочая группа занимается доработкой законопроекта, серьезно ужесточающего санкции за вождение в состоянии алкогольного опьянения [3]. Как ожидается, поправки будут внесены в КоАП и УК РФ и закон «О безопасности дорожного движения». В рабочей версии законопроекта предлагается существенно увеличить санкции для водителей, совершивших ДТП с гибелью людей. Так, за смерть одного человека предлагается наказывать лишением свободы на срок от 5 до 10 лет, а если погибло двое и более человек – от 8 до 20 лет. Напомним, что в настоящее время максимальное наказание за такое преступление составляет 9 лет лишения свободы. Кроме того, могут усилить санкции за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии алкогольного опьянения. Если он повторно садится пьяным за руль, предлагается наказывать его работами на срок до года с лишением права управления автомобилем до 10 лет, либо лишением свободы до 3 лет с лишением прав до 10 лет. Но за три года законопроект не прошел ни одного чтения [3]. По всей вероятности, абсолютное большинство депутатов – российские автомобилисты, которым, по образному выражению К. Маркса, "ничто человеческое не чуждо".

А пока мер действующего законодательства недостаточно для того, чтобы остановить автомобилистов от нарушений и предотвращения гибели

людей: состояние алкогольного опьянения должно стать условием, отягчающим уголовную и административную ответственность водителей. В настоящее время такого отягчающего обстоятельства в ст. 63 УК РФ нет - там список исчерпывающий [5,].

Существующие санкции, такие как лишение прав и лишение свободы, ситуацию на дорогах не улучшают. Весомым сдвигом в данной ситуации послужит введение серьезного материального штрафа в виде конфискации транспортного средства. Согласно п.1 ч.1 ст. 104.1 конфискации подлежат орудия, оборудования или иные средства совершения преступления, принадлежащих обвиняемому в собственность государства. В силу п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, автомобиль, принадлежащий обвиняемому, может быть изъят как орудие преступления. Также, согласно ч.1 ст.243 ГК РФ в случаях, предусмотренных законом, имущество, может быть безвозмездно изъято у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (конфискация). Согласно этому, может быть конфисковано, в том числе и автотранспортное средство, в результате использования которого был причинен тяжкий вред здоровью и жизни потерпевших.

Чаще всего правила ст.1079 применяются, когда вред причинен при использовании транспортных средств. Судебная практика относит к ним автомобили, мотоциклы, мопеды, электровозы, тепловозы, троллейбусы, трамваи и т.п. Транспортное средство отнесено ст.1079 ГК РФ к источнику повышенной опасности. Управление данным средством, относящимся к источнику повышенной опасности, в состоянии опьянения является грубым и опасным нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании (на праве аренды, по

доверенности на право управления транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности и т.п.). Конфискация должна быть направлена и на возмещение ущерба (имущественного вреда), причиненного потерпевшему, и на возмещение ему физического и морального вреда, ответственность за причиненный источником повышенной опасности, наступает независимо от вины.

Моральный вред в соответствии со [ст.151 ГК РФ](#) состоит в нравственных и физических страданиях, которые испытывает пострадавший. Это - физическая боль, страх за свое здоровье, тревога и неуверенность в завтрашнем дне, какие-либо неудобства, возникшие в связи с потерей здоровья (например, тяжкие мысли о том, что человек стал обузой для близких, и вместо помощи он вынужден отвлекать на себя их время и денежные средства), возможный отказ от намеченного значимого и планируемого события, невозможность привычного общения. Сюда же можно отнести и большое число рентгеновских снимков, сделанных в связи с исследованиями полученных повреждений. Размер возмещения морального вреда в настоящее время определяется только в денежной форме и не может быть поставлен в зависимость от размера удовлетворенного иска о возмещении материального вреда, убытков и других материальных требований.

В настоящее время в российском законодательстве не существует отдельной нормы, определяющей возмещение вреда, причиненного в результате ДТП. Ст.1079 ГК не достаточна для правоприменения. Судебная практика показала, что суды неурегулированную законом проблему стоимости жизни игнорируют. Хотя Закон предоставляет суду значительные возможности усмотрения в решении этого вопроса, устанавливая лишь общие критерии определения размера компенсации. Согласно п.2 ст.1101 ГК РФ размер компенсации данного вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных

страданий, учитывая при определении размера компенсации вреда требования разумности и справедливости.

Необходимо создать законодательно закрепленные схемы компенсации и возмещения материального, физического и морального вреда, подробно описав условия. Методика оценки причиненного вреда влияет на безопасность окружающей нас жизни, защиту прав потребителя и т.д. Чем меньше компенсационные выплаты, тем больше вероятности очередных трагедий. Пока же граждане, пострадавшие в ДТП, имеют смутное представление о своих правах и о возможности их судебной защиты [4].

Отметим, что на основании [ст.1079 ГК РФ](#) юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (среди них использование транспортных средств), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Таким образом, гражданин, пострадавший в ДТП, независимо от своей вины (разумеется, если он только не умышленно кинулся под машину) имеет право на возмещение этого вреда. То есть, если в ДТП нет вины потерпевшего, причиненный ему вред подлежит возмещению в полном объеме без каких-либо ограничений виновным лицом.

Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ №6/8 предлагает судам требовать подтверждения необходимости будущих расходов, их предполагаемого размера обоснованным расчетом и доказательствами, в качестве которых могут быть представлены сметы, калькуляции затрат, счета и т.п. Таким образом, размер реального ущерба определяется с учетом рыночных цен, с применением в случае необходимости индекса инфляции [6].

Если вред причинен третьему лицу в результате взаимодействия источников повышенной опасности, имеет место совместное причинение вреда, под которым понимаются действия двух или нескольких лиц, находящиеся в причинной связи с наступившими вредными последствиями.

Такой вред возмещается владельцами источников повышенной опасности, которые в этом случае несут солидарную ответственность. При возложении такой ответственности учитывается грубая неосторожность самого потерпевшего, имущественное положение причинителя вреда - гражданина, если в его действиях не было умысла. В практике встречаются случаи, когда иск о возмещении вреда, причиненного при взаимодействии источников повышенной опасности, предъявляется лишь к одному из причинителей вреда и не предъявляется к другому солидарному должнику.

Для восполнения пробелов правового регулирования транспортных отношений необходимо, чтобы законодательство, относящееся к автомобильной сфере, предусматривало полный порядок применения административно-правовых, уголовно-правовых мер в отношении, как к собственникам автомобилей, так и к лицам, управлявшим ими и к лицам, обслуживающим автомобили. Таким образом, нормы законодательства, возлагающие обязанности на определенных законом лиц, являются необходимыми и обоснованными.

Такие изменения законодательства помогут хотя бы смягчить указанные выше негативные последствия безудержной автомобилизации российского населения.

Литература

1. «AUTO.RU — Автомобили в России» 10.10.12 г.
2. Газета «Newsland» Общественная идеология автомобилизации от 24.07.2010
3. Госавтоинспекция МВД России. Электронный ресурс <http://www.gibdd.ru>
4. Кузнецова Е.Статья «Об ужесточении ответственности за нарушении ПДД с 01.07.2012 г.». Компания «Референт» [электронный ресурс: <http://www.referent.ru>]

5. Материалы XI международной научно-практической конференции «**Организация городского движения в условиях высокой автомобилизации как комплексная проблема**» октябрь 2014г.

6. Электронный ресурс <http://news.mail.ru/politics>

**РЕКЛАМА ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ В СМИ -
СПОСОБ
БЕЗНРАВСТВЕННОЙ КОММЕРЦИИ НА ЗДОРОВЬЕ ЛЮДЕЙ**

Ключевые слова. Реклама лекарственных средств и препаратов в российских СМИ, негативные последствия для здоровья населения рекламируемых лекарственных средств.

Аннотация. Анализируется воздействие агрессивной рекламы лекарственных средств на радио и телевидении на состояние здоровья населения. Дается негативная оценка нормативно-правовой базы, благодаря чему такая реклама создаёт ненаказуемые условия формирования высокой прибыли СМИ и бизнес-структур, реализующих лекарственные средства и БАДы, за счёт ухудшения здоровья их приобретателей.

Morozova T.R.

ADVERTISING OF MEDICINES IN MASS MEDIA - THE WAY
IMMORAL COMMERCE ON HUMAN HEALTH

Keywords. Advertizing of medicines and preparations in the Russian mass media, negative consequences for health of the population of the advertized medicines.

Summary. Impact of aggressive advertizing of medicines on radio and television on a state of health of the population is analyzed. The negative assessment of standard and legal base thanks to what such advertizing creates nonpunishable conditions of formation of high profit of the mass media and business structures realizing medicines and dietary supplements due to deterioration of health of their purchasers is given.

В течение многих лет по телевидению и радио можно услышать рекламные предложения, агрессивно убеждающие слушателей о преимуществах медицинских средств - от лечения насморка, заканчивая кардиологическими и онкологическими лекарствами и медицинскими приборами. Можно ли доверять такой рекламе и приобретать средства самостоятельно, не обращаясь к врачу?

К сожалению, люди без «самолечения» не обходятся. Ряд граждан, опираясь на советы знакомых, поиски страниц в Интернет, спрашивая в аптеках о том, «что помогает от головы или живота», приобретают лекарства, используя информацию в электронных и печатных СМИ. По данным токсикологов, более 60 тыс. россиян ежегодно умирают от самолечения фармацевтическими препаратами, рекламу которых навязывают потребителю печатные и телевизионные СМИ [1]. Около четверти россиян считают, что рекламу лекарственных средств запрещать нельзя: она помогает ориентироваться в медицинских вопросах [2].

Так как спрос на данные услуги растет, бизнесмены от медицины (часто сами от нее далекие) заполняют эту маркетинговую нишу. Их помощниками становятся электронные и печатные СМИ, готовые на продвижении предложений рекламодателей получить свою долю доходов от граждан, желающих лечиться самостоятельно. Производители лекарств и БАДов занимают в России четвертое место по объему рекламы. По данным ФАС РФ, реклама биодобавок, медицинских услуг и лекарств в последние годы занимает второе место после рекламы финансовых услуг по числу нарушений законодательства о рекламе [3].

Доверяясь информации СМИ о высоких лечебных свойствах рекламируемых препаратов, люди, преимущественно пожилые, привыкшие верить газетам, радио и телевидению, занимаются самолечением без учета реальных диагнозов здоровья и противопоказаний их применения. На этом торговые компании и рекламные СМИ, пользуясь медицинской неграмотностью граждан, создали в стране "теневую медицину", игнорируя

медицинский принцип Гиппократата "Не навреди!". Государство же "закрыло глаза" на вредную деятельность продавцов и распространителей рекламы таких товаров.

Из-за возможности получения от рекламодателей за рекламируемые препараты больших доходов, СМИ принимают к рекламированию товары, медицинские свойства которых не подтверждены нужными сертификатами и лицензиями. Возник поток лживой и медицински безграмотной рекламы, несущей прямую угрозу здоровью миллионов граждан, взамен традиционного лечения.

В 2003г. Минздрав России выступил за полный запрет рекламы фармацевтических препаратов на радио и телевидении. Причина - проведенное исследование, согласно которому около 1/3 россиян выбирали лекарство не по назначению врача, а после просмотра рекламы, покупая не всегда эффективные медикаменты [4]. Многих покупателей вводит в заблуждение реклама "чудодейственных средств", способных мгновенно снять боль или сбить высокую температуру. Однако такое самолечение еще больше усугубляет болезни граждан.

Была еще попытка запретить рекламу медикаментов в 2005г. Но и на этот раз убрать рекламу с радио и ТВ не удалось. Единственное, законодатели заставили в каждом ролике проговаривать фразу: "Перед употреблением лекарственного средства посоветуйтесь с лечащим врачом". В мае 2013г. поступило предложение о внесении поправки о запрете рекламы безрецептурных средств, куда входят наиболее популярные у населения препараты, и биологически активных добавок (БАД) в ст.24 федерального закона "О рекламе" [4]. Поправки утверждены рабочей группой Госдумы, дата слушаний уже почти 3 года по ним не определена.

По объемам затрат на рекламу фармацевтические средства находятся *на втором месте*, уступая товарам для красоты и здоровья, превышая затраты на рекламу продуктов питания. По данным за 2013г., вложения в рекламу лекарственных препаратов превысили 1млрд. долл., тогда как в

2010г. они составили более 500 млн. долл. [5]. По ряду оценок, около 17% рекламного бюджета радиостанций приходится на категорию фармацевтических препаратов, на телевидении и в прессе - более 10% каждый. При этом игроки фармацевтического рынка готовы довести рекламный бюджет телевидения до 60-70% [5].

Сегодня при регулярном просмотре ТВ и слушании радио человек приобретает четкое представление о том, что ему следует делать в случае того или иного заболевания: рекламируются лекарства, излечивающие от «всех болезней» легко, быстро и дешево. Абсолютно игнорируется степень и сложность патологий, методы лечения которых может назначить только врач-специалист индивидуально каждому пациенту. И, как утверждают специалисты, эти рекламные ролики больше служат продвижению на рынке лекарственных средств, не обладающих нужной эффективностью, но на рекламу которых затрачено много денежных средств. Потому некоторые дорогие препараты могут быть менее эффективными, чем более дешевые и не рекламируемые их аналоги.

Между тем, из 27 стран ЕС реклама лекарств полностью запрещена в Германии, Дании, Швейцарии и Бельгии. В свое время такая же ситуация была и за рубежом. Для ее разрешения в Евросоюзе и США были приняты меры по ужесточению рекламного законодательства лекарственных препаратов. Во всех странах ЕС запрещена какая-либо реклама безрецептурных лекарственных препаратов. В Канаде ввели запрет рекламы лекарственных препаратов по ТВ и радио. Параллельно действует жесточайшая система сертификации, так ЕС ведет собственный реестр лекарственных средств и проводит отдельные клинические испытания. Помимо этого в странах ЕС действует множество единых строжайших требований к реализации и форме выпуска лекарственных средств.

Эти страны осознают вред для будущего такой формы применения лекарств. По данным Всемирной организации здравоохранения, смертность от лекарств занимает пятое место, уступая травмам, заболеваниям системы

кровообращения, онкологическим и пульмонологическим болезням. По данным специалистов Американской медицинской ассоциации (JAMA), реакции на прописываемые и продаваемые без рецепта лекарства ежегодно убивают больше людей, чем противозаконно продаваемые лекарства вместе взятые [6].

В России еще в 2006г. введен ряд ограничений на рекламу лекарственных средств, отпускаемых по рецепту врача. Но результативность этих ограничений и невозможность их продуктивного использования на фоне излишне либеральной системы контроля выпуска и реализации фармакологической продукции так и осталась практически незаметной. Опасность стремительного роста рынка безрецептурных лекарств заключается в том, что по данным опросов фонда "Качество жизни", до 70% россиян предпочитают самолечение посещению врача. Причем при выборе лекарства для самолечения они ориентируются в основном на рекламу и советы родственников и друзей. Сейчас показатель смертности трудоспособных россиян в 4,5 раза превышает европейский [6].

На фоне роста смертности трудоспособного населения резко снизилась обращаемость за медицинской помощью, особенно в случаях, связанных с утратой трудоспособности. Часто в условиях преобладания частной формы собственности предприятий работники из-за боязни потерять работу реже обращаются за медицинской помощью, занимаясь самолечением. Введение платных услуг в здравоохранении также ведет к снижению обращаемости в лечебно-профилактические учреждения и стремлению вылечиться самому, купив нужные лекарства. Сегодня 3–5% больных, поступающих в стационары, являются жертвами побочного действия лекарств, принимаемых бесконтрольно. От этого умирает больных в 10 раз больше, чем от ошибок хирургов [4].

Как уже отмечалось, по данным токсикологов, более 60тыс. россиян ежегодно умирают от самолечения фармацевтическими препаратами, рекламу которых навязывают СМИ. Врачи уверены - чем чаще

лекарственные препараты мелькают в рекламных роликах, тем больше побочных эффектов, обострений хронических заболеваний и аллергий им приходится лечить. Кстати, в России побочные эффекты фармацевтических средств не отслеживаются, так как такие данные собирать сложно. Но токсикологи предполагают, что как минимум 10-15% смертей были вызваны неправильным приемом лекарств и побочными действиями от них [4].

Отметим актуальную информацию. 30.11.2013г. в «Областной газете» опубликован материал [7] о том, что в 2012г. в Свердловской области сомнительными пилюлями (46% от числа отравлений) отравилось вдвое больше людей, чем от приема алкоголя. Из этих людей 25% злоупотребили таблетками в поисках наркотического кайфа, остальные – от самолечения. Врачи в шоке от слов больных, пришедших на прием: «Я тут рекламу прочитала (услышала)...». Или: «А девочки из Интернета делают вот так!».

Наглядный пример. До 2013г. «Радио России-Радио Урала» в Свердловской области в удобное для всех граждан время с 7 до 8 утра, когда они собираются на работу, а дети в школу, информировало слушателей о новостях в стране, области, давало прогноз погоды на день, актуальные интервью со специалистами. После 01.01.2013г. картина изменилась. По окончании российских новостей до 7.30 идет незначимая информация «Радио России». А в 7.31 и до 7.58 (прайм-тайм) идет реклама медицинских приборов МАВИТ, СВЕТОМАГ и других. И так - в течение 27 минут. Аналогичная реклама в течение 18 мин. звучит после выпуска новостей с 9.08 до 9.22. Вопрос: почему государственное радио проявляет интерес к рекламе этих приборов? Ответ на поверхности: очень дорогое рекламное время на «Радио России» продавцы рекламируемых лекарственных препаратов, БАДов и медицинских приборов используют интенсивно. Вероятно, их громадные затраты на рекламу окупаются в выгодной степени за счет продаж рекламируемых товаров по всей стране. Кстати, такая реклама постоянно мелькает на уважаемым многими слушателями "Радио "

Комсомольская правда". Как отмечал в своё время К.Маркс, "ничто человеческое нам не чуждо"!!! !.

Вопрос: а куда смотрят врачи? Почему их голос не слышен, когда видно, что здоровью населения в России причиняется вред? Если оценивать деятельность медицинских работников по вопросам применения населением в целях самолечения лекарственных препаратов и медицинских приборов на основании не медицинских заключений, а только использованием рекламной информации, то это мнение в абсолютном большинстве крайне отрицательное.

Приведем мнения врачей из источника [7].

Р.Раднаев, председатель Общества защиты прав потребителей Свердловской области: *«Если запретить рекламировать лекарства и БАДы, от этого будет только польза, так как реклама лекарственных препаратов вводит потребителей в заблуждение».*

Ф.Галимзянов, д.м.н., профессор, заведующий отделением гнойной хирургии ОКБ № 1: *«Реклама отрицательно влияет на зрительскую аудиторию. Человек начинает принимать препарат, что может завуалировать картину заболевания. На практике не единичны случаи, когда такая картина после приема пациентом ряда препаратов, скрывала истинное состояние здоровья человека, например онкологию. В лечении драгоценное время было упущено».*

Р.Арутюнян, член коллегии адвокатов Свердловской области: *«По первому образованию я медик, поэтому в лекарствах могу разобраться самостоятельно. Но когда приходишь в аптеку, на уровне подсознания выбираешь между препаратами одинакового спектра средство, о котором слышал по радио и телевидению. Считаю, что тем, кто не имеет медицинского образования, лучше не лениться и идти к доктору».*

Для большей верности этих мнений автор провела в 2024г. опрос родителей учащихся МОАУ СОШ N10 Екатеринбурга – специалистов-медиков. В опросе приняло участие 12 врачей разных категорий и

специализаций. 100% опрошенных заявили о категорическом несогласии с телевизионной и радио рекламной формами продажи лекарственных препаратов населению. Только врач и только после выявления у каждого индивидуально пациента точного диагноза заболевания, может выписать ему нужные препараты и указать методы их применения при его лечении.

На вопрос об эффективности использования медицинских приборов и препаратов, общий ответ можно представить так: «Ни о какой эффективности речь идти не может, так как никакой прибор и никакое лекарство не излечивают ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ! Цена и качество, как правило, не совпадают: часто дешевые отечественные препараты оказывают такое же воздействие на результат лечения, как и их дорогие зарубежные аналоги. Большинство рекламируемых препаратов – БАДы, а приборы – физиотерапевтические аппараты и, следовательно, не способны значительно повлиять на лечение заболевания».

На вопрос об основных потребителях препаратов общий ответ такой: «Большинство пациентов – пожилые люди с хроническими заболеваниями, и они верят рекламируемым методам лечения. Агрессивная реклама направлена на них. Часть пациентов может поверить рекламе, но если есть настоящий врач, которому доверяют, такая реклама станет бесполезной».

На вопрос о том, что нужно сделать государству для решения проблемы, ответы разные: от ужесточения юридической, особенно уголовной ответственности участников рекламы лекарственных препаратов до реального применения действующих юридических санкций. Вот некоторые ответы:

- запретить любую рекламу предметов медицинского назначения;
- ввести уголовную ответственность за указанную рекламу;
- реклама должна знакомить с появлением новых препаратов на рынке, но назначать их должен только врач;
- наказание за такое нарушение уже есть – недобросовестная реклама.

Таким образом, абсолютное большинство членов медицинского сообщества к рекламе лекарственных препаратов и медицинских приборов на радио и ТВ относятся крайне отрицательно. Тогда другой вопрос, почему эта реклама, несмотря на всякого рода ограничения, продолжает занимать высокое место среди рекламируемых продуктов. Специалисты в области правового регулирования рекламных отношений констатируют, что отдельные моменты деятельности рекламных компаний можно квалифицировать по следующим статьям:

- статья 235, часть 1 УК РФ «Незаконное занятие частной медицинской практикой лицом, не имеющим лицензии на избранный вид деятельности». Дело в том, что распространители препаратов и медицинских приборов, как правило, не имеют лицензий на ведение медицинской деятельности;

- статья 159, часть 4 УК РФ «Мошенничество - хищение чужого имущества или его приобретение путем обмана или злоупотреблением доверия». Практически все рекламодатели при обращении к ним потребителей лекарств вводят в заблуждение доверчивых людей, предлагая им дорого то, что стоит реально дешевле, и то, что может человеку навредить его здоровью, так как о свойствах рекламируемых товаров умышленно дается недостоверная информация.

Однако при определении юридической ответственности за нарушения законодательства о рекламе при распространении медицинской рекламы законодатель признал эти нарушения малозначительными. При рассмотрении дел о нарушении законодательства о рекламе в части рекламы медицинских средств суды исходят из того, что такие нарушения не несут существенную угрозу жизни и здоровью населения. В связи с этим они часто отказывают в признании нарушений рекламного законодательства при названной рекламе.

Литература

1. <http://nspzdorovje.ucoz.ru/publ/1-1-0-55>
2. Почти половина россиян одобряет запрет на рекламу лекарств в СМИ. – <http://www.superjob.ru/research/articles/111195>

3. http://www.vedomosti.ru/companies/news/12446221/ministr_zdravoohraneniya_predlagaet_zapretit_reklamu
4. <http://www.vechnayamolodost.ru/>
5. <http://www.top.rbc.ru/economics/23.08.2012/665964/>
6. http://www.abelyakov.ru/info/pojasnitel_naja_zapiska_10.htm
7. Т.Ковалева. «Сомнительными пилюлями люди травятся чаще, чем алкоголем». – «Областная газета», суббота 30 ноября 2013г.

Феномен возрастной дискриминации на Рынке труда России

Nikitina E.

The phenomenon of age discrimination in the labour market of Russia

Автор раскрывает феномен возрастной дискриминации на рынке труда России. Приводит исследования российских социологов касаясь данной темы, рассматривает различные подходы и мнения ученых к проблеме, приводит результаты, отражающие дискриминационную ситуацию в стране.

The author reveals the phenomenon of age discrimination in the labour market of Russia. Results of the research of Russian sociologists with regards to this topic, considering various approaches and opinions of scientists to the problem, the results reflecting the discriminatory situation in the country.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ДИСКРИМИНАЦИЯ, ВОЗРАСТНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ, ЭЙДЖИЗМ, ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ, РЫНОК ТРУДА.

KEY WORDS: DISCRIMINATION, AGE DISCRIMINATION, AGEISM, EMPLOYMENT, THE LABOUR MARKET.

По мнению российских социологов, сфера трудовых отношений в России остается одним из фокусов не правового пространства. Большинство россиян, считающих, что их права нарушены, связывают это в первую очередь с характером трудовых отношений. Сложившиеся практики, очевидно, грубо противоречат основным международным и российским документам, посвященным сфере трудовых отношений. [5]

Российское трудовое законодательство содержит ряд норм, запрещающих дискриминацию при приеме на работу в зависимости от пола, расы, национальности, языка, социального происхождения, места жительства и других обстоятельств, не связанных с компетенциями работника.

Понятия «эйджизм» (в социальных отношениях) и возрастную дискриминацию (в отношении занятости) используют как взаимозаменяемые. На практике, конечно, эйджизм и возрастная дискриминация могут быть

тесно переплетены: например, негативные предрассудки работодателя (вытекающие, например, из страха собственного старения и дряхлости) могут глубоко повлиять на их кадровую политику по отношению к своим старшим сотрудникам.[1]

По данным исследования Федеральной службы занятости населения Москвы следует, что 56 % респондентов сталкивались при приеме на работу с проявлениями возрастной дискриминации.[5]

Е. Герасимова исследует феномен безработицы с учетом таких аспектов как дискриминация при найме, дискриминация на рабочем месте, несправедливые увольнения и пр. Автор указывает на возрастную дискриминацию в трудовых отношениях на различных этапах: возрастной показатель в вакансиях, дискриминация по возрасту на рабочем месте...

Саратовский социолог Т.В. Смирнова исследовала ситуацию на рынке труда для пожилых людей на 19 предприятиях города. Основные результаты исследования: на подавляющем числе предприятий региона имеются практики дискриминации по отношению к работникам пенсионного и предпенсионного возраста; до 70 % исследованных предприятий практикуют вытеснение пожилых сотрудников; наибольшая доля пенсионеров выявлена на предприятиях с тяжелым физическим трудом и низкой заработной платой.[9]

Большинство работников склонно подозревать руководство предприятий и компаний в так называемом эйджизме, дискриминации по возрастному признаку. В этом убеждены 53% людей старше 45 и 40% младше 24 лет. Эксперты считают, что всему виной наш менталитет: на Западе любой намек на дискриминацию подрывает репутацию фирмы. Работодатели и кредиторы же утверждают, что так они страхуют себя от рисков. Но особенность нашего национального эйджизма еще и в том, что его проявления практически невозможно оспорить.[7]

По результатам исследования 2013 года фонда общественного мнения, касаемо возрастной дискриминации на рынке труда России имеются следующие данные.

Более 30 % респондентов слышали о случаях возрастных ограничений при устройстве на работу по причине молодого возраста, логично, что чаще всего о таких случаях слышали люди в возрасте от 18 до 30 лет. О случаях возрастных ограничений кандидатов, которые были стары, слышали более 50% опрошенных, по большинству в возрастной категории 46 – 60 лет. Сами же люди, в основном, не сталкивались с подобными проблемами (77% на это указали), из тех кто сталкивался всего 14 % в возрастной группе 18 – 30, люди предпенсионного возраста в большем проценте сталкивались с этой проблемой (более 30%).

Мнения по поводу эффективности запрета в объявлениях о вакансиях возрастных ограничений разделились, но большинство считает, что данные меры не помогут избежать несправедливости при устройстве на работу (43% против 34).

По поводу профессиональных сфер, мнения респондентов полярны, считают, что в одних сферах профессиональной деятельности возрастные ограничения допустимы, в других – нет 39 % респондентов, а то, что ни в каких сферах профессиональной деятельности нельзя устанавливать возрастные ограничения 38%.

По результатам данных ФОМ мы можем сделать следующие выводы. Более трети россиян слышали о случаях, когда кого-то не взяли на работу, потому что он был слишком молод, и более чем половине известны случаи, когда то же самое произошло по причине превышения требуемого возрастного порога. Согласно опросу, 20% сами подвергались дискриминации по возрасту при устройстве на работу, чаще других сообщают об этом 46–60-летние. Тем не менее 39% россиян считают, что в некоторых сферах возрастные ограничения допустимы, например, когда работа связана с высоким риском.[3]

Исследователи считают, что существуют две важные особенности возрастной дискриминации. Во-первых, возрастная классификация, согласно которой работник относится к той или иной группе, не является постоянной. Работник, прогрессируя по своему жизненному циклу, перемещается из одной возрастной группы в другую. Таким образом, возрастной классификации характерны постоянные изменения, в то время как другие системы классификации, традиционно используемые в обществе, такие как пола и расы, остаются неизменными. Во-вторых, любой из участников рынка труда (как работники, так и работодатели) рано или поздно достигает определенного возраста, исключений в этом нет. Даже в случае, когда индивид умирает в раннем возрасте, вероятность подвергнуться дискриминации по возрасту велика.[4]

Статусно-ролевая позиция в социуме у пожилых значительно изменяется в связи с трансформацией их отношений в обществе. Ряд отечественных исследователей, таких как И.Г. Беленькая, М.В. Вдовина, Р.С. Яцемирская и другие, сходятся во мнении, что после достижения возраста выхода на пенсию статус пожилых «постепенно, но неуклонно снижается»[2]. Происходит процесс своеобразного отстранения пожилого человека от круга семейного общения, в связи с тем, что младшие члены семьи не имеют достаточно времени для общения со своими старшими родственниками. Начинается процесс сокращения социальных связей, сопряженный с высоким уровнем смертности лиц пожилого возраста и с ухудшающимся состоянием здоровья, мешающим свободе передвижения. При этом пожилые люди активизируются в сфере общественной и хозяйственно-бытовой деятельности. А.А. Амвросов, В.Х. Беленький, И.К. Морозов, В.С. Семенов, В.Д. Шапиро считают общественную деятельность прямым проявлением социальной активности пожилого населения и определяют ее как «добровольное, безвозмездное занятие, осуществляемое по поручению государственных и общественных организаций»[10]. По их мнению, предоставляя возможность пожилым людям участвовать в

общественнополитической деятельности, общество выполняет долг перед старшим поколением, с одной стороны, а с другой - помогает пожилым поддерживать высокий жизненный тонус и сохранять чувство социальной полноценности.

«С точки зрения социально-психологической характеристики, первичным мотивом поведения в возрастной группе пожилых является ориентация на свою новую позицию в сложившейся социальной ситуации и выбор новых социальных ролей. Таким образом, в представленной возрастной группе проявляется групповое сознание, главной задачей которого будет определение новой социальной ситуации»[6].

Специфика ценностных ориентаций личности обуславливается теми социально-историческими условиями, в которых эта личность находится. В своих исследованиях Е.В. Силивоник отмечает, что поиск новых жизненных ориентиров - важная задача для пожилых людей. Направленность на поиск смысла жизни выступает как шанс обеспечить себе нормальное, достойное существование в старости[8].

«Пожилые - это особая социальная группа экономически активного населения в возрасте от 55 до 72 лет, объединенная временем, групповым сознанием и ценностными ориентациями»[6].

Возрастная дискриминация имеет место на российском рынке труда. Пожилые, как социальная группа, находятся в наибольшем риске быть подверженными дискриминации. Последние исследования показывают, что около трети россиян сталкивались с проблемой эйджизма. Эффективность мер, предлагаемых государством по борьбе с дискриминацией, стоит под вопросом, хотя часть населения считает, что в некоторых сферах деятельности ограничения по возрасту оправданы.

Список литературы:

1. Macnicol J. Age Discrimination. An Historical and Contemporary Analysis. // Cambridge university press. NewYork. 2005. P. 287.

2. Вдовина М.В. Регулирование межпоколенческого конфликта в российской семье. М. - 2009. - С. 19.
3. Возрастные ограничения при приеме на работу. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10868> (дата обращения 20.05.2015)
4. Завгородный И.А. Дискриминация на рынке труда современной России. Автореф. Дис. К.соц.н. URL: <http://cheloveknauka.com/sotsialnaya-diskriminatsiya-na-rynke-truda-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения 13.05.2015)
5. Карюхин. Э. К проблеме возрастной трудовой дискриминации. // Интернет-журнал «Третий возраст». URL: http://www.3vozrast.ru/article/pravo/vashe_pravo/1463/ (дата обращения 15.05.2015)
6. Кувшинова. О.А. Проблемы социального конструкта пожилого возраста. // Философия. Социология. Политология. - 2012. - №1.
7. Поздняев М., Важдаева Н., Семенова А. Россияне все чаще сталкиваются с дискриминацией по возрасту// Новые Известия – 2007. – №78. С. 34.
8. Силивоник Е.В. Ценностно-смысловые ориентиры пожилых людей. - URL: <http://deviatio2010.vlsu.ru/index.php?id=221> (дата обращения: 09.06.2015)
9. Смирнова В. Возрастная дискриминация лиц зрелого возраста - бич современных трудовых отношений. // Самиздат. - 2010. С. 45.
10. Шапиро В.Д. Социальная активность пожилых людей в СССР. М. - 1983. - С. 70.

УДК 658.1 + 336.914

ББК У9(2)

Одяков, С.В.

К вопросу о регулировании социально-трудовых отношений на
промышленных предприятиях Южного Урала

To the question of regulation of social and labour relations at the industrial
enterprises of the Chelyabinsk region

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты эмпирического исследования, проведенного автором в 2008-2009 гг. на промышленных предприятиях Челябинской области. В центре внимания статьи два основных вопроса регулирования социально-трудовых отношений. Во-первых, способствовало ли введение практики колдоговорного регулирования на предприятиях повышению социальной защищенности работников, и, во-вторых, в какой степени работники ощущают свою причастность делам предприятия. В результате проведенного исследования автор делает вывод, что работодатели могут оптимизировать социально-трудовые отношения, если будут создавать лучшие условия для реализации ресурсного потенциала наемных работников.

Abstract. The article presents some results of empirical research conducted by the author in 2008-2009 at the industrial enterprises of the Chelyabinsk region. The author focuses on two main issues of regulation of social and labour relations. First, has the introduction of regulation of bargaining in enterprises to improve social protection of employees and, secondly, the extent to which employees feel their involvement in the Affairs of the enterprise. As a result of the conducted research the author concludes that employers can optimize employment and social benefits, if they will create better conditions for the resource potential realization of employees.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС ИНДИВИДОВ, СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ, КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР,

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА РАБОТНИКА, ИДЕНТИФИКАЦИЯ С ПРЕДПРИЯТИЕМ, ОТНОШЕНИЕ К ПРЕДПРИЯТИЮ.

KEYWORDS. THE SOCIAL RESOURCES OF INDIVIDUALS, SOCIAL AND LABOUR RELATIONS, COLLECTIVE AGREEMENT, SOCIAL PROTECTION OF EMPLOYEES, IDENTIFICATION WITH THE ENTERPRISE, ATTITUDES TO THE ENTERPRISE.

Введение

В рамках ресурсного подхода, который В. А. Ядов считает наиболее адекватным для объяснения «посткоммунистических» трансформаций в России, социально-трудовая сфера предстает как социальное пространство взаимодействия акторов, обладающих различными статусами, ресурсами, степенью активности, ее направленности; главное внимание (исследователя) обращается именно на деятельность, взаимодействие акторов; трансформация предстает как результат такого взаимодействия, равнодействующая от сложения (борьбы) различных сил [4, с. 7, 64, 83].

Изучение ресурсного потенциала личности и социальной группы становится актуальным в научном мире и находится в центре внимания многих как отечественных, так и зарубежных ученых (П. Бурдьё, Г. Е. Зборовский, В. И. Ильин, Дж. Коулман, В. В. Радаев, Н. Е. Тихонова и др.). Ресурсный подход продуктивен прежде всего как парадигма анализа социально-трудовых отношений с позиций объема и структуры ресурсов акторов этих отношений. Дело в том, что при рассмотрении социальных отношений, в том числе и социально-трудовых, необходимо учитывать (не) равенство акторов с точки зрения их ресурсообеспеченности.

В современных условиях предприятие может рассматриваться как социальный ресурс работника, поскольку «существует институциональный уровень адаптации, и адаптационные способности работника во многом зависят от места его работы. При прочих равных условиях преуспевающее предприятие создает более благоприятные условия для адаптации

работника» [1, с. 7]. С другой стороны, рабочая сила (особенно квалифицированная ее часть) все больше становится дефицитным ресурсом. Поэтому современный работодатель понимает, что «преданность» работника организации во многом зависит от того, какие условия труда (зарплата, социальный пакет, возможности профессионального и карьерного роста, характер и содержание труда и т.п.) будут созданы на самом предприятии и насколько они будут способствовать реализации ресурсного потенциала работника. При этом следует отметить, что развитые социально-трудовые отношения еще не сформировались, а идет процесс их трансформации, что и послужило толчком к исследованию социально-трудовых отношений на промышленных предприятиях Южного Урала.

Описание объекта исследования

Для эмпирического изучения социально-трудовых отношений на промышленных предприятиях Южного Урала использовался анализ данных эмпирических исследований, проведенных автором в 2007–2009 гг. на предприятиях базовых отраслей промышленности Челябинской области. Автором было проведено анкетирование по месту работы респондентов – работников промышленных предприятий (всего около 40 крупных и средних организаций). При этом все предприятия были разделены в соответствии с их формой собственности на три группы: 1) государственные и муниципальные предприятия, 2) акционерные общества (приватизированные предприятия) и 3) общества с ограниченной ответственностью (новые частные предприятия).

Выборка квотная, многоступенчатая, репрезентативная по полу, возрасту, образованию, профессии работника. Общий объем выборки составил 1150 единиц наблюдения, из них 617 чел. рабочие (55 % от общего числа опрошенных), руководители разного уровня (высший менеджмент, начальники цехов, руководители отделов) – 136 чел. (12 %), 365 чел. – мастера, ИТР, технический персонал, специалисты-служащие (33 %).

Коллективный договор как основной правовой документ социальной защиты работника

Ощущение причастности к делам предприятия, на котором люди работают, зависит в том числе и от того, в какой степени работники могут рассчитывать на помощь «своего» предприятия, на то, что их интересы будут социально защищены. Естественно, что в условиях рыночных отношений содержание социальной защиты работников должно трансформироваться из политики прямых выплат и льгот в политику социального стимулирования, создания необходимых условий для самостоятельной реализации работниками своих основных потребностей, а также юридической защиты их социальных прав.

Данные проведенного исследования показывают, что отказ от прежних стандартов социальной политики не привел к возникновению новых. Об этом свидетельствует анализ ответов опрошенных на вопросы о знакомстве и действенности коллективного договора, а также об их оценке собственно социальной защищенности на предприятии, на котором они работают.

В условиях новой социальной дихотомии (работодатель, собственник – наемный работник, собственник рабочей силы) коллективный договор, в котором оговариваются условия социального контракта двух сторон, является по своей сути тем основным инструментом, в котором наряду с обязанностями каждой из сторон закрепляются их права, тем самым обеспечивая в том числе и социально-правовой и материальный статус работника, т.е. социально защищая его.

По данным нашего опроса, несмотря на то, что почти 80% опрошенных знакомы с коллективным договором (не знает о нем лишь каждый пятый), только 35,1% респондентов считают, что условия его соблюдаются полностью, тогда как около 60% говорят лишь о частичности его выполнения, а 5% считают, что его условия вообще не выполняются ($K=2,30$, что соответствует этому распределению ответов).

Если проследить связь между формой собственности предприятия и уровнем социальной защищенности работников, то на государственных предприятиях он оказался выше, чем в акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью (К=2,47 против 2,29 и 2,26 соответственно). Это различие можно объяснить тем, что слабая позиция профсоюзов, формальный характер коллективного договора на многих предприятиях зачастую ставят работников в бесправное положение по отношению к работодателю. Как следствие, происходит сокращение объема социальных гарантий, прежде всего доступа к качественному образованию и здравоохранению. Тем самым социальные услуги становятся доступными лишь ограниченному кругу людей, которые в состоянии платить за них полную стоимость.

Оценки социальной защищенности по социально-профессиональным группам отражают статусные позиции опрошенных. Вполне естественно, что руководители в большей мере знакомы с коллективным договором (97%) и более уверены, что его условия выполняются (К=2,40). Меньше всего знакомы с этим социальным договором рабочие (73,5%), они же меньше других групп работников считают, что условия его соблюдаются (К=2,18). Специалисты, наоборот, проявили меньшую по сравнению с руководителями компетентность в знании колдоговора (83,5% – ниже только у рабочих, и это при том, что в их число входят работники кадровых служб) и в то же время меру его выполнения оценили выше всех (К=2,44, что напрямую связано как раз с их профессиональной деятельностью) – табл. 1.

Таблица 1

Степень осведомленности респондентов о коллективном договоре и оценка его соблюдения по основным социальным параметрам анализа,

*% от числа опрошенных и коэффициент**

	Знакомство с коллективным договором, %	Мера соблюдения
--	--	-----------------

	знакомы	не знакомы	коллективно го договора (коэф.)
Группы предприятий по форме собственности			
Государственные и муниципальные предприятия	79,5	20,5	2,47
Акционерные общества	82,1	17,9	2,29
Общества с ограниченной ответственностью	72,3	27,7	2,26
Социально-профессиональные группы			
Руководители	97,0	3,0	2,40
Специалисты	83,5	16,5	2,44
Рабочие	73,5	26,5	2,18

* Минимальное значение коэффициента – 1, максимальное – 3.

Такая оценка одного из основных правовых документов, которым регулируются трудовые отношения на предприятии, вполне сопоставима и с характером ответов респондентов на прямой вопрос об уровне их социальной защищенности на предприятии, на котором они работают. Полностью социально защищенным чувствуют себя 26,2% респондентов, около 60% оценивают ее как частичную, а 12,5% опрошенных считают, что они вообще не защищены. Коэффициент социальной защищенности 2,14, т.е. чуть выше уровня частичной защищенности.

В большей мере ощущают свою социальную защищенность руководители (K=2,21), чуть меньше – специалисты (K=2,20). Ниже всех социальная защищенность у рабочих (K=2,09), что говорит о неравномерном

распределении социальных гарантий между основными группами работников.

Что касается вопроса о том, кто и насколько заинтересован в становлении эффективных правил трудовых отношений, профсоюзная организация должна бы числиться под первым номером в списке потенциальных агентов формирования трудовых отношений. Профсоюз остается единственной организационно дееспособной структурой, которая может вступать в переговорный процесс со стороны сотрудников. Однако его состояние на современном этапе оставляет желать лучшего. Как показывают конкретно-социологические исследования, сейчас очень трудно найти основу консолидации коллектива или, по крайней мере, какой-то его части. Длительный период «застоя» в промышленности привел к тому, что каждый был вынужден выживать сам по себе, иногда за счет своего коллеги. А состояние разобщенности не лучшее условие для развития общественной деятельности [2, с. 114–115].

Однако у работодателей тоже существуют барьеры в реализации их ресурсного потенциала, и создает их, как правило, государство и подведомственные структуры. Расцвет теневой экономики и рэкета, практика массового уклонения от налогов в 1990-е годы обусловили ориентацию не на консолидацию всех акторов социально-трудовых отношений для повышения эффективности работы предприятия, а на «выживание». Соответственно работник в такой системе отношений рассматривается не как равноправный участник, партнер, а как рабочая сила, которой всегда можно найти замену.

Поэтому, как указывает Ж. Т. Тощенко, «системы социального партнерства в цивилизованном виде в современной России пока не сложилось, хотя имеются попытки и некоторый положительный опыт, касающийся отдельных предприятий. Дело в том, что на реальную практику решения проблем труда влияет опыт советских предприятий, советского уклада жизни, когда социальная защищенность работающего человека, несмотря на многочисленные издержки, была важна. Патернализм, который

был присущ производству в Советском Союзе, продолжает по традиции, по инерции оказывать влияние на современное состояние трудовых отношений. А оно во многом противоречиво, контрастно и нередко конфликтно» [3, с. 269].

Отношение к предприятию и идентификация с ним как основа гармоничных социально-трудовых отношений

В нашем исследовании мнение работников об отношении к предприятию выяснялось с двух сторон: с одной – их восприятие предприятия на уровне социальной ценности, тогда как с другой – их оценка своей связи с тем конкретным предприятием, на котором они работают.

Согласно полученным данным, в идеальном восприятии, без привязки к конкретному предприятию, респонденты настроены весьма позитивно. Только 2,8% работников безразлично, на каком предприятии работать, тогда как почти все опрошенные (около 96%) проявляют положительное отношение. При этом 36,5% проявляют активно позитивный («нельзя работать на предприятии и быть равнодушным к его заботам и успехам»), а 60,7% – нейтрально позитивный («предпочитаю работать на предприятии, которое хорошо работает») настрой. Коэффициент идентификации с предприятием равен 2,34, что можно интерпретировать как в целом позитивное отношение (табл. 2).

Таблица 2

Отношение респондентов к предприятию как социальная ориентация (заинтересованность в успешности его работы) по основным социальным параметрам анализа, % от числа опрошенных и коэффициент*

Социально-	Типы отношения
------------	----------------

профессиональные группы	активно позитивное	нейтрально позитивное	безразличное	коэффициент идентификации
Группы предприятий по форме собственности				
Государственные и муниципальные предприятия	32,4	63,5	4,1	2,28
Акционерные общества	36,1	61,0	2,9	2,33
Общества с ограниченной ответственностью	38,5	59,7	1,7	2,37
Социально-профессиональные группы				
Руководители	45,1	54,1	0,8	2,44
Специалисты	43,2	54,6	2,2	2,41
Рабочие	29,5	66,8	3,6	2,26

*Минимальное значение коэффициента – 1, максимальное – 3.

Наиболее позитивно настроены руководители ($K=2,44$) и специалисты ($K=2,41$), наименее – рабочие ($K=2,26$). Среди рабочих и наиболее значителен (относительно) и процент безразличных (3,6%). Что касается распределения по формам собственности, то в обществах с ограниченной ответственностью преобладает более позитивное отношение к предприятию, чем в акционерных обществах или государственных и муниципальных предприятиях ($K=2,37$ против 2,33 и 2,28 соответственно).

Таким образом, с одной стороны, на новых частных предприятиях среди руководителей господствует установка: «Если работник не справляется со своей работой, он должен быть уволен». Такие жесткие требования, судя по всему, и обеспечивают более высокое отношение к труду

работающих в частном секторе экономики, а, следовательно, и большую заинтересованность (прежде всего, материальную) в работе на данном предприятии. С другой стороны, на государственных и муниципальных предприятиях руководители кадрами не очень дорожат, поскольку считают, что им всегда можно найти замену. Кроме того, государственные и муниципальные учреждения не могут удержать работника высокой зарплатой, поэтому и отношение к предприятию снижается.

Даже если судить по достаточно низкому проценту безразличных в своем отношении к предприятию (см. табл. 2), работников современного промышленного предприятия отличает весьма высокая ориентированность на положительную связь с предприятием как социальная ценность. Конфликт может возникнуть лишь тогда, когда эти ценности как социальные ожидания оказываются в той или иной степени не реализованы. И такой конфликт прослеживается в материалах данного исследования.

Проявляется это в оценке работниками степени тесноты реальной связи с предприятием, на котором они работают (табл. 3). Только 37,4% опрошенных считают, что это связь такая («многое в жизни связано с этим предприятием и трудно представить, что можно было бы работать на другом»), тогда как 53,5% настроены безразлично («можно было бы работать на другом предприятии, не хуже и не лучше, чем здесь»), что свидетельствует о достаточно слабой связи с «родным» предприятием. Более того, 9% опрошенных вообще отрицают наличие такой связи («на другом предприятии было бы лучше»). Коэффициент тесноты связи равен 2,28, что соответствует степени связи чуть выше, чем слабая.

Таблица 3

Оценка респондентами тесноты связи с предприятием, на котором они работают, по основным социальным параметрам анализа, % от числа опрошенных по строке и коэффициент*

	Уровни тесноты связи
--	----------------------

	связь тесная, работа только на этом предприят ии	связь слабая, можно было бы работать и на другом предприят ии	связи нет, на другом предприят ии было бы лучше	ко эффици ент те сноты св язи
Группы предприятий по форме собственности				
Государственные и муниципальные предприятия	39,7	52,1	8,2	2, 32
Акционерные общества	37,7	53,5	8,8	2, 29
Общества с ограниченной ответственностью	36,5	53,0	10,4	2, 29
Социально-профессиональные группы				
Руководители	43,1	50,7	6,1	2, 37
Специалисты	38,1	53,1	8,8	2, 29
Рабочие	35,3	54,9	9,8	2, 26

*Минимальное значение коэффициента – 1, максимальное – 3.

Кроме того, на характер связи работника с предприятием влияет и форма собственности. Так, например, по результатам нашего исследования, на государственных и муниципальных предприятиях две пятых от всех опрошенных указали, что они могли бы работать только на этом

предприятия ($K=2,32$), в то время как в акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью так ответили 37,7% и 36,5% респондентов соответственно ($K=2,29$). Несмотря на то, что на государственных и муниципальных предприятиях уровень заработной платы ниже, работники, для которых важны в первую очередь характер и содержание труда, зачастую предпочитают оставаться там, хотя, учитывая их квалификацию и опыт, они могли бы перейти на новые частные или приватизированные предприятия, где выше оплата труда. Вероятно, такое поведение наемных работников объясняется тем, что в государственных и муниципальных предприятиях социальная защищенность выше, чем на частных. И такая установка продолжает сохранять свое влияние в новых условиях, что подтверждают многочисленные конкретно-социологические исследования.

По социально-профессиональным группам различия менее существенны: на тесную связь со «своим» предприятием указало 43,1% руководителей, 38,1% специалистов и несколько меньше – рабочих (35,3%). Кстати сказать, в среде рабочих почти 55% опрошенных ощущают свою связь с предприятием как слабую, а 10% вообще ее отрицают (см. табл. 3).

Таким образом, готовность работников активно участвовать в жизни «своих» предприятий, наталкиваясь на реальную ситуацию, перерастает в отчужденное отношение к своему месту работы, что вряд ли позволяет рассматривать его как социальный ресурс, т.е. как способ реализации своих социальных потребностей (в общении, привязанности, принадлежности к коллективу и т.п.).

Подводя итог, отметим, что недостаточно эффективно работает такой правовой документ, регулирующий трудовые отношения на предприятии, как коллективный договор, что усиливает зависимость рабочих от администрации и владельцев предприятия. Приведенные данные позволяют утверждать, что на обследованных предприятиях коллективные интересы наемных работников достаточно слабо представлены и не защищаются на должном уровне. Работники, во всяком случае значительная их часть, не

видят заинтересованности руководителей в сотрудничестве с ними, что может привести к усилению конфронтации.

Список литературы

1. Наемный труд на переломных этапах развития экономики/Под ред. Р. И. Цвылева. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 118 с.
2. Становление трудовых отношений в постсоветской России: социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии. – М.: Академический проект, 2004. – 317 с.
3. Тощенко Ж. Т. Социология труда. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 423 с.
4. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 138 с.

УДК 316.334.22

ББК 6/8.60,56

Павлос, А.

Формирование ценностей молодых работников в процессе адаптации
на предприятии

Pavlos, A.

The formation of values of young workers in the process of adapting the
enterprise

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования ценностей молодых работников в процессе адаптации на предприятии. Статья содержит результаты опроса 45 молодых работников Качканарского горно-обогатительного комбината по вопросам влияния спортивно-массовых мероприятий на процесс адаптации молодого работника и усвоение ценностей и норм предприятия.

Annotation. The article is devoted to the formation of values of young workers in the process of adaptation at the enterprise. The article contains the results of a survey of 45 young workers of Kachkanar mining and processing plant on the effects of sports events on the adaptation process of the young employee and the internalization of the values and norms of the enterprise.

.КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ПРЕДПРИЯТИЕ || МОЛОДОЙ РАБОТНИК || ЦЕННОСТИ || СОРЕВНОВАНИЕ || АДАПТАЦИЯ

KEYWORDS: ENTERPRISE || YOUNG WORKER || VALUE || COMPETITION || АДАПТАЦИЯ

Глубокие социально-экономические перемены, происходящие в стране повлекли за собой изменения в системе жизненных ценностей молодежи. От того, какие ценности преобладают у работающей молодежи зависит экономическая безопасность предприятий и, в конечном итоге, будущее нашей страны.

Молодежь - это стратегический резерв и социальный ресурс модернизационных процессов, От уровня инновационного потенциала

молодежи зависят цивилизационные перспективы российского общества. В научных публикациях и средствах массовой информации состояние молодежной среды оценивается в широком диапазоне, Модальность оценок полярна – от критических, осуждающих и негативных определений молодежи как «потерянного» поколения до восторженных и оптимистических суждений, идеализирующих молодое поколение. Мы согласны с учеными, считающими, что «для всех, кто работает с молодежью, очень важно иметь представления о том, что является ценным для молодежи, какими являются ее интересы, ожидания, предпочтения, ценности» [2, с. 65].

Ценность-это синоним равнодушия человека к тому или иному аспекту действительности. Ценности, в социально-психологическом плане отражают значимость, личностный смысл для человека феноменов окружающего мира, как удовлетворяющие или способные удовлетворить его потребности и интересы. Они выполняют функцию ориентиров его поведения. В социологии изучение ценностей связано с анализом ценностных ориентаций. Ценностные ориентации – это относительно устойчивое, избирательное отношение личности к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как цели и средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности человека.

Выбираемые и разделяемые молодежью ценности отражают специфику молодежи как социально - демографической группы. Степень сформированности и динамика ценностных ориентаций позволяют выявить уровень социализации молодежи. Соотношение в ценностном сознании молодежи традиционных и модернистских ценностей позволяет выявить инновационный, творческий потенциал молодежи.

Существует достаточно исследований системы жизненных ценностей молодежи, особенно студенчества, в то время как тема ценностных ориентаций работников промышленных предприятий слабо изучена. Проблема достаточно актуальна, и ряд предприятий и организаций, имеющих

социологические службы, уделяет значительное внимание этой тематике. Примером может быть Синарский трубный завод (г. Каменск –Уральский Свердловской области), где формирование молодежной политики начали с изучения системы жизненных ценностей различных категорий молодых работников: рабочих, служащих, специалистов и руководителей [4, с. 301-302]. Это оправдано, поскольку применительно к работникам в возрасте до 30 лет, вопросы формирования ценностей, в том числе при прохождении профессионального цикла, напрямую, на наш взгляд, взаимосвязаны с молодежной политикой, которая проводится на промышленном предприятии. Молодежная политика - система подходов, последовательных действий, направленных на поддержку работающей молодежи в профессиональном саморазвитии и решении социальных проблем [8, с. 377].

Цель молодежной политики на промышленных предприятиях - развитие личностного, профессионального и гражданского потенциала молодых работников, которые в будущем составят кадровую основу предприятия. Поскольку молодежная политика осуществляется в целях закрепления молодежи и обеспечения предприятия квалифицированными кадрами, совершенствования преемственности поколений и достижения производственных целей, то мы солидарны с учеными и практиками, считающими, что вопросы адаптации вновь принятых молодых работников достаточно актуальны, как актуальны и вопросы формирования ценностей самой молодежи [7, с.11].

Молодой человек в возрасте от 18 до 30 лет, работающий на промышленном предприятии, может находиться на разных этапах карьеры. В возрасте до 25 лет человек может сменить несколько различных работ в поисках вида деятельности, удовлетворяющего его потребности и отвечающие его возможностям. Если он сразу находит такой вид деятельности, начинается процесс самоутверждения его как личности. Далее наступает этап становления, который длится примерно от 25 до 30 лет. В этот период работник осваивает свою профессию, приобретает необходимые

навыки, формируется его квалификация, происходит самоутверждение и появляется потребность к установлению независимости. Это возможно при успешной социализации и адаптации в трудовом коллективе. При управлении персоналом организации важно учитывать, что процесс социализации непосредственно связан с трудовой адаптацией работника к социальной и производственно-технологической среде организации, вхождением его в ту или иную социальную группу, ролевую структуру коллектива организации. Речь идет о взаимном приспособлении рабочего и организации, которое основывается на постепенной вработываемости рабочего в новые профессиональные, психологические и организационно-экономические условия труда.

Можно выделить производственную и внепроизводственную адаптацию. К видам производственной адаптации относятся: 1) профессиональная; 2) психофизиологическая; 3) социально-психологическая; 4) организационно-административная; 5) экономическая; 6) санитарно-гигиеническая. Основным критерием успешности, оптимальности адаптации является не только усвоение молодыми людьми институциональных норм и традиций, но и то, насколько полно развивался и обогащался их творческий потенциал [1, с.92].

Исследования 2014 года на промышленных предприятиях показали следующие приоритетные направления молодежной политики на предприятиях Свердловской области: физкультурно-массовая, спортивная и оздоровительная деятельность; профессиональное развитие молодежи (в том числе проведение конкурсов профмастерства) и повышение квалификации; культурно-массовая и досуговая работа; адаптация вновь принятых работников [2, с. 343]. На наш взгляд, указанный ранжированный ряд приоритетных направлений работы с молодежью можно объяснить заинтересованностью руководства в формировании у молодежи тех ценностей, которые отвечают корпоративной культуре предприятий. Вопросы восприятия корпоративной культуры особенно актуальны в период

омоложения коллективом предприятий, решения проблемы поколений и реализации их кадровых политики. Программы адаптации вновь принятых работников нужны, на наш взгляд, не только для того, чтобы облегчить процесс адаптации молодежи, но и способствовать формированию ценностей и некоторых нравственных ориентиров молодых людей в соответствии с корпоративной культурой предприятия.

Корпоративная культура - это система материальных и духовных ценностей, присущих предприятию или организации, которая отражает ее индивидуальность и определяет ее восприятие самой себя, а также других субъектов деятельности в социально – материальной сфере. Ее ядром являются идеи, взгляды и основополагающие ценности, которые разделяются членами организации. На наш взгляд, диагностика и формирование корпоративной культуры, ее влияние на становление молодого работника достаточно актуальны и требуют отдельного рассмотрения. Здесь лишь необходимо отметить, что изучение особенностей организационной культуры должно включать в себя анализ отношения респондентов к изменениям в организационной культуре предприятия, социальные льготы молодых работников, представления респондентов об идеальной работе и степень соответствия предприятия этим представлениям [5, с.150].

Многие программы адаптации начинаются с профессионального отбора, который включает в себе не только изучение профессиональных и деловых качеств, но и ценностных ориентаций, и морально-нравственных качеств претендентов на работу на конкретном предприятии. Это понятно, поскольку система жизненных ценностей людей определяет и их склонность к соблюдению общепринятых моральных норм и правил. Полностью избавить предприятия от проблем с кражами или утечкой информации не могут даже самые современные системы охраны и защиты, потому что остается одно слабое место-персонал, особенно вновь принятые работники, которые не знакомы с правилами предприятия [10, с.151]. Именно поэтому работу с молодыми адаптантами надо начинать с: 1) проведения беседы о его

планах, ценностных ориентациях, условиях жизни, предстоящей работе и перспективах; 2) знакомства вновь принимаемого работника на вводном инструктаже с вопросами трудовой дисциплины и профилактики вредных привычек, правилами пропускного и внутриобъектового режима. Необходимо предусмотреть также следующие виды работ: разработку, утверждение и введение в действие «Карточки проведения вводных ознакомительных бесед» с принимаемым в подразделение работником, а также ее заполнение; представление вновь принятого работника коллективу в первый день выхода на работу на оперативном совещании; закрепление за вновь принятым рабочим инструктора производственного обучения (наставника); знакомство молодого работника с расположением бытовых и служебных помещений в подразделении; заполнение «Паспорта молодого рабочего»; проведение встреч вновь принятых работников с руководством подразделения и представителями общественных организаций; торжественное посвящение в рабочие; выявление проблем адаптации вновь принятых работников; проведение бесед, социологических опросов и встреч с руководителями структурных подразделений; осуществление контроля процесса адаптации вновь принятых работников; решение проблем адаптации вновь принятых работников в случае их возникновения; анализ процесса адаптации вновь принятых работников; создание системы наставничества для выпускников учебных заведений. Необходимо также предусмотреть социально-психологическое сопровождение процесса адаптации, которое включает следующие виды работ: социологические опросы по вопросам профессиональной, социально-психологической адаптации вновь принятых рабочих; обсуждение итогов опросов с руководителями и специалистами обследуемых подразделений на оперативных совещаниях; составление индивидуального плана-минимума по адаптации молодого рабочего с его фиксацией в «Паспорте молодого рабочего»; участие психологов, социологов, специалистов по кадрам, наркологов, молодежных лидеров в беседах в форме «круглого стола»,

организуемых для адаптантов в подразделениях. Такая форма общения с молодыми рабочими цехов, проводимая под эгидой здорового и трезвого образа жизни или знакомства с новыми рабочими, предполагает информирование работников о политике предприятия и администрации цеха в отношении здорового образа жизни, существующих нормах и традициях, истории цехов, а также обмен мнениями о проблемах и потребностях новых работников. «Круглые столы» играют важную роль в период адаптации работников, так как способствуют более быстрому вхождению работника в новые производственные отношения [6, с.88-89].

Актуальна для предприятий проблема вредных привычек молодых вновь принятых работников, поэтому в программах адаптации необходимо уделять большое внимание пропаганде здорового образа жизни, которая может осуществляться в ходе массовых спортивных, физкультурно-массовых и досуговых мероприятий. Отличительной чертой здорового образа жизни является собственная активная деятельность человека по укреплению и сохранению своего здоровья. Главные составляющие здоровья – духовное и физическое состояние человека, в том числе, - и социальная составляющая здоровья. Духовное здоровье человека - один из компонентов здорового образа жизни, Оно включает в себя следующие составляющие: понимание главной цели в жизни и путей ее достижения; устойчивое духовное мировоззрение и систему мышления; умение жить в согласии с самим собой, с родными, друзьями и другими людьми. Помочь молодым людям осознавать необходимость ведения здорового образа жизни, ощутить потребность разумно и взвешенно вести себя в обществе могут корпоративные программы, пропагандирующие здоровый образ жизни [3, с.117].

С целью изучения влияния спортивно-массовых мероприятий на процесс адаптации молодого работника на предприятии в 2015 году на Качканарском горно-обогатительном комбинате проведен опрос 45 молодых работников, проработавших на предприятии менее года. Работникам было предложено ответить на вопросы: 1. Принимаете ли Вы участие в

спортивно - массовых мероприятиях, организуемых работодателем? 2. Если Вы принимаете участие в спортивно - массовых мероприятиях, то укажите уровень удовлетворенности данным видом мероприятий: организацией и временем проведения, содержанием мероприятия, своим участием в мероприятии. 3. Как Вы считаете, участие в спортивных мероприятиях помогает Вам: установить хорошие отношения в коллективе, показать свои возможности, лучше освоить нормы и правила предприятия?

Результаты опроса показали:

1. Наибольшую заинтересованность к участию в спортивно – массовых мероприятиях проявляют работники возрастной категории 26-30 лет, наименьшую 18-20 лет (соответственно 76,0 и 33,0 %).

2. Наиболее удовлетворены организацией и временем проведения молодые женщины, нежели мужчины (соответственно 83,0 и 76,0 %), рабочие нежели специалисты (соответственно 90,0 и 46,2 %); содержанием мероприятия – работники со стажем свыше 1 года нежели работники, имеющие стаж менее полугода (соответственно 81,8 и 42,9 %); своим участием в мероприятии удовлетворены в большей степени рабочие и руководители нежели специалисты (соответственно 73,3, 100,0 и 46,2 %).

3. Участие в спортивных мероприятиях помогает установить хорошие отношения в коллективе, на что указали 86,0% респондентов, показать свои возможности (83,0%), лучше освоить нормы и правила предприятия (76,0%). Существенных различий во взглядах опрошенных молодых мужчин и женщин – участников соревнований в зависимости от категории и стажа работы на предприятии не зафиксировано.

По результатам исследования сделан вывод о том, что участие молодых работников в реализации социальных проектов и программ в целом и в спортивных корпоративных мероприятиях способствует скорейшему вхождению в коллектив и усвоению норм и правил корпоративной культуры, соответственно оказывает влияние на формирование ценностей работающей на предприятии молодежи.

Соревновательность в любых видах и формах соревнований (от спортивных до конкурсов научно-технического творчества) формирует у молодых работников не только интерес к предприятию, профессии, но и способствует личностному развитию. Стремление к достижению успеха, высокий уровень притязаний, мотивация самоутверждения, признания окружающими, ориентация личности на самореализацию, карьерное продвижение, профессиональный рост, являются мотивационной природой соревнования [9, с.529]. Четко продуманная система организации соревнований на предприятии будет способствовать формированию таких качеств и ценностей молодых работников, которые, с одной стороны, необходимы предприятию, с другой стороны, усилят трудовую мотивацию самих молодых работников.

Вне пределов нашего рассмотрения – ценности трудовой деятельности, которые формируются в процессе всей трудовой деятельности молодых работников на предприятии и выходят за пределы процесса адаптации (как первичной, так и вторичной) на предприятии. Данный вопрос достаточно обширен и требует отдельного рассмотрения.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод о том, что, поскольку молодой работник это молодой человек, находящийся в стадии развития, то его ценности формируются в трудовом коллективе в ходе всей трудовой деятельности, особенно в процессе адаптации. Корпоративные программы адаптации должны не только способствовать облегчению вхождения молодого человека в коллектив, но и формировать ценности, необходимые предприятию, тем самым способствовать экономической безопасности не только самого предприятия, но и всей страны.

Список литературы

1. Вишневский, Ю. Р. Социология молодежи : курс лекций : [учеб. пособие] / Ю.Р. Вишневский, Д.Ю. Нархов ; [науч. Ред. А.В. Пономарев] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т, – 2-е изд., испр. и

доп. [Текст] / Ю. Вишнеvский // –Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 246 с.

2. Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: Научные основы доклада правительству Свердловской области: монография/под общ. ред. Ю.Р. Вишнеvского; УрФУ. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016. 350с.

3. *Попова, Н. В.* Здоровье и здоровый образ жизни как ценности молодых работников промышленного предприятия [Текст] / Н. В. Попова // Глобализм и гуманизм. Международный день философии ЮНЕСКО в Кузбассе–2007. Сб. науч. ст. по материалам Международной конференции. (15 ноября 2007 г., Кузбасс) / науч. ред. В. И. Красиков. – Кемерово: ООО «ИНТ», 2007. С. 117–118.

4. *Попова, Н. В.* Исследование жизненных ценностей молодых работников современного промышленного предприятия как необходимая предпосылка реализации молодежной политики [Текст] / Н. В. Попова // Воспитание духовности: ценностные основы высшего профессионального образования: материалы межрегиональной научно-практической конференции (28–29 ноября 2005 г., Екатеринбург) / ГОУ ВПО «Рос.гос. проф.-пед. ун-т». – Екатеринбург, 2006. С. 298–302.

5. *Попова, Н. В.* Корпоративная культура промышленного предприятия, её влияние на развитие продуктивно-творческого потенциала молодых работников [Текст] / Н. В. Попова // Конструкты и пространства культуры XXI века: Международ. сб. науч. ст.: В 3 ч. Ч.II. Морфология культуры / науч. ред. М. В. Малошик. – Улан–Удэ: Изд-во ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007. С. 148–154.

6. *Попова, Н. В.* Личностно-развивающие основы молодежной политики на современном промышленном предприятии [Текст] / Н. В. Попова. – Екатеринбург: Изд–во Урал. ун–та, 2008.400 с.

7. *Попова, Н. В.* Личностно-развивающие основы молодежной политики на

современном промышленном предприятии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2012. 20 с.

8. *Попова, Н. В.* Молодежная политика на современном промышленном предприятии в аспекте идентичности личности молодого работника [Текст] / Н. В. Попова // Воспитание духовности: ценностные основы идентичности личности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. (19–20 дек. 2007 г., Екатеринбург) / ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». – Екатеринбург, 2007. С. 376–385.

9. *Попова, Н. В.* Мотивация и соревнование как акмеологические факторы воспитания молодого работника [Текст] / Н. Попова // Ценностные и социокультурные основы воспитания духовности и субъектности личности. Сборник научных статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции. (10–11 дек. 2008 г., Екатеринбург) / ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т». – Екатеринбург, 2008. С. 517–534.

10. *Попова, Н. В.* Сравнительный анализ моральной нормативности различных категорий рабочих на современном промышленном предприятии [Текст] / Н. В. Попова // Машины. Люди. Ценности: материалы Международной междисциплинарной научной конференции, посвящённой 85-летию со дня рождения проф. С. М. Шалютина (20–21 апреля 2006 г., Курган). – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2006. С. 151–152.

Пермякова, Т.В.

Качество подготовки рабочих кадров в оценках руководителей
профессиональных образовательных организаций

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации по проекту № 2.76.2016/НМ «Научно-методическая, организационная и информационная поддержка реализации концепции кадрового обеспечения среднего профессионального образования».

Permyakova, T.

The quality of the personnel training in assessments of the heads of
professional educational organizations

На основе результатов всероссийского социологического исследования анализируются проблемы качества подготовки рабочих кадров для различных отраслей экономики и оценки руководителей образовательных организаций среднего профессионального образования этого процесса.

The paper is based on the results of nationwide sociological research. It considers the analysis of the problems of quality of preparation of workers for various industries and presents evaluations of this process in the opinions of the heads of educational institutions of secondary vocational education.

РАБОЧИЕ КАДРЫ, КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ РАБОЧИХ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ДЕФИЦИТ РАБОЧИХ КАДРОВ
WORKERS, THE QUALITY OF PERSONNEL TRAINING,
VOCATIONAL EDUCATION, SHORTAGE OF PERSONNEL

Экономика современной России, встав на рыночные рельсы, постепенно интегрируется в мировое экономическое пространство. Однако она обладает собственной спецификой и характеризуется определенными тенденциями развития, которые необходимо учитывать, рассматривая ее в контексте взаимосвязи с профессиональным образованием.

Требования экономики к профессиональному образованию особенно в сфере подготовки рабочих оказываются сегодня очень разными: с одной стороны, сохраняется спрос на традиционные массовые профессии со средним уровнем квалификации, с другой – возникает и увеличивается потребность в высококвалифицированных рабочих, владеющих знаниями и технологиями постиндустриальной эпохи, способных к созданию высокотехнологичной наукоемкой продукции. При этом экономика испытывает дефицит как тех, так и других, на что неоднократно обращалось внимание высших руководителей страны.

Дефицит кадров по рабочим профессиям во многом обусловлен дисбалансом и перекосами в системе профессионального образования. Подготовка специалистов по уровням НПО-СПО-ВПО традиционно велась в соотношении примерно 1:1:1, в то время как рабочих требуется в 5 раз больше [5, 25].

По данным Федеральной службы государственной статистики, среди занятых в экономике специалисты с высшим образованием составляют 31,7%, среднее профессиональное образование имеют 25,8% работников, начальное профессиональное – 18,5%. Остальные 24% не имеют профессионального образования [4]. Доля рабочих производственной сферы (рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи и др.) в структуре занятых в экономике составляет 18% [1, 92]. Однако, по мнению Е.В. Ткаченко, требования рынка на сегодняшний день совсем другие: нужно 80% специалистов с начальным и средним профессиональным образованием и только 20% – с высшим [5, 25]. Таким образом, массовая ориентация российской молодежи на получение высшего образования не соответствует потребностям экономики.

Подготовка рабочих профессий является сегодня функцией образовательных организаций СПО, однако, как свидетельствует практика, учебные заведения далеко не всегда могут обеспечить ее необходимый уровень. Вопрос качества профессиональной подготовки является

актуальным для всех уровней профессионального образования, но в отношении подготовки рабочих представляется наиболее острым.

В ходе всероссийского социологического исследования, посвященного проблемам подготовки рабочих кадров и функционирования мастеров производственного обучения как ключевой фигуры этого процесса (2015 г), руководителям образовательных организаций СПО было предложено оценить качество подготовки рабочих по основным отраслям экономики, по профессиям которых осуществляется наиболее массовая подготовка (табл. 1).

Таблица 1

Оценки экспертов качества подготовки рабочих, % по строке

Отрасли	Оценка качества подготовки		Затруднились ились ответить
	Хорошее	Удовлетворительное	
Сфера услуг	56,1	28,8	15,1
Транспорт	42,9	41,0	16,0
Информационные технологии	40,7	29,8	29,5
Промышленность	37,8	36,9	25,3
Строительство	36,5	37,5	26,0
Сельское хозяйство	25,6	40,1	34,3

Как видно из приведенных данных, в оценке качества подготовки рабочих эксперты более чем сдержанны: только подготовка в сфере услуг оценена половиной экспертов как хорошая, по другим отраслям хорошие

оценки качеству подготовки поставили меньше половины опрошенных экспертов. Ниже всего оценено качество подготовки по сельскохозяйственным профессиям. Эта отрасль и по другим показателям оказывалась на последнем месте.

Что мешает системе среднего профессионального образования качественно выполнять свою функцию по подготовке рабочих кадров?

Больше половины опрошенных экспертов в качестве ключевых выделили две проблемы, препятствующие качественной подготовке рабочих: материально-техническую и социальную, обусловленную низким уровнем престижа рабочих профессий в обществе. Если первая проблема связана исключительно с финансированием, то вторая значительно сложнее: только инвестициями ее не решить. Здесь необходима особая государственная стратегия, содержащая комплекс мер как материально-финансового, так и идеологического характера (воспитательная и профориентационная работа с молодежью, деятельность СМИ, специальные государственные программы и др.).

Вторая группа проблем, обозначенная экспертами, касается непосредственно практической подготовки и субъектов образовательного социума, включенных в этот процесс – мастеров производственного обучения и учащихся. Эксперты говорят о недостаточном объеме часов для практической подготовки рабочих, сложностях устройства учащихся на практику и их дальнейшего трудоустройства. Последствия разрыва в 90-е годы связей между учебными заведениями (ПТУ, ТУ) и предприятиями дают о себе знать до сих пор. Однако изменившаяся экономическая ситуация требует новых подходов и новых решений этой проблемы. Для каждого третьего руководителя проблемой представляется отсутствие притока молодежи в корпус мастеров, его старение, что с учетом особого контингента учащихся создает серьезные проблемы. Значительная разница в возрасте, социальном опыте и жизненных ценностях затрудняют коммуникацию педагогов и учащихся. К этому добавляется еще одна проблема, на которую

обратил внимание каждый пятый респондент, связанная с низкой квалификацией части мастеров производственного обучения, наличием в их числе случайных людей. Совершенно очевидно, что такая ситуация не способствует качественной подготовке рабочих. Другие проблемы, обозначенные экспертами, так или иначе перекликаются с названными.

Результаты исследования выявили некоторые различия в значимости проблем, в зависимости от того, где живут и работают эксперты.

Для экспертов-горожан более значимыми, чем для их сельских коллег, проблемами являются низкий престиж рабочих профессий в обществе и недостаточный объем времени на практическую подготовку. Они в большей степени осознают влияние общественного мнения на систему образования вообще и подготовку рабочих в частности. В свою очередь эксперты из сельских образовательных организаций акцентируют проблемы плохой материальной базы учебных заведений, низкого уровня квалификации мастеров производственного обучения и наличия среди них случайных людей. Вероятно, этим во многом объясняется низкое качество подготовки в сельских учебных заведениях СПО, о чем говорилось выше.

В процессе подготовки рабочего особое значение имеет качество организации и проведения производственной практики. Однако по ряду рабочих профессий почти вдвое сократилось количество учебных часов, отводимых для практического обучения, а осваивать специальные дисциплины без закрепления знаний на практике крайне сложно. По результатам исследований в СПО, вдвое снизилась оценка и без того низкой эффективности организации производственной практики (с 12,1% до 7,3%), что можно объяснить упразднением административного управления предприятиями, их нынешней свободой определять и поддерживать своих партнеров по подготовке кадров [3, 58; 64].

Поскольку практическая составляющая является краеугольным камнем в подготовке рабочего, сегодня ведутся активные поиски механизмов

взаимодействия с предприятиями, а также альтернативных форм практической подготовки.

Как показали результаты опроса экспертов, самым эффективными местом практики для будущих рабочих являются предприятия соответствующей отрасли (табл. 2).

Таблица 2

Мнение экспертов о наиболее эффективных местах производственной практики, % к опрошенным

Место практики	%
Предприятие	91,0
Непосредственно учебное заведение СПО	54,2
Учебные центры предприятий	19,9
Многопрофильные учебные центры при СПО	18,6
Затруднились ответить	1,3
Итого:	184,9*

*Сумма ответов превышает 100%, т.к. респонденты могли выбрать более одного варианта ответов

Более половины экспертов считают, что качественную практическую подготовку можно дать учащимся непосредственно в стенах учебного заведения, что требует наличия мастерских с высоким уровнем материально-технической оснащенности. Другие места практик получили значительно меньшее число голосов экспертов.

Приведенные данные достаточно четко коррелируют с мнением экспертов о моделях подготовки рабочих, в очередной раз подчеркивая значимость предприятий, их важную роль в процессе подготовки современных квалифицированных рабочих кадров.

Мнение экспертов, живущих в разных типах поселений, отличаются незначительно. Эксперты-сельчане отдают некоторое предпочтение предприятиям в качестве основного места практики будущих рабочих. Эксперты из областных центров в большей степени, чем их коллеги из других типов поселений считают наиболее оптимальным местом проведения практики непосредственно само образовательное учреждение, а также многопрофильные учебные центры при учреждениях СПО. Такие приоритеты обусловлены, во-первых, более высоким уровнем материально-технической базы образовательных организаций СПО в областных центрах, чем в других городских поселениях и тем более в сельской местности. Многопрофильные учебные центры, оснащенные в соответствии с современными требованиями, появились и получили распространение также в первую очередь в крупных городах.

Названные проблемы делают СПО не самым привлекательным и престижным видом профессионального образования и к нему зачастую обращаются как к последнему средству или как к второсортному образованию. Не следует также забывать, что привлекательность является не только результатом действий властей в области образования, но также отражает ситуацию на рынке труда: если обучение не приведет к хорошо оплачиваемой работе, его едва ли можно назвать качественным [2, 14]. Таким образом, привлекательность среднего профессионального образования в целом и рабочих профессий в частности напрямую зависит от качества подготовки, которую обеспечивает эта подсистема профессионального образования.

Современные экономические условия требуют принципиально новых подходов к организации подготовки рабочих кадров, разработки и реализации разных моделей и форм такой подготовки, ориентированных на запросы экономики конкретного региона. Качество подготовки рабочих определяется множеством факторов, в том числе и мастерством тех, кто непосредственно учит профессии.

Список литературы

1. *Женщины и мужчины России: стат. сборник.* Москва: Росстат, 2014. 217 с.
2. *Лемпинен П.* Европа модернизирует профессиональное образование [Электронный ресурс] / П. Лемпинен // *Профессиональное образование. Столица.* № 11. 2011. Режим доступа: http://ocrpo-ural.ru/upload/iblock/203/02_statya.pdf.
3. *Смирнов И. П.* Профессиональное образование и молодежь России. Сравнительное социологическое исследование (2000 и 2010 гг.) / И. П. Смирнов [и др.]. Москва: НИИРПО, 2012. 212 с.
4. *Социальное положение и уровень жизни населения России* [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_44/IssWWW.exe/Stg/04-08.doc.
5. *Ткаченко Е. В.* Проблемы подготовки рабочих кадров в РФ / Е. В. Ткаченко // *Педагогика.* 2014. № 6. С. 21-31.

Попов В.В.

Корпоративный социальный пакет как инструмент реализации
социальной политики организации

Popov V.V.

Corporate social package as an instrument of social policy of organization

Аннотация

В статье рассматривается социальный пакет сотрудника как способ мотивации персонала, показатель корпоративной культуры фирмы, фактор ее конкурентоспособности и элемент имиджа. Рассмотрены социальные программы предприятий в качестве способа привлечения и удержания ключевых сотрудников в организации.

Автор дает определение понятия корпоративной социальной ответственности как системы добровольных взаимоотношений между работником, работодателем и обществом и рассматривает социальный пакет как инструмент реализации социальных программ. Анализу подвергается содержание социального пакета, способы его предоставления и наполнение. В статье сравнивается содержание идеального и реального социального пакета на основе опроса магистрантов Уральского государственного аграрного университета.

Annotation

The article deals with employee benefits package as a way to motivate staff , the rate of corporate culture of the company, a factor of its competitiveness and the image of an element. The social program of enterprises as a way to attract and retain key personnel in the organization.

The author gives a definition of the concept of corporate social responsibility as a voluntary system of mutual relations between the worker, the employer and society and examines the social package as an instrument for the implementation of social programs. Analysis of the content is subject to the social package, the

means of providing and filling . The article compares the content of the ideal and the real benefits package based on a survey of undergraduates Ural State Agricultural University.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА|| СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ПРЕДПРИЯТИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ ПАКЕТ, СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАКЕТА.

KEYWORDS|| SOCIAL RESPONSIBILITY, HUMAN RESOURCES MANAGEMENT, SOCIAL PROGRAMS OF THE ENTERPRISES, SOCIAL PACKAGE, MAINTENANCE OF THE SOCIAL PACKAGE.

Одной из важнейших составляющих компенсационной политики предприятия является предоставление работникам социальных выплат, благ и поощрений, которые получили название социального пакета. Несмотря на повышение интереса и ученых, и практиков к данному феномену, его природа и сущность, мотивационный потенциал, соотношение с другими категориями, которые характеризуют вознаграждения и блага, остаются малоисследованными. Большинство работ и публикаций, в том числе и электронных ресурсов, посвященных вопросам социального пакета, имеют поверхностный характер.

Прежде всего, надо отметить, что отсутствует единство ученых и практиков относительно определения термина «социальный пакет». Часто авторы не разграничивают понятия «компенсационный пакет» и «социальный пакет», используя их как синонимы. [10] Целью нашей работы является исследование сущности социального пакета как инструмента реализации социальной ответственности бизнеса, а также практики предоставления социальных выплат, благ и вознаграждений на российских предприятиях.

Отметим, что концепция корпоративной социальной ответственности попала в Россию в тот момент, когда происходила замена правил о

взаимоотношениях различных секторов общества. Дискуссии о корпоративной социальной ответственности отразили ситуацию – бизнес оказался конечным звеном в прениях о справедливости существующих механизмов и принципов по устройству и созданию общественных благ, их перераспределению [2,3,4].

Социальная ответственность – это способность и желание бизнеса по собственной воле заниматься вопросами, связанными не с производством, продажей товаров и услуг, а с благополучием общества той страны, в которой компания работает. [6,7]

Следует выяснить причины предоставления работодателями наемным работникам социальных выплат, благ и поощрений, поскольку подавляющее большинство таких вознаграждений имеет добровольный характер. Предоставление работодателем наемным работникам социального пакета позволяет:

- позиционировать себя как социально ответственное предприятие, сформировать позитивный имидж и бренд работодателя на рынке труда, а следовательно, привлечь и закрепить компетентных работников;
- обеспечить симметричность социально-трудовых отношений, в частности, равноправие работодателя и наемного работника;
- создать у наемных работников ощущение комфорта, защищенности, а значит, и собственной ценности для работодателя;
- улучшить качество трудовой жизни, материальное благополучие наемных работников и членов их семей;
- повысить качественные параметры человеческого капитала;
- улучшить результаты труда за счет повышения мотивации работников и уменьшения их заболеваемости;
- оптимизировать расходы на социальное обеспечение работников, уменьшить непредвиденные финансовые расходы;
- уменьшить количество конфликтов и судебных исков. [1]

Развитие социальной сферы побуждает к активному поиску путей и

форм взаимодействия власти, бизнеса и социальных групп по интересам. В настоящее время такие взаимоотношения рассматриваются как основа усовершенствования управления социальными процессами, что является механизмом преодоления рисков, подрывающих перспективную устойчивость и предсказуемость развития гражданского общества. [3,5]

Как правило, социально-ответственные компании предоставляют своим сотрудникам социальный пакет, который представляет собой набор неденежных бонусов, повышающих качество жизни и работы персонала. Для самой компании предоставление социального пакета работникам реализуется в форме внутренних социальных программ. Социальные программы организации – добровольно реализуемые комплексы мероприятий, обеспечивающих эффективное решение внутриорганизационных социальных задач (внутренние социальные программы) или социальных проблем территории пребывания (внешние социальные программы). [2] Стандартными внутренними программами российских компаний являются программы добровольного медицинского страхования, негосударственного пенсионного обеспечения, в том числе с использованием принципов долевого участия персонала в формировании будущей негосударственной пенсии, жилищного (ипотечного) кредитования и др.

Так, с 2005 года г. в ОАО «РЖД» реализуется «Концепция жилищной политики», включающая в себя финансовую поддержку работников, нуждающихся в улучшении жилищных условий, а также формирование жилищного фонда (ЖФК). Компания субсидирует большую часть затрат на уплату начисленных процентов по ипотечным кредитам, при этом сотрудник оплачивает только 4,5 % годовых, а молодые специалисты – 2 %. При финансовой поддержке ОАО «РЖД» за период 2008-2014 гг. почти 24,3 тысяч работников улучшили свои жилищные условия. При финансовой поддержке ОАО «РЖД» в 2014 году более 2,3 тыс. человек чел. получили ипотечные субсидируемые кредиты для приобретения жилья в собственность на общую сумму свыше 4 млрд. рублей. Особое внимание уделяется

молодым и многодетным семьям, а также одиноким родителям, воспитывающим детей. Для них предусмотрены безвозмездные субсидии, составляющие до 70 % от средней рыночной стоимости жилищного помещения. Кроме того, ежегодно происходит увеличение общего размера затрат на социальную деятельность компании. Так, в 2014 году г. на выполнение обязательств коллективного договора ОАО «РЖД» направило более 100 млрд. рублей, в 2015 году – свыше 104 млрд. [8]

В настоящее время начался новый этап пенсионной реформы, которая отражает структурные преобразования в социальной политике государства.

Большое значение придается корпоративной пенсии, которая охватывает около 7 миллионов человек, а нужно создать условия для доступности большинству работников, общей численностью не менее 25 млн. человек. Решить эту задачу, предусмотренную Стратегией развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года, не просто. Организации разных форм собственности, имеющие такую возможность, уже реализовали корпоративную поддержку по медицинским и пенсионным программам. В крупных российских компаниях работники при наступлении пенсионного возраста получают корпоративную пенсию, размер которой может составлять 40-60% от государственной пенсии. [3]

Негосударственное пенсионное обеспечение – один из важнейших элементов социального пакета в ОАО «РЖД», который предоставляет работникам дополнительную возможность уже сегодня обеспечить желаемый уровень жизни после выхода на заслуженный отдых. Негосударственная (корпоративная) пенсия по своим целям и назначению является дополнительной мерой социальной поддержки работников независимо от государственной пенсионной системы. [8]

Затраты компаний на социальный пакет оправданы, так как работник получает поддержку от работодателей, и на предприятии повышается производительность труда, уменьшается кадровая «текучка», улучшается атмосфера в коллективе.

Идеальный социальный пакет включает медицинское обслуживание и страхование жизни; образовательные программы; дотация на отдых, проезд, бесплатное питание (иногда даже трехразовое); предоставление машины, мобильного телефона; оплату детских садов и яслей, тренажерных залов и бассейнов; негосударственное пенсионное страхование; дополнительные дни к положенному по Трудовому кодексу РФ 28-дневному отпуску. Как правило, на сегодняшний день набор льгот в российских компаниях ограничивается 2-3 пунктами из этого списка (обычно медицинское обслуживание и бесплатное питание – обеды).

Известно, что не существует идеальной системы вознаграждения. Любая схема хороша в определенный период развития организации. На наполнение соцпакета также влияет возраст и пол сотрудников. Например, молодежь мало интересуется пенсионное страхование, впрочем, как и медицинское. Зато эти льготы по достоинству оценят сотрудники старше 40 лет. Молодые же предпочтут, скажем, оплату спортзала. Семейные положительно отнесутся к наличию детского сада, организации летнего отдыха детей. Мужчины не откажутся от обедов, женщины – от гибкого графика работы. Определить, какие льготы предпочтут сотрудники, очень легко – достаточно провести анкетирование. Тогда останется рассчитать только финансовые возможности их предоставления.

Отсутствие социального пакета свидетельствует, в первую очередь, о низкой социальной ответственности бизнеса, что в конечном итоге негативно влияет на лояльность и мотивацию работников. Об этом свидетельствуют результаты проведенного нами анкетирования среди магистрантов Уральского государственного аграрного университета. Анкетирование проводилось с целью исследования практики использования социального пакета на отечественных предприятиях.

Большинство респондентов (63%) отметили, что в компаниях, в которых они трудятся, работникам предоставляется социальный пакет. В остальных компаниях отсутствует данный вид поощрения. Среди указавших,

что в компаниях предоставляется социальный пакет, 15% опрошенных отметили, что такой пакет получают лишь отдельные категории работников. Из этого следует, что около половины работников не получают социального пакета. Подходы к формированию социального пакета, используемые на российских предприятиях, следующие:

- установление социальных выплат и поощрений в соответствии с иерархической структурой компании (59% респондентов из числа отметивших, что на их предприятиях работникам предоставляется социальный пакет);
- установление одинакового набора социальных выплат и поощрений для всех работников (29%);
- денежная компенсация расходов социального характера (9%);
- установление социальных выплат и поощрений в соответствии с системой грейдов (3%).

На практике редко используются такие подходы, как формирование социальных выплат и поощрений по принципам «кафетерия» и «шведского стола». Так, 78% респондентов отметили, что практику формирования социального пакета в компании нужно менять: внедрять на предприятиях, где он не применяется, и корректировать набор или изменять подход к формированию на тех предприятиях, где такой пакет предоставляется.

По результатам проведенного нами опроса, чаще всего компании включают в социальный пакет оплату мобильной связи (68%); медицинское страхование (65%); предоставление дополнительного оплачиваемого отпуска (47%); компенсацию транспортных расходов или предоставление проездных билетов (38%); оплату обучения (35%). Достаточно высокий процент респондентов отметили оплату обучения, что не является распространенным на российских предприятиях. Это обусловлено тем, что в опросе участвовали магистранты Уральского государственного Аграрного Университета.

Идеальный социальный пакет, которому отдают предпочтение большинство респондентов, отличается от реального пакета. Наибольший

процент респондентов отдают предпочтение следующим составляющим социального пакета: медицинское страхование (67%); оплата обучения (63%); оплата спортивных занятий (48%); предоставление кредитов и ссуд на льготных условиях (43%); оплата мобильной связи (41%); компенсация транспортных расходов или предоставление проездных билетов, оплата путевок на санаторно-курортное лечение и оздоровление (по 39%).

Многие работодатели начинают осознавать значимость социальных выплат и благ для повышения лояльности и мотивации работников. Однако во время разработки социального пакета потребности и интересы работников не всегда учитываются. [9]

Таким образом, для привлечения и удержания компетентных работников на предприятии, кроме основной заработной платы, премий, доплат и надбавок, работодатель должен предложить вознаграждения социального характера. Для разработки конкурентного социального пакета работодателям и руководителям следует придерживаться основных требований к его проектированию, и в первую очередь учитывать потребности и интересы работников.

В теоретико-методологическом плане исследования должны развиваться в направлении дальнейшего выяснения природы понятий «социальный пакет» и «компенсационный пакет», причин их возникновения, мотивационной роли. Необходимо также исследовать соотношение понятий «социальный пакет» и «компенсационный пакет» с терминами «заработная плата», «трудовые доходы», «вознаграждение».

Дискуссионным и неисследованным остается также вопрос об отнесении к социальному, а также компенсационному пакету нематериальных вознаграждений, таких, например, как обогащение содержательности труда, признание и уважение, участие в управлении, создание комфортных условий труда и т.д.

В практическом плане дальнейшие исследования должны быть направлены на конкретизацию требований к проектированию социального

пакета, исходя из современных социально-экономических условий, разработку рекомендаций по согласованию интересов наемных работников и работодателей относительно структуры социального пакета, размера и порядка выплаты отдельных его составляющих.

Литература

1. Васильцова Л. И., Александрова Н. А. Социальная политика в Российской Федерации: уровни формирования и противоречия реализации // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2014. № 3. С. 40-48.

2. Васильцова Л.И., Александрова Н.А. Корпоративные программы в системе социальной поддержки работников // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2013. № 3. С.85-91.

3. Васильцова Л. И., Александрова Н. А. Трансформация системы социальной защиты работников в экономике России // Дискуссия. 2013. №7. С.64-68.

4. Попов В.В., Васильцова Л.И. Образование как фактор защищенности молодого специалиста от социальных рисков // Молодежь и наука. 2015. № 2.

5. Панкратова О.В. Основные этапы развития законодательства, направленного на соблюдение прав граждан на получение вознаграждения за труд и иных гарантированных социальных платежей: сравнительно-правовой анализ международных, отечественных, зарубежных правовых актов // Вестник Академии знаний. 2013. № 1 (4). С. 203-206.

6. Корпоративная социальная ответственность и конкурентоспособность / А.А. Дынкин, Д.В. Миловидов, С.П. Перегудов, И.В. Беликов, В.Б. Кондратьев / под ред. Президента Национального Института Корпоративной Реформы В.В. Кантора. – М.: ИМЭМО РАН, 2014.

7. Семененко, И.С. Корпоративное гражданство и перспективы глобальной управляемости // Неприкосновенный запас. 2006. № 4-5.

8. Корпоративный социальный отчет за 2013 год (6/9) [Электронный ресурс]. Режим доступа:
http://rzd.ru/dbmm/download?col_id=121&id=74043&load=y&vp=1#6.

9. Бурджалов Ф.Э. Социальная сфера предприятия: корпоративный вариант / Ф.Э. Бурджалов // Труд за рубежом. 2004. №1. С. 95-112.

10. Плотникова Е.В. Социальная политика современных российских предприятий: традиции и инновации // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. №3. С. 397–408.

Потаскуев, А.С.|| Фадеева, Е.А.

Государственная поддержка предпринимательства: проблемы и пути
решения

Potaskyev, A. || Fadeeva, E.

State support of business: problems and solutions

Аннотация: Статья посвящена выявлению проблем и путей решения поддержки и развития малого и среднего предпринимательства со стороны государства. Предпринимательство рассматривается, как объект экономики. Рассмотрев основные проблемы и изучив нормативные документы, авторы пришли к мнению, что малое и среднее предпринимательство на сегодняшний момент поддерживается и развивается недостаточно.

Annotation: The article is devoted to the identification of problems and solutions to support and develop small and medium enterprises by the state policy. Entrepreneurship is seen as an object of the economy. The main problems and examining regulations, the authors came to the conclusion that small and medium enterprises at the moment is maintained and developed not enough.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство || государство || проблемы || развитие || поддержка || экономика.

Keywords: small and medium enterprise || State || problems || development || support || economy.

Влияние политики чрезвычайно велико на деятельность субъектов бизнеса. Государственная политика в области поддержки и развития МСП в

Российской Федерации является частью государственной социально-экономической политики. Она представляет совокупность социальных, правовых, экономических, политических, консультационных, информационных, образовательных, организационных и иных мер, которые осуществляются органами государственной власти на федеральном уровне, уровне субъектов, а также органами местного самоуправления направленных на обеспечение реализации целей и принципов, установленных настоящим Федеральным законом.

Все группы субъектов бизнеса, прежде всего предпринимательские фирмы, заинтересованные в проведении определенной политики, активно влияют на поведение отдельных политических деятелей, политических партий и их представителей.

О значении и месте малого и среднего предпринимательства (далее МСП) свидетельствуют показатели его роли в рыночной экономике. МСП выполняют очень важную роль в финансовой системе страны: способствует формированию нормальной конкурентной среды, помогает в борьбе с безработицей за счет создания новых рабочих мест, малые предприятия близки к потребителю и быстро изменяются и адаптируются к новой конъюнктуре рынка, тем самым придают дополнительную стабильность экономике. В большинстве развитых стран вклад сектора МСП в ВВП колеблется в промежутке от 50% до 60%, однако в России МСП обеспечивает лишь 21-22% ВВП[1].

Поддержка МСП в России закреплена законодательно, в законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [2].

Более того, за последнее время были приняты нормативно-правовые акты, направленные на увеличение фискальной и не фискальной нагрузки на

малый бизнес, вводятся новые административные барьеры. Это только усугубляет положение малого бизнеса, особенно в кризис.

Действующая поддержка малого и среднего бизнеса крайне неэффективна по следующим причинам:

Административные барьеры.

При первоначальном входе на рынок, субъекты предпринимательской деятельности сразу же сталкиваются с административными барьерами.

Например, одним из барьеров является Федеральный закон от 08.08.2001г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [3], является важным элементом регулирования предпринимательской деятельности. В действительности же существуют расхождения в механизме его действия:

- Действительные сроки регистрации отличаются (от недели до месяца) от официально декларируемых в законе (5 дней – ст.8 № 129-ФЗ).
- Стоимость регистрации превышает установленный размер государственной пошлины, как юридических лиц, так и для индивидуальных предпринимателей.

Следующий нормативно-правовой акт, с которым сталкиваются предприниматели, это Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [4]. Исходя из Федерального закона, можно выделить следующие проблемные моменты:

- Реальные средняя цена и сроки получения лицензий значительно выше установленных в законе.
- Количество надзорных организаций, которые проводят внеплановые выездные проверки, как на федеральном, так и региональном уровнях также весьма велико.

Налоговое законодательство. Налогообложение в бизнесе любой страны – это, прежде всего, показатель ее развития, отношения к бизнесу и зрелость самого государства [5]. В Налоговом кодексе РФ в настоящее время существуют следующие режимы для субъектов МСП.

- единый сельскохозяйственный налог;
- единый налог на вмененный доход;
- упрощенная система налогообложения.

Налогообложение МСП в нашей стране за последнее время начало стремительно расти. Размер страховых взносов с 2011 г. увеличился: для субъектов предпринимательства, применяющих общую систему налогообложения, – с 26 до 34%. Предприниматели, которые применяют упрощенную систему налогообложения и единый налог на вмененный доход, – с 14 до 34% (в 2,5 раза) [6].

Во многих экономически развитых странах широко распространяется применение более низкой ставки налога на прибыль организации для малого бизнеса, чем налогом крупного бизнеса. На сегодняшний день мировой практикой проводимая в нашей стране налоговая политика явно идет вразрез. Высокое налогообложение в прямом смысле этого слова - уничтожает малое предпринимательство. Можно наблюдать следующую закономерность, чем больше МСП в ВВП зарубежных стран, тем меньше разница в ставке между налогом для крупного бизнеса и налогом на прибыль МСП. В России доля в МСП ВВП ничтожна, однако субъекты малого бизнеса платят такой же налог на прибыль, как и крупные предприятия.

Нельзя не сказать, что рост налогов ведет к теневой экономике. Самой же веской причиной медленного развития российского МСП, и его миграции за пределы, является опасение предпринимателей, что в ближайшее время налоги не перестанут расти.

Кредитно-банковская система. Одним из основных факторов роста числа МСП является доступность к финансовым ресурсам. Потребности российского бизнеса в кредитах составляют от 750 млрд. до 1 трлн. рублей ежегодно, а по объему кредитования бизнеса, по данным Всемирного банка, Россия занимает 148-е место в мире [7].

Условия кредитования МСП нельзя назвать благоприятными, по следующим существующим причинам:

- дороговизна кредитных ресурсов;
- отсутствие у малых предприятий достойного обеспечения кредита;
- залоговое обеспечение кредита, который вернуть в настоящее время исходя из действующего законодательства и условиям прохождения дел в арбитражных судах достаточно сложно.

Так же немаловажный момент в проблеме кредитно-банковской системы – это то, что российские предприниматели не спешат обращаться за заемными деньгами. Не только из-за высокой процентной ставке, даже на небольшие суммы, но вдобавок и сложности с залоговым обеспечением. Личное имущество – автомобили, дачи, квартиры – предприниматели не рискуют отдавать в залог, объясняется это неуверенностью в завтрашнем дне.

К тому же кредиты в российских банках выдаются на довольно короткий срок, за который сложно что-либо успеть сделать, приходится перекредитовываться.

Большинство предпринимателей часто ориентируются на свои собственные средства, а также на друзей, знакомых, родственников. А кредит выгодно брать только тем предприятиям, у которых есть инвестиционные планы и возможности. Кроме всего выше сказанного, банки дают деньги предприятиям, которые уже имеют постоянный и стабильный оборот. Банку нужны хорошие показатели, а МСП, нередко вынуждены скрывать доходы, и по этой причине банк не торопится с предоставлением кредита.

Недостаточная консультативная и информационная поддержка
(обеспечение доступа к базам данных, оказание консультативных и правовых услуг, техническим библиотекам)

Недоразвитость рыночной инфраструктуры
(рынков сбыта, локальных ярмарок, рынков оборудования и технологий для фирм.)

Дефицит квалифицированных консультантов и специалистов;

Недостаточная развитость материально-технической базы;

Несовершенство нормативной правовой базы, отсутствие законодательных актов (в частности хотелось бы отметить такое направление, как инновации и сферу IT-технологий).

Исследование проблем поддержки малого и среднего предпринимательства позволило выделить следующие механизмы, которые будут способствовать развитию МСП:

- Упрощение бюрократических процедур при ведении и регистрации бизнеса;
- Налоговые льготы МСП приоритетных для экономики страны отраслей;
- Обеспечение доступа малому и среднему бизнесу к государственному заказу;
- Устранение неэффективного регулирования государства в сфере контроля и лицензирования;
- Сокращение количества продукции, которую нужно сертифицировать;
- Доступность различных форм финансирования для предпринимательской деятельности;
- Проведение ряда мероприятий с целью сделать информацию о существующих методах поддержки МСП более доступной;
- Увеличение объемов государственных гарантий по инвестиционным кредитам МСП;
- Создание технопарков;
- Создание промышленных парков;
- Поддержка бизнеса на стадии идеи;
- Создание и развитие бизнес-инкубаторов;
- Поддержка предпринимателей, которые работают на экспорт;
- Развитие венчурного финансирования инновационных проектов малого предпринимательства;

➤ Развитие инфраструктуры поддержки предпринимательства, в том числе: информационно-консультационных пунктов по вопросам поддержки и развития малого и среднего предпринимательства в районах города, бизнес-инкубаторов и промышленных (индустриальных) парков;

➤ Следует ужесточить наказание за нарушение антимонопольного законодательства, в том числе за действия органов власти, нарушающих конкуренцию МСП.

В заключении отметим, что большие надежды правительства стран связаны с сектором МСП, который показал свой высокий потенциал. В России малый бизнес находится в начале своего пути, но для его успешного развития имеются все задатки. Чтобы получить максимальный социально-экономический эффект политика государства должна строиться на принципе создания наибольшего способствования развитию МСП.

Так же одним из главных направлений государственной и муниципальной политики является уменьшение любых форм государственного вмешательства в сферу МСП. Государство должно устанавливать лишь общие правила деятельности, которое будет регулировать имущественные, общеправовые, земельные и иные вопросы, общеэкономические, касающиеся малого предпринимательства.

Реализация данных мер будет обеспечивать устойчивость и развитие малого и среднего предпринимательства, повышать эффективности его работы.

Список литературы:

1. Горин Александр, Представляет ли собой сектор МСП реальный потенциал для разгона стагнирующей российской экономики? // Ассоциация российских банков. 2013. Сентябрь.[электронный ресурс]. URL: http://arb.ru/b2b/duty/predstavlyaet_li_soboy_sektor_msp_realnyy_potentsial_dlya_razgona_stagniruyushch-9705027/.
2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2015 г.) // Российская газета. 2007. 31 июля.
3. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. N 129-ФЗ (в ред. от 31 января 2016 г.) // Российская газета. 2016. 03 февраля.
4. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 4 мая 2011 г. N 99-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 г.). *В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*
5. Мартьянов В.А., Федеральный фонд - не мешок с деньгами, а инструмент реализации программы развития малого бизнеса в России// Бизнес для всех, 2008, N 14.
6. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. - М.: Магистр, 2007. – 271 с.
7. Путин В.В.: На встрече с руководством предпринимательской организации «Опора России». // Российская газета. 2012. Ноябрь. [электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/11/15/biznes-anons.html>.

*А. А. Прокопович,
студентка 3-го курса СИУ РАНХиГС,
направление «Реклама и связи с общественностью»,
«Сибирский институт управление – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации»,
г. Новосибирск*

АНТИКРИЗИСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ PR

A.A. Prokopovich

ANTI-CRISIS TECHNOLOGIES IN REGIONAL PR

Тезисы раскрывают понятие «антикризисный PR», описываются технологии нейтрализации кризисной ситуации. Рассматривается понятие «репутация компании» и влияние кризиса на нее. В данной статье региональный антикризисный PR рассматривается на примере скандала 2015 года между Новосибирским академическим театром оперы и балета и Русской Православной Церковью. Исследуется влияние социальных сетей на масштаб разрастания конфликта. Говорится о ресурсах организации, которые необходимо мобилизовать при выходе из кризисной ситуации. Описываются некоторые способы решения кризиса в компании, в том числе и с помощью социальных сетей.

Abstracts disclose the concept of "anti-crisis PR», describes the technology neutralization crisis. We consider the notion of "reputation of the company" and the impact of the crisis on it. In this paper, a regional anti-crisis PR is seen as an example of the scandal in 2015 between the Novosibirsk Academic Theatre of Opera and Ballet and the Russian Orthodox Church. The influence of social networks on the scale of the spread of the conflict. It is a resource organization that

need to mobilize at the exit from the crisis. It describes some of the ways to solve the crisis in the company, including through social networks.

Ключевые слова: антикризисный PR, региональный PR, репутация компании, технологии антикризисного PR.

Keywords: anti-crisis PR, regional PR, corporate reputation, crisis PR technology.

Кризис давно перестал ограничиваться только сферой финансов. Сегодня он затрагивает почти все отрасли человеческой деятельности, в том числе и рынок PR - услуг. Антикризисный PR одно из самых востребованных направлений PR на Западе, ведь в условиях кризиса репутация, лояльность клиентов и сотрудников, доверие играют главенствующую роль. Антикризисный PR представляет собой комплекс мер по прогнозированию, выявлению и предотвращению кризиса, управление выходом из кризисной ситуации и регулированию его последствий.

Причины кризиса могут быть различны. При этом всегда страдает репутация компании, что негативно сказывается не только на потенциальной прибыли организации, но и приводит к потере клиентов, а в худшем случае – к банкротству. Репутация – актив компании номер один. Исследования показывают, что до 50% цены акции фирмы составляет репутация ее торговой марки, надежности и ее стоимости в представлении клиентов.

Для того чтобы более масштабно исследовать проблему правильного использования антикризисного PR рассмотрим скандальную ситуацию в рамках региона. В 2015 году постановка оперы «Тангейзер» в Новосибирском академическом театре оперы и балета вызвала скандал между самой организацией и Русской Православной Церковью. Новосибирские православные активисты потребовали запретить спектакль, обвинивший постановщиков в «разжигании религиозной вражды», унижении и оскорблении чувств верующих.

Скандал спровоцировала фотография одной из декораций, опубликованной в социальной сети. Общественность сразу разошлась во мнениях о происходящем. По итогу, ситуация стала кризисом сразу для обеих сторон.

В социальной сети сразу были созданы группы для равнодушных пользователей. С 25 человек инициативные группы мгновенно переросли в 5000 тысячную аудиторию. Большинство пользователей являются молодежью, возраст которых колеблется от 18 до 25 лет. Несмотря на то, что скандал был нивелирован на некоторое время, сообщества продолжают вести активное обсуждение происходящих событий.

В кризисных ситуациях одним из важных моментов является способность организации мобилизовать все доступные ресурсы (время, деньги, информацию, опыт, связи). Причем время приобретает ключевое значение. PR-отдел Новосибирского театра оперы и балета не рационально использовал временной ресурс. Их действия не приносили положительных результатов, хотя решения очевидны для специалистов. Одним из самых оперативных каналов коммуникации на сегодняшний день являются социальные сети, которые было необходимо также задействовать в процессе антикризисной PR-кампании.

Нельзя сразу остановить кризис, но начинать нужно с усилий по нейтрализации негативной информации об организации, корректировать в своих интересах и распространять альтернативную. Только тогда можно увидеть результаты работы PR-отделов обеих сторон, и сделать выводы об эффективности применённых антикризисных технологий.

Список литературы:

1. Ольшевский, А. С. Антикризисный PR и консалтинг / А. С. Ольшевский. – СПб.: Питер, 2003. – 132 с.
2. Файншмит, Е. А. Антикризисный PR / Е. А. Файншмит. – М.: МЭСИ, 2008. – 102 с.

**Социологическое обеспечение кадровых технологий в
государственных структурах**

Rezanova, E.

Sociological providing of personnel technologies in state structures

Аннотация. Социологическое обеспечение кадровых процессов в органах государственного управления позволяет повысить эффективность реализации кадровых технологий, оказывает помощь руководителю в принятии управленческих решений и достижении целей кадровой политики.

Abstract. Sociological providing of personnel processes can improve the effectiveness of the implementation of the personnel technologies, assists the director in making managerial decisions and achieving the objectives of personnel policy in the public administration.

Ключевые слова: кадровые технологии, кадровые процессы, социологические методы, мониторинг.

Keywords: personnel technology, personnel processes, sociological methods, monitoring.

В современных условиях возрастает потребность в социологическом обеспечении кадрового потенциала органов государственного управления, выработке организационно-нормативных механизмов управления кадровыми процессами на основе достоверных социологических данных. Социологическое обеспечение управления кадровыми процессами в сфере государственной службы – система логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, позволяющих получить достоверные данные о текущих и прогнозируемых состояниях, характере поведения кадрового состава, используемых при реализации кадровых технологий отбора, развития и оценки.

Социологическое обеспечение выполняет функцию постоянного насыщения субъектов управления информацией, необходимой при принятии и реализации управленческого решения [1]. В процессе выработки системы социологического обеспечения наиболее важной задачей является определение порядка получения и использования социологической информации в рамках конкурса, испытания, аттестации, квалификационного экзамена, в работе с резервом и обучении кадрового состава органов государственного управления. В данном контексте социологическое исследование является важным источником необходимой информации о профессиональном уровне государственного служащего, о развитии базовых и управленческих компетенций.

Подготовка социологического исследования — процесс, насыщенный разными видами работ, научными процедурами и операциями. Необходимо обеспечить надежную теоретическую базу исследования, продумать его общую логику, разработать инструментарию сбора информации, сформировать исследовательскую группу [6]. В процессе получения социологической информации следует учитывать системный характер кадровых процессов в сфере государственного управления. Для изучения кадровых процессов представляется актуальным использование метода опроса.

Опрос — это метод сбора первичной информации в социологическом исследовании, предусматривающий устное или письменное обращение к исследуемой совокупности людей с вопросами, содержание которых представляет проблему исследования на эмпирическом уровне [5]. На качество полученной опросным методом информации влияют факторы, связанные, с одной стороны, с личностью опрашиваемого, с другой — с деятельностью исследователя. На результаты опроса негативно влияет присутствие при опросе посторонних лиц, неудачно выбранное время и место опроса, несоблюдение принципов анонимности, плохая организация самой процедуры опроса. Метод опроса можно использовать, изучая,

например, мотивы текучести кадров, эффективность определенной формы организации труда, характер социально-психологического климата, удовлетворенность трудом, адаптивность молодых работников, вопросы образования и квалификации и др.[1].

Основными видами опроса, которые могут быть использованы в кадровых процессах являются анкетный опрос и социологическое интервью. Особенность анкетного опроса в том, что респондент самостоятельно работает с анкетой: понимает вопрос, обдумывает его и отвечает на него в соответствии со своими знаниями, убеждениями, ценностными ориентациями и др. Преимуществом анкетного опроса является то, что респондент свободен в выборе варианта ответа на вопрос, в выражении своего мнения, влияние исследователя на ход и результат опроса сведено к минимуму. Особенностью социологического интервью является следующее: личный контакт интервьюера и респондента, возможность получения достаточно полной информации о мнениях, оценках, мотивах респондентов; возможность получить дополнительные сведения, важные для оценки объекта исследования, и наблюдать реакцию респондента на вопрос. Однако проведение интервью связано с некоторыми трудностями: требуются значительно большие временные и материальные затраты, а также подготовленные интервьюеры, владеющие необходимыми приемами; интервьюеры оказываются источником сильного внушающего воздействия [5].

В процессе реализации такой кадровой технологии как работа с резервом, на этапе проведения конкурса можно использовать социологическое интервью, что позволит выявить не только актуальные, но и потенциальные качества и способности, которые предстоит развить в процессе нахождения в кадровом резерве. В частности, можно оценить уровень развития профессиональных и личностных качеств претендентов: уверенность в себе, убедительность в общении, целеустремленность,

рассудительность, склонность к компромиссам, эмоциональная стабильность, стремление к власти и руководству и др.

На этапе развития кадрового резерва, а также в рамках технологии обучения государственных служащих, можно использовать анкетирование с целью получения персонифицированной информации, отражающей индивидуальное отношение персонала к личностным и организационным потребностям в повышении квалификации или переподготовки. Это позволит получить репрезентативную информацию, достоверно описывающую причины возникновения имеющейся образовательной потребности, позволит дать наиболее вероятный прогноз дальнейшего развития и сформулировать оптимальные и эффективные пути ее решения. Такая информация играет важную роль в решении вопросов стратегического планирования в управлении персоналом организации или учреждения, обеспечивает обратную связь между субъектами (властными, административными структурами, руководителями предприятий, организаций) и объектами (населением, отдельными социальными группами, работниками) управления, выработку научно обоснованных управленческих решений [1].

Для изучения кадровых процессов в органах государственного управления можно использовать другой социологический метод – анализ документов, представляющий собой совокупность методических приемов и процедур, применяемых для извлечения из документальных источников социологической информации при изучении социальных процессов и явлений для решения определенных исследовательских задач. Метод анализа документов практически так же универсален, как и опросные методы. В практике исследования применяют два основных метода анализа документов: традиционный (качественный) и формализованный (контент-анализ). Традиционный метод анализа документов — это метод качественного анализа документов, который сводится к их чтению, пониманию и интерпретации содержания, и основан на общих логических операциях, таких, как анализ, синтез, сравнение, определение, оценивание.

Формализованный метод – это перевод качественной информации в количественные показатели с последующей ее статистической обработкой [6].

Метод опроса, анализ документов и другие социологические методы используются в рамках мониторинга кадрового состава органов государственного управления и оценки эффективности их деятельности. Как метод социологического исследования, мониторинг получил развитие в практике социального управления при изучении процессов с быстрым накоплением количественных и качественных изменений в параметрах исследуемого объекта.

Мониторинг кадровых процессов - это наблюдение, фиксирование и оценка явлений, которые возникают как результат интегрированной совокупности предшествующих событий, концентрированное проявление многообразия взаимодействий и кадровых отношений в наблюдаемой системе [1].

Информационной основой мониторинга является официальная статистическая отчетность о численности руководителей, их образовательном уровне, возрастной структуре, а также их распределение по уровням управления, отраслям, сферам деятельности, административным областям. Используются также статистические данные о численности работников, прошедших повышение квалификации, переподготовку, стажировку, в том числе за рубежом [4].

Оцениваемые параметры в рамках мониторинга: укомплектованность кадрами государственного органа, организации (движение кадров, наличие вакансий); качественная характеристика персонала; методы подбора кадров; резерв руководящих кадров и организация работы с ним; аттестация управленческих кадров; профессиональное развитие кадров [3].

Цель мониторинга – оценка состояния кадрового обеспечения и складывающихся тенденций в работе с кадрами в государственных органах и организациях, своевременное выявление кадровых проблем, эффективное

использование кадрового потенциала. Отслеживание изменений количественного и качественного состава кадрового потенциала позволит создавать и поддерживать необходимые условия эффективного функционирования органов государственного управления и иных государственных организаций [2].

На современном этапе развития государственной службы в Республике Беларусь назрела необходимость применения системного подхода к оценке кадрового потенциала государственной службы при помощи социологических методов, учету количественных и качественных параметров, закономерностей и тенденций развития за определённый период времени. Социологическое обеспечение кадровых технологий позволит существенно повысить качество реализации государственной кадровой политики.

Литература:

1. Давиденко, А.А. Социологическое обеспечение кадровыми процессами: социологический аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oaji.net/articles/2014/245-1394264838.pdf>. – Дата доступа: 23.02.2016
2. Деркач, А.А. Акмеология кадровой работы / А.А. Деркач. – Москва : РАГС, 2009. – 308 с.
3. Докучиц, Д.С. Применение современных методов в организации кадровой работы исполкомов базового уровня: пособие. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. –2012.– 82 с.
4. Канеева, Ю.Р. Система мониторинга кадрового потенциала государственной и муниципальной службы в регионе как инновационный механизм повышения эффективности деятельности служащих / Ю.Р. Канева // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2010. – № 3. – С. 34-40.
5. Смехнова, Г.П. Основы прикладной социологии. – М.: Вузовский

учебник, 2012. –252 с.

6. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / Ядов В.А. - М. : ИКЦ Академкнига, Добросвет, 2003. - 570 с.

Повышение качества жизни населения и социальной устойчивости сельских территорий на основе обеспечения продовольственной безопасности

Sadykov, R.

Improving the quality of life of the population and social sustainability of rural areas on the basis of food security

Уменьшение объемов производства сельскохозяйственной продукции и государственной поддержки аграрного сектора экономики привели к обострению проблемы обеспечения продовольственной безопасности и социальной устойчивости сельских территорий. Важным является совершенствование региональной аграрной политики и повышение конкурентоспособности продукции местных производителей, а также увеличение инвестиционной привлекательности отрасли. Одним из главных факторов устойчивого инновационного развития аграрных территорий является гармоничное сочетание коллективных, фермерских и семейных форм хозяйствования, обеспечивая, таким образом, стабильный доступ к продуктам питания, сокращение безработицы и повышение уровня доходов сельского населения.

The decline in agricultural production and the state support of the agrarian sector of the economy have led to an aggravation of the problem of food security and social stability in rural areas. It is important to improve the regional agricultural policy and increase the competitiveness of local production and the investment attractiveness of the industry. One of the main factors of sustainable innovation development of agricultural areas is a harmonious combination of collective farms and family-based farming, thereby ensuring stable access to food, reducing unemployment and increasing rural incomes.

Ключевые слова: сельское население, социальная устойчивость территорий, сельская занятость, продовольственное обеспечение, устойчивое развитие сельских территорий.

Key words: rural population, social stability of areas, rural employment, food security, sustainable development of rural areas.

В пореформенный период в связи с уменьшением государственной поддержки аграрного сектора экономики и объемов производства сельскохозяйственной продукции обострились проблемы обеспечения продуктами питания и продовольственной безопасности страны. Обозначенные проблемы и новые экономические кризисные условия привели к снижению качества жизни населения и социальной устойчивости сельских территорий. Проводимая государственная аграрная политика подорвала ресурсы и возможности крупных сельскохозяйственных организаций. Сегодня в бедственном положении находятся крупные сельскохозяйственные организации, недостаточно развиты фермерские и личные подсобные хозяйства населения. В условиях кризиса значительная часть ресурсов и производственной деятельности переместилась из крупных сельскохозяйственных организаций в мелкие производства – в личные подсобные (домашние) хозяйства сельского населения (ЛПХ) и фермерские (крестьянские) хозяйства. В условиях нестабильности в аграрном секторе региона сложилась принципиально новая структура производства продукции сельского хозяйства. Личное домашнее хозяйство превратилось из вспомогательного в преобладающий источник обеспечения сельскохозяйственной продукции. В новых условиях кризиса в аграрном секторе за счет ЛПХ удалось в значительной мере восполнить падение производства в сельском хозяйстве Республики Башкортостан.

Республика Башкортостан по производству продукции сельского хозяйства занимает передовые места по Российской Федерации и в Приволжском федеральном округе. Регион в числе лидеров по поголовью

крупного рогатого скота, лошадей, по производству картофеля, сахарной свеклы, овощей, молока и мёда. Сельскохозяйственными производителями республики в 2015 г. произведено продукции на сумму 152,1 млрд. рублей (103,2% в сопоставимой оценке к 2014 г.), из них продукции растениеводства – 67,6 млрд. рублей (107,3% к 2014 г.), продукции животноводства – 84,5 млрд. рублей (100,2% к 2014 г.) [6].

Большая часть продукции в 2015 г. получена в личных хозяйствах населения (54,0%), доля сельскохозяйственных организаций составила 36,6%, крестьянских (фермерских) хозяйств – 9,4% (в 2014 г. – 59,7%, 33,1%, 7,2% соответственно). В хозяйствах всех категорий произведено 3005,4 тыс. т зерна (124,1% к уровню 2014 г.); 1133,5 тыс. т картофеля (93,8%), 1301,2 тыс. т сахарной свеклы (104,1%), 267,9 тыс. т подсолнечника (127,1%), 366,3 тыс. т овощей (104,8%). Основная доля зерна, сахарной свеклы и подсолнечника выращена в сельскохозяйственных организациях, картофеля и овощей – в личных хозяйствах населения.

В Республике Башкортостан личное подсобное хозяйство превратилось в сектор сельского хозяйства, опережающий по многим показателям крупные сельскохозяйственные организации и фермерские хозяйства (табл. 1).

Таблица 1

Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств Республики
Башкортостан
(в фактически действовавших ценах; в % к итогу)

Годы	Сельскохозяйственные организации	Личные подсобные хозяйства	Фермерские хозяйства
Продукция сельского хозяйства			
2000	50,0	48,9	1,1
2005	32,8	62,6	4,6

2010	28,7	67,4	3,9
2014	32,6	60,3	7,1
Продукция растениеводства			
2000	63,2	35,1	1,7
2005	45,7	47,2	7,1
2010	30,0	66,0	4,0
2014	35,6	55,1	9,3
Продукция животноводства			
2000	38,9	60,6	0,5
2005	24,1	73,0	2,9
2010	28,0	68,2	3,8
2014	30,4	64,2	5,4

В пореформенный период в регионе наблюдается тенденция роста доли продукции хозяйств населения в общем объеме аграрного производства. Рост зафиксирован как в производстве продукции растениеводства, так и продукции животноводства. Так, в последние годы продукция растениеводства производится на одну треть больше, животноводства более двух раз, чем в сельскохозяйственных организациях. В условиях экономического и финансового кризиса в стране домашние хозяйства селян не только сохранили своё устойчивое положение среди производителей сельскохозяйственной продукции, но и заметно увеличили объемы производства продуктов питания. В Республике Башкортостан значение этой формы хозяйствования намного выше, чем в России [3,4].

Для трудоспособного сельского населения в условиях безработицы личное подворье является основным и единственным местом приложения труда. Наличие частного хозяйства дает возможность привлечения детей к труду, служит фактором социализации и воспитания. ЛПХ продолжают оставаться одними из важнейших факторов сохранения традиционных для

данной территории способов хозяйствования, народных промыслов, ремесел, т.е. экономических основ этнического развития [5].

Очевидно, что в Республике Башкортостан личное подворье является источником наиболее ценных продуктов питания, то есть обеспечивает сельское население такими продуктами, как мясо, молоко, картофель, овощи, мёд, основные виды фруктов и ягод. Соответственно частный сектор выступает для сельских жителей основным источником потребляемых продуктов питания, дополнительных доходов, занятости и фактором социальной устойчивости в условиях нестабильности [2].

В новых кризисных условиях большинство сельскохозяйственных предприятий и организаций не могут осуществлять расширенное воспроизводство, использовать антикризисные экономические меры, предоставляемые федеральным центром и регионом. Практически все сельскохозяйственные товаропроизводители в хозяйственном отношении разобщены между собой и не могут противостоять новым экономическим условиям и субъектам. Эти субъекты преследуют свои цели, выдвигают им невыгодные и несправедливые условия. В последние годы всё больше отстает и техническое обновление аграрного сектора, что связано с низкой доходностью производителей продукции сельского хозяйства. Также в аграрном секторе ограниченно и слабо внедряются инновации, и доступны лишь незначительной части сельскохозяйственных организаций. Ресурсы и возможности для инновационной деятельности значительно меньше, чем это требуется для развития сельского хозяйства.

Тем не менее, в условиях нестабильности мировой экономики и применения ограничительных экономических мер большинство производителей продукции сельского хозяйства сохранили своё существование и укрепили свой социально-экономический потенциал. Некоторые из них в этих условиях проявили способность к устойчивому развитию. Но, при сохранении сложившегося уровня конкурентоспособности аграрной отрасли, возможности её перспективного развития недостаточны.

Прежде всего, ограниченность стабильного развития недостаточно для повышения уровня и качества жизни сельского населения региона в новых условиях, гарантированного удовлетворения растущего спроса на продукты питания, устойчивого воспроизводства материально-технического, кадрового, природного, экономического и социального потенциала сельского хозяйства. Все это в свою очередь обуславливает дальнейшее увеличение разрыва в уровне жизни сельского и городского населения; обострение социально-экономического кризиса сельских территорий; актуализацию угроз снижения физической и экономической доступности продовольствия для населения региона. Поэтому реальным условием выхода аграрного сектора экономики из создавшейся ситуации является переход на устойчивую инновационную модель развития.

Устойчивое инновационное развитие сельского хозяйства направлено на повышение уровня производства местных конкурентоспособных продуктов питания, обеспечение продовольственной безопасности и социальной устойчивости территорий. Одним из основных факторов устойчивого инновационного развития аграрных территорий является гармоничное сочетание коллективных, фермерских и семейных форм хозяйствования с ресурсосберегающими технологиями. Тем самым в регионе обеспечивается стабильный доступ к местным продуктам питания, доступ к ним для бедных и малообеспеченных групп населения; сокращение безработицы, повышение уровня доходов и качества жизни сельского населения. Обеспечение продовольственной безопасности осуществляется на основе ускоренного развития и модернизации регионального агропромышленного комплекса, повышения эффективности государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и расширения их доступа на рынки сбыта продукции. Для решения данной задачи необходимо поддерживать региональные образовательные инициативы, использование экономических инноваций и развитие новых перспективных технологических инициатив. Таким образом, общие задачи стратегии

устойчивого сельского развития состоят в сокращении бедности и увеличении вклада сельского населения в экономическое, социальное и экологическое благосостояние страны [7].

Условием устойчивого развития сельских территорий является переход на инвестиционно-инновационную модель развития, характеризуемую повышением уровня производства продуктов питания и обеспечением продовольственной безопасности, на основе реализации аграрной кластерной политики. Устойчивому инновационному развитию сельского хозяйства будет способствовать создание регионального аграрного кластера и регионального продовольственного кластера. Региональный аграрный кластер включает в себя: производство продуктов сельского хозяйства (крупные сельскохозяйственные предприятия и организации, фермерские (крестьянские) хозяйства, хозяйства населения и др.); научные и образовательные учреждения; заготовительные предприятия и организации, в том числе кооперация; перерабатывающие предприятия; рыночные структуры, предприятия оптовой и розничной торговли; финансовые структуры; предприятия, поставляющие средства производства для аграриев и производственные услуги [1].

Сельскохозяйственные организации, фермерские и личные формы хозяйствования будут представлять региональный продовольственный кластер. Оптимальное и гармоничное сочетание всех форм хозяйствования и повышение их жизнеспособности – это основная идея кластерного подхода. В современной аграрной экономике будут представлены семейные хозяйства частного типа, крестьянские семейные хозяйства фермерского типа, крупные хозяйства с коллективной организацией производства при различных формах собственности. Сочетание коллективных, фермерских и семейных форм хозяйствования с ресурсосберегающими технологиями, с применением инновационных технико-технологических и организационно-экономических решений будет способствовать обеспечению продовольственной безопасности и устойчивому инновационному развитию сельских

территорий. Развитие организационно-технологических укладов должно сопровождаться улучшением показателей, характеризующих сельское хозяйство с его качественной стороны. Улучшение качественных показателей, достигаемое модернизацией аграрной сферы экономики, будет основой роста сельскохозяйственного производства.

Данное исследование выполнено в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме № 0253-2014-0001 «Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноуровневых социально-экономических систем с позиций обеспечения национальной безопасности» (№ гос. регистрации 01201456661).

Список литературы

1. Гатауллин Р.Ф., Аскарлов А.А., Хужахметова Г.Н., Ярков Н.В. Организационно-экономические формы и эффективные методы государственного регулирования сельского хозяйства // Экономика региона. – 2015. – № 2. – С. 271–284.
2. Гатауллин Р.Ф., Садыков Р.М. Личное подсобное хозяйство как фактор обеспечения устойчивого развития сельских территорий // Вестник АПК Ставрополя. – 2015. – №2 (18). – С. 234–238.
3. Садыков Р.М. Актуальные проблемы села и политика в сфере занятости сельской молодежи // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 20 (201). Философия. Социология. Культурология. Вып. 18. – С. 166–173.
4. Садыков Р.М. Занятость молодежи в сельской местности: проблемы и пути решения // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Том 16. – №1. – С. 218–222.
5. Садыков Р.М. Социальные проблемы сельского населения в условиях кризиса в аграрном секторе и пути их решения // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 119–126.

6. Статистический сборник. Республика Башкортостан в цифрах: В 2 ч. Ч. 2 / Башкортостанстат. – Уфа, 2015. – 224с.

7. Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: зарубежный опыт и проблемы России. – М.: Товарищество научных изданий КМК. – 2005. – 615с.

Смолина, Н.С.|| Зырянова, И.И.

Становление социального предпринимательства в России

The becoming of social entrepreneurship in the Russian Federation

В данной статье рассматриваются проблемы становления и развития социального предпринимательства в Российской Федерации, дано определение социального предпринимательства и его основные отличия от классической предпринимательской деятельности, представлены примеры социального предпринимательства в Российской Федерации.

In this article discusses the problems of becoming and development social entrepreneurship in the Russian Federation, gives a definition of social entrepreneurship and the main difference from classical business activity, gives the information about main social entrepreneurship in the Russian Federation.

Ключевые слова: СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО, СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА, ОБЩЕСТВО.

Key words: SOCIAL ENTREPRENEURSHIP, SOCIAL PROBLEM, SOCIETY.

Многовековой опыт развития человечества свидетельствует о том, что внедрение принципиально новых концепций и идей чаще всего сталкивается с активным сопротивлением со стороны общества. Любое новшество обычно проходит через три стадии – «такого не может быть, потому что не было никогда», «что-то в этом есть» и последняя, завершающая – «только так и должно быть». Социальное предпринимательство, новое для нашей страны направление развития бизнеса, не стало исключением.

В ранние периоды развития капитализма даже связать в голове такие вещи как получение прибыли и решение остросоциальных проблем не представлялось возможным. «Такого не может быть, потому что никогда не было». Однако с течением времени ситуация в мире претерпела заметные изменения. Теперь социальное предпринимательство являет собой одно из

самых удачных слияний между извлечением чистой прибыли и возможностью быть полезным обществу, решая возникающие в нем проблемы.

Чередой сильных социально-экономических проблем (в том числе, мировой финансовый кризис 2008 года и зарождающийся кризис нынешнего десятилетия) демонстрирует тот факт, что в одиночку государство не способно эффективно и своевременно решать возникающие проблемы общества. Громоздкий бюрократический аппарат попросту не в состоянии давать быструю обратную связь запросам социума. Возникает объективная, продиктованная факторами необходимость пересмотра роли корпоративного сектора в решении социально-важных проблем населения. Мировой опыт свидетельствует о том, что наибольших успехов в своем развитии добиваются инновационно ориентированные проекты. В этом и состоит актуальность изучаемой темы.

Несмотря на то, что в научной литературе термин «социальное предпринимательство» появился сравнительно недавно – в 60-е годы XX века, данное явление, как социально-направленная деятельность, связанная с извлечением выгоды, появилось достаточно давно. В России одним из первых социальных предпринимателей можно назвать Иоанна Крондштатского, основателя Дома трудолюбия в конце XIX века. По задумке отца Иоанна в Доме каждый желающий, будь то бездомный или инвалид, мог найти себе работу по способностям, а также получить крышу над головой и пропитание. Впоследствии Дома трудолюбия в несколько видоизмененных формах распространились и по всей России [4].

Таким образом, термин «предпринимательство» будет трактоваться нами как свободное экономическое ведение хозяйства в разных сферах деятельности (кроме запрещенных законодательными актами), осуществляемое субъектами рыночных отношений с целью удовлетворения потребностей конкретных потребителей и общества в товарах и услугах и получения прибыли (дохода).

Социальное предпринимательство включает в себя все черты классической предпринимательской деятельности, однако с тем отличием, что открывая своё предприятие, социальный предприниматель в основу его существования закладывает идею помощи в решении назревающих социальных проблем.

Таким образом, социальное предпринимательство – это предпринимательская деятельность, нацеленная на смягчение или решение социальных проблем[3]. Социальное предпринимательство это не благотворительная организация, существующая на средства добровольных пожертвований. Это коммерческая структура, нацеленная на получение прибыли, но в то же время, оказывающая поддержку и помощь определенным кругам общества.

Считается, что социальное предпринимательство способно проникать вглубь проблемы, тем самым устраняя её причины, а не просто поверхностно ликвидировать симптоматику проблем.

В настоящее время нет никаких сомнений в том, что социальное предпринимательство – конструктивно новый этап в развитии и сосуществовании экономической, государственной и социальной сфер общества, а также эффективный способ решения острых социальных проблем.

Социальное предпринимательство благодаря высокой результативности в получении конкретных результатов получило широкое распространение по всему миру. Такие страны, как Великобритания, Германия и Нидерланды по праву признаны наиболее успешными в области воплощения социального предпринимательства в реальную жизнь.

Уровень развития малого бизнеса страны напрямую определяет степень развития экономики. Однако даже само понятие «социальное предпринимательство» практически отсутствует в современных российских реалиях. Далеко не каждому россиянину знакомо данное явление. С точки

зрения российского законодателя социальное предпринимательство как явление, требующее правового регулирования, отсутствует.

Термин «социальное предпринимательство» в российских документах найти довольно проблематично. Впервые изучаемое понятие было использовано в официальных документах в 2011 году. Данное словосочетание было использовано при разъяснении проекта Приказа Министерства экономического развития (далее по тексту – Минэкономразвития), направленного на реализацию мероприятий по государственной поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства, повлиявшего на перераспределение грантов субъектами Российской Федерации. Примечательно, что в Приказе впервые официально определено понятие «социальное предпринимательство». Согласно Минэкономразвития, данное понятие следует понимать как социально ответственную деятельность субъектов малого, среднего и микропредпринимательства, направленную на решение социальных проблем[1].

Становясь социальным предпринимателем, человек понимает, что извлечь из своего предприятия большую прибыль вряд ли удастся – социально-значимые проблемы никогда не будут источником извлечения хороших доходов. Однако государство пока не спешит оказать свое покровительство зарождающимся социальным предприятиям, которым подчас крайне тяжело конкурировать с другими крупными предприятиями.

В России данное явление лишь получает своё зарождение, перестает быть для россиян terra-incognita. К сожалению, существующих на постоянной основе социальных предпринимателей крайне мало. Основной вклад в развитие социального предпринимательства в нашей стране вносит Фонд региональных национальных программ «Наше будущее». Благодаря финансовой и консультативной поддержке Фонда получили путевку в жизнь многие социальные предприниматели. «Наше будущее», частный фонд бизнесмена Вагита Алекперова, выделил на развитие социального

предпринимательства около 130, 5 миллиона рублей за последние пять лет[2].

Безусловно, чтобы успешно действовать в условиях рыночной конкуренции, быть самокупаемым предприятием и не становиться обузой для государства, социальному предпринимателю нужна не только финансовая помощь, но к тому же навыки и знания. Фонд В. Алекперова оказывает поддержку формированию подобного курса на площадке МГУ им. М.В. Ломоносова. Помимо Фонда «Наше будущее» стоит отметить деятельность Ситибанка, который занимается обучением начинающих стартаперов (от [англ.](#) startup, букв. «начало процесса») путем реализации грантовых проектов на площадке Высшей школы менеджмента в Санкт-Петербурге.

Важную роль в развитии собственного дела и поддержании его рентабельности играет умение решать вопросы бухгалтерского учета и знание правовой основы бизнеса. Существование единого консалтингового центра, где можно было бы получить грамотную помощь, стало бы незаменимым подспорьем в развитии социального предпринимательства. В настоящее время посильную помощь в возникающих вопросах с финансово-правовыми задачами оказывают многие крупные компании и консалтинговые агентства. Зачастую, оказывая социальным предпринимателям подобные услуги либо по льготным ценам, либо вообще бесплатно в ключе благотворительных программ. В числе таких компаний находится и РУСАЛ. Компания с успехом внедряет программу развития моногородов, включив в неё проекты поддержки социального предпринимательства.

В городе Череповец компания «Севастополь» совместно с городскими властями реализует проект поддержки социального предпринимательства «Агенство городского развития». Схожий проект существует у компании «СУЭК» под названием «СУЭК – регионам».

Стоит подчеркнуть важность вклада крупного бизнеса в поддержку и развитие социального предпринимательства. Для того чтобы этот новый

бизнес активно развивался, необходимо расширить информирование общества о нем, разработать законодательную базу данного направления. Тем самым возможно решить ряд столь важных для общества социальных проблем.

Представляется возможным дальнейшее развитие социального предпринимательства и его внедрение в российские реалии. Чтобы данный процесс проходил успешно, необходимо активное участие государства в виде создания нормативно-правовых актов, законодательно закрепляющих социальное предпринимательство, более мягкая система налогообложения и сбора необходимого пакета документов, а также привлечение внимания к данной теме и увеличение привлекательности в глазах населения подобного рода деятельности.

Список литературы

1. Гришина, Я.С. Инновационно-правовое регулирование поддержки социального предпринимательства в сфере среднего и малого бизнеса// Журнал Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского Выпуск №3-2/ 2014
- 2.Жохова, В.В. Социальное предпринимательство: сущность и понятие//Журнал [Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление](#) Выпуск № 1 (73) / 2015
- 3.Мухин, А.В. Эволюция социального предпринимательства. Основные функции социального предпринимательства// Журнал [Новые технологии](#) Выпуск № 2 / 2011
- 4.Храпоничева, Е.В. Дома трудолюбия. История создания в XIX веке рабочих домов и домов призрения// Московский журнал. -1999. — №9.

Н.С.Халиль

г. Екатеринбург, Уральский государственный экономический

университет

nawrs_h@yahoo.com

Разработка и оценка эффективности стратегического плана финансово-кредитной организации

Аннотация:

В статье выявлены проблемы развития банковского сектора на современном этапе. Определены факторы эффективности стратегического плана развития банковского сектора, сформулированы задачи стратегического плана. Получен вывод о том, выбор направлений развития банков во многом основан на анализе деятельности конкурентов, финансовых возможностей и законодательного регулирования.

Ключевые слова: эффективность, банк, стратегический план

Эффективность, как фундаментальная составляющая деятельности банка является существенным фактором развития, содействует непрерывности и ускорению воспроизводственного процесса, укреплению экономического потенциала банка. Актуальность проблемы разработки эффективной стратегии банковской деятельности обусловлена факторами как внешней (состояние экономики, политических преобразований, законодательства), так и факторами внутренней среды (технологии, персонал, финансовые возможности). Банк, который не занимается вопросами стратегического развития, обречен на отставание от конкурентов.

По мнению Лебедевой Т.И., среди существенных проблем эффективности банковского сектора присутствуют [3,18]:

- стремление владельцев и менеджмента банков при принятии бизнес-решений к краткосрочной прибыли в ущерб финансовой устойчивости;
- низкое качество корпоративного управления и управления рисками;

– недостоверность учета и отчетности, искажение информации о работе кредитных организаций.

Емельянов В.А. считает, что эффективность стратегического плана банковской деятельности обусловлена действием экономических законов, в том числе и модели жизненных циклов [2,15].

При рассмотрении процесса развития банковской системы по схеме модели жизненных циклов [3,16], в фазе роста проходящей этапы «выхаживание», «младенчество», «давай-давай», «юность», «расцвет», «стабильность», то нынешний этап развития банковской системы можно охарактеризовать как переход от этапа «давай-давай», или «деньги пошли», когда построена первичная работоспособная модель бизнеса, к этапу «юность». Первичная модель бизнеса, этап экстенсивного развития банковской системы, самые высокие темпы прироста основных показателей пассивов и активов складывались в 2005–2008 гг [8, 11]. Первичная модель бизнеса не устойчива и работает короткое время, что и проявилось фактически в 2008 г. Этот этап развития характеризуется «дилеммой профессионализма», когда собственники-менеджеры осознают, что сложность бизнеса существенно возросла и им уже не хватает профессиональных знаний для успешного самостоятельного управления бизнесом. Преодолению этого недостатка способствовало стимулирование повышения эффективности корпоративного управления в коммерческих банках. Были изданы нормативные документы, нацеливающие российские банки на формирование эффективных структур корпоративного управления с привлечением наемных менеджеров [4, 5].

В дальнейшем это позволило сформировать основы эффективного управления, расширило возможности развития.

На современном этапе стратегия развития кредитных организаций нацелена на активное участие банков в модернизации экономики на основе существенного повышения уровня и качества банковских услуг, предоставляемых организациям и населению, и обеспечение системной

устойчивости банковского сектора.

Задачи стратегического развития банковского сектора можно сформулировать как совокупность связанных элементов[5,18]:

1. Конкуренция.
2. Удовлетворение потребностей клиентов Банка
2. Разнообразие и качество услуг.
3. Капитализация.
4. Корпоративное управление и риски.
5. Информационная открытость перед клиентами.
6. Участие и ответственность акционеров за бизнес и его результаты.

Роман ПАШКОВ, начальник юридического управления ОАО «Международный банк финансов и инвестиций» [9] считает, что в любой стратегии развития банка должны быть определены приоритетные направления его развития. На основе данных направлений банк разрабатывает продуктовую линейку и тарифную политику, выделяя флагманские продукты. Банк рассматривает данные продукты как оптимальные с позиций его дальнейшего органичного роста как кредитной организации.

Для каждого сегмента клиентов банк должен предлагать свою линейку продуктов, и естественно, что предложение для крупного бизнеса полностью отличается от розничного направления.

Банки определяют ряд главных клиентских секторов, внутри которых осуществляется сегментирование, а также поиск подходов к образованию в них продуктового предложения:

- корпоративный – к нему относятся крупные корпоративные клиенты, а также кластеры (юридические лица, связанные в группу), предложения которым осуществляется на специально разработанных условиях;
- индивидуальный – к нему относятся средние и крупные корпоративные клиенты, их обслуживание основывается на индивидуальном консалтинге по инвестиционному и финансовому планированию, что, в свою

очередь, является основой для образования персональной продуктовой линейки;

- розничный – к нему относятся представители малого бизнеса и население.

Исходя из этого определяются приоритетные направления бизнеса банка. Вышеизложенные приоритетные направления выступают как система предложений флагманских продуктов банка тому или иному клиентскому сектору. Банк воспринимает свои продукты как корзину, которая составляется под конкретного клиента или группу клиентов.

Акционерам, руководству банков необходимо правильно осмыслить данную ситуацию, определить место своих банков в банковской системе, оценить возможности и угрозы[1, 34].

Для определения конкурентного положения Банка в целях разработки стратегии необходимо оценить[9]:

Факторы, связанные с персоналом

Факторы, связанные с финансами

Факторы, связанные с услугами

Стратегия не является нормативным документом, банки имеют широкие возможности ее понимания, трактовки и использования на практике.

Но неверное стратегическое позиционирование банка чревато проблемами для него и его клиентов, сотрудников, акционеров, и этого необходимо избежать[7, 51].

Не определяя явно приоритеты в составляющих стратегии интенсивного развития, условно на первое место выходят вопросы конкуренции на банковском рынке. Принятие органами управления банка обеспечение конкурентоспособности как основной стратегической задачи, позволяет соподчинить ей логически другие составляющие интенсивной модели развития. Конкуренция, борьба за клиентов в условиях «рынка покупателя» требует[6, 15]: предоставления клиентам разнообразных и

качественных банковских услуг; информационной открытости банков перед клиентами.

Таким образом, стратегический план банковской деятельности должен быть комплексной, взаимоувязанной программой долгосрочной развития, который позволит развивать кредитное учреждение по всем основным направлениям деятельности. Необходимость разработки такого стратегического плана обусловлена значительными изменениями во внешней и внутренней среде кредитной организации. Эффективность стратегии зависит от множества факторов, поэтому определение возможностей развития должно быть основано на анализе конкурентов, услуг, финансовых возможностей и законодательного регулирования.

Список литературы

1. Амирханова Л.Р. Обеспечение устойчивости и экономичности производственной деятельности Банка / Л.Р. Амирханова. - М.: Изд-во МАИ, 2013. - 182 с.
2. Емельянов В.А. Рыночная активность Банка / В.А. Емельянов, Н.П. Беляцкий, П.А. Достанко. - М.: Наука, 2013. - 190 с.
3. Лебедева Т.И. Повышение эффективности управления Банками путём управления тарифами: монография Ижевск, 2013. - 125 с.:
4. Окрепилова И.Г. Организация менеджмента качества на предприятии: учеб.пособие / И.Г. Окрепилова, А.Ю. Курочкина, М.:ЛЕНАНД, 2014. - 180 с.
5. Проблемы совершенствования АКБ «ВТБ24» производства и управления промышленными Банками: межвуз. сб. науч. тр. - Самара, 2013. - Вып. 2.
6. Хайниш С.В. Управление изменениями и механизмы активного развития на предприятии. Из опыта управленческого консультирования / С.В. Хайниш, Н.Ю. Токарева; Междунар. НИИ пробл. упр., Междунар. центр упр. и инвестиц. консультирования (ИМІ-консалтинг). - М.: ЛЕНАНД, 2009. - 230

с.

7. Хартман А. Безупречное руководство: пер. с англ. / Амир Хартман. - Ростов-н/Д, 2009. - 254 с.

8. Чанько А.Д. Опыт диагностики организационной культуры российских компаний / А.Д. Чанько // Рос.журн. менеджмента. - 2013. - Т. 3, № 4. - С.

9. banki.ru › [Банки](#) › [Финансовые показатели](#)

УДК 37.02

Хохолуш, М. С.

Ситуационное лидерство: процесс подготовки менеджеров

Situational leadership: process of training of menegers

Данная статья посвящена проблеме ситуационного лидерства, рассматривается теория Пола Херси и Кена Бланшара – «теория жизненного цикла». В статье анализируются многомерные стили лидерства, зависящие от двух факторов: ориентации на решение конкретной задачи и отношения к людям. Определяются рекомендуемые стили лидерства в зависимости от степени зрелости исполнителей: директивный, наставнический, поддерживающий, делегирующий. В статье предлагаются формы и методы самостоятельной работы студентов высшей школы, которые способствуют развитию зрелости исполнителей и формированию лидера уже на этапе получения высшего образования.

This article deals with the problem of situational leadership. The theory of Paul Hersey and Ken Blanshar known as “the Theory of life cycle” is considered in this article. The article analyses multivariate styles of leadership that depends on two factors: orientation to the solutions of a specific task and attitude to people. The recommended leadership styles are distinguished. They depend on the maturity degree of the performers. There are directive, tutorial, supportive and delegating styles. The article offers the forms and techniques of individual work for the higher school students. They contribute to the performer’s maturity and to the leader shaping while being on the stage of getting higher education.

СИТУАЦИОННОЕ ЛИДЕРСТВО, «ТЕОРИЯ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА», СТИЛИ ЛИДЕРСТВА, ЗРЕЛОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ, САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА, КОМПЕТЕНЦИИ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ.

SITUATIONAL LEADERSHIP, “THE THEORY OF LIFE CYCLE”, THE STYLES OF LEADERSHIP, THE MATURITY OF PERFORMERS, SELF-STUDY, COMPETENCES, FORMS AND METHODS OF WORK.

Ситуационное лидерство – это концепция, которая рассматривает различные стили управления людьми в зависимости от уровня их развития.

Теория ситуационного лидерства была разработана Полом Херси (Paul Hersey), являвшимся специалистом по управлению. Он был профессором в таких учебных заведениях как Nova Southeastern University, Университет Северного Иллинойса, Калифорнийский Государственный Университет, а также являлся основателем консалтинговой компании и Центра исследований лидерства. Его соавтором был Кен Бланшар (Ken Blanchard) – американский исследователь поведения, эксперт в области менеджмента, автор 50 книг, переведенных на 37 языков.

Эти ученые назвали свою теорию «теорией жизненного цикла», согласно которой самые эффективные стили лидерства зависят от «зрелости» исполнителей. При этом авторы характеризовали зрелость не как возраст тех самых исполнителей. Под зрелостью отдельных лиц и групп они понимали способность людей нести ответственность за свое поведение, желание достигнуть поставленной цели, образование и жизненный опыт, а также отношение к конкретной задаче, которую необходимо выполнить. Согласно Херси и Бланшару, понятие зрелости не является постоянным качеством лица или группы, а, скорее, характеристикой конкретной ситуации. Поэтому руководитель имеет право менять свое поведение в зависимости от зрелости лица или группы. Он сам устанавливает уровень зрелости, оценив стремление к достижению поставленной цели, способность нести ответственность за свою деятельность, а также уровень образования и опыт работы, полученные исполнителем ранее [2, с. 84].

Согласно данной теории существуют четыре стиля лидерства, которые определяются с учетом двух факторов: ориентацией на решение конкретной задачи и отношением к людям. Выделяют следующие стили:

- 1) Директивный стиль, или лидерство путем приказа, для которого характерна высокая ориентация на задачу и низкая – на людей. Используя

этот стиль, лидер даёт конкретные указания и следит за выполнением заданий. Основным способом руководства – жёсткая постановка целей и приказы.

2) Наставнический стиль, или лидерство путем продажи идей – совмещение высокой ориентированности на задачу и на людей. Руководитель продолжает давать указания и следить за выполнением заданий, но при этом объясняет принятые решения подчинённому, предлагает высказывать свои идеи и предложения.

3) Поддерживающий стиль, или лидерство путём участия в организации процесса работы – высокая ориентация на людей и низкая – на задачу. Лидер поддерживает и помогает своим подчиненным в их работе. Лидер участвует в процессе принятия решений, но решения принимаются в большей степени подчиненными.

4) Делегирующий стиль, или лидерство путем делегирования – низкая ориентация и на людей, и на задачу. Лидер передает полномочия, права и ответственность другим членам команды, которые «выросли» до самостоятельного управления [1, с. 33]

По сути, работа лидера заключается в том, чтобы планомерно и целенаправленно «провести» своего сотрудника, используя все стили руководства по отношению к нему и «вырастить» нового лидера, способного на руководство другими людьми с учетом этих стилей.

Новые сформировавшиеся лидеры должны быть способны направлять людей на достижение целей организации с наименьшими издержками и побуждать их действовать эффективно и целесообразно; выбирать оптимальные методы решения поставленных задач, осуществлять эффективный контроль на всех этапах управления за деятельностью своих подчиненных; уметь использовать свои профессиональные и личностные качества для грамотного выдвижения целей управления, их обоснования и своевременного инициирования, создания сильной дееспособной организации.

Как же работать с сотрудниками, которые значительно отличаются между собой по многим качествам, как профессиональным, так и личным, по-разному мотивированы на работу, имеют разные компетенции (общие, общекультурные, общепрофессиональные) и разный опыт работы?

Согласно теории Херси и Бланшара, необходимо понимать, с кем работает руководитель в конкретной ситуации в зависимости от уровня развития сотрудников по отношению к задаче, при достижении целей организации. Выделяют четыре типа сотрудников:

– P1 – «Неспособен, но настроен». Сотрудник достаточно хорошо мотивирован, демонстрирует энтузиазм, но не имеет достаточных знаний и компетенций для решения задачи. В этом случае рекомендуется использовать директивный стиль руководства.

– P2 – «Неспособен и не настроен». У сотрудника, находящегося на этом уровне, обычно уже есть определенные знания и компетенции, но их недостаточно для решения задачи, кроме того, он не мотивирован на работу. Возможно, это произошло из-за того, что его ожидания от работы не нашли оправдания или его потребности не встретили отклика со стороны лидера. В этом случае необходимо использовать наставнический стиль лидерства.

– P3 – «Способен, но не настроен». Сотрудник имеет знания и компетенции для выполнения задачи, однако его уверенность в себе и своих силах неустойчива, мотивация остается на достаточно низком уровне, он не готов взять на себя некоторые функции лидера. Рекомендуется использовать поддерживающий стиль руководства, стремиться сформировать лидера, способного взять на себя руководство отдельной сферой деятельности или проектом, возглавить определенное направление деятельности. Это важный момент, когда сотрудник переходит от уровня ведомого к уровню ведущего, важно правильно построить работу с ним, обеспечить его ресурсами, помочь поверить в свою успешность.

– P4 – «Способен и настроен». Сотрудник на этом уровне демонстрирует хорошие знания, владеет общими, общекультурными и

общепрофессиональными компетенциями, необходимыми для решения конкретных задач, понимает свою роль в организации, способен частично взять на себя функции лидера. В этом случае руководитель может делегировать ему часть своих полномочий, и уже сам сотрудник должен работать со своими подчиненными, разбираясь в их способностях и настройках и «выращивая» новых лидеров [1, с. 34]

Эта теория, на наш взгляд, весьма интересна, но не используется сегодня нашими специалистами для подготовки будущих руководителей – студентов направления подготовки 38.03.02 «Менеджмент», хотя подготовка руководителей должна начинаться именно на этапе получения высшего образования. Но если руководитель может работать с одним сотрудником, «выращивая» его до лидера, создавая условия, понимая, что к людям нужен индивидуальный подход, и требуется разное время для этого процесса, то у преподавателя высшей школы таких условий нет – период времени, когда усваивается дисциплина, весьма ограничен и составляет обычно не более одного семестра, а формировать лидеров необходимо.

Что мы предлагаем для решения этой проблемы?

Во-первых, нужно постараться актуализировать мотивацию студента на получения знаний, общих, общекультурных и общепрофессиональных компетенций. Для этого необходимо познакомить студентов с перечнем компетенций по направлению подготовки, которые рассматриваются в ФГОС ВО как результаты образования. Студенты должны понимать требования к ним, как к будущим специалистам, в том числе со стороны работодателя. Большое стимулирующее значение имеет реализация в образовательном учреждении балльно-рейтинговой системы, так как по результатам работы студентов в семестре формируется половина итоговой оценки. Кроме того, успешное усвоение дисциплины позволяет получить оценку за экзамен, не сдавая его (при рейтинге, например, выше 85 %, выставляется оценка «отлично»).

Во-вторых, необходимо определить уровень знаний и степень сформированности некоторых компетенций (ранее усвоенных), провести входной контроль по дисциплине, направленный на выявление способностей студентов и прогнозирование их успешности в освоении новой дисциплины. Следует наблюдать за результативностью работы студентов, чтобы по мере развития способностей скорректировать формы и методы работы.

В-третьих, рекомендуется на первом этапе усвоения дисциплины условно разделить студентов на две группы: в первую объединяем студентов групп Р1 – «неспособен, но настроен» и Р2 – «неспособен и не настроен»; во вторую Р3 – «способен, но не настроен» и Р4 – «способен и настроен». При работе малыми группами (что рекомендуется использовать достаточно часто), указанное деление позволит избежать ситуации, когда студенты с менее выраженными способностями занимают роль наблюдателя и не участвуют в решении задачи. В рамках такого деления состав малых групп формируется с учетом способностей студентов. По мере работы и развития способностей студентов первой группы, можно изменить состав малых групп.

В-четвертых, подбираются и предлагаются студентам такие формы работы, которые позволяют получать знания, в том числе самостоятельно и отмечается, какие именно компетенции формируются при выполнении конкретного вида деятельности. При этом необходимо всю самостоятельную работу студентов (как аудиторную, так и внеаудиторную) распределить на три уровня: репродуктивный, реконструктивный и творческий, а также выделить общие, общекультурные и общепрофессиональные компетенции, которые формируются в процессе выполнения каждого вида деятельности. Студентам первой группы (Р1, Р2) даются задания реконструктивного и репродуктивного уровней, помогающие «вырастить» их до заданий творческого уровня. Студентам второй группы (Р3, Р4) даются задания творческого уровня для ознакомления с основами руководящей деятельности.

Так, например, при выполнении некоторых заданий творческого уровня формируются следующие компетенции (Стандарт ФГОС ВО по направлению 38.03.02 Менеджмент):

Таблица 1 – Пример соотношения видов заданий и формируемых компетенций

Виды заданий	Формируемые компетенции
Подготовка и представление аудитории самопрезентации и	<p>ОК-7 (способность к самоорганизации и самообразованию);</p> <p>ОПК-4 (способность реализовывать деловое общение и публичные выступления, вести переговоры, совещания, осуществлять деловую переписку и поддерживать электронные коммуникации);</p> <p>ПК-6 (способность участвовать в управлении проектом, программой внедрения технологических и продуктовых инноваций или программой организационных изменений)</p>
Представление и защита проекта по созданию своей фирмы (работа малыми группами)	<p>ОК-5 (способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия);</p> <p>ОК-6 (способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия);</p> <p>ОК-7;</p> <p>ОПК-2 (способность находить организационно-управленческие решения и готовность нести за них ответственность с позиций социальной значимости)</p>

принимаемых решений);

ОПК-3 (способность проектировать организационные структуры, участвовать в разработке стратегий управления человеческими ресурсами организаций, планировать и осуществлять мероприятия, распределять и делегировать полномочия с учетом личной ответственности за осуществляемые мероприятия);

ОПК-4;

ПК-2 (владение различными способами разрешения конфликтных ситуаций при проектировании межличностных, групповых и организационных коммуникаций на основе современных технологий управления персоналом, в том числе, в межкультурной среде);

ПК-3 (владение навыками стратегического анализа, разработки и осуществления стратегии организации, направленной на обеспечение ее конкурентоспособности);

ПК-5 (способность анализировать взаимосвязи между функциональными стратегиями компаний с целью подготовки сбалансированных управленческих решений)

ПК-6;

ПК-12 (владение навыками оценки инвестиционных проектов, финансового планирования и прогнозирования с учетом роли финансовых рынков и институтов);

ПК-13 (способность оценивать экономические и социальные условия осуществления предпринимательской деятельности, выявлять новые рыночные возможности и формировать новые бизнес-

	<p>модели);</p> <p>ПК-14 (владение навыками бизнес-планирования, создания и развития новых организаций (направлений деятельности, продуктов)</p>
<p>Составлен бизнес-план фирмы с учетом предъявляемых требований (работа малыми группами)</p>	<p>ОК-5, 6, 7;</p> <p>ОПК-1 (владение навыками поиска, анализа и использования нормативных и правовых документов в своей профессиональной деятельности);</p> <p>ОПК-2, 3, 4</p> <p>ПК-2, 3, 5, 6, 12, 13, 14</p>
<p>Составлен сводных аналитических таблиц для сбора необходимых для конкретной деятельности данных</p>	<p>ОК-7;</p> <p>ОПК-7 (способность решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности)</p>
<p>Решение кейс-заданий по теориям мотивации, лидерству и власти</p>	<p>ОК-4 (способность использовать основы экономических знаний в различных сферах деятельности);</p> <p>ОК-7;</p> <p>ОПК-2, 4;</p> <p>ПК-1 (владение навыками использования основных теорий мотивации, лидерства и власти для решения стратегических и оперативных управленческих задач, а также для организации групповой работы на основе знания процессов групповой динамики и принципов</p>

	формирования команды, умений проводить аудит человеческих ресурсов и осуществлять диагностику организационной культуры)
Составлен ие перечня функциональны х обязанностей менеджера на разных участках управленческой деятельности	ОК-5, 7; ОПК-1, 3; ПК-2, 5

Следует помнить, что к каждой конкретной группе в процессе организации самостоятельной работы необходимо применять разные стили руководства, менять их по мере изменения способностей и мотивации студентов, проходить все стили (для группы Р1): от директивного до делегирования, используя наиболее подходящий для каждой конкретной ситуации и задачи. Если задачи позволяют использовать для всех групп один стиль, то изменять состав групп, стимулируя тем самым активность и мотивацию к успеху у всех студентов.

Таким образом, работа преподавателя позволяет в достаточно сжатые сроки и при ограниченных ресурсах сформировать и развить задатки лидера, которые, как показывает практика, у современной молодежи есть. Подчеркивается дополнительно значимость самого процесса образования, так как студенты четко понимают, что от них требует современное общество в целом и работодатель в частности, и также понимают, что получить необходимые знания и компетенции можно и нужно в процессе получения высшего образования.

Список литературы

1. FOUNDATIONS OF LEADERSHIP, Situational Leadership.

Copyright © 2008, 2006 by Pearson Custom Publishing

2. Гусева Н.И. Современная модель лидерства в условиях глобального контекста//Известия Иркутской государственной экономической академии, 2011, № 4. С. 82-88

3. Шкурко О.В., Маврин С.А. Лидерские качества будущих менеджеров как качества инновационной личности//Омский научный вестник, 2013, № 2, с. 186-188

УДК 379.8

Ш 28

**СТРАТЕГИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ**

Кадровая политика, философия управления, человеческий капитал, трудовой потенциал, трудовые навыки, профессионал, профессиональный рост, профессиональная ответственность, мотивация труда, лояльность, критерии оценок персонала.

В статье дано авторское понимание сущности человеческого капитала предприятия, показаны его основные признаки, критерии уровня развития и оценки. Теоретический материал рассмотрен в «привязке» к отрасли «железнодорожный транспорт». Философию и принципы, реализуемые руководством предприятия по отношению к человеческому капиталу, определяет его кадровая политика. Она является частью политики организации и должна соответствовать концепции ее хозяйственного развития.

Понятие «человеческий капитал» стало употребляться тогда, когда менеджеры осознали важный факт: основным богатством, способным что-либо произвести, являются люди. Самые современные концепции менеджмента уделяют внимание вложению капиталовложений в человеческие ресурсы как наиболее выгодное по сравнению с уровнями экономической отдачи от других видов инвестиций. Человеческий капитал создает доброе имя предприятия. Человеческий капитал – это единственный ресурс, стоимость которого возрастает по мере его использования.

Процесс создания человеческого капитала начинается в семье, продолжается в школе, профессиональном учебном заведении, охватывает всю систему повышения квалификации, переподготовки и т.п.

Человек и его трудовой потенциал – это не просто инструмент для выполнения определенной работы. Он является изменяющейся

самодостаточной системой, способной с течением времени осваивать разнообразные виды работ. Задача хорошего руководителя состоит в «запуске» необходимых механизмов, дающих каждому сотруднику возможность полной реализации своего трудового потенциала в рамках предприятия.

Итак, человеческий капитал – это качества, присущие людям. Может показаться бессмысленным вопрос о значимости работника для предприятия, но все же стоит об этом задуматься. Нет такого предприятия, которое могло бы функционировать хотя бы без одного человека и его трудового потенциала. Однако в отличие от машин, станков, механизмов, инфраструктурных активов, человеческий капитал не принадлежит предприятию. Из этого должно следовать особое отношение к нему, но, к сожалению, это не всегда так.

Нанимать, обучать, обеспечивать условия труда и развития работников – дорогостоящее мероприятие. Люди, кроме того, имеют все права на увольнение, болезни, отдых и, более того, могут поломать технику, проявить неосторожность, причинить себе вред в результате работы и даже различных увлечений и развлечений. По мере приобретения опыта и превращения в квалифицированных специалистов они множат свои знания и становятся более ценными работниками. Однако знания, аккумулированные в голове отдельного человека, принадлежат ему, а не предприятию. Поэтому важно распознать, в чем же состоят навыки, знания и умения отдельного человека. Лишь в этом случае становятся очевидными причины и степень ценности конкретного работника, а также отводимая ему роль.

Наилучшая ситуация для предприятия – научиться извлекать максимальную для себя выгоду из работы данного сотрудника. Он заслуживает за это компенсации в виде заработной платы, морального поощрения, предоставления возможностей профессионального или личностного роста. Здесь надо думать не столько о затратах, сколько о том, позволительно ли предприятию третьего тысячелетия не делать этого.

Работники третьего тысячелетия – это более квалифицированный персонал. Для них характерна большая продолжительность жизни и требование более высокого качества жизни. Организационная культура предприятий приобретет более демократичные черты, перестав быть авторитарной. Сегодня культура характеризуется официальностью, иерархичностью, управляемостью сверху и значительной дистанцией между управляющими и подчиненными структурами. В третьем тысячелетии акцент меняется – наиболее продуктивной становится совместная работа, для чего необходимы поощрение личной заинтересованности и ответственности, а также постоянное подчеркивание исключительной ценности вклада человека в деятельность предприятия. Кроме того, руководителям приходится следовать более жесткому трудовому законодательству.

Как показали экономические трудности кризиса, хорошие рабочие места с высокими зарплатами и привилегиями могут исчезнуть в один день. Сотрудники должны сегодня осознавать, что главное – это постоянное движение вперед, а не наверх. Их трудовой потенциал должен представлять вектор движения рынка, а, следовательно, и самого предприятия. От них требуется проявление способности к поиску наилучшего варианта помощи предприятию в его стремлении соответствовать требованиям рынка.

Ценность людей, способных трудиться в новых условиях, разработать новые стратегии, услуги, технологии, повлиять на рынок, неизмеримо возрастет. Как измерить ценность человеческого капитала организации? Для этого необходимо сделать анализ следующих показателей:

- профессиональные наклонности и психометрические характеристики,
- образование, квалификация, связанные с работой знания, профессионализм,
- профессиональная ответственность,
- мотивация труда,
- лояльность по отношению к фирме.

Критерии оценок, представляющие интерес для организации, различны в различных службах и в разные периоды времени. Ни одна организация не может гарантированно утверждать, что в ней оптимально сочетается ряд факторов: работа именно того человека, именно на том месте, именно с теми навыками, которые необходимы.

Отрасль «железнодорожный транспорт», которую представляет автор, имеет определенную производственную специфику, определяющую характеристики отраслевой кадровой политики. Российские железные дороги являются ключевым, а в некоторых случаях единственным способом перевозки грузов и передвижения пассажиров в Российской Федерации. Производственную специфику, определяющую характеристики отраслевой кадровой политики, составляет ряд качественных особенностей:

- железнодорожный транспорт является *естественной монополией*, обеспечивающей важнейшие функции;
- общие системные требования технологической дисциплины, технологической зависимости различных подразделений и служб отрасли обусловили необходимость *жесткой централизации управления*;
- протяженность железных дорог по территории нашей огромной страны и за ее пределами стали причиной *рассредоточения существенной части работников массовых профессий по территории* в виде небольших обособленных рабочих коллективов, находящихся в разных экономических, природных и климатических условиях;
- *повышенная опасность, стрессогенность и неблагоприятные условия труда*: 22% работников получают заработную плату по повышенным тарифным ставкам в связи с работой в таких условиях труда;
- специфика производства обусловила *высокую долю тяжелого, малоквалифицированного труда* (62,8% рабочих имеют с 1 по 5 тарифный разряд по оплате труда, что имеет тесную связь с его низким уровнем оплаты и повышает текучесть кадров на этих рабочих местах);

– для многих населенных пунктов базирования отраслевых подразделений *ведомственные учреждения социальной сферы являются единственными на территории и по существу только они формируют производственный и внепроизводственный быт работников и их семей.* Кроме того, данными учреждениями пользуются и жители населенных пунктов, занятые в других отраслях, что существенно удорожает содержание предприятий социальной инфраструктуры.

Философию и принципы, реализуемые руководством предприятия по отношению к человеческому капиталу, определяет его кадровая политика. Она является частью политики организации и должна соответствовать концепции ее хозяйственного развития. Принятие решений в области кадровой политики сегодня происходит во всех функциональных подсистемах: управления научно-технической деятельностью, производством, экономической и внешнехозяйственной деятельностью, управления персоналом организации. Решения в области кадровой политики влияют на решения во всех функциональных подсистемах отрасли. Цель кадровой политики ОАО «РЖД» – создание системы управления персоналом, базирующейся в основном не на административных методах, а на экономических стимулах и социальных гарантиях, ориентированных на сближение интересов работника с интересами организации в достижении высокой производительности труда, повышении эффективности производства, получении наилучших экономических результатов деятельности предприятия и отрасли в целом.

В последние годы вопросы кадровой политики стали приоритетными при разработке стратегических решений отрасли. Помимо инвестиций в аппаратные средства или технологии вкладываются средства в человеческий капитал, что позволяет более полно использовать потенциальные преимущества и производственных капиталовложений. К управлению людьми активно привлекаются линейные руководители. Необходима

эффективная конкурентная стратегия, составными частями которой являются высокий уровень заработной платы и производительности труда.

Сегодня в ОАО «РЖД» трудится 1,3 млн. человек (это 2,2% общего числа занятых в экономике страны). Чтобы люди трудились эффективно, необходимо серьезное внимание к их потребностям. Для эффективной реализации кадровой политики разработана «Функциональная стратегия развития кадрового потенциала ОАО «Российские железные дороги». Она подчеркивает, что персонал в отрасли рассматривается в качестве непосредственного участника производственного процесса, осознанно влияющего на экономическую эффективность Компании, ее основного системообразующего ресурса».

В «Стратегии» подробно расписаны место и роль развития кадрового потенциала в системе функциональных стратегий всех направлений деятельности отрасли (маркетинг и сбыт грузоперевозок, услуги рынка пассажирских перевозок, повышение эффективности ремонтной базы, оптимизация издержек, связанных с перевозками, обеспечение безопасности и надежности перевозочного процесса и т.п.). Причем, предусматриваются два варианта контрольных параметров целевого состояния кадрового потенциала Компании:

базовый (обеспечивающий потребности в перевозках при инерционном варианте развития национальной экономики);

ускоренного развития (основанный на среднесрочных прогнозах социально-экономического развития страны, разработанных Минэкономразвития РФ, и их экстраполяции).

Для повышения эффективности человеческого капитала Компании развернута серьезная работа. Приведем ее важнейшие направления.

В 2005 году в отрасли изменены структура и функции служб управления персоналом. Основными функциями их сегодня являются: организация работы по подбору и расстановке кадров, профессиональная подготовка, аттестация, наставничество и др. Службы управления

персоналом ориентированы на долгосрочные задачи, решаемые сегодня в соответствии со Стратегической программой развития ОАО «РЖД».

Обновлена нормативная база работы с персоналом, в т.ч. утверждены положения об аттестации, резерве, молодых специалистах, системе дополнительного профессионального образования и т.п.

Создан и реализован новый механизм формирования мотивационного бюджета филиалов ОАО «РЖД». Одной из целей его создания является адресное стимулирование работников на их персональный вклад в финансово-экономические результаты работы предприятий.

Компания обеспечивает социальную поддержку работников, повышает уровень и адресность предоставляемых социальных гарантий, развивает индивидуальные и корпоративные системы страхования социальных рисков. Сегодня принято и успешно действует соглашение о социальном партнерстве с ЦК Российского профессионального союза железнодорожников и транспортных строителей. Утверждено и действует Положение о негосударственном пенсионном обеспечении работников, которое определяет условия возникновения и порядок реализации прав работников Компании на корпоративную пенсию. Утверждена Концепция жилищной политики ОАО «РЖД», которая направлена на закрепление кадров и на позиционирование Компании на рынке труда путем оказания корпоративной поддержки работникам при улучшении ими жилищных условий за собственный счет. Утверждены Концепция развития здравоохранения и Целевая программа «Молодежь Компании». Разработаны методики оценки трудового потенциала различных категорий персонала. Если у руководителя возникает необходимость воспользоваться ими, он имеет возможность обратиться в службу управления персоналом своего предприятия.

Сегодня кадровая политика основана на реализации восьми стратегических задач развития кадрового потенциала Кампании.

1) *Обеспечение человеческими ресурсами* (анализ конъюнктуры регионального рынка труда, построение эффективной системы

взаимодействия с его участниками, организация привлечения соискателей и проведение с ними серии профессионально-квалификационных отборов). Службы и отделы управления персоналом должны стать эффективным «экспертом-посредником» между службами и структурными подразделениями Холдинга, с одной стороны, и рынком труда – с другой стороны, транслируя во внешнюю среду требования к соискателям.

2) *Эффективное использование трудовых ресурсов* (создание реально работающего внутреннего рынка труда в рамках холдинга с активным применением горизонтальной и вертикальной ротации персонала: основной составляющей этой системы должна стать общедоступная для служб управления персоналом база данных, содержащей исчерпывающую информацию по каждому сотруднику).

3) *Развитие персонала подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников ОАО «РЖД»* (обучение и повышение квалификации персонала, формирование механизмов планирования карьеры, включая совершенствование работы с кадровым резервом и молодыми специалистами). Необходимо постепенно переходить к разработке персональных планов развития компетенций для руководителей и специалистов Компании.

4) *Совершенствование мотивации и оплаты труда*. Речь идет о материальной и нематериальной мотивации. Предлагается разработать несколько уровней компенсационных пакетов (для рабочих, специалистов и руководителей), предусматривающих их наполнение, в том числе, на основе индивидуальных пожеланий работников. В области нематериальной мотивации дальнейшее развитие должна получить идеологическая мотивация, представленная Корпоративной культурой.

5) *Жизнеобеспечение кадров во внепроизводственной сфере* (медицинское и санаторно-курортное обслуживание, организация быта, проведения эффективной жилищной политики, организация спортивных и

культурных мероприятий, а также формирование системы социальных гарантий).

6) *Обеспечение эффективной молодежной кадровой политики и организация адресных программ* (повышение внимания к молодежи как стратегическому ресурсу и будущему Компании, формирование и реализация перспективных планов по подготовке и адаптации молодых работников, обеспечение социальной ответственности ОАО «РЖД» перед ними, их материальную поддержку, сохранение преемственности поколений и укрепление традиций Компании). Решение этой задачи отражено в Целевой программе «Молодежь Компании».

7) *Использование в интересах развития кадрового потенциала договоров о социальном партнерстве* (формирование стабильного корпоративного механизма согласования интересов Компании и работников).

8) *Адаптация персонала к новой корпоративной среде* (развитие отношений, формирующих высокие профессиональные и личностные качества работника, соответствующих Корпоративной культуре Компании, повышение ее имиджа как одного из лучших российских работодателей).

Стратегия развития кадрового потенциала в перспективе должна обеспечить достижение высоких социально-экономических и финансовых показателей. В частности она предусматривает повышение производительности труда до 139 – 156% (по сравнению с 2015 годом), стабилизацию персонала (снижение текучести кадров до уровня 6 – 8%) и иных прогнозируемых показателей эффективности человеческого капитала. Правильное понимание сущности Кадровой политики отрасли заключается в уяснении принципа: одинаково необходимы достижение индивидуальных целей работника и целей отрасли. Кадровая политика ОАО «РЖД» направлена на приведение кадрового потенциала в соответствие с целями стратегического развития отрасли, на то, чтобы в решение задач отрасли максимально включились мастерство, опыт и компетенции каждого сотрудника. Она направлена также на обеспечение оптимального баланса

процессов обновления и сохранения численного и качественного состава кадров в соответствии с потребностями динамичного поступательного развития.

Литература:

1. Шаталова Н.И., Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю., Великий П.П., Латин Н.Н., Ядов В.А., Щербина В.В., Александрова Н.А. Теоретико-прикладной толковый словарь / Санкт-Петербург, 2006.
2. Управление персоналом в России: история и современность. М, 2015
3. Корчагин Ю. А. Эффективность национального человеческого капитала: методика измерения. – Воронеж: ЦИРЭ, 2011

Щукина А.А.

Shchukina. A.

Потенциал использования символического интеракционизма для анализа дауншифтинга в современном российском обществе

В статье раскрывается понятие дауншифтинг. Описываются новые модели карьеры. Представлена идея применения теории символического интеракционизма для анализа дауншифтинга.

The article deals with the concept of downshifting. We describe a new career model. It presents the idea of using a symbolic intereksionizma theory to analyze Downshifting

Ключевые слова: дауншифтинг, новые модели карьеры, успех, мобильность, теория символического интеракционизма.

Keywords: downshifting, new career models, success, mobility, the theory of symbolic interactionism.

Прошла почти четверть века с момента выхода книги Эми Солтсмен «Дауншифтинг: достижение нового успеха на пониженной передаче» (1990). Выход этой работы стал своего рода толчком для развития дауншифтинга. Автор книги сформулировал основные принципы нового подхода к карьере: 1) добровольно сделать «шаг назад», 2) вернуться к спокойному стабильному состоянию, 3) снизить хотя бы на время требования к карьере, 4) уехать из большого города, 5) найти себе работу на дому на принципах самозанятости [1].

Феномен дауншифтинга не могли обойти стороной исследователи-социологи. Например, Амитаи Этциони выделяет три типа дауншифтеров:

1) собственно дауншифтеры (представители различных социальных слоев, принявшие решение изменить темп работы с целью получить больше свободного времени при снижении доходов);

2) сторонники радикального упрощения образа жизни (высокооплачиваемые топ-менеджеры, бизнесмены, юристы, представители шоу-бизнеса), разочаровавшиеся в своей деятельности и решившие все бросить;

3) участники «движения простой жизни», избравшие этот путь на основании тех или иных убеждений, обычно достаточно устойчивых и

образующих определенную систему (эти убеждения чаще всего связаны с экологическими идеями или с духовными поисками).

Самый современный взгляд указывает, что дауншифтер готов к мобильности, фиксируются активные установки на мобильность. В данном случае важен подход Джона Урри: «Мобильность — реальные и потенциальные перемещения в их связи с социальными отношениями в пространстве и времени».

Если взять во внимание автомобильную терминологию, то дауншифтинг — это снижение скорости жизни. Дауншифтинг — это добровольный отказ от продвижения по карьерной лестнице в пользу собственных ценностей.

Современное общество зачастую навязывает материальные ценности человеку, что приводит к росту потребностей. Именно поэтому карьера (работа) человека — одна из главных составляющих его жизни. Ни для кого не секрет, что чем выше должность, тем выше уровень дохода и, соответственно, больше вероятность удовлетворения всех своих потребностей. Но не все согласны с тем, что диктует нам общество потребления, появляются альтернативные стили жизни, ценностные ориентации.

Очевидно, что в современном обществе меняется отношение к карьере, поэтому появляются такие феномены, как дауншифтинг, фриланс и т.п. Также появляются новые модели карьеры. Изменчивая, или поливариативная карьера, безбарьерная карьера, или карьера без границ, карьера-калейдоскоп, гибридные карьеры, карьеры-портфолио — приобрели в последние два десятилетия популярность в зарубежных исследованиях. Существенным элементом большинства новых карьерных теорий является признание значимой роли индивида в управлении своей карьерой. В этих теориях обращается внимание на факторы рационального использования карьерного капитала и карьерного поведения[3]. В случае выбора в пользу такого образа

жизни, как дауншифтинг, человек действительно сам управляет своей карьерой, своей жизнью.

Идеи изменчивой карьеры, карьеры без границ представляют наибольший интерес с точки зрения теоретической новизны и возможностей учесть динамизм, текучесть и некоторую неопределенность современных карьер. Их нередко рассматривают в противопоставлении традиционным представлениям о карьере в организации.

Идея изменчивой карьеры базируется на представлениях Д. Т. Холла о психологическом успехе, основанном на личном управлении индивидом своей карьерой. Она противоположна традиционным представлениям о развитии карьеры организацией и в рамках организации. Изменчивая карьера подразумевает большую мобильность, направленность на развитие и более широкое видение жизненной перспективы. По мнению Д. П. Бриско и Д. Т. Холла, индивиды, имеющие установки на изменчивую карьеру, используют собственную систему ценностей для определения путей развития своей карьеры. Они занимают независимую позицию в управлении своим поведением на рынке труда. А люди, не придерживающиеся установок на изменчивую карьеру, будут склонны заимствовать внешние стандарты и будут искать внешнее руководство или помощь в управлении своими карьерами. Конечно, установки на изменчивую карьеру могут коррелировать с большей карьерной мобильностью (поведенческие перемещения) и ориентацией на обучение. Люди с выраженной установкой на карьеру без границ чувствуют себя комфортно, испытывают энтузиазм, завязывая и поддерживая связи за пределами своей организации. М. Б. Артур и Д. М. Руссо, говоря о карьере без границ, указывают на установку к более высокому уровню мобильности, которая выражается в предпочтении работе у нескольких работодателей сразу[3].

Такие понятия, как карьера и успех, на первый взгляд, неразрывно связаны друг с другом. Существует ли карьера без успеха? И наоборот, существует ли успех без карьеры? Что вообще входит в категорию успеха?

Как объяснить тогда такой стиль жизни, как дауншифтинг, когда дауншифтинг – это добровольный отказ от продвижения по карьерной лестнице?

Обратимся к теории символического интеракционизма и перечислим основные ее принципы. Ключевой подход – люди наделены способностью мыслить, могут изменять значения и символы, используемые ими в действии и взаимодействии, на основе своей интерпретации ситуации, способны осуществлять эти изменения, отчасти благодаря способности взаимодействовать с собой, что позволяет им предвидеть возможные направления действия, оценивать свои сравнительные преимущества и затраты и затем выбирать один из путей. Смешанные примеры действия и взаимодействия образуют группы и общества.

С точки зрения символических интеракционистов, социализация — это процесс более динамичный, позволяющий людям развивать способность мыслить, развивать ее характерным для человека образом[2]. Важно отметить, что мышление формирует процесс интеракции. Интеракция есть процесс, в котором одновременно развивается и выражается способность мыслить[2]. Любой человек должен принимать во внимание действия других и решать, стоит ли приспосабливаться к действиям других, и если да, то каким образом. Важность, которая придается символическими интеракционистами мышлению, отражается в их воззрениях на объекты. Все очень просто, разные люди могут придавать различный смысл одним и тем же объектам. Блумер выделяет три вида объектов: физические объекты, например, стул или дерево; социальные объекты, такие как студент или мать; и абстрактные объекты, например, идея или моральный принцип. Например, работа будет иметь разный смысл для трудоголика и дауншифтера.

Символический интеракционизм имеет большой эвристический потенциал для анализа дауншифтинга. Люди, выбравшие этот стиль, имеют собственный взгляд на жизнь, у них выработана своя система ценностей. Работе, успеху они придают собственный смысл. Каждый человек совершает

выбор в своей жизни. Дауншифтеры делают выбор в сторону спокойной жизни, тех моментов, которые приносят им счастье и радость.

Важным в новых подходах является оценка карьерного успеха. В традиционных моделях многие случаи горизонтальной или нисходящей мобильности оценивались как нейтральные или как варианты неуспеха, тогда как в действительности это следствие установок на поливариативную карьеру, которое в итоге позволяло достичь большей удовлетворенности. Здесь происходит столкновение с возможностью расщепления объективных и субъективных аспектов карьерного успеха.

Важное значение для использования потенциала символического интеракционизма для анализа дауншифтинга имеет представление об успехе. Основой жизненного успеха человека являются природные задатки и склонности личности к различным видам деятельности. Успех или неуспех обозначается в обществе как признание или отсутствие достижений у личности. Сущность социального успеха личности определяется осознанным или неосознанным принятием ею социальной группы или сообщества, в котором она намерена себя утвердить. Выбор группы или сообщества, как правило, не случаен. Он делается при наличии сходства личностных и групповых ценностей, взглядов на жизнь, представлений о способах достижения успеха.

В качестве основы концепции жизненного успеха исследователи используют объективные и субъективные факторы, показатели материального благосостояния, степень рациональности выбора способа достижения целей, динамику деятельности, социальный код доступа и другие показатели.

Существуют социологические концепции успеха, например, концепция успеха как демонстративного потребления, концепция успеха как рационального выбора, концепция успеха в теории обмена, концепция успеха в теории рисков, символическая концепция успеха.

Укажем на ключевые характеристики *символической концепции успеха*. Ее основой является взаимодействие между людьми, которое осуществляется посредством обмена символами, выработанными в ходе общественной жизни. Фундаментальной предпосылкой этой концепции является то, что любая предметность, любое положение дел является или может явиться в сознании личности в качестве определенной смысловой конфигурации. Исследователи делают вывод о том, что социальная реальность – это феномен сознания множества субъектов: мир таков, каким он является в сознании личности. Поэтому реальность есть не что иное, как совокупность ее индивидуальных смысловых конструкций, которые образуются в сознании человека по мере поступления жизненного опыта. Главным вопросом здесь является вопрос об интерпретации человеком этих символов. Поэтому ключевыми категориями анализа в этой теории выступает символ (определенный социальный код) и значение этого символа (индивидуальное значение в рамках одного кода, являющееся результатом интерпретации человеком этого кода). Таким образом, в основе взаимодействия между людьми лежит обмен индивидуальными смысловыми конструкциями. Инструментом выражения индивидуальных смыслов является язык. Целедостижение - это продукт взаимодействия субъективных факторов (индивидуальных значений успеха) и объективных факторов (символов успеха).

Понятие "жизненный успех" определяется именно в сознании личности в виде смысловых конструкций, связей. Относительно целостная картина о феномене целедостижения, успеха в той или иной сфере, в том или ином социуме может быть представлена совокупностью индивидуальных смыслов успеха отдельных людей.

Успех можно расценивать как некую цель, к которой стремится человек. Существует точка зрения, что ты являешься успешным, если общество считает тебя успешным. Всегда ли это так? Разве успех не имеет индивидуального измерения? В чем вообще выражается успех? Если взять

различение подлинного и неподлинного по М. Хайдеггеру, то можно говорить об успехе в личностном плане.

Успех можно условно разделить на внешний и внутренний. «Внешний» успех определяется как обретение социального признания и популярности в контексте оценки результатов деятельности «значимыми другими»[5]. А «внутренний» успех определяют как «характеристику переживания индивидом результата собственных действий»[4].

В современном обществе не может быть единой формулы успешности. Понятие успех нельзя четко определить, потому что отсутствует точка отчета, то, чему нужно соответствовать. Сегодня все изменяется с большой скоростью, стираются границы, забываются общепринятые стандарты как успеха, так и знания как нужно жить.

Для современного общества важно, что модель успешности человека, которая представляется «правильной», может меняться. Она не всегда будет зависеть от высокого карьерного статуса человека. Так как со временем меняются приоритеты ценности. При этом значимость «успеха» останется, но изменится его содержимое.

Дауншифтеры выбирают свой индивидуальный, наиболее близкий по духу жизненный путь. Они сами делают выбор того, в чем будет заключаться их личная свобода. Одни бросают высокооплачиваемую квалифицированную работу и отправляются в деревню, чтобы жить ближе к земле, природе. Другие понимают, что все нажитое непосильным трудом не доставляет им той радости, в которой они нуждаются, и уезжают жить на Гоа или путешествовать автостопом по разным странам.

Для дауншифтера нет разницы в том, как именно он меняет свою жизнь. Смысл изменения состоит в выборе личного пути. Главной идеей дауншифтинга является обретение себя, ощущения полноты жизни и истинного счастья путем отказа от навязываемых обществом ценностей.

Таким образом, потенциал применения символического интеракционизма для анализа такого современного феномена, как

дауншифтинг, оценивается как высокий, что выражается и в используемых методах эмпирического исследования (нетнография, глубинные интервью и пр.).

Список используемой литературы

1. Корниенко О.Ю. Историко-социологический анализ феномена дауншифтинга как нового движения в карьере успешного человека // Политические науки и социология. – 2014. - №1.
2. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. — СПб., 2002.
3. Седых А. Б. Карьерная мобильность личности в контексте современных воззрений на карьеру // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № .2
4. Теплинских М.В. Концептуальные подходы к проблеме определения успешности профессиональной деятельности специалистов социальной сферы // Сибирский психол. журн. 2007. № 25. С. 92—97.
5. Тульчинский Г.А. Разум, воля, успех: О философии поступка. Л., 1990.
6. Урри Джон. Мобильности. М., 2012.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Аллаяров Д.А.

Гражданское общество в России: проблемы и перспективы развития.

Allayarov D.

Civil society in Russia: problems and prospects.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению основных институтов гражданского общества, проблемам их взаимодействия между собой и выстраивания конструктивного диалога между гражданским обществом и государством. Также рассматриваются перспективы развития российского гражданского общества и решения его насущных проблем.

Abstract: This article deals with the basic institutions of civil society, the problems of their interaction with each other and building a constructive dialogue between civil society and the state. It also discusses the prospects for the development of civil society and decisions of their urgent problems.

Ключевые слова: Гражданское общество, институт гражданского общества, государство, средства массовой информации, некоммерческие организации, местное самоуправление.

Keywords: Civil society, institution of civil society, state, the media, non-profit organizations, local self-government.

Гражданское общество-категория, являющаяся сегодня предметом дискурса в различных отраслях научного знания. И объясняется это не только многообразием факторов, это явление образующих, но и современной российской действительностью. Дело в том, что в условиях социально-экономического кризиса, в котором наша страна сегодня пребывает, необходимы перемены во многих сферах общественной жизни. И перемены эти не могут быть осуществлены без конструктивного диалога между государством и гражданским обществом, который может обеспечить эффективность функционирования политической системы и государственного строительства.

Что же такое гражданское общество? Определений этого понятия достаточно много (что, безусловно, объясняется его многогранностью). Наиболее общее из них дал американский политолог Ф. Шмиттер. Гражданское общество- это «система самоорганизованных посреднических групп, которые: (а) относительно независимы как от публичных властей, так

и частных субъектов производства и воспроизводства, т.е. фирм и семей, (б) способны осмыслять и совершать коллективные действия в защиту или ради продвижения своих интересов и чувств, (в) не стремятся занять место ни агентов власти, ни частных производителей, т.е. принять ответственность за процесс управления государством в целом, (г) готовы действовать в рамках установленных правил “цивильного”, “гражданского”, т.е. взаимоуважительного порядка» [1].

Также «гражданское общество-это система, состоящая из отдельных институтов (подсистем) и уровней взаимодействия между индивидами. К основным институтам гражданского общества относят:

1. Свободное предпринимательство-экономическая основа гражданского общества;
2. Местное самоуправление;
3. Политические партии-естественное связующее звено между обществом и государством;
4. Профсоюзы, пенсионерские, женские, молодежные и другие общественные организации, отстаивающие корпоративные интересы своих членов;
5. Некоммерческие организации: конфессиональные, научные, спортивные и иные объединения граждан по убеждениям или по интересам, благотворительные организации и т.д.;
6. Свободные (негосударственные) СМИ-один из системообразующих элементов, который обеспечивает успешное функционирование остальных составных частей всей системы.
7. Первичным и, наверное, самым важным институтом гражданского общества являются граждане-люди, которые осознают и готовы активно отстаивать свои права и интересы и одновременно с этим ощущают свою личную ответственность за положение дел в стране» [2].

Ядром гражданских институтов являются некоммерческие организации, чья деятельность ограничивается законом «О некоммерческих

организациях». Всего в нашей стране около 730 тыс. НКО, и почти половина из них относится к институтам гражданского общества [3]. Свыше 226 тыс. НКО являются общественными организациями. Большинство из них предоставляют населению социальные, культурно-рекреационные, правозащитные и другие услуги. В число гражданских институтов входят также органы местного самоуправления, в России – 23 тыс. муниципальных образований [4].

Основные сложности функционирования некоммерческих организаций и обеспечения ими полноценного взаимодействия между обществом и государственной властью заключаются, во-первых, в том, что отличительной их чертой является существование на пожертвования граждан, но россияне не готовы стать социальным и финансовым партнером НКО, поскольку низкий уровень большинства россиян и их социальная незащищенность приводят к тому, что «большинство граждан в России большую часть времени заняты зарабатыванием денег для того, чтобы обеспечить достойную жизнь своим семьям. Поэтому у них, чаще всего, не было и нет ни возможности, ни желания жертвовать даже небольшие суммы денег на деятельность гражданских организаций или создавать свои собственные, как это распространено на Западе. В условиях крайней экономической и политической нестабильности страны, большинство населения опасается даже строить планы на будущее.» [5]. Во-вторых, опять же, ввиду того, что некоммерческие организации вынуждены существовать на государственные средства (то есть, различные гранты), между ними (особенно теми, что осуществляют свою деятельность в одном направлении) разворачивается острая конкуренция, создающая в «третьем секторе» напряженную обстановку. В-третьих, большинство организаций (не только некоммерческих) существуют в условиях бюрократии, бумагописания и иных форм отчетности, которые явно затрудняют деятельность НКО, так как работать с документацией приходится по 5-6 дней, а пяти-шести дневную занятость сотрудников организация позволить себе не может (по уже

перечисленным причинам). В-четвертых, мощной преградой, как ни странно, являются СМИ. Освещение деятельности НКО-важный фактор формирования положительного имиджа объединения, распространения его идей, привлечения новых членов. Далеко не всем руководителям организаций «третьего сектора» удастся выстроить диалог со СМИ. Особые трудности возникают, если данное НКО занимается правозащитной или иной деятельностью, связанной с отстаиванием интересов граждан (которая, как правило, является оппозиционной по отношению к властным структурам). И СМИ (чаще всего (особенно на местном уровне) контролируемые органами власти) не очень охотно выстраивают с подобными объединениями диалог. В-пятых, не достаточно продумано действующее законодательство, определяющее деятельность некоммерческих организаций. Дело в том, что нет чётких критериев, которые бы позволили говорить о том, что данная организация занимается политической деятельностью и ее, следовательно, можно причислить к иностранным агентам, после чего ликвидировать (так, например, сделали с известной правозащитной организацией «Агора»).

Безусловно, нельзя говорить исключительно о проблемах «третьего сектора» -есть и положительные моменты. Например, весьма плодотворно ведется работа на местах. А. В. Соколов в Ярославской области провел исследование и пришел к следующему выводу. «Наиболее успешно общественные организации идут на взаимодействие с населением – 41% опрошенных руководителей общественных организаций указали, что взаимодействие с населением осуществляется с полным пониманием. Случаи давления со стороны местных, региональных или федеральных властных структур, согласно данным опроса, возникают нечасто. Значимая доля опрошенных общественных объединений никогда не сталкивались с подобными ситуациями. По сравнению с аналогичными данными 2012 г. все показатели улучшились в среднем на 5%. Наиболее распространенная практика для опрошенных общественных организаций – это ситуация поддержки со стороны местных или региональных органов власти.» [6].

Если говорить о гражданской активности населения, то следует констатировать, что интерес россиян к политике возрос. Вызвано это в первую очередь событиями в Сирии и на Украине и информационными войнами, ставшими следствием конфликтов на Юго-Востоке Украины и Ближнем Востоке.

Также внимания заслуживает готовность гражданских объединений и социальных групп защищать свои права и отстаивать гражданскую позицию по резонансным вопросам. Примечательна здесь реакция на заявление Д. Зимина о прекращении существования некоммерческого семейного фонда социальных инвестиций в связи с внесением в 2015 г. его в список организаций, выполняющих функции иностранных агентов: «Тех, кто подставил Зимину плечо, оказалось немало. За “Династию” вступились Совет по правам человека при президенте, Уполномоченный по правам человека Элла Памфилова, глава Комитета гражданских инициатив Алексей Кудрин, президент РСПП Александр Шохин, Общество научных работников, сообщество академиков и членов-корреспондентов РАН, Совет по науке и Общественный совет при Министерстве образования, издательство Cogrus. Почти все они призвали пересмотреть закон об “иностраннных агентах”. Общественное негодование дошло до самого верха. Президента на закрытой встрече с бизнесменами спросили о судьбе организаций Зимина и Ясина» [7]. Наибольшую активность в процессе проявили ученые: «В одно высказывание сливаются краткие – пять минут на все – речи тех, кто говорит о том, что гражданское общество – это не сидеть на кухне с разговорами, а действие и солидарность» [8].

Без внимания общественности не обошлась и отмена (в январе 2016 г.) в Краснодаре льгот на проезд в общественном транспорте для пенсионеров. В ответ на это 15 января 2016 года пенсионеры Краснодара стихийно собрались у здания краевой администрации. Итогом протеста стало решение губернатора В. И. Кондратьева вернуть льготы на проезд в общественном

транспорте. Также в отставку был отправлен краевой министр социального развития.

Но все же преждевременными являются выводы о том, что российское гражданское общество развивается высокими темпами: «как показали данные исследования, проведенного Институтом социологии РАН в 2014–2015 гг., интерес к общественной деятельности в целом отсутствует у 77% россиян, и в стране наблюдается спад протестной активности» [9].

Также данные опросов показали, что «идентификация гражданского общества представляет для граждан чудовищную проблему: в 2015 г. 56% не могут ответить на вопрос, есть оно в стране или нет (10% уверены, что есть, 21% – скорее есть, 10% – скорее нет, 3% – безусловно нет). Среди ответов на открытый вопрос, что такое гражданское общество, самый популярный – «население страны, граждане, общество, все мы»» [10].

Поворотным моментом в деятельности НКО на территории РФ стали протестные выступления 2011-2012 гг. (в которых левые, кстати, выступали либо самостоятельно, либо категорически отказывались вставать под «имперки», что, безусловно, говорит об их самостоятельности). После протестов государственная власть активно устраняет НКО (пользуясь уже обозначенными недоработками в законодательстве) - «за три года число НКО в стране сократилось на треть» [10].

Наибольшую активность в гражданских процессах, согласно исследованиям, проявляют молодежь и жители крупных городов (которые, как ни странно, в то же время наиболее пассивны среди опрошенных): «Активные граждане - это, как правило, молодежь до 30 лет (57% в этой группе), люди с высшим образованием (47%), специалисты высокого уровня (53%), жители крупных городов (44%). В пассив больше склонны уходить люди старшего поколения (62% тех, кому за шестьдесят), те, у кого за плечами только среднее образование (41%), мелкие служащие (39%) и люди из мегаполисов (44%).» [11].

Однако молодежь, проявляющая гражданскую активность, демонстрирует политическую неграмотность: «У нее есть заметные проблемы с политической субъектностью – до тех пор, пока не заходила речь о политике, подавляющее большинство наших респондентов производили впечатление вполне сознательных, информированных, самостоятельных граждан. Однако в политических вопросах многие чувствовали себя неуверенно и не хотели в них разбираться» [12]. Определенно, возлагать надежды на молодежь по этой причине преждевременно, но, если повысить уровень её политической грамотности путем внедрения образовательных программ на разных уровнях, в скором времени можно будет рассматривать эту категорию в качестве основы строительства гражданского общества (если еще учесть, что именно эта группа населения наиболее восприимчива к новым практикам гражданского участия, участию в местных инициативах).

Гражданское общество, безусловно, сталкивается в России с многочисленными проблемами, но утверждения об отсутствии у нас самоорганизации подобного типа являются, скорее, ложными. Потому, что имеются и некоммерческие организации, которым удается сдерживать административный натиск, органы местного самоуправления не везде игнорируют чаяния населения, и есть группы, готовые отстаивать свои права, интересы, гражданские позиции (примерами здесь служат и протестные акции 2011-2012 гг., и забастовка дальнбойщиков против введения системы налогообложения «Платон», которые все-таки сумели добиться определенных уступок со стороны властей, и выступления пенсионеров в Краснодаре, и недавние демонстрации в защиту парка Зеленая Роща в Екатеринбурге).

Одной из проблем является также конформистский, подданнический склад ума у россиян, выступающий, скорее, в качестве исторической предпосылки. Это одна из причин, по которым гражданская активность россиян (оставляя за скобками приведенные примеры) является довольно низкой. Граждане иногда просто не осознают, что некоторые вопросы они

уже сейчас способны решать лучше, чем власть, к которой они обращаются с просьбой это сделать; что у них уже есть определенный опыт решения разнообразных проблем. Пока эта проблема не будет воспринята самими гражданами, они по-прежнему будут надеяться на государство (которое сейчас демонстрирует свою неэффективность) в решении своих проблем.

Государство в свою очередь не должно заниматься внедрением форм гражданского взаимодействия «сверху». Ведь изначально гражданское общество, если брать в расчет историю его становления в западных государствах, развивалось «снизу» (как и другие демократические институты), поэтому ценность гражданского общества имеет в первую очередь как самоорганизующаяся система. Необходимо лишь понимание того, что главными объектами любых реформ являются люди и их объединения, их запросы и мнения должны быть услышаны и учтены, как и интересы тех общественных и политических групп, которые могут предложить альтернативные варианты решения различных проблем.

Литература

1. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии //Полис. – 1996. – Т. 5. – С. 16-27.
2. Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. – Русская панорама, 2008.
3. Латухина К. 2015. Общероссийский форум «Государство и гражданское общество: сотрудничество во имя развития». – Российская газета. 15 янв.
4. Корня А. 2013. Мэров подчинят губернаторам. – Ведомости. 13 дек.
5. Кобелева Х. А. Роль Гражданского общества в системе социального партнерства в современной России //European science. – 2015. – №. 1 (2).
6. Соколов А. В., Исаева Е. А. Гражданское общество в региональном измерении //Власть. – 2015. – №. 1. – С. 113-117.

7. Гирин Н. Наш митинг на самом деле про хамство. – Новая газета. 03.06. 2015.
8. Поликовский А. Вынос мозга. Репортаж с митинга в защиту науки. – Новая газета. 08.06. 2015.
9. Соколов А. В., Исаева Е. А. Гражданское общество в региональном измерении //Власть. – 2015. – №. 1. – С. 113-117.
10. Синицын А. Общество без граждан. – Ведомости. 03.11.2015.
11. Добрынина Е. Поверь, не бойся, не грусти. – Российская газета. 30.01.2015.
12. Желнина А. Гражданское общество: «Мы пока маленькие». – Ведомости. 26.05.2015.

Баранец С.Н.

Местная власть и местное самоуправление: связность политической
потенциальности

Local power and local self-government: political potentiality interconnection

Аннотация на русском языке: Автор обращает внимание на тонкие, но существенные различия местной власти и местного самоуправления в современной России, что позволяет по-новому поставить ряд вопросов исследования муниципального измерения российской социальной реальности.

Summary: The author take the point of attention to slim, but essential differences in the notion of Local Power and/or Local Self-Government in contemporary Russia, which ones allows to take some investigatory questions in the area of exploring on Russian municipal reality dimension from the new viewpoint.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: местная власть, местное самоуправление, муниципальное измерение социальной реальности, российский стиль управления, компетентность власти, кадровые потребности, новое поколение чиновников.

KEY WORDS: local power, local authorities, local self-government, municipal dimension of social reality, Russian governance style, power competitiveness, staffing requirements, new generation of bureaucrats.

Социологическая осмысленная реальность современного российского общества некоторым образом отличается от того видения, которое задается в политологическом ее измерении. Если для последнего важна исследовательская концентрация вокруг идеи власти как таковой, преломленной в практиках реализации администрирования, управления и повелевания, то увидеть в этом проблемном поле социологический аспект – значит не просто сменить ракурс, а поставить вопрос о смысле политико-исторического движения и механизмах реализующего достижения идеи как целеуказания, ориентира и маркера для оценки меры продвижения вперед. Этот смысл обнаруживается, на мой взгляд, не только и не столько в субстратных основаниях человеческого бытия, задаваемого телесными практиками, их ограниченностью в мире явлений и процессов социальности, и уже не вполне лишь поисками субстанциальных оснований

человекообразного бытия, деятельно преобразующего мир в сторону его доместикации и гуманизации, но в атрибутивных характеристиках обстоятельств времени и места действия, выступающих в социальном поле взаимодействий в качестве активного фактора миропереустройства.

Российский социум, переходя в посткризисное состояние (хотя некоторые полагают возможным говорить о грядущем в течение ближайшего десятилетия «перманентном кризисе») вряд ли сумело растерять тот набор приспособительных механизмов выживания и адаптации, который позволил ему пережить «лихие 90-е», однако, кроме того, на пути сохранения своего благоприобретенного «modus vivendi» обнаружил в себе возможности, потенциальности и вероятности, которые едва ли сумел бы развить для себя иначе, как в постоянно обуреваемых наследствиях имперского и советского начал. Одним из таких благоприобретений я полагаю «новое» местное самоуправление как институциональное воплощение местных властей (авторитетов, лидеров и представляющих их групп влияния), сопрягаемое в полномасштабным государственным давлением на девиантные, с точки зрения существующего в конкретной субъекте Федерации политического режима, формы проявления самоутверждения этих властей в качестве полноценного политического актора – местного самоуправления и его органов (должностных лиц). Странным образом поражаемое изнутри и снаружи всеми детскими болезнями и застарелыми инфекциями бюрократического свойства, это институциональное поле взаимодействий постепенно обретает отличаемую от государственных форм самостоятельность в постановке целей, решениях и формулировании задач, не только отображающих интересы местных сообществ (формализованных или спорадически возникающих по зову лидеров для преодоления образующихся дисфункций и дисконнекций), но и умеющих вычислить (и уразуметь) в целях приспособления и самосохранения приоритетный государственных интерес, дабы переместить сферу своих локальных амбиций под его широкие крыла или зонтики. Сформулированная на рубеже второго десятилетия текущего

века руководством страны (и, надо сказать, недооцененная политическими аналитиками) концепция превращения российского местного самоуправления из самостийной власти «авторитетов на местах» в государственно-ориентированного субъекта, способного к пролонгации иссякающего или недостаточно убедительного властно-административного влияния государства (равно как и к минимизации его менеджеральных позывов) уже не только в связи с постоянной подпиткой из бюджетных средств (или угрозой отлучения от источника таковых), но и, так сказать, за идею. Такой подход предполагает, помимо прочего, формирование новой когорты лидеров, обладающих компетенционным набором, дополняющим тот инструментарий, который всякими доступными способами (хотя и не всегда удачно) воспроизводится в массе государственных гражданских служащих соответствующими кадровыми службами и их специалистами с помощью системы специальных учебных заведений. На мой взгляд, не в столь уж отдаленном будущем грядет переход к чиновному слою нового поколения, новому типу бюрократа, исповедующему ценности нового подхода к управляемому им миру человеческих дел, и этот переход осознается как назревающий и обусловленный требованиями публичности управления в современном мире глобальный поворот, - причем осознается как таковой не только узким кругом экспертов, но и широкими массами компетенционно вооруженных граждан, способных уже не только разобраться в сложностях интерфейса власти и общества, но и задавать своими силами точки сгущения общественного внимания, меняя не только вектора административных действий, но порой уже и идейно-ценностные приоритеты власти, ее идеологию и философско-политические основания.

Из какой бы субъектной позиции мы не пытались рассмотреть устройство российской власти, нам придется иметь в виду ее муниципальное измерение, которое порой выглядит хаотичным, но в своем внутреннем движении, как мне представляется, вполне отражает общую логику исторического процесса и его смысловые парадоксы. Не повторяя сказанное

ранее, хотелось бы в целях настоящей работы обратить особое внимание на проблемы формирования социально-политических компетенций обучаемого и реквалифицируемого государственного служащего гражданской ориентации, которому, помимо решения собственных задач, предстоит выстраивать взаимодействие с разнообразными проявлениями локализованной *муниципальности*, принципиально акцентирующей себя в противостоянии отдельным практически и коммуникативно проявленным свойствам и качествам государственного управленческого стиля, и в то же время обладающей несомненным преимуществом локализации властно-управленческих позывов к сопротивлению социального материала местных сообществ, возникающих по разным поводам и практикующих территориально распределенную на малых пространствах тесных общений власть, природа которой, как мне кажется, остается неизменно потестарной. Здесь и неоспоримые достоинства, которые делают местную власть настолько близкой к народу, что различия между нею и отдельными представителями народонаселяющей массы местнорожденных и благоприобретенных в качестве действующих резидентов данной территории теряется (и многими исследователями аналитически обнуляется – что, надо сказать, не совсем верно). Здесь и неизбывные слабости – местничества самоуправного и своекорыстного даже в своем объединительном интересе, куль скоро таковой обнаруживается заново родившимся или привнесенным извне, с других властных уровней. Но здесь и основания для новой надежды, поскольку федералистичность властных отношений в России оказывается почти что ее судьбой, однако это не означает всегдашний оправдательный приговор любым и всяким самодеятельным проявлениям характера (нрава) местно-ориентированной власти, якобы, достаточным для эффективного управления небольшими группами людей, присутствующих на относительно небольших (обозримых) территориях. Если федерализм – судьба современной России, то отладка его механизмов и поддержание их в

работоспособном состоянии должно все же быть заботой профессионалов, обладающих для этого соответствующим набором знаний, умений и навыков.

Воспитанию последних в сфере профессионального образования уделяется немало внимания, и, несомненно, по мере становления специальности «Государственное и муниципальное управление» как особой дисциплины (в том числе и в научно-исследовательском аспекте) будет возрастать понимание того, в чем, собственно, должен состоять ее целевой ориентир и предназначение. На мой взгляд, таким целевым ориентиром может выступать пока плохо уловимое и с трудом рационализируемое, но вполне утилитарно-ориентированное свойство ума и души, как способность принимать к рассмотрению любую проблему, потенциально несущую в себе угрозы сложившемуся социальному порядку и управленчески представляемую как то, что может потребовать специальных властно-административных решений и организованных действий по ее купированию, терминции или, к примеру, канализации. Эмерджентный характер социальной реальности, чреватой хаотическими, стихийными и деструктивными проявлениями по-человечески организованной и видимой общности/индивидуальности/коллективности требует обращения с нею прежде всего как с потенциальным набором угроз, даже если таковые пока представляются явным благом или достижением прогрессивного характера. В противном случае свободная игра сущностных сил человека может быть средством его дегуманизации, а смысл человеческого бытия, как показывали исследователи этой проблемы – в том числе и Л.Н.Коган – вполне может быть утрачен без возможности восстановления. Отметим, по ходу дела, что победительный пафос социализма, явленный в Советском Союзе и дискредитированный, помимо прочего, напористой политикообразной социологической пропагандой буржуазного набора «естественных» человеческих ценностей, оказался вполне воспроизводимым и морально, и политически: нынешний откат в показателях качества жизни представляет собой лишь слабое отражение того глобального надрыва

исторической ткани, который пережили ныне живущие поколения «рожденных в СССР», но именно в связи с этим «угрожающим будущим» остаточное чувство исторического оптимизма, связанное с возможностью конструирования справедливого общества практического гуманизма, оказалось не вполне изжитым и не окончательно утраченным в массовом *общенародном* сознании россиян. Другое дело, что пока не найдено адекватных форм идеологического выражения этого потенциально конструктивного оптимистического заряда, и над этим, на мой взгляд, надо бы подумать и теоретикам, и практикам российского стиля политического управления. С противном случае вся система стратегического подхода к планированию основных направлений воспроизводства и развития общественной реальности в поисках общественно приемлемого оптимума, формируемая властью в связи с реализации известных норм действующего законодательства, может остаться всего лишь очередной нежизнеспособной модерновацией административно-бюрократического толка.

Кстати говоря, именно в русле этой актуальной тенденции эволюции российской государственности могут быть, как мне кажется, обнаружены и новые теоретические подходы к уже известным обстоятельствам современной общественной жизни, целевым ориентирам и показателям субъектной адекватности управленческих позиций и инструментов компетентной власти, способной к открытому договоропорождающему диалогу с народными лидерами, классами, слоями и массами, способными к реализации своего потенциала политичности и политкреативности в различных современных формах. Выделка и апробация новых формообразующих, содержательных и идейно нагруженных практик социального управления с использованием жизнеспособного опыта алгоритмизируемой в своих действиях бюрократической машины является, как мне кажется, одним из возможных путей «принуждения к будущему», которое способно не только шокировать, но и понуждать к творчеству ради самореализации и самовоплощения. Местная власть вполне в состоянии

сыграть здесь роль застрельщика-инноватора, тактикой малых, но потенциально успешных дел формируя предпосылки для тоннельного перехода к иным состояниям российского социального организма.

УДК 316.303.7

ББК 88.4

М.М. Басимов

Субъективная оценка материального положения

Аннотация:

В статье рассмотрены связи параметра «Субъективная оценка материального положения» и параметров политических предпочтений молодежи. Это актуализирует (как и для многих других исследований) принятие синергетической парадигмы в социологической науке.

Ключевые слова: материальное положение, политические предпочтения, нелинейный, зависимость, синергетический, коэффициент силы связи, коэффициент корреляции.

Basimov M.M.

Subjective estimation of material statute as reason
of political preferences of young people

Abstract:

In the article is considered statistical dependences for parameter “Subjective estimation of material statute” and parameters of political preferences of young people. It also staticizes (as well as for many other researches) acceptance synergetic paradigms in sociological science.

Keywords: material statute, political preferences, non-linear, dependence, synergetic, factor of the connection strength, coefficient of correlation.

«Нелинейность» – фундаментальный концептуальный узел новой (синергетической) парадигмы, в том числе, и социологического исследования. Можно даже сказать, что новая парадигма есть парадигма нелинейности [17].

Но при этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает последний европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается (кроме наших материалов [18, 19, 20, 21] только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

Используя авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) [3, 5] в социологических исследованиях посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [2, 4] для квантильных разбиений (триады, кварты, квинты) данных по каждому измеряемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости (линейная или какой-то конкретный вид нелинейной зависимости), для изучаемой матрицы данных можно определить как формы зависимостей, так и степени их выраженности на различных отрезках шкал рассматриваемых переменных [6, 7]. При реализации данного метода изучения связей вычисляются сравнительные весомости параметров Y для кварт (триад, квинт) по шкалам X (зависимость Y от X) и сравнительные весомости параметров X для кварт (триад, квинт) по шкалам Y (зависимость X от Y).

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [22] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [14, 25], демографические планы населения [15, 24], социология профессий [23], здоровье и здравоохранение [16], политическая социология [1] и т.д.

Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [6, 7] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки:

психология дошкольников и подростков [8, 9], этнопсихология [10, 11], психология профессий [12], психология стресса [13] и т.д.

Линейные зависимости по определению симметричны, и для них не важно, что является причиной (независимая переменная), а что следствием (зависимая переменная). Это определяется по воле исследователя, и часто диктуется интересами исследователя, его концепцией и моделью, его теоретическими доводами, субъективными взглядами на предмет исследования. Корреляционный метод и линейные связи, им выявляемые, не дают возможности выбирать направление связи. Причина и следствие в этом случае равноправны и могут интерпретироваться произвольно по воле исследователя.

В рассматриваемом социологическом исследовании изучались отношения к институту «гражданского брака», а также политические предпочтения студенческой молодежи.

Среди нелинейных связей для качественного анализа мы отбираем только те случаи, когда наши коэффициенты силы связи $SV > 0.5$, а линейные корреляции по модулю в 2 и более раза их меньше (близки к нулю).

Рассмотрим четыре зависимости в которых независимым параметром является такой важный для каждого человека субъективный показатель как "Субъективная оценка своего материального положения", т.е. как человеку представляется его материальное благополучие, доволен или нет он им. Зависимые параметры – это параметры политических предпочтений. Характерной особенностью представленных зависимостей – это наличие одной кварталы независимого параметра, для которой сравнительная весомость зависимого параметра значительно превосходит все остальные.

1. Зависимость параметра **"Интерес к политике"** (Y) от параметра **"Субъективная оценка своего материального положения"** (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для квартал по шкале X:

Кварты

Сравнительная

по шкале X	весомость параметра Y для кварт
X-4	+797
X-3	-247
X-2	-225
X-1	-2124

Коэффициент силы связи = 0.65 (0.19)

Коэффициент корреляции = 0.17

Субъективная оценка своего материального положения выступает как причина для такого нейтрального к различным политическим силам параметра как "Интерес к политике". Безусловное отсутствие интереса к политике (сравнительная весомость = -2124) наблюдаем у молодых респондентов с низкой субъективной оценкой своего материального положения (1 кварт). Для кварт более высоких субъективных оценок своего материального положения (2-4 кварталы) картина постепенно выправляется: 2 и 3 кварталы среднего уровня оценивания своего материального положения по интересу к политике приближаются к нулевой сравнительной весомости (-225 и -245). А вот явный интерес к политике является следствием высокого уровня субъективной оценки своего материального положения (+797). Хотя при этом антипатия к политике при низкой оценке материального положения (-2124) значительно более существенная, чем интерес к политике при высокой оценке материального положения (+797).

Таким образом, зависимость практически монотонная возрастающая, но далекая от линейной (коэффициент корреляции = 0.17): с увеличением субъективной оценки своего материального положения происходит рост интереса к политике, но линейная корреляция при этом не представляет интереса для интерпретации. Кроме того, следует отметить явную односторонность зависимости, причина – это однозначно субъективная оценка своего материального положения, т.е. материальная сторона жизни, и не наоборот. Сила связи обратной зависимости (0.19) значительно меньше

силы связи прямой (0.65) зависимости.

2. Зависимость параметра "Отношение к партии Единая Россия" (Y) от параметра "Субъективная оценка своего материального положения" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	+1752
X-3	-459
X-2	+363
X-1	-167

Коэффициент силы связи = 0.78 (0.62)

Коэффициент корреляции = 0.02

Субъективная оценка своего материального положения выступает как причина положительного или отрицательного отношения к партии власти Единая Россия. Безусловное принятие партии Единая Россия (сравнительная весомость = +1752) наблюдаем у молодых респондентов с высокой субъективной оценкой своего материального положения (4 кварта). Для первых трех кварт оценок своего материального положения картина совершенно другая: колебание зависимого параметра вблизи нулевой сравнительной весомости (-167, +363, -459), после чего на 4 кварте наблюдается резкий скачек в положительном отношении к партии власти (+1752).

В отличие от предыдущей зависимости связь практически симметричная: коэффициенты силы связи прямой и обратной зависимости мало отличаются друг от друга (0.78 и 0.62). Но, несмотря на симметричный характер связи она крайне далека от линейной (коэффициент корреляции = 0.02). Причина и следствие для данной пары параметров явно не определяются, что является редкостью для нелинейных зависимостей.

3. Зависимость параметра "Отношение к партии Яблоко" (Y) от параметра "Субъективная оценка своего материального положения" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	-130
X-3	+57
X-2	-170
X-1	+1936

Коэффициент силы связи = 0.55 (0.06)

Коэффициент корреляции = -0.04

Субъективная оценка своего материального положения также выступает как причина положительного или отрицательного отношения к оппозиционной партии «Яблоко», но при этом картина противоположная. Безусловное принятие партии «Яблоко» (сравнительная весомость = +1936) наблюдаем у молодых респондентов с низкой субъективной оценкой своего материального положения (1 кварта). Для следующих трех кварт оценок своего материального положения наблюдаются лишь незначительные колебания вблизи нулевой сравнительной весомости (-170, +57, -130). Отметим явную односторонность зависимости, причина – это однозначно субъективная оценка своего материального положения, т.е. материальная сторона жизни, и не наоборот. Сила связи обратной зависимости (0.06) значительно меньше силы связи прямой (0.55) зависимости. Значит, положительное отношение к партии «Яблоко», причем очень сильное, формируется только у молодых респондентов, чья субъективная оценка своего материального положения находится на низком уровне, а не наоборот, когда отношение к партии влияет на другой параметр. Линейная корреляция для данной пары параметров интереса не представляет (-0.04).

4. Зависимость параметра "Отношение к Г.А. Зюганову" (Y) от

параметра "Субъективная оценка своего материального положения" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

Кварты по шкале X	Сравнительная весомость параметра Y для кварт
X-4	-49
X-3	-526
X-2	-62
X-1	+1428

Коэффициент силы связи = 0.53 (0.27)

Коэффициент корреляции = -0.13

Похожим образом субъективная оценка своего материального положения выступает как причина положительного или отрицательного отношения к другой оппозиционной партии КПРФ, но при этом наблюдается существенное отрицательное отношение (-526) к партии КПРФ для респондентов 3 кварты независимого параметра, т.е. зависимость можно определить как зависимость с минимумом на 3 кварте и максимальным значением на 1 кварте. Таким образом, наблюдается убывание зависимого параметра с 1 по 3 кварту (с +1428 до -526 по сравнительной весомости), но потом для 4 кварты с высоким уровнем субъективной оценки своего материального положения происходит переход к более доброжелательному (нейтральному) отношению к партии КПРФ, после явно отрицательного отношения (-526) для представителей 3 кварты независимого параметра.

Таким образом, безусловное принятие партии КПРФ (сравнительная весомость = +1428) наблюдается, как и в случае партии «Яблоко», у молодых респондентов с низкой субъективной оценкой своего материального положения (1 кварта), хотя это положительное отношение оценивается в меньшей степени (+1428), чем у партии «Яблоко» (+1936).

Отметим также явную односторонность зависимости, причина – это однозначно субъективная оценка своего материального положения, т.е. материальная сторона жизни, и не наоборот. Сила связи обратной

зависимости (0.27) значительно меньше силы связи прямой (0.53) зависимости. Значит, положительное отношение к партии КПРФ, причем очень сильное, формируется только для молодых респондентов, чья субъективная оценка своего материального положения находится на низком уровне, а не наоборот, когда отношение к партии влияет на другой параметр. Линейная корреляция для данной пары параметров интереса не представляет (-0.13).

Рассмотренные зависимости не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества. **Нелинейная социология** – это новый подход к изучению социологических явлений, ставящий своей главной задачей изучение специфически нелинейных свойств социальных явлений.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

Заказ на изучение в единой системе отчета линейных и простейших нелинейных (с возможностью интерпретации) зависимостей социологических параметров направляйте по адресу: E-mail: basimov@mail.ru

Библиографический список

1. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.

2. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.

3. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. – 432 с.
4. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
5. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
6. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.
7. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.
8. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы "Развитие" // Мир психологии. – 2007. – №2. – С. 83-93.
9. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. – 2007. – №4. – С. 142-158.
10. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. – 2009. – №2. – С. 209-222.
11. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. – 2010. – №2. – С. 140-155.
12. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 54-57.
13. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 57-61.

14. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.1. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 522-528.

15. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН. 2011. – С. 195-203.

16. Басимов М.М. Здоровье и здравоохранение в демографическом исследовании как объект синергетики // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 19-20 сент. 2013 г.). – М., 2013. – С. 119-128.

17. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. – 240 с.

18. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.

19. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.

20. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.

21. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.

22. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

23. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

24. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.

25. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

УДК 316.485.2 / ББК: (С)60.54

Волкова, Л.В.

Ксенофобия в современном обществе: патология или норма?

Volkova, L.

Xenophobia in modern society: the pathology or the norm?

Упрощенная трактовка феномена ксенофобии искажает понимание его причин и механизмов. Задачи управления ксенофобными настроениями в обществе могут быть сведены к трем направлениям: определение и соблюдение допустимых пропорций ксенофобии и толерантности, выделение желательных и нежелательных объектов ксенофобии, определение допустимых и недопустимых форм ее проявления. Выделяя в качестве неугодных все новые группы населения и ужесточая методы борьбы с ними, государство задает гражданам модели поведения. Эти модели воспроизводятся в повседневных практиках доступными для людей средствами и в доступных формах.

A simplified interpretation of the phenomenon of xenophobia distorts the understanding of its causes and mechanisms. Control problems xenophobic moods in the society can be summarized in three areas: the definition and adherence to acceptable proportions xenophobia and tolerance, the selection of desirable and undesirable objects of xenophobia, the definition of acceptable and unacceptable forms of its manifestation. Singling out as objectionable all new populations and tightening methods of dealing with them, the state sets a pattern of behavior to citizens. These models are reproduced in everyday practices accessible to people by means and in accessible formats.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КСЕНОФОБИЯ, МИГРАНТОФОБИЯ, ЭТНОФОБИЯ, ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ СОЗНАНИЯ, КОНКУРЕНЦИЯ, ДЕФИЦИТ ДОВЕРИЯ.

KEYWORDS: XENOPHOBIA, MIGRANTOPHOBIA, ETHNOPHOBIA, YOUTH, PARADOXICALLY CONSCIOUSNESS, COMPETITION, LACK OF TRUST.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена начавшимся с 2014 года в связи с обострением международной обстановки ухудшением отношений не только на межгосударственном уровне, но и на уровне социальном и межличностном. Рост ксенофобных настроений и действий в разных регионах мира фиксируют не только СМИ, но и многие социологи

[1,2,3,4,5, 15,17]. Однако дискурс по данной проблематике в основном идет по пути анализа причин, особенностей этих процессов и методов их преодоления. И почти не затрагиваются вопросы о сущности ксенофобии как социального явления, ее амбивалентной роли в становлении и развитии личности и общества, о принципиальной необходимости изживать ксенофобию в общественном сознании.

Ксенофобия существует в обществе десятки тысяч лет. И до 20 века не просто была распространена во всех странах и цивилизациях, но считалась нормой жизни. Проблема преодоления ксенофобии приобрела актуальность лишь в XX веке в связи с нарастающими процессами глобализации. Процесс развития толерантности в последние десятилетия стал базовым для западной цивилизации и выражался, главным образом, в политике мультикультурализма и политкорректности, при этом многим казалось, что эта политика уже победила и превращается в мировой тренд. «Интенсивная миграция, ... уже превратила Нью-Йорк, Лондон, Берлин и другие глобальные города в космополитичные. В каждом городе интернационализация имеет свои особенности: в Нью-Йорке она очевидна, в Лондоне она имеет глубокие корни, но менее отчетлива, в Шанхае она почти не видна для западного глаза, но это не значит, что ее нет...» [6, с. 204]

События последних месяцев в толерантной Европе – реакция на массовую миграцию беженцев с Ближнего Востока и из северной Африки – ярко продемонстрировали, что это совсем не так. По итогам парламентских выборов в Дании наиболее популярной стала крайне правая Датская народная партия. Одной из главных задач нового кабинета станет «контроль за потоком беженцев». «Мы хотим, чтобы ... каждый раз, когда датчанин в поезде или на улице будет встречаться взглядом с выходцем из-за рубежа, он смотрел бы в глаза человека, который хочет принять датскую культуру и образ жизни». [8] Подобные настроения растут по всей Европе. Франция протестует против наплыва цыган из Румынии и кочевников. В Британии крайне негативно относятся к мигрантам из славянских стран. Собственно, и

референдум о выходе из ЕС объявлен по причине недовольства толерантной миграционной политикой Брюсселя. Италия организовала на острове Лампедуза фильтрационный лагерь для мигрантов из Африки. В Германии родилось и распространяется по Европе движение PEGIDA, которое протестует против исламизации Европы. «Мы не хотим однажды проснуться и обнаружить, что живем не в своей стране», — говорят немцы. [8]

Что касается нашей страны, то борьба (профилактика) с ксенофобией, национализмом и экстремизмом (как правило, именно в такой связке и, как правило, среди молодежи) давно уже стала широкомасштабной общегосударственной кампанией, на которую выделяются (и успешно осваиваются) очень немалые бюджетные средства. Создано множество разного уровня программ, определяющих политику и практику деятельности государственных органов, ответственных за работу с молодежью, образовательных учреждений, правоохранительных органов и общественных организаций. Чуть ли не ежедневно проводятся конференции, учебы, конкурсы, классные часы, «уроки толерантности» и прочие мероприятия, направленные на борьбу с этой «заразой» (именно так ксенофобия понимается большинством чиновников, религиозных деятелей и даже некоторыми педагогами). [10; 11]

Каков же результат этой борьбы? По данным Левада-Центра, в 2002 г. слоган «Россия для русских» поддержали, в той или иной мере, 45% респондентов (всех возрастов), а в октябре 2013 г. — 66%. Почти вдвое в этот период возросла доля респондентов, чувствующих враждебность к представителям других национальностей. [15] 69% опрошенных в 2013 году признали, что в их городе, регионе слишком много мигрантов (не согласились с ними 26 %). Свыше трех четвертей опрошенных (78%) выступают за то, чтобы правительственными мерами ограничить поток приезжих. Примерно столько же (73%) — за то, чтобы выдворять нелегальных иммигрантов за пределы России. Особенно пристрастны россияне в этом плане к выходцам с Кавказа, из прежних республик Средней

Азии, китайцам. Не менее важно отметить, что доля россиян, толерантных в этом отношении за 10 лет сократилась вдвое. [16] На заданный в феврале 2014 года вопрос, «что более важно для России в наши дни: обеспечить большее уважение к традиционным ценностям или обеспечить большую терпимость к людям с нетрадиционным для большинства образом жизни, иного происхождения и с иными обычаями?», — 76% поддержали первую позицию и лишь 15% — вторую (9% затруднились с ответом). [17] Ксенофобскими настроениями «заражено» все общество, но более агрессивные, иногда экстремистские формы они принимают, главным образом, у молодежи. Приходится признать, что на протяжении многих лет силы и средства общества расходуются неэффективно. Попытаемся понять, почему.

Понятие ксенофобии многими исследователями, политиками, журналистами чаще всего сводится к ее наиболее очевидным, но частным проявлениям: этнофобии, мигрантофобии, религиозной фобии, расизму. Такая усеченная, а, значит, упрощенная трактовка этого феномена искажает понимание его причин и механизмов, степени распространения и форм проявления.

Ксенофобия, по определению И.С. Кона, - негативная установка, иррациональный страх и ненависть к чужакам. Объектами ксенофобии могут быть конкретные группы, ... так и вообще все «чужие»... В основе ксенофобии часто лежит бессознательная потребность повысить собственное самоуважение путем негативной идентификации, когда содержание «Мы» определяется не через какие-то положительные ценности, а через отрицание «чужого». Негативная идентичность конституируется образом врага, когда весь мир разделяется на «наших» и «не-наших», а собственные неудачи воспринимаются как результат происков внешних и внутренних врагов. [9]

Человеческая устремленность к разделению мира на «своих» и «чужих» неистребима. Она выступает неотъемлемой частью процессов формирования идентичности, освоения многих социальных ролей и

социализации в целом. Настороженность и опасения по отношению к чужакам семья формирует у ребенка с младенчества (не разговаривать с незнакомыми людьми, не открывать двери посторонним и т.д.) Тому же учат многие сказки («Волк и семеро козлят», например). Классическая литература, включая Фонвизина, Пушкина, Гоголя, Достоевского – тоже далеко не образец толерантности. Современный кинематограф, компьютерные игры массированно внедряют в сознание стереотип «свои – хорошие, чужие – плохие».

Из сказанного следует, что ксенофобия далеко не всегда выступает отрицательным фактором личностного, группового или общественного развития. Действительно, можно ли допустить доверчивое, благожелательное отношение большинства к убийцам, террористам, ворам, коррупционерам, наркоторговцам? Получается, что ксенофобия вовсе не «болезнь» общества, а такое же имманентное, системное его свойство как конфликты и социальное неравенство. И тотальная борьба с ней не только бесполезна, но и бессмысленна. Задачи науки и социального управления ксенофобными настроениями в обществе могут быть сведены к трем направлениям: определение и соблюдение приемлемых или допустимых пропорций ксенофобии и толерантности, выделение желательных и нежелательных (для государства и общества) объектов ксенофобии, определение допустимых и недопустимых форм ее проявления.

Однако сегодня «язык вражды» стал обыденностью. Власти и СМИ (особенно российские и особенно в последние годы), реализуя политические и социальные задачи, норовят объявить «войну» самым разным группам – от гомосексуалистов до курильщиков, автомобилистов, «иностранных агентов» и «непатриотов». В политическом процессе и власть, и граждане, и даже большинство политологов расценивают любую внепарламентскую оппозицию как фактор дестабилизации общественной обстановки. [12, с. 77]

Сегодня общество и государство допускают, на наш взгляд, методологическую ошибку, осуждая ксенофобию в целом, и, одновременно,

поощряя и стимулируя многие ее виды и проявления. В результате формируется индивидуальное и общественное сознание, в котором одновременно представлены и уживаются противоположные по своей направленности установки, ориентации и идеи. Ж.Т. Тощенко пишет: «Оно (общественное сознание) не только расколото, раздроблено, противоречиво, но и зачастую парадоксально». [18, с. 4]

Парадоксальность сознания российской молодежи отражается в результатах многих социологических исследований, в частности, проводившихся с 2012 г. социологической лабораторией Российского государственного университета нефти и газа имени И. М. Губкина в четырех федеральных округах страны: Центральном, Приволжском, Северо-Кавказском и Южном. [19] В ходе работы фокус-групп большинство участников высказывало недоверие системе власти и правоохранительным органам вследствие их часто провокационного, противозаконного и коррупционного поведения. В то же время респонденты ожидают решения всех ключевых социальных проблем от государства и практически не готовы к самостоятельным активным действиям. Осуждая ксенофобию как явление, одновременно негативно относятся к тому, что регион, где они родились и выросли, пополняется людьми разных национальностей и религий («это плохо, так как возникает нездоровая конкуренция, конфликтность, растет преступность» - 35%, «это плохо, так как размываются традиции и культура» - 24%). Только четверть опрошенных указали, что такая ситуация позволяет обогащаться их культуре (23%).

Объясняя причины роста ксенофобии, В.И. Мукомель указывает на изменения дискурса – на смену фобиям утраты ресурсов (за исключением опасений конкуренции за рабочие места и демпинга в оплате труда), характерным для 1990-х гг. пришли культурные («утраты идентичности», изменения «культурного кода» и пр.) Как следствие, россияне убеждены, что культуры мигрантов размывают культурное ядро общества. [14, с. 142] С этим тезисом можно согласиться лишь частично: дискурс действительно

изменился, но социально-экономическая основа ксенофобии, борьба за ресурсы – никуда не делась. Если в 90-е годы борьба шла в основном за средства выживания, то сегодня предметами конкуренции становятся доступ к социальным лифтам, престижным рабочим местам, качественному жилью, образованию, медицине. «Отсутствие возможностей для получения образования, и особенно для трудоустройства, провоцирует миграцию населения и рост социальной напряженности...» [7, с. 175]

Так, по результатам проведенных автором свыше ста интервью с москвичами разного пола, возраста, образования и профессий сегодня этнофобные настроения направлены в основном не на дворников-«инородцев» и не на водителей общественного транспорта, а на иноэтничных врачей в поликлиниках и больницах и учителей в московских школах. Но мотивировки сохраняются: «Наших, хороших и профессиональных, увольняют, и берут за три копейки этих – некомпетентных и бездушных». В сфере образования ситуацию усугубляет ЕГЭ. На фоне сокращения вузов и бюджетных мест в сочетании с ростом численности абитуриентов конкуренция обостряется. Реальная практика проведения экзамена в разных регионах порождает очередные социальные мифы и стереотипы (разумеется, этнофобно окрашенные) о коррупции и «льготных» условиях сдачи экзаменов в регионах «крайнего севера» и «крайнего юга», а также о «стобальниках», не умеющих писать и не знающих азов арифметики.

Еще одной важной причиной роста ксенофобных настроений считается низкий уровень взаимного доверия в обществе. Г.А. Явлинский и А.В. Космынин отмечают «системный дефицит доверия»: «Население вообще никому не верит и, более того, укрепляется в убеждении, что это нормальное и естественное для общества состояние» [21, с. 14]. Недоверие отражается, в первую очередь, на прямых межличностных контактах с конкретными представителями меньшинств (этнических, мигрантских, религиозных и т.п.), Другой, более широкий круг доверия охватывает этнические группы, религии, расы и т.п. П. Штомпка подчеркивает, что эта

форма доверия часто опирается на стереотипы и предубеждения. А так как импульс доверия относится исключительно к людям, «чтобы его погасить, достаточно дегуманизировать, овеществить адресат доверия, лишить его человеческих черт: индивидуальности, самоутверждения, достоинства, автономии» [20, с. 117, 157–158]. Недоверие, базирующееся на деперсонализации, провоцирует ксенофобию ко всем членам сообщества.

Мало доверяют не только государственным институтам, но и публичным людям, организациям: крупному бизнесу, деловым и промышленным кругам, банкам, масс-медиа. Уровень доверия государственным и общественным институтам остается стабильно низким. В.И. Мукомель справедливо замечает: власть, не рассчитывающая на доверие граждан, нуждается в солидарности и лояльности к ней. «Сегодня формируются уникальные основания солидарности и лояльности: не доверие, не страх, а избирательное недоверие и избирательные страхи – недоверие к чуждым и страхи «чужих». Основанием «новых солидарностей» все чаще выступают ксенофобные настроения сограждан, к которым апеллирует власть, опираясь на результаты социологических опросов. Перевод различий интересов социальных групп в политическую плоскость, противопоставление одних групп другим – раскол как основа солидарности... Поиск расколов, поставленный на поток, с одной стороны, решает тактические задачи, затрудняя формирование оппозиционных коалиций, с другой – ведет к сегментации общества, а не его консолидации. [14, с. 149, 156] Порочный круг замыкается. С развитием культуры недоверия усиливаются устремления к харизматической личности: «В ситуации, когда граждане не могут доверять механизмам власти, процедурам, законам, единственным оплотом надежды может быть личность. Доверие подвергается полному персонализму и направлено к одной фигуре» [20, с. 390]. Именно этим можно объяснить достигший в нынешнем году невиданных высот, в том числе, и среди молодежи, рейтинг В. В.Путина.

Таким образом, используя старый как мир прием «Разделяй и

властью», постоянно противопоставляя друг другу все новые группы населения и ужесточая методы борьбы с неудобными, государство само нарушает пропорции ксенофобии и толерантности. Оно задает обществу и, прежде всего, его самой восприимчивой части – молодежи – модели и образцы поведения, которые и воспроизводятся доступными для людей средствами и в доступных формах. На этом фоне все разговоры о толерантности и все мероприятия по ее формированию обеими сторонами воспринимаются как ни к чему не обязывающая формальность.

Литература:

1. Auestad, L. (2014). *Respect, Plurality, and Prejudice: A Psychoanalytical and Philosophical Enquiry into the Dynamics of Social Exclusion and Discrimination*. London: Karnac Books. 256 p.
2. Austin, Al. (2015). *America Is Not Post-Racial: Xenophobia, Islamophobia, Racism, and the 44th President*. New York: Praeger,. 170 p.
3. Hervik, P. (2015). *Xenophobia and Nativism // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition)*. P. 796-801.
4. Jolly, S. K., DiGiusto, G. M. (2014). *Xenophobia and immigrant contact: French public attitudes toward immigration // The Social Science Journal, Volume 51, Issue 3, September 2014, P. 464-473*.
5. Patyi, P. Levická J. (2014). *Attractiveness of Right Wing Oriented Movements and Subcultures in Modern Society of the Slovak Republic // Procedia - Social and Behavioral Sciences, Volume 143, 14 August 2014, P. 832-837*.
6. Вершинина И.А. (2012.) *Социология города: истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. № 1*.
7. Вершинина И.А., Павлова В.Г. (2011). *Образование и глобализация: социологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. № 3*.

8. Европа посмотрит в глаза боевику из «евроИГИЛ». (Правда.Ру, 19.06.2015) // URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/european/19-06-2015/1263957-igil-0/>
9. Кон И.С. (2008). Ксенофобия // Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия // URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/KSENOFOBIYA.html?page=0,0
10. Краевский В.В. (2009.) Ксенофобия как болезнь общества и средства её профилактики. - Диалог культур и партнерство цивилизаций. IX Международные Лихачевские научные чтения, 14 – 15 мая 2009г. – СПб: Изд-во СПбГУП. С. 251-252.
11. Ксенофобия – это болезнь (2007). «Российская газета». Неделя № 4311. 9 марта.
12. Курбанов А.Р. (2008). Некоторые аспекты разработки понятия оппозиции в политической науке: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 3.
13. Левада Ю.А. (2001). Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, № 5.
14. Мукомель В.И. (2014). Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // Мир России. № 1.
15. Общественное мнение (2013). М.: Левада-Центр. 252 с.
16. Общественное мнение (2014). М.: Левада-Центр. 236 с.
17. Россияне о миграции и межнациональной напряженности. (2013). Левада-Центр, Пресс-выпуск 5 ноября // URL: <http://maxpark.com/community/5409/content/2298228>
18. Тощенко Ж.Т. (2004). Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. № 12.
19. Филатова М.Н., Волкова Л.В. (2014). Отношение молодежи к насилию как средству разрешения межличностных и социальных конфликтов

// Психология развития и стагнации личности в рамках современного общества Материалы II Международной научно-практической Интернет-конференции. Система виртуальных конференций Raх Grid; ИП Синяев Дмитрий Николаевич. С. 185-196.

20. Штомпка П. (2012). Доверие – основа общества. М.: Логос. 450 с.

21. Явлинский Г.А., Космынин А.В. (2011). Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (российское общество как процесс) // Мир России. № 2.

УДК 321.7

ББК 66,0

Волчкова, Л.Т. Меньшикова, Г.А.

Институт демократии: многоликий и постоянно совершенствуемый

Voltchkova, L. Menshikova, G.

Institute of Democracy: many-sided and constantly perfected

Аннотация

Статья описывает сложность феномена демократия, поскольку каждое общество на разных исторических этапах своего развития наполняет его разным содержанием, ориентируясь на которое трансформирует систему своего государственного устройства. В ней изложены проблемные поля современного демократического устройства, описанные в зарубежной литературе. Выказывается мнение, что стержневым проявлением демократизации на современном этапе является повышение подотчетности институтов власти и корпуса руководителей (чиновников).

Abstract

This article describes the complexity of the phenomenon of democracy, taking in consideration, that every society at different historical stages of its development fills it with different contents, which is then becoming the focus of transforming the system of its governance. It outlines the problem fields of modern democratic devices described in foreign literature. We express opinion that a core manifestation of democracy at the present stage (especially in Russia) is to increase the accountability of government institutions and corps of leaders (officials).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демократия, вариабельность понимания термина, проблемные поля, подотчетность

KEY-WORDS: democracy, the variability of understanding the term, problem fields, accountability

1. История становления и суть института демократии

Начиная со времен Древней Греции осознавалось стремление к демократии, т.е. такой системе, при которой государство правит для народа (в его интересах). Напомним, что именно тогда философы сформулировали это понятие, расшифровывая его как власть («kratos») народа («demos»). Термин возник в 4 в. до н.э., но поиски форм, возможно полно его воплощающих, продолжаются и поныне. Общественные системы (государства) в соответствии с возможностями (а точнее потенциалом производительных сил и производственных отношений) конструировали

свое, особое наполнение термина демократия, более того, они находили и постоянно совершенствовали формы его воплощения в новых идеальных конструкциях. Так, если в эпоху ранней демократии такой идеальной формой было участие всех свободных жителей (кроме женщин) в управлении, в период монархии – создание форм ее ограничивающих (контроль за бюджетом и противостояние абсолютистским типам принятия государственных решений), во времена представительной демократии (когда и правителей, и членов законодательной власти население выбирало) искались пути совершенствования выборной системы, что в современный период (по нашему мнению) дополняется персонифицированной отчетностью (подконтрольности) людей во власти. Рассмотрим кратко реализацию этого положения применительно к европейской цивилизации.

Внедрение в период Древней Греции возможности каждого жителя избираться на государственную должность, наделение всех обязанностью участвовать в выборах и заседать в собраниях при принятии важнейших решений, включая судебные означало социальную революцию, поскольку впервые провозгласило равенство людей как соучастников в управлении. Впервые было осознано внедрена продуманная система организации власти. В ее основе лежало стремление к отказу от необоснованного насилия, навязываемого меньшинством, находящемся у власти, большинству – вынужденному подчиняться решениям правителей ради порядка в государстве и из-за незнания того, что все может быть устроено лучше.

Сохранилось изложение речи Перикла, где он говорит, что наш строй – новый, а не заимствованный... Если мы обратимся к законам, то они гарантируют одинаковую справедливость для всех, несмотря на различия в частных делах. Если взглянем на социальное положение, то успехи в общественных делах зависят исключительно от личных достоинств. Даже бедность не закрывает дороги человеку, готовому послужить государству [1].

Демократический порядок греков основывался на шести условиях. Интересы граждан (всегда) схожи и воплощаются в стремлении к росту общественного блага (1). Граждане представляют собой однородную общность (по имущественному положению, национальной и расовой принадлежности, что предопределяет отсутствие базовых конфликтов между ними (2). Их сообщество не может быть большим (не больше 50 тысяч человек) и не может распадаться на разобщенные группы (3). Граждане обязаны непосредственно участвовать в собраниях, обсуждениях и принятии законов (4). Их политическое участие может выражаться в обязанности исполнять функции по управлению (5). Города (полисы) должны быть автономными от других городов, что упрощает управление ими, сводя к минимуму возможность внешнего влияния и препятствуя, тем самым, стремлению отдельных лиц к закреплению в управленческой должности (6).

Понятно, что древнегреческая демократия выступала скорее как идеал, применимость которого была ограниченной, да и, по описаниям историков, практика существенно от него отличалась.

Несколько по-иному мыслилась и реализовывалась на практике в Древнем Риме. Здесь также основным проявлением демократии было равенство в праве (обязанности) участвовать в народных собраниях, созываемых для принятия законов и избрания руководителей. При этом в силу больших, чем в Греции, размеров города-государства, не все (мужское) население физически могло принять в них участие. Для удобства сбора собраний система участия была более сложной. Так, встречи различались функционально и за различными группами населения (сословиями) закреплялось право\обязанность их проводить, решая на них соответствующие задачи. При этом часть вопросов решалась на «куриальных собраниях» аристократии, другая часть – на собраниях по трибам, куда входил только плебс, третья - предполагала совместные общие заседания или осуществлялась с помощью специальных, центуриальных комиссий. Богатые центурии обладали большим политическим весом, чем бедные.

Сенат, предопределявший повестку дня для народных собраний, преимущественно состоял из патрициев. Он же утверждал решения народных собраний, проверяя их на соответствие законам. Плебс, составляя народные трибуны, имел право вета на решения, противоречащие его интересам. Опять же решения трибов были обязательными для всех.

По сравнению с греческой, римская демократия воплощалась в сложной системе сдержек и противовесов, защищая, тем самым, интересы различных групп населения. Она оказалась на практике более устойчивой. Римляне по-иному понимали суть свободы и равенства. Для них это была ценность закона и процедуры. Они сами, а не их личное участие воплощали демократию.

В условиях классового общества демократия не могла сохраниться надолго. Его сменили: монархии, теократии, диктатуры и другие типы государственного устройства, в которых правление строилось на интересах меньшинства, хотя отдельные проявления народовластия могли сохраняться.

Так, считается, что в раннехристианских общинах в управлении доминировал принцип демократии, а решения принимались на поместных или вселенских Соборах. Другой формой проявления народовластия было местное самоуправление, которое существовало в виде веча (на Руси) и народных собраний в Скандинавии (в 6-10 вв.). Здесь не только принимали важнейшие решения, но также избирали главу и его ближайших помощников, что впоследствии для северных стран переросло в выборы Парламента.

Однако, бесспорно, в целом в обществе преобладал принцип неравенства. Знать всячески стремилась ограничить доступ населения как к управлению, так и участию в выборах. В это время (в средние века) основной линией борьбы за прогресс было ограничение полномочий монарха. Так, институционализация ограничения монархии в Англии началась в 11 в., когда были приняты законы, регламентирующие размер и процедуру сбора королевских податей, известные как Хартия вольностей.

Развитие парламентаризма в Англии это длительный процесс ограничения сфер, контролируемых монархией, и расширения поля народного участия. Именно в длительности процесса формировалась демократическая культура и власти и населения страны. Сначала это было самоуправление в поселенческих общинах, позднее (с 1268г.) его дополнил институт выборов советников Короля. Им был Совет пятнадцати, избираемый населением (по графствам) для официального контроля за властью короля. Позднее совет численно расширился, его функции были законодательно оформлены и образовался Парламент, т.е. орган национального управления, сформированный из представителей территорий.

Первоначально свобода парламентариев была относительна - их можно было освободить от должности и даже арестовать. В 1688 г. был принят «Билль о правах», закрепивший свободу слова. Постепенно совершенствовалась внутренняя структура Парламента, появились комитеты. Для большей свободы в нем обособилась палата общин, представители которой не хотели обсуждать проблемы вместе со знатью. Во второй половине XVIII в., как отражение возросшей роли партий, начался переход к выборам в палату общин по новому принципу - по партийной принадлежности. Это новшество изменило систему выборов и ввело в практику партийные дебаты. Органичность изменений в английском парламенте, их своевременность в отражении требований времени, привели к его авторитету в обществе и высокой степени доверия к нему населения, сохранившихся и поныне.

В отличие от органичного развития английской демократии, французская – шла путем конфликта верхов. Она стала манипуляционным стимулом, с помощью которого различные заинтересованные группы боролись за власть, используя участие населения как средство достижения победы. Великую Французскую революцию ученые оценивают как классический пример попытки искусственного «вброса» демократии. Ее начали привилегированные слои, воспротивившись дополнительным

ограничениям, которые пыталась возложить на них королевская власть. Позднее руководство захватила буржуазия, а затем - склонная к экстремизму парижская беднота. Путем террора и тысячи казней, власть опять перешла к представителям знати, которые так и не поддержали принятия Конституции, запрещающей монархию и защищающей новый порядок и демократию.

Конституционализм, постепенно закрепляющий права за гражданами, становится стержнем развития демократии. Так, в Конституции США, старейшей в истории – она действует с 1788г. - зафиксировано как личностное (право на честный суд, вероисповедание, владение оружием, запрет жестоких наказаний и др.), так и гражданское равенство людей (избирать и быть избранным). При этом, если изначально принципы демократии не рассматривались как основа Конституции США, то со временем, через многочисленные поправки равенство граждан (по полу, национальности, вероисповеданию, имущественному положению) нашло в ней свое воплощение. Главной основой, которую позднее включили в свои Конституции и другие страны, стали принципы: суверенитета народа, верховенства закона, разделения властей и федерализма. При этом относительное неравенство людей сохранилось - оно выражалось, прежде всего, в необходимости прожить в стране (штате) определенное время, чтобы получить право избираться на управленческие должности (разного уровня).

В целом исследователи выдвигают два этапа в развитии демократии:

первый охватывает города-государства, а второй – национальные государства. В промежутке между ними демократия сохранялась фрагментарно (в социальных лакунах). Второй этап, отражающий зрелость социальных устоев, проходил волнообразно через систему подъемов и спусков. Так, первая волна подъема датируется периодом с 1828 по 1928 гг., затем начинается первый период падения, продолжающийся с 1922 по 1942 гг. Вторая волна прослеживается через период подъема с 1943 по 1962 и спада с 1958 по 1975 годы. Третья – включает в себя подъем с 1974 по 1990г. (выразившийся в падении советского режима) и спад с 2000 по 2012 годы,

проявившийся в сокращении социальных программ и росте безработицы в Европе.

Понятно, что в целом тенденции к демократии возрастают. С 1990 по 2012 годы доля государств, признавших демократию как основу своего устройства, выросла с 11 до 120 [2], т.е. 2/3 государств считают себя демократическими, включая и страны Азии: Тайвань, Южную Корею, Пакистан и Бангладеш. При этом утверждать, что этот выбор окончателен (сформирован) для всех не представляется возможным. Эти страны ученые идентифицируют как государства с переходной демократией.

2. Современные проблемы глубины демократичности государственного устройства

Несмотря на постоянное совершенствование практик регулирования деятельности чиновников и ужесточение отбора в их состав социально ориентированных профессионалов, современные исследователи не признают этого достаточным для обеспечения высокого качества и эффективности работы органов власти и управления в государстве. Ими ставится вопрос о необходимости постоянного соотнесения реальных достижений с принципами, провозглашенными в Конституциях стран. Исследователи выявляют скрытые и органично присущие власти проявления ее антидемократических интересов. Укажем на некоторые ракурсы в изучении проблемных полей современных демократических институтов.

1. Начиная с классика в изучении демократии Ч. Тилли [3], большинство исследователей фиксируют факт дедемократизации общества. Ими обосновывается тенденция снижения влияния народа на деятельность государства и/или незащищенность его от действий государственных агентов, особенно в странах с переходной демократией. Тилли предложил критерии оценивания качества «реальной демократии», это – «когда политические отношения между гражданами и государством выражены широкими, защищенными и взаимообязывающими процедурами

обсуждения» [3, с.29]. Он призывал к развитию института социального контроля, равно как и повышению активности самого населения.

Последователь Тилли К. Крауч [4], ссылаясь на возросшую роль корпораций, обвинял их в нарастании дедемократизации. На кризис представительной демократии указывали М.Крозье [5], С. Хантингтон [2] и др. З. Бауман [6] считает обязательным проявлением современных демократических режимов несоответствие между провозглашенными в законах ценностями (принципами) и их реальным воплощением. В ряде исследований 90-х годов было выявлено падение доверия к органам представительной власти. При этом некоторые ученые утверждают, что не власть работает хуже, а люди стали требовать больше.

Авторитетный исследователь демократии Д.Хигли [7] справедливо указывает на связь демократии с так называемой «консенсуально объединенной элиты». Выделив этот особый тип элит, основанный на высокой интегрированности и внутреннем консенсусе, он утверждает, что именно они на деле управляют странами, причем в своих интересах, хотя и провозглашают при этом фиктивные демократические ценности. Такая элита может быть одна на данный период в стране (Коммунистические партии в СССР или современном Китае). Их может быть две-три (крупные партии, борющиеся за власть в современной Европе или США), а может быть и несколько (когда выразителями интересов общества провозглашают себя профессиональные группировки крупного бизнеса или военные). В средние века, по мнению Хигли, консенсуально объединенные элиты концентрировались вокруг монархов (их семей). В современной России это – все, кто связан лично с Президентом (или Аппаратом Президента) страны.

По мнению ученого, в современном обществе демократия выступает в виде «выборной полиархии», т.е. системы, когда через свободные выборы к власти допускаются представители крупных групп по интересам, конкурирующие между собой на выборах. Нельзя не согласиться с утверждениями Хигли, касающимися роли элит в управлении, но признание

всех государств, которые им приводятся для примера, демократичными – спорно. Например, вряд ли, является демократичным современный Китай.

Анализ критики современного общества с позиций уровня его демократичности дает основание рассматривать институт демократии как идеальный конструкт, к которому страны стремятся, но полное достижение которого невозможно (хотя бы в силу сложности функционирования общества как системы или многослойной природы человека, допускающей доминирование личных интересов над общественными).

2. Другое крупное течение в изучении демократии объединилось вокруг такого предметного поля, как – народ. Мультивариантность понимания демоса активно обсуждается в науке. По мнению признанного авторитета Бенедикта Андерсона [8], сами понятия общности и сообщества как воплощения народа в науке предельно размыты и закреплены различными лексическими толкованиями. Для современной действительности ученый предлагает разумным отойти от национальных или гражданственных проявлений общности, заменив их новой, двух уровневой системой анализа социума. На первом – будут анализироваться крупные этнические объединения людей, проживающие на территориях больших, чем отдельные страны, например, Европа, На втором – акцент в изучении должен делаться на меньшие - профессиональные сообщества или другие группы по интересам. Такой подход, по мнению ученого, более конструктивен, поскольку основан на выявлении более сильных сообществ в рамках современного общества. При этом уровни управления не противостоят, а взаимно дополняют друг друга.

Неустаревающим образцом критики в осмыслении потенциала демоса как творца демократии (порядка в государстве) нельзя не признать работы отечественного философа Н. Бердяева. Отрицая доминирование в народе высоко моральных норм поведения, он справедливо сомневается в его возможностях управлять страной (или хотя бы организовать контроль за

управлением) [9]. К этому ракурсу анализа можно отнести работы Гарда Г.[10, Рисмана Д. [11], Бодрияра Ж. [12] и др.

К этому направлению, по нашему мнению, можно отнести и работы публицистической направленности. Они, что справедливо и актуально, пытаются вынести на обсуждение злободневные текущие вопросы о неготовности (нежелании) основной части населения к участию в управлении, о праве мигрантов на управление страной, ставшей их новой родиной и др.

Известный социолог Ш. Айзенштадт [13] указал на трудности отстаивания демократии в странах переходного типа в связи с неразвитостью у них институтов контроля и публичности. Общество становится излишне политизированным, протестные движения мало регулируются, лидеры и их социальные ценности еще не стали частью гражданской культуры, соответственно, возможна подмена: борясь за власть (и собственность) элита будет декларировать цели совершенствования социального (государственного) устройства. Исследователи предупреждают о возможности создания в этих странах псевдо-демократических режимов или управляемых демократий.

Как продолжение дискуссии о потенциале граждан как активных акторов, ученые выделяют два уровня демократии: представительную и делегативную. Первая (более развитая) – предполагает систему равенства граждан как участников в управлении государством и избирателей. Они доверяют избранному управлять от своего имени, но готовы и могут контролировать качество его управления. Делегативная, наоборот, - предполагает возможность для избранных руководителей (Президента) управлять страной по своему усмотрению, хотя и в рамках конституционных ограничений, т.е. без контроля и подотчетности. Народ якобы вверяет правителю права на управление, поскольку не чувствует в себе к этому склонности (подготовленности).

3. Серьезным вызовом, противостоящим демократии, является выявление и оценка роли СМИ и некоторых неконтролируемых центров принятия решения. Они навязывают людям суждения, отражающие не их собственные, а привнесенные извне мнения. Бесспорно, классическими работами, раскрывающими роль СМИ, являются монографии Э.Ноэль-Нойман «Общественное мнение. Открытие спирали молчания» (1989), М.Кастельса «Информационная эпоха» (2000), Ф.Сиберта, У.Шрамма, Т.Питерсона «Четыре теории прессы» (1988), Ю.Хабермаса «Демократия. Разум. Нравственность» (1992) и многие другие. Критика СМИ как разрушителя объективной картины взглядов на современной публичной арене представлена в работах основоположников этого направления: Г.Лассуэлла, У.Липмана, К.Левина и Г.Лонга, а также Р.Арона, О.Тоффлера и др.

Таково общее представление о трех (но не всех) направлениях проблемных зон современного демократического устройства государств. Обидно, что в России эта проблематика пока не получила распространения.

Западные исследователи выявили следующие современные формы проявления демократии, как стержня совершенствования системы государственного устройства: юридическое равенство, вертикальную и горизонтальную подотчетность, политическое участие, открытую конкуренцию между лидерами, представительство, управление в интересах и согласно пожеланиям граждан, прозрачность, политические свободы, политическое равенство и эффективность управления экономикой [14]. Отметим, что данный перечень характеризует более развитую модель, в отличие от существующего и описанного Р. Далем [15] минимума, достаточного для оценивания страны как в целом демократической. Он включает в себя: универсальность избирательного права для мужчин и женщин (1), свободные, конкурентные, регулярные и честные выборы (2), существование более одной политической партии (3), наличие различных и альтернативных источников информации (4).

Представляется, что для нашей страны важнейшим компонентом является подотчетность, которая практически не внедрена, особенно в практику высшего руководства страной.

Список использованных источников:

1. Фукинид. История. Книга II. Издательство «наука», 1981
2. Хантингтон С.Х. Третья волна. Демократизация в конце XX в., М., 2003
3. Тилли Ч. Демократия. М., 2007
4. Крауч К. Постдемократия, М., ВШЭ, 2010
5. Крозье М. Современное государство – скромное государство, “Свободная мысль”, 1993, №11, с.9-15
6. Бауман З. От агоры к рынку - а куда потом?, См «Демократизация и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI в.», под ред. В. Л. Иноземцева, 2010 с. 54-72
7. Хигли Д. Демократия и элиты // Русские чтения. Выпуск 4. М.: Изд-во «Группа Эксперт», 2007
8. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма, М, «Кучково поле», 2001
9. Бердяев Н. Демократия, социализм и теократия, 1924
- 10.Тард Г. Личность и толпа, 1903
11. Рисман Д. Одинокая толпа, 1950
12. Бодриар Ж.В тени молчаливого большинства, или конец социального Екатеринбург (изд-во Уральского университета), 2000
13. Айзенштадт Ш. в статье «Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость», см. «Полис Политические исследования», 2002, №3, с.81
14. В такой редакции, обобщая сравнительные исследования, оценивающие восприятие основ демократии населением различных стран, перечень приведен в статье Андреевской А.В. Понимание и оценка демократии в России и других европейских странах, см.

<http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2014/s5/andreenkova.pdf> просмотр от 12.12.2015.

15. Даль Р. Демократия и ее критики, М. 2003; Даль Р. Полиархия; участие и оппозиция, М, НИИ ВШЭ, 2010

Воробьева, И.В.

**Патриотизм и гражданственность
в представлениях российской молодежи***

Vorobyova, I.

**Patriotism and citizenship
in the representation of the Russian youth**

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект №14-18-02016

Аннотация: в статье рассматриваются представления российской молодежи о гражданственности и патриотизме на основе данных, полученных в ходе Всероссийского исследования «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990-2000 годы)»

Abstract: The article considers the presentation of the Russian youth about citizenship and patriotism on the basis of the data obtained in the course of the All-Russia Research "Life World Russians and the evolution of forms of their participation in the implementation of public and social transformations (1990-2000 years)"

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ, ПАТРИОТИЗМ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

KEYWORDS: RUSSIAN YOUTH, PATRIOTISM, CITIZENSHIP

В условиях социальной аномии, характеризующей современное российское общество, вопросы гражданско-патриотического воспитания молодежи приобретают важное значение для формирования новых поколений и укрепления целостности страны. При этом изучение особенностей становления и развития молодежи в данной сфере является актуальным направлением, как для целого ряда наук, так и для государства и общества в целом.

С начала 90-х годов ценности гражданственности и патриотизма были подвергнуты тщательной ревизии, вплоть до полной замены их смысла [2, С. 44-50]. Свою негативную роль сыграли и результаты реформы образования, которые предполагали определенный отказ от воспитательной и идеологической функций в школе и вузе. С середины 2000-х наметилась обратная тенденция, и последние несколько лет формирование гражданственности и патриотизма в молодежной среде становится одной из первоочередных задач государственной политики. Однако проводимые на

данный момент меры, программы и инициативы недостаточно эффективны. По мнению экспертов, это объясняется тем, что уровень патриотического сознания россиян низок из-за «девальвации важнейших социальных ценностей», «частичного разрушения мировоззренческих основ», «снижения эффективности воспитательной деятельности» в семье, а также из-за «попыток очернения и не до конца объективного изложения отечественной истории» [4]. Таким образом, важность формирования гражданско-патриотических установок молодежи для государства, с одной стороны, и неэффективность существующих мер решения этого вопроса, с другой, актуализируют необходимость научного и практического осмысления данной проблемы.

Гражданская позиция молодежи находится в прямой зависимости от чувства патриотизма, любви к Родине, гордости за свою страну. Патриотизм является важнейшей ценностной составляющей гражданственности. Эти понятия тесно взаимосвязаны и имеют общее основание в виде нравственного сознания, особой системы ценностей, обуславливающей их содержание. Несмотря на определенный подъем уровня патриотических и гражданских установок в стране за последние годы (в основном за счет одобрения курса внешней политики значительной частью населения), как в гражданском, так и патриотическом самосознании молодежи сохраняются определенные проблемы. Например, по данным Всероссийского исследования «Жизненный мир россиян...» (2014 г.) [1], чуть более двух третей россиян в возрасте до 30 лет считают себя патриотами России. Практически каждый пятый дает отрицательный ответ на данный вопрос, а каждый шестой затрудняется с ответом (см. Табл. 1). Даже респонденты, разделяющие ценности патриотизма, говорят о том, что испытывали чувство стыда за свою страну. Примерами таких ситуаций являются низкий уровень жизни (невысокие пенсии, зарплаты и пр.),

состояние систем здравоохранения, образования, социальной защиты, проблемы в экономике, высокий уровень коррупции. Обращает на себя внимание, что самое большое число россиян, не считающих себя патриотами, именно среди молодежи. Число людей, имеющих патриотические взгляды, увеличивается по мере развития и взросления.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос

«Считаете ли Вы себя патриотом России?»

Варианты ответов	Возраст				
	18-29	30-39	40-49	50-59	60 лет и старше
Да	65,7	75,7	75,0	75,3	73,8
Нет	17,9	10,5	10,7	11,5	9,2
Затруднились ответить	16,4	13,9	14,3	13,2	17,0

Наряду с этим, среди российской молодежи отмечается достаточно высокий процент миграционных установок – 9,7% опрошенных молодых людей хотели бы жить и работать за рубежом, переехав туда на постоянное место жительства [1] (см. Табл. 2). Таким образом, практически десятая часть молодых россиян не связывает свое дальнейшее будущее с Россией, а планируют свою жизнь и самореализацию в других странах. Подобные миграционные установки в сознании большинства молодых россиян расходятся с понятием патриотизма. По данным Фонда «Общественное мнение», 55% молодежи согласны с утверждением, что «человек, желающий работать за рубежом, не может быть патриотом своей страны». Основными критериями патриотизма для молодежи продолжают оставаться «любовь к

родине», «готовность ее защищать», «работа на благо и процветание своей страны» [5].

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос

«Хотели бы Вы побывать, жить или работать за рубежом?»

(возможно несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	Возраст					60 лет и старше
	1 8-29	3 0-39	4 0-49	5 0-59	5	
Да, поработать временно, заработать деньги	2 6,5	1 7,5	1 0,3	9 ,4	0, 9	
Провести отпуск, побывать в командировке	4 7,4	4 7,9	4 5,7	3 7,5	16 ,7	
Хотели бы поучиться, пройти стажировку	1 1,8	6 ,3	5 ,7	1 ,0	0, 9	
Хотели бы жить и работать за рубежом, переехать на постоянное место жительства	9 ,7	5 ,0	4 ,0	3 ,5	1, 2	
Не хотят и не планируют	1 0,9	1 8,3	2 6,7	3 3,7	53 ,6	
Не думали об этом	1 0,1	1 2,0	1 5,0	1 7,0	27 ,4	

Похожие данные содержатся и в результатах ряда других исследований, согласно которым, около одной трети молодых россиян не идентифицируют себя со статусом гражданина Российской Федерации [3, С. 68] и не связывают свою судьбу с перспективами развития страны. Менее половины (49%) российской молодежи от 18 до 30 лет считают, что патриотами является большая часть населения

России, остальные полагают, что таких меньшинство или затрудняются с ответом [5].

Относительно невысокий уровень патриотических установок обусловлен многими причинами, в том числе воздействием социально-экономических, политических факторов, институтов образования и СМИ.

Патриотизм личности может рассматриваться с точки зрения преданности государству – например, с позиции чувства долга перед своей страной, выполнения своих гражданских прав и обязанностей. При этом патриотизм выступает одним из показателей взаимоотношений общества, государства и личности. Одним из важных прав и обязанностей граждан России является политическое участие, в качестве разновидностей которого могут выступать, как прямое членство в организациях, так и выполнение своего гражданско-политического долга в виде участия в политических инициативах, электоральной активности и пр. Например, участие в выборах – важная форма проявления гражданской позиции молодежи. Однако, о своем участии в голосованиях на выборах различного уровня чаще прочих говорят респонденты старше 55 лет, а респонденты моложе 35 (лет) проявляют наименьшую активность в этом вопросе. Так, по данным исследования «Жизненный мир россиян...» (2014 г.), 59,8% молодежи подчеркнули, что не участвовали ни в каких формах политической жизни. Среди основных форм политического участия 32,6% молодых респондентов отметили свое участие в выборах в местные и региональные органы власти, 16,5% – участие в выборах в Государственную Думу ФС РФ, 3% – в митингах и демонстрациях, 2,7% – подписание различных петиций и обращений [1] (см. Табл. 3).

Гражданственность личности может быть рассмотрена с двух сторон. С одной стороны, она закрепляет в системе прав и обязанностей правовой статус человека как гражданина, с другой – гражданственность предполагает свободу выбора, несет в себе ярко выраженное нравственное основание долга человека перед государством и обществом. Несмотря на то, что участие в выборах является свободным правом каждого гражданина, такая ситуация

не может не настораживать: получается, что 2/3 молодежи не просто отчуждаются от каких-либо политических действий, но и не включены даже в такие пассивные формы политической активности, как выборы. Как следствие, этот вид политической практики не рассматривается молодежью как часть своего гражданского долга.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос

«В каких формах политической жизни вы участвовали за последнее время?»

(Можно выбрать любое количество ответов)

Варианты ответов	Возраст					60 лет и старше
	1 8-29	3 0-39	4 0-49	5 0-59	6 60+	
Участвовали в выборах в Государственную Думу РФ	1 6,5	2 2,8	2 2,3	2 1,2	2 ,9	17
Участвовали в выборах в местные и региональные органы власти	3 2,6	4 3,2	3 7,7	4 8,6	4 ,1	41
Подписывали петиции, обращения	2 ,7	1 ,8	2 ,3	4 ,2	4 4	2,
Участвовали в демонстрациях, митингах	3 ,0	1 ,8	2 ,7	4 ,5	4 6	3,
Участвовали в забастовках	0 ,0	0 ,0	0 ,3	0 ,0	0 0	3,
Участвовали в пикетах	0 ,7	1 ,3	0 ,3	0 ,7	0 2	1,
Другое	0 ,0	2 ,1	1 ,0	0 ,7	0 4	2,

Не участвовали ни в каких формах	5	5	5	4	54
	9,8	0,0	7,0	4,4	,2

Гражданственность молодежи может проявляться не только через включение в политические практики, но и через участие в деятельности общественных организаций, социальных движениях, общественных организациях и т. п. Однако и здесь степень личной включенности молодых людей в общественные организации невысока. По данным исследования «Жизненный мир россиян...» (2014 г.), более 78% молодых респондентов не являются участниками какой-либо общественной организации, около 11% российской молодежи состоят в профсоюзах [1]. Однако, то же членство молодого человека в профсоюзной организации не позволяет судить о его персональной активности или его личном желании стать членом профсоюзной организации. Вступление в профсоюз, как правило, происходит по месту обучения и не только дает молодежи возможность использовать различного рода льготы и компенсации социально-экономического характера, но и зачастую носит административно-принудительный характер со стороны руководства учебных заведений. Чуть менее 6% респондентов позиционируют себя как участников спортивных организаций, столько же заявляют о своем членстве в какой-либо молодежной организации и лишь 3,8% занимаются волонтерством, а 3,6% состоят в культурных, музыкальных, театральных организациях [1] (см. Табл. 4).

Несмотря на то, что значительная часть российской молодежи состоит в различных сетевых сообществах и группах по интересам в сети Интернет, ее участие в формализованных официальных группах (особенно организованных от лица государства) в реальности невысока. В сознании молодежи происходит определенное отчуждение от такого рода сообществ, а вектор активности перераспределяется в сторону неофициальных неформальных групп, менее жестких по регламенту, структуре, вариантам и формам участия. Кроме того, в последние 20-25 лет в связи с упразднением комсомольских, пионерских организаций, снижения роли и массовости

детско-юношеских объединений, наблюдается утрата механизмов включения молодых людей в общественно-значимую деятельность.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос

«Состоите ли Вы членом общественных организаций?»

(Можно выбрать несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	Возраст				
	1 8-29	3 0-39	4 0-49	5 0-59	60 лет и старше
Профсоюз	1 0,7	1 3,4	1 6,0	1 6,0	3, 0
Политическая партия или объединение	0 ,7	2 ,1	1 ,7	3 ,1	2, 1
Культурная, музыкальная, театральная организация	3 ,6	0 ,8	2 ,7	0 ,7	1, 8
Природоохранная (экологическая) организация	0 ,4	0 ,3	0	0	0, 9
Религиозная община	0 ,9	1 ,8	1 ,3	2 ,4	1, 5
Спортивная	5 ,9	1 ,8	1 ,7	1 ,4	0, 6

Здравоохранительная	0,7	1,6	0,3	0,7	0,6	0,0
Молодежная	5,9	0,5	0,0	0,7	0,3	0,0
Правозащитная	0,5	0,5	0,7	1,0	1,3	0,0
Группа по охране общественного порядка	0,2	0,8	0,3	0,3	0,6	0,0
Волонтерская (помощь пожилым людям, детским домам)	1,9	1,8	1,7	2,1	3,3	0,0
Женская	0,5	0,5	1,0	0,3	0,0	0,0
По охране памятников истории и культуры	0,2	0,3	0,3	0,3	0,0	0,0
Другая организация	0,0	0,0	5,7	1,7	1,1	2,2
Ни в какой организации не состою	78,1	79,6	78,0	75,3	79,2	90,0

Таким образом, мы наблюдаем, что политические, экономические и социальные трансформации, происходящие в обществе, самым прямым образом влияют на массовое сознание россиян, и, в первую очередь, его молодой части. Определенные изменения коснулись гражданского и патриотического сознания молодежи, а такие, казалось бы, незыблемые ценности, как «чувство долга перед страной», «любовь к Родине» перестали быть нравственными ориентирами для значительной части молодого поколения. При этом государственные меры решения данного вопроса остаются недостаточно эффективными. Гражданские и политические практики молодежи формируются стихийно и фрагментарно, а нередко

навязываются администрацией учебных заведений, вызывая неприятие и отчуждение. Настоятельной необходимостью становится культивирование интереса молодежи к реализации своих гражданских прав, в том числе прав политического участия, принятия социально-значимых решений. Важная задача государства и общественных институтов, заключается в создании необходимых положительно воспринимаемых механизмов для включения молодежи, как в различные формы политического участия, так и в практики реализации гражданских социальных инициатив, а также широкая информационная поддержка таких возможностей. Нельзя игнорировать и тот факт, что проблемы, существующие в этом вопросе в молодежной среде, логичным образом вытекают из создавшейся ситуации в старших поколениях, которые выступают определенным ретранслятором, как социальных норм и ориентиров, так и образцов поведения. При недостаточной развитости чувства гражданственности и патриотизма, практик социального и политического участия в старших поколениях, возникают сложности и проблемы передачи данного опыта молодежи.

Библиографический список

1. Всероссийское исследование «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990-2000 годы)» (грант РФФИ № 14-18-02016). Опрос проводился 25-30 октября 2014 г. Опрошено 1750 человек в 18 регионах страны с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, форм собственности и трудовому стажу. Опросы проведены во всех экономических районах страны, представляющих Центральную Россию, Поволжье, Юг Страны, Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также два мегаполиса – Москву и С-Петербург.

2. Гаврилюк В.В. Маленков В.В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. 2007. №4. С. 44-50
3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : Институт социологии РАН, 2010. – 592 с.
4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://gospatriotprogramma.ru/programma%202016-2020/proekt/proekt.php> (дата обращения: 09.02.2016)
5. О патриотизме / Еженедельный опрос «ФОМнибус» 12-13 апреля 2014 г. Репрезентативный опрос населения от 18 лет и старше. В опросе участвовали 1500 респондентов – жителей 100 городских и сельских населенных пунктов в 43 субъектах РФ. Интервью в режиме face-to-face проходили по месту жительства респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11471> (дата обращения: 10.02.2016).

УДК 363:637

Дьякова, Е.Г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ УСЛУГИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО НЕРАВЕНСТВА

Аннотация: В статье рассматривается социально-демографический портрет пользователей Единого портала государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (ЕПГУ). Используются результаты социологического исследования, проведенного в Свердловской и Челябинской областях Уральского федерального округа в 2015 году. Делается вывод о том, что типичные пользователи ЕПГУ наделены характеристиками «информационно богатых»: ими являются молодые, хорошо образованные, хорошо обеспеченные, занимающиеся престижными видами деятельности группы населения. Они облегчают себе традиционное

взаимодействие, используя возможности, предоставляемые государственными информационными ресурсами. Подчеркивается, что данная ситуация отражает не специфику двух российских регионов, а общемировые тенденции.

Abstract: The article examines the socio-demographic profile of users of the Unified Portal for State and Municipal Services of the Russian Federation (UPSMS). It contains the results of a sociological survey conducted in the Sverdlovsk and Chelyabinsk region of Urals Federal District in 2015. The conclusion is that UPSMS users have all the characteristics of the «information rich»: they are young, well-educated, well off, held prestigious jobs etc. They facilitate a traditional interaction with public officials, using the new opportunities provided by state information resources. This situation reflects the global trend rather than the specific of e-services adoption in two Russian regions.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ, ЭЛЕКТРОННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ, ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО, ИНФОРМАЦИОННО БОГАТЫЕ

SOCIAL ADOPTION OF TECHNOLOGY, E-SERVICES, DIGITAL DIVIDE, INFORMATION RICH

Переход к предоставлению гражданам услуг в электронном виде представляет собой международный тренд. Как указано в последнем обзоре развития электронного правительства, подготовленном Департаментом экономических и социальных вопросов ООН (UN DESA), в 2014 году все страны – члены ООН в той или иной мере присутствовали в Интернете и представляли электронные услуги различных уровней. Естественно, между лидером рейтинга электронных услуг – Францией, и замыкающими рейтинг Гвинеей-Бисау, Южным Суданом и Северной Кореей [6], существовал

огромный разрыв и по количеству, и по качеству электронных услуг, однако даже аутсайдеры рейтинга предоставляли населению определенные услуги. Переход к электронному правительству выступает как глобальная тенденция, в перспективе взаимодействие граждан с органами власти должно полностью перейти в электронный формат.

Если посмотреть общий рейтинг развития электронного правительства ООН, то Россия с 2012 года занимает в нем 27 место. Наша страна поднялась с 69 места в 2010 году на 27 место в 2012 – 2014 благодаря наличию «очень солидного и репрезентативного портала государственных услуг» [6, с. 39]. Это Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (ЕПГУ) www.gosuslugi.ru, который является основной площадкой для предоставления гражданам услуг всех уровней, от федеральных до муниципальных. Он был введен в публичную эксплуатацию в конце 2009 года, и с тех пор его востребованность постоянно растет. По данным Министерства связи и массовых коммуникаций РФ за первые десять месяцев 2015 года пользователи заказали услуги в электронном виде 24,3 миллиона раз против 12,3 миллиона за аналогичный период 2014 года. Количество граждан, зарегистрированных в Единой системе идентификации и аутентификации пользователей (ЕСИА), т.е. имеющих личный кабинет на ЕПГУ, к концу 2015 года достигло 22,5 миллионов человек [2]. Доля проникновения ЕСИА по России в целом составила 15,62%. Иными словами, в настоящее время имеет аккаунт на ЕПГУ каждый шестой житель России.

За средним показателем скрываются очень значительные различия между регионами. Лидером по использованию ЕСИА является Приморский край с долей проникновения 42,75%, что почти в три раза выше, чем в среднем по стране. В число лидеров также входят три региона Уральского федерального округа: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (доля проникновения — 41,32%), Тюменская область (39,17%), и Ямало-Ненецкий автономный округ (34,92%) [там же].

В Свердловской области доля граждан, зарегистрированных в ЕСИА, на конец 2015 года составила 21,4% [4], в Курганской области – 13,7% [1], в Челябинской области – 9,9% [4].

Как видим, даже внутри одного федерального округа разрыв между лидером рейтинга и замыкающим рейтинг субъектом федерации превысил 4 раза. Четыре субъекта федерации, входящие в состав УФО, имели уровень проникновения ЕПГУ выше среднероссийского, два – ниже.

Между тем, согласно Указу Президента РФ от 06 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, должна к 2018 году должна достичь не менее 70%, при этом уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг должен составить не менее 90% [5]. Чтобы достичь этого показателя, уже в 2015 году проникновение ЕСИА по России в целом должно было составить 35%. Однако даже к концу 2016 года такого уровня проникновения добиться не удалось.

Для того, чтобы понять, почему востребованность Единого портала государственных и муниципальных оказалась ниже ожидаемой, необходимо четко представлять качественный состав как его реальных, так и потенциальных пользователей. С этой целью в рамках количественного социологического исследования, которое прошло в Свердловской и Челябинской областях в июне 2015 года, был проведен анализ социально-демографической структуры пользователей Портала. Объем выборки – 350 человек на субъект федерации. Выборка носила вероятностный стратифицированный характер, опрос проводился методом стандартизированного интервью по месту жительства респондентов.

Уровень осведомленности о ЕПГУ в Свердловской области оказался несколько выше, чем в Челябинской, однако, учитывая размер выборки, разница находится в пределах статистической погрешности – см. Таблицу 1.

Таблица 1.

Осведомленность о Портале	Свердловская область	Челябинская область
слышали	48,7	45,0
не слышали	51,0	54,7
затруднились ответить	0,3	0,3

Что касается посещаемости Портала государственных и муниципальных услуг, то в Свердловской области хотя бы раз побывали на нем 42,4% слышавших о Портале респондентов, а в Челябинской области – 38,5% - см. Таблицу 2.

И в данном случае можно говорить о близости типов поведения: активные пользователи Портала составляют около двух пятых от числа тех, кто знает о его существовании.

Таблица 2.

Посещали Портал...	%% к числу слышавших о Портале	
	Свердловская область	Челябинская область
Посещали Портал...		
неоднократно	30,1	29,6
однажды	12,3	8,9
ни разу	57,5	61,5

Неоднократные посетители Портала государственных и муниципальных услуг обладали специфическим набором социально-

демографическим характеристикам, которые отличали его от всех остальных потенциальных пользователей.

И в Свердловской, и в Челябинской области среди тех, кто посещал Портал неоднократно, явно преобладали представители младших возрастных групп, в то время как среди тех, кто не слышал о Портале – старших. Так, в Свердловской области среди активных посетителей Портала респонденты моложе 30 лет составляли 34,1%, а старше 60 – 2,3%. В Челябинской области объем первой группы составлял 35,0%, а представители второй группы отсутствовали.

Аналогичная тенденция прослеживалась, когда речь идет об образовании: в Свердловской области доля лиц с высшим образованием среди активных пользователей ЕПГУ равнялась 47,7%, в Челябинской области – 47,5%. В обоих случаях она была существенно выше средней по области.

В Свердловской области в группе неоднократных посетителей ЕПГУ почти половину – 47,7% составляли руководители различного уровня и специалисты, занятые умственным трудом. В Челябинской области их доля равнялась 45,0%. Наоборот, в группе неосведомленных о Портале респондентов доля работников, занимающихся физическим трудом достигала 19,0% в Свердловской области и 27,4% в Челябинской, а доля пенсионеров – соответственно – 41,2% и 48,8%.

Таким образом, хотя предполагается, что Портал государственных и муниципальных услуг рассчитан на все слои населения, в реальности активными его пользователями, успешно применяющими при взаимодействии с органами власти новые возможности, являются молодые, хорошо образованные, занимающиеся престижными видами деятельности граждане, или, иными словами, «информационно богатые».

Об этом свидетельствует и перечень наиболее востребованных электронных услуг. По данным Министерства связи и массовых коммуникаций ими являются проверка штрафов ГИБДД за нарушения

правил дорожного движения (означающая, что у пользователя имеется в собственности автомобиль), налоговой задолженности (предполагающей, в том числе, наличие недвижимости и нескольких источников заработка), наличия исполнительных производств в Федеральной службе судебных приставов, а также оформление загранпаспорта (возможность совершать поездки за границу также является маркером социального благополучия) [3].

Соответственно, отсутствие интереса к взаимодействию с государством в электронном виде характерно для лиц старшего возраста с невысоким уровнем образования, находящихся на пенсии и не имеющих навыков пользования Интернетом, т.е. для тех, кого принято называть «информационно бедными», находящимися по ту сторону «цифрового разрыва».

Можно уверенно говорить и о совпадении общероссийских тенденций с общемировыми: пользователями электронного правительства во всех странах мира являются «информационно богатые» группы населения, уже находящиеся в относительно привилегированном положении, если речь идет о взаимодействии с представителями власти (для которых они, между прочим, являются «социально близкими» по основным социально-демографическим параметрам). В развитых странах доля таких «информационно богатых» может превысить две трети от общей численности населения, в развивающихся странах не подниматься выше 5% от общего их числа, но общая тенденция сохраняется.

Для того, чтобы электронные государственные услуги стали услугами для всех, необходимо преодолеть информационное неравенство. А для этого недостаточно только разъяснительной работы о преимуществах электронного взаимодействия с органами власти. Необходимо предложить «информационно бедным» услуги, в которых они были бы реально заинтересованы. Пока этого, к сожалению, в полной мере не произошло.

Список литературы:

1. Информация о реализации требований Указа Президента РФ от 7 мая 2012 года № 601 в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна», а также в электронном виде (по состоянию на 08.02.2016). // Официальный сайт Правительства Курганской области. URL: <http://kurganobl.ru/informaciya-o-realizacii-trebovaniy-ukaza-prezidenta-rf-ot-7-maya-2012-goda-no-601-v-sfere> (дата обращения: 10.02.2016).

2. Количество зарегистрированных граждан в ЕСИА выросло на 2,7 млн. в конце 2015 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 21 января 2016. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/34565/> (дата обращения: 10.02.2016).

3. Отчетность Министерства транспорта и связи Свердловской области по цели "Достижение показателя: "Доля жителей Свердловской области, зарегистрированных на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций), в 2015 году — 15%". [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства транспорта и связи Свердловской области. URL: <http://mtis.midural.ru/article/show/id/1123> (дата обращения: 10.02.2016).

4. Подведены предварительные итоги работы Единого портала госуслуг в 2015 году. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства информационных технологий и связи Челябинской области. 18 ноября 2015. URL: <http://mininform74.ru/Publications/News/Show?id=1131> (дата обращения: 10.02.2016).

5. Указ Президента РФ от 06 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». [Электронный ресурс] // «Российская газета», 05 сентября 2012 г. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html> (дата обращения: 10.02.2016).

6. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the People. UN, 2014.

УДК 321.01

Евдокимов А.И.

Рациональная легитимность как основа президентской власти А.Г. Лукашенко

Evdokimov A.

Rational legitimacy as a basic of presidency of Alexander Lukashenko

В данной работе представлен анализ оснований рациональной легитимности политического режима президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко с точки зрения категорий экономики и безопасности. Делается вывод, что проводимая президентом политическая линия будет позволять и дальше поддерживать легитимность политического режима.

This article is dedicated to the analysis of the grounds of rational legitimacy of the Alexander Lukashenko in Belarus. This analysis is considered of the economic and security categories. The author draws a conclusion about strengthening of Lukashenko's regime legitimacy in the future.

БЕЛАРУСЬ || ЛЕГИТИМНОСТЬ || АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО ||
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ || ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

BELARUS || LEGITIMACY || ALEKSANDER LUKASHENKO ||
POLITICAL STABILITY || POLITICAL REGIME

А.Г. Лукашенко уже более двадцати лет находится на вершине политической системы Республики Беларусь. Феномен его власти за это время неоднократно попадал в фокус российских, белорусских и зарубежных исследователей. В данной работе предпринята попытка рассмотреть этот феномен с точки зрения легитимности.

Под легитимностью обычно понимают признание и одобрение власти обществом.

В классическом варианте, обозначенном Максом Вебером, принято выделять три типа легитимности: традиционную, рациональную и харизматическую.

Традиционная легитимность обычно связывается с властью, которая передается по наследству, и основывается на вере населения в сакральность и незыблемость этой власти.

Харизматическая легитимность – это обаяние и выдающиеся личностные качества конкретного лидера, позволяющие ему манипулировать общественным сознанием.

Рациональная легитимность представляет собой социальный контракт между властью и обществом, признанный обеспечить обоюдовыгодное сосуществование в конкретной политической системе. Наиболее ярко она проявляется в таких сферах общественной жизни, как экономика и безопасность.

По данным Всемирного Банка ВВП Беларуси с 1996 года демонстрирует стабильный рост, несмотря на мировой финансовый кризис 2008-09 гг. [1]

С точки зрения, развития человеческого потенциала, ООН отнесла Беларусь к числу стран с высоким уровнем развития и при этом с самым высоким уровнем развития среди стран СНГ. [2]

Принимая во внимание оценки государственных органов и международных организаций, можно сделать вывод о стабильном поступательном развитии белорусской экономики, что ведет улучшению положения граждан государства.

Подтверждением этому выступает отсутствие за последние годы не связанных с политическим подтекстом массовых акций протеста, забастовок, стачек, голодовок среди подавляющего большинства населения Республики. Исключением в данном случае являются индивидуальные предприниматели. Сначала они пострадали от принятия ряда президентских указов в январе 2008 году, существенно ограничивших их права, а затем – в результате присоединения Беларуси к Таможенному Союзу. Поэтому с 2008 года забастовки предпринимателей приобрели регулярный характер.

В Беларуси до сих пор продолжает осуществляться активная социальная поддержка населения: бесплатное образование всех уровней, большой перечень бесплатных медицинских услуг, социальные льготы и пособия для многодетных семей, инвалидов и пенсионеров, льготные кредиты на покупку жилья для населения, государственная поддержка оплаты коммунальных услуг и т.п.

Несмотря на все это, минимальное число граждан Республики Беларусь имеет возможность выехать за рубеж и посмотреть на уровень жизни и благосостояния в других странах.

В данной ситуации нельзя не учитывать и трудовых мигрантов, отправляющихся на заработки, в первую очередь, в Россию, так как условия их жизни и работы там остаются на достаточно низком уровне. Однако заработная плата, превышающая в 2-4 раза возможность заработка на родине, продолжает подталкивать белорусов на непростые и не всегда безопасные поездки «за российским рублем».

Государственные средства массовой информации также вносят свой вклад в создание атмосферы стабильности и благополучия в стране. Президент в своих ежегодных посланиях народу и парламенту постоянно акцентирует внимание на кризисах и проблемах, с которыми сталкиваются соседние государства: цветные революции в Украине, Грузии и Киргизии; экономические проблемы в Европейском Союзе, кризисы в Греции, Испании и Португалии и т.д.

Новостные сюжеты телевизионных передач государственных каналов построены на контрасте между негативными событиями в остальном мире и успехах внутри страны: на Филиппинах наводнение – в Витебской области собрали рекордный урожай зерна; в Сирии в результате очередной стычки между войсками Б. Асада и оппозицией погибло 150 человек – брестские пограничники задержали рекордную партию наркотиков и оружия; в России произошел взрыв на шахте, погибло 30 человек – на Минском тракторном заводе выпустили новую инновационную модель трактора; и т.д.

Посредством таких трансляций у основной массы населения Республики Беларусь поддерживается иллюзия спокойной и благополучной жизни, а легитимность политического режима не вызывает сомнений.

Список использованных источников и литературы:

1. GDP grows (annual %) // The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (дата обращения 14.01.2016 г.)

2. Human Development Report 2013. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World // United Nations Development Programme. Human Development Reports. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/14/hdr2013_en_complete.pdf (дата обращения 14.01.2016 г.)

УДК/ББК 35.07+35.08/60.82

Задорина, М.А.|| Щебетюк, В.В.

Перспективы развития исполнительской дисциплины в органах
государственной власти

Zadorina, M.|| Schebetyuk, V.

Prospects of development of performance discipline in public authorities

Статья посвящена вопросам повышения и укрепления исполнительской дисциплины в органах исполнительной ветви власти. Рассматривается роль исполнительской дисциплины в условиях оптимизации кадрового состава государственных гражданских служащих. Особое внимание уделяется направлениям развития исполнительской дисциплины посредством совершенствования отбора и оценки государственных гражданских служащих.

The paper deals with the improving and consolidation performance discipline in the executive branch of government. The role of performance discipline in terms of optimization of the staff of the civil servants is considered.

Particular attention is paid to the directions of the development of performance discipline by improving the selection and evaluation of public civil servants.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ|| ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ДИСЦИПЛИНА|| ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ|| ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ СЛУЖАЩИЙ|| ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

PUBLIC ADMINISTRATION|| PERFORMANCE DISCIPLINE|| EXECUTIVE AUTHORITY|| PUBLIC CIVIL SERVANTS|| PUBLIC AUTHORITIES

Весомым фактором в построении эффективной системы исполнительной власти в Российской Федерации и субъектах Российской Федерации выступает уровень исполнительской дисциплины. На сегодняшний день, действующее законодательство не закрепляет понятие уровня исполнительской дисциплины в государственном управлении. В дополнение, отсутствует и механизм его оценки и анализа. Между тем, в законодательстве о государственной службе как на федеральном, так и на региональном уровне существуют отдельные главы, которые отражают вопросы исполнительской дисциплины в органах государственной власти.

Так, например, в части 1 статьи 15 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» закрепляется обязанность государственного гражданского служащего «исполнять должностные обязанности в соответствии с должностным регламентом, поручения соответствующих руководителей, данных ему в пределах их полномочий, установленных законодательством Российской Федерации, а также при исполнении должностных обязанностей соблюдать права и законные интересы граждан и организаций» [1].

Необходимо отметить особую роль высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в укреплении исполнительской дисциплины в органах государственной власти субъектов Федерации,

которые также могут издавать указы и распоряжения, регулирующие исполнение поручений и указаний высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

В научной литературе вопросы, посвященные исполнительской дисциплине, встречаются редко. Важно отметить, что некоторые авторы затрагивали данную тему, но не раскрывали сущность и само понятие исполнительской дисциплины.

Так, В.В. Гончаров в одной из своих статей затрагивал вопросы, связанные с уровнем исполнительской дисциплины в государственном аппарате [2]. Автор предположил, что уровень исполнительской дисциплины является оценочной категорией, в которую входят такие показатели как: качество реализуемых услуг населению, своевременность и оперативность в принятии решений, а также результативность в деятельности.

Согласно материалам глубинных интервью с государственными гражданскими служащими Управления контроля исполнения поручений Правительства Свердловской области, проведенных в период с 20 по 22 сентября 2015 года, можно рассчитывать уровень исполнительской дисциплины в государственном органе как отношение количества поручений, исполненных в установленный срок, к общему количеству поручений, подлежащих исполнению за отчетный период (предложение Е.В. Гольц).

Таким образом, под исполнительской дисциплиной в государственном органе предлагается понимать выполнение всеми государственными гражданскими служащими требований правовых актов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, а также поручений и указаний руководителей по конкретным вопросам.

В соответствии с административной реформой Российской Федерации поддержка высокого уровня исполнительской дисциплины среди государственных служащих является одним из ведущих факторов

оптимизации органов государственного управления, а также повышения результативности их деятельности.

Основной целью оптимизации государственных органов исполнительной власти является субъективный (человеческий) фактор, предполагающий наличие штата государственных служащих в органах исполнительной власти, обладающих соответствующими морально-этическими качествами и надлежащим уровнем профессионализма и компетентности.

Контрольным показателем данных качеств выступает высокий уровень исполнительской дисциплины государственных служащих органов исполнительной власти, который одновременно является и основным условием реализации оптимизации.

Необходимо отметить, что высокий уровень исполнительской дисциплины в органах государственной власти возможен посредством достижения своевременного, результативного и оперативного выполнения руководящих решений, отдаваемых вышестоящими органами власти и их должностными лицами, а также соблюдение действующего законодательства и подзаконных нормативных правовых актов, включая внутриведомственные акты, которые закрепляют основные обязанности государственных гражданских служащих и иных должностных лиц.

Критериями оценки качества исполнения актов и поручений в государственных органах исполнительной власти являются [3]:

- 1) полнота исполнения, под которой понимается полноценная реализация актов и поручений, степень соответствия проведенных мероприятий задачам, поставленным в поручении или акте перед конечным исполнителем;

- 2) своевременность исполнения, предусматривающая осуществление мероприятий в установленные сроки, отсутствие продления сроков исполнения актов и поручений, а также отсутствие несвоевременного продления сроков исполнения.

Стоит отметить, что особое значение высокого уровня исполнительской дисциплины в системе органов государственной власти неоднократно подчеркивалось в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Еще в 1999 году в послании первого Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина Федеральному Собранию отмечалось, что «повышение исполнительской дисциплины представляет собой одну из основных проблем государственного строительства и построения исполнительной вертикали власти в государстве» [4]. Согласно Конституции Российской Федерации, именно Президент Российской Федерации «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти» [5], в том числе и принимает соответствующие меры по поддержанию единой системы исполнительной власти в Российской Федерации, выступает постоянным инициатором проведения мероприятий, направленных на повышение уровня исполнительной дисциплины в органах государственной власти, издавая соответствующие указы и распоряжения, а также и акцентирует внимание на возникшие проблемы в средствах массовой информации.

В соответствии с вышеизложенным, следует упомянуть Указ Президента Российской Федерации о федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)», в котором особое внимание уделяется повышению эффективности государственной службы и результативности профессиональной служебной деятельности государственных служащих. Данные задачи, согласно указу, достигаются за счет [6]: разработки типовой модели должностных регламентов в целях упорядочения и конкретизации должностных обязанностей государственных служащих разных категорий должностей; внедрения системы критериев оценки эффективности профессиональной служебной деятельности чиновников; совершенствования

методики оценки профессиональных знаний и навыков государственных служащих, предусмотренных их должностными регламентами.

Интересно отметить тенденцию сокращения численности государственных служащих в органах государственной власти. Так, например, численность работников территориальных органов федеральной исполнительной власти сократилась с 560,2 тыс. человек в 2005 году до 552,4 тыс. человек в 2013 году [7, с. 181]. Между тем, экономический кризис, поразивший российскую экономику вследствие введения санкционного режима, данную тенденцию только усилил. Как сообщает газета Коммерсантъ [8], численность чиновников федеральных агентств и ведомств с 2016 года будет сокращена на 10 % – соответствующее постановление подготовил премьер-министр Дмитрий Медведев. Интересно отметить, что сокращение численности государственных служащих наблюдается именно в органах исполнительной власти. Численность работников органов законодательной власти только увеличивается [9, с. 40]: с 24,4 тыс. человек в 2005 году до 33,1 тыс. человек в 2014 году.

Таким образом, в органах исполнительной ветви власти на первый план выходят вопросы повышения и укрепления исполнительской дисциплины, так как в сложившейся экономической ситуации необходимо действовать эффективно и ориентироваться на потребности граждан и бизнеса. Особая роль в урегулировании обозначенного вопроса принадлежит Правительству Российской Федерации, которое на данный момент разработало проект постановления «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016-2018 годы» [10]. Согласно плану мероприятий, повышение исполнительской дисциплины в исполнительных органах государственной власти может достигаться за счет реализации ряда направлений.

Во-первых, через формирование детализированной системы квалификационных требований к претендентам на замещение должностей

гражданской службы и гражданским служащим, ориентированной на эффективное осуществление функций государственных органов, проведения оценки квалификации претендентов на замещение должностей гражданской службы на соответствие базовым и функциональным квалификационным требованиям к знаниям и навыкам и обеспечение разработки и совершенствования функциональных квалификационных требований по категориям и группам должностей гражданской службы для включения их в справочник квалификационных требований.

Во-вторых, через повышение качества отбора граждан, претендующих на замещение должностей гражданской службы. Данное мероприятие предполагает создание организационных механизмов для обеспечения централизованного поиска, привлечения, профессиональной ориентации, отбора и оценки граждан, поступающих на гражданскую службу, создание базы тестовых и иных оценочных заданий, применяемых в целях установления соответствия кандидатов, поступающих на гражданскую службу, базовым квалификационным требованиям при конкурсном отборе и назначении без проведения конкурса, а также создание единого центра поиска, отбора, профессиональной ориентации и оценки граждан, поступающих на гражданскую службу.

В-третьих, через развитие комплексной оценки гражданских служащих. Это предполагает осуществление регулярной (текущей) оценки эффективности и результативности деятельности гражданских служащих в межаттестационный период, обеспечение взаимосвязи комплексной оценки гражданских служащих с оценкой качества работы государственного органа в целом, создающей стимулы для улучшения показателей его профессиональной служебной деятельности. Как известно, «без адекватной и эффективной системы оценки невозможно наладить функционирование системы государственной службы и направить ее развитие в правильном направлении» [11, с. 13]. В связи с этим введение комплексной оценки гражданских служащих предполагает разработку и внедрение: моделей

профессиональных качеств, необходимых гражданским служащим для исполнения должностных обязанностей, взаимосвязанной системы показателей эффективности государственного органа в целом и результативности гражданских служащих, инструментов общественной оценки, технологии разработки карьерной траектории гражданского служащего по результатам оценки результативности его профессиональной служебной деятельности, профессионального и личностного потенциала, технологий «центра оценки» для выдвижения кандидатов на должности гражданской службы высшей и главной групп должностей категории «руководители».

В заключение хочется отметить, что в сложившихся условиях, когда российская экономика подвержена многочисленным кризисным явлениям, влекущим за собой сокращение численности государственных гражданских служащих исполнительной ветви власти, именно исполнительская дисциплина способна гарантировать надлежащее и своевременное исполнение служебных обязанностей чиновниками, соблюдение ими прав и законных интересов граждан, так как именно «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [5].

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации, 02.08.2004, N 31, ст. 3215.
2. Гончаров В. В. Повышение исполнительской дисциплины в системе исполнительной власти как необходимое условие ее оптимизации» // Бизнес в законе. 2009. №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-ispolnitelskoy-distipliny-v-sisteme-ispolnitelnoy-vlasti-kak-neobhodimoe-uslovie-ee-optimizatsii> (дата обращения: 23.02.2016).

3. Кузнецов С.Л. Современные технологии документационного обеспечения управления: 2-ое издание, переработанное и дополненное. М.: Издательство «ТЕРМИКА», 2014. 288 с.
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох» (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации) [Текст] // Российская газета. 31 марта 1999 г.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
6. Указ Президента Российской Федерации от 10.03.2009 N 261 «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации, 16.03.2009, N 11, ст. 1277.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2015. 1266 с.
8. Мануйлова А. Чиновники потеряют в численности // Коммерсантъ, 21.12.2015.
9. Российский статистический ежегодник. 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2015. 728 с.
10. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016-2018 годы [Электронный ресурс]: Проект Постановления Правительства Российской Федерации. Доступ из системы ГАРАНТ.

11. Задорина М.А., Попов Д.А. Оценка деятельности государственных гражданских служащих: направления развития // Инновационные технологии управления и права. 2015. № 1 (11). С. 10-14.

УДК 316.4, 316.7, 35.977.535.3

Ибрагимов Р.Н.

Буза и саботаж на шкале социальной напряженности

Ibragimov R.N.

Buza and sabotage on the scale of social tension

Применение конструктивистских принципов к исследованию социального протеста позволяет выделить новые сегменты и формы его проявления.

Application of constructivism principles to research of social protest allows to allocate new segments and forms of his display.

Ключевые слова: СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ, КОНСТРУКТИВИЗМ, БУЗА, САБОТАЖ.

Keywords: SOCIAL TENSION, SOCIAL PROTEST, CONSTRUCTIVISM, BUZA, SABOTAGE.

Не до, конечно, а как раз во время «исторического материализма», в эпоху расцветающего и загнивающего социализма, перспектива эмпирического изучения и опубликования результатов исследования социального недовольства считалась туманной и даже опасной. Наша геронтократия не желала видеть неудобную для нее, тревожащую ее реальность, и всякую попытку отобразить «реальное положение вещей», то есть реализовать основные принципы классической парадигмы, воспринимала в штыки. Тем самым олицетворяя собой неисчерпаемую дееспособность парадигмы конструктивистской.

Однако только ли во власти дело? На смену осторожным старикам пришли активные (иногда даже гипер-) представители среднего и молодого поколения. И что изменилось? Вестники всех, даже (по слухам) оппозиционных агентств констатируют зашкаливающие рейтинги популярности, одобрения, любви и обожания. Врут? Это маловероятно. А если нет, то как скоррелировать всеобщее воодушевление с экономическими показателями (ростом валового продукта, производительностью труда и пр.)? Почему люди, воодушевляемые и воодушевленные властью, не воодушевляются желанием качественно поработать?

Так может быть и во время «исторического материализма» дело было не только в принудительном приукрашивании действительности? Может быть, в самом социальном поведении советского человека, до и после – россиянина, парадоксальным образом уживаются любовь и ненависть, воодушевление и опустошенность, желание свершать и вредить одновременно?

Поскольку мы обречены на постнеклассическую парадигму, поскольку нас всё время сносит в конструктивизм, то не грех и к метафоре обратиться. А именно: у *России «женская душа»*. Количество знающих эту сентенцию – редкий случай – равно 100%. Количество произносивших ее в назидательном с поднятым вверх указательным пальцем неизвестно, но это точно 100% выпивавших. Только вспоминают о метафоре «женской души» чаще всего тогда, когда население чем-то или кем-то прельстилось. Сталиным или сталинизмом, Мавроди или либерализмом. Или вот сейчас...

Метафора – так метафора, женская – так женская. Отчего же не продолжить экстраполяцию? Женская душа (в отличие от простецкой мужской) – настоящая бездна атрибутов и свойств. И её иррациональность может выражаться не только в тихой покорной влюбчивости. Сталкивались ли вы с разочарованной, оскорбленной женской душой? Это вам не прямолинейный мускулинный протест! Если такая решит, что предмет ее прежней влюбленности – «изменщик коварный», она может разыграть целый набор сценариев, два из которых мы попытаемся разместить на условной шкале недовольства. При этом следует помнить, что социальный протест «феминного» типа являет собой редкий для гибких систем случай жесткого детерминизма, когда следствие не может не наступить. Ибо последнее слово всегда за женщиной.

Первый сценарий самый простой – скандал. В индивидуальном поведении это – рванье волос и битье посуды. В социальном – революция, бунт, интифада, погром (терминология применяется в зависимости от контекста). А контекст задаётся не только временем, местом и масштабом, но и парадигмой. Классическая парадигма с её нейтральностью и объективизмом (т.е. верой в то, что термин механически отражает реальность) создаёт запрос на эвфемизмы типа «активный социальный протест».

В неклассической парадигме термин должен отражать не столько объективированные формы выражения, сколько психоэмоциональный вектор, самим своим существованием конструирующий объект. И

эмоционально кастрированный «протест» годится для этой задачи в последнюю очередь. В такой парадигме, а также для обстоятельств времени, места и масштабов по имени «Россия» мне показался наиболее подходящим термин «Буза». Этимологически *буза* – слабоалкогольный сладковатый напиток тюркских народов из забродившего проса. Известен был также на Руси. Сначала в татарском языке, а затем в русских маргинальных сленгах слово «буза» приобрело другое значение: скандал, бунт, шумный беспорядок. Бузой, например, называли свой социальный протест революционные матросы-анархисты и беспризорники-ШКИДовцы. [1]

Понятие Бузы не просто актуально, но и эффективно прежде всего в неклассических парадигмах социального знания – конструктивизма, феноменологии и т.п. Здесь *Буза* – это *ноэма социального беспорядка, мыслеобраз бунта как неотъемлемая составляющая феноменального жизненного горизонта административного разума*. Активный протест изначально воспринимается администратором именно как буза, как нечто самодостаточное, бессмысленное и беспощадное. Изыскание рациональной аргументации и детерминации происходит лишь вследствие и впоследствии. Например, это умополагается как недоработки власти (это проблематизация ответственности администратора) или как эмпирический результат и выражение потребности социальных масс в хаосе (а это – её депроблематизация). *Чиновник с недоразвитым или атрофированным мыслеобразом Бузы профессионально несостоятелен*.

Неклассичность понятия не означает, что «буза» не может использоваться и в объективистском дискурсе. Термин имеет вещественный десигнат: материальное выражение и последствия. Выражение на французском языке давным-давно описал и препарировал Г. Лебон. В его понимании толпа – это совокупность возбужденных и агрессивных индивидов, «заражающих» друг друга своим азартом и потому действующих как единое целое, как субъект. Будь Лебон хоть чуточку татаринном,

терминологическая форма «буза» непременно проскочила бы в его «Психологии народов и масс». [4]

Этимология – важный аргумент в разговоре о понятийном статусе «бузы». Достаточно просто удостовериться, сколько людей в абсолютном и процентном выражениях используют это слово строго по прямому назначению – то есть пьют напиток из забродившего проса, называя его именно «буза» – чтобы убедиться, что *основания считать слово «буза» в отношении социального хаоса именно метафорой утеряны*. Прямая денотация опустела, и нет логико-терминологических препятствий превратить коннотат (беспорядок) в новый денотат.

В конструктивистском подходе нет народа и власти самих по себе. Есть народ в глазах власти и власть в глазах народа. Николая II и Людовика XVI казнили не потому, что они были мерзавцами сами по себе (а они не были), а потому они были таковыми в глазах революционного народа. Революционная буза начинается, когда народ находит своего мерзавца. Это особенно актуально, когда искомый прилагает все усилия для своего нахождения. «В России особенно сильна демонстрационная сторона успеха». [2, с.24]

Иной представляется ситуация с полярной позиции. Власть в глазах власти – это госуправление, которое по существу – макросоциальный менеджмент. Его декларативная цель – деятельность органов государственной власти и их должностных лиц по практическому воплощению выработанного на основе соответствующих процедур политического курса. Еще декларативнее: «отражение общественных интересов и потребностей» [5, с.16].

Характерная двусмысленность. Первый (и, вероятно, декларируемый) смысл «отражения» – «выражение», «представление и реализация интересов и потребностей». Респектабельно, но здесь мы имеем дело с парадигмой социального согласия. Тот же термин – «отражение» – в парадигме

социального конфликта звучит как «оборона», в нашем случае – *оборона от манифестации интересов и потребностей общества.*

Конечно, С.Ю. Наумов не вкладывал конфликтологического смысла в свою формулировку. Но парадигмы как режимы теоретизирования существуют не по воле тех или иных авторов, а сами по себе. Поэтому использование конфликтологических коннотаций в зафиксированных научных текстах или административных документах – это вопрос не констатации истины, а, скорее, политкорректности. Ни один современный вменяемый политик (а вслед за ним политолог) не может позволить себе заявить под протокол, что главная цель госуправления – *недопущение бузы.*

Но не тихая очкастая оппозиция «думающих людей» пугает чиновника и мотивирует, заставляет его хорошо делать своё дело. Часть интеллигентов можно уболтать, другую – прикормить, на третью – цыкнуть. Не организованный, целерациональный и цивилизованный протест «широких масс» заставляет госменеджера вскакивать посреди ночи в холодном поту – рамки цивилизованности своим КОАПом задают не «широкие массы», а вскакивающий. Успешного, эффективного государственного управленца страшит и побуждает к действию элемент иррациональности, который видится ему в социальном поведении руководимого объекта. Подчеркнем – *успешного и эффективного управленца.* Ибо политическая жизнь постоянно дает нам примеры беспечности и пренебрежения со стороны менеджеров самого разного уровня и пошиба. [3]

Буза на условной шкале социального протеста, своего рода «красный сектор», присутствовала всегда. Администрирующему субъекту не надо лишний раз смотреть «Броненосец «Потемкин»», не надо репортажей с «арабской весны», чтобы знать Бузу в лицо. Как можно закрывать глаза на то, что многие и большие группы населения (хлысты, старообрядцы, криминальная субкультура, разинцы и пугачевцы) не просто бузили, но подводили под свой бунт идеологический фундамент?

Слов нет, «слепой гнев» – серьезная социальная опасность. Но открытая форма социального протеста, несмотря на кажущуюся остроту и опасность, часто оказывается приглашением к социальному диалогу. Демонстранты и бузотёры хотят, чтобы их заметили, чтобы к их требованиям прислушались, учли в ходе переговоров. Если это и враждебность, то ситуативная и временная. Очевидно, что в такой транскрипции открытые формы социального протеста занимают не самые крайние положения на «шкале враждебности». Склонность к сценарию «Буза», а не просто «Забастовка» – это лишь вопрос политической культуры. Русский бунт страшен не столько сам по себе, сколько трудностью остановки.

Социальную опасность другого рода представляет собой *второй сценарий* деструктивной самореализации женской души – когда она отворачивается к стенке и перестает выполнять телесные обязанности, «потому что голова болит». Это и есть *саботаж*.

Социальный саботаж, если за феноменологической конструкцией имеется какой-либо онтологический субстрат, невидим актуально и ощутим только по результатам, последствиям и жертвам. Саботаж опаснее бузы тем, что исключает перспективу социального диалога и дальнейшего выправления ситуации риска, поскольку сам является следствием отчаяния найти возможность диалога, отвержения ее.

Атрибут *социальности* в наименовании саботажа принципиально важен: в индивидуальном исполнении мотив саботажа появляется у отдельного человека в результате психологической эволюции. Это эволюция от уверенности и надежды к отчаянию и враждебности. Так появляются и в этом консервируются злостные саботажники-одиночки. Равнодушие и привычка гадить где только можно – это уже симптомы перерастания в социальный феномен. Слоган индивидуальной интенции саботажа «Получи, зараза!..»; слоган «равнодушного саботажника»: «Ничего личного!..»

Даже поодиночке саботажники – это огромная социально-статистическая величина. В одной только системе высшего образования, по

полученным нами данным, примерно 9 из 10 преподавателей и студентов признались в имитации учебной деятельности! [8] Но саботаж – это не просто статистика, это – система, своеобразная *социокультурная матрица (СКМ) – гибкая система поведенческих стереотипов и инвариантов подразумевания, характерные для конкретной культуры или субкультуры.* Во-первых, саботаж как элемент СКМ образуется в любой более или менее *исторически устойчивой* социальной общности. Темы-феномены и подлежат матричному «учету» лишь потому, что могут заполняться примерами из разных исторических эпох одной культуры. Примером может служить армия и отношение к ней. [6, с.23]

Во-вторых, СКМ образуется в любой более или менее *структурно устойчивой* социальной общности. В этом смысле СКМ – *многомерная табличная сеть поэтических локусов с относительно произвольной связью между ячейками, образующей, между тем, единый системный эффект.* Здесь оглавление книги о матрице дает лишь схематическое и одномерное представление; тогда как сама культура – n-мерное образование с гибкими и даже амбивалентными связями. Так достигаются эффекты жизнеспособности и морфологической определенности: иначе русские были бы похожи на американцев, хиппи – на хибстеров, врачи – на бомжей.

Кроме того, в-третьих, СКМ – это особого рода «субдискурс». Социокультурная матрица, как правило, не артикулирована – что неудивительно, т.к. живет она не на рационально-критическом, а на подсознательном «этаже» разума. *Это способ тематической организации дискурса, благодаря которому члены общности интуитивно находят «общий язык».* Наверное, самое простое и экономное определение дискурса – что он, дискурс, и есть «общий язык».

В связи с этим, в-четвертых, СКМ – это способ существования социального, коллективного в индивидуальном психологическом континууме. Нечто подобное имел в виду К.Г.Юнг (если, конечно, смахнуть с его теории налёт мистицизма). [9, с.17] В его парадигме *СКМ – это*

система содержательного заполнения архетипов коллективного бессознательного, свойственная устойчивым социальным общностям.

Принято считать, что само явление саботажа ближе к экономическому мышлению и поведению. Здесь *саботаж – это недемонстративная форма протеста, выражающаяся в скрытом противодействии или злом неисполнении обязанностей.* Однако более пристальное изучение предмета убеждает, что *феномен саботажа универсален* и встречается повсеместно. Например, сама понятийная форма имеет наибольшее хождение в правовом дискурсе, точнее даже – в экстремально-правовом. Наличие формулы «саботаж» в приговоре военно-полевого трибунала – верный знак, что кого-то сейчас расстреляют.

Трибунал – это, конечно, крайний случай, который для нас полезен тем, что может использоваться как эталонный, «идеальный» тип, применяя который к реальным ситуациям, можно получить более или менее точные представления о количественных пропорциях реального события.

Кроме того, эталон нагляднее всего показывает, что понятийная форма «саботаж» выполняет функцию обвинения, что она – инструмент стигматизации объекта, а не повествование о нем. Иными словами, обнаруживая где-либо некий саботаж, мы (и прочие «обнаружители») должны помнить о феноменологической «поправке на ветер», о том, что за обнаружением «факта саботажа» в скобках редукции вообще может ничего не оказаться. Например, элементарная лень или неспособность исполнителя конструируется в уме администратора в виде злого саботажа. Согласно данным другого нашего исследования, этим грешили 64,2% руководителей [7]. Следует предположить, что степень «общественной опасности» саботажа произвольно определяется «пострадавшим» в сопоставимых процентных соотношениях.

Если принять метафору саботажа как «партизанской войны», следует учесть еще один «субсценарий». Он, к сожалению, не идентифицируется немедленно – ни в позитивистской, ни в конструктивистской парадигме. Этот

вариант социального протеста реализует известную истину «Хочешь навредить – исполни желание». По аналогии эта разновидность Саботажа заслуживает имя Айкидо, ибо способ навредить здесь идентичен. Партизан, взявшийся за оружие (на нашей условной шкале – Бузотер) – опознаётся; партизан-эскапист, ушедший в лес и не кажуший оттуда носа – опознаётся. Не опознаётся партизан (по крайней мере, средствами классической социологии), оставшийся в оккупированном городе, ставший бургомистром и бурно восхваляющий оккупационный «орднунг». *Саботаж-Айкидо – это способ выражения социального недовольства, маскирующий деструктивный настрой за имитацией социальной поддержки.*

Нетрудно догадаться, что на шкале отношения к власти Саботаж-Айкидо будет располагаться на противоположном от Бузы крае, в секторе «безоговорочная поддержка». Вопрос только в том, какова репрезентация этого варианта, каков состав смеси искренней и имитативной поддержки.

Оборотной стороной методологического затруднения здесь становится методологическое же прояснение. Общеизвестно, что опрашивать чиновничество на рискованные политические темы – занятие неблагодарное. И теперь ясно, почему. *Саботаж-Айкидо – это негласная профессиональная компетенция госслужащего, один из главных критериев его отбора / отсева.* Который, кстати, нелишне было бы сделать гласным, ввести в список профессиональных компетенций менеджерских направлений ВПО. Поэтому не надо задавать менеджеру дурацкие вопросы «Поддерживаете ли Вы?..», «На что Вы готовы, если не поддерживаете?..» Если стаж работы в системе больше года, респондент по умолчанию имеет черный пояс по Айкидо.

Другое дело – широкие слои населения. Насколько здесь распространена эта форма социального протеста – вопрос открытый и актуальный. Вопрос только – для кого открытый и актуальный. Следует только помнить: страшна не та жена, что отвернулась к стенке с отговоркой «голова болит», а та, что хорошо поставленным голосом имитирует оргазм.

Опасна не та социальная общность, что бузит или пассивно саботирует, а та, что восторженно рукоплещет. «За» и стоя.

Библиографический список:

1. Белых, Г., Пантелеев Л. Республика ШКИД. – М: Детская литература, 1988.
2. Данилова Е.Н. Дискурс выигравших и проигравших в российских трансформациях // Социологические исследования. – 2014. – №5.
3. Животов Я. 50 волгоградских чиновников и депутатов улетели в Пизу // <http://maxpark.com/community/2978/content/1299636>. дата последнего посещения 01.10.2014.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995.
5. Наумов С.Ю., Осипова И.Н., Подсумкова А.А. Система государственного управления. Уч.пособие. – М.: Форум, 2008.
6. Национальная идея России. / Под ред. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. / В 6 т. – М.: Научный эксперт, 2012.
7. Социологическое исследование «Место досуговых практик молодых офис-менеджеров в их трудовой деятельности» проводилось в Республике Хакасия в 2012-2013 г. Были опрошены руководители среднего звена (N=28, интервьюирование) и работники (офис-менеджеры) 8 ведомств и 14 бизнес-структур (N = 114, анкетирование). Выборка случайная, двухступенчатая.
8. Социологическое исследование «Исследование отношения преподавателей и студентов высшего образования ХГУ им. Н. Ф. Катанова к традиционному экзамену, Федеральному Интернет-тестированию и самостоятельной работе студентов как к ложному взаимодействию» проводились в 2011-2014 гг.. Метод опроса студентов: анкетирование. Инструментарий: единая анкета, включающая в себя вопросы по традиционному экзамену, Федеральному Интернет-тестированию и самостоятельной работе студентов. Выборка двухступенчатая. Всего N=419.

9. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 128 с.

ББК 66.0 + 67.400

УДК 352.075:321

И 20

Иванов, В.Н.||

Возможные политические эффекты нового этапа муниципальной реформы в Российской Федерации (2014-2015гг.)

Ivanov, V.N.

Possible political effects of a new stage of municipal reform in the Russian Federation (2014-2015 g.)

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые изменения, которые произошли в системе организации местного самоуправления России в 2014–2015 годах. Проанализирована новая модель местного самоуправления, которая предусматривает замещение должности главы муниципального образования, возглавляющего местную администрацию, путем выборов депутатами представительного органа из числа кандидатов, которые предложены конкурсной комиссией. Сделан прогноз о политических эффектах, которые могут вызвать нововведения в практике функционирования муниципальной власти в субъектах Российской Федерации.

Abstract: this reveals examines the key changes that have occurred in the system of local self-government of Russia in 2014-2015. New model of local government is Analyzed, which considers the replacement of the position of the head of the municipality ,that heads the local administration through elections of the deputies of the representative body from among candidates proposed by the competition Commission. The forecast on the political effects that can cause innovations in the practice of the functioning of municipal authorities in the constituent entities on the Russian Federation

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальные образования, глава местного самоуправления, глава субъекта Российской Федерации, политическое влияние, модели местного самоуправления.

Keywords: local governance, municipal formation, the head of the local self-government, the head of the Russian Federation, the political influence of local government

Существующая в России система местного самоуправления была сформирована в ходе муниципальной реформы 2003 – 2009г.г.Ее концепция зафиксирована в базовом Федеральном законе № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"[2].Сами результаты реформы достаточно подробно

исследованы в научной литературе политологами, социологами, управленцами и юристами [5;6;7;8;9;11;12;13;14].

Новый этап развития муниципальной реформы Российской Федерации начался в 2014 году, после внесения в федеральное законодательство ряда поправок, которые были направлены на корректировку организационных и территориальных основ местного самоуправления. Их реализация на практике может оказать существенное влияние на всю систему публичной власти на уровне субъектов Российской Федерации.

Главные нововведения относятся к порядку избрания глав муниципальных образований. К числу существующих способов замещения этой должности (избирается на муниципальных выборах населением либо депутатами представительного органа муниципального образования из своего состава, выбирается на сходе граждан в поселении, в котором полномочия представительного органа осуществляются сходом граждан) добавлен еще один. Глава местного самоуправления теперь может избираться представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, и возглавляет местную администрацию [4, ст.36.5].

До этого такой механизм применялся при назначении ситуационных менеджеров, в модели местного самоуправления, где глава муниципального образования избирается представительным органом местного самоуправления и является его председателем. В данной ситуации руководитель местной администрации, назначается на конкурсной основе представительным органом и работает по контракту, т.е. является лицом, полностью подотчетным депутатам [2, ст.37].

Таким образом, можно говорить, что сегодня в России введена новая модель организации муниципальной власти, которая позволяет избирать главу муниципального образования из кандидатов, прошедших конкурсный отбор и не участвовавших в муниципальных выборах (депутатов

или главы муниципального образования), т.е. публично себя не предложивших местному сообществу. Фактически такой способ замещения должности главы является отбором внутри региональной и местной элит.

Принципиально важным фактором, который может повлиять на выбор этой модели местного самоуправления субъектами РФ в качестве основной, является новый порядок формирования конкурсной комиссии по отбору кандидатов на должность главы муниципального образования. По ряду аспектов он является предпочтительной для исполнительной власти субъектов РФ и менее выгоден для местных сообществ.

Во-первых, изменена пропорция представительства таких комиссиях органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления. Если раньше представители муниципальных районов и городских округов имели в комиссии квалифицированное большинство в 2/3 мест от ее численного состава, то теперь она формируется на паритетных началах: половина членов комиссии – от государственной власти субъекта РФ и половина – от муниципального образования [4, ст. 36.2.1]. Этот факт, учитывая зависимость местного самоуправления от финансовых дотаций из региональных бюджетов, позволяет говорить, что доминирующее положение в вопросах формирования и работы комиссий перешло от муниципалитетов к исполнительным органам государственной власти региона.

Во-вторых, если раньше от государственной власти субъекта РФ в состав комиссии входили депутаты законодательного органа по представлению главы региона, то теперь это представители исполнительной власти субъекта РФ, которых он определяет самостоятельно. На практике это означает снижение влияния законодательной власти регионов в вопросах формирования местного самоуправления в пользу исполнительной.

Аналогичный порядок формирования комиссий предусмотрен и для муниципальных образований, где, в соответствии с уставами, местную администрацию возглавляет сити-менеджер. Здесь при формировании

конкурсной комиссии в муниципальном районе одна четвертая ее членов назначается представительным органом муниципального района, одна четвертая – представительным органом поселения, являющегося административным центром муниципального района, а половина – главой субъекта Российской Федерации [4, ст.36]. Таким образом, можно говорить, что главы регионов и тут получили право фактически единолично формировать большую часть состава комиссий, а значит, реально влиять на выбор кандидатур, которые будут предлагаться на должность глав администраций, назначаемых по контракту.

Федеральная власть сняла ограничения для модели местного самоуправления, где глава муниципального образования избирается представительным органом из своего состава. Раньше он мог исполнять только полномочия его председателя с правом решающего голоса. Теперь он может возглавлять либо представительный орган, либо местную администрацию. Таким образом, в последнем случае глава муниципального образования получает пост руководителя местной администрации без учета мнения населения, а исходя из расстановки сил в составе представительного органа власти.

Федеральный центр существенно усилил роль органов государственной власти субъектов РФ в регламентации местного самоуправления, которая была значительно ограничена в начале муниципальной реформы в 2003 году, и ослабил позиции местных сообществ. В частности, если раньше такие параметры муниципальной власти, как порядок формирования органов местного самоуправления, их полномочия, срок работы, подотчетность и подконтрольность, а также иные вопросы организации и деятельности, определялись уставом муниципального образования самостоятельно, то теперь они устанавливаются в них только в соответствии с законом субъекта РФ [3, ст.34].

Одним из знаковых шагов нового этапа муниципальной реформы стало определение модели организации местного самоуправления в городских округах, имеющих внутрирайонное деление. К ним относятся, главным образом, все административные центры субъектов РФ. Здесь предполагается введение двухуровневой системы органов местного самоуправления: городского округа и районов, входящих в его состав на правах внутригородских муниципальных образований. Решение федерального центра о внедрении в практику такого типа муниципальных образований Президент России В.В. Путин мотивировал тем, что система организации местного самоуправления в крупных населённых пунктах "до сих пор не отвечала смыслу этого уровня власти, жители зачастую даже своих депутатов в муниципальном совете в лицо не знали". В подтверждение своей позиции он привел данные социологического опроса, проведенного в мае 2014 года. В городах с населением более 1 млн. человек таких оказалось 79 % жителей, в муниципальных образованиях, где проживают от 250 тысяч до 1 млн жителей, – 76 %, а в городах с населением от 100 до 250 тысяч – 73 % граждан [10]. Переход к такой организации местного самоуправления в городских округах является добровольным. Поэтому в Уральском федеральном округе этот тип муниципального образования внедрен пока только в г. Челябинске.

Изменения, которые внесены в организационные и территориальные основы местного самоуправления России в 2014–2015 гг., на практике могут породить ряд политических эффектов как позитивного, так и негативного характера.

Прежде всего, в случае масштабного перехода регионов к новой модели замещения должности главы муниципального образования, появится возможность нивелировать такой дефект в системе публичной власти страны, как обособление местного самоуправления от органов государственной власти субъектов РФ, которое закреплено в действующей Конституции России. Участие глав субъектов РФ в формировании состава

конкурсных комиссий по отбору кандидатов на должность глав муниципальных образований, которые возглавляют местную администрацию, фактически делает их креатурой губернатора. Таким образом, исполнительная вертикаль власти в субъектах РФ фактически достраивается до муниципального уровня. Появление у глав субъектов РФ такого рычага влияния на глав муниципальных образований и возглавляемые ими местные администрации дает возможность обеспечить высокий уровень исполнительной дисциплины и в целом социальную и политическую стабильность в регионе.

Переход от прямых выборов глав муниципальных образований, возглавляющих местные администрации, к их конкурсному отбору с последующим избранием представительным органом местного самоуправления имеет еще один положительный аспект, а именно: исключает замещение этой ключевой должности популистами и неподготовленными кандидатами. Такие случаи выборах глав муниципальных образований населением, к сожалению, бывают.

Введение в политическую практику нового типа муниципальных образований – внутригородских муниципальных районов – тоже можно отнести к позитивному фактору. Переход к двухуровневой системе местного самоуправления в муниципальных городских округах с внутригородским районным делением снижают концентрацию власти в руках глав этих муниципальных образований. Это снижает возможность конфликтов между главами городских округов и губернаторами, что в 1990-е годы было распространенным явлением. В то время органы местного самоуправления крупных городов в финансовом и организационном отношениях были независимы от региональной государственной власти и жестко отстаивали право на муниципальную автономию[5,с.103]. Широкую известность получили факты противостояния мэров Ижевска, Оренбурга, Челябинска главам своих регионов. Во-первых, это сопровождается передачей ряда властных полномочий и бюджетных средств на уровень

городских районов. Во - вторых, муниципальную власть приближается к населению. Районные органы местного самоуправления будут концентрироваться на проблемах своих территорий и более полно учитывать мнение горожан.

К числу возможных негативных политических эффектов можно отнести следующие:

1. Усиление позиций органов государственной власти субъектов РФ по отношению к системе местного самоуправления как самостоятельному уровню публичной власти. Региональные власти получили право законодательно определять систему местного самоуправления на своей территории исходя из моделей его организации, которые предусмотрены базовым Федеральным законом № 131-ФЗ. Тем самым резко ограничивается самостоятельность местных сообществ в выборе оптимальной для них системы организации местного самоуправления. И хотя существует оговорка о том, что это должно делаться с учетом мнения населения, но на практике сегодня в областных законах, определяющих организацию местного самоуправления, не прописано, как и в каком порядке это мнение должно учитываться.

2. Существенно возрос потенциал влияния глав субъектов РФ на муниципальную власть. Они получили контроль за замещением должности глав муниципальных образований через конкурсные комиссии по отбору претендентов на этот пост, что означает подконтрольность всего корпуса глав муниципальных образований губернаторам в случае перехода регионов к новой модели организации местного самоуправления. Это очень важный ресурс губернаторской власти. Учитывая тот факт, что на выборах глав субъектов РФ претендентам при регистрации требуется пройти муниципальный фильтр, а именно: получить от 5 до 10% (конкретный показатель устанавливает регион) голосов глав муниципальных образований или депутатов представительных органов местного самоуправления, губернаторы, используя глав муниципалитетов, могут

влиять на ход избирательной кампании. Например, блокировать выдвижение опасных для себя конкурентов. Эти два фактора, дополняя друг друга, значительно усиливают позиции главы региона в системе публичной власти субъектов РФ, не допуская формирования реальной ему оппозиции.

3. Главным негативным политическим эффектом, который порождают нововведения, является ограничение института выборов. Отказ от прямых и альтернативных выборов глав местного самоуправления и депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов с внутригородским районным делением резко снижает применение этого института демократии, позволяющего осуществить реальное волеизъявление граждан. Об этом свидетельствуют первые результаты применения новых норм в Челябинской области. Здесь для большинства муниципальных образований, а именно для 316 из 320, или 98,75%, избрана модель местного самоуправления, которая предполагает, что глава муниципального образования избирается представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, и возглавляет местную администрацию. Следствием такой практики может стать пассивность населения, его нежелание участвовать в самоуправлении, а в конечном итоге сделает вопрос формирования органов муниципальной власти делом местных элит, ориентированных на свои групповые интересы.

Переход к моделям местного самоуправления, где глава муниципального образования, не зависимо от способа замещения своей должности, может возглавлять местную администрацию, способствует закреплению доминирования исполнительной власти над представительной на муниципальном уровне. Это идет вразрез с положениями Европейской хартии местного самоуправления, действующей в России с 1998г. По этому документу право на местное самоуправление осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем свободного, тайного,

прямого, равного и всеобщего голосования. Они могут располагать подотчетными им исполнительными органами [1,ст.3].

В целом анализ изменений, которые были внесены в параметры организации существующей системы местного самоуправления России, позволяет утверждать следующее: нововведения позволят повысить социально – политическую стабильность в регионах, усилить влияние со стороны глав регионов и органов государственной власти субъектов РФ на местное самоуправление; непосредственно в муниципальных образованиях создаются условия для перехода к модели организации муниципальной власти, предусматривающей доминирование исполнительных органов местного самоуправления над представительными; отказ от прямых выборов в органы местного самоуправления может снизить политическую активность населения, осложнит процесс ротации местных элит, будет сдерживать развитие местного самоуправления как важного института гражданского общества.

Литература

1. Европейская хартия местного самоуправления ETS N 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации.1998 г. N 36. Ст. 4466
2. Закон РФ от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"// Собрание законодательства Российской Федерации. 2003 г. N 40.Ст. 3822
3. Федеральный закон от 27.05.2014 N 136-ФЗ (ред. от 23.06.2014) "О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2014. N 22. Ст. 2770.

4. Федеральный закон от 03.02.2015 N 8-ФЗ "О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2015. N 6. Ст. 886.

5. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991 - 2001 // В. Гельман, С. Рыженков, Е. Белокурова, Н. Борисова. СПб.: Летний сад, 2002. 368с.

6. Бабун Р.В. Местное самоуправление и муниципальное управление: современные проблемы. – Обнинск: Институт муниципального управления, 2010. – 200 с.

7. Баженова, О. И.. Преобразование муниципальных образований – условие выхода из экономического кризиса сельских территорий: заблуждение или реальность? // [Муниципальная экономика.2013. №2. С.2-10.](#)

8. Балыхин, А. Г. Соотношение принципов политической системы государства и принципов местного самоуправления / Балыхин А. Г. // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 1. С. 12–16.

9. Выдрин И.В. Новые тенденции в территориальной организации местного самоуправления // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 7-11.

10. Выступление Путина В.В. на заседании Совета при Президенте по развитию местного самоуправления 26 мая 2014 года г. Иваново. Стеногр. отчет.[Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/news/21097>(дата обращения :02.03.2015г)

11. Слюняев, И.Н.Итоги и перспективы реформирования местного самоуправления // Практика муниципального управления. 2013. № 2. С. 6–12.

12. Фасеев, И. Ф. Трансформации модели местного самоуправления в Российской Федерации [80-е гг. XX в. – 2012 г.] // Муниципальное право. 2012. № 4. С. 58–75.

13. Шугрина Е.С. Контроль за деятельностью и ответственность власти: муниципальный уровень. Монография. М.: Новая юстиция, 2007. 237 с.

14. Шугрина Е.С. [Анализ зависимости качественного состава представительных органов от параметров регионального законодательства РФ// Муниципальная служба.- 2014.- №4.- С.15-22.](#)

УДК 323.2; 327.3

Исаков А.С.

Место президента Хасана Роухани в системе фракций
Исламской Республики Иран

The role of the President Hassan Rouhani in factional system of
Islamic Republic of Iran

Аннотация:

Доклад направлен на изучение политических фракций в Исламской Республике Иран. Особое влияние уделяется роли президента в фракционном ландшафте. Исследование базируется на методологии, предполагающей анализ влияния разных фракций на республиканские институты. Результатом исследования является актуальная характеристика фракционного баланса сил в Иране.

Abstract:

The report aims to explore political factions in Islamic Republic of Iran. Emphasis is placed on the role of the president in the factional landscape. Research is based on the methodology assuming the analysis of the impact of different factions on republican institutes. The result of this research is the actual characteristics of the factional balance of power in Iran.

Ключевые слова: Хасан Роухани, политический ислам, исламская революция, Иран, политические фракции.

Key words: Hassan Rouhani; political Islam, Islamic revolution, Iran, political factions.

Последние события в странах исламского Востока перекраивают политическую повестку всего мира. Вооруженные конфликты в Сирии и Йемене способны переформатировать пространство региона, ставя вопрос о том, какие страны станут его лидером. В этих условиях актуализирует свое присутствие на международной арене Исламская Республика Иран. Способствует этому также снятие с государства международных санкций, введенных из-за ядерной программы, а также, особая роль в противостоянии с ДАИШ. Это ставит ряд актуальных вопросов о том, какую позицию занимает Иран по отношению к политической повестке современного мира, и кто, де-факто, стоит за выработкой официальной позиции.

Для понимания внутренних процессов политической системы Ирана, детерминирующих и внешние векторы сношений; необходимо обратиться к основам Исламской республики, созданной на базе шиитского вероучения. Шиитское направление в Исламе содержит в своем учении особые социально-политические дефиниции, производящие перформативное осмысление идеи государства как такового и его институционального функционала.

Как шиитское государство, Иран может управляться только праведным имамом – наследником пророка. Учитывая тот факт, что линия имамов угасла, для придания легитимности государственной власти была разработана концепция «сокрытого имама». Согласно этой концепции, до появления мехди, то есть проявления праведного имама, «имама века», управление государством передается в руки исламского духовенства.

Подобная концепция обоснования власти высшего духовного лица закрепились с помощью переосмысления исламского принципа «веляят-е факих» и была реализована в конституции. «В большей части шиитской истории Ирана, «веляят-е факих» легализовывал временную опеку представителей духовенства над ограниченной частью населения: больными, сиротами и другими социально уязвимыми членами общества, незащищенных государством». [9; 27]

Исторически, подобная система является следствием революции 1979 года, когда юридически закрепляется Исламская Республика. Конфигурация политической системы возлагает руководящую роль цензора общественно-политических отношений на представителей духовенства, в отличие от суннитских государств – имеющих институциональную структуру. В то же время, управленческие функции возлагаются на республиканские институты. Независимо от того, каких взглядов придерживается глава государства, наследием исламской революции стало повышение политической активности населения, которая обеспечивает

данным учреждением легитимность харизматического и бюрократического порядка.

Экспертами отмечается, что именно использование концепции «веляят-е факих» для решения внешнеполитических задач внутренними средствами, на равне с еще несколькими факторами, является основой повышения активной роли Ирана на международной арене. В частности, отмечается, что в данном контексте основными являются следующие факторы: [7; 3]

Во-первых, укрепление религиозного влияния и популяризация концепции «веляят-е факих» за рубежом. Речь идет о возобновлении попыток экспорта исламской революции и популяризации иранской модели управления в качестве гаранта социальной справедливости в такие страны как Ирак, Ливан, Йемен.

Во-вторых, позиционирование себя в качестве основного арбитра в разрешении иракского кризиса. Так как иранские вооруженные силы являются основным гарантом военного сдерживания ДАИШ в этой стране, это позволяет руководству государства вести уверенный торг на международной арене с США и их союзниками по коалиции.

В-третьих, поддержка лояльных шиитских группировок для давления на политических лидеров. В данном случае речь идет о военной и материальной поддержке ассоциированных с Ираном военизированных группировок, самой известной из которых является ливанская Хезболла, и прочих парамилитарных формирований, вроде йеменских зейдитов.

Реализация этого потенциала зависит не только и не столько от духовных лидеров Исламской Республики Иран, сколько от политической конфигурации в рамках республиканских учреждений. В свою очередь, республиканская повестка формируется расстановкой высших должностных сил в стране и их фракционной идентификацией.

Традиционно, в отечественном академическом дискурсе выделяются такие фракции: фракция Хезболлах, фракция Центристов, фракция «Правых», фракция «Левых». [1, 71-74] Также актуальным является подход

специалистов RAND, выделяющих следующие фракции в Исламской Республике Иран (от левого к правому полюсу соответственно): реформисты (Reformists), прагматики (Pragmatic conservatives), традиционалисты (Traditional conservatives) и реакционеры (Principlists). [9, 12]. Общим универсумом для всех фракций служит: согласие с принципами Исламской Революции и преемственность идеям аятоллы Рухоллы Хомейни, опора на исламскую систему правления и противодействие секуляризму, направленность на сохранение текущего баланса сил в политической системе и ее ограничение для иных игроков.

Сторонники реакционных взглядов представляют собой правый полюс иранской политики и выступают с ультраконсервативных позиций в идеологическом ключе. По их мнению, любые общественно-политические изменения, не предполагаемые исламской революцией – не должны реализовываться в обществе. Более того, считается необходимым сохранение «чистых» революционных принципов и идеалов: это включает в себя также противопоставление западу и попытки экспорта исламской революции за рубеж. С другой стороны, они ориентированы на сохранение внутренней стабильности и обеспечение воспроизводства качественных характеристик политической системы. «Реакционеров называют «Новой гвардией» исламской революции». [9;13] В их воззрениях, политическая формула исламской революции является трансцендентным идеалом, не подлежащим переосмыслению. Апологетами реакционных взглядов считаются как бывший президент Махмуд Ахмадинежад, так и его политический противник Али Лариджани.

Сторонниками традиционалистских взглядов являются наиболее видные представители исламского духовенства. Муджтахиды настаивают на сохранении ценностей традиционного исламского общества и культуры, выступают за добровольную умеренную автаркию государства на мировой арене. Также традиционалисты считают, что реализация принципов рыночной экономики приведет к деградации социума, обострит

делинквентные проявления западного образа жизни. Именно поэтому, традиционалистов активно поддерживают исламские фонды – бонияды, находящиеся вне рамок рыночной экономики, но контролируемые крупными капиталами внутри страны. Традиционалистов часто называют «старой гвардией» исламской революции. Видным выразителем взглядов является аятолла Махмуд Хашеми-Шахруди; отчасти, к традиционалистам относится и сам Рахбар Али Хосейни Хаменеи.

К числу прагматиков причисляют тех политиков Исламской республики, чьи идеалы направлены на отказ от конфронтации с Западом и максимальное экономическое сотрудничество. Согласно их мнению, основной целью политики является достижение благосостояния общества с позиций рыночной экономики и высоких социальных гарантий. Представители данных взглядов выступают не только за экономическую, но и за политическую интеграцию со странами Запада, считая, что партнёрские отношения с ними являются гарантом государственной безопасности. «Прагматики имеют стабильную поддержку среди иранских технократов и государственной бюрократии». [9;13] Сильной поддержкой прагматики также пользуются в западных областях страны, где не так сильно влияние бониядов. Также они агрегируют интересы нефтяной промышленности страны, максимально заинтересованной в либерализации национальной экономики и свободном экономическом взаимодействии, особенно со странами запада. Наиболее видным представителем прагматиков является бывший президент республики Али Акбар Рафсанджани.

Сторонники реформ представляют собой левый полюс в иранской политике, выступают с либеральных аксиологических позиций; также включают в себя представителей так называемого «зелёного движения». Лидерами являются бывший президент Мухаммед Хатами, бывший глава правительства Мир-Хосейн Мусави, а также, аятолла Мехди Карруби. Они выступают за повышение роли республиканских учреждений в политической жизни страны. Это выражается в развитии институтов гражданского

общества и выборных органов, а также, защите прав женщин и религиозных меньшинств. Их влияние на политическую систему Ирана обусловлено тем, что ключевые персоналии являются близкими родственниками Рухоллы Хомейни.

До выборов 2013 года, практическую политику в Иране определяли реакционеры во главе с президентом Махумудом Ахмадинежадом. Наследием его администрации стала повышенная изоляция страны на международной арене и интенсификация развития ядерной программы как трансценденция ценностей фракции. За годы подобной политики, акцент общественного мнения сместился с агрессивного в конформистский аспект. Духовенство стало официально поддерживать более умеренные силы, рассматривая это, с одной стороны, как шаг к экономическому развитию, а с другой - как способ снижения градуса напряжения в обществе и трансформации протестов, инициированных «зеленым движением», в институциональное русло.

Одержанная Хасаном Роухани победа на президентских выборах прошла под лозунгами о необходимости смягчения политического курса, уменьшения изоляции и налаживания диалога по ядерному вопросу. Результатом реализации этого курса и стало снятие санкций и активизация иранского присутствия на международной арене. При этом, подобная позиция не была типична для Роухани до участия в выборах, и сильно видоизменялась под давлением общественного мнения. Так ранее он включался экспертами в список политиков, являющихся последовательными приверженцами традиционалистской фракции. [10; 41]

На сегодняшний день нельзя четко идентифицировать Президента как традиционалиста, чему свидетельствует мягкая позиция в отношении ядерной проблемы и критика сложившейся экономической ситуации. Однако часто приводится точка зрения, что подобная позиция в отношении международных связей Ирана не экстраполируется на реальный курс внутренней политики. Более того, с уходом Ахмадинежада у президента

сокращается реальное влияние на государственное управление, свое значение в котором повышают Рахбар и Корпус Стражей Исламской Революции. [6]. Влияние последних также увеличивает военное присутствие в Ираке, Сирии и, по некоторым оценкам, в Йемене.

Если позиции Рахбара остаются аутентично ориентированными на традиционалистскую фракцию, то Корпус Стражей все больше ассоциирует свои интересы с прагматиками. Это проявляется как в смягчении позиций по отношению к Соединенным Штатам и открытости внешней политики Ирана, так и в акценте на использование рыночного инструментария в экономике. [4] Так как командование корпуса не связано с бониядами, в основе их интересов развитие частного бизнеса и интенсификация экономического взаимодействия с внешними игроками, предпочтительнее – с западными странами. При этом, налаживание взаимодействия с Китаем, являющимся альтернативным партнером, традиционно поддерживается только реакционерами, развивавших партнерские отношения с этой страной при прошлом президенте. [5; 10]

Таким образом, баланс политических фракций Исламской Республики Иран и место Президента Хасана Роухани в нем может быть охарактеризован следующим образом: ассоциируемые с Ахмадинежадом сторонники реакционеров все больше отрешаются от власти, что способствует повышению роли страны на международной арене; во внутренней политике сталкиваются диаметрально противоположные интересы доминирующих на востоке страны бониядов, де-факто выступающих за социалистическое устройство, и частного бизнеса, развивающегося на западе. Интересы первых обеспечиваются самим Рахбаром и фракцией традиционалистов, вторых – фракцией прагматиков, повестку которых, де-факто, поддерживает и сам президент Хасан Роухани. Тем не менее, повышение степени влияния высших муджтахидов на политику в последнее время, позволяет говорить о том, что нынешний президент выступает медиатором фракционной системы, при этом, находясь

в отстранении от принятия конкретных политических решений, способных реализовать политический интерес той или иной фракции.

Список литературы

1. Иран: ислам и власть / Под ред. Н.М. Мамедовой и Мехди Санаи – М.: Институт востоковедения РАН, 2002
2. Манучихри А. Политическая система Ирана – СПб: Петербургское востоковедение, 2007
3. Elson S.B. Using Social Media to Gauge Iranian Public Opinion and Mood after the 2009 Election - Santa Monica: RAND, 2012
4. Ganji A. Revolutionary Pragmatists [Электронный ресурс] // Foreign Affairs – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/140253/akbar-ganji/revolutionary-pragmatists>
5. Harold S., Nader A. China and Iran: Economic, Political, and Military Relations - Santa Monica: RAND, 2012
6. Nader A. Can Rouhani Break Through? [Электронный ресурс] // RAND – Режим доступа: <http://www.rand.org/commentary/2014/02/06/LL.html>
7. Nader A. Iran's Role in Iraq: Room for U.S. – Iran Cooperation? - Santa Monica: RAND, 2015
8. Nader A. The Impact of Sanctions Relief on Iran - Santa Monica: RAND, 2015
9. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica: RAND, 2011
10. Thaler D.E., Nader A. Mullahs, Guards, and Bonyads: An Exploration of Iranian Leadership Dynamics – Santa Monica: RAND, 2011
11. Wasser B., Martini J. The Next Generation of Leaders in the Gulf [Электронный ресурс] // Foreign Affairs – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/persian-gulf/2016-02-14/next-generation-gulf-leaders>

Кайнар М.Е.

Демократические преобразования в Казахстане и политическая культура

В статье предпринимается попытка рассмотрения толерантной политической культуры в связи с политическими реформами в Казахстане. Подчеркивается диалектическая взаимосвязь политической культуры и демократических преобразований. Политические реформы тесно

переплетены с экономическими, судебными, социальными и другими кардинальными изменения в общественно-политической жизни страны. И в этом необходима поддержка граждан, что обеспечивается высоким уровнем политической культуры.

The paper attempts to review the tolerant political culture due to political reforms in Kazakhstan. It emphasizes the dialectical relationship of political culture and democratic reforms. Political reforms are closely intertwined with economic, judicial, social and other dramatic changes in the political life of the country. And this requires the support of citizens, providing a high level of political culture.

Ключевые слова: политическая культура, демократические преобразования, реформы, толерантная политическая культура.

Keywords: political culture, democratic reforms, reforms, tolerant political culture.

Политическая культура не может быть универсальной. Разные культуры обеспечивают разный характер политического поведения. Сами культуры испытывают на себе влияние многих общественно значимых факторов и формируются под их воздействием, приобретая определенные качественные характеристики. Политическая культура Казахстана в значительной степени формируется под влиянием межэтнических и межконфессиональных отношений. И в этом процессе политическая культура должна обладать качеством толерантности.

При учете многовекового политического опыта стран вступивших на путь демократии много раньше нас нельзя игнорировать тот факт, что на формирование политической культуры нации влияют социально-экономические условия страны, ее историческое развитие,

традиции, культура, миропонимание и мировосприятие, характер нации. Игнорировать мировую практику политической модернизации невозможно и этот опыт особенно ценен для Казахстана.

Особенность политической культуры нашей страны заложена в ее национально-культурной и исторической уникальности. Говоря словами С.Л. Франка: « В каждое мгновение наша жизнь определена силами и средствами, накопленными в прошлом. Опыт и нормы господствующие в нашем времени, законы, которым мы повинемся, власть, которой мы подчиняемся, весь духовный склад национальной жизни, все это по своему правилу создано не ныне существующими людьми, а давно умершими предками [1] . Осмысление политических преобразований, форм и методов их реализации, трудностей и поиска выхода из них предполагает определенный уровень политической культуры. Главной функцией политической культуры является консолидация общества на принципах толерантности особенно актуально в свете активизации различных негативных политических процессов. Степень сформированности политической культуры измеряется гражданской зрелостью и сознательной активностью масс, но и целенаправленной деятельностью всех государственных структур, а самое главное идеологических структур и институтов по формированию устойчивой активной политической культуры. И важно всем членам общества понимать, что от их участия в политической жизни зависит благосостояние государства и создание демократического и правового Казахстана.

Особенность исторического развития Казахстана отразилось на политической культуре. Сочетание, с одной стороны, принципов демократии, заложенных на Западе и определенная «отстраненность» от политики, отстраненность от ответственности за действия власти, вместе со стремлением к сильному государственному началу и коллективному бытию составляют особенность политической культуры нашей страны в общей массе. Эти отличительные черты пока гармонично сосуществуют не вызывая политических, экономических и иных потрясений. Хотя политические

выборы, поддержка всех инициатив Президента страны, показывают существенные изменения в политическом сознании народа. Глубокое и объективное знание всей истории, изучение национальных корней, политической культуры своего народа служат основой осуществления модернизации. А модернизация общества невозможна без толерантной политической культуры, которая могла бы служить фактором консолидации общества.

XX век для Казахстана стал веком обретения своей государственности, веком глубочайших перемен во всех сферах политической, культурной, экономической. XXI век станет веком развития и модернизации.

Одной из причин распада Советского Союза был, как известно, распад внедренных глубоко в сознание людей нравственных ценностей. Общество сейчас понимает, современный мир, новые трудовые отношения, формирование новой политической культуры, основанной на толерантности требует особых качеств от личности, такие как уверенность в себе, дисциплинированность, образованность, личные достижения в сфере деятельности. За короткий период, мы замечаем изменения в психологии граждан особенно молодых людей.

Политическая культура народа проявляется в его общественном поведении, определенном отношении к государству и различным политическим процессам. Разные культуры обеспечивают разный характер политического поведения.

Демократические преобразования в нашей стране, конечно, нуждаются в поддержке народа, но и в свою очередь сами оказывают непосредственное влияние на формирование и развитие новой политической культуры. Государство и общество заинтересованы в этом с целью предупреждения особенно актуального в свете последних политических событий (ИГИЛ, исламофобия, терроризм). Полиэтнические государства особенно подвержены проявлениям этнической и религиозной нетерпимости. Казахстан в этом отношении выработал свою политику в разрешении

подобных проблем. Состоялась попытка разрешения « национального вопроса» доставшегося в наследство от советского периода.

Ассамблея народов Казахстана это тот орган, который призван ставить и решать проблемы в области межэтнических отношений. Избрание 9 членов АНК в Парламент республики придал политический вес этой общественной организации. Создание в 1995 году Ассамблеи народов Казахстана как одна из граней демократических преобразований призвана способствовать формированию и развитию этнической толерантности через гражданское воспитание молодежи. В настоящее время во многих вузах страны созданы кафедры АНК и малые ассамблеи.

Сотрудничество государства с этническими общественными организациями показывает, что государственная политика Казахстана в формировании этнической толерантности глубока и эффективна.

Толерантная политическая культура как проявление демократических преобразований, заложенная в основу межэтнических отношений выполняет функцию сближения, взаимного уважения и развития сотрудничества. Укрепление толерантных отношений способствует внутреннему скреплению общества, а также эффективности его отношений с государством.

Политические изменения не могут быть гарантированы только изменением конституции, законодательства, институтов политических власти и т.д. Необходимо развитие и реализация основных демократических норм и ценностей, важной составляющей которой является толерантность. Толерантная политическая культура делает возможной свободу выбора. Наличие толерантной политической культуры служит основным критерием доверия и поддержки демократии.

Демократические преобразования в Казахстане, охватывающие политическую, экономическую и социальную модернизацию общества были невозможны без всеобщей поддержки народа.

Политическую модернизацию можно разделить на несколько этапов.

На первом этапе 1990-1993 годы, отмеченные знаком перехода от перестройки к строительству суверенного государства, собственной политической системы и зарождением основ рыночной экономики. Причем суть происшедших тогда важнейших событий заключалось в сломе изжившей себя тоталитарной системы. Это создание института высшего должного лица – председателя Верховного Совета Казахской ССР и проведение первых альтернативных выборов. 25 октября 1990 года был провозглашен государственный суверенитет Казахской ССР. А 16 декабря 1991 года была провозглашена Независимость страны, что было подтверждено принятием Конституционного закона « О государственной независимости Республики Казахстан». Провозглашение независимости повлекло за собой изменение в экономической сфере, а именно законодательное закрепление многообразия форм собственности, введение автономной экономической системы и заложены основы многопартийности.

Второй этап 1993-1995 годы. Была принята первая Конституция независимого Казахстана, заложившая основу национально-государственной независимости. Он положил начало структурной политической реформе.

Третий этап 1995-2001 годы. На этом этапе 30 августа 1995 года была принята новая Конституция Республики Казахстан. Она адекватно отражала в законодательстве новые тенденции социального, экономического и духовного развития страны. Была утверждена президентская форма правления, создан профессиональный двухпалатный Парламент. Основные направления политических реформ были обозначены именно на этом этапе. И представлены на ежегодных посланиях Президента народу Казахстана 1998 и 2000 годов.

Четвертый этап охватывает 2001-2005 годы, когда был принят 10-летний план стратегического развития страны, выполнение которого привело к дальнейшему оформлению гражданского общества, укреплению стабильности, дальнейшему соблюдению и расширению прав и свобод граждан.

На пятый этап 2005-2007 годы были определены и более четко обозначены основные направления политической модернизации. Оно было представлено Президентом Н.А.Назарбаевым в Послании « Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации и в стратегии вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных государств мира. Для претворения в жизнь политических реформ была создана Государственная комиссия по демократизации [2].

Преобразования в политической сфере заложены в Стратегии и Программах развития Казахстана. В декабре 2012 году Главой государства была представлена Стратегия развития Республики Казахстан до 2050 года, где для достижения этой цели предусматривается реализация семи долгосрочных приоритетов, охватывающих систему образования, социальной политики, наполнение новым содержанием казахстанского патриотизма как основы многонационального и многоконфессионального общества, разработка новой экономической политики и казахстанской демократии, а также предсказуемой внешней политики.

Государственные программы «Нурлы жол» на 2015-2019, Стратегический план развития Республики Казахстан до 2020 года, Государственная программа развития образования, Государственная программа развития здравоохранения « Саламатты Казахстан», Программа « Информационный Казахстан - 2020», Программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан, являясь ступенями достижения планов Стратегии до 2050, охватывают как социальную сторону, так и затрагивают политические основы общества. Казахстан не имея в своей истории опыт глобальных по своим масштабам преобразований вынужден был одновременно и параллельно проводить и претворять в жизнь реформы во всех областях жизни. Принятые законы и как вследствие реформы (Закон «О земле», обсуждение и принятие нового Налогового кодекса, пенсионная реформа, Концепция социальной защиты населения Республики Казахстан,

Закон о легализации теневых капиталов), приобрело ярко выраженное политическое значение и оказало значительное влияние на политическую жизнь общества.

[1] Франк Л.С. Духовные основы общества.- М., 1992.-с.62-63

[2] Морозов А. 1990-2007. Эволюция демократии в Казахстане. Казахстанский общественно-политический журнал Байтерек № 3 (24)2007 г.

УДК 159.964.21

Канышева О.А.

Демонизация власти: почему мы не любим Порошенко

Kanysheva O.A.

THE demonization of power: why we don't like Poroshenko

Политическое лидерство является предметом психоанализа который раскрывает глубокие мотивы поведения лидера и толпы. Реальная политика демонстрирует демонизм в поведении, который приводит к массовому злу. Преодолеть его означает осознать истоки демонизации власти.

Потребительское общество создает иллюзию духовности в стремлении к сексуальности и власти.

Political leadership is the subject of psychoanalysis which reveals the deep motives of the leader and the crowd. Real policy demonstrates the demonism in behavior that leads to massive evil. To overcome it means to understand the origins of the demonization of government. Consumer society creates the illusion of spirituality in the pursuit of sexuality and power.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ДЕМОНИЗАЦИЯ, ВЛАСТЬ, ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО, ТАБУИРОВАНИЕ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ, НЕКРОФИЛИЯ, ХАРИЗМА.

KEY WORDS: DEMONIZATION, POWER, CONSUMER SOCIETY, TABUWEMASANA, IDENTIFICATION, NECROPHILIA, CHARISMA.

*«На смену свергнутым светлым божествам
приходят черные кумиры и демоны».*

Ситуация «здесь» и «сейчас» связана с гибелью невинных людей, за которых, увы, не заступает Бог, иначе бы он бумерангом уничтожил гнездо злобы на Украине. «Наш век сделал акценты на «здесь» и «сейчас» и тем самым обусловил демонизацию человека и его мира»[12, с.136]. Примитивность менталитета, варварский характер стоящей у власти «элиты», создает атмосферу гибели всей цивилизации через «политических варваров», которые маниакально несутся к наживе за счет войны и к расширению собственного господства. Политическая болезнь лидерства является фактом «демонизации власти». Фактически, сам, будучи потенциальным трупом, украинский политик сеет себе подобное через убийство населения: подобное порождает подобное. «Живой труп» наслаждается победой, происходящей без всякого усилия и сопротивления, т.к. он, будучи предателем среди своих, пользуясь их доверием, уничтожает цинично равномерно и грамотно бывших друзей и соседей по улице, по детскому саду, по школе и т.д. Оторвавшись от корней, лидер превращается в демона.

Демонизм власти становится предметом пристального изучения, ведь обличить болезнь, в средние века, означало, ее вылечить.

Современный мир погружен в новые увлечения, или пристрастия, которые провоцирует потребительское общество:

1. *Массовая культура.*

2. *Культ сексуальности.*

3. *Влечение к власти.*

Все они в эпоху атеизма являются новыми Богами, или Демонами современного человека. Человек о своей природе, в отличие от живого и неживого мира, целеполагающее существо. Аристотель (IV в. до н.э.) в «Метафизике» определил четыре причины всех существующих явлений, где одной из причин является «ЦЕЛЬ» как причина. Смысл человеческого существования, или причина его существования это *целевая деятельность*. «..(Ч)етвертой – причину, противоположащую последней, а именно 2то, ради чего», или благо (ибо благо есть цель всякого возникновения и движения)»[2, с.70]. И.Кант в работе «Антропология с прагматической точки зрения» указал на цель человечества: это стремление к благу, вернее к постоянному самосовершенствованию в сторону добра. И. Кант также утверждал, что человечество не с кем сравнить, т.к. на Земле нет подобных особей, разве что с инопланетянами. Стремление к благу по И. Кант(XVIII в.) определяется его верой в возможности разума, который уже в заложенной его природе способности быть совестливым, т.е. воспринимающим человечество как цель, а не как средство, который требует «изображать человеческий род не как злой, а как род разумных существ, стремящийся подняться от зла к добру и постоянно двигаться вперед, преодолевая различные препятствия; при этом воля его в общем добра, но исполнение этой воли затрудняется тем, что достижения цели можно ожидать не от свободного соглашения отдельных людей, а только путем все усиливающейся организации граждан земли внутри (нашего) рода и для него как системы, объединенной космополитически» [6, с.448]

Современный мир живет по Новейшей Библии, текст которой создает Ф.Ницше (XIX в.) «Так говорил Заратустра». Сверхчеловек проповедует «волю к власти» как фундаментальный принцип жизни. «Посмотрите, как лезут они, эти проворные обезьяны! Они лезут друг на друга и потому срываются в грязь и пропасть. Все они хотят достичь трона: безумие их в том, будто счастье восседает на троне! Часто грязь восседает на троне – и также часто – трон на грязи» [7, с.45] Власть это высшая ценность, ради которой человек согласен быть стариком, чтобы повелевать молодыми; женщина готова быть матерью, чтобы повелевать детьми; мужчина готов жениться, чтобы повелевать женой; студент получить образование, чтобы повелевать необразованным миром и т.д. Власть в политическом и экономическом смысле слова означает, что обретая ее, ты обретаешь неограниченные возможности управлять *всеми, кто имеет хоть какую то власть*. Одним словом, человек стремится как к своей заветной цели, обретению власти. Является ли власть благом? Какой скрытый механизм управляет человеком в современном мире? Очевидно, что нечто иррациональное завладевает сознанием человека, превращая его в оккультное оружие, т.к. он сам становится жертвой некоторого демонического начала в человеке. Ведь вместо любви человек обретает страх и ненависть перед страхом, которая порождает демоническое уважение точно так же как кролики под гипнозом удава. Нас парализует таинственное слово «право», которое сегодня преподносится как гарант человеческой свободы. Юридическое образование сегодня имеет огромный успех. Университет МВД своим девизом на сайте вывешивает слова: «Стою на службе у Закона». Культ права, его сакрализация и обожествление делает всех его приверженцев заместителями Бога на Земле, т.к. их представителей встречают «хлебом и солью», ожидая от них мира, благополучия и порядка. М. Мамардашвили пишет об опасности веры во все временное. Опасно связывать вечную душу с вещами невечными. «..(П)сихологически здоровыми, не поддающимися духовной и психологической деградации

оказывались люди верующие, в отличие от людей идейных» [8, с.570]. Сами же они, искалеченные новой верой в формальность, сеют разврат, смерть и презрение ко всему живому. Р. Декарт (XVII в) «Рассуждении о методе» писал, что люди, получающие юридическое образование, имеют своей внутренней целью обогащение «...(Ю)риспруденция, медицина и другие науки приносят почести и богатство тем, кто ими занимается»[4 с.253].

Образ демона в лице Порошенко можно обозначить тремя знаками, которые сопровождали его при вступлении на должность президента Украины: это падающий в обморок солдат при прохождении мимо его Порошенко, это закрывающаяся дверь в зал для инаугурации при подходе к ней Порошенко, это не взлетающий голубь, пущенный из рук Порошенко. Духовный смысл всех этих незначительных на первый взгляд примет, сразу говорят о будущей политике президента Украины. Это истребление армии, это отсутствие всякой политики и не реализации клятвы президента, это бесконечная война. В одном из анекдотов, сравнивающих русского, украинца и белоруса, говорится о злобности украинца: яблоки, доставшиеся ему даром, он съест сам по возможности, а оставшиеся надкусает. Так и Украина: сама не живет, как хотелось бы жить, но и другим не дает жить тоже. Бесплезность существования, отчаянная бездуховность с одновременной жаждой могущества не через мир, а через войну, указывает на болезнь XXI века.

Я, будучи автором этой статьи, ощущаю себя жалкой песчинкой в океане человеческих судеб и мне становится страшно и зябко от анонимности политики, где никто ни за кого не несет ответственности, где один покрывает другого, находясь в бесконечной цепи взаимозависимостей, точно так же как эта жалкая мадам Псаки, которая выступает не от себя, а от всей системы управления внешней и внутренней политикой США. Отчужденность прав от конкретного человека давит на него «свыше» как жуткий мировой монстр. Ведь ничего не стоит так же как и в Украине убить того же самого Порошенко, ту же Псаки и меня в том числе. Что я могу

изменить в этом бездарном политическом мире, где каждый держится за жизнь, за власть, за признание и т.д. Случайность может определить ход решения войны или мира.

Наверное, все же необходимо изжить из психологии человека многие политические аспекты, чтобы принять верное решение. Ф. Бэкон (XVII в) писал в « Новом органоне» о четырех идолах, мешающих человечеству объективно познавать мир: это идол Пещеры как наш характер, это идол Театра в виде авторитетов, это идол Площади связанные с языком и это идол Рода, а вернее, наши инстинкты.

Так и в политической жизни психоанализом отмечены некоторые «призраки» власти:

1. *Табуирование вождя* – амбивалентность чувств и сакрализация власти;
2. *Идентификации масс с вождем* - любовь к вождю и слияние всех «Я» с «Я» вождя;
3. *Некрофилия власти* – управлять легче мертвыми, чем живыми.
4. *Демонизация власти* – вера в безграничное могущество.

Психоанализ раскрывает глубокую взаимосвязь эроса и власти. Когда К.Г.Юнг пишет о З. Фрейте и о Ф. Ницше, как родоначальников демонизации сексуальности и власти, то приходит к заключению, что это взаимозаменяемые понятия: «Мое мнение таково, что эрос и влечение к власти – все равно, что двойня, сыновья одного отца, производное от одной духовной силы, которая, как положительные и отрицательные электрические заряды, проявляет себя в противоположных ипостасях: одна, эрос, - как некий *patiens*, другая, жажда власти, - как *agens*, и наоборот. Эросу так же необходима власть, как власти – эрос, одна страсть влечет за собой другую» [12, с.26].

З. Фрейд в работе «Тотем и табу» пишет о табуировании вождя при одновременном амбивалентном к нему чувстве любви и ненависти. Восхищение и страх сопровождают отношение к вождю. «С одной стороны,

оно означает – святой, священный, с другой стороны – жуткий, опасный, запретный, нечистый» [9, с.38]. За табу скрывается демоническая сила, которая вызывает страх. Табу запрещает дразнить эту силу. «Свойственная первоначальному табу вера в демоническую силу, скрытую в предмете и мстящую тому, кто прикоснется к предмету или сделает из него неразрешенное употребление тем, что переносит на нарушителя чародейственную силу, все же остается полностью и исключительно объективированным страхом» [9, с.49-50]. Демонизм власти определяется через табуирование вождя. Вождь – источник страха и почитания.

Любовь к вождю связана с проекцией на вождя чувств массы, которые обретают статус Маны, которая напоминает человеку о его запретных желаниях и соблазняет его к нарушению запретных желаний. Масса делает своим идеалом вождя, идентифицируется с ним и реализует запретное желание быть вождем самой. Любовь к политическому лидеру означает воплощение его образа в личной жизни каждого. «Такая первичная масса есть какое – то число индивидов, сделавших своим «Я – идеалом» один и тот же объект и вследствие этого в своем «Я» между собой идентифицировавшихся» [10, с.70]. Масса, идентифицируясь с вождем, идентифицируется через вождя друг с другом. Здесь эрос объединяет всех со всеми.

Некрофилия есть любовь к мертвому, т.е. отрицание жизни как таковой. Холодность, отсутствие чувства жалости и сострадания сопровождают поведение некрофила. «Некрофилия в характерологическом смысле может быть описана как страстное влечение ко всему мертвому, разлагающемуся, гниющему, нездоровому. Это страсть делать живое неживым, разрушать во имя одного лишь разрушения. Это повышенный интерес ко всему чисто механическому. Это стремление расчленять живые структуры» [11, с.19]. Лидер некрофил вызывает демонический страх и одновременное изумление и восторг, т.к. жизнь массы в его руках и он распоряжается ею на свое усмотрение. «Еще одним проявлением

некрофильского характера является убеждение, что все проблемы или конфликты можно решить только с применением силы»[11, с.29]. Каждый из толпы, идентифицируя себя с некрофилом, переживает безграничное чувство власти.

Ф.М. Достоевский в «Преступлении и наказании» раскручивает образ преступника Раскольникова, который оправдывает убийство старушонки, сравнивая ее бесполезное и бессмысленное существование с вошью, жизнь которой ничего не стоит. Раскольников удивляется тому, как позволительна гибель людей полководцу Наполеону, который одерживает победы. «Нет, те люди не так сделаны; настоящий *властелин*, кому все разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, *забывает* армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры, - а стало быть, и *все* разрешается. Нет, на таких людях, видно, не тело, а бронза!» [5, с.333-334]. Думает про себя Раскольников. Убийство никому ненужных людей во имя великих завоеваний. Представив себя на его месте, Раскольников убивает старуху и по случайности ее сестру. Раздвоение личности началось сразу после убийства: депрессия, бессонница, желание покончить жизнь самоубийством и нарастающая потребность рассказать об этом другим. Последний шаг к саморазоблачению начинается с признания себя убийцей Соне, которая под влиянием своей нищей семьи была выгнана на панель на заработки. Она, как и он, совершила преступление против самой себя, и это сделало их равными. Другой как зеркало подтвердил его мучения, и привело к самопокаянию. Совершение преступления политическими лидерами не отражается в Другом и не признается за преступление, а утверждается как историческое событие. Как в сказке, где царь говорит: «Солнце всходит и заходит повеленью моему». Властителю можно любое преступление. Кто может выступать против Бога? В этом демонизм власти. Людовик XIV провозгласил: «Государство это я». Одним словом, государь себя отождествляет с народом и предполагает, что его воля есть выражение воли

народа, что в его глазах оправдывает любое поведение. Раскольников глубоко в душе считает убийство старухи делом необходимым в целях освобождения общества от ненужной твари, которую он продолжает презирать и после ее смерти. «О, как я ненавижу теперь старушонку! Кажется бы, другой раз убил, если б очнулась!» [5, с.336]. Негодует Раскольников. Некрофилия Раскольникова ведет его к месту преступления, к смакованию всех этапов убийства в отстраненных беседах с попадающимися под руку собеседниками. Он пишет статью о праве убивать слабейших сильнейшими. Тем самым Раскольников оправдывает насилие как механизм санитарии общества. Ф.М. Достоевский концу произведения говорит о переломе характера Раскольникова в тюрьме по причине того, что интеллект уступил место чувственности, которая сделала его биофилом. «Он, впрочем, не мог в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь думать, сосредоточиться на чем-нибудь мыслью; да он ничего бы и не разрешил сознательно; он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» [5, с.668].

Потребительское общество воспитывает в человеке такие качества, которые порождают жажду наживы, что приводит к исчезновению эмоций. «Чувства не то чтобы совсем исчезли из жизни, скорее, они поблекли. В той мере, в какой они еще живы, они не культивируются и, вследствие этого, становятся грубыми, превращаются в необузданные страсти, такие как страсть быть первым в любой ситуации, подчинять себе других, разрушать или стремление находить возбуждение в сексе, скорости или шуме»[11, с.55]. Культ техники, уход от природы приводит к одной из форм заболевания как некрофилия. «...(Н)екрофил всегда предполагает иметь, а не быть»[11, с.32]. Современный мир провоцирует человека к жестокости к себе подобным. Магия техники пленяет человека, делает его своим заложником, превращает его в одну из технических функций. Жизнь становится механической, что особенно заметно в больших городах: потоки родившихся младенцев сменяется потоком, уходящими из мира людей.

Жизнь превращается в конвейер. Человек обретает власть благодаря технике, становится сильнее и могущественнее и одновременно с этим *демонизируется*.

Можно сделать вывод, что современный мир, или мир политики дает дорогу к власти наизлейшим, безумнейшим людям демонического общества: среди демонов должен победить напуганнейший демон. Современный политический лидер становится проекцией тотальной злобы и жажды наживы в мире капитала, что означает не путь к вершине, а путь к самой дальней точке Ада у Данте Алигьери.

«Мучительной державы властелин
Грудь изо льда вздымал наполовину;
И мне по росту ближе исполин,
Чем руки Люцифера исполину;
По этой части ты бы сам расчел,
Каков он весь, ушедший телом в льдину.
О, если вежды он к Творцу возвел
И был так дивен, как теперь ужасен,
Он, истинно, первопричина зол!»[1, с.158].

Кумир тьмы владеет злобой всех одновременно. «Вначале дух не является ни душой, ни демоном, ни тем более Богом, а чем-то неопределенным, материальным, хотя и невидимым, безличным, но обладающим своего рода волей; он придает конкретному существу некую специфическую силу воздействия, может войти в объект или человека, а также выйти из него, как из ставшего негодным орудия, выйти из колдуна, харизма которого перестает действовать, в ничто или перейти в другого человека или в другой объект»[3, с.79]. Дух злобы всех вместе взятых порождает харизму политического лидера.

Список использованной литературы:

1. Алигьери Данте. Божественная комедия. Пермь: Пермская книга, 1994. – 479с.

2. Аристотель. Метафизика.//Соч. в 4-х тт. Т.1. М.:»Мысль», 1976. – 550с.
3. Вебер М. Социология религии (типы религиозных обществ)// Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.-704с.
4. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках»//Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. Т.1.М.: Мысль, 1989. – 654с.
5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Эксмо, 2014. – 672с.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999. – 471с.
7. Ницше Ф.Так говорил Заратустра. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1990. – 312с.
8. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, Азбука – Аттикус, 2014. – 608с.
9. Фрейд З. Тотем и табу. СПб.: «Азбука-классика», 2008. – 256с.
10. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.: «Азбука-классика»,2008.- 192с.
11. Фромм Э.. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М.: «Прогресс» - VIA, 1992. -256с.
12. Юнг К.Г. Аффект цивилизации.// К.Г.Юнг, М.Фуко. Матрица безумия. М.:Алгоритм, Эксмо, 2007. – 384с.

УДК 328

ББК 66.3

Керимов, А.А.

Портрет современного российского парламентаризма:
проблемы и перспективы развития

Kerimov, A.

A portrait of modern Russian parliamentarism: problems and prospects

В статье анализируется состояние современного российского парламентаризма, выявляются его особенности и проблемы, а также

предлагаются конкретные предложения и рекомендации по его совершенствованию.

The article examines the state of modern Russian parliamentarism, identifies its characteristics and problems, and offers specific suggestions and recommendations for its improvement.

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, легитимность, демократия, авторитаризм, политические партии

Keywords: parliament, parliamentarism, legitimacy, democracy, authoritarianism, political parties

Современная модель российского парламентаризма может быть отнесена к авторитарной, построенной на ограничении власти парламента и одновременном усилении власти президента. Для сохранения контроля над парламентом исполнительная власть также прибегает к неформальным методам поощрения и воздействия на членов парламента. Кроме того, исполнительная власть благодаря специфике своей деятельности располагает всеми необходимыми ресурсами, которые позволяют ей оперативно реагировать на любую ситуацию в обществе. Поэтому в обыденном сознании создается образ исполнительной власти, реально управляющей силой, создающей и законы. Законотворческая деятельность остается на периферии, теряет свою значимость, и все успехи связываются только с именем исполнительной власти. Немалую роль в принижении значения парламентаризма и укреплении положительного образа исполнительной власти в массовом сознании играют и СМИ.

Российский парламент не обладает достаточными полномочиями по контролю над исполнительной властью. При сложившейся биполярной системе в исполнительной власти глава правительства хоть и несет юридическую ответственность перед парламентом, но фактически его политическая судьба зависит от личной благосклонности к нему президента.

Таким образом, парламент лишен возможности оказания воздействия на исполнительную власть. В таком случае единственным каналом осуществления опосредованного общественного контроля над правительством остается только участие в выборах президента, а выборы же в парламент, таким образом, лишаются легитимности и в восприятии народа превращаются только в борьбу бюрократических кланов за сохранение своей власти.

Не менее важная особенность современного российского парламентаризма выражается в специфике процесса его институционализации. По формальным признакам этот процесс происходит в соответствии с действующей нормативно-правовой базой. Однако взаимоотношения внутри политической системы построены таким образом, что парламент, политические партии лишены возможности оказания на этот процесс решающего влияния. Роль и значение парламента и политических партий в таких условиях снижаются, и в процессе мобилизации электората задействуются неформальные практики, включающие административную мобилизацию, подкуп, коррупцию и т. д. В результате парламент, сформированный на основе нелегитимных технологий и при доминировании партии власти, превращается в орган по утверждению решений президента и правительства и лишается своего основного предназначения как представительного и законодательного органа.

Другая особенность в определяется господствующим в парламенте эмоционально-психологическим климатом, вызванным конституционным дисбалансом в полномочиях между законодательной и исполнительной властями. Отсутствие необходимого равновесия в балансе прав и полномочий создает неблагоприятный эмоциональный фон, что не может не отразиться на деятельности депутатов, которые опасаются досрочного роспуска парламента, что обуславливает их склонность к компромиссам, воздержанию от резких шагов во взаимоотношениях с исполнительной властью.

Немаловажную роль в снижении легитимности парламентаризма играют также традиции этатизма, которые в немалой степени формируют психологию народа и чаще ориентируют массы на покорность и признание власти персонифицированной сильной личности, способной навести жесткий порядок и проявить заботу о народе, а представительный орган в рамках такой парадигмы представляется лишенным реальных возможностей органом, где ведутся абстрактные дискуссии.

Применительно к современной России достаточно сложным является вопрос о перспективах и тенденциях развития парламентаризма. На данном этапе необходимо констатировать, что его институционализация состоялась, заложен фундамент для его дальнейшего поступательного развития. Однако парламентаризм нельзя рассматривать как закрытую, обособленную систему. Под воздействием политических, социально-экономических изменений и с учетом тех задач, которые решает общество на определенном этапе своего развития, парламентаризм может видоизменяться.

Представляется, что задачам переходного периода от авторитаризма к демократии в стране со слабыми демократическими традициями и неразвитой политической культурой более соответствует президентская система, которая плохо сочетается с демократией. Однако по мере достижения баланса между различными политическими силами, консенсуса в обществе по поводу проводимых реформ, необходимо постепенно перейти к парламентской системе. Но такой переход предполагает наличие в обществе, кроме вышеуказанных, еще ряда взаимосвязанных, взаимодополняющих друг друга условий. Для этого необходимо: преодоление бедности и создание среднего класса – опоры демократического устройства общества; изживание в общественном сознании стереотипов о сакральности власти и некоторых черт национального характера; создание системы демократии низового уровня; наличие развитой партийной системы, способной к честной конкурентной борьбе; повышение роли парламента через наделение его правом контрольных функций; совершенствование избирательной системы; а

также создание системы гарантии прав парламентской оппозиции и др.

В качестве возможных направлений совершенствования российского парламентаризма может быть предложено:

- усиление представительской функции через развитие политических партий и превращение их в эффективных выразителей интересов социальных групп;

- расширение законодательной функции. В своей деятельности парламент должен исходить из того, что в эпоху крупных преобразований общество и государство остро нуждаются в новой системе права и нормативно-правовых актов. Поэтому парламент прежде всего должен выработать и предложить обществу глобальную, определяющую вектор развития общества на перспективу концепцию законодательства, учитывающую интересы всех социальных групп;

- расширение и усиление контрольных функций парламента. Парламент, как принято в демократических странах, служит противовесом исполнительной власти. Потребность в усилении контрольных функций парламента вытекает из логики и природы существующего сегодня в России авторитарного режима, исчерпание потенциала которого приведет к столкновению общества с трудноразрешимыми проблемами;

- изменение системы формирования Совета Федерации на основе перехода либо к выборному принципу, либо возврату к схеме, когда верхняя палата парламента состояла из глав исполнительной и законодательной ветвей власти субъектов Федерации;

- введение принципа коллективной и персональной ответственности членов правительства перед парламентом, внедрение практики назначения и освобождения министров от занимаемых должностей при непосредственном участии парламента, а впоследствии формирование правительства на основе парламента большинства. Подобная практика будет накладывать огромную ответственность на парламент и правительство за проводимую ими политику.

Также представляется, что преодолению проблем в развитии парламентаризма также будут способствовать: совершенствование и оптимизация внутренней структуры парламента; повышение эффективности работы и личной ответственности парламентариев; неукоснительное соблюдение ими законов, регламента и внутреннего распорядка в парламенте; создание благоприятных условий для активного участия депутатов в деятельности парламента; создание условий для проведения парламентарских расследований; введение практики периодической отчетности депутатов перед своими фракциями и парламентом; введение императивного мандата, предусматривающего возможность досрочного отзыва депутатов; обеспечение информационной открытости парламента; налаживание сотрудничества с серьезными каналами СМИ для объективного освещения его деятельности; отказ от принципа «империале» при подсчете голосов по итогам парламентарских выборов; принятие закона о лоббистской деятельности, ограждающий парламент от внешнего воздействия групп давления.

УДК 321.022

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И СРЕДСТВ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ**

Колпаков Владимир Владимирович

специалист научного отдела Балаковского филиала РАНХиГС,

аспирант кафедры политических наук

Поволжского института управления имени П.А. Столыпина

POLITICAL CULTURE:
COOPERATION PUBLIC AUTHORITIES AND MEDIA

Kolpakov Vladimir Vladimirovich

specialist of science Department of Balakovo Branch
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Balakovo, Russia

postgraduate student of the department of political science
Povolzhsky Institute of Administration named after P.A. Stolypin,
a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Saratov, Russia

vladimirkolpakov15@gmail.com

В статье рассматривается вопрос взаимодействия органов власти со средствами массовой информации, деятельность которых влияет на политическую культуру. Важное место уделяется информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», как основной платформе плюрализации политической культуры и распространения информации неограниченному кругу лиц. Автором предложены шаги по совершенствованию информационной политики органов государственной власти и местного самоуправления, способствующие политической коммуникации с населением.

The article discusses the interaction of authorities with mass media, whose activities affect the political culture. An important place is given to the information and telecommunication network "Internet" as the main platform of political culture of pluralism and dissemination of information to the general public. The author suggests steps to improve the information policy of the state and local authorities, facilitate political communication with the public.

КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА,
СМИ, ИНТЕРНЕТ

CULTURE, POLICY, POLITICAL CULTURE, MEDIA,
INTERNET

Формирование политической культуры представляет собой сложный процесс. Одним из основополагающих факторов в развитии политической культуры является влияние средств массовой информации.

Сегодня политические силы России воспринимают средства массовой информации в качестве одного из ключевых инструментов борьбы за власть. Значение средств массовой информации в понимании общества подчеркивается неофициальным наименованием «четвертая власть», которая выделяется рядом исследователей наряду с законодательной, исполнительной и судебной. Восприятие в качестве рычага воздействия на население средств массовой информации так велико, что вполне серьезно владельцы информационных агентств, лица определяющие информационную политику рассматриваются в качестве политических акторов, так называемых «серых кардиналов».

Современная политическая жизнь неотделима от средств массовой информации, которые включают в себя прессу, радио и телевидение и конечно же информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Рассматривая формирование политической культуры требует отдельного внимания влияние средств массовой информации, в частности, осуществляющих свою деятельность в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». СМИ как субъект общественного развития влияет на функционирование и устойчивость политической системы, а также социум в совокупности. «Четвертая власть» оперативно отвечает на вызовы и реагирует на процессы, которые происходят в государстве и обществе. Благодаря средствам массовой информации, их квалификации и морально-нравственным качествам определяются тенденции

развития основных отраслей деятельности современного государства, в том числе – политической.

«Четвертая власть» обладает возможностью влиять на понимание населением событий, происходящих и освещаемых непосредственно средствами массовой информации, посредством собственного политического видения. От риторики и основных идей информационных сообщений зависит действия политических акторов – электоральная активность, протестные настроения и т.д.

В качестве основного источника политической информации следует рассматривать информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», которая представляет собой платформу для распространения различных сведений и общения с населением, имеющим доступ к сети.

На сегодняшний день активно используют сеть «Интернет» органы государственной власти и местного самоуправления, общественные организации, политические партии, средства массовой информации. Сеть позволяет получить информацию о политиках, их деятельности, программах, с которыми идут на выборы.

Средства массовой информации осуществляя отбор и транслируя информацию, смыслы и ценности политической системы, являются одним из катализаторов преобразования современной политической культуры. Воздействуя на чувства общества, мышление, способности и оценки «четвертая власть» обладает возможностью непосредственно оказывать влияние на понимание отдельно взятых политических процессов и их последствия [4].

Политическая культура, ее уровни, а также состояние являются критериями оценки развития политической системы. На формирование политической культуры общества влияют многочисленные обстоятельства. В их числе собственная история, уровень общей культуры государства и средства массовой информации.

В сети невозможно представить единой идеологии, моральных ценностей приемлемых для всех, но вместе с тем существует правила, характерные для определенных сообществ – групп по интересам, территориальных групп и т.п. Люди кооперируются, основываясь на общих интересах, в связи с чем, общение в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» допустимо рассматривать как более демократичное: способствуя плюрализации политической культуры, морально-нравственных ценностей, корректировке сведений о себе и других [3].

В современных условиях населению необходима оперативная и достоверная информация, которую возможно было бы получать наиболее приемлемым способом – перейдя на официальные Интернет-порталы, посетив аккаунты в популярных социальных сетях, посмотрев видеообращения на сервисах видеохостинга. Несмотря на развитие информационно-коммуникационных технологий и существование различных платформ для обратной связи с населением, из-за недостатка и несвоевременности информации, активно появляются информационные порталы и страницы в социальных сетях, которые аккумулируют и предоставляют на всеобщее обозрение различного рода слухи: возможные отставки и назначения, внутриорганизационные конфликты и т.п. Как правило подобные ресурсы именуется «Подслушано в ...», «Компромат...».

На данном этапе социально-экономического развития общества, широкое распространение электронных средств массовой информации позволяет принимать участие в политической коммуникации власти и общества неограниченному кругу лиц [1]. Современные условия деятельности позволяют рассматривать средства массовой информации в качестве обособленной политической силы, влияющей на политическую культуру.

Рассматривая технологическую революцию последних нескольких лет, позволившую распространять информацию практически неограниченному кругу лиц, в самом различном виде и предоставившую

возможность общаться на расстоянии, таким образом сокращая дистанцию от источника до получателя информации, следует обратить внимание на то, что органам государственной власти и местного самоуправления следует совершенствовать собственную информационную политику.

Во-первых, органам государственной власти и местного самоуправления необходимо зарегистрировать официальные аккаунты в наиболее востребованных социальных сетях (перечень сервисов необходимо определить путем проведения опроса граждан), которые должны ежедневно обновляться исходя из повестки дня. В частности, таким образом осуществляется информационная политика в городе Ульяновск: информационные сообщения, публикуемые на официальном сайте муниципального образования, также размещаются и в официальной группе администрации города в социальной сети «ВКонтакте».

Во-вторых, на официальных порталах органов власти требуется организовать возможность обращения любым удобным способом для населения: телефонный вызов, электронное письмо, видеосообщение, онлайн-чат и т.д. [2]. В подобном ключе осуществляется прием вопросов для Президента России Владимира Владимировича Путина в период подготовки к ежегодной пресс-конференции.

В-третьих, проводимые общественно-политические мероприятия, на которых рассматриваются и принимаются решения, которые затрагивают интересы граждан необходимо транслировать в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»: постоянно действующие совещания, заседания законодательных (представительных) и исполнительных органов власти необходимо сопровождать онлайн-трансляцией, просмотр которой будет доступен любому желающему. В качестве платформы для осуществления видеотрансляций следует рассматривать такие сервисы как YouTube и Ustream.

Политическая культура, затрагивает вопросы, касающиеся информационных отношений, прежде всего со средствами массовой

информации, основная задача которых объективное информационное сопровождение деятельности органов власти, для обеспечения информационной открытости сведений для населения.

Невзирая на проводимую информационную политику и увеличение электронных средств массовой информации базирующихся в сети «Интернет», власть до сих пор невозможно считать открытой для общества. Проблема политической культуры в части информационной открытости органов власти для общества остается вопросом, который требует дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Баранов Н.А. Политическая культура России: традиции и современность // Труды СПбГУКИ. 2015. №. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-rossii-traditsii-i-sovremennost> (дата обращения: 19.02.2016).
2. Колпаков В.В. Публикация информации в сети «Интернет» в контексте информационного сопровождения деятельности органов власти и общественных организаций // Вестник современной науки. – 2015. - №9-2(9). – С. 85-89.
3. Усикова Л.Ф. Политическая культура // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2010. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura> (дата обращения: 20.02.2016).
4. Цыбикжапова Т.С. К вопросу о политической активности студенческой молодежи и влиянии сми на формирование ее политической культуры // Вестник БГУ. 2009. №6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-politicheskoy-aktivnosti-studencheskoy-molodezhi-i-vliyanii-smi-na-formirovanie-ee-politicheskoy-kultury> (дата обращения: 20.02.2016).

Политические ценности российских «новых правых» (на примере конференции «Against Post-Modern World»)

*Коновалов Денис Александрович,
преподаватель кафедры политологии
исторического факультета
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского*

Аннотация: статья посвящена исследованию феномена российских «новых правых» и их идеологической позиции, концентрированное

выражение которой производится на конференции «Against Post-Modern World» в октябре 2011 г. Показаны основные аспекты преемственности в идеологии российских «новых правых» от западного традиционализма первой половины XX века.

Annotation: article is devoted to research of a phenomenon Russian "new right" and to their ideological position which concentrated expression is made at the Against Post-Modern World conference in October, 2011. The main aspects of continuity in ideology Russian "new right" from the western traditionalism of the first half of the 20th century are shown.

В российской исследовательской литературе термин «новые правые» сравнительно нечасто употребляется в рамках анализа феномена русского консерватизма. Данное понятие, как правило, используется при оценке определённого идейного течения в европейском или американском правом движении. В качестве одной из важных особенностей в изучении данного явления является не вполне определённая методологическая ситуация с применением термина «новые правые» в современной научной среде. В целом, понятие «новые правые» в научной литературе, изучающей различные аспекты составляющих правую идеологию, соотносится, на наш взгляд, с тремя явлениями: «консервативная революция» в Германии 1920-30х гг. (Э.Ю. Юнг, А. Меллер ван ден Брук, К. Шмитт, О. Шпенглер, Э. Юнгер); англосаксонский вариант неоконсерватизма («тэтчеризм» и «рейганомика»); праворадикальные общественные объединения Европы («Национальный фронт» во Франции, Британская национальная партия и т.д.).

Игнорируя терминологическую неразбериху с дефинициями политических «правых» и «левых» для посткоммунистической России, мы употребляем понятие российских «новых правых» как интеллектуальное течение, сознательно ориентированное на парадигму западных «новых правых», а именно их традиционалистского и европейского «антиатлантистского» направления.

Европейские «новые правые» – широкая группа философов, социологов, историков, писателей и других представителей западноевропейской интеллигенции, активно выступивших в начале 1970-х гг. во Франции (Группа по изучению европейской цивилизации (GRECE), во главе которой находится философ А. де Бенуа). Европа для «новых правых» представляет континентальное геополитическое образование, основанное на этническом ансамбле индоевропейского происхождения и имеющее общие культурные корни. Это понятие традиционное. «Запад», напротив, геополитическое и историческое понятие, связанное с современным миром, отрицающее этнические и духовные традиции, выдвигающее чисто материальные и количественные критерии существования; это утилитарная и рационалистическая, механицистская буржуазная цивилизация. Самым законченным воплощением Запада и его цивилизации являются США. Из этого складывается конкретный проект «новых правых»: Европа должна интегрироваться в «Федеральную Империю», противопоставленную Западу и США, причём особенно следует поощрять регионалистские тенденции, так как регионы и этнические меньшинства сохранили больше традиционных черт, чем мегаполисы и культурные центры, поражённые «духом Запада». Новые правые считают, что европейская культура, её экономическая и социально-политическая системы переживают глубокий кризис. Причины этого кризиса следует искать в деятельности не столько «новых левых», сколько «старых правых» (т.е. правых либералов), которые оказались неспособными создать новые культурные ценности и объединить на их основе общество. Причины этой неспособности «правлящего класса» коренятся в основаниях самой европейской культуры, заражённой духом нигилизма. Необходимо разработать новую идеологию, которые должны вывести из кризиса Европу и европейскую культуру, акцентируя её культурные и политические истоки. Кроме того, «новые правые» стремились защищать элитизм (право на отличие), но лишь в рамках культуры, а не на

основе расовой теории, выступали против экономизма, провозглашая автономию или даже примат политики по отношению к другим сферам, а также осуждали направления, провозглашающие «конец истории», считая подобные направления враждебным интересам Европы и её цивилизации. Ещё одним фундаментальным отличием новых правых от старых заключается ориентация первых на принципы европейского неоязычества в смысле преклонения ценностям, изначально скрепляющих европейское сообщество.

Обратим внимание на проведённую российскими «новыми правыми» в октябре 2011 г. конференцию «Against Post-Modern World», где были сконцентрированы основные компоненты теоретического мышления «новой правой» доктрины. Следует отметить, что до настоящего времени данный аспект не являлся предметом для исследования. Вместе с тем на конференции обсуждены актуальные вопросы традиционализма, эсхатологической проблематики, ситуации постмодерна, роли неоплатонизма, соотношении религии и политики, актуальности хаоса, сакральности власти и метафизических горизонтов консервативной революции. Одна из первоочередных задач в конференции российских «новых правых» заключалась в определении отношения традиционализма к миру, в котором мы живём. Для этого они обращаются к неоплатонизму. Изучая платоников и неоплатоников, «новые правые» в России приходят к выводу о том, что именно «платоническая топика является основой эзотерических учений всех традиционных конфессий, а также базой христианской теологии» [5], поэтому они стали исходить из признания структурного тождества традиционализма и платонизма.

Р. Генон и другие традиционалисты (Ю. Эвола, М. Элиаде, Г. Фай) подробно описали соотношение Традиции и Модерна. Генон сформулировал тезис о кризисе современного мира: «... вся современная эпоха в целом, весь современный мир как таковой, находятся в состоянии глубокого кризиса... В настоящее время очевидно, что кризис приближается к своей развязке, и

это предельно усугубляет ненормальность того положения дел, которое существует уже в течении нескольких столетий, но последствия которого никогда еще не были столь чудовищны и откровенны, как сегодня. По этой причине ускоряется и последовательность разворачивающихся событий, и очевидно, что все это может продлиться еще какое-то время, но все же отнюдь не до бесконечности. И даже если не знать точного временного предела, трудно отделаться от ощущения, что все это будет продолжаться не так уж и долго» [4], а Ю. Эвола призвал к восстанию против него [12].

Постмодерн для российских «новых правых» представляется «открытием яйца мира снизу» или «эпохой великой пародии» [7], т.е. переходом от материализма к псевдо-спиритуализму, нью-эйджу, десекуляризации, эпохе симулякров, а посему причины актуальности традиционализма с точки зрения участников данной конференции заключаются в кризисе современной цивилизации, внутренних противоречиях западной идеологии, двойных стандартах международной политики, моральном кризисе технократического общества. Параллельно разочарованию в прогрессе растёт влияние консервативных идей. Но он останется бессодержательным, если будет призывать защищать только status quo. Посему Россия должна выбирать свой путь в условиях стремительно разлагающегося мира. Для этого необходимо несколько пересмотреть классическую картину Модерна, которую сформулировали основатели этой философии и перейти к критике Постмодерна, где уже не «профанизм», а подделки становятся главными врагами традиционализма. Если Россия хочет выжить духовно, то она должна встать под знамёна Традиции, радикального консерватизма, православной веры в союзе с другими традиционными конфессиями и, если угодно, под знамёна революции против современного мира.

Примечательным компонентом новых правых является концепция Радикального Субъекта [6] – того, что пробуждается не благодаря Традиции, но вопреки её отсутствию. Традиционализм Радикального Субъекта

проявляет себя не в мире Традиции, но в мире без неё. Традиция передаётся через инициацию, посему Радикальный Субъект сам себя посвящает с помощью «ничто», где нет места Богу, и тогда происходит точка возврата данного субъекта на позиции классического неоплатонизма. Радикальный Субъект – тот субъект, который в процессе модернизации с помощью инструментов рационализма, будучи ницшеанским и картезианским одновременно, решает дилемму Модерна и Традиции в сторону последней, возможно даже путём революции. Радикальный Субъект – тот, которому уже нечего терять в условиях современности, и потому его высшее, радикальное «Я» бросает ему вызов. Радикальный Субъект готов «оседлать тигра», руководствуясь философией Р. Генона и Ю. Эвола. В основе существования Радикального Субъекта находится антропологический траект и критическое мышление, способное оперировать всей совокупностью сущего, из чего следует, что способность вопрошать исходит из предельной антропологической точки. Траект является той инстанцией, которая может усомниться во всём, кроме себя, но всегда находящаяся в ситуации ответа: «Мышлению предшествует воображение. Его топика, составляющая саму основу антропного, позволяет найти в аннигиляционной активности мышления (как оборотной стороны хаоса) опору (в виде интуиции или веры)» [9].

Традиционализм для российских «новых правых» – это методологическая основа религиозных и богословских исследований, постулирующая фундаментальное единство всех религиозных учений. Русские неотрадиционалисты считают, что «Модерн начинается как рефлексия на богооставленность в рамках христианской теологии и кульминирует в исламе» [1]. Эпоха Просвещения есть апогей и исчерпанность программы Модерна, после чего под видом рационального прогресса налаживается рециклирование прежних форм в новых упаковках. Оттуда возникает уверенный ориентир на постмодерн, который является, по сути, отлаженным функционированием системы рециклирования.

Для того чтобы спасти Политическое, которое рассматривается ими как «обобщение опыта масштабного прошлого, усвоение (или формирование) качественного мифа об этом прошлом, отыскание человеком собственного места в масштабных реальностях истории и, наконец, формулировка определенного плана действий, выработка целей и задач в отношении окружающей действительности, которые человек намерен отныне воплощать в жизнь» [8, с. 7], нужно пробиться к традиционной онтологии в её непосредственности. Для такого прорыва необходим опыт разрыва уровня, как результат работы определённой интеллектуальной интуиции. При этом власть должна органично проистекать из онтологии. В модерне образ политической модели естественным образом вытекает из онтологии индивидуального разума. В постмодерне, в этом контексте, политика упраздняется, так как исчезает субъект управления – индивид. Политическое для «новых правых» ещё и момент соучастия, осознания себя как части по отношению к целому и занятия вытекающей из этого осознания активной позиции.

Программа «новых правых» совмещает в себе не только революционное, но и пассивно-созерцательное направление, т.н. «русский пролайф» [11], в основе которого заложена идея дезурбанизации, т.е. массового перехода в пригороды, в город-деревню, где станет возможным жить большими семьями. Должна быть создана деревенская инфраструктура, не уступающей городской, налажены скоростные пути сообщения, связующие социальные узлы города-деревни. Предусматривается опора на семейно-кооперативное производство, где каждый заинтересован в результатах своего труда и работает на собственную семью. Приветствуется крестьянский семейный уклад без отрыва от источников высокой культуры. Всё это должно способствовать углублению человеческой жизни в область традиционных ценностей, а также развитию интегральной человеческой личности, тем более, что российские «новые правые» часто используют термин археофутуризм, введённым в научный оборот

французским мыслителем Г. Файем, и обозначающий умонастроение, согласно которому будущее опять обратится к ценностям предков. Археофутуризм «противостоит одновременно современности и консерватизму, ставя их на одну доску и считая современность архаичной, потому что её идеалы и большие проекты испытали крах» [3].

Российские «новые правые» придают значимость аспектам взаимоотношения традиционного общества и модернизации [2]. Проблема модернизации российского общества давно перестала быть узко теоретической, и приобрела не только политическое, но и цивилизационное значение. Стала, по сути, вопросом выживания и сохранения страны. Двадцатилетняя эпоха социальных трансформаций сделала очевидным невозможность и тупиковость либеральной модели модернизации в России. Кроме того, чем дальше идёт время, тем явственнее за политическим фасадом российского государства проступают черты традиционного социального устройства, что в какой-то степени вполне естественно, поскольку традиция, представляющая собой многослойную культурную память народа, образует органическую почву социальной жизни неизбежно воспроизводящую саму себя. Одновременно можно зафиксировать, как вслед за этим процессом дискурс российской власти всё больше сдвигается в сторону консервативно-патриотической идеологии. Современные реформы Кремля при всей их неоднозначности уже лишены антитрадиционалистского пафоса 1990-х гг. В этих условиях, по мнению «новых правых», в России вновь приобретают жизненную значимость вопросы модернизации и развития полуразрушенного и неэффективного государства, поиск новых социальных и политических механизмов, способных не только удержать страну от распада, но использовать всю силу и энергию традиционного общества.

Идеология российских «новых правых», имея такие явные преимущества, как критика современного мира с позиций традиционализма; создание нового направления в геополитике; анализ и рекомендации для

современной России в условиях постмодерна; «русский пролайф» – всё же ориентируется на чрезмерный эзотеризм и оккультизм, вследствие чего Истина Православия в данном мировоззрении размывается. Личность Радикального Субъекта ценностно противоречива и неспособна стать онтологически целостной. Кроме того, почти некритически относясь к философам традиционализма (Р. Генон, Ю. Эвола, А. де Бенуа), «новые правые» в России абсолютизируют политическое, считая политику детерминантой социокультурной динамики различных обществ.

Говоря о таком праворадикальном движении как российские «новые правые», автор работы считает важным указать только на внешнюю сторону «просвещённости» представителей данного направления мысли. Раздираемое внутренними противоречиями, оно содержит в себе антисистемные элементы, особенно в области эклектического построения своих мировоззренческих координат, что неминуемо ведёт (сознательно либо неосознанно) к сочетанию истины и лжи, неприемлемому как теоретически, так и практически для России. В частности, это связано с вопросом соотношения Православия и Интегральной Традиции, в котором первое может рассматриваться только как часть Истины, но не как её полнота. Всё это, как ни странно, приводит лишь к «постмодернистскому симулякру ультраправославности» [10] в лице революционного потенциала старообрядчества, декларируемого А. Дугиным. Распространение учения «новых правых» есть результат стечения многих обстоятельств: способность теории определять субъективные переживания своих сторонников в терминах, которые позволяли бы им поддерживать благоприятное видение себя как борцов с современностью; возможность её использования в конкуренции с авторитетом социальных учёных в качестве производителей легитимного политического языка; соответствие стереотипному представлению о перспективном культурном движении, его потенциал как символа культурного статуса; появление когорты молодых людей,

которые склонны были выбирать то, что казалось им самым лёгким путём к славе революционных интеллектуалов.

Список литературы

1. Борозенец М. Гностический проект современности // URL: <http://against-postmodern.org/borozenets-m-gnosticheskii-proekt-sovremennosti> (дата обращения: 12.11.2015 г.).
2. Буранчин А. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект // URL: <http://against-postmodern.org/buranchin-traditsionnoe-obshchestvo-i-modernizatsiya-teoretiko-metodologicheskii-aspekt> (дата обращения: 13.11.2015 г.).
3. Волошин А. Археофутуризм против постмодерна // URL: <http://against-postmodern.org/voloshin-arkheofuturizm-protiv-postmoderna> (дата обращения: 13.11.2015 г.).
4. Генон Р. Кризис современного мира // URL: <http://www.philosophy.ru/library/guenon/01/09.html> (дата обращения: 05.12.2015 г.).
5. Дугин А.Г. Дьяволополис // URL: <http://against-postmodern.org/1-plenarnoe-zasedanie-otkrytie> (дата обращения: 11.12.2015 г.).
6. Дугин А.Г. Радикальный Субъект и метафизика боли // URL: <http://against-postmodern.org/dugin-radikalnyi-subekt-i-metafizika-boli> (дата обращения: 12.11.2015 г.).
7. Дугин А.Г. Традиционализм против дьяволополиса URL: http://www.odnako.org/magazine/material/show_14190/ (дата обращения: 11.11.2015 г.).
8. Дугин А.Г. Философия политики – М.: Арктогея, 2004. – 614 с.
9. Скворцов Д. Антропологический траект и критическое мышление // URL: <http://against-postmodern.org/skvortsov-d-antropologicheskii-traekt-i-kriticheskoe-myshlenie> (дата обращения: 12.12.2015 г.).

10. Строев А.С. «Евразийство» в версии А.Г. Дугина: эклектика и внутренние противоречия // URL: <http://russoc.kprf.org/News/0000604.htm> (дата обращения: 14.11.2015 г.).

11. Фомин О. Идеология русского пролайфа в первом приближении // URL: <http://against-postmodern.org/fomin-o-ideologiya-russkogo-prolaifa-v-pervom-priblizhenii> (дата обращения: 23.11.2015 г.).

12. Эвола Ю. Оседлать тигра. – СПб.: Владимир Даль, 2005. – 490 с.

Модели взаимодействия органов государственной власти и СМИ

Models of interaction of public authorities and the media

В данной статье рассмотрены модели взаимодействия органов государственной власти и СМИ в разных странах. Приведен анализ теоретических моделей функционирования СМИ, а также обзор значимости СМИ в современных условиях. Определение модели взаимодействия органов власти и СМИ в России.

This article describes the model of interaction between public authorities and the media in different countries. The analysis of theoretical models of functioning of the media, as well as an overview of the importance of the media in the modern world. Determination of the model of interaction between authorities and the media in Russia.

СМИ|| ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ|| РОССИЯ||
МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

MEDIA|| ORGQNS OF STATE POWER|| RUSSIA || MODELS OF
INTERACTION

Взаимодействие органов власти и средств массовой информации всегда было проблемным и дискуссионным вопросом. Связано это, в первую очередь, с тем, что СМИ обладают одним из важнейших ресурсов - доступом к информации и возможностью её массового распространения. Доктор философских наук Науменко Т.В. отмечает: «Воздействуя посредством массовой информации на общественное мнение как состояние массового сознания, массовые коммуникации способствуют тем самым наилучшей реализации целей субъектов социальных интересов. Этот факт послужил основанием возникновения термина «четвёртая власть», наделяющего массовые коммуникации некими особыми властными полномочиями» [1]. Наименование «четвертая власть» отсылает именно к возможностям в

области управления обществом, так как подразумевает один порядок наряду с законодательной, исполнительной и судебной, собственно отсюда и наименование «четвертая». Однако при этом никакими властными государственными полномочиями, закрепленными в нормативно правовой базе, средства массовой информации конечно не обладают. В тоже время СМИ согласно Закону от 27 декабря 1991 года N 2124-I «О средствах массовой информации» обладают рядом преимуществ, позволяющих им влиять на информационно-коммуникационные процессы государства: «Редакция имеет право запрашивать информацию о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Запрос информации возможен как в устной, так и в письменной форме. Запрашиваемую информацию обязаны предоставлять руководители указанных органов, организаций и объединений, их заместители, работники пресс-служб либо другие уполномоченные лица в пределах их компетенции» [2]. То есть СМИ выступают, с одной стороны, как социальный институт, с другой – имеют возможность влияния как на социальные, так и на политические институты. При этом возникновение термина «четвертая власть» не случайно, оно подчеркивает особую роль СМИ, прежде всего, в общественно-политической сфере. Также данную роль СМИ отмечают и многие исследователи: «СМИ не только отражают сложившиеся настроения, но и формируют общественное мнение. Информационная сфера становится одним из важнейших объектов государственного управления. Основным инструментом государственного управления информационной сферой - государственная информационная политика. Коммуникационный потенциал государственной власти заключается не только в наличии эффективных информационных каналов, с помощью которых власть может объяснять обществу свои решения, но и в установлении обратной связи с обществом, которая позволяет слышать запросы различных социальных групп, анализировать и корректировать государственную информационную политику» [3]. Таким образом, учитывая

степень влияния средств массовой информации на общественное мнение, а также возрастающую значимость информационно-коммуникационной сферы в жизни общества, органы государственной власти вынуждены осуществлять постоянный контакт и взаимодействие со СМИ. Однако в силу культурных, политических и многих других особенностей различные государства выбирают для себя наиболее подходящие модели взаимодействия, отвечающие специфике данного государства и позволяющие добиться тех или иных целей при взаимодействии со СМИ. Опыт каждого государства в данной сфере уникален и имеет свои характерные черты.

Первая попытка систематизировать и классифицировать основные модели взаимодействия органов власти и СМИ была предпринята в 1956 году Ф.Зиббертом. На тот момент исследователь выделил всего четыре модели: либертианская модель, модель социальной ответственности, советская и авторитарная модели. Труд Ф.Зибберта соответственно называется «Четыре теории прессы». Основные модели взаимодействия, выделенные Ф.Зиббертом, остаются актуальными до сих пор. Однако многое в сфере масс-медиа изменилось с того времени, и помимо вышеперечисленных четырех моделей исследователи начали выделять еще две: модель демократического участия и модель развивающихся стран (см. табл. 1.).

Таблица 1

Модели взаимодействия органов власти и СМИ

Модель	Пример государства	Характеристика цензуры
Либертианская модель	Швеция, Швейцария	Отсутствие цензуры.
Модель социальной ответственности	США	Контроль со стороны общественности, а также вмешательство в деятельность СМИ со стороны государства при необходимости обеспечения

		общественной безопасности.
Модель демократического участия	Франция, Германия	Как таковой цензуры нет, но контроль за СМИ обеспечивается за счет широкой вовлеченности граждан и организаций в информационные процессы.
Советская модель	Китай	СМИ находятся в государственном ведении и решают задачи правящей партии.
Авторитарная модель	Северная Корея	Жесткая цензура, уголовные преследования за инакомыслие.
Модель развивающихся стран	Бразилия	Наличие ограничений и цензуры, основанных на приоритетах развития экономики и потребностях развития всего общества.

Необходимость введения еще двух теоретических моделей заключалась в следующем:

- неспособность существующей системы описать все варианты функционирования СМИ в современных условиях (понадобилась модель демократического участия)

- отсутствие в классификации Ф.Зибера модели функционирования СМИ в развивающихся странах.

Таким образом, две новые модели дополнили теоретическую картину и добавили в неё, с одной стороны, элемент анализа функционирования СМИ в развивающихся странах, с другой стороны более соответствующую современности модель развитых западных стран, так как используемая Зибертом либертианская модель является слишком идеальной и малоприменимой на практике.

Данный анализ теоретических моделей функционирования СМИ, а также обзор значимости СМИ в современных условиях позволяют лучше понять особенности взаимодействия СМИ и органов власти в современных российских условиях. При анализе нормативно-правовой базы регламентирующей деятельность СМИ в РФ, можно сделать вывод, что закрепленные в законах нормы позволяют говорить об отсутствии цензуры и недопустимости вмешательства органов власти, организаций, объединений в деятельность СМИ. «Цензура массовой информации, то есть требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, - не допускается. Создание и финансирование организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации, - не допускается» [2]. Однако при этом существуют вполне оправданные ограничения, связанные с организацией общественной безопасности, такие как недопустимость пропаганды терроризма, экстремизма, а также ограничения этического характера: недопустимость распространения информации о пострадавших несовершеннолетних, запрет на использование нецензурной лексики и т.д. Таким образом, в нормативно правовой базе можно четко отследить черты модели социальной ответственности.

На деле же ситуация выглядит несколько по иному. Во-первых, проанализированные модели являются идеальными теоретическими конструкциями, а во-вторых, Россия на текущий момент находится в переходном состоянии, поэтому выделить одну модель взаимодействия не представляется возможным. Функционирование СМИ в России выглядит, как синтез нескольких моделей. С одной стороны, мы можем наблюдать характерные черты модели развивающихся стран: наличие цензуры,

основанной на приоритете социально-экономического развития государства, поддержка СМИ существующей власти; с другой стороны, мы видим большое количество свободных СМИ и нормативно-правовое закрепление отсутствия цензуры, что говорит в пользу модели социальной ответственности; также в некоторых случаях можно наблюдать и сохранившиеся черты советской модели (данный тезис доказывает наличие «карманных» СМИ, сосредоточенность на внешней политике и замалчивание внутриполитических проблем). Однако, с точки зрения развития общества, с точки зрения государственного управления, а также исходя из реальных социально-экономических условий, в которых находится государство, наиболее приемлемый и продуктивный для России способ взаимодействия СМИ и органов власти – это модель развивающихся стран, которая позволяет направить работу СМИ на поддержку власти и её деятельности по обеспечению социально-экономического развития, чем обеспечивает пользу для общества в целом. Помимо этого в условиях недружественной информационной политики западных стран поддержка средствами массовой информации существующей власти необходима и для обеспечения информационного противостояния, и для организации информационной и идеологической безопасности.

Литература:

1. Науменко Т.В.«Четвертая власть» как социологическая категория // Интелрос, 2007, № 2 [электронный ресурс] URL: http://www.intelros.ru/2007/07/06/print:page,1,tv_naumenko_chetvertaja_vlast_kak_sociologicheskaja_kategorija.html (дата обращения 20.10.2015).
2. [Закон РФ от 27 декабря 1991 года N 2124-I«О средствах массовой информации»](#) (ред. от 13.07.2015) [электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Богомолова Е.Г. Особенности взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ, 2013, № 1 [электронный ресурс] URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimodeystviya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-sredstv-massovoy-informatsii> (дата обращения 28.10.2015).

Политическая и социальная активность студенчества в современной
России

Political and social activity of students in modern Russia

Аннотация: Данная статья представляет собой анализ проведенного социологического исследования по проблеме гражданской активности молодежи. Автор характеризует масштабы, формы, мотивацию и тенденции активности разных социальных групп в условиях кризисной политической и экономической ситуации в современной России.

The summary: This article is an analysis of the sociological research on the problem of youth civic engagement. The author describes the scale, forms, motivation and trends of activity of different social groups in the current crisis of political and economic situation in Russia.

Ключевые слова: социальная активность, политическая активность, гражданская активность, социальный протест, студенческая молодежь.

Keywords: political activity, social activity, civil activity, social protest, student youth.

В периоды резких социальных перемен наблюдается наибольший рост политической и гражданской активности населения. Однако вслед за ними наступают периоды спада, социальной и политической усталости, разочарования и апатии. Годы активной политизации нашего общества и роста интереса к политике прошли (90-е годы). Сегодня интересы людей сконцентрированы на вопросах выживания и адаптации к новым экономическим отношениям. Политическая пассивность части населения возрастает, что делает необходимым проведение специальных исследований этого явления.

Молодежь как субъект политической активности представляет особый интерес для изучения. Будущее политических и социальных трансформаций в современной России зависит от того, насколько активно их воспримет молодое поколение. Показателем демократизма общества в определенной мере является степень и формы участия молодежи в реальных политических процессах, степень ее доверия официальным властным институтам и их представителям. Эти эмпирические индикаторы стали предметом изучения проведенного студентами кафедры политических наук УрФУ разведывательного социологического опроса.

В рамках учебного исследования было опрошено 230 жителей г. Екатеринбурга с использованием гнездовой выборки по возрастному признаку и занятости. Выборочная совокупность была разбита на четыре группы: из них основная группа – студенты ВУЗов (18-23 года). Для сравнения были взяты также небольшие по численности группы работающей молодежи (24-35 лет), учащейся молодежи (16-18 лет), и представителей взрослого населения (35 лет и старше).

Следует понимать, что, как таковой, потребности участия в политике у всего населения нет. В обществе «действует внутренняя необходимость в простейшем воспроизводстве, она ведет к утверждению потребности в сохранении достигнутого. Под ее воздействием возникают установки на потребление доступных товаров и услуг»[1]. В таких условиях зрелая политическая активность фактически не требуется, а функции политического управления передаются группе лиц, у которых наиболее развиты потребности во власти, в контроле над событиями и людьми, в достижении и т.п. – лидерам, которые проявляют конструктивную, созидательную активность и деятельность. Но, в том случае, если процесс воспроизводства общества затруднен – будь то политические или социально-экономические препятствия, то у пассивной, конформистской части общества формируются установки на изменение текущей политической и экономической системы – наблюдается рост политической и социальной активности.

Как показывают результаты исследования, наличие кризисной ситуации в экономике отмечает большая часть студентов (82,7%: 43% определенно с этим согласны, и 39,7% скорее согласны). Следует добавить, что наиболее пессимистично взрослое население – 93,3 %. Показатели можно оценить как крайне высокие. При этом, обращаясь к последним общероссийским исследованиям, можно заметить, что кризисная ситуация продолжается не один год: последние три года социологи отмечают снижение индекса оценок экономического положения населением [2], а также четвертый год подряд россияне указывают на то, что в текущий год жизнь стала хуже по сравнению с предыдущим [3].

Неутешительным предстает и прогноз длительности кризиса студентами. Средняя длительность кризиса, по мнению учащихся, составит 4,5 года, студентов – 14,4, работающей молодежи – 15,5, людей старше 35 лет – 5,7 лет. Пессимистичные оценки – 20 и более лет – давали в основном молодые люди – студенты и работающая молодежь. При этом 15 студентов (10% от общего числа студентов!) на поставленный вопрос ответили «100 лет», что ярко демонстрирует пессимистичные настроения молодежи – веры в светлое будущее у них нет.

Экономический кризис в значительной степени повлиял на собственную жизнь респондентов. Студенты, которые пока не ведут самостоятельной жизни, чаще других молодежных групп отмечают ухудшение жизни (38,9%). Люди старшего возраста гораздо пессимистичнее (70%), что можно объяснить тем, что на них ложится основная тяжесть по приспособлению семьи к изменившимся условиям, в то время как их дети (учащиеся, студенты) зачастую не видят всех материальных трудностей. Также необходимо понимать, что позитивные оценки – жизнь наладилась или не изменилась – дают только обеспеченные слои населения. Огромная масса людей живущих на грани бедности (78,6% данной группы) отмечают ухудшение жизни – это опасная тенденция.

Помимо экономического кризиса, студенты называют нестабильной политическую ситуацию в стране (так считают 44%, при том, что другие 38,7% студентов говорят о наличии внешней стабильности, при которой возможны проявления протестов). Оценки крайне негативные. Основная причина нестабильности, по всей видимости – неэффективная внутренняя политика элиты (особенно антикризисная), действующей в собственных интересах и не принимающей в расчет мнений народа.

Подобная ситуация, казалось бы, должна вызвать всплеск политической и общественной активности. Однако при сравнительно высоком интересе к политической жизни (32,9% студентов интересуются политическими новостями постоянно и 55,7% – от случая к случаю) этого не происходит.

Таблица №1. Иерархия форм социальной активности в зависимости от возраста

Социальная активность	Уча щиеся	Сту денты	2 5-35 лет	36 и старше
добровольно сдавали кровь	0,0 %	7,9 %	7 ,7%	3, 3%
принимали участие в жизни политической партии, объединения	13,3 %	9,3 %	0 ,0%	0, 0%
участвовали в митинге, шествии, пикете и т.п.	13,3 %	11,3 %	3 ,8%	0, 0%
участвовали в собрании ТСЖ, дачного кооператива, родительского комитета	0,0 %	6,0 %	1 9,2%	30 ,0%
жертвовали деньги в благотворительный фонд	20,0 %	15,2 %	1 5,4%	13 ,3%

работали как волонтер/доброволец в некоммерческой организации, инициативной группе	40,0 %	19,9 %	3 ,8%	3 ,3%
принимали участие в работе студенческой организации/ профсоюза	33,3 %	23,8 %	7 ,7%	3 ,3%
участвовали в субботнике, обустройстве территории, подъезда, двора, детской площадки	26,7 %	17,9 %	1 5,4%	26 ,7%
ничего из перечисленного	6,7 %	19,2 %	2 6,9%	30 ,0%
подписывали коллективное обращение, письмо, петицию	20,0 %	32,5 %	2 3,1%	13 ,3%
жертвовали одежду, вещи, игрушки нуждающимся (бедным, детям и т.д.)	33,3 %	22,5 %	2 6,9%	46 ,7%
подавали милостыню	33,3 %	31,8 %	3 8,5%	40 ,0%

Наибольший уровень социальной активности демонстрируют учащиеся школ и ССУЗов, которые чаще заняты волонтерством, самоорганизацией (участием в работе студенческой организации), политической деятельностью (принимали участие в жизни политической партии, объединения, участвовали в митинге, шествии, пикете и т.п.) Чуть меньшие, но высокие в сравнение с двумя оставшимися группами, показатели наблюдаются у студенчества.

Взрослая молодежь и люди старшего возраста, либо не делают ничего из предложенных вариантов общественной активности, кроме благотворительности, либо занимаются вопросами обустройства места проживания – субботники, участие в собраниях ТСЖ.

Методом кластерного анализа все студенты в зависимости от форм участия в общественной жизни были разделены на 4 группы – полностью пассивные (ни делали ничего; 19,2% от всех студентов), активисты (в той или иной степени занимались каждым видом социальной активности; 44,4%), благотворители (ограничивались подаванием милостыни и благотворительными акциями 17,9%) организаторы (основная активность – участие в деятельности профсоюзов и ТСЖ, при этом отказывались заниматься непосредственно выполнением конкретных дел; 18,5%).

Таким образом, обнаруживаются два явления. Первое – позитивное: сравнительно высокая доля молодежи занята в тех или иных формах социальной активности. Второе – негативное: степень гражданского участия падает по мере увеличения возраста; чем старше человек, тем больше он концентрируется на вопросах своей собственной жизни.

Что касается политического участия, здесь картина значительно хуже. Показатели готовности к активности достаточно низкие (за исключением электоральной активности – 70%), несмотря на признание населением наличия кризисной ситуации и доминирование негативных оценок внутренней политики. При этом большое значение в данном вопросе имеет материальное положение студента.

Таблица №2. Готовность к политическому участию в зависимости от доходов

	Категория населения по уровню дохода			
	Дене г хватает только на питание	Дене г хватает только на питание и одежду	Можем позволить себе купить крупные вещи	Практиче ски ни в чем себе не отказываем

	% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу
Голосовать на выборах	46,7 %	73,0 %	70,0%	83,3%
Быть наблюдателем на выборах	20,0 %	22,2 %	28,0%	0,0%
Создавать и участвовать в работе гражданских инициатив, организаций, самоуправления	20,0 %	14,3 %	2,0%	5,6%
Жертвовать деньги на политические проекты оппозиции	13,3 %	3,2%	4,0%	5,6%
Участвовать в протестных акциях, пикетах	26,7 %	20,6 %	14,0%	5,6%
Избираться депутатом на выборах	33,3 %	17,5 %	14,0%	5,6%
Принимать участие в одиночных пикетах, акциях (у зданий органов власти, суда и т.п.)	6,7%	9,5%	2,0%	5,6%

Участвовать в деятельности политических партий	6,7%	19,0%	8,0%	5,6%
Идти на крайние, радикальные формы протеста	40,0%	4,8%	4,0%	5,6%
Затрудняюсь ответить	20,0%	15,9%	18,0%	16,7%

Бедные слои студенчества готовы идти на радикальные формы протеста (почти каждый второй!) Также они хотят участвовать в легальных протестных акциях. Некоторая часть, по всей видимости, считает эффективным и необходимым способом изменения ситуации – выдвижение собственной кандидатуры на выборах. Помимо этого, представители этой группы сравнительно чаще готовы поддерживать финансово оппозицию, даже несмотря на то, что у них категорически нет денег. Таким образом, малоимущие слои населения недовольны составом и деятельностью политической элиты (об этом также говорит слабый интерес к выборам), а их тяжелое материальное положение обеспечивает готовность к проявлению политической активности.

Обеспеченное население крайне аполитично. Их устраивает текущая ситуация и политическая и экономическая, они не заинтересованы в изменениях, и потому готовы отдать свой голос на выборах за представителей действующей элиты, выступающих с необходимыми ценностями – стабильность, безопасность, соблюдение прав.

Методом кластерного анализа все студенты в зависимости от форм участия в политической жизни были разделены на 4 группы – полностью пассивные (не хотят делать ничего; 32,5% от всех студентов), избиратели (готовы только голосовать на выборах; 17,2%), протестные активисты

(готовы участвовать в акциях протеста, в том числе радикальных; 21,9%), созидатели (готовы участвовать в политической жизни в рамках действующих политического режима и политической системы; 28,5%).

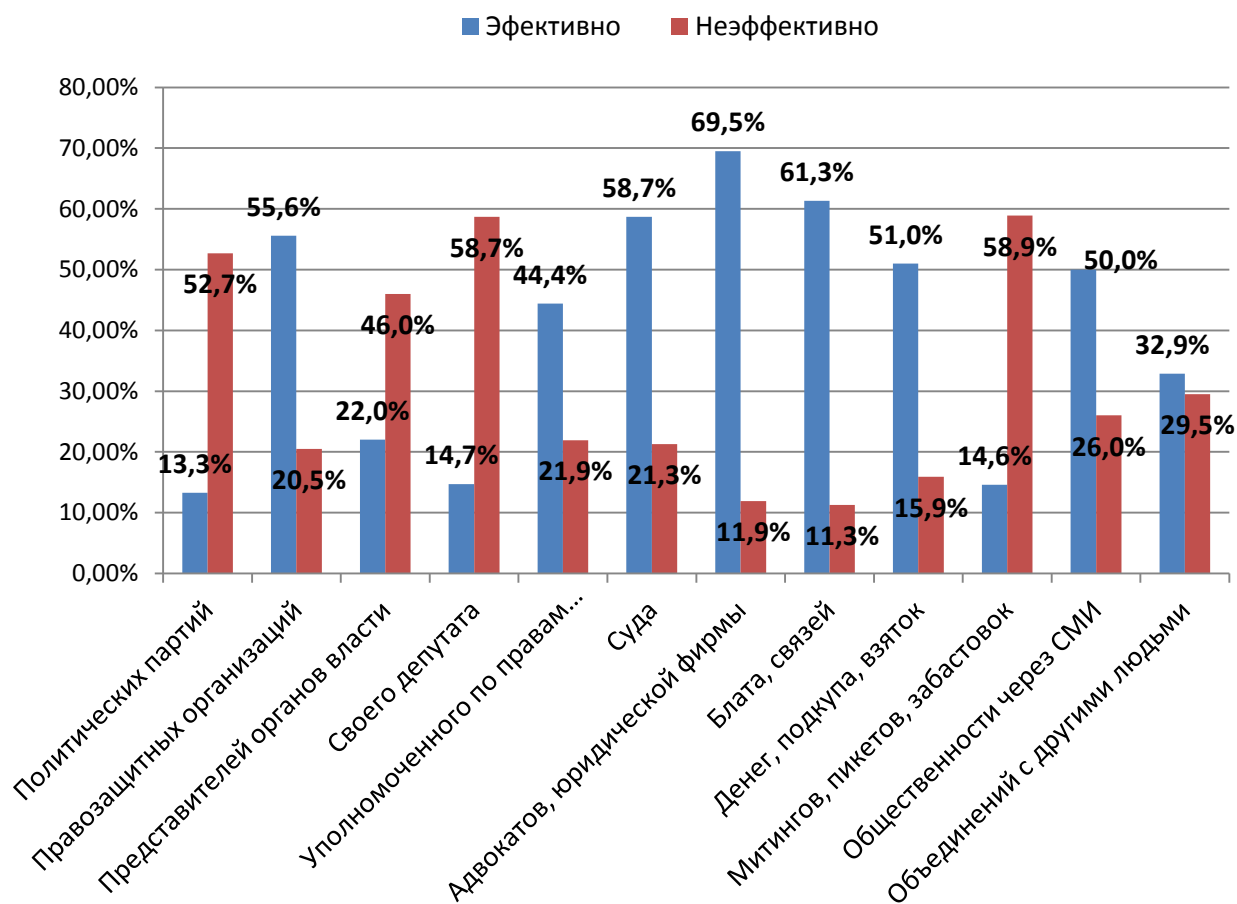
Таким образом, можно отметить, что уровень потенциального участия молодежи в политике достаточно высок. С учетом того, что сложная экономическая ситуация затягивается, возможно значительное увеличение протестных настроений ввиду пополнения численности тех, кто живет за гранью бедности. Интересен тот факт, что те, кому денег хватает только на еду, несмотря на финансовые сложности, почти не демонстрируют рост недовольства. Да, уровень доверия политическим партиям среди них не велик, но, вероятно, эта часть населения собирается «потерпеть» как просит их государственная пропаганда. Следовательно, протестные настроения преобразуются в готовность к протестному участию только при достижении населением крайне затруднительных условий для жизни – такова специфика российского общества.

При этом, несмотря на запрос на изменения в политической и экономической сферах, основная мотивация участия в политике среди молодежи – самореализация – возможность принести пользу обществу (44,7%), выразить свою гражданскую позицию (52%), приобретение опыта лидерства (39,3%), возможность личного самоопределения (38%), общественное признание (28,7%), и т.д. Об общественном долге вспоминает только каждый пятый. Тем не менее, самореализация в качестве мотивации политической активности способствует выбору конструктивной деятельности. Правда, для ее осуществления необходим высокий уровень доверия действующим социальным институтам.

Уровень доверия действующим институтам во многом зависит от того, каков предыдущий опыт политической и социальной деятельности – удалось ли добиться защиты своих прав и решения насущных проблем. Для студенчества это, прежде всего, опыт членов семьи, и, лишь в некоторых случаях собственный опыт. Поэтому, данный вопрос, по большей части,

отражает распространенные в молодежной среде стереотипы по отношению к действующим политическим институтам.

График №1. Насколько эффективно для защиты своих прав обращаться к помощи ...

К эффективным способам респонденты вполне очевидно относят судебные инстанции, адвокатские конторы, правозащитные организации, общественное мнение и СМИ; при этом лидирующие позиции помимо

законных способов отстаивания своих прав занимают взятки, блат и связи, что негативно характеризует российскую правовую систему и оказывает значительное влияние на оценки населением системы власти, а также на уверенность людей в правовой защищенности. Очевидно, что это, в свою очередь, препятствует проявлению общественных инициатив в социальной и политической сферах.

Важно отметить, что все без исключения политические способы защиты своих интересов, по мнению респондентов, остаются крайне неэффективными. Доверие к политическим партиям, депутатам, представителям власти, сборам подписей крайне низкое.

Для того, чтобы принимать непосредственное участие в политической жизни необходимо знание о каналах политического участия. При отсутствии доверия к политическим институтам, таким каналом становятся различные общественные организации. Основная масса студентов (65,5%) слышала о существовании различных молодежных организаций и объединений, но, вероятно, малоинформирована об их деятельности, при том, что процент участия в них крайне низок (6,6%). Очевидно также, что чем старше респондент, тем меньше его информированность. При этом важно отметить, что уровень информированности людей старше 35 и молодежи 24-35 лет одинаков. Таким образом, с окончанием студенческой жизни граждане бросают свою деятельность в молодежных организациях разного толка и сосредотачиваются на своей личной, профессиональной жизни.

На основании приведенных данных можно сделать следующие выводы. Налицо позитивное явление – высокий уровень социальной активности, правда, только у студентов и учащихся. При этом отсутствует даже готовность участвовать в политике, не говоря уже про опыт участия. Молодежь отстранена, с одной стороны, властью, с другой – самоотстранилась, поскольку сохраняется высокий уровень недоверия действующим политическим институтам. Членство в молодежных

организациях – редкость, молодые люди заняты только в профсоюзах и клубах по интересам.

Учитывая все больший рост недовольных своим экономическим положением и, в целом, большим количеством бедных людей, которые, в том числе, не могут позволить себе обучение в ВУЗе (и потому не попали в выборочную совокупность исследования), отсутствие созидательной политической активности, помноженное на недоверие основным политическим институтам – опасная тенденция, влекущая за собой рост и преобладание доли протестно активных слоев. Уже сейчас эта группа составляет четверть всего студенчества и равна «созидателям». В связи с чем возможна угроза для действующей власти в виде массовых акций протеста – для этого необходимы лишь легитимные оппозиционные лидеры, способные аккумулировать интересы населения и координировать его активность, и инцидент.

Несмотря на то, что действующая политическая элита обеспечила отсутствие реальных оппозиционных сил [4], необходимо срочно решать растущие экономические и социальные проблемы, иначе выросший в последние годы потенциал гражданского участия (по крайней мере, среди молодежи), может трансформироваться в протестное политическое участие, представляющее опасность для действующей политической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меренков А.В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург, 2003. С. 194.

2. См. Индексы социального самочувствия. (Исследование ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochnuvstviya/

3. См. Итоги 2015 года. Как россияне оценивают уходящий 2015 год в сравнении с 2014-м? (Исследование ФОМ) [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://fom.ru/Nastroeniya/12459>

4. См. Сулакшин С.С. Хвыля-Олинтер Н.А. Оппозиция в политической системе России: экспертная оценка [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://rusrand.ru/analytics/oppozitsija-v-politicheskoj-sisteme-rossii-ekspertnaja-otsenka>

Лукьяненко А.С.,

Местное самоуправление как институт гражданского общества в
государственно-муниципальных отношениях

Lukyanenko A.S.,

Local self-government as the institutions of civil society in state-community
relations

Аннотация: Местное самоуправление рассматриваются в данной статье как институт гражданского общества в государственно-муниципальных отношениях. В ходе изучения нормативно-правовой базы, можно отметить, что проблема заключается в несовершенной системе федеральных законов, как основного регулятора государственно-муниципальных отношений. Существующие инструменты не работают одинаково эффективно на всей территории Российской Федерации. Наблюдается значительное снижение фактора политической конкуренции, необходимого для нормализации баланса взаимоотношений между регионом и муниципалитетом. Роль общественных организаций в формировании органов местного самоуправления, как представителя локального сообщества, так же подвергается сомнению в условиях постоянного реформирования федерального законодательства, регулирующего государственно-муниципальные отношения. Принцип самостоятельности местного самоуправления, который относится к основам конституционного строя Российской Федерации, значительно сужается.

Abstract: Local self-government are discussed in this article as an institution of civil society in the state-municipal relations. In a study of the legal framework, it should be noted that the problem is an imperfect system of federal laws as the main regulator of state-municipal relations. Existing tools do not work equally effectively throughout the Russian Federation. There has been a significant reduction in political competition factor required to normalize the balance of relations between regions and municipalities. The role of NGOs in the formation of

local self-government, as a representative of the local community, also questioned in constant reform of federal legislation regulating state-municipal relations. The principle of independence of local government, which refers to the principles of the constitutional system of the Russian Federation is significantly narrowed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННО-МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

KEYWORDS: LOCAL SELF-GOVERNMENT, CIVIL SOCIETY, GOVERNMENT, REGIONAL AUTHORITIES, PUBLIC-MUNICIPAL RELATIONSHIP.

История становления местного самоуправления в современной России насчитывает не так уж и много лет. Значительно больше мы можем наблюдать количество поворотов на пути его развития в виде реформ и корректировок нормативно-правовой базы, регулирующей государственно-муниципальные отношения. В соответствии с Конституцией Российской Федерации местное самоуправление отделено от государственной власти и осуществляет свою деятельность независимо и самостоятельно. Основное федеральное законодательство, регулирующее деятельность местного самоуправления принималось в 1995 и 2003 гг., которое до сих пор реформируется, что, безусловно, ставит под сомнение его эффективность.

Если рассматривать местное самоуправление как институт гражданского общества, можно предположить, что принципы, по которым будет формироваться местное самоуправление, закладываются локальным сообществом. Что, в свою очередь, является признаком формирования демократического государства. Можно ли об этом говорить, если в реальности полномочия местного самоуправления определяет федеральная власть – вопрос риторический. Федерация определяет полномочия муниципалитета, а региональная власть уточняет, каким образом эти полномочия будут реализованы. Такой принцип, на наш взгляд, и есть

причина всевозможных трений вокруг государственно-муниципального взаимодействия.

На сегодняшний день существует достаточно много публикаций на тему государственно-муниципальных отношений. Интересный подход представлен в статье Туровского Р.Ф., где автор рассматривает местное самоуправление с точки зрения модели «принципал-агент», как наиболее актуальной для изучения этого вопроса. Российское местное самоуправление в этом контексте представлено в качестве агента государственной власти, как федеральной, так и региональной. Вдобавок еще и с ограниченной финансовой самостоятельностью, лишенной достаточной возможности обеспечения ресурсами бюджетных поступлений [1, с. 35]. Таким образом, мы наблюдаем дисбаланс в становлении местного самоуправления, которое должно быть первично в формировании демократического государства. Нельзя не процитировать в этом случае Солженицына, который совершенно точно сформулировал этот принцип: "Демократия не должна быть насажена, как колпак. Демократия может только расти, как все растущее, как все растения, - снизу вверх. Должна быть прежде демократия малых пространств. Должно быть прежде самоуправление местное. Как начало демократии. И только потом оно уже начинает развиваться" [2].

Если рассматривать политическую конкуренцию, в качестве регулятора взаимоотношений субъекта РФ и органа местного самоуправления, нам откроется угасающая картина в виде насаждения сити-менеджеров, которые на наш взгляд, изначально лишены политического веса. Таким образом, политическая конкуренция сводится к нулю. Но такой подход нельзя применять повсеместно, так как федеральное законодательство допускает, пока, во всяком случае, выборы «сильных» мэров. Этот принцип особенно важен для региональных столиц, где должность такого мэра рассматривается как предыдущая ступень на выборах главы региона. Поэтому, изменение федерального законодательства в сторону укрепления роли политической

конкуренции в государственно-муниципальных отношениях, нам видится чрезвычайно важным.

Помимо политической конкуренции, в качестве инструмента регулирования сбалансированных взаимоотношений субъекта РФ и органа местного самоуправления, можно выделить общественные организации. Важно учитывать, что общественные организации должны быть представителем отдельных социальных групп общества, а не работать в интересах политических элит в условиях предвыборной борьбы. Таким образом, все чаще можно встретить руководителей общественных организаций, в качестве депутатов представительных органов местного самоуправления, а так же во главе муниципалитета. Такой факт, безусловно, можно считать позитивным сигналом в укреплении местного самоуправления как института гражданского общества.

В тоже время пока не понятно, как будет обеспечен суверенитет таких «сильных» мэров в условиях очередных изменений в федеральном законодательстве. Новый проект поправок в закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ" предусматривает, что полномочие отправить главу муниципалитета появляется у главы региона [3].

Библиографический список

1. *Туровский Р.Ф.* Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35-51
2. Российская газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2005/06/07/solzhenicin.html>
3. ТАСС информационное агентство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/2619461>

УДК 323.2

ББК 66.7

Маркелова, А.А.

Конституционно-правовые основы деятельности общественных
объединений в современной России

Markelova, A.

Constitutional and legal foundation of activities of public associations in
modern Russia

Аннотация. В статье автор рассматривает конституционно-правовые основы деятельности общественных объединений в современной России. В политико-правовом ландшафте Российской Федерации регулирование общественных отношений, возникающих в ходе реализации гражданами прав на объединение, возложено на Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». Право на свободу объединений, закрепленное Конституцией РФ, является правовой базой создания и деятельности политических партий, профсоюзов, молодежных и детских общественных объединений и т.д.

Ключевые слова: общественные объединения, Россия, гражданское общество, Федеральный закон, Конституция РФ

Abstract. The main idea of the article is the constitutional and legal framework of public associations in modern Russia. In the political and legal landscape of the Russian Federation regulating social relations that arise during the implementation of the citizens' right to association, the responsibility of the Federal Law of May 19, 1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». The right to freedom of association guaranteed by the Constitution of the Russian Federation is the legal basis of creation and activity of political parties, trade unions, youth and children's organizations, etc.

Keywords: public association, Russia, civil society, the federal law, the Constitution of the Russian Federation

Под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения [10].

В политико-правовом ландшафте Российской Федерации регулирование общественных отношений, возникающих в ходе реализации гражданами прав на объединение, возложено на Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». Федеральный закон регулирует деятельность всех общественных объединений, созданных по инициативе граждан, и их структурных подразделений, за исключением религиозных и коммерческих организаций, а также создаваемых ими некоммерческих союзов или ассоциаций [4]. Необходимо отметить, что деятельность некоторых общественных объединений попадает под сферу действия иных Федеральных законов, например, Федеральный закон от 26.09.1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федеральный закон от 28.05.1995 года № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» и т.д.

Помимо Федерального закона «Об общественных объединениях» в Российской Федерации деятельность общественных объединений регулируется Конституцией РФ, Гражданским кодексом РФ, Федеральным законом от 08.08.2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», Федеральным законом от 12.01.1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», рядом международных правовых актов и т.п. [3. С. 94].

Так, в ст. 30 Конституции Российской Федерации отмечено: «Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных

объединений гарантируется. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем» [8].

Однако, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. за государством закрепляется право устанавливать необходимые ограничения для осуществления государственной или общественной безопасности, охраны здоровья, общественного порядка, нравственности населения и защиты прав и свобод граждан [9].

Право на свободу объединений является правовой базой создания и деятельности политических партий, профсоюзов, молодежных и детских общественных объединений, некоммерческих организаций, благотворительных организаций и т.д. [6].

Федеральный закон Российской Федерации «Об общественных объединениях» закрепляет порядок создания, реорганизации и ликвидации общественных объединений, устанавливает круг лиц, которые могут быть учредителями, членами и участниками общественных объединений, а также права и обязанности общественных объединений. В целом, можно говорить о том, что Федеральный закон «Об общественных объединениях» призван регулировать общественные отношения, возникающие между государством, гражданским обществом и гражданином в процессе реализации его права на участие в общественной жизни благодаря различным общественным объединениям [4].

Общественные объединения осуществляют свою деятельность на следующих принципах: добровольности, равноправия, самоуправления и законности [7]. Общественные объединения вольны самостоятельно определять свою внутреннюю структуру, цели, форму и методы деятельности, которые в обязательном порядке прописываются в уставе общественного объединения [2. С. 58].

Следует учесть, что в Российской Федерации запрещены создание и деятельность общественных объединений, чьи цели или действия направлены на осуществление экстремистской деятельности (например, на

насильственное изменение конституционного строя России) [5]. Однако положение о защите идей социальной справедливости, включенное в учредительные и программные документы общественного объединения, не рассматривается в качестве разжигания социальной розни [10].

Требование указывать в официальных документах на членство в общественных объединениях не допустимо, как и обязательное участие в каких-либо общественных объединениях [1. С. 75].

В ст. 14 Федерального закона «Об общественных объединениях» отмечено, что на территории Российской Федерации создаются и действуют общероссийские, межрегиональные, региональные и местные общественные объединения.

Федеральным законом «Об общественных объединениях» предусмотрено равенство общественных объединений независимо от их организационно-правовых форм перед законом. Равенство общественных объединений перед законом должно исключить возможность создания вновь однопартийной системы, в рамках которой не допускается существование других политических партий, кроме господствующей, подчиняющей себе прочие партии и общественные объединения. Кроме того, такая постановка вопроса должна исключить возникновение аналогичной системы, но замаскированной под фиктивный плюрализм, что выразилось бы в создании наряду с монополярной партией марионеточных псевдопартий и общественных объединений [6].

Деятельность общественных объединений должна быть гласной, а информация об их учредительных и программных документах – общедоступной [10].

Общественное объединение защищено законодательством Российской Федерации от вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц в свою деятельность. В свою очередь, недопустимо вмешательство общественных объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц.

Роль государства заключается в обеспечении соблюдения прав и законных интересов общественных объединений, в оказании поддержки их деятельности, законодательном регулировании предоставления налоговых и иных льгот и преимуществ общественным объединениям. Общественные объединения могут получать государственную поддержку в виде государственных грантов; заключения любых видов договоров, в том числе на выполнение работ и предоставление услуг; социального заказа на выполнение различных государственных программ [11].

Примечательно, что регулирование деятельности общественных объединений возложено не только на нормы административного права, но и на другие отрасли права. В связи с тем, что в правовой действительности Российской Федерации существует большое количество нормативных актов, регулирующих деятельность общественных объединений, будет целесообразно разделить их на три группы:

1. нормативные акты, в сферу действия которых попадают все общественные объединения (Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «Об общественных объединениях» и т.д.);

2. нормативные акты, действие которых распространяется только на отдельные виды общественных объединений (Федеральный закон от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», Федеральный закон от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» и т.д.);

3. нормативные акты, которые затрагивают вопросы деятельности отдельных видов общественных объединений, но при этом регулирующие либо общественные отношения в определенной отрасли управления (Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании», Основы законодательства РФ о культуре), либо правовой статус определенной группы лиц (Федеральный закон от 12.01.1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»,

Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»).

Список литературы

1. Макарейко Н.В. Административное право. М.: Высшее образование, 2009.
2. Соснин Э. А. В чем смысл общественного объединения: от Сорокина до наших дней. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
3. Сидорина Г.Ю. Институты самоорганизации граждан и развитие теории государства всеобщего благосостояния // Общественные науки и современность. 2010. № 5.
4. Андреева О.А., Остапенко А.С. Общественные объединения в политико-правовом ландшафте современной России: диалог гражданского общества и государства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.do.gendocs.ru/docs/index-324169.html> (дата обращения: 15.01.2016).
5. Кузьмин А.Г. Праворадикальное движение в современной России: Часть 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/350/> (дата обращения: 15.01.2016).
6. Лазарев В.В. Научно-практический комментарий к Конституции РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nashaucheba.ru/v32980/лазарев_в.в._научно-практический_комментарий_к_конституции_российской_федерации (дата обращения: 15.01.2016).
7. Шашкова О.В. Комментарии к Федеральному закону от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.base.garant.ru/55099038> (дата обращения: 14.01.2016).

8. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html> (дата обращения: 14.01.2016).

9. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 14.01.2016).

10. Федеральный закон РФ от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/obob/76_1.html#p52 (дата обращения: 15.01.2016).

11. Федеральный закон от 05.04.2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157037///#p210 (дата обращения: 15.01.2016).

**ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ СОБСТВЕННОСТИ КАК
ФАКТОР
ПОДРЫВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

Ключевые слова: право собственности, злоупотребление правом собственности, конституционные изменения

Аннотация. Анализируется состояние правового регулирования отношений собственности в современной России. Установлено, что российское конституционное законодательство не предусматривает для собственников имущества их ответственности за злоупотребление своим правом. Это приводит к большим негативным последствиям для стабильного социально-экономического развития российского общества.

G.B. Morozov

**«ABUSING THE PROPERTY RIGHT AS THE FACTOR OF
BLASTING OF NATIONAL SAFETY OF RUSSIA»**

Key words: the property right, the abuse of property right, the amendments to the constitution

*Summary*The condition of legal regulation of relations of the property in modern Russia is analyzed. It is established that the Russian constitutional legislation does not provide for proprietors of property of their responsibility for abusing the right. It leads to the big negative consequences for stable social and economic development of the Russian society.

В последние годы в российских СМИ обрушился шквал публикаций, связанных с поведением собственников российских предприятий, создающих в стране революционную ситуацию путем злоупотребления правом собственности. Предприятия ими останавливаются и разоряются,

прекращается выплата и без того символической заработной платы работникам. Особенно это касается моногородов, где в результате таких действий социальное положение населения становится катастрофичным, что порождает его выступления революционного характера, которые могут необратимо пошатнуть устои современного российского общества.

Резонно возникают вопросы: а есть ли в этом вина собственников? Какие меры, кроме морального осуждения их действий (бездействия), можно реально применить к ним? И куда в этих случаях «смотрит» российский закон? А никуда: действия собственников, хотя и аморальны, но абсолютно законны. Всякое вмешательство в эти действия – юридическое нарушение их прав. Поэтому может сработать формула В.Ленина о революционной ситуации: «Верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят по-старому жить». Если «взрыв» произойдет, на что злости и активности у протестующих может оказаться в избытке, его последствия будут плачевными для всей страны.

Времени для таких решений мало: может сработать еще одна ленинская формула: «Сегодня рано, а завтра будет поздно!» Для страны это «сегодня» неумолимо проходит. Чтобы такие события её не потрясали, нужно срочно внести в Конституцию ряд норм, успешно действующих в европейских государствах, и в соответствии с ними принять законы, никому не позволяющие злоупотреблять правами в ущерб законным правам и интересам населения и государства.

В популярном советском анекдоте мудрый представитель малой народности северо-востока страны на вопрос о цели КПСС, отвечал: «Все для человека, все на благо человека!» И добавлял: «Чукча знает этого человека». Если по аналогии оценивать нормы Конституции, такая цель прослеживается в ней наглядно. Ст. 2 гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей целью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В ч. 3 ст. 17: «Осуществление прав и

свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

О конституционных санкциях нарушителям этих норм. Ст. 52: «Права потерпевших от *преступлений и злоупотреблений властью* охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». И ст. 53: «Каждый имеет право на возмещение государством *вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц*». И ни слова о санкциях к гражданам и юридическим лицам за подобные действия.

Получается, российское право защищает злоупотребления правом собственности множеством его субъектов, что закреплено в Конституции. Регулирование отношений собственности носит абсолютный характер: субъекту этого права гарантированы права на осуществление по его усмотрению любых действий с имуществом. Юридических обязанностей по не причинению собственником вреда субъектам, не имеющих права на его имущество, практически нет.

Примеры. Ст. 35 Конституции: «Право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами». В ст. 8 защита этого права четко гарантируется: «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». На данных нормах построено гражданское, административное и уголовное право страны, где ни слова об юридических обязанностях собственников и их ответственности. Отсюда их пренебрежение к интересам работников предприятий, территорий, где они расположены, из чего собственник бизнеса извлекает свои выгоды. И практически нет юридических возможностей противодействовать таким злоупотреблениям.

Если провести аналогию с бытовыми ситуациями, это схоже с тем, что нельзя отнимать спички у играющих ими ребенка, дееспособного балбеса, не признанного недееспособным, вблизи огнеопасных предметов. Фактически надо ждать, когда этими действиями собственник этого инструмента причинит окружающим вред. А затем долго устанавливать параметры негативных последствий данных действий, доказывать вину причинителя вреда, чтобы вчинить ему в судебном порядке иск о возмещении убытков и как-то наказать его уголовно или административно. В случаях, если из-за действий собственника возникает угроза нанесения вреда иным субъектам права, он огражден законом от вмешательства будущих своих жертв.

Вопрос: почему законодатель дал карт-бланш собственникам на создание революционной ситуации в стране? Почему закон не защищает от этих действий несобственников имущества?

Обратимся к основам теории права. Люди вступают в общественные отношения для реализации своих личных материальных и нематериальных интересов. В соответствии с нормами международного права, право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность и равенство – «естественное» право каждого человека. При реализации этого права свобода действий одного лица не должна вредить законным правам и интересам других лиц: нужно соблюдать баланс таких интересов. Иначе возникают классовые противоречия, выливающиеся в острые социальные конфликты.

Чтобы этого не происходило, существует государство, которое: а) выявляет факты вредного действия осуществления конкретных отношений; б) устанавливает причинно-следственные связи между такими действиями и их негативными последствиями; в) издает нормативные акты, устанавливающие правила поведения субъектов при осуществлении определенных отношений; г) отслеживает факты неисполнения этих правил, принудительно прекращая такие действия и применяя к нарушителям юридические санкции.

Однако такие правила для осуществления абсолютно всех отношений создать нельзя. Отношения, неурегулированные законом, граждане и юридические лица осуществляют по принципу «всеобщих дозволений»: «Всё, что не запрещено или специально не урегулировано законом - разрешено, если это не нарушает законных прав и интересов других субъектов». Во взаимоотношениях данных лиц с органами государственной власти действует иной принцип: «Органам власти и их должностным лицам запрещено всё, что им не разрешено законом». Потому административные действия органов государственной власти реально не могут повлиять на изменение взаимоотношений труда и капитала - такие полномочия законами для них не установлены.

Но и наличие закона не гарантирует реального упорядочения отношений. Так как субъекты права участвуют в отношениях с корыстной целью, они заинтересованы в максимально возможной ее реализации, даже если при этом ущемляются интересы других лиц. Поэтому в законах, которые всеми должны соблюдаться надлежащим образом, могут устанавливаться правила, выгодные для одних категорий населения в ущерб другим. Такой закон называют *неправовым* - нарушающим баланс реализации общественных интересов в пользу определенных социальных групп.

В результате негативные последствия урегулированных отношений законодательно закрепляются. Если в стране действует такой закон, негативные последствия его действия становятся весомее, чем его отсутствие: право здесь нарушает принцип справедливости, давая возможность злоупотребления лицам, в пользу которых принят закон. Защититься от него невозможно без кардинального изменения.

Притом, для надлежащей защиты от злоупотребления собственником его правом в законах нет юридического толкования термина «злоупотребление правом». А на «нет» - и суда нет: трудно устанавливать его факты в судебных процедурах. При доказывании их наличия в уголовном или

административном процессах все неясности норм законов толкуются в пользу обладателей презумпции невиновности - лиц, обвиняемых в совершении соответствующего правонарушения. В гражданском процессе к виновному могут применяться аналогичные (сходные) нормы закона.

Единственное упоминание о данном понятии - в п. 1 ст. 10 ГК РФ: «Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерениями причинить вред другому лицу, а также *злоупотребление правом* в иных формах». Если содержание цитируемой нормы изложить по принципу обратной логической связи, то **«злоупотребление правом - это действия граждан и юридических лиц, осуществляемые умышленно либо по неосторожности, причиняющие вред другому лицу»**. А при анализе содержания текста п. 3 данной статьи («*В случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются*») в основание защиты чьих-либо интересов от злоупотреблений правом можно заложить 2 принципа. Во-первых, *разумность действий* – субъект осознает способ осуществления права и возможные его последствия. Во-вторых, *добросовестность субъекта* - его личный интерес и осознание ради его реализации возможности нарушения норм права и морали, законных интересов других лиц.

Неразумность доказывается путем проведения психиатрической экспертизы субъекта, в результате чего он может быть признан недееспособным и освобожденным от несения юридической ответственности. В других случаях (в промежутке от дурака до гения) он исходно признается разумным.

Недобросовестность доказывают его действия, направленные на достижение личных интересов путем нарушения интересов других лиц, причинения им в результате таких действий имущественного или неимущественного вреда. Эти факты могут быть доказаны в уголовном или

административном процессе. А они доказываются трудно. Поэтому предполагаемая добросовестность лица дает все основания освобождать его от несения юридической ответственности за злоупотребления правом.

Вот почему применительно к злоупотреблениям правом собственности норм, защищающих потерпевших от таких нарушений, в УК и КоАП РФ нет: в них, наоборот, защищаются права собственника.

В то же время по нормам гражданского законодательства у российских акционерных обществ (АО) и обществ с ограниченной ответственностью (ООО) как таковых собственников нет, а есть акционеры и участники, собственниками имущества не являющиеся. Юридически их собственники - сами юридические лица. Но участники и акционеры (их может быть много и мало) обществ на деле управляют их деятельностью, получая прибыль, принимая решения имущественного характера, осуществляя управление обществом через наемного руководителя, который ответственности за его деятельность не несет. Потому собственник имущества российских обществ - виртуальный юридически, не несущий ответственности за действия и бездействия, а реальный, но не подсудный - держатели блокирующих пакетов акций АО и участники, имеющие долю в уставном капитале ООО более 50%.

Таково законодательство, позволяющее владельцам бизнеса законно нарушать права лиц, связанных с деятельностью обществ, не неся за это ответственности. Налицо случай неправового закона, соблюдение которого - усиление классовой борьбы между трудом и капиталом при молчаливом попустительстве государства.

Потому необходима экстренная законотворческая деятельность государства по решению этой назревающей проблемы. Пока же данная работа идет по принципу «латания дыр и ухабов на дорогах» вместо «капитального ремонта» действующих отношений и их «строительства».

Другой результат промедления законодательной работы по решению анализируемой проблемы связан с подрывом национальной безопасности

страны. Представим гипотетическую ситуацию: крупные нефтяные, нефтеперерабатывающие, оружейные, венчурные российские компании продали контрольные пакеты акций компаниям США, Европы, иных стран, входящих в НАТО и иные военно-политические блоки. Добываемая ими нефть по закону «О недрах» принадлежит компаниям, как и средства ее добычи, переработанная нефть и произведенное вооружение – компании, как и созданные передовые идеи венчурных фирм. И вдруг - военный конфликт с этими странами! Прекращаются добыча нефти и ее переработка. Горючего российским самолетам, танкам и ракетам для ликвидации конфликта нет. Прекращено производство оружия. Военные стратегические идеи России становятся достоянием противника. Страна без войны побеждена, ибо право частной собственности неприкосновенно и свято, а государство законных прав защитить свои интересы не имеет.

Закончим ответами на три извечных вопроса, которыми мучается российская интеллигенция на протяжении двух веков: «Кто виноват?», «Что делать?» и «С чего начать?» Отвечаем. 1. «Пока виноватых нет, их надо установить. Законом». 2. «Кардинально менять отношения. Законом». 3. «С формирования политической воли государственной власти и политических организаций на эффективные действия по созданию нужных нормативных перемен в правовой системе страны».

Как решить проблему злоупотребления правом юридически, чтобы этим заниматься было не выгодно? По логике, начинать надо с кардинальных конституционных изменений российской правовой системы, отказавшись от прокламаций о том, что Конституция России – «священная корова» и «беспокоить» ее во имя эфемерной «стабильности отношений» нельзя. Наряду с иными изменениями в нее надо внести дополнения об юридических обязанностях собственников.

Пример такой нормы - в ч. 2 ст. 14 Основного закона Федеративной Республики Германии: *«Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу»* (курсив автора). Такие записи

есть в конституциях и других европейских государств. А когда использование собственности не служит общему благу, тогда государство в установленном порядке лишает собственников их имущества в случаях неисполнения этой обязанности по всем, а не по отдельным основаниям, как это указано в нашем ГК РФ.

Еще пример - ч. 3 ст. 14 Германской Конституции: *«Принудительное отчуждение собственности допускается только для общего блага. Оно может производиться только законом или на основании закона, регулирующего вид и размеры возмещения. Возмещение должно определяться со справедливым учетом общих интересов и интересов сторон. В случае споров о размерах возмещения оно может устанавливаться в общем судебном порядке».*

И, наконец, почти «апрельский тезис» В.Ленина: *«Земля, природные богатства и средства производства могут быть в целях обобществления переданы в общественную собственность или другие формы общественного хозяйства, законом, регулирующим вид или размеры возмещения».* На деле же – цитата ст. 15 указанного Основного закона Германии.

После внесения в Конституцию таких дополнений потребуется внести изменения и в главу 2 ГК РФ, нормы которой регулируют отношения собственности. Нужно иметь в виду одно обстоятельство: часть 1 ГК РФ, где помещен упомянутый раздел, вступила в силу с 01.01.1995г. В этом разделе наряду со статьями о принудительном прекращении права собственности есть ст. 242 «Реквизиция», ст. 235 и 306 по сути, о национализации имущества, в которых, в соответствии с ч. 3 ст. 35 Конституции, установлен принцип: *«Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения».* При этом реквизиция и национализация должны осуществляться на основании федеральных законов, которые за два десятилетия так и не приняты и судьба их принятия не просматривается.

Здесь же есть и статья 243 «Конфискация» (безвозмездное изъятие и обращение имущества собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения). Однако Госдума в 2003г. исключила эту статью из УК РФ, заменив эту санкцию штрафом в размере от 500 тыс. до 1 млн. рублей. Кстати, основание отмены было такое: поскольку пока идут предварительные следственные действия по обвинению коррупционера или иного преступника, подпадающего под конфискационную санкцию, эти субъекты успевают переписать свое имущество на других субъектов. Поэтому при вынесении приговора конфисковать становится нечего. Поэтому норму и отменили. Получилось следующее: нажившие преступным путем свои достояния лица могут отбывать свои сроки, зная, что их имущество остаётся у них навсегда.

Когда будут внесены поправки в Конституцию, можно поправить и названные нормы главы 2 ГК РФ, принять законы «О реквизиции», «Национализации» и т.п. Каждому собственнику станет ясно, что право собственности помимо плодов, продукции и доходов от ее эксплуатации еще и серьезная ответственность перед страной.

О самом сложном: кто станет инициатором изменений российской правовой системы? Они должны быть столь радикальными, что вряд ли их поддержат бизнес-элита, чиновники, депутаты, политики, СМИ, криминал и все, кто воздействуют на общественные отношения в стране. Конечно, имеющий запредельный рейтинг популярности и поддержки Президент как субъект законодательной инициативы мог бы воспользоваться этим правом и внести такие проекты. Но это разворошит «осиное гнездо», о представителях которого сказано выше, благая жизнь которого нарушится, а этого элита не простит никому.

Но промедление может породить и «русский бунт» - страшный и необратимый. Поэтому в стиле кота Леопольда следовало бы обратиться ко всем политическим партиям, представителям чиновничества и бизнес-элиты с наивным призывом: «Сделайте что-нибудь, чтобы сохранить страну, народ,

а вместе с ним и себя! Поделитесь своими доходами. Иначе, когда внутренний революционный вал вместе с внешними международными воздействиями сметет страну, плохо будет всем».

История свидетельствует, что воззрения А.Смита на саморегулирование рыночных отношений закончились кровавой бойней 1917г. Так называемый социалистический принцип государственного управления экономикой, который исповедовал К.Маркс, тоже не оправдал себя. Дж. М. Кейнс научил капиталистов делиться благами с народными массами, а государство – управлять этими процессами. Но только не в России.

Реализуемые в стране национальные проекты, конечно, направлены на улучшение социально-экономического ее состояния. Они имеют длительный срок реализации, что связано с необходимостью поиска достаточных финансовых ресурсов, капитальным характером изменений в общественных отношениях, компетентным и некорыстным проведением мероприятий по реализации данных проектов, и многими другими ее условиями. Однако если эти изменения происходят в неурегулированных эффективными правовыми нормами условиях, удачи осуществления данных проектов не видать!

Поэтому, актуально в настоящее время разработать и ускоренно осуществить серию национальных проектов под условным названием «Формирование правовых основ социально-экономического развития Российской Федерации» в качестве условий создания «правового поля», среди которых проект «Собственник в законе» должен быть разработан и реализован в первоочередном порядке. В отличие от нынешних проектов, предлагаемый проект, кроме политической воли организаторов, компетенции разработчиков и контроля за его реализацией со стороны государственной власти и населения, не требует финансовых и иных ресурсов.

О ПОРОКАХ ТОЛКОВАНИИ ТЕРМИНОВ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Ключевые слова. Противодействие коррупции, правовые дефиниции, злоупотребление полномочиями.

Аннотация. Анализируется юридическое и лингвистическое толкование ряда терминов и понятий, используемых в федеральном законе «О противодействии коррупции» и нормах смежного законодательства. Приводятся доказательства того, что ненадлежащее правовое толкование отдельных юридически значимых терминов усугубляет коррупцию в России при применении антикорруонного законодательства.

G. B. Morozov

ABOUT DEFECTS INTERPRETATION OF TERMS OF THE ANTI-CORRUPTION LEGISLATION OF RUSSIA

Keywords. Corruption counteraction, legal definitions, abuse of authority.

Summary. Legal and linguistic interpretation of a number of the terms and concepts used in the federal law "About corruption counteraction" and standards of the adjacent legislation is analyzed. Are provided proofs of that inadequate legal interpretation of separate legally significant terms aggravates corruption in Russia at application of the antikorrupunny legislation.

Анализ антикоррупционного законодательства России, к сожалению, позволяет сделать вывод о том, что в его «сетях» имеется множество «дыр», через которые коррупционеры уходят от юридической ответственности за свои деяния. В своем изложении остановимся на используемых в НПА дефинитивных толкованиях ряда терминов, на которых построено это законодательство.

Как известно, дефиниция (от лат. definitio) – краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления. В НПА правовые дефиниции используются в виде норм-дефиниций, устанавливающих нормативное обозначение терминов и понятий, используемых законодателем для создания норм права. Чем точнее значение данных норм в НПА, тем правомернее исполняются предписания законодательства, справедливее выносятся судебные решения.

Для терминов, не получивших в НПА нормативного толкования, нормативными могут быть их значения, изложенные в толковых словарях издательства «Русский язык», разработанных научными учреждениями языковедческого профиля Российской академии наук.

Но многим терминам в словарях дается неоднозначное смысловое толкование: отдельные из них по правилам лингвистики являются омонимами, обозначая разные предметы или явления. Когда такой термин используют в правовом обороте, неоднозначное его толкование при осуществлении субъектами права действий в рамках норм, где термин использован, порождает правовые коллизии, вызванные неустранимыми сомнениями в квалификации конкретных правовых действий субъектов, действующих в соответствии с неконкретно толкуемыми нормами.

В *гражданском праве* эти сомнения устраняются в соответствии с изложенными в ст. 6 ГК РФ принципами применения этого законодательства по аналогии (закона или права). В *публичном праве* (уголовном и административном) эти принципы не действуют: все неустранимые сомнения

в его нормах толкуются в пользу лица, обвиняемого в совершении соответствующего правонарушения (обладателя презумпции невиновности).

Начнем с понятия **«коррупция»**. До принятия Федерального закона "О противодействии коррупции" (далее - Закон) в 2009г. нормативного его толкования не было, а были доктринальные толкования эмоционального характера. Коррупционерами в обыденном смысле слова считали тех, кто получал от кого-либо деньги, вещи и услуги за оказание дефицитных услуг публичного характера: государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных, налоговых, таможенных и иных органов. К ним относят педагогов, врачей, руководителей учреждений образования, здравоохранения, социального обслуживания населения и др. субъектов.

Закон расставил в этом вопросе *«точки над i»*: в ст. 1 **нормативное толкование термина «коррупция»** определяется как:

«а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица».

В принципе, четкого правового толкования понятия так и не появилось. В нем бессистемно перечислены определенные деяния имущественного характера без указания на то, кого следует относить к коррупционерам. По каким признакам коррупцию выделять в самостоятельный криминальный институт – определение ответа не дает. Потому трудно установить общие квалифицирующие признаки состава коррупционного деяния как правонарушения. Если попытаться это осуществить, в данном случае состав

коррупционных деяний следует начать с выявления субъектов, ответив на вопрос: кто теперь «коррупционер в законе»?

Субъекты коррупционных деяний. В ст.1 Закона данная норма – бланкетная (отсылочная). Поэтому для установления субъектов конкретных деяний обратимся к соответствующим нормам УК РФ.

1.1. *Злоупотребление служебным положением.* Схожее обозначение можно обнаружить в двух статьях УК РФ:

- ст. 201 «Злоупотребление полномочиями» главы 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», касающейся лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, которое свои полномочия использует вопреки законным интересам этой организации (выделено автором);

- ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» главы 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», где в Примечании 1 в качестве субъекта преступления указано должностное лицо.

Здесь два специальных субъекта, совершающих деяния в разных сферах деятельности: предпринимательской, законные интересы которой - получении ее субъектом максимальной прибыли; публичной – государственного или муниципального управления, воинской службы и службы в органах правопорядка, где целью деятельности служб является установление единого для всех правопорядка в стране, устранение ситуаций, когда одни субъекты права нарушают законные права и интересы других субъектов.

1.2. *Дача взятки.* По ст.20 ч.1 УК РФ – общий субъект преступления, *дееспособный гражданин, достигший 16-летнего возраста*, передавший должностному лицу взятку - деньги, ценные бумаги, иное имущество или выгоды имущественного характера за законные или незаконные действия или

бездействие в свою пользу или третьих лиц. Диспозиция описана в ст.291 «Дача взятки».

1.3. **Получение взятки.** По правилам ст.290 УК РФ здесь специальный субъект преступления - должностное лицо. Оно, в соответствии с Примечаниями к ст.285 УК РФ, временно или по специальному полномочию осуществляет функции представителя власти либо выполняет организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях.

1.4. **Злоупотребление полномочиями** – повтор ст. 201 и 285 УК РФ. Плюс также субъекты ст. 202 «Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами». Субъекты - и *должностные лица* в соответствии с Примечаниями к ст. 285, и *лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также частные нотариусы и аудиторы*, использующие полномочия вопреки задачам деятельности для извлечения выгод и преимуществ для себя или иных лиц либо нанесения им вреда.

1.5. **Коммерческий подкуп.** По ст.204 УК РФ - *лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации*, которому незаконно переданы деньги, ценные бумаги, иное имущество, а равно незаконно оказаны услуги имущественного характера за совершение действий (бездействия) в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом **служебным положением** (выделено автором).

Заметим, что законодатель упорно использует в этой дефинитивной норме о коррупции и в других статьях Закона термин «положение», относя его к трудовой функции конкретного лица. Поскольку в НПА нет дефиниции этого термина, обратимся к авторитетному «Толковому словарю» под ред. С.И.Ожегова, где термин является омонимом, имея 9 значений толкования от

«...местонахождения в пространстве» до «разговорного «находиться в интересном положении» – быть беременной». Единственное толкование, которое близко по смыслу для целей анализа Закона, это - «...место, роль кого-нибудь в общественной жизни, в коллективе, в семье; руководящее положение; социальное положение» [9].

О термине «служебное положение» нет речи ни в одном НПА. Поскольку в коммерческой организации любое лицо в соответствии с правилами ст.15 ТК РФ исполняет «трудовую функцию», работая либо в должности, либо по специальности или профессии, в соответствии с юридической логикой здесь можно говорить о «должностном» или «профессиональном положении» субъекта трудовых отношений. «Служебное положение» можно отнести к субъектам отношений, регулируемых законами о государственной, муниципальной, воинской и т.п. службе, но не к субъектам, работающим по трудовому договору в коммерческих организациях.

По сути, мы имеем дело с фактами дефинитивной «неряшливости» законодателя, благодаря чему субъекта коммерческого подкупа нельзя квалифицировать как коррупционера.

1.6. Иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства.

На первый взгляд, к коррупционерам можно отнести любого гражданина, обладающего должностным положением (выполняющего по ст.15 ТК РФ трудовую функцию в виде определенной должности). Если в соответствии с правилами той же статьи лицо выполняет функцию в виде профессии, специальности с указанием квалификации (например, учитель 1-й категории, врач высшей категории и т.п.) либо выполняет конкретный вид поручаемой работнику работы – оно, по логике ст.1 Закона к субъектам коррупционных деяний отнесено быть не может.

Притом, ни в одном НПА России нет дефинитивного толкования понятия «**законные интересы общества и государства**», а среди легитимных субъектов права в российской правовой системе нет места такому субъекту, как «общество». А раз нет субъекта, и нет таких интересов из-за отсутствия их носителя.

Таким образом, на уровне нормативного толкования терминов «служебное положение» и «должностное положение» возникла «дефинитивная ловушка» для правоприменителей. Для привлечения к публичной ответственности требуется наличие в соответствующих НПА четких толкований этих терминов. А раз их там нет, незаконное использование *лицом своего должностного* (аналогично *служебного*) *положения* обнаружено быть не может, если нет указания на то, в чем состоит существо *законного* использования этого положения: аналогии, основанные на доктринальных толкованиях терминов или сущности юридически значимых фактов в публичном праве не допустимы. Притом, ни в одном из федеральных законов не найти различий в толкованиях понятий «полномочия» и «положение» применительно к трудовым (по ТК РФ) и служебным (в соответствии с законами о государственной службе) отношений.

Поэтому нельзя относить к коррупционным деяниям противоправные действия субъектов, подпадающие под преступления, совершаемые субъектами частного права по ст.201, 203 и 204 УК РФ, хотя общественная их опасность для правопорядка и весома. Эти правонарушения не связаны с деятельностью публичной власти страны, главная функция которой - защита прав всех субъектов по единым правилам. Если эта функция умышленно исполняется ненадлежащим образом, скрыто от окружающих, за недопустимое вознаграждение должностного лица, потерпевшими становятся *неопределенное число субъектов частного и публичного права*, то есть, все субъекты права. Относить правонарушения, связанные со

злоупотреблениями полномочиями и коммерческим подкупом, к коррупционным деяниям, юридически не корректно.

Отметим, что под действие Закона не попадают педагоги, медицинские и работники воспитательных учреждений всех уровней, деятельность которых многие СМИ, результаты социологических опросов, Верховный суд Российской Федерации относят к самым коррумпированным сферам России. Можно констатировать, что Закон снял позорное клеймо с этой категории работников, выведя их из числа участников коррупционных деяний.

По итогам проведенного анализа норм Закона, можно констатировать, что *российские коррупционеры «в законе» это: 1) должностные лица и служащие федеральных, региональных и муниципальных органов исполнительной власти; 2) те, кто дает им взятки.* Но почему-то за рамками этого перечня потенциальных и реальных деятелей коррупционных деяний остались депутаты всех уровней представительной власти. От принятия ими законов и иных НПА коррупционной направленности может в большей мере наноситься вред общественным отношениям, чем от совокупного действия всех крупных и мелких коррупционеров в исполнительных органах власти в стране и на местах. *И почему в этот перечень не попали судьи всех уровней судебной власти?*

Логический вопрос: зачем нужен отдельный закон, когда в УК РФ нормы главы 30 продолжают действовать? И не было нужды принимать Закон такого содержания, так как в противодействии коррупции он запутал возможности привлечения к ответственности кого-либо за правонарушения, понятно прописанные в УК РФ.

Проанализируем юридическое толкование понятия «**Злоупотребление служебным положением**» как неправомерного действия субъекта. Противоположное действие – «**доброе**» или просто «**употребление служебного положения**». Здесь много благоприятной почвы для красочных

рассуждений философа, социолога, психолога, педагога и т.п. Но не для правоведа.

1. Как отмечалось, в НПА нет дефинитивного толкования терминов «служебное» и «должностное положение». А при использовании лингвистического обозначения термина «положение» обнаруживается многозначность толкования его содержания. Потому оценить криминальную сущность противоправно осуществляющегося отношения, исходя из лингвистических характеристик этого термина для привлечения субъекта к публично-правовой ответственности нельзя по правилам п. 3 ст.14 УПК РФ и п. 4 ст.1.5 КоАП РФ, поскольку неустранимые сомнения в виновности лица, в силу презумпции невиновности, толкуются в его пользу.

2. Неоднозначно и содержание правового толкования используемого в этой юридической формуле термина «злоупотребление». В российской правовой системе о дефиниции «злоупотребление правом» речь идет в п. 1 ст.10 ГК РФ: «Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерениями (выделено автором) причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах». Если содержание нормы изложить по принципу обратной логической связи, под ***«злоупотреблением правом можно понимать действия граждан и юридических лиц, осуществляемые с исключительными намерениями (прямым умыслом) нанести вред (зло) другим лицам.***

По сути толкования предполагается, что в результате такого действия виновным, использовавшим служебное положение, кому-то нанесен имущественный или моральный вред. Но если коррупционные деяния причиняют в соответствии с содержанием ст.1 Закона только вред имущественный, то возникают вопросы:

- 1) кому конкретно он нанесен (кто потерпевший от деяния);
- 2) по каким методикам и таксам он установлен? Для этого следует применять правила ст. 15, 16, 393 и главы 59 ГК РФ. А есть ли такие

нормативные измерители вреда «в законе» и «в натуре»? Если нет, нельзя выносить судебные решения по такого рода нарушениям.

Причём, «злоупотребитель» вред (зло) может причинить в результате: 1) прямого умысла; 2) косвенного умысла; 3) легкомыслия; 4) небрежности. Три последних формы вины к коррупционным деяниям не относятся. Прямой умысел в таких деяниях доказывать трудно без специально осуществляемых оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, толкование в Законе содержания коррупционного деяния не имеет законченной юридической формулы, и поэтому реально отсутствует.

Дача взятки. Получение взятки. По логике, дача состоится тогда, когда она передана получателю. По ст.290 УК РФ взятка - получение должностным лицом лично или через посредника денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в *служебные полномочия* должностного лица. Либо оно в силу *должностного положения* может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе.

Здесь складывается анекдотичное положение с диспозициями данных статей. В Примечании ст.290 определен лишь «крупный размер взятки» - сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера свыше 150тыс. руб. За это ч. 4 данной статьи предусмотрено наказание до лишения свободы на срок от 7 до 12 лет со штрафом до 1млн. руб. Взятки на меньшую сумму – видимо, мелкие.

Но если обратиться к диспозиции ст. 575ГК РФ «Запрещение дарения», в ней есть понятие «обычный подарок» и устанавливается лицо, которому он может быть вручен законно: «Не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей (выделено автором) «... лицам, замещающим государственные

должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей». Получается, в связи должностным положением руководителю надо передавать подарок на 3тыс. руб., заместителю меньше, а подчиненным еще меньше в соответствии с классным чином? И второй вариант: сделаете подарок – выполню должностную обязанность?

Логическое отличие обычного подарка от взятки («необычного подарка»): 1) подарок – вещь или имущественное право, стоимостью менее 3тыс. руб., все что выше – взятка; 2) «необычный подарок» можно сделать обычным, если обычные многократно дарить одному лицу с временными разрывами, прилагая к подаркам дарственную, оформленную по правилам ст.160 ГК РФ, с приложением товарного чека на эту сумму, указывая, что вручается «обычный подарок» либо в связи с должностным положением, либо в связи с исполнением служебных обязанностей получателя. Нормативно число дарения обычных подарков одним лицом другому не установлено.

Притом, в п. 2 ст. 575ГК РФ есть оговорка, позволяющая служащим публичных организаций эти действия осуществлять легитимно. Подарки стоимостью свыше 3тыс. руб. признаются соответственно собственностью федеральной, субъекта Федерации или муниципальной и передаются служащим по акту в орган, где он замещает должность. На этом основании большой подарок «разбивается» на множество «обычных» стоимостью до 3тыс. руб. (документально) и вручается от имени нескольких дарителей или одним дарителем многократно.

Потому юридически грамотные субъекты публичных правоотношений, изучив данную правовую конструкцию, сменяют способ неправового взятничества на правомерный. И всё возвращается на круги своя с

неизменным содержанием в новой форме правового издательства над смыслом борьбы с «ветряными мельницами» российской коррупции.

Литература

1. Федеральный закон "О противодействии коррупции". От 25.12.2008г. № 273-ФЗ.
2. Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 года N 815 "О мерах по противодействию коррупции".
3. "Национальный план противодействия коррупции". Утвержден Президентом Российской Федерации 31 июля 2008г. Пр-1568.
4. Федеральный закон "Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов " от 17.07.2009г. N 172-ФЗ.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2009г. №196 «Об утверждении методики проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции
6. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч.2, статья 575. - В ред. Федеральных законов: № 49-ФЗ от 24.04.2008г.; от 25.12.2008 N 280-ФЗ).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: глава 30. (в последних редакциях). ред. Федерального закона от 25.12.2008 N 280-ФЗ.
8. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008г. № 273-ФЗ "О противодействии коррупции". (Постатейный). /Отв. ред. и руководит. авт. кол-ва д.и.н., проф. С.Ю. Наумов. - Информ. ресурс "Консультант-Плюс".
9. <http://www.ozhegov.org/words/25090.shtml>

УДК/ББК

321.308/60,5

Начапкин М.Н.

Политическое устройство будущей России в представлении
современных российских консерваторов (плюсы и минусы «Русской
Доктрины»)

Nachapkin, M

Political system of Russia's future in view of the modern Russian
conservatives

(pros and cons of "Russian Doctrine")

Аннотация: В современной политической литературе существует множество проектов развития России. Большой интерес представляют рассуждения новых российских консерваторов о принципах консервативного переустройства России – ее политических и социально-экономических институтов, системы образования, культуры. Ярким примером возросшего влияния консервативных идей в политическом спектре России является документ под названием «Русская доктрина». Идеи, которые представлены в доктрине, могут быть полезными для развития России.

Abstract. There are many projects of development of Russia in the contemporary political literature. Of great interest are the arguments of the new Russian conservators about principles of conservative transformation of Russia - its political and socio-economic institutions, education, culture. A striking example of the increasing influence of conservative ideas in the political spectrum of Russia is a document entitled "Russian Doctrine". The ideas presented in the doctrine, may be useful for the development of Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО, ДОКТРИНА, КОНСЕРВАТИЗМ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ, ВОЗРОЖДЕНИЕ, ВЛАСТЬ, СУВЕРЕНИТЕТ, ПРАВОСЛАВИЕ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ГОСУДАРСТВО, НАЦИОНАЛИЗМ, ДЕМОКРАТИЯ.

KEYWORDS: POLITICAL STRUCTURE, DOCTRINE, CONSERVATISM, NATIONAL INTERESTS, REVIVAL, POWER, SOVEREIGNTY, CHRISTIANITY, CIVILIZATION, THE STATE, NATIONALISM, DEMOCRACY.

Весной 2006 г. президент России В.В. Путин выступил с очередным Посланием Президента Федеральному Собранию. В нем открыто было заявлено о приоритете национальных интересов России перед ее международными обязательствами, о курсе на укрепление суверенитета страны, о необходимости новой индустриализации и активной поддержке отечественного товаропроизводителя. В этом, поворотном во многом документе были использованы идеи из «Русской Доктрины» - доктрины современных российских консерваторов. Составителями разработанной в 2003 году «Русской Доктрины» стали В.В. Аверьянов, А.Н. Анисимов, И.Л. Бражников, Я.А. Бутаков, П.В. Калитин, А.Б. Кобяков, В.А. Кучеренко, Е.С. Холмогоров, К.А. Черемных. Многие из этих ученых Известны нам по работе в «Институте Динамического консерватизма» и Изборского клуба. Для подготовки текста этого документа авторы использовали также помощь экспертов: Р.В. Багдасарова, А.Ю. Барадая, В.И. Карпеца, М.Л. Хазина и др. Авторы «Русской Доктрины» стремились расчистить путь к объемному идеологическому полю, которое могло бы стать притягательным для людей разных убеждений; «доктрина оказалась в точке притяжения, как для «левых», так и для «правых». Она соединила в себе многие ценности консерватизма и традиционализма с идеями социализма и осознанием важности и насущности тех социальных приобретений, которые были

сделаны Русской цивилизацией в советский период. В то же время Доктрина давала ясную идеологическую платформу и для представителей национально-патриотической имперской идеи» [1, с 17]. Для создателей документа важно было подчеркнуть уникальность и специфичность матрицы Русской цивилизации. Поэтому своими союзниками они видят здоровые национально-патриотические силы в союзе с традиционными конфессиями России. Противниками доктрины названы радикальные либералы: «В сущности, она была антилиберальной, во многом отталкиваясь от негативного опыта 90-х годов. Отсекались доктриной те, от кого устала страна- компрадорские олигархи, нелиберальные западники-монетаристы, сырьевые рантье, блокирующие в России всякое производство,... готовые жертвовать интересами своей страны и своего общества...» [1, с. 18]. Таким образом, по мнению авторов, «Русская Доктрина» представляет собой развернутую альтернативу либеральному саморазрушению России. В введении они объясняют свою позицию в отношении современного положения России. Считая распад СССР глубочайшей геополитической катастрофой, ученые резко критикуют современную роль России: «... проект, начатый в 1991 году, доказал свою нежизнеспособность. В сегодняшнем мире страна под названием «Российская Федерация» обречена. В мировом разделении труда ей отведена самая позорная роль – поставщика сырья для развитых стран Запада, для Китая, Индии и стран Азиатско-Тихоокеанского региона» [1, с. 23]. Большой бедой России авторы называют тенденцию самоуничтожения и слепого копирования чужих идей. Так было всегда на протяжении русской истории. Помнится еще Ю. Крижанич в трактате «Политика» бичевал «чужебесие»: «Как ни печально, но эта тенденция весьма часто в русской истории становилась преобладающей в элитарных русских слоях. «Европоцентризм», западничество и нынешняя американизация – традиционные заболевания нашей элиты» [1, с. 31]. Именно западничеством можно объяснить утрату смысловой суверенности государственной политики, ее ущербность и тупиковость. В западничестве

российской элиты проявляется ее неполноценность. Авторы доктрины правильно считают, что главным условием динамического развития России является ее духовная суверенность: «Осознав свою духовную суверенность, на базе традиции и с учетом вызовов времени, творчески переосмыслив свою цивилизационную программу, мы можем (и перед лицом истории – обязаны) сформулировать свой Русский глобальный проект» [1, с.35]. Реализации идей, заложенных в этот проект, смогут помочь лучшие качества русского народа - способность интенсивно и глубоко мыслить, мобилизовать себя ради защиты Родины.

В разделе «Ложная стабильность» критикуется отсутствие в современной России официальной идеологии. Сегодня российское государство – заложник «оффшорной элиты». Объявленные властью цели – «экономическая эффективность» и «рост материального благосостояния граждан» низводят роль государства до обеспечения интересов паразитического капитала. Авторы «Русского Доктрины» правильно отмечают, что целью государственной власти должно быть сохранение суверенитета, самостоятельности, народной свободы, на основе которых и возможно достижение личного материального благосостояния. В официальной идеологии должны быть отражены общие цели, ценности ради которых граждане обязаны жить, а когда нужно, и отдать свою жизнь.

Рассмотрение материалов «Русской Доктрины» - объемного документа (1016 страниц) позволяет сделать вывод о следующих особенностях современного российского консерватизма. Во-первых, это консерватизм традиционалистский, христианский, имперский. Традиционалистским он является потому, что постоянно апеллирует к традиции. Из опыта традиции он черпает решение острейших вопросов современности. Так в разделе «Прорыв к традиционному русскому государству» отмечается: «Нам необходимо возвратиться к традиции, к наследию древних строителей государства... мы ставим перед собой задачу не изобрести Русскую Доктрину, а ... пробиться к себе, к своей собственной сущности... Нам

требуется не учреждение нового государства, а прорыв к традиционному русскому государству... И по-настоящему восстановление нашей традиции возможно только в формах новейшего, технологически совершенного и разумного творчества» [1, с. 38]. Следует заметить, что В.В. Аверьянов называет традиционалистский консерватизм динамическим консерватизмом. Динамический консерватизм он считает идейной платформой для самообновляющейся традиции. В отличие от классического консерватизма, динамический консерватизм стремится к активному формированию самих условий политического и духовного существования нации, общества, человека. По сравнению с либеральным консерватизмом, динамический консерватизм имеет принципиально иной взгляд на стратегию государства и нации, выступает за «...осознанное овладение новыми средствами ради защиты святыни и раскрытия традиции...» [1, с. 39]. Динамический консерватизм – это консерватизм самобытной нравственности и воинствующей справедливости. Традиционалистский консерватизм лучше всего проявляется в рассуждении авторов о возвращении в политическую жизнь современной России такого органа как Земской Собор и в рассуждении о роли Православной церкви, которая «... сегодня остается единственным историческим институтом, имеющим непрерывное преемство более чем за тысячу лет» [1, с. 155].

Второй особенностью современного российского консерватизма, изложенного в «Русской Доктрине» является его необычайно тесная связь с Православной верой. Возрождение России, национальную консолидацию авторы «Русской Доктрины» связывают с деятельностью Православной церкви; «Русская Доктрина» провозглашает несомненным условием будущего возрождения и усиления России союз государства с Церковью и, с другой стороны, теснейший союз Церкви с обществом. Государство должно подхватить инициативу Церкви, поддержать курс на духовную, моральную и политическую консолидацию нации» [1, с. 155]. Возрождение православие рассматривается в документе едва ли не единственным положительным

процессом 1990-х годов. Созидательную роль Православной церкви эти ученые видят в сохранении национальной идентичности, борьбе с деструктивными сектами, большой социальной работе со школьниками, солдатами, малоимущими, больными, заключенными. Особо тесные отношения государства с Православной церковью должны проявляться, например, в том, что всякое публичное глумление над православием должно рассматриваться как посягательство на устои государства. В документе предлагается также отменить некоторые советские праздники, например, первое мая и ввести православные (Вознесение, Преображение, Крещение, Покров), предоставить Православию официальный статус первенствующей религии. При этом отмечается, что «... не допускается слияние религиозной организации России с государственными институтами [1, с. 170].

Социальный потенциал Православия оценивается составителями «Русской Доктрины» очень высоко: «Православие дает ответы на все главные проблемы современности – ориентирует молодежь на активный труд, создание семьи, воспитание детей, поддержку родных и близких, вспомощение сиротам и убогим» [1, с. 168]. Официальные религиозные конфессии должны получить статус партнеров государства, возможность оказания реального влияния на формирование политики в области образования, борьбы с алкоголизмом, наркоманией, социальной благотворительности, поддержке семьи, научных исследований. Таким образом, на Православную церковь возлагается широкий круг обязанностей. Ученые также выступают за активное создание православных молодежных движений. В тексте документа представлены также предложения по улучшению материального положения Православной церкви: предлагается вернуть дореволюционное имущество – землю, святыни, реликвии: «Государство должно возместить финансовые потери, предоставить церкви значительные налоговые льготы. Храмы, имеющие статус памятников, должны содержаться за счет государства» [1, с. 178]. Данное предложение о возмещении финансового ущерба причиненного в советский период

Православной церкви выглядит на наш взгляд не совсем правильно, так как простые граждане Российской Федерации такого права не получили.

При изучении этого разделе доктрины создается впечатление, что ее авторы выступают за переход от светского к религиозному государству. Звучат даже предложения о том, чтобы закрепить это положение в конституции. При этом на роль главной, верховной религии претендует Православие. Авторы «Русской Доктрины», обосновывая эту идею, приводят следующие цифры: «Представителей Православной веры в России 86, 5 % (около 126 млн.), мусульман – 10 % (около 14, 5 млн.), армян-григорианцев – 0, 8 % (около 1,1 млн.), иудеев – 0,5 % (230 тыс.)» [1, с. 182]. Можно сделать вывод, что данное предложение о придании какого-то особого статуса одной религии может обострить в России межконфессиональные проблемы.

Третьей важной особенностью, на наш взгляд, является его имперский характер. В книге особо подчеркивается, что «Русская Доктрина» - доктрина имперская. Россия представляется ее авторами как тип «правильной» империи: «Наша империя выступала как опекающая мать, дающая возможность разным народностям, состояниям, сословиям, не уничтожая и не подменяя друг друга, раскрывать свой потенциал. Наша империя как будто отменяет волчий закон «борьбы за существование» которые в других империях, (например, в колониальной Британии), действовал в полной мере... Уникальная природа русского « миродержавия», его единственная в своем роде духовно-политическая черта – способность направлять свой меч на дела совести и добродетели, безотносительно корыстным интересам и вопреки им» [1, с. 80-81]. С этим высказыванием можно согласиться. Действительно, на протяжении всей своей истории Россия вынуждена была защищаться от различных агрессоров – печенегов, половцев, гуннов, хазаров, угров, ляхов, шведского короля Карла XII, Наполеона, Гитлера. Захватнических воин практически не было. К.Н. Леонтьев отмечал, что внешнеполитические интересы России имели своей целью поддержку

слабейшего, угнетенного. Это в полной мере проявилось во время русско-турецких войн, освобождения Болгарии от турецкого ига в 1877-1878 гг.

Еще одним важным принципом современного российского консерватизма изложенного в «Русской Доктрине», является сверхнационализм. Глава 9 так и называется: «Идеология сверхнационализма. Русский народ в союзе с русским меньшинствами – честная формула России». Авторы «Русской Доктрины» отвергают глобализацию с ее миром без границ, абсолютной свободой движения товаров, услуг, денег и людей. Не нравятся им и интернационализм с идеей мировой революции, враждебным отношением к семье, родовому началу, принципами свободной любви и «обобществления детей». Они так понимают идею сверхнационализма: «Сверхнациональная идея предрасполагает к национальному культурному разнообразию. Для сверхнационализма сохранение национально-культурного своеобразия является высокой традиционной ценностью. Здесь возникает совсем иная формула «терпимости» - не «терпимость» всесмешения, проповедуемый просветительским проектом Запада, а ... «терпимость» нераздельного и неслиянного порядка, «терпимость» как динамичной гармонии разных и самостоятельных личностей и обществ» [1, с. 84-85]. На наш взгляд, высказывания авторов «Русской Доктрины» о сверхнационализме могут стать почвой для острой дискуссии. Так они призывают к созданию не российской, а русской модели государственности. Большой спор вызовет их предложение использовать в политическом лексиконе термин «русские меньшинства»: «Нужно вернуть в речевой обиход понятие «русские меньшинства». Мы должны говорить не «татары-россияне», «коми-россияне» и т.д., но «русские татары», «русские коми», «русские евреи» и т.д. ... нужно обратиться к более четкому исконному прилагательному «русский», а прилагательное «россиянин» употреблять значительно реже» [1, с. 87].

Перед тем, как начать рассмотрение будущего политического устройства России, составители «Русской Доктрины» уделили внимание анализу своеобразных черт характера русского народа. Во-первых, отмечается, что русские – это нация государственников в превосходной степени: «Для русских государство не является системой политических институтов как это обычно понимается в Западной Европе, У нас государство – форма существования нации в целом... Наша общественная работа, большой проект в который мы вовлечены, не сдвинется с мертвой точки, пока мы не почувствует за своей спиной мощную государственную поддержку...» [1, с. 89]. Во-вторых, выделяются и другие качества русского народа, необходимые для строительства обширного государства – сила воли, напористость, хладнокровие, настойчивое движение к цели, мужество и т.д.

В доктрине отмечаются следующие цели государства – духовная суверенность и социальная правда. Современное российское государство критикуется за отсутствие четких целей деятельности Оно должно быть инструментом осуществления национальных целей развития, однако в настоящий момент оно своей политикой проповедует потребительские подходы к жизни, погоню за удовольствием.

Не удовлетворяет составителей «Русской Доктрины» и состояние российской демократии. Как и известный консерватор Российской эмиграции И.А. Ильин они критикуют формальную демократию, скопированную с Запада: «Дело в том, что современная наша демократия не вызвана процессами внутренней глубинной политической эволюции русских социальных структур. Выбирают депутатами одну и ту же когорту людей, неспособных предложить ничего нового... С каждым годом все больше граждан России осознает абсурдность существующей системы выборов, в которых отчуждение избирателей от избираемых становится катастрофическим» [1, с. 299-300]. Можно согласиться с мнением авторов доктрины, что демократические принципы были восприняты в России догматически, причем, демократические процедуры, имеющие технический

смысл, стали рассматриваться в нашей стране как квазирелигиозная ценность.

Составители «Русской Доктрины» как консерваторы полагают, что нужно создать такие политические институты, ввести такие политические ценности, которые бы отвечали традиционному духу российской государственности. Нужно искать свой путь развития политических институтов, они отмечают, что не может быть одинаковой для всего мира образцовой формы правления. Консервативная доктрина отвергает критику России со стороны Запад: «Страны, отменившие крепостное право лишь на 13 лет раньше России (Германия) или даже позже ее (США), а также признавшие избирательное право женщин лишь в 1928 году (Великобритания), не имеют морального права учить Россию демократии» [1, с. 302]. При этом, отказаться от демократии ученые не призывают: «Мы не считаем, что Россия должна полностью отказаться от демократии, тем более, что сам принцип демократической процедуры, определенная справедливость, заложенная в этом принципе, всегда были ан Руси признаваемы. Мы считаем, чтобы русская нация должна отказаться от того, чтобы рассматривать демократию в качестве сверхценности политического устройства России. У нас есть другие ценности, другие идеалы. Это идеал духовной суверенности и идеал социально правды. Ради двух этих идеалов наши предки строили Россию, ради них они жертвовали своими жизнями, терпели лишения. Два этих завещанных нам политических идеала превыше любых «процедур». Они являются для нас высокими символами истины, тогда как «демократия» служит лишь одним из механизмов достижения политических идеалов» [1, с. 302].

Составители «Русской Доктрины» при разработке плана политического устройства будущей России опирались на богатое консервативное наследие – Л.А. Тихомирова, К.П. Победоносцева, И.А. Ильина. У этих консерватора они брали следующие идеи: державности (духовной суверенности), необходимость обращения к исторической традиции, обоснование сильной

верховой, самодержавной власти, качественный отбор элиты, критику деятельности политических партий, предложение выбора народных представителей от различных общин и производственных корпораций: «Новые политические реалии потребуют и новых форм государственности. Вероятно эти формы будут напоминать наши старые земские соборы... Не исключено, что и само имя новых политических форм будет позаимствовано из нашей традиции. Принципом соборного зова был не выбор депутатов, но отбор община лучших и важнейших своих представителей, - это было сословно-корпоративное представительство, внутри которого шансы прохода «залетного» кандидата, возможности подкупа и влияния на исход голосований стороннего капитала были практически нулевыми» [1, с. 302-303]. Составители «Русской Доктрины», на наш взгляд слишком идеализируют этот архаичный институт. Да, выдвиженцы Земского собора старались адекватно представить «наказ» своего сословия, территории, однако не имели никаких реальных законодательных прав. Это был, как писал В.О. Ключевский, чисто консультативный орган. Столь же утопичным является высказывание авторов доктрины о политических партиях. Они выступают против того, чтобы партии выражали корыстные интересы олигархических группировок. В духе соборной политики партии должны дополнять друг друга, действовать как функциональные органы единого государственного организма. Авторы доктрины предложили разделить все политические партии на «державные» и «народнические». «Державные» партии будут поднимать на щит идею чести державы, бороться с бюрократизацией страны. Партия «народников» должна будет отстаивать идеал социальной правды, стремиться к улучшению жизни народа.

Составители «Русской Доктрины» выступают за формирование смешанной формы правления – гармоническое сочетание единовластию, демократии и аристократии. За такое сочетание выступал историк М.М. Щербатов. Российская государственная власть должна быть сильной, эффективной и ответственной. Для ученых, наиболее эффективной формой

правления, подтвержденной всем ходом исторического развития России, является самодержавная власть. Слово «самодержавный» имеет для них такое значение, что и «независимый», «полновластный»: «Самодержавие – суверенитет, есть она из форм осуществления свободы, и национальной, и личной. Русское понятие самодержавия включает в себя прежде всего политический аспект, это не только независимость от чьего-либо чужого суверенитета, но и концентрация в едином властном лице полномочий огромной мощи» [1, с. 315]. Для ученых – составителей доктрины не так важно название главы исполнительной власти – царь, президент и т.д. Главное, что сам принцип самодержавия продолжает действовать и сегодня, несмотря на то, что российская монархия прекратила свое существование почти сто лет назад: «Мы стоим перед задачей восстановления традиционного понимания природы государства, то есть внутреннего самодержавия как единства, полномочности государственной власти и ее сосредоточенности на актуальных исторических задачах» [1, с. 316]. Демократия должна быть неотъемлемой составляющей политической системы России. Предлагается использовать демократию прямую – в виде референдума, а также представительную, когда общины и корпорации, выбирают своих представителей в Земской Собор. Это будет называться Соборной, суверенной демократией: «... если мы признаем необходимость своей русской демократии, духовно суверенной, вызванной внутренними потребностями нации, то эта демократия должна существовать и развиваться без всякой оглядки на происходящее « у них»» [1, с. 319]. Интересно, что составители доктрины предложили использовать и советский опыт – возродить систему советов на местном уровне.

По проекту составителей доктрины, монарх, или президент должен делить законодательную власть именно с Земским собором: «Земской собор не является прямым аналогом Федерального Собрания нынешней РФ, поскольку текущая работа по составлению законов, собранию и согласованию законодательных инициатив будет передана в ведение

специальной коллегии профессионалов при Сенате. Таким образом, главным делом Земского собора будет не разработка, а утверждение новых законов»[1, с. 324]. Современные российские консерваторы постоянно стремятся подчеркнуть необходимость преемственности старых и новых органов власти. Так составители «Русской Доктрины» предлагают восстановить такой орган власти дореволюционной России как Сенат. Вот что они пишут о его роли в политической системе современной России: «Сенат будет олицетворять в государстве контур преемственности... Сенат мыслиться как несменяемое учреждение... Сенат формируется на $\frac{1}{4}$ из представителей военно-служивого сословия, на $\frac{1}{4}$ из представителей духовного сословия с решительным преобладанием представителей Русской Православно церкви, на $\frac{1}{4}$ из представителей академии и университетских корпораций и на $\frac{1}{4}$ пополняется по назначению главы государства» [1, с. 325]. К компетенции Сената относятся следующие вопросы: политический и этический надзор над высшими органами политической власти и высшими должностными лицами, решение о несоответствии министров и парламентариев их должности, констатация невозможности исполнения главой государства своих обязанностей по причине болезни или совершения преступления, отклонение кандидатур на должность главы государства (выносятся квалифицированным большинством голосов, не менее чем $\frac{3}{4}$ от общего числа своих членов). Решение Сената подлежит неукоснительному исполнению.

У главы исполнительной власти предусмотрены широкие полномочия: «... является одновременно верховным главнокомандующим, должен сосредоточить в руках рычаги верховной законодательной, исполнительной и судебной власти»[1, с. 326].

Он должен быть лидером, обладать сильной волей, ответственностью, чувством долга. При оценке качеств будущего руководителя государства, составители доктрины явно опирались на И.А. Ильина: «Особый тип поведения, повышенная планка долга и чести, своеобразная

рыцарственность..., жертвенность, аскетический образ жизни, ... презрение к «сверхпотреблению», ключевой долг – служение земному Отечеству как образу Отечества небесного, осознание России как уникальной культуры и цивилизации, ощущение неразрывной связи с великими предками, их ценностями, победами и достижениями, понимание русской цивилизации как исторического шедевра» [1, с. 170]. Глава государства должен избираться советами, одобрением Сената, Военного совета и Православной церкви.

В новой политической системе России должна быть и аристократия – присутствие из лучших людей – способных самостоятельно произвести политическую рефлексию и выдвинуть хорошо обдуманное мнение. Этот национальный, здоровый правящий слой должен искоренить две главных беды России – западничество и коррупцию.

Изучив «Русскую Доктрину», можно сделать вывод, что ее составители считают наиболее оптимальной формой правления для России монархию: «Наконец, монархия могла бы увенчать государственное устройство как ее зрелый цвет. Но на пути к восстановлению монархических институтов России, возможно, придется пройти и через диктатуру, и через авторитарное правление, другие автократические формы» [1, с. 327-328]. Представители «Русской Доктрины» предлагают в своем труде различные варианты восстановления монархии: призвание представителя старой династии Романовых, избрание нового царя на Земском соборе. Еще одним вариантом является создание специальной школы для мальчиков, где несколько десятков человек целенаправленно готовили бы к занятию трона. При достижении ими совершеннолетия, можно было бы избрать из их числа правителя путем жеребьевки.

При изучении документа возникает целый ряд вопросов: как осуществить переход от нынешнего олигархического государства к национальному, консервативному? Какие силы будут его реализовывать? Каким способом можно изменить мировоззренческие постулаты современной элиты? Как в реальной практической деятельности будут

разграничиваться полномочия главы государства, Земского собора и Сената?
Все эти вопросы не до конца еще объяснены.

Литература

1. Русская Доктрина. Труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра Динамического консерватизма / под общей редакцией А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова / Отв. редактор О.А. Платонов - М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 1056 с.

Идеология повстанческого движения на Урале в 1920-1922гг.

Pankin S.I.

Ideology of insurgent movement of Ural in 1920-1922.

Проведен анализ идеологии повстанческого движения на Урале в 1920-1922гг. Выявлены особенности идеологий в различных очагах с учётом национального и социального состава участников движения. Исследовано развитие основных идей повстанчества в рассматриваемый период.

The article is devoted to the analysis of ideology of the armed performances in the region in 1920-1921. Features of ideologies in the various centers taking into account national and social composition of participants of movement are revealed. Development of the main rebellion ideas during the considered period is shown.

Ключевые слова: гражданская война, повстанчество, идеология, дезертирство, восстания, военный коммунизм.

Key words: Civil War, insurgents, ideology desertion, rebellion, war communism.

В 1920-1922гг. Южный Урал, как и ряд других регионов России, являлся ареной вооруженного противостояния между советской властью и масштабным повстанческим движением. Ведущей причиной восстаний явилась продовольственная политика, методы ее проведения и террор. Единой программы борьбы с властью не существовало, различными были цели участников выступлений. В документах повстанцы излагали причины, цели и средства борьбы, требования к местной и центральной властям, свой взгляд на решение главных проблем российского общества и государства. В числе последних были затрагиваемые во всех воззваниях: продрозверстка, отношение к РКП(б) и другим политическим партиям, взаимоотношения крестьянства (казачества) и власти, государственное устройство России, роль РККА и трудовых армий. Для реконструкции политической платформы необходимо обратиться к материалам, исходившим из повстанческого лагеря. Требования повстанцев и их взгляды в концентрированном виде изложены в

декларациях и воззваниях, дополнением служат приказы, переписка и постановления собраний. Необходимо отметить ряд особенностей, характеризующих идеологию в целом. Создание программы проходило, за исключением заговоров, позже самих вспышек протеста и входило в стандартный набор атрибутов организованных выступлений. Программа всегда носила компромиссный характер, и в ее положения верили не все, но, являясь для кого-то вывеской, она исполняла важные функции. Прежде всего, это агитация, с целью привлечь добровольцев, расположить к себе население и распропагандировать части противника. Необходимо было идейно пояснить и оправдать причины своих действий, нередко носивших «чрезвычайный» характер, как мобилизации, реквизиции, расправы, а также указать и образно заклеить своих врагов. Наконец нужно было для самих себя определиться с характером и целями движения, изложить свои требования, сформулировать образы восставших - «народных заступников», «бойцов за правое дело». Характерна и высокая степень изменчивости идеологии, в виду частой смены политической обстановки, настроений населения и повстанческой элиты. Наличие программы, таким образом, несомненно усиливало любое выступление или маневренную повстанческую группу. Агитационно-пропагандистская работа по распространению идеологии сводилась к трем моментам: описанию существовавшего «ужасного» положения, указанию виновников и руководства к действию.

Первым массовым является восстание «Черного орла и земледельца» в Уфимской губернии (февраль–март) 1920г. Документы «штабов» восстания, дают представление о направленности вооруженного протеста. Воззвание штаба в Заинске так объясняет цели выступления: «Мы многомиллионное крестьянство. Наши враги – коммунисты... пьют нашу кровь и угнетают нас как рабов. Они отбирают наш последний кусок для ... чтобы вести гражданскую войну...» [2,с.128]. Прокламация другого штаба провозглашала идеи: «Да здравствует народное правительство, избранное тайным и равным для всех голосованием! Да здравствует республика и

самоопределение народностей!» [4]. К основным положениям идеологии «Черного Орла» относятся: признание Советов, «подлинное народное представительство», прекращение Гражданской войны, свободная торговля, отмена продразверстки. В целом восстание по характеру не было национальным и антисоветским, антикоммунизм оставался на местном уровне, а советы на практике советы сохранялись.

Новые сюжеты в воззваниях повстанцев появляются летом-осенью 1920г., во время начала продкомпаний и усиленных мобилизаций в регионе. Они исходили от новых сил, включившихся в политическую борьбу. Серьезным испытанием для власти стало восстание кавбригады в Бузулуке в июле 1920г., во главе с начдивом А.П. Сапожковым, ставшее прецедентом для последующих за ним мятежей в воинских частях, где установки сапожковцев развивались. Название, данное восставшей части – «1 Красная Армия Правды» означало базу для формирования вооруженных сил нового типа, «войск Правды» - подлинной Красной Армии, верной идеям революции, в отличие от «ведущей захватнические войны» РККА. Основные идеи прозвучали в воззвании «Ко всему беднейшему ... и угнетенному населению», где сообщалось: «... на фронте мы получали тысячи писем от наших отцов, братьев, живущих в тылу. Все они были полны стонами и жалобами на все те насилия, ... лишения имущества и даже жизни, которые производились от имени народа, ... партия коммунистов забрала власть в стране и стала проводить диктатуру, то есть полную власть одной только партии, но не диктатуры всего пролетариата» [1,с.190-191]. Программные требования содержит «декларация прав человека ... РСФСР»: сокращение трибуналов, отмена смертной казни, пере выборы Советов, упразднение органов ЧК, провозглашение равенства наций с предоставлением автономии, передача церкви под власть церковных советов [1,с.189-190]. Вина за состояние, в котором оказалось общество, возлагалась, на РКП(б) в целом. А. Сапожков допускал возможность диалога лишь с центральным руководством: «мы хотим заставить правительство прислушаться к нашему

голосу ... и изменить политику в образе правления страной...» [3,759]. В целом «сапожковщину» стоит рассматривать как военную оппозицию, альтернативу коммунизму и крестьянской стихии, в форме заговора и последующего мятежа.

Осенью 1920г. в Челябинской губернии часть казаков объединились с дезертирами и, вступив в вооруженную борьбу с властью, выдвинули политические лозунги. Их идеологию можно рассмотреть на примере документов «Голубой Армии» (Челябинский уезд). В развернутом воззвании, пояснялись цели выступления: «Голубая Армия – не является орудием в руках какой-нибудь партии или класса, а большинства русского народа ... борется за немедленный созыв Учредительного собрания». Новым сюжетом звучало отрицание любой партийности, идей социального неравенства, как старого образца, так и нового в форме диктатуры классов. «Все для народа и все через народ ... Беспартийные граждане ... должны быть хозяевами страны, а не какая-нибудь партия или класс» [6]. Повстанцы воспринимали РКП(б) и Советов как единое целое, альтернативой им провозглашалось Учредительное собрание, что характерно для повстанцев-казаков.

В четко прослеживаемой организационной и идеологической связи с выступлениями в Челябинской губернии следует рассматривать движение в Малой Башкирии (осень 1920). Его особенностью являлось наличие различных группировок в руководстве. Одни стояли на платформе самостоятельности Башкирии в рамках советской системы и неприятия пришедших коммунистов. Другие, обходя молчанием Советы, провозглашали идею Учредительного собрания и бескомпромиссной борьбы с РКП(б). Листовка повстанческого «Штаба Красной Армии Башкирии» раскрывала направленность и лозунги выступления: «мы объединяемся и ведем борьбу для избавления от варварского отношения коммунистов к башкирам. Да здравствует самоопределение народа. Долой противников автономного Башкирстана» [6]. Идея национальной автономии свидетельствует о желании объединить на данной платформе как можно больше сил и

представить движение как общешкирское, в пользу чего говорит и требование о возвращении членов прежнего ревкома, смогли бы, по мысли повстанцев, вернуть автономию и прекратить дискриминацию башкир.

Принципиально иную позицию несет в себе обращение ко «Всем гражданам Урала», исходившее из штаба «военрука Башкирии» Ф. Магасумова, возглавившего выступление в Тамьян-Катайском кантоне [7]. В качестве «защитников граждан Урала» в листовке выступали «учредилорцы». Воззвание развивает идею богопротивности коммунистов, что ранее наблюдалось в документах «Черного Орла», но «учредилорцы» апеллируют только к «вере Христовой», не упоминая прочие конфессии. Объяснить это, как и идеи Учредительного собрания, можно влиянием казачьей составляющей. Листовка наряду с прочими подписана С.А. Выдриным и Я.Г. Лукониным, лидерами оренбургских казаков-повстанцев.

Вынужденный характер повстанческого движения в Башкирии подтверждает выдержанное в спокойном тоне обращение «ко всем гражданам БАСР», с текстом соглашения между БашЦИКом и РВС повстанцев, где признавался ряд ошибок, но вина возлагалась на отдельных лиц, «проявлявших к башкирским массам проявления шовинизма» [8].

Требования и цели русских крестьян-повстанцев были идентичными, но в то же время в августе 1920г. в Кустанайском уезде произошло восстание, под лозунгом: «Учредительного собрания», более характерного для казачьих выступлений. Выступая за свержение Советской власти, они сохраняли исполкомы, возложив на них проведение мобилизации. Расхождение идеологии и практики особенно заметно, если учесть, что кустанайские повстанцы именовали себя «Зеленой Армией» [9].

С начала 1921 г. повстанчество можно условно разделить на движение в форме действий мобильных отрядов, не привязанных к местности и массовое восстание крестьян в Сибири весной 1921г. (кульминацию движения). Особенность последнего - множество очагов, отличавшихся идейным разнообразием, но в целом выступавших за «народную власть». На

практике восставшие в основном реализовывали лозунг «Советы без коммунистов», сохраняя форму исполкомов. Воззвание Шмаковского штаба Курганского уезда «Народной Армии» поясняло: «Не поднимайте руки против нашей Армии, она идет за свободу, не признает никаких партий, не хочет рабства и насилия, какое было восстановлено со стороны партии коммунистов». На контролируемой территории всем поселкам предлагалось принять специальное постановление «Задачи воли народа» с рекомендацией избрать временный исполком, «а партийных всех арестовать». [10].

Большое значение для понимания идеологии выступлений в 1920–1921гг. имеет анализ воззваний мобильных повстанческих групп. В январе 1921г. В. Серов и РВС «восставших войск Воли Народа» в Уральской области издадут Декларацию [11]. В ней провозглашались отмена диктатуры пролетариата, всех декретов, недействительными и «вредными» объявлялись все партийные и профсоюзные органы, «взявшие в свои руки государственные функции». Существование партий допускалось, за исключением черносотенцев, но ограничивалось рамками парламентской деятельности. Повстанцы заявляли, что «будут бороться со всеми попытками ... навязать власть Народу, которая должна быть избрана по принципу всеобщего избирательного права». Закреплялся принцип самоопределения народностей и областей, с представлением права выбора форм управления и автономии этим субъектам. Свобода выбора при создании власти снизу не ограничивалась, но лозунг в поддержку Советов отсутствовал. Представляется, что декларация содержала социалистическую программу, в смысле неприятия политики правящего режима, что подтверждается идеей верности Февральской революции 1917, принципы которой для повстанцев - «фундамент в строительстве России».

Программу В.Серова частично воспроизводят и дополняют новыми сюжетами документы «Народно-революционной армии» Г.С. Охранюка-Черского, созданной из восставшей части РККА весной 1921г. В воззвании заявлено несогласие воевать с собственным народом: «Вызывая нас,

красноармейцев из разной местности, для уничтожения как нам говорили бандитизма ... и мы откликнулись на их зов, ... вместо бандитов: мы увидели родных, отцов, матерей и детей, пухнувших от голода, когда просили свой хлеб, то их называли бандами и заставляли нас их уничтожать» [12]. Речь шла об участии кавдивизиона Г.С. Охранюка в подавлении восстаний в Башкирии осенью 1920г. Такой непосредственный контакт с повстанцами «открыл глаза» красноармейцам: «Мы, видя такую несправедливость, положили этому конец, порешив раз и навсегда уничтожить всех угнетателей в корне и дать народу полную спокойную жизнь». Предполагалось «объявить съезд Учредительного собрания», с основной задачей – избрать главу государства. Декларация предлагала будущий госстрой: «должна быть Республика одна и ею будет управлять один человек» - президент, «как в Соединенных Штатах» [13]. То есть провозглашалась смешанная республика, где глава государства - президент, избираемый не всенародно, а представительным органом. Зависимость главы государства от Учредительного собрания, уравновешивалась самостоятельностью в управлении страной и подчиненностью автономий непосредственно президенту. Повстанцы поддерживали федеративный строй, среди будущих субъектов («княжеств») названы Башкирия, Украина, Польша. Не стоит усматривать противоречие в совмещении понятий республика и княжество, последнее понималось, как административная единица, без монархической нагрузки. Примкнувшие к Охранюку в Башкирии отряды Ф. Магасумова, распространили воззвание «Ко всему честному населению...», где присутствуют антисемитские выпады и звучат обвинения в провокации выступлений: «Стараясь избежать кары ... народа, жида пускаются в насилие, издают наглые декреты и приказы, дабы вызвать восстание масс и использовать этот случай как повод к беспощадным расстрелам» [14].

В отечественной историографии существует мнение, согласно которому на последнем этапе повстанческого движения в регионе меняется его качественная характеристика, теряя поддержку масс, уцелевшие

немногочисленные группы эволюционировали в сторону уголовного бандитизма, занимались самоснабжением, а со второй половины 1922 г. трансформация отрядов непримиримых стала необратимой. Переход «от идейной борьбы к разбою» по мнению ряда исследователей - закономерный процесс и все «враждебные власти формирования в скором времени превращались в банды» [15, 62]. С данными утверждениями невозможно согласиться полностью. Указанное явление не имело абсолютного распространения происходило не всегда, не со всеми формированиями, кроме того наблюдались обратные и параллельные процессы. На последнем этапе движения среди повстанцев стали более заметны отряды с уголовным оттенком. Из-за спада повстанчества и общей разрухи повсеместно в большом количестве стали возникать банды, но не всегда это были остатки отрядов или бывшие повстанцы. Кроме того доля уголовной составляющей в действиях групп идейных бойцов нередко стала преобладать, а пропаганда их противников систематично фиксировала и рекламировала уголовные преступления и проявления политического бандитизма повстанцев. На общем фоне вооруженного противостояния существовали банды из милиционеров, красноармейцев, совработников, в 1921 г. расцвел «красный бандитизм» как низовой бесконтрольный террор оппонентов и членов их семей сельскими коммунистами и комсомольцами. Вообще уголовный оттенок был свойственен всем участникам борьбы, в определенные периоды рос лишь их удельный вес, противники все меньше озирались на правовые и моральные нормы. В годы НЭП на фоне выживания от голода и других угроз, развития людоедства, трупоедства и других аномалий, относительности и неразвитости правовых норм, все население было преступно.

Относительно разложения идейного повстанчества на завершающем этапе необходимо пояснить следующее. Нередко в устойчивых формированиях наблюдалась эволюция целей, методов борьбы, идеологии и тактики. В отдельные периоды они могли прибегать к реквизициям за счет населения, расправами с членами РКП (б), разгрому продконтор, но в рамках

данных повстанческих групп такие действия стоит скорее рассматривать как временный этап. В. Кондрашин приводит цитату из сводки командования Приволжского военного округа 1921 г.: «С активизацией повстанчества шел процесс поглощения банд идейными отрядами». [2, 320-321] В данном случае речь идет о безальтернативном силовом включении криминальных групп в повстанческое движение. Но есть факты добровольной трансформации, когда карательные части, обеспечивавшие выполнение продовольственных заданий полубандитскими методами и подавлявшие восстания, неожиданно становились на защиту разоряемого населения и превращались в идейных повстанцев.

Итак, основными постулатами повстанческой идеологии в 1920-1922 гг. выступали верность революционным завоеваниям, антикоммунизм, а также религиозные мотивы. В вопросах организации высшей власти повстанцы предложили три основных варианта: «Советы без коммунистов», Учредительное собрание и народные комитеты. Большинство воззваний содержит идею федерализма с правом наций на самоопределение и автономию. Почти все программы носили декларативный характер в смысле политических установок, конкретные предложения встречались редко. Заметна связь идеологии с ее носителями – лидерами восстаний или движущей силой (казачество, дезертиры). Несмотря на популярность ряда заявлений, их идентичность позициям населения, идеология большой роли не играла. Значительной массой восставших двигали не лозунги, а отчаяние, желание защитить себя и близких, что, в конечном счете, и определяло судьбу восстания. К тому же у повстанцев не было должных условий и ресурсов для ведения информационной войны в глобальных масштабах. Платформа повстанчества не была однородной, наблюдалась прямо противоположная направленность. Пик развития идеологии не совпал с кульминацией самого повстанчества (Курганским восстанием в феврале-марте 1920 г), а пришелся на выступления В. Серова и Черского (лето 1921 – весна 1922 гг.), но, несмотря на различия, повстанчество пыталось указать

населению «третий путь» создания власти без диктатуры классов и политических партий.

Библиографический список:

1. Ишбулатов Ф.А. «Долой яичников и масленников!» Антисоветский мятеж в Бузулуке, 1920 год // Гостиный двор. Лит.-худ. и общ.-полит. альманах. (Оренбург), 2000 № 9.
2. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. – М., 2001.
3. Советская деревня глазами ВЧК – ГПУ – НКВД. 1918-1939 Докты и мат-лы в 4-х тт. Под ред. А.Береловича, В.Данилова т.1 1918-1922 гг. М., 2000.
4. ЦГАОО РБ ФП–1832 Оп. 4. Д 308 Л. 1.
5. ОГАЧО ФП–77 Оп. 1 Д. 127 ЛЛ. 29(Об) - 30(Об).
6. ОГАЧО ФП-77 Оп. 1 Д. 127 ЛЛ. 19, 53 (Об).
7. ЦГАОО РБ ФП–1832 Оп 2. Д 83 ЛЛ. 1.
8. ЦГАОО РБ ФП–1832 Оп 2 Д. 184 ЛЛ. 1-1 (Об).
9. ОГАЧО ФП–77 Оп. 1 Д. 127 Л. 37 (Об).
10. ОГАЧО ФП–596 Оп. 1 Д. 195 ЛЛ. 19-19 (Об), 318.
11. ЦДНННОО Ф. 1. Оп. 1 Д. 360. ЛЛ. 28- 29(Об).
12. ЦДНННОО Ф. 1. Оп. 1 Д. 234. Л. 101 (Об) - 102.,
13. ЦГАОО РБ ФП–1832 Оп.1 Д.165 Л.2.,
14. ОГАЧО ФП–77 Оп. 1 Д. 344 Л.72.
15. . Лабузов В.А. Деревня Южного Урала в период НЭП (1921-1927 гг.) – Дисс..канд. ист. наук – Челябинск: ЧГПИ, 1995 С. 62.

Пацюк, Т.П.

Национальный вопрос в современной России

Patsyuk, T.

The national question in modern Russia

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме межнациональных отношений в современной России. Автором статьи обработаны результаты исследований по данной проблеме, даны рекомендации.

Annotation: This article deals with the problem of interethnic relations in modern Russia. The author of the article processed the results of research on the issue, and recommendations.

Ключевые слова: национальность, межнациональные отношения, толерантность

Keywords: nationality, interethnic relations, tolerance

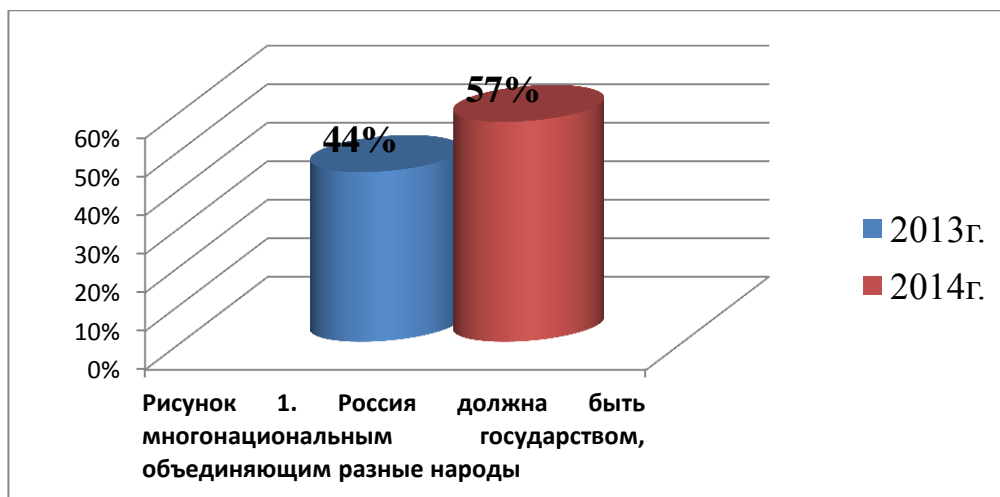
Как свидетельствует мировой опыт, люди разных национальностей вполне комфортно могут сосуществовать друг с другом. Но только при условии, что ни одна нация не будет ставить себя выше других. Если принадлежность человека по принципу - национальность не ставится во главу угла и язык, культура и обычаи каждой нации могут беспрепятственно развиваться и им не создается никаких ограничений и преград, и люди разных национальностей и вероисповеданий уважительно относятся к обычаям и традициям друг друга, то только тогда наблюдается некий баланс. Хотя и довольно хрупкий. При всей огромной степени влияния политиков на процессы в сфере межнациональных отношений, очень важно то обстоятельство, как сами народы относятся друг к другу. Что является для них первостепенным и преобладает в чувствах людей: или добрососедское, терпимое отношение к той или иной нации или же неприязнь, вражда и что более опасно – ненависть. Негативное отношение может возникнуть мгновенно, а искоренить его не удастся и спустя многие годы. То или иное настроение по отношению к конкретной нации будет переходить и

передаваться из поколения в поколение. Потребуется не один год, а может даже и не одно десятилетие, чтобы в народном самосознании забылась нанесенная обида, притупилась боль от потери близких в межнациональных конфликтах и окончательно исчезло чувство вражды.

Поэтому на сегодняшний день в сфере межнациональных отношений очень важно придерживаться последовательной политики, которая в первую очередь должна быть ориентирована на предупреждение национальных столкновений и мирное разрешение возникающих противоречий, чтобы никоим образом не допустить кровавых разборок. Важно не только определить задачи и сформулировать правильные идеи, но и заложить действенные механизмы, которые бы учитывали национальный фактор при решении политических, социально-экономических и иных задач. Демократия, политическая и экономическая стабильность, развитие интеграционных процессов, национальное равенство, изживание националистических предрассудков, взаимной неприязни, негативного восприятия иных обычаев, традиций и особенностей вот неполный перечень тех первостепенных принципов, которые должны быть заложены в основу политики в сфере межнациональных отношений.

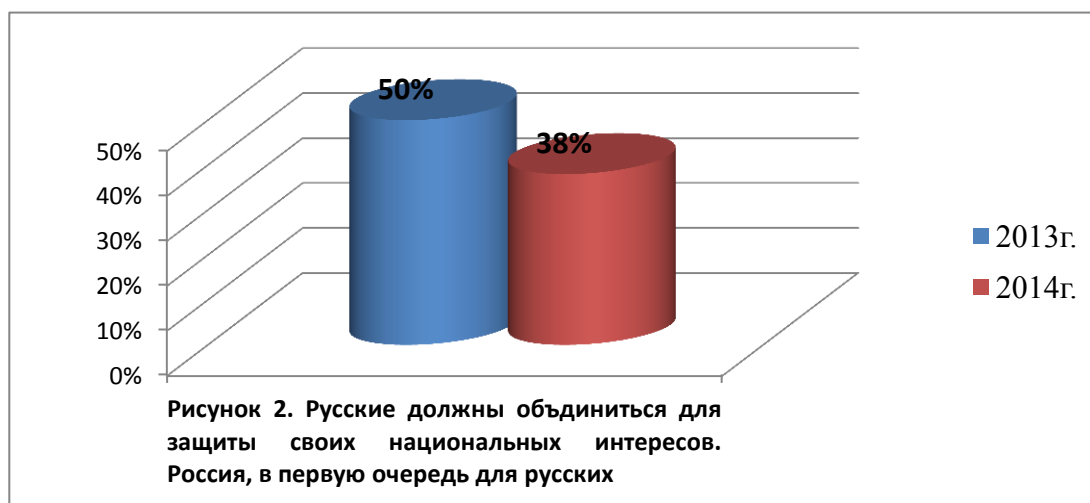
Как показывает практика, политическая и национальная элита далеко не всегда выражает взгляды и интересы представляемого народа, а чаще, как раз наоборот, руководствуется собственными интересами, жадной властью и стремлением к быстрой наживе. Поэтому, чтобы не стать средством для решения проблем, в достижении чьих-то личных амбиций, народы сами должны сознательно относиться ко всем обещаниям и лозунгам политиков и не поддаваться на их провокации.

По данным исследования: «Какой должна быть Россия?», проведенного в мае 2014 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по сравнению с аналогичным исследованием, проведенным в ноябре 2013 года, уровень интернационализма в стране значительно вырос.

Данную точку зрения в равной степени разделяют как молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (52%) , так и респонденты старше 60 лет (56%), жители городов-миллионников (59%) и сельские жители (54%).[2]

Иного мнения придерживается треть опрошенных граждан, более категорично настроенных. В первую очередь националистические идеи близки респондентам, не одобряющим работу президента (52%); жителям обеих столиц: москвичам и петербуржцам (41%); 25-34-летним гражданам (39%); интернет-пользователям (39%).

Но, тем не менее, несмотря на националистические идеи, блуждающие в обществе, можно наблюдать положительную динамику, произошедшую в массовом сознании за прошедшие полгода между опросами. Что говорит о толерантности, присущей нашему народу. В национальных чертах характера

русского народа всегда преобладали уважение и благородство по отношению к другим народам, дружелюбие и желание жить в согласии и мире с соседями, общение с ними на равных. Недаром слова, записанные в преамбуле нашей Конституции: «Мы многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...»[1] отражают всю суть национального самосознания, исторически сложившееся государственное единство. Россия возникла и развивалась как многонациональное и многоконфессиональное государство, вобравшее в себя черты представителей всех народов и национальностей. При всем том территориально-географическом и климатическом масштабе пространства от Балтики до Тихого океана, при всем том этническом и конфессиональном разнообразии, которое ей исторически выпало освоить и объединить, иначе она и не могла развиваться. Здесь будет уместно вспомнить и процитировать слова, принадлежащие перу российской императрицы Екатерины II, написанные еще в 18 веке: «Россия - это не государство, Россия – вселенная! Сколько в ней климатов, сколько народов, сколько языков, нравов и верований...».

В заключении хочется сказать, какие бы разногласия и противоречия не возникали во взаимоотношении наций, народы должны считаться друг с другом, учитывать интересы обеих сторон. Чтобы наряду с национальным самоощущением в людях жило и крепло ещё одно чувство, такое же значимое и сильное, а именно: гордость за свою Родину - Россию, за принадлежность к уникальной семье, проживающих в ней народов, за общую историю и ценности. Жить вместе и мирно – это большая и тяжелая каждодневная работа, затрагивающая все сферы общественной жизни и требующая от каждой нации и от каждого человека в отдельности гуманизма, справедливости и взаимного уважения.

Список используемой литературы:

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

Литература

2. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ).
URL: <http://wciom.ru/zh/print>.

3. Штанько М.А. Региональные конфликты в современном мире: учебное пособие. - Томск: Изд-во ТПУ, 2006

Попова Ю.В.

Отрицательные результаты российского демократического транзита
в свете идей Д. Асемоглу и Д. Робинсона

Popova I.V.

The negative results of the Russian democratic transition in the context
of the ideas of D. Acemoglu and J. Robinson

В статье на основе работ двух американских экономистов Д. Асемоглу и Д. Робинсона предлагается объяснение неуспеха российского демократического транзита.

This article provides an explanation for the failure of Russia's democratic transit on the basis of two works of American economists D. Acemoglu and J. Robinson.

Россия, демократический транзит, демократизация, Д. Асемоглу, Дж. Робинсон, средний класс, социальное неравенство, кризис, революция, глобализация.

Russia, democratic transition, democratization, D. Acemoglu, J. Robinson, middle class, social inequality, crisis, revolution, globalization

В настоящее время вряд ли может представляться спорным утверждение, что российское участие в т.н. «третьей волне демократизации» завершилось неудачей. Свидетельством этого являются и международное положение РФ (режим санкций, исключение из Большой восьмерки, временное приостановление участия в работе ПАСЕ), и все более широко тиражируемая зарубежными СМИ и поддерживаемая официальными лицами информация о коррумпированности российского политического истеблишмента (фильм BBC «Тайные богатства Путина, т.н. «дело «русской мафии» в Испании), и содержание российских внутривнутриполитических

процессов, отличающихся продолжающимся сокращением публичного конкурентного пространства, числа независимых политических акторов, каналов обратной связи общества и власти. В своем отчете о свободе в мире за 2016 г. Freedom House отнес РФ к числу несвободных государств [17], причем такую оценку Россия имеет с 2005 г.. Свидетельством неудачного транзита предстает и сама риторика власти, переориентовавшаяся с идеи «суверенной демократии» на некую самобытность, буквально автаркичность российской цивилизации и государства [12], и идея обеспечения «правового суверенитета» России как свободы от внешних оценок и влияния. Можно указать и на одну из последних дискуссий, проведенную осенью 2015 г. фондом «Либеральная миссия» с показательной и говорящей темой «Обратный транзит в России: недоразвитый нео-тоталитаризм или авторитарный пост-модернизм?» [7].

С того момента, когда Россия заявила и начала делать шаги в направлении демократизации, в научном сообществе был поставлен вопрос о возможности успешного движения в выбранном направлении (закрепленном в первых статьях Конституции 1993 г.) и наличии преград. И в последующие годы этот вопрос не терял своей актуальности, особенно, когда обозначенная цель становилась все более далекой. Была предложена целая гамма различных объяснений имеющихся неудач или, если формулировать более лояльно, особенностей российского транзита. Назывались исторические, культурно-цивилизационные, субъективно-личностные, конкретно-политические причины, обуславливавшие искажение должного результата демократического транзита [см.: 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10].

Не умаляя и не отрицая высказанных отечественными исследователями за прошедшие годы объяснений причин и результатов российского демократического транзита, хотелось бы обратиться к появившемуся несколько лет назад еще одному объяснению успеха и неудачи транзитного процесса, предложенному американскими экономистами Дареном Асемоглу и Джеймсом Робинсоном (Daron Acemoglu and James Robinson). Их труд 2012

г. «Почему нации терпят поражение» ("Why Nations Fail") стал бестселлером, «... "бэкграундом", не предметом для дискуссий, а основой - причём не в среде учёных-экономистов и даже экономических комментаторов, а среди интеллектуалов вообще» [13]. На русский язык работа переведена только в 2015 г. и издана в 2016 [1]. Вторая их работа, к которой нам бы тоже хотелось обратиться, «Экономические истоки диктатуры и демократии» (Economic origins of dictatorship and democracy) появилась в несколько ранее, в 2006 г., а на русском языке – в 2015 г. [2]. В первой из названных работ речь идет об основании политической системы, политического порядка, которое делает ее экономически и социально успешной, процветающей, демократичной, а во второй работе авторы объясняют, благодаря сочетанию каких условий оказывается возможным переход к демократическому порядку или сохранение несвободного режима, диктатуры, как они его обозначают.

Демократия в понимании Д. Асемоглу и Дж. Робинсона – это режим, благоприятный для большинства населения, где каждый имеет право голоса и может участвовать в политическом процессе [см. 2. С. 40]. Обозначая детерминанты демократии, авторы указывают на следующие: наличие гражданского общества, индустриальная (не аграрная) экономика, открытые институты, средний уровень межгруппового неравенства, преобладающий в социальной структуре средний класс, включенность в глобальное международное пространство и отношения [см. 2 С. 56-70]. Как видим, здесь представлено скорее обобщение и дополнительная аргументация к тезисам, выдвигавшимся другими авторами ранее. Выделение данных детерминант служит основанием для раскрытия причин успешности демократического транзита.

Объясняя возможность перехода к демократии в «Экономических истоках диктатуры и демократии» авторы называют ряд благоприятных условий. Для начала и успешного завершения демократизации необходима ситуация экономического или политического кризиса, явно обозначающего угрозу революции [2, С. 57]. Угроза революции будет явственна и осязаема

для правящего класса, если граждане консолидированы, а значительная их часть составляет средний класс – буфер между элитами и остальными гражданами [2, С. 66-67]. Консолидированные граждане будут самым своим наличием так же делать репрессии со стороны обладающих властью более трудноосуществимыми [2, С. 56-57], благодаря чему возможность подавить протест граждан оказывается очень дорогостоящей для властьпридержащих. Готовность властвующей элиты на шаги в направлении демократизации обусловлена и преобладающим источником дохода элиты: «демократия более вероятна, когда элиту составляют промышленники, а не землевладельцы» [2, С. 58]. Причина этого – в соображениях индивидуальной экономической выгоды, поскольку демократия – реализация государственной политики в пользу большинства [2, С. 51], возможность реализовать эту государственную политику основана на собираемых налогах, а землю легче облагать налогом, чем «физический и человеческий капитал» [2, С. 58]. Элита, чей капитал не является по преимуществу земельным, более осторожна относительно репрессий, т.к. они ведут к разрушению активов, к возможным санкциям со стороны международного сообщества [2, С. 55]. Не менее важны для успешной демократизации и политические институты, которые должны обеспечивать реализацию принципа сдержек и противовесов, чтобы проводимая политика не скатывалась к популизму или антидемократичности. [2, С. 61-62]. К институтам и их влиянию на благосостояние, на настоящее и будущее страны авторы обращаются и в другой своей работе – «Why nations fail». Авторы утверждают, что «страны различаются по уровню своего экономического успеха по причине различия их институтов, правил, определяющих то, как экономика работает, и стимулов, мотивирующих людей» [16, р. 88]. Поэтому объяснение бедности или богатства стран нужно искать на стыке экономики и политики: «Объяснение неравенства в мире по-прежнему нуждается в экономике чтобы понять, как различны типы проводимых политик и социальных механизмов, влияющих на экономические стимулы и поведение. Но оно также нуждается

и в политике» [16, р. 83]. При этом политическое оказывается доминирующим: «Политика - это процесс, посредством которого общество выбирает правила, которые будут управлять им. [...] Политические институты общества являются ключевым фактором, определяющим исход игры» [16, р. 93-94]. Чтобы прояснить влияние институтов на развитие страны, Асемоглу и Робинсон вводят систему понятий, содержащих в себе оппозиционность: инклюзивность и экстрактивность. При помощи этих понятий описывается экономическое и политическое пространство государства. Соответственно, они различают инклюзивные политические и экономические институты и экстрактивные политические и экономические институты.

Инклюзивные политические институты – централизованные и плюралистические институты. «Мы будем называть политические институты инклюзивными, когда они достаточно централизованы и плюралистичны. Когда одно из этих условий не удастся, мы будем называть институты экстрактивными» [16, р. 95]. Инклюзивные экономические институты постепенно обеспечивают доступ всё большей части населения к генерированию национального богатства. Они охраняют права собственности, создают равные условия для всех участников экономической деятельности, стимулируют свободные игры экономического обмена и поощряют технологические нововведения. Напротив, экстрактивные экономические институты ориентированы на концентрацию экономических ресурсов в руках элитарных общественных групп и на отчуждение в их пользу результатов труда остальной части населения. Поэтому они не защищают права собственности широких масс и не создают действенных стимулов экономической активности. Они также подавляют эффективную конкуренцию, тяготеют к консервации способов производства и тормозят или попросту блокируют их замену на более продуктивные формы ведения хозяйства. «Центральное место в нашей теории - это связь между инклюзивными экономическими и политическими институтами и

процветанием. Инклюзивные экономические институты, укрепляющие права собственности, создающие равное пространство действий и поощряющие инвестиции в новые технологии и умения, в большей степени способствуют экономическому росту, чем экстрактивные экономические институты, которые являются структурой для извлечения ресурсов из многих для нескольких и которые не защищают права собственности и не создают стимулов для экономической деятельности. Инклюзивные экономические институты поддерживают и поддерживаются инклюзивными политическими институтами, то есть теми, которые реализуют политическую власть в плюралистической манере и способны достичь некоторого объема политической централизации с тем, чтобы установить закон и порядок - основу защиты прав собственности, а так же создать и инклюзивную рыночную экономику. Подобным же образом экстрактивные экономические институты синергетически связаны с экстрактивными политическими институтами, которые концентрируют власть в руках немногих, которые будут стремиться сохранять и развивать экстрактивные экономические институты для своей выгоды и использовать имеющиеся ресурсы чтобы сохранить политическую власть в своих руках» [16, р. 470-471]. Можно видеть, что Асемоглу и Робинсон ведут речь не просто о влиянии политики на экономику, но о взаимовлиянии. И это подчеркивает всю ту сложность, с которой приходится иметь дело при организации и проведении реформаторских мероприятий. Процветание как устойчивая характеристика развития возможно исключительно при инклюзивных институтах, т.к. именно они обеспечивают сохранение конкурентности и динамизма политической и экономической жизни. Движение вперед будет только в случае, если оно не заблокировано экономическими неудачниками, которые опасаются, что их экономические привилегии будут потеряны в результате «созидательного разрушения» и политическими неудачниками, которые опасаются, что их политическая власть будет размыта» [16, р. 100]. В экстрактивных институтах элиты в конечном счете всегда будут

заинтересованы в торможении экономического развития из-за опасения его вероятных негативных для себя последствий. По сути, один из основных принципов экстрактивных систем – боязнь потерять доступ к ограниченным ресурсам, и, поэтому, пока он есть, нужно пользоваться им с максимальной выгодой для себя. И вырваться из этого порочного круга очень трудно, экономическое развитие не сможет стать значимым мотором перемен в данном случае. Это еще раз подтверждает справедливость идеи важности при модернизации, особенно при транзите, первичных политических перемен как базовых, а вслед за ними – экономических.

Величина межгруппового неравенства так же значима в процессе демократизации: высокая степень неравенства, с одной стороны, не позволяет гражданам консолидироваться для эффективного противодействия правящему классу, а с другой, делает для этого правящего класса чрезмерно высокой стоимость шагов в направлении демократизации [2, С. 62-65]. И так же демократизация очень выигрывает от глобализации, от интегрированности государства в международное экономическое и политическое пространство, которое выступает в роли фактора сдерживания от проведения недемократической политики, от популистской политики, а так же фактором, сокращающим «масштабы неравенства между обладателями капитала и труда» [2, С. 68-70]. Все названные условия демократизации взаимозависимы и, по мнению Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, отсутствие одного или нескольких не приведет процесс перехода к демократии к положительному результату. Выделенные условия демократизации обладают преимуществами материалистичности, исчисляемости, возможностью использования для изучения схожих процессов в странах, имеющих разную историю, культурные и цивилизационные отличия, тем самым позволяя избежать и определенного субъективизма исследователя.

Если теперь обратиться к российскому транзиту, то мы увидим отсутствие многих благоприятных условий для него. Конечно, с одной

стороны, 1989-91 гг. известны своими митингами и манифестациями по политическим вопросам, собиравшими сотни тысяч участников, в Москве, а так же и в республиках СССР. Известны и экономические трудности последних лет существования СССР, реальная проблема возможного голода, отсутствия продовольственных товаров в городах. Все это, конечно, позволяет фиксировать политический кризис, угрозу реальных волнений во время умирания СССР. И начавшиеся радикальные экономические реформы 1992 г. в России – результат понимания властвующей элитой этого буквально революционного положения. Но, с другой стороны, наличествовали ли иные условия для успешного транзита? Большое количество участников протестных акций в Москве в 1990-91 гг. вроде бы позволяют говорить о наличии гражданской консолидации, причем организаторами этих акций были демократически ориентированные объединения. Но начало и проведение радикальных рыночных реформ в 1992 г., сопровождавшееся значительным снижением уровня жизни граждан, не нашло отклика в виде многотысячных митингов протеста, солидарных гражданских акций. По сути, единственным откликом были мало результативные дебаты на Съезде народных депутатов. И реакция общества на события осени 1993 г. была так же показательна: прошедшие акции протеста собрали в 10 раз меньшее число участников, чем в 1990 г. Если обратиться к официальным статистическим данным, то они показывают, что коэффициент Джини в 1995 г. составлял 0,387 и, постоянно повышаясь, дошел в 2014 г. до 0,416, подобный рост демонстрировал и децильный коэффициент: 1995 г. - 13,5, а в 2014 - 16,0 [11]. Все это свидетельствует о наличии высокого экономического неравенства между гражданами, препятствующего их консолидации. Последующее политическое развитие страны, начиная с 1996 г. и особенно первая половина 2000-х, проявившееся в постепенном сокращении политических прав и свобод, политических фальсификациях и манипуляциях, не встретила и не могла встретить адекватной реакции граждан в силу именно высокого экономического неравенства.

Так же с точки зрения условий транзита в России не было среднего класса как значительной социальной группы, которая могла бы взять на себя ответственность за перемены. По данным института социологии РАН средний класс на 2008 г. составлял треть населения страны, и около 40 % экономически активного городского населения [14, С. 93]. При этом «роль среднего класса в развертывании процессов политической модернизации России сравнительно невелика. Это обусловлено и отсутствием у него понимания своих классовых интересов, и отсутствием на политическом небосклоне тех политических сил, которые российский средний класс мог бы воспринимать как их выразителей. Все это приводит к его политической пассивности» [14, С. 285].

Включенность в глобальную международную экономическую и политическую систему не является непреложной характеристикой России ни в начале транзита, ни теперь. Здесь сыграли свою роль и «холодная война», и внешнеполитическая позиция и приоритеты российского руководства, и позиция западных партнеров. Но в сравнении со странами Восточной и Центральной Европы российское руководство не было ограничиваемо в процессе осуществления транзита добровольно выбранным вектором на интеграцию с Западом, соблюдением определенных условий и обязательств. «Давайте допустим, что Запад сумел бы предоставить России план Маршалла и попытался бы оказывать давление на Кремль, убеждая его в необходимости конституциональной реформы, создания независимых институтов, акцента на верховенство закона и демократическую ротацию власти. Смогло бы это изменить траекторию России? Трудно сказать. Но поле для возможной трансформации России могло оказаться более широким, и ее возврат в прошлое, возможно, был бы не столь стремительным. Хотя думаю, что реальной гарантией успеха российской трансформации могла быть только интеграция России в европейское пространство. [...] Запад не смог выработать в отношении России систему стимулов, которые бы означали реакцию на отступление российской элиты от этих норм и стимулировали

движение России в сторону западной цивилизации. Между тем именно принцип обусловленности был мощным инструментом подталкивания к реформам бывших коммунистических стран, которые поставили цель присоединиться к Европе» [15, С. 45-46].

И, конечно, в современной России отсутствуют инклюзивные институты, которые являются необходимым условием процветания страны.

В совокупности все эти обстоятельства убедительно и наглядно объясняют, почему российский транзит оказался неудачным.

Список литературы:

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М., 2016
2. Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. М., 2015.
3. Дубовцев В.А., Розов Н.С.. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Полис. 2007. №3.
4. Иванов А. Ф., Устименко С. В. Самодержавная демократия: дуалистический характер российского государственного устройства. // Полис. 2007. № 5. С. 56-67;
5. Красин Ю. А. Российская демократия: коридор возможностей.// Полис. 2004. № 6. С. 125–136;
6. Круглый стол журнала «ПОЛИС». Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта. // Полис. 2008. № 5. С. 55–74;
7. Обратный транзит в России: недоразвитый нео-тоталитаризм или авторитарный пост-модернизм? [Электронный ресурс] // <http://www.liberal.ru/articles/6850>
8. Пантин И. К. Демократия в России: противоречия и проблемы. // Полис. 2003. № 1. С. 134 –149;

9. Пивоваров Ю. С. Русская Власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита). // Полис. 2006. № 1. С. 12-33;
10. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006;
11. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения [Электронный ресурс] // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#
12. Санжюльяно Ж. Суверенитет и корни: чем Путин обольстил европейских правых [Электронный ресурс] // <http://inosmi.ru/russia/20151112/231331053.html>;
13. Сонин К. Дневник экономиста - Why Nations Fail - новый фундамент для экономики развития [Электронный ресурс] // <http://ksonin.livejournal.com/498468.html>
14. Тихонова Н.Е. Средний класс: теория и реальность М., 2009.
15. Шевцова Л. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом М., 2010.
16. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. New York, 2012.
17. Freedom in the world 2016 [Электронный ресурс] // https://freedomhouse.org/sites/default/files/FITW_World_Map_nolabels_GF2016_FINAL.pdf

УДК 316.334.3

ББК 60.561.3

Прохода, В.А.

Представления о демократии населения европейских стран

Prokhoda, V.

The European citizen's ideas of democracy

Аннотация: В публикации анализируются результаты межстранового социологического исследования. Выявлены представления жителей европейских стран о важности демократии как формы государственно-политического устройства. Анализируются оценки населением развития демократии в стране проживания. В национальном разрезе определены основные признаки демократии. Описаны основные модели восприятия респондентами демократии.

Abstract: The author of article analyses the results of cross-country sociological research. It's revealed the European citizen's ideas of the importance of democracy as a form of state political system. It's analyzed the population estimates of the democratic development in the country of residence. It gives a detailed analysis of the main features of democracy in the national aspect. The paper describes the basic models of the respondent's perception of democracy.

Ключевые слова: демократия, удовлетворенность развитием демократии, признаки демократии, европейские страны, межстрановое социологическое исследование.

Keywords: the democracy, the satisfaction with the democracy development, the democracy features, European countries, the cross-country sociological research.

В публикации рассматриваются некоторые результаты шестой волны межстранового социологического проекта «Европейское социальное

исследование» (European Social Survey, ESS). В 2012 г. опрос проводился в 29 странах среди населения в возрасте 15 лет и старше. При проведении исследования декларировались принципы использования единых методов построения выборки и сбора информации. В каждой стране было опрошено от 752 (Исландия) до 2958 респондентов (Германия) по национальной репрезентативной выборке. В России выборка составила 2484 человека.

Эмпирической базой для публикации послужили данные по следующим странам: Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Республика Кипр, Российская Федерация, Словакия, Словения, Финляндия, Чешская Республика, Швейцария, Швеция, Эстония, частично признанное государство Республика Косово. Такие страны как Республика Кипр и Израиль географически расположены в Азии, однако фактически как минимум близки европейскому культурному пространству, а Кипр к тому же является членом Европейского Союза. На международном уровне общее управление проектом осуществляли: The Centre for Comparative Social Surveys, City University London, UK; Scientific Advisory Board.

О важности демократии как формы политического режима позволяют судить ответы респондентов на вопрос: *«Насколько важно для Вас жить в стране с демократической формой управления»*. Опрошенным предлагалось выбрать ответ по шкале от «0» баллов, что означало *«совершенно не важно»*, до «10» баллов – *«чрезвычайно важно»*. Исследование показало, что население европейских государств несколько различается в своих оценках важности демократии (см. рисунок 1). Максимальные оценки важности демократии фиксируются в Республике Кипр (9,52 балла), Дании (9,43), Швеции (9,35), Норвегии (9,32), Исландии (9,26). Обращает на себя внимание, что в группе государств с максимальными средними баллами преобладают скандинавские страны. В целом различие в оценках респондентов (между максимальными и минимальными средними

показателями) в зависимости от той или иной страны не превышает 1,5 балла. Единственным исключением на общеевропейском фоне является Россия, где фиксируется минимальный показатель – 6,56 балла. Ближе остальных к россиянам в оценках важности демократии оказались жители Чешской Республики (7,95 балла), Эстонии (7,98), Португалии (8,07), Словакии (8,15).

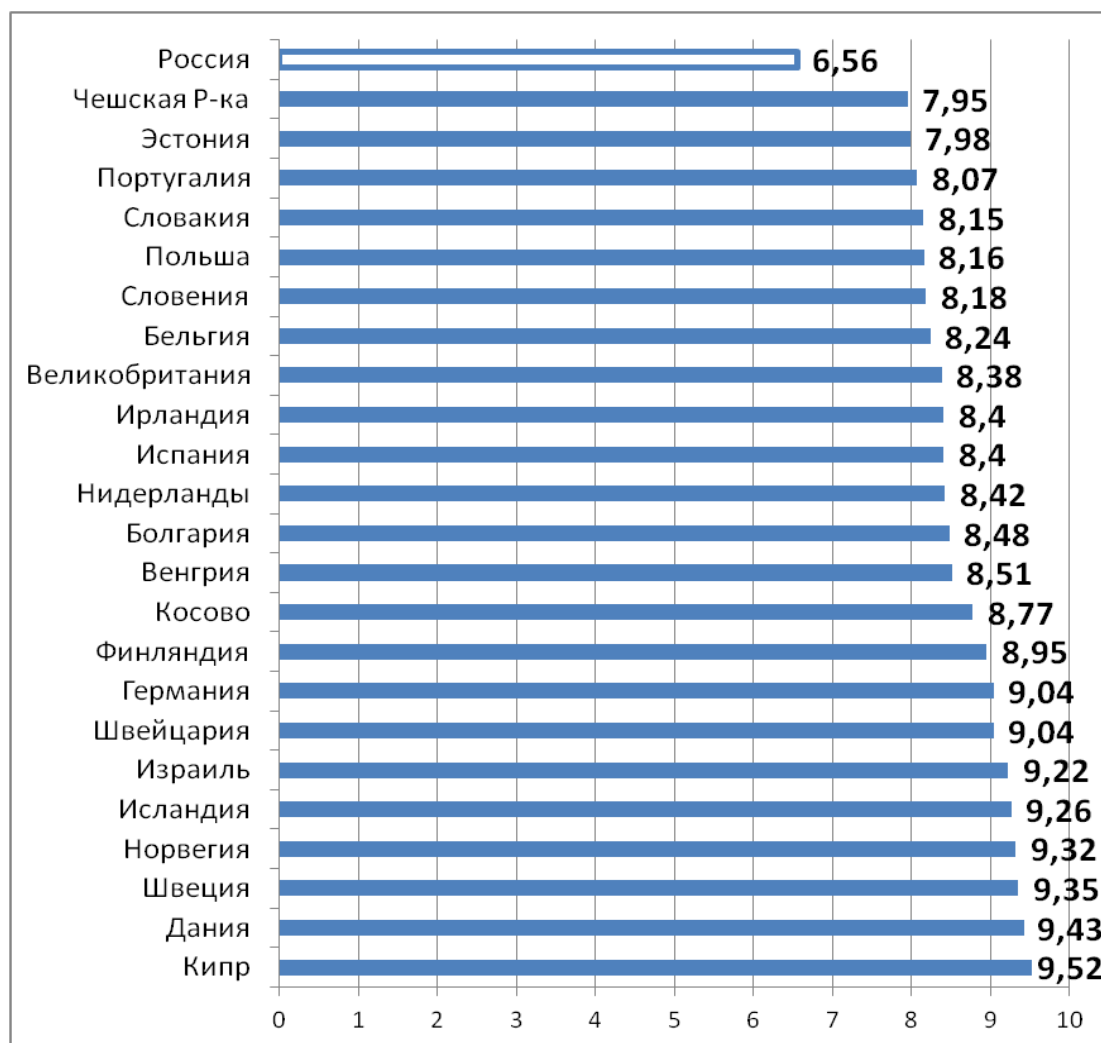

Рис. 1. Мнение респондентов о том, насколько важно для них жить в стране с демократической формой управления, средний балл (от «0» баллов - совершенно не важно, до «10» баллов – чрезвычайно важно)

Представленная в процентах, ситуация выглядит следующим образом. Для 17,8% россиян (для сравнения, Кипр – 1,1% респондентов) жить в

демократическом государстве в той или иной степени не важно, в их числе 4,3% опрошенных (Кипр – 0,2%), поставивших минимально возможный балл (0 баллов). Одновременно 64,6% респондентов из России (Кипр – 97,5%) отмечают ту или иную степень важности наличия демократической формы управления в стране, при этом максимально возможную оценку (10 баллов) поставили 18,5% опрошенных (Кипр – 78,9%). Наконец еще 17,6% россиян (Кипр – 1,4%) так и не смогли окончательно определиться, выбрав середину шкалы (5 баллов).

Возможны различные объяснения сравнительно низкого уровня значимости демократии для россиян. В исторической ретроспективе переход к демократии, ассоциировавшийся в представлении населения с существенным улучшением жизни, на практике к такому результату не привел, а скорее наоборот, соотносится в сознании части россиян с нестабильностью и беспорядками. Ответной реакцией неизбежно является некоторое разочарование в данной форме государственно – политического устройства существенной части населения, с демонстрацией симпатии к советской политической системе [2] и предпочтением порядка даже с учетом возможного ограничения прав и свобод [1].

Результаты исследования позволяют констатировать наличие значимой связи между важностью для респондентов демократии и оценкой демократичности страны их проживания. В целом, чем важнее для респондентов жить в государстве с демократической формой управления, тем чаще они констатируют развитие демократии в стране проживания ($r = 0,611$; $p = 0,002$). На таком фоне представляется интересным, рассмотрение ответов респондентов о том насколько в целом демократической они считают свою страну. Опрошенным предлагалось выбрать ответ по шкале от «0» баллов, что означало *«совершенно не демократической»*, до «10» баллов – *«полностью демократической»*.

Оценки жителей европейских стран существенно различаются между собой (см. рисунок 2). Так, максимальные (Дания - 8,15 балла) и

минимальные показатели (Болгария – 4,05) различаются более чем в два раза. В таких государствах как, например, Дания (8,15 балла), Швейцария (8,08), Швеция (7,78), Норвегия (7,74), Финляндия (7,44), Германия (7,16) население высоко оценивает современное состояние демократии.

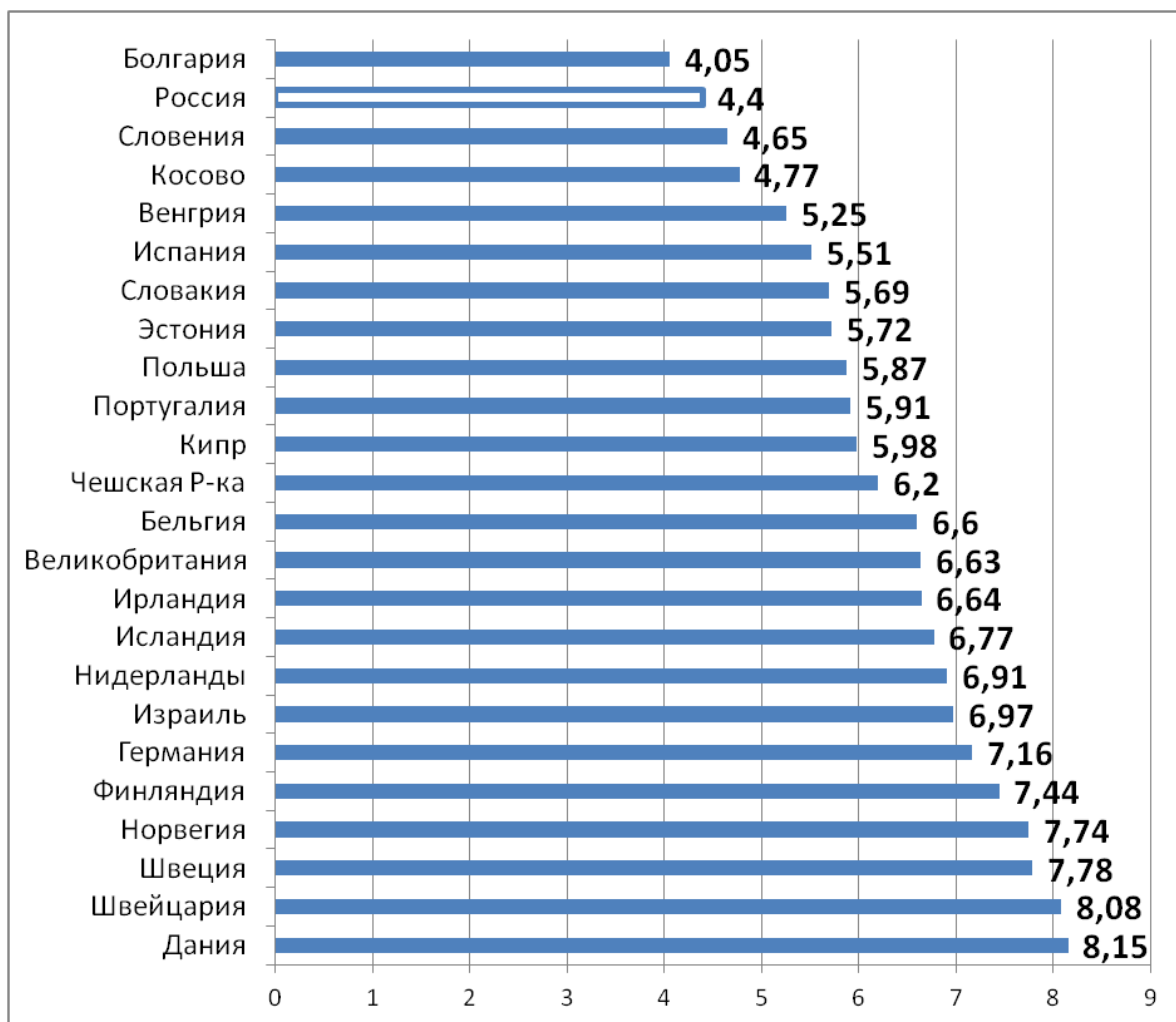

Рис. 2. Мнение респондентов о том, насколько демократической они считают свою страну, средний балл (от «0» баллов - совершенно не демократической, до «10» баллов – полностью демократической)

Россияне весьма скептически оценивают развитие демократии в стране. Так, респонденты в большинстве своем считают Россию скорее не демократическим государством (средний балл - 4,4). Немного ниже показатель оказался только в Болгарии – 4,05 балла. Сравнительно близки к россиянам в своих оценках также жители Словении (4,65 балла) и Косово

(4,77). При рассмотрении процентных распределений 46,5% россиян (для сравнения Дания – 2,4% респондентов) считает свою страну в той или иной степени не демократической. Почти каждый четвертый (24,1%) опрошенный в России (Дания – 4,3%) не смог дать четкий ответ, выбрав середину шкалы. При этом только 29,4% россиян (Дания – 93,3%) считают свою страну демократическим или скорее демократическим государством.

Кластерный анализ методом к-средних, проведенный на основе оценок важности для респондентов демократии, и мнения респондентов о демократичности страны проживания позволил разделить европейские страны на три группы. В первую, которая характеризуется одновременно высокими показателями важности демократии, и констатацией населением демократичности государства оказались включены: Великобритания, Германия, Дания, Израиль, Исландия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Швейцария, Швеция. Второй кластер с показателями, стремящимися к средним по Европе, занимает промежуточное положение и включает в себя следующие страны: Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Ирландия, Испания, Кипр, Польша, Португалия, Словакия, Чешская Республика Эстония. Наконец в третью самую малочисленную группу попали Болгария, Косово, Словения, Россия. Для них характерны сравнительно низкие оценки, в первую очередь, развития демократии в стране.

Отчасти это подтверждается и ответами респондентов на вопрос: *«Насколько Вы удовлетворены тем, как работает демократия в стране»*, с возможностью выбора одного варианта ответа по шкале от «0» баллов, что означало *«совершенно не удовлетворены»*, до «10» баллов – *«полностью удовлетворены»* (см. рисунок 3). При анализе представленных на рисунке 3 данных обращает на себя внимание, что средний балл в десяти странах (Польша, Эстония, Кипр, Венгрия, Косово, Испания, Португалия, Россия, Словения, Болгария) оказался ниже среднего значения шкалы (5 баллов), достигнув минимума в Болгарии (3,1 балла). Фактически это означает

неудовлетворенность существенной части населения функционированием демократии в перечисленных государствах.

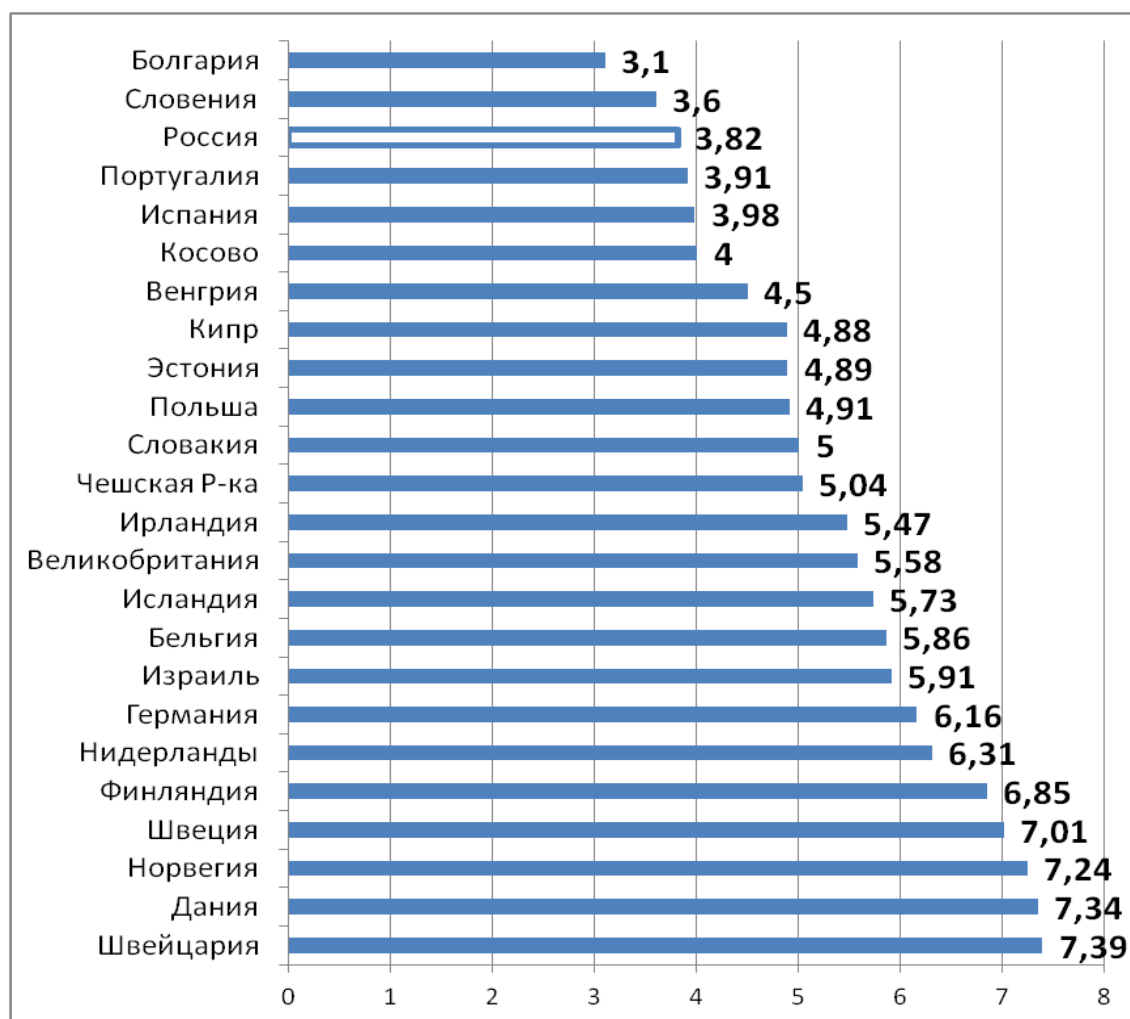

Рис. 3. Степень удовлетворенности/ неудовлетворенности респондентов тем, как работает демократия в стране, средний балл (от «0» баллов - совершенно не удовлетворены, до «10» баллов – полностью удовлетворены)

Остается только констатировать, наличие определенной согласованности в ответах россиян. Живут они по своим самооценкам в стране скорее недемократической (4,4 балла), поскольку демократия в России как таковая не работает (3,82 балла).

Наибольший уровень удовлетворенности демонстрируют жители Швейцарии (7,39 балла), Дании (7,34), Норвегии (7,24), Швеции (7,01),

Финляндии (6,85). При сравнении рисунка 3 с предыдущими рисунками, становится ясно, что перечисленные выше страны - это именно те государства, население которых считает принципиально важным для себя проживание в демократической стране, и одновременно оценивает свою страну, как демократическую. Подобная согласованность оценок характерна далеко не для всех государств. Например, на таком фоне выделяются респонденты, опрошенные в Республике Кипр. Для них жить в демократической стране принципиально важно (9,52 балла), при этом они весьма пессимистичны в оценке демократичности Республики (5,98 балла) и как следствие демонстрируют неудовлетворенность работой демократии в стране (4,88 балла).

Для выявления представлений респондентов о демократии опрошенным задавалась серия вопросов о том, как они представляют себе демократию как таковую, без привязки к реальной ситуации в стране проживания. Степень важности каждого признака демократии оценивалась от «0» баллов, что означало *«совсем не важный признак демократии как таковой»*, до «10» баллов – *«жизненно важный признак демократии как таковой»*.

Проведенный факторный анализ позволил выявить два основных измерения восприятия демократии, что о многомерности восприятия этого явления в сознании населения европейских стран. Первое измерение объединяет в себе признаки, характеризующие в основном возможности политической конкуренции и свободы: *«...чтобы оппозиционные партии могли свободно критиковать правительство»*; *«...чтобы средства массовой информации могли свободно критиковать правительство»*; *«...чтобы федеральные выборы проводились свободно и справедливо»*; *«...чтобы СМИ предоставляли гражданам достоверную информацию, позволяющую судить о деятельности правительства»*; *«...чтобы политические партии предлагали избирателям по-настоящему разные программы»*; *«...чтобы до*

того, как принимать решение за кого голосовать, избиратели обсуждали политические вопросы в своем кругу».

Второе измерение объединяет признаки демократии, характеризующие по большей части равенство и подотчетность власти: *«...чтобы государство защищало всех граждан от бедности»; «чтобы правительство предпринимало меры по уменьшению разницы в доходах между людьми»; «...чтобы суды подходили ко всем людям одинаково»; «...чтобы суды могли приостановить решения правительства, если оно превышает свои полномочия»; «...чтобы правящие партии лишались поддержки избирателей, если плохо выполняют свою работу»; «...чтобы правительство разъясняло свои решения избирателям»; «...чтобы граждане страны имели решающее слово в принятии важных политических решений путем прямого голосования на референдумах»; «...чтобы права меньшинств были защищены».*

Восприятие по каждому измерению может быть разноплановым. Иными словами в сознании респондентов образ демократии может ассоциироваться с политической конкуренцией и свободами, при этом, равенство и подотчетность власти не являются для них значимыми признаками демократии, или наоборот. Так, например, в Словении демократия ассоциируется, прежде всего, с равенством и подотчетностью власти, при этом для жителей страны сравнительно неважно наличие политической конкуренции и свободы. В сознании респондентов из Дании как раз наоборот образ демократии определяется в существенно большей степени наличием политической конкуренции и свободы. А вот для жителей Республики Кипр принципиально важными при восприятии демократии являются оба измерения. Что же касается россиян, то сравнительно с жителями других европейских государств для них сравнительно не важно наличие свобод и политической конкуренции. Представления россиян о демократии как таковой в большей степени связаны с признаками равенства и подотчетности власти. В своих представлениях о концепции демократии

россияне схожи с жителями Финляндии, Португалии, Великобритании, Ирландии.

Интересно, что по большинству вопросов анкеты, касающихся демократии, процент россиян затруднившихся с ответом существенно превышает средние показатели по европейским странам. Последнее отчасти может быть следствием отсутствия четко сформированной системы демократических ценностей, что косвенно может характеризовать состояние гражданского образования в России [3, 119-120].

В заключение отметим, что объем публикации позволяет обратиться лишь некоторым аспектам заявленной проблематики. Вне рамок анализа осталось рассмотрение различий в оценке многочисленных аспектов функционирования демократии в конкретных странах. Обозначенная тема требует проведения комплексных исследований и заслуживает большего внимания.

Список литературы

1. Большинство россиян предпочитают демократии порядок [Электронный ресурс] // Левада-Центр, 2015. - URL: www.levada.ru/2015/04/15/bolshinstvo-rossiyan-predpochitayut-demokratii-poryadok/ (дата обращения: 10.02.2016)
2. Лучшая политическая и экономическая система [Электронный ресурс] // Левада-Центр, 2014. - URL: www.levada.ru/2014/02/24/luchshaya-politicheskaya-i-ekonomicheskaya-sistema/ (дата обращения: 10.02.2016)
3. Прохода В.А. Образ демократии в сознании молодых россиян Гражданское образование: сущность, проблемы, перспективы: (Материалы конф. 19 ноября 2014 г.) [Электронный ресурс] // Ред. и сост. Е.В. Брызгалина, А.Н. Тихонов, П.Н. Костылев. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2014. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 119-120.

Пушкарская Н.М.

Современное понимание политического мифа

Pushkarskaya N.

Modern understanding of political myth

Аннотация:

В данной статье говорится о политическом мифе, его свойствах, а также приводится пример политического мифа об «отсутствии» социально-политических конфликтов.

Abstract:

It was observed in the text the political myth, him properties, and is an example political myth the «lack» of social and political conflict.

Ключевые слова:

Политический миф, политическая культура, социально-политический конфликт, манипуляция.

Key words:

Political myth, political culture, social and political conflict, manipulation.

Последние десятилетия все больше ученых исследует феномен политического мифа в рамках различных концепций и инструментов (Т.В. Евгеньев, С.Г. Кара-Мурза и др.). Само понятие «политический миф» в современной политологической науке может обозначать с одной стороны стереотипизацию массового сознания общества о политике и политической культуре в самые разные времена, а с другой стороны истинность или ложность самой сути политики.

Если рассуждать о мифе философски, то он будет равен себе во все времена, а вот политологически рассуждать о мифе гораздо сложнее. Во-первых, каждому мифу нужно найти свое место в историческом пространстве (современное, культурное и т.п.), во-вторых, разделить мифы на группы (мифы о народе, мифы о власти и т.п.). Имея в виду даже эти незначительные подразделения мифов, можно увидеть, что различий у них намного больше, чем сходств и раскрыть понятие политического мифа.

Политический миф – это образ в политическом сознании, опирающийся на символы, легенды и веру в них, позволяющий интерпретировать видение настоящего и будущего.

Политическая мифология возникает тогда, когда общество сталкивается с непонятными и неподконтрольными явлениями, которые чаще всего несут угрозу для реализации целей властвующей элиты. В виду этого пик использования политическим мифов приходится на случаи войн, революций, кризисов и т.п.

Свойствами как просто мифа, так и политического являются:

1. Полиморфность – разная направленность в одинаковых мифах и наоборот, разное эмоциональное восприятие.
2. Ограниченность – использование ограниченного числа символов.
3. Отвлеченность – отсутствует соотношение с действительностью.
4. Фундаментальность веры – не требуется проверка истинности образов, на которые опирается миф.
5. Статичность – миф существует в своем собственном временном измерении[6].

В политической культуре среди мифов наиболее часто используются темы «заговора», «героя-спасителя», «единства нации» и др.

Поговорим о мифах об «отсутствии» социально-политических конфликтов.

Использование и формирование такого мифа выгодно правящей элите, которая требует искажение действительности от СМИ. Заинтересованные в этом люди стремятся подать информацию как разнообразные фрагменты и сведения сбивая аудиторию с полноценного восприятия картины мира, преувеличивая одни события за счет сокрытия других.

Вместе с тем фикция мгновенности сообщений для радиослушателей, телезрителей, читателей создает видимость участия и присутствия в этих событиях, что дает повод воздействия на сознание людей, а именно манипулирование сознанием. Г. Шиллер рассматривает пассивное

восприятие как главный процесс манипуляции, так же он делает вывод о том, что СМИ пытаются не повысить интерес аудитории к социально-политическим проблемам, а наоборот понизить[7]. Эта пассивность народа к проблемам своей страны или даже мировым проблемам есть большая опасность для сознания людей.

Манипуляторы, показывая жизнь внутри страны отрицают наличие социальных конфликтов. Все внимание уделяется другим проблемам, как правило это проблемы, связанные с выходом из низшего слоя населения в высший. Анализ социально-политических проблем может лишь усугубить неравенство между слоями населения. Крупные компании и группы становятся очень раздражительными, когда речь заходит об их негативной деятельности.

На уровне показа фильмов, которые затрагивают социальные проблемы у аудитории повышается уровень тревоги. Поэтому для привлечения большей аудитории манипуляторы во время показа рекламы стремятся подавать материал менее противоречивый.

По мнению Э. Кассирера особенность политического мифа – это создание новых мифов, посредством которых правящая элита может манипулировать людьми, не прилагая к этому особых усилий[3].

Мифы создаются для контроля за действиями масс, для повиновения масс, как только их удастся внедрить в сознание людей они обретают силу, о действии которой многие не догадываются. Для более эффективного манипулирования сознанием используются специальные методы для передачи информации.

Список литературы:

1. Ачкасова В.А. Политическое мифотворчество как способ выражения региональных интересов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. №3, электронный ресурс: <http://www.old.jourssa.ru/2002/3/4aAchkasova.pdf>, дата обращения 20.02.2016

2. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М. 2000, дата обращения 17.02.2016
3. Кассиер Э. Политология. Хрестоматия. 2000, электронный ресурс: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/61.php, дата обращения 17.02.2016
4. Кольев А.Н. Политическая мифология. М. 2003, дата обращения 17.02.2016
5. Лепешкин Ю.В. Что главное в политической культуре? – Политология на русском фоне М. 1993, дата обращения 19.02.2016
6. Политология. Учебник. Под редакцией Василика М.А., Тимерманиса И.Е. 2009, дата обращения: 17.02.2016
7. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М. 1980, электронный ресурс: <http://www.rc-analitik.ru/file/%7B34b071fa-7576-415b-954e-451ea9146c38%7D>, дата обращения: 19.02.2016

Информационная война как объект научного исследования.

Rybakova, Ya.

Information war as an object of scientific research.

Аннотация: В данной статье рассматривается понятие «информационная война», различные подходы к пониманию этого термина, как объекта научного поля, методы ведения информационных войн, особенности их протекания с учётом влияния современных информационных технологий, а также процесса всеобщей глобализации.

Summary: This article explores the concept of "information war", various approaches to understanding of this term, as an object of a scientific field, methods of conducting information war, features of their course with the influence of modern information technologies, as well as the process of globalization.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА, ИНФОРМАЦИОННОЕ ОРУЖИЕ, МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ, ВОЙНА ЗА ЗНАНИЕ, ИНФОРМАЦИОННАЯ ПЕРЕГРУЖЕННОСТЬ, СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО.

KEYWORDS: INFORMATION WARFARE, INFORMATION WEAPONS, THE MANIPULATION OF CONSCIOUSNESS, THE WAR FOR KNOWLEDGE, INFORMATION OVERLOAD, SYMBOLIC SPACE.

Информационная революция привела к глобальным изменениям, а именно, к созданию виртуальной инфосферы. Человечество столкнулось с такой проблемой как *информационная перегруженность* [12;С. 178]. Уже в конце XX века появляется такое понятие как информационное оружие. Безусловно, это оружие применялось и ранее, однако в прошлом люди могли влиять друг на друга непосредственно в процессе общения, используя для воздействия на собеседника слова, жесты, мимику и интонацию. Сегодня создавая специальные технологии коммуникации, человек открывает разнообразие способов воздействия на человеческое сознание. Последние события в мире ярко отражают последствия информационной войны, где

рушатся имиджи известных высокопоставленных лиц, терпят крах бренды и торговые марки.

Многие страны вынуждены защищать национальные информационные ресурсы, сохранять конфиденциальность обмена информацией в мировых открытых сетях во избежание политической и экономической конфронтации государств. Сознание людей является объектом информационной войны, а целью – манипулировать сознанием общества.

Идеи и выводы исследования расширяют проблемное поле целого ряда политических дисциплин. В первую очередь, таких как политология, государственное управление, теория политических коммуникаций, этнополология, политическая конфликтология и других.

По исследованиям доктора политических наук Панарина И.Н. сегодня можно утверждать: чем большими возможностями в информационной сфере обладает государство, тем вероятнее (при прочих равных условиях) оно может добиться геополитических стратегических преимуществ [9; С. 169].

Понятие «информационная война» сегодня оказалось в центре всеобщего внимания. Политологи и социологи дискутируют на тему связи информационной войны с психологическим давлением на социум. Однако к единой теории еще не пришли, поэтому мало, кто сможет дать точное определение и обоснование этого понятия. Не простой задачей для специалистов также является ответ на вопрос: когда именно зародилось словосочетание «информационная война» и когда люди стали рассматривать информацию как новый тип оружия. Противоборство идеологий и психологические конфликты обсуждались еще с античных времен. Военные конфликты не мыслимы без идей о самой войне, которых в истории было несчетное количество. Теоретик С. Падовер иначе формулирует понятие информационной войны, разграничивая его с войной психологической. Он считает, что это есть ничто иное, как уничтожение желания противника сражаться, используя все возможные виды коммуникации [1; С. 238].

Сегодня становление информационного общества и развитие

информационных технологий позволяют рассматривать термин «информационная война» как самостоятельную категорию в научном дискурсе. Однако сложность объекта исследования и отсутствие общепринятого определения привели к появлению различных концепций, подходов, а также методологических и теоретических позиций авторов различных научных школ и областей исследования.

Это позволяет рассматривать проблематику данного явления, акцентируя внимание на конкретных аспектах, связанных с определенной областью изучения. Так, с точки зрения *психологической парадигмы* под информационной войной подразумевают некое скрытое влияние информации на индивидуальное, групповое и массовое сознание, используя пропаганду, манипулирование и дезинформацию, чтобы сформировать новые взгляды на социально-политическую картину общества, изменяя при этом ценностные ориентации и базовые установки личности.

Социально-коммуникативный аспект информационной войны также выделяется и изучается отдельной группой ученых. Их методологический принцип исследования отличается тем, что в предметном поле доминирует информация, а не сознание людей. Информация, которая приобретает господствующее влияние в новой интерактивной реальности и формирует когнитивные ориентации.

Этой теории придерживаются такие исследователи, как М. Ю. Павлютенкова, согласно ей информационная война – это коммуникативная технология, главной целью которой является достижение информационного превосходства в интересах национальной стратегии [8; С. 23]. Данной логике рассуждения М. А. Родионов и В. С. Пирумов, рассматривая информационную войну, как форму борьбы сторон, которая заключается в использовании специальных средств и способов влияния на информационные ресурсы противника, защищая при этом собственный информационный капитал. Главные методы – это разведывательные и политико-психологические действия в отношении противника [10; С. 44].

На наш взгляд, наиболее объемное видение изучаемого феномена, достигнутое посредством системного подхода, представлено в работах С.Н. Бухарина, С.П. Расторгуева и В.В. Цыганова. С.П. Расторгуев сформулировал базовое понятие, в котором информационная война трактуется как открытые/скрытые воздействия информационных систем друг на друга с целью деформации или уничтожения противоположной стороны. Они ориентированы на достижение преимущества не столько в материальной, сколько в политической и духовной сферах, нанесение обществу культурной травмы, влекущей демонтаж государства [11; С. 198].

С. Н. Бухарин и В. В. Цыганов рассматривают информационную войну, как динамический процесс, происходящий в сложной системе с большим количеством элементов, связи между которыми имеют не детерминированный, а вероятностный характер. Авторы считают, что такая война является следствием опережающего развития какого-либо компонента, требующего перераспределения ресурсов в свою пользу и повышенной безопасности. Это выводит систему из состояния равновесия. Результатом информационной войны становится преобразование системы либо ее исчезновение и формирование новой организации [2; С. 336].

Изучив и проанализировав историю развития понятия «информационная война», а также каждый из выше представленных подходов, я сформировала представление об определенных аспектах изучаемого мной явления. Благодаря Психологической парадигме становится возможным изучать рычаги влияния на внутриличностные процессы индивидов. *Социально-коммуникативный* подход позволяет решать задачи, восполняя пробелы в знаниях о способах и характере интеракций, которые возникают в ходе информационного противостояния между субъектами. *Геополитическое* видение этого явления предоставляет возможность проанализировать различные методы современной мировой политики с целью достичь политического и экономического преобладания в мирное время. *Конфликтологический* подход дает понимание адекватной оценки

стратегического значения информации в достижении доминирующей позиции как следствие борьбы за власть, политический статус и ресурсы. Соответственно, *системное* представление позволяет проводить комплексное исследование информационной войны, учитывая взаимосвязь ее отдельных элементов, и влияние их на методы и тактики наступательных стратегий.

Таким образом, термин «Информационная война» с каждым днем набирает популярность в зарубежных и отечественных СМИ, скрывающий за собой настоящую революцию в сфере мирового политического противостояния. Научно-технический прогресс и интеграция мирового сообщества подтолкнули к становлению информационной войны как самостоятельного вида осуществления внешней политики.

Как известно, основной инструмент ведения информационной войны представляет собой информационное оружие, состоящее из совокупности средств, методов и технологий информационно-психологического влияния, созданных с целью тайного управления сферой информации противника, системами и процессами, работающими на основе информации, а также – для нанесения им ущерба.

В основе традиционного способа воздействия лежат убеждение людей, обращение к их разуму, применяя рациональные аргументы, логику. «Бытие определяет сознание», такое объяснение было в марксистской теории. Возникновение рабочих кружков на рубеже XIX и XX столетий ярко отражают суть этого способа, когда руководители этих кружков, анализируя внешний мир, объясняли что и как делать, с чего нужно начинать и разъясняли логический путь событий.

Информационно-психологическая война предполагает использование механизмов, непосредственно воздействующих на процесс мышления человека. Философы-«идеалисты», такие как А.Ф. Лосев, Г. Фреге, Г. Лебон и Э. Кассирер работали над функциональным подходом к сознанию человека. Суть этого подхода заключалась в соответствиях, соотношениях, определенных разграничениях, постоянных элементах и связях, а не в самом

материальном предмете.

Эти исследования привели к появлению такого понятия, как символическое пространство. Под символическим пространством теоритики подразумевают абстрактное мышление, которое осуществляется посредством символов, благодаря чему человек способен опосредованно анализировать внешний мир. Это говорит нам о том, что человек живет как в физическом, так и в символическом универсуме. Сегодня быстрыми темпами растет символическая активность человека, но вместе с этим происходит отдаление физической реальности, что облегчает процесс управления и манипулирования людьми. Символическое мышление привело не только к невиданному прорыву человечества к новым технологиям и знаниям, но и открыла новые возможности для управления сознанием человека. Помимо отдельных направлений использования символов существует общий подход, заключающийся в разработке компьютерной карты взаимосвязей в пространстве символов. К примеру, В США ведется разработка компьютерных образов конкретных клиентов фирм для ясного понимания их реакции на тот или иной подход и анализа действий, позволяющий достичь оптимальный результат. Аналогичная карта может быть разработана как для общественного сознания, так и для военных действий.

Современное информационное общество обладает могучим средством реализации методов и приемов психологической войны - средства массовой информации. По мнению М. Паренти, СМИ «отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом предопределены теми, кто контролирует мир коммуникаций»

Сегодняшние средства массовой коммуникации создают «массового» человека XXI века. Они заменяют традиционные контакты людей на телевидение и компьютеры, что разобщает и отдаляет людей друг от друга. С. Кара-Мурза приводит характерные черты «массового человека» в своей

работе «Манипуляция сознанием». Автор пишет о возникновении социальной дезориентации: большой интерес вызывает не аргументированный анализ, а уверенное, энергичное, хоть и бездоказательное, утверждение. На фоне этого снижаются способности и концентрация человека. Поэтому автор характеризует «массового человека», как импульсивного, переменчивого, способного лишь к относительно краткосрочным программам действия и чаще предпочитающего иллюзию действительности. Раньше, на протяжении всей истории, главный источник подавления людей представлял собой физические методы воздействия - от пыток инквизиции до современных средств массового уничтожения. Теперь же, после развала СССР в информационно-психологической войне, стало ясно, что появилось новое средство господства над людьми.

Методы ведения информационной войны разнообразны, начиная с мелких хакерских взломов и заканчивая крупным шпионажем. В настоящее время «преступление в киберпространстве» неразрывно связано и с самим понятием информационной войны. Это обуславливает тот факт, что большая часть информации в современных реалиях хранится в цифровом виде на жестких дисках, в интернете и на виртуальных носителях («облаках»). Сегодня кроме традиционных методов воздействия на СМИ, атаки совершаются и на непосредственные хранилища данных, чтобы получить компрометирующую информацию. Именно поэтому в последнее время зафиксировано так много случаев промышленного шпионажа, способных привести к обострению политических и экономических проблем. Повсеместное развитие информационных технологий вызывает угрозу глобального характера. А это значит, что утечка какой-либо секретной информации может привести к обострению конфликта не только на локальном уровне, но и на международном.

Подробнее хотелось бы остановиться на одном из средств информационного оружия, которое может быть сформулировано, как мирная пропаганда достоинств собственного образа жизни. А. Зиновьев ввел

термин западнизация. По определению автора, западнизация есть стремление Запада сделать другие страны подобными себе по социальному строю, экономике, политической системе, идеологии, психологии и культуре. Идеологически это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, являющего собой вершину развития цивилизации и средоточие всех мыслимых добродетелей. Мы свободны, богаты и счастливы, – внушает Запад западнизирваемым народам, – и хотим помочь вам стать тоже свободными, богатыми и счастливыми. Но реальная сущность западнизации не имеет с этим ничего общего [6].

Все ученые и теоретики, исследующие феномен информационного оружия главным преимуществом его выделяют относительную дешевизну в сравнении с другими видами вооружения. Это обусловлено тем, что для уничтожения противника не требуется вложение «Энергии». Подразумевается, что противник уже имеет все необходимые средства, чтобы уничтожить себя. И потому главной задачей применяющего информационное оружие является помощь противнику в направлении уже имеющихся у него средств, в том числе и технических, против самого себя.

Изучив историю возникновения понятия, подходы и концепции разных экспертов, для целей данного исследования было выделено понятие Зеркалова Д.В. из его монографии: «информационная война» - это комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание в условиях информационной открытости для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов [5; С. 6].

Исследование феномена информационных войн является сложной задачей ввиду нескольких причин. Во-первых, сегодня, в век развитых технологий, информационное освещение любого происходящего в мире события, в том числе и регионального конфликта, не является чем-то удивительным и не обязательно должно быть связано с информационной атакой или информационным противоборством. Во-вторых, для исследователя достаточно сложно бывает уловить ту тонкую грань, которая

отделяет простое информационное освещение или трансляцию какой-либо точки зрения от информационной атаки и информационной войны.

Таким образом, крупномасштабное информационное противоборство, которое может быть развязано различными общественными группами, включая террористические группировки, наркотические картели или подпольных торговцев оружием массового поражения преследует цель изменения расстановки сил в обществе. И если смотреть в корень этого феномена, это есть война за знания – за то, кому известны ответы на вопросы: что, когда, где и почему и насколько надежными считает отдельно взятое общество или армия свои знания о себе и своих противниках.

Список использованной литературы:

1. Padover S.K. Psychological warfare and foreign policy // The theory and practice of international relations / S.K. Padover. – Englewood Cliffs, 1960. – 238p.
2. Байгузин, Р.Н. Информационная война / Р.Н. Байгузин, С.И. Илларионов, Г.Н. Рукоусев. – Москва: Владимирская офсетная типография, 2000. – 140с.
3. Бухарин, С. Н. Информационные войны в бизнесе и политике / С. Н. Бухарин, В. В. Цыганов. – Москва: Академический проект, 2007. – 480 с.
4. Бухарин, С.Н. Методы и технологии информационных войн / С. Н. Бухарин, В. В. Цыганов. – Москва: Академический проект, 2007. – 384 с.
5. Зеркалов, Д. В. Информационные войны. – [Электронный ресурс]: Монография / Д. В. Зеркалов. – Электрон. данные. – Киев: Рукопись, 2012. – 1 элект– рон. опт. диск (CD–ROM); 12 см. – Систем. требования: Pentium; 512 Mb RAM; Windows 98/2000/XP; Acrobat Reader 7.0. – Название с тит. экрана.
6. Зиновьев, А. А. Глобальное сверхобщество и Россия / А.А. Зиновьев. – Москва: Харвест, 2000. – 128 с.
7. Кара–Мурза, С. Манипуляции сознанием / С. Кара–Мурза. – Москва: Эксмо–Пресс, 2001. – 864 с.

8. Павлютенкова, М. Ю. Информационная война: реальная угроза или современный миф? / М. Ю. Павлютенкова // Власть. – 2001. – № 12. – С. 23.
9. Панарин, И.Н. Информационная война и геополитика / И. Н. Панарин. – Москва: издательство Поколение, 2006. – 560 с.
10. Пирумов, В. С. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах / В. С. Пирумов, М. А. Родионов // Военная мысль. – 1997. – № 5. – С. 44.
11. Расторгуев, С.П. Информационная война / С.П. Расторгуев. – Москва: Радио и связь, 1999. – 416 с.
12. Тоффлер, Э. Шок будущего: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – Москва: «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.

УДК 316.334.3

ББК С561.3

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Саудабаев Ильдар Александрович,

*студент 3 курса бакалавриата кафедры социологии
Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск*

E-mail: eld_goplit@mail.ru

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL APPROACH TO THE ANALYSIS POLITICAL ACTIVITY

Idar Saudabaev,

*3rd year student of undergraduate of the chair of sociology
the South Ural State University, Chelyabinsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается явление «политической активности» с точки зрения структурно-функционального подхода именитого американского социолога Т. Парсонса. Уделяется внимание ключевым моментам данной теории: проблеме социального порядка, социального действия, вопросу структуры и функций составляющих элементов социальной системы и т.д.

В рамках вышеназванных категорий строится анализ интересующей нас политической активности. Сформулировано «рабочее» определение политической активности, выделены её основные черты, которые затем сопоставляются с базовыми элементами социального действия Т. Парсонса.

Определены специфика, место, роль и значимость явления политической активности в границах структурно-функционального социального порядка.

ABSTRACT

The article deals with the phenomenon of "political activity" in terms of the structural-functional approach eminent American sociologist Talcott Parsons. Attention is paid to key aspects of this theory: the problem of social order, social activities, the question of the structure and functions of the constituent elements of the social system, etc. Within the framework of the above-mentioned categories of interest to us is constructed analysis of political activity. Formulated "working" definition of political activity, highlighted its main features, which are then compared with the basic elements of social action T. Parsons. The specificity of the place, role and importance of the phenomenon of political activity within the boundaries of the structural-functional social order.

Ключевые слова: политическая активность, структурный функционализм, социальный порядок, социальное действие, политическое действие, политическая социализация, политическая культура

Keywords: political activity, structural functionalism, social order, social action, political action, political socialization, political culture

Термин «политическая активность» трактуется учеными в различных ключах в зависимости от их принадлежности к той или иной научной дисциплине. Учитывая, что наши рассуждения строятся в рамках социологической науки, мы определим значение «политической активности», опираясь на содержание «Российской социологической энциклопедии» под ред. Г.В. Осипова.

Итак, «активность политическая – форма активности социальной, реализуемая в сфере политической деятельности» [1, с. 7]. Интересующее нас явление представляется как особая разновидность социальной активности. Согласно вышеназванному источнику, социальная активность характеризуется сознательностью, направленностью на решение «стоящих перед обществом, классом, социальной группой» [1, с. 7] задач в определенный момент времени.

Обобщая эти две дефиниции, мы можем сказать, что с точки зрения социологии «политическая активность» – это совокупность разнообразных форм специфической, сознательной деятельности человека, целью которой является разрешение конкретных задач и проблем, возникающих в сфере политической жизни перед индивидами, их коллективами, социальными группами и обществом в целом в рамках определенного временного отрезка.

Таким образом, политическая активность складывается из следующих компонентов:

1. Деятельность, действия: политическая активность выступает как человеческая деятельность особого рода, состоящая из совокупности действий, которые в свою очередь принимают различные формы.

2. Сознательность, направленность: это осознаваемые, продуманные поступки индивидов, причем четко ориентированные на достижение конкретных целей и результатов.

3. Многообразие субъектов: широкий «диапазон» от единичного индивида до общества в целом.

4. Специфическая среда протекания активности – сфера политической жизни общества. Действия вне данного поля мы уже не можем отнести к проявлению сугубо политической активности.

5. Временная определенность.

Перейдем к структурному функционализму Т. Парсонса. Ученый выстраивает схему социального порядка: «наиболее общее и фундаментальное свойство системы – взаимозависимость ее частей или переменных... Взаимозависимость есть порядок во взаимоотношениях между компонентами, которые входят в систему» [2, с. 107]. Другими словами, общество представляет собой совокупность тесно переплетенных элементов, выполняющих специфические функции. Следовательно, социология Парсонса подразумевает «...анализ общества как системы функционально взаимосвязанных переменных» [3, с. 326].

Социальное действие – та важнейшая переменная, которую основатель «Великой теории» помещает в центр структурно-функционалистского социального порядка. Но нас интересует действие политическое как выражение политической активности. Попробуем отыскать его в категориях структурного функционализма.

Общество определяется Т. Парсонсом «как тип социальной системы, обладающий наивысшей степенью самодостаточности» [4, с. 228]. Далее, пользуясь четырехфункциональной схемой, разработанной для анализа систем действия, социолог разбивает общество на четыре основные подсистемы, среди которых важную роль играет политическая.

В соответствии классификацией функций – AGIL – политическая система выполняет функцию целедостижения (goal attainment): «...мобилизует коллективы и ресурсы для достижения определенных общественных целей. Функция целедостижения выражает потребность всех обществ устанавливать цели, на которые направляется социальная активность» [4, с. 228].

Именно эта, выделенная Парсонсом, политическая подсистема является той специфической сферой общества, в которой воплощается политическая активность и, следовательно, политические действия.

Теперь, убедившись, что в социальном порядке структурного функционализма американского социолога есть место для политической активности, соотнесем её конструкцию, обозначенную нами в начале в роли вспомогательной, со структурой, лежащей по Парсонсу в основе действия.

Ученый в качестве базиса любого действия выделяет следующие структурные компоненты:

- 1) актер (отдельный индивид или их сообщество)
- 2) цель, на достижение которой направлено действие актора
- 3) ситуация, в которой протекает действие
- 4) нормативные ориентации [4, с. 223]

Исходя из данного нами ранее определения, политическая активность как совокупность действий имеет в своей основе сходную структуру и не противоречит только что приведенной. Социальное действие у Парсонса также многообразно в плане субъектов, как и активность, проявляемая в сфере политики.

Акторами политических действий могут выступать как отдельные индивиды, например, рядовые граждане, политики, так и коллективы (политические партии, общественные объединения), социальные группы (молодежь, учителя) или общество целиком. Политическая активность последнего актора, можно полагать, складывается из действий всех остальных включенных в него субъектов.

В зависимости от «величины» этой результирующей суммы политических действий внутри конкретного общества, мы можем судить об уровне его политической активности, о том, как она, воплощаясь в политической подсистеме в виде конкретных действий, исполняет предписанную ей функцию целеполагания и мобилизации ресурсов общества.

Следующий пункт нашего сопоставления – категория «цели». Очевидно, что политическая активность, выражаемая действиями индивидов, также как и действие в концепции структурного функционализма, имеет конечные цели, обусловленные потребностями акторов – оказание того или иного влияния на политические институты, изменение своего положения и статуса в рамках политической сферы и т.д.

То, каким образом эти потребности будут реализованы в политической сфере, как будет выражена сама политическая активность, определяется нормативными ориентациями. Именно этот элемент структуры действия связывает воедино цели и средства политического действия. «“Нормативная ориентация” действия направляет внимание на решающую роль тех “стандартов”, которые определяют желаемое направление действия в форме целей и стандартов поведения» [5, с. 39].

Нормативные ориентации не берутся из ниоткуда. Они носят социально-культурный характер. Возникновение этих «стандартов», предписывающих действия, обусловлено тем, что индивид усваивает ценности, нормы, традиции окружающей его культуры.

Культура, таким образом, как один из составных элементов действия, как структурный компонент, являющийся частью окружающей среды социальной системы, выполняет в ней важнейшую функцию – воспроизводство образца. Эта функция, именуемая ученым латентной в общей функциональной сетке AGIL, по сути, представляет собой процесс социализации.

В нашем случае внимание нужно обратить на более узкую её разновидность – политическую социализацию. Сюда относится усвоение индивидом или группой – будущими субъектами (актерами) политики – политических ролей и статусов, ценностей и норм, присущих конкретной политической подсистеме общества, а также схем поведения и реализации своих интенций.

Эти аспекты формируются во многом институтами государства посредством законодательных, исполнительных и судебных органов. Но, как мы знаем, агенты политической социализации не исчерпываются лишь государственными структурами. В индивида закладывают стандарты политического поведения его ближайшее окружение, лидеры общественного мнения и т.д.

Актор, будучи политически не социализированным, не может осуществлять политические действия и активность. Он даже элементарно не будет знать, каким образом войти во взаимодействие с политическими институтами, каким способом осуществлять намерения, нацеленные на политическую подсистему. Так или иначе, актер действует, как бы оборачиваясь на ценностно-нормативные стандарты общества, закрепленные в культуре.

Следовательно, только по завершении стадий этого важнейшего процесса, мы можем говорить о наличии в структуре политического действия полноценного субъекта или, как бы выразился Т. Парсонс, «эго». С момента усвоения норм, схем поведения индивиды и коллективы включаются в политическую подсистему и становятся полноценными акторами политических действий, а значит и политической активности.

Таким образом, политическая активность возникает тогда, когда осуществляющие её индивиды подвергаются процессу политической социализации, становясь истинными субъектами политических действий.

Теперь рассмотрим признак сознательности. Согласно выделенным нами характеристикам, политическая активность – это совокупность сознательных действий. У Парсонса нормативные ориентации, которые задают рамки действия, не всегда строго осознаются акторами: «...»ориентация действия» есть «представление» (эксплицитное или имплицитное, сознательное или бессознательное), которое есть у актора по отношению к ситуации, с точки зрения того, что он хочет (его цели), что он в ней видит (как ситуация ему представляется) и как он намеревается поступать с объектами, которые видятся ему как предметы его желаний...» [6, с. 460].

В такой ситуации, укладывая явление политической активности в теорию структурного функционализма, мы должны понимать, что здесь политические действия, «представления» субъектов о них и о методах их осуществления, не являются перманентно осознаваемыми.

В данном случае, можно полагать, что наряду с сознательным компонентом политической активности есть скрытые, неосознанные «нормативные ориентации», которые определяют политические действия акторов. Вероятно, наше рабочее определение термина «политическая активность» обладает усеченной интерпретацией этого многогранного явления и не учитывает некоторых его тонкостей, связанных, в частности, с

характеристикой сознательности-бессознательности. Но это уже уводит нас в предметную область психологической науки...

Возвращаясь в рамки социологии, рассмотрим, что говорит американский ученый о временной составляющей действия. Т. Парсонс совершенно определенно указывает на присутствие компонента времени: «...действие есть всегда процесс, совершающийся во времени ... Понятие «цель» всегда предполагает соотносительность с будущим состоянием, которое либо в настоящий момент не существует и не будет существовать, если актором что-то не будет для этого сделано» [6, с. 96].

Такой же характеристикой обладает политическая активность, представленная нами как сумма действий, происходящих во времени и нацеленных на планируемый результат.

И наконец, определяя смысл понятия «политическая активность» в начале наших рассуждений, мы выделяли специфическую среду её осуществления – политическую сферу жизни общества. Соотношение обозначенной нами сферы политической активности и среды (ситуации), в которой по Парсонсу происходят действия, уже было рассмотрено, когда вопрос касался обнаружения присутствия явления политической активности в области структурно-функционального социального порядка и разграничения социального и политического действий.

Итак, проведя анализ теории структурного функционализма Т. Парсонса, мы увидели, из чего у выдающегося представителя американской социологии складывается понятие «социального порядка». Социальный порядок – это функциональное единство различных систем (подсистем) – социальной, политической, системы действия (элементарного, социального, политического) и т.д., обладающих четко дифференцированными функциями, от качества выполнения которых, зависит прогресс общества, а также сама возможность его существования.

Мы убедились, что среди этого многообразия взаимосвязанных систем, отводится место интересующему нас явлению «политической активности»;

причем это место чрезвычайно значимо для социального порядка, т.к. политическая подсистема, а следовательно и политическая активность, реализуемая в её пределах, исполняет важнейшую функцию целеполагания и мобилизации ресурсов, определяющую вектор развития общества, уберегающую его от гибели – состояния стагнации.

Кроме того, стало понятно, что связь политической активности и остальных систем общества не является односторонней. В частности, непосредственное влияние на политическую активность, на сам факт возможности её воплощения через конкретные политические действия, оказывает такой компонент окружающей среды социальной системы, как культура.

Эта взаимозависимость описывается в классическом структурном функционализме Б.К. Малиновского и А.Р. Радклифф-Брауна через понятие «постулата функционального единства»: «...любая часть социальной системы функциональна для всей системы, благодаря чему обеспечивается высокая степень интеграции всего общества» [4, с. 239].

Таким образом, мы можем охарактеризовать связь политической активности (системы политического действия) с остальными структурными элементами общества как обоюдное, взаимопроникающее функциональное влияние.

Список литературы:

1. Российская социологическая энциклопедия / под общей ред. Г.В. Осипова. – М.: Изд.группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 672 с.
2. Toward a general theory of action / Ed. T. Parsons, E. Shils. N.Y., 1951. – 530 p.
3. История социологии в Западной Европе и США. Учебник для вузов / отв. ред. Г. В. Осипов. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 576 с.
4. Кравченко, С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения: Учеб. пособие для вузов. – М.: Экзамен, 2002. – 511 с.

5. Парсонс, Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии // Современная западная теоретическая социология. Т. Парсонс. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 15-52.

6. Парсонс, Т. О структуре социального действия. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.

Противоречия политических ценностей современной молодежи
мегаполиса

Serova, A.

Political values of modern youth: the contradictions

В статье приводятся результаты социологического исследования системы политических ценностей молодежи города Екатеринбурга в 2015 году. Автором представлен анализ направленности политических ценностей современной молодёжи мегаполиса.

The article presents the results of a sociological study of the features of the system of political values of Ekaterinburg youth in 2015. Author analyzes orientation of the youth's political values in the modern Russia.

Ключевые слова: молодёжь, политические ценности, политическое сознание, политическое поведение, политическая социализация.

Keywords: youth, political values, political consciousness, political behavior, political socialization.

На сегодняшний день проблема ценностного содержания реальности в политике является достаточно актуальной и обсуждаемой темой в сообществе политологов. Различные данные центров по исследованию общественного мнения подтверждают факт интереса специалистов различных областей к этой проблеме. В научной литературе можно найти множество определений понятия «ценность», которые позволяют взглянуть на этот термин с разных сторон.

Рассматривая ценности в рамках именно политологической науки, мы можем обратиться к термину, данному известным политологом В. Н. Коноваловым. «Политические ценности – это нормы, актуальные стереотипы политического сознания, которые позволяют оценивать политическую ситуацию и ориентироваться в ней. Формирование и статуирование систем ценностей происходит в зависимости от материального положения и способа

социализации, половозрастных особенностей, уровня развития индивида и т. д». [1]

Изучению данной проблемы, в частности, был посвящён проведёнными нами в декабре 2015 года социологический опрос молодежи города Екатеринбург. Полученные результаты позволяют оценить ценностное состояние массового сознания среднего жителя российского мегаполиса и определить основания для выявления трендов дальнейшей трансформации стереотипов.

В начале нашего исследования мы предположили, что в современном российском обществе существует единая система политических ценностей, сформированная в годы стабильности правления президента В. В. Путина.

С другой стороны, многие исследователи склонны считать, что «ценностное состояние российского общества можно все же характеризовать термином «аномия», рассматривая его как ценностную рассогласованность между разными уровнями существования политических ценностей: уровнем производителей ценностей и смыслов (политическими партиями, элитой в целом) и уровнем потребителей ценностно-идеологических продуктов (рядовыми гражданами)». [2]

Для выявления спектра политических ценностей в российском массовом сознании мы предлагали респондентам в числе прочих вопросов определить, какие из предложенных выше ценностей представляют для них наибольшую значимость. В результате статистической обработки полученных данных было выявлено, что наиболее значимыми (то есть наиболее часто отмечаемыми) политическими ценностями являются безопасность (45 %), примерно на одном уровне находятся стабильность и соблюдение прав (по 41 %). В целом полученные нами данные подтверждают исследования последних лет. Российские граждане довольно активно участвуют в политике, ходят на массовые политические мероприятия, голосуют на выборах за те политические силы, которые, на их взгляд, способны улучшить жизнь. В то же время практической реализации

политических ценностей как со стороны политических партий, так и со стороны руководства страны в полной мере не происходит. Возникает своего рода замкнутый круг, когда одни и те же наиболее общие, базовые политические ценности (мир, безопасность, законность, порядок) остаются наиболее актуальными в течение длительного времени.

Таблица 1. Политические ценности (в % от опрошенных)

Политические ценности	%
Безопасность	45, 3%
Стабильность	41, 4%
Соблюдение прав	41, 4%
Справедливость	36, 6%
Свобода	31, 0%
Отсутствие большого разрыва между богатыми и бедными	30, 2%
Сильное государство	28, 0%
Демократия	19, 8%
Равные возможности	19, 0%
Сильная власть	9,9 %
Четкая идеология	7,8

	%
Итого:	31 0,40%*

**Сумма ответов более 100 %, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа*

Политические ценности, полученные из анализа ответов респондентов, можно разбить на три группы: неактуальные (менее 10 %), малоактуальные ценности (каждую из которых назвали от 10 до 30 % респондентов) и актуальные ценности (назвали более 30 % респондентов).

Таблица 2. Главные политические ценности

Главные политические ценности		
Неактуальные ценности	Малоактуальные ценности	Актуальные ценности
Сильная власть	Сильное государство	Безопасность

Чёткая идеология	Демократия	Стабильность
	Равные возможности	Соблюдение прав
		Справедливость
		Свобода
		Отсутствие большого разрыва между богатыми и бедными

Как мы видим, в аутсайдерах оказались те политические ценности, которые скорее присуще гражданам авторитарного типа государства. Их отмечали реже всего, отдавая предпочтения ценностям более демократическим, хотя ценность демократии выбрали менее 20 %, что позволяет скорее причислить её к малоактуальным ценностям. В средней группе также оказалось сильное государство, очевидно более предпочтительное для респондентов, нежели сильная власть.

Таблица 3. Политические ценности по уровню дохода (в % от опрошенных)

		Категория населения по уровню дохода			
		Дене г хватает только на питание	Дене г хватает только на питание и одежду	Мож ем позволить себе купить крупные вещи	Прак тически ни в чем себе не отказывае м
Политически е ценности главные	свобода	11,1 %	45,8 %	37,5 %	5,6%
	демократия	6,5%	52,2 %	32,6 %	8,7%
	стабильность	10,8 %	33,3 %	44,1 %	11,8 %
	отсутствие	23,2	42,0	29,0	5,8%

	большого разрыва между богатыми и бедными	%	%	%	%
	безопасность	7,0%	49,0%	32,0%	12,0%
	сильная власть	4,8%	28,6%	47,6%	19,0%
	справедливость	15,5%	39,3%	33,3%	11,9%
	соблюдение прав	15,4%	36,3%	36,3%	12,1%
	четкая идеология	5,9%	41,2%	41,2%	11,8%
	равные возможности	14,6%	46,3%	26,8%	12,2%
	сильное государство	6,3%	36,5%	38,1%	19,0%

Данная таблица демонстрирует нам зависимость в распределении значимых политических ценностей от уровня доходов респондентов. Очевидно, что для опрошенных с низким уровнем дохода (денег хватает только на питание) наиболее важной ценностью из всех оказалось отсутствие большого разрыва между богатыми и бедными. Это показатель скорее носит экономический характер, нежели политический, но несомненно является значимым. Эти показатели схожи со средними. Для людей среднего достатка наоборот, демократия оказалась достаточно значимой ценностью. Её выбирали чаще всего, наравне с безопасностью и стабильностью. Людей с высокими доходами в наименьшей мере интересовали такие ценности как отсутствие большого разрыва между богатыми и бедными, а также свобода. У оставшихся ценностей процент выбора сравнительно одинаковый, в лидеры в этой категории населения выбиваются сильное государство и сильная власть, что диаметрально противоположно мнению всех остальных категорий населения.

Политические ценности транслируются сверху такими политическими институтами как президент, политические партии, правительство и т.п.,

представляются в разного рода политических текстах, программных документах партий и политиков, анализируются с помощью средств массовой информации и коммуникации. Многие исследователи отмечают, что наиболее широко провозглашаемой ценностью «сверху» в данный период времени можно назвать именно ценности силы, сильного лидера, сильной власти, государства с чёткой идеологией. Эта ценность связывается с образом президента, который предстаёт в глазах россиян в качестве сильного (и физически, и политически) лидера. Например, политолог Е. Б. Шестопал в своей статье отмечает: «В. Путин всегда воспринимался как очень мужественный (маскулинный) политик. По данному параметру, который достиг у него пика в апреле 2011 г., он всегда лидировал среди российской элиты». [3]

Можно предположить, что ценности, которые российская политическая элита пытается сверху навязывать рядовым гражданам встречают сопротивление, так как на самом деле люди нуждаются в других идеях. В свете последних событий, связанных с усугублением обстановки международной безопасности и ряда трагических событий, наиболее значимой ценностью оказалась именно безопасность. А как известно, стремление к безопасности порождает страх перед врагом и несёт преимущества для консервативно ориентированных политиков. Ведь в беспокойные времена привычнее и лучше, по мнению большинства людей, выбирать проверенное и надёжное, что и способствует выбору такой ценности как стабильность (более 40 %).

Исследователи по-разному определяют современное состояние российского массового сознания. Некоторые отечественные ученые считают, что после ценностного консенсуса или баланса 2000-х гг. на базе путинской метаидеологии в первые годы нового десятилетия наметилась тенденция его распада на уровне руководства страны: «Действия властей показывают, что путинский режим ощущает себя не слишком уверенно в условиях распада прежнего баланса и пытается выстроить новый». Однако никаких

существенных перемен в структуре идейно-политических предпочтений россиян не происходит и «ценностные предпосылки для воссоздания идеологического баланса сохраняются». [4]

На наш взгляд, вопрос о том, существует ли в российском обществе консенсус по политическим ценностям, до сих пор остаётся открытым. По большому счёту, рассогласованность мнений существует на уровне всего общества между политической элитой и рядовыми гражданами по некоторым ценностям, которые кажутся населению менее значимыми в данный момент нежели другие. Например, по мнению В.В. Петухова, партиям все меньше удается реализовывать функцию идеологической и политической идентификации, поскольку «старый спор между левыми и правыми истощил свою способность пояснять проблемные темы и предоставлять достоверную картину реальности». [5]

Не совсем верно говорить о всеобъемлющей несогласованности в ценностях: ведь лидирующие в нашем опросе позиции, такие как безопасность и стабильность также поддерживаются и провозглашаются членами политической элиты. К этому же мнению склоняется исследователь А. В. Селезнёва: «Мы также не наблюдаем серьезных трансформаций ценностей массового сознания, которые могли бы свидетельствовать о глубоком кризисе в головах людей. С точки зрения механизмов ценностных изменений пока все еще можно говорить о существовании консенсуса или баланса в отношении ключевых ценностных конструкторов на уровне российских граждан». [2]

Таким образом, ценностное состояние российского общества можно характеризовать как общество с частичной аномией, рассматривая его как ценностную рассогласованность между разными уровнями существования политических ценностей: уровнем производителей ценностей и смыслов (политическими партиями и элитой в целом) и уровнем потребителей ценностно-идеологических продуктов (рядовыми гражданами).

Библиографический список

1. Словарь по политологии / отв. ред. В.Н. Коновалов. - Ростов-на-Дону: РГУ, 2001.
2. Селезнева А. В. Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ. *Человек. Сообщество. Управление*. 2014. № 2.
3. Шестопад Е. Б. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2013. № 3.
4. Бызов, Л. Г. Представления и мечты россиян об устройстве России через призму ценностных и идейных противоречий общества. *Россия реформирующаяся*. 2012. № 11.
5. Петухов, В. В. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2011. № 1.

Смагина, Л.А.

Проблемы федерализма как части политического процесса

Smagina, L.

Problems of federalism as part of the political process

Аннотация. Проблемы, существующие в рамках федеративных отношений, напрямую связаны с тем, что на рубеже веков резко обострилась борьба за статусы, ресурсы, права и влияние между различными их участниками, что вызвано многими объективными и субъективными причинами. В современной России все более очевидным становится тот факт, что от характера федеративных отношений как части политического процесса зависит устойчивость демократического политического режима в целом. В статье рассматриваются особенности этнического федерализма, взаимоотношения таких процессов как национальное и федеративное.

Annotation. The problems existing in the framework of federal relations, directly related to the fact that the turn of the century has greatly increased the struggle for status, resources, rights and influence among the various parties to them that due to many objective and subjective reasons. In modern Russia is becoming increasingly clear that the nature of federal relations as part of the political process depends on the stability of a democratic political regime in general. The article discusses the features of ethnic federalism, the relationship of these processes as a national and federal.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: федеративные отношения, национальный вопрос, этнический федерализм, Российская Федерация, асимметрия, конфликтогенность, территориальная автономия.

KEYWORDS: federal relations, the national question, ethnic federalism, Russian Federation, asymmetry, conflict potential, territorial autonomy.

Состояние современного российского федерализма характеризуется наличием большого количества проблем и противоречий, которые зачастую дискредитируют саму идею построения федеративного государства: исключительно большое количество субъектов в составе Российской Федерации и

их социально-экономическое неравенство; наличие национального признака в административно-территориальном строении федерации; асимметричность статусов субъектов Федерации; неразвитость экономической базы федерализма; непоследовательность и противоречивость политики центра в области федеративных отношений; авторитаризм региональных политических режимов. При этом совершенствование российского федерализма может идти по пути укрепления центральной власти, интеграции и укрупнения регионов, устранения асимметричности статуса субъектов Федерации, строительства федерации на основе территориального подхода, развития системы разграничения предметов ведения и бюджетного федерализма [1].

Российский федерализм как общественное устройство еще не сложился, он проходит стадию первичного развития, которая во многих других федерациях занимала десятилетия. Особенности российской политической культуры делают это развитие весьма специфическим, непохожим на опыт других федераций мира, и недаром к нему проявляют такой живой интерес специалисты по федерализму во всем мире. Особое внимание привлекают несколько наиболее актуальных проблем становления российского федерализма, решение которых идет с особым трудом и во многом определяет характер политического процесса в стране.

Можно выделить, по меньшей мере, пять таких проблем.

Во-первых, наличие этнонационального признака в нашей федерации — признака, который за последнюю четверть века уже погубил три построенные на нем федерации. В новой России он не порождает, казалось бы, тяжелых противоречий в политике, но остается предметом тревожного внимания политиков и общественности.

Во-вторых, это явно асимметричная структура Российской Федерации, связанная в немалой степени с предыдущей проблемой, но имеющая и собственное наполнение. Зарубежные исследователи особенно внимательны

именно к этой стороне российского федерализма, но нередко преувеличивают ее значение.

В-третьих, это федеральные округа — новация путинского президентства, буквально потрясшая политическую жизнь страны в 2000 году. С самого начала ее суть была сильно искажена в представлениях широкой общественности, а функционирование шло весьма замысловатыми путями.

В-четвертых, это споры вокруг реформы административно-территориального деления, которые занимали российскую общественность на протяжении всего первого десятилетия нового века. Изменения АДТ на практике оказались минимальными, но сами дискуссии на эту тему немало способствовали осмыслению идей федерализма в нашей стране.

Наконец, в-пятых, это комплекс проблем, связанных с тем, как именно деятельность государственных властей России сказывается на практическом воплощении федералистских принципов в реальную жизнь страны и в какой степени эти власти отдают себе отчет в последствиях своих действий для регионального развития страны. Это одно из самых слабых мест нашей государственности, притом традиционно слабое, присущее и царской, и императорской, и большевистской России.

Кроме вышесказанного узловыми проблемами российского федерализма можно назвать этнические.

Национальный вопрос — одна из острейших проблем российской государственности, которая постоянно и горячо обсуждается политиками и общественностью с первых лет образования новой российской федерации. Эта острота унаследована от времен СССР, когда решение этого вопроса было одним из важнейших программных лозунгов большевиков. От СССР унаследована и традиция видеть в федерализме способ решения национального вопроса.

На самом деле федерализм и национальный вопрос — в принципе несовместимые вещи. Федерализм — это форма государственности, которая

имеет две цели: дополнительный контроль за государством ради защиты свобод и прав гражданина и автономия территориальных общностей людей с помощью т. н. вертикального разделения властей на федеральный уровень, региональный (субъект федерации) и местный (муниципальный)[2].

При федерализме территориальная общность людей имеет право на политическую автономию вне зависимости от состава ее населения; федерализм не признает никаких групповых интересов, кроме территориальных, и даже последние нередко оспариваются в их праве фигурировать как основание федерализма. Суть же решения национального вопроса — это равенство прав и свобод лиц любой национальности вне зависимости от места, где они проживают в пределах данного государства.

В известном смысле федерализм и национальный вопрос противоречат и мешают друг другу. Федерализм, допускающий автономию по национальному признаку, тем самым приписывает отдельной этнической группе какие-то определенные права только на территории данной автономии, тогда как за ее пределами те, кто относится к этой группе, как бы не вправе претендовать на это. В результате становятся ущербными и федерализм, и решение национального вопроса. Федерализм оказывается излишне асимметричным, потому что этнические автономии получают больше прав, чем не этнические, и это не просто чревато перенапряжением всей государственной структуры, но и противоречит исходной идее федерализма, настаивающей на равенстве граждан. Национальный же вопрос оказывается решенным только на определенных частях территории страны, а не в масштабе всего государства.

Тем не менее, федерализм постоянно используется для решения национального вопроса.

Одна из главных причин в том, что этничность — едва ли не самый эффективный механизм группового сплочения, и если она выражена территориально достаточно хорошо, то этнос или субэтнос почти всегда образует прочную территориальную общность людей. На этой почве легко

возникают политические требования — либо уравнивания в правах с остальными группами, либо (чаще) получения особых прав в рамках данной части территории. Предоставление таких прав нередко видится как удовлетворение подобных требований и, тем самым, как снятие остроты вопроса. Наиболее удобной формой государственности кажется при этом именно федерализм, поскольку он предусматривает политическую автономию территориальных частей в рамках единого суверенного государства.

На практике же введение этнического признака в федерализм только обостряет национальный вопрос в стране. Об этом свидетельствует судьба таких чисто этнических федераций, как СССР, Чехословакия, Югославия. Федерализм выводит национальный вопрос на чисто политический уровень, дает национализму точный территориальный адрес и тем самым усиливает его, порождая опасность сепаратизма и давая национализму возможность шантажировать политическое руководство. Он приводит к совпадению границ этноса с административными границами и тем провоцирует распадение государства, которое при перенапряжениях может лопнуть как раз по этому шву. В современной России значение национального вопроса резко преувеличено. Острота национального вопроса коренится в инерции проблематики, доставшейся от советских времен. Однако не менее важно и то, что именно автономные республики (прежде всего Татарстан) успешно использовали этнический признак для того, чтобы добиться автономии от центра, и тем способствовали появлению в России реального, а не фальшивого федерализма. Их заслуга в федерализации России огромна, но только на первом этапе, потому что и это слишком прочно связало российский федерализм с национальным вопросом, а сами политические руководители республик постоянно старались закрепить за собой не просто автономию, но повышенную автономию относительно других субъектов федерации. Этнический признак плохо работает в российском федерализме,

так как административные границы очень неточно оконтуривают этнические общности.

Тем не менее с национальным вопросом в России следует считаться. Этот вопрос прочно врос в общественную проблематику России, он окутан плотной завесой устойчивых социокультурных мифов, сильно политизирован и осложнен привычкой россиян апеллировать к государству в попытках решить любой, в том числе и этот, вопрос.

Генеральный путь выведения этнического признака из российского федерализма — это постепенный, но неуклонный перевод национального вопроса в рамки гражданского общества. Прежде всего, это всемерная деполитизация национального вопроса, переводение его в сугубо культурную проблематику (развитие нерусских языков в школьном и высшем образовании, в литературе и искусстве и т. п.). Государство не должно напрямую вмешиваться в эти процессы, потому что они являются делом самого этноса или субэтноса, озабоченного развитием своей культуры, и государство может лишь помогать ему в этих заботах. Наряду с этим государство должно удешевить свои усилия по борьбе с дискриминацией по национальному признаку в любой ее форме[3].

По нашему мнению, одним из наилучших способов урегулирования конфликтов в рамках федеративных отношений является упорядочение двусторонних связей, постоянное уточнение взаимных полномочий в соответствии со спецификой условий в каждый конкретный исторический момент. Целесообразно также говорить о необходимости использования достижений конфликтологии в целях своевременного предотвращения и адекватного ситуации урегулирования конфликтов в сфере взаимоотношений федерального центра и субъектов Федерации в современной России.

Реальное укрепление государственной власти и федеративных отношений в России может быть достигнуто при использовании стратегии, ведущим приоритетом которой является решение важнейших жизненных проблем широких социальных групп населения. Это поможет во многом и

минимизировать конфликтогенность внутри каждого из регионов, что в свою очередь будет способствовать снижению количества конфликтов в рамках федеративной системы в целом.

Список литературы:

1. Захарченко Ю.М. Институт федерализма в политических процессах современной России. Монография, М.: Изд-во МГУ, 2006. – 6 п.л.
2. Авксентьев В., Васильченко В. Тупики этнического федерализма//Обозреватель. №10, 2013. С.6-15.
3. Смирнягин Л.В. Актуальна ли проблема асимметрии в современной России? // Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб. ст. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 55-57.

Смагина Л.А., к.п.н., докторант РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация, smaginal@mail.ru ; +7(985)454-11-44.

Восприятие гражданской активности населением Ярославской
области*

Sokolov A.V. || Frolov A.A.

The perception of the civil active population of the Yaroslavl Region

В статье рассматриваются особенности гражданской активности в современной России. В рамках изучения гражданской активности на примере Ярославской области приведены данные исследования восприятия гражданской позиции и отношения к разнообразным формам общественной деятельности населения региона.

The article discusses the features of civic activity in modern Russia. The paper presents data of research of perception of civil position and relationship to the various forms of social activity of the population of the region in the Yaroslavl region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ, НКО, ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

KEYWORDS: CIVIC ENGAGEMENT, NGO, YAROSLAVL REGION, CIVIL SOCIETY

На данный момент основные особенности гражданской активности в стране связывают, в первую очередь, с развитием институтов гражданского общества и некоммерческих организаций. Современный этап развития гражданского общества в России несет в себе появление новых форм выражения и реализации интересов общества. Государство тоже не остается в стороне и с каждым годом уделяет все больше внимания некоммерческому сектору. Преобразования проводятся в законодательстве об НКО, увеличивается государственное финансирование работы НКО, создаются новые движения. В субъектах Российской Федерации увеличивается количество диалоговых площадок для общения граждан и органов власти. Люди более активно

включаются в работу общественных советов при органах власти, общественных палат регионов.

Посредством гражданской активности выражаются позиция и интересы населения, при этом представительство происходит как на федеральном, так и на региональном уровнях. Таким образом, новые характеристики социальной жизни существенно меняют все социально-политическое пространство и его субъектов. Н.А. Скобелина отмечает, что социальные изменения приводят к стиранию границ между частной и общественной жизнью. Поэтому проблемы, поднимающиеся общественными движениями, связаны с изменяющимися границами между общественной, личной и социальной жизнью [2, с.46].

Эффективное взаимодействие граждан и общества не требует сложных процедур и специальных организационных структур. Это показали опросы Всероссийского Совета местного самоуправления. Необходимыми условиями являются лишь активность со стороны граждан, открытость и стремление сотрудничать со стороны властей. При соблюдении этих условий можно добиться очень хороших результатов. В тех муниципалитетах, где взаимодействие с гражданами осуществляется системно и последовательно, накоплен целый арсенал методов и организационных форм [1, с.36-37].

Для изучения гражданской активности в отдельном регионе было проведено исследование гражданской позиции и отношения к разнообразным формам общественной деятельности в Ярославской области. Исследование проводилось 29-30 января 2015 года среди жителей Ярославской области в возрасте 18 лет и старше методом телефонного интервью по мету жительства респондентов по заранее разработанной анкете. В опросе приняли участие 615 человек - представители различных социально-демографических групп проживающие в различных населенных пунктах Ярославской области. Выборка репрезентативна для области в целом. Уровень достоверности данных составляет в целом по области 95%, статистическая погрешность находится в рамках диапазона 5,0%. Основные результаты исследования были разделены на несколько групп.

Анализируя оценки респондентов в отношении текущего уровня развития гражданской активности в их населенном пункте, можно увидеть, что они достаточно сдержаны. Только 22,5% участников опроса охарактеризовали его как «высокий» (4,6%) либо «скорее высокий» (17,9%). Чаще остальных такого мнения придерживались жители малых городов и сельских населенных пунктов. Остальные респонденты, не считая тех, кто затруднился ответить на соответствующий вопрос (17,9%), оценивают уровень общественной активности в населенном пункте своего проживания как «скорее низкий» (34,5%) и «безусловно низкий» (25,2%).

Анализ результатов двух социологических замеров, сделанных в декабре 2013 года и конце января 2015 года, на первый взгляд говорит о заметном снижении гражданской активности в муниципальных образованиях Ярославской области. Если в декабре 2013 года 30,8% респондентов заявили о высоком/среднем уровне гражданской активности, то в январе 2015 таких - 22,5% (минус 8,3%). Однако, при проведении сравнительного анализа результатов указанных замеров нужно учитывать исключительность 2013 года для Ярославской области с точки зрения общественно-политических событий - арест мэра г. Ярославля, главы г. Рыбинска. Указанные события и сопутствующие им мероприятия активно и всестороннее освещались в региональных и местных средствах массовой информации. Можно предположить, что оценочные характеристики уровня гражданской активности, выставленные респондентами в 2013 году, во многом стали следствием эмоционального восприятия гражданами указанных эпизодов.

Интересно отметить, что гражданская пассивность в Ярославской области наиболее характерна для жителей г. Рыбинска.

Согласно полученным данным, без учета института выборов, самыми распространенными и широко представленными в Ярославской области формами гражданской активности, на сегодняшний день, являются: письма и сбор подписей под обращениями (61,1%), митинги и публичные акции (53,2%), благотворительные акции (49,3%).

Широкая распространенность, встречаемость отдельных форм общественной активности в населенных пунктах Ярославской области не говорит о высоком уровне вовлеченности в них граждан и их массовости. Так, сообщили о том, что принимали участие в митингах лишь 13,7% респондентов и это несмотря на имеющиеся возможности и осведомленность населения о их проведении (коэффициент соотношения показателей «представлены» и «учувствовал» равен 0,25). Данный факт позволяет говорить о непопулярности среди населения региона данного механизма решения наиболее злободневных вопросов жизни общества.

Результаты говорят о том, что среди жителей Ярославской области самые популярные формы участия в жизни общества (без учета института выборов) - сбор подписей под обращениями в органы власти (социальные организации) (23,3%) и благотворительные акции (22,1%). Однако, и эти цифры в два-три раза меньше потенциальных, учитывая распространенность (представительность) данных форм гражданской активности на территории Ярославской области.

11,9% респондентов использует в осуществлении своей общественной деятельности и отстаивании своей гражданской позиции (сбор подписей) сеть Интернет и это при том, что имеют такую возможность и знают о ней 29,6% жителей области. Данная форма общественной активности имеет одно из лучших соотношений показателей «представлены» и «участвовал» (0,4), больше лишь у «благотворительных акций» (0,44). Очевидно, это связано с тем, что граждане могут принять участие в сборе подписей, не выходя из своего дома и даже не вставая с «кресла».

Если говорить о деятельности некоммерческих организаций, представленных в населенных пунктах Ярославской области, то здесь можно отметить важность актуализации информации об их деятельности и дальнейшего увеличения числа НКО и числа их отделений (филиалов) в городах, поселках, селах региона. Это позволит увеличить число их участников в два-три раза. Данный вывод опирается на закономерность,

наблюдаемую в соотношении показателей «представительность» и «участие» других форм гражданской активности. На начало 2015 года заявляло о наличии в их населенном пункте некоммерческой организации (её отделения/филиала) 20,5% респондентов. Сообщают о личном участии в деятельности некоммерческой организации лишь 3,6%.

Современному уровню развития добровольчества в Ярославской области относительное большинство участников исследования выставили 4 и 5 баллов – средний показатель по десятибалльной шкале составил 4,1 балла. Текущее значение показателя остается неизменным с декабря 2013 года (когда он составлял 4,2).

Благотворительность, является одной из наиболее распространенных форм гражданской активности в Ярославской области. Тем не менее, нынешний уровень развития благотворительности в регионе все же получил общественную оценку чуть ниже средней – 4,5 баллов по десятибалльной шкале. В конце 2013 года значение указанного показателя находилось на том же уровне.

Результаты исследования свидетельствуют, что жители Ярославской области на протяжении нескольких лет критично оценивают уровень развития общественного контроля в регионе. Средняя оценка по десятибалльной шкале в 2015 году не превысила 3,6 баллов (в декабре 2013 года данный показатель находился на уровне 3,7 баллов). Учитывая, что до середины 2014 года в России (21.07.2014 принят ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации») такое явление как общественный контроль характеризовалось «неорганизованностью» и имело черты стихийности – это очень не плохой показатель. В Ярославской области проект закона «Об общественном контроле в Ярославской области», на начало 2015 года находится на стадии обсуждения.

Можно предположить, что после принятия данного закона в 2015 году в Ярославской области доля высоких баллов в оценке развития общественного контроля будет расти.

В целом, несмотря на то, что в малых городах и сельских населенных пунктах различные формы гражданской активности представлены меньше, чем в г. Ярославле и г. Рыбинске, жители указанных населенных пунктов значительно чаще становятся их участниками.

По мнению жителей Ярославской области, развитию гражданской активности препятствуют индивидуализм и популярность среди населения принципа жизни «каждый сам за себя» (44,6%). Столько же подчеркнули, что развитию гражданской активности мешает не только индивидуализм, но и безразличие граждан к общественным делам (44,3%). Еще одной важной проблемой, мешающей развитию общественной активности, стала нехватка свободного времени (37,5%). Здесь скорее подразумевается невозможность сочетать общественную работу с личной и профессиональной сферой жизни.

Каждый третий респондент, полагает, что развитию гражданской активности на территории Ярославской области мешает неверие в возможность оказать влияние на принятие решения и низкий уровень доверия органам власти (37,5% и 36,0% соответственно).

На отсутствие организации гражданских действий пожаловались 28,2% участников опроса. По их мнению, это важный фактор, без которого невозможно дальнейшее развитие гражданской активности в Ярославской области.

Жители Ярославской области называли еще ряд барьеров мешающих развитию гражданской активности, но мнения по ним были менее консолидированными.

В целом, как показал опрос, к деятельности общественных объединений с доверием относятся 43,4% респондентов. Причем 14,8% доверяют полностью, а 28,6% в определенной степени. В свою очередь 10,0% признались, что не доверяют подобным объединениям (в том числе 2% «скорее не доверяют», 8% «не доверяют»).

Необходимо отметить, что значительная часть опрошенных просто не смогла ответить на соответствующий вопрос, и выбрали ответ «затрудняюсь

ответить» (46,7%). Очевидно, это связано с нехваткой информации о деятельности общественных объединений.

За последние несколько лет отношение жителей Ярославской области к деятельности общественных объединений претерпело кардинальные изменения. В три с половиной раза уменьшилась доля респондентов в различной степени испытывающих недоверие к их работе (с 35% в 2012 году до 10% в 2015 году), при этом значительно возросла доля затруднившихся с ответом участников опроса (с 21,7% с 2012 году до 46,7% в 2015 году). Указанные изменения позволяют сделать предположение о наметившемся в общественном сознании переосмыслении важности и значимости для социума деятельности общественных объединений. Дальнейшее изменение оценочных суждений граждан относительно работы общественных объединений будет зависеть от информационной составляющей, т.е. активности и качества освещения событий происходящих в «жизни» общественных организаций.

Продемонстрированные данные, характеризующие региональную специфику гражданской активности Ярославской области, позволяют сделать следующие выводы:

1. В настоящее время жители Ярославской области полагают, что текущий уровень развития гражданской активности в регионе находится на невысоком уровне. Только каждый четвёртый участник опроса (22,5%) охарактеризовал уровень развития гражданской активности как «высокий» (4,6%) либо «скорее высокий» (17,9%). Однако, учитывая тот факт, что многие люди не соотносят добровольчество и благотворительность с гражданской активностью, можно сказать, что реальные оценки уровня развития гражданской активности в Ярославской области несколько выше.

2. На сегодняшний день жители Ярославской области критично оценивают уровень развития общественного контроля в регионе – средняя оценка по десятибалльной шкале не превысила 3,6 баллов.

3. Самым важным препятствиями развития гражданской активности в Ярославской области, по мнению респондентов, являются индивидуализм и популярность среди населения принципа жизни «каждый сам за себя».

4. К деятельности общественных объединений с доверием относятся 43,4% респондентов. Стоит отметить, что значительная часть опрошенных просто не смогли ответить на соответствующий вопрос и выбрали ответ «затрудняюсь ответить» - 46,7%.

5. В Ярославской области отчетливо прослеживается нехватка доступной информации о деятельности общественных институтов.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №16-03-00394 а «Управление гражданской активностью на региональном уровне: инструменты и результаты (на примере Ярославской области)»

Список литературы:

1. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2011 г.). М. Общественная палата Российской Федерации. 2012. 144 с.

2. Скобелина Н. А. К вопросу о «новизне» современных российских общественных движений» // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 46-49.

УДК 316.35

ББК 60.5

Соломатин, Я.И.

**Политические ориентации современной молодежи Екатеринбурга:
общая характеристика**

Solomatin, Ya.

**Modern Yekaterinburg youth political orientations: a general
description**

Аннотация. В статье представлены сведения о политических ориентациях современной молодежи Екатеринбурга. Показано, насколько политика интересна представителям молодого поколения. Охарактеризована степень поддержки молодежью Екатеринбурга деятельности руководства их города, Свердловской области и России. Описан уровень политического доверия молодых людей по отношению к местным, региональным и федеральным властям. Приведены данные о политической активности и электоральных предпочтениях екатеринбургской молодежи.

Abstracts. The article presents the data about modern Yekaterinburg youth political orientations. The level of young generation representatives interesting to politics is showed. The degree of Yekaterinburg youth supporting of the activity of the guidance of their city, Sverdlovsk region and Russia is characterized. The level of the young people political credibility to the local, regional and federal authorities is described. The data about Yekaterinburg youth political activeness and electoral preferences are presented.

Ключевые слова: современная молодежь Екатеринбурга, политические ориентации, политическая поддержка, политическое доверие, политическая активность, электоральные предпочтения, руководство России, руководство Свердловской области, руководство Екатеринбурга.

Key words: modern Yekaterinburg youth, political orientations, political supporting, political credibility, political activeness, electoral preferences, the guidance of Russia, the guidance of Sverdlovsk region, the guidance of Yekaterinburg.

В январе-феврале 2015г. кафедрой прикладной социологии УрФУ в г. Екатеринбурге было проведено исследование на тему: «Политические ориентации молодежи мегаполиса в современной России». В опросе принимали участие студенты ведущих вузов столицы Среднего Урала и представители работающей молодежи в возрасте до 30 лет. В нашей статье мы представим часть полученных результатов.

Прежде всего, отметим, что представителям молодого поколения екатеринбуржцев присущ разный уровень интереса к политике, но при этом лица, вообще не интересующиеся политикой, оказались в абсолютном меньшинстве (таблица 1). Наибольшее количество участников опроса узнает политическую информацию из Интернета, а также по телевидению и от друзей и знакомых (таблица 2).

Таблица 1. Распределение мнений респондентов по вопросу: «Интересуетесь ли Вы тем, как развиваются события в политической жизни России?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) да, внимательно слежу за развитием ситуации	34,1
2) слежу за развитием событий, но мне это не очень интересно	15,4
3) иногда проявляю интерес к отдельным политическим событиям	44,4
4) нет, политика меня не интересует	5,5

5) затрудняюсь ответить	0,6
-------------------------	-----

Таблица 2. Распределение мнений респондентов по вопросу: «Интересуетесь ли Вы тем, как развиваются события в политической жизни России?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) Интернет	91,6
2) телевидение	61,7
3) радио	19,9
4) газеты, журналы	21,9
5) друзья, знакомые	45,3
6) коллеги	13,2
7) родственники	18,0
8) другое (напишите)	2,9

Полученные в ходе опроса данные говорят о том, что текущему состоянию дел в России положительную оценку (и при этом далеко не всегда уверенную) дают в общей сложности лишь 42,2 % молодежи (таблица 3). Исходя из этого, можно было бы предположить, что российское руководство (в первую очередь, по мнению респондентов, отвечающее за развитие страны) не пользуется высокой поддержкой молодого поколения. Однако результаты исследования свидетельствуют об обратном (таблица 4).

Таблица 3. Распределение мнений респондентов по вопросу: «Как Вы оцениваете общее положение дел в России на сегодняшний день?»

Варианты ответов	Ответы, %
------------------	-----------

1) положительно	5,5
2) скорее положительно, чем отрицательно	36,7
3) скорее отрицательно, чем положительно	33,1
4) отрицательно	18,3
5) затрудняюсь ответить	6,4

Таблица 4. Распределение мнений респондентов по вопросам: 1) «Поддерживаете ли Вы политику нынешнего руководства России?»; 2) «Одобряете ли Вы деятельность нынешнего руководства Свердловской области?»; 3) «Одобряете ли Вы деятельность нынешнего руководства г. Екатеринбурга?»

Варианты ответов	Ответы, %		
	1	2	3
1) полностью поддерживаю (ободряю)	10,0	3,5	3,9
2) скорее поддерживаю (ободряю), чем не поддерживаю (не ободряю)	44,7	34,4	36,3
3) скорее не поддерживаю (не ободряю), чем поддерживаю (ободряю)	18,3	14,8	16,7
4) полностью не поддерживаю (не ободряю)	8,4	4,8	4,2
5) затрудняюсь ответить	18,6	42,4	38,9

Как видно из таблицы 4, политика руководства России (олицетворением которого является, прежде всего, Президент РФ В.В. Путин) пользуется поддержкой (полной или частичной) 54,7% молодежи Екатеринбурга. Категорически оказывают руководству страны в поддержке только 8,4% опрошенных. А вот деятельность руководства Свердловской области (в лице, в первую очередь, Е.В. Куйвашева) и г. Екатеринбурга (то есть Е.В. Ройзмана и А.Э. Якоба) одобряется уже меньшим количеством респондентов (в общей сложности 37,9% и 40,2% соответственно). Немало опрошенных вообще затруднились одобрить или не одобрить деятельность руководства их региона и города, и в обоих случаях показатели более чем в два раза превышают число тех, кто затруднился выразить свою поддержку или неподдержку политике руководства России. Сами молодые люди объясняют подобные затруднения тем, что они мало знают о деятельности руководителей области и города, не видят её реальных результатов, а нередко вообще её не интересуются.

Действующее руководство России (и, в первую очередь, Президент Путин) пользуется не только высокой поддержкой, но и высоким политическим доверием молодежи (таблица 5), что нельзя сказать о руководителях Свердловской области и Екатеринбурга. Как и в случае с затруднениями ободрения или неодобрения деятельности руководителей региона и города, причины не очень высокого доверия к ним заключаются в отсутствии у молодежи достаточных сведений о деятельности руководства области и её столицы или вообще интереса к ней. «Двуглавному» руководству Екатеринбурга респонденты не доверяют еще и потому, что, по их мнению, ни мэр, ни сити-менеджер не берут на себя реальной ответственности за развитие города, перекладывая её друг на друга. Ройзману не добавляет популярности и то, что, по словам опрошенных, он «дискредитировал себя, не выполнив свои предвыборные обещания». Мэра, не обладающего реальной властью, считают слабым. Также респонденты указывают на то, что

руководство Екатеринбурга «зачастую решает собственные вопросы, а не работает на благо города и его жителей» [1; С. 356-357].

Таблица 5. Распределение мнений респондентов по вопросу: «Насколько Вы доверяете: 1) Президенту РФ; 2) Правительству РФ; 3) Губернатору Свердловской области; 4) Правительству Свердловской области; 5) Главе г. Екатеринбурга; 6) Администрации г. Екатеринбурга?»

Варианты ответов	Ответы, %					
	1	2	3	4	5	6
1) В целом доверяю	3 6,7	15, 4	1 0,3	6, 4	19, 0	11, 9
2) Частично доверяю	4 1,5	50, 5	3 7,0	4 0,2	32, 2	38, 9
3) Не доверяю	1 6,7	25, 7	3 0,5	2 5,1	27, 7	24, 8
4) Ничего не знаете о его/их деятельности	0, 3	1,6	1 0,9	1 6,4	10, 3	12, 9
5) Затрудняюсь ответить	4, 8	6,8	1 1,3	1 1,9	10, 9	11, 6

Несмотря на разницу в степени осведомленности, интереса, поддержки и доверия по отношению к руководителям федерального, регионального и местного уровней, большинство участников опроса сумели критически оценить деятельность руководства всех трех уровней, выделив в каждом случае как достижения, так и неудачи руководителей (таблицы 6 и 7). Наибольшую озабоченность у респондентов неизменно вызывают ситуация в

экономике и социальной сфере, а также проблема коррупции. При этом в адрес руководства России раздается заметно больше критики, нежели в адрес властей регионального и местного уровней. Подобные результаты, помимо уже указанных выше факторов (отсутствие интереса к деятельности руководства области и города и недостаточных о ней сведений), объяснимы еще и тем, что именно на руководство страны молодежи возлагает наибольшую ответственность за свою нынешнюю жизнь и своё будущее.

Таблица 6. Распределение мнений респондентов по вопросу: «Каковы, на Ваш взгляд, основные достижения нынешнего руководства: 1) России; 2) Свердловской области?; 3) г. Екатеринбурга?»

Варианты ответов	Ответы, %		
	1	2	3
1) стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране (данный вариант ответа касался только руководства России)	32,5	---	---
2) упрочнение единства России (данный вариант ответа касался только руководства России)	29,9	---	---
3) пресечение попыток «цветных революций» в России в 2011-2012 гг. (данный вариант ответа касался только руководства России)	16,7	---	---
4) успехи в борьбе с коррупцией	4,5	3,5	4,5
5) успехи в экономике	3,9	7,1	7,7

6) успехи в социальной сфере (образование, здравоохранение, спорт и т.п.);	17,4	22,5	21,9
7) достижения в области культуры	10,9	20,3	25,7
8) укрепление вооруженных сил и обороноспособности России (данный вариант ответа касался только руководства России)	42,4	---	---
9) успешная внешняя политика, укрепление положения России на международной арене (данный вариант ответа касался только руководства России)	32,2	---	---
10) нынешнее руководство России / Свердловской области / Екатеринбурга не имеет значимых достижений	13,5	25,7	20,3
11) затрудняюсь ответить	12,5	37,0	38,9
12) другое (напишите)	2,3	1,9	3,2

Таблица 7. Распределение мнений респондентов по вопросу: «В чём, на Ваш взгляд, заключаются главные просчеты и ошибки нынешнего руководства: 1) России; 2) Свердловской области?; 3) г. Екатеринбурга?»

Варианты ответов	Ответы, %		
	1	2	3

1) нарастание авторитарных тенденций в управлении страной (данный вариант ответа касался только руководства России)	22,5	---	---
2) общая стагнация, «замораживание» существующих в стране проблем (данный вариант ответа касался только руководства России)	40,8	---	---
3) неудачи в борьбе с коррупцией	38,9	36,3	30,9
4) проблемы в экономике	55,9	33,4	24,8
5) проблемы в социальной сфере (образование, здравоохранение, спорт и т.п.)	38,6	29,6	28,0
6) проблемы в области культуры	10,6	9,6	9,0
7) ослабление вооруженных сил и обороноспособности России (данный вариант ответа касался только руководства России)	1,9	---	---
8) неудачная внешняя политика, ослабление положения России на международной арене (данный вариант ответа касался только руководства России)	23,2	---	---

9) нынешнее руководство России / Свердловской области / Екатеринбурга не допускало серьезных просчетов и ошибок	1,9	5,8	7,7
10) затрудняюсь ответить	5,8	38,3	40,2
11) другое (напишите)	2,6	2,3	4,2

Невзирая на свою высказанную критику, лично для В.В. Путина электоральные предпочтения молодых екатеринбуржцев выглядят весьма благоприятно. В момент проведения опроса за него уверенно были готовы проголосовать 62,4% респондентов при 23,2% говорящих действующему Президенту РФ «Нет» и 14,4% затруднившихся ответить. Однако, справедливости ради, следует отметить, что среди потенциальных избирателей, сказавших Путину «Да», есть немало тех, которые придерживаются мнения о том, что действующий Президент России при любом раскладе выиграет выборы, что он безальтернативен («Голосовать больше не за кого») и является для России в нынешней ситуации наименьшим злом («Лишь бы хуже не стало»). Этим объясняется то, что представителей молодежи, готовых проголосовать за Путина, больше, нежели тех, кто положительно оценивает общее положение дел в России на сегодняшний день, тех, кто поддерживает политику нынешнего руководства России (олицетворяемого, в первую очередь, главой государства), и тех, кто в целом доверяет Президенту РФ [2; С. 1553].

А вот на вопрос: «Если бы выборы в представительный орган федерального, регионального или местного уровня проходили сегодня, за какую партию (или за кандидата от какой партии) Вы бы проголосовали?» большинство респондентов затруднились ответить (таблица 8). Объясняли участники опроса свою позицию тем, что, во-первых, они не знакомы или мало знакомы с программами партий и, во-вторых, тем, что они не доверяют существующим в России партиям. Полученные результаты позволяют

сделать вывод о том, что в Екатеринбурге на ближайших выборах при голосовании по партийным спискам заметное количество голосов может набрать графа «Против всех» (при её наличии в бюллетени). При голосовании же по одномандатным округам высокий результат могут показать независимые кандидаты (не представляющие, по крайней мере, формально, ту или иную партию), а также вариант «Против всех».

Таблица 8. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если бы выборы в представительный орган федерального, регионального или местного уровня проходили сегодня, за какую партию (или за кандидата от какой партии) Вы бы проголосовали?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) «Единая Россия»	28,0
2) КПРФ	3,2
3) ЛДПР	7,1
4) «Справедливая Россия»	3,5
5) «Яблоко»	1,9
6) «Гражданская платформа»	9,3
7) затрудняюсь ответить	37,0
8) другая (напишите)	10,0

Среди респондентов, выбравших конкретную политическую партию, подавляющее большинство отдали предпочтение «Единой России» (ЕР). Однако чаще всего, по словам самих участников опроса, поддержка оказывается не столько самой партии, сколько её фактическому лидеру – Президенту РФ В.В. Путину. Помимо этого, часть готовых проголосовать за ЕР представителей молодежи считает данную партию «меньшим из

возможных зол», а часть полагает, что ЕР «всё равно победит на выборах» и «голосовать за иную партию нет смысла» [2; С. 1552-1553].

Следует отметить, что молодым екатеринбуржцам свойственна высокая избирательная активность. В общей сложности, 86,8% опрошенных принимали участие в выборах, хотя и делали это с разной частотой (таблица 9). Мотивы участия (либо неучастия) респондентов в выборах были названы различные, но преобладающими оказались такие варианты ответа, как «участвую, потому что считаю участие в выборах своим гражданским долгом» и «участвую, потому что мне безразличен исход выборов» (таблица 10), что говорит о высоком уровне политической ответственности современной екатеринбургской молодежи [2; С. 1552].

Таблица 9. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Принимаете ли Вы участие в выборах?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) всегда, не пропускаю ни одни из них	25,1
2) стараетесь принять участие, если позволяет время	43,7
3) редко, от случая к случаю	18,0
4) никогда не участвую в выборах	13,2

Таблица 10. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Каковы мотивы Вашего участия / неучастия в выборах?»

Варианты ответов	Ответы, %
1) участвую, потому что считаю это своим гражданским долгом	48,2

2) участвую, потому что мне небезразличен исход выборов	41,5
3) участвую, потому что большинство людей это делает	3,9
4) участвую, потому что мне это просто интересно	12,9
5) участвую, пока у меня есть такая возможность	15,8
6) не участвую, потому что от выборов ничего не зависит	6,8
7) не участвую, так как не вижу достойных кандидатов	6,4
8) не участвую, так как есть дела поважнее	4,5
9) затрудняюсь ответить	6,1
10) другое (напишите)	6,4

В заключение можно отметить, что, несмотря на отмечаемые успехи и имеющийся уровень поддержки со стороны граждан России (в том числе, молодежи), в настоящее время перед руководством РФ стоит трудная (с учетом нынешних реалий) задача, как минимум, не потерять ту поддержку, которой оно сейчас пользуется. Позиция молодежи (и в особенности её наиболее политически осведомленной и активной части, проживающей в крупных городах) важна в связи с тем, что именно её представители составят значительную часть электората, который придет на избирательные участки в сентябре 2016г., когда будут выбирать новый состав Государственной Думы. И во многом от голосов молодых избирателей будет зависеть результат, полученный «Единой Россией» на парламентских выборах.

Список литературы

1. Соломатин Я. И. Лидеры или менеджеры? Восприятие молодежью Екатеринбурга современных политических руководителей. / Я. И. Соломатин // Международная междисциплинарная конференция «Идентичность и

миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования», [г. Екатеринбург, 10-11 апреля 2015 г.]. – Екатеринбург: [УрФУ], 2015. – С. 347-358.

2. Соломатин Я. И. Политические ориентации молодежи мегаполиса в современной России: электоральные предпочтения. / Я. И. Соломатин // Десятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 13-15 ноября 2015 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. – С. 1551-1555.

ББК 74.660.8

УДК 748

Сундукова Т.А.

**Факторы, обуславливающие проявление экстремистских настроений
в молодежной среде и в образовательной среде профессиональной
образовательной организации**

Аннотация. На основе данных социологического исследования анализируется влияние различных факторов экстремистской направленности на проявление экстремистских настроений обучающихся профессиональных образовательных организаций.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские настроения, толерантность, образовательная среда.

Based on empirical sociological research the author analyzes correlation between signs of extremism in social environment and extremist moods of modern Further education students.

Key word: extremism, extremist moods, tolerance, learning environment.

В течение последних десяти лет в Свердловской области было зафиксировано проявление различных факторов экстремистской направленности: рост экстремистских настроений, распространение литературы экстремистского содержания, нападение на иностранных граждан со стороны активистов молодежных группировок скинхедов.

Молодые люди, особенно в раннем юношеском возрасте, в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки, подвержены радикальным взглядам и убеждениям. В связи с этим, в образовательных организациях основное внимание в работе по

противодействию экстремизму необходимо уделять профилактике и своевременному предупреждению.

С точки зрения юриспруденции, экстремистской организацией (движением) признается та, в отношении которой принято судебное решение о ликвидации или запрете в связи с осуществлением экстремистской деятельности [1]. В связи с этим говорить о проявлении в образовательных средах экстремизма в чистом виде было бы некорректным. Вместе с тем в образовательных средах можно зафиксировать проявление факторов экстремистской направленности.

Статья основана на материалах социологического исследования, проведенного в 2015 году в профессиональных образовательных организациях Свердловской области. В исследовании приняли участие 1935 обучающихся профессиональных образовательных организаций Свердловской области.

Доля обучающихся колледжей и техникумов, для которых характерен высокий и средний уровень информированности, составляет 36,9%. Респонденты с высоким уровнем информированности (7,0%) осведомлены не только об общеизвестных фактах проявления экстремизма в Свердловской области, но и о событиях экстремистской направленности в своем городе (поселке, селе), молодежных организациях, деятельность которых квалифицируется как экстремистская. Практически десятая часть студентов колледжей и техникумов (9,8%) располагают информацией о молодежных организациях, группах, общностях различной направленности: политических, фашистских, антифашистских, криминальных, субкультурных, в том числе и о молодежных организациях экстремистской направленности.

Наряду с достаточно высоким уровнем информированности обучающиеся испытывают сложности с интерпретацией понятий, которые часто используются не только в публикациях по проблемам экстремизма, но и в обыденной жизни. При определении понятий содержательно охарактеризовать понятие «патриотизм» не смогли 15% обучающихся,

понятие «национализм» - порядка 30%. Это вызывает опасения, поскольку в образовательных организациях отмечается именно националистический характер проявлений факторов экстремистской направленности.

Способность дать определение понятиям «патриотизм» и «национализм» свидетельствует о сформированности представлений об этих понятиях. Отсутствие этой способности указывает на то, что столкнувшись с негативными проявлениями национализма или искаженными представлениями о патриотизме человеку будет сложно выявить их, и как следствие, принять решение о своем отношении к этим проявлениям, определить свое дальнейшее поведение, что создает риск вовлечения студентов в антиобщественные объединения.

Основными источниками, в которых обучающиеся встречают информацию о проявлениях экстремизма и деятельности организаций экстремистской направленности, являются СМИ, Интернет, в том числе социальные сети, фильмы. При этом Интернет является основным источником информации, где можно получить не только сведения о проявлениях экстремизма, но и информацию экстремистской направленности.

Практически каждый пятый обучающийся (19,6%) информацию о проявлениях экстремизма слышал от друзей и знакомых. В кругу студентов данная тема обсуждается, и среди их знакомых и друзей есть молодые люди, которые являются членами тех или иных молодежных организаций, в том числе и экстремистской направленности. В основном в кругу знакомых участников исследования отмечены представители разнообразных суб- и контркультур, связанных с политикой, философией, религией, музыкой и, прежде всего, спортивные и музыкальные фанаты.

Доля обучающихся профессиональных образовательных организаций, среди знакомых которых отмечены представители молодежных движений и контркультур экстремистской направленности, составляет порядка 20%. Чаще других респондентами упоминались представители сообществ,

разделяющие взгляды националистов, антифашистов, а также групп молодежи самостоятельно, без помощи полиции, решающих проблемы, связанные с такими пороками общества, как наркоторговля, педофилия.

Для большинства обучающихся характерно либо неодобрительное отношение к организациям, деятельность которых направлена против представителей определенных национальностей и вероисповедания, либо индифферентное. Вместе с тем, у определенной части обучающихся (порядка 15%) деятельность подобных организаций вызывает интерес. Следует отметить, что 6,8% респондентов выразили одобрение деятельности организаций националистического характера, 3,3% - изъявили желание вступить в подобную организацию. Проявление заинтересованности обучающихся, а тем более сформированность у некоторых из них позитивной оценки деятельности организаций экстремистской направленности, заставляет обратить внимание на содержание работы с обучающимися по профилактике экстремистских настроений.

В целом для образовательной среды профессиональных образовательных организаций Свердловской области не типично обострение конфликтов, в том числе межнациональных и межрелигиозных. Уровень межэтнических взаимодействий, особенно в г. Екатеринбурге и крупных городах области, достаточно высок. Преимущественная доля респондентов имеют друзей и знакомых других национальностей и вероисповедания.

Для основной части обучающихся профессиональных образовательных организаций присущи национальная и религиозная толерантность. Толерантная позиция обучающихся ПОО основана в большей степени на безразличии к представителям других национальностей и вероисповеданий, чем на интересе и доброжелательном к ним отношении.

В ходе исследования выявилась зависимость уровня толерантного отношения респондентов к представителям других национальностей и вероисповедания от того, насколько тесное взаимодействие, общение установлено между ними. Наиболее терпимы обучающиеся к представителям

ближнего круга общения: к друзьям, одноклассникам, преподавателям; наименее терпимы – к представителям других национальностей и вероисповедания, которые являются соседями или жителям того же населенного пункта (города, поселка, села). Социальные стереотипы, формирование негативного образа «мигрантов» в обществе, а также отсутствие личных контактов с представителями других национальностей обуславливают менее терпимое отношение к ним.

В студенческих коллективах профессиональных образовательных организаций качество межличностных отношений не определяется национальной принадлежностью человека. Национальные аспекты в иерархии ценностей общения основной части обучающихся не являются значимыми. Больше всего студенты колледжей/техникумов, принявшие участие в исследовании, ценят в дружбе взаимопонимание, взаимопомощь и поддержку; ценность принадлежности к определенной национальности значима для 4,0% респондентов.

Вместе с тем, для части обучающихся, пусть и незначительной (порядка 8%), характерны негативные установки по отношению к однокурсникам других национальностей. Желание ограничить круг общения, неприязненное отношение со стороны студентов русской национальности проявляется в тех случаях, когда представители других национальностей ведут себя вразрез общепринятым нормам, активно демонстрируя этническую идентичность и желание обособиться.

В рамках проведения профилактической работы по противодействию распространению интолерантных, экстремистских настроений в колледжах, техникумах, педагогическим работникам необходимо обращать особое внимание на процессы адаптации обучающихся, приехавших из стран ближнего зарубежья, детей мигрантов.

Для большей части участников исследования национальная принадлежность человека не является фактором, определяющим отношение к нему. Вместе с тем, более 40% респондентов осознанно или неосознанно

обращают внимание на манеру поведения, внешность и даже черты лица представителей других национальностей.

Факторами, имеющими наибольшее влияние на отношение респондентов к представителям других национальностей, являются нежелание представителей одной национальности считаться с традициями других национальностей, незнание родного языка представителей других национальностей, другая манера поведения, другой менталитет.

В качестве наиболее значимых причин проявления в молодежной среде экстремистских настроений и поведения можно определить подверженность молодежи чужому влиянию, мнению, отсутствие у молодых людей идеалов и нравственных ориентиров, а также сформированной гражданской позиции, позволяющей осознанно выражать отношение к проявлениям экстремизма. В сочетании с тем, что современная молодежь стремится ко всему новому, считает модным проявление любой нестандартной, «иной» позиции, актуальным становится определение наиболее действенных мер по формированию антиэкстремистских установок.

В связи с вышеизложенным, закономерным является тот факт, что при столкновении с проявлениями экстремистских настроений или поведения даже гипотетически половина обучающихся предпочитают не замечать этого и не предпринимать никаких действий.

Для обучающихся профессиональных образовательных организаций характерен невысокий уровень информированности об ответственности за действия экстремистского характера. Осведомлены об административной и уголовной ответственности за экстремистскую деятельность немногим более половины обучающихся (56,2%). Важным является факт, что большинство студентов колледжей и техникумов осознают опасность влияния чужого мнения, отсутствия необходимой правовой культуры для того, чтобы правильно оценить какую-либо информацию или событие, разобраться в сложившейся ситуации. Задача педагогических работников – грамотно

определить методы работы со студентами по формированию толерантного сознания, антиэкстремистской личностной позиции.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».
2. Актуальные вопросы исследования и профилактики экстремизма: материалы международной науч.–практ. конф. /Федеральное агентство по образованию, С-Петерб. гос. Ун–т, Рос. гуманитар. фонд, Рос. акад. образования, Акад. гуманитарных наук [и др.]. – СПб.: [б. и.], 2004. –254 с.
3. Кубякин, Е.О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема /Е.О. Кубякин //Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 4. – С. 149-152.
4. Суслонов, П.Е. Политический экстремизм: опыт теоретического исследования: монография /П.Е. Суслонов. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2010.
5. Чупров, В.И. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции /В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. – М.: Academia, 2009. – 320 с.

Формы участия населения в местном самоуправлении: опыт
Федеративной Республики Германия

Tarbeeveva, I.

**Forms of participation of the population in local government:
experience of the Federative Republic of Germany**

Аннотация: В статье рассматриваются формы участия населения в местном самоуправлении в Германии на основе Положения об общинах Федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия. Рассмотрены перспективы использования опыта Германии для развития гражданского общества в рамках системы местного самоуправления в России.

Abstract: In article forms of participation of the population in local government in Germany on the basis of the Provision on communities of the Federal land Northern Rhine-Westphalia are considered. Prospects of use of experience of Germany for development of civil society within system of local government in Russia are considered.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ, СЕВЕРНЫЙ РЕЙН-ВЕСТФАЛИЯ, ОБЩИНА, ГРАЖДАНСКОЕ РЕШЕНИЕ, ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА, СОВЕТ, ОБРАЩЕНИЯ.

Keywords: LOCAL GOVERNMENT, NORTHERN RHINE-WESTPHALIA, COMMUNITY, CIVIL DECISION, CIVIL INITIATIVE, COUNCIL, ADDRESSES.

После того, как Россия ратифицировала Европейскую Хартию местного самоуправления в 1998 году, она приняла международные нормы организации и функционирования местного самоуправления на своей территории. С этой точки зрения для нашей страны может быть интересен и полезен опыт других европейских стран по созданию и развитию системы местного самоуправления. Россия и Германия имеют федеративное государственное устройство, где местное самоуправление — это третий уровень публичной власти – после федерального и регионального. Кроме

этого, исследователи отмечают общие исторические черты формирования системы местного самоуправления в обоих государствах. Также модель местного самоуправления в ФРГ считается одной из самых сильных и эффективных в Европе [1, с. 89]. России, как стране, которая встала на путь реформирования системы местного самоуправления, стоит обратить внимание на опыт Германии.

ФРГ состоит из 16 земель, из них Бремен, Берлин и Гамбург являются землями-городами (в терминологии российского законодателя – «города федерального значения») [2, с. 65]. Бремен разделен на два города муниципалитета – Бремен и Бременхафен. Пять земель делятся на административные округа, которые объединяют несколько районов. Остальные восемь федеральных земель делятся только на районы (сельские районы и города). Районы территориально разделены на общины (коммуны). Коммуна является базовым элементом всего механизма самоуправления. Под определением «самоуправление» в Германии понимают именно коммунальное самоуправление [2, с.178]. Местное самоуправление в Германии является частью государственной власти. На федеральном уровне закрепляются лишь основы местного самоуправления: «Общинам должно гарантироваться право регулировать все дела местного сообщества в рамках законов под собственную ответственность...Гарантия самоуправления охватывает также основы собственной финансовой ответственности; эти основы включают полагающийся общинам и определяемый их экономической силой налоговый источник с правом установления ставок налога» [4, с. 269]. Федеральных законов об организации местного самоуправления в Германии нет: «Земли имеют право законодательства, поскольку настоящий основной закон не наделяет законодательными полномочиями Федерацию» [4]. Таким образом, Федеральные земли самостоятельно принимают муниципальную Конституцию, которая действует на всей ее территории, при этом общины не имеют права самостоятельно устанавливать систему местного самоуправления в своих уставах. Только самые простые вопросы (например,

число и вид комитетов представительного органа; финансовые полномочия совета или бургомистра) могут закрепляться в местных регламентах [3, с. 183].

В коммунальной Конституции устанавливается тип организационного устройства общин. В германской модели местного самоуправления принято выделять четыре типа: Магистратный тип; Северо-германский тип; Бургомистерский тип; Южно-германский тип [5]. Каждый тип определяет свою модель функционирования и структуры органов местного самоуправления.

Эффективность местного самоуправления в большей мере, чем эффективность государства, определяется степенью участия в нем людей [2]. Э. Маркварт в своих работах анализирует и сравнивает местное самоуправление в России и Германии. Автор отмечает, что наряду с уважительным отношением к общинному местному самоуправлению как к ценности в Германии присутствует и рациональное понимание необходимости поддержания активного, гражданского и эффективного местного самоуправления. Связано это, прежде всего, с высоким уровнем самостоятельности местного самоуправления и достаточно небольшими по территории и численности населения общинами-муниципалитетами. В Германии не стремятся упразднить или объединять общины, так как существующее местное устройство способствует формированию активного гражданского общества, которое чувствует ответственность за осуществление местного самоуправления на территории своего муниципалитета.

Как уже отмечалось ранее, каждая федеральная земля имеет свою коммунальную Конституцию или Положение об общинах (*die Gemeindeordnung*). Мы рассмотрели Положения об общинах трех Федеральных земель: Саксонии, Северный Рейн – Вестафалия и Шлезвиг-Гольштейн. Стоит отметить, что Положения достаточно объемны, включают 6-7 разделов и больше сотни параграфов, регулирующих местное

самоуправление на территории земли. Именно на уровне земли закреплены механизмы участия населения в местном самоуправлении. Обратимся к Положению об общинах для земли Северный Рейн-Вестфалия. Часть 3, которая называется «Житель и гражданин», содержит 13 параграфов о формах осуществления населением местного самоуправления на территории общины. Принцип разделения населения общины на жителей и граждан объясняется следующим образом: «Житель это тот, кто живет в Общине. Гражданин это тот, кто имеет право голоса на общинных выборах» [6, ст. 21].

Законодательно установлено, что Совет (представительный орган местного самоуправления) должен информировать жителей об общественно-важных вопросах общины, к которым относятся планы и проекты (намерения), связанные с экономическим, социальным и культурным благополучием жителей. Информирование должно быть организовано так, чтобы жители имели возможность выразить свое мнение по вопросу в процессе обсуждения. С этой целью Совет может провести собрание (die Versammlungen) жителей всей общины или части общины. Каждый имеет право обратиться индивидуально или коллективно с *предложением* (die Anregungen) или *жалобой* (die Beschwerden) в Совет или администрацию. Обратившегося необходимо проинформировать о заключении по предложению или жалобе. Жители с 14 лет, которые проживают на территории общины более трех месяцев, имеют право подать *заявление* (beantragen) в Совет по вопросу, относящемуся к компетенции последнего. Заявление подается в письменной форме. В заявлении указываются три человека, которые могут представлять подписывающегося. Совет безотлагательно рассматривает заявление до 4 месяцев [6, ст. 25]. Заявление жителя должно быть подписано («в районных общинах минимум 5 от каждой сотни жителей, не более 4000 человек; в городах минимум 4 от каждой сотни жителей, не более 8 000 человек»).

Граждане также могут внести свою *гражданскую инициативу* (das Bürgerbegehren) в Совет в течение определенного срока, собирая подписи.

Инициатива подается в письменной форме и должна содержать информацию об уполномоченных представителях гражданина (до трех человек). В Положении об общинах сказано, что управленческие кадры помогают своим гражданам на начальном этапе организации гражданской инициативы. В случае, если гражданская инициатива выступает против какого-то решения Совета, то она должна быть подана в течение 6 недель после объявления соответствующего решения и через 3 месяца после заседания Совета, если решение не требует объявления. Положением устанавливается процент подписей от числа жителей общины в поддержку гражданской инициативы: до 10.000 жителей 10%; до 20.000 жителей 9%; до 30.000 жителей 8%; до 50.000 жителей 7%; до 100.000 жителей 6%; до 200.000 жителей 5%; до 500.000 жителей 4%; более 500.000 жителей 3%. Законодательно устанавливается перечень вопросов, которые не могут быть предметом гражданской инициативы (например, внутренняя организация коммунального управления; правовые отношения членов Совета, районных представительств и комитетов, а также служащих общины; бюджетные вопросы; принятие, изменение, дополнения и отмена планов строительства; дела, которые выносятся на обсуждение общественности и носят рекомендательный характер для органов власти). Совет определяет правомерность инициативы и занимает свою позицию в отношении ее содержания [7, с. 375]. Существует два возможных пути дальнейшего развития событий: в случае если инициатива поддерживается большинством, она заменяет прежнее решение Совета, а если большинство членов городского Совета голосует против инициативы, вопрос выносится на *гражданское решение* (der Bürgerentscheid, на рус. референдум). Представителям гражданской инициативы дается возможность выступить на заседании Совета. Референдум считается состоявшимся, если число законных голосов в общинах с численностью до 50.000 жителей составляет минимум 20% граждан, от 50.000 до 100.000 жителей минимум 15%, больше чем 100.000 жителям минимум 10% [5, ст.26]. При равном количестве

голосов считается, что население высказалось «против». По юридической силе решение, принятое на референдуме равно решению Совета.

В случае, если на территории общины проживает минимум 5 000 иностранных жителей, имеющих основное место жительства (*der Hauptwohnung*) в общине, необходимо создать **совет Интеграции**. Если минимум 2 000 иностранных жителей и из них минимум 200 имеют право голоса, то также необходимо создать совет интеграции. В остальных случаях совет создается по желанию жителей. Члены этого совета выбираются на избирательный срок в день коммунальных выборов. Совет и совет интеграции должны согласовывать между собой темы и задания интеграции (скорее всего, под интеграцией понимается адаптация иностранных жителей в местное сообщество) в общине. Сверх того, совет интеграции может заниматься всеми делами общины.

В некоторых разделах Положения об общинах встречаются другие возможные формы участия населения в управлении общиной. **Часы вопросов и ответов** (*die Fragestunden*) в Совете, более детально это прописано в регламентах общины. **Право на заслушивание в комитетах Совета и районных представительствах:** члены комитета могут привлекать к решению каких-то вопросов представителей заинтересованных групп населения и экспертов, компетентных в данной области. Единственное законодательное ограничение – число привлеченных граждан и экспертов не должно превышать число членов Совета. **Совещательное членство в комитете:** компетентные совершеннолетние граждане могут иметь право совещательного голоса на заседаниях комитетов. Выбираются такие граждане в соответствии с процедурой стандартных выборов в Совет.

В Положении об общинах установлено, что все жители обязаны заниматься общественной деятельностью, также все граждане могут получить почетные должности для участия в управлении общиной. Жители и граждане вправе отказаться от общественной работы и почетных должностей при наличии уважительной причины (причина рассматривается Советом). В

случае отсутствия важной причины Совет вправе оштрафовать жителя или гражданина на 250 евро, при повторном отказе без уважительных причин штраф может быть в размере до 500 евро [6, ст. 29].

В Германии законодательно не существует разделение на формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и формы участия населения в местном самоуправлении. На основе проведенного анализа и самостоятельного перевода Положения об общинах для земли Северный Рейн-Вестфалия можно выделить следующие формы участия населения в местном самоуправлении: собрания, предложения, жалобы, заявления, часы вопросов и ответов в Совете, право на заслушивание в комитетах Совета и районных представительствах, Совецательное членство в комитете. Гражданская инициатива является интересным механизмом осуществления жителями общины местного самоуправления, так как в случае, если Совет не принимает к сведению мнение населения, то инициатива трансформируется в такую форму как гражданское решение (референдум). Результаты гражданского решения приравнены к решению совета. Таким образом, происходит не только оценка органами местного самоуправления гражданских инициатив населения, но и оценка населением правотворческих инициатив и решений органов местного самоуправления. Это, безусловно, повышает уровень ответственности органов местной власти за принятие управленческих решений. Законодательство в Германии находится на стороне граждан, так как в случае, если Совет не принимает критику, то вопрос выносится на референдум и его результаты обязательно должны учитываться в деятельности органов местного самоуправления.

Для России опыт Германии в части совершенствования форм участия населения в осуществлении местного самоуправления может быть полезен по следующим аспектам:

1. Законодательное выделение (в российской практике существуют аналогичные виды обращений) предложения, жалобы и заявления, что

предполагает разный алгоритм работы, закрепляемый в регламенте каждой общины. В России, как правило, не ведется работа с таким видом обращений как предложение, отсутствуют отчетные материалы по этой форме участия и не существует обязательных установок по работе с предложениями.

2. Формы участия граждан, за исключением предложения и жалобы, предполагают взаимодействие населения общины с представительным органом. Население самостоятельно сначала формирует Совет, после чего имеет рычаги воздействия на решения Совета, тем самым контролирует его деятельность. В России, в основном, с населением взаимодействует местная администрация, которая состоит из муниципальных служащих и функционирует на постоянной основе.

3. Аналогом гражданской инициативы в Германии является правотворческая инициатива в России. В ФРГ эта форма участия выступает реальным механизмом влияния на управленческие решения. Население не только вносит свои предложения, но и «критикует» решения самого Совета. В России мы сталкиваемся с тем, что эта форма ограничивается проектами муниципальных правовых актов или внесением изменений в действующие муниципальные акты, и рекомендательный характер для органов местного самоуправления. В Германии в случае, если Совет не учитывает мнение населения, организуется референдум, результат которого считается равным по юридической силе решения Совета.

Список литературы

1. Авдонин В.М. Развитие местного самоуправления в Германии и России: история, проблемы, перспективы // Политическая наука. 2008. №3. С. 88-110
2. Маркварт Э. Организация местного самоуправления в Германии и применимость немецкого опыта к российским реалиям // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 61-73.
[Электронный ресурс] URL:

http://ecsocman.hse.ru/data/2011/11/28/1270197061/61-73_Markvart.pdf (дата обращения 23.12.2015)

3. Михалёва Н. В. Местное самоуправление в Германии // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4(34). С. 177-185

4. Избранные конституции зарубежных стран. В 2 т. Т. 1: учеб. пособие для студентов бакалавриата и магистратуры. М: Издательство Юрайт. 2015. 448 с.

5. Бутырина М.В. Зарубежные модели местного самоуправления // Вестник ИГЭ. №1. 2008. [Электронный ресурс] URL: http://ispu.ru/files/str._49-53.pdf (дата обращения 5.02.2016)

6. Gemeindeordnung für das Land Nordrhein-Westfalen (GO NRW). [Электронный ресурс] URL: https://recht.nrw.de/lmi/owa/pl_text_anzeigen?v_id=2320021205103438063#det335303 (дата обращения 9.02.2016)

7. Местное самоуправление в России и Германии. История и современность: сб. ст. / под общ. ред. Я. А. Пляйса и Н. М. Мухарямова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 384 с.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ:
АДАПТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ²⁴**

Аннотация: На основе институционального подхода к внедрению информационных технологий в государственное управление обосновывается, что для описания перехода к электронному правительству используется «риторика разрыва», предполагающая, что с внедрением информационных технологий произойдут кардинальные изменения в отношениях граждан и государства. Данная риторика обеспечивает институциональную легитимацию деятельности органов власти. Операционализация концепции «электронного правительства» осуществляется через «электронные государственные услуги». Потребности в легитимации порождают постоянное воспроизводство международной «риторики разрыва», и одновременно приводят к вариативности трактовок «электронных услуг» на национальном уровне.

Abstract: Institutional approach to information technologies adoption in public administration is employed to analyse the “rupture talk” which is used to describe e-government transition. “Rupture” means that adoption of information technologies must entail fundamental changes in the relations between the citizens and the government. Rupture talk supports institutional legitimation of the public

²⁴ Статья подготовлена в рамках проекта № 15-19-6-7 ФНИ УрО РАН «Электронное правительство: нормативно-правовое регулирование и практика реализации».

authoritiess. The need in legitimation gives rise to constant reproduction of international rupture talk, and result in variability of “e-services” interpretation on the national level.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ, ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, ЭЛЕКТРОННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ, РИТОРИКА РАЗРЫВА

SOCIAL ADOPTION OF TECHNOLOGY, E-GOVERNMENT, E-SERVICES, RUPTURE TALK

Переход граждан от традиционных форм непосредственного личного взаимодействия с сотрудниками органов власти к электронным, не предполагающим личного контакта и осуществляемым посредством технических устройств, представляет собой общемировую тенденцию.

Концептуально данный переход описывается с помощью конструкта «электронное правительство». Данный конструкт носит ярко выраженный нормативный характер. Теоретики «электронного правительства» полагают, что внедрение информационных технологий в государственное управление должно привести к радикальной перестройке управленческих структур и радикальному изменению отношения граждан и органов власти. При описании процессов информатизации государственного управления постоянно используется «риторика разрыва» [10]: с помощью информационных технологий предполагается преодолеть все существующие недостатки современного государства. На смену жестко иерархической, закрытой бюрократической системе должны прийти гибкие, связанные по горизонтали структуры, оперативно взаимодействующие между собой и с гражданами.

Можно говорить о существовании международной административной моды на «электронное правительство». На основе данного конструкта и с широким использованием «риторики разрыва» разрабатываются

официальные документы (стратегии, дорожные карты, планы) как на международном, так и на национальном уровне. Конструкт успешно операционализирован, то есть переведен в систему общезначимых показателей, на основе которых органы власти могут отчитываться о своих успехах в сфере информатизации. Операционализация «электронного правительства» осуществляется через концепт «электронных услуг». Подсчет количества и видов услуг, которые потенциально могут получить граждане через официальные сайты и порталы, лежит в основе различных международных рейтингов электронного правительства, включая важнейший из них – рейтинг Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (UN DESA), задающий международную управленческую моду в сфере информатизации.

Переход к «электронному правительству» в России проходит в русле международных тенденций. Первые разработки, связанные с федеральной целевой программой «Электронная Россия» (2002 года), появились в ходе административной реформы. В первом цикле формирования нормативно-правовой базы основной акцент делался на формировании общей информационно-технологической инфраструктуры, включающей государственные информационные системы и ресурсы. В дальнейшем, хотя проблемы межведомственной интероперабельности постоянно воспроизводились (и продолжают воспроизводиться), произошел перенос внимания на предоставление гражданам услуг. В принятой в 2008 году «Стратегии развития информационного общества в России» была поставлена задача довести к 2015 году долю государственных услуг, которые население может получить с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, в общем объеме государственных услуг в Российской Федерации до 100% [3]. Отметим, что эта задача была поставлена еще до того, как в федеральном законодательстве появилось определение государственной и/или муниципальной услуги.

В 2010 году начался второй цикл формирования нормативно-правовой базы «электронного правительства». В Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» государственная услуга была определена как деятельность по реализации функций органа исполнительной власти (а муниципальная услуга – как деятельность по реализации функций местного самоуправления), которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий данных органов [2, ст.2.1]. Электронной такая услуга становится, когда она оказывается с помощью сети Интернет через официальный сайт и портал.

Рамка, на основе которой сформировалось представление об электронных услугах, была задана аналитическими обзорами развития электронного правительства, которые готовит Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. Методологически в основу данных обзоров (выходят раз в два года, последний опубликован в 2014 году) положена т.н. «пирамида электронного правительства», описывающая его развитие как переход от информационной стадии (органы власти обозначают свое присутствие он-лайн) к продвинутой стадии (возрастает разнообразие информации), затем к интерактивной стадии (у пользователей появляется возможность скачивать и заполнять официальные формы документов, а также взаимодействовать с представителями власти в электронном виде). На следующей, транзакционной стадии, появляется возможность оплачивать государственные пошлины и проводить другие финансовые транзакции. Завершается пирамида электронными услугами полного цикла, когда граждане не только отправляют запросы, но и получают все необходимые им документы в электронном виде [11].

Пирамидальная схема эволюции электронных услуг легла в основу принятого в 2009 году «Плана перехода федеральных органов исполнительной власти на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде», в который были

включены 74 услуги, запланированные к первоочередному переводу в электронный вид [6]. Созданный в соответствии с этим планом Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (ЕПГУ), оказывавший в первую очередь информационные услуги, был оценен как «очень солидный и репрезентативный» в обзоре ООН 2012 года [10, с. 39]. В результате Россия в 2012 году поднялась с 69 на 27 места в международном рейтинге развития электронного правительства (в рейтинге 2014 года Россия сохранила 27 позицию). Пирамидальная модель была использована и в государственной программе «Информационное общество» (2010 – 2018 гг.), хотя на смену термину «электронное правительство» пришел термин «цифровое государство».

Между тем в соответствии с Указом Президента РФ от 06 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, должна к 2018 году должна достичь не менее 70% [1].

Однако, несмотря предпринимаемые значительные усилия (включая упрощение процедуры регистрации) к концу 2015 года на ЕПГУ было зарегистрировано 22,5 миллиона пользователей, что составляет 15,62% населения России [8]. При этом оказалось, что достижение высшей, транзакционной стадии (с предоставлением результатов в электронном виде) является труднодостижимой целью. К середине 2015 году из 616 услуг, предоставляемых через ЕПГУ федеральными органами власти, предварительный прием документов (с необходимостью впоследствии предоставить бумажный оригинал) предусматривался по 124 услугам, в то время как предоставление результатов осуществлялось по 31 услуге, причем все они были информационными (предоставление сведений о состоянии лицевого счета в Пенсионном фонде, информирование о наличии административных правонарушений в области дорожного движения и т.п.).

Это побудило осуществить переконструирование понятия «электронные услуги». В принятой в 2013 году «Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» было предложено осуществить оптимизацию процесса предоставления услуг [5]. С одной стороны, было решено уйти от противопоставления традиционных и электронных форм услуг и рассматривать перевод в электронный вид не услуги целиком, а отдельных административных процедур, в том числе реализацию в электронном виде каналов взаимодействия с заявителем на различных стадиях предоставления услуги. Иными словами, услугу было предложено разложить на совокупность административных процедур (прием заявления, запись на личный прием, предоставление результата и т.д.), и осуществлять перевод в электронный вид именно данных процедур (и, соответственно, отчитываться по процедурам, а не по услуге в целом). С другой стороны, был радикально сокращен перечень услуг, подлежащих первоочередной оптимизации – до 20 федеральных и 14 региональных. В перечень были включены наиболее востребованные услуги, такие, как оформление и выдача паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации и выдача охотничьих билетов федерального образца.

Следует подчеркнуть, что осуществленное в «Концепции» переконструирование (оптимизация) электронных услуг находится в русле общемировых тенденций. Примерно в том же направлении – сокращение числа услуг при повышении их качества – осуществлялась «цифровая трансформация» 25 образцовых услуг в Великобритании.

Таким образом, на уровне федеральных стратегических документов началась переход от логики вытеснения электронных услуг традиционными к логике включения, что приближается к пониманию электронных услуг гражданами [см. 9].

Однако для того, чтобы выполнить требования Указа № 601, доля пользователей ЕПГУ к концу 2015 года должна была превысить 40%. Поэтому, наряду с «оптимизацией электронных услуг», произошло переконструирование цели. Министерством связи и массовых коммуникаций была предложена концепция «цифрового правительства», «когда все данные, находящиеся в государственных базах, будут связаны между собой, а многие госуслуги будут оказываться без участия граждан», в проактивном режиме [7]. Иными словами, заявление гражданина, которое, в соответствии с федеральным законом, считалось главной характеристикой государственной услуги, перестает ею быть: государство само решает, что нужно гражданам и само удовлетворяет их потребности. В пределе такая система не нуждается не только в гражданах-заявителях, но и в чиновниках-исполнителях: функционирование государственных органов сводится к автоматическим изменениям в связанных базах данных, к которому и редуцируются «электронные услуги».

Таким образом, использование международной «риторики разрыва» позволяет решать конкретные задачи, стоящие перед разработчиками электронного правительства на национальном уровне. Эта риторика позволяет как осуществлять переконструирование целей, так и изменять сам смысл исходных понятий.

Список литературы:

1. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления : указ Президента РФ от 06 мая 2012 г. № 601 URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html> (15.11.2015).
2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг (с изменениями и дополнениями) : федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ – URL: <http://base.garant.ru/12177515/#ixzz3kOK0wXB0> (дата обращения: 10.02.2016).

3. Стратегия развития информационного общества в России [утв. распоряжением Президента РФ № Пр-212 от 07 февраля 2008 года]. // «Российская газета», 16 февраля 2016 г. URL: <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html> (дата обращения: 10.02.2016).

4. О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» (с изменениями и дополнениями) : распоряжение Правительства РФ от 20 октября 2010 г. 1815-р. URL: <http://base.garant.ru/199708/#ixzz3rhSxRqYc> (15.11.2015).

5. О Концепции развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде: распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70455694/#ixzz3riYN6MFB> (15.11.2015).

6. О плане перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти : распоряжение Правительства РФ от 17 октября 2009 года № 1555-р (ред. от 20.05.2014). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93076/022ace0bc008a3e9780142540f7f27185df7eff2 (дата обращения: 10.02.2016).

7. Замминистра связи Алексей Козырев: Наша цель – переход к концепции цифрового правительства. «TAdviser», 26 июля 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://tadviser.ru/a/271981> (дата обращения: 10.02.2016).

8. Количество зарегистрированных граждан в ЕСИА выросло на 2,7 млн. в конце 2015 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 21 января 2016. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/34565/> (дата обращения: 10.02.2016).

9. Трахтенберг А.Д. «Через Интернет удобнее»: электронные услуги глазами граждан // Труды Международной научно-теоретической конференции Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества. – Санкт-Петербург, 28-31 октября 2015 г. – СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. – С. 192-193.

10. Hecht G. Being Nuclear: Africans and the Global Uranium Trade. The MIT Press, 2014.

11. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the People. UN, 2014.

Францискевич И.Ю.

Конституционно-правовой статус субъектов РФ

Frantciskevich I.U.

Constitutional legal status of subjects of the Russian Federation

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС || СУБЪЕКТ РФ ||
ФЕДЕРАЛИЗМ || ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ

CONSTITUTIONAL LEGAL STATUS || THE SUBJECTS OF THE
RUSSIAN FEDERATION || FEDERALISM || TERRETORIAL DEVISION

Природа, функции и статус субъекта федерации, его теоретическая модель отечественной наукой всесторонне и системно еще не изучены, несмотря на то, что институциональному элементу трансформации политико-экономических систем всегда находилось место как в работах исследователей этого процесса, так и в деятельности управленцев. Другое важнейшее направление исследований российского федерализма конца XX – начала XXI веков – регионалистика – изучает развитие отдельных территорий как целостностей, изучает процесс регионального структурирования пространства. Очевидно, что выбор того или иного способа организации субъектов федерации обусловлен в каждом конкретном случае факторами традиций и политической конъюнктуры.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что особую проблему вызывают теоретико-правовые основания и последствия выбора того или иного принципа устройства федерации. Данная проблема тесно связана с иным юридическим вопросом - правом наций и народов на самоопределение, фиксирующемся во многих конституционно-правовых и международно-правовых актах, а также признаваемых большинством ученых-исследователей проблем федерализма. В то же время, именно указанное юридическое право являлось в большинстве случаев идеологическим обоснованием сепаратистских конфликтов и даже

вооруженных столкновений, имеющих место во многих районах мира в течение последнего столетия.

Nature, functions and status of the subject of Federation, its theoretical model of domestic science comprehensively and systematically has not been studied, despite the fact that the institutional element of the transformation of political and economic systems has always been a place in the works of researchers in this process and in activities of managers. Another important area for studies of the Russian transition of the end of XX - beginning of XXI century - regional studies -studies the development of individual territories as wholes, studying the process of regional structuring of space. Obviously, the choice of a particular method of organization of subjects of Federation is caused in each case by the factors of tradition and political situation. Topicality of the research stems from the fact that a particular problem is called the theoretical and legal basis and implications of the choice of the principle of Federation. This problem is closely related to another legal issue - the right of Nations and peoples to self-determination, fixed in many constitutional and international legal instruments and recognized by the majority of scientists-researchers of problems of federalism. At the same time, the legal right was, in most cases, the ideological justification of separatist conflicts and even armed clashes taking place in many parts of the world in the last century.

Организация любого федеративного государства основана на тех или иных критериях выделения субъектов в его составе. Такие критерии могут быть самыми разнообразными - исторический, географический, экономический, национальный, лингвистический и другие. Однако в науке конституционного права принято классифицировать все федерации на территориальные и национальные [8].

Под первыми в самом общем виде понимаются федерации, структурирование субъектов которых происходит без учета или даже вопреки учитываемому принципу национальной либо лингвистической дифференциации их населения.

Вторые - национальные федерации - основаны на выделении их субъектов на основе этнических и лингвистических общностей в составе народа федеративного государства. Существуют также смешанные федерации, часть субъектов которых выделена на территориальной, а часть на национальной основе (Российская Федерация).

До принятия Конституции 1993 года государственное устройство Советской России включало в себя административно-территориальное и национально-государственное деление. Форма федеративного устройства государства связывалась исключительно с решением национального вопроса, ее осуществление мыслилось именно в сфере национальных отношений.

Сама политическая практика построения федераций по национальному либо национально-территориальному признаку свидетельствует о значительной нестабильности подобных федераций. Часть национальных федераций к настоящему моменту распались либо были преобразованы в унитарные государства - СССР, Югославия, Чехословакия, Камерун. Существующие национальные федерации в той или иной мере испытывают на себе неблагоприятное воздействие факторов национального самосознания, выражающееся в постоянной проблеме национального сепаратизма, вплоть до нарушения самого принципа целостности государства [2].

Одним из традиционных способов модернизации государственности в России является рецепция. В государственном устройстве она также неоднократно имела место, в том числе и в периоды федерализации.

В России действует три принципа на основании которых создаются субъекты федерации: национально-государственный (республики), национально-территориальный (автономии) и территориальный (края, области, города федерального значения). В России наблюдается сокращение числа «национально-территориальных» субъектов РФ, что свидетельствует о тенденции к универсализации.

В Российской Федерации актуален вопрос о равноправии субъектов РФ. Различие конституционно-правового статуса республик с одной стороны,

и субъектов, образованных по территориальному принципу проявляется как в Конституции РФ, так и в двусторонних договорах РФ и субъектов РФ. В России проблематичными являются субъекты с более высоким статусом.

Государственный суверенитет в Российской Федерации не является свойством субъектов РФ, отметил Конституционный Суд РФ. Следовательно, идет процесс «десуверенизации» конституций (уставов) субъектов РФ.

Территория субъекта федерации в РФ признается элементом конституционно-правового статуса, в национальных конституциях подтверждается целостность и неприкосновенность данной территории (ч. 3 ст. 67 Конституции РФ). В республиках в составе РФ гражданство реально существует и не запрещено федерацией. Разграничение предметов ведения в России производится путем установления перечней исключительной компетенции РФ и совместной компетенции РФ и субъектов РФ при закреплении оставшихся предметов в ведении субъектов РФ. Расширение ведения федерации производится путем расширительного толкования пунктов Конституции РФ и централизации регулирования сферы совместного ведения.

Результаты этих доктрин проявляются в актуальной для любого государства налоговой сфере. В России закреплена фискальная монополия федерации. Правовая система субъекта РФ включает федеральное законодательство и является неоднородной по условиям законодательства из-за наличия собственного ведения субъекта РФ и совместного с РФ.

Система органов государственной власти субъекта РФ характеризуется единством с системой органов государственной власти РФ, причем органы исполнительной власти образуют единую систему в пределах исключительного ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения.

Особое отражение разделения властей на федеральном уровне в России (выведение Президента РФ за рамки разделения властей) порождает различие с системой органов государственной власти субъектов РФ: там не существует

«главы субъекта РФ», а есть глава исполнительной власти (высшее должностное лицо субъекта РФ), не имеющее верховного положения, подобно Президенту РФ.

Органы законодательной власти субъектов РФ в большинстве являются однопалатными, что отражает отсутствие необходимости сдерживать радикализм «нижних палат», а также слабую актуальность национального представительства, встречающуюся в основном в республиках.

В субъекте РФ глава исполнительной власти - довольно зависимое лицо, в первую очередь не от парламента субъекта РФ, а от Президента РФ.

Хотя в России вооруженные формирования субъектов РФ невозможны, тем не менее, имеются отголоски данного признака: главы исполнительной власти субъектов РФ возглавляют комиссии по чрезвычайным ситуациям.

Совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов является системообразующим элементом российского федерализма. Разнообразие статуса регионов в этом случае обеспечивается постоянным заключением институциональных сделок в рамках политического торга, что находит свое выражение в более или менее удачных попытках субъектов Российской Федерации осуществлять опережающее нормотворчество и передачей полномочий на другой уровень государственной власти. Имеет место и такая практика адаптации федеральной нормы к местной специфике, как ее сознательное игнорирование с последующей попыткой доказательства своей правоты на федеральном уровне. Таким образом, норма наполняется региональной практикой правотворчества, границы стандарта перераспределения и статус региона постоянно уточняются.

Федеративное устройство в Российской Федерации, закрепляется в гл. 3 Конституции РФ. В соответствии со ст. 65 Конституции, в составе Российской Федерации находятся субъекты Российской Федерации и ст. 65 закрепляет конкретный численный, видовой и именной состав субъектов Российской Федерации на момент принятия настоящей Конституции. В Российской Федерации 89 субъектов, в том числе 21 республика, 6 краев, 49

областей, 2 города федерального значения, 1 автономная область и 10 автономных округов.

Видовой состав субъектов федерации предопределяется ч. 1 ст. 5 Конституции. В юридическом смысле это означает, что членами Российской Федерации могут быть образования только установленной формы - республика, край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ.

Названия субъектов федерации в Конституции даны в том варианте, который определен (или подтвержден) ими. Они отражают исторические и иные особенности местности, а названия республик, автономной области и автономных округов - имя титульных наций и народов.

Присвоение и изменение наименования - прерогатива субъекта федерации. Это вытекает из сопоставления ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации, подтверждается постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1995 г. по делу о толковании ч. 2 ст. 137 Конституции, а также находит непосредственное закрепление в некоторых основных законах субъектов федерации

В ч.2 ст. 65 Конституции РФ предусматривается возможность изменения состава Российской Федерации. Подобное может происходить путем: 1) принятия в Российскую Федерацию субъекта "со стороны"; 2) образования в ее составе нового субъекта в результате а) объединения существующих субъектов; б) вычленения из существующих субъектов самостоятельных образований; в) обретения включенным в федерацию субъектом новой государственно-правовой формы (перехода из одного вида субъекта в другой); г) изменения конституционно-правового статуса субъекта. Любое из названных преобразований Российской Федерации должно осуществляться в порядке, установленном федеральным конституционным законом (пока такого закона нет), а применительно к случаю, связанному с изменением статуса субъекта, и в той мере, в какой изменения его вида (государственно-правовой формы) затрагивают данный

статус, также с учетом положений ч. 5 ст. 66 Конституции Российской Федерации. Изменения в статью 65 Конституции вносятся на основании соответствующего федерального конституционного закона.

Как по Конституции РСФСР 1978 г., так и по Конституции России 1993 г. в состав Российской Федерации входили и входят республики.

Правовой статус автономной республики в составе РСФСР определялся принципом демократического централизма. Автономные республики провозглашались государствами в составе РСФСР (ст. 78 Конституции 1978 г.), хотя их конституции утверждались Верховным Советом РСФСР. Автономная республика имела свою конституцию, учитывающую особенности автономной республики, территория автономной республики не могла быть изменена без ее согласия. Вне пределов ведения Союза ССР и РСФСР автономная республика самостоятельно решала вопросы, отнесенные к ее ведению.

В условиях политического кризиса 90-х годов основы российского федерализма были подвергнуты значительному реформированию. Являясь многонациональным (полиэтническим) государством, Российская Федерация сохранила национальную основу своей организации. Изначальными субъектами этой формы федерации являлись автономные государственные образования, созданные соответствующими нациями в пределах определенной территории. Следовательно, она была организована на национально-территориальной основе, свойственной характеру автономных единиц, которые были субъектами данной федерации.

Большая часть автономий в составе РСФСР (автономные республики и автономные области) провозгласили себя государствами в составе РСФСР, обладающими всей полнотой суверенитета и исключительностью государственной власти на своей территории. При этом в целом ряде республик (Чечня, Татарстан и др.) сепаратистки настроенные контрлегитимные органы власти выдвинули требования о выходе из состава Российской Федерации.

Конституция РФ 1993 года не содержит положений о праве выхода республик из состава Федерации. При этом стоит отметить факт того, что Конституция не содержит и запрета на такой выход.

Однако такой запрет предопределен совокупностью факторов как правового, так и юридического характера.

Говоря о правовых основаниях запрета на выход из состава федерации, мы исходим из понимания права как меры справедливости. Действительно, экономический базис республик был создан усилиями (финансового, организационного, физического и др. характера) всего народа, и он является составной взаимосвязанной частью всей экономики страны.

При этом данные статистики свидетельствуют о том, что на современном этапе население республик уже не носит однопационального характера, что может привести, в случае отделения республики, к расовой и межэтнической дискриминации.

С юридической точки зрения, в данном случае с позиции закона, конституционно закреплён принцип неделимости и единства территории Российской Федерации (ст. 4 Конституции РФ).

В постановлении Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П подчеркивается единство суверенитета Российской Федерации и невозможность выхода из состава Российской Федерации ее субъектов: «Содержащееся в Конституции Российской Федерации решение вопроса о суверенитете предопределяет характер федеративного устройства, исторически обусловленного тем, что субъекты Российской Федерации не обладают суверенитетом, который изначально принадлежит Российской Федерации в целом. По смыслу преамбулы, ст. 3, 4, 5, 15 (ч. 1), 65 (ч. 1), 66 и 71 (п. б) Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи, республики как субъекты Российской Федерации не имеют статуса суверенного государства; решить же этот вопрос иначе в своих конституциях они не могут, а потому не вправе наделять себя свойствами суверенного государства, даже при условии, что этот суверенитет признавался бы

ограниченным. Конституция Российской Федерации, определяя в ст. 5 (ч. 1 и 4) статус перечисленных в ст. 65 (ч. 1) республик как субъектов Российской Федерации, исходит из относящегося к основам конституционного строя Российской Федерации и, следовательно, к основам конституционного строя республик принципа равноправия всех субъектов Российской Федерации, в том числе в их взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. Признание же за республиками суверенитета, при том что все другие субъекты Российской Федерации им не обладают, нарушило бы конституционное равноправие субъектов Российской Федерации, сделало бы невозможным его осуществление в принципе, поскольку по своему статусу суверенное государство не может быть равноправно с субъектом РФ, не обладающим суверенитетом» [5].

Институт субъекта федерации возникает тогда, когда издержки спецификации прав собственности на более высоком уровне и их трансакция высоки. Классический генезис связан с потерей государством своего суверенитета вследствие объединения с другими подобными государствами. Для России XX века характерен другой путь.

Как уже было отмечено, субъект федерации – это сложный феномен, сочетающий в себе черты как структурного элемента в системе власти, так и субъекта (фирмы), предоставляющего общественные блага. Введя типологию субъектов федерации, их «виды» в рамках конституционного выбора, федеральный законодатель вынужден был проигнорировать объективные различия экономических возможностей регионов в одинаковых для всех предметах ведения (сказалась зависимость института от предшествующего развития, так называемые QWERTY эффекты) [7]. Это привело к недоопределенности прав, многочисленным экстерналиям и перекрещиванию юрисдикций органов публичной власти. Издержки трансформации возникают в случае несогласованного изменения взаимосвязанных институтов. Статус республик как полноправных участников федеративных отношений в марте 1992 года был перенесен на

объективно неготовые к этому территории, границы которых сложились в совершенно иных экономических условиях. Возросшее число каналов перераспределения прав собственности вызвало количественное увеличение борьбы за ренту, что в свою очередь вызвало рост транзакционных издержек.

Основное содержание региональной политики, проводимой федеральными властями – это различное отношение к различным регионам. Цель такой политики, которая одновременно может считаться и компенсирующей, и стимулирующей – перераспределение ресурсов для оптимизации территориальной структуры. Это выделение «нуждающихся» регионов, реанимация «депрессивных» и стимулирование «успешных». Стимулирующая политика предполагает инфраструктурную подготовку территории для новых видов деятельности, компенсирующая политика – смягчение социальных диспропорций. Планируется, что постепенно федеральный центр будет снимать с себя полномочия по датируеманию округов (а потом и др. «видов» субъектов), так как объективно стремится к максимальному финансированию со стороны субъектов федерации. Регионы заинтересованы в обратном. Через механизм спроса и предложения функционирует политический рынок, на котором и формируется статус субъекта Российской Федерации.

По смыслу конституционных положений изменение статуса субъекта федерации допустимо: в пределах Российской Федерации, форм и принципов ее устройства; по взаимному согласию Российской Федерации и ее субъекта, пожелавшего изменить статус; в соответствии с федеральным конституционным законом, который пока не принят. При обретении субъектом федерации нового статуса необходимые изменения вносятся в ч. 1 ст. 65 Конституции Российской Федерации.

Концепция развития статуса субъектов федерации как спецификации политических прав может быть использована для объяснения многих явлений и тенденций в современной Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г.) (с учетом поправки от 21 июля 2014 г.)
2. Колесников Ю.А., Киселева А.В. Особенности правового статуса Чечни как субъекта РФ. // Terra Economicus. Экономический Вестник Ростовского государственного университета. – 2012. – том 7 - №4 (часть 3) – С. 35-41
3. Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность субъекта федерации: вопросы теории и проблемы реализации. – [электронный текст] – URL: <http://www.dissercat.com/>
4. Конституционное (государственное) право зарубежных стран в 4-х томах/ Отв. ред. проф. Б.А.Страшун. Общая часть. Т. 1–2., М.2012. - С. 610
5. Лексин В., Швецов А. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Ст. 11 // Российский экономический журнал. - 2010. - № 4 – С. 18-25
6. Малахов В.П., Суханов В.В. Правовое пространство. - М., 2010. – С. 190
7. Саввин А.М. Субъект РФ: генезис и развитие // Саввин А.М. Субъект Российской Федерации: генезис и развитие статуса // Философия права. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России. – 2012. - № 1. - С. 119-124
8. Тамбовцев В.Л. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений // Общественные науки и современность. - 2010. - № 5 – С.10-17
9. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. - М., 2011. - С. 316

УДК 316.334.3

ББК 68.5

Хайдари, Н.

Особенности развития многопартийной системы Республики

Афганистан

Haidari, N.

Features of the development of a multiparty system of the Republic of

Afghanistan

В статье рассмотрена проблема развития многопартийной системы в условиях поствоенного состояния государства. Автор рассматриваются основные предпосылки укрепления многопартийности в регионе. Произведён анализ основных политических сил и их наиболее фундаментальных направлений деятельности как возможных механизмов укрепления государства и демократии.

The article considers the problem of the development of a multiparty system in a post-war state. The author considers the basic prerequisites to strengthen the multiparty system in the region. The analysis of the main political forces and their most fundamental activities as the possible mechanisms for strengthening the state and democracy is revealed.

МНОГОПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА, ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ,
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ, ДЕМОКРАТИЯ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ.

THE MULTI-PARTY SYSTEM, POLITICAL FORCES, POLITICAL
PARTIES, DEMOCRACY, GOVERNANCE.

В настоящее время, на территории Афганистана создаются условия для демократического решения проблем и жизненно-важных вопросов. Однако наряду с определёнными достижениями в данной сфере присутствует ряд проблем, которые на текущий момент полностью не разрешены. Актуальность данной темы связана с тем, что стабилизация государственной

и политической системы будет способствовать обеспечению безопасности в рамках всего региона в отношении взаимодействия с другими странами. Обращаясь к понятию демократии, следует отметить, что она представляет собой политическую систему, в которой политическая власть осуществляется свободно выражающим свою волю большинством граждан.

Среди принципов демократии представлены следующие аспекты.

1. Принцип народного суверенитета, согласно которому единственным источником высшей политической власти при демократии выступает народ.

2. Свободные выборы представителей власти всех уровней, включая право на отстранение от власти тех из них, которые не оправдали доверия избирателей.

3. Участие граждан в управлении делами государства с использованием механизмов как прямой демократии, так и демократии представительной.

4. Конституционализм, при котором обеспечивается рационально-правовой характер организации и функционирования государства и равенство всех перед законом.

5. Наличие оппозиции, которой гарантируется право на легальную политическую деятельность и право сменить у власти, по итогам новых выборов, старое правящее большинство.

6. Принцип разделения властей, в соответствие с которым одна власть сдерживает другую, исключая возможность узурпации всей полноты власти одной из них [1].

Таким образом, формирование оппозиции является неотъемлемым элементом демократического государства. Её участие в политической жизни страны может быть выражено посредством вклада политических партий в стратегию и программы развития страны и регионов.

В предшествующие периоды развития Афганистана функционировал режим талибов, в основу которого были положены наиболее консервативные

средневековые постулаты раннего ислама. Даже среди ныне существующих идеологизированных тоталитарных режимов коммунистической, религиозной или другой окраски, режим афганских талибов выделялся фанатизмом и воинственной непримиримостью. Так, талибы силой принуждали афганцев следовать исключительно своей экстремистской версии ислама [1]. Следование другим течениям или школам ислама, не говоря уже об иных религиях или вообще об атеизме, каралось смертью. За проведением в жизнь талибских законов пристально следила религиозная полиция, находящаяся в подчинении Министерства добропорядочности и борьбы с пороками. Талибские инстанции контролировали личное поведение каждого человека. Люди, пропускавшие обязательные намазы или опаздывавшие на них, подвергались наказаниям, включая жестокую порку. Религиозная полиция следила также за соблюдением правил внешнего вида людей. Были запрещены: фотография, (прежде всего – съемка людей), музыка, кино, телевидение – практически все виды искусств

Экономика Афганистана за более чем 20 лет непрерывных войн была практически разрушена. Уничтожены свыше 200 тыс. га посевных площадей, погибли миллионы голов скота, взорваны ирригационные сооружения и древние каналы водоснабжения, выведены из строя многие сотни километров шоссейных и горных дорог, энергосистемы, десятки промышленных предприятий и мастерских, погибли или уехали из страны тысячи специалистов [2].

Таким образом, на момент завершения правления режима талибов Афганистан находился в полуразрушенном состоянии, и о демократии как таковой не могло быть и речи, так как ни один из её принципов не мог быть реализован.

Ситуация изменилась в 2003 году с принятием Конституции Афганистана. С этого момента Афганистан представляет собой унитарное государство с республиканской формой правления, находящееся на переходном этапе политического развития. После ликвидации Исламского

Эмирата в декабре 2001 начался процесс нового государственного строительства. Согласно Конституции, высший орган законодательной власти представлен двухпалатным парламентом, высший орган исполнительной власти – кабинетом министров [2]. Верховная исполнительная и законодательная власть принадлежит президенту страны.

На текущий момент государство состоит из 34 провинций (велятов) и управляется на принципах формального разделения трёх ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. В рамках структуры государственного управления функционирует институциональный (с 1964) традиционный надпарламентский орган – Лоя джирга (общенациональная ассамблея представителей народов, народностей и племён) [2], которая созывается эпизодически для решения важнейших государственных вопросов (принятие Конституции, объявление войны и мира, изменения в Конституции и т.д.). Высший орган законодательной власти представлен парламентом (маджлесемелли). Высший орган исполнительной власти представляет кабинет министров.

Местные органы власти сохранили традиционный характер. Законодательная власть в провинциях принадлежит консультативным советам, избираемым населением. Исполнительная власть в провинциях принадлежит губернаторам, назначаемым президентом страны (формально по представлению Министерства внутренних дел), в округах – окружным начальникам, в волостях – волостным начальникам, деревни управляются избираемым населением маликом (в зоне племён чаще всего из местных ханов) [2].

При губернаторе функционирует провинциальный административный совет, состоящий из отделов (или директоратов) соответствующих министерств и других центральных ведомств: финансов, полиции, образования, общественного здравоохранения, информации и культуры, связи, сельского хозяйства, промышленности, торговли. Исполнительная власть в городе принадлежит муниципалитету во главе с мэром.

Представительная власть осуществляется городским консультативным советом. В зоне племён параллельно с официальными органами власти функционируют племенные традиционные властные структуры – советы (джирга или шура) во главе с избираемым ханом [2].

Внутренняя политика правительства определяется условиями и требованиями процесса перехода страны от тоталитарного теократического режима к демократическому правлению. Главными задачами правительства на этом этапе являются создание новых государственных и общественных структур, разработка и введение нового законодательства, восстановление экономики, достижение национального единства.

В основу внешней политики положены независимость, национальный суверенитет и территориальная целостность, остаётся в силе и традиционный принцип внешнеполитической деятельности – активный и позитивный нейтралитет.

После свержения режима талибов в ноябре 2001 в Афганистане стали активно функционировать созданные ранее политические партии, не зарегистрированные, однако, официальной властью: Исламская партия Афганистана во главе с Юнусом Халесом; Исламское общество Афганистана во главе с Бурхануддином Раббани; Национальный исламский фронт Афганистана во главе с Сайедом Ахмадом Гилани и другие.

Таким образом, те движения, которые уже существовали во времена талибов в качестве подпольной и запрещённой оппозиции в итоге вышли на политическую арену с готовыми предложениями и программами по изменению ситуации в стране.

Одна из наиболее крупных и влиятельных партий Афганистана – Исламское общество Афганистана во главе с Б. Раббани. По национальному составу большую часть членов ИОА составляли народности, населявшие эти районы – таджики, узбеки, туркмены, а также пуштуны. Социальную базу составляли представители средних слоев: мелкие чиновники, бывшие военнослужащие, учителя, студенты, религиозные деятели, крестьянство.

ИОА больше уделяло внимания созданию в контролируемых районах органов гражданской власти –амиратов [3]. Вооруженные формирования объединялись во фронты, состоявшие из нескольких отрядов. Главное внимание уделялось общему политическому руководству, организации идеологического влияния и добыванию финансовых средств и оружия.

Национальный фронт спасения Афганистана во главе с экс-президентом С. Моджаддади в качестве цели рассматривал установление законов шариата на территории Афганистана, восстановление Ислама как социальной и культурной основы общества [3]. Однако при этом среди задач партии позиционируется развитие демократии на территории страны. Данная организация получила наибольший отклик в районах Кабула и Кандагара, а также среди пуштунов в восточном Афганистане.

Партия Исламского единства Афганистана принимала участие в боевых действиях против войск марксистского режима и советского контингента; в последующий период фактически прекратили существование под военным давлением со стороны ИДГ и параллельным процессом организационного раскола и разложения. Остаточное ядро с 1996 г. действовало совместно с ВФ Масуда и Дустума в формате Северного альянса. Формальный военно-политический лидер – Хаджи Мохаммад Мохаккик. Основными силовыми центрами являются внутренние фракции Абдул-Карим Халили и Мохаммад Акбар Акбари. Командир ВФ – генерал-майор Касими [3]. Организационно-штатная структура партии представлена отдельными батальонами. Имеются органы боевого обеспечения, в т.ч. разведывательная служба. Основной объем поставок оружия и боеприпасов поступает с территории Ирана. Операционные зоны периода 80-х г.г. – Центральное плато Афганистана (провинции Бамиан, Парван, Вардак), часть г. Кабула, отдельные районы провинций Саманган, Урузган, Гур, Газни, Кандагар. Активность текущего периода локализована в основном в пределах провинций Бамиан, Вардак. Внешние контакты – Иран (оказывает

политическую, военную, финансовую формы поддержки); Саудовская Аравия (поддерживает фракцию Халили) [3].

Указанные партии являются представителями значительного разнообразия движений в современном Афганистане. Однако на текущий момент их эффективность остаётся сомнительной, в особенности учитывая их военизированный уклон. Поэтому демократическая система переживает кризис, связанный с рядом проблем.

Влияние внешних агентов на развитие политической системы. США и страны Запада по-прежнему оказывают значительную поддержку ряду партий, которые в том числе связаны с террористическими направлениями, что дестабилизирует регион.

Нестабильность экономической сферы. К сожалению, на текущий момент в экономике Афганистана нет достаточно эффективных и прибыльных альтернатив наркотическим средствам.

Нестабильность социальной и культурной составляющих. Религиозные направления, различные по степени своей ортодоксальности и влияния на жизнь людей находятся в постоянном конфликтном взаимодействии. Низкое качество жизни в стране и значительный процент бедности стимулируют к криминальным способам существования в независимости от моральных устоев и традиций.

Непрозрачность политической системы. Прошедшие выборы показали, что недоверие населения к результатам достаточно высоко [3]. По-прежнему основные процедуры принятия законов, стратегических решений являются полузакрытым процессом, повлиять на который со стороны оппозиции чрезвычайно трудно.

К внутренним проблемам политического разнообразия следует отнести следующие факторы.

1. Отсутствие чёткого видения экономического и социального развития. Партии либо не рассматривают данные аспекты в качестве

значимых, отдавая предпочтение военному урегулированию процессов, либо позиционируют абстрактные меры, которые нуждаются в конкретизации.

2. Упор на религиозные и традиционные факторы развития общества. Программы изобилуют различного рода постулатами о необходимости регулирования жизни общества на той или иной ветви Ислама либо на народных традициях. Однако современный Афганистан – сосредоточение различных народов, верований и культур. Таким образом, попытки очертить границы культурного развития – противоречат развитию демократии.

3. Наличие противоречивых установок внутри партийных блоков и программ. Отсутствие единого понимания требуемых преобразований приводит к чрезмерному дроблению уже существующих партий и к неприменимости ряда положений одновременно (например, установление шариата и развитие демократии).

4. Преимущество декларативных позиций в программах. Заявления о сокращении внешних долговых обязательств и развитии производства в Афганистане на текущий момент представляются затруднительными по объективным причинам. Однако в дополнение к этому значительное количество обещаний не реализуется либо выполняется в очень ограниченных объёмах (в ряде провинций).

5. Национальный фактор участников партий. Несмотря на то, что в программах декларируется внимание к единству граждан Афганистана, по факту поддержка, помощь и административные ресурсы предоставляются неслучайным образом.

Подводя итог, следует отметить, что многопартийная система, так или иначе, способствовала позитивным подвижкам в жизни афганцев. Оппозиционные группы населения получили возможность выразить свои интересы и в некоторой степени повлиять на их включение в общегосударственные программы. Формирование плюрализма ослабило чрезмерное усиление нескольких военизированных блоков. Однако до полного оздоровления политической системы ещё предстоит значительный

объём работы, от качества которой зависит дальнейшая судьба не только Афганистана, но и всего мирового сообщества.

Литература

1. «Афганистан и безопасность Центральной Азии». Вып. 2 под ред. А.А. Князева. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/5606.html> (дата обращения: 11.01.2016 г.).
2. Государственное устройство и политическая система Афганистана / Портал «Страны Мира». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ru-world.net/afganistan-gosudarstvennoe-ustrojstvo-i-politicheskaya-sistema/> (дата обращения: 11.01.2016 г.).
3. Перспектива президентских выборов в Афганистане ("FARS News Agency", Иран) / Портал inoСМИ.RU. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20140327/219023452.html#ixzz3W7hiibNa> (дата обращения: 15.12.2015 г.).

**Ассиметричное равновесие формальных и неформальных практик
политико-экономического институционального порядка в постсоветской
России**

Khalilov, T.A.

**Asymmetric balance of formal and informal practices of political-
economic institutional order in post-Soviet Russia**

Аннотация. В статье рассматривается сформировавшаяся ассиметричная, но равновесная модель взаимодействия формальных и неформальных политико-экономических практик в постсоветской России. В качестве причин доминирования неформальных практик над формальными отношениями обозначается наличествующий институциональный порядок, который заинтересован в реализации «узкого» проекта модернизации (экономический рост) и не заинтересован в «широком» проекте модернизации (либерализация политической системы), что приводит к одномоментному существованию нескольких моделей взаимодействия политической и экономической власти (государственный капитализм, корпоративный капитализм, консенсусная коррупция) в постсоветской России.

Abstract. The article examines formed asymmetric, but equilibrium model of formal and informal political and economic practices interaction in post-Soviet Russia. The reasons for the dominance of informal practices over the formal relationship is designated actual institutional order, which is interested in implementation of "narrow" modernization project (economic growth) and is not interested in "wide" modernization project (political system liberalization), which

leads to the existence of several models of political-economic power interaction (bureaucratic capitalism, corporate capitalism, consensus corruption) in post-Soviet Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ, АДМИНИСТРАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК, ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ, МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

KEYWORDS: FORMAL AND INFORMAL PRACTICES, ADMINISTRATIVE BARRIERS, POLITICAL INTERACTION, INSTITUTIONAL ORDER, POLITICAL MODERNIZATION, MODELS OF SOCIAL JUSTICE

Постсоветские трансформационные процессы для российского общества оказались крайне болезненными, и для того, что обеспечить ресурсами те социальные группы, которые подверглись максимальным социально-экономическим издержкам в период построения новой капиталистической системы, государство стало активно выполнять функции регулирования: запущен процесс изъятия ресурсов из пространства неформализованных рыночных отношений и распределения их пострадавшим целевым группам. Соответственно, началась модификация модели социальной справедливости: от уравнительной (*рыночно-капиталистической*) конца XX века к распределительной (*государственно-социалистической*) начала XXI века. Однако, помимо трансформации российской социальной структуры, крайне актуальной повесткой является определение «образа желаемого завтра», модернизационных ориентиров, политических КРІ (системы оценки, позволяющей институциональной структуре определить достижение стратегических и тактических

(операционных) целей). Ведь, по мнению российского политолога Д.Я. Травина, «Россия с ее нынешней политикой плохо вписывается в формирующуюся картину XXI века... Если Россия станет развиваться в соответствии с наметившейся линией, то вероятность печального исхода достаточно велика. Если же нам удастся осуществить коренной поворот и сделать современную Россию страной не XX, а XXI века, мы сохраним шанс завершить модернизацию и даже включиться в процесс постмодернизации» [1, с. 272-275].

В современном социально-гуманитарном знании не существует единого мнения относительно объяснения главных причин неудач постсоветской модернизации. Так, например, известные экономисты Д. Асемоглу и Дж. Робинсон считают, что состояние российской политико-управленческой системы является результирующей частного случая господства «экстрактных институтов» [2]. Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст утверждают, что в российском варианте реализуется «порядок ограниченного доступа» [3]. Однако «вписать» наличествующую повседневность асимметричного равновесия формальных и неформальных практик политико-экономического институционального порядка в постсоветской России в существующие институциональные теории явно недостаточно: необходимо выявить *причины возникновения сущности состояния*. Р. Пайпс, например, утверждает, что ключевой причиной, объясняющей феномен слабости публично-правового взаимодействия в России, является историческая обусловленность, воспроизведение эффекта империи, «наследие прошлого» [4]. Ш. Эйзенштадт считает, что конструирование политико-экономического взаимодействия закрытого, неформального, теневого типа представляет собой защитную реакцию на провалы модернизации [5]. Р. Инглхарт и К. Вельцель качественные параметры политий объясняют культурными настройками, традициями и ценностями, которыми руководствуются представители конкретного социума [6].

Помимо неопределенности причинно-следственных пропорций в вопросах анализа качества политического управления существует еще один не менее важный вопрос: «Является ли демократия необходимым и/или достаточным условием для поведенческой фиксации и эффективной практики формального политико-экономического взаимодействия?». Ответ на этот вопрос получить крайне трудно: негарантирована и неоднозначна сама судьба демократии в современном многосложном мире.

Так, известный немецкий политический философ О. Хёффе, рассуждая о рамочных условиях будущего феномена демократии, приходит к позитивному, но не постоянному умозаключению: «Демократия как таковая не несет в себе какой-то особой перспективности. Вместе с тем она располагает такими ресурсами, с которыми недемократии либо не могут соперничать вовсе, либо соперничают слабо: активное гражданское общество, высокий уровень обучения и образования, социальный и культурный фундамент и, не в последнюю очередь, политическое устройство, способное гибко реагировать на новые вызовы, *на финансовый крах (курсив – мой)*, в конце концов. Тем самым в глобальном соревновании политических систем демократия имеет многостороннее конкурентное преимущество. Просвещенно-либеральная и, кроме того, партисипативная демократия обладает легитимационным, научным и экономическим преимуществом перед недемократиями. Кроме того демократия обладает также способностью к самообучению, что в будущем может способствовать преодолению дефицита ее перспективности, который пока наличествует» [7, с. 311].

Очевидно, что сегодня не существует единого конструктивистского значения демократии. Так, известный британский политолог Дэвид Хелд, анализируя сущность демократии сегодня, приходит к выводу о том, что «споры о современном значении демократии породили чрезвычайное разнообразие моделей: от видений технократической формы правления до

концепций социальной жизни с расширенным политическим участием и принципом совещательности» [8, с. 425].

В современных условиях на российский политический ландшафт, характеризующийся размытостью существующего общественного договора, сильное воздействие оказывает макрополитическая нестабильность, что приводит к возникновению обилия неклассических многофакторных моделей, гибридных конструкций, комбинированных структур, бисекторных и трипартистских институтов. В этой связи, совершенно аргументированным и убедительным выглядит тезис Г.О. Квасовой, Г.С. Працко и В.Ю. Шпака о том, что «существование «институциональных ловушек» фактически закрепляет деформированное развитие политического рынка в современной России, заставляя его функционировать как квазирынок» [9, с. 154].

Абсолютно справедливым является вопрос о корпоративизме российского государства. Так, некоторые политологи считают, что российская политическая система по совокупности характеристик является неокорпоративистской [10], другие же исследователи убеждены в том, что российский корпоративизм не тождественен российской политической системе (он, скорее, представляет собой подсистему взаимодействия политических и экономических акторов, например, бюрократии и бизнеса) [11].

В рамках данного исследования мы придерживаемся теоретико-методологических и концептологических позиций ученых, считающих, что в современной России одновременно сосуществует несколько институциональных порядков взаимодействия политической и экономической власти. Так, мы можем найти примеры инфраструктурной фиксации в постсоветской России плюралистической демократии как институционализированного порядка формального политического и формального экономического взаимодействия, хоть и являющегося наименее распространенным из существующих в России порядков, но все же находящего свою реализацию в российской политической реальности

(например, механизм оценки регулирующего воздействия, «Открытое правительство», Агентство стратегических инициатив, бизнес-омбудсмен и др.) [12]. Модель корпоративного капитализма, совмещающая в себе формальное политическое и неформальное экономическое взаимодействие, представлена, например, практикой передачи на аутсорсинг контрагентам части собственных управленческих функций (платежная система «Платон»). Примером институционального режима государственного капитализма, который в последнее время трансформируется в порядок государственного корпоративизма, как неформального политического и формального экономического взаимодействия в России могут быть малоэффективные государственные корпорации, непрозрачные государственные торги, закупки, заказы и аукционы. Существование же консенсусной коррупции как неформального политического и неформального экономического взаимодействия возможно в России в силу незавершенности институционализации нормативно-правового пространства (отсутствие Федерального закона Российской Федерации «О лоббизме» и др.). Ведь, согласно исследованиям профессора НИУ ВШЭ С.Ю. Барсуковой, неформальные практики выполняют три функции: (1) заполняют вакуум формальных норм; (2) вытесняют формальные нормы, предлагая более выгодное субъекту соотношение издержек и результата; (3) превалируют над формальными нормами, используя последние как инструменты достижения неформальных договоренностей [13].

Обозначенные институциональные порядки взаимодействия политической и экономической власти достаточно полно описывают внутрисистемные процессы постсоветской политики: неформальные практики составляют институциональное ядро политической среды, а формальные процедуры являются ее оболочкой. Три из четырех политико-экономических институциональных порядков в постсоветской России содержат в себе институциональное ядро в виде неформального политического и/или экономического, что позволяет обрисовать конфигурацию

институциональных порядков в виде ассиметричной, разбалансированной, неэффективной, но устойчивой, гибкой и субоптимальной конструкции «клетки», позволяющей бюрократии *«захватывать»* социального актора, диктовать ему стиль, форму и механизмы взаимодействия и определять ресурсность повестки изменения.

Список литературы

1. Травин Д.Я. Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 294 с.
2. Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 512 с.
3. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 480 с.
4. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Прогресс, 1994. – 329 с.
5. Eisenstadt S.N. Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations. New York: Free Press. 1978.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
7. Хёффе О. Есть ли будущее у демократии? О современной политике. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 328 с.
8. Хелд Д. Модели демократии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 544 с.
9. Квасова Г.О., Працко Г.С., Шпак В.Ю. Политический рынок и порядок общества: институциональное и историко-правовое измерение. М.: Вузовская книга, 2013. – 272 с.
10. Макаренко Б.И. Неокорпоративизм в современной России // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 90-97.

11. Перегудов С.П. Бизнес и бюрократия в России: динамика взаимодействия // Полития. 2007. № 1 (44). С. 52-64.

12. Бизнес и власть в России: формирование благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата [Текст]: монография / науч. ред. и рук. авт. колл. А.Н. Шохин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 461 с.

13. Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 215 с.

Хомова, О.В.|| Шуклина, Е.А.

Обращения граждан в органы государственной власти как
институциональный ресурс гражданского общества

Khomova, O.|| Shuklina, Y.

Citizens appeals to the government as the institutional resources of civil
society

Статья посвящена вопросам создания эффективного институционального механизма взаимодействия власти и гражданского общества. Сегодня у государства есть потребность в новых каналах «обратной связи», способствующих улучшению информационного обеспечения для принятия управленческих решений, повышению доверия общества к государственным институтам. В статье сформулированы основные признаки социального института обращений граждан, предложен механизм повышения эффективности его работы.

This report focuses on the establishment of effective institutional mechanism of interaction between government and civil society. Nowadays the state has a need of a new channel of «feedback» which can improve information for management decisions and increase public confidence in the state institutions. In this report the basic features of social institutes of citizen's appeals are set out, and proposed a mechanism for increasing the efficiency of these subinstitutes.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД||
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО|| ИНСТИТУТ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН||
СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

KEYWORDS: INSTITUTIONNAL APPROACH|| CIVIL SOCIETY|| OF
CITIZEN APPEALS| SOCIAL INSTITUTE

Одной из базовых задач российской власти является формирование соответствующей определенным условиям и задачам модели институционального взаимодействия с гражданским обществом. Решать проблемы эффективности данного взаимодействия призван один из таких механизмов их регулирования как институт обращения граждан. В правовом

поле этот институциональный регулятор зафиксирован в ст. 33 Конституции Российской Федерации, согласно которой «граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [7, с. 5].

Институт обращений граждан в рамках государства как базового института целесообразно рассматривать как вспомогательный. Его основная цель – обеспечить практический механизм реализации конституционного права граждан на обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Специфика института обращений граждан заключается в том, что он является условием межинституционального взаимодействия государства и гражданского общества. При этом в современных условиях «гражданское общество выступает как многообразие непосредственных государством взаимоотношений свободных и равноправных индивидов в условиях рынка и демократической правовой государственности. В отличие от государственных структур в гражданском обществе преобладают не вертикальные (иерархические), а горизонтальные связи – отношения конкуренции и солидарности между юридически свободными и равноправными партнерами» [9, с. 1].

Рассматривая субъекты института обращений граждан, целесообразно выделить две основные группы: 1) лица, которые обладают правом на подачу обращения (они являются представителями широкого спектра социальных групп, транслируя их потребности и интересы); 2) субъекты, которым адресовано это обращение, обязанные его принять, рассмотреть поставленные в обращении вопросы, принять по нему необходимые меры (это органы государственной власти, местного самоуправления, должностные лица).

Институт обращений граждан представляет собой, с одной стороны, совокупность правовых норм внутри более крупного социального института

– государства, с другой – является институциональным ресурсом гражданского общества, регулируя коммуникативное взаимодействие власти и гражданского общества. Обеспечивая обратную связь, он определяет порядок разрешения возникающих проблем, содействует оптимизации функционирования политической системы, повышая ее результативность.

Гражданское общество посредством обращений граждан в органы государственной власти обозначает проблемное поле для анализа и принятия управленческих решений, информирует властные структуры, тем самым, участвуя в управлении государством. Эффективность этого управления напрямую зависит от уровня демократизации общества. «Разнообразные формы гражданского участия возможны лишь в том случае, если у населения с властью устанавливаются не только вертикальные, иерархические отношения господства/подчинения, но и формируется режим горизонтальных, диалоговых отношений, построенных на фундаменте закона и права. От этого зависит диалогоспособность разных социальных акторов (от отдельных индивидов и социальных движений до институциональных игроков), их готовность к конструктивным формам взаимодействия» [3, с. 4].

Проблема диалогоспособности власти и населения остается актуальной в современной России, ее реализация на региональном и местном уровнях – важная управленческая задача. Использование институционального подхода для ее анализа и поиска путей решения применительно к конкретному регулятору – институту обращений является целью данной статьи, поскольку роль обращений граждан как институционального ресурса гражданского общества недостаточно осмыслена в социальных науках.

Применительно к проблеме эффективности социального института обращений граждан целесообразно говорить о так называемой «институциональной недостаточности» [10, с. 83]. Характеризуя уровень развития института обращений граждан как социального регулятора, обратимся к теории социальных институтов, определяющей методологию его исследования.

В литературе оформился спектр макро- и микроподходов (или в интерпретации С.Г. Кирдиной – структурно-системного и субъектно-поведенческого подходов [6, с. 10]) к феномену социального института. В рамках структурно-системного подхода институт может рассматриваться как:

- 1) систему социальных отношений и деятельности, выполняющие определенные социальные функции;
- 2) совокупность норм и механизмов их реализации;
- 3) сложную организацию значительного размера [4, с. 342];
- 4) устойчивую социальную практику, подверженную обширному социальному контролю, прежде всего системе позитивных и негативных санкций;
- 5) исторически устойчивые формы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах обществ [6, с. 17].

В контексте субъектно-поведенческого подхода:

- 1) классическим является понимание социального института в духе социального конструктивизма как взаимной типизации опривыченных действий деятелями разного рода [1, с. 92];

- 2) видение института в духе неоинституционализма как «правил» игры в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и структурируют стимулы обмена во всех его сферах – политике, социальной сфере или экономике [8, с. 16]. В этом случае институты создают структуру побудительных мотивов человеческой деятельности, уменьшают неопределенность, организуют повседневную жизнь субъектов социально-экономических отношений [5, с. 694].

Рассмотренные методологические подходы к анализу социального института обращений граждан показывают необходимость:

- 1) выделить спектр социальных функций макро, мезо, микроуровней, которые, с помощью данного институционального механизма, воспроизводят диалог социальных акторов гражданского общества и власти;

2) проанализировать совокупность норм, обуславливающих функционирование института обращений граждан, их достаточность, адекватность, непротиворечивость, а также оценить эффективность

механизмов их реализации;

3) рассмотреть организационный уровень данного института, понять насколько «обслуживающие» его организации реализуют институциональные требования, способствуют интериоризации норм, ценностей, образцов поведения, обеспечивают их продвижение и закрепление в институциональной среде;

4) оценить эффективность различных форм социального контроля, которые обеспечивают функционирование института обращения граждан;

5) проанализировать укорененность в сознании представителей социальных общностей, включенных в институциональное взаимодействие, потребности в диалоге;

6) выявить уровень коммуникативной компетентности взаимодействующих акторов, их диалогоспособности, ориентации на тип и характер диалога, ее соотнесенности с повседневными практиками реализации гражданской активности;

7) определить влияние институциональной среды на уровень гражданского участия институциональных акторов, поведенческие стандарты и стереотипы, реализуемые в диалоговых практиках социального взаимодействия.

Конкретизируя понятие института обращений граждан, рассмотрим классификационные модели социального института (см. табл. 1).

Таблица 1

Классификация социальных институтов

Критерий классификации	Виды социальных институтов
1. способ существования	институт-норма; институт-организация;

Критерий классификации	Виды социальных институтов
	институт - социальная практика.
2. природа возникновения института	государство как фундаментальный институт; неформальные практики.
3. сфера функционирования	политические; социальные; экономические; культурные; религиозные институты.
4. механизмы принуждения субъектов к исполнению правила	экономические; административные; правовые.
5.уровень формализации отношений	формальные; неформальные институты.
6. степень охвата социальных отношений	общие институты; локальные институты.
7. тип социальных отношений	традиционные; новые институты.
8. взаимосвязь институтов	базовые; вспомогательные.

Институт обращений граждан выступает, в равной степени, как институт-норма, так и институт-социальная практика, причем в качестве института-практики он существует скорее в проекте, как перспектива для дальнейшего развития. Понимание дуальности типа этого социального института ставит перед нами проблему определения уровня нормативной обеспеченности данного институционального механизма, а также степени сформированности практик его реализации.

Природу возникновения института обращений граждан определяет государство как фундаментальный институт. Исторически сложилось так, что данная система норм скорее «спущена сверху», на уровне конкретных неформальных практик она не актуализирована, не интериоризирована, не освоена. Именно поэтому проблема формирования правового сознания и поведения в гражданском обществе тесно связана с эффективностью функционирования данного института.

В связи с этим для нас является важным проанализировать состояние и характер институциональной среды, необходимой для реализации диалоговых практик гражданского поведения. Традиционно выделяют две характеристики институциональной среды. Первая – это ее иерархичность. Здесь институциональная среда рассматривается как разноуровневая формальная система нормативных регуляторов, от формальных правил федерального макроуровня и до правовых документов микроуровня. Комплексность, полнота этой системы представляется собой показатели степени ее сформированности.

Второй характеристикой институциональной среды является ее плотность, институциональная насыщенность. Субъективными показателями плотности институциональной среды является ощущение индивидами достаточной степени регулирования отношений в той сфере, где они осуществляют свою деятельность, а объективным показателем - количество необходимых формальных правил, законов, их структура [2, с. 1, 45].

Институт обращений граждан является формальным и в том виде, в котором существует сейчас, без сомнения, новым для России, хотя и имеет очень глубокие исторические корни.

Институциональным пространством функционирования института обращений граждан выступает широкий спектр сфер, представляющих собой политические, социальные, экономические, культурные, религиозные институты. Однако необходимо понимать, что обращения граждан – это, прежде всего, социально-политический институт. Механизмы принуждения

субъектов институционального взаимодействия к исполнению правила, прежде всего, правовые.

По степени охвата социальных отношений институт обращений граждан является локальным и вспомогательным, поскольку встроен социально-политическую структуру государства. Если базовые политические институты функционально ориентированы на территориальную организацию государства; устройство системы органов государственного управления; обеспечение определенного порядка занятия основных управленческих позиций; формирование и реализацию общегосударственных решений; обеспечение обратных связей в политической системе [6, с. 69], то институт обращений граждан как локальный и вспомогательный призван реализовывать последнюю из перечисленных функций.

Вспомогательные институты в значительной степени ответственны за развитие базовых институтов, изменяясь во времени, обеспечивают их оптимальную эволюцию. Вспомогательные институты составляют инфраструктуру базовых институтов, формируются по селективному принципу как наиболее жизнеспособные и адекватные состоянию и уровню зрелости базового института. Именно поэтому внимание к институту обращений граждан является важным условием развития гражданского общества и правового государства в России.

Социальные институты имеют свою историю, будучи устойчивым социальным взаимодействием они, тем не менее, изменяются в ходе зарождения, становления, развития. Процесс институционализации имеет ряд составляющих: возникновение общественной потребности в новых формах организации общественной жизни и деятельности людей; становление неформальных и формальных норм деятельности и санкций за невыполнение ролей; появление организационных структур, регулирующих жизнедеятельность; становление системы социальных статусов и ролей для ее реализации деятельности; освоение индивидами данных норм деятельности, появление стандартов поведения, соответствующих данному

виду деятельности; возникновение системы ценностей, относящихся к данному виду деятельности; интеграция нового вида деятельности в систему социальных отношений.

В соответствии с концепцией Д. Норта, процесс институциональных изменений – это изменение формальных и неформальных правил, норм и принуждений, составляющих институциональную среду общества, где неформальные ограничения являются «продолжением, развитием и конкретизацией формальных правил и хорошо способны к выживанию благодаря тому, что составляют часть привычного поведения людей» [8, с. 108].

Неформальные правила меняются медленно, постепенно формируя условия для формальных изменений, которые закрепляют полезные рутинные практики, легитимизируя инновации в системе социальных отношений субъектов институционального взаимодействия.

Сегодня уже можно говорить, что социальный институт обращений граждан в органы государственной власти в целом сложился. В России есть необходимые условия для его создания:

1. Гражданское общество, пусть и не окончательно сформированное, готово в той или иной мере брать на свою ответственность решение государственных вопросов, участвовать в процессе управления жизнью общества;

2. Существует сформированная социально-политическая сфера, т.е. необходимые средства и механизмы для участия граждан в процессе управления жизнью общества;

3. Для функционирования института обращений граждан есть необходимые институциональные ресурсы (правовые, материальные, финансовые, трудовые, организационные и др.), которые стабильно пополняются;

4. Возникла социокультурная среда, определяемая действующим федеральным законодательством, где прописаны действия и правила

поведения людей, социальных групп, включенных в институциональное взаимодействие гражданского общества и власти.

Практическая реализация гражданами права на обращение в органы власти обладает рядом признаков социального института:

— наличие и реализация жизненно важной потребности в эффективном инструменте управления жизнью общества (необходимость обратной связи, информационного канала, диалога с властью);

— совокупность норм, стандартов и правил поведения (действуют законы, кодексы этики и служебного поведения);

— формальная и неформальная организация (создаётся высшей государственной властью и возникает стихийно на местах);

— совокупность учреждений, регулирующих эту сферу общественных отношений (входят в систему государственного управления, контролируются обществом);

— обособленный комплекс социальных действий (непосредственное взаимодействие, контакт, влияние);

— наличие системы санкций для поддержания устоявшихся норм и правил (прописаны в федеральных и региональных законах);

— система статусов и ролей субъектов взаимодействия (взят курс на партнёрские отношения в процессе взаимодействия, закреплена чёткая иерархия структуры).

Основная социальная функция института обращений граждан – коммуникативная, являющаяся условием участия граждан в управлении общественной жизнью страны. Другой важной функцией является функция социального контроля гражданского общества над институтами публичной власти путём использования гражданами права на обращение в органы государственной власти с целью защиты нарушенных прав или выражения мнения по различным общественным проблемам.

В настоящее время, фиксируя факт «институциональной недостаточности» института обращений граждан в органы государственной

власти, важно констатировать необходимость создания более эффективной системы диалога власти и граждан, которая позволит сделать коммуникации более открытыми и прозрачными. Эффективность механизма реализации права граждан на обращение, может быть достигнута через коррекцию институциональной нормативной базы, упорядочивание практик ее применения, жёсткий контроль принятых управленческих решений.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] – М.: Медиум, 1995. – 97 с.
2. Василенко Н.В. Институциональная среда организаций: характеристики и уровни регулирования // Проблемы современной экономики, №3 (27), 2008. [Электронный ресурс]: Проблемы современной экономики. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2081>. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем [Текст] – М.: Наука, 2004. – 240 с.
3. Задорин И.В., Грешнова Е.В., Зайцев Д.Г. Власть и общество в России: развитие взаимодействия и повышение эффективности гражданского участия. [Электронный ресурс]: сайт Zircon.ru. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/ecc/ZIRCON+USAID_doklad-2010_afragmentiy_0310.pdf (дата обращения 08.02.2016)
4. Зборовский Г.Е. Общая социология. Курс лекций. [Текст] – Екатеринбург: Изд-во УГППУ, 1999. – 609 с.
5. Институциональная экономика: учебник/Под общ. ред. А.Олейника [Текст] - М.: ИНФРА-М, 2009. – 716 с.
6. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России [Текст] – М.: ТЕИС, 2000. – 213 с.
7. Конституция Российской Федерации (в ред. от 21.07.2014). [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 05.02.2016)
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование

экономики [Текст] / Пер. с англ. А.Н. Несторенко. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

9. Понятие гражданского общества. [Электронный ресурс] : сайт [Grandars.ru](http://www.grandars.ru). URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-grazhdanskogo-obshchestva.html> (дата обращения 01.02.2016)

10. Тамбовцев В.Л. Теоретические вопросы институционального проектирования [Текст] // Вопросы экономики. - 1997. - № 3. С. 82-94.

Региональные особенности развития российского пограничья

Tsvetkova, O. V.

Regional features of development of the Russian borderland

Аннотация. В данной статье исследуются «новые» пограничные регионы, возникшие после распада СССР. Автор статьи обосновывает положение о том, что региональные особенности развития российского пограничья зависят от функции государственной границы.

Ключевые слова: пограничье, пограничная зона, пограничный регион, пограничное пространство, государственная граница, барьерная функция, контактная функция.

Abstract. This article examines the "new" border regions that emerged after the collapse of the USSR. The author substantiates the position that the regional features of development of the Russian territories dependent on the function of the state border.

Keywords: borderland, border area, border region, the border, state border, barrier function, contact function.

Государственную границу важно представлять не только в виде линии, очерчивающей пределы государственной территории, но и как особый тип пространства, характеризующийся разной интенсивностью взаимодействия между пограничными регионами. Это пространство, где взаимодействуют политические, социальные и экономические потоки, которое носит название «пограничье».

В последние десятилетия в ходе дискурса говорится о границах как видимых и невидимых линиях[10]. В фокусе исследований неизменно находятся не границы как таковые, а пограничное пространство, трансграничные феномены и контактные зоны.

Понятие пограничье (borderland) в научной и учебной литературе имеет синонимы «порубежье», «приграничье», «погранполоса». Пограничье — это

зона, прилегающая к границе с одной или обеих сторон, выделяемая на основании одного (как правило, административно-территориального) или нескольких признаков в качестве объекта анализа. Такая зона должна охватывать, по крайней мере, одну межгосударственную границу, но не взятый в отдельности ее региональный участок.

Пограничье представлено совокупностью сконцентрированных по отношению к государственной границе пространственно-временных рубежей, разделяющих административно-политические, экономические, культурные и другие системы, идентифицируемые с сопредельными государствами.

Пограничье связано с географическими, экономическими, политико-правовыми аспектами и вопросами национальной безопасности. Основой междисциплинарной методологии изучения пограничных регионов выступают геопространственная парадигма и системный подход.

В разных отраслях науки имеется далеко не одинаковое содержание описания пограничной территории, что связано с нечетким определением границ, их свойств, функций и типов. Одним из наиболее используемых в научных исследованиях является термин «пограничное пространство».

Под пограничным пространством понимают территорию, непосредственно прилегающую к государственной границе, в пределах которой реализуются политические, инфраструктурные, экономические, социально-культурные и некоторые административные функции взаимодействия с соседними территориями. Здесь в наибольшей степени проявляется влияние соседнего государства, его экономики и политики на все сферы жизнедеятельности населения [3, С.78].

К пограничному пространству относятся только определенные территории и область физико-географической среды, на которые распространяются нормы специальных правовых режимов, обеспечивающих территориальную целостность и суверенитет страны, а также защиту жизненно важных интересов граждан, общества и государства, выступа-

ющими объектами реализации государственной пограничной политики[5,С.96].

В географической интерпретации пограничное пространство рассматривается как районы вдоль границы, характеризующиеся общими экономическими и социальными проблемами [4,С.63]; природно-хозяйственный или административный район, прилегающий к государственной границе, природным основанием которой является геосистема регионального уровня [1, С.27].

Параметры пограничного пространства обуславливаются геополитическими факторами и включают в себя размеры (протяженность, ширину) и насыщенность. Протяженность пограничного пространства зависит от географического фактора — конкретной линии прохождения государственной границы. Ширина пограничного пространства определяется политическим, экономическим, военным, этническим и иными геополитическими факторами. Этот параметр охватывает континентальные и морские пространства распространения норм специальных режимов по обеспечению территориальной целостности и суверенитета страны, осуществления приграничного торгово-экономического сотрудничества, организации военного прикрытия границы, поддержания исторически сложившихся культурно-этнических связей населения приграничных регионов соседних государств и иной деятельности по реализации пограничной политики государства.

В число функциональных элементов пограничного пространства входят пограничные институты и системы, пограничные отношения, пограничные нормы и правовые режимы, индивидуальные и общественные мнения, взгляды и убеждения.

В нашем понимании пограничное пространство в политико-территориальной структуре государства представляет переходную зону, характеризующуюся пространственно-временной изменчивостью, которое охватывает зону, не только прилегающую к государственной границе и зону

внутренних районов государства с субнациональными границами [8, С.60]. Следует подчеркнуть, что главной особенностью пограничного пространства выступает географическое положение субъектов региональных и трансграничных отношений.

В политической плоскости суть пограничных пространств состоит в том, что они являются специфической стороной социально-политической жизни, охватывающей процессы и явления, имеющие сугубо пограничную специфику. К этим процессам и явлениям можно отнести наличие территориальных проблем; развивающееся приграничное межгосударственное сотрудничество; действия трансграничной организованной преступности; проблемы единых этнических общностей с различным гражданством и др.

Иначе говоря, пограничное пространство - это тот политический контур, в рамках которого сосуществуют и взаимно переплетаются многочисленные интересы соседних государств, своего рода арена борьбы за собственные интересы в пограничной сфере каждой из сторон.

В данной статье исследуются «новые» пограничные регионы, возникшие после распада СССР.

Проблема пограничных регионов в рамках всего постсоветского пространства в основном связана с частными примерами пограничных территорий и особой спецификой для каждого отдельного случая. Поэтому концептуально осмыслить пограничную территорию можно, если исследовать пограничное пространство субъектов РФ не только внутристранового уровня, но и межгосударственного уровня.

В геопроостранственной парадигме выделяется три уровня пограничных регионов. Макроуровень пограничных регионов включает все субъекты Федерации, имеющие прямой выход к государственным границам. Мезоуровень пограничья — это административные районы в составе субъектов Федерации, часть административных границ которых совпадает с государственной границей. Микроуровень пограничных регионов — это

приграничная полоса, включающая населенные пункты, непосредственно выходящие на государственную границу.

Общей особенностью пограничной территории на всех территориальных уровнях являются субъектно-субъектные отношения. В данном случае мы выделяем два и более субъектов, присутствующих на пограничной территории. В некоторых случаях могут присутствовать три и более субъекта, так как международная трансграничная территория может формироваться между тремя странами, когда практически в одном месте сходятся государственные границы трех государств (например, устьевая часть р. Туманная, формируемая приграничными территориями России, КНР и КНДР; стык государственной границы России, КНР и Монголии).

На макроуровне в постсоветской пограничной территории целесообразно выделить следующие пограничные регионы: прибалтийский пограничный регион (границы между Россией, Беларусью, Латвией, Литвой и Эстонией), приднестровский пограничный регион (украинско-молдавская граница), кавказский пограничный регион (между Россией и государствами Закавказья), каспийский пограничный регион (между новыми прикаспийскими государствами), центрально-азиатский пограничный регион (между новыми государствами Центральной Азии, граница между Россией и Казахстаном). Для каждого пограничного региона характерна своя специфика[2, С.32].

В прибалтийском регионе особо развиты коммуникационные отношения, поскольку пограничная территория участвует в таких территориальных образованиях, как еврорегионы. Экономический потенциал прибалтийской пограничной зоны велик в связи с Калининградской областью. Этот субъект Российской Федерации - эксклав, не граничащий ни с одним из других регионов России. Уточним, административная граница Калининградской области одновременно является государственной границей Российской Федерации (граничит с Литвой и Польшей).

Территория и эксклавное положение Калининградской области

приводит к трансграничным отношениям с сопредельными странами, в том числе с Литвой, через которую осуществляется сообщение с основной частью России. Сегодня с участием российских регионов и муниципальных образований на прибалтийской пограничной территории созданы и действуют два еврорегиона «Балтика» (Калининградская область, северная Литва, западная Латвия) и «Сауле» (Калининградская область, Западная Литва). На пограничной территории созданы еврорегионы - приграничные сообщества международного трансграничного сотрудничества в области экономики, культуры, образования, транспорта, создаваемые на основе принципов subsidiarity.

Функционирование еврорегионов обуславливает процессы перераспределения власти между центральным правительством и приграничными сообществами, наделенными полномочиями самостоятельного регулирования своей деятельности и заключения межрегиональных трансграничных соглашений в соответствии с государственным законодательством. Специфика Калининградской области заключается в ее статусе, вопросах национальной безопасности, установлении паспортно-визового режима в связи с вступлением в Евросоюз Литвы и Польши и обустройстве новых границ и вопросах трансграничного взаимодействия.

У Калининградской области особый статус свободной экономической зоны. Кроме того 12 января 1996 года Калининградская область подписала договор с федеральными властями о разграничении полномочий, в результате чего область получила возможность в пределах своей компетенции пописывать соглашения с субнациональными субъектами иностранных государств. Федеральная власть оставила за собой контроль за пересечением границы.

Примечательно, режим особой экономической зоны поддерживается иностранными государствами и международными организациями (проект программы ТАСИС). Позиция Польши и Литвы в отношении свободной экономической зоны в Калининградской области положительная.

Пограничная территория Калининградской области отличается высокой проводимостью транграничных отношений (контактная функция), что обуславливает участие России в процессах международного сотрудничества.

В прибалтийском пограничном регионе наблюдается тенденция использования функции контрастности. Барьерность проявляется по причине административных границ стран Балтии с Россией и Беларусью, очевидно происходящая ситуация складывается по причине вхождения стран Балтии в Евросоюз, особенно в вопросе визового режима в сочетании этнокультурной и политической барьерностью.

Специфика барьерной функции границы приднестровского пограничного региона определяется существующим конфликтом в Приднестровье. С правовой точки зрения действия Молдовы и Украины законны, но на этой пограничной территории сильно развита барьерная функция границ (таможенная блокада Приднестровья).

Кавказский пограничный регион отличается высокой степенью концентрации барьерных функций и входит в геополитическую дугу международной нестабильности. При функциональном анализе этой пограничной территории постсоветского пространства большое значение имеют конституирующая и регулятивная функции границ.

Барьерная функция границы усилена в связи со сложными ландшафтными условиями, сильной этнокультурной барьерностью между населяющими сопредельные районы этническими общностями. Это подтверждается конфликтами в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии, взаимоотношениями между Грузией и Россией, Азербайджаном и Арменией. Наличие таких конфликтных ситуаций на неконтролируемых территориях ставит под сомнение легитимность внутренних административных границ, и барьерность увеличивается в интересах региональной и национальной безопасности (терроризм, экстремизм, нелегальная миграция).

Барьерность границ усиливают проблемы безопасности, побуждающие

заинтересованные стороны принимать меры по ужесточению пограничного режима. Так, в линию противостояния между войсками конфликтующих государств превратилась армяно-азербайджанская граница; ввиду неблагоприятной политической конъюнктуры и угрозы проникновения незаконных вооруженных формирований на территорию Чечни Россия стала инициатором введения визового режима пересечения границы с Грузией.

Россия в ее азиатской части граничит с различными государствами (Казахстаном, Монголией, Китаем, КНДР), темпы социально-экономического развития которых и характер межгосударственных отношений с которыми весьма различаются. Центральное-азиатский пограничный регион отличается большим разнообразием природных условий: от степных ландшафтов российско-казахстанского и российско-монгольского пограничья, горно-лесных ландшафтов Алтая, Саяна, Большого и Малого Хингана, Восточно-Маньчжурских гор (российско-монгольские и российско-китайские трансграничные геосистемы) до водно-болотных угодий среднего Амура, оз. Ханка и р. Туманная. Вместе с тем государственной границей пересекаются целостные природные и природно-ресурсные системы различных типов, например, бассейны рек Иртыш, Селенга, Амур, Байкальская природная территория [6, С.5]. Большое разнообразие трансграничных территорий требует дифференцированного перечня требований и информации для формирования программ устойчивого развития приграничных территорий России в ее азиатской части.

Контактная функция границы усилена в особых случаях, когда практически в одном месте сходятся государственные границы трех стран, международную трансграничную территорию образуют приграничные территории всех трех стран. Хорошим примером этого является международная трансграничная территория в устьевой части р. Туманная, формируемая приграничными территориями России, КНР и КНДР. Именно к этой уникальной территории, выходящей к Японскому морю, приурочен известный международный проект регионального развития «Туманган» [9].

Такого же рода международную трансграничную территорию можно выделить для зоны стыка государственных границ России, КНР и Монголии. Особые связующие свойства международной трансграничной территории придает наличие транспортных переходов: железнодорожных, автодорожных, речных, трубопроводов, энергосетей, связывающих приграничные территории соседних стран. В этом случае резко увеличиваются зоны экономического тяготения в приграничных территориях обеих стран, вытягиваясь вдоль транспортных подходов к границе.

Трансграничное взаимодействие в центрально-азиатском пограничном регионе происходит с доминированием контактной функции границы. В экономическом плане давление с сопредельной стороны проявляется в распространении импортных товаров и услуг. Давление постепенно переходит в экономическое притяжение, так как сопредельная сторона, предлагая на своей территории товары и услуги по более приемлемым ценам или более высокого качества, пытается привлечь население с противоположной стороны границы, стимулируя, таким образом, маятниковые трансграничные миграции. Например, в Забайкальском крае приграничье испытывало давление, когда китайские граждане оживленно вели торговлю импортными товарами. По мере движения вглубь страны давление ослабевало, но Китай с каждым годом усиливал его, формируя территориальную систему китайских рынков в населенных пунктах России. Экономическое давление Китая становится более контролируемым, хотя в плане реализации этого процесса имеются и некоторые проблемы в пограничной политике России.

Трансграничное давление, как и притяжение, возможно как при контактности границы, так и при ее барьерности, но в последнем случае они могут носить военно-стратегический характер. Напряженная политическая обстановка на границе приводит к давлению, которое проявляется в угрозе приграничного военного столкновения и, как следствие, вызывает необходимость концентрации вооруженных сил на границе [7, С.27].

Таким образом, процессы глобализации, необходимость сохранения идентичности, самостоятельности, обострение экологических проблем вносят существенные изменения в геополитику и социально-экономическое развитие России на федеральном и региональном уровнях. В связи с этим в постсоветском пространстве особенно острым является вопрос устойчивого развития пограничных зон России с учетом геополитических факторов.

Геополитическое положение пограничных регионов проявляется в двух направлениях:

- во взаимодействии контактной и барьерной функции границы, придающих ей новое качественное состояние - фильтрационность;
- в трансграничном взаимодействии, сводящихся к трансграничному давлению (экологическое давление) и притяжению (вывоз природных ресурсов за рубеж).

Макроуровень пограничья относится к международному взаимодействию пограничных регионов. Мезоуровень и микроуровень пограничья связаны с решением сугубо местных проблем (внутристрановой уровень): осуществлением социальных и культурных связей населения приграничных регионов, приграничной торговлей и экспортно-импортной деятельностью, ориентированной на внутренний рынок. Развитие внешнеэкономической деятельности приграничных территорий способствует преодолению периферийности, крайности пограничных территорий. Это придает более весомую роль развитию наиболее удаленным от Европейской России субъектам Федерации, в основном это сибирские и дальневосточные регионы России.

Безусловно, пограничье России — это территория (место) «первой пробы» прочности государства, где идет проверка на прочность и способность противостоять политическим, экономическим и военным угрозам. Политическая нестабильность в пограничном пространстве ведет к политической нестабильности, ослаблению государственного управления, внутренней социальной напряженности, экономическому кризису и стимулированию экспансионистских устремлений соседей, которые

охватывают в первую очередь зону пограничья.

Список литературы

1. *Бакланов П.Я.* Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований // Изв. РАН. Сер. «Географическая». 2004. № 4. С. 27-34.
2. *Вардомский Л.Б.* Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития. М.: ИМЭПИ РАН, 2000. С. 18-44.
3. *Кудияров П.* Пограничное пространство России // Границы России. 1996. № 2. С. 77—83.
4. *Колосов В.А.* [и др.]. Социально-экономические проблемы нового российского пограничья // Изв. РАН. Сер. «Географическая». 1997. № 3. С. 63-96.
5. Пограничная политика Российской Федерации / под общ. ред. А.М. Касьянова. 1998.
6. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / отв. ред. П.Я. Бакланов, А.К. Тулохонов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010.
7. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / отв. ред. П.Я. Бакланов, А.К. Тулохонов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 27.
8. *Цветкова О.В.* Политическое пространство России: границы и пограничье / О.В. Цветкова. – М.: Логос, 2015.
9. Transboundary diagnostic analysis. Tumen River, 2002.
10. Border Discours: Changing Identities, Changing Nations, Changing Stories in European Border Communities. [URL]: <http://cordis.Europa.eu/fp5/home>

УДК 323

ББК Ф3(2)12

Шаматонова, Г.Л.

Гражданское общество: региональные особенности состояния и
проблемы развития

Shamatonova, G.

Civil society: regional features of a state and problem of development

Исследуются состояние и особенности развития институтов гражданского общества в Ярославской области. Анализируется динамика общественных организаций и объединений. Представлены результаты социологических исследований.

The state and features of development of institutes of civil society in the Yaroslavl region is investigated. Dynamics of public organizations and associations is analyzed. Results of sociological researches are presented.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
И ОБЪЕДИНЕНИЯ, РЕГИОН, ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ,
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

CIVIL SOCIETY, PUBLIC ORGANIZATIONS AND ASSOCIATIONS,
REGION, YAROSLAVL REGION, SOCIOLOGICAL RESEARCHES.

Условия глобализации объективно потребовали обращения как к классическим теориям гражданского общества, так и практике его институционализации в отдельных регионах мира и конкретных странах. Гражданское общество было, есть и остается одним из актуальных объектов социально-политического исследования, что обусловлено сложнейшей

динамикой и диалектикой понятия и явления «гражданское общество», сосуществованием разнообразных точек зрения на его сущность, этапы развития и роль различных институтов в процессе его становления.

В связи с этим целью данной статьи является теоретическое осмысление феномена гражданского общества, а задачами – определение дефиниций, выявление составляющих его структурных элементов и компонентов, в том числе социально-политических институтов.

В многосубъектной России гражданское общество приобретает особый характер и отличается относительной независимостью от этнических, языковых, религиозных, культурных и прочих различий. Несмотря на региональные особенности, оно как аттрактор современного российского общества, в теории и практике мыслится как поликультурный феномен, вбирающий в себя общечеловеческие ценности, нормы и права. Все теории и концепции гражданского общества имеют общие черты, среди которых гуманизм, социальная направленность и ориентация на межкультурные ценности, нормы и права.

Особую значимость приобретают вопросы изучения региональной особенностей и специфики становления гражданского общества в условиях современной России, чрезвычайного социально-экономического, политического и социокультурного разнообразия ее отдельных регионов, областей и территорий.

В связи с характерными особенностями российской социально-политической теории и практики, объединяющих в себе традиции и формы восточных и западных типов государственных устройств одновременно, понятие «гражданское общество» появилось в современной отечественной научной литературе сравнительно недавно [4,5,6].

Гражданское общество – совокупность неполитических отношений в обществе: экономических, социальных, нравственных, религиозных, национальных и т.д. Это сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций, огражденных

соответствующим законом от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности этих граждан и организации со стороны государственной власти.

В XXI веке сосуществуют разные точки зрения на понятие «гражданское общества», что стало возможным благодаря деидеологизации, плюрализму мнений и использованию различных теоретико-методологических подходов к его изучению.

По мнению автора, для исследования процессов развития гражданского общества в условиях современной России необходимым являются анализ онтологических основ гражданского общества, изучение его структуры и отдельных элементов или институтов, а так же выбор наиболее оптимального теоретико-методологического подхода к исследованию процессов его становления в отдельных российских регионах, областях и территориях.

Закономерности возникновения, тенденции становления и развития общественно-политических объединений и организаций в современной России подтверждают положение о возрастании роли регионального фактора, поскольку именно он определяет количественный набор социально-политических институтов гражданского общества, их качество, особенности и специфику деятельности, социальную базу, конкретных благополучателей и степень привлечения добровольцев или волонтеров. В связи с этим вполне обоснованно и достаточно эффективно можно использовать региональный социально-политический форсайт для развития гражданского общества в конкретных территориях, областях и регионах [3, с. 5].

В качестве примера можно привести Ярославскую область Российской Федерации. Ее географическое расположение, территориальная близость к городам Москва и Санкт-Петербург определяют многие социально-политические процессы, способствуют проекции политических инфраструктур и институтов, инициируют и стимулируют динамику их развития [2, с. 126]. Ярославская область отличается своеобразием развития институтов гражданского общества: при количественном росте

общественных объединений и организаций их качественное состояние остается на среднем уровне. Например, наблюдения и исследования показали, что, во-первых, общее количество некоммерческих организаций и объединений в сельском социуме значительно меньше, чем в городском, и, во-вторых, только небольшой их процент можно отнести к организациям, действующим на профессиональной основе, свободно ориентирующимся в действующем правовом поле Российской Федерации и способных конкурировать с государственными структурами в предоставлении населению социальных услуг [1, с. 430].

Ярославской региональной общественной организацией «Центр социального партнерства» регулярно проводятся социологические исследования с целью изучения восприятия гражданского общества и общественных организаций населением региона [7]. Авторский анализ их результатов показал низкую осведомленность граждан и противоречивость восприятия содержания понятий «гражданское общество» и «общественная организация».

Наибольшая доля населения уверена, что гражданское общество – это общество, в котором граждане имеют возможность создавать независимые от государства объединения для защиты собственных интересов. Так считает 28,33% респондентов, при этом больше всего (34,26%) это определение поддержали жители средних городов области, самый низкий процент непосредственно в Ярославле (23,66%).

11,6% населения региона воспринимает гражданское общество как самоуправляемое общество, свободное от диктата со стороны государства, но сотрудничающее с ним для выполнения функций защиты от внешней угрозы, поддержания правопорядка. За данное утверждение опять же больше всего высказались жители Ярославля (14,5%), меньше всего поддержки (7,41%) нашлось в малых и средних городах области. Столь высокий процент у жителей областного центра может свидетельствовать о том, что ярославцы ощущают на себе «диктат со стороны государства» и, отдавая предпочтение

этому варианту, тем самым признают наличие последнего и стремятся поменять ситуацию.

Почти 6,5% убеждено, что гражданское общество – это общество, в котором у его членов воспитывается гражданская позиция, и общественные интересы имеют приоритет над частными. По-прежнему, наибольшее предпочтение данное определение находит в Ярославле (9,16%), наименьшая поддержка (2%) у жителей села. Подобная ситуация объясняется тем, что граждане с активной гражданской позицией могут успешнее самореализоваться в условиях города. Реалии сельской жизни диктуют необходимость надеяться на свои собственные силы и не ждать поддержки «из вне», в результате чего, вероятно, и выявлена столь низкая поддержка «приоритета общественных интересов» [8, с, 159].

По 3,75% респондентов воспринимает гражданское общество как сообщество граждан, населяющих данную страну, и как общество, в котором частные интересы граждан имеют приоритет над общественными. Больше всего за данную позицию высказалось в сельской местности (5,56%).

Особо следует отметить, что лишь каждый пятый житель Ярославской области уверен, что в России уже есть гражданское общество. Естественно, что с отрывом в два раза эту позицию поддерживают жители городов. При этом более трети респондентов считает, что о наличии гражданского общества в России говорить пока рано, но процесс его формирования уже идет. С этой позицией в равной степени согласились как жители села, так и горожане области. Почти 13% респондентов ответило, что в ближайшее время гражданское общество в России вряд ли возникнет. Больше всего в этом убеждены ярославцы (15,27%), меньше так считают жители городов области (9,26%).

Важной является убежденность жителей Ярославской области в том, что наиболее эффективным путем формирования гражданского общества в России является путь «снизу», когда гражданское общество формируется за счет инициативы россиян, испытывающих потребность в объединении для

защиты своих прав и интересов. Наибольшую поддержку это утверждение нашло у ярославских респондентов (48,85%). Однако более 27% уверено, что его можно сформировать «сверху», когда инициативу в создании гражданского общества проявляет государственная власть – президент и правительства. За это утверждение в большей степени высказались жители средних и малых городов области (33,33%).

Таким образом, теоретическое исследование понятия «гражданское общество» и региональных особенностей процессов его становления в современной России позволили выявить следующее. По-прежнему содержание дефиниции «гражданское общество» является объектом социально-политических дискуссий. Региональные особенности его институционализации заключаются в количественном наборе и качественном разнообразии общественных институтов. Примером может служить Ярославская область, которая отличается достаточно средним уровнем развития институтов гражданского общества. Авторский анализ результатов социологических исследований показал, что население Ярославской области слабо информировано о сути и содержании феномена гражданского общества, об его институтах и проблемах развития в перспективе.

Список литературы:

1. Албегова И.Ф. Институционализация гражданского общества в сельском социуме: методология изучения и опыт реализации // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. №39. С. 428-432.
2. Албегова И.Ф., Шаматонова Г.Л. Теоретико-методологические основы изучения процессов развития гражданского общества в современной России и ее отдельных регионах // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 8. С. 125-130.
3. Албегова И.Ф., Шаматонова Г.Л. Форсайт гражданского общества в современной России: теория и практика применения // Вестник социально-политических наук. 2010. № 9. С. 3-12.

4. Гайда А.В. Гражданское общество и государство // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 1999. №1. С. 5-16.

5. Ганин О.Н. Понятие «гражданское общество»: сущность и содержание // Фундаментальные исследования. 2005. № 2. С. 93-94.

6. Малько А.В., Струсь К.А. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России // Государство и право. 2011. № 9. С. 112-122.

7. Официальный сайт Ярославской региональной общественной организации «Центр социального партнерства» [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.csp-yar.ru/issledovaniia/blog> (Дата обращения 02.02.2016).

8. Шаматонова Г.Л. Становление гражданского общества в современной России: региональные особенности и проблемы развития // Вестник социально-политических наук. 2013. № 12. С. 156-161.

Шестопалова, О.Н.|| Злобина, А.В.

Оценка гражданского самосознания и патриотизма современных
студентов

Shestopalova, O.|| Zlobina, A.

Assessment of civic consciousness and patriotism of modern students

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного авторами среди студентов Уральского государственного университета путей сообщения с целью определения их уровня гражданского самосознания и патриотизма. Результаты анкетирования свидетельствуют о сознательном и ответственном отношении студентов к своей стране, но в тоже время молодежь демонстрирует низкий уровень гражданской и политической активности. Важно отметить, что большинство из них считают себя патриотами и испытывают чувство гордости за свою страну. Патриотизм и гражданское самосознание студентов имеют большое значение для формирования адекватной личности, устойчивой к противоречивой информации, способной сделать достойный выбор поведения в сложной ситуации, ответственной за свои поступки.

The article presents the results of sociological research conducted by the authors among the students of the Ural state University of Railway Transport in order to determine their level of civic consciousness and patriotism. The results of the survey indicate a conscious and responsible attitude of students to their country, but at the same time, the youth demonstrates a low level of civic and political activity. It is important to note that most of them consider themselves patriots and feel a sense of pride for their country. Patriotism and civil consciousness of the students are of great importance for the formation of the adequate personality, resistant to conflicting information, is able to make a decent choice behavior in a difficult situation, responsible for my actions.

ГРАЖДАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ|| ПАТРИОТИЗМ||
ГРАЖДАНСКАЯ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА|| ЧУВСТВО ГОРДОСТИ||

НРАВСТВЕННОСТЬ|| ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ|| ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

CIVIL CONSCIOUSNESS|| PATRIOTISM|| CIVIL AND LEGAL CULTURE|| FEELING OF PRIDE|| MORALITY|| YOUTH EDUCATION|| VALUE ORIENTATIONS

Современное российское общество характеризуется динамизмом многих сфер жизнедеятельности, которое подчинено процессу формирования гражданского общества и возрождению патриотического сознания. Поэтому сегодня особую актуальность приобретают вопросы воспитания молодежи, прежде всего связанных с реализацией таких целей, как формирование гражданственности, патриотизма и нравственности.

Гражданское самосознание является неотъемлемой частью структуры личности, в нем отражается и социальный и личный опыт человека, позволяющий выделить представления о себе как части государства (страны), целостной образ себя как гражданина, систему отношений и установок в единстве политического, правового, этического аспектов. Оно предполагает ощущение и осмысление собственной идентичности с другими гражданами и готовность к выполнению дела ради общего блага [1, с. 109].

Поэтому важнейшими вопросами, от которых зависит гражданское самосознание и чувство сопричастности, гордости за свою страну, являются отношение к своему государству, желание нести ответственность за свои поступки перед обществом, активно выражать собственную гражданскую позицию и чувства патриотизма.

С целью определения уровня гражданского самосознания и патриотизма современных студентов авторами в декабре 2015 года было проведено социологическое исследование. Всего было опрошено 650 студентов Уральского государственного университета путей сообщения. Отбор респондентов проводился на основе квотной выборки, чтобы сохранить репрезентативное представительство всех факультетов.

Распределение по гендерному признаку выглядит следующим образом: доля девушек составляет 51%, молодых людей – 49%. Возраст опрошенных – от 17 до 23 лет.

Оценка молодыми людьми общего положения дел в стране (политическая обстановка в России, экономическое положение страны, вектор ее развития) демонстрирует в целом позитивное настроение в университетской среде и оптимистичное видение будущего. Это конечно типичный для многих молодых людей стереотип восприятия действительности, в котором отражается представление того, как экономическое и политическое состояние страны сказывается на их сегодняшней жизни [2, с. 91]. Но в соответствии с ним и объективными обстоятельствами социальной реальности выстраивается линия поведения каждого, направленная на активное или пассивное участие в общественной жизни.

Важно отметить, почти каждый участвующий в опросе студент осознает свою принадлежность к государству и большинство из них удовлетворены своим положением, социальным статусом в обществе (77,5%). Высокая самооценка социального положения и представления о себе как гражданине свидетельствует о намерениях студентов взять на себя ответственность за собственные поступки перед обществом с одной стороны, и сформированной ценностной сферы гражданского самосознания – с другой.

Результаты анкетирования свидетельствуют о сознательном и ответственном отношении студентов к своей стране: 71,2% первокурсников несет ответственность за свои поступки перед обществом, 56,9% и 58,8% студентов третьего и четвертого курса соответственно и 82,6% – пятикурсников. Как видим, к пятому курсу уровень осознанности возрастает, что свидетельствует о «гражданском созревании» студентов.

Однако современные студенты являются больше объектом, а не субъектом гражданской и правовой культуры, вопреки общественной потребности и государственными декларациями [3, с. 22]. В разрез

общепринятому мнению, что студенты во всем мире относятся к самой активной, причем крайне радикально настроенной политической силе, судя по данным исследования, для студентов университета путей сообщения характерна прежде всего аполитичность. Это означает, что большинство студентов (87,2%) относится индифферентно к политическим партиям, митингам, демонстрациям.

Среди предпочитаемых форм проявления политической активности студенты выбирают наиболее пассивные, такие как просмотр информации о политической ситуации в стране и мире, а также участие в голосовании на выборах как выполнение гражданского долга. В меньшей степени молодежь интересуют более активные и деятельные формы, такие как изучение программ работы общественно-политических партий, встречи с их представителями, участие в программах поддержки межнационального согласия и пр.

Во многом подобное настроение и слабую политическую вовлеченность молодежи можно объяснить теми условиями, которые способствовали формированию чувства гражданского самосознания современных студентов, а именно: отсутствие четкой идеологической парадигмы развития государства, духовных ценностей привело к формированию поколения молодых людей, в центре внимания которых находится собственный мир. При этом хочется отметить, что к пятому курсу молодые люди становятся более осведомленными о политической и экономической жизни страны вследствие изучения ряда обще гуманитарных дисциплин учебной программы, что позволяет им более критически и осмысленно оценивать деятельность институтов государства.

Воспитание гражданских качеств и формирование патриотического сознания молодого поколения является актуальной задачей государства. Патриотизм, будучи сложным социально-политическим явлением, нравственным чувством и поведением граждан, является мощным фактором процесса социализации и формирования гражданского сознания личности. В

связи, с чем актуализирует исследование степени выраженности и форм проявления патриотизма в менталитете современной молодежи.

Стоит отметить, что большинство студентов (87,7% первокурсников, 74,7% студентов третьего курса, 86,9% студентов старших курсов) считают актуальным быть патриотом в современном обществе. При этом каждый второй студент считает себя таковым. Это особое эмоциональное переживание своей принадлежности к Родине, осознание себя ее частью, поэтому представления о сущности патриотизма у разных людей разные.

Как показало исследование, студенты считают что, истинный патриотизм проявляется в укреплении семьи и воспитании детей в духе патриотизма (82,6% опрошенных среди студентов пятого курса, 62,7% – третьего курса). Действительно, первые уроки патриотизма ребенок получает в семье. Родители передают ему свое восприятие жизни: свою любовь к природе, к народной песне, к людям, которые делают жизнь лучше и интереснее [4].

Большое значение для формирования чувства патриотизма и гражданского самосознания имеет то, кто организует и проводит мероприятия в этом направлении. Невозможно воспитать чувство патриотизма без качественного примера со стороны старшего, по отношению к молодежи, поколения, не обозначив важность, значимость, уважение и признание к различным событиям исторического прошлого, отдельным людям.

Источником формирования патриотизма и гражданского самосознания является в первую очередь семья. Исследование показало, что родители (семья) являются значимым источником формирования ценностей патриотизма и гражданского самосознания для 52,3% студентов четвертого курса, 45,1% – третьего курса, 43,5% и 43,1% для студентов пятого и первого курса. На втором месте по значимости является школа (система образования в целом – 29,6%) и на третьем месте – СМИ (10,8%). По нашему мнению, такое данное соотношение значимости объясняется особенностями русского менталитета,

для которого характерен высокий уровень коллективизма, социальной ответственности, который позволяет установить границы личного и социального, определить основу социального взаимодействия, значимость и ценностные ориентиры [4, с. 95], и в отсутствие идеологического базиса их задает семья.

Относительно значимых условий и факторов, позволяющих формировать ощущение гордости за страну, выступающих предпосылкой для формирования патриотических ценностей, тенденция ориентации не на государственную идеологию и современность повторяется. Так у студентов главными источниками чувства гордости выступают такие события и факты как «победа в Великой отечественной войне» (17,4%), «первый полет в космос» (12,3%), «Олимпиада в Сочи – 2014» (38,9%), «присоединение Крыма» (32,4%). Как мы видим, молодежь в своем восприятии России в настоящем времени ориентируется не на внешние факторы, такие как «место России в мировом сообществе», а ориентирована, прежде всего, на внутренние ресурсы и резервы, отмечая успехи в спорте, медицине, искусстве, испытывая чувство гордости за исторические и общественные события.

Однако критика СМИ в адрес России затрагивает молодежь чуть меньше, и эта тенденция понижения чувствительности характерна для студентов всех курсов, при этом мы не можем говорить о том, что молодежь равнодушна к России. Скорее подобную тенденцию стоит трактовать иначе: молодежь подобными оценками высказывает недоверие к современным СМИ, что также видно из того факта, что они не являются важным источником формирования гражданско-патриотической позиции.

В данном случае авторитет России на международной арене также является значимым фактором. В мире открытых границ, когда молодежь уже в достаточно раннем возрасте может оценить качество, уровень жизни в других странах, то международный авторитет становится одним из важнейших условий формирования патриотизма как ценности в

студенческой среде. Дополнительным подтверждением этого факта является тенденция повышения интереса к истории своей страны, стабильная готовность защищать интересы своей страны в случае военной агрессии. Среди студентов пятого курса 86,9% опрошенных готово защищать свою страну, чуть менее – 78,2% студентов первого курса.

Таким образом, исследование показывает, что большинство студентов считают себя патриотами и испытывают чувство гордости за свою страну, отмечая при этом, что в числе их знакомых имеются такие же, которые разделяют их политические взгляды (78,2%). Патриотизм и гражданское самосознание студентов имеют большое значение для формирования адекватной личности, устойчивой к противоречивой информации, способной сделать достойный выбор поведения в сложной ситуации, ответственной за свои поступки.

Список литературы

1. Баева Л.В. Гражданское самосознание молодежи в современной России и проблема культурной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 109–118.
2. Шестопалова О.Н. Стереотипы трудового поведения молодых работников: социологический анализ. Дисс. канд. социол. наук, Екатеринбург, 2009. 162 с.
3. Грунт Е.В. Правовая культура российского студенчества в социологическом измерении // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2012. Т. 106. № 3. С. 16–23.
4. Патриотическое воспитание детей в семье [Электронный ресурс]. URL: http://mamadona.ru/articles/patrioticheskoe_vospitanie_detei_v_seme/ (дата обращения 23.01.2016)
5. Шаталова Н.И., Окунева Т.В. Ценностно-ориентационное единство коллектива // Социология. 2010. № 4. С. 93–100.

Щепин, Е.С.

Эволюция взаимодействия акторов геополитического процесса
во второй половине XX – начале XXI вв.

Shchepin, E.

The interaction evolution of the geopolitical actors
in the second half of the 20th – in the beginning of the 21th century

Геополитический процесс, геополитическая парадигма, исследователи геополитики, традиционные геополитические акторы, современные геополитические акторы, эволюция, взаимодействие, пространство

Geopolitical process, geopolitical paradigm, researcher of geopolitics, traditional geopolitical actors, modern geopolitical actors, evolution, interaction, area

В данной статье рассматриваются значительные изменения, которые происходят во взаимоотношениях акторов геополитического процесса на рубеже XX-XXI вв. Автором изучаются теории и исследования о существовании традиционных акторов и появления новых акторов со второй половины 20 века. Это позволяет проанализировать результаты произошедших изменений в геополитическом процессе и определить, как будет происходить взаимодействие между акторами в будущем.

The article deals with the large-scale changes of relations between the actors of the geopolitical process in the crossing of the 20th-21th centuries. The author researches theories and studies about existence of traditional actors and appearance of new actors since the second half of the 20th century. This allows to analyze the results of preceding changes in the geopolitical process and to define how relations between the actors will be developing in the future.

До середины XX в. взаимодействие акторов геополитического процесса рассматривалось через призму взаимоотношений государств, которые

признавались единственно значимыми субъектами. На основании этого на рубеже XIX-XX вв. сформировалась классическая геополитическая парадигма, которая была связана с анализом природы государства и его функционированием в географическом пространстве, обоснованием роли и цели государств, находящихся в геополитическом противоборстве друг с другом.

Ф. Ратцель вывел «основные законы пространственного роста государства», т.е. экспансии, определяющие прямую связь государства с пространственными (географическими) параметрами. Он справедливо констатировал, что крупные государства в своем развитии стремятся к географической экспансии – увеличению своих территорий. Ф. Ратцель также ввел термин «жизненное пространство» (нем. Lebensraum) – пространство, оптимальное для развития каждого народа [8]. Р. Челлен дополнил данную концепцию, считая государство живым организмом, подверженным естественному отбору, а войну – борьбой за существование как естественной форма жизни государств. Он утверждал, что для государства имеет приоритет сила, т.к. жизнеспособность государства обеспечивается силой, а вся история человечества – это постоянная борьба государств за пространство [13]. Х. Маккиндер также рассматривал проблему существования больших пространств, территорий и установления господства над ними, причем пространство – не в географическом, а политическом значении [6].

Таким образом, до конца второй мировой войны геополитическое взаимодействие представляло собой, прежде всего, отношения государств, как по отдельности, так и в форме межгосударственных объединений – военно-политических блоков государств. Такое взаимодействие характеризовалось непрерывной борьбой за территории и пространства, и связанное с этим противодействие других геополитических противников в лице государств и блоков.

Правда, уже второй половине XIX в. появились новые объединения государств – международные правительственные организации (МПО), что обусловлено необходимостью государств осуществлять общие цели. Но сначала возникла потребность в регулировании межгосударственных отношений вне военно-политической сферы. В XX в. МПО начали активно участвовать в регулировании мировых политических процессов, где центральное место стали занимать вопросы сохранения и поддержания мира. Первой и наиболее значимой глобальной МПО, учрежденной для этих целей, стала Лига Наций (ЛН), просуществовавшая в период 1919-1946 гг. Цель ее создания – ограничение геополитической активности всех государств, что стало первой серьезной попыткой направить геополитическое взаимодействие государств и блоков не в конфронтационное русло.

Во второй половине XX в. государства все больше взаимодействуют друг с другом не напрямую, а через МПО. В 1945 г. появилась новая глобальная МПО ООН на смену ЛН, а также крупнейшие военно-политические МПО – НАТО и ОВД, которые обладали всеми признаками классических военно-политических блоков, но уже с долгосрочным форматом сотрудничества, входящих в них государств-членов, закрепленным юридически и институционально. У этих МПО появились свои уставы, сравнимы со сводами законов у государств, где прописывались цели и задачи их существования, регламентировались правила поведения государств-членов, провозглашалась конкретная идеология (НАТО – либерализм, ОВД – социализм и коммунизм). Тем самым, военно-политические МПО вышли на наднациональный уровень, зачастую подменяя межгосударственные отношения взаимодействием групп государств.

Со второй половины XX в. теоретики геополитики стали по-новому рассматривать феномен геополитического взаимодействия, которое расширялось и усложнялось, тем самым формировалась современная (модернистская) геополитическая парадигма. Она рассматривает фактор физического пространства и географического положения государства (с

учетом природно-климатических условий) вторичным, и на первый план выдвигает экономические, идеологические и информационные аспекты существования и противостояния государств. Традиционные категории геополитики – Суши и Моря дополняются новыми категориями Воздуха и Космоса. Классическое геополитическое взаимодействие с использованием силового воздействия до второй половины XX в. представляло собой в пространственном измерении комбинацию сухопутных и морских геополитических стратегий. В дальнейшем, после завоевания человечеством воздушной сферы и начала освоения космической сферы (околоземной среды) геополитические стратегии стали глобальными, охватывающие все географические пространства Земли и, по справедливому замечанию британского исследователя геополитики Э. Дж. Кингстона-Макклори [5], стали комбинациями всех существующих геополитических стратегий.

Кроме того, классические геополитические концепции опирались на военную мощь государств, но с середины XX в. новые концепции формировались с учетом появления ракетно-ядерного оружия. В этой связи, многие известные исследователи, как американец Б. Броди [3] и француз П. Галлуа [4], пришли к выводу, что на смену наступательным доктринам доядерной эпохи приходит стратегия сдерживания – предотвращение войны с применением ядерного оружия и ограничение его распространения. В то же время обладание ядерным оружием сводит на нет неравенство между государствами, и дает возможность сдерживать агрессивные геополитические устремления крупных держав и даже сверхдержавы.

Идеи о сдерживании легли в основу появления геополитических концепций, указывающих на необходимость мирного геополитического взаимодействия между акторами. Так, британский исследователь цивилизационной геополитики А. Тойнби отмечал ускоряющийся процесс унификации государств, который приведет в будущем к политическому объединению мира, но на пути к этому неизбежны конфликты [9]. В 1990-х гг. эту идею развил американский исследователь цивилизационной

геополитики С. Хантингтон, который полагал, что во избежание глобальной межцивилизационной войны – «столкновения цивилизаций» необходимо признать уникальность каждой из существующих на планете локальных цивилизаций [12]. Здесь геополитическое взаимодействие на глобальном уровне определяется взаимодействием гецивилизаций, как главных государственных акторов, определяющих действия государств, блоков и МПО, а также всех остальных акторов.

Исходя из этого, представители большинства нынешних геополитических направлений выступают за сдержанность в межгосударственных и межцивилизационных отношениях, за развитие геополитического взаимодействия, основанного на сотрудничестве, и установление открытых границ. Сторонники данного подхода, чаще всего, представители либерального институционализма, такие как Дж. Най [7], К. Уолтц [10], Ф. Фукуяма [11], называют такую геополитическую практику «геополитикой взаимодействия, а не конфронтации». Они предлагают государствам и их региональным объединениям развивать сотрудничество, прежде всего, в торгово-экономической сфере, а также в решении глобальных проблем человечества (экологических, демографических, продовольственных и прочих). Соперничество предусматривается в основном в экономической сфере, что необходимо для развития всего человечества.

Кроме того, некоторые исследователи геополитики, как Ж. Аттали [1], считают, что исчезновение конкурирующей идеологии коммунизма как активного фактора геополитического процесса на основании противоборства двух центров силы снизило роль государства и в мировой политике, т.к. политическая борьба ведется в основном государственными структурами. Поэтому на рубеже XX-XXI вв. на первое место вышла экономика, которой эффективнее занимаются экономические акторы: глобальные и транснациональные корпорации, международные валютные и финансовые институты. Эти акторы являются негосударственными по своей природе, и в

своей деятельности не ограничены границами. Но, несмотря на то, что современный геополитический процесс характеризуется более выраженной экономической направленностью, в мировой политике по-прежнему господствует военно-политический фактор. Более того, государства и другие государственные акторы (блоки государств и МПО) активно осуществляют геополитическое взаимодействие друг с другом и экономическими акторами мирными средствами в экономическом пространстве, что также укрепляет их геополитическую мощь в целом (например, Япония, КНР, страны АСЕАН). Данные акторы также часто взаимодействуют друг с другом опосредованно через экономических акторов: глобальные и транснациональные корпорации, международные валютно-финансовые институты (МВФ, МБРР). Они способны привлекать к участию в своих интересах других менее значимых негосударственных акторов: международные неправительственные организации («Гринпис», «Хьюман Райтс Вотч») и мировые СМИ («ББС», «СНН», «Аль-Джазира»).

Вместе с тем, современные направления исследования геополитического процесса и геополитического взаимодействия, прежде всего, государственных акторов по-прежнему используют многие классические постулаты. Например, ведущий американский геополитик З. Бжезинский отмечает: «Гегемония стара как мир. Однако американское мировое превосходство отличается стремительностью своего становления, своими глобальными масштабами и способами существования» [2, С. 13]. Таким образом, в конце XX-XXI вв. идея геополитической борьбы государств за обладание гегемонией вовсе не отрицается, а лишь рассматривается в иных геополитических условиях, что предполагает расширение геополитического взаимодействия с повсеместным использованием новых пространств и привлечением большого числа акторов в собственных интересах.

Наконец, согласно современной геополитической парадигме, существует взаимосвязь мирных и конфронтационных форм

геополитического взаимодействия с самыми разнообразными географическими сферами: геосферой (сушей), гидросферой (водой) и атмосферой (воздушным пространством) и космосом (космическим пространством). Помимо этих четырех сфер географического пространства, в последние годы выделяют экономическое и идеологическое пространство, а также информационное пространство (виртуальные сферы: печатные периодические издания, радио, телевидение, компьютерные программы и сеть Интернет), где происходит в различной степени геополитическое взаимодействие всех акторов не только государственной, но и негосударственной природы.

Список источников и литературы

1. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: «Международные отношения», 1993. – 273 с.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: «Международные отношения», 1998. – 216 с.
3. Броди Б. Стратегия в век ядерного оружия. М.: «Воениздат». 1960. – 217 с.
4. Галлуа П. Стратегия и ядерный век. М.: Воениздат, 1962. – 208 с.
5. Кингстон-Макклори Э. Дж. Глобальная стратегия. М.: «Куликово поле», 2005. – 269 с.
6. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классики геополитики. XX век: [Сборник] / Сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – 763 с.
7. Най Дж. Мягкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: «Тренд», 2006. – 397 с.
8. Ратцель Ф. Политическая география // Геополитика: Хрестоматия / под ред. Б.А. Исаева. – СПб: ПИТЕР, 2007. – 512 с.
9. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: «Айрис-Пресс». 2003. – 592 с.

10. Уолтц К. Глобализация и американская мощь [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/104842p1.html>
11. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 с.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
13. Челлен Р. Государство как форма жизни / Рудольф Челлен; [пер. со швед, и примеч. М. А. Исаева; предисл. и примеч. М. В. Ильина]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 319 с.

Юдин С.В.

**АВТОРИТАРНЫЕ ЧЕРТЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ, СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

Yudin S.V.

**THE AUTHORITARIAN FEATURES RUSSIAN POLITICAL CULTURE
IN THE LIGHT OF PUBLIC OPINION**

Аннотация

В статье рассматриваются характерные черты авторитарной политической культуры в контексте современных реалий российского общества. Анализируются данные массового опроса, направленного на выявление и анализ предрасположенности респондентов к авторитарному типу управления в современных реалиях политической ситуации в Российской Федерации, вызванные различными факторами.

Abstract

The article deals with the characteristics of an authoritarian political culture in the context of today's realities of Russian society. Analyzed data mass survey aimed at identifying and analyzing respondents' propensity to authoritarian type of management in the modern realities of the political situation in the Russian Federation, caused by various factors.

Ключевые слова: авторитаризм, политическая ситуация, общественное мнение, политическая культура.

Key words: authoritarianism, political situation, public opinion, political culture

В последнее время проблема демократизации общества и властных структур в России становится все более актуальной в исследовательской среде. На наш взгляд, это связано, прежде всего, с западными СМИ и общей политической ситуацией в мире, полемикой глав различных государств, которые декларируют образ России как «недемократический», авторитарный режим, а также и с российскими властями, и СМИ, которые оппонировать «Западу», говоря об опасностях «западных демократических ценностей»,

представляя их как угрозу для государства. В качестве яркого примера, можно привести документальные фильмы на государственных телеканалах, посвященные политическому образу России как агрессивной и недемократической страны, такие, например, как фильм «Putin, Russia and the West» британского телеканала BBC. В российском телевизионном пространстве также присутствуют подобные документальные работы, которые «рисуют» негативный образ «Западного мира» с его демократическими ценностями. Также, можно привести данные организации «FreedomHouse», которая занимается исследованиями уровня демократии в глобальном масштабе. В 2012 году Россия, была отнесена к авторитарному типу политического устройства. Стоит отметить, что по мнению данной организации, Россия никогда не входила в состав демократических режимов [3]. Такая актуальная геополитическая ситуация и сподвигла нас на более детальное изучение данной проблематики.

На протяжении нескольких лет мы занимаемся изучением авторитарного типа политической культуры. В данной статье мы рассмотрели взаимосвязь между усилением централизации власти и историко-культурными и иными предпосылками данного процесса. Одним из методов, способствующих достижению указанной цели, стал метод массового пороса. В ходе реализации данного метода было опрошено 550 человек семи возрастных групп.

В рамках данной статьи мы остановимся на анализе лишь нескольких вопросов. Прежде всего, мы выяснили, что респонденты подразумевают под авторитаризмом. Респондентам было предложено несколько трактовок определения авторитарного режима. Большинство респондентов (47,91%) определяют данный режим как форму политического устройства, при котором власть принадлежит одному руководителю. Вторым по популярности у респондентов (22,59%), идет представление об авторитаризме, как об особом политический режиме, позволяющий создать сильное государство, с крепкими позициями на международной арене.

Следующие позиции занимают нейтральное отношение к рассматриваемой проблеме (16,58%), где респонденты рассматривают авторитаризм как социальную установку, направленную на преданность власти (подчинению). Лишь 5,10% респондентов, рассматривают авторитаризм в негативном аспекте (нарушение прав и свобод граждан).

Полученные данные свидетельствуют, что респондентам знакомо определение и в большинстве своем оно носит нейтральный характер, что позволяет нам говорить о возможном принятии авторитарной политической культуры среди граждан Российской Федерации.

Далее мы выяснили положительные и отрицательные стороны авторитарного типа политической культуры на основе работы Р. Хиннесбуша «Authoritarian Persistence» [4].

Среди отрицательных аспектов авторитарного типа управления респонденты отметили следующие позиции: «отсутствие свободы выбора» (28,78%); «неограниченный характер власти руководителя, отсутствие контроля властей со стороны граждан» (28,96%); «отсутствие возможности для инакомыслия, подавление любых форм оппозиции» (32,42%); «репрессивный, силовой характер социального контроля» (40,98%); «наличие цензуры и отсутствие свободы слова» (45,17%).

Важно отметить, что отрицательные стороны авторитаризма в российском обществе зачастую нивелируются. В качестве примера можно привести данные ВЦИОМа за июнь 2015, где 53% опрошенных поддерживают цензуру в СМИ [1], а основными причинами поддержки усиления контроля государством называют: социально-политическую ситуацию в стране («Болотная площадь»), «Евромайдан», экономический кризис, связанный с международной политикой, направленной против России и т.д. [1].

Среди положительных аспектов авторитарного типа управления были названы: «возможность обеспечивать стабильность политической жизни и общественный порядок» (56,10%); «наличие объединяющей идеологии и

обеспечение высокого уровня патриотизма» (19,85%); «наличие социальной стабильности и предсказуемого «завтра» (42,62%); «возможность осуществления контроля за всеми сферами жизни, низкий уровень коррупции» (33,52%); «обеспечение единства страны и предотвращение сепаратистских настроений» (18,76%).

Положительные аспекты, на наш взгляд, соотносятся с потребностями российских граждан, с национальным характером и историко-культурным контекстом, в котором авторитарные черты воспринимаются как «необходимые», что позволяет нам говорить об адекватности и целесообразности авторитарной политической культуры в России, как в настоящем, так и в потенциальном будущем.

Далее мы рассмотрели политические взгляды респондентов для понимания их включенности в политический процесс. Большинство респондентов не придерживаются никаких политических взглядов (51,18%), что позволяет нам говорить о высоком уровне абсентеизма в России. Полученные данные коррелируются с данными «Левада-центра» об активности граждан на местных (региональных выборах) в 2015 году, которая в среднем составляет 43,71% избирателей [2]. Важно отметить, что уровень абсентеизма является немаловажным критерием авторитарного типа политической культуры, в зависимости от его уровня, мы можем прогнозировать рост или снижение авторитарных тенденций в социуме.

Значимым представляется и тот факт, что среди респондентов, имеющих четкие политические взгляды, наибольшей популярностью стал пользоваться ответ – «Выступаю за сильную центральную власть, режим твёрдой руки (20,04%)», что позволяет нам говорить о достаточно высоком уровне проявленности авторитарной тенденции среди опрошенных. Далее следуют ответы: социалистических (12,57%), либеральных, либерально-демократических (10,02%); коммунистических (2,91%). Столь низкий процент среди респондентов, придерживающихся классических (демократических) позиций, на наш взгляд, связан со СМИ,

позиционированием «западных стран» и идеологических противников как «врагов» («либираст», социалисты во Франции и т.д.), что непосредственным образом отражается на мнении российских граждан.

Негативное позиционирование в СМИ «Западного мира» приводит к субъективной оценке политического режима и политической культуры, где любые негативные аспекты (от экономического до политического) исходят извне, тем самым власть сбрасывает с себя ответственность за свою деятельность.

Данный тезис подтверждается и результатами нашего исследования. По мнению респондентов, негативные оценки нынешнего политического режима «западными странами» обусловлены следующими моментами: «Усилением позиций нашей страны на мировой арене, боязнью сильной России» (42,08%); «Искажённой информацией, которая доходит до Запада и мешает сформировать верный образ политической ситуации в России» (36,48 %); а также «независимой, агрессивной внешней политикой, которую проводит В.В. Путин, в том числе и в отношении Украины» (12,93%).

На основе проанализированных данных, мы можем сделать вывод о том, что для респондентов наиболее близким типом политической культуры является авторитарный тип культуры. Политическая идентификация респондентов имеет целый ряд авторитаристских элементов во взаимоотношении с властью (этатизм), что выражается в образе государя как «отца нации», с внешней направленностью политической культуры в современной России, особенно в кризисный период.

В подтверждении данного тезиса мы получили ответы на следующий вопрос: «Бывают ли, по Вашему мнению, такие ситуации в жизни нашей страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, «сильная рука». Наиболее популярным ответом стал ответ: «Да, такой руководитель нужен всегда, в независимости от исторического периода и происходящих событий» (52,59%). Следующим по популярности идет ответ: «Да, но только в сложные, переломные периоды, когда необходимо временно сосредоточить

власть в одних руках для выхода из кризиса» (35,34%). Наименее популярной точкой зрения стало: «нет, в этом нет необходимости ни при каких обстоятельствах (5,83%).

Полученные данные указывают нам высокий уровень принятия авторитаризма и корреляции роста авторитарных тенденций в период кризиса и необходимости усиления вертикали власти путем её ужесточения.

Тем не менее, несмотря на кризисную ситуацию, большинство респондентов (68,67%) считают период руководства В.В. Путина наиболее эффективными и полезными на всем протяжении исторического пути нашей страны.

Таким образом, основываясь на полученных данных, можно заключить, что современное российское общество имеет склонность к авторитарному устройству политической системы. Это во многом обусловлено географическими историческими условиями развития государства в нашей стране, спецификой становления российской государственной власти – огромная территория, управлять которой можно было лишь жёсткими, а порой деспотичными методами, исконное тяготение к единоличному, сильному правителю, вера в «царя-батюшку», приоритет сильной государственной власти над всеми иными институтами (например, церковью) и пр. Однако и современные россияне проявляют лояльность или даже активную поддержку авторитарно ориентированному политическому устройству страны.

Исходя из результатов исследования, можно заключить, что авторитаризм в контексте современной российской политической ситуации, является востребованным и адекватным типом управления с высоким уровнем лояльности среди респондентов.

Список литературы:

1. Левада-центр Аналитический центр Юрия Левады — [Электронный ресурс] — Режим доступа:

URL <http://www.levada.ru/category/rubriki-saita/press-vypuski> (дата обращения 14.01.2016).

2. Нисбет Э. С. Чего желает общество: стремление россиян к контролю интернета / Э. С. Нисбет [Электронный ресурс] – режим доступа: URL http://www.wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-08-03_internet.pdf

3. FreedomHouse of Russia / Country report [Электронный ресурс] – режим доступа: URL <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2015/russia>. – (дата обращения 16.02.2016).

4. Hinnebusch R. Authoritarian Persistence, Democratization Theory and the Middle East: An Overview and Critique / R. Hinnebusch [Электронный ресурс] – режим доступа: URL <http://www.informaworld.com/terms-and-conditions-of-access.pdf>. - (дата обращения 16.12.2015)

УДК 328:316.772.5

ББК Ф66

Юферева, А.С.

Медиаконвергенция как фактор
виртуализации политической коммуникации

Yufereva, A.S.

Media convergence as a factor
of virtualization of political communication

В рамках статьи раскрывается значение феномена медиаконвергенции и обосновывается его взаимосвязь с изменяющейся политической коммуникацией. Выясняется, что конвергенция, как сближение электронных средств связи, привела к созданию новых каналов для трансляции политических сообщений и обусловила появление новых социокультурных эффектов. Обозначенные последствия в технологическом и социальном измерениях выступили одним из факторов виртуализации политической коммуникации. Автор подробно рассматривает возможности и последствия данного процесса, а также определяет основные перспективы развития.

This article shows meaning of phenomenon of media convergence. The author analyses an interaction between media convergence and political communication. In particular media convergence has created new forms of political communication and new social effects. The author argues that these consequences are factor of virtualization of political communication. In order to give reliable results with regard to this issue this article deals with opportunities and perspectives of this process.

МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ,
ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ПОЛИТИКЕ, ВИРТУАЛИЗАЦИЯ
ПОЛИТИКИ.

MEDIA CONVERGENCE, POLITICAL COMMUNICATION, INTERNET-BASED TECHNOLOGY, VIRTUALIZATION OF POLITICAL COMMUNICATION.

Состояние нынешнего общества определяется внедрением новых технологий, становлением совершенно иных социальных структур, а также развитием экономики, основанной на знаниях и информационных потоках. Перечисленные составные элементы отличает транснациональный характер в том смысле, что они могут являться достоянием не одного национального государства, а целого ряда стран. Глобализирующийся мир, сжимающий временные, пространственные, иерархические и другие ограничения, приближает действительность к образу глобальной деревни, сконструированном в середине прошлого столетия канадским специалистом по коммуникациям М. Маклюэном. Находясь под влиянием интенсивного становления электронных медиа (телевидения), футуролог предсказывал уменьшение нашей ойкумены до масштабов небольшого населенного пункта, в котором ключевая роль станет отводиться технологиям обработки и передачи данных, новым формам организации человеческой деятельности, децентрализованным сетевым структурам [1]. Изложенные в виде теоретических конструктов предсказания стали неотъемлемыми фрагментами современной реальности.

Одной из главных причин тотальной перестройки в обществе стал сдвиг в области компьютерных технологий и телекоммуникационных сетей, которые оказали революционное воздействие на многие сферы жизненного уклада. «Наиболее очевидным примером здесь, конечно же, служит Интернет, всего за три десятилетия превратившийся из небольшой экспериментальной сети, обслуживавшей десяток исследовательских институтов США, в глобальную систему тысяч соединенных друг с другом сетей, которая связывает миллионы компьютеров и, по всей видимости, допускает беспредельное расширение и увеличение ассортимента

информационных технологий» [2]. Тотальное распространение глобальной Сети спровоцировало появление специфической коммуникационной системы, которая говорит на универсальном языке, создает повсюду центры, а также предоставляет каждому говорить и быть услышанным. Американский физик Ф. Капра в свое время обратил внимание на то, что «превращение этой языковой паутины в объединяющий слова, звуки, изображения и другие культурные проявления гипертекст, связанный электронными средствами и абстрагированный от истории и географии, неизбежно оказывает глубочайшее воздействие на наше видение мира [2]. Другой теоретик М. Кастельс пришел к выводу о постепенном смещении уровней реальности в электронных медиа, поскольку, трансформируя процесс обработки информации, новые информационные технологии оказывают влияние на все грани человеческой деятельности и делают возможным установление бесчисленных связей между различными областями, так же как и между элементами и агентами этой деятельности [3].

Одним из феноменов, который несет на себе глубокий отпечаток информационно-технологической революции и оказывает неизбежное влияние на социальные, культурные и экономические процессы, является медиаконвергенция (от лат. *convergo* – приближаюсь, схожусь). Данный концепт, содержание которого отличает многоуровневый характер, получил достаточно всестороннее рассмотрение в зарубежной литературе [4,5 и др.]. Анализ научных работ показал, что стоит говорить о наличии следующих видов конвергенции.

Первое и, пожалуй, первостепенное значение медиаконвергенции сводится к технологическому аспекту, под которым понимается интеграция информационно-коммуникационных технологий. В результате слияния осуществляется перевод различных компонентов (текста, аудио-, видео-) в цифровой формат и процесс их циркуляции на разнообразных платформах – компьютер, мобильный телефон, планшет и так далее. Технологическое комбинирование различных элементов, их быстрое сближение привели

к становлению принципиально новых медиаплощадок, на которых впоследствии были выстроены новые формы взаимодействия между индивидами.

Следующая грань медиаконвергенции – социокультурная – относится к «культурному сдвигу», возникновение которого обусловлено функционированием виртуальной коммуникационной системы и взаимодействием большого числа людей по всему миру посредством этой системы. К примеру, известный теоретик Г. Дженкинс констатирует, что медиаконвергенция привела к «взрыву» новых форм творчества в результате пересечения технологий, которыми пользуются потребители информации в глобальной Сети: «Медиаконвергенция способствует развитию новых форм участия в народной культуре, предоставляя обычным людям инструменты, чтобы архивировать, комментировать, распределять и переписывать содержание сообщения» [6]. Таким образом, специфика межличностной коммуникации раскрывается в перманентной генерации и обмене культурными смыслами, кодами, которые, циркулируя в мировом масштабе, приводят к сближению ранее отдаленных друг от друга культур.

Представив ключевые уровни медиаконвергенции, считаем целесообразным ввести данное понятие в терминологический аппарат политической науки, поскольку оно с предельной точностью способно отразить тотальные трансформации политической коммуникации, которая в настоящее время характеризуется процессами виртуализации. Сам феномен виртуальности М. Кастельс определяет как «систему, в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом» [3]. Другой исследователь Е.М. Боровой определяет виртуализацию «как процесс замещения реальных объектов симуляциями, процесс подмены вещей □ образами» [8]. Таким образом, считаем необходимым рассмотреть то, как

осуществляется процесс виртуализации политической коммуникации в контексте медиаконвергенции.

Если мы принимаем во внимание взаимосвязь технологического уровня медиаконвергенции с политической коммуникацией, то в данном случае показательной иллюстрацией выступают достижения в области телекоммуникационной инфраструктуры, которые обеспечили появление новых каналов для трансляции политических сообщений. Среди таких каналов мы выделили следующие: электронное правительство, электронная демократия, открытое правительство, социальные сети, блоги и многое другое.

Активное вовлечение в коммуникационный процесс этих каналов раскрывает следующую грань медиаконвергенции (социокультурную), которая имеет связь с возникновением разнообразных коммуникационных эффектов, порождаемых использованием новых форм для взаимодействия. Последствия разработок новых форм коммуницирования отличаются высокой степенью актуальности, так как обеспечение доступа к сетевой коммуникации и возможность постоянно оставаться «на связи» выступают главной причиной преобразования поведенческих установок самого индивида. Если традиционной модели политической коммуникации свойственен монологичный (однонаправленный) способ подачи информации, который использует политическая элита для осуществления власти, задействуя при этом каналы средств массовой информации, то в современной модели отмечается перераспределение власти от правительственных институтов к неформальным группам. Так, О.В. Красина, всесторонне изучая особенности транснационального пространства мировой политики, подчеркивает доминирующее положение негосударственных акторов, взаимодействие которых отличается горизонтальным характером, выходит за внутриобщественные границы и способно привести к сближению отдельных разнообразных социальных, этнических и иных групп. К причинам, ведущим к повышению интенсивности транснациональных взаимодействий,

исследователь относит не только интенсификацию миграционных потоков, обмен людьми и капиталами, рост туристических потоков или активность неправительственных организаций, но и «виртуальную мобильность». Последнее в свою очередь позволяет оставаться в исходном социокультурном контексте, не пересекать национальной границы и занимать положение активного актора, который создает, поддерживает транснациональные связи с помощью информационно-коммуникативных технологий (ИКТ)[7].

Стремление политических акторов выйти на уровень образов, стереотипов, политических мифов, культурных кодов и пр., преобладающих в виртуальной среде, объясняется их потребностью в удовлетворении коммуникационных нужд и склонностью становиться частью соответствующих групп. Иными словами, конструирование и расширение виртуального политического пространства за счет обмена сообщениями, нарастающей сплоченности определенных сообществ приводят к тому, что за гранью действительного мира происходит формирование принципиально новой ценностной среды за счет появления иных установок, ориентаций, моделей поведения. Совокупность перечисленных составляющих, которые по своему содержанию могут не соответствовать реальным аспектам и значению, могут являться привлекательными для людей и, в конечном счете, интегрировать разнообразные целевые группы для реализации собственных целей в мире реальной политики.

Библиографический список

1. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. New York. 1964. P. 359.
2. Капра Ф. Скрытые связи. М. 2004. С 336.

3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/ Polit/kastel/](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/)
4. Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? [Электронный ресурс]: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b59df6463a315de4c32568fd0038da32>
5. De Sola Pool I. Technologies of Freedom. Cambridge.1983. P. 344.
6. Jenkins H. Convergence and Divergence: Two Parts of the Same Process. [Электронный ресурс]: http://henryjenkins.org/2006/06/convergence_and_divergence_two.html
7. Красина О.В. Конструирование транснационального пространства как теоретико-методологическая проблема в современной теории мировой политики [Электронный ресурс]: <http://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-transnatsionalnogo-prostranstva-kak-teoretiko-metodologicheskaya-problema-v-sovremennoy-teorii-mirovoy-politiki>
8. Боровой Е.М. Виртуализация политики в современной России [Электронный ресурс]: <https://sibsutis.ru/upload/publications/78c/lthtxieckxqdmrukvhqlhctnxf%20tdvoehilagueifcy%20jp%20qdzmkqxssrgpwztsoxzx%20jadefljhktwb.pdf>.

*Статья подготовлена в рамках проекта № 15-19-6-7 ФНИ УрО
РАН «Электронное правительство: нормативно-правовое регулирование и
практика реализации».*

Современная российская армия: состояние, проблемы, перспективы
глазами «дембелей»

Аннотация:

В данной статье раскрывается роль социализирующей функции армии. А также описан результат апробации метода реконструкции армейской жизни молодого солдата по письменным источникам и по воспоминаниям – интервью.

The summary:

In this article the role of the socializing function of army reveals. And also the result of approbation of a method of reconstruction of army life of the young soldier on written sources and on memoirs – interview is described.

Ключевые слова: армия, гетеросоциализирующая функция, «дембель», молодежь, вооруженные силы.

Keywords: army, the heterosocializing function, "demobilization", youth, armed forces.

Армия – закрытый социальный институт, что затрудняет диагностику как ее состояния в целом, так и результативности конкретных ее реформ. Однако и то, и другое необходимо.

В условиях XXI века, когда снижается угроза полномасштабной войны, с начала 1980-х гг. обозначилась отчетливая тенденция к уклонению от прохождения обязательной военной службы. Сейчас эта позиция аргументируется тем, что армия выпускает из своих рядов личностно-деформированных людей, склонных к физическому насилию. В квалифицированном ответе на этот вопрос наука «опаздывает» - в литературе большой дефицит исследований в этой сфере. В этом актуальность моего исследования.

Фридрих Энгельс определял армию как организованное объединение вооруженных людей, содержимое государством в целях наступательной или

оборонительной войны [9, С. 3-5]. В настоящее время данное определение требует корректировки, так как одной из главных функций армии становится формирование личностных качеств, позволяющих справляться с жизненными трудностями.

Армия соответствует следующим признакам социального института:

- 1) выделение определенных субъектов, которые в процессе деятельности вступают в отношения, имеющие устойчивый характер;
- 2) наличие формализованной организации;
- 3) наличие специфических норм и предписаний, регулирующих отношения в рамках социального института;
- 4) наличие социально значимых функций института, которые обеспечивают его участие в процессе интеграции социальной системы [16, С. 127-130].

Армия выполняет множество функций:

- 1) оборонительную – защищает страну от внешнего агрессора, сохраняет территориальную целостность страны;
- 2) экономическую – расширяет границы государства, получает выход к морю и открывает новые торговые пути; выступает крупнейшим работодателем для мужского населения страны, обеспечивая временную или постоянную занятость для людей в форме;
- 3) функцию стабилизатора общественного порядка;
- 4) функцию социализации людей;
- 5) гетеросоциализирующую – выполняет задачи по подготовке и воспитанию кадров как для себя, так и для других, гражданских социальных институтов.

Воспитательная функция армии – чуть ли не древнейшая и главнейшая, если посмотреть на мир с исторической точки зрения. Эта роль сохранялась за армией на протяжении всех последующих эпох, добавляя разнообразие лишь в формы и масштабы. Это легко отследить по типологии вооруженных сил:

1) профессиональная армия. При ее формировании решается не вопрос «где взять людей, а вопрос «где взять подготовленных людей». Она делает ненужной военную подготовку гражданского населения, отчуждает его от обязанностей воинской службы – и, тем самым, и от прав. Профессиональная армия сословна, и социализация в ней носит характер пополнения **феодалной касты** служилых людей.

2) армия на основе воинской обязанности. Воинская обязанность предусматривает: воинский учет, обязательную подготовку к военной службе, призыв на военную службу, прохождение военной службы по призыву, пребывание в запасе, призыв на военные сборы и прохождение военных сборов в период пребывания в запасе. Нетрудно увидеть в этом принципе комплектования **архаическое ополчение**, или **народ-войско**. В древности каждый юноша проходил воинскую инициацию, только после и в результате которой признавался полноправным членом общины (племени). Принцип всеобщей мобилизации родился вновь в индустриальную эпоху под лозунгами национального единения и народности.

3) милиционная – армия, в которой воинские части как таковые в мирное время отсутствуют и состоят только из учётного аппарата. Ослабленный вариант предыдущего. Практикуется в Швейцарии и Израиле.

4) всеобщее вооружения народа. Следует добавить особый тип «защитницы веры» или **конфессиональное ополчение**. Служба в нем была и остается фильтром для конфессиональной социализации. Крестоносцы, Талибан, византийская армия.

История становления Вооруженных Сил России напрямую связана с историей Российского государства. Русским людям постоянно приходилось защищать себя и страну, в частности ее территориальную целостность, от иностранных захватчиков.

Просмотрев наличие гетеросоциализирующей функции на каждом из этапов становления российской армии, можно сделать вывод, что эта функция, в той или иной мере, присутствовала на всех этапах становления

Вооруженных сил, в том числе и отечественных. Эта функция была угнетена или отсутствовала вовсе только в то время, когда срок службы варьировался от 25 лет до пожизненного. Но именно в этот период гетеросоциализирующая функция перерождалась в **гомосоциализирующую**: армия социализировала сама себя и превращалась в обособленную силу. Это была как раз эпоха дворцовых переворотов.

В современной России гетеросоциализирующая функция армии наиболее развита. Это проявляется и в сроках службы молодых солдат. Их сокращение с 4-х лет до 2-х, и, далее, с 2-х лет до одного года является, с одной стороны, ответом армии на «гуманитарный» натиск гражданского общества; с другой стороны, такой облегченный вариант несения службы неминуемо сказывается и на социальных качествах «дембелей», вливающих в гражданскую жизнь, и, через них на все гражданское общество в целом. Например, пополнение рядов полиции происходит во многом за счет уволившихся из Вооруженных сил молодых людей. Служебные кондиции новичка с одним годом армии за плечами однозначно отличаются от характеристик новичка, отслужившего 2 года. Вопрос: в лучшую или в худшую сторону?

Весь срок службы в армии, согласно исследованию «Срочная служба: вопросы адаптации» С. В. Тарасова [15, С. 77-78], условно разбит на шесть периодов, которые имеют весьма четкие отличительные черты.

С точки зрения перспектив социализации наиболее проблемными являются первые и последние периоды.

Первый период – это социальный и психологический стресс. Психологические особенности освоения молодыми воинами новых для них условий, связанных с новизной обстановки, оторванность от семьи, близких, друзей и другие факторы требуют коренной ломки прежних форм поведения и формирования новых отношения, привычек и навыков. Новобранец попадает в коллектив, где выполняет социальные роли, отличающиеся от тех, которые он же выполняет на «гражданке». Он получает опыт унижения, в

результате чего у солдата формируются личностные качества. С одной стороны, эти качества помогают справиться солдату с трудностями, которые возникают как в армии, так и в дальнейшем вне армейской жизни. С другой стороны, возникает желание восстановить «справедливость», откуда и появляются качества, при которых солдат может применить насилие по отношению к другому.

Последний период – резкая перемена роли. В тот момент, когда солдат достигает вершины пирамиды солдатского сообщества, нужно возвращаться на «гражданку», к тем социальным ролям, которые были до службы в армии, но уже с сформировавшимися в армии качествами и взглядами на жизнь.

Возвращение к гражданской жизни так же, как и переход к военной имеет свои трудности. Но здесь эти трудности связаны с тем, что молодые парни за год жизни по уставу адаптируются к ней, у них меняются планы, отношение к жизни в целом. В какой степени происходят эти изменения с современными защитниками Отечества, нам и предстоит выяснить.

С нашей точки зрения наиболее выигрышными источниками информации должны быть интервью с отслужившими молодыми парнями и их письма. Выбор обусловлен тем, что в современной армии письма не подвергаются строгому рецензированию как 20-30 лет назад, а сами «дембеля» могут открыть для социолога то, что невозможно просмотреть, находясь за пределами армии.

Нами было проведено 8 полужформализованных интервью с отслужившими в армии парнями, дембельский стаж которых варьируется от нескольких дней до трех лет. Каждому из парней задавалось 12 вопросов с целью выявления того, как армия влияет на молодого парня, то есть эффективности гетеросоциализирующей функции. Также было проанализировано 10 солдатских писем, срок давности которых не превышает трех лет. Анализ писем проводился для того, чтобы поэтапно проследить степень занятости солдата во время службы, изменение жизненных планов и наличие в армии неуставных отношений.

Большинство опрошенных нами «дембелей» уволились в запас менее чем полгода назад. У двух респондентов дембельский стаж превышает два года. Разные временные дистанции, отделяющие молодого человека от службы в армии, позволяют нам получить более достоверную информацию.

На момент службы в армии возраст всех респондентов не превышал 20 лет, только один молодой человек отправился на службу в 24 года, после окончания института. Следовательно, только у одного из всех респондентов имеется высшее профессиональное образование, у троих – среднее специальное, остальные 4 человека имеют «за плечами» только школьное образование. Можно сделать вывод, что у большинства опрошенных «дембелей» до службы в армии не было четкого жизненного плана.

Из всех опрошенных парней один отправился на службу по собственному желанию и один, с высшим профессиональным образованием, – из карьерных соображений, остальные 6 человек пошли служить в армию, потому что так складывались обстоятельства (отчисление из института, отсутствие отсрочки, расформирование образовательного учреждения). Тем самым подтверждается одна из наших гипотез, что сокращается число лиц с положительной мотивацией к несению боевой службы.

Три человека отмечают, что неуставных отношений в армии нет. Однако 5 респондентов из 8 наоборот, говорят о наличии в армии таких отношений. Важно то, что 25% из тех, кто говорит о наличии «дедовщины» в армии, относятся к ней положительно и даже поддерживают такого рода методы воспитания.

В проанализированных нами письмах упоминается о насилии, как со стороны старослужащих, так и со стороны офицеров (Приложение). Из этого можно сделать выводы:

- 1) устойчивое мнение людей о наличии в армии неуставных отношений – не преувеличение, а реальность, которая находит свое отражение на становлении личностных качеств молодого парня, формирующихся во время службы;

2) в современной армии, действительно, редко письма подвергаются строгому рецензированию.

Почти все, опрошенные нами «дембеля» в настоящее время трудоустроены, и вполне довольны своим материальным положением и социальным статусом, только двое опрошенных относят себя к категории временно безработных, следует отметить, что это те парни, дембельский стаж которых составляет менее одного месяца. Один респондент на момент проведения опроса занимался решением вопроса о службе по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации (Приложение 2.6). До призыва данный респондент негативно относился к службе в армии. Отсюда можно сделать вывод: гетеросоциализирующая функция в современной российской армии является главной. Тем самым подтверждается вторая гипотеза нашей работы.

В заключительной части интервью, звучала просьба рассказать какую-нибудь историю, которая произошла в армии. У двух «дембелей» не нашлось, ни одной истории, которую они могли бы рассказать. Это может свидетельствовать о том, что у человека тревожащие воспоминания об этом периоде жизни. От остальных респондентов прозвучали самые разные истории. Двое рассказали историю, с которой связаны приятные воспоминания. Один «дембель» рассказал историю, которая подтверждает наличие в армии неуставных отношений.

Выбранная нами для исследования гетеросоциализирующая функция присутствовала в армии, как несколько веков назад, так и в современной армии. В результате проведенного исследования подтвердилась главенствующая роль этой функции, даже если государство или генералитет не осознавали этого.

Почти в каждой армейской части на видном месте висит лозунг: «Армия – школа жизни». К удивлению всевозможных политруков в этом лозунге заключена настоящая социологическая истина. По крайней мере, об этом говорят результаты проведенного нами исследования.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Армия. – 2-е изд., т. 14 – М.: ГИПЛ, 1961.
2. Тарасов С. В. Срочная служба: вопросы адаптации // Социологические исследования. – 1999. – № 2.
3. Фролов С. С. Социология: Учеб. пособие. – М.: Наука, 1994.

Оглавление

СОЦИОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЛБЕГОВА, И.Ф. Геронтогруппа как инновационный объект современных социологических исследований в России	5-11
АЛЕКСАНДРОВА Н.А. Диагностика содержания и алгоритм разработки корпоративного социального пакета	12-21
АМБАРОВА, П.А. Стратегии «преодоления возраста»	22-29
БОЯРОВА, Т. С. Особенности и возможности социометрического опроса в исследовании малых групп.....	30-37
ВОЛКОВА, Т.И. Суицид тяжелобольных людей как социальное явление	38-50
ГАЛИЕВА, Г.И. Методологические основы исследования трансформации ценностей этнической семьи: социокультурный подход	51-61
ГАФНЕР К.Е. Медиация как самоорганизующийся процесс интеракции □	62-73
ДАНИЛОВА А.В. Теоретические основания социологического исследования мобильностей в работах представителей чикагской школы	74-79
ИЛЬДАРХАНОВА, Ч. И. Стратегия как ресурс модернизации общественных отношений	80-90
КАШИРИНА, М.В. Теоретико-методологические основания изучения фальсеоинтеракций: Классические теории социального взаимодействия	91-95
КОРОТИН, Р.И. Профессиональная группа инженеров в 21 веке: социальный статус и восприятие профессии извне	96-107

ЕРМОЛАЕВА Ю. В. Инженеры по охране труда: особенности профессиональной ориентации в России.....	108-115
ЛЕВЧЕНКО, И. Е. Социальное служение традиционных конфессий России: концептуальные основы	116-128
МАРТЫНЕНКО, Т.С Глобальное социальное неравенство: основные методологические подходы в социологии конца XX – начала XXI века	129-140
МОИСЕЕНКО Я.Ю. Хайдеггерианство в современной политической философии	141-153
НАРОНСКАЯ А.Г. Неинституциональный метод в современной элитологии	154-158
ПОДЛЕСНЫЙ Д. В. Проблема классификации гибридных политических режимов	159-167
РАКЕВИЧ Е.В. Потенциал понятия «имидж» для социологии	168-175
РУДЕНКИН Д.В. РУДЕНКИНА А.И. Основные сложности анализа виртуальных социальных сетей в современной социально-гуманитарной науке	176-187
РЫБЦОВА, Л.Л. Междисциплинарный подход в социологии воспитания	188-197
ЧОЙРОПОВ, Ц.Ц. Парадоксы «социальной демократии» (политизированная ситуация).....	198-205

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ, ИДЕНТИЧНОСТИ И МИГРАЦИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

АБРАМОВА С.Б. Самоидентификация детей и подростков: ценностные и культурные основания	206-217
АРУТЮНЯН, Л.В. Проблемы сохранения национальной идентичности диаспоры	218-229
АРХИПОВА С.В. Профессионализм полицейских: проблема воспроизводства и поддержания	230-236

БАГРЕЦОВА Д.А. Маркеры территориальной идентичности в литературных произведениях 237-246

БАННЫХ, Г.А. БАННЫХ, А. В. Особенности формирования имиджа должностного лица в системе ГМУ 247-255

БАННЫХ, Г.А. ДОРОНИНА, В.Р. Основные особенности управления организационной культурой российских государственных гражданских служащих 256-263

БАСКАКОВА И.В. Оценка социального капитала в различных странах 264-276

БЛОХИН В.Н. Социально-экономическая трансформация сельских территорий российско-белорусского приграничья 277-285

БУРОВА, Е.В. НОВОКРЕЩЕНОВ, С.А. ИВЛЕВА, А.В. Инновационное развитие человеческого капитала 286-296

БЫКОВА КСЕНИЯ ВЛАДИСЛАВНА Японская кухня в современной России и её потребители 297-303

ВАТОРОПИН, А.С. ПОТЕРЯЕВА, Е.Е. Социальная практика паломничества в современном обществе 304-311

ВЕРШИННИНА, И. А. ПАНИЧ, Н. А. Влияние миграции на социальную структуру современных городов 312-323

ВИСКУНОВ Л.И. Современные методологические подходы исследования субкультур в форме виртуальных сообществ 324-330

ВОЛЕГОВА, А.В. Развитие информационной активности: возможности и вызовы 331-338

ГАВРИЛЕНКО О.В. Культурный порядок и практики управления: нормы как регулятор поведения (на примере восточных деловых культур) 339-350

ГИЛЬМАНОВА Е.М. Культура участия и коллективное поведение граждан города Екатеринбурга: потенциал и перспективы. 351-359

ГЛАЗЫРИН, В.А. Право как культурный барьер 360-365

ГОВОРКОВА АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВНА Китай как пример успешной борьбы с проблемой нищеты и бедности в восточной Азии 366-374

ГОРБУШОВА С. М. Проблемы реализации технологии педагогического взаимодействия среди студентов-волонтеров 375-383

ГРУНТ Е.В. ХУДЯКОВА К. С. Факторы формирования отношения населения уральского мегаполиса к протестантизму 384-396

Д.В. ГУСЬКОВ Социальные технологии и факторы, влияющие на распространение экстремизма как социокультурного явления 397-402

ДАЙРАБАЕВА Г.Б. Казахстанская модель культурной идентичности в глобализационном процессе 403-408

ДЕМКИВ, Е.Н. ГОГОЛЕВА, Е.А. Профилактика беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних в современной России 409-416

ДРОЗДОВА, Ю. А. Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере волгоградской области) 417-426

ДРОНИШИНЕЦ Н.П. ЗИНОВЬЕВ Г.С. Подготовка технических специалистов для создания советского атомного оружия в период 1945-1953 гг. 427-438

ЗАЯКИН С.В. Гостеприимство как фактор культурной идентификации в современном мире 439-443

ЗЕРЧАНИНОВА, В.В. ЗЕРЧАНИНОВА, Т.Е. Развитие событийного туризма 444-452

ИБРАГИМОВА, А.А. Воспитание патриотических чувств сельских школьников 453-462

ИЛЬМУХИН В.Н. Социологический анализ практик медиапотребления как повседневных практик жизни в городской среде 463-474

ИСЛАМОВА, Ю.В. Национальные языки и этническая идентичность обских угров октябрьского района ханты-мансийского автономного округа – югры 475-482

КАЛМЫКОВА, Я.О. Ценностные ориентации курсантов образовательных организаций системы мвд россии 483-489

КАРПОВ, А.П. Конформность и инновация в жизненных стратегиях региональной студенческой молодежи (по материалам социологических исследований в чувашской республике) 490-497

КАТРИЩ, Т.С. Изучение причин миграции молодежи с сельских территорий в мегаполисы как актуальная проблема научных исследований 498-505

КЕТЕЖЕВА Я.Ю. Реализация программы борьбы с нищетой к 2015 году и перспективы дальнейшего развития, регион – Латинская Америка 506-516

КИРИЛЛОВА, А.И. Роль православной культуры и рпц в социализации и интеграции инокультурных мигрантов 517-528

КОЗАЧОК, Н.А. Борьба с бедностью: программы ООН в Африке 529-539

КОНДРАТЕНКО Ю.Н. Влияние кросс-культурных факторов на управление глобальными проектами 540-546

КОТИК А.В. Воздействие факторов национализма и религиозности на некоторые тенденции в социальных трансформациях в странах бывшего ссвр в наше время (на примере грузии и украины) 547-556

КУДИНОВА, О.С. Особые профессиональные ресурсы общности специалистов гостиничного сервиса 557-563

КУРОПЯТНИК, А.И. Современные социокультурные процессы в Санкт-Петербурге в контекстах миграции 564-572

ЛЕДЕНЁВА В.Ю. Анализ изменений в законодательном регулировании трудовой миграции 573-582

ЛЕШУКОВ, Я.Д. Специфика использования интернет-коммуникаций в условиях организаций закрытого типа 583-591

ЛУКАШЕНКО, Д. О. ШАБРОВА Н.В. К вопросу о сохранении культурного наследия 592-598

МАРКОВА, Ю.С. Современные и традиционные ценности населения регионов России в условиях социокультурной модернизации 599-608

МЕШКОВ, А.Ю. Состояние корпоративной культуры университета в среде аспирантов: на примере НИУ ЮУрГУ 609-620

МИСЮКЕВИЧ, Н.Д. ВОЛКОВА, Т.И. Синдром характерологической некрофилии в философии и медицине. Жизнь и смерть как социокультурный феномен 621-630

МИЩЕНКО А.С. Развитие деятельности и культуры педагога в условиях изменяющегося социума: теоретические и методические итоги исследования 631-642

МУСТАЕВА, Ф.А. Благотворительность как тенденция общественного развития 643-654

НАУМОВА Е.С. Образ американца в сознании жителей города Екатеринбург 655-663

НЕБАЛУЕВА А. И. Система детерминации поведения на рынке тату услуг 664-670

НЕЧАЕВА, А. А. Проблема культурной памяти в социологии 671-681

НОВОТОРЖЕНЦЕВА, А.Б. Эффект отчуждения топоса из социокультурной среды провинциального города 682-688

ОНИПКО, А.А. ОНИПКО, А.А. Социологический аспект исследования проблем коррупции в современной России

ПАРАМОНОВА, В.А. ДУЛИНА, Н.В. Городские топонимы как памятники культурного наследия 696-706

ПЕТРОВА Е.Ю. Применение неинституциональной теории к изучению неформального образования детей как вида родительского труда 707-717

ПЕТРОВА С.П. Искоренение крайней нищеты – главная цель развития тысячелетия. Пример Южной Азии 718-726

ПИМЕНОВА О.И. Типология идентификационных стратегий молодежи: попытка выделения оснований 727-738

ПОДОЛЬСКАЯ, Е.А. НАЗАРКИН, П.А. Модернизация – ключевой момент трансформации современного общества 739-749

ПРИХОДЬКО, Ф.С. ПРИХОДЬКО, Г.Л. Особенности национального менталитета белорусов и их влияние на социально-политический процесс 750-758

РАБАДАНОВ, А.А. Социокультурная сфера муниципального образования «город екатеринбург»: состояние и основные направления развития 759-764

РАЗИНСКИЙ Г.В. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях рынка и проблемы профессионального образования 765-775

РЕУТОВ, Е.В. Интернет-коммуникации в самоорганизации местных сообществ 776-784

РОМАНОВА К.С. Поиск идентичности как основная форма адаптивности молодежи в меняющемся мире. 785-793

СИДОРЕНКО О.И. Обзор возможных путей решения миграционного кризиса в Европе, альтернатива мультикультурализму. 794-799

СКИПЕРСКИХ А.В. «слон в спичечном коробке»: Хронотопы сопротивления в русской культуре 800-814

СОГЛАСОВА А.Е. Информационные угрозы общества потребления 815-819

СОКОЛОВ, Н.В. РЕХТИНА, Л.С. Оправдываются ли страхи? Общественное мнение о миграционных рисках для принимающего сообщества 820-832

СОЛГАН, М.С. Социальная адаптация молодежи 833-843

СОРОКИНА, О.М. Реформирование языковой политики в россии: опыт и современность 844-852

СЫТЫХ, Е. Л Челябинская область в контексте евразийской интеграции: особенности регионального дискурса 853-860

ТАЛАЛАЕВА, Г.В. КОЛОДКИНА, Н.А. Миграционные предпочтения студентов Урала 861-872

ТЕРЕЩУК, Е.А. Челябинская область: отношение населения к региону и территориальная идентичность 873-880

ТИМОЩУК А.С. Пенитенциарная работа в современной России: проблемы и перспективы развития 881-890

УРУСОВА, О. А. Мигранты как объект социальной работы 891-894

ФАН И.Б. Дискурс мобильности в обществе позднего модерна 895-903

ЧУКРЕЕВА, М.А. К проблеме создания в библиотеке коллекции аудиокниг 904-907

ЧУКРЕЕВА, И.И. Каналы корпоративной коммуникации: исследование проблем и направления развития 908-914

ЧУМАКОВ В. А. от философии указаний и деклараций к философии анализа, синтеза и доказательств 915-927

ЧУШКИНА С.Е. К содержанию понятия «читательская культура» 928-936

ШАДРИКОВ, А. В. Социально-пространственная идентичность сельской молодежи 937-943

ШАРЫГИНА, Е.Н. Проблемы постпенитенциарной адаптации бывших заключённых в современной России 944-946

ШЕВЧЕНКО АРИНА ВАЛЕРЬЕВНА, Заимствованная лексема промоушн в современном обществе потребления: аспекты и этапы освоения 947-956

ШУБ М. Л. Феномен памяти: актуальность прошедшего (проблематика памяти в ракурсе современных гуманитарных исследований) 957-964

ЯКУШИНА, О.И. Трансформация культурной идентичности: столкновение с новыми вызовами 965-974

МОЛОДЕЖЬ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

АЙТЖАНОВА Д. Н. Анализ эффективности государственной молодежной политики на основе результатов социологического исследования среди молодежи павлодарской области 975-984

АЛБЕГОВ, Ф.Г. Развитие добровольческой деятельности молодежи в современном мире как объективная закономерность 985-993

БАГАЕВА, Е.МЫЛТАСОВА, О.В. Интернет в жизни современной молодежи: проблемы и перспективы 994-1003

БАННЫХ, Г.А.ТИХОМИРОВА, А.М. Особенности адаптации первокурсников к образовательному процессу в вузе 1004-1010

БАСИМОВ М.М. Отношения молодежи к гражданскому браку (связи номинальных и интервальных параметров) 1011-1021

ВАНДЫШЕВА Л.В. КИСТИНА, А.И Анализ отечественного опыта реализации социального служения молодежи 1022-1029

ВАНДЫШЕВА, Л.В. ШАРИФУЛЛИНА, Л.М. Потенциал волонтерства как средства социального воспитания студентов 1030-1035

ВИШНЕВСКИЙ Ю. Р., НАРХОВ Д. Ю. Социальное самочувствие молодежи свердловской области: первые итоги социологического исследования 2015 года 1036-1052

ВОЛКОВА, Т.П.ПАЦУКОВА, В.Н. Корпоративная молодежная политика: особенности изучения и развития 1053-1064

М. Н. ГУСЬКОВА Проблема формирования экологического сознания молодежи 1065-1070

ЗАНИНА, О.П. ЯКОВЛЕВА, И.П. Гендерные особенности поведения в конфликте (на примере студентов КУБГТУ) 1071-1076

КАЗАНЦЕВА, В.Н. Место социальных сетей в повседневной жизни студентов УРФУ 1077-1080

КИРИЧЕНКО, О.Д. СТЕПАНОВА, М.А. ФУРСОВА, И. А. Отношение студенческой молодежи к здоровому образу жизни 1081-1087

КЛИМИН, С. И. СИДОРОВА, В. А. Молодежная политика в республике Беларусь и ее роль в социализации подрастающего поколения 1088-1097

КЛИМОВА, Е.В. Трансформация ожиданий студентов на трудоустройство после окончания вуза 1098-1103

КОРНИЛОВА, И.В. Влияние добрачных отношений на формирование семейных ценностей современной молодежи 1104-1109

КУКОНКОВ П.И. Нижегородское студенчество в условиях социальных перемен 1110-1121

ЛАРИОНОВ, И.С. Реализация потенциала молодых специалистов на примере ООО «ГАЗПРОМ ТРАНСГАЗ ЕКАТЕРИНБУРГ» 1122-1132

МАКАРОВА Е.В. РУСЯЕВА Е.С. Досуговые предпочтения современных студентов 1133-1142

МИХАЛЕВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА Молодежные инициативы и их роль в развитии современного общества 1143-1153

НАУМЕНКО, Д.В. ЯКОВЛЕВА, И.П. Отношение студенческой молодежи к проблеме насилия в межличностном взаимодействии (на примере студентов КУБГТУ) 1154-1160

ПОПОВА НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА, Стартовый этап профессиональной карьеры выпускников вузов свердловской области: актуальность проблемы 1161-1166

РАФИКОВА, В.А. Современные исследовательские подходы к проблеме особенностей волонтерства как социально-культурного феномена в России 1167-1176

СЛЮСАРЕВА, М.Г. Игры живого действия как один из видов культурной деятельности современной молодежи. 1178-1186

Е.В. СТАРОСОЦКАЯ Молодежь в меняющемся мире: кризис ценностных ориентаций 1187-1195

СУЛИМИН, В.В. Молодежь как объект государственной образовательной политики формирования патриотизма: постановка проблемы 1196-1205

Р.К. СУЛТАНБЕК, Р.Т. ДЖАППАРОВА Ценностные ориентации южно-казахстанской молодежи 1206-1213

М.П. СУХАРЬКОВА Олимпийское волонтерское движение в России 1214-1220

СЫСОЕВА, Ю.А. Молодой специалист на предприятии, проблемы его мотивации и адаптации

1221-1230

О.В. ТЕНЯЕВА Профессиональная идентичность молодежи в контексте профессионального самоопределения личности 1231-1239

СУЛИМИН, В.В. Молодежь как объект государственной образовательной политики формирования патриотизма: постановка проблемы 1240-1249

УСЫНИНА, Н.И. Ценностные ориентации студенческой молодежи медицинского вуза 1250-1257

ЧЕЛЫШЕВА И.В Социальные сети и современная молодежь: проблемы взаимодействия 1258-1266

ШЕРЕР, А.А. ПОТРУХ, В.С. ПЯТОВА, Ж.С. Молодежь моногорода: ценностные ориентиры при выборе карьерного пути (на примере городов зато системы росатом) 1267-1279

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

АРТЕМ, О.Я. Потребность личности в получении дополнительного профессионального образования 1280-1288

БЕЛЯЕВА ОЛЕСЯ АЛЕКСАНДРОВНА Маркетинговые исследования в сфере образования как социально-педагогическая проблема 1289-1297

БЕНИН, В.Л. ФРОЛОВ, О.В. Кризис российского профессионального образования как отражение кризиса культуры 1298-1308

БОРТНИК, Б.И. КОЖИН, А.В. СТОЖКО, Н.Ю. СУДАКОВА, Н.П. Система высшего образования в условиях системы преобразований 1309-1314

БУТИНА, С.Л. Полезная история (элективный курс для старших школьников «история технических изобретений») 1315-1326

БУШУЕВА Е.Л. Развитие навыков говорения на иностранном языке 1327-1333

ВЕРЕЦКАЯ, А.И., ДОВЕЙКО, А.Б., КВАСОВА, А.А., СТЕЦЕНКО, А.И. Социологический мониторинг управления качеством образования в высшем учебном заведении 1334-1347

ВОЛЕГОВ В.С. Уточнение социокультурного пространства профессионального самоопределения студентов 1348-1357

ГРЕЧУХИНА, Т.И. КОМИСАРЕНКО, Е.Б. Информационно-образовательная среда школы: опыт проектирования 1358-1363

ГУЛЬКО, Е.Ю. Образование в интересах устойчивого развития 1364-1367

ГУРАРИЙ, А.Д. Потребность в междисциплинарном подходе в гуманитарном образовании в современных условиях 1368-1372

ДУДИНА, М.Н. Проблема высшего образования: от компетентного поведения студентов к асертивному 1373-1383

ЕРЕМЕНКО, Ю.В. Образование как среда развития творческого потенциала и социализации одаренных детей 1384-1394

ЗАГОРУЛЯ, Т.Б. Инновационные педагогические технологии в высшем образовании 1395-1403

ЗАДОРИНА, М.А. ШЕЛЕГИНА, С.М. ОСОКИНА, Ю.Н. Стратегические приоритеты развития системы образования в Российской Федерации 1404-1411

ЗАЙКО АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ Особенности студентов колледжей в современной России 1412-1420

ЗАХАРЕНКО Т.А. Анализ особенностей социокультурной интеграции иностранных студентов 1421-1430

КАПШУТАРЬ, М.А. Проблема качества подготовки кадров высшей квалификации: результативность аспирантуры 1431-1439

КАТАШИНСКИХ В.С. Континентальная модель высшего образования как прообраз современной российской системы 1440-1446

ЛУШНИКОВА, О.Л. Качество образования: теоретическое осмысление удовлетворенности преподавателей 1447-1456

МАЗИНА, В.Н. КИЛЬДИБЕКОВА, З.Р. Интеграция экономики и экологии в образовательной сфере 1457-1460

МАЛЬЦЕВА, А.А. Дополнительное образование как способ профилактики негативной девиации 1461-1469

МЕДВЕДЬ А.А. || МЕДВЕДЬ П. А. || ЩЕРБАКОВА Д.В. Стимулирование творческой активности преподавателей как процесс инвестирования в образовательный человеческий капитал России 1470-1482

Н.В. МЕНЬШЕНИНА|| А.А.ФИШЕР Университет и качество образовательной услуги в оценках студентов 1483-1490

МИНИНА, А.М. Система «преподаватель-студент»: коммуникация в социальной сети 1491-1502

МОРОЗОВ Г.Б., ДОБЫШЕВА К.О., АДАМЯН В.Г. Как могут «эффективные контракты» вузовских педагогов уничтожить высшее образование в России 1503-1515

МОРОЗОВ Г.Б., ЗВЕРЕВА Е.А. Аккредитационный показатель «научная деятельность вуза» вредит собственно образовательной деятельности 1516-1530

НАЗАРКИН, А.А.|| ФЕСЕНКО, Г.И. Развитие профессионализма будущего специалиста в системе высшего профессионального образования в Украине 1531-1541

СЛЕПУХИН, А.Ю. || НАТАШКИНА, Е.Ю. Интернационализация как главный тренд развития высшего образования 1542-1550

НАУМЕНКО, Д.В. || ЯКОВЛЕВА, И.П. Отношение студенческой молодежи к проблеме насилия в межличностном взаимодействии (на примере студентов КУБГТУ) 1551-1556

ОКУНЕВА Т.В. КОНДРАТОВА Д.В. Мотивы выбора специальности и учебного заведения современных студентов 1557-1563

ПИСКУНОВА, О.В. Инструментальный аспект управления адаптацией нового персонала вуза 1564-1571

САННИКОВА О.В. Непрерывность российского образовательного пространства как фактор учебной миграции 1572-1579

СЕРЕБРЯНСКИЙ, С.В. Социально-гуманитарное образование в системе профессиональной подготовки и эффекты отчуждения 1580-1588

СУПРУНЕНКО, Г.А. Высшее профессиональное образование как фактор реализации жизненных планов молодежи 1589-1596

СУЩЕНКО АНАСТАСИЯ ДМИТРИЕВНА Дополнительное образование для студентов: Мода или дефицит навыков? 1597-1606

ТИТОВА Н.Б. Проблемы и перспективы развития высшего образования в России 1607-1616

УСАЧЕВА, А.В. Социальное воспитание обучающихся на ступени общего образования в контексте смены образовательных стратегий 1617-1630

ЧЕРТКОВ, А.Е МЫЛТАСОВА, О.В. Пути развития образовательной системы России 1631-1641

Л. А. ШАГИЕВА Управление процессом формирования социального потенциала в системе высшего профессионального образования. 1642-1650

ШЕВЧЕНКО Н. В. Социальное партнерство в образовательном процессе 1651-1658

ШМАНЦАРЬ, М.В. Доверие студентов к вузу: ожидания и их реализация 1659-1667

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И ЛИЧНОСТИ В XXI ВЕКЕ

- АНИСИМОВ С.А., ПАВЛОВ Б.С., ПАВЛОВА В.И., САРАЙКИН Д.А. Детский труд: анахронизм бедности или ключ к процветанию 1668-1686
- БАГИРОВА, А.П. ДЯТЕЛЬ, К.Л. Родительский труд: многообразие видов и субъектов 1687-1695
- БАСИМОВ М.М. Субъективная оценка материального положения – причина в оценке гражданского брака (как формы отношений) 1696-1705
- БРЮХОВА, О.Ю. || БРЮХОВА Т.М. Профессиональная ориентация в школе: сущность, актуальные проблемы и пути решения 1706-1717
- ГАВРИЛИНА Т.О. Тенденции изменения детского воспитания в семьях на современном этапе развития государства 1718-1727
- ГРОШЕВА, Л.И. Условия и специфика формирования теневого молодёжного бизнеса 1728-1737
- ГРОШЕВА, И.А., ГРОШЕВ, И.Л. Сетевые сообщества: самоорганизация и контроль в информационном киберпространстве 1738-1747
- ДЖАГАРЯН, Г.Е. || АМБАРОВА, П.А. Homo innovaticus в концепции креативного класса р. Флориды 1748-1755
- ДУЛИНА, Н. В. || АНУФРИЕВА, Е. В. Домашний труд как символ традиционного неравенства в семье: региональная специфика 1756-1768
- ДЬЯЧЕНКО Н. В. Женщина, женственность, семья: случай «женских практик». 1769-1776
- ЖУМАБЕК, Ы.Ж. Нормативные основы и противоречия миротворческой деятельности 1777-1784
- ЗИНАТУЛЛИНА, Г.Ф. Накопление и рациональное использование социального капитала сельской семьи 1785-1794
- ИЛЬДАРХАНОВА, Ф. А. Семья в социологическом ракурсе 1795-1801
- КОГАН Л.Н., ПАВЛОВ Б.С. Пути совершенствования системы общего образования в современный период 1802-1815

КОРОСТЕЛЕВА, Ю.Е. Роль традиционных семейных ценностей в процессе социализации личности 1816-1827

А.В. КУЛЬМИНСКАЯ Социальное время на сайте facebook.com: гибель хронологии 1828-1834

МАКАРЧУК, Н.Ю. Специфика управления в условиях многонациональных коллективов организации закрытого типа 1835-1842

НАЗАРКИНА, В.Н. ПОДОЛЬСКАЯ, Т.В. Социальный кризис: сущность, этапы, варианты выхода в Украине 1843-1854

ПАВЛОВ Б.С., РАЗИКОВА Н.И., СЕНТЮРИНА Л.Б. Социализация и религиозность уральской молодёжи 1855-1871

ПАВЛОВ Б.С., БЕРДНИК Л.П., КОЛОТЫГИНА М.А., СТЕПАНОВА А.Ю. «Отцы и дети» на Урале: гримасы взросления и сотрудничества 1872-1888

ПАВЛОВ Б.С., САРАЙКИН Д.А., ПАВЛОВ Д.Б. Молодёжь на урале в предбрачном периоде как предмет социологического анализа 1889-1906

ПАВЛОВ Б.С., БОНДАРЕВА Л.Н., КАМСКОВА Ю.Г. САРАЙКИН А.М. Семейная ссора – неизбежность или изъян культуры межличностных отношений 1907-1924

ПАЦУКЕВИЧ, О, В. || СКОРОМНАЯ, С. С. Государственная социальная поддержка как одно из направлений семейной политики 1925-1932

ПОЛЯКОВА, П.А.|| ШУБ, МЛ. Место женщины в современном российском обществе 1933-1939

САЛМОРБЕКОВА, Р.Б. Антропосоциетальная трансформация кыргызского общества 1940-1948

СЕНЦОВА, М. Д. Интенции зависти как фактор относительной депривации в среде школьной молодежи: методологический аспект 1949-1957

СКУЛЬМОВСКАЯ, Л.Г. Трансформация семьи как социального института: проблемы и тенденции 1958-1965

СТАРЦЕВА, Н.Н. Идеальная семья в представлениях студенческой молодёжи 1966-1970

ШАФИГУЛЛИНА, Л.Р. Женщины и здоровье сквозь призму деятельности женских общественных организаций республики татарстан 1971-1980

ЩЕРБАКОВА, М.В. Основные типологии и особенности стратегий брачного выбора 1981-1987

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

БАННЫХ, Г.А.||ЧЕРКАСОВА, В.С. Социальная работа в отношении семей с детьми с ограниченными возможностями здоровья в РФ 1988-1998

БЕЛОЗЕРОВА, М.С., МИРОНОВА М.В. От коррекционного к инклюзивному образованию: исторический и современный аспекты 1999-2006

БЕСПАЛОВА Ю.М.|| ЗУБАРЕВА О.В. Социальная адаптация инвалидов в регионе: пути совершенствования 2007-2014

БОЛЬШАКОВА, Н.Л., КИЛЬСЕНБАЕВ, Э.Р. К вопросу о социальных проблемах инвалидов 2015-2023

БРЫЗГИНА И.А. Здоровый образ жизни как личностно-мотивационная установка и самосохранительное поведение 2024-2034

БУШИНА, Ю.В. Здоровьесберегающие технологии в школе 2035-204

ВАНДЫШЕВА, Л.В.|| АЛЕКСЕЕВА А.А. Особенности организации групп взаимопомощи опекунских семей. 2041-2048

ГИЛЕВА. Е. Д.|| СЫСОЕВА. Т.Л. Здоровье и здоровый образ жизни: анализ рынка фитнес-услуг 2049-2056

ГРИШКИНА, О.А. Творческие технологии в социальной работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья 2057-2063

М. Н. ГУСЬКОВА Проблема адаптации детей-инвалидов в современном обществе (на примере юргинского района, тюменской области) 2064-2071

ДОРОХОВА, Т.С. МЕЛЬНИК, Ю.Б. Здоровьесбережение как направление социально-педагогической деятельности в школе 2072-2081

ДУНАЕВА, Ю.Г. Здоровье в глобальной повестке ООН: достижения России в создании современных вакцин 2082-2090

ЗАГЛОДИНА, Т.А. Факторы развития профессиональной деформации в профессионализации социальной работы 2091-2098

ЗАЙЦЕВА, М.А. Воспитание социальной активности молодежи: исторический опыт и современность 2099-2110

ЗАПЛЕТИНА Н.И. Позиционирование социальной службы во внешней среде 2111-2119

ЗЛОТНИКОВ, А.А. Физическая активность и состояние здоровья в студенческой среде (по материалам исследования в г. Гомеле) 2120-2129

ЗЛОТНИКОВА Л.М. Здоровье как предмет социологии в условии риска 2130-2141

ИВЛЕВА, Т.В. Социальная защита детства в российской федерации 2142-2149

ИСПУЛОВА, С.Н. Индивидуальная социальная работа: совершенствование профессиональной подготовки студентов университета 2150-2160

КЛЕЙМЕНОВ М.В. Риски в сельском здравоохранении: взгляд врача 2161-2169

КОРЕШКОВА, И.С. Молодые инвалиды как группа современной российской молодежи и ее проблемы в меняющемся мире 2170-2175

КОШКИНА, Т.Р. КУЗНЕЦОВА, С.И. ШВЕЦОВА, Т.С. | МУХУТДИНОВА, А.И. Оценка компетентности врача как показатель качества медицинских услуг в свердловской области (на примере эмпирического исследования) 2176-2182

МЕРЕНКОВ А.В. АНТОНОВА Н.Л. Медицинское обслуживание бездомных как индикатор кризиса гуманистической морали в обществе 2183-2189

МИГУНОВА, Ю.В. Показатели оценки состояния здоровья населения России и её регионов 2190-2200

ПАНКРАТОВА, Л.Э. К вопросу об опыте подготовки студентов, будущих социальных работников, в европейском союзе 2201-2205

РУССКИХ ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА, Оценка собственного здоровья населением г. Челябинска 2206-2211

РЯЗАНОВА, Е.А. ШЛЯПНИКОВ, Д.М. ЛЕБЕДЕВА-НЕСЕВРЯ, Н.А. Поведенческие факторы риска здоровью работников, занятых во вредных условиях труда (на примере предприятия горнорудной промышленности) 2212-2220

САЛАХУТДИНОВ, Т.Ж. ПАНКРАТОВА, Л.Э. Проблема формирования позитивного имиджа социальной работы в современном российском обществе 2221-2225

СМОЛИНА Н.С., ТЕЛЕГИНА Н.А. Современные подходы в описании и решении проблем инвалидности 2226-2235

СМОЛИНА, Н.С. ШИРОМЕТЬЕВА, М.В. Роль семьи в социальной реабилитации ребенка с особенными потребностями 2236-2246

СПЕСИВЦЕВА О.И. Проблема информированности вич-инфицированных женщин о заболевании 2247-2259

СПЕСИВЦЕВА О.И. Содействие в трудоустройстве людей с ограниченными возможностями здоровья 2260-2266

СТЕПАНОВА Н.Н. Психологическое сопровождение инклюзивного профессионального образования в системе НПО 2267-2273

ТУРКИНА Н. А. Актуальность кризисного центра как средства помощи жертвам насилия в семье (региональный аспект) 2274-2283

ХАКНАЗАРОВ С.Х. Коренные народы севера и факторы, влияющие на их здоровье в разрезе общественного мнения: на примере нефтеюганского района Югры 2284-2293

ПАНКРАТОВА, Л.Э. ХАМРОБОЕВА, М. Арт-терапия в реабилитации лиц, перенесших инсульт 2294-2301

ЦВЕТКОВ Д.А. Информационно-техническое обеспечение организационных и управленческих процессов в учреждениях социальной сферы 2302-2308

ШАРФ А.С., ЗОТОВА М.М., ПОЛЕЖАЕВА К.В. Представления специалистов по социальной работе о своей профессии 2309-2317

ШАРФ А.С., КОМАРОВА М.Ю. Образ профессии социального работника в СМИ 2318-2325

ЯРОШЕВСКИЙ В. Д. || ПЕВНАЯ М. В. Обучение компьютерной грамотности лиц пожилого возраста как социальная проблема 2326-2335

ЭКОНОМИКА, ТРУД, ПОТРЕБЛЕНИЕ И БИЗНЕС В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

АРТЫКБАЕВА Г. Т. Современная экологическая политика и обеспечение экологической безопасности на основе анализа мировой практики 2336-2348

БАСИМОВ М.М. Профессиональные компетенции в рамках синергетической парадигмы (зависимости с минимумом) 2349-2359

БАТЫРОВА Н.Т. Перспективы развития сельского хозяйства в казахстане через интегрированные структуры 2360-2370

Ж. БЕКСУЛТАН, М.А. КУЛБАЕВА Ипотечное кредитование в республике казахстан 2371-2377

БЕЛОВА, И.О. Стратегии поведения безработных на рынке труда г. Абакан 2378-2387

БЕРГ К.С. || СЫСОЕВА Т.Л. Реклама в международном бизнесе 2388-2398

БОЛТЯНСКАЯ, Т.О. Дидактическое обеспечение формирования финансово-экономического мышления студентов 2399-2406

БРЕЖИЦКАЯ Е.П. Мировой опыт системы совершенствования государственных закупок как основное условие модернизации экономики 2407-2415

БУЛГАКОВА, А. И. Имидж и репутация строительной организации, структура имиджа 2416-2422

БЫКОВ Р.А. Феноменологический подход в социологии управления (на примере исследования граждан с ограниченными возможностями) 2423-2430

БЫЧКОВА, Г.Н. ПОВЕРИНОВА, Е.М.БОРОВИНСКИХ, В.А. Экономическая эффективность применения инновационных технологий хранения зерна 2431-2440

ВАЖЕНИНА И.С. ВАЖЕНИН С.Г. Конкурентные цели и преимущества, имидж и репутация территорий 2441-2459

ВАСИЛЬЕВА, Н.В. МЕДВЕДЕВА, Т.Н. БОРОВИНСКИХ, В.А. Оценка инвестиционной привлекательности организаций 2460-2465

КОЛОТОВА, К. В. ПОРФИРЬЕВА А. О. ВОЗМИЛОВ И. Д. Исследование спроса на реалити-квесты на рынке екатеринбурга с помощью социологического исследования 2466-2473

ГАЙДАЙ, В.О. КАЛАЧЕВА, Ю.Д. Эффективная адаптация персонала как инструмент управления репутацией компании 2474-2483

ГОРСКАЯ Д.А. Феномен дауншифтинга: сценарно-мотивационный анализ 2484-2491

ГРИШАНОВА Ю.И. || СЫСОЕВА Т.Л. Анализ конкурентной среды компании Siemens Ag на рынке медицинской техники 2492-2499

Б.М. ДАНДАЕВА, Р.Т. ДЖАППАРОВА Пути обеспечения и повышения конкурентоспособности регионов казахстана 2500-2507

ДРЯГИНА К.О. || СЫСОЕВА Т.Л. Оценка основных экономических проблем железнодорожного транспорта в России и пути их решения 2508-2515

ЕГОРОВА, П.А. КОРСАКОВА, Е.О., К вопросу развития бизнес - менеджмента в российском образовании 2516-2522

ЕСЕМБЕКОВА А.У.|| БОРОВИНСКИХ В.А. Факторы эффективности производства молока в сельскохозяйственных организациях Курганской области 2523-2536

ЗАБОЛОТНАЯ, Г.М., АЛИКИН, К.С. Публицитный капитал территории как фактор региональной политики 2537-2544

ЗЫРЯНОВ, С.Г. || АВЕРЬЯНОВА, Д.В. || ИГОЛКИН К.С. Роль общественного мнения в оценке проектов регионального развития (на примере оценки проекта строительства высокоскоростной магистрали) 2545-2556

ИЛЬВЕС, Э.В. Прекаризация труда как новое социально-экономическое явление в современной России 2557-2567

ИСАКОВА, В.А. Ненормированный рабочий день как форма принудительного труда в российском трудовом праве 2568-2575

КАПУСТИНА, Л.М., АСИЛЬМАРДАНОВА, Е.Ф. Голландская болезнь российской экономики – миф или реальность? 2576-2583

Н.А. КОНСТАНТИНОВА Технологии высвобождения работников в условиях сокращения численности персонала 2584-2587

КОЧНЕВА, В.А. Бизнес – необходимость экономического анализа основного документа общества с ограниченной ответственностью. 2588-2593

ЛУКЪЯНОВА, Н. О. Место коррупции в повседневной жизни населения города Абакана 2594-2604

МАКАРОВА, И.Д. Профстандартизация и сертификация профессиональных квалификаций как инструменты консолидированной стратегии развития компетенций и квалификаций персонала 2605-2611

МОКИНА М. Н. Сравнительный анализ российского и зарубежного опыта регулирования занятости 2612-2617

МОРОЗОВ Г.Б. Современный российский автомобиль как орудие общественной опасности 2618-2629

МОРОЗОВА Т.Р. Реклама лекарственных препаратов в сми - способ безнравственной коммерции на здоровье людей 2630-2639

НИКИТИНА Е. Н. Феномен возрастной дискриминации на рынке труда России 2640-2645

ОДЯКОВ, С.В. К вопросу о регулировании социально-трудовых отношений на промышленных предприятиях Южного Урала 2646-2658

ПАВЛОС, А. Формирование ценностей молодых работников в процессе адаптации на предприятии 2657-2669

ПЕРМЯКОВА, Т.В. Качество подготовки рабочих кадров в оценках руководителей профессиональных образовательных организаций 2670-2677

ПОПОВ В.В. Корпоративный социальный пакет как инструмент реализации социальной политики организации 2678-2687

ПОТАСКУЕВ, А.С.|| ФАДЕЕВА, Е.А. Государственная поддержка предпринимательства: проблемы и пути решения 2688-2695

А. А. ПРОКОПОВИЧ Антикризисные технологии в региональном пр 2696-2698

РЕЗАНОВА, Е.В. Социологическое обеспечение кадровых технологий в государственных структурах 2699-2705

САДЫКОВ, Р.М. Повышение качества жизни населения и социальной устойчивости сельских территорий на основе обеспечения продовольственной безопасности 2706-2714

СМОЛИНА, Н.С. ЗЫРЯНОВА, И.И. Становление социального предпринимательства в России 2715-2720

Н.С.ХАЛИЛЬ Разработка и оценка эффективности стратегического плана финансово-кредитной организации 2721-2726

ХОХОЛУШ, М. С. Ситуационное лидерство: процесс подготовки менеджеров 2727-2737

ШАТАЛОВА Н.И. Стратегия повышения эффективности человеческого капитала предприятия 2738-2747

ЩУКИНА А.А. Потенциал использования символического интеракционизма для анализа дауншифтинга в современном российском обществе 2748-2755

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

АЛЛАЯРОВ Д.А. Гражданское общество в россии: проблемы и перспективы развития. 2756-2764

БАРАНЕЦ С.Н. Местная власть и местное самоуправление: связность политической потенциальности 2765-2771

М.М. БАСИМОВ Субъективная оценка материального положения как причина политических предпочтений молодежи 2772-2782

ВОЛКОВА, Л.В. Ксенофобия в современном обществе: патология или норма? 2783-2793

ВОЛЧКОВА, Л.Т. МЕНЬШИКОВА, Г.А. Институт демократии: многоликий и постоянно совершенствуемый 2794-2806

ВОРОБЬЕВА, И.В. Патриотизм и гражданственность в представлениях российской молодежи 2807-2818

ДЬЯКОВА, Е.Г. Государственные электронные услуги в условиях информационного неравенства 2819-2826

ЕВДОКИМОВ А.И. Рациональная легитимность как основа президентской власти Лукашенко 2827-2830

ЗАДОРИНА, М.А.ЩЕБЕТЮК, В.В. Перспективы развития исполнительной дисциплины в органах государственной власти 2831-2839

ИБРАГИМОВ Р.Н. Буза и саботаж на шкале социальной напряженности 2840-2850

ИВАНОВ, В.Н. Возможные политические эффекты нового этапа муниципальной реформы в российской федерации (2014-2015гг.) 2851-2861

ИСАКОВ А.С Место президента Хасана Роухани в системе фракций исламской республики Иран 2862-2870

КАЙНАР М.Е. Демократические преобразования в казахстане и политическая культура 2871-2877

КАНЬШЕВА О.А. Демонизация власти: почему мы не любим порошенко 2878-2888

КЕРИМОВ, А.А. Портрет современного российского парламентаризма: проблемы и перспективы развития 2889-2893

КОЛПАКОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ Политическая культура: взаимодействие власти и средств массовой информации 2894-2900

КОНОВАЛОВ ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ, Политические ценности российских «новых правых» (на примере конференции «against post-modern world») 2901-2910

КОЗЛОВА, Д.А. Модели взаимодействия органов государственной власти и СМИ 2911-2917

КРОХАЛЕВСКИЙ И.В. Политическая и социальная активность студенчества в современной России 2918-2930

ЛУКЪЯНЕНКО А.С., Местное самоуправление как институт гражданского общества в государственно-муниципальных отношениях 2931-2934

МАРКЕЛОВА, А.А. Конституционно-правовые основы деятельности общественных объединений в современной России 2935-2941

Г.Б. МОРОЗОВ Злоупотребление правом собственности как фактор подрыва национальной безопасности России 2942-2952

Г.Б.МОРОЗОВ О пороках толковании терминов антикоррупционного законодательства России 2953-2964

НАЧАПКИН М.Н. Политическое устройство будущей России в представлении современных российских консерваторов (плюсы и минусы «русской доктрины») 2965-2979

ПАНЬКИН, С.И. Идеология повстанческого движения на Урале в 1920-1922 гг. 2980-2989

ПАЦЮК, Т.П. Национальный вопрос в современной России 2990-2994

ПОПОВА Ю.В. Отрицательные результаты российского демократического транзита в свете идей Д. Асемоглу и Д. Робинсона 2995-3005

ПРОХОДА, В.А. Представления о демократии населения европейских стран 3006-3015

ПУШКАРСКАЯ Н.М. Современное понимание политического мифа 3016-3019

РЫБАКОВА, Я.К. Информационная война как объект научного исследования. 3020-3029

САУДАБАЕВ ИЛЬДАР АЛЕКСАНДРОВИЧ, Структурно-функциональный подход к анализу политической активности 3030-3039

СЕРОВА А. И. Противоречия политических ценностей современной молодежи мегаполиса 3040-3048

СМАГИНА, Л.А. Проблемы федерализма как части политического процесса 3049-3055

СОКОЛОВ А.В. ФРОЛОВ А.А. Восприятие гражданской активности населением Ярославской области 3056-3063

СОЛОМАТИН, Я.И. Политические ориентации современной молодежи Екатеринбурга: общая характеристика 3064-3077

СУНДУКОВА Т.А. Факторы, обуславливающие проявление экстремистских настроений в молодежной среде и в образовательной среде профессиональной образовательной организации 3078-3084

ТАРБЕЕВА, И.С. Формы участия населения в местном самоуправлении: опыт федеративной республики Германия 3085-3093

ТРАХТЕНБЕРГ, А.Д. Электронное правительство в России: адаптация международных тенденций и нормативно-правовое регулирование 3094-3102

ФРАНЦИСКЕВИЧ И.Ю. Конституционно-правовой статус субъектов РФ 3103-3113

ХАЙДАРИ, Н. Особенности развития многопартийной системы республики Афганистан 3114-3122

ХАЛИЛОВ, Т.А. Ассиметричное равновесие формальных и неформальных практик политико-экономического институционального порядка в постсоветской России 3123-3130

ХОМОВА, О.В.|| ШУКЛИНА, Е.А. Обращения граждан в органы государственной власти как институциональный ресурс гражданского общества 3131-3142

ЦВЕТКОВА, О.В. Региональные особенности развития российского пограничья 3143-3153

ШАМАТОНОВА, Г.Л. Гражданское общество: региональные особенности состояния и проблемы развития 3154-3160

ШЕСТОПАЛОВА, О.Н.|| ЗЛОБИНА, А.В. Оценка гражданского самосознания и патриотизма современных студентов 3161-3167

ЩЕПИН, Е.С. Эволюция взаимодействия акторов геополитического процесса во второй половине XX – начале XXI вв. 3168-3175

ЮДИН С.В. Авторитарные черты российской политической культуры, сквозь призму общественного мнения 3176-3182

ЮФЕРЕВА, А.С. Медиаконвергенция как фактор виртуализации политической коммуникации 3183-3189

ЯКУШЕВА, Е. М. Современная российская армия: состояние, проблемы, перспективы глазами «дембелей» 3190-3197
